

Лариса ШЕВЧЕНКО

НАДЕЖДА

ОТ АВТОРА

В двенадцать лет я мечтала, что когда стану взрослой, обязательно напишу книгу о детдомовском детстве, а в ней покажу, что в три в восемь лет ребенок уже Человек, который все понимает, глубоко чувствует, остро переживает.

Еще напишу о том, что в детдоме некоторые дети помнили своих родителей и берегли крупинки «того», домашнего, детства как самое сокровенное, что у них было. Они лелеяли их, украшали, дополняли своей щедрой фантазией. Они жили в них.

А те, которым нечего было вспоминать, не на что опереться в своих мечтах, сохраняли свои души в придуманном, по-своему счастливом мире, где отсутствовала жестокость и не справедливость. Спасала этих детей только надежда попасть в семью, где их будут ЛЮБИТЬ.

Начиная работу над книгой, я ставила перед собой очень сложную задачу: попытаться написать так, чтобы было интересно и детям, и взрослым. Насколько удалось, скажут читатели.

Содержание книги не имеет привычной сюжетной канвы. События, когда-то тронувшие детскую душу, связывает воедино лишь временная цепочка. Такова моя манера изложения.

Почему пишу о детях?

Во-первых, это возраст формирования чувств и их яркого проявления. Дети не могут мыслить, как взрослые, но чувствуют острее, эмоциональнее. Они много думают, но не в состоянии описать многообразия своих переживаний. Они только осознают их и фиксируют в памяти. Функцию словесного оформления этих ощущений я взяла на себя. Поэтому не удивительно, что иногда я подбираю и использую «взрослые» слова для описания детских впечатлений, чтобы помочь юным читателям тоньше, четче и глубже проникнуть в то, что на самом деле чувствует ребенок; чтобы не столько понять героев книги, сколько оценить самого себя.

Во-вторых, пишу я потому, что очень хорошо помню свое детство, особенно раннее, причем не только события, но и размышления, диалоги со взрослыми и реакцию на них. Помню свою первую пронзительную, щемящую признательность за доброту взрослого, бесчисленные страхи; первое восхитительное наслаждение красотой природы; осознание слов: боль, любовь, Родина, надежда, верность...

Моя книга «репортаж изнутри себя». «Примеряя» свои воспоминания к современным детям, я корректировала их для того, чтобы взрослое осмысление событий не увело меня из плоскости мира детского восприятия действительности.

Наверное, современные школьники эрудированнее, в какой-то степени умнее, по-другому смотрят на жизнь. Но я уверена, что наши дети и внуки также чувствительны, ранимы, добры и входят в мир с широко распахнутыми глазами и сердцами.

Я не случайно выбрала формой повествования «воспоминания». В этом случае я имела возможность доступнее (с моей точки зрения) выразить и отстаивать основные идеи, не будучи стесненной определенными литературными условностями, не принуждая себя втискивать мысли в жесткие рамки строгих правил построения рассказов. В воспоминаниях я могла, не ограничивая себя, широко использовать различные способы изложения материала, как-то: письма к другу, беседы, путевые заметки; могла помещать зарисовки природы, отвлеченные рассуждения, новеллы из жизни людей, оставивших яркий след в моей жизни.

А мы такие зимы знали, Вжились в такие холода, Что даже не было печали, Но только гордость и беда. И в крепкой ледяной обиде, Сухой пургой ослеплены, Мы видели, уже не видя, Глаза зеленые весны. И. Эренбург

Надежда - одна им отрада.

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Снится мне сон...

Высокий молодой блондин держит на руках маленького ребенка. Это я. Рядом с ним худенькая голубоглазая женщина. Оба светло улыбаются. Мы идем по дороге, а вокруг расстилаются поля, обрамленные деревьями. То ли от улыбок взрослых, то ли от солнечного света ранней осени я ощущаю нечто теплое, мягкое, ласковое. Это мой рай.

Проснулась. Лежу и думаю: «На самом ли деле это происходило со мной? Когда-то я видела на вокзале маленькую девочку на голубом велосипеде. А позже мне приснилось, будто сама каталась на трехколесном чуде. И очень, очень долго верила в это. Может, и родителей я себе придумала?

А вот это было со мной на самом деле.

Я первый раз в огромной белой комнате. Пожилая, полная добродушная женщина в коротком халате снимает штанишки с какого-то малыша. Посреди комнаты стоит большой серый ящик без крышки, а вокруг много-много детей. Я с любопытством их разглядываю. Дети разного возраста. Некоторые ползают на коленках. У одной девочки чулочек спустился. Посмотрела на свои ноги. Чулки тоже сползли. Осторожно подошла к ящику и пытаюсь заглянуть в него. Но он высокий. Уцепилась руками за край, подтянулась, и... брык — я уже на полу. Женщина наклонилась и достала мне куклу.

Помню розовое лицо куклы, ее гладкое тело, помню шершавый край ящика. Это моя самая ранняя память о детдоме.

БОЛЕЮ

Страшное дело — болеть. Не было мне тогда еще и трех лет. Чем заболела, — не знаю. Поместили меня в отдельную комнату. Здесь все ходили только в белых халатах. Запомнилось мучительное тягостное чувство жутко вялого состояния, когда нет сил пошевелиться, не то что ходить. Голова, как набитый мусором мешок, — только шелестит да скрипит внутри нее. Ноющая боль в висках. Трудно открывать глаза. А во рту гадко-гадко. Посадят меня на горшок в углу, к стенке прислонят, и я сижу, сижу. Стены ходуном ходят или плавают, а то вдруг проваливаются куда-то и становится темно. Особенно тяжело ночью. Этот противный горшок целыми сутками был мне вместо постели. Голова плохо держалась, и, когда удавалось поднять ее, я не успевала оглядеться вокруг, как она тут же сваливалась мне на грудь. Передо мной темно-зеленые стены, маленькая ночная керосиновая лампа на табуретке. Я знала, что где-то высоко есть окошко, но ощущала только свет от него. Часто заходила старушка в белом халате. Она все вздыхала и молилась. Как-то пришла высокая молодая женщина. Лица не успела рассмотреть. Она спросила, как я провела ночь. Старушка ответила: «Плохо. Может и выживет. Все в руках Божьих. Подождем». Я поняла, что речь идет обо мне. Но до сознания слова не дошли. Я их только запомнила.

Светло. Опять сижу в углу. Голова на коленях, руки висят так, что ладони достают до пола. Вдруг босая нога почувствовала какой-то мягкий предмет. Приоткрыла глаза и сразу узнала свою тряпичную дочку Машу. У нее плохо пришита ножка. Откуда она здесь? Пришла меня порадовать? Подняла ее, поцеловала, прижала к себе. Стало тепло и уютно. Мы долго молча разговариваем с ней. Нам хорошо. У меня меньше гудит голова.

Следующая ночь была самой жуткой. Вокруг летали какие-то птицы или животные. Они выглядели как большие тени и не очень-то меня волновали. А вот по полу ползали белые черви, которые беспрерывно шевелились, извивались, приближаясь ко мне. Дрожа от страха, напряглась из последних сил, чтобы убрать ноги от этой гадости, но те не слушались. Опять наплыла темнота.

Утро. Открыла глаза. Лежу на кровати. Старая няня сидит у постели, гладит меня по голове и говорит: «Слава Богу. Выжила». Зашла врач. Я узнала ее по уверенной походке и строгому голосу: «Кризис миновал. Сколько дней без сознания? Видно, наследственность хорошая. Глюкоза. Спецпитание». И ушла.

После болезни я долго ползала, училась ходить. А чья-то рыжая головка каждый день заглядывала ко мне в палату, строила рожицы и исчезала.

С этих пор я не могу есть лапшу.

ЛЮБИМАЯ ИГРА

Пока не окрепла, находилась в изоляторе. Лежала целыми днями одна. Скучно. В пустой комнате было одно развлечение — разглядывать картинки на стене. За мной ухаживала молоденькая веселая няня. Я спросила ее:

— Что это на стене?

— Плакаты. А на плакатах буквы.

— А что это — «буквы»?

— Значки, чтобы читать.

— А как читать значки?

— Вот смотри, это буква «а», с нее начинается слово «арбуз».

— А что такое арбуз?

— Он похож на гарбуз, только внутри красный и сладкий. Еще слово «абрикос» на «а» начинается.

— А что такое «абрикос»?

— Ну, это как слива, только вкуснее.

— Не понимаю...

— Придумала, как объяснить! На букву «а» начинается мое имя «Ася». Хочешь напишу тебе мое имя. Это буква «А», это «с», это буква «я».

— И я тоже буква «я»?

— Не говори глупости! Что ты больше всего любишь из еды?

— Чай.

— Хочешь, я сложу из букв слово «чай»? Вот «ч», вот «а», вот буква «й».

— Это так просто написать про мой любимый чай? А как написать про мою любимую няню Машу?

Ася написала.

— Я не знаю эти буквы. Их много новых?

— Много. Ты их когда-либо выучишь.

— Не хочу когда-либо. Хочу сейчас.

— Ладно, буду тебя учить. На дежурстве иногда скучно бывает.

С тех пор, как только я видела где-нибудь буквы, тут же старалась сложить из них слова. Эта игра приводила меня в восторг. Я радовалась каждому новому прочитанному слову. Даже есть стала лучше. Но учиться ползать и ходить мне не хотелось, потому что болели ноги. Ася придумала раскидывать по полу кусочки газет, и я ползла к ним, чтобы посмотреть картинки и прочитать слова из больших букв.

Чтение стало моим любимым занятием. Няни, врачи и больные помогали мне играть, когда я ходила по больнице. Мне нравилось внимание взрослых, и я с большим старанием училась, чтобы заслужить их похвалу и восхищение.

МОЙ ДРУГ ВИТЕК

Когда я наконец вышла во двор, то первым меня встретил тот самый мальчик, чья рыжая голова каждый день появлялась в дверях изолятора. Его волосы, торчавшие вверх, были не просто рыжие, а красно-рыжие. Все лицо покрыто крупными светло-коричневыми, цвета сухих листьев, пятнами. Остренький носик нахально задирался. Ярко-голубые глаза окружали длиннющие пушистые золотистые ресницы, которыми он беспрерывно хлопал. Мы смотрели друг на друга и молчали. Мальчик осторожно тронул меня за плечо, наклонился и, заглянув мне в глаза, улыбнулся. Я тоже чуточку улыбнулась. Потом он уверенно взял меня за руку и повел по дорожке. Он рассказал, что я долго болела и что мне не передавали конфету, которую он приносил. Оказывается, мы из одной группы.

С тех пор мы всегда сидели в столовой рядом. Он крепко держал мою руку, когда парами выходили на прогулку. Нас стали дразнить «жених и невеста». Но мы не обижались. А однажды в ответ на дразнилки Витек сказал с гордым видом:

— Это моя сестра. Спросите у тети Маши.

Теперь я думаю, что добрая няня тогда пожалела нас, самых слабеньких, и соединила крепкими узлами родства.

Более преданного друга я не знала. Яркая головка появлялась передо мной и в минуты радости, и когда было трудно.

Витек — страшно беспокойный мальчишка. Он заводится с пол-оборота, и остановить его сложно даже мне. Только и слышно от воспитателей: «Не кипятись, Витя!» Как-то сама собой приклеилась к нему кличка «Светильник - Кипятильник». Витька воспитатели не любили. А кого они вообще любили? Особенно Валентина Серафимовна. Витек придумал называть ее ВЭЭС. Нам понравилось, так как все дети с трудом выговаривали ее полное имя.

Витек беспрерывно что-то придумывал, строил, ломал. Он был неукротим, как вихрь, хотя и очень тощий. Видно, тратил много сил, а наедать не успевал, поэтому часто болел, как и я.

УМЫВАНИЕ

Летнее утро. Желто-оранжевое солнце словно нехотя показывается из-за деревьев на горизонте. Мы никуда не спешим, и оно не торопится. Пока еще низкие бархатные лучи мягко касаются нас и, обволакивая, снимают утреннюю дрожь. Я гляжу на солнце и вижу янтарный ореол, окружающий стволы дальних деревьев. Облака над горизонтом перемежаются разноцветьем. Желтые и оранжевые полосы расслаиваются красноватыми бликами и разбавляются голубыми, отчего верхние края облаков бледные, а нижние огненно-красные, местами пурпурные. Тихо. Облака кажутся неподвижными. Но когда долго смотришь на них, то видишь, как плавно меняются их формы, перетекают друг в друга цветовые оттенки. Пурпурный исчезает, огненно-красный слабеет. Появляется ослепительно белый цвет. Не бело-голубой, искрящийся цвет льда или снега, а ярко-белый, огненно-белый, с легким налетом золотисто-желтого. Это горячий белый цвет. Летний.

Сегодня первый раз умываемся во дворе. Умывальник огромный. Просто бесконечный. Я знаю, он продолжается за телегой, за сараем... Но мне видна только часть его. Двор огорожен забором, сколоченным из обрезков досок разного цвета и размера. Доски прибиты сикось-накось. Я люблю их разглядывать, складывая в своем воображении причудливые дома, замки, дворцы.

Большие двойные ворота закрываются длинной тяжелой доской, просунутой в железные скобы. А маленькая калитка — с крючком-петелькой на самом вершине, чтобы малыши не разбежались. Забор невысокий, и можно разглядеть за ним сад. Если смотрю в щель забора, то вижу яблони, груши, кусты. А когда отойду подальше, в глубь двора, то передо мной — сплошной зеленый ковер. Двор с трех сторон окружен садом, и только со стороны калитки видна дорога, расширяющаяся лугом. Вдали она заканчивается группой деревьев, из-за которых и выползает мое любимое красное солнышко.

Закокали язычки умывальников. Малыши с любопытством толпятся около больших мальчиков. Вот один из них с достоинством, степенно берет кусок коричневого мыла, растирает его с водой и смело моет пеной лицо, шею, уши. Друзья обильно льют ему холодную воду из кружек не только на руки, но и на спину. Другие ребята тоже низко наклоняются, чтобы вода не залила трусы. Фыркая от удовольствия, они растираются майками и, не одеваясь, идут на завтрак.

Никто не любит умывальники. Они высокие, неудобные. Вода долго набирается в ладони, вот поэтому старшие используют большие тяжелые медные кружки. Солдатские, трофейные.

Я боюсь холодной воды и мыла, и все же решаюсь попробовать умыться по-настоящему. Взбираюсь на лавку около умывальника, долго намыливаю руки, собираюсь с духом и, наконец, быстро-быстро растираю пену по лицу, со страхом думая о щипании в глазах. Судорожными движениями на ощупь отыскиваю язычок умывальника...

Теперь у меня довольное и гордое лицо. Впервые в свои три года я преодолела страх. Мне показалось, что в эту минуту я стала чуточку старше.

ВЕЧЕРА

Люблю вечера после ужина, если с нами остается ночная няня Зоя. Мы обычно сидим в спальне на полу или на койках, если нет начальницы. Няня читает нам книжку про серого волка, лису и зайца. Я слушаю внимательно, но при этом у меня в голове проплывают свои фантазии. Вот семья волков. Не знаю, как они выглядят на самом деле, но я четко вижу их в виде черных треугольников, с острым углом впереди. Сначала идет большой папа-волк, за ним мама — поменьше, а потом совсем маленькие черные треугольники — дети. В сказке волк серый. Но мне кажется, что злой волк должен быть черным. Я вижу, как убегает от волка заяц. Он ушастый, круглый и прыгучий как мяч.

После чтения мы рассматриваем конфетные обертки, обрывки старых газет для того, чтобы запомнить буквы. Книгу нам не разрешают брать. Боже упаси! Ребята наперебой спорят, где какая буква. Няня, смеясь, поправляет их. Я ей помогаю. Кому это надоело, мастерят что-либо из бумаги, щепок и тряпок.

Темнеет. Няня зажигает керосиновую лампу. Ее неяркий трепещущий свет делает лица детей таинственными, незнакомыми. Освещенные части лиц стали красно-оранжевыми, неосвещенные — черными. Молодая няня в цветастом платье с длинными волосами, заплетенными «корзиночкой», представляется мне доброй феей. Теперь она читает стихи. Я их знаю наизусть, поэтому отвлекаюсь: наблюдаю на стенах интересную картину из жизни чудищ — великанов. Вот один великан поднялся. В том месте, где стена переходит в потолок, голова его вдруг из круглой превратилась в длинную, как кабачок. Великан махнул ручищей, и его ладонь переломилась и расширилась. Другие великаны беседуют, кивая смешными головами, или дерутся. Мне совсем не страшно. Это сказка, только без слов.

Няня встала. Тень за ее спиной — тоже. Тут я поняла, что сказку на стенах делают тени детей. Пламя лампы колебалось и подрагивало, отчего тени казались живыми. Подняла руку, выставив два пальца вверх. На стене закачался ушастый великан. Няня увидела моего «ушастика» и отправила вслед ему «лисичку». Ребятам очень понравилось игра, и они принялись «делать» разных зверей, которые насакивали друг на друга, визжали на разные голоса. Няня попросила не «озвучивать кино», чтобы ей не влетело. Мы притихли. Чтобы окончательно уgomонить нас перед сном, она проверила поделки ребят, потом повторила считалки, которые должны проговаривать те, у кого плохой сон, и отправила всех спать, по очереди трогая каждого за чубчик. Короткий чубчик в три пальца — мальчик, направо, длинный чубчик, в ладошку — девочка, налево. «Бай-бай, зайчики!»

НЯНИ БЕСЕДУЮТ

Мне скоро четыре. Я уже большая. Но все равно часто болею. Воспитательница повела всех на улицу, а меня оставила с няней. К ней присоединилась другая няня, и они весело защебетали. Я в это время возилась с лоскутами. На полу получался красивый узор! Игра не мешала мне внимательно прислушиваться к разговору взрослых. О чем они только не говорили! Восторгались кинофильмом «Тарзан»: «Какой мужчина, вот бы такого встретить!» Обсудили все слова и дела директрисы. Ох, и досталось же ей!

Вдруг няня посадила меня на подоконник и принялась рассматривать, будто в первый раз видит. Потом сказала со злобной ноткой в голосе: «И почему это подкидыши красивые, а нормальные дети не очень?!» Вторая ответила ей безразличным голосом: «Так они же от красивых мужчин. Кто же со страшным гулять станет? Ну, а потом бросают детей. Государство воспитает!» Я не знала точного смысла всех слов, но поняла, что такие матери поступают очень плохо, и что эти слова одновременно очень обидные и для мам и для детей. «Зачем няни говорят мне об этом? Хотят обидеть?»

Чтобы отвлечься от плохих мыслей, повернулась к замерзшему окну, оттаяла пальчиками кружочек и начала разглядывать детей, которые с удовольствием ковырялись в снегу. «Скорей бы выздороветь», — думала я, изучая красивые узоры на стеклах. Няни продолжали свою болтовню о плохих мамах. Видно таких рассказней в их памяти накопилось много. А мне от этого становилось все грустней и грустней. Мне не хотелось, чтобы про моих папу и маму существовала такая же гадкая история. Они ни в чем не виноваты! Они хорошие! Мои родители, наверное, погибли на войне. Они герои. Я очень обрадовалась этой мысли. Мне сделалось спокойно-спокойно. Разговоры нянь стали мне безразличны. И теперь я с удовольствием разглядывала узоры на стекле. Вот эти листочки похожи на папоротник, который растет за нашим железным забором, а это — веточка березы, а здесь сказочные деревья из страны Снежной Королевы. Может Дед Мороз рисует для маленьких больных, чтобы им не так грустно было? Он ведь добрый. Нарисовал бы дед Мороз на наших серых голых стенах серебристую сказочную красоту! Такую же, как на стеклах. Вот было бы здорово!

ПРОГУЛКА

Ура! Сегодня прогулка на луг с тетей Машей! Она научит нас собирать разные травы для кухни. От радости мы визжим, закидываем ноги выше головы. Гвалт затеяли невообразимый. Тетя Маша, пожилая, очень спокойная женщина, неодобрительно смотрит на нас и говорит негромко, но как-то по-особому твердо:

— Не будете слушаться, — я не пойду с вами.

И оттого, что она сделала ударение на «я», большинство детей мгновенно замолчало и зацыкало на тех, у кого плохо работали «тормоза».

Идти недалеко. Тетя Маша показала нам, какие травы нужно рвать, объяснила как они называются и где применяются. Когда мы приносили ей свои находки, она принимала их, но требовала рассказать о растениях все, что запомнили. Одни дети рвали разные травы и подробно рассказывали, а другие собирали один вид травы и не заслуживали радостной похвалы. А как мне хотелось получить ее от тети Маши! И чтобы другие услышали: «О! Это редкий цветок! Как много ты нашла интересной травы!»

Пожурился лентяев и подбодрив тех, у кого просто не получилось как следует поработать, тетя Маша объявила:

— Отдых! Лягте-ка все на спинку и посмотрите на небо. Оно одно, но каждый в нем увидит свое.

Мы легли. Огромные белые облака перемещались по ярко-голубой глади неба, медленно изменяясь, превращаясь то в одних, то в других пушистых добрых сказочных существ. Они живые! Мне очень понравилась эта мысль, и я начала фантазировать: «Вот медведь и девочка сидят рядом, а вот прибежала собака, и медведь с испуга начал исчезать, а девочка...» Кто-то из ребят грубо толкнул меня под ребро. Пора возвращаться. Мы устали от беготни. Идем медленно. Куда только делась наша прыть?

Вдруг тетя Маша тихонько вскрикнула:

— Вова! Что же ты на жука наступил!

Мгновение — и все склонились над огромным насекомым.

— Это жук-олень, — объяснила тетя Маша.

Каждый по очереди брал жука себе на ладошку и осторожно прикасался к огромным рогам.

— А у мамы-жука рожки маленькие. Кто найдет ее, пусть покажет всем. Только не губите. Это же, как и человек, божья тварь, ей тоже жить хочется, — продолжила тетя Маша.

Жук привел нас в состояние трепетного восхищения. Мы внимательно осматривали все, что находилось под ногами и, забыв об усталости, ловили всяческую живность. Тетя Маша рассказывала о букашках все, что знала.

Сегодня я впервые обратила внимание на то, сколько маленьких существ живет вокруг.

В ЛЕСУ

После обеда, если стоит хорошая погода, мы ходим с воспитателями гулять в лес. Мы быстро забываем плохое и всегда надеемся, что следующий день будет лучше. Но узнав, что сегодня в лес нас поведет Валентина Серафимовна, сразу потускнели...

Идем по пыльной дороге. Воспитательница медленно бредет по обочине, погруженная в себя. Я с удовольствием запускаю ноги в теплую, пушистую, мягкую пыль. Она тонкая, чистая, без камешков и мусора, как мука у бабы Мавры на кухне. Только серая. Струйки пыли текут между растопыренными пальцами, приятно и нежно щекоча их. Другие ребята на дороге делают узоры из следов. При этом они приседают, смешно выворачивая ноги, чтобы следы пошли по кругу или звездочкой. В этот момент они похожи на неуклюжих ворон, которые часто сидят на куче отбросов за нашим забором.

Вдруг я обнаружила огромную мохнатую гусеницу с рогом на голове. Она оказалась толщиной аж в два моих пальца! Ее окраска поразительна! После серо-черных ожор, которых мы собирали в нашем саду на коре яблонь, эта — красавица! Ярко-оранжевые, коричневые, красные и бежевые кольца ее тела то сжимались, то расширялись. Движение гусеницы напомнило мне гармошку деда Панько, нашего конюха. Во время игры ее цветные складочки то раздвигались, показывая яркие полосы ткани, то смыкались, пряча их под черными уголками.

Ребята осторожно палочкой переворачивают мою гусеницу на спинку. Она сердится, извивается, показывая желтоватый голый животик, утыканный желтыми ножками в черных «ботиночках». Самые смелые мальчишки ощупывают длинный жесткий, не очень острый красный рог. Мы знали, что на яблонях плохие гусеницы, и уничтожали их, но не допускали мысли, что такая красивая может быть вредной, и поэтому положили ее назад, в траву.

Гусеница как бы послужила сигналом к поиску. Все забыли про узоры в пыли. Девочки теперь ловили и показывали друг другу необыкновенных бабочек. Потом отпускали их, памятуя слова тети Маши, что с крылышек нельзя стирать чешуйки, чтобы не погибла божья тварь. Мальчишек больше интересуют прыткие кузнечики. Они заворожено смотрят, как «выстреливают» из густой травы серые и зеленые «солдатики», расправляя в полете ноги, а иногда и крылышки. Самому шустрому, Витьку, удалось поймать такого большого зеленого кузнечика, что тот еле укладывался в его ладошке. Некоторые из детей даже в испуге отошли, увидев огромные страшные челюсти. (Позже мы узнали, что это была саранча.) А Витя смело водил пальцем по шершавой, в зазубринках, ноге кузнечика, совал ему в рот травинки, ощупывал жесткие, прозрачные, с серым узором крылья. В этот момент и вырвался кузнечик. Витек только громко вздохнул.

А меня удивляет красота цветов, их окраска и форма лепестков: топорик, веер, петушок, лев, метелка. У самой дороги я увидела молодую пушистую темно-зеленую сосну чуть выше меня ростом. Кончики ее веток странные: бледно-зеленые в светло-коричневых чешуйках. Сорвала маленькую шишку и растерла в ладонях. Руки стали влажные и клейкие. В нос ударил сильный приятный запах смолы. До чего же хорошо!

Незаметно вошли в лес. Чем дальше идем, тем страшнее становится. Сердечки сжимает тоска, в глазах у каждого боль, беспомощность. Опускаем их, чтобы не зареветь. Каждый хочет надеяться, что на этот раз все обойдется. Но все повторяется. Валентина Серафимовна начинает говорить страшные слова: «В лесу живет огромный, злой Змей-Горыныч. И все ужи, змеи, пауки собираются по его зову, чтобы есть маленьких детей, заблудившихся в лесу. Слышите шуршание? Это ползут к вам гады лесные...»

Мурашки бегут у меня по спине. Прислушалась. На самом деле слышен скрип, шуршание. Волосы на голове зашевелились. Валентина Серафимовна продолжает: «А когда стемнеет, вылезут из могил вурдалаки. Надоела им мертвечина, хотя они свежей крови... Разрывают они на куски всех, кто попадетс я им на пути...» Пока светло, мы еще терпим, дрожа от страха, но как только серая мгла начинает окутывать кусты, кто-нибудь не выдерживает, и вслед за ним все мы с ревом бросаемся к воспитательнице, умоляя спасти нас. А она берет веревку из сумки и начинает вешаться на дереве, чтобы оставить нас в лесу одних. В изнеможении от слез и волнения мы лежим на земле и со стонами бормочем: «Будем слушаться, только отведите нас домой».

Наконец, она оказывает нам милость. Измученные, мы валимся в кровати и засыпаем. Кто-то всхлипывает во сне, кто-то кричит или стонет. Я же после такой прогулки долго не могу уснуть.

Утром, открыв глаза, почему-то вижу перед собой Валентину Серафимовну, хотя ребята говорят, что ее нет в спальне. Пытаюсь закричать, но ничего не получается. Мелькает мысль, что онемела, и от ужаса окончательно просыпаюсь. Несколько минут и в самом деле не могу говорить, судорожно глотаю ртом воздух. Потом с ревом ко мне возвращается речь. Я начинаю что-то бессвязно говорить, путая звуки [б]-[п], [д]-[т], [с]-[ш]. Дети успокаивают меня: «Не бойся, это же нервы, так тетя Маша говорила. Все пройдет, когда вырастешь». Наверное, тетя Маша хотела сказать: «Когда отсюда уедешь». Но мы знали, что ей нельзя так говорить. Мы многое понимали. Почему же некоторые взрослые такие плохие? Ведь они тоже когда-то были маленькими. Я знаю, что — хорошо, а что — плохо. Мне никто не объяснял этого. Наверное, в моей голове, когда-то это было «записано». А у Валентины Серафимовны — все наоборот, как у Снежной Королевы. Довести бы ее до слез, чтобы выплыл осколок кривого зеркала из ее глаза. Да разве заставишь такую плакать?

После завтрака — разбор нашего поведения в лесу. А это значит — опять наказания. «Малярный комар попал мне в туфлю. Ты виновата! Хочешь, чтобы я умерла от малярии?» — кричит на меня Валентина Серафимовна и сламывает несколько лозин. Я начинаю визжать, кричать, что даже не видела этого чертового комара. Тот, кто попытается защитить меня, будет наказан вдвое. Обломав несколько лозин на мне и Витьке, Валентина Серафимовна приступает к следующему: «Вовка вертелся под ногами, отчего мы чуть не заблудились. Придется йодом вымазать ему мужскую гордость у всех на виду». Некоторым она делает снисхождение, — предоставляет право выбирать: колоть ли руки булавками или «вкусить» лозину.

ПРЕДАТЕЛЬ

Странная дружба завелась у Светки с Валентиной Серафимовной. Началось это с того, что ее перестали наказывать. Потом в голосе Светы появилась какая-то вкрадчивость, а в глазах хитринка. Она теперь мало говорила. Больше слушала. Зато бить нас стали еще чаще, потому что до ВЭЭС теперь доходили все наши маленькие секреты. (С тех пор я возненавидела воркующий звук Светкиного предательского смеха.) Наказанием воспитательница стремилась выяснить, кто зачинщик той или иной шалости. Но мы всегда молчали. Нас не пугали даже булавки. Вместе баловались, вместе и отвечали. Однако, если наказание казалось нам незаслуженным или не соответствующим по степени строгости провинности, то мы орали, что есть мочи или зверьками смотрели исподлобья, шепча еле слышно: «Злюка-гадюка».

Помню, как первый раз я получила от ВЭЭС наказание «булавкой». Мне не было тогда и четырех. Она один раз уколола в тыльную сторону ладошки. Я ойкнула. Еще, еще раз. А сама внимательно смотрела мне в глаза. Ох, какое зло меня взяло! «Не буду кричать! — решила я. — Пусть слезы льются, а кричать не буду!» Терпела до тех пор, пока булавка не добралась до ногтей. Выдерживать такое было уже выше моих сил...

Сначала во время наказаний Света гуляла где-нибудь во дворе. Потом стала сидеть рядом с ВЭЭС. Достаточно скоро она превратилась в маленькую злюку. Но Света считала себя хорошей помощницей воспитательницы. Она же следила за порядком! Когда все дети сидели на лавках и ели, Света ходила между рядами. Стоило кому-либо даже шепотом заговорить, он тут же получал в лоб ложкой. И надо заметить — удар был крепкий, отработанный. Я от него даже с лавки один раз свалилась. Но боль — ерунда. Мы не могли понять, как Светка могла предавать друзей? Продалась за горсть конфет или так уж боялась наказаний? А может, ей хотелось быть начальницей? Никто не пытался выяснить это у Светки. А вскоре мы вообще перестали с ней разговаривать. Она словно не существовала для нас. Мы ее презирали. Старшие мальчики рассказывали, что на войне предателей расстреливали. У Светки появилась кличка «СС». Мое презрение к ней было так велико, что оно пересиливало жалость, которую я питала к каждому несчастному. А я считала ее очень несчастной. Но по всему видно было, что Светка себя представляла иначе. А может быть, она и вообще не думала, довольная своей ролью?

Почему мы не били ее? Нас не мог удержать страх наказания. Но тогда что?

— Здесь больше виновата Валентина Серафимовна, — размышлял Иван, старший из нас, — без ВЭЭС не было бы СС. К тому же Светка не фрицам нас предает.

Витька кипятился:

— Не защищай! На войне она продаст нас немцам!

— Ну, это разные вещи! Фрицам она, наверное, не сможет. Они же враги нашей Родины, — задумчиво подытожил Иван.

Родина. Это слово я часто слышу по радио. В моем представлении это что-то огромное, красивое и главное. То, ради чего живет человек. А если отнимают Родину, то человек отдает за нее жизнь, потому что жить без Родины он не может.

Няня говорила, что даже у животных есть родина. Это то место, где они живут. И они ее по-своему защищают. А у человека Родина в сердце.

Я не совсем понимаю, что это такое, но горжусь, что у меня есть Родина, и знаю, что никогда не буду предателем.

КОМИССИЯ

Слово «комиссия» наводило ужас на всех детей детдома. От старших к младшим передавалось то, что бывает после комиссии. Теперь и мне придется пережить это стихийное бедствие. Тайно собрались четырех- и пятилетние.

— А вдруг комиссия хорошая, давайте ей все расскажем? — предложил один.

— Комиссия не бывает хорошей, — авторитетно прервал его семилетка, — они приедут, выслушают все жалобы, соберут наших воспитателей, поругают их и уедут. А нам потом жить будет еще хуже.

Все притихли. Кто же защитит? На комиссию надеялись. А теперь? У многих потекли слезы. Под сердцем у меня стало холодно и пусто.

— Надо молчать. Из двух бед выбирают меньшую, — твердым голосом сказал семилетка, видно, повторяя слова взрослых.

Приехала комиссия. Зашли в спальню. Одна женщина потрогала одеяла с насоро подшитыми к ним белыми простынями. Другая проверила, крепка ли кровать. Все сияло чистотой. Неделю «пахали» не зря. Потом тетки с фальшиво-ласковыми лицами взялись выспрашивать, как нам живется, всем ли мы довольны. Я знала свой непослушный язык, и поэтому смотрела на комиссию, крепко стиснув зубы. «Неужели они хотят нам сделать больно? Они же неглупые и, наверное, понимают, что бывает в детдомах», — размышляла я.

Мужчины из комиссии не лезли с провокационными вопросами, поэтому я относилась к ним с большим уважением. Хотя какие они защитники детей? Спасибо на том, что из-за них хуже не будет. Комедия продолжалась два дня. Льстивые лица, страшно любезные воспитатели. «Вовочка, Сашенька, детки». Тьфу! Противно. Лучше бы эти дни просидеть в подвале наказанной. Душу выворачивает, гадко, даже голова разболелась!

К вечеру второго дня выяснилось, что некоторые дети попались на перекрестном «допросе» хитрых толстых теток. Неожиданно для себя они кое-что рассказали. Ну, теперь будет, чем развлечься воспитателям. А еще семилетки узнали, что список замечаний воспитателям велик, несмотря на «пахоту», и что за каждый пункт этого списка каждой группе будет великая трепка.

Пошли спать. Я усиленно перебираю в памяти прошедшие два дня. Каждый шаг, по минутам. Поведение идеальное. Тише воды, ниже травы. Ни одного лишнего слова. Для меня это — героизм.

Вдруг молнией мелькнула мысль о том, что вчера перед сном машинально сосала узелок, которым заканчивалась толстая нитка, прикреплявшая простыню к одеялу. А вдруг я откусила его во сне, и меня тоже записали в «черный список»? Испуганно вскочила. Узелка не было. Подцепила нитку и дрожащими руками принялась старательно делать узелок. Ничего не получилось! А строчка от моего неумения разошлась еще немного. Бросило в жар, закружилась голова. Но я взяла себя в руки и все-таки сделала этот проклятый узелок! Приложила ладошку. Вроде не очень заметно. Может, не накажут? Господи, боже мой, помоги!

Я не понимала, кто такой Господи, но все взрослые и дети просили у него защиты. И кое-кого он выручал. Как он выбирал того, о ком хотел позаботиться, никто не знал. Иногда он помогал даже ведьме-воспитательнице.

— Господи, помоги, Господи, помоги... — шептала я, засыпая.

Утром, когда мы еще лежали в постелях, молча зашли две воспитательницы. Тишина стояла густая, темная и какая-то липкая. Я натянула одеяло на голову, но оставила «окошко» для наблюдения. Подняли первого. «Комардин» стоял, опустив голову, слезы текли по лицу ручьями, его колени и руки сильно дрожали. Растягивая слова, он бормотал:

— За что? Что я сделал?

Воспитатели молча привязали его ноги к железной спинке кровати и, схватив за уши, отвели тело от спинки и бросили. Ударившись головой, мальчик дико взвизгнул. Его снова потянули за плечи в сторону и грубо бросили. Пацан успел прикрыть руками голову. Удар пришелся по тощим лопаткам. В серой приглушенной тишине слышались шлепки и резкие слова:

— Опусть руки, а то целый день будешь качаться вниз головой.

«Комардин», извиваясь и скручиваясь, все же пытался помочь себе. Больше смотреть я не могла. Сжалась в комок, рыдая и моля: «Господи, помоги». Не помог. Позже из разговоров поняла, что били всех. Воспитателям надо было разрядиться. Маленьким доносчикам еще кололи руки булавками до тех пор, пока взрослым надоедало слушать их вопли. Господи, куда ты смотришь?

Раньше я даже от лечебных уколов плакала. Не кричала. Слезы не умела сдерживать. Медсестра жалела молча вздрагивающего задохлика, и потихоньку подсовывала мне шарики-витамишки. Я сосала их и молила Бога, чтобы она всегда оставалась доброй. Может, тогда и другим детям будет, у кого поплакать, не ожидая после этого наказания. А как это бывает нужно!

МЕСТЬ

Осень. Теплый день. Иду по лесу. Мысли тихие, ласковые, мягкие, как листья заячьей капусты, которые я незаметно для себя тереблю в руках.

Боже! Что за чудо! Подхожу ближе. Осина. На одном дереве красные, ярко-желтые, малиновые и темно-фиолетовые листья! Осторожно касаюсь их, будто боюсь стереть волшебные краски. Собираю с земли самые яркие. А вот на траве лежат багряно-желтые листья городского клена, а эти бледно-желтые, полупрозрачные — лесного. Подняла голову к вершине дерева. Я в золотом сказочном шатре! Все листья без пятен, чистые-чистые. На них видна каждая прожилка. Кажется, что крона клена светится спокойным, приглушенным, бархатным светом. Он не раздражает глаза, потому что нежный, теплый. Даже летом в лесу нет такого разнообразия сочных тонов!

Останавливаюсь и начинаю представлять себя в раю. Там, наверное, хорошо, как в осеннем лесу. Трава у меня под ногами, конечно, уже бурая, но от этого не перестала быть красивой. Она теперь другая. Медленно иду дальше. Рядом с совсем зеленым дубом примостился бересклет. Его любопытные «глазки» еще летом привлекали меня, а сейчас они просто завораживают. Я опускаюсь коленями на влажную листву, смотрю на эти удивительные черные «глаза», обрамленные красно-оранжевыми веками, и молчу. Я слушаю сказки леса, которые мне рассказывает каждая травинка, каждый сучок дерева. На тонкой упругой ветке склонился надо мной орех. Он тоже хочет о чем-то рассказать.

Вдруг улавливаю отдаленный гудок паровоза. Его звук всегда вызывает у меня тревожное чувство. С ним я связываю незнакомую жизнь где-то там, вне детства. Наверное, это другая, особенная жизнь. Дай, Господи, чтобы она была лучше нашей. Иначе зачем вырастать? Гудок напоминает мне, что пора возвращаться.

Из леса тропинка привела в наш сад. Такого сада нигде в мире больше нет! Огромные деревья в основном старые, корявые, развесистые. И только около домов растет молодняк.

А наш детдом — это два дома и один сарай. Дома длинные-длинные, низкие, покрытые потемневшей соломой, по краям сильно побитой воробьиными гнездами. Окошки маленькие. Почему-то нет фундамента. Он есть только в пристройке, где расположена «тихая» комната. В первом корпусе — спальня и комната поменьше. В ней — большая печка, которая спасает нас зимой. Там же стирают белье и иногда нас купают. Во втором корпусе — кухня и столовая. А в сарае чего только нет: лошадь, телега, солома, всякий хлам. В сарае окошки такие маленькие, что голова не пролезет, и они под самой крышей.

Погруженная в свои мысли, не заметила, как остановилась посреди сада. Вспорхнувшая у самого лица птица заставила меня вздрогнуть. Стою под грушей. Земля усыпана крупными желтыми сочными плодами. Выбираю самую красивую грушу, вытираю о трусы и с удовольствием ем, вдыхая чудный аромат. Рядом вижу мою любимую желтую сливу. Наконец созрела. Янтарные ягоды долго впитывали лучи солнца, чтобы стать не только красивыми, но и сладкими. Хорошо! Много у нас яблок, груш, слив. А самое главное, их можно брать с земли, сколько хочешь, и никто бить не будет.

Увидела своих дружков. «Комардин» (его так прозвали за то, что он не выговаривал слово командир) и Витя «Светильник-Кипятильник» что-то бурно обсуждали под любимой сливой Валентины Серафимовны. Оказывается, Ваня предлагал оборвать ее назло воспитательнице. Пусть, мол, останется без варенья. Я сначала заколебалась, но раны на спине и ниже ныли, трусы прилипли к ним. И вдруг волна обиды захлестнула меня так, что перед глазами поплыло дерево, ребята. Дыхание стало затрудненным. В мозгу застучал молоточек: «Я ни в чем не ви-но-ва-та. За что?!»

— Тряси, «Комардин»! — скомандовала я.

Он вмиг влез на дерево, а мы с остервенением топтали сочные темно-синие сливы. Внезапно злость схлынула, сошла пелена с глаз. Мы почти одновременно с Витей остановились, глянули друг другу в глаза, тут же опустили их и медленно пошли в разные стороны. Нам было стыдно. Как мы понимали друг друга! Мы делали плохо. А нам так не хотелось быть плохими. Разошлись растерянные и подавленные, хотя чувствовали свою правоту. Что же делать? Терпеть всю жизнь? И почему мы, дети,

можем жить без жестокости, а взрослые нет?

ИГРЫ В ПЕСКЕ

В удобном месте расположена куча песка. Если светит солнце, то оно обязательно согревает его. Мы любим свою площадку. Песка всем хватает. Можно играть одному, но лучше с друзьями. Пирожки «печем» в любой посуде. Старые, проржавевшие банки, куски резины, даже листья с деревьев — все годится. Мальчишки, привязав веревочки к кускам автомобильных шин, развозят «продукты по детским домам», старательно подражая шуму мотора. Девочки «кормят» пирожками тряпичных самодельных кукол.

Гляжу — мальчишка из другой группы подсел к нам поиграть. Но старшая девочка, выполнявшая роль мамы, вдруг встала, строго посмотрела на пацана и с выражением сказала:

— Наша семья играет только с красивыми мальчиками.

Ошарашенный малыш отошел, захлопав белесыми ресницами. Меня удивило и рассмешило заявление девочки. При чем здесь красота? Все красивые, когда не злые. Еще меня удивило лицо девочки-«мамы» в тот момент, когда она говорила о красивых мальчиках. На нем было такое же кокетливое выражение, как у противной няни, во время болтовни о мужчинах. Даже плечом девочка повела как-то особенно плавно, что и рассмешило меня. «Здорово передразнивает», — подумала я. Услышав смех, мальчишка принял его на свой счет, оглянулся и показал мне кулак.

— Дурак, не над тобой! — разозлилась я, но тут же отвлеклась и забыла о нем.

Вообще песочница — место обсуждения самых важных вопросов. Вот недавно болтают девочка и мальчик во время игры. Мальчик говорит:

— И нашли папа с мамой ребенка в капусте и стали его кормить, поить.

— Вот глупый. Детей мамы в животике выращивают, а потом родят, — строго произнесла девочка.

— Ну, пусть родят. Давай его спать укладывать, — миролюбиво ответил мальчик, собирая тряпочки в кровать-галошу. И вся группа взялась спорить, родят или находят детей.

Мне нравится наблюдать за играми даже больше, чем играть. Дети такие разные!

ЛЮБОВЬ?

Любопытная история произошла сегодня около столовой. Мы собрались у корпуса, а обед еще не приготовили. Топчемся у двери. Вдруг Саша отделился от нас и направился напрямик к новенькой девочке из другой группы. Мы все ходим в синих майках и черных сатиновых трусах до колен, а у новенькой четырехлетки — настоящее короткое платьице с оборкой по низу. Кудрявые темные локоны еще не острижены. Так вот, Сашок принялся ходить вокруг этой девочки. Он заглядывал ей в черные глаза, с каждым кругом подходя все ближе и ближе. Девочка, заметив к себе внимание, стала «в позу»: подняла смуглое личико кверху, опустила глазки, отставила одну ножку вперед, руку на пояс положила. Мы с любопытством смотрели на странную картину. Сашок приблизился к ней и попытался привлечь к себе ее внимание, дергая за край платьица. Девочка стояла, не шевелясь, не достаивая мальчика даже взглядом. А он не отходил от нее, придумывая все новые способы внимания. Тут позвали обедать. Группы смешались. Я, ковыряя ложкой в тарелке, думала о том, что увидела. Это и есть любовь? Они вели себя как взрослые? Но Саша такое нигде не мог видеть. У нас в детдоме нет молодых мужчин. Значит, дети делали то, что говорила им душа или сердце? Я и за собой замечала, что иногда что-то делаю не по своему желанию. Как будто кто-то толкает меня, заставляет. Я даже иногда говорю о том, о чем еще не думала. А вдруг это плохо? А может, у всех так?

А вот мы с Витей никогда не «выламываемся». Он не ходит вокруг меня «петушком». Да я бы и не позволила ему этого делать. Мы нормальные друзья. Не знаю, почему, но история Сашка с новенькой как-то запала в душу, всколыхнула что-то незнакомое, непонятное во мне. И, если честно себе признаться, я подумала, что была бы не против, чтобы какой-нибудь хороший мальчик «повыкручивался» бы передо мной. Это мой первый и единственный секрет от Витька. Я почувствовала, что об этом ему не стоит говорить. Не понимаю, почему.

А душа и сердце — это одно и то же или что-то разное? Наверно, разное. В душе — доброе сидит. А в сердце находится любовь. Витек у меня в душе. А новенькая у Сашка в сердце.

Какие глупости у меня в башке! Опять мало поела. Сейчас няня будет забирать миску и бурчать:

— Задохлик, когда есть научишься?

ЗУБАСТОЕ ЧУДО

Витька сегодня герой, потому что сам себе выдернул зуб. Он его старательно раскачивал, и на третий день тот безболезненно выскочил. Все ребята по очереди ошупывали, разглядывали зуб. А наш герой с удовольствием раскрывал рот, показывая дырку. Тут примчался «Комардин» и с восторгом объявил, что у него тоже качается зуб. Но Ване не повезло. Зуб разболелся так, что ночью он не мог заснуть. Утром за завтраком тетя Маша сказала измученному малышу, что можно вытащить зуб толстой ниткой, привязанной к ручке двери. За дело энергично взялся Витек. После мучительной ночи Ваня был согласен на все. Процедура привязывания нитки к зубу оказалась сложной. Витька кое-как справился. Оставалось самое малое — резко дернуть за ручку двери. «Комардин» вдруг потребовал снять нитку, отказываясь от незнакомой, страшной операции. Но Витек приказал крепко держать больного, чтобы он не испортил дело. Ваня зажал нитку зубами и неистово вырывался. Улучив момент, когда больной открыл рот, чтобы заорать, «доктор» резко закрыл дверь. Но, боже мой! Нитка оборвалась у самого рта и по ней потекла розовая слюна. Поняв, что «операция» прошла неудачно, «Комардин» завыл еще громче. Попытки снять нитку ни к чему не привели. Все жалели Ваню и пытались отвлечь его своими «заначками». Ничего не помогало. Ваня тоскливо скулил, отвернувшись к стенке. Мы побежали за помощью к тете Маше. Вымыв руки, она тут же притопала в спальню, посадила беднягу на колени, прижала его голову к груди и басистым спокойным голосом сказала:

— Не вертись, и я быстро помогу тебе.

Больной затих, закрыл глаза и открыл рот. Странно. У тети Маши грубые руки, пухлые пальцы, но она быстро и ловко поддела нитку и сняла ее с зуба. От страха Ваня боялся открыть крепко сжатые глаза. Сначала провел рукой по губам. Нитки не было! Он благодарно прижался к тете Маше. А мы, визжа от радости, побежали сообщать всем, что «Комардин» спасен, что тетя Маша — Человек. Это наша самая большая похвала взрослому.

Теперь всех детей интересовали зубы. Я тоже занялась обследованием. Господи, помилуй! У меня два зуба лишних! Они растут внутри рта во втором ряду! Сообщила об этом Витьку, а он вмиг разнес новую весть по детдому. Сначала меня ошарашило открытие. Но уже к обеду я ходила героем. Ко мне выстроилась очередь. Каждый стремился убедиться, что это не «брех». Самые маленькие боялись заглядывать в рот. Они с восхищением смотрели на меня и спрашивали:

— Не брешешь?

— Ей-богу, нет! — гордо отвечала я.

Но праздновать героя мне пришлось недолго. Тихий молчаливый Виталик неожиданно сознался, что стеснялся рассказать, что у него во рту два полных ряда зубов. Он боялся, что его будут дразнить «рыба» или «акула». Фантастическая новость облетела вмиг все группы. И много дней подряд Виталик старательно открывал рот и терпеливо ждал, пока очередной любознательный ребенок осмотрит его зубы. Дошла весть об интересном явлении и до воспитателей. Вскоре меня и Виталика повезли в город к зубному врачу.

Я с интересом оглядывала чистый белый кабинет. Особенно мне понравились блестящие инструменты. Не задумываясь, направилась к ним, чтобы лучше разглядеть незнакомые предметы. Но доктор быстро разгадал любознательного ребенка, перехватил меня на полпути и усадил в кресло. Я не боялась, потому что не знала, в чем состоит лечение. Молодой доктор взял блестящие щипчики, и не успела я сообразить, что он собирается делать со мной, как услышала веселый голос:

— Слезай, молодец! Голова не кружится?

Я поняла, что он лишил меня зубов только по тому, что заныла десна. Виталик, увидев, что зубы удаляют, горько заплакал. Доктор ласково взял его на руки и перенес в кресло. Глотая слезы, мальчик послушно закрыл глаза и открыл рот. У меня заныло сердце. Бедный. Ведь это не два зуба выдернуть! Заглянув больному в рот, доктор ахнул. Похоже, он никогда такого не видел и растерянно захлопал длинными белесыми ресницами. Потом подумал с минуту и решительно сказал:

— Мальчика — в больницу. Следующий.

Назад ехала одна. Возница сказал, что Виталика будут обследовать. По его тону поняла, что это не страшно, и успокоилась.

Я ХУЛИГАНЮ

Пора в столовую. Вышла на крыльцо, чтобы идти в другой корпус, но задумалась, заняв свою обычную позу: для устойчивости выставила правую ногу вперед.

Резко открылась дверь, и мчавшийся мальчишка, споткнувшись о мою ногу, полетел на свежевскопанную клумбу. Именно полетел, красиво, не касаясь земли. Я пришла в восторг от такого удивительного зрелища. Один за другим выбегали ребята, и каждый, спотыкаясь, летел по-своему. Большинство из них вскакивали, отряхивали колени и, даже не оглянувшись, бежали дальше. Голод звал. Я не задумывалась над тем, что делаю. Я восхищалась полетами. Вот еще один мальчик, на вид чуть старше меня, погрузил свои колени в клумбу. Встал, аккуратно отряхнул шаровары, повернулся ко мне и, глядя на мою восторженную рожицу, спросил презрительно, но грустно:

— Нравится, когда человеку плохо?

И ушел. Я стояла сраженная его словами, как оплеванная. Мне было так стыдно за свое дурацкое развлечение, что не пошла обедать, а побрела в сад. Лежу под деревом и долблю себе одно и то же:

— Сначала думай, потом делай. Дура.

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ГЛУПОЙ ОБЕЗЬЯНКОЙ

Какие мы все разные! Кто толстый, а кто тощий. Ваня черный, как уголь, я беловолосая, будто сметаной облита. А Витька рыжий. И почему его дразнят? Ведь чубчик у него красивый, как костер, который мы тайно жжем в лесу. Огонь такой таинственный, волшебный! Разве можно дразнить за красоту? Золотой цвет самый привлекательный. Может, они завидуют Вите? А узкие черные глазки якута Вани такие веселые, хитренькие и добрые! Какой же он косой? Дураки. Если бы все люди вдруг сделались одинаковыми, вот скукотища была бы! Почему черных и белых не дразнят? Меня называют губатой. Зато у меня самые длинные ресницы. Девчонки укладывали всем на ресницы спички. И только у меня удержалось четыре. Вот! Даже у Витька меньше. Правда, у меня уши торчат. Зато я уже не реву по пустякам. Но сегодня впервые услышала обидную кличку — «обезьянка», волосатая обезьянка.

Руки и ноги мои покрыты мягкими, пушистыми, светлыми волосами. Летом они выгорают и становятся совсем белыми. Я взяла линейку, измерила длину волос. Побежала к Вите. Волосы на руках у него короткие и редкие. Плохо. Надо что-то делать. С трудом дождалась няню. Попросила ножницы, чтобы подрезать ногти. Няня удивилась, что я хочу заняться этим добровольно, но ножницы дала. Я села в коридоре на стул и принялась старательно срезать волосы на левой руке. Тут мимо пробежала девчонка, которая дала кличку, захотела мне в лицо и прокричала с издевкой:

— Нельзя стричь! Теперь у тебя на руках вырастут такие волосы, что ты будешь их в косы заплетать.

От испуга я выронила ножницы. «Вот дуреха, сама себя сгубила», — разозлилась я на себя и горько заплакала. Подружки успокаивали меня:

— Не верь, она злюка.

Но сомнение уже закралось в душу. Еще много дней я бегала с линейкой, пока не успокоилась окончательно.

Может, клички дают злые люди? Но ведь я же сама зову Витька «Светильник-Кипятильник», потому что кличка очень подходит ему. Да и Витьку она нравится. А обезьянкой не хочу быть! Пусть называют «губатая», «скелет», только не «обезьяна»! Мне повезло, как ни старалась злюка, эта кличка ко мне не пристала. Чтобы меня не дразнили «скелет», я придумала называть себя «тощик». Витек заметил, что если не злиться на кличку, то часто у самих ребят пропадает желание дразниться. А есть приятные клички: «Атаман», «Профессор». Здорово! Получить бы такую.

ПЕРВЫЙ РАЗ НА РЕКЕ

К реке ведет крутой спуск. Как ни стараюсь идти аккуратно, все равно из-под ног выскакивают белые, желтые, серые камешки и, шурша, бегут впереди меня. Шуршание нравится моим друзьям, и они нарочно футболоят гальку.

Тропинка привела к зеленой лужайке. Трава здесь низкая, плотная, как воротник на кожане деда Панько. Только он рыжий и теплый, а трава прохладная, пахучая, изумрудная. Никогда такой красивой не видела! Она быстро остудила разгоряченные ступни моих босых ног. Валяюсь на бархатном ковре, ожидая отставших ребят. Небо голубое, бездонное. Облака — перья сказочной снежной птицы — полупрозрачные, легкие, матовые. Уткнулась носом в траву. Легко в ней дышится! Лежать бы здесь вечность! Благодать!

Наконец пришлепала Валентина Серафимовна. Теперь можно идти на песчаную полосу берега реки. Песок чистый, светло-желтый. Иногда под ногами потрескивают ракушки. Справа от пляжа гряда разноцветной гальки. Она обсыпана малышами. Тощая рыжая воспитательница первая разделась, удивив нас конопатой кожей и рыжими волосами на различных частях тела. Но долго разглядывать ее неинтересно, и мы шумной гурьбой ворвались в воду, обрызгав себя и всех вокруг. У берега мелко. Дно песчаное. После ребячьего вихря, буквально нескольких минут затишья, и у берега опять чистейшая вода. Видна каждая соринка на дне. Лучи солнца поблескивают в набегающей легкой волне. Волны не от ветра. (Стоит тишь.) Их «нагоняют» сумасбродно-восторженные дети. Немного остудив свой пыл, многие ребята пытаются учиться плавать, зайдя в воду до подбородка. Для малышей уметь плавать — гордость.

Потом мы трусами ловим рыбу. Серебристые спинки мелькают всюду, но удержать их в руках мне не удается. Выскальзывают. Я уже хотела бросить неудачную рыбку, но тут Витек позвал меня. Оказывается, в реку втекает маленький ручей, который легко перегородить трусами. Рыбы в ручье хватает всем. Посолили ее и спрятали в кустах. (Соль взяли у кухарки заранее.) Затем возобновили купание.

Меня все время притягивает противоположный крутой берег. Большие мальчики по очереди прыгают с него вниз головой или ногами. Это чужие ребята. Они очень отличаются от нас своей уверенностью, самостоятельностью. А мы представляем стадо баранов или желторотых цыплят с наседкой. Хотя за все время купания Валентина Серафимовна не глянула ни на кого из нас. Как мы ей, наверно, надоели! Да и мы ее не трогаем. Нас это устраивает.

Неотступное желание побывать на противоположном берегу повело меня в глубь реки: до пояса, до подбородка, до макушки. Вода сомкнулась над головой, уже «с ручками». Медленно двигаюсь дальше. Начало давить в ушах. Воздуха не хватает. Вдруг мелькнула мысль:

— Берег крутой? Смогу ли выбраться без помощи? Если ребята ныряют с него вниз головой, значит там глубоко?

— Срочно возвращаться, — назойливо застучало в мозгу.

Я понимала, что надо так повернуться, чтобы назад пойти по той же дороге, иначе можно отклониться в сторону и попасть в какую-либо яму. Очень осторожно сделала поворот и двинулась к пологому берегу. Открыла глаза — ничего не видно. Дети взмутили воду. Закрыла их. То ли от страха, то ли от нехватки воздуха заболели уши, голова. Сжало виски. Думала только об одном: «Я не утону».

Подпрыгнула. Меня занесло вправо и перекувыркнуло. Нащупала дно. Попыталась вдохнуть. Хлебнула воды. Испугалась. Вокруг только плотная серо-голубая колеблющаяся стена. Стало жутко. Закружилась голова. Еще пара шагов. Подводная мгла исчезла. Рот и нос уже над водой. Идти больше не могу. Перед глазами дрожащие красно-оранжевые круги. Стою, кашляю, дышу и дрожу. Немного полегчало. Выбралась на берег, на солнышко. Никто ничего не заметил. Это уже хорошо. Почему-то вспомнилось услышанное где-то: «От пули не умрешь, судьба такая». Улыбнулась сама себе: «Не утону, судьба моя такая».

ГОСТИ

В детдоме оживление. Чистые все — от нянечек до малышей. Старшие дети намазали ботинки кусочками сала из вчерашнего борща. Оказывается, приедут бездетные тети и дяди выбирать себе сыновей и дочек. Я услышала об этом впервые, и общее волнение захватило меня. После завтрака всех собрали во дворе. Одна девочка от волнения, медленно, как тень, ходила кругами, боясь испачкать одежду и растрепать белые кудряшки на затылке. Младшие дети, сбившись в кучку, выясняли: хорошо или нет, если возьмут на воспитание? Старшие, кому шесть-семь лет, считали, что это хорошо, особенно, если отец будет военный. Из разговоров поняла, что интересуются только красивыми, любят беленьких кудрявых девочек. Мальчиков меньше берут. А больные или с дефектами — вообще никому не нужны. А я какая? Около кухни стояла полуторка. Залезла на подножку кабины и заглянула в зеркальце на длинной ручке. На меня смотрел белобрысый бесенок с грустными голубыми глазами и толстыми губами. Подвижная круглая мордочка, ямочки на щеках. На стриженной голове большие уши заметнее всего. Их называют варениками и частенько используют не по назначению. А вот кудряшек нет.

— Меня не возьмут, — решила я, уныло вздохнув.

Но от этого волнение не уменьшилось. Я не могла и минуты посидеть спокойно. Лезла на турник, качалась на качелях, громче всех орала: «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”».

Незнакомые люди как-то незаметно влились в общую массу народа, заполнившего двор. Я слышала, как воспитатели говорили, что гости любят детей тихих, воспитанных, ласковых. Но меня как черти разбирали. Я волчком носилась по площадке, сшибая все, что попадалось под ноги, падала, обдирала колени. Мой громкий бас слышался отовсюду. Гости удивлялись: «Откуда в таком тщедушном ребенке столько энергии?!» Несмотря на сумасбродное поведение, я успевала замечать все, что происходило вокруг. Видела, как директриса лебезила перед чужими людьми, как с любопытством гости рассматривали детей. Мне очень понравилась одна пара, вернее — дядя-военный. Он был высокий, широкоплечий, не худой и, главное, с добрым лицом. И я всю энергию направила на то, чтобы он меня заметил. Но, увы! Его высокая худенькая жена подошла к девочке-кудряшке и повела с нею разговор.

Нет, я не заплакала. Мне только жаль было, что не попала к военному. Если бы он выбирал, то обязательно взял бы меня. Другой отец мне не нужен. Я медленно побрела с площадки.

На следующий день узнала, что еще выбрали Ваню-якута и что новые родители увезут его на Север, где нет яблок и груш. С Ваней отчего-то случилась истерика. Долго еще слышалось его надрывное:

— Не поеду, боюсь, оставьте меня здесь.

Может, на самом деле где-то там еще хуже?

ВЗРОСЛЕЮ

Меня всегда тянуло к нашим старшим ребятам. Говорили, что им будто уже по двенадцать — тринадцать лет. Они вели совсем другую, чем у нас, дошколят, жизнь. Как-то, указав мне рукой на сидящих вдалеке на лугу больших девочку и мальчика, Витек с каким-то грустным восхищением произнес шепотом, хотя рядом никого не было:

— У них любовь!

Не понимаю смысла этого слова. Разное оно какое-то. И глядя на парочку, спокойно сидящую на траве, я пыталась почувствовать, догадаться, что оно означает в данном случае. Но в голову ничего определенного не приходило. Витя тоже не сумел объяснить: «Любовь — и все. Не детское слово».

Мне не нравится, когда взрослые говорят на нашем языке. Они дразнят маленьких? Или считают глупыми? Сколько себя помню, всегда понимала разговоры взрослых. Конечно, некоторые слова ставили в тупик. Вот как-то говорит молодая бойкая кастелянша шоферу:

— Ты представляешь, он меня матом накрыл!

Я долго размышляю над непонятной фразой. Маты — это большие, очень большие матрацы. Если дядя рассердился на тетю, то, может быть, в наказание и навалил на нее тяжелый матрац. Но где он его мог взять на улице! Ребенок я приставучий и пока не выясню непонятный вопрос, не могу успокоиться. Такой уж характер! За что и влетает часто. Но что такое «любовь» мне никто как следует так и не смог объяснить. Тогда я решила расспросить старших ребят. Но как к ним подступиться? Помог случай.

Старшие часто не ночевали в спальне или рано утром куда-то пропадали. И тогда их постели оставались неприбранными. В этот день неожиданный обход застал всех врасплох. Я быстро заправила постели старших ребят и помчалась на их поиски, лихорадочно размышляя на бегу, где они могут сегодня находиться. Повезло. Нашла одного. А они друг друга вмиг отыскали. В общем, на линейке все стояли на своих местах. Обошлось. Ребята вели себя вольно, но в пределах нормы, так как директриса пригрозила сдать их в другой детдом, а они почему-то этого очень не хотели. В благодарность за мою помощь ребята обещали взять меня с собой ночью в лес. Заснуть я, конечно, не могла. Скрип коек стал мне сигналом. Осторожно вылезли в окно.

Ночь была черная, но глаза быстро привыкли к темноте, и я хорошо видела тропинку, которая вела в глубь леса. Ветви деревьев тянулись ко мне, как ведьмины руки, цеплялись за майку, но я не боялась, а гордилась, что заслужила такое путешествие. Никто из детей, только я!

Добрались до поляны. Оказывается — ночью травы пахнут еще сильнее. А деревья не страшные, а задумчивые и загадочные.

— Не трусишь? — спросил меня старший из ребят — Иван.

— Нет, — с готовностью ответила я.

Это была чистая правда. Мне очень хотелось чем-нибудь доказать свою смелость. Зажгли костер. Красные блики трепетали на лицах. Я не узнавала ребят. Где бесшабашная удаль, где спокойное, даже нагловатое безразличие? Передо мной сидели грустные, молчаливые, незащитные, какие-то усталые и слабые дети. Да, слабые.

Я была шокирована, когда поняла, что в лес они ходят не играть в разбойников, а обсуждать жизненные проблемы. Иван с грустью произнес:

— Скоро меня сдадут в ремесленное, а я даже как читать-писать позабыл. Ничего не умею. Я был глуп, когда соглашался остаться здесь. Хорошо жить на всем готовом. Здесь мы козыри. Но такое не может продолжаться вечно. В четырнадцать лет человек уже взрослый. В городе я буду выглядеть дураком.

Наступила гнетущая тишина. Казалось, что вместе с темнотой она еще больше придавила ребят. Я не выдержала и всхлипнула:

— Я умею читать, хочешь, научу? Это легко.

— Хорошо, — коротко ответил Иван.

— Завтра утром жду вашего решения, — сказал он друзьям.

— А ты знай, у нас не плачут, — строго обратился ко мне Иван.

Я мгновенно высушила слезы руками.

Свои вопросы задать не решилась, тем более что ребята залезли на деревья и продолжали на ветвях начатый разговор. Слышался смех, грубые слова. Видно, мнения разделились. Глядя на них, я тоже решила подобрать себе дерево, на котором было бы много веток снизу. Я еще слишком мала, чтобы ползти по голому стволу. Нашла густую, уютную липу и с удовольствием полезла. Это оказалось не просто. Слабые руки с трудом удерживали меня. Прежде чем залезть на следующую ветку, я пробовала ее на прочность и становилась на нее, только убедившись, что опора надежная. Но чем выше поднималась, тем больший восторг у меня вызывало ощущение высоты. Я не трусиха, я могу! Ребята заметили меня и окружили липу. Это придало мне сил. Иван предупредил, что ветки липы вверху хрупкие и что пора слезать. Но мне захотелось взобраться на самую верхушку. Я уже сама слышала потрескивания под ногами, но какие-то чертики внутри меня гнали разумные советы прочь.

И все же ветка подо мной обломилась и я, как с горки, покатила вниз. Только успела подумать на лету, что надо бы хвататься за ветки, чтобы смягчить удар. Не знаю, чем бы закончилось падение, если бы ребята меня не подхватили. Тело горело от кровавых ссадин и царапин. Но я не заревела. Не могла плакать перед новыми друзьями. Осмотрев меня, Иван засмеялся:

— Кости целы. Скажи себе спасибо, что выбрала липу. На другом дереве могла бы живот запросто вспороть. Хана тебе была бы.

ПОСЕЩЕНИЕ ЦЕРКВИ

Иван предложил мне сбежать с прогулки, чтобы посмотреть церковь. Я, конечно, с радостью согласилась. Спрашивать не стала, что такое церковь. Сама пойму. Иван неразговорчив. И на мой вопрос наверняка ответил бы:

— Глаза есть?

Выждав, когда детвора разбежится по двору, я юркнула в знакомую дыру под забором. Ребята уже ждали, тихо переговариваясь о чем-то своем. Путь лежал через бурьян и овраг с ручьем. Потом, увязая в песке, с трудом поднялись по крутому склону холма. Перед нами на аккуратной ровной площадке появилось красивое белое здание с золотыми куполами, как из сказки.

— Это тебе не наши сараи, — заметив мое восхищение, засмеялся Артем. — Она еще и действующая, — прошептал он.

В эти слова он вложил какой-то непонятный мне, тайный, тревожный смысл. Я затихла. Подобрались к дверям церкви, но не зашли, чего-то выжидая. «Боятся», — подумала я.

Тут послышалась печальная мелодия, от которой у меня защекотало в носу.

— Духовые инструменты, — объяснил Иван.

Когда музыка затихла, тишину нарушил громкий плач женщин. Особенно выделялся один голос, молодой и такой горестный! Слезы застлали мне глаза. Опять зазвучал оркестр. Теперь уже где-то рядом. Я утерла лицо майкой и увидела большую группу людей в темных одеждах.

— Видишь, в гробу офицер. Видно, большой начальник, раз музыку из города прислали. Войну выстоял, а в мирное время умер. Жалко, — прошептал Иван.

Молодой красивый офицер был в кителе с золотыми погонами. Я впервые видела человека в гробу, но не испугалась. Мне казалось, что он просто спит. Навстречу людям из церкви вышел старый мужчина в черных особенных одеждах, с крестом на головном уборе. Он долго говорил о войне, ранах и подвигах.

Мы потихоньку зашли в церковь. Меня удивила торжественная красота внутреннего убранства. Резные деревянные стены — темные и суровые. На нежно-голубом высоком потолке странной формы изображены красивые люди в ярких одеждах. Они как живые с небес смотрели на меня добрыми спокойными глазами. Их хотелось рассматривать бесконечно долго. Но тут мое внимание привлекли темные портреты на стенах. Лица выглядели очень строгими, от них веяло далеким, неживым, печальным.

Я пробралась сквозь толпу туда, где горело много свечей. Все люди, находившиеся в церкви, стояли задумчивые, погруженные в себя. Многие беззвучно плакали. В глубине церкви послышалось пение детей. Мелодия была грустная и одновременно торжественная. Она заставила меня стоять неподвижно. Удивительная музыка не разливалась вширь, не плыла вольно и свободно, как обыкновенная хорошая песня. Она текла в сердце, в голову и поднималась вверх к куполу церкви. Она будила во мне особое, совсем незнакомое чувство благоговейного восторга. Я часто не могу словами выразить свои чувства. Но некоторые слова песнопения, во многом непонятного, подсказывали мне, что я ощущаю в этот момент и как это называется. Слова «благо», «благодостный» врезались мне в память. Я не понимала, что происходит в церкви. Но ее посещение оставило в моем сердце глубокий неизгладимый след.

ОПЕРАЦИЯ НА КЛЮЧИЦЕ

Я заразила всю свою группу лазанием по деревьям. Наибольшим шиком у нас считалось влезть выше всех, упираясь ногами в стволы двух соседних деревьев. Я всегда искала два близко стоящих дерева, которые до самого верха почти не расходились в стороны. Учила девочек выбирать «объекты», а не с дурной головой лезть на любые. «Соображать надо», — говорила я с видом знатока. Ребята не хотели меня слушать. Они были самостоятельными, самонадеянными, даже сумасбродными. Витек тоже оказался менее осмотрительным, чем я. Он всегда безрассудно верил, что непременно легко всего добьется. «Без проблем!» — вот его любимый девиз. Я не сторонница такого поведения. А что я могла поделать? И произошла беда, за которую я еще долго корила себя. В тот день Витек зашел по двум деревьям одновременно. Высоко взобрался. Даже хлипкие верхушки заходили туда-сюда под его тяжестью. Он только убрал одну ногу с первого ствола, как вдруг под второй предательски надломился сук. Секунда — и Витя полетел вниз, лихорадочно цепляясь за шершавый стол. Его счастье, что упал он плечом, а не на спину или голову. Меня там не было, потому что Витек захотел гулять только с ребятами. Я ему никогда не навязывалась. О несчастье узнала уже после, из рассказов.

Своей медсестры у нас в то время не было. Валентина Серафимовна осмотрела сломанную ключицу и сказала: «Зарастет как на собаке. Не в первый раз ломают». В другой группе при мне произошел такой случай. Играя, ребята случайно толкнули слабенького Сашу на железные прутья ограды. Мальчишка тихо заплакал, но никому ничего не сказал. Он был очень терпеливый. Сам одевался со сломанной ключицей и выполнял все, что требовали няни. Позже воспитатели обнаружили, что кость у него срослась не в стык, а в накладку, но решили, что страшного в этом ничего нет. А мы с интересом ощупывали плечо друга и восхищались его мужеством.

Но Витьку не повезло. Ключица никак не хотела срастаться, и он очень маялся. Я тоже переживала, считая себя виноватой. Прошло месяца три. Что-то обеспокоило воспитателей, и они отправили Витьку в больницу. Отвозил его шофер, который на грузовике доставлял нам продукты. Я с ревом умоляла водителя свозить меня к брату Вите. Он долго не соглашался, боясь ответственности. Но я поклялась честным Сталинским и Ленинским, что буду подчиняться всем его приказам и не выдам нашу тайну, пусть хоть меня убьют. Глядя на меня, шофер сам разволновался, пообещал отвезти в больницу и забрать через пару часов, после погрузки продуктов. Не обманул. Я юркнула в ящик, с надписью «макароны» и сидела тихо, как мышонок. А когда выехали за территорию детдома, перелезла в кабину. Сначала дорога шла через лес, потом стали попадаться маленькие деревни. Шофер объяснял мне все, о чем я спрашивала и чего не спрашивала. Видно, ему просто хотелось поговорить. Незаметно подъехали к городу. Я поняла это по тому, что дома встречались разные: в два, три этажа. В больнице шофер передал меня медсестре и попросил отвести к брату Вите. Своих фамилий мы не знали. Но медсестра сразу поняла, к кому я приехала, ласково взяла меня за руку и повела со словами: «Вовремя приехала. Он только начал отходить от наркоза».

Она надела на меня взрослый белый халат, подвернула рукава и, подвязав подол халата на поясе, осмотрела меня с улыбкой. Наверное, я смешно выглядела. От дорожных впечатлений, от ощущения огромного пространства, так поразившего меня, я совсем перестала волноваться и переживать за Витю. И только запах лекарств напомнил, зачем я здесь. Я вдруг представила, что Витя может умереть от операции. Ноги у меня задрожали.

Медсестра первая зашла в чистенькую белую комнатку. На спинках зеленых кроваток висели белые занавески. Зачем? У нас даже на окнах не вешали штор. Медсестра поманила меня пальцем. Я на ватных ногах приблизилась к больному. На белой-белой подушке ярко выделялась рыжая головка. Раньше кожа на лице Вити была белая, а теперь голубоватая, а под глазами темно-синяя. Носик сделался еще острее. А веснушки уже не расплывчатые, как раньше, а с четким рисунком. Бабочка-веснушка на носу, казалось, вот-вот вспорхнет. Медсестра приложила палец к губам, улыбнулась и ушла. Я оглядела комнату. Четыре маленькие кровати, четыре детских стула, четыре тумбочки. Никогда не видела такой красивой комнаты! Белые шторы на окнах задернуты. На тумбочках яблоки, баночки. У Вити тоже яблоки. «Дети угостили», — порадовалась я. Все спали. Я села на стул около кровати Вити и осторожно дотронулась до него. Он не шевелился. Я двумя руками взяла его неподвижную вялую руку, прижала его ладошку к

своей щеке, и беззвучные слезы потекли по ней. Как застонало мое сердце! Лучше бы я лежала вместо него. «Господи, за что ты его наказал за мою глупость? Зачем я научила его лазить по деревьям?»

Вдруг золотистые ресницы вздрогнули. Я вся напряглась и затаила дыхание. Витек с трудом приоткрыл глаза и тут же закрыл. Я поняла, что он живой, и теперь у меня полились слезы радости. «Витек, проснись», — зашептала я с надеждой. Он не просыпался. Я осторожно пальчиком провела по его щеке. Наверное, мое прикосновение разбудило его. Он открыл глаза, узнал меня и даже не удивился, только обрадовался и сразу зашептал:

— Пока я не забыл, слушай, что со мной происходило. Мне тут резали плечо, сверлили кости и железку вставляли, чтобы срослась ключица. Но это не главное. Когда я лег на операционный стол, на лицо мне положили вату с лекарством, чтобы заснул. Потом начались чудеса. Стены и потолок комнаты закачались и поплыли далеко-далеко. Мне показалось, что я вроде бы плаваю в огромном воздушном океане. Вокруг очень яркий свет. Глянул вниз и удивился. Я сам, то есть мое тело лежит, — на операционном столе, и два врача возятся с моим плечом. Я видел, как они сверлят кость, забивают блестящим молоточком металлическую блестящую палочку. Я даже слышал стук молоточка, но все это наблюдал как бы со стороны, сверху, летая. И в то же время я чувствовал боль в плече, но не очень сильную. Помню, как руки врача трогали меня. Ты понимаешь? Как будто меня было — два.

Он так торопился все рассказать, что устал. На лбу и под глазами появились крупные капли пота.

— Тебе плохо, Витек? Может медсестру позвать? — заволновалась я.

— Нет, все хорошо, просто я могу опять заснуть.

Я вздрогнула. Он почувствовал это, так как я продолжала держать его руку, и понял меня.

— Я не умру, это слабость от наркоза, врач перед операцией предупредил, что буду спать долго. Я же дохлый.

Он улыбнулся.

— Мне так плохо одному. Сядь рядом и положи голову на подушку, — попросил Витя.

Я не решилась сесть на кровать, чтобы не потревожить забинтованное плечо, и просто встала на коленки у кровати. Наши щеки соприкоснулись. Рукой я гладила рыжий чубчик. Витя рассказывал о мальчиках, которые угощали его перед операцией. Слова его становились все тише, медленнее, потом потеряли смысл. Он засыпал. Мне неудобно было стоять на коленях, но я боялась пошевелиться и разбудить его. Появилась медсестра. Аккуратно отвела мою занемевшую руку и тихонько вывела из палаты. На улице уже ожидал шофер.

Все обошлось. Воспитатели не заметили моего отсутствия. На душе было тепло и радостно.

КОЛОДЕЦ

У нас во дворе, за сараем, находится колодец. Сруб его старый, трухлявый. Верхние сгнившие бревнышки постепенно выбрасывали, и поэтому колодец сделался совсем низким. Баба Мавра просила достроить сруб, так как ей тяжело наклоняться. Да, видно, руки у директрисы не доходили до него. Но один случай заставил ее заняться срочным ремонтом.

А произошло вот что. Как-то раз искала я за сараем в куче хлама дощечку и разные куски проволоки, чтобы сделать балалайку. Здесь валяются кусочки пороха, обломки ружей, гусеницы танков, стреляные гильзы. Конечно, нам не разрешают ходить сюда. Но все дети стремятся найти себе в этой куче такое, чего нет у других. У меня в тайнике спрятан руль от мотоцикла. Он мой и только мой.

Так вот, я достаточно быстро выбрала подходящую гладкую дощечку и нашла много проволоки разной толщины и цвета. Села в углу двора и старательно прикручиваю «струны», проверяя их на звучание. Если звук не нравился, проволоку выбрасывала и прикрепляла другую. Готова балалайка! Иду хвалиться Витьку. Прохожу мимо колодца. Что-то там шевелится? Присмотрелась. Малявочка. Наверное, забрела за сарай и заблудилась. Я ее понимаю. В три года двор мне представлялся огромным. Я не видела ему конца. Стоило завернуть за угол, как я оказывалась в незнакомом месте. Я очень пугалась и скорее бежала туда, откуда слышались голоса детей.

Приблизилась. О, боже! Девочка копошилась на срубе колодца. Длинная рубашонка мешала ей, не давала поднять ножку на последнее бревно. Ерзая и подпрыгивая, малышка все-таки сумела сесть на него верхом. Ей осталось только вторую ножку подтянуть повыше. Но она застряла в щели между бревнами. Пытаясь ее выдернуть, крошка наклонялась то внутрь колодца, то наружу. От страха ноги у меня стали ватными. Сдавило грудь. Я догадывалась, что девчушка не понимает грозящей ей опасности.

Я бросила балалайку и насколько могла, быстро тяжелыми шагами пошла к колодцу. Вдруг ножка выскользнула из ботиночка, и довольная девочка заерзала, стараясь удобнее сесть на срубе. Меня бросило в жар. Подхожу ближе, а сама тихо говорю:

— Посиди, не крутись, я тебе помогу.

Девочка повернула ко мне головку и перестала вертеться. Я с улыбкой подскочила к ней и сняла со сруба. Потом села тут же на землю и заплакала. Малышка не понимала, почему я плачу. Она влезла ко мне на колени, с удивлением разглядывала мое лицо, тербила волосы. Немного успокоившись, я принялась растолковывать ей, что колодец — страшная яма, в которой живет волк, и что он может съесть ее. Это она поняла и послушно потопала за мной. О случившемся я по секрету рассказала бабе Мавре. Колодец забили досками. Пришлось по воду ходить далеко. Но скоро приехали на грузовике веселые дяди и сделали красивый высокий колодец из цементных колец. А сверху его накрыли тяжелой крышкой.

УМНЫЙ КОТ

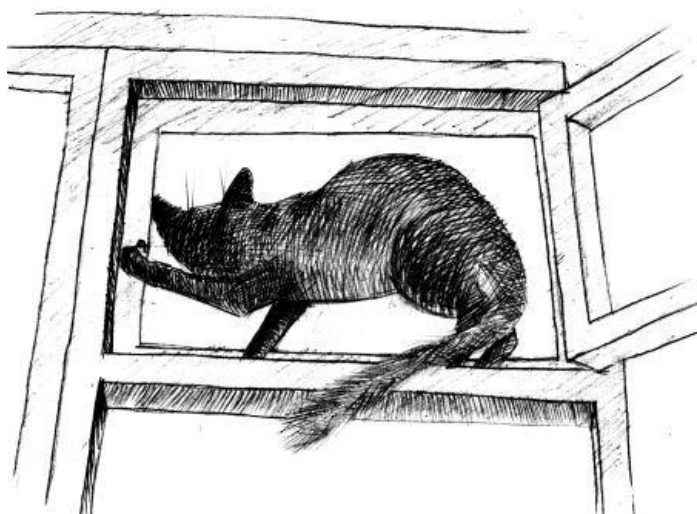
С кошками нам не везло. Все они были глупышки. Брали их уже взрослыми, и приучить к аккуратности не удавалось. Полы мыть приходилось нам, поэтому я с большим удовольствием драила кирпичом некрашенный пол в столовой, чем крашенный в спальне, где пачкали кошки. Ребята ловили грязнуль и тыкали их носами под койки. Животным не нравилось нюхать, но к порядку это не приучало. Мы пожаловались конюху Пантелею Васильевичу. Он, усмехаясь в усы, обещал помочь нам. Положил дед кошек в мешок и повез за двадцать километров от детского дома. Первую выпустил в лесу, а вторую — в селе, надеясь, что она пристанет к какому-нибудь дому. И что же? Через три дня у нас появилась первая кошка, а через неделю — вторая. Каким образом? Дед Панько засмеялся:

— Теперь вам понятно, почему по лесу бегают бродячие собаки, но никогда не увидишь кошку. Ее должен кто-то приласкать, тогда она останется.

Мы приуныли. Дед потерял нас за вихры и снова приказал поймать кошек. Теперь он отвез их в столовую соседнего колхоза, а взамен подарил нам невзрачного серого котенка. Мы дружно взялись за его воспитание. Но маленький Кыс с первых дней стал проявлять свой характер. На руки шел не ко всем. Прежде, чем сесть к кому-то на колени, он внимательно глядел тому человеку в глаза. Если ему что-то не нравилось, уходил. Насильно удержать его никто не мог. Кыс пищал, царапался до тех пор, пока его не отпускали. Меня поражало то, что котенок мог долго выдерживать мой взгляд. Обычно кошки достаточно быстро отводят глаза. Да и другие животные тоже. А с Кысом можно было играть в «гляделки». Удивляло и то, как внимательно следил он за людьми.

Как-то пожарила баба Мавра картофельные котлеты и до обеда решила поставить их в напольный шкаф. Она с трудом наклонилась над низкой полкой, задвинула туда тяжелую миску и, закрыв дверцы, поставила вертушку в положение «закрыто». Кот с интересом следил за каждым движением кухарки. Дождался, когда она уйдет, огляделся по сторонам и направился к шкафу. Встав на задние лапки, он попытался когтями отодвинуть вертушку. Не получилось. Тогда он принялся бить лапкой по концу вертушки. Кыс упорно «трудился» и вертушка повернулась. После этого он когтями подцепил дверцу снизу и потянул на себя. И ведь подцеплял не где зря, а ближе к вертушке, там, где легче открыть!

Мы с Витькой сквозь щель в двери, затаив дыхание, наблюдали за своим любимцем. Наконец, ему удалось открыть дверцу. Что теперь сделала бы глупая кошка? Принялась бы здесь же уплетать. А Кыс? Он потащил котлету из кухни. Только собака уносит кость в будку. Значит, он соображал, что его могут поймать на месте преступления?

А вот еще случай. У нас в коридоре около кухни всегда стоят кастрюльки с молоком, и кошки часто «интересуются» ими, за что получают трепку. Как загремит крышка, так баба Мавра со шваброй — туда. Что делал в этом случае наш умник? Мы с Витей как-то нарочно приоткрыли дверь, зная, что Кыс этим воспользуется. И точно. Проскользнув в

щель, оставленную нами, он медленно подошел к кастрюлям, обнюхал их, потом присел на задние лапы и принялся очень осторожно снимать крышку. Сначала он попытался коготками поднять ее за ручку-петельку, но крышка оказалась тяжелой. Тогда он начал тихонько толкать крышку, перемещая ее по поверхности кастрюли. Нас удивляло старание Кыса. Мы заметили, что, если ему не мешать, он никогда не уйдет, не добившись своего. Вот и тут, сдвинув крышку настолько, чтобы свободно пролезала голова, он принялся с удовольствием лакать. Он не сбрасывал крышку, как это делали другие кошки.

И вдруг осенью наш любимец пропал. Мы искали его повсюду. На четвертый день дед Панько рассказал нам, что рабочие привезли две машины соломы и заполнили ею сарай, где Кыс ловил мышей. Выбраться кот не смог. Три дня орал. Но кто же разрешит таскать солому туда-сюда? Директриса сказала, что если сам не вылезет, туда ему и дорога. Мы знали, что спорить бесполезно. Поплакали, погоревали и получили взамен другую кошку. Но забыть Кыса не могли. К тому же новая кошка раздражала нас своей непроходимой глупостью.

Зимой ребята часто появлялись у злополучного сарая. Он словно магнит притягивал. А с Витей «Светильником-Кипятильником» мы приходили сюда иногда одновременно, хотя заранее не договаривались.

И вот ранней весной, когда уже появилась первая травка на проталинах, я опять столкнулась с другом у сарая. Дверь не запиралась, а закрывалась на палку. Мы приоткрыли ее. Полоса света вычертила дорожку внутри сарая, и мы увидели какое-то странное животное. Оно очень медленно ползло по направлению к двери. Любопытство пересилило страх. Мы с интересом разглядывали маленькое чудище. Голая, почти без шерсти кожа обтягивала тощие ребра, просматривался каждый позвонок. Из узких щелей-глазниц текли слезы и гной. Голова была похожа на кошачью. Одно ухо разорвано. Наконец мы сообразили, что это полудохлое страшилище — наш Кыс!

Витя пулей помчался на кухню за молоком. У кота не было сил лакать. Лизнет бедняга два раза и опустит голову на землю. Еще лизнет, опять отдохнет. Полдня так пил. Через неделю он уже не ползал, а ходил. А через месяц превратился в нормального кота. Удивительная живучесть!

Долго еще радовал нас Кыс своими полетами за воробьями через колодец. Иногда он падал в него. Один раз и мне пришлось вытаскивать любителя деликатесов.

Иду как-то с самодельной балалайкой и с удовольствием бренькаю собственные мотивы. Мое приятное занятие прервал надрывный кошачий визг со странным эхом. Я все сразу поняла. Заглянула в темную глубину колодца и увидела в слабых отблесках света, как бедный Кыс бултыхается, пытаясь дотянуться до маленького выступа на стыке двух колец. Но, даже ухватившись за него, он ненадолго зависал над водой, истошно вопя. То ли сил не хватало, то ли когти не могли вонзиться в цемент, но наш любимчик снова и снова оказывался в воде. Конечно, смотреть, как мучается Кыс, нехорошо. Но я не могла оторвать восхищенного взгляда от нашего мужественного питомца.

Я быстро опустила ведро на веревке и вытащила горе-охотника. У него был облезлый, замученный вид. Он дрожал от холода. Ведь летом ключевая вода в колодце оставалась ледяной. Кыс безропотно полез ко мне под майку. Сообщив бабе Мавре о необходимости чистить колодец, понесла кота к ребятам.

Удивительно, не было случая, чтобы Кыс своровал в деревне цыпленка или утенка, чем постоянно «баловались» другие наши кошки.

ОПЕРАЦИОННАЯ

Лежу в постели. Голова тяжелая, веки с трудом поднимаются. Около моей кровати стоит группа взрослых в белых халатах. На постель ко мне присел седой толстячок в очках и с розовым лицом. Он трогает мой лоб и, потирая короткие пухлые руки, со вздохом говорит: «Грипп, ничего не поделаешь. Осенний грипп». Мне понравилось, что доктор похож на Айболита. Больше ничего не помню.

Очнулась. Лежу в коридоре. На другом топчане, прикасаясь ко мне золотистой головкой, спит Витек и держится за мою рубашку. Оказывается, когда в палате освободилось одно место, врач приказала перевести туда из коридора самого слабого больного. Меня хотели забрать, но Витек вцепился в мою одежду мертвой хваткой. Медсестра не стала волновать беспокойного мальчика, и отвела в палату другого ребенка. А Витек за всю ночь так и не отпустил мою рубашку. Из нашего детдома мы с Витьком были самые тяжелые больные. Все боялись, что не выживем. Но Бог оказался к нам милостив, и мы стали выздоравливать.

Как только Витьку полегчало, он начал бегать по больнице и уже через пару дней знал, что где происходит. Я пыталась ходить, держась за стенку. Ноги дрожали, голова кружилась. Витек старательно кормил меня молочным киселем с ложечки, так как мои руки не удерживали тарелку. Ему очень хотелось быстрее повести меня в операционную.

И вот Витек восторженно сообщил, что сегодня дяде будут отпиливать больную ногу, чтобы он не умер. Пропустить такое событие мой друг не мог. Я не испытывала бурного желания смотреть на страдания человека, но Витя настойчиво потащил меня. Мы притаились в коридоре за шкафом. Выждали, пока врач и медсестра зашли в комнату, на двери которой был приклеен пожелтевший листок бумаги со словами, написанными размашистым неровным почерком: «Операционная. Не входить».

— Чего ждем? Давай, поскорее глянем да уйдем, — зашептала я.

— Затаись! Нельзя, они должны подготовить инструменты и больного. Я уже тут все знаю. Потерпи, — попросил Витя.

Наконец, он поманил меня пальцем и подал команду «внимание». Витя осторожно приоткрыл дверь, и я заглянула в щель. Вижу: перед глазами маленькая комнатка. На единственной кровати спит мужчина в белом. Одна его нога лежит на постели, а другая — на табуретке, покрытой белым полотенцем. Доктор, опершись коленом на ту же табуретку, обыкновенной пилой, какой отпиливают железки, отрезает дяде ногу. Занятие это, видно, трудное. По лбу и щекам доктора течет пот. Лицо красное, напряженное. В очках, надетых на кончик носа, с выбившимися из-под синей шапочки волосами, он очень напоминал мастерового, точильщика ножей, который приходил к нам в детдом. Простыня, полотенце и руки доктора — в крови. Наверное, я была еще слишком больная, как сказал Витек, «совсем тормозная», но на меня, происходившее в палате, не произвело никакого впечатления. Я не понимала, как может больной спать, когда ему отнимают ногу? Как можно пилить человека обыкновенной, даже не блестящей пилой? И что это за операционная, если в нее можно зайти сразу из коридора, да еще кому угодно? Я представляла, что операция — это большая тайна и проходить она должна в светлом, белом дворце, где все инструменты и кровати блестят при большом количестве ламп. И еще в операционной должна быть очень тихая, но торжественно-грустная музыка. А здесь тесная комнатка, где врачу и медсестре повернуться негде. А эта серая ужасная пила!? Я потихоньку побрела к топчану.

Принесли молочный кисель. Я машинально ела. Перед глазами торчала окровавленная нога спящего человека. Она меня не беспокоила. Мне было все безразлично. Но с тех пор не могу есть молочный кисель.

ЛЫЖИ

Зима. Откуда-то в детдоме появились лыжи, и мы жили ожиданием праздника. Лыжи были старые, краска с них вся сползла. Но нас такие мелочи не волновали. Мы получили маленькие лыжи с веревочными петлями для валенок, а старшие дети — большие, с настоящими креплениями из ремешков. Еще им дали палки. Я не понимала, почему большим они нужны, а маленьким — нет. Казалось бы — наоборот. Непонимание злило, тем более, что идти по глубокому снегу было тяжело, и я чувствовала, что палки мне не помешали бы. С трудом волоку лыжи и сердито поругиваю воспитателей. Витек успокаивает:

— Медсестра сказала, что палками на горке мы себе глаза выколем. К тому же без них мы будем вырабатывать ко-ор-ди-на-цию.

Заучивая интересное слово, я отвлеклась.

Погода стояла серая, пасмурная. Тяжелое небо висело низко. Тучи цеплялись за горизонт. Пальтишко досталось мне короткое, тесное в плечах. На нем осталось всего две пуговицы. Холодный боковой ветер пронизывал меня насквозь. В петельки лыж попадали только кончики носков валенок, и они беспрерывно выскакивали. К тому же мои валенки были высокие, широкие и жесткие. В один я могла бы залезть обеими ногами.

Неожиданно начался спуск. Он был не крутой, но я упала в числе первых. С трудом поднялась. Притоптала место, чтобы сесть. Выгребла снег из огромных бахил и обернула ноги влажными портянками. Попробовала натянуть шаровары поверх валенок, чтобы не засыпался снег. Не вышло. Узкие.

Попытка продолжить спуск закончилась тем, что одна лыжа укатилась под гору. Надо мной никто не смеялся. Некому было. Все барахтались как слепые котят. Мне не повезло больше всех. Предчувствуя наказание, понуро отправилась вниз. Я ничего не видела и не слышала. Утерянная лыжа затмила все. Вдруг мимо проехал Витек. Он тоже упал, но продолжал катиться лежа на лыжах. Причем, похоже, это ему очень нравилось. Я решила сделать то же самое на одной лыже. Получилось. Кое-как съехала и сразу начала поиски. На мое счастье легкая лыжа умчалась далеко, и дети не закопали ее в глубоком снегу. Я ее видела, и это придавало силы.

Снега в низине было еще больше. Увязая по пояс, я не шла, а ползла, перекатываясь с боку на бок. От этого в голове закружилось, все поплыло перед глазами. Полежала. Потерла замерзшие руки и снова двинулась в путь. Вдруг пошел сильный снег. Он сплошной стеной отделил меня от ребят. Доносились лишь сильно приглушенные голоса. Стало не по себе. «Если не буду слышать крики ребят, — заблужусь», — подумала я.

Осмотрелась. Абсолютно незнакомое место. Все одинаково белое. Засыпаны приметные летом кустики, бугорки, тропинки. Безмолвие. Я и снег. Оглянулась назад. Снег еще не скрыл развороченную мною белую гладь. Надо поскорее добраться до лыжи, пока она еще видна. Найду! Я запомнила место ее остановки: сломанное дерево.

Начали попадаться кусты и маленькие деревца. Ползти легче, когда есть за что цепляться. Измучилась. Наконец, злосчастная лыжа у меня. Залезла на поваленное дерево, а потом с него перебралась на лыжи. Ехала очень осторожно, чтобы не потерять равновесие. Вот и горка. Только Витя заметил мое отсутствие. Он успел несколько раз скатиться и уже не падал, о чем с гордостью тут же рассказал. Но, увидев, как я измучена и не в силах разделить его радость, добавил:

— Я все время искал глазами твою шапку.

Он взял мои лыжи, и мы пошли наверх. Кататься в этот день больше не хотелось. Руки красные, пальцы не сгибаются. Не хватало сил вытряхивать снег из валенок и рукавов. По спине сбегали ручейки таящего за воротником снега. Стою, ожидаю друга, осматриваю окрестности. Понемногу узнаю место, где находимся. Надо же! Это мой враг! А за теми деревьями должна быть церковь. Но почему-то летом все это находилось близко, а зимой, — словно где-то в неоглядной дали.

Снег все усиливался. Мне казалось, что я маленькая льдинка из красивого узора какой-то снежинки.

ЕЛКА

Выглянула утром в оттаянный кружочек окна. Красота! Деревья в праздничных кружевах. Вот бы нам, девчонкам, такие искристые наряды! Все сразу превратились бы в принцесс! Идея! Сегодня будем вырезать платья бумажным куклам. У меня получится самое красивое, пушистое, кружевное. Можно и себе сделать такое же. Но кто же даст столько бумаги? У нас только наказаний много дают. Ну, и ладно.

Все равно здорово, что красотища на улице. Настроение бодрое. Захотелось танцевать. Кружусь, пытаюсь делать плавные движения своими корявыми тощими руками. Двигаюсь с закрытыми глазами, представляю огромный зал с высоким потолком, какой видела в церкви. Только стены белые-белые и искрятся, как чистейший снег. Я — в длинном великолепном серебристо-белом платье танцую под чудную, удивительную музыку, которая появляется у меня в голове вместе с кружением. Блаженство! В этот момент вокруг ничего не существует. Только я и красота! Упоительное наслаждение в медленном кружении!

Подзатыльник — и я лечу носом на пол. Вмиг вернулась в реальный мир. Нос у меня слабый. Пришлось бежать в соседнюю комнату.

— Злюка. Испортила настроение. Ну и черт с тобой. Ты от этого счастливей не станешь, ВЭЭС-ка чертова. Бог тебя накажет когда-нибудь, — бурчала я, умываясь.

Бумажным принцессам платья мы все-таки после обеда вырезали с няней! А еще сегодня во двор принесли большую пушистую сосну!

— Елку воспитатели себе будут ставить. Новый год скоро, праздник главный. Пить будут, и есть вкусную еду, — разнеслось по всему детдому.

Мне было непонятно, зачем тащить елку из леса в дом. Решила выяснить. Вечером, когда все легли спать, выбралась из постели и отправилась в ту комнату, куда отнесли сосну. Тихонько приоткрыла дверь. Темень непроглядная, и только в глубине слабое мерцание множества огоньков. Откуда они? Захотела приблизиться, но почему-то напал страх. Сердце сжалось и застучало быстро-быстро. Машинально отступила в пустой коридор. Успокоилась и опять маленькими шажками двинулась к незнакомым огонькам. Когда оказалась в двух шагах от елки, глаза уже привыкли к темноте, и я разглядела игрушки. Никогда не видела украшенной елки. Она была восхитительна! Я осторожно протягивала руку то к одной игрушке, то к другой, гладила их. Так вот откуда маленькие огоньки! Из окна на шарики падает слабый свет луны. Облака то набегают на нее, то открывают снова. А еще на улице сильный ветер. Из форточки доходит его слабое дыхание. Оно и раскачивает игрушки. Особенно меня поразил крошечный розовый чайничек. Он был как настоящий: с носиком, ручкой, крышечкой, только изящный и очень хрупкий. Рисунок на нем искрился, как снег. «Боже мой, какая прелесть! Наверно, это подарок сказочной феи», — мечтательно подумала я.

Вдруг, кроме запаха смолы, я почувствовала знакомый, приятный, редкий запах.

— Конфеты, — догадалась я. — Надо же! На елке бывают конфеты!

Попыталась найти их. При этом сильно наклонилась и потеряла равновесие. Чтобы не упасть, осторожно взялась за ветку. Но елка зашуршала, игрушки зазвенели, как нежные колокольчики. Я оцепенела. В следующее мгновение кто-то прыгнул мне под ноги и помчался к двери. Я сначала испугалась. Но, когда столбняк прошел, спокойно рассудила:

— Если здесь кто-то и был, так его уже нет. Главное, что это не воспитательница.

Потихонечку выбралась из комнаты и нырнула в постель. Утром выложила свои восторги Витьку, и мы решили вместе заглянуть в запретную комнату днем, чтобы лучше все рассмотреть. Но после завтрака нас ожидало «повальное» наказание. Воспитатели выясняли, кто украл конфеты с елки. Все дети единодушно утверждали, что конфет не брали. Слава богу, малявочек на этот раз не тронули. А мы мужественно выдержали порку.

— Вот гады, — злились мы, — даже в праздник им нейдет!

И все же Витек не захотел отменять своего решения увидеть елку. После обеда я встала на страже, а он вошел в комнату. Мне показалось, что я ожидала друга целую вечность. Вернулся он в сильном возбуждении. Я поняла, что это не восторг от красоты.

— Ты знаешь, там Кыс конфеты прямо с елки ест, — прошептал он. — Я закрыл дверь, чтобы он не сбежал. Пойдем к тете Маше, спросим, что дальше делать?

Но она не пошла одна, а взяла с собой воспитательницу, вроде бы посмотреть, хватит ли конфет и печенья на елке. Когда они вошли в комнату, то опешили. Кыс висел на гирлянде и старательно грыз конфету. Они хотели его прогнать. Но он сам сообразил, что попался, и соскочил с елки. Но задняя лапа когтем зацепилась за бусы. От резкого толчка елка рухнула на пол. Звон разбитого стекла! Слезы воспитательницы! Ужас!

Елку конюх прибил гвоздями к полу. Разбитые игрушки убрали. В общем, к Новому году успели. Витек сказал ребятам уверенно:

— Это их Кыс наказал за то, что они детям елку не показывают.

А кот пропал в тот вечер. Но через месяц он объявился к всеобщей радости детей. Ребята не считали его виновником порки. Да и к тому же о ней давно забыли. Зато все помнили рассказ Витька о том, что Кыс не ел конфеты с бумажками, а сначала разворачивал их передними лапками, стоя на задних. И на ветках оставались висеть фантики.

ПРОДЕЛКИ КЫСА

Для меня зима прекрасна тем, что в это время я получаю новые особенные ощущения. Но они редки, потому что нас не любят выводить гулять. Мы почти не вылезаем из корпуса. Сидим на подоконниках, оттаиваем «окошки», разглядываем узоры на стеклах. Конечно, таких, как я с Витьком, не удержит никакой мороз. Прощмыгнув мимо няни, мы выскакиваем на крыльцо, хватаем охапку снега и тащим в спальню, чтобы все могли насладиться ощущением холода, разглядеть снежинки. Влетало, конечно, за мокрый пол. Ничего. Можно и потерпеть ради такого удовольствия. Случалось поваляться в снегу, полизать по очереди великолепную сосульку. Не без того, чтобы покашлять после этого.

К холодам у нас всегда утепляют все двери. А после проветривания форточки закрывают на крючки. Но этой зимой по утрам у нас в спальне часто бывало очень холодно. Даже изморозь появлялась на полу. Я сплю у окна. Ночью холода не чувствую, так как сворачиваюсь клубком и укрываюсь с головой. Вот раз утром высовываю ноги из-под одеяла, касаюсь железной спинки кровати и отдергиваю как обожженные. В чем дело? Осторожно слезаю с постели, ставлю ноги на пол. Ледяной. Бросаю взгляд на дверь — закрыта, на форточку — нараспашку. Поскорее закрыла ее, чтобы хоть немного нагрелась комната, пока ребятам не встали. Да и самой не помешает согреться. Когда ныряешь в снег на минутку — это одно, а если из теплой постели в холодную комнату вылезает — это совсем другое. Ни малейшего удовольствия.

На следующий день все повторилось. Форточка около моей кровати опять утром оказалась открытой. Что такое, что за привидение появилось? Дети не станут открывать. Воспитатели тоже тепло любят. Загадка. Случалось это не каждую ночь, но часто.

Вскоре все разъяснилось. Кухарка баба Мавра сердилась на Кыса за то, что он не желал, как другие кошки, ночевать в сарае.

— Благородный, голубых кровей, — бурчала она, открывая ночью дверь настойчивому коту.

Сначала он просил открыть дверь требовательным мяуканьем. Баба Мавра впускала и награждала кота валенком по спине. Но не нравился валенок Кысу. Он подглядел, как на кухню приходят дети. Дверь они открыть не могут — тяжелая, поэтому дотягиваются до железной щеколды с длинной ручкой и начинают ею греметь, пока им не откроют дверь. То же самое делали чужие взрослые, прося разрешения войти. Так вот, хитрый Кыс перестал мяукать и научился вспрыгивать на ручку и соскакивать с нее. Щеколда

громыхала, как будто ее трогал человек. Баба Мавра открывала дверь без валенка. Чтобы Кыс не поднимал ее ночью, она попыталась оставлять его в корпусе. Вот тут-то и началось наше «вымораживание». Будучи аккуратным котом, Кыс не мог позволить себе пачкать в помещении. Вот он и облюбывал мое окно. Видно, оно легче других открывалось. Решила я проверить предположение кухарки. Первую ночь укараулить не удалось. Заснула. На вторую опять задремала. Проснулась оттого, что Кыс прыгнул мне на ноги. Я замерла в ожидании неопровержимых доказательств. Кот вскочил на подоконник, подпрыгнул, вонзил когти одной лапы в раму, а другой принялся бить по крючку снизу. Не сразу у него получилось. Он сваливался, опять залезал, но своего добился. Отдохнул. И опять завис, пытаясь подцепить форточку когтями. Она неплотно прилегала. Кыс ее быстро открыл. Со второй форточкой ему было проще, так как он удобно оседлал первую раму. Процедура повторилась. Несколько минут — и кот на снегу.

Загадка была разгадана. Лаз заколотили гвоздями. Баба Мавра снова попробовала замкнуть Кыса в сарае, но он всю ночь оглашал округу своим пронзительным требовательным криком. Выбрасывать кота не хотелось, так как он единственный хорошо воевал с крысами. И придумали мы на ночь отдавать любимца в сторожку. Там тепло, и ночью сторож часто выходит на улицу. Преданный Кыс каждое утро возвращался домой.

ВСТРЕЧА С ЛОСЯМИ

Однажды решили мы с Витей сходить в лес. Но верхняя одежда хранилась у кастелянши. Ее не хватало на всех детей, поэтому зимой нас выпускали гулять по очереди. Раздобыть одежду взялся Витя. Когда в кладовке одевалась младшая группа, он прошмыгнул и потихоньку утащил два комплекта. Мы спрятали ее под матрацами и, выждав солнечную погоду, сбежали.

Сегодня солнце не просто яркое. Оно ослепительное и немного режет глаза. Мы щуримся, подставляя рожицы теплым лучам. Обычно зимой небо белесое, но сейчас оно голубое, сияющее, как будто его хорошо вымыли к празднику. Ни облачка на нем.

Неподвижные деревья застыли в жемчужных одеждах, не желая стряхивать с себя удивительную красоту. Каждая веточка березы — тончайшая, искристая серебристая подвеска. Даже огромные мощные дубы в хрустальных одеяниях изящные, царственные.

Проходим мимо барской аллеи. Ряды тополей — стройные офицеры в великолепных белых праздничных мундирах, готовые к встрече важных гостей. Чудесный мастер-мороз хорошо поработал этой ночью.

Сразу за нашими домами снег нетронутый, чистый. Вблизи каждая снежинка светится множеством разноцветных нежных оттенков. Искорки переливаются бледно-розовым, голубым, желтым. И непонятно, почему издали снег просто белый, а на склонах и в ямках — голубоватый. Мы шли по санной дороге. Так легче. В лесу слишком глубокий снег.

Вдыхаем запах хвои. Оглядываем все вокруг. Перед нами группа высоких сосен, весь снег под которыми усыпан разлущенными шишками и шелухой. Мой друг приложил палец к губам и замер. Я осмотрелась, но ничего интересного не увидела. Витек похлопал себя по оттопыренным ушам, на которых висела шапка-ушанка. Я прислушалась. Равномерный стук раздавался сверху. Витек восторженно зашептал:

— Я как увидел шишки под елкой, обрадовался. Значит, тут дятел живет. Гляди, вон там, выше смотри.

Наконец я увидела. Опершись хвостом и лапками о ствол сосны, дятел деловито стучал клювом. Его красная шапочка мелькала в такт ударам. Он был так занят шишкой, что не обратил на нас внимания. Я смогла хорошенько его разглядеть. Его темное, почти черное оперение достаточно четко выделялось на рыжем стволе. Летом птиц много. А зимой радуешься каждой. Воробьев и желтогрудых синичек вокруг детдома полно. Но дятел — большое событие.

— Витек, ты в лес меня позвал, чтобы показать дятла? — спросила я.

— Нет, деревенские ребята говорили, что огромный лось часто выходит на эту дорогу. Не боишься? — засмеялся Витя.

— Лось не волк, — успокоила я друга.

Мы шли достаточно долго, но лось не появлялся. Решили вернуться. Идем, беззаботно болтаем, рассматриваем на снегу следы птиц и мышей. Тут Витек заметил в глубине леса красный куст. Что это? Сошли с дороги и по колени в снегу приблизились к красивому кусту. Барбарис! В этом году он поздно созрел и не успел осыпаться. Я всегда объедалась приятной кислятиной, которая росла у нас за сараем. Ягоды никогда не успевали созреть, так как желающих полакомиться было слишком много. Обрывали барбарис, как только он начинал краснеть. А тут — огромный куст! Мы с Витей сначала наперегонки срывали кисточки с рубиновыми, сочными морожеными ягодами, обсасывали их, сплевывая косточки. Потом стали есть спокойно. Никто же не перехватит, не отнимет! Мы смеялись, глядя на наши залитые соком рожицы. Вкуснее ягод я никогда не ела! Но какими бы сладкими они нам ни казались, одолеть весь куст так и не смогли, — сделалось кисло в животе. Наполнив карманы кисточками ягод для ребят и умыв снегом лицо и руки, отправились домой. Но не успели пройти и несколько шагов, как мимо промчалась лосиха. Она своим телом прикрывала малыша и оттесняла его в кусты. Наверно, это была молодая мамаша. Ее изящная головка с тревожными глазами вытянута вперед. А ноги! Какая грация! Ни одного лишнего движения. Не бег — полет.

От этой красоты у меня под сердцем появилось теплое, радостно-тревожное ощущение восторга. Я люблю это чувство. Оно приблизительно такое, какое бывает, когда идешь по влажной упругой земле и ощущаешь себя травой. В каждом случае ощущения разные, но всегда приятные.

Вдруг Витя замер на месте с открытым ртом, и я увидела шагах в пятидесяти от нас лося: огромный, великолепный, с гордо поднятой головой, мощными рогами. Благородный красавец-лось переходил дорогу, а мы помешали ему. Но он не побежал, как лосиха. Он только остановился и замер. Ни страха, ни волнения во внешности гиганта, только огромное чувство собственного достоинства, уверенность, царственное спокойствие. Постоял пару минут и, не спеша, продолжил свой путь. Даже не повернул голову в нашу сторону. Не удостоил. Зачарованные, мы еще некоторое время стояли молча. Мои ноги не двигались, только немного дрожали. Не от страха, от радостного возбуждения.

Всю дорогу до дома мы молчали, боясь растерять свое маленькое, хрупкое ощущение счастья.

МЕТЕЛЬ

Услышали мы, что деревенские ребята сделали огромную ледяную горку и что каждый вечер там царит великое веселье. Иван решил с друзьями сделать для нас такую же. Но директриса не позволила:

— Замучаешься детвору одевать-раздевать. Все станут проситься гулять, и не будет никакого порядка. Нет горки, нет и забот.

Мы позлились, погрустили и занялись обычными играми. Но Витек никак не мог успокоиться. Желание попасть на горку будоражило его. Он даже спать спокойно не мог. И как-то вечером предложил мне сбежать с ним:

— Одному, понимаешь, не так интересно. Но, если узнают, конечно, врежут по первое число. Решай сама. Одежду достану.

Я сразу согласилась.

Выждали солнечную погоду и после обеда отправились в путь. До деревни полтора километра. Ни ветерка. По обе стороны санной дороги искрится нетронутый снег. После небольшой оттепели он покрыт тонкой хрустящей коркой — настом. Морозец легкий. Мы даже у своих солдатских ушанок не развязали уши. Витек орал песни. Его распирало от ощущения свободы. Он всегда томился в переполненном детдоме-муравейнике. А на большом пространстве вел себя, как одурманенный весной теленок: метался, взбрыкивал, кричал. Я с удовольствием смотрела на своего сумасбродного друга. Он подбрасывал шапку к небу, кувыркался. А намаявшись, падал в снег, раскинув руки, ноги и зачарованно, восторженно смотрел в небо.

— Хватит дурачиться. Пошли, — тянула я за рукав Витю.

На горке было еще мало ребят. Кто уроки учил, кто по дому помогал. Только несколько дошколят, таких как мы, деловито возились, помогая друг другу взобраться на горку.

— Чур, я первый съеду. Надо проверить, нет ли трамплина, — заявил Витек.

Для начала он съехал сидя, ногами вперед. Сломанная ключица сделала его осторожным. Вернулся довольный. Эта горка — для нас. А кому охота смелость показать — рядом другая, с двумя трамплинами.

Ребят все прибавлялось. Шум, смех. Если ехал мальчишка постарше, на него, как снопы, падали младшие ребята. И вся куча мала с восторженным визгом неслась вниз. Кто-то потерял шапку в суматохе, с кого-то слетел валенок. Не беда! Вытряхнул снег и бегом наверх — за новыми радостями! Каждый раз катимся по-другому, по особенному. Домашние ребята дали нам свои соломенные ледышки. (Это самодельные санки. В таз с водой кладут солому и замораживают. Потом, чтобы ледышка легко выскочила из таза, его ставят на горячую печку. Снизу — гладкая ледышка, сверху — солома для тепла. Хорошо придумали!)

Ехать на ледышке по первому разу немного страшновато. Она несется по ледяной горке с огромной скоростью, и затормозить ее ногами не удастся. Дух захватывает, ветер свистит в ушах. Здорово!

Катаемся то сидя, то лежа. А некоторые ребята пытаются стоя сохранить равновесие. Бесполезно! Запыхавшись после очередного подъема, я остановилась отдохнуть и вдруг заметила, что все вокруг посерело. Значит, пора на ужин идти.

— Может, проводить вас, — предложили деревенские. — Вон, какая туча идет. Снеговая.

— Спасибо, сами дойдем. За вас волноваться будут. А нам не привыкать, — бойко ответил Витек.

И мы заторопились, так как небольшая тучка на горизонте разрасталась неожиданно быстро, как летом, и, надвигаясь, заслоняла горизонт со стороны детдома. Откуда-то налетел ветер. Сначала он понес по дороге снежную пыль. А через несколько минут посыпались крупные пушистые хлопья. Я встретила их с восторгом. Кружась, ловила

снежинки, подставляла им разгоряченное лицо. Но Витек прервал мой танец беспокойным криком:

— Смотри, вокруг сплошное молоко. Ни деревни, ни детдома! Куда идти? Санная дорога уже не видна.

Я испуганно спросила:

— Что же делать?

— Стой на месте и все время кричи, а я попробую найти дорогу, которую проделали машины осенью по грязи. Она приведет нас домой. Колею, если она даже заметена, все равно по мягкому снегу можно отыскать. Она глубокая.

Витек стал ходить кругами, удаляясь все дальше. Ветер усиливался, и мой крик не всегда доходил до него. Вскоре он вернулся ни с чем.

— Может, мне поискать? — предложила я.

— Ты что, не доверяешь мне? Я же за тебя отвечаю! — рассердился мой друг.

— Не злись. Мы должны помогать друг другу, — успокоила я взволнованного Витька.

Он опять решительно нырнул в белую неизвестность. Я не послушалась Витю и принялась сама шаг за шагом приминать снег, надеясь споткнуться о край колеи. Но мне тоже не повезло. Я уже начала подумывать о том, что мы можем замерзнуть здесь насмерть. Забылась в грустных мыслях и перестала кричать. Радостный вопль Витька донесся издали. Побежала на голос. Но вихри ветра доносили звук то с одной, то с другой стороны. Села на снег и стала прислушиваться, ловить моменты, когда порывы ветра чуть затихали. Наконец, я нашла друга. Теперь осталось решить в какую сторону идти по колее. Сначала надеялись, что если свет в хатах зажгут, то он пробьется через пелену снега. Но со всех сторон нас продолжала окружать плотная белая стена. Пошли наугад. Сильный боковой ветер валил с ног. Пурга хлестала по лицу. Снег залеплял глаза. Каждый шаг давался с трудом. Мы попробовали встать на четвереньки. Оказалось, что ползти на коленях при таком ветре легче. Мы смеялись, глядя друг на друга.

— А ты неуклюжая собака, — шутил Витек.

— Расскажем ребятам о нашем приключении?

— Конечно. У них там скучища, — подтвердил мой друг.

Не знаю, как долго мы передвигались таким образом. Вдруг колея закончилась. Витек заволновался:

— Стой на месте.

— Не уходи, потеряемся. Давай немного отдохнем, — попросила я.

Обжигающий ветер завыл-застонал еще сильнее. Теперь голос Вити я могла услышать, только когда мы стояли вплотную. Мы сели рядом в снег спиной к ветру. Не сгибающимися красными пальцами Витек завязал мне ушки шапки на подбородке, потому что я начала замерзать.

— Главное, не скули, — подбадривал Витек, — тогда никакой мороз не страшен. Не бойся. Я что-нибудь придумаю.

Но в голосе его не было уверенности. Мои ноги ничего не чувствовали. Снег на лице уже не таял. Мороз лютовал. Тело стыло на ветру. Я обрастала «бородой». На меня напало полное безразличие ко всему. Не было сил двигаться. Хотелось спать. Нас засыпало снегом. Не знаю, сколько времени прошло. Вдруг где-то поблизости раздался треск. Витек очнулся от полудремы и закричал радостно:

— Это, наверное, наша тополиная аллея. Мы спасены!

И правда. В нескольких шагах от нас валялась только что сломанная ветром огромная ветка. Без труда мы нашли деревья. Силы, словно по волшебству, вернулись ко мне. Мы

быстро добрались до детдома, проникли в спальню и сбросили одежду.

Наши бурные восторги излить было некому, так как ребята уже засыпали, и трогать их, конечно, не стоило. Мы переглянулись с Витьком: «Ну что ж, пусть сегодняшние беды и радости останутся с нами».

ПЕРВЫЙ ПОДСНЕЖНИК

Март. Яркий солнечный день. В воздухе неуловимое ощущение весны. Может потому, что ветерок нежнее или запахи чуть острее, четче? Зимой природных ароматов почти нет. Все спит. Подставляю лицо теплым лучам. Поглощаю их ненасытно. Дышу глубоко. От этого появляется бодрость и радостное, восторженное настроение.

Над порогом поднимается белый пар. Это не струящийся прозрачный, как в мае, воздух, а настоящий пар, ощутимый, видимый, как дым. Крыши, где сошел снег, подсыхают на солнце. А льду под сараями еще долго таять, потому что лучи солнца еще не посещают эти укромные места. Иду по склону нашей любимой маленькой горки. Еще совсем недавно мы с визгом спускались по ней на штанах, коленках, валенках, а сейчас ее не узнать. Снег рыхлый, серый, с проталинками. Вдоль протоптанной дорожки струится тоненький ручеек. Он огибает каждый камешек, ледышку, травинку, отчего бугрист, неровен в своем течении. То ли оттого, что он бежит под уклон или слишком извилист его путь, он тихонечко журчит, бурчит, недовольный своей трудной дорогой. Вода собирается у камня-плотины, а потом с большой скоростью прорывается сквозь промоину — узкую щель в ледяном наслоении. Нагретая в проталинах земля пахнет сыростью, зеленой травкой, протискивающей свои слабые ростки сквозь прошлогоднюю листву, ветки...

Вдруг я оторопела от неожиданности. Боже, какая прелесть! На черной проталине, с ладошку размером, росло нежное, хрупкое, как бы хрустальное создание. У меня даже дыхание перехватило от восторга. Живое ли оно? Притронулась к ярко-зеленым, плотным длинным листочкам. Голубая очаровательная головка подснежника слегка качнулась. Кивнула мне ласково. Я встала коленками на хрустящий снег, приблизила лицо к первенцу весны, пытаюсь почувствовать его аромат. Но только тонкий запах свежей зелени поднимался от земли. Яркие лучи солнца делали края лепестков полупрозрачными, что придавало им еще большую хрупкость. Хрустальным казался мне цветок оттого, что вокруг лежал снег и лед.

Сию возле бесценной находки, и мир в эту минуту мне кажется прекрасным. И хочется, чтобы чудо никогда не кончалось.

Бедный, ему, наверное, холодно! Я прикрыла цветок своими ладонями, надеясь согреть его. Но он как-то потух, загрустил, спрятанный от ярких лучей. Он стал темно-синим. Вокруг цветка появилась голубовато-белая тонкая полоска, окаймляющая контуры лепестков. Такую же я иногда вижу у людей. Вот, бывало, стоит человек, а вокруг его головы и рук полупрозрачный дымчатый ореол шириной в два-три пальца. Как бы сохраняющая его оболочка. А где одежда — там нет ее. Не часто такое вижу. То ли от погоды это зависит, то ли от моего настроения? А может, такие особенные люди редко встречаются.

А вот сейчас вижу странное свечение вокруг цветка. Оно бережет его от холода? А может, сам цветок излучает этот нежный свет? При ярком солнце оболочка не видна.

Витек зовет. Отозвалась. Он подскочил радостный.

— Баба Мавра сказала, что тебя выпустили немного погулять. А ну вставай со снега! Опять заболеть хочешь? — сердито сказал он.

Я засмеялась:

— Витек, ты смешной, когда строгий.

Он не обиделся.

— Посмотри сюда, Витя, — позвала я друга.

Он с любопытством разглядывал мое сокровище.

— Надо же! Какая красота растет среди грязного снега. Давай сорвем и нашим отнесем?

— Не надо. Пусть это будет только наша радость, наш секрет, — предложила я.

— Нет, — решительно ответил Витя. — Позову всех. Пусть посмотрят.

И он умчался. Вскоре вся группа собралась на пригорке. Витек командовал:

— Не топчите бугор, может, там под снегом еще много цветов. Идите по дорожке!

Все радовались находке. Безразличных детей не видела. Попытки сорвать цветок Витек мгновенно пресекал. Его слушались.

Пусть смотрят, мне не жалко. Только от шума-гама куда-то пропал нежный ореол вокруг подснежника, и цвет его перестал быть бархатно-голубым, как небо в августе. Я загрустила и пошла во двор.

Через неделю весь склон превратился в зелено-голубой ковер. Дети не ходили по нему. А для бабы Мавры Витек сорвал цветы по краю дорожки. Бабуля поцеловала Витьку в золотистую макушку и утерла набежавшую слезу.

СТРАХИ

Гуляя по двору, я услышала разговор Генки и Вани «Комардина»:

— Гена, Витя сказал, что подснежник — это радость. Почему?

— Наверно, потому, что он красивый, — ответил Гена.

— Радость — это когда много хорошего, а цветков один, — засомневался Ваня.

— Это кусочек радости, — пояснил Гена.

— Что же, радость — это как конфета? Поделиться можно? «Кусочек радости?» Мне не нравится так говорить. А как можно иначе сказать? — спросил Ваня.

— Помнишь, няня читала нам о чудном острове в огромном океане? Вокруг страшные волны высотой с наш дом, а на острове красиво, тепло и богато. Это был остров счастья. Значит маленькая радость — это маленький островок, — серьезно ответил Гена.

— Здорово придумал: островок радости. Ты как Пушкин.

— Скажешь тоже, Пушкин. Он — гений.

— А может, ты тоже будешь гением?

— Ну, да... Пушкин — он один во всем свете.

— Ген, а для тебя страх какого цвета? — опять пристал Ваня.

— Черного, конечно.

— Как земля?

— Нет, земля не черная. Она немного коричневая, немного серая.

— Тогда — как уголь.

— Да нет, уголь блестит, как живой. Наверное, он — как сажа в печке.

— А мокрая земля все же черная.

— Для меня она не похожа на страх. Голая сырая земля больше похожа на печаль.

— А война тоже черная?

— Конечно. Зинка здорово войну рисует. Даже огонь у нее черный.

— Дурак. Это же дым, — возразил Ваня.

— Сам бестолковый. Какой же дым без огня? Его просто не видно за дымом. Наверно, для Зины красный цвет — цвет чего-то хорошего. Может, праздника. И она не хочет рисовать им войну.

— Я все цвета люблю, а красный особенно. Потому что наш флаг красный, как цвет победы.

— А я вообще не люблю рисовать, — сознался Гена.

— Это потому, что у тебя не получается. Когда научишься, полюбишь.

— Я люблю, чтобы все было просто, как в арифметике.

В это время Зина, услышав свое имя, подошла к ребятам и внимательно слушала их разговор.

— Я тоже боюсь черного, — тихо сказала она. — Боюсь черной земли на проталинах, черных шаровар, темного вечера в лесу с Валентиной Серафимовной. Мне кажется, что

там я понемногу умираю. А больше всего боюсь ночью засыпать. Лежу и молюсь, чтобы завтра опять взошло солнышко и пропало все черное. Я боюсь, что Бог за что-либо накажет Солнышко, и оно больше не взойдет.

— Дурочка! Солнце не живое. Бог наказывает живых. Думать надо, — сказал Ваня назидательно.

— У меня не получается. Как это думать? — грустно пробормотала Зина.

— Не знаю, — растерянно ответил Гена. — Оно само думается.... Раз есть голова, значит она думает. Смотри вокруг и соображай: что это, зачем оно? Вот и все.

— А я зачем нужна? — спросила Зина.

— Чтобы жить, — предположил Гена.

— Я не хочу жить, — пролепетала Зина еле слышно.

— Вот дура, кто же тебя спрашивает? Раз ты есть, вот и живи! Иди отсюда! До чего же девчонки глупые! — воскликнул Ваня.

Гена промолчал. Он думал о Зине иначе.

БЕРЕЗА

После завтрака мы занимаемся полезным трудом. Хорошо все делать быстро. Я подмела наш участок двора, и пока ребята из моей группы заканчивали свои задания, потихоньку ушла в лес.

Весеннее утро. Под ногами шуршит прошлогодняя листва, трещат ветки. Из-под сухих листьев, где отдельными травинками, а где сплошными пятнами пробивается свежая, живая зелень. Запах прелых листьев смешивается с ароматом молодой травы. Из цветов здесь только подснежники. На солнечных полянах они давно отцвели, а здесь, в густой поросли, еще встречаются. Но я ими уже не восторгаюсь. Не первые. Но все равно их приятно видеть.

Деревья зимой стояли серо-черные. А весной, прежде всего, меняется окраска веток. Она делается буровато-коричневой с легким зеленоватым, а у некоторых деревьев красноватым оттенком. Взглянешь на тополь или осину — на стволах и ветках зеленоватый налет — значит, они уже проснулись от зимней спячки. А дуб? Не скоро появится на нем зеленая крона, скрывающая корявые мощные ветви, но свежий красновато-бурый цвет молодых веток выдает его секрет: он уже не спит.

Я заметила, что летом в погожий, солнечный день листья и трава кажутся ярче, нарядней. Так, может, цвет коры деревьев и кустов меняется от ослепительного весеннего, солнечного света? Но нет. В пасмурный день придорожные кусты тоже радовали меня праздничным красноватым оттенком. А может, весенние дожди смыли пыль и грязь, накопившуюся за осень и зиму? Но ведь дождя этой весной еще не было, а серые веточки берез стали коричневыми. Почему-то вспомнились Витины веснушки. Они тоже весной становятся ярче.

— Зацвел наш Витя. Любит его солнышко, — улыбаясь, говорила баба Мавра.

Во дворе у нас свет всегда сплошной, одинаковый, ровный. А в густом лесу лучи от солнца веером расходятся, расширяясь по мере приближения к земле. Каждый луч делает свою дорожку между стволами деревьев. А вот самые маленькие лучики, оставляющие на земле веселые зайчики, я никак не могу отыскать. Зайчики есть, лучиков нет. Подставляю руку. На ней — солнечный зайчик. Поднимаю его от земли. Он не соскакивает с моей ладони. Греет ее. Ах, вот он откуда появился! Лучик прячется в кроне березы, под которой я стою. Зайчик немного дрожит, потому что дрожат нежные ветви березы с молоденькими еще мелкими листочками. Взмахнула рукой. Солнечный зайчик вернулся на землю. Пусть греет ее, мне не жалко. Пусть здесь вырастут цветы!

Я прижалась к березе щекой. Мне кажется, это самое нежное и красивое дерево. Даже старое оно остается хрупким, изящным. Тонкие веточки-ниточки чувствуют малейшее дыхание ветра. Прошлогодние сережки чуть слышно шуршат-переговариваются. Я глажу белую, прохладную кору молодых веток, шершавые темные бугорки, из которых торчат сучки, глубокие морщины старой коры внизу, ближе к земле.

Вдруг на лицо мне упала капля, другая. Дождь? Вытянула вперед руки, раскрыла ладони. Нет дождя. Подняла голову. Что-то блеснуло на стволе березы как крупная искра. Хотя нет, не искра. Она обычно бывает красновато-желтой. Опять что-то ослепительно сверкнуло и пропало. Теперь я вижу, откуда сыплются яркие звездочки. Высоко над моей головой, на стволе березы кто-то сделал надрез. Он еще достаточно свежий. Желтая древесина заметно выделяется на фоне белой коры.

Бриллиантовая слеза повисла на кончике узкого лотка, образовавшегося на срезе коры дерева. Она дрожит, как бы не желая расставаться с матерью-деревом. Но следующая, не менее ослепительная, прозрачная капля сталкивает предыдущую в бездну. Я наблюдаю за драгоценными слезами жизни до тех пор, пока лучик света не перестает попадать на них. Теперь это обыкновенные капли березового сока. Бриллианты исчезли, — сказка кончилась. Всегда немного грустно, когда необыкновенное заканчивается...

СВИНКА

О том, как я болела свинкой, у меня остались самые теплые воспоминания.

Случилось это в конце весны. Зелень вокруг росла яркая, сочная. Солнце ласковое. Птички носились меж деревьями — вжик-вжик. Меня поместили в чистый белый изолятор. (Отгородили и покрасили угол спальни.) Здесь пахло лекарствами. Это особенная обстановка, а значит — интересная. Дети, прибежавшие ко мне потихоньку от взрослых, перегибаясь через подоконник, щупали мою огромную «хрюшку» и восторгались. Свинка была почти у всех, а в изолятор поместили только меня. Мне завидовали по-доброму. Я целыми днями сидела у окна и смотрела во двор или валялась на койке. Газет мне не приносили. Наверное, чтобы я их микробами не запачкала. Вечерами мне фантазии не давали скучать. Приходил Витек. Приносил удивительное лакомство — жмых подсолнечника. Правда, съесть его не получалось, потому что я из-за «хрюшки» не могла широко открывать рот. Спрятала жмых под подушку. Свет на ночь у меня не тушили. Просто фитиль в лампе чуть-чуть убавляли.

Ужинать сегодня что-то не хочется. В комнате тишина. От слабости задремала. Сквозь дрему слышу тихий писк и шуршание. Открыла глаза. Какая прелесть! На тумбочке в моей тарелке спокойно ужинает компания мышей. Они такие симпатичные! Едят очень красиво. Берут передними лапками кусочек картошки или котлеты и старательно, аккуратно съедают.

Вдруг из всех дыр в полу стали выскакивать все новые и новые мыши. Некоторые очень осторожные. Сначала выглянут из норки, а потом медленно идут к тумбочке. Их чудесные, черные, блестящие глазки беспокойно двигаются туда-сюда. Другие — напрямик мчатся к еде. Как они ловко лазают по тумбочке! Когда их набежало слишком много, началась возня, громкий писк. Одни перепрыгивали через сородичей в середину тарелки, другие оттирали друг друга, выталкивали из плотного круга более слабых. Совсем маленькие мышата подбирали крошки около тумбочки. Одна большая мышка села на задние лапки, взяла в передние большой кусок хлеба и очень быстро его грызла. Я даже разглядела ее тонкие острые зубки. Мне не было страшно. Я не чувствовала неприязни к этим шустрым соседям. Напротив, они доставляли мне огромное удовольствие!

Теперь я каждый день оставляла на тумбочке еду, чтобы ко мне приходили маленькие гости. Я смотрела на них и придумывала истории, в которых главными героями становились мои новые знакомые. Особое место в них, конечно, отводилось самым маленьким мышатам.

Все было просто здорово! Только не нравилось мне, что старые мыши обижали маленьких, стараясь отужинать первыми. Особенно я жалела одного, горбатенького. Мышонок не уходил далеко от норки. Сидел на плинтусе и терпеливо ждал, пока все наедятся. Когда мыши разбегались, он, хромя и покачиваясь, подбирался к тумбочке, обнюхивая доски пола. Я поняла, что он слепой, и начала кормить бедняжку кусочками жмыха. Но жмых очень пахучий, и мыши опять выскочили и отняли у больного еду. Я стала приберегать хлеб, а днем засовывала еду в его норку. Мы подружились. Мышонок по ночам топал к тумбочке, и я тихонько шепталась с ним. Я даже с закрытыми глазами узнавала о его приближении. Он не боялся моего голоса, ел спокойно, без суеты. «Кто же будет заботиться о нем, когда я вылечусь?» — каждую ночь, засыпая, думала я с грустью.

ОТКУДА ПОЯВЛЯЮТСЯ ДЕТИ

Сижу я на спортивной площадке и стучу молотком по огромному гвоздю. Мастерю себе ножичек. Дело идет хорошо. Гвоздь уже наполовину расплюсчен до нужной толщины. У меня плохо получается игра «в ножички». Я поняла, что нужна тренировка. А кто же мне свой нож надолго даст? Вот и «кую». Подходит ко мне четырехлетка, внимательно смотрит, как я работаю, потом неожиданно спрашивает:

— Откуда дети берутся?

— Из животика, — отвечаю я, продолжая свое дело.

— Расскажи, как это? — опять пристает девочка.

Я рассказала все, что видела и знала. Девочка помолчала и задала еще один вопрос:

— Как дети в животик попадают?

Я честно сказала, что не знаю, и решила расспросить старших ребят. Но никто из них толком мне ничего не объяснил. Один предположил, что для этого нужно, чтобы папа и мама были женаты. Тут в разговор вступил Петька. Он сказал, что жениться не обязательно, надо только, чтобы папа и мама спали вместе. При этом он горько усмехнулся. Дело в том, что ему не повезло. Он как-то провинился, а злюка-воспитательница сказала, что мать его нагуляла, потом вышла замуж за другого, а тот, другой, не захотел кормить чужого выродка. Все сочувствовали Пете, и когда он грубо говорил о своей матери, не осуждали его.

Меня удивило, что большие ребята знают меньше меня. Разговор незаметно перешел на другую тему: кто важнее — папа или мама. Пацаны стали рассказывать разные истории, дошли до крика и грубых высказываний, которых я не понимала. Но скоро ребята выдохлись. Все истории у них закончились. Тогда я спросила:

— А кого бы вы попросили себе у Бога — папу или маму?

Все как-то неуверенно, но почти одновременно сказали:

— Маму.

— Почему? — рассердилась я. — Вы же только что ругали мам. Я прошу папу, потому что он меня от злюки Валентины Серафимовны может спасти. А что мама? Ей самой нужен мужчина для защиты и помощи. Вы говорили, что детей не бывает без пап. Значит, они тоже за них отвечают... А если отец бросает детей, значит он не мужчина. Он слабак, подлец. Он — никто! И нечего о нем жалеть. Петя, отчим выгнал тебя. Отец бросил тебя и твою мать. Почему же ты мать ругаешь? Это нечестно! Из-за отца ты здесь. Может, поэтому ты о нем не вспоминаешь? — со злостью выпалила я.

— Замолчи. Не триви Петьку! — резко оборвал меня Иван.

Я замолчала. Но даже молчание мое было сердитым, взбудораженным. Я первая не выдержала гнетущей тишины и громким шепотом, будто для себя, продолжила:

— Не защищаю Петькину маму. Но мне кажется, она просто очень слабая женщина. Если бы рядом с нею был хороший мужчина, а не этот гад, твой отчим, она, наверное, никогда не отдала бы тебя в детдом. И вообще... Одному Петьке не повезло, а вы всех мам ругаете, как наши злые няни.

Иван сказал примирительным тоном:

— У нас в детдоме жили дети, которых мамы сразу после войны забрали.

— А зачем же отдавали? — удивилась я.

— Чтобы спасти от голодной смерти. Государство могло прокормить детей, а они — нет. Меня не забрали. Некому, — вздохнул Иван и обернулся к ребятам. — Хватит болтать попусту. Мы теперь взрослые и сами в ответе за свою судьбу.

Я немного успокоилась.

ЧИСТЮЛЯ ГЕНА

Есть в нашей группе Генка. Чудной он какой-то. Волосы прилизанные. Ходит медленно, важно. Руки по швам держит. Он ими даже не машет, как все нормальные дети. Генка никогда не кричит. Во время разговора внимательно смотрит на ребят сверху вниз, потому что самый тощий и самый высокий в нашей группе. Когда ему кто-нибудь говорит: «Какой большой мальчик», он всегда отвечает: «Я не большой, я длинный». Наверно, эта шутка ему нравилась. Генка — единственный ребенок, который умудряется не выпачкать одежду в любых условиях. Прежде, чем сесть, он проверит — чисто ли. Если грязно — не сядет. Какой-то он весь правильный, в общем, зануда.

Но Генка не страдал от своего характера. Он им гордился. Нянечки звали его «а-ри-сто-крат». Значит, благородной крови. Может, царской, может, княжеской. Но как-то «чистюля» поплатился из-за своей аккуратности. Ботинки ему достались почти новые. Не левые оба, как у Витька, и не разного цвета и размера, как у меня. Так он их стал смазывать кусочком сала, который прятал за обедом. Чтобы блестели.

Недолго красовался чистюля. Как-то утром хотел он обуться, а от его ботинок шнурки да подошва остались. Мыши съели. Или крысы. Бедный Генка со страху в постель намочил. Понял, что порки не миновать. Ох, как жалко мне его было! Прямо до боли в сердце. В нем я видела себя: робкую, беззащитную. Гена хоть зануда, но никого никогда не трогал. Да и что плохого в том, что мальчишка хотел быть аккуратным или красивым? Не повезло ему. Несчастный случай. А чем поможешь?

Долго кряхтел и стонал Гена после наказания, но «чистюлей» не перестал быть. Ничего тут не поделаешь. А-ри-сто-крат!

НОВАЯ ДЕВОЧКА

Прошел слух, что в нашей группе скоро появится новенькая. Мы с интересом ждали ее. И вот она пришла. Нет, она ворвалась, как черный вихрь! Девочка вела себя очень странно. Она не ходила, не бегала, а металась по двору, по комнатам, заглядывала во все углы и при этом ужасно беспрерывно сквернословила. За время проживания в детдоме мы ни разу не слышали подобных слов. Видно, такой закон был у взрослых. А новенькая говорила гадости с таким самодовольством! Подвижная мордочка излучала радость при виде, как всех шокирует ее речь. Еще всех удивило, что она бегала в уборную и подглядывала за каждым. Такое поведение вызывало брезгливое чувство к этой сумасбродной. Конечно, у нас тоже иногда возникали ссоры, но мы их вместе и быстро решали. Попытались разобраться и с новенькой. Закрыли ее в спальне и принялись объяснять, что так нельзя вести себя, что мы не хотим, чтобы нам говорили гадости. Но она не желала никого слушать, била всех ногами, царапалась, плевалась. Мы были ошарашены. Девочка бьет девочек! Это просто в головах не укладывалось. Витек предложил отколотить ее всерьез. Может, она не понимает, что делает больно! Я с ним согласилась, вспомнив урок, который он преподнес мне год назад.

У старших друзей я научилась «боксовать», и всегда использовала свои знания в играх, защищая подружек от приставучих ребят. Витек не давал проходу толстушке Вале. Стоило ей появиться рядом, он щипал ее, дергал за уши, а она визжала взахлеб. Я, как верная подруга, врезала Витьку в солнечное сплетение. Он медленно сполз по стенке на пол. А я, довольная, потащила Валюху за собой. На следующий день, когда мы в шутку дрались в столовой, Витя ударил меня в то же самое место. Все поплыло перед глазами, и я опустилась на лавку. Нет, я не редела от боли. Боль умею терпеть. Но это был урок! Я впервые поняла, что в игре бью по-настоящему, что делаю больно своим друзьям. «Господи, я такая ужасная. Чем гордилась? — сердито думала я о себе. — Тьфу! Боже ты мой, ведь и девчонкам иногда «любя» врезала, только, конечно, без приемов». Я была благодарна Витьку, хотя никогда об этом с ним не говорила. Зачем? Мы понимали друг друга без слов....

Ребята бурно обсуждали свалившуюся на нас заботу. Решили, что все-таки надо проучить новенькую. Но кто будет наказывать? Наступила тишина. Мы не трусы. Но бить девчонку за то, что она дура? Да, дралась и царапалась, но она же защищалась от нас. Сама не нападала. Тогда дежурная девочка предложила для начала заставить новенькую стереть надписи, которыми она за полдня успела изгадить все вокруг. Так и сделали. Окружили виновницу плотным кольцом и приказали хорошенько смывать написанное. Она выполняла наши требования, но сопровождала работу такими возгласами, что всем становилось тошно. Некоторые девочки не выдержали, взяли тряпки и сами начали мыть стены, только бы не слышать гадости.

Новенькая была совсем неуправляемая. Попытки привлечь ее к играм, чтению, огороду ничего не дали. К концу дня мы так устали от этой девчонки, что даже говорить о ней не хотелось. Все решили, что она, наверное, все-таки ненормальная. На меня она оказала такое ужасное впечатление, что я даже заболела. Мне было ужасно жалко несчастную. Может, ей нужно специальное лечение, после которого она станет хорошей? Слезы душили меня. Я никак не могла уснуть.

Утром девочки уже не было в нашем детдоме.

КОТЯТА

Проснулась я от какого-то странного звука. Приподнялась, протирая сонные глаза. Окно серое. Значит, еще рано. Шуршание повторилось где-то рядом. Кто-то тихо-тихо заскулил, как маленький ребенок. Потихоньку слезла с постели. Моя рука коснулась теплого волосатого предмета. Я вздрогнула от неожиданности. Но тут же успокоилась, рассмотрев на койке кошку. Нам не разрешали держать животных в помещении. И как она очутилась здесь, да еще на моей постели? А еще говорят, что кошка не пойдет к тому, кто ее не любит! Но тут я поняла, почему она оказалась рядом со мной. Дело в том, что я болела, меня знобило, и медсестра заставила кастеляншу дать мне второе одеяло. Так вот кошка на нем и устроилась. Вела она себя странно: извивалась, лапки судорожно дрожали. Она все время крутила головой, показывая острые зубки. При этом еще сопела и стонала. Наверное, ей очень больно? Но почему не мяукает? Когда ребята играли ею в футбол в наказание за «уборную» под койками, она визжала очень громко. Может, боится, что ее услышат и выкинут? Или у нее не хватает сил кричать?

Смотреть на мучения кошки было неприятно. Я сначала подумала, что у нее болит живот. Может, отравилась? Вдруг поведение Рыжки напомнило мне Ярослава, которого часто увозят в черной рубашке с длинными рукавами, с деревяшкой в зубах. Господи! Неужели и кошки так болеют?

Больную кошку я не могла выбросить за дверь. Решила прикрыть одеялом. Но Рыжке такая забота не понравилась. Она выползла из него, продолжая стонать и извиваться. Вдруг кошка замерла, вытянулась как струна, из глаз потекли настоящие слезы, а из-под хвоста сначала полилась на мое серое одеяло темная жидкость, а вслед за ней вывалился белый мокрый клубочек, затем второй, третий. Потом опять потекла темная липкая вязкая жидкость. Я со страху не могла шевельнуться. В полутьме оскал кошки казался ужасным. Она полежала немного, потом подошла к одному комочку, перетащила его на сухое место и стала вылизывать. То же самое она проделала со всеми. Я поняла, что это котята, и уже не боялась, а побежала будить Витьку, чтобы первому сообщить о невиданном событии.

Минутой позже вся спальня гудела от возбуждения. Кто принес тряпочки на подстилку, кто нашел коробку. Слепых котят уложили и укутали. Мы не заметили, как мама-кошка куда-то пропала. Я побежала замывать одеяло. Мне было противно это делать, даже поташнивало, но страх перед наказанием заставлял заниматься стиркой. Чем докажу, что не я притащила Рыжку?

Утром будить нас пришла Валентина Серафимовна. Ее поразила тишина в спальне. Она сразу поняла, что у нас что-то не так, и принялась «шнырять» под койками, поднимать матрасы. Конечно, нашла котят. Все замерли. Валентина Серафимовна ухмыльнулась и коротко сказала:

— Выбросить. Такие же, как вы, подкидыши.

И вышла.

— Могла бы и промолчать, гадина, — мелькнуло у меня в голове.

Закусив до боли нижнюю губу, я перебирала в мозгу все грубые слова, пытаюсь не выпустить нахлынувшие слезы. Но, почувствовав, что это не действует, подняла подбородок кверху и выбежала из спальни. Остановить поток слез не сумела, так как слово «подкидыш» для меня было самым болезненным и мучительным. «Злюка, не может, чтобы не ужалить», — думала я, утирая слезы. Выплеснув со слезами свою боль и обиду, пошла к друзьям. Но только красные глаза и опухшие веки видела я за каждым кустом.

Котят мы отнесли в сарай и стали искать кошку с таким рвением, как будто от этого зависела наша жизнь. А тут еще баба Мавра сказала, что кошки иногда бросают котят, и нам очень хотелось, чтобы Рыжка вернулась к своим детям. Где-то глубоко в душе мы сравнивали себя с ними.

Было уже совсем темно. Мы лежали по койкам и ворочались. Соломенные матрацы шуршали под нами. Никто не спал. Я пошла в уборную, а заодно и в сарай — проведать

котят. Уборная в конце двора. Как большинство детей, я боялась туда ходить по темноте. Но не потому, что скрипели полусгнившие доски. Казалось, что стоит присесть, как кто-то неведомый укусит сзади или вообще утащит куда-либо. Дверь я не прикрыла и напряженно прислушивалась к ночным звукам, вглядывалась в темные фантастические силуэты. Днем это просто дома и сарай, а ночью они бесформенные, неприятные. Крыши покрыты неровными, торчавшими во все стороны снопами камыша, они-то и делали ночью дома похожими на страшилищ.

Вдруг что-то непонятное насторожило меня. Кто там размахивает руками? Кто подпрыгивает, а потом, шурша и позванивая, опускается плавно вниз? Что за чудище? Все внутри меня затряслось мелкой дрожью. Но любопытство толкает вперед. Осторожно подбираюсь ближе. Ха! Старая рваная рубаха болтается от ветра на проволоке, протянутой через весь двор. А позванивают прищепки на ней. Вот трусиха! Тряпки испугалась! Сарай уже рядом. Коробка с котятами за дверью направо. На ощупь нахожу котят. Кошки нет. Не обрадую ребят.

Поздно вечером вернулась Рыжка к детям. Мы торжествовали, мы были счастливы! Теперь можно спать спокойно.

ПРАКТИКАНТКА ГАЛЯ

К нам в спальню вошла невысокого роста худенькая черноволосая девушка. Она молча с улыбкой рассматривала нас, а мы ее. Думаю, она сразу всем нам понравилась, но мы осторожничали. Валентина Серафимовна тоже не старуха, но ведьма. Кареглазая мягко, весело и просто сказала:

— Здравствуйте. Меня зовут Галя. Я практикантка из пединститута. Буду готовить вас к школе.

Ее глаза излучали тепло. Мгновение — и мы окружили Галю. Нам всем хотелось до нее дотронуться и многое рассказать. Кто нес ей спрятанную под матрасом «манькину радость» (конфету-подушечку), кто свою поделку — хотел похвалиться. А некоторые девочки стояли столбом и восхищенно смотрели на божественное создание.

Появление этого нежного красивого существа несказанно обрадовало нас. Уже первое занятие, проведенное Галей, убедило нас в том, что мы не ошиблись. Начала она с рисования. Откуда-то появились кисточки, краски, бумага, карта мира. Она тихим голосом рассказывала о том, что, смешивая краски, можно получать не только разные оттенки цветов, но и новые цвета, если их нет в коробке. Я тут же соединила желтый с зеленым и получила синий. Галя, увидев мою торопливость, улыбнулась:

— Что, не доверяешь, или в тебе просыпается экспериментатор?

— А что такое экс-пе-ри-мен-та-тор? — спросила я.

Она объяснила.

— Люблю все проверять сама, — ответила я.

Каждое слово Гали было для нас открытием. Не знаю, как другие дети, а я вдруг поняла, что вообще почти ничего не умею и не знаю. Как-то, сидя на лавочке перед корпусом, я думала, что учиться в школе мне будет легко, так как сама научилась читать, считать, писать. Но после уроков Гали почувствовала себя глупышкой. Ну, вроде собачки Барсика, который целыми днями бестолково бегаёт по нашему двору.

На рисовании Галя рассказывала о художниках нашей страны и чужих стран. На карте мира показывала, где они жили или живут. Я и раньше знала, что есть какой-то мир за стенами детдома. Недаром у меня тревожно сжималось сердце от гудков далеких паровозов. Но я не представляла его. Был детдом, лес, поле, луг, а дальше — туман неизвестности.

Чтение по слогам и счет у меня не вызывали интереса, но, когда Галя говорила или проникновенно читала книжки, я еле дышала. А какая тишина стояла на занятиях!

Галя редко читала нам сказки. Чаще Толстого, Некрасова. Помню, как при чтении одного из рассказов я расплакалась. Она подошла ко мне, положила руку на плечо и попыталась успокоить. Я прошептала:

— Спасибо, что не гладите по головке.

«Знает ли Галя, что мы не привыкли к ласке? Она вызывает у большинства из нас истерику, потому что мы понимаем ее, как жалость. Я не хочу, чтобы мне напоминали, что я несчастный ребенок», — думала я, пытаюсь остановить слезы.

Галя постояла в нерешительности и приняла решение: начать обсуждение рассказа и объяснение новых слов.

— Что такое горница? — спрашивали дети. — А что, в семьях тоже норма еды? А если еще есть захочется? А мальчика теперь будут бить за эту сливу? Конечно, он плохо сделал, что украл, но, может быть, он очень хотел есть? А мама его пожалеет и простит?

После занятия Галя уже не спрашивала меня о причине слез.

ПОХОД ЗА ГРИБАМИ

Наша кухарка пообещала приготовить гречневую кашу с грибами, при условии, если мы сами соберем их и почистим. Мы бросились к Гале с просьбой помочь нам сделать царский ужин. Но она сказала, что боится идти в лес, так как не знает здешних мест и может растерять нас. Мы клятвенно заверили, что будем сами следить друг за другом. Она согласилась.

День был теплый и яркий. До леса добрались быстро. Сколько грибов! Шумная орава набросилась на подберезовики, выискивая самые молодые и плотные. Подосиновики не прятались под деревьями, а, как богатыри, по два и три стояли на пригорке у всех на виду, маня яркими шапочками. Под ногами мягкий ковер мха. Я наклонилась. Кукушкин лен. Цветок его похож на одинокую кукушку, сидящую на тонкой ветке и плачущую по своим покинутым детям. Мох такой красивый, что жалко наступать на него. Но он сплошным ковром покрывал землю. Сначала мы осторожно ходили по нему, выковыривая то тут, то там золотистые кудри лисичек. А потом некоторые дети так расшалились, что стали с визгом кататься по пахучему темно-зеленому покрову.

Белые грибы образуют «чертовы круги», но их трудно найти. Зато много одиночек. Курятники ищем по пестрым зонтикам, видим издалека. Но зонтики не рвем, разве что только самые большие, чтобы покрасоваться. На еду собираем молодых «солдатиков». Высокие, стройные с серыми касками-головками, они выстраивались в ряд по несколько штук. Я понимаю волнение грибников. Когда находишь огромный белый гриб с приземистой мощной ножкой, и какой-то добродушной огромной тяжелой шляпкой — захватывает дух, лицо вспыхивает от возбуждения. А пристроившийся рядом «карапуз-толстячок» приводит в умиление. От нетерпения по телу проходит дрожь. Режу, а сама думаю: «Хоть бы не червивый!»

Оторваться от грибов самой невозможно. Но слышу призывный крик Гали и тороплюсь на поляну. У всех счастливые рожицы, каждый хвалится, чем может: у кого самые красивые, у кого больше всех. Витка «Светильник-Кипятильник» нашел дождевой гриб с голову человека. Он немножко перезрел, внутри пожелтел, но не принести его Витя не мог: ведь этот гриб — чемпион! Быстро проверив грибы, Галя принялась строить нас и считать. Боже мой! Двоих самых старших и самых непослушных не оказалось на поляне. У Гали сделалось такое испуганное лицо, что нам стало до слез ее жалко. Мы оставили на поляне дежурных и пошли по радиусам (так сказала Галя), непрерывно крича. Грибы собирали не более трех часов, желая вернуться к обеду, а ребят искали дотемна.

Опять собрались на поляне. Молчим. Мы не пришли к обеду. Это уже ЧП, а если вернуться к ужину без двоих ребят — кошмар!

— Что будет, что будет? — со слезами шептала Галя.

Мы окружили ее тесным кольцом. Нам было стыдно, горько и страшно. Подвели любимого человека! Вдруг самый маленький из нас, «Комардин», вечно ходивший хвостиком за старшими ребятами, закричал срывающимся от волнения голосом:

— Галя, я тебя люблю, прости меня. Я дурак!

Мы не могли понять, в чем дело.

— Галя, — продолжал он, — я вспомнил! Они недавно за сараем говорили, что Валентина Серафимовна теперь не страшна, потому что сами научились находить дорогу из леса домой.

Галя обняла мальчика, вытерла слезы, и мы двинулись обратно. У нас появилась надежда, что ей не влетит. Ребята успокоились и начали обсуждать, как врежут беглецам. А «Комардин» с надеждой в голосе спросил у Гали:

— А тебя не заберут от нас из-за опоздания?

— Будем надеяться, — ответила задумчиво Галя, крепко держа малыша за руку. Он был счастлив.

Беглецы ожидали нас у ворот.

РАНА

Что за прелесть — лето! Бегаешь в одних трусах с утра до ночи. Сплошное наслаждение! Старшие ребята теперь часто берут меня с собой. Каждая вылазка — новое место. Сегодня мы на пруду. Он порос камышом и желтыми лилиями. Я научилась жевать чакан. Это нижняя часть камыша. Вкусная, сладкая мякоть. В поле, в лесу, на реке летом всегда найдется, чем утолить голод. Особенно мне нравятся хлебники, которых много растет на лугах. Мелкие белые цветочки обрываешь, а ствол с веточками съедаешь. У них вкус недосоленного хлеба.

Лежу на берегу, «складываю» из облаков картинку. Утренняя прохлада приятно касается тела. Люблю это ощущение. Жара расслабляет, после нее настроение бывает скулежное. А вот таким чудным росным утром во мне столько энергии и хороших добрых мыслей! Я не боюсь будущего, мечтаю о чем-то далеком и очень хорошем. Что будет через десять лет? Окончу школу на пятерки, пойду, как Галя, в институт. Буду хорошим воспитателем. Потом выйду на пенсию, как баба Мавра. А когда это произойдет? Галя уже научила меня различным действиям с числами. Я могла решать примеры «в столбик». И все же очень долго считала в уме и на песке. Получилась красивая цифра — две тысячи. Дальше мои мысли не шли, как будто жизнь заканчивалась с уходом на пенсию.

Надоело лежать. Подняла гусиное перо, посмотрела через него на солнце. Ура! Открытие! Вместо утреннего оранжевого шара увидела яркие цветные полосы, плотно прилегающие друг к другу: красный к оранжевому, синий к зеленому. Отвела перо от глаз — солнце опять одноцветное. Рассмотрела строение пера. Ничего особенного. Просто близко расположенные тоненькие пластинки пуха. Сощурила глаза и глянула на солнце сквозь ресницы. Тоже получилась радужная картинка, но какая-то расплывчатая. Побежала к ребятам похвалиться открытием. Но они, оказывается, уже знали об этом, однако объяснить не смогли, откуда берутся красивые полосы. Зато сказали, что видели такое же изображение через разбитые стекляшки. Я потеряла интерес к перу и отправилась купаться. Набултыхавшись вволю, попыталась перевернуться на спину. Не получилось. Как топор, пошла ко дну. Иван взялся за мое обучение.

— Каждый человек должен уметь отдыхать на воде, мало ли что может случиться в жизни, — наставительно говорил мне старший друг.

Не сразу я сумела выпячивать живот и одновременно поднимать голову. Нахлебалась порядком, пока почувствовала себя на поверхности воды уверенно. Иван одобритительно шлепнул меня по животу и ушел к друзьям. А мне не терпелось сообщить девчонкам о своем успехе, и я быстро поплыла к берегу. Вдруг резкая боль прошла ногу. От неожиданности заорала так, что все ребята бросились ко мне на выручку. Из ступни хлестала кровь. Я наступила на дно разбитой бутылки с торчащим из него, как лезвие ножа, осколком. Ребята осторожно вынули стекло. Кровь потекла еще сильнее. Я, зная правило, пыталась не реветь, но слезы не подчинялись мне. Боясь презрения друзей, я наигранно захохотала. Мое поведение испугало друзей. Кое-кто решил, что я спятила от боли. Картина, конечно, дурацкая: девчонка сидит в луже крови и смеется. Сцепила зубы. Ребята успокоились и побежали за чистой водой, чтобы обмыть черную от ила ногу. Иван не разрешил зажимать рану, пока кровь не промоет ее.

— От потери крови не умрешь, а от столбняка — в три дня пропадешь, — пояснил он.

Друзья притащили целый ворох подорожника. Часть листьев размяли и приложили к ране, другими обложили всю ступню и травяными жгутами «упаковали» ногу. Потом двое ребят, сцепив руки «замком», сделали седло и отнесли меня в корпус. Мне было еще очень больно, но я гордо восседала на «троне». Девчонки даже не пытались скрыть свою зависть. А мне вдруг показалось, что нога от этого стала болеть меньше.

СНОВА НА РЕКЕ

В тайных походах на речку мы с Витьком научились неплохо плавать по-собачьи. И, когда воспитатели снова привели нас купаться, я не осталась с малышкой, а пошла к крутому берегу, откуда чужие, местные ребята прыгали в воду. Головой вниз ныряли только самые смелые. Первый раз я прыгнула «солдатиком». Разбежалась, руки прижала к телу, ноги выпрямила в полете. Секунда — и они коснулись воды, сразу поглотившей меня с головой. Я быстро вынырнула и забарахтала руками и ногами. Чужие ребята плавали красиво, неторопливо меняя руки. Но страх утонуть заставлял меня суетливо махать руками. Я еще не научилась уверенно чувствовать себя на воде, но все же переплывала нашу речку.

Во второй раз я решила попробовать прыгнуть вниз головой. Пологий берег был песчаный, а мы прыгали с крутого, земляного. Чернозем от воды, стекавшей с детей, раскис под ногами. Во время разбега я поскользнулась у самого края обрыва. Толчка не получилось, и я упала совсем близко от берега. У дна ударились головой о корягу. С трудом вынырнула. Резкая боль в шее не давала возможности двигаться свободно. Захлебываясь, позвала на помощь и камнем пошла на дно. Кое-как вынырнув, опять закричала. Но, несмотря на то, что людей вокруг купалось много, никто меня не услышал. Поняла — надеяться надо только на себя. Попробовала лечь на спину. Острая боль не позволила занять нужную позу. Руками грести не получалось. Каждое движение мучительно. Сообразила: ноги — вот мое единственное спасение! Принялась усиленно работать ими. Продвигалась медленно. После каждого вдоха глотала воду и закашливалась. Я уже слышала, как взрослые на берегу говорили обо мне:

— Смотрите, как смешно плывет девчонка!

Из последних сил закричала:

— Спасите!

Зрители дружно захохотали. Я же двигалась вперед с лицом, повернутым вправо. Наверное, они думали, что я дурачусь. Берег был уже близко, но дна еще не доставала.

— Хоть бы не потерять сознание от боли. Тогда конец! — мелькнуло в голове.

Ноги коснулись дна. Лежу на берегу. Шея горит. Голова как одна большая рана. Вода то набегаем на меня, охлаждая, облегчая боль, то, плавно струясь, стекает. До меня доносятся приглушенные крики и веселый смех. Но все это где-то вдалеке, в красноватом тумане. Мне хочется одного: покоя.

Меня нашли дети и привели воспитательницу. Один взрослый дядя сказал:

— Под счастливой звездой родилась. В прошлом году здесь на коряге сломал шею «Король» — атаман местных ребят.

«Не судьба мне утонуть, — подумала я. — Но лучше поменьше ее дразнить, иначе не сносить мне головы, так говорила баба Мавра».

МОТЫЛЬ

Решили мы с Витьком сделать очередную вылазку на речку. Злюки сегодня нет. Дети с Галей украшают столовую. А у меня есть хорошая привычка — делать, что можно, заранее. Вечером вымыла пол и нарисовала за себя и за Витька человечков (мое любимое занятие), а утром отдала Гале. Теперь нас долго не будут искать.

Ура! Свобода! Выскользнули из столовой, и «давай бог ноги» к реке. Почему-то на берегу никого не было. Тишина стояла такая, что на воде ни одной морщинки. Только длинноногие водомерки непрерывно снуют по стеклянной глади, да стрекозы, эти голубые изящные вертолетики, на лету касаются воды так осторожно, что их росчерк мгновенно исчезает. Завораживающая картина! Всепоглощающая тишина! Я заметила, что в такие минуты не только не хочется, но и не получается говорить. Витек взял меня за руку и повел от реки к ручьям и озерам, что остались после весеннего половодья. Мы легли на живот и долго рассматривали рыбешек, мальков и головастиков. Нам даже не хотелось их ловить. Ласковое солнце, теплая вода. Уютно, безмятежно. Движения рыб спокойны, грациозны. Окраска всех живых существ неяркая, мягких оттенков. Мы ощуцаем блаженство. Мы — частички этого прекрасного мира.

Вода в ручье удивительно прозрачная, в ней четко видна каждая травинка, каждая букашка. Вдруг я разглядела на песчаном дне розовые и красные водоросли. Длина их не больше моего пальца, толщина чуть тоньше вермишели, которую я терпеть не могу. (Но это другая история.) Что меня поразило? Вокруг абсолютная тишина, а эти водоросли непрерывно колеблются. Я долго ошарашенно смотрю на странное явление. Если это трава, так она должна быть в покое. Если это животные, так почему они не двигаются с места, а только шевелятся? Показала Витьку свою находку. Он тут же выдернул из песка розовое чудо. И у него на ладони я увидела тонкого червячка, который был очень недоволен тем, что его вытащили из воды. Загадка разрешилась быстро. Одного я не могла понять, — почему они находятся на одном месте? Витек объяснил:

— Это мотыль. Червячки изображают водоросли, чтобы их не съели хищные рыбы. Они их так обманывают. Я об этом от старших ребят и рыбаков слышал. Ты знаешь, из них получают комары.

— Те самые, которые мучают нас по вечерам? — удивилась я.

— Они. Кровопийцы, — засмеялся Витя.

Я тоже улыбалась, глядя в ослепительную синь неба.

МУЧЕНИЯ НАСЕКОМОГО

Если удастся сбежать от шумной, неутомимой толпы ребят и спрятаться в укромном месте леса, примыкавшего к саду, то большего счастья мне на данный момент не надо. Вот и в этот раз. Все играют в прятки, а я незаметно ушла. Пробралась через ягодник к старому поваленному дереву, удобно устроилась на нем между сучками и задумалась. Тишь необыкновенная. Стойкий запах земляники, зверобоя, душицы приятно дурманит, располагая к добрым, спокойным мыслям. Вдруг слышу где-то рядом странный тихий звук: не то сопение, не то вздохи. Он был какой-то особенный и мог принадлежать только живому существу. Прислушиваясь, очень осторожно двинулась в направлении предполагаемого животного, ожидая увидеть лисенка, зайчонка или лягушку. Но звук исчез. Может, существо слишком маленькое и находится там, где я сидела? Осмотрела кусты и траву. Ничего не нашла. Но я же обязательно должна найти заинтересовавший меня объект! Принялась обследовать дерево и вдруг наткнулась на удивительное создание, похожее на крупного серо-зеленого кузнечика. Оно сидело на оголенной части ствола странным образом. Между задними ножками у него торчала длинная тонкая трубка. Надежно закрепившись на дереве, насекомое углубляло ее в ствол. Видно сверлить было трудно, и букашка от натуги сопела. Я никогда не слышала, чтобы сидящее насекомое издавало звуки. Обычно пчелы, стрекозы, кузнечики молча сидят, молча едят.

Когда я нашла свое «чудо», оно уже заканчивало сверление и начиналось самое любопытное. Кряхтя, насекомое вытащило трубку из отверстия, но так, что ее кончик оставался в дереве. Потом по трубке медленно потекла внутрь ствола белая жидкость. Я еле дышала, боясь помешать. Наверное, выталкивать жидкость букашке тоже было нелегко. Она изгибалась, напрягая животик, многократно перебирала ножками, стараясь удобнее устроиться на коре дерева. Особенно поражали меня тихие стоны. Эти звуки напоминали кряхтение старика-сторожа, когда он таскал дрова для нашей печки.

Жидкость текла долго и мучительно. Нечаянно трубка выскочила из отверстия, и часть жидкости вылилась на поверхность бревна. Закончив работу, насекомое свалилось в траву и лежало как мертвое, только ножки немного дрожали, показывая, что жизнь его еще продолжается. Оставив букашку отдыхать, я с интересом разглядывала белую жидкость. Может, она такая же, как у пауков, и из нее получатся длинные тонкие нити? Выбрала жесткую травинку и прикоснулась к вязкой слизи, пытаюсь получить нить. Но к моему удивлению поняла, что это не просто жидкость. В ней плавали очень маленькие круглые живые существа. От неожиданности я даже растерялась. Здесь рождались детки насекомого? Все происходившее тут было похоже на появление котят в нашей спальне. Надо же! Букашка, а мучилась и стонала, как животное! Я отыскала в траве усталое насекомое и положила его в тень на свежие мягкие листья липы. Потом пошла по тропинке, глядя под ноги. Не наступить бы случайно на какое-нибудь живое существо!

ЗМЕЯ

Поздний вечер. Я сижу на берегу реки и читаю обрывки газет при ярком свете ночного светила. Глаза устали. Откинулась на траву. Полежала немного и опять взялась за газету. Нопочитать больше не удалось. Не могла разглядеть мелкие буквы. Только заголовки четко видны. Взглянула на реку. Изображение луны умывается мелкой рябью. Камыши отбрасывают дрожащие черные тени. Пора возвращаться. Под ногами хорошо видна белеющая тропинка. Земля прохладная и упругая. И от ощущения этой живой упругости у меня под сердцем теплеет. Это очень приятное чувство, будто прикасаешься к чему-то любимому, родному. Мне кажется, что, сжимаясь подо мной, земля нежно охватывает ступни, как, наверное, обнимали бы меня руки моей доброй бабушки, о которой я мечтала, глядя на бабу Мавру. Такая земля только здесь, у реки, потому что рядом болото.

Тропинка петляет то ближе к реке, то к лесу. От деревьев падают длиннющие тени. Иду по земле, как по лестнице, перепрыгиваю тени, стараясь не наступить на них. Вдруг замерла на месте с поднятой ногой. Передо мной, высоко подняв голову, лежала... змея. Если бы я не разглядывала «ступеньки», то наступила бы на нее. От страха задеревенела. Но как только шок прошел, стала быстро соображать, что предпринять. Из своего маленького жизненного опыта знала, что реакция у зверей лучше, чем у людей, и если я начну двигаться вперед, змея обязательно укусит. Падать на спину опасно. Лучше на бок, тогда голову не зашибешь. Голова — не коленка, ее беречь надо. Пока я думала, стоя, как цапля, на одной ноге, змея, видно, немного успокоилась, даже опустила голову, но не уползла. Бросок в сторону, потом кувырок назад — и я опять на ногах. Не оглядываясь, помчалась к корпусу. Откуда-то голос прорезался. Заорала на бегу. И тут же замолкла, вспомнив, что могу получить наказание за позднюю прогулку.

Подскочила к зданию, сунула ноги в тазик с водой, быстро потерла одну ногу о другую и нырнула в постель. Под одеялом меня некоторое время еще трясло от страха. Чудно! Если дрожу, то мысли тоже лихорадочно носятся в голове. А когда дрожь прекращается, то и мысли текут, как наша речка, спокойно. Страх окончательно прошел. Лежу и уже с улыбкой вспоминаю все, что произошло со мной.

ВЕРМИШЕЛЬ И ОГУРЦЫ

За детдомом — огород. Некоторые дети любят повозиться на нем, хотя их не заставляют. Я очень люблю огурцы. Особое удовольствие доставляет съесть первый. Я никого не подпускаю к своей грядке, сама выщипываю траву, поливаю. Прополка требует терпения. Спина от работы гудит. Но желание получить первый огурец придает мне силы. Каждый день смотрю, как подрастают и зацветают растения. Наконец появились первые опупочки. Так няня называет очень маленькие огурчики. Разрешалось огурцы рвать, только когда они станут длиной в десять сантиметров. Линейкой измеряю намеченные огурцы. Один огурчик просунула в бутылку, чтобы потом отдать на выставку. И вот настал день, когда баба Мавра объявила, что на ужин принесет первые огурцы и вручит перед всеми тем детям, которые их заслужили. А потом уж каждый день будет делать салаты. Я волновалась, ожидая заслуженной награды. У меня немного замирало сердце, в ожидании слов, которые прозвучат торжественно. Что-то вроде:

— Этим летом лучше всех работала на грядке...

Неожиданно на ужин пришла директриса. Забегали няни, воспитательницы. Дети сели по местам. Раздали миски с вермишелью.

Вдруг директриса объявила:

— Кто первый поужинает, тот получит первый огурец.

Я не отличалась хорошим аппетитом, и от этих слов моя душа с небес опустилась в пятки. Я с ужасом смотрела на миску противной вермишели.

— Надо выдержать, — подумала я.

Закрела глаза, собрала все свое мужество и принялась «уничтожать» ненавистную еду. Я как бы отключилась. Слезы самопроизвольно лились из глаз, но я все глотала и глотала подсоленную массу. Откуда-то издали раздался радостный голос ребенка:

— Я первый!

Мне стало плохо. Выскочила из-за стола и в уборной освободила желудок. После этого случая огурцы перестали быть моим любимым блюдом. И есть что-либо насильно больше не получалось. Ребятишки с удовольствием забирали мою порцию, а Валентина Серафимовна ехидничала:

— Впечатлительный ребеночек!

РАДИО

Иногда по вечерам нас водят в комнату, где стоит много стульев и висит портрет Сталина. Он огромный — от потолка до пола. Рамка, фон и сам портрет темных тонов. На нем изображен во весь рост строгий человек с усами в военной форме и в сапогах. В руке он держит дымящуюся трубку. Я боюсь подходить к нему близко. Темный великан придавливает меня к полу своим тяжелым взглядом. Этот портрет я называю про себя «Черный человек». Странно, в каком бы углу комнаты я ни находилась, он все равно смотрит на меня в упор и пугает. Я чувствую себя букашкой.

Кто такой Сталин — не знаю. Это имя произносится всегда шепотом. И мы в этой комнате тоже говорим тихо и никогда не шалим. Рассаживаемся по стульям и ждем, что сегодня будет по радио. Чаще всего слушаем песни, а иногда кто-то строгим голосом что-то рассказывает. Мне очень хочется узнать, что же это такое — радио? Где находятся люди, чьи голоса мы слышим? Может, они в соседней комнате?

Сегодня Галя привела нас сюда слушать концерт симфонической музыки, который будут исполнять почти сто человек. А меня волновал один вопрос, где же мы их разместим? После занятия я все же спросила у Гали, что такое радио. Она объяснила, что это маленькая коробочка, которая издает звуки, которые мы слышим. Я совсем растерялась. Какого же размера должны быть люди и музыкальные инструменты, чтобы влезть в эту коробочку?

Меня настолько мучил этот вопрос, что я лишила себя прогулки и сама вызвалась дежурить в «тихой» комнате. Как только шаги стихли, я залезла на стул и включила радио, повернув черную ручку, как это делала Галя. Послышался разговор двух людей. Я оглянулась на портрет. «Черный человек» недоволен моим поведением. Прижалась щекой к стене, искоса глядя на портрет. О, Господи! Все равно смотрит! Холодок застыл между лопатками. Повернулась лицом к стенке, чтобы не видеть всевидящего, немного успокоилась и взялась за работу. (Из столовой я прихватила в качестве инструмента алюминиевую ложку.)

Все радио представляло собой большую черную «шляпу» из плотной бумаги и маленькую коробочку, в которой я пыталась найти странных малюсеньких артистов. Как ни старалась, открыть ее не удавалось. Вдруг хлопнула входная дверь. Я со страху свалилась со стула, увлекая за собой радио. На мое счастье вошла Галя. Увидев меня с дырявой «шляпой», она ахнула: «Что теперь будет!?» От ее возгласа я испугалась еще сильнее. Не за себя. За Галю. У меня началась истерика. Галя привела медсестру. Та заставила выпить лекарство, и я очень скоро заснула. Когда проснулась, то увидела, что Галя заклеивает радио, а медсестра доказывает старшей воспитательнице, что нельзя наказывать любознательного ребенка битьем. Удивительно, такая молодая, а спасла меня от наказания! Галя починила радио. Правда, после ремонта оно стало немного шепелявить.

После этого случая Галя попыталась нам объяснить, как работает радио. На следующий день за игрой одна девочка-четырёхлетка говорит другой: «Я тебя зову, зову, а ты молчишь. Что, мои волны до тебя не дошли?» А вторая ей отвечает: «Я звала тебя из спальни, а ты сидишь в коридоре и не слышишь. Куда мои волны делись? Ведь они шли к тебе!» Как радовалась Галя, услышав эти слова! Ведь даже малышня кое-что поняла.

ТАЙНЫЙ ПОХОД В КИНО

Мне уже почти семь лет. Особенно я ощущаю свою взрослость, играя с малышами. Им-то по три-четыре года. Мне хочется сделать для них что-то особенное, очень приятное. Ну, что я могу? Как и другие старшие дети, я делаю с ними зарядку, рассказываю сказки, придумки, не позволяю обижать друг друга.

Как-то Иван в разговоре упомянул, что недалеко от нас в деревне поздно вечером для взрослых по выходным и праздникам «крутят» кино. Но пробираться в зал-сарай надо, когда фильм уже начнется. Показал дорогу. Я рассказала малышам, что такое кино (со слов Ивана, сама-то его еще не видела), и пообещала сводить их туда. В назначенный час бодрствовало только четверо ребят. С ними и пошла. По своей территории они шли спокойно, но стоило нам спуститься в овраг, как они заныли, заохали. Их пугала каждая высокая пушистая кучка травы, каждый куст.

— Вон ведьма сидит, — застонал один.

— Боже мой, это вурдалак, — прошептал другой.

Я поняла, что их запугивают, как и нас, страшными рассказями. Боже! Как же я не подумала об этом! Они же поверили мне, может быть, больше, чем воспитателю, потому что я «свой человек», большой и добрый ребенок. А я заставила их дрожать от страха. Тогда я небрежным тоном сказала:

— Всякая нечисть, если она есть, боится свиста и громкого разговора.

И засвистела единственный марш, который знала. Всем своим уверенным видом я показывала ребятам, что вокруг нет ничего плохого. Я подводила малышей к кустам, и мы вместе трогали их руками. Показывала, что тени — это совсем не страшно. Дети перестали ныть, но все же крепко держались за мои руки. Я чувствовала, как они дрожат.

Мы беспрепятственно проникли в сарай. На белой простыне в глубине сарая происходили чудеса. Маленький мальчик, меньше меня, учился играть на огромном музыкальном инструменте. Ему не хотелось. Он часто отвлекался, устраивал смешные проделки. Потом вдруг его папа или дедушка (из-за бороды не поймешь) умирает и маленький мальчик с палочкой в руке руководит огромным оркестром.

Я была потрясена фильмом. Судьба мальчика глубоко запала мне в сердце. Я плакала.

Люди в зале зашевелились. Боже мой! Какая же я няня? Я ни разу не взглянула на своих подопечных, так захватил меня фильм. А они спали. Я вскочила и осторожно разбудила их. Они ничего не понимали. Потом решили, что их будят в уборную, и послушно потопали за мной, не открывая глаз. Быстро уложив детей спать, я, помянув Бога за благополучно закончившийся поход, пошла к своей койке.

На следующий день детишки рассказывали всем, как ночью ходили в кино, но взрослые не обратили внимания на очередной «брех» малышей.

Я СЛЫШУ МУЗЫКУ

Утро. Люблю тихую погоду. Она создает не только внешний уют, но и состояние безмятежного покоя в моей душе. Сажу на грядке, выдергиваю сорняки. А мысли совсем не связаны с работой. Они далеки, легки и радостны. Это даже не мысли, а чувства.

В такие минуты я растворяюсь в окружающем мире. Я не ощущаю своего тела. Вот так иногда руки в речку опустишь и не чувствуешь ни тепла, ни холода. Вода и тело — едины, неотделимы. А сейчас слились моя душа и природа.

Встала с грядки, выпрямилась, взглянула в завораживающую глубину неба. От него тоже веяло покоем, а бесконечная глубина вызывала чувство трепетного, благоговейного восторга. Вдруг услышала в своей голове музыку. От неожиданности замерла. Да, это музыка звучала не снаружи, а внутри меня. Она была удивительной красоты! Такой я никогда не слышала. Она обволакивала меня всю, и от этого каждая частичка тела восторгалась и радовалась. В этой музыке было что-то от религиозного пения, но только она более радостная. Эта мелодия разливалась вширь и возносилась высоко-высоко. Я ощущала, как она растекалась.

Мелодия то нарастала, то затихала. Сначала приглушенно звучал один небольшой хор. Музыка доносилась как будто из глубины. Потом по мере нарастания звуков присоединялись другие группы голосов, то более высокие, то низкие. И все это удивительно гармонично сливалось воедино, образуя мощный восторженно-торжественный гимн.

Мне захотелось опуститься на колени, и стоять не шелохнувшись, впитывая каждый звук. Потом густые низкие звуки постепенно погасли. Музыка сделалась прозрачней, нежней, светлей. При этом внутри меня возникла удивительная легкость. Мне показалось, что я могу оторваться от земли и полететь, как парашютик одуванчика. Душа моя радостно трепетала.

Вдруг я подумала:

— Господи, за что ты так шутишь надо мной? Ты дал мне возможность услышать удивительную музыку, но не научил, как записать ее для друзей!

Эта земная мысль мгновенно отключила музыку в моей голове. Я заволновалась, задрожала, лихорадочно прислушиваясь к себе. Бесполезно! Ни звука! Растерянная, расстроенная, потрясенная, я села на дорожку возле грядки и заплакала. Я спугнула музыку. Вернется ли она ко мне?

ПРИВИВКА ОТ СТОЛБНЯКА

В детдоме появилась новая медсестра: худенькая, маленькая девушка со строгим лицом. Нам предстоял медосмотр. Уже прошел слух о том, что за каждую царапину все получат по уколу. Не знаю, почему мы так боимся уколов? Какой-то холодок появляется под ребрами при слове «шприц». Но я уже научилась бороться со страхом перед болью и старалась успокоить друзей своей бравадой и обещанием первой пойти на осмотр, даже вперед мальчишек.

Ребята проводили ревизию болячек, подсчитывая, сколько придется выдержать уколов. Я тоже критически оглядела свою тощую фигуру. Помню, как наш шофер коротко сказал, взглянув на меня:

— Арматура.

Все присутствующие взрослые захохотали. А мне понравилось это звучное слово, и я с удовольствием применяла его к себе. Так вот, результаты моего осмотра неутешительные. Цыпки до локтей на руках, до трусов на ногах. Колени, локти, все пальцы ног и рук в ссадинах. Некоторые уже подсохли. Из других сочилась кровь. Но меня это никогда не волновало. Я не чувствовала боли, вернее не обращала внимания на нее. А если кровь из ранок не переставала течь, я присыпала их сырой землей. От этого боль утихала. Так все делали. «Прописав» себе два десятка уколов, я успокоилась. Ничего, выдержу!

Настал день медицинского осмотра. После завтрака все собрались перед корпусом, где в углу спальни отгородили медкабинет. Войти первой мне не удалось, вызывали по списку. Один за другим ребята выскакивали от медсестры. Было всякое: кто ревел, кто ругался. Я поняла, что ожидать экзекуцию труднее, чем первой «вкусить» лекарства. Пересиливать себя пять минут много легче, чем три часа. Ожидание выматывает, и для геройства остается мало сил. Правда, когда узнала, что в основном колют по одному уколу от столбняка, успокоилась.

Подошел мой черед. Оглядев меня суровым взглядом, медсестра коротко сказала помогавшей ей няне:

— Два кубика, слишком много ссадин.

Вышла с улыбкой. Но через некоторое время с нами стало что-то твориться. Мы не могли ходить, ползали тут же по земле и стонали. Особенно тяжело было тем, кто получил двойную дозу. Сперва ныло только под лопаткой, потом боль распространилась по всему телу. Многие из нас понимали, что укол полезный. Но ведь мы не первый год ходим с болячками, ссадинами, и никто не умер. Стоило ли мучить нас?

ЯГОДЫ

Середина лета. За железной оградой (это все, что осталось от барской усадьбы) цветет ягодник, и уже кое-где появились зрелые ягоды. Каждый день мы уговариваем воспитателей сходить с нами в лес, а им все недосуг. Сегодня дежурит ВЭЭС. Нас это, конечно, не радует. Вдруг девчонки узнают, что у нее есть ребеночек в пеленках и что сегодня мы вместе пойдем в лес. Только ненадолго: маленького надо пораньше отнести домой. И точно, вскоре на пороге появилась Валентина Серафимовна с синим кулечком на руках. Кто бы мог подумать, что у такой злюки может быть свой ребенок? Все-таки Бог не успевает за всеми уследить. Ну, да ладно. Ему видней. Остановились на ближайшей полянке. Ягод много. Все сначала клали их себе в рот, а потом в кружки для киселя. Тут прошел слух:

— Валентина Серафимовна просит для ребенка зрелых ягод.

Что тут началось! Дети окружили малыша и наперебой совали ягоды кто на веточках, кто по одной. Мамаша отбирала лучшие и давала сыночку. А дети в это время разглядывали его. Из-за тряпочек можно было увидеть только малюсенькое личико. Если ягода нравилась, личико улыбалось, если нет, то корчило гримасу, и Валентина Серафимовна зло отгоняла того, кто обидел ее дитяню.

Я смотрела, как дети приносят ягоды. Мальчики большей частью дружески, по-братски совали малышу землянику. Девчонки, прежде чем отдать ягоды, заискивающе заглядывали в глаза Валентине Серафимовне. При этом чувствовалось, что носят они ягоды не только для малыша, а в основном, чтобы задобрить воспитательницу. От этой мысли мне сделалось противно. Но у меня еще не зажили раны от последней порки, и я неуверенно двинулась к кружку детей. Успела заметить, что ребенок уже не хочет ягод, часто кривится. И все же протянула самую крупную и темную ягоду. Малец вдруг разорался. Видно, моя ягода была последней каплей в его терпении. Воспитательница зло зыркнула на меня и грубо прогнала. Я сжалась в комочек. От этого кожа на ранках тоже сжалась и заняла сильнее.

— Не миновать наказания. Зачем полезла с этой ягодой? Подлиза чертова! Не умеешь быть подлизой, не лезь, куда не следует, — ругала я себя.

Мне было гадко от мысли, что я пошла против своей совести. Нельзя все время бояться. Буду учиться пересиливать себя. Интересно, как взрослые справляются со страхом?

ВСТРЕЧИ ЗА ЗАБОРОМ

За железным забором нашего сада существует какая-то особенная жизнь. Без воспитателей нам не разрешается выходить в этот неведомый мир. Однажды, гуляя по саду в поисках остатков фруктов, я услышала тихий разговор. За забором стоял неопрятно одетый, небритый, с лицом пропащего человека, мужчина неопределенного возраста. По эту сторону — малыш из средней группы. Взрослый просил мальчика что-то принести из детдома, а за это обещал научить его играть в карты. При этом он показывал картонные прямоугольники с картинками. От нянечки я слышала, что из-за карт люди погибают также как от водки.

Я знала, что подслушивать нехорошо, но когда представила себе, что Коля тоже может пропасть, решила дождаться конца их разговора. Мужчина ушел, а я догнала Колю и принялась отговаривать встречаться с чужаком. Я сразу догадалась, что мужчина — плохой. Он все время оглядывался по сторонам. Глаза его так и бегали. И ему не понравилось, что я появилась во время их разговора. Хорошие дела исполняют открыто, а плохие — тайно. Мне не хотелось, чтобы Коля стал вором. Но он не слушал меня, считал этого мужчину другом и хотел научиться играть в карты. Что же делать? Воспитателям сообщать нельзя. Как помочь?

Решила посоветоваться с тетей Машей. Я попросила поговорить с Колей, но взяла с нее честное слово, что она никому больше не расскажет об этом. Не хочу быть доносчиком. Упаси бог.

С тех пор меня почему-то тянуло в сад. Как-то раз через прутья забора я увидела мужчину средних лет, одетого бедно, но чисто. Он предложил мне пробраться к нему через потайной лаз, говорил, что у него нет дочки, а ему очень хочется иметь добрую девочку, которую можно приласкать. Я внимательно разглядывала незнакомца, пытаюсь понять его просьбу. Что-то нехорошее промелькнуло в его глазах и насторожило меня. Я привыкла верить не словам людей, а лицам, глазам, интонациям. Я не поняла, скорее всего, почувствовала, что этот человек плохой. Он был за забором, но мне почему-то сделалось жутко. А когда его рука неожиданно коснулась моей, мне стало противно, дрожь прошла по телу, и я опрометью помчалась к домам. Я тогда так и не поняла, чем был нехорош этот человек, но ощущение гадливости от встречи осталось надолго.

А вскоре я там же встретила женщину с молодым лицом и седыми волосами. Я ее сразу узнала. Однажды наша группа возвращалась с прогулки. Мы шли по пыльной дороге измученные, голодные и ели сахарную свеклу, которую надергали в поле. Все старательно обгрызали и сплевывали верхнюю, грязную поверхность корнеплода, добираясь до чистой белой мякоти. От сладкого сока наши руки и лица были в грязных, липких разводах.

Я ела свеклу и думала:

— У меня один ботинок жмет, и я всегда натираю эту ногу. А второй — очень большой, однако и другая нога почему-то тоже в кровавых волдырях.

Вдруг резкий плачущий крик заставил всех повернуть головы в одну сторону. Женщина, обращаясь к нам, говорила, что у нее сейчас была бы такая же дочка, как мы, но из-за войны и голода она отдала ее в детдом и теперь не знает, где родная кровинушка и что с нею. Странная прохожая не вызвала у меня симпатии и даже жалости. Может, меня доконали растертые ноги или мне показалось, что она сумасшедшая. А может еще потому, что она лишний раз напомнила: среди нас на самом деле есть подкидыши...

И вот судьба опять свела меня с этой женщиной у забора. У нее был жалкий вид: седые растрепанные волосы грязные, слипшиеся, сильно изношенная одежда болталась, как на колу. Худыми, костлявыми пальцами она цеплялась за прутья. Мне показалось, что она пьяная и, не ответив на ее призывы, я прошла мимо. Но мысль о седых волосах молодой женщины заставила меня остановиться. Я слышала, что такое бывает от большого горя. Женщина начала умолять меня стать ее дочкой. Говорила она торопливо, захлебываясь словами. Я внимательно слушала ее и одновременно задавала себе вопросы: «Почему я? Ей все равно кто? Зачем я нужна? Она больная? Может, у нее погиб муж и теперь ей нужна помощь? А какая от меня польза?»

Женщина сквозь прутья тронула меня за руку. Я испуганно отскочила.

— Не бойся, — уговаривала меня незнакомка. — Ты привыкнешь ко мне.

Но мой мозг сверлила одна мысль: «Как ответить, чтобы не обидеть ее?» Приблизилась к женщине и, глядя в ее печальные глаза, тихо сказала:

— Мне нужен папа.

И медленно направилась к домам. Оглянулась. Серая фигура — на месте. Срывающимся голосом крикнула:

— Тетя, вы найдете свою дочку или вас полюбит девочка, которая хочет маму.

И побежала. Сердце колотилось. В висках стучало. Как трудно отказывать несчастному человеку!

УРОК

Занятия проходят у нас в столовой сразу после завтрака. Сегодня первый урок — математика. Галя рисует на доске мелом различные фигуры и спрашивает у детей их названия.

Володя:

— Это круг.

Галя поправляет:

— Это окружность. Круг — рядом. Ясно?

Надя:

— Это фигура «три угла».

Галя:

— Почему?

Надя:

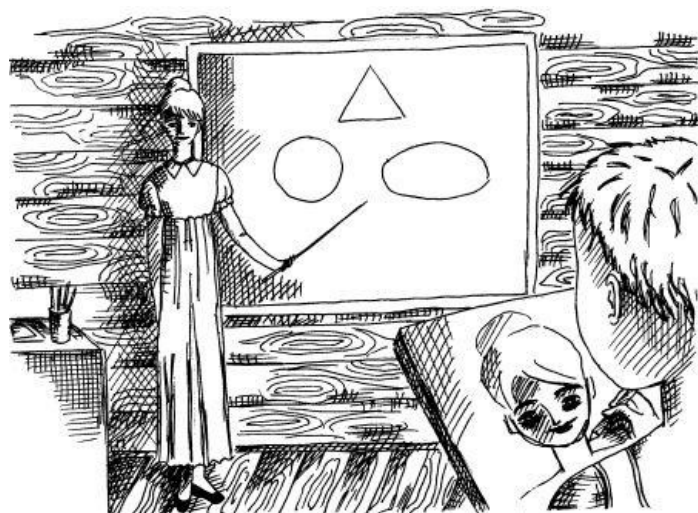
— В комнате по углам воспитатель ставит четырех детей. А на твоей картинке можно поставить только троих.

Галя смеется:

— Интересный пример. Это — треугольник. А пол в нашей комнате представляет собой четырехугольник.

Мы все старательно зарисовываем в тетради. Чтобы проверить наши знания, Галя подходит к каждому с разными картинками. Мне она показала брусок с отверстием и спросила, что я вижу. Я ответила:

— Дырку.

— А на что она похожа? — уточнила Галя.

— Ни на что, — начала я сердиться, не увидев сходства с заученными геометрическими фигурами.

— Посмотри лучше, — настаивала Галя.

— Дырка, — упрямо повторила я.

— Дырка, потому что насквозь, — попыталась я отстоять свое мнение.

Галя не понимала меня. Тогда я взяла ножницы и вырезала круг.

— Это круг, а там дырка, — объяснила я. — Она для ребенка не похожа на круг.

Галя улыбнулась:

— Я вас учу и в то же время сама приобретаю опыт работы с вами.

После урока математики мы рисуем домики и многоэтажные дома. Домики у всех получаются сразу. А вот с многоэтажными сложнее, так как дети никогда их не видели. Галя растолковывает Алене:

— Возьмем один дом без крыши и поставим на него другой дом без крыши...

Алена рисует дом, а окна разбросаны по стене то выше, то ниже. Галя задумалась, подыскивая простые слова. Тут Зина тихо сказала:

— Просто ряды окон.

Галя удивленно посмотрела на Зину и похвалила:

— Лучше и четче не скажешь. Молодец! Соображаешь.

После уроков рисуем на вольную тему. Мне хочется научиться изображать лицо человека как живое. Галя объяснила, как наносят тени на портрет. У меня уже получается старое лицо и молодое, грустное и веселое. Я заметила: если нравится человек или его внешность чем-то поразила, то портрет выходит лучше. Иногда не очень стараешься, быстренько нарисуешь, а ребята сразу узнают, кого я изобразила. Но не каждый раз получается, как хочешь. Может, от настроения зависит?

Как-то решила попробовать нарисовать портрет Гали. Но тени под глазами получились слишком темные, и я поняла, что рисунок не удался, и не хотела его показывать. Ведь Галя такая красивая! Но она настойчиво попросила отдать портрет. Посмотрела внимательно и рассмеялась:

— Теперь знаю, какая буду через двадцать лет!

Потом похлопала меня по плечу и сказала:

— Не бросай рисовать.

ГАЛЯ УЧИТ ГОВОРИТЬ

Сначала Галя читает нам книгу, а потом мы по очереди пытаемся пересказывать.

Получается очень смешно. Кто заикается, кто ерунду говорит, а кое у кого, в общем-то, неплохо получается. Галя слушала, слушала нас, а потом удивленно спросила:

— Ребята, почему вы в каждом предложении «ей-богу» и «черт» употребляете? Мне кажется, эти два слова даже рядом ставить нельзя.

Нина возразила:

— Почему нельзя? Если есть бог, то есть и черт. А употребляем мы их потому, что все взрослые у нас так разговаривают.

Галя поинтересовалась:

— А ты веришь в Бога?

Нина задумалась:

— Наверное, нет. Но хочется, чтобы он был и помогал нам.

Потом Галя дала нам задание придумать слова, заменяющие «ей-богу» и «черт». Витек, как всегда, вперед выскочил:

— Честное Ленинское, честное Сталинское.

— Не проще ли сказать «честное слово», — улыбнулась Галя, — или применить выражение «я говорю правду»? При чем здесь Бог или вождь?

Встал Гена:

— Я вместо «черт знает» всегда говорю «кто знает». Не люблю грубых слов. Это некрасиво.

Некоторые дети презрительно хихикнули:

— Чистоплюй умничает.

Галя грустно заметила:

— Всех бы вас сделать такими чистоплюями, тогда я могла бы вами гордиться. В человеке все должно быть прекрасно: и слова, и дела. И чем раньше вы это поймете, тем лучше для вас. Вернемся к пересказу.

Галя повернула голову к «Комардину». Ваня начал:

— Девушка хотела утопиться. Дедушка ее спас. Он делал для нее золотую розу. Девушка уехала. Дедушка умер.

Галя спросила:

— А почему дедушка умер?

Ваня:

— Наверное, старый был.

Галя:

— Дети, а кто думает иначе?

Нина:

— Он умер от горя. Он старался для девушки. Она плохая. Она бросила его.

Гена:

— Девушку бросил плохой дядя. А она бросила дедушку. Это нечестно. Он же ее спас, а она все забыла. Она злая.

В комнате наступила задумчивая тишина. Галя тихим голосом нарушила ее:

— Дети, в каждой сказке, в каждом рассказе есть душа. Ее надо уметь почувствовать. Не сразу, но скоро вы все научитесь этому.

Я заметила, что лучше воспринимаю рассказ, если его читают нам вслух с выражением. Сама прочитаю, вроде ничего особенного. Но когда Галя произносит то же самое, выделяя голосом грустные и веселые моменты, то события перед глазами предстают ярче, понятней.

Еще на уроках нам хорошо читает Оля. Но почему-то пересказать прочитанное у нее не получается. Сегодня Галя дала ей газету. Первую страницу. Там было много трудных незнакомых слов. Но Оля быстро справилась с текстом, причем с выражением, с правильными ударениями. Галя спросила:

— Ты все поняла?

— Совсем ничего не поняла, — ответила Оля.

— Но ты же не допустила ни одной ошибки. Как это у тебя получается? — удивилась Галя.

— Не знаю, — растерянно пожала тощими плечиками Оля.

— Во, дает Олька! Талант! — влез со своим замечанием Витек.

— Молодец, Оля. Читать научилась великолепно! Теперь старайся больше пересказывать. У тебя все получится. А сейчас я прочитаю вам рассказ о войне. Его проще пересказывать мальчикам. Правда? — улыбнулась Галя.

— Ну-ка, начинай первый, — тронула она мягкий кудрявый затылок Саши.

Он с готовностью вскочил:

— Солдат пошел на задание. Он убил трех фрицев. Потом опять пошел. Поймал «языка». Ему дали медаль. Он — герой.

Галя:

— А почему он герой?

Саша:

— Он «языка» привел.

Галя:

— И все?

Саша:

— А что еще? Я все рассказал.

Галя:

— Ты, видно, будешь физиком или математиком. Тебя и на рисовании не интересуют подробности. Помнишь свой рисунок? Голова — прямоугольник. Руки — палки. Все на месте — и порядок.

Все засмеялись. Саша не обиделся, он смеялся вместе с нами.

Галя:

— Саша, а человека легко убить?

Саша:

— Так это же фрицы, а не люди!

Я пытаюсь представить себе фашиста. Он похож на человека. Голова должна быть волчья? А может, только сердце звериное?..

Галя:

— Из твоего рассказа не видно, что солдат — герой. Он как бы сходил на прогулку и по пути прихватил с собой «языка».

Ребята снова засмеялись.

Галя:

— Задумались? Ну-ка, Вова, теперь ты попробуй ответить.

Вова:

— Наверное, ему было немного страшно, хоть он и взрослый. Кругом стреляли фрицы. Умирать никому не хочется.

Витя:

— Трудно поймать «языка», не у всякого может получиться. Поэтому медаль дали. Солдатов много, а «героя» получают не все.

Галя:

— Солдат, а не солдатов. А какой человек может стать героем?

Саша:

— Он должен быть сильным, храбрым, хитрым, чтобы обмануть фрицев.

Витя:

— Я думаю, что героем может стать не обязательно сильный. Я слабый, но если бы мне дали винтовку, я всех фрицев поубивал бы.

Теперь каждый пытался высказать свое мнение о войне. Поднялся невообразимый шум. Галя подняла руки вверх.

Это сигнал: «молчок». Мы затихли.

Галя с улыбкой сказала:

— Урок окончен. Вы все молодцы. Я вами довольна. Главное, что вы хотите все знать. А понимание разным детям приходит в разное время. Одному в пять лет, другому в семь. Одни дети сначала растут, а потом умнеют, а некоторые сразу растут и умнеют. Поэтому в школу с пяти лет не берут. Все вы у меня умные и к восьми годам хорошо подготовитесь к школе.

Я ЧИТАЮ СТИХИ

Галя дала мне книжку стихов Пушкина. Каждое стихотворение я читала по три раза, чтобы лучше понять. Понравилось мне в них описание природы. «Мороз и солнце! День чудесный!» Здорово! Мне не надо заучивать стихи. Они сами западают мне в голову и душу. А потом я повторяю их себе для поднятия настроения или просто так, если мне хорошо. «Унылая пора! Очей очарованье!» Красиво!

Читаю стихи и представляю себе автора. Наверное, он очень чувствительный, веселый и счастливый человек. А я грустный ребенок. Тетя Маша говорила, что мое сердце не готово к радости. Оно, как очень больной ребенок, чувствует только боль уколов. Поэтому, когда Галя спросила мое мнение о книге, я честно ответила:

— Не очень. Но что мне понравилось, я выучила. Жизнь совсем не такая, как он пишет. Его бы к нам в детдом, — сердито добавила я.

Галя улыбнулась:

— Когда читаешь книги, забывай про свои неприятности. Живи жизнью героев. Возьми Некрасова, он тебе ближе.

И протянула мне новую книжку.

«Железная дорога». Это название, как гудок паровоза, вызвало у меня щемящее чувство тревоги, ожидания чего-то нового, бесконечно далекого и в то же время пугающе быстро надвигающегося. Я ушла в себя, в свои грустные мысли. Галя опять подошла ко мне, положила руку на голову и прошептала:

— Отключайся, читай вот здесь.

Я прочитала: «Славная осень. Морозные ночи. Ясные тихие дни». И замерла в немом восторге. Боже! Как просто! Славная осень. Не прекрасная, не великолепная, а славная. Какая прелесть! Осень бывает дождливой, ветреной. Прекрасной ее не назовешь, а «славная» — пожалуйста, подходит. Славная, потому что любишь, какой бы она ни была. «Славная осень. Морозные ночи. Ясные тихие дни», — бормотала я про себя. Ни одного украшающего словечка! Каждое слово стоит на месте, и его нельзя отодвинуть, чтобы добавить другое. Этот человек говорит то, что я чувствую, но не могу выразить. А если и выражаю, то лишь восклицаниями. Он так расставляет простые слова, что сердце переполняется удивительным чувством. Его строчки пробуждают во мне что-то новое. Они как бы трогают то одну, то другую струну моего сердца.

Я задумалась о том, что делает человека плохим или хорошим. И решила, что внутри каждого из нас уже заложено, каким он должен быть. Души людей, как сложные музыкальные инструменты, настроены по-разному. А жизнь дергает за эти струны. Одного она жалеет, нежно играет, подбирая все более сложные мелодии. Другим рвет струны, калечит душу. Если инструмент сделан хорошо, надежно, то, даже если часть струн и оборвется, все равно человек выдержит все трудности и сыграет свою красивую мелодию жизни до конца. У иного человека струны настроены и на плохое, и на хорошее. И его жизнь будет очень сильно зависеть от того, куда он попадет. Вот порвет жизнь много хороших струн, — и пропал он. А повезет, — может, выйдет неплохой человек. Но струны страха и других слабостей все равно будут мешать ему жить. Дай бог, чтобы реже трогала жизнь струны плохих чувств... У плохого дяди за забором душа — поломанная балалайка, а у хороших людей — сложный орган. Галя про него красиво рассказывала!..

Опять меня куда-то занесли фантазии. Надо читать, пока книжку не забрали. Жизнь крестьян и их детей меня совсем выбила из нормального состояния. Галя снова подошла ко мне и успокоила, сказав, что такое было до революции, а сейчас все иначе. Слезы вмиг высохли. И я стала думать, что не так уж плохо живу. А если бы ни ВЭЭС и ее компания, вообще жизнь была бы прекрасна и удивительна. Но это если бы, да кабы...

Потом я читала в этой книге отрывок «Родная земля» и представляла себе наш сад, лес, бабушку Мавру с ее усталыми руками, сгорбленного деда Панько в засаленной кепке, которую он носил весь год, кроме зимы. Видела его больные полусогнутые колени, добрую усмешку, а также молчаливых женщин из соседней деревни, которые часто ходят мимо нашего забора, нагруженные мешками и сумками...

В книжке не было картинок, и я решила сама придумать портрет автора. Это должен быть пожилой, очень грустный и добрый человек. Наверное, кто-то рвал ему в детстве струны души. Я нарисовала на листке портрет старого человека. Голова его опиралась на руки, потому что была тяжелая от грустных мыслей. А в глазах — глубокая скорбь за всех обиженных и несчастных. Наружные уголки глаз и губ опустила, потому что только когда у человека все хорошо, концы его губ торчат вверх. Рисунок Гале понравился.

— У Некрасова была борода. А идея правильная, — улыбнулась она.

Я рассказала Витьку про свои впечатления о книге.

— Много умничаешь. Когда вырастешь, наверное, будешь занудой, — пробурчал он.

От его слов я загрустила. Не хочу быть занудой. Побежала на кухню помочь бабушке Маврушке мыть посуду и поделиться переживаниями. Она, как всегда, внимательно выслушала меня и добродушно высказалась:

— Думаешь, ты, детка, много, потому что боишься всего вокруг. Страхи пройдут, а привычка размышлять останется. Это хорошо. А Витек не дорос еще тебя понимать. Мальчишки умнеют позже. Помиришься с ним. Он душевный.

Мне сразу полегчало.

ПРОЗА

Я заметила, что Галя часто приносит книжки только для меня. Сегодня она дала мне новую, с названием «Дети подземелья». Это не стихи. И хотя строчки в ней длинные, смысл их доходит даже быстрее, чем в стихах. Мне понравилось читать прозу. Но само слово «проза» вызывает у меня неприятные чувства. Я избегаю его, так как мне кажется, что оно таит в себе непонятную угрозу. Галя заметила это и строго сказала, чтобы я не усложняла себе жизнь фантазиями. Я из упрямства мысленно с нею не согласилась. Ведь трудно бросить игру, в которую привыкла играть. Вот слово «шуршать». Оно понятное и не страшное. Пройдись по осенней поляне, глубоко погружая ноги в опавшую листву. Что услышишь? «Шур-шу, Шур-шу». «Греметь, крошить» — сразу представляешь ломку, разрушение. «Стук» — «тук-тук» — дятел долбит дерево. А слово «проза» — не созвучно ни с чем. Оно просто в рифму со словом «угроза». Вот и все.

Снова погрузилась в чтение, и детдом для меня уже не существует. Я вместе с ребятами ношусь по улицам, плачу с Соней, дрожу от жалости, когда держу на руках умирающую Марусю, горжусь мужеством ее маленького защитника. Я живу жизнью каждого из них. Это меня обнимает за плечи отец, понявший, что его сын — настоящий человек. Это я краду из дому куклу для больной девочки, пытаюсь спасти ее от «серого камня». Я представляю, как тайком ношу свои обеды в подземелье и спасаю крошку. Конечно, кукла, наверное, радость в жизни. Не знаю. У меня не было настоящей куклы. Но я бы сначала кормила ребенка и лечила. Хотя радость тоже, наверное, лечит. Почему богатые не помогают бедным? Не могут же все они быть злыми, плохими людьми? Почему одни бедные, другие богатые? Что-то в жизни есть такое, чего я никак не могу понять.

Книга заставила меня снова посмотреть на мою жизнь как бы со стороны. Я решила, что мне, пожалуй, еще повезло. От голода не умираю. Правда, иногда кажется, что лучше бы голодать, чем терпеть незаслуженные издевательства.

ГРУСТНАЯ ДЕВОЧКА ЗИНА

Зина у нас самая тихонькая. Она никогда не дерется, не участвует в шумных играх. А если ее пытаются затащить силой, то поднимает такой рев, что хоть из комнаты убегай. Сидит она обычно молча в углу и внимательно смотрит за всем, что происходит. А то вдруг встанет, возьмет мячик и протянет воспитательнице со словами:

— Какой он?

Та удивляется, но, подумав, отвечает:

— Синий.

— Еще? — просит Зина.

Воспитательница задумывается:

— Мягкий, упругий.

— Еще? — продолжает допрос Зина.

— Маленький, легкий.

— Еще, — настаивает Зина.

— Отстань, — сердится воспитательница и уходит.

Зина кладет мяч на место и идет в свой угол. Потом вдруг подходит к Витьку и тихо, но твердо требует ответить на ее вопрос:

— Почему колеса у машины крутятся?

Витек что-то толкует ей насчет осей, мотора, бензина. Она очень внимательно слушает, потом также тихо говорит, что не все поняла и уходит. Кукол и зверюшек она не признает, отбрасывает их подальше от себя. Обычно дети, когда играют, фантазируют на ходу, представляя себя летчиками, врачами, мамами. Делают «уколы», нянчат «детей». Зина только наблюдает за играми. Дети считают ее плаксой и не замечают. Воспитатели ее не любят за то, что она делает им замечания. Подходит, например, к воспитательнице, смотрит ей прямо в глаза и говорит:

— Нельзя детям давать холодной воды. Они ели горячее и могут заболеть.

Или:

— Нельзя наказывать ребенка, если он не виноват.

Или еще:

— Кричать можно на непослушного ребенка. А хорошему нужно просто тихо сказать, и он все сделает.

Замечания злят воспитателей. Но Зина все равно указывает на их несправедливость. С одной няней она не здоровается с четырех лет. Галя попыталась объяснить девочке, что надо всегда и со всеми быть вежливой. Но Зина ответила твердо:

— Она не заслуживает. Она щиплет меня, бьет. Я веду себя очень хорошо. Я послушная. Нечестно обижать маленьких!

Галя, чтобы пробудить жалость у Зины, рассказала ей, что у воспитательницы тяжелая жизнь, поэтому она такая нервная. Зина строго ответила:

— Я ребенок, но понимаю, что ей плохо и не обижаю ее. А она взрослая, но не хочет понять, что мне и другим детям плохо. Она просто злая. Не буду с нею здороваться.

Вот тебе и тихоня! А ведь трусиха вроде бы. Когда ее вызывают к доске, она, не вставая со скамейки, начинает плакать. Галя попыталась узнать, почему неглупая девочка ведет

себя так странно? А все оказалось на удивление просто. Когда-то давно Зине не досталось стульчика. Она целый день ходила и стояла. Сесть на пол боялась, так как за грязные штанишки наказывали. К концу дня она устала, не выдержала и села на пол. Последовало достаточно жестокое наказание. С тех пор она боится остаться без стула и поэтому на уроках не встает и не играет с детьми.

А еще ей трудно целый день ходить, когда хочется в уборную. Балуюсь, дети прищемили Зине пальцы дверью так, что из-под ногтей пошла кровь. Руки долго не заживали. С тех пор она ходит в туалет только ночью, когда все спят. Вот и все. После разговора с Зиной, Галя пересчитала лавки и стулья. Потребовала от директрисы добавить. Следила, чтобы дети не устраивали игр в уборной, на несколько минут уходила с урока и оставляла Зину старшей по группе со словами:

— Почитай, пока я приду, выручи меня.

Мы впервые узнали, что Зина-плакса великолепно читает, знает наизусть все детские стихи, которые были в наших книжках, решает любые задачи по арифметике и что она нормальная, добрая девочка. Галя устроила выставку наших рисунков и пригласила взрослых незнакомых людей. Один толстый дядя, положив руки на живот, долго разглядывал картинки. Потом сказал:

— В основном дети срисовывают. А вот в этом рисунке чувствуется настроение. Серый дом, поникшие ветки деревьев, размытые фигуры людей на сером фоне дождливого дня. Покажите мне этого грустного ребенка.

Привели Зину. Попытка поговорить не удалась.

— Ребенок весь в себе, — пробормотал дядя и ушел вслед за остальными.

Вскоре произошел случай, который заставил детей перестать называть Зину плаксой. Не помню точно, что вызвало у нее истерику. Зина понимала, что реветь — плохо, но ничего не могла с собой поделать. Тогда она взяла ремень, который висел на гвозде у двери, подала его няне и, захлебываясь слезами, сказала:

— Три раза сильно, но не очень.

Потом спустила штанишки и легла на край кровати. Няня от такого предложения даже растерялась. Наказывать, конечно, дело привычное, но что делать, когда ребенок сам требует наказания? Она машинально взяла ремень и легонько ударила. Зина попросила:

— Сильнее.

Няня ударила. Розовый след с красными прожилками отпечатался четко.

— Еще также, — всхлипывая, сказала Зина.

Няня опять ударила. Зина надела штанишки, сказала няне спасибо и извиняющимся тоном объяснила ребятам:

— Без ремня не могла остановиться. Не мучить же мне всех своим ревом?

В комнате стояла тишина. Няня быстро вышла. Мы с Витьком зачем-то пошли за нею. В приоткрытую дверь кухни увидели, как тряслись пухлые плечи няни, а крупные ладони прикрывали рот, заглушая рыдания.

МАЛЕНЬКИЙ РЫЦАРЬ

Саша — особенный мальчик. Слабый здоровьем, он большей частью лежит на полу. Но руки и голова его всегда заняты. Он все время мастерит самолеты, машины и фантастические малопонятные вещи. Я заметила, что он не играет готовыми игрушками. Если уберут все его «детали», он все равно разберет другие игрушки на части, а потом обязательно из них сделает что-то свое. Работу выполняет с великим усердием, часами колдует над всякими «проектами». И если его не уводили обедать, то мог возиться до темна.

Когда у нас проходят занятия с Галей, он часто сидит в нашей комнате. Ребята старательно думают над задачками по арифметике, а Сашок потихоньку подсказывает ответы. Некоторых это злит, других смешит, но все удивляются тому, как он быстро соображает. Занятия по пересказу для большинства детей сложнее арифметики. Ребята «экают», подыскивая слова, чтобы закончить фразу. Сашок, не отрываясь от игры, помогает каждому. Тогда Галя сама начала задавать вопросы мальчику. Его ответы приводили ее в восторг. А когда Саша составлял рассказ по картинке, дети слушали его фантазии, раскрыв рот, или «умирали» от смеха. Если он начинал говорить, то остановить его было трудно. Про него шутили:

«Он как радио, только не выключишь».

Саша не выговаривает «р» и «л», но все равно все с удовольствием слушают его. Говорит он взрослым языком. Употребляет и грубые слова. Я догадывалась, что он не понимает их значения, хотя всегда правильно применяет. Когда сердится на кого-нибудь, то обязательно их произносит. На Сашу не обижаются, потому что очень смешно, когда малыш, от горшка два вершка, со строгим серьезным видом говорит взрослые слова. А еще он любую ссору детей может превратить в шутку. Саша непослушный. Вот скажет ему няня:

— Не открывай кран самовара, там кипяток.

Он обязательно откроет, сунет палец в воду и обожжется. Его побьют, а он только пробурчит:

— Снова открою.

Воспитатели считали, что он хулиганит. Но Галя объяснила, что мальчик ничего не принимает на веру. Все познает сам, на собственном опыте, потому что по характеру исследователь, и, если ему повезет, — «далеко пойдет». Она назвала его «профессором». Я радуюсь, когда Галя защищает Сашу, чтобы его меньше били.

Как-то она обратилась к Сашку:

— Что ты целый день железки крутишь? Иди с группой рисовать.

Он недовольно пробурчал:

— И почему все ко мне пристают? Я создаю машины, а меня заставляют заниматься всякой ерундой!

Саша так серьезно произнес «создаю», что рассмешил практикантку.

— Где ты такое слово отыскал? — весело спросила она и добавила уже строго: — Ты не умеешь рисовать и должен учиться.

Она подала ему гребешок, которым закрепляла свою косу и приказала:

— Нарисуй его!

Сашок сердито вскочил, схватил карандаш, положил гребень на лист бумаги, быстрым движением обвел его и протянул рисунок Гале со словами:

— Все! Нарисовал. Пойду работать.

Широко раскрыв глаза, Галя долго стояла у стола. Потом восхищенно прошептала:

— Как он в три года до такого додумался? Вот голова!

Позже она спросила у тети Маши:

— Как Вы думаете, у Саша особенные способности или я ошибаюсь?

— По-своему необыкновенный, замечательный человек! Очень умный, храни его Господь, — подтвердила тетя Маша.

Сашу часто наказывали за вранье. Когда Галя пыталась добиться от него признания, он тоже становился на вытыжку, и огромными карими круглыми глазами так честно и преданно смотрел на нее, что она терялась, не зная, что с ним делать. Она знала, что он обманывает. Ведь Саша всюду оставлял «улики»: то спички, то обгоревшие самолетик из серебрянки, то проволоку.

После очередного наказания Галя решила еще раз побеседовать с ним по душам. Саша очень внимательно слушал ее, как всегда лежа, в самой удобной для него позе. Вдруг он как ужаленный подскочил с пола и завизжал так, что Галя оторопело заморгала глазами и умолкла. Слезы фонтаном полились из Сашиних глаз. Он весь трясся, размахивал руками и, задыхаясь, кричал:

— Я же не знал, что это называется «обманывать». Я вообще не понимал, что такое врать. За что меня наказывали? Так нечестно! Объяснить надо. Вы обязаны понимать детей!

Чтобы остановить истерику, Галя обняла Сашу и крепко прижала к себе. Он постепенно утомился, сел за игрушки, но долго еще из угла слышалось его недовольное бурчание. Саша очень добрый и отходчивый мальчик. Но, очевидно, сильно потрясло его то, что взрослые наказывали его напрасно.

Сашок различал, когда человек ему по обязанности что-то делает, а когда — по душе. Я наблюдала его трогательную привязанность к тем няням, которые хоть иногда были немного добры к нему. Как же он бывал благодарен за крохи доброты, которые ему перепали! Он целовал, обнимал доброго человека, кто бы им ни был, называл его самыми ласковыми словами, говорил комплименты. Да, комплименты. Не грубую прямую похвалу или лесть, а именно комплименты. Делать это он умел ненавязчиво, как бы вскользь. Вот прибежала на занятие радостная Галя. Сашок взглянул на нее и, не отрываясь от «деталей», тихо, восхищенно сказал:

— Ну и глаза!

А Валентина Серафимовна однажды пришла в мятой юбке, заколотой большой булавкой, так Сашок поднял невинные глаза вверх и прошептал:

— Наша модница явилась.

Раз лежали мы на берегу реки. Мимо пробежала молодая красивая тетя с двумя маленькими детьми. Сидевший рядом с нами мужчина крикнул им вслед:

— Детки, покрепче держите маму, а то я уведу ее!

Зина сердито фыркнула:

— Хулиган приставучий.

А Саша поправил ее:

— Он ей комплимент сделал. Сказал, что красивая.

Дети любили Сашку за добрые шутки. Но случалось, что и ему доставалось от ребят из группы. Нечаянно. Во время баловства. Саша никогда не давал сдачи, если даже ему что-либо разбивали до крови. Меня это сердило и возмущало. Я решила научить его драться. Саша выслушал меня внимательно и вдруг ответил:

— Не стану бить. Раз мне больно, значит, и ему тоже будет больно. Не могу делать человеку плохо.

— Но ведь ты должен защищать себя, — сердилась я на его, как мне казалось, бестолковость.

— Ничего, потерплю, а драться не буду, — упрямо ответил Сашок.

«Наверное, он трусишка, надо как-то помочь ему стать смелым», — подумала я.

Но случай, происшедший во дворе удивил, озадачил и обрадовал меня. Дети, спускаясь с ледяной горки на штанах, четко соблюдали очередь. И вдруг появился незнакомый мальчишка лет двенадцати. Он скатывался, когда ему хотелось, расталкивая маленьких и в первую очередь девочек. Смотрю, Сашок заковылял на вершину горки. Взобрался, вцепился сзади одной рукой за брюки «чужака», а другой принялся бить его кулачком по пятой точке. Выше достать не мог. Чужой мальчик попытался его оттолкнуть. Но Сашок на удивление крепко висел на нем и кричал:

— Не обижай маленьких, большой дурак!

Все-таки сбросил «чужак» нашего юного защитника и покатился вниз, разметая малышей. Когда он опять оказался наверху, Сашок тут же схватил хулигана за штаны, с визгом требуя не трогать младших и соблюдать порядок. На шум пришла няня и прогнала нахала. А у меня потеплело на сердце: «Не трус Сашок, а добрый сказочный рыцарь».

СПОРТИВНЫЕ «ПОДВИГИ»

С восхищением наблюдаю, как занимаются старшие ребята на тройном турнике. Лазя по деревьям, я немного накопила сил, и теперь одолеть большой турник стало моим заветным желанием. Вершина умения на турнике — «солнышко». Только Иван мог его крутить. Высокий, худой, светловолосый парнишка. Жесткие волосы на затылке не приглаживаются. Над высоким лбом справа странный непослушный завиток. Он придавал Ивану задорный вид. Мой друг старательно прятал его под длинным чубом, но нахальный хохолок все равно просовывался между прядей волос. Баба Мавра смеялась: «Корова языком зализала. Бесплезно причесывать».

Голубые крупные глаза Ивана обрамлены длинными, густыми ресницами. Черные, широкие сросшиеся у переносицы брови, длинные, прямые. Когда Иван сердится, они, как стрелы, устремляются друг к другу, образуя четкий угол. Нос прямой. Широкие скулы усеяны оспинками. Нижняя пухлая губа капризно выдвинута вперед. Его лицо совсем не вяжется с его постоянно строгим поведением.

Иван спокойно с достоинством подошел к турнику и, сделав для разминки несколько несложных для него упражнений, перешел во вращение на вытянутых руках. Потом красиво спрыгнул и неторопливо отошел от турника. Я люблю и горжусь им. Ведь он немножко и мой друг!

Я внимательно слежу за упражнениями ребят, запоминаю их. Неоднократно залезаю на маленький турник и выполняю простые кувырки, перевороты. Но большой турник опять притягивает как магнит! Когда ребята закончили тренировку, я, как белка, залезла по столбу на самую высокую часть турника и начала осторожно выполнять простейшие упражнения. Они получались так же легко, как и на маленьком. Это подбодрило меня, и я решила сделать сложный переворот. Он получился удачный. Я, как и положено, повисла на вывернутых руках. Но, когда попыталась вновь опустить ноги на перекладину и вернуться в исходное положение, то ничего не вышло. Не хватило сил. В плечах появилась острая боль. Я с ужасом смотрела вниз. Под турником земля утрамбована, и падать с трехметровой высоты вниз головой, конечно, не могло доставить мне удовольствия. Позвала на помощь. Но никто не обратил внимания на мои крики, тем более что игры на спортплощадке всегда шумные. Старшие ребята, увлеченные разговором, хотя и стояли в пяти шагах, тоже не услышали меня. Сначала я мужественно терпела боль, но боязнь упасть головой и сделаться калекой выжала из глаз слезы. Что делать? Руки слабели, пальцы с трудом сжимали трубу турника. Вдруг вспомнила, как Иван учил меня падать на бок расслабленным телом, чтобы кости сохранить. И я решила:

— Господи, помоги!

Во время падения я не закрыла глаза от страха, а старалась привести тело в нужное положение. Шлепнулась и лежу. Больно всему телу. Слезы льются сами собой.

Боюсь даже попытаться встать. Тут один из мальчиков подошел к турнику.

— Кыш, малышня, — буркнул он мне.

Я не шевелилась. Он сердито толкнул меня ногой в бок. Я взвыла. Мальчишка позвал старших ребят. Пришлось рассказать о своем «подвиге». Иван ощупал мои «мощи», подергал за конечности и сказал:

— Повезло. Ушибы. Кости целы. Будешь жить, дуреха! Пovoображать захотела? Опять «котелок» отключила? Или вообще не включала?

Я молчала. Мне было стыдно. «И почему он такой умный? Он вообще умный или потому что большой?» — думала я, преданно глядя на друга.

Иван отнес меня в спальню и попросил няню не трогать «больную» дня два.

Я ВЕРЮ В СУДЬБУ

Турником мои «полеты» не закончились. Желание все испытать и познать постоянно толкало меня на безрассудство. Мне казалось, если кто-то может что-то делать, то чем я хуже? Я тоже должна это суметь. Так вот, на площадке у нас стояла труба метров двадцать высотой. По ней поднимались ребята, соревнуясь, кто выше. А некоторые залезали наверх по лестнице до перекладины, а потом, обхватив трубу ногами и руками, на большой скорости спускались вниз. Это выглядело великолепно! Мне не удавалось высоко взобраться по трубе, но скатиться с нее, казалось, может любой. Самое трудное — по лестнице взобраться наверх. Целый день я тренировалась, каждый раз, поднимаясь все выше и выше. Дрожали ноги, трепетало сердце. Наконец, мне удалось достичь перекладины.

«Ура! Вершина! Передохну, а потом перелезу с лестницы на трубу». Это трудная и опасная процедура. Нечаянно посмотрела вниз. О, Господи! Под нижним левым ребром заняло. Ноги стали ватными, руки ослабели. «Конец», — мелькнуло в голове.

Внизу меня уже заметили, и кто-то кричал:

— Возвращайся по лестнице!

Но то ли дух противоречия, то ли желание доказать, что смогу, привели меня в бодрое состояние, и я перебралась на трубу. Удачно закрепилась на ней, как это делали ребята, и начала спуск. Я не знала, как положено спускаться, когда притормаживать, и с восторгом скользила очень быстро. Вдруг руки и ноги обожгло, будто раскаленным металлом. Все произошло мгновенно. Я не успела ничего сообразить, только почувствовала, что лечу. Меня подхватили внизу сразу несколько ребят, и все мы свалились на кучу песка около трубы. У меня — ни царапины, но один из моих спасителей вывихнул большой палец руки. Он подошел ко мне и сердито сказал, что если бы не Иван, то отстегал бы меня крапивой. Я опустила голову и молчала. Понимала свою вину.

Через пару месяцев один малыш упал с трубы и повредил позвоночник. После этого лестницу убрали. Я видела, как мучился мальчик, и с ужасом думала, что могла бы оказаться на его месте. К счастью, лечение его прошло удачно.

Все-таки есть судьба, как говорит баба Мавра. Значит, мне не утонуть и не погибнуть от «полетов». Такая моя линия жизни.

ВШИ

Сегодня — опять профилактика против вшей. Бесполезно все это, но не увильнешь. Все идут по списку. Приятного мало: обсыпают голову дустом, обвязывают тряпкой — и гуляй. Тетки-санитары в намордниках, а нам три дня нюхать гадость, маяться. И за шиворот сыплется дуст, и в рот попадает. Чихаешь. Тряпка не спасает. Ночью редко кто спокойно спит. Я, например, ложусь головой в одну сторону, а просыпаюсь в другой. Дерусь с кем-то во сне, кричу. Иногда утром оказываюсь на полу. Упаду и продолжаю спать. Разве тряпка на голове удержится? Эта дурацкая чалма может только у «чистюли» Генки на голове остаться. Ему кружку с водой поставь на голову, — не разольет при ходьбе. Словно красна девица из сказки, не идет — плывет. И ночью он тихий, как мышонок. В общем, «хлебаем» мы этот дуст, а по большей части, через неделю опять всюду вши. Зачем нас мучить? Мы же их не замечаем. Привыкли.

Девчонки захотели вывести блох у наших кошек. Мы с Витьком отстояли Кыса. Я его спрятала, а Витек заявил:

— Не позволю издеваться, раз его в списке нет. Кто Кыса тронет, руки оторву!

На пушку брал, конечно. Желающих отыгаться на Кысе не нашлось. Угроза подействовала. Зато малютке Ваське досталось сполна. Девочки горстями черпали дуст из ведра и осыпали котенка. Бедняга непрерывно чихал, вырывался, жалобно мяукал. Из черно-серого Васька превратился в серо-белого. Его старательно забинтовали тряпками и выпустили. Он лег на спину, пытаясь сорвать «одежду» когтями. Потом, по привычке, стал отряхиваться и вылизывать себя. Ваське не нравился дуст. Он злился, смешно раскрывал рот, как будто хотел сплюнуть горькую гадость. Но плевать он не умел. Его раздражали тряпки. Он сердито кусал их, крутился волчком. Первые минуты это развлекало детей. Но, поняв, что кот мается, а не играет, многие пожалели, о своей невинной шалости. Но не снимать же с него тряпки? Девочки решили, что он теперь, как и мы должен лечиться. Васька покатался на траве и вдруг стремглав помчался в сад. Детвора разбрелась по двору. О Ваське забыли.

На следующий день котенок не прибежал к завтраку. Девочки, «лечившие» его, первые заволновались и сразу начали поиск. Нашли Ваську у железной ограды в конце сада. Он лежал на куске тряпки, которую не смог полностью стащить с себя. Странная была у него поза. Задние лапы и хвост вяло лежали на земле. А две передние — застыли, приподнятые кверху, как бы прося помощи. У меня сжалось сердце. Кошки не спят в такой позе. Они всегда расслабляются. Что-то тут неладное. Мы стояли кружком и в растерянности молчали. Первый раз мы видели мертвое тело. Вчера Васька бегал, развлекал нас. А сегодня лежит неподвижный, страшный и жалкий одновременно. Эти просящие помощи лапки заставили девочек почувствовать себя виноватыми.

— Тряпкой задушился? — шепотом спросила одна из них.

Нет, тряпка была привязана к ноге. Другая девочка испуганно предположила:

— Наверное, умер от дуста. Ой! Смотрите, он опять черный! Всего себя вылизал.

Всех потрясло это открытие. С минуту мы стояли молча. Думали. И вдруг, не стовариваясь, бросились во двор к рукомойникам. Сбросили с себя тряпки и стали яростно мыть голову, лицо, тело холодной водой. Потом подскочили к огромной бочке с водой, что всегда стоит у ворот, и начали обливать друг друга, черпая воду, чем попало. Из спальни выбросили во двор подушки и матрацы.

Пришла директриса, чтобы выяснить причину бунта. Старшие дети вышли вперед, маленькие спрятались за ними. Мы твердо и дружно сказали, что не желаем умирать, как котенок. Но директриса в ответ сердито утверждала, что Васька сдох по другой причине, что дуст не вреден.

— Так и сыпьте его себе на голову при нас. Ведь вши есть и у взрослых, мы слышали, — вышел вперед Иван.

Директриса не ожидала такой резкости от Ивана. Фыркнула, как лошадь, и ушла к себе. Видно сильно испугался за нас Иван, раз так грубо говорил с начальницей. Он усмехнулся ей вслед:

— Мне терять нечего. Все равно скоро в город заберут, в ремесленное.

Похоронили Ваську на месте его гибели. На могилку поставили крест. После похорон не расходились. Все думали об одном: «Значит, умереть, в общем-то, нетрудно. Раз — и нет тебя, как будто и не было никогда».

От такой мысли я почувствовала себя одинокой, маленькой, беззащитной.

ТУМАН

Проснулась рано. Вышла на крыльцо. Какое свежее утро! Мурашки побежали по телу. Посмотрела за калитку на дорогу. А ее не видно. Белая, чуть голубоватая дымка укрыла ее и придорожные кусты.

Подошла Люда, потянула меня за майку:

— Пойдем спать, а то влетит.

— Не бойся, сторож и кухарка меня любят, а воспитатели еще спят. Иди, глянь. Ведь чудо, а?

Я приоткрыла калитку. Люда просунула голову в щель:

— Ой, дым! — удивилась она.

— Туман это, — улыбнулась я.

Люда выскочила на дорогу. Я никогда не видела такой восторженной нашу молчунью и тихоню. Черные глазки ее заблестели, личико похорошело, засветилось. Она широко расставила ножки-спички, раскинула руки, будто хотела охватить, обнять это красивое, незнакомое, чудесное. Потом она возбужденно зашептала:

— Идем, потрогаем его. Он холодный, как снег, или горячий, как пар на кухне?

Люда вприпрыжку побежала к кустам. Но чем ближе подбегала, тем дальше уходил от нее туман. Она повернула ко мне растерянное личико и неожиданно произнесла:

— Туманчик, туманчикНа улице лежал.Туманчик, туманчикКуда-то убежал?

Вернулась Люда к калитке, смотрит, а туман тоже вернулся. Тогда я решила побегать с нею подальше, где туман плотный-плотный. Уж там мы его потрогаем, как первый снег! Бежим, бежим, а он все редкий и редкий. Оглянулись назад. Что такое? Вокруг — плотный туман, а в том месте, где мы находимся в данный момент, нет тумана. Он в догонялки с нами играет? Живой он, что ли?

Люда зовет меня в спальню. Она замерзла. Я легла, а спать не хочется. Перед глазами — туманная дорога. Туман вблизи полупрозрачный. Он нежной вуалью окутывает траву, кусты. Стелется ровно-ровно. Ни складочки, ни морщинки, ни бугорка на нем. Только верхушки деревьев торчат из молочного, земного облака. Небесные облака — как кучи легчайшего, тончайшего сказочного пуха. Глядишь на них, и появляется желание скатываться с фантастических горок. А к туману мне хотелось только трепетно, осторожно прикоснуться, не нарушая его идеальной глади.

Но ни туман, ни облака не даются в руки, только манят и дразнят своей красотой.

Утром Люда повела подружек похвалиться туманом, а его уже след простыл. Совсем расстроилась Люда и со слезами закричала вслед скрывшемуся беглецу:

— Туманчик, туманчикНа улице лежал.Туманчик, туманчик!Зачем ты убежал?

Девчонкам так понравились эти слова, что они, забыв, зачем пришли, принялись с восторгом петь, подпрыгивая, размахивая руками. Люда предложила игру: пусть девочки первые строчки придумывают, а она будет заканчивать. Получилось интересно! Что придумывали, сразу заучивали. Мальчишки тоже подхватили затею. Правда, слова они употребляли резкие, грубые, и все больше про войну, вроде того:

— Я фрица в морду кулаком...Под дых я врезал сапогом...

Все так развеселились, что, не сговариваясь, бросились к любимому холму у забора. Какое блаженство лечь на живот в пахучую густую траву и катиться к самому подножью! А внизу не сразу вскочить, а чуточку полежать с легким головокружением от быстрого вращения тела и дурманящего запаха разнотравья, если, конечно, в тебя не врежется кто-либо из друзей. А еще лучше, если внизу под холмом образуется куча мала! И писк девчонок, и восторженные крики пацанов сольются в единое, радостное, счастливое!

ПЕПЕЛИЩЕ

Однажды мы пошли искать оружие. Его много валялось по оврагам и полям. Война закончилась не так давно, и каждый год люди выпаживали, выкапывали из земли то, что напоминало о проходивших здесь военных действиях. Я упростила Ивана взять с нами Витька, но с условием его полного послушания.

Поход получился неудачным. В основном попадались мины, осколки снарядов. А нам нужны ружья, пистолеты, сабли, чтобы в войну играть. Наш путь пролегал мимо небольшой деревушки. Домишки низкие, крытые соломой и бурьяном. Маленькие окошки почти касались земли. Некоторые избы настолько ветхие, что напоминали наши детские шалаши, которые мы строили во время игр из любого попавшегося под руки материала.

— Почему эти дома не похожи на наши, детдомовские? В них, наверное, даже во весь рост человек не сможет встать? — спросила я Ивана.

— Землянки, — уточнил Иван, — выкапывают яму глубиной два метра, а сверху — крыша-шалаш. И живи. Настоящие дома нам строить придется, когда подрастем. Я в строительное ремесленное пойду. Уже решил.

— И детдом красивый, как дворец, построишь? — осторожно влез в разговор вездесущий Витек.

— Зачем детдом? Вы к тому времени вырастаете, а если не будет войны, то и детдома не нужны будут. Я хочу, чтобы колхозники из землянок выбрались в красивые, большие, теплые дома. Чтобы пол был деревянный и большая печка. А еще, чтобы поросята и телята отдельно от людей жили. А что сейчас? Поросята под печкой, телята на кухне. О каких тут дворцах речь вести, — усмехнулся Иван.

Витек насупился, почувствовав себя последним несмышлеником.

Кудахтали куры за плетнями. Возились в огородах бабуси, окруженные голопузой малышкой. Мимо промчались пацаны вдогонку за единственным колесом, управляемым куском жесткой ржавой проволоки. Рой мух преследовал нас от одной навозной кучи до другой. У плетеного сарая с осыпавшейся глиной чумазый голый ребенок лет трех-четырёх старательно выбирал в траве «калачики» (семена придорожной травы). «Если их целый день есть, так вроде и голода не чувствуешь», — подумала я, глядя на малыша. Витек опять влез с разговором:

— Почему нигде нет яблонь около домов?

— В войну сгорели. А теперь налог, — вздохнул Иван.

— Не приставай с вопросами, малый, — сердито оборвал Витька друг Ивана Николай.

Что такое или кто такой «налог», я уже не решилась спросить.

За деревушкой дорога пошла круто в гору. Мы лезли, цепляясь за кусты желтой акации, крепкие стебли чернобыльника, серебристую полынь. Нарвали стручков акации. Вернемся домой, вытряхнем семена, сделаем дудочки-пищалки и устроим концерт для малышей.

Еще нам встретилась полянка «мыльников». Набрали их крупных белых цветов, чтобы на речке помыться. Тело станет пахучим, не то что после нашего черного вонючего мыла. Я отбежала в сторону за моей любимой дикой полевой гвоздикой. Ее яркие красно-малиновые брызги среди полыни и крапивы как подарки, как лучики солнца в хмурый день. Много на свете цветов. Но гвоздику я ни на что не променяю. Она для меня — как добрая, нежная, улыбка... Увижу одну, — сердце радостно дрогнет, а когда их много — душа переполняется чистой, мягкой, спокойной радостью. Не пойму, почему именно гвоздика так на меня действует? Она не восхищает как розы. Взгляну на нее, а она смотрит на меня, широко раскрыв свои глаза с мохнатыми пушистыми ресницами... И в душе появляются светлые, теплые малиновые мысли, которые прогоняют, вытесняют грустные темно-зеленые и тоскливые синие. И сразу становится радостней...

Тропинка резко повернула вправо, и мы увидели страшную картину развалин... Я дернула Ивана за руку.

— Пепелище. Фрицы-сволочи сожгли всю деревню дотла, — прошептал он. Подошли ближе. Перед нами открылось то, что осталось от домов. Трубы стояли, как безмолвные солдаты, а черные зевы печей пытались что-то сказать редким прохожим о своей недавней жизни... Черные памятники ужасной войны...

Около остовов домов пробивалась редкая чахлая трава. А вокруг — яркие цветы, изумрудная зелень луга. Все улыбалось, искрилось от недавно прошедшего дождя.

Мы молчали, потрясенные увиденным...

Иван встал на колени. Мы сделали то же самое. Легкий ветерок пробежал по пепелищу, на мгновение прикоснулся к нашим вихрастым головам и заспешил куда-то дальше.

Мы прошли между печальными рядами, потрогали печи, обугленные пни и молча повернули назад.

О железках не вспоминали.

ВЗРЫВ

Как всегда, перед тем как заснуть, вспоминаю прошедший день. Кто о чем говорил, что делала я, и как другие вели себя по отношению ко мне? Не помню, когда появилась такая привычка. Давно, очень давно. Ведь надо же что-то делать, если долго не засыпаешь.

Вчера был страшный день. Я даже не могу вспомнить, что происходило сегодня. Одно перед глазами стоит — взрыв и кровь. Не дай, Господи, никому никогда увидеть такое!

Старшие ребята вчера вечером не взяли меня с собой гулять. У них секретное дело. Мне приказали: рот на замок. Я, конечно, «могила». Но преодолеть любопытство не смогла. А так как все мы, большие и маленькие, девочки и мальчики спали в одной комнате, то я всегда могла слышать, когда ребята удирают. Лежу тихонечко, прислушиваюсь. Окно открылось без шума, и один за другим старшие скрылись в темноте. Тут я вскочила и, как бельчонок, юркнула за ними. Догнать ребят ничего не стоило. Они шли, не торопясь, обсуждая виды мин и патронов. Странно, почему Ивана нет с ними? Их было только трое: Николай, Виктор и Слава.

Светила луна. Четкие тени рисовали причудливые изображения предметов. Я длинная-длинная и тощая. Головка малюсенькая. А руки, как ноги пауков, которых у нас в спальне через глаза хватает. Моя тень движется враскачку, она мне не нравится.

Не глядя по сторонам, по теням определяю: это дерево, это куст. Тихо. Во всем мире только шорох от наших ног. Небо темно-синее, почти черное. Низко над головой висит ковш Большой Медведицы. Я уже научилась его находить и полюбила. Он мне родной. Вот и бабу Мавру я люблю, — значит, она мне тоже немножко родная. Я так считаю. Как-то я ей сказала об этом. Она засмеялась и, пригладив мой непослушный вихор на затылке, прижала к себе. Значит, согласна со мной...

Спустились в овраг. Пошли по его дну. Остановились. Ребята быстро собрали сухие ветки, траву, и скоро затрещал небольшой веселый костерок. Я не решилась приблизиться к нему. Старшие не любят непослушания. Получать заслуженную затрещину не хотелось. И так издали все хорошо видно.

Ребята долго раскладывают боеприпасы по кучкам. Я от скуки уставилась на луну. Круглая серебристая тарелка притягивает меня. Я всегда с интересом разглядываю на ней пятна. Вот сейчас хорошо видны. Они складываются в доброе улыбающееся лицо, — значит, завтра не будет дождя. Если «лицо» хмурится, то жди дождливой погоды. Я заметила. Всегда совпадает.

Внезапно меня привлек шум у костра. Ребята спорили: снаряд стреляный или нет. Младший из компании, Виктор, предложил проверить, бросив его в костер. Старший не соглашался:

— Опасно.

Виктор обозвал Николая трусом. Началась драка. Слава, предложил начать с пороха и патронов. Мне очень понравилось, как яркими звездочками вспыхивают мелкие кусочки пороха. Потом ребята бросили патроны в костер и быстро отбежали. Патроны почему-то не стреляли. Мина тоже не взорвалась. Тогда они высыпали в костер все, что принесли с собой. Но ничего не стреляло. Они уже не отскакивали от костра. Виктор взял палку и стал ковырять ею в золе. В тишине слышался его недовольный голос:

— Дерьмо. Одни пустышки. Пойдем завтра в огороды. Вот где разживемся!

Мне надоело сидеть в укрытии, и я уже собралась идти спать, как началось что-то невообразимое: сначала несколько выстрелов, как автоматная очередь, рассыпались в тишине. Потом грохнул сильный одиночный взрыв. В первый момент от страха я прижалась к земле. Но, когда услышала дикий крик, поняла, что произошло ужасное. Осторожно выглянула из-за куста. Виктор стоял с дикими глазами. Из его вытянутой руки в костер текла кровь. Пальцев, ладони не было. Коля корчился на земле, зажав лицо руками. Кричал Слава. От страха.

Виктор первый пришел в чувство. Зажав рубашкой окровавленную руку, он заорал

Славке:

— Гони к дежурной, зараза!

Тот с воплями помчался. Кровь на меня не произвела никакого впечатления. Но обрубок руки, освещенный ярким пламенем костра, шокировал меня. Я застыла на месте. Лица Николая не было видно. Кровь текла по подбородку и между пальцами, закрывающими глаза. «Боже мой, Боже праведный...» — стонал он.

Я не видела, как прибежали дежурная воспитательница и конюх. Что было дальше, не знаю. Не помню, как вернулась в спальню. Я лежала с открытыми глазами и ничего не соображала. Уснула, когда стало светать.

Наутро весть о несчастье разлетелась по всему детдому. Коля остался без глаза. Обоих ребят увезли в больницу. Нам сказали, что они больше не вернуться к нам. На следующий день я рассказала Витьку о том, что видела. Он разозлился:

— А если бы тебя убило? Дура!

Все молча корили себя за несчастье. Баба Мавра вздохнула:

— Уже седьмой год, как война закончилась, а люди продолжают погибать и калечиться.

СЕРЕЖА

Сережка у нас самый скромный и тихий из мальчиков. Когда с ним разговаривают дети, он опускает голову и только иногда мельком позволяет себе взглянуть на говорящего. А если взрослый беседует с ним, он никогда не поднимает глаз. И чем громче и строже говорят с ним, тем ниже опускает он голову, так что плечи и спина его становятся круглыми. Сережа пришел к нам четырехлетним, но никогда не рассказывал о своей прошлой жизни. Он всегда молчит, никогда не участвует в шумных играх. «Он тише воды, ниже травы», — говорит о нем Галя, пытавшаяся расшевелить тихоню.

Сережку не назовешь красивым. Нескладный, тощий, как большинство из нас. Лицо длинное, худое, с большими грустными глазами и белесыми ресницами. Мне казалось, что он очень похож на молодого жеребенка, который еще боится отойти от матери. Я видела такого у деда Панько на конюшне. Белесые ресницы почти у всех ребят. А вот таких грустных, пугливых, светло-серых, почти бесцветных глаз нет ни у кого. Когда к нему прикасаются, он вздрагивает, лицо принимает растерянное выражение. От этого он кажется еще более тощим и несчастным. Я мало замечаю обыкновенных детей. Меня всегда тянет к тем, кто старше, умнее, интереснее или несчастнее.

Я думала, что если Сережка многому научится, то станет смелее и веселее, поэтому взялась за его воспитание. В силу своего характера я сразу принялась им командовать. Он подчинялся. Но при этом смотреть на него было тошно и грустно. После общения с Сережкой на меня нападала такая зеленая тоска, что я сразу начинала орать свою любимую песню! Эх, дороги», плавно переходившую в «Казак лихой».

Однажды мне взбрело в голову научить Серегу маршировать. Дело в том, что когда нас водили парами, он всех с ритма сбивал, бестолково перебирая длинными тощими ногами. Казалось, он запутывался в них. Чтобы Серега не смущался, я утащила его в лес. «Раз, два, левой, правой», — командовала я. К моему удивлению Серега на счет «раз» странно дернулся, одновременно выставив вперед левую руку и левую ногу. На счет «два» — правую ногу и правую руку. Я обалдела. Мне это понравилось. Я решила пошагать сама таким способом. Честно говоря, далось мне это с большим трудом. «Здорово у тебя получается, Серега!» — похвалила я его. — «Ну, а теперь не дури, правильно ходи под мою команду! Раз-два, раз-два!» Сережка повторил свой «цирк» и, растерянно взглянув на меня, опустил голову. Я все поняла и молча села на пенек, не зная, что делать дальше. «Я боюсь начальников, — вдруг еле слышно выдавил мальчик, — когда приказывают, я всегда так...»

А вскоре произошло ужасное. То, чего Сережа боялся больше всего на свете. Валентина Серафимовна в порыве злости обозвала его фрицем. Он упал на пол и безутешно заплакал. Мы разозлились на воспитательницу. Нерасторопного, бестолкового, беззащитного Серегу нельзя наказывать таким ужасным словом! Я кого угодно из детей отлупила бы, если бы меня так оскорбили. А Валентине Серафимовне устроила бы какую-нибудь бо-о-льшу-ю пакость. Когда воспитательница ушла, мы подскочили к Сереже и стали его успокаивать. Он, казалось, ничего не слышал и не чувствовал, только стонал и лил слезы. Няня, очевидно, подумав, что мы теперь все знаем, уточнила:

— Мать у него русская. Это отец — немец.

Серега на самом деле фриц? Наступила жуткая тишина. У меня даже мозги застыли на какое-то время. Тут до няни дошло, что мы поняли Валентину Серафимовну иначе, что именно от ее слов у нас столбняк, и потихоньку убралась из столовой.

Вдруг одна девочка закричала истошно: «Фриц, гад! Это твой отец убил моего папу!» Пацан, только что успокаивавший Сережу, пнул его ногой и сплюнул зло и брезгливо. Все вскочили с мест и окружили скулившего на полу мальчишку. На него посыпался град грубостей. У нас существовал закон: лежащего не бьют, поэтому ребята подняли Сергея за шиворот, пытаясь поставить на ноги. Но они не слушались, болтались, как тряпки. Мальчишку бросили на пол, не зная, что делать с ним дальше. Я растерянно прошептала Ивану:

— Он же не убивал, он маленький. Но он фриц. Что делать?

Иван, похоже, тоже не мог справиться с собой. «Если бы не фрицы, я жил бы сейчас в

Курске, не погиб бы отец, не умерла бы с голоду мать...» — пронеслось в голове моего друга.

Крики продолжались, а Иван думал. Он был в комнате самый старший, а главное — самый уважаемый. По движению его лица я поняла, что он ищет слова, чтобы сообщить детям свое решение. И он сказал:

— Мальчишка не виноват. Мать его, я думаю, родила не по своей воле. Фриц, наверное, стал отцом насильно, может, когда она была больная или умирала от голода. Такое бывало на войне.

Конечно, никто из детей не понял подробностей невинности матери. Но, что Серега не виноват, поверили Ивану все.

Позвали няню. Она отнесла больного в постель. Месяца через два он начал ходить. Мы не обижали его. Не вспоминали о случившемся. По его глазам я понимала, что он благодарен нам за это. Но все равно он был самым несчастным из нас. Мы поверили, что Сережа не виноват. Он — не поверил.

Не могу врать себе. Другом Сережа мне никогда не станет. Для меня он останется немцем. Потому что сердце каждого из нас тяжелым свинцовым ужасом сжимает слово «война».

МЫ ВОСПИТАТЕЛИ

Сегодня Галя предложила мне стать постоянной помощницей в группе малявочек.

— К малявочкам не хочу, — смущенно пробормотала я.

Галя строго посмотрела на меня и спросила:

— Горшки убирать неприятно?

— К этому можно привыкнуть. Не хочу потому, что дети бестолковые. Я совсем не понимаю, что они лепечут. Лучше Вали с ними никто не справится, — убедительно ответила я.

— И все же попробуй, всем надо поучиться, — настаивала Галя.

На следующее утро после завтрака мы с Валею пошли одевать детей на прогулку. Я-то не очень разговорчивая. А вот Валя беспрерывно щебечет:

— Милые мои воробушки, лапочки любимые. Сядем-ка все дружно. Начнем одевать шаровары. Дорогусенькие мои зайчики, давайте попрыгаем, поскачем...

Детвора облепила ее. Каждому хотелось, чтобы именно Валя подтянула ему штанишки и поправила ботинки. Я тоже взялась одевать одного малыша. Подняла его за ножку, желая зашнуровать ботинок, а он не удержался на одной ноге и упал. При этом, конечно, заревел во весь голос. Я принялась его успокаивать, применяя Валины слова, но он все равно кричал. Тогда я подняла его и закружила на вытянутых руках. Тут малявочка не просто закричал. Заорал. Я испугалась. Подскочила Валя, обняла малыша, напевая привычные слова. Он успокоился. А я стояла столбом и чувствовала себя лишней. Молча вымыла горшки. На коленках протерла пол. И больше в эту группу не вернулась. Вечером пожаловалась Вале:

— Не могу с малявочками возиться. Я с ними душой себя чувствую.

Валя засмеялась:

— Наверное, у тебя терпения мало и любви.

— Неправда! Я люблю их и жалею, — рассердилась я.

— Не кипятись, — как всегда спокойно сказала Валя. — Тетя Маша говорила, что я люблю ласково, весело, а твое добро внутри тебя сидит, ты его не можешь никак достать. Что, оно у тебя присохло там?

— А может, моего добра на всех не хватает? — предположила я. — Вот у тебя и у бабы Мавры хватает. Может, Витек прав, что я зануда?

Мне захотелось плакать. Валя обняла меня, ласково посмотрела в глаза и сказала:

— Иди к малышам. Если тебе будет интересно с ними, то и им будет интересно с тобой. Галя говорила, что ты умная. Вот и учи их. Ладно?

От ее мягкого голоса и ласкового прикосновения, я успокоилась. «Какая удивительная девочка! Весь мир добрым может сделать», — с любовью подумала я о подруге и пошла к Гале. Она не одобрила моего «бегства», так как считала, что надо долго поработать, чтобы понять свои возможности. Я снова попросилась к малышам. Она согласилась, но без удовольствия. И вот я у малышей. Они встретили меня радостно и сразу потребовали: «Читай!» Я им читала и рассказывала, что знаю, а в перерывах играла с ними и думала: «Жаль, что у меня не было детей-воспитателей».

Но тут малыши начали задавать мне вопросы:

— Что такое праздник?

Я сначала растерялась. А потом решила объяснить это слово так, как сама понимаю:

— Праздник — это что-то хорошее, радостное. Вот дали тебе конфету, — значит у тебя праздник, пожалел кто-то, если ты ногу в кровь разбил, — опять праздник.

Малышам понравилось объяснение. А одна девочка воскликнула:

— Ты у нас сегодня тоже праздник!

Но тут ко мне подошел Паша. У него удивительные глаза: темно-синие с легким фиолетовым оттенком. Густые черные ресницы делают их еще темнее. От зрачков по синему фону расходятся светлые лучики. Не глаза, а майские фиалки! Но Боже! Какие они грустные! Давящую тоску подчеркивали темные круги под глазами. Паша медленно, нечетко выговаривая слова, спросил:

— А почему взрослые люди бывают плохие, а иногда хорошие?

— У вас дежурят Валентина Серафимовна и ее подруга? — задала я встречный вопрос.

Он кивнул. Я честно сказала, что не знаю ответа.

— Думаю, что так в жизни устроено: бывают большие — маленькие, черные — белые, злые — добрые.

Паше мой ответ не понравился, и он опять спросил:

— А почему нас никто не может защитить?

От его слов у меня заныло сердце. Я испугалась, что заплачу. Как всегда в этих случаях, подняла глаза к потолку и стала думать о другом. Паша снова тронул меня за шаровары.

— Нам, наверное, не повезло с директрисой, — задумчиво ответила я.

— А что же делать? — упавшим голосом пролепетал мальчик.

Я почувствовала, что он надеялся на мою помощь или хотя бы на хороший совет. У меня дрогнуло сердце. Но не смогла придумать ничего такого, чтобы успокоить его в один миг.

— Мне тоже раньше было трудно. Все плохое проходит, а хорошее остается. Баба Мавра всегда так говорит, когда мне грустно. Хочешь, я буду каждый день приходить к вам? — перевела я разговор на приятную тему.

Паша улыбнулся одними губами. Глаза его оставались грустными. Паша не умел доверчиво улыбаться людям. Он не верил им. Я посадила его на колени и попыталась отвлечь.

Тут две шустрые девчушки прилипли ко мне:

— А почему няни все время кричат на нас?

Я объяснила:

— Они все замученные, усталые, нервные.

— А мы тоже станем такими, когда вырастем? Мы не хотим! Мы будем добрыми, — затараторили малышки.

— Ну, раз хотите, значит, будете добрыми! — уверенно сказала я.

Девочки засмеялись и убежали играть тряпочками.

А я задумалась над их вопросами.

Я и раньше замечала, что дети детей лучше слушают. Вот тащит няня малыша на укол. Он ноет, вырывается, а то и вообще ревет на весь двор. А когда старший мальчик ведет младшего? Он его даже за руку не держит. Малыш тихо льет слезы и понуро идет. Если он начинает оглядываться на старшего мальчика, тот спокойно скажет: «Врежу». И малыш безропотно подчиняется. А когда попадает очень непослушный ребенок,

старший мальчик шлепнет его. Но почему-то малыш не визжит, а побурчит что-то и выполнит все, что от него требуют.

А как дети друг друга слушаются во время игры! Вот Зина зовет Сашу. Он быстренько встает и ковыляет к ней. Я спросила ее как-то, почему Саша или кто-то другой подходят к ней сразу, а воспитателю приходится кричать раза по три-четыре? Зина ответила сразу и уверенно:

— Воспитатели не понимают, что ребенку надо сначала игрушку положить, потом встать, надеть сандалики или ботинки, а потом еще идти. На это надо много времени. А они раз позвали — и через минуту уже снова кричат. Дети все равно быстрее не смогут прийти, кричи — не кричи. Даже наоборот, когда на тебя орут, совсем не хочется быстро идти к этому человеку. А дети друг друга понимают и спокойно ждут. Мы никого не оскорбляем. А вот некоторые взрослые не упустят случая, чтобы не тронуть твое самое больное место. Слышала, как Ване достается за мокрую постель? А разве он виноват?

И тут мне вспомнились слова Ивана:

— Не было бы злоки Валентины Серафимовны, не стала бы Светка предателем.

Значит, все плохое у детей от плохих взрослых? А почему не все мы становимся плохими? Может, потому что есть баба Мавра, дед Панько, Галя?

Галя, милая Галя. Я люблю тебя, потому что любой день ты начинаешь с улыбки. А ведь тебе тоже бывает плохо. До нас доходят разговоры взрослых. Достается тебе от директрисы. Тебя только не бьют. А иной раз лучше бы меня побили, чем стегать оскорблениями. Душа чувствительней спины...

Ссора девочек из-за тряпочек отвлекла меня от мыслей. Я успокоила их, села на скамейку, разглядываю всех. Мало говорят малыши, но я-то знаю, что они очень много думают! И так остро чувствуют! Почему взрослые забывают об этом? Я — грустный, неулыбчивый ребенок. Может, мне не надо ходить к малышам? Нет, надо. Буду искать у Гали в книжках что-нибудь веселое, чтобы каждый день читать им о хорошем, интересном. Тогда они меньше будут думать о грустном.

От этих мыслей мое сердце немного оттаяло. На душе стало светло и тепло.

Я сегодня впервые поняла, что радость можно получать, делая хорошее для других. На следующий день Галя прислала Витьку помочь мне возиться с малышами. Он сразу начал командовать:

— Мне — ребят, тебе — девчонок. Не хочу с тряпочками возиться!

Я твердо возразила:

— Делать зарядку и учиться защищать себя должны уметь все. Всех веди на луг.

Витька, привыкший верховодить, растерялся и неожиданно для себя согласился со мной. Не драться же с девочкой, да еще со своей названной сестренкой? Он с удовольствием взялся за дело. Командовать малышами было просто. Они глаз не сводили со своего нового воспитателя. Но им надолго не хватило терпения заниматься «военными действиями»: кто устал, кому надоело. Витек занервничал, раскричался. Тут я пришла на помощь со своими книжками. Он обрадовался. Я улыбнулась ему одобрительно.

— Приходи завтра опять, — попросила я его.

Я не критиковала Витю, и он был благодарен за это. А мне хотелось, чтобы он почувствовал, что от него тоже есть польза.

Витек — хороший мальчишка, но самолюбивый. Когда его воспитанники перестали слушаться, он от обиды и неуверенности в себе стал кричать. Ему было стыдно перед собой и передо мной. Еще бы, командир, а с малышкой не справился. А все потому, что самонадеянный. Чуть что: «Я, я!» У него сначала слова выскакивают, а потом мысли появляются. Он и у Гали на уроках такой же. Галя еще до конца вопрос не успеет задать, а он уже руку тянет. И часто говорит ерунду. Все смеются. И ему неловко. А мне в эти минуты особенно его жалко. Он же не глупый. Просто еще не научился думать. Если я

не уверена, что права, никогда не подниму руку. Не могу себе позволить опозориться. Я осторожная, потому что очень боюсь показаться глупой. А Витек быстро забывает, что говорил ерунду, и опять тянет руку, не подумав. Наверное, баба Мавра права. Умнеть он будет позже.

ВАЛЯ

Валя. Милая Валя. Тихая, добрая, терпеливая. Куда мне до нее! Я — шило. Валя всем во всем помогает. А как ее любят малявочки! Приласкает, носы утрет, оденет аккуратней всех. Золото, а не девочка! Но когда начались занятия с практиканткой Галей, что-то произошло с нашей Валею. Не слышно ее звонкого смеха. Начала сторониться всех. И только с малышами оставалась прежней.

Мы не приставали к ней с расспросами. Захочет — сама расскажет. Я скучала на чтении и арифметике и от нечего делать разглядывала друзей. Меня поразило лицо Вали во время урока. Оно напряженное, почти неподвижное. Подняв подбородок кверху, Валя судорожно повторяла что-то в уме. Мне казалось, что она бубнит одно и то же. Пот выступил у нее на лбу. Вдруг она замерла, как бы отключилась, потом снова иступленно взялась за работу. Она даже не шепталась с соседками по парте, не отвлекалась, как все дети. Галя тоже заметила странное поведение девочки. В ее глазах я увидела сочувствие и еще что-то такое, чего не могла себе объяснить. Посмотрит на Валью, опустит голову и долго не поднимает. Потом переключается на других детей.

— Почему она к ней не подходит? Это же обидно, — думала я.

Я ни с кем из друзей не поделилась своим наблюдением. Но непонятное всегда мучает, и я все же выложила Гале свое беспокойство. Она с грустью сказала:

— У меня предположение, что девочка слабоумная, и ее придется отправить в спецшколу. Но я не хочу этого. Попробуем ей помочь.

— Отчего она такая? — спросила я.

— Трудно сказать. Может, наследственность или война виновата, — задумчиво произнесла практикантка.

На следующий день Галя сама подошла ко мне с просьбой позаниматься с Валею, но только в виде игры.

— Ты фантазерка, сумеешь! — подбодрила она меня.

Я и не собиралась отказываться. С тех пор, как начались уроки, мы только тем и занимались, что играли в школу. И я, как правило, выполняла роль учительницы. Мне это очень нравилось. Хотя еще полгода назад всех «лечила».

Я сообразила, что с Валею надо заниматься один на один. Как всегда, нашла ее у малявочек и с большим трудом увела от них. Для начала я попросила ее объяснить, что надо делать, чтобы малыши меня слушали и не шумели. Валью удивил мой вопрос.

— Не знаю, — растерянно ответила она. — Они сами затихают, когда я прихожу.

Теперь пришла очередь мне удивляться. Наверное, они ее любят за что-то, чего у меня нет. Восторгаясь Валиным талантом работать с малявочками, я постепенно перешла к птичкам на деревьях и начала с удовольствием их считать, пытаюсь заразить подружку игрой. Но она все сразу поняла и заплакала. Я обняла ее. Мы вместе поплакали, а потом я решительно сказала, что хочу помочь ей. Боже мой, с какой радостью она взялась за дело! У меня уже в голове шумело, а она все повторяла от десяти до нуля и обратно. А на следующий день она мне такое насчитала, что я оторопела! Я раньше думала, что головы у всех одинаковые, но одни дети — лодыри, а другие старательные. Вот и все. Однако на занятиях с Валею поняла, что одного трудолюбия мало. Пожаловалась Гале на свою неудачу. И она сделала мне интересное предложение.

— У Льва Кассиля есть книжка «Швамброния». Там дети лучше запоминали правила, когда их сначала превращали в простенькие стихи. Попробуй зарифмовать свои задачки. У тебя получится, я замечала за тобой эту способность.

Мне понравилось такая игра, и я с удовольствием взялась за дело. Прежде чем идти к Вале, проверила рифмовки на других детях. Они приходили в восторг, и сами пытались сочинять. Конечно, это были ерундовые стишки. Но главное, что они хорошо запоминались. И Валя их запоминала, правда с трудом. Но стоило мне остановить ее на

полуслове, она уже не могла закончить фразу, и приходилось начинать все сначала.

Как-то на урок к Гале пришли воспитатели и директриса. Валю вызвали к доске. Она старательно, красивым почерком написала: два плюс три равняется, потом повернула к нам растерянное лицо и заплакала. В комнате наступила мучительная, пронзительная тишина. Ребята не выдержали и стали подсказывать. Валя лихорадочно писала мелом то «семь», то «десять». Стирала дрожащей рукой и опять писала ерунду. Дети все поняли. Я боялась, что теперь они начнут дразнить ее. Напротив, многие, особенно девчонки, стали опекать ее. И делали это мягко, ласково, терпеливо.

Мы знали, что ожидается комиссия из города, и старательно к ней готовились.

И вот директриса привела группу пожилых женщин. Нам они не понравились, потому что выглядели хмурыми и очень строгими. Мы понимали, что они приехали только из-за Вали. У меня дрожали колени и руки. Я даже немного заикалась, что бывало редко, только в моменты сильного волнения.

Первой к доске вызвали Валю. Потупив голову, она медленно, как во сне, побрела к доске. Плечи ее были опущены. Спина согнулась. Маленькая старушка. «Господи, а какая она красивая с малышами», — мелькнуло у меня в голове. Комок подкатился к горлу. Перед глазами поплыло. Я не слышала, как отвечала подруга. Душераздирающий крик привел меня в чувство. Две чужие женщины пытались вывести Валю из комнаты.

— Не забирайте меня в дурдом, я нормальная! Я все выучу! Я здесь буду мыть полы, нянчить маленьких. Они меня любят! Оставьте меня здесь! Я там пропаду, — надрывно кричала Валя.

Мы подались вперед и застыли. Лица у всех детей напряжены и бледны. Вырываясь, Валя с надеждой оглядывалась на нас. Но что мы могли? Она перестала кричать и в последний раз взглянула в нашу сторону. Этот прощальный взгляд, полный безысходности, отчаяния, тоски поразил меня в самое сердце. Разве может слабоумная так глубоко чувствовать?

Валю выволокли за дверь. Тихие слезы полились на столы. Никто нас не успокаивал. Нам надо было выплакаться.

Проститься с Валею не дали. И к малявочкам ее не пустили. Мы из окна видели, как грузовик увозил ее по пыльной дороге в неизвестное.

ЯРОСЛАВ

Прошмыгнула в «келью» Ярослава. Он, как всегда, лежал на койке с книгой.

- Давно тебя жду, — с улыбкой приподнялся навстречу мне Ярослав.
- Няня мелькала перед дверью, — объяснила я, и села по-турецки у его постели.
- Что читаешь?
- Географию за седьмой класс.
- Интересно?
- Очень. Сегодня про тайфуны узнал.
- Что это такое?

Ярослав объяснил.

- У нас тоже ветер иногда пыль вместе с мусором на дороге волчком закручивает и уносит столбом в небо. Деревенские ребята говорили, что если нож бросить в середину этого вихря, то он окрасится кровью и бурун прекратится.
- Сказки это. Смерч не живой. Это просто ветер такой особенный. Он деревья вырывает с корнем, дома разрушает. Может, болото вместе с лягушками поднять в воздух, а потом в другом месте на землю сбросить.
- Интересно как! Значит, буду я гулять как-нибудь, а мне на голову лягушки посыплется!?

Эта мысль так развеселила меня, что я безудержно захохотала и замахала руками, как бы разгоняя лягушек. Ярослав тоже встал и начал подпрыгивать на койке.

- Залезай сюда, — предложил он мне.

Взявшись за руки, мы с восторженными криками скакали по постели. Лицо Ярослава находилось близко, и я впервые увидела, что он красивый. Белый кудрявый чубчик порхал в такт прыжкам. Темно-серые глаза радостно сияли. На бледном лице появился румянец. Тонко очерченные брови набегали на очень высокий лоб. Нос, губы — как нарисованные. «В сказках пишут «девица-красавица», а Ярослав — «мальчик-красавец», — подумала я. И от этой мысли мне стало еще веселей.

Вдруг Ярослав наступил ногой на свою длинную почти до пят рубаху. Послышался треск разрываемой старой ткани. Мальчик бросился под одеяло, но я успела заметить, что живот его забинтован. Ярослав отвернулся к стене, поправил повязку и лег.

- Тебе, наверное, нельзя прыгать? — заволновалась я.
- Ничего, ерунда, — улыбнулся он.

Но в этот момент мне показалось, что глаза его потемнели еще больше. В «келью» вбежала няня. Наверное, шум услышала. По ее лицу я поняла, что натворила что-то ужасное, и быстро выскочила за дверь. «Сегодня добрая няня дежурит, и из-за порванной рубашки у нее не было бы такого испуганного лица. Что плохого в том, что я немножко развеселила Ярослава? Ведь ему скучно одному. Со мной он такой радостный. А может теперь у него живот сильнее заболит?» — тоскливо размышляла я.

Как только няня ушла на кухню, я снова пробралась к Ярославу. Он лежал побледневший, притихший.

- Тебе очень больно из-за меня? — осторожно спросила я.
- Я почти не чувствую боли. Просто устал.
- «С чего было уставать?» — удивилась я, но спрашивать не стала.

Молчание нарушил Ярослав:

— Знаешь, мне скучно одному. Читать целый день я не могу. Хорошо, если бы ребята чаще играли у моей стенки. Я бы все слышал, и получалось бы, что будто я сам играю с вами. Стенка тонкая, но когда вы в другом конце спальни, я слышу только шум.

— Запросто! Мы с Витьком всех ребят перетащим поближе, — с готовностью пообещала я.

— Спасибо, — коротко поблагодарил он.

— Отдыхай. Я побегу, пока няня опять не захватила меня здесь.

Ярослав кивнул в ответ.

И вроде бы я немного успокоилась, но что-то тревожило меня так, что я не могла играть с ребятами. Одинокó послонялась по двору и направилась на кухню к бабе Мавре. Она выслушала меня внимательно. Лицо ее сделалось задумчивым, сосредоточенным. Оно потемнело, морщинки углубились. Плечи опустились. Руки она то опускала на колени, то сжимала на груди. И сокрушенно качала головой. Я поняла, что сильно обеспокоила хорошего человека и разревелась.

— Что я натворила? Я же не хотела плохого. Объясните мне, пожалуйста, отчего он болеет? — взмолилась я.

— Ты тут не причем, — сказала баба Мавра после долгого раздумья. — Понимаешь, когда Ярослав был у мамы в животике, она получила две похоронки: на мужа и брата — и от этого тяжело заболела. Мальчик родился раньше времени. Все думали, что Господь его приберет. Но ребенок проявил удивительное желание выжить. Он с такой жадностью ел, что все только дивились. Мама его умерла скоро... За девять лет рана на животе Ярослава так и не зажила... А тут еще эти приступы... Они повторяются все чаще. Ему нельзя ни волноваться, ни радоваться...

Только теперь я поняла, почему Ярослав сказал мне однажды, что никогда не будет счастливым.

Ночью мы все проснулись от шума в «келье». А утром первым делом я бросилась к бабе Мавре с криком отчаяния:

— Живой? Сегодня это из-за меня?

— Бог с тобой. Не волнуйся! Его увезли жить в больницу. Там ему будет лучше, — сказала баба Мавра и отвернулась к своим чугункам.

Ярослав к нам больше не вернулся.

ПРАЗДНИК

Галя устроила нам в лесу прощание с летом. Девочки собирали цветы, плели венки. Мальчики расчищали от веток площадку для выступлений. Никто никого не заставлял. Пришли даже старшие ребята. Когда все приготовили, Галя объявила начало праздника. Какой поднялся гвалт! Каждый хотел выступить первым. Но Галя подняла руку. Все замолчали.

— Как вы думаете, ребята, начать концерт должен самый старший или самый младший?

— Маленьких вперед, — было общее мнение.

Смешно смотреть, как выступают малявочки. Кто в носу ковыряет пальчиком, у кого трусики до колен спустились, кто зареветь готов, потому что его место заняли. Но все они с таким усердием приседали и вращали ручками, изображая танец, что у меня навернулись слезы. В конце танца один малыш до того наприседался, что свалился в траву, чем вызвал общий хохот, который тут же перешел в аплодисменты и крики:

— Мо-лод-цы!

Упавший малыш заревел, но одна девочка его подхватила и давай тискать. Он вмиг успокоился. Каждый ребенок участвовал в празднике. Мальчики большей частью выступали в пирамидах. Девочки пели песни, рассказывали стихи, танцевали. Отличился «Комардин». Он, исполняя матросский танец, лихо подпевал себе. Жаль, что не было музыкальных инструментов. Но нас это не волновало. Подошла очередь Гоши. Обычно он безразличен ко всему. Маленький рост, тихий голос делали его неприметным. Вообще-то, дети всегда красивые. У каждого есть что-то свое, особенное. Но у Гошки, сколько не ищи, во внешности ничего интересного не разглядишь: тощенькое лицо, подбородок-треугольник, нос длинный, худой, глаза маленькие, серые. Я с огромным любопытством ожидала его выступления. Что он может? Гоша тихо сказал:

— Муха-цокотуха.

И принял позу. Все с удивлением увидели в нем огромную муху. Детвора захолопала от восторга. Но что было дальше, описать словами трудно. Гошка метался по поляне, очень точно изображая каждое животное. Он подражал голосам зверей и говорил текст с таким упоением и жаром, что мы все обалдели. Сказка-стих была длинная, но дети смотрели представление до конца без писка. Когда Гоша закончил и убежал в лес, вслед ему неслось:

— Молодец! Талант! Ура!

Алик рассказывал стихотворение о войне. Сначала он стоял навытяжку, руки держал строго по швам и произносил важные серьезные слова звонко и громко. Потом весь подался вперед, будто сам собирался ползти на помощь раненому солдату. Голос его понизился, задрожал тонкой струной. Кожа лица на худеньких скулах от напряжения натянулась. В глазах появилась безысходная тоска, понимание безнадежности, отчаяния. Вдруг звук его голоса снова окреп, и в нем зазвучала надежда. Теперь на высоких нотах звенела отвага и уверенность. Я уже не слышала слов большого мальчика, а по интонации голоса и выражению лица представляла себе: идет бой, горят танки, как копы соломы, много хороших людей стреляет по врагам и кричит «Ура!»...

Малыши так старательно и громко хлопали в ладоши, что без сил валились на траву. Подошла моя очередь выступать. «Наверное, мне тоже стоило выучить про войну? — подумала я. — Ничего, буду рассказывать отрывок «Родная земля» из поэмы Некрасова «Железная дорога». Вышла на середину площадки. В первую минуту охватило волнение. Как бы не ошибиться! Но уже после первой строчки успокоилась. Я не вспоминала, что надо было говорить, а как бы бессознательно произносила слова, которые выходили откуда-то изнутри меня: то ли из головы, то ли из души. Говорила негромко, но с каким-то тоскливым надрывом. Закончила. Стояла звенящая тишина. Никто не хлопал. Все сидели как замороженные. Пауза была такая долгая, что я испугалась. Меня не поняли или плохо прочитала? Но тут гром аплодисментов нарушил тишину. У меня на глазах появились слезы. Понравилось!

Мои старшие друзья тоже выступали: ходили на руках, делали «колесо». После концерта

они устроили катание на санях из веток деревьев. Кого первого повезут по кругу? Выбор старших ребят пал на меня. Думаю, на их решение повлияло не столько мое выступление, сколько наша дружба. Где-то в глубине души мне было неловко от этой мысли. Но я все равно с гордостью и восторгом восседала на ветвях. Я захлебывалась от счастья!

Круг почета совершен. Теперь катали всех детей на четырех «саниях». Мне захотелось еще раз проехать, просто так, а не в награду за выступление. И я вспрыгнула на «сани», которые тащил Иван. Возница остановился, строго глянул на меня и сказал:

— Опять тормоза не работают? Пока всех малышей ни покатаем, не подходи.

Я почувствовала, что краска заливает лицо, опускается ниже шеи. Я убежала с поляны. Убежала с позором. Вот так всегда: несдержанность и слабые «тормоза» портят мне жизнь! Даже можно сказать, отравляют.

ПРОЩАНИЕ С РЕБЯТАМИ

Для меня отъезд ребят в город не был неожиданностью. Полгода я готовилась к этому тяжкому событию. То забывала, то вновь вспоминала. И вот пришел этот день. Завтра. А сегодня я не нахожу себе места. То плачу, то хохочу, то лезу драться по пустякам. Есть отказалась. Грублю всем подряд и тут же реву. Измаялась к вечеру. Лежу на кровати поверх одеяла, что не по правилам, и скулю. Витек просунул голову в спальню, но войти не решился. Я ждала Ивана. Уже пора ложиться спать. Дети заполнили спальню, а я, наоборот, выскочила из нее и села на крыльце.

Вскоре пришел Иван, тихо расположился рядом, положил руку мне на голову и начал долгий разговор. Он рассказал о том, что директриса использовала старших ребят для работ по детдому и позволяла им жить, как хочется. Ребятам это нравилось. Они чувствовали себя самостоятельными, взрослыми, радовались спокойной и вольной жизни, легкому хлебу. Но однажды он, Иван, вдруг понял, как много потеряли они за эти годы. Сознался, что, сравнивая жизнь Гали со своей, вдруг ощутил себя ничтожеством. Жил в маленьком мирке, как животное. Ни о чем не думал, не мечтал, ничего не знал, гордился своей силой, верховодил. А на самом деле — ноль, полный ноль. Поденщик, неуч.

— Но ты поверь мне: я все равно выучусь, получу специальность и буду не хуже других, а может — и лучше многих. Учиться нужно всю жизнь. Прошу тебя, запомни, что я скажу. Не мне, дураку, тебя учить, но я старше и кое-что понял в жизни. Первое: не попадай никому в зависимость. Второе: учись, сколько голова позволит. Третье: держись хороших людей, будь преданной им. Верь в лучшее и не надейся ни на кого. Ты все сможешь сама... Вряд ли мы когда-нибудь встретимся. Судьба разводит нас. Наверное, так надо, — закончил Иван.

Слезы полились сначала у меня. Потом отвернулся Иван. Я уткнулась в его широкую, костлявую спину. Он сдавленным голосом сказал:

— Утром не приходи нас провожать. Мне нельзя опозориться. Я взрослый. Мне почти четырнадцать.

От слез и переживаний я заснула на пороге. Потом, говорят, Иван отнес меня в постель. Утром все дети высыпали на площадку перед детдомом проводить ребят в город. Их пришло трое. «Значит еще двое поумнели», — подумала я, глядя через окно. Няни по очереди обняли, поцеловали ребят. Младшие дети крутились под ногами, пытаюсь потрогать на прощание старших. Директриса сказала напутственные слова, которые я не смогла расслышать, и передала пакет с документами шоферу. Ребята натянуто улыбались. И в последний момент те двое не выдержали. Слезы полились по их растерянным лицам, и они, скрывая их, бросились к полуторке.

Няни подали им коричневые чемоданчики с блестящими железными уголками. Иван стоял спокойный, потом, махнув рукой, крикнул с улыбкой: «Прощайте», — и вскочил, не оборачиваясь, в кузов. Машина укатила. Я застыла на подоконнике, обхватив коленки руками. Я не плакала. Мне казалось, что сегодня уехал не только друг, но и какая-то часть меня самой. Я почувствовала, что стала меньше ростом. И в груди было пусто. Часть моей души улетела за грузовиком.

Вывел меня из этого состояния Витек. Он теребил меня за майку и уговаривал пойти обедать. «Я не пойду без тебя есть, — бубнил он.

Я молча поплелась за ним.

ВОСПОМИНАНИЯ

Как самому задиристому и бойкому дед Панько подарил Витьку настоящую пилотку и попросил беречь ее:

— От меньшого память осталась. Пятеро было сынов, теперь я один на этом свете.

Теперь Витек по праву считал себя командиром. Никто и не спорил. Его стремительный натиск не выдерживали пацаны, которые выглядели покрепче. С деревянной саблей и обломком настоящего ружья он мужественно водил своих друзей в «бой».

Устав бороться с крапивой и бурьяном, ребята садились в кружок и начинали мечтать и в который раз рассказывать друг другу о своих отцах.

— Мой отец с саблей мчался наперерез врагу на белом коне... — начал Сашка.

— Бреешь! Ты же говорил, что он в танке сгорел, — возразил дотошный Витька.

— Ей-богу, не вру. Это же раньше было, до танка. Танк ему потом дали, — выкрутился Сашка.

— А... — примирительно произнес Витек.

— А мой отец на самолете летал. У него медаль за храбрость есть. Мамка говорила, когда я маленький был, — вступил в разговор Коля.

Тут вскочил Женька. Когда он рассказывал об отце, его голос срывался, становился писклявым, как у девчонки. Он размахивал руками, брызгал слюной, глаза его блестели. Говорил он быстро-быстро, глотал окончания слов, будто боялся, что ему не поверят или прервут, не дадут высказаться. Понимали его с трудом. Но догадывались, что Женя считал своего отца самым смелым, самым умным и добрым, потому что он был большим начальником.

Гошка возражал:

— Не начальники на войне главные, а разведчики. Без моего папы ни одно сражение не начиналось. Вот! Он ползком половину Земли прошел. Эх, если бы не мина!...

Помолчали.

— Тебе хорошо, Витек, у тебя сестра здесь. А моя где-то. Я даже не помню ее. Может, она когда-нибудь найдет меня, — задумчиво произнес Гена.

Молчун Гена удивил нас, впервые открыв свою тайную мечту, свою последнюю надежду.

Звонкий голос Витька вывел меня из задумчивости:

— ...Меня все равно найдут. Это точно...

Мне бы его уверенность! Мы, девчонки, в похвальбе скромнее, осторожней. У нас все больше:

— Папа погиб. А мама была самая добрая, самая красивая. Может, она не умерла с голоду и найдет меня...

А вот Лиле повезло. Она попала к нам, когда ей было почти четыре года, и помнит бабушку и дедушку. Мы как замороженные в который раз слушаем ее рассказы о том, как они ее баловали, какая красивая была у них квартира. Лиля даже помнит лицо своего папы, хотя видела его очень редко, потому что он был моряком. После таких разговоров мы долго молчим.

Мне нечего вспомнить, нечем поделиться, и от этого я чувствую себя несчастней других. Но это внутри меня. Для девочек у меня всегда имеется в запасе несколько хороших историй из жизни моих родителей. Всем хочется быть нормальными. Никто из нас никогда вслух не сомневался в правдивости рассказов друзей. Это было святое.

Но, чем ближе к школе, тем меньше в голосах надежды, и чаще слышится желание попасть в хорошую семью. А с началом подготовки к школе и эта надежда стала угасать, так как больших детей редко берут на воспитание, потому что их трудно перевоспитывать. А зачем нас перевоспитывать? Разве мы плохие? Не поймешь этих взрослых.

ЛЕДЕНЯЩИЙ УЖАС

Мне идет восьмой год. В это последнее лето перед школой я превратилась в какую-то сумасбродную, абсолютно неуправляемую. У меня появилось много энергии, и я не знала, куда ее девать. Носилась по детдому. Облазила все в округе. Я понимала, что делаю плохо, но чесались руки, ноги ерзали сами собой.

Галя уехала в институт. Практика ее закончилась. Ивана отправили в город готовиться в ремесленное училище. Витек был такой же заводной, как и я. Вечером, ложась спать и по привычке вспоминая прожитый день, я ужасалась своему поведению, уговаривала себя с рассветом начать новую жизнь. Но приходило утро, — и я опять срывалась с цепи.

Сегодня обнаружила в конце сада необследованный объект: огромную шейную яму для хранения картофеля. Вход в яму узкий, выложенный кирпичом. В глубине яма расширялась. Там было темно, и я не могла разглядеть, что внутри. Стала искать лестницу. Нашла две. Одна огромная, тяжелая. Мне не удалось ее даже с места сдвинуть. А вторая старая, маленькая, березовая — всего несколько ступенек. Я приволокла ее к яме и опустила так, что верхняя, самая длинная перекладина, легла на камни шейки ямы. Начала спуск. Вдруг нижняя ступенька хрустнула под ногой. Лестница перекосилась и соскользнула с шейки. Я полетела вниз. В какое-то мгновение в слабом свете раннего утра на дне ямы блеснул трезубец вил. Я с ужасом поняла, что падаю прямо на него. Насколько хватило сил и времени, падая, я судорожно вильнула телом и свалилась в солому рядом с вилами. Некоторое время лежала неподвижно. В голове пусто. Полный тормоз. Никаких ощущений. Когда очнулась, то поняла, что могло со мною случиться. Схватила вилы, воткнула их рожками в солому и заорала неизвестно кому:

— Какая дрянь поставила вилы вверх рогами?! Кто здесь такой ненормальный?!

И только тут меня охватил ужас. Я металась по дну ямы, вновь и вновь переживая случившееся. Странно. Все обошлось, а я никак не могла успокоиться. Наконец, поняла, что в яме мне не избавиться от страха. Я закричала, моля о помощи. Меня никто не слышал.

— Какого черта я полезла в яму? Зачем меня сюда занесло? — психовала я.

У меня все дрожало внутри. Руки и ноги похолодели. В пятках начались колики. Я, не обращая внимания на такие мелочи, начала подпрыгивать, пытаюсь зацепить лестницу за край шейки ямы. Но яма оказалась слишком глубокой. Собрала всю солому себе под ноги. Не помогло. Что предпринять? Схватила вилы, насадила на них лестницу и попыталась поднять ее кверху. Лестница упала. Я проделала это много раз. Выбилась из сил. Свалилась на солому. Глянула вверх. Кучевые облака медленно плыли по ярко-голубому небу. Щемящая боль сжала сердце.

— А вдруг я больше не увижу неба? — мелькнула страшная мысль.

Новые многочисленные попытки установить лестницу ни к чему не привели. Что еще придумать? Осмотрела яму, ощупала стены, приподняла солому. Ни-че-го. Обратила внимание, что круг неба над головой посерел. Боже! Уже вечер! Остаться тут на ночь?! Ни за что! Страх придал силы. Появилась злость на себя. Подохнуть здесь — значит опозориться перед детьми. Не допущу позора! Схватила вилы и принялась с остервенением сдирать землю со стен ямы, чтобы сделать под ногами холм. Кровавые мозоли горели. В голове шумело. Примерила. Пойдет! Отдышалась. Опять схватила вилы, стиснула зубы и осторожно, как жонглер, приподняла лестницу. Она дошла до половины шейки и сорвалась с вил. Тогда сняла с себя майку и трусы, сплела жгуты и привязала лестницу к вилам. Еще попытка. Верхняя перекладина скользнула по кирпичам шейки, и лестница снова загремела вниз.

— Спокойно, спокойно, — шептала я себе.

Удалось! Лестница удачно «села» поверх ямы.

— Господи, не дай ей сорваться, — помолилась я на коленях.

Перекрестилась. Собралась с силами и очень медленно, на одних руках начала

подниматься по ручке вил. Появилась надежда, но я боялась спугнуть удачу.

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... — бормотала я, еле дыша, и тянулась к следующей ступеньке.

Две осталось. Я засуетилась, задрожала. Лестница задрожала вместе со мной и заскользила по шейке ямы. Я замерла, в глазах потемнело.

— Господи, помоги еще чуть-чуть.

Успокоилась. Посветлело в глазах. На одном вдохе преодолела последние две ступеньки и свалилась рядом с ямой. Вместе с выдохом из горла вырвался крик. Полежала. Отвязала трусы и майку, машинально надела.

Как дошла до корпуса — не помню. Спала сутки..

После этого случая по ночам на меня иногда нападают приступы страха. Падение длилось секунды, а ночные кошмары продолжались долго и мучительно. Во сне холодный блеск трезубца вил приближался ко мне очень медленно. Странно, я не только почувствовала жуткий страх, но и видела ужас в своих глазах, как бы со стороны.

Видела, как мое тело, извиваясь, падает на вилы....

Опять просыпаюсь от страха. На меня накатывает странная волна страха, которая заставляет страдать от ужаса каждую клеточку тела. Следующая, еще более мощная — приносит жуткий холод. Когда волна нестерпимой болью распирает голову, мне кажется, она вот-вот лопнет. Мозг я начинаю ощущать, как миллион измученных дрожащих частиц... Мое тело — кусок льда. Руки болят от непрерывных ледящих уколов. С трудом делаю судорожный вдох. А выдох не получается, так как волнообразная, стискивающая боль, медленно поднимаясь от живота к горлу, сжимает его, как удав. Потом боль на секунду отпускает. Я успеваю выдохнуть и, захлебываясь, снова вдохнуть... Волны боли и страха то накатывают, то опускаются вниз тела. Мне кажется, это никогда не кончится...

Боль постепенно слабеет и, наконец, отступает. Я начинаю согреваться. Измучена до предела. Отдыхаю. Еще долго вздрагивает сердечко.

Вдруг до меня доходит, что все происходящее называется «леденящий ужас», о котором я слышала в сказке. Там говорилось, что от страха кровь стынет в жилах. Но это у взрослых, а у меня леденело все тело. Может, на самом деле «умирают со страху»? Умереть в момент опасности, наверное, можно, но «протянуть ноги» во сне — совсем глупо!

Я никому не рассказывала о ночных ужасах. Поймет меня только тот, кто сам испытал подобное. Не дай Бог никому такого!

После первого приступа я боялась повторений. И, ложась спать, с замиранием сердца молилась:

— Господи, отведи от меня беду!

Но страх приходил, когда я уже забывала о нем. Он встряхивал мое существо до основания и заставлял о многом задумываться. Почему меня преследует страх смерти? Я же не боюсь ее. Мне только не хочется долго страдать. В жизни мало хорошего. И если бы кто-то сказал, что одним выстрелом, без мучений, убьет меня, я бы не испугалась. Кому я нужна? Может, только Витек заплачет. Я — незаметная, никому не нужная пылинка, исчезновение которой никто не заметит и ничего не изменит.

Как-то Галя сказала нам, что человек создан для счастья, как птица для полета. А где оно, счастье? Счастье — это когда тебе хорошо. Годы, прожитые в ежедневном ожидании наказаний, не назовешь счастливыми. Правда, в последнее время, с Галей, стало светлее, радостнее. Но страх, поселившийся в душе, трудно выгнать.

СТАРШИЙ БРАТ

После завтрака мы с Витьком и нашими деревенскими друзьями Петей и Пашей пошли собирать луговую клубнику. С нами увязался четырехлетний Сашок.

Утро баловало нас прохладным легким ветерком и россыпью бриллиантовой росы. На шире, лебеде и лопухах, что в изобилии росли вдоль дороги, — капли большей частью крупные. Лучи солнца, окунувшись в них, выходили мощным звездным пучком. А когда пушистое облако прикрывало солнце, капли блестели мягким светом лунного камня. Длинные узкие листья пырея и просыанника обрамлены мелкими капельками, как алмазной крошкой, поражающей тончайшей огранкой истинно дорожного украшения.

Обильная роса охлаждает босые пыльные в цыпках и садинах ноги. А у Сашка вымокли трусы, которые ему почти до пят.

— Смотри, штаны не потеряй, инкубаторский, — засмеялся добродушный, медлительный Петя.

Любопытный Сашок тут же потребовал объяснить новое слово. Петя деловито, по-крестьянски начал:

— Когда домашняя курица высиживает цыплят, то они получаются разные: желтые, черные, пестрые, а из ящика-инкубатора — только желтые. А вы, детдомовские летом все ходите в одинаковых трусах. Да ты, Сашок, не обижайся. Вон Павлушке куртку и брюки мать сшила из шинели, так прилипла к нему кличка «Кутузов». А меня «Меченым» прозвали из-за черных иностранных букв на штанах, сшитых из трофейного мешка. Просила мамку сшить брюки из папиного довоенного праздничного костюма. Не хочет. Пусть, говорит, висит... Вроде бы как папка дома... А может, и правда придет. У нас на селе одним пришла похоронка, а муж вернулся жив-здоров. В бою на нем шинель загорелась, он ее и сбросил. А в штабе не разобрались и по документам из обгорелой шинели прислали страшную весть.

Петя умолк. В тишине раздавался крик суетливой сороки. Ее длинный хвост непрерывно мелькал в зарослях терна. Высоко в небе над нами зависал жаворонок. Стрекотали кузнечики, шуршали юркие ящерицы. Басистый шмель деловито обследовал клевер. Сашу заинтересовала норка под деревом, и он, конечно, сунул туда палку. Из-под корней начали медленно выползать огромные пчелы.

— Бежим отсюда, — забеспокоился Павлушка, — это рой шершней. Если нападут, до смерти зажалят! Это вам не простые пчелы!

Пришли на луг. Спустились в низину. Клубника сплошь покрывала землю. Я сначала наклонялась за каждой ягодой, а потом встала на коленки, как Саша. Наевшись, принялась рвать ягоды с веточками для малявочек.

Солнце уже припекало так, что больше не хотелось ползать по лугу. Друзья предложили зайти в лес: «Там не жарко и можно попробовать лесной ягоды. Она мельче, зато ароматнее. А заодно хорошо бы перекусить в тени». Упоминание о еде вмиг заставило меня согласиться с ребятами. Выбрали уютную поляну. Сели под развесистым кленом. На платке появились: вареная картошка, хлеб, лук, чеснок, соль, огурцы. Хлебу мы рады больше всего. Картошки у всех вдоволь, а вот горбушка хлеба, да еще натертая чесноком, вызвала такие спазмы в желудке, что я невольно сжалась в комок. Петя разломил хлеб так, чтобы каждому досталось немного корочки. Сашок первый управился со своим куском и произнес:

— Вкуснотища, а!

Петя улыбнулся:

— Бабушка печет.

Потом посмотрел в голодные, откровенно просительные глаза малыша, отломил от своего куска половину и молча протянул. Сашок оглянулся на меня, спрашивая разрешения. Я кивнула.

Этот кусок он ел, не торопясь, опустив глаза в землю. Я заметила слезы. «Маленький, а уже стыдится просить», — подумала я с грустью.

Часть своего хлеба я припрятала под резинку трусов. Пир продолжался. За обедом Витек рассказывал разные истории из жизни детдома, а домашние — из своей.

Потом запили еду колодезной водой из военной Петиной фляжки и углубились в лес. Ягод попадалось много, но одолели комары. Только наклонись, десятки «пернатых» впиваются в лицо. Над каждым кустом клубились несметные полчища насекомых.

— Болото близко, — объяснил Павлик.

Долго выдерживать нападения писклявых недругов мы не захотели. Решили возвращаться. Вдруг где-то совсем рядом прозвучал гудок паровоза. Он вызвал у меня бурное желание увидеть, наконец-то, поезд своими глазами. Витя долго уговаривал ребят отвести нас на станцию.

— Не разрешают нам ходить к поездам, с тех пор как Варьке руку на рельсах отрезало, когда она под составом проползала, чтобы сократить дорогу, — возражали наши друзья.

— Мы не полезем под поезд, только посмотрим на него, — заверил Саша.

Павлушка, старший из нас, (ему двенадцать) уступил. За разговором не заметили, как вышли на полустанок. Мы увидели два ряда бесконечных рельс. Вскоре появился состав. Лязг, грохот, огромные колеса напугали меня. Сашок от страха прижался к Вите. Но когда замелькали груженные вагоны, я успокоилась, и с интересом разглядывала, что в них везут. Следующий состав мы встретили более спокойно. А когда стал приближаться третий, у меня совсем пропал страх. Вдруг с другой стороны полустанка появился еще один поезд. Что взбрело Сашке в голову, непонятно, только вдруг он сорвался с места и побежал через рельсы. Мы с Витьком в три прыжка оказались у рельс.

— Стой там, — крикнул Витек.

Но в глазах Сашка не просто страх, в них ужас при виде приближавшихся с двух сторон поездов. Сашок готов был броситься назад, к нам. Он не мог остаться один. Что угодно, лишь бы быть с большими мальчиками! Один прыжок — и Павлушка рядом с Сашей. Мы с Витей — за ним. А Петя даже не успел сообразить, что произошло.

В следующую секунду первый поезд дал предупредительный свисток, и вагоны загромыхали мимо нас. А несколько мгновений спустя второй поезд стал надвигаться на нас с другой стороны, как черный Змей Горыныч. Саша заревел. И тут началось что-то жуткое. От лязга и грохота у меня отключились мозги. Но самое страшное было то, что мы оказались в воздушной трубе. Мощный ветер то тащил меня под колеса, то подбрасывал вверх и гнал вдоль вагонов. Стегал песком и мелкой галькой. Я задыхалась. Меня трепало и закручивало, как осенний листок. Я ничего не видела и не слышала. Вдруг мысль о Саше пронзила меня. С трудом приоткрыла глаза и стала лихорадочно искать малыша сквозь вихри пыли. Павлушка, прикрыв собой Сашу, махал рукой. Я поняла его требование лечь на землю. Как только вжалась в гальку, сразу стало намного легче. Витек вцепился в шкворень (металлический штырь), которым укрепляют шпалы, но его все равно подбрасывало. Я села на Витины ноги, а руками, что было сил, охватила столб, оказавшийся, на мое счастье, поблизости. В эти минуты, казалось, что ужас полностью поглотил меня. Не существовало ни времени, ни пространства, только грохот и лязг. Ад. К страху примешивалось странное чувство нереальности, ощущение бессилия, проглоченности бешено несущимся потоком, смутное осознание происходящего...

Отгромыхало. Уже не слышен даже отдаленный стук колес, а мы никак не можем прийти в себя. Все еще звенело в ушах, и медленно возвращалось сознание. Первым встал Павлушка. Сашок лежал, зажав уши. Его отнесли за рельсы. Когда он пришел в себя, то сказал беззаботно:

— Павлик, а мне с тобой было почти не страшно.

Павлушка процедил сквозь зубы:

— Отстегать бы тебя.

— Я потерял на рельсах ягоды, которые собирал для ребят из группы, — виновато пролепетал малыш.

Назад шли молча. И только когда вошли в лес, нас как прорвало. Мы стали бурно делиться впечатлениями.

— Я чуть от страха за вас не помер, потому что мы с Павлушкой от его дяди слышали, как опасно быть между поездами, когда они движутся на большой скорости. Может под вагон затянуть, — воскликнул Петя.

Я с благодарностью взглянула на нашего спасителя.

— Павлуша, ты теперь Сашку как брат. И нам тоже, — серьезно сказал Витек.

— Старший брат, — засмеялся Павлушка. — Вы только моей маме не проболтайтесь про станцию. Нельзя ее волновать.

— Могила, — хором заверили мы.

ЗАЩИТНИК

Сегодня дождливая погода и холодный ветер. Воспитатели не повели малышей на прогулку, поэтому я отправилась за книжкой в «тихую» комнату. Там встретила Витька, и в группу мы пришли вместе. Но читать я ребятам не стала, они хорошо играли. Вдруг наше внимание привлек громкий смех малышей. Подошли ближе. Дети окружили Люсю и Васю. Люся обвязала себя одеялом. На голову надела наволочку и сделала на лбу узелок, как носит платок Валентина Серафимовна. Вася подошел к Люсе и невинным голосом произнес:

— Валентина Серафимовна, вы болеете когда-нибудь?

Люся:

— Нет.

Вася:

— А жаль.

Дальнейших слов «артистов» уже не было слышно. Мы смеялись вместе с малышами. Уж очень похоже передразнила Люся ВЭЭСку!

Неожиданно из-за моей спины выскочила воспитательница, схватила за шиворот Люсю и поволокла к двери, где висел ремень. Я знала, что маленьких тоже бьют, но это никогда не происходило при мне. ВЭЭСка стегала, распаясь все больше и больше. Я застыла на месте. Малыши заплакали. Вдруг Витя изогнулся, как наш Кыс, подскочил к воспитательнице и вырвал у нее ремень. ВЭЭСка схватила Витю за уши и стала бить ногами. Я подскочила к ним с криком: «Отпустите!» Воспитательница тут же врезала мне по лицу кулаком. Кровь из носа полилась на майку. Ярость застлала мне глаза. Почти одновременно с Витьком мы вцепились зубами ВЭЭСке в руку. Вскрикнув, она выпустила Витю и выскочила из спальни.

Витя предупредил меня:

— Когда вызовут к директрисе, молчи. Я сам буду говорить. Ты — девчонка и ни в чем не виновата. Пусть меня наказывают.

Только утром следующего дня нас отправили к директрисе. Она даже не спросила, что произошло и как. Обращаясь к Вите, зло процедила сквозь зубы:

— Жаль, что тебе скоро в школу, а то отправила бы тебя, подкидыш чертов, в тюрьму.

— Неправда, — пробурчал Витя в ответ, — маленьких не берут в тюрьму.

— В детскую колонию могу услать, — не сдавалась начальница.

Витя не сдержался:

— За что? За то, что ВЭЭСка маленьких бьет? Правильно я сделал, что укусил ее. Пусть знает, как бывает больно! А если ее маленького ребенка кто-нибудь избьет, ей понравится? Знает ведьма, что нас некому защитить. Это ее надо посадить в тюрьму! А еще я слышал по радио про счастливое детство и про Сталина. Меня теперь не обманешь. Нельзя бить детей! Вот!

Директриса ответила с усмешкой:

— Запомни, глупый мальчишка, быть тебе в колонии для малолетних, если не усмиришь свой характер. Не умничай.

На меня она даже не взглянула. Странно. Нас не наказали. Только тетя Маша попросила не ходить к малышам, когда дежурит Валентина Серафимовна, чтобы деткам хуже не было, потому что плетью обуха все равно не перешибешь.

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ НА ЗАПАД

По детдому прошел слух, что на учебу в школу нас будут отправлять в различные города и села. Именно в эти дни стали заметны все неявные привязанности детей нашей группы. Во всех углах собирались кучки по два, три и больше человек. Что они говорили, что обсуждали — одному богу известно. Отовсюду слышались слезы вперемежку со смехом. Как-то после ужина собралась вся группа. Решили послать к директрисе самых смелых и напористых с просьбой не разлучать друзей. Директриса встретила нас спокойно, выслушала горячие, не очень связные речи и ответила, что ждет разнарядки. Мы не знали, что означает это слово. Витек спросил. Она ответила, что сделает так, как прикажут «сверху». Мы молча разошлись по двору. Но вскоре опять оказались вместе. Витек закричал:

— Не могут «наверху» нас знать. Они напишут на бумаге — два человека сюда, три — туда, и все. Директриса хитрит, чтобы мы не устроили бунт. Пусть покажет бумагу, когда пришлют. Мы не котята, которых раздают, как попало!

На следующий день снова пошли к директрисе. На этот раз она резким, четким голосом сказала:

— Будете бузить — так вместо хороших школ загоню вас туда, где Макар телят не пас.

Угроза подействовала. Мы были уверены, что она распределяет детей, поэтому притихли. Нам оставалось только ждать. Наверное, впервые мы поняли, как мучительно ожидание. Слонялись по двору. Ничего не хотелось делать, все валилось из рук. У меня ныло под ребрами, плечи и руки отяжелели. Все время клонило в сон. Все потускнело вокруг. Мы с Витьком не плакали. Просто часто сидели, взявшись за руки, и молчали. Спать ложились рано. Слишком медленно, томительно тянулись дни.

В ту памятную ночь Витя, как всегда, пожелал мне спокойной ночи и ушел к ребятам. Что-то беспокойно было у меня на душе. Не спалось. Тяжелая дрема то прижимала веки, то отпускала. Вдруг какой-то внутренний толчок встряхнул меня. Я вскочила. Странно, никто меня не будил. За окном еще темно. Тишина. Но сердце мечется в груди, как ласточка в закрытом сарае: то вверх, то вниз, то вдруг замрет, сожмется, а потом расправится ноющей болью. Пошла к койке Витька. Он спал. Все в порядке. Но тут появились няни и начали осторожно будить Витю словами: «Иди в уборную». Он, не открывая глаз, пошел. Мое сердце заколотилось сильнее. Я почувствовала, что уборная — это лишь предлог, чтобы потихоньку увести из корпуса шумливого Витька. В одних трусах и босиком я шмыгнула во двор. Все ясно. У ворот стояла полупортка. Заглянула за борт. Двое ребят уже лежали в кузове. Опрямев бросилась в спальню за одеждой. «Только бы успеть, только бы не заметили, — стучало в голове. Успела. Залезла в машину и спряталась в соломе. «Не получится у вас разлучить нас», — преодолевая нервную дрожь, думала я.

Витька стали осторожно подсаживать в кузов. Тут-то он и проснулся. До него дошло, что происходит. Он вырвался и закричал, что не уедет без меня. В темноте он упал на пороге. Няни схватили его, упрашивая не шуметь. Потом, зажав рот, поволокли к машине. Он извивался своим худеньким телом, кусался. Я не выдержала и закричала: «Витек, я здесь». От неожиданности няни отпустили Витю. Он вмиг оказался рядом, так как решил, что меня отправляют вместе с ним, и замолк, прижавшись рассеченным лбом к моему плечу. Няня и какая-то незнакомая женщина сели рядом с нами. Машина тронулась. Мы с Витьком оделись, укрылись соломой, потому что ночная прохлада мурашила кожу, и заснули блаженным крепким сном.

Когда я проснулась, то увидела, что лежу на траве рядом с няней. Солнце высоко. Лес безмолвной стеной стоит по обе стороны дороги, которая сужающейся лентой уходит вдаль. В неизвестность.

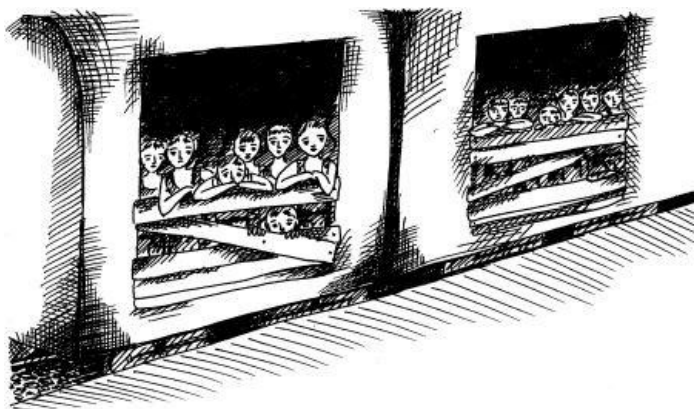
«Обманули. Сонную сняли с машины. Так вот зачем поехала няня», — мелькнуло в голове. Я не плакала. Я медленно побрела назад. Только острая льдинка при каждом шаге колола меня в сердце.

ЕДУ В НОВЫЙ ДЕТДОМ

В группе остались втроем. Почему нас не отправляют? Может, мы «не такие» и никому не нужны? У директрисы спрашивать бесполезно. Разговаривать не станет. Пошла к бабе Мавре. Милая толстуха спокойно пробасила:

— Черед не пришел. Успеешь на городские харчи перейти. Еще наголодаешься. На, горячей картошки поешь. Вон лопатки торчат, как крылья ангелочка. Там тебе лишнего куска не дадут.

После таких слов я перестала беспокоиться, а задумалась с еще большей грустью: как-то там, на новом месте будет?

И вот пришел день прощания. О нем мы узнали только утром. Наверное, директриса боялась какого-либо фокуса от нас. Зря. Не до баловства. За последний месяц мы очень повзрослели, посерьезнели. Чувствовали, что предстоит другая, взрослая жизнь. Здесь мы росли, как сорная трава. И в этом я видела для себя много хорошего. У меня было время видеть, думать.

Пока сидели в коридоре, ожидая сопроводительных документов, вспоминалось все доброе и хорошее, что было за годы проживания в лесном детдоме. Галя. Что было бы с нами без тебя? Взрослые говорили, что директриса не разрешила ей перед отъездом попрощаться с нами. «Завидки берут, когда других любят», — решили мы.

Слезы наворачивались на глаза. Мы старалась сдерживать их, разглядывая во дворе толпу ребятишек. Но когда вышли на крыльцо, они хлынули таким мощным потоком, что мы уже ничего не видели перед собой. «Лучше бы вчера сказали об отъезде, тогда мы не выглядели бы сейчас ревами», — смущенно думала я.

Меня окружили малыши, которым я читала книжки. Они так дружно плакали, что мое сердце заныло еще сильнее. Я боялась опозориться перед малышами истерикой. Страх немного подавил слезы. Попыталась улыбаться, теребя пацанов за губчики. И в этот момент вспомнила Ивана, и его слова напутствия. Собрав все силы, срывающимся голосом торопливо заговорила:

— Тише, ребята. Запомните, что скажу.

Малыши быстро затихли, преданно заглядывая мне в глаза.

— Дружите с хорошими, добрыми людьми. Надейтесь только на себя. Учитесь всему. Вы очень хорошие. Я вас всех люблю.

Больше я не могла говорить и побежала к тете Маше и бабе Мавре, которые стояли около грузовика. Они сжали меня своими теплыми руками и стали целовать в макушку. Баба Мавра забормотала сквозь слезы:

— Господи, помоги сиротке, наставь ее на путь разума, не обойди ее благостью своей всемогущей... Да святится имя твое. Аминь!..

Подошел шофер и потянул меня за руку.

— Я никогда не забуду вас! — крикнула я им, захлебываясь слезами.

И вскочила в грузовик.

Директриса что-то говорила, напутствуя моих друзей. Я не слушала. Я могла бы пересилить себя, сказать ей хорошие слова, если бы знала, что они помогут малышам, которые остаются здесь. Но понимала, что «бессмысленно долбить осклизлый камень словами доброты. Искры не получишь». Так говорила баба Мавра.

Мальчики тоже залезли в кузов машины.

— Прощай детдом! — крикнула я под шум мотора. Сомкнулись деревья, скрыв от глаз привычные силуэты, как будто зеленой ширмой отделили старую жизнь от новой.

На вокзале нас посадили в вагон. Окошками нам служили щели между досками. Сидели на полу, застеленном грязной соломой. Детей набралось много. Видно, собрали из разных детдомов. На перроне толпился народ с сумками, мешками, чемоданами. Мы слышали, как они говорили о нас:

— Детдомовских перевозят как скот — в грузовых вагонах. Ироды!

Я высунула свою любопытную рожицу из двери. Какая-то женщина, увидев меня, почему-то перекрестилась и сказала: «О, Господи!» И, оставив свои мешки, стала бросать мне яблоки. Целую корзину перекидала. Я отстранялась от летящих яблок, чтобы они все попадали в вагон. Ребята их тут же подхватывали. А женщина кричала:

— Девочка, девочка, поймай хоть одно!

Поезд тронулся. Мы облепили все «окна», чтобы увидеть новый мир, который открывался перед нами гудком паровоза. Замелькали поля, села, городки, меловые горы, речки, мосты. Щемящее чувство, вызванное необъятными просторами, охватило меня. Это был восторг, смешанный со страхом неизвестности...

Теплый ветер дул в лицо. Я прижимала к груди спрятанную под рубашкой пилотку — память о Витьке — моем детдомовском «солнышке».

Не любви, - доброты жду я...

НОВЫЙ ДЕТДОМ

Едем в неудобном поезде день и ночь. А утром нас пересадили в товарный вагон, до половины наполненный морскими ракушками. Мы купаемся в них, закапываемся по шею, выбираем самые красивые и прячем по карманам. За играми время летит незаметно.

Я гляжу в небо и представляю море круглым, как тарелка. А вокруг — остроконечные горы, высоким забором отделяющие море от остального мира. Вдоль берега белые, как летние облака дома, окруженные садами и цветочными клумбами. И пускают туда через золотые ворота самых добрых, умных и смелых людей... Я улыбаюсь своим мыслям. Шуршание ракушек, гомон ребят, стук колес уносят меня в дальние страны моих фантазий.

После больших остановок нас становится все меньше и меньше. Пришла и моя очередь покинуть интересный вагон.

Снаружи новый детдом не произвел на меня приятного впечатления. Здание в пять этажей показалось серым, скучным. После наших едва видимых из-за деревьев сараев эту громадину я назвала казармой.

В новом детдоме меня встретили весело. Увидев узел с одеждой, сравнили с цыганкой и повели в баню. Когда я разделась, няня подошла к моим вещам. Я схватила Витину пилотку, плащ, который мне сшила на прощанье баба Мавра, прижала их к себе и зверьком глянула на женщину в белом халате:

— Не отдам! Это память.

— Не бойся, никто их не возьмет. Я прослежу. Завяжи все в рубашку и повесь вон на тот крючок, в жарочном шкафу. С инфекцией боремся. Понимаешь? А когда помоешься, сама возьмешь из шкафа.

Я успокоилась.

За приоткрытой дверью услышала тихое бормотанье:

— Странная девочка. Господи, да кому такое тряпье нужно?

После бани шла по бесконечно длинному коридору, по обе стороны которого выстроились одинаковые двери с номерами. Еще одно колено коридора — и поворот на широкую лестницу. Моя комната на пятом этаже. Она чистая, с большим окном. Шесть кроватей, шесть стульев, стол. На кроватях простыни и пододеяльники настоящие, белые. Одеяла розовые с синими полосками. Потрогала свое: мягкое, не колется. Матрац толстый, ватный. Стены комнаты до половины окрашены светло-зеленой краской, а выше — меловые. Шторы белые в цветочек. Красиво, как в больнице!

ЗАБЛУДИЛАСЬ

Подошло время обеда. Дети торопливым ручейком потекли в столовую. Я влилась в общий поток. Столовая оказалась огромной: стоя в дверях на цыпочках, я не увидела, где она заканчивается. На обед дали немного жидкого борща, две ложки картошки, размазанной по тарелке, половинку яйца, кусочек хлеба и компот. «В деревне скатертей не было, а кормили лучше», — подумала я. Поела, вылизала тарелку и вышла на крыльцо. Сквозь прутья железной ограды увидела, как по тротуару идут люди и едят вареную кукурузу. По ту забора стоит домашняя девочка. Я вежливо спросила:

- Скажи, пожалуйста, почему они едят на улице? У них нет дома или им некогда?
- Мода такая. Раньше семечки на улице грызли, а теперь кукурузу покупают и едят.
- Кукурузу покупают? Ее же в поле о-го-го сколько!
- Самим рвать нельзя. Это, значит, своровать, — объяснила домашняя.
- А собирать грибы в лесу — тоже воровать?
- Грибы можно. Их никто не сеял. А кукурузу сначала выращивают в поле, потом привозят в магазин и продают.
- А ты что-нибудь продавала?

Девочка скорчила недовольную гримасу:

- Этим бабушки и нищие занимаются по бедности.
- А если я захочу, то смогу заработать денег?
- Попробуй. Ваши бутылки и пузырьки в аптеку сдают. Все свалки облазили, — насмешливо хмыкнула девочка.

Меня задел ее пристальный, жалостливый взгляд и, резко повернувшись, я пошла в сторону двухэтажных домов.

Запах кукурузы щекотал ноздри. Сама, не замечая того, пошла за женщиной, у которой из сумки торчали золотистые кочаны. Руки сами собой потянулись к початкам, но я сцепила пальцы за спиной, рассуждая, словно уговаривая себя: «Дурочка! Ведь все равно не смогу украсть. Украду, а кто-то, значит, останется голодным. Меня хоть как-то накормили».

Женщина подошла к одноэтажному дому и открыла калитку. Навстречу ей выскочила девочка моего возраста и трое мальчиков постарше, одетые в рубашки на вырост. Ремни поддерживали широкие брюки, шитые на взрослых. У девочки длинные косички. Я машинально провела рукой по своему стриженному затылку. Дочка бросилась на шею матери, поцеловала и попросила кукурузину. Старшие занесли сумки в дом, а потом тоже сели на крыльцо.

— Устала сегодня, — сказала женщина, разминая плечи. — Пришлось задержаться на работе. Мастер попросил.

Старший сын принес матери попить, снял с нее туфли и надел мохнатые тапочки. Я остро почувствовала, что дети ждали маму. Не кукурузу, а маму. В груди защемило. Стало неловко, что подглядываю за чужим счастьем, вроде как ворую его. Но уйти не могла. Отступила за деревья, что росли у калитки, и оттуда смотрела на дружную семью.

Вдруг опомнилась. Я шла за женщиной и совсем не думала, куда иду! Огляделась: впереди — дома в два и три этажа. Они желтые, серые, розовые. Сзади — одноэтажные. Туда попробовала идти, сюда и поняла, что сама отыскать дорогу назад не смогу. Испугалась, но заставила себя преодолеть смущение и спросила у проходившей мимо женщины, где находится детдом.

— Какой? — уточнила она.

— Серый, пятиэтажный, — ответила я.

Женщина грустно усмехнулась и взяла меня за руку.

— Потерялась?

— Я шла, шла и...

— Давно здесь живешь?

— Первый день.

— А раньше где жила?

— В деревенском детдоме.

— Долго?

— Всегда.

— А где лучше?

— Не знаю. Этот внутри красивый, но здесь после обеда есть хочется.

— По-французски вас кормят...

— Я знаю: у французов мало еды, потому что у них тоже была война. А они какие? Как немцы или как русские? Они за нас или за немцев?

— Ты вопросы хоть по одному задавай. Французы?.. Они — за себя, — проговорила спутница и усмехнулась.

— Разве так бывает? Они плохие как немцы или хорошие как мы?

— Разные они. А ты дотошная не в меру. Подрастешь — все и узнаешь.

— Немцы не могут быть хорошие. Они фрицы! — не унималась я.

— Ладно, ладно. Пусть будет по-твоему, — улыбнулась женщина.

Тут мы подошли к узорной металлической ограде.

— Твой детдом?

— Наверное.

— Тебя проводить до крыльца?

— Нет! — вскрикнула я испуганно. — Может, не заметят, что я долго гуляла.

— Боишься наказания?

— В деревенском детдоме нам за все доставалось.

— А тут?

— Не знаю. Я по привычке испугалась.

— Тогда торопись. Счастья тебе.

— Большое спасибо. Вы — хорошая тетя.

И я проскользнула во двор.

ПОРЯДОК

С девочками познакомилась быстро. Я не воображаю, ни перед кем не заискиваю, держусь со всеми запросто. С желанием выполняю любые поручения, потому что сама не люблю, когда другие отлынивают. Обязанности надо выполнять. Это я давно уяснила, еще до школы. Мыть полы в комнате и драить кирпичом в коридоре и холле нетрудно. Воду ношу из огромного бассейна, облицованного коричневыми камнями. Ташу треть ведра, а если с кем-либо вдвоем, то половину. С дорожками сложнее. Не хватает сил их поднять. Я придумала скатывать каждую дорожку с обеих сторон в два рулона. Развешу на штакетнике, вытряхну каждую половину, сверну и прошу старших ребят отнести или хотя бы взвалить мне на плечи. Самое сложное — поднять и взвалить. Дети всегда помогают.

Мне нравится, что жизнь здесь построена разумно. Существует естественный порядок. Нянь нет. За чистотой следят сами дети. Никто не опекает, не лезет по мелочам. Воспитателей почти не видим. Мелькнет какая-то женщина и пропала. Иногда мужчина по коридору пройдет. Кто-то белье на койках сменит, пока гуляем. Взрослые сами по себе, мы сами по себе. Некого бояться.

Но в первые дни я все время ожидала чего-то страшного, не верила тишине, особенно, когда просыпалась утром. С удивлением встречала спокойный вечер. Теперь привыкла, не жду плохого. Удивительная легкость в теле. Безмятежное состояние души. Здорово! Разве может быть жизнь лучше? Вспомнились слова практикантки Гали: «В детстве ребенок должен открывать только радость, а не задумываться над взрослыми жизненными проблемами». На сердце сразу потеплело.

Ночью, как бывало и раньше, лежа в постели, оцениваю прошедший день, мысленно разговариваю с Витьком, сообщаю ему, что происходило со мной, советуюсь и тихонечко вздыхаю: «Где ты сейчас? Как живет в твоём новом детдоме? Здесь хорошо, только тоскливо без тебя. Пусть Бог даст тебе много счастья...»

Незаметно засыпаю.

ОБМАН

Сидим на хозяйственном дворе позади корпуса и на металлических терках превращаем куски мела в порошок для побелки. Сначала у меня не получалось. Сдирала кожу на пальцах и по привычке зализывала ранки. А потом придумала, как закрепить терку, чтобы не «прыгала», и дело наладилось. Теперь с удовольствием смотрю, как белый порошок мягкими слоями ложится на тряпку.

Вдруг между кусков мела что-то блеснуло. Раскопала. Настоящая денежка в двадцать копеек! Оглянулась по сторонам и быстренько — ее за щеку.

Несколько дней играла с монеткой, а потом спросила у второклассниц, что вкусенького можно за нее купить? Оказалось, этих денег хватит только на четыре конверта с марками.

Одна из девочек тут же сообщила, что любимая бабушка давно ждет от нее письмо. Сказала и переглянулась с подружкой. Глаза ее хитро сузились. Я заподозрила обман, но особого значения этому факту не придавала. Не поверила своему наблюдению. Может, на самом деле ждет? Я протянула монету девочке и сказала: «Порадуй бабушку».

Перед сном зашла в уборную. Вдруг слышу через дверь:

— Откуда у тебя деньги?

— Новенькая дала.

— Так и поверила! Отняла?

— Да нет, она дурочка. Добренькая. Ей стало жалко мою бабушку, которая все плачет и плачет, не получая от меня писем.

— У тебя же нет бабушки.

— Зато денежка есть. Завтра конфет куплю.

Я выскочила из уборной и кинулась на обманщицу:

— Ты что, не понимаешь, что доброта, а что глупость?

— Это одно и то же, — наглым издевательским тоном возразила она.

— Ты злюка! Злой человек не может быть счастливым.

— Почему ты знаешь, сопля?

— Бабушка Мавра говорила.

— Нет у тебя никакой бабы Мавры, и такого имени не бывает. Есть Марфа.

— Много ты знаешь! Имя есть и бабушка есть. Пусть не родная, но самая хорошая. А обманывать людей — нечестно. Всем расскажу про тебя!

— Послушают и скажут, что ты дура.

— Умные поймут, а на глупых я внимания не обращаю. Зато ты больше никого не обдуришь!

— На мой век дураков хватит, — ухмыльнулась моя обидчица.

— Отлупить тебя надо, чтобы ума добавилось.

— Я и так умная, тебя-то, видишь, перехитрила.

— Не умная, а хитрая. Умный не может делать гадко. Вот! А ты подлая. Ты лиса. Мне денег не жалко. Как нашла, так и потеряла. А ты воровка! Краденое на пользу не пойдет. Когда-нибудь тебе это боком выйдет.

Девочка удивленно вытаращила глаза:

— Как это «боком»?

— Вырастешь, — поймешь, а пока тебе мозгов не хватает.

— Глупости это!

— Не глупости. Я от дедушки Панько слышала.

— Иди ты со своим дедом куда подальше!

— Сама хочу от тебя быть подальше. А дедушку не трогай, не то худо будет! Не смотри, что меньше тебя. Поколочу!

И я уверенным шагом прошла мимо девочек, молча следивших за нашим разговором. Перед сном я думала: «Почему я поверила хитрюге? Ведь чувствовала, что говорит неправду. Почему молчали остальные? Она их тоже обманывала? Боятся ее? Задача сложнее арифметики!»

ФАНТАЗЕРКА

Ходить нормально я не умею. Ношусь как угорелая. Спускаться по лестнице не люблю, мне легче съехать по узкой спирали перил. Скользить с верхнего этажа — это же такой восторг! Девочки называют меня хулиганкой. За что? Хулиган обижает других. Я же никого не трогаю. Они просто трусихи. Как-то предложила им:

— Попробуйте сами. Вы что, на санках с горы никогда не катались? Плохо вам, городским! Как же можно так жить? Если скучно, я обязательно что-нибудь придумаю.

И принялась рассказывать о своих фантазиях, в которых со мной происходят чудесные приключения. Увлечшись, уже ничего не видела вокруг себя. Не замечала ироничных взглядов девчонок и того, что в комнату через распахнутую дверь набежало много старшеклассниц. Они даже в коридоре стояли. Вдруг очнулась от странной тишины и звука своего голоса. Сразу замолкла, будто меня отключили от электричества. Стою, растерянно хлопаю глазами. Как это получилось, что меня прорвало? Зачем разоткровенничалась с девчонками, которые меня и понять-то не хотят?

— Чокнутая, — услышала я позади себя.

«И правда глупая», — подумала я, увидев, как второклассница показывает на меня и крутит пальцем у виска.

Потом, когда осталась одна, горестно вспоминая происшедшее, размышляла: «Тормоза отказали? Только Витек, понимал меня! Разве фантазировать плохо? Сами не умеют, вот и завидуют».

И я снова погрузилась в добрый мир своих грез. Вот вырасту, и на самом деле посажу около детдома много красивых деревьев, и наше серое здание сразу похорошеет. Сошью себе шикарное платье. Еще у меня будет свой дом и выложенные цветными камешками дорожки. Со мной в этом доме будут жить самые лучшие друзья, и Витек обязательно. А из этого детдома никого с собой не возьму!

НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Поздним вечером сижу в парке и задумчиво гляжу на закат. Неожиданные сочетания красок поражают меня. Сквозь громадные красно-бурые слои облаков пробиваются голубые, чистые полосы. Потом они обволакиваются и тонут в темных, угрюмых тонах. А через некоторое время уже ярко-красными слоями выплывают из-под хмурых, неприветливых нагромождений тяжелых облаков.

Не сразу замечаю, что ко мне на лавочку подсел мужчина. Его неприятный вкрадчивый голос вывел меня из задумчивости. Зализанные вперед, желтовато-седые волосы делали его лоб низким. Блеклые глаза, еле заметные под опухшими веками, были видны лишь потому, что как-то странно бегали. Когда он приподнимал голову, то противно облизывал бесцветные губы и ухмылялся. Мужчина с приторно-ласковой улыбкой обратился ко мне:

— Девочка, сколько тебе лет и где твоя мама?

Откровенничать мне совсем не хотелось, и я хмуро ответила:

— Одна гуляю.

Он оживился и положил руку на мое колено. Я испуганно отпрянула и отодвинулась на край скамьи. Мужчина не смутился и, протягивая конфету, снова приблизился ко мне. Я не взяла конфету. Тогда он неожиданно схватил меня за плечи и коснулся холодными, мокрыми губами шеи. Я со злостью толкнула его в грудь и пересела на другой край скамьи в надежде, что он поймет мое нежелание общаться и уберется подобру-поздорову. А он не уходил, продолжая облизываться и потирать бледные в голубых прожилках руки. Я с отвращением вытерла шею рукавом. Мне было гадко от такого соседства, но из упрямства продолжала сидеть. Я же первая нашла это уютное местечко!

Пытаясь усмирить в себе волну возмущения, достала из кармана самодельный ножик и принялась обрезать сучки на липовой ветке, которую подняла у лавочки. Тонкое лезвие мелькало в моих руках, отблескивая в последних лучиках солнца. Сосед, подозрительно поглядывая на ножик, заерзал, а потом, пробурчав что-то о странных девочках, не понимающих радостей жизни, ушел, семеня тощими ногами.

Оставаться в парке расхотелось. Раздражение не проходило. Сердито хлеща себя веткой по ногам, направилась в детдом. При одном воспоминании о противном дядьке, меня передергивало, холодная дрожь пробегала между лопатками, и почему-то все время хотелось сплевывать набегающую слюну.

ЛИВЕНЬ

Мне грустно без старых друзей. Ложусь спать рано, укрываюсь с головой одеялом и, едва сдерживая слезы, перебираю в памяти маленькие радости той бесконечно длинной прошлой жизни. А при мысли о Витьке, слез остановить не могу. Через одеяло долетают обрывки разговоров девочек, но я не вникаю в них.

Мне трудно долго находиться в комнате. Тянет на улицу, в парк. Потихоньку убегаю. С каждой прогулкой уйду все дальше.

Наш детдом стоит на возвышении. Из окна своей комнаты вижу несколько рядов двухэтажных домов, стоящих в строгом архитектурном порядке. За ними — совсем маленькие домики. Их хаотичная панорама сверху напоминает мне взрыв мощного снаряда. Дальше — темные заплата низин, разноцветные поля, между которыми узкой прерывистой полосой отблескивает река. А еще дальше — зеленая завеса лесов.

Не прошло и двух недель, как добралась до места, где чувствую себя просто отлично! Это лес. Сегодня, осматривая расположенное рядом с лесом овсяное поле, обнаружила ярко-белые цветы. Осторожно раздвигаю растения, пробираюсь вглубь. К великой радости, белые цветы оказались горохом. Он так густо перевил овес, что, пока не разорвешь стебли, и шага не сделаешь. Я не стала далеко заходить. Горох собирала в майку, концы которой связала в узел. Сверху растения еще цветут, ниже висят гирлянды пустых стручков, а еще ниже, у земли, стручки самые тяжелые и плотные. Они хрустят под моими руками, а во рту не прекращается удивительный, свежий, ароматный вкус зелени. Я, кажется, обелась. Присела отдохнуть. Нещадно печет солнце. За полем — полупрозрачная дымка-марево, придающая отдаленным предметам расплывчатые формы. Горячий воздух насыщен травными запахами и влагой.

Пора возвращаться. Прижимая к себе полную «сумку», выбираюсь на дорогу. Откуда-то набежала тучка. И тут же — прохладный ветер. Редкие крупные капли дождя полетели в песок, оставляя на нем маленькие лунки. Поспешила к лесу под зеленые своды сосен. Но вдруг непреодолимо захотелось попрыгать под теплым дождем! Сняла одежду и спрятала под ветки огромной ели. Одинокие крупные капли приятно шлепали по плечам. Я ловила их руками. И тут хлынул ливень, какого в жизни не видела. Вокруг — сплошные потоки воды. Но даже они не охлаждали разогретого солнцем тела. Захлебываясь радостью, я кружилась, скакала и как сумасшедшая кричала в небо: «Дождик, дождик, посильней, будет травка зеленей!»

Потом бросилась в высокую траву и стала кататься по ней в невообразимом восторге. Вскочила, подставила упругим струям облипшее травой тело. Я ощущала блаженство, прилив сил, небывалую бодрость! Господи! Какое счастье мне досталось! Подняла руки и лицо к небу, принимая его. Я чувствовала, как оно вместе с дождем входит, втекает в меня. Замерла, погрузилась в приятное оцепенение. Не хотелось двигаться.

Между тем дождь начал стихать. Струи истончились и уже падали отдельными каплями. Прояснился горизонт. Исчезло марево. Вокруг — прозрачный, свежий воздух, умытый лес, искрящаяся трава! Мне совсем не холодно, как бывает, когда вылезает из речки. Выжала трусы. Легко и радостно дышит тело! Одеюсь у крайнего дома. Здесь тоже светит яркое солнце. В зеркальных лужах отражается небо. А еще в них — автобусы, люди, деревья.

Восторг распирает мне грудь! Радуюсь лужам, не успевшим уйти в землю, и быстрым ручейкам. Я безмерно счастлива!

ГРИБЫ

Скука. Игры надоели. Каждый день одно и то же. После обеда, засунула кусок хлеба в карман и выбралась за ограду. Хочу в березы!

Удивительное ощущение легкости испытываю всегда, входя в летний березовый лес! Он прогоняет грустные мысли, очищает душу, как апрельский дождь смывает прошлогоднюю грязь. Дышится в нем хорошо. Я кажусь себе голубой прозрачной стрекозкой: изящной, воздушной, беззаботной. В березняке света больше, чем в любом другом лесу. Он будто светится изнутри. Воздух пронизан золотящимися лучами. И трава здесь особенная — светло-зеленая, невысокая, бархатистая. Не видно грубых корявых ветвей. Даже старые, гниющие на земле деревья, сохраняя белую кору-оболочку, не нарушают ощущения чистоты и свежести.

Когда после березового леса захожу в смешанный или дубняк, будто в подвал попадаю. Сумрачно, влажно. Ощущаю тяжесть и беспокойство. Потом привыкаю и начинаю замечать разнообразие, своеобразную красоту. Но березовый лес ни с чем не сравнится — это рай!

До леса не близко. Устала. Села отдохнуть под ближайшим деревом. Прислонилась к стволу и почувствовала: дышит! Дерево чуть колеблется и вздрагивает, хотя ветра вовсе нет. Когда к электрическому столбу прижмешься, то услышишь: гудит и дрожит он, как трансформатор, что стоит во дворе детдома. А дерево скрипит и стонет иначе, потому что живое существо. Под сердцем вдруг возникло грустное и одновременно радостное чувство, и я словно потеряла ощущение себя и времени.

Очнулась, огляделась. У дороги — деревянный сруб до окон, куча красного кирпича, листы шифера и железа, сложенные, как тетрадки, ровными стопками. Над ними трепещут листья берез. Они притягивают, завораживают взгляд. Зачем все так красиво устроено? Для кого? Бабушка Мавра объясняла, что красота от Бога, а гадкое от плохих людей. А дедушка Панько спорил с ней и доказывал: «Бог — сама Природа и Любовь людей. Не будет Любви, не будет и жизни...»

Похоже, я опять слегка задремала. Проснулась оттого, что низом прошел прохладный ветер. Пошелестел травой, потом поднялся до ветвей деревьев, пошуршал листьями и умчался.

Над ближними огородами поднимается дрожащий воздух. И почему воздух-невидимка иногда становится заметным? Ведь он же прозрачный! Порывы ветра усилились. Березы теперь размахивали ветвями, раскидывая кудри в разные стороны. Небо быстро сделалось неприветливым, серым. Капли дождя заставили меня подумать об укрытии. Подскочила к строению. Потянула на себя лист шифера. Каши мало ела, — он даже не шелохнулся. Попробовала столкнуть железный. Острым краем оцарапала руку, но лист послушно соскользнул на землю и образовал подобие шалаша. Залезла под него. Все бы хорошо, но крупные капли так барабанили по железу, что мне едва дурно не сделалось. Дождь набирал силу, его шум слился в сплошное монотонное шуршание. Блеснула молния. Я увидела ее свет даже с закрытыми глазами. Тишину расколот раскат грома. Потом сухой треск завершил его работу, дробя ее на мелкие осколки. Оглушенная, прижалась к земле. Но к следующему «удару» уже подготовилась. В комнате я не боюсь грозы. Даже с интересом высовываюсь из окна. Здесь другое дело: громыхает прямо над головой. Заткнула уши пальцами. Не спасает.

Когда я уже устала от раскатов, дождь посыпал мелкий и густой, как пыль. Ветер удалился. Гром стал реже и тише. Высунула голову. Через дорогу виден лишь первый ряд огородов, дальше — плотный туман. Опять гром. И вдруг за ближайшим огородом, длина которого шагов пятьдесят, возникло странное зрелище: на сером полотне дождевой дымки танцевали и беспрерывно меняли свой рисунок десятки тонких молний! Они были высотой с куст. Маленькие молнии не пугали меня, я с любопытством разглядывала их. Долго не могла оторвать взгляда от прекрасных сияющих змеек. Но тут сообразила, что если красиво извивающиеся стрелы приблизятся ко мне, то я могу сгореть! На мое счастье, они стали удаляться вместе с туманом и дождем.

Сквозь тучи пробилось солнце и быстро растворило серость неба. Только у горизонта оставались небольшие черные тучи. Из них вытекали ровные, серые полосы дождя.

Небо улыбалось голубым светом. Сиял умытый придорожный бурьян, весело плясали листочки осин. Справа от огородов над оврагом колыхались водопады ив.

Возвращаться в город не хотелось. Вошла в молодой березняк. Капли падали на лицо, но не раздражали. Отводя ветви руками, медленно иду, наслаждаясь прохладой и охватившей меня радостью. Неожиданно споткнулась о пенек. Растирая ушибленную ногу, увидела перед собой крепкий молодой подберезовик. Забыв про боль, достала ножик и осторожно срезала. Ура! Не червивый. Это подарок от прежнего дождя, который был на прошлой неделе! На дорогах — пылища, а здесь, под одеялом из листьев, влага сохранилась. Ах, красавец! А запах! Вот удивлю девчонок! Не прошла и пяти шагов, как увидела еще три гриба. А дальше еще, еще... Дух перехватило! Самые маленькие не трогаю. Может, они еще кого порадуют?

С восторгом осмотрела великолепную гору грибов. В чем нести? В майку не поместятся, из кофты высыплются. Сложила в шаровары и туго завязала резинки. Попыталась поднять ношу на плечи и поняла: не осилю. Срезала три ветки, положила на них драгоценный груз и потащила, с радостью вспоминая, как в старом детдоме с друзьями каталась на таких «санях».

В общем, кое-как добралась до остановки. Добрая тетя помогла внести мою смешную «сумку» в трамвай.

— Вот рады будут родители, что дочка такая хозяйственная, — похвалила меня попутчица.

Только тут я поняла, что не смогу принести грибы в детдом. Мне же влетит за отлучку, если отдам их на кухню.

— Тетя, я детдомовская. Можно, я вам подарю грибы?

Женщина растерялась, сначала не хотела брать. Я добавила:

— Грибы я собирала в удовольствие, их все равно надо кому-то отдать. Уж лучше вам. Вы добрая.

Лицо женщины погрустнело. Я испугалась, что она начнет меня жалеть, и поспешила с разговором:

— У вас есть дети?

— Взрослые, на заводе работают.

— Пусть и взрослые. Им же приятно будет? Ведь будет, да?

— Конечно.

Женщина полезла в сумку.

— Чем же отблагодарить тебя?

— Не надо ничего. Мне и так приятно.

Но она достала батон, отломил половину и протянула мне.

— Бери. Вот еще и сладкая булка. Проголодалась в лесу?

— Вы грибы в сумку сложите. Как-нибудь поместятся.

— Может, зайдешь к нам? Я тебе шаровары выстираю и жареными грибами угощу? — предложила растроганная тетя.

— Нет, поздно уже. А вот и моя остановка. До свидания, тетя. Я буду вас вспоминать...

Тетя улыбалась мне грустными глазами. А мне бы так хотелось ехать и ехать с ней, и все бы говорить, говорить...

ПЕТЯ

Сегодня впервые добралась до хвойного леса. Сразу у дороги — треугольник соснового молодняка. Пушистые деревца посажены густо, а между рядами — глубокие канавы, сплошь заросшие высокими травами. Я тону в них и начинаю задыхаться от желтого марева цветочной пыльцы. Вылезаю на высокий отвал земли подышать свежим воздухом. Не спасает. По шее и позвоночнику бегут ручейки. С трудом пересекаю соснячок и ныряю в спасательную тень гигантских сосен. Отдышалась. Осмотрелась. Мое внимание привлекло розовое покрывало, устилавшее промежуток между молодым и старым лесом. Туда и направилась. Высокие, по грудь, дегтярники с черными липкими стеблями и розовыми цветами преградили путь. Раздвигаю цветы руками и выбираюсь на простор. Здесь море душицы сиреневыми волнами огибают редкие кусты бересклета, орешника, тощие осинки. Золотистые пятна зверобоя, подобно раскаленным солнечным шарам, возвышаются над темно-зеленой резучкой. На склоне оврага, примыкающего к поляне, нашли себе место бессмертники. Их светло-желтые головки, пахнущие медом, плотно прилегают друг к дружке, и стеблей почти не видно. А рядом высятся ярко-синие цветы-свечки и колокольчики. По краю поляны — малиново-розовая кайма моей любимой гвоздики.

Здесь нет тени, и опять приходит желание спрятаться в старом сосняке. Приятно в нем дышится! Растянувшись на перине из иголок, гляжу, как редкие облака пытаются протиснуться между ветвями пушистых верхушек. Снизу стволы кажутся нескончаемо длинными, и там, вверху, венчаются сказочными шатрами. Во мне — умиротворение, спокойствие, и ничего-ничего больше не хочется! Это и есть настоящее счастье! Беды кажутся маленькими по сравнению с огромностью счастья видеть, чувствовать, не воспринимать себя букашкой, а напротив — ощущать человеком, в большей степени человеком, чем там, в людском муравейнике.

У меня приятное легкое головокружение от качающихся шапок могучих сосен, от смолистого аромата, от запаха разогретых грибов. Прислушиваюсь к шорохам. Снуют вездесущие ящерицы, не смолкает стрекот кузнечиков. Приземлился на травинку «десантник». По шелесту крылышек узнаю — стрекоза. Затарахтел в ветвях беспокойный клест. И все-то его тревожит! Неподалеку на красноватом стволе появилась темно-рыжая белка с пушистым, большим, чем она сама, хвостом. Я затаила дыхание, боясь спугнуть ее. Послышались шаги. Мальчик лет тринадцати медленно подошел к дереву. На вытянутой руке он держит кусочек хлеба. Белочка соскочила ниже и замерла, разглядывая гостя. Черные бусинки её глаз выражали любопытство. Мальчик приложил ладонь к стволу. Белка мгновенно схватила хлеб и помчалась наверх. Села на ветке, передними лапками обхватила кусочек и принялась быстро есть. Справившись с угощением, опять спустилась вниз. Мальчик отодвинул руку от ствола. Секунда, другая, — и... белочка на ладони. Схватила кусочек — и снова устремилась к вершине. Мальчик достал конфету. Откусил, остаток завернул в обертку и положил на ладонь. На этот раз белка не убежала с подарком. Черные, острые кончики ушек дрожали от нетерпения, но лапки двигались уверенно. Развернула конфету и быстро заработала зубками. Потом подобрала крошки, обнюхала пальцы «кормильца» и вспрыгнула на дерево.

Я изумленно смотрела на доброго волшебника. Он улыбнулся:

— Санаторий тут рядом. Белки ручные, привыкли, что их кормят и не обижают. Говорят, что они больным души лечат.

Мы вместе пошли в глубь старого леса. Из грибов попадались поганки, да вездесущие разноцветные сыроежки высывались из-под хвойника.

— Гляди-ка, — сказала я, — кузов грузовика. Старый, весь проржавел.

Но не успела преклонить колени, как кто-то прыгнул на меня из укрытия. От неожиданности упала на спину. Вскочила. В чащу стремительно убежал крупный серо-бурый заяц.

— Спугнула беднягу. Задал стрекача! — смеясь сказал мальчик.

— Ещё неизвестно, кто больше испугался, — фыркнула я, ощупывая царапину на лбу. — Выскочил, как бесенок... Ты тоже из санатория?

— Нет, я живу у самого леса. А ты?

— Я... детдомовская.

И вздохнула, не совсем уверенная, что об этом стоило говорить.

— Знаю детдомовских. Дружные. Меня Петей зовут, у меня есть сестренка Зоя. Хочешь, познакомлю?

— Хочу.

Я очень обрадовалась, что новый знакомый сразу пригласил меня домой.

Зоя, голубоглазая, черноволосая, по-деловому серьезно познакомила меня со своим огородом, садом, коровой Женькой, поросенком Васькой, кроликами и всякой домашней птицей. Потом себе, мне и брату намазала черничным вареньем по огромному куску хлеба. Мы ели с удовольствием и показывали друг другу темно-лиловые языки.

Провожая меня до асфальтовой дороги, Зоя твердила:

— Не забудь, мы — Шубины, нас тут все знают и помогут найти, если заблудишься.

Громко распевая песни, я направилась в детдом.

БАБУШКА ДУНЯ

С первого дня знакомства я подружилась с Петиной бабушкой Дуней. Она меня внучкой называла, из-за этого я поначалу даже слез не могла сдерживать. Случалось, что она кусок побольше подкладывала мне на тарелку и ночью на сеновале вторым одеялом укутывала. А как-то, улыбаясь, назвала меня солнышком. Наверное, потому, что я беленькая, а Петя с Зоей — черноволосые. Мне на душе сделалось так хорошо, что я заулыбалась и, может, впервые в жизни почувствовала, как вместе с улыбкой внутри у меня появилась радость.

— Бабушка Дуня, расскажите, пожалуйста, про свое детство и молодость, — как-то вечером попросила я. — Вы еще не старая, а успели при царе пожить.

Бабушка в это время собиралась пряхть овечью шерсть.

— Ладно, слушай, — согласилась она. — Родители мои друг в друге души не чаяли. И меня страсть как любили. И баловали. Одна я у них была. Подружки в пять утра гонят скотину в луга, а я высыпаюсь часов до семи. Как будто чувствовали, что за эти годы нанежусь на всю оставшуюся жизнь. А в двенадцать лет осталась одна-одинешенька. Холера не обошла родителей. Все хозяйство легло на мои плечи. Дядя, конечно, помогал огород вспахать, забор починить. А остальное — все сама. В церковно-приходской школе отучилась только два класса. А помещик в наших краях был злющий-презлющий. Если по его тропинке кто пройдет, так обязательно поймает и сечет до полусмерти. А уж чья скотина попадет на его поле, так ни скотину, ни хозяина не пожалеет. Пока его свеклу да картошку не уберем, — на свои огороды не заглядываем. Убьет. Бывало, колокола к заутрене зовут, а мы ещё в речке моемся. При луне да звездах работали. Так жила до двадцати двух лет. Тут приглядел меня вдовец-фельдшер тридцати лет. Красивый собой, высокий, грамотный. И я по молодости хороша была, под стать ему. Он нравился мне, еще когда жена его была жива. Но виду не показывала. Насчет этого в деревне у нас строго. Блюла себя, чтобы уважали. Мужики даже побаивались меня. Ни рук, ни языка при себе не позволяла распускать. И сама лишнего слова не уроню. Не терплю пустозвонства, а пуще всего — пьянства. Сватались ко мне, но дядя чего-то выжидал, да и я не рвалась за нелюбимого идти.

Но только заикнулся дядя про вдовца-лекаря, — вмиг согласие дала: «Коль любя, пусть засыплет сватов». Два года прожили душа в душу. Дочь родилась. Яша сам роды принимал. Чищу хлев и чувствую, — поплыло перед глазами. Оперлась на вилы, добралась до крыльца, а взойти не могу, так и свалилась тут же. Январь был, за день до Рождества. Луна светила неяркая, как изморозью присыпана. Еле освещала наш двор. Ковыряюсь у крыльца, встать пытаюсь. Боюсь застудиться перед родами. А у Яши сердце предчувствовало. Ехал от больного, лошадь стегал нещадно. Подскочил, в хату меня занес. А на утро принял дочурку на руки. Радовался. Счастлив был.

А через год случилась эпидемия, уж не помню чего. Уехал мой Яша в дальнее село. Дали ему в услужение девицу семнадцати годков. Кто знает, что правдой было, что наговором, но не возвратился он домой. Встретили его в лесу десять её братьев, избили, отвезли к сестре и пригрозили: «Не женишься — приедем». Сбежал он оттуда. Вернулся ко мне. Клялся, что не виновен. Хотят, мол, братья бесприданницу сбить с рук. И вошла беда в наш дом. Как Яша по деревням с объездом, так подлавливают его разбойники, бьют и привозят к своей сестре. Года два так продолжалось. Переезжать на новое место — дело сложное. Это теперь от родного очага дети уезжают, а раньше из поколения в поколение на одном месте жили. Земля держала.

Всякий раз убегал Яша ко мне. Сыночка Петеньку принесла ему. В поле родила. Судьба у Петеньки, видно, такая на роду была написана: на хлебном поле родиться, на бранном поле жизнь положить.

— Бабушка, а как же вы без врача? Кто помогал?

— Один Господь Бог. Три юбки на мне было. Сняла самую чистую, завернула сыночка, отдохнула и домой потихоньку пошла.

А через год мой Яша и вовсе не вернулся. Не смог больше побои терпеть. А мне все обещал уйти от той женщины. Я верила. Сколько хороших мужиков сваталось, не смотрели, что дети! Всем отказывала. Яшу ждала. А перед войной пошла в сельсовет и

сменила фамилию. Дети — на него, а я по бабушке родному записалась. Яша потом приезжал ко мне, уговаривал ехать в Польшу. Туда его военную часть переводили. Не поехала. Привыкла на себя надеяться. «Ты, — говорю, — хвостом вильнешь, а я куда денусь? Мне детей доучивать. Бог тебе судья, ты перед ним ответчик, а не передо мной. Прощай». Он и уехал. Та женщина, конечно, за ним бегом. Она бездетная. У неё всю жизнь одна забота — нос поутру попудрить. Ей терять нечего. Ни тот, так к другому пристанет. Цепкая бабенка. В начале войны склад разбомбили. Так она натаскала домой соли и до самой победы торговала. За стакан соли в деревне мешок картошки давали. Себя она очень любила и берегла. Странно жизнь устроена: душу мужу отдаешь, стараешься, так нет, не ценит, а попадетса вертихвостка, — и он уже на крючке. Жизнь прожила, а понять этого до сих пор не могу.

И усмехнулась печально. Потом добавила серьезно и как-то очень душевно:

— Если человеку дано полюбить по-настоящему — это уже счастье. Только слишком трудное.

Бабушка Дуня задумчиво тербит овечью шерсть, вытягивая бесконечную, темную, как одинокие зимние вечера, нить. А я сижу у окна, слушаю и думаю. Мне тоже грустно.

СЕНОКОС

У Петинной мамы есть двоюродный брат — Коля. Сегодня он везет нас в деревню Лопуховку на сенокос.

Дорога тянется вдоль поросшей камышом речушки. Низенькие хатки окружены садами, сиренью и жасмином. Только трубы высовываются из зелени. Перед каждой хатой палисадник с цветами.

Входим во двор, где живут старички дяди Коли. Заливистым отчаянным лаем встретила нас шустрая рыжая собачонка. Опомнившись, она виновато завиляла хвостом и миролюбиво заскулила, в надежде поживиться долгожданной косточкой. Дядя Коля незамедлительно побаловал ее припасенным «подарочком». Дедушка Вася и бабушка Глаша гоняются за цыплятами. Бабушка — седая, грузная, не позволяет птицам убежать в огород, а сухонький, лысый дедуля с цветом лица похожим на молодую еловую кору на полусогнутых ногах загоняет их в сарайчик. Цыплята разлетаются, проскакивают у него между ног, а он с усмешкой бурчит:

- Беги не беги, хоть одного, да поймаю.
- Петушка лови, курочек на развод оставь, — просит бабушка.
- Понятное дело — незлобливо огрызается дед.

Через минуту старики, согнувшись над цыпленком, уже ощипывают его. Я подумала: «Наверное, это и есть счастье: прожить семьдесят лет вместе и теперь вдвоем щипать цыпленка для правнуков».

Потом дедушка хлопотал около хаты над длинными рядами кирпичей. Отбирал и аккуратно складывал под стреху сарая сухие, готовые. Перед забором, рядом со свежим замесом глины, лежала деревянная форма на четыре кирпича. Я хотела поднять ее, просто так, посмотреть — сколько весит. Да где тут! Даже от земли не оторвала. «Дедушке скоро девяносто, — а он ещё такой сильный», — удивилась я. Глядя на мои бесполезные потуги, дед усмехнулся в седые усы:

- Штаны у тебя редки на такую работу.

Дядя Коля расхохотался. А до меня не дошло, что такого смешного сказал старик. При чем здесь мои шаровары?

- Не обижайся. Заходи в хату перекусить, — позвал дедушка.

Бабушка возилась у русской печи: ухватом поднимала чугушки и расставляла их ближе к жару.

- Можно войти? — робея, пробормотала я.
- Заходи, детка, сидай к столу.
- Может, чем помочь? — предложила я.

— Уже управилась. Покамест голодная, нахожу силы у печки колдыбаться, а уж как поем — ложусь на кровать. Раньше легкая на ноги была. Дело спорилось в руках. А теперь вот скупая печальная старость. Эх, кабы здоровья да силушки прежней, — со вздохом ответила бабушка, немилосердно коверкая русский язык.

- Вам надо к детям в город переезжать, — посоветовала я.
- Дед не хочет бросать хозяйство. А я хоть бы сейчас поехала. Только вот свой уклад у них — всюду дорожки, чистота. А нам и сапоги не каждый раз есть силы снять.
- А вы поселитесь во временке, там у них в обуви ходят.
- Спасибо за приглашение, детка. Добрая у тебя душа, — улыбнулась пустым ртом бабушка Глаша.

Сели за стол.

— Почему хлеб в детдоме вкусней? — удивилась я.

— В деревню везут, что похуже, — объяснил дядя Коля.

— Почему?

— Так издавна повелось: в город — все лучшее, а нам, что останется. Бывает, и ничего не остается. Тогда люди едут в город за гречкой, подсолнечным маслом, макаронами.

— Сами все выращиваете, а потом это же в городе покупаете? Смешно.

— Грустно, — пробурчал дедушка.

— А что ты больше любишь, конфеты или колбасу? — спросил меня Петя.

— Колбаса?.. А, помню, из мяса делают...

— Конечно. Из чего же еще? А скажи, — снова обратился ко мне Петя, — если тебе дадут тарелку конфет и тарелку мяса, что выберешь?

— Да кто ж мне целую тарелку конфет даст?

— Просто представь.

— Мясо возьму. А ты сам-то колбасу ел?

— Дядя Коля на праздники привозит. В магазине что угодно есть. Даже икра и крабы.

— А что это — «крабы»?

— Похожи на наших раков. Я не ел, от мамы слышал, что до войны папа приносил на Новый год, чтобы счастье весь год было, — вздохнул Петя.

— А ты когда-нибудь ел столько котлет, чтобы наесться и больше не хотелось?

— Нет. Мама поровну делит — по одной.

— И у нас в детдоме дают по одной. Когда вырасту и заработаю много денег, то куплю много мяса, сама от пуза наемся и накормлю всех своих друзей. А после могу и без него потерпеть.

Бабушка поставила яичницу-глазунью с нежным пахучим салом и пояснила для меня:

— Такое сало только у свиньи бывает. Колготы с ней много, зато вкусно. У хряка сало жесткое, вонючее. Мы их не держим.

— Хватит лясы точить. Роса сошла. Пора на сенокос, — заворчал дедушка.

— Деда, погоди минутку. Я — к соседям, молока и хлеба отнесу, — сказал Петя.

— Беги, да поживее... — разрешил дедушка.

Мы зашли в полутемную комнату. На железной кровати с закрытыми глазами лежал крупный, полный старик. По нему ползал мальчик лет трех и канючил:

— Папа-деда, вставай, есть хочу.

Петя поставил на стол кувшин с молоком, взял мелочь с тумбочки и, показав мне жестом «подожди», скрылся в дверях.

Дед, кряхтя, приподнялся на постели и, увидев меня, скрипучим голосом спросил:

— Ты чья?

— Я с Петей, — пробормотала я.

— А... — одобрительно протянул старик. — Налей Ванюшке молока.

Я осторожно наполнила кружку и поднесла малышу. Он все выпил и полез ко мне на руки. Я обрадовалась такому доверию и с разрешения деда понесла мальчугана во двор.

Тут прибежал Петя, и я спросила:

— А почему Ваня так смешно называет деда?

— Он ему вместо отца. А Светка, наша соседка, называет своего «мама-деда», потому что родители её целый день работают, да ещё вечером подрабатывают. Дед с ней и днем и ночью, — торопливо ответил Петя.

Дедушка и дядя Коля шли впереди с косами, а мы с граблями и вилами — сзади.

Тропинка вела огородами. У городских на участке — все больше картошка, огурцы, помидоры, капуста. А здесь — репа, редька, высоченная узорная конопля по краю огорода и проса чуть-чуть, и горох, и всякие травы: мята, кориандр.

— Дедушка! А конопля зачем? — спросила я.

— С конопляным маслом любая каша в рот сама прыгает. А из стеблей я веревки выделываю.

Идем мимо высоких рядов мака, стоящих навтыжку, как солдаты в строю. Он отцвел, и огромные головки с мой кулак притягивают меня. Хотела сорвать одну, Петя остановил:

— Не переводи добро. Семена ещё белые, противные.

Наконец подошли к делянке. Луг сплошь покрыт кочками, между ними хлопала вода.

Дядя Коля возмутился:

— Вот как старость у нас уважают!

Дед отмахнулся:

— И на том спасибо. Все ноги посшибал, пока выпрашивал.

Потом добавил:

— Это старое русло реки, оно называется старицей. Отсюда и кочки, и влага. Чуть подале ежевика растет в изобилии. Обвивается вокруг всего, к чему только прикасается. Опутала весь берег. Не успеешь обернуться, как время собирать подоспеет.

Дедушка не разрешил мне работать босиком, хоть я и пыталась объяснить, что ступни у меня, как асфальт.

— Распорешь ногу, столбняк хватит, что тогда?

Я молча натянула резиновые сапоги бабушки Глаши. Дядя Коля с дедом «стригли» кочки, а мы граблями собирали траву в кучки, перетаскивали на сухое место и раскладывали тонким слоем для просушки. Дедуля на полусогнутых ногах шустро скакал с кочки на кочку. Дядя Коля чертыхался, то и дело соскальзывал в воду и поминал председателя колхоза всеми ему знакомыми эпитетами. Для меня вилы и грабли оказались тяжелыми. Я работала руками.

Солнце распалось, но белый платок бабу Глаши спасал меня. Дядя Коля не выдержал и тоже покрыл голову носовым платком, завязав его по углам в узелки. Наконец и дедушка попросил сделать ему пилотку из газеты. Раскаленный знойный воздух дрожал горячим маревом. У меня перед глазами плыли желто-красные блики, и чуточку пошатывало. Ничего страшного. Это от малокровия.

Сели перекусить, что бог послал, под единственный куст полусгнившей ракиты. Зоя зачерпнула воды в кринице. Студеная, зубы сводит!

— Не пей много, утка. Перетерпи, а то целый день воду хлестать будешь, — посоветовал

мне дедушка. — Время послеполуденное. Всем отдыхать! Сейчас без четверти два. Встаем в половине третьего.

Дядя Коля глянул на свои старинные часы. Без десяти два. Я вслух удивилась тому, как дед по солнцу точно определяет время.

— Привычка, — буркнул он.

— День год кормит, и, пока нет дождей, надо с сеном торопиться. Потеряешь час, потом наплачешься. Гнилым сеном скотину не накормишь, — бормотал полусонный дядя Коля.

Снова взялись за работу. К шести часам пекло стало ослабевать. Рубашки у мужчин со спины мокрые. А я сбросила платок и принялась лить воду себе на голову.

— Надень платок, — приказал дедушка.

— А как же на речке городские дети целый день бултыхаются? — заупрямилась я.

— Речка — одно, а водой из криницы даже летом мозги можно застудить и подхватить менингит.

Я послушалась и теперь лишь время от времени увлажняла лицо. Стук наждачного камня и визг косы при точке отмеряли метры покоса. Я понимала, что помощь моя невелика, но очень старалась. К вечеру порядком устала и стала чаще спотыкаться о кочки. Дед отправил меня ворошить подсыхающую траву. Часа через два он взглянул на небо, смочил рот водой, вытер усы и сказал:

— Отбой.

Назад шли медленно и молча. Деда, разбитого усталостью, шатало, заносило то вправо, то влево. Он стал ниже ростом, и коса теперь служила ему опорой.

Дома дядя Коля убрал инструмент в сарай, и все сели вечерять. Я быстро съела борщ, картошку и запила коричневым густым взваром (компотом из сухофруктов). Заглянула в чугунок и обнаружила огромные груши, каких сроду не видела в столовских обедах.

— Бабушка, можно мне груш? До чего ж люблю их! Каждый день бы ела, — попросила я как можно вежливее.

Бабушка положила груши в тарелку и предупредила:

— Вы там привыкли: щи — редкие, взвар — прозрачный, кисель — как вода, поэтому груш много не ешь. Мне не жалко, да как бы живот не схватило.

Груши были бесподобные: душистые, сладкие. Я вмиг все умяла и опять заглянула в чугунок. «Ого, сколько осталось! Если возьму ещё чуть-чуть, то старикам все равно хватит. Груши им привычны, а для меня они — праздник. Я — гость. Мне можно», — подумала я.

Бабушка Глаша расстелила постель и пригласила:

— Отдохни. Намаялась с непривычки.

— Бабушка, а как вы такие простыни стираете? Они же толстые, почти как байковое одеяло?

— Очень просто. Вода в бочке на солнце греется. Я высыпаю в нее из печки пару ведер березовой золы и замачиваю белье на несколько дней, а потом выполаскиваю.

— Но оно ещё грязнее станет от черной золы! — не поверила я.

— Нет, детка, зола так отбеливает, что мыла не требуется, — улыбнулась бабушка.

Я улеглась на высокой в три матраца кровати, жую помаленьку груши и прислушиваюсь к разговорам за столом. Дело в том, что сначала мы ужинали вшестером, но потом пришел один сосед, затем другой, а за ним — его жена, чтобы позвать домой, и, в общем, вокруг стола собралось много народа. Обсудили колхозные дела, поругали молодого

бригадир овощного звена, пожурили деда, что отказался заниматься овощами. Дед разобиделся:

— Я же садовод! На мне и старый сад, и молодой. По осени на коленях возле каждого дерева ползал, обвязывал еловыми ветками от зайцев, а по весне обрезку один сделал. Знаете, сколько у меня стволов? А председатель ни школьников не дал, ни лошади, чтобы лапник привезти. На себе таскал. Он и огородной бригаде так же вот будет помогать. Стар я два воза везти. А он что сделал? Перестал платить за работу в саду. Двенадцать рублей в месяц пожалел старику! Я всю жизнь для колхоза старался. Бог ему судья. Он мне во внуки годится, а разговаривать уважительно, хоть и закончил институт, не научился!

Потом разговор пошел о политике, о событиях за границей.

Вдруг мне стало плохо. Дыхание перехватило. В животе острая боль. Хотела позвать бабушку, а голоса нет, один писк. Кое-как сползла с кровати, перекатилась к столу, стучу по ножке лавки. Не слышат. Разговором увлеклись. Выкатилась на крыльцо. В глазах то просветление, то опять темно. Пытаюсь стучать обломком кирпича. На мое счастье из подвала вылезала бабушка с глечиком (кувшином) молока. Увидала меня, закричала. Соседи выскочили во двор, подхватили меня, попытались поставить на ноги. А у меня сил никаких, голова свесилась на грудь. Наконец выговорила:

— Живот...

Бабушка сразу все поняла.

— Ох, дитятко, сгубила тебя взваром! — запричитала она и торопливо потопала в хату.

Мне влили в рот три ложки подсолнечного масла и положили в сарай на попону. Через час все прошло. Дедушка пошутил:

— Недаром говорят: «Дорвалась как Манька до груш».

Мне было стыдно. Я принялась благодарить бабушку за помощь, извиняться, но она замахала руками:

— Слава богу, что жива осталась. Тут случай был с девушкой, как раз на свадьбе у подруги. Выпила она вина, наелась взвару, а когда все пошли танцевать, ей пары не нашлось. Она возьми и сними икону со стены. Только начала танцевать, как плохо ей стало. Заворот кишок. Может, груши виноваты или еще что. Так и не спасли...

Я стала собираться в детдом. Бабушка забеспокоилась:

— Может, останешься? Ведь только больная была. Не боишься?

— Я обещала девочкам вовремя вернуться. Во время завтрака меня могут хватиться.

— Не пущу одну! Коля, возьми лошадь в колхозе и отвезешь ребенка рано поутру, заодно фляги с молоком в город доставишь.

— Не волнуйтесь, маманя, сделаю, — пообещал он.

Спать легли на сеновале. У меня болели руки и ноги, но я радовалась, что работала почти наравне с Зоей. Засыпала, счастливо улыбаясь черному звездному небу и любопытному месяцу, который заглядывал в открытое окошко на крыше сарая.

ЖАЖДА

Две недели стоит тишь и жара. Живем будто под прозрачным колпаком из густого неподвижного воздуха. Рисунок неба один и тот же: чистый нежно-голубой шелк, в бесконечной высоте которого плавают несколько небольших редких облачков. Одно из них висит над нашим детдомом. Долго вглядываюсь в его плавные изгибы, и мне кажется, что белый кудрявый медвежонок, блаженствующий на ворохе белых перин и подушек, не поменял позы за день.

С пятого этажа я вижу, как ветер нехотя шелестит листвой тополей, потом замирает, задумываясь о неземном, а очнувшись, вспоминает о своих обязанностях и начинает более рьяно играть в вершинах тополей. А у самой земли он совсем затихает, поэтому не вздрагивают даже травинки на газонах. Солнечные ковры одуванчиков давно сменились пуховыми покрывалами. Но воздушные легкие белые шарики не облетают, ждут ветра или дождя. Раскаленный воздух вечером остывает и становится еще более неподвижным, плотным, застывшим.

Вчера вечером Петя с Зоей снова позвали меня с собой на сенокос. Я с радостью согласилась, но мне не удалось убежать из детдома рано, потому что утром проводилась проверка порядка в комнатах. После комиссии я все же помчалась к друзьям.

Воздух в городе насыщен всевозможными запахами. Проехала поливальная машина, и горячий смрад мокрого асфальта добавился в гамму уже имевшихся противных испарений.

Закончились большие дома. Идти легче мимо маленьких домов, погруженных в зелень деревьев и цветочных палисадников. Наконец показался дом друзей. Во дворе их мама возилась с цыплятами.

— Дети с дядей Колей пошли по этой тропинке, — показала тетя Зина рукой в сторону колодца, не отрываясь от желтых писклявых комочков.

— Иди по правой стороне, не сворачивай, — вдогонку крикнула она мне.

Шагаю бодро, под маршевую песню, которую распеваю от хорошего настроения, ощущения свободы и широких просторов. Тропинка узкая, в два следа, утрамбованная. Её окаймляет чахлая трава-мурава. Я размечталась. Мои мысли далеко и высоко. Они восторженны, радостны и красивы. Не знаю, сколько так шла, только почувствовала вдруг, что ноги нестерпимо жжет песок.

Остановилась, огляделась. Стою на широкой дороге, по обе стороны от которой, сколько ни смотри, только выжженная серая степь с желтыми и бурными пятнами. Ни деревца, ни кустика, ни строений вдали. Редкая трава низкая, с вкраплениями из колючек и бурьяна. В низинах — злая и «глухая» крапива. Цветов не видно. Даже чахлые ромашки и васильки не украшают пыльного придорожья. Глаза задерживаются только на ажурных шарах пережаты-поля небо будто выцвело от яркого солнца. Оно бледно-голубое, пронизанное ослепительно белыми мощными горячими потоками.

Стараюсь смотреть на блеклую зелень, чтобы не резало глаза. Почувствовала жажду. Попробовала жевать траву, но она, испепеленная жарой, оказалась шершавой, сухой, как сено. Только горечь осталась на липком языке. Губы и ноздри покрылись коркой. Кузнечики надоедливо свиряют, кусают настырные оводы, пахнет пылью, пылью, тысячелистником. Эх, дождя бы!

Села у дороги. От голода заныло в желудке. Ни клевера, ни хлебников поблизости. Заколело под нижним ребром левого бока. «Сейчас бы поесть молодых липовых листочков или хотя бы коры пососать. Когда же я свернула на эту проклятую дорогу?» — сердилась я на себя, принимая решение возвратиться назад.

Долго бреду по монотонной дороге. Развилка. Какая из двух тропинок моя? С какой стороны находилось солнце, когда я уходила от дома друзей? От жары голова как пустой котелок. Выбрала наугад более узкую тропинку. Куда-нибудь да выведет. Есть уже не хочется. Бреду без всяких мыслей. Душно. Пот собирается даже на веках и, стекая в уголки, щиплет глаза. Вытираю соленую влагу подолом платья, но это мало помогает. Умыть бы лицо холодной водой! Тяжело дышать, подгибаются колени. Стучит в висках

громко и тревожно. Дойду ли? Надо.

Падаю, с трудом встаю. Появился страх, что если не получу глотка воды, то больше не поднимусь. Опять упала. Не заметила, как сомкнула тяжелые веки и погрузилась в небытие. Надолго? Не знаю. То ли вздрогнула, то ли просто очнулась. Открыла глаза. Облегчение удивительное! Будто ночь проспала. Ноги легкие, в голове порядок. Только нестерпимая жара не уменьшилась. По тени предположила, что уже около трех часов. Бодро двинулась дальше. Хоть бы увидеть электрические столбы. По ним добралась бы до какого-либо жилья.

Опять мучительная сухость во рту, слабость в теле и состояние неуверенности. А вокруг только серые волны степи. Дорога пошла в гору. Эх! Ошиблась в выборе тропинки! Нет сил возвращаться к развилке... «Сама виновата. Размечталась... дуреха! Все равно дойду!» — упрямо твержу я.

Еле волооча ноги, цепляясь за жесткий бурьян, преодолела бугор. Господи! Остановка автобуса! Не спустилась, скатилась с пригорка, обдирая ноги и руки. Легла у столба. Автобусы ходят редко, но все равно это спасение. Время тянется медленно. Состояние мое ухудшается. Подошла женщина с ребенком. Появилась слабая надежда. Облизывая шершавым языком пересохшие губы, низким, шипящим голосом попросила:

— Мне плохо, дайте, пожалуйста, воды.

— Я только что выпила, — сказала женщина усталым голосом.

От ее слов внутри меня что-то захлопнулось. Видно на моем лице выразилось мучительное состояние, и она с сочувствием добавила:

— Вон старики идут. Они всегда с собой компот берут. Уж его-то они не выльют на землю.

Тут к остановке подошла молодая женщина, вытащила из сумки бутылку и стала громко пить. Каждый глоток отдавался у меня в ушах как выстрел. Я вскрикнула: «Не выливайте!» И у меня поплыло перед глазами.

Открыла глаза. Хозяйка бутылки улыбается и говорит ласково:

— Пей детка.

Я ухватила бутылку двумя руками, сделала глоток, потом другой. Мир мгновенно переменялся. Я почувствовала, как по телу потекла влага. Это была живая вода! Два глотка сделали меня нормальным человеком! Как будто и не было измученного жаждой ребенка, ожидающего самого худшего.

Раньше я не могла пить кипяченую воду. Она вызывала тошноту. А сегодня мне показалось, что ничего слаще и вкусней теплой кипяченой воды не может быть на свете.

— Большое спасибо! Вы спасли меня, — бормотала я сквозь слезы, протягивая женщине бутылку.

— Пей всю.

— Правда? — спросила я неуверенным голосом.

В этот момент я не могла представить, что человеку не нужна вода.

— Пей, а то вылью на землю, — пошутила женщина.

Я схватила бутылку и, не уронив ни капли, единым духом осушила ее. Потом поблагодарила женщину, вскочила в автобус и села на полу возле заднего сидения. Автобус вздрогнул и, сопровождаемый струей сизого дыма и шлейфом густой тяжелой пыли, медленно двинулся в сторону города. Под размеренную качку и шуршанье шин задремала. Редкие тихие фразы людей доносились до меня откуда-то издалека, а улыбающееся лицо женщины ласково предлагало попить еще... Мне было уютно и радостно.

РЫБАЛКА С НОЧЕВКОЙ

Тетя Зина разрешила Пете и его двоюродному брату Вадиму взять меня на ночную рыбалку. С девочками из комнаты я договорилась: «Меня не выдавайте. Еду поделите. Если воспитатели вдруг хватятся, вы ничего не знаете. Могила. Сама за себя отвечу. Не бойтесь. По выходным проверок не бывает».

В обед ребята оседлали трофейные велосипеды. Меня Вадим посадил на багажник, и через час мы были на месте. Река здесь особенная. У самого берега — обрыв. Дна не достать. Вода прозрачная, ледяная. Плаваю я плохо, к тому же боюсь, что от холода сведет ноги. Поэтому одна в воду не лезу. И пока братья разбирают пожитки, разглядываю окрестности.

Ивы низко склонили над рекой мощные ветви. Их кудри струятся зеленым многоступенчатым водопадом. Пытаюсь рукой коснуться водорослей. Но даже с помощью палки не могу их достать, хотя кажется, что они растут совсем близко от поверхности. В местах, где нет растений, вижу на дне каждый камешек, каждую ракушку. Солнце искрится в воде ярко-зелеными лучиками. Река поражает массой воды. От нее веет древностью, загадочностью.

На лужайке трава нежная, мягкая. Хожу как по ковру. Здесь нет лопухов, черныбыльника, полыни. Все растения как-то нежно, изящно подобраны. Невольно мои движения стали плавными. Куда девался сумасбродный, подвижный пацаненок? Теперь я паинька, тихая девочка. Здесь даже братья говорят шепотом.

Удобно пристроилась у самой воды. Листок ивы, как утлое суденышко, медленно перемещается в легкой волне. Он то долго колеблется в одной точке, будто раздумывая, под какой гребень нырнуть, то вдруг совсем скрывается из виду.

Всматриваюсь в глубину. Тенью промелькнула большая рыба. Еще одна, еще. А вот медленно, с достоинством плывет сом. Я узнаю его по длинным усам. Стайка мальков, кувыркаясь, меня направление туда сюда, резвится у самого берега. Вдруг вскипела вода, и в одно мгновение испуганные рыбки умчались, как растаяли. И тут же передо мной появились ряды серых спинок — уклейки. Я вытащила из кармана хлеб и осторожно положила несколько кусочков на воду. Что началось! Рыбёшки хватили хлеб и сбоку, и снизу. Иные выпрыгивали на поверхность, сверкая серебристым брюшком. Они не боялись меня. Я зажала между пальцами корочку и осторожно опустила ее в воду. Рыбешки сначала — врассыпную, но тут же вернулись и принялись отрывать крошки, щекоча мне руку.

Подошел Петя и молча поманил меня от берега.

— Ты что, как немой? — спросила я шепотом.

— Голоавль должен быть у берега. Он чувствительный. Всего боится. Не спугни.

— Не видела я голоавлей. Только сом огромный проплыл да уклейки.

— Увидишь. А пока налови серых мелких кузнечиков. Это их любимая еда.

Кузнечиков ловить я мастер. Три спичечных коробка наполнила. Из коробка их легко доставать — не успевают выскочить. Ребята поставили ореховые удочки у берега так, чтобы их тень не выходила за тень от деревьев. Лежим, молчим. Ждать пришлось недолго. Длинные, черные, юркие, как змеи, рыбы закружили вокруг поплавков. Вот и первые рыбки затрепыхались на крючках. Ребята осторожно вытаскивали их, бросали в ведро и насаживали новых кузнечиков. Стайка уменьшалась на глазах. Вдруг у меня защекотало в носу, и я чихнула. Все! Ловля закончилась. Ребята были недовольны, но ругать меня не стали. Я переложила рыбу в садок, опустила его в реку и укрепила веревку на иве.

— Готовься на перетяжку ловить, — позвал Вадим Петю. — Заодно искупаешься.

Я осталась на берегу, а ребята поплыли заносить второй конец снасти на другой берег. Охая и ахая, они выскочили на песок, как ошпаренные.

— Такого холода ни разу не встречал! Фу! Тут — жарынь! А там — северный полюс, — стонал Петя, бегая по берегу, растирая гусиную кожу. Согревшись, он взялся помогать Вадику. А тот только усмехался над неловкими движениями брата, потому что человек опытный. Родители ему все позволяют. Пете тоже тринадцать лет, но он — под маминым контролем.

Ребята приплыли назад и стали следить за перетяжкой. На двадцати крючках висела разная наживка: хлеб, черви, мухи, кузнечики и молодые пескари для щуки.

Уже начинало темнеть, а клева особого не было: всего несколько плотвичек. Рванул снасть большой окунь. Когда его сняли с крючка, обнаружили во рту пескаря. Значит, пескарь кинулся к червяку, а окунь к пескарю, и оба попались.

Сверчки дружно пели вечернюю песню. Не умолкали лягушки.

— Надо же, лягушки в такой холодной воде живут! — удивилась я.

— Нет, тут озеро рядом, там карасей полно. Захочешь много рыбы поймать, — иди туда в пять утра, — предложил мне Петя. — А мы здесь останемся. В реке «жидкий бульон», зато ловить интересней. Нам процесс важен.

Место для костра приготовили заранее. В низине срезали дерн, чтобы костер не выходил за круг, натаскали сушняка.

Лежим на фуфайках, жарим над костром рыбешку. Огонь жадно набрасывается на тонкие ветки, слизывает пучки сухой травы. Костер то вспыхивает сотнями огненных улыбок, то печально дымится в зависимости от того, что мы в него подбрасываем. Свет от него мигающими пятнами ложится на загадочный ночной луг. Безмолвные тени то скользят, то пляшут на наших лицах. До черного неба — рукой достать. Ковш Большой Медведицы прямо надо мной. Бесконечность неба чувствую, рассматривая Млечный Путь. Наверное, куда-то ведет эта таинственная дорога? Если в никуда — это неинтересно. Все должно быть не само по себе, а для чего-то. Картошка — для еды, красота — для души. Значит, и звездная дорога чему-то или кому-то служит. Почему-то привиделась пленительная нежность кротких усталых глаз бабушки Дуни...

Почувствовала запах печеной картошки. Выкатили парочку. Вадим разломил одну:

— В самый раз!

Я расстелила самотканый рушник Петвиной бабушки, порезала хлеб, очистила лук. Соль положила в спичечном коробке. Поели. Разве сравнишь печеную картошку с вареной?! Вадим распорядился:

— Спички спрятать в карман. Газету под рубашку. Накрывайтесь дерюжкой. Утром роса может быть такая, что сухого места не найдете.

Лежу, тело приятно расслаблено. Слушаю бархатную ночную тишину. Сон сморил незаметно.

Встали, как только начало светать. Сандалии мокрые. Роса стекает по голым лодыжкам. Хорошо, что рубахи и подвернутые выше колен шаровары сухие. Сырость все равно

пробирает до костей. Вадик занялся костром. Я ушла смотреть перетяжку. Наживка вся съедена, но лишь три нетерпеливых окуня вздрагивали на крючках.

Когда затрещал костер, попросила Вадима показать озеро. Сто метров — и я у цели. Озеро — почти правильный овал. Удобный подход к берегу. Оседлала мощную ветку ракиты, далеко вытянувшуюся над водой. Вадик распустил на берегу «резинку» с десятью крючками, привязал к концу снасти камень и с силой, как мог далеко, забросил в воду. Резинка с леской со свистом полетела над водой, расправляясь в полете.

— Нанизывай хлеб. Да сама не забудь поесть. Чай тебе Петька принесет попозже. «Резинка» — женская удочка. Я рыбак, для меня подсечка — важнее всего.

— Не получается у меня подсекать, хотя реакция, вроде, хорошая, — пожаловалась я.

— Спешешь, не даешь рыбе заглотить наживку. Шило ты. Сказано, женщина!

Спорить не стала. Что попусту болтать? Не собираюсь сейчас утверждать свою независимость, но как-нибудь на деле обязательно докажу, что я не хуже мальчишек. Еще посмотрим, кто скорее преуспеет в «мужских» делах! Не позволю бесцеремонно осаживать себя. А пока надо поскорее освоить новый способ ловли! Главное, чтобы леска не запуталась. Замучаешься «бороду» распускать. Так Вадик объяснил. Леска еще не вся ушла под воду, а конец ее уже задрожал в руках! Выждала немного, резко подсекла и стала «выбирать» снасть. Чувствую — есть! Подрагиваю от нетерпения. Тяну. Хоть бы не сорвался! Первый крючок пустой, второй... Мелькает серебристое тело карася, потом ещё золотистое, и ещё... Снимаю первого, бросаю в ведро, оно тут же, на суку. Тяну руку к золотистому, а он падает в воду! Как я теперь докажу, что видела особенного карася!?

Снасть редко приходит с одним карасем. Ого, сразу семь! Маленьких рыбешек выпускаю. «Расти дурачок. Не спеши в уху...»

После девяти часов клев прекратился, и я с трудом притащила ведро к братьям. Они, растянувшись на берегу, смотрели в небо.

— Ребята, глядите, солнце и луна видны одновременно! Луна не успела спрятаться? — спросила я.

— Нет, луна все время на небе, только при ярком солнце её не видно, — объяснил Вадим.

Позавтракав, усталые, но довольные, отправились в обратную дорогу.

ПРАДЕДУШКА

Заболел Петин прадедушка, свалился с повозки, высоко нагруженной сеном. Видно, придремнул от усталости, а на повороте воз накренило. Повредил дедуля позвоночник. Кричал бедный сильно. Люди с работы шли, услышали и домой принесли его на попоне. Дядя Коля попросил у директора школы лошадь и собрался поутру ехать в Лопуховку. Я увязалась с ним.

— Половина пятого. Пора, — будит меня тетя Зина.

Вскочила, протерла глаза у рукомойника. Проглотила парного молока и прыгнула в телегу. Бабушка Дуня на бегу бросила мне заношенный пиджак и белый платочек. Телега затарахтела по полусонному пригороду. Тепло постели улетучилось, и я накинула на плечи поддеву, помянув в мыслях добрым словом всезнающую бабуся.

Лошадь бредет, как бы с трудом пробираясь сквозь плотный туман речной низины. Вокруг вязкая тишина. Даже камыш не шуршит в болотцах у дороги. Колеса застучали по мосту с полусгнившими бревнами. Страшновато стало, — не провалюсь ли? Белый туман скрывал от глаз все, что находилось на расстоянии двух-трех шагов. Казалось, что плывем в облаке. Вдруг из него показалась голова человека. Она медленно приближалась к нам, то окунаясь в молоко, то появляясь снова. Я восхитилась: «Надо же! В городе такого не увидишь!» Проехали ложбину, поднялись на бугор. Туман исчез.

Я болтаю ногами и разглядываю пыльный, чуть уплотненный утренней росой след от колес телеги. Солнце высушило росу с травы. А под ветвями кустов еще мелькают яркие хрустальные звездочки. Роса в лесу будет до обеда, потому что поросль в три этажа: дубы и ели, ниже — березы с осинами, а еще ниже — кустарник с мощным травостоем. Придорожные лопухи мокро лижут мне ноги. Зябко передергиваю плечами и глубже забираюсь в пахнущий русской печкой пиджак. Шуршание колес убаюкивает меня. Сквозь полудрему слышу пение птиц.

Открыла глаза. Теперь едем мимо полей, окаймленных васильками. Коричневое гречишное поле соседствует с желто-зеленым подсолнечником и золотистой трехметровой красавицей-кукурузой. Поникшие метелки овса давно просят на зимовку в склады. Нахальная сурепка заполонила каждый нераспаханный огрех, оттесняя к краям поля скромные желтоглазые лютики, синие «топорики», малиновые и желтые бархатные цветы львиного зева.

Приближаемся к лесу. Он начинается огромным оврагом, по склонам которого стекают неровными рядами кусты орешника, белой акации, терна.

Дядя Коля голосом подгоняет Вороного:

— Ну, дорогой, поторапливайся!

— Почему кнутом не бьете? — удивляюсь я.

— Жалко. Старый. Много на своем веку сделал хорошего. Один раз даже спас человека.

— На войне?

— Да нет. Позапрошлым летом случилось. Затеял мой сосед строиться. Денег на деревянный дом не нашлось — семеро детей. А сейчас поветрие: из шлака дома строить. Дешево и сердито.

— Почему сердито?

— Шлаковый дом — это тебе не деревянный! В нем летом жарко, а зимой холодно. Не живой он. Ну, так вот. Выстлал сосед огромную кошулю (плетеную из лозы) тряпьем, бумагой, заполнил на заводе цементом и накрыл сверху куском дерюги. Погода с утра стояла тихая, теплая, а к вечеру разыгралась буря. Ветер сорвал попону и давай цемент по степи разметать. Сосед пытался спасти его... Вороной сам вернулся в колхоз. Смотрят люди, — нет хозяина. Нашли, привезли. Успели спасти. В легкие цемент попал.

— Он глупый что ли? Из-за какого-то цемента чуть жизни не лишился?

— Не подумал. Кровью и потом каждая копейка доставалась в колхозе. Сколько лет копил, мечтал о доме... Видно, спохватился, да поздно. Болел долго, а дом этим летом все ж построил.

Дорога пошла на спуск. Дядя Коля нервно заерзал.

— Вы чего? — удивленно спросила я.

— Погодь, — он туго натянул поводья.

Конь чуть не остановился, задрал голову и приседая на задние ноги. Так, с поводьями «внатяг», и сползли с крутого холма. Вздохнув с облегчением, дядя Коля без моей просьбы начал рассказ.

— В тот день я детей на лето отвозил своим старикам. Утро такое же было. Красота! Ребята в кошелке, как котята, дремали. Малышня: два, да три года. Ехали шагом. Я, может, немного придремнул. Конь сам дорогу знал. Вдруг он на дыбы поднялся, заржал и заметался из стороны в сторону. Затрясся всем телом. Я очнулся, хватился поводьев, а они — между колесами, по пыли волокутся. Вороной через кусты понесся вниз. Я одной рукой держу корзину, где дети, а другой хочу до вожжей дотянуться. Не дай бог, думаю, намотаются на ось колеса, тогда телегу разнесет в щепки. Побился весь, а все ж подцепил их. Зажал корзину между ног, натянул поводья. Вороной вроде, замедлил бег, но телегу продолжало трепать. Треск, грохот, у коня пена на губах... Сердце напряглось, — вот-вот разорвется. «Господи, помоги!» — молю. Вывез на дорогу Вороной. Странно, что дети не кричали. Так вцепились в края корзины, что с трудом разжал их ручонки. Я лежал на телеге и плакал. Потом мы заснули. Воронок мирно пощипывал траву на обочине. Когда приехали, бабушка ахнула:

— Что приключилось, милоч?

— Уснул и в кювет свалился, — ответил.

— Мои правнуки в порядке?

— В порядке! Вороной умный, остановился и подождал меня, — пошутил я.

— Поверила?

— Конечно, — спокойно ответил дядя Коля.

Лес остался слева. Глазам открылся огромный старый сад — до самого горизонта.

— Этот сад сажал наш дед Вася. Ещё до войны. Сейчас он брошенный, дикий. В войну погорело много деревьев... Сортовые были. Дед с Мичуриным переписку вел. Ездил к нему. Опыты вместе ставили. У деда на одном дереве по десяти сортов яблок росло. До сих пор экспериментирует. То грушу к яблоне привьет, то вишню к сливе. Руки у него такие: что ни посадит, — все растет! Письма от Мичурина до сих пор аккуратно на полочке лежат. В последнее время о Мичурине говорят, что подход у него был не научный. Может быть. Дед мой тоже в академии не учился, а лучше него никто на селе дерево не понимает, не чувствует. Ему от природы дано. Сейчас мимо молодого сада поедем — это его послевоенное детище. Знаешь, как он леса сажает? Одному уже трудно, так он созовет по селу ребятишек и на повозке в лес везет. Они семена собирают, желуди. Дед ватрушками их кормит, что бабушка Глаша печет, угощает салом с хлебом и чесноком. А по весне учит выращивать саженцы. Сестра Зина и моя жена девчонками тоже помогали ему... Дед наш многое в жизни повидал. В четырнадцатом году был в германском плену. Языку выучился.

Перед моими глазами лицо деда Васи.

— А почему ваш дедушка летом усы носит, а зимой ещё и бороду? Я на фотокарточке видела его с бородой.

— Так теплее. Говорит, подбородок мерзнет. А усы для солидности. На старости лет стал он сухой, согнутый и мал ростом, как подросток. Да еще лысиной светит. Вот и носит усы в память о былой стати. Он рассказывал, что корни его в Запорожскую Сечь уходят. За работой дед не забывает о душе. Детей деревенских на балалайке учит играть. «Вот, —

говорит, — забогаеет колхоз, купит председатель вам пианину, а моготь быть, роялю, скрипков всяких, и будете вы не тень-брень играть, а симхвонии». Поэт он в душе. Только жизнь не дает ему развернуться в радости: то одна беда, то другая.

— А деревенские могут понимать серьезную музыку? — поинтересовалась я.

— Народ наш все понять может, потому что талантливый и душевный. Только как ту музыку услышать, если руки-ноги болят и голова тяжелая? Тут хоть бы выспаться. За всю жизнь мои старики ни одного выходного не имели, не знают, что такое отпуск. Хозяйство крепко держит.

— А дедуля выживет? — осторожно спросила я.

— Нарочный из сельсовета сказал, что, может, даже и ходить будет. Порода крепкая.

— Я молиться за него буду.

— Что ж, помолись, если умеешь и веришь. Хуже от этого ему не станет, — задумчиво сказал дядя Коля.

Из-за поворота показались знакомые хаты.

ПОМОЩЬ СОСЕДЕЙ

Сегодня тетя Зина и дядя Коля пошли помогать соседям. Те сделали пристройку, и ее надо обмазать глиной. Зоя, Петя и трое соседских детей месили ногами глину. Мужчины скатывали ее в шары и носили к стенам и на потолок, а женщины мазали. Мои друзья, как цапли, переминались в вязкой глине, высоко поднимая колени. Подошла тетя Зина, растерла в руках кусок глины из замеса, сказала, что связки маловато и высыпала ребятам под ноги ведро конского навоза, а потом еще ведро жидкого коровяка. Я брезгливо отскочила. Тетя Зина засмеялась:

— Чтоб в тепле и сытости жить, надо не бояться любой работы. Пересиль себя. Для начала помеси глину без добавок.

— Ну, это я с удовольствием.

— Наступай осторожно. В глине могут быть кусочки стекла. Выбирай все колючее, что попадет под ноги.

Сначала я поплясала на своем «чистом» участке раствора, а потом преодолела отвращение и пошла по кругу рядом с друзьями. Вытаскивать ноги из вязкой глины трудно, но с песнями и шутками — ничего, даже интересно. Взрослые улыбались нам и подбадривали: «Помощники, труженики».

После работы стали по очереди умыться из бака с водой, нагретой солнцем. Петя сливал всем из кружки. «Кучней, дружней лей водицу, не жалеи!» — весело советовали женщины. А Вика, старшая дочь дяди Тимофея, очищая обросшие глиной ноги, посмеялась над ним:

— Воду лей, дуралей.

Тот не остался в долгу:

— Воду лей, дура, лей.

— Ого! Да ты взрослеешь, — засмеялась она и больше не дразнилась.

А потом мы ужинали во дворе за одним большим столом со взрослыми.

Хозяйка налила мужчинам самогона, женщинам — домашнего яблочного вина и торжественно произнесла:

— За крепкие стены и хороших соседей.

Несколько минут слышался стук алюминиевых ложек.

— Петя, почему не доел? Забыл, жениха за столом выбирают? Как ешь, так и работать будешь, — пошутила тетя Тамара.

Петя покраснел и из-под ресниц глянул на Вику. Она тоже смутилась и опустила глаза к тарелке. «Жених и невеста объелись теста», — всплыла в моей памяти дразнилка.

Меньшие дети уже слезли с лавки и возились в траве-мураве. Вдруг четырехлетняя Рита подошла к дяде Тиме и спросила:

— А почему мама называет меня доченька, а вы свою Вику — по имени?

За столом воцарилась тишина. Я видела растерянность взрослых. Дядя Тимофей не находил ответа. Вика побледнела. Верхняя губа ее чуть вздрагивала... Я знала, что она не родная дяде Тиме и что он не был рад ее появлению в семье. Вика все понимала и была всегда тиха, послушна...

Обычно бойкая и говорливая хозяйка тоже молчала. Не знала, как разрядить обстановку. А мне вдруг пришло в голову простое объяснение:

— Рита, ты же одна у мамы с папой, вот они и называют тебя доченькой, а у дяди Тимофея — четверо. Как же их не звать по имени?

— Все равно называйте их доченьками, — серьезно попросила Рита.

Взрослые облегченно вздохнули. А Петя благодарно взглянул на меня. Вика все еще сидела, опустив голову. И мне случилось страдать от вопросов взрослых. А что с Риты возьмешь? Счастливая малышка.

Дотемна протяжные песни неслись над тихим пригородом...

ПЕРВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Первый раз пришла в школу. В светлом классе рядами стоят парты, покрашенные черной с блеском краской. Все строго, аккуратно.

Вдруг в класс вошла девочка: упитанная, но не толстая и вся такая чистенькая, чистенькая. На коричневом платье складочки так заглажены, что трудно было представить, как в нем можно сидеть за партой. Фартук у девочки белый, с кружевами. И портфель настоящий.

А на нас обувь не по размеру, кофты до колен, пиджаки, подвязанные веревочками и черные сатиновые шаровары. Тетрадки в матерчатых сумках.

Мне все же захотелось познакомиться с новенькой, и я спросила:

— Как ты успела перед школой косы заплести? И банты у тебя такие сложные.

— Я завтракала, а мама косы мне заплетала. А папа...

Я так вздрогнула, что она осеклась. Разговаривать больше не хотелось.

Девочки отнеслись к «домашней» настороженно. Некоторые почувствовали себя несчастным. Мы считали, что живем нормальной жизнью. Нам в голову не приходило, что наши воспитатели идут после работы домой к семье, моют полы, стирают, имеют своих детей.

Мы старались не разговаривать с новенькой. Ее нечаянно брошенные слова: «Мама купила, папа сделал», — ранили нас. Раньше было хорошо. Все были равные. Относились к нам одинаково. И на душе было спокойно. Я загрустила. Не подумали взрослые, посылая «домашнюю» (ее звали Мила) учиться с нами. Она теперь каждый день будет напоминать о том, кто мы?

Присмотревшись, я поняла, что Мила тоже «не в своей тарелке», не смотрит в глаза, сдержанная, напряженная. Ей, наверное, тоже нелегко?

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Моя учительница — седая, но не старая, высокая, прямая, черты лица мелкие. Говорит спокойным голосом. Глубоко запавшие глаза смотрят сухо, без эмоций. В походке, в повороте головы чувствуется достоинство. Не улыбается.

Ее внешность не удивила меня. Ведь именно так и должна выглядеть учительница! Относится она ко всем одинаково хорошо. Когда мы выходим на улицу, Анна Ивановна обязательно проверяет, застегнута ли у нас одежда, есть ли веревочки на шапках. В плохую погоду провожает нас в детдом, старательно обходя лужи и грязь, или разрешает сидеть в классе, пока дождь не закончится, а сама в это время проверяет тетрадки в дальнем углу класса. Мы сидим тихо.

Ее слова для нас — закон. Раньше девочки часто называли друг друга дурами. Как-то я услышала в коридоре грустный голос учительницы:

— Нельзя человеку часто говорить «дурак», а то он может в это поверить. Не забывайте себя ставить на место другого. Думайте: понравилось бы вам то, что собираетесь сделать товарищу?

Нотаций она не читает, а просто разговаривает с нами. И при случае говорит:

— Не докладывайте мне друг на друга, учитесь мелкие проблемы решать сами. Не получится, — тогда обращайтесь. Жалейте друг друга, не ссорьтесь по пустякам.

А когда Анна Ивановна внимательно смотрит на какую-то девочку, мне кажется, что она читает ее мысли. Достаточно ей только глянуть в сторону расшалившейся ученицы и та сразу утихает. Мне не хочется баловаться на уроках. Я боюсь обидеть учительницу.

И все-таки в ней есть что-то непонятное. Тайное. Иногда кажется, что Анна Ивановна просто боится много говорить. Часто она задумчиво сидит у окна, ее плечи опущены. Она будто ничего не слышит. А недавно я остановилась в коридоре у портрета Сталина и спросила у Анны Ивановны:

— Он тоже был маленьким?

— Да.

— А как его звала мама?

Учительница зачем-то оглянулась по сторонам, наклонилась к моему уху и тихо сказала:

— Наверное, Еся. Только ты никому не говори. Поняла?

— Конечно, — ответила я и отчего-то разволновалась.

«Может быть, у Анны Ивановны было много горя, и наши маленькие неприятности совсем расстроят ее, и она заболит? Вот недавно в коридоре услышала, как она говорила с техничкой о каком-то «тайном трауре в каждой второй семье». Вдруг я больше не увижу учительницу?» — переживаю я.

На занятиях я впитываю все, чему она учит. Мне нравится ее слушать, поэтому прихожу на все дополнительные занятия, хотя меня не заставляют. Мне хорошо с учительницей. Намного лучше, чем в комнате с девочками.

УРОКИ

Учиться в школе легко. Стоит кому-то на самоподготовке сделать арифметику, — все у него переписывают. Когда мне хочется скорее пойти погулять, я тоже списываю. Первый раз стыдно было. Но успокоила себя тем, что для меня задачки и примеры — не проблема. Делать уроки детям разных классов в одной комнате очень сложно. Шум, гам — не сосредоточишься. Устные стала учить в парке. Брожу одна и пересказываю прочитанное в классе. Потом начинаю мечтать, как бывало в деревенском детдоме.

У меня — свой мир. Чужих я в него не пускаю. «Витек, где ты теперь? Ты всегда рядом — в моем волшебном, стеклянном шаре. Я из него все вижу, а другие не могут заглянуть внутрь».

Уроки — не главное. Самое-самое — это мои мечты, фантазии. В них все удивительно и прекрасно. В них — мое счастье.

КРОТ

Из школы иду тополиной аллеей. Ее посадили взамен сгоревшей первые послевоенные выпускники школы. Мы называем ее «аллеей друзей», а старшеклассники — «аллеей любви».

Деревья разрослись, ветви вверху касаются друг друга, словно протянутые руки. Я выбрала низкорослый, кряжистый тополь, по наростам ствола влезла на длинную, крепкую ветвь, удобно устроилась на ней и размечталась, тихонько покачиваясь на упругом лежбище.

Желто-бурые плешины не портят луга, что лежит передо мной, даже украшают. На них цветут ярко-малиновые колючки и репейники. По краям дороги растут хилые, низкорослые кустики аптечной ромашки. Серебристая полынь отбеливает бугры. Луг продолжается полем, а за ним, у горизонта, — ряд маленьких, будто игрушечных, домиков. И над всем этим — ворохи облаков. Они такие громадные, что Земля мне кажется маленькой, незащитной.

Солнечные лучи не жгут, не слепят. Они скользят по коже рук, лица. Я вдыхаю аромат цветов, прислушиваюсь к негромким разговорам птиц, трепету листьев. Я расслабляюсь, отдыхаю, наполняюсь тишиной — мелодией ранней осени.

У ближайшего озерка шумно. Я слезла с дерева и направилась туда. Трое чужих ребят бросали в озеро камни и палки. Моя одноклассница Шура азартно кричала:

— Бей крота, посмотрим, что с ним будет!

Крот кружил недалеко от берега.

— Почему он так странно плавает? — спросила я.

— Он же слепой, — небрежно ответил большой мальчик.

— Все слепые кругами плавают?

— Дурак, — вмешался второй. — Ты ему камнем в голову попал и мозги повредил.

— Сам ты мозгами «тронутый»! Крот сразу так поплыл. Я только хотел узнать — сумеет он выплыть из-под обстрела или нет?

— Ребята! Отпустите его, — робко попросила я.

— Теперь уж лучше прибить, чтобы скорее отмучался, — возразил самый старший.

Краска залила мое лицо. Я вспомнила, как в старом детдоме мы «футболили» кошку, которая пачкала под кроватями. Может, ребята не понимают, что делают плохо? Я тогда тоже думала, что кошка заслуживала наказание.

Круги становились все меньше, а мне делалось все тоскливей.

Неожиданно Шура предложила похоронить крота. Ребятам идея понравилась. В куче мусора нашли коробку из-под обуви. Обернули лоскутами неподвижное черное тельце с белыми крепкими лапками, похожими на лопатки, положили в «гроб» и закопали в прибрежном песке. Потом поставили крест, и Шура тихо пропела над бедным кротом заупокойную молитву.

Ребята разошлись по домам, а я с «домашней» Катей осталась сидеть на бревне у берега. На душе было скверно.

— А что бы взрослые сказали? — в пустоту произнесла я. — Учителя поругали бы?..

— Моя бабушка наверняка бы рассердилась: «Вот ироды! Живую тварь им не жаль. Боженька за это накажет», — сказала Катя.

Мы помолчали.

— Катя, ну зачем они так?

— По дурусти, наверно. Не со зла, — шестилетняя Катюша обняла меня за шею и, заглядывая в глаза, добавила: — Не переживай. Они больше не будут.

РИСУЮ

День сегодня теплый, серый, тихий. Медленно иду по знакомой аллее парка. Протарахтела сорока. Грузно оседлала ветку ворона. Я села на лавочку. У самого уха завела нудную мелодию узкокрылая букашка. А вот противный комар. Мошкара тучей вьется над скамейкой. Значит, быть теплому еще долго. Прогнала от себя непрошенных «гостей» и занялась рисованием.

Я всегда ношу в кармане шаровар кусочек мела. Я не просто рисую. Сначала долго рассматриваю трещины, царапины на асфальте или на сухой земле, потом соединяю их таким образом, чтобы получилась картина. Иногда взгляну под ноги и сразу вижу интересный сюжет. Вот голова лошади, туловище... Она вздыбилась. А где хвост? Ах, вот же! Лошадь чуть присела на задние ноги. Поскользнулась? Может, раненая или здесь крутой склон оврага? Солдат крепко держится за гриву одной рукой, а в другой — ружье. Лошадь без седла. Он почти лежит на ее шее. Так вот почему другая лошадь тоже на задние ноги припала: пушку тяжелую везет в гору. Солдат натянул вожжи, так она, бедная, на дыбы встала. С солдата шапка слетела. Пуля зацепила?..

Почему из облаков у меня складываются хорошие, добрые картинки — про зверей, про дворцы и радостную жизнь, а на земле все больше войну рисую, усталые лица? Потому что на небе солнце, звезды, радуга, а на земле столько всяких несчастий и войн. Может, поэтому веселые и счастливые люди часто в небо смотрят, а грустные — в землю?

Вспомнила, как недавно рассматривала в книжке картинку «Куст сирени». Цветы так располагались, что я четко увидела лицо красивой женщины. Я сказала об этом учительнице. Она, оказывается, тоже обнаружила женское лицо в сирени на картине Врубеля. Я обрадовалась: «Слава Богу! Значит я нормальная». После этого случая рисую спокойнее и с еще большим удовольствием.

Мне нравится рассматривать людей. Гляжу на человека и пытаюсь понять, какой он — злой, добрый, хитрый, умный. А еще представляю его лицо, когда он был маленьким. Моя баба Мавра была, наверное, толстушкой с курносом носиком. А брови тоненькие, как ниточки. Это на старости лет они стали мохнатые и желтые.

Ветер принес на мой рисунок сухие листья. Я внимательно изучаю их. Они дополняют или украшают мою картину? Она оживает от них!

НЕПОНЯТНЫЕ ДЕВОЧКИ

Когда меня привели первый раз в комнату, то указали место справа от двери. Мне понравилось, потому что когда дверь открывается, видна только часть моей койки. Но тут подошла одна из девочек и вежливо попросила:

— Может, ты переберешься к окошку? Какая тебе разница?

Мне стало жаль «тихого» уголка, но я подумала: «Перейду, раз ей хочется». Но все же спросила:

— Почему ты не хочешь спать у окна?

— Глаза от яркого света болят, — бойко объяснила девочка.

В ту же ночь я узнала, что причина была другая. Из щелей в окне сильно сквозило. Я повернулась головой в другую сторону, но там «свистело» еще сильнее. Может, поменяться назад? А почему она должна все время здесь спать? Честнее уж по очереди. Но потом сообразила, что девочки добровольно не переселятся, а жить в ссоре — себе дороже. На следующий день я заткнула щели обрывками бумаги.

Когда начались занятия, девочки поняли, что ссориться со мной не стоит. Училась я хорошо, а они нуждались в моей помощи. Мне нравится помогать. Я всерьез играю роль учительницы, проверяю у девочек тетради и устные предметы. Тоне не дается чтение. Вернее, она не любит читать. Как-то я решила проверить у нее задание по букварю. Тоня наморщила лоб и старательно, с выражением «прочитала»: «Вок-ны... дро-бы-на». Я рассмеялась:

— Ах, обманщица! Ты просто смотришь на картинку и называешь предметы, да еще на украинском языке!

Тоня смущенно заулыбалась и с глубоким вздохом принялась за чтение.

В свободное время любимым занятием девочек из моей комнаты было обсуждать поведение и дела других. Они говорили обо всех, кроме себя:

— Ну и вертихвостка эта Нинка! Зубрила, мнит из себя невесть что, а сама дура душой.

Я молча слушала и думала: «Нина — нормальная девчонка. Почему они так плохо о ней говорят? Интересно, а когда я ухожу, то они меня тоже хаюют?» Решила проверить. Выходя из комнаты, обернулась и увидела, что две девочки тут же склонили головы друг к другу и насмешливо глядят в мою сторону. Под моим укоряющим взглядом они отскочили друг от друга, как ошпаренные.

Их раздражает, когда человек хоть в чем-то лучше их? Но за хорошее надо хвалить. Значит, они ругают не только за плохое, но и за хорошее? Как-то раз я похвалила Виту. Девочки тут же «вылили на нее ушат грязи». Припомнили все мелочные обиды, не так сказанные слова, о которых Вита и сама, наверное, не подозревала или просто забыла. «Хочешь узнать у злых и завистливых людей о другом человеке плохое, похвали его», — сделала я грустный вывод. Но мне этого не надо.

Но еще более противными кажутся мне выяснения отношений между девочками. Из-за какой-то ерунды поднимался тарарам, неслись грубые оскорбления. Подруги быстро забывали, с чего начинали ссору, вспоминали прошлое, и это длилось бесконечно долго. Сначала они и меня пытались втянуть в свои споры. Я пробовала разводить их. Но в результате оказывалась виноватой перед всеми. Поэтому, как только начинались пересуды, я уходила из комнаты. Не повезло мне с соседками!

Когда девочки ругаются, то похожи на старых, сварливых ведьм из сказок Андерсена. А иногда я вижу в них сердитых собак, лающих друг на друга. Эх, если бы они читали интересные книжки, наверное, не было бы таких скучных и противных вечеров!

Раньше мне больше нравились грустные стихи Некрасова. А теперь, перебирая в памяти все, что читала нам Галя, я стала находить радость в убаюкивающих, добрых сказках. В моем маленьком мирке появлялись веселые, смешные, безобидные друзья.

...Витек, мне не хватает в разговорах с девчонками твоего острого слова. Мне просто не хватает тебя...

ИРИНА

Иду с девочками из школы. Туманно. Накрапывает тихий, мелкий, как водяная пыль, дождь. Здесь его называют ситный, будто через мелкое сито пропущенный.

Роса мельчайшими капельками покрыла растительность и изменила ее цвет. Поздний золотистый лютик стал светло-желтым, лепестки ромашек — матовые.

Неожиданно солнечные лучи пробились сквозь толпу облаков, и трава засияла миллионами радостных огоньков. Я присела на корточки и рассматриваю цветы, листочки, засохшие былинки. Я — на празднике в царстве эльфов, куда улетела Дюймовочка! Всплеснуло солнце яркими лучами и скрылось. Я бросила взгляд на померкший, теперь уже не сказочный ковер и вприпрыжку побежала в парк. Дождик сошел на нет.

Сажу на любимой скамейке. Вдруг она слегка дрогнула. Еще не отключившись от мыслей, перевожу взгляд на девочку, которая нарушила мое уединение. А та уже сидит с полузакрытыми глазами и шевелит губами. На коленях — толстая книга в коричневом переплете. Потом девочка глянула в посветлевшее небо и стала осторожно листать книгу. Вытянув шею, я старалась разглядеть картинку. Даже плечи заныли, но позы не меняла, боясь спугнуть незнакомку. Она заметила мой напряженный взгляд и предложила:

— Садись ближе.

Я тут же придвинулась.

— Видишь, какие люди изображены? Противные, на зверей похожие. Правда, странный художник?

— Наверно, его часто обижали, — предположила я. — Одна воспитательница казалась мне волчицей, когда ругалась, а если молчала — то змеей. А этот художник был старый или молодой, когда рисовал эти картины?

— Старый и больной.

— Тогда понятно. «Старэ как малэ», — говорила моя бабушка Мавра. Наверно, он рисовал свои страхи.

— У тебя все так просто! — удивилась незнакомка.

— Наоборот, сложно. Если бы все люди были добрыми, то жизнь была бы простой и легкой. Вот объясни, зачем дяди пьют водку, а потом бьют своих детей? Я вот люблю лазить по деревьям. Может, это и плохо, но вреда же от этого никому нет, и меня можно простить. А злых пьяных нельзя прощать.

— Их надо наказывать, — согласилась девочка.

— Недавно один дядька ругался матом на маленького сына, а я заступилась. По лицу взрослого понимала, что не надо вступать, что достанется мне от него, но не могла пересилить себя. Жалость к малышу была сильнее страха за себя. «Зачем, — говорю, — так разговариваете с ним? Он, когда вырастет, тоже на вас будет кричать». Я потом пожалела, что влезла в разговор, потому что дядька еще больше разозлился на мальчика, даже ударил.... Неужели и я когда-то стану такой... бесчувственной?

— Не станешь, — серьезно заверила девочка.

— Смотри, эта тетя на картине воображает! — рассмеялась я.

— Она красивая, гордая. И богатая, наверно. У богатых воспитывали уважение к себе.

— А разве у бедных его нет? У меня, например, есть. Правда, гордиться-то особо не чем.

— Как ты учишься?

— На пятерки, — ответила я.

— Вот и гордись! Знаешь, ты тоже красивая, только одета плохо.

— Мне на следующий год форму сошьют! Даже мерки снимать будут, — торопливо сообщила я, смущенная последним замечанием девочки.

И осторожно добавила:

— У тебя дома есть еще такие книги?

— Много.

— А мне можно будет их посмотреть? Книги я очень берегу, — поспешила я успокоить новую знакомую.

— Приходи в субботу с двух до пяти. У меня режим, все дни расписаны: музыка, художественная школа, танцы.

— Спасибо. Очень большое спасибо, — забормотала я, еще не веря счастливому случаю.

Ирина дала мне адрес, и мы пошли в разные стороны.

Я была внешне спокойна, а внутри все тряслось от радости. Мне понравилась Ирина. Я познакомилась, может быть, с самой лучшей, самой интересной девочкой на свете! Ирина ни слова не сказала о своих родителях, но я сразу поняла: такая не может жить в плохой семье. Боже мой, хоть бы меня не прогнали!

В ГОСТЯХ

Люблю смотреть вдаль. Когда хожу по улицам, глаза спотыкаются о дома, и я не вижу простора, к которому привыкла в деревне.

Сегодня удивительно яркий октябрьский день. Вид из моего окна — как застывшее прекрасное мгновение! Уже время обеда, а белесый туман полностью не рассеялся. У горизонта дома, трубы заводов и река сливаются в блеклую неровную полосу. Лес погружен в дрему. Нечеткие силуэты деревьев таинственны. Рядом с детдомом, в сквере, мне хорошо видны шарики колючих каштанов, пучки семян городского клена, гроздья рябины. Золотые березы и пламенеющие кроны мелколистого клена даже не вздрагивают. Безмолвие изредка нарушается шуршанием шин. Мне не хочется двигаться. Подставляю лицо солнцу и думаю о семье Ирины. Я жду двух часов...

С трепещущим сердцем постучала в красиво обитую дерматином дверь. Ирина открыла сразу. «Значит, ждала», — обрадовалась я.

Вошла в широкий длинный коридор. На полке для обуви аккуратно расставлены тапочки и ботинки. Кроме взрослой вешалки, пониже — крючки для Ирины. На полу дорожки точь-в-точь как у нас в холле детдома.

Я разулась, и мы прошли в комнату Ирины. Кровать, стол, книжный шкаф, шкаф для одежды, картина. На ней изображены: лес, луг, болотце. Вдали сарай. Через ручей переброшен полуразрушенный мостик. Запустение. Тишина. Мне тоже захотелось говорить тихо.

— Кто выбирал картину? — поинтересовалась я.

— Мы вместе с мамой.

— Мне всегда хотелось иметь такую же спокойную, задумчивую. Только голубое небо я сделала бы немного нежнее.

Ирина предложила мне стул, а сама пошла в кабинет отца.

В открытую дверь я увидела стену шкафов. А в них книги, книги...

— Ух! Какое богатство! — не сдержала я восторга.

Ира сняла с полки большую тяжелую книгу и положила передо мной. Я взглянула на свои руки и спросила, где умывальник. Ира отвела меня в белую ванную комнатку.

— Этими игрушками ты играешься? — спросила я, заметив в углу комнаты ящик, из которого торчали головы кукол и зверей.

— Не играюсь, а играю, — с улыбкой поправила Ира, — частица «ся» — это сокращенное «себя».

— Откуда ты знаешь про это?

— У меня мама лингвист. В институте работает.

— И папа в институте?

— Да. Он в Гражданскую войну был сыном полка, хотел стать военным, но потом увлекся историей.

Мне понравилось, как просто Ирина рассказала о родителях, и я поддержала разговор:

— Папа моей подружки тоже был сыном полка. Где только ни воевал! Но в школе не учился. А невесту из пединститута приглядел. Три раза ее выкрадывал. Но она хотела учиться и возвращалась. Но институт так и не окончила. Дочка родилась. Первое время они нормально жили. Теперь старшая дочь в университете учится, меньшая — в первом классе, а их папа при доме культуры подрабатывает тем, что плакаты пишет. Он заставляет жену идти работать, чтобы дети в обносках не ходили. А она не хочет. «Стара, — говорит, — учиться, а в уборщицы не пойду». Из ученой семьи была. Не повезло ему,

да?

— Не знаю. Может, наоборот. Трудно за чужую семью решать, — рассудительно ответила Ирина.

Мы сидели рядом. Моя новая подруга рассказывала истории создания картин и интересные случаи из жизни художников.

В комнату вошла высокая, голубоглазая блондинка в строгом черном костюме. Я испугалась, вытянулась по струнке и пробормотала:

— У меня руки чистые, и я... веду себя хорошо.

Женщина улыбнулась светло и мягко:

— Не отвлекайтесь, я вам бутерброды сделаю.

Вскоре Ирина мама позвала нас на кухню. Передо мной сидела не строгая, научная дама-лингвист, а добрая тетя в длинном голубом халате. Я обратила внимание, что движения рук у нее грациозные, голос приятный, богатый оттенками звучания. Я смотрела на ее красивое лицо и удивлялась, почему со мной, чужой девочкой, она ведет себя как с равной ее дочери? Я все еще продолжала смущаться, судорожно подбирала со скатерти крошки. Булку съела, а колбасу потихоньку спрятала в карман. Альбина Георгиевна заметила и сказала, что даст бутерброды с собой. Я испугалась, что меня больше не пригласят, и заплакала. Альбина Георгиевна успокоила:

— Не волнуйся. Все в порядке. Мы гостям всегда рады. Приходи к нам. Ты хорошая девочка.

«Какая она понятливая!» — подумала я. В носу снова защекоotalo. Чувствую, не могу успокоиться. Попросила разрешения уйти. Ирина проводила меня и на прощание, дотронувшись до плеча, сказала:

— Жду тебя в субботу, обязательно приходи.

МУЗЫКА

Сегодня мы с Ириной слушаем пластинки. Я так рада! У нас для младших классов даже радио нет. Мне без него скучно.

— Ирина, а частушки тебе нравятся? — спросила я.

— Не всякие.

— А я их не люблю. Слова в них какие-то глупые, и мелодия сердце не трогает.

Недавно видела на улице свадьбу. Невеста красивая, с цветами, в белом штапельном платье, а гости пели «солёные» и матерные частушки «Ой, Семеновна!» Она, бедная, глаза боялась поднять. Мне так было стыдно за ее родню! Я спросила молодого дядю:

— Разве нельзя без ругательных слов?

А он засмеялся:

— Пускай привыкает. Женщины грубую любовь больше любят.

— Неправда! — возмутилась я.

— Телячьи нежности! Ты с чьей стороны родня?

— Не родня, — созналась я.

— Ну и дуй отсюда! Не порть компанию, — рассердился на меня дядя.

Я и ушла.

— А какая тебе музыка нравится? — с интересом спросила Ира.

— Песни о родине люблю. Еще люблю грустные или военные. Детские — сю-сю — нет. И скрипку не люблю. Она словно плачет. Сердце так и разрывается. Практикантка Галя приучала нас слушать трудную музыку. Но я не понимаю такой, от нее настроение разное делается.

— Значит, понимаешь. И в народной музыке есть замечательные моменты, великие композиторы используют их. Глинка, например. Мы как раз в музыкальной школе его проходим. Я пятый год учусь, — с гордостью сказала Ирина.

— Как это? Тебе же всего десять лет!

— С пяти лет пошла.

— Я как-то вечером попала в актовый зал, там старшеклассник на пианино играл. Хороший. Даже разрешил клавиши потрогать. Я спросила его: «Чтобы играть, надо ноты знать?» «Не обязательно, — ответил он. — Можно подбирать на слух. Вот попробуй...» Но у меня ничего не получилось. Я испугалась, что у меня нет музыкального слуха, а он успокоил: «Не всем же быть музыкантами. У тебя, наверное, к чему-то другому есть способности». «Рисовать люблю», — радостно заверила я мальчика. Понимаешь, мне очень не хотелось быть бездарной. Ира, проиграй мне свое домашнее задание.

— Тебе скучно будет слушать этюды. Лучше спою мою любимую песню. Очень трогательная.

И она запела: «Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий. Баюшки, баю-баю...» У меня сами собой потекли слезы. Я вздохнула:

— Сыграй что-нибудь веселое или торжественное.

— Пожалуйста: «Славься, ты славься, Русь моя...»

— А скажи, ты слышишь в голове музыку?

— Конечно, постоянно. Ту, которую выучиваю. Иногда пытаюсь сочинять этюды. Но пока

не очень получается. Прокручиваю их в голове и все переделываю, переделываю.

— У тебя талант?

— Талант — это труд, терпение. Так папа говорит, — очень серьезно ответила Ирина.

— Не скучно учиться музыке?

— Нет. Иногда устаю, и тогда хочется все бросить. Нагрузка у меня большая.

— Я от чистописания тоже устаю и злюсь... Ой, говорю, говорю. Может, я тебе мешаю?

— Нисколько. Да и «разгрузочные часы» у меня должны быть.

— А у меня нет «загрузочных».

— Будут и у тебя, — засмеялась Ирина, — тогда иначе «запоешь!»

— Давай вместе споем «Горе горькое по свету шлялося...»? — неожиданно предложила я.

Ирина удивленно подняла брови, но согласилась.

Возвращаясь в детдом, я размышляла, подходит эта песня для совместного исполнения или лучше грустить одной? Так и не поняла.

ПАПА ИРИНЫ

Иду к Ирине взбудораженной. На остановке какая-то мама кричала на дочку лет четырех. Та споткнулась. Загляделась на птичку. А мама дернула ее за руку: «Под ноги смотри, разиня!»

Некогда маленькой объяснить, что не виновата. Бросилась к коленям матери, прижалась... А мама шлеп, шлеп ее по попке. Да так сильно! У девочки — слезы градом... Теперь торопливо перебирает она ножками, понукаемая резкими окриками. Обида еще трясет маленькое сердечко, но на личике уже тупое безразличие ко всему вокруг. Только бы успеть, только бы не рассердить мамочку. Любимую. Единственную.... А слезы все текут в три ручья...

Я пытаюсь отвлечься: смотрю в небо, на мое спасительное царство белых облаков. Вошла в парк. Настроение стало улучшаться. Слышу шелест листьев, пение птиц. Лучи солнца, проходя через пушистые облака, заливают парк рассеянным спокойным светом. Облака — небесные корабли — сегодня величественны, неподвижны. Они чистые, без темных прослоек, отчего кажутся еще более легкими, воздушными. И только края их чуть золотятся, придавая сказочным громадинам нарядный, праздничный вид.

Мощные тополя разбросали огромные ветви вширь и ввысь. Трогаю янтарный мрамор стволов сосен. У дуба кора темно-серая, пропаханная глубокими рытвинами. Почему у него корявые ветки и шишकाстый ствол? В низине сиротливо толпятся молодые осинки. Но нежней березы ничего нет. Ажур ее кроны прозрачен, тонок. Я вдыхаю прощальный запах лета, восхищаюсь оранжевыми брызгами рябины.

Попала на незнакомую длинную аллею, в конце ее — странное, серебристое, будто сказочное, видение. В его середине — искрящийся столб. Подошла ближе. Да это же настоящий, живой фонтан!

Легкий туман стоит над «хрустальным столбом». Малыши ходят по плоскому обрамлению мраморной чаши фонтана. Водяная пыль осыпает их. Детям радостно. Я тоже подставила лицо влажному облачку.

К подруге пришла умиротворенной. Ирина достала с полки книжечку «Маленький принц». С первых строк мне показалось, что это сказка для малышей. Но, когда Ирина принялась читать громко, с выражением, я заслушалась. Трогательная любовь доброго мальчика к Розе напомнила о моей любимой лесной гвоздике. Главный герой словно читал мою душу, и все происходило не в сказке, а на планете моей мечты. Сердце трепетало, вздрагивало от каждой фразы. Слезы текли по щекам.

— Почему ты плачешь? Это же хорошая, добрая книжка, — удивилась Ирина.

— Нет. Она очень печальная и честная. А плачу потому, что так много грустного вокруг! Наверное, во всем виновата война. Люди из-за нее злее стали?

— Папа говорил, наоборот, война сплотила людей, сделала сильнее.

— А как сделать, чтобы все люди на Земле стали добрыми?

— Не знаю. Мама на родительском собрании в моем классе объясняла, что детей надо учить и воспитывать, чтобы не росли как в поле трава.

— Как ты думаешь, у того мальчика из книжки может быть счастливая судьба?

— Конечно!

— А мне кажется, он всегда будет грустный, потому что всем на свете хорошо не бывает.

— Когда-нибудь будет! Надейся на лучшее! Почему ты часто употребляешь слово «судьба»? Как ты его понимаешь?

— Судьба... это когда от меня ничего не зависит. Вот как учиться в школе — я решаю. А почему в детдоме оказалась — судьба. Может, мои родители были такими же умными и красивыми как твои. Только вот судьба...

Я вздохнула и добавила шепотом:

— Когда вырасту, постараюсь, чтобы у меня была семья, как ваша.

Пришел папа Ирины. Весело потирая руки и поглаживая черную с легкой проседью бородку, он пошутил:

— Нашего полку прибыло. Будет с кем вести дебаты. Будешь моим оппонентом?

Я понимала, что плохого такой человек не предложит, и, хотя не поняла его слов, кивнула утвердительно. Он благодушно засмеялся и стал расспрашивать, чем я интересуюсь, как отношусь к природе, урокам, друзьям. Вопросы ставил простые, безобидные, несерьезные, но к концу разговора я почувствовала, что он словно вывернул меня наизнанку, узнал обо мне все самое сокровенное, важное. Присматривался исподволь, копался в тайнах, мне самой не доступных, и все понял про меня.

Сели к столу. Петр Андреевич улыбнулся:

— Ты, вижу, умеешь радоваться успехам подруг. Это хорошо. Не всякому дано побороть в себе ревнивого, злого зверя зависти.

— Такого зверя во мне не водится, — подтвердила я.

— Прекрасно! И уж если ты хороший человек, то веди себя с достоинством.

Кстати, ты любишь себя?

— Не знаю...

— А уважаешь?

— Конечно! Я не терплю, когда меня обижают, обманывают. А еще не люблю безразличных. И лица у них какие-то плоские, не запоминаются.

— О! Да ты философ! — рассмеялся Петр Андреевич.

Я сделала обиженное лицо:

— Опять вы дразнитесь!

— Я по-доброму. Но в каждой шутке есть доля правды.

— Шутки я плохо понимаю, сразу ежиком становлюсь, — призналась я грустно.

— Хорошо сказала. Молодец!

— А знаете, наши мальчишки задаются, считают себя умнее девчонок. Я на это злюсь. Вы, наверно, не думаете, что Альбина Георгиевна глупее вас? Она какая-то особенная. Правда? Плавная. Или грациозная. Как лучше сказать?

— Пожалуй, к ней и то и другое подходит, — улыбнулся Петр Андреевич.

— Она тоже доцент или профессор?

— Доцент. А ты права: девочки несколько не глупее мальчиков. Но женщина часто не имеет возможности проявить свой ум в полной мере. Забота о маленьких детях, о домашнем хозяйстве — это почти все на ней. Хранительница семейного очага! Девочек с детства воспитывают в таком духе. Но что мы, мужчины, без женщин? Да ничего! Я полагаю, совсем пропали бы. Достойный мужчина не позволит себе унижить, тем более оскорбить женщину. А скажи-ка, мой юный друг, какую книгу ты считаешь интересной для себя?

— Которая не надоедает. Некрасова. Еще сказки люблю. Но нам сейчас никаких книг, кроме учебников, не дают.

— Это плохо. Без книг интеллекта не накопишь. Вращаясь большей частью среди детей, много не получишь в смысле умственного совершенствования. Обучение —

взаимодействие интеллектов. Что ж, будем с Альбиной Георгиевной помогать тебе. Познакомим, как говорится, с лучшими образцами литературы. Не забудем и про искусство.

Я с трепетным благоговением смотрела на Петра Андреевича. Душа моя замирала.

— Впрочем, хватит соловья баснями кормить. Ну-ка, бери нож и вилку!

Я смотрела, как ест Ирина, и старательно повторяла ее движения.

— А мы с Петей недавно в гастроном ходили! — снова заговорила я, не выдержав долгого молчания. — Он показал мне на витрине самую дорогую и самую вкусную рыбу на свете — осетра холодного копчения. Аромат от него по всему магазину! Нанюхались всласть, будто на самом деле рыбы поели. А хотите, еще историю расскажу про...

— Все истории — после обеда. Ешь, не торопись, не отнимаем, — засмеялся Петр Андреевич.

Я тоже улыбнулась ему. Настроение у меня было солнечное.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА

Теперь я стараюсь не пропустить ни одной субботы. Даже на обед не хожу, чтобы не опоздать в гости. Знаю: у Ирины без чая с бутербродом не оставят. Прихожу, и каждый раз на столе уже лежат несколько книг по истории живописи. Это для меня. Книжки толстые и тяжелые. Цветные картинки проложены полупрозрачной папиросной бумагой. Я осторожно переворачиваю страницы и разглядываю репродукции. Вглядываясь в лица, понимаю, что эти люди из другой, не нашей жизни. И не только потому, что одежды их яркие, шикарные и сильно отличаются от наших серо-черных, простых. В них — незнакомое мне самодовольство, чувство превосходства, любование собой. А лица окружающих меня людей в основном добрые, грустные, усталые.

— Наши люди лучше. Они не наглые, — поделилась я с Ириной.

— На портретах — богатые и знатные люди. Людей из народа писали редко. А простые люди везде одинаковые: озабоченные и одеты бедно.

Продолжая разглядывать картины старых художников, я подумала, что люди с тех времен не очень изменились. И тогда были умные, интересные, и их произведения ничуть не хуже нынешних авторов. Художники эпохи Возрождения мне даже больше нравятся. Может быть, люди тогда меньше знали, но ощущали окружающий мир так же ярко.

— Смотри, это портрет жены артиста Щепкина, — обратила мое внимание к рисунку Ирина.

— Как нарисовать живые глаза, я понимаю, но как художник смог доброту передать? Доброты этой женщины хватило бы на весь мир! Мне хочется, чтобы моя мама была похожа на нее. Пусть это будет портрет моей мамы? Можно?

— Конечно, — улыбнулась Ирина.

Она заторопилась. У нее доклад в художественной школе: «Великая эпоха Возрождения». Ирина впервые взяла меня с собой.

Доклад мне понравился. Некоторых слов я не знала, но поняла, что художники тех времен были удивительно талантливы, изобретали новые методы письма, а жизнь некоторых была очень тяжелой.

Руководитель — молодая, красивая, с плавными линиями рук и шеи, одетая в строгое черное платье, — спросила Ирину:

— Ты все понимаешь, о чем здесь говорила?

— Естественно, — подтвердила девочка. — Иначе не стала бы выступать.

Я не выдержала:

— Вот я здесь в первый раз, но мне тоже все понятно!

Преподавательница взглянула на меня удивленно. В ее голосе прозвучала ирония:

— Я много лет занимаюсь искусством, но не могу утверждать, что все понимаю.

А я уже завелась:

— Так не говорю, что все знаю и понимаю! Доклад поняла, и мне тоже нравятся эти художники! Часами готова смотреть их картины! В них — и радость, и еще что-то хорошее, чего не могу выразить словами. Есть картины, которые мне совершенно не нравятся: на них — толстые тетки. А у Микеланджело женщины красивые. Мадонны — вообще прелесть! А Христос-ребенок не везде красивый. Вот здесь он задохлик какой-то. И не пропорциональный. Но я художника не критикую. Может, кому-то и такой рисунок по душе. Мы же все разные.... Природу теперешние художники плохо рисуют. Я думаю — они в основном городские. Если бы Леонардо да Винчи, про которого мне рассказывала Ирина, в детстве не гулял на свободе, не жил на природе, вряд ли стал бы гением. В нашем детдоме городские дети просто не замечают природу! Они понимают, но не

чувствуют ее. Она их не радует. По-моему, это ужасно... А вот этот рисунок... даже не верится, что его написал взрослый. Будто какой-то школьник.

— Нет, — возразила преподавательница, — это картина взрослого, знаменитого художника.

— Снежная королева мир видела неправильно из-за кривого зеркала, которое попало ей в глаз, а этот дядя, видно, смотрел на все через калейдоскоп. Игрушка такая детская. Где он встречал квадратный нос или глаз на коленке? Я, например, не видела. Больше мне нечего сказать, — закончила я свою длинную, путаную речь и только тогда с тревогой взглянула на Ирину. Не подвела ли?

Дети смотрели на меня с любопытством и удивлением. Преподавательница подала мне картину. На ней было изображено красное поле и красные деревья. Она спросила:

— Почему здесь преобладают красные тона? Что художник хотел этим сказать?

— Мне кажется там — жарница. Все солнцем пропитано. Этим летом мы шли с прогулки. Солнце пекло невыносимо. Я еле ноги переставляла, язык не ворочался. А перед глазами плыли цветные круги. Поле, дорога, небо — все было розовое. Хотелось упасть на землю и ничего не видеть... А еще я думаю: «Не были ли люди прошлого более скованными в проявлении, в выражении эмоций? Мне кажется, много чувств они прятали внутри своих произведений. Не получалось у них рисовать так, словно душа нараспашку, а может, не хотели. Наверное, глупость говорю, но я так чувствую.

В комнате стояла тишина. Она испугала меня. Я нервно переминалась с ноги на ногу. Потом, не сдерживая слез, выбежала из студии. Опять тормоза подвели! Что теперь скажу Ирине, как у нее появлюсь? Мне стало холодно, неуютно, одиноко...

Ирина догнала меня:

— Успокойся, преподавательница послала найти тебя. Она совсем не сердится.

— Но я же урок сорвала, — всхлипнула я.

— Ты понравилась ей. Она сказала, что у тебя поэтическое восприятие жизни, что у тебя есть свое мнение, и ты смелая.

Похвала тотчас высушила слезы.

— Прости меня. Я научусь быть воспитанной, честное слово, но сразу не получается.

— Да все хорошо. Ты молодец! Я побегу на урок? Ладно?..

И мы расстались.

СЕРДЦЕ В ТВОИХ ЛАДОНЯХ

Снова сбежала к подруге.

— Ирина, я принесла тебе подарок.

— Спасибо! Это символ? — спросила она, внимательно рассматривая рисунок.

— Я не знаю такого слова.

— Что означает сердце внутри наполовину распустившегося цветка?

— Это твое счастье.

— Хорошо придумала! У тебя и другие рисунки есть?

— Конечно. Только на день рождения грустных подарков не дарят.

— Покажи, пожалуйста.

— Ладно, вот они, только плохо нарисованы. Белой бумаги у меня нет, я в магазине выпросила эту, оберточную. Чернила на ней расплываются. Сначала я нарисовала, будто баба Мавра меня обнимает. Потом подумала, что она любого ребенка может прижать к себе и что добрых бабушек может быть много, вот и оставила на рисунке только мозолистые в трещинках руки. А когда на уроке Анна Ивановна сказала, что сердце у человека размером с его кулачок, то нарисовала маленькое сердце ребенка в больших ладонях. Как выглядит оно на самом деле, я точно не знаю. У старших девочек на открытке про любовь видела, но мне то сердце не понравилось. На пряник похоже. Вот и придумала нарисовать его вроде кулачка.

— Но у тебя мое сердце выглядит, как два прижатых кулачка.

— Потому что у доброго человека оно большое. Еще сердце в груди ширится от радости, и тогда оно представляется мне распускающимся бутонем розы. А вот здесь оно перетянута черной змеей-удавом. Мучается чье-то сердце, потому что злом сдавлено, как клещами. Видишь, оно маленькое, худое? А на этом рисунке — мое сердце, когда мечтаю. Оно плавает в море счастья, в лучах солнца... И тут — тоже мое сердце. Но в оболочке. Когда мне хорошо, то где-то здесь, около сердца теплеет. Значит, душа не в голове, а в груди. Если я беспокоюсь или волнуясь, то в груди болит, я задыхаюсь, вроде как душе тесно там. Она мечется, рвется наружу.

— А зачем у тебя здесь роза за колючей проволокой, на которой сидит птичка?

— Так ведь поникшая роза — это сердце детдомовца.

— А что ты хотела рассказать этим рисунком?

— Ничего. Просто, когда один раз шла к тебе через парк, то наблюдала, как всходит солнце. Облака у горизонта были белые и волнистые. Солнце выплыло наполовину. Над ним красно-оранжевый отсвет потихоньку растворялся в голубом небе. На моем пути оказалось дерево со спиленной кроной — обрубок такой огромный. Как человек без головы. Из него веером росли зеленые веточки. Они на фоне солнца, как живые лучики! Меня поразила эта картина. словно с восходом солнца начиналась новая жизнь взамен прошлой, черной. Мне показалось, что я сама в новом детдоме прорастаю, как это дерево на солнце.

— Можно я покажу твои рисунки в художественной школе?

— Хочешь, насовсем отдам.

— Ой, спасибо! Я их в альбом для фотографий положу.

— Так они тебе, правда, понравились?

— Еще как!

— И ты мне свой подари. Тот, где костер и еще одинокое дерево на ветру. Подаришь?

— С удовольствием! — воскликнула Ирина.

И мы обменялись рисунками.

Возвращалось в детдом в прекрасном настроении.

ЛЕТАЮ

Я летаю во сне! Легко подпрыгиваю, делаю пару взмахов руками-крыльями и лечу вдоль длинного коридора. Если хочу подняться выше, на другой этаж, то чуть напрягусь и плавно взмываю вверх. Ощущения незабываемые! Тело подчиняется малейшему движению рук и ног. Двигаюсь стремительно, но плавно.

Сначала летала только по детдому. Потом захотелось большей свободы. Выпорхнула из окна первого этажа и стала осторожно подниматься на уровень второго, третьего. Выше, выше! Чувство трепетного восторга переполняет меня. Упоения счастьем не передать! Попробовала пикировать вниз головой, вовремя выныривая у самой земли. Получилось! Это совсем не то, что прыжки с крутого берега реки. Там сжимало горло, стучало в висках, перехватывало дыхание. А сейчас грудь распирает от радости и блаженства!

Утром проснулась в мечтательном настроении, мир показался мне удивительно чудесным!

Вскоре сон повторился, вернее, продолжился. И я опять плавала в океане счастья!

Так продолжалось долго.

Но потом счастье от полетов закончилось. Больше во сне я не плаваю на волнах радости. А как хочется! Может быть, когда-нибудь такое явление еще вернется ко мне?

Теперь я лишь пытаюсь сохранить в себе ощущение счастья, вновь и вновь проигрывая в памяти каждое движение.

ПЕЧАЛЬНЫЙ КОРТЕЖ

Дорога к вокзалу шла мимо нашего парка, и почему-то именно в эту сторону постоянно двигались безногие инвалиды войны на своих деревянных катаалках (тележках с маленькими железными колесиками). Они с трудом преодолевали бугор, отталкиваясь от земли руками в рабочих рукавицах или короткими деревяшками с петлями для рук. Кому-то с первого раза не удавалось взобраться по крутому склону, и его опять уносило к парку. Случалось, что катаалка переворачивалась. И тогда долго слышались стоны, бранные слова. Но человек вновь пытался преодолеть препятствие. Наверное, другие дороги к вокзалу были еще хуже. Труднее всего было взбираться человеку, у которого вместо левой руки болтался пустой рукав. Когда он проезжал мимо меня, я отворачивалась. Душа моя стонала.

Что притягивает меня сюда? Сердце разрывается, но я снова и снова прихожу к парку и смотрю на странную вереницу людей. Одеты они в изношенные ватники, из которых торчат клочья ваты, в зашитые на культях ватные брюки, в шапки-ушанки с красной пятиконечной звездой. За плечами — солдатские вещмешки.

Особенно меня интересовали двое. Один, самый старый, с короткими культями, всегда улыбался, наяривал на гармошке и орал песни, приправляя их забористой матерщиной. Они звучали весело и, казалось, беззаботно. Он был вроде как за главного или просто душой этого печального коллектива. Второй — молодой, голубоглазый, с плотно сжатыми губами и неподвижным, будто из дерева, лицом. Его взгляд проходил сквозь людей, не задерживаясь. Он редко поднимал глаза к лицам прохожих. На вокзал не ездил. Оставался в парке. Прислонится плечом к скамейке и уставится долгим отсутствующим взглядом в одну точку. А иногда подолгу растирает красивые тонкие пальцы рук и тихонько постанывает.

Мне захотелось узнать, для чего по утрам эти люди, словно на работу, отправляются на вокзал. Путь оказался дальний. Не меньше часа следовала за ними. Теперь поняла, почему тот молодой оставался в парке: не мог он просить милостыню у пассажиров проезжающих поездов.

А веселый солдат вытащил из рюкзака маленькую, на вид игрушечную, гармошку и начал петь громко, разухабисто. Люди выходили из вагонов и давали сначала ему, а потом и остальным мелкие деньги, еду. Солдаты, опустив голову, молча принимали людскую жалость, слушали сочувственные вздохи, тихую, сквозь зубы, брань в адрес тех, кто обязан помогать героям. При этом пассажиры с беспокойством оглядывались по сторонам и быстро скрывались в вагонах.

Уже собралась уходить, измучив свое сердце жалостью и обидой, но тут к перрону подошел эшелон с солдатами. Новобранцы заполнили окна неподвижными, словно неживыми лицами.

Вдруг из вагона вышел суровый генерал с золотыми погонами и красными полосками на брюках. Он подошел к гармонисту, снял красивую фуражку, аккуратно положил на траву, встал на колени и обнял солдата. Мне показалось, что оба заплакали. Потом генерал вытер лицо и, пожав руку каждому солдату, молча направился к вагону.

Когда поезд тронулся, гармонист зарыдал в голос. Он что-то кричал. Но я уже не могла разобрать слов — убежала. Сердце стонало и разрывалось на части.

ДЯТЕЛ

Наш путь в школу пролегает мимо сквера. Редкие молодые деревья, аккуратно постриженные аллеи — все как-то по-городскому, неуютно. По прямым асфальтовым дорожкам холодный ветер гоняет обертки от конфет, шелуху семечек. Тети с маленькими детьми торопятся скорее попасть на детскую площадку, окруженную высоким ажурным забором из железных прутьев, увитым диким виноградом. И, хотя листья опали, плотная вязь тонких лиан задерживает порывы ветра. Он, если и пробирается сквозь мелкие ячейки переплетений, то уже усмиренный.

И вот этот потускневший осенний сквер по утрам стал просыпаться под звонкий барабанный стук. Мы с девочками вышли в школу пораньше, чтобы найти этот странный «будильник». Стук разносился непонятный: звонкий, металлический, неритмичный. То, что «концерт» устраивало живое существо — ни у кого не было сомнений.

— Дятел, — решили все дружно.

— Когда дятел работает, звук глухой, а здесь, будто ребенок стучит по железу, — возразила я.

Мы осмотрели все деревья на расстоянии слышимости. Ничего не нашли. Вдруг девочка, которая стояла, опершись на электрический столб, обрадованно закричала:

— Дятел! Вон, над лампочкой сидит и стучит по железному кожуху фонаря.

Мы вмиг собрались вокруг нее и с восторженным любопытством замерли. Дятел не обращал на нас никакого внимания.

— Привык к шуму на детской площадке.

— Что же он, глупый, без толку стучит по железке?

— Ему просто нравится музыка. Смотрите, с каким удовольствием он стучит.

— И делает это только по утрам. А потом улетает и обедает на деревьях, — радостно галдели девочки.

Теперь мы уже не представляли себе дороги в школу без музыкального сопровождения нашего друга. Скоро о нем узнала вся округа. Люди, спешащие на работу, останавливались на минутку у знаменитого столба, отыскивали глазами нашего любимца и продолжали свой путь, улыбаясь.

ДНЕВНИК И «ВОЛНА»

«Здравствуй, Витя! Сегодня начала вести дневник. Меня научила этому мама моей подруги Ирины. Буду писать про свою жизнь, а когда встретимся, подарю его тебе.

Мне не нравится писать прописные буквы. Очень устаю. Зато печатными могу «строчить» хоть целый день. Я по-прежнему держу карандаш в кулаке. Так легче. На уроках, конечно, беру его как надо.

Бумаги на дневник у меня нет. Выпрашиваю в магазине оберточную. Добрые тети дают по листочку, потому что я разговариваю вежливо. Письма буду складывать между двумя фанерками, и прятать под матрац. Это моя почта.

У одной воспитательницы на черной кофте я увидела большую белую перламутровую пуговицу. И вдруг представила, что каждый день вижу на ней тебя, как в зеркале. Внутри пуговицы, наверное, какая-то умная штучка ловит волны. Ну, те, о которых рассказывала практикантка Галя. Только у нее они речь передавали, и получалось радио, а мои новые волны изображают все, что происходит с тобой. Я нажимаю на экран-пуговицу и, пожалуйста, можно смотреть и разговаривать с тобой!

Теперь перед сном я всегда вижу тебя и советуюсь, особенно когда мне плохо. Ты же все слышишь, правда? Я называю нашу пуговицу «волна».

Витек, мне здесь хорошо и спокойно, но я часто вспоминаю наш детдом. Помню морщинистые руки няни. Она кормила меня в больнице. Мне тогда было меньше трех лет. Помню, как кривились воспитательницы, когда говорили о наших мамах. Никогда не забуду тетю Машу. Это она привела меня в царство белых облаков. Помню, что и как говорили мне люди, которых люблю. До сих пор стонет сердце, когда вспоминаю жестокую Валентину Серафимовну. Почему я не желаю ей плохого? Не умею ненавидеть? Каждую ночь потихоньку реву, тебя вспоминаю. С тех пор, как тебя увезли, в уголке сердца остался кусочек льда, там всегда холодно и пусто».

УРОКИ НА СКАМЕЙКЕ

Сажу на скамейке матрешкой: колени прижаты к груди, поверх них натянута мой любимый плащ. Он почти до пят и согревает не только тело, но, кажется, и душу.

Подошел парень, по виду деревенский. На руках грудной ребенок кричит. Молодой человек то неловко прижимает его к широченной груди, то размашисто качает и глухим голосом поет колыбельную. Ребенок не унимается. Отец нервничает. Вдруг он остановился и, сменив темп, запел громко и выразительно «Вихри враждебные». Малыш почему-то сразу умолк. Но ненадолго. Теперь он залился еще громче и пронзительней. Из магазина выбежала женщина, выхватила орущего ребенка. И тут-то малыш, наконец, успокоился. Молодая пара удалилась.

Следом появилась новая семья: статный папа с сыном, интеллигентная мама и бабушка. Женщины остались беседовать, а мужчина ушел играть с мальчиком. Они катались на каруселях, лазали по лестнице, гоняли мяч. Между играми отец находил время учить ребенка говорить букву «р». Это происходило интересно и весело. Их смех заставили меня улыбнуться. Но когда мужчина снова подошел к женщинам, то как-то изменился: сделался напряженным, неестественным, а говорил словно заискивая. Потом «мужская половина» опять помчалась в спортивный городок, а женщины улыбнулись друг другу, и бабушка сказала:

— Стараются. Это хорошо. Понимает, что из грязи вытащили. Так и держи его, пусть чувствует: кто — он, а кто — мы. А когда образование дадим, совсем «ручной» будет.

Мне стало жалко дядю. Ни за какие коврижки не захотела бы становиться ручной! И зачем мать так учит дочь? Разве от этого они будут счастливее?

Я загрустила и перебралась на лавочку, что стояла напротив почты. Сквозь стеклянные двери вижу, как к окошку «до востребования» подходят люди, получают письма и тут же их читают. Подбежали две девочки-школьницы. Взяли письмо и отчего-то долго хохотали. Потом мое внимание привлек очень полный мужчина. При ходьбе его грузное тело тряслось и колыхалось как холодец. Он шел медленно, тревожно озираясь по сторонам. Тяжело поднялся по ступенькам. Получив письмо, дрожащими руками разорвал конверт. Что с ним произошло! Серое лицо засветилось, порозовело, он не мог сдержать улыбки. Толстяк рухнул на мою лавочку. Она жалобно заскрипела. Выпучив глаза, он жадно читал. Потом прижал письмо к груди и зашептал: «Она меня любит, любит!» Наконец, он спрятал письмо в карман и едва не танцующей походкой ушел.

Его место заняли две женщины. Я слышу их разговор:

— Мать умерла, отец погиб, мачеха своего ребенка увезла, а этот не нужен — отказалась. Хотела оформить опеку. Вдруг он спрашивает: «Я ничей?» Тут я поняла, что не смогу иначе. Усыновила. Конечно, привилегии потеряла, его право на ту квартиру, но не жалею. Мы счастливы с ним.

Подбежал мальчик в голубой матроске, прижался к ее плечу и спросил:

— Мама! Ты уже отдохнула? Не опоздаем в цирк?

— Не опоздаем.

Женщина погладила сынишку по светлым волосам и подняла тяжелые сумки.

Теперь на скамейке два молодых веселых дяди. Из карманов торчат бутылки с водкой. Тут другой разговор:

— ...И дети есть?

— Наверно.

— Хоть сколько их, знаешь?

— Разве упомнишь, сколько желторотых по свету разбросал.

Я ошалела: «Не может такого быть! Или не поняла?»

— Дядя, а кто — желторотые? Птички? — спросила я с надеждой.

— Дети, дети, глупышка, — засмеялся дядя в полосатой майке, что выглядывала из-под не застегнутого ворота рубашки.

— Тебя застрелить надо! Я вот в детдоме из-за войны, а твои дети страдают, потому что ты калека, — зло изрекла я.

— Почему калека? Здоров как бык, — сказал мужчина и с удовольствием расправил плечи.

— Бабушка Мавра говорила: «Ума нет, — считай калека». Умный не бросит своих детей!

— А ну, брысь отсюда! Я мужчина!

— Мужчина должен защищать детей, — насупилась я.

— Маленький взрослому — не указ, на всю жизнь запомни! — пригрозил мне хвастливый дядька.

— Ты хуже немца. Они чужих детей мучили, а ты — своих, — набычившись, упиралась я.

— Заткнись, дрянь! Прибью!

— Не убьешь. За это в тюрьму посадят, а там, в камере тебя убьют те, у кого дети на воле.

— Гляди, нахваталась! Откуда такие познания?

— На этой же лавочке слышала, как парень девушку любил, а она его — нет. Тогда он ее в лесу поймал. А она позора не испугалась и в больницу побежала. Пятнадцать лет ему дали. Только не вернулся он. Вот.

— Видно, часто на лавочке сидишь? — удивленно вскинул брови мужчина.

— Сижу. Когда хорошая погода. А с тобой не хочу больше разговаривать. Я люблю нормальных людей слушать.

— Не «тыкай» мне!

— Учительница сказала, что «вы» надо говорить тому, кого уважаешь, а ты противный. Ты дядя-кукушка.

— Вот такого сволоченка вырастишь, а он потом будет указывать, как жить!

— Так ничего не понял? Глупый, значит?

— Откуда взялась такая разговорчивая, гнида? — спросил второй, до сих пор молчавший.

— Из детдома.

— Сколько тебе лет?

— Девять будет.

— Ты невоспитанная девочка, со взрослыми нельзя так разговаривать.

— А кто его детей будет делать воспитанными? — огрызнулась я.

— Заткнись! Я своему давно бы врезал! — опять завелся первый.

— За что?

— Чтобы знал, как с отцом разговаривать!

— Как ты с ним, так и он с тобой будет. Лучше бы ему конфет купил. А ты — водку себе. Может, и твой сын таким же противным будет.

— Вместе пить будем. Третьего не придется искать, — расхохотался неприятный собеседник.

Мне стало гадко. Я соскочила с лавочки и побежала в другой конец сквера.

ЧЕМ ЖИВУТ ЛЮДИ?

В этот раз рядом со мной на лавочку присели две женщины: одна совсем молодая, другая постарше.

— ...Развод, только развод! Сил больше нет. Отрезать раз и навсегда!

— А дети? Безотцовщина?..

Я прислушалась.

— ...А ведь какая любовь была! Вся деревня завидовала.

— Знаешь, для меня было безмерным счастьем видеть его, просто прикасаться к нему. Утром за завтраком улыбнется, — я счастлива до вечера. Нежность великая к нему была. Ведь как трудно одной с четырьмя маленькими, да еще хозяйство, огород. Но все не в тягость было, когда любил. Пять лет в раю. И одним днем все пропало, будто и не было! Не живу, существую. Как машина: включили, и работаю. Три года в таком состоянии. Раздражение растет. Теперь все мне не так, во всем вижу плохое. Я молчу, сдерживаюсь, чтобы мое настроение не сказывалось на детях. Терплю. Но вижу: надо кончать! Иначе с ума сойду.

— А ты ему тоже измени.

— Не могу, нутро не позволяет. Тогда презирать себя стану.

— Ну, хоть влюбись в кого-нибудь.

— Не получается, пустая какая-то стала, бесчувственная.

— Но тебе и тридцати нет. Что ты хоронишь себя?

— Живу только ради детей. Жаль их. А то давно бы...

— Не дури! Пробуй смотреть на жизнь иначе. Купи себе что-нибудь красивое.

Мне помогает.

— Как я ошиблась, — продолжила молодая. — Говорил красивые слова. Я верила, чувствовала то же самое. После той истории... Он обокрал нас обоих. Почему все так несправедливо устроено?!

— Ты до сих пор живешь в мире грез? Проснись! Где ты видела справедливость?

— Надеялась, что в моей семье все будет хорошо.

— Для тебя главной в жизни была любовь, а теперь будет долг. Женщины живут не радостью, а терпением.

— Как же без радости? Чем тогда жить?

— Надеждой.

— Надеждой на что? На радость опять же. А где она?

Молодая женщина закрыла лицо руками.

— Поплачь, легче будет. Твой хоть домой возвращается, — говорила вторая женщина.

Она гладила худенькие плечи подруги, закусив губу, чтобы не зарыдать в голос. У нее по лицу текли слезы ее горя, ее беды. Скорбные складочки в уголках губ вздрагивали.

Я встала со скамейки и побрела к детдому с тем, чтобы завтра опять прийти сюда.

ТОЛЯН

Девочки живут в левой половине здания, а мальчики — в правой. Учимся тоже порознь. Даже в столовой нас кормят отдельно. И все-таки с одним из мальчишек я познакомилась на хозяйственном дворе. Его Толяном зовут.

В мусоре, под остатками разломанного грузовика, присмотрела я красивую золотистую пластинку. На животе подлезла под машину и самодельным ножом попыталась выковырнуть ее из земли. Не получилось. Упрямство заставило опять прийти сюда. Тут и приметил меня этот мальчик. Подошел какой-то странной, в раскачку, походкой и спросил сквозь зубы:

— Маешься? Золото ищешь? Это латунь.

— Я золото никогда не видела. Просто красивая штучка. Может, куда применю.

Сгодится на что-нибудь!

— Бредятина! Под матрас спрячешь, вот и все применение, — усмехнулся Толян.

— Мое дело, куда положу, — недовольно буркнула я.

Он попал в точку. Все свое богатство по привычке я хранила именно под матрасом.

— Не злись. Больше нам негде прятать. Давай помогу.

Мальчик отыскал деревянный кол и железную трубу.

— Подсовывай под машину и дави на конец, — скомандовал он.

Я послушалась. Кабина вздрогнула, но не подвинулась. Мальчик взял половинку кирпича и подсунул под трубу. После этого мы принялись раскачивать кабину. Напряглись, поднатужились, и, когда она чуть приподнялась, Толян ногой затолкал под нее камень. Теперь моя рука уже могла протиснуться, и я, изловчившись, достала золотистую пластинку. Вытерла подолом кофты и прочитала надпись: «Профессор Изюмченко Яков Александрович».

— Такие таблички раньше имели знаменитые люди. Видишь, дырочки по краям — это чтобы к дверям прибивать.

— А как ты догадался, что с трубой легче поднять кабину? Мне бы такое в голову не пришло.

— Видел, — буркнул мой помощник.

— Где? — простодушно поинтересовалась я.

— Отстань, — зло огрызнулся он. — Иди отсюда!

Я не поняла причины столь разительной перемены и сказала примирительно:

— Не сердись. Спасибо за помощь.

И убежала, не оглядываясь. А в комнате, спрятав сокровище в наволочку, задумалась: «Чем его обидела?» В голову ничего не приходило.

После этого случая мне почему-то снова захотелось увидеть Толяна. Но наши дорожки никак не пересекались.

ДОТ

Выполнила уроки и отправилась в парк. Я уже знала все его закоулки, но мусорную свалку в низине всегда обходила стороной. А сегодня, проходя мимо, неожиданно разглядела в бурьяне странную круглую площадку. Принялась обследовать ее. Один камень у самой земли легко отделился. Он не был обмазан цементом. Вытащила еще несколько камней и сунула палку в дыру. Глубоко. Может, это тайный ход под церковь, купола которой видны вдалеке? Или блиндаж с войны? Старательно уложив камни на место, помчалась добывать спички. Я заметила: просить лучше у молодых мужчин. Старые целый час будут выяснять: «Куда? Зачем? Кто ты?» Выбрала парня с папиросой. Он отсыпал мне спичек и оторвал от коробка кусочек серной бумаги.

— Ты не поджигатель? — спросил он, улыбаясь.

— Нет. Бабушка в подвал послала. Я все спички потратила, а банку с вареньем так и не нашла, — бойко сочинила я причину.

— Смотри, все не съешь, — засмеялся щедрый парень.

Зажгла спичку. Передо мной открылось чистое помещение, стены которого выложены кирпичом. Залезла внутрь. Земляной пол в виде квадрата. Стена шириной в пять шагов, высотой в мой рост с поднятыми руками. Прохладно, могильная сырость. Сразу потянуло к солнышку. Вылезла, заложила камнями вход и, стараясь не ломать бурьян вокруг «дома», вышла на асфальтовую дорожку, которая вела к каруселям. «Здесь буду хранить свои секретные вещи», — решила я.

Мне захотелось поделиться с кем-нибудь радостью находки. С девчонками? Нет! Разболтают на весь свет. Увидеть бы нового знакомого.

Я занялась изготовлением ножичка из длинного гвоздя, а сама держу в поле зрения крыльцо ребячьего корпуса. Толян наконец появился и той же странной походкой направился на хоздвор. Я — за ним. Он влез в кабину разбитого газика и затих. Немного выждав, решила нарушить его уединение. Бесшумно, как кошка, взобралась на ступеньку, заглянула внутрь: мой знакомый развязывал на ногах окровавленные бинты. Невольно отшатнулась и свалилась с колеса машины. Толян высунулся из кабины.

— Не подходи, — сквозь зубы произнес он.

— Все равно уже видела, — тихо ответила я.

Моя настырность ему не понравилась, но он смирился:

— Черт с тобой. Лезь. Только дверцу закрой.

Залезла. Не от вида крови, от жалости мне чуть не стало дурно.

— Кто тебя так? — спросила осторожно.

Толян не ответил.

— Тебе надо сделать укол от столбняка и раны зеленкой смазать. Когда я недавно посчитала ступеньки с четвертого этажа, нога загноилась. А с зеленкой за неделю все прошло!

— Еще стрептоцид помогает, — сказал Толян.

— А где ты взял такие цветастые тряпки вместо бинтов?

— Мама дала, — сказал он и осекся.

— Я — могила, запомни. Жди меня здесь. Я быстро!

Медсестры в воскресенье не бывает. Если случается что-то серьезное, ее вызывают. Я обвязала тряпками колени, подошла к дежурному воспитателю и, скорчив плаксивую рожицу, попросила бинт и зеленку. Он нехотя отложил книгу, подошел к аптечному шкафчику и отомкнул его.

— Медсестра мне стрептоцидом засыпала ранки, — подсказала я.

— Не много ли хочешь? — усмехнулся он. — Садись, лечить буду.

— Мне не так больно, когда сама себя зеленкой мажу. Еще я должна с мылом вымыть коленки.

— Ты, вижу, специалист не только калечиться, но и лечиться. Ладно, займись сама, а остатки зеленки завтра обязательно верни медсестре. Не разлей, — предупредил дежурный и снова открыл книгу.

С женщиной-воспитателем было бы сложнее. Она разохалась бы, потребовала бы показать раны. Сто раз спросила бы, как себя чувствую.

Когда прибежала на хоздвор, Толя уже отодрал присохшие бинты. Кое-где они снялись вместе со струпиями.

— Раздави стрептоцид на чистом месте, — попросил Толя.

Я вложила таблетку в подол рубахи и растерла куском кирпича. Раны Толя накрыл бинтами и сверху замотал тряпками. Слезы текли по его щекам, но он даже не пикнул.

— Умеешь терпеть боль, — заметила я, — не скулишь.

— И ты, похоже, не рева.

— Привыкла, — ответила я. — В другом детдоме часто били.

Мы помолчали.

— Спасибо. Ты — молодец, — тихо, немного смущаясь, сказал мой новый друг, надел шаровары и враскачку пошел к корпусу. «Так вот почему он так ходит!» — дошло до меня.

НАШ ДОМ

В следующее воскресенье ждать Толю мне пришлось недолго. Он вышел на крыльцо сразу после завтрака и огляделся по сторонам. Мы встретились около машины. Поздоровались. Он был немногословен и угрюм.

— Пойдем в парк, — неуверенно попросила я, — свой секретный дом покажу.

Он вздрогнул, еще больше нахмурился, но быстро согласился. Разозлился? Подумал, что в моей затее кроется подвох? А когда мы подошли к тайнику, поникшим голосом промолвил:

— Это мое пристанище, когда сбегаю.

У меня чуть не сорвалось с языка: «Откуда сбегаешь?» — но сдержалась, боясь опять разозлить друга. Сама не люблю, когда в душу лезут. А вслух сказала:

— Раз ты первый нашел этот дом, он твой. Разреши мне иногда приходить. Я бы перетасила сюда сиденья от газика. Не очень-то удобно сидеть на голой земле. Еще срезала бы с верха газика материю. Вместо одеяла была бы.

— Ну, вот! Как девчонка, так сразу разговор о тряпках.

— Причем здесь тряпки? Не в куклы зову играть! Не хочу мерзнуть. Может ты здоровый, а я чуть что, кашляю. Дыхалка у меня слабая. Так дед Панько говорил.

— У тебя был дед?

— Не родной. После войны он один на белом свете остался, вот и любил всех детей. А меня и Витька особо.

— А бывает, что родные, да не любят.

— Разве такое может быть? — удивилась я.

— Может, — вяло произнес Толя.

Помолчали.

— Пожалуй, стоит натащить сюда барахлишка. Только по темноте, — вдруг согласился мой друг.

— У нас настоящий дом будет! — радостно подхватила я.

— Настоящий — это когда в нем папа и мама живут, — жестко закончил разговор Толян и направился к корпусу.

Мне Толя показался сжатой пружиной. Молчит-молчит, а потом что-то резкое, даже грубое, как брякнет, так «хоть стой, хоть падай!» Так у нас в лесном детдоме говорили.

А я представляю настоящий дом таким, чтобы в нем был хороший друг. А родители мне редко на ум приходят, даже в мечтах. Чаще думаю о том, какая у меня будет семья, когда вырасту.

ПОМОГИТЕ!

Целую неделю благоустраивала дом. Приносила только полезное. Выбила камни для окошка. Ох, и намучилась! Осколок стекла вставила. Светло сделалось.

Подошло воскресенье, а Толян не вышел гулять. Не пришел он и на следующий выходной. Мне было тоскливо и беспокойно.

Как-то после занятий не хотелось идти в свою комнату, и я в задумчивости бродила по классам школы. Неожиданно внимание привлек спор взрослых. Прислушалась. Крики доносились из учительской. Речь шла о мальчишке Толе Зайченко, который опять сбежал к матери. Учительница говорила резко:

— Ну, что ему еще надо?! Одет. Обут. Накормлен. Школа хорошая. Из комнаты в комнату переводим. Лучших ребят подсажаем. Живи, учись. Так нет! Домой бежит! В эту убогую, антисанитарную, криминальную обстановку. Что с ним делать? Может, передать в колонию? Сколько еще с ним мучиться? Пошли вчера с милицией его забирать. Но у матери не нашли. Сама лежит пьяная. Ругань на всю квартиру. Сожитель при ней совсем лыка не вяжет!

Я поняла, о ком речь. Может, он в нашем доме? Помчалась в парк. Огляделась и нырнула в бурьян. Не увидела, но уже почувствовала: он там. Было еще светло. Я отбросила ворох травы, затыкавшей вход. Свет упал на распростертое тело моего друга. Лицо — сине-желтое, волосы слиплись, рубашка разорвана. Он то ли спал, то ли был в забытии. Ужас вдруг сменился во мне злостью. Захотелось орать, крушить все подряд!

Я выскочила из подземелья и стала бегать вверх-вниз по спуску, чтобы как-то снять дикое возбуждение. Меня трясло. Спазмы сжимали горло. Наконец я обессилела, свалилась в бурьян и заплакала. Почему такие гадкие и жестокие взрослые? Потом я встала и медленно пошла в дот. Толян заворочался, открыл глаза и застонал: «Дай попить». Нашла в мусоре консервную банку, помыла и набрала воды в фонтанчике. Толя пил жадно. Из еды смогла предложить только черствый кусочек хлеба. Я всегда ношу в кармане хлеб, потому что когда очень хочется есть, меня тошнит. А хлеб помогает.

Размочила сухарь в воде. Толян долго сосал его.

— Кто тебя так? — спросила я участливо.

— Отец.

— За что?

— Мать защищал.

— Зверь он.

— Пьяный был, ничего не соображал.

— Оправдываешь?

— Отец, какой ни есть. Хахаль (сожитель) еще хуже.

— Таких убивать мало.

— И самому зверем стать?

Я сняла с себя рубаху и протянула Толяну, а кофту надела на голое тело.

— Одежда еще из дошкольного детдома, — заметила я. — На следующий год новую дадут.

— Мне-то, может, и не дадут. Могу не вытерпеть.

— Пойдем в корпус?

— Куда я такой? Всем объяснять придется...

— Скажешь, что чужие ребята побили. Брехать — не пахать. Соври для своей пользы. Главное, чтобы никому не во вред. Пошли, пока медсестра на работе. Помрешь еще, а я буду виноватой себя считать. Раз видела, значит, отвечаю за тебя.

— Не пойду. Воспитатели душу вымотают.

— Зря обижаешься. У них работа такая — беречь нас. Когда не получается, они злятся. А ты бы не злился на их месте? Пойдем. Скорей вылечишься, скорей к матери попадешь.

На Толяна мои последние слова подействовали. Он молча кивнул. У корпуса мы разошлись в разные стороны.

Перед сном я думала: «Ругать человека за то, в чем он не виноват, не честно. Почему из-за плохих родителей его хотят отправить в колонию для бандитов? Кто может помочь Толику? Директор, милиционер? Господи! Помоги моему другу».

НЕ ПОНИМАЮ!

Жду Толяна на хоздворе. Гляжу вверх. Его окно на четвертом этаже. Неожиданно вздрагиваю от жуткого крика. Перед глазами, кувыркнувшись, метнулось, как большая тряпичная кукла, человеческое тело. Тупой удар об асфальт. За кустами ничего не вижу. Знаю, что упал мальчик. Старшеклассник.

После ужина ко мне подошел Толик и тихо сказал:

— Он воровал у ребят и был доносчиком. Его много раз предупреждали. Не одумался.

Лицо Толяна выражало красноречивый гнев и одновременно страх.

— Он разбился? — прошептала я.

— Да.

Толян сделал страшные глаза.

Меня будто по голове стукнули. Бессвязно, путая буквы, рассказала Толе об увиденном.

— Я не понимаю, не понимаю этого, — бормотала я, заикаясь.

— И не надо. Забудь. Вычеркни из памяти. Я тебе ничего не говорил. Ты ничего не видела.

— Постараюсь, — шепчу я в ответ.

Но как же забыть? Неподвижно сижу на подоконнике, прижавшись горячим лбом к прохладной раме, и тупо смотрю на то место, куда упал мальчик. Мозги отключаются, когда пытаюсь думать о нем.

ТАНКИ

Сидим с Толяном на заднем дворе детдома, рисуем животных.

— Жаль, что ты девчонка, а то пошли бы сейчас смотреть ученья солдат за городом, — сказал мне Толян.

— И чем же девчонка от мальчишки отличается, интересно мне узнать? — рассердилась я. — Ты что, лучше меня по деревьям лазаешь? А может, подсечку лучше делаешь?

И я тут же свалила его на землю.

— Ну! Получил?

— Ты же неожиданно! — попытался оправдаться Толян.

— А что, враг будет предупреждать о нападении? Ваше Величество, сделайте бойцовскую стойку, прикройте личико, сейчас в челюсть врежу! Так, что ли?

— Ладно, сдаюсь, пошли.

— Не злись. В лесном детдоме я дружила с большими мальчиками. Они обучили меня защите, — вздохнула я от набежавшей грусти воспоминаний.

Солнце укутывалось в розовое пуховое одеяло облаков. Изрытая асфальтовая дорога закончилась, идем по гравию, потом по пыльной грунтовой дороге. Мы у высокого кирпичного забора, оплетенного по верху рядами колючей проволоки. У маленькой калитки — два солдата с винтовками.

— Полезем на бугор. Сверху лучше будет видно, как они возвращаются с учений в казармы, — предложил Толя.

— А что в этом интересного? — отозвалась я.

— Сказано: девчонка! Как ты не понимаешь?! Поразмысли чуток! Рассмотреть вблизи настоящее оружие — это же фантастика! Может, еще танк или пушку увидим.

— И танк можно будет руками потрогать?

— Танки здесь не останавливаются. Я сам не знаю, где они ночуют. Из своего окна только недавно их заметил. Вот бы внутрь залезть!

— А я про самолет и огромный корабль мечтала. К танкам меня не тянет, но «живьем», конечно, интересно их рассмотреть. Ох, и завидно будет девчонкам! — обрадованно воскликнула я.

Облюбовали самый высокий холм, вскарабкались то неисхоженному, не истоптанному крутому склону. Только заняли удобное стратегическое положение, устроившись на дереве, что росло на бугре, как появилась большая группа солдат. Они нестройно и не очень громко пели маршевую песню. На меня колонна не произвела особого впечатления. Молодые дяди устало несли на плечах скатки-шинели, котелки, какие-то ящики. Понурая лошадь, которую нехотя подстегивал старый солдат, медленно тащила пушку.

Толян подпрыгивал на ветке, восторгался длиной ствола орудия, какими-то рукоятками, которые умудрился разглядеть. Я вижу измученных солдат, а он с ума сходит от какой-то железяки с длинным дулом. Или стволом. Какая разница!

Когда солдаты прошли, мы слезли с дерева и отправились домой. Быстро темнело. Сзади послышался шум мотора. Звук усиливался, обрастая лязгом, скрежетом о камни, треском ломаемых кустов. Я ощутила в сердце быстро нарастающую тревогу. Ее предвещала шедшая из темноты непонятная угроза. Из серой мглы на нас надвигались две огромные, бесформенные махины. Я уцепилась за рубаху Толяна, не зная, что делать, куда бежать. Он тоже оцепенел. И вдруг обрадованно закричал:

— Танки!

Но уже в следующее мгновение он заметался, бросаясь то к дороге, то за кусты. Ревущая железная масса неслась по ямам, ухабам, ломая придорожные деревца, перемалывая гусеницами траву, швыряясь кусками земли. «Танкист же в темноте не видит, несется напролом. Ему ничего не стоит раздавить нас, как букашек!..» — мелькнуло у меня в голове.

Танки прогромыхали мимо, а я все тряслась от страха. Шум стоял в ушах. Мы с Толей сидели на обочине и молчали. Потом он тихо сказал:

— Знаешь, я первый раз в жизни так испугался. А как же тот солдат... из кино... который из-под танка... гранатой?..

— Там же была война, — отозвалась я.

В ГОСТЯХ У СТАРШЕКЛАССНИЦ

По вечерам я часто брожу по комнатам старшекласниц. Иногда меня бесцеремонно выпроваживают, а в некоторых комнатах встречают миролюбиво, пусть немного иронично, но ласково.

— Зачем пришла? Ума набираться или взрослой жизни понюхать?

— Не хочу быть взрослой. Мне интересно узнавать про новые игры.

— О, так ты у нас серьезная или умная?

— Обыкновенная, — обижаюсь я.

И тогда какая-нибудь из девочек сажает меня к себе на кровать. На бумаге появляются чудесные игры. Я благодарно прижимаю к себе драгоценные листочки с записями, картинками и бегу обучать своих подружек. Старшие девочки придумали карты со своими картинками, а я сделала из картона домино и даже нарисовала на нем рожицы девочек, мальчиков, фрукты, овощи и машины. Так интереснее было играть. Проигравшему давали задание рассказать что-нибудь. Вот тут и услышала я сказку «Синяя борода». Она не понравилась мне, потому что в ней убивали людей. Дети стали пугать друг друга «синей бородой». Подойдет кто-нибудь сзади в темном коридоре или в туалете и прошепчет: «Синяя борода!» Сразу жутко делается, мороз по коже... Такие игры мне неприятны.

Еще старшие девочки научили меня игре в слова: «повесь проигравшего». У всех первоклашек она стала любимой. «Наказания» за проигрыш давали при помощи «фантов», поэтому они тоже превращались в веселые развлечения.

Как-то раз пришла в комнату, где меня хорошо встретили:

— Заходи, заходи путешественница! Сейчас будем новую игру разучивать.

Я обрадовалась. Меня посадили на почетное место — на стол, чтобы все было видно. Одна из девочек стала объяснять правила. «Мы позовем любую девочку и предложим сыграть в нашу игру. Она на минуту выйдет в коридор, а когда вернется, то вместе с нами закричит: «Я — осел!» Потом пусть угадывает, кто из нас осел! Хитрость состоит в том, что мы на самом деле только откроем рты. Кричать будет одна новенькая, которая еще не знает, что мы хотим «подловить ее».

Так и сделали. Пришла девочка из соседней комнаты, ей объяснили ход игры, и она вышла из комнаты. А когда вернулась и закричала в тишине: «Я — осел!», то в первую секунду растерялась, и слезы на глазах навернулись. Но она все-таки не заплакала, взяла себя в руки и вскоре со всеми хохотала: «Ах, черти! Провели воробья на мякине!»

А мне стало жалко гостью. Я соскочила на пол и пошла к двери. Одна из девочек догнала меня и обняла за плечи:

— Ты обиделась? Глупышка! Это шутка, розыгрыш, на это нельзя обижаться. Подрастешь, и сама будешь шутить над другими.

— Никогда не буду! — дернула я плечами. — Так не честно...

ПРИДУМКИ

«Витек, пишу тебе о своих фантазиях, потому что только ты можешь их понять и оценить. Как-то гуляла на хоздворе и нашла две толстые пружины. Встала на них, раскачиваюсь и представляю, что это мои скороходы. Нашла веревки, привязала пружины к ногам и принялась ходить. Падала, спотыкалась и все же научилась передвигаться более-менее сносно. Представляешь, как здорово! Идешь и подпрыгиваешь! Ходить трудно, а когда бежишь, то быстрее получается. Но потом пришли старшие ребята, и я «добром» отдала пружины. Глупо драться, все равно отнимут. А так вроде как подарила. Ох, и устроили они тарарам! Вечером в постели «конструировала» новые скороходы. В них пружинки спрятаны в каблуках и выскакивают только во время бега, когда мне потребуется».

Недавно перемерзла в парке и придумала одежду из особой материи. Если бегу и мне жарко, она собирает тепло, а потом когда холодно, согревает меня. А еще внутри одежды обязательно должны быть проволочки с электричеством. Такие, как в лампочке. Ведь от нее столько тепла идет! У тебя в детдоме есть электричество?

А вчера видела на небе сразу две радуги. Представляешь, над самым горизонтом висит разноцветная дуга, а рядом — вторая, точно такая же, только цветные полоски в обратном порядке расположены. Вот чудо! Бабушка стояла рядом, крестилась и говорила, что за всю жизнь впервые такое видит. А мне повезло! Я нарисовала эти радуги для тебя».

ЛЕША

Я волнуюсь. Сегодня Толя поведет меня в семью своего друга Леша, который учится в четвертом классе. После ужина короткими перебежками преодолела двор. Толя уже ждал.

— Смотрел, как ты пересекала двор. Сразу видно, что удираешь. Нельзя оглядываться. И поза при ходьбе напряженная. Думаешь, если согнешься, то не увидят? В гнома все равно не превратишься. Двигайся так, будто никуда не спешишь. Изображай подобие беззаботности. Обманывать надо убедительно.

Толя идет быстро. Я стараюсь не отставать. Подошли к длинному, одноэтажному дому, похожему на барак. Постучали в квартиру с номером два. Дверь открыла маленькая старушка. Её лицо испугало меня. Точь-в-точь Баба-Яга. Нос горбатый, глаза цепкие, темные, щеки обтянуты желтой кожей, руки тонкие, длинные. Седые волосы из-под платка выбились, развеваются. И так странно было услышать ее тихий спокойный голос! Я с дрожью в ногах переступила высокий порог и вошла в темный коридор, где и двоим-то разойтись трудно.

Открылась маленькая кухня с замусоленными обоями, плитой, кучкой сухих веток в углу и самодельным столом. Леша позвал нас в зал. Мы прошли через узкую спальню с тремя железными кроватями. В углу из стены чуть выдавалась вторая печурка. Зал — небольшая комната с квадратным столом и стульями. Там же стояла ещё одна железная кровать и самодельная деревянная раскладушка. Тесно.

Вошла бабушка Леша, похожая на прабабушку, только лицом полнее. Женщина была в темно-синем платье с белыми вертикальными полосками. Из-за них она казалась мне тощей-тощей, высокой-высокой. Появился низенький мужчина. Брюки мешком висели на полноватой фигуре, ремень — ниже живота. А лицо доброго усталого человека.

На голубую клеенку в цветочках бабушка поставила граненые стаканы, хлеб, масло на блюдечке и сахарный песок в пол-литровой банке.

— Ешьте, детки, ешьте, небось, голодные после детдомовского ужина?

Я боялась взять хлеб. Он был нарезан квадратиками без корки. Кусочки тоненькие, почти прозрачные. Их было мало. Я одна могла бы съесть все. Наконец Леша взял кусочек, но масло не тронул.

— Ешьте с маслом. Что, не любите масло? Не стесняйтесь, — упрасивала прабабушка.

Я положила сахару одну ложку, как Леша, и съела один кусочек хлеба. Потом, поблагодарив хозяйку, мы ушли гулять на улицу.

— Зачем у вас в квартире две плиты? — поинтересовалась я у Леша.

— Строители на фундамент толь не положили, поэтому стены мокрые и в комнатах всегда холодно. Завод эти бараки еще до революции строил.

— А зачем у вас столько кроватей?

— Так девять человек. А метров — двадцать.

— Зато весело, наверно.

— Не дай бог, как весело, — усмехнулся Леша.

— А бабушки у тебя приветливые, заботливые, — отметила я.

Леша не откликнулся на похвалу.

Мы с Толиком стали частенько забегать к Леше. Он жил близко от нас. Но от угощений отказывались. Не хотели чужой кусок есть.

Его семья привыкла к нам и уже не замечала, когда мы тихо играли картонными цветными картинками и деревянными игрушками, которые делал отец Леша. Тут-то я

невольно окунулась в семейную жизнь. Скандалы начинались спонтанно: кто-то споткнулся о чью-то ногу или подвинул на плите свою кастрюльку ближе к огню, кто-то из взрослых детей не послушал бабушку. Иногда я вообще не могла понять, с чего поднимался сыр-бор. Неслись проклятья, оскорбления, начиналось рукоприкладство. В этих случаях я, замирая от страха, забивалась под стол. Намаявшись от ругани, семья пила лекарство. Потом все клялись друг другу в любви и обнимались.

Такое происходило раза два в неделю. Лешу расстраивали эти потасовки. Приходя к нам, он с грустной усмешкой говорил:

— Пойдемте в парк, мои опять «резвятся», выясняют, кто кому жизнь испортил.

— Леша, — спросила я, — а нельзя им жить как-то просто, по-человечески?

— Они и так все делают по-человечески! В зоопарке иначе: не слушается детеныш мамашу, та ему подзатыльник отвесит, и он — молчок. А людям покричать надо, показать, что умные. Это для тебя их вопросы простые, а для них — ребусы. В нашей семье сражения как на Курской дуге — до полной победы бабушки.

— Почему я никак не могу понять твоих взрослых?

— А ты не старайся, легче жить будет.

— Так ведь жалко их.

— И мне жалко, особенно папу. Да разве сладишь с кучей женщин?

— А почему ты не попросишь, чтобы не ссорились?

— Чудная ты! Дети взрослым не указ. Я это давно понял. Лучше молчать и заниматься своим делом.

Я вздохнула:

— Тебе даже хуже, чем мне. Каждый день от жалости страдать приходится.

— Не усложняй. Побесятся и помирятся, родные же.

— А разве после ссор они не станут меньше любить друг друга?

— Что ты все — «любить, любить»! У них и без любви забот хватает, — грубо закончил разговор Леша.

Я смутилась и умолкла.

ПОЧЕМУ В СЕМЬЯХ МАЛО РАДОСТИ?

Сегодня Леша позвал нас с Толей поиграть деревянным ружьем, которое папа сделал ему ко дню рождения. Когда мы вошли в спальню, прабабушка стучала о пол клюкой, и кричала на старшую дочь Люду:

— Перестилай постель, негодная!

— Мама, я уже три раза перестилала, — терпеливо объясняла дочь.

— Сколько скажу, столько и будешь работать... И про клизму опять забыла.

— Я вам сегодня два раза ставила. Вредно часто делать.

— Молчи... и живо готовь воду!

— Маманя, я не девочка, на пенсии десять лет, а вы все помываете мною. Не любите меня! — сердилась баба Люда.

— Я тебя родила, поэтому хочу — люблю, хочу — убью, — отвечала ей старуха.

Я с изумлением слушала эти речи. Значит, и моя мать могла бы меня бить, издеваться?

Слышу крик бабушки Люды:

— О, Господи, зачем мне эти мученья? Забери меня поскорее.

Теперь прабабушка схватилась за голову:

— Дура! Прекрати свару! Замолчи!

Тут прибежала баба Варя и давай бить сестру.

Мы прошмыгнули в зал и прикрыли за собой дверь, из-за которой несло: «Помогите, убивают!»

Я в ужасе закрыла уши ладонями: «Ну, зачем, зачем они так?! Почему такие жестокие? За что бабка издевается над родной дочкой?»

С работы пришла мама Леша и, тихо проскользнув на кухню, сразу взялась за посуду. Она старательно мыла ее горячей водой, ополаскивала кипятком из чайника и расставляла сушить на горячие кирпичи. Ей осталось помыть миску, в которой лежала грязная мясорубка, но не хватило воды. За ней надо идти в колонку.

Пришлепала прабабушка Ира, взяла ещё не остывшую ложку, пополоскала её в грязной миске и села пить чай. Я удивленно посмотрела на старуху, потом повернулась к Леше. Он все видел. Когда мы вышли на улицу, Леша сказал:

— Думаешь, моя бабуля чокнутая? Просто она ненавидит мою маму и выказывает ей свое презрение.

— Но твоя мама хорошая, добрая, тихая. Чем она провинилась?

— Тем, что любимый внук женился на девушке, которая ей не понравилась.

— Твой отец любит маму?

— Любит.

— Почему тогда не защищает?

— Папа и свою родню тоже любит. Он «меж двух огней».

— Что же вы не уйдете?

— На квартиру? А знаешь, сколько денег надо платить? Да и бабушка не позволяет.

— Почему?

— А над кем ей тогда издеваться? У прабабушки для этого — баба Люда, а у бабы Вари — моя мама.

— Дурдом какой-то! — вспыхнула я.

— Зря ты так. Соседи тоже без передыху ругаются. Там бабка внуку кушать не дает. А у других пьют беспробудно и дерутся. Это еще хуже.

— А хорошие соседи есть у вас?

— Не знаю. В пятой квартире всегда тишина. Но бабушка говорит, что в тихом омуте черти водятся. Я как-то попросил бабу Варю не ругаться, а она ответила, что «пар выпускает», а то у нее злость скапливается и здоровье портит.

— А про здоровье других она не думает?

— Себя бережет. Говорит, для нас старается.

— Не надо было твоей маме в такую семью замуж идти.

— От нищеты глухая жестокая рознь в семье. Папа так говорит.

— Твоя же мама не скандалит? От характера человека все зависит.

— Не все! Не хочу про это думать!

— Тогда станешь как твой папа. Ты должен жалеть и защищать свою маму! Я бы защищала.

— Не получается, — вздохнул Леша.

Толян не вмешивался в разговор. Он машинально крутил в руках деревянный автомат.

А мне вспомнился огромный городской аквариум. Я с Ириной ходила в зоопарк. Меня тогда поразила спокойная совместная жизнь рыб разных пород. Камбала улеглась на хвост красноперой рыбе, а та даже не вздрогнула. Краб неторопливо перелез через рыбозмею. Она тоже не заволновалась. И две рыбешки — пестрая и красная — рядом откусывали улиток со стены аквариума и не ссорились. Почему же люди в семьях ругаются?

ЛЮБОВЬ

Уже полторы недели не вижу Толика. Сегодня опять вытащила из шкафчика любимый плащ, накинула коричневую шальку и вышла на крыльцо. Вертикальный дождь плясал на тротуаре, высекая пузырьки на мгновенно образовавшихся лужах, отчего их поверхности казались скачущими. Пузыри плавали, лопались, вздрагивая, ныряли и навсегда скрывались под водой. Кипящие потоки неслись по асфальту вдоль бордюра. Вскоре сетка дождя поредела, капли стали мельче. Дождь прошел. В одном углу под навесом ребята играли в «ножички», в другом в «пристенок». Скучная игра, однообразная. Но мальчишки обсуждают каждое падение монеты с таким азартом, что дело доходит до ссор. Что они находят в этой игре? В «ножички» и то интересней. Тут ловкость вырабатываешь. Девочки у крыльца в кучку сбились. Шушукуются. Тоска.

Толя все же вышел, но не один, с воспитательницей.

— Запомни, — донеслось до меня, — только на два часа и ни ногой в город, понял?

Мой друг в ответ кивнул. Я обрадовалась и побежала на хоздвор. Толя пришел туда же. Он был в чистой вельветке (курточке из вельвета) и фуражке. Лицо бледное, от этого черные круглые, как у плюшевого медвежонка, глаза казались еще темней.

— Все нормально? — спросила я.

— Порядок. Сейчас за нами следят из окна. Поняла? Давай залезем в кабину грузовика, а когда им смотреть надоест, потихоньку выберемся, пройдем вдоль забора, и я «слетаю» в город.

— Ты же обещал не убегать?

— Я быстро. Гляну, все ли у мамки в порядке, и вернусь.

— Может, не надо?

— Надо!

— Давай вместе.

— Нет! — решительно возразил Толян.

Но я все равно пошла за ним, только так, чтобы он не видел. Несколько минут Толя с видимой скукой слонялся по двору, а потом неожиданно быстро поднырнул под доску, висевшую на одном гвозде.

Дорога то и дело виляла и наконец привела на окраину города. Всюду потрепанные домишки, поломанные штaketники, пыльные обочины. Осенняя листва, гонимая ветром, перебежала мне дорогу.

Толян юркнул в распахнутую, висевшую на одной петле калитку, осторожно заглянул в окно, затем быстро прошел внутрь. Через минуту и я таким же манером — за ним. Спряталась в узеньком коридорчике и сквозь щель в дверном косяке стала наблюдать, что происходит в комнате.

На ржавой железной кровати покрытой цветастым лоскутным одеялом сидела молодая пьяная женщина. Толян склонился над ней, прижался головой к плечу. Она обнимала его, гладила неверными движениями рук, целовала лицо, голову и, рыдая, повторила:

— Толечка, любовь моя, радость единственная. Прости меня, глупую, несчастную.

А он тоже гладил ее по волосам, плакал и сбивчиво говорил:

— Мамочка, потерпи еще немного. Я вырасту, пойду работать и заберу тебя. Мы будем жить вместе, и никто нам не нужен. Потерпи, не пропадай совсем. Ты будешь со мной счастливая. Я тоже потерплю.

Я застонала сквозь зубы и сползла на пол. Ноги не держали. Слезы залили глаза. Вспомнились слова учительницы: «Почему убегает? Одет, обут, накормлен... Что ему

ещё надо?»

Да разве только это ему нужно! Он знает, что мама его любит, и бежит к ней, потому что для него ее любовь — самое главное. Ради нее он согласен терпеть холод и голод. А еще он стремится сюда, потому что тоже любит, жалеет и искренне верит, что спасет маму.

Я выбралась из дома и, спотыкаясь, побрела по улице.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ТОЛЯНА

Толяну десять лет. Третьеклассник, учится плохо.

— Думаешь, только тебе не хочется учиться? — сказала я как-то другу. — Вот послушай, что старшеклассница мне рассказала. У ее учительницы дочка в девятом классе была, а учиться не любила. Говорила: буду работать, буду самостоятельной! И отец ее уговаривал. Бесполезно. Тогда мама отправила ее на лето со знакомыми геологами в поле — глину какую-то особую искать. И просила не жалеть девочку, а спрашивать с нее как с простого рабочего. Пусть на всю экспедицию обед готовит или глину целый день копает. Геологи так и сделали. К сентябрю вернулась дочка и говорит: «Спасибо, мама, я окрепла, научилась многому и поняла главное — работать головой я могу лучше, чем руками». Теперь на инженера учится.

— В четырнадцать лет меня все равно сдадут в ремесленное. Я в профессора не лезу, рабочие всюду нужны, — безразличным тоном сказал Толян.

Я умолкла. Не хотелось терять друга.

Сегодня создалась Толе, что видела его маму. Он сражен. Почему? Стесняется ее? Я чувствую себя виноватой: влезла без разрешения в чужую тайну.

— Прости, у меня совсем никого нет. Я хотела увидеть, какая у тебя семья. Ну, папа, мама... Как это бывает... — оправдывалась я.

— Зря ходила. Мне не повезло с родителями, — скрежетнул зубами Толян.

— Расскажи, пожалуйста, о семье. Она сразу была плохая? Тогда зачем ее заводили?

— Мои родители смешно познакомились. Папа был студентом. Направили его в село на практику. Вскочил он в автобус, а на его месте — пожилая и очень полная женщина. Ее муж стал упрашивать моего папу пересесть. Папа рассердился и стал доказывать, что не для того за неделю брал билет, чтобы теперь два часа трястись на заднем сидении. Мужчина поднялся и пошел в конец салона. Прямо с дороги папа появился в кабинете биологии и увидел там красивую черноглазую пухленькую девушку. Она работала лаборанткой. Он поговорил с ней полчаса и, уходя, представляешь, что сказал? «Через неделю будешь моей женой». Каждый день после уроков он приходил в кабинет и обхаживал понравившуюся девушку. А потом напросился в гости.

Дверь ему открыл грузный, огромного роста мужчина. У папы чуть букет не выпал из рук. Родители у мамы интеллигентные, виду не подали, что узнали его, но не советовали выходить за папу. Говорили, что с ее добрым характером такого мужа в руках не удержать. Но у мамы была первая любовь. Через год я появился. Папа меня сначала тоже очень любил. А потом познакомился с плохой тетей. Они стали вместе пить водку. Мама плакала, просила, чтобы он не ходил к женщине, но папа стал злиться и бить маму. Она меня прятала у соседей, а сама убегала. Мама жалела папу. Чтобы удержать его дома, начала пить с ним, а меня оставляла в детсаду неделями. Потом ее прогнали с работы. Папа все-таки ушел к чужой тете, и у меня появился отчим. Часто они пили вчетвером, а потом дрались. В первом классе меня сдали в детдом. Когда я жил дома, отчим и папа меньше издевались над мамой. А теперь, как ни приду, — она вся побитая.

— Как же можно бить своего, родного, любимого.

— Для пьяного нет родных, ему — все враги.

— Терпеть не могу, когда сильные обижают слабых! Они хуже зверей.

— Звери не пьют. Если отец трезвый, он добрый. Говорит, что не помнит себя, когда бьет. Плачет, прощения просит. А отчим не просит. Он кремень и трезвым может ударить.

— Что же делать?

— Вырастать скорей.

— Не боишься, что таким, как папа...

— Нет, я в маму: жалостливый, молчаливый. Я за всю жизнь столько не говорил, как с тобой.

— Значит доверяешь. К тому же мы похожи. Не лицом, — засмеялась я, — увидев его удивление. — Невезучие мы с тобой. Вот и все.

«АВАРИЯ» У НАТАШИ

После обеда задержалась в столовой: дежурила, посуду в моечную переносила. Вернулась в комнату и по привычке глянула в окно. Толян ждал меня. Показалось, что нервничает. Мигом слетела вниз.

— Что случилось?

— Бежим к Оле, что-то с ее подружкой произошло. Через «пионерский» вход пойдем, где в ограде прутья раздвинуты.

— Откуда такое название? Разве пионером быть плохо?

— Это юмор. Вход на верхние этажи по пожарной лестнице старшеклассники называют «комсомольский».

— Глупо так называть.

— А маленьких обижать не глупо? — завелся Толя. — Понимаешь, когда со смехом, с шуткой, то и порядок как-то легче нарушать. Мне самому хотелось бы жить по правильному. Да не получается.

Я согласилась:

— Мы не хулиганим, по необходимости так поступаем.

Со всевозможными предосторожностями выбрались со двора. Прибежали к Оле. А от нее до подружки Наташи — миг. Постучали в калитку. Тишина. Подняли резиновую петлю и прошли во двор. Обогнули сарайчик. У дома — резное крыльцо, ставни окон с узорами. Их до войны делал Наташин папа. Оля постучала в окно. Наташа отодвинула шторку и кивнула нам. Через минуту мы сидели на черном дерматиновом диване.

Наташа худенькая, сероглазая, вздернутый носик усыпан веснушками. По лицу, по выражению глаз и по тому, как она сидела, сложив руки на коленях, было видно: девочка тихая, скромная. Что произошло с ней?

Оля начала первая:

— Пойдем гулять?

— Мне сегодня не хочется.

— Мама не пускает или заболела? — будто ничего не знает, допытывалась Оля.

— Настроение плохое. А мама не запрещала. Я виновата перед ней, даже на улицу не тянет.

— Может, чем помочь?

— При чем тут вы? Просто я глупая.

— У нас у всех ума не палата. Расскажи, что приключилось? — попросил Толя.

— Мама притащила из леса мешок груш-дичков. Зрелые плоды засыпала в бутылку и поставила в ведре с водой на электрическую плитку. И что меня в сарай потянуло? Зачем в ведро сунула палец? Всего на секундочку опустила! И тут.... Помню только, как стекло зазвенело, ведро с грохотом упало, и что-то ярко вспыхнуло. Очнулась на куче угля. Он у другой стены сарая сложен. Как туда попала, сколько лежала, не помню. Мама бросилась ко мне, оцупала, во двор вытащила. Тут я совсем пришла в себя и заревела. А мама тоже ревет и по попе меня лупит.

— Как это — ревет и лупит? — удивилась я.

— Ревет от радости, что жива осталась, а бьет от нервов. Усталая пришла из лесу... Перебирала груши, радовалась, что зимой чай с вареньем будем пить.... И чего я такая глупая?

— Не глупая, а любопытная, — объяснил Толян. — Давай, мы груш твоей маме натаскаем из лесу. Я знаю, где растут. Ух, они вкусные!

— А вам не нагорит от воспитателей?

— Мы вольные казаки!

— А не страшно в лесу без взрослых?

— Днем-то? Ерунда!

— Тогда и я пойду с вами.

— Зачем тебе лишний раз маму волновать? Сюрприз ей сделаем. Сами пойдем в лес. Да?

Толян глянул в мою сторону. Я кивнула.

УЧИТЕЛЬНИЦА ТАНЦЕВ

Зашла в актовЫй зал. Старшеклассники разучивали песни, придумывали пирамиды. Приятная обстановка. Сижу и как бы сама участвую во всем: болтаю ногами в такт музыке, в пирамидах мысленно стою на самом верху.

В дальнем углу увидела полноватую девочку со странными неуклюжими движениями. Она пыталась сделать изящный жест рукой, но растопыренные пальцы смешно торчали во все стороны. При низком поклоне, спина становилось выпуклой, круглой. Худенькая женщина терпеливо объясняла ученице, как правильно выполнять упражнения.

— Зачем ее мучить? — удивилась я. — Столько других девчонок кругом! Наверное, и меня в танце можно сравнить с козой на мокрой глине?

Девочка присела отдохнуть. Женщина обняла ее за плечи и поцеловала в затылок. А когда толстушка ушла, я подошла к учительнице и спросила:

— Не получается у нее?

— Мне хочется из Лидочки сделать принцессу.

— Она тоже хочет?

— Иначе не взялась бы, — улыбнулась учительница. — Лидочка — моя племянница по линии мужа. Содержать ее мне не под силу, а помочь сделать из нее человека я обязана.

— Ничего у вас не получится. Знаю ее. Учится плохо. Девочки рассказывали, что мозгов у нее маловато.

— И вы ей об этом напоминаете?

— Нет, что вы! Такое нельзя говорить. Она же не виновата. Ей помогают уроки делать.

— Вот и я стараюсь помочь. Возможно, многого она не сумеет достичь, но чему научу, очень понадобится ей в жизни. Каждый что-то должен уметь делать очень хорошо, лучше других. Тогда сам себя будет ценить и к нему станут относиться с уважением. Поверь! Через меня столько всяких детей прошло! Иногда из менее талантливых замечательные танцоры выходили. А некоторые, даже с божьей искрой, ничего не могли достигнуть — не умели и не хотели трудиться. Не ценили свой талант.

— Если бы каждому ребенку так повезло с учителем, то плохих детей не было бы?

— Возможно.

— У меня тоже очень хорошая учительница Анна Ивановна, — сообщила я радостно.

— А кем ты хочешь стать?

— Не знаю. Наверное, воспитателем в нашем детдоме. Но я больше взрослых люблю. Только злых, хитрых и глупых не понимаю и боюсь.

— А как ты отличаешь: умный человек или нет?

— Так видно же! Один говорит, и сразу все в голову и на сердце ложится. Всю жизнь слушала бы. А другой — все попусту. Еще к лицам приглядываюсь, поведение наблюдаю.

— Ты ко всем обращаешься с вопросами?

— Что вы, я больше слушаю! А спрашиваю, если только что-то непонятно или удивительно. И в основном у интересных людей, таких как вы.

— И все отвечают?

— По-всякому. Случается, что и обругают, но я не обижаюсь. Люди разные. Я и сама, то молчу целый день, а то как «прорвет» — не остановишь. На скамейке в парке люблю сидеть. Такого наслушаешься! Мне кажется, мужчины или совсем умные, или совсем

непутевые, те, которые только о водке и футболе говорят. А женщины, если даже не очень умные, то все равно с ними интереснее.

— Скамейки в парке — твои своеобразные университеты. У многих людей нет времени для прогулок по паркам, и ты с ними не общаешься. А вообще-то, запомни: хороших людей больше.

— Я про Лиду спросить хочу. Почему она учит цыганский танец, а не русский?

— Ей захотелось что-нибудь особенное.

— На летней эстрадной площадке я видела аргентинский танец. Вот уж особенный! И очень красивый.

— Аргентинский ей не одолеть. В нем много пылкости, темперамента. Я подбираю детям танцы близкие им по духу. У Лиды русская душа. В наших народных танцах много юмора, бесшабашности. Они чем-то схожи с цыганскими... А ты любопытный экземплярчик. С тобой бы особо заняться. Люблю эксперименты! Изучать детей, их психику — мое хобби. Что ж, девочка, желаю тебе найти себя.

Учительница танцев улыбнулась мне и ушла. А я продолжала сидеть, переполненная впечатлениями от разговора.

НЕ СМЕЮ МЕЧТАТЬ

Рядом с почтой находится больница «скорой помощи». Я не люблю смотреть в ее сторону. Крови не боюсь. Видеть боль и страх в глазах больных и родственников не могу. Но два случая, происшедшие в один день, не прошли мимо меня.

Случилось это до завтрака. Мне не спалось, и я, проشمгнув мимо дежурной, отправилась в парк. Было прохладно, сыро, серо. Мое внимание привлек странный человек, быстро взбирающийся по крутому склону. Невысокий, худой. Лохматые, светлые волосы клоками торчали во все стороны. Он в нижнем белье и босиком. На ладонях вытянутых неподвижных рук лежал ребенок. Белая пеленка развевалась на бегу, то оголяя, то прикрывая маленькое синюшное тельце.

Меня поразило каменное лицо человека с выпученными стеклянными глазами. В них застыл жуткий страх. Верхняя половина тела была почти неподвижна, только ноги стремительно несли его к больнице.

Я долго не решалась подойти к железной ограде больницы. Во дворе было тихо, сонно. Лишь дворничиха монотонно чиркала обтрепанной метлой по асфальту.

— Тетенька, вы видели здесь дядю в исподнем (нательное белье) с ребенком на руках? Что с маленьким? Он выживет?

— Приснул его отец. Слава богу, откачали доктора, с того света возвернули.

— Что значит «приснул»?

— Во сне придавил. Чуть не задохнулся малыш. Разве можно отцам доверять грудных? Они же спят как чурбаны.

— А мама как спит?

— Как птичка. Она вскакивает даже от неровного дыхания своего ребенка. Знаю. Сама троих выходила. Отец, бедняга, чуть мозгами не сдвинулся. Ему укол сделали. Спит.

У меня отлегло от сердца, и я пошла к детдому. Жуткие белые глаза неотступно следовали за мной... Вдруг мимо пронесся высокий мужчина с детской коляской. Полы белого плаща разлетались, как крылья огромной испуганной птицы. Светлые с проседью волосы разметались по высокому бледному лбу. Рот чуть приоткрыт. Я успела разглядеть тени под глазами, подчеркивающие и без того крупные, широко распахнутые голубые глаза. В них — тревога и решимость во что бы то ни стало успеть... Даже в беде лицо этого человека было вдохновенным и прекрасным. Я ни капельки не сомневалась, что все у них будет хорошо.

Теперь я часто хожу по этой улице в надежде снова увидеть человека, поразившего меня своей особенной внешностью.

Дождалась. Он шел уверенным, стремительным шагом. Лицо сосредоточено. Он весь внутри себя. К нему подошли двое мужчин, и, пока они разговаривали, я разглядывала своего обожаемого незнакомца. Широкая, но сдержанная улыбка во время беседы превращалась то в ироническую усмешку, то выражала глубокую радость, и тогда светились не только глаза, но и каждая складочка его подвижного лица. В этот момент я чувствовала его удивительную мягкость души. Но в нем не было яркого простодушия простого человека. Он был слишком умен.

Я пересилила в себе благоговейный страх и приблизилась к незнакомцу на расстоянии нескольких шагов. И вдруг ощутила волнообразные толчки. Я стояла и растерянно прислушивалась к ним, пытаюсь разобраться в себе. Вытянула вперед руки. Будто легкий ветерок заскользил по ладоням. Потом он усилился, и стал похож на давление маленьких волн на реке. Но здесь — другое. Я воспринимала их не кожей, а всеми клеточками тела. При этом во мне нарастал душевный подъем, непонятная, незнакомая радость.

Мне всегда было приятно видеть и слышать бабу Мавру, Галю, Анну Ивановну. Но при этом не появлялись странные волны. И радость в данном случае была в сто раз сильнее!

Может, это волны счастья?

Я снова и снова ищу встречи с этим удивительным человеком, чтобы получить немного счастья. Ведь такие люди, наверное, живут на земле, для того чтобы дарить радость тем, кому ее не хватает.

Я понимаю, что этот человек недостижим для меня, что я никогда не посмею подойти к нему, как к любому другому на скамейке, не смогу заговорить. Но он мне подходит. Мне такой нужен. Вдруг мой отец был чуточку похожим на него? Не зря же меня притягивает к нему неведомая сила? А может, моей душе просто хочется отдохнуть, прислониться к большому, доброму горячему сердцу и оттаять?

Даже в мечтах я не смею называть его папой.

АНЯ

Сажу на лавочке с Аней, одноклассницей Наташи. Мы ждем, когда мама отпустит Лешу погулять.

— Ни разу не видела, чтобы ты смеялась, — говорит Аня.

— Я всегда такая была. А ты тоже не часто улыбаешься.

— Я вообще-то веселая, только от нас недавно папа ушел к бабушке жить.

— Тебе плохо без него?

— Плохо. Но когда вспоминаю нашу жизнь до их развода, то переживаю еще больше. Сначала мы хорошо жили. Папа меня с братом любил, а маму прямо на руках носил. И всегда был веселым. Потом приехала его мама. Папа стал меняться на глазах. Все в доме ему стало казаться плохим. Он делался все злее и злее. Ты не представляешь, какое у бабушки было счастливое лицо, когда папа впервые закричал на маму. Я была в шоке. До сих пор не могу такое понять. Мы с Олегом упрашивали папу не ругаться, говорили, что любим его. Но он был добрым только с бабушкой. Мама плакала, когда папа приходил поздно. Я не понимала, что происходит. Потом соседка, мамина подруга, рассказала, что муж у нашей бабушки всю жизнь изменял, и теперь ей завидно, что невестка счастлива. Поэтому и стала внушать папе, что мать одна, а жен может быть сколько угодно. Она говорила: «Гуляй, сынок! На старости лет всегда найдешь бабку, которая будет за тобой ухаживать».

— Разве бабушка не понимала, что портит жизнь и вам, и вашему папе?

— Не знаю.

— Твой папа такой глупый?

— Нет. Просто он с детства был «маменькиным сыночком». Бабушка внушила ему, что она самая хорошая, честная и умная. Он привык ей верить, не задумываясь.

— Я-то считала, что все бабушки мудрые и добрые. Не повезло тебе.

— Еще как не повезло.

— Теперь ты не любишь отца?

— Уже не могу броситься к нему на шею, как раньше. И все же жалко его. Он теперь как пережаты-поле.

— Нечего жалеть! Если умный, то подумает и вернется.

— Мама сказала, что у чужих женщин жить легче, чем в семье. Забот меньше.

— Я всегда мечтала об отце. Но вижу, что женщины сильнее, самостоятельнее. Когда вырасту, мужа выберу себе серьезного.

— Не узнаешь его, — авторитетно сказала Аня. — На лбу у него будет написано: хороший? В женихах они все путевые, а потом...

— И чего жизнь такая непонятная?

— Не ной. Я не считаю себя несчастной. У меня мамка — золото.

— Без отца лучше?

— По крайней мере, спокойней стало. Мы не пропадем. А замуж я не пойду, буду с мамой жить.

Аня замолчала. Худенькие плечи опустились. Она сделалась совсем маленькой. Страдальчески сжатые губы делали ее бледное личико старушечьим.

Мне захотелось отвлечь ее от грустных дум:

— Ты про алименты и шабашников знаешь? Уходит человек с завода в шабашники, много зарабатывает, а алиментов — ни копейки. Я не понимаю этих слов. Объясни.

— Ты где про такое слышала? — занервничала Аня.

— Об этом тетя, которая письма и газеты носит, сегодня рассказывала вашей соседке.

Аня побледнела, сползла со скамейки и побрела к дому. Я сидела как пришибленная. Что произошло? Тут подошел Леша. Я рассказала ему об Ане.

Он вздохнул:

— Ее мама скрывает правду об отце. Всю вину на бабушку перекладывает. Давай сегодня никуда не пойдем. Не хочется без Ани.

— А что же мне теперь делать? Я же не знала, что тети про ее отца говорили. Дурочка. Не поняла.

— Не переживай. Ане ты не сможешь. Она сама должна переболеть. По себе знаю.

— Нет, теперь она не захочет со мной дружить! — горестно воскликнула я.

— Не выдумывай. Не станет она злиться на тебя из-за непутевого отца. А сейчас не трогай Аню. Мы с Наташкой вечером сходим к ней. А в следующее воскресенье и ты приходи. Согласна?

— Приду, — ответила я понуро.

Чувство вины угнетало.

СЕНЬКА ВОР

Познакомилась я с Сеней у Ани. Маленький, белобрысый, крепкий. Волосы — ежиком. Улыбка не сходит с лица. Ласковый. И шутит по-доброму. Как-то маленькая соседская девочка перепутала ботинки. Левый на правую ногу надела. Сеня и говорит:

— Шнурки можно перепутать, а ботинки нельзя.

Для друзей Сенька неисчерпаемый источник здоровой потехи. Учится он на четыре и пять, много знает про корабли. Бредит армией. В семье он пятый ребенок. Мать — гулящая. Отец — человек душевный и великий труженик.

Я только раз в глаза ему посмотрела и столько в них страдания увидела!

И вдруг произошло несчастье. Отец Сени свел счеты с жизнью. Так соседи объяснили. Мать тут же привела в семью другого мужчину. Сеня сразу сильно изменился. В журнале — двойки, тройки. На улице глаз от земли не отрывает. Молчит. Ни с кем не дружит.

Сегодня он особенно молчаливый и раздражительный. Я попыталась вызвать его на разговор по душам. Ответил грубостью и отвернулся. Я поняла: ему стыдно за резкие слова.

— Ничего, — успокоила я Сеню, — всем когда-то бывает плохо.

— На себя злюсь, — угрюмо пробормотал Сеня и вдруг заплакал.

— Тебя побили?

— Меня никогда не бьют... Я сегодня воровал... — дрожащим голосом признался он.

— Я — могила. Не бойся, — поторопилась я успокоить мальчика.

— Знаю, не в том дело. До сих пор не могу прийти в себя. Дышать не мог, ноги не шли. Страшно. Жутко.

— Не воруй больше. Пусть даже побьют, все равно не ходи.

— А мне отчим сказал, что страшно только по первому разу, потом привыкну. Мол, уже большой, не сопляк, должен помогать семье. Он с подходом. Лучше бы уж бил.

— Слушай, Сень, а ты докажи себе, что смелый. Станет посылать в следующий раз, а ты скажи: «Не пойду!»

— Вот сейчас я согласен с тобой, а дома... Не знаю, смогу ли?

— Не понимаю! Если я чего не хочу делать, меня и сто человек не уговорят. Я еще до школы поняла, что воровать никогда не буду. Моя натура этого не принимает.

— Натура? Это что такое?

— Толком не знаю. Вроде чудик внутри меня сидит и от плохого удерживает. На уроках нечаянно забалуюсь, и тут мысль мелькает: «Какая же я дрянь! Учительница тоже человек, а я издеваюсь».

— Видно, нет у меня такого «чудика».

— Сам ты не знаешь. Есть он! Точно. Ведь переживаешь, что пришлось воровать?

— Все отчим. А я противиться не могу. И мамка молчит. Жизнь моя все равно пропащая! — горестно воскликнул Сеня и опять залился слезами.

То ли от жалости, то ли от злости меня затрясло, перед глазами поплыл белый туман, и началась истерика. Успокаивать нас было некому.

КОНТУЗИЯ

После ужина Толян, я и Наташа пошли бродить по городу. На пути встречались обгорелые дома из красного кирпича. Толян первый увидел еще не обследованный разрушенный трехэтажный дом и сразу нырнул в пролом. Между кучами битого кирпича росла густая высокая крапива. Остатки перекрытий этажей уродливо торчали черными балками. В обожженные глазницы окон второго этажа заглядывали красно-бурые грозди рябины.

— Здесь лазить опасно. Шею можно свернуть, — сказала Наташа.

— А дом-то дореволюционный. В таких толстых стенах богатеи клады раньше прятали. Поищем? — предложил Толя.

— Ты весь дом будешь разбирать по кирпичику? Бомба и та до конца разбить не смогла, — возразила Наташа. — Уйдем отсюда.

Толя увидел в центре одной из комнат остатки огромного костра.

— Смотрите, мы здесь не первые, — сказал он разочарованно. — Погреемся у костра?

Я согласилась. Сырой осенний ветер гулял по комнатам. Задубевшими от холода пальцами Толя поджег валявшиеся обрывки газет, потом подложил картонки и сухой бурьян. Вскоре сушняк разгорелся, и затлели трухлявые бревна. Из них вырывался то красный, то желто-зеленый, то синий огонь. Языки пламени слизывали березовую кору или сворачивали ее в трубочки. Тьма наплыла незаметно. Когда Толя ворошил костер, огромный сноп красных искр взмывал в небо. А оно было удивительное: черное, бархатное! Без звезд было бы страшно и неуютно. Но они висели близко, смотрели строгими, но добрыми глазами и, мигая, разговаривали с нами.

Мы изредка перебрасывались негромкими фразами. В тишине голоса звучали гулко, неестественно и сначала пугали меня. Я переходила на шепот. Толя усмехнулся:

— Если ворона каркнет, то это будет как выстрел.

Мы сидели в ярком пятне, а причудливые тени обломков стропил и кривых кирпичных кладок плясали по остаткам стен. Я взяла слегу и принялась встряхивать груды тлеющих обломков, любуясь разными по высоте и яркости столбами искр. Наташа отошла за угол по нужде. Спотыкаясь, она засмеялась:

— Не сесть бы в крапиву!

Толя с горящей палкой проводил ее до стены, а сам пошел в другую сторону. Я продолжала играть в «искры». И вдруг...

Почему я стою в узенькой нише плотно вжатая в стену? У меня горит левая щека. Больше ничего не чувствую, словно деревянная. Передо мной — Толя с факелом. Рот раскрыт, испуганно смотрит на меня. Подбегает Наташа, хватая меня за руку, отрывает от стены. С трудом переставляя ноги, я выбираюсь на улицу к фонарю. Наташа травой вытирает с моего лица что-то липкое и успокаивает:

— Все обошлось, все живы!

Толян отталкивает ее и приказывает мне:

— Закрой правый глаз, смотри левым! Видишь горящую палку?

Я медленно, растягивая гласные, отвечаю:

— Да-а, ви-ижу.

— Теперь закрой левый. Видишь?

— Вижу, — бормочу я.

— Слава тебе, Господи! — всхлипывает Наташа.

А я не понимаю, что происходит. Помню: тяжелое бревно никак не удавалось расшевелить. И все.

Друзья довели меня до заднего крыльца, куда входят работники детдома. Я побрела к себе наверх и тихонько легла в постель. Заснуть долго не могла. Ни чувств, ни ощущений, только какая-то заторможенность.

Утром девчонки пошли умываться. Я тоже встала. Болело все тело, горело лицо, уши. Кто-то закричал, показывая на меня пальцем:

— Смотрите, она опять где-то болталась? Что, физиономию ошпарила?

Я глянула в зеркало: вымазанные во что-то черное, слипшиеся волосы торчали клоками. Левая сторона лица красная, вспухшая. И глаза почти не видно.

— Упала, — буркнула я и пошла к старшеклассницам за ножницами, чтобы выстричь черные клочки волос.

В столовой прятала лицо от воспитателей.

После ужина Наташа и Толя повели меня на место происшествия. Оказывается, они еще утром залили костер и теперь спокойно рассказывали мне, что произошло. Наверное, в костре была мина или бомба. Они показали мне что-то вроде кастрюли со стенками толщиной в две школьные тетради. Внутри этой штуки находилась черная жидкость, она-то и обожгла мне лицо. Видно при нагревании «кастрюля» взорвалась. Крышка «бомбы» при взрыве свернулась вдвое и врезалась в стену. Толя нашел ее в углу комнаты рядом с нишей.

— Какая же силища у этой бомбы, если толстенная крышка согнулась пополам! Представляешь, если бы она в тебя попала! — ужаснулся он. — Я как услышал взрыв, чуть с ума не сошел от страха. Подумал, что бомба тебя... Наташа визжала, а я даже с места в первый момент не мог сдвинуться. Отец рассказывал, что в войну ударной волной солдат отбрасывало на несколько метров, и они не могли ни видеть, ни слышать, речь теряли. Надеюсь, ты головой о стену не ударилась, когда тебя швырнуло?

— Не знаю. Я ничего не чувствую.

— И не помнишь, как в закутке оказалась?

— Я и взрыва не слышала.

— Дай голову пощупаю. Может, там шишка или рана... Все в порядке. У тебя, наверное, легкая контузия. Это не страшно. Скоро пройдет.

Несколько дней я ходила «заторможенная», а потом опять стала нормальной. Щека долго болела, но меня это уже не беспокоило.

— Хорошо, что на лице следов не осталось, — сказала Наташа.

— Мне тоже с этим повезло. Только вот на теле...

Она распахнула кофточку, и я вздрогнула. Вся грудь Наташи была изрисована глубокими розовыми и синими шрамами.

— Мамка с маленькой сестренкой на руках в магазин побежала. А я чаю захотела. Наклонила кипящий чайник, а он свалился на меня. Папка в усмерть пьяный лежал на кровати. Мамка нашла меня на кухне без сознания. Мне тогда пять лет было.

— Досталось тебе... Теперь понятно, почему ты такая осторожная. А я вечно во всякие истории попадаю!

— Наверное, ты очень любопытная, — улыбнулась Наташа.

— Любознательная, — весело поправила я подружку.

КОТЕНОК

Сидим с Толяном в траве у детдомовского забора. Он ест мелкие, с горошину, черные плоды с высокого корявого куста. Меня угощает. Я пожевала незнакомые ягоды и сплюнула:

— Фу, гадость! Отравка какая-то.

— Это писклены, по правильному — паслены. С непривычки они тебе не нравятся. А мы все едим.

Я с сомнением передергиваю плечами и направляюсь к корпусу, где у дверей происходит что-то интересное.

Второклассницу Таню с черным котенком на руках я в первый момент не узнала. Платье на ней мятое, в темных пятнах, лицо жалкое, в волосах — солома. И котенок такой же замызганный. Медсестра, морщась, уговаривала девочку:

— Он же в лишаях! Выкинь его за ограду, и пойдём в санпропускник.

— Не брошу, — упрямо твердила Таня. — Чернышу плохо. Без меня он пропадет.

— Но ты же заразишь своих подруг! Им придется два месяца делать уколы.

— Тогда и я не вернусь сюда. Буду с котенком жить, — размазывая слезы по грязному лицу, отвечала беглянка.

К нам подошла старшеклассница и хмуро сказала:

— Может, у нее роднее Черныша никого нет. Оставьте его жить у Тани.

Медсестра не выдержала:

— Ладно, возьму к себе и вылечу.

— На что он вам? Обманете, — возражает беглянка.

— Кроме лишая, у него еще рана на животе. Если ее не подлечить, то все равно он умрет. Мне самой жалко котенка. А ты сможешь проведывать его. Будешь приходить к нему в гости? — продолжала уговаривать Таню медсестра.

Глаза девочки засветились. Она отдала Черныша и пошла за воспитательницей.

— Че с Танькой? Где так вывозилась? — спросил Толян у старшей девочки.

— Из-за котенка сбежала. Вспомнила вдруг, что когда-то у нее был Черныш. Вот и приволокла чумастика. Наши тут с ног сбились за эти сутки. Директор голову потерял.

— Что значит «голову потерял»? — удивилась я.

— Воспитатели так говорили. Наверно, сильно волновался.

МАЛЫШАТА

Жду на моей скамейке Наташу. Подошла женщина с двумя детьми. Маленький сделал лужицу и, указывая на нее пальчиком, с виноватым видом, выговорил: «Ы-ы». Мама поругала его. Вдруг малыш увидел рядом с пожилой женщиной на асфальте мокрое пятно и опять заикался. Женщина улыбнулась:

— Это, миленький, не я, это дождик.

Ребенок показал в сторону своей лужицы и, глядя мне в глаза, спросил: «Ы-ы?»

Я ответила:

— Это тоже дождик виноват.

Малыш потерялся головой о мамины колени и радостно засмеялся. Потом принялся беспорядочно тыкать пальчиком в картинку на обложке книжки и вдруг уставился в одну точку. По его личику поняла, — думает. Наконец он показал на петуха.

— Он на самом деле что-то понимает? — спросила я.

— Пожалуй. Не все, конечно, ему только годик. Наверное, вспомнил петуха, которого сегодня у родных в деревне видел.

— А можно я ему петухом прокричу?

— Попробуй.

Я старательно прокукарекала. Ребенка это привело в восторг.

— Видишь, на самом деле вспомнил. Коленьке было десять месяцев. Кормила его кашей, а он нечаянно вышиб из моих рук чашку, и каша разлилась. Я прикрикнула на него и опять побежала на кухню готовить. Когда вернулась, Коля все еще стоял, отвернувшись к стенке. Я и уговаривала, и ласковые слова шептала — ничего не действовало. Молчит, смотрит исподлобья. Только через два часа удалось его покормить. Стыдно мне было, что не сдержалась. Думала, не понимает.

— А мне тоже петух понравился. Такой красивый, серьезный. Порядок любит, — заговорил старший мальчик лет восьми. — Чужих петухов не пускает. И за гребень схватил курицу, которая клевала маленьких цыплят. А еще наша бабушка зимой купила поросеночка и посадила в отдельную загородку. А он кричит, кричит жалобно. Я пошел посмотреть, что ему не нравится. А это он через заборчик к большому поросенку хотел перелезть. Я помог ему. Лег он на Ваську и заснул. Когда деда «чикнул» Ваську к Новому году, маленький перестал есть. Пришлось дедушке купить ему друга. И все сразу наладилось.

— Наверно, в колхозе привык к компании, — сказала мама ребятишек.

— И некоторым людям жить поодиночке тоже плохо, — сказала я и вздохнула.

Мимо нас, брызгая слюной и ругаясь, «протелепался» растерзанный, расхристанный пьяный. Мотня его брюк болталась ниже колен. Грязные ботинки без шнурков. Неожиданно он выдал лихое коленце и плюхнулся в лужу.

— Побежденный жизненными неудачами человек, — посочувствовала ему проходившая мимо женщина.

— Люди плохие дела делают, когда Бог спит, — указала я на противного дядьку.

— Я тоже, когда бабушка заснет, костер во дворе жгу, — тихонько сознался мне мальчик.

— Костер и я в лесу развожу. Только осторожно, чтобы пожар не устроить.

— Побольше тебя понимаю, что опасно.

— А ты свистеть в два пальца умеешь?

— Не дурак грязные пальцы в рот совать! Мне папа свисток сделает.

— Эх, ты! А еще мальчишка! А я умею, — сказала я, пытаюсь преодолеть раздражение, вызванное словом «папа».

В это время подошла Наташа, и мы пошли к ее подруге Инге. Я уже несколько раз была там, и мне нравилось играть с ее совсем маленькой сестренкой Юлей. Забавная, смышленная. Я придумывала ей стишки про игрушки. Вот такой, например:

— Котик, котик, обормотик, Ты закрой зубастый ротик. Детку Юлю не пугай, С нею в мячик поиграй.

И другой еще сочинила:

— Скачет мячик по дорожке. Ну, а где же его ножки? Где ты ножки потерял? Зайцу в фанты проиграл?..

Я произносила стишки, а малышка смотрела на игрушки, о которых шла речь.

Когда Юле был годик, Инга написала на картонках некоторые буквы алфавита и развесила на стене у кровати. Юля быстро выучила их. Букву «М» она называла «мама». Букву «П» — «папа». А остальные буквы просто показывала пальчиком, потому что говорить не умела.

— Какая у тебя сестренка умная! — восхищалась я.

— Дети все умные, если с ними заниматься, — серьезно отвечала Инга.

Как-то я нарисовала Юле тетю, дядю и ребенка с бантиком и объяснила малышке:

— Это твоя мама, это папа, а это ты, Юлечка.

Она внимательно смотрела на картинки и улыбалась.

А сегодня в коробке с игрушками я нашла эти рисунки. Малышка их сразу узнала и с нежностью в голосе проговорила: «мама», «папа». Потом прижала рисунки к лицу и никак не хотела расставаться с ними.

Ей чуть больше года, а как любит родителей! У меня при словах «мама — папа» ничего не возникает в душе. Может, потому что я их никогда не видела? Может, и любить тоже учат родители? Для Юли даже память о том, что на листочках не смешные каракули, а лица родителей, приводят ее в восторг и умиление. Она косолапо топает по комнате и жалобно пищит: «Ма-ма, па-па». Она их ждет. Потом заворачивается в мамин халат, прижимается губами к мягкой ткани и засыпает.

Неожиданно мне вспомнилось, как к маме моего друга Леши в гости приходила школьная подруга с пятилетним сыном и девятимесячной дочкой. Бабушка засуетилась, достала стаканы из шкафчика.

— А конфеты будут? — спросил мальчик.

Бабушка долго копалась в ящике шкафа, наконец, достала карамельку в цветном фантике и, подавая гостю, спросила:

— Не соскучился? Давно у нас не был.

— По конфетам скучал, — ответил мальчик.

Его мама с досадой скривила лицо и сказала:

— Ребенок! Что поделаешь?

— Воспитывать надо, милая, воспитывать, — прошамкала пустым ртом прабабушка.

— Мал еще, — вздохнула смущенная мамаша.

— Потом-то поздно будет, — возразила Лешина бабушка.

Я же не видела ничего плохого в том, что мальчик сказал правду. Если бы меня спросили, я бы, понятное дело, так не ответила. Зачем обижать гостеприимных хозяев? Не всякий станет принимать у себя и угощать чужих детей. Однажды я слышала, как хорошо одетая тетя не разрешала своему сыну играть с детдомовским мальчиком:

— Наберешься от него всякой гадости!..

«Вшей, что ли? — подумала я тогда. — Так куда же от них денешься? Они всюду и у всех»...

...Не успела гостя уйти, — в семье Леши началась ссора. Малышка, спокойно сидевшая на кровати, вдруг повернулась к хозяевам и сердито закричала. А потом протянула ручки к маме и жалобно заплакала...

А у Инги семья счастливая. Здесь все друг о друге заботятся. И меня хорошо встречают, хотя еда у них беднее, чем в нашем детдоме.

ОСЕННИЙ ПАРК

Лето в этом году было сухое, жаркое. В парке высохла трава. А газоны, хотя их и поливали, пестрели желтыми и серыми лысынами. Зато осень выдалась удивительная: теплая, тихая, солнечная!

После сентябрьских дождей трава выросла сочная и высокая. Кроны деревьев посвежели, загустились. Чуть похолодало в начале октября, и некоторые деревья надели желтые одежды. Зеленая трава окропилась брызгами солнечных зайчиков и опуталась длинными нитями-паутинками.

— Бабье лето, — с печалью в голосе говорили горожане.

Но тут опять потеплело, бурные дожди снова напоили землю, и листья на деревьях перестали желтеть. Добрая осень продлила им жизнь. До конца ноября парк зеленел, украшенный солнечными нарядами берез и красными пятнами кленов, рябин. Воздух, пронизанный теплыми лучами, благоухал запахами поздних цветов. Ни ветров, ни морозов. Благодать!

В первых числах декабря резко похолодало. Деревья в несколько дней пожелтели. Холодные ветры срывали яркие плотные листья и толстым слоем покрывали землю. В парке становилось светлее, чем на улице с ее серым асфальтом и серыми домами. Каждый день желтая метель носилась в воздухе, успокаиваясь лишь к вечеру.

Под мелколистным кленом — яркий ковер опавших листьев. На что он похож? На облако при закате солнца? Нет. Слишком пестрый. Да и зачем сравнивать? Всякое красиво посвоему. Собрала по листочку с каждого дерева. Разложила на скамейке. Для меня лист клена — самый любимый. Когда-то в осеннем лесу я поразило темно-лиловым и сиреневым листьям осины... То было прозрение, озарение — первая радость понимания прекрасного. Открытие красоты и восхищение ею... С тех пор ищу такие листья как далекую удивительную сказку. И не нахожу.

Но кленовый... Он самый-самый. Я разглядываю его и пытаюсь понять, почему он так чарует меня? Гляжу через него на солнце, трогаю прохладную гладь, вожу пальцем по зорчатому краю. Может, в незатейливом изяществе линий его красота?

Долго смотрю, как опадают листья. Мне кажется, что вместе с ними улетаются все заботы и «выпадают в осадок» беды, как говорит одна старшеклассница. Мне хорошо...

Я уговорила подруг возвращаться из школы через парк. Здесь местная детвора, с восторженными криками скатываясь с железных горок, ныряла в огромные шуршащие перины из листьев. Они специально натаскали их сюда. Мы присоединились к ним и тоже собираем вороха листьев, подбрасываем над головой брызги осеннего разноцветья, сопровождая свои действия радостными восклицаниями. А потом еще долго катаемся по пахучему ковру прощальной яркости красок.

Отряхнув с одежды налипшие листья, семена «собачек», репьев и колючек, медленно, от переполнявших нас эмоций, бредем по упругой земле к жесткому мертвому асфальту.

Я не хочу идти в детдом. Свернула к детской площадке, распеваю на ходу только что придуманную песенку:

Расплескала осень краски
По земле родной,
Чтобы жить мне снова в сказке,
Сердцу дорогой...

Если что-то не рифмуется, я заканчиваю куплет «ля-ля-ля-тополя» и начинаю другой. Мне здорово! Я счастлива!

Очень старый дедушка и внучка лет четырех сидят в пестрой беседке. Неподалеку, на спортивной площадке, веселые парни подпрыгивают, хватаются за кольца, что укреплены на толстом железном обруче, и, размахивая в воздухе ногами, перемещаются на руках по кругу. Повеселились и пошли по своим делам. Тогда и девочка побежала к площадке, взобралась по лестнице, дотянулась до ближнего кольца и повисла на нем. Подойдя ближе, я увидела ее испуганные глаза. Страшно спрыгивать? Почему же не зовет на помощь? Немая? Бежать к дедушке? А вдруг она свалится на цемент?..

— Прыгай, — сказала я и протянула руки. — Не бойся, поймаю.

А она боится, висит.

— Да прыгай же. Удержу!

Страх в ее глазах сменился надеждой, и девочка разжала занемевшие пальчики. Я поймала ее, только не удержалась на ногах и, отступая с цементной площадки, упала на спину в траву. Когда мы поднялись, девочка благодарно посмотрела на меня и побежала к дедушке, который дремал на скамейке, прислонив голову к зеленой решетке беседки.

Я немножко ушибла локоть, а на душе по-прежнему было весело, и хотелось петь.

ОКСАНА

Первый раз иду к подружке Толяна Оксане. Ее историю уже знаю. Мама — умная, очень строгая, красивая, полная. Инженер. Папа худой, неприметный, шофер. Пьет. Оксане десять лет, сестренке — пять. Как-то рассердилась их мама на папу и выгнала из дому со словами: «Пьяного больше на порог не пущу». Он ушел в гастроном добавлять с горя. Там его «подобрала» плохая тетя. Они стали вместе пить. А когда у них родился ребенок, мама Оксаны дала папе развод. Обыкновенная история.

— А почему мама Оксаны не попробовала его перевоспитать? — спросила я Толю.

— Пробовала. И по-хорошему и по-плохому.

— По-плохому? Как это?

— Ладно, расскажу, только Оксане ни гу-гу.

— Могила.

— Ее папа в квартире обычно в трусах ходит. Как только пьяные дружки в дверь постучат, тетя Тамара его брюки в корыто с водой бросает. Он бежит по квартире, злится, а что поделаешь? Не пойдешь же на улицу нагишом?

Вдруг Толя спрятался за дерево и, поманив меня пальцем, сказал:

— Вон, видишь, это он на другой лавочке сидит. Пьяный. Значит, Оксана скоро прибежит к нему.

— Каяться пришел, — скривилась я. — Разве можно такого любить? Пьяный, противный, какой-то замусоленный, некрасивый.

— Тебе чужой, поэтому противный. А для Оксаны — самый лучший. Она знает, что он добрый и любит ее.

— Не пойму: любовь, любовь! Я представляла отца умным, добрым, красивым, заботливым...

— Придумала себе сказку. Сказку всякий любит. Ты не умеешь жалеть и прощать других. Ведь не умеешь?

— Прощать? Не знаю.

Невдалеке от пьяного остановилась женщина с белоголовыми полненькими девочками. Старшая угрюмо пробурчала:

— Ты не хочешь, а я все равно останусь.

Женщина, вздохнула:

— Ну, смотри, только пять минут.

И пошла с меньшей в дом.

Оксана как-то неловко, осторожно села на лавочку рядом с отцом. Лицо ее залилось краской. Мне казалось, что она боится до него дотронуться, боится заговорить. Отец, обхватив руками голову, простонал:

— Доченька, родненькая. Прости. Водка проклятая подвела. Не хотел тебя бросать.

— Папа, вернись к нам. Я маму уговорю, и не буду ругать тебя за водку.

— Ну, как же я вернусь, доченька. Вы с Галей большие, а там маленький, в пеленках. Его кормить надо. Ты уже помощница маме. Умница моя.

— Папочка, ты возвращайся, когда сможешь. Я буду ждать. Не бросай меня совсем.

И она, не сдерживая слез, побежала в дом. Толян отвернулся. Мне тоже было жалко

Оксану. И было неловко, что подглядывала за чужим семейным горем. Я раздраженно сказала:

— Неужели я могла бы любить такого? Чего она унижается перед ним? Он же бросил их! Не понимаю Оксану.

Толян подумал и объяснил:

— Ты любишь за что-то, за какие-то хорошие качества, а Оксана просто за то, что он ее отец.

— А если бы он был хорошим, она больше любила бы его?

— Не знаю. Я, например, чем больше маму жалею, тем больше люблю. Я понимаю Оксану, как родную сестру. Ее мама сказала, что мы с ней «родственные» души.

— Толя, а есть у тебя друзья, у которых все хорошо в семье?

— Нет. Они не поймут нас.

— Может, тебе просто не повезло? У нас практикантка Галя была из нормальной семьи, но как она понимала нас и любила!

— Мне такие не встречались. И воспитатели не могут любить, как мама. Они должны ко всем относиться одинаково. Иначе дети будут обижаться. Вообще-то к послушному ребенку воспитатели лучше относятся. А мама любит всегда, и я люблю ее, какой бы ни была.

— Но меня же по-настоящему любили в лесном детдоме!

— Может, по-настоящему жалели? Ты не злись. Пойми — не любви, доброты жди от них.

Мне было горьки слова Толи. «Неужели, правда, что нас только жалели? Разве я не заслуживаю любви? Я никому не нужна», — думала я, не пытаясь остановить нахлынувшие слезы.

В гости к Оксане в раскисшем виде не пошла.

РАСТЯЖЕНИЕ СВЯЗОК

По привычке скатываюсь с пятого этажа по перилам. Кто-то хватает меня за шиворот. Сердито оглядываюсь — дежурная.

— Покалечиться захотела? — подняв ниточкой брови, строго спросила она. — Чтобы я больше такого не видела! Ясно?

— Ясно, — ответила я и помчалась вниз, делая на поворотах лестницы крутые «виражи» на одной ноге.

Вдруг пронзила острая боль. Я осела на ступеньки. Одна нога у щиколотки сразу сделалась толстой и бугристой. Поскакала на здоровой. Дежурная, услышав стук ботинок, поспешила на первый этаж сделать новое замечание, но, увидев, мою опухшую ногу, рассердилась:

— Не послушалась — вот и результат!

Мне было больно и обидно.

— Давно была бы на улице, да вас послушалась!

— Не оговаривайся и не ври!

— Нет у меня привычки врать.

— Все вы тут врете.

— Неправда!

— И что теперь будешь делать?

— Скакать.

— На пятый этаж?

— Ну и что? Не смертельно. Это же не на всю жизнь?

— Конечно, нет. Пару недель полежишь. Растяжение связок у тебя. Жди здесь. Сейчас медсестру позову, — строго сказала дежурная и заторопилась на второй этаж.

Девочки сочувствовали мне, окружили заботой, давали полезные советы. Мне стало стыдно, что я плохо о них думала. От скуки они ругаются, а на самом деле добрые, как мои друзья в первом детдоме...

Почему-то вспомнилась давняя история. Трехлетняя Аленка после ужина каким-то образом выбралась за высокий забор и потерялась. Лишь перед сном дети заметили, что ее койка пуста. Все кинулись искать. Но скоро стемнело и пришлось вернуться. Утром опять начались поиски. Дети прочесали сад, взрослые — ближний лес. В полдень все собрались у хлебного поля. Стояла жара. Над пшеницей колыхалось желтое марево пыльцы. Шуршали длинные ости колосьев. Легкий ветерок гнал по полю волну.

Баба Мавра приказала:

— Беритесь за руки, пойдем цепочкой по полю. Аленке хлебное поле как лес густой. Она в нем тоже могла заблудиться. Шли медленно, без надежды, негромко переговаривались. Вдруг дед Панько поднял вверх руки, а потом опустил на колени. Среди колосьев спала Аленка. Бледное, усталое личико перепачкано землей, на щеках — грязные дорожки от слез. Во сне она вздрагивала. Тетя Маша осторожно подняла ее, прижала к себе и понесла, закусив нижнюю губу. Мы шли счастливые и взволнованные. А Витек тогда тихонько сказал мне:

— Я молился, чтобы волки не нашли Аленку...

От воспоминаний загрустила.

Я не хотела, чтобы со мной нянчились, жалели, и терпеливо взбиралась по лестнице сама.

— Вот дает! Железная. Молодец, — слышала я за спиной восхищенный шепот девчонок.

А через неделю отправилась в школу. И сумку с тетрадками несла сама. Первые шагов сто я прошла нормально, стараясь несильно опираться на пятку. А потом неосторожно наступила на камень и от боли свалилась. Поднялась с трудом. Поскакала. Да путь-то не близкий. Оперлась о дерево, и так мне стало тоскливо, хоть в голос плачь! Прислонилась лбом к шершавой коре, обняла ствол и стою. В этот момент услышала голос мальчишки:

— Чего слюни распустила?

— Я не плачу. Больно очень. Растяжение у меня.

Паренек оглядел со всех сторон мою вспухшую ногу и спросил:

— Где твоя школа?

Я показала рукой.

— Ладно. Цепляйся за шею, на горбу отнесу.

Я, не задумываясь, согласилась. Мы даже успели к звонку. Он поставил меня у самой двери и сказал:

— Скачи в класс. Зайду после уроков. Жди.

С этого дня мы подружались. Целую неделю он носил меня в школу и назад.

Андрей из нашего детдома. Учится в десятом классе школы для старших мальчиков.

НЕУДАЧНОЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Гуляю с Андреем по городу. Он рассказывает мне интересные случаи, происходившие в их школе. Вышли на широкую многопролетную лестницу. Она чистая и только кое-где красные и желтые кленовые листья лежат на серых гранитных ступеньках. Я собираю самые красивые и дарю другу. Он подбрасывает меня высоко над головой. Я визжу от удовольствия и страха. Теплое солнце золотит нарядные клены и березы, высвечивает желтую проседь в кудрях плакучих ив. Аромат скошенной травы на газонах сильный, приятный. Влажный воздух мягкий, ласковый. Я вприпрыжку ношусь вверх-вниз по ступенькам и радуюсь чистому небу, чудесной погоде и великолепному другу. Когда я вручала Андрею очередную порцию листьев, мне показалось, что в кармане его брюк что-то есть.

— Ну-ка покажи, что ты там от меня прячешь? — закричала я.

Приподнялась на цыпочки, вцепилась в ремень и решительно полезла в карман. Вдруг лицо Андрея залилось краской смущения. Я почему-то почувствовала неловкость и разжала пальцы. И надо же было так случиться, что именно в этот момент раздосадованный Андрей со всей силы оттолкнул меня. Я «пропахала» подбородком и коленями ступени всего пролета. Колени — ерунда, но боль в подбородке была такой сильной, что мне стало плохо. Когда очнулась, надо мной были испуганные глаза друга, и его руки в крови. Дрожащим голосом он шептал:

— Жива, жива!

Я резко вскочила. Перед глазами опять поплыло. Андрей подхватил меня на руки и бегом понес к медсестре. Мне зашили подбородок, обвязали голову бинтами и положили в изолятор. Андрей не отходил от моего окна и, просовывая две карамельки в форточку, все просил простить его. Я на пальцах объясняла ему, что все в порядке. Но он не уходил, пока я не заснула. Когда мне разрешили говорить, я успокоила друга:

— Я виновата, что отпустила ремень. Сама к тебе прилипла, вот и поплатилась. Все заживет как на собаке!

Как всегда хорохорилась. Не могла же показать другу, что мне очень больно.

ПАПА

За парком — корпус общежития. Мне интересно смотреть на студентов. Они веселые, деловые. В окне первого этажа вижу, как они сидят, не отрывая глаз от книг и тетрадей. А по субботам в этом же помещении — танцы. Мне очень нравится один студент: высокий, красивый, с умным, благородным лицом. Я представляю себе его сказочным принцем или рыцарем. Вахтер тетя Эля заметила меня и стала иногда пускать в коридор корпуса. Я показала ей своего избранника:

— Вот этого я бы взяла себе в папы.

— Ну, надо же! Малышка, а самого лучшего студента выбрала, — засмеялась она.

Я бы целый день смотрела на папу Невежина. И если я приходила к общежитию и не встречала его, настроение портилось. День казался сумрачным, невеселым.

А сегодня я наблюдала неприятную картину. К моей знакомой вахтерше подошла старенькая, седенькая женщина и строгим голосом потребовала привести к ней старост этажей. Тетя Эля замялась:

— Я не имею права надолго покидать пост. Да и студентов сейчас трудно найти. Занимаются в читальных залах города. Сессия у них скоро.

Старушка настаивала. Только одну старосту разыскала вахтерша — невесту моего «папы». Вежливо поздоровавшись, Катя объяснила, что ей предстоит трудный экзамен, поэтому не сможет собрать студентов на лекцию ветерана Гражданской войны. Старушка рассердилась и обругала девушку. Та возмутилась:

— Я не заслуживаю такого отношения к себе. Вы не имеете права грубо разговаривать со мной.

Бабуся принялась на все общежитие перечислять свои заслуги перед народом. На крик прибежал «папа» и спокойным голосом, с достоинством, не обращая внимания на угрозы и оскорбления, стал объяснять лектору положение дел. Когда бабусе уже нечего было возразить, она закричала:

— Обязательно добьюсь, чтобы тебя выгнали из института!

— Я уважаю Ваши заслуги перед страной, но прошу вести себя вежливо. Ведь мы должны брать с Вас пример. А на меня можете жаловаться. Только отпустите Катю. У нее на самом деле завтра экзамен.

Мой «папа» вел себя мужественно. Я любовалась и гордилась им. Он проводил невесту в ее комнату, а сам отправился с лектором в институт, где, наверное, его будет ругать не только бабуся. Тетя Эля сочувственно вздохнула:

— Конечно, надо воспитывать молодежь. Только зачем мешать готовиться к экзаменам? Неудачное время она выбрала для беседы.

На следующий день я примчалась узнать, чем закончилось происшествие. «Папа» шел в столовую веселый. Я от радости так подпрыгнула, что свалилась со ступенек. Растирая ушибленную ногу и вылизывая ранку на колене, села за соседний столик, чтобы немножко побыть рядом с «папой».

Конечно, он никогда не узнает о существовании обожающей его «дочки». Но мне это не важно. Главное, что он у меня есть!

ЛИЛЯ

Анна Ивановна дала задание принести на урок арифметики по двадцать палочек. Я выбежала в парк, чтобы наломать веток. Но стало жалко кустов. Живые ведь. Насобирала на земле сухих палочек, связала жгутом из травы и побрела по аллее. А погода неуютная. Резкий ветер пронизывает насквозь. И все же возвращаться в корпус не хотелось. Полы моего пальто разметались. Нашла в мусоре кусок шпагата, продела конец в петельку и обмотала себя по талии. Иду, палочки под мышкой, руки засунуты в рукава, съежилась. Стало теплей. Да и ветер за высокими подстриженными кустами слабее. Хотя нет, дует. Шаровары парусят, хлещут по голым ногам.

В парке — никого. Остро чувствую свое одиночество. Ветер налетает на ветви густо переплетенных кустарников и, не прорвавшись, взмывает вверх, унося с собой пыль и мусор. А то будто ребенок играет бумажкой, гоняет ее из стороны в сторону, заставляет приплясывать на месте, кружиться и, наконец, сердито бросает в кусты, как надоевшую игрушку, где она и застревает, не имея возможности продолжать свой бестолковый, никому не нужный путь.

Вошла в другую аллею. Тут кустарник молодой и низкий, мне по пояс. Я вожу рукой по ровной стриженной поверхности. Тонкие, податливые веточки приятно щекочут ладони. Неожиданно увидела красно-желтый листок, который под напором ветра ежился, изгибался, прятался в ветках или замирал, когда ветер уносился прочь. Потом снова выныривал и плясал ярким флажком. Сами собой пришли слова:

Измученный осенними ветрами
Желтый лист колеблется едва...

Качается или колеблется? Как лучше?.. Наверное, колеблется. Красивее.

А вдруг этот листок продержится всю зиму и не оторвется! Может, даже доживет до новых зеленых листьев! Буду каждый день к нему приходить. Ведь бывают же в жизни чудеса! Укутать его, спрятать от ветров и снега? Нет, пусть все будет по-честному, как на самом деле...

Почему-то вспомнила цветные палочки в голубом пенале у «домашней» Милы. Красивые. Но они же не для игры. А для урока и сухие веточки хороши! Зачем мне цветные подсказки? В уме я считаю и сотни, и тысячи. Палочки нужны только для того, чтобы выполнять задания Анны Ивановны. Мои рассуждения мне понравились, и я успокоилась.

Вдруг на ветках молодой липы увидела стайку удивительных птиц. Откуда это чудо в городском парке? Затаив дыхание, стою, люблюсь яркими малиново-красными неподвижными комочками. Я основательно замерзла, но уйти не могу. Не отпускает красота. По другую сторону от дерева замерла черноволосая девушка и тоже зачарованно смотрит на «моих» снегирей.

Сзади послышался шум. Группа малышей бежала в нашем направлении. Птицы одновременно вспорхнули. Я проводила их грустным взглядом.

Девушка посмотрела на меня огромными добрыми глазами и сказала:

— Какая прелесть!.. Я — Лиля.

Она протянула мне руку, как делают взрослые, и неожиданно предложила:

— Давай дружить. Я тебе буду помогать. Ты будешь мне как сестренка. Согласна?

— Да, — радостно и тихо ответила я.

Потом, когда шла к себе в комнату, думала: «Почему все-таки она подошла ко мне? Может, ее не понимают, как и меня девочки из комнаты? Или почувствовала, что я не стану осмеивать, сплетничать, как некоторые. Ведь такого человека надо именно почувствовать!»

КАРТИНЫ

Когда на улице холодно, я люблю бродить по детдому. Зашла на кухню. Старые тети чистят картошку.

— Зачем пришла? — спрашивают.

— Не знаю. Не могу сидеть на одном месте. Люблю разговаривать со взрослыми.

— Глаза у тебя — васильки и ресницы длинные. Видно родители красивые были. Губошлепом дразнят?

— Нет. «Губатая».

— Иди отсюда. Не положено маленьким на кухне торчать. Еще кипятком ошпаришься. Отвечай тогда за тебя.

Иду дальше. В коридоре, напротив окна, висит картина Айвазовского «Девятый вал». Очень странная картина, зловещая, жуткая — люди ведь гибнут — и одновременно прекрасная. Как такое можно понять — красота и страх рядом? Так же не должно быть? Но ведь есть.

Я часто стою возле этой картины с чувством непонятого трепета. Она меняется в зависимости от погоды. Именно в солнечный день она становится особенно непонятной. Яркие, огромные, удивительные и совсем нестрашные волны — и ужас на лицах людей, цепляющихся за обломки корабля! А в пасмурную погоду все правильно и трагично — страх и темные громады волн, крохотные, беззащитные люди и неизбежная бесконечно глубокая пучина.

В деревенском детдоме я часто чувствовала себя, как эти обреченные люди, пока не появилась практикантка Галя. А когда она уехала, мне все равно было уже легче, потому что я подросла и страхи уменьшились...

Заглянула в приоткрытую дверь, на которой написано: «Красный уголок» — и увидела на стене две картины: «Сирень у окна» и «Три богатыря». Я опешила от неожиданного совпадения и, охваченная волнением, присела на стул. Надо же! Ведь именно такие картины висели на кухне у бабы Мавры! Но те были старые, без рам, просто на картоне и прибиты к стене над плитой гвоздиками. На меня словно пахнуло теплом кухни и рук бабы Мавры, я услышала ее басистый голос — родной и грустный. Радостной волной окутало меня. «Будто там, у бабушки, побывала». И дорожки на полу в этой комнате такие же темно-красные с синей полоской. Только здесь новее, не линялые. И вспомнились грустные глаза доктора, когда мы болели гриппом, и выражение лица воспитательницы, которая впервые обозвала меня подкидышем, короткие рыжие волосы, широкое лицо и синие глаза Валентины Серафимовны, злые даже в ту минуту, когда держала на руках сына. Помню доброе лицо тети Маши, покрытое светлым пушком, и твои руки, Витек, когда ты вытирал мне слезы, твои острые локти...

Сердце маленькое, с кулачок. Оно только сообщает мне: больно... или радостно, а душа большая, в ней все помещается. Она накапливает, накапливает... Все события записаны в ней буквами разного цвета и размера. Там читаю: «Баба Мавра говорила, что добрый должен быстро прощать». Я мгновенно простила тебя, Витек, когда ты нечаянно врезал мне по носу и никак не удавалось остановить кровь. Я простила тебя и тогда, когда ты, воображая перед ребятами, оскорбил меня грубым словом, а потом переживал, мучился и больше не позволял себе такого. Но я не знаю, прощать ли мне тех взрослых, которые обижали нас. Я бы их, конечно, простила, но ведь они продолжают делать больно малышам...

В красном уголке почти всегда тихо. Здесь я буду спокойно мечтать, вспоминать и писать письма тебе, Витек.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Сегодня скучная, кислая погода. И хотя громоздытятся, наседая друг на друга, низкие тучи, я все равно отправилась за город.

Иду мимо огородов со склоненными фигурками людей. «Все лето загорают пятой точкой кверху», — вспомнились шутливые слова деда Панько. Поглазела на тружеников. С мешками картошки они очень походили на снующих муравьев. «Пчелка ты моя», — ласково говорил дядя Коля своей жене, когда она после тяжелого дня на сенокосе еще находила силы возиться на кухне. Муравьем же не назовет? Некрасиво звучит.

Надо мной заурчала лохматая туча. Она проглотила сумрачное солнце, и косой дождь погнал людей в укрытие. А через несколько минут солнце опять усмехнулось сквозь ключья облаков, завздыхал ветер в посадках, и я вышла из-под липы, склонившей к земле отяжелевшие от воды пучки семян.

Не успела дошагать до города, как ветер образовал новую громыхающую хулиганскую тучу. Вмиг дымка легла на дальние кусты, вокруг потемнело, и полились, полились потоки. Я вскочила на фундамент ближайшего дома и, пряча ботинки под кофтой, прижалась к стене. Холодные струи с соломенной крыши падали мне на босые ноги. Над крышей — дождь, а рядом, сквозь узкий просвет в облаках, пробился яркий лучик. У горизонта три тучки рисуют ровные неподвижные полосы дождя.

Недавно я пыталась обойти совсем маленькую тучку, казалось, руками смогла бы ее охватить. Так куда там! Иду, иду, а она все над головой. Побежала. Она не отстает. Будто за мною бежит. То ли играет, то ли издевается. Бросила я эту затею....

Дождь стал ослабевать. Над пригородом появились островки яркой сини и белые пуховые облака. А над городом все та же серая муть и льет, и льет...

Стою и сравниваю небесную бесконечность с незащитной землей. Деревья, дома и даже вон тот завод до ничтожности малы по сравнению с громадами облаков. Почему они, эти величественные исполины, не пугают, — наоборот, восхищают и поражают? И дожди во благо. Радостно, светло на душе от них.

Плохо бывает, когда обманут, скажут грубость. Тогда вздымается в груди раздражение, тягостно делается на душе. От ветра — укроешься, от холода — укутаешься. А от несправедливости, жестокости не спрячешься, не защитишься.

Смотрю на медленно проплывающие облака. Грустные мысли уходят с ними в никуда. Боль воспоминаний в душе ослабевает.

Дождь стих. От влажной одежды неуютно. Обула ботинки, застегнула пальтишко и помчалась в детдом.

На пороге встретила Лилю. Вид ее испугал меня. Смуглое лицо почернело.

— Пстой! Что случилось? — спрашиваю.

Лиля села на скамейку у ограды, крепко прижала меня к себе и, сотрясаясь в рыданиях, уткнулась в мое плечо. Я молча гладила ее по волосам, и мои слезы капали на ее толстые туго заплетенные косы.

— Понимаешь, год назад нас спрашивали, кто хочет учиться семь лет, а кто десять. Почти все сказали — семь. Я тоже. А теперь у меня появилась мечта поступить в институт: хочу стать учительницей математики. Пришла к директору, а он сказал, что меня распределили в ремесленное училище. У них там план. Значит, после училища — на завод. Надо будет отработать, что государство затратило на обучение. А потом неизвестно, как жизнь сложится. Может, замуж выйду, если повезет. Для нас, детдомовских, говорят, это большая проблема. И смогу ли учиться после работы? Короче, вся жизнь наперекосяк.

— Как знать, может, тебе понравится на заводе и в ремесленном? — неуверенно предположила я.

— В институтах уровень культуры студентов высокий. И я стремилась бы стать лучше, уважала бы себя.

— Рабочих меньше уважают?

— Да нет, их даже больше ценят. Только я чувствую, что мое место там, в институте. Человек больше пользы приносит, если работа ему по душе. Смотри, не сделай моей ошибки. Учись десять лет, учись отлично, тогда сможешь все решать за себя сама.

От взрослых Лилиных проблем у меня даже голова заболела. Было горько смотреть на страдания подруги. И вдруг поняла, что, когда Лиля уедет, я останусь без любимой подруги. Открытие потрясло меня.

ЦЫГАНЕ

Мимо нашего детдома последние дни часто ходят цыгане. Странные они. Грязные, оборванные женщины и девочки таскают узлы с вещами, а мужчины и мальчики — особняком. Одеты лучше, чище и в столовке, что напротив нашего детдома, сидят часами. Едят, не торопясь, и говорят по-своему. А женщины пристают к прохожим. За эту неделю я наслушалась от девчонок про цыган разного: и воруют, и на самом деле судьбу предсказывают, и беду навлечь могут. Особенно меня расстроила судьба одной студентки. «Девушка не захотела, чтобы цыганка ей гадала, а та рассердилась, догнала ее и сказала, что она умрет при родах. Девушка долго не хотела выходить замуж. Но один очень хороший человек полюбил ее и уговорил стать его женой. Родился мальчик. Все было отлично, но когда муж приехал в больницу, то узнал, что жена умерла от кровоизлияния в мозг».

Неужели цыгане на самом деле могут предсказывать судьбу? Мне захотелось узнать, как происходит гадание. Я зажала в кулаке десять копеек (получила в аптеке за чистую бутылку) и пошла к вокзалу.

Воскресное ноябрьское утро. С удовольствием вдыхаю пахнувший морозом воздух. Он растекается по телу приятным холодком. Яркое солнце слепит глаза и не торопится убирать туман низин. Изморозь выбелила траву под кустами, а луг искрится росой. В студёных лужах вчерашнего дождя вздрагивают изображения берез. Серые старушки, как призраки, бродят по газонам в поисках грибов и пустых бутылок. Еще издали у привокзального скверика увидела молодую цыганку и заторопилась к ней:

— Погадайте мне, пожалуйста.

— Это весь твой капитал? Иди отсюда, нищенка, — грубо засмеялась цыганка и, презрительно плюнув в мою сторону, ушла, подметая асфальт цветастыми юбками.

Кровь прихлынула к моему лицу. Даже эта бродяжка с презрением относится ко мне! Чем я хуже ее? Тем, что детдомовская?

Но любопытство не оставляло меня, и, выждав, когда цыганке удалось остановить худенькую, скромную, робкую на вид девушку, я вновь приблизилась.

— Дай монетку, позвонить сестре в больницу, — бойко, мешая русские и цыганские слова, начала разговор гадалка.

Та подала монету. Увидев в кошельке десять рублей, цыганка тут же напористо предложила:

— Давай расскажу, что было и что будет в твоей жизни?

Девушка не успела опомниться, как деньги оказались в руках цыганки.

— Отдайте, пожалуйста. Это все, что осталось у меня от стипендии. Я иду в аптеку за лекарством для бабушки, — взмолилась студентка.

— Верну деньги, только погадаю, — заверила черноокая.

Я следила за каждым движением гадалки. «Уж мне ты голову не заморочишь! Увижу, куда спрячешь, и помогу девушке», — думала я. А цыганка вырвала волос из головы девушки, обмотала его вокруг десятки и понесла всякую ерунду. А сама тем временем быстрыми движениями терла бумажную денежку между ладонями. Я ни на секунду не отрывала глаз от рук, но заметить, куда она пропала, не смогла. Поняв, что деньги исчезли, девушка стала настойчиво требовать их назад. Что тут началось! Воровка слала проклятия на ее голову, обещала кучу болезней. Бедняжка побелела как смерть, на кончике носа появились капельки пота, губы затряслись. Она только что не падала. Я жалостливо смотрела на нее и не знала, что предпринять. Вдруг к нам подошел высокий, крепкого сложения молодой человек.

— Сколько она у тебя украла? — спросил он у студентки требовательно.

— Десять рублей, — еле слышно пролепетала девушка.

Парень резко завернул руку цыганке за спину:

— Отдай сейчас же или переверну тебя кверху ногами и все вытрясу!

Обманщица мгновенно вытащила деньги из-за пазухи. Незнакомец вернул их пострадавшей, потом решительно взял ее за руку и увел от цыганки. Я, любопытная, пошла за ними.

— Цыгане — хорошие психологи, умеют выбирать жертву. Ко мне не подойдут. Да не оглядывайся на нее!

— Я боюсь, — прошептала еще не пришедшая в себя девушка.

— Угрожала, запугивала, гадости всякие обещала?

— Да.

— Это их метод. Они наглые и жестокие. Маме моего друга цыганка сказала, что ее сын умрет в восемнадцать лет. Десять лет бедная женщина не могла забыть об этом! А ведь она четверых детей одна растила.

— Сбылось? — с дрожью в голосе спросила студентка.

— Глупенькая. Учусь с ним вместе на юридическом.

— Но люди говорят, что они на самом деле многое могут.

— Вранье. Обыкновенные люди. Просто используют людские слабости. Дар предвидения — редкий, как и талант. Я понял их «кухню», когда был совсем маленьким. Зима в тот год была холодная. Напросилась к моей маме цыганка с кучей деток погреться. Мать пожалела их, пустила, чаем напоила. Потом разговор почему-то о наших соседях зашел. Моя мама с сочувствием рассказала об их бедах. Цыганка попрощалась и ушла. А на следующий день прибегает к нам эта соседка радостная такая и говорит:

— Всю свою судьбу теперь знаю, и про сыночка тоже. Сказала мне цыганка, что он в городе учится на художника и будет знаменитым. Я ей два куска сала отвалила за это и детям всю старую Вовочкину одежду отдала. Сало она мне хотела вернуть, да кто ж его есть станет? Она, когда гадала, плевала на него и чем-то посыпала. Пусть сама ест на здоровье!

На самом деле сын обманывал мать, в городе не учился, пил, художник из него не вышел. Цыганка наврала с три короба. Тетя Поля с радости все бы отдала ей, да только давать-то больше нечего было. Сама со щей на кашу перебивалась. С тех пор как увижу кого-нибудь в лапах этих «трутней», так сразу иду выручать, — улыбнулся молодой человек и, попрощавшись, отправился по своим делам.

Через неделю пришла я к подружке Оле, а она сидит у дома на лавочке с Аней и еще с какой-то девочкой и плачет. Цыганка у всех троих деньги выманила.

Я позвала Толяна. Он собрал старшеклассников, и мы побежали искать цыганку. Нашли, как и ожидали, у вокзала. Ребята заманили ее в скверик, подальше от подруг, окружили кольцом и потребовали вернуть деньги. Гадалка сначала поливала нас ругательствами и угрозами, но, когда двое десятиклассников заломили ей руки за спину, а старшие девочки стали обыскивать, она сдалась.

Когда цыганка вернула бумажные деньги, старший из нашей компании сказал:

— Мелочью подавись. Запомни, если когда-нибудь ваши люди обидят наших друзей, спуску не ждите!

Мои подружки поблагодарили ребят и разбежались по домам.

В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ

Возвращаюсь от Пети. Пронзительный ветер несется по улице, пригибая к земле прутики кустов и жухлую траву, срывает с деревьев остатки листьев и семян. Молодые березы низко кланяются, выпрашивая у ветра помилования. А он зол и неумолим.

Спряталась в нишу старинного кирпичного дома. Перевожу дух. Небесная голубизна усыпана огромными кучевыми облаками. Их вороха проплывают высоко-высоко, и ветер с трудом шевелит эти удивительные горы. Контраст ослепительного солнца и холодного ветра злит. Иду, согнувшись, подставляя ветру то один, то другой бок. Пальтишко не спасает. Лечь бы в какую-нибудь ямку и укрыться от жестокой неугомонной стихии! Во мне, кажется, не осталось ни одной теплой клеточки! Стынет мозг, стягивая кожу на лбу и висках. Трудно дышать. Господи, еще чуть-чуть! А там, за забором завода согреюсь. Хорошо бы, чтобы очередь в столовой была большая. Тогда можно, не стесняясь, прижаться к чьему-то теплому боку и радоваться теплу, разливающемуся по телу, и чувствовать, как тихая дрема наплывает на голову, туманит ее, тяжелит веки.

В какой-то момент представила себя брошенным, голодным песиком, который, поджав хвост, бежит как-то боком, опустив голову в поисках теплого, тихого местечка.

Опять вижу знакомого старика с собакой, везущей пустой возок. Все лето он косил газоны, а огромный пес, впряженный в тележку, возил траву. Старик полноватый, седой. Идет, еле переставляя ноги. Собака ему под стать — старая, усталая. Она тяжело дышит, даже хвостом не виляет, бережет силы, будто понимает, что без нее хозяину будет совсем худо.

Сопровождая печальную пару, я попыталась завязать разговор со стариком. Разломив свой кусочек хлеба пополам и положила перед отдыхающей на асфальте собакой. Она повернула голову в сторону хозяина. Тот кивнул. Собака вмиг проглотила угощение. Не успела я обратиться к старику, он опередил:

— Коровка — кормилица наша. Ей траву возим.

Я отдала собаке и свою долю. Возок медленно катится дальше по знакомой дороге. Иду позади них. Заношенная рабочая куртка облегает могучие когда-то плечи и широкую спину старика. Вдруг рядом с ним появилась худенькая старушка, без палки не способная поднять согнутое в поясище тело.

— Иди к детям, милая, — сказал ей старик удивительно ласково.

— За тебя боюсь, — прошуршала она.

— Что за меня бояться? — усмехнулся он мягко.

Было в этой тройке что-то удивительно доброе, до слез трагичное.

Я подошла к ним.

— Почему вам не помогают дети?

— Внуки малы еще.

Старик показал рукой ниже пояса.

— Почему не отдадите их в детдом?

— Родные ведь. Помру, тогда все само разрешится...

За разговором не заметила, как добралась до завода. Сразу почувствовала, что жутко хочется есть. Даже голова закружилась. В столовой на столах иногда остаются недоеденные кусочки хлеба. Я бывала здесь.

Очереди нет. Присела за крайний неубранный стол. Передо мной — красивая молодая женщина с усталым грустным лицом и маленькая сухонькая старушка в черной стеганой безрукавке и коричневой кашемировой шали. Молодая сняла тарелки с подноса и взялась за ложку. Но не успела поднести ко рту, как шипящий шепот остановил ее:

— Подай ложку, — потребовала пожилая. Молодая (наверное, невестка) испуганно огляделась по сторонам и опустила голову к тарелке.

— Подай, — жестко повторила старая женщина.

Молодая вздрогнула. На лице выразилось негодование, обида, горечь. Несколько секунд шла тяжелая, мучительная борьба гордости, самолюбия и стыда. Пожилая зло зыркнула на молодую, лягнула ее под столом ногой и прошептала с ехидной усмешкой:

— Это припомнится тебе.

Хотя ложка лежала рядом с тарелкой старухи, молодая подчинилась. У меня все внутри задрожало от негодования.

— Подай соль, — еще громче произнесла капризная старуха.

Соль стояла ближе к ней. Просьба была глупая. Но женщина, затравленно оглянувшись, подсунула солонку к тарелке. Бабка сделала надменное, каменное лицо. Ее отведенный в сторону, как взведенный курок, мизинец вздрогнул, и она прошипела:

— Посоли.

Несчастливая дрожащей рукой посолила. Тело ее напряглось. Лицо покрылось пятнами.

Что заставляет ее унижаться? Чем эта дрянь запугала ее? Меня трясло, кровь прилиwała к голове. Мысли путались.

Бабка поела, выпрямилась и с наглой усмешкой глянула на молодую. Та подхватила со стула и вытерла ей губы носовым платком. Я больше не могла терпеть издевательств. Но что делать? Закричать, что помещиков давно прогнали? Может, молодая ждет от гадкой старухи наследство? Может, ее бьет муж? Имею ли я право вмешиваться? Но разве можно позволять себя так унижать?

Захлебываясь слезами, выскочила из столовой.

НЕ СПИТСЯ

Не нравится мне поздняя осень. Серая, тусклая. Мой любимый парк поредел. Не успевшие облететь пожухлые листья скручиваются на деревьях, придавая им усталый, измученный вид. Уныло стоят скелеты деревьев. Вздрагивают их тощие ветви-руки от сырых ветров.

Быстро стемнело. На повороте аллеи вспыхнуло яркое пятно, вырывая из плотной тьмы серебристый круг. Издали у него четкие границы. Приближаюсь. Свет на краях тает, переходя в темноту. На круге, как на загадочном экране, сменяются сказочные картины. Деревья, качаясь под напором ветра, попадают в полосу света, и на мгновение оставляют на ней свой особенный след, а потом вновь пропадают. Их поглощает ночь. Длинные ветви ивы на фоне электрического фонаря кажутся языками пламени. Они то переплетаются и закручиваются, то, сливаясь в единый поток, покрывают яркий шар. При этом каждая ветвь ивы окружена легким сиянием, будто коса с вплетенными серебристо-туманными лентами. Желтые сполохи рисуют на шаре змеевидные тени. И в этот момент трудно отличить живой мир от мира теней. Я смотрю на игру света и не могу оторвать взгляда от фантастического калейдоскопа. Но ветер заставляет меня трястись от холода. Ох, не заболеть бы!

Прибежала в комнату, нырнула под теплое одеяло. Думаю о Толяне. В мою спокойную жизнь ворвались твои беды и заботы. Я понимаю: ты чувствуешь себя чужим среди ребят. Мы — дети войны, а ты — настоящий подкидыш. Меня тоже раньше так называли. Сердце стонало, но в глубине души я верила, что мои родители были героями или просто хорошими людьми. Ты молчаливый от горя, а ребята видят в твоём поведении пренебрежение к ним. «Бирюк. Строит из себя невесть кого», — слышала я во дворе. Это — о тебе. Когда ты небрежно цедишь сквозь зубы резкие, часто грубые слова, ты просто боишься показать свою слабость, боишься заплакать. Тебе хуже, чем мне. Я часто грущу оттого, что у меня нет родителей. Но мои переживания другие: я знаю, что их просто нет. А тебе приходится испытывать жуткую боль за себя, за маму и даже за плохого отца. За что страдает ребенок, которого сдали в детдом при живых родителях?

Если я сделаю что-то плохое, то мучаюсь, хочу поскорее извиниться. Для меня получить заслуженное наказание — это как облегчить душу. Наказали и простили. Я снова хорошая. Здорово!

А ежедневная незаслуженная кара — это слишком жестоко!

Господи! Упаси душу Толика. Помоги моему несчастному другу!

Толя! Почему ты мало разговариваешь со мной? Если бы не бабушка Мавра, я, наверное, сдвинулась бы мозгами. Одного ее слова, даже доброго взгляда было достаточно, чтобы мои беды уходили, не разрастались в страшного черного зверя.

Не молчи, Толя!

РАДОСТИ ПЕРВЫХ МОРОЗОВ

Затянулась в этом году осень. И теперь торопится зима наверстать упущенное. В одну неделю собрала морозы, снега, ветры и обрушила на город. Радость от первых ледяных покровов на лужах неопишима! Стоит увидеть маленькую лужицу — бегу к ней, чтобы покататься, а потом «похрустеть» вволю, ломая, кроша ее на мелкие кусочки!

Но самое большое удовольствие «гнуть дужки» на озерах-лужах. Лед тонкий. Иду по нему, а вся поверхность прогибается, упруго колеблется под ногами. Ощущаю легкое потрескивание льда, плеск воды под ним, гулкое уханье. Волнение и возбуждение нарастают по мере удаления от берега. Переступаю осторожно. Широко расставляю ноги. Зато назад, к берегу, качусь по изведанной дорожке уверенно быстро, восторженно!

Сегодня на второй перемене вся детвора школы высыпала на берег, и визг стоял над озером. Я потеряла всякую осторожность и выдвигалась на льду кренделя, «подстреливая» чужих пацанов. Восторг на сто двадцать процентов! Звонок. Все ринулись к берегу. Лед скрипел под ногами, приводя нас в неопишемое состояние. Мы неслись с такой скоростью, что он не успевал под нами распрямляться. Уже метрах в десяти от берега я обо что-то споткнулась и со всего размаху упала на лед. Он сильно затрещал. Я испугалась и поползла на животе. Обнаружив, что осталась на озере одна, заторопилась и вскочила. Лед, как тонкое стекло, звонко разломался, и мои ноги погрузились в ледяную воду. Снова легла на живот и поползла. Вода плыла по льду за мной. Ребята с берега закричали: «Позвать учительницу?»

— Не надо, — отозвалась я. — Никому не говорите, что искупалась.

— А если простудишься?

— Уж лучше заболеть.

— Боишься Анны Ивановны?

— Не хочу огорчать...

Вылила воду из валенок, повесила портянки в коридоре на горячую батарею и вбежала в класс. Успела.

Из школы возвращалась одна. По обе стороны дороги — липы, каштаны, тополя. Заканчивается улица старой церковью. Странное сегодня над нею небо. Сиреневое. Солнце едва ушло за горизонт. Серый сумеречный туман пронизывают слабые красноватые отблески. Вспомнила уроки рисования практикантки Гали: «Если светло-серый смешать с красным, то получится сиреневый. Но осторожно надо подмешивать краску, чтобы не загустить цвет...»

Я раньше думала, что «сиреневый туман» — красивая сказка, и вот он рядом, нежный, зыбкий! Стою, вбираю его глазами, пропитываюсь им. Он мой и означает мечтания, надежду, грусть. Еще сиреневый цвет для меня — одиночество. А темно-синий — противный, потому что навеивает тоску.

Побрела к детдому. Мимо проехал грузовик и осветил обледенелое дерево. Огоньки побежали с ветки на ветку, потом перескочили на другие деревья. Дальше они слились в сплошную сияющую бегущую дорожку, а затем пропали вдаль. Машины у нас ездят редко. Но я жду. Хочется вновь увидеть фантастическую игру огней. От них в сердце зажглись радостные искорки, и сделалось тепло. Мне повезло. Мимо проползла тяжело груженная трехтонка. Я долго бежала за ней в свете праздничных фонариков. Сегодня они светят для меня! Нарисовать бы их, чтобы каждый мог увидеть, какие они теплые и радостные!

ЛЫЖНЫЙ ПОХОД

На улице холодно. Я редко хожу гулять. Но сегодня чудная погода. После школы помчалась к Пете. Бабушка Дуня обняла меня:

— Что же ты, детка, долго не приходила? Болела?

— Кашляла сильно. Теперь здорова.

— Ну, слава богу. Садись к столу,-snидать (кушать) будем.

— Бабушка Дуня, а почему у вас, как в городском музее: прялка, ткацкий станок, горшки, лапти?

— Какой уж тут музей! Живем этим.

— Я недавно рассказала подружке, что мой друг Петя дома в лаптях ходит и что у вас нет электричества, так не поверила. Сказки, говорит, сочиняешь. А что вы сегодня делаете?

— Семя льняное помолотили еще осенью и сдали на маслобойню, а вот теперь мялкой стебли разминаю. Шелуха соскочит — останется пенька. Из нее толстые веревки для хозяйских нужд сделаю, а тонкие — для чуней. Поди, не знаешь, что такое чуни?

— Не знаю.

— Те же лапти, только вместо лыка — пенька. На одной колодке плетутся.

Я потрогала нехитрое приспособление и спросила:

— И долго будете этим заниматься?

— Недели в три уложусь.

— Непонятно. Город на соседней улице начинается, а вы будто в другом царстве-государстве живете. Почему так?

— Денег нет, чтобы в магазине покупать.

— Вообще не ходите в магазин?

— Почему же? Спички, соль. Одежду покупаем. Дома и в домотканом сойдет. А в школу в таком не пошлешь.

— А где, считаете, жизнь лучше?

— В городе легче. Поэтому бегут из деревни. Да только кто горожан кормит? Деревня. Это понимать и ценить надо.

— Не ценят, наверное, потому, что не жили, как вы?

— А кто они, городские? Откуда? Из деревень. Люди быстро привыкают к удобствам. Человек так устроен, что плохое да трудное долго в голове не держит. Может, это и хорошо. Не знаю.

— Петя, — обратилась она к внуку, — ты, небось, уже забыл, как в первом классе чернилами из бузины на газетах писал? Тетрадей не было. А помнишь, как весной через речку перебирался? Вода через мосток текла. Без лаптей холодно идти. Дед сбил тебе деревянные подставки. Перейдешь на другой берег, развяжешь веревки, подставки снимешь и — в сумку. Назад-то опять через речку идти. Не делать же крюку в два километра.

— Помню, бабушка. После и другие ребята в подставках речку переходить стали.

— А помните, как в третьем классе меня снегом привалило? Ух, зима в тот год была снежная!

— Как и в этом?

— Нет, больше! Снег до крыш стоял. У деревьев только верхушки торчали. Мы с ребятами шутили: живем на северном полюсе! Помогали родителям расчищать лопатами дорожки до колодца, до школы и магазина. Чудеса! Люди ходили по узким проходам, и на улицах никого не было видно! Мы, пацаны, придумали строить снежные норы к домам и ползком пробирались друг к другу в гости. Я раз сделал уроки и по туннелю — к соседу Саньке. Тогда дядя Коля как раз уголь нам привез. Сани тяжелые. Лаз мой и обвалился. Ползу и вдруг... Везде снег. Не больно было, испугался. Вылезти не мог. Сани-то застряли, и дядя Коля стал носить уголь в сарай ведрами. Ох, и намаялся я тогда! Дядя Коля слышит мой голос, а понять ничего не может. Не знал про туннель. Спасибо, Санька выручил!

— Тогда ты воспаление легких подхватил, — вздохнула баба Дуня.

Вечером мы с Петей сделали уроки на понедельник. Петя вымыл полы в хате, чтобы со спокойной совестью упрашивать маму отпустить нас покататься на лыжах не рядом с домом, а за городом в чистом поле. Тетя Зина разрешила. Может, ради меня? Очень уж я жалобно смотрела на нее. Не часто балуют Петю развлечениями. Домашних забот много. Это его первая прогулка. Зоя дала мне свое старое пальто и лыжи.

— А как же ты? — спросила я смущенно.

— Не волнуйся. Кто-то на хозяйстве должен остаться. В следующий раз с соседкой поеду...

Ночь спала крепко. Не разбудила меня даже возня бабушки у печки. Зоя растормошила и за стол усадила завтракать.

Яркое зимнее утро. Чистый снег мягко обрисовывает каждую впадину, бугорок. Замело овраги, деревья до нижних ветвей стоят в сугробах. Больших оттепелей в эту зиму не было, снег накапливался и уплотнялся с декабря. Ехать легко. Лыжня ровная, четкая. Даже от слабых толчков палками качусь быстро и долго. Тонкая корочка наста шуршит под лыжами. Полной грудью вдыхаю морозный воздух, наслаждаюсь радостным восприятием чуткой хрустальной тишины и белого бесконечного простора. Подъехали к лесу. На краю неподвижно стоят огромные, пушистые ели. Погрузились в многолетние воспоминания. Тяжелые снежные шубы прижимают их к земле. Рядом мохнатые сосны упрямо тянут ветви кверху. Их стволы тихонько потрескивают. Тусклые рубины мерзлых ягод рябины привлекают стайки птиц.

— Петя, стволы от мороза трещат или от ветра?

— Может, от старости.

Я остановилась у березки, скромно стоящей между зелеными великанами. Ее веточки вздрагивают даже от моего дыхания.

— Ты знаешь, почему самые тоненькие веточки не замерзают без одежды?

— Почему?.. Не знаю. Вот трава под снегом, как под одеялом спит. А из коры деревьев лапти плетут. Но не для тепла, чтобы ноги не поранить. Для тепла онучи одевают. Портянки такие большие.

— Тонкая кора не согревает ветки. Она как кожа у людей. Нам Анна Ивановна на уроке объясняла, что листья опадают осенью потому, что соки из земли уже не поступают и растение о-без-во-жи-ва-ет-ся. Листья отмирают, и дерево как бы засыпает летаргическим сном. А что значит летаргический? Не знаешь?

— У нас в пригороде одна девочка заболела, потом умерла. Ее похоронили. А кто-то из местных проходил мимо кладбища и услышал стоны. Сначала перепугался, потом все-таки подошел к свежей могилке, откуда шел звук. Позвали попа, родителей, народ сбежался. Девочка уже задыхалась. Откачали. Правда, после этого у нее с головой плохо стало.

— От страха?

— С чего ж еще?

— Значит, спящая красавица из сказки на самом деле существовала, раз у людей бывает долгий, как у деревьев, сон? А еще я знаю, что если бы растения не обезвоживались, то жидкость внутри клеток, из которых все живое состоит, замерзала бы. Клетки разрывались бы, и растения от этого погибали бы. Вот как в природе все умно устроено!

— И об этом вам Анна Ивановна рассказывала?

— Да!

— Вам повезло. А наша учительница по ботанике во время уроков то в магазин бежит, то домой.

— А почему ее директор не прогонит?

— Жалеет. У нее муж и сын — бандиты, а второй сын — пьяница.

— Учительница, а своих детей не смогла воспитать? — удивилась я.

— Так ведь плохое само липнет.

— И зачем она за бандита замуж пошла?

— Бабушка сказала, что учительница была старой девой, ну, и подобрала, что валялось, лишь бы люди в глаза не тыкали.

— А что же стыдного, что не замужем? Если не досталось хорошего мужа, так ее пожалеть надо.

— Люди считают, что, если не замужем, значит никому не нужна.

— Глупо так говорить. Я все равно не пошла бы за бандита. Может, надеялась, что дети в ее породу пойдут? Не повезло ей!

Еще с километр проехали. Остановились отдохнуть. Я взяла в руки ком снега. Он упругий, плотный, приятно холодит кожу.

— Петя, видишь — вокруг каждого ствола круглая лунка, снег будто отодвинулся от дерева. Анна Ивановна объясняла, что солнце нагревает темный ствол и от его тепла снег подтаивает. А белый цвет лучи отражает, отталкивает от себя, поэтому снег не тает. Я раньше думала, что живое дерево дышит теплом, как человек. А потом увидела, что в городе у столбов тоже есть ямки и поняла, что ошибалась. Столб ведь не может дышать.

— А вот, когда я мыл осенью грибы, вода в ведре делалась теплой, — вспомнил Петя.

— Так это от твоих рук.

— Не скажи! От огурцов вода оставалась холодной.

— Может, грибы на солнце нагрелись?

— Осень была. Опята обледенелые на пнях стояли.

— Вот загадка! Обязательно узнаю про это у Анны Ивановны. Она все знает!

Снова заскользили между стволами сосен. Вдруг Петя остановился и нагнулся, что-то разглядывая. Я увидела под елью на снегу свежий скелет поросенка.

— Из деревни волки утащили?

— Нет, в лесу кабаны водятся.

— Давай уедем отсюда, — с тревогой сказала я.

— Не бойся, еще не было случая нападения волков на людей.

— Ты же не хочешь быть первым?

— Да уж конечно!

Отправились на поиски санной дороги. На пути встретили необычную поляну.

— Кто-то здесь уборную устроил! — засмеялась я.

— Кабаны. По всему лесу не станут пачкать. А что летом в пыли и грязи валяются, так это они от насекомых так избавляются.

Подъехали к молодым посадкам сосен и елок. Сидят они в снегу, как малые дети, в белых шубках. Красиво!

— Снег в этом году может ветки на деревьях здорово обломать. Весной в саду надо будет обязательно его стряхнуть, а то останемся без яблок.

— Ты как-то по-крестьянски сразу примеряешь, что на пользу, что во вред, засмеялась я.

— Привычка. Я же с пригорода. Городской увидит крапиву и стороной обходит. А я запоминаю, где ее много растет, чтобы ранней весной на зеленый борщ рвать, и еще для поросенка. Витамины!

Остановились. Не снимая лыж, перекусили хлебом с салом и чесноком. Совсем близко прошмыгнул заяц-беляк. Встал столбиком на пригорке, передние лапки прижал к груди и смотрит в нашу сторону. А мы на него. Видит, что беды от нас нет, и спокойно пристроился грызть молодую осинку. Быстро так стришет веточки. Я вижу, как смешно двигаются его челюсти. Но долго стоять холодно. Пришлось спугнуть ушастого. Я осмотрела осинку и поразилась: все нижние ветки деревца были словно острым ножиком срезаны. Не видела бы сама, ни за что не поверила бы, что здесь заяц поработал, а не человек.

Хорошо в лесу! Снег накрахмаленной праздничной скатертью укрыл обломки веток, сухостой. Голубые тени аккуратно и четко рисуют свою собственную, задумчивую картину.

Люди, очарованные красотой природы, пытаются изобразить ее на картинах, но как можно нарисовать вот эту хрустальную льдинку на кончике ветки березы? Она же переливается океаном разноцветных огоньков!

— Поедем домой, снег липнуть стал. Боюсь, сил не хватит волочить лыжи, — попросила я Петю.

Добрались до села.

— Поезжай дальше один, а я по проселку понесу лыжи в руках. Дорогу знаю.

— Нет, я должен с тобой вернуться. В нашей семье так принято, — возразил Петя.

Пришли домой. Я тут же взобралась на печку и мгновенно вырубилась. Проснулась от шума. За столом собралась вся семья. Жена дяди Коли спросила:

— Километров десять одолели?

— Не меньше, — ответил Петя солидно.

— Вот уходилась! Даже запах жареного лука ее не будит! — сказала бабушка Дуня.

— Будит, будит, — пробурчала я сонным голосом.

— Раз желание пообедать перебороло усталость, значит есть еще в запасе силенки! Слезай, сегодня у нас царский обед: каждому по тарелке жареного лука!

Сто лет бы не кончался этот чудный день!

НА РЕКЕ

Проснулась рано. Выглянула в окно. Темно. Мерцанье звезд делает черный бархат неба живым, загадочным. Вдруг крупные хлопья снега медленно поплыли за стеклом. Не отрываясь, слежу за ними. Они убаюкивают меня и уносят в какой-то другой сказочный мир. Снежинки прилетают из царства белых облаков, чтобы порадовать меня. Открыла форточку, ловлю их, прикладываю к лицу, улыбаюсь.

Не знаю, сколько времени сидела на подоконнике. Небо чуть посветлело, но уличные фонари еще горят. Мимо окна промелькнула стайка птиц. Пометалась и опустилась на вершину огромной белой акации. Когда парочка из них села на чистый снег наружного подоконника, я увидела, что это свиристели. Быстро вытащила из-под подушки «заначку» хлеба и покрошила за окно, надеясь привлечь всю стаю. Не получилось. Налетели воробьи и такую возню затеяли!

— Ладно, уж, ешьте, — пробурчала я миролюбиво.

Быстро светлело. Теперь я смогла разглядеть всю стаю на соседней рябине. Ветер тряс дерево, качал из стороны в сторону, но птички цепко держались на тонких ветвях и успевали схватить ягоду, пока оранжевая «корзиночка» не отлетала в сторону.

После завтрака пошла на речку. Тропинку еще никто не протоптал. Погружаюсь в снег почти по колено. Легкая поземка приятно шуршит по тонкому насту. Аллея берез, ведущая к реке, посажена густо. Вверху ветви деревьев переплелись, а внизу тонкими струйками ниспадают почти до земли.

Перехожу на тополиную аллею, что тянется вдоль крутого берега. Их стволы наклонены, будто причесаны в одну сторону. В прогалине, на юру, увидела странное дерево. Нижняя ветвь как бы протянула огромную длинную руку, указывая на реку. А крона представляла собой густой клубок изогнутых ветвей. Очередная шутка природы?

Несмотря на глубокий снег, сползаю на шароварах к реке и застреваю в зарослях камыша. Выбралась на лед. Ветер здесь колючий. Он просверливает пальтишко и гонит меня по нетронутой глади реки. Я привязала к валенкам металлические пластинки (самодельные коньки, подарок Толяна) и поехала. Качусь долго, бездумно, восхищаясь легкостью своих движений. Раскачиваюсь из стороны в сторону под музыку моей радости.

Меня вынесло к высокому железнодорожному мосту. Застучал по рельсам длинный грузовой состав. Я очнулась от безмятежного состояния и стала соображать, как вернуться назад. По льду против ветра идти трудно. Напрямик кое-как добралась до парка. Оглянулась назад. Длинная неровная цепочка моих следов — единственное украшение, расписавшее вольным узором снежный искристый покров. Устала. Остановилась. Вслушалась в тишину. Здесь — полное безветрие. Даже не вздрагивают серебряные нити ив и берез.

Вдруг в кроне очень высокого дерева услышала разговор двух птиц. Он казался мне спокойной деловой беседой. Как ни старалась, не удалось мне их разглядеть. Прилетела веселая стайка синичек. Их желтые грудки замелькали на невысокой пушистой березе. Рядом росла елочка, и я мысленно пересадила на нее синичек. Перед Новым годом елки должны быть украшены. А кто же, кроме птичек, их нарядит? Сюда бы еще снегирей — и можно праздновать! Но синички выбрали березу и, шустро перепрыгивая с ветки на ветку, клюют сережки. Звонкие «тинь-тинь» недолго баловали меня. Единый всплеск крыльев смахнул синичек и унес в сторону реки.

Иду дальше. Небо нахмурилось. А у меня на душе светло. Дорога петляет. Я узнаю об этом по зеркальному диску солнца. Он появляется то справа от меня, то слева. Солнце вскоре сделалось туманно-серым, матовым. Пошел мелкий снег. Я еще немного побродила, и наконец выбралась на протоптанную узкую тропинку. Озябла. Засунула красные руки в рукава и заторопилась к детдому.

Зима, при всей красоте редких дней, когда деревья покрыты инеем или когда яркий солнечный день искрит чистейший снег, — в общем-то, грустное время года.

Другое дело — лето! Тепло — моя слабость. Его мне всегда не хватает.

НЕСЧАСТЬЕ

Смотрю в окно. Снежная пыль висит полупрозрачной вуалью. После серой поздней осени с ее колючими ветрами, склизлыми дорогами, занудным плюханьем дождей белая тишь радует. В городе стало чище. Все скрыл снег.

В который раз думаю о Толике. Жизнь в их семье стала налаживаться. Мама работала дворником, и ей дали маленькую комнатку. Теперь ни от кого не зависела. Отчима прогнала. Отец Толяна про новое место жительства не знал. Толя чуть не каждый день прибежал к матери на часок и вовремя возвращался. Я радовалась, судьба наконец-то подобрела к моему другу. Его мама говорила:

— Фортуна повернулась ко мне лицом. Может, скоро смогу забрать тебя, сынок, из детдома.

Иной раз я видела на лице Толяна улыбку. И в школе у него начало кое-что получаться.

И тут случилось.... До мелочей пытаюсь восстановить в памяти ужасный день.

В детдоме травили клопов, и детвора высыпала во двор. Толик мне сказал:

— Сейчас познакомлю тебя с Сашей. Я уважаю его за острый язык. Раз идем по улице, а на проезжей дороге ссорятся двое пьяных. Так Саша и говорит: «Осел ослу помочь бессилён в образовании извилин». Здорово?

— Здорово! — согласилась я.

— Его в восемь лет сразу во второй класс отправили. Хотели в третий, да он писать не умел. Зато читал все подряд и только про технику. В шесть лет законы физики открывал. Один раз моет руки и вдруг как закричит: «Ребята, волны не просто так в раковине образуются, а определенным образом». Или как-то играет со стеклянной трубкой и опять зовет ребят старших классов: «Смотрите, вода на одну высоту поднимается, когда я пальцем конец трубки закрываю. Здесь закон какой-то! Как он произносится?» А как в школу пошел, так в физико-техническом кабинете какие-то схемы собирает, опыты проводит. Из библиотеки не вылезает. Учительница физики спросила его:

— Зачем читаешь учебники за техникум и институт? Ты же все равно ничего в них не понимаешь?

А он ей ответил:

— Я читаю до тех пор, пока понимаю. Где не могу сообразить, — закладки делаю.

Учительница проверила все книжки, которые он брал в библиотеке, и поразилась: точно — в одном учебнике закладки, в другом... И все не по школьной программе. А ведь он только два месяца как начал изучать физику в школе. Учительница с ним беседовала. Даже спорила. Но не во всем могла его убедить. А потом призналась: «Логикой меня давит, мыслит нестандартно. Недавно глаза открыл на то, о чем и не догадывалась. Когда объясняла ученикам простейшие уравнения, долго искала способ, как проще, доступней донести новый материал, а он мимоходом бросил фразу, — и все у меня в голове встало на место».

Часто Саша фантазирует в форме забавных небылиц. Манера рассказа у него такая от скромности. В них много остро подмеченных подробностей, на которые мы обычно не обращаем внимание. Не упускает он случая и пошутить, но никого не задевает за живое, не обижает.

И никто Сашу не заставляет учиться, сам каждую свободную минуту бежит в библиотеку. Старшеклассники любят обсуждать с ним уроки. Он начинает разговор так: «Не знаю, какие там у вас формулы, но если подумать...» Вот, какой у нас Саша! — восторженно закончил Толян.

— А другие уроки он тоже хорошо знает? — поинтересовалась я.

— Тут смех! Недавно по истории учительница поставила ему за письменную работу в

классе двойку. Саша возмутился и попросил объяснить — за что? Она отмахнулась: «Мало написал — всего шесть пунктов плана. А где конспект урока?» Саша не успокоился и захотел узнать, о чем он не написал. Тут в класс вошла вторая учительница истории, прочитала его работу и сказала: «Мечта каждого учителя научить учеников излагать материал таким образом». И при этом Саша не задавака. Я спросил его: «Как ты можешь так много выучивать?» И знаешь, что он ответил? «То, что нравится, я не учу. Само запоминается, вроде как я проникаюсь этим».

— Проникаться... значит хорошо понимать? — уточнила я. — А, ясно! Я же не заучиваю, что вокруг синее небо, красивые цветы, деревья, а все равно запоминаю, может быть, на всю жизнь. А Саша природу замечает?

— Не знаю, о ней никогда не говорит. Железками занят.

— Наверно, у каждого своя радость. Только не сразу про это поймешь. Мою подругу Валю считали дурочкой, а она детей любила, и возиться с ними ей было в удовольствие. Может, это самое главное у нее в жизни.

— А мне... ничего не интересно. Ничего не люблю, — удрученно проговорил Толян.

— Найдешь свое. Бабушка Дуня считает, что любить — тоже талант. Ведь маму свою любишь? Любишь. А я про любовь к родителям ничего не понимаю, не чувствую ее.

— Если бы мама нашлась, тоже любила бы.

— Не знаю. Не думаю.

— Почему?

— А где она была, когда мне было плохо в лесном детдоме?

— Может, причина какая серьезная...

— Причины, чтобы бросить ребенка, не бывает. Смерть — одна причина.

— Ты бываешь жестокая.

— Я справедливая.

— А что о своем отце думаешь?

— Что о нем думать? Мужчина должен защищать семью. И родину. Если бросил нас, то и вспоминать о нем нечего.

— Нельзя так. В жизни все сложно. Я же понял маму, когда она отдала меня в детдом.

— А я не могу. Не хочу об этом говорить. Понял?..

— Ладно. Вон Саша идет.

Саша протянул Толе руку и с удивлением спросил:

— Что приключилось? Ты сейчас как градовая туча.

— Его ничего не интересует, играть ни с кем не хочет. Ходит по улицам и все, — ответила я за друга.

— Так ведь думает о чем-то, а не просто ходит? В одной книжке я прочитал, что в школе надо учиться не семь классов, а хотя бы восемь, а лучше десять. У большинства детей всякие стремления и серьезные желания прорезаются к пятнадцати или шестнадцати годам. Тогда они специальность правильно выбирают. А если и дальше ни к чему не влечет, то учителя должны помочь.

— А до пятнадцати, что мне делать? — понуро спросил Толян.

— Учиться, мастерить. Главное, время попусту не тратить. Я уже пилить, строгать, паять, даже выпиливать умею. Мне не скучно!

— И тоскливо не бывает? — спросила я осторожно.

— Я же человек, — просто ответил Саша.

При этом уголки губ его вздрогнули.

Толя занервничал и сменил тему разговора:

— Вон идет наш новый столяр, сегодня он травит насекомых.

И указал на старого человека в изношенном рабочем костюме.

— Что-то он не похож на нового, — пошутил Саша.

— А зачем второй раз насекомых травить? Их же больше не видно.

— Это они, негодники, замаскировались под микробов. А через неделю опять посыплются из всех углов, — засмеялся мой новый знакомый и, увидев кого-то, побежал к корпусу.

— И нам пора к твоей маме, — обратилась я к Толяну.

И мы побежали. По дороге не пропустили ни одного ледяного спуска.

— Повезло дворникам, — смеялся Толя, — мы им все дорожки от снега штанами расчистили!

Вдруг на меня напало странное беспокойство. Я остановилась, как бы не зная, что делать и куда идти. Потопталась на месте, пыталась разобраться в своих чувствах. Волнение нарастало. Бросило в жар. Грудь распирало, дрожали ноги.

— Да что с тобой? Заболела? — недоумевал Толя.

— Почему-то не хочется идти дальше. Вернее хочу, но что-то не пускает. Или боюсь? Сама не пойму. Давай вернемся назад?

— Ну, ты даешь! Если больная, то отведу тебя назад. А если нет, так чего капризничать? — возмутился Толян.

— Я никогда не капризничаю! На меня напал беспричинный страх. И боль в груди. Боль как страдание. Будто душа плачет и просит чего-то, — сердито возразила я.

— Раньше такое случалось? — уже спокойнее спросил он.

— Нет. Давай все-таки вернемся. А вдруг я и вправду заболела?

— Ты не можешь идти?

— Ноги идут, душа не хочет.

— Ну не хочешь, тогда один пойду. Я же тебя не заставляю! К своей маме иду, — резко добавил Толян и отвернулся.

— Не сердись. Пересилю себя, — пообещала я.

И только мы повернули на дорогу, ведущую к работе его мамы, болезненное возбуждение пропало, исчез страх, перестало болеть в груди. Будто ничего со мной и не происходило. Я шла и думала: «Чего зря Толика рассердила? Надо было перетерпеть боль молчком».

Мама обняла сына, похлопала меня по плечу, и мы пошли на квартиру. Еще из дали услышали крики, вопли, матерную брань. Лицо Толяна скривилось и сделалось маленьким.

— Беги за милиционером, — крикнул он мне.

Я помчалась за угол, где на перекрестке стоял постовой, и принялась умолять его помочь разобраться со скандалом. Он ответил, что в семейные дела не вмешивается.

Надо писать заявление...

Вернулась назад. А там вопли, ругань. Сбежались соседи. Во что ж превратилась чистенькая маленькая комната?! Сорвана полоса обоев, разбросаны стулья. Одеядо с пятнами крови валялось на полу. На нем корчился, пытаюсь встать, отец Толика.

Увидела еще, как мать, вырвав сына из рук бывшего отчима, с ужасом смотрела на его кровавую развороченную рану на шее. Отчим вдруг повалил женщину на пол и стал бить ногами. Толян отпрянул в сторону, словно подкинутый пружиной, схватил начатую бутылку водки и швырнул ему в спину. У того хватило силы подняться и с ножом в руке двинуться на Толю. Мать взметнулась еще быстрее, схватила табурет и с силой опустила на голову бывшего сожителя. Я увидела ее неузнаваемые, страшные белые глаза...

Толя и мать выскочили на улицу.

О беде моего друга в детдоме говорят шепотом. Каждый вечер перед сном я заворачиваюсь с головой в одеядо и реву.

Потом от соседей Толика узнала, что родители тети Насти увезли ее и внука в деревню.

Я БОЮСЬ

«Витек, после трагедии с Толиком, я целую неделю не могла учиться, хотя и сидела на уроках. Молча глядела в окно. А мысли... Они были далеко. А может, их совсем не было. Анна Ивановна даже с места не спрашивала меня. Понимала. Домашние задания я бездумно списывала. В субботу на уроке арифметики я машинально теребила в руках перочистку. Неожиданно сквозь глухую стену моего забвения пробились голоса у доски. Прислушалась. Затем попыталась вникнуть в написанное, и к своему ужасу поняла, что не могу сообразить, о чем там речь. Меня обуял жуткий страх и догадка: чем дольше буду списывать, тем быстрее станет расти клубок непонятного. День ото дня я буду становиться глупее и, наконец, перестану вообще соображать. Но я не хочу, я боюсь быть глупой!

Кое-как дождалась окончания уроков, прибежала в комнату и принялась решать все, что было задано за неделю. Я не встала из-за стола, пока во всем не разобралась.

Такого страха я еще не испытывала. От всего пережитого очень устала. Едва положила голову на подушку, как тут же уснула.

ЖИВЕТ ЛИ ВО МНЕ ЗВЕРЬ?

Прошло много дней. Боль спряталась в глубине души, притупилась. Она уже не преследовала меня ежеминутно. И только терзала по вечерам, когда перед глазами снова и снова невольно всплывала та страшная картина.

После школы часто бесцельно брожу по улицам, гоняю обледенелые куски по заснеженному асфальту. Гляжу в пустое серое безразличное небо.

Какими дурацкими кажутся мне теперь мои «подвиги»! В наших редких маленьких драках я всегда была впереди, гордясь своей смелостью. Дралась с удовольствием. Толкнуть кулаком в грудь большого мальчишку, свалить подножкой, подсечкой или другим приемом — все это давало мне ощущение радости победы, своей значимости. Яростным напором я ставила в тупик старших ребят. Конечно, понимала, что всерьез мне не врежут. Девчонка ведь, хоть и шальная. Зазря не дралась. Только если кого-то защищала, что возвышало меня в собственных глазах. Детская игра!

А в один из поздних вечеров вспомнила, как ударил меня в лицо взрослый. Ударил лишь за то, что я попросила его не обижать своего маленького сына. И вдруг поднялась во мне тогда дикая необычная злость и обида за себя. Хотелось зубами вцепиться в поганые руки взрослого хулигана, схватить палку и бить, бить его... В этот момент мне почудилось, что вместо рук, у меня... волосатые рыжие звериные лапы... Из рта вырвался дикий животный рык... Жуть какая-то! Я тяжело и хрипло дышала. Меня трясло, я готова была, как львица, прыгнуть на обидчика... Я чувствовала себя ею... Но тут малыш заплакал, и я пришла в себя. Ярость во мне стала медленно угасать...

Так что, внутри меня все-таки прячется зверь? Чушь какая-то! Не приведи, Господи, еще раз такое почувствовать.

А может, у Толи и его мамы тоже зверь проснулся, когда защищали друг друга? Неужели и я смогла бы вот так же — бутылкой, стулом?.. Как страшно! Мне, наверное, самой про это не понять. Жаль, что нет здесь бабы Мавры. Она бы смогла объяснить...

Я должна улететь в мое спасительное сказочное царство белых облаков. Мне обязательно надо побывать в нем, иначе я совсем измучаюсь бедою Толика.

МОНАСТЫРЬ

Иду мимо монастыря. Тяжелые деревянные ворота заднего двора прикрыты. Заглянула в щель. Около лошади, запряженной в сани-розвальни, возятся женщины в черных одеждах. Они приподняли старого мужчину и, поддерживая его под руки, повели внутрь монастыря. Рядом с воротами на лавочке сидит худой мальчик лет десяти в длинной черной одежде, без шапки, в грязных, изъеденных молью валенках и шлифует наждачной бумагой древко странного флага. Верхняя полоса его белая, средняя — желтая, а нижняя — черная. Я подошла к мальчику и спросила:

— Это церковный флаг?

— Нет, — ответил он, — у церкви флагов не бывает, только кресты. На Руси было два флага: один морской, военный, с белой, голубой и красной полосками, а другой, самый старинный — вот этот.

— Какой он некрасивый, безрадостный. Это потому, что на Руси жизнь была трудная?

— Не знаю.

— А ты здесь учишься на попа?

— Нет, я пока послушник.

— А я, по-твоему, «непослушник»?

— Ты мирская. У вас все по-другому.

— У тебя лучше?

— Не знаю. В миру не жил.

— Колокол у вас плохой. Будто ребенок по рельсе стучит. У нас в деревне звук у колокола был низкий, густой, бархатный и торжественный. По всей округе растекался. Вашим звоном не к Богу созывать людей, а на пожар или, в крайнем случае, на праздник.

— Ты веришь в Бога? — спросил мальчик.

— Не знаю. В разных церквях на портретах Бог по-разному нарисован. А ведь он должен быть один. Но когда мне плохо, я зову его на помощь.

— Не богохульствуй. Не надо говорить о том, чего не понимаешь.

— А ты объясни.

— Я не имею права учить, пока сам не познал Божьего слова. Это большой грех. До свидания. Бог с тобой, — четко выговаривая слова, сказал мальчик и пошел к зданию, волоча ноги...

После уроков я обо всем рассказала Анне Ивановне и спросила: «Зачем нужны монастыри?»

— Для того чтобы в них жили люди с искалеченными душами и телами. Ты же сама так подумала, правда?

— Да. Им там легче. В монастырях, наверное, живут только хорошие люди. А в миру — разные. Осенью был какой-то церковный праздник. По улицам ходили люди, гремела музыка. На деревянных сценах артисты пели частушки. В основном исполнители ругали попов и церковь. И тут я поняла, что пять помостов для участников концертов перекрывали дороги, по которым люди ходят в церковь. Я подошла к крутому склону, примыкавшему к одной эстраде. А там вереница согнутых старушек, одетых в черные одежды, цепляясь за кусты и бормоча: «Господи, помоги», — медленно взбиралась вверх. На их лицах стремление во что бы то ни стало добраться до цели! А три женщины изо всех сил помогали своей крупной тяжелой подруге. На вид ей было лет под девяносто. Она, задыхаясь, бормотала: «Господи, может, в последний раз...» Две

женщины, опираясь на палки, тащили ее за руки, а третья подставляла свое плечо, подпирала больную, когда та переставляла ноги. У меня тогда сердце зашло болью. Зачем они так яростно рвались в церковь?

— Представь себе, что когда-то жили маленькие девочки. В детстве, до революции, их водили родители в церковь. Там было красиво, звучала удивительная музыка. И там говорили о добре и любви. Вот и стремятся они в старости к тому, что в детстве радовало.

— Так просто? Спасибо, Анна Ивановна.

— А церковь нужна для всех людей?

— Зачем опять в черную сутану душу народа заворачивать? Добру учить можно и без нее. Религия — наше прошлое, наша история. Веротерпимость сейчас не поощряется. Понятно?

— Да. Только все равно бабушек жалко.

— Народ, вечно приносимый в жертву народ... Если в душе есть Бог, его не запретишь, — задумчиво, будто про себя, сказала Анна Ивановна.

— Я люблю ходить по улицам и смотреть, как люди живут, слушать, о чем они говорят. Как-то летом гуляла. Вижу, передо мною бабушка идет с маленьким мальчиком. В руках у него ветка. Видно, где-то подобрал. А бабушка его учит: «Игоречек, того, кто эту ветку сломал, Боженька накажет». А другой раз молодая мама девочку вела за руку. Та хотела листочки с куста сорвать, но мама ей не разрешила:

— У дерева листочки как твои пальчики, а ветви как руки. Дереву так же, как человеку, больно, когда его ломают.

Мне понятней, как тетя рассказывала.

— Молодец. Ладно, иди. Только вечером поздно одна не ходи. Еще заблудишься, — посоветовала Анна Ивановна.

Я ничего ей не ответила. Ведь я знала, что скоро пойду к Ирине и возвращаться буду затемно. Провожать себя не позволяю. Мне надо бывать одной.

РОДНЯ

Под Новый год старшие девочки сообщили, что меня разыскивает родной дядя и в письме просит выслать мою фотографию. Бурной радости это сообщение у меня не вызвало. Не скажу, что равнодушно, скорее — настороженно встретила известие. Зачем ему фото? Если я родная, так и без снимка должен забрать. А раз по внешности выбирает, так что это за родня? И чему радоваться? Попадешь в трудную семью и будешь маяться! Может, лучше в детдоме остаться? Здесь только о себе голова болит. Аня — хорошая девочка, а отец все равно бросил ее. Родственники могут любить или не любить своих родных, а чужих никто не любит. И жалеют не все, а только те, которые добрые. Зачем я нужна? Дядя — он же не родной отец? Может, им стыдно, что я в детдоме? Но меня кормить надо. Они что, богатые? Мне хочется иметь семью как у Ирины. Там все очень умные, воспитанные и, главное, добрые. И у Пети хорошая семья. У Наташи тоже очень хорошая мама, но грустная. А вдруг мне повезет? Ведь повезло же с этим детдомом. Даже уезжать отсюда не хочется.

— Кто такой родной дядя? — спросила я у старшеклассницы.

— Это брат твоей мамы или твоего отца.

Мое сердце от этих слов впервые вздрогнуло. Значит, он знал моих родителей и может рассказать, почему я здесь? И мне уже не надо будет придумывать, фантазировать?

Раньше было все просто: папа погиб, мама умерла с голоду. А если все не так? Холод вошел в сердце. А вдруг плохие воспитательницы были правы, и я узнаю какую-нибудь черную историю? Например, меня бросили? Сердце сжалось, стало трудно дышать. Попыталась отвлечься от захлестнувших мыслей: «Их нет, их нет, их нет... Не хочу, не хочу...» Потом подумала о Витьке, о бабушке Маврушке. Они есть и всегда будут.

— Дядя меня искал или детдом? — уточнила я, немного успокоившись.

— Детдом не ищет, — ответила старшеклассница.

— Значит, родственники? Получается, что я им зачем-то нужна?

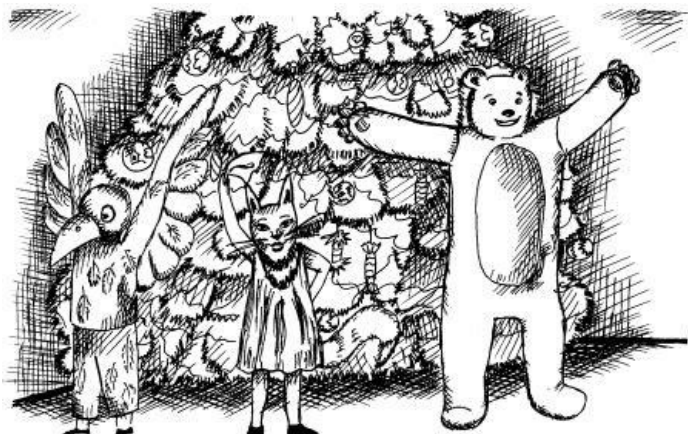
— Дурочка, повезло тебе, в семье будешь жить!

Это мне повторяют многие. Я часто ловлю завистливые взгляды. Целую неделю ждала фотографа. Он не пришел. «Может, без фотографии меня не возьмут?» — подумала я и почему-то успокоилась, а потом и вовсе забыла про эти разговоры.

НОВЫЙ ГОД

Наш класс привели в просторный зал, украшенный ветками сосен и гирляндами из цветной бумаги. В дальнем углу стояла ослепительная елка. Мы сели на длинные, низкие лавки, расставленные вдоль стен.

Выключился белый свет и включился темно-синий. И я оказалась в ночном лесу. Тяжело ступал медведь, ветки потрескивали под его лапами. Важно, неторопливо проплыли две лисички. То тут, то там выскакивали юркие зайчата и пропадали под ветками огромной ели. Черный небосвод усыпан звездами разной величины. Блестел серебристый месяц. Вдруг посыпал мелкий тихий снежок. Я почувствовала, что сижу в лесу под заснеженной елкой, и невольно съежилась, зябко повела плечами, и сжала их ладонями. Это было удивительно знакомое, трепетно-приятное ощущение реального мира. Я будто вернулась к родной природе, к сказке леса, которую ни разу не чувствовала в стенах этого большого дома.

Темно-синий цвет начал светлеть и стал бледно-голубым. «Утро», — догадалась я.

Пробудаясь, зашевелился лес. Каркнула ворона, зачирикали птички. Зайцы и лисы тоже издавали свои звуки. Полилась тихая мелодия рассвета. Казалось, что ветерок пронесся над поляной, прошуршал в тяжелых ветвях, зазвенел хрусталем сосулков. А следом возникла другая музыка, и я увидела на елке белые искорки — блики первых лучей солнца. Ветер подул сильнее и закрутил снежные вихри. Потом все стихло. На небе пропал месяц. Загорелась звезда на елке... Вдруг грянула веселая танцевальная музыка, на поляну выскочили звери и запели русскую народную песню.

И я очнулась от сказочного сна.

Теперь я находилась в украшенном зале, где выступали дети, одетые в костюмы птиц и зверей. А мне было жалко уходить из сказки. Я закрыла глаза, стараясь продлить радость. Но громкая музыка и голоса детей возвращали меня в детдомовский зал. Сначала я с некоторым раздражением смотрела, как разыгрывались сценки из сказки «Маша и медведь», и удивлялась, зачем большие дети показывают концерт интересный только дошколятам? Потом успокоилась и уже с любопытством разглядывала и оценивала насколько похожи наши «звери» на настоящих. Признаюсь, «артисты» здорово копировали хитрую лису, добродушного медведя, шумливую сороку и неуклюжую ворону!

На ум пришли слова бабушки Мавры: «Сказками люди продляют себе детство...» Я, конечно, желала увидеть что-нибудь более взрослое и незнакомое, но поняла, что нас любят и хотят порадовать сказочным представлением.

НА РЫНКЕ

Февраль. Сыро, ветрено, под ногами хлюпает вода. Вдруг посыпал крупными хлопьями снег. И сразу настроение стало праздничное. Почему так? Иду, улыбаюсь сама себе, ловлю снежинки. Они тают, приятно охлаждая ладони. Я разглядываю их узоры и думаю: «Зачем придумывать рисунки для бальных платьев? Вот они — бери и рисуй! Лучше не придумать! Каждый рисунок сложный, строгий. Красота снежинок в правильном построении? А в облаках нет правильных форм, но до чего же они хороши!»

До слуха донеслась грустная мелодия. Свернула на звук. Вижу рыночную площадь. Справа и слева — ряды прилавков в виде полукругов. В центре толпа. Пробралась сквозь защитного цвета фуфайки, серо-черные длинные пальто, клетчатые платки, полушалки.

Мальчик лет тринадцати, глядя в землю, осипшим голосом под гармошку пел тоскливую балладу о несчастной любви девушки и наглого сердцееда-моряка. На его шапке лежал снег. Рядом натужно улыбалась девочка лет пяти. Она пританцовывала на месте, хлопала красными ручонками под музыку и, плохо выговаривая слова, устало тянула песню. Она очень старалась. Понимала, что зарабатывает деньги. У меня перехватило горло, поплыло перед глазами, затрясло. За что? Почему этой крошке надо целый день петь на холоде? Почему она не в детдоме? Кое-как усмирив слезы, оглядела публику: у одних на лицах сочувствие, у других любопытство. В коробку посыпались мелкие деньги, куски хлеба. Девочка, торговавшая с бабушкой овощами, обтерев о подол юбки морковку, осторожно положила ее рядом с хлебом.

Я ушла. Убежала. Не могла больше такое видеть! А музыка грызла сердце и преследовала до самого поворота.

СТАЛИН И БЕРИЯ

С утра в корпусе стоит непонятная тишина. Все ходят на цыпочках, говорят шепотом. Режим дня нарушен. Семь, восемь часов — завтрака нет. Дети сидят по комнатам. Чего ждем? Что случилось?

За время нахождения в городском детдоме я успела привыкнуть к спокойной жизни. Здесь кроме уроков и мелких бытовых забот ничего не происходит. Дни похожи друг на друга...

Мысли прервал шум. Зовут завтракать. Наконец-то! Мои кишки давно играют марш. Бегу в столовую. Еда обычная: ложка каши, размазанная по тарелке, кусок хлеба и чай. Проглотила вмиг. Слышу команду: «В актовй зал!» Он уже битком. Пристроилась на окне у входной двери. Директора вижу впервые. Седые волосы. Лица разглядеть не могу. Далеко сцена. От ребят слышала, что он без ноги... Когда наступила тишина, зазвучал голос — четкий и трагичный.

— ...От нас ушел самый умный, самый великий человек на свете... Сталин... Сегодня страна хоронит...

— Значит «железный» человек жил все-таки на самом деле? Он не из сказки?

Я осторожно выглянула в окно, ожидая увидеть там гроб, священника и плачущих людей в темных одеждах. Но перед крыльцом, как всегда деловито, сновали работники детдома. Ничего не напоминало похороны. Снова прислушалась к речи директора.

— ...Как жить нам без гения мирового пролетариата, отца народов?..

У меня мурашки поползли по спине. «Значит, всем людям в мире теперь будет плохо? Господи, помоги выжить без гения Сталина». Чуть было не перекрестилась, но вовремя опомнилась. «Я же в городе, дуреха», — мелькнуло в голове.

— ...Но мы выстоим, и будем продолжать дело Ленина и Сталина... — как эхо неслось над залом.

Когда раньше я говорила «честное Ленинское, честное Сталинское», то полагала, что они, посланники Божьи, и должны помогать бедным. Только теперь я узнала, что Ленин умер не так давно. Его знал наш директор. А Сталин умер только сейчас. Какая же я глупая! А еще учусь на пятерки.

После собрания помчалась к Лиле. Не терпелось больше узнать про вождей. Стучу. Ответа нет. Осторожно заглядываю в комнату. Лиля лежит поверх одеяла и плачет. Я присаживаюсь к ней, глажу блестящие черные волосы и жду, пока она успокоится. Лиля обняла меня и заплакала еще сильнее:

— Как теперь будем жить? Что с нами будет?

Я растерянно хлопаю глазами.

— Ты из-за гения Сталина? — вдруг сообразила я.

— Да, из-за нашего любимого вождя.

— Он тебе родня? — осторожно предположила я.

— Что ты, разве можно такое говорить?! — неожиданно рассердилась Лиля. — Он отец всех народов! Ты что, совсем не соображаешь?

— Прости, Лиля. Я на самом деле не понимаю, почему все плачут и чего-то боятся. Он разве Бог? Нам не дадут другого начальника?

— Господи, свалилась на мою голову! Не понимаешь, так молчи, чтобы худа не было из-за твоих глупых речей. Умоляю тебя. Молчать — это самое главное, что ты должна сейчас делать, — шепотом проговорила подруга.

Оттого что рассердилась, слезы у Лили высохли. Она озабоченно смотрела на мое

растерянное лицо.

— Лиля, не волнуйся, я никому ничего не скажу. Могила! — поклялась я.

А потом просительным тоном добавила:

— И с тобой об этом нельзя говорить?

— Нельзя! Подрастешь, поймешь. Думай только про уроки. А сейчас иди к себе, — строго выпроводила меня старшая подруга.

Прошло немного времени, и нам опять напомнили о Сталине. Теперь директор рассказывал про врага народа, который хитростью добился доверия Сталина. Берия отличался коварством и жестокостью. Из-за него жизнь народа была тяжелой. А еще он погубил много умных и хороших людей. «Когда Сталин умер, люди плакали потому, что боялись этого гада Берия? Или потому, что любили Сталина? А Лиля? Она все-таки больше из страха, — решила я. — А теперь бояться нечего. Слава богу!»

Мне стало легко и радостно.

ФОРМА

Нам объявили: после уроков придет портниха снимать мерки. У каждого будет настоящая школьная форма. Вошла худенькая женщина непонятного возраста. Темные волосы аккуратно уложены в пучок. Глаза грустные. Я еще не видела взрослого по-настоящему беззаботного лица. «Может, это из-за войны?» — думала я, разглядывая на женщине прямое, темно-серое платье и черные туфли без каблуков. Потом попыталась представить ее в белом платье с нарядными кружевами по краю рукавов и воротника. Волосы рассыпаны по плечам, она улыбается. Ну, прямо красавица! Только глаза, глаза... они оставались грустными. И горькие складочки в уголках губ. Нет, не красавица. Серенькая мышка. Но почему? Денег нет? Она могла бы для себя сшить любое платье! Я видела такие прекрасные платья в старой книжке! Может, считает себя старой? Или ей просто стыдно выглядеть нарядной, когда другие плохо одеты?

Подошла моя очередь. Я вошла в примерочную кабину, но портниха посмотрела на настенные часы, присела к столу и сказала:

— Время обеда. Подожди немного.

И вынула из черной клеенчатой сумки хлеб, две картофелины, соленый огурец, вареное яйцо и компот в бутылке. А еще развернула малюсенький сверточек. По острому пряному запаху я догадалась: селедка. У меня слюнки потекли, даже подалась чуть вперед. А женщина неожиданно вздрогнула и побелела. Руки ее бессильно опустились. Я замерла. Что с ней? И опять взглянула на кусочек селедки. Он лежал на обрывке газеты с портретом Сталина. Жирное пятно пересекало глаза, лоб и усы «вождя всех народов». Женщина со страхом выговорила:

— Мама слепая. Что с нее взять, недоглядела...

Я сделала вид, что ничего не заметила и с безразличным видом повернулась к окну. Там, на дорожке, воробьи дрались из-за горелой корки хлеба.

Разве это преступление, если старая женщина нечаянно взяла газету с портретом? Господи, как перепугалась-то. Да я никому не скажу, зачем мне, пусть не боится. И я тихонько засмеялась:

— Вот оглашенные! Совсем передрались... Тетя, вы не отломите вот такую малюсенькую корочку хлеба? Я воробышкам брошу.

В глазах у женщины испуг как будто пропал. Она охотно протянула кусочек хлеба:

— Покорми. Ты добрая девочка.

После пятиминутного обеда портниха занялась мною. Я сняла старые вещи и вытянулась в струнку. Мягкие пальцы быстро скользили по плечам, спине, желтая лента сантиметра приятно щекотала кожу.

— Можно задать вопрос? — обратилась я к швее.

Руки женщины тревожно остановились. Я заметила это и поспешила сказать:

— Вы все измеряете, записываете, но ведь я вырасту, и платье будет мало. Может, надо шить с запасом, чтобы надолго хватило? Если юбка протрется сзади, ее можно перевернуть вперед и прикрыть фартуком или поставить заплатку.

— Нет, — уже открыто улыбнулась женщина, — платье должно красиво сидеть на ребенке, поэтому снимаем мерки с каждого. Это называется индивидуальный пошив. А через год тебе сошьют другое платье.

— Куда же денут недоношенные вещи?

— Отдадут другим детям, которые младше вас.

— Но я слышала, что мы — детдомовцы последнего года войны. Значит, больше таких детей не будет.

В первый момент швея почему-то растерялась, потом как-то неестественно улыбнулась.

— Знаешь, — грустно сказала она, — иногда и без войны дети лишаются родителей. Например, они от болезней умирают. Не пропадет твое платье, найдется, кому носить.

— Лучше бы не нашлось, — вздохнула я.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Играю с Лешей в игру, которую нарисовал на картоне его папа. Он придумал интересное путешествие. Мы по очереди бросаем кубик с черными «глазками» и по числу очков то углубляемся в лесные дебри, катаемся на лианах или попадаем в водопад. Вдруг вбежала Лешина бабушка:

— У соседей в палисаднике чудеса в решете! Ничего похожего в жизни не видела. Я всегда говорила, что они колдуны.

— Чего всполошилась? Чего хай подняла? Расскажи толком! — приказала прабабушка.

Историю бабушка поведала странную:

— Стою у забора, разговариваю с Никитичной. Она снег от фундамента отгребаёт, чтобы подвал весной не залило. Махнула лопатой под окном, сугроб развалился, а внутри — полянка без снега, и растут на ней два георгина с метр высотой. Никитична глаза вытаращила, лопату бросила и — бегом в квартиру. Клубни-то этих георгинов я сама ей давала, но у меня только проклевываться начали в подвале, а у нее цвести собираются! Может, хочет перебить мне торговлю цветами? Будь неладна! Вот так делай людям добро! Неблагодарная!

Варвара Григорьевна даже застонала.

— Успокойся, два цветка погоды не сделают, миллионы не заработает. А явление интересное. Надо разобраться. Может, вытяжная труба из подвала рядом проходит? Из нее ведь тепло вверх идет.

— Труба далеко и тряпкой заткнута.

— Ничего. Твой сын разгадает этот фокус. И перестань причитать. Ладно бы Петровна о колдовстве заговорила, ей простительно, не грамотная! А ты школу закончила. И не трепи на улице языком, не позорь себя.

— Это дело рук сыночка Никитичны, уж больно он у них умный, — никак не успокаивалась Варвара Григорьевна.

Мы с Лешей не могли усидеть на месте. Не терпелось самим увидеть чудо. Тут же прошмыгнули во двор. Вот и оно! Уставились на высоченные великолепные цветы.

— Снег что одеяло от мороза. Так папа говорил, — вспомнил Леша. — И зеленая трава под снегом — нормально. Но георины — в марте? И, правда, чудо!

— Надо их опять под снег поместить, — предложила я. — Жалко, если померзнут. До тепла еще далеко.

— Что верно, то верно. Чудо надо сберечь.

— Леша, почему чудеса редки?

— Ну, если бы они каждый день были, то какие же это чудеса?! — засмеялся мой друг.

Закончив строить «домик» для цветов, мы помчались к Ане и Наташе, чтобы поделиться интересными событиями.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Пасха. В городе пахнет весной. Знакомые девочки из соседней школы позвали меня в березовый лес. Они сбросились мне на трамвайный билет, и я впервые ехала не «зайцем». Села удобно, в окно все видно! Оглядела салон и заметила старушку. Ну, конечно, сразу встала. Потом еще два раза занимала свободное место и снова уступала. Так и не удалось до конца пути ощутить полный комфорт и удовольствие от поездки. Девочки тоже ехали стоя. Ничего не поделаешь, воспитанность — прежде всего! Хотя при чем тут воспитанность? Не могу же я сидеть, если старый или больной человек стоит. Жалко их. Вышли на последней остановке.

Лес густой и влажный. Теплое солнце прогревало подушку прошлогодней листвы, наполняя воздух сыростью и запахом зеленой травы. Тишина.

— Почему не поют птицы? — удивилась я.

— У них перерыв на обед, — пошутила Рая.

Девочки сделали надрезы на березах и повесили бутылки для сбора сока. Мне жалко было мучить дерево, и я ушла искать уже раненое. Из почерневшей расщелины огромной старой березы тонким ручейком струился сок. «Слезы березы», — подумала я и прижалась к прохладному корявому стволу. Я застыла, окутанная воспоминаниями из другого мира, далекого печального, но такого дорогого мне детства. «Витек, кто теперь сидит около нашей тройной березы? Появился ли у тебя новый друг? У меня еще нет. Такого как ты — нет».

Радостные голоса подружек вернули меня в настоящее. Приложила губы к выступу коры, с которого стекали драгоценные капли. Прохладная, как мне показалась, чуть сладковатая жидкость.

— А почему бы не полечить березу? — пришло мне в голову.

Взяла горсть земли и замазала щель. Но вскоре ручеек пробил дорожку сквозь мою земляную заплатку, и сок опять потек по коре. Тогда я отыскала на соснах несколько упругих наплывов смолы и хорошенько законопатила щель. Подождала несколько минут. Сок больше не вытекал.

— Сама питайся своим соком и расцветай, — сказала я дереву и побежала на поляну к девочкам.

Они уже разложили на полотенцах еду и с удовольствием рассказывали, какие вкусные пасхи напекли им мамы и бабушки. Потом принялись «чокаться» крашеными яичками. Чье разобьется, тот отдает его победившему. Все достались Татьяне. Она радовалась, а подружки приуныли. Тогда Таня раздала нам все целые яички, и мы стали выяснять, какое же из них окажется чемпионом. Последнее, неразбитое, торжественно вручили Тане, но она вдруг объявила:

— Знаменитое яйцо съест тот, о чей лоб оно разобьется!

Скоро лбы у нас покраснели, только «рекордсмен» не хотел сдаваться. Тут Лена всех удивила: достала из сумки странной формы куриное яйцо.

— Ух, какое оно длинное? — удивилась я.

— В нем два желтка, а мешочек для воздуха один, поэтому не получится выжить двум цыплятам. Под наседку оно не годится, и бабушка мне его отдала.

Мы разрезали яичко вдоль и в самом деле обнаружили два желтка.

— Сюрприз! — закричала Вера, — и показала такое огромное яйцо, что я, как открыла рот, так и забыла закрыть.

— Угадайте, чье?

— Страусиное!

— Нет.

— Может, утиное? — предположила Ира.

— Неточки!

Наши познания на этом закончились.

— Сдаемся, — сказали мы хором.

— Про гусей забыли! На мое счастье, оно не поместилось в гнезде, и бабушка подарила его мне на Пасху.

Яйцо мы разделили на шесть частей и принялись уплетать. Наверное, это было самое вкусное яйцо на свете! Потом с наслаждением ели пасхи, слизывали сахарную глазурь с румяных корочек и рассматривали рисунки на «шапочках». Если бабушки пекли, то сверху на пасхе был крестик, усыпанный разноцветным пшеном, а если мамы — то цветочки и волнистые узоры.

Мне надоело сидеть на одном месте. Я взяла большой кусок воздушной ароматной пасхи и отправилась искать сухие ветки для костра. Пасха была так вкусна, что я проглатывала ее, не пережевывая. Неожиданно кусок застрял в горле. Стало трудно дышать. Не могла кричать. Помчалась к девочкам. С каждым шагом делалось все хуже. Ноги подкосились. К счастью, Юля увидела мое странное падение и подбежала. Я хотела попросить воды, но горло свело судорогой. Я корчилась на траве, а Юля от страха визжала. Девочки окружили меня, а что делать, не знали. Мое сознание туманилось. Собрав последние силы, прошептала:

— Во... ды...

Но из груди вырвался сдавленный хрип. Оля по губам прочла крик о помощи, сорвала с дерева бутылку с березовым соком и влила мне в рот. О, счастье! Я почувствовала, как комок, мешавший дышать, медленно опускается в желудок. Долго кашляла и пила сок. Потом полежала немного и окончательно пришла в себя. Вытирая слезы радости, спросила:

— Кто мне жизнь спас?

Юля с Олей засмеялись:

— Мы!

Оля добавила:

— Это моя пасха тебе так понравилась. Спасибо Юле. А то бы я всю жизнь мучилась.

— Ты не виновата, — улыбнулась я. У нас в столовке, когда кто-то закашляется, повариха всегда говорит: «Жадность фраера сгубила».

Все радостно рассмеялись. Потом мы жгли костер, пели песни, с наслаждением смотрели в небо и мечтали. Пришло время собирать бутылки с соком и отправляться домой. Солнечные зайчики бегали по молодым листочкам деревьев. Ветки не желали отпускать нас, цеплялись за шапки, пальтишки. Им же хотелось послушать наши рассказы про всякие веселые случаи...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРНАТОГО ДРУГА

Утро. Окна плачут. Протерла краешек стекла, посмотрела в сторону леса. Недавно он был серый, а теперь апрель набросил на него нежное зеленое покрывало.

Спустилась в парк. В лужах небо отражается тусклой сталью. Усердно квакают лягушки. Пригорок светится желтыми брызгами куриной слепоты. Говорливой толпой идут в школу ребята. Каждый день замечаю перемены. Совсем недавно вокруг было голо, сыро, неуютно и вдруг редкими пучками вылезла травка. А через день она уже всюду. Кажется, только-только каштаны готовились разлущить огромные цветочные почки, а сегодня это случилось. И ветви старых тополей покрылись красно-бурыми сережками. Сирень еще раньше сбросила чешуйки и расправила плотные упаковки светло-зеленых листочков, еще прячущих внутри себя зачатки кистей будущих соцветий. Даже в низине почки деревьев готовы взорваться.

За долгую зиму не все деревья освободились от прошлогодних семян. Пучки сухих вертолетилов городского клена до сих пор шуршат на ветру. Я срываю один, бросаю перед собой и с интересом смотрю, как летит семечко, снабженное легким хвостовым оперением. Оно плавно парит, вращаясь вокруг себя, потом взмывает вверх, подхваченное струей воздуха, и его плоский руль, вибрируя и вздрагивая, еще некоторое время не дает семечку упасть на землю. Удаляясь от меня, оно порхает и приплясывает, выделяет головокружжительные пируэты. Наконец, измучившись, стремительно падает под куст и, застряв в прошлогодней траве, уже не поднимается. Я срываю еще несколько пучков семян и повторяю опыт. Движения те же, но каждое семечко исполняет свой танец, выбирает свою дорогу к тому месту, где может начать новую жизнь.

Налюбовавшись «полетами», залезаю на шершавую ветку белой акации и проверяю скрученные стручки. Семян уже нет. Почки еще не набухли. Акация просыпается позже других деревьев. На кончиках тонких веток березы зимой висели сухие серые сережки. Я думала, что они мертвые и опадут к весне, чтобы не мешать новым цветкам. Но оказалось, что сережки немного подросли. Сорвала одну — внутри зеленая и влажная. Живая. Все известные мне деревья и кусты цветут весной, а осенью созревают плоды и семена, которые к зиме осыпаются. Моя же любимая береза отличается от других.

За дубом слежу каждую весну, но никак не удается разглядеть его цветы! Сначала в лесном детдоме я ожидала ярких или пушистых цветков. На другую весну специально залезла на дерево и обнаружила мелкие зеленые пупырышки, но так и не поняла, то ли уже отцвел дуб, то ли еще только собирается. Ну, теперь-то уж буду каждый день ходить сюда и обязательно разгадаю эту загадку!

Иду березовой аллеей. Деревца стоят в четыре ряда, как офицеры в белых одеждах на параде. Но музыка сегодня во мне не маршевая, а тихая, нежная. Ветер, коснувшись моих ушей, как бы спрашивает:

— Слыш-ш-шишь весну, видиш-шь солнце, чувствуеш-ш-шь радость?..

Начался ельник вперемежку с городским кленом, мохнатые соцветия которого разбросаны по дереву и на фоне голубого неба выглядят акварельными мазками торопливого школьника. Темно-зеленые ели подчеркивают воздушную нежную зелень ив.

Села на скамейку и подставила лицо теплым лучам. Задумалась. Увидела бабочку-лимонницу. Захотела поймать. Я уже устала гоняться, а ей хоть бы что! Откуда она берет силенки так долго махать крыльями? А шмель? Сам толстый, крылья короткие, тонкие, прозрачные. Как они его удерживают? Чудеса!

Сорвала пучок прямых, острых перышек травы, растерла в руках. В нос ударил чесночный запах. Откусила стебелек — ничего, вкусно. Но больше есть побоялась. Съедобный ли? Анна Ивановна рассказывала, что некоторые птицы едят ядовитые ягоды и не умирают. Но то птицы. Нет, обойдусь без чеснока.

Шапки сорочьих гнезд разбросаны по вершинам деревьев. Какая-то птица села на дерево, что росло рядом с моей скамьей. Села и... пропала. И только когда пошевелилась, я заметила ее на стволе. Рисунок на спинке птицы был похож на сучок.

Вдруг внимание привлекли две новые птички. Они садились на дерево друг против друга и, одинаково перемещаясь вверх-вниз, на каждом подскоке одновременно ударяли клювами по стволу. Причем их клювики оказывались все время точно напротив и на одной линии. Как это у них получается?! У обеих в головах звучит одинаковая музыка и помогает не сбиваться с ритма? Ведь ни разу не ошиблись! Птицы не занимались поиском пищи, они оживленно играли, точнее — весело и дружно танцевали! Под чей аккомпанемент? Под музыку весны? Я не могла оторвать от них взгляда. Неожиданно яркий луч осветил птиц, и я ахнула. Дятлы! Конечно, вот красные шапочки на маленьких изящных головках!

Ура! Наш дятел вернулся! И не один, а с подружкой!

А вскоре дятел стал прилетать к нашему столбу и оглашать округу энергичным, четким барабанным стуком. Весь детдом радовался его прилету. Открывались окна, форточки. Взрослые тоже улыбались, слушая звонкую музыку трудяги-дятла.

НОВОЕ ЧУДО

Только успели пропасть серые пятна снега в палисадниках, как на свежую зеленую травку, что буйно росла под окнами соседей моего друга Леша, через невысокий плетень стали слетаться куры. Переполох, который устроили эти глупые птицы, вызвал куда больший панический страх суеверных соседок, чем мартовские георгины! Бестолковые куры почему-то устраивали настоящие пляски. Когда я услышала об этом, то, честно говоря, не очень-то поверила. И Леша потащил меня во двор. К нашему приходу кур под окном не было. Леша вытащил припасенный кусочек хлеба и тихонько заворковал:

— Цып-цып-цып.

Из сараев тотчас высыпали куры и подбежали к злополучному окну. Что тут началось! Куры подскакивали то на двух ногах, то на одной, то с криком взлетали. Воробьи, склевывая хлеб, танцев не исполняли.

Соседки потребовали от Никитичны прекратить колдовство.

— Нашу птицу со свету хочешь сжить? — возмущались они.

Та клялась, что ничего плохого не замышляла, что сама не понимает, откуда на нее свалилась такая беда. А соседки не верят. Они заметили, когда хозяева уходят из дому, танцы прекращаются. Пришлось Никитичне купить себе на рынке живую курицу и выпустить ее при соседях под окно. Она тоже заплясала.

— Вот, я же вам говорила, что это напасть какая-то! Господи, чем я провинилась?

Совсем перепугалась бедная и написала обо всем сыну. Тот в первый же выходной приехал. Что он сделал, неизвестно, только птичьи танцы закончились.

А Лешина бабушка говорила:

— Я же права была! Больно умный у них сынок. Родители малограмотные, а он в университете учится и вечно замышляет всякие страсти.

Объяснил нам «чудо» Саша:

— Заземление у них было плохое, поэтому электрический ток шел по земле. Возникло «шаговое» напряжение. Чем больше шаг у животного, тем сильнее его бьет током. Воробей ведь не танцевал?

— А почему цветы у них под снегом росли?

— Причина та же: электрический ток. Когда он течет по проводнику, то нагревает его. А земля — тоже проводник. Ясно?

— Конечно, — солидно ответил Леша.

Я промолчала, потому что не имела ни малейшего представления ни о токе, ни о заземлении.

ПИСЬМО

Стою у открытого окна. Сеет такой мелкий дождь, что от него не вздрагивают ни листья на деревьях, ни травинки. Белые шарики одуванчиков намокают, но не разрушаются. Отяжелела пыль на дороге. Воздух очистился, промылся. Медовый запах цветов белой акации теперь более насыщенный и сочный.

Вчера барашковые облака стояли на месте, а в верхушках деревьев гулял ветер. Сегодня, наоборот, — на земле тишь, а в небе, на разной высоте, быстро перемещаются горы облаков и быстро меняют свой рисунок.

Вдали грустит кукушка. У самого окна сорока старательно прячет длинный хвост под листья клена. Разглядываю мокрые цветы на лужайке. Почему подснежники голубые? Может быть, синеют от холода? А почему летом цветы всех оттенков радуги? Умно придумано в природе: не все растения сразу зацветают. Сначала — мать-и-мачеха, гусиный лук, куриная слепота, потом — лютики, незабудки, пастушья сумка. Лишь одуванчики не прекращают цветения. Еще вчера их парашютики, смешавшись с тополиным пухом, клубясь, метались по асфальту, а сегодня угомонились, прибились к земле, чтобы вскоре прорасти опять.

Прибежала Лиля. Размахивает конвертом.

— Тебе письмо от мальчика! — радостно кричит она.

Дрогнуло сердце: «Витек!?»

— От кого письмо? — спрашиваю еле слышно.

— От Игоря.

— Какого Игоря? — недоумеваю я.

— Ивлева.

— Почему думаешь, что оно для меня? — уже без особого волнения интересуюсь я.

— Так твое имя на конверте!

Открываю голубой конверт. Читаю: «Здравствуй, дорогой друг!

В последнее время у меня появилось желание сделать что-то особенное. Захотелось написать письмо незнакомой девочке из первого класса детского дома номер один вашего города. Меня зовут Игорь. Я учусь в пятом классе на «пять» и «четыре» и хочу быть врачом. У меня есть мама и бабушка. Мама много работает, а бабушка часто болеет. Я их очень люблю. Но мне не хватает младшей сестренки. Мне хочется, чтобы мы думали друг о друге. Ты понимаешь меня? Я мечтаю о велосипеде и люблю возиться в кабинете биологии. Давай переписываться. Игорь Ивлев».

Прочитав письмо, я задумалась: «Наверное, у него, как и у меня, тоже есть свое царство белых облаков и, когда ему грустно, он улетает туда и набирается радости. Раньше наши фантастические страны не соприкасались, потому что сказочное царство бесконечно большое, даже больше, чем Земля. А теперь они пересеклись. Здесь сливаются наши души и могут разговаривать, понимать друг друга».

Девчонки завидовали мне. Письмо переходило из рук в руки.

И вдруг у меня перед глазами встало лицо Риммы. Я занервничала и вновь почувствовала свою вину. Мне захотелось поскорее каким-то способом оправдаться перед собой. Успокоить себя.

...Римма уже три года жила в детдоме. Но ее никто не понимал, никто не хотел с нею дружить. И не потому, что лицо у нее неприятное, точно смазанное жиром, и черные волосы всегда какие-то липкие. Это ерунда. Что-то в ее характере было отталкивающее, нудное, скучное. Какая-то особенная назойливость проступала. Она приставала к каждому, набивалась в друзья, унижалась, старалась вызвать жалость к себе, преданно заглядывала в глаза. При первом знакомстве я попыталась побороть в себе брезгливость.

Я даже не возмутилась, обнаружив ее утром в своей постели (она сказала, что не хотела идти в свою комнату). Я сочувствовала ей, хотя сама старалась не ссориться с девочками и не обижаться по пустякам. Но когда Римма пришла ко мне снова, я смущенно сказала, что занята, и пообещала встретиться с нею в воскресенье, втайне надеясь, что она поймет вежливый отказ и больше не подойдет. Мне было жаль странную девочку. «Она же, наверное, не виновата, — думала я. — Характер у нее такой. Ей и самой от него плохо». Я вздохнула и занялась уроками.

А утром по длинным коридорам поползла жуткая новость: «Римма сбежала из детдома и попала под поезд». Я почувствовала себя виноватой. Мне сделалось плохо. Многие девочки грубо прогоняли ее. Но почему это случилось именно после разговора со мной? Может, она искала во мне пристанище? А я не приняла ее. Не стала подругой. И она не выдержала. Может, кто-то еще сильнее обидел ее в последний день? Тогда я не виновата.

Камнем на сердце легла мне память о Римме. «Она была старше меня. Я же не могла убедить ее постараться стать другой? Не могла. Не сумела понять? Но я же видела ее только два раза! В лесном детдоме моя подружка Валя училась плохо, ее считали неполноценной, но она была веселой, доброй, приятной. А Римма училась нормально, но почему-то отталкивала от себя. Для некоторых и я странная. Ведь называют же меня иногда девочки «чокнутая». Ну и пусть! Все мы разные... А письмо.... Не хочу! Оно не нужно мне! Если бы оно попало к Римме, то, может быть, у нее появилось бы свое царство белых облаков, которое спасло бы ее. А теперь письмо лишь напоминает о несчастье и моей вине. Я смяла его и бросила за окно. Лиля, не понимая, смотрела удивленно и растерянно. Мне стало неловко, будто сорвала злость на мальчике. Он-то тут при чем? Написал хорошее, доброе письмо.... Немного успокоившись, выглянула в окно. Девочка, подобравшая письмо, как раз читала его. Она спрятала листок под майку и, прижав руки к груди, как в полусне, улыбаясь, побрела вдоль длинного серого здания.

ПРОЩАЙ, ЛЕША

Сегодня я раньше времени пришла к Леше. Около его дома вдоль палисадника из земли торчат маленькие крепенькие расточки цветов. А осенью здесь были огромные, много выше моего роста стебли с разнообразными и удивительно красивыми головками георгинов.

— Это мое хобби, моя любовь, забота и отвлечение от мелочей жизни, — говорил тогда отец Леши.

Стою за яблоней, жду, когда друг сам выйдет. Мое внимание привлекла полная женщина с двумя ведрами пищевых отходов. Она поставила на лавочку у Лешиного крыльца одно ведро и крикнула:

— Варя!

Тот час в дверях показалась бабушка, и стала доставать из-под отходов кульки.

— Разворачивай скорей, пока не промокли. Пришлось долго ждать у дыры в заборе. Сторож все не уходил.

— Так помои-то разрешают брать?

— А вдруг проверит? Сунет палку в ведро, — вмиг с работы слечу. Кто тогда внука растить будет? Поскорее! Ты не одна у меня, — торопила женщина.

Она развернула мокрую, плотную бумагу и выложила на стол хлеб, белый батон, кусочки масла и сыра. Варвара Григорьевна быстро обрезала промокшие корки хлеба. Теперь я поняла, почему хлеб у них на столе иногда без корочек. Тут женщина повернулась ко мне лицом, и я узнала работницу нашей кухни. Два чувства боролись во мне: Лешкина семья бедная, и им надо помогать, но кухарка ворует с нашего стола? Мы всегда выходим из столовой голодные, порции у нас маленькие, постные. На душе стало гадко. Во рту появилась странная горечь. Я стояла в нерешительности: уйти или остаться?.. Тут прозвучало мое имя.

— Отвадить ее надо. А то, глядишь, вещи начнут пропадать. Да и что хорошего может наш мальчик получить от беспризорной? Еще заведет в какую-нибудь дурную компанию! Хиба ж (разве) может быть путевым детдомовский подкидыш? — говорила прабабушка.

— Ну, вы, мама, не совсем правы, — донесся голос бабушки. — Может, ее родители на войне погибли?

— А родня где? Почему не взяли к себе?

— У нас после войны племянница Лена год прожила, так, помните, сколько намаялись с ней!? А если на всю жизнь?..

Сердце мое сжалось. Я же не ела их хлеб, понимала, что бедные. Подозревать меня в воровстве?! Я — и вдруг воровка!? Да еще у своего друга! Задыхаясь от обиды, помчалась, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза. Они уже иссыкли, а я все бежала и бежала. И вдруг врезалась во что-то мягкое. Незнакомая женщина сказала с сочувствием:

— Что с тобой? Чуть с ног не сшибла! Так и под машину угодить недолго.

Я тяжело дышала. Стучало в висках.

— Успокоилась немного? — я опять как бы издали услышала участливый голос. — Вот и хорошо. Теперь иди.

Мне стало легче, и я медленно побрела в сторону детдома. Шла и думала: «В твой дом, Леша, я больше никогда не приду! Хороши твои приветливые родственники! Придуривались. А зачем? Не хотели обидеть? Мне такая забота не нужна! Захочешь, сам приходи к нам. Я не смогу смотреть в глаза твоим бабушкам. Когда вырасту, в моей семье будет все по честному, по-доброму, без криков и унижений».

Не заметила, как поднялась на свой этаж. В коридоре тишина. Значит, все ужинают. Зашла в комнату и увидела дежурную воспитательницу с моим «дневником» в руках. Она тоже не ожидала меня увидеть и растерялась, но строго спросила:

— Что это?

— Дневник. Пишу... — ответила я, заикаясь. — Пишу для своего друга из дошкольного детдома.

— Можно почитать?

— Нет.

— Знаешь адрес друга?

— Нет.

— Я заберу твои бумажки. Нельзя хлам под кроватью собирать!

— Тогда... порвите при мне, — сказала я еле слышно.

Шевельнулась тоскливая мысль: «Еще одно несчастье на мою голову. Ну и пусть...» Ждала приговора в полном оцепении. Воспитательница молча положила листочки на стол и вышла из комнаты.

Долго не могла прийти в себя... «Она — Человек! Настоящий Человек...» — бормотала я сквозь слезы, уткнувшись в подушку.

ЧТО ОТВЕТИТЬ?

После уроков ко мне подошла Анна Ивановна и странным, неуверенным голосом предложила пойти к ней в гости. Я почувствовала: волнуется. Неужели боится, что откажу? А я согласилась с радостью. Шли по крутому спуску молча и медленно. «Почему меня позвала?» — в который раз спрашивала я себя.

Почти у самой реки стоял небольшой домик, окруженный садом. Мы вошли в коридор. Всюду длинные связки лука. Дальше небольшая, чистая комната. В ней стол, книжная полка, кровать, два стула, сундук. На выскобленном полу лоскутные дорожки. А на стенах: вышитые крестиком и гладью цветы, лошади, олени. Зачем-то на кровати много подушек.

Анна Ивановна налила мне чаю. Первый раз в жизни я видела пирожное, трехслойное, с розовыми цветочками из крема. Я боялась его взять, но учительница мягко сказала: «Это тебе». Я ела и думала: «Что она хочет сказать? Почему не решается?» Анна Ивановна продолжала смотреть на меня. Потом очень тихо заговорила о том, как она одинока, еще о желании иметь такую дочку, как я. И про то, что двум одиноким людям лучше жить вместе.

— Потом я выдам тебя замуж. А когда умру, ты останешься жить здесь. У тебя будет свой дом, — добавила она.

Ее последние слова как-то не дошли до сознания. Мне казалось, я всегда буду в детдоме. Самые разные мысли пронеслись в голове. И как это Анна Ивановна может умереть? Не должна, не должна! Умирают чужие, незнакомые люди. Я настолько разволновалась, что лишь растерянно спросила:

— А я смогу быть Вашей дочкой?

Увидев мое замешательство, учительница поторопилась успокоить:

— Не спеши с ответом. Потом скажешь. Если не захочешь, будем считать, что никакого разговора не было.

После этих слов она проводила меня за порог. Я возвращалась взволнованная и растревоженная. Мысли путались в голове. Радоваться ли мне? Предложение хорошее или плохое? Анну Ивановну я очень уважаю, просто обожаю! Люблю ли? Человека любишь, если без него плохо. А я после уроков Анну Ивановну редко вспоминаю. Вдруг не полюблю по-настоящему? Она умная, все поймет, и обе будем страдать. Ведь даже в комнате, если девочки не очень подходят друг другу, им тяжело жить вместе. А тут семья! Раз она меня выбрала, значит, считает хорошей? Может, привыкну? Мы с ней будем жить дружно, не как в семье у Леши. И все же боюсь. В семьях все так сложно и непонятно! Но гадости делают плохие люди. А может, она мне будет бабушкой? Мамой, бабушкой и учительницей одновременно? Не понимаю. Каша в голове. Господи, что мне делать?

УСПЕХ

В нашем парке есть площадка, где каждое воскресенье проходят выступления лекторов, артистов, детей. Лекции читают очень серьезные тети и дяди. Я редко захожу сюда. Но сегодня среди выступающих детей должна быть Лида из нашего детского дома. Любопытство заставило меня отодвинуть все планы. Я не очень внимательно слушала первые номера, все ждала, когда появится моя знакомая. И вот на сцену выскочила цыганка. Цветастая шаль развевалась вместе с подолом широкой юбки, как крылья огромной птицы. Лида остановилась, высоко подняла голову и медленно поплыла по кругу. Лицо напряженное и бледное. Глаза полузакрыты. Темп музыки изменился, и ворох ярких юбок взметнулся, понесся с головокружительной быстротой. Ноги в черных чулках мелькали, будто не касались пола. Платок скользил в руках, обнажая плечи. Вдруг Лида преклонила колено и затрясла плечами. Звон украшений и стон скрипки слились воедино. Опять застучали каблучки. Девочка сделала глубокий поклон и под аплодисменты умчалась за кулисы.

Во время танца на лице Лиды я впервые увидела настоящее вдохновение. На сцене была истинная цыганка! Я даже забыла, что девочка светловолосая и голубоглазая. Изумляющая перемена! Как несет себя! Прямо артистка! Куда пропала серенькая, медлительная школьница? Я гордилась Лидой. У меня появилось желание самой научиться чему-то красивому, особенному, что могло бы тронуть сердца других. Я долго бродила по парку, пытаюсь представить себя в тех или иных ролях.

А вокруг шумела весна, гремела музыка, ярко светило солнце.

ШРАМЫ

Сегодня я получила три пятерки, и мне не терпелось сообщить об этом Петинной бабушке. Прибежала раньше времени. Заскочила на кухню, отвела рукой пеструю занавеску и в растерянности замерла. Я впервые увидела маму Пети раздетой. Она стояла в корыте, а бабушка из кувшина лила ей воду на спину. Я тихонько отступила назад. Почему у тети Зины вся спина покрыта огромными жуткими шрамами? Она же не воевала? Вечером не выдержала и спросила:

— Бабушка, откуда у тети Зины такие ужасные шрамы? Я случайно увидела, когда она мылась на кухне.

— То-то мне показалось, будто кто мелькнул за шторкой... А шрамы... В войну пединститут, где училась Зина, сначала на окопах под Курском был, а потом их в Мордовию эвакуировали. Работала учительницей, жила на квартире. По утрам сапоги к полу примерзали. Голодала. За бостоновый костюм ей на рынке дали чугунок картошки. Рассказывала: воды в кастрюлю нальет, половину картошки натрет и варит. Это на день вся еда. Выпьет болтушки — и к детям. А они русский плохо понимали. Пока растолкует урок, — согреется. Потом пальто на еду сменяла. Скоро ни еды, ни одежды не осталось. Застудилась. Чирьями все тело пошло. Стала уж помирать. К счастью, отец в командировке был в тех краях. Селедку ей привез, сухари. Но, увидел в каком она состоянии и забрал в свой лазарет. Там и выходил. Только шрамы остались.

— Что ж никто ей не помог?

— Местные жители тоже на подножном корму жили. Только и мечтали — до лета дотянуть. Зимой кору с деревьев сдирали и ели, а весной из лебеды борщ варили. Я-то в родной деревне осталась. Перед войной год был урожайный. Заработанное в колхозе зерно продать не успела. Вот с картошкой, думала, управлюсь, а там уж по мешочку и переносу в город. Повезло, что не продала. Всю войну по горсточке расходовала... А в сорок шестом с Украины люд к нам полз с голодухи. Ох, бедовали... Я на ферме лучшей дояркой считалась. Да какое молоко, если по весне коров на веревках подвешивали, не могли они сами подняться. Я для своих буренок с санками ходила далеко в поле, из-под снега полусгнившую солому выкапывала. Плачу над ними, и у коров тоже слезы текут...

— А почему Петина мама ничего этого не рассказывает? — удивляюсь я.

— А что душу-то зазря травить? У всех своего горя хватает. Если бы радость какая.... Радости только и оставалось, что живы, что солнышко светит, да дети и внуки рядом. Может, ваша доля лучше сложится? Посмотреть бы, что будет. Успею ли? Годочки ой как быстро летят!

— А у меня не быстро. Неделя как целая вечность. Еле до воскресенья дотягиваю.

— Мне бы твои годики вернуть, с каким желанием училась бы! А то все образование — два церковных класса и коридор. Ох, намаялась сегодня, устала...

Бабушка засыпала. Я тихонько вышла. Мне-то до семи часов можно спать, а ей в половине пятого уже на ногах быть.

СЫНОК

Иду к Пете. Справа от дороги растут молодые сосны, слева — березки. Порыв ветра прошуршал в их ветвях и улетел. А запах молодых листочков и почек, что разбухли, как жуки, остался. Я не тороплюсь. Люблю пригород — он напоминает мне деревню. Подхожу к колодцу, а там очередь. Женщины, набрав воды, не торопятся уходить. Почему? Интересно... Прислушалась. Одна, приложив руки к губам, проговорила:

— Приходите вечером. Сала не обещаю, а картошки с пахтой вдоволь будет. Помянем моих сыночков.

Потом, оглянувшись на меня, шепотом добавила:

— С заупокойной некому съездить. Плохо без церкви-то.

Другая женщина задумчиво предложила:

— Бабоньки, может, в Москву отписать, попросить, чтобы девятое мая праздничным днем сделали? Ведь день великий и память великая. А?

— Услышат ли? До Москвы далеко. Если только в сельсовете посоветоваться? — засомневалась третья.

Пришла к Пете, но застала только бабушку Дуню.

— Скажите, пожалуйста, что такое девятое мая? — спросила я с порога.

Бабуся, бойко управлявшаяся на кухне, сразу сникла. По лицу серой волной прошла тень. А после и слезу смахнула. «И чего я вечно суюсь со своими вопросами?» — занерничала я. Бабушка тронула мое плечо и сказала:

— Не переживай за меня, о сыне печалюсь, сколько буду жить, столько и буду о нем плакать. Все война проклятушая...

Она открыла сундук, достала аккуратный белый узелок и, не торопясь, развязала. Сама с минуту смотрела на фотографию, потом мне подала. Худенький, белобрысый паренек, с автоматом через плечо, который никак не вязался с его пухлыми губами и детским выражением лица. Медаль на груди не прибавляла ему ни мужественности, ни взрослости. Пока я разглядывала снимок, бабушка прижимала к груди медаль и горку писем-треугольников.

— Вот это прочти, — попросила она.

Я развернула треугольник — обыкновенный листок из школьной тетради.

«Дорогая мамочка! Шлю тебе привет из-под города Чары. Здесь состоялось мое первое крещение. За один этот бой я, наверное, больше повзрослел, чем за месяцы рытья окопов. Детство сразу ушло, когда стали погибать товарищи. А меня твои молитвы хранят. И твоя любовь. Получил медаль за храбрость. Можешь гордиться мной. Теперь я не только петь и на гармошке играть умею. Я — защитник Родины. Мама, немецкого гада мы обязательно победим!

Здоров. Твой сын Петр».

Я замолчала. Взглянула на седые волосы бабы Дуни, на скорбное, морщинистое лицо... И вдруг мне представилась ее горем израненная душа белой березой с черными зарубками на стволе...

— Всего полгода воевал сынок. Через месяц после того, как объявили Победу, пришло от него последнее письмо. Писал: «Ура! Победа! Скоро буду дома!» Не доехал... Пропал без вести...

Я прижалась к бабушкиной щеке. Наши горячие слезы текли по моим рукам.

Вечером, вспомнив письма-треугольники, спросила с моей дурацкой наивностью:

— Бабушка, почему у дяди Пети плохой почерк? Он был троечником?

Она ничего не ответила, лишь взглянула на меня далеким, печальным взглядом.

Я поняла: плохой почерк — это такая малость! Был сын. А теперь его нет.

А НАУТРО ВОРВАЛАСЬ ВОЙНА

— Бабушка Дуня, вы помните, как началась война? — спросила я.

— Все помню, дитяtko. Жила я тогда под Курском. В тот день возилась на огороде. Вечерело. А солнце красное, и будто в малиновых облаках купается.

— Быть завтра ветру: вон, зарево какое пылает. Не люблю такой закат. — Это, соседка Наталья, так сказала.

Я уже дела на огороде заканчивала, а тут другая соседка меня окликнула:

— Евдокия, посмотри на солнце. Чудится мне или впрямь Господь знак нам подает?

Я глянула и остолбенела. Рядом с солнцем крест горит. Красный, огромный! Хотела перекрестить себя, а руки от страха занемели. Как сейчас слышу голос Михайловны: «Быть большой беде». А уж она-то за свои девяносто два года всякого повидала. Хоть побаивались люди ее жутковатого взгляда, но верили. Совсем страшно стало от ее слов. Домой пришла как с похорон. А душу не с кем облегчить. Дочь на учебе в Курске, Петя на гулянье. Без его гармошки ни один праздник не проходил. Прилегла. А сна нет. Крест перед глазами стоит. Не случилось бы чего с Петей. Слава Богу, — шаги в сенцах.

— Петя, ты? — спрашиваю.

— Я, — отвечает. — Чего не спите? Если из-за меня волноваться станете, то гулянье мне будет не в радость.

На кровать ко мне присел и говорит:

— Скорей бы два года пролетели. Окончу школу, выучусь на заведующего клубом, и больше не будете мешки с картошкой в город таскать.

Хорошо мне сделалось, покойно. Луна в окошко светит, ясно Петино лицо вижу.

— Какая вы у меня красивая! — вдруг сказал он.

Прикрыл одеялом и пошел спать. А заметил Петя мою красоту потому, что милая девчушка покорила его сердце. И любовь к ней сделала его еще нежнее и чувствительнее. Помню, подумала тогда: «Не обойди, Господи, своей милостью сыночка моего». А утром началась война.

НЕТ НАДЕЖДЫ

Воскресенье. Я снова у Пети. Бабушка Дуня сегодня странная: тихая, задумчивая, ходит как во сне, задевая углы в полупустой хате. Я не пристаю к ней. Но время идет, а бабушка молчит.

— Что-то здесь не так, — не выдержала я. — Ба, а ба, что с вами? И обедать почему-то отказались?

И тут ее прорвало. На пухлые, красные от горячей воды, руки закапали слезы.

— Все, детка, все! Не надо мне больше ждать сыночка! Господь не позволяет. Сказал, что нет его в живых. Девять лет ждала, надеялась. Ведь не было похоронки! Без вести пропал. Вон у покойницы Михайловны через пять лет правнук вернулся. Я думала: может, и мой сынок память от контузии потерял, и судьба так повернулась, что жить за границей ему пришлось. Чего война с людьми ни делала.... А теперь все. Нет надежды!

— Да что случилось, бабушка?

— Сон привиделся. Петенька мой весь оборванный, в солдатской одежде, босиком стоит передо мной и говорит: «Холодно мне, мама, нет душе покою. Что ж вы не поминаете меня добрым Божьим словом в церкви? Или я плохим сыном был?» Проснулась... Казалось, что с ума схожу, не чувствую где сон, где явь.

— Да нет! — кинулась я успокаивать бабушку. — Сон — это то, о чем думаете.

Тетя Зина, услышав конец нашего разговора, жестом дала мне понять: «Не разуверяй» — и стала предлагать матери имена старушек, которые могли бы съездить в город и отслужить заупокойную службу.

— Бабушка, — простодушно попросила я, — вы думайте, что внук Петя — вроде как сын ваш. Вам тогда будет чуточку легче.

— Ой, детонька, не бывает так! Сыночка никто не заменит, — вздохнула она.

Я не знала, что на это ответить, и только сильнее прижалась к бабушкиному плечу.

СЧАСТЬЕ ЛИЛИ

Последнее время Лилия не находит время погулять со мной. Сегодня опять иду одна по садовой аллее. Уже отцвели деревья и кустарники, появилась молодая завязь плодов. Осторожно раздвинула колючие ветки крыжовника, чтобы сорвать ягоду, и увидела то ли маленький пестрый коврик, то ли букетик желто-серых цветов. Прикоснулась. Оказывается — это полное гнездо плотно прижатых друг к другу птенцов с раскрытыми клювиками! Пока смотрела, они не издали ни единого звука, даже не шелохнулись! Надо мной беспокойно вилась красивая серо-голубая птичка. Я тихонько отпустила ветки.

Вернулась в детдом. Зашла к Лиле в комнату. Сажу неподвижно, как те птенчики в гнезде, наблюдаю, как она учит уроки. Лилия читает про себя текст, закрывает книгу и на листочке мелким почерком рисует незнакомые крючки и картинки. Снова читает, закрывает глаза и, чуть шевеля губами, долго повторяет урок. Иногда лицо ее почему-то расцветает розовой фиалкой.

Когда она открыла глаза, я спросила:

— Стихи учишь?

— Физику. Мало понимать предмет, хотя это тоже очень важно, его надо знать. Я по памяти записываю текст, а потом еще проговариваю шепотом.

— А я все сразу запоминаю.

— Это потому, что в школе вам еще мало задают. Возьми карандаш, порисуй, не отвлекай меня.

Я не обижаюсь на Лилию. К экзаменам готовится. Вдруг она опять замерла с мечтательной улыбкой, потом испуганные ресницы взлетели к бровям, она нахмурилась и, обхватив плечи руками, снова взялась за уроки.

Наконец Лилия захлопнула учебник и сама потащила меня в парк. Я в восторге! Даже залезла ей на плечи и гордо оглядываю прохожих. Пусть смотрят, какая у меня хорошая сестричка! Но я — наездница сознательная. Погладив напоследок ее черную корзину кос, соскакиваю на землю. Мы садимся на мою любимую скамейку, окруженную березами.

— Лилия, ты сегодня будто загадка. Что-то случилось?

— Только тебе скажу. Счастье боюсь потерять. В городе есть педучилище. Я столько раз стояла возле него и думала: «Если уж с мечтой о пединституте пришлось расстаться, так попасть хотя бы в училище!» И вот перед Новым годом стою у входа, и до того грустно мне стало, что слезы потекли. Ничего не вижу вокруг. Слышу, кто-то спрашивает:

— Девушка, я могу чем-нибудь помочь?

Парень, интересный, лицо доброе. В первый момент хотела убежать. Никогда с чужими не разговариваю. А тут взяла и выложила ему свои беды. Он тоже о себе рассказал: Живет со старенькой мамой, вечером учится в училище, днем работает на заводе. Я даже не подала ему руку на прощание. Разволновалась, смутилась. Теперь мы по воскресеньям встречаемся и беседуем.

— Ты с ним целовалась?

— Откуда у тебя такие глупости в голове?!

— Не сердись. От девочек слышала.

— Мне кажется... — сказала Лилия и чуть покраснела, — что я... нет, не буду торопить события. Пока не стану ему говорить про свою любовь. Ты представляешь, если я закончу седьмой класс на отлично, то меня возьмут в педучилище без экзаменов! Только бы суметь договориться с училищем, куда меня распределили! Мама Анатолия — учительница. Она ходила к нашему директору с просьбой помочь мне. Он обещал. Мы обнялись с Лилей, и я готова была заплакать от счастья. И тут заметила тоненькое

деревце, которое склонило белый шар цветов почти до земли. Одна веточка отщепилась от ствола, и коричневая рана увеличивалась, когда порывы ветра трепали вишню. Лиля расплела косу и тесемкой прикрепила ветку к стволу. А я оторвала от плаща кусок подола, привязала деревце к спинке скамейки и сказала:

— Так крепче будет.

— Ты же плащ испортила! — испугалась Лиля.

— Не испортила. Он длинный. Ты думаешь, вишня выживет?

— Будем надеяться. Нашла же силы зацвести. И клей ей в этом поможет. Вот он, густой, липкий и светится как янтарь.

— Может, это не застывший сок, не клей, а слезы, которые не высыхают. Правда, деревце, будто в подвенечном платье!

— Ты, как всегда, фантазируешь. Есть в тебе склонность к метафоричности, — улыбнулась Лиля.

И в этот момент она показалась мне похожей на нашу вишню.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Бабушка Дуня разбудила меня рано. Двор был еще влажный от росы. Холодок пробежал между лопаток. Захотелось опять нырнуть в постель, но... я быстренько бросила в лицо горсть ледяной воды и вытерлась полотенцем, висевшим на проволоке.

— С чего начнем? — бодро спросила я бабушку.

— Гуся надо зарубить.

— Бабушка, а может еще кто? Курей я уже научилась резать, а на гуся рука не поднимается.

— Некому, детка. Дядя Коля с Петей ушли в поле. Руки мои слабые стали, не удержат гуся и топор.

— Ну, ладно. Только я держать буду, договорились?

— А сможешь? Он ведь ох, как затрепыхается, когда душа из него выходить станет.

— Разве у животных есть душа? Может, и у растений тоже?

— Не знаю. У Бога все воедино связано.

— Бабушка, и вам жалко животных резать?

— А ты как думаешь! Я ведь ухаживаю за ними. Да что поделаешь, так жизнь устроена. Мне и цветы рвать жалко. Но я так рассуждаю. Птичку вольную или скотину какую дикую убивать — это против Бога. А вот то, что человек сам растит для своего проживания — не грех. Не против природы.

Гусь в моих руках бился сильно и долго, даже сумел выпростать крылья. Но я, закрыв глаза, терпела, когда он хлестал меня по лицу. Потом он подрожал еще немного и обмяк. Я дрожала вместе с ним. Пыталась вспоминать, как он щипал меня за ноги. Не помогало. Все равно жалко...

Второго гуся держала бабушка. А я, глубоко вздохнув, взмахнула топором... и убежала к соседке. Бабушка вскоре позвала:

— Иди. Надо гусей обработать, пока не застыли. А то замаемся потом.

Надо, значит, надо. И я учусь, не испортив кожи, выдергивать пух.

— Знаешь, смотреть, как теленка осенью режут, не могу до сих пор, — призналась бабушка Дуня. — По утрам все лето отвожу его пастись, в обед пою теплой водой. Вечером, когда возвращаемся домой, он взбрыкивает радостно, тычется влажной мордочкой в ладони. Они же хлебом пахнут. А то вдруг помчит меня по лугу через лопухи. Юбка за колючки цепляется, вся в репьях! Как удержать такого шустрого на веревке!? А еще раньше, в марте, помаленечку приучала к пойлу... От него молоком пахнет, лижет он мне лицо и тощим боком прижимается. Никак не хочет отпускать. Голову положит мне на плечо и трется. Говорю ему: «Отстань!» А он понимает, что я не сержусь, на самом деле люблю его, и от радости мычать начинает. А голос-то детский, срывается. И такой весь, как дитя доверчивое! Ноги скользят, расползаются в разные стороны. Пол — то на кухне гладкий. Упадет, кричит жалобно и все встать пытается...

С гусями возимся и час, и два. Я собираю пух в одну сумку, перья — в другую и делюсь с бабушкой Дуней своими заботами.

— ...Недавно говорит мне Анна Ивановна: «У тебя все пятерки за год, кроме письма. По чистописанию тебе натянула четверку». Ну, разве не обидно? Я от стыда и злости на себя отвечаю: «Лучше бы тройку поставили!»

— Чудачка ты, — усмехается баба Дуня. — Анна Ивановна поставила тебе четверку авансом. Значит, верит, что станешь терпеливее, старательней. У тебя тройки за грязь в тетрадках или за ошибки?

— За мазню.

— Вот видишь! Я права.

— Вы знаете, а я про Толяна часто вспоминаю. И в дневнике записала: «Толя, я помню тебя».

— Друзья детства — друзья на всю жизнь, — задумчиво произнесла баба Дуня.

— А мои знакомые инвалиды войны — дядя Валя и дядя Ваня, — ну, те, что были на каталках, работают в нашей школе. У них теперь ноги железные.

— Директор помог?

— Да. И еще Анна Ивановна. Я к ней обращалась. А мой друг Андрей уехал в военное училище. Я его спросила: «Ты будешь убивать людей?». А он ответил: «Я не могу стрелять в людей. Моя специальность — чинить самолеты. В военное училище пошел из-за государственного обеспечения». Он просил меня учиться десять лет, чтобы находиться под присмотром учителей. Бойтся за меня, потому что я слишком самостоятельная. А Лиля будет учительницей. Мама ее друга Анатолия не хочет, чтобы она работала и училась. Пусть, говорит, наша Лилия учится с удовольствием. Мама Анатолия сказала, что, когда Лилия выйдет замуж, на нее свалится много забот, и тогда она будет вспоминать годы учебы как самые счастливые.

— Что-то ты, детка, сегодня такая встрепанная?

— Почему так думаете?

— Говоришь скороговоркой. Вроде гнетет тебя что-то, а?

— Верно, бабушка, почувствовали.

И я вздохнула:

— В последний раз к вам пришла. К родственникам меня отвозят.

— Боженька смилостивился! Рада за тебя. Какое счастье!

— В самом деле?

— Семья для человека — самое главное, самое важное в жизни. Что бы человек ни делал, к чему бы ни стремился — все во имя семьи, для семьи. Запомни, семья — это маленькая родина, именно с нее начинается большая Родина. В крепости семьи сила и надежность страны.

— А у меня сразу большая Родина... Я боюсь ехать...

— С твоим характером, в любой семье приживешься. Все тебя будут любить.

— А вдруг они плохие?

— Плохих людей мало. Такие и не взяли бы. Берут ребенка, когда очень хотят. Наверное, у них нет своих детей и им некого любить. Что же ты вчера вечером не сказала?

— Не решилась.

— Надо отпраздновать твой отъезд. Попрощаться по-людски. Гусей завтра продам. Ботинки у Пети износились. А вот потрошки на ужин оставлю. Ты сегодня будешь есть мяса досыта, как мечтала. Помнишь?

— Спасибо, — тихо ответила я.

— Давай управляться поскорей, — сказала баба Дуня, тайком утирая слезу.

— Давайте, а то все с поля придут голодные. Тружеников кормить надо, — повторила я любимую фразу бабушки. И мы рассмеялись.

— Тамара, соседка! — крикнула бабушка Дуня через плетень. — Как повезешь обед муженьку, попроси моих пораньше вернуться с работы. Проводы у нас.

— Кого провожаете?

— Внученьку мою младшенькую.

— Хорошо, Ивановна, обязательно заеду.

— Детка, чего нос повесила, не бойся. Новое — всегда связано с надеждой на лучшее. Вот приходит Новый год, — так все счастья ждут...

Вечер был теплый и безветренный. Ужинали во дворе. За столом сидели тихо. Только дядя Коля пытался развлечь всех веселыми житейскими байками.

До автобуса меня провожали Галя и Петя. Галя, не выдержала, заплакала.

— Чего ты? Не надо. Не надо, — твердила я.

— Радуюсь за тебя и горюсь о себе. Про папу вспомнила. Только на карточке и вижу. Хоть бы тебе повезло. Бабушка Дуня будет молиться за тебя. Может, когда вырастешь, приедешь к нам?

— Обязательно! Я всегда буду помнить вас, — горячо заверила я.

Автобус пришел полупустой. Я стояла у заднего окна, и все махала и махала тем, кого хотела, но не могла различить из-за слез.

ПРОЩАНИЕ С СЕМЬЕЙ ИРИНЫ

Сегодня я не сбегая из детдома, а попросила разрешения у дежурного воспитателя сходить в город попрощаться с подругой. Иду самой короткой дорогой через парк мимо фонтана. Шаловливый ветер бросает на людей пригоршни алмазных брызг, они разлетаются далеко за гранитный бордюр. Солнечные блики скользят по лицам. Огромная радуга то поднимается на вершину мощной центральной струи и начинает полоскаться на ветру, как многоцветная шелковая ткань, то опускается к воде, и тогда ее дрожащая поверхность переливается непрерывно меняющимися, неповторимыми красками. Из аккуратно вычерченной, яркой и неподвижной в безветрие радуга превратилась в живое существо! Сильный порыв ветра понес водяную пыль на асфальт, и рядом с фонтаном заплясало небольшое расплывчатое цветное сияние. Такое же чудо возникло и в скоплении невысоких струй над черным мраморным кольцом, по которому ходили дети. Недолго резвились маленькие радуги. Сердитый ветер разорвал их в клочья, закрутил вихрем и унес ввысь. Зато большая радуга продолжала и продолжала плясать! Фонтан орошал мелкой дождевой пылью каменные плиты своего обрамления и мое возбужденное лицо.

А люди торопливо бежали по аллее, не замечая чудес. Я выбрала не очень спешившую тетю и сказала:

— Гляньте, красота какая!

Она удивленно посмотрела сначала на меня, потом на фонтан.

— Похоже на северное сияние, — сказала она и улыбнулась.

Потом погладила меня по волосам и пошла дальше. А я все стояла, зачарованная сказочной картиной. Ветер трепал мои шаровары, брызги летели в лицо, но я не замечала этого. Я была далеко, в другом мире, на другой планете. Я даже придумала красивую фразу: «Планета моей мечты». Три радуги! Может, это подарок фонтана мне на прощанье?..

— Меня нашли родственники. Завтра уезжаю, — сказала я Ирине с порога.

— Видишь, и тебя счастье нашло! — воскликнула подруга. А мы с мамой сегодня ходили к директору моей школы, показывали твои рисунки и тебя обещали записать в первый класс.

— Как это, в первый класс? Я же перешла во второй!

— Чудачка, не в простую школу, а в художественную.

— Куда ты уезжаешь? — спросила мама Ирины.

— Не знаю.

— А к кому?

— Тоже не знаю. Сказали, что воспитатель отвезет меня в другой город к родственникам.

— Все у тебя будет хорошо! А сейчас мы устроим тебе маленький праздник, — сказала Альбина Георгиевна.

Ирина и ее папа ходили в магазин и принесли две красивые коробки.

— Ты знаешь, что такое мороженое?

— Слышала, — ответила я, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

В коробке оказалось четыре мороженых: шоколадное на палочке, в картонном стаканчике с цветочком наверху, в вафельном стаканчике с вишней и в бумажном пакетике.

— А какое можно взять?

— Все! — засмеялся папа Ирины.

— А можно от каждого попробовать по кусочку?

— Договорились. Хочешь узнать, что в другой коробке? — спросила Ирина. — Смотри! Целый набор пирожных! И тоже все разные!

Я радостно воскликнула: «Такое слоеное с розочками, я знаю!»

— Будешь пробовать все?

— Если можно, конечно, — ответила я, смущенная таким вниманием.

— Тебе сегодня все можно! — воскликнула Ирина, радуясь моему предстоящему счастью.

— Мне... чуточку грустно... — вздохнула я.

Защекотало в носу.

Но Петр Андреевич не дал моим слезам воли. Он высыпал в вазу конфеты в красивых обертках и отвлек словами:

— Эти с собой возьмешь, подружек угостишь, чтобы им легче было с тобой расставаться.

Мне не давали скучать. Папа Ирины принес баян, и мы вместе пели песни военных лет по моему заказу. Время летело быстро. Я взглянула на часы и заторопилась:

— Спасибо за все. Я обещала не опаздывать.

Ирина подала мне книжку размером чуть больше открытки. На малиновом переплете — золотые буквы: «Эрмитаж».

Я раскрыла книгу. На первой странице под тонкой папиросной бумагой — «Портрет жены Щепкина». На меня смотрело доброе, то самое поразительно доброе лицо!

— Бери, не стесняйся, тебе предназначено. На память от нас, — сказала Ирина серьезно, и глаза ее погрузнели.

Я так разволновалась, что не смогла ничего ответить. А хозяйева шутили, смеялись, рассовывая по моим карманам конфеты. Ирина поцеловала меня, а ее папа сказал:

— Надеюсь, ты обретешь в другом городе хороших друзей.

— Такие, как вы, один раз в сто лет встречаются, — вздохнула я.

Я шла через парк радостная. И вдруг задумалась. Ведь мне так не хочется с ними расставаться, но почему же я не плачу? А может, и правда мне повезет с родственниками? Раз они меня берут к себе, значит, я им нужна.

АННА ИВАНОВНА

Меня вызвали к директору. Я не волновалась, знала, что мне сообщат об отправке к родственникам. Теперь, очевидно, речь пойдет об окончательном времени отъезда. К моему удивлению, в кабинете сидела Анна Ивановна. Неужели из-за меня? Наверное, хочет проститься? Значит, ей жаль со мной расставаться. А я так и не решилась дать ей ответ!

— Хотелось внучку себе воспитать — не вышло. Утешает надежда, что тебе там будет лучше, чем у меня, — грустно сказала учительница, тяжело вставая со стула.

Анна Ивановна наклонилась и прижала меня к себе. Я уткнулась лицом в ее платье. Мы молча постояли, и она медленно пошла к выходу.

Много смешанных чувств металось в моей душе. Я не могла собрать мысли и успокоиться. Хотелось побежать вслед за Анной Ивановной, сказать ей что-то хорошее, доброе, ласковое. Но ноги будто одеревенели. Во рту стало сухо, язык не слушался. И только слезы пытались унести из сердца внезапно нахлынувшую боль. Сквозь туман в голове пробилась единственная мысль: «Еще одного хорошего человека потеряла. Такой учительницы больше не будет».

В комнате, завернувшись с головой в одеяло, снова думала об Анне Ивановне. Почему я не нашла в себе смелости сказать на прощание хорошему человеку, что люблю? Побоялась обидеть своей не очень сильной любовью? А оскорбила неверием. Она переживала, я переживала. И обе молчали. Мы с ней похожи. Может, потому она меня и выбрала?

А не сумела по-настоящему проститься еще потому, что поняла, как дорога она мне лишь в ту минуту, когда судьба развела нас.

ПРОЩАЙ, ДЕТДОМ

До станции меня провожали Лиля с женихом и его мама. Мы идем по длинной прямой и пустынной дороге. Передо мной алое солнце, а сзади, примерно на той же высоте от горизонта, как снежный ком, вставала луна.

— Тебя провожают два дежурных Земли — дневной и ночной, — улынулась Лиля.

— Может, это к счастью? Как ты думаешь?

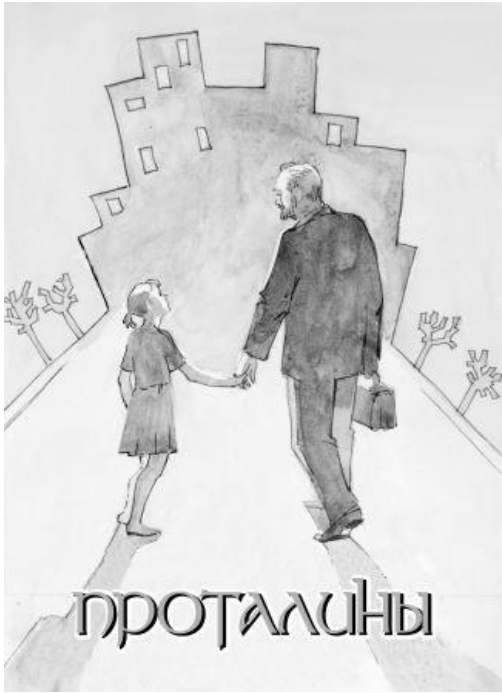
— Конечно, к счастью, — звонко смеется Лиля.

От ее смеха мне радостно, и я тоже сквозь слезы улыбаюсь.

— Дядя Толя, мне хочется, чтобы вы были для моей Лили как папа. Я ее очень, очень люблю, — сказала я на прощание и повисла на шее подруги.

— Не волнуйся. Все у нас будет хорошо, — кивнул парень.

Сопровождающая взяла меня за руку и повела в вагон. Вскоре застучали колеса. А я мыслями никак не могла оторваться от своих друзей. В этом детдоме я постоянно ощущала себя намного старше своих одноклассниц. Возможно, поэтому мне было так хорошо с Лилей, Петей, Андреем... Но сейчас, сидя в вагоне, я вдруг почувствовала себя маленькой щепкой в океане неизвестности.

Глава Первая

РОДИТЕЛИ

Меня везут к родственникам: сначала поездом, потом от железнодорожного вокзала в переполненном трамвае. Подняла голову вверх — кругом спины, плечи. Воспитательница посоветовала: «Будут сильно сжимать, кричи, не стесняйся».

Наконец и для меня раскрылись деревянные складные двери вагона. После неприятной поездки с удовольствием иду по чистой широкой улице. Вот парикмахерская. По одну сторону от двери нарисован мужчина-щеголь с лихо закрученными усами, по другую — кокетливая молодая женщина с глупым кукольным лицом. Дальше — кинотеатр «Комсомолец», магазины.

— Зачем над окнами магазинов висят полосатые зонтики? — спросила я.

— Белые парусиновые козырьки? Чтобы люди и в жару, и в дождь могли рассматривать витрины, — объяснила воспитательница.

— А для чего под каждым деревом железные, узорные решетки?

— Чтобы землю не затаптывали.

— Такая забота о деревьях? Здорово!

Неожиданно перед нами раскрылась широкая площадь с памятником Ленину в центре. Слева возвышалось огромное красное здание с белыми колоннами, окруженное двумя рядами старых голубых елей. Ветер запутывался в их огромных пазухах, а ветви даже не вздрагивали. У памятника дети кормили белых голубей. «В нашем городе есть «смотритель» голубей. Наверное, единственный в стране», — с гордостью сказала проходившая мимо женщина. «Как она догадалась, что мы приезжие?» — удивилась я. Идем дальше. Всюду продается газированная вода. Мне очень хочется пить, но я знаю, что за воду надо платить, и не решаюсь попросить.

По поводу встречи с семьей уже не переживаю. Устала волноваться. Какое-то безразличие напало. Только любопытство осталось. Подошли к двухэтажному длинному обшарпанному кирпичному дому, окруженному красивым когда-то, а теперь покосившимся забором. Поднялись по шаткой деревянной лестнице на второй этаж и остановились перед дверью с номером десять. Тут я занервничала. Вышла невысокого роста, полноватая, черноволосая женщина и вежливо пригласила нас в квартиру. Мне она сразу не понравилась. «Недобрая, нечестная. Вон как глаза бегают, стараюсь не столкнуться с моим прямым взглядом. Не полюбит меня. А зачем соглашалась брать? — горько размышляла я, глядя в ее сонное лицо. — Почему долго спала? Может, не здорова?»

Мы с трудом разместились в узком коридорчике, служившем одновременно и кухней. Попили чаю с белым хлебом и маслом. Мне хотелось еще хлеба, но просить добавки побоялась. А вдруг моя новая мама Ольга Фроловна рассердится, что много ем? Взрослые говорили о погоде, а я разглядывала кухню. Над головой маленькая люстра из длинных стеклянных цветных трубочек, какие бывают на елочных бусах. В них дробился яркий резкий солнечный свет. Стены оклеены белой в розовый цветочек бумагой. На столе маленькая электроплитка. В углу корыто и куча кастрюлек. А чашки и тарелки стоят внутри стола, за которым мы сидим. На дверях второй комнаты белые плотные вышитые цветами шторы.

Воспитательница любезно раскланялась, поблагодарила за чай и обратилась ко мне: «Развезу детей и через три месяца, обязательно заеду к тебе. Если не понравится, можешь вернуться в детдом. Имеешь право». И ушла. Мне стало тоскливо. Ольга Фроловна ни о чем не спрашивала. Я тоже боялась заговорить. Молчание затягивалось. Бросила взгляд на дверь. Убежать? Но куда? В детдоме жизнь была привычной, надежной. А от этой безразличной женщины ни добра, ни тепла. Одна сухая вежливость, и та через силу. Не так я представляла встречу с мамой! Мне хотелось ласковых слов, хотя бы таких: «Я так ждала тебя. Ты устала с дороги? Отдохни». И все! Почувствовала себя подкидышем. «Не туда подкинули?!» — подумала я и заплакала.

Ольга Фроловна смотрела на меня растерянно и беспомощно. «Ну, чего ты, чего?» — как-то нехотя бормотала она. «Странная женщина. Так ненавидит меня, что не может посочувствовать просто как чужому ребенку на улице?» — тоскливо рассуждала я. От этих мыслей поток слез усилился.

Видно, я уснула за столом. В полусне слышу веселый голос пожилого человека: «Где наша крошка спряталась? Доктор Айболит пришел лечить маленькую девочку от слез. Хватит спать». Я приоткрыла опухшие глаза. Надо мной склонился высокий, худой, седой мужчина в сильных очках и белом халате. Его голубые глаза приветливы. На щеках две глубокие морщины и ямочки. Он мне сразу понравился. «Детей любит», — мелькнуло в голове. Неожиданно со мной опять начался приступ истерики. Мне не хотелось выглядеть плаксою перед «дедом» (так я сразу окрестила его), но успокоиться не получалось. Дед позволил мне еще немного пореветь, а потом сказал:

— Ужин готов. Ты же не заставишь голодать человека, пришедшего с работы? Я сегодня пораньше отпросился.

— Для меня старался, — обрадовалась я и встала.

Дед приказал вымыть руки перед едой. Я с удовольствием послушалась.

— Так, надо заняться твоим здоровьем. Желудок растягивать придется. Он, видно, у тебя совсем усох. Для начала будешь на обед получать рюмку кагора. Это церковное, лечебное вино. Дают его ослабленным людям. «Мощная» ты у нас девчушка, — похлопал меня дед по торчащим лопаткам, — чувствуешь, ангелочек, крылышки пробиваются?

Он налил мне кагор в маленькую граненую рюмку, а себе в большую.

— За твоё здоровье, — произнес он и с удовольствием выпил.

Я последовала примеру.

— Дайте еще, очень вкусно, — попросила я.

Родители как-то странно переглянулись.

— Нельзя. Лекарство пьют малыми дозами, иначе оно будет вредить, — строго сказал дед.

— А почему у вас большая рюмка лекарства? — поинтересовалась я.

Дед рассмеялся:

— Все видит! Молодец! Лекарство должно соответствовать весу человека. Большому человеку требуется большая доза. Поняла? А теперь бери ложку. Ешь.

Я съела суп и выпила компот.

— Больше не влезает, — сказала я, выходя из-за стола.

— А спасибо где? Съела? — засмеялся дед.

— Кому спасибо? — смущенно спросила я.

— Мне — за то, что денежки заработал, матери — за приготовление еды. Понятно?

Дед говорил легко, весело. И замечание не обидело меня. После ужина легла на диван и принялась разглядывать комнату. Два небольших окна. Вдоль одной стены железная кровать и темно-коричневый с резными украшениями шкаф. Вдоль другой — диван и комод. По центру круглый стол. У окна — книжная полка. Над столом оранжевый матерчатый с бахромой абажур. Четыре стула обтянуты белыми чехлами с голубыми цветочками. Голубая скатерть, голубые покрывала. Около шкафа за белой шторкой я разглядела плитку. Ну, прямо как у нас в деревенском детдоме, только маленькая, двухконфорная. На столе ваза с яблоками. Тесновато, но уютно.

А может, я привыкну?

Я ХОРОШАЯ

На второй день Оля (так я назвала про себя приемную маму) принялась готовить завтрак. Я проголодалась, потому что привыкла вставать рано, а она появилась на кухне в десять. Разбила Оля в сковородку два яйца и посмотрела на меня. Я взглядом попросила еще. На седьмом яйце она зло бросила сковороду на плитку. Почему? Вчера дед восторгался, глядя, как я на тонкие кусочки хлеба намазывала масла в палец толщиной и вмиг съедала, а сегодня Оля не хочет меня откармливать.

После завтрака я задумчиво сидела на полу. Оля позвала меня, а я не услышала. Замечталась. Тут она ко мне подходит и ласково так, но с ехидцей говорит: «Ушки мыть надо». И поднимает за ухо. Я оторопела от неожиданности. Уже год как меня не наказывали. Вырвалась, зверьком посмотрела на новоявленную воспитательницу и сердито ответила: «Будете обижать, сбегу».

Вечером Оля ушла, а дед закрыл дверь на кухню и начал беседу. Он долго объяснял мне, как плохо шататься по вокзалам со шпаной. Нового ничего не услышала. Я знала много историй о беглецах из нашего детдома. В основном, они заканчивались печально. «Я не хочу ночевать по подвалам и чердакам, собирать объедки, воровать. Такое нравится ребятам, у которых мозги набекрень. А я нормальная. Но я не заставляла забирать меня из детдома. И хлебником стала не по своей воле. Не напрашивалась. Должна же я дать понять новым родителям, что не паршивый котенок, которого по всякому поводу можно таскать за уши? Если я плохо поступила, достаточно объяснить мою вину», — думала я, уставившись безразличным взглядом в окно. После утомительной лекции дед отпустил меня.

Не прошло и недели, как я опять попала в историю. Мелочь, а неприятно. Оле зачем-то потребовался металлический складной метр. Я пошарила на полке. Его там не оказалось. Утром я измеряла им длину дивана, на котором сплю, и свой рост, но потом положила инструмент на место. Оля принялась раздраженно ругать меня за то, что играю нужными вещами, и обозвала обманщицей. Сдерживая слезы, я ответила: «Если вы не будете мне верить, то я начну беспрерывно врать. Вам же хуже будет».

Оля удивленно взглянула на меня и вышла из комнаты.

Теперь при всяком удобном случае я стараюсь доказать свою честность.

ОХ, УЖ ЭТИ БАБУСИ!

Вышла во двор. Ко мне подошли три женщины и начали разглядывать, будто я — экспонат из музея. Терплю. Вдруг одна спрашивает:

— Как твое отечество?

Странный вопрос. При чем тут Отечество? Стою, растеряно хлопаю глазами. Вторая подсказывает:

— Как твоего отца зовут?

— Яков, — отвечаю, не понимая, чего от меня хотят.

По хитрым, неприятным лицам сообразила, что в их словах кроется подвох. Третья женщина уточнила:

— А по документам ты Яковлевна?

— Не знаю. У маленьких отчества не бывает, — ответила я, наконец, улавливая смысл происходящего.

Обида захлестнула. Они же понимают, что мне неприятно говорить об этом! Бабушки рады, что затронули большой для меня вопрос? Чтобы не нагрубить, спряталась за дверь своего коридора.

ДЕНЬГИ

Вечер. Полная луна заглядывает в окно и серебрит полумрак комнаты. Облака то накатывают на луну, погружая комнату в темноту, то открывают светлый диск, и тогда, как в сказке, медленно выплывает из темноты корабль-комод с двумя стеклянными вазами для цветов — трубами. Я в ночном порту... В моей голове чудная музыка о море и морях. Я слышала ее по радио. Прижавшись к твердой спинке дивана, мечтаю...

Залаяла собака. Я встала, выглянула в окно. Никого. Взгляд упал на комод. На салфетке лежат бумажные деньги. Рядом поблескивают металлические. Осторожно дотронулась до них, сосчитала и задумалась: «А если взять рубль? Ведь никто не заметит. Зато можно будет купить конфет-подушечек, и целую неделю не спеша, наслаждаясь, есть. А вдруг родители посчитали деньги и заметят, что я взяла? Не взяла. Украла. А красть еще хуже, чем врать. Но рубль — это так мало! Тут вон и пять рублей, и десять. Как родители меня накажут, если украду? А чем они докажут, что я взяла? Куплю конфеты и сразу съем. А про денежки скажу, что закатились куда-то. Нет. В горло эти конфеты не полезут, а главное, стыдно будет родителям в глаза смотреть. Мне сейчас хорошо, потому что ничего плохого не делала. Стоят ли конфеты того, чтобы я страдала из-за них каждый день? Съем и забуду, ну вроде как чай сладкий выпью, а мученье на всю жизнь останется. Нет, не стоят сладости того!»

Легла и отвернулась к прохладной стенке дивана. Закрывает глаза. Передо мной еще некоторое время блестели монетки, но они уже не были такими привлекательными. Свет от них исходил тусклый, серый. И конфеты не представлялись такими уж вкусными.

КИНОТЕАТР

Дед дал мне рубль, и я побежала в кинотеатр «Комсомолец» смотреть фильм «Подвиг бойца». Вечером он опять вручил мне деньги. Я попросила на газировку. Но дед отказал: «Как врач, не позволяю ее употреблять. В ней один натуральный продукт — патока. Лучше пей соки или молоко. Ешь свежие фрукты. Не губи желудок». Он разъяснил, и я все поняла. Не стану себе во вред делать. А другие пьют газировку потому, что у них нет деда-врача.

На следующее утро опять побежала в «Комсомолец». Купила билет и приготовилась увидеть новый фильм. Но на экране появился тот же журнал про комбайны, а потом начался фильм «Подвиг бойца». Я смотрела с удовольствием, но с меньшим интересом, потому что знала, чем закончится. Когда же в третий раз вошла в кинозал и снова увидела те же титры, то разозлилась и вышла в фойе. Вежливая тетя спросила:

— Тебе плохо, девочка?

— Плохо, — говорю, — обман какой-то! Третий день один и тот же фильм показывают.

— Почему обман? Время проката каждого фильма — неделя. Все дети нашего района должны успеть его посмотреть. А в понедельник — другой привезем.

Я сконфузилась, покраснела и вернулась в зал. Деньги ведь заплачены.

ДВОРОВЫЙ ТЕАТР

Утром проснулась поздно. Деда дома уже не было. Он начальник санитарной эпидемиологической станции на рынке. А рынок начинает работать очень рано.

Умылась. Позавтракала. Сажу и молчу. Оля тоже молчит. Скучно. Не знаю, о чем говорить с нею и боюсь, что начнет расспрашивать о детдоме. На мое счастье в раскрытое окно донеслось:

— Лелечка, выходи!

— Иди во двор. Надоест гулять, подождешь на лавочке, — сказала Оля и ушла к соседке.

У дощатого, наскоро сколоченного сарая, опираясь на колонку, стояли девочки постарше меня и скороговоркой разговаривали на незнакомом языке. На их лицах, подернутых легким пушком, как роса, сверкали бусинки воды. Отполированные тонкие мускулистые ноги темные от загара. Прислушалась к их странной речи.

— Дия дисе дигод диня... — говорила одна.

— Зуя зуне зухо зучу... — отвечала другая.

А! Секретный язык девчонок. Попробовала говорить хитрым способом. Получилось, но медленно. Зачем он мне? Не хочу ерундой заниматься. Села на лавочку. Вдруг во двор прибежала ватага ребят. Они не спрашивали, откуда я появилась, а сразу приняли в свой театр и предложили играть в казаки-разбойники.

— Мне нельзя уходить со двора, — смущенно ответила я.

— Ну, давай играть в карты. Пойдем в ваше парадное?

Оказывается, парадное — это красивая лестница в доме. По ней когда-то ходили богачи. Теперь там белье сушат. А жильцы входят в дом с черного хода, которым пользовалась раньше прислуга.

Мы сели на ступеньки, и ребята принялись обучать меня разным играм: в ведьму, дурака, девятерного дурака, подкидного... Голова пошла кругом от их многообразия. А после обеда все пошло готовиться к выступлению. Пьеса была со смешными моментами, но довольно бестолковая, потому что каждый участник вносил что-то свое. Старшая из нас — Светлана — пыталась сделать общий сюжет, но ребята не уступали. Потом мои новые друзья принесли из дома бумагу, краски, старую одежду и на скорую руку сделали костюмы. Даже занавес повесили. Немыслимые шляпы, великолепные плащи-накидки, длинные юбки! В нарядах было что-то романтическое, особенное. Каждый участник обязательно становился героем. Я тоже с интересом взялась за дело. Но во время спектакля, невзирая на протесты, меня забрали домой спать. Лежа в постели, прислушивалась к возгласам ребят, пыталась представить, что и как происходит на сцене. Конечно, не заснула. Мне было очень грустно. Но я понимала, что не имею права нарушать ритм жизни взрослых и скрепя сердце должна свыкнуться с мыслью, что обязана принимать слова родителей как необходимое и неизбежное.

Выступать в театре мне так и не пришлось. Дед плохо отзывался о моих новых друзьях, а я подумала о том, что он не всегда бывает прав. Его не интересует, какие дети на самом деле. Они мешают ему, и он называет их шалопаями. Я попыталась убедить его в обратном, защищать друзей, но дед был категоричен:

— Давай без обиняков! Нечего якшаться с бездельниками и полуночниками. Иди спать!

Доказывать что-либо свое было бесполезно.

О БОГИ!

Светлана принесла книжку про богов древней Греции, и все зажглись идеей постановки нового спектакля. Узнав, что я немного рифмую, Света обрадовалась:

— Поэта нам не хватает. Будешь сочинять патриотические речи и высокие слова про любовь.

— Про любовь не смогу, — возразила я.

— Сможешь. У нас все все могут. Вот слушай. Допустим, я говорю: «О, милый принц, пади к моим ногам. Любви твоей я жажду непременно», а ты заканчивай. Поняла?

— Поняла. А про что дальше говорить? И зачем все это? Про принцев в книжках много хороших стихов.

— Так неинтересно! Свое лучше, — возразила Света.

И я принялась за работу.

— Почему у тебя складно получается, а у меня не очень? — спросила моя новая знакомая Валя.

— Потому, что ты рифмуешь только последнее слово, а я всю строчку. Вот смотри, здесь лучше написать «растут тополя». А не цветут поля. Когда читаешь, ты чувствуешь, будто спотыкаешься? В третьей строчке тебе одного слога не хватает.

— Точно! — обрадовалась Валя.

— А у тебя стихи нежнее выходят. Давай вместе сочинять, — предложила я.

Подружка сразу согласилась.

Света попросила меня подготовить Витю к выступлению, потому что он еще не умеет читать. Я засомневалась: сможет ли хулиганистый шестилетка выучить трудные слова? Но Витя очень хотел быть солдатом и никому не уступал эту роль. Он достаточно быстро выучил стихи и, бегая по двору, нараспев выкрикивал их.

После обеда началась репетиция. Витя укрепил на груди алюминиевую миску, а на голову надел покрашенный в желтый цвет чугунок. Плащом ему служил ярко красный в мелкий цветочек халат соседки. Об оружии он позаботился особенно тщательно. Меч старательно выстрогал кухонным ножом из обломка штакетника, а огромный пистолет сделал из обрезков фанеры. Доказать ему, что пистолетов в Древней Греции не было, мне не удалось.

Говорил Витя восторженно, но «проглатывал» окончания слов. Глаза сияли, движения были гордые, величественные, насколько позволяло его тощенькое тело, прикрытое большим, в пышных складках «плащом».

О Марс! Великий страж войны! Перед тобою все трепещут. Тебе все боги рукоплещут И не скупятся на дары. Великий, грозный бог Войны! Любитель битв, сражений жарких. Талант и мужество даны Тебе лишь для свершений ярких!

Витька — самый маленький в театре. Но аплодисментов на репетиции он получил больше всех. Его мама вытирала слезы и улыбалась.

Вовик выбрал себе роль Апполона. Никто не спорил. Он хоть и толстый, но, без сомнения, самый красивый. Черные крупные глаза, широкий разлет бровей, яркие пухлые губы, малиново-красный румянец щек — выделяли его среди нас, белобрыхых и худеньких. И наряд ему мама сделала великолепный: желтый плащ, синие шаровары, золотистый со стрелой на лбу шлем.

А Ленька провозгласил:

— Прекрасный как солнце гроза-Апполон! Великий и страшный, но праведный он. То в гнев сжигает поля перед нами, То вдруг оживляет их нежно лучами. Лук за плечами и ветром распахнута тога. Прекрасный и умный. Но страх ты повсюду наводишь. Хоть праведен гнев жестоко разящего бога, Все люди трепещут, когда на Олимп ты восходишь! Ты дивной красы и поэзии чудной любитель. Ты ярких талантов и щедрых умов покровитель — О, гордый и мудрый провидец Олимпа, великий. Красивый, но грозный бог Солнца и Света двуликий.

Правда, слова Ленька выучил плохо, но Светлана старательно подсказывала ему начало каждой строчки, и получилось сносно. После стихов позволялась любая импровизация в прозе, но ребята так вошли в роль и прониклись торжественным слогом, что не захотели нарушать сценария, за исключением выкриков «О, боги!», сопровождавшихся ударами грома, точнее барабанным боем по разбитому корыту, которое заранее притащили со свалки.

Вышла Валя в зеленом плаще из шторы и с желтой лентой вокруг головы. Перед нею Анюта, став на колени и вытянув вперед руки, тихо и торжественно произнесла:

Ежегодно раннею весною Бурной зеленью растенья удивляют. И, как прежде, о, богиня, пред тобою Все колени с восхищеньем преклоняют. Ты следишь, чтоб небо улыбалось, Наливались золотом поля, Яркими цветами покрывалась Милая, любимая земля!

А Лиза из соседнего двора, подняв глаза и руки к небу, заговорила:

— Ты! Покровительница юных и наивных, Милых, чутких, добрых и невинных, Ласковых, заботливых и нежных, Вежливых, послушных и прилежных!

Эти слова вызвали неопишуемый восторг у взрослых. Они хлопали, одобрительно кивали головами и, довольные детьми, улыбаясь, обещая вечером собрать на представление всех знакомых.

НАКАЗАНИЕ

Меня не пустили гулять. Я наказана за то, что вчера поздно пришла домой. Я не хотела волновать деда. Так уж получилось. Играли в партизан. Стрелочки на асфальте привели в парк. Уже смеркалось, и я подумывала о возвращении. Вдруг Ленька позвал нас: «Айда, кино посмотреть бесплатно!» Мы влезли на железную узорную ограду. Деревья закрывали почти весь экран, зато звук был громкий. Шел фильм про войну. Сюжет был захватывающий. И, хотя смотрели не сначала, все поняли. Про деда вспомнила, когда экран высветил «Конец фильма». Вмиг расстроилась. Впечатление от фильма померкло. Поняла, что он сейчас нервничает, а Оля, наверное, его пилит. Из парка бежала, не разбирая дороги. Перед дверью отдышалась и понуро вошла в комнату. Оля давала деду лекарство. С трудом выдавила из себя:

— Кино в парке с ребятами смотрела.

Дед, полный горького упрека, молчал. Оля коротко отрезала:

— Спать!

Испутив безнадежный вздох сострадания, я легла лицом к стене. Долго не могла заснуть, слушая, как ворочается дед. Одни неприятности от меня! Хоть вешайся с горя. Зачем Ленька затеял эту петрушку? Сама виновата. От скуки сваяла дурочку. Балда. А если дед заболит, кто будет кормить меня и Олю? Опять в детдом? И почему она не работает? Она же молодая и здоровая.

Наутро дед пошел на работу. Значит, выздоровел. От этого жизнь показалась мне не такой уж плохой. А что гулять не пустили, так правильно. Поделом мне, не слушала предостережений совести. За такое врезать надо было.

Раз осталась дома, так надо чем-то заняться. Подошла к книжной полке: медицина, философия, марксизм-ленинизм. Все только взрослое. Вышла в парадное. Там Оля разговаривала с соседкой тетей Верой. Прислушалась. Ничего интересного. Тот так сказал, этот так ответил. Беседа была похожа на болтовню наших нянь в лесном детдоме. Правда, здесь чувствовался какой-то сюжет, хитроумное сплетение событий, как в кино. Но содержание мне не нравилось. Всех ругали, никого не хвалили. И интонации были какие-то ехидные, гадкие.

Спросила вежливо: «Скажите, пожалуйста, это называется «сплетни»?»

Тетя Вера посмотрела на меня так, будто я с луны свалилась. И я поняла, что сказала глупость.

— Марш на кухню, — зло крикнула Оля.

«Хоть бы деду не сказала. А то он снова начнет пить лекарство», — заволновалась я, не зная, как загладить вину.

МАГАЗИН

Я никогда еще не ходила в магазин одна. А тут Оля говорит:

— Купи четвертушку черного хлеба, четвертушку белого и сто пятьдесят граммов масла. Смотри, правильно сдачу возьми.

Взяла я деньги и тут же принялась считать в уме, сколько должна заплатить. Все было бы хорошо, но я никак не могла понять, как продавец сможет дать мне полкопейки сдачи. Оля все еще стояла рядом с соседкой тетей Полей. Я попыталась объяснить ей свои затруднения, но она презрительно фыркнула:

— Ты совсем глупая? Даже в магазин сходить не можешь! И за что у тебя пятерка по арифметике была в первом классе?

У меня слезы полились градом. А соседка вдруг удивленно спросила:

— Ты уже в уме десятые доли считаешь?

Почувствовав поддержку, я сразу успокоилась и объяснила, что еще до школы практикантка Галя научила меня действиям с большими и дробными числами, решению примеров в столбик.

— Так ты, оказывается, умница, — приветливо сказала тетя Поля. — Запомни, половину и четверть копейки сдачи не дают. Никто тебя за них не будет ругать.

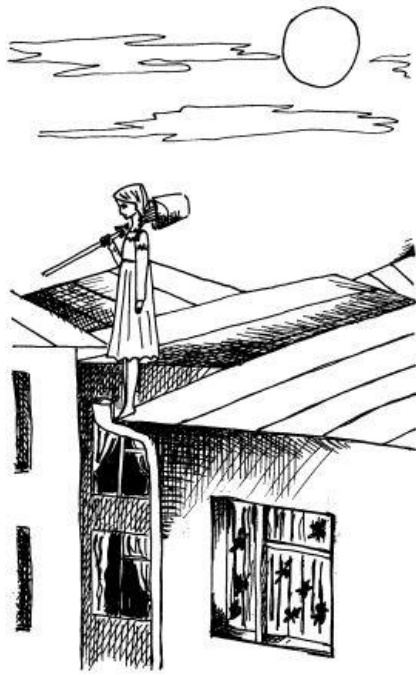
Я облегченно вздохнула и помчалась в магазин. Ничего! Первый раз всегда трудно бывает. Главное, что я не дура, и скоро буду не хуже других домашних детей. Вот вчера училась гладить. В городе нельзя ходить в мятом, иначе позор на семью ляжет. И руки о платье нехорошо вытирать. Облизывать пальцы тоже некрасиво. Но я же не виновата, что кармана для носового платка в платье нет? Как в этом случае поступить, чтобы выглядеть воспитанной девочкой?

ЛУНАТИК

С первого дня я подружилась с Валею. Маленькая, с длинными тонкими косичками и спокойными светло-голубыми глазами, она привлекла меня своей рассудительностью. Ее слова: «Будем снисходительными к недостаткам взрослых» — звучали солидно и до смешного серьезно. Я подарила ей свою любимую фразу: «Что наши мелочи по сравнению с мировой революцией?»

Для Вали все в жизни понятно и легко. Единственная ее проблема — маленький рост. Ей кажется, что быть в «хвосте» классной линейки — плохо. «Чудная ты, я тоже крайняя в ряду. Люди должны быть разными. Нельзя волноваться о том, что от тебя не зависит», — объясняла я подруге.

Валя живет в одной комнате с папой, мамой и двухлетней сестренкой Юлей. У них две железные кровати, маленький стол, на котором стоит керосинка, еще есть шкаф и четыре стула. Умывальник около двери. Раскладушка Юли ставится только на ночь. Иначе не пройдешь по квартире. Папа и мама у Вали — глухонемые. Валя обучает меня их языку и еще воспитывает: объясняет, как правильно вести с детьми и взрослыми.

Почему никто из детей во дворе не спрашивает о детдоме? Это неприлично? Они не хотят сделать мне больно? Здорово! Оказывается, вежливость и воспитанность — это не одно и то же. Домашние дети знают и понимают больше меня, поэтому воспитанные. С ребятами легко. Они прощают мои глупости мгновенно. У нас в сельском детдоме не было никаких секретов, мы все знали друг о друге и не понимали, что можно чего-то стесняться. А здесь даже среди детей надо о чем-то умалчивать, чтобы не «влипнуть» в историю. Если кто-то выдавал чужой секрет, начинались выяснения, доходившие до драк. Наблюдая за новыми друзьями, я поняла, что никому никогда не стоит говорить о своих душевных бедах. Какими бы хорошими ни были домашние дети, они все равно проболтаются не от злости, а так, нечаянно, потому что для них чужая беда не кажется ужасной. Это просто событие из чьей-то жизни. А мне от этого может быть очень плохо.

Поняв, что я умею хранить секреты, Валя поделилась своей настоящей бедой. Ее рассказ был и грустный, и смешной одновременно.

— Ты знаешь, я лунатик. Ночью, когда на небе полная луна, я хожу по комнате, гуляю по улице. Вот вчера повесила ведро на веник, положила его на плечо и пошла во двор. А иногда залезаю на крышу и хожу по самому краю.

— Боже, ты же можешь разбиться! — обомлела я.

— Мама сказала, что лунатики никогда не падают. Наверное, потому, что не боятся, — успокоила меня Валя.

— Ты, правда, не боишься?

— Не знаю. Я же сплю.

— А мама не спит, караулит тебя?

— Да. Мне жалко ее. Она работает, и Юля у нас маленькая. Но ничего не поделаешь. Буду ждать и надеяться, что болезнь пройдет, когда вырасту. Так врач сказал.

Я заторопилась домой. Может, дед вылечит Валу? Он же раньше был уездным врачом. А еще он любит, когда я задаю вопросы по медицине. Вбежала на кухню. Дед ужинал. На мой вопрос ответил сразу:

— Лечения пока не придумали, но, чтобы больной полноценно отдыхал ночью, есть простое средство: перед кроватью класть мокрый коврик. Человек просыпается от соприкосновения с холодным и возвращается в постель.

Я тут же рассказала об этом подруге. Валюша перестала ходить по ночам. Когда я в следующий раз пришла к ним, мама с Валею обняли меня, а ее строгий папа первый раз при мне улыбнулся. Нам всем в этот момент было очень хорошо.

СМОЛА НА КРЫШЕ

Утро. Сажу на лавочке, жду Валию. Подошла старая немая женщина из соседнего подъезда, посмотрела на меня внимательно, а потом показала:

— Ты хорошая, красивая девочка, но у тебя гадкие бородавки.

Я смущенно спрятала руки за спину. Тетя объяснила, что может вылечить меня, если принесу суровую нитку. Я мигом сбегала домой, отыскала в шкатулке нитку и вернулась к лавочке.

— Считай бородавки и делай на нитке узелки, — приказала тетя.

Я выполнила задание. Женщина положила одну руку мне на голову, а указательным пальцем другой — стала водить по бородавкам. Потом она закопала нитку около столба, на котором укреплен калитка, опять что-то пошептала и, наконец, объяснила мне: «Как нитка сгниет, так бородавки и пропадут».

Я поблагодарила тетю. Она улыбнулась в ответ. Тут пришла Валия, и мы полезли загорать на крышу сарая, покрытого рубероидом. Вскоре, разморенные солнцем, заснули. Вдруг я услышала дикий крик Вали. В испуге вскочила и побежала. Не свалилась только потому, что к ногам прилипла горячая, расплавленная смола. Оказывается, Валюша коснулась раскаленной крыши, обожженной солнцем спиной.

В тот же вечер по холодку я вышла во двор узнать, как здоровье Вали. Но она не столько страдала от обгоревшей спины, сколько боялась строгой мамы. Я успокаивала ее:

— Ты же не виновата, что уснула на крыше.

— Виновата, думать должна.

— Но ты и так пострадала. Тебя надо пожалеть.

— Жалеть за глупость? Юле — два года, и она может делать глупости, а мне уже нельзя.

— Не мучай себя напрасно. Взрослые тоже ошибаются. А может, тебе не так больно, когда ты себя не жалеешь, а ругаешь? — предположила я.

— А ты знаешь, и правда, когда не ноешь, то меньше болит. Вот видишь, мама опять права. Мне хочется, чтобы она никогда не волновалась из-за меня.

— Так не бывает. Всегда найдется из-за чего переживать.

— Я все равно буду стараться, — очень серьезно сказала подруга.

Мама Вали еще не пришла. Я подошла к ее папе и показала свою красную спину. Он зацокал языком, и начал растирать меня какой-то жидкостью. Я показала, что мне не больно, поблагодарила его и позвала к Вале. Он спокойно приподнял платье дочери, но, увидев на обожженной спине прилипшие куски смолы, отшатнулся и зажегостил.

После лечения Валия, пытаясь отстирать на платье черные пятна, переусердствовала, и теперь на ярко-зеленом фоне ситца выделялись блеклые серые разводы.

— Смотри, что я наделала, — жаловалась она мне, — а ты говоришь, что я умная.

Мама Вали узнала о случившемся только через неделю. Она все поняла и не наказала дочку.

Я никогда не слышала бурных излияний в их семье, не видела объятий, поцелуев. Но когда входила в их маленькую комнату, то чувствовала приятную, добрую атмосферу заботы. Они просто смотрели друг на друга, улыбались и занимались своими делами.

Мне хорошо у них.

ПАРАДНОЕ

Вот уже несколько часов мы «режемся» в карты «на вышибание». Я играю плохо, поэтому часто сижу на «запасной» ступеньке. Но меня это не волнует, потому что хожу сюда из-за интересных историй, которые друзья рассказывают во время игры. Сегодня они особенно возбуждены и ни на минуту не замолкают.

— Он одну лапу осторожно кладет на колено и внимательно смотрит мне в глаза, как будто спрашивает: «Можно?» Потом таким же образом кладет вторую. И если после этого, я не прогоняю его, влезает мне на колени и спокойно засыпает. А когда играю с ним, обнимает за шею и начинает лизать мои уши. Так он благодарность свою выражает...

Леня может часами говорить о своем котенке, но его прерывает Аня:

— А что моя сестренка «учудила»? Пришла к нам знакомая и попросила взаймы кусок мыла. Но долги она всегда плохо возвращала и мама ответила: «Нет мыла. Извини». И пригласила знакомую пить чай. Вдруг Танька притащила на кухню узелок и бросила к ногам гостьи. Мама краской залилась. Сквозь дырявую тряпку проглядывали куски мыла. Таньке полтора года, она еще плохо ходит и говорить ничего не может. Откуда силенки взяли пять кусков мыла дотащить! Глаза молча таращит, на узелок пальчиком показывает. Мама ахнула: «Совсем забыла! В кладовке «заначка» уж который год лежит на «пожарный» случай. Умница ты моя. Все знаешь». Пришлось отдавать мыло знакомой.

— А мы один раз гостили в деревне, — сказала Валя, — там по утрам пили чай из самовара. Я отвлеклась, а Юля влезла на стол, налила себе чаю, а закрыть кран не сумела. И вот стоит она около самовара и уговаривает его: «Хватит, хватит, не лейся». Вода на стол течет, а взрослые до слез хохочут.

— Когда я был маленьким, мы ездили с гостями в лес жарить шашлыки. Папа над мясом махал тетрадкой. Я думал, что он хочет огонь погасить, и решил помочь: набрал полную горсть песка и бросил в шашлык. Ох, и досталось мне! Мама мыла жареное мясо и плакала. Папа кричал на меня и обзывал хулиганом, — вздохнул Вовик.

— Ленка, а чего ты сегодня как ошпаренная из дому убежала, когда к вам управдом приходил? — спросил Витя.

— Не люблю людей с портфелями, боюсь их с детства, — отмахнулась Лена.

— Тебя в портфеле хотели украсть? — съехидничал Вовик.

— Что тут смешного? — возмутилась Лена. — Мне тогда было два с половиной года. Пришел к нам человек огромного роста с большим коричневым портфелем. Мама долго объясняла ему, что сейчас у нас нет денег. Вдруг дядя наклонился надо мной и сказал: «Девочку за налог возьму». Я от страха замерла на месте. А мама продолжала рассказывать о своих трудностях. Оправившись от испуга, я потихоньку выскользнула из дома и спряталась в сарае. С тех пор звала этого человека «дядя Налог».

— Ну, вот прямо в три года ты чего-то могла запомнить! Я до пяти лет вообще ничего не помню, — опять вмешался в разговор Вовик.

— Маленький ты еще. А нас, четверых, бабушка в войну в подвале прятала. Один раз бомба упала рядом с подвалом. Я ничего не помню про то время, кроме огромной воронки и еще как бабушка стояла на коленях перед нею, рыдала и благодарила Бога, за то, что он внял молитвам и отвел беду от ее внуков, — негромко, но резко сказал Яша.

— А я в три года пожар помню. Мы тогда в деревне у бабушки жили. Уже горели две хаты. Меня усадили на чужие вещи и сказали: «Никуда не ходи. Береги». Я испуганно смотрела на черные силуэты людей с ведрами, вздрагивала от истошных воплей погорельцев. Ветер бросал в мою сторону то клубы желтого дыма, то снопы искр. Я ныряла в чье-то ватное одеяло. Но там тоже было темно, душно и страшно. И я снова

высовывалась, в надежде увидеть родных.

И тут подошел двоюродный брат Сева, обнял меня и сказал: «Видишь, свет лампы в вашей хате? Это значит, ваш дом не сгорит. Отстоят его соседи. Не бойся. Все будет хорошо». Мне сразу стало спокойнее. Теперь черные люди не казались чертями из ада. И даже огромные языки пламени уже не так пугали. Все случилось, как сказал Сева. «Я очень люблю его», — добавила Лиза.

— Из раннего детства в моей памяти только один момент остался, как пробиралась сквозь высокую траву, запуталась, упала и редела до тех пор, пока мама на руки не взяла, — сказала Лида из соседнего двора.

— А я помню, как лежу в колыбельке, подвешенной на пружине к потолку, и думаю: «Вот полезу, а она сначала вверх подпрыгнет, а потом вниз начнет опускаться и стукнет меня», — сказал Ваня.

— Ты, видать, с пеленок умный был, — засмеялся Витя.

— Честное слово, помню, как пружина сжималась и растягивалась. Не мог я такое придумать, потому что, когда мне исполнилось два года, люльку отдали племяннице, а мне раскладушку купили. Я до сих пор на ней сплю, — загорячился Ваня.

— Видите эти туфли? — на носочках покрутилась перед нами Инна.

— И что? — не поняла Валя.

— Их папа привез моей старшей сестре из Германии. Они оказались ей малы. Все пальцы были в кровавых мозолях, но Аня терпела. Ведь это был подарок папы, которого она всю войну ждала! Я тоже буду их долго носить, — гордо сказала Инна.

— Около моей кровати висит ковер. На нем изображены медведи в сосновом лесу. Маленькой я их очень боялась. Мне казалось, что ночью медведи спускаются с деревьев прямо в мою постель, — созналась Света.

— А мне запомнилось, как к нам по вечерам приходили женщины и очень красиво пели. Я любил залезать в мамин деревянный сундучок с железными уголками и, сидя в нем, петь песни. Патефон изображал. Особенно с удовольствием пел о рябине, которая мечтала перебраться к дубу. А теперь, глядя на этот сундучок, удивляюсь, каким же я был маленьким, что мог помещаться в нем?

Мы хохотали, представляя Колю, выглядывающим из сундучка.

Подошла моя очередь играть, но Оля позвала обедать и мне пришлось на время покинуть друзей.

СЛЕЗЫ

Несмотря на хорошую жизнь, со мною часто случаются истерики. Не знаю, почему я плачу. Может, так привыкаю к новым людям и новым порядкам? Меня все время что-то гнетет. Отвлекусь с ребятами на время, а потом опять в самый неподходящий момент набегают слезы. Конечно, убегаю, прячусь. Боюсь, что взрослые потребуют объяснения. А что можно ответить? Я не могу, как нормальные дети подойти к родителям, прижаться, поплакаться. Ко мне хорошо относятся, кормят, одевают, но нет между нами того, что я понимаю под словом «любить». Зачем меня взяли из детдома? Соседи говорили, что Оля — у деда вторая жена, что в молодости у нее родилась девочка и сразу умерла. Может, дед хотел дочку? Но Оля не любит детей. А еще взрослые все время чего-то недоговаривают. Какие у них тайны? Соседи шепчутся с Олей про какую-то прописку. Замолкают, когда я приближаюсь. Валя и та учинила мне допрос:

— Зачем вчера устроила в коридоре истерику?

— Ничего не устроила, — говорю, — мне было плохо, я спряталась за дверь и тихонько плакала, а мама Оля потребовала идти домой. Ну, не могла я тогда идти домой! Меня все раздражало. Оля принялась настаивать. В общем, я все равно не пошла за нею, и у меня

началась истерика.

— Почему ты плачешь одна? Если меня обидят, я иду к маме.

Я не знала, что ответить. Не рассказывать же Вале про детдом?

— Не знаю, — говорю.

— У меня такого не бывает. Наверное, старые родители не понимают тебя, — посочувствовала подруга.

— Мама Оля не хочет понять, что я просто такой человек. Ей главное, чтобы соседи ничего не слышали, — пожаловалась я.

— Она боится, что все решат, будто тебя бьют.

— Почему люди сразу плохое представляют?

— А что можно подумать, если ребенок на весь дом орет?

— Я всегда ухожу плакать подальше от людей, а вчера не успела. Вот ты спросила, и тебе все сразу стало ясно. А мама Оля не разговаривает со мной. У нее во всем я виновата. Вот всегда так!

— Много ссор в семьях из-за непонимания. Люди мало разговаривают друг с другом, особенно с детьми. Мне папа так объяснял.

— Он у тебя ученый?

— Нет. Рабочий. Руки у него золотые. Из-за войны не выучился. А потом я появилась. Папа много читает и много знает.

— Он у тебя не просто умный, а прямо-таки мудрый.

— Мудрыми бывают в старости, — улыбнулась Валя.

— Мой папа тоже много знает. Но ему не до меня.

— Это уж точно. Один он у вас кормилец, — серьезно объяснила подруга.

И мне сразу стало спокойнее.

ИСТОРИЯ С ЮЛЕЙ

Гуляли мы с Валей и ее сестренкой Юлей по парку. Встретили одноклассниц, заигрались и совсем забыли о времени. Чтобы не опоздать к обеду, решили две остановки проехать на трамвае. Выходили шумной компанией. Я подала Вале сумку с игрушками и штанишками, а сама, повернувшись спиной к выходу, стала опускаться с Юлей по ступенькам. Но она закапризничала. Я вышла из вагона, а кондуктор, разговаривая со знакомой, не обратила внимания на нашу возню и захлопнула дверь, зажав Юлечке ножки. Я попыталась открыть дверь. Не получилось. Закричала. Вагон был полупустой, но водитель не услышала, и трамвай покатил, набирая скорость. Я, придерживая Юлю за плечи, побежала рядом. На мгновение представила ужас малышки, висящей вниз головой в дверях трамвая, несущегося с горы на полной скорости, а потом падающей лицом на асфальт, когда двери откроются... потому что я не могла догнать... От страха внутри похолодело. Я не видела выхода из создавшегося положения. Ноги начали заплетаться... Заплакала Юля. Тут услышала позади себя громкий стук и вопли. Это Валя догнала нас. Не знаю, чем бы закончилась страшная история, но на наше счастье трамвай, круто поворачивая на другую улицу, сбавил ход. Люди в вагоне услышали крики. Дверь открылась.

Мы долго в оцепенении сидели на тротуаре, не имея сил шевельнуться. Юля, обняв Валю за шею, дремала. Придя в себя, я, заново переживая происшедшее, с еще большей силой чувствовала свою вину. «Что же за день сегодня такой ужасный? Утром трамвай на зеленый свет отправился. Секундой бы раньше — и я осталась бы без ноги. А сейчас за

Юлечку сердце чуть не оборвалось», — размышляла я с грустью. Домой шли молча. Потом Валя тихо произнесла: «Нельзя отправлять вагон, не посмотрев на дверь».

От ее слов стало немного легче, но испуг еще долго сжимал сердце. Противно дрожало в животе, гудела голова.

ЮНОСТЬ ДЕДА

— Бестолковая молодежь пошла! Вам бы только гонять по улицам, — бурчал дед, ворочаясь на постели.

— А что нам еще делать? — удивилась я. — Вы же сами говорили, что дети должны больше двигаться и свои эмоции выплескивать: кричать, песни петь. Вы ребенком не бегали по улицам? Занудой были?

— Меня в твоём возрасте мать отдала в Воронеж «мальчиком» в Центральный ресторан.

— Что значит «мальчиком»? — не поняла я.

— «Мальчиком на побегушках» служил. Отец из армии не вернулся. Мать не могла прокормить четверых.

— И что вы делали там?

— Разносил по городу пакеты. Посуду мыл, водку подносил. Спал в кладовке на топчане. Бывало, и ночью поднимали, если срочно кого-то обслужить надо. А чуть зазеваюсь — подзатыльник. Зато сытно. Одежду, обувь сразу дали. Не позорить же заведение лаптями?! Пиджак с блестящими пуговицами у меня был. А весной и осенью на неделю в деревню возвращался матери по хозяйству помочь. Договор такой был. После города у матери было голодно, и работа по хозяйству казалась тяжкой. С радостью в город возвращался. Малый я был шустрый, всему обучался быстро, обхождение с людьми понял. Копеечки заработанные собирать стал. Матери отдавал. Помощником себя почувствовал. Втянулся в жизнь ресторанный. Не жизнь, а сплошной праздник. Особенно Рождество и Новый год мне памятливы. Наряжали меня, заворачивали в огромный ковер, клали на шкаф, а когда двенадцать часов било, ковер падал, разворачивался, я из него выскакивал и возвещал начало нового года. Петь и танцевать выучился. В общем, на все руки мастер был. А в деревне мать спину гнула на злющего помещика. Он порол до полусмерти каждого, кто, как он считал, провинился перед ним. И сыновья у него такие же были. Как-то вернулся домой, мне уж тогда лет тринадцать было, а мама лежит, стонет. Вся спина исполосована. Взвился я от злости, схватил ухват и помчался на барскую усадьбу. Думаю, голову сволочуге размозжу. Подскочил к ограде, а у входа псы огромные. Понял, что с дуру бежал. А злость не проходит. Побрел через поле домой. Гляжу, сыны барина под копной храпят. Кони рядом пасутся, пофыркивают. Тишь стоит. Солнце печет. Запахи ядренные ноздри щекочут, будоражат душу. И взбрело мне в голову хоть чем-нибудь насолить барчукам. Подполз потихоньку к их телеге, стырил сапог барский мягкой яловой кожи, коричневого, в гармошку, как сейчас помню. Ну, и наложил туда.

— Чего? — не поняла я.

— Чего, чего? — усмехнулся дед. — Вместо уборной — я в сапог. Только назад поставил, поднялись работники. Не успел я убежать. Когда начал барчук сапог надевать, лицо покраснело от злости, глаза выпучились, напыжился, аж задрожал весь и медленно поднял плетку с земли. У меня внутри похолодело, как нож на поясе увидел в красивых узорных ножнах. Сдвинуться с места не могу. То на нож, то на плетку глазами вожу. Вот, думаю, и смерть моя пришла. Закрыв глаза: будь, что будет! Хлестнул он меня как бы походя, но сильно и прошел мимо. Братья его засмеялись: «На будущее “лечишь”? И ушли. Оправился я от страха, дома матери все рассказал. Она объяснила: «Не забил тебя, потому что насмешек работников испугался. Ну, сынок, теперь на глаза ему не кажись, за версту обходи. Не простит издевки».

— А в городе вас часто били?

— Сначала часто, а потом подрос и не позволял пьяным клиентам над собой измываться.

От хозяина, конечно, доставалось под горячую руку. Но он за работу меня ценил. За троих я успевал. Вымахал к пятнадцати годам под два метра. И грузчиком, и официантом был, и гостей развлекал. Потом приметил меня один интеллигентный клиент. Пил он обычно мало. Слушал цыган, трубку курил, рассматривал людей. Так вот, говорит он мне как-то:

— Умный вы, молодой человек, а растрачиваете свою жизнь по мелочам.

— Кругом голодают, а я хорошо устроен. Чем плохо живу? — удивился я.

Стал он мне книжки носить. Читать-то я сам выучился по афишам в городе. В общем, вступил в партию. По заводам и ближайшим деревням агитационную работу проводил с народом. А потом этот человек предложил мне поехать в Москву учиться на доктора. Я как представил себе, что в своей деревне лечу простых людей, что меня все уважают — так и решил бросить сытую жизнь. И к тому же Москва — такой магнит! Далон мне бумаги, письма рекомендательные, из партийной ячейки документы выдали, и в шестнадцатом году попал я в Кремлевскую фельдшерскую школу.

— Так вы Ленина видели! — задохнулась я в восторженном крике.

— Нет. Целый год учился, а Ленина не довелось встретить. Наверное, не по тем коридорам я ходил.

Дед встал и осторожно вытащил из шкатулки фотографию. На ней с фонендоскопом в руке сидел строгий, красивый, черноволосый молодой человек. На обороте фото стояла дата: тысяча девятьсот семнадцатый год.

— В тот год я чуть не погиб. Получил на руки диплом и стал готовиться к отъезду. В ту страшную ночь проснулся от треска выстрелов и криков. Моя койка была у самой дальней от ворот стены (спали во дворе). Спросонья, ничего не понимая, спрятался между стеной и кроватью. Свистели пули, падали солдаты. Большинство из них были в исподнем. Шел расстрел в упор. Дрожащей рукой стянул рубаху со спинки кровати, надел, нащупал документы в нагрудном кармане. До брюк не добрался. Сообразил, что под кроватью не спасусь. Страх обуял, какого в жизни не испытывал. «За что? Безоружных»? — стучало в голове. Кинулся на стену. Руки скользнули по известке, и я свалился на землю. За это время три пули слегка чиркнули меня: по плечу, руке и мягкому месту. И тут какая-то неведомая сила бросила меня через стену. Не помню высоты забора вокруг казармы. Знаю только, что в нормальном состоянии никогда не перемахнул бы его. Два дня бежал в полном оцепении непонятно куда. Когда достиг реки и остудился ледяной водой, пришел в себя. С трудом переплыл реку и отключился на берегу в камышах. Меня подобрала и выходила одна семья. Долго не мог вспомнить, что произошло со мной. Хозяйка, высушив мои размокшие документы, на всякий случай уничтожила партбилет. Я сначала погорячился, нашумел на нее, но она урезонила быстро: «Дважды конный наряд наезжал, так я сказывала, что племянник. Головой и сердцем слаб. Обошлось. Нас всех могли расстрелять». Позже из газет узнал, что в Кремле предательство было и кровавая бойня. Чудо ли, провидение ли, меня спасло, бог знает?

Дед откинулся на подушку и замолчал. Сон прикрыл усталые, в сине-розовых прожилках, сморщенные веки.

НА РАБОТЕ

Сегодня напросилась к деду на работу. Он оставил меня в своем кабинете, а сам ушел по срочному делу и долго не возвращался. Я заскучала. Открыла дверь и вошла в комнатку, отделенную высокой перегородкой от большого зала, в котором стояли люди с продуктами. Вижу: сидят три женщины в белых халатах. Лица неприветливые, сосредоточенные. Одна берет на анализ молочные продукты, вторая — мясные, третья — сладкие. На «молоке» сидит блондинка с ярко-красными губами, злыми голубыми глазами и презрительно-высокомерным лицом. К ее окошку подошла женщина, обвязанная шалькой поверх фуфайки, с белым передником на животе и протянула кувшин, забрызганный краской.

- Что за пятна? — брезгливо спросила блондинка, сузив глаза.
- Ремонт в доме. Недосмотрели.
- В него даже мочиться не захочется.
- Он внутри чистый.
- Забирай кувшин. Не дам разрешения на продажу.
- Милостиво прошу: на первый раз простите. С торговли живем, другой помощи нету. Пожалейте. Одна пятерых рашу.
- Нет, — резко сказала блондинка, — мы обязаны следить за чистотой!

И отвернулась от окошка. Женщина, скорбно сжав губы, молча протянула плоский, толщиной в три пальца, круглый, как лепешка, кусок масла. Блондинка с силой воткнула в него блестящую трубку, поршнем выдавила кусок масла на тарелку, понюхала и вернула круг хозяйке. Та растерянно посмотрела на дыру.

— Неужели для анализа нужно столько масла? Сколько же вы его себе домой каждый день уносите? Мои дети масло никогда не видят. Хотя бы хлеба им купить, обувь. Еще утро, а у вас на столе тарелка уже полная, — сказала деревенская женщина с горечью, — не пойдет оно вам на пользу, у детей забираете!

И ушла. Толпа зло молчала. Блондинка безразличным голосом крикнула: «Следующий».

Теперь я поняла упреки Оли: «Хоть бы мяса немного принес. Твои тетки в сыру и масле купаются, а я в магазине все покупаю». Дед ответил тогда резко: «Не буду людей обирать. Хоть в этом я честен. А запретить не могу. Ты же знаешь, чьи жены у меня работают».

Я закрыла дверь и молча сидела в ожидании деда. Он пришел взбешенный. На ходу бросил: «Взятку предлагает. Мне! В Гражданскую бы встретился со своими грязными руками и грязными делами...»

Мне больше не хотелось приходить к деду на работу. Жалко его.

СОСЕДИ УЧАТ ЖИТЬ

Вышла во двор и увидела ободранных кошек. Появилась их хозяйка тетя Наташа. Халат, застегнутый на одну пуговицу, открывал морщинистую кожу на груди, замызганную нижнюю рубашку и тощие колени. Она собрала около сараев ржавые консервные банки, налила в них молока, покрошила хлеба, а потом мокрыми липкими руками убрала со лба торчавшие неровными клоками седые волосы. Меня передернуло. Я не могла похвалиться своей аккуратностью, но это было слишком даже по моим понятиям.

Ушла в другую часть двора. Там на лавочке сидела маленькая седенькая чопорная старушка в черном костюме. Вся такая прозрачная, изысканная, слабая. Все в ее одежде к месту: пуговички подобраны в тон воротнику и туфлям, хорошо заглаженные складки юбки расходились веером. Рядом восседала молодая высокая женщина в длинном цветастом халате и красных туфлях на очень высоких каблуках. На затылке из-под огромного яркого шарфа лохматым пучком торчали завитки рыжих волос. В позе — горделивость и надменность. Я слышала от Оли, что зовут ее Нина Бубнова. Хотела попасть в артистки. Не взяли. Второй год живет с бабушкой на пенсию отца-генерала и ждет богатого мужа. Но женихи не торопятся к ней.

Тетя Нина небрежным тоном позвала меня к себе. Ее манера обращения не понравилась мне, и я сделала вид, что ничего не слышала. Во второй раз она очень любезно обратилась ко мне. Я подошла. Тетя долго расспрашивала о моей жизни. В ее голосе звучало праздное любопытство и фальшивая доброта. Взрослые часто так разговаривают с детьми, поэтому я сначала не обиделась. Потом тетя Нина пригласила к себе домой. Мне очень хотелось посмотреть, как живет эта странная женщина, но я сомневалась, можно ли идти в гости к чужому человеку без разрешения взрослых? Заметив

нерешительность, тетя Нина уверенно взяла меня за руку и настойчиво повела в свою квартиру. Такой красивой квартиры я еще не видела: большая, светлая. Темно-зеленые с золотым узором шторы — от потолка до пола. Огромная люстра под желтым узорным потолком. Темного дерева шкафы и стулья делали комнату таинственной. «Богатые», — мелькнуло в голове.

— Маша, подавай обед! — крикнула молодая хозяйка пожилой женщине деревенского вида. — А ты садись за стол.

— Не хочу, не проголодалась, — возразила я.

— Неприлично отказываться, — строго сказала тетя Нина.

Я нехотя взялась за ложку. Борщ был вкусный. Я все съела, помня слова деда Яши об «обществе чистых тарелок». Потом принесли компот. Ну, уж его-то выпьет любой ребенок, как бы ни был сыт! А на следующий день Оля отчитала меня. Я поняла, что нехорошо обедать по чужим квартирам. Можно позволять угощать себя конфетой, печеньем или еще какой малостью. Нельзя позорить свою семью, будто дома не кормят.

— Она насильно, заставила... невинными вопросами заманила меня в ловушку, а я не поняла, — испуганно бурчала я в ответ.

«Разве порядочно пользоваться тем, что ребенок чего-то не знает? Она хотела показать, что я детдомовская и не понимаю простых вещей? Какая ей польза от этого?» — недоумевала я.

С тех пор я стороной обходила эту часть дома. Но как-то заторопилась к друзьям и пошла коротким путем, через их калитку. А тетя Нина будто ждала меня и, поймав за руку, принялась допрашивать:

— Почему не здороваешься? Тебя плохо воспитывают?

Тут я не выдержала и «соскочила с тормозов»:

— Не буду здороваться с вами. Сами плохо воспитаны. Вы гадкий человек!

И убежала от нее. Но не от себя. Эх! Опять нагрубилась. Настроение испортилось. Со злости стала пинать куски щебня, разбросанные по двору. Идти к ребятам расхотелось. Но они сами нашли меня и потащили играть в казаки-разбойники. За игрой я позабыла неприятную встречу и, убегая от преследования «неприятеля», опять заскочила в свой теперь уже пустой двор, спряталась за открытую наружную дверь чужого коридора и затихла как мышонок, прижавшись к стене дома. Вдруг из квартиры Бубновых вышел мужчина в полосатой пижаме. Прикрывая за собой дверь, он увидел меня, неожиданно схватил за ухо и начал больно крутить. Я молчала. Тогда он рывкнул на весь двор:

— Зачем бегаешь по двору? Зачем шумишь? Воспитанные дети должны тихо сидеть на лавочке.

Я терпела, стараясь ни о чем не думать, чтобы не заплакать. Не видя реакции, мужчина потребовал отвечать на вопросы.

— Бросьте ухо крутить. Слух испортите, — процедила я сквозь зубы.

Мужчина (это был отец тети Нины) опустил руку, и я тут же отскочила от него. Меня трясло.

— Так вот, — сказала я, потирая разболевшееся ухо, — бегаем мы во дворе потому, что родители не разрешают уходить далеко от дома. Кричим на улице потому, что в квартире нельзя шуметь. Покажите место, где можно играть, и мы уйдем туда. Мы послушные...

Мужчина оторопело смотрел на меня. А я все больше распалась...

Наконец он пришел в себя от моего монолога и сердито закричал:

— Я еще доберусь до тебя и твоих родителей!

— Не трогайте родителей! Я думала, что хоть вы, большой начальник, сумеете меня

понять. Но для вас тоже главное наказать, не разобравшись. Вы сами не умеете воспитывать. Я не воровала борщ! Ваша дочь зазвала в гости и заставила есть, а потом позорила моих родителей перед всем двором, будто они меня не кормят. Я же верю людям! Я же должна слушаться взрослых! А она, оказывается, насмеялась надо мной! Дети честнее взрослых...

И убежала в соседний двор. В голове стучало: «Что будет, что будет?..»

Генерал не пришел жаловаться. Значит он все-таки хороший.

ЧТО ТАКОЕ «НЕПРИЛИЧНО»

Вышла во двор. Ребят нет. На лавочке сидит маленький толстый мужчина с закрытыми глазами и, подняв лицо к солнцу, блаженно улыбается. Присела рядом. Долго молчать скучно, и я спросила:

— Дядя, что вы тут делаете?

— Работаю, — вежливо ответил он.

— Бывает работа — сидеть на лавочке? Кем вы работаете? — уточнила я не менее вежливо.

— Начальником, — ответил мужчина, не открывая глаз.

— Странная работа. И вам деньги за это платят? — продолжала я расспросы.

— Платят, платят, — сердито сказал мужчина.

Чувствую, что завожусь, но остановиться уже не могу.

— Я думала, что начальник должен сидеть за большим столом, много думать, много писать или ходить и указывать, что где не так, — пробормотала я растерянно.

— Уйди, девочка, не раздражай меня, — зло, медленно выговаривая слова, произнес начальник и страдальчески поморщился.

Вечером того же дня дед вернулся с работы сердитый и сразу, как взъерошенный петух, налетел на меня:

— Зачем наговорила глупостей Андрею Михайловичу? Какое тебе дело, за что он деньги получает?

— Должна же я знать, что вокруг меня делается, — бубнила я в оправдание.

— Что непонятно, спрашивай у меня или у матери.

Я тут же воспользовалась разрешением:

— Что плохого в том, что я спросила о его работе и зарплате?

— Это неприлично, — ответил дед.

— Что значит: неприлично? Ему есть что скрывать? Он делает что-то плохое?

— Хватит, хватит! У меня голова от тебя болит. Запомни: не приставай к людям. Им своих забот хватает. Они не обязаны отвечать на твои глупые вопросы. Наблюдай, запоминай, а потом с возрастом поймешь, что хорошо, а что плохо.

— Хочу быстрее разобраться, — упиралась я.

— Знай то, чему в школе учат, а остальное — дело взрослых! Поняла? — вспыхнул дед.

Я чувствовала себя щенком, которого ткнули носом в будку и потребовали не высовываться.

В ПОЛИКЛИНИКЕ

Подходим с дедом к поликлинике. В нескольких шагах от крыльца стоит дядя с палкой в руке и заставляет мальчика лет шести сделать на газету по большой надобности. У мальчика не получается. Он смущается под взглядами детей и взрослых, жалобно умоляет отца отпустить его или уйти куда-либо подальше. Тот непреклонен.

— Папа, прогоните дядьку. Зачем он сына мучает? — прошу я.

Дед сердито забурчал:

— Детей заводят, а обращаться с ними не умеют. Как можно такому отцу ребенка доверять? На всю жизнь сына больным сделает, а потом еще врачей винить станет.

Дед решительно отвел мужчину в сторону, сделал короткое внушение и вернулся. Я только услышала его жесткое: «Как врач требую...»

— Папа, а какая болезнь может появиться у мальчика? — спрашиваю я.

— И недержание мочи, и неврозы всякие. Ребенок панически боится отца. Это ненормально, — грустно ответил он.

Пока сидели в очереди за справками в школу, дед рассказывал мне случаи из своей врачебной практики. Рядом с нами присели две женщины с сыновьями. Ребята ушли в угол коридора играть с машинкой, а мамы продолжили ранее начатую беседу:

— Дали в детском садике задание нарисовать человека. Саша изобразил два прямоугольника, четыре палки-конечности, и на каждой руке по пять пальцев старательно вывел. Молодая воспитательница говорит мне: «Мало с ребенком занимаетесь. Примитивный он у вас». Я опешила. Спрашиваю: «Откуда такое заключение?» «Ну, как же, — говорит, — на рисунке совсем нет деталей. Где уши, глаза? Ребенок невнимательный и к тому же без фантазии». Я не стала спорить, подозвала сына и спрашиваю: «Объясни, дорогой, почему ты так странно изобразил человека?»

— Разве я что-то забыл? Вот голова, вот тело, вот руки.

— А где уши? — уточняю.

— Так ведь голова же есть! Она все содержит, чтобы видеть, слышать, говорить, думать. Я и мозги должен рисовать? — удивился сын.

— А почему пальцы нарисовал? — допытывалась я.

— Мама, как же он без них работать будет? Без пальцев даже гайку не закрутишь, — серьезно объяснил мне Саша.

Мой дед обратился к молодой маме:

— Великолепный образчик абстрактного мужского мышления! У Вас, мамаша, талантливый ребенок! Сколько ему?

— Шесть скоро будет.

— Наверно и читать, и считать уже умеет?

— С трех лет.

— Берегите «народное достояние», — улыбнулся мой дед.

— Спасибо Вам на добром слове. Представляете, вчера в поликлинике участковый доктор тоже мне выговор сделала. Говорит: «Отправлю вашего ребенка в школу для слабоумных. Он у вас не знает, как маму зовут, и где проживает». У меня даже слезы от обиды выступили. Зачем при ребенке такое говорить? Вышли мы из поликлиники, а сынок мне шепчет: «Мама, я с грубой тетей не мог говорить, но я не глупый». Я и сама знаю, что умный. Сестричка вслух решает задачки за второй класс, а он ей сразу ответы

говорит. Она изложение пишет, он и тут свои варианты предлагает. Моим студентам на самоподготовке подсказывает. Как-то захожу в лабораторию и слышу, как Саша возмущается: «Опять не выучил? Куда поляроид ставишь? На него свет должен падать». Рассмеялась, конечно. По субботам садик не работает, вот и приходится ребенка с собой на работу брать. Он спокойно ведет себя. Иногда паяет. Правда, раз короткое замыкание устроил. Вскочил, выключил рубильник, за шум извинился. А дочка приборов не замечает и использует их только как подставки для книг, когда уроки делает в моей лаборатории. Оба умные, но по-разному. Вот как-то сынок услышал передачу про самолеты. Так потом такие «теории» стал преподносить, что я только удивлялась. И ведь не глупости говорил, разумно обобщал, дополнял. А они ему... «слабоумный», без фантазии. Я для сравнения отыскала дочкины детсадовские рисунки. А там и впрямь все на месте — и бровки, и реснички, и даже ямочки на щеках. Значит, для нее важны эти детали рисунка, она видит в них смысл, поэтому и рисует. Хорошо, что врач при Саше такое сказала. Он у меня с юмором, и воспринял заявление доктора как неудачную шутку. А мнительного ребенка такие слова могли бы привести к трагедии... Нельзя детям клеймо ставить.

— Учителя и врачи перегружены сверх всякой меры. Отсюда и формальный подход к детям, — попытался заступиться мой дедушка. — Вот поэтому индивидуальный подход к больным вырождается в индивидуальные пристрастия врачей к определенному виду лекарств. Один предпочитает анальгин при головной боли приписывать, другой всем советует цитрамон, вне зависимости от общего состояния больного. Некогда врачам внимательно изучать истории болезней при большом количестве больных у дверей кабинета.

Вдруг он резко встал и подошел к женщине, ожидавшей хирурга.

— Мамаша, вы давно здесь сидите?

— Уже час.

— Врача нет?

— Есть. Но к ней зашла знакомая с медсестрой из соседнего кабинета.

— С чем вы?

— Живот у дочки болит.

— Почему он такой большой?

— Там грелка. Ей легче с нею.

— Уберите, пожалуйста, грелку. Не бойтесь. Я доктор.

Женщина помедлила, но подчинилась. Дед нажал в паху. Девочка вскрикнула.

— Срочно вызывайте «скорую»!

— Да как же без доктора? — засомневалась мать.

Дед без стука ворвался в кабинет и, увидев на столе туфли и кофточки, грозно закричал:

— В коридоре ребенок в тяжелейшем состоянии. Займитесь больными, иначе сейчас же в горздрав сообщу! Из-за таких, как вы, больные обо всех медработниках начинают плохо думать. Не позорьте звание врача!

Я никогда не слышала, чтобы дед так резко разговаривал, да еще с женщинами. Он присел на стул и достал из внутреннего кармана пиджака лекарство.

Девочку увезли, мне дали справку, а дед еще долго сидел молча и тяжело дышал. Потом мы медленно пошли домой. По дороге встретили сухонького невысокого мужчину неопределенного возраста с палочкой в руке. Они дружелюбно поговорили. Дед похвалился ему:

— Дочка моя. Медициной интересуется.

Когда они расстались, дед рассказал:

— Доцентом в институте работал. Теперь ему девяносто лет. Прошлым летом в своем саду с яблони свалился, ногу сломал. Неумный. Compliments женщинам дарит, цветы. Живет — не существует. У него теперь три заповеди в жизни: с утра настраиваться на добрый лад, мало есть и много работать, но знать во всем меру. Умница. Сильная личность. Сейчас у нас в городе новое поветрие — по утрам бегать. Но ведь каждому овощу свое время. Дико смотреть на бегущих по парку стариков. Где у них разум, мудрость? Как мальчишки моде подчиняются.

Дед добродушно улыбнулся. Я успокоилась. Раз улыбается, значит отлегло.

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

Зашли с дедом в гастроном. Он что-то выбирал на ярко освещенной витрине прилавка, а я, как всегда, разглядывала людей. Вдруг мое внимание привлекли два странных молодых человека. Одеты они были не по сезону: в черных до пят шинелях с блестящими серебряными пуговицами и в черных форменных фуражках. Еще издали заметила, что они чему-то улыбаются. Приблизилась. Вдруг один из них подхватил меня на руки и так крепко прижал к себе, что я не могла вздохнуть.

— Боже мой, Коля! Витя!

Я обняла их по очереди, потом обоих вместе.

— Тебя нашли родители?

— Да! Правда, они не совсем родители и старые, но я теперь домашняя. У меня все хорошо.

— Какая ты теперь! Прелесть!

Я покрутилась перед ними, демонстрируя белый бант и голубое в белый горошек платье.

— У меня даже сандалики голубые под цвет платья. Так положено носить, — с гордостью сообщила я друзьям.

— А вы где теперь? В ремесленном? Вы такие взрослые, почти дяди. Ой, как я рада вас видеть. Расскажите про себя.

Сердитый голос деда позвал меня:

— Где ходишь? Я уж думал, ты потерялась!

— Папа, это мои старые друзья, — радостно сообщила я. — Они очень хорошие.

Разреши нам поговорить.

Дед критически оглядел ребят и резко сказал:

— Марш домой. Мать ждет.

Мне было неловко. Ребята смущенно переминались с ноги на ногу. Дед потащил меня за руку через весь торговый зал.

— Мы еще встретимся и поговорим. До свидания, — взволнованно кричала я друзьям.

А они махали мне и вытирали лица ладонями.

Когда мы зашли в другой отдел магазина, дед раздраженно сказал:

— Нечего водиться с бандитами.

— Они не бандиты. Они хорошие. Глаз и руку им поранила бомба. Вы же видели, они учатся в ремесленном, — защищала я мальчишек.

— Вздорное утверждение. Забудь про старую жизнь и все, что с ней связано, — жестко приказал дед.

— Я не буду вам говорить про них, но помнить буду, — хмуро засопела я.

Надо признаться, эти слова у меня вырвались совершенно случайно, неожиданно для меня. Я не хотела возражать и сама была удивлена своей смелости.

— Плохо, если ты осталась при ошибочном мнении, — сердито забурчал дед и пошел в кассу, а я осталась уныло глядеть на витрину.

И вдруг услышала, как приятный женский голос произнес:

— Много ли надо детдомовцу? Приласкай его, и он — твой. И каждое твое слово будет для него верным, главным. Ловятся, бедняги, на ласку хитрых, непорядочных людей. Доверчивы сверх всякой меры, патологически наивны — в этом их беда.

— Откуда вы знаете, что они детдомовские? — спросила я удивленно.

— У них на лицах написано, — ответила интеллигентная не только в одежде и речи, но и в движениях, старушка.

— И у меня написано? — с тревогой спросила я.

— Глаза у тебя грустные. Ничего, если сердце отгадет, то и глаза заулыбаются.

— Они сейчас у меня собачьи?

— Откуда у тебя такое выражение?

— Один мой знакомый профессор в шутку так сказал. Только он теперь в другом городе. Я с его дочкой очень дружила.

— Помни хороших людей, девочка.

— Всю жизнь буду помнить, — уверенно ответила я и с благодарностью посмотрела на старушку. Она понимала нас, детдомовских.

Теперь, как только появлялась возможность, я прибегала к гастроному в надежде увидеть ребят. Но проходили дни, недели, а моя мечта не осуществлялась.

Неужели они не понимают, что я жду их? Наверно, их перевели учиться в другой город или послали работать. Если бы они остались здесь, то обязательно нашли бы меня! Эх, дед, зачем увел меня тогда?

ДЯДЯ КОЛЯ

На днях к нам должен приехать внучатый племянник деда. Он только что закончил служить в армии. Я представляла, что появится высокий красивый молодой человек в военной форме и военной фуражке: таких видела на плакатах в городе.

И вот он приехал. Вошел невысокого роста, крепкого сложения, темноволосый, голубоглазый молодой человек в светлой рубашке и черных брюках. Он мне сразу очень понравился, потому что излучал много радости. В нем было столько приветливости! Меня он схватил в охапку и сказал:

— Так вот какая моя маленькая племянница! Ты просто прелесть!

— Вы тоже прелесть, — ответила я, немного смущаясь.

Мои слова привели его в восторг и понравились деду. Мы не отходили друг от друга три дня. Дядя Коля носил меня на плечах, водил в кино и цирк. Можно было подумать, что он приехал ко мне, а не к деду. Потом дядя Коля оставил нам свое фото и уехал к своим родителям в деревню. А я подумала, что мой дед тоже прелесть. Его любят дети. У него талант такой. К примеру, в воскресенье в парке он заговорил трехлетнего мальчика,

увел от матери и целый час малыш не отходил от него, пока мама не хватилась. Дядя Коля весь в деда.

Теперь, когда мне бывает очень грустно, я беру его фото и шепчу добрые слова. Иногда просто прячу карточку в карманчик платья и ухожу во двор, а возвращаюсь с хорошим настроением.

ФАБРИКА

Двор наш узкий и грязный, потому что нет асфальта. Напротив дома длинный ряд «заштопанных, латаных-перелатанных» сараев. В конце двора туалеты, к которым даже в сухую погоду неприятно подходить из-за запахов от ящиков с отбросами. В подвале дома размещается фабрика по изготовлению ваты. На ней работают глухонемые. Я попросила одного дядю с добрым лицом показать фабрику. Он взял меня за руку и открыл двойную железную дверь. Я сразу оглохла от страшного шума и скрежета огромных машин, но, заткнув пальцами уши, мужественно двинулась между рядами высоких грохочущих машин. Рабочий крепко держал меня за плечо и, улыбаясь, показывал рукой по очереди на тюки тряпок и ваты, на машины. В помещении было душно, воздух насыщен пылью и волокнами тканей. У меня зачесалось в носу, запершило в горле, и я попросилась назад. Когда мы поднялись наверх, грохот еще некоторое время стоял в ушах. Как же там работают бедные женщины? Разве тряпки на лице спасают их от пыли? А они еще и улыбались, глядя, как я изумленно таращу глаза.

Посещение фабрики произвело на меня неизгладимое впечатление. Вечером рассказала деду об экскурсии.

— И все-то ты нос суешь, куда не надо! Ты же девочка. Зачем как хулиган по подвалам лазаешь? — раздраженно сказал он.

— Так ведь интересно! Теперь я знаю, как делают вату, ту, что в одеяле. Только жалко рабочих. Папа, а людям, живущим на первом этаже, шум мешает жить? У них, наверное, пол дрожит?

— Да, вибрация на первом этаже сильная. Жильцы просят переселить их или фабрику закрыть, но пока у города нет такой возможности, — вздохнул дед.

После «экскурсии» на фабрику я подружилась с рабочим дядей Славой. Он один разгружает и загружает машину. Лицо, шея и руки у него всегда серые. Только глаза и белые зубы блестят. Как-то, отправив машину, он устало сел на лавочку и показал мне, что хочет пить. Я принесла компот. Дядя Слава жадно пил, потом оторвался от кружки и, широко улыбнувшись, показал мне: «Здорово! Очень вкусно, спасибо!» А потом отвел меня подальше от окон, где жил начальник, и дал несколько ярких лоскутков вязаной ткани. «Из этого кукле платье сделаешь, а эти, вязаные, распустишь и будешь учиться вязать», — пояснил он мне.

Мы оба радуемся нашим встречам. Нам просто приятно оттого, что мы видим друг друга.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

Очень шумно живут люди в третьем подъезде в коммунальных квартирах. Отчего чуть ли не ежедневно с воплями вылетают из этих коридоров дети и женщины? Каждый раз причины вроде бы были разные, а сценарий один. Двор оглашается отборной руганью, и я стараюсь поскорее укрыться в своем подъезде. В головы соседей летит не только мат, но и сковородки, стулья, керосинки.

А сегодня я увидела странную картину: Витькина мама носила по двору сына, завернутого во влажную простыню. Намаываясь, она садилась в тень сарая и причитала:

— Витенька, сыночек мой дорогой. Да что же с тобой приключилось? За что несчастье на мою голову? Любимый мой. Господи, спаси...

Ее душераздирающие крики зависали в воздухе дотемна. Оказывается, с Витей случился

солнечный удар. Температура — сорок градусов. Обмяк бедный, в сознание не приходит. Бредит. Я удивлялась перемене в его матери. Вчера стегала сына ремнем за то, что он без разрешения стащил пирожок прямо со сковородки. Полдня неслись из квартиры обещания содрать кожу, убить сына, а сегодня белугой ревет только из-за того, что он заболел. Так сама же виновата. Вечно Витька гоняет по двору без панамки.

Я с любопытством смотрела на бледное лицо мальчика. Оно очень изменилось: вечно грязное и нагловатое, теперь выглядело, измученным, несчастным. Голова болталась на тонкой шее, и все время скатывалась с плеча матери. Безжизненные руки висели как веревки. Мне стало жалко и его, и мать. Значит, любит его? Как же можно любить и стегать да еще с позором, перед всеми? Не могу понять взрослых! За что была? Был бы сыт, не стащил бы этот злосчастный пирожок. Плохо сделал. Так ведь не от баловства. А может, у нее денег не хватает накормить сына?

Через два дня Витя ожил. Я вышла погулять. Спрятала под майку два куска хлеба и ожидаю Витьку. Когда он поравнялся с нашим коридором, я тихо позвала его. Витя небрежно спросил:

— Какого черта?

Я протянула ему кусок хлеба:

— Давай вместе есть.

Он обалдело глянул на меня и отступил на несколько шагов. Вдруг выражение его лица сменилось на злое, и он кинулся на меня с кулаками. Я метнулась наверх. Он догнал и неожиданной подножкой спустил меня с лестницы. Я сидела в пыли и думала о том, что скажет Оля, увидев грязное платье. Витька умчался. Ко мне подбежала немая тетя Маня и, размахивая кулаками в сторону моего обидчика, зажестичулировала:

— Сейчас его мамаше скажу...

Я перебила ее, показав, что сама упала. Оступилась. Она удивленно и неодобрительно покачала головой, объясняя: «Наказывать надо хулиганов, чтобы неповадно было».

Дома обмыла рану с мылом и попросила извинение за грязное платье. Конечно, мне было больно, но виду не показала. Оля растерянно смотрела, как я спокойно промокаю бинтом кровь. Она от испуга даже не спросила, что со мной случилось, только за зеленкой кинулась.

А я небрежно сказала:

— Заживет как на собаке. Папе не говорите.

И все было бы хорошо. Только никак я не могла понять, за что Витька на меня накинулся? Я же хотела ему помочь. «Каждый детдомовец спасибо сказал бы за лишний кусок хлеба, да еще сдобного. Странные эти домашние, доброты не понимают. Чем его разозлила?» — мучительно соображала я. Но ничего не приходило в голову.

Вечером того же дня я совершала обычный обход знакомой территории. Смотрю: Витька изображает на тротуаре и стенах домов единственное слово, которое научился писать. Я стала ходить за ним и мелом исправлять первую букву. Одной черточкой матерное слово превращала в нормальное. Я была очень довольна собой, ведь делала доброе дело в воспитании мальчишки и в «украшении» улицы!

Витька, застав меня за этим занятием, удивленно сказал:

— Видел дур, но такую — в первый раз.

— От дурака слышу, — парировала я обиженно.

— А ты дура в квадрате.

— А ты — в кубе, — быстрехонько нашлась я.

Витька растерянно замолчал.

И что плохого в том, что дурак в квадрате или в кубе! Почему так говорят, когда ругаются? Нарисовала мальчика и обвела квадратом. Потом изобразила ребенка в кубике. Ничего особенного. Первый вроде как в окно глядит, а второй — будто находится в прозрачном, стеклянном ящике, как рыба в большом аквариуме.

Витька стоял рядом и разглядывал мои рисунки.

— Что это? — спросил он.

— Эта фигура — квадрат. А эта — куб.

— Тебе так в школе объясняли?

— Нет, еще раньше.

— В детсаду?

Я промолчала.

— Я тоже на следующее лето пойду в школу, — грустно сказал Витя.

Тут его позвали друзья, и он с радостным криком умчался.

КОСТЯ

Во дворе появился новый мальчик. Он москвич, приехал в гости к Бубновым. Костя мне ровесник, но по поведению кажется более взрослым. В нем присутствует какая-то непонятная уверенность в себе. Он всегда знает, чего хочет и добивается своего. В нашем дворе единственный велосипед — у Владика, и на нем катаются все с разрешения его родителей, но недолго и недалеко. На этот раз очередь была Вити, но Костя твердо сказал:

— Я вне очереди, потому что гость вашего двора.

Возразить было нечего. Костя забрал велосипед, пропал на целый день и появился во дворе только утром. На лице не было ни волнения, ни раскаяния. Постучал в дверь квартиры Владика и, когда мама вышла, голосом, не терпящим возражений, как взрослый сказал:

— Прошу извинить, обстоятельства выше меня. Спасибо за велосипед. До свидания.

Мама Владика от командирского тона оторопела и, ничего не ответив, покатила велосипед в коридор. Костя произносил вежливые слова решительно, как будто давил ими. Он заканчивал разговор. Он ставил точку. Я представила себе, как извиняюсь за что-то, потом выслушиваю град обвинений, кучу нотаций и со слезами, с еще большим чувством вины ухожу домой. Он же, казалось, вины никогда не чувствовал. И чужие заботы его не трогали. «Это ваши проблемы», — говорил он. В любой игре он становился лидером, действуя напористо, резко. Иногда мы даже не успевали сообразить, как он уже командовал нами. Ребята пытались не брать его в игру, ставили своих ведущих, но проходило немного времени и опять Костя был среди нас, во главе нас и устанавливал свои правила игры. Мы злились, но ничего поделать не могли.

— Семья его так воспитывает, чтобы он тоже генералом стал. Видишь, сколько уже сейчас в нем твердости, умения говорить с людьми. Он не позволяет другим высказываться, хотя вроде бы рот не «затыкает» грубыми словами, культурно ведет себя. Ох, боюсь, из него такой «хлыщ» вырастет, что тяжело от него будет и солдатам, и его родным. У него нет преград — жалости, доброты. Только его желания важны ему, — сказала как-то тетя Вера подругам, сидящим у дома на скамейке.

А в последний день пребывания Кости я наблюдала странную сцену. Моя подруга Нина позвала его собирать ягоды в овраге, что за три улицы от нас. С присущей ей ребяческой манерой она хлопнула Костю по плечу. Он удивился фамильярному обращению, но стерпел. А дальше было еще интересней. Нинка решительно обняла Костю за плечи и, о чем-то восторженно рассказывая, потащила за собой. Такой естественно-растерянной,

обескураженной физиономии, я еще ни у кого не видела! По лицу было заметно, как усиленно думал Костя. Оттолкнуть девчонку? Сказать что-либо презрительно-унизительное? Он прокручивал в голове варианты и все время оглядывался. Наверное, в данный момент для него было главным, чтобы его никто не видел в таком неожиданном, непонятном положении. Лицо Кости покраснело от смущения, но руки Нины он не сбросил. А она не замечала борьбы его чувств. Ей все равно с кем проводить время, лишь бы не быть одной. А вечером он сам пришел играть к ней домой. Почему? Чем она ему интересна? Меня это задело. Непонимание злило.

САПОЖНИК

Бегу к знакомому сапожнику. Он живет на краю города. Руки у него золотые и нрав добрый. Я с удовольствием хожу к нему. Сапожник — глухонемой. Я немного понимаю язык жестов, и он рад этому. Когда я первый раз удивилась его ценам, он объяснил: «Ко мне приходят, в основном, из ближайшего села. А откуда у деревенских деньги? Трудодни да палочки получают в колхозе. Чем их отоварят и когда — один бог знает. А продукты еще продать надо, чтобы макароны, обнову, чай купить».

Если я чего-то не понимала, сапожник старательно выводил на клочке бумаги крупными печатными буквами слова, объясняющие незнакомый мне жест. Почему многие считают его нелюдимым? Когда я прихожу к нему, улыбка разглаживает морщинки на бронзовом от загара лице. У глаз то появляются, то исчезают светлые лучики незагорелой кожи. Я как-то ему показала, что он человек «во!» и что руки у него растут как надо, так он мне не только починил обувь, а еще почистил цветными кремами. Я смутилась, стала думать, сколько надо еще доплатить, ведь лишних денег у меня не было, под обрез давали. Но он понял мое волнение, похлопал по плечу и показал: «Я для своего и твоего удовольствия сделал»...

Дядя Ваня (точнее сказать Джованни) встретил меня как всегда приветливо. Мы сели на крыльце. Он принялся показывать мне различные образцы кожи и объяснять какие, где лучше использовать. «Когда пальчики окрепнут, научу тебя своему ремеслу. В жизни пригодится», — серьезно, но ласково «сказал» он. Я утвердительно кивнула, забрала ботинки и попрощалась. По дороге несколько раз оглядывалась и махала рукой до тех пор, пока одинокая худая фигура совсем не скрылась из виду.

КУКЛЫ

Дядя Слава такой большой! Я задираю голову, чтобы увидеть его лицо. Один раз он посадил меня на широкую ладонь и поднял. Наши глаза оказались на одном уровне. Я провела ладошкой по его красиво изогнутым черным бровям, по кудрявым смоляным в серой пыли и вате волосам. Он улыбнулся, приподнял меня над головой, а потом стремительно опустил на землю. Я почувствовала себя совсем маленькой.

Каждый раз, увидев меня, дядя Слава с улыбкой достает из кармана красивый лоскуток и показывает:

— Кукле на платье.

Но куклы у меня нет. Оля купила целлулоидную (пластмассовую) уточку, поставила на книжную полку и не дает играть. А зачем тогда покупала? А может, и правда, научиться вязать? Попросила у Оли спицы. Она показала, как делать петли и предложила вязать носки. Я быстро освоила лицевые и изнаночные петли, но когда дело дошло до вязания сразу на четырех спицах, у меня перестало получаться. Петли соскакивали то с одной, то с другой спицы. Не выходило держать четыре спицы и одновременно пятой делать новые петли. Оля сердилась на мою неловкость. А я злилась на себя и на нее.

— Не могу я за один день научиться вязать. Буквы в школе каждый день пишем, а они все кривые и кривые, — бурчала я, пригнув голову.

— Руки у тебя кривые, — сказала Оля и ушла во двор.

Я еще немного «поковырялась», потом, окончательно запутавшись в «утерянных»

петлях, бросила спицы на стол. Но яркие лоскутки все время напоминали о словах дяди Славы, и я решила попробовать сшить куклу. Самым трудным, оказалось, вставлять нитку в иголку. Нитки я взяла тонкие, а иголку с самым большим ушком. Долго целилась, но кончик нитки все время изгибался и не хотел пролезать в отверстие. Руки устали, и я все чаще и чаще промахивалась. Тогда я воткнула иголку в разделочную кухонную доску. Теперь иголка не дрожала, и я достаточно быстро вдела нитку в ушко. Шить оказалось просто. Свернула лоскуток трубочкой и прошила вдоль края крупными стежками. Рука готова. С головой еще проще. В белую тряпочку положила кусочек ваты, а края материи сшила в месте, там, где должна быть шея. В общем, пока Оля прослушала в доме напротив скандальную историю о разводе какой-то семьи, я сшила себе мягкую куклу, нарисовала ей лицо и обрядила по всем правилам в брюки, рубашку и шапочку. На следующий день я принялась шить новую куклу. Подружку. Но Оля возмутилась:

— Хватит с тебя одной.

Ну и ладно, обойдется без подружки. Сошью ему друга-кота. Его-то мне не запрещали делать. Коту пришила глаза-пуговицы и раскрасила полосками тело. Ушки-треугольники получились великолепные! Но усы из ниток никак не хотели торчать и уныло опускались вниз, придавая коту грустно-смешной вид. Увидев мое очередное «творение», Оля зашумела:

— Хватит фабрику устраивать. Не квартира, а склад хлама!

Я послушно положила иголку на место.

СТРАННЫЙ ТЕАТР

Проснулась. На улице ослепительно светло. Хрустальный воздух золотится в лучах восходящего солнца. Вдали вчерашняя вечерняя сталь реки сменилась ярко голубой лентой. В низинах туман белыми островками покрывает водную гладь, размывая линию берега.

Пока Оля спит, мне захотелось прогуляться по парку. Потихоньку выбралась из квартиры. Иду, а утреннее солнце движется со мной, мелькая между ветвями, пересчитывая стволы. Многие деревья сильно наклонены в одну сторону, и только крапистые дубы стоят прямо и гордо, раскинув мощные ветви. Новая волна одуванчиков заполонила газоны. Неделя дождей разбросала по влажной земле шарики дождевиков. Солнечные зайчики сделали асфальт пятнистым.

Добралась до берега грязной речушки. Дед называет ее помойкой. Наклонилась над ромашкой. Осторожно поймала пчелу за крылышки. Она извивается полосатым брюшком, пытается ужалить меня. Травинкой перебираю лапки насекомого. Где оно берет силы так часто махать крылышками? Я раз двадцать подниму руки, и больше нет желания продолжать зарядку. Было бы здорово иметь способности разных животных, птиц, насекомых!

И почему человек сразу не рождается умным? Собака заболит, так ее никто не учит, а она знает, какую ей траву надо съесть, чтобы вылечиться. Один раз видела, как бедняжке судорогой сводило живот. Она ползком добралась до забора и принялась обнюхивать бурьян. Наконец выбрала травку, пожевала и тут же уснула. А наутро уже весело бегала по заднему двору детдома. А я, если заболит, то не знаю, как лечиться. Я глупее собаки? Это же неправильно! Я должна знать все, что умеют животные, а потом уже учить свое — человеческое.

Подошла к небольшому красиво раскрашенному деревянному летнему домику. Около крыльца толпились дети постарше меня, а в тени, на траве, сидели взрослые. Вышел молодой мужчина с очень выразительным живым лицом. Черные кудрявые волосы, усы, борода, черные крупные чуть нависают глаза. Лицо его не столько приветливое, сколько внимательное. Не успела приблизиться к нему, как вместе с толпой оказалась в большой светлой комнате. Когда взрослые сели на деревянные лавки, свободных мест не осталось. Я пристроилась на полу у деревянного помоста.

Задержали шторы. Раздалась тихая музыка. Двое детей вышли на сцену и стали молча, одними движениями, что-то изображать. Я сначала никак не могла сообразить, что там происходит. Но в какой-то момент, по тревожно нарастающей музыке и резким движениям детей, играющих на сцене, вдруг почувствовала трагедию. Они ссорились, что-то друг другу доказывали, чего-то требовали. И, хотя дети были одеты в одинаковую, обтягивающую тело черную одежду, я поняла, что это мужчина и женщина, что они взрослые и, наверное, — семья.

Передо мной проходили люди, с разными, в основном, грустными историями жизни. Лица, руки, движения тел артистов были выразительны, каждый их жест проходил через мое сердце. Мне казалось, что дети понимали и переживали беды взрослых в сто раз сильнее самих взрослых. Они умирали, ссорясь во время развода. Их чувства погибали вместе с ними или поднимались на высоту рая в счастливые моменты любви, сострадания. Я чувствовала, будто меня касается рука любящего, страдающего, молящего о прощении человека; видела, как женщина негодуя, возмущенно отталкивает партнера, не веря, не принимая, не прощая.

На сцене черные как тени силуэты. Он, она и несчастье. Он, она и любовь. Музыка звучит то очень тихо, то чуть громче — в зависимости от действий, происходящих на сцене, но напряженный трагизм ее не исчезает. Он берет мое сердце в тиски и медленно, мягко отпускает, жалея струны моей души. Но я все равно не успеваю полностью расслабиться от одной истории к другой, поэтому сжимаюсь и сжимаюсь в пружину. Глянула в зал. Женщины (их было большинство) плакали. Пружина лопнула. Я тоже залилась слезами и тихонько, на коленках, выползла из домика, чтобы выплакать боль несчастных семей и свою боль.

Когда все разошлись, ко мне подошел руководитель.

— Я заметил тебя. Можешь рассказать свои впечатления?

— Могу, — тихо ответила я.

Он внимательно слушал и что-то очень быстро записывал.

— Ты плачешь, когда звучит похоронная музыка?

— Да.

— Ты провожала кого-нибудь из родных в последний путь?

— Нет. Я детдомовская.

— Значит, раненая. Послушай, так я записал твой рассказ?

«Дети играли трагедии взрослых. Они просили взрослых понять их, вспомнить себя, вернуться к своим сердцам. И, глядя на них, взрослые в зале, наверное, увидели свою жизнь иначе. Может, они задумались на миг, как тяжело детям видеть своих родных в их ничтожестве, в слабостях? Ноют сердца и страдают их души. Детям хочется гордиться родителями, любить радостно, а не с тоской и жалостью. Взрослый мир — мир безрадостной суеты, ежедневных забот. Взрослые! Оставайтесь немного детьми, вспомните, как нужны нам и вам яркие минуты, всплески радости и просто ежедневное тепло, добрые взгляды, поддержка. Как больно нам от резких, грубых слов, звучащих из-за мелочей. Остановитесь, оглянитесь вокруг! Мы любим вас. Я бы не хотела еще раз попасть в ваш театр. Страшно тяжело, когда твоя боль складывается с болью других. Впечатление ничем невозможно смягчить, ослабить. И носить в себе слишком тяжело. Спасительные слезы — лекарство Всевышнего. Только они всегда со мной».

— Я правильно понял тебя? — спросил руководитель, уставившись на меня внимательным, но твердым взглядом.

— Да. Только не надо показывать такие спектакли детям.

— Я подумаю, — с улыбкой ответил незнакомец.

— Дядя, почему во втором детдоме мне жилось лучше, а я о нем меньше думаю?

— Значит, в первом больше твоей души осталось. Там происходило воспитание твоих чувств болью и радостью. В большей степени болью. Ваши души там оттачивались и покрывались слезами-жемчужинами своей и чужой боли. А у некоторых они чернели, становились гладкими, ничего не воспринимающими, не понимающими. Так?

— Да, но для меня радость важнее. Вот мой друг Толян был как я, а потом, защищая маму, смог ударить бутылкой... Он хотел добра, а получилось зло. Я не понимаю этого. Как сделать, чтобы вокруг не было плохого?

— В людской природе зло неистребимо. Его можно только уменьшить.

— Неправда! Не говорите так! Зачем тогда жить?

— Чтобы бороться со злом.

— Глупо сначала его делать, а потом с ним бороться.

— Милый, добрый человечек, тебе надо в монастырь.

— Не хочу в монастырь.

— Пойдешь ко мне в театр?

— Нет, потому что все время буду плакать.

— Ничего, в спектакле это тоже нужно.

— Я на самом деле буду плакать и сорву представление. Я не смогу играть, у меня всегда все всерьез.

— Это и хорошо.

— Все равно не пойду. Вы не добрый.

— Я добрый, но не добренький. Сам к добру шел через боль. Все познается в сравнении. Познав горе, человек лучше ценит добро.

— Или становится жестоким.

— Ты любишь стихи? — незнакомец перевел разговор, видя, что я завожусь.

— Да, — уже спокойнее ответила я.

— Срифмуй что-либо.

— Нет настроения. Когда-нибудь напишу про ваше красивое лицо.

— Почему про лицо?

— Про другое не могу. Я не понимаю вас.

— Может, все-таки пойдешь ко мне в театр? — снова предложил собеседник.

— Нет, — возразила я, недовольная его настойчивостью.

— Почему?

— Я говорю бестолково. Запишите по-своему. У вас здорово получается.

И он записал мое сбивчивое, нервное объяснение коротко: «На сцене дети жили болью взрослых, болью за взрослых. Что чувствовали они, играя спектакль? Играли? А что, если каждый раз через душу, через сердце? Так ведь с ума не долго сойти? Господи! Позаботься об их душах. Убереги их».

— Теперь вы меня поняли, — сказала я и медленно пошла вдоль берега.

Потом оглянулась. Странный дядя смотрел на дорогу, по которой я шла. Мне очень хотелось вернуться, но «чудик» внутри меня говорил: «Нельзя». И я послушалась.

Дома никого не было. Я залезла под диван, достала свои драгоценности. Надела Витину пилотку, завернулась в плащ бабы Мавры, положила на колени подарок Ирины и размечталась, до мельчайших подробностей представляя себе встречу с друзьями.

Я снова в царстве белых облаков, в царстве счастья...

МАТЬ ГЕРОЯ

Витек, мне живется хорошо. Только здесь выходить на улицу надо в чистой и глаженной одежде. Трудно привыкнуть мыть руки, ноги, не пачкать платье, но я стараюсь.

Детей во дворе много. Целыми днями играем в карты «до потери пульса» или гоняем по улицам в казаки-разбойники. Вроде все здорово. Но что-то не нравится мне в этих развлечениях. Чем-то у нас было лучше? Дети незлые, меня никто не обижает. Но относятся друг к другу как-то безразлично, без души, без радости. Вроде того: пришел ты — хорошо, а нет — ну и ладно. Как к табуретке: есть — сядут, а нет — можно и на полу.

А еще кругом дома, дома... люди как муравьи. Здесь даже деревья не такие красивые, как в нашем лесном детдоме. Все улицы одинаковые. Недавно дед (люблю так называть про себя папу) повел меня по городу. Почему-то грусть навеяли суетливые, не очень приветливые люди. Они мне показались жадными, как обнищавшие купцы. Денег нет, а какой-то злой гонор остался. За копейку переругаются. Смотрят как-то с недоверием. Доброты не чувствую в них. Может, они другие на самом деле, но у меня такое ощущение осталось.

По дороге встретили маленькую, худенькую тетю. Она обратилась к моему деду:

— Может ты, Яков Иванович, поговоришь у высокого начальства, заступишься. Ни пенсии у меня, ни жилья нормального. Халупу каждую весну водой заливают. Ты же знаешь.

— Чем же, Никаноровна, помогу тебе? Кто я? Сам живу в аварийном доме. Уж прости, — ответил ей дед грустно.

— О Господи, как жить дальше? Старею. Одна я... Прости мил человек, что со своей бедой пристала.

И она засемила мимо нас, бормоча что-то себе под нос.

— Это мать того героя, чей памятник стоит у нас на главной площади. Война прошла, и забыли люди о тех, кто их защищал. Я с его отцом еще в Гражданскую воевал, — вздохнул мой дед.

— Так ты герой?

— Нет. Я как тысячи других. Есть ордена, медали. Придем домой, покажу.

— А где же совесть у начальников?

— В военное время нужны военные герои, а в мирное время — герои труда. Память у людей короткая. Да к тому же сытый голодного не разумеет, — задумчиво усмехнулся дед.

После разговора с дедом каждый раз, проходя мимо памятника, я останавливаюсь, долго смотрю в лицо молоденькому курносому солдату и думаю: «Я буду помнить о тебе, мой защитник».

Я мало знаю о людях, но иногда у меня все равно возникает свое мнение. Но оно не от мыслей в голове. Мне кажется, я чувствую, какие люди хорошие, а какие — плохие. Вот эта тетя — хорошая. Она не хитрит, не обманывает. Она говорит искренне, с болью, грустью, безнадежностью в голосе. А Оля никогда откровенно ни о чем не говорит в семье. Только со своей родней секретничает, а меня в это время выпроваживает на улицу.

СВЯТЫЕ МЕДАЛИ

Ребята готовили новую пьесу про войну. Я тоже сочиняла и помогала делать костюмы. На репетиции ползала в плащ-палатке на животе по закоулкам двора, участвовала в «сражениях», первая добиралась до вершины дерева с красным флагом и «раненая» уползала в кусты. Светлана предложила принести из дома настоящие пилотки, армейскую одежду и медали с орденами, чтобы представление выглядело «взаправдашним».

Я прибежала домой.

— Папа, покажите, пожалуйста, свои медали и ордена, — попросила я прямо с порога.

Он встал. Осторожно, как стеклянную, перенес деревянную шкатулку с комода на стол. Я села рядом. Меня трясло от нетерпения поскорее отнести их ребятам. Дед аккуратно выложил награды на скатерть: медали в одну сторону, ордена — в другую. И уже по тому, как он это делал, я поняла, что во двор их не понесу. Дед брал каждую медаль и долго смотрел на нее, медленно водя рукой по металлу, потом ощупывал красные, желтые и голубые полоски лент. Дед молча смотрел на них, но я понимала, что он вспоминает связанные с ними события, погибших друзей. Медали — святые. Это все, что осталось от войны, — память и награды. Чем дольше длились паузы, тем больше я успокаивалась. Дрожь нетерпения прошла.

Попросила деда потрогать награды. Он разрешил. Осторожно положила на ладонь орден. Луч света из окна скользнул по темному рубину звезды. Он на мгновение ожил, засветился кроваво-красным и померк. Я вздрогнула.

Мой улыбчивый дед сидел, сжав ладонями седые виски. Его морщины углубились, лицо посерело. Серо-голубые глаза смотрели перед собой сухим, неподвижным, отрешенным взглядом. В комнате стояла скорбная тишина. Я боялась нарушить ее и потому не смогла попросить деда рассказать, за что он получил награды. Я тихо сидела рядом и думала: «Ведь мне не пришлось в голову отнести для спектакля Витину пилотку. Как же я посмела даже подумать о том, чтобы взять для игры военные награды деда?!»

ВОКЗАЛ

Долго уговариваю деда сходить на реку.

— Что делать там в августе? По старинным законам после Ильина дня купаться не положено, болячку можно подхватить, — возражает он.

— А если август жаркий? — настаиваю я.

— Старые люди все равно соблюдают. Воспитаны так.

— Папа, я только попрощаюсь с летней рекой, — канючу я.

— Вечно у тебя фантазии в голове! Ладно, тряхну стариной, пошли. Я реку уж лет пять не видал, — наконец соглашается дед.

Вышли на конечной остановке трамвая и вскоре были у реки на мягком темно-зеленом с легкой желтой проседью ковре луга. Земля под дерном упругая, податливая. Я разулась и пошла босиком, наслаждаясь ласково щекочущей прохладой. Дед шел по тропинке задумчивый, медлительный. Показалась темно-серая гладь реки, обрамленная густым камышом. Сели на бугор, там, где суше. Я длинной камышиной делаю круги на застывшем стекле реки. Потревожила лягушек. Они мгновенно нырнули в глубину. А одна наглая, пучеглазая, бородавчатая уставилась на меня, не мигая, и только светлый мешок ниже рта выдавал ее дыхание.

— Это не лягушка, а жаба. Она больше посуху любит скакать, — ответил дед на мой удивленный взгляд.

Он ловко перевернул палкой маленькую серую лягушку, пристроившуюся на его ботинке. Мелькнул серый в оранжево-красных пятнах животик.

— Какая красивая снизу! Надо бы ей, наоборот, сверху яркой быть, — восхищенно вскрикнула я.

— Чтобы цапля слопала? Это лягушка-каменушка. Сохранная окраска у них под цвет битого кирпича и штукатурки. Они зимуют в разрушенных домах, подвалах, там, где сыро, — объяснил дед.

Никогда я не видела деда таким задумчивым. Я полагала, что он, как всегда, будет торопить меня домой. А дед теребил в руках травинку и, опустив голову, еле заметно шевелил губами. В этот момент мой высокий, представительный, как говорили соседки, дед показался мне маленьким. Я не хотела беспокоить его. Отошла в низину и долго стояла у самой воды, замороженная мельканием рыбешек.

Вдруг дед встряхнулся, встал и расправил плечи.

— Папа, чего вы сегодня такой грустный? — спросила я.

— Видишь на горизонте церквушку? Я родом оттуда. Лет пятнадцать там не был. Родня сама ко мне заезжает, да и то попутно с делами в городе.

— Давайте в следующее воскресенье съездим туда!

— Хорошая мысль. Что-то я расчувствовался сегодня. Детство вспомнил лапотное. Об отце в памяти ничего не осталось. Все мать около нас возилась. А эта река кормилицей была. По весне заливало всю округу. Вода в хатах, скотина и тряпье на чердаках. По две недели на лодках жили. Зато с урожаем овощей каждый год были. И себя, и город кормили.

— А сейчас половодье по-прежнему заливают пригород?

— Река несколько обмелела, но все равно люди плавают по весне.

— А зачем же на воде жить? — удивилась я.

— Огород должен быть у дома. Весной каждая минута дорога: посади, прополи, прореди. Я, мальчонкой, не разгибался, пока в город не отослали в наймы. В сезон даже погулять сил не было, — растягивая слова, говорил дед.

Реку затягивал туман. Я огляделась и задохнулась от восторга. Туман застелил луг плотным матово-белым одеялом. Лесистый склон противоположного берега тоже пропал в белой дымке.

— Папа, молочные берега как в сказке! Вы тоже в детстве любили эту красоту? Или из-за трудного детства ничего не замечали?

— Красота мимо души не проходила. И все же поторапливайся. Мать заволнуется. Только на вокзал зайдём, пивка попьём. Что-то зябко мне.

— Не хочу пива. Детям вредно.

— И то верно. Я тебя сладким угощу, — улыбнулся дед.

Зашли в огромный зал-дворец. Ярко-зеленые стены украшены позолоченной, тонкого узора гипсовой лепниной, идущей широкими полосами от потолка до пола. Потолок так высок, что я откинулась назад, чтобы разглядеть его удивительные орнаменты.

— Папа, вокзал при царе строили?

— Недавно.

— А почему он такой красивый?

— При Сталине все строили надежно и красиво.

Дед выпил пива, а мне купил огромную желто-красную грушу.

— Ее тоже при Сталине выращивали? — спросила я бесхитростно.

— Ну и шуточки у тебя, — засмеялся дед. — Такие на юге растут.

Я откусила грушу. Удивительно вкусная и сочная! Спустились в широкий подземный переход, ведущий в город.

— Странный коридор. Почему у него пол и потолок наклонные? Этот туннель не подходит к вокзалу, — нерешительно высказала я деду свое впечатление.

— Смотри-ка! Заметила, — удивился он. — Тут подземные воды проявились, и крыло здания «поплыло». Архитектор сумел его подправить. Оно не развалилось, только накренилось. Все равно его расстреляли за саботаж.

— Он был плохой? — испуганно прошептала я.

— Понимаешь, малые сроки были отпущены на строительство, а исследованием почвы занимался друг архитектора, у которого в то время мама сильно болела. Не успел он все промерить и рассчитать, понадеялся на авось. Архитектор ему доверял и не проверил работу.

— За что же тогда архитектор погиб? — разволновалась я еще больше.

— За безответственное отношение к порученному делу.

— Кто подвел, тот обязан был сознаться, — закрутила я головой, словно стремясь избавиться от непосильной, взрослой проблемы.

— Тогда расстреляли бы обоих. К тому же, архитектора только мама оплакивала, а у виновника уже двое маленьких детей было.

— Значит, архитектор был верным другом. Жалко такого, — вздохнула я шумно.

— Жалко, талантливый был. Я хорошо его знал. Из наших, деревенских, — тоже вздохнул дед.

Мы молчали до самого дома. Я уже не могла есть красивую грушу.

Дед сразу лег в постель и заснул, а я долго ворочалась. В полудреме перед глазами плавал великолепный дворец. В самом центре сияющего золотом потолка висел огромный портрет архитектора. С его лба вниз на людей падали крупные красно-коричневые капли. От страха очнулась. За окном, в свете уличного фонаря вижу, как хлещет дождь. Ветка рябины гроздьями ягод стучит по стеклу.

Тревожный сон снова унес меня в свое загадочное царство.

НЯНЬКИ

— Сбегаем к Зое? — спросила меня Валя.

— Мне все равно, — ответила я. — Куда ты, туда и я.

И мы помчались. Нам открыла рыжеволосая худенькая девочка и, приложив палец к губам, впустила в общий коридор. Комната показалась мне маленькой, потому что вдоль стен стояли две неубранные раскладушки, кровать и сундук, а в центре стол, заваленный грязной посудой.

— Ну и раскардаш у тебя, Зоя! — голосом, чуждым притворства воскликнула Валя.

— Мусику два месяца исполнилось и маме пришлось выйти на работу, — с тихим сожалением произнесла Зоя.

Щеки ее зарделись. Она виновато улыбнулась.

— А кто малышку нянчит? — тут же деловито спросила моя подруга.

— Так мы же с Аленкой! Мама только в перерыв прибегает ее покормить. Хорошо хоть работа рядом. Вот мамина подруга уже через месяц сыночка отняла от груди. Мамам лучше бы вообще не работать, пока детки в пеленках, но на одну зарплату семье не прожить, — вздохнула Зоя.

В ее голосе слышалось какое-то особенное недетское сочувствие.

— А почему в ясли не отдадите? — осенило меня на удивление простое решение их проблемы.

— Покаждемся своей очереди, Муська уже в школу пойдет. Да и платить там надо, — со знанием ситуации мягко, без раздражения ответила Зоя.

Валя занялась посудой, а я подошла к малышке. Муся хаотично болтала ручками и недовольно кряхтела.

— Чего она просит? — спросила я новую знакомую.

— Сухих пеленок. Соседка не позволяет их на общей кухне развешивать, а в комнате не успевают сохнуть, потому что я форточку не открываю. Боюсь сестренку простудить, — жалобно и кротко улыбнулась Зоя.

Она развязала тесемки, которыми были перевиты ножки девочки, развернула мокрую пеленку и вытерла розовую попку.

— Начали кашкой кормить, а желудочек не принимает, вот и пачкает подгузники чуть ли не каждый час, — между делом рассказывала мне Зоя.

— Можно мне подержать твою сестричку? — несмело попросила я.

— Заверну, сначала. Ты только головку придерживай, — озабоченно предупредила меня маленькая няня.

Я еле дышала от волнения и никак не могла взять девочку. Рук не хватало. Зоя снисходительно засмеялась, а потом покровительственно, но весело растолковала:

— Представь себе, что это кукла. Смелее!

Она положила Мусю на мои деревянные руки, а головку приклонила на плечо.

Пришли еще две девочки поиграть с малышкой. Они щекотали ей щечки, совали в рот тряпочки, бумажки, а она хватала их ротиком и сердито морщилась. Наконец крошка не выдержала и заревела. Подруги одновременно схватили ее и... так уж получилось, что Маруся упала на пол.

Я в ужасе закричала:

— Разбилась!

— Не бойся, маленькие падают, как кошки, мягко, — успокоили меня девочки, схватили орущий кулечек и потащили на кухню.

Зоя прижала к себе сестричку и заговорила нараспев:

— Ах ты, моя маленькая, хорошенькая. Не плачь, крохотуля бестолковая. Скоро придет мамочка и покормит тебя как надо.

Она целовала сморщенный лобик и пушистую рыжую макушку малышки. Та на время притихла.

Зоя быстро налила в бутылку молока, натянула соску и попросила старшую подружку покормить Марусю. Крошка от удовольствия засопела. Но тут соска выскочила из ротика, и молоко полилось по личику. Муся поежилась, потом закричала, но нянька, увлеченная разговором, ничего не замечала. Я сунула соску в орущий ротик. Малышка закашлялась и стала извиваться всем тельцем. Поняв свою вину, я заревела. Подскочила Зоя, схватила Мусю за ножки и принялась хлопать по спинке. Я испугалась еще больше и убежала на кухню. Когда вернулась в комнату, всем довольная Муська лежала на клеенке, а девочки развлекали ее, а может, развлекались сами. Они играли с нею, как с обыкновенной куклой: повязывали платочек, примеряли разные юбочки, красили щечки. Головка девочки беспомощно болталась, она беспорядочно сучила ножками, но не кричала.

— Муське нравится, когда к ней прикасаются, — солидно объяснила Зоя, — теплые руки любит.

Я осторожно трогала шишку на лбу девочки, гладила малюсенькие пальчики, ноготки на ногах и думала: «Меня, наверное, также в детдоме кто-то таскал и ронял».

Пришла еще одна девочка с двухлетним братцем. Ходить ему было негде, и он весело переползал с кровати на раскладушку, заворачивался в одеяла, прятался под подушками. Но стоило его сестричке наклониться над Мусенькой и ласково засюсюкать, как лицо мальчика приняло странное, почти болезненное выражение. Он вдруг подскочил и швырнул в малютку чашкой. Его сестра на лету поймала ее.

— Маленький, а уже хулиганит, — удивилась я.

— Ревнует, — засмеялась девочка. — Хочет, чтобы я только его любила.

Когда мы возвращались из гостей, я, поморщившись, спросила Валю:

— Как могут родители оставлять маленьких детей без присмотра?

— Мне, кажется, мои подружки хорошо справляются. Я так же с Юлей возилась. Мы только первый месяц ее в ясли водим. Она меня няней зовет.

— Ты не обижаешься?

— Наоборот. Значит, она понимает, как я ей нужна. Она так свою любовь ко мне выражает. Тебя испугало то прискорбное недоразумение? Так ведь обошлось.

Она говорила благоразумно и спокойно. А я не понимала ее, была в полнейшем недоумении, растерянности и глядела на подругу пристально, с недоверием.

СКОРЛУПА

С первых дней жизни в семье мне хотелось рассказать родителям о своей прошлой жизни. Я довольно быстро поняла, что с Олей откровенничать не стоит. У нее нет ни души, ни сердца. Я никак не могу определить, что ее радует, что печалит. Ее безразличие ко всему поражает меня. День прошел, и ладно. Сыта, никто не побеспокоил — и хорошо.

Дождалась выходного и попросила деда пойти со мною в парк. Как только вышли на улицу, и моя рука оказалась в большой ладони деда Яши, я, собрав все свое мужество,

начала рассказывать ему о жестокой Валентине Серафимовне. Дед занервничал, замахал руками и резко сказал: «Забудь, что было!» Я опешила. Я надеялась пониманием, сочувствием смыть горесть прошлого и начать новую радостную жизнь. Хотела, чтобы он обнял меня, как обнимают родных детей, пожалел и сказал:

— Я сделаю все, чтобы ничто не напоминало тебе о прошлом. Я тебя люблю и хочу, чтобы ты меня тоже полюбила.

А я бы ответила:

— Я вас сразу полюбила.

Еще попросила бы, чтобы он не пугался моих слез, потому что они или от радости, или от воспоминаний. А он меня прервал, не захотел выслушать, побоялся обременить себя моей болью. Обида захлестнула меня. Я опустила голову, закусила губу и всеми силами старалась отвлечься, расслабить сжатое болью сердце, успокоить душу, которую не удалось облегчить сочувствием. Я же не просила наказать Валентину Серафимовну! Мне просто захотелось, чтобы дед меня пожалел и тем самым приблизил к себе. И может, тогда прошлое перестало бы для меня существовать так зримо или казалось бы бесконечно далеким. Но ничего не получилось. Я опять повесила огромный замок на кладовую горестной души и снова осталась одна. Больше никогда не пыталась искать сочувствия. Слишком тяжело получать отказ в понимании от человека, которому поверила. Невыносимо тяжело.

Дед привел меня в парк, купил мороженое, дал денег на карусель, а сам сел на лавочку. Лижу эскимо машинально, не чувствую вкуса, не думаю ни о чем. Я снова спряталась в свою непроницаемую скорлупу. Душа моя превратилась в маленькое облако и улетела ввысь. На земле осталось бесчувственное тело, у которого вокруг сердца — холодное, пустое пространство.

Лежа в постели, вспоминаю выходной день. Витек, мне хотелось забросить мороженое далеко-далеко. Но я не могла обидеть деда. Стараясь глубже запрятать свою боль и раздражение, я сжала ладонями локти, будто боялась выпустить из души остатки терпения. Кто бы знал, как велико мое отчаяние! Оно вызывает непонятную скованность всего тела. В такие минуты я становлюсь медлительной. Даже мысли с трудом двигаются. Опять куда-то пропал беззаботный, сумасбродный чертенок, который временами прорывается во мне.

Мне очень нужна любовь родителей. Накормить, одеть могут и чужие люди. Я вижу иногда богато и красиво одетых девочек, но меня это не трогает. Душу царапает, когда чья-то мать обнимает своего ребенка. Сильно бьет по мозгам, если кто-то обижает младшего или маленького. С трудом сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в обидчика. Трясет от злости, но терплю, потому что каждый раз, когда я вежливо вступаюсь, меня оскорбляют. Грубости не переношу. В этот момент я особенно чувствую свое бессилие перед взрослыми. Иногда отвечаю их словами. От этого они злятся еще сильнее. Почему? Я же говорю мягче, потому что не могу повторять мат и очень грубые слова. За что они обижаются на меня? Почему грубые взрослые требуют от ребенка послушания, вежливости и подчинения?

Мой дед Яша не разрешает мужчинам ругаться при детях. Он хороший. Не зря я осталась с ним. Дед меня как-то по-своему любит. «Ему тяжело слушать про мои горести. Он боится заболеть и оставить меня одну», — ищу я оправдание деду. Но от этого легче не становится. Витек, ты меня понимаешь?

НЕ ПОНИМАЮ

Набрела на незнакомый пустырь. Меня привлек шум и радостные крики. На футбольном поле собралось десятка три ребят всех возрастов. Праздником руководили взрослые, сидевшие на стульях, очевидно принесенных из ближайших домов. Шли соревнования. Ребята боролись, стараясь не выйти из очерченного круга. Зрители сидели прямо на траве и бурно воспринимали каждое удачное и неудачное движение спортсменов. Самый старший мужчина, на вид учитель, «расшевеливал» стеснительных детей, заставляя их активно и громко выражать свои чувства. «Смелее, раскованнее будьте! Я учу вас

умению радоваться!» — кричал он жизнерадостно. Все невольно заражались его веселостью.

Настала очередь самых старших — шестиклассников. Вдруг слышу, как сидящий рядом со мной огромный мужчина, подталкивая неуклюжего сына на «арену», грозно прошептал: «Побеждай любым путем. Помни, чему я учил».

Вышел соперник: высокий, худенький, юркий. Борьба была упорной. Увалень использовал подножки, бил ногой противника под коленки, но худенький все равно выскальзывал из его рук, как вьюн, и снова нападал. Сначала публика возмущалась и требовала убрать с ринга недисциплинированного борца. Но толстяк никого не слушал, молча сопел и продолжал борьбу без правил. Зрители бурно поддерживали второго мальчика. Первый разозлился и укусил напарника за плечо. Тот взвыл, но не стал тратить силы на восстановление справедливости. Он уже понял, что знакомая фраза: «победителя не судят» — на руку его сопернику, и продолжил борьбу с еще большей энергией. Лица обоих покраснели, волосы взмокли. Видно было, что для обоих мальчиков, победа — не просто получение приза, шла борьба за признание лидерства. И все-таки худенький победил. В награду он получил аплодисменты и восхищенные крики друзей. Первый, понурив голову, подошел к отцу. Тот прошипел: «Слизняк, не ной. Борьба еще не окончена!» И, не скрывая своих намерений, жестко усмехнулся.

Потом ребята играли в индейцев. «Вождь краснокожих», дядя в спортивных трусах, с разноцветными перьями в волосах, судил их соревнования по стрельбе из лука, лазанию по деревьям, по веревке и бегу с препятствиями.

Следующий тур был интеллектуальный. Участники декламировали стихи и пели песни. Худенький мальчик опять отличился, красиво прочитав длинное грустное стихотворение о маме. Огромный дядя тоже вытолкнул сына на сцену. Тот, спотыкаясь на каждой строчке, пробормотал что-то не очень вразумительное и вернулся на место. Отец похвалил его и с кривой усмешкой напомнил: «Не забудь про награду!» «Знаю», — обиженно огрызнулся сын.

Когда стали раздавать призы, побежденный требовал его себе громче и напористей всех. Детвора негодующе зашумела: «Нечестно, не заслужил!» Но мальчик не уходил со сцены и смотрел на всех издевательски нагло. Руководитель нехотя достал из мешка игрушку и отдал со словами: «Это тебе за стремление к победе». На лице мальчишки счастливая улыбка. Добился!

— Какая нелепость! Надо же, такой большой, а выпрашивает! Я бы постыдилась. Странно дядя воспитывает своего сына, — ошеломленно недоумевала я.

Но история на этом не закончилась. После праздника увалень собрал ребят младших классов и повел в атаку на победителя. Они бросали в него палки, камни, оскорбляли гадкими словами. Сначала худенький сопротивлялся, но вежливо, без дерзости. Потом не выдержал и побежал под смех и улюлюканье маленьких хулиганов. Иногда он оборачивался и кричал: «Так нечестно: все на одного! Глупыши, в следующий раз он и на вас кого-нибудь натравит!»

Когда преследователи отстали, мальчик спрятался за сарай и расплакался.

Внезапно я почувствовала непреодолимое желание хоть чем-то помочь. Но внутренний голос твердо одернул меня: «Сам справится. Он сильный и не примет твоего сочувствия. Ты только усилишь ощущение униженности».

КАК ПОСТУПИТЬ?

Сегодня у нас большая радость. Дядя Слава пообещал покатать детей нашего двора на грузовой машине. Известие о прогулке облетело и соседние дворы. Детвора все прибывала. Дядя Слава приказал всем сесть на пол кузова, и машина медленно двинулась в путь. Вдруг над задним бортом появилась голова девчонки из дома напротив. Мы не любили ее за наглость и грубость. Сразу несколько ребят вскочили и принялись разжимать ей руки. С выражением плутоватой сметливости она извивалась всем телом, старалась ногами уцепиться на железном кольце, за которое цепляют трос.

Не без некоторого содрогания столкнули-таки нахальную девчонку!

— Не звали! Нечего тебе делать в нашей компании! Иди в подворотню к своим оголтелым дружкам, — кричали ей мои друзья.

Но дерзкая девочка снова догнала машину и мертвой хваткой вцепилась в верхнюю доску кузова. Ребята вскочили, чтобы опять сбросить ее. Лицо настырной девчонки выражало непримиримость, злой азарт и твердое намерение во что бы то ни стало добиться желаемого. Оно-то и злило ребят. Но по мере нарастания скорости грузовика их действия становились неуверенней, а потом и совсем прекратились. Они нехотя отошли от борта и сели спиной к неприятной соседке.

Своей скверной выходкой она разрушила радость поездки. Возбужденные разговоры затихли. Не знаю, о чем думали мои друзья, а я пыталась понять, как мне в дальнейшем вести себя с наглецами. К чести девчонки сказать, за всю поездку она ни разу не выругалась, но, видя наше подавленное состояние, чувствовала себя хозяйкой положения, смотрела на всех свысока и презрительно хмыкала. Grimаса превосходства кривила ее лицо. А я, не найдя решения сложного вопроса, загрустила, ощутила беспомощность. Вот-вот готовы были выступить слезы сострадания к самой себе и к нашей компании. Я иступленно боролась с ними.

Когда вернулись во двор, все понуро вышли из машины. До меня долетели слова разговора моих друзей:

— Надо было ее столкнуть, чтобы другой раз думала, прежде чем приставать! — грубо и определенно выразился Леня.

— А если бы шмякнулась и покалечилась? — это возразил Володя.

— Сама виновата. Ее не звали! — загорячился Леня.

— Предположим, это произошло. И ты не считал бы себя виноватым? — сумрачно спросил друг. — Я невольно содрогнулся от одной только мысли, что...

— Вот поэтому и появляются гадкие люди! Сдачи им никто не дает! — негодуя, с неожиданной злостью возмутился Леня.

— Что же ты отошел от борта?

Голос Володи звучал несправедливо. Наверное, он, как и я, безуспешно пытался углубиться в «философские» дебри неожиданно накатившей серьезной проблемы взаимоотношений детей разного воспитания.

— Так все ушли, — неопределенно протянул Леня. — А вдруг она башкой об асфальт навернулась бы? Может, сейчас отлупим ее?

— У меня злость пропала. А какая драка без злости? Девчонка и дура к тому же, что с нее возьмешь?

— Дура! А наглостью всех победила! Хитрюга несносная! Заморочит кого угодно. Понимает, что грех на душу не возьмем, и пользуется этим, — вздохнул Леня. — Что же нам делать?

Володя не ответил. Он не знал, что сказать. Потом вдруг тихо произнес:

— Я до сих пор в замешательстве... Знаешь, когда я отстал от нее? Страх в глазах увидел.

— Я тоже... — уныло буркнул Леня.

Азартные крики ребят из соседнего двора поменяли направление моих размышлений, и, чтобы полностью отвлечься от нестерпимо неприятных мыслей, побежала «болеть» за футбольную команду нашей улицы.

ЕСЛИ НЕ ПОГИБНУ

После невеселой поездки на грузовике ребята все время искали способ восполнить неудовлетворенное желание. И вот как-то поздним вечером, когда у нас в квартире засиделись гости из деревни, я вышла во двор, и сразу почувствовала, что в нем происходит что-то тайное. Дети, как мыши, шныряли по двору. Догнала одного.

— Что затеаете?

— Молчок! Едем за город с Витькиным дядькой.

— Возьмите меня.

— Собираемся за сараями.

Когда я подскочила к машине, в ней уже сидело несколько ребят. Лиц не различала. Подошел шофер. От него несло перегаром. Он с пьяным хохотом спросил:

— Погрузка закончена?

Я неуверенно ответила:

— Нет.

— Ну, так залезайте живее, некогда мне с вами прохлаждаться!

«Раз Витька едет с друзьями, значит опасаться нечего», — все еще не решаясь сесть в машину, рассуждала я. Тут компания девчонок с тихим, веселым шепотом подбежали к грузовику. Колебания закончились, я вскочила на колесо. Ура! Кузов набит весельчаками!

Грузовик несся по асфальту на огромной скорости, сильно виляя на поворотах. А когда поехали по проселочной дороге, начался сущий ад. Машина гремела, трещала, дрожала, подскакивая на ухабах. Казалось, она вот-вот рассыплется. Ее так кренило, что все чуть не высыпались за борт. Сначала мы цеплялись друг за друга, но нас то разбрасывало, то сшибало лбами, и мы стали держаться по одному за разболтанные доски кузова. Было темно и жутко. Поездка продолжалась бесконечно долго. Я думала об одном: «Если выживу, то больше никогда не поеду с пьяным шофером, не стану полагаться на компанию, буду думать своей головой».

Сначала девчонки кричали, потом, измученные страхом, затихли. Вдруг Витька что было сил забарабанил по железу кабины. Машина не сразу, но остановилась.

— Какого черта? — выглянул из кабины шофер.

— Мы вам не дрова, — сердито заговорил Витя. — Везите нас назад или мы пешком пойдем, — для пущей уверенности добавил он.

Шофер грубо выругался, высадил нас на дороге и умчался в темноту. Мы растерянно стояли на незнакомой дороге. Витька совсем онемел от неожиданности. Когда он пришел в себя, то промямлил:

— Дядька, черт, что наделал? Завез к черту на рога. Кроме шуток. Вот гад! А еще родня!

Слова с трудом шли с его губ.

Растирая ушибленные места, мы, еще не оправившись от первых страхов, уже боролись с другими. Никто не скулил. Все молча шли по дороге в сторону города. Никто не хотел нарушать длинную гнетущую паузу. Витька, переживая свою вину, лихорадочно думал. Вдруг он закричал:

— Если в темноте фары осветят тонкую веревку, то она почему-то кажется канатом! Надо натянуть что-либо поперек дороги и любая машина остановится.

— Нечасто они здесь ходят, — возразили девчонки.

— На асфальте чаще. Идти все равно надо, а там глядишь и повезет. По крайней мере, нам всем стоит вытащить из одежды резинки, — предложил Ленья.

Девчонки из соседнего двора, не желая доискиваться до смысла непонятого явления, раздраженно запротестовали:

— Уймись. Чушь сморозил. Умора! Муть несусветная.

— Завели волынку. Думаете домой попасть, не ударив палец о палец? Ну и сидите здесь до утра, может, поумнеете! — возмутились остальные.

Подействовало. Вскоре бечевка нужной длины была готова.

— Может, повесим на нее ветки и траву? Будет выглядеть как ограждение. Это не лишено смысла, — предложил Ваня.

— Правильно! — обрадовался Витька, почувствовав поддержку.

Нам повезло. Фокус получился. Шофер остановил самосвал. Тут мы его и окружили. Девчонки с ревом упрашивали дядю помочь. Услышав нашу историю, шофер поругал нас, нашего обидчика и согласился отвезти до самого дома. В город добрались быстро.

— Олухи! Родители, наверное, уже все слезы выплакали. Живо по домам, — приказал водитель.

И мы рассыпались по двору, предчувствуя заслуженное наказание.

СУД

После ночного происшествия дед потребовал от меня всюду следовать за Олей. А ее любимым местом отдыха был суд. Он располагался через дорогу от нашего дома. Оля ходила туда, как на работу.

Сегодня я попала на первое в своей жизни судебное разбирательство. Судили парня, который избил жениха своей бывшей невесты. В перерыве я спросила:

— Мама, драться было глупо? Раз два жениха и одна невеста, значит, она должна выбирать? И еще непонятно, почему девушка говорила, что первый побил второго из любви к ней. Разве это любовь? Он же дрался из-за своей обиды, потому что его разлюбили!

— Сама девица виновата. Наверное, двойную игру ведет, — категорично заявила толстая тетя Наташа.

— Что это значит? — заинтересовалась я.

Ехидная ухмылка пробежала по сытому самодовольному лицу соседки:

— Двух кавалеров одновременно пасет. Про запас кого-то держит.

— Ну, зачем вы так о девочке. Она, может, чего-то и не понимает, но не подлая, — возразила другая женщина.

— И чего судиться? Просто два парня подрались из-за девчонки, — поддержала разговор третья тетка, похожая на вопросительный знак.

— Драки не было. Было избиение, — возмутилась интеллигентного вида старушка. — Если приговор отменят, это будет означать, что можно безнаказанно наносить телесные повреждения.... Чего нам обижаться на молодежь? Кого воспитали, с теми и жить будем.

— От семьи все идет, — вздохнула совсем ветхая старушка.

В разговор вступила бойкая женщина из соседнего дома:

— Представляете, еду я с рынка с двумя сумками. На первом месте сажу. Подходит ко мне девочка и говорит: «Перейдите, пожалуйста, в середину вагона. Я хочу сесть рядом с мамой». Вежливо так обратилась. А я ей отвечаю: «Если ты мои сумки сейчас отнесешь на новое место, а потом, когда вагон будет переполнен, назад принесешь к выходу, я

пересяду». Девочка сердито фыркнула. А я ответила ей спокойно: «Думать надо, прежде чем говорить. И не только о себе думать».

К нам подсел страшного вида мужик. Черты лица его были даже красивые, но выражение — злое. Фигурой он напоминал огромную беспокойную обезьяну. Я отодвинулась от него. Он заметил и успокоил:

— Не трону. Ты мне ничего плохого не сделала.

— А кто сделал? — зачем-то спросила я.

— Брат. Пришел я из армии, а он успел жениться и весь родительский дом занять. Десять лет с ним воюю. И поджигал, и с топором на него кидался. А он хитрый: хватает меня с помощью соседей — и в тюрьму. Все равно своего добьюсь или убью его!

Меня покорила его беззастенчивая откровенность. Но тихая тайная жалость к несчастному победила, и я с подобающей детскому разуму наивностью предложила:

— А вы бы себе новый дом построили. Зачем в тюрьме жить? Разве это правильно?

Руки моего собеседника нервно вздрогнули и сжались в кулаки. Не сводя с меня черных напряженных глаз, он ответил злым шипящим шепотом:

— Жизнь положу, но докажу, что прав! Не позволю себя обманывать!

Я поехала под его тяжелым взглядом. Настроение мое совсем испортилось, но я уныло продолжила бесполезную беседу:

— Может, вы перестанете сердиться, и станете жить счастливо?

— Нет, я пойду до конца! — угрюмо и резко возразил пострадавший.

— Состаритесь и умрете в тюрьме. Деток у вас не будет, и любить вас некому будет, — искренне посочувствовала я мужчине.

— Ну и пусть!

— Вы упрямый? — удивилась я, все еще считая этот недостаток принадлежащим только детям.

— Да, — с гордостью, с вызовом ответил он.

Я не понимала дядю. Он казался мне глупым. Тут его отправили к судье. Интеллигентного вида женщина обратилась ко мне:

— Хорошо, что у него нет детей. Нечего плодить бандитов!

— Вам не жалко его? — удивилась я.

— Жалеть надо больного. Глупого учить надо.

— Разве такого можно переучить?

— Этого уже нет, — вздохнула она и добавила, — не советую тебе, деточка, вести разговоры с подобными типами, остерегайся их.

А на вечернем заседании проводилось сразу несколько бракоразводных процессов. Они перемешались у меня в голове, вызвали беспощадный разброд в мыслях. Я никак не могла понять, кто в этих историях виноват, поэтому с нетерпением ожидала обсуждения событий на лавочке. Но были и очень простые разводы. Судья во время перерыва спросил одного молодого человека с необъятной шевелюрой, похожей на стог сена после бури, о причине разногласий в его семье. Тот ответил с выражением холодной отчужденности:

— Зачем мне доброта, целомудренная скромность и ум некрасивой женщины? Ее любовь, как темный угол, затканый паутиной. Жизнь с нею — тусклый осенний закат. Зеленая тоска скулы сводит от цепящей скуки. Теперь я люблю красивую, несмотря на то, что

это ее единственное достоинство.

Судья осуждающе покачал головой и сказал задумчиво:

— Долг любого человека делать жизнь близких людей счастливыми. Каждому рано или поздно приходит черед познавать и преодолевать трагедию безнадежья, надевать мученический венец, отвечать за безоглядность... Тем паче не трави душу жены ненужными словами. Я вас разведу, только будь мужчиной, не дели тряпки и мебель. С нею твой ребенок остается».

— Конечно, конечно, я все понимаю, — торопливо ответил бывший муж.

И еще поразил самый короткий бракоразводный процесс. Молодая женщина с ребенком на руках встала и сказала: «Муж не смог защитить меня от своей матери. Отсюда все последствия. Разведите нас, пожалуйста». Их сразу развели.

В суде мне понравилось. Я внимательно слушала и узнала много нового.

ПРОТИВНО

Теперь я каждый день сижу в огромном зале суда и старательно прислушиваюсь к происходящему. В основном, это печальные истории разводов, ссор, драк, скучные денежные тяжбы. Сначала я с любопытством воспринимала случаи измен, изнасилований, убийств. Пыталась разобраться в незнакомых словах и ситуациях. Но чем больше слышала о «пакостях» жизни, тем грустнее и тоскливее становилось у меня на душе, возникало тягостное впечатление о взрослой жизни.

Странно, я с Олей хожу в один суд, слушаю одни и те же речи, но когда мы сидим на лавочке у дома и она обо всем рассказывает соседкам, то получается, будто мы присутствовали с ней в разных местах. Меня беспокоит судьба людей, волнует трагедия их жизни, а она находит в каждой истории какие-то гадкие, непонятные подробности. Я поделилась своим непониманием с Валеи. Она засмеялась:

— Папа дал одному знакомому почитать биографию Карла Маркса для расширения кругозора, а потом спросил, что ему понравилось в этой книге? Товарищ ответил: «Оказывается, Маркс успешно ухаживал за девушками!» Зря тетя Оля водит тебя в суд.

Но еще противнее мне бывает, когда некоторые женщины начинают пересказывать и подробно обсуждать где-то услышанные ими пошлые бесстыдные истории. Мне совестно, а они совсем не стесняются, употребляют фразы, от которых меня коробит и в буквальном смысле тошнит. Сидеть на лавочке для меня стало божьим наказанием. Наконец, я не выдержала и дала честное Ленинское, что не буду шалить и вообще стану самой послушной, если мне позволят оставаться дома. Оля милостиво согласилась.

Как же я легко себя почувствовала!

КРЕСТНИК

Мои друзья сидят на крыльце второго подъезда и заморожено слушают седого нестарого человека. Подхожу ближе, прислушиваюсь.

— Бегу на работу, ног под собой не чувствую. Опаздываю. Жена в тот день заболела. Поутру, пока до ума довел троих детей, чуть мозгами не сдвинулся. Меньшого — на горшок сажаю, старшего — в школу собираю, дочурку завтракать заставляю. А она то ложку уронит, то в кашу рукой залезет. Малец штанишки забыл снять. Стоит, трясет мокрой мошной, орет во все горло... Детей страсть как люблю, но ведь деньги зарабатывать в семье я один... Так вот, бегу, спотыкаюсь о гравий, ноги запутываются в широких штанинах. Они полощутся на ветру на моих тощих ногах, как флаги на древках. Уж совсем близко моя контора. Вдруг до моего чуткого на детский плач уха донесся глухой, сдавленный крик грудничка. Звук слышу, а до мозгов не доходит, что бы он мог означать. Все мысли о работе. Все же остановился, прислушался и побежал в дом, откуда доносились беспокоившие меня звуки. Лето было. Окно во дворе со стороны

садика оказалось открытым. Впрыгнул я одним махом в комнату и пошел на крик. В углу спальни под потолком на толстых шнурах висела деревянная, самодельная колыбелька-подочка. Под ее доньшком трепыхалось тельце младенца. Я быстро выкинул тряпье из люльки, увеличил дыру в прогнившем дне и осторожно высвободил головку ребенка. Потом осмотрел расцарапанную шейку мальчика, пощупал позвонки и растер посиневшее тельце. Когда дыхание восстановилось, завернул его в пеленку. Измученный малыш «вырубился» мигом, продолжая во сне вздрагивать и вскрикивать. В это время в комнату влетела мамаша с продуктами. Увидев чужака с ребенком на руках, конечно, остолбенела. Ярким образным языком отхлестала меня, выхватила сыночка, положила на кровать и стала теснить ядреным грудастым телом к выходу, попутно прихватив утюг, стоявший на столике у кровати. Я, не дожидаясь ее более решительных действий, выскочил через окно, так как оно располагалось ближе, чем дверь. На работу, конечно, опоздал. Мне даже не дали возможности объяснить ситуацию: «Идите работать. На собрании рассмотрим ваше поведение». До войны это было. Работал я тогда младшим бухгалтером. И хотя боялся выговора и понимал, что могут не поверить в столь странную историю, на душе было радостно: спас мальчонку. Выговор получил. Не строгий, по первому разу. А как-то прихожу с работы домой, а у нас в гостях та самая дородная мамаша. Жена моя чаем ее потчует. Бросилась гостя мне на шею и давай целовать. Еле отбилась. С тех пор зову Алешку крестником. Он отзывается.

Задерживаться у крыльца дольше я не могла. Пришлось покинуть интересного рассказчика. Позже узнала, что седой мужчина — это дядя Гоша — друг детворы нашей улицы.

ДЯДЯ ГОША

Рядом с нашим домом находится магазин, и сторожем при нем работает дядя Гоша. Вообще-то по-настоящему, его зовут дядя Игорь. Он инвалид войны. Нога у него железная. Он добрый и веселый человек. Мы с удовольствием слушаем его байки про войну. А историю про его ногу, которая «родемая» от взрыва мины заковыляла в воздухе, как старая кочерга, мы знаем наизусть. Рассказывает он легко, интересно. На наши головы падают самолеты, в тыл отступают измученные солдаты, пули и снаряды разрезают предутренний туман. Но нам не страшно. Мы вместе с ним преследуем врага до Берлина. Юмор, солдатские негрубые шуточки, красивый русско-украинский мягкий говор заражает нас своей бесконечной верой и восторженной любовью к простым солдатам, уважением к их уму, расторопности, деловитости, сноровке. С дядей Гошей мы словно дышим воздухом той канувшей в лету героической эпохи. Мы всегда с нетерпением ждем его дежурства. А так как мне приходится уходить раньше всех, то я прибегаю первая, чтобы не пропустить хотя бы начало разговора.

А сегодня никто не поднес дяде Гоше ни чарочку, ни кружку пива, и он сидел на крыльце задумчивый, грустный.

— Дядя Гоша, еще расскажите про войну. Почему Вы молодой, а совсем седой? — обратился к нему самый старший из нас, тринадцатилетний Володя.

— Хорошие вы ребята. Люблю всех вас, — сказал он, обнимая и крепко прижимая к груди стоявших рядом самых маленьких.

Костыль упал. Кто-то тут же подхватил его и поставил рядом. Дядя Гоша пригладил ежик густых коротких волос и начал:

— А случилось это зимой 42-го...

Он вдруг замолк и неожиданно спросил:

— Ребятки, а было ли в вашей жизни такое, что тронуло душу или пролетели годики незаметно без боли, без радости?

Мы переглянулись и задумались. Первый заговорил шестилетний Васек:

— Мне недавно было плохо. Я засунул шарик себе в нос. Мама повела меня к доктору. А та начала говорить страшные вещи про то, что теперь в нос надо проволочку вставлять,

укол делать и еще много всякого ужасного. Я так испугался, что закричал во все горло: «Не хочу!» Тут шарик пульей вылетел из ноздри. Взрослые захохотали. Мне стало обидно, что они не понимают моего страха, и я заплакал.

Дядя Гоша поцеловал Ваську в затылок и успокоил:

— Сынок, все они понимают. Ты на них не обижайся. Просто они забыли, как сами были маленькими.

Тихоня Эля начала рассказ почти шепотом:

— Мне тогда было семь лет. Папа ушел на рыбалку. Вдруг поднялся ветер. Небо заволочило черными тучами. Потом пошел град. За окнами бушевал ураган, а может, даже смерч. Деревья трещали, а некоторые вырывались с корнем. Мне стало страшно за папу. В голову полезли плохие мысли. Мама, не в силах ожидать папу дома, вышла на веранду. Я осталась в комнате одна. На тумбочке в углу у нас стояла икона. Я встала перед ней на колени и принялась просить Бога уберечь моего папу от беды. Попыталась вспомнить все молитвы, которым учила меня бабушка. Вспомнила «живые помощи...». Скоро папа вернулся живой и здоровый. Он прятался от урагана в огромной железной трубе. А у меня было такое чувство, что это я спасла ему жизнь.

— А я помню цветы, яркие шары, красные флаги и много-много людей, потому что было 1 Мая, — заторопилась рассказать свою историю Ирина. — Рядом со мной шли родители с моей маленькой сестренкой. Они все время останавливались, чтобы ее перепеленать или успокоить. Она почему-то все время кричала. Мне совсем не уделяли внимания. Я шла и думала о том, что теперь им совсем не нужна. Никому! Ни папе, ни маме! И вдруг поняла, что потерялась. Сначала удивилась, затем испугалась и заревела во весь голос. Молодой дядя поднял меня на руки и понес, выкрикивая: «Потерялась девочка!» А тетя, которая была с ним, громко и весело кричала: «Продаем голубоглазую красавицу лет пяти. Торопитесь, папа и мама!» И тут я услышала родной, знакомый голос папы. Он был испуган и обрадован одновременно, но его радость не шла ни в какое сравнение с моей.

— Я раньше маленькая и глупая была. Верила, что есть страна, где в садах на деревьях растет всякая еда и одежда, мечтала попасть туда и наесться всякой вкуснятины, — весело сообщила Кира. — А раз собирала я с подружками на лугу одуванчики и обнаружила на кончиках стеблей белый сок.

— Это молоко? — спросила я старшую сестру Алену.

— Да. Из цветов делают молоко, а потом продают в магазине, — пошутила она.

Я поверила и, морщась, лизала стебли. А вечером мы с мамой пошли на речку. Все сидели на лугу, усыпанном одуванчиками. Я сорвала цветок и снова увидела выступивший белый сок.

— Мама, это молоко? — спросила я снова.

Но она в это время беседовала с подругой и не захотела ничего мне объяснять, а только сказала:

— Ой! Не бери в рот, а то умрешь. Это яд.

У меня внутри все похолодело. Сердце заколотилось, а потом, как мне показалось, стало останавливаться. Не знаю, как дошла домой. Помню только, что перед тем, как лечь в кровать, поцеловала маму и попрощалась с игрушками. Слезы текли по щекам. Мне было очень жалко маму. «Она подойдет завтра к кроватке, а я мертвая. И я уже не буду бегать наперегонки с ребятами. Кто будет носить мои любимые черные сандалики?» — думала я. Проснулась от солнышка. «Я не умерла?» — была моя первая мысль. Выбежала на улицу, а там никого. Тишина. «А может, все-таки умерла?» — вновь испугалась я. Вдруг слышу голос мамы: «Ты куда в такую рань раздетая?» «Мамочка!» — бросилась я к ней на шею со слезами. На этот раз мама, хоть и спешила на работу, но все же выслушала меня внимательно, успокоила и просила больше никогда не пробовать сок растений, так как среди них на самом деле встречаются ядовитые. Я была счастлива, что моя жизнь продолжается.

— Мой папа работает на сахарном заводе, — начала Света. — И вот однажды там под

высоким напряжением сгорел электрик. Говорили, что от него остались только кирзовые сапоги. В тот день я впервые поняла, что и с моим папой тоже может произойти несчастье. Мой папа — машинист на маневровом тепловозе. Я боюсь, что тепловоз может переехать его или завод взорвется, а папа в это время будет рядом. Когда мы идем на речку, я боюсь, что папа утонет. Это как наваждение. Страх потерять папу преследует меня до сих пор.

— Ты уже большая и должна понимать, что несчастные случаи бывают очень редко. Твой папа умный и сильный. А про электрика я знаю. Под праздник это случилось. Выпил он много, контроль над собой потерял. Водочка ни профессора, ни рабочего не жалеет. Трудно теперь его жене с тремя малышами, — вздохнул дядя Гоша.

Тимка шмыгнул носом и тоже решил высказаться:

— Я был бы совсем счастливым, если бы не один случай. В начале лета я жил в деревне. Раз поймал в огороде маленького красивого мышонка, принес домой и посадил в стеклянную банку. Я хорошо ухаживал за ним, и родители разрешили привезти его в город. Я пошел гулять с ним на улицу. Взрослые ребята попросили посмотреть мышонка и пообещали вернуть, а сами швырнули его в огромную лужу. Весь в слезах я ползал на коленках в грязи. Всю лужу облазил, но не нашел мышонка. Старшие ребята смеялись надо мной, и от этого я плакал еще сильнее. Почему они такие жестокие!? Мама забрала меня домой. Я еще долго не мог успокоиться. Целую неделю ходил к той луже, надеялся, что мышонок все-таки выплывет. Но этого не случилось. Я больше не завожу себе зверей-друзей, потому что не хочу их терять.

— Я очень люблю папу, а мама его каждый день ругает. То он дров не наколот, то глины не принес. Я понимаю, что ей очень тяжело, ведь у нее и работа, и огород, и мой маленький братик. Но зачем из-за мелочей жизнь друг другу портить? Они даже смеяться последнее время перестали. Я стараюсь больше помогать по дому, но они все равно ссорятся. Мне кажется, главное, чтобы в семье была любовь и радость, а все остальное ерунда. Я переживаю и молчу, — вздохнула Анюта.

— А ты не молчи. Когда у родителей будет хорошее настроение, расскажи им о своих переживаниях. Скажи, что любишь их, хочешь видеть счастливыми, — тихо посоветовал дядя Гоша.

— А мне маму больше всего на свете жалко, особенно в праздник, когда она весь день стирает, полы моет, чтобы меньше думать про нашего папу и войну. Она боится, что без дела может с ума сойти от горя. — Катя замолкла, прижавшись к коленке дяди Гоши.

Приглушенно зазвучал и без того низкий голос Володи:

— Хорошего в моей жизни все-таки больше. Только горькое я чувствую сильнее. Мне тогда было четыре года. Папа пришел и сказал: «Володя, у тебя теперь есть братик Женечка». Как он выглядел, я не помню, но состояние, с которым тогда жил, мне трудно описать. Хотя у меня появились новые обязанности: качать кроватку, когда Женя плакал, играть с ним — все мне было в радость. В это время я был самым счастливым ребенком на свете. Но все прошло, потому что маму с братиком положили в больницу. День, другой... И вот пришел папа домой, и я услышал странные слова: «У тебя больше нет братика». Я не плакал. Я не понимал, что значит его нет... Но с тех пор не помню, чтобы хоть раз плакал по поводу чьей-то смерти. Я просто не мог этого понять... Я только чувствовал... И вообще не мог плакать...

В тишине беззвучные струны наших душ дрожали на высоких нотах детских горестей. В огромном царстве ночи, у подъезда, слабым светом контрольной лампочки освещался один из миллионов маленьких островков чутких сердец, устремленных к теплу и добру взрослых. Темное небо с яркими звездами висело над нами низко-низко.

— Он на какой-то звезде. Там живут самые счастливые, — тихо сказал дядя Гоша.

Тимка заревел. Володя сорвался с порожка и пропал в темноте.

— Догнать? — спросила Светлана.

— Не надо. Пусть побудет один, а завтра я сам его найду, — ответил дядя Гоша и

добавил: — Моя очередь рассказывать о детстве.

Еще вздрагивали сердечки, еще теснилась в груди Володина беда, но спокойная размеренная речь дяди Гоши уводила нас в другую эпоху, в другую — сложную, но интересную — жизнь бывшего батрака-голодранца, одиннадцатого сына в семье героя Первой мировой...

Потом дядя Гоша развел нас по квартирам. Мне не спалось. Из окна кухни я видела, как упершись лбом в перила крыльца, дядя Гоша курил одну папиросу за другой.

ВОЛОДЯ

На следующий день я нырнула в заросли акации и обнаружила на поломанной качалке Володю.

— Привет.

— Привет. А я про тебя думал. Ты очень отличаешься от наших девчонок. Вроде тихая, а на турнике такое выделываешь, что мне страшно за тебя. Когда ребята, желая попугать, неожиданно крикнули из-за угла, ты даже ухом не повела, и пошла дальше, будто ничего не произошло. У тебя железные нервы?

— Наоборот. Почему ты следишь за мной? — бросила я Володе недовольно.

И получила в ответ несколько смущенное признание:

— Сравниваю с собой. Ты можешь за себя постоять, а я не могу ударить. Но я не трус. Просто боюсь человеку сделать больно или обидеть.

— Ты обидчивый?

— Очень.

— Я тоже, но терплю и вида не показываю, что мне плохо. Не люблю, когда жалеют.

— Почему?

— Начинаю реветь от жалости к себе и от злости, что не могу сдерживать слез.

— Объясни, зачем ты вчера врезала Адьке?

— Он маленького обижал. Герка не мог себя защитить.

Глаза Володи открыто выражали сомнение по поводу правильности моего поведения.

— Адька не со зла. Он бестолковый и ко всем пристаёт.

Я раздраженно возразила:

— Пусть понимает, к кому можно приставать, а к кому нельзя. Привыкнет обижать маленьких и вырастет из него гад.

— Ну, так уж и гад, — неуверенно с расстановкой произнес Володя. — Зачем ты стремишься всех разнять, всех защитить, хотя тебя не просят?

— Все должны помогать друг другу, — нашлась я быстро.

— Из-за своего беспокойного характера ты всегда будешь попадать в истории. Я отцу о тебе рассказал, так он знает, как мне ответил? «Не за всякого человека надо на амбразуру бросаться».

— Ты бы не защитил маленького?! — вспыхнула я.

— Я не про то. Некоторые могут использовать твою доброту, подставить тебя.

— Как это? — удивилась я.

— У тебя всегда на первом месте желание помочь другому, но ты еще не понимаешь, что бывает потом, когда родители начинают искать виновного.

— А ты понимаешь?

— Не всегда, — уклончиво ответил Володя и нахмурился.

«Наверное, тоже раньше понапрасну «копья ломал»? (Так шутила бабушка Дуня.)» — подумала я. Помолчали. Володя заговорил неуверенно и тихо, словно боялся озвучивать что-то очень личное, сердечное:

— Я не смог вчера закончить свою историю. Разволновался. Не понимаю, как случилось, что рассказал самое сокровенное?

— Теперь жалеешь?

— Нет. Мне стало легче.

— Расскажи все до конца, — попросила я мягко.

Володя благодарно улыбнулся. В его лице появилась печальная просветленность. Он опустил затуманенные воспоминаниями глаза и спокойно начал:

— Два года назад у меня снова появился братик. Но не было той радости, как в четыре года. Я во всем помогал маме, много времени проводил с Виталиком, чувствовал себя его защитником, радовался успехам. Но, когда ему пошел девятый месяц, я как будто заболел: ходил задумчивый, скованный, подходил к Виталику и подолгу смотрел на него бездумно, как в забытьи. Я совсем извелся страхом за его жизнь. В тот тяжкий день я не отходил от него ни на шаг, даже в школу не пошел с маминого разрешения. Когда приблизился роковой час, я держал маленькие ручки брата в своих руках. Стрелки часов застыли. Последние минуты длились целую вечность. Я был как натянутая струна. Мама стояла рядом. Беда прошла стороной. Виталик улыбался. Я вдруг уткнулся лицом в коленки братика и заплакал. После этого будто заново родился...

Мы сидели на качалке, окруженной зарослями желтой акации, и молчали. За кустами шуршали шины машин вперемешку с дробным цокотом кованых копыт лошадей. Переругивались из-за бельевых веревок соседки. Но все это было вне нас, в другом, взрослом мире...

Вечером записала в дневнике: 1. Витек, у меня появились настоящие друзья — Валя и Володя. Я представляю себе, что они и твои друзья. 2. Сегодня дядя Гоша рассказал про Александра Матросова. Он, оказывается наш, детдомовский. У него была одна мама — Родина. И он отдал за нее жизнь.

НЕЗНАКОМКА

День остывал малиновым закатом.

Я задумчиво брожу по задворкам нашей улицы. Гляжу на горы строительного мусора, спотыкаюсь о куски старой мебели — ищу удобное место для уединения. Здесь нет суеты, которая в сотне метров отсюда превращает жизнь многих людей в набор из кубиков. Кому, какие достанутся, такая и жизнь будет... На кубиках написано: «Беги туда, делай то, купи это...» И вдруг они рассыпаются. Чем их скрепляют? Дед Панько говорил, что человеческий мир существует, пока есть любовь. Без нее он погибнет...

Внезапно яркая вспышка заставила меня вздрогнуть. Луч света попал на обломок никелированной спинки кровати, потом, медленно угасая, заскользил по ржавой панцирной сетке и исчез вовсе. Подняла голову. Небо у горизонта испещрено темными, почти черными, красно-оранжевыми и малиновыми мазками. Солнце протискивается между цветными слоями облаков, расцветивая выше лежащее темно-голубое небо веером тонких лучей. Оно на мгновение набрасывает редкую золотистую вуаль на тускнеющий вечерний небосклон и пропадает. Я остановилась, ожидая очередную россыпь солнечных брызг. И тут увидела девочку. Она сидела в нескольких шагах от меня на поломанном кухонном столе, застеленном газетой. Худенькая, изящная, даже

грациозная. Светлые волосы туго заплетены в косы. Полные яркие губы. «Наверное, ее тоже дразнят «губатая», — мелькнуло в голове.

Большие глаза девочки грустные, точнее сказать, печальные, мечтательные. В эту минуту выражение ее лица было таким, будто она думала о мировых проблемах. Я не решалась приблизиться. Вдруг подо мной затрепала полусгнившая доска. Девочка вздрогнула, но взгляд ее оставался туманным, рассеянным. Я подошла и спросила:

— Ты тоже любишь гулять одна?

Она молчала, как бы раздумывая, отвечать мне или нет.

— Я не хотела тебе мешать, — сказала я осторожно.

— А зачем подошла?

— Потянуло. Ты не любишь разговаривать?

— Не то настроение.

— Понимаю.

— Сомневаюсь. Ты знаешь, что такое одиночество?

— Знаю. Я детдомовская.

— Прости.

— Ничего. Ты, тоже?

— Нет. Просто сегодня мне очень грустно. Я впервые поняла, что человек по своей сути очень одинок.

Ее голос в вечерней тишине звучал особенно трагично.

— Человек одинок, когда ему плохо. Если ему хорошо, он не думает про это, — попыталась я разуверить незнакомку. — Я первый раз почувствовала, что такое одиночество, когда один раз зимним вечером всех детей завели в корпус, а я почему-то осталась во дворе одна. Было холодно, ветрено, темно. Мне стало вдруг бесконечно одиноко в этом огромном, неведомом мире. Я поняла, что никому, никому на земле не нужна! А страх появился позже, когда, кое-как взобравшись на высокое крыльцо, стала стучать в дверь, а ее долго не открывали. Мне тогда три года было. А что случилось с тобой сегодня?

— С четырех лет я дружу с девочками, которые живут в деревне на одной улице с моей бабушкой. Мы играем в нашем саду в дочки-матери. Я приношу из дома посуду, куколки разные тряпочки. А сегодня утром слепой дождь прогнал нас из сада. Все разбежались, бросив игрушки на траве. Когда немного подсохло, мы пошли играть на баллоне от колеса грузовика: на одну его сторону садилась одна девочка, а на другую одновременно прыгали трое. При этом та, одна девочка, взлетала вверх. Подошла моя очередь «летать». Но мое падение закончилось неудачно. Что-то случилось с моей рукой.

— И они тебя бросили? — вырвалось у меня.

— Да нет. Сначала подружки подошли ко мне, но тут же быстро убежали. А я ушла в сад собирать игрушки. Мне пришлось несколько раз ходить из сада в дом. Я не только в руке носила игрушки. Кое-что брала даже в зубы. Наверное, я смешно выглядела с куклой в зубах?

— Нет, — уверенно и грустно ответила я.

— Я знаю, что дети редко думают о других. Но именно сегодня мне пришло в голову, что человек со своими бедами никому не нужен. Каждый думает только о себе, — закончила девочка печально.

— Не надо так говорить! Хороших людей много. Ты очень похожа на меня. Бабушка Мавра один раз сказала мне: «Тяжело тебе будет с таким добрым сердцем. Всю жизнь

раненая будешь ходить».

— У тебя есть бабушка?

— Не родная. Но дорожке ее тогда никого не было. А теперь у меня есть дед Яша.

Потом мы долго сидели молча. Наши взгляды были устремлены на ярко-красный шар, медленно сползающий в малиновую топь.

ПРАЗДНИК

Сегодня на нашей улице впервые открывается двухэтажный ЦУМ. Со всего города съехались люди и нетерпеливо толпились у входа. Громко играла музыка. Было солнечно, шумно, празднично.

Прозвенел звонок. Толпа хлынула в широко распахнутые двери. Мы с Валей подождали немного, а когда поток людей уменьшился, тоже вошли. Денег, конечно, у нас не было. Поглазеть захотелось. Девушки-продавцы очень вежливые. Один дядя заторопился порадовать дочку удачной обновой и не стал ждать, пока завернут и обвяжут шпагатом покупку. Но кассир окликнула его и объяснила, что на выходе может остановить милиционер. Неупакованный товар вызывает подозрение. Мужчина сразу вернулся к прилавку.

Вдруг за стеклом оконной витрины со стороны улицы я увидела Витю с нашего двора. Прижавшись лбом к стеклу, он плакал и не сводил глаз с огромного резинового надувного зайца. Смотрел так, будто в этот момент не надо ему было в жизни ничего, кроме этой игрушки. Голоса я не слышала, только видела, как сотрясались тощенькие плечи. Слезы текли по грязному лицу, капали с кончика курносого носа, с подбородка. Он вытирал их подолом мятой рубашки и, захлебываясь рыданиями, раскрытым ртом хватал воздух.

У меня полились слезы. Валя, ничего не заметив, потащила меня в другой отдел магазина. Я не сопротивлялась.

ГЕНЕРАЛ

Серое утро. Серые толпы народа у школы номер шесть. Тихо переговариваются женщины у гроба, раздавая указания. Зазвучал духовой оркестр. Печальная музыка вызвала у меня слезы. Почему я плачу? Я же не любила Виктора Николаевича. Он был плохим отцом, плохим учителем. И все же, был человек, — и нет его. Жалко.

Незаметно для себя опять оказалась у гроба. Лариса, старшая дочь (моя подруга), отрешенно брела, понуриив голову, цепляясь ободранными ботинками за каждый выступ дороги. Ее брат Юра вел маму под руку. Он старался выглядеть взрослым мужчиной, маминой опорой. Как-никак — десять лет. Пятилетний Коленька висел на другой руке матери и прятал голову в ее широкой юбке. Их мама не плакала. Ее худенькое личико сделалось еще меньше. Глаза белесые, неподвижные. Она всегда ходила боком. Ноги ставила неуверенно, будто примерялась, чтобы не оступиться на острых камнях. Сегодня она шла, поднимая голову поверх идущих впереди людей, смотрела вдаль с неопределенным, ничего не значащим выражением лица и, казалось, ни о чем не думала, никого не замечала, ни о чем не жалела. За семьей семенили старенькие женщины, одетые во все черное. Они тихо бормотали и крестились. На небольшом расстоянии от них двигалась основная масса людей.

Мое внимание привлек огромного роста мужчина в красивой серой шинели с золотыми погонами и высокой серой каракулевой шапке. Его лицо, с крупными резкими чертами, было деловым, спокойно-величавым, будто он находился не на похоронах, а на собрании.

— Кто это? — шепотом спросила я.

— Отец Катерины, генерал, — так же тихо ответила идущая рядом со мной женщина.

Я подошла ближе. Генерал говорил рокочущим, с перекатами басом, а женщины слушали: кто с любопытством, кто с подобиострастием, заглядывая ему в рот. Сначала он ругал Виктора Николаевича, перемежая критику словами: «Конечно, нехорошо об усопшем говорить плохо». Потом взялся за дочь. Он с пафосом рассказывал о том, как она в восемнадцать лет пришла к нему со слезами и покаялась, что полюбила, а потом поняла, что он плохой человек и теперь не хочет выходить замуж, хотя беременна.

— Она на коленях умоляла меня помочь ей воспитать будущего ребенка, — возвысив голос, продолжал генерал. — Но я ей сказал: «Под забором заимела ребенка, под забором и расти его! Ты опозорила меня и мою семью! Как я своим коллегам в глаза буду смотреть? Что обо мне скажут, если каждый день будут видеть внебрачного ребенка? Иди к отцу ребенка. И выгнал. За поступки надо отвечать! Я проклял ее».

От этих слов в моей голове, будто что-то отключилось или включилось. Кровь прилила к лицу. В висках застучало. Расталкивая женщин, я подскочила к генералу и закричала:

— Вы бросили родную дочку в самую трудную минуту! Она обратилась за помощью, к единственному, любимому, а вы прогнали ее! Вы — богатый, а ваши внуки, как я слышала, голодные убегали босиком по снегу к соседям, когда отец пьяным приходил домой. Вы в сто раз хуже Виктора Николаевича! Вы хуже зверя!

Меня трясло. Я не говорила, а выкрикивала отдельные слова. Генерал опомнился и заорал зычным голосом:

— Убрать эту дрянь! Чье это?

— Не кричите на меня. Вы плохой... ненавижу вас...

Я уже не могла говорить. Две женщины вытащили меня из толпы и положили возле какого-то дома на лавочку. Одна из них гладила меня по спине и бормотала:

— Доброе сердечко, всех-то тебе жалко.

Под ее шуршащий голос я тяжело задремала и уже не чувствовала, как во сне рыдания встряхивали мое тело.

НА ОБЪЕКТАХ

Сегодня дед взял меня с собой на проверку пищевых объектов. Идем к трамвайной остановке. Впереди нас — парень в потертой фуфайке и лаптях.

— Смотри! — восхитился дед. — В лаптях, а в руках ведет новый, видно только из магазина, велосипед! Запомни мои слова: «Пройдет немного времени, и наш мужик в кирзовых сапогах сядет за руль собственного автомобиля!»

Сначала мы приехали на рынок. Наметанный глаз деда сразу замечал все недостатки.

— Почему сток воды засорен? — распекал он шустрого толстяка с железной бляшкой на левом кармане серого халата. — Ты хочешь, чтобы горожане и наши кормильцы из сел по отходам ходили? Посмотри, любезный, куда хозяйке сумку ставить? В лужу? Завтра проверю исполнение. Смотри у меня!

— Где мясо должно лежать? За лотком некого послать? — упрекал дед продавщицу.

— Да я же газетку постелила, — оправдывалась краснощекая, бойкая женщина.

— Ты мне улыбки не дари, красавица. Еще раз увижу несоблюдение правил, штрафовать не стану, с рынка выгоню, раз добрых слов не понимаешь.

Хозяйка засуетилась, кликнула мальчишку моего возраста. Тот, в кирзовых сапогах, в старом, длинном, по щиколотку пиджаке, в дырявом картузе, вмиг подскочил к матери и тут же прожогом (быстро, напрямик) помчался к раздаточной инвентаря.

— Где ветошь для рук, где марля на тушке? Руки о фартук не вытирай! Деньги не клади на весы, там же мясо сырое лежало! Не слюни пальцы, хозяйюшка, когда деньги

считаешь, — начиная сердиться, выговаривал мой дед торговке.

— Теперь понимаешь, почему тебя не пускаю на улицу в не глаженном платье и с грязными руками? С детства привычка к аккуратности прививается. Каждый день делаю замечания, но только угрозы заставляют продавцов подчиняться, — со вздохом сказал мне дед.

Медленно идем по рядам. Отовсюду слышу:

— Здравствуйте, Яков Иванович, доброго вам здоровья!

— Папа, вы их ругаете, а они с вами приветливы. Почему?

— Я же за дело ругаю, власти не превышаю и взяток не беру.

— Продуктами, что ли?

— Ни деньгами, ни продуктами. Поэтому сплю спокойно и уважение от людей имею, — объяснил мне дед.

Потом мы отправились по винным магазинам-подвальчикам. Везде нас встречали толстые, очень уж приветливые дяди. Я чувствовала неприятную нарочитость их слов и краснела. Они улыбались, говорили нам комплименты и наливали вино. Я понимала, что для проверки качества продукта достаточно одного глотка. Но каждый продавец наливал из бочки через шланг целую кружку. У первого продавца дед попросил рюмку и отлил немного вина. Понюхал, отпил, подержал чуть-чуть во рту, а потом сказав: «Вот это букет!», расписался в тетради. Но чем больше подвальчиков мы обходили, тем он становился менее строгим и уже не ругал за грязный передник и плохо вымытые стаканы, а просто пил вино и расписывался. Мне было стыдно. Я слушала бессовестную лесть и ложь, видела хитрые наглые ухмылки продавцов, спокойное каменное равнодушие зрителей и из приличия деланно натянуто улыбалась, а потом пряталась за спину деда, дергала за край его пиджака и шептала на ухо:

— Не пейте, пожалуйста, они вас обманывают, нарочно спаивают.

На мои мольбы и уговоры дед не обращал внимания и только весело бестолково отмахивался.

Продавцы начали и мне предлагать вина. Я понимала, что это неприлично, и сдержанно отказывалась. А сама думала: «Ему наливают из-за подписи, а мне зачем?»

В одном погребеке еле стоящий на ногах дед тоже принялся упрашивать меня выпить, чтобы не обидеть хозяина. Я опешила, изумленно и растеряно оглядела его и почему-то согласилась к всеобщему восторгу мужчин, собравшихся вокруг бочек. Тут за спиной я услышала обидные, насмешки в наш адрес и слетела с тормозов. Вино на меня возымело действие, противоположное дедову благодушию. Я разозлилась и в яростном негодовании закричала, что они не любят моего папу и непорядочно ведут себя по отношению ко мне. Слезы брызнули из глаз, голос сорвался на визг. Я размахивала руками, топала ногами. Потом заявила, что не позволю больше издеваться над нами, и потащила деда домой. Он бормотал что-то несуразное, успокоительное, оправдательное, но, к моему удивлению, качаясь и спотыкаясь, все-таки пошел за мною на трамвай.

Дома дед свалился на мой диван и мгновенно заснул. А я еще долго сердито ворочалась и вздыхала.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕДА

Я заметила, что дед Яша с какой-то детской, восторженной радостью встречал любые мои познания в области медицины. «Может, пойдешь по моим стопам?» — спрашивал он, улыбаясь. Желая порадовать деда, я читала его книжки, пытаюсь разобраться в сложной врачебной терминологии. А он в награду рассказывал мне истории из своей докторской практики.

— Вот, послушай, — говорил он мне как-то раз, — до войны это было. Бывало, дают мне

лошадку, я беру свою сумку, по которой доктора узнавала вся округа, ну, ту, в которой ты теперь хранишь своих тряпичных кукол, и отправляюсь делать обход от дома к дому, от улицы к улице. Насмотрюсь, бывало, на серость людскую: и погрузу, и посмеюсь вволю. Жалко малограмотных людей! Учись дочка, чтобы себя уважала, и для других не посмешищем, а помощницей была.

Так вот, еду по селу. Слышу крики. Женщина к Богу взывает, а мужчина мат ей шлет, и потерпеть просит. Вбегаю в хату. Руки и ноги хозяйки привязаны к спинкам кровати. Муж на коленях умоляет жену провести лечение до конца. Сдергиваю с нее одеяло и в ужасе обнаруживаю под ним красную, в волдырях спину. Возмущаюсь: «Как я учил горчичники ставить?! Ты что, на супругу ведро свежей горчицы вылил? Хорошо, что сердце у нее здоровое. Сколько минут велел горчичник держать? Десять. А ты сколько?» «С полчаса, наверное. Как лучше хотел, чтобы скорее хворь вышла. Уж месяц кашляет. Какая польза от больной хозяйки в доме?» — оправдывается муж. «А если бы загнал до смерти? Детей сиротами оставил бы. Кто был бы виноват?» — корю я его. «Простите, ради Христа, доктор, — отвечает, — оплошал».

А одному старику выписал лекарство для глаз по тридцать копеек за флакон, так он обиделся: «Не хотите, — говорит, — доктор, меня лечить. Не уважаете. Давайте дорогого лекарства, а то пожалуюсь». Выписал я ему витаминов разных, чтобы успокоился. Он же здоров был, как медведь.

В другую хату захожу, а там вся родня собралась и смотрит, как топчет ногами спину сына родной отец. Бедный парень благим матом орет от боли. Спину он сорвал, когда лес на хату заготавливал. Я массаж прописал. Ну, так им же надо, чтобы больной на другой день скакал, а в лечении терпенье нужно, схема определенная. Еле отвоевал беднягу и в больницу отправил.

А с женщинами труднее всего. Некогда им лечиться. Детишки у них, домашние дела. Так они друг у друга «обучаются». Лежит одна в хате, скорчилась, но помалкивает. Приказал раздеться. Не хочет. Стесняется. Понимаю. Успокаиваю: «Для докторов все люди на одно лицо, мы только болячки видим». Задираю подол. А она утюг нагрела и приложила на больное место. Я ее живо на телегу, и в больницу. Операцию сделал. Жива осталась...

Тяжко умирают от заражения крови. На моем веку таких три случая было. Привозили поздно, когда уже судороги начинались. Особенно жалко мальчонку. С дерева спрыгнул на сучок... и Господь прибрал. До сих пор, как вспомню, душа болит о нем.

Бандитов в войну перевозил. Так этим хоть бы что! Передерутся с поножовщиной, потом берут иголку с обычной ниткой и зашивают друг друга без наркоза, без водки то есть. А кто и сам себя штопает. И ни одна зараза их не брала! Один на спор с моей шинели пуговицы срезал и при мне тут же себе на голую грудь пришил. Мне жутко, мороз дерет по коже, а они хохочут. Страху натерпелся с ними, хотя они с большим уважением относились ко мне и к моей профессии. Ни разу не тронули. Двадцать пять лет меж них работать пришлось. Они, конечно, тоже люди, хоть и пропащие. И у каждого своя судьба. С одним подружился очень. Душевный был человек. Жену из ревности убил, а потом всю жизнь страдал, винился. Молодой был, глупый. Потом философом стал, понял, что права не имел на чужую жизнь покушаться. Руки золотые, голова удивительно умная! А вот один раз черт попутал, и вся жизнь кувырком пошла. Вот этот дубовый шкаф он мне на память о нашей дружбе сделал. Три года доски по специальному рецепту готовил, и резьба — его рук дело. Да... всякое в жизни повидал за пятьдесят лет работы, — бормотал дед, засыпая.

А я еще долго сидела у его кровати и почему-то вспоминала бабушку Дуню и дедушку Панько.

ДРУГ ДЕДА

Около рынка много киосков. Один из них пестрит открытками.

— Папа, купите одну, пожалуйста, — попросила я.

Дед быстрым взглядом окинул витрину и подал ту, на которой, взявшись за руки, на

фоне числа «300», написанного крупными красными цифрами, кружком стояли красивые девушки.

— Зачем здесь написано «300»? — спрашиваю.

— Триста лет нашей дружбе с украинским народом, — отвечает дед.

— А почему девушки в разных платьях?

— Их шестнадцать — по числу республик. Этот памятник — символ единения разных народов нашей страны.

— И мы со всеми дружим?

— Конечно, — улыбнулся дед.

Я сразу представила себе лесной детдом, где все дети жили дружно. «Хорошая у нас страна», — порадовалась я, прижимая открытку к груди.

Около другого киоска к деду подошла очень красивая, но беспокойная женщина. У нее тонкие высокие брови, крупные карие глаза. Но сетка мелких морщин на лице и дряблая кожа шеи выдавали ее возраст. Размахивая руками, женщина начала громко и бессвязно о чем-то рассказывать деду. Потом стала плакать и смеяться одновременно. Мне сделалось не по себе. Даже холодок пробежал между лопаток. Я испуганно спряталась за деда. А он тихим голосом успокаивал женщину и осторожно гладил по длинным взлохмаченным светлым волосам. Тут подошла согнутая старушка и увела с собой странную женщину.

Дед был расстроен встречей. Он молчал и только изредка рассеянно кивал приветствовавшим его людям.

— Папа, отчего тетя такая? — осторожно спросила я.

— Весной муж вернулся из заключения, а через два месяца умер. Она умом и тронулась. Пятнадцать лет ждала.

— Зачем ждала? Раз он был в тюрьме, — значит плохой.

Дед тихо заговорил:

— Дружили мы семьями. Георгий был главврачом в нашей больнице. В тот год пригласил нас его заместитель вместе отметить Новый год. Первый тост был, естественно, за Сталина. А мой друг извинился: «Дорогие друзья, язва у меня открылась, не смогу сегодня с вами бокалом звенеть. Курс лечения закончу, тогда и «вздоргнем». А вскоре заместитель сел в кресло начальника, а мой друг — на пятнадцать лет с конфискацией.

— Что же она теперь, а не тогда мозгами...

— Обещала ждать. Все вынесла. Дождалась... Сначала в счастье не поверила... А когда умер, — сломалась...

— И где теперь ...тот?

— На войне пулю спиной поймал.

— А вы не боялись?

— Кого?

— Сталина.

Дед ушел от ответа и только хмуро сказал:

— Он за всех прихлебателей не в ответе.

Продолжали путь молча.

Когда подходили к дому, опять появилась та самая старушка.

— Яша, приходи к нам завтра. Сорок дней. Не забыл?

— Приду, — ответил дед мягко.

И вдруг наклонился к моему лицу и тихо, смущаясь, сказал: «Я, дурак, тоже плакал, когда Сталин умер».

Оля уехала в деревню к родне, поэтому на поминки дед взял меня с собой. Комната была полна народу. Разговор вели неторопливый. Выпили по одной рюмке водки и стали по очереди вспоминать усопшего. Я напряженно вслушивалась в слова. Говорили поразному: зло, раздраженно, печально, но все — тихо. Для меня эта встреча была как гром с ясного неба. Я никак не могла понять кто плохой, кто хороший. А главное, кто виноват? Я не хотела верить в то, что взрослый мир много хуже детского, что он слишком жестокий, а взрослая боль тяжелее, потому что там часто умирают....

Из-за стола встал дядя Вадим, высокий красивый молодой человек, налил себе рюмку водки и заговорил:

— Как-то случилось мне играть в соседнем дворе в футбол. Наверное, сильнее, чем надо, ударил по мячу, и он влетел в окно. Я не убежал, а только подумал: «Сам виноват. Бабушке не скажу. Заплачу за стекло из своих денег, которые целый год копил». Из дома выскочил мужчина, оглядел притихших ребят и меня, виновато опустившего голову, швырнул мяч мне под ноги и бросил в лицо жестко: «Безотцовщина!» Я похолодел. Как ножом полоснуло горькое слово. «Зачем он так? — подумал тогда. — Заслужил, — отстегай меня крапивой!» А он ударил в сердце. И произнес это слово с презрением, будто я нечисть какая-то. Всколыхнулась во мне откуда-то из глубины боль, не осознаваемая дотеле, обида за себя, за бабушку, — ни в чем не повинных, за папу, погибшего за нас и за того, кто так зло и гадко тронул мою душу. Это слово все перевернуло во мне. Я почувствовал себя несчастным, обделенным. Начал думать о жизни иначе: горше, с оглядкой. Мне стало казаться, что это слово выжжено у меня на лбу. Но бабушка Мила сумела успокоить меня своим теплом. Хотя и сейчас, когда слышу — «безотцовщина» — щемит сердце, туманит голову та, детская, обида. О том, что отец был репрессирован, узнал только на похоронах дяди Георгия. Я благодарен людям нашего двора за то, что они ни разу не попрекнули меня отцом ни в сердцах, ни в обиде. Сберегли они мое детство от метаний в неизвестности, от жутких страданий из-за несправедливости. Не было у меня глухой обиды на страну, на людей. Я знал — отец погиб на войне, он герой. Я верховодил ребятами нашего большого двора. Был нормальным мальчишкой, верным другом. Мое голоштанное детство было овеяно романтикой подвигов отца, верой в прекрасное будущее. Оно было наполнено любовью к друзьям, окружавшим меня людям и моей бабушке Миле. Он прижал к себе одной рукой худенькую седую старушку и выпил залпом: «За твое здоровье, родная».

Потом все пошли на кладбище и, опустив головы, долго молчали у могилы.

Во мне нарастало волнение, боль за хороших людей. Не заметила, как зашептала:

Темно-синяя ночь надо мною склонилась И усталые плечи прижала к земле, Словно скорбная мать над могилой молилась
Обо всех на планете — погибших во зле...И, ударившись сердцем, онемевшим от боли,
О бездушье людское, о зависть и злость, Он лежал рядом с ними, пожелавшими воли,
И склонилась над ним виноградная гроздь.

Бабушка прижала мою голову к своей груди и впервые за вечер заплакала тихо, по-детски всхлипывая. Я тоже. Мужчины еще ниже склонили головы.

На следующее утро дед спросил меня:

— Откуда ты знаешь такие стихи?

— Я их не знаю. Они сами из головы пришли.

— Ты их сочинила у могилы?

— Не сочинила. Пересказала, как поняла, все, что слышала вечером. Я ничего не выдумывала. Это не я, оно само, понимаете?

— Нет, — сознался дед, — и часто у тебя такое?

— Часто. Но не вслух. Когда грустно, молча говорю о душе, о сердце, а когда весело — про природу и ребят. Мне стало жалко вашего друга-доктора и поплыло в голове. Начинаю первую строчку и не знаю, о чем будет вторая. Они сами складываются. Если об этом же в другой день вспомню, то другие слова образуются. Лучше получается, когда волнуясь, дрожу внутри. И еще когда никто не мешает.

— На кухне стихи, наверное, не пишутся? — усмехнулся дед. — Давно это у тебя?

— Давно.

— Сейчас сможешь что-либо сочинить?

— Конечно. Но это будут не стихи, а просто рифмовки.

— А в чем отличие?

— Всякий дурак сможет срифмовать «драться, плескаться, кусаться, собираться». Хорошие строчки появляются, когда душа болит.

— И часто она у тебя болит? — сдержанно спросил дед.

— Часто. Когда жена вашего друга в черной одежде наклонилась над могилой, она показалась мне темным облаком печали. И дикий виноград я не придумала. Он оплетал дерево, стоявшее у памятника. Вы видели?

— Да.

— Я хотела, что-нибудь сказать про людей у могилы, но ничего не пришло в голову, а придумывать не стала. Подожду, когда само сложится. Вот услышала прошлой зимой, что летчик погиб (я в это время на улице у столба стояла, где висел репродуктор), посмотрела вокруг и тут же представила, как его самолет сгорает в воздухе.

Был зимний, розовый закат. В нем мир теней исчез бесследно. И только дыма, гари смрад
Остался след на небе бледный...

Я на самом деле видела в небе черно-красную тучу, розовый закат, и на земле в тот вечер не было теней от деревьев. И вдруг запах гари почувствовала... Раньше, бывало, приложу ладони к лицу, почувствую запах рук, — а он ведь всегда разный — и вспоминается то хвойный лес, то горячая печка... А тогда у столба все произошло, наоборот: при словах «взрыв и пожар» я ощутила запах горячего дыма и бензина. В первый момент удивилась, посмотрела вокруг: вдруг и правда что-то поблизости горит? У вас такое бывает?

— Нет. Ты очень чувствительная.

— Стихи обычно я сочиняю и сразу забываю, а этот запомнился. Наверное, потому, что о летчике до сих пор вспоминаю. Даже лицо ему придумала и нарисовала. Красивое такое, мужественное, умное и очень доброе. Только добрый человек может стать героем!

Дед прилег на кровать. Я села рядом на полу. Его рука лежала на моей голове, и мы продолжали разговаривать. Но уже молча.

Потом я спросила:

— Папа, дядя Вадим сын больной женщины?

— Племянник. А ты знаешь, бабушка Мила ему не родная. Она подруга его бабушки, которой к тому времени уже не было на этом свете. Отец Вадима без вести пропал на фронте, мать немцы расстреляли. Тогда пришла Людмила Васильевна и забрала мальчика у соседей.

Я вспоминала доброе лицо седой старушки, и в голове проносились благодарные стихи об этой прекрасной женщине.

ПОЭТ

Дед покопался в нижнем ящике комода, достал из-под старых подшивок газет маленькую книжку в твердом, белом переплете и показал мне дарственную надпись.

— У вас был друг-поэт?! — с неподдельным восторгом закричала я.

— Что значит «был»? Он живет и здравствует в нашем городе. Почему ты подумала, что его уже нет среди нас?

— Все поэты и художники, которых я знаю, давно умерли.

— Хочешь, позову его к нам в гости?

— На самом деле? — спросила я, совершенно не веря в такую возможность.

— Не Пушкина приглашу, а нашего местного поэта, — засмеялся дед.

Прошло два дня. Я пришла из школы в кислом настроении. За столом сидел среднего роста усталый человек, одетый в темно-коричневый костюм и рубашку в светлую клетку. Длинные, как у попа, волосы — седые у лба и висков. Серые, глубоко запавшие глаза смотрели приветливо и с любопытством.

Дед суетился, раскладывая на столе тарелки.

— Я выполнил свое обещание, — сказал он, весело обращаясь ко мне.

— Вы — поэт? — недоверчиво спросила я незнакомца.

— Да, — ответил тот с улыбкой.

— И с вами можно поговорить?

— Конечно. Ты любишь мечтать?

— Очень!

— О чем?

— Иногда я мечтаю совсем глупо. Вот когда хорошее настроение, люблю громко петь песни, которые сама придумываю. Только очень плохо получается. Слуха нет музыкального. А в мечтах я здорово пою! Еще думаю о счастливой жизни всех людей на свете. Хочу, чтобы меня любили.

— Чтобы любили, необходимо все время делать людям хорошее. Любовь как костер — в него надо постоянно дрова подбрасывать.

— У меня есть долгие мечты и короткие, которые появляются как бы из воздуха. Вот мелькнула когда-то мысль: «Познакомиться бы с писателем». А потом подумала, что это невозможно, и мечта пропала. А теперь вы со мною разговариваете и не воображаете.

— Почему я должен воображать? — рассмеялся друг деда.

— Потому что вы необыкновенный, раз настоящий поэт.

— Любой человек, нашедший себя в жизни, — необыкновенный. В пятьдесят лет я начал летать во сне, когда занялся тем, о чем мечтал всю жизнь. Мне кажется, дети летают во сне потому, что развиваются эмоционально, и физический рост здесь ни при чем. Сейчас я чувствую себя ребенком. Будто крылья связанные расправил. Вкус жизни почувствовал.

— Почему в детстве не писали? — удивилась я.

— Учитель высмеял мои первые стихи. А родители растили из меня трудолюбивого доброго, порядочного человека. Их не волновали мои чувства, фантазии. Взрослые считали, что они мешают мне достигать главной цели. Всю жизнь переступал через себя, зарабатывая тем, что было поперек души. А теперь готов питаться только хлебом и

водой, но писать и писать, сберегая каждую минуту вдохновения. Очень боюсь его лишиться. Я уже потерял детскую непосредственность, юношескую яркость и образность мышления. Не упустить бы здоровую зрелость ума. Тороплюсь. Мне теперь стало неинтересно даже то, что раньше считал своей единственной отдушиной — преподавание. Понял, что напрасно долго держал взаперти свои чувства. Но не стоит жалеть о прошлом. Рад, что состоялся как человек. И тем счастлив. Пишу потому, что уже не могу не писать. Если твоя душа желает излить наболевшее или она искрится радостью — пиши, не стесняйся открывать душу бумаге. А время покажет — хорошо или не очень то, что ты сочиняешь. Вреда в этом нет. Даже если не станешь поэтом, будешь грамотнее и нервную систему стабилизируешь, то бишь укрепишь. Пиши, девочка!

— А теперь иди к матери, нам надо молодость вспомнить, — сказал дед и мягко подтолкнул меня к двери.

ТРАГЕДИЯ

Вчера дед принес с рынка живую курочку. Она ходила по кухне, сердито квохтала и встряхивала крыльями. Оля поймала ее, отнесла во двор к тете Марусе и попросила: «Заруби, пожалуйста, у меня рука не поднимается. Жаль птицу, да и крови я боюсь». Я стояла рядом и мысленно рассуждала: «Все-таки я ошибалась, считая Олю злой. Вот и курочку ей жалко. Нельзя без причины о человеке плохо думать. Почему мне кажется, что она нехорошая? Видно дети ошибаются чаще взрослых. Бог простит меня за глупые мысли. Я же не со зла».

А сегодня произошло такое... Не знаю, как и сказать....

Прибежала домой, открыла дверь и вижу: дед лежит на полу, укрываясь ковром, а Оля бьет его скалкой. Дед стонет и просит дать шприц с лекарством. Я вскрикнула. Оля тут же вышвырнула меня за дверь. Дрожу от страха, прислушиваясь к тому, что творится в квартире. Невозможно даже представить себе первые минуты моего отчаяния! Все мои прежние беды будто вымерли в душе. Перед глазами поплыло. В смятении обдумывала ситуацию: «А вдруг дед умрет? С Олей не останусь! Вот тебе и добрая! Курицу боится резать, а родного мужа бьет, когда у него сердечный приступ. Господи, да что же это такое? Что же я стою? Надо спасти папу Яшу! Забарабанила в дверь. Оля выглянула:

— Соседей на ноги поднимешь. Затихни!

Я со всей силы толкнула ее в пухлый живот, проскочила на кухню и открыла аптечку. Оля схватила меня за волосы. Я вскрикнула и пригрозила, что орать буду благим матом и перебею все окна, пока не приедет милиция. Через минуту дед сидел на диване в неудобной позе, привалившись к спинке лбом, и прямо через брюки делал себе укол в ногу. Руки дрожали, голова болталась. Глаза были полузакрыты. Он никак не мог проколоть иглой тело. Наконец удалось. Вскоре он заснул.

Оля ушла к соседке, а я постелила себе на полу возле дивана, на котором спал папа Яша.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Теперь я совсем не гляжу Оле в глаза. И она уже, не стесняясь, пилит деда.

После укола нестерильной иглой у деда образовался абсцесс, и он, оперируя себя, жаловался мне:

— Пятьдесят лет стажу, двадцать пять из них военного. Заработал две пенсии. И нам тех денег хватило бы на жизнь. Но по закону положено одну пенсию выплачивать. Неправильно это. А что поделаешь? Оля портнихе задолжала. Вчера она ей наш новый ковер подарила. Терпит меня, потому что вот-вот новую квартиру должен получить. Она молодая, ей хочется покрасоваться перед подружками, родней, мужчинами. Понимаю и все делаю, чтобы угодить ей, но силы не те.

— Папа, что такое прописка?

— Мать тебе о ней говорила?

— Нет. Тети на лавочке маме Оле что-то объясняли, но я так и не поняла, в чем виновата? Я, честное слово, не хочу быть бандиткой!

Дед скрипнул зубами:

— Дети — цемент семьи. Но, видно, в нашем растворе один песок. Себя только любит. Раньше хорош был, а теперь — не нужен, — горько простонал дед.

Оля совсем перестала заниматься кухней. Я чем могла, помогала деду. Оказывается, он готовит намного вкуснее и разнообразнее. Теперь я меньше хожу на улицу. Когда дед дома, стараюсь быть рядом. Боюсь за него.

ЕЕ СЧАСТЬЕ

Сажу на кухне. Думаю про жизнь.

— Мама Оля, вы когда-нибудь работали? — спрашиваю я деланно безразличным тоном.

— Устроилась как-то в столовую посуду мыть, но Яша ревновать стал.

При этом она горделиво, довольная чем-то, улыбнулась.

— А почему ревновал?

— Я молодая, красивая была.

— Он еще ревнует?

— Теперь уже нет.

— А почему вы сейчас не идете работать?

— Кем? Уборщицей? Я жена доктора, мне стыдно идти на такую работу.

— Разве работать стыдно?

— Хороший муж должен содержать жену.

— А у начальника с первого этажа жена врачом работает.

— Это ее дело.

— Вот вы вчера на папу обижались, что денег мало дал. А если бы работали, то и сердиться не пришлось бы.

— Лучше с малыми деньгами в свое удовольствие жить, чем из-за лишней копейки как лошадь пахать. Глупые те женщины, которые идут учиться, а потом за мужчин работают. Мужья от них из дому бегут. Кому нужна усталая жена? Работающие жены не знают, чего ищут и свое семейное счастье теряют.

— А я думала, что учиться надо обязательно, ведь чем больше человек знает и умеет, тем он счастливее.

— Эту пропаганду после революции стали внедрять ленивые мужчины. А раньше уважающая себя женщина никогда не пошла бы на завод.

— А где вы учились?

— Я в семье десятым ребенком была. О какой школе речь можно было вести? От братьев считать научилась. Вот и все образование.

— А почему папа на вас женился?

— Мужчина в женщине ищет только красоту.

— А если мужчина сам некрасивый?

— Мужчин некрасивых не бывает. Есть глупые и бедные.

Я не поняла рассуждений Оли, но просить разъяснений не стала.

БЫЛА БЫ ТЫ РЯДОМ...

Кормлю голубей на главной площади города. Наблюдаю, кто проворней: голуби или воробьи? Вспорхнула стая. Кто вспугнул? Оглянулась. Навстречу друг другу бегут двое. Он — долговязый, нескладный, длиннолицый, с глазами Христа. Она — маленькая, рыженькая, совсем девочка. Обнялись. Он прижал ее к себе и, заливая слезами корзиночку тоненьких косичек, зашептал:

— И больше ничего мне не надо, только видеть тебя. Я так измучился без тебя...

Я смотрела на клетчатую женскую кофту на костлявых плечах парня, на стертые задники туфель девушки, на их слезы, крепкие бесконечные объятия, и пронзительная боль, и пронзительная радость охватили меня.

— Наемщик обманул всю бригаду, не заплатил. У метро какой-то старик дал на буханку хлеба. Потом нашел церковь. Попросил у батюшки работы, чтобы билет на поезд купить... Я заработаю. Еще три недели до свадьбы. Ты не думай, что если я детдомовский... Добьюсь, разберусь... Мы будем счастливы. Много ли нам надо? ...Была бы ты всегда рядом, — шептал он.

Глаза Христа... Вспомнила церковь в деревне, где находился наш лесной детдом.

...Идем с ребятами темными узкими коридорами. Низкие своды придавливают к земле. Вошли в длинную холодную комнату. На стенах, обшитых почерневшими от времени досками, от потолка до каменного пола — ряды темных икон. В углу за выступом стены узкое, как щель, окошко. Свет от него падает на странную икону. Вокруг все в мрачных тонах — и вдруг этот светлый чистый лик с безгрешными детскими, прозрачными как слеза бледно-голубыми глазами. В лице — всепрощение, все понимание, бесконечная доброта, устремление к высокому, праведному... Бледное, усталое лицо вдохновенно. В нем легкая грусть, непонятная внутренняя, восторженная, возвышенная вера. Он настоящий, святой, хотя совсем не похож на мудрых старцев с икон на стенах. Перед ними я испытываю робость, благоговение. А от этого лица не могу оторваться. Он взглядом очищает мне душу от накипи боли. Глядя на него, хочется верить во все хорошее, любить всех без страха, без оглядки, возвышаться в мыслях, надеяться. Он живой и вечный...

Еще бы хоть раз его увидеть...

Может, этот парень — его частичка...

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Витя! Сидела я недавно, задумавшись, на лавочке в Первомайском парке. Вдруг услышала из репродуктора, что висит на столбе у входа, слова, произнесенные так, что молния по позвоночнику прошла: «И кто-то камень положил в его протянутую руку». Не знаю, о ком говорили по радио. Дальше грустная музыка заиграла. А у меня перед глазами сразу возникло сдавленное болью деревянное лицо дяди Вали, его тонкие, длинные, нервные пальцы... (Инвалид войны на самодельной каталке, помнишь его?)

Душа моя заметалась в безысходной тоске. Я задыхнулась от вздымавшейся в груди обиды, возмущения, ярости. Потом несколько дней плохо чувствовала. Сердце будто надвое разломилось. «Надорвалось, чужой болью захлебнулось», — сказала бы баба Дуня.

А сегодня ночью был дождь, и утро встретило меня сияющей голубиной неба, радостными трелями птиц, бурной свежей зеленью искрящихся влажных листьев.

Хрустальный прохладный воздух бодрит. Дышу полной грудью. Расправляю еще слегка дрожащую душу. Благодать, умиротворение потихоньку входят в сердце. Душа лечится...

Глава Вторая

В ГОСТЯХ

Уже месяц я живу у родителей. Целыми днями бегаю с ребятами по улицам, жую черную смолу, играю в карты. Раздолье! Иногда беспричинная грусть находит, но я пореву малость и на следующий день опять мчусь к друзьям. Правда, что-то тревожит меня во взаимоотношениях родителей. Оля часто надувает губы из-за денег. Но все это мимолетно, без долгой и громкой ругани, как в семьях соседнего подъезда. «Поинтеллигентному», — объяснила мне Валя. В последние дни вообще, будто черное облако поселилось в нашей квартире, давит, беспокоит деда. И меня тоже. А сегодня Оля потребовала отвезти меня за город к родне. Дела ей какие-то надо утрясти с дедом.

Автобус съехал с асфальта и до самой остановки нас провожал пыльный шлейф. Перебросив через руку светло-серый пыльник (летний плащ), дед уверенной походкой идет по узкой тропинке вдоль хат. Он — в белом летнем костюме, голубой рубашке, в белых парусиновых туфлях и шляпе из рисовой соломки. Золотистая цепочка проходит поперек белого жилета. Прямой, высокий, с развевающимися на ветру седыми волосами, дед совсем не подходит к этой местности, выглядит человеком из другого мира.

Деревня, растянувшаяся на четыре километра, состоит из хат, покрытых серым камышом, окруженных кривыми плетнями. Из калиток выглядывают мальчики в рубахах ниже колен и девочки в платьях до пят. Почему городские дети ходят в коротком или очень коротком, а деревенские — в длинном или очень длинном?

Дед свернул в проулок и остановился у огромной низины. Сухие рогатые ракиты, торчащие из густой молодой поросли, окружали покрытую глубокими трещинами землю.

— Здесь было озеро с чистой водой. Осенью желтые и красные листья опадали с ракушек и устилали дно. Часами мог смотреть на них. Прошло много лет. Приехал на родину, — а озера нет. Только след остался — пересыхающая летом лужа. И вроде бы не к себе воротился. Не хватает мне его. Будто потерял частичку себя. А сейчас химический завод на Тускари строят. Посылал письмо в горком с просьбой сохранить реку. Обещали рассмотреть. Крепна пересохла, и эту реку такая же участь ждет. Когда вернешься сюда лет через тридцать, вспомни мои слова, — грустно закончил дед.

Вошли в хату. Очень старенькая бабушка встретила приветливо. Дед посидел с нами немного и сказал: «Мне пора». Я вышла его проводить. И вдруг на меня такая тоска навалилась! Почувствовала себя одинокой, несчастной, брошенной в незнакомой деревне. Слезы навернулись на глаза. «Только привыкла к одному хорошему человеку, а он меня одну оставил», — думала я, сдерживая зябкую дрожь.

— Ну, чего волнуешься, детка? Скоро заберет тебя Яша домой, — ласково сказала бабушка, заметив мое настроение.

— Можно погулять на лугу? — спросила я старушку.

— Как хочешь. Не будет скучно одной?

— Нет.

— Буду ждать. Дед мой скоро придет. Вечерять вместе будем, — крикнула бабушка Нюра мне вслед, заслоняя глаза ладонью.

День был серый и ветреный. Пришла на луг, но он весь усеян коровьим навозом. Наступив на «свежие коржи», разозлилась. Вытерла ботинки о траву и побрела на пыльную улицу, заросшую с обеих сторон высоченным бурьяном. Тоскливо. Неуютно. Одиноко.

На ужин бабушка нажарила целую сковороду яиц с большими кусками сала. Я поела вдоволь, не стесняясь. Спать положили на железную кровать с шуршащим камышовым матрацем. «Надо же, постель как в детдоме», — удивилась я. Мыслями окунулась в прошлое и незаметно уснула.

МЕЧТА

Утром сижу на кухне и в окно наблюдаю, как петух кур к порядку призывает. Вошла бабушка Нюра и говорит:

— Иди гулять. Соседские ребята как узнали, что новая девочка из города приехала, так уже с раннего утра от нашей калитки не отходят.

«А вдруг бабушка рассказала им про детдом? В деревне все друг про друга знают», — испуганно подумала я.

— Иди. Никто тебя не обидит, — подтолкнула меня бабушка.

Приоткрыла калитку.

— Я — Леша, твой сосед. А это мои друзья: Вадик, Тамара, Вера, — обратился ко мне один мальчик.

Все ребята были приблизительно одного возраста, — чуть постарше меня и как на подбор светловолосые, голубоглазые.

— Айда, купаться с нами?

Я оглянулась на бабушку. Та кивнула.

Ребята купаются, а мы с Лешей сидим в лощине у пшеничного поля и сосем сочные колоски.

— Вон у того куста я впервые увидел волка, — показал вдаль мой новый знакомый.

— В этом году? — спросила я.

— Нет. Семь лет мне тогда стукнуло. Своей хаты у нас еще не было. Наша-то в войну сгорела. Без бати трудно строиться. У родни жили. В двух комнатах помещались: в одной — четверо взрослых, в другой — пятеро детей. У всех свои обязанности имелись. Я пас гусей. Тот день был сырой. Дул холодный ветер. Я поднял воротник старого папкиного пиджака, сел на корточки и задумался. Гляжу в серое тяжелое небо, а там высоко-высоко черным крестиком самолет движется. «А ведь там летчик сидит, задание какое-то важное выполняет, — представил я себе. — Эх, мне бы туда! Хоть бы одним пальцем дотронуться до штурвала». Размечтался. «Вот, думаю, когда вырасту, — выше всех полечу. Стану самым смелым и ловким. И мамка гордиться будет, что я у нее такой». А гуси тем временем рядом топчутся, отяжелели от колосков. Вдруг зашумели они крыльями и с гогом помчались в сторону дома. Я оглянулся. В шагах сорока от меня стоит волк. Не помня себя от страха, закричал: «Рятуйте!» (спасите). Почему не побежал — не знаю. Может, с перепугу. Слышал, что как-то зимой в лесу стая волков неотступно бежала за санями соседа. Возница вернулся домой еле живой от страха. А волк оглянулся на меня и, не спеша, ушел в лес.

— Пожалел тебя? — удивилась я.

— Летом они не слишком злые. Это зимой волки разрывают соломенные крыши овчарен, горло овечкам перегрызают, чтобы не блеяли, и волокут в лес. Нападают группами. Особенно на святки.

— Сытый праздник себе устраивают? — улыбнулась я, глубоко не осознавая горести такого происшествия для любой деревенской семьи.

— Особо волки опасны, если охота прошла неудачно. Тогда и на человека могут броситься, — продолжил свой рассказ Леша.

— Тебя больше не пустили пасти гусей?

— Почему же? До самого сентября пас, это была моя работа. Знаешь, я обязательно стану летчиком. В тот памятный день заронила во мне любовь к небу.

Он улыбался, глядя в бесконечную синь. И я видела, что в данную минуту для него на свете ничего не существовало, кроме замечательного, таинственного неба.

КОШКА

Неизвестно откуда появился на улице дикий ободранный кот. Свальявшаяся шерсть на нем висела клоками. Он совсем не походил на чистеньких, постоянно вылизывающих себя домашних кошек. Даже походка у него была враскачку. Никакой кошачьей грации! Вихрем носился он по улицам и дворам, хватая на бегу все съедобное. Ему было все равно — воробей ли, ворона, цыпленок. Хозяйки устраивали коту облавы. И палки ему доставалось, и помоями обливали. А в последнее время он сделался объектом развлечений ребят. Они как-то на самую верхушку дерева затащили кота. Но он и оттуда спланировал, четко управляя хвостом. Да еще на все четыре лапы приземлился. Никакая гибель его не брала.

А тут окотилась кошка у Лешинной соседки тети Лиды. Оставив себе одного котенка, тетя попросила ребят утопить остальных в озере. Пацаны превратили это противное занятие в игру. Они долго развлекались с котятами, заставляя их плавать по реке на куске коры под белым флагом, затем «переквалифицировали» их в потерпевших крушение матросов, потому что малыши были черные с белыми полосками. Когда в живых остался один, самый маленький и тщедушный, на берегу появился бродячий кот. Сел поодаль и наблюдает за происходящим. Но, как только Вадим посадил малыша на ветку и направился к воде, кот вдруг ощетинился, подпрыгнул и вцепился когтями в руку мальчишке. Тот взвыл и выронил свою ношу. Кот схватил зубами за шиворот малыша, отнес в низину и начал вылизывать. Когда ребята попытались приблизиться, он зашипел и стал в позу, готовый в любую минуту броситься на обидчиков.

— Это же кошка! Гляди, как с дитем возится. Да еще с чужим. Сроду такого не видел, — воскликнул один из ребят.

— Не будем последнего топить. Видать, судьба ему жить, — решили ребята и разошлись по домам.

Вечером они рассказали о случившемся тете Лиде. Она кусочками свежей рыбы заманила драную кошку к себе на кухню и дала молока. Настороженно вела себя гостя только один вечер. На следующий день она уже ловила в чулане мышей и крыс. На кухне появлялась попить водички и потереться о ноги хозяйки. Когда женщина решила погладить кошку, та свернулась клубочком и, блаженно помурлыкав, заснула тут же на коврике.

— Надо же, даже такая дикая от ласки ручной стала, — растрогалась соседка.

Кошка и спасенный ею котенок навсегда поселились в доме тети Лиды.

БАНДИТ

Сажу на берегу реки и смотрю в ее быстрые воды. Странно она течет. За бугром плавно воды несет, а тут стремнина да еще «буруны» то здесь, то там. Никто не смог объяснить мне, как появляются эти странные воронки, попасть в которые и взрослому хорошему мало.

Услышала неподалеку веселые крики ребяташек. Подошла ближе. Пятилетние Колька и Ленка похваляются друг перед другом.

«Гляди, как я быстро плаваю», — говорит Колька, ползая по песку на коленках у самого берега. Иногда он взбрыкивает ногами, «утопая» лицом в воду, а, «вынырнув», долго старательно отплеывается и выясняет реакцию друга на проделанный номер. «Это что! Смотри, как я могу на спине плавать», — восклицает Ленка. Он яростно бросается в воду и, цепляясь длинными черными трусами за песок, старательно машет попеременно то руками, то ногами и, нахлебавшись воды, вскакивает, довольный своими успехами.

Прослышав про коварный характер реки, я не заходила в воду выше колена и с некоторым беспокойством смотрела на мальчиков. Но они находились в восторженном расположении духа. Их бесшабашное настроение передалось и мне. Я легла на траву и начала кататься по удивительно мягкому ковру луга.

Еще блаженно кружилась голова, когда я почувствовала что-то неладное в том, что происходило в воде. Подбежала. Мальчишек мотало в буруне. Коля и Леня, попав в промоину, делали невообразимые движения, пытаются залезть друг на друга. Сначала один оказывался сверху, подминая другого, потом выныривал второй, захлебываясь, цепляясь за трупы и волосы друга.

Оглядела берег. На вершине большого холма сидел «Баран» — местный бандит — и спокойно наблюдал за ребятами. Я взлетела на холм и, боясь приблизиться, закричала:

— Дядя, спасите ребят!

— Еще рано, не нахлебались. Уму-разуму учить надо на совесть, чтобы на всю жизнь запомнили, — ответил он спокойно.

Выдержав паузу, «Баран» неторопливо поднялся, как щенок, выволок пацанов из воды и бросил в траву. Придя в себя, мальчики не сразу побежали домой. Они долго молча лежали и глядели в небо.

— Теперь всю жизнь вам будет стыдно за то, что топили друг друга? Небось, друзья до гроба? — грустно усмехнулся спаситель, поднимаясь с земли.

— Когда вырастете, нечасто напрягайте память воспоминаниями, иначе вам все равно захочется что-либо забыть, — после некоторой паузы добавил он.

Ленька сел и беспокойно заерзал. Старый угрюмый человек в нескольких словах изложил суть горьких мыслей, одолевавших его после купания. Червь стыда больно покусывал в груди. Сомнение, раскаяние, непонимание совершенного ломило голову. Колька тоже сидел с открытым ртом, беспомощный, подавленный, отрешенный.

— Животный инстинкт самосохранения приказывал вам вцепляться мертвой хваткой. Не понимая, вы спасали друг друга. По одному давно бы утопили, — промолвил «Баран» и, тяжело ступая, направился в сторону города.

Мне показалось, что этот суровый человек во второй раз спасал ребят.

ШУТКА

К Лешиной компании пытался пристать Юрка с соседней улицы. Но почему-то не нравился он ребятам, и они прогоняли его. Но в этот раз, старший из нас Вадим, сам предложил Юрке сыграть в монетку:

— Ты прячь, а я буду искать. Найду, моя будет, — коротко объяснил он правило игры.

А Юрка, не будь дурак, ходил кругами, будто думает, куда спрятать денежку, а сам сунул ее в карман брюк. Вадик старательно приподнимал каждый камешек. И, хотя друзья давно подали ему знак, где лежит заветная монета, продолжал процеживать пальцами ног пыль на дороге. Вдруг он подскочил к Юрке и спросил:

— В рот засунул? Открой, покажи!

Юра послушно открыл рот. В следующий момент Вадим схватил горсть пыли и с размаху засыпал в рот Юрке. Громким смехом ребята оценили шутку своего друга. Но, увидев выпученные глаза мальчишки, задыхающегося, не способного вдохнуть-выдохнуть, испугались и стали шлепать его по спине. Откашлявшись, Юрка заорал так, что прибежала с огорода его мама. Она поймала «шутника» за шиворот и отвела домой. Вадкина мама сгоряча в полутьме сеней схватила, что попало под руку, и давай стегать сына ниже спины. Потом, услышав, что Вадик что-то уж больно громко орет, остановилась, вытолкала его во двор и тут обнаружила, что вместо веревки била сына кожаным ремнем от конской упряжи, конец которой был украшен металлическим уголком.

Остыв, она обняла сына и уже не сердитым голосом заговорила: «Ирод ты бестолковый, а если бы Юрка задохнулся? Что тогда? Доведут меня до могилы твои непутевые шуточки». Она вздохнула и в сердцах бросила ремешок на крыльцо. Вадим виновато

молчал. Ребята за плетнем тоже. Чтобы разрядить неловкую обстановку, я затарахтела:

— У нас в прошлом году первоклассники во дворе щебенкой кидались в круг, нарисованный мелом на заборе. Закончилось тем, что Сашке попали в висок, и он свалился без сознания. Но, пока звали медсестру, он пришел в себя. Вечером тот же Сашка сдуру залез в яму со строительным мусором. А старшеклассники не знали и устроили соревнование: кто с большого расстояния куском железного прута попадет в эту яму. «Стрелы» летели одна за другой. Когда ребята закончили обстрел, я подошла к яме и ужаснулась. Испуганный Сашка сидел, прижавшись к стенке ямы, и сосал пораненный палец.

Ребята молчали. Я поняла, что моя болтовня сейчас не к месту.

БАБУШКА МАРФА

Устроили ребята Ленке головомойку. Уж не знаю за что. Наверное, заработал. Шустрый больно. И вот бежит он, размазывая слезы по лицу, и кричит:

— Доберусь до вас, дайте срок!

Влетает он во двор — и к бабушке. Баба Марфа в сером фартуке, засучив рукава кофты за локоть, старательно месит тесто в белой деревянной дежке. Седые волосы выбились из-под белого платочка, лицо покраснело, бусинки пота текли по лбу и застревали в густых бровях.

— Кто обидел моего внука? — пробасила бабушка.

— Поколотили меня ребята ни за что ни про что, — хныча, доложился Ленка.

Бабушка, не торопясь, вытерла руки, прижала Ленкино заплаканное лицо к животу и концом каляного (грубого), заскорюзлого фартука утерла слезы внуку, приговаривая:

— Пройдут болячки и обиды. Все будет хорошо.

Я смотрела и удивлялась. Не сюсюкает с Ленкой бабушка, не ругает ни его, ни друзей, не бежит к родителям жаловаться, а мальчишка успокоился и уже без слез рассказывает бабушке про свои проделки и проделки ребят. Они вместе смеются. И все-то у них просто и хорошо, по-душевному, на равных. И нет больше обид, а есть радость и покой оттого, что бабушка рядом.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Скучая, хожу по улице. Остановилась у низкого Ленкиного плетня. Домик его стоит на холме, утопая в зелени. Лозы дикого винограда свешиваются с крыши и чуть вздрагивают на ветру. Леня сидит в пыли и что-то старательно выкладывает из камешков. Рядом пристроился на лавке с невозмутимой заботливостью его дед Тихон, восьмидесятилетний высокий, замшелый, сгорбленный старик. Он внимательно смотрит на правнука. А тот, утирая нос рукавом расстегнутой рубашки, все время поглядывает на него, ища одобрения. И я почувствовала удивительное душевное понимание между ними и огромную молчаливую любовь. У меня защипало в носу.

Бабушка позвала их вечерять. Ленка вскочил, отряхнул трусы, вытер ладони о голый живот и потянул деда за руку, помогая встать. Дед Тихон, кряхтя и улыбаясь внуку, поднялся и, опираясь на самодельную резную палку, направился во двор, где на столике уже стоял кувшин с молоком, горячая с пару картошка и миска со свежими, с желтыми цветками, огурцами.

Мое внимание привлек неприятного вида старик. Он медленно брел, цепляясь за Ленкин плетень.

— Наверное, пьяный, — оценила я походку старика.

Бабушка Марфа в это время спустилась с внуком в подвал. Старик подошел к деду Тихону, сел рядом и стал что-то зло выговаривать. Я смогла расслышать: «...Рассчитаться пришел с тобой за Марфу... Должок старый... Смолоду я был не промах, но ты... — говорил, шамкая, незнакомый старик. «Необуздан ты по пьяному делу и глуп. Опять разошелся?.. Прошлое быльем поросло. За шестьдесят лет мог бы и угомониться...» — отвечал ему дед Тихон.

Я вся напряглась, не понимая, чем может закончиться такой странный разговор. К столу подбежал Ленька и тоже застыл на месте. Дедушка Тихон сидел неподвижно и напряженно. Вдруг улыбка пересчитала морщинки на его лице, и он сказал:

— Андрей, оглянись.

Тот медленно повернулся. За ним, с вилами наперевес, стояла дородная Марфа, единственная любовь всей его жизни.

— Спиной, что ли, увидел? — забормотал дед Андрей.

— Я свою благоверную за версту чувствую. И она меня, — добавил дед Тихон.

Дед Андрей понуро пошел со двора, сердито бормоча:

— Всю жизнь оберегает его, не дает поквитаться. И чем присушил?

Старики с Леней сели ужинать, будто ничего не произошло, а я пошла дальше.

КОЛЬКА

В деревне детей пускают на любые фильмы, кроме тех, что «до шестнадцати», потому что кино привозят только по субботам и только взрослое. Зажав деньги в кулаки, стоим в очереди около дома культуры. Впереди меня Колька, друг Леньки. Он ерзает от нетерпения, переминается с ноги на ногу, предвкушая удовольствие. Нечасто выделяет ему дед мелочь из скудного бюджета. Колька как всегда голопузый, грязный, в трусах до колен.

К большим девочкам подошел высокий симпатичный мальчишка и принялся развлекать их веселыми историями. Неожиданно он быстро наклонился и спустил Коле трусы, оголив ослепительно белый тощий зад. Девчонки засмеялись. Колька, пытаясь надеть трусы одной рукой, окончательно запутался в широченных складках. Справившись с одеждой, но не справившись с чувством стыда, он подлетел к обидчику и, сколько в нем было силы, вложил в тот единственный удар, которым хотел погасить обиду. Долговязый небрежным движением уклонился, и маленький кулачок с ободранными о кирпичную стену костяшками пальцев покрылся красными полосками. Кровь мелкими гвоздичками усыпала беленный известкой фундамент. Колька взвыл, потом сжал зубы и медленно побрел к дому. Девчонки неодобрительно глянули на обидчика и отвернулись от него.

В кино Коля не пришел.

ЯЙЦО

Коров здесь пасут семьями. Пришла очередь отцу Леньки выполнять общественную обязанность. Собрала жена корзинку еды, и в пять утра он уже стоял у края яра с хлыстом и собакой. Белые с рыжими пятнами коровы неторопливо шли по сонной улице. Они сами знали дорогу на луг.

Часов эдак в десять, вдоволь отоспавшись, Ленька отправился помогать отцу. Поиграл с Шариком, заглянул в провизию, поучился бить о землю хлыстом. Но, ударив себя по голым лодыжкам, бросил неинтересное занятие и спустился в яр, где тек прозрачный, студеный ручей. Яр был глубиной метров тридцать. К этому времени солнце уже искрилось в изгибах струй и полностью поглотило утренний сумрак правого склона. Другая, теневая, сторона отдавала сыростью подвала, жгла ноги холодными брызгами росы. Леня по камням перебрался на солнечную сторону и занялся любимым делом —

поиском красивых, хорошо отшлифованных камешков. Правда, в воде они казались более яркими и сказочными. Но и высохнув, оставались для него привлекательными, загадочными. Он выкладывал из них на ровной песчаной площадке волшебные города и замки, а потом представив себя древним рыцарем, громил «полчища врагов», разбивая их «разноцветное» войско в пух и прах.

Навоевавшись вдоволь, Леня отправился к отцу. Вдруг нога соскользнула с булыжника, и он, упав в ручей, расшиб колено. Но боли не почувствовал, потому что в этот момент увидел шагах в десяти странный камень очень похожий на яйцо. Леня сразу выделил его среди многочисленных «голышей». Он отличался ярким белым цветом и правильной формой. Камень как магнит притягивал к себе. Но Леня не торопился подходить. Осторожно, будто боясь спугнуть интересную находку, он подбирался к заворожившему его камню. «Если это яйцо, то рядом должна быть птица, которая стережет и защищает его, — подумал он, с опаской оглядывая окрестности. (Яйцо больше гусиного, значит, и птица должна быть крупная)».

Убедившись, что поблизости нет огромной загадочной птицы, Леня с трепещущим от волнения сердцем вытащил яйцо из воды. Тяжелое. Поверхность на ощупь как у настоящего яйца. Вот острый носок, вот тупой. Покатал яйцо в ладонях. Потряс. Внутри затарахтело. От этого неожиданного звука Леня остолбенел. Обычно в яйце содержимое чуть-чуть колеблется. Чему в нем греметь? Масса фантастических предположений вихрем пронеслась в голове: «Оно с Луны свалилось? Яйцо древней птицы? Динозавра?» «А может, это яйцо Кощея Бессмертного?» — с ужасом подумал Леня и даже вздрогнул от страшной догадки. Немного успокоившись, он осторожно постучал яйцом о камень. Разбивать не хотелось. Ведь такого чуда нет ни у кого из друзей! «Но как-то я должен узнать, что внутри него?» — задумался Леня.

Любопытство пересилило. Много камней перетаскал он на площадку, прежде чем яйцо расколосось на три части. Скорлупа была толщиной в два пальца, а внутри находились твердые белые, правильной формы гладкие кубики, каждый из которых помещался в своей ячейке. Их было семь. Леня трижды пересчитал. Чего только не представлял он себе внутри яйца, но такого не ожидал, и был сражен. Он смотрел на кубики и не мог понять, зачем они здесь? Как попали сюда? Почему желток яйца превратился в кубики?

Странное чувство охватило Леню. Не только радость. Удивление! Но не простое, а головокружительное, волнующее, невообразимо потрясающее, переходящее в сумасшедшее возбуждение! Леня не представлял, что удивление чем-либо особенным может быть ярким как вспышка молнии, а еще длительным и очень приятным. Восхищение странной находкой стало для него великолепным, радостным потрясением. В нем проснулось новое, безотчетное, до конца неосознаваемое, большое и важное желание познавать. Он понял, что нашел и открыл что-то таинственное, и был счастлив. Теплая волна восторга сотрясала его худенькое тело.

Собрав все «запчасти» в майку, Леня помчался наверх. Находка заинтересовала отца. Он пробовал яйцо на зуб, на вкус, тщательно изучал кубики, ячейки и при этом тоже выглядел взбудораженным.

Вечером того же дня отец Лени ходил по улицам деревни, показывал экспонат старикам, учителям и все расспрашивал, не встречалось ли кому-либо нечто подобное, и не знают

ли старожилы объяснения удивительной находке? Старики говорили о леднике, притащившем огромные камни из Финляндии, о загадочном болоте, но про яйцо сведений у них не было.

На следующее утро отец Лени заклеил яйцо изоляционной лентой и повез находку в музей института, где учился на историческом факультете. Ученые не пришли к единому заключению. Одни говорили, что это хорошо выполненная древняя игрушка. Другие утверждали, что «...загадочное темное его происхождение, что далеки они от понимания этого феномена. Разгадка пока за пределами наших знаний. И надо сохранить яйцо для будущих поколений».

Леня ходил гордый, тем что «внес огромный вклад в науку». Все его мысли были заняты желанием разгадать тайну яйца. А еще ему захотелось много-много знать и много понимать. Теперь он во всем видел интересное, важное. Что такое дерево? Это живой насос, который умудряется воду из земли доставлять к самой верхушке. А самолет летит потому, что построен по природным законам полета птицы. А цифры — не крючки, а загадочные сказочные фигурки, с помощью которых можно управлять всем миром.

И в понимании ранее неизведанного было для Лени столько радости и счастья!

НЕУДАЧНЫЙ НАБЕГ

Новые подружки рассказывали мне, что весной они сначала обрывают у себя в садах крыжовник. Он первый становится «условно съедобным». Размером с горошинки, еще не успев в достаточной степени накопить кислоты, он попадает им за пазухи. Не пугают девочек занозы на ладонях от острых колючек крыжовника и кровавые царапины на руках до локтей! А когда крыжовник заканчивается, приходит пора браться за самые ранние сорта яблок: белый налив, сахарный аркад и коричное.

В этот раз девочки присмотрели сад одинокой старушки Леонтьевны.

— Сомнительное удовольствие — воровать. Вам не жалко бабушку? — спросила я озабоченно.

— Она жадная. Для нее лучше пусть все сгниет, чем чужих детей угостить, — ответила за всех Тамара.

Меня еще мучили сомнения, но любопытство уже пересилило, и я согласилась на предложение девочек составить им компанию. Злая дворняжка, привязанная у калитки, ведущей в сад, честно несла свою службу, поэтому мы сначала перебрались через плетень в соседний двор, а уж из него полезли на сарай Леонтьевны. Он сколочен из кусков старых бревен и досок. Взобраться по торчащим обрезкам на крышу не стоило труда. Малыши быстро перемахнули через соломенную крышу, но прыгать с нее побоялись и притихли, ожидая нас.

Но тут случилось непредвиденное: гнилой камыш под Верой обрушился, и она застряла между стропилами. Расшумелись потревоженные куры-несушки. Залаяла собака. Испуганно засопели малыши. Вера попыталась высвободить ногу и провалилась в сарай. Ей повезло: платье зацепилось за толстую жердь поросычьего загона, и она повисла на высоте двух метров от земли. Леонтьевна вышла из хаты, сердито бурча себе под нос, осмотрела двор, заглянула в сарай и опять ушла в сенцы. Вера была ни жива, ни мертва. «Тамара, — позвала она, — спасай». Подруга вытащила Веру, и мы начали спускать маленьких на землю. Опять собака натянула цепь до предела. Но сад был заросший, и огромные лопухи надежно скрыли нас от бдительного сторожа.

Шли медленно, гуськом, пригнувшись чуть ли не до земли, чтобы не шуршать ветками. Когда, наконец, выпрямились у знаменитого сахарного аркада, то увидели непонятно откуда взявшегося огромного седого взлохмаченного старика с толстой клюкой, в белых домотканых штанах и рубахе, подвязанной веревкой. От неожиданности замерли на месте. Пришли в себя только, когда старик замахнулся страшной палкой. Самые маленькие закричали: «Привидение!» И бросились врассыпную. Под ногами хрустели огурцы, царапал босые ноги огуречник, брызгала соком завязь ранних помидоров. Не помню, как преодолели сарай и плетень. Будто неведомая сила подняла нас вместе с

малышами и перебрала через препятствия.

Опомнились на улице, когда свалились в траву-мураву. Первой пришла в себя Вера. Вскоре и остальные дружно катались по траве, икая от хохота, вспоминая подробности неудавшегося набега. Я улыбалась, глядя на подруг, и вдруг поняла, что не умею хохотать, испытывать бурной радости. Что-то веселое шевелится внутри, но никак не может пробиться наружу. Я представила себя одинокой далекой ночной звездочкой, которая хочет приблизиться к теплой солнечной стране счастливого детства, но ей проще уходить вдаль, в неведомое сказочное царство белых облаков.

— Почему вы так испугались старика? — спросила я успокоившихся наконец девчонок.

— Я боялась, что дед поймает меня и к папке ответит. Он у меня очень уж строгий. Как глянет, так я осиновым листком дрожать начинаю, — сказала Тамара.

— А я как представила, что дед держит меня за ухо и «обхаживает» крапивой по голой попе, так откуда и силы взялись. Бегу, спотыкаюсь, ничего перед глазами не вижу. Ветки стегают, а я боли не чувствую, — объяснила Вера. (Папу не боюсь. Он меня любит. Мамка скорее мокрым полотенцем обогреет.)

— А я не успела испугаться. Все бегут, и я побежала, — сказала самая маленькая, Катя.

— Меня кто-то тащил так быстро, что ноги не доставали земли. Я вроде бы летела.

— А ты боялась? — спросила меня Вера.

— Да. Но страх был непонятный. Я не успела ничего сообразить, только стыдно стало перед стариком. Он и впрямь, как привидение появился из-за кустов. Может, даже как святой или волшебный странник. Старик какой-то особенный, богообразный, как с картины в церкви.

— Разве наш страх — настоящий? Вот учительница из второй школы на самом деле натерпелась, сидя в колодце, — засмеялась Тамара.

— А кто ее туда засунул? — удивилась я.

— Сама влетела.

— Расскажи, — попросила я.

— Этот случай у нас на селе в прошлом году произошел. И смех и грех — так говорит моя бабушка. Учительница старших классов купила себе кроличью шубу. Дорогущую! Ни у кого в наших краях такой шубы не бывало. Муж учительницы — директор пищевого завода. В ту пору взяли они из соседнего села девочку в няньки к сыночку. Так вот, сидит Нина Еремеевна на педсовете, а у самой голову мысль сверлит: «А вдруг нянька шубу заберет и сбежит». Вроде и глупая мысль, а все равно роится в голове, беспокоит. В общем, к концу педсовета совсем извелась учительница. Как только закончилось совещание, бросилась она домой. На улице темень, хоть глаза выколи. Бежит она по тропинке, что возле домов вьется, спотыкается об штакетники палисадников. В ракитовый куст так врезалась, что еле выпуталась из густых зарослей. А в конце улицы — низкий деревянный колодец. Нина Еремеевна не заметила, как на сруб с разбегу влетела и, как лягушка, бултых в воду! Колодец-то глубокий, метров десять будет. Повезло бедняге, ничего не сломала. Только жуть как перепугалась. К тому ж октябрь был на дворе. В пальто уже ходили. Так вот, плавает она там, а сама покрикивает: «Помогите!» На тот случай возвращался домой пьяный Михалыч. Услышал крик из колодца и подумал, что нечисть ночная стонет. Испугался, но из любопытства тихохонько подобрался к срубам и слушает. А оттуда опять: «Помогите!» Тут он узнал голос учительницы, перекрестился и спрашивает: «Вы ли, уважаемая или я спяну бредить стал?» А она ему: «Спасите, миленький, погибаю». Разбудил дед людей, что у колодца жили. Те кинули учительнице веревку. Обвязалась она и, слава богу, кое-как наверх выбралась. Завернули ее, бедную, в одеяло и домой проводили.

— А шуба? — спросила я.

— Что ей сделается? Только вот Нина Еремеевна воспаление легких тогда схватила.

— А у нас... — начала Вера.

Но мне недосуг их слушать. К бабушке Нюре пора.

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОРОВСТВО

На следующий день Лешины друзья позвали меня «навести шорох» в садах. Я замялась:

— Можно я посмотрю, как это делается?

— Ладно, на атасе постоишь, раз трусишь. Так даже сподручнее, — деловито сказал искушенный в ребячьих забавах Вадик.

— Не трушу. Жалко, ведь. Взрослые, наверное, надеются урожаем продать или сделать на зиму запасы, — промямлила я, закусив губу.

— Ты все-таки чудная, — подвел итог моим сомнениям Леша.

Ребята долго и восторженно разрабатывали детали нападения, способы отхода с поля «боя» в случае неудачного «визита», а потом с победным криком налетели на полусгнивший плетень объекта. Когда преграда была преодолена, они, как саранча, набросились на деревья. Одни трясли молодые деревья, другие повисали на ветвях старых и с хохотом осыпали друзей градом фруктов. Быстро собрав яблоки за майки, ребята с еще большим шумом вернулись назад. В яру высыпали добычу на землю и начали пробовать урожай. Вкусных яблок не оказалось. Все озимые. Пошвыряв ими в цель, нарисованную на камне мелом, друзья, довольные собой, разошлись по домам. А я подошла к Леше и, терзаемая чувством раскаяния, спросила:

— Почему ребята как-то странно воруют?

— Чудачка! Они не воруют, а развлекаются. Пацанам нужны сражения, нападения, атаки. Они без этого не могут.

— Пусть грядки копают, если силы некуда девать, — упрямо возразила я.

— Это неинтересно, — рассмеялся Леша.

— Но эти «походы» глупые и вредные, — не унималась я.

— Да ладно тебе! Не так уж велики потери в садах. Зато удовольствия сколько! Будет что вспоминать зимой. Какая жизнь без приключений!

— Так можно почитать про них, — осторожно предложила я.

— В книжках переживаешь чужие радости, а хочется своих. Ты же любишь по деревьям лазить?

— Еще как!

— А нам нравится играть в войну.

— Я тоже люблю, особенно если на саблях драться.

— Ну вот! Даже ты, девчонка, любишь кое-что из нашего «арсенала». А про чужие запасы на зиму не волнуйся. Ребята по очереди устраивают нападения на свои сады.

От этого признания я совсем растерялась. Не понимаю мальчишек!

БОДУЛИНА ПЛОЩАДКА

Вечером того же дня Вера, Тамара, я и еще какие-то незнакомые ребята пошли играть в лапту на Бодулину площадку. Всем понятно, что для игры нужен простор. Пацаны давно приметили ровное место напротив дома трех незамужних сестер Бодулиных. Женщинам было под сорок. Жили они одной семьей тихо и замкнуто. И никто не знал, когда они находились в доме, а когда на соседней улице, у матери. Ребята начинали игру тихо,

выжидая, не выскочит ли кто из ворот дома. Выманивали теток из дому. Если ничего не предвещало опасности, они, уже не сдерживая эмоций, носились за мячом. Но если вдруг выбегали толстые женщины с палками, то тот, кто не успевал увернуться, получал приличные затрещины куда ни попадя.

Сегодня игры не получилось. Только мы ступили на запретную полосу, как из калитки сначала просунулись крупные узловатые натруженные руки, потом выглянуло круглое красное лицо в светлом платке, которое тут же не преминуло разразиться бранью: «Вот задам вам! Век будете помнить!» Ну и так далее. Пришлось отойти в посадки и сесть на пеньки, чтобы обсудить дальнейшие планы. Все сходились на том, что свет не видывал таких несносных противных теток. Вдруг Ленька, подтянул штаны и солидно произнес:

— Земля у нас общая. Не имеют они права нас прогонять, да еще лупить! Давайте прочим злюк?

— Как? — в один голос спросили остальные.

— Видите ли, у этих теток крыльцо из трех ступенек и не прибито к коридору. Его можно отодвигать или совсем убирать, — четко по-солдатски доложил «разведчик» Леня.

— Почему оно такое? — удивилась я, надеясь услышать разгадку таинственной истории.

А услышала житейскую прозу:

— Может, потому что мужицких рук нет в доме или для удобства так задумано было. Почем я знаю? Давайте уберем крыльцо вечером, когда стемнеет, а сами в окно постучим. Тетка выскочит и свалится. Вот смеху будет!

— Пока от окна отскочишь, она тебя поленом влет достанет, — засомневался практичный Вадим.

Между тем, я тоже попыталась предостеречь Леню от необдуманного поступка. Даже толковала о жалости. Бормотала неуверенно и невнятно вроде того: «Мне кажется, было бы всем нам приятней договориться по-хорошему. Вместе с тем, я понимаю вас. Не сомневаюсь, что если я начну переговоры, они поймут нас...» Но одобрения мальчишек не получила. Азарт уже охватил их горячие головы. А Леня, оскорбленный и обиженный моим недоверием, продолжал разворачивать свой план действий.

— Я стучать буду издали, как мой брат свою невесту на улицу вызывает, — с вызовом поглядывая в мою сторону, докладывал он.

— Как это? Как? — шумно заинтересовалась вся компания.

— Очень просто, — солидно изрек малыш, довольный вниманием старших товарищей. — Брат привязывает к окну резинку или толстую нитку с пуговицей, а сам прячется за куст сирени и дергает. Пуговица стук да стук. Верное дело!

— Согласен, чур я первый, — сказал мальчишка, которому больше всех «влетело» от старух во время последней игры. — Я не уберу крыльцо, а немного отодвину от стены. Ох, долго они будут помнить мои шишки!

Так они и сделали. На первый стук тетка выглянула в окно и, услышав детский смех, выругалась. На второй — приоткрыла дверь и пригрозила оторвать хулиганам ноги. На третий — дверь дома с грохотом отворилась, и в полной темноте раздался вопль. Мы, как стая испуганных воробьев, разлетелись в разные стороны.

Больше никто не прогонял ребят с площадки. Но мне все равно неловко вспоминать эту историю. Может, потому, что от теток не доставалось?

«У этих толстух, наверное, довольно своих трудностей, а тут мы им еще добавили... Когда участвую в проделках, не получается у меня жить в мире со своей совестью. У каждого она своя, не подчиняется большинству», — переживала я.

СЕСТРЕНКИ

Мы играем с Тамарой около дома Веры в мяч. У меня никак не получается поймать его после удара о стену сарая. Подружка терпеливо учит меня и хохочет над тем, как я в азарте падаю в пыль.

— Замри! — вдруг крикнула она.

Я остановилась.

— Слышишь, кто-то скулит во дворе у Веры?

— Ничего не слышу, — ответила я.

— Ребенок плачет. У меня на детские слезы ухо остро. Когда братик хнычет, я даже ночью просыпаюсь. Пошли глянем.

— А можно без разрешения в чужой двор входить?

— Мы же не воры, — пожала плечами Тамара.

— Из дома звуки идут, — забеспокоилась моя подружка.

Вошли в коридор. Прошли сенцы. Открыли дверь чулана. Ляда (творило, крышка) подвала открыта, и оттуда доносится сопение и хлюпанье.

— Кто здесь? — тревожно спросила Тамара.

— Помогите! — истошно, с эхом, закричал детский голос.

Мы нырнули в подвал. На цементном полу горела керосиновая лампа. Лена, средняя сестричка Веры, лежала животом на краю высокой узкой бочки вниз головой и, болтая ногами, пыталась что-то достать изнутри. Мы заглянули в бочку, а там на самом дне — Катя. Она выныривала из рассола, отплевывалась и, взывая от рези в глазах, упрашивала вытащить ее из проклятых помидоров. Но сестра никак не могла дотянуться до нее. Тамара сняла Лену, залезла на бочку и приказала: «Держите меня за ноги, да покрепче!»

Вскоре любительница соленых помидоров, выкупанная и переодетая, лежала в постели и промывала глаза слезами, а мы смеялись над нею вместе с ее сестренкой.

Когда пришла Вера, девочки дружно заревели, уговаривая не сообщать об их шалости родителям. Мы успокоили их. Но Вера для острастки все-таки отшлепала обеих, укоряя:

— Ну, ни на минуту нельзя вас оставить! У меня не сестры, а божье наказание!

Успокоившись, Вера предложила нам поиграть в прятки. По считалочке водить досталось Тамаре. Я растерянно шарила взглядом по незнакомому двору, отыскивая удобное место, чтобы «схорониться», как говорили мои подружки. Тамара быстро нашла Катю. А я залезла на крышу и долго наблюдала за безуспешными попытками найти меня. Потом не выдержала, засмеялась и сразу выдала себя. А Веры и Лены нигде не было. Стали искать их вместе. Осмотрели все углы двора и дом. Тома не на шутку заволновалась:

— Странно. Вера не могла уйти, не предупредив нас. Куда она подевалась?

Мы стали звать подруг, просить их откликнуться. Тут в дом вбежала Катя, влезла на сундук и пролепетала весело:

— Мышки в сундуке больше не скребутся.

Тамара вдруг побелела, смахнула Катю с сундука и, сбросив петлю с ушка, открыла крышку. Перед нами, запутавшись в старых вещах, неподвижно лежали Вера и Лена. Платья на груди девочек были разорваны, лица оцарапаны.

Катя с ревом бросилась к сестрам. Вера прерывисто задышала и затряслась всем телом. Когда она окончательно пришла в себя, то, еле шевеля губами, произнесла: «Сама захлопнулась». И заснула. Мы сидели рядом на полу и по очереди вставали слушать ее дыхание. Лену увезли в больницу.

То ли Катюша по глупости накинула петлю, а потом забыла, то ли петля защелкнулась сама, когда девочки опускали крышку, — кто теперь скажет правду? Да это сейчас и не важно. Главное — девочки живы остались.

ПОЖАР

Старшие дети днем заняты по хозяйству, поэтому я скучаю во дворе одна. Бабушка не разрешает мне возиться на огороде, потому что я гостя. Правда соседка заметила скороговоркой:

— Хорошие гости три дня гости, а потом наравне с хозяевами за работу берутся.

Но бабушка Нюра имела свое мнение:

— Пусть детка помнит деньки, проведенные у меня, как праздник, а со своими делами я пока сама способна управиться. Вот если бы она осталась у нас жить, то я приучила бы ее ко всему.

Прибежала Катя и позвала меня к себе играть в куклы. Мы подошли к хате с чистеньким двориком, окруженным новым, еще не покрашенным штакетником. К хате вплотную примыкал маленький сарайчик, на крыше которого находился шалаш. Он построен из ореховых жердей, аккуратно обложенных сверху ветками и травой.

— Вчера шалаша здесь не было, — удивилась я.

— Это мой папа придумал поставить его на крышу, потому что на земле я простужаюсь», — объяснила мне Катя скороговоркой.

Внутри шалаша на старом одеяле разложены тарелки и блюда с отколотыми краями, самодельные тряпичные куклы и много бумажных, с разнообразными комплектами одежды. «Бумажных кукол мне делает Вера. Давай их на бал наряжать? А потом приготовим «обед», — предложила Катя. Я с интересом занялась незнакомой игрой. Если наряд не очень нравился, мы тут же рисовали на нем узоры или вырезали новые модели. Этим можно заниматься целый день, но бабушка позвала меня обедать. Я быстро похлебала борща, выпила молока и опять побежала к Кате.

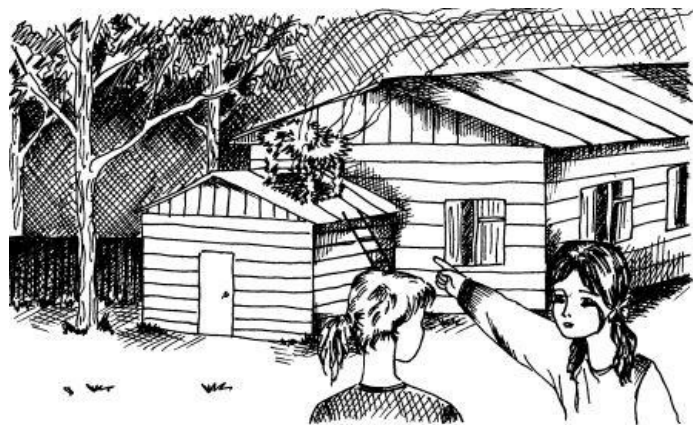
Уже издали увидела, что из шалаша валит дым, и красные языки пламени трепещут над пучком рогатых жердей. Вбежала во двор. Чумазая Катя кружкой черпала воду из ведра, стоящего у крыльца, и мчалась на крышу.

— Пожар! — завопила я со страху.

— Не кричи, а то мне влетит, — остановила меня Катя.

— Глупая, если хата сгорит, тебе еще больше достанется.

— Ой, а там Вера с Леной спят! — вскрикнула Катя и зарыдала.

Соседи уже бежали со всех сторон. Они быстро загасили пламя. Когда суматоха прошла,

Вера стала искать Катю. Но ее нигде не было. Голос Веры задрожал, она побелела и полезла на крышу сарая. Там она разгребла пепел, заглянула через прогоревшую дыру внутрь. Потом спустилась во двор и, плача, позвала:

— Катенька, откликнись, я не буду тебя наказывать.

Откуда-то с неба послышался тихий голос:

— Боюсь.

Все подняли головы и увидели Катю на самом верху огромной груши. После долгих уговоров и обещаний, она спустилась. Вера обняла ее и давай целовать в обгоревшие брови и чубчик.

— Почему загорелся шалаш? — спросила я.

Катя, размазывая пепел по лицу, начала рассказ:

— Играла я гуттаперчивым (резиновым) пупсиком. А у него почему-то дырка в голове. Я зажгла спичку и зачем-то сунула ее внутрь пупсика. А он мгновенно вспыхнул. Я со страху выронила его. Когда шалаш загорелся, я поливала его из кружки, а потом садилась на коленки и дула на огонь.

— Зачем? — удивилась Вера.

— Думала, что так смогу потушить огонь, сдуть пламя. Я очень испугалась.

Вечером пришли родители. Мама не ругала Катю, только просила никогда больше без спросу не брать спичек. А папа взялся за голову и пробормотал:

— Слава Богу. Все живы. Легко отделались.

Вера сидела на крыльце, низко опустив голову. Мама подошла к ней. Вера подняла заплаканные глаза и тихо сказала:

— Я уложила Лену и Катю на послеобеденный сон и не заметила, как сама заснула.

— Я не спала, притворялась. Мне хотелось на крышу, — без доли лукавства пояснила Катя.

— А как спички у тебя оказались?

— Взяла на печке.

— Зачем?

— Чтобы ежика сделать из хлебного мякиша. Не бывает ежиков без иголок. Ты что, не понимаешь?

— Понимаю, — вздохнула Вера.

Мама вдруг заплакала. Папа усадил ее на крыльцо, обнял и принялся успокаивать. Соседи стали расходиться по домам.

Глава Третья

ЗООПАРК

Вернулась в город. Жизнь потекла обычным руслом: улица, парадное, квартира. Сегодня ребята нашего двора пошли в зоопарк. Я попросила у деда денег и догнала друзей. Начали обход с обезьян. В первой клетке маленькая обезьянка, по-старушечьи сложив ручки на груди, грустно смотрела на шумные стайки ребят. Когда я приблизилась, она приподнялась, взялась за прутья и уставилась на меня немигающими, тоскливыми глазами. Чего она хочет? Еды? Просит выпустить ее из заточения? Отошла от клетки в смятении. Обезьянка продолжала смотреть мне вслед.

Впереди послышался громкий смех моих друзей. Подхожу. Вовик хнычет и зовет работника зоопарка. Оказывается, он дразнил животных конфетой, но так и не отдал ее. Ему понравилось, что обезьянки играют с ним, и позволил проверить содержимое своих карманов. Но тут же оказался без куртки. Одна взрослая обезьяна нашла конфету и сразу съела. А подружки старательно обнюхали куртку и, ничего не обнаружив, принялись ее «футболить» и рвать. Служитель прогнал зверушек и вернул одежду ревущему мальчику. Но этот случай ничему не научил Вовика. Когда мы подошли к бурым медведям, он замахал авоськой перед их мордами. Один зверь просунул лапу в квадрат металлической сетки ограждения, мгновенно схватил ее и резко потянул на себя... Если бы шелковые нити авоськи не соскользнули с пальцев, быть бы Вовке без руки.

Служитель взял нашего товарища за шиворот и со словами: «Не хочу за хулигана в тюрьму садиться», — вывел его за ворота зоопарка.

Мы притихли и уже не галдели у клеток, а чинно и спокойно осматривали зверье, опасливо поглядывая в сторону служителя.

ФУТБОЛИСТ

На соседнем дворе ребята играли в футбол тряпочным мячом. Игра проходила жестко, отовсюду неслись грубые крики. Особенно часто звучало незнакомое мне слово «мазила». Ребята называли друг друга только по кличкам. Вратарь, круглый и прыткий, ни минуты не стоял на месте. Пританцовывая, он легко брал верхние, угловые и сильные, прямые, как выстрел, мячи.

Мое внимание привлек крепкого сложения темно-русый мальчишка со свирепым выражением лица. Верхняя губа у него была разрезана надвое и неровно срослась, оголяя крупные белые зубы. Мальчик без устали носился по площадке, сбивая «противников» с ног. Он был самый сильный, ловкий и самый грубый. Когда захватывал мяч, то вел его, не уступая никому. Я поняла, что он капитан команды. Мальчишка приблизился к воротам противника, и тут я обратила внимание на его ноги. О таких говорят: «мяч проскочит». Широкие брюки не могли скрыть их кривизну. Но больше всего меня поразило то, что бегал футболист на вывернутых ступнях.

Мальчик вдруг остановился и долгим взглядом посмотрел на меня. Он с напряженным интересом ждал моей реакции. А я смотрела на него и почему-то не могла уйти. Лицо незнакомца на мгновение сделалось мягким. В глазах мелькнули боль и страх. Но он переборол себя и опять сделался непроницаемым, жестким. «Он хороший. Злым представляется, чтобы его боялись и не дразнили, — подумала я. — Он так защищает себя от плохих людей».

Наконец, я пересилила себя и ушла с площадки. Спрятавшись, продолжала смотреть на мальчика через дыру в заборе. А он будто чувствовал, что за ним следят, и все время поворачивал голову в мою в сторону.

Я представила себя Дюймовочкой, а мальчика — бедным, несчастным, заколдованным принцем. Где бы найти добрую волшебницу, чтобы снять с него злое проклятье?

Кому хуже? Мне тогда, в деревенском детдоме или ему сейчас? Мои беды прошли. А его останутся с ним навсегда. Смогла бы я дружить с этим мальчиком? Почему появилась

такая мысль? Наверно, потому что жалко его.

ПРО ЛЮБОВЬ

Домой идти не хочется. Брожу по улице, рисую на пыльной дороге. На лавочке у магазина сидят дети разного возраста и болтают. До меня долетают отдельные фразы.

- Что больше любишь, конфеты или игрушки?
- Конфеты. Игрушки можно сделать самому...
- А что такое любовь? На каком уроке ее проходят?
- Дурочка, на перемене, — засмеялась старшая девочка.
- Любовь — это щемящее чувство, после которого хочется есть.
- Тебе после всего хочется есть...
- А почему папа с мамой спят вместе?
- Мы с сестренкой тоже на одной кровати спим. Теплее и веселее.
- Галя, объясни, ведь чтобы ребенок появился на свет, родителям достаточно одну ночь вместе поспать?
- Достаточно. Соседка говорила, что матерей-одиночек дразнят: «Мать-одноночка».
- А зачем же тогда родители всегда вместе спят?
- Так теплей же.
- Нет, видно, им приятно, — сказала грустная девочка лет десяти.
- Чего там приятного! Мои родители вечно в постели ругаются, и я заснуть не могу. Просто тесно, когда две кровати, и стирать маме меньше...
- А когда папа с мамой ругаются, я не могу выбирать между ними...
- А моя бабушка Маня родилась до революции, когда еще динозавры были, — заявил мальчик лет пяти...
- А через сто лет будут люди?
- Будут.
- Не хотела бы я дожить до ста лет.
- Почему?
- Мне будет очень одиноко...
- Ушами чувствовал, что влюбился, но ошибся.
- Надо было носом чувствовать...
- Я в 10 лет влюбилась в рыжего смешного мальчишку. Страдала, плакала по ночам. А теперь не могу понять, как такое могло со мною случиться?..
- Раньше дедушка с бабушкой на кровати только спали, а теперь они на ней уколы друг другу делают...
- Папа сказал, что настоящие мужчины на дороге не валяются, а лежат на диване...
- И почему с каждым годом Дед Мороз все жаднее? Он меня меньше любит?

- Наверное, ты непослушный или игрушки ломаешь...
- А сегодня вон там, у горизонта, над заводом красивые сиреневые облака. Ты замечаешь, как иногда бывает красиво вокруг?
- Да.
- Давно?
- Не знаю. Тогда я был с мамой в деревне. Утром вышел на крыльцо, а вокруг яблони цветут. И солнце лучистое. Мне стало приятно. Потом вышла во двор моя сестренка Полина. Увидела белый сад и начала кружиться от радости, пока не упала. А потом целый день пела.
- А про что?
- Не знаю. Она еще не умела говорить, как я.
- А почему ты думаешь, что она от радости?
- Она всегда танцует, когда папа с работы приходит...
- Ты бегаешь в школе на переменах?
- Нет, я хорошо воспитана, потому что маму люблю.
- А наш кот Кузя человечней моей учительницы...
- А старые любят?
- Наверное, нет.
- Старые люди только внуков любят. Мне бабушка все время носит конфеты и зайчиком называет.
- А моя бабушка совсем как не бабушка. Она молодая и работает.
- У меня два дяди моложе меня, им по 6 лет. Когда они приходят к нам в гости и дерутся со мной, то кричат: «Эй, тетка, не реви». А я злюсь. Они вдвоем меня побеждают. Не любят они меня.
- Зря злишься. Они просто не понимают, что ты девочка и играют с тобой, как с мальчишкой, — возразила старшая девочка...
- Мама говорила, что недавно судили дядю за то, что он от любви тетю убил.
- Такое не может быть. Вот я люблю свою кошку. Я же не могу ее убить? Не любил тот дядя. Обманщик он...
- Подскочил Колька с нашего двора, свалил меня подножкой, и мы клубком покатались по асфальту. Я оседлала обидчика. Потом мы отряхнули друг друга, и пошли в разные стороны.
- Шуршит ветер, щебечут воробьи, покрикивают бабуси, торгующие на углу семечками... Хорошо!

ПЕРВЫЙ УРОК В НОВОЙ ШКОЛЕ

Оля привела меня к пятиэтажному зданию из красного кирпича. Это моя новая школа. Двор запружен детьми всех возрастов. По указателю быстро нашла 2 «А» класс. Ребята меня сразу заметили и приветствовали легкими толчками в бок. Я отвечала тем же. Вдруг все напряглись и затихли.

- Наша идет, — услышала я сзади тревожный шепот.
- Чего испугались? — удивилась я.

— Она у нас «завучка». Гроза школы!

Я закрутила головой, пытаюсь угадать учительницу. В направлении нашего класса решительным шагом двигалась высокая, полная, черноволосая женщина. Лицо без шеи переходило в плечи. От тяжелого взгляда черных глубоко посаженных глаз мне стало не по себе. «Бизониха», — мелькнуло в голове.

Учительница увидела меня, изобразила подобие улыбки и сказала:

— Уже шестой врач среди моих родителей. Будет, кому меня лечить.

Как самую маленькую, меня посадили за первую парту. Урок начался с проверки умения читать.

— Сейчас выясню, кто летом читал, а кто по улицам носился, — усмехнулась Наталья Григорьевна и поставила точку у первой по алфавиту фамилии.

В классе наступила мертвая тишина. К моему удивлению, девочки в основном читали по слогам, очень медленно и неуверенно. Чтение учительница сопровождала грубыми насмешками. Сначала я спокойно ожидала своей очереди, но чем ближе ручка подходила к моей фамилии, тем я становилось нервной. Вспомнила, что за все лето не прочитала ни строчки, что последние дни были заполнены радостной беготней по магазинам: мне покупали зимнее пальто, обувь, школьную форму. Я с восторгом разглаживала складочки на одежде, сто раз проверяла, все ли на месте в портфеле, но позаниматься уроками не приходило в голову. Я испуганно подумала: «Неужели за лето можно разучиться читать?» Вышла к доске черноволосая курносая девочка и стала сопровождать каждое прочитанное с великим трудом слово слезами. Другие девочки тут же захлюпали носами. Обстановка в классе становилась все напряженнее. И я не выдержала. От страха опозориться перед новым классом поплыло перед глазами. И когда, как бы издали, услышала свою фамилию, то не встала, а, стиснув зубы, чтобы не разреветься, вцепилась в парту до онемения пальцев.

Учительница что-то долго сердито говорила о моей пятерке по чтению, но я плохо соображала. В конце урока она подозвала к себе отличницу и дала ей задание научить меня читать.

Значит, я хуже всех!? Меня даже затрясло от злости. И я завелась: «Я с трех лет читаю. Я потеряла речь от страха. Нельзя пугать учеников. Моя учительница никогда так не поступала. Она была человеком, а не завучкой».

Наталья Григорьевна удивленно подняла брови, как-то странно посмотрела на меня и спросила:

— Ты знаешь, кто такой «завуч»?

— Нет. Наверное, так ругают... — пробормотала я растерянно.

Брови учительницы устремились к сжатому в гармошку лбу, и она, медленно выговаривая слова, сказала сурово:

— Ну что же. Начнем год с вызова родителей в школу.

— Мою учительницу дети не боялись и на уроках не плакали. Она была добрая и любила нас!

— Откуда ты такая взялась? — презрительно сузив глаза, произнесла учительница.

— Откуда и все, — огрызнулась я фразой, которую слышала от взрослых ссорившихся между собой мужчин.

Я не понимала смысла этих слов и не давала себе отчета в их безрассудной дерзости. Учительницу передернуло. Грохнув дверью, она удалилась.

Домой я шла медленно, пыталась разобраться в происшедшем. Нагрубила зря. Обязана извиняться или нет? Она первая меня обидела. Учительница должна понимать детей! Я

не кричала и говорила только правду. А зачем брякнула глупость? Дед теперь разволнуется. Завтра в классе попрошу прощения. Эх! Опять тормоза не сработали. И впрямь я бываю душой.

НИНА

Несколько дней Оля провожала меня в школу, а как-то утром сердито сказала: «Ты уже большая. Иди сама». Я открыла калитку, посмотрела налево, направо и смело пошла через дорогу. Когда оказалась на середине улицы, то услышала крики женщин и грохот. Занервничала. Перед глазами поплыл туман. Не понимая, что происходит, побежала вперед. Уже на тротуаре оглянулась. Мимо меня на большой скорости промчалась лошадь, впряженная в телегу, доверху нагруженную ящиками. Видно появилась из-за ближайшего поворота.

Из школы возвращалась с подружкой из 2 «Б». Я крепко держалась за ее портфель и не волновалась. Она же ходит здесь всю жизнь! Вдруг визг тормозов оборвал нашу идиллию. Я вздрогнула. Шофер остановил машину и обругал нас.

— День какой-то неудачный. Сегодня второй раз в историю попадаю, — пожаловалась я Нине.

Она удивилась:

— Наоборот, удачный. Живы остались. Айда ко мне.

— Пошли, — согласилась я, потому что ее спокойствие передалось и мне.

Нина поделилась:

— Я сегодня двойку получила за «жи-ши».

— Правило не выучила?

— Выучила. Просто рассердилась. Зачем нужны глупые правила? Почему я должна писать «ба-ран», но «ко-ро-ва»? Вот я взяла и написала все упражнение, как захотела.

— Влетит тебе? — с сочувствием спросила я.

— Нет. К воскресенью, когда мама проверяет уроки, я успею исправить. Мой двоюродный брат Юра тоже недавно получил двойку.

— За что?

— Литература для него — смерть. Он списывал сочинение по книге «Война и мир» у соседки по парте, а она закрыла тетрадку и конец не дала переписать. Книгу Юра не читал и не знал, чем закончилось сражение. Но, как патриот, написал, что мы победили. А учительница двойку поставила.

— Я думала, что старшеклассники не получают плохих отметок, потому что большие и умные.

— Все получают. Большим мальчикам скучно учиться, их увлекают интересные дела и мечты, — с очень серьезным лицом объяснила мне подружка.

— Нина, наша школа девчачья, так почему в моем классе учится семь мальчиков?

— Они из ближних деревень. Их называют «иногородние». Ребята у вас временно. Их никак не поделят две соседние мужские школы. Наш директор пожалел мальчишек, взял в нашу школу и послал в класс Натальи Григорьевны. А она теперь злится, что работы прибавилось. Мамка так рассказывала.

Пришли к Нине домой, бросили портфели в коридоре и сели играть в куклы. Их у нее в кладовке целый угол. Проголодались. Нина принесла из кухни огромный ломоть хлеба. Мы наперегонки умяли его и пошли в рощу. Скатываясь по стволу дерева, я застряла в его развилке. Сначала отнеслась к этому спокойно и даже не позвала подругу, которая в

поисках цветов уходила все дальше. Но, когда многократные попытки высвободить ногу ни к чему не привели, испугалась. Держась одной рукой за ветку, расшнуровала ботинок. Попыталась вытащить босую ногу. Не получилось. Скоро ступня онемела. Повернулась, чтобы позвать подругу. Уставшие руки скользнули по стволу, и я повисла вниз головой. Боль в зажатой ноге резко усилилась. Тут уж я закричала.

Нина прибежала и сразу оценила ситуацию:

— Без мамы нам не обойтись. Побегу к ней на работу. Тут недалеко.

Мне показалось, что вишу целую вечность. Нинина мама первым делом взгромоздила меня на развилку, потом вставила клин под ботинок и стала потихоньку вбивать его. Наконец она сняла меня. Я долго растирала занемевшую ногу, прежде чем удалось на нее встать. Нина пошла провожать меня домой. По дороге мы заглянули в недостроенный трехэтажный дом. Полазили по чердаку, походили по узким доскам, переброшенным от одной стены к другой. Здорово! Потом спустились в подвал, но там было темно, и мы попали в цементный раствор. Выпачкались. Пришлось друг друга «полоскать» в ручье. Несмотря на это, мы остались довольны прогулкой.

Тут появилась испуганная тетя Лена. Оказывается, она уже два часа ищет нас. Когда я с восторгом рассказала ей о наших приключениях, о том, как катались на досках, просунутых в проем окна, мама Нины ужаснулась и объяснила, что мы могли покалечиться или даже погибнуть. Пришлось дать честное слово больше не ходить на стройку.

Тетя Лена отвела меня домой и сообщила Оле, что я ходила к ним в гости. Оля вежливо поблагодарила. Я поняла, что она не хватилась меня, так как папа Яша еще не пришел с работы. Ну, и слава богу.

ЛИНА

В наш класс пришла новая девочка. Она похожа на куклу: светлые кудряшки, огромные грустные карие глаза, маленький носик, большие пухлые яркие губы. Такая же красивая, богато одетая мама суетилась вокруг дочки и беспрерывно повторяла:

— Линочка, все будет хорошо! Я скоро приеду за тобой.

А Лина не сказала ни слова, ни разу не взглянула на мать. Всех удивило, что такой большой девочке мама завязывает шнурки на ботинках, будто своих рук у нее нет. Девочку ничего не радовало. Ее не волновала перемена места жительства, не интересовала встреча с новым классом.

— Бесчувственная, — услышала я от одноклассниц.

Что-то здесь не так? Лина маму в упор не видит. Неродная? Я ведь тоже до сих пор избегаю взгляда своей приемной матери. Но они так похожи!

После уроков Лину встречал отец. Они бросились навстречу друг другу с радостным криком. Он все кружил, кружил ее, крепко прижимая к груди, и их глаза восторженно блестели. Потом он положил руку ей на плечо, и они быстро пошли мимо школы. Лина, размахивая портфелем, что-то громко и весело рассказывала отцу.

Я долго провожала их взглядом, пораженная контрастом взаимоотношений дочери с родителями. Дома, когда дед остался в комнате один, я спросила:

— Что случилось в семье Лины?

— Отец у нее большой начальник. Он с женой на год уезжает в командировку, вот и привез Лину к бабушке, — ответил дед, не отрываясь от газеты.

— Я не о том. Что в семье у них произошло?

— Сплетни слушаешь? — неодобрительно покачал головой дед.

— Сама вижу. Расскажите, пожалуйста, я никому не скажу.

— Детям не надо об этом знать.

— Мне можно, — насупилась я.

Дед сдался.

— Когда Лине было семь лет, ее мама влюбилась в молодого офицера и сбежала с ним. Пожилой муж снял ее с поезда и вернул домой. Ему из-за карьеры нельзя разводиться. А потом он обо всем рассказал дочери. Вот и вся история, — вздохнул дед.

— Дрянь! — вскипела я. — Он же девочке всю жизнь испортил. Если бы любил дочку, то ограждал бы от всяких волнений. Сам мучился бы тем, что жена его не любит, а Лину сберег бы. Теперь ей трудно жить рядом с матерью, которая хотела ее предать. Это же каждый день презирать и ненавидеть! За что ей такое наказание?

Я бросилась из квартиры и спряталась за сарай.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

На второй парте сидят Алла и Стасик. Алла — худенькая, черноглазая, мечтательная, медлительная девочка. Отличница. Очень исполнительная, боязливая. На уроки приходит за час. Боится выходить к доске. Любой вопрос для нее — неожиданность. От волнения она не может сосредоточиться, хотя всегда все знает. Она молчит, потому что боится своих слез и насмешек ребят. А они и не думают смеяться, сочувствуют ей. Некоторые опускают глаза в пол, чтобы не смущать Аллу.

Мне нравится ее речь: ни одного лишнего слова и все понятно. Алла постоянно о чем-то думает. Иногда она улыбается своим мыслям и при этом расцветает. Большие глаза светятся изнутри. Лицо делается не просто привлекательным — вдохновенным, радостным. В это время ей никто не нужен. Вокруг нее шум, визг девчонок, а она как бы отделена от всех толстым, непробиваемым, невидимым стеклом. Друзьям она многое и быстро прощает, но несправедливость взрослых — для нее трагедия, потому что она не находит ей объяснения, а значит, оправдания. Я как-то спросила ее, не подумав:

— Ты злопамятная?

Она задумалась, а потом уверенно ответила:

— Нет. На чужих я долго не обижаюсь, но родной не должен позволять себе делать мне больно.

— Вовку мать лозинкой стегает, когда разозлится. Что же, ему теперь ненавидеть ее?

— Вова сам виноват. Он непослушный. А я сержусь, когда обижают незаслуженно. Может, я чего-то не понимаю, но мне кажется, что зря мама его бьет. Он же умный, только фантазер, — серьезно объяснила Алла.

А Стасик — пухлый, плаксивый, добрый мальчик. У него черные глаза, яркие губы, на круглой голове ежик светлых волос. Движения его плавные, как в замедленном кино. Он учится в музыкальной школе.

Между Аллой и Стасиком сложились интересные отношения «мама-сын». Алла опекает его, помогает разложить вещи на парте. Проверяет уроки. Собирает на полу ручки и карандаши, которые почему-то выпадают у него из рук. Стасик часто болеет. В его отсутствие Алла всегда грустная. И все думает, думает.

Как-то Стасик долго болел. Алла каждый день приносила в школу пенал, который он забыл, выкладывала на парту и следила, чтобы никто из ребят не взял его для игры. Она оберегала пенал с таким усердием, будто это был Стасик.

Один раз я зашла в класс на перемене. Алла сидела за партой и водила пальцем по желтой крышке пенала. Вдруг она очень тихо сказала сама себе:

— Так хочется написать: «Я люблю тебя, Стасик».

Я незаметно вышла и, стоя в коридоре, с неподдельным изумлением вспоминала, с какой глубокой внутренней силой были сказаны эти слова! Сколько в них было грусти, ласки, доброты, сколько прочувствованной, выстраданной любви! Раньше я думала, что любить по-настоящему могут только взрослые. Как-то слышала разговор одной матери с врачом:

— У них такая любовь! Он без нее в садик не хочет идти. Когда она болеет, он места себе не находит. Слоняется по дому и только о Галочке говорит.

Врач ответила:

— Мамаша, вам нужно братика или сестричку ему завести, и все проблемы улетучатся. У ребенка потребность в любви.

Но у Аллы есть братик, так что это не про нее. Она на самом деле любит.

ЗАЩИТНИЦА

На перемене Стасик сидит за своей партой и жует булку. Алла постелила на парту кусок газеты (у нее всегда все с собой!), но часть крошек все равно оказалась на полу. Решительным, твердым шагом в класс вошла Аня, маленькая, крепко скроенная девочка с командирскими замашками. Заметив непорядок, она закричала: «Ага, опять соришь! Вот я Наталье Григорьевне скажу!» Стасик предпринял попытку собрать крошки с тетрадей и брюк, но его пухлые пальцы плохо слушались. Копошась, он задел край газеты, и все ее содержимое высыпалось на парту. Аня, закрыв крошки руками, не позволяла их собирать, и кричала все громче: «Достанется тебе от учительницы. Родителей вызовет. Будешь знать!» Стас попытался оттолкнуть вредную девчонку, но тут же получил по рукам. Тогда он стал упрашивать Аню разрешить убрать за собой. Она была неумолима. Алла сначала растеряно смотрела на происходящее, потом полезла под парту собирать крошки. Но когда Стас заревел в голос, она встала и, насупив тонкие высокие брови, двинулась на обидчицу:

— Кто тебя учил издеваться над человеком? Мы должны помогать друг другу. Хочешь, чтобы Стасику было плохо? Если еще хоть раз тронешь его, получишь от меня! Аня удивленно посмотрела на неожиданную защитницу и с независимым видом пошла к своей парте.

Прозвенел звонок. Все бросились по местам.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

На перемене ко мне подошел Армен и спросил:

— Хочешь поцелую.

— Нет, — резко ответила я на странную просьбу.

— Почему?

— Не знаю. Не хочу, и все.

— Не любых девочек целуют мальчики, а только очень хороших. Поняла?

— А зачем целоваться? Мы же не взрослые, — недоуменно спросила я.

— Если девочка вырастет, а ее еще не целовали мальчики, значит она плохая, — снисходительно, как маленькой и несмышленной, объяснил Армен.

— Я думала, что девочка должна только с одним целоваться, а потом жениться, — растерянно пробормотала я.

— Так раньше было, — уверенно сказал мальчик.

Терзаемая сомнениями я в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Армен быстро наклонился, звонко поцеловал меня в щеку и убежал. Ничего страшного не произошло, и я успокоилась.

Вечером, смеясь, рассказала деду про Армена.

— Радуетесь? Вот так глупых девочек и залавливают в свои сети хитрые юноши! А потом у них жизнь ломается, — вспыхнул дед.

Я почувствовала себя одураченной, опозоренной и заревела.

— Не плачь и не обижайся на мальчика за его шалость. А на будущее запомни: не будь слишком доверчивой, — уже мягче посоветовал дед.

Скоро я забыла про эту историю. Но как-то зашла в класс и вижу: на последней парте горько плачет Люба, а девочки окружили ее и успокаивают.

— Что случилось? — спросила я подруг.

— Армен поцеловал ее без разрешения.

По лицам девочек я поняла, что случилась трагедия. Все единодушно жалели Любу.

— За что? Разве я заслужила такое обращение? Он меня оскорбил, — стонала Люба, громко всхлипывая.

Ее рыдания перешли в истерику. Кто-то побежал за медсестрой, кто-то за холодной водой. А я, заново переживая свой позор, заводилась все сильнее.

«В школе драться нельзя. Я пока обругаю его, а после уроков на улице всыплю», — разумно размышляла я.

Вышла в коридор. Армен стоял с друзьями и, блестя черным антрацитом глаз, что-то бурно рассказывал. Ребята хихикали. Подошла ближе и услышала:

— На моем счету уже пять дур. Когда вырасту, всех подряд буду...

— Дура? — взбеленилась я и, свалив обидчика на пол, принялась трясти его, что было сил.

Ребята, глядя на нас, смеялись:

— Во дает, девчонка! Молодец!

— Это тебе за обман, это — за подлость, — кричала я, захлебываясь обидой.

Подбежали старшеклассницы и с трудом оторвали меня от Армена.

— Марш в класс, пока завуч не увидела, а то из школы вмиг вылетишь, — приказали они.

— Знаете, за что ему врезала? — кричала я, вырываясь их рук дежурных по коридору.

— Уймись! Если девочка дает пощечины мальчику, значит он заслужил. Девчонки по пустякам не дерутся.

Их слова мне понравились. Я успокоилась и направилась в класс.

ОСТАЮСЬ

Витя! Сегодня приезжала тетя, которая сопровождала меня в семью. Я сразу ее узнала. Мысли закрутились в голове. Налетело беспокойство. Тетя терпеливо ждала ответы на свои вопросы, а я молчала. Наконец, она сказала:

— Тебе скоро десять лет, и ты имеешь право сама решать свою судьбу.

Я взглянула на Олю. Она, как всегда, выглядела безразличной и спокойной. Подумала

про деда и ответила:

— Остаюсь.

— Привыкла? Нравится в семье? Здесь лучше, чем в детдоме? — уточняла тетя.

— Лучше, — коротко заверила я.

Мы вышли на улицу. Она снова посмотрела мне в глаза и спросила:

— Решение сознательное? Ты думала об этом, пока меня не было?

— Папа Яша меня любит, — ответила я.

Она положила руку мне на голову и сказала:

— Прощай. Желаю тебе счастья.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Когда женщина скрылась за воротами, я почувствовала легкость и удивительное спокойствие. Своим ответом я провела черту между прошлым и настоящим, очень тонкую, но через которую не хотелось переступить.

ПРОШЛОЕ

Пришли с дедом в магазин. Он остановился у витрины и спрашивает:

— Какую тебе шоколадку купить? Эту? Эту?

Я молчу. Дед удивлен.

— Ну ладно, не хочешь сейчас, потом куплю, — говорит он.

А я не умею просить. Очень хочу сладкого, но ничего не могу с собой поделать. Я же раньше никогда для себя ничего не просила.

Вернулись домой, сели обедать. В дверь постучали.

— Отец, тебя, — крикнула Оля из кухни.

Дед накинул пиджак и вышел к гостю. Когда он вернулся, я спросила:

— Зачем вы пиджак надеваете, если приходят чужие? Ведь в квартире жарко.

— Этим я уважение гостю оказываю. Ты к человеку с уважением, и он к тебе — тоже.

— Папа, а сегодня утром во дворе тетя Маня сказала, что у вас был сын. Почему вы мне о нем ничего не рассказывали?

— Что говорить? Только душу травить. Андрей до восемнадцати лет все торопился повзрослеть. Потом был первый день войны — вся оставшаяся жизнь...

— Простите.

— Теперь вот ты у меня есть...

Молчим. Каждый думает о своем. То, что они не первые мои родители, я уже поняла. Оля не хочет, чтобы я мамой ее называла, но и быть моей бабушкой она тоже не желает. Поэтому я стараюсь к ней не обращаться. А деду я с удовольствием говорю «папа». Он заслуживает. Любит меня. Зовет дочкой и всем хвалится, что на него похожа. Я не могу спрашивать у него о своих родителях, не хочу обижать. Ему будет неприятно.

Зачем я вспоминаю о тех родителях? Если бы они остались в живых, то, наверное, нашли бы меня. А если живы и не забрали из детдома, значит, не стоят моей памяти.

Из кухни пришла Оля, забухтела на деда из-за денег, и мои мысли поплыли в другом направлении.

УРОК МУЗЫКИ

Сегодня на уроке пения руководитель школьного хора должен познакомиться с нами, прослушать голоса и отобрать лучших для обязательного посещения кружка.

Наталья Григорьевна покинула класс, а вместо нее легкой походкой вошел очень высокий, голубоглазый молодой человек. Он сделал строгое лицо и представился. Наверное, мы все сразу почувствовали, что он стеснительный, мягкий и очень хороший человек. И расхрабрились. Он спрашивал, какую музыку любим? Как относимся к опере и оперетте? Мы дружно сообщили, что любим всякие песни. А когда по радио поют оперу, выключаем его, потому что артисты визжат как кошки, а о чем, непонятно, за музыкой слов не разберешь. Поднялся гвалт, каждый пытался рассказать, какая песня для него любимая. Учитель молча поставил на стол патефон, осторожно кончиками длинных, тонких пальцев достал из бумажного пакета пластинку, положил на диск и стал медленно закручивать пружину. Мы сами угомонились и с любопытством ожидали, на чей вкус учитель выбрал песню. Из патефона полились незнакомая мелодия и непонятные слова: «Аве Мария...» В классе воцарилась такая тишина, о возможности существования которой в школе мы не подозревали. Учитель стоял, не шевелясь, склонив голову на грудь. Кое-кто из ребят сидел с открытым ртом. В глазах других — удивление или задумчивость.

Пластинка закончилась. Иголочка продолжала шуршать. Класс находился в оцепенении. Пауза была долгой. Никто не решался ее нарушить. Наконец возник легкий шорох — будто утренний, свежий ветерок прошелестел над партами.

— Как называется эта красивая песня? — раздалось сразу несколько голосов.

— Все объясню позже. Давайте, послушаем еще две пластинки.

И он поставил отрывок из оперы «Кармен»...

ОЧЕРЕДНАЯ ГЛУПОСТЬ

После урока пения я хотела уйти домой, но Виктор Иванович остановил меня и вернул в класс.

— У меня нет ни голоса, ни слуха. Не хочу участвовать в хоре, — сказала я, пытаюсь проскочить в коридор.

— Девочка, сядь на место. Я сам буду решать, кого взять. Дети, попытайтесь, подпевая мне, запомнить слова.

Мы трижды пропели первый куплет:

Расцветает степь лесами, А в лесах цветы растут. Это сделали мы сами, Это наш великий труд.

— Напой, пожалуйста, — обратился ко мне учитель.

— Не хочу, — заупрямилась я.

— Почему? — спросил Виктор Иванович строго.

— Музыка здоровская, жалко портить мелодию. А вот первые две строчки стиха мне не нравятся. Я бы лучше сочинила.

Учитель вздрогнул, изменился в лице и подошел к другой девочке. Я поняла, что сказала глупость, и опустила глаза к полу, пытаюсь сообразить, чем его рассердила?

После занятия ко мне подошла Лина:

— Ты знаешь — наш руководитель хора сам песни пишет!

— Музыку? — встрепенулась я.

— И музыку, и слова! — восторженно сообщила одноклассница.

Я чуть не разревелась. Зачем обидела хорошего человека? Почему все дети молчали? Значит, я самая глупая? Настроение испортилось, и я побрела по городу, пытаюсь заглушить раздражение. Придется избегать учителя музыки. А ведь всегда радостно видеть хороших людей. Мне и так плохо в школе, а теперь и с Виктором Ивановичем я «перекрыла себе кислород», как говорит в таких случаях мой дед.

Если мне не нравится что-то, это не значит, что другим оно тоже не должно нравиться? Раз не спрашивали моего мнения, я должна была молчать? А если бы он спросил? Лучше тоже помалкивать? Я не злюсь, когда меня правильно критикуют. Тогда я смогу исправиться. Если бы я потихоньку ему одному сказала про песню, он, наверное, не обиделся бы? Но взрослых никогда не интересуется, что про них думают дети.

Как научиться поступать правильно? Недавно одной женщине на улице сказала, что у нее юбка сзади расстегнута, так она меня поблагодарила и даже поцеловала в макушку. А тете из нашего двора я объяснила, что новый сиреневый костюм у нее красивый, но она в нем похожа на бабушку, а в старом голубом с широкой юбкой — была молодой и красивой. Так та рассердилась и ответила, что не моего ума дело взрослых обсуждать, и пообещала пожаловаться отцу. А мне хотелось помочь ей. «Эх, жизнь поломатая!» — вспомнила я любимые слова школьного слесаря. Они немного развеселили меня, и я отправилась домой.

УРОКИ

Дед пришел с работы усталый, раздраженный и, взглянув на мои отметки, расшумелся:

— Не понимаю! Как можно по письму иметь тройки?!

Оля заступилась:

— Невзлюбила нашу девочку учительница. Придирается к ней.

У деда не было сил спорить. Он прилег отдохнуть после дежурства. А я взялась за уроки и задумалась над словами Оли: «Мне девять лет, но я понимаю, что она говорит ерунду. Почему же Оля, почти старая, позволяет себе быть глупой? Если бы она знала про мой конфликт с учительницей, тогда ее слова были бы к месту».

И вдруг я сообразила, что раз учительница виновата в плохих отметках, значит, меня никогда всерьез за них не будут ругать. Я не хотела пользоваться своим открытием, стыдно было, и все же постепенно начала относиться к урокам спокойнее, безразличнее. Какая-то легкость появилась, бесшабашность. Тройки и двойки в тетрадях вообще перестали волновать. Дневник больше не жег руки. Кое-как нацарапав письменные задания, я засыпала, а вздремнув пару часиков, отправлялась дышать свежим воздухом.

ВАЛЯ ВОСПИТЫВАЕТ

Сажу в комнате у Вали и разглядываю ее тетради по русскому.

— Не смотри последнюю страницу. Там тройка.

Лицо Вали залила краска смущения.

— Ты так переживаешь из-за тройки в тетради? Не в дневнике же, — небрежно сказала я.

— Все равно стыдно. Сначала привыкнешь к тройкам в тетрадках, а потом не заметишь, как они в дневнике появятся. Разве ты не боишься приходить домой с плохой отметкой?

- Перед папой стыдно. Но глупо все время бояться. У нас некоторые девчонки ревут в классе из-за отметок. Не понимаю их. Не выучила — так сама виновата, а если не получается лучше учиться — тем более нечего переживать. Выше мозгов не прыгнешь.
- Девочки плачут потому, что родителей жалеют. Не хотят волновать тем, что не оправдали их надежд, — вздохнула подруга.
- Знаешь, я сегодня заявила учительнице, что на прошлом занятии она написала «польто», а сегодня «пальто». Она как-то странно на меня посмотрела, но ничего не сказала. Я первый раз такой взгляд видела.
- Какой?
- Не пойму. Вроде выразила удивление, недоумение и сдержанная какая-то стала.
- Опростоволосилась ты с ней. Теперь жди двоек. Твоя, наверное, из таких. Расскажи о ней.
- Она завучка. Полная, черная. Ее все боятся. Очень строгая и злая.
- Что же ты строгой, да еще начальнице замечания делаешь?
- Я думала, что надо всегда говорить правду.
- Чудная ты. Не обижайся. Ты вроде бы на луне жила до школы. Прежде чем говорить, всегда думай.
- Я не собиралась ее обижать, а спросила потому, что хотела точно знать, как это слово пишется.
- И все-таки зря ты обидела учительницу. Может, она вчера была усталая и нечаянно ошиблась, а ты ее перед всем классом выставила неграмотной. К тому же ты сама могла на доске не разглядеть букву.
- Я разглядела, даже на промокашке это слово записала и вопрос поставила, чтобы не забыть спросить!
- Все равно надо быть добрее. У взрослых это называется быть снисходительным. Ну, вроде как понять человека, посочувствовать, поставить себя на его место. Так меня учила мама, когда я ходила в садик.
- Я так делаю с людьми, которых люблю.
- А учительницу ты не любишь?
- Нет, я к ней просто так отношусь.
- Как это?
- Ну, никак.
- Она тебя учит, старается, а ты к ней «никак», без уважения?
- Я не люблю ее.
- А кто тебя любить заставляет? Весь мир нельзя любить. Надо хорошо относиться ко всем.
- Почему она не поняла меня, когда я от страха не смогла читать?
- Она не Бог и не Ленин. Учитель тоже может ошибаться. Тем более что ты невоспитанная.
- Значит воспитанный — нечестный? Я ее должна понять, а она меня нет?
- Уважай ее за то, что она старше, умней, много пережила.
- Ладно, подумаю. Раньше я считала, что взрослые должны понимать и жалеть детей, а

оказывается, наоборот. Странно все это. И все-таки учительница не должна быть злою! — сопротивлялась я.

— Все должны стараться понимать и жалеть друг друга. А ты все о себе, да о себе. Это эгоизм называется. Папа говорил, что наша Юля такая, потому что мы ее забаловали.

— Но ведь Юле всего два года? Когда же она успела сделаться плохой?

— Плохими становятся быстро, хорошими — долго.

— А я плохая?

— Нет, ты хорошая, только «не от мира сего». Ты как будто на хуторе жила, вдали от людей. Я сначала тоже думала, что ты немного «с приветом», а потом поняла, что тебя так воспитали.

— Успокоила, — сказала я, с сердитой усмешкой.

— Не злись. Лучше я тебе правду скажу, чем над тобой будут за спиной потешаться.

Я заревела. Валя заволновалась.

— Мне надо побыть одной, — попросила я.

— Правда? Тогда я схожу в магазин, а потом вместе сделаем уроки. Ладно? — торопливо предложила подруга.

— Ладно, — согласилась я, давая волю слезам.

«Почему я глупая? И чего жизнь такая сложная и плохая?» — думала я, засыпая.

Пришла Валя.

— Пора учить уроки. Мне еще Юлю из яслей забирать и прибирать комнату.

— Можно, я помогу тебе? Пол вымою.

— А ты умеешь?

— Конечно.

— Я только подметаю.

— Разреши, пожалуйста.

— Неприлично тебе мыть пол в моей квартире.

— Опять, эти дурацкие правила! Я же хочу сделать тебе приятное.

— Давай вместе мыть. Вот мама удивится!

— Давай! — обрадовалась я.

И мы весело взялись за дело.

— Валя, что во мне плохого? — задала я волнующий меня вопрос.

— Ты с взрослыми разговариваешь, как с ровесниками.

— Почему я детям могу все честно говорить, а взрослым — нет?

— Взрослым нельзя делать замечания. Они их болезненно переносят. Мы же понимаем, что не все знаем, поэтому не обижаемся.

— Я про это раньше не думала. Значит, для Натальи Григорьевны я теперь самая гадкая?

— Наверное. Для начальника важнее всего — авторитет.

— Представляешь, недавно поймала меня завучка, когда я по перилам лестницы с пятого этажа спускалась, но я даже не испугалась и говорю: «В старой школе тоже каталась и, слава богу, цела». Учительница опустила глаза, но скрыть удивление и злость не смогла. Я больше ни с кем себя так не веду. А нагрубил ей за то, что мои одноклассницы трясутся от страха на каждом уроке. Еще потому, что она не вызывает меня к доске, пытается доказать всем, что я двоечница. Мстит за мою грубость в первый день. Учительница не должна быть такой...

— Ну, это уж слишком! Так, по-хулигански, даже мальчишки редко себя ведут, — возмутилась Валя.

— Разве я не права? Она сама грубит и в классе гадости говорит.

— Папа объяснял, что взрослые в основном правы. Мы не всегда можем сделать правильный вывод из слов и действий взрослых. Нам не хватает жизненного опыта. А ты пока даже в простых вещах путаешься. Зачем вчера в автобусе на заднем сидении прыгала, ноги к потолку подбрасывала, кричала?

— Мне было весело. А что, нельзя?

— На речке так можно себя вести, в лесу. А в общественном месте неприлично.

— Опять неприлично! Замучили все меня этим словом. Я же человек, а не железка. У меня настроение есть, — вспыхнула я.

— Раз ты человек, так веди себя по-человечески, а не как дикая коза!

— Но в автобусе меня никто не ругал.

— А зря. Тебя надо чаще осаживать.

— Послушай, а если тебя чужой будет незаслуженно драть за уши?

— Папе пожалуйюсь, а он решит, что делать. На то и родители, чтобы учить и защищать детей.

— Но жаловаться нехорошо.

— Родителям надо обо всем рассказывать. Это чужим на чужих нехорошо жаловаться.

— Я привыкла сама за себя думать.

— Вот и подумай, как трудно учительнице учить детей. Хорошо, если ты одна в классе такая особенная. А если бы много?

— С моей первой учительницей было здорово. Как Анна Ивановна нас понимала! А теперь у меня завучка. Разве Наталью Григорьевну уважают? Ее боятся.

— Дети боятся, а взрослые, наверно, уважают.

— За что?

— Не знаю, может, за то, что сумела стать начальницей?

— Я таких завучей из школы гнала бы.

— Не тебе решать, — строго возразила Валя.

— Значит, тот, кто ее назначил, тоже плохой.

— Так уж все и плохие? Ты сама испортила отношения с ней. Никому не груби, и все будет хорошо. Пойми, взрослые должны учить взрослых.

— Сколько себя помню, всегда старалась быть хорошей. Меня даже лучший друг за это занудой называл. А здесь я самая плохая... Из-за Натальи Григорьевны жить не хочется...

— Не надо так... Хочешь, попрошу папу, чтобы он помог тебе перейти в мою школу? — предложила Валя.

— А что я папе Яше скажу?

— Не знаю. Правду, наверное. Он должен понять тебя.

— Валя, а ты обоих родителей одинаково любишь?

— Да.

— А я папу больше.

— Мне папа сказал, что родителей, как Родину, не выбирают и любят, не задумываясь, потому, что они есть. Когда все нормально, я не замечаю их любви. Но всякие, даже маленькие, неприятности заставляют вспоминать родителей. Не представляю жизни без них. А ты себя больше любишь?

— Я себя не люблю.

— Почему?

— Не знаю. Я вообще по-настоящему не могу любить. Все, кто мне дорог, почему-то уходят от меня.

— Я бабушку очень люблю, хотя она умерла, — тихо пробормотала Валя.

— Я чувствую себя рядом с тобой очень глупой.

— Не выдумывай. Раз осознаешь свои ошибки, значит умная.

— Я часто не понимаю взрослых.

— Я тоже раньше всякая была. Один раз бабушка не разрешила мне перед обедом есть варенье, а я сказала, что она плохая и не любит меня.... Не успела извиниться... Хуже всего на свете память о своей горькой вине. Она сильнее любой обиды... С тех пор душа болит, как вспомню. Теперь с мамой не позволяю себе грубить.

ЗНАХАРКА

Моя школьная подружка Нина играла около своего дома. Вдруг откуда-то выскочила огромная черная лохматая собака. Нина закричала и припустила к столовой, где работала мама. Но собака догнала ее, повалила и стала рвать пальто. Из подъезда соседнего дома выскочил мужчина и палкой отогнал собаку. Ранки на руках у Нины зажили быстро, но спать одна она теперь не могла. Мама поставила рядом раскладушку и держала дочку ночью за палец. Если, засыпая, она бросала руку, Нина тут же просыпалась и плакала. И на уроках она заливалась слезами непонятно от чего. Лечение успокоительными лекарствами не помогло. Тогда-то и подошла с советом к Нининой маме школьная техничка:

— Вы, конечно, теперь все ученые, но за ради ребенка послушайте меня. Вот — адрес бабушки. Она лечит испуг. Несколько лет назад она мне очень помогла. Училась тогда моя дочка в педагогическом институте. Случилось у нее рожистое воспаление. Все лицо превратилось в рану. Целый месяц лежала в больнице, а потом старенький доктор вызвал меня и попросил, чтобы я нашла бабушку-знахарку. Через три дня лечения у «бабушки» на лице дочки не осталось и следа от болезни.

Тетя Лена долго не решалась воспользоваться адресом. А Нина все худела без сна. У нее начались головокружения. Наконец, тетя Лена не выдержала. Несколько дней она готовила дочь к посещению «бабушки». И, несмотря на это, когда мы вошли в темную часть парка и начали спускаться по крутой лестнице, ведущей к реке, с Ниной приключилась истерика. Мама чуть ли не волоком тащила ее. Около домика «бабушки» Нина замолчала. Мы постучали и вошли.

Перед нами маленькая комната с плитой и кастрюлями. Деревянная лавка у стола. В

углу икона, увешанная белыми полотенцами с вышитыми красным крестиком петухами. Маленькая, худенькая старушка в черной юбке, серой блузке и в белом с голубыми цветочками платке, спокойным, тихим голосом спросила:

— Эту девочку будем лечить?

— Да, — также тихо ответила тетя Лена.

Бабушка принесла из другой комнаты табурет для Нины, а мне предложила сесть на лавку. Откуда-то пришел большой серый кот и стал тереться о ноги Нины. Бабушка положила руки на голову моей подружке и что-то зашептала. Наверное, молитву. Потом наклонила зажженную свечу, и парафин стал капать в кружку с водой. При этом бабушка опять что-то произносила. Она проделывала все так, будто возилась по хозяйству — просто, по-деловому, без всякого таинства. Я ни капельки не верила в успех дела и молча сидела в ожидании окончания представления. Бабушка поднесла к лицу тети Лены кружку и сказала:

— Ребенка испугала собака. Видишь фигурку? У вас есть собака?

— На дочку чужая собака напала, — подтвердила тетя Лена, пытаясь разглядеть в бесформенном куске парафина изображение животного.

Тетя Лена положила на стол деньги и собралась уходить. Но бабушка сказала с укором:

— Нельзя деньги брать за божий дар. Грех большой. Если душа твоя беспокоится, то можешь потом принести очень маленький дешевый подарок: ситцевый платочек или что-либо из еды. Домой Нина шла без крика, хотя на улице было темно. К тому же сильный ветер трещал ветвями деревьев и стонал между холмами и низинами парка. Вечером следующего дня Нина подошла к маме и напомнила: «Нам к бабушке надо. Не опоздаем?» В этот раз у бабушки она вела себя как хозяйка. Села на табурет, посадила на колени Пушка и стала рассказывать ему стихи. После лечения Нина в благодарность спела для «доктора» песенку. А бабушка успокоила тетю Лену:

— Ну, раз вы не можете третий раз прийти ко мне домой, то я завтра на вечерней зорьке заочно о ней помолюсь. Конечно, лучше бы прийти еще раз. Но девочка уже здорова. Думаю, все у нее будет хорошо.

Тетя Лена положила на стол ситцевый с голубыми цветочками платочек, низко поклонилась «бабушке» и вышла. Нина, напевая любимую песенку, вприпрыжку бежала домой. Я еле успевала за нею.

ПРОЗРЕНИЕ

Сегодня в коридоре меня остановила библиотекарь: худенькая, неприметная, прохладно вежливая женщина неопределенного возраста с вечно недовольным лицом. Ребята говорили, что она завистливая, потому что ей не повезло в жизни.

— Слышала, что ты читаешь очень хорошо, а почему в библиотеку не записываешься? — спросила Валентина Николаевна строго.

— Не знаю, — безразличным тоном ответила я, намереваясь поскорее убежать на улицу.

— Ты из какого класса?

— Из 2 «А».

— Какие отметки у тебя по чтению?

— Тройки.

— Почему?

— Мне подружка объяснила, что я неправильно веду себя.

— В чем?

- На первом уроке я сказала учительнице, что она злая.
- Какую художественную книжку ты читала недавно?
- Никакую. Перед первым классом прочитала «Тимур и его команда».
- Понравилась?
- Да.
- А что конкретно?
- У ребят жизнь была легкая, как игра. На самом деле такого не бывает. В жизни больше грустного и скучного. Но я грустные книжки тоже люблю.
- Какие, например?
- «Дети подземелья».
- Иди за мной. Запишу тебя.

Получив тоненькую книжку под названием «Слепой музыкант», я бросилась к двери.

- Вернись. Аккуратно положи книжку в портфель. Фамилию писателя запомни. Ясно? Иди, — сказала библиотекарь, провожая меня строгим взглядом.

Квартира была на замке. Я решила почитать на лавочке возле дома.

С первых строчек спокойное повествование поглотило меня, и я отключилась от происходящего вокруг. Читала про себя, но у меня создавалось впечатление, что я нахожусь в мире удивительной музыки. Узнав, что мальчик от рождения слепой, залилась слезами. На меня текли реки его печали и страданий. Музыка в голове нарастала, меня окраску в зависимости от происходящих событий. А когда молодой паныч заиграл на рояле, и малиновые звуки наполнили меня до краев, я вдруг почувствовала мощный, прилив радости, будто вокруг все озарилось ярким светом. Я вскочила и восторженно, не обращая ни к кому, закричала в полный голос:

- Он прозрел, прозрел, прозрел!

Я не заметила, что мой дед давно стоит перед лавочкой, и испуганно наблюдает за мной. Посмотрев обложку книги, он спокойно объяснил:

- Мальчик не видит, как мы, но музыка открыла ему свой яркий, глубокий, прекрасный мир. Многие зрячие не могут ощутить и десятой доли того, что чувствовал этот несчастный. В этом он счастливее тех, кто бездарно, как кроты, проживает свои жизни.

- Нет, нет! Вы не правы. Музыка на него так подействовала, что в голове у него случилось что-то такое, что «включило» ему зрение. Даже мне все вокруг показалось ярче и светлее потому, что я услышала музыку, которую он играл. Меня никто не переубедит! Он на самом деле прозрел!

Я захлебывалась слезами счастья.

Зашли в квартиру.

- Мама Оля, мальчик прозрел, вы понимаете?! — закричала я с порога.

Она глянула на меня недовольно. Я не обиделась и закружила деда. Он улыбался и не сопротивлялся. Немного успокоившись, я легла на свой любимый диван и задумалась. Чудеса совершаются, если очень хотеть и очень стараться. Сколько бедный паныч страдал! Зато теперь он счастливый. И я рада за него. Эта радость совсем не такая, как от конфет или нового платья. Она в сто, тысячу раз больше, сильнее! Это настоящее счастье.

СЕВИЛЬСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

Иду мимо театра. Читаю афиши. Репертуарный план на месяц обещает оперы, оперетты, водевили. Вдруг подумала: «Может, сходить в театр?» Еле дотянулась до окошка кассы и вежливо спросила: «Можно мне в театр? Сколько стоит билет?» И протянула свои сбережения. Женщина вышла из кабинки, с любопытством посмотрела на меня и спросила:

— Первый раз идешь?

Я кивнула.

— Вот тебе входной пригласительный билет. Беги скорее, уже дали третий звонок. Сядешь на полу, на ступеньках, — сказала добрая тетя и мягко подтолкнула меня к двери.

Я поблагодарила ее и юркнула за малиновую бархатную штору.

В зале полумрак. На ярко освещенной сцене — богато убранная комната. Тишина. Вдруг откуда-то из глубины полилась прекрасная музыка. То нежная, то игривая, то по-сумасшедшему радостная, — она захватила меня полностью. Я находилась под впечатлением новых сложных чувств, удивительных переживаний. Веселый, энергичный Фигаро носился по сцене, и вихри чудных звуков не отставали от него. Моя душа колебалась в такт музыке, прыгала через скамейки, восторженно пела, беря высокие ноты с упоением, раскованно, свободно. Боже, какая прелесть! Какая радость чувствовать красоту, ощущать каждый звук, каждую ноту! От переполнения восторгом меня распирало, как майскую почку сирени. В какой-то момент я испугалась, что могу сорваться со ступенек и помчаться на сцену, поэтому вцепилась обеими руками в ножку кресла, чтобы случайно не опозориться.

Музыка закончилась. Шум аплодисментов. А я никак не могу прийти в себя. Пожилая женщина очень приятной внешности легонько похлопала меня по плечу, подняла за подмышки и, погладив по ладони, спросила:

— Впечатляет?

Я отстраненно смотрела мимо нее и бормотала:

— С ума можно сойти! Как пел! Как управлял моим сердцем! Не представляла, что так здорово бывает от музыки. А Фигаро — это что-то невообразимое! Чудо какое-то!

— Артист Ла-Скала. Единственное выступление, — как-то особенно торжественно произнесла ласковая тетя.

Во дворе нашего дома мне встретились подружки. Старшая девочка спросила:

— Ты что, влюбилась?

— Почему так думаешь? — удивилась я.

— Ты вся странно светишься.

— В театре была. Слушала «Севильского цирюльника».

И утром вместе с ветром за мной неслась удивительная музыка. Она звучала в шорохе шагов, в ветвях деревьев — такая, восхитительная, светлая, легкая!

ДУБОК

Мы выращиваем цветы на окнах класса. Моей подружке Оксане достался хилый, с засохшими, поломанными листьями. Она с таким старанием ухаживала за ним, что уже через два месяца, к концу четверти, цветок зацвел. Сначала на длинной толстой ножке появился бутон. А как-то утром мы зашли в класс и увидели огромный ярко-красный цветок с черными тычинками.

— Он зацвел в благодарность за твою любовь к нему, — сказала вожатая Оксане.

Девочка, смущенная похвалой, покраснела и опустила глаза. После этого события она еще больше стала интересоваться растениями.

Еще весной посадила Оксана дома в цветочный горшок желудь (она собирала их в парке для поделок). К великой ее радости скоро появился росток. С каким восторгом Оксана рассказывала всем о появлении каждого нового листочка. И вот она принесла дубок в класс. Он был настоящим красавцем. Прямой ствол толщиной с карандаш. Три яруса листьев сформировали крону.

Но на следующее утро, придя в школу, мы увидели на полу деревце, вырванное с корнем, растоптанное. Оксана удивленно и растерянно разглядывала остатки варварства.

— За что они его? — выдохнула она горестно и заплакала.

После уроков я провожала Оксану домой. У самой квартиры она вновь не выдержала:

— Я так любила его. А теперь он умер...

Я не знала, чем помочь подруге, и тоже заплакала.

ЛИЗА

— Как дела? — остановила меня во дворе Валя.

— Ничего, — ответила я беззаботно.

— Ничего — пустое место, — засмеялась подружка. — С учительницей наладила отношения?

— Не получается. Девчонкам из других вторых классов повезло.

— У меня тоже очень хорошая учительница. На совместном родительском собрании молодые учительницы из других классов стали ругать своих учеников за плохую дисциплину, а наша встала и говорит: «Дети в моем классе умненькие, жизнерадостные. Ну, иногда самолетик по классу пролетит. Случается, что записками перекинутся. Ну, значит, надо было им что-то срочно сообщить друг другу. Ничего тут не поделаешь. Хорошие, нормальные дети. Коллеги, не волнуйтесь. Через несколько лет гордиться своими ребятами будете». Видишь, какая она у нас умная. Мы ее очень любим! А одна молодая мама, увидев, на родительском собрании, что наша учительница седая, сказала

своей дочке: «Чему тебя может научить эта выжившая из ума старуха? Только спать на уроках будет». И вот уже месяц Лиза на уроках ничего не делает. Грубит Александре Сергеевне. Нам стыдно за Лизу. Учительница и с душой к ней, и со строгостью, а она ничего не хочет понимать. Недавно «брякнула» на уроке: «Моя мама сказала, что вы старая дура». Учительница даже несколько минут не могла урок вести. Села на стул и не шевелится. Тишина в классе стояла мертвая. Мы перепугались за Александру Сергеевну. Потом родители говорили, что у нее с сердцем было плохо из-за того, что ее очень беспокоит будущее девочки. Лиза никого не уважает, даже маму. У нее нет своего папы, и к ним приходят разные мужчины. Лиза злая на всех, потому что ее никто не любит. Она нарочно делает всем гадости.

— А за что же ее любить? — удивилась я.

— Все мы бываем глупыми. Но всем хочется, чтобы их любили, — грустно возразила Валя. — Лизе нужна хорошая подруга. Жалко ее. Я попробую. Ты умеешь тайны хранить. Так вот, слушай, недавно она мне рассказала, что любит мальчика, а он на нее не обращает внимания. Она просила у меня совета.

— И что ты ей сказала?

— Что она должна стать вообще хорошей, а не только с ним, тогда он захочет с нею дружить.

— А она?

— Сказала, что плевать ей на других. И глаза при этом злые сделались. Мне горько, что не сумела ей ничего объяснить. Видно я плохая подруга.

— Вот видишь, не надо тебе с нею водиться.

— Надо. Кто-то должен ей помочь. Мама говорила, что Лизе нужен хороший отец.

— Александра Сергеевна отказывается ее учить?

— Нет, конечно! А ты попросила папу перевести тебя в мой класс? — вдруг спросила Валя.

— Никак не могу решиться.

— Поскорее решайся. До свидания. Заходи.

И убежала. А я загрустила.

РОКУЭЛЛ КЕНТ

Ко мне пришла в гости племянница соседки тети Веры Олеся с большой папкой для черчения и показала рисунок, который собирается отнести в художественную школу на конкурс, перед тем, как сдавать вступительные экзамены.

— Почему ты домик нарисовала как-то странно, черточками? — удивилась я.

— Это такой способ рисования — графика, — ответила подруга.

Потом она очень осторожно развернула белую бумагу, и передо мной появилась огромная черно-белая лакированная обложка книги, на которой особыми, неровными буквами было написано «Рокуэлл Кент». Олеся не дала мне книгу в руки, а сама листала, стараясь не замять уголки страниц.

— Здорово пишет?! Так говорят о настоящих художниках. А вот графическая работа.

И Олеся открыла передо мной страницу. Я остолбенела. При первом взгляде на картину меня будто током ударило. Сначала не могла сообразить, что поразило меня в этом рисунке. Внешне ничего особенного. Простым карандашом на белом фоне изображена достаточно крупная женщина с приятным, усталым лицом. Она стояла в развалинах на коленях. Олеся хотела перевернуть страницу, но я молча отстранила ее руку. Глядя на

лицо, фигуру женщины, отдельные камни, я пыталась понять, что потрясло и удивило в этом, казалось бы, торопливом наброске? Рассмотрение отдельных частей картины ничего не дало. Значит, на меня странно действует вся картина. Несколькими простыми линиями художник изобразил добрую, сильную женщину. В натруженных руках, крупных формах ног, в изгибах губ чувствовались страдание и непосильная тяжесть забот. Почему камни вокруг? Она погорелица? Камни не похожи на пепелище. Они вдруг представились мне разбитой судьбой, несбывшейся мечтой. Взгляд упал на мелкие буквы под картиной: «Измученная войной Европа».

— Кто такая Европа? — спросила я у Олеси.

— Это часть материка. Мы тоже в Европе живем.

Значит, усталая женщина — это измученная войной страна?! ...И поплыло из глубины памяти:

Славная осень, морозные ночи, Ясные тихие дни...

Здорово и просто! И здесь только тонкие карандашные линии. А передо мной — трагедия всей Европы.

Олесе надоело ждать. Она нетерпеливо отвела мою руку, желая показать то, что ей понравилось в картинах. Но я была уже переполнена эмоциями.

— Гений... Он как Некрасов... Гений... — шептала я.

Мне надо было остаться одной, чтобы не потерять радостное ощущение понимания.

Потом еще много дней я пребывала под впечатлением этой картины. Я просыпалась — она стояла перед глазами, бежала на уроки, а глаза измученной женщины смотрели на меня и просили: «Помоги». Я помнила каждую черточку на рисунке и чувствовала, что если уберу какой-нибудь камень, или как-то иначе наклоню плечо женщины — рисунок потеряет что-то важное. В картине не было ярко выраженного внешнего трагизма. Он находился внутри нее, как и внутри меня.

ЛЕРМОНТОВ

Что-то долго нет Оли. От скуки перебираю книги деда. Ничего детского. Вдруг на последней полке под справочниками по медицине обнаружила старую, пожелтевшую книжку. Точнее то, что осталось от нее. Полистала. На картинках бравые усатые офицеры, красивые женщины в старинных нарядах. Добралась до первого заголовка: незнакомое слово «Тамань». Прочитала несколько строчек и уже не могла оторваться. Спокойные, складные, как в стихах, слова текли неторопливо. Мне немного грустно от них. Но грусть легкая, не рвет сердце, а проникает глубоко.

Лежу на диване и размышляю. Странная книга. Мне просто приятно ее читать, наполняясь музыкой слов. Не важны лица героев. События интересны, но они — не главное.

Моя Лиля из городского детдома любила по воскресеньям слушать по радио сказки. Она считала, что возвращается в раннее детство, потому что в войну не читала книжек. Может, и так. У меня по-другому. Мне сказки нравятся из-за того, что я слышу в них мелодию. При этом я переполняюсь такими же приятными ощущениями, какие были от музыки, возникавшей в моей голове еще до школы.

И теперь, когда в квартире никого нет, я беру любимую книжку и погружаюсь в счастливое забытие. Вновь и вновь плыву в волнах радости, проникаюсь музыкой, сливающейся с мелодией моей души. Я — в неземном мире чувств. Я растворяюсь в нем. Он не звонко-радостный, а нежный, чарующий, особенный. Не мирской.

МИША

Мишу я сразу заметила: веселый, ласковый. Все у него получается легко, и неловкости с ним никогда не чувствуешь. Ходит солидно, как маленький мужичок, говорит неторопливо. И думает по-особенному. Вот спрашивает Наталья Григорьевна девочек:

— Зимой и летом — одним цветом. Что это?

А он с места отвечает:

— Памятник.

Учительница сердится и заставляет его замолчать. А недавно Наталья Григорьевна отправила ко второму завучу Альку за то, что та не выучила стих. Перемена прошла, а ее все нет. Все волнуются, а Миша спокойно говорит:

— Аля в кабинете завуча роман «Война и мир» пересказывает.

Все засмеялись. И сразу стало спокойнее.

Мне казалось, что Миша самый счастливый в нашем классе. И вдруг он не пришел в школу. Я заволновалась. После занятий мы с Ниной пошли к нему домой. Миша встретил нас на пороге:

— Заходите тихо, мама с трудом засыпает.

Мы сняли в коридоре галоши и прошли в чисто подметенную комнату.

— Я не буду на этой неделе в школе. Дома надо помочь, — добавил он.

А через два дня Мишиной мамы не стало. После кладбища мы сидели на бревнах у их дома и слушали старую словоохотливую соседку.

— ...Когда в третий раз обворовали Марусю, села она посреди хаты, сложила руки на груди и сказала: «Почему на доброту люди отзываются злом? Из последних сил мешки таскаю, вместо лошади сохой огород пашу и только для того, чтобы прикрыть детей от холода, чтобы от голода не сводило их желудки. А тут пришли и забрали последние одеяла, даже старыми платьями дочерей не побрезговали. Остались в том, что было одето на себе. Ни одной вещи во всей хате! Сентябрь на дворе. Господи! За что? За то, что ни один нищий и убогий не ушел из моего дома голодным? За то, что после довоенной, счастливой жизни не было ночи нормального сна. Спала только когда была уже не в состоянии шевельнуть ни ногой, ни рукой. И вскакивала в первую минуту ощущения еще живого тела. И все без ропота, с улыбкой. Не крикнула ни на кого, не оскорбила. За что такая судьба? Сил нет больше. На что такая жизнь нужна? Одни страдания. Вот сейчас наложу на себя руки, — и все беды сразу уйдут». Взгляд ее упал на печь, где тихо посапывали трое. Посидев в полузабытьи, она тяжело встала и медленно побрела к своей кровати, где лежал меньшенький. «Надо жить для них. Надо», — бормотала она не то во сне, не то в бреду... Война закончилась. Повезло ей. Муж живым вернулся. Золото он у нее. На радости Миша на свет появился. Да только здоровье не удалось поправить. Надорвалась. Любил Коля жену, помогал, как мог: и корову доил, и стирал по ночам. Но свечкой угасала Маша. Дети последний год сами еду готовили, прибирались, все хотели маму сберечь. Хорошая семья была, дружная. Как-то теперь их жизнь сложится? Не хочет он жениться. А кому детей обиходить? А огород, а хозяйство? Эх, судьбина горемычная! Никому счастье надолго не дается. Жаль. Детки у них все удивительно талантливые. Им бы учиться, да учиться...

Керосиновая лампа в окне тускло освещала стол, за которым сидели соседи. Люди тихо входили, выходили. Скрипела калитка.

ЛИВЕРНАЯ КОЛБАСА

Седьмого ноября — праздник. У нас на столе мои любимые куриные крылышки и тушеные с картошкой желудки. Я целый день объедалась, слушала радио и опять объедалась. А утром, восьмого, вся наша дворовая компания собралась на качалках в кустах акации и шумно делилась впечатлениями от праздника.

Прибежал в растрепанных чувствах Витька.

— Ребя, — сказал он понуро, — вчера мамка купила целый килограмм ливерной колбасы и дала мне в обед маленький кусочек. Я даже раскушать не успел. Всю ночь не мог заснуть. Слюна текла. Хлебом заедать не получалось. А под утро не выдержал, залез в погреб, от круга колбасы отрезал большой кусок и даже не заметил, как тут же на ступеньках проглотил. А теперь боюсь: врежет маманя. Во-первых — без разрешения, во-вторых, съел почти половину всей колбасы, а покупали на всех. Теперь и сестренке мало достанется. Не мог совладать с собой. Если с хлебом, то, может, меньше съел бы? Прямо нашло на меня. И совесть мучает. Сдерет маманя с меня шкуру. Точно сдерет.

Все сочувственно молчали. Мне стало неловко оттого, что пять минут назад хвасталась обедом, поглаживая сытый животик. «Дура непутевая», — злилась я на себя, лихорадочно выискивая способ помочь Вите. Вдруг осенило: «Деда во дворе все уважают. И хотя он не любит влезать в чужие дела, уговорю его спасти Витьку!»

Не знаю, о чем беседовали взрослые, но ремня Витька на этот раз не получил.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

8-е ноября. Время обеда. Пытаюсь помогать на кухне, но Оля нервничает и отправляет меня во двор:

— Придешь, когда позову, — говорит она мне.

Не успела я отыскать своих друзей, как донесся веселый голос деда:

— Иди скорее домой! Гости у нас.

Мигом взлетела на второй этаж, распахнула дверь и увидела мальчика моего возраста. Он был одет в коричневую «вельветку» (вельветовую курточку) и черные брюки. Его глаза не проявили ни капельки интереса ко мне. Но тут из-за портьеры выглянула веселая, молодая женщина и обратилась к сыну: «Коля, знакомься и садись рядом». Но он сел со своей мамой, а я — около деда. Напротив меня расположился, как мне показалось, немолодой, лысый, полноватый человек с безразличным взглядом. Венец седых коротких волос окружал его правильной формы голову. Дед стал шумно произносить тосты за праздник и за здоровье присутствующих. Взрослые дружно пили и ели. Я из-под ресниц поглядывала на Колю. Он на меня не смотрел и старательно ковырялся в тарелке.

После обеда молодая женщина все время пыталась заставить нас играть вместе, но Коля сторонился меня, а я, видя его нежелание, терялась. Моя смелость и энергия куда-то девались. «Может он меня боится?» — недоумевала я.

На улице только что прошел дождь. Его серебряные следы еще не высохли на стекле. Вода собиралась в капли и стекала, нарушая четкий косой рисунок. Солнце неяркое, расплывчатое. Включила свет и открыла окно. Капли на ветках вспыхнули розовыми, желтыми и красными огоньками. На сердце потеплело. Я уже не сердилась на нового знакомого.

Коля разговаривал с мамой. Мужчины вели свои разговоры. А мы с Олей были одиночки. Я почувствовала, что обстановка в комнате странная, излишне суетливая. Неестественно веселая молодая женщина бросает короткие взгляды на меня и тут же переводит на других, смеется залиvisto и при этом почему-то обеспокоено смотрит на мужа. Дед все время хлопывает ее по плечу, как меня после очередной тройки. Он тоже напряженно-веселый.

Спать гости легли на полу. Дед уснул. Оля пошла во двор «подышать». Гости зашептались. До меня долетали слова:

«Отец пить стал... Пропадет... Придется до лета забрать... Она будет иметь право на квартиру... Может, Оля переберется?..» Куда забрать? Я поняла, что речь шла обо мне и забеспокоилась.

Утром родственники уехали. Дед сообщил, что после нового года я поеду в гости в деревню. У меня отлегло от сердца. Почему бы, не съездить?

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

После разговора с Валей много раз пыталась объяснить с учительницей. Она видела, как я мучаюсь, но жестким непроницаемым взглядом отталкивала меня или делала вид, что не замечает. Наталья Григорьевна превратилась для меня в непреодолимую стену.

В первом классе я никогда в школе не уставала. А теперь, если не удавалось отключиться на уроках, возвращалась домой с головной болью. Наша Анна Ивановна тоже никогда не улыбалась, но она была справедливая и заботливая. А эта — жандарм. У нее вместо души — железный автомат. У меня совсем пропало желание учиться. Я не испытывала радости от уроков, как бывало в первой школе.

Еще раз пересилила себя и в коридоре очень вежливо попросила Наталью Григорьевну вызвать меня к доске. Но она грубо оборвала меня на полуслове, сказав, что не собирается тратить время попусту. Подошел Миша и тоже попросил спросить его хотя бы на перемене. Он хотел исправить единственную за четверть четверку. Не получилось. Он сдержался, не заплакал, хотя слезы стояли в глазах. Отошел от Натальи Григорьевны и долго смотрел в окно. А там хмурое небо. Безрадостное белесое солнце безрезультатно пыталось пробиться сквозь нудный упрямый дождь. Через форточку слышу, как надсадно скрипят тополя. «Нет, не устроится все само собой», — тоскливо думаю я.

К празднику я выучила большое стихотворение, в парке много раз повторила его с выражением. Надеялась, что хоть в такой день она позволит показать, на что я способна. Но, увы, Наталья Григорьевна спросила любимых девочек, похвалила их, и все. На этих девочек я не обижаюсь, как некоторые мои одноклассницы. Они не виноваты, что Наталья Григорьевна их спрашивает. Зоя — дочка учительницы — на самом деле очень хорошо учится. Оля читает намного хуже меня, зато в сто раз лучше пишет и тоже имеет право на пятерки. Варя, конечно, не заслуживает, но очень старается. Уж так она переживает за каждую четверку, будто от оценки жизнь зависит. Наверное, ее сильно наказывают. Гляжу на ее опухшие красные веки, опущенные книзу уголки губ, вечно зажатый в кулаке носовой платок, и становится жаль несчастную. Почему училка такая злая? У нее есть муж, дочь, зять. Недавно ее поздравляли с внучкой. Чего ей еще надо! Грех, наверное, желать большего. Всем бы столько счастья. В нашем классе у половины девочек нет отцов, а шесть девочек живут с бабушками.

На дополнительные занятия Наталья Григорьевна меня тоже не вызывает. Я в конце четверти сама пришла. Но она так и не заметила моей все время поднятой руки. Боже мой, меня ждут три года мучений!

Сначала я очень переживала, мучилась, но с каждым днем обида утихала. Я становилась безразличней, привыкала болтаться после уроков по улицам. Приходила домой, только чтобы поесть. Олю мои школьные дела не волновали. Деду старалась не попадаться на глаза с тетрадками. Для того чтобы подписать дневник, выбирала момент, когда он был навеселе или очень хотел спать. Поначалу стыдилась, потом научилась находить себе кучу оправданий. Старалась не думать ни о чем. День прошел и ладно. Гоня с ребятами по улицам, забывала о своих проблемах. С Валей встречалась редко и не разговаривала по душам. Гуляла с теми, кто в этот момент оказывался рядом. Мне было все равно, с кем, лишь бы бежать, догонять...

Давно не заглядывала под диван. Не смею. Мне стыдно перед старыми друзьями. Я не имею права летать в царство белых облаков, потому что плохо учусь, волну деда своим безразличием ко всему. Он не понимает, что со мной происходит, и сердится. А я не хочу рассказывать ему про завучку, потому что ее все боятся. Он все равно не поможет, только заболеет. У меня нет желания не только учиться, но и жить. Анна Ивановна! Мне плохо без Вас. Хочу в Ваш класс.

Тихо лью слезы на тетрадку. Химический карандаш расплывается на корявых печатных буквах. Витек, что мне делать? Петя, Лиля! Помогите!

Слышу шаги Оли. Мигом ложусь на диван лицом к спинке. Оля меня не трогает. Она

вообще меня никогда не трогает. Будто я не человек, а пустое место. Лишь бы дед Яша так не поступал. Я такого не вынесу.

Олю позвала соседка, а я пошла в парк. Давно не слышала птичьих голосов. Сегодня беспокойное разноголосье заполнило парк. Обуяло птиц предполетное волнение. Залезла на дуб. Гляжу вдаль. Грустят в небе журавли. С болота доносится гогот и хлопанье крыльев. Воробьи сбиваются в стаи и суетливо перелетают с куста на куст. Зачем? Они же остаются с нами. Высоко в небе стаи неизвестных мне невольных странников летят навстречу теплу. Торопятся. Прилетайте скорее назад. Ваша родина здесь, где будут расти ваши детки. А там вы отдыхаете на зимних каникулах.

Унылое настроение. Куда бы улететь на время от своих неприятностей?..

Огляделась вокруг. Слева поредевший серый, скучный лес неожиданно открыл несколько светлых деревушек, скрытых летом плотной зеленой стеной, и этим сделал неузнаваемой привычную картину. Спереди закат горит расплавленным металлом. Вблизи, в парке, порывы ветра отряхивают последнее золото раки. Пестрая метель радуется несколько мгновений. Окропив блеклую траву газонов, она затихает до следующего вихря. Сыро, неуютно. Зябко передергиваю плечами, опускаюсь на землю и медленно иду домой.

НОВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Наталья Григорьевна заболела, и к нам пришла молодая веселая учительница. Она всем понравилась. Мне захотелось выполнять ее задания только на пять. Я тянула руку выше всех, даже подскакивала на парте. Алла Николаевна радостно улыбалась моему старанию и обязательно вызывала. В эти дни я была самым счастливым человеком в школе. Учительница задала по чтению выучить длинный рассказ. Вечером я прочитала его и попыталась пересказать. Почему-то не получилось. Я растерялась. Не могу же я перед Аллой Николаевной опозориться?! И так мне стало страшно, что слезы полились из глаз. В комнату вошел дед и спросил:

— В чем трагедия?

Дрожащим голосом объяснила. Он выслушал меня и серьезно сказал:

— Ты не умеешь учить уроки. Память хорошая, поэтому, прочитав текст два-три раза, ты выучиваешь его наизусть. А с большим — естественно, не справилась. Сядь, научу пересказывать. Сначала объясни, в чем суть данного рассказа двумя-тремя предложениями.

Я ответила.

— Правильно. Но лучше и точнее сказать, что речь идет о смелой, доброй девочке, которая не побоялась темноты и плохой погоды ради того, чтобы порадовать чужих людей. Ну, а теперь попробуй коротко рассказать обо всех событиях.

Я говорила, а дед пояснял:

— Мелкие детали опускай, а вот радость, которую испытала школьница, обязательно упомяни.

Когда же я попыталась подробно пересказать текст, то поняла, что это самая трудная задача, потому что я все время говорила целыми заученными фразами, а соединять их между собой не умела. Дед засмеялся:

— Говори своими словами, так, будто сообщаем тебе о том, что происходило за день в классе. Поняла? И еще. Тебе необходимо составить план.

— А что такое план? — растерянно спросила я.

— Короткие фразы о содержании каждого абзаца.

Поняв, что я утомилась, дед сам составил мне план.

— Ну, хватит трудиться. Перед сном еще раз повторишь пересказ, — сказал дед одобрительно.

Усталая, но довольная, я легла в постель. «Как просто дед все объяснил! И страхи прогнал. Что бы я без него делала?» — думала я, спокойно засыпая.

На следующий день за домашнее задание я получила «отлично». Алла Николаевна похвалила меня. Но, когда в конце недели она проставляла отметки из своей записной книжки в журнал, ее ручка замерла около моей фамилии. Она растерянно посмотрела на мои двойки и тройки и не решилась поставить рядом пятерки. Счастье закончилось.

ДИРЕКТОР

Иду по коридору. В школе очень тихо. Началась вторая смена. Слышу, как директор разговаривает с Валерой из нашего класса:

— Опять опоздал на дополнительное занятие? Учительница в класс не пускает?

— Да, — уныло ответил ученик.

— Мама на работе задержалась?

— Да.

— Отец опять пьяный?

Мальчик понуро опустил голову.

— Обедал?

— Хлеб с молоком ел.

— Покажи руки.

Директор подошел к раковине в углу коридора, вымыл мальчику руки, вытер своим носовым платком, потом открыл дверь в класс и сказал:

— Иди на место.

Увидев меня, он мягко спросил:

— Почему не идешь домой?

— Не хочется, — ответила я безразличным голосом.

— Но ведь надо?

— Жду, пока дед придет с работы.

— А ты приди раньше, уроки сделай и порадуй его.

— Уже не получается.

— Почему?

— Не ябеда.

— Ябеда, если себе на пользу, а другим во вред.

— Ее все боятся.

— И я?

— Не знаю.

— О ком ты?

- Не скажу.
- Я никого не боюсь. Когда захочешь, скажешь?
- Даже начальники боятся других начальников и плохих людей, а я не хочу стать сплетницей, потому что не понимаю, когда можно говорить, а когда нет.
- И будешь мучиться?
- Не привыкать.
- Я не сплетник и плохого тебе не сделаю. Почему ты недоверчивая? Обидел кто-то?
- Не понимаю взрослых. Я одному дяде сказала, а потом дед пил лекарство. Взрослым нельзя верить. Сама разберусь, не маленькая.
- Давно взрослая?
- Давно.
- Иди домой и все-таки еще раз попробуй порадовать дедушку, — попросил директор.
- Не приказал, попросил. Он не ехидничал, беседовал как с равной себе, не свысока. И лицо при этом у него было домашнее, грустное. Нет, не стану ему ничего рассказывать. Он слишком добрый и не справится с завучкой. Он как мой дед.

ЖАЛОСТЬ

Сегодня выпал первый снег. С перемены прибежала в класс разгоряченная, веселая. По спине текли ручейки таявшего снега.

Ребята сбились в кучку и что-то громко обсуждали. Мне объяснили, что кто-то попал Ване снежком в глаз. Мальчик тихо плакал.

— Ерунда, заживет как на собаке, — беззаботно сказала я, садясь за свою парту. — Из-за боли никогда не стану реветь, я только от обиды слюни распускаю.

— Все боятся боли, — тихо, но твердо сказал Толя.

— Давай проверим, — раззадорилась я, — коли мне руку булавкой.

Толя взял у кого-то из девочек булавку и осторожно дотронулся до кожи.

— Давай, чего трусишь? — усмехнулась я.

Толя нажал сильнее и при этом испуганно посмотрел на меня. Я засмеялась:

— Уж и уколоть не можешь, как следует? — фыркнула я, победно оглядывая одноклассников.

Толя медленно протянул булавку к моей руке, но, не доведя до ладони, отдернул и отошел.

В классе стояла странная тишина. Все смотрели на меня испуганно и растерянно. В их взглядах я чувствовала неодобрение. Они не понимали, чем я хвальнось. Человек должен чувствовать боль, и его должно быть жалко. А меня не надо было жалеть. И в этом было что-то недоброе, нехорошее, неестественное. Мне стало неловко своей бравады. Оправдываясь перед собой, я думала: «Если бы вы знали, откуда эта привычка терпеть боль, то не смотрели бы на меня как на динозавра».

От неловкости затянувшейся паузы меня спас звонок на урок. Неожиданная реакция учеников меня удивила, озадачила и заставила задуматься о многом.

ПРОЩАЛЬНАЯ ШУТКА РЕБЯТ

Сегодня с утра класс гудит как улей. Ребята узнали, что наконец-то их переводят в мужскую школу, и теперь без страха делятся секретами:

— У нее, если отличник, то человек, а если троечник, то ноль. Мой папа лучший водитель в автопарке. Его портрет висит на Доске почета. Сам видел. Но пишет он с ошибками. Не получалось у него в школе по русскому. Зато моторы любит и железки всякие. Про него в газете писали — золотые руки. Мамка бережет эту вырезку, а папа смущается, говорит, что ерунда это все. А самому приятно. Я тоже буду механиком или шофером. Мама сказала: «Главное, чтобы лодырем не вырос». Я уже помогаю папе мыть в керосине детали, — горячо выступал Валера.

— Почему Элька папе на Наталью Григорьевну не пожалуется?

— А зачем? Она же ее не трогает.

— А других Эльке не жаль? А сидеть в классе, где беспрерывно ругают, ей приятно?

— Эле самой бывает неловко за учительницу, когда она заискивает перед нею из-за папы. Она даже краснеет.

— Эльке стыдно, а Наталье Григорьевне — нет. Вот, дела!

— Когда Элька вырастет, ей тоже не будет стыдно.

— Зря ты так. Эля — хорошая.

— А я хитрый! Когда опаздываю на урок, то с Элькой в класс захожу, чтобы не влетело, — весело сообщил Коля.

— Ура! Нас берет в свой класс Алла Николаевна!

— Повезло вам.

Вошел бледный Дима. Все бросились к нему:

— Что случилось?

— Меня теперь из школы выгонят, — грустно сказал он и вяло опустил на парту.

— За что? — загалдели все хором.

— Каждый день после уроков Наталья Григорьевна проходила мимо нашего дома и обязательно заглядывала к нам. Мама уже не знала, чем ее встречать: то цветы ей срежет с грядки, то овощей даст. Маму уж тряссти начинало, как только увидит учительницу. Ну, я взял и вынес ей вчера кусок хлеба. Она от злости калиткой как хлопнет.... Потом остановилась и стала угрожать. Мама весь вечер проплакала.

Наступила испуганная тишина.

— Как ты мог! — в один голос вскрикнули девочки.

— Сосед уговорил. Он в ремесленном учится.

— Не волнуйся, завтра нас переводят в другую школу, — успокоил Диму Миша.

— Что нам устроить Наталье Григорьевне, чтобы она долго нас вспоминала? — спросил тихоня Стасик.

— Ты-то чего на нее злишься? Тебя она редко трогала.

— А чего она за всю четверть никого из мальчишек к доске не вызвала? Мы разве виноваты, что в ее класс попали? Сама взяла. И в рисовании она ничего не понимает. Я изобразил на уроке своего брата, а она говорит: «Неправильно. Голова человека должна составлять седьмую часть от всего тела». Я спросил: «И у грудного ребенка тоже?» А она разозлилась, потому что я прав. Мы в доме пионеров проходили пропорции тела человека.

— Дима, не показывайся сегодня на глаза учительнице. Заболей, — посоветовала Аня.

Ребята собрались в кучку и зашептались.

Прозвенел звонок. На пороге появилась Наталья Григорьевна. Все замерли, опустив глаза в пол. Три урока прошли на удивление спокойно. Даже издевок как будто было меньше обычного. И своей любимице Тоне она не советовала «заткнуть форточку задницей», если ей холодно сидеть у окна, и ненавистной ей курносой Вале не обещала выбить последние куриные мозги. Начался четвертый урок — чистописание. Мой главный враг. Все дружно вытерли перышки о перочистки, окунули их в чернильницы и начали писать буквы. Ничего не получилось. Девочки вновь торопливо застучали перьями о стекло чернильниц. Но они опять не оставили следа на бумаге. Шумок прошел по классу. Девчонки усердно трясли чернильницы, смотрели их на свет — чернила есть. Удивленные возгласы понеслись со всех сторон. Кто-то шепнул: «Карбид съедает краску, обесцвечивает ее».

Известие вмиг облетело класс. Наконец, девчонки все поняли и сначала, по привычке, испугались. Но когда ребята захохотали, они тоже не выдержали. Наталья Григорьевна почернела как туча и гаркнула:

— Что творится в классе? Встать! Прощальный фейерверк мальчишек? Показала бы я вам кузькину мать, поганцы, сгноила бы ваши тупые мозги. Но я рада от вас избавиться!

— Мы тоже, — тихо, но четко произнес кто-то позади меня.

Наталью Григорьевну передернуло, но она не стала искать виновного. До конца урока мы простояли. Никто не возмущался, не роптал. Никто не отрывал глаз от пола.

СКУКА

Скучно без ребят. Не с кем боксировать, толкаться в коридоре. Какая-то кладбищенская тишина стоит в классе. Устные уроки девчонки отвечают тихими голосами. Но хуже всего мне без ребячьих придумок. Вот как-то Толя Биев принес трубочку из камыша и стал плевать из нее бумажными шариками. Нажует их целую горку за урок, а потом всю перемену стреляет. Ребята новую игру мгновенно подхватили. И каких только трубочек я не увидела: длинные, короткие, толстые, из разного материала. А шариков — неисчислимое разнообразие! Я из всех постреляла. Ребята давали. Каждому хотелось похвалиться и показать, что он достиг совершенства! Устроили у доски соревнование. Гвалт, визг по классу! Здорово! Правда, чуть не подрались. Ну, чуточку подрались. Но это нормально. В играх тоже некоторый порядок должен быть.

А сколько радости было в метании стрел! Какие хвосты придумывали! Какой-то стабилизатор изобрели. Я, правда, не поняла про него. Всего-навсего в хвост стрелы вставляли расщепленные птичьи перья, а полет преображался. Даже девчонки увлеклись делать красивое оперение хвостов, чтобы издали было видно, чья стрела лучше летит. Восторг! Ребята любят подражать друг другу. Один что-то придумал, и тут же заражаются остальные. Девчонки другие. Мы приглядываемся, потихоньку учимся, пробуем, не понравилось, — бросаем. Ребята думают только о том, как сделать интереснее. У них всегда в играх соревнование. Только почему-то в уроках его нет. Это они нам девчонкам оставляют.

А вот с рогатками вышла неприятность. Деревянные рогульки учительница сразу отбирала. Тогда все стали делать оружие из тонкой резинки, которую вытаскивали из бельевой. Из трусов, конечно. Скатаешь рулончиком кусочек бумаги — и шлеп во время урока по кому-либо. Тот почешет затылок, обернется, покажет кулак неизвестно кому и успокоится. Попробуй, угадай, кто твой чубчик украсил! Но вдруг в классе появились «заряды» из согнутой толстой алюминиевой проволоки. Девчонки сразу зашумели, что больно будет, что не надо ими стрелять. Но Валерка не послушался. Мне от него на уроке досталось по затылку. Я обругала его безмозглым. А на перемене он попал сыну директора школы в лоб, да так сильно, что снаряд проник под кожу и застрял там. Видно, с близкого расстояния стрелял, в упор. Первоклассник заплакал, и его отвели к медсестре. Мы окружили Валерку:

— Ты что, рехнулся в меньшого стрелять?

— Я в своего метил, а он появился в этот момент. Я не хотел обижать первоклашку, — испуганно оправдывался Валера.

— Что теперь будет? В сына директора попал! — стонали девочки.

Все срочно избавились от своего «оружия».

Директор вошел в класс твердой военной походкой. Мы встали и замерли. Все считали себя виноватыми. Удивительно тихим, спокойным голосом директор сказал:

— Ребята, в игре тоже должны соблюдаться правила безопасности. А если кто-то из вас попадет другу в глаз, и он останется калекой? Тогда беда войдет в дом. А стрелявший всю жизнь будет мучиться за преступление, совершенное по глупости. Я не против игр. Только играть надо по-умному. Думаю, после этого случая вы повзрослеете.

Он ушел. Наталья Григорьевна тогда целый урок ругалась, а мы молча «пережевывали» слова директора.

ВЕСТСАЙДСКАЯ ИСТОРИЯ

Пришла с прогулки. Дед ворочается в постели. Оля тихонько похрапывает. Я жую хлеб и слушаю радио, включенное на малую громкость.

Незнакомая, особенная музыка заставила напрячь слух. Приятный ритм танца сменился красивым чтением текста. У меня мурашки побежали по плечам от проникающего в душу голоса. Прислушалась к событиям в пьесе. Он. Она. Другой. Ревность. Драка. И все — на фоне постоянно меняющейся то трагической, то бодрой, то грустной музыки. Вдруг главный герой запел: «Марья, Марья, Марья-ы-и-я».

Песня звучала на чужом языке, но я четко понимала, что поет страстно влюбленный человек и глубина его чувств бездонна, а душа ранима и бесконечно нежна. Она то воспламенялась ярко и радостно, то страдала и тяжело стонала. Человек мучился в неведении, в страхе потерять ту, которая для него важнее всего на свете. Каждый звук песни говорил: «Мир прекрасен. И самое главное в нем — любовь».

В музыке спектакля я слышала другую, незнакомую жизнь. Герой пел широко, но как-то не по-русски. Иначе. Не могу объяснить словами. Я чувствовала сильного, уверенного в себе человека. Он сдержан, напряжен, как готовый к прыжку тигр. В его голосе — уважение к себе, способность постоять за близких ему людей. Музыка рисовала мне красивое, решительного, взволнованного человека. Чувства рвались из глубины его души, но боязнь потерять любовь вносила толику горечи, не давая выразить их легко и свободно. Но в них главное — всепоглощающая любовь, ради которой стоит жить и стоит умирать.

Мелодия не отпускала меня. Я хотела слушать ее бесконечно долго. Я дрожала, как туго натянутая струна, от восхищения, восторга и приятного возбуждения. Нежная страсть голоса героя вызывала во мне бурю незнакомых чувств, потрясала, непонятно волновала. Я чувствовала, как кровь приливает к вискам и тепло разливается по всему телу. Оно даже в кончиках пальцев. Странное удивительное состояние души! Что со мной? Во мне проснулось ощущение того, что я, девочка, способна понять чувства взрослого парня, его любовь к девушке, вовсе не такую, как к бабушке Мавре, тете Маше, Витьку?

Как когда-то в раннем детстве я узнала, что такое сладкое, горькое, что значит слово «боль», так теперь в «Марье» я впервые почувствовала новый смысл слова «любовь».

Спектакль закончился, а я все слышу дивную музыку и ощущаю внутри себя сладостное, волнующее, щемящее, теперь уже желанное чувство. Яркая, приятная волна пробежала по моему телу вновь и вновь, вызывая ощущение неведомого, неосознаваемого, тайного...

Когда на следующий день во дворе я делилась впечатлениями от спектакля с Валец, то за спиной услышала ехидный голос Нины Бубновой:

— Сколько тебе лет?

— Десять, — ответила я сердито.

— И в этом-то возрасте ты умудрилась понять сладострастное, эротическое вожделение? Ну и ну. Что с тобой будет через пять лет?

Издавательский, брезгливый тон соседки испортил мне настроение. Что дурного в том, что мне понравился спектакль? Может, и правда детям понимать взрослую музыку — плохо? Почему из меня должен вырасти гадкий человек? Она хотела сказать, что я уже сейчас испорченная девчонка? Неправда! Не хочу быть плохой! Внутри меня похолодело. Я сжалась. Мелькнула и обожгла страшная мысль: «Она знает, что я детдомовская». Внезапно из памяти всплыла противная усмешка воспитательницы, говорившей: «Подкидыши, как их матери, вырастут непутевыми».

Я не поняла смысла слов тети Нины, но они больно ударили меня в сердце. Я чувствовала, что она ругает меня. В чем я виновата? Я хорошая. Буря раздражения поднялась во мне. Я схватила кусок кирпича, но Валя вцепилась в мою руку. Тетя Нина отскочила и засмеялась довольная тем, что сделала мне пакость. Валя потащила меня домой.

— Не обращай на нее внимания. Не показывай, что понимаешь ее колкости и обижаешься, а то она нарочно будет мучить тебя. Играй при ней в дурочку. Поняла? — учила Валя, заботливо вытирая мне слезы.

СТЕПА

Познакомилась со Степой случайно. Рано утром отправила меня мама Оля с запиской к родне. Натянула я шапку-милицейку с красным крестом наверху, длинным шарфом обмотала шею. Ботиночки-румынки одела мягкие, легкие. Не иду, приплясываю. Мне захотелось срезать путь и пройти огородами. Тропинка хорошая. Ее каждый день с пяти утра протаптывают рабочие, когда идут в первую смену. Еще темно. Звезды тускло смотрят сонными, туманными глазами. Навстречу идут женщины с пустыми ведрами. Старушка тащит сани полные сушняка. Перебрала немного. Тяжело ей. Остановилась отдохнуть, а санки сдвинуть уже не может. Сбросить лишнее бревнышко жалко. Вон откуда тащила! Я уперлась ногами в обледенелые камни, и мы вдвоем кое-как сдвинули деревянные сани. Теперь до следующего прохожего. Еще раз оглянулась на бабусю. Толстой веревкой перетянуты плечи и руки. Сильно наклонившись вперед, подметает дорогу черной широкой юбкой.

Вдруг передо мной появился непонятный человек. Голова поверх шапки замотана рваным платком. На плечах — женский балахон. На ногах огромные соломенные бахилы. Знаю, их называют эрзац-валенки. В них ноги человека казались толще его самого. Я успела заметить переброшенные через плечо солдатские ботинки и школьную тряпичную сумку. Таковую носили трое из нашего класса. Им школа покупала одежду и обувь. Они обедали в пионерской комнате. И завод каждый день давал их семьям бесплатно пять литров пахты (молочный обрат), чтобы меньшие братья и сестры не пухли с голоду.

За ужином рассказала деду про странного школьника. Оля предположила:

«Может, он из иногородних?» (Так называли детей из близлежащих хуторов, которые посещали городские школы.)

Вскоре я «вычислила» (как сказал дед) незнакомца, когда заметила мальчика, выходящего из соседней мужской школы раздетым, с большой холщовой сумкой в руках. В субботу после уроков дед познакомился с ним, привел к нам домой и попросил рассказать о житье-бытье. Степа долго не хотел разговаривать, а когда я ушла на кухню, поведал деду, что хочет стать моряком и плавать в чужие страны. Мир хочет увидеть и маме привозить много вкусных вещей, чтобы она после детей миски не вылизывала.

— Чьи у тебя солдатские ботинки?

— Отчима, — понуро ответил Степа, и слезы покатались по худым щекам.

Он наклонил голову и пытался незаметно стирать их пальцами. А когда дед положил ему одну руку на голову, а другую на плечо, не выдержал, в голос заплакал:

— Не хочет отчим, чтобы я учился. Говорит, хлеб свой не отрабатываю. А сколько я его ем? И одежду берегу. И после школы все по дому делаю. А уроки редко пропускаю, только когда с отчимом на подработке хожу пилить дрова или кому яму выкопать за харчи. Уроки устные по дороге учу. В школе раз прочту, а потом иду домой и повторяю. Путь дальний — четыре километра. А пишу в школе, на подоконнике, потому что отчим керосин не позволяет жечь. Но я все равно семь классов закончу!

— Ты с моей родины, из Петровки?

— Да.

— Ну, так мы там почти все родня или, в крайнем случае, хорошие знакомые. Как мать зовут?

— Настя.

— Уж не Перова ли в девичестве?

— Перова.

— Ну, как же! Прадеда твоего знал. За уши меня оттащил как-то за шалость, — усмехнулся дед Яша, вспомнив что-то озорное, приятное, и позвал Олю: — Мать, отыщи мое довоенное полупальто.

Потом достал старый, потертый в локтях китель, галифе (брюки военного покроя), валенки с дырками на пятках и одел все на Степу.

— Годится! Валенки сумеешь сам залатать?

— Сумею.

— Ну и добро. А маме скажешь, что Александры Моисеевны сын в гости зазвал.

Что же сам не попросил помощи?

— Большой уж, попрошайничать.

На следующей неделе дед пошел в роно «выбивать» Степану материальную помощь.

ГОЛУБЬ

Вышла погулять. Села на скамейку. Разглядываю людей, слушаю томное голубиное воркование. Меня заинтересовало скопление кошек около парка. Ого-го сколько их тут! Зачем здесь собрались? Еще одна кошка мелькнула перед глазами. Я за ней. У ограды, неподвижно, закрыв глаза, сидел на снегу голубь. Я потрогала его сухой травинкой. Он открыл глаза и шевельнулся. Тут на белой груди красивой кошечки я увидела пятно свежей крови и вздрогнула от неприятной догадки. Присмотрелась к другим кошкам: у одной передняя лапка розовая, у другой — нос. Сердце защемило. Вдруг огромная пушистая серая кошка, проскочив у меня между ног, бросилась на голубя и ударила лапой по голове. Голубь взмахнул крыльями, но взлететь не смог и завалился на бок, оголив рану. Я отпугнула кошку. Она сердито мяукнула и ощерилась. Белая, обогнув угол ограды, выскочила с другой стороны, но я и тут упредила нападение. С десятков кошек всех мастей с противным криком бросались на мои ноги. Я не знала, что кошки бывают такие агрессивные. Сначала было жалко их пинать, и я только прикрывала птицу. Но когда они когтями стали рвать мои новые шаровары, схватила палку и разогнала нахальную свору. Кошки отбежали на приличное расстояние. Я стою, кошки сидят. Я хожу, и кошки ходят рядом. Замерзла, но не от холода, оттого, что какая-то тоска навалилась. Светило яркое солнце, а на душе было пасмурно, неуютно. Что делать? Огляделась. Тихо. Безлюдно. Мне, конечно, не разрешат оставить у себя больную птицу. Взяла голубя на руки, грею. Мимо идет мужчина в рабочей одежде.

— Дядя, помогите! — обратилась я в отчаянии.

Он подбежал.

— Что с тобой, дочка?

— Кошки хотят съесть раненого голубя. Спасите его, пожалуйста.

Он подумал мгновение, потом взял птицу и побежал по дорожке парка. Я за ним. Кошки за нами. У разноцветного домика он остановился.

— Тут пионерский клуб. Хочешь, сама отнеси, а хочешь, я его на балкон детям подкину?

— Я боюсь идти в незнакомый дом, — смущенно созналась я доброму дяде.

Мужчина подбросил птицу и, улыбнувшись, пошел своим путем. Не знаю, сколько я простояла около клуба. Никто не выходил. Подошла к двери. За нею слышалась музыка и детские голоса. Преодолев робость, я открыла дверь. В комнате у верстаков работали школьники. Взрослый снял очки и с любопытством спросил:

— Кого ищешь, девочка?

— Ищу доброго человека, который возьмет раненого голубя. Мы с дядей его на балкон к вам подбросили. Его кошки хотят съесть.

Ребята сорвались с места и бросились на балкон. Учитель недовольно покачал головой:

— Осторожно, не все сразу.

Когда самый большой мальчик внес голубя в комнату, я спросила:

— Теперь я могу идти домой?

— Иди. Мы отдадим его юннатам. Они в соседней комнате, — пообещали ребята.

Солнце светило ярко и радостно. Мне хотелось с кем-то поговорить. На лавочке увидела мальчика.

— Сколько тебе лет? — спросила я, присаживаясь рядом.

— Пять, — солидно ответил он.

— Ты еще маленький.

— Нет, большой. Пять лет — это очень много.

— Почему?

— Потому, что три — это мало.

Мне понравился ответ мальчика, и я продолжила разговор.

— Один гуляешь?

— Да. Я в снежки играл.

— А как?

— Кидал в спину друзьям.

— А в лицо можно бросать?

Мальчик задумался.

— Можно, только если снежок мягкий, — сказал он, поежившись.

Глаза его при этом грустно потемнели.

— Ой, какой ты умный! — засмеялась я.

— Так меня уже в детский сад оформляют, — радостно похвалился малыш.

— А если бы ты нашел раненую птичку, что бы сделал?

— Бабушке отнес бы.

— Мне бы такую бабушку! — засмеялась я и помчалась дальше.

Вижу — на асфальте лежит мальчик и рисует на снегу.

— Нельзя лежать на холодном. Заболеешь, — заботливо сказала проходившая мимо женщина.

Мальчик встал. Но только она отошла, опять лег. Женщина, оглянувшись и, увидев, что малыш снова лежит, закричала: «Назло мне лег, гадкий непослушный мальчишка?!» Тот вскочил и опустил глаза в землю. Когда сердитая тетя свернула за угол, я спросила удивленно:

— Почему ты не послушался? Ты понимаешь, что она права?

Мальчик долго молчал, потом ответил:

— Я про это не думал. Мне просто удобно рисовать лежа.

— Вот тебе длинная палка. Рисуй стоя, как я.

Мальчик принялся ковырять в снегу палкой, а я вприпрыжку побежала домой.

МЕТЕЛЬ

Подружка Варя (она летом жила в нашем доме) дала мне книжку А. Гайдара и попросила в следующую субботу обязательно вернуть.

Закончились занятия в школе, и я сразу пошла на остановку трамвая. Погода стояла ветреная. Поземка прикрывала серо-желтые сугробы на обочинах дороги неровным тонким слоем чистого снега. Люди, уткнув носы в воротники и шарфы, торопливо ныряли в подворотни. Мне не хотелось стоять на остановке под пронизывающим ветром. Но ведь обещала... Трамвай двигался медленно, постоянно встряхивая, будто утрамбовывая и без того полный вагон. Вышла. Я первый раз в этом районе. Вспомнила слова подруги: «Легко найдешь. От остановки — направо. Доберешься до конца улицы, за ней увидишь поле и дома. Иди туда, никуда не сворачивая».

Иду, иду, а конца улицы не видно. Бесконечная она, что ли? Вот и поле. Ветер рвет полы пальто и сечет лицо холодными льдинками. Прикрыв ладонью глаза, огляделась. Где же дома? Те, что у горизонта, едва различимы в белых вихрях. Ни тропинки, ни дороги к ним. Пошла напрямик. Чем дальше иду, тем глубже погружаются в снег ноги в ботиночках, отороченных мехом. Раз есть дома, значит должна быть нормальная дорога? Где же она?

А сердитый ветер хлещет еще злее. Портфель кажется все тяжелее и тяжелее. Как назло рядом ни одного человека. Да и адреса не знаю. Стыдно спрашивать: «Где живет девочка Варя Клементьева?» Зацепилась за железку, вмерзшую в землю, упала и заскользила вниз. Оказывается, под снегом ледяная горка. Портфель раскрылся, из него посыпались книги и тетради. Самолетиком вылетел листок, на котором подруга объясняла, как найти ее дом. Бросилась ловить его, но ветер решил поиграть со мной! Он то подбрасывал листок, то спокойно укладывал на чистую, словно накрахмаленную скатерть поля. Наконец, я всем телом упала на злополучную записку и долго шарилась в снегу. Нашла! Чернила растеклись, но я засунула листок в карман и поплелась собирать тетрадки и выкапывать из снега едва видимые мелкие школьные принадлежности. Закоченевшими пальцами кое-как застегнула портфель, села на него и стало мне так тоскливо и неуютно, что я тихонько завывала в тон ветру. Ноги в ботиночках отороченных мехом застыли. Руки превратились в кривые грабли. Мысли тоже заледенели. Я сгорбилась и

замерла.

Снег усилился. Серое, монотонное небо слилось с белой вьюгой. От солнца не осталось даже бледного расплывчатого пятнышка. Вокруг нет ничего, кроме белой непроницаемой пелены густого мелкого снега. Я на маленьком снежном островке, в холодном, грустном царстве-государстве... Поскулила еще немного. И тут зло меня взяло. Если не верну книжку, значит, буду нечестная. Если не найду дом подружки, значит, я глупая. Достала план. Вот улица. Вот дома вдали. Все правильно. Вернулась к трамвайной остановке. Рассудила так: «Вправо уже ходила. Пойду теперь влево». Улица привела к прогалку. А за ним находилось несколько домов. Подошла. Вот те на! Ходила, чуть ли не на край света, а дом номер три оказался рядом!

Варя встретила радостно:

— Я боялась, что ты в буран пойдешь. И мама беспокоилась. Хотела к трамваю идти встречать. Но мы ведь о времени не договаривались. Долго петляла?

— Все нормально. Только я в плане не разобралась, — смущенно созналась я.

Варя взяла в руки листок. И я расхохоталась так, что в животе закололо. План-то я «вверх ногами» держала! Потом мы смеялись втроем. Мама Вари напоила меня чаем и совсем не сердилась, что книга немного промокла. Потом она проводила меня до трамвая. Каким же коротким показался мне обратный путь!

ПОЧЕМУ?

Сегодня воскресенье. Во дворе холодно и сумрачно. Пошла на соседнюю улицу. Здесь ребята катаются на санках и проволочных лыжах. Я в школьной одежде, поэтому не могу себе позволить съезжать с ледяной горки в новых шароварах. Стою и грустно смотрю на радостных детей. Своих санок у меня нет, а дети здесь не делятся с чужими. И почему-то напала на меня зеленая тоска. Прижалась к столбу, закрыла глаза и всплыло далекое... первая память об уколах... Мне третий год. Лежу на топчане, обшитом оранжевой клеенкой и скулю. Страшно, невообразимо страшно... Я не знаю, что такое укол, но все плачут... и в комнате, и за дверью. Страх сковал душу и тело. Дрожит каждая клеточка, покалывают кончики пальцев, холодеют ноги. Я беспомощна перед надвигающейся неизвестностью, перед страшным словом «боль». Сжимаюсь в комок. От безысходности, не переставая, льются слезы. Я уже не всхлипываю, а просто вздрагиваю. Обессилела от волнения.

Вокруг люди в белых халатах. Мелькнуло лицо молоденькой медсестры, совсем еще девочки. В нем столько сострадания и желания помочь! Потом оно пропало, и мне стало еще тоскливее. Закрыла глаза. Вдруг почувствовала, будто кто-то возится рядом. Приоткрыла опухшие глаза. Девочка почему-то оглядывалась и подкатывала к моему лицу два маленьких круглых желтых шарика. «Это витаминки. Пососи. Тебе станет легче», — сказала она шепотом и отошла к стене.

В этот момент я почувствовала щемящую, пронзительную, до боли в сердце, благодарность. Сердце сжалось, потом расслабилось, и в груди потеплело. Страх отступил. Сквозь слезы улыбнулась добрым круглым, голубым глазам... И с тех пор не боялась уколов...

...Мне уже три года. Летним солнечным утром я вдруг обратила внимание на яркое многоцветье облаков и почувствовала прелесть окружающей природы. Мне стало удивительно радостно от тепла голубого неба, от яркой зелени сада и от того, что рядом бегали такие же, как я босоногие.

А в пять лет я увидела сиреневые и фиолетовые листья осины. От восхищенья перехватило дыхание. Я была поражена удивительным сочетанием красок опавших листьев, осветивших сказочным светом лесную поляну. И в тот миг впервые поняла, что это — красиво. Открыв для себя очарование природы, я уже не могла безразлично пройти мимо склоненной к воде ветке ракиты, трепета березовых листьев, умытой дождем травы...

Отчего же так быстро я стала ко всему безразличной? Почему сейчас небо для меня блеклое, пустынное? Солнце противно раздражает глаза. Я стала глупее? Я — сорная трава на ветру? Так не должно быть!

Вспомнила Петю, бабушку Дуню. Болью сжало сердце... Мне десять лет, меня никто никогда не любил, не обнимал как родную. Только жалели... Так говорил Толян...

Вдруг представила всю свою жизнь с первого сентября и ужаснулась. Куда пропали мои мечты стать учительницей, как Галя? Витек? Я не разговариваю с тобой об уроках, мне стыдно. Плохой у тебя друг. Родители заботятся обо мне, и теперь не надо думать о том, что будет завтра, через несколько лет. Они ведь у меня навсегда. Почему я сделалась такой дрянью? Я не хочу быть плохой! С завтрашнего дня попробую исправиться. Буду эти, чертовы буквы, выводить весь вечер...

Пришла из школы. Сразу села за уроки. На арифметику хватило терпения. По чистописанию буквы пошли вкривь и вкось. У большой буквы «О» никак не получается крючок вверх. А буква «Е» и вовсе выворачивает мне руку в другую сторону. Без разрешения написала в тетради четыре лишние строчки, но они выглядели еще противнее первых. Бросила ручку и ушла на улицу. Без толку стараться! Чем больше пишу, тем хуже получается. Все равно с Натальей Григорьевной я останусь троечницей. Вечером попросила у Оли рюмку кагора, чтобы легче заснуть.

Ночью грустные мысли не давали спать. Навоображала себе бог знает каких ужасов. Скулю: «Я же была доброй, старательной, серьезной. А теперь не думаю даже о папе Яше. Гоняю по улицам, и моя совесть еле-еле шевелится. Получаю двойки и не злюсь на себя, а спокойно виню во всем злую учительницу. Но от этого хуже только мне. Для Натальи Григорьевны главное, чтобы в школе не было происшествий, а что у какой-то девочки жизнь не получается, ей безразлично. Одним троечником больше. Только и всего». Тихонько пробралась на кухню и записала печальные строчки, которые со слезами вылились на бумагу.

Утром, когда весь класс встал, здороваясь с учительницей, я тихо произнесла:

«Даже черный бизон любит деток своих, Даже Баба Яга лучше завучки нашей...

Наталья Григорьевна грубо прервала меня, показала рукой на дверь и начала урок.

Бреду по заснеженной улице под тяжелым грузом тоскливых мыслей. Мне плохо. Понимаю, что совсем пропадаю. Хоть с моста да в воду, только лед на реке. Жаль папу Яшу. Он меня любит и из-за меня может заболеть. Не сумела я стать хорошей дочкой. Господи! Научи меня. Только на тебя надежда.

Иду, рассеянно слушаю тишину парка, бездумно разглядываю картину голубых теней на земле. Вдруг вижу под деревом на ослепительно белом снегу ярко-красные капли. Вздрагиваю. Останавливаюсь. Гляжу вверх. На рябине стайка птиц деловито «потрошит» корзиночки ягод. Грустной улыбкой смахнула испуг.

Вспомнила первую учительницу. Анна Ивановна! Я не могу без Вас!

ОЖИДАНИЕ ПРАЗДНИКА

Нас отпустили на каникулы.

Вот, невезуха! Завтра Новый год, а на улице почти весь снег стаял. Окна плачут, им грустно. Они тоже ждут настоящего праздника — красивых узоров. Мне хочется чего-то радостного. Не за что-то — за просто так. Раз! И вот тебе радость! Ну, хоть самую маленькую. Вот как бы звездочка упала с неба и принесла ее с собой...

В дверь постучали. Услышала голоса ребят нашего двора.

«Вот радость-то!» — подумала, и побежала открывать дверь.

— Родителей нет? Можно погреться? Мы промокли, — шумно загалдели они.

— Заходите, но когда папа придет, разбегайтесь сразу, — предупредила я. — Он добрый, но больной, поэтому быстро устает и раздражается.

Друзья разделись. Я разложила ботинки на теплые кирпичи плиты, а шаровары развесила на веревке. Кто сел на мой диван, кто на дорожке у теплой стены, кто под столом пристроился. Я принесла белого хлеба и поставила на плиту чайник.

— Моя мама бегает по магазинам, подарки ищет. Я думаю, и твой отец сегодня поздно придет, — сказал Витя. — Ох! Как я прошлый Новый год встречал!

Но Катя больше не дала ему и слова вымолвить, сама затараторила:

— Мы на елку всегда шоколадные и леденцовые медальки вешаем. Их мама заранее покупает и на верхней полке в шкафу прячет. Так я каждый день подставляю стул и проверяю, лежат ли они на месте, а потом мечтаю, как мы будем их по одной срезать и долго-долго сосать.

— А мне папа обещал в этом году лыжи подарить, и, когда я нашел их под кроватью, такое облегчение было! Купил, не обманул. Всю неделю счастливый хожу, — сообщил Вовик.

— А мне запомнился прошлый Новый год грустным, — сказал Ваня. — Мой папа нарядился Дедом Морозом и вечером пришел порадовать моего младшего брата. Он подарил Васе игрушку и кулек конфет. Братик не столько конфетам был рад, сколько Деду Морозу. Вася подошел к нему и осторожно потрогал шубу, обшитую красным ситцем. Замерев и не отрывая восхищенных глаз, глядел на Деда. И столько в них было радости, счастья. Васек перебирал маленькими пальчиками его бороду, осторожно касался красного носа, потом закрыл глаза, прижался к Деду Морозу и заулыбался. Дед Мороз взял его на руки и погладил по головке. Ну, тут Васек вообще оказался на вершине блаженства, осмелел и стал обнимать Деда Мороза. И все было бы хорошо, только потом папа зашел к соседям и «перебрал» водки. А когда вернулся домой, то разделся на кухне и продолжал «праздновать». Утром Васек пришел на кухню, увидел одежду Деда Мороза, а рядом с нею беспечно спящего папу и будто онемел. Стоит, не шевелится. А потом как разревется и ко мне с криком: «Обманули!» Долго я не мог его успокоить, так и заснул у меня на руках.

— А когда ты узнал, что не настоящий Дед Мороз в гости приходит, разве не переживал? — вмешался Вовик.

— Нет, я как-то быстро понял, что он не может все дома обойти за день. Вон, какая наша страна огромная!

— А я тоже страшно обиделась на родителей, когда узнала, что под елку они сами кладут подарки. Помню, кричала: «Не имеете права обманывать родного ребенка. Не любите меня!» Мама успокаивала и говорила: «Нам хотелось, чтобы ты дольше в сказке пожила, в мечте». «Нет, — кричала я, — не хочу такой радости. Лучше бы вы сразу сказали, что это от вас подарки, мне было бы приятней!» Я, наверное, целый год переживала, — со вздохом поделилась Галя.

— А я всегда Деду Морозу заранее говорила о своих желаниях. И вот как-то перед Новым годом залезла в бабушкину шкатулку и обнаружила там белые банты и резинового пупсенка в целлулоидной ванночке. Это было как раз то, о чем я мечтала в том году. Мне даже жарко стало от неприятного волнения. Почувствовала себя обманутой. Я положила все на место, и Новый год ожидала без прежней радости. Я ничего не сказала бабушке, но во мне что-то изменилось. Старше, что ли стала, поняла, что мое детство уходит. Я не обижалась на бабушку. Она старалась для меня, заранее покупала подарки. Новый год был веселый, и я быстро забыла про эту историю. А потом вспоминала без волнения, даже со смехом. А знаете, я все равно люблю сказки и верю в чудеса, — с мечтательной улыбкой говорила Лена.

— А что тебе на прошлый Новый год дарили? — спросил меня Витя.

Я задыхнулась нахлынувшим волнением и сразу не сообразила, что бы соврать. Пауза затягивалась, и я пролепетала растерянно:

— Не помню.

Ребята в недоумении переглянулись.

— Конфеты, — наконец выпалила я. — Просто съела и забыла.

— А что ты родителям заказала на этот Новый год? — настойчиво допытывался Витя.

— Ничего, — совсем смутилась я.

— Зря, ты следующий раз много чего закажи. Глядишь, что-либо да получишь, — наставительно посоветовал Вовик.

И тут увидел двух незнакомых мальчишек, тихо сидевших на кухне.

— Вы же не из нашего двора! Как сюда попали! — всполошился он и воинственно потребовал незамедлительного ответа.

— Мы хотим с вами дружить. Меня зовут Ваня Бартнев. А это мой двоюродный брат Костя Марчуков. Мы в одном классе учимся, — поспешно отрекомендовался один из них.

— Расскажите, как вы провели прошлый Новый год? — обратилась я к новеньким, желая, на правах хозяйки, примирить ребят,

— Впросак попали, — рассмеялся Ваня, который был худеньким. — Приметили мы на главной елке, что стоит на площади, среди игрушек ярко раскрашенный картонный сундучок с надписью «подарки». Каждый день ходили на него смотреть. Все ждали, кому он достанется. Дед Мороз и Снегурочка в награду за выступления ребят срезали с елки хлопшки, зверей всяких, а сундучок продолжал висеть и дразнить нас, притом не очень высоко. И вот в последний день каникул мы с Костей опять пришли к елке. Заветный сундучок был на месте и притягивал нас неимоверно. Тогда-то и возникла у нас идея заполучить его. «Завтра елку разберут. Кому он достанется? Взрослым? Несправедливо», — решили мы.

— Это я так сказал, — недовольно возразил Костя. — А ты предложил вечером, когда стемнеет, устроить набег на елку.

— Ты все забыл. Я придумал, как достать сундучок, — решительно перебил друга Ваня.

— Хватит спорить. Рассказывайте, чем закончился поход за подарком, — разняла спорщиков Валя.

— Ну, так вот, — продолжал Ваня. — Как ни в чем не бывало пришли мы на площадь, подождали, пока люди разошлись, и полезли на раскрашенный ящик, построенный вокруг елки.

— Я первый влез на ящик, — поспешно уточнил Костя. — Только из-под веток ничего не было видно. Фонарики на елке уже отключили.

— Не мешай рассказывать, — сердито толкнул товарища локтем в бок Ваня. — Я принес палку. Но сбросить сундучок у Кости все равно не получилось. Тогда я залез ему на плечи и, держась за ветки, дотянулся-таки до сундучка и стал его сбивать. А тут откуда ни возьмись — милиционер. Костя струхнул и говорит: «Слезай скорее».

— Это ты испугался, заторопился и зацепился за провода гирлянды, — обиженно, с некоторой досадой проговорил Костя.

— Да помолчи ты! Дай мне хоть раз самому высказаться, суфлер чертов. Не на уроке ведь, — вышел из себя Ваня и давай торопливо сыпать словами, словно горохом бросаться. — В общем, рухнули мы в снег под елку вместе с сундучком и гирляндой. Вскочили, схватили подарок и сразу поняли, что коробка пустая. И так нам обидно стало! И не потому, что ушиблись, а потому, что мечтали о нем все каникулы. Даже от милиционера убежать не хотелось. А он подошел к нам и говорит: «Ребята, вы осторожнее играйте. Здесь высокое напряжение. Приходите завтра, когда светло будет». Ну, мы и ушли, как говорится, несолоно хлебавши. Зато дома нас ждал сюрприз. Приехал из Ленинграда дядя и привез нам обоим в подарок по бумажному сундучку.

Правда, они были намного меньше того, что висел на елке, зато настоящие — полные конфет.

Ваня, наконец, выдохся и Костя с удовольствием закончил:

— Там было еще по два яблока и по два мандарина. Мы их сразу съели.

Смутное волнение поселилось во мне. Подарят ли что-нибудь? Мне еще никогда в жизни на Новый год не дарили подарков.

НОВОГОДНИЕ РАДОСТИ

Дед Яша поднял меня с постели громкими веселыми возгласами:

— Что же ты так рано заснула? Пропала праздничный ужин и Новый год. Иди скорее к елке за подарками.

Сердце радостно затрепетало. В эту минуту меня не волновало, что купил папа. Главное — не забыл. Я развязала бант на большой картонной коробке, а там — целый ящик настоящих стеклянных елочных игрушек. Я побоялась вытаскивать их из бумажных гнезд и только водила пальцем по ярким, разноцветным шарам, зайчикам, рыбкам, шпилям. Какое богатство!

Я потерлась головой о дедово плечо. Он погладил меня по волосам. Мы поняли друг друга.

— Это — тоже тебе, — он показал на стол.

В огромном разноцветном сундучке я обнаружила ворох конфет и длинные, завернутые в прозрачные обертки свечки.

— Зажигать их будем? — спросила я.

— Это конфеты, — улыбнулся дед. — Бери следующую коробку. В ней — пряники в виде разных-разных зверей.

От избытка чувств я не могла говорить, сидела молча, запустив одну руку в конфеты, другую — в пряники.

— А вот самая большая радость этого года: я получил ордер на новую квартиру! Завтра переезжаем, — сказал дед и поднял рюмку с вином.

Я не разделяла радости родителей. Мне и здесь было хорошо. Но закричала:

— Ура!

НОВАЯ КВАРТИРА

Ура! Мы — на новой квартире. Здорово! Теперь я пойду учиться в другую школу, к другой учительнице. Ура, ура! Все мои беды останутся в старом году. Ура!

Ношусь по огромной пустой комнате. Целых двадцать метров! Широкие окна. Ванная, туалет. По коридору можно бегать. А на кухне электрическая плита. Не надо печку дровами топить. Правда, воды первый месяц не будет. Так сказали строители. Ничего. Где-то рядом, около частных домов, есть колодец. Я рада больше всех. Оля улыбается. Дед тоже. Только глаза у него грустные. Устал от волнения. Боялся, что опять сорвется. Трижды ордер другим доставался.

— Так хотелось в хоромах с удобствами на старости лет пожить! всю жизнь по казенным и чужим квартирам скитался. Последняя своя, но аварийная была. Часто думал, что могилой моей станет. Свершилось. Уважили ветерана Гражданской войны, — торжественно закончил свою речь дед.

Он трогал узорные стены, щупал белые двери и, задыхаясь, бормотал:

— Неужели, она моя, неужели на самом деле!

Слезы текли по его впалым щекам, руки дрожали. Я быстро разложила раскладушку. Дед, положив под голову шапку, прилег. Я налила ему лекарство и села рядом с ним на пол.

ВЕДРО ВОДЫ

— Принеси из колодца воды. Ведро с веревкой в коридоре, — сказала Оля таким тоном, будто просила подать из кухни кружку воды.

Я оделась, привязала, как смогла, веревку к дужке ведра и отправилась вниз по узкой тропинке. Сруб колодца обледенел так, что на внутренних стенках образовалось «пузо». Веревка замелькала по ледяному наросту. Ведро гулко ударилось о воду. Я без труда вытащила его. Глянула, а воды там всего на четверть. Мало. Решила опять опустить ведро в колодец. А вылить воду не догадалась. Непростительная оплошность!

Грубая веревка очень быстро заскользила по ладоням. Я с трудом удерживала ее. Рукам было горячо и больно, но я терпела. Наконец, ведро плюхнулось в воду. Взглянула на руки. Кожа на пальцах содрана, из ранок сочится кровь. Приложила снег. Защицало, но потом стало легче. Начала осторожно выбирать веревку. Ведро полное. Двумя руками тащить не очень тяжело. Но, когда перехватывала и перенимала веревку одной рукой, то с трудом удерживала ведро.

В какой-то момент у меня все-таки не хватило сил, и ведро стремительно понеслось вниз. Что делать? Оно может увлечь за собой всю веревку! Сообразила наступить на нее ногой. Но она выскользнула из-под ботинка. Тогда я быстро намотала ее конец на ботинок. Порядок! Тащу ведро, а тяжести не чувствую. Что такое? Оно осталось в воде! Вот невезуха!

От Оли слышала, что «кошку», которой вытаскивают все, что попадает в колодец, берут у женщины, живущей рядом с остановкой автобуса. Отыскала ее. Хозяйка дала «кошку», но строго предупредила, чтобы я не уронила в воду редкий инструмент.

Возилась я долго. Никак не удавалось поймать ведро. Наконец повезло. Вытаскиваю помаленьку. Но на половине пути оно соскочило. Опять терпеливо пытаюсь подцепить. Удалось. Тащу осторожно. Подняла до наледи на срубе. Гляжу, а «кошка» «когтем»

зацепила ведро за рубчик на дне, и оно еле-еле держится. Пробую дотянуться до ведра. Лед мешает. Легла на сруб. Касаюсь пальцами, а схватить не получается. «Если сильнее наклонюсь, то сама могу упасть в колодец. Стоит ли какое-то ведро моей жизни? Черт с ним, пусть падает!» — разозлилась я.

Руки замерзли, растертые пальцы болят. Неудачи совсем меня расстроили. От обиды полились слезы. «В детдоме вдвоем одно ведро носили. Воду брали в бочке или бассейне. К колодцу нам даже подходить не разрешалось. Я же первый раз достаю воду! Могла бы показать, помочь мне. Ей видно и в голову не приходит, что для меня ведро такое тяжелое!» — сердилась я на Олю.

Что стоять? Оля ждет. Сунула руки в карманы пальто, а там рукавицы! Надела. Повеселела. После многократных попыток все-таки удалось вытащить пустое ведро. «Кошку» сразу не отдала. Вдруг опять что-нибудь случится! Веревку к дужке крепко-накрепко привязала тремя узлами. И дальше действовала осторожно: подтяну немного ведро с водой, намотаю на ногу веревку и опять тяну. Кое-как дотащила ведро до наледи на срубе, а достать полное опять не могу. Потихоньку наклоняю ведро, и двумя руками осторожно поднимаю. Вода льется на ботинки и в колодец. Наконец, ведро на земле. Вернула «кошку» хозяйке и понесла воду домой. Поставила ведро на стул к плите и пробормотала:

— Только полведра получилось.

— Пока хватит, — ответила Оля.

Что мне стоило первое ведро воды, никому не рассказала. Стертые руки старалась не совать в соль, когда помогала на кухне.

ЗА ЧТО?

Полезла под диван за дневником, чтобы поделиться с Витьком радостными событиями последней недели, но ничего там не обнаружила. Меня будто чем-то тяжелым, стукнули по голове. Даже зашатало. Присела на край дивана. Из носа хлынула кровь. Зажав нос, намочила тряпку холодной водой и легла на пол. Опыт в таких делах у меня был большой. В голове пусто. Только страдание в душе пронзительное, острое, болезненное. Отлежалась. Встала, оделась и, покачиваясь, пошла на улицу. Все плыло перед глазами. Нечеткие контуры домов и деревьев струились, как отражения в быстротечной реке. Села на лавочку в дальнем углу молодого сада. Наверное, задремала на какое-то время, а может быть, «вырубилась» из сознания. Не знаю. Очнулась. Встала. Трясусь мелкой дрожью. Зубы не могу сомкнуть. Рысью побежала домой. Не заболеть бы. Ноги заплетаются, голова гудит. Оля еще не вернулась. Выпила горячего чаю и молча легла в постель. На следующее утро спросила Олю:

— Где мои вещи, что лежали под диваном?

— На помойку выбросила. Зачем хлам в новой квартире держать? — ответила она, как всегда, бесцветным голосом.

— Когда? — ужаснулась я.

— Два дня назад, — спокойно сказала Оля, не замечая моего волнения.

У меня не было сил говорить. Вчера еще теплилась маленькая надежда, что она просто переложила мои драгоценности в другое место.

Пилотка, адреса друзей, письма Витьку, книга — подарок Ирины... Сгорели на свалке? А дым улетел в царство черных облаков?

Я не плакала. Только плечи прижимала к земле непосильная тяжесть потери очень дорогого...

ПРОЩАЙ, ПАПА ЯША

Сегодня папа Яша собирает мои вещи. Я думала, что еду в деревню в гости. Но когда он взялся за портфель, поняла, что отправляюсь надолго. Значит, придется жить и учиться на новом месте? На меня свалилась масса эмоций: жаль расставаться с дедом, пугала неизвестность, необходимость привыкать к новой семье. Тяжело, тоскливо, беспокойно на душе.

— Летом вернешься, — подбадривает меня дед.

Глаза у него тоже красные.

На следующий день дед Яша заболел гриппом. Я сидела возле него и гладила его горячую руку. Оля куда-то пропала на полдня. Вернулась со своей племянницей и сказала мне:

— Поживешь у тети Фаины, а потом поедешь в деревню. Мне трудно с вами двоими управляться.

— Я большая и могу помогать, — попыталась возразить я.

Оля ответила жестко:

— Не послушаешься, будешь спать на улице.

Я оторопела и молча взяла свою сумку с одеждой. Раньше Оля такой не была.

Дед лежал на кровати, свернувшись калачиком, подложив обе ладони под щеку. Он показался мне несчастным и выглядел, как больной обиженный ребенок. Его большие, даже в старости, голубые, глубоко запавшие глаза, смотрели грустно, безысходно. Почему-то мелькнула жуткая мысль: «Увижу ли еще?» В носу защекотало. Закусила губу, прижалась головой к слабому плечу деда, но тут же вскочила и, сдерживая слезы, пошла к выходу.

С порога еще раз оглянулась. Почему я должна уезжать? Попросите остаться! Дед молчал и только чуть кивнул головой. Я потопталась на месте и с тяжелым сердцем переступила порог.

Две недели на квартире тети Фаины я пребывала в странном состоянии. Не хотелось есть. Только пила. Беспокойно металась по комнате, не понимая, что меня так тревожит. Дед? Так он не первый раз болеет. Я не хотела гулять во дворе, и все время спрашивала тетю: «Когда отпустите к папе Яше?»

Если бы знала новый адрес, давно сбежала бы. Но все произошло так неожиданно и быстро, что я не успела подумать о местонахождении новой квартиры. Помню только, что нас вместе с вещами долго везли на грузовой машине. Вот тут видно дед и промерз.

Наконец, тетя Фаина привезла меня домой. Я вбежала в квартиру. Тетя не вошла за мной. На диване сидели родственники из деревни. На столе стояла бутылка водки и кое-какая еда. Деда Яши не было. Незнакомый мужчина говорил:

— Ссорились они громко. Хозяйка не хотела прописывать девочку. Хочу, говорит, в свое удовольствие пожить... Угробила его молодая женушка. Кушать не давала. Раз зашел к нему, когда ее не было дома, а он запросил манной каши. Я сварил. Он глотал, обжигаясь. Я все понял и спросил:

— Может, пионерский пост приставить к вам?

— Не надо, — говорит, — сам себе эту судьбу определил. Вот теперь и наказан. Это кара Господня за мою первую супругу. Пора к ней отправляться, прощения просить.

Я выскочила во двор. Боже мой! Ведь чувствовала, что больше не увижу папу, моего взрывного, доброго папу Яшу! Зачем вы остались в моей памяти слабым, со страхом в глазах перед черной неизвестностью небытия?

Мой пустой безразличный взгляд скользил по остовам иззябших кустов, по хлипким прутикам молодого сада, по приземистым домикам и зданию старого автовокзала. Вдруг увидела на его крыше, залатанной где обрезками ржавого железа, где лохматыми

кусками толя (руберида), высокую, стройную березку. Порывы ветра трепали ее кудри, изгибали ствол. А она опять распрямлялась. Как туда попала? Судьба занесла? За что держится? За полусгнившую крышу? Питается дождями? И не погибает! Почему-то захотелось сказать березе: «Я буду тебя помнить хорошо и долго...»

Ко мне подошла старая женщина.

— Я все про тебя знаю от Якова Ивановича. Не переживай. Ты будешь жить с очень хорошими людьми. На этот раз тебе повезет, — сказала она, и повела в мою квартиру.

Откуда-то выскользнула Оля. Вид у нее был принужденный, натянутый.

— Дайте мне на память хотя бы одну медаль папы Яши, — попросила я.

— Мне они самой будут нужны, когда займусь переоформлением пенсии, — хмуро ответила Оля.

«Хорошо, что я припрятала за обложкой дневника любимую фотографию. Я сама делала это снимок на Седьмое ноября фотоаппаратом одного нашего знакомого. Папа Яша на ней самый красивый», — подумала я.

Моя сумка и портфель стояли вместе с чужим большим чемоданом. Смятым детским умом я понимала, что больше никогда не вернусь сюда.

Папа, я полюбила вас слабого, обыкновенного, но очень доброго. Вы научили меня любить. Зачем покинули меня?

Я не плакала. Мне было все равно, куда, с кем и зачем ехать.

Когда мы отправились на вокзал, уже совсем стемнело. Добрая соседка прокричала мне вслед: «Все у тебя будет отлично! Ты будешь счастлива!» Я не поверила ей, но мне очень хотелось слушать эти слова.

Глава Первая

ЛЮБИМОВКА

После похорон папы Яши новые родители повезли меня к себе. Мы долго ехали в переполненном общем вагоне. С поезда сошли на станции Любимовка. На пустынном слабо освещенном перроне гулял только ветер. Единственная электрическая лампочка, висевшая над входом одноэтажного вокзала, со скрипом раскачивалась, бросая красно-желтые блики на горы грязного снега вокруг здания. Стрелки часов на его стене застыли на цифре два. Справа синели непонятные строения. Никаких признаков жилья. Вокруг странный переизбыток необжитой тишины. И только ярко горели холодные россыпи звезд.

Из соседнего вагона выскочил мужчина без пальто с фляжкой на длинном ремешке и спросил у проводницы:

— Дамочка, кипяточку на этой станции найдется?

— Видите, справа от двери черной краской написано «кипяток»?

— Ой, спасибо, милая. Дай бог тебе здоровьица, — бойко застрочил пассажир, — успею налить?

— Успеете.

К нам подошел хмурый, молчаливый старик. Он мне не понравился. В его суетливых движениях я почувствовала неискреннюю услужливость. Когда он повернулся спиной к взрослым, его лицо сделалось злым и очень неприятным.

Мы сели в широкие сани, и черная лошадка понесла нас по укатанной дороге. На санях солома. Из нее торчат необмолоченные колоски. От лошади исходит запах пота и навоза. Кожух возницы пропитан противным табаком и кислыми щами. Дорога убегает белой змеей, расплывается и ускользает. Поскрипывают полозья. Цокот копыт, мерное покачивание саней, монотонное утомительное однообразие дороги баюкает меня. Задремала. Проснулась от резкого толчка. Сани зацепились за вмерзший в лед ком коровьяка, и их занесло в глубокий снег.

Осмотрелась. Рассвело. Справа и слева от дороги расстилается ровная белая гладь. Мы — единственное темное пятно в бесконечном холодном мире. Курится легкая поземка. Мороз и ветер прохватывают. Тишина стоит молчаливая грустная.

Показалось село. Кривые улицы разной длины то стекают расходящимися ручьями от вершины холма к подножью, то кольцами охватывают его. Из-за обилия снега хаты кажутся толстыми гномиками в огромных пушистых белых шапках. А в низине они сбились в беспорядочную толпу. Кое-где красноватыми точками светятся окошки. Из труб поднимаются вертикальные столбы дыма. Застывшая картина села представилась мне унылым и суровым царством Снежной Королевы. По шее побежали мурашки. Я поджала под себя ноги в городских ботиночках.

Въехали в село. Хаты до окон заметены снегом. Между ними протоптаны узкие тропинки. Село уже проснулось. Люди шли на работу. Я боялась, что кто-нибудь из встречных спросит: «Кого везете? Откуда?» От этих мыслей мне захотелось спрятаться в солону и никого не видеть и не слышать.

Лошадь остановилась у нового плетня. Хата в два окна с маленькими, глубоко запавшими глазами-окнами и низкой, прилепнутой, истерзанной воробьями соломенной крышей. На крыльце стояла еще нестарая женщина с керосиновой лампой в руке. Язычок пламени дрожал за полузакопченным стеклом. Концом шали, брошенной на голову, женщина прикрывала лампу от ветра. Мне показалось, что она взволнована. Ее грустное лицо мне понравилось, и я вошла за нею в хату.

Тогда я еще не знала, что на всю жизнь до мельчайших подробностей запомню это удивительно доброе лицо. И память сердца будет стискивать душу тоской и любовью при малейшей, даже мимолетной мысли о ней, о моей бабушке.

Бабушка поставила лампу на выскобленный стол. «Наверное, его, как и в городском детдоме пол, каждый день ножом или кирпичом драют», — подумала я. Посмотрела по сторонам: печь, приступок — ступенька-выемка лаза на печь, загнетка — полка под печкой. Я видела такое в доме у Пети. Заметила лохань с помоями, четыре табуретки, сундук, железную кровать, покрытую старым ватным одеялом. Под кроватью — грубые солдатские ботинки. От них исходит сильный запах дегтя. По стенам блуждают черные тени. Они напомнили мне лесной детдом. «Бедно живут. А может, и голодно?» — мелькнула унылая мысль. И я опять сжалась в комок.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Всю ночь в поезде мы дремали сидя, поэтому, раздевшись, сразу легли спать. Мне постелили на сундуке. Часов в десять бабушка Аня разбудила меня. Я поискала глазами рукомойник и, не найдя, присела к столу, где уже завтракал Коля. В тарелках с борщом ни масла, ни томата. Взяла алюминиевую ложку и принялась есть. «Не борщ, а брандахлыст какой-то. У папы Яши еда была вкусней», — подумала я, разглядывая кухню. Маленькое окошко со шторкой из самодельного льняного полотна. Земляной пол чисто подметен. Большая печь с железной полукруглой заслонкой. Подпечек. В углу, за цветастой занавеской, ухваты, кочерга и чугуны разных размеров. Рушники на веревке тоже самодельные, вышитые по краям красным крестиком. Бабушка поставила на стол кувшин с молоком. «Пей, сколько хочешь, молока много, соседка выручает», — сказала она мне, наливая большую кружку.

Вошла Колина мама. Увидев около меня полную тарелку борща, возмутилась:

— Есть, и никаких разговоров!

— Мне кагор давали для аппетита, — не отрывая глаз от тарелки, пробурчала я.

— Забудь, что было, здесь своя жизнь, — услышала резкий ответ.

Я испуганно виновато моргаю глазами и беспокойно ерзаю на стуле. Закапризничал Коля. Мать, ласково целуя, успокаивает его всякими обещаниями. Непонятные чувства охватили меня. С одной стороны, мне показалось смешным, что такой большой мальчишка сидит на коленях у матери, но тут же почувствовала некоторую зависть и обиду, потому что меня никто никогда вот так не жалел. В душе горечь, смятение, неловкость. Отвернулась, но голоса за спиной не позволяли успокоиться и сосредоточиться на чем-то другом. Уставилась в окно на спасительные белые облака. Для меня было в новинку такое поведение Коли. Я привыкла к тому, что у нас даже шестилетки редко могли позволить себе такую блажь, как слезы. А тут ученик, школьник! «Странный какой-то», — думала я, пытаюсь понять причину его слез.

«Борщ не такой. Полежать хочется. Не хочу читать». Как можно из-за этого хныкать? Неловкая пауза затягивалась, и я пошла в другую комнату. Там стояла большая железная кровать, застеленная линялым одеялом. У окна коричневый шкаф и комод с жестяными желтыми ручками-ракушками. На окне керосиновая лампа. Комнату украшали два огромных цветка в старых зеленых эмалированных кастрюлях. Я не удержалась и потрогала большие кожаные листья фикуса. Занимавшая четверть комнаты роза, усыпанная большими красными цветами, мне уже знакома.

Я загрустила в новой обстановке. Бабушка предложила мне пойти с Колей на улицу. Мать вышла в коридор и принесла коротенькое пальтишко.

— Не мое, — возразила я.

— Гулять надо в этом, — делая ударение на слово «надо», жестко сказала мать и при этом странно посмотрела на меня.

Я поняла этот взгляд так: «Нам трудно, а тут еще ты, чужая.... Привыкай». Мне, конечно, безразлично, в чем ходить. В детдоме и похуже одежду носила. Там младшие все донашивали за старшими. Это нормально. Но тут другое: он, родной, в новом пальто идет, а мне его старое, дрянное дают. Я не то чтобы обиделась, неприятный холодок появился под сердцем. Туманом грусти окуталась душа. За один час мне уже дважды

напомнили, что я чужая.

Молча оделась и вышла во двор. Два цвета присутствует вокруг: белый снег, серое небо и серые хаты. Тихо. Через мелкое сито сеют снег облака. Солнце похоже на луну: блеклое и тусклое. Неуютно и тоскливо мне. Почувствовала себя маленькой, беззащитной.

Коля ушел на огород, который находился сразу за хатой, а я выглянула через плетень на улицу. К колодцу подошла женщина с ведрами и коромыслом. На ней фуфайка защитного цвета, валенки и большие рукавицы из шинельного сукна. Набрала воды, изящным движением, насколько это было возможно в неуклюжей одежде, вскинула коромысло с ведрами на плечо и пошла к своей хате. «Два ведра как пушинку подбросила. Вот, дает!» — восхищенно подумала я. Увидела троих детей. Колодец их явно не интересовал. Они смотрели на меня, но не приближались. Потом одна из девочек спросила:

— Ты городская? Приехала к директоровым?

«Что такое директоровы?» — мелькнуло в голове. Не знаю почему, но ответила утвердительно. Старшая весело предложила:

— Айда с нами играть!

Я медлила с ответом.

— Мы около вашей хаты будем, не бойся, не заругают, — сказала младшая из них.

Я вышла за калитку. Бойкая девочка затараторила:

— Я твоя соседка Зоя, это моя сестренка Ниночка, а это Валя с нашей улицы. Мы с ней в 1 «А» вместе ходим. Давай бабу лепить?

Зоя мне понравилась. Пухлая, голубоглазая, краснощекая. Концы ее шали смешно перекрещены на груди и завязаны сзади узлом. Пальто длинное, до пят. Из-под него выглядывают красивые белые валеночки. А на мне — большие, бабушкины, подвернутые сверху. Меня никогда не беспокоил внешний вид одежды. Было бы тепло!

Валя, худенькая, носатая девочка, с любопытством заглядывает мне в глаза. Чтобы снять неловкость от взаимного разглядывания, я принялась катать шар. Снег хорошо лепится. Мы быстро сделали бабу. Нина принесла из дому морковку. Я отыскала в снегу кусочки шлака для глаз, а Зоя притащила ведро без дна. Получилось здорово! Но делать бабу из трех шаров — забава дошколят. Даже не заметила, как мои руки вылепили животное. Спина, хвост. Ушки, лапки. Увидела на проезжей дороге золу и сделала на спине и хвосте серые полосы, припудрила голову. Это будет мой Кыс. В носу защекоotalo. «Гляди, настоящая кошка», — обрадовалась Нина. Ее круглые зеленые глаза выражали восторг. Я заметила, что дети говорили по-русски, но иначе ставили в словах ударения, поэтому речь звучала не совсем привычно, и мне приходилось думать, чтобы понять их.

Бабушка позвала домой, и я попрощалась с моими новыми друзьями.

После обеда Зоя пригласила меня покататься на ледяной Веселкиной горе.

— Возьми Колю с собой, — попросила она.

— Сама зови, — возразила я.

— Не могу. Он мой жених. Я же люблю его, — простодушно ответила Зоя.

Пришлось просить разрешения у бабушка за двоих. Коле из города привезли настоящие алюминиевые санки. Он сел на сиденье из разноцветных деревянных планок, и я покатила его по дороге. Здесь, оказывается, грузовые машины ездят «раз в месяц по заказу», поэтому даже совсем маленькие дети ходят по улице без взрослых.

Снег не переставал. Небо немного посветлело, но лучи солнца как улыбки больного — редки, слабы и грустны.

Найти Веселкину горку не трудно. Шум оттуда разносится по всей улице. Десятка два

детей от двух лет и старше рассыпались по горе, визжат и кричат от восторга. При нашем появлении они притихли. Я приняла это на свой счет, замкнулась и отошла подальше. Но детям, оказывается, не нравились наши санки. Когда образовывалась куча мала, они боялись напороться на острые концы полозьев. Я поняла это когда умудрилась, налетев на санки, проткнуть себе ногу. Рана образовалась глубокая, но стгоряча я боли не почувствовала, только бурое пятно на шароварах заметила. Сразу перебралась на соседнюю, снежную горку. Позже слезы брызнули из глаз, но я постаралась скрыть их.

Ребята по очереди просят покататься на городских санках, потому что они легкие и летят дальше других. Только мне скучно уединенное катание. То ли дело в буйной бодрой толпе детей! Для веселой компании лучше Зоиных санок не найти! На них помещается сразу по пять-шесть человек. Они из кованого железного прута. Для безопасности полозья сзади загнуты красивой спиралью внутрь. Доски на санках толстые, надежные. На горку их тащат втроем. Очень уж они тяжелые. Я тоже впряглась. Вдруг гляжу: прямехонько на меня несутся Валины санки. Выдергиваюсь из «упряжки» и отскакиваю.

Слышу: кто-то рядом орет благим матом, со страху сам себя не помня. Я с размаху прыгаю в сторону. Ноги путаются. Поскальзываюсь, спотыкаюсь и веретеном качусь подальше от опасного места. В какой-то момент представила, как санки накрывают мальчика. Я уже готова поклясться своей головой, что это было на самом деле! Испугалась, сердце затрепетало как осенний лист. С усилием перевела дух, даже не сразу выдохнула.

А через минуту все хохотали надо мной. Смеялся и мокрый как мышь мальчишка, которому не удалось избежать столкновения с тяжело нагруженным «транспортом». Он отыскал в снегу шапку, пригладил слипшиеся в сосульки вихрастые волосы. Лицо его горело малиновым румянцем, глаза гордо сияли. «Не промазал! Подбил вражеский танк! Чуть богу душу не отдал», — кричал он, захлебываясь восторгом.

Я тоже ввязываюсь в игру, карабкаюсь на гору, пытаюсь атаковать «вражеский десант», помогаю втаскивать санки наверх, не забывая вознаграждать себя за старание веселой кутерьмой спуска. А рядом, на ограде палисадника, оцетинившейся изломанным штaketником, спокойно прихорашивались вороны и сердито чирикали истерзанные дракой за пропитание шумливые воробьи.

Стемнело. Мороз крепчал. Высокие звезды дрожали, будто от холода. Усталые, замерзшие, но довольные мы возвратились домой. Славно провели время! Сбросили одежду у порога, схватили по куску хлеба и залезли на печку. В жизни такого вкусного хлеба не ела! Уснула мгновенно. Я не видела, как бабушка развешивала обледенелые шаровары с начесом, пальтишки, рукавицы, как внимательно заглядывала в наши разгоряченные лица и прислушивалась к дыханию.

ПРИВЫКАЮ

Витек! Своих новых родителей я почти не вижу. Встаю утром в десять утра, так как бабушка считает, что я должна отоспаться. Отец, как я поняла, против поблажек, но, когда родители на работе, в доме командует бабушка. Она не кричит, а спокойно подходит и негромко говорит: «Я буду мыть посуду, а ты вытирай вот этим полотенцем», или: «Помой листочки у цветов. Им дышать легче будет». И я все выполняю. В голову не приходит ее послушаться. В общем, с бабушкой Аней отношения сложились быстро и естественно. Меня это радует еще и потому, что я никак не могу назвать своих новых родителей «папа» и «мама». Василий Тимофеевич, лысый плотный мужчина, никогда не смотрит в глаза. Его взгляд проходит через меня, будто я стеклянная. Он совсем не похож на придуманного и выстрадавшего мною отца. И мать тоже. Клара Ильинична — очень строгая молодая женщина, энергичная и шумная, отчего мне кажется, что она выше отца ростом. Хотя на самом деле это не так. Я ее просто боюсь. А бабушка она и есть бабушка, хоть родная, хоть чужая. Тут все просто. Жаль только, что я мучаю ее по ночам. Родители спят в зале, а мы втроем — на кухне, на железной односпальной кровати. Я у стенки, на приставной скамейке, а Коля с другой стороны — на табуретках. Сначала меня с краю поместили, но я каждую ночь сваливалась на пол и продолжала спать, несмотря на холод. Утром бабушка перетаскивала меня на кровать. Сплю я

беспокойно, кричу во сне, просыпаюсь головой в другую сторону или поперек кровати. Бесперывно дерусь с неведомым врагом, а удары достаются бабушке. Она понимает, что я не контролирую себя ночью, и не обижается, а только вздыхает:

— Что тебе снится? Всю спину кулаками измолотила.

— Стелите мне на полу, — прошу я.

— Нельзя, еще застудишься. Потерплю до лета.

С вечера в хате очень жарко и душно, а ночью холодно. Одну фуфайку я надеваю как пальто, а в рукава другой засовываю ноги и так сплю. Днем веду себя очень тихо, хотя раньше была шустрая. Видно, вся моя энергия ночью изливается. А вчера отец уехал в командировку по школам района, и мать положила меня спать с собой. Я «воевала» всю ночь, а наутро она сердито выговаривала мне, будто я нарочно ее била. Дикость какая-то! Бабушка, без образования, а больше понимает.

Витек! Как всегда обращаюсь к тебе со своими бедами. Только ты понимаешь меня.

В ШКОЛЕ

Завтра в школу. Я полна невнятными волнениями, ожиданиями, робостью. Как встретят? Мать заметила мое волнение и успокоила: «У тебя будет хорошая учительница». Что значит хорошая? Умная? Строгая? Добрая? Проверила содержимое портфеля: новые тетради, чернильница в черном сатиновом мешочке с синим шнурком, ручка, карандаш, запасные перья, перочистка. Все на месте. Не обращаясь ни к кому, спрашиваю: «Можно взять в школу угощение детям?» Мать срезала с елки конфеты и пряники и положила рядом с портфелем. Я благодарно улыбнулась глазами.

Утром отец привел меня в школу, в которой сам работал директором. В комнате, слабо освещенной керосиновой лампой, за черными партами уже сидели дети. От волнения растерялась. Учительница взяла меня за руку, посадила за четвертую парту и начала урок.

На перемене я достала из портфеля длинные, как карандаши, разноцветные конфеты, завернутые в прозрачную бумагу и пряники, по форме напоминавшие животных. Дети с любопытством смотрели, что я буду делать дальше. А я не знала, как разделить их. Развернула конфету и откусила. Одна девочка не выдержала и удивленно спросила:

— Это едят?

Я молча протянула ей целую конфету. Дети оживились. «Поделите, чтобы всем хватило», — попросила я и отдала все угощение самым смелым. А одна девочка спросила:

— Где ты взяла такие конфеты? Дома есть еще?

— Из города привезли. Последние конфеты с елки сняли, — ответила я вежливо и с сожалением.

На следующей перемене я вышла из класса. Когда прозвенел звонок, дети будто растаяли, и я осталась одна перед одинаковыми, коричневыми дверями. Открываю одну. Перед глазами замелькали красные галстуки. Приоткрыла следующую дверь, глянула на четвертую парту. Пусто. Молча села на место и подумала: «Надо все запоминать, а то за дурочку примут».

На следующей перемене мальчишки в красных галстуках забежали в класс со словами:

— Где девчонка, которая классы перепутала?

Но мои одноклассники дружно прогнали их в коридор с возгласами: «Не трогайте нашу новенькую»!

После уроков девочки предложили мне пойти домой с ними. Я неуверенно согласилась. Не отказывать же новым друзьям в первый день знакомства? Подружки, весело болтая,

вели меня через огороды, сады и калитки. Наконец, они вышли на свою улицу и, попрощавшись со мной, разошлись по домам. Я огляделась. Снежная поземка перебегает незнакомую улицу. Вдали белое марево скрывает группу одноэтажных школьных зданий. Только ярко-коричневая железная крыша нашего корпуса была мне ориентиром. «Самое разумное — вернуться назад к школе, а уж оттуда наш дом виден как на ладони», — рассудила я, досадуя на себя и девчонок, которым видно и в голову не пришло, что я могу заблудиться. Дома мать спросила:

— Что так поздно?

— С девочками погуляла, — немножко соврала я.

Не рассказывать же ей о своей маленькой неудаче? Главное, что сама добралась.

ЧИСТОМАРАНИЕ

За полгода обучения в городской школе я, честно говоря, не очень-то продвинулась в знаниях. Писала кое-как, чтением не занималась. Охоту учиться Наталья Григорьевна отбила мне быстро. А здесь по устным предметам я получаю пятерки и только урок чистописания для меня хуже смерти. Мать, проверяя тетради, ужасалась моей неаккуратности. Как-то она не выдержала и раскричалась. Я не знала, что сказать в свое оправдание, и решила использовать спасительную фразу мамы Оли: «Меня учительница, наверное, невзлюбила». Что тут началось! Мать возмутилась: «Я сама учительница. Причем здесь любовь? Отметки ставят за работу!» Долго кричала. Рвала и метала. Я поняла, что глупость «проходит» только с глупыми людьми, и от стыда не знала, куда глаза девать.

После этого случая мать взялась за меня всерьез. Она заставляла переписывать упражнения, за которые я получала двойки и тройки до тех пор, пока не добивалась выполнения задания без помарок. Я глотала слезы, рука уставала, пальцы не слушались. Буквы то набегали друг на друга, то падали на предыдущие, а то и вовсе вкривь и вкось ложились мимо линеек. Из-за слез в глазах расплывались строчки, подвергаясь разнообразным замысловатым оптическим искажениям. А я все писала и писала противные закорючки. Если качество работы не устраивало, мать вырывала из тетради этот лист, и я снова садилась за стол. Меня спасало время. Девять часов — отбой и невероятное облегчение. Коля молча смотрел на мои мучения. Ему проще. Он спокойный. А я шило. Мне просидеть один час, не ерзая — великий труд.

Бесконечное переписывание изводило меня. Я со страхом садилась за уроки. Уже с первых строчек все плыло перед глазами, и я понимала, что без помарок все равно не сделаю упражнение. А если и получится, то обязательно в конце поставлю кляксу, и тогда опять придется подчиняться требованию матери начинать все заново. Особенно трудно было выполнять уроки, когда мать сидела рядом и критиковала: «Какая каллиграфия! Непредсказуемые иероглифы!.. Новый вид вавилонской клинописи!.. Арабская вязь!» И прочее.

Чистописание превратилось для меня в каторгу. Оно отравляло жизнь. Мир для меня совсем потух. Я не видела вокруг ничего хорошего. К тому же мать, когда проверяла мои тетради, так кричала, что я сжималась в комок и плохо соображала. Руки дрожали, в глазах мутилось. Я по нескольку раз читала одно и то же слово, попадала взглядом на другие строчки, даже писала слова из других упражнений. Получалась ерунда. Я чувствовала себя глупой, противной самой себе и не видела выхода. Хоть в колодец прыгай. Недели тянулись мучительно долго. И как всегда неизбежно, неотвратимо приходили новые понедельники с новыми мучениями. Ушел беспросветный январь. Уже март воюет с февралем. Я с тоской глядела на яркое солнце. Не рада весне.

Как-то мать пришла из школы в плохом настроении. А у меня опять тройка за дерганые дрожащие буквы. Она расшвыряла мои книги, скомкала и разорвала тетрадь в клочья и коротко сказала: «Переписывай все». Я собрала обрывки, посчитала. Шесть листов. Для второклашки и лист написать трудно. Задумалась: «Ладно, сделаю, чего бы мне это ни стоило! Но если опять порвете тетрадь, никогда больше не стану переписывать. Хоть убейте». Пишу. Время ужинать. Не пошла. Пора спать. Я пишу. Закончила к двенадцати ночи. Собрала портфель. Пальцы еле шевелятся. Спина болит. Голова не

поворачивается, будто шея плохо смазана. Потушила керосиновую лампу и легла спать.

После этого случая мать опять хотела «уничтожить результат моего тяжелого труда». Я тихо, но жестко сказала: «Не рвите. Перепишу только последнюю страницу, где тройка». Мать поняла, что я поступлю по-своему, и больше не рвала тетрадей. Теперь я сама переписывала троечные работы. Ирина Федоровна одобрила мою самостоятельность. Когда страх многократного переписывания перестал давить на меня, я стала спокойней, дела с чистописанием пошли лучше.

Дома я писала медленно и старательно, за что получала пятерки. А в школе надо было успевать за диктовкой и красиво писать не получалось, хотя я очень старалась. Один раз Ирина Федоровна, раздавая тетради, негромко, но при всех «проехала» в мой адрес: «Дома из-под палки можешь хорошо писать. И в классе тебе жандарм нужен?» После такой характеристики у меня опять пропало желание учиться писать красиво. Я перестала дома стараться выводить буквы. Пусть не думает, что я из-под палки работаю! Теперь трудно было отличить, где классные, а где домашние упражнения. Как-то мать опять раскричалась из-за почерка, свернула мокрое полотенце жгутом и замахнулась на меня. Я вспомнила Валентину Серафимовну и вновь превратилась в зверька. Мать посмотрела на меня растерянно, неуверенно покрутила в руках полотенце и ушла на кухню. «Не хватало, чтобы здесь как в детдоме было. Начнет с полотенца, а чем закончит?» — оправдывала я свой полный ненависти взгляд.

Вскоре Ирина Федоровна предложила всему классу постараться писать в новых тетрадях так, чтобы их взяли на школьную выставку. А сама при этом посмотрела в мою сторону. Я поняла, что меня это касается в большей степени, чем других. Загрустила, конечно, но решила попробовать. В первой половине тетради получала одни пятерки. Во второй стали появляться четверки, а на последней странице красовались тройка и двойка. Учительница вырвала последний лист и все-таки отнесла мою тетрадь на выставку. Она понимала, чего это мне стоило.

Прихожу в актовый зал, а на стенде рядом с моей стоит аккуратная тетрадь одноклассницы Маши. Решение задач для нее — хуже ребуса. Она даже сказки рассказывать не умеет. У нее только чистенько переписывать из книжки получается. «Нечестно! Писать красиво и чисто — не главное. На выставке должны быть тетради учеников, которые по всем предметам хорошо учатся. Хотя бы Димы. Что же получается? Умный с плохим почерком никогда не попадет на нее?» — возмутилась я. Но потом сообразила: «Учительница хотела порадовать старательную Машу».

«И все же тетрадь Димы я поставила бы рядом с моей, — упрямо думала я. — Ведь он отнюдь не менее достоин, так часто говорит сама Ирина Федоровна».

Иду домой и размышляю: «Довольна ли я тем, что моя тетрадь на выставке? Совсем чуть-чуть. Когда что-то очень хорошее долго ждешь, то устаешь надеяться и, получив желаемое, по-настоящему счастливой себя уже не чувствуешь. Победа, достигнутая через мучения, радости не приносит, потому что складывается с болью, и еще неизвестно, чего оказывается больше. У меня сегодня преобладает грусть. Я не люблю писать красиво, потому что не испытываю при этом удовольствия. «Надо — вот и стараюсь».

ОБЯЗАННОСТИ

Обязанностей по дому у меня много. Пока на кухне бабушке помогу, и в хате приберу, уже вечер. И тут начинается самая противная работа — топить плиту гречневой лузгой. Открываю чугунную дверцу, осторожно выбираю золу в ведро и вставляю железную заслонку с круглыми отверстиями и широким желобом наверху. Поджигаю бумагу и высыпаю совок лузги. Она ярко вспыхнет, помигает красными глазками, и опять темно. Снова сыплю. Пытаюсь читать, но и двух строчек не успеваю прочесть между порциями лузги. А лампу на кухне родители не зажигают. Керосин экономят.

От скуки засовываю соломинки в дырочки заслонки. Из них вытекают струйки дыма. Я играю с ними: то глотаю, то раздуваю. Бабушка догадывается, откуда в хате дым и запрещает безобразничать. И вроде бы время занято, а все равно скучно. Мешок огромный, нескончаемый. Вечер длинный. Когда моя очередь топить плиту, Коля все

равно приходит побаловаться. Мы затеваем возню, и я на время забываю о своей обязанности. Но темнота зимнего вечера напоминает, и мы торопимся возродить огонь, чтобы не влетело от родителей. Ерундовая работа, а весь вечер как Ванька-встанька крутишься. Зато можно мечтать, вспоминать и сколько угодно думать.

«Витек! Чувствую я себя в этой семье странно. Меня ничто не волнует, не радует, не восхищает. Думается с тягостной навязчивостью. Я какая-то заторможенная. Все выполняю, как в полусне. Часто плачу в одиночку, полностью успокоиться не удается. Четко ощущаю только страх. Все остальное — как в тумане, будто не со мной происходит, а с кем-то далеким, незнакомым. На жизнь гляжу сквозь ржавый засов хаты. Иногда приказы матери осознаю не сразу. А поняв, бегу сломя голову выполнять их, даже когда она не кричит. Часто вспоминаю папу Яшу и тихонько шмыгаю носом, чтобы никто не услышал... А еще представляю, будто сижу рядом с тобой на нашей тройной березе...»

Вновь забываю засыпать лузгу, а очнувшись, торопливо разгребаю палкой горячий пепел и раздуваю пламя.

«Иногда по вечерам к нам заходят незнакомые мне люди и что-то долго обсуждают в зале. Сегодня приехала родня из деревни Обуховки. Вошли заиндевелые, обсыпанные снегом, а когда сняли одеяла и шали, я разглядела среди них девочку. Слышу: «Нина застудила уши, плохо слышит, но все равно хочет закончить семилетку. Помоги, Василий. Жить пристроим у троюродной сестры». Бабушка поит гостей чаем и укладывает спать в зале на полу.

Ветер выводит в трубе заунывную песню. Снег беспокойно и просительно скребется в темное стекло. Родители, прикрыв лампу абажуром из газеты, пишат планы уроков, а мы с братом тихонько шепчемся».

ПОЙМАЛИ НА ЧЕСТНОСТИ

Сегодня плиту топит Коля, а меня послали в магазин за сахаром. По дороге встретила тетю Маню, уборщицу из нашей школы. Женщина размахивала руками и сердито ругала продавщицу Зину грубыми словами за то, что она обвешивает и без очереди отпускает товар своим знакомым. Потом тетя Маня отправилась дальше, а я вошла в магазин.

— О чем с тобой разговаривала Маня? — спросила меня с притворно-ласковой улыбкой тетя Зина.

Я молчу.

— Как она меня называла? — настаивала продавщица. — Стервой?

Я оробела. Стою и размышляю: «Скажу, значит, плохо уборщице сделаю. А умалчивать — это почти то же самое, что врать. Но ведь не я же говорила плохие слова? Передавать чужие слова, значит сплетничать. Не впутывайте меня, сами разбирайтесь в своих отношениях!» — молча сержусь я на тетю Зину.

— Отвечай! Ты должна быть честной девочкой, — слышу я строгий голос.

«Должна быть честной...» — стучит в моей голове, и я растерянно бормочу: «Да». Злая ухмылка кривит губы продавщицы. «Ну, погоди!» — говорит ее лицо. Оглядываюсь на стоящих рядом женщин. Они опустили головы вниз. И только две с довольной усмешкой переглянулись друг с другом и с тетей Зиной. Поняла, что ошиблась. Как гадко и неловко! С трудом дождалась своей очереди и умчалась подальше от того места, где меня выставили глупой.

Что же я такая неуверенная? Размазня какая-то! Раньше я бы все выложила этой противной тетке! А теперь не решаюсь слова сказать в свою защиту. Боюсь, что мать отругает? Не имею права грубить, обязана вести себя как подобает, потому что мои родители — учителя?

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Пришла из школы, поела и села выполнять уроки. Устала писать. Подошла к окну. Передо мной безмолвная, неподвижная картина. Серое небо. Белая земля. Медленно машет крыльями одинокая птица. У меня странное ощущение: будто по нарисованному пейзажу перемещается живая птица. Я в серой комнате. Вокруг меня серая жизнь.

Подошла к комоду. На нем две белые с нежным розовым узором вазы для цветов, игрушка — заводной мотоциклист, салфетка, вышитая гладью и фотографии, прислоненные к стене. На этой мать и отец. Он — в военной форме. Она — в темном платье. На обороте написано: «Тысяча девятьсот сорок шестой год, первое сентября. Свадьба». На другой фотографии — дедушка-военврач. Он тоже в кителе с погонами. А на этой — молоденький, симпатичный солдат — брат матери Анатолий. Над комодом висят два больших рисованных портрета отца и матери. Он еще не лысый. А она — такая же, как сейчас. Ее взгляд направлен прямо на меня, его — ускользает. Как в жизни. Легла на диван. Наверное, заснула.

Проснулась потому, что заскрипела калитка. В комнате темно и тихо. Мать пришла. Слышу, как чиркнула спичкой на кухне. Лампу зажгла. Входит в зал. Я вскакиваю с дивана и неподвижно стою в ожидании приказаний. Мать ставит лампу на стол, подходит к комоду и смотрит на меня. Я сжимаюсь под ее взглядом. Свет керосиновой лампы выхватывает из темноты склоненный силуэт матери. Он кажется мне нереальным, нечетким из-за колебаний маленького язычка пламени низко опущенного нитяного фитиля. Мать берет с комода фотографию дяди Анатолия и тихо говорит:

— Это твой папа.

Слова гулким эхом отражаются в моей голове. С трудом, очень медленно выплывает мысль: «Она моя тетя». И вдруг смысл ее слов доходит до сознания. Я вздрагиваю и замираю от неожиданного и такого долгожданного известия. Мне становится удивительно хорошо и радостно, будто вокруг образовалось теплое сияние. Почему-то приподнимаюсь на цыпочки, вытягиваю шею и с надеждой шепчу:

— Где он?

— Погиб.

— А мама? — со страхом произношу я.

— Карточка не сохранилась, — эхом отдается у меня в голове, где-то в области макушки.

Трепетный ореол меркнет. Я боюсь задавать вопросы. Где она? Какая? Представление о маме у меня туманное. Она как бледно-голубая тень: неясная, таинственная — и так же быстро расплывается и исчезает с первыми лучами — попытками узнать о ней подробнее. Она была. Теперь ее нет. И нет даже фотокарточки. Она остается для меня призрачной, бестелесной.

Сколько себя помню, я никогда не ждала ее. Может, давным-давно запретила себе думать о ней? И вот сегодня впервые это тайное желание вырвалось из меня неожиданно, безотчетно, в едином выдохе: «А мама?» В нем высказалось все: и затаенная боль, и бесконечная надежда услышать хорошее... «Ее нет. Фото, наверное, из-за войны, потерялось», — плывут безразличные безликие мысли. Я опять тупо гляжу в пол, и молчу. Мать уходит на кухню.

Смотрю на фотографию. Папа. Очень приятный и очень молодой. Совсем как мой друг Аркаша из городского детдома. И, хотя в руках у него автомат, и две медали украшают гимнастерку, я не чувствую в нем отца. У него такие же, как у меня пухлые губы. Мы очень похожи. Но мне кажется, что он мой старший брат.

Сиянье радости окончательно улетучилось. Я так и не поняла, поверила ли словам матери или нет? Но какая-то успокоенность появилась. Будто все стало на свои места, потому что совпало с моим давним желанием: «Был. Погиб. Не бросил. Его нет и никогда больше не будет. Ее тоже».

Почувствовала слабость в ногах, тошноту и ощущение пустоты под сердцем. Легла на диван. Я ни о чем не думаю, я просто гляжу в темное окно.

КОПИЛКА

Нам с Колей подарили яркие глиняные копилки. Мне кошку, ему — зайца. В прорезь мы должны бросать монетки, которые иногда дает нам мать.

В тот вечер мы сидели на печи. Коля проводил ревизию своему богатству. Я тоже последовала его примеру. Он долго вытрясал деньги из зайца. Туда они вскакивали быстро, а вот назад — с трудом. Оказалось, что у Коли собралось больше рубля медяков, и он попросил заменить ему мелочь на бумажный рубль. Мать принесла. Тогда я возмутилась:

— Ему дали, а мне нет. Так нечестно!

Мать отобрала рубль у Коли и отдала мне. А когда она ушла, он повернулся ко мне и свистящим шепотом произнес:

— Детдомовка!

Я остолбенела. Горькие мысли закружились в голове. Вдруг я разозлилась. Обзывать меня за то, в чем я не виновата! Подло ругать слепого за то, что он слепой. Я отвернулась в угол печи. Тут Коля поднял рев, требуя себе бумажный рубль. Мне было жаль его и хотелось вернуть деньги, но обидная кличка больно стегала душу. Нет, раз обозвал, — не дожدهшься! «Из-за какого-то несчастного рубля обидел!» — тихо скулила я. Пришла мать и принялась упрашивать сына не плакать, обещая на следующий день поменять деньги. Он не унимался. Наконец ее терпение лопнуло. Она отобрала у меня бумажный рубль, вернула нам мелочь и закричала: «Если еще хоть пикнете, больше никогда не получите ни копейки».

На печке воцарилась сердитая тишина.

ПЕРЕМЕНЫ

Весна всерьез возвестила о своем приходе. Люди стали ненадолго отворять настежь двери и окна. Талые воды унесли мусор со школьного двора. Первый весенний дождь умыл молодую травку, а заботливое солнце подсушило дорожки между зданиями. Мы только возрадовались, как переменчивая погода, постояв несколько дней, снова

вернулась к ветрам и морозам. И опять хозяйничали на улице то мокрый снег, то слякоть. Но холодные дни — капризы весны. Быстро отзвучали хоры ветров и холодных дождей. Высокие облака поплыли как пышно взбитые подушки. Солнце разбросало ослепительные лучи во все закоулки.

Первый признак настоящей весны в школе на переменах — игры в классики. Каких только способов и правил ни выдумано в этой, казалось бы, простой игре!

А сегодня меня удивило странное поведение девочек на перемене. Становятся в шеренги, берутся за руки крест накрест и, приплясывая, двигаются навстречу друг другу, а, сблизившись, отступают назад. Потом таким же образом идут то вправо, то влево. Одна шеренга поет:

— А мы просо сеяли, сеяли.

— А мы просо вытопчем, вытопчем.

Ой! Дид-ладо вытопчем, вытопчем, — продолжает другая группа, надвигаясь на первую.

Я стою, раскрыв рот, и пытаюсь понять содержание песни и вообще смысл происходящего. Художественная самодеятельность? Но их никто не заставляет. Девочки и ребят вовлекают в свои ряды. Но мальчишкам быстро надоедают танцы, и они убегают. Позвали и меня. Новая игра удовольствия мне не доставила, и я пошла в класс.

На следующей перемене Валя из 5 «Б» взялась обучать меня непонятной игре. Я должна писать на песке под ее диктовку предложения, а потом их быстро проговаривать. Но Валя зачем-то переписывает мои слова с ошибками, читает исправленные выражения и хохочет. «Зачем ты вместо «мой» написала «май», и букву «е» от первого слова оторвала и добавила ко второму? Абракадабра получается?» — удивляюсь я, не понимая смысл игры. Валя сердится и называет меня бестолковой. Вдруг при быстром прочтении Валией одной из фраз я услышала ругательное слово. Вникла в свой текст. Все в порядке. Прочитала безграмотный Валин и обнаружила там сразу два ругательства. И смысл фразы при этом изменился, стал непонятным, но явно гадким. Я разозлилась и спросила:

— У вас все в такие игры играют?

— Конечно, — ответила Валя, — особенно на улице.

— А на нашей улице — нет, — сердито сказала я и ушла к другим девочкам.

«Может, она хотела надо мной посмеяться? Но она так искренне и старательно разъясняла ход игры!» — недоумевала я.

Мимо вихрем промчалась группа ребят. Я ничего не успела сообразить, как оказалась на земле. Об меня еще кто-то споткнулся и, падая, с размаху ударил по глазу. Образовалась куча мала. Шум, визг. Через пару минут все разбежались. Я сижу в пыли и соображаю, за что мне больше влетит дома: за грязную форму или за подбитый глаз?

Подбежали наши девочки, отряхнули меня и отвели в класс. Нина намочила свой носовой платок, и приложила к больному месту. Одноклассницы охали вокруг меня. А Оля со вздохом притворного сочувствия предложила умильным голосом: «Пожалуйста Ирине Федоровне, она накажет всех». В ее голосе звучали нотки подлизы и еще чего-то нехорошего, но непонятного. «Хочет, чтобы я доносчиком была, чтобы меня в новом классе не уважали? Еще с лесного детдома брезгую доносительством. Наивной душой меня считает? — мелькнула неприятная мысль. — А может, ошибаюсь? Не в моем характере ныть и жаловаться. Дети не били меня, все нечаянно получилось. Вот вчера ребята забаловались в коридоре и толкнули Нину, а она локтем стекло разбила. Ох, как они волновались! Проверили, не порезалась ли, извинились, и сразу побежали к столюру дяде Пете, чтобы стекло вставил. Нина только сначала немного поплакала, а потом вместе с ребятами смеялась».

На третьей перемене Ирина Федоровна пошла в учительскую. А в это время Колька из нашего класса стал приставать к старшеклассникам. Он, как маленький козленок, насакивал на них, толкал головой в живот то одного, то другого, напрашиваясь пострелять из рогатки нового вида. Ребята отгоняли его, но он не уходил. Не знаю, что уж там произошло, только смотрю: ведут девочки Колю. По лбу струйка крови течет. Он

визжит, как девчонка. Ирина Федоровна с йодом и бинтом бежит. Лицо ее белое как мел. Села на крыльце, Колю на колени посадила, успокаивает, а сама голову осматривает и ранку смазывает. Прозвенел звонок, а она не идет на урок, все с Колей возится. В это время во двор школы ворвалась женщина и, перемешивая мат с нормальными словами, бросилась на учительницу с кулаками. Ирина Федоровна опять побелела и принялась успокаивать маму Коли. Но та не слушала. Вырвала сына из рук учительницы и давай жалеть. Мы стояли рядом и переживали. Вдруг один из ребят произнес:

— Не волнуйтесь, у него только кожа рассечена.

А другой сердито добавил:

— Сам приставал к большим ребятам. Они рогатку ему не давали, так он заряженную из рук вырывал. А если бы глаз кому выбил?

Мать подхватила Колю на руки и, раздавая проклятия направо и налево, побежала к директору. Тут Дима спросил Олю:

— Ты бегала к Кольке домой?

В ответ — тишина.

— Взбудоражила всех из-за царапины. Если что опасное, директор сам бы отвез Кольку в больницу. Ох, будет тебе доставаться от ребят, когда старше станешь, если не справишься!

Ирина Федоровна долго сидела на крыльце, потом немного успокоилась и повела нас на урок. А Нина, с которой я сижу за одной партой, шепнула мне:

— Нельзя ей волноваться. Молоко пропадет. Ребеночек у нее грудной.

Все же правильно я сделала, что не согласилась на уговоры Ольки пожаловаться. Своя голова на плечах есть.

После уроков я с интересом слушала, как Володя поет незнакомые и непонятные припевки. Наконец не выдержала и спросила: «Почему, молодая женщина не пойдет за старого замуж, а старая ему самому не годится?» Вовка захихикал так, как смеются большие ребята, когда рассказывают гадкие истории. Но тут я сама сообразила: «Потому, что у старых детей не бывает?» Вовку мой ответ не устроил. Он обозвал меня дурочкой и умчался. Я не обиделась. И впрямь глупая, раз деревенских песен не понимаю.

Пришла вожатая Надя. Ребята крутятся вокруг нее, галдят, рады ей. Надя поднимает руку и говорит:

— Мне тоже уроки надо учить и маме помогать. Начинаем репетицию. Знаете, на следующий год у вас будет другая вожатая.

— Мы не хотим другую, мы тебя любим, не бросай нас, — кричат ребята.

— В лесотехнический техникум пойду сразу на третий курс.

— А как же школа? — удивляются ребята.

— Специальность надо получать. Папа у меня очень болен. Два ранения у него. Мама выходила его, но рана на ноге опять гнить начала. Боимся мы за него.

Тамара подошла к Наде и, заглядывая ей в глаза, тихо попросила:

— Приведите папу к моей бабушке. Она лечит шариками, которые вырастают на листьях дуба. Только вашему папе надо иметь большое терпение. Моя бабушка многим помогла.

В глазах Нади появились слезы радости. Но уже через минуту она строго сказала:

— Становитесь парами. Репетицию проведем во дворе.

НА ОГОРОДЕ

Солнце прогрело землю и позвало людей на поля и огороды. «Пойдем, я научу тебя делать грядки и сажать овощи» — позвала меня бабушка субботним вечером. Мы вскопали две полоски земли и принялись высаживать маленькие луковички в рыхлую землю.

— Реже сажай, — объясняет бабушка, — растению простору хочется. Да и полоть легче будет. Ох, как спина у меня болит! Хорошо, что помощница появилась.

— А Коля? — заикнулась было я.

— Он еще маленький, — поспешно объяснила бабушка.

«Какой же маленький? Первый класс заканчивает. Я еще до школы умела полоть», — подумала я, но ничего не сказала.

— Клара в детстве хорошей помощницей была. Ох, намаялись мы с ней! Под огороды давали лесные участки. Все жилушки повытягивали, пока пни корчевали да каменья перетаскивали. А тут земля чистая, жирная как творожок мартовский или молозиво, — с улыбкой добавила бабушка.

— Что такое молозиво?

— Первое молоко, которое появляется у коровы после отела. Самое жирное и витаминное. Я же давала тебе, когда Марта появилась.

— Не помню, — произнесла я отстранено.

Сажаем лук, а я думаю: «Вот уже четыре месяца я здесь. Странно живу. Не живая я какая-то. Может болезнь есть такая — безразличие к жизни? Дома вслух говорю очень мало и коротко. Трудно мне слова произносить, вроде как язык не слушается...»

Бабушка набрала горсть земли, растерла между ладонями, понюхала и сказала:

— Через пару дней чернушку сеять будем.

— Что такое чернушка?

— Лук-севок. Семена у него как черная крупа. Учись. На земле живем.

Я молчу. Надо так надо. На свежевскопанную землю опустилась оранжевая бабочка. Веселые морщинки на лице у бабушки встрепенулись:

— Красота какая, Господи!

Я увидела на меже отцветающие ранние одуванчики. Их венчики, словно нимбы святых. Сорвала один. Подула на него. Теперь он похож на лысого деда с белой окладистой бородой. Грачи и какие-то серенькие птички по-хозяйски расхаживают по огороду, червячков выискивают. Не боятся, у самых ног крутятся. Я вдыхаю весенний воздух и думаю о том, чего нельзя увидеть, но можно представить или почувствовать.

На соседнем огороде возится бабушка Матвеевна. Тоже лук сажает. Внучок лет пяти крутится возле нее:

— Ба, а ба! У тебя рот как у акулы, когда снизу смотрю, — говорит он, разглядывая бабуся, будто впервой.

— Ах ты, постреленок! — сердится соседка и тут же смеется. — Малец, что с него возьмешь!

— Тундра неэлектрифицированная! — сердится на кого-то из своих домочадцев всегда хмурый озабоченный сосед, который живет справа от нас.

Он постоянно ругается с женой. Что бы она ни предложила, у него на все один ответ — нет.

— Привычка противоречить — болезнь ума, — шепчет бабушка.

— А привычка молчать — признак тупости? — спрашиваю я.

Не скажи! Умно промолчать тоже надо уметь, — улыбается она.

Я тоже силуюсь улыбнуться. Не получается. Мешает что-то внутри меня.

— Еще поработаем? Спина болит? — интересуется бабушка.

— Не болит, — отвечаю я.

— Перевыполним план?

— Да, — отзываюсь я.

ПАМЯТНИК

Сегодня Пасха, и я могу гулять хоть полдня. Иду по улице в любимом белом штапельном платье с голубым воротничком и такими же рукавчиками. Его покупал мне папа Яша. Через дорогу, напротив нашей хаты, расположен четырехъярусный памятник, построенный из огромных розово-бежевых гранитных плит. Бережно подворачиваю подол платья и залезаю на него. Сажу на самой верхней маленькой площадке, подставляю лицо теплым лучам и представляю себя на вершине горы. Я видела меловые горы, когда ехала в поезде во второй детдом. Они мне понравились. Витек сказал тогда: «Горы похожи на слоистый мармелад». А мне в них почудилась сказка с добрыми волшебниками, которые обязательно должны жить в таком красивом месте. Разве не сказка эти памятники природы? Мне, помнится, хотелось прикоснуться к каждому камешку, ощутить шероховатость граней, может быть, почувствовать запах старины в разломах. Я сразу полюбила их. Интересно придуман человек. Не станет он смотреть на мусорную кучу больше секунды, а от лучика света, скользящего по стеклу озера не может оторвать взгляда, пока что-то не отвлечет его. Завораживает.

Чем хорош памятник, на котором я сажу? Простой по форме, но торжественный и не страшный. Мне нравится. Черным он был бы угрюмым. Спустилась на землю, обошла памятник вокруг, потрогала руками холодный шершавый камень. Странно. Солнце теплое, ласковое, а от искристых вкраплений кристалликов кварца отблески света холодные.

Пятясь от памятника, чуть не столкнулась с маленькой сгорбленной старушкой с худым скорбным лицом. Извинилась. Но она, поглощенная мыслями, не заметила меня. Белый платочек прикрывал голову до бровей. Только у правого уха седая прядь выбилась. На плечах черная шаль, черная чистенькая фуфайка, длинная до земли темная юбка, из-под которой виднелись галоши. Лицо старушки морщинистое, как поле, вспаханное учеником пахаря. Над верхней губой — частокол мелких морщинок. Блеклые голубые глаза тускло глядят из темных впадин. Две глубокие складки пробороzdили щеки до подбородка. «Видно, в молодости улыбчивая была», — мелькнуло у меня в голове. Тяжело опираясь на палку двумя руками, старушка стояла буквой «Г» и шептала что-то похожее на молитву. Лицо ее задумчиво и скорбно. Старческая фигурка не убогая. Возраст и тяжесть жизненных бед давил ее книзу. На вид ей больше восьмидесяти. Сухие жилистые крупные руки с узлами набухших вен не подходили к ее маленькому худенькому телу. Утолщенные костяшки пальцев в темных трещинах. Значит, она до сих пор сама ведет хозяйство. Бабушка достала пару голубых и пару красных яичек и принялась катать по маленьким холмикам около памятника. Потом покрошила на землю кусочки кулича, перекрестилась и собралась уходить. Мне показалось, что старушка добрая и не откажется со мной поговорить. Я не ошиблась.

— Объясните, пожалуйста, зачем по земле яички катают? — произнесла я вежливо.

Бабушка присела на пенек в нескольких шагах от памятника и ответила тихим, печальным голосом:

— Не по земле, по могилкам. Красные яички принесла сынам моим, а голубые — дочкам. Всех забрала проклятущая война. Церкву нашу взорвали еще до войны. Господи, прости

их души грешные. Так я хоть не освященными, но поминаю деточек моих. Ты знаешь, кому памятник? Раньше на этом месте стояла красивая школа в три этажа. В ней-то и поселились беженцы. На полу ступить негде было — всюду женщины и дети вповалку. Когда бомба упала, только огромная яма осталась. Всех вместе с солдатами и похоронили. А после войны памятник поставили. Чтобы помнили.

— А почему ваших детей не похоронили тут вместе со всеми или, как положено, на кладбище? — спросила я как можно деликатнее, чтобы ненароком не обидеть старушку.

Она кратко вздохнула.

— Орденов у них много, и даже один самый главный. Парторг сказал, что жизнь они прожили краткую, как миг, но яркую. Обещали памятник отдельно посереде села поставить и улицу назвать в их честь. Документ мне такой выдали. Да забыли. Некому напоминать. Да разве про такое просят? Если совести нет, своей не поделишься — не хлеб. (Памятник установили десять лет спустя.) Тебе не надо про такое знать. Ты «директорова». Твой отец — уважаемый человек, но и он подневольный, партийный.

— Как подневольный? Раб, что ли? — искренне удивилась я.

— Не раб, конечно, но не сумел помочь, хотя очень старался.

Я не понимала, что такое «партийный», но из того, что слышала раньше, думала, что этим надо гордиться. А в устах бабуся это слово прозвучало по-детдомовски грустно.

Вечером спросила отца:

— Что такое «партийный»?

— Партийный. На войне вступил, когда в любой момент жизнь готов был отдать за родину. А теперь...

Он замолчал. В его словах я почувствовала грусть, обиду, иронию, и еще что-то совсем мне непонятное. На лице появилась неопределенная, будто рассеянная улыбка, и он отвел глаза в сторону. Я уже не в первый раз вижу такое выражение лица и знаю, что в этом случае разговор надо прекращать. Все равно больше ничего не скажет.

ПОХОД

На перемене пришла школьная пионервожатая Зинаида Васильевна и сообщила, что в субботу младшие классы пойдут в двухдневный поход по селам нашего района. По коридорам разнесся неопиcуемый визг радости. «Захватите с собой еду и теплую одежду. Список необходимых вещей составьте сами и согласуйте с родителями. Поход — дело добровольное. Сбор в восемь утра. А сейчас — все в спортзал репетировать первомайский концерт», — строго добавила она.

Вечером я принялась готовиться к походу.

— Бабушка, проверьте мое снаряжение, — попросила я.

— А где зонтик на случай дождя? А фуфайка для ночлега? — заволновалась она.

— Не на месяц еду! Не возьму, — горячо запротестовала я.

— Собираешься на день, бери вещи на неделю, едешь на неделю, запасайся на месяц. Так в поговорке говорится, — вмешалась мать и принесла фуфайку.

Приподняв сумку, я взмолилась:

— Мне поход станет не в радость, если буду изнывать под тяжестью вещей.

— А если заболеешь, кому возле тебя крутиться? — попыталась урезонить меня мать.

— Тогда уж лучше никуда не пойду, — совсем сникла я.

— Потом жалеть будешь, детка. Нечасто мы можем оторваться от хозяйства. Устрой себе праздник. За плечами вещи легче нести. Я, бывало, свяжу две сумки полотенцем, перекину через плечо — одна сзади, другая спереди, — и в город пешком за десять километров. А назад налегке. Ноги сами несли к детям, — вспомнила свою молодость бабушка.

Я задумалась над ее словами. Чего воду в ступе толочь? Узнаю, что наши девчонки с собой берут. Попросила у матери разрешения сбежать к Верочке из параллельного класса. Она нахмурилась, но все же снизила: «Иди. Одна нога здесь, другая — там. Нечего по чужим хатам болтаться, время попусту тратить!»

Вера, расстелив на полу цветастую наволочку, делала из нее рюкзак, а ее мама готовила ужин и давала дочке советы. В нижней части наволочки подружка закрепила по углам прямоугольника четыре картошины. Получилось дно. А в верхнюю вдела резинку. Потом мама прикрепила к сумке ремни, и Вера надела готовый рюкзак на спину. Выглядела она как настоящая путешественница!

— А фуфайку берешь? — осторожно спросила я.

— Нет. Мне мама свою старую куртку на случай дождя положила, она легкая, — ответила подруга.

— А мне стеганку навязывают, — пожаловалась я, окончательно расстроившись.

— Не огорчайся, найдете выход, — попробовала утешить меня Вера.

Вернувшись домой, я попросила у бабушки вещевой мешок отца. Она дала, но озабоченно предупредила:

— Это его память о войне. Не запачкай.

— Понимаю, — заверила я.

А по поводу фуфайки допоздна шли споры-разговоры. Я раздражалась, доказывала свою правоту. Они не соглашались, настаивали. Даже в постели я продолжала бурчать: «Будет холодно, — у костра согреюсь. Не дурочка, соображу, как поступить».

Утро разбудило меня яркими солнечными лучами. Бабушка улыбалась:

«Яички еще теплые. Заворачивай поскорее. Сала нарезала мелко. С картошечкой хорошо пойдет. А может, пшенный суп сварите?» Поверх вещмешка лежала плащ-палатка отца. Я благодарно взглянула на бабушку. Нашла все-таки выход! И когда она успела наметкой подшить его?! Примерила. Как влитой! Вместо рукавов — прорези. Удобно! И плащ у меня военный, и вещмешок. «Для полного счастья мне только пилотки не хватает», — вздохнула я, вспомнив о Витьке.

По селу шли строем, с песнями «Катюша» и «Взвейтесь кострами...». Я еще никогда не уходила так далеко от дома и с интересом разглядывала незнакомые улицы с хатами, вросшими в землю по окнам, шелестящие прошлогодним бурьяном, облитые мхом и усыпанные мелким кустарником старые крыши, вдыхала уже привычные запахи дегтя, навоза, парного молока.

А в лесу мы разбрелись попарно. Золото утренних лучей пронизывало молодую зелень деревьев. Их отблески качались на полуобнаженных ветвях. Земля дышала прохладой. Нашли огромную поляну ландышей и бросились собирать букеты. Запах цветов кружил голову, влажные скрипучие стебли приятно охладили руки. Зинаида Васильевна остановила нас:

— Пока придем в деревню, цветы завянут.

Споткнулась о корешок-старичок и увидела фиалки в низине. Их темно-зеленые листья уже пробились сквозь вороха прошлогодней листвы, а нежные бутоны еще не раскрылись. Звонко пели птицы. Сороки хлопотали, обновляя прошлогодние гнезда. Забрела в ельник. От красоты ли, от смолистого ли запаха набежала мимолетная грусть, и подумалось: «Только елки слышат, только небо видит, но никто не понимает меня». Подошла вожатая.

— Покажите мне, пожалуйста, цветы Иван-да-Марья, — попросила я.

— Да вот же они у тебя под ногами! Только рано еще им цвести.

— Эти?! Я думала они особенные!

— Они не обыкновенные уже потому, что у них лепестки двух цветов: желтые — Марья, синие — Иван. А вон валерьянка, чтобы нервы успокаивать и сон улучшать. Каждая трава обязательно что-либо лечит, — терпеливо объясняла Зинаида Васильевна.

— Все в природе для человека, — заключила я.

— Почему для человека? И для животных тоже. Все друг другу на земле нужны, — раздумчиво поправила меня вожатая.

Около меня, пытая, остановилась соседка Зоя. Узел, в котором она несла вещи, развязался. Из него выглядывали: шерстяной платок, запасные шаровары, кофта, резиновые сапоги и еще что-то непонятное. А поверх всего лежала огромная, старая стеганка, из рукавов которой торчала вата. Зоя прижимала к себе ворох тряпья, и ее потное, красное лицо выражало мучение. Я расстелила большой платок, сложила все вещи и крепко связала противоположные концы.

— Фуфайку одень на себя, а то потеряешь, — посоветовала я.

— Понеси чертову одороблу, а? — умоляюще простонала Зоя.

Мне было ее жалко, но я переборолла себя и раздосадованно проворчала:

— Я из-за фуфайки вчера целый вечер ссорилась с родителями, нервы им и себе портила, а теперь нести должна? Нечестно. Я выбрала нервы, а ты — фуфайку.

Но на сердце было беспокойно. Подружка стояла грустная, с просительными, осолопевшими от жары и усталости глазами. Вид у нее был жалкий. Я догадалась попросить самого доброго одноклассника Диму помочь Зое, хотя бы по очереди с кем-либо понести злополучную фуфайку. Он с готовностью откликнулся, «напялил» на себя Зойкино «одоробло» и, болтая длинными рукавами, начал пугать ребят. И пока мы шли по лесу, ребята с превеликим удовольствием играли в чудище из «Аленького цветочка».

К обеду из густого лиственного леса мы вышли к реке с названием Сейм. Ослепительное солнце, ярко-голубое небо, свежая зелень луга привели нас в восторг, и мы, побросав вещи, со всего размаху кинулись на желтый песок. Мы орали и кувыркались, а Зинаида Васильевна улыбалась и не мешала изливаться радостью. Я зашла в речку по колено. Студеная, чистейшая вода! Мальчишки принялись раздеваться. Зинаида Васильевна возражала.

— Они уже неделю назад купались. Им родители разрешили, — заступился мой брат Коля.

Ребята плыли быстро и красиво.

— Для первого раза хватит, — упрашивала вожатая, — вылезайте, обедать будем.

Мальчишки выскочили с посиневшими, но довольными лицами и возбужденно рассказывали о жутко холодной воде и страшно приятных ощущениях.

Еду разложили на полотенцах. Сидели по обе стороны «стола» и наперебой предлагали друг другу свои «яства».

— Мой папа плотвы для нас наловил.

— А мне мама два крылышка куриных дала. Кому одно?

— А у меня сахар колотый. Вон, какой кусок большой!..

После обеда разбрелись по берегу. Вдали река расстилалась голубой безмятежной гладью, а у моих ног плещутся зеленые прозрачные светящиеся волны. Они кажутся мне отлитыми из светлого бутылочного стекла. Искристые, солнечные, они скользят весело,

беззаботно, с мягким шуршанием накатывая на чистый желтый песок. Маленькие холодные гребни щекочат мои ладони. Не могу глаз оторвать от беспрерывно меняющихся хрустальных узоров волн.

Река уносит мои мысли далеко-далеко.

Сквозь шелест сухого безжизненного камыша в излучине услышала непонятный звук. Приподнялась. За кустом сидела Наташа из четвертого класса и ела из голубой консервной банки что-то белое. Прочсть надпись на банке я не смогла. Ко мне с мячом в руках подбежала Оля. Увидев, куда направлен мой взгляд, криво усмехнулась и тихо сказала:

— Это сгущенное молоко. Вкусное, сладкое.

У меня потекли слюнки. Мы подошли ближе, но я не решилась попросить попробовать. Наташа оглянулась на нас и отвернулась. Потом доела сгущенку, швырнула банку под куст и пошла к лесу.

— У каждой птички свои привычки, — презрительно фыркнула Оля и, театрально воздев руки к небу, напыщенно произнесла, видно, услышанную где-то взрослую фразу: «Непостижимые люди, непонятные судьбы!»

— А это молоко очень дорогое? — спросила я у Оли.

— Дорогое, — ответила одноклассница и завистливо скривилась.

— У Наташи нет отца. Кто же ей такое покупает? — изумилась я.

— Ее мама в привокзальном буфете работает, — поджала губы Оля.

Эти слова мне ничего не объяснили. Я недоумевала: «У нас в семье папа — директор школы, мама учитель, но я не знаю, что такое сгущенное молоко». Почему-то вспомнилось Наташкино красивое зимнее пальто и настоящий вязаный шерстяной костюм. Мы носили спортивные с начесом. «Ну и что из того? Главное, чтобы тепло было, — подумала я и при этих словах почувствовала, что замерзла. Солнце заблудилось в облаках? Еще не лето. Поежилась от ветра и пошла за кофтой.

Меня привлек шум на другом конце пляжа. Пионервожатая, как испуганная наседка, носилась по берегу и причитала, а ребята бегали за ней, и наперебой предлагали свои решения проблемы. Лавина ребячьих голосов заглушала ее стоны. Наконец я поняла, что Надя из 3 «А» нашла плот, спрятанный в камышах, и уплыла по течению реки к другому берегу. На крики не отвечала. Плот еле различимой точкой еще обозначался на волнах.

— Может, Надя разомлела на солнце и заснула, а когда проснется, сама подгребет руками? — успокаивали ребята вожатую.

— А вдруг ей там со страху сделалось плохо? — нервно возражала вожатая.

— Вам, взрослым, страшно на реке, а нам интересно. Наверное, представляет себя капитаном и радуется! Не путешествие, а мечта! — восторженно подхватил Вовка.

— Ей удовольствие, а я отвечаю за нее! — травила себя Зинаида Васильевна.

На наше счастье к нам подплыл молодой рыбак. Вожатая резво вскочила в лодку, окатив парня веером брызг, и потребовала грести к плоту. Лодка зачерпнула бортом, но рыбак не разозлился, понял, что женщина в запале позволила себе такую вольность, и налег на весла. Зинаида Васильевна оценила его деликатность и благодарно улыбнулась.

Скоро растерянная, обескураженная Надя сидела на берегу и оправдывалась:

— Я не слышала криков. Простите, не хотела вас пугать. Было так здорово! Небо, вода! Я была такая счастливая!

Волнение улеглось. Мы снова разбрелись по берегу.

Я увидела заросшую ивняком и облепихой песчаную косу, своим длинным отростком

отделяющую узкий залив. Когда пробиралась к нему сквозь кусты, на меня сыпались огромные серо-зеленые комары. Расстелила плащ на плотном песке, греюсь на солнышке и разглядываю небо. «Облака как добрые великаны, — размышляю я, радуясь многообразию декораций. — Надо мной они движутся медленно, величаво, а слева, ближе к горизонту, стоят на месте, но уплотняются. Между ними появляются серые полосы. Около кустов беспокойно мечутся стрижи. Низко летают. Дождь предсказывают или их привлекают насекомые? Ласточки рассекают воздух с пронзительными криками. В просвет между кустами вижу, как серые речные чайки на бреющем полете без суеты грациозно опускаются на воду...»

Порыв ветра со стороны реки вывел меня из мечтательного состояния. Он сгибал и причесывал тонкие ветви прибрежных лоз в одну сторону, и они уже не расправлялись под мощным воздушным напором. Кусты, которые росли дальше от берега, ветер закручивал, растрепывал, заставлял кланяться по кругу.

На меня надвигалась огромная многослойная черная туча. Тусклые лохматые рыхлые громады плыли низко и тяжело. Небо словно пучилось и набухало облаками. Я не забеспокоилась. При сильном ветре не бывает дождя. Мимо пройдет туча. И все же встала и осмотрелась. Потемнело, будто вечер наступил. Горизонт размытый. Начал сереть далекий синий лес. Постепенно и зеленый, тот, что ближе ко мне, слился с ним воедино. В нашу сторону идет стена мелкой дождевой пыли...

На реке тяжелые свинцовые волны, напирая друг на друга, упрямо несутся к берегу. Мутные валы ходят по поверхности реки. Белые барашки на их гребнях то появляются, то пропадают, точно лунный свет скользит по воде, а потом тонет в серой пучине. Река теперь показалась мне более многоводной, быстрой, неприветливой и опасной.

Одна туча не выдержала своей тяжелой ноши и осыпала меня мелкими брызгами. Они привели меня в чувство, и я помчалась к вожатой. И вовремя. Зинаида Васильевна торопливо сзывала ребят, чтобы поскорее отвести всех в сарай, что стоял в метрах ста от нашей стоянки. По приказу мы дружно сорвались с места и с радостными криками помчались в укрытие. Нас словно сдуло с пляжа. Порывы ветра хлестали редким дождем, шумели деревья. Вскочили в убежище. Оно оказалось брошенным, поросшим бурьяном коровником. Сухих углов хватало всем. Пока мы растирали мокрые лица и покрасневшие от холода руки, восторженно делясь впечатлениями от пробежки, дождь пронесся седой полосой вдоль побережья реки и скрылся за лесом.

Сразу посветлело. Угомонился ветер. Опять заметались хлопотливые стрижи. И снова засиял хрустальный день!

— Зинаида Васильевна, мне один рыбак сказал, что ласточки и стрижи не могут есть сидя и питаются только во время полета. Как же тогда Дюймовочка могла спасти больную ласточку? — спросил Володя.

— Ошибся рыбак. Ласточки сидят в гнезде, когда кормят своих деток. У твоего знакомого создалось такое мнение потому, что они не подбирают еду с земли, а питаются тем, что летает, насекомыми.

— Летая, едят летающих, — весело уточнил Вова.

Ребята оценили фразу товарища и дружно, одобрительно рассмеялись. Зинаида Васильевна заторопила нас, чтобы до темноты успеть попасть в деревню, и расположиться на ночлег в здании школы. Сначала мы шли бодро, вспоминали веселые и страшные истории, потом притомились и умолкли. Я увидела, как Верочка догнала вожатую и, покрасневшая, запыхавшаяся, стала объяснять, что очень устала. Но вожатая строго произнесла: «Нытики в походы не ходят». По лицу подружки я видела, что не знакомо ей слово «нытик». Не поняла она, чем недовольна Зинаида Васильевна. Совсем обессилела Вера, плетется позади всех. Тогда вожатая остановилась, подала ей палку и сказала совсем другим примирительным тоном:

— Опирайся на нее. Видишь, она впереди тебя идет, а ты за ней. О ногах и усталости не думай.

Вера послушалась, ей стало легче, и она догнала своих ребят. А в компании идти всегда веселей.

На ночь расположились в спортзале. Спали на сене. А утром хозяйки из соседних домов принесли нам три огромных чугуна борща. После прохладной ночи мы с удовольствием хлебали его из кружек, под оживленный галдеж ворон и галок. Потом женщины напоили нас парным молоком и еще дали с собой полное ведро. Зинаида Васильевна отмахивалась:

— Спасибо, как я понесу ведро до следующей деревни?

Но женщины были неумолимы:

— Донесешь. Детей в обед напоишь. Ведро наш колхоз вашей школе дарит.

Добрались до леса, изрытого рвами и ямами.

— Зачем здесь траншеи? — спросила я.

— Здесь линия фронта проходила. Слышала о Курской дуге?

— Так ведь до города сто двадцать километров!

— Линия фронта — не черта. Она охватывала несколько областей, — объяснила вожатая.

Ребята тут же устроили «сражение», но никто не хотел быть немцем, поэтому «войну» превратили в знакомую всем игру «казаки и разбойники». Зинаида Васильевна с трудом собрала «отряд» и повела «в разведку», на поиски неизвестного объекта — села Ольговки. Пришли вовремя. Еще хозяйки не встретили стадо с луга, а мы уже развели костер и приготовились печь картошку. Пока вожатая заботилась о втором ночлеге и договаривалась с председателем колхоза о грузовике, мы расстелили одежду и отдыхали на холме. Со всего села сбегались местные ребята. Они принесли с собой угощение. Пир длился дотемна. Мы перепели все песни, что знали, а потом Галинка, любительница частушек, попыталась перепеть здешних девочек, но не получилось. «Они массовостью взяли», — успокаивала Галю вожатая.

А наутро веселый молодой шофер «погрузил» нас в кузов машины и отвез назад, прямо к порогу нашей школы.

Дома бабушка встречала меня так, будто я месяц отсутствовала.

ОКТАБРЯТА

На тридцатое апреля назначен прием в октябрята. Мы очень старались заслужить первое в жизни серьезное звание. На классных собраниях Ирина Федоровна спрашивала нас:

— Что сейчас самое главное для вас?

— Хорошо учиться, — дружно отвечали мы.

— Каким должен быть октябренок?

— Честным, послушным, добрым, трудолюбивым.

— У меня не получается на «четыре» учиться, — хныкал Витя Иванов.

— Сколько строчек буквы «Е» ты вчера написал в прописях?

— Две.

— А Лена — пятнадцать, поэтому у нее пятерка, — объясняла учительница.

— А я маме соврал. Меня не примут? — опустив голову, спрашивал Володя. — Мама мне верит. Она сказала, что я себя сам наказал, когда переписывал сектантские письма.

— Вижу, ты уже понял свою ошибку. Все у тебя будет хорошо, — улыбалась Ирина Федоровна.

— Я не могу задачки решать, — переживал Коля, — пока читаю вторую строчку, первую уже забываю.

— Читаешь медленно. Читай стихи, там строчки короткие. Мне помогает, — советовала ему Галя.

— Не девчонка, чтобы стихами заниматься, — возражал Коля.

— Может, ты и танцевать не хочешь учиться? — удивлялась Ирина Федоровна.

— Не дурак скакать с девчонками! — громко и сердито оповестил класс Коля.

— Ты считаешь, что если учителя и наш директор хорошо танцуют, то они...

— Ну что вы! Я не подумал, — оторопело буркнул Коля и покраснел.

— Делаю тебе замечание. Ты понял за что? — спросила учительница строго.

— Я опять грубое слово сказал, — смутился Коля.

— Ирина Федоровна, а Игорь не выполнил Ваше поручение, а тоже хочет в октябрята, — с невинным видом сообщает Оля.

— Вы уже большие и не надо по всякому пустяку обращаться ко мне. Все несложные вопросы решайте между собой сами. Представьте себе, что будет, если каждый рабочий на заводе из-за мелочей начнет беспокоить начальника. Смешно? Учитесь все делать вместе без крика и ссор, тогда в классе вам будет всегда интересно и легко.

— Обязательно делать зарядку ребятам, которым до школы четыре километра идти?

— А что важней: мыть посуду или с папой чинить плетень?..

Казалось, вопросы никогда не закончатся. Но Ирина Федоровна продолжала объяснять, утешать, соглашаться.

Я тоже задумалась над тем, чему еще должна научиться. До сих пор портянки надевать не умею. Не получается заворачивать ногу в большую неудобную тряпку, а в оправдание говорю, что в армию мне не идти. Еще плохо справляюсь с ролью сторожа. Я не должна пускать кур в огород. А они, проклятые, перелетают через плетень и склевывают свежую зелень. Да если бы только на своем огороде! Они еще и в чужой стремятся попасть. Вроде бы там слаще! За потраву на своем огороде бывает нахлобучка, а если на соседском — вдвое. Работа не трудная, но, когда читаю интересную книжку, я забываю о курах.

Старшая вожатая сказала, что благодаря терпению и заботе нашей учительницы, к концу апреля все ребята нашего класса будут достойны звания — октябренок. Из тридцати четырех учащихся у нас не было ни одного двоечника. Учителя говорили с уважением: «Если не забалуется, сильный класс будет». Нам льстила такая оценка. Мы гордились Ириной Федоровной.

И вот наступило волнительное утро. Актовый зал (он же спортзал) заполнен учениками. Нас построили в два ряда. Мы выходили перед строем по одному, четко печатая шаг, и торжественно в абсолютной тишине рассказывали о своих отметках и домашних обязанностях. Старшеклассники дружным хором каждому из нас кричали: «Достоин». Старшая вожатая под аккомпанемент песен о Родине прикрепляла нам значки с детским портретом Ленина, а директор желал хорошо подготовиться ко второй ступени взросления — к вступлению в пионеры. После торжественной линейки мы всем классом пошли в сельский клуб смотреть фильм «Свинарка и пастух». Мне в нем очень понравилась слова: «...Друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве». С этой песней пришло ко мне понимание великой, вечной и самой прекрасной столицы в мире. А еще я подумала: «Если свинарка смогла, значит и я, если очень захочу, тоже попаду в столицу!» Сердце наполнилось радостью.

Мне казалось, что Москва должна быть мечтой каждого, как самая далекая и самая красивая звезда Млечного Пути. Почему раньше в голову не приходило, что я тоже могу поехать в столицу? Наверное, потому, Москва для меня — что-то непостижимое,

фантастическое, приходящее ежедневно только по радио с гимном и боем курантов. Когда я была совсем маленькой, меня тревожно и таинственно волновал гудок паровоза, а теперь московские куранты зовут меня в счастливое, неизведанное, заманчивое и очень важное будущее!

Дома меня ждали любимые пирожки с картошкой. Бабушка позаботилась. За ужином я чувствовала себя главной.

Октябрятская звездочка была наградой за мой тяжелый труд по чистописанию. Я ее честно заработала.

РАЗРУШЕНИЕ ПАМЯТНИКА

После Первомайских праздников прошла неделя. Медленно текли дни последнего месяца школьных занятий. Работа на огороде поглощала все свободное время. Но я старалась все делать быстро и хорошо, чтобы получить разрешение хоть на полчаса сбегать к памятнику. На нашей улице колодец для женщин — информационный пункт, где они узнают друг от друга о событиях в мире и в селе, получают советы, как лечиться, готовить еду, спастись от сглаза. А ребята школьного возраста собираются у памятника.

Я выполнила все задания бабушки и отпросилась погулять. Открываю калитку. Что такое? Несколько молодых рабочих стаскивают гранитные плиты с памятника и разбивают на куски. Растерянно слежу за работой. До меня не доходит смысл их действий. Разве памятник из кусочков будет лучше? Подъехала полуторка. Рабочие принялись загружать машину. Тут до меня дошло, что памятник не переделывают, а разрушают. Я заволновалась, внутри у меня все задрожало. Смело подошла к старшему.

— Скажите, пожалуйста, куда вы перевозите памятник? Зачем его надо дробить? Тяжело грузить целые плиты? — со всей вежливостью, на которую была способна, спросила я.

— Убери свой курносый нос, девочка. Теперь это вечная щебенка. Мы ею выстелим дорожки во дворе у начальника, — не то в шутку, не то серьезно сказал военный.

— Это же памятник героям войны?! — вспыхнула я.

Тут подошел самый молодой рабочий и примирительным тоном сказал:

— Не горячись, девочка. Нам приказали. Мы подневольные. Иди отсюда.

Я не могла успокоиться. Как можно дорожки выстелить памятью народной? Вихрем влетела в хату.

— Папа, плохой человек приказал разбить памятник! Он забыл, что была война? Забыл, что люди до сих пор плачут? Разве нельзя набрать щебенки на Некипеловке? Ее там горы великие, — отчаянно закричала я, заикаясь от волнения.

Отец пошел в сельсовет, а я вернулась к памятнику. Сверху гранит посерел от времени, кое-где позеленел от сырости. Но каждый отколотый кусок был свежего розово-коричневого цвета, а мне он казался розово-красным, будто окропленным кровью. Каждый удар лома и молота был ударом по моему сердцу.

Я не выдержала, ушла домой и вскоре уснула. Ночью проснулась. Дверь в комнату родителей открыта. Отец шептался с матерью:

— Не думает о воспитании молодежи... Отомстит... Теперь каждый год летом на два месяца обещал посылать... Как ты с сеном будешь справляться одна? Хоть корову продавай... Пожалуйся... Кому? Он тут бог и царь...

В висках застучало: «Из-за меня теперь некому будет летом работать по хозяйству? Я виновата? Придется мне учиться пахать, косить, сено таскать, хату ремонтировать?» Сделалось страшно и тоскливо из-за того, что принесла несчастье в семью, встретившую меня по-человечески. Думала обо всех людях, а заставляю мучиться тех, которые для меня теперь самые главные? Слезы не останавливалась. С ними и уснула.

Утром, боясь взглянуть отцу в глаза, ушла в школу. Может, там услышу хорошее? Тишина. Ни одного слова о памятнике. А он ведь на виду у школы стоял. На улице, у колодца, тоже опасливое внимательное молчание, как будто всем оно было завещано. Что же это за человек такой, что никто в деревне не может смело сказать ему правду? Почему он за правду отцу всю жизнь мстить будет? Он как бог? Недавно читала книжку про царя и его рабов. Там говорилось: «Откуда у одного человека страшная, жестокая власть над многими людьми, которая сокрушает их, вызывает жгучий мучительный страх, томительное неудовлетворение, трепетный ужас, заглушающий трагические стоны обреченных несчастных неуверенных людей. Страх, несомненно, вторгаясь в души, отупляет, покушается на их скорбную память о друзьях и войне, на свободу, искренность, мешает расцвести в них добру, красоте». Правильно написано. По себе знаю. Нет совести и сострадания у такого человека.

Вспомнила, как бабушка пошутила, стоя с соседкой у колодца: «Дорого обходятся нам угрызения совести и обременительная потребность в искренности по каждому поводу!» Потом добавила грустно: «Искренность у взрослых — редкий дар, как ум или красота. Чаще всего темную всепожирающую ложь и безразличие отпускает жизнь щедрой мерой. Зависть съедает тех, кто завидует, а они, в свою очередь, губят и приносят несчастье тем, кому завидуют».

Может, Валентина Серафимовна из нашего детдома тоже была таким бессовестным богом, и поэтому нас никто не защищал от нее? Но Валентина Серафимовна на вид была обыкновенной злой женщиной? Что же мне делать? Молчать, как все в деревне? Всю жизнь молчать? Ничего не замечать? Мы в детдоме гордились своей честностью, неукоснительно требовали ее от себя и от других и ради нее терпели любые наказания. Но заставлять страдать других я не имею права. Господи, помоги мне разобраться во всем!

СТОЛИК

На улице перед своим домом сосед дядя Володя Прудников сделал стол, четыре лавочки и вкопал столбы для качелей. Теперь здесь по вечерам собираются мужчины нашей улицы обсудить политику и поиграть в домино. А днем сюда часто приходят дети.

Мне очень захотелось покататься на качелях, и я направилась к столику. Ребят сегодня много. Каждый занимается своим делом. Некоторых я еще не знаю, потому что редко выхожу гулять. Слышу, как самая маленькая девочка спрашивает большую:

— После школы ты сразу в институт пойдешь? И домой не зайдешь?

— Институт не магазин, — дружелюбно смеется старшая.

Двое маленьких мальчиков ссорятся:

— Не дам конфету. У тебя рот большой. Ты много откусишь.

— «Обжора — дядя Жора», — обиженно сердится второй.

Рядом мирно беседуют мальчик с девочкой. Им, наверное, по пять лет.

— У тебя жених есть?

— Есть.

— Ты замуж за него пойдешь?

— Нет. Он грубый.

Она говорила рассудительно и строго.

— А я на Леночке должен жениться. Моя мама стареет. Папа сказал, ей скоро тридцать лет, — пожаловался мальчик и непритворно вздохнул.

— Пропадешь ты с такой женой, — солидно заявила девочка, внимательно рассматривая

конфетные фантики.

Двое незнакомых мне ребят играют в шашки.

— Представляешь, вчера пришел к Витьке в гости, а он лежит на печке, взгляд в потолок застопорил, и говорит: «Не мешай, видишь, Чапаев думает», — раскачиваясь из стороны в сторону, хохочет первый.

— Раззява! Сразу четыре твои бью! — задохнулся от неожиданного везения его партнер....

— Зачем моей маме рассказал про рогатку? Батарейки из тебя вытащу, чтоб не болтал, как радиоприемник, — сердится Вова Коржов на мальчика с Красной улицы...

— Раньше мы в гарнизоне на юге среди гор жили. Там детей почему-то воровали. Пришел папа с работы, а меня нет. Солдат на ноги подняли. А я в соседнем дворе за полуоткрытыми воротами сижу, камешками играю и ни о чем не волнуюсь, — увлеченно рассказывала Наташа с улицы Гигант.

Мои подружки делятся на команды, готовятся играть в испорченный телефон. Ребята устроили конкурс. Уже произнесено десятка три незнакомых мне считалок, но победителя установить не удастся. Девочкам надоело спорить, и они предложили играть в города. Ребятам и здесь надолго не хватило. Они начали привирать, выдумывать несуществующие населенные пункты. Закончилась игра маленькой потасовкой на весенней траве. Потом старшие принялись обучать маленьких ходить на руках, делать колесо, мостик, кувырки, а намаевшись, запели тихие и протяжные песни. Я не участвовала, только наблюдала.

Сельские дети очень отличаются от городских, которых я успела узнать. В тех по большей части бесшабашность, бездумность. А эти как маленькие старички и старушки. Игры у них все с пользой. Даже ссорятся по-деловому, тут же без особых криков разбираются во всем и без обид продолжают играть. Городские дети за все лето ни разу не пели песен. А здесь даже мальчишки с удовольствием подпевают девочкам.

Подошел школьный столяр дядя Петя, надежно закрепил кольца самодельных качелей, и к ним сразу выстроилась очередь. Сначала старшие катали самых маленьких. Попытки малышей влезть еще раз тут же пресекались. Они без капризов подчинялись. Первоклассница Валя взлетала на максимальную высоту с восторженным на предельной ноте визгом, потом радостно и удовлетворенно ухала вниз. Со всех сторон слышался довольный рокот голосов. Подошло время кататься второклассникам. Все посмотрели в мою сторону.

— Ты любишь сильно раскачиваться? Помочь? — спросила Зоя.

— Давай, — торопливо согласилась я и полетела между ветвями берез, сквозь которые в белых облаках мелькало оранжевое солнце.

ПЛОХОЕ СЛОВО

Моя подружка Зоя в разговоре часто употребляет плохие слова. Причем делает это весело, без злости, а я при этом съеживаюсь, не желая впускать в себя пошлое. Меня коробят ее смачные выражения. Как-то я сказала ей, что некрасиво так говорить, а она улыбнулась с восхитительным простодушием, свойственным только ей в нашей компании, и миролюбиво ответила:

— Я ничего плохого в них не вижу. Для некоторых вещей нет культурных выражений. Вот, ты говоришь «пятая точка». Валя это же самое называет попка, а я ж.... Ну, вроде как папа, папка, батя, мужик, старый хрен. А х... и п... я применяю, потому что ни ты, ни твои умные родители не знают, как назвать их по-другому.

Возразить мне было нечего. Я не стала долго ломать голову и решила сначала у брата узнать, как можно обойтись без мата, чем его заменить. Но стоило мне произнести первое грубое (но не матерное) слово, как он обрадованно закричал:

— Ага, матом ругаешься! Все маме расскажу.

Я попыталась растолковать ему, что, не употребив ругательство, не смогу узнать заменяющее его слово. Но Коля не слушал, а только дразнил и грозил. От обиды сразу пересохло во рту, я едва смогла вымолвить: «Не надо».

Я боялась матери как огня. Ее властный голос, скорость принятия решений и категоричность пугали меня. Я уставала от нее, от постоянного чувства вины, от страха лишней раз попасть ей на глаза и увидеть недовольный, осуждающий, жесткий взгляд.

И теперь стоило мне в чем-то не согласиться с братом, он сразу напоминал: «Маме скажу. Будешь знать!» Я подчинялась и выполняла все его условия. Злилась, конечно. А он, знай себе, покрикивал снисходительно: сбегай в магазин, почисть ботинки... Меня раздражало, что я работаю не по своему желанию, а по капризу младшего брата. И чем чаще он запугивал, тем более униженно я себя чувствовала. Сначала он приказывал один на один, потом обнаглели стал при друзьях командовать. Это окончательно выбило меня из равновесия. Я задумалась: «До каких же пор он будет меня изводить? Не лучше ли один раз понести наказание, заслуженное или не очень, чем изо дня в день подвергаться оскорблениям?» И вот, когда он опять насмешливо повторил: «Ага! Маме скажу» — я гневно ответила:

— Пожалуйста, беги, гадкий доносчик, подлый мальчишка, слабак, предатель!..

Коля не пошел жаловаться матери и больше не унижал меня. Значит, он не злой. Наверное, ему нравилось играть роль командира.

Этот случай сделал меня осторожной. С тех пор я никогда ни к кому не попадала в зависимость.

ХРЯК

Жара. На огородах картофельная ботва вялая, посеревшая. Тыквы сложили листья-зонтики. По краям листьев клубники появилась красная кайма. Взрослые в обеденное время без особой надобности не выходят из прохладных хат. Только пацанам все нипочем. Приезжие, городские дети — на речке полощутся, что за две улицы от нас, а местные при деле: кто свиной пасет, кто за гусями приглядывает. Поэтому далеко от дома не отходят и резвятся в грязном пруду, расположенном рядом со свиноводческой фермой. Животные барахтаются с одной стороны, а дети с другой. Никого не смущает такое соседство. Девочки заходят в воду в платьях, мальчишки в трусах. Купание доставляет истинное удовольствие. Плавать по-настоящему здесь научиться невозможно, но для нас главное — любим «стилем» суметь уплыть от какого-то не в меру нахального поросенка. Своих свиней выгоняют на выпас только три семьи с нашей улицы. В этом году пасти их поручили Лесику Юрьеву, Вовке Коржову и Пете Перепелице. Иногда к ним присоединяется Максимка с улицы Гигант.

Максимка не в меру шустрый, напористый и даже нагловатый, поэтому Петя сторонится его. Но домашние дела все время сталкивают их то в поле, то у магазина. Необходимость общаться с недругом злит Петю. Но что тут поделаешь? Все по одним улицам ходят, одни тропки меж огородами топчут.

Вот и в это лето обязанность пасти поросят опять свела их на одном лугу, отведенном сельсоветом для выпаса неугомонных «пахарей». Свиньи не могут спокойно поесть и залечь спать. Им же надо изрыть все вокруг и только тогда, уткнув морды в свежую землю, мирно хрюкая, заснуть! Петино стадо всегда спокойно, даже меланхолично бродит по лугу, обгрызая любимую зелень. А Максимкино как бешеное носится по рытвинам, выискивая шампиньоны и еще неизвестно что, только им понятное. Даже когда все хрюшки нежатся в пруду под палящим полуденным зноем, буйное семейство тычется в чужих взрослых свиней, злыми пяточками подкидывает визжащую от страха молодь. А уж о главном хряке чертова стада и говорить не приходится! Никому он не подчиняется, ходит весь день хмурый, свирепо поблескивая красными глазками. Максимка справлялся со своим заданием, потому что хитрый. Он обычно гонит маму-хрюшку и детенышей, а за ними нехотя идет вечно недовольный хряк.

Мне пасти некого. Единственный Васька живет в загоне. А траву я ему каждый день рву. Бабушка считает, что так разумней, и погулять мне времени будет больше. Я с ней согласна.

Как-то раз перед Троицей лежим мы своей большой компанией рядком под ивами и сонно переговариваемся. Оводы зудят, золотисто-зеленые навозные мухи ползают по босым грязным ногам. Мы нехотя сбиваем их ветками. Максим, как всегда, пристаёт к Пете, дразнит его:

— Пастух никудышный! Что же мамка тебе штанов не сшила? В юбке не запутываешься?

— Сам-то давно из рубахи вылез? — сердито огрызается Петя, с ненавистью глядя на свою длинную до пят домотканую одежду.

— Девчонка ты, понял? — не успокаивается насмешливый Максим.

— Дурак! У самого штаны на помочах. Где ремень, а? — держит оборону малыш.

— Я дурак? Ты только болтать умеешь. А храбрости — с мизинец, — ядовито укалывает Петю недруг, изображая на лице откровенно брезгливое выражение.

— Чего это с мизинец? Я справляюсь со своим стадом, — гордо приосанился Петя, четко осознавая свою ответственность старшего ребенка в семье.

— А ты с моим попробуй, — не унимается взъерошенный спорщик.

— Скотина своего хозяина знает. Глупо мне твоих свиной пасти, — разумно замечает малыш.

— Трусишь, а? Трусишь! — кричит Максим, надменно и победно оглядывая нашу компанию.

Девочки от этих слов поежились и забурчали недовольно:

— Не приставай, Максимка. Знаешь ведь — непутевый твой хряк, и чего он может «выкинуть», один бог знает.

— Ха! За девчачьи сопли прячешься! Не отвертись, — продолжает заводиться Максим.

Петя заерзал, занервничал. Уж больно не хотелось ему под дудку Максима плясать, но и выглядеть слабым не нравилось. Друзья не вступали в разговор, и Петя не знал, как оценить их молчание — как презрение к нему, самому маленькому в их компании, или они соблюдали нейтралитет в споре двух мужчин?

— Да ты хоть ради хохмы ударь моего хряка. Покажи, какой ты смелый, — дерзко и ехидно насмехается Максим.

И что-то взбрыкнуло в душе Пети. Схватил он палку и пошел за канаву, где бродил красноглазый боров. Шел медленно, соображая, куда ударить для себя безопасней. «Конечно по заду. Пока развернется скотина — я уже «задам стрекача», — обеспокоенно рассуждал он, подрагивая сердечком и тощеньким животом, до конца не осознавая безнадежность и опасность своего поступка.

Мы всерьез не восприняли решительность Пети и продолжали лежать, а когда услышали пронзительный тонкий крик, мгновенно выскочили на откос и увидели, что хряк рвет Петю, что потемнела от грязи и крови домотканая рубаха друга.

На несколько секунд воцарилась жуткая тишина. Я тоже оцепенела от ужаса. Мы не успели опомниться от страха и оторвать приросшие к дерну ноги, как с соседнего огорода подлетела расхристанная, в одной исподней рубахе соседка тетя Лена, с диким криком огрела хряка лопатой и выхватила бесчувственное тело Пети из-под окровавленных клыков. Не разбирая дороги, она помчалась в медпункт. Только тут мы окончательно пришли в себя. Девчонки заревели. Ребята боялись встретиться глазами друг с другом. Страшно, боязно думать, что тоже виноваты, не отговорили Петю.

Старая медсестра без лишних слов промыла залитое кровью лицо мальчика, зашила ухо. Обнаружив огромную рану в паху, ойкнула от страшной мысли, и торопливо послала внучка за конюхом. Пока подъехал тарантас, Мария Ивановна привела Петю в чувство, обколола всем, чем можно, положила к себе на колени и поехала в больницу. Благо близко, всего три километра.

— Спасем постреленка, — успокоила она нас.

А через два дня Петя рассказывал ребятам, пришедшим его навестить:

— Ударил я его по заду лопатой, а он как озверееет! Глаза бешеные! Как начал меня рвать-шматовать. По ногам клыками чиркает, копытами топчет, пена с морды стекает. Отключился я от сознания. Дальше ничего не помню. Смотрите, все тело в синяках и ямках от копыт. Живого места нет. Мамка с перепугу в обморок бухнулась. Отхаживали ее врачи. А я уже совсем отживел!

— Не друг нам больше Максимка, — возбужденно заявила Зоя.

— Да ладно вам. Живой ведь, — сквозь боль улыбнулся Петя.

КОРОВУШКИ-КОРМИЛИЦЫ

С утра пасмурно, то и дело срывается дождь. Коровы понуро бредут по дороге к лугу. Его-то и лугом не назовешь. Прилесок. Березы по нему разбросаны, осинки мелкие, кусты разные. Колхозным коровам хорошие выгоны отданы, а частным — где придется. То в огородах лоскут непаханный с овражками найдется, то болотистое место, то вот этот лужок с корягами, да копанями (небольшой участок трясины, как правило, на лугах у реки). На пару недель хватит здесь потоптаться скотине. Трава скудная, малосъедобная. Да ничего. К вечеру каждая семья припасает мешок травы для своей кормилицы. А точнее сказать, в обязанности девочек входит пройтись по колхозной картошке и нарвать повилики да щирю. И бегут милые коровушки домой, не особо заглядываясь на чужие огороды.

Пастух Митюня (он из нашей компании), с длинным хлыстом, змеей тянущимся за ним, уже не первый раз обходит буренушек, покрикивая на самых ретивых, направлявшихся к лесу. К обеду утомился, бросил стеганку на кучу хвороста и прилег, вытянув усталые ноги. Коровы тоже легли и мирно пережевывали жвачку, лениво отмахиваясь от мух.

Солнышко выглянуло сквозь тучи, обласкало мальчика, и он задремал. Надолго ли? Кто знает. Открыл глаза. Небо опять серое и не ясно, который час. Пеструшки бродят неторопливо. Вскинулся Митюня и, забыв про голод, побежал по кругу считать поголовье. Трех не хватило. Задрожал с перепугу. Ломая кусты, спотыкаясь о корни, влезая в коровьи лепешки, носился он по лугу. Еще раз пересчитал стадо. Коров не прибавилось. Внутри все тряслось не оттого, что спал в сырости, страх его пробирал. Смотав на руку хлыст, чтобы не цеплялся за кусты, Митюня углубился в лес, отыскивая следы коров. Наконец нашел четкие, свежие. Они вывели его к болотистой низине, где на ярко-зеленом мху вяло лежали три пеструшки. «Красиво лежат, будто спят», — мелькнула глупая мысль. Ее тут же вытолкнула жуткая: «Сдохли?!»

Спотыкаясь, погружаясь по щиколотки во влажный мох, подскочил к животным. Одна корова нехотя повернула голову и как-то странно тяжело вздохнула. Изнутри вырвался глухой, как из подвала, жалкий стон.

— Буренушки, вставайте! — завопил Митюня. — Вставайте милые! Пошли, пошли отсюда!

Он по очереди подбегал к каждой, тащил за рога, хлопал по загривку. Но коровы не шевелились. Митя сел на влажный мох и застыл. Медленно всплывали в памяти слова старого пастуха:

— Корова-дура. Это тебе не благородная лошадь. Она не имеет меры в еде. Если до сахарной свеклы доберется, то будет жрать до тех пор, пока не разопрет ее, а потом сдохнет.

Он тогда еще поинтересовался:

— А спасти можно?

— Можно. Нельзя позволять скотине лежать, гонять ее надо по полю, кнута не жалеючи. А вот если травы-чемерицы случайно съест, ох и кричит тогда бедная, как ребенок жалостливо плачет.

— И что делать?

— На Бога одна надежда. Если мало съела — переболеет и выживет...

«Не кричат коровы, значит, не чемерица, — заторможено думал Митя, — и бока не вздуты. Может, занемогли, потому что клеверу объелись на соседнем поле? Все равно их надо к стаду гнать».

Встал, легонько прошелся кнутом по спинам коров. Никакой реакции. Посильнее хлестнул. Шевельнулись две. Подскочил к третьей. Дышит тяжело. «Что дома скажу? Отец прибьет? Не расплатимся за всю жизнь. Что хозяйева сделают со мной?» — горестно взвыл Митя.

От страха, что было сил, начал стегать буренушек. Не в запале, по нужде. Долго стегал. И за рога тащил, и целовал слюнявые морды, и плакал, и уговаривал. Поднял-таки двух коровушек. Погнал к стаду. От радости еще пуще слезами умылся. На речке, на переправе коровки воды попили и тут же свалились. Опять кинулся их поднимать. А потом побежал в деревню. Заскочил в крайнюю хату, умоляя и плача, упросил хозяйку мужиков собрать. А сам к стаду помчался гонять больных коров.

Сбежались мужики, благо выходной был. Прирезали буренушку с разрешения хозяйки. Сvezли к ней во двор.

Домой Митя шел ни жив, ни мертв: «Ну, сдерет папаня с меня шкуру, денег-то не прибавится в дому! — еле волоча ноги, думал Митя. — Как же я заснул? Всегда же в пять встаю. Дождь видать замаял. Не присел до обеда ни разу. Так этим не оправдаешься. Упустил скотину. Хоть под поезд кидайся».

Отец встретил у калитки. Мать скрылась в хате, значит, не будет защищать. Стегал на совесть. Вся улица слышала.

Мясо хозяйка продала. Отец отвел ей свою двухлетку. На следующий год должна быть стельной. А уж это лето быть бабуся без своего молока. Жалко Мите свою телушку. Но отец отрезал:

— Старика она похоронила, сынов война забрала. Кто ее от таких, как ты, бестолочей, оградит? В одиннадцать лет пора бы ответственность понимать.

Митя понуро молчал. Виноват.

А я думала: «Как быстро приходится взрослеть деревенским детям!»

БУРЯ

Этим летом я подружилась с Верой. Ее мама тоже учительница. С Верой мы часто сидим в нашем палисаднике в шалаше из «елочек» и беседуем. Она не очень разговорчива, когда собирается много девочек одновременно, но со мной откровенна. Я знаю, что нравлюсь ей. Она мне тоже. У нее огромные черные, приветливые глаза. Вера не обидчивая, не завистливая, очень умная и рассудительная, как моя городская подружка Валя. И при этом не занудная. У нее в меру всего хорошего. Она скучает по Горбачевке, где раньше жила, по друзьям, и при каждой встрече о ком-либо рассказывает. Сегодня я пожаловалась ей, что не всех девочек из нашего класса понимаю, и она рассказала историю о своей первой подружке Оле.

«Один раз Оля долго уговаривала меня пойти с нею в соседнее село в гости к родственникам. Но моя мама уже ушла на работу, а без разрешения я не привыкла

покидать дом. Оля настаивала: «Пойдем, всего-то два километра в одну сторону. К ужину успеем домой». Я представила, как ей скучно идти одной, и согласилась.

Утро было солнечным. Сначала шли через луг. Повалялись немного на траве. Пестрый ромашковый ковер я не мяла. И место, где граммофончики повилики дружно устались в небо, тоже обошла. Попрыгали через ручеек. В нем красиво дрожала и сверкала на солнце ключевая вода. Березовые посадки прошли. Там было сломанное дерево, и мы походили по нему, как по буму. А как же! По физкультуре тоже надо будет пятерки получать. Потом птичек на деревьях рассматривали. Посчитали, сколько листочков-пальчиков на веточках акации. На моей — пятнадцать оказалось, а на Олиной — тринадцать. Гудели пчелы, струился воздух, тихо покачивались метелки разных трав. Чтобы не обходить поле, отыскивали узкую тропинку, быстро пропадающую в густых колосьях. Хлеба стояли высокие, я даже на цыпочки приподнималась, чтобы увидеть идущую впереди подругу. Мне становилось немного не по себе, когда на повороте она пропадала из виду. Никогда еще я не уходила от дома так далеко.

Маленьким темно-зеленым островком среди золотистых полей показалась мне деревенька. Как оазис среди пустыни, про которую мне мама читала. В деревеньке ничего примечательного не нашла. Несколько рядов домов, окруженных плотным кольцом тополей, пыльная проселочная дорога, козы и гуси в низине, нарядные петухи возле хат. Людей не видно. Будто вымерли. Так тихо, что слышен стрекот насекомых в траве-мураве у плетней. Зашли во двор к подружке Оли. Из сарая слышался гомон. Мы — туда. На куче зерна сидели дети разного возраста, а одна девочка рассказывала о том, как у них поселились аисты и все соседи им завидовали, потому что есть поверье, будто аист вьет гнездо только рядом с хорошей, благополучной семьей. Но на второй год аисты не появились. И ей немного грустно, что они теперь как все.

В сарай заскочила курица. Поклевала и давай зерно ногами разбрасывать.

— Вот глупая, что она ищет в зерне? Золото? — удивилась я.

— Привычка у курей землю разгребать, когда еду ищут. Они же головой не думают, она у них вон какая маленькая, — засмеялась Оля.

— Айда на холм, — предложила старшая девочка.

Все дружно высыпали на улицу и побежали под ветлы. Там было тенисто, но душно. Разбрелись по веткам согласно возрасту: старшие, конечно, повыше. Но висеть на деревьях в жару — удовольствие небольшое. Опять собрались в сарае и принялись играть в испорченный телефон. Оказалось, что, кроме меня, никто настоящего телефона в глаза

не видел. Пришлось рассказать, что он из себя представляет. Хотя, как звуки и речь человека приходят в другой город по проводам, я сама не знала.

Проголодалась. Дома мама просила не забывать про обед, но я часто вспоминала о нем, когда она приходила с работы. А тут сама захотела, но стеснялась попросить у подружки хлеба, а только спросила: «Домой не пора?»

Оля встрепелась и вспомнила, что отправилась в такую даль, чтобы проведать двоюродную сестренку. Нашли дом Оксаны. Она угостила нас молоком. Потом сестры пошли играть в комнату, а меня оставили на кухне. За окном быстро темнело. Я сидела и думала: «Сколько мне ее ждать? Я бы не бросила подружку одну в чужом доме».

Наконец, не выдержала и зашла в комнату. Девочки весело смеялись.

— Оля, пойдем домой, — заторопила я подружку.

— Я останусь ночевать у Оксаны, — заявила Оля, на секунду отвлекшись от игры.

— Но ты же обещала... — неуверенно пробормотала я.

— Мама знает, что я к сестренке пошла, — не обращая внимания на мое волнение, с досадой в голосе перебила меня подружка.

— Ты же обещала вместе... — опять пролепетала я упавшим голосом.

— Я не заставляла тебя идти со мной, — резко ответила Оля и повернулась к Оксане.

Я медленно вышла на крыльцо, все еще надеясь, что Оля пошутила. По небу плыли темные тучи. Ветер торопливо нес их в сторону моего села. У горизонта черные и красно-желтые облака зловещего заката. В нерешительности потопталась на месте. «Мама не уснет всю ночь, если не вернусь домой», — подумала я и вышла за калитку.

Попутный ветер гнал меня по дороге. Черные тяжелые тучи опустились совсем низко и обложили все небо. Мне казалось, что если я подниму руки, то дотянусь до них. Я даже голову в плечи втянула от страха. Чудовищные безобразные тени кустов то смыкались и расправлялись, то волочились, выполняя круговые и волнообразные движения. Посыпались первые крупные как горошины капли дождя. Сильные косые струи догнали меня уже в поле. Летний дождь показался холодным. Мокрое платье путалось между ног, сандалики скользили, попадая в лужи. В темноте я не могла найти тропинку и побежала напрямик. Ветер трепал колосья и стелил по земле. Они стегали меня по лицу. В очередной раз упав, я подумала: «Может не вставать? А мама?». Цепляясь за стебли, кое-как поднялась, и опять побежала, спотыкаясь и запутываясь в сорняках. Стебли повелики вязали ноги.

Вдруг прямо над головой вспыхнула молния, и жуткий удар грома сбил меня с ног. Вспышки следовали одна за другой, громы разламывали небо на кусочки. Терпеть такое не было сил. Я заткнула уши пальцами и закрыла глаза. Попыталась идти, но меня зашатало из стороны в сторону. Я не могла сохранить равновесие. Открыла глаза и вновь пошла. Наконец поле закончилось. Вот и луг. Побежала уверенней. Плети черники опутывали и царапали ноги, оставляя противные маленькие колючие занозы.

Новая вспышка высветила далекие крыши домов. Я шла к ним бездумно, не ощущая холода, не замечая дрожи и стекающих по лицу струй, и только считала: один, два, три... сто... двести...

Вошла в посадки. Ветер там был меньше, но от шума ветвей и треска сучьев — много страшнее. Остановилась. Глаза привыкли к темноте. Я различала рядом стоящие деревья, а дальше — сплошная черная темень. «Тропинку не найду», — поняла я. И сразу сделалось холодно. Громко застучали зубы. Села на пенек и заплакала. И себя было жалко, и маму.

Вдруг при очередной вспышке молнии увидела надломленное дерево, на котором мы играли с Олей. Обрадовалась. Оно же пересекает тропинку! На ощупь двинулась к нему. Ветки молодых елок и кустов царапали лицо. Добралась. Разулась, чтобы лучше чувствовать землю и не потерять спасительную тропинку. После каждой вспышки молнии темнело в глазах, и я снова долго привыкала к темноте. Лесок маленький. Но

мне показалось, что я шла целую вечность.

Впереди мелькнул неяркий свет. То был свет в окошке крайней хаты. Куда меня занесло! Мой дом посередине села. Теперь страх в сто раз уменьшился. Еще вчера я в уборную ночью боялась пойти, а сейчас чужая улица не казалась такой уж страшной. Только ноги разбрызгались в липкой грязи и спотыкались на колдобинах. Наконец, родной дом. Света в окне нет. Значит, мама еще не пришла с работы. Вбежала на крыльцо. Дверь закрыта щепкой. Я ее сама утром вставила. Совсем успокоилась. Нырнула в пятиведерную бочку с водой, выполоскалась вместе с одеждой и обувью. В спальне переоделась в сухую одежду и залезла в постель под два одеяла. Я не слышала, как пришла мама. Измученная, но довольная тем, что не заставила ее волноваться, уснула мертвецким сном. И голод не помешал.

Теперь я понимаю слова бабушки: «Сон милее всего».

А Олю с тех пор старалась избегать. Много еще она мне мелких гадостей делала. И что самое обидное — ни за что и сознательно. Видно, такая у нее натура, характер пакостный».

ЦАРСТВО-ГОСУДАРСТВО

У нас два палисадника: один перед хатой, второй перед сараем. А между ними плетень и калитка. В первом палисаднике растут ноготки, георгины, настурция, а второй — зарос «елочками». Это цветы такие с высокими тонкими стеблями, листьями похожими на укроп и нарядными цветками. Здесь любимое место игры для меня и моих друзей. Мы связываем головки цветов, и получаются куполообразные шалаши. Внутри «комнат» цветы приминаем. Уютнее и красивее шатров не бывает! Там мы «живем», ходим друг к другу в гости и беспрерывно болтаем.

А сегодня в первый раз к нам пришли Света и Азарий с Красной улицы. Им по десять лет.

— Мне весело живется. У нас в семье четыре сестренки. А папа валенки валяет. Котлеты каждую субботу готовим, — сообщила им о себе по случаю первого знакомства моя соседка Зоя.

Подружки сглотнули слюну.

— Мой папа — сундук золота, так мама говорит, — добавила ее сестренка Нина.

— А меня папа очень любит. И я его, — сказала новенькая Света Канн. — У нас раньше велик был. Мама не разрешала меня на раму сажать. А папа все равно взял меня с собой. А тут лошадь на дороге. Папа вильнул и задел за угол дома, но успел соскочить и меня подхватить. «А ведь мама права была, могли упасть», — подумала я тогда. И вот я мучилась, не зная, как поступить. Сказать маме, значит донести на папу и мама его поругает. Жалко папу. И утаить не могу, я обязана говорить всю правду. И так тяжело мне было. Все-таки я решила маме сказать. «А мы все-таки не упали, чуть не упали», — говорю я. А папа мне моргает, чтобы молчала. А когда мама заругалась, мне так жалко папу стало, что до сих пор не знаю, права ли я была. Три года мне тогда было.

Я очень люблю папу. Он герой и все может. Когда я у него на руках — это самое надежное. Папа — это все! Лучше никого не бывает на свете. Я все время кручусь около папы, что бы он ни делал. Каждое утро я спокойно лежу в кровати и смотрю, как он надевает гимнастерку и ремни. Почему-то я всегда просыпаюсь, когда он собирается на работу. Маму никогда не будит. Сам завтрак готовит. И обязательно ко мне подходит. Рукой тронет и уходит. А мне так хорошо после этого! И я опять засыпаю, потому что мне больше ничего не надо от него. А с работы всегда с гостинцем возвращается: то сухарик, то конфетку приносит.

Когда мне было еще только два года, к нам бабушка-корейка приехала. Помню, примеряла мама новые блузки. Выбирала. Бабушка ворчит: «Дорого». А папа говорит: «Бери все». Бабушка опять ворчит. А я хожу между ними и переживаю. Сказать ничего не могу, тычусь то к одной в коленки, то к другой. Хочу их помирить. Бабушка начинает

ругать маму, что не так меня воспитывает. А я думаю: «Я вырасту хорошая. Ничего, ты бабушка, не понимаешь».

А потом папу, не знаю, за что, посадили в тюрьму в нашем городе. Мы жили в бараке, и вместе с мамой ходили пешком к нему на свидания. Я очень уставала, но не плакала. А когда его из тюрьмы на допросы водили, мы всегда шли рядом, а конвой сзади и спереди. Я иду, иду, а потом вдруг как схвачу папу за руку, а сама рассуждаю: «Я маленькая, мне ничего не сделают». Меня оттолкнул, и мы опять рядом идем. Маме не давали свиданий. Мы сидели неподалеку, где папу допрашивали, и ждали. Я раз подошла к двери и слушаю. О чем говорят, не пойму. Но голос у папы спокойный, и я тоже успокоилась. Когда кто-то открыл дверь, я вскочила в комнату и влезла к нему на колени. Он прижал меня к себе. Меня тут же отправили за дверь. Но я все равно была довольна. И маме сказала, что у папы на коленках посидела. А потом его на работу водили. Все кирпичи таскали, а я, что бы ни делала, с чем бы ни возилась, смотрела каждую секунду вниз. Сердечко ныло, а я все ждала, когда папа снизу пойдет. Каждый день, каждый час о нем думала и никому об этом не говорила, даже маленькой сестренке. Так было целый год. Мне уже четыре года исполнилось. А в тот день вдруг через забор увидела папину голову и как спрыгну с высокого крыльца, как закричу: «Папа!» А он в форме, шинель на одной руке, сушечки на веревочке и плитка ирисок в другой. Я сушки беру, а сама радуюсь: «У тебя же денег не было в тюрьме. И все-таки ты купил». И мне так жалко его стало, и так заняло в груди от любви к нему! Он сел и с мамой завел серьезный разговор про то, что чист, что документ из Москвы пришел, что невиновен. А для меня главное, что папа дома. И сразу вся боль прошла. Может быть, Бог пожалел мое детское ожидание, и моя любовь спасла его? Мне так кажется. Летчиком он больше не был и очень переживал. У меня еще братик появился. И папа решил ехать в Казахстан, в хлебный край, электричество в аулы проводить, чтобы семью прокормить. Мама очень не хотела. Они всегда советовались друг с другом. Но тут папа не послушался и уехал. Зимой он вызвал нас к себе. Два месяца добирались. Раз вышли мы с мамой из вагона подышать свежим воздухом. Мороз был тридцать градусов. А на дороге, возле поезда, конские шары скачут. Я спрашиваю у мамы: «Чего они танцуют?» — а она: «Взрываются от мороза, вот и подпрыгивают». Потом в поезде подхватили дизентерию. Мама меня одела в толстые ватные штаны. С меня все льет и льет в эти штаны, и температура мучает. Я сижу и думаю: «Как я у папы на коленках буду сидеть, если от меня воняет?» Мне шесть лет уже было. Я умела терпеть.

Приехали. Ночевали в поле в вагончике. Шакалы кругом воют. И папы нет. А когда он взял меня на руки, я обняла его за шею, и все мои страдания закончились. А он идет и плачет, что сестренка и братик умерли в дороге.

Потом жили в корейской избушке. Там вши, таз деревянный, мама в галифе... Зато вместе. А теперь к вам приехали...

Моя одноклассница Галя вдруг вспомнила:

— Меня совсем маленькой привезли первый раз в деревню. Помню огромный автобус, пыльную дорогу. Потом хату, кровать, ковер и гитару с ярко-красным бантом. Я касалась пальчиком банта и такое блаженство, такой восторг испытывала! Мой взгляд просто прикован был к этому банту! Даже не знаю, почему? Потом мы куда-то шли по дороге. Дедушка и бабушка держали меня за руки. Внезапно они поднимали меня и несли. В это время я ощущала полную защищенность, беспечность, блаженство, счастье! Никакой тревоги! Так уверенно я никогда в жизни больше не чувствовала.

Маленькой я была очень боязливой и осторожной. Вот раз встретился на нашем пути ручей, а я даже ноги боялась окунуть в него, хотя там копошилось много детей. Я представляла, что в нем живут страшные раки, и ни в какую не соглашалась войти в воду. Так и пришлось меня переносить.

А еще мы были на свадьбе. Там человека высоко подбрасывали, а я боялась, что его уронят. На свадьбе была еще одна девочка. Нам подарили два венка из парафиновых цветов с разными лентами. Обои захотелось с розовыми. Но я все равно ей не отдала. Я же гостя! А вечером папа делал мне бумажных кукол. Я никак не могла объяснить ему, что он тетя рисует, а мне хотелось девочек. Я злилась, а он не понимал почему. Пыталась сама нарисовать девочку, как мама, но у меня только каля-маля получалось.

Потом меня в детсад отдали. Представляете, детсад находился рядом с домом моего

дедушки. Я сижу во дворе и все время смотрю в дырку в заборе на свое крыльцо. Это такое мучение! Первое мое знакомство с детским садиком было жуткое. Наша няня была властная, грубая. Я лежала в кроватке рядом с ее дочкой Светой. Мы шушукались. Так няня поволокла меня в одних трусах к заведующей. Я не понимала, куда, зачем тащит меня сердитая тетка? И страх, и стыд охватил. Хорошо, что Света потом объяснила, а то мне казалось, что вокруг меня кружится противный быстрый хоровод. Спать я все равно не могла, играла цветными куриными перьями, торчавшими из подушки. Они были моими куклами. Но самое гадкое в детском саду — обед. Заставляли есть борщ. Когда я чувствовала запах капусты — жить не хотелось.

— А мы в детсад ходили со своими ложками. У подружки большая семья, и все младшие дети тоже приходили на обед. Их сажали за стол с нами и кормили. Ложек всегда не хватало, — вспомнила Рая Прудникова.

С места вскочил Толя Палей:

— А когда мы жили в городе Молотове, мне шесть лет было. Я ходил в старшую группу. Все мальчишки любили воевать даже в детсадовском дворе, хотя воспитательница Глафира Васильевна запрещала. Я всегда был командиром. Раз мы разделились на две группы и вели военные действия. Не просто дрались, применяли военную тактику: обходы, засады. Когда мы готовились к новой атаке со стороны противника через «нейтральную полосу» с зажатым в кулаке камнем, к нам перебежал мой друг Витька Семенов. «Я за тебя», — сказал он. И в тот момент, когда я уже считал его своим бойцом, он нанес мне удар в глаз. Войско лишилось командира. Глафира Васильевна услышала мой отчаянный рев. Я плакал от боли и еще больше — от обиды. Я не думал, что это может быть военной хитростью, и горько переживал первое в жизни предательство.

А за обедом мы тоже применяли «военную тактику». Любимым вторым блюдом в нашей группе были сосиски с картошкой,

— А что такое сосиски? — спросил Вова Коржов.

— Тонкая, длинная колбаска.

— Из мяса?

— Из чего же еще? — удивился рассказчик.

— У нас делают толстые колбасы с гречкой, а тонкие с овощами. Очень вкусные, — объяснил Толе мой брат.

— Мясо вкуснее. Больше не перебивайте, а то не буду рассказывать, — наставительно сказал Толя Палей.

Он был самым старшим в нашей компании. Ни у кого из нас не было таких красивых смоляно-черных кудрявых волос и огромных печальных глаз. Мы притихли.

— Сосиски были очень вкусные, и, чтобы продлить наслаждение, мы их ели очень медленно. Потом воспитательница стала приносить несколько сосисок сверх нормы, и давала тем, кто быстрее справится со своей порцией. Теперь мы старались покончить с основной порцией как можно скорее, чтобы, не спеша смаковать вторую сосиску, но при этом внимательно следили друг за другом. И если выяснялось, что шансов на добавку уже нет, тут же переходили на медленный темп, стараясь продлить удовольствие хотя бы от первой «плановой» сосиски. А еще нас в детском саду поили рыбьим жиром. Удовольствия мало, зато после него можно было брать с блюда сколько угодно пересыпанных солью маленьких кубиков черного хлеба!

Пришла одноклассница моего брата Алла Нагорная и угостила всех малиной. Толик тоже подставил ладони и в следующее мгновение одним махом проглотил все ягоды.

— Там же могут быть червяки! — изумилась Алла.

— Вреда человеку от них нет. В желудке эти червячки уничтожаются кислотой. Глафира Васильевна нам объясняла.

— Ну, ты смелый! — восторженно заохали девочки.

Толик был польщен. Он чувствовал себя героем.

— А я с сестрой ягоды в лесу собирала под кустами. Только руку протянула, вдруг слышу шипение, — будто заново переживая страх, дрогнувшим голосом сказала Наташа.

— Надо палкой шевелить. Это змея была? — спросил Толик.

— Если живая осталась, значит уж, — засмеялась Валя.

— А у нас во второй группе Аленка есть. Вот, командир! — поднял вверх большой палец Павлик. — Приходит воспитательница поднимать детей с дневного сна, а мы все лежим кверху голыми попами, уколов ждем. Так Алена приказала. А зимой она залезла в склад, где у воспитателей чистое белье лежало, вырядила всех детей в халаты и маршировать заставила. Знаешь, как ее слушаются! Лучше чем воспитателей. В садике каждый день ждут от нее приключений. Директор не чаёт, когда она в школу пойдет.

— Я вчера с Ромкой в собачьей будке от ливня спасался. Мать Ромки бегала по улицам, кричала, звала его. А когда дождь закончился, она нас хворостиной «огуляла». Мы как шуганули от нее! За что наказала? Мы же не хотели намочнуть и заболеть. А в прошлый раз влетело за то, что не спрятались. Не поймешь этих взрослых, — недоуменно повел плечами Вася, аккуратно раскладывая лепестки цветов — деньги — по баночкам.

— Что ты будешь покупать? — поинтересовалась я у Люды, включаясь в игру.

— Пойду к Азарию за подсолнечным маслом. Я вчера, на самом деле, ходила к его папе Бушу за конопляным маслом. А он сказал мне: «Приходи завтра, самого лучшего достану из подвала. Уважаю твоего деда за то, что деревьями и цветами всю округу украсил. Ценю хороших людей».

— Катя, почему ты сегодня без Юли? — удивилась Валя.

— К бабушке увезли на два дня.

— Отдыхаешь от нее?

— Скучаю. Она такая забавная. Ты знаешь, как я укладываю ее спать? Ложусь рядом и начинаю громко дышать вместе с нею. Она успокаивается и быстро засыпает. Или еще потихоньку говорю: «шш... шш... ии». Ветру подражаю. Тоже помогает. Вчера закапризничала Юля и говорит маме: «Включи радио». А мама ей: «Не могу», а Юля в ответ: «Ты тоже старенькая, как наша бабушка?»

— К нам как-то баба Маня зашла, а Юленька взяла мяч и говорит: «Пойду одна гулять, я большая. Открой мне дверь». А мама ей: «Если большая, сама открой». И тут она давай ластиться к маме, головой об коленки трется, в глаза заглядывает.

Юле было девять месяцев, когда она меня первый раз перехитрила. Я не пускала ее на крыльцо. Палкой дорогу перегородила. Малышка тянется, а я палку выше поднимаю. Вдруг она хитренькое личико сделала и как юркнет под палку. Я и глазом моргнуть не успела, как она на крыльце очутилась и помчалась от меня на четвереньках. Ходить еще не умела. Шустрая!

Как-то говорю ей: «Ты хитрая, как лиса». А она: «У меня же нет хвоста!» Выучила Юля, в какой стране живет, адрес, фамилию, и очень гордилась своими познаниями. Вот раз бабушка при соседке спросила: «Юля, где ты живешь?» «В Евлопе», — отвечает. А мама засмеялась. Поняла малышка, что ошиблась, что над нею смеются, в лице изменилась, напряглась, глазки обидой заблестели. Подбежала ко мне и спрашивает шепотком:

— Как наша стлана называется?

— СССР, — подсказываю.

— Бабушка, СССР, поняла? — повторяет Юля.

Бабушка, конечно, подыгрывает ей:

— Ах, ты моя разумница!

А когда Юля ушла, бабушка маме замечание сделала:

— Внимательней будь, не смотри, что два года. Она уже понимает насмешку, юмор. Конечно, надо ребенка готовить к жизни, но ласково.

Тут вмешался Вовик:

— Я вчера твоей Юле говорю: «Не рви картинку, а то волк придет и съест тебя».

А она мне в ответ:

— Не хочу, не съест.

— А маму пусть ест? — спрашиваю.

— Нет.

— А деда с бабой?

— Тозе нет.

— А кого же ему есть?

— Лемень, — говорит.

— Дед уже «познакомил» ее с ремнем. Пришлось на стенку повесить, как наглядное пособие для непослушных, — засмеялась Катя. — Юля иногда бывает очень упрямой.

Азарий молчал, молчал да и заговорил.

— Мы раньше жили на хуторе в Западной Украине. У меня был друг молдаванин. У них пасека и огромный сад. Мы всей компанией к нему заваливались. Мед ложками ели из тарелок. Моя старшая сестренка маленькой была некрасивой, и ребята сначала сторонились ее. А потом мой папа сказал: «Она такая умная, интересная и с юмором. Анекдотов много знает». Ребята присмотрелись и приняли ее в компанию. В школу за три километра ходили ватагою. Учительницу любили. Огромные букеты ей носили. На речку с семи лет одни бегали. Родители не волновались, доверяли. Большая речка была, — вздохнул Азарий.

— Наша тоже хорошая. Кое-где даже «с ручками», — попытался успокоить его Лесик.

Девочки, наконец, «открыли магазин», и мальчишки пришли за «покупками».

— Сегодня лопаты завезли. Несите по пять штук яиц за каждую, — Катя хорошо играла роль строгой продавщицы.

— У вас все «под яйца»? Мало паевой книжки? С каких это пор? — солидно возмущается Лесик, отсчитывая «деньги».

— Ситец в цветочек появился! Но не дам, пока два десятка яиц долгу не принесешь, — заявила Катя Толику.

— Принесу. Вечером на чай заходите к нам всей семьей. «Копытца» обмывать будем. Не забудь.

— Керосин завезли?

— Нет пока.

— А ситро?

— Нет. Только леденцы «монпансье» в железных коробках и соленые кукурузные хлопья.

— Давай хлопьев на все...

Мы дружно едим хлопья и похваливаем мою бабушку, позволившую взять для игры

целую пачку.

Солнце заглядывает в наши шатры, горячий ветер колышет белые, розовые и малиновые головки «елочек». Голосов невидимых птиц не счесть. В нашем царстве государстве мир, покой и благодать.

Глава Вторая

В НОВОМ КЛАССЕ

Из второго класса меня сразу перевели в четвертый.

На первом уроке новая учительница Анна Васильевна, проверяя присутствующих, поставила точку около моей фамилии и вдруг сказала с улыбкой: «Ну, о тебе я все знаю».

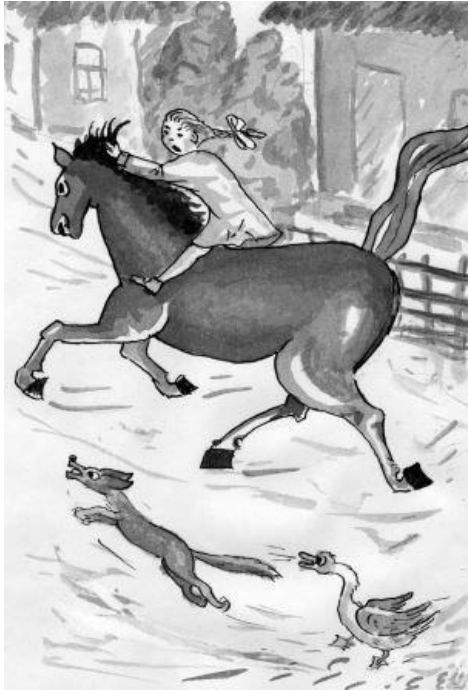
Я вздрогнула. Неужели она знает про детдом? Я же всем говорю, что раньше жила у дедушки Яши. Некоторое время я терпела нахлынувшее отчаяние, но грустные мысли все набегали и набегали. Я подняла голову кверху, закусил губу и попыталась отогнать навязчивые мысли, но слезы все равно брызнули. Они текли по рукам, капали на книгу. Я боялась всхлипнуть, чтобы соседка по парте не заметила моего состояния, но тело содрогалось, и я ничего не могла поделать. Страх, что дети поймут, отчего я плачу, еще больше усилил поток слез, а потом началась истерика. Учительница сначала удивилась, а потом сделала вид, будто ничего не произошло. «Как учительница воспринимает мое поведение? Не могу себе представить. Что думают ребята о причине моих слез? Наверное, считают, что я загрустила без своих друзей из третьего класса», — подумала я. Эта мысль обрадовала. Постепенно я успокоилась и к концу урока даже попыталась понять новую тему. На перемене дети не приставали ко мне с расспросами. Я была им благодарна. И к доске меня в этот день Анна Васильевна не вызывала.

Вот так неудачно началось мое знакомство с новым классом. Но потом все наладилось. Я не чувствовала трудностей в учебе. И это главное. А с ребятами я быстро перезнакомилась и подружилась.

СПАСИТЕЛЬ

Все еще продолжается неспешное прощание природы с летом. Уже сшиты осенние наряды лесов и полей. Октябрь вышивает на них яркие узоры. Жаркие кленовые костры, оплетенные бесконечной паутиной бабьего лета, дарят последнюю надежду на теплые яркие деньки. Капризна синева неба. Все чаще то набегают, то медленно надвигаются завесы туч и облаков, грозя дождями. И ветров ретивых карусель старательно полощет золото ветвей. Это печальный ноябрь принесет тревожную, молчаливую, усталую тишь, потом загрузит природа нудными дождями и смоем блистательное убранство осени.

А пока у нас восхитительная погода! Сегодня мы вспахали огород. Отец поручил мне отвести Чардаша на луг и спутать задние ноги, чтобы далеко не ушел. Я попросила разрешения поехать верхом. Отец ответил: «Садись и езжай».

Я и справа заходила, и слева подпрыгивала, цепляясь за гриву, — никак не удавалось взобраться на гладкий круп коня. Высокий он для меня. Мучилась я, мучилась, и придумала. Привязала Чардаша к столбу калитки и по плетню взобралась ему на шею. Потом отвязала вожжи на упряжи, гордо взглянула в сторону отца и медленно тронулась в путь. «На лошади, и черепашью шагом?» — засмеялся отец и со всей силы хлестнул Чардаша. Тот взвился и пустился в галоп. В первый момент мои ноги подбросило чуть ли не до головы, но я чудом удержалась. Тело пронзила острая боль, и я судорожно вцепилась в густую гриву. Каждый скачок коня неприятно отзывался то в ногах, то в копчике. Костлявый хребет Чардаша долбил мои кости. Я пыталась менять положение тела, чтобы удары не попадали по одному и тому же месту. Сначала сползла на круп, там было мягче, но оттуда проще свалиться. Потом попробовала подтянуться к шее. Удалось. Зажала между ног холку лошади и буквально легла на шею. Но Чардаш вертел головой, стараясь сбросить непутевого седока. У меня закружилась голова. Снова перебралась на хребет.

Вожжи остались на плетне, поэтому я не могла управлять конем и была полностью в его власти. А он, утомленный плугом, осознав волю, несся легко и быстро. Чувствую — сбавляет ход. Но рано обрадовалась. Из переулка прямо под ноги Чардашу вынырнул грузовик, и конь наметом помчался по ухабистой дороге к скотному двору. Меня опять трепало, било, мотало... Мелькнула мысль, что в старину богатые женщины ездили боком. Попыталась перекинуть ногу, но сразу поняла, что в такой позе без седла не удержусь и десяти шагов. На лугу я бы рискнула соскочить с коня на ходу, но горбатые края сухой глубокой колеи грозили мне поломанными костями. Сжала зубы, но слезы при каждом толчке брызгали непроизвольно. Сначала я еще кричала: «Помогите!» — потом замолкла. Хаты, деревья, люди мелькали как в тумане.

Вдруг Чардаш взвился и резко остановился. Я открыла глаза. Сквозь мутную пелену разглядела мальчика, державшего под уздцы моего коня. Он подвел Чардаша к забору фермы и сказал мне: «Слезай».

Я с трудом разжала онемевшие пальцы, но сил не хватило даже шевельнуться. Тело распласталось, как отбивная на сковородке. Спаситель осторожно спустил меня в придорожную траву и сел рядом.

— Че без седла поехала?

Я молчала.

— Первый раз? — участливо спросил он.

Я кивнула, а придя в себя, тихо пробормотала:

— Как ты остановил?

— Слегкой перегородил дорогу в самом узком месте. На уровне груди коня держал. Не решился он ее перескочить. Я тебя еще издали увидел. Гляжу — ветер светлый подол платья, как флаг, призывно полощет, будто о помощи просит. Соскочил с крыши и за жердью побежал. Раньше я с быками работал, но у вас к лошадям уже привык.

— Я не трусиха, больно было... — смущенно оправдывалась я.

— Понимаю. А быков боишься?

— Очень. Сколько ни пыталась, не могу свой страх перед быком преодолеть. А ведь каждый день вижу его, когда стадо с луга возвращается. Как представляю себе его огромную морду с постоянно злыми, красными, выпученными глазами, толстые складки кожи, свисающие с шеи, как мешки, слюнявые противные губы и ноздри, так даже мороз по коже продирает. Неприятное, страшное, демоническое существо! Выше моих сил даже просто стоять рядом с ним. Раз он погнался за мной, так только чудо меня спасло. В столб бык врезался. После пережитого страха я готова километр крюку давать, только бы не встречаться с этим чудовищем.

— В войну в нашем колхозе не хватало лошадей, и свои огороды селяне пахали на быках. Только вот приучать быков трудиться ни у кого из местных жителей не получалось, поэтому брали обученных в соседнем районе. Я шустрый был, животных любил и понимал. Посмотрел, как обхаживают быков, и сам рискнул попробовать. И вскоре по селу пронесся слух, что четвероклассник Коленька, сын поварихи, научился «обламывать» упрямых быков.

— Расскажи, как ты их обучал? — не сдержала я своего любопытства.

— Первый раз я взял с собой двух друзей, и мы пошли в колхозный сарай. Каждый бык жил в отдельном загоне. Я залез на стропила, специальным узлом завязал веревку, накинул петлю на рога и туго затянул. От боли бык звереет. Но я натянул конец веревки так, что он будто завис. Потом второй петлей поймал нос быка, а друзья, растягивая концы веревки в разные стороны, сжали его морду до боли. Взнузданный таким образом, он не способен сопротивляться. Не сразу удалось петлю накинуть, быку не нравится присутствие посторонних, и он сердито водит тяжелой головой, выказывая недовольство. Потом улучил момент и набросил на шею животного тяжелое деревянное ярмо и, стоя на заборе загона, закрепил его ремнями и приладил оглобли саней. Готово, зверь запряжен! Осталось сбросить веревки со стропил и отвязать цепь, которой он прикован к столбу.

Бык, почувствовав свободу, вырвался из сарая и помчался, не поймешь куда. Как танк пер, не видя ничего перед глазами. Я весь в напряженном внимании. Вожжи натягиваю, маневрирую, чтобы сани не перевернулись. А то ведь зашибет! Понимаешь, бык — скотина глупая, носится до тех пор, пока все его огромное тело не начинает ходить ходуном. Он хрипит, непрерывно мочится, пена хлопьями висит на бороде, что делает его еще более страшным. Потом он внезапно останавливается, тупо смотрит перед собой, тяжело дышит и дико, неприятно ревет. У меня руки холодеют до локтя, по спине мороз бежит. Передохнув, бык вновь начинает мотаться по двору. Я ни на минуту не выпускаю вожжи, вздрагиваю, когда сани кренятся или со всей силы ударяются о столбы ограждения двора. Наконец, бык измотан. Он останавливается, опускает голову и хрипло дышит. Его огромное тело мелко дрожит. Колени подгибаются. Бык оседает на снег. Ребята быстро привязывают его за ближайший столб. Я слезаю с саней и растираю затекшие пальцы, — спокойно по-деловому закончил рассказ Коля.

— Долго обучаешь?

— Неделю.

— А почему зимой?

— Летом опасно. Скотина телегу в ключья разобьет, и от меня ничего не оставит. Бык — тупое и жестокое животное. И что ему в башку взбредет, никто не знает? Прошлым

летом молодую учительницу физкультуры до смерти забодал. Гнал по всему селу. Она вскочила во двор и в ясли с сеном закопалась. Он и там ее нашел. Не смогли спасти.

— А ты не боишься?

— Нельзя бояться. Скотина чувствует страх человека. А у меня жуткий азарт появляется от сознания того, что командую этой машиной. Азарт отменяет страх, но не разум. Я будто начинаю понимать, как он поведет себя. И от этого еще уверенней себя ощущаю. Знаешь, как меня мужики нашего села уважали! Быков на вспашку и за дровами без очереди давали.

— Отдохнула? Попробуй встать.

Я медленно поднялась. Стоять могла только в позе «ноги циркулем».

— Дойдешь сама? Помочь отвести коня на луг? — заботливо предложил мой новый знакомый.

— Не надо. Спасибо тебе. Чей ты?

— Мы этим летом из Мордовии переехали. Сытней в ваших краях.

— Ну, пока, — сказала я, нащупывая за пазухой путы.

Но Коля уверенно положил руку на шею Чардаша и пошел рядом.

— Вдруг опять взбрыкнет, отвечай тогда за тебя, — улыбнулся он.

Страх прошел, но мне было приятно идти с уверенным в себе кареглазым крепышом, и я не стала возражать.

— С кем ты приехал? — нарушила я молчание.

— С родителями. Папа — инвалид войны, мама раньше была поварихой в колхозе, а теперь на ферме работает. Я маленьким в ясли ходил. Из яслей в ветлы убежал и солдатиков пас. Строил им дом, изгородь. Мог целыми днями там играть. Когда подрос, желуди для семьи собирал. Мы их сушили и дробили. Они на вкус как мыло. Бывало, как поем их, в желудке тяжело становилось, но зато голода не чувствовал. Я сам на дуб залезал и тряс ветки. Семь лет мне было. Слезать долго и тяжело, так я на самую верхушку забирался, она изгибалась, наклонялась, и я на соседнее дерево перебирался. Еще грачиные яйца приносил и праздник дома устраивал. Мало на трудодень давали. Если норму трудодней не выработаешь, так часть огорода отрезали. А у меня еще сестра больная. Она, когда в седьмом классе к выпускным экзаменам готовилась в калиновом кусту, нечаянно заснула и свалилась на сырую землю. В один день парализовало.

Мы на самом берегу реки Мокши жили. Я сызмальства бойкий. С дровами у нас туго было. В лесу не разрешали даже сушняк собирать. Сажали. А у нас лодка была деревянная, самодельная. В половодье река тащила бревна. Я на лодке маневрирую между льдин, чтобы не затерло, крюком бревна зацепляю и к берегу волоку, на мелководье. На всю зиму запасал.

— Родители разрешали? Ведь опасно! — я испуганно всплеснула руками.

— Так большой уж был. Десяти лет. К тому же юркий и настойчивый. А еще мы кору с тальника сдирали и сдавали в колхоз. Он хорош для дубильных работ. Рыбу с друзьями ловили. Как лошадь светлой масти, так без хвоста. Из конского волоса леску делали. Сомы по пуду попадались. За пуд рыбы два пуда ржи давали. Из ветлы пилили два круга, в них набивали чугунных осколков, чтобы не скользили и растирали зерно в муку. А у вас тут каменные жернова.

Еще рыбу бреднем ловили. Разрешали. До часу ночи ловим, потом снасти бросаем сушить и идем на конный двор спать в плетеных кошулях, чтобы рано утром сразу идти на работу в колхоз. Перебудем ночь, а чуть рассветет, бригадир задания раздает. Как-то я на ходу заснул, а бык до конца пашни дошел и стоит, ждет. Бык никогда сам не сворачивает. Мама мне на обед в поле приносила толченую картошку как взрослому кормильцу.

Сено на рыдванах (повозка с высокими бортами из жердей) любил возить. После взвешивания разрешали немного сена оставлять на дне повозки. И мы, проезжая мимо рынка, продавали его за настоящую мучную лепешку. Счастье какое было!

Меня уважали. Быка давали без очереди, даже на винный завод съездить.

— За вином? — подняла я на Колю удивленные глаза.

— Нет. Там в баках барда (отходы виноделия) стояла во дворе. Ее черпаками в мешки наливали. Пока восемнадцать километров едем — жидкость вытекает. Дома самых крупных опарышей (личинки мух) из гущи вынимали, и мама пекла сладкие лепешки. А как-то зимой поехали мы за дровами для школы. Помню, я в лаптях, голодный. До леса восемь километров. Подъехали, стали вдоль леса. А бык у друга надумал в сосны махнуть. А мой — за ним. Ты же представляешь, назад-то сани не повернешь! Сосны рядами стоят. А через весь лес ехать — далеко. Пришлось несколько сосен вырубить, чтобы сани развернуть. Замаялись. А назад в гору бык не хочет идти, тоже обессилел. Так я брал кожуру картошки или клок сена — и в нос ему. Он за мной тянется, и кое-как собираемся. Скотине тоже тяжело на голодуху работать.

— И в нашем колхозе тоже случается по весне коров на веревках подвешивать. Ноги их не держат от недоедания. Некоторые до зеленой травы не доживают.

— Все равно у вас лучше. У нас, когда лебеду всю съели, взялись за клевер. Головки сушили, мяли и хлеб пекли. А потом на липовые листья перешли. Бывало, принесу два мешка, а из них две буханки всего-то получается. А ежи вкусные, жирные. Грачи — вонючие, худые, одни кости. Суп из них варили. Ты лопухи ела?

— Нет, листья липы очень люблю и луговые хлебники.

— Попробуй. Как лопух на цветок стебель отрастит, так сламывай его и жуй. На вкус — капустная кочерыжка, только сочнее. Руки и язык от него коричневыми становятся. Мама говорит — много в нем дубильных веществ.

— Желудки укрепляли, — засмеялась я.

— А раз чуть не погиб по случайности. Хлеб мы возили в государство. Видела, какие бывают хранилища?

— У нас на станции их три. Самые высокие строения во всем районе.

— Значит, представляешь. Так вот, привезли мы просо. И по половине мешка по трапу несем наверх. Идем гуськом. На самом верху я оступился и упал в хранилище вместе с мешком и, как с горки, качусь вниз. Просо-то скользкое! Плыву внутри амбара все ниже и ниже, остановиться не могу. Со всех сторон на меня зерно сыплется. Начал тонуть. Ребята испугались, стали пустые мешки кидать в амбар, дорогу наверх выстилать. Еле выбрался.

— У нас двое ребят заигрались в силосной яме, а когда началась загрузка, они не смогли вылезти из-под силоса. Вечером родители хватились, да поздно, — закончила я свой рассказ на печальной ноте.

Грустить не хотелось, и я сменила тему.

— Праздники у вас бывали?

— Конечно. Пасха. Яйца с пригорка катали. Кто мячом в яйцо попадет, тот яйцо себе забирает. Еще в лапту, чижики, городки играли. Я маткой был, старшим, значит, в игре. Когда в лес по грибы отпускали — тоже праздник. Только редко такое случалось. Уматывались на работе. А еще интересно было в праздник смотреть, как взрослые бои устраивали.

— Всерьез дрались? — изумилась я.

— Да!

— Зачем?

— Так принято. Собирались три мордовских соседних села и три русских. Сначала выходили силой померяться самые маленькие, затем взрослые. Кулачный бой до первой крови. Правила строгие: лежачего не бьют, если человек наклонился, значит, не хочет больше драться, и уже никто его не тронет. Если кто посмеет, его накажут. Потом отдыхали. Водку пили. И женщины дрались.

— А они зачем?

— Может потому, что пьяные. За волосы друг друга таскали. Бывало, на Масленицу глянешь на реку — на льду всюду пятна крови.

— Не страшно? — робко спросила я.

— Нет. Это же игры такие. Дерутся и тут же за одним столом сидят культурно так, без ругани. У нас и старые, и малые друг друга по именам звали и всегда ласково: Коленька, Петенька, Машенька.

— У нас такого нет, но люди тоже добрые. А почему ваша семья наше село выбрала?

— Дядя у меня тут по маминой линии. Написал я ему про то, что заканчиваю четвертый класс и что надо уже определяться, как дальше по жизни идти. Вот он и пригласил нас к себе. Рисуя я неплохо. Давно проявилось у меня желание выучиться на художника. Сначала все листочки, цветочки рисовал, потом иконы перерисовывать взялся. А теперь свои задумки изображаю. Запах красок меня с ума сводит. Сразу фантазировать в цвете начинаю. Времени свободного мало, а руки все равно каждую минуту к карандашу тянутся. Я быстро, но аккуратно рисую.

— Ой, бабушка заждалась, наверное, — опомнилась я и, спутав задние ноги коню, попрощалась.

ПОДСЛУШАЛА

Ночь черный плат накинула на землю, но мне сегодня не спится. Как всегда в таком случае, вспоминаю прошлое, как осколки тревожных дней, беседую с Витьком, рассказываю ему обо всем. Размечталась, будто мы с ним учимся танцевать вальс. Здорово получается. Особенно кружиться. У него лучше выходит, он учит меня... При чем тут вальс?.. Вспомнилось, как шла по берегу реки, а он медленно плыл по течению на бревне, распевал во все горло военные песни, не замечая никого вокруг, и был в эти минуты такой счастливый! И у меня тепло и радостно было на сердце...

Вдруг до моего слуха донесся сердитый шепот, и не просто сердитый, а резкий, ядовитый. С болезненным содроганием прислушалась к разговору родителей. Сыплются упреки. В ответ слышу робкие оправдания. Из обрывков слов никак не могу понять, за что отец гадко, грубо шипит на мать, с чувством превосходства, с давлением, угрозами. Мерзко ругает. Никак слова не связываются у меня в голове воедино. И только, когда услышала свое имя — затрепетала... Из-за меня он тиранит ее? В чем моя вина? У брата спросить? Но подслушивать неприлично. И мать ему родная. Еще возненавидит меня. Пусть не знает про ругань и спокойно живет.

Я не виновата, что здесь живу. Не напрашивалась. Сами привезли. Почему отец такой пакостный? Днем помалкивает, а ночью душу отводит. Оказывается, они тоже живут ненормальной, скрытной жизнью. А я-то всегда думала, что в семье все с радостью должно быть. Может, у них из-за меня несчастливая жизнь? Мать жалко. А его? Добрый человек не станет издеваться над женой из-за лишнего куска хлеба. Сам себе создает сложности и других мучает. Неразумно это как-то, не по-человечески. Мне кажется, что умные должны уметь договариваться без ссор.

Учусь и работаю я хорошо. Чего ему еще надо? Молчаливая? Невеселая? А как я могу быть ласковой с человеком, которого сторонюсь? И матери я боюсь как огня. Недавно посуду вместе прибирали. Так я только о том и думала, как бы поскорее закончить. Устаю от нее.

При бабушке со мной такого не бывает. Но все равно я не могу ее ни о чем секретном спрашивать. Мне кажется, она уйдет от такого разговора. Бабушка, конечно, пытается

сохранить достоинство, старается не позволять понукать собой, но в большинстве случаев стремится не создавать трудных ситуаций или сглаживает их. Я часто чувствую ее неуверенность, зависимость. Недавно припоздала с обедом, в очереди задержалась, так у нее было такое лицо, будто хата сгорела по ее вине. Грустно такое видеть.

Знаешь, Витек, в семье я все меньше нуждаюсь в Боге и все больше — в тебе.

После той неприятной ночи я чаще приглядываюсь к матери. С работы она приходит веселая. С удовольствием рассказывает о том, что происходило в школе. Мать хлопотливая. Вовлекает всех в общие дела: то картошку всей семьей перебираем в подвале, то пельмени сибирские лепим. Но теперь я замечаю горькие складочки в уголках ее губ и отрешенный взгляд у окна, что выходит на улицу.

Неужели отцу хочется, чтобы она была несчастная?

Странные бывают люди.

ГРЯЗЬ

Иду со станции. На душе осенняя грусть. Не напрасно старики говорят, что ненастье ворожит тоску. Небо в клочьях черных туч, как старое, мятое, застиранное платье в заплатках. Ветер резкими порывами обрушивается на посадки и растревоживает верхушки нагих деревьев. Чего еще ждать от поздней осени? Она дарит лишь дожди и морозы. «В пустоте ноября даже эху откликнуться нечем». Красивая фраза, поэтому запомнила.

Вот ларек. Возле него — столб, на котором, уныло опустив голову, раскачивается разбитый фонарь. В ларьке иногда продают мороженое. Ребята откуда-то узнают, прибегают и вмиг расхватывают его, даже в холодную погоду. Я никогда не прошу денег для себя, поэтому мороженого не покупаю. Остановилась, разглядываю очередь. Вижу, как буфетчица, с выщербленным мелкими оспинками тяжелым, хмурым, точнее — угрюмым лицом, взяла деньги у скромной на вид девочки, а мороженое не дала. Дети оттеснили девочку. Она умоляюще смотрит на женщину, тянет руки и просит: «Мне, мне дайте!» Старания тщетны.

Буфетчица делает вид, что не видит девочку и спокойно поворачивается к громко кричащим мальчикам. Теперь девочка растерянно стоит рядом с очередью. На глазах слезы. Она с горькой многозначительной ясностью понимает, что сегодня ей не достанется редкого лакомства. У меня мгновенно портится настроение, и, кроме того, налетает тошнотворная ярость. Колотится сердце. Трясет возмущение. Я иду дальше и думаю: «Почему не вмешалась, не защитила? Я же не трусиха. Боюсь быть осмеянной наглой буфетчицей, не хочу ублажать ее самолюбия или стыжусь того, что она меня все равно не послушает? Я знаю, что не имею права ей врезать? Раньше я бы все равно полезла на рожон, как говорит бабушка. Почему же теперь не лезу? Я же должна была кричать, требовать... Ненавижу наглость, подлость!.. Обижать маленьких?! Гнать в шею надо таких буфетчиц... Дрянь...

Представила себя на месте девочки и еще больше задохнулась от жалости к ней. Полились слезы. Машинально сламываю ветку дуба, терблю ее в руках, нещадно хлещу себя ею по ногам.

Явилась неожиданная грустная мысль, что за последнее время я сама стала похожей на эту тихоню. Боязнь поступить не так, как требуют родители, не так, как ведут себя нормальные, домашние дети, сделала меня нерешительной, неуверенной. Мать за каждую ошибку долбит...

Иду дальше. После дождя в колеях грязи по колено. Но я осторожно пробираюсь по тропе, которая вьется между деревьями по обочине дороги. Гляжу: впереди меня посреди огромной лужи стоит маленькая бабуся и недоуменно озирается.

— Грузовик проклятый всю грязь под ноги подкатил, — сердито бормочет она, грозя клюкой невидимому виновнику ее беды.

Резиновые сапоги у бабуся увязли. Она пытается их вытащить. Но только тощие ноги в

рванных овечьих носках вылезают из сапог. Грязь сантиметров десять не доходит до верха голенищ. Увидев меня, старушка оживилась:

— Деточка, помоги выбраться.

— Я в новых ботинках. Меня родители будут ругать, — поспешно отказываю я.

— Сил нет. Сапоги присосало. Не выберусь сама, — стонет старушка.

Что делать? Сделала два шага к ней. Липкая черная грязь наплыла на коричневые блестящие от крема ботинки. Отпрянула назад. А если бы моя бабушка здесь оказалась? Пока я нерешительно переминалась, бабуся досадливо тормошила и корила меня:

— Вечереет уж. Так и бросишь старуху? Чему тебя в школе учили?

— Я хочу помочь, но честное слово дала, что ботинки не запачкаю, — оправдывалась я смущенно.

Старушка рассердилась:

— Ботинки ей жалко! Гадкая девчонка!

«Хочет, чтобы помогла, а сама ругает», — обиделась я про себя, придумывая, как выручить старуху. Догадалась! Разулась, чулки положила в ботинки, повесила авоську с продуктами на сук и пошлепала по липкому, холодному киселю. Бабуся судорожно вцепилась в меня. Пришлось руками вытаскивать ее из грязи за сапоги. Оказавшись на твердой тропинке, бабка не поблагодарила меня, напротив, довольно бесцеремонно оттолкнула и, не оборачиваясь, неожиданно быстро для своего возраста, потопала к селу, шамкая и крестясь на ходу.

«Ледащая старуха попалась! Уморительная история! Посчитала, что Бог ее вытащил из грязи... Видно, похвала, как премия: дадут — хорошо, а нет, и так обойдусь», — хмыкнула я и помчалась к реке, что была в метрах ста. Спустилась под мост. Вода прозрачная, ледяная, тяжелая. Смыла грязь с красных, как гусиные лапки, ног, обулась и вприпрыжку, чтобы согреться, побежала домой, старательно обходя глубокие лужи.

НЕЛЯ

Закончились уроки. Одеваемся. Вешалка тут же, в конце комнаты. Очень удобно. В класс заглянул шестиклассник Вовка Шаповалин и злорадно засмеялся:

— Ха! А у вашего Кольки чулки шелковые!

Я увидела Колю, сидящего за партой, и зло крикнула незваному гостю:

— Мозги включи, чучело!

— Завели десять детей при отце-пьянице, а теперь нищету разводят, — продолжал Вовка дурашливо.

— Хотел бы я посмотреть, сколько у тебя было бы братьев и сестер, если бы не погиб твой...

Коля не закончил фразу и со слезами на глазах выскочил в коридор.

— Получил? Поумнел? — сердито набросилась на Вовку Валя Кискина.

Тот заморгал белесыми ресницами и вышел из класса. Остальные молча переживали мимолетную перепалку. Я собрала портфель и направилась домой.

Странная в этом году осень: зеленые дубы, желтые березы и снег. Ракиты до земли опустили увядшие, обмороженные кудри. Оттаявшие листья липы мягкие, липкие. Косой холодный ветер жестко сечет по лицу колючками, сердито размахивает ветвями деревьев, свистит в ушах. Кутаюсь в пальто, прикрываю ладонями уши и, пригнувшись, иду по неуютному царству, где обитают только злые волшебники.

Соседка третьеклассница Неля догнала и обняла меня сзади. Я сразу согрелась. Неля рассмеялась:

— Представляешь, иду и думаю: вот заблужусь в вихрях снега, улечу с ними далеко-далеко в небо, и так здорово мне там будет! Стану я маленькой, но самой яркой звездочкой! А если до смерти замерзну, то моя душа полетит в рай. Дети всегда в рай попадают. Сначала размечталась, а потом родителей пожалела, и все мои фантазии разлетелись. Пойдем ко мне?

— Мне нельзя без разрешения, — промолвила я упавшим голосом.

— Да ладно тебе. Не узнают, — беззаботно засмеялась Неля.

— А что дома скажу? — испуганно возразила я.

— В школьном дворе гуляла, — предложила простейший вариант обмана соседка.

— Нет. После уроков я сразу должна домой идти. Не слушать родителей как плыть против течения. Занесет куда не надо. Так бабушка сказала.

— Неужто, ты всегда такая послушная? — удивленно воскликнула Неля.

— Нет. Раньше я любила гулять и мечтать одна. Но здесь меня быстро стреножили. Шагу без разрешения не дают ступить.

— Почему?

— Не знаю. Может потому, что отец был военным? И мать у нас очень строгая. Но занудство у меня с раннего детства. Я всегда была слишком правильная в серьезных делах.

— Надо быть свойской. Ты каждую минуту по пустякам извиняешься, сто раз благодаришь за всякую мелочь, рядом с тобой неловко себя чувствуешь, — пристыдила меня Неля и дружески посоветовала: — Проще будь.

— В городе, у дедушки Яши привыкла к вежливости, — объяснила я и заторопилась: — Мне пора.

— Чудная ты. Все родители волнуются, но мы с подружками все равно в гости друг к другу ходим. Ты боишься матери?

- Я не смогу спокойно гулять, когда меня ждут, понимаешь?
- Родители привыкнут, что ты опаздываешь.
- Не привыкнут. Когда отец опаздывает, мать тоже сердится.
- Ну, то отец! — раздраженно хмыкнула Неля.
- А какая разница?
- Большая.
- В чем?
- Мать ревнует.
- К кому?
- Ни к кому. Просто так. Раз он опаздывает, значит она начинает ревновать.
- Глупо.
- Может быть. Мой папа тоже сердится, когда мама поздно приходит с фермы.
- К коровам ревнует? — рассмеялась я.
- Если бы, — криво усмехнулась Неля. — Странные эти взрослые. Не поймешь, чего им надо, чего не хватает? Вот для меня главное, чтобы родители не ссорились. А может, все-таки погуляем?
- Нет, меня бабушка будет искать.
- У меня бабушки здесь нет. На Украине живет.
- Ты ее любишь?
- Очень, даже хотела остаться с нею. Я ее слушалась.
- Я свою тоже слушаюсь. До завтра.
- Пока, — помахала мне рукой Неля.

Мне показалось, что она тоже не хочет идти домой. Вдруг Неля остановилась и смиренно попросила:

- Ну, хоть на пять минут зайди на моих крыс поглядеть.
- Вот уж радость великая, крысы!? — удивилась я.
- Ты не представляешь, какие они умные!
- Ладно, только на минутку, — смягчилась я и уступила уговорам.

В полупустом щелястом сарае колыхалась пыльная паутина. Мерзкие пауки шептались по углам. Мы притихли. Ждали недолго. Сначала послышался шорох, потом появилась противная серая крыса с длиннющим тонким хвостом. Меня передернуло от мерзкой картины. Потом прибежала другая, еще более крупная и гадкая. Я уже хотела уйти, как увидела, что вторая крыса катит куриное яйцо. Любопытство удержало меня на месте. Крыса приподнялась на задние лапки и принялась проталкивать яйцо в нору, но оно оказалось больше отверстия. Тогда зверушка осторожно положила добычу на землю и занялась расширением входного отверстия. Под зубами трещала древесина, мелкие щепки усыпали землю. Наконец яйцо закатилось в нору, и крыса скрылась вслед за ним. Но не успела она спрятать хвост, как откуда-то сверху появилась ворона, вцепилась в него и не пускает крысу. Та и так, и эдак, никак не получается с птицей справиться. Вдруг упала зверушка на бок и лежит будто мертвая. Ворона клюв чуть-чуть ослабила, а крыса вмиг нырнула под штукатурку. Но кончик хвоста не уместился и опять торчит. Ворона снова его ухватила и тянет изо всех сил. Не знаю, чем бы закончился поединок,

но тут примчался рыжий кот и давай кидаться на ворону.

— Смотри, кот сам хочет поймать крысу, — шепчет мне подружка.

Ворона сердито махала крыльями, отпугивая кота, и не выпускала добычу из клюва. А в результате крыса никому не досталась. Улучила-таки она момент и убежала.

— Ну, как? — спросила Неля, заглядывая мне в глаза.

— Здорово!

— Если долго следить, не такое еще можно увидеть! — довольная произведенным впечатлением добавила Неля. — Это мой зверинец. Я отдыхаю здесь.

— Спасибо тебе. Только все равно не говори моим родителям, что я у тебя была. Ладно?

— Железно! — пообещала Неля на прощанье.

Я заторопилась домой. Мне надо было уединиться в своем сарае, потому что огнем обожгло внезапно всплывшее воспоминание о первом занятии кружка «умелые руки», болью в груди отозвалось... снова и снова прокручивалось в голове.

«...Когда занятие окончилось, Зинаида Васильевна ушла, а мы остались в классе. Я рисовала на доске чертиков, а девчонки хохотали. У меня не получалось так заразительно смеяться, но все равно было приятно, что друзьям нравятся рисунки. Вдруг с лицом, перекошенным злобой, в класс заглянула мать. Я не поняла, в чем дело, но на всякий случай кинулась к своему портфелю.

— Где ты сейчас должна находиться? Кто позволил тебе остаться после занятия? — кричала мать так, будто я совершила страшное преступление.

Кто-то из девочек, пытаясь защитить меня, промямлил: «Мы только на пять минут».

Я выскочила из класса. Мать за мной. Я с ревом пересекала двор и уже не слушала, что она кричала мне вслед. Обида трясла, я захлебывалась слезами. За что? Почему я не могу, как другие дети, жить обычной детской жизнью? Зачем мать следит за каждым моим шагом? Как дикая коза, перемахнула штaketник и ров, отделяющий школьный двор от огородов, и упала в траву, надрываясь непониманием и жалостью к себе. Зачем ругает перед детьми? Я рабыня? Может, я сказала при детях что-то плохое, лишнее? Но я же, в основном, молчу, говорю только по делу? Чего ей от меня надо? Как я должна вести себя, чтобы не вызывать ее гнева? Я же так стараюсь! Господи, за что мне такое? Говорят, дети, когда умирают, становятся ангелами, потому что безгрешны. В чем моя вина, мой грех? В лесном детдоме все дети страдали одинаково. А тут я одна такая. Дед, зачем ты умер, зачем меня бросил?

Неужели мать не могла вежливо вызвать из класса и поругать дома, если так уж надо? Что ребята подумают про мое положение в семье, как они поймут такое, если я сама всего не возьму в толк? Что с ней приключилось? Перед занятием кружка она весело разговаривала с учениками своего класса. Они шутили, смеялись. Ничто не предвещало грозы. Чем я вывела ее из равновесия? Она ненавидит меня? Учит меня, но с таким раздражением, будто хомут непосильный повесила на шею, и хочет, но не может его сбросить. Я не просила меня бить! Отдала бы в детдом и не мучилась. Я каждую минуту напоминаю ей, что чужая, и этим раздражаю? И отец злится. Но он выдержанный, а она нервная? Так причем здесь я?

Рукавом вытерла мокрый от слез портфель и, сжав зубы, побрела домой...»

Не опоздать бы и сегодня. Может, мать не заметит, что я немного задержалась?

Я МОГУ

На уроке труда мы должны научиться шить плавки и рукавички. Анна Васильевна предложила всем детям изготовить их (пусть даже из старой материи) — не на куклу, а для себя. Бабушка долго рылась в сундуке, выбирая такой новый лоскут, чтобы после

кроя плавок получилось меньше отходов. А на рукавицы дала кусок от старой солдатской шинели. Потом поохала, достала из-за печки довоенное, зеленое пальто матери и отрезала часть полы. «Двойные сошьешь. Теплые и мягкие будут», — объяснила она.

На уроке мы обмерили друг друга и взялись за работу. Самое трудное — вырезать и пришить косые бейки к плавам так, чтобы ткань не морщилась. Мне не хватило материи на отделку, и Анна Васильевна дала свои обрезки красного цвета. Они как раз подошли к моему белому полю с красными цветами.

С рукавицами проблем не было. Края ткани мы обметывали толстыми цветными нитками не в тон ткани. Для красоты. Анна Ивановна подумала, что я собираюсь шить двое рукавиц. А когда я объяснила, что одни, но с подкладкой, она вдруг на весь класс сказала: «Какая ты у нас хозяйственная!»

Тут все стали показывать учительнице свои изделия, и я не успела объяснить, что это моя бабушка — молодец, что она придумала про подкладку. Я сидела, опустив голову, и переживала из-за незаслуженной похвалы. Анна Ивановна подошла ко мне проверить работу.

— Ты чего такая понурая? Ошиблась? Рукавичку наизнанку выкроила?

— Нет. Я правильно сообразила. Но сама бы не догадалась с подкладкой шить. Бабушка посоветовала, — сквозь слезы пробормотала я, не переставая смущенно теревить в руках обрезки ткани.

— Вот и молодец, что всему классу рассказала, — улыбнулась учительница.

Я сразу успокоилась. Тут встала Валя Кискина и попросила разрешения вставить резинку, чтобы рукавички не соскакивали. Нина захотела шнурки с кисточками пришить и бахрому сделать, а я на тыльной стороне своих рукавичек солнышки вышила.

Из школы шла в обновке гордая и счастливая. Мне казалось, что теплее и красивее моих рукавиц не бывает! Дома я не могла выполнять уроки, пока не закончила шитье плавок. Бабушка придирчиво осмотрела их и радостно воскликнула:

— Надо же! Ну, прямо влитые. И отделка аккуратно пришита! Если бы не росла, то носила бы их только по праздникам! Глядишь, через пару лет мне платье сошьешь.

— Обязательно! — пообещала я серьезно.

У меня было удивительно хорошее настроение.

С каким удовольствием я носила сшитые мною первые вещи! У меня «руки растут как надо»! И не беда, что пальцы исколоты до крови, потому что не получается работать в наперстке. Оказывается, шить нетрудно и очень интересно!

А в прошлом году мы учились пришивать пуговицы. Я очень торопилась, нитки запутывались. Два раза переделывала работу, чтобы заработать пятерку. А вторую пятерку за пять пуговиц так и не получила. Не успела и очень переживала, что у меня руки-крюки. Ирина Федоровна успокаивала тогда: «Не лотоши, не ерзай, нитку короче бери».

А теперь все здорово! Я могу!

ЭКСКУРСИЯ

Зима с осенью в этом году долго силами мерились. Никак осень не уступала. И все-таки почернела наша школьная аллея и теперь насквозь продувалась колючим ветром. Натужно скрипели и вздыхали дубы. Березки к ним прижимались. А как-то гляжу — за ночь поседел! Покрылись тончайшей пленкой изморози. Только днем солнце ее быстро слизало. Вечером дождь заморосил. А на следующее утро хрусталем сияли веточки. На том метаморфозы не закончились. Страхнул сердитый ветер звонкую красоту, — и опять земля голая и черная, а небо серое и скучное. Что еще принесет ветер на своих широких крыльях? Может, морозы?

А сбросил ветер искристые одежды для того, чтобы ночью обрядить деревья в пушистые, белые, праздничные меха. И вот идем мы сегодня с вожатой на экскурсию на завод «Предохранитель» и наслаждаемся природой.

Оказывается, таких заводов в нашей стране только три!

Всем понравилось, что в цехах очень чисто и много фрезерных и токарных станков. Потом мы увидели надпись на двери «Револьверный цех» и удивились: «Оружие делаете?» Оказалось, что у станков такое название. Мы забросали главного инженера вопросами и попросили разрешить нам обучаться работе на станках. Соглашались даже на еще одну летнюю практику, лишь бы с пользой. Но он строго сказал:

— Вы деревенские, ваше дело — колхоз, а мы — станция, железнодорожный поселок городского типа, поэтому наши дети должны учиться заводским профессиям.

— Какой же у вас город? Такие же огороды, скот, хаты, как у нас, только много крыш под железо и черепицу, потому что богаче живете.

— Неважно, какие дома. Важно, какой статус имеем, — гордо сказал инженер.

— Так нечестно. Наши школьники круглый год вкалывают в колхозе, а ваши дети даже на субботах не работают. Подметут территорию завода — и по домам. У нас даже одно общее название села, только речка разделяет его пополам? — возмущались мы.

Вожатая молчала. Хорошее впечатление от завода было испорчено, и мы уже без интереса пошли на маслозавод. Встретил нас директор радушно. Показал цеха и стал рассказывать о достижениях.

— Наш завод входит в десятку лучших в стране по качеству продуктов. Очень вкусное у нас масло. Девяносто три процента мы продаем за границу, пять процентов — отсылаем в Москву, а два — в областной город.

— А нам? — нечаянно вырвалось у меня.

— Если вдруг сбой произойдет и получится брак, например, сметана перекистет, тогда это масло в свой магазин отправляем, — деловито ответил директор.

— Что же получается? — загалдели ребята. — Мы свежее молоко сдаем на завод, а масло нам достается только бракованное?

— И за гречкой в город ездим, и за сахаром тоже, — зашумели школьники с задних рядов.

Директор удивился:

— Надо гордиться своим селом, заводом, а вы возмущаетесь! Странное у вас воспитание.

Подавленные и недовольные, мы замолчали.

— Вы масло дома делаете. У вас у всех есть в хозяйстве корова. А городской где возьмет? Совести у вас нет, — закончил директор строго.

— А много мы его видим, масла-то? Сама его делаю, но только один раз за лето. Бабушка соберет четверть сметаны, а потом я кладу ее на колени и трясу. Получается кусок примерно с килограмм.

— А ты не ленись, чаще тряси, — пошутил директор.

— Чего трясти? — взорвалась я. — Я же каждое утро ношу молоко в «государство».

— Нам же по весне из сельсовета в каждый дом разрядку приносят на молоко, яйца, шерсть и многое другое. Вам на станцию не присылают, хотя у всех во дворах скотина! Раньше у некоторых селян по две коровы было, так запретили. У нас в прошлом году корова двумя бычками отелилась, так сразу потребовали одного в колхоз сдать. А сена вольного не дают. Сколько травы в лесу пропадает?! Люди на болотах по кочкам траву все лето сшибают. Сосед накопил в лесу своим козам, так председатель лично на лошади подъехал и забрал сено, да еще пригрозил тюрьмой. А молоко давай! Из воздуха оно, что

ли, делается? — сердито закончил тираду Володя Стародумцев.

Директор развел руками:

— Ребята, это не ко мне. Я проблемы своего завода решаю. Рабочие мною довольны.

— Мы понимаем, что вы ни при чем. Обидно за сельских. Вроде не родные для государства, — не сдержался Эдик Набойченко.

— Со временем и у вас все наладится, — попытался успокоить нас директор и скрылся в цеху.

Возвращались домой молча.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Люблю рассматривать фотографии в альбоме. Вот довоенные. Мать с группой студентов. На доске написано «отличники». А на этой — молодые красивые моряки. На обороте дата — тысяча девятьсот сорок второй год.

— Они живы? — спрашиваю у матери.

— Из этих один наш отец домой вернулся.

— И вообще никто-никто из друзей не выжил? — испугалась я.

— Почему же? Вот Аркадий Никитович. Он недавно приезжал к нам в гости из города Энгельса. А этот в штатском — Борис Михайлович. Врачом работает.

— А почему наш отец теперь не военный? Ему форма идет.

— Гражданский он человек. Война заставила погоны одеть.

— А почему в альбоме фотографии выпускников школы с сорок шестого года начинаются?

— Отец школу после войны принял.

— Какие первые выпускники старые, совсем как тети и дяди! — удивилась я.

— Во время войны учиться не было возможности, школу они заканчивали уже взрослыми.

— А эти молодые, но тоже очень серьезные.

— Это выпускники семилетки пятьдесят второго года. Им по четырнадцать лет. И войну, и разруху в детстве захватили.

— Почему десятиклассников мало в классе?

— Многие не имели возможности учиться. Семьи кормить приходилось. По закону в четырнадцать лет человек уже взрослым считается. Но самых способных мы старались удержать в школе, — объяснила мне мать.

Я вздрогнула. С фотографии на меня смотрели глаза любимой подруги Лили из городского детдома.

— Кто она? Лицо этой девочки мне давно знакомо, — непроизвольно вырвалось у меня.

— Она с Нижней улицы. Всю жизнь здесь живет. Похожие люди встречаются часто. Их двойниками называют, — пояснила мать.

На диван присела бабушка.

— Вот я в молодости с моей подругой детства, — указала она на двух красивых скромных девушек в странных высоких ботинках, зашнурованных до колен.

Тут же я увидела на фото мужчину без руки, сразу вспомнила инвалидов войны на каталках и спросила бабушку:

— Почему в деревне нет нищих? В городе их много. Среди них даже женщины попадают.

— В деревне зимой им не прокормиться.

— Почему я никогда не видела детей-побирушек?

— Бог с тобой! Как же нужно опуститься взрослым, чтобы заставлять детей просить милостыню?!

— А кто это?

На фотографии пухленькая девушка в светлых завитках волос с большими круглыми, чуть навывкате, темными глазами.

— Зазноба моего сыночка. Очень она по нему сохла. Маленькая была, до плеча ему не доставала, — грустно ответила бабушка.

«И все?» — подумала я.

— Может, это моя мама?» — вдруг всколыхнулась во мне минутная надежда. — Что-то на мою мать эта девчушка не похожа. Да и из слов бабушки совсем не выходит, что она моя мама. И по тону тоже. Будто походя, вскользь рассказала о старой знакомой своего сына. И чего я разволновалась? Мать же говорила, что нет фотокарточки. Почему взрослые не говорят мне правду и вообще ничего не рассказывают о моих родителях? Они же наверняка все знают!

Настроение испортилось. Я положила альбом на место и ушла во двор работать, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

ЗА ХЛЕБОМ

На станции за железнодорожными путями есть пекарня, а рядом с ней — буфет, где продают хлеб только заводским, когда они по окончании смены расходятся по домам. В этот буфет и я хожу через день уже вторую зиму.

Бабушка разбудила, как всегда, в пять. За окном темно. Лампы не зажигаю, чтобы не разбудить брата. Одеваюсь на ощупь. В комнате холодно, земляной пол ледяной. Пока натянула чулки и пристегнула резинки, замерзла так, что зубы застучали. Надела двое шаровар, валенки, а поверх кофты с начесом — ватную жилетку, сшитую из дошкольного пальтишка брата. Чай пью. Бабушка возится у печки. В трубе заунывно гудит противный ветер. Дым попадает в кухню. Я люблю запах дыма от дров. Что-то в нем далекое, призрачное и даже сказочное. Опять глупости в голове? Я внутренне улыбаюсь своим мыслям. Нельзя же быть все время правильной, навытяжку, по струнке стоять! «Торопись, детка», — шепчет бабушка.

Накидываю на голову коричневую шальку и недовольно бурчу, потому что не люблю деревенских платков. Выхожу на крыльцо.

Ночью был снег. Двор будто синей скатертью накрыт. Подслеповатые утренние звезды сонные. «Ветер в спину. Не пойдешь — побежишь», — слышу я голос бабушки. В нем сквозит улыбка и поддержка.

Приободрилась и, хотя совсем нет желания идти на ветер, решительно кидаюсь в темноту. За ночь протоптанную дорожку замело, и я, нащупывая ее, проваливаюсь по колено. Идти тяжело, но я тороплюсь. Надо успеть до прихода следующей смены, а то придется долго стоять в очереди и может не хватить хлеба.

Впереди одинокая фигура. Догнать? Зачем? Одной лучше идти и мечтать. Я на Северном полюсе. Далекое огни завода — жилище Деда Мороза.

Вышла за село. По лугу ветер гуляет раздольно. До станции всего три километра, но мне кажется, что они разделяют два государства. Летом я не замечаю, как пробегаю их, а тут иду, иду, и конца пути не видно. На дороге снег лежит неровными слоями: где мелко, а где приходится перебираться через наметы. Упала. Вытряхнула снег из рукавов. От влажных рук сразу сделалось холоднее. Мысли потекли житейские: «Никак не добьется отец, чтобы хлеб привозили в школу, хотя бы зимой. И лошадь есть, и конюх согласен, да будки нет с лотками, а главное, нет разрешения какого-то начальника. Ему бы недельку вместе со мной походить за хлебом, может, тогда подписал бы просьбу учителей!»

По перрону бегу вприпрыжку. Из проходной вытекает приятный запах горячего хлеба. Текут слюнки. Вахтер пропустил меня, и сердце сразу перестало дрожать. Сегодня добрый дядя. Клянчить не пришлось. Проскакиваю узким темным коридором в буфет.

Чужих взрослых сюда не пускают, а детям можно. На вид буфетчица — грубая «бой-баба», а все-таки с понятием, потому что женщина. Знает, что мы издалека сюда приходим. Обычно рабочие в очереди детей не трогают. Но иногда случаются неприятности. На прошлой неделе здесь нас человек десять собралось. И на беду скандальная тетка появилась. Все молчали, а эта завелась:

— Отстояла у станка ночную смену, да еще из-за этих пацанов домой поздно доберусь. А у меня хозяйство, огород, дети.

— У всех дети, — добродушно заметил мужчина в замасленной фуфайке.

Женщина распалилась еще больше:

— Помолчал бы. Ты же спать сейчас завалишься. А твоя жена, небось, как и я, вторую смену ишачить будет на кухне.

— Охолонь. За что боролись, на то и напоролись, — усмехнулся тот, что в фуфайке.

— Не трогай женщину. Видишь, нейметса ей. Может, не здорова. Ведь они, особо если есть малые дети, в три смены вкалывают: на работе, по хозяйству, да еще ночью с грудными дитями, — вступился старик.

Мужчины замолчали. Женщина тоже затихла. То ли спокойный голос защитника, то ли его здравые мысли и сочувствие осадили в ней бунтарство, как дрожжевое тесто холод...

Я ни во что не вмешиваюсь. Не имею права оставлять семью без хлеба.

Народу еще мало, человек тридцать. Видно со смены основной поток не пошел. Сзади меня встал пожилой человек. Слава богу, один подошел. Я теперь вроде бы чья-то дочь. А когда сразу много детей подходит, то рабочие начинают сердито выяснять родство. Внимательно разглядываю продавщицу. Какое у нее сегодня настроение? Боюсь, чтобы кто-нибудь неосторожным словом не спугнул, не испортил его. Буфетчица прекрасно знает всех рабочих и, когда ее разозлят, вышибает пришлых. Прислушиваюсь к разговорам людей, со страхом ловлю резкие нотки. Вздрагиваю, если они относятся к продавцу. На мое счастье или несчастье, передо мной две женщины с нашей улицы. Они преданно заглядывают продавщице в лицо, называют Марией Ивановной и суетливо раскрывают авоськи, путаясь в ячейках. Продавщица огромного роста, широкоплечая, с крупным каменным лицом надменно глядит на всех властным, чуть пренебрежительным взглядом. Движения ее ручищ размеренные, четкие. Фразы она бросает редко и резко. Некоторые рабочие просят взвесить хлеба чуть больше нормы. Она дает на свое усмотрение. Подходит моя очередь. «Пять человек», — говорю я тихо, еле доставая лицом до высокого прилавка.

Мария Ивановна ловко бросает на весы буханки и довески и в мгновение ока сбрасывает их рядом с весами. Я, стоя на цыпочках, тут же подхватываю и бросаю хлеб в авоську, которую заранее удобно повесила на руку и растопыренные пальцы. Добрый старик помогает мне. Он тоже не хочет, чтобы буфетчица сбилась с ритма и испортила всем настроение. Я робко гляжу на «главного» человека и прошу еще. Буфетчица еле заметным движением глаз отказывает. Но видно жалость шевельнулась в ней, и она громко говорит: «Сегодня хлеба мало, даю только по норме».

Я благодарно киваю ей и бегу домой. Слава богу, удачно. Пять большущих буханок и

пять разных довесков. И как она довески отмеряет? Глаз-ватерпас! Ей весы, видно, только для проформы нужны. Иду, довольная собой, уминаю теплый, пахучий кусок хлеба. Правда, когда жуешь, он делается липким и вязким, как пластилин, и вкус совсем не тот, что у бабушкиного хлеба. Да ладно! Без хлеба и один день прожить трудно.

Дорога назад всегда короче. К тому же небо уже серое. Снег отсвечивает белым, а не голубым. Подхожу к огородам первой улицы села. Вдруг со всех ближайших дворов ко мне ринулись собаки разных мастей. Я замерла, зная, что нельзя бежать от собак. Свора окружила меня и с громким лаем заплясала вокруг. Тут поняла, что хлеб им нужен, а не я. В ужасе прижала драгоценные буханки к груди. А собаки нагтели и уже во весь рост подсакивали. Их острые зубы клацали у моего лица. Что делать? Вытащила самый маленький довесок, разломила пополам и бросила, как могла, дальше. Свора отпрянула, и я побежала вперед. Но не успела сделать и нескольких шагов, как собаки вернулись. Я швырнула большой кусок, потому что тяжелый дальше летит. На этот раз успела добежать до середины огорода. Собаки становились все злее, и уже хватили зубами за шаровары и пальто, а одна оторвала хлястик на рукаве. Со страху я заорала, что было сил, но мой крик не подействовал. Так, бросая довески, я добежала до крайней хаты. На мой крик с палкой и огромным тесаком в руках выбежал мужчина в трусах и валенках. Он разогнал собак и подошел ко мне. Я сидела на снегу и плакала. На коленях у меня лежала авоська с хлебом. Часть верхней буханки обслюнявлена собаками. Дядя Ваня (отец моей одноклассницы) поставил меня на ноги, тесаком обрезал буханку, завязал авоську и побежал к себе в хату. Я не смогла его поблагодарить, потому что еще не оправилась от испуга. Только дома заговорила.

Рассказала бабушке про собак. Она подобрала мне хорошую палку. Всю зиму с нею проходила.

Весной заводским не стало хватать хлеба. Тогда они все дружно вышли из цехов и встали в очередь. На следующий день вышел указ: хлеб развозить по цехам.

ВОЖАТАЯ

Нравится мне учиться в новой школе. Все ребята живут одной семьей. Пионеры помогают октябрятам, комсомольцы — пионерам. Бывшие выпускники Анны Васильевны каждый день с нами занимаются: одни утром зарядку проводят, другие уроки проверяют на перемене, третьи после школьных занятий помогают готовить домашние задания или учат лепить, рисовать, вырезать. Еще играют с нами в мяч, городки, настольные игры. Занятия с шефами добровольные. Но, если ученик еще не имеет определенных интересов, шефы заинтересовывают, приучают и даже приказывают непослушным ребятам. Но такое бывает очень редко, потому что никому не хочется выглядеть непутевым. Иногда заходят старшеклассники. Мы говорим им «вы» и при них не шалим в классе. Но самая главная среди шефов — наша классная вожатая Рита. Она уже девятиклассница и поэтому отвечает за все, что происходит в классе перед Анной Васильевной. Особенно много времени Рита тратит на подготовку к праздникам: разучивает с нами песни, танцы, стихи поэтов разных республик. Мы уже знаем, что к каждому празднику нужно придумывать новый монтаж. Песни должны быть про родину, партию и природу. Танцы учим старинные и современные.

Мне очень нравится ходить на выступления старшеклассников. Они много поют, стихи ребята читают юмористические или с критикой, а девушки очень красиво рассказывают нежные, трагичные, про любовь.

К седьмому ноября девочки нашего класса готовят краковяк, польку-бабочку, и молдовеняску, а мальчики — гопак. Песни выбрали всем классом: украинскую шуточную и болгарскую про птичек. Для ребят главное, чтобы пирамиды не вычеркнули из списка и матросский танец. Они уже исполняли его в прошлом году, но Анна Васильевна разрешила, потому что не двое, а все двенадцать ребят теперь будут танцевать.

Я с удовольствием участвую в пирамидах старшеклассников, потому что, как самая маленькая и худенькая, всегда стою на самом вершине. Старшеклассники до сих пор подразнивают меня, вспоминая, как чуть не рухнуло все «строение», когда в сельском клубе я запуталась в складках верхней части занавеса. Я же не виновата, что потолки в клубе ниже, чем в школьном зале!

Танцевать у меня не получается, но я стараюсь. Даже по дороге домой повторяю разного рода танцевальные шаги и па. Завтра для танца «Березки» будем шить с Ритой наметочными стежками сарафаны из старых маминых платьев. А ребята готовят учительнице сюрприз. Вовка придумал или подглядел где-то поведение пьяницы и так точно изобразил его перед классом, что мы все полегли на парты от смеха. Пьяный лежал в луже с включенным патефоном и дрыгал ногами под музыку. Рита тоже смеялась, а потом сказала, что не видит в сцене ничего поучительного, и дала задание попытаться сочинить воспитательный сюжет. Ребята согласились. Очень уж им хочется занять на празднике первое место за самостоятельность и фантазию!

А вот старшую вожатую школы я раньше считала молоденькой девушкой, а она уже тетя. У нее есть муж и сын Юрик. Зинаида Васильевна высокая, со светлыми волосами, упакованными массой заколок в плотную неподвижную прическу. Она строгая и все умеет делать. Я хожу к ней на кружок вышивания. Зинаида Васильевна так увлекается работой с нами, что забывает о времени, а спохватившись, быстро убирает наши «тряпочки» и мчится домой.

Она начала обучать нас с самого простого — вышивания стебельком. Девочки рисовали себе на кусках материи цветы, а мальчишки — танки. У меня не получались ровные стежки, и я придумала втыкать иголку не в конец стежка, а чуть выше — между двумя нитками. А оказалось, что уже есть такой метод вышивания. Я изобрела велосипед.

Крестиком вышивать мне нравится, потому что легко и быстро, а гладью — красиво и интересно. Но когда я захотела вышить на день рождения матери большую красную розу, то лепестки получались неровные, нитки не ложились на ткань гладко. Зинаида Васильевна принесла из дома китайскую наволочку, расшитую ярким шелком. Мы вместе изучили ступенчатый метод, и теперь могли красиво вышить узор любого размера.

Нас еще не обучали штопке, и я гладью зачинила все дыры на старом пиджаке отца. Он внимательно осмотрел мою работу и сказал, что не зря вожатая получает зарплату. Потом Зинаида Васильевна научила нас делать аккуратные заплатки и подшивать юбки «козликом».

У моего брата никак не получалось сделать узелок таким, чтобы он не проскакивал сквозь ткань. Зинаида Васильевна посоветовала ему намотать на иглу несколько витков, а потом, пропустив через них основную нить, закрепить. Но нитки запутались, и у Коли получился «рулик», похожий на маленькую пушистую гусеницу. Коля внимательно посмотрел на «абракадабру» и попросил голубых ниток-мулине. К концу занятия у него на пальцах появилась голубая роза. Изобретение так понравилось ребятам, что все сразу освоили новый метод вышивания. Раньше Коле не хватало терпения прошить стебелек в десять сантиметров, а подарок маме он вышивал целую неделю. Вот что значит — сам придумал! Его цветы заняли на выставке первое место. Я радовалась за Колю и удивлялась тому, что мальчишка в девчачьей работе изобрел новое. Мне тоже захотелось к следующему празднику придумать что-то особенное.

А к Новому году, помимо гирлянд, снежинок и фонариков, мы научились делать маски. Сначала из плотной бумаги делали чертеж-выкройку, потом мелкими кусочками бумаги многослойно оклеивали заготовку и раскрашивали.

Все успевает Зинаида Васильевна! И концерты готовить, и кружки вести, и сборы проводить. Я не хотела учиться танцевать, потому что нескладная, но вожатая объяснила, что кружок танцев для того и существует, чтобы таких, как я, превращать в грациозных.

А еще Зинаида Васильевна рассказывает нам о том, как воспитывали богатых девочек до революции, об их женственности, мягкости, умении говорить и двигаться. Еще о том, что физическая работа не должна нас огрублять, чтобы домашний быт не превратил нас в клуш и наседок. Она хочет, чтобы мы, когда вырастем, были красивыми, умными, интересными себе и другим. Мне нравятся наши беседы. После них я начинаю замечать, что бываю резкой, говорю, сильно выделяя «р», хожу враскачку, как матрос. Но мне почему-то нравится так ходить, хотя понимаю, что некрасиво это для девочки.

Я раздваивалась в своих желаниях.

СОВЕСТЬ

— Мне нравится, как ведет уроки Анна Васильевна. Она задает такие трудные вопросы, что мы всем классом на них не всегда можем ответить. А сама знает ответ на любой, даже самый глупый наш вопрос. Она учит думать. Даже на истории. Эдик спросил учительницу:

— Вы рассказывали о красоте ленинградских дворцов. Их строили при царе. А теперь таких не строят. Это плохо?

— Дети, высказывайте свое мнение, — просит Анна Васильевна.

И мы целый урок спорим, доказываем. А Вовка про Цезаря задал вопрос, про то, как он сразу несколько дел мог выполнять. Учительница только рассмеялась:

— Каждая женщина всегда сразу с несколькими делами управляется. Присмотритесь к вашим мамам. Пока ужин готовят, и белье успевают замочить, и скотину накормить, и малыша успокоить, и сто дум передумать.

— А кто такие консерваторы? Это те, которые консервы делают? — спросил Коля Корнеев.

Все засмеялись, а потом выслушали объяснение учительницы.

— Почему молчишь, в обсуждении не участвуешь? — подняла Вовку с места Анна Васильевна.

— Слова есть, но все матерные. Ищу, чем заменить, — объяснил Володя Стародумцев смущенно.

— Культура речи состоит не в том, чтобы нецензурным словам находить замену. Поставь себе цель вовсе их не употреблять. А когда добьешься, в наших и в своих глазах вырастешь. Уважение — высшая награда для человека! — сказала учительница.

— Коля, скажи, пожалуйста, когда свершилась революция?

— В тысяча девятьсот... первые две цифры помню, а остальные...

Коля опускает глаза, крутится как уж на сковороде. Стыдно ему.

— На следующем уроке мы будем говорить о революции. Все запомнили? — спрашивает Анна Васильевна. — Вы должны расспросить своих дедушек и бабушек об их жизни в далекие годы юности.

Вечером мы сидим с Колей на печке и пытаемся понять, зачем была нужна революция?

— Надо было убить царя и прогнать помещиков, — говорит Коля.

— А как же армия? — спрашиваю я.

— Так она же из народа состояла.

— А почему же тогда долго воевали в Гражданскую войну?

— Не знаю, пожимает плечами брат.

— В революции есть что-то сложное, такое, что понимают только взрослые, — резюмирую я. — Коля, а почему так получается: допустим, один царь завоевывает другого — при этом погибает много простого народу, или один правитель в своей стране свергает другого, и опять головы складывают ни в чем не повинные люди. Это же не правильно. Нельзя, чтобы не воевать? Другое дело — защищать Отечество. Тут люди сами идут всем миром, не жалея живота своего, с вилами, топорами, как в войне с Наполеоном.

— Спроси у мамы про революцию.

— Завтра учительница все объяснит, — возражаю я.

Мать из школы пришла довольная и говорит:

— Хвалила тебя Анна Васильевна. Ей приходится много времени тратить на подготовку к урокам истории. Ты, оказывается, дополняешь ответы учеников тем, что она не рассказывала. Может, историком станешь?

Я промолчала. Меня уже занимал вопрос о том, как вести себя? С одной стороны, очень хочется рассказывать случаи из интересных книг родителей, а с другой — зачем я должна вынуждать учительницу часами копаться в дополнительной литературе? У нас книг все равно больше. Ведь мои родители — историки. У Анны Васильевны пятеро детей. И муж-зоотехник до ночи на работе. У нее всегда такие усталые глаза!

Почему я читаю дополнительный материал? Сначала хотелось показать новому классу, что я не хуже их, потом понравилось пять с плюсом получать. А теперь в привычку вошло «выкапывать» интересное по каждой теме. Обожаю читать исторические книги: такая гордость появляется за нашу страну, за наших сильных, смелых и талантливых людей! Слова старца времен зарождения Киевской Руси крепко застряли в моей голове: «Бориска, борись-ка!» «Читать не перестану, а вот на уроках перед классом больше не буду дополнять, — решила я про себя. — Вот сегодня прочитала, как четверо смельчаков подпилили ночью столбы шатра хана Батыея, и он только чудом остался в живых. Но расскажу ребятам про это на перемене».

Мать ушла на кухню. А я, выполняя домашние задания, на стуле верчусь, в окно поглядываю и ножницы машинально кручу. Не представляю, как случилось, что концы сомкнулись и состригли волосы как раз на середине левой брови!? Щелчок услышала и от испуга инструмент из рук выронила. Дурочка! Так ведь и глаз недолго выколоть! Положила ножницы на место. Кровь промокнула, а когда ранка подсохла, черным карандашом подрисовала бровь и вновь взялась за уроки.

Сели ужинать. Я уже совсем забыла о своей шалости с ножницами, как вдруг мать строго взглянула на меня и спросила:

— В четвертом классе новая мода? Дети выщипывают и красят брови?

Я замерла в ожидании потока нравоучений и криков. Но мать сердито обратилась к отцу: «Придется с Анной Васильевной поговорить серьезно. Какой пример подает? Так дети к десятому классу губы начнут красить, челки отрезать. Говорила я ей, что чепуриться учителю не пристало, так нет, и брови подводит, и блузку яркую в будни носит!» Я поражена такой реакцией матери. Почему она в каждой ерунде видит плохое? При чем тут Анна Васильевна? Мало ли, какие глупости мы делаем? Разве нельзя учительнице красиво одеваться? Она такая молодая и приятная! Но я молчу, не решаюсь объясниться с матерью.

А совесть не дает покоя. Получается, я на учительницу свое безобразие свалила? Ей теперь из-за меня достанется? Волнение нарастало, и на следующий день я перешагнула через свой страх. Мать выслушала меня, приказала не брать без разрешения острых предметов, а про Анну Васильевну ничего не сказала, только на меня очень внимательно посмотрела. Может, мою учительницу уже поругали незаслуженно? О чем мать подумала, услышав мое извинение?

Матери испугалась, а вышло, что подло поступила. Теперь всю жизнь совесть будет мучить. Эх, надо было сразу сознаться!

МАТЕМАТИКА И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Поначалу математика для меня в ряду изучаемых предметов не выделялась ничем. Мать сама указала: сначала решай задачи, потом выполняй русский, а затем берись за устные по мере уменьшения их сложности.

Мне даже в голову не приходило, что какой-то предмет может быть более предпочтительным. Когда историю, родную речь или ботанику первый раз читаешь, конечно, интересно. Но ведь потом учить надо! Да еще так, чтобы через неделю или

через месяц спросили, а я все вспомнила бы и хорошо ответила. «Учить надо один раз на всю жизнь», — часто повторяла мать.

Но как-то я принесла из библиотеки книжку «Витя Малеев в школе и дома», положила под стопку учебников и раскрыла ее так же, как учебники, чтобы бабушка не сразу заметила, что я читаю художественную литературу. Знаю, должна помогать по дому. Но домашние дела никогда не заканчиваются, и свободного времени не бывает, поэтому считала, что, если нет на данный момент «пожарных» дел, я могу позволить себе совсем чуть-чуть почитать. При этом меня всегда мучила совесть, и я зорко следила, чтобы бабушка сама не таскала дрова или уголь. А если она начинала греметь пустыми ведрами, я пулей неслась во двор. Но стоило мне открыть эту книжку, я забыла обо всем. Я не видела, как топталась рядом бабушка, как пришли из школы родители. Наконец, бабуся не выдержала и с укоризной спросила:

— Ведь не уроки учишь? Быстро страницы переворачиваешь.

Я с трудом оторвалась от книги. Чувствую, что краснею.

— Простите, книжка такая интересная! Я хотела только заглянуть на минутку, чтобы узнать, о чем она, — смущенно оправдывалась я.

— Ладно. Беги во двор, — успокоила меня бабушка.

Чувствуя вину, я выполнила все поручения и даже больше, что сама считала нужным. И все же мысли мои оставались с книгой. Когда все легли спать, я потихоньку зажгла лампу и углубилась в чтение. Бабушка ворочалась, ворочалась, а потом рассердилась:

— Живо в постель. Нечего керосин жечь. Дня тебе мало!

— Днем я занята. Когда же читать-то?

— Хватит с тебя уроков. Книжки для бездельников и городских.

— Но они такие интересные!

— Господи! До интересов ли нам, детка. Тут с ног сбиваешься, чтобы все успеть сделать, а тебе развлекаться хочется. Ты же спать не даешь, а мне в пять утра вставать, корову доить, — грустно корила меня бабушка.

Спорить больше не хотелось. Я знала, как тяжело вставать рано. Молча загасила лампу. А на следующий день принесла книжку в школу и читала на переменах. Девчонки трясли меня за плечо, уговаривая объяснить домашнее задание, а я отмахивалась. Они обижались и уходили. С уроков шла медленно, читая на ходу. В книге мне больше всего понравился отрывок, где Витя с сестрой решали задачки с помощью орехов и желудей, раскладывая их по карманам. Теперь и я стала рассуждать вслух, располагая карандаши, перья и кусочки хлеба на столе.

Отец, увидев на столе кучки предметов, усмехнулся:

— Глупые решают задачки на конфетах.

Я пропустила издевку мимо ушей. Раз мне так приятней и интересней, значит ничего дурного в этом нет! Читая условия задач, я представляла себе трубы, машины, водоемы в таком красочном виде, что хотелось бесконечно много заниматься математикой и получать огромное удовольствие от нахождения правильных ответов. Домашние задания я записывала в тетрадь аккуратно, выводя каждую букву. А дополнительные — кое-как. Но учительница не снижала отметку за почерк. Понимала меня. А как-то меня не пустили в школу, потому что заболела бабушка. Я очень волновалась за уроки. Но мать строго сказала: «По учебникам на один параграф вперед пройдешь». Я так и сделала. А оказалось, что по математике в тот день было повторение пройденного. Когда учительница на следующем уроке объясняла новую тему, я слушала и убеждалась, что все поняла правильно. Здорово! Значит, я могу и без учителя соображать! А еще, что самое главное, я чувствовала себя еще уверенней, к концу урока лучше всех знала новый материал и задачки решала слету. А всего-то заранее прочитала правило и решила пару примеров!

С каждым днем я находила в математике все больше и больше интересного. Мне доставляло удовольствие решать быстрее всех, точнее отвечать на «хитрые вопросы». А как-то на естествознании Анна Васильевна спросила:

— Зимой, когда вы открыли дверь на улицу, что вы видите?

— Пар, — ответил весь класс дружно.

— Где больше пара — внизу или сверху?

— Внизу!

— Почему?

— Наверное, он тяжелей воздуха и поэтому падает вниз, ведь пар — редкая вода.

— Откуда он появился?

— От холода и печки, — слышались неуверенные голоса.

— А какой части тела холоднее при открытой двери?

— Какая раздета.

— А если бы вы были вовсе без одежды?

— Наверно, тем частям, где обычно носим одежду — животу и груди. Лицо и кисти рук к холоду привыкшие, — хором прокричали ребята.

Учительница обратилась ко мне. Но я тоже ошиблась. Мне было очень стыдно, что не оправдала ее надежд. Почему я не сумела правильно ответить на вопрос? Думать еще не научилась? Знаю мало? Попыталась найти себе оправдание в том, что никто не сумел правильно ответить. Не помогло. Мое самолюбие было задето. Я всерьез задумалась о явлениях природы и о необходимости хорошо учиться.

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Во вторник открытый урок по труду. Мы не волнуемся. Не арифметика, к доске не вызовут.

Только Анна Васильевна нервничает, боясь, что не удастся купить цветной креповой и папиросной бумаги, что не хватит всем клея, кисточек, ножниц. Надеяться, что дети все из дому принесут, не стала. Подумала: «Кто забудет, у кого денег нет. Креповую бумагу на селе приобретают только на погребение. У большинства детей вместо портфелей матерчатые сумки. Многим одежду и книги школа покупает. Неловко просить родителей покупать бумагу для урока, пусть директор выделит из школьного бюджета».

Надо санитарам напомнить, чтобы проследили не только за чистотой рук, но и волос. Может, помочь кого-то постричь? Коля Корнеев — девятый ребенок в семье. Мать кормит всех огородом. Когда ей за чистотой следить? А старший сын у них в институте учится. Всю жизнь на картошке, в обносках и с высокой мечтой стать юристом. А Коля? Как весна, так на уроках его не увидишь. То корову пришла очередь пасти, то огород копать надо. Что такое носки, не знает. Мать просила директора ботинки купить ему на четыре размера больше, чтобы во вторую смену другой сын в них в школу мог ходить. И школе экономия. Ботинки купили хорошие, грубой кожи, на толстой теплой подошве. Лет на десять носки».

Анна Васильевна с гордостью вспомнила, сколько трудов ей стоило достать их. «А Варя — шестая в семье. Школьное платье носит аккуратно. Если предполагаются какие-то работы во дворе школы — бежит домой переодеваться. Форма ей почти до ботинок. Варя знает, что она ей на четыре года рассчитана...»

Мысли Анны Васильевны бегут, а руки аккуратно режут бумагу, готовят каждому ученику рабочий материал.

Урок труда последний. Директор привел с собой чужих учителей. Они сели на стульях вдоль стен. Мы с любопытством разглядываем их. А в это время на патефоне крутится пластинка с тихой, строгой незнакомой музыкой. Мы заслушались, и забыли про комиссию. Потом Анна Васильевна объявила: «Скоро праздник. Вырезать снежинки и фонарики умеют даже первоклассники. Вы сегодня будете делать настоящие бумажные игрушки».

По шаблону из картона мы вырезали фигурку выбранной птицы или зверя, а потом из папиросной бумаги склеивали тело, которое разворачивалось по форме животного. Из воздушных ячеек получалась объемная фигура. Я делала сказочную птицу. Она должна быть золотой. Но желтого картона нет. Пришлось покрасить. Очень трудно клеить папиросную бумагу. Тонкой кисточкой наношу клей. Иногда получается большая, жирная линия и я понимаю, что в этом месте плохо раскроются ячейки, и будет неровный бок.

Пока сохла стопка папиросной бумаги, вырезала из креповой бумаги яркий хвост, и на крылья добавила красивых перьев. А головку мне захотелось украсить проволочками с бусинками. Я в книжке видела что-то похожее. Подняла руку и попросила разрешения взять со стола учителя материал для фантазии и выдумки. Как Анна Васильевна могла все предугадать? На столе я нашла и проволочки, и бусинки. Там были даже пуговицы, обломки деревяшек и кусочки металла.

Учительница предупредила нас, что пора сдавать работы. Она осмотрела наши игрушки, похвалила и пообещала украсить ими школьную елку. «Кто не успел, не расстраивайтесь. Закончите на следующем уроке», — успокоила она учеников. Потом Анна Васильевна предложила спеть нашу любимую песню. Исполняя ее, я чувствовала себя взрослее. Настоящим тружеником, полезным человеком. У меня даже сердечко подрагивало от счастливого возбуждения и гордости.

Пройдут года, настанут дни такие, Когда великий трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет! —

пели мы звонко и радостно.

Мы были очень довольны уроком.

ИЖДИВЕНКА

Прибежала из школы, бросила портфель на кухне и пошла в зал, чтобы переодеться в домашнюю одежду. Гляжу, а на кровати лежат газеты, а поверх них — листок какой-то. Читаю: отец, мать, сын, а против моей фамилии — «на иждивении». И Анна Георгиевна — тоже.

Я так и присела на кровать. Будто меня сзади по голове мешком с песком ударили. Сижу, прийти в себя не могу. Грудь сдавило. Вдохнуть не могу, потом обмякла. И так тоскливо стало. Одно слово — и нет меня как человека. Есть только иждивенка, нахлебник. И будто сердце обожгло, и незаживающая рана заныла вновь и надолго. Даже фамилии у нас с Колей разные! Голову сверлила неотвязная безотчетная мысль: «Никому, никому я не нужна!»

Вспомнилось, как бабушка со слезами в голосе сказала: «Обе мы с тобой сиротинки».

Я тогда удивилась, что бабушки тоже бывают сиротками. Странно. У нее — дочь, зять, внук. Почему она сирота? Может, ее мало любят? Значит, и старому человеку тоже нужно, чтобы его любили? Мне жалко бабушку больше, чем себя. Меня никто не должен любить. Я чужая. А она родная, но ей очень мало уделяют внимания. Ее работу и заботу воспринимают как должное, вроде бы она, как и я, отрабатывает свой хлеб. Ей еще хуже, чем мне, обидней и горше. Не по своей воле она здесь живет. Мать вызвала нянчить маленького Колю. И пенсии у нее нет. На Пасху услышала, как бабушка говорила матери:

— Праздник нынче, вот управлюсь и к соседкам пойду.

— Что вы там не видели? — недовольно возразила мать.

— А на кухне одной интересней? Все соседки в плюшевых полупальто, а я в потрепанной фуфайке который год хожу. И в коровник, и на праздник одна одежда...

А может, мне только кажется, что ее мало любят? Отец ко всем внешне безразличен. У него все внутри. Он всегда без эмоций. Делами отношение человека к человеку определяется. Вот картошку мы всей семьей сажаем и пропалываем. Это тоже внимание. Но у бабушки никогда не бывает выходных, и в кино она не ходит. А, наверное, ей хочется! Нет, все-таки мало о ней заботятся. Наверное, правда, обе мы сиротинки.

СУНДУК

— Бабушка, когда вы покажете мне все, что храните в сундуке? — спрашиваю я.

— Некогда, подожди. На Успенье, — отвечает она на ходу.

Я сгораю от любопытства, но терпеливо жду. В праздник накормили скотину, пообедали и сели с братом на лавку. Бабушка сняла крышку с сундука, и я поняла, что огромный замок висел на ней для «проформы». На полу мы расстелили газеты, и бабушка принялась выкладывать свое богатство. Сверху лежали кусочки сатина, которые мы с ней покупали в сельмаге под яйца, сверток тюля и скатка льняных рушников.

— Эти льняные полотенца я еще до свадьбы совсем молоденькой ткала. Последний рулон остался. А скатерти — послевоенные. Недосуг было ерундой заниматься. Работать много приходилось.

— А где ваш ткацкий станок?

— Не смогла сюда перевезти. Большой очень был. Продать пришлось. Только прялку с собой захватила.

— А этот ковер тоже сами ткали?

— Конечно. В эту пору жизни я все своими руками делала. С детства куда как предостаточно поднаторела во всяких девичьих ремеслах. Для меня они — сущая безделица. В них я находила тихую радость безмолвного уединения для проявления фантазии в рисунках своих изделий. И мужские хозяйственные дела освоила. Жизнь заставила... А в этой юбке я после замужества ходила на все праздники. Муж подарил на первое совместное Рождество. Видишь, какое качество, какая выработка хорошая?!

— А зачем понизу плотная бахрома пришита?

— Чтобы край не обтрепывался. Вещи на всю жизнь покупались. Белую блузку на рождение сыночка муж привез. Клара в ней в институт ходила. Теперь тебя дожидается.

— А свадебное платье не сохранилось? — спросила я.

— Откуда быть свадебному платью? После гибели родителей, я в деревню попала, к дальней родне. В одном платье переехала к мужу.

Она развязала изношенный головной ситцевый платочек, вытащила из него белую исподнюю мужскую рубашку и прижала к лицу. Я только видела, как вздрагивали плечи и пульс на шее бабушки бился учащенно.

— С тех пор не стиранный. В ней запах мужа и мои слезы, — прошептала она. Потом перекрестила рубашку и снова спрятала на самое дно сундука.

— Бабушка, почему не носите эту шальку? Красивая какая!

— Память. Первый подарок Илюши перед свадьбой. Пусть до последних дней со мной пребывает. В ней тепло его любви осталось. Только первого сентября на день рождения надеваю, даже на улицу не выхожу в ней.

В этот момент я подумала, что бабушка живет прошлым.

— Что это там ленточкой перевязано? — осторожно спрашиваю я, а сама боюсь, что

бабушка в таком волнении больше не захочет рассказывать обо всем.

Но она уже положила коробочку к себе на колени и, не давая нам в руки, стала показывать фотографии.

— Папенька, доктором служил. Он единственный в своей семье в люди вышел. Маменька к музыке способности имела большие, но болела очень.

— Какое красивое кружевное платьице на вас!

— Здесь мне шесть годков. Еще панталончики кружевные носила. Забот никаких не знала в детстве. Гостей помню. Мужчины все больше солидные, бородатые, женщины красивые, ласковые. Отца уважали, говорили — талант. Да, видно, Господь много счастья не дает в одни руки.

Из бумаги выскользнули на пол медали. Мы с братом бросились их поднимать и столкнулись лбами. Бабушка даже не заметила. Она была погружена в свое самое счастливое, но такое далекое время.

— Ба, вот эти медали военные, они дяди Толины, а эта за доблестный труд чья?

— Моя. Лучшей по колхозу признали в войну. И раньше первой была, но наград не давали, только хлебом премировали. Не принято было награждать. Не про то забота была. А теперь вот даже пенсии не дали.

Бабушка бережно взяла медали в руки.

— Прочитай, детка, что на них написано. Глаза мои слабые.

Я прочитала.

— Письма сыночка почитай, — опять попросила бабушка.

Я читала, а она смотрела в сторону угасающего солнца отсутствующим взглядом, и я не понимала, слушает ли она меня или пропала в коротких счастливых годах замужества, а может, в трудных и голодных, военных? Мой размеренный тихий голос погружался в серость комнаты. Силуэты расплывались, а я все читала и читала, пока глаза различали черные значки ушедшего счастья прошлой жизни. «Смерть все унесла, и все освятила», — пробормотала бабушка, будто в забытии.

Залаяла собака. Бабушка заторопилась зажечь керосиновую лампу и принялась убирать вещи в сундук. Я ушла разжигать керогазы и толочь в огромной деревянной ступе мак на вареники к ужину.

ХОТИМ ВМЕСТЕ И С ВАМИ

Громкий стук в окно разбудил нас в четыре часа утра. Накинув фуфайку и сунув босые ноги в валенки, первой выскочила мать. Через минуту позвала отца: «Беги в школу. Лошадь запряги. В больницу детей надо везти. Уроки за тебя проведу, если не успеешь вернуться».

Около дома Соколовых уже собралась толпа. На снегу в одеялах лежали двое взрослых и трое детей. Соседка, заливаясь слезами, видно в который раз повторяла:

— Старая я, не спится мне, вот и бужу Ниночку по утрам, когда попросит. Глянула, свет не горит, ну и давай в окно их спальни барабанить... Угорели... Хорошо, что дети в другой комнате спали. Господь их хранил... Стекло разбила, в окно влезла...

Детей положили в сани и отправили в больницу.

После похорон родственники разъехались по домам. Дети выздоровели, и мой отец поместил их на время в школьный интернат. Интернатские окружили их заботой: помогали учить уроки, играли с шестилетней Соней. Им самим часто бывало грустно без родителей, поэтому воспитатели из них получались хорошие. Отец не ошибся, не оставив детей на попечение соседей.

Я слышала, как, уезжая, дядя Никита, брат погибшего, говорил, что хочет забрать тринадцатилетнего Алешу к себе. Он и девятилетнего Вову взял бы, да по санитарным нормам не положено усыновление двоих. Только две комнаты в его квартире.

— У наших родственников десять детей, и тоже две комнаты, — удивилась я.

— Как жить своим детям родители решают, а за чужих — государство, — ответил отец.

Сонечку согласилась забрать семья тети Тамары, младшей сестры по линии матери.

Вскоре снова приехали родственники, взяли детей из интерната и поселились в их хате. На огонек к ним зашел бывший одноклассник дяди Никиты, наш учитель математики Петр Андреевич, и рассказал грустную историю своих друзей. О том, что долго не было у них детей, что судьба послала им уже в зрелом возрасте сына. Счастью их не было границ. Но не вернулся он из армии. Несчастный случай. Снаряд взорвался. Теперь не видят смысла в дальнейшей жизни. Мать в постоянной депрессии. Руки хотела на себя наложить.

— К чему клонишь, Петр? — спросил дядя Никита.

— Может, предложить им Володю взять? У них смысл жизни вновь появится, и мальчишке хорошо будет.

Дядя Никита повеселел:

— Попробуй. А откуда они родом?

— Из Рыльска.

— Хороший городок. Бывал, — одобрительно закивал родственник.

Уже в следующий выходной в нашем селе появилась пожилая пара. Остановились они на вокзале, в комнате для приезжих, а вечером, когда дети собрались в доме, пришли в гости. Дядя Никита и тетя Тамара не говорили детям о своих планах, но они сразу обо всем догадались. По хозяйству возятся, а сами присматриваются к гостям. Держатся вместе, настороженно. Чуть Сонька заночует, Алешка стремглав к ней бежит, успокаивает, на руках таскает. И Вовка жметя к брату, каждое его слово для него — закон. Бегом исполняет поручения.

За столом дядя Никита сына своего нахваливает. И друг хороший, и учится на пятерки. В мореходку пойдет. И тетя Тамара свой город описывает, дочку. О продаже дома речь завела. Гости помалкивают. А наутро вместе с детьми пошли снег от забора отгребать, дорожки чистить.

Вечером, после ужина, при луне захотели ребята на лыжах покататься и Соню с собой взяли.

— Гулять возле дома, — приказал дядя Никита.

Покрутились ребята по заснеженному выгону. Скучно. Тут Володьке идея пришла — с сарая на лыжах скатиться. «Слабо прыгнуть с крыши? Не пойдешь на попятную? Отличная горка, с трамплином! И падать в мягкий снег не страшно. А дальше по огороду можно покататься», — предложил он брату. Алеша с удовольствием согласился. За последний месяц было мало радости. Устал он от скорби и грустных мыслей. Съехал первым, испытал легкий страх и восторг. Потом брату разрешил. Понравилось. Увлечлись.

Соня, глядя на веселые лица братьев, тоже полезла на сарай, но на другой, тот, что со стороны улицы. Знала, что не позволит Алеша играть в ребячьи игры. По лестнице взобралась на соломенную крышу, покрытую ровным слоем снега. Глянула вниз. А там голубые сугробы. Красота! Но забыла она, что утром очистили братья снег у сарая до самой земли. Надела она лыжи, слегка качнулась вперед и покатила. Спина упала Соня на мерзлую землю. Услышали братья крик. Жутким он показался им в ночной тиши. Поняли, что не доглядели. Кинулись искать во дворе. Нигде нет. Губы задрожали у Алешки. Выскочил на улицу и ахнул. Лыжи далеко улетели в снег, а Соня без движения у сарая лежит. Поднял сестричку с земли и просит:

— Сонечка, очнись!

Открыла глаза девочка, простонала: «Мама...» — и опять замерла. Притащили братья сестренку домой, на кровать положили. Дядя с тетей накинулись на них, а те и слова вымолвить не могут, будто языки отнялись. Гостья осторожно пощупала Соню и сказала:

— Наверное, что-то с позвоночником. Трогать нельзя. Как это случилось?

— С крыши, на лыжах, — выдавил из себя Алеша.

— Скорую надо вызывать.

— Какая скорая по такому снегу! Да и как ее вызовешь? В сельсовете есть телефон, но за ключом надо к председателю идти.

— Врачи у вас хорошие? — спросил дядя Никита у Алеши.

— Хирург талантливый, только редко трезвый бывает. Больница у нас новая на выселках.

— Кровотечений нет, до утра подождем, — уверенно сказала тетя Тамара.

Сидели молча: дядя с тетей на кровати, прислонившись к стене, Леша и Вова на коврик у постели больной, гости — за столом. Соня то тихо стонала, то находилась в бессознательном состоянии. Взрослые не ругались, дети не оправдывались. Первым заснул Вова. Потом дядя и тетя стали бессмысленно кивать головами. Алеша, придя в себя от шока и осознав свою вину, маялся.

Вдруг Соня открыла глаза, пошевелилась и громко застонала. Взрослые вскочили:

— Господи! Судороги начались, надо что-то делать, — закричала тетя Тамара.

— У нашего тоже перед смертью были, — потерянным голосом прошептала гостья, когда тетя Тамара растирала ей виски нашатырем.

Алеша молился вслух:

— Господи, спаси мою сестричку, я никогда в жизни больше не брошу ее.

Соня вновь затихла в беспамятстве. Открытый ротик делал выражение усталого личика беззащитным.

Вдруг гостья решительно встала и накинула шарф на голову.

— Вы куда? — спросил дядя Никита.

— В больницу. Алеша, приготовь деревянные сани, те, на которых снег утром возил в огород.

— Ночью заплутаете, туда, я слышал, километров пять по лем будет, — засомневался дядя Никита.

— Мы с Алешей пойдем, а вы здесь оставайтесь. Может, удастся с больницей связаться, — твердо сказала Валентина Ивановна, и стала собирать одеяла.

Соню вместе с матрацем перетащили в сани. За всю дорогу не произнесли ни слова. Только, не сговариваясь, останавливались и по очереди подходили к саням слушать дыхание больной. По селу дорога протоптана, а в поле сплошные наметы. Добрались до посадок. Голые деревья не спасали от ветра, но Леша не чувствовал холода. Он вообще ничего не чувствовал. Одно слово сверлило измученную голову: «Успеть бы». Сердце его дрогнуло при мысли о родителях. Слезы полились по холодным щекам. Он сжал зубы, рыдания захлопнулись в груди, сотрясая ее. И только иногда он сглатывал леденящий воздух судорожными, короткими глотками. Валентина Ивановна остановилась, и мысли Алеши сразу обратились к Сонечке. Вытер слезы жесткой, домашней вязки рукавицей и наклонился над сестричкой. Дышит. Снял рукавицы, потрогал за воротником. Шея горячая. Уронил рукавицу в снег и тут же подхватил. Этой осенью мама связала. А папа валенки подшил черной кожей. А еще... Опять душат слезы: «Не уберег, виноват».

Валентина Ивановна, казалось, не замечала его отрешенного выражения лица, автоматических, бездумных движений, неподвижных глаз и резкой складки под пухлой нижней губой.

Гостя начала уставать и спотыкаться. Городская, непривычная. Соня все чаще стонала, как бы торопя их. Ее крик страшно звучал в черной холодной бесконечности. Оборвалась веревка. Валентина Ивановна разорвала шарф надвое, закрепила на деревянной перекладине саней и снова впряглась. Вокруг ни огонька. Водонапорную башню и элеватор поглотила тьма. Посадки закончились.

— Я ни разу не был в новой больнице, знаю только, что от посадок напрямик, — вдруг сознался Алеша.

Валентина Ивановна тяжело опустилась в снег. Алеша испугался своих слов.

— Помоги встать, — протянула к нему одеревеневшие руки Валентина Ивановна. Улыбка чуть подернула ее усталое лицо.

— У нас в России не дороги, а направления. Разыщем.

Алеша облегченно вздохнул.

— В больнице тоже нет электричества? — спросила Валентина Ивановна.

— У них свой движок. Берегут, включают по необходимости. А в палатах керосиновые лампы.

Неожиданно вынырнула луна и опять утонула в черных облаках. В этот миг живой мир показался Алеше маленьким, ограниченным возможностями его зрения, а остальной — бесконечным, темным, непомерно страшным, даже губительным. Безысходное отчаяние, неуверенность навалились на него. Валентина Ивановна обняла его за плечи. Впервые он увидел, что она маленького роста и худенькая. «Дробная», вспомнились ему мамины слова об его любимой учительнице математики.

Леша первый заметил бледный расплывчатый отсвет. На глазах навернулись слезы надежды.

Суэта нянечек и медсестер его уже не волновала. Он заснул тут же, в приемном покое на кушетке. Валентина Ивановна прилегла в коридоре рядом с палатой только после того, как Соне сделали рентген, и хирург обнадежил, что девочка будет жить, а может, даже сможет ходить.

Валентина Ивановна устроилась жить неподалеку у больничного сторожа и каждое утро, как на работу, приходила в палату. Муж ее, Василий Денисович, готовил обед и вместе с Вовой и Алешей приносил в больницу.

Один раз, возвращаясь от лечащего врача, Валентина Ивановна услышала в палате разговор новенькой девочки с Соней:

— Кто она тебе?

— Мама.

— Старая.

— Зато хорошая.

Прошло два месяца. Соня поправлялась. Гипсовый корсет ей одели на год.

Снова приехал дядя Никита и завел с Алешей наедине разговор о новой семье. Беседы не получилось. Алеша ответил односложно и категорично:

— Только все вместе, — и упрямо уставился в пол.

Потом тетя Тамара и дядя Никита устроили семейный совет в присутствии детей и гостей. Ребята повернулись к Валентине Ивановне и Василию Денисовичу и несмело попросили:

— Хотим вместе и с вами, — и замерли.

— Мы тоже, — тихо ответила Валентина Ивановна.

А вскоре дети с новыми родителями уехали в Рыльск. Дом заколотили до весны. Огород упростили председателя оставить за семьей. Как без подспорья большой семье?

ЛЮСЯ ПРИЕХАЛА

Идет третья, длинная и поэтому самая трудная четверть. Я устала учиться, потому что не люблю русский устный. Зубрежка правил изводит меня, и каждый урок кажется каторгой. Он тянется мучительно долго, и я, изнемогая от напряжения, ерзаю.

В эту пятницу мы с братом пришли из школы, разморенные резким переходом от зимы к весне. Вчера был ноль градусов, а сегодня четырнадцать! На станции школьники давно на каникулах, а мы продолжаем учиться в ожидании разлива реки, который надолго затормозит жизнь нашего села. Не сговариваясь, мы бросили портфели и побежали делать кораблики из щепок и бумаги. Мы так увлеклись наблюдением за утлыми суденышками, преодолевающими острые рифы, подводные скалы, резкие изгибы ледяных полуостровов, что совсем забыли про уроки. Ослепительно яркое солнце крупными бриллиантовыми искрами осыпало остатки ноздреватого наста у дороги и островки чистого искристого снега под деревьями, напоминавшие о недавней зимней сказке. «Март сначала с лихими скакунами-метелями дружит, а потом с ветрами, туманами и солнцем», — говорила нам бабушка, тоже радуясь весне.

Мой кораблик, отыскивая удобную гавань, привел меня к палисаднику соседа и остановился, уткнувшись в куст. Я остолбенела. Вокруг куста еще лежал лед, а нижние ветви были покрыты зелеными листьями. Зеленую траву мне приходилось откапывать из-под снега. Это обычное явление. Но кусты и деревья всегда сбрасывают листву и засыпают на зиму. Такие большие листья не могли вырасти за неделю без морозов. Может, они росли под снегом?

Позвала брата. Он, разглядывая чудо, рассуждал:

— Может, листочки зелеными всю зиму под снегом жили? Снег осенью лег на теплую землю и больше не растаял. Помнишь, сколько его было уже в конце ноября? Он, наверное, и сохранил листья.

У палисадника собралась вся детвора нашей улицы.

— Может, у тети Ноти особые кусты, южные, вечнозеленые?

— Может, мичуринцы сделали их морозостойкими?

— Но листья только внизу, у самой земли? — слышалось со всех сторон.

Тут вышел из хаты дядя Антон. Видно, ему тоже стало любопытно, что такого интересного нашли дети в его палисаднике. Осмотрев нашу находку, он удивился, пожал плечами и сказал:

— Спросите у своей учительницы. Я не знаю, как объяснить такую аномалию.

Бабушка зовет. Мы помчались домой. Поужинали и сели за уроки. Коля с одной стороны стола, я с другой. Сегодня мы не спорим, не колотим друг друга ногами под столом. Я уже поняла, что не успею выполнить уроки. Коля тоже беспокойно ерзал на стуле. Вдруг он подсел ко мне и заговорщицки зашептал:

— Такая лень одолела! Неохота учиться. Давай хоть раз в школу не пойдем. Притворимся, что больны.

— Чем?

— Ну, пусть у тебя будто бы голова болит, а у меня живот.

— Нет, давай, у обоих живот. Переели чего-то. Но у нас же плохой аппетит?

— Ну, тогда перепили. Я слышал, что если выпить много молока, то можно заболеть.

— Так это если оно прокисло.

— Все тебе не так! Ну, просто так заболел живот, и все!

— А как же уроки?

— Какие там уроки? Отметки выставлены. Учителям самим охота отдохнуть, но им нельзя, они на работе, им деньги платят.

— Страшно врать.

— Брось. От нашего обмана никому плохо не будет, а мы отдохнем и потом еще лучше будем учиться.

Последний аргумент окончательно убедил меня, и я сдалась.

Утром мы дружно заныли. Мать удивленно посмотрела на нас, потрогала лбы и задумалась. Для большей убедительности Коля пробурчал:

— Два раза за ночь бегал в уборную.

Эти слова переломили нерешительность матери.

— Ладно, лежите спокойно, так легче вам будет.

И села завтракать. Мы немного полежали тихо. Но это же так скучно! Я заворочалась. Брат зашептал:

— Тише, подожди, пока мама в школу уйдет, тогда и поиграем.

Подошла мать. Коля с кислым видом попросил:

— Можно мы на вашей постели полежим? Она такая большая и мягкая.

Мать разрешила.

Мы весело резвились, наслаждаясь свободой. С упоением и восторгом представляли, как другие сейчас мучаются: пишут по русскому длинные предложения, повторяют противные правила! Но через пару часов нам это надоело, и мы попросили разрешения почитать. Мать возразила: «Что-то вы подозрительно веселые? Может, у вас воспаление хитрости? Так, раз больные — никаких книг!» Мы знали твердый характер матери и не спорили. Еще пару часов промаялись.

Я изнывала от безделья и уже готова была сознаться в обмане, как на пороге нашей комнаты появилась худенькая, черноглазая, черноволосая девушка. Я сразу догадалась, что это Люся, внебрачная дочь отца, которая учится в пищевом техникуме. Бабушка рассказывала, что, когда она была еще в пеленках, отец принес ее к своим родителям и сказал: «Это моя дочь. Я виноват и должен помочь ее матери создать свою семью...»

Мать с усмешкой сказала нам: «Ваше счастье, что гостя у нас, а то я вас до ночи с кровати не выпустила бы». Мы с восторгом скатились на пол и заплясали от радости. Ура! Сегодня обязательно будет что-либо вкусненькое. Может быть, даже мясо. И ругать за обман при госте не будут. Люся посекретничала с отцом, показала ему фотографию своего молодого человека, а потом позвала меня на кухню и шепотом произнесла:

— Это Есенин. Почитай, он запрещенный.

После ужина она спросила:

— Ну, как, понравился?

— Да, — ответила я, — у него все про любовь, про чувства. Сразу видно, в каком настроении он был, когда писал.

— А что особенно понравилось?

- Про природу, про родину. За что его запретили?
- Говорят, что его стихи растлевают молодежь, делают ее бесхарактерной, безответственной, слабой. У него все про цветочки да березы.
- Какая же Россия без берез? Что же тогда — Родина?
- Люди, заводы, партия.
- Анна Васильевна говорила, что люди от животных отличаются тем, что любят небо, цветы, чувствуют все красивое. А тебе нравится Есенин?
- Еще бы!
- Люся, до меня дошло! Его запрещают потому, что не понимают! Я в одной взрослой книжке прочитала, что у каждого человека есть свое духовное пространство. У одних оно небольшое, у других — бесконечное. У талантливых — свой особенный мир, который совпадает или пересекается с духовным пространством не всех людей. Вот даже меня не все понимают.
- Люся рассмеялась:
- Чего ты сообразила?! Нафантазировала?! Отец говорил про твои «художества».
- О стихах, что ли? — недовольно потупилась я. — Что бы он в них понимал?!
- Ладно, не злись. Я пошутила, — примирительным тоном сказала Люся.
- А ты когда злиться перестала?
- Когда в город попала. Повзрослела, поумнела. Отмела от себя детские переживания. Будущим стала жить.
- А куда прошлое дела?
- Люся поняла, о чем я спрашиваю.
- Глубоко, глубоко, на доньшко сердца опустила и закопала, — грустно улыбнулась она и спрятала книжку под матрас.

Прибежал Коля и стал вспоминать, как маленьким устраивал Люсе «мелкие пакости», если она поздно возвращалась с вечеринок. Люся отвечала, что до сих пор вздрагивает, когда захлопывает калитку, потому что ей все время кажется, будто на нее падают баночки с водой и песком; потом интересовалась, насколько увеличился «арсенал» младшего братца и готов ли он к новым «засадам». В общем, весело провели время!

ХЛЕБ

Печь хлеб — дело ответственное. Бабушка начинает волноваться уже с момента «запуска». Ее беспокойство передается и мне. Я суечусь, пытаюсь предугадать бабушкины указания и просьбы. Мне она не разрешает самой полностью выполнить весь процесс подготовки теста. Я у нее «на подхвате»: принеси то, взбей это, посмотри за тем. Но я не обижаюсь, понимаю ее. Выпечка хлеба, пасхальных булок, фирменных пирогов с маком по метру длиной — ее гордость, и она не может позволить себе неудачи. Когда бабушка «колдует» над тестом, ее лицо сосредоточенное и вдохновенное.

— Ба! Вы так волнуетесь, будто новый химический процесс разрабатываете, или открытие делаете, — говорю я с любовью и гордостью.

В эти минуты она особенно красива. Не портят ее капельки пота под глазами и над верхней губой. А красно-оранжевые блики огня из печи делают ее лицо удивительно загадочным и привлекательным. Наконец, процесс подготовки теста закончен. Она крестит его и до поздней ночи все поглядывает, как оно подходит. А рано утром, истопив печь, разгребает кочергой красные угли по углам, подметает под (пол внутри печки) мокрой тряпкой, надетой на ухват, и зовет меня.

Бабушка отрывает мокрыми руками кусок теста, быстро на весу лепит шар и кладет на деревянную лопату. Я смазываю его, окуная гусиное перо в чашку со взбитым яйцом, чтобы получилась красивая коричневая корочка, а бабушка осторожно стряхивает сырую «заготовку» на горячий под. Когда хлебы заполняют всю печь, она закрывает заслонку и не позволяет заглядывать в печь раньше времени, а то хлеб «осядет» и не будет воздушным.

Наконец, он готов. Бабушка вынимает круглые, обжигающие пальцы хлебы, раскладывает на льняную домотканую скатерть с прошвой (кружевами ручной работы) посередине и прикрывает льняными рушниками. Хата наполняется теплым духом свежеспеченного хлеба. Он приятно будоражит.

А вечером мы с братом идем на окраину села встречать коров. Соседские ребята тоже выходят со своим хлебом, намазанным вареньем или посыпанным сахарным песком. Я свежий хлеб люблю без добавок. Он удивительно хорош сам по себе. Это на второй и третий день я натираю корочку чесноком, кладу между ломтями тонко нарезанные кусочки сала со шкуркой, дольки огурца, салата, помидора и всего чего бог послал на этот день. А в первый — я, раздувая ноздри, вдыхаю самый вкусный на свете запах и чувствую блаженство. Весь ломоть сразу не съедаю, приберегаю в кармане кусочек хрустящей корочки, чтобы в любую минуту достать ее и снова получить удовольствие. Я не могу описать его, нет слов, способных выразить тонкое многообразие ароматов и ощущений от них. А бабушка в такие минуты прикрывает глаза, и ее лицо делается счастливым-счастливым.

Мои праздники в семье всегда связаны с ни с чем не сравнимым горячим домашним хлебом, ванилином, большой русской печью и с бабушкой, самой удивительной, самой доброй на свете, благодаря которой моя душа обретает детство.

БОРЩ

Ранняя весна. Так хочется свежей зелени! Даже бабушка, которую уже не радуют, как она говорит, деликатесы, вздохнув, сказала недавно: «Борщечка зеленого, весеннего душа просит».

Лишь только солнце согрело пригорки, я отправилась на поиски крапивы.

Я знаю все места в округе, где растет жгучая ранняя красавица. Взяла ведро, надела рукавички и обшарила все знакомые закоулки. А крапивы нет.

Добралась до леса. Бесплезно в него заходить, там еще долго будет царствовать холод. И вдруг увидела, что в низине из-под земли идет пар. С чего бы это? Подошла ближе. Развороченная земля. Трубы торчат из глины. Назначения строительства не поняла. Спустилась. Среди густого прошлогоднего сушняка сорных трав разглядела ярко-зеленую полянку. Ну, прямо как в той сказке про двенадцать месяцев! На миг почувствовала себя маленькой, счастливой принцессой. Надо же! Весной даже крапива с польнью прелестна! Быстро обследовала участок. Ура! Порадую все-таки семью! Срывала самые крупные верхушки. Стебли придерживала, чтобы не вырвать растения с корнями.

Бабушка, увидев крапиву, радостно всплеснула руками:

— Праздник у нас сегодня будет!

И принялась готовить борщ.

А я начала накрывать на стол. Из школы пришли родители. Мать остановилась в дверях и спросила:

— Чем пахнет? Мама, что вы готовите?

— Секрет, дочка, — отозвалась бабушка.

Аромат свежей зелени смешивался с запахом душистого хлеба. В комнате стало уютнее. Я не садилась к столу, ждала, когда все попробуют. Отец заправил борщ сметаной,

хорошенько размешал ее в тарелке и неторопливо поднес ложку ко рту. Он долго смаковал ее содержимое, будто никак не мог понять, чем его угостили. Потом, как бы удивившись, удовлетворенно произнес:

— Теперь и я чувствую, что весна пришла.

Тут и я приступила к еде. Сметану в тарелке не размешиваю. Люблю подержать ее во рту, чтобы насладиться масляным, нежным вкусом. У борща должен быть свой вкус. Нечего его сметаной разбавлять!

После обеда тороплюсь выполнить бабушкины задания, чтобы успеть на улицу к «столику». Там сегодня соберется вся наша детвора, и даже с других улиц придут ребята. Будем проверять работу «телефона». Его делают из двух спичечных коробков и длинной нитки. На одном конце человек закручивает нитку, а на другом — спичка начинает крутиться и шуршать о коробок. Мне интересно, на каком расстоянии действует этот «агрегат»? Еще на прошлой неделе в школе началось повальное увлечение этим изобретением. «Спортсмен на турнике», которого привез из пионерского лагеря мальчишка с Гвардейской улицы, уже всем надоел. А еще сегодня будет турнир по шашкам, шахматам и картам. В шашки я надеюсь выиграть. В шахматах не тяну. Брат Коля, скорее всего, попадет в лидеры.

А пока я спешу натаскать четыре бочки воды. Колодец у нас очень глубокий. Крикнешь «Ау!» и не скоро ответ услышишь. Ох, что-то очередь сегодня у колодца большая! Стою, слушаю разговоры женщин, даже уши развернула на звук голосов.

— ...Вернулась домой с похорон. Зуд по телу страшный. Сняла с себя рубаху, а на ней вши кишмя кишат в швах. Бросила в печь. Легла, и тут, наконец, слезы хлынули. Года не прожил с ранами...

— Откуда вши взялись?

— Бог их знает. Говорят, несчастье они чувт.

— А у меня в один день тело бородавками покрылось, как узнала, что изменяет. На груди панцирь образовался. Я сначала от жути занемела. Потом помаленьку отходить стала... Его давно нет, а я вот все живу. Худо без него. Теперь уж простила.

Подошла моя бабушка с двумя ведрами.

— Слыхали, что в Невинновке вышло? Деверь кладовщика оставил сына в городе в своей квартире, а сам в родные края вернулся, в хату деда. С городской женой сорок лет прожил. А тут увидел свою первую любовь Ксюшу Аверченкову и ушел к ней. Это в шестьдесят-то годков! А жене сказал: «Никогда тебя не любил». Она, бедная, двух дней после этих слов не прожила, — сообщила тетя Мара.

— Ирод окаянный, — заохали женщины.

— Говорят, мудрость приходит с возрастом, а чаще возраст приходит один, — грустно сказала моя бабушка.

— У Бога на всех ума и добра не хватает, — добавила она.

Подошла наша очередь. Набрал сразу четыре ведра, я перетащила их сначала на свою лавочку, а потом во двор, в бочку, и опять заняла очередь. Что еще у меня сегодня до вечера по плану? Грядку чеснока прополоть. Крахмал делать с братом. Белье рубелью (гофрированная доска для холодной глажки белья) перекатать. Успею, потому что у меня великолепное настроение!

ЗАМАЗКА

У родителей на полках много книг, и все по истории. Но я с большим интересом читаю те, что нахожу в огромном фанерном ящике на чердаке. Это бабушкино богатство. Боже, чего там только нет! И старые, в почерневших от времени рамах, иконы, завернутые в рушники, и томик Пушкина тысяча восемьсот какого-то года. Две последние цифры не

разобрать. Я осторожно переворачиваю страницы, боюсь, что в руках рассыплются. А потом кладу на место в ящик и прикрываю кипами старых, истлевших газет, в которых на первых страницах в каждой строчке упоминается Иосиф Виссарионович Сталин.

Сначала я знакомилась с мифами Древней Греции. Читаются они легко, как сказки. Потом за историю Киевской Руси взялась. А когда закончила читать, то задумалась о ремеслах. Повторить, как наши предки изготовляли украшения, не могу. Материала не достать, а вот старинный «цемент» мне по силам изготовить.

Попросила у бабушки на завтрак два сырых яйца, а есть не стала, припрятала. Потом муки ржаной отсыпала в старую банку из-под кильки в томатном соусе, песка добавила. А вместо воды — яйца применила. Только в одной книжке про яйца написано, а в другой — про желтки яичные. Решила на яйцах первый опыт провести. Приготовила раствор и попросила бабушку помочь вставить раму. (Осень, тогда как раз наступила). Она держала, а я гвоздиками закрепляла, чтобы не вывалилась, а потом по периметру замазала щели древнерусским «цементом».

Наступила весна. Пришло время выставлять оконные рамы. А кухонная никак не вынимается. Я зубилом попыталась раздолбить замазку, но инструмент только слабые отметины оставлял. Отец посмотрел на мои мучения и сказал:

— Придется наружную раму выставлять. Окно со двора, ничего страшного. Рецепт замазки помнишь? Летом все окна снаружи замажешь.

Я обрадовалась. Ура! Опыт удался. Наши предки соображали!

ГРУСТЬ

Раннее утро. Ветер рвет туманы в клочья, комкает дыхание и навевает грустные думы. На село упала осенняя печаль. Робкие лучи солнца сквозят надеждой на солнечный день. Стою у плетня, жду бабушку. От промозглого ветра мне кажется, что я тонкая веточка, на которой полощется одежда.

Милый мой дружок! Витек, моя домашняя жизнь не течет плавно. Она идет рывками от одного грустного события к другому. До сих пор пребываю в странном заторможенном состоянии, как бы в тумане, из которого никак не могу выйти, вернее даже не пытаюсь. Дни протекают сквозь пальцы, как вода, без острых ощущений, ярких моментов. Они скучные, словно сухие листья. Ритм жизни медленный. Я бреду по ней бездумно, зажатая кольцом своих монотонных, бесконечных мыслей о невезении, об одиночестве, о своей ненужности. Я поглощена только ими, вижу все через колючую проволоку издевок отца, через толстое стекло его безразличия, скрытой враждебности. Всякая обида в моих глазах вырастает до гигантских размеров. Его упреки я всегда воспринимаю трагически. Ты же помнишь, я все переживаю слишком горячо и нервно, всем сердцем. А он словно раскаленным железом касается моих изболевшихся ран. Я неукоснительно следую указаниям матери, но она постоянно посягает на редкие минуты моей настороженной свободы, на желание уединения. Когда она грубо, с неумеренным рвением, одергивает меня, я теряюсь, и слезы нескоро высыхают на моих глазах. Я встаю на дыбы или молча завожусь. Приступы отчаяния длятся томительно долго. Никому нет дела до моих чувств. И, хотя бабушка говорит мне, что детство обладает неисчерпаемым запасом надежд, в моей заблудшей опустошенной душе эхом отдается горькая тоска. Жизнь кажется одинокими серыми днями поздней осени. В неокрепшем изнуренном сердце постоянно гостит грусть. Она из всех углов наползает, нашептывает, скулит. Обиды обступают тесным кольцом. Хороводы воспоминаний небылиц и причудливых фантазий со скрежетом сверлят мозги. Мои чувства как чуткая птица. Быстро переполняется зыбкая чаша моего терпения, часто изливаются невинные неожиданные слезы. В любой момент я готова взвиться. Зачахла в клетке суеты моя начавшая просыпаться у деда Яши радость. Моя жизнь пустая и необозримая. Только приноровлюсь, привыкну, а отец опять со своими «шпильками». Я для него — пустое место. Есть жизнь внутри меня, снаружи ее нет. Там беспросветная, однообразная, скучная суета каждодневных забот. Меня оторвали и бросили в новый незнакомый мир, где нет привязанностей души, привычных картин, которые хотелось бы видеть, открыв поутру глаза. Нет до боли знакомых звуков, приятных осязанию вещей. Я устала от постоянной смены мест обитания. Разумеется, я не предполагала такой жизни, надеялась на лучшее, но сердце,

к моему прискорбию, не обманывало, когда с тоской одиноко шло навстречу горькой судьбе. Недавно бабушка сказала о себе: «Как годы думы тяжелы». Наверное, это и обо мне. Какая я теперь? Смесь наивности, добра и покорности? Чтобы не терзаться беспомощной мукой, избавиться от бесконечных скорбей и страдальческого одиночества, я пытаюсь воскрешать хорошие моменты прошлой жизни, старательно извлекаю из кладовой души добрые ощущения, зачатки радости, нехитрые детские чувства. Эти воспоминания касаются меня легким крылом и улетают. И на глазах снова наворачиваются слезы.

Мысли незаметно скатываются в круг привычных детдомовских размышлений. Странно, но чаще всего я думаю о деревенском детдоме. Мои воспоминания о давнем, о Витьке кажутся прекрасней оттого, что им нет возврата? Почему я в прошлом нахожу все святое и прекрасное?.. Нет, не все было хорошо... Холодные годы раннего детства... Осколки бед и обид вонзаются в сердце, вижу потоки своих и чужих слез... Откуда это глубокое чувство связи с детдомом?.. Может, лучше бы взорвать прошлое, обрушить? Мысли тревожат, но четко не всплывают в сознании. Но все равно вновь и вновь возвращают меня к раннему детству... Витек, мои письма к тебе — дневник страданий и переживаний, в нем мучительные страницы моей жизни.

Теперь мне не к кому прислониться душой. Отец не хочет меня удочерять. Надолго ли я тут? Что впереди? Сколько еще предстоит мытарств? Неизвестность и неприкаянность давят, сгибают. Накопившаяся печаль того и гляди задушит меня. Я слишком погружена в свои обиды? Я чувствую себя виноватой даже тогда, когда вовсе не причастна? Спасает царство белых облаков, отрешенность от реального мира. А здесь — серая пыль, серое холодное небо и маленькое, как точка, усталое тоскливое сердце. Тоска всегда подкрадывается незаметно. Меня мучает глубинная темная бездна незнания семейных тайн. Я знаю то, чего знать не следовало. Я многого не понимаю или представляю превратно, и поэтому не могу распутать причудливый клубок отношений между взрослыми. Недавно заметила, что ко мне иногда боятся подходить даже дети. Я их отталкиваю безразличным, тоскливым взглядом? Некоторые взрослые сторонятся меня, моего молчания, резкости. Не хотят увидеть мои слезы? Не знают, как ко мне подступиться? Я и сама не знаю, как выйти из состояния отупения. Меня ничего не радует. Что бы ни делала, мыслями я возвращаюсь к своим бедам. День, ночь. День, ночь. И все. В этой жизни я посторонний наблюдатель. Только школа мне в радость!

Глава Третья

Я - ПИОНЕРКА!

С сентября весь класс готовился к самому важному празднику этого года — вступлению в пионеры. Мы читали вслух «Пионерскую правду», книжки про знаменитых пионеров. А про Володю Дубинина, именем которого названа наша пионерская организация, все знали наизусть. Сходили на фильмы «Кортик», «Судьба барабанщика» и с пионервожатой обсудили их. Говорили про мужественные поступки детей в войну, про чувство долга и ответственность перед школой, товарищами, родителями. Разбирали смысл слова «Родина». Спорили о трудолюбии в физическом и умственном труде, еще о терпении, терпимости и честности. Анна Васильевна требовала от нас для лучшего понимания приводить примеры из личной жизни. Это было самое трудное. Но мы очень старались. Некоторые даже чересчур. Тамара Лагутина поставила Вите Стародумцеву двойку за грязные руки. Он обиделся, насупился, но промолчал. А Валя вступилась за него и рассказала, что он с отцом трактор чинил, а от мазута руки сразу не отмываются. Анна Васильевна похвалила Витю и попросила не обижаться по мелочам, быть проще и откровенней с друзьями. А потом провела диспут-беседу о чувстве меры, об уважении друг к другу. Мне Анна Васильевна дала задание проверять, как ребята запоминают торжественное обещание. Ко мне подошла Валя Лагутина и спросила:

- Как ты заучиваешь торжественное обещание?
- Очень просто. Рисую круг на заборе и рассказываю перед ним.
- Зачем круг нужен? — удивилась она.
- Чтобы не отвлекаться. Без него взгляд по забору бегаёт, — объяснила я.

Вскоре все ребята стали так учить.

За этот год мы очень повзрослели и посерьезнели.

— Пчелки вы мои, — улыбалась Анна Васильевна, видя, как старательно на переменах ребята проверяют друг у друга тетради, просят рассказать правило или стих.

Мы нравились сами себе. Честное слово, мне так казалось. Наш класс полным составом заслужил право быть принятым в пионеры. А в параллельном — только две трети. Я спросила у старшей вожатой:

- А может, лучше всех сразу принять? Им же обидно.
- У них должен быть стимул, — ответила Зинаида Васильевна.
- Мне бы этот стимул не помог. Я бы обиделась, — возразила я.

Но вожатая не согласилась со мной.

И вот наступил апрель. Надо было решать вопрос с пионерской формой: белой блузкой и темной юбкой. Я не решалась попросить мать купить мне новую юбку, поэтому обратилась к бабушке. Она выделила мне кусок черного сатина. Я сшила его по краям, снизу большой запас ткани оставила, чтобы одной юбки до вступления в комсомол хватило, а сверху вставила резинку. Получилось здорово! С блузкой было сложнее. Бабушкина, что еще смолоду лежала — большая. Резать хороший материал жалко. А время шло. Я волновалась, боялась подвести учительницу. Но буквально за неделю мать сама принесла тонкого батиста и повела меня к соседке, что жила в землянке от нас наискосок. Мы спустились по ступенькам и попали в чистенькую комнатку с земляным полом и окошками у самого потолка. Тетя Зоя сняла мерки и пообещала сшить ко времени. И вот наступил долгожданный день — Первое мая. После демонстрации учащиеся собрались в сельском клубе на сцене.

Когда зазвучала торжественная музыка, занавес раздвинулся, и мы увидели перед собой полный зал взрослых людей. Они стояли в проходах, сидели на подоконниках. У меня от волнения поплыло перед глазами. Звонкий голос ведущей объявил, что в этот великий праздник народов всего мира учащиеся четвертых классов станут достойной сменой

своих отцов и матерей, юными пионерами, продолжателями великих... Слова шли откуда-то издалека. Все происходило как в тумане. Я пощипала себя за ногу. Помогло. Хорошо, что первые строчки торжественного обещания мы говорили хором. Я успела настроиться. До чего же Анна Васильевна умная! Все понимает! Потом каждый произносил свои слова. Когда очередь дошла до Володи Корнеева, он со страху начал «экать», но Эдик Набойченко не растерялся и подсказал ему. Ветераны войны повязали нам галстуки, каждому пожали руку и напутствовали добрыми словами. Потом выступил директор колхоза и рассказал залу, какие мы хорошие и поблагодарил наших родителей пофамильно, что вызвало бурю радости у взрослых. Потом мы вдохновенно и восторженно пели песни о родине, о березах и пионерах-героях. После концерта зрители расступились, и мы под барабанный бой с красным флагом прошли через весь зал. Когда вышли на крыльцо, сияло яркое солнце, блистало голубое небо. И вдруг непонятно почему из чистого неба брызнул крупный теплый дождь. Капли радужно светились. «Дождь и гром — к счастью», — говорили взрослые. Переполненные восторженными чувствами, мы весело заплясали по двору. Мы не могли говорить, а просто скакали и кричали. Такого внутреннего подъема, гордости за себя, за друзей и удивительно радостного состояния души у меня еще не было. За одиннадцать лет это был самый счастливый день моей жизни!

Бегу домой через школьный парк. Согретые теплым майским ветерком от восторга пробуждения резвятся березки. Радостно трепещут их еле заметные листочки. Потупили очи осинки, нарядом весенним смутясь. На дубах еще не проснулись почки, а ярко-зеленый мох уже стекает по мощным стволам. Весна поет всем мелодию счастья!

— А вы помните, как вступали в пионеры? — спросила я вечером у матери.

— Конечно. Зимой нас принимали, перед Новым годом. Шарф я всегда спереди завязывала, а тут галстук поверх пальто выпустила. Радостно мне было, гордость распирала. Хотела, чтобы все видели, что я уже пионерка.

Не стесняюсь похвалиться. Пионеркой я была очень хорошей. Эти годы были освещены восторженным восприятием всего происходящего. И что бы мне ни поручали делать, как бы мне трудно ни было, я все выполняла с удовольствием, потому что знала — каждый день своими делами доказываю себе и всем вокруг, что достойна звания пионера, приношу пользу классу, школе, родине.

РОДИНА Н.С. ХРУЩЕВА

Я с большим интересом слушала разговор родителей о предстоящей поездке на родину главы нашего государства Никиты Сергеевича Хрущева. И, конечно, тут же попросила взять меня с собой. Еле уговорила.

На грузовой машине шофер поперек кузова прикрепил доски с крючками — лавочки. Учителя сели у бортов, а школьники в середине. Раннее прохладное утро встретило нас платиновым маревом, сливочными и бледно-розовыми медленно скользящими облаками, холодным ртутным блеском речушек, раскрывающимися и последовательно захлопывающимися веерами зеленых рядов и серых междурядий посадок. Притушенный свет, приглушенные краски. Прелесть!

Одна череда одиноких деревьев сменяет другую. Проплывают малонаселенные линиялы деревеньки с подозрительно выглядывающими из-за покрытых черными шрамами стволов берез подслеповатыми, приземистыми хатками. К ним прижимаются ветхие сараи. Кучки домов окружает бледный серо-зеленый осинник или блеклый дымчатый терновник. Неподалеку пасутся простодушные, безразличные, вялые коровы. Птицы спросток неспешно пробуют голоса.

Сначала солнце выткало отдельные золотистые дорожки лучей, а потом они все вокруг насытили теплом и светом. А еще рассекретили загадочные очертания далеких строений, обрисовали аллею стройных тополей, будто причесанных редким гребешком, и ошетилившийся островерхими соснами берег еле приметной речушки; развернули пушистые складки празднично позолоченных белых облаков. Едем долго, пересчитывая колдобины и рытвины. Дорога то глубоко окунается в тенистые провалы холмов, то зигзагами петляет между веселыми ярко-зелеными полями. Уже млеет и плавится

знойный безветренный полдень. От слепящего солнца синь неба тает, бледнеет и стекает за горизонт редкими серыми облаками.

Остановились на отдых, нырнули под крылья тенистой тополиной рощи. Чтобы размять онемевшие спины, пообедали стоя. Добрались до асфальта. Теперь наш грузовик не скачет, а летит, мягко шурша шинами, и я могу с удовольствием разглядывать бегущие навстречу строения и леса.

Люблю позднюю весну за десятки оттенков зеленого, розового, бежевого, золотистого, за буйные водопады разнообразных нежных соцветий!

Яркая зелень черноземных полей сменилась редкотравьем песчаных откосов, засаженных хилым сосняком с сухими короткими рогатыми останками веток на стволах — удобными естественными лесенками для мелкой живности. Крутые светло-желтые и белесые обвалы песка с тонким темным слоем перегнившей хвой напоминают срезы белого хлеба с поджаристой корочкой, какой печет наша бабушка, а иногда — слоеные пирожные. В них, как соты, гнезда птиц, и еще дыбятся оголенные корни мощных сосен. «Весна, а вид достаточно унылый», — подумалось мне.

А вот и река. В берега не вошла. Где посуше — пышные купы различных деревьев и кустов, а в низинах погибшие от избытка влаги березы. Их голые белесые ветви навеяли мне слова из песни о нашей доблестной конной армии времен Гражданской войны: «...Тлеют белые кости. Над костями шумят ветерки...» Взгрустнулось чужой болью глубинно, безотчетно.

Теперь меня поразили поля по обе стороны дороги. Ни одной травинки! Злаковые культуры у нас никогда не пропальвают, и, естественно, трава встречается часто. Да и огрехов полно. Как же в этом колхозе пшеницу пропальвают?! Междурядья ведь узкие? Поле кукурузы как картинка. Влажные ровные ряды, будто по линейке расчерчены.

Вскоре подъехали к знаменитой деревне Калиновка. «Ха! Смотрите, у них коровы по асфальту ходят! И дома яркие как игрушечные, четко вычерченные, будто высеченные из мрамора», — недоуменно вскрикиваю я. Оказывается, они кирпичные, как городские.

Подошли к первому и попросили хозяйку посмотреть планировку. Из коридорчика выглянула старушка с тазом. Она с трудом протиснулась в узкую дверь.

— Почему у вас все дома одинаковые? — спросила ее моя мать.

— По одному проекту строили, чтобы никому не обидно было.

— А кто план дома придумал?

— Мы давали предложения, а в Москве в институте утверждали.

— Видать, городские специалисты командовали чертежами. Деревенскому человеку мала такая кладовая. Здесь больше четырех мешков зерна не поместится, а в наших — хоть десять рядом ставь. Комбикорм, где храните? Спальня на двоих детей рассчитана? А если у вас четверо будет? Не комнаты, а клетки для мышей, — удивляюсь я.

Хозяйка неодобрительно и как-то испуганно взглянула на меня, болтливую, и принялась расхваливать свое жилье. Я заметила, что остальным «туристам» тоже не понравился малогабаритный дом и крошечный сарайчик, но они не стали обижать хозяйку. Да и я умолкла, а потом захотела порадовать добрую женщину:

— Поля у вас, как яички пасхальные, чудо какие красивые и чистые!

Женщина улыбнулась:

— У нас есть, чем гордиться. Мы живем на родине Никиты Сергеевича, нам нельзя иначе.

— На них вся страна равняется. Им нельзя филонить, как нашим колхозникам, — засмеялся наш старшекласник.

— Зачем критику навела? — зашипела на меня мать, когда мы отошли в сторону.

— Я думала, что для своих селян он построит огромные сказочные дома, — разочарованно ответила я.

— Нельзя своим сказочные, а другим — ничего. Надо хоть маленькие дома, но всем, — объяснила мать.

— Надеюсь, наши внуки в хоромах будут жить, — не то в шутку, не то всерьез сказала учительница биологии.

— А как у вас с техникой? — спросил мой отец молодого механика.

— Хватает. С этим проблем нет, — заверил тот.

— А люди? Если пьет тракторист, что вы делаете? — поинтересовалась пионервожатая.

— Пьяниц не держим. Или работай, или вон из колхоза.

— Здорово!

— А кто их перевоспитывает? — задала вопрос председатель совета дружины Алла.

Председатель колхоза сначала растерялся, а потом ответил:

— Они в другие колхозы уходят.

Машина тронулась в обратный путь. Ехали молча. Видно, каждый по-своему обдумывал свою жизнь и жизнь в знаменитой деревне.

Над нами высилась туманно-голубая бездна весеннего неба.

РЕБУСЫ ЖИЗНИ

Иду из школы. Голопузая малышня бегают стайками, размахивая букетами сердито жужжащих, привязанных на длинных нитках майских жуков, безрезультатно пытающихся вырваться на свободу. (Жуков этой весной видимо-невидимо!) Солнце сияет! В воздухе запахи цветов! Жаль, что аромат сирени слишком сильный. Я не люблю его. Причина в том, что доносится он с кладбища, которое находится неподалеку от школы. Глупые ассоциации, но ничего с собой не могу поделать.

Все экзамены за четвертый класс сдала на пять. Правда на диктанте история небольшая вышла. Анна Васильевна читала предложения, а мы записывали. И вдруг слышу: «Характер местности...»

«Характер бывает у людей, а не у природы», — недовольно забурчала я, и посмотрела на членов комиссии, которые сидели вдоль стен класса. Одна женщина удивленно и осуждающе покачала головой. Я заволновалась и не успела записать странное предложение. Хорошо, что сообразила оставить для него пустую строчку. Больше не отвлекалась на содержание. А в конце урока подняла руку и попросила продиктовать мне пропущенные слова.

На экзаменах у нас присутствовали учителя начальных классов со всего района, но мы хорошо справились с заданием. Может, потому, что не очень волновались? Позже родители объяснили мне, что сдавать экзамены при комиссии — ответственное дело. Значит, я чуть не опозорилась сама, а главное, могла подвести родителей и Анну Васильевну!

Пришла из школы домой, а мать и бабушка суетятся на кухне. То и дело слышу:

— Матушка любит, матушка привыкла...

«Про чью матушку говорят?» — недоумеваю я. Не выдержала, спросила.

— Ох, как бы нечаянно при Марусе не брякнуть! Она — моя подруга детства. А замуж вышла за Ивана по кличке «Батюшка» и стала «Матушкой». Лет до семи Ваня, как и многие другие ребяташки, бегал в длинной до пят рубахе. А прозвали попом его одного.

Прилипло к нему шутовское прозвище на всю жизнь. Сегодня они приезжают к нам с сыном Володей и дочкой Лизой, — торопливо объяснила мне мать. — Торопись, у нас хлопот полон рот.

— А сколько у них всего детей?

— Десять.

— Ого! Они их не путают?

— Нет, конечно. Как-то спросила подругу: «Где ты их спать укладываешь?».
«Укладываю? — удивилась она. — Кто на лежанке, кто в коридоре фуфайку на пол бросит и спит. Не грудные ведь». Спокойная она на удивление.

— А дети образование получили? — продолжала я расспросы.

— У всех семь классов и разные техникумы.

— В институты не захотели?

— Маруся говорит: «Если увидят необходимость, сами выучатся».

— Как же они кормят такую ораву?

— Огородом в основном. Иван очень заботливый. Когда Маруся детьми ходила, он ей самой лучший кусок подкладывал, работу тяжелую не позволял делать, удовольствия всякие устраивал. Говорил, что здоровье ребенка до рождения закладывается. Слава богу, все дети здоровые, трудолюбивые, родителей уважают.

После обеда приехали гости. Ели, пили, смеялись. А когда я стелила им на полу постели, то увидела, как дядя Ваня снимает с ног протезы. Жутковатая картина. Культы красные, растертые. Дядя сильно кривился, расстегивая ремни, а увидев мой испуганный взгляд, сказал странную фразу: «Твой вот так же...» И замолк, не то горько усмехаясь, не то ухмыляясь. Я растеряно заморгала и ушла на кухню. Заколело в сердце. «О ком говорил дядя Ваня? Твой — кто? Отец? Но он же погиб на войне. Тогда кто? Странные взрослые, ничего не объясняют, загадками говорят. Почему держат меня в полном неведении?» — думала я, панически содрогаясь. А в прошлый выходной один родственник из города обнял меня за плечи и говорит: «Ты наша, не в их породу». Чья наша? Что он хотел этим сказать? Я в тот день читала ужасный рассказ о том, как мужчина, будучи пьяным до беспамятства, изнасиловал свою дочь. И вдруг в моей голове мелькнула дикая мысль: «Я в их породу потому, что кто-то из них изнасиловал мою мать?! Может, поэтому меня не любит новый отец? Насиловать, значит бить, мучить, но почему от этого бывают дети?» Ночью не могла уснуть. Все пыталась сопоставить факты. Сумятица началась в голове. Я беспомощно, как котенок, барахталась в самой же построенных противоречивых нагромождениях, пытаюсь увязать свои собственные взаимоуничтожающие рассуждения. Но концы с концами не могла свести. Это раздражало и злило. Вспомнила, как один раз вывязывала крючком красивый узор по краю платочка, а мать рядом сидела и вдруг сказала:

— У меня подруга есть. Ее любимый человек с войны вернулся без ног. Она была молодая, красивая и не захотела с калекой жизнь связывать.

А я ей тогда жестко ответила:

— Дрянь. Он и за ее счастье воевал!

Мать с бабушкой переглянулись. Что-то произошло в моей семье. Мать сразу вышла из комнаты, хотя мне показалось, что она начинала долгий разговор. Бабушка опустила глаза к полу, а отец ехидно хмыкнул, и выражение его лица сделалось неприятным, но очень довольным. Будто он был рад, что услышал грубость в адрес подруги матери. Почему он так зло радовался? Я сообразила, что высказала свое мнение не к месту, и ушла во двор. Настроение испортилось. Я не понимала своей ошибки и не знала, зачем мать рассказала о подруге. А теперь, после слов дяди Вани, совсем запуталась. Ночью прокручивала в голове разные варианты, моя фантазия рисовала жуткие, дикие истории. Я злилась на себя и пыталась отыскать что-то хорошее во всей известной мне информации, но не находила. Я — иждивенка. За что мне такое? Может, во втором

детдоме я тоже училась бы отлично? А вдруг там мне встретилась бы такая же учительница, как Наталья Григорьевна, и я осталась бы троечницей на всю жизнь? А здесь из меня сделали отличницу, нормального человека. Только ведь тяжело, когда каждый день чувствуешь себя лишней, чужой, с гадким, непонятным прошлым. Может, новые родители придумали мне сказку об их гибели, чтобы мне было легче, а теперь вылезают факты, которые морочат мне голову? Соседи все время словечки подкидывают непонятные, жалостливые взгляды бросают, замолкают, когда я подхожу к колодцу. Очень мне портят жизнь недомолвки. Постоянно чувствую какую-то тайну во взаимоотношениях между взрослыми. Ведь скрывают обычно только плохое! Значит, со мною связано что-то неприятное? А при чем здесь я? И отец не хочет удочерять. Во всей школе у меня одной разные фамилии с родителями. Эх, «жизнь моя поломатая»!

Не прошло бесследно пребывание гостей, и их внезапное вторжение в мое детство. Взбаламутили они мне и без того не очень веселую жизнь.

Сон смежит веки, но и во сне меня преследуют те же мысли.

ЦЫПУЛЬКА

Бабушка вынесла ведро с едой для кур и что-то замешкалась, спускаясь по ступенькам старого, рыхлого крыльца. Великолепный огненно-рыжий с изумрудным хвостом петух, считавший себя хозяином двора, тут же подскочил к бабушке, подпрыгнул и клюнул ее в руку.

— Ах, негодник, терпения у тебя нет! Хозяйку-кормилицу бьешь? — возмутилась бабушка.

Курей созывать не пришлось, они выскакивали из всех углов двора, перепрыгивали через плетень, шумно помогая себе крыльями. Цыплята ныряли у кур между ног, пытались пробраться к теплой картошке. Некоторые взрослые птицы отталкивали их. Мама-наседка оберегала самых маленьких цыплят и давала сдачи неуживчивым подругам. Важный петух, шаркая ногой и кланяясь, приглашал свое большое семейство к трапезе. Сам клевал, не торопясь, с достоинством. Не в меру суетливых подруг щипал за вихры и крылья. Его слушались. Он гордо поднимал голову, зорко оглядывал двор на предмет чужаков и всем своим видом говорил: «Вот я какой!»

Наевшись, куры тяжело направлялись к воде. Цыплята бросались от них врассыпную. Многим с разбегу не удавалось перескочить тазик, и они оказывались по колено в воде. Купанье не нравилось малышам. Они толкались, вскакивали друг другу на спину, стремясь поскорее выбраться на сухое место.

Бабушка пересчитала птичье хозяйство и убедилась, что ее любимицы опять нет. Она будто с ума сошла этим летом. По двору уже бегали разновозрастные цыплята от двух наседок, а ей вдруг вздумалось садиться на яйца. «Опомнилась, дуреха, ты бы еще в октябре угнездилась», — бормотала бабушка, выгоняя квохтунью из кошули.

Но на следующий день неугомонная курица опять тихонько пробиралась на гнездо и садилась на единственное яйцо — поклад. Мы всегда оставляли его в кошелке, потому что куры не любят сидеть в пустом гнезде, и уходят нестись к соседям.

На этот раз бабушка рассердилась, вытащила упрямую Пеструшку из гнезда, окунула в бочку с водой и постегала по оголившемуся животу пучком мелколистой крапивы-жгучки. Я вздрагивала от каждого шлепка, по рукам пробежала холодная дрожь.

— Не надо, бабушка, — упрашивала я, отворачиваясь, чтобы не видеть экзекуции. — Надо, детка. Иначе она испоганит все яйца. Так и будет сидеть то на одних, то на других. Крапива — верное средство.

Пеструшка, отряхнувшись, сердито заквохтала и как-то боком-боком удалилась от бабушки. Подлетел Петя и дважды клюнул бабушку в руку. Та охнула, как-то по-детски сморщилась и принялась отсасывать грязь из ранки.

«Умник! Хозяина из себя строишь? Вот зарежу тебя осенью, будешь знать! И соседка жаловалась, что хозяйничаешь у них! Как ты в их двор, так родной петух на улицу! Куда

это годится? Не по-соседски, охальник ты этакий», — ворчала бабушка.

И все же перехитрила наседка бабушку — нашла себе гнездо на чердаке сарая. Бабушка редко туда заглядывала. Ей, полной, с больными ногами, трудно взбираться по шаткой с высокими проемами лестнице. А обнаружила квочку Дашенька, городская родственница, которая приехал к нам на лето.

— Посмотрите, как смешно скачет курочка по лестнице! Запрыгнуть сил не хватает, так она перелетает со ступеньки на ступеньку, — смеялась Даша.

— И чего ее туда понесло? — удивилась бабушка, но занятая более важными делами не придала значения замечанию двоюродной внучатой племянницы.

А любопытная Даша пробралась на чердак и осторожно заглянула в приоткрытую дверцу. На уровне ее лица у самой двери распласталась Пеструшка. Она сидела тихо, и только черненькие моргающие глаза выдавали ее беспокойство. Даша протянула руку, чтобы погладить наседку. Курица еще плотнее вжалась в сено и замерла. Когда рука девочки проникла в гнездо, чтобы выяснить, сколько яиц «оседлала» нахалка, Пеструшка не выдержала, долбанула Дашу в руку и грозно подняла голову, готовая сразиться с противником. Испугавшись, что ретивая мамаша клюнет ее в глаз, Дашенька мигом соскочила вниз. «Ни кому не расскажу про наседку, а цыплят сама буду выращивать. До первого сентября еще много времени», — решила Даша.

Теперь каждое утро девочка начинала с «проведывания» своей подопечной. Дни бежали, а Пеструшка все сидела и сидела на яйцах. Спускалась только поесть да попить. А Дашенька в это время залезала на чердак и разглядывала яйца. Их было три. И ничем они не были примечательны.

И вот настал день, когда наседка заволновалась. Она то вскакивала, то опять садилась на гнездо. Дашенька сидела на верхней ступеньке лестницы, и, затаив дыхание, ожидала чуда. Вдруг Пеструшка опять вскочила и затрясла крыльями. Потом затихла, повернула голову к гнезду и наклонила ее, будто прислушивается. Одно из яиц шевельнулось. Послышалось легкое шуршание, и маленькая головка высунулась откуда-то снизу из-под яйца. Курица осторожно ударила клювом по скорлупе. Она разломилась пополам, и желтенький, мокрый цыпленок бойко выкарабкался наружу. Дашенька мгновенно схватила его и спряталась за дверцу чердака. Наседка забухтела не то удивленно, не то выражая недовольство и зашаркала ногами по соломе. Через некоторое время она снова села в гнездо и затихла.

Дашенька вбежала на кухню и закричала:

— У меня теперь свой цыпленок!

— Боже мой, откуда? — всплеснула руками бабушка.

Пришлось Даше сознаться во всем.

— Поздних цыплят трудно растить. Когда похолодает, придется в хате держать, — не разделяя радости внучки, уже спокойно сказала бабушка. — Ты поменьше с ним возись, иначе наседка может бросить остальных маленьких. А без матери они пропадут. Если только ты не станешь наседкой, — пошутила бабушка. — А где же остальные? — вдруг опомнилась она.

Но так уж получилось, что оставшиеся два яйца оказались «болтышами». Пеструшка была хорошей матерью и не бросила единственного малыша. Она ревниво оберегала его от Даши. Но перебороть ее не смогла и смирилась, только сердито квохтала и не отходила от второй «мамашы», когда та брала «сыночка» на руки. Даша назвала петушка Цыпулкой и все свободное время отдавала ему. Сначала пушисто-желтый цыпленочек отзывался на зов родной и приемной матери. Но когда ему исполнилось десять дней, он на зов обеих мам побежал к Даше. Она была рада до слез. А когда Цыпулке исполнилось две недели, Пеструшка, очевидно не выдержав конкуренции, оставила сыночка на попечение Даши. И теперь, куда бы ни шла Дашенька, малыш следовал за нею.

А вскоре произошел случай, который потряс Дашеньку и заставил взрослых всерьез

задуматься о животных и их способностях.

Как-то купалась Даша в пруду, что находится в конце нашей улицы, а цыпленок гулял по берегу. Тут же с торжественной важностью ходили гуси, вперевалочку бродили утки. Один отставший от семьи утенок выскочил из воды, встряхнулся и по-ребячески быстро поковылял к мамаше в кусты. Другой, наоборот, неожиданно дал стрекача от степенного семейства. Даша остановилась там, где ей по колено и в шутку позвала своего петушка. Он заволновался, забегал, громко запищал. Даша продолжала настойчиво звать цыпленка. Он осторожно вошел в воду, замочил лапки и испуганно отскочил назад. Даша кричала все громче и призывнее. Вдруг Цыпулечка звонко, тревожно запищал, бросился в воду и поплыл, судорожно хлопая начавшими оперяться маленькими крылышками. Головку он так вытянул вперед, что шейка казалась тонкой веревочкой. Намокший пушок торчал на ней отдельными пучками-сосульками. Он спешил на призыв Даши о помощи, он хотел спасти своего лучшего друга! В барахтанье цыпленка было столько решимости, а в неловких движениях столько смешного и жалкого, что Даша выхватила мокрый испуганный, измученный комочек из воды, с необыкновенной любовью прижала к груди и стала целовать дрожащего от страха и холода мужественного верного друга. В глазах ее были слезы, в душе буря восторга и нежности. Взрослые, сидевшие тут же на берегу, прекратили разговоры, притихли, удивленные и восхищенные геройством цыпленка.

«Я слышала о верных собаках, об умных и преданных лошадях, я даже маленькой сама видела, как утята, оставшись без матери, ровной цепочкой ходили за четырехлетним мальчиком, сыном хозяйки. Но чтобы цыпленок бросился в воду?! Если бы не видела сама, — ни за что не поверила бы», — говорила я бабушке, потрясенная случившимся.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Колодец — культурный центр улицы. Он расположен напротив нашего палисадника. И когда я вожусь во дворе, иногда слышу громкие разговоры женщин. Вот и сейчас мою я ноги в тапачке, перед тем как идти на станцию, и слышу:

- Не понимает он меня, злится... — жалуется одна.
- За чужой щекой зуб не болит, — сочувствующе говорит моя бабушка.
- Представляете, послала дочку в сельпо за макаронами, так Петровна черных, заплесневевших ей насыпала. Думает, если ребенок, так можно!
- С ней и взрослый не сладит, — заметила молодая невестка Никитиных.
- Ну, уж кто Петровну обманет, тот и трех дней не проживет, — смеется моя бабушка.
- В прошлом году закончила курсы Аллочка Башметьева с Никипеловки, и пристроил ее отец в сельмаг, так съела ее Петровна. Каждый месяц недостачи выставляла. Отец трижды заплатил, а потом и говорит: «Иди, дочка, на швею учиться. Сама за себя отвечать будешь...»

Выглянула я из-за плетня и обратилась к бабушке:

- Натаскать воды?
- Иди на станцию. Мне пока одного ведра хватит.

Сегодня на станцию пошла другой дорогой, через парк. В тени не так жарко. «Листья на деревьях темно-зеленые, значит, лето пришло. Солнце ярче — горизонт шире», — думала я, разглядывая аллею. Вижу странную картину: на двух длинных лавочках неподвижно сидят маленькие дети, на мой взгляд, от двух до пяти лет. Остановилась. Личики у малышей скучные, безразличные. Даже глаза неподвижные. Сидят, нахлебавшись, как воробьи после дождя. Чистые, умытые, но не живые. Неподалеку воспитательница возится с обыкновенным мальчиком лет четырех: играет с ним в прятки, смеется, что-то рассказывает ему. Я невольно сравнила его с теми, что на скамейках, и в груди возник неприятный холодок. Не смогла преодолеть охватившее беспокойство и пристала с разговором к воспитательнице:

— Внук?

— Да, от дочки.

— Почему эти такие?..

— Неполноценные, — откликнулась словоохотливая женщина, — брошенные родителями. Вот у этой в четыре года было всего семнадцать килограммов весу. Откормили. Ходит уже. А этому три года, а он ни одного слова не говорит. И эти заторможены в развитии. «Детдомовские», — догадалась я. Откуда их столько? Со всей области собрали? — думала я, заглядывая в глаза каждому малышу.

— А вы им сказку почитайте. Им же скучно сидеть.

— Не поймут. Они же пропащие.

Я сорвала травинку и провела ею по ладошке грустной черноглазой девочки. Она не шевельнулась, только рука чуть дернулась и замерла. Тогда я растерла лист тополя и дала ей понюхать. Девочка с непонятым выражением личика посмотрела на меня и опять замерла. Я сняла ее со скамейки и повела за руку по дорожке. Малышка шла неуверенно, мягкая теплая ручка вяло лежала в моей.

— Посади ребенка обратно! Эдак они разбредутся по всему парку. Кто мне назад перетаскивать их будет? Ты, что ли?

— Мне скучно, я поиграю с нею и сама на лавочку посажу, честное слово. Разрешите, пожалуйста! — попросила я.

— Около лавки играй, — все еще сердясь, добавила женщина.

Я нарвала лютиков, незабудок, ромашек, посадила девочку на колени и стала рассказывать ей про цветы, траву, небо. Девочка молча прижалась к моему плечу. Я обняла ее и тоже замолчала, вспоминая про свою детдомовскую подружку Валу, у которой в семь лет никак не получалось правильно сложить два плюс три.

Прибежали мои друзья. Я пошла с ними на станцию и совсем забыла о малышах. Но на обратном пути опять увидела печальную группу на тех же лавочках. Проходя мимо, невольно взглянула на черноглазую. Она шевельнулась и еле заметно подалась в мою сторону. Я обрадовалась и улыбнулась ей. Но она уже погрузилась в странную дрему.

— Может, они еще не пропащие? — обратилась я к воспитательнице.

— Кому они нужны? — безразличным голосом отмахнулась от меня женщина.

— А мне их жалко. Вы всю жизнь воспитательница? — вновь пристала я с расспросами.

— Нет. Так уж получилось. Два года назад на мое место посадили человека с образованием, а тут как раз знакомая на пенсию уходила, вот меня и взяли. Мне тоже до пенсии три года осталось дотянуть.

«Вот именно, дотянуть», — сердито подумала я, направляясь в сторону своего дома.

Прохожу мимо детдомовского забора, где играют дети второй группы. Остановилась, с любопытством разглядываю их. Одни лежат на деревянных чурбаках, переговариваясь на только им понятном языке, другие играют щебенкой. У каждого своя игра, свои задумки, свои камешки. Малыши заметили меня и по одному, оглядываясь на воспитательницу, подошли ко мне. Воспитатель не встала с лавочки, значит можно со мной разговаривать.

— Меня Сеезя зовут, — представился самый смелый.

— Я — Саса. Ты тозе наса?

— Я была ваша, — отвечаю.

— Была и куда плопала? — удивился малыш.

— Выросла и стала домашней.

— Я тозе выласту, — серьезно сообщил самый маленький.

— Я совсем болсой, потому что тли года.

Ласково заглядывая мне в глаза, один мальчик протянул свой камешек:

— Илай. Это мой, а это твой.

Другие дети тоже стали отдавать мне свои камешки с таким видом, будто дарят самое дорогое. Наши пальцы соприкасались, и я испытывала к малышам нежные чувства. Я ощущала их тепло и любовь. Мне было радостно и хотелось долго-долго беречь их подарки. Я спрятала камешки в карман, помахала малышам рукой и пообещала снова заглянуть к ним. Я знала, что обязательно приду.

Иду дальше. Смотрю, семилетки с прогулки возвращаются.

— Я слышала, что, когда наступит коммунизм, денег не будет, — говорит одна девочка.

— Что же в этом хорошего? Сейчас денег мало, а если их вовсе не будет, то мы умрем? — возражает другая.

— Глупая. При коммунизме все будет бесплатно. Заходи и бери, сколько хочешь, — вмешивается третья девочка.

— При коммунизме все будут выдавать по потребностям. Сносились штаны — тебе новые выдадут.

— А если я конфет захочу? — спросил хнычущим голосом худенький мальчик.

— Получишь конфет, сколько положено.

— А красивое платье мне дадут?

— Не много ли ты хочешь?

— Я хочу много.

— Так нечестно. Тебе много, а кому-то мало.

— Ну и ты проси много. Что это за коммунизм, если всего мало?

— Эх, попасть бы в некоторое царство, в некоторое государство, где есть коммунизм, но такой, чтобы все было, да еще много-много, ну прямо в полное удовольствие!

— А что такое государство?

— Государство, это когда есть главный-преглавный начальник и много-много не очень главных, чтобы за порядком следить. Если кто-то набезобразничает, они милицию вызывают и в тюрьму сажают.

— При коммунизме не будет милиции, потому что не будет плохих людей.

— А куда же они денутся?

— Не знаю. Перевоспитаются, наверное.

— А работать при коммунизме надо будет?

— Зачем? Лежи и ешь конфеты.

— А кто конфеты делать будет?

— Рабы.

— Ты что, с ума сошла? При коммунизме не бывает рабов. Все работают по потребностям. Хочешь — работай, хочешь — отдыхай. Главное, чтобы все по-честному

было.

— А если я не люблю мыть полы?

— А что ты любишь делать?

— Спать.

— Ну, тогда тебя в коммунизм не возьмут.

— А тебя возьмут? Да?

— Возьмут.

— Вот я тебе сейчас как дам, тогда и посмотрим, кого возьмут, а кого нет!

— Хватит ссориться! Когда будет коммунизм, тогда и будете из-за него драться.

А пока идемте на обед, иначе я до коммунизма не доживу, умру с голоду, — засмеялась молоденькая воспитательница.

Захожу с ребятами во двор. На балкончике одиноко стоит погруженная в себя, грустная сероглазая девочка. Ее взгляд скользит по детям, но думает она о чем-то своем.

Я подхожу к балкону и знаколюсь.

— Катя, — говорит мне девочка, внешне не выражая ни удивления, ни интереса.

— Себя в шесть лет вспомнила. Тоже на балконе любила стоять, — объясняю я Кате свое вторжение в ее одиночество.

Губы ее чуть шевельнулись в улыбке.

АЛЛЕРГИЯ

Обычный день. С утра по холодку прополосала две грядки чеснока и две — лука. Потом бабушка вынесла три десятка поздней помидорной рассады, и только я опустила первый саженец в лунку, как до моего слуха долетели трели незнакомой птички. Осторожно приподнялась. Смотрю: бабушка замерла в напряженном, восторженном внимании. «Соловей! — тихо и радостно прошептала она. — На вишне, что у малины. Как душу растревожил!»

На тоненькой веточке сидела маленькая серенькая изящная птичка и с удовольствием на все лады, будто по заказу, исполняла различные мелодии. Мы стояли и улыбались. Удивительное тепло разливалось по телу от пения птахи. Весь мир казался добрым и прекрасным.

Когда соловушка улетел, нежные, трепетные чувства сразу не исчезли, нам работалось радостно и спокойно. Мне хотелось, чтобы ощущение благодати долго-долго не пропадало во мне. Вскоре прилетели мои знакомые жаворонки. Одна птичка суетилась, перелетая с кустов на деревья, а вторая, как всегда, зависая высоко надо мной, пела. Видно они гнездо где-то поблизости свили. Я привыкла к этой семейной паре и с удовольствием работаю под их аккомпанемент. До обеда они радуют меня, а потом улетают.

Вышел на огород чем-то недовольный пьяный сосед, обложил матом всю свою родню и весь окружающий мир. Жаворонки улетели. «Как ворон каркнул», — досадливо поморщилась я. «Птички не люди, долго грубого, противоестественного не терпят. Неужели совсем покинули меня?» — загрустила я. А через полчаса, когда ушли в землю проклятия соседа и воздух очистился от ощущения гадкого, опять прилетели мои друзья, и воцарилось радостное, восторженное, счастливое.

После того как жара достигла двадцати пяти градусов в тени, занялась крахмалом. Из подвала вытащила четыре ведра картошки, перемила и позвала брата, чтобы перетереть ее на больших железных терках. Скучно одной полдня заниматься монотонной работой.

Чтобы не ссориться, мы всегда сразу распределяем, кому что делать. Допустим, не нравится Коле рвать колючий крыжовник, шиповник и облепиху. Я и не спорю. У меня ловчее получится. Пока я крыжовник рву, он красную смородину собирает. У нас все по-честному.

К обеду картошка превратилась в розоватое месиво. Я натаскала воды, а Коля приготовил большое корыто, положил на него две чистых дощечки, а на них сито. Теперь я придерживаю сито, а Коля льет воду в тертую картошку. Крахмал белыми слоями оседает в корыте, а жом я отношу в сарай на корм корове и поросенку.

Бабушка рассыпала мокрый крахмал на белую скатерть для просушки и похваливала нас за хорошее качество работы. Мы тут же попросили ее отпустить нас на речку. «На один час, когда родители отдыхать лягут», — разрешила бабушка.

Пообедали и на полу организовали войну на шашечном поле. Мои шашки — морская пехота, а у Коли — зенитчики. Сначала тихо играли, но потом разошлись и уже визгом сопровождали каждый «удар» противника. Родители выпроводили нас играть в сарай, а оттуда мы отправились на речку.

После ужина отец вышел с нами на огород и ужаснулся, увидев, что кусты крыжовника усыпаны мелкими черными гусеницами. «Не хочется дустом травить ягоду. Попробуйте собрать «живоглотов». Не бойтесь, они мохнатые, приятные на ощупь», — сказал он.

Я не боялась мелкой живности и спокойно взялась за дело. Правда, ветки у крыжовника колючие. Пришлось приспособливаться. Как я ни старалась, все равно по локоть руки покрылись красными царапинами. Я быстро обработала три куста и ушла в конец огорода смотреть, чем занимается Коля на яблоне. Он сидел на толстой ветке и водил велосипедной спицей по стволу. Пригляделась. Каждая ветка дерева сплошь покрыта серыми, под цвет ствола, крупными гусеницами. Меня передернуло, когда я увидела эти жуткие, все время перемещающиеся, извивающиеся клубки.

«Бери ведро и палку. Руками собирать не получится», — крикнул мне брат.

Я пересилила сиюминутную брезгливость и взялась за работу. Случалось, что гусеницы сваливались мне на голову и по рукам ползали. Сначала я с отвращением вздрагивала, потом как-то смирилась, и дотемна мы собрали всю «погань». На ночь вымылись в теплой воде, нагретой солнцем в тазах, и легли спать.

Около часу ночи я проснулась от страшного зуда. Вскочила, зажгла лампу и обнаружила, что тело покрыто волдырями. Коля даже стонал во сне. У него поднялась температура. Мы подумали, что подхватили заразу на речке, и побоялись будить родителей. Но сил не хватало терпеть зуд, и мы все-таки обратились к бабушке за помощью. Она перепугалась и позвала родителей. После холодных примочек сделалось немного легче. А отец сказал, что если терпеть и не расчесывать тело, то скоро все пройдет. «Во сне я не чувствую, как чешусь», — возразил Коля. И я привязала себе руки и ноги к спинкам кровати.

Утром медсестра определила, что у нас аллергия из-за гусениц. Днем еще можно терпеть зуд. Работой отвлекаешься. А ночи невеселые. Ребята сначала опасались подходить к нам, но когда мы показали, что под майкой и трусами почти нет высыпаний, они поверили нам и даже осторожно трогали волдыри. «Не больно, жжет, будто крапивой отстегали», — объясняла я подругам свои ощущения.

Все плохое проходит, и наши болячки тоже. Мы быстро забыли про свою маету.

БОЛЕЗНЬ БАБУШКИ

Еще зимой это произошло. Шла я из школы домой довольная: три пятерки получила и репетиция хорошо прошла. Вижу, бабушка рукой машет из очереди за керосином, хвост которой растянулся до самого парка.

— Смени меня, пожалуйста, — говорит.

— Бабушка, я еще не обедала и уроки надо делать. Контрольная завтра.

— Христом богом прошу. Ног не чувствую. Всех подменяют, а я одна с утра стою. Заледенела. Восемнадцать градусов сегодня.

— Ладно, постою, позже пообедаю, когда Коля меня сменит. У него сегодня сбор отряда. Отчитывается по тимуровским делам.

А на следующий день бабушка заболела. Встать на ноги не смогла. Какие только лекарства ни прописывал врач — ничего не помогало. Одно было очень противное. Я растирала бабушке ноги, а она горилась:

— Вот придет отец с работы, а здесь вонь. Проветри, как следует, детка.

А потом охать начинала:

— Что же мне делать? Помочь ничем вам не могу. Совсем в бревно превратилась.

— Болезнь ни у кого не спрашивает, сама приходит. Вы ни в чем не виноваты, — успокаивала я бабушку.

Как-то соседка сказала, что конским навозом надо ноги обкладывать. Лучше свежаком. Снова принялась я за лечение. Месяц, другой прошел, а улучшений нет. Тогда медсестра посоветовала денатурат на сковороде нагревать и ноги в нем держать. Тоже не помогло. Ничего ступни не чувствовали. А летом, когда зацвела белая акация, попросила меня бабушка нарвать цветков и замочить в керосине. Наполнила я бутылки, в землю закопала, и через две недели начала растирания. Кто знает, что помогло? С большим трудом, но начала бабушка передвигаться. Я была счастлива. Бабушка снова улыбалась. Но не долго радовалась. Все чаще я слышала по ночам горькие слова и жалобные, длинные молитвы.

Пришла я раз из школы, а бабушка лежит на кровати, глазами безумными в потолок уставилась и шепчет:

— Ноги чувствую!

— Думаете, Бог помог?

— Нет, — говорит, — грех.

— Как это?

— Надоело колченогой жить, обузой быть. Кто-то мудро сказал, что «приходит время, и достоинством каждого становится мука». Давно об этом думала, не хотела жить, искала средство освободиться от постоянной, невыносимой пытки, но трезвый ум отвергал насилие. Не хотела углубляться в подобные мысли, но, тем не менее, они одолевали... И тут затмение нашло. Настала минута тяжкой душевной усталости, когда каждая мысль сопряжена с безмерной болью в сердце. Решилась убить себя. Сползла кое-как в подвал и хлебнула из бутылки целую кружку вишневого самодельного вина, того, что с косточками. Оно уж лет пять там стоит.

— Это же яд, синильная кислота! — ахнула я. — Отец давно собирался вылить его, да руки не дошли.

— Представляешь, выпила, и вдруг нечеловеческий страх меня обуял. В один миг поняла, как мелки и ничтожны все наши беды и проблемы перед единственно страшным — смертью, когда ни к чему стенания, сетования, обиды... Откуда-то силы взялись из подвала выбраться! А сейчас лежу и боль в ногах чувствую. Ожили они то ли от яда, то ли от страха?

— Какая разница, главное, что помогло! — воскликнула я.

Бабушка снова училась ходить, улыбаться. Все бы хорошо, да сердце у нее после такого «лечения» сильно заболело. Задышаться стала. Я каждую свободную минуту старалась около нее посидеть, отвлечь от боли и тяжелых мыслей. Даже книжки художественные перестала читать. Забыла об их существовании. И бабушке тоже хотелось поговорить.

— Детка, на огороде справляешься?

— Не волнуйтесь, картошку все вместе пропололи, а мелочь сама успеваю обработать. Сегодня лук прoderнула, завтра морковкой займусь. Хорошо, что дожди прошли, поливать не надо.

— Деревенский человек живет погодой и надеждой на урожай, — вздохнула бабушка. И добавила сочувственно: — Погулять тебе некогда.

— Что вы, бабушка, я же каждый день с девчонками корову встречать хожу, там и гуляю.

— Корову получается до конца выдоить?

— Сначала мать помогала, а теперь руки окрепли.

— В обед не забываешь доить?

— Как можно!

— Не испортить скотинку. Как без молока жить?

— Пастух перегнал стадо на дальние луга. Целый час добираюсь.

— Ничего, ноги молодые.

— Времени много трачу.

— Вся жизнь так проходит: то у печки, то в поле. А что поделаешь?

— Бабушка, я раньше не замечала, какая вы красивая.

— Бог с тобой. Была когда-то.

— Нет, вы и сейчас очень красивая.

— Обличье старое, а в душе, кажется, в классы хоть сейчас бы запрыгала, когда бы не болезнь. Теперь вот не живу, а скриплю как несмазанная телега под тяжестью страданий и забот. А ведь еще прошлым летом, бывало, светлое ситцевое платье надену и иду на луг теленка поить. Солнце светит, ветерок прохладный освежает. Легко на душе. Мысли добрые бегут. В кармане кусок хлеба, на ногах резиновые сапоги сорок второго размера, а в сердце покой и восхищение удивительной красотой. Нет большей радости, чем любовь к жизни, природе, людям. Душа переполняется счастьем, и не находится в ней места плохим мыслям. Очарование природой рождает очарование жизнью. От радости и красоты в сердце простор. Что в сравнении с этим мелкие заботы, неудачи?.. Страдания и наслаждения всегда скроены по душе. Большой душе — большие мучения и великие радости.

По ее морщинкам, как по мелким расщелинам заскользили светлые слезинки.

— Бабушка, но вы, ...но у вас же... возраст, а вы как девчонка...

— Ну и что? Помню, сердце затрепетало как воробушек, когда прошлой весной вдохнула жасминового цвета, голова кругом пошла. Говорят, в старости люди острее чувствуют весны, и мне иногда кажется, что теперь ярче воспринимаю природу, будто боюсь потерять способность чувствовать. Дороже теперь каждое светлое утро. В солнечный день легкость вдруг появляется. Хочется разбросать руки-крылья и полететь ввысь... Услышу чириканье и сама не замечаю, как начинаю петь что-то легкомысленное, молодое. Будто третья молодость пришла, и думаю тогда, что не пора еще червей кормить...

— Ну и шуточки у вас, бабушка! — грустно смутилась я.

— Ирония в моем возрасте уместна. Какой толк серьезным, надутым индюком ходить, с юмором надо к жизни относиться, чтобы не зачахнуть. Думаешь, эка молодуха выискалась?! — улыбнулась бабушка. — Другой уже в сорок лет старым себя считает, а мне повезло. А как заболела, сразу почувствовала, что душа моя разметалась годами и теперь осыпается песком.

— Черствеет душа с возрастом?

— Угасает. Нет блеска в глазах, нет радости в душе. Утрачивается вкус к жизни. Знаешь, что одновременно удлиняется и укорачивается? Жизнь, детка. Старение — естественный процесс, болеть плохо. Уходить надо вовремя, не стоит долго залеживаться на этом свете. Правда, когда болеешь, есть время подумать, оглянуться на прожитое. В молодости хороший человек иронией защищается от сильного и злого. А в старости от себя. С возрастом человек начинает осознавать, что жизнь измеряется не продолжительностью, а добрыми делами; что в жизни надо искать не удовольствия, а радость. Все мудры задним числом.... А мы воспитаны на жертвенности, привыкли мучиться и находить в этом удовлетворение. Не правильно это. Конечно, женщине в семье часто приходится выбирать между своими желаниями и необходимостью, и она выбирает необходимость, детей, семью. Но надо, чтобы семья не забирала ее полностью. Что-то должно оставаться и ей. Но наши женщины, к сожалению, чаще всего живут по законам, которые диктуют им мужчины. А нужна гармония. Я не о богатстве, ты понимаешь?

Когда заболела, жизнь начала больше ценить. Парадокс? Болеть, страдать и бояться потерять эту мучительно трудную жизнь!? Знаешь, чем отличается молодой больной от старого? Тем, что старый думает, а может, и осознает, что болезнь уже навсегда с ним. Есть одно главное несчастье в жизни — неизлечимая болезнь, остальное — преодолимые мелочи. Я имею в виду мирное время... И все же, как быстро пролетают погожие недели и как длинны ненастные дни и нескончаемы темные ночи. Это похоже на детство и немощную старость.

Если мучения преобладают, то все чувства, кроме боли, притупляются, и тогда уже ничего не хочется. Но такие минуты редки. Человек цепляется за жизнь. И не из-за страха неизвестности. Просто хочет жить. Все, что не убивает, делает сильнее. Молодые об этом не могут и не должны задумываться.

— А в чем смысл жизни?

— На каждом этапе он свой. Для тебя сейчас — познать как можно больше, научиться любить, ценить, уважать. А для меня — в том, чтобы жить, понимаешь, просто жить, радоваться тому, что живу.

— Мудрено говорите. Любить люди тоже учатся?

— Конечно. Все самое лучшее в человеке пробуждается с любовью. И желание творить, а не «вытворять».

— Слово «творить» происходит от слова «творчество», а «вытворять»?

— Наверное, от ругательного «тварь», — пошутила бабушка.

Сажу рядом с бабушкой и вяжу носок. Бабушка откинулась на подушку, а я спиной чувствую — улыбается.

— Ба, о чем вы сейчас думаете?

— Мужа, Илюшеньку, вспомнила. Хорошо он говорил: «Моя семья — мое хобби». — И добавила грустно: — Давно одиночество поселилось в моей груди, а печали только прибавляли седин. Вот строчки из стихов вспомнила: «Где потери, там реки тоски и стенаний, серый пепел тяжелых невзгод». И еще: «Неровные тени обид, сожалений тянутся вслед за бедой». После папеньки большая библиотека осталась. Она была моей постоянной отрадой. Всю жизнь дядюшку благодарю за то, что не продал ее в трудные времена.

— Вы никогда о втором муже не рассказывали. Недостоин он вашей памяти?

— Слабым он был, капризным, бесхребетным. Злой души человек. Не раз я ему говорила, что смотрит он на мир глазами Валентины Петровны, маменьки своей. Представляешь, встречу его пьяным, мне стыдно, виноватой себя чувствую, а ему хоть бы что! Его сестра Катя в большую семью замуж пошла. Муж не уважал ее. Бывало, дружков и родню позовет, а Катя — прислуживает. Она терпела-терпела, да как пошлет их всех матом. Оглоблю схватила и давай гнать пьяниц из дому. С тех пор мир в их семье. С такими людьми надо на их языке разговаривать, они только более сильного боятся. А я не могла

матом. Воспитание не позволяло. Презирали они мою интеллигентность. Не ко двору пришлась. Слишком хороша для них была. Они возле меня себя неполноценными чувствовали. Раздражала их моя доброта, мягкость, честность. Унижали меня, оскорбляли. А я смирной не была. Сама через год ушла. Объяснять долго не стала. Правда не многословна. Ложь и лесть кружева плетут, — устало вздохнула бабушка. И, помолчав, добавила: — Пьянство от пустоты в душе. Если с детства в душу ничего не заложили, то во взрослом состоянии ее водкой заливают. Горит душа, а отчего, человек понять не может. Вот и ищет простых путей — залить глаза и ни о чем не думать. Лекарство должно быть духовным. Идеалы добра и милосердия должны быть для человека главными. Не только раба, но и палача необходимо выдавливать из себя.

— Почему он не ценил вас, не видел счастья рядом с собой?

— Не всем это дано. Да и варенье на чужом куске всегда вкуснее, — пошутила бабушка.
— По-разному мы понимали счастье. Если человек не уважает чувства другого, он и себя не умеет ценить. Кто во всех своих бедах винит кого угодно, только не себя, тот никогда не сможет наладить свою жизнь. Когда любят человека, то стремятся его оправдать, если нет, то ищут способ обвинить. Вот так он и жил. Не напрасно я сомневалась в своем выборе... Сердце не проведешь. Оно не обманывает. Надо слушать свое сердце.

Мой второй муж был из тех, которые свою ошибку любят, а чужую ненавидят. Как-то его мама повела себя непристойно с чужим мужчиной. Меня не постеснялась. Я мужу рассказала. А он воскликнул с восхищением: «Какая у меня мама темпераментная!» «А что бы ты обо мне в такой ситуации сказал?» — спрашиваю. «Шлюха», — ответил он резко.

Вот тебе пример мужской логики, — задумчиво усмехнулась бабушка. — Любил он хвалиться прилюдно непорядочным отношением к женщинам. Ни мой первый муж, ни мой отец не поняли бы его. Чувство стыда и сострадание делают человека человеком. У простых русских людей мало уважения к себе. Не привыкли, чтобы расшаркивались перед ними. Веками их достоинство принижали, к земле спину пригибали. Вернее, оно есть, но слишком глубоко закопано в душе, редко и с трудом пробивается наружу. Достоинство — мера истинной ценности человека, ниже которой он не должен падать. Я по молодости гордой была. Теперь вот устала постоянно бороться, отстаивать себя.

— Почему мужчины и женщины часто не понимают друг друга?

— Много тому причин. Мыслим мы разными категориями. А чаще всего — не хотим понимать. Свое желаем навязать.

— А какой выход?

— Компромисс — наше спасение. Хотя всему предел есть: и терпению, и способности уступать, и принципиальности. Важно, чтобы партнер ценил все эти качества, иначе для него смысла в них нет. Если добродетели женщины от души мужчины, как стальные шары, будут отскакивать, тогда ни к чему ей жертвовать собой.

— Бабушка, все-таки скучная у нас жизнь. Мне хочется совершить что-нибудь особенное. Я читала, что одна женщина в Англии двадцать лет ждала своего любимого из плавания.

— Каждый человек — огромный непознанный мир. Еще неизвестно, смогла бы она прожить с ним эти двадцать лет. Ждать легче. Иногда проще отдать жизнь, чем ее продлить. Достойная жизнь человека и есть подвиг. Герой — человек, у которого хватает сил в любой ситуации оставаться добрым. Первейшая из всех добродетелей — радость. Мелкие житейские проблемы подтачивают любую душу изо дня в день. Некоторые люди от убогости жизни забывают, что внутри каждого из нас целая сокровищница доброты, чистоты, невостреманного героизма, и сами превращают свою жизнь и жизнь близких в кошмар. Человека делает прекрасным его благородное сердце.

— А Бог — добрый?

— Мой — да. Знаешь, у меня братик был. На два года постарше меня. И вот когда ему было шесть лет, родители с гостями о боге спорили. Один утверждал, что Иисус был великим, но человеком, а другой доказывал, что он Бог. Ромик слушал, слушал, а потом вдруг так серьезно, с каким-то глубоким вздохом сказал: «Я думаю, он был Бог». И так

он это сказал, что мне не по себе стало. На всю жизнь этот момент запомнила. Наверное, в сердце отметина осталась... И я теперь сложила свою вину и печаль к стопам Божиим... И до твоего сердца Господь дотронулся. Помни это... Умней, Аннушка, чтобы больше пользы принесла твоя доброта. Святая простота часто бывает оплачена печалью. Бог создал мир светлым, прекрасным и гармоничным, а человека — свободным. Люди вверх дном переворачивают его своими гадкими желаниями. Воздастся им по заслугам за все несправедное.

Смотрю я на бабушку и удивляюсь. Злости никогда не слышу в ее голосе. Все больше горечь, жалость к людям. И о плохом говорит мягко, с сожалением. А как улыбка меняет ее лицо!

— Мне в колхоз пора. Сегодня бураки прореживать будем, — говорю я.

Бабушка огорченно всплеснула руками:

— Задержала тебя? Не опоздаешь? Беги, детка. Хорошо растерла. Водички холодненькой дай испить. Горит нутро. Спасибо.

— Пока, — махнула я рукой и скрылась за дверью с грустным теплым чувством к ней, моей любимой бабушке.

ЛАСТОЧКА

Петя — худенький, малорослый, спокойный кареглазый мальчик с Красной улицы — этим летом пас стадо уже один. Митрич совсем постарел, ноги его не держат. А Петя самостоятельный, надежный, четыре класса закончил.

Приключилась с ним в этом году интересная история. Апрель был. Еще по утрам холод стоял по низинам, а у лесочка тепло, потому что пригорок. Петя зорко следил за стадом. Ответственность понимал.

Все коровы еще в марте отелились, и молодняк хозяйки дома отпаивали. А вот Ласточка что-то не торопилась приносить своего первого теленочка. Хозяин каждый день, встречая свою тяжелую, на сносях буренку, строго вопрошал Петю:

— И сегодня нет? Не потеряй приплод! Смотри, забью!

Петя в ответ только сердито шмыгал носом. Ласточка — неприметная, худенькая коровка, с сероватой, чуть курчавой шерстью. Хлопот с нею не было. Бодаться она не любила. Без норова скотинка. Хлыста ей никогда не доставалось, голоса слушалась и с луга никуда не уходила.

В тот день присел Петя перекусить. Хорошо кормили пастуха. Каждый день новая семья в порядке очереди приносила корзинку еды. Считалось зазорным не дать пастуху если ни мяса, то хотя бы сала. А уж об овощах и речи не велось. Ведь на улице целый день на ногах приходится трудиться пастуху без подмены!

Поел Петя еще не остывшей картошки, молоком запил. Сало на вечер оставил, разделив кусок пополам, чтобы младшую сестренку Валюшку угостить. Завернул снедь в газету, сложил в корзину, повесил ее на сук и отправился обходить стадо. Тю! Где же Ласточка? Обомлел. Кинулся к лесу. А он весь истоптан копытами, следы смешались. Травы на лугу мало, так скотина и край леса прихватывала. Туда, сюда глядит Петя, нет нигде коровки. Весь березняк прочесал. В смешанный лес идти бесполезно. Там следа не разглядишь. Вернулся к стаду, а Ласточка лежит себе у самой речки, видать воды только что испила. Глянул пастушок на живот скотине, а пуза-то нет! Охнул он, и присел прямо на влажную землю. Потеряла приплод, зараза! Где теперь его искать?

Уж три раза обошел Петя лесок и даже сосняк разок проскочил. Нет теленочка. Вечером хозяин, обнаружив пропажу, кинулся к Петиному отцу с грубыми обвинениями. Тот возмутился и со словами: «Не иголка, смотри сам», — открыл хлеб.

— Загнал твой щенок теля, — орал хозяин остервенело.

— Иди в лес, и поищи сам. Мальчонка все ноги избегал, а ты только орать мастер, — отрезал отец Пети.

Помотался хозяин по лесу, но ничего не нашел. Злость ему глаза застила. Вот и порешил, что «гаденыш шустер оказался». Соседки, как могли, осаживали его, но он был непреклонен, и каждый раз при встрече повторял: «По осени отдашь своего бычка». Петин отец отмалчивался, зная буйный характер мужика.

А Петя заприметил, что Ласточка каждый день на время пропадает из стада, но никак он не мог уловить момента ее бегства, как партизанка, — скрывалась. Только тут, а через минуту будто растворялась в кустах. Потом снова появлялась и продолжала пастись. Пока Петя стоит около Ласточки, она неторопливо щиплет траву, но стоит отойти, чтобы завернуть к стаду отбившуюся корову, тихоня сразу исчезает. Тогда попросил он своего дружка помочь разгадать секрет. Любопытен был Венька донельзя. А узнав об интересном явлении, не заставил себя долго упрашивать. Только кусок сала запросил на случай удачно проведенной операции. Конечно, в пять утра вставать Венька не стал, к девяти пришел. Но в самый раз. Ласточка еще находилась в стаде. Петя стадо стерег, а друг издали за беглянкой следил. Вдруг буренушка, не торопясь, как-то бочком-бочком низинкой подалась в лес. Мальчишка за ней чуть ли ни на коленках. По березовому прилеску Ласточка побежала трусцой, а по сосняку — уже рысью. Венька еле поспевал за нею. Ему же на всякий случай еще за деревья прятаться приходилось. Взобрался он на бугор, заваленный старым полусгнившим сушняком. Ворох огромный. Наступишь на край и провалишься по пояс. Ноги поломать можно. Пока Венька обошел кучу вокруг, буренку из виду потерял. «Ну, лопух, проворонил, — корил он себя, — проиграл сало! Завтра придется снова приходиться. Обещал ведь». Вдруг услышал треск сухих сучьев. Откуда-то из-под бурелома, через седой, обросший мхом сухостой, пригнувшись, выбралась Ласточка, а за нею такой же кудрявый, только белый, теленок. Буренка остановилась у ближайшего куста и теленок начал сосать молоко. Венька потихоньку, в присядку, выбрался из-за кучи на тропинку и помчался обрадовать товарища. «Что сало! Теперь все село узнает обо мне! А Петькин отец на радости тоже чем-нибудь угостит!» — восторгался он.

Конечно, больше всех радовался Петя. Снял друг с него недоверие и вину за плохую работу. Теперь злой хозяин Ласточки, может, даже извинится перед отцом? И телка своего отдавать не придется по осени. Обнялись они с Венькой и давай визжать, хохотать до слез, и кататься по траве.

— Петь, а чего Ласточка домой теленка не привела? — спросил Веня.

— В природе ведь как? Где отелилась, там и кормит. Не может корова против природы ничего поделывать. Это человек ведет скотину домой.

Венька побежал в деревню, чтобы первому сообщить радостную весть. И Петя еле дождался того часа, когда можно гнать стадо домой. Хозяйки улыбались ему приветливо. Хвалили. А он смущенно опускал глаза в землю.

Я тоже радовалась за Петю.

ЗАБАВЫ НА РЕКЕ

С консервного завода иду коротким путем вдоль реки. На пологом берегу, на маленьком песчаном пляже сидят взрослые. Дети купаются. А я остановилась и смотрю, как перемещаются потоки воды, как суетятся мальки на мелководье.

Вижу Надю с улицы Ленина. Она плывет красиво, как русалка или огромная белая рыба. Вернее, она просто плавно скользит между слоями воды с закрытыми глазами и мечтательной улыбкой. Руки и ноги при этом расслаблены. Издали можно подумать, что поток тянет за собой большую светлую водоросль. Пока наблюдала за Надей, я не заметила, чтобы она дышала. Это удивило и насторожило, а потом испугало меня.

Неожиданно течение понесло Надю на глубину, а она, не чувствуя беды, продолжала находиться в блаженном состоянии. В следующее мгновение я сообразила: тонет! И нырнула за нею, не снимая платья. Но не успела поймать за плавки. Выскочила на берег

и кричу: «Тонет, тонет в яме!» А сама дрожу от волнения и знакомую женщину, которая умела хорошо плавать, за руку хватаю. Та нырнула и тут же вытащила Надю на берег. Лежит бледная девочка на берегу и улыбается с закрытыми глазами, будто не вышла еще из задумчиво-мечтательного состояния. «Она представляет себя обитательницей рек и морей? Помогла я ей или помешала, не пойму? Может, она не тонула? И все же мне спокойнее, когда Надя на лугу. А вдруг она в состоянии блаженства наглоталась бы воды и не смогла выбраться из глубины? Ведь плавать она не умеет, только барахтается», — думала я.

Подбежала Надина мама и со слезами на глазах спрашивает: «Как же ты заметила мою дочку?»

— Не знаю. Я все примечаю, даже если мне не нужно. Дома всегда знаю, где что лежит, и бабушке подсказываю. Память у меня такая. А Надя не осознавала, что могла утонуть? — спросила я.

Мама девочки ничего не ответила, только обняла меня за плечи.

Платье сушится, а я сижу на берегу, в себя прихожу после неожиданного волнения. От кустов на песке танец бликов и теней. От жары глаза, будто на горячей сковороде. Накинула платье на голову и пошла дальше.

На повороте реки меня догнали девочки с нашей улицы. Они плыли на лодке. Валя сидела на веслах, Зоя — на носу, а ее сестренки — на дне лодки. Зоя болтала ногами в воде, с удовольствием принимая брызги на себя, и пела песни. Вода в этом месте реки густо покрыта желтыми кувшинками и мелкой ряской, которую едят стада уток. Девочки ехали за белыми кувшинками, потому что гирлянды бус из желтых цветов на длинных стеблях уже обвивали их шеи. Венки подружки украсили рогозой (камыш). По нарядам они представляли собой что-то среднее между индейцами и представителями племени «ням-ням». От желания перешеголять друг друга, они изобретательны и поэтому очень довольны собой.

Вдруг Зоя дико завизжала, замахала руками и начала, что было сил, бить ногами о воду. Младшие, не поняв в чем дело, подняли крик: «Помогите!» Валя бросила весла и принялась успокаивать малышей, но они не умолкали. Наконец, Зоя, подняв ногу на всеобщее обозрение, истерично закричала:

— Снимите эту гадость!

Один мужчина с берега посоветовал уколоть пиявку булавкой, другой — посыпать солью. Я, наконец, сообразила, чего боится подруга, подскочила, оторвала пиявку и ополоснула руку в воде. Зоя вытаращила на меня глаза, а потом, успокоившись, принялась разглядывать место присоса. Тут она увидела, что у меня на ноге тоже висят две пиявки. Преодолев брезгливость, я оторвала их.

— И лягушек не боишься? — спросила Зоя.

— Нет. Они безобидные, только скользкие. А вот змей боюсь и ужей сторонюсь, потому что от страха могу их перепутать, — с дрожью в голосе созналась я.

Вот и белые кувшинки. Звездный хоровод! Нежные, с розоватым оттенком от лучей вечернего солнца, они сплошным ковром покрывали заводь.

— Не полезу в воду. В зарослях всегда много пиявок, — закапризничала Зоя, поджимая под себя ноги.

Я с удовольствием прыгнула в бело-розовую пену.

— Сорви мне эту, — показала рукой Зоя.

— Эту?

— Нет, дальше.

— Эту?

— Да нет, еще чуть-чуть подальше.

Зоя потянулась к цветку и свалилась в воду.

Вынырнув, она с визгом вцепилась в борт лодки. Сестрички кинулись ее вытаскивать и так накренили лодку, что сами свалились за борт. Лодка заполнилась водой. Поднялся невообразимый шум. И смех, и слезы одновременно слышались над рекой.

Мы с Валею с трудом перевернули лодку. Потом, пока я вычерпывала воду, Валя поймала весла и строго прикрикнула на малышей:

— Живо, цепляйтесь за разные борта! Здесь вам дна не достать. Отвечай потом за вас!

— Мы за цветы держимся, — оправдывались девочки.

Валя по одной втащила их в лодку, потом и я залезла, увешанная гирляндами цветов. Зоя сама поплыла к берегу. Сестрички все никак не могли успокоиться после неожиданного купания и, растирая гусиную кожу рук и ног, продолжали делиться впечатлениями. Валя завернула меньшенькую в свое платье и передала мне на колени. Я, как куклу, прижала ее к себе. Девочка дрожала от возбуждения и холода, и с ее тонких косичек мне на плечо стекали прохладные струйки воды.

— Отнеси Нину к нам домой, — попросила Зоя.

— Ладно, — ответила я.

Нина с удовольствием взобралась мне на плечи. Ей не привыкать к такому виду «транспорта».

Вдруг погода резко изменилась. Откуда-то набежал низкий сильный ветер, зашуршал травой, зашелестел в кустах, поднялся выше и стремительно погнался облака в кучу. Не успели мы и половины пути пройти, как крупные редкие капли дождя обстреляли нас. Вокруг ослепительное солнце. А над нашей головой черная тучка. Несколько минут — и мы опять мокрые, как «цуцики». Дождь проводил нас до самого дома и закончился. Мы не в обиде на него. Летний дождь — прелесть! Малышня с восторгом носится по улице, подставляя мордашки последним каплям и шлепая босыми ногами по мгновенно образовавшимся лужам. Трава-мурава умылась и радостно улыбается искрящимися жемчужинами. Облако, разбрызгав остатки дождя, превратилось в стадо сказочных баранов. Хорошо!

Глава Первая

ЛЯГУШКИ ЗА ПАЗУХОЙ

В пятом классе по каждому предмету разные учителя. Я не боюсь их, потому что мне нравится учиться. Математик Петр Андреевич иногда кричит на лентяев, а все равно за версту видно — добрый. Евгения Александровна мучает зубрежкой правил по русскому. Я понимаю, что она права, и все же этот предмет для меня самый нелюбимый.

Сегодня Мария Ивановна попросила меня поймать пару лягушек, чтобы на уроке биологии показать, как бьется сердце и работает кровеносная система земноводных. Я наловила целую дюжину и принесла в школу. Девчонки даже смотреть не захотели на моих пленниц. Тогда я открыла трехлитровую банку, вытащила за лапку самую большую лягушку и давай носиться с нею по партам до тех пор, пока в классе никого не осталось. Мне этого показалось мало, и я выбежала во двор, пытаюсь кого-либо поймать, чтобы бросить лягушку за шиворот. Я так увлеклась игрой, что не заметила, как двор опустел. Оглянулась вокруг. Куда все пропали? Все трусы? Наконец догнала одну семиклассницу, но та с таким диким визгом сопротивлялась, что я пожалела ее и отпустила. Юлия Николаевна (учительница математики в параллельном классе), наблюдавшая за мной, спросила насмешливо:

— Никого не догнала? Ну, давай я тебе ее за пазуху положу. Не зря же ты ее ловила?

Я растеряно пробормотала:

— Для урока биологии ловила. Резать будем сегодня.

— Ты решила полезное с приятным совместить? Не получилось? Нервы дали сбой? — снисходительно обронила математичка.

Мои уши заалели.

— Пожалуйста, кидайте мне за шиворот! Я не боюсь, не брезгливая, — ответила я с вызовом, расстегивая верхнюю пуговицу на платье.

Юлия Николаевна только головой покачала. Мне стало не по себе, захотелось заглядить перед учительницей неприятное впечатление от своего безрассудного поведения, но было поздно. Она скрылась за дверью корпуса.

На уроке Мария Ивановна попросила двух человек помочь ей держать лягушку, чтобы не поранить сердечную мышцу. Первой вышла Рая Соловьева. Я опустила голову. Не буду высываться. Опозорилась на перемене. Опять «тормоза не сработали». Тут весь класс зашумел:

— Не стесняйся. Иди к доске.

После этих слов я не могла отказаться. Учительница объяснила, что лягушка не жаба и от нее не будет на руках бородавок.

Но через три дня и у меня, и у Раи на пальцах, которыми мы держали лягушку, все-таки появились мелкие бородавки. Мы показали их учительнице.

— Может, они у вас от страха? — предположила она.

— Ну, только не у меня, — рассмеялась я и покраснела.

«Хорошо, что не догнала никого и не «наградила» бородавками» — подумала я. Господи, сколько еще во мне глупости?! И вдруг удивилась: «Куда делись огромные, ужасные еще детдомовские бородавки, которые «заговаривала» немая соседка, когда я жила у папы Яши? Неужели молитва помогла? А может, они исчезли от сока фикуса? Я им во втором классе целый месяц руки лечила. Странно, будто одним днем пропали! Ура! Руки теперь чистые, белые. Не надо их прятать за спину, врать, что грязные, или краснеть, когда друзья хотят поздороваться по-взрослому».

НА ПСИХОВАННЫХ И ДУРАКАХ ВОДУ ВОЗЯТ

Встала с постели, накинула на плечи байковое одеяло и выскочила на крыльцо. Утро начиналось янтарною зарею. Лучи холодного солнца осколками зеркал рассыпались по небу. Туман над рекой лежал устало, серо, стыло. Он поглотил даже крест на колокольне бывшей церкви, расположенной в низине у реки. Зеленый цвет листьев яблонь побледнел. Он уже не такой насыщенный, как месяц назад. От первого ночного мороза на кустах смородины почернели края листочков. Грустят деревья на ветру. В окно сердито тополь бьется. И мне что-то невесело. Впечатления вчерашнего дня еще не остыли.

За работу меня никогда не наказывают. Тут не придерешься. Но язык — враг мой. Молчу-молчу, а потом не выдержу и «ляпну» что-либо. Не совру, нет. Это не мой конек. Просто честно скажу там, где надо промолчать. Особенно, если увижу несправедливость. Знаю, что не имею права осуждать взрослых, высказывать свое мнение, в котором они не нуждаются, но, когда срываюсь с тормозных колодок, мне и черт уже не брат. Не существует для меня в этот момент ни начальника, ни родни. Есть только несправедливый человек.

Вчера утром старшая сестра Люся предложила мне пойти на станцию в новых босоножках, но я «утонула» в них. А вечером, когда мать примеряла их, я сдуру брякнула: «Правда, нарядные? Жаль, что Люсе не подошли. Нога у нее широкая». Мать вдруг в сердцах как закричит: «Что ей не гоже, дай мне боже!? Подарочек привезла! Чем выкинуть, лучше мне предложить?!» А еще она догадалась, что отец потихоньку от нее купил их в сельмаге и подарил дочери. И пошло-поехало! Только тут я поняла, какую сделала глупость.

Господи, отчего же я такая наивная! Ведь в прошлый раз уже попадала в историю! Сказала Люся нашей матери неприятное. Она, конечно, обиделась, а за обедом потребовала, чтобы я при всех повторила эти слова. Я возражала, но мать приказывала, взглядом давила. Пришлось послушаться. Отец тогда скривился, глаза к полу опустил. Я успела увидеть в них: «ненавижу». А мать ничего не замечала и торжествовала, вот, мол, какая твоя дочь плохая! А мне гадко было. Я думала о том, что больше никогда в жизни ни о ком не скажу плохо и слова чужие не стану повторять. И вот опять «влипла»! Но я же не знала, что Люся матери их подарит! Я поняла, почему мать обиделась. Не для нее покупался подарок. Но зачем же так злиться на девушку, которая чуть ли ни в дочери годится? Где Люсе взять денег на подарок? Она же студентка. Зачем ее обижать? Ей и так несладко. У Люсиной матери теперь своя семья и двое детей. Нравится нашей матери или не нравится, но надо привечать дочку отца. Может, Люся на самом деле решила, что, чем добру пропадать, лучше предложить мачехе. Уверена, она без задней мысли это сделала. Я тоже запросто могла так поступить. Значит, и меня могли осудить? Об этом и сказала матери. А получив нагоняй, убежала во двор, чтобы поскорее разрядиться и не наговорить лишнего. «Неужели мать не понимает, что обида отца бумерангом вернется, и мне еще больше и больнее будет доставаться от него? Ей это безразлично, или она тоже не контролирует себя? Обида затмевает ее разум? А зачем меня за то же самое ругает?» — размышляла я. — Люся простит нашу мать или всю жизнь будет обижаться? А как надо? Как лучше для нее? Я быстро прощаю и забываю, но мне опять напоминают. Люсе легче, она живет в городе. Приезжает только в гости, а на каникулах живет у дедушки с бабушкой, которые очень любят ее и балуют. Я тоже хочу, чтобы меня немного побаловали, но ехать некуда и не к кому...»

Посреди двора лежит целый воз орешника. Мы собирались чинить плетень со стороны огорода, да руки не дошли. Орешник пересох и теперь годился только на растопку печки. Я кинулась искать маленький топорик. На месте его не оказалось. Будучи взвинченной, разозлилась еще сильнее. Не выношу безалаберности! Каждый раз тратить драгоценное время на поиски глупо! Схватила большой топор-колун и давай рубить орешник на удобные для плиты палочки. Но топор был слишком тяжелым. Через час я в изнеможении бросила его на землю. Раздражение не проходило. Я чувствовала, что мне надо продолжить работу. Отнесла топор на место и принялась руками ломать прутья. Ломала зло, с остервенением, продолжая в уме перемалывать и анализировать услышанное. Палки хрустели под моими руками. Толстые, с руку толщиной, откладывала в сторону. Чем больше уставала, тем спокойней текли мои мысли. Проблемы уже не казались столь громадными и неразрешимыми. Люди не представлялись такими уж злыми и жестокими. Я начинала сочувствовать обеим сторонам, жалеть их. И работа шла

ритмичнее.

Часов через пять я уже не могла разломить и тонкой палки. Взяла топор и, не торопясь, принялась колоть толстые стволы. Руки и ноги дрожали от усталости. Я начала промахиваться. Но привычка пересиливать себя заставила закончить дело.

Бабушка дважды выходила во двор, но не решалась подойти ко мне. Я была благодарна ей за понимание. Отец, проходя мимо, «проехался»:

— На психованных и дураках воду возят.

Я промолчала. С чего вам нервничать? У папочки и мамочки любимчиком рос. Бабушка рассказывала.

За ужином все смеялись, вспоминая, сколько усилий потратили, чтобы подобрать и нарезать ровный орешник.

— Теперь не надо на зиму лучину заготавливать, орешником будем печь растапливать и тебя добрым словом вспоминать, — подвела итог дня бабушка.

Ее слова — бальзам на мою душу.

ЛЕКАРЬ

Поехали мы как-то всей семьей в Обуховку, в гости к родителям отца. День стоял теплый, тихий, солнечный. Неспешно катилась телега, утопая в мягкой пыли проселочной дороги. Показался лес. Самоцветами осени наградила его природа. Разметала она брызги красок сказочного калейдоскопа. Светло, нарядно вокруг! Моя душа улыбалась и наполнялась очарованием.

Не заметила, как подъехали к большому старому дому с широким двором и многочисленными хозяйственными постройками. За сараями находилась пасека, а за нею — огромный старый сад.

В хате полным-полно гостей. Коля объяснил мне, кто из них родственники, а кто — соседи. Но в суете праздника я толком никого не запомнила, кроме бабушки Мани и дедушки Тимофея. А тут еще заехали к отцу друзья школьных лет. Естественно, выпили, вспомнили детство. Время вихрем пролетело. Схватили гости сумки и побежали за ворота. Бабушка Маня, увидев на столе забытый сверток с угощением, бросилась к калитке догонять гостей, да запуталась в длинных юбках и упала с высокого кирпичного порога, поломав в нескольких местах руки и ноги.

Отлежала она в больнице положенное время, срослись у нее все косточки, а ходить все равно не получалось. Сделали рентген. Ничего плохого доктор не разглядел, и стал теребить бабуся:

— Ходи, не ленись. Дома на печке у деда валяться будешь.

— Та хйба ж я придуряюсь!? Мне самой домой охота поскорей попасть, — кряхтя, ворчала старушка.

Врач ей не поверил и выписал из больницы. И тогда купил отец костыли бабушке и горько пошутил:

— Ничего, маманя, на трех ногах вам легче ходить будет.

— Да уж, наверное, недолго мне кандыбать придется на них. А на том свете костыли не пригодятся, — усмехнулась бабуся.

— Будет вам, мама, об этом думать, — с укоризной в голосе заметил отец.

— Да о чем мне теперь еще думать? Нажилась я, сынок. Хватит. Не хочу небо коптить. Не боязно мне уходить, — услышала я спокойный ответ и удивилась его простоте и будничности.

А через месяц прослышали мы, что в соседнем районе какая-то «бабушка» лечит от многих болезней, и диагнозы ставит лучше некоторых городских врачей. Повез отец бабу Маню к ней. Мы с Колей тоже увязались с ними.

Подъехали. Встретил нас крепкий молодой человек лет двадцати пяти.

— Мамани дома нет. Поехала помочь в родах внучатой племяннице. Нескоро вернется. Руки у нас с нею одинаковые. Оставайтесь, — пригласил он.

Отец в нерешительности топтался на месте.

— Ваня, подь сюда, помоги, — позвал кого-то молодой человек.

На крыльцо вышел мужчина постарше. Они осторожно перенесли больную на кровать. Молодой человек принялся медленно ощупывать ногу бабушки от кончиков пальцев и выше. Закончив осмотр, он сообщил:

— Бабушка, у вас трещина на шейке бедра. Операция нужна. Надо ехать в город скобки ставить.

— На костылях буду ходить. Не поеду больше в город, — запротестовала баба Маня.

— Наверное, вы правы. Кости у вас хрупкие. Операция может пройти не совсем удачно. А организм у вас великолепный, как у молодой. На руке кости без гипса срослись? — поинтересовался он.

— А почему, милок, знаешь, что они гипс не поставили? — удивилась бабушка.

— Так ведь криво срослись.

— В больнице доктор сказал: «И так сойдет. Все равно тебе умирать пора». — Пошутил он, — поторопилась оправдать доктора бабуся.

— Конечно, пошутил, — с грустной усмешкой подтвердил молодой лекарь.

Отец был поражен чувствительностью рук и познаниями в медицине деревенского парня, но решил проверить их еще на себе. Лекарь согласился. Его крупные, грубые руки легко заскользили по телу. Иногда он придавливал некоторые участки тела и при этом как бы прислушивался к своим ощущениям, наконец, сделал вывод:

— Запас вашего здоровья до девяноста лет. Ваше слабое место — печень. Спиртным не увлекайтесь, даже по праздникам. Сердце великолепное. Есть у вас болячка, она всегда будет с вами, но особых волнений не принесет. Приезжайте еще лет через тридцать, — с улыбкой добавил он.

Отец остался доволен осмотром. Подтвердился диагноз обследования в больнице.

— Почему вы с таким талантом в городе не работаете? — по-отечески серьезно поинтересовался отец.

— Каждый сам должен решать, на что будет растрчивать свой дар. Я предпочитаю самостоятельно изучать науки. К тому же работаю конюхом в колхозе, в огороде возжусь. На жизнь хватает. Много ли надо человеку, если он живет в ладу со своей совестью? Народ к нам со всей округи едет. Денег не берем. Дар божий дается, чтобы людям помогать. Кроме всего прочего, город может убить во мне эту способность. И тогда буду мучиться, что не исполнил того, что судьбой назначено.

Говорил он спокойно, обыденно, без похвальбы. И чувствовалась в этом простом человеке огромная духовная сила, добродетель бесконечная, мудрость не по годам.

Я подошла к нему и потрогала его ладони. Лекарь улыбнулся широкой крестьянской улыбкой и положил руку мне на голову. Прикосновение было приятное. Он не жалел. Он поощрял.

КУСТИК

Вышла на крыльцо. Тусклое, серое утро. «Осеннее тепло как жар печи угасшей», — подумала я с грустью. Черной метелью над выгоном взметнулась птичья стая. Ветер лениво шевелит сухую ботву на плетне. Низкие серые тучи грозят холодным дождем, но извергают лишь редкие мелкие брызги, которые то возникают с порывами ветра, то вдруг исчезают, будто опять возвращаются в небо. Мои мысли под стать погоде — неуютные, порывистые и мокроглазые. В общем, дрянь-мысли.

Застегнула разошедшиеся фалды старого бабушкиного пальто и открыла садовую калитку. В конце нашего огорода растет абрикосовое дерево. Его никто не сажал. Само из косточки выросло. Издали оно красиво смотрится — как с картинки из книги по истории Древнего Китая. Ствол корявый, изогнутый, ветви наклонены в одну сторону и будто кланяются непогоде, защиты просят.

Подошла ближе. Теперь грустно на него смотреть. Кора во многих местах повреждена, закручена или бахромой кудрявится. На стволе глубокие извилистые трещины. И ветры дерево треплют, и ребяташки обламывают, когда срывают диковинные плоды. А придет весна, и снова буйно зацветет южное «благородное» дерево, и густые молодые побеги потянутся к солнцу, скрывая сухие сучья и раны. Трудно жить ему в наших краях. Но ведь не вымерзает! Может обилие снега спасает? Или акклиматизировалось?

Мимо меня промелькнул рыжий кот Пушок и напомнил грустную историю своего появления у соседки, бабушки Лизы.

Было такое же осеннее утро. Я бродила по огороду. И вдруг что-то непонятное привлекло меня и потащило к кусту черной смородины. Я послушалась невидимого ведомого и заглянула под ветки. В глубокой лунке на опавших листьях, свернувшись клубочком, лежал белый котенок с ярким розовым пятнышком-носиком. Взяла малыша на руки. Он не сопротивлялся. Тельце и лапки вялые. Видно, промерз, бедняга. Я отнесла его к бабушке Лизе. Она долго раздумывала: брат, не брат? А когда котенок согрелся и открыл глаза, мы ахнули одновременно: «Голубые!»

— Какой хорошенький! Красоте невозможно противиться. Оставлю, — согласилась соседка.

Сначала две старые кошки не приняли малыша, все шипели на него. Но потом одна из них, та, что моложе, сама подошла к котенку, облизала его и даже позволила себя сосать, хотя молока у нее не было. Он грелся на животе новой мамы, а она терпеливо лежала на спине.

Кошки были старые, давно не ловили мышей и вскоре одна за другой пропали. «Умирать ушли», — объяснила мне бабушка Лиза. И Кустик, так мы назвали найденыша, остался один. Первое время он очень скучал, мяукал, обнюхивал углы хаты и все время не отходил от бабушки. Она жалела его, гладила по спинке и приговаривала: «Второй раз без мамки остался, горемычный». Потом наливала тепленького молока, ставила блюдце себе на колени и кормила малыша. Котенок медленно лакал, потом закапывался в широких складках бабушкиной юбки и засыпал. Она его не перекладывала, а вместе с ним дремала у стола, облокотившись на шкафчик с посудой. Отправляясь на огород,

бабушка брала Кустика с собой. В ведре его носила. Когда он немного подрос, то на огород ходил сам рядом с бабушкой, а, набегавшись, залезал в ведро и ждал свою хозяйку. «Наигрался, намаялся, маленький мой», — ласково ворковала баба Лиза и несла его вместе с овощами домой.

Она так привыкла к нему, что очень беспокоилась, если Кустик не шелестел рядом стеблями чеснока, не перепрыгивал грациозно через кочаны или не повисал на деревянных столбиках парника.

Однажды, убирая урожай в ветреную погоду, бабушка сильно застудилась. Температура — сорок градусов. Врач «скорой» приехал через пару часов и поставил диагноз — грипп. Вечером участковая подтвердила его слова. А молоденькая медсестра, что жила по соседству и часто заходила к бабушке, возразила каким-то неуверенным виноватым голосом:

— Воспаление легких у вас. Надо, чтобы сынок ваш, Иван Алексеевич, побыл с вами две-три ночи. Вызвать его?

— Зови, доченька. Худо мне что-то, — согласилась баба Лиза.

Ночью низкий фитиль лампы еле освещал бледное лицо бабушки. Она тяжело, прерывисто дышала. Сильный кашель сотрясал ее полное тело.

На мгновение жуткая тишина заполняла комнату, а потом опять стоны и хрипы вырывались из полуоткрытых губ больной. Иван Алексеевич ни на минуту не задремал. Страх за мать держал его в напряжении. Малейшее изменение в дыхании пугало его, настораживало, и он подходил к кровати, внимательно изучал лицо больной, трогал горячие слабые пальцы и замирал.

Кустик спал на комодке и только иногда во сне вздрагивал хвостом. Около трех часов ночи дыхание старушки стало угасать. Иван Алексеевич растеряно сидел у кровати, перебирая в памяти: «Все ли сделал? Чем еще помочь?» Слова медсестры Кати: «Эти два дня — критические», — не выходили из головы.

Вдруг Кустик проснулся, резко подскочил, будто его подбросили, и спрыгнул с комодка на кровать. Потом как-то очень громко заурчал, залез под одеяло и прижался к спине бабушки. Примерно через час он перебрался к ней на грудь. А когда вылез из-под одеяла, подошел к комоду и тут же на полу уснул. Будто сил у него не было залезть на любимое место — на вязаный коврик.

Наутро бабушка почувствовала себя лучше. А через неделю совсем поправилась. Медсестра потом шутила, что кот правильно поставил диагноз и спас бабушку. Вскоре приснился Ивану Алексеевичу сон, будто собака кричит и Кустик там же. Мальчик рядом стоит. Потом он исчез, а появился мужчина с ружьем.

Проснулся. Неприятно на душе. Маме сон рассказал. Она объяснила:

«Мальчик — это маета, а мужчина — ужас. Если даже Господь предупреждает нас о беде, распознать и избежать ее трудно». И пошла на огород.

Вдруг Иван Алексеевич видит в окно, что испуганная мать, насколько позволяют силы, бежит и палку на ходу бросает в сторону соседского огорода. Он выскочил на крыльцо. А Кустик уже у нее на руках, весь в грязи и крови. Соседский пес на него напал. Котенок открыл глаза, мяукнул и умер. Схоронили его под тем же кустом, под каким и нашли. Иван Алексеевич потребовал днем не отпускать с цепи агрессивную собаку. Сосед заупрямился. Иван Алексеевич только и сказал: «А если бы это был ребенок?» И ушел.

А вечером того же дня услышала бабушка Лиза, будто кто-то скребется на улице под окном. Вышла. На старом пне сидел рыжий пушистый кот и просился в дом. Покормила она его и оставила ночевать. Кот лег на больную бабушкину руку и заурчал. «Почему-то мне кажется, что есть в нем что-то от Кустика? Может, душа его переселилась в этого кота? А может, вообще есть связь между нами и животными?» — тихо и задумчиво говорила бабушка сыну.

Оказывается, кот раньше пытался прижиться у соседа, но что-то ему не понравилось и

он выбрал бабушку Лизу. Назвали кота Пушком. Вошел он в дом, все углы проверил, обнюхал, на каждом стуле посидел, свой запах оставил и стал хозяином...

Соседка сзывает курей. Я встрепенулась. Потом еще немного побродила по пустынному огороду, «поклевала» с кустов остатки красной смородины и направилась домой. На кухне распяла на вешалке влажное пальтишко и села за уроки.

НА СВЕКЛЕ

Мне всегда казалось, что девчонки чувствительнее ребят. Но один случай поразил и убедил, что все мы одинаковые. Просто взрослая жизнь заставляет мальчишек воспитывать в себе мужчин. Саша из шестого «Б» класса отличался от многих ребят тем, что очень много читал, совсем не интересовался спортом, военными играми, много изобретал, никогда не дрался и к тому же часто болел, что было явлением редким у сельских детей.

Как-то работали мы в поле. Свекольные кучи у наших классов оказались рядом. Саша сидел около меня. Он был весел и возбужден. Ему нравилось находиться в шумной компании, владеть вниманием девчонок, бурно реагирующих на его бесперывные шутки. Учительница уже трижды просила Сашу одеть фуфайку:

— Заболеешь, что я твоей матери скажу? — настойчиво наступала она.

Саша неожиданно резко оборвал ее:

— Отстаньте! Я уже не маленький.

И осекся.

Потом встал, оделся и отошел от бурта. Я поразились такой перемене в его поведении и тихо пошла за ним. Он остановился у грейдера. Мимо нас двигались машины со свеклой. Саша стоял бледный. Глаза его расширились. Он отстраненно смотрел вдаль и тяжело, прерывисто дышал открытым ртом. Прошло минут пять. Напряженное волнение не сходило с его лица.

Вдруг он резким движением полоснул себя ножом по пальцам левой руки. На землю закапала кровь. Я похолодела. Саша повернулся в сторону поля и, увидев меня, с растерянной, страдальческой еле заметной улыбкой глухо выговорил:

— Не пугайся. Меня как магнитом непонятная сила тянула на дорогу. Я готов был броситься под машину. Мне надо было как-то отвлечься... Я впервые в жизни нагрубил учительнице и вообще впервые... Понимаешь?

И, сжав губы, усилием воли погасил в груди беззвучный стон. Только зубы застучали как в лихорадке.

— Понимаю, все понимаю! Но нельзя же быть таким ранимым, — скрывая слезы и пытаясь жизнерадостно улыбаться, мягко упрекнула я Сашу.

— Да, к слову сказать, я не потворствую капризам моего организма, стараюсь воспитывать себя, читаю страшные книжки... Немного получается, — поспешно выпалил Саша, пытаясь справиться с нервной дрожью.

Он зажал платком рану и пошел через дорогу в посадку. Я за ним. Он не возражал. Когда мы сели на сломанную березу, Саша вдруг заговорил тихим, покорным голосом:

— Я спросил у мамы: «В армии обязательно стрелять?»

Она ответила: «Да».

— А если я не смогу?

— Военный трибунал судить будет.

— И меня расстреляют?

— Расстреливают во время войны. В мирное время в тюрьму сажают, — неумолимо спокойно объяснила мама.

И тут я понял, что моя жизнь не имеет смысла. Я все равно погибну в тюрьме. Уже год думаю об этом.

— Ты вырастешь, и все страхи пройдут. Раньше и у меня было их очень много. Как говорят: «Все перемелется, мука будет», — попыталась я успокоить мальчика.

— Это не страхи, — понуро пробормотал он.

В этот момент он показался мне совсем затравленным судьбой. Я поежилась от жалости и беспомощности и начала неуверенно:

— Чего кручинишься? Чудной ты, в армии по мишеням стреляют, как в тире.

— Недавно слышал по радио о присяге. Я не смогу быть предателем и погибну в первом же бою, — могильным голосом произнес Саша.

— Сколько же глупостей в твоей голове!? — теперь уж разозлилась я.

— Это не глупости, — он осадил меня тихо, но твердо.

— Ты преодолеешь себя. До армии еще много времени. Вот я раньше была очень несдержанная. Как разреву, никто успокоить не мог!

— Оттого, что не закатываешь истерики, внутри ты спокойнее не стала, — уверенно сказал Саша.

Я не нашлась, чем возразить, и потащила мальчика к ручью, чтобы промыть рану.

— Спасибо за понимание. Теперь я один вернусь к ребятам, а ты чуть позже подходи, ладно? — попросил Саша.

Я кивнула.

Сосны в посадках, предвещая дождь, шумели угрожающе сердито, угрюмо и тревожно. Под их сенью испуганно трепетали нервные осины. Дрожали акации и рябины. Листьями-флажками размахивал орешник. В первом ряду метались ивы, раздавая низкие поклоны всем и вся. Они лохматили себя, хлестали, закручивали. А огромный дуб независим и уверен: не реагирует он на злые нападки холодного ветра.

«И все-таки, — думала я, — наверное, всем, даже растениям, хочется тепла и тишины. Только осенняя тишина отличается от летней. Она другая: неуверенная, ненадежная, беспокойная, настороженная. Какую-то отрешенность я почувствовала сегодня в стеной стоящих соснах. И серое неуютное небо, и грустный таинственный шепот воды в ручье, и шелест листвы — все навевает мне печаль».

Встряхнул ветер куст ивняка, и поплыли по ручью желтые листья, вечные спутники ранней осени. Как утлые беспомощные лодочки, понеслись они навстречу неизвестности. Разлапистые репейники неодобрительно качали ярко-малиновыми головками. Я осторожно понюхала цветы и встала с колен. Посадки провожают меня неприветливым гулом сосен, бледными пятнами лужаек, пухом созревших семян цветов. Ветер буравит меня, сверлит. Я зябко повожу плечами, но не оттого, что день стылый, просто тоска навалилась. Одолело тревожное чувство. Невыразимо защемило сердце от чужого пронзительного горя.

Два дня переживала. Даже ночью мне снился Саша. А в воскресенье под большим секретом рассказала обо всем его маме-учительнице. Она выслушала меня очень серьезно.

— Саша пацифист, как и отец. Я ежедневно занимаюсь с ним гимнастикой, беседую осторожно. Я виновата. Не ожидала, что его так рано затронет проблема армии, и не подготовила. Теперь придется исправлять ошибку. Не представляла, что он раним до такой степени. Даже мне, педагогу, трудно предугадать, что у него творится в голове и сердце. Спасибо. А ты его понимаешь?

— Понимаю. В некоторых ситуациях я такая же.

— Не волнуйся. Все у него будет хорошо. Мы справимся.

Мое настроение после разговора улучшилось. Вспомнила, как летом Саша со слезами на глазах бежал по улице. Я догнала его и спросила:

— Почему ты один? Поссорился с другом?

— Да. На всю жизнь! Он больше никогда, никогда не подойдет ко мне!

Мне тогда захотелось сказать Саше что-то доброе, но пока я соображала, он скрылся из виду, оставив в моей душе теплую грусть.

Хотела бы я иметь такого друга.

ТОСКА

Утро. Воскресенье. Иду в магазин. После вчерашнего, отвратительно нудного дождика зябко. Опять сомкнулись тучи. У блеклого, мутного горизонта хмурые холмы и черный заколдованный лес, как царство тьмы. Деревня под серым колпаком сырого тумана. Солнце пытается протиснуться меж облаками, но его пугливые бледные лучики, скользнув по сизым верхушкам деревьев и размытой слякотной дороге, пропадают, не успев порадовать.

Иду через парк. Задумчиво склонили вязь ветвей тонкоствольные сиротливые березки. Редкие порывы ветра смахивают слезы дождя с колючих кустов акации. Огромный серебристый тополь грозно воздел к небу седые ветви. Остановилась у старого мощного дуба. Кора в нескольких местах у самых корней треснула по периметру и пошла гофрированными волнами, как мех гармошки. Присмотрелась. Ствол под корой тоже в складках, будто тело дряхлого полного старика. Даже дубы не выдерживают тяжести жизни.

Скучен парк в это тусклое, унылое утро. Поплыли тоскливые мысли, и мне стало неуютно, как мокрому воробышку. От холодного ветра мне кажется, что я тонкая тростинка на заброшенном болоте. Моя судьба неприветливая, непостоянная, даже угрюмая. Наверное, она похожа на волны северного моря. Дома у меня постоянно гнетущее состояние. Семья и семейные отношения являются для меня предметом ужасных сомнений, а иногда и бурных, бесполезных протестов. Возвращаюсь из школы и сразу чувствую себя сиротливо. На меня нападает тоска, весь мир бледнеет. Ничто не преодолевает моего одиночества.

В книжке про рабов я прочитала, что страх превращает человека в животное. А меня он делает машиной-автоматом. Я совсем перестала мечтать о радостном. Какая жизнь, такие мечты: скудные, куцые. Их мечтами-то не назовешь. Кислятина противная! И мысли как маленькие холодные, ледяные шарики. Странная штука тоска: с одной стороны, хочется, чтобы не мешали, а с другой, — она возникает, когда меня оставляют одну, не замечают. Я знаю: волны тоски обычно возникают от ударов обид. Сегодня опять мать накричала. А за что? Из-за ерунды. Я как была в одном платье, так и кинулась в дождь. Долго домой не возвращалась. Иногда присутствие матери для меня невыносимо.

С Колей она другая: хлопотливая, заботливая. По одному и тому же поводу она ему говорит спокойно, даже ласково, а со мной на повышенных тонах. Она не замечает, как со мной разговаривает? «Очнись! Не путайся под ногами! Где тебя носит?» И все в том же духе. Но по моим наблюдениям мать не злая, а нервная. А может, я переживаю, потому что постоянно сравниваю себя с Колей? Он в моих бедах не виноват. Он добрый. Мы никогда всерьез не ссоримся и еще ни разу не дрались.

Каждый день я вижу взгляды, которые говорят мне: «Надо. Ты должна». Знаю, знаю, что «надо»! Зачем на меня так смотреть? Часто говорю себе: «Я не должна страдать от иждивенчества, я честно отработываю свой хлеб». Но поведение взрослых опять напоминает об этом. Где-то есть прекрасная, счастливая жизнь, а в нашей семье только притворная противоречивая тишина, усугубляющая однообразие. Безрадостные

отношения с родителями очень утомляют меня. Только начинаю привыкать, забывать обиды, весело бегать по дому, даже улыбаться, — и опять натыкаюсь на ледяной взгляд. Радость сразу гаснет, обиды непомерно разрастаются. И ночью мысли одолевают, заснуть не дают. Папу Яшу вспоминаю. Сравниваю жизнь с ним, она для меня теперь как безошибочная мера бед и радостей.

А еще беда в том, что я слишком правильная и очень боюсь быть плохой. Мне так хочется, чтобы похвалили, одобрили! Даже себе в этом не всегда признаюсь. Стесняюсь. Неловко желать многого. Я очень люблю колоть дрова, но когда отец заденет за живое, то молча с какой-то необузданной яростью выполняю даже любимую работу.

Я никогда не ною вслух, никому не докучаю своими бедами. Я снова вернулась в обычное, привычное с раннего детства общение самой с собой. Раньше была в скорлупе, а теперь еще попала в клетку. Двор — моя тюрьма. Никакого простора душе. Только работа. Все бегом, бегом и глазами в землю. Я норовлю урвать немножко времени для чтения, но мать моим жалким ухищрениям постоянно чинит препятствия, препоны ставит из разного вида домашних дел. А они нескончаемы, как ни стараюсь.

Я не имею возможности, как раньше, уйти в лес или поле, чтобы развеяться, успокоиться. В деревне некогда наслаждаться природой, а мне не хватает ее. Лето прошло. Как мне хотелось от души валяться в траве, скатываться с высокого бугра в пахучую зелень, мяч гонять! Ведь в деревне живу! А на самом деле — в клетке. Я должна всегда бежать, не идти, а именно бежать домой. Такая вот жалкая участь иждивенки. И по ночам тоска долбит мозги как дятел. Длинные ночи не любят со мною прощаться. Эх, Витек, может твоя судьба добрее? Думаешь, слишком часто и много тебе пишу? Так ведь где тоска, там вихри грусти и метели исписанных страниц.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

Я первый раз в этом городе. Мать поехала в пединститут, а меня оставила на квартире у знакомых. Старшая дочь хозяйки Галя возится на кухне, а я скучаю. Вышла на балкон. На ветви кленовой аллеи будто красная заря опустилась. «И все же таких солнечных кленов, как в деревенском детдомовском лесу здесь не увидишь», — подумала я, и душа моя мгновенно приземлилась красным листом клена и распласталась на мокром черном асфальте.

У лип пожелтели отдельные пряди, а березы пестрят всей кроной, будто золотом обрызганы. Розовеет прелестница-рябина, расцвеченная терракотовым бархатом ягод. Кроваво-красной змеей дикий виноград обхватил осинку и ползет по ее тонкому стволу к солнцу. Расчесала косы ива редким гребешком. Тусклым красноватым перламутром листья увядает ясень. Удивительное разнообразие оттенков желтого, бурого, красного, зеленого! Ни одного похожего по цвету дерева. И совсем не унылая пора! Праздничная в этом году осень, щедрая на яркие краски и долговременные теплые дожди.

Попросила у Гали разрешения спуститься в сквер. Села на скамейку в детском городке. После дождя воздух как парное молоко. Густо вьется мошара над стриженными кустами. Шелестят березы. Кряхтит, вздыхает, вяло шепеляво бормочет на ветру редкими обломками блеклых ветвей очень старая сосна. Рдеет барбарис в конце аллеи. Издали веточек не видно, и кажется, что не листочки дрожат, а хоровод ярких бабочек вьется над рубиновыми сгустками зрелых ягод. Незнакомые мне кустики вокруг детской площадки колеблются, как маленькие веселые костерки. Песни осени шепчет и мощный дуб. Он еще тенист и темен. Под ним дремлет сказочным сном весело раскрашенный теремок. С него волнами стекают плети дикого винограда. В них-то, наверное, и запутываются фантастические истории ночной жизни парка.

Осень разбросала по испещренным светотенью дорожкам каштаны и желуди. На лавочках одиноко сидят старые люди. Видно, парк утром для старичков, а вечером для молодых.

Вернулась на квартиру. Пришла младшая дочь хозяйки Альбина, черноглазая толстушка, моя ровесница, и села писать заметку в стенгазету. Я, чтобы не мешать, просматриваю «Пионерскую правду». Закончив, Аля протянула мне листок. Я читаю и удивляюсь:

— Это не заметка о ребятах вашего класса, а передовица из газеты «Правда». Здесь одно только детское предложение о том, что ребята дергают девочек за косы. Вас учили писать заметки?

— Нет. Я, наверное, так пишу, потому что мы с третьего класса к политинформации готовимся по главным газетам страны.

— А мы по «Пионерке». Там то же самое, только написано нормальным языком. Классный руководитель хочет, чтобы вы заумными выросли?

— Нет. Она перестраховщица, перед директором выпендривается. Ты знаешь, какие вопросы нам в первом классе задавали?! Я помню такой: «Раз ты учишься отлично, значит ты умная, как Ленин? Ты сможешь стать похожей на Ленина?» Мне тогда страшно было от таких вопросов. Я хлопала глазами и пыталась сообразить, какой ответ от меня ждут. А сама думала: «Разве может, кто-нибудь сравнивать себя с вождем?»

В дверь постучали. На пороге появился черноволосый кудрявый, очень красивый мальчик. Он был чуть полноват. Удивительно грустные карие глаза выдавали его незащищенность. И все-таки он был из тех, чей ровный жизненный путь был predetermined родителями.

— Юра, садись. Бери печенье. Ты сегодня как из-за угла мешком... Меня аж слеза прошибает, — рассмеялась Альбина.

— Ну, зачем ты так? — смущенно остановила я новую знакомую.

— Да ладно тебе, — она примирительно улыбнулась. — Он всегда из мухи слона делает. Сам себе проблемы создает.

— Будто у тебя их нет, — снова встала я на защиту мальчика.

Юра поднял на меня огромные печальные глаза и вдруг робко спросил:

— У тебя когда-нибудь было несчастье?

— Моя жизнь — сплошные несчастья, — грустно усмехнулась я.

— Такого не бывает, — не поверил он.

— Бывает, — вздохнула я.

— А со мной раз жуткая история произошла. Никак не могу про нее забыть. Теперь даже мечтать не хочу. Больше не верю в чудеса. Вся радость в жизни исчезла, — с неподдельным трагизмом сказал гость.

— Что с тобой случилось? — испугано спросила я.

— Папа купил мне лотерейный билет. А розыгрыш должен быть только через год. Я мечтал о настоящей машине. Каждый день представлял, как папа сообщает о выигрыше и я хожу гордый и самый счастливый. И вот пришел этот запомнившийся на всю жизнь день. Я, с утра окрыленный, носился по коммуналке, рассказывая всем о своем билете, о выигрыше. Я удивлялся безразличию соседей, но не обращал на них внимания, так как был безмерно счастлив предстоящим триумфом. Переполненный восторженным ожиданием, я не стал дожидаться, пока папа придет с работы, выпросил у мамы ключ от почтового ящика и через каждые полчаса сбегал вниз. Наконец, увидел в щель краешек долгожданной газеты! Долго не получалось попасть в замочную скважину. Я прижал газету к груди и с бьющимся сердцем взлетел на свой этаж. Лотерейный билет с вечера лежал на моей тумбочке. Напряженно глядя маме в лицо, подал ей газету и билет. Я давно выучил его номер, но произнести его от волнения не решался. Мама проверила все цифры и спокойно сказала:

— Пустой.

— Что пустой? — не понял я.

— Без выигрыша.

Я никак не мог вдохнуть воздух. Наверное, я побелел или изменился в лице, потому что мама участливо пояснила: «Не все билеты выигрывают. Потому и называется — лотерея. Это нормально. Ее принцип — случайное везение».

Внутри меня что-то надломилось. Я не допускал мысли, мне в голову не приходило, что билет может не выиграть. Такого не должно быть! Счастье рухнуло мгновенно. Весь мир сделался серым и ужасным. Я ни о чем больше не мог думать, кроме как о моем несчастье. «Это мой рок. Я невезучий», — крутилось в голове. У меня пропало желание куда-то идти, что-то делать и вообще иметь какие-то мечты. Я потерял интерес ко всему: друзьям, книжкам, играм. Особенно играм. Мир в моих глазах перевернулся. Он плохой, он безрадостный. Я никак не мог успокоиться. Если бы меня заранее предупредили, объяснили, что не все билеты выигрывают, может быть, я не настроился на выигрыш и не мучился бы? Теперь я осторожный. Не верю никому.

Аля стала успокаивать Юру, а я подумала: «Мне бы твои трагедии! Никому своих бед не пожелаю. Может, рассказать Юрику про них, и он будет меньше переживать из-за ерунды? Он домашний, что с него взять? Мои проблемы, наверное, не дойдут до его сердца? А может, поймет? Он такой чувствительный!»

Юра взял у Али тетрадь и ушел. А я взглянула в серое вечернее небо и немного загрустила. Какой хороший мальчик!

ЛЕРА

Погожие дни — редкость в ноябре. Но сегодня на удивление теплый день. Небо тихое, светлое, безоблачное, но не яркое. Унесло с собой лето солнечные сказочные брызги и золотые паруса облаков. Разметало, разбросало их, щедро раздарило земле.

Я люблю ходить пешком, но сегодня еду на квартиру в трамвае, чтобы не заблудиться. На задней площадке окруженный красивыми веселыми девушками стоит высокий молодой человек с длинными до плеч черными кудрявыми волосами. Ему льстит их внимание. Он возбужден и многословен. Явно заигрывая с ним, одна из поклонниц уговаривает его остричь волосы. Вторая, видно желая любым способом привлечь к себе внимание, ехидничает: «Не приставай к нему, дорогая. Повзрослеет, поумнеет и сам укоротит волосы». Юноша краснеет, резко подается в сторону обидчицы, но тут же берет себя в руки и натянуто улыбается.

На остановке входит пожилая пара. Мужчина помогает женщине сесть на первое кресло. Потом садится рядом и берет ее маленькую руку в свою большую. Этот простой жест трогает меня, чуть ли не до слез. Счастливые! Появляется семья с двумя шаловливыми мальчиками. Они шумно делят места у окон и бурно высказывают впечатления о цирке. Родители мягко гасят их неугомонный темперамент и улыбаются друг другу.

Вот и моя остановка. Спускаюсь по крутому склону. Тут уже нет асфальта и дома одноэтажные, точнее бараки. Впереди меня идет семья. Худой, небритый муж несет дочку лет двух-трех. За карман его брюк держится мальчик постарше. Крепкого сложения жена ругает мужа самыми последними словами за то, что он выпил и чего-то там не сделал. Муж вяло оправдывается и смущенно оглядывается по сторонам. Его походка нетвердая, движения неуверенные. Все выдает в нем слабохарактерного человека. Дочка не обращает внимания на крики матери. Она ерзает на руках отца, улыбается и крепко обнимает его за шею. Мальчик идет между родителями. Но, когда мать «налетает» на отца, он пугается, отстает, начинает реветь и судорожно хвататься за брюки отца. Крики стихают, и он опять ищет руку отца. Мальчик очень похож на него: и походка такая же семенящая, и лицо растерянное. От следующей порции ругани он уже трясется, захлебываясь в истерике. Я вижу наглое лицо мамы. В нем превосходство, презрение и самодовольство. Ей нравится ругать мужа. Она победно глядит на свою жертву и не снимается моего удивленного, осуждающего взгляда. Малыш мечется, девочка все сильнее прижимается к отцу. Я окончательно «завожусь» и не выдерживаю. «Может, он и виноват, но зачем детей неврастениками делать?» — кричу я и убегаю вперед, чтобы не видеть жуткую семейную сцену.

Вот и пруд. Села на бетонное обрамление. Гляжу в тихую, застывшую воду. Там три слоя

жизни: надводная, подводная и придонная. Я вижу, как лениво перемещаются пескари. Вот они на несколько мгновений замирают у самой поверхности и снова продолжают двигаться медленно, как спросонья. Даже колебания плавников не заметны. Будто рыбки скользят, увлекаемые подводным течением. Но его здесь нет. Вода застойная, цветая, зеленоватая.

Головастики спуют. Они крупные, а хвостики еще не потеряли. А рядом размером такие же, но уже настоящие лягушки. На солнечной стороне по периметру пруда рядом выстроились старые лягушки. Мне видны только их огромные головы. Блаженно прикрыв глаза, они греются в лучах осеннего солнца. Я сначала не разглядела их. Они сливались с бетонными плитами, покрытыми трещинами и зеленой плесенью. Рядом скрипнула земляная жаба. Откуда она в городе? На корку хлеба налетели суматошные вороны. Одна, проворная, выхватила ее у подруг и унесла на дерево. Остальные немного повозмущались и утихомирились, угомонились. Только от речистых воробьев покоя нет. Шум-гам. Крошки делят. Ох уж эта неосторожная городская тишина! Снова тишь опустилась на пруд. Она баюкает мое растравленное сердце.

Вода дышит. Она живая! На ее поверхности лопаются вынырнувшие из глубины пузырьки. Мелкие круги образуются от севших на воду букашек и взбрыкнувших рыбешек. Легкое прикосновение ветра гонит рябь к берегу. Потом зеркало воды разглаживается. Изображения деревьев в нем нечеткие, потому что небо сегодня серое. Вновь ветер растревожил гладь пруда.

В глубине вижу молчаливый сказочный слабо освещенный подводный «лес» — неподвижные густые заросли водорослей. Раздвигаю их руками. Они медленно и плавно колеблются, потом снова смыкаются и застывают, образуя таинственный полумрак заколдованного царства, на дне которого каждый камешек оброс тонким лохматым мхом.

Неожиданно включили фонтаны вокруг огромного ракушечного куста, полощущего вислые ветви в самом центре пруда. Водяная пыль от высоких струй некоторое время вертикально перемещается вдоль пруда, а потом, постепенно снижаясь, тихо опускается на воду.

Тишина поглощает и растворяет мое волнение. Душа умиротворяется. Я осезаю запах осенней свежести, подставляю лицо теплему бледному солнцу и улыбаюсь.

Ватага ребят присела рядом со мной. Их веселые голоса отвлекают от созерцания. Слышу:

— Убежали мы с Ромкой погулять на речку. Родители разволновались. Нашел нас милиционер и говорит: «В клетку на целый день посажу. А там крысы».

— Ты крыс испугался?

— Нам тогда по шесть лет было...

Вернулась на квартиру. Из магазина пришла квартирантка хозяйки Лера и села к окну учить уроки. Она худенькая, голубоглазая, грустная. Я ерзала, ерзала на стуле, а потом не выдержала и подошла к ней. Мое внимание привлекла стоявшая на столе фотография огромного красивого здания. Поймав мой взгляд, Лера вдруг отвернулась, пряча набежавшие слезы, но быстро справилась с собой и сказала:

— Это главное здание Московского университета. Я жила вот в этой правой башне на двадцать третьем этаже. Была студенткой механико-математического факультета. А теперь здесь учусь. Перевелась.

— Почему? — спросила я бестактно и тут же испугалась своей смелости и невоспитанности.

А Лера уже стала вспоминать:

— На стипендию не смогла жить. Заболела. Читать не могла. Мне по каждому предмету студенток пятого курса в помощь выделили. Только лучше бы денег на еду дали. Просить

я не умела. А здесь учиться легче и времени свободного больше. Подрабатывать имею возможность.

После выпускных школьных экзаменов родители хотели отправить меня в пищевой институт, а я не послушалась. Отчим возмутился и лишил помощи со словами: «Высоко взлетела, больно падать будет». Обидно. Такую мечту сгубили! Младшую сестру как куклу одевали, баловали, а я голодала. До сих пор сердце не на месте при упоминании о Москве. Запала она мне в душу на всю жизнь.

Еще когда из деревни в Москву приехала поступать, после каждого экзамена обязательно то в музей, то в картинную галерею бежала. Сам университет как музей: огромные красивые холлы, залы, аудитории. Тридцать четыре этажа в центральной части здания! На тридцатом — тридцать четвертом этажах — музей. А вот здесь, на плоской крыше, мы с подругами в бадминтон играли. У нас одна пара ракеток на всех была. Девушки, бывало, тренируются, а я сижу на своем подоконнике, жду своей очереди, а облака плывут на уровне восемнадцатого этажа, Люди внизу как муравьи. Впечатление незабываемое!

— Ты была небожителем! Ты из моего царства белых облаков!

— Смешная фантазерка, — улыбнулась Лера. — Представляешь мое состояние? Я, деревенская девчонка, достигла своей цели, стала студенткой самого главного вуза страны! Такое невозможно словами выразить. Я захлебывалась счастьем. Мне казалось: о большем и мечтать невозможно. Я верила, что желание и умение трудиться позволят мне довести мечты до конца. И вдруг — болезнь. Организм не выдержал. В деревне еды, хотя бы той же картошки, вволю. А в городе все покупать надо.

После того как перевелась сюда, у меня на нервной почве два месяца волдыри по всему телу не проходили. Приехала зимой под Новый год. В университет меня приняли сразу. Незнакомые девочки в общежитии приютили. С Галиной Хиневиц первое время на одной койке спали, а с Ниной Савченко вместе питались. Нас, таких «зайцев», в общежитии много проживало. Без пропуска в корпус не войдешь, так мы по пожарной лестнице влезали на четвертый этаж и через окно пробирались в коридор. Скользко, опасно, а что поделаешь? Жить-то надо. Учиться хочется. Только придумал комсомольский секретарь университета рейды по ночам устраивать и патруль у заветного окна выставлять. Раз выждала я до двенадцати ночи и, как всегда, полезла наверх. Только притронулась к окну, а оно вдруг распахнулось, и из него выглянула сытая, довольная физиономия секретаря. Я чуть не упала. Вишу на одной руке, ногами пытаюсь за ступеньку ухватиться. А он хохочет, издевается. Ему-то что! Он местный, с папочкой и мамочкой живет. А тут от голода корчишься. Учебник читаешь, а перед глазами строчки плывут.

Пришлось идти на вокзал ночевать. Пристроилась между двумя полными женщинами, пригrelась, а ноги в ботиночках застыли, ничего не чувствуют. Часам к четырем утра уже сил не было терпеть холод. Вскочила, по холлу бегаю. Потом нашла «закуток» под самой крышей и легла на сломанный стол, пытаюсь хоть немного вздремнуть. А милиционер тут как тут. За шиворот схватил, гадкими словами обзывает, позорит перед людьми. Вытолкал меня в шею из здания вокзала. Мороз на улице жуткий. Над головой рваные края снежных туч. Улицы словно вымерли. Черные окна, страшные провалы подворотен. А может, мне так казалось от истощения? И вот бреду я голодная, холодная, униженная и думаю: «Была студенткой МГУ, вращалась среди умнейших, интереснейших людей. Впервые в жизни поняла, что такое уважение к себе, а теперь в другом городе: и ни денег, ни жилья, ни лекций. За проститутку приняли, несмотря на сумку с вузовскими учебниками». Можешь ты себе такое представить? Знаешь, как трудно жить униженной, морально раздавленной, уничтоженной, особенно после того, как познала высокое, прекрасное!

Неожиданно нащупала в кармане пальто две упаковки анальгина. Зашла в общественный туалет, нашла кран с холодной водой и выпила все таблетки. Видно, боль и безысходность в тот момент выключили мой разум. Накопившиеся несчастья на минуту сломали мою юную, уязвимую, слишком чувствительную душу, сделали неспособной бороться против жестокого течения обстоятельств жизни. На один миг я поддалась искушению насовсем уйти от горестей и проблем.

Села на лавочку. Приготовилась к самому худшему. Чувствую, сознание прерывается. Отчима вспомнила недобро: «Денег пожалел. На принцип пошел. Да бог ему судья... Так

бабушка говорила...» И при мысли о бабушке что-то вздрогнуло во мне. Себя не жалко. А вот ее? За что ей горе принесу? Ведь любит она меня! И будто очнулась. Ведь все мои горести — лишь ничтожные огорчения перед презрением к себе за слабость, за отсутствие воли, за то, что струсила, хотела покинуть поле боя. «Что же я делаю? — подумала. — Разве нет выхода из моего, пусть даже очень трудного, положения? Плевать мне на грубого милиционера! Я должна доказать всем и прежде всего себе, что умная и сильная». Поняла, что большую глупость совершила. Затмение нашло. В буквальном смысле поползла до туалета и давай пить ледяную воду и вызывать рвоту. Мое счастье, что лекарство было в таблетках, а не в порошках! Не успели они раствориться в желудке. Утром подруги дали мне взаймы денег. Я попила молока и отправилась в университет сдавать экзамен. Иду, а улица перед глазами ходуном ходит, ноги будто в ямы проваливаются. Когда экзаменатор открыл дверь аудитории, чтобы позвать следующего студента, свет из окна попал на меня. Преподаватель замахал руками: «Уходите, на вас лица нет!». Я все равно не ушла. Экзамен сдала, а в обморок упала уже в коридоре.

Целый семестр неустроенную жизнь терпела. Одно весеннее утро запомнилось. Солнышко светило. Теплый ветер резвился в сквере напротив общежития. Женщина торговала белыми горячими пирожками. Я стояла рядом, и слезы текли по щекам. Я их не замечала. Огромная алюминиевая кастрюля как магнитом притягивала к себе. Я чувствовала себя слабым бледным стебельком, выросшим из картофельного клубня в холодном подвале...

Потом все наладилось. Подружка устроила на работу в научно-исследовательский институт. Вечерами работаю. Ко мне все очень хорошо относятся. Уважают за трудолюбие, премии дают. На жизнь хватает. И с учебой проблем нет.

Она говорила, а мне казалось, что ее совсем не волнует, слушаю я или нет.

— А ты в детстве обыкновенной девочкой была или особенной? — задала я вопрос с хитрой рожицей, по наивности своей ни капельки не смущаясь его откровенности.

— Обыкновенной, — улыбнулась Лера. — Училась отлично, в олимпиадах участвовала. А когда перед собой поставила цель поступить в университет, начала самостоятельно заниматься дополнительно к школьной программе. Задачники мне учительница раздобыла. Летом перед экзаменами по семьдесят задач в день решала. Спать не могла, пока план не выполню. А в десятом классе по результатам математических и физических олимпиад получила приглашение поступать в физико-технический институт и в МГУ.

Лера протянула мне открытку:

— Возьми на память. Я пометила окошко моей комнаты. Может, это фото заронит в твоем сердце мечту и счастье принесет? — она многозначительно улыбнулась.

Я взяла открытку с благоговейной робостью.

— А какие-нибудь интересные истории происходили, когда ты училась в Москве? — с самым невинным видом спросила я студентку.

— Смотря что считать интересным: посещение театров, концертов?

— Расскажи что-либо грустное.

— Странная ты. Обычно просят веселое рассказать. Ладно, слушай, — с легкой иронией милостиво согласилась Лера. — Это произошло во время вступительных экзаменов. Обедала я в столовой с друзьями из деревни. Втроем мы поступали. Ребята пошли брать второе блюдо, а я со странным рыбным супом управлялась. Вкуснее в жизни ничего не ела. Он из каких-то рыбных хрящей был сварен. Так вот, подсаживается ко мне молодой человек неприятного вида и спрашивает: «Абитуриентка?» «Да», — отвечаю. «Я к тебе приду сегодня вечером», — говорит он тихо. Другой бы парень сказал такое, я бы спокойно отреагировала. А тут почувствовала для себя опасность и отвечаю: «Не хочу». А он мне: «Все равно найду и приду». А сам нагло так меня оглядывает. Ох, как я взбеленилась! Не привыкла к неуважительному отношению ребят. Говорю: «Уходи, хуже будет!» А он ухмыляется и губы облизывает. Я вскочила, стул из-под него выбила и давай его «метелить». А сама приговариваю: «Беззащитной, деревенской захотел,

сволочь! Я у тебя надолго отшибу желание невинным девочкам судьбу калечить! Будешь теперь всю жизнь на аптеку работать!» Вокруг народ собрался, девушки одобрительно кричат: «Так его, пакостника!» Работники столовой успокаивать стали, разнимать. Куда там! Я, как клещ, вцепилась в пошляка. Разбушевалась, никак успокоиться не могу. Друзья еле оттащили. Потом я разревелась. Стыдно стало, что в университете такое позволила.

Еще о грустном?

— Да.

— Забрала я документы, чтобы выслать сюда, и бреду по улице, думаю о том, как дальше жить. Ночь жестокая, длинная. Снег такой, будто метель из огромного мешка опилки березовой коры вытряхивает мне на голову. Мороз — двадцать градусов! Я как одинокая потерянная сова. Слезы смешиваются с тающими снежинками. Совсем отчаялась. Ушла в опасные размышления. И чудилось мне, что из всех подворотен глядит на меня что-то тоскливое, страшное. Вокруг темное окаянное безлюдье, неясные очертания домов, холодный мрак, колючий ветер воет в узких закоулках, предостерегающе грохочет жесть на старых крышах. Жуткие, запредельные ощущения, вызывающие смятение духа и преувеличенный трагизм ситуации. В изнеможении прислонилась к одинокому дереву и погрузилась в странное тяжелое подобие дремы. Очнулась. Вижу: маленькая рыженькая собачка под скамейкой у дома лежит и дрожит. Я ее подняла. Она не сопротивлялась. Зашла с нею в телефонную будку, накрыла полкой своего старого школьного пальтишка, и мы часа два вместе просидели. Какая-то болезненная жалость у меня к собаке появилась. Грусть одолела невозможная. Думаю: «До чего же мир плохой!» До сих пор кожей чувствую ту темноту. Жуткое было состояние, близкое к самоубийству.

— Ты с ума сошла?! — вскрикнула я.

— Я таких несчастных понимаю, но сама теперь никогда подобного не совершу, — заверила Лера. — Какой бы я осталась в памяти людей, знавших меня? Слабохарактерной, никчемной, глупой?.. Только после потрясения от потери мечты не могу смеяться и радоваться. Недоступно мне стало веселье. Чувствую себя много старше ровесников, словно прожила большую трагическую жизнь. Никогда не обижалась на отчима, все ему прощала. А за то, что мечту мою сгубил, никак не получается простить.

— Уж лучше о хорошем расскажи, что-то мне не по себе стало, — уныло попросила я.

— Самые лучшие мои воспоминания — о преподавателях. С первого занятия на подготовительных курсах у профессора Мэда, доктора педагогических наук, я пришла в восторг от преподавания. Наверное, до самой старости запомню, как маленькие человечки-ионы бегали в полупроводниках через р-п переход. Боже, как просто, будто на пальцах, он раскрывал нам, школярам, глубины физических явлений. А сам невысокий, абсолютно лысый и такой простой, простой. Но какая величина! А Курош! У него на лекциях все рвались на первые парты. Какой обаятельный, сколько в нем достоинства и в то же время уважительного отношения к нам, семнадцатилетним! Таких людей я, наверное, больше не встречу. Я теперь всех примеряю на них. Насколько они были органичные, свободные, простые и талантливые! Самые счастливые минуты были связаны с пониманием их лекций, с ощущением истинной интеллигентности ума, утонченности профессоров. У меня эпитетов не хватает описать их. Уже с первого курса педагоги с тобой на равных, с уважением. Атмосфера удивительная! Тебе пока этого не понять.

— Почему же? Понимаю. Меня тоже все время влечет к более умным, интересным, особенным. У нас в деревне люди очень хорошие, но как-то примитивно живут. Будто в девятнадцатом веке.

— Все!.. Больше не могу... хватит...

Лера взялась за голову и ушла на кухню.

В квартиру постучали. Я открыла дверь. На пороге стояла высокая сероглазая девушка, постарше Леры. Что-то в ней показалось мне странным, но я не придавала этому значения. Девушка прошла на кухню. В открытую дверь хорошо различимы их голоса.

— ...Художник был уже при смерти, когда к нему приехал друг-геолог. Увидев на стене картину, он воскликнул: «Где находится это озеро? Там же залежи ртути! Как ты туда попал?» И художник объяснил, что, путешествуя, зашел в странную горную деревеньку, где люди по большей части не доживали до сорока лет и всем рассказывали о сказочных туманах над заколдованным озером. Он попросил отвезти его туда, но никто не соглашался, потому что оттуда никто еще не возвращался. Один древний старик все же повел. Чем ближе они подходили к озеру, тем труднее было дышать. А когда он заканчивал картину, у него уже начинались галлюцинации. И все-таки вернулся он домой. Но насыщенные пары ртути сделали свое гиблое дело... Картина осталась... Красивая легенда...»

Я зашла на кухню и в растерянности остановилась. Гостью левой рукой чистила картошку, ловко прижимая ее ладонью к столу. Правой — не было. Еще я увидела ноги, покрытые тонкими длинными рубцами.

— Заходи, что стоишь столбом в дверях, — разрешила мне Лера.

Я села на табурет, но от волнения слова сказать не могла. Только глаза вопросительно подняла на гостью.

— Не пугайся, — сказала та спокойно. — Рубцы после операции остались. Кожу для руки доктора брали с моих ног.

— А с рукой что случилось? — осмелела я.

— Я очень хотела учиться в университете, но родители отправили в технологический техникум. По окончании в село распределили на пищевой комбинат. А когда нам прислали новое оборудование, ни одного специалиста, кроме меня, на заводе не оказалось. Директор шесть классов имел. Хозяйственник он был хороший, но машин боялся. Тогда я, восемнадцатилетняя девчонка, развернула чертежи и стала блок за блоком изучать и настраивать. Кто знает, кого теперь винить: то ли на заводе тумблер после отладки оставили включенным, то ли кто из любопытствующих зевак включил его, только зажало мою руку между деталями. Боль страшная, а сделать ничего не могу. Дали мне в помощь молодого тракториста. Он к технике имел склонность. Вместе чертежи разбирали. Я подсказывала ему, какой блок обследовать, а он уж копался. Слезы у обоих текли. Он очень старался, торопился, но когда разжал детали, было поздно. Не смогли врачи руку спасти. А теперь с Лерой на одном курсе учусь, — закончила Тамара Колчина свою грустную историю.

— Давайте почищу картошку, — вежливо предложила я.

— Не надо. Привыкла, — ответила гостья, нахмурившись.

— Вы в техникуме с удовольствием учились? — почтительно произнесла я, не надеясь на продолжение разговора.

— Нет. Но все равно отлично закончила.

— Обижаетесь на родителей?

— Нет. Они хорошие. Всю жизнь трудно жили, хотели, чтобы я имела надежную специальность. Боялись не успеть выучить меня. Не понимали, что дает университетское образование. Считали, что за журавлем в небо гонюсь. Не виноваты они в моем несчастье, а все равно казнятся. Жаль их.

Вскоре пришла моя мать, и мы отправились на вокзал. Сначала ехали в автобусе. На задней площадке стояли.

— Почему мы в салон не проходим, может, вам кто-нибудь свое место предложит? — сказала я.

— Я в том возрасте, когда уже и еще не уступают, — засмеялась мать.

Когда выходили из автобуса, мужчина приятной внешности хотел помочь молодой женщине вынести сумку. Но она вдруг рассердилась и нервно закричала:

— Жене, маме, сестре помогайте каждый день! А то вас, мужчин, только на миг хватает быть уважительными, ласковыми. Не нужны нам однодневки!

— Зачем вы так! Я думал женщине всегда приятно внимание, — растерянно пробормотал парень.

Я подняла глаза на мать.

— Когда в своей семье порядок, тогда и внимание чужих мужчин женщина воспринимает хорошо.

— Жалко. Красивая, — задумчиво произнесла я еле слышно.

— Красивая женщина отличается от некрасивой лишь тем, что у нее больше шансов быть обманутой красиво, — грустно усмехнулась мать.

На трамвайной остановке я отвлеклась на яркие витрины ювелирного магазина. Мне они казались музейными экспонатами. У меня даже мысли не возникало, что такие украшения покупают и носят. Может, потому, что слишком большая пропасть между необходимостью тратить деньги на еду и желанием купить драгоценности?

В трамвай «завалилась» компания возбужденных молодых людей. Они брэнчали на гитарах, шумно обсуждали свои проблемы. Девушки звонко смеялись. Рядом со мной стояла молодая женщина и с интересом наблюдала за студентами. Когда ее пожилая соседка заворчала насчет невоспитанности и несдержанности молодежи, она вдруг грустно вступилась:

— Они же не хулиганят. Мне только тридцать, а я уже не могу так радостно, беспечно, беспричинно смеяться. Пусть веселятся, пока душа этого хочет и может.

— Не забудь сумки, — услышала я требовательный голос и заторопилась вслед за матерью.

Вечер вытягивал длинные тени. Цепочки огней изображали дороги, по которым перемещались люди с разными, очень разными судьбами.

МАКС

Я снова в городе. Мать пошла по делам, а меня отпустила в гости к Альбине.

Прихожу, а ее нет дома. Села на лавочку со старушками и слушаю, что они рассказывают о каждом входящем в подъезд. Возле них остановился молодой человек и с усмешкой спросил:

— Заседание бабьего трибунала?! Что, бабули, включили свой рентген? Всем косточки помыли? Занялись бы полезной общественной деятельностью или внуками, не пришлось бы их в ясли отдавать.

— Мы вас вырастили, теперь сами своих детей воспитывайте, — сердито огрызнулась одна.

Бабушки заговорили о болячках.

Я слушала, слушала, а потом попросила:

— Расскажите, пожалуйста, что-нибудь веселое из своей жизни.

— Интересного мало было, — вздохнула самая старшая.

— Странно. Я слышала, что с годами память плохие события стирает, а хорошие удерживает. А как послушаешь старых людей, так у них все о грустном разговоры, — удивилась я.

— Ничего не забывает память. Время только притупляет боль, — высказала свое мнение женщина с больными ногами.

Ей никто не противоречил.

Мимо нас прошла семья: она — очень полная в бедрах, он — широкий в плечах, а между ними маленький худенький мальчик в клетчатой рубашке. Я нарисовала прутиком на песке мать в виде треугольника с тупым углом сверху, отца изобразила треугольником с тупым углом внизу, а сына — квадратиком на тонких ножках. Чего-то не хватает? Ах, вот чего! Маме украсила платье вертикальными полосками, а отцу на брюках сделала горизонтальные линии. Смешной рисунок вышел!

Тут прибежала Альбина. Мы обрадовались друг другу. Сидим, чай пьем. Альбина взъерошена: то ложку уронит, то стулом загремит, шарахается из стороны в сторону, будто ее толкают невидимые силы. Я засмеялась:

— Тебя бы сейчас отправить к нам в деревню дрова колоть!

Она не поняла шутки и вовсе сердито насупилась.

— Ладно, выкладывай, что приключилось? — выдержав паузу, настойчиво попросила я.

— У нас в школе есть клумба, за которую отвечает мой класс. Когда мы ее вскапывали на уроке ботаники, то увидели огромных розовых червей. Ужас, какие длинные! Шевелятся, ползают друг по другу, ну только что узелками не завязываются. С ума сойти можно! Так вот Макс этих червей нам за шиворот бросали хохотал над тем, как мы носились по двору, на бегу раздеваясь чуть ли не догола. Тупоголовый, толстокожий! Ничем его не прошибешь, — нервно передергивая плечами, путано объяснила Альбина.

— Он же приучал вас не трусить, — вырвалось у меня.

Это была моя первая реакция на поведение мальчика.

— При чем здесь страх? Неприятно, гадко, когда что-то склизкое по тебе ползет! — возмущилась Аля, раздраженная моим непониманием и отсутствием сочувствия.

— Когда я была маленькой, мне тоже сунули лягушку за пазуху, так я вытерпела, не кричала. Потом ко мне уже не приставали. Ведь неинтересно, если человек не реагирует бурно, — рассказала я в свое оправдание.

— Ну, ты железная, а я нормальная. Ты бы не сделала, как Макс? Правда?

— Нет, — сказала я и покраснела.

Альбина в запале не заметила моего стыда.

— Макс издевался каждый день, пока мы работали во дворе. И я не выдержала. Надела рукавицы, поймала в парке огромную бородавчатую жабу и на перемене засунула ему в портфель. Когда начался урок, Максим полез в парту за учебником, а жаба как выскочит оттуда! Орал он до истерики. Его лекарством отпаивали. А меня на десять дней из школы исключили, и по поведению в четверти теперь тройка будет. Поставили бы двойку, но тогда из школы надо выгонять. На первый раз пожалели, потому что отличница, — поникшим голосом добавила Аля.

Ее мама сидела на табуретке, сложив руки на коленях, и молчала. Я удивилась: «Почему не ругает?»

— Он заслужил, — упрямо твердила девочка, но в голосе не было ни бравады, ни уверенности в правоте.

— В медицинском училище я тогда училась, — наконец заговорила мама Альбины, — моя подружка Аня с мальчиком дружила. Семнадцать тогда ей было. Старшекурсница захотела подшутить над Аней и спрятала в ее постели наглядное пособие из кабинета анатомии — кости рук. В полумраке ночи слабый свет из окна падал как раз на кровать Ани. Ночью она отвернула одеяло, чтобы лечь, и от ужаса вскрикнула. Сердце у нее было очень больное, поэтому и хотела стать врачом.

Мы молча допили чай. Настроение мое испортилось. Я вспомнила, как брат уговорил меня поугаать мать. Мы долго ожидали ее с педсовета. А когда она открыла калитку,

дружно крикнули: «Стой! Стрелять буду!» Мать замерла на мгновение, а потом сказала: «Темноты боюсь. В войну подвал рухнул. Я еле откопала себя. В Мордовии в эвакуации тогда жила». Но мы с Колей как-то не прониклись ее словами, даже посетовали, что шутка не удалась. И только сейчас до меня дошло, какими мы были жестокими.

Вечером мать вернулась из читального зала института, и я спросила:

— Почему дети глупые?

— Они не умеют, как взрослые, предвидеть последствий своих поступков.

— Что же делать?

— Думать. Умнеть. Не волнуйся, все проходят свой путь взросления, — устало ответила мать и легла спать.

А я не могла заснуть. Вышла на балкон. Плащом звездочета накрылась земля. Гляжу на Млечный Путь. Он затягивает меня в глубь себя и поглощает. Цепочка огней очерчивает горизонт. Вблизи, в полосе света, деревья выглядят четче, контрастней. Черными драконами извиваются ветви дубов. Размахивают веерами стриженные тополя. Вдруг свет фонаря вырвал из темноты фигуру одинокого прохожего. Я представила себя на его месте, и мне опять сделалось грустно и неудобно.

Легла в постель. Темнота в комнате бывает страшная или уютная. А небесная совсем иная, она тревожит по-особенному: призывно, высоко, романтично. Она глубоко и тонко трогает в душе неведомые таинственные струны, помнящие звуки древности или, наоборот, предчувствующие будущее. Движимое желанием познать вечное, бесконечное сердце вздрагивает тихо, восторженно, сладостно и чуть боязливо.

Замечаю тиканье часов. Оно убаюкивает.

ДОМ ПИОНЕРОВ

Сегодня Альбина и ее друг Альберт привели меня в дом пионеров. Снаружи он как дворец: оранжевый, с белыми огромными стрельчатыми окнами и изящными колоннами. Внутри помещения — высокие потолки с лепными украшениями. В одном зале детей обучали бальным танцам. Девочки моего возраста в коротеньких юбочках, как мотыльки, скользили по гладкому полу. Я взглянула на свое платье до пят, на загорелые руки с мозолями и трещинами, вспомнила мешки с зерном и вспыхнула: «Им красота, а нам резиновые сапоги, грязь по колено, заезжие халтурщики-артисты!»

Зашли на кружок вязания и вышивания. Ну, тут еще поспорить можно, чьи работы лучше! Думаю — наши. Альбертик и Аля потащили меня в мастерские, где ребята вытачивали фигурки из дерева и металла. Глаза мои разбежались от разнообразия станков. Сравнение не в пользу нашей школы. Мы мастерим, имея в руках нож, напильник, рубанок, пилу и ручной коловорот.

А в соседней комнате ребята делали удивительной красоты корабли и модели самолетов. У одного стола стоял пожилой мужчина и объяснял мальчику как лучше приладить парус к мачте. Сквозь толстые очки я видела добрые глаза. С карандашом за ухом и штангенциркулем в кармане он выглядел немного смешным.

Не знаю, наверное, впервые в жизни я так сильно завидовала городским! Обида захлестнула меня, и я вдруг понесла чушь.

— Вы тут, может, еще в куклы учите ребят играть? Привозите их к нам в деревню. Там им не до корабликов и самолетиков будет. У нас работать надо, — съязвила я раздраженно.

— Девочка, здесь мы воспитываем ребят. Приучаем их к труду, интересы развиваем. Наши дети не болтаются без дела по улицам, — вежливо, но строго объяснил мне мастер.

Я почувствовала, что он гордится своей работой.

— Надо пользу приносить, а не ерундой заниматься, — резко возразила я.

Старичок смотрел на меня удивленно и растерянно. Наверное, я шокировала его своей грубостью? А может, он никогда не задумывался о том, как живут деревенские дети? Он не осуждал меня, не кричал, не ругал, как обычно делают в таких случаях взрослые.

Мне стало стыдно за свою выходку. Зачем оскорбила мастера? Я знала, что передо мной добрый, умный человек вроде нашего столяра дяди Пети, прекрасно понимала, что поступила гадко, но обида за сельских детей пересиливала. Я не смогла извиниться, хотя видела в этом необходимость, только опустила голову, чтобы скрыть слезы. Потом во дворе нещадно пинала гальку, пытаюсь успокоиться, но перед глазами стояло огорченное лицо мастера с седыми, выбившимися из-под синего берета волосами. Его огромные очки сползли на кончик носа...

Через час появились мои друзья. Теперь горечь раскаяния преобладала над обидой, и я не могла смотреть им в глаза. Но они, похоже, уже обо всем забыли и весело обсуждали предстоящие соревнования по авиамodelьному спорту. Их настроение немного успокоило мою болезненную совесть. Раз вновь пригласили с собой, значит простили мне вспышку грубости. А мастер?

Возвращаемся с Альбиной на квартиру. Неприятного вида мужчина хвалится на весь автобус:

— Семеро их у меня. Чуть подрастают, я их в интернат определяю, чтобы маменькиными сыночками не выростали.

— А жена ваша не возражает? — учтиво, но с явным подвохом спросила пожилая женщина.

— Она поперек меня ничего не скажет! — сказал как отрезал «отец-новатор».

«Дурак чертов! Папаша хренов. Убить за такое мало. И никто из взрослых не хочет ему мозги вправить! — молча злилась я, оглядывая публику из-под насупленных бровей. — Некоторые люди чужим детям душу вкладывают, а эта зараза своих воспитывать не хочет!» Во мне нарастал подсознательный ужас. В поисках причины своего состояния я пришла к выводу, что оно возникло оттого, что я представила, будто все дети Земли попали в интернаты. Я не хотела про такое думать, оно само появилось в голове.

В деревне я часто вспоминала городского мастера, и при этом сердце всегда сжимала горечь. Зря не извинилась. Самой же было бы легче. А может, он уже давно забыл категоричную, вредную девчонку? Хотелось бы.

ОЖИДАНИЕ

Мать понесла свой доклад на кафедру истории. Потом у нее будет лекция перед учителями школ области. Я сижу на скамейке в скверике, что через дорогу от главного корпуса. Темные зыбкие тучи теснят друг друга. Небосвод для них сегодня мал. Тучи бывают разные: сердитые, задумчивые. Сегодня они печальные, как грусть, как скорбь. Поля у горизонта укрыл густой серый туман. А чуть ближе его зубцами кроют верхушки деревьев. Рядом со мной, в стылой воде круглого искусственного озерка, вздрагивают и морщатся от малейшего прикосновения ветра тени деревьев. Пятиствольная ива склонилась до земли и подметает блеклый газон, высвечивая желто-бурую проседь еще зеленых кудрей. Разметались косы у красавицы. Почему многостволие удивляет? Вот у моего одноклассника Сашки есть братья-близнецы. Здорово! А девчонки-тройняшки с улицы Гигант — тоже улыбка природы.

Вдали хмурые синие холмы, а здесь трепещут березы, расставаясь с последними золотыми осенними украшениями. Стволы их будто удлинились. Листья облетели даже с дуба, и его сучья торчат, как сломанные ребра. Деревья сливаются с серыми домами.

На газоне пожухли и сиротливо склонили головки желтые гвоздики, поздние астры, хилые георгины. Тревожно и суетливо гомонят птицы. Грустью, как осенним утренним туманом, окуталась моя душа.

Вдруг в соседнем доме взвизгнула скрипка, заставив меня вздрогнуть. Потом она застонала. «Скрипка плачет моими слезами», — подумалось мне. Не люблю поздней осени. Совсем недавно я радовалась в этом сквере стихами:

Напоила себя светом листьев кленовых, Ароматом травы, тишиною небес...

А теперь здесь сыро, голо, одиноко. Только гордые надменные седые ели, неподвластные сменам времен года, стоят, как неумолимые памятники неизменности, незыблемости.

Холодный воздух бодрит, а взбрыкивать не хочется. И меня умиряет осень.

Идет парочка влюбленных. Он — худенький, высокий, искренний, восторженный и такой счастливый! Она — маленькая, нежная, очаровательная, как летнее облако. Ее горячий румянец будто утренняя заря. Рядом со мной на асфальте девочка рисует мелками пронзенное стрелой сердце.

— Почему ты сердце раскрасила всеми цветами радуги? — спросила я.

— Так оно же радуется, — ответила девочка.

Мимо бегут двое мальчиков лет шести. Один кричит:

— Ой! Мои глаза вперед побежали!

Другой отвечает:

— А мои уши их догоняют!

Почему-то вспомнился четырехлетний Ваня с нашей улицы. Отец дрова рубил, а он поленья под стреху сарая носил. Так по одному все и перенес. Отец по голове сына погладил и сказал: «Хозяин растет...»

Меня заинтересовал шумный школьный двор, расположенный за зданием института. Девочки группками ходят. Мальчишки устраивают баталии. По тропинке, ведущей к калитке, что на заднем дворе школы, озираясь, идет малыш. Наверное, первоклассник. Портфель тяжел для него. Навстречу выскакивают трое старшеклассников. Они не бьют, а обзывают малыша и его маму гадкими словами, устраивают «девятый угол» и хохочут. Обливаясь слезами, школьник мужественно кричит: «Моя мама хорошая... Она любит меня!» ...Подхожу к ограде, но не вступаю. Понимаю: только жару поддам. Со зрителями им интересней издеваться. Мальчик устал сопротивляться. От каждого толчка он падает. Пацаны сами его поднимают и опять «футболят». У малыша больше нет сил спорить с хулиганами. Теперь он им не интересен. Они убегают.

Подхожу к мальчику. «Перетерпи раз, затаись и молчи, тогда сами отстанут. Они нарочно тебя доводят. Не терзай себя, не позволяй делать тебе больно. Не доставляй им удовольствие. Везде гады встречаются, но их мало. Тебе просто не повезло», — уверенно, но ласково втолковываю я ему азы поведения в подобной ситуации. Мальчик озадаченно, но внимательно слушает меня и уходит.

А я вспомнила рассказ хозяйки квартиры о своих соседях: «Бросил двоих детей, пьет. Чтобы не платить алименты ушел с хорошей работы. Приходит раз в году с каким-нибудь подарочком. Так они об этом всей улице рассказывают, привирают на три короба. Им надо, чтобы все знали, что не бросил отец, что есть у них надежная защита».

Мать задерживается. Я волнуюсь. Не опоздать бы на поезд! Подхожу к институту. Еще издали вижу толпу у главного входа. Цветы, разноцветные флажки. Оказывается, студенты делегацию встречают. Немцы вышли из автобуса. Взгляды у них настороженные, напряженные. Но улыбаются. Неприятно полоснуло по сердцу: «Мы все забыли?! Может, и зажили раны телесные, но только не душевные!» Заиграла музыка. Немецкая молодежь топчется на месте, не решаясь сделать первый шаг. Наши студенты выпустили вперед детей с цветами. Это разрядило обстановку. А я никак не могла успокоиться. Вот оно русское всепрощение! Мы слишком добрые и мягкие?! Гости не воевали. Они тогда были детьми. И все же... они немцы... Правильно ли это?

Я отвлеклась от грустных мыслей, потому что почувствовала запах дыма. «Листья уборщики жгут», — подумала я, отыскивая глазами огонь. Детские лодочки, на которых

сидят старшекласники, бьются борт о борт. Качели трещат, тетя палкой сгоняет их. Ребята дразнятся, но убегают.

Малыши гурьбой взбираются по лесенке и скатываются по железной, отполированной штанишками горке. Мамы контролируют каждый их шаг. Дети увлекаются, забывают держаться за поручни и падают им на руки. Радостный визг не прекращается. Пришел на детскую площадку папа с двухлетним сыном и уткнулся в газету. Мальчик добрался до верхней площадки, снял ручки с перил и хотел сесть на железо, но оступись и упал с двухметровой высоты на асфальт спиной. Чья-то мама подскочила к нему, взяла на руки, успокоила и попросила показать, с кем он пришел. Отец продолжал читать и даже не посадил сына на колени. Бедняжка стоял рядом и плакал. Женщина рассердилась и рассказала отцу, что произошло с ребенком. После этого он посадил сына на колени, погладил по головке и опять уткнулся в газету. Не глядя на невнимательного папашу, женщина заметила как бы между прочим, но громко и сердито: «Вот так и доверяй отцу ребенка! А потом случиться что-либо с позвоночником или, не дай бог, горб вырастет, так он жену винить станет, да еще бросит ее с больным ребенком».

Сгорбленный старичок «выгуливает» двух внучат. Ему тяжело, так он нашел палку с раздвоенным концом и толкает трехколесный велосипедик, на котором восседает старший. А меньшого мальчика за поясок держит, не отпускает от себя далеко.

Мелкий холодный дождь зашуршал по опавшей листве. Я проскочила в корпус института и зашла в пустую аудиторию. Вдруг удар по стеклу заставил меня отскочить от окна. Гляжу — на стекле круглая дырка, вокруг которой красивыми лучиками расходятся трещины, а на полу лежит камешек с голубиное яйцо. «Если бы в висок попал, хана мне была бы», — испугалась я. Осторожно выглянула в окно. Камни бросали ребята моего возраста чисто одетые, аккуратно подстриженные, розовощекие. Через открытое соседнее окно аудитории слышу:

— До четвертого этажа не докинешь!

— Давай на спор?

— На твой завтрак!

— Валяй!

Огромные осколки стекла полетели мимо моего окна. Я отшатнулась. А ребята с гиком и радостными возгласами умчались, потому что слышались угрозы взрослых.

Почему дети из хороших семей хулиганят? Они же не бандиты, не видят дома плохих примеров. Наверняка их папы не пьют? В чем причина? Может, это мальчишеское геройство? Девчонка такого не сделает. Если только совсем уж дура или злюка. Ребята были веселые, значит, не от обиды хулиганили. Когда я жила у папы Яши, ребята с нашей улицы хвалились перед друзьями своими болячками. Один палец сломал, падая с крыши, другой в корсете целый год ходил, после «полета» с качелей в парке. Я тогда тоже не могла их понять. В чем геройство? Они же никого не спасали. По глупости калечились, по неосторожности. На их месте я от стыда помалкивала бы. Витек сказал бы сейчас, что я зануда. А он пошел бы бить окна? Конечно, нет! Это же Витек!

Брожу по коридорам института: стены светлые, окна огромные. При повороте широкой лестницы на второй этаж — скульптура. В.И. Ленина. Он смотрит на всех строго и задумчиво. Я вытягиваюсь в струнку и медленно прохожу мимо. В коридорах пустынно. Идут занятия. Нашла еще одну свободную аудиторию. Порисовала чертиков на доске. Скучно. Выглянула в окно. Верхушки деревьев на уровне стекла. Открыла створки и попробовала достать листочки рукой. Не получилось. Села на подоконник и снова пытаюсь дотянуться. Не удалось. Легла на подоконник животом, крепко вцепилась в него руками, а ногами стараюсь коснуться ветвей. Получилось! Здорово!

Звенит звонок. Входят студенты. Девушка насильно стаскивает меня с окна и громко отчитывает за безрассудность. Я оправдываюсь:

— Проверила подоконник. Надежный. Не трусиха... Руки крепкие.

Девушка смеется и выталкивает меня в коридор.

«А если бы свалилась? Я почти такая же глупая, как те мальчишки, что бьют окна и ломают свои кости? Нет! Я окна не стала бы колотить. Мне жалко людей, жалко их напрасных усилий. Изощрялась в отыскании дрянных черт у взрослых, у чужих ребят и не поинтересовалась своим не менее, а подчас и более, гадким характером? Я не дура. А почему совершаю глупости? Настанет ли время, когда ум и стыд не позволят мне допускать оплошности», — думаю я.

Скучно. Ой, как хочется пошалить!

БЕЗ ТОРМОЗОВ

В пятом классе будто черти в меня вселились. Наверное, моя жизненная энергия, наконец, начала преобладать над грустью. Конечно, по несколько раз в день какие-нибудь события напоминают мне о моем положении в семье, но я стараюсь находить в себе силы отвлекаться и долго не «пережевывать» обиды. Незаметно для себя постепенно я начала превращаться в нормального, веселого, а часто бесконтрольно-сумасбродного бесенка. Правда, только в школе. Дома все как прежде: только от бабушки и брата радость.

Осознав свою неумность, я попросила учителей разрешить мне сидеть за первой партой. Но даже тут я умудрялась весь класс держать в поле зрения, и, как только выдавалась свободная минута, по рядам летели самолетика, записочки с рифмовками, дразнилками, чертиками, рожицами или затевалась какая-либо игра. В ход шли зеркальца, проволочки, спички. Запчастей всегда хватало в моих вечно оттопыренных карманах. Там находились самые необходимые вещи: гвозди (я их люблю сосать), веревочки, чтобы привязывать косы к спинкам парт, вишневый клей — фантазия подсказывает, зачем?..

Как-то учитель пения, устав спотыкаться о мои ноги, которые не хотели уместиться под партой, отправил меня на четвертую парту среднего ряда. Он быстро понял свою ошибку. Класс будто на кнопки сел. Все ерзали, и мне было весело.

Честное слово, я не дрянная девчонка! Я постоянно вспоминаю, что учитель — тоже человек и, насупившись, сжимая локти, снова и снова стараюсь взять себя в руки и хоть несколько минут посидеть спокойно. Странное дело: если я кручусь на уроке, то успеваю все услышать, увидеть и могу буквально слово в слово повторить речь учителя. Но когда я мучительно заставляю себя сидеть на уроке спокойно, то ничего не запоминаю. Все силы и внимание уходят на борьбу с собой.

Как-то с убитым видом пожаловалась подружке Лиле:

— Вчера твой папа вызвал меня к доске. А он почему-то в шапке приходит в класс и кладет ее на стол рядом с журналом. Ну, не могу я спокойно около нее стоять! Как магнитом притягивает. Я, конечно, шапку потихоньку на голову себе надеваю и тут же на место кладу. Класс смеется. Дмитрий Федорович, улыбаясь, оглядывается, а я, как ни в чем ни бывало, стою и глазами удивленно хлопаю. Мне очень нравится твой папа, но почему он позволяет мне безобразничать? Откуда у него столько слегка снисходительного насмешливого благодушия? Он, наверное, сердится на меня? А я сама не могу угомониться. Мне потом стыдно бывает, но в тот момент, когда дурью маюсь, мне весело. Я будто отключаюсь и не контролирую себя.

— Отец понимает, что ты не всегда такой будешь. Детство пройдет. Тебя наказывают другие учителя? — спросила Лиля серьезно.

— Виктор Никифорович раз на физкультуре хотел выбросить меня из спортзала. В моей голове мысли лихорадочно закрутились, перебираю вероятные подвохи, несомненные неприятности... Пытаюсь понять — за что? Передумал он выгонять, в угол поставил перед классом, выбрал, что больней для меня. «Постой, — говорит — ноги не отвалятся, а глупости и спеси поубавятся». Но я такой цирк устроила, что весь класс от смеха ходуном ходил. Карикатуры за спиной учителя на доске рисовала и тут же стирала. Не могла же я показать всем, что мне стыдно быть наказанной? Вот и шалила. А другие учителя меня только словами обстреливают. Я на каждом уроке пытаюсь брать себя в руки, но если ежеминутно не занята делом, то все равно начинаю буйствовать.

— А почему у Виктора Никифоровича бузишь? Физкультура — урок разрядки, — удивилась Лиля.

— Не люблю его трескучий голос, вечно злое помятое лицо, тупое самовосхваление. Не уважаю его, — раздраженно мотнула я головой. — Он недавно всех нас в глупое положение поставил. Колька без носков в школу ходит. У меня тоже чулки с дырками. Летом они рвутся, а зимой я их донашиваю в валенках, одевая пятками кверху. Понимаешь, сам в обуви и полупальто на уроке сидит, даже шапку иногда надевает, а нас босиком по ледяному полу гоняет. Но это мелочи жизни. Больше всего меня злит то, что он не готовит нас к соревнованиям. Говорит: «Надо же кому-то быть последними». А я не хочу, чтобы наша школа плохие места занимала. У нас есть талантливые спортсмены, ты же их знаешь!

Я спросила отца, почему он держит в школе плохого учителя, а он ответил: «У него трое детей и жена не работает». А еще Виктор Никифорович хвалится, что больше директора зарабатывает и ведет такие предметы, к которым не надо готовиться.

— Ко всем урокам учитель должен готовиться, — недовольно возразила Лиля.

— Боже мой, а какое мучение сидеть на уроках у матери! Стоит повернуть голову на десять градусов в сторону, как тяжелая рука возвращает ее в первоначальное положение. Недавно я забыла дома учебник истории. Мать свой дала, а я изрисовала все поля портретами. Различные типы лиц пробовала изобразить. Мать набросилась: «Как я на педсовет с таким учебником пойду! Урок не слушала!» Но я не замечаю, как рисую. Руки не могут без карандаша. А географичка говорит мне: «Ты перед моим уроком в озеро окунайся. Угомонись и приходи, а то мельтешишь так, что в глазах рябить начинается. Твоего брата совсем не слышно на уроках. Вот бы вас соединить, размешать и заново слепить. Получилось бы два великолепных ребенка».

Я даже у новой математички сначала ерзала. Но она быстро нашла ко мне индивидуальный подход. Кинет пару лишних задач — и все. Минут на десять — тишина. Голова! Обожаю ее!

Лиля, а тебя одноклассницы отцом попрекают?

— Бывает. Неприятно, когда кто-нибудь из девчонок в сердцах за свою плохую оценку скажет: «Тебе сегодня пятерку незаслуженно поставили». Приходится соответствовать.

— Клеймо «твой отец директор» меня тоже мучает и не дает расслабляться. В отметках я не подвожу. Но дисциплина! Учителя мне многое прощают за то, что хорошо учусь и помогаю другим. Наверное, понимают, что я не со зла? И бабушка никогда меня не ругает. Увидит, что я вся ходуном хожу, даже стоять на месте не могу, ерзаю, и говорит: «Детка, дрова заканчиваются. Может, разомнешься?» Я знаю, что дрова еще есть в запаснике, но иду в сарай. Помашу топором два-три часа, и вся глупость с меня слетает. Везет тебе, ты спокойная.

— Не переживай, придет время, и ты угомонишься, — засмеялась Лиля.

БЕСЕДЫ С ВИТЬКОМ

Ночь. Опять пишу тебе, Витек. Мне все нравится в школе. Здесь легко и просто. Мелкие неудачи — не в счет. Они незаметно исчезают, не оставляя следов в душе. В школе все детское, безобидное. На замечания учителей не обижаюсь. Они же правы! Я на самом деле часто веду себя не лучшим образом. Я восхищаюсь их терпением, пониманием, снисходительностью. Они тактично ставят меня на место, грустно укоряют, отчего становится стыдно, и я стараюсь изо всех сил бороться со своим главным недостатком — неправильным использованием на уроках избытка энергии и времени. Конечно, у меня плохо получается, и я часто переживаю, особенно на уроках учителей, которых уважаю. Помню, как во время объяснения нового материала я пыталась определить, на каком расстоянии от глаза должен находиться мой палец, чтобы полная фигура учителя скрылась за ним полностью? И вдруг увидела глаза Петра Ивановича. Взгляд большого, доброго, обиженного ребенка! Он так неожиданно тронул меня, что от стыда за свое поведение нахлынули слезы, и я до конца урока сидела пригвожденная к парте. А

печальный взгляд Юлии Николаевны, обращенный к Кольке, не выучившему простую теорему, содержал и боль за него, и обиду за себя, и неудовлетворенность уроком, и еще бурю многих сложных, непонятных мне чувств. О них говорила каждая складочка ее лица, каждая морщинка вокруг усталых глаз. Колька не мог выдержать ее осуждающего и в то же время сочувственного выражения лица и отвернулся к стенке. Мне было стыдно за него, и я тоже присмирела.

Мне многое прощают за отличную учебу, но как учителя умудряются прощать Кольку-двоечника? Почему не кричат, не выгоняют? Понимают, что не дурак и, повзрослев, возьмется за ум? А про меня что думают? Сочувствие меня убивает больше ругани. «Вот, мол, какая ты еще слабая! Ну, что тут поделаешь, не хватает тебе пока ума и силы воли справиться с такой простой задачей, как спокойно сидеть на уроке!» Ох, какой ураган во мне разыгрывается, как самолюбие страдает! Тут и обида на себя, за то, что позволила сочувствовать, и злость на то, что другие ученики могут обратить внимание на иронию, предназначенную мне. А может, кое-кто из класса и злорадствует про себя в мой адрес? Вот, мол, наконец, и ей досталось!

За незнание уроков нам здорово от учителей влетает. Тут снисхождения редки, ну если только дома что случилось. Но по-умному подходят к каждому, с учетом способностей и старания. Ругают только за безответственность. Если «не тянет» ученик, никогда перед классом не позорят. Щадят. Ученики также ведут себя. Кольке говорят: «Лодырь, класс подводишь». Но никто никогда не сказал Марусе: «Ты глупая, из-за тебя баллы не набираем», потому что она очень старается, вызубривает параграфы, не понимая содержания. На такое редко кто способен. И мы это ценим. Учителя терпеливо выслушивают ее и ставят «три» или «четыре», в зависимости от количества выученного. Никто не смеется над ее промашками и подчас глупыми фразами. Все переживают. И Нина с пятой парты такая же. Мы с ними общаемся как с равными. Мне кажется, Маруся и Нина совсем не чувствуют себя ущербными. Ну, учатся чуть хуже других, и что? Ведь не хуже лодырей, а значит, все в порядке.

Первое время я очень переживала, боялась, что иногороднюю горбатенькую Анюту кто-нибудь начнет дразнить. Но этого не произошло. Она хорошо училась, вела себя с удивительным достоинством, рассказывала, что, когда вырастет, обязательно станет главным бухгалтером в большой организации. Мы сразу поверили ей и отнеслись с уважением к ее взрослой мечте. В интернате ее любят за легкий характер. Она никогда не участвует в пересудах, но умеет выслушать любого и на любую тему. Ее слушаются.

Витек, вот если бы у меня была возможность беситься где-либо на улице, в компании друзей, тогда я, может, на уроках была бы спокойнее? А то дома — армейский режим, в школе — тоже нужна дисциплина. Так где же разгуляться, повизжать, на голове походить в полное удовольствие? Здесь мне даже по деревьям ползать редко выпадает возможность. А ты, Витек, такой же шустрик или в школе «обломали», «укатали Сивку во крутые горки?» Как тебе теперь живется? Дома я живу слишком серьезной жизнью. Она меня морально утомляет. Каждая шпилька отца, каждый многозначительный взгляд матери возвращают меня к взрослым мыслям, рассуждениям, сердечной маете. Мучает несправедливость оскорблений и упреков. А бабушка у меня — золото.

2. Сегодня после уроков мать отправилась обходить семьи своих учеников. С утра светило солнце, лужи сверкали, а вечером мороз сковал землю твердым панцирем и мелкий снег припудрил ледяные дорожки. Мы с Колей выполнили уроки и расшалились. На шум пришла бабушка из кухни и принялась укорять нас:

— Темно на улице, хоть глаз выколи. Неизвестно, как ваша мать домой теперь дойдет. Может, упала где-нибудь, встать не может? А вы гвалт подняли, радуетесь.

— Так она же взрослая, — удивился Коля.

— Вот если бы кто-то встретил ее и помог домой добраться, ей было бы приятно.

Нам стало неловко, что не подумали о матери. И мы притихли пристыженные. Я представила, как мать чуть ли не ползком, бредет, скользя и спотыкаясь по узкой тропинке, вдоль хат, как ветер валит ее с ног и ледяная крупа сечет лицо. В окнах темень. Только учителя допоздна проверяют тетрадки, и потому в их хатах горит свет... И вдруг поняла, что слова бабушки в большей степени относились к отцу. А он читал газету и не обращал внимания на волнения бабушки.

Я никогда не могу понять по лицу, о чем думает отец. Вот и сегодня он, как всегда, спокоен. Может, переживает, но не умеет или не хочет показывать свои чувства? Бесцветный он какой-то и дома, и в школе. Мать на занятиях рассказывает ярко и на ответы учеников реагирует бурно, а он говорит четко, сухо, без интонаций.

Что греха таить, жду от него похвалы, стараюсь ее заработать. Бесплезно. Доклад перед Новым годом приготовила. Сколько литературы перевернула! Он все видел. Я дрожала от возбуждения, желая интересно выступить. А он вошел в класс и задал мне совсем другой вопрос из давно пройденного материала. Я проглотила обиду и только удивленно взглянула на него. Лицо, как всегда, непроницаемое, взгляд мимо меня. Забыл? Нарочно другое спросил? Буду считать, что забыл. Виду не покажу, что расстроилась. А вдруг он и правда рад, когда меня обижает? К обидам нельзя привыкнуть. В любом случае лучше промолчать. Взяла себя в руки, бойко ответила на вопрос и села на место.

Мать, я думаю, не хочет меня обижать. Ночью, перебирая события дня, иногда думаю, что мать добрая, но не очень счастливая. Наверное, плохое само собой получается. Пошли недавно на станцию Коле одежду покупать. Она целый час выбирала. Ахала, охала, что привоз маленький, и самое лучшее купила. Тут я сказала, что сапоги резиновые прохудились, так она все приценилась, какие бы подешевле ботики найти. Мелочь, а неприятно. На прошлой неделе они ездили в город. Сфотографировались вместе, потом мать все радовалась, какая красивая у них семья. А я вроде как сбоку припека, даже на фотку не имею права попасть. Месяц назад в гости приехала родня отца. Все в хате разместились, только меня во время отпустили, где в углах, в серой паутине, удобно устроились пауки, кисло воняет варевом для поросенка, бегают мыши, где противные желто-серые подтеки на потолке и стенах. А ведь на кухне было свободное место. Обидно такое отлучение. Гости уехали три недели назад, а меня не торопят переселять в хату. Времянка — мой склеп, моя темница. Вот здесь, на раскладушке, в керосинном чаду, и пишу тебе о своем житье-бытье. Я понимаю, что из-за отца мать так поступает, но все равно грустно, и плакать хочется.

Спокойной ночи, Витек».

НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Мне нравится решать длинные примеры во всю строку учебника с квадратными, круглыми и фигурными скобками. А сегодня почему-то с первого раза ответ не получился. Мать посоветовала отвлечься другими предметами. Я согласилась. После ужина снова взялась за пример. Пересчитала сложные моменты, проверила последовательность действий — все в порядке. А ответ не сходится. Взрослые легли спать и меня уложили. Заснуть не удавалось. Потихоньку встала и занялась математикой, решив не ложиться, пока не добьюсь своего. Было уже около двенадцати. Тут подошла мать и сказала:

— Возьми чистый лист и начни с первого действия.

— Там же только сложение и вычитание, — удивилась я.

— Самое смешное состоит в том, что в основном ошибки совершаются не в трудных примерах, а в самых пустяковых, — объяснила мать.

Я проверила сложение и в первом же действии нашла ошибку. Хлопнула себя по глупой голове и нырнула в постель.

«Тьфу, два плюс три неправильно сложила», — улыбалась я и уже не злилась на себя. Ведь пример был решен!

Лежу и вспоминаю, как недавно не получалась у меня задачка про три стопки тетрадей. До ночи с нею возилась. Чувствую, решение где-то рядом, но мысль то прерывается, то прочь уходит. Ночью вскочила, набросала какие-то идеи и опять спать легла. А утром приснился мне сон, где я четко увидела ход задачи. Встала, записала увиденное, сравнила с тем, что ночью решала — точь-в-точь совпало! В тот день я одна в классе с этой задачей справилась. Конечно, не воображала, чтобы никого не обидеть, молча, как все, сдала тетрадь, но радость испытала огромную. Я что-то могу лучше всех!

И все-таки плохо, что теперь учусь в первую смену. В прошлом году вечером уроки выполняла, а на следующий день до обеда у меня было много свободного времени. Возилась по хозяйству, повторяла стихи, правила, тексты. Даже выкраивала время для своих фантазий и чтения. Здорово было. Спокойнее во вторую смену учиться, утром можно подумать над тем, что не получилось вечером. Ничего не поделаешь, надо при любом режиме дня уметь учиться.

СЕКРЕТ

Идет урок истории. Передо мной сидит Маша — беленькая, сероглазая, всегда аккуратная девочка. По ее ровному, как стрелка, ряду, разделявшему волосы на две косы, ползают такие же чистенькие светлые вошки. Как же не быть в их семье вшам, если живут бедно, а детей — куча. Ее брат Коля вообще неумытым появляется в школе. Вспомнила, как долго бабушка воевала с моими детдомовскими вшами. Только керосин спас меня тогда от позора.

Маша — необычная девочка. Она очень рано задумалась о мальчиках по-взрослому. Я ребят воспринимаю как объект для игр. Для меня все они одинаковые. Мне неинтересно, какие у кого глаза, носы. А Маша постоянно вздыхает по какому-либо старшекласснику, чем вызывает мое недоумение. Но я привыкла не вмешиваться в дела своих друзей и рассудила так: «Раз ей нравится, пусть вздыхает. Каждому свое. Дети должны быть разными. Я хорошую книжку не променяю на прогулку с самым лучшим мальчишкой. Жюль Верн, Майн Рид, Купер, Дюма, Беляев занимают мое воображение».

Как-то на перемене девчонки собрались в кружок. Я из любопытства подошла к ним. Маша томным голосом рассказывала, как она страдает по мальчику из девятого класса. Девочки с интересом слушали ее. «Только смотрите, чтобы он не узнал. Это секрет. Надо, чтобы парень подходил первым. Позор, если он узнает о любви девушки и станет дружить с ней вроде как из жалости. В этом случае у них никогда ничего хорошего не получится», — предупредила Маша.

Я знала, что Алик, предмет ее обожания, приходится нашей семье какой-то дальней родней. Но он не афишировал в школе свое родство с директором школы и домой к нам не приходил. Его мама иногда просила о помощи, и наш отец никогда не отказывал.

Отец Алика сидел в тюрьме, но чувства интеллигентности, такта, предупредительности не растерял. Остался человеком. Как-то о судейских чинушах рассказывал. Говорил, «что важны в них доступность, уважение к простому народу, а из них высокомерие прет, получают удовольствие от унижения других, упиваются своим хамством. Он считает, что их поведение от неодаренности и бескультурия, потому что образованный человек тоже бывает невоспитанным. Хамство не признает внутренних и внешних ограничений, оно главный симптом бюрократической болезни. Они вроде бы и не хотят делать гадкое пошлое зло, но бессмысленно делают его в силу привычки, по причине неуважения к людям. Им ничего не стоит жестоко разрушить жизнь человека, по уму стоящего много выше себя. Напротив, им даже приятно показать свою незыблемую власть над талантливыми людьми... А слезы всех матерей и детей везде одинаково горькие...» Алик в него: уступчивый, мягкий, сострадательный, честный даже в мелочах, чистосердечный, но более осторожный. «С оглядкой», — так говорит моя бабушка.

Как-то зашла к нам тетя Алика и попросила наставить на ум ее мужа-пьяницу. Отец обещал поговорить, но заранее предупредил, что не уверен в положительном результате.

— Очень он вас уважает, послушает, — уверяла тетя.

Когда она ушла, мать пожалела тетю Олю и очень хорошо отозвалась о ее племяннике Алике. А я возьми и брякни:

— А Машка из моего класса влюблена в него.

Мать ответила:

— В хорошего немудрено влюбиться.

Тут я опомнилась, что проболталась, и попросила мать никому не говорить об этом,

потому что дала честное слово. Она обещала. Я немного успокоилась.

Прошла неделя. Я, как всегда, влетела в класс веселая и сразу почувствовала напряженную атмосферу. Девочки смотрели на меня неодобрительно. Из угла слышались всхлипывания. Ничего не подозревая, я подошла к ним и, увидев Машу с красными глазами, кинулась к ней с расспросами. Девочки резко ополчились против меня:

— Уйди. Из-за тебя она плачет. Ты секрет матери выболтала. Она перед всем классом Алику рассказала про Машу. Ребята подняли его на смех, и он рассердился. Теперь у них ничего не получится.

Я остолбенела. Никак не ожидала такого от матери. Я понимала, что она сделала это не нарочно, наверняка в шутку. Но мне было не до юмора. Попыталась защититься:

— Если он на самом деле серьезно полюбит, то ничья болтовня ему не мешает.

Тут Вера встала.

— Отвечай, проболталась? — спросила она жестко.

— Да, — призналась я, — нечаянно. Но я честное слово с матери взяла, она обещала.

— Учителю можно верить только по урокам. Они же нас воспитывают с одной мыслью: «Как бы чего не случилось», — поэтому запрещают дружить и любить.

— Все учителя поощряют дружбу в классе, — возразила я решительно.

— Глупая ты еще. А пока не доросла до понимания любви, держи рот на замке, особенно перед своей мамашей. Мы с тобой из-за нее больше никогда на серьезные темы не будем говорить. Носись со своими уроками!

Я вылетела из класса как ошпаренная.

Занятия в школе в тот день прошли как в тумане. Дома к обеду не притронулась. Только процедила сквозь зубы:

— Зачем Алику про Машу рассказали? Больше никогда ничего от меня не услышите.

И ушла на огород раскидывать навоз, чтобы осмыслить создавшуюся ситуацию.

Почему я проболталась? Не понимала, что это серьезно? Знаю, виновата. Теперь придется держаться особняком от девчонок. Но моя соседка Зоя еще в первом классе говорила, что они с моим братом жених и невеста. То была ясельная глупость. А тут, может, и правда могла быть большая взрослая любовь, а я все испортила? Чувство вины перед Машей мне никакой помощью ей в уроках не загладить. Она никогда не простит! Никогда! И девчонки тоже...

Девочки выполнили свое обещание. А мне казалось, что деревенские дети добрее. Может быть, и добрее, но куда как принципиальнее...

Мать повысила голос, и я вспомнила, что нахожусь на уроке.

«САМОЛЕТ»

После уроков мы с Ниной пошли домой по дубовой аллее. В конце ее — горка, а за ней — ров, отделяющий школьный двор, от школьного огорода. Смотрим, а там ребята катаются на железной тележке, на которой шабашники летом щебенку для ремонта школы возили. Мы с Ниной, конечно, к ним побежали. Стоим, наблюдаем новую забаву. Разгоняясь до большой скорости, тележка перелетала ров. Восторгу «седока» не было предела. Уже с десятков ребят участвуют в гонках, а я никак не решаюсь попроситься в «наездники». Вот промчался одноклассник Сашка Гаманов. При падении от толчка его «выстрелило» как из пушки. Измазанный, но гордый он прошел мимо нас, подзадоривая новичков и советуя проверить себя «на вшивость». Меня задело, что он не предложил мне попробовать, и я сердито выхватила у него ручку тарантаса. Громыхающее «такси»

понесло меня, раскачиваясь на ухабах из стороны в сторону. За пять метров до канавы нервы мои не выдержали, и я выпрыгнула из «седла». Слышу хохот ребят:

— Гляди, ухом тормозит!

— Не ухом, а лбом. Не рассчитала траекторию, — хмуро поправила я мальчишек.

— Может, больше не поедешь? — участливо спросила меня подруга.

— Поеду, — раздраженно бросила я и, вытирая ладонью струйку крови, встала в очередь.

Мое самолюбие страдало. «Давно не шустрила. Отвыкла, — успокаивала я себя. — Ребята наверняка поняли, что расчет тут не при чем. Я обязательно должна доказать, что не трусиха».

Один за другим мальчишки перелетали через ров, а я стояла внизу и смотрела, как они ведут себя в «самолете»: спокойно сидят или пытаются движениями тела подправлять полет? Одни втискивались в тележку и напряженно вглядывались в конечную цель, другие носа не высывали из-за борта, надеясь на авось.

«Смогу», — сказала я себе и решительно направилась на вершину холма. Набрала разгон и помчалась! Полет был удачным. Правда тележка сильно ударилась о взрыхленную влажную землю, и мои руки и ноги чувствительно занули. Но это мелочь по сравнению с тем, что ощутила, скатываясь с холма, а главное с тем, что я преодолела свой страх.

Сашка тем временем не сводил с Нины глаз, а она злилась на него. Весь год он через меня присылал ей записки и стишки, а недавно нарисовал ее портрет и преподнес на день рождения. Стоял смущенный, глаз не поднимал. Нина раскричалась на весь класс: «Отстань! Надоел ты мне как горькая редька!» Сашка покраснел и выскочил в коридор. А на следующий день на стене нашего здания красовался огромный карикатурный портрет Нины. Она — в слезы. Вожатая снимает «послание», а сама успокаивает мою подружку: «Он влюбился в тебя!» Нина еще больше ревет: «Зачем мне нужен такой гадкий и глупый мальчишка!» Пришлось вожатой Ане побеседовать с «кавалером» по душам о том, каким должен быть рыцарь. Только Нина теперь все равно в упор не видит Сашку, и его подвиги ее не волнуют. Ей совсем неинтересно на горке!

И мы пошли домой.

ЛИЛЯ

Иду со станции. О Лиле думаю. Ее семья приехала с Украины. Лиля мне сразу понравилась. Я слишком шустрая и на язык резкая, а Лиля медлительна и в движениях, и в мыслях, но зато вдумчивая, рассудительная, серьезная. Девочки объяснили нашу дружбу просто: ваши родители — учителя.

Я не вникала в глубину этой фразы и восприняла ее однозначно. Правда, Валя Гандлер как-то уточнила:

— Куда нам, лапотным!

Я опять поняла ее впрямую и возразила:

— У Зойки котлеты каждое воскресенье, а у нас только по праздникам.

Лиля тогда увела разговор в другое русло, а позже объяснила мне, что дети учителей для многих как другая каста, потому что мы учимся, как правило, отлично и нам часто завидуют.

— Так вот почему мне права на промашку не дают! За плохое поведение и в классе, и дома больше других достается. Я думала потому, что моя мать такая строгая. А для меня все равны, я со всеми одинаковая.

— Не скажи. Станешь ты с двоечником дружить? — Лиля с сомнением покачала головой.

— Нет, но не из-за родителей. Просто мне с таким неинтересно.

— А ты знаешь, Паша Сигаев мне в любви признался и плакал, когда я сказала, что мне другой мальчик нравится.

— Я бы с ним даже разговаривать не стала. Он к четырнадцати годам только пять классов закончил, — фыркнула я пренебрежительно.

— Зря ты так. Паша такой же человек, как мы с тобой, и его чувства надо уважать. У него такая нежная и добрая душа? Я не встречала мальчика лучше него, — старательно пыталась разрушить мою непоколебимость во взглядах на дружбу подруга.

Я впервые задумалась над тем, что делю детей на плохих и хороших только по одному признаку — по учебе. Мне стало неловко при мысли, что я бессердечней и глупее Лили. И все же я не понимала, как можно у всех на виду оказывать внимание мальчику, который нравится. Лили постоянно просит Эдика покатать ее на велосипеде, помочь с уроками, в общественной работе. Может, она, таким образом, хочет больше времени быть рядом с ним? Я ни у кого не прошу помощи. Считаю, что лучше меня самой никто мое задание не выполнит. Не знаю, то ли от гордости, самолюбия и еще непонятно от чего, но я никогда не поступаю, как Лили. «Пусть мальчишки сами моего внимания добиваются!» — думала я. И в моих мыслях не было лукавства.

Поражает меня в Лиле и ее терпение. У нее есть старый немецкий изношенный велосипед с седлом, обернутым куском тряпки. Родители не позволяли его брать, потому что использовали строго для дела — для поездок на станцию. Но Лили как-то сумела уговорить их и старательно учила меня. Кататься у меня получилось сразу, а вот садиться и особенно слезать — никак! Вся улица хохотала, когда я вместо того, чтобы соскакать сбоку, перепрыгивала через руль. Я понимала, что бросать велосипед, значит, его портить, но, сильно ударившись о раму, не могла пересилить себя. И вот тут-то терпение Лили пригодилось. Она, держась за багажник, носилась за мной по пыли, по ухабам, потом командовала «тормози» и следила, чтобы я не «улетела». А бегать ей сложнее, чем мне. Она же пухленькая. Я ценю ее доброе отношение. Наша дружба крепнет.

В семье Лили шесть очень дружных, заботливых, веселых девочек. Они все время что-нибудь придумывают, вычитывают в «Пионерской правде» какие-то рецепты приготовления пищи, делают игрушки, пишут письма в газеты, журналы, что совсем не поощрялось в нашей семье. У них была интересная жизнь. Их папа выписывал много разных журналов, и я чувствовала, что, читая их, девочки расширяли кругозор. Лили часто говорила мне о вещах, о которых я не слышала. А у меня — школа, дом, дела — и все. Иногда Лили говорила: «Ой, целый день играла у Гали». Мне такого никогда не позволялось. Я заметила, что она и ее сестры могут спорить с родителями, отстаивать свое мнение. У нас в семье как в солдатской роте: приказы начальника обсуждению не подлежат.

А еще Лили — самый хороший на свете слушатель. Часто увлекшись, я ловлю себя на мысли, что не даю ей вставить слово. Тогда умолкаю и прошу подругу рассказать что-нибудь, а она смеется: «Ты меня так «разговоришь», что дома не признают». А мне совестно, потому что я считаю, что дружба должна быть основана на взаимном понимании, снисходительности и возможности безбоязненно поверять друг другу свои незамысловатые, но очень важные тайны. Я всегда терпима к медлительности и неэмоциональной рассудительности Лили, даже после опустошающих душевных бурь и разбушевавшихся сомнений. И она всегда остается верной надежной подругой, способной приободрить меня и вдохнуть радость жизни, поэтому я без угрызений совести перекладываю на ее плечи часть своих горестей.

Нам здорово вместе. И если по какой-то причине Лили не может выйти погулять, я не нахожу себе места. Никто не может ее заменить. И я для нее была тем же. Мы нашли друг друга и рады этому. Мы никогда не ссоримся. Причин нет. Понимаем все по взгляду, жесту. Я очень редко бываю в доме подруги, но зато коров из стада мы встречаем вместе. Это наше законное время. Жаль, что зимой общаемся мало. Только в школе.

Сегодня на улице сыро, ветрено. Настроение под стать погоде — хмурое. И вдруг встретила Лилу. Она улыбнулась, и с меня сразу схлынуло раздражение.

— Пойдем ко мне, покажу, как можно, не вышивая, делать красивые дорожки. Тебе понравится, — позвала она.

Я сразу согласилась.

Лиля достала лоскут белого ситца, по краям которого изображены маленькие незабудки и ромашки.

— После стирки краски не сползут? — поинтересовалась я.

— Масляные не смываются. Нам отец купил. Попроси своего.

Я молча проглотила ком обиды. Знаю — не купит.

— Розы люблю рисовать. Показать на бумаге? — увела я разговор от неприятной темы.

— Давай. Только сначала прочитаю тебе ответ на наше с Ириной письмо в «Пионерскую правду».

— Ответили? Не может быть! Мне мать не разрешает никуда писать, а я тайком послала стихотворение в областную газету.

— И что? — оживилась подруга.

— Представляешь, когда письмо получила, все внутри меня задрожало. Каждый день ждала, и все же оно оказалось неожиданным и волнующим. Даже конверт никак не могла разорвать. Открываю, а там стандартный ответ, отпечатанный на машинке под копирку. Только фамилию ручкой вписали. Не потрудились лично ответить. Лучше бы сообщили, что слабый стих. Отмахнулись. Отбили желание им писать.

— Нас похвалили за подробные ответы на вопросы, по радио обещали нашу фамилию зачитать в числе самых активных. Мы участвуем во всесоюзных играх «Угадайка» и «КОАПП». Тебе нужно писать в детские издания.

— Я взрослое стихотворение написала: про партию и будущее молодежи.

— Давай вместе следующее письмо напишем.

— Не хочется.

— Ладно тебе, не переживай, будет и на твоей улице праздник, — ободрила меня Лиля.

— Разреши мне один цветочек на твоей ткани красками нарисовать?

— Конечно, с удовольствием. Вместе салфетку украсим.

Я сразу забыла все обиды. С подружкой так здорово!

Тут к Лиле пришла Оля с улицы Гигант и стала жаловаться на свою соседку. Ее лицо выражало растерянную мольбу.

— Зачем ревнуешь? У Гали могут быть и другие подруги, кроме тебя, — серьезно объяснила Лиля. — Может, сегодня у нее много дел по дому?

— Нет! Я извелась от ожидания, а она ушла играть к Вале, а не ко мне! — возмущенно вскрикивала сквозь слезы Оля.

— Не раскисай! В другой раз к тебе придет, — попробовала я утешить девочку.

— Но я-то всегда ее жду. Она же моя лучшая подруга! — задохнулась обидой Оля.

— Дружба не признает благодарности и благодетельствования. Узы дружбы крепки радостью и пониманием. Ты хочешь Галю к себе приковать цепями? — пошутила Лиля.

— Так вы друг другу быстро надоедите.

— Ты права, — уныло согласилась Оля.

— А вдруг у нее важное дело к Гале или такое настроение, что ей хочется побыть в новой

обстановке. Дружба должна радость приносить, а не слезы. Не мучай ни себя, ни ее. Нельзя требовать от друзей слишком многого, — справедливо заметила Лиля.

— Но я-то к ней всей душой, а она? — продолжая оправдывать свою нетерпимость, бурчала Оля.

— Принимай и люби ее такой, какая она есть, — сурово обронила Лиля в ответ на бесконечное нытье.

Я опять удивилась вдумчивости и дружескому проникновению Лили во внутреннюю жизнь каждой подруги.

Оля ушла, и я решилась задать Лиле очень сложный для меня вопрос о ее старшей сестренке. Лиля ответила спокойно и по-житейски просто:

— Что тут поделаешь? Полюбил папа нашу маму. Вика нам наполовину родная, сводная сестричка. Где пять, там и шесть детей не в тягость. Папа считает, что ей в нашей семье лучше. Этим он загладил свою вину и дал возможность маме Вики выйти замуж. Как же иначе?

— Мой отец тоже дочь Люсю к себе забрал. Он не любил ее маму. На праздник выпил много вина и совершил ошибку. А считал себя виноватым потому, что, будучи старше той девушки, обязан был отвечать за свои поступки. Он сам мне так объяснил. Лиля, знаешь, что меня беспокоит? Мне кажется, что за время проживания в селе, я совсем не поумнела, будто все та же восьмилетняя или девятилетняя девочка. Я многому научилась. Но все это касается физической работы. Как и раньше я не могу ответить на бесчисленное количество вопросов, которые возникают у меня ежеминутно.

— Например? — заинтересовалась Лиля.

— Почему у нас часто меняются председатели колхоза? Почему наш колхоз в числе отстающих? Почему взрослые люди делают глупости или гадко поступают? Если я понимаю, что это плохо, значит, они тем более должны осознавать недостойность своего поведения?

— Зачем ты торопишься разбираться во взрослых проблемах? Не лезь в их дела. Пусть они решают их сами. Нам своих забот хватает. Живи детской жизнью. Ты нормальная, толковая девочка. Не засоряй голову ерундой. Каждому овощу свой час. Придет время, и ты найдешь ответы на все сложные вопросы. Папа говорил, что твое эмоциональное развитие опережает физическое.

— Это плохо? — мгновенно встревожилась я.

— Папа считает, что хорошо, — улыбнулась Лиля.

На сердце сразу отлегло, и я заторопилась домой.

— Приходи завтра, мы будем дописывать сценарий и готовить костюмы к спектаклю, — пригласила Лиля.

— Если отпустят, — ответила я хмуро. — Вчера Зинаиде Ивановне пообещала прийти в школу и не смогла. А она мне: «Ты не хозяйка своему слову». Юлия Николаевна услышала наш разговор и засмеялась: «Напротив, она хозяйка — захочет, даст слово, захочет возьмет назад».

Я разозлилась и ответила резко: «Вы же знаете, что моему слову хозяйка — мать, с нее и спрос!» Юлия Николаевна понимающе глянула на меня. «Извини, — говорит, — неудачно пошутила». Я потом жалела, что нагрубила ей.

Иду от Лили и грущу. У них так здорово! А у меня все самое интересное в голове. Вожусь одна во дворе, никто не мешает мечтать о том, что в доме Лили происходит на самом деле. Хорошо, хоть праздники есть и я имею право на кружках готовиться к ним. Только их так мало! Коля постоянно ходит к троюродному брату Вовке и другу Ленчику. Он всегда маленький, а я всегда большая.

Последние годы в своих мыслях я, в основном, жила памятью о Витьке, Иване, Толяне, о

взрослой Лиле, больше понимала и жалела несчастных, болела их горестями и печалью. Лучшие друзья для меня были в прошлом. До Лили я жила одиноко и печально. Лиля повернулась ко мне доброй душой, показала, что можно дружить светло и радостно. Она одарила меня спокойствием и уверенностью. Два сердца в одно мгновение поняли друг друга. Это было как озарение. Не представляю причины, которая могла бы когда-либо разъединить нас.

В этой семье я не могу, как раньше, бродить по лесу, мечтать, чувствовать себя лучиком солнца в поле, стрекозой у реки. В любую минуту надо мной довлеет строгое «надо». Все реже и реже возникают во мне желания. Я отвыкаю думать. За меня решают. Мне приказывают, я выполняю... Я разучилась вне школы общаться с детьми, жить их заботами. И вот появилась Лиля, мой светлый лучик одиноких грустных дней. Теперь хоть редко, и зимой я могу устраивать себе праздники души.

ЛЕКТОР

Сегодня после уроков у нас лекция местного художника. На сцене появился седой длинноволосый тощий мужчина в широком помятом костюме. Когда он заговорил, размахивая руками, то его сходство с огородным пугалом еще больше усилилось. Ребята пригнули головы, пряча красные от сдерживаемого смеха лица. Рая толкнула меня в бок:

— Гляди, тот самый, что предлагал нарисовать мою старшую сестру нагою.

— Она согласилась?

— Да. Они договорились встретиться на берегу реки за мостом. И тут он ей говорит: «Раздевайся». Она осталась в купальнике. Он берет кисточку в руки и опять предлагает снять одежду. До Ольги дошло, что не нагой художник собирается ее рисовать, а голой. Схватила платье и давай хлестать старика, приговаривая:

— Ах ты, развратник! Как ты мог предложить мне такое! Я порядочная девушка!

Разобиделась она очень, оскорбилась. И такого твой отец прислал к нам читать лекцию?

— Моя городская подружка Ирина училась в художественной школе и объясняла, что великие художники писали людей без одежды, потому что хотели показать красоту человека. У меня раньше была книга «Эрмитаж». В этом музее собраны картины самых знаменитых художников со всего мира. Ты думаешь, почему этот старик твою сестру попросил позировать? Почему хотел запечатлеть на полотне, «оставить в вечности»? Она похожа на богиню плодородия из эпохи Возрождения. Для него твоя Люба — писаная красавица. Гордись сестренкой. Только я сомневаюсь, что он достоин того, чтобы перед ним раздевались. Я видела его картины в клубе, на станции. Отчетливо помню: не понравились. Примитивная мазня. Не получилось у него разгадать тайну женской красоты, и не под силу ему изобразить на холсте очарование юности. Не прочувствовал он великого мгновения. «Девушка на холме» у него похожа на акулу. И туман вокруг нее не помог усилить восприятие и скрыть отсутствие таланта. Кого он хочет удовлетворить своей безвкусицей? — усмехнулась я неодобрительно. И все же смягчила жесткую критику легким отступлением: — Может, конечно, ошибаюсь? Я люблю творения великих художников эпохи Возрождения. Рядом с ними трудно поставить кого-то из современных авторов.

Лектор суетился, раскладывая репродукции перед проекционным аппаратом. Сгорая от нетерпения, ребята притихли. Казалось: они надеялись увидеть и услышать что-то особенное, исключительное, способное поразить их ум и сердце. Еще ни разу им не читал лекций художник, специалист в области искусства.

Старик довольно складно говорил о Репине, Васнецове и картинке, вырванные из журналов, подобрал хорошие. После лекции мы поблагодарили художника. А Рая сказала ребятам: «Внутри он лучше, чем снаружи». Все рассмеялись.

Вечером я попросила отца еще раз пригласить искусствоведа для моих одноклассников. Но он сердито ответил: «Дешевле книгу о художниках купить, чем оплачивать ему лекции». А я-то думала, что он от чистого сердца на старости лет захотел школьникам

передать свои знания!

Перед сном на меня напала хандра. «Ничего нового я не узнала от лектора, ничем он меня не порадовал. Жизнь моя проходит однообразно, бесцветно. Усыхаю без яркого, умного, интересного. В деревне я тупею. Нет в жизни счастья», — скулила я.

Вскоре отец на самом деле купил великолепное издание «Эрмитаж». Большие деньги заплатил! Я была безмерно благодарна ему. Не ожидала от него такой щедрости! Отец очень дорожил книгой, с какой-то особой нежностью брал в руки. Но судьба книги сложилась неудачно. Недолго мы наслаждались ею. Отец обычно давал ее под расписку учителям на уроки, на классные часы и просил быть очень аккуратными. Каким-то образом она попала в руки молодому художнику со станции, и он не захотел ее возвращать. Наконец отец жестко потребовал вернуть книгу, и тот все-таки принес ее. Мы развернули газету, и мне чуть плохо не сделалось, а отец побелел и заскрипел зубами. В книге осталось листов тридцать черно-белых репродукций и несколько цветных, — разлинованных на клеточки. Оказывается, художник подрабатывал копированием всемирно известных картин. Мы долго молча стояли над книгой, как над могилой. Я тихо спросила:

— И сделать ничего нельзя?

— У нас нет законов, чтобы наказывать людей за непорядочность и подлость, — ответил отец раздраженно.

Зато после завтрака меня с Колей ожидал приятный сюрприз. Отец привез из города фотоаппарат «Любитель». Он так аккуратно распаковывал коробку, что мы дыхание затаили от волнения. Черный ящичек не произвел впечатления, но все равно отец даже пальцем не дал его потрогать. Вдруг верхняя часть аппарата раскрылась. Затем медленно выплыл объектив. Я заерзала от нетерпения. Но отец предупредил:

— Фотографировать буду сам. Вещь дорогая и хрупкая.

В тот же день он выпилил лобзиком в листе фанеры окошко для красного стекла, и вместе с Колей закрыл им окно на кухне. Потом строго по инструкции приготовил проявитель и закрепитель. Таинственное незнакомое занятие интриговало еще и потому, что отец не доверял нам. Любое дело доверял, а это — нет! Обидно было. Но ведь оно особенное! Это тебе не сено ворошить или бревна тесать!

В темной комнате под одеялом отец зарядил пленку и принялся фотографировать всех по одному и компанией, а когда проявил пленку и повесил сушить на бельевую веревку, нам даже дышать на нее не разрешил. После обеда первым делом все направились смотреть изображения. Пленка была черная, а фигуры светлые. Но мы сразу разглядели себя и пришли в неописуемый восторг. Мы с братом были очень послушны, боясь не попасть на первое изготовление фотографий. Отец не хотел меня пускать, сказал, что тесно будет втроем, но я принесла два ведра холодной воды для промывания снимков и не ушла из кухни. Коля постелил на столе белую бумагу, расставил ребристые ванночки и потушил лампу. Кухня осветилась слабым красным светом. Когда глаза привыкли к темноте, я заметила, что лица и губы наши побледнели, а моя красная кофточка превратилась в розовую.

— Смотри, Коля, в красном свете цвета меняются! — обрадовалась я новому открытию.

— Без тебя заметил, — ответил брат сердитым шепотом.

— Не отвлекай, — строго сказал отец, — а то выгоню.

Я присмирела. Отец положил первый кадр пленки на фотобумагу, прижал железными пластинками, осветил на раз, два, три специальным фонарем с выключателем и быстро окунул бумагу в проявитель. Мы уставились на спокойную гладь воды. В ней медленно появлялись очертания лица.

— Мама! — закричал брат.

Фотография стала чернеть, и отец быстро перебрал ее в ведро с водой. Я вымыла ее и положила в закрепитель. Удовольствие, конечно, поразительное! Мы возились в растворах до тех пор, пока уличный свет, проходя сквозь красное оконце, позволял нам

не спотыкаться друг о друга. Легли спать счастливые.

Глава Вторая

ВЕЧЕРНИЕ ЧИТКИ

Иногда зимними вечерами после ужина бабушка остается на кухне убирать посуду, а мы торопимся в комнату родителей. Отец садится читать за стол, а мы втроем удобно устраиваемся на диване. Керосиновая лампа освещает только книгу и лицо отца. В тишине комнаты, где в полумраке вместе с язычком пламени на стенах дрожат наши тени, услышанные события представляются таинственными, загадочными, пришедшими из древности.

Сегодня отец взял с полки пьесы Островского. Я несколько раз начинала читать эту огромную тяжелую книгу в сером замусоленном переплете с пожелтевшими от времени страницами. Но истории о купцах казались мне неинтересными, и я оставляла скучное занятие.

Отец читает негромко, но выразительно, соблюдая все паузы на месте знаков препинания, выделяя голосом тонкости поведения и взаимоотношения между людьми. Я жалела маленьких несчастных людишек, живущих безрадостной жизнью, полной мелких бед и забот, без высоких идей и восхищения. И все же не понимала, почему отец с удовольствием читает о «мышинной возне» вокруг денег, о суетной жизни? Другое дело — «И один в поле воин»! Героические будни разведчика захватывали всю нашу семью. И когда приходила моя очередь бежать в сарай, чтобы узнать, не появился ли у нашей коровы теленок, я умоляла не читать без меня ни единой строчки.

Но потом, вникая в содержание пьес, я стала находить некоторое сходство характеров героев с людьми, живущими рядом. Вот эта религиозная до глупости женщина — наша соседка, а вот эта, неприветливая, всегда смотрящая исподлобья — медсестра, которая живет через выгон от нас. Желчная, завистливая, злобная. Даже не верится, что войну прошла. «Век другой, а люди такие же?» — удивлялась я.

Я видела, что отец читает с упоением. Ему нравился сам процесс! А прежде чем вслух читать стихи, он изучал их, тренировался в уме и только потом декламировал их нам.

— Папа, вы как артист, — сказала я ему как-то после «посиделок».

Он задумчиво ответил:

— Этим семью не прокормишь. Да и куда нам, деревенским, в высокие материи? Я в детстве еще математику очень любил, а ближе всего к дому находилось педагогическое

училище. Вот и стал историком.

Мне хотелось выразить отцу сочувствие, но я не решилась.

ЛЮДМИЛКА

Легкая поземка шуршит по изломанному насту. Спит парк под белым одеялом облаков. Грустит размытый лик солнца. Воздели руки к небесам могучие тополя. После уроков я бегу домой напрямик по замерзшим лужам, катаюсь на галошах и размышляю.

Нравится мне Людмила из параллельного класса. Крепкая, задорная, постоять за себя может. Ребятам уроки объясняет на переменах, как и я. Активистка. И почему ее папа как зверь? В школе на собраниях красиво говорит о необходимости строгого трудового воспитания, об уважении к старшим, а родная дочь его боится и ненавидит. Ну, подралась она с Вовкой. Так и мне случается «размяться». Что тут такого? Правда, Вовка матери пожаловался, и Людмилкин отец «изметелил» дочку железным протезом ноги перед всей улицей. Будто мяч гонял по дороге, в пыли валял. Тонко взвизгивала Люда. В черных глазах мелькали и злость, и страх. С ужасом смотрел Вовка, как металась Люда. В ушах звучали тупые удары протеза по ногам и спине. А на следующий день пришел он просить прощения. Лицо осунулось, посерело. Уголки губ и глаз опустились. Даже нос будто длиннее и тоньше стал. «Ни в жизнь не сделаю такого больше ни с кем», — боясь разжать зубы, бормотал он, опустив голову.

Хоть и перед всем классом, а не смог слез сдержат.

А когда у них был классный час на тему «Чему научились дома за год», оказалось, что Людмила умеет больше всех: и обувь чинить, и в мотоцикле с пользой покопаться, и девчачьи дела, пожалуиста, тебе — любые.

— Кто тебя научил всему? — приветливо спросила учительница.

— Отец, — понуро ответила Люда.

Учительница больше не решилась задавать вопросы, только похвалила ее перед всем классом за первое место. Лицо Люды сразу просветлело.

Подружки мне про это рассказывали.

А еще за каждую четверку отец ее в угол на соль и кукурузу ставит. А на прошлой неделе Максим на уроке русского языка записку-самолетик послал Людмилке. Но не долетел он, перехватил Иван Стефанович. Прочитал и такой довольный говорит Люде:

— Передам отцу. Посмотрим, как ты после этого на уроках сидеть будешь.

По классу прошел гул неодобрения. Люда знала, как Максим к ней относится, догадалась о содержании послания и разволновалась, представив реакцию отца на их детскую любовь, поэтому ответила резко:

— Помирать, так с музыкой.

Вечером отец измолотил дочку широким солдатским ремнем с железной пряжкой. На следующий день весь класс урок литературы начал с «приветствия» учителю. Минут пять гудели с закрытыми ртами.

А недавно Людмила получила двойку за подсказку и за то, что на уроке читала книжку про занимательные явления в природе. Не пошла она домой. За хату, где глухая стена, спряталась в снегу, сосульки есть и думает: «Вот замерзну и умру, тогда отец поймет, что нельзя так с детьми обращаться». Жалко ей себя стало. И вдруг как закричит: «Ненавижу! Ненавижу!..» В стену начала ногами стучать... Потом вскинулась: «Из-за какой-то двойки умирать!? Может, кому-то еще хуже, чем мне бывает? Выдержу, вырасту назло ему. Бей, плакать не буду! И мать ненавижу за то, что не может меня защитить и заставляет просить прощения у отца, даже когда не виновата. Не буду больше извиняться, хоть убей!»

И пошла в хату. Отец, как всегда с порога, потребовал отчет. Даже раздеться не позволил. Когда узнал, что двойка за подсказку, наказывать не стал.

Раз я увидела старшую сестру Люды и спросила, почему она не защищает младшую? Она грустно посмотрела на меня и ответила:

— Не бить же мне отца-инвалида? А слов он не понимает.

И вдруг завелась:

— Ненавижу его за праведную жестокость! Слова доброго от него никогда не слышала, только побои получала за всякую малую провинность. Ненавижу за то, что верует он в свою правоту и безнаказанность! Любви, защиты хотела от него! Никакой радости в детстве не видела. Я трудолюбивая, многое могу, но все это со злостью, с остервенением. Я часто ловлю себя на мысли, что готова ударить сына. Руку заносу и вспоминаю о своем детстве. Грубость и несдержанность у меня от него. Стараюсь себя пересилить, а это отцовское так и вылезает из меня! Знаю за собой грех — жесткая, не очень ласковая. Видать, потому, что сама ласки не знала. И к матери с нежностью не подхожу. В душе хочу, а приблизиться не могу. «Здравствуйте», — и за дела берусь. Не умею, как дети в других семьях голову приклонить к ее плечу. И сына своего приголубить не могу...

На день рождения Максимка Людмилке целую горсть брошек подарил. Его бабушка их сама делает и на рынке продает. Что случилось, не пойму? Людмилка вдруг швырнула их на пол, и давай топтать. Максим с глазами полными слез смотрел на Люду, не в состоянии вымолвить ни слова, Потом долго сидел на грязном полу, машинально теревил в руках жучков и бабочек, расправлял им крылышки и смотрел куда-то далеко-далеко. Он никого не замечал вокруг. Мы боялись его трогать.

Людмилка ничего этого не видела. Домой убежала.

УРОДИНА

Сегодня утренняя. После уроков мать послала меня домой за новогодним костюмом и масками, которые она купила для учеников своего класса. Бегу через любимую аллею. Утром деревья были нарядные, а к обеду ветер отряхнул пушистый иней, и они опять осиротели. Чернеет парк. Глеют угли рябины. У дороги навтыжку стоит караул пирамидальных тополей. Чуть колыхнется темно-зеленая топь старых елей. Мне взгрустнулось. Увидела в глубине парка ярко-желтый, солнечный домик. Он порадовал меня. Почему раньше не замечала? Может, его недавно покрасили? Наверное, его обитатели живут счастливо. От такой мысли повеселела.

Вдруг засияло солнце, и я попала в другой мир. Заискрился снег. Заиндевелые корзиночки ягод рябин теперь казались мне рубиновым украшением в бриллиантовой оправе. На снегу появились четкие картины теней, замелькали невидимые ранее снежинки. Свет берез как всегда беллиц. Я попала в мир красоты и мечты. «Наверное, снежинки — звездочки надежд», — подумалось мне. Надо же! Перекликаются невидимые птички! Каждый день хожу по этой аллее, а птичий концерт первый раз за зиму слышу! Может, у них тоже сегодня праздник?

На Новый год мне хотелось порхать снежинкой вокруг елки, но мать предложила быть Снегурочкой, потому что костюм простой и ткань потом в хозяйстве можно использовать. Возражать не посмела. Одеда обшитые марлей пальто и шапку и давай маски перед зеркалом примерять, рожицы строить. Весело!

Входит отец, а я в клоунской маске «нос Буратино» делаю. Сдернула маску с лица и стою довольная собой.

— Рот до ушей, хоть завязочки пришей. Что в маске, что без нее. Уродина, — процедил сквозь зубы отец.

Я сравнила маску со своим отражением и задумалась: «Он считает мое лицо глупым или гадким?» Взгляд упал на фотографию, что стояла на комоду. На ней выпускной курс отца. Я спросила:

- Почему на вашем курсе студентки не очень красивые, слишком взрослые и строгие?
— Красивые в институтах не учатся, они рано замуж выходят, — криво ухмыльнулся он.

Мне сделалось обидно за мать, и я пробурчала:

- Зачем же вы на образованной женились?

Отец не нашелся, что сказать, и ушел на кухню. А я размышляла: «В каком случае он солгал? Сегодня, когда сделал намек, что мать некрасивая, или летом, когда рассказывал другу о том, как все солдаты и офицеры целый год оглядывались на его жену во время службы в Мурманске? А про меня он правду сказал? Ну и пусть я уродина, главное, что не глупая».

И все же грусть коснулась моего сердца. Я собрала маски и пошла на утренник.

Но как-то не удался праздник. Я как снежный ком бродила по залу. У меня не было роли. На меня никто не обращал внимания. К тому же в пальто было даже сидеть жарко, какие уж тут танцы вместе со снежинками! Дед Мороз вручал детям подарки за выступления, а меня не позвал с собой. Потом награждали за активное участие и костюмы. Снежинки все получили, а обо мне не вспомнили. Я же не была активной. И все же грустно. Хоть бы шоколадную конфетку дали. Праздник ведь.

Вернулась домой скучная. На кухне встретила бабушка:

- Детка, я пирожки с картошкой, как ты любишь, сделала.

Я обрадовалась. Настроение улучшилось.

- Бабуля, что бы я без вас делала! — улыбнулась я, глядя в лучистые добрые глаза.

НА ФЕРМЕ

Сегодня моя очередь дежурить на свиноферме. Попросила бабушку разбудить в шесть часов. На улице темно хоть глаз выколи. Шуршит мелкий колючий снег. Ферма занесена в поле, и дорога к ней не расчищена. Иду по колена в снегу, пытаюсь попасть в следы от чужих, больших валенок. Их цепочки с разных сторон ведут к длинным сараям фермы. Сначала направилась к избушке, по окошки занесенной снегом. Из трубы шел темный, противный дым. «И чем только топят? Кизяками (сухим навозом), что ли?» — подумала я. Добралась. Прислушалась. Сквозь дверь доносятся смех и восклицания. Приоткрыла дверь. В нос ударили запах гнили и зловоние махорки. Серый сумрак вперемешку с табачным дымом клубился над столом. С трудом разглядела четырех мужчин. Работники меня не видели и продолжали развязно говорить, через слово употребляя мат. «От пьяных мужиков всего можно ожидать. А потом не докажешь, кто прав, кто виноват», — рассудила я и тихонько прикрыла дверь.

Ветер завывает и скребет снегом о стены. Замерзла. Надвинула на лоб шапку-милицейку, которую давным-давно подарил мне дед Яша, и присела на корточки, прижавшись к двери. Так теплей.

Вспомнила снежную бурю на прошлой неделе. Долго ворота откапывала. Бабушка уговорила надеть шальку, но через двадцать минут я влетела на кухню, растирая замерзшую голову, и опять натянула ушанку. А на следующий день ребята встречали закутанных в шали девочек дружным смехом: «Кулемы, зимы испугались». Я возмутилась и объяснила подругам, что в шапках намного теплее, чем в платках, и что мерзляки они, мальчишки. Вспомнила осень, свою фетровую шляпку. Я единственная в школе хожу как городская. Не удалось матери заставить меня ходить в платке, только летом в поле и на огороде я надеваю белый, спасаясь от солнечного удара, и то потому, что не покупают мне соломенную шляпу...

Наконец, пришли еще две девочки из нашего класса.

- Чего так поздно? Я совсем околела, — недовольно буркнула я.

— А ты бы еще в пять появилась. Ума нет.

— Так ведь сказано к семи.

— Если все, что говорится, да еще и выполнялось бы, так давно бы коммунизм был, — засмеялась Валя.

— Вот и надо стараться.

— Не будь занудой. Мамаша погнала?

— Нет, сама.

— Это же колхоз, а не школа, где все по звонку.

Я промолчала.

Зашли на «кухню». Подвыпившие мужики встретили нас пошлыми шутками. Нина из шоферской семьи, поэтому грубо оборвала рабочих:

— Мы помогать пришли, а не вас выслушивать! Нам еще уроки делать.

— Девочка, сбегай за самогоном к Даниловне, — протянул мне грязную бутылку беззубый старичок с венчиком сивых волос на костлявой лысой голове и мутными глазами.

— Не пойду, — осмелела я.

— Нехорошо. Старый человек просит.

— А если попросите своровать, я тоже должна буду вас послушать?

— Ну, то воровать.

— Пить тоже не хорошо, — сказала я как можно вежливее.

— Лекцию пришла читать, вздорная девчонка, — сделал обиженное лицо плюгавый старичок.

— Нет. Где картошка?

— В углу. Котел на печи, дрова у окна, — рявкнул тот, что моложе, не отрываясь от карт.

— В чем картошку мыть? — обратилась я к упитанному старику.

Тот тупо глянул перед собой, а потом, брызгая слюной, расхохотался мне в лицо:

— Ха! Умереть, не встать! На... ее мыть? Свинья потому и свинья, что грязь любит.

Я брезгливо отвернулась. Валя занялась печкой. Нина пошла в колодец по воду, а я принялась перебирать картофель, счищала липкую холодную грязь. Набрала уже два ведра гнили, а целых картофелин так и не обнаружила.

— Скажите, пожалуйста, что мне варить пороссятам? Здесь только гнилая картошка, — спросила я четвертого, самого молодого колхозника.

— Ее и вари, — не оборачиваясь, спокойно сказал он.

— Они будут есть? И не заболеют?

— С голодухи что угодно съедят, — безразличным тоном подтвердил работник.

Не могли мы грязную и гнилую картошку в котел бросать. Подогрели воду, помыли, обрезали гниль и поставили варить. Старичок сочувственно поглядывал на наши по локоть красные руки и вздыхал. Молодые не переставали «проезжаться». Нина сначала огрызалась, а потом достала учебник, села к окну и громко приказала:

— Ти-ши-на. Учить буду уроки.

Конечно, взрослые ее не послушали. Мне надоело слушать грубые, насмешливые прибаутки, и я уговорила девочек пойти посмотреть поголовье. Толстый старик предупредил:

— Не советую. Увидят вас, жрать начнут требовать.

Мы все равно пошли. Открыли подпертую вилами дверь и заглянули за дощатую перегородку. Разных размеров, тощие, с удивительно длинными мордами поросята кинулись на доски. Я испуганно отпрянула:

— Они домашние или дикие?

Девчонки рассмеялись:

— Носы кажутся длинными, потому что морды худые.

Старик был прав. Мы напрасно «разворошили осиное гнездо». Дикий визг голодных поросят разнесся по округе. И чего я не послушала старого человека? Скотина-то в чем виновата? Жалко их, особенно маленьких. Мы не стали хорошо разваривать картошку, насыпали ее в ведра, добавили снегу, чтобы скорее остыла, и понесли в свинарник. Ведра старались поднимать выше загородки, боясь, что животные откусят нам руки. У корыт завязалась настоящая борьба. Взрослые отталкивали и отбрасывали малышей. Я перетащила палкой одно корыто в сторону, чтобы из него поели маленькие, но фокус не удался. Пришлось кормить их после того, как насытились взрослые особи.

Дома ничего не рассказала о своей работе, только теперь, наученная горьким опытом, ходила на ферму к восьми.

Потом подошла моя очередь дежурить в «питомнике». Там выращивали совсем маленьких поросят, которых только отняли от свиноматок. В сарайчике было немного теплей, чем в свинарнике. Женщина крикнула:

— Двери прикрывайте, деток застудите.

Мы огляделись. В загоне на соломенной подстилке лежали, прижавшись друг к другу, десятка три чистеньких розовых поросят.

— Какие хорошенькие! — воскликнули мы хором.

Женщина, обрадованная похвалой, улыбнулась, а потом пожаловалась, что похлебку не на чем разогревать, что сквозняки — главная беда, что молодняк, как дети малые, простужается.

— А вы их тоже гнилой картошкой кормите? — осторожно спросила я.

— Пусть только попытаются гнилья привезти! Я не только бригадиру, самому председателю разгон сделаю! Молока для самых маленьких этой зимой вытребовала. Жалко их, вот и воюю. А чуть подрастут, начнутся хождения: «Тому начальнику, другому... Попробуй, не дай...» Ладно. Займитесь делом. Надо дыры во втором загоне соломой заткнуть.

— На подстилку вам много соломы дают, — заметила я.

— Дают, да поддают! — усмехнулась женщина. — Сама на санках вожу, из-под снега выкапываю. Председатель приказал скотникам обеспечивать меня. Да они без бутылки не едут в поле. Где мне зелья для них набраться? Дешевле самой таскать.

Мы быстро выполнили свою работу, и тетя Аграфена отпустила нас домой пораньше.

Еще в телятнике работали. Телята такие ласковые, руки облизывают, головами трутся. Глаза у них огромные, добрые, грустные. И характеры, как у людей, разные. Мы это в первый же день заметили. Телятницы разрешили нам самим выбрать себе подшефных.

— Скажите, пожалуйста, а почему некоторые телята кудрявые, как ягнята?

Вы специально для красоты таких выращиваете? — спросила я работницу.

— Смешная ты, городская, что ли?

— Наполовину.

— Отчего кудрявыми рождаются, точно сказать не могу, но заметила: в стужу такие появляются на свет. Апрельские всегда гладкошерстые.

Я выбрала себе десять кудрявых телят и принялась чистить их скребком. Особенно я полюбила белошерстого бычка.

— Неужели из этого красавчика вырастет огромный страшный бык? — опять обратилась я к скотнице.

— Хотелось бы. Но дадут ли? Как правило, двухлеток отвозят на мясокомбинат, а телочек мы себе оставляем.

Закончили работу, и вышли во двор. Нина напомнила:

— В воскресенье нам навоз на поля возить.

— Знаю, — отозвалась я. — Сочинение придется в субботу до ночи писать.

— Напишем, — отозвалась Нина, убегая по узкой тропинке в сторону своей улицы.

А я пошла через молочную ферму. В это время хлипкий мужичишка в рваной фуфайке и ватных замусоленных штанах привез туда с поля солому. Остановил маленькую черную лошадку посреди двора и лег на кучу мерзлого навоза. Доярки ринулись к саням, дружно развязали веревки, стягивающие возок и принялись четко и быстро разносить корм своим буренкам. Красиво работали женщины! Особенно одна мне понравилась. Высокая, статная. Ни одного лишнего движения не сделала. Загляденье! Конечно, ее коровкам больше соломы досталось. Но никто не роптал. Все по-честному. Я полюбовалась труженицами и побежала домой.

«Школа — прекрасный оазис. А жить нам придется в большом, неправильном взрослом мире. Но мы все равно останемся хорошими», — думала я, с грустью вспоминая свиноферму.

И почему наш колхоз один из худших в районе? Обидно!

СТЕНГАЗЕТА

В пионерской комнате я вместе со старшеклассниками и подругой Лилей готовлю очередную номер школьной стенгазеты и вспоминаю, как стала членом редколлегии.

Раз иду я по коридору. Вдруг подскакивает ко мне старшеклассник и требует написать заметку в школьную стенгазету. Объяснила, что тороплюсь на репетицию, но он прилип как банный лист. Тогда я на бегу рассказала ему о взаимопомощи учеников нашего класса и скрылась в спортивном зале. А на следующий день я увидела, что под одной из заметок написана крупными буквами моя фамилия. Читаю, а в ней факты перевернуты с ног на голову, имена перепутаны. И даже присутствует откровенный гадкий вымысел. Разозлилась, лицо и уши запылали. Попыталась вытащить заметку, но стекло плотно прижимали планки. Не ломать же их? Снять стенд с гвоздей тоже не получилось. Тяжелым оказался. Я нашла в углу совок уборщицы и железной ручкой попыталась поддеть деревяшки. Учительница географии остановила меня и возмущенно закричала:

— Кто тебе позволил стенд портить?

— Вы сначала причину моих неправильных действий узнайте, а потом ругайте. Разве честно писать ерунду, да еще под моей фамилией? — насупившись, сердито возразила я.

— Матери сообщу о твоём поведении. Отправляйся на урок, — грозно приказала учительница.

Я хмуро поплелась в класс. Уроки прошли в беспокойных мыслях о предстоящем разговоре с матерью. Опять будет кричать: «Позоришь нас! Примером должна быть во

всем». На проделки других детей учителя могут не обратить внимание, а про меня все примечают: и как сказала, и что сделала. Будто я ошибиться не могу? Другим отличникам тоже куда проще живется.

Только переступила порог дома, как мать накинулась:

— С критикой в газете выступаешь? На себя оглянись!

— Я не писала. Старшеклассник соврал, — защищалась я.

— А почему твоя фамилия стоит?

— Откуда я знаю?

— Зачем позволяешь пользоваться своим именем непорядочным людям?

— Я не позволяла. Даже хотела разбить стекло и заметку снять.

— Стенд-то тут причем?

— А что мне было делать?

— Умнее надо быть. Вот видишь, и ты расстроилась, и учительница твоя удивилась. Придется провести беседу с редколлегией на тему моральной ответственности за порученное дело.

Я не могла успокоиться до тех пор, пока не придумала самой писать о событиях своего класса. И теперь я член редколлегии школы. Рисую, рифмую, учусь составлять заметки. Мне нравится заниматься стенгазетой еще и потому, что учителя часто просят рисовать в своих выпусках. Даже с уроков иногда снимают, чтобы газета вовремя вышла. Я чувствую себя всем нужной и горжусь этим.

Но как-то раз произошла со мной неприятная история. Подошла ко мне новая вожатая и говорит:

— Директор, уезжая в командировку, поручил тебе отпечатать эти фотографии. Вот химикаты.

— Но он мне ничего не говорил. И тут на три вечера работы, — удивилась я.

Но, конечно, все выполнила. А когда отец приехал, то отвлек меня отчетом о результатах проверки школ. Говорил о слабом уровне знаний в селах, о том, что учителями работают девушки, только что закончившие школу. Особенно удивил меня его рассказ о посещении урока немецкого языка в одной из дальних школ района. «Заходит учительница и что-то спрашивает у детей. Они встают. Потом она опять что-то говорит, и все открывают тетради. Я немецкий неплохо знаю еще с войны, но не смог понять ни слова. И самое интересное, что дети-то понимали учительницу!» — смеялся отец. Наслушавшись историй, я забыла рассказать отцу о фотографиях. Но ложь все равно случайно открылась.

А вскоре началась подготовка к выборам. Председатель комиссии подзывает меня, и говорит:

— Каждый день после уроков будешь писать приглашения на выборы. Указание начальства. Поняла?

Ну, указание, так указание. Пишу. А в субботу подходит учительница и приказывает дежурить в воскресенье. Конечно, почетно стоять у кабинок и старым людям подсказывать, куда идти, как голосовать, и все же я возразила:

— Целую неделю бумажки писала, а теперь еще и в воскресенье идти в школу?! Я одна активистка?

Учительница рассердилась:

— Нет тебя в списках пишущих, этим занимались взрослые, а вот дежурить ты обязана!

— Ладно, отдежурю из уважения к вам. Почему председатель не мог просто попросить выручить? Я же никогда не отказывалась помочь. Зачем обманывать? — обиженно надула я губы.

Иду по коридору и думаю: «Интересная особенность есть в некоторых людях. Они не сердятся на тех, кто ничего не делает, но почему обиду и раздражение вызывает у них человек, который всегда помогал и вдруг отказал! Получается, таким образом, я наживаю себе врагов? Дикость какая-то!

Встретила нашего дядю Петю. Увидев мое расстроенное лицо, он заботливо выяснил причину моих переживаний и спокойно объяснил: — Видишь ли, на самом деле некоторые люди пытаются использовать доброту и безотказность других. Со мной тоже случалось подобное. Ты не злишься на них, но в следующий раз не кидайся сразу выполнять задание, выясняй у того, кто на самом деле поручил его тебе. Один раз позволила себя обмануть, значит, и другие «любители» найдутся. Разумный подход не помешает тебе быть доброй и отзывчивой.

Я не долго сердилась. Дети быстро забывают мелкие обиды...

Лиля отвлекла меня от воспоминаний: показала очень красивые узоры для обрамления заметок. А мне больше люди удаются, особенно карикатуры.

За один стол с нами села учительница биологии. Ее ребята оформляют классную газету. Художником у них Вовка Мазаев из семьи станционных бандитов (директор соседней школы всех «сложных» учеников выпроваживает к нам). Он здорово перерисовывает с открыток. У меня хуже получается, поэтому я с любопытством слежу за его работой. Учусь. А учительница разговаривает с ним дрожащим голосом, ходит около него осторожно, бочком, будто он хрустальный. Мазаеву неловко, он смущается и немного злится. Хорошо, что Мария Ивановна привлекла Вовку к общественной работе, только зачем она так явно показывает, что боится его? Никакой он не бандит, за версту видно, что хороший парень. Двойки иногда получает? Так ведь исправляет. Не всем же Ломоносовыми быть?

Пришел Володя, сын дяди Пети, спроецировал аппаратом на большой лист бумаги портрет своей мамы, обвел контуры и принялся дорисовывать и раскрашивать. Подарок ко дню рождения готовит. Зашла Нина из седьмого класса, показала нам фотографию своего друга. Он девятиклассник со станции. Меня поразило по-девичьи прелестное, юное, нежное лицо и широко открытые наивные, добрые глаза. Я оторвалась от газеты и на обрывке бумаги по памяти нарисовала его. Нина удивилась:

— Похож как!

— Из какой он семьи? — поинтересовалась я.

— Учительской.

— Он совсем еще ребенок, — определила я с потаенной грустью в голосе.

— Ха! А ты? — оскорбилась девочка за своего знакомого.

— Он больше меня ребенок, — настойчиво повторила я, не собираясь отказываться от своего мнения.

— Ну, ты даешь! — пораженная моей самоуверенностью, холодно, с долей ехидства изрекла Нина.

— Не вижу смысла в этой фразе, — с убийственным спокойствием парировала я.

Мне вовсе не хотелось обижать девочку. Но иногда меня «заносит» или, как говорят подружки, на меня «находит», и я в желании противоречить не могу остановиться.

— Зануда! — не находя слов для дальнейшего спора и в запале забыв, где находится,

вскрикнула семиклассница.

— Бываю, — несколько жеманно, словно бравируя этим качеством, согласилась я.

«Наверное, в такие минуты мною руководит желание чувствовать или казаться умной, — промелькнула в голове ироничная оценка своего поведения. — Милый мой, совестливый «чудик», ты, как всегда, осаживаешь меня, а я часто по глупости и строптивости характера не соглашаюсь с тобой!»

Кто-то из взрослых шикнул на нас.

— Хватит вам препираться, — развела нас Лиля, — рисуй курильщиков из девятого класса. Иногородние портят наших ребят. Привыкли каждое лето «смолить» в колхозе и не видят в этом ничего дурного.

— А дым костра любите? — вдруг спросил нас Мазаев шепотом.

— Там совсем другое. У костра чувствуешь свое слияние с небом. В нем что-то древнее, романтическое. В нем — бесконечность! По ночам небо нашептывает людям тайны мироздания. А в курении одна глупость, — заторопилась я выразить свою позицию.

— Говорят, у ночного костра наши души встречаются с душами предков. Ты любишь стихи про природу? — повернувшись к нашему столу, опять тихо спросил Вовка.

— Люблю. Ты тоже? — искренне удивилась я, с нарастающим интересом вглядываясь в грубоватые черты лица увальня.

Мазаев покраснел, склонил голову к газете и принялся еще старательнее выводить мозолистыми черными пальцами очередной рисунок. Я тоже сделала вид, что не поняла его наивных, невинных ухищрений.

Подошла старшая вожатая и попросила меня переделать строчку из торжественного стиха, который очень подходил к передовице газеты.

— Шутливое или критическое я в любой момент напишу, а для душевного или праздничного — настрой нужен. К тому же мне проще новое стихотворение написать, чем старое переделывать. Не обижаетесь?

— Понимаю. Ладно. Сочиняй про Володю Широких. Опять проспал.

— А рисовать похожего или обобщающий образ?

— Похожего. Пусть вся школа узнает. Третье предупреждение игнорирует. Не будить же мне его самой по утрам?! — сердито сказала вожатая и ушла в учительскую.

Забегал брат Коля, принес рисунок, на котором русский солдат фрица сапогом под зад гонит с земли русской. Лиля положила его в папку с удачными рисунками учеников разных классов. Пригодится для следующего номера.

В комнате восстановилась рабочая тишина. Мерно скрипят перья ручек, шуршит бумага. Я снова «ударилась» в размышления. Сложное, ответственное дело — выпускать стенгазету. Вот придумала я рубрику добрых дел учителей. Сначала все шло хорошо. А под Седьмое ноября учительница математики в 6 «Б» своим ученикам за четверть одни тройки выставила. Ну, я и нарисовала ее с тройками в руках. А кто-то из редколлегии подрисовал их еще вокруг ее головы. Вот Ксения Афанасьевна и подумала, что ее плохим учителем выставили. Честно говоря, мне такое самой в голову не пришло. А ребята потом говорили, что мы в точку попали. Слабая учительница, непонятно, неинтересно объясняет. «Прикрыли» мою колонку. А жаль. Хотела написать про то, как наши учителя учеников, которые плохо учатся, не унижают, пытаются найти в них хорошие наклонности. Ведь заметила Мария Ивановна, что Мазаев хорошо рисует, что не окончательно испорчен семьей! А когда я рассказала о Мазаеве отцу, он зашел в класс в конце уроков и попросил Вовку ходить к нему на кружок вождения грузовой машины. Прямо перед всем классом попросил, сказал, что у него данные к технике есть и внимательность, раз хорошо рисует. Мальчишка от неожиданности сначала глаза вытаращил, уши у него заалели, а потом голову опустил, чтобы радость скрыть. Ведь с таким уважением директор с ним говорил! Вечером он первый пришел на кружок. Как

новенькому, ему сразу дали «почувствовать руль», чтобы интересней было теорию учить. Сколько таких ребят прошло через руки отца!? После четырнадцати лет те, которые «не тянули» в школе, получив навыки вождения, шли работать на тракторах, комбайнах, грузовых машинах. Потом женились, уходили в армию, а отслужив, возвращались домой к семьям. Колхоз всегда нуждался в таких специалистах. А школьная полторка-«развалюха» всего-то с трудом в день могла несколько кругов вокруг спортплощадки проехать. Потом ее ребята ремонтировали. Помню, как кружковцы делали ей борта, красили, толкали, помогая завести мотор, вытаскивали из колдобин. Радости сколько было! Еще о Петре Денисовиче написала бы, об Анне Васильевне и Юлии Николаевне...

Куда лучше стенгазетой заниматься, чем писать девчонкам стишки в их альбомы (поветрие у нас такое). Не понимаю бестолкового повального увлечения. Как рядом со словами древних философов и современных политических деятелей можно пошленькие слова о любви вписывать и цветочки рисовать? Поначалу я помогала подружкам в оформлении. Но как-то подошла ко мне Валька Панчукова и попросила переписать в ее альбом песню «Мишка». Содержание этой песни мне не нравилось, и я отказалась. Но она пристала ко мне хуже репейника и говорит: «Ну, хоть на переменке быстренько напиши, что тебе стоит!» Я сдуру уступила. А уже на следующий день услышала, как она высмеивала перед девочками другого класса мой почерк и вкус в выборе песни.

С Валькой я больше не дружу и альбомы никому не оформляю. Желание пропало.

Еще более глупым считаю собирание фотографий артистов. Ну, купила, ну, посмотрела, а дальше что? Чего вздыхать попусту, глядя на чужого человека? Встретиться, поговорить бы с умным, интересным человеком, — вот это мечта!..

Заканчиваю работу, с удовольствием оглядываю газету и зову Лилю вместе идти домой. По дороге нам многое надо обсудить!

АКТИВИСТЫ

На перемене подошла ко мне завуч Тамара Сергеевна и говорит:

— Собери-ка ребят после уроков, центральную клумбу надо в порядок привести.

— Это клумба «Б» класса, — возразила я.

— Помочь надо, — строго сказала учительница.

— Почему?

— Не успевают.

— Мы успели, и они смогут.

— Как ты со мной разговариваешь? Ты же активистка! — повысила голос Тамара Сергеевна.

— Активисты должны работать за лодырей? Нечестно. Помогают слабым и больным. Зачем лентяев выращивать? Вам безразлично кто выполнит задание? Сама приду, не могу отказать учителю, а ребят не стану заставлять. Не нравится мне командовать. Этой чести должны удостаиваться только умные, добрые, справедливые и очень честные. Таким приятно подчиняться. Я не считаю себя достойной. В полной мере я могу отвечать только за себя и свои действия. Еще работая вожатой у первоклассников, я поняла, что руководитель из меня не получится, потому что я не стану выполнять указания, с которыми не согласна и другим не позволю. В последнем выпуске школьной газеты написали, что мое звено хорошо справилось с порученным делом. А что двое не пришли, а одна еле руками шевелила, но хорошо молотила языком, кто знает? Неловко про такое писать? А когда я придумала из камыша корзиночки сплести и сцену украсить цветами, мне в помощь мальчишек дали. А им не интересны корзиночки! Я их понимаю и не осуждаю. А в отчете написали про весь класс. Зачем?

Этим летом на току подошел к нам бригадир и потребовал помочь городским: мол, вы

пионеры, вы обязаны. А они комсомольцы! Им не стыдно часами лежать под навесом? Помогли, конечно, потому что взрослого должны слушаться и уважать. А за что его уважать? За то, что на честных и совестливых выезжает?

— Тогда и сама не приходи! — рассердилась Тамара Сергеевна.

Мне было жаль ее и неловко за свой срыв. Ей-то я сумела высказать неудовольствие, а перед своей матерью большей частью молчу. Летом в поле она шипела на меня: «Как я могу влиять на других ребят, если своя скулит?» «Я не скулю, не слабачка, выражаю мнение ребят. Как на работу ехать, так у бригадира машина находится, а как с работы — так всегда пешком», — возражала я.

Ну, а если подумать, то получается, что матери приходится воевать с нами не по своей вине. Вот так и тянется цепочка: председателю все до лампочки, бригадир не может колхозников заставить работать, и обращается к детям. А мы бунтуем, но делаем и верим, что когда вырастем, безответственности не допустим.

Прозвенел звонок. В школе воцарилась тишина. А я сидела на географии и переживала, что обидела завуча.

После уроков вожатая возилась на клумбе с шестиклассниками-активистами. А я чувствовала себя виноватой перед ними.

ВРЕДНОСТЬ

Лежу, скулю. Витек, наверное, плохой у меня характер. Стоит меня чуть задеть, сразу «завожусь», начинаю прокручивать, распалать, собирать и фокусировать обиды в голове, копаться в них, выяснять причины, жалеть себя неприкаянную, несчастную. Чувствую себя изъядтой, выдернутой из общей нормальной жизни. В придачу, злюсь на свою неспособность противостоять мелким уколам, а под конец замыкаюсь и уже никому не позволяю приблизиться на расстояние голоса. За бури в душе я расплачиваюсь зеленой тоской. Пытаюсь совладать с собой. Ты же знаешь: силой воображения можно украсить любую жизнь. Но это не надолго. Трудно держать в себе обиды. Хочется обо всем рассказать кому-нибудь, выговориться, снять внутреннее напряжение, которое постоянно накапливается. Но я никому, кроме тебя, не могу доверить свою тайну. Хорошо, что в моих бедах виновата война, а то, наверное, возненавидела бы своих первых родителей. А может, я ошибаюсь?

Дома я не хочу жить в реальном мире и забираюсь в скорлупу, в мир фантазий. Моя душа как рана, которую посыпают то солью, то перцем. Любит отец как бы в шутку, мимоходом съехидничать, «проехаться» по мне. Он хороший педагог и знает, как больнее ударить в самое сердце. И делает «уколы» будто невзначай, походя. Он даже взглядом умеет унизить, оскорбить. Я избегаю его. У нас в этом с ним взаимность. Иногда я забываюсь и по своей наивности и открытости бросаюсь к нему с радостными порывами, но, натолкнувшись на безразличный, прозрачный или ухмыляющийся взгляд, сразу остываю и прячу обиду подальше. Сердце вздрагивает, я становлюсь заторможенной, делаюсь меньше ростом. Сжимается, смыкается моя душа.

Вот и сегодня после завтрака «щипнул» меня отец: «В твоём возрасте не заработать даже на пропитание, не то что на одежду. И ума, дескать, еще не нажила, и руки коротки со взрослыми тягаться». Мне чуть дурно не сделалось. Он продолжал спокойно есть свой любимый молочный кисель, а я, забыв все на свете, уже выскочила из-за стола с мокрыми глазами. Схватила сани, положила на них старую дверь от сарая, нагрестила навоз и потащила по огороду. Идти по глубокому снегу тяжело, но я упираюсь. То, что я злюсь, мне помогает, силы придает. Я не упрямая, а упорная. Что в этом плохого? Многим моим подругам не по силам с места двинуть эти санки, а я могу. Мне тяжело, а я все равно выполняю свой план. Может совесть у него заговорит? А не проснется и не надо! Не очень-то и хотелось! Главное, чтобы я была хорошая. Я не только неукоснительно выполняю указания, но и постоянно делаю, что-то сверх заданий, чтобы меньше было претензий и придинок. Хлеб его не отрабатываю! В детдоме куском не попрекали. Там кормила родная страна. Во втором детдоме вообще здорово было. А у папы Яши я была самая родная и любимая. А тут? Иждивенка! До чего же противное слово!

Как увижу постное лицо отца, сердце в пятки опускается, и тоска нападает. Зачем брал? Чтобы мучить мать и меня? Конечно, здесь лучше: мать следит, чтобы я училась отлично, в ремесленное не отдадут, и бабушка и брат у меня теперь есть. А все равно обиды давят на голову.

Ташу санки, а сама думаю: «Может, песни попеть всем чертям назло или Некрасова вслух почитать? Только сил уже нет. Пятый рейс делаю. Мать зовет на обед. Я не отвечаю и ташу сани в самый дальний угол огорода. Бабушка зовет. Не иду. Устала, двигаюсь медленно. Снимаю рукавицы, грею руки за пазухой и принимаюсь вилами раскидывать навоз. Когда нагружала очередную порцию, подошла бабушка: «Я без тебя не ужинала. Пойдем, очень прошу».

Разве ей откажешь? Какая она добрая и мудрая! Растопила мое сердце.

А в прошлое воскресенье праздник был. Бабушка на обед суп-лапшу с курицей готовила. Я увидела крылышки и нечаянно руку протянула к тарелке с лакомым кусочком. А мать так глянула, что я сразу руку отдернула. Она ни слова не сказала, только есть мясо сразу расхотелось. Вернее слюни текли, но взять не было желания. И чего я разнервничалась? Ну, понравилось мне крылышко, и что? Все равно ведь дали мяса, только другой кусочек. Не это меня обидело, а то, как неприятно, зло посмотрела: «Куда лезешь, не имеешь права!» А может, она хотела сказать, что я невоспитанная и раньше отца не должна брать еду со стола? Он главный. А Коле можно. Почему мать всегда перед отцом заискивает, унижается?..

Вот так и живу, Витек. А может моя вредность является со-пут-ству-ющей составляющей нормального развития? (Помнишь, как нам нравилось запоминать трудные слова? Я до сих пор продолжаю эту игру.) Не надоело мое нытье? Ты же понимаешь, что после разговора с тобой мне становится легче».

ЛИПОЧКА И ВИТЯ

В десятом классе появилась странная девочка: ростом с четырехлетнюю, но фигурка красивой взрослой женщины. За глаза все сразу называли ее Дюймовочкой. Первое время ученики младших классов осторожно, из-за углов, разглядывали ее с открытыми ртами. Но вскоре все привыкли к ней, и рост уже не вызывал искреннего удивления. Липочка ловко взбиралась на стул, садилась на свой ящик-портфель и внимательно слушала учителя. Она, по крайней мере, внешне абсолютно не переживала по поводу своего недостатка, вела себя с достоинством, уверенно и свободно. Пожалуй, увереннее многих детей. Как-то я нечаянно подглядела, как она жестко разговаривала с новым завхозом школы. Огромного роста дядька, склонив голову, очень внимательно слушал Липу и только утвердительно кивал головой. Я не знаю, о чем у них шла речь, но уважительное выражение лица завхоза говорило о том, что она сумела заставить слушать себя. Школьникам не часто удается подобное, да еще с крикливым, я бы сказала, часто беспардонным работником. Умная девчонка. Она не позволяла никому сочувствовать себе, малейший жест жалости тактично пресекала, но так, что у других уже не было желания вести с нею подобным образом. Случалось, одним взглядом ставила человека в рамки.

Как-то шла она мимо детского садика. Одна бойкая девочка взяла ее за ручку и потащила в песочницу. Липочка не вырывалась, не шумела, а отвлекла внимание «подружки» и спокойно удалилась. Воспитательница проводила ее молчаливым красноречивым взглядом.

Учителя удивлялись ее строгому, стройному мышлению, четкости ответов. Узнав, что она собирается поступать в университет на экономический факультет, отец потребовал от учительницы географии уделить Липе максимум внимания, обеспечить ей индивидуальный подход и специальную литературу.

В этом же десятом «А» классе учится Витя Трубник. Мама его работает уборщицей. Трудно, бедно живут. Одному богу известно, откуда Витя узнало существования Московского университета. У них даже радио в хате нет. Только засела в голове у мальчика мечта стать математиком и «покорить», как Ломоносов, Москву. Слышала я недоверчивые смешки женщин у колодца в его адрес: «Из грязи в князи метит». «Что

плохого в его стремлении? Гордиться парнишкой надо», — думала я, неодобрительно поглядывая на сплетниц. Только я бы не стала, открыто, на комсомольском собрании заявлять о своей вере в успех, по своей скромности уклонилась бы от прямого ответа. А может, он таким образом защищался от тех, кто не верил ему?

Мать Вити переживала, что сын много занимается, боялась, что «свихнется» и просила нашего отца отговорить его от безумной мечты. А Юлия Николаевна всячески поддерживала увлечение своего любимого ученика и носила ему из дома задачки, по которым в молодости училась сама. Витя уроки делал в школе, и я иногда наблюдала, с каким вдохновением он изучал учебники, будто читал самую увлекательную на свете книжку. Он обычно сидел между двумя бочками с побелкой в рабочей комнатке матери и буквально поглощал страницу за страницей. Когда мать звала его обедать, он никак не мог оторваться от уроков и даже, пережевывая еду, все продолжал находиться под впечатлением прочитанного. Мать нарочно часто выгоняла его из «коптерки» помочь ей что-либо передвинуть или перетащить. Он делал все с удовольствием, потому что силищей от природы обладал огромной, маминой. И лицом он был в нее. Только грамоты она мало знала, хотя отличалась прекрасной речью, повадками львицы и великолепной статью. Я всегда удивлялась тому, что такая незаурядная женщина позволяет себе работать уборщицей. «Сына боится упустить», — объяснила мне как-то про нее Юлия Николаевна.

Через год школа гордилась Витей и Липой. В деревянной книге Почета, висевшей на самом видном месте актовом зала, появились две новые строчки: золотая медаль, МГУ... серебряная медаль ЛГУ... тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год...

В ГОСТЯХ У СТАРИКОВ

Приехали мы с отцом проведать стариков. Они встретили радостно. Сказали, что со дня на день ждали, встречать выходили по два раза на дню. С дороги мы выпили по кружке золотистого, хорошо настоянного квасу. Я задала коню корму и занялась уборкой в хате, а отец и дедушка сухие деревья спиливали. Заглянула в чулан. Там в углах уныло вздыхала пропыленная насквозь паутина. Смахнула ее влажным веником. В зале и спальне пол быстро вымыла. Стулья с трудом передвинула. Они тяжелые, с высокими резными спинками, похожи ни трон. «На таком стуле сидишь, себя уважаешь», — вспомнила я шуточные слова папы моей городской подруги Ирины, во время просмотра очередных шедевров живописи.

А в прихожей я и ножом, и топориком грязь счищала, и мокрой тряпкой терла. Выливая грязную воду на огород, хлопала дребезжащей калиткой, ударялась о непривычно низкий косяк дверей в сенцах. Устала. Вошла бабушка. Остановилась в кухонном проеме:

— Зачем, дитяtko, маешься? Мы здесь пол только подметаем. Силушки нет. Наклониться лишний раз труда большого стоит. Брось свою затею. Кому эта чистота нужна? Вы, молодые, приехали, и уже в хате посвежелo, светлее стало. Может, ты сочтешь возможным поговорить со старухой?

— Бабушка, не могу бросить. Немного осталось, — осторожно возразила я.

— Ну, стало быть, тебе видней. Неволить не стану. Бесспорно, в чистоте лучше. Только я так скажу, мне гость в радость, а не стирки-поломойки. Зимой сидим тут как суслики в норе. Дальше колодца не ходим. Хорошо хоть радио сынок починил, а то только вьюгу слушали.

— А вы с дедушкой разговаривайте, — наивно посоветовала я.

— С ним уж все говорено-переговорено. Вот тебе я могу что-либо рассказать из нашей прошлой жизни. Тебе же интересно?

— Конечно! Я буду мыть пол, а вы рассказывайте, — радостно воскликнула я.

— То не дило. Рассказчику надоть, чтоб и ушами и глазами слушали, тогда до сердца доходит.

— Я быстро закончу. А вы пока отдохните на лежанке.

Но бабушка присела к столу, сложила на коленях обтянутые морщинистой веснушчатой кожей руки с бугристыми ручейками синих вен и задумалась. Я собрала размокшую грязь у русской печки, еще раз чистой водой ополоснула пол и, довольная своей работой, подошла к бабушке. Сетка больших и мелких морщин на ее блеклом лице как потрескавшаяся от времени штукатурка на стенах старой избы. Черные глаза похожи на подернутые изморозью ягоды. В них еле улавливалось усталое любопытство.

— Про что тебе сказывать? — бабушка пытливо посмотрела мне в лицо.

— Про детство ваше. Только по-русски, ладно? — попросила я вежливо.

— Ладно, ежели хочешь. Хорошее у меня было детство. Беззаботное, радостное. Зимой на санках катались, летом из леса не вылезали: то по грибы, то по ягоды. И все в свое удовольствие, не по принуждению. А в восемнадцать годков замуж вышла за деда своего. Ему двадцать было. Первое дитя потеряла.

— Как это? — не поняла я.

— На гулянье пошла с подругами, сидим, песни поем, шутим на лужайке. А тут буря началась. Я кинулась к дому, поскользнулась, упала, в глазах помутилось...

— Замужней на гулянье ходили? — удивилась я.

А чего ж не пойти? На хозяйстве свекровь была. Она моих четверых сама выходила. Не касалась я их. Забот мало знала. Муж меня любил, берег. Грубого слова от него никогда не слышала. Я по гостям ходила: то к родне, то к подругам. И вместе случалось погулять, особо в праздники. Хоровод мы любили водить. А когда восьмому, младшенькому пять было, отправилась я к своей родне в соседнюю губернию. Воротилась, а в деревне тиф брьюшной. Такая вот оказия случилась. Взшла я на крыльцо, выпила кружку полынного отвара и в хату. Через порог переступила и обмерла. Свекровь моя на колени передо мной пала: «Не уберегла твоих четверых сыночков, может, остальных Бог пощадит». Кинулась я их целовать-миловать, слезами обливать доченьку и мальчиков моих родненьких. Знала, что нельзя, что после этого сама могу свалиться. Но ничто не мило было. Свекровь заболела и уже не могла чугуны с кипятком поднимать. Я чувалы с остюками, половой и остатками овсяной соломы кипятком заливала, детей туда укладывала, а сама от слез глазами ничего не видела. В тумане все было. Ванечку, Аленушку и Андрюшу не удалось спасти. Страшные судороги вытягивали их. Длинные детки становились, тощие... Глаз не смыкала, не ела я ничего все дни, только отвар полынный пила. Соседи родных хоронят, назавтра их везут. Уж и хоронить некому стало. Яму выкопали, и всех туда....

Не знаю, почему хворь меня не взяла. Может, полынь спасла, а может, так Господу надобно было. Неведомо нам, чего Он желает... Ванечка очень к математике способный был. Учительница говорила — талант необычный. В город уговаривала его отвезти. Не довелось. А пострел был! Бывало, за столом уплетает борщ, аж за ушами трещит, а ноги на месте не стоят, ерзают, топчут...

Воротился муж с подработок, где промышлял на пропитание семьи. Столярничал он с мужиками в запорожских краях. Я с младшеньким на руках его встречаю. Бросилась ему на шею. Плакали вместе, горевали, друг другу изболевшие души изливали. Да только нельзя долго Бога гневить. Бог дал, Бог взял. Видно на роду нам так было написано... Разорванную цепь прошлого и настоящего для умерших деток не свяжешь. Нет уж тех звеньев...

Я сидела не шелохнувшись. Простые грустные слова западали мне в душу. Я удивлялась покорности судьбе, смирению и долготерпению бабушки. А она продолжала:

— Деваться некуда, дальше стали жить втроем. Еще трое сынов народилось и две дочки. Не уезжал боле муж от меня. Вместе горе мыкали. Потом холера налетела. А людям, что тиф, что оспа или холера — все смерть. Забрала она наших девочек. Кабы можно было противостоять, так сама бы вместо них... Дед мой чуть умом не тронулся. Так он их любил! Ласковые были. Работа его спасала. С утра до ночи то в поле, то на гумне, то хомуты чинит. И все молчком. Года два отходил душой. Я уж над ним и молитвы читала, и уговаривала: «Бог дал, Бог взял. Не гневи Господа...»

Где оно, счастье-то? Ищи в поле ветра. Печаль кочевала изо дня в день. А жить-то надо. Тут война проклятушая нагрянула. Только младшенький и воротился. Дня не проходило, чтоб я о нем не молилась. Поклоны до земли клала, слезами угол, где икона стоит, заливала. Услышал Господь. Сберег. Самый красивый он у меня. Обличьем в отца, а породой в меня. Ох, и шустер был по молодости. Чуть потеплеет, сроду дома не ночевал. Шалаш в конце огорода себе соорудил и жил там. До девок больно охоч был. И журила я его, и дед хворостиной обхаживал, но видать уродился такой. Природу не перешибешь...»

«Откуда в бабушке неиссякаемый оптимизм легко живущего человека? От религии? А учительница зоологии называет ее символом добросовестного заблуждения, потому что не стыкуется она с новыми научными открытиями. Но ведь душу-то спасает в тяжкую годину», — размышляла я под неторопливый мягкий говор старушки.

Дверь отворилась. Мужчины обмели снег с валенок и вошли в горницу. Меня поразили удивительно яркие и чистые для такого возраста голубые дедушкины глаза. Он потирал руки, кряхтел и крякал от удовольствия:

— Поди, голодны, — спохватилась бабушка. — Уж не взыщите! Чем богаты, тому и рады.

— Старая! Неси графинчик, греться будем. И себе рюмку ставь. Будет чваниться-то!

Я быстро разложила миски, деревянные ложки, поставила на стол нехитрую снедь. Отец налил по граненой рюмке самогону себе и дедушке.

— Будем здоровы, — произнес дед, выпил с удовольствием и занялся борщом.

Он был возбужден оттого, что гости приехали, а может, потому, что дров на пару недель приготовил с сыном? На щеках морозный румянец, глаза блестят. Помолодел лет на двадцать. Из-за стола как молодой петушок вскакивал и, прихрамывая, шел в сенцы за салом, к шкафу за кружкой.

— Посидите, папа, не колготитесь. Молодая на стол подаст, — улыбался отец.

От самогона дедушку немного развезло. Его руки бессильно свесились между колен. Старческие слезы увлажняли глаза и бледные красноватые веки. Он клевал носом и вздрагивал, очнувшись. Рыжий пушистый кот соскользнул с его колен и неожиданно бросился мне под ноги. Я, споткнувшись о мягкий сердито взвизгнувший комок, привычно чертыхнулась. Дедушка, подняв усталую голову, как-то растерянно и неодобрительно произнес: «Черное слово в доме? Не ко времени...» Я устыдилась и быстренько нырнула за простенькую ситцевую портьеру.

После обеда мы стали собираться домой.

— Может, заночевали бы, а? — тихо попросила бабушка.

Она смотрела на нас с болезненной любовью и надеждой.

— Уроки в первую смену.

— Может, пропустит, отличница ведь, догонит.

— Нельзя баловать. Дисциплина всем нужна.

— Приезжайте поскорее.

— Да уж как получится. Не все от меня зависит, — ответил отец и ударил Чардаша кнутом.

Острый безразличный взгляд выхватил, а добрая память навечно запечатлела заснеженный двор, замшелую, осевшую, расплывшуюся от времени хату. Долго я видела две фигурки, прижавшиеся друг к другу как единое целое. Потом они превратились в точку и совсем исчезли.

Непонятную глубокую грусть навяла на меня картина прощания. Я стариков отца почти не знала, а душа заныла. Засыпанные снегом улицы и одинокие фигуры женщин у плетней, провожавших нас пронзительно-тоскливыми глазами, извергали из моей груди

вздохи. Тоскливо прослеживаю взглядом последние силуэты ветхих строений, незаметно уплывающих в темную синь вечера. Вот они уже еле обозначаются. Совсем пропали из виду.

Вспомнила деда Яшу, его квартиру, светлые красивые магазины, очищенные дороги. Где она, родина? В городах или в деревнях? А грустно и городским, и деревенским старикам.

Отвлеклась любопытной мыслью: «Бабушке восемьдесят лет, а она хорошо помнит прошлое, будто по книге читает: «...а под Рождество в одна тысяча девятьсот пятнадцатом годе сваха тогда к нам в гости из Тамбова приезжала...» Спросила отца:

— Почему старики все помнят?

— Память у них ни школой, ни институтом не занята. Информации мало за всю жизнь получали. А наш переполненный мозг заставляет память быть избирательной.

Сеет мелкий снежок. Поземка пылит и стелется по обочинам дороги. Сани тихо скользят, поскрипывают. Чардаш, покрытый для тепла рядом, мерно машет хвостом. Я кутаюсь в попону и уплываю мыслями в мир прекрасных фантазий.

ПОМНЮ

Весна! Ослепительное утро! Залезла на крышу, огляделась. Река у горизонта еще в дымке. За огородом яр будто окутан огромными кучевыми облаками — черемуха еще не отцвела. Благоухала на все село. Мне захотелось погрузиться в пахучее пьянящее облако и плыть долго-долго. Даже голова слегка закружилась от загадочного видения.

За школой белыми клубами сползают по склонам холма вишневые сады. За ними розовая воздушная пена яблонь погрузила село в сказку. (Весна в этом году запоздала, и природа нагоняла упущенное время. Одновременно цвели почти все виды плодовых деревьев.) Я ощущаю удивительную легкость. Я — облако! А вокруг меня — Земля Счастья. Мне кажется, что в этот момент, что вся наша страна в цвету!

Лежу на серой соломенной крыше нашей хаты, чувствую себя на вершине блаженства и улыбаюсь. Звуки нежной, далекой музыки, коснувшись меня, добавили радости. Вдруг слышу мелодию «Священная война» и вскакиваю. Возле хаты моей подружки Зои на лавочке и двух огромных без коры бревнах сидят мужчины с нашей улицы. Они принаряжены и возбуждены больше обычного. Слезла с крыши, побежала к ним. Слышу:

— Где ты видел наших солдат в касках, в начищенных сапогах и в белых подворотничках? Ну, разве что на параде или в кино...

— Умер с улыбкой на устах.

— Как жил, так и умер... Славы не стяжал, на чужое не зарился.

— Есть-таки судьба. Один всю войну пройдет — и ни одной царапины, а другой в первом же бою погибает...

— Меня молитва матери сберегла. Такое пережил... Только там, на косе понял цену жизни, остальное показалось таким мелким! А теперь опять в житейских заботах погряз... После курсов младшего офицерского состава направили меня на Белое море командовать зенитной батареей. Солдаты встретили шуткой:

— Есть у нас Борщов, Лапшов, а теперь еще и Пирогов появился. Полный обед из начальников!

На второй день вызвал к себе командир. Спрашивал коротко и строго:

— Профессия?

— Студент, — отвечал.

— Партийный?

— Нет.

— Почему?

— Не заслужил.

— Здесь быстро заслужите.

Потом разложил передо мной карту:

— Будем до прихода основных частей удерживать вот эту песчаную косу, — он указал на полоску земли, уходящую в море тонким отростком. — И добавил: — Длина — один километр, ширина — сто метров. Ясно?

— Ясно, товарищ командир, — четко, как хороший ученик, отрапортовал я.

— Я самого главного не сказал, — он вдруг заговорил совсем по-домашнему: тихо и устало. — Мало кто из нас в живых останется. Солдатам говорите только то, что они должны знать. Тяжесть ответственности должен нести офицер. Опирайтесь на ленинградцев и партийных. Не уроните честь полка.

Не осознавал я тогда серьезности нашего положения. Три дня прошли в тишине. Будто и не было войны. Молодые солдаты шутили:

— Может самим бабахнуть?

— Попэрэдь батьки в пекло не суйтесь. Детский сад. Мать вашу... — угрюмо оборвал их солдат, что был постарше.

— Трусишь? — завелся самый молодой.

— Бой покажет, кто трус, сразу станет ясно, кто сват, кто кум. Не по голубям из рогатки стрелять будете...

На четвертый день зашныряли над нами самолеты-разведчики. И началось! Первый бомбовый удар сразу вывел из строя половину зениток. Гляжу, рядом со мной лежит молоденький солдатик и, видно, в горячке изумленно бормочет: «Моя нога лежит как чужая...» Глаза невообразимо круглые, безумные. А голова украинца, казалось, продолжает кричать... Перед глазами поплыло. Когда стошнило, легче стало. Не ожидал от себя такого.

Потом все стихло. Оставшиеся в живых растерянно толклись у орудий. В глазах у всех молчаливый вопрос: «Как же так случилось? Не сбили ни одного самолета!» Передал по цепочке: «Раненых — на материк, покалеченные орудия — в море, устанавливать новые». Когда снова послышался рокот самолетов, все застыли в злом напряжении. Теперь сразу несколько вражеских самолетов рухнуло в море, подняв мощную волну. Вода у берега покраснела. Одна атака заканчивалась, тут же начиналась вторая, третья... Мы уже не успевали уносить раненых. На место убитых, хлебнув «фронтovou», к орудиям становились другие. Я уже потерял счет орудиям, людям. Кидал их под обстрел, как солому в печку. Дым, гарь, людское месиво... После третьей атаки пауза затянулась, вытягивая жилы до предела.

Вдруг по правой линии появились корабли. С КП пришло сообщение: «Не пропустить к берегу!» И тут я вроде бы отключил эмоции. Уже не видел крови, зияющих ям от снарядов. Передо мной были только вражеские самолеты и корабли...

Продержались, не пустили врага на континент. Заслонили собой. Потом я лежал обессиленный, безголосый, неспособный думать.

— Первый бой самый страшный? — спросил Вовчик, брат Лесика.

— Страшно было потом раненых из моря спасать. Чуть не утонул. Хорошо, что товарищи научили за волосы вытаскивать.

— Знаешь, Вовка, все страшно: и в бой идти, и видеть умирающих от голода детей, — вздохнул дядя Антон. — Я тоже зенитчиком был. Три зенитки в моем ведении находились. Две обслуживали хлопцы, а у третьей — только командир расчета — мужчина. Учитель бывший, лет двадцати восьми, остальные — девушки молоденькие. Совсем еще девчонки. Из десятого класса на курсы пришли. Полтора месяца поучились и сразу к нам. Одна азимут выставляет, другая траекторию вычисляет, а третья — наводчик. Даже имя одной запомнил: Инна Бабина, шустрая, веселая такая, черноглазая. Инесса-принцесса — так про себя ее прозвал, глядя как изящно управляется она с орудием. Руки бы ей целовать, на коленях перед нею стоять... Как самолеты над нами появились, глянул я на Панаса, а у него колени дрожат. Срывающимся голосом как закричит: «Агон!» Даже акцент от волнения усилился. Девчонки после первого выстрела на командира глядят, хохочут. Разрядка, что ли, у них такая была. А может оттого, что еще не познали страха. Синхронно, весело выкрикивали приказы... Много нас там полегло... Да вон она мимо сельсовета идет! На встречу с однополчанами из Алма-Аты приехала. Завтра они в логу соберутся помянуть друзей.

Наконец осмелился высказаться молодой человек с улицы Красная:

— О каждом человеке нельзя забывать, каждый человек ценный.

— Только не на войне. Здесь особая статья. Родина, — во-первых. Некогда о каждом думать. Скопом приходилось на врага наваливаться. А там кому что бог предназначил... Кому пасть, кому дальше воевать, Родину защищать. У людей разная психология в военное и мирное время. И мерки жизненные разные. Нельзя штатскими мозгами военные дела осмыслять, — возразил дед Пахом.

— Ощущение войны дает только сама война. Солдаты, прошедшие войну, у которых на руках умирали однополчане, друзья, относятся к жизни, к людям, к их поведению иначе. А то, что вы, невоевавшие, пытаетесь себе представить, — все игрища. Я вот снайпером был. Сидим три часа в укрытии. Вдруг выстрел, и голова друга в клочья. Вот это и есть война. Я потом два дня из болота не вылезал. Снял-таки гада, — жестко поведал дядя Андрей.

Пацаны присмирели. Петрович вынес из дому «беленькую», и граненая рюмка пошла по кругу: «Вечная память... Земля им пухом...»

— Давайте Ивана Васильевича отдельно помянем? — тихо предложил дядя Андрей. — Всю войну без единой царапинки прошел. Догнала его злая пуля у родной калитки в день Победы...

Молча налили. Молча выпили.

Ребятишки повисли на плетне.

— Завалите, антихристы! — замахнулась на них полотенцем хозяйка.

Малыши отхлынули от забора, как воробьи вспорхнули, и сели тут же рядом в молодую траву-мураву.

— Дядя Никита, а на войне смешное было? Вы такой веселый, вспомните что-нибудь, пожалуйста, — очень вежливо попросил старший из ребят, Георгий.

Дядя Никита усмехнулся. Черные глаза его хитро блеснули:

— Иван, расскажем мальчикам, как мы с тобой своего солдата, из соседнего полка, вместо «языка» притащили?

— Нашел чем хвалиться, — досадливо поморщился Иван.

— А чего ты тогда с тем солдатом подрался?

— Обозлился он на нас за ночное происшествие. К тому же мы его крепко разукрасили. Вот он и говорит мне: «Солдат, подари свое фото». «Зачем», — спрашиваю сдуру. «Детей пугать», — отвечает. Юморист хренов. Ну, я ему и поддал, чтобы не умничал.

— Дядя Паша, о чем вы думали перед сражением и во время боя? — осмелел маленький Сергуня.

— Когда солдат идет в атаку защищать Родину, все, что было до этого, исчезает. После плена на финской, я попал в штрафбат. В самые опасные точки нас бросали. О чем думал? Выспаться бы! Бесперывные атаки настолько изматывали, что случалось такое: снаряды кругом рвались, а я ничего не видел, не слышал, не чувствовал. Пластом лежал, головы поднять не мог. Засыпал на снегу, выбившись из сил. Отключался! Потом, через несколько мгновений какая-то неведомая сила поднимала толчком, и я продолжал бой. Когда переходящая все границы усталость сильнее страха смерти — это противоестественное состояние организма. Человек должен помнить о жизни и бояться смерти, но не на войне... Такое можно забыть рассудком, только не сердцем.

— Я в пятнадцать лет попал в ополчение. Лягушек тогда пуще немцев боялся, — улыбнулся колхозный ветеринар. — Раз послали нас в разведку. Затаились мы у реки. Вдруг шевельнулось что-то в камышах. Я с перепугу стрельнул, а то корова оказалась. Как меня тогда солдаты благодарили! Под Курском начинал солдатский путь. В окружение попал. Удалось выбраться. Спали на улице. Под утро холодно становилось. Бывало, к боку какого-нибудь солдата прижмусь и греюсь. С вечера земля под нами подтаивала, а к утру шинели вмерзали в лед. Мы помогали друг друга «откалывать». Голодали. Так я грачей настреляю из автомата, кое-как ощиплю, выпотрошу — и в суп. Перья торчат, а мы едим. Первый обстрел был не бомбами, а пустыми бочками. Их сбрасывали с самолетов. Они летели и жутко гудели. А как-то во время очередного обстрела я в яму упал, а назад вылезть не могу. Солдаты хохочут, а я боюсь от стыда расплакаться. Да... Быстро повзрослел. Вернулся — грудь в медалях.

— Я в Австро-Венгрии познакомился с ихней дамочкой, годов тридцати. Она спрашивает: «Почему русские девушек в сарай на сено ведут? У вас кроватей нет?» Я не растерялся, говорю: «Мы романтики!» — весело оскалился лысоватый незнакомец, из любопытства остановившийся около нас.

— О веселом спрашиваете? Бывало и веселое. Человек в любых условиях остается человеком. Ничто ему не чуждо, — усмехнулся Константин Павлович, главный врач районной больницы. — Представьте себе полустанок, разбомбленное железнодорожное полотно. Одинокая цистерна со спиртом. По одну сторону рельсов мы за кустами, а по другую — немцы за домами. Прострелили цистерну в нескольких местах. А к ночи на платформе уже все вместе лежали вповалку, в обнимку. Не поймешь, где наши, где немцы...

— А почему у вас не вся голова седая, как у деда Васи, а только одна прядка? — полюбопытствовал маленький Сергуня.

— Дедушка сед от возраста, а я шестнадцатилетним мальчишкой ужас смерти в

несколько секунд осознал. В блиндаже нас трое лежало. Дверь взрывом снаряда вышибло. И вдруг граната влетела. Как раз между мной и командиром шлепнулась. И давай крутиться. Я онемел, окаменел. Она вращается, а я смотрю на нее, будто загнипнотизированный, и только мысли по кругу: «Конец... Мама... Солнца не увижу... Мама... Конец». Командир был поопытнее, двадцать ему стукнуло. Первым пришел в себя, схватил гранату и швырнул в проем. Она тут же взорвалась. Смотрю, а он весь седой... Только лицо серое и глаза круглые, выпученные... — задумчиво объяснил врач, осторожно передвигая руками искореженную снарядом ногу.

— Что же ты, Маша, молчишь? Тоже ведь хлебнула лиха, — обратился Антон Петрович к молодой женщине, скромно сидевшей на краю лавочки с покорно сложенными на коленях руками.

— На всех беды хватило. Не воевала я. На трудовой фронт была мобилизована.

— Расскажите, Марья Даниловна, пожалуйста, — прошу я.

— Шестнадцать мне в ту зиму исполнилось. Рыли мы котлованы. Ломами и кувалдами долбили мерзлую землю. Подруге моей двадцать три года было. В их семье мамалыги всем хватало. А я иду на работу, — в доме ничего нет, приду назад — тоже ничего. Работала рядом с подругой. Обидно, горько мне было, что Зиночка большие куски ломом откалывает, а я маленькие. А что я могла поделать? Ударю и держусь за лом. Коленки от слабости дрожат. Наберу воздуха в грудь, — опять ударю, и так до обеда. Пока долблю — тепло. Остановлюсь, — околеваю, как продрогший корешок в объятах промерзлой земли. Потом за супом иду в столовую. В очереди никогда не ругались, но супа не всегда доставалось. Тогда покупала жмых и, пока домой добиралась, все грызла, точнее сосала его, такой он был жесткий и мерзлый. И сама я была как замороженный, тоненький ломтик хлеба — маленькая, жиденькая, хлипкая. Ребрышко за ребрышко цеплялось. В семье нашей было шестнадцать детей. После войны пятеро осталось. Отец погиб, мать в сорок восьмом умерла. Видела слезы старческого бессилия деда, бабушки, их бесплодные потуги... Царствие им небесное. Упокой их души... Одни остались. Крыша течет, птицы мох из щелей выклевывают, сквозняки, холод. Ничего. Выжили. Людьми порядочными выросли.

— Тетя Маша, почему ты Некрасова? Родня поэту? — спросил маленький Димка.

— Глупенький, однофамильцы мы. Эдак, половина Сокольского села к знаменитостям в родню попадет! У нас и Пушкин на селе найдется, — улыбнулась Мария Даниловна.

— Как Василий твой? — спросила Наталья Ивановна у тихой Евдокии Ивановны.

— До войны неласковый был, вина перебирал часто, и рука тяжелая была. Дрался очень. А теперь уж четырнадцать лет раны мучают. Усох весь. Вчерась ввечеру зовет: «Дуня, укрой ноги, мерзну что-то». Гляжу на него, сердце ноет, чуть не плачу. Глаза у него такие покорные, просительные. Руку мне на колено положил, уткнулся в юбку лицом... Так вот и живем... — сказала женщина и поджала губы, молчаливо сетуя на судьбу.

Наталья Ивановна вздохнула понятливо.

Гармонист широко растянул меха. Над селом полилась «Катюша». Мы подпевали взрослым старательно и восторженно. Старики улыбались. Вишни осыпали нас белыми лепестками.

— Ничего! Землянок на нашей улице только три осталось. Скоро крыши на домах железные и шиферные появятся. А сынки подрастут, хоромы нам выстроят. Да? — похлопал по плечу своего сына дядя Никита.

Вечером я опять залезла на чердак. Из распахнутого окошка хорошо виден разломанный бурей огромный вяз. Мы часто качаемся на побелевших от дождей голых обломках его ветвей, прячемся в пазухи сгнившей сердцевины ствола, осыпающейся при малейшем прикосновении. А сегодня я взглянула на него с крыши и ахнула, изумленная открывшейся сверху картиной. Дерево, расколотое на три приблизительно равные части, показалось мне тремя солдатами-исполинами. Их ноги согнуты в коленях, головы запрокинуты назад. Тела приподняты над землей и напряжены до предела, что выдают огромные бугры-мышцы на груди. Опершись мощными ветвями-руками, распростертыми далеко по земле, богатыри, может быть, раненые, погибающие, но не сломленные, бросают вызов врагу. Мне подумалось, что я вижу природный памятник защитникам нашего края. А может, дерево подсказывало нам, людям: «...Смотрите, какая мощь во мне. Я тоже умираю гордо и красиво, как ваши герои!»

В красноватых лучах закатного солнца оголенные ветви вяза казались обгаженными кровью. И темные трещины ствола, покрытые бурыми пятнами, добавляли живого в восприятии увиденного. Я рассматриваю разломы, дорисовываю в голове сапоги солдат, прожженные брюки. В изгибе ветвей вижу красивые сильные руки. Вот у этого богатыря нос крупный, лицо грубоватое, мужественное, хотя рот мучительно приоткрыт. А у другого — плотно сжат. Глаз не видно под сеткой прилипших трещин-волос...

Вспомнила деда Яшу. Слезы навернулись. Он тоже был героем, простым, каких много. Стряхнула с себя грусть воспоминаний. Отец тоже воевал. Попрошу его рассказать про войну. Вернулась в хату. На кухне сидел дядя Александр из Луганска. Проездом на денек заскочил повидаться с нашей семьей. С незнакомыми людьми мне всегда проще разговаривать, и я с порога спросила:

— Дядя Саша, что на войне самое страшное?

Он вдруг потемнел лицом и как-то очень быстро, не задумываясь, ответил:

— Своих расстреливать.

И осекся, испуганно взглянув на друга. Я даже присела — так жутко в тишине прозвучали эти слова. Отец не среагировал, видно, далеко ушел мыслями. Потом медленно, будто вынимая из глубины души огромную тяжесть, промолвил:

— Исполнять глупые приказы. Видеть, как сотни людей гибнут, и не иметь возможности помочь.

— Тут ты не прав, — мягко сказал дядя Александр, — тем, кто наверху, виднее было. Ты

знал ситуацию конкретную, а они задачу всей дивизии решали. Может без той высоты, на которой ты положил своих товарищей, не было бы победы на всей линии фронта?

— Ты был рядовым, а я в ответе за них...

Только и сказал. Но осуждающе.

На кухне воцарилось долгое молчание. Я потихоньку ушла в зал. Разложила карандаши на столе и села рисовать войну: сквозь черное, задымленное небо проглядывают лучики солнца и клочки голубого неба, горящие дома у горизонта, а внизу на ярко-зеленой траве бегут ноги в огромных, грязных, грубых немецких ботинках. Подошвы ботинок в огне. И почему дядя Андрей считает, что невоевавшие не поймут ужасов войны? Я же понимаю слезы бабушки по погибшему сыну. Видела сгоревшие и до сих пор не отстроенные дома. Я все понимаю и все помню.

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ

Подговорила я Колю сбежать в лог, послушать рассказы бывалых солдат.

А он еще двоюродного брата Вовку с собой позвал. Подошли мы тихо и стали скромненько в сторонке, только ушки наострили.

На бревнах и стульях сидели в основном «нашенские» мужчины. Гостей было только трое: Инна Владимировна Бабина, которую мы вчера видели около сельсовета и двое очень привлекательных офицеров.

— ...Мыло со спиртом помните? Хорошо согривало руки зимой! — говорил тракторист дядя Ваня с улицы Нижняя.

— У нас «жим-жим» его называли. Некоторые солдаты умудрялись из него жидкость выжимать и пить. Везде чудачков хватало! — рассмеялся приезжий чернобровый красавец, которого называли Валерьяном Ивановичем, и тут же спросил с некоторой грустинкой: «А куриной слепотой страдали?»

— Еще бы! После захода солнца целые дивизии становились слепыми на период темноты. Нехватка витаминов. Ничего! Приспособились. Отвар хвои пили. Через три дня болезнь как рукой снимало. В первую военную зиму от нее крепко доставалось. Потом наладилось питание.

— Я свой первый бой никогда не забуду. Немцы на нас два танка и триста автоматов направили. А мы с винтовками. Выручили вы тогда, привели танкиста. Глядим: выползает машина с огромной пушкой сто двадцать второго калибра! Сразу духом воспряли и погнались гадов! — поведал сосед дяди Вани, маленький жилистый мужчина с усталым озабоченным лицом, с уважением глядя на бывшего командира.

От нахлынувшего волнения его лоб покрылся испариной. Искалеченная рука нервно задержалась. Он продолжил неожиданно громко и резко:

— Мужики! Мы, химики, жгли немцев огнем жутко страшной смеси скипидара и желтого фосфора. Драпали они от нас как чумные! К наградам нас представляли. Только в штабе нашелся умник. «Химики не воюют», — сказал. Не дал ни орденов, ни медалей. И нашу девчущку-медсестру обидел. Утверждал, что с убитого ордена сняла. А она рассердилась и по морде его! «Я, — говорит, — из огня сто пятьдесят раненых вынесла, пока вы штаны протирали». Валерьян Иванович заступился за нее, пистолет выхватил, угрожал штабному... Заодно доложу: «Еле оттащил вас тогда». Припомнил вам рыцарство тот субъект. Дважды отклонял награждение орденом.

— Станный был человек. Ненавидел людей с высшим образованием. Женщин не любил, только мою жену Лидочку за человека признавал. Похоже, побаивался, — усмехнулся Валерьян Иванович. — Помню, вызвал меня к себе и говорит: «Немцы десант забросили. Возьми своих засранцев, чертовых химиков, и закрой ими путь. Попробуй мне хоть одного гада пропустить!» Я расставил роту в засаде за накатами бревен, засыпанных снегом, и довожу до сведения солдат: «Атакуем только тогда, когда харя немца окажется в полуметре от ствола. Иначе пристрелю!» Немцам нас не видно, а они как на ладони.

Всех уложили. А у меня ни одного убитого, только раненые. Тут лейтенант разведчиков докладывает: «Человек сорок фрицев в подвале спрятались». Я — туда с автоматом ПППШ... красный пар поднялся от трупов. Адъютант комдива бежит: «Немедленно явиться! Зверюга! Зачем всех побил и пленных не оставил?» Я ему: «А они не звери? Наши потери за этот год посчитай!» Наказали меня. Даже к медали не представили за удачную операцию. С меня спрос особый был. Не мальчишка ведь, к началу войны аспирантуру в Самарканде успел закончить.

А как-то вызвал меня комдив, дал шестьсот мальчишек-новобранцев. «Веди, — приказывает — на позицию!» Снег почти по пояс. Солдатики кто в валенках, кто в сапогах. Некоторые чуть не плачут от холода и усталости. Ночь шли, день, еще ночь. Добрались до пункта назначения еле живыми. Я приказал «старожилам»: «Займитесь мальчишками». А тут тра-та-та! Я солдатиков в траншеи. Выбили немцев из укреплений! Вот тебе и пацаны! У солдата во время боя страха нет, есть только воля командира, который впереди.

Еще случай был. Чуть под трибунал не пошел. Получаю задание взять высотку. А перед ней чистое поле. Нас порядка двух тысяч солдат и младших офицеров набралось. Послал разведчиков. Выяснили: поле подготовлено. Я с докладом к старшему по чину. А тот: «Ты мне... мать твою... указывать будешь! Приказ исполнять обязан». Я ему: «Умирать не страшно, без пользы погибать обидно». Но подчинился. Через бор подобрался к объекту. Залегли. Глядим: правда, по периметру поля с трех сторон огневые точки расставлены и замаскированы, а снег изрыт, словно стадо свиней прошло. Я отдал приказ бежать назад. Все за мной в тыл. Только за деревья успели скрыться, слышим залп. А потом такое началось! Ни клочка нетронутой земли не осталось. Месиво! Все было изрешечено минами и снарядами. Разрывы долго танцевали. Я к Лидочке подскочил:

— Меня расстреляют!

А она:

— Ты герой! Людей спас! Потерь всего десять человек, а мог бы всех положить. И с кем бы тогда высотку стал брать?

Образумила меня, успокоила. Явился я в блиндаж к своему командиру. А там сидит тот, что на глупую смерть нас посылал. «Я, — говорит он, — видел, как вы отступали. Где вы должны сейчас быть?» А мой командир целует меня. Слезы на глазах. А высотку мы к вечеру взяли. Уложились во время. Освободили путь для основных сил. Я за нее орден Красной Звезды получил. Командир на погон мне новую звездочку прикрепляет, а у меня в голове вши шевелятся...

В десятой Гвардейской армии воевал. Умнейший человек нами командовал! Стратег! Потом в пятьдесят шестую сибирскую Гвардейскую дивизию нас, химиков, перебросили под командование Колобутина. Милейший, редкой души командир! С распростертыми объятиями нас принял. На Днепре переправу брал со своими ребятами. Кровь текла по Днепру. И на Курской дуге с Лидочкой воевали. Такого с ней вытворяли! Начудили много. Жару немцам поддавали — мало не покажется! Молодые, сильные духом были. Потом в оперативный отдел направили. Подобрал я себе команду: все с высшим образованием. Начальник отдела кадров помог. Большая величина! Понимал важность момента и мою ответственность перед людьми.

— А как вы познакомились со своей женой? — подала я голос.

— Она в «учебке» тогда была. Гляжу: сидит серьезная дивчина и бровки хмурит. Я к ней. А она: «Не мешайте мне работать!» Сразу вспомнил мамины слова: «С бабами не связывайся, но если встретишь настоящую, почувствуешь, что твоя, — никому не отдавай». Взял я ее к себе в химроту. Больше не расставались. По всем фронтам со мной прошла. Она у меня удивительная, редкого ума женщина. Была Лида Саввина, а стала Лидочка Ездакова... На моем счету три войны: Отечественная, с басмачами, с англичанами в Казахстане. Подполковником закончил воевать.

— А как дальше сложилась ваша жизнь, остались офицером? — это Вовка осмелел.

— Нет. После войны я вернулся к научным изысканиям. Защитил кандидатскую

диссертацию, потом докторскую. Занимаюсь некоторыми функциями мозга. Сейчас меня интересуют проблемы страха, паники. Я пытаюсь выяснить, какие отделы головного мозга отвечают за подобные стрессовые явления, какие их контролируют. Изучаю биополя людей и растений. Слышали о таинственном бермудском треугольнике и о кораблях-странниках, перемещающихся без людей? Мне кажется: люди покидали суда по причине страха, доводящего их до сумасшествия. В своих изысканиях я опираюсь на открытия моего друга Саши Гинзберга. Как видите, я не одинок в своих, казалось бы, ненаучных воззрениях. Теперь ищу теоретические обоснования и практические подтверждения своей гипотезы.

Однажды я был случайным свидетелем паники заключенных в тюрьме во время неудачного массового побега. Поняв, что их «тихий» план провалился, преступники бросились к машинам, убивая всех, стоящих на их пути. А так как в машинах всем не хватало места, они расстреливали и вышвыривали за борт своих же сокамерников. Меня потрясло неожиданное наблюдение и натолкнуло на ряд интересных мыслей. Позже я стал моделировать на бумаге подобные ситуации для людей с различной психикой.

Моя супруга теперь тоже профессор. Она доказала, что литий, необходимый для термоядерных реакций, можно добывать из растений. В Вашингтоне есть химический институт, носящий имя моей талантливой супруги. Очень интересуют американцев ее научные изыскания. Творческие интересы моей Лидочки чрезвычайно широки и разнообразны, — степенно закончил рассказ Валерьян Иванович.

Взгляды всех мужчин обратились к единственной женщине в этой суровой, мужской компании. Я тоже с любопытством разглядывала маленькую худенькую черноволосую женщину. Обыкновенная, совсем не мужественная, красивая, городская. Медали, орден на правой стороне строгого черного костюма. Яркий малиновый шарфик развеивается на плече.

— С детства начать? — улыбнулась бойкая фронтовичка. — До войны моя семья жила в Алма-Ате. Это прекрасный оазис: белоснежные горы, пирамидальные тополя, цветы, сады, яблоки «апорт» по две копейки! Папа работал заместителем министра, я в школе училась. Мечтала стать артисткой. Всем классом снимались в массовках к фильмам: «Парень из нашего города», «Машенька». Видела Орлову, Ладынину, Столярова обожала. Помню: на вокзале один актер играл роль носильщика, а какой-то гражданин стал требовать, чтобы он отнес его чемоданы к поезду. Артист упирается, доказывает, что не настоящий носильщик, что по сценарию так положено. Тот не верит, сердится. Мы хохочем...

Отец любил меня, баловал. У меня у первой на улице появился патефон, велосипед. Все катались, а мне не доставалось. Я не знала казахский язык, но на праздники к себе всех детей приглашала. Сидим бывало на ковре, ноги под себя подложим, пирожки едим, веселимся. А по ним вши ползают...

Памятен девятый класс. 1941 год. Лето. Ночь. Луна огромная. Мы в лодке. Боря, — он теперь мой муж, — высокий худенький студент (в МГИМО тогда учился), встал, в любви начал признаваться, руки целовал. Мы с детства были знакомы. Говорил, что четыре года любит и всю жизнь будет любить. В то утро о войне узнали... Но поначалу ее не чувствовали.

Позже в Алма-Ату эвакуированные начали стекаться. Я подружилась с одной семьей. Они в нашей школе жили. Большая семья, шесть детей. Я Яну Фишеру понравилась. Как утро, так Янек ко мне бежит. Еще сплю, а мне уже кричат: «Иди, твои женихи пришли». Вместе завтракали, потом в бильярд играли. Проигравший под столом выпивал графин воды. Случалось и Борису туда попадать.

Потом раненых стали привозить. Работала в госпитале. В концертной бригаде перед бойцами выступала. На иняз поступила. Помню, фонетику нам слепая семья Бюргулисов преподавала. Они из Прибалтики родом. Несколько языков знали. Удивительные были люди!

Потряс и многое изменил в моей жизни один случай. Повезли нас в замок царицы Тамары, чем-то похожий на «Ласточкино гнездо» под Ялтой. Башенки на нем, всякие архитектурные излишества. Забор старинный. Заезжаем. Под деревьями коляски-кроватьки. На них в меру остатка сил шевелились человеческие обрубки. Ужас меня

обуял. Нас предупредили: «Дух поднимайте, только не слишком жизнерадостно». Видим помост без кулис, огромный зал, детские кровати одна к одной. На них бойцы без ног, а то и без рук. Запах гнилой, кровь. Госпиталь специализированный, именно для таких раненых. Певица вышла и упала без сознания. Нас просили подойти к раненым. Мы ходили между рядами сами как мертвые. Назад молча ехали. На следующий день добровольцами пошли в военкомат. Папа узнал, попытался отговорить. Потом зачем-то попросил не курить. Я исполнила. Как-то на тяжелом участке фронта четверо суток не спали. Сержант всем махорку раздавал, я отказывалась.

Военную присягу приняла на свой день рождения в Красноводске. Нас был целый эшелон девчонок. Ехала на третьей полке. Трое суток добирались до места назначения. Проехали Узбекистан, Таджикистан, Татарстан. Кругом желтая-желтая пустыня: ни травинки, ни деревца, только длинные одноэтажные бараки вдали. В них и оказалась военная часть. На грузовиках нас туда и отвезли. Пятьдесят градусов жары. Мы все стриженные. Уши на солнце обгорают, кожа коркой снимается. Никто не роптал. Терпеливо обучались военным специальностям. Среди нас были повара, санинструкторы, зенитчицы, прожектористки, стратостатчицы. Я балетную школу закончила. Мои руки были очень нежно развиты, поэтому с прибором ПУАЗО (прибор управления артиллеристко-зенитным огнем) я лучше всех управлялась, хотя с математикой и физикой всегда была на «вы».

Потом нас в Баку переправили. Там в овраге было старинное кладбище. Мы нашли мраморный памятник XVI века! А на горе находились склады боеприпасов и много других объектов, которые мы охраняли. Среди нас армянин был, как Дон Кихот худющий, с длинным носом, — Ашот Аракелян. Постарше всех был. Как-то с часу до трех ночи стоял он на часах у склада. Ранняя весна была. Холодно, сыро и спать хотелось — мочи нет! У него длинные тощие ноги в сырых обмотках. Переступал он то на одну ногу, то на другую. Не выдержал, лег на одну минутку. Ухо к земле приложил. Шаги услышал со стороны батареи. Два силуэта забрезжили. А он встать не может. Сил нет. Голову чуть повернули махнул рукой: «Ложись, — и жестом показывает: — Смотрите на памятник». Мол, там кто-то есть. Долго лежал патруль. Только когда совсем рассвело, поднялись. Смешной и хитрый был Ашот. Понял, что могут наказать за то, что лежал на посту. Часто шутил: «Один армянин трех евреев обхитрит». До войны он на гавайской гитаре играл в ресторане. По вечерам любил петь для нас на ломаном русском языке веселые песни. Одну запомнила:

Жинка моя кекела, Черная как холера,
С длинным и красным носом И с лицом ужасным.
Хочу жинка бела, Как на стенке мела,
Чтоб любила мэнэ, На самом дэлэ!

Еще двое грузин красиво пели. Таню Панасюк не забуду. Цыганка Зара была. Из обрусевших, оседлых. После боя, бывало, сидит в отдалении на камушке, руку под голову подложит и грустит. Погибла у нее вся семья.

Девушки у нас жили отдельно, парни отдельно. Мы вместе хотели поскорее на настоящий фронт попасть. Но первыми стали ребят отправлять. Некоторые девчонки под чехлами пушек попрятались, но их нашли. А поварахи в котлы залезли. Их не смогли обнаружить, и они уехали на фронт. Через пять месяцев письмо получила. Сообщение прислал комиссар того первого состава. Вернее медсестра из госпиталя за него писала. Он без руки и без ног остался. Их эшелон под Нальчиком под обстрел попал. Они пушки с платформ стали спускать, чтобы отстреливаться. Немцы их танками стали давить. Месиво из человеческих тел было. Почти все погибли...

Комбата нашего всю жизнь помнить буду. Взрывной человек с мощным жизнеутверждающим темпераментом. Сгусток жестокой правды и нескрываемой боли. Человек войны. Болел душой за сотни людей сразу. Всю трагедию войны, а может быть, и всей эпохи пережил на себе. Много за его спиной стояло. Постоянно говорил нам «Мы родились, чтоб жить достойно, а не скулить». В нем горела правда и мощь человеческих страстей. Без глянца жил. Пайку хлеба с простыми солдатами делил. Женщин жалел за то, что всю непосильную мужскую работу на себя взвалили.

Встречалась с ним пять лет назад. В отпуске навещала. Сначала он боялся вспоминать свою тягостную жизнь, страшился, что сердце не выдержит. Долго душой в родной деревне отходил от войны. Для коренного крестьянина контакт с деревней — самое лучшее лекарство. Переломил он себя. Слушал Баха, Моцарта, пытался понять себя и свои ощущения. Не замкнулся на пережитых трагедиях, на своей физической

неполноценности. Искал руки друзей и близких.

Потом очерки в газету стал писать о том, что новое поколение вырастает в кругу женщин, что человеческая природа невероятно сложная и надо чаще задумываться над тем, что такое Человек. Утверждал, что нам необходимо изучение самих себя, для понимания, осознания того, зачем живем и что делаем на земле. У него взгляд всегда направлен вглубь человека.

Его статьи — художественное осмысление жизни. Знаете, одни писатели «раздвигают фразы», растягивают действие, «создают симфонию» буквально из ничего. А он старается сжать мысли до предела. Одни «выжимки» предлагает читателям. Что лучше? Не знаю. Может, это свойство газетчика, а может, торопится донести многое, накопившееся за долгие годы? Одно несомненно: он кладезь острого, оригинального и очень доброго ума.

Мне кажется: он из тех, которые продлевают жизнь русскому языку. Он собирает, совершенствует народные изречения. Осторожно подходит к языку. Любит, ценит слово. Писал мне: «Теперь в голове пишу ежедневно. Остановить мысли не могу». Шутил: «Когда-то эти события были моей жизнью, а теперь это опыт поколения».

Объяснял мне, что искусство лежит на грани видимого и невидимого. Мысль невидимая. Вдохновение — тоже. Оно как вдох. А произведения, созданные настоящими художниками, уже видимые, — и вскрывают реальное. Говорил, что есть в талантливых людях что-то, что само вырывается из них, и не важно, в каких художественных формах оно выражается: в картинах, стихах или строениях...

О совестливых людях пишет. Считает, что мораль всегда была основана на религии, на заповедях. Доказывает, что нравственность вытекает из религии. Сразу замечу — спорю я с ним. Он не соглашается. Я ему твержу о нашем первом советском нерелигиозном государстве, об особенном пути развития, а он утверждает, что «Кодекс строителя коммунизма» — те же заповеди, и отличие лишь в том, что страх перед Божьим судом заменен ответственностью перед судом гражданским, государственным. Считает главным судьей человека — суд собственной совести. А как ее воспитывать: закладывать с Богом ли, без него — это другой, отдельный разговор.

Я задала ему вопрос о примирении разных религий. А он мне об уважении к человеку, о культуре взаимоотношений, о том, что религия сама — часть культуры и, значит, существует между ними обратная связь, подпитка... Предполагает, что главное богатство внутри человека. Сложно говорит, интересно. Много до меня не сразу доходит.

А сколько в его статьях страсти, желания понять, помочь! Пытается осмыслить сегодняшнее через пережитое прошлое. Его любовь к людям поет и печалится. Не может он писать «мимо себя». Каждую строчку, каждый, казалось бы, маловажный факт пропускает через сердце, будто отрывает от него куски. О погибших однополчанах пишет. Говорит, что мертвые помогают жить героической памятью о них. Осиротила, оскудила война землю русскую героями и талантами. Были великаны духа, мощи их хватало на все поколение... Небезразличный мой комбат. На всю жизнь остался борцом...

Инна Владимировна замолчала, будто опомнилась. И мужчины долго молчали.

— Григорий Изосимович, дорогой мой однополчанин, ваш черед пришел докладывать моим односельчанам про свою жизнь. Вам слово даем, — полушутя, мягко попросил один из присутствующих, последнего из гостей.

— Из Сибири я родом, из маленькой деревеньки, — начал свой рассказ высокий, статный черноглазый красавец с мужественным лицом, с уложенными (естественным образом) мягкими мелкими волнами кудрявыми волосами. — Обыкновенно жил. Как все мальчишки моего возраста. Все мы при деле были. С восьмью лет лошадей пасли. С вечера дрова заготовляли, чтоб ночью костер жечь. Сидим бывало на лугу. Тишина вокруг. Рядом полоска березового леса. За ней пруд и плотина. Выше по ручью еще одна плотина и маленькая мельница, где колхозники зерно мололи на муку. Коллективизация как раз до нас дошла.

Так вот, сидим, бывало, от страха небылицы сочиняем. Для детей это первейшее дело. В тот год, как сейчас помню, завелась в пруду у мельницы русалка. Каждое утро, на заре,

когда только-только рассветает, стали мы слышать сильные всплески воды. Боимся. Сказок наслушались. И про русалку-Варвару слышали. Девочкой купалась она у верхней плотины, зацепилась платицем за корягу и утонула. А на следующую весну наводнение прорвало плотину и нашли бедняжку. Отсюда и пошла легенда. Еще не одно лето замирали наши сердечки. Только оказалось, что была это огромная щука. Поймал ее глухонемой Спиридон. На плечо взвалил, а хвост по земле тащился. Килограмм на тридцать потянула... Эх детство! Милое далекое детство!

Просто, скромно жили. Семилетку в деревне окончил. В сорок втором призвался. Учебку прошел. В конце сорок третьего попал на Карельский фронт, на охрану тылов действующей армии. На этом направлении войны не было. Там болота и озера кругом. Но немцы и финны и тут пытались просочиться, а пограничники и партизаны не давали. Трудно было поначалу. Ночевать по несколько суток в снегу приходилось. Бывало, две плащ-палатки соединим ивовыми прутьями, и получалось маленькое укрытие. Разжигали костерок, а на ночь теплые угли хвоей обкладывали и втроем, как на печке, спали, только по очереди местами менялись. В середине-то теплей, что ни говори. Случалось и без костра ночами сидеть. Несладко! Да еще обстреливают! На моем участке в двести километров немцы семьдесят четыре раза прорваться пытались.

Финны — хорошие лыжники. Лыжню свою минировали. Моему начальнику ногу раздробило. Тащили мы его через кусты на маленьких самодельных нартах. Ступня за ветки задевала. Боль жуткая. Так он спиртом ногу обмыл и себе финским ножом сухожилия обрезал. Легче ему стало. Не каждый смог бы так.

А спирт не пили, пока с задания не вернемся. Закон такой был. Граница — дело не шуточное. А холода там стояли жуткие. Пока бежим — потные, остановимся — околеваем. Некоторые, которые послабее, от усталости и мороза на ходу застывали и падали. На вооружении у нас были станковые пулеметы на колесиках. Ночью в дзотах сидим, круговую минометную оборону держим, а днем — в кустах. Первый и второй номер все время дежурят, чтобы быть в полной боевой готовности, чтобы не было внезапного нападения на огневую точку.

Минометные мины чуткие: чуть в сук попали, — сразу взрываются. У шестиствольного миномета снаряды, когда летят, страшно гудят. Некоторые новобранцы в первый момент глаза округляли, оружие бросали. Остановишь такого, встряхнешь. Ничего, потом хорошо служили! Страшен первый бой и первая бомбежка. Война — великое моральное и физическое испытание для каждого человека.

И беспечность среди молодых ребят иногда встречалась. Подбили мы самолет во фронтовой зоне, а сел он у нас. Летчик ушел и следы замел. Надо было дозор направить, а ребята не сделали по уставу. Финны их как рубанули длинными очередями! А раненым животы вспороли, гильзами набили, заставу спалили и убежали. Урок нам был жуткий.

Я сам чуть не погиб по-глупому. Молоды были. По двадцать лет! У разведчиков было два «студебекера». Захотелось нам покататься и на чаек поохотиться. Приехали, но местные женщины не разрешили птиц стрелять, грех, говорят. А сами невод в озеро заводят. Взяли мы у них лодку, плывем. А под нами косяк ряпушки такой, что мы будто стоим на нем. Мой друг говорит: «Давай гранатой глушнем рыбу, женщинам поможем». Чеку отпустил, да чуть придержал. Взрыв. Лодка на три части. Мы в полном снаряжении, автоматы, запасные диски. Уцепились за обломки, пытаемся грести к берегу. Я плохо тогда плавал. Друг помог, оружие взял. Хотел сапоги снять. Куда там! Чуть на дно не пошел. Нахлебался воды. Сам бы не выплыл. Женщины спасли.

А в сорок четвертом финны капитулировали, и мы их пинками погнали. Они уже не оказывали достойного сопротивления. Дважды я за войну салютовал в честь Победы. Первый раз война для нас закончилась на направлении Кольский полуостров — Карелия, и мы приняли под охрану границу, а второй раз в сорок пятом.

Позже к Рокоссовскому нас перебросили. В Польше был. Прочесывали банды националистического подполья. К границе их теснили. Как-то ожидали врагов на одной тропинке, а они другой пошли. А связи тогда между заставами никакой не было. Побили они наших пограничников и дальше пошли. Затем мы их догнали и сильно пощипали. Тут подкрепление подошло, и мы их окончательно уничтожили.

Местное население нам помогало. Помню, пацан бежит, кричит, что в клуне (где снопы

хранятся) немцы. Окружили их. Они огнем встретили. А у нас спецпатроны были: через один с трассирующими. Я испугался, что хату сожжем, и дал команду перебрать патроны. Стрельбу с соседней заставы услышали и помощь прислали. Закон такой был: выручать. Не хотели немцы сдаваться. Один только живой после боя остался. В Западной Украине воевал. Жестокие там бои шли. Войну закончил капитаном.

Я слушала и удивлялась тому, как скромно, просто и буднично рассказывал офицер о самых тяжелых годах своей жизни.

— Что особенно тронуло Ваше сердце в военные годы? — неуверенно выступила я вперед с вопросом, требовавшим серьезного, может, даже жесткого ответа.

Григорий Изосимович задумался, положив красивые руки на колени и немного ссутулившись.

— Самое жуткое — это глаза солдат перед началом атаки. Я знал, внутренне они готовы к бою. А по лицам читал: все прощались с жизнью, семьей, небом, — со всем тем, что дорого им было на земле... Такое не забывается... — тихо ответил офицер.

Жаворонок завис над притихшей ложиной. Мужчины усиленно задымили папиросами и самокрутками. Вездесущие пацанята примолкли и вогнули головы в плечи.

Григорий Изосимович продолжил рассказ:

— Я не герой. Просто честно воевал. И теперь на границе служу. Начальник заставы, офицер разведки. Люблю свою работу. Кадры молодые готовлю. Мои ребята по всем видам военно-прикладного спорта призовые места занимают. Мы самые лучшие в области. Переходящее знамя как взяли, так и не выпускаем. Трижды награжден Почетным знаком ДОСААФ. Сам Покрышкин подписывал приказ. Всегда на Доске почета. Теперь майор. В моем подчинении ребята семи национальностей. Дружно живем.

— Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь случай из мирной жизни, — попросил мой брат.

— Что рассказывать? Обыкновенные будни пограничника. Вот раз получил ориентировку, что человек совершил тяжкий поступок и хочет уйти за границу. Со мной четыре солдата и новенький — только после института. Его собака след взяла, и мы шли за ней двенадцать километров. А новенький по неопытности ноги в кровь растер и не мог дальше преследовать преступника. Мы без него пошли. Понимали, что враг будет стремиться выйти за семидесяти двухкилометровую зону нашего контроля, чтобы попасть на станцию. Так и вышло. Преступник босиком шел, только тряпками ноги обвязал. Прибыли на станцию, а он уже там. На границе все чужих сразу определяют. Попросил местных людей помочь обследовать кустарник около товарно-пассажирского поезда. Железнодорожник как раз последнюю сцепку делал. Потом вагоны окружили цепочкой. Гляжу: ноги торчат меж бревен на грузовой платформе.

Как-то из Эстонии сообщили, что исчезли два гражданина. Школьники сигнализировали, что видели следы двух людей, ведущие к границе. Лесник видел двоих с карабинами. Одного ранил в ногу. Они среди валунов прятались. Пока до заставы дошел, пока позвонил — все время. Четыре дня их ловили.

На моем участке, на отшибе, женщина с дочкой жила. Нарушитель границы к ним зашел. Шестнадцатилетняя дочка босиком на заставу по снежку побежала сообщить. Поймали мы его. Семью за помощь наградили и меня тоже.

А некоторые мужчины через границу спьяну к тещам в гости ходили. Я, как оперативный работник, все равно в три дня обязан был выяснить: кто, откуда, зачем ходил? На финской границе нарушения были редкостью. Там много километров надо с едой пешком идти. Не всякий решится, — спокойно, как-то уж очень буднично вел разговор о своей опасной военной службе офицер Мясоедов. — А вот в прошлом году трагичный случай...

Слышу строгий голос матери: «Домой!» Жалко покидать интересных людей. Сто лет бы слушала их рассказы!

КРЫЛЬЦО

Отец занимается ремонтом крыльца. Я выполняю роль подсобного рабочего, а в промежутках между приготовлением очередной порции раствора провожу эксперименты. Отец подсчитал, что делать крыльцо из цемента и битого кирпича дешевле, чем из досок. А меня интересовала проблема надежности раствора при разных соотношениях цемента, песка, извести и использование различных материалов-наполнителей. В качестве начинки я в один «пирожок» деревяшку положила, в другой — проволоку, в следующий — кусок целлулоида от игрушки, что валялась на проезжей части дороги, а в последний — отходы стекла насыпала. Пронумеровала пробы и через три дня принялась исследовать с помощью молотка. Казалось бы, из чистого цемента должен был получиться самый крепкий образец. Но нет! От удара молотка заготовка в пыль разлетелась. Почему? Отец отмахнулся:

— Мельче дрови обломки жженных кирпичей. Нечего глупостями заниматься!

Зато дядя Петя объяснил:

— В книгах есть различные рецепты приготовления бетона. Но всякий мастер знает, что старый цемент работает хуже, его надо больше класть в раствор. А на сколько? Пробную заливку проводят перед началом работы.

Я обратила внимание, что мои заготовки, лежавшие на стекле, имеют очень гладкую, даже блестящую поверхность. Собрала обломки стекол за сараем, чтобы вымостить для красоты хотя бы один угол порога. Разрешение, конечно, сначала получила. Когда цементные ступеньки были готовы, отец сложил две стопки кирпичей и положил на них доску, по которой все должны ходить, пока крыльцо не «схватится намертво». Первый день я очень осторожно передвигалась по шаткому мостику. А следующим утром заторопилась, запнулась за порожек, наступила на край доски и пирамида развалилась. Я соскочила в сторону от высокого крыльца, но один кирпич больно ударил меня ребром по ноге. Я взвыла, но в первую очередь бросилась проверять, не разрушила ли упавшая доска край порога. Обошлось. Не успела дойти до ведра с водой, как вышел сонный братишка, и тоже свалился и ушиб ногу. На его крик выскочила мать, усадила сына на колени и стала успокаивать. У Коли даже царапин на коленях не осталось, а у меня внутренний кровоподтек в половину ступни, и в месте, где камень острым углом рассек ногу, образовалась глубокая ранка, из которой тонкой струйкой стекала на землю кровь.

Какая сила подтолкнула меня к матери? Я показала ей рану и тихо, неуверенно, произнесла:

— Кирпич упал с порога.

Не знаю, чего я ожидала от нее? Мать сердито глянула на меня и крикнула:

— Вечно ты носишься где не надо, — и повернулась к сыну, который продолжал стонать.

Мое сердце огнем прожгла обида. Живу в семье. Называю их папа и мама. А меня некому пожалеть, утешить. Мать отмахнулась как от мухи надоедливой. Любить никто не просит. Но можно хоть немного посочувствовать, предложить йод? Тоскливо сделалось, одиноко. Никому я здесь не нужна. В детдоме хоть друзья понимающие были. А здесь... Зачем обижаюсь? Он сын. Коля. Коленька. Коля сказал, Коля сделал. Еще неизвестно, каким бы он у вас вырос, если бы не мое присутствие! Конечно, она не замечает, что ранит меня. Ей-богу, это не ревность. Это незаслуженная обида, которая никогда не проходит. Она всегда со мной, как бы я ни старалась от нее избавиться.

К чужим людям мать относится вежливо, строго и внимательно. Не обижает, не оскорбляет под горячую руку. Значит, я для нее хуже, чем чужой человек? Не хочу, но невольно сравниваю отношение родителей ко мне и Коле. Почему при этом постоянно возникает чувство вины, которое превращает меня в забитую, пришибленную, неуверенную? В чем я виновата?

Бабушке тоже плохо без своих денег, без пенсии. Она всегда боится потратить лишнюю копейку. И хоть старается сохранять чувство собственного достоинства, ее зависимость

все равно чувствуется. А мать? Подкладывая отцу лучший кусок, всячески подчеркивает это. Наверное, с моим появлением многое в семье изменилось в плохую сторону? Эта мысль угнетает меня больше всего. Я понемногу начинаю понимать, что своим стремлением быть хорошей, «отрабатывать свой хлеб» я полностью не изменю климата в семье. Отношения между людьми для меня — понятие недостижимое... Опять скулю? Невысказанный гнев, гордое, но не надменное достоинство, не пролитые слезы, беззаветная негибкая воля — все это для сильных взрослых людей? Я тоже стану такой! Дайте только срок.

Молча отошла от крыльца, промыла рану, обвязала ногу чистой тряпкой и похромала на огород. Пора заниматься прополкой.

ВИКТОР

Заканчивался учебный год. Вожатая объявила, что лучшие ученики и активисты в воскресенье поедут в Рыльск знакомиться с достопримечательностями. Я тоже попала в их число.

Автобус заполнялся учителями и школьниками. Вдруг в проеме двери появился черноволосый кудрявый старшеклассник. Ему пришлось сильно наклонить голову, чтобы войти в салон автобуса. Мне понравились его мягкие черные глаза и доброе выражение лица. Улыбнувшись, он спросил низким, приятным голосом:

— Не опоздал? Место мне найдется?

— Витюша, для тебя всегда найдем, — ответила Александра Андреевна, учительница литературы.

Он сел позади меня и спросил:

— Чей это аленький цветочек?

Его ладони коснулись моего лица. Кончиками пальцев он слегка приподнял мне подбородок. И произошло что-то странное: будто молния прошла меня вдоль позвоночника. Боли не было, но непонятное, особенное, ни с чем не сравнимое ощущение еще несколько мгновений держало мое тело в удивительно приятном трепете. Я впервые испытала подобное. Я вздрогнула и напряглась, пытаюсь сообразить, откуда появился электрический разряд и почему мне от него так хорошо?

В этот момент на ступеньках автобуса появилась мать и так взглянула на меня, что я поняла: лучше бы она этого не видела. В глазах ее недовольство, даже испуг. Она погрозила парню пальцем. Виктор мгновенно убрал руки, но не пересел, как посоветовала моя мать, а принялся шутливо выпрашивать у меня конфеты. Я отдала ему последнюю половинку «Взлетной» карамельки. В пути Виктор рассказывал мне про то, как в восьмом классе написал в областную газету большую статью о нашем селе. Редактор сильно сократил ее и прислал три рубля. Два он отдал маме, а один оставил себе на счастье и до сих пор не потратил. Мне показалось странным, что у большого парня радости, как у маленького. «Наверное, разыгрывает меня», — решила я.

По возвращению из поездки узнала, что Виктор Болкунов — мамин любимчик. В школе она не признавалась, потому что все ученики для учителя должны быть равны. А дома не скрывала и говорила: «Золото-парень, у него талант к музыке, к истории, а главное — талант души. Певец, отличник, труженик. Иногородный, из маленькой деревни. Что он видел? Бесплатную работу в колхозе, домашние заботы. Отец в прошлом году умер. Здесь у старшего брата живет. Денег своих, кроме тех трех рублей, никогда в руках не держал. После похорон отца уже на второй день в классе сидел. Попросил только: «Не спрашивайте меня сегодня, пожалуйста».

А неделю спустя, возвращаясь со станции, я встретила Виктора. Он шел с Лешей, старшим братом моей подруги Нины. Виктор остановил меня и серьезно сказал:

— Ты уже большая, неприлично тебе ходить босиком по улицам.

Я разозлилась:

— Я не большая, а длинная. Рано мне быть взрослой.

И, демонстративно загребая пыль ногами, пошла дальше.

«Почему я злюсь? — думала я, — Может потому, что он сделал мне замечание при друге? Он прав? Не прав! Мне хорошо быть веселой, беззаботной девчонкой. Хочу детства! Что в этом плохого?»

Вскоре я забыла об этой встрече. Только теперь на хор меня не надо загонять. Сама прихожу на репетиции. Виктор Иванович прослушал меня и под веселые шутки мальчишек отправил в их компанию. Оказывается, у меня третий голос. «Басок», — пошутил он. Меня ни капельки не смутило, что я единственная девочка среди ребят. Напротив, я почувствовала себя особенной. И на сцене, во время выступлений, я стою рядом с Виктором и трепещу от удовольствия.

А как-то мать взяла меня с собой на субботний вечер старшеклассников. Сначала завуч прочитала короткую лекцию, а потом были танцы. Втайне шалея от страха и застенчивости, я не могла отвести от Виктора восхищенных откровенных, растроганных, не осознающих своих желаний глаз. Я была на седьмом небе от счастья. Встречая мой прямой наивный, восторженный взгляд, он слегка смутился. Кружась в вальсе с разными девушками, он все время смотрел в мою сторону и, зачарованный улыбкой совершенного обожания, с радостным волнением тоже улыбался ослепительно и лучезарно. Ах, эта светлая нежная музыка взглядов! Земля уходила из-под ног! Мою душу заполняли неудержимые солнечные мечты. Я не замечала, что по обе стороны зала сидят любопытные женщины с ближайших улиц, что рядом мать, которая в любой момент может быстро вернуть в реальность и одним строгим взглядом выбить из головы любые мысли. Вообще-то выбивать было нечего. Просто ослепительный взрыв радостных чувств осветил мое грустное существование, мир вдруг безгранично расширился и засиял, переливаясь всеми цветами радуги. Я ни о чем серьезном не думала, а только жадно ловила секундные моменты удивительного счастья. Двухчасовые танцы пролетели незабываемыми восхитительными минутами, не повторяющимися дважды вечными мгновениями.

Дома, лежа в постели, я вновь и вновь переживала ощущения от взглядов Виктора. Я понимала, что он не влюблен в меня. Он позволяет себя обожать? Мое внимание приносит ему такую же безоблачную радость, как и мне? Он красивый, умный, очаровательный! Я ни на что не претендую, ни у кого его не отнимаю. Просто восхищаюсь им. Для меня он как картина, как музыка, как радость. Неясные неосознанные впечатления перепутывались в моей голове с глупенькими детскими мыслями, наивными мечтами и не срывали «одежд приличия», полученных мною в процессе короткого периода познания жизни.

Совсем по-другому Виктор смотрит на одноклассницу Нину. Со страхом, волнением, грустью. Иногда с надеждой, напряженно. Глаза таят трепет, бесплотные, трогательные ласки, неизъяснимую неутолимую жажду нежности. Он любит ее трогательно, искренне, безгрешно. Я понимала его, потому что такие чувства были известны не только его восторженному сердцу. Когда он ей что-нибудь говорит шепотом, очень чувствуется мягкий украинский акцент. Меня не беспокоит его любовь к Нине. Может, потому что она безответная? Почему я должна ревновать? Я же не сержусь на тучку, на миг закрывшую солнце! В своей потребности любить я даже не помышляла о взаимности и не искала в его глазах божественного сияния любви.

Теперь, встречая Виктора в школе, я радостно улыбаюсь, заглядываю ему в глаза, надеясь увидеть ответную улыбку или услышать веселую шутку. Я спешу на хор, слушаю ребячьи разговоры, но смотрю только на него! После репетиций вприпрыжку мчусь домой, с удовольствием делаю уроки и мечтаю, чтобы скорее настал следующий день, когда я опять увижу его.

Я никогда не мечтала влюбиться. Но пришло время, и первая детская любовь, яркая, красивая, без страданий и переживаний окрасила мой черно-белый мир в радужные цвета счастья, открыла мне его доселе неведомые стороны и качества. Она обнаружила и раскрыла богатейшие нетронутые сокровища детской наивной доброй души.

Мне нравилось очарование нынешнего состояния. Мои чувства были ненадуманым, искренним радостным серебряным звоном праздничных колокольчиков. Они как чуткий

ранний лучик, как первое нерастраченное желание любви. В них была неповторимая безмятежность и неизъяснимая поэтичность вешних дней. Нас ничего не связывало, кроме улыбок. Я видела, что он искренне рад видеть смешного, влюбленного в него чертенка. Меня никто не ругал, не дразнил за него. Никто не портил счастливого состояния восторженности.

Обожание Виктора не мешало мне учиться. Напротив, я быстрее и лучше выполняла все уроки и домашние дела, чтобы у родителей не было причин не пустить меня на хор или еще какое-то мероприятие, на котором я могу увидеть Виктора. Правда, иногда я ловила себя на мысли, что, сама того не замечая, погружаюсь в радужную ткань мечтаний, уплываю в небеса и совсем не учу уроки. Очнувшись, сердилась на себя, ставила будильник и выполняла задания по минутам. Помогало! Ведь мечтать можно и во дворе с топором или вилами в руках.

О чем мечтаю? Не знаю. Мне просто удивительно хорошо! Я упиваюсь чудесными, полновластными, милыми требованиями первой ребяческой влюбленности! Ах, эта самая счастливая, самая нежная глупенькая любовь, сметающая зачатки эгоизма, тщеславия, не приемлющая все темное и безрадостное! Сколько в ней наивности, детского любопытства! Она признавала только жажду самопожертвования и радость, радость, радость!

КОНКУРС

Еще осенью Евгения Александровна сообщила нам, что в конце учебного года будет праздник труда, на который каждый должен принести что-нибудь интересное, сделанное своими руками. С тех пор на переменах разговоры только о поделках.

Собрали в классе «совещание», принесли все свои изделия на просмотр и выяснили, что, кроме вышивания, Варя Кобыльская от старшей сестры-невесты научилась обвязывать крючком платочки. Та жениху подарок готовила. Так принято у нас в деревне. Но Варе понравилось это занятие, и она теперь сама придумывает узоры. А Валя Кискина делает великолепные мережки на праздничных блузках и на накидках для подушек. За такую тонкую работу не всякий возьмется! Там же надо считать тонкие нити ткани, выдергивать их по одной, а потом соединять по три вместе. И ошибиться нельзя ни на одну ниточку! Рисунки выходят нежнейшие. Красота получается удивительная! Ее бабушка все приданное дочери приготовила из батиста с таким шитьем. А теперь и Валю обучила. Галя Ковалева шарф маме связала на спицах, Тамара Лагутина — шерстяные носочки для бабушки.

Что же мне придумать? Я, как и все девочки из нашего класса, умею вязать на спицах и крючком, вышивать, и мережки на шторах приходилось делать на кружке «Умелые руки». Но хочется чего-то особенного, чтобы ни у кого подобного не было!

Упросила мать отпустить меня на станцию в библиотеку полистать журналы. В одном старом, пожелтевшем от времени, нашла описание изготовления салфеток из шелковых ниток на шестигранных пяльцах с гвоздиками по периметру. Конечно, о шелковых нитках и речи не могло быть, даже из ниток-мулине слишком дорогое удовольствие получается.

Все-таки купила мне мать ниток василькового цвета. С дядей Петей мы вместе сделали пяльцы. Я попросила его сохранить мой секрет до праздника. Мне не хотелось выполнять узор, предложенный в журнале, и я придумала свой: с цветами, растекающимися из одного угла шестигранника, а не из центра симметрии салфетки, от этого величина васильков менялась при удалении от общей точки. Пока я выполняла работу, мать наблюдала за мной и монотонно приговаривала:

— Не торопись, испортить недолго, а деньги большие заплачены.

И пыталась помочь, но я возмутилась:

— Я сама! Нельзя помогать.

Когда васильки «зацвели», я срезала салфетку с гвоздиков и разложила на белой

скатерти. Теперь я не волновалась. К выставке приготовилась!

А после Нового года в школе началось повальное увлечение выпиливанием. В мастерской не хватало инструмента на всех, а купить себе редко кто мог позволить, поэтому отец привез из города пилки для лобзиков, наждачную бумагу, клей, лак и малюсенькие гвоздики. У нас в магазине бывают только огромные строительные гвозди, и те в очередь. Девочки тоже заинтересовались новым делом. Я выпилила и склеила вазу для карандашей, но она получилась хуже, чем у моего брата и, конечно, не годилась на выставку.

Ребятам огромное удовольствие доставляло придумывать новые узоры, но еще больше нравилось хранить их в секрете, чтобы потом блеснуть во всей красе своей фантазией. Подготовка к конкурсу превратилась в большую интересную игру.

И вот настал долгожданный день! Хотя выставлялись работы четвертых-шестых классов, в зале собрались ученики со всей школы. От разнообразия предметов на сцене рябило в глазах. Анна Васильевна спросила: «Может, начнем праздник с песни о труде?» Но ребята захотели петь про трех танкистов. Девчонки согласились, и мы лихо прокричали всеми любимую песню. Учителя подпевали нам, пытаясь направить наш нестройный хор в нужное русло мелодии. От удовольствия многие ребята даже глаза закрывали, и лица их краснели от надрывного крика. В общем, от всей души пели.

Когда мы уgomонились, учителя стали по алфавиту вызывать учеников на сцену и просить рассказать о поделке. Учитывали размер изделия, качество, фантазию. Ваня Корнев чертеж для полочки из журнала взял, но, так как кальки в магазине не было, он придумал перевести рисунок на бумагу, пропитанную керосином. И за это получил грамоту. А я картинки по географии и ботанике на оконном стекле всегда свожу, но промолчала, так как нас срисовывать заставляют. И к тому же весь наш класс давно так делает.

Первое место за нестандартный узор для полочки получил Эдик Набойченко. На его рисунке не было обычных завитков. Он состоял из прямых линий. Эдик изобразил пятиконечные звезды, башни и фантастический самолет. А внизу изделия он выпилил маленькими буквами слово «мамочке». Работа была тонкая, аккуратная. Все ребята голосовали за Эдика единогласно.

Володя Фокин из шестого класса сплел для бабушки большую круглую корзину из молодого орешника, чтобы она носила на продажу овощи к поездам. Галинка из пятого «Б» вышила огромное полотно — детское одеяло для братика. Целый учебный год вышивала. Вот это терпение!

— А кому ты подаришь полочку для полотенца? — спросила Анна Васильевна Павлика из четвертого класса.

— Сестренке. Она не достает до взрослых крючков.

— Ты очень любишь сестренку?

— А как же! Ей только два года. Она, когда падает, меня зовет, а не маму. Я же старший брат! — гордо сообщил он.

Робкий Витя Стародумцев никак не хотел выходить на сцену. Анна Васильевна спустилась к нему в зал и говорит:

— Ты же такой хозяйственный мальчик, и руки у тебя даже с мылом не отмываются. Не поверю, что ты ничего не принес.

Витя поерзал, поерзал, да и полез под скамейку. Из тряпичной сумки он извлек старый резиновый сапог. Все притихли, с любопытством разглядывая непонятный «экспонат» выставки. А Витя вышел на сцену, постелил газету на стол учителя и разложил материалы: кусок резины, ножницы, наждачную шкурку, нож, клей, растворитель в маленьком пузырьке. Потом уверенными движениями, на глазах у всего класса, поставил заплатку на сапог и подробно неспешно рассказал все тонкости своего дела. Я заметила, что объяснял он не «экая», как обычно отвечал уроки. В работе он чувствовал себя уверенно. Всем понравился сюрприз Вовки, и многие стали записывать правила

ремонта резиновой обуви. Поднялся гвалт, все наперебой, перекрикивая друг друга, рассказывали, как помогают дома чинить валенки, лудить ведра. Я заслужила первое место среди девочек, приготовивших различного рода салфетки. Но самым важным для меня было то, что старшеклассницы тоже захотели научиться делать салфетки, подобные моей.

Победители выбирали подарки по желанию. Ребята хотели лобзики и пилки, девочки — шелковые и шерстяные нитки. А Рая Прудникова, хотя пока и не попала в число победителей, тоже попросила ниток. Она показала особую толстую иглу, которую ей прислали родственники из Узбекистана, и обещала научить всех делать ковры. Учителя согласились. Потом Анна Васильевна, как руководитель конкурса, зачитала приказ директора с благодарностями всем участникам выставки. А в конце праздника, как всегда, был концерт. День прошел великолепно!

ДЯДЯ ПЕТЯ

Уроки труда у нас ведет дядя Петя, двоюродный брат отца. Высокий, худощавый, широкоплечий. Над высоким лбом короткие светлые волосы. Голубые глаза улыбочивые. Только вот щеки худые, запавшие, потому что заботы о семье одолевают. Тетя Оля болеет. Двое детей. Все хозяйство на нем. Встает в пять утра, а раньше двенадцати редко ложится. Живут они через дорогу от нас. Я видела, как дядя Петя работал на строительстве школьного здания, клал печи в домах соседей, но в качестве учителя его не представляла и настроена была к нему по-домашнему, по-свойски.

— Откройте тетради, — спокойно сказал дядя Петя на первом уроке.

— Какая теория на уроке труда? — удивилась я про себя.

Мы записали план работы на год и тему первого занятия: «Виды инструментов. Породы деревьев. Рецепты клеев». Когда дядя Петя начал показывать, как пользоваться молотком, по классу пробежал смешок. Тогда он подозвал к себе самого активного «весельчака» и попросил выполнить ряд операций: забить гвоздь, не расколов дощечки, вытащить гвоздь из заготовки, выпрямить его, сделать петлю. Мальчик не справился ни с одним заданием даже на тройку. После такого примера я ни разу не слышала болтовни на уроке труда. Напротив, каждый стремился показать учителю свои успехи и лишний раз попросить совета. А услышать слово «добро» было лучшей наградой за работу.

Особенно ценит Петр Денисович фантазию в работе, сноровку и рацпредложения. Он собирает весь класс вокруг «виновника торжества» и объясняет то интересное, что обнаружил в работе школьника. Не терпит он разгильдяйства, несоблюдения техники безопасности, неправильной и некрасивой стойки во время урока.

На него самого всегда приятно смотреть. С каким уважением он берет в руки инструмент, с какой любовью гладит хорошо обработанный кусок дерева! Мы невольно повторяем его движения, нюхаем древесину, по несколько раз измеряем микрометром размер детали, добиваясь нужной точности. Поблажек не дает и девочкам. В этом я видела уважение к нам. Пренебрежительная фраза ребят: «Девчонки, что с них взять!» — здесь не звучала.

Мы стремились оправдать доверие учителя, а мальчики — не уступить первенства. Петр Денисович улыбался, чувствуя некоторое противостояние, и подбадривал обе стороны: «Девочки, помогайте мальчикам клеить. Ваша аккуратность и забота им очень нужны. Мальчики, помогайте девочкам детали в тиски зажимать. Мужчины должны быть не только сильными, но и галантными».

Удивительно интересны уроки труда! А сколько мы узнали нового! Девчонки уже не боялись взять в руки рашпиль или коловорот. Теперь никто концы алюминиевой проволоки паять не станет или из березы крыльцо делать.

На зачет весь класс готовил родителям шкатулки для «тысячи мелочей» и для медалей. Только коробочку для наград Петр Денисович требовал украсить резным орнаментом, в рисунок которого входили звезды. А двое ребят принесли из дому доски и сделали настоящие плотницкие ящики для инструмента. При этом ни одного гвоздя не

использовали.

А еще Петр Денисович учит все делать красиво. Для меня это самое сложное. Проще воздров переколоть или генеральную уборку в хате сделать. Не хватало у меня терпения шлифовать каждую пластинку, уголки на девяносто и сорок пять градусов аккуратно отпиливать, лак ровным слоем класть. Я нервничала. Но дядя Петя снова и снова требовал счищать лак и шлифовать заготовки. Все-таки заставил он меня сделать шкатулку на пять. «Тебе приятно смотреть на красивое изделие? Правда? Делай так, чтобы людям радость была от твоей работы. Чтобы добром тебя вспоминали», — говорил он мне.

Постепенно я успокаивалась и уже не ерзала на рабочем месте, не пыталась выглянуть из-под локтя мастера, не совалась ко всем со своими комментариями. Конечно, я иногда срывалась, торопилась, но боязнь опозориться перед классом и дядей Петей сдерживала меня.

А ведь началось обучение с обыкновенных рамок для фотографий родственников, погибших на войне. Казалось бы, чего проще? Но сколько терпения потребовалось, чтобы сделать их красиво, и главное, довести дело до конца. Петр Денисович всегда давал реальные задания. Он прекрасно знал, сколько времени необходимо затрачивать на любую операцию. За год мы научились соединять детали без гвоздей скобами, клеем, фигурными подрезами, изучили на практике различные методы соединения металла с деревом, привыкли красиво оформлять изделие.

Делали только полезные для дома вещи. К Восьмому марта мы изготовили для бабушек противни. В конце каждого занятия Петр Денисович объявлял следующую тему и просил дома подумать над ней. Мы с нетерпением ждали каждый урок труда.

Как-то сломался у моей бабушки совок. Она даже всплакнула: «Его еще супруг мой сам делал». Я осмотрела обломки и говорю:

— Не стоит к кузнецу обращаться. Износился металл. Прогорит. Дайте мне кусок новой жести.

Мать нашла за хатой обрезки. Я выбрала подходящий, расчертила и пошла в мастерскую. А через два часа вручила бабушке совок с деревянной ручкой. Вся семья разглядывала мое изделие, выискивая погрешности. Пятерку поставили. А бабушка сказала задумчивым голосом: «Я буду любить его пуще старого».

Во время занятия Петр Денисович говорит спокойно, размеренно, но не монотонно. Материал преподносит с полным набором технических терминов. Лекции читает кратко, четко, ни одного лишнего слова не произносит. Он не заставляет нас пересказывать лекции, а просит кого-нибудь: «Раздай девочкам березовые бруски, ребятам дубовые, а себе возьми грушу, и соответствующий инструмент подбери».

Он всегда догадывался, кто из нас не знает урока. Вот смеху было, когда один мальчишка к бруску из дуба подал пилу с крупными зубьями! Смущенный ученик метался по мастерской, выбирая то лобзик, то двуручную пилу. Петр Денисович положил ему руку на плечо и спокойно сказал: «Чтобы руки и ноги не трудились попусту, больше головой работай, а то на четвереньки опустишься». И дал лодырю задание поработать «не тем инструментом».

Учитель не позволяет ученикам долго смеяться над виноватым. Как только раздавался смех, он тут же поднимал руку вверх. Лицо его выражало сочувствие, неловкость за лентяя. От этого школьнику становилось еще грустней. Наказывает Петр Денисович, в основном, взглядом. Только один раз я услышала от него жесткие слова в адрес не в меру расшалившегося пятиклассника.

— Двенадцатилетний баран превращается только в тринадцатилетнего барана, — произнес он с такой горечью, что стыдно стало не только виновному.

У Петра Денисовича удивительное чувство меры во всем. А радость при виде удачной работы он выражает так искренне, что его улыбку хочет заслужить каждый. Я приходила после «трудоу» домой восторженная. Отец рассматривал мои поделки и говорил:

— Умная голова у Петра и золотые руки. Непревзойденный мастер! Сколько всяких тонкостей знает, ухищрений! Не будучи снабжен всевозможным инструментом, такие шедевры творит! С самым никчемным учеником умудряется говорить с уважением, любовью и добротой. Тонко, ненавязчиво сеет разумное, вечное. Счастье такого учителя встретить. Эх, жаль, что у него всего четыре класса образования. Требуют от меня в роно подавать заявки на учителя с высшим образованием. Пишу, а у самого сердце кровью обливается. Такой учитель один на сотню!

Учебный год близился к концу. По школе разнеслась весть, что к нам прислали нового учителя труда. С дипломом. Мы грустили. Дядя Петя понимал, что рано или поздно это должно было произойти, но тоже переживал, потому что очень любил детей.

Пришел новый. И с тех пор мы каждый урок строгаем штaketник... И все классы строгают штaketник...

Но, как и при Петре Денисовиче, прежде чем начать работу, я подхожу к верстаку и занимаю правильную позу. При этом невольная улыбка скользит по моему лицу. Я настраиваюсь положительно и работаю с любовью.

Глава Третья

ПТИЧНИК

У нас летняя практика. Сегодня мы только закончили пропалывать морковь, как пошел дождь. Все запрыгали от радости. Ура! Завтра дома остаемся. Но тут подъехал бригадир и «обрадовал» нас тем, что куры в колхозе дохнут и требуется срочно делать прививки, чтобы зараза по всему району не распространилась. «Ребята, надо помочь. Колхоз убытки терпит. Яйца не имеем права продавать. Завтра всем к восьми на птицеферму», — строго подытожил он и уехал.

Утром встала рано. Птицеферма далеко. Вышла за ворота. Тихо. Свежо. Монотонно скрипит несмазанный ворот колодца. Петух пропел, разбудив таких, как я, любителей поспать. Соседка звякнула ведром, процеживая молоко. Опять тихо. Вдалеке люди, животные, грузовые машины еле заметными точками перемещаются вдоль домов. Жизнь села кажется мне медленно текущей, плавной. И оттого, что стремительно пробежала к озерку ватага ребят, вспугнув ленивых гусей, и выскочила бабуся с палкой, неодобрительно крича вслед нахальной козе, норовящей добраться до цветов в палисаднике, — в общей громадной бесконечной тишине села ничего не изменилось, не нарушилось. Летнее затишье школьного двора тоже хорошо вписалось в эту картину. Стойкая всеобъемлющая благодать окутывала пространство вокруг меня, насколько глаз хватает. Я тоже наполнялась тихой мелодией раннего утра.

И почему городские всегда куда-то бегут? Торопятся на автобусы? В магазин? На работу? А у нас ведь очереди куда больше. И не за коврами, а за хлебом, ситцем, керосином. Разве им надо вставать в пять утра доить корову? Огород в пятьдесят соток у него есть? А скотина? Значит, торопливый ритм горожан не в делах, а в наших мозгах. Может, из-за скученности народа в городе создается эффект торопливости?

За селом иду не проезжей дорогой, а коротким путем — по тропинке. Слева за домами чертополох и лопухи выше моего роста. Справа — речка, посреди которой островки, поросшие деревьями. Они будто случайно оторвались от берега и застыли в недоумении, возвращаться им или нет? Облака сегодня низкие, серые, кудрявые, и только над разрушенной церковью просвет, будто выход в бесконечность. И все же утро теплое и уютное. Наверное, поэтому тучи мне кажутся похожими на верблюжье одеяло. Воздух пахнет свежей зеленью и перегноем.

Вдруг посыпал густой мелкий дождь. Я нырнула под ближайшее дерево. Гляжу и восхищаюсь:

Вздыхала речка под дождем, Дрожали слезы в листьях ивы...

Идет старик. Увидел меня и позвал с собой:

— Ты до птичника? Не бойся дождя. Бог намочит, Бог и высушит.

Прошли поле, березовую рощу, еще поле, посадки. Вот и наш объект. Здесь уже кипела утренняя суета. Колготились работницы, ученики толпились у изгороди. Перед нами огромный загон, покрытый слоем навоза. От дождя он раскис, и я порадовалась, что бабушка догадалась дать мне резиновые сапоги. Запахи, конечно, не парфюмерные.

— Тройной одеколон захватила? — серьезно спрашивает Сашка Гаманов, еле сдерживая распирающий его смех.

— У меня «Парижская сирень», — отшучиваюсь я.

Заходим в курятник. Вонь сшибает с ног. По стеночке выбралась во двор. Пришла в себя. Гляжу — рядом со мной еще несколько одноклассников. Кое-кого тошнит. Одна птичница подошла к нам:

— Не волнуйтесь, скоро принюхаетесь.

Опять вошли. Немного легче, но все равно дурнота не проходит. Отвлеклись работой: ловили в сарае кур, засовывали им в клюв желтые крупные желатиновые шарики и выбрасывали «леченых» во двор. Перепуганные куры вхохотали, били нас крыльями по

лицу, перелетали с места на место, осыпая навоз белыми перьями. Провозились допоздна. Об обеде в грязи и «тошниловке» не могло быть речи. Закончили отлов, отошли от фермы метров на сто, распластались на лугу и, наверное, целый час приходили в себя.

— Как же бедные женщины там ежедневно работают? — сокрушались мы.

— Неужели нельзя создать нормальные условия? Там, наверное, и курам гадко жить, если мы чуть в обморок не падали. Вот бы председателя на денек запереть в курятнике!

— Его одно волнует: как бы начальству угодить. Мутный человек, — услышала я позади себя возмущенный шепот.

— На комбайне жара, пылища, остоюки, но в поле все же легче, чем в курятнике, — убежденно заметила Рая Соловьева.

— В свинарнике тоже вонь, но так мозги не вышибает, — сочувственно добавила Лагутина Валя.

— Дед рассказывал, что в городе, на химзаводе, тоже несладко — вмешалась я в разговор.

— Но рабочим за вредность доплачивают. А у нас считается, что колхозники на свежем воздухе работают, — вспылал кто-то из мальчишек.

Примолкли. Вечернее небо смотрело на нас редкими глазами облаков мягко и спокойно. Ветер слегка шуршал ближайшей лесополосой. Наши мысли и заботы незаметно уплывали и растворялись в вечерней сини неба.

— Завтра идем на кукурузное поле. С собой каждому взять лопату и сумку для семян. Ведра не нужны. Земля влажная. Повезло вам, воду таскать не придется, — сказал учитель математики, тяжело поднимаясь с земли.

— Петр Андреевич, наденьте, пожалуйста, завтра черную шляпу.

— Зачем? — удивился он.

— Мы заметили, что когда вы в ней, дождь обязательно бывает, — дружно засмеялись ребята.

— Надену, — улыбнулся Петр Андреевич, — но только, если дождь будет морозящий, все равно приходите. Поняли?

— Да уж, конечно, не сахарные. Не растаем, — подтвердили мы и отправились по домам.

ДЕЛА КОЛХОЗНЫЕ

Сегодня сажаем помидоры. На каждый рядок учитель ставит троих: один ямку копает, другой перегной сыплет, третий поливает. После каждого рядка меняемся ролями, чтобы не обидно было. Рядок длиной в километр. Навоз и вода в конце поля.

С утра я весело носилась по полю. Потом притомилась. Гляжу: на соседнем рядке пацаны то перегной горсть не бросят, то воды не плеснут. А под конец начали бросать рассаду на землю и кирзовыми сапогами пылью корешки присыпать. Я возмущилась:

— Старушки с нашей улицы выращивали рассаду в чертовых торфоперегнойных горшочках, над каждым растением колдовали, а вы, варвары, губите их.

— И чего бы ты соображала! Как приехала городской, так ею и осталась! Я читал в журнале, что помидор лучше приживается, если его под углом сорок пять градусов сажать. И к тому же в наш чернозем, как ни положи, все равно вырастет. Мы с братом три года назад веток нарезали и воткнули в землю, а теперь вокруг дома молодая роща. Поняла?

— Все равно нельзя так работать, — упрямо повторила я.

— Если бы ты видела штабели ящиков с гнилыми помидорами на сушильном заводе, не приставала бы к нам, — оборонялись ребята.

— Это не мое дело. Мы обязаны хорошо работать, — продолжала настаивать я.

— Все должны, — отмахнулись ребята.

Я сломала две лозины в придорожном кустарнике и пометила крестом ряд, где работали халтурщики, а свой — половинкой красного кирпича, валявшегося тут же, у дороги.

Через два месяца снова пришла на это же место. Помидоры выросли мне по пояс. У них мощные толстые стебли, сочная листва. Крупные красные плоды висят гирляндами. Нашла свой ряд. Все кусты на месте, а в ряду безответственных ребят пропало всего десять, остальные не хуже моих стоят. Меня это обрадовало и удивило. Вечером спросила у бабушки:

— Почему дома помидоры кохаешь-кохаешь (ухаживаешь), но они все равно хилые, а колхозные как богатые.

Она объяснила:

— У них агротехника соблюдается, удобрения вносят разные и земля хорошая, потому что отдыхает под парами. А на наших огородах картошка каждый год, да помидоры. Севооборота нет. — И сокрушенно добавила: — Жаль, что урожаем в колхозе хозяйски распорядиться не могут.

ВРЕМЯ РАДОВАТЬСЯ

Самое прекрасное время суток летом — от семи до девяти часов вечера, когда мы веселой компанией ходим за село встречать скот. Пастух бросает стадо возле колхозной фермы. Здесь дети и хозяйки разбирают своих животных и сами следят за тем, чтобы они не забрели на поле или, не дай бог, в чужой огород. Выходим, если удастся, за час. Собираемся в ложбине за нашим огородом. Каждый приносит с собой еду. Угощаем друг друга. Особенно нравится всем сало со шкуркой, потому что не у всех оно бывает. Ведь шкуру поросенка положено сдавать в государство. В некоторых семьях режут поросят в подвале, чтобы побаловать детей. «Что требовалось по плану, сдали, так чего бояться?» — удивляюсь я. «Привычка», — объяснила мне соседка Валя, когда я проявила излишнее любопытство.

Пока идем по селу, со всех ближайших улиц к нам сбегается детвора. Я уже всех знаю. Горластые ребята — с улицы Гвардейской. У них своя компания, свои законы, но, когда мы вместе, различий не делается. А не очень веселые — с Барановки, что за кладбищем. У них даже шутки и байки все про мертвецов да чудищ ночных. Видно, сказывается место проживания. На юмористические истории у нас только Владька с Нижней улицы способен. Он поистине неистощим и кого угодно до колик в животе доведет. И малыши говорят между собой не просто так, а все с прибаутками, считалками и стишками. Когда хвалятся друг перед другом кусками хлеба с «присыпками», то сразу видны их характеры:

— Сорок один — ем один, — кричит Санька.

— Сорок восемь — пополам просим, — пристает Олежка к Наде.

— Давай посчитаемся. Если мне выпадет водить, ты отдаешь половину своего угощения, — предлагает он.

— Спорим, ну, спорим?! — азартно кричит Гриша с Гиганта.

Проигрывает, а все равно спорит. Заводной! Слышу, кто-то запел:

Карандаш, карандаш, Когда деньги отдашь? Когда пузо продам, Когда деньги отдам».

Девочки, те, что постарше меня, шушукаются, лукаво поглядывая в сторону мальчишек, идущих в парк. Их еще не пускают на танцы, но они уже знают всех старшеклассников.

Эти девочки еще принадлежат нашей компании, но у них уже появились свои секреты. Но никто не обижается и в их дела не лезет. Но если у кого-нибудь из младших ребят тормоза не работают, эти девочки растащат и драчунов, и спорщиков, да еще подзатыльников надают за непослушание.

Счастлирое время! Мы деремся на шпагах из орешника, разворачиваем грандиозные сражения, изобретаем новые игры. Ребята научили меня ходить на ходулях. Еще катаемся по холмам, валяемся на траве, визжим до потери пульса. Никто нас не ругает, не контролирует. И если по какой-то причине меня не пускают к друзьям, я воспринимаю это как трагедию. День прожит зря, ну, по крайней мере, не на полную катушку!

Здесь забываются обиды. Здесь рождается радость.

А еще мне нравятся «бесиловки» и соревнования. Вчера выясняли, кого лучше корова слушается. Первое задание было: держась за оба рога, заставить корову свернуть в нужную сторону. Рисковое занятие, поэтому Сережке Крикуну мы не позволили участвовать. Очень норовистая у него скотина. Прямо как бык по характеру. И круп мощнейший.

А мне повезло. Женька у нас скромная, безобидная. И зачем ей рога, если она ими никогда не пользуется? Для моих развлечений?! Ростом я удалась, но худоба! Даже бараньего веса не набираю. Поэтому прежде всего нашла надежную опору для ног, а потом уж мертвой хваткой вцепилась в рога. Женька поупрямилась немного и сдалась на милость победителя. Я в самый короткий срок уложила. Быстрее всех «обломала» буренушку.

А вот гонки с препятствием прошли для меня неудачно. В высоту беру сто тридцать сантиметров, а через канаву шириной в четыре метра перепрыгнуть не сумела. И пока выбиралась, Женька нырнула под загородку из тонких жердей и помчалась к свекольному полю. Я поняла, что без веревки ее оттуда не выволоку. Конечно, я набрала очков на том, что, засунув руки в карманы шаровар, свистом, без хворостины довела свою подопечную до дома. Для меня такой «финт» не составил труда. Корова сама торопилась в хлев, где ее ждал мешок с листьями подсолнечника и повиликой. От меня требовалось лишь с шиком пройти по улице. Но Ленчик все равно вышел на первое место, потому что на самом деле выдрессировал свою Зорьку по всем статьям. Его, давась хохотом, подбрасывали вверх до тех пор, пока он не взмолился.

Потом соревновались, кто дольше на перекладине покачается. Захотела в этих соревнованиях поучаствовать Надя из Липецка. Она залезла на дерево, по веревке удачно спустилась на перекладину, но только начала раскачиваться, как сорвалась и упала спиной на утрамбованную площадку. Оказывается, она впервые каталась на таком снаряде. Вмиг собралась вся компания. Сочувствуют, встать помогают. Осматривают ушибы. Новенькая кривится от боли.

— Если очень больно, поплачь, — советуют девочки.

— Молодец, смелая, — с уважением говорят о ней ребята.

Надя полежала немного и опять побежала играть с нами. Обошлось. На вид тихая девочка, а какая смелая! Вчера ребята с трехметрового деревянного моста ныряли в реку и Надя с ними. А когда на железный мост пошли вечером, она единственная из девчонок с высоты пять метров прыгнула. Вот тебе и городская!

А сегодня мы с Колей до обеда перетаскали машину торфа в сарай и разгрузили две повозки песка. Потом он побежал к Ленчику, а я села масло взбивать. Дело несложное, но у мальчишек терпения на такую работу не хватает. Полдня трясусь. С перерывами конечно. Сижу и думаю про всякое: «Приятно, когда, наконец, увидишь маленький кусочек масла, который растет до тех пор, пока в бутылки вместо сметаны остается бледно-зеленоватая жидкость — пахта (обрат). Тогда аккуратно вытряхиваю кусок масла в миску с холодной водой, формирую желтый пахучий шар и отношу его в погреб... Жаль, масло едим редко. Зато молоко для меня — первейшая еда. Побудит бабуся в пять утра, я выпью пол-литра и опять сплю. А утром спрашиваю:

— Бабушка, не забыли меня молоком попить?

— Что ты, детка, как же я могу позабыть? Ты после него так крепко спишь.

А пахта в крошке хороша. Полезная штука! На нашей улице семья Маловых живет. У них десять детей. Когда не было пахты, они пухли с голоду. Спасибо директору завода — уважил просьбу моего отца.

А как я сметану люблю! Когда гляжу на нее, скулы сводит и слюну еле успеваю сглатывать. Как-то вечером Коля залез ко мне под одеяло. Знать, секрет какой-то принес.

— Слушай, — зашептал он, воровато оглядываясь, словно боясь, что кто-то услышит, — брат Вовка почти каждую неделю сметану ест. Действует под шумок. Соломинку осторожно воткнет в кувшин и сосет понемножку, но так, чтобы поверхность сметаны только вогнулась, но не сползла по горлышку.

С вечера мы запаслись соломинками и когда все заснули, спустились в темный подвал. На ощупь нашли кувшины, сняли бумажные крышки и с упоением взялись за сметану. Нежная, жирная, пахучая жидкость наполнила мне рот. Ее не хотелось сразу глотать. Продляла удовольствие. Коля зажег очередную спичку и предупредил, чтобы я не увлекалась.

Бабушка, на следующий день, собирая сметану, удивлялась тому, что на этот раз ее мало получилось.

— Детка, — подозвала она меня (мое сердце скатилось в пятки: проведала обо всем, догадалась! Нестерпимый стыд болезненной судорогой пробежал по телу), — придется тебе по вечерам еще больше травы рвать для коровы, а то не видать нам этим летом маслица.

Я обрадовалась. Ей в голову не пришло, что мы своровали часть сметаны. От этого мне стало еще грустней. Гадко обманывать бабушку. Всеми силами я пыталась скрыть от себя, что поступила плохо. Уговаривала себя, отвлекала интересными и веселыми моментами. Брат подразнивал меня:

— Ели вместе, а траву рвать тебе.

— Я буду рвать и без сметаны, — возразила я тогда.

Когда бабуся заговорила о траве, мне даже немного легче стало. Но до сих пор, вспоминая этот постыдный случай, краснею, и на душе делается противно...»

За воспоминаниями не заметила, как сметана превратилась в масло. Я обмыла его, проглотила слюну, оглянулась... но не смогла попробовать.

Бабушка приняла шар и, прежде чем опустить в подвал, отщипнула кусочек чайной ложкой и сказала:

— Намажь на хлеб. Заслужила.

— А можно без хлеба, чтобы с большим удовольствием?

— Тебе лучше знать, как приятнее, — улыбнулась бабушка.

Стук в калитку. Зоя зовет.

— Бабушка, можно погулять? Я весь план выполнила. А если что потребуется, вечером сделаю, — говорю я.

— Беги, повеселись от души, — разрешила бабушка.

И наши пятки замелькали по пыльной дороге.

ВОЛОДЬКА

Я в городе. Утро. Свежо. Ночью прошел дождь, и теперь на асфальте солнце сияло

сотнями улыбок, создавая зеркальный, симметричный мир иллюзий. После месяца испепеляющей жары вдохнула природа свежести. Зазеленело все вокруг. Даже желтая трава сделалась ярче. Измученная сирень за ночь расправила вялые листья. Капли дождя еще дрожат на них. Облитые зеленым мхом стволы деревьев — нарядные. Природа радуется.

На детской площадке каждая перекладина расцвечена рядами искрящихся капель. Веселый ветерок, играючи, качнул ветку, и теплые брызги омыли мое лицо. Деревья, кусты и трава тоже в прозрачных бусинках. От них вокруг не светлее, но будто ярче. Неспешен полет птиц. Их щебет тихий. Он чуть громче шороха дождевых капель, покидающих ветви, и тоже сливается с тишиной утра. Крылатый лист клена скользит в тиши хрустальной, и мерный капле стук отсчитывает время его падения. В шагах тридцати заметила между листьями тополя удивительно крупную каплю-звездочку. Она самая лучистая, самая прекрасная!

И звездочкой дневной сияет меж ветвейбрильянтовая капелька дождя... —

зазвучало в голове.

Солнце на короткое время скрылось, а моя капелька все равно ярче других. Она особенная и дана на счастье тому, кто ее разглядит. Звездочка вдруг замерла, будто что-то выжидая, потом внезапно вспыхнула искристым светом и пропала. Ничего. Ее прелесть перешла ко мне. Она выполнила свое предназначение.

Взбрыкнул шаловливый ветер, и шорох капель унес мою грусть по звездочке. Сняла сандалии. Чувствую, как вверх по ногам движется приятная прохлада. Прислушиваюсь к ощущениям. Каждая клеточка тела улыбается, и чуткие колокола души перезваниваются со светлой песней раннего утра.

Тропинка привела к обрыву. В низине над лесом завис туман. Кажется, что небо поделилось с землей облаками и окутало влажной прохладой усталый обожженный лес, передавая ему свою живительную силу.

Резкий автомобильный сигнал вернул меня в мир суеты.

Весь день читаю «Восемьдесят тысяч лье под водой» и грызу сухари. Целую вечность пребываю в подводном царстве! Не заметила, как стемнело.

Пора возвращаться на квартиру. Иду через парк мимо беседки. По вечерам там собирается «темная» компания. Я, конечно, остерегаюсь ее, но меня так и тянет узнать, чем они отличаются от нормальных ребят. Потихоньку захожу «со спины». Слышу бессвязный, скучный разговор, редкие примитивные фразы типа: «Ну, пескарь! Заткнись, отравка». Хотела уйти, и вдруг ребята оживились. Звонкие бутылки притащил их дружок. Старшие пили водку, младшие — пиво. Потом папироски засветились красными глазками. Послышался громкий смех, вперемежку с ругательствами. Они коробили меня. Но почему-то теперь ребята показались мне нестрашными, и я подошла к ступенькам беседки. Войти не решилась. В компании были девочки и мальчики моего возраста и старше.

— Чучело, ты деревенская? — спросил меня самый старший из них. На вид ему было лет шестнадцать. Широкоплечий, спортивный и очень уверенный в себе.

— Почем знаешь? — обиделась я.

— Хвостом пыль подметаешь. Иди к нам.

— Боюсь.

— Сельские все манерные? Специального приглашения ждешь?

— Я так, я мимо...

— Выпьешь?

— Нет.

— Папироску?

— Можно.

Я закурила, как учил Толян, не глотая дым.

— Гляди, обучена! В каких краях? — удивились одна из девочек.

— В детдомовских, — спокойно ответила я.

Воцарилась сочувственная тишина.

— Может, хоть пива? — опять спросил старший мальчик.

— Нет. Не понимаю в нем. Почему вы пьете?

— Чтобы расслабиться и поговорить. Пообщаться, если по-научному, — деланно засмеялся парень.

— Трезвыми не получается?

— Уже нет.

— А мы в школе трещим без умолку. У нас в деревне есть два алкаша, так они без бутылки...

Я осеклась. Испугалась. До ребят, видно, не дошел смысл моих слов. Им было неинтересно со мной, и они продолжили обсуждение «радостей» прошлой ночи. А парень опустил ко мне на ступеньки.

— С папашей у меня нелады, — неожиданно небрежно сказал он.

Мне показалось, что он искал во мне сочувствия и понимания.

— С чего это? — спросила я заинтересованно.

— Работать заставляет.

— Радоваться надо, что отец есть, да еще не безразличный к тебе. Некоторым моим друзьям остается только мечтать о родителях. Свой плох! А если бы у тебя не родной отец был, тогда как? — сказала я тихо, но раздраженно.

Помолчали. Вдруг я услышала, как ребята заспорили. Девочек не поделили. Я не совсем разобралась в их словах, но что-то подсказало мне, что пора «сматываться». Не по мне такая компания. Не прощаясь, соскочила со ступенек и, перепрыгивая через низкие чугунные ограды газонов, помчалась к дороге. Несколько ребят, свистя и улюлюкая, кинулись за мной, но, оценив бесполезность пробежки, смеясь и выкрикивая пошлости, оставили меня в покое. «Познакомилась! Ох, как много узнала! Поумнела, нечего сказать, — злилась я на свое любопытство, вскакивая в автобус, — а парень, пожалуй, неглупый. У меня тоже с отцом не получается. А кто виноват? Я или он? У взрослых на все один ответ: «Такова жизнь». Только ведь свою жизнь они делают сами».

У Альбины застала кареглазого светлоголового худенького мальчика. На меня он не обратил никакого внимания и продолжал объяснять задачу. Я прошла в соседнюю комнату. Когда мальчик ушел, Альбина спросила:

— Как тебе мой сосед?

— Станный, даже не поздоровался.

— Увлёкся. Для него мир вокруг существует постольку, поскольку задевает его. Он весь в мыслях о науке, изобретениях, фантазиях. Саша до сих пор никого из девчонок в своем классе в лицо не знает. Но помогает каждому, кто попросит. Когда в классе контрольная, он решает все варианты. Свой — в последнюю очередь.

— А с ребятами дружит?

— С теми, с кем имеет общие интересы. Его мама просит друзей, которым он помогает учиться, играть с Сашей в теннис, чтобы он укреплялся физически. Если его не оттащить от книг, он и есть забывает. А вчера его мама с моей долго разговаривали. Я не подслушивала, просто делала уроки и все слышала. Тетя Лана очень волновалась, когда рассказывала про Володю, сына своей подруги Любы. Раньше она всячески поддерживала их дружбу, просила сына помогать Володе в школьных делах. И вдруг в это воскресенье прибегает тетя Люба к тете Лане и начинает упрекать ее, в том, что Саша плохой друг и не выручил ее сына из беды. Оказывается, Володя ходит на бокс, считает себя самым сильным, вот и поспорил, что победит Генку из параллельного класса. Саша, как друг, посоветовал не устраивать турнира в лого, потому что вся школа знает о плохой репутации Генки и его дружков, и отказался быть его секундантом. «Не стану, говорит, подставлять свою голову бандитам только за то, что тебе хочется доказать свое превосходство. Дерись при всех ребятах. Нечего по балкам прятаться. Все равно все узнают о вашем соревновании».

Володя не послушал его. А все произошло, как предполагал Саша. Генка пришел не один. Володя упорно сопротивлялся, но соперник оказался сильнее. Саша, хотя и обещал не приходить, все же не мог усидеть дома. Волновался за друга и из-за кустов наблюдал за дракой. А когда дружки Генки начали издеваться над поверженным, помчался звать тетю Любу, но та вместо благодарности потом ругала Сашу:

— Ты обязан был помочь Володе. Ты же видел, что у него пальцы в крови?

— Когда я убежал, чтобы вас позвать, — ответил Саша, — крови не было. Ребята спрашивали Володю: «Просишь пощады?» — а он молчал и продолжал драться. Значит, надеялся победить. Мне нельзя влезать, пока он не позвал на помощь, такой закон у ребят. Они же один на один дрались. Вы хотите, чтобы Володя стал героем, не просившим пощады, а я был избит дружками Генки? Хороший человек не подставит друга ради своего самолюбия. В учебе мы — вместе, а в глупостях — врозь. Я понимаю его желание выделиться таким образом, но не разделяю его. Я не спортсмен, у меня нет таких амбиций. Мне важно победить на олимпиаде. Каждому свое. Не считаю себя виноватым. Я сделал все, что мог. Если бы на нас напали на улице чужие ребята, тогда другое дело, я был бы обязан защищаться».

В тот день Саша сказал своей маме, что больше не будет дружить с Володей. От волнения он не мог говорить и ушел в свою комнату. А через час вернулся и подал маме письмо. А там такое! «Володя знал, что двенадцать лет ты борешься за мое здоровье. Мы оба устали от больниц, массажей, уколов. Ребята каждой весной и осенью постоянно «макали» меня в лужи, и я заболел. Но Володя не только не выручал, а напротив, натравливал на меня ребят из других классов.

Ему доставляет удовольствие одним ударом сбивать меня с ног, хотя с моей координацией это совсем нетрудно. Сломанная ключица — дело его рук. Он часто садится на уроках позади меня и долбит в спину карандашом, а когда я оглядываюсь, учителя меня наказывают. Он исподтишка все делает, а влетает мне. Володя постоянно отнимает у меня ручки, тетради, прячет портфель, и я не могу на уроках писать. А когда его должны спросить, он садится рядом, до боли сжимает мне руки, колет шилом в бок, и требует ответы на вопросы учителя. Я не могу поднять руки, а он отвечает и получает хорошие отметки.

На контрольных он всегда сидит рядом. Учителя считают, что мы дружим. Я раньше не задумывался над нашими отношениями. Они мне не нравились, но я полагал, что все ребята в классе так ведут себя. Но после истории с дракой я проанализировал его поведение и принял решение...» Тетя Лана читала и ужасалась. Потом спросила сына:

— Почему же ты раньше ничего не рассказывал?

— Ты же всегда говорила, чтобы я дружил с ним, — ответил он.

— Вова был всегда такой вежливый, я не знала, что он маленький гаденыш. Бедный, что тебе пришлось вынести за эти годы?! Как же я не разглядела мальчишку? — разволновалась Сашина мама.

— Когда тебе было его изучать? Работа, домашние дела, мое лечение, проблемы с бабушкой, с папой. Ничего, все ушло в прошлое. Я сделал выводы. Не волнуйся, — успокоил ее сын.

— Знаешь, сынок, в моем детстве я не встречала плохих ребят. Наверное, мне везло, — вздохнула Сашина мама.

Потом тетя Лана пошла к тете Любе и показала Сашино письмо для того, чтобы она задумалась о характере и будущем своего сына, но та обиделась и теперь они не разговаривают.

— Тетя Лана переживает?

— Очень.

— А тетя Люба?

— Не знаю. Обиженную из себя строит.

— Хотела бы я иметь такого друга, как твой Саша.

— Повезло мне с соседом, — согласилась Альбина.

Альбина расплела косы, и черные кудрявые волосы рассыпались по ее пухлым белым плечам. Я тоже сняла ленты и туго обвила их вокруг никелированной спинки железной кровати, чтобы утром не гладить.

— Странно, я думала ты блондинка, а у тебя в косах волосы рыжие, — удивилась Аля.

— А почему у тебя летом на голове не выгорают волосы?

— Я без шляпы не выхожу на улицу. Замучилась бороться с веснушками.

— А я их люблю, каждую весну жду. У моего друга на лице круглый год были великолепные огромные веснушки.

— Где он теперь?

— Не знаю. Судьба нам выпала такая, — тихо вздохнула я.

Альбина больше не расспрашивала меня.

Луна укрылась черным одеялом туч. Я отвернулась к стене.

ОДНОЙ ЧЕСТНОСТИ МАЛО

Я уже запомнила дорогу к самому большому универмагу города, поэтому беззаботно вприпрыжку бегу по улице, размахивая сумкой выше головы. На торце одного здания висит огромный портрет В.И. Ленина. Он улыбается. Рядом надпись: «Верной дорогой идете, товарищи». Дальше памятник Ленину. Он показывает рукой в другую сторону.

На улице много людей. И яркое солнце, и люди мне в радость. Настроение великолепное! Жизнь прекрасна и удивительна! Вернее больше удивительна, чем прекрасна. Но это тоже хорошо! Подпрыгиваю у каждого дерева, пытаюсь достать нижние ветки. Не всегда получается. Ну и ладно. Подскочила к серебристому тополю. Одна огромная ветвь склонилась над тротуаром. Люди обходят ее и торопятся дальше. Ветка им мешает. Я вижу раздражение на лицах некоторых пешеходов.

Солнце вынырнуло из облака. И вдруг сотни маленьких огоньков засветились перед моими глазами. От неожиданности отступила с тротуара на влажную упругую землю, не понимая, что означает такая прелесть. Солнце опять спряталось в пуховом облаке, и я увидела, как плачет надломленная ветром ветка. Большие листья у основания засохли, и вяло вздрагивали от малейшего ветерка. Почка на концах маленьких веточек так и не распустились. Видно, в жару не доходили до них соки по раненому стволу. А ливнями последних дней попыталась ожить ветка. Потекли соки, но поздно умирающая ветка

получила живительную влагу. Не смогли проснуться иссушенные жарой клетки. И стекает влага вниз и висит на кончике каждой нераспустившейся почки капельками вязкой, клейкой янтарной жидкости, как застывающая, но еще живая кровь дерева. Без солнца капли излучали тусклый, печальный свет уходящей жизни.

Снова жар-птицей в небе вспорхнуло солнце, и заискрилась праздничными гирляндами сломанная ветка. И было в этом трагичном уходе из жизни что-то особенное, непонятное, не страшное. Дерево словно говорило мне: «Не печалься, смотри, как я горю огнями. Мне хорошо в эти последние дни жизни. Все нормально! Жизнь все равно продолжается!»

Есть такое предназначение у природы — радовать. И от этой нехитрой мысли мне сделалось удивительно радостно, даже петь захотелось.

Восхищенная красотой, я хожу вокруг дерева. Волнительная нежность и воистину возвышенная грусть обволакивают меня своими теплыми объятиями. Легкая восторженность наполняет душу и поднимает высоко-высоко в пронзительную небесную синь к белым невесомым облакам. Завораживающее свечение лучезарных янтарных капелек согревает меня в этот момент во сто крат сильнее самого солнца. Это тепло для души. Мне хочется кричать: «Не проходите мимо красоты природы! Какое счастье видеть ее, наслаждаться ею! Что мы без нее?!»

А люди спешили...

Около универсама я встретила с матерью и передала ей пустые сумки. Она отправилась на второй этаж, а я осталась рассматривать витрины ювелирного отдела.

Манекены здесь неотразимы!

И вдруг увидела на полу грязную цепочку. Подняла и подала дородной женщине-кассиру со словами:

— Посмотрите, пожалуйста, она золотая?

— Где ты ее взяла? — спросила та строго.

— В магазине нашла, — ответила я вежливо.

Кассир внимательно, через лупу осмотрела мою находку и спокойным небрежным движением бросила в ящичек кассы.

Я опешила от такого поворота событий, но, побаиваясь своей смелости, все-таки пролепетала:

— Отдайте цепочку! Я слышала, что хозяин утерянной вещи обязан дать мне награду. Только я и так отдам. Жалко человека, который теряет.

— Деточка, я до глубины души тронута твоей добротой! — самодовольным, издевательским тоном произнесла толстуха.

«Она глумится надо мной!» — дрожа от возмущения, лихорадочно думала я, не представляя, что предпринять дальше. А кассирша нагло рассмеялась мне в лицо и презрительно сказала:

— Что растопырилась? Уйди, не мешай работать!

Тут я взъерепенилась:

— Вы украли мою находку! Отдайте!

— У нас, куда ни ступи, все на дурака нарвешься, — ухмыляясь, заявила жирная тетка.

— Не уйду! Я объявление о находке повешу и милиционера позову, — мужественно сквозь слезы наступала я.

— Я ничего у тебя не брала. Понятно! — не моргнув глазом, соврала кассирша.

Я никогда не слышала, чтобы так беззастенчиво лгали, и теперь уж вовсе растерялась. Как опровергнуть очевидную ложь? Кинуться отнимать цепочку? Воровкой сочтут. Чем докажу свою правоту? Я стояла ошарашенная и подавленная глупой, обидной, безвыходной ситуацией.

— Так нечестно, — с дрожью в голосе вымолвила я и запнулась, нервно теребя носовой платок.

Видя мое явно пораженческое настроение, гадкая тетка решила окончательно разделаться со мной.

— Вали отсюда, а то возьму за шкурку и выкину из магазина! — грозно сообщила она о своем намерении в ответ на мое неуверенное обиженное верещание. И вдруг начала смеяться дробненько и приглушенно.

Обида взорвала меня, и злость выплеснулась фонтаном слов.

— Что во мне смешного? Назло не уйду! Маму позову, она наведет у вас порядок, научит честности! — завопила я что было сил.

Появились зрители. Назревал скандал. Кассир забеспокоилась, пошептала с юркой вертлявой продавщицей, а потом взяла с собой цепочку и, снисходительно ухмыляясь, удалилась из отдела. На ее место пришла другая женщина, надменная как изваяние. Я поняла, что это конец грустного спектакля. Обида вновь заклокотала во мне. Должна же существовать справедливость! Если я ребенок, так меня можно дурочкой выставить! От бессилия разревелась и ушла из отдела неуверенной заплетающейся походкой. Позднее раскаяние охватило меня: «И ведь на самом деле наивная дурочка! Сама виновата. Пустила козу в огород. Так мне и надо!» — думала я, постепенно осознавая рассудком свое нелепое наивное поведение.

Вновь попыталась разобраться в себе. Сама цепочка ушла на второй план. Меня уже волновали проблемы более важные. Почему отдала цепочку тетке? Неприспособленная к жизни? Приучили безоговорочно доверять взрослым? Почему не сумела выйти из трудного положения? Ведь обязана была его исправить, раз сама виновата. Привыкла подчиняться? А может, потому что беспардонная наглость всегда шокирует, обезоруживает меня, выбивает из нормальной колеи? Я беззащитна перед ней. Столбом бессловесным становлюсь. Я завидую девчонкам, которых грубое слово возвращает к полному, ясному осознанию реальности? Я всегда была такой или родители излишней строгостью перевоспитали?

На ум пришли слова папы Яши о том, что все люди разные и надо всегда «быть начеку». Еще вспомнилась гадкая тетка с маслозавода, которая обманом и воровством отвоевала у сестры Люси должность технолога, хотя была без специального образования. И она еще требовала, чтобы я с ней здоровалась! Но я продолжала отворачиваться при встрече. Разве должна я «наступать на горло собственной песне», как говорил дядя Александр, друг отца с военных лет? А может, обязана, если хочу быть воспитанной?

Злость не высушила мои глаза, потому что была кратковременной. Это обида долговременна и мучительна. Даже разумные доводы не сразу ее прогоняют...

Вышла из магазина. Мать уже ждала на улице. Увидела мое заплаканное лицо, испугалась и потребовала отчет. Услышав «исповедь», попыталась успокоить меня:

— Может кассирша отдаст цепочку женщине, которая ее потеряла, если, конечно, она придет?

— Не отдаст, — уверенно сказала я, — такая не отдаст.

Мать помолчала, а потом вдруг вздохнула и начала свой рассказ:

— Вы были с отцом в Обуховке. Я дома в ту ночь одна осталась. Какой-то мужчина, видно пьяный, все стонали кряхтел перед нашим двором на лавочке. Я не могла заснуть. Наконец он угомонился. А рано утром я вышла к колодцу и вижу, что под нашей лавкой ровнехонько так лежит веер десяток. Весь в росе, как и вся трава вокруг. Я даже вскрикнула от неожиданности. Никогда такой кучи денег не видела. Стою и думаю: «Вот какой-то семье не повезло. Видно мужик — пьяница. Сколько сегодня слез будет у них?!»

Подобрала деньги, на лавочке разложила, посчитала. «Не иначе как мужик корову продал. Наверное, не один год хозяйка за буренкой ухаживала?! А он, дурья голова, за вечер все профукал. Как найти его теперь? Может, он не из нашего села?» — думала я тогда.

И мелькнула у меня мысль отыскать беднягу через газету. Еле дождалась, когда сельсовет откроется. Пришла прямо к председателю. Еще секретарь с ним была. Сели втроем за стол, посчитали деньги, составили акт, я коротенькую заметку в газету сочинила. Председатель сложил деньги в сейф, и я, довольная исполненным долгом, пришла домой. День проходит, другой, неделя. А в газете нет объявления. Я тогда в сельсовет пошла, хотя уже чувствовала, что бесполезно. Вхожу. За столом — только секретарь.

— С чем, — спрашивает, — пришли?

— А вы, — говорю, — не догадываетесь?

— О чем вы, не понимаю? — отвечает она скучным голосом.

— О деньгах. Где объявление в газете?

— О каких еще деньгах? Я ничего не знаю. Вы меня с кем-то путаете, — говорит секретарша как бы удивленно. И глазки невинные-невинные делает.

Стою я как оплеванная и не знаю, что сказать этой наглой женщине. Потопталась на месте, повернулась и пошла домой. Слышу вслед:

— Учительша, а дура.

Слезы у меня на глазах появились, обида горло сдавила. Не могу с хамством бороться, теряюсь, когда судьба с такими людьми сводит. Сама не борюсь и других этому не могу научить. Вот и ты такая.

— А была у вас мысль себе деньги оставить? — спросила я мать.

— Они бы мне руки жгли, сердце иссушали. Я даже про вознаграждение тогда забыла. Василий о нем напомнил. У меня всегда первые мысли о других, о пострадавших.

— Вы когда-то мечтали о настоящей шубе.

— Не смогла бы ее носить, зная, что куплена на ворованные деньги.

— У меня тоже не было мысли себе цепочку оставить.

— Вот и хорошо. На чужом несчастье своего счастья не построишь. Обидно, что помочь людям не смогли, но для нас главное — самим не воровать и не обижать людей, — успокоила меня мать.

А мне все равно было очень грустно. Мало самим не вредить. Как научиться бороться с несправедливостью?

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

Не давали мне покоя рассказы ребят о подземных ходах разрушенной церкви и о секретных блиндажах, оставшихся после Великой Отечественной. Я часто видела игры ребят в многочисленных старых, наполовину обвалившихся траншеях, пересекающих село, но самой участвовать в «сражениях» не приходилось.

Уже прошел праздник пионерии. Еще четко видны контуры огромной звезды с черным кострищем в центре, а ребята уже устраивают на ней уличные собрания. Я вышла к колодцу. Гляжу: Вовка, Лесик и Коля бегут к самой широкой траншее, расположенной на Базарной площади неподалеку от школы. Не выпускают ведра из рук, бегу к ним. Вижу: Ленька Линева — у них заводила. Не очень-то я доверяю двоечнику, но любопытство побеждает. Подхожу. Ленька азартно кричит:

— Вот вам крест святой! Лазили ребята прошлым летом. Точно не скажу, сам не видел, но говорят: дверь там железная и замок огромный. Наверное, клад там. Когда доберемся, изнутри дырку вверх прокопаем и метку поставим.

— Что же прошлым летом так не сделали? Прямо скажи, нет тайных церковных захоронений, — усомнилась я в правдивости рассказа.

— Воздуху им не хватило. Спичек много жгли. Похоже, не все продумали. Фонарики надо было взять. Ко всему прочему, они в дождь поход предприняли. Знаешь, как гроыхало! — бойко откликнулся Ленька.

— У меня фонарь без батареек. Мамка денег не дает. Колька, у тебя «жим-жим» есть! — радостно напомнил Вовка Коржов моему брату.

— Папа не разрешит взять на баловство, — возразил Коля.

— А ты собираешься ему наш секрет выдать? — порохом вспыхнул Ленчик.

— Нельзя брать без спросу, — продолжал упираться Коля.

— А ты попроси на время для брата Вовки. Ему твой отец не откажет, родня ведь, — посоветовал Ленька.

— Здорово придумал, — обрадовался Коля.

— Рискованно находиться под землей? — осторожно поинтересовалась я.

— Еще бы! Обвал в любой момент может произойти, — повзрослому сдержанно ответил Ленька и добавил: — Не в пример другим, я не трус.

— Чего это рискованно? Если за столько лет подземный ход не обвалился, значит выдержит, — уверенно заверил Вова.

— Так он и ждет, когда вы полезете, чтоб завалиться, — без истинной веселости «проехался» Олег с Красной улицы.

— Чего пялишься и скалишься? Тебя не приглашали! Нечего из себя умника строить, — разозлился Ленька.

— Не очень-то и хотелось! Добро бы еще полезное дело, а то так, непонятно что. К тому же, обвалы на самом деле бывают. Мой папка в городе Шахты работал. Там еще взрывы газа случались, — «просветил» нас Олег.

— У нас, кроме торфа, под землей ничего не добывают. А для него только пожары страшны, — успокоил всех Коля.

— Ребя, когда полезем, вы подальше отойдите, не топчитесь над нами, — попросил Ленька.

— Возьмите меня, — попросила я, ни на что не надеясь.

— Девчонку?! Явилась — не запылилась роза среди лопухов! — возмутился Ленька.

— Хочешь попробовать моего кулака? — завелась я с полуоборота.

— Не пузырись, она свой человек, — заступился за меня Вова.

— Я читала древнюю легенду о лабиринте. Там девушка Ариадна дала клубок ниток своему другу, поэтому он не заблудился и его не съело чудовище. Может, и нам так сделать? — предложила я таким тоном, будто вопрос о моем участии был решен однозначно и бесповоротно.

— Может, веревку принести? — предложил Олег.

— Дурак, где ты столько веревки возьмешь? — засмеялся Венька с улицы Гигант.

А его брат добавил:

— Веревка тяжелая. Сил не хватит волочить ее по земле. Здесь шпагат нужен. Сбегать? Сестренка в магазине работает. Я с отдачей возьму, а?

— Валяй, — согласился Ленька.

Я принесла домой ведро воды, покрутилась возле бабушки пару минут и выскользнула за ворота.

Решено было втроем пробираться. А остальные будут на контроле, на случай, если нас придется откапывать. Не могу похвалиться отсутствием страха. Где-то под ложечкой заныло, когда прыгнула в траншею, ведущую к темному зеву подземного хода.

— Олег, а шахтеров долго искали после взрыва? — спросила я как бы между прочим.

— Первый раз — три дня. А во второй — целую неделю, — чуть волнуясь, ответил мальчишка.

— Ну, тогда нечего беспокоиться. Вот бы найти что-либо существенное! Это был бы неплохой результат нашей вылазки, — бодро сказала я и опустилась на колени вслед за Вовкой и Леней.

Вова, как собака, понюхал воздух. Я проверила узелок шпагата на ноге. Намертво закреплен. И мы поползли. Фонарик, хоть и очень слабенький, был у Лени. Лаз был узкий, и я не могла повернуться и посмотреть на светлое пятно начала нашего пути. Сначала мне нравилось ползти сзади. Первому страшнее. Но потом стало казаться, что кто-то очень черный и страшный пытается схватить меня сзади за шаровары.

Теснота жуткая. Кромешная темнота давит на мозги и глаза. Даже в ушах почему-то закололо. Натыкаюсь на неровности стен и вздрагиваю. Хотя, казалось бы, с чего? Мальчишки впереди. Ползу, зажмурившись, боюсь засорить глаза. Туннель то сужается, то расширяется. Потом начался весьма ощутимый уклон, который заставил меня заволноваться и окунуться в размышления о причине ухода его на большую глубину. А тут еще фонарик вышел из строя. Пришлось пробираться дальше вслепую.

— Лень, стой, не шурши, дай прислушаться, — попросила я.

— Не тормози, а то воздуха не хватит, — возразил Ленька.

Опять поползла. На память пришел случай, как в детдоме приучала себя к темной комнате и в лесу. «Здесь заблудиться негде», — успокаивала я себя.

Вспомнила, как весной в темном погребе ощупью искала миску с творогом, но почему-то попала совсем не в тот угол, куда требовалось. А потом, когда лядя с пушечным взрывом захопнула и пропал слабый серый свет, едва дошедший до пола, я вовсе потеряла ориентацию. Мерещиться всякое стало. Мгновенно охватил жуткий, панический страх, учащенно забило сердце, сбился ритм дыхания. Я заметалась, пытаюсь сообразить, куда идти. «Чего я волнуюсь? Я же в своем подвале. Подпорку плохо закрепила. Торопыга чертова», — ругала я себя тогда.

Еще дрожало сердечко от падения крышки, как новая беда свалилась на голову. Я никак не могла найти деревянную лестницу, ведущую наверх. От этого страх настолько сковал мое тело, что я с трудом переставляла ноги. В который раз я, как мне казалось, обходила весь подвал, но все равно попадала в разные места: то к свекле, то к кадкам с капустой и яблоками. Я совсем не ощущала, в какую сторону перемещаюсь. Замерзла к тому же. Измученная, опустилась на кучу моркови. «Надо успокоиться, и все получится», — настраивала я себя тогда. А тут еще память высветила историю с девочкой, которую припутал в сарае сосед, вернувшийся из армии. Замуж ее тогда выдали в пятнадцать лет. А я одна дома. «Тьфу, черт!» — злилась я на себя, пытаюсь унять дрожь. И все-таки взяла себя в руки! Перестала метаться по подвалу и, последовательно ощупывая каждое препятствие, на коленках (чтобы не расшибить голову) поползла вдоль стены. Только с третьего раза мне удалось отыскать лестницу. После того как вылезла наружу, неделю не могла близко подходить к погребу: жутко делалось.

И в городе с Валею тоже в историю попадала. Она боялась одна идти в подвал. А я смелость свою решила показать, и мы пошли вместе. Спускаемся по ступенькам, а старик идет мимо и говорит:

— Девочки, не боитесь одни ходить? Гаражи рядом.

А я ответила весело:

— Волки в городе не водятся!

Мы боком преодолели узкий проход между стеной и канализационной трубой и только подошли к Валиному подвалу, как услышали шум. Валя быстренько открыла замок, мы вскочили в темное помещение и притворили дверь. Стоим, прислушиваемся. О цементный пол застучали сапоги. Грубый мужской голос рявкнул:

— Где же они?

Тихий ответил:

— Сам видел, как входили.

Бесконечно долго грохотали сапоги по лабиринтам коридоров подвала, а мы дрожали с обрезками железного уголка в руках.

— Я записку родителям не оставила. Искать нас здесь не догадаются, — зашептала Валя.

— Заметят, что нет ведра для картошки, — успокоила ее я, пытаюсь унять дрожь.

— Не стучи зубами, услышат, — сердилась подруга.

На соседней линии послышался шум отмыкаемой двери. Мы ползком подобрались поближе и спросили:

— Вы из какой квартиры?

— Из пятой, — ответила женщина и посветила в нашу сторону фонарем.

Мы рассказали о происшествии, и она попросила мужа проводить нас до выхода.

Оказывается, мы три часа просидели в напряжении. Боялись, что мужчины спрятались и ожидают нас где-то поблизости от входа.

— Нас спасло то, что бандитам в голову не пришло, что за канализационной трубой может находиться твой подвал, — рассмеялась я.

Только смех получился невеселый.

Валя тогда поклялась, что никогда, никогда в жизни не пойдет в подвал без взрослых...

Старые истории промелькнули в голове как одно мгновение. И почему страшное всегда вспоминается в самый неподходящий момент? Почему в темноте ощущения пространства другие? Когда-то в детстве, нащупывала ночью лесную тропинку, и мне казалось, что любой шаг в сторону ведет в бездну. Ну, или хотя бы в яму. Все вокруг было чуждым, страшным, неведомым. А когда днем там же пробегала, не замечала ничего особенного. Лес как лес, и тропинка обычная. Как темнота меняет представления! И волк обязательно за деревьями ждет, и ветки, цепляющиеся за одежду, — обязательно гады-разбойники...

А сейчас я ниже земли не упаду. Некуда падать. И бандитов здесь нет. Одна мысль занозой в голове сидит: возможен обвал.

— Вов, о чем думаешь? — не выдержала я долгого молчания.

— Про то, что мы будем первыми, как Колумб.

— Может, как Ломоносов. Он же наш, русский.

— А в чем он первый?

— Не знаю, раз знаменитый, значит в чем-то первый.

— Хватит болтать. Кислород берегите, — приказал Леня.

Наши голоса звучали приглушенно и таинственно.

Ребята не боятся, чего же я трушу? Папанинцам на Северном полюсе хуже было. Здесь хоть тепло. Главное в панику не удариться. От волнения всегда кажется, что воздуху не хватает. Зачем меня черти понесли в эту дыру? Если бы большие ребята не стояли у входа, не решилась бы. Пovoображать захотела? Почему они не удержали нас? Тоже сторают от любопытства перед неразрешимой загадкой? Зато завтра вся школа узнает о нашем путешествии! А вдруг мы на самом деле найдем секретное пристанище древних разбойников или полный оружия блиндаж партизан? Тогда мы будем героями!

Я попыталась вспомнить самое веселое, что происходило в моей жизни. Набиралось не

много. И вдруг подумала, что на всякое событие можно смотреть двояко: серьезно и с юмором. Вот когда тяжелый мешок с картошкой свалил меня в межу, все хохотали. Я в первый момент разозлилась. Мне было неловко, что свои силы переоценила, а потом смеялась вместе со всеми. От этой мысли дышать стало легче, будто свежая волна воздуха качнулась в темном пространстве. Но только на миг.

— Ребята, не молчите, — попросила я.

— О чем говорить? — спросил Вова.

— Не знаю, о хорошем.

— Вов, а ты помнишь, как притока реки промерзла до дна и люди из льда рыбу выдалбливали? — спросил Леня.

— Намааялись мы тогда с Колей. Взрослые мелкую рыбу доставали, а мы огромную щуку отыскали. Лежим на льду и от восторга визжим, представляя, как всех удивим. Полдня долбили лед лопатой и ломом. Когда начинали работать, нам представлялось, что щука совсем близко. Но не то обидно. Она оказалась порченной, замшелой. Мозоли кровавые на руках горят. Настроение на нуле... — подхватил тему Вовка. Но тут же прыснул от смеха: — Помнишь, как ты на брюках повис в школьном саду, а сторож тебя по голому заду крапивой?

— Это тебе было весело из-за забора глядеть. А мне не очень — беззлобно огрызнулся Ленька. И добавил: — А как ты после аппендицита Ленку на велике катал и столб на полном ходу обнял? Она-то успела с багажника соскочить, а ты здорово пострадал.

— Еще бы! Шов тогда разошелся. Я кишки рубахой зажал и бегом в больницу. Примчался и у дверей приемного покоя в обмороке свалился, — тихо засмеялся Вова.

— Ого, три километра бегом с распоротым животом? — ахнула я.

— Не волновать же мамку. Тем более, что сам виноват. Две недели всего после первой операции прошло, а доктор велел год поберечься, — объяснил Вова.

— Не ахай громко. В горах лавина бывает от крика или выстрела. В кино видел, — шепотом предупредил Ленька.

И вновь наступила тревожная тишина. Теперь слышно только сопение ведомого.

— Почему лаз такой низкий? Здесь же взрослому не пролезть — спросила я шепотом.

— Земля с годами осела, — объяснил Вова.

Опять напряженно замолчали. Сердце мое стучало, как часы в пустой бочке. Если воздуха не будет хватать, лучше вперед идти или назад возвращаться? Я бы назад поползла: надежнее. Ленька будто почувствовал мои мысли и заговорил нерешительно:

— Может, пора прут втыкать, выяснять на какой глубине находимся?

— А вдруг обвал получится и дальше ходу не будет. Обидно ведь. Давай еще чуть продвинемся, — предложил Вовка.

— Вов, а ты один пошел бы? — спросила я.

— Нет.

— Почему?

— Пробовал... Будто один во Вселенной. Даже холод одиночества ощутил.

— Человек — животное общественное, — засмеялась я через силу, потому что мурашки на спине побежали.

Опять глухая тишина. Только Леня сопит тревожно.

— Будильник не догадался взять. Сколько идем? Час? Два? — спросил Леня.

— Ты что! Больше, — возразила я.

Туннель расширился, ползти стало легче, но повернуться назад все равно не получалось. Вдруг я уперлась головой во что-то твердое. Пощупала. Холодное. Металл. Потянула на себя. Струей посыпался песок.

— Ребя, назад! Я железку сворухнула, — испуганно позвала я и потянула Вовку за штаны.

Он попятился назад.

— Не паникуй. Крепко вросла, — успокоил меня Вова, ощутив непонятный предмет.

— Может, это ружье? — спросила я с надеждой.

Очень уж мне хотелось найти что-либо достойное нашей мечте.

— Нет, по форме не подходит. Пластина какая-то, — возразил Вова.

Над головой раздались гулкие шаги. Опять посыпался песок. Мы отползли назад. Я от страха замерла, прислонившись боком к стене, а потом и вовсе бессильно распласталась на земле. Кто бы знал, как нервное напряжение сжигает силы!

Ленька занервничал:

— Гады. Просил же. Придавит к чертовой матери!

— Не ругайся, может, мы уже под дорогой находимся, — рассудил Вовка.

Похоже, из нас он был самый спокойный и выдержанный. «Тертый калач, на мякине его не проведешь, ображает!» — с уважением подумала я.

И вдруг я наткнулась на Вовины ботинки.

— Чего остановился? — шепчу.

— Ленька не шевелится.

Я вздрогнула. В жуткой тишине услышала шуршание и писк.

— Мыши? — несмело предположила я.

— Наверное. Или кроты, — поддержал меня Вовка и тронул друга за ногу: — Лень, а Лень, очнись.

— На голову что-то упало. Я думал камень, а оно шевелится. Сомлел я, наверное. Может, назад, а? Задыхаюсь, — испуская отчаянные охи-вздохи, бормотал Ленья.

— Это от страха. Первому труднее всех. Ты самый смелый у нас, — подбодрил друга Вовка.

Ленька замолчал и полез дальше.

— Ох, боюсь, червяки мне за шиворот начнут падать, — вдруг застонал он.

— Будет тебе, какие червяки в песке да щебенке? — не согласился Вова.

Путь преградили обломки полусгнивших досок. Ленья ощупал их на предмет гвоздей и придвинул к стене.

— Доски — хороший знак. Наверное, мы близки к цели, — обрадовал нас Володя.

Потом стали попадаться ветки, обломки кирпичей. Мы оживились, повеселели. И тут Ленька зашептал:

— Ребя, дальше два входа, куда ползти?

Подземный ход расширился так, что мы втроем смогли встать рядом во весь рост. Мое

сердце забило в радостном волнении. Смена «декораций» указывала на то, что разговоры по деревне ходили не пустые. Вовка возбужденно заговорил:

— Давайте так сделаем: ты сиди здесь, а мы с Ленькой пойдем в левый коридор. Добро?

Слово «добро» он сказал так же весомо, как его отец, Петр Денисович, и мы сразу согласились. Но только они успели сделать несколько шагов, как я услышала шум обваливающегося песка. Произошло нечто страшное? Ужасное!? У меня перехватило дыхание. Я замерла, мучительно долго вслушиваясь в восстановленную тишину и воображая себе невесть что. От страха я, наверное, закрыла глаза. А когда открыла, мне показалось, что темнота вокруг меня стала не такой плотной, и запахло свежестью и сыростью. Я смогла разглядеть два входа. Один был черным, второй, тот, куда ушли ребята — серым. Я бросилась в светлый проход, миновала два поворота. Вдруг земля подо мной разломилась, и яркий свет полоснул по глазам. Почувствовала, что лечу неведомо куда. Я еще толком испугаться не успела, как удачно приземлилась, и вместе со струей песка поплыла вниз. Оказалось, хоть и разными путями, но мы попали в одну яму. Леньке досталось больше всех. Он лежал по грудь засыпанный песком и кусками дерна, беспомощно крутил головой, отряхивая с нее пыль, и плевался. Мы с Вовой бросились к другу и принялись откапывать его руками.

Сколько же мы проползли? Двадцать, сто метров, пятьсот? Мне казалось, что мы находились в темноте не меньше полдня. Выбралась из провала на поверхность, огляделась. Мы были на той же площади, только со стороны улицы Гигант. Я помахала ребятам, караулившим наш «поход». Когда они подбежали, то приняли в спасении Лени самое искреннее и деятельное участие. А Коля удивленно сказал:

— Какие вы бледные, будто под землей всю жизнь работали.

Я ничего не ответила. Извлеченный из ямы Леня ежился и озадаченно разглядывал развалы земли. Проходившая мимо женщина остановилась и завопила:

— Нельзя в этих ямах играть! Здесь уж лет сорок жители песок берут. На моей памяти сюда машина с зерном провалилась.

— Эх ты, Ленька, а говорил: «Оружие партизан, железная дверь, клад...» — засмеялись ребята. А через минуту все мы, изнемогая от безудержного хохота, дружно катались по траве.

А Сережка с Нижней улицы сказал торжественно:

— А вы все равно герои.

Никто и не спорил.

— Все равно я верю, что есть настоящий подземный ход, который приведет нас к тайным подвалам. Мне мамка рассказывала. Поп через него удрал, когда церковь взрывать начали, — защищался Леня.

— Следующий раз другой подземный ход проверим, да? — шепотом спросил он.

— Железно! — дружно подтвердили мы, тоже шепотом.

Заручившись молчанием ребят и брата, я отряхнулась и помчалась домой. Настроение было великолепное, хотя я устала так, будто целый день пахала.

ВИТАЛИК

День сегодня дождливый, ветреный, поэтому занимаюсь делами в хате. Вымыла большие «кожаные» листья фикуса. Вытащила на крыльцо огромную розу, тщательно протерла каждый листок и оставила на крыльце подышать свежим воздухом. Потом взялась за влажную уборку и мытье пола. К обеду управилась. Дождик — это хорошо! Огород поливать не надо. Можно почитать. Только пристроилась на диване, слышу голос бабушки:

— Пока суд да дело, сбегай в магазин. Керосин дают. Беги скорей, пока все село не узнало. Может, по случаю дождя народу мало придет.

Накинула я на голову клеенку и помчалась. А со всех сторон к «погребку» уже стекались ручейками детвора и старушки. Дети, конечно, обгоняли. Посчитала, передо мной пятьдесят четыре человека. Жить можно! Каждый берет по десять-двадцать литров. Продавщица бойко машет черпаком, при каждом движении расплескивая керосин в тазик. Но все молчат. Если кто возмутится, так следующий раз она найдет причину не дать ему керосину вовсе. И ничем не докажешь. Горластая тетка!

Мои канистры уже недалеко от двери «погребка». Очередь вдруг заколыхалась и начала приглушенно, но раздраженно роптать. Я настораживаюсь. Вечно на мне или заканчивается керосин или норму уменьшают общим голосованием! Невезучая. Те, кто в хвосте очереди, конечно, требуют уменьшения, а кто ближе к двери — настаивают на сохранении нормы. Побеждают те, у кого больше нахальных теток. Я молюсь, чтобы толпа потерпела, и мне досталось двадцать литров. Но нет, как всегда перед самым моим носом продавщица прикрыла дверь и сообщила: «Осталось человек на двадцать». Толпа взревела. Я уныло присела на пустой ящик. Сейчас несколько минут поругаются, а потом я получу свой минимум — пять литров, — и прощай, счастливые минуты чтения. Придется ждать следующего подвоза жидкого топлива. Пять литров для семьи мало. Керосиновые лампы мало расходуют, а чертовы керогазы «пьют» керосин, как я воду. «И с ситцем, и с селедкой у нас проблемы. В городе больше людей, а очередей я там никогда не видела, — недовольно бурчу я себе под нос.

Вышла из очереди размять ноги. Иду вдоль пыльного придорожного бурьяна и вижу в траве бумажную денежку. Осторожно подбираю. Что дальше делать? Объявить: «Кто потерял?» Прошлый раз, когда я нашла двадцать пять рублей, их забрала бойкая продавщица, а потом я узнала, что немая тетя с нашей улицы плакала. Надо с бабушкой посоветоваться. Куда она из очереди подевалась? Смотрю, а бабушка чуть ли не на коленях по обочине дороги ползает. Окликнула ее и увидела беспокойное, бледное лицо.

— Кинулась, а в кармане фартука только мелочь. Боже мой, что я дома скажу? — растерянно бормотала бабушка.

Я протянула ей деньги.

— Вы, наверное, носовой платок доставали и выронили, а ветер в траву унес, — сказала я.

Как обрадовалась бабушка! А я еще больше.

Приятно делать людям маленькие радости. Вот когда стоят соседки у колодца, я, прежде чем себе воды набрать, наполняю их ведра. Мне же нетрудно. Я давно поняла, что если человеку не хватает радости, он должен ее находить или делать себе сам...

Получила я свои пять литров керосина. Иду домой, сердито машу второй пустой канистрой, сшибаю засохшие комья грязи на верхушках колеи и насвистываю что-то резкое, отрывистое.

— Чего грязью кидаяешься. Брюки испачкала, — услышала я недовольный голос.

Подняла глаза. Передо мной стоял мальчик: черноглазый, темно-русый, аккуратно подстриженный, наглаженный как с картинки.

— Городской? — осведомилась я, скривив губы в пренебрежительной ухмылке.

— Городской. Меня Виталиком зовут. Я на лето в гости к бабушке приехал, — с достоинством ответил мальчик.

— Нашим бы и в голову не пришло жаловаться на грязь. Чего вырядился? На свидание собрался? — продолжала дерзить я.

— Просто гуляю, — неожиданно спокойно и скромно отреагировал Виталик.

— У нас просто не гуляют. У нас делом занимаются, — усмехнулась я, делая ударение на слово «делом». — Гуляют в городе, на проспекте, — с чувством превосходства добавила я.

— Я не совсем из города, из пригорода, — неуверенно, будто оправдываясь, пояснил мальчик.

Мне понравилась его вежливость, и я уже мягко, даже с некоторым сожалением, пояснила:

— Я, собственно, тоже наполовину городская. Недавно здесь живу. Уже привыкла, освоилась.

— А почему настроена против городских?

— Вкалывать научилась. А еще завидки берут, что у вас много свободного времени. Вольный вы народ, а тут по минутам весь день расписан.

— А мы вам завидуем. Природа у вас.

— Природа? А видим мы ее? На речку заскочишь помыться, чтобы воду не греть дома, — вот и вся природа. А небо разглядываем только пятой точкой. Ни выходных, ни праздников. Кто на речке целыми днями отдыхает? В основном городские. Кто по лесу грибы-ягоды собирает? Тоже городские. Мы если выберемся в лес один-два раза в год, — так за благо считаем. Даже на Пасху корову пасти приходится, — вылила я на гостя ушат раздражения.

— А Новый год? — пытаюсь найти для меня что-либо радостное, подсказал Виталик.

— А плиту Пушкин лузгой топить будет?

— Мы плиту углем и дровами топим. А что такое лузга?

— Шелуха с гречки.

— Днем у вас скучно. Все, как тараканы, по щелям сидят, — вздохнул мальчик.

— Не сидят, а работают. Кто на огороде, кто в хате, — недовольно возразила я. И тут же доверительно созналась: — Знаешь, я, еще когда в городе жила, с сочувствием относилась к крестьянам. А теперь пожила тут и поняла: они же всю страну кормят! А живут недостойно, забито. Все самое лучшее к нам в последнюю очередь приходит. По остаточному принципу, как пишут в газетах. Презираю тех городских, которые в трамваях обзывают сельских жителей, едущих с мешками и сумками. В город они мешки с продуктами везут, чтобы вас кормить, а из города — сумки для себя. У нас в магазине в основном ржавая селедка, подмоченный сахар и хлеб плохого качества. И водка, конечно. Даже за крупой в город едем. Последние два года, правда, чуть лучше стало. Нечему у нас завидовать. Жить в деревне куда как невесело.

— А у нас на окраине города площадка есть. Мы называем ее «база». Там хранится уголь для котельной, прачечная рядом и еще старый-старый трактор-ископаемое. Наверное, еще из первых. Ржавый, разломанный, но такой притягательный! Мы его превращаем в корабль и совершаем на нем всякие путешествия в неведомые страны. Захватывающее впечатление! Потом трактор сделали подводной лодкой и вместе с капитаном Немо бороздили океаны. С нами происходили разные страшные и удивительные приключения. Мы совершали великие подвиги, спасали друзей. Это наш остров сокровищ, остров наших побед! На нем все мы — герои. Неделями продолжаем одну игру. Как уйдем с утра, так до вечера, пока родители не придут с работы, там и живем. Не играем, понимаешь? Живем! Это удивительное место, загадочное, фантастическое! Утром глаза открываю, и первая мысль: «Хотя бы сегодня больше ребят пришло и чтобы у кого-нибудь в голове возникла новая идея!»

А еще рядом есть брошенный сеновал. На нем собаки живут. Щенки у них каждое лето появляются. Мы с ними играем. Жучка-бабушка злющая, а беленькая мама — добрая, ласковая, ее зовем Белкой. И щенятки у нее тоже белые. Белка, знаешь какая умная и гордая! Раньше она в доме жила у моего знакомого мальчика. Хозяин квартиры не любил ее и как-то со злости пнул под зад ногой. Обиделась Белка. А утром завтракает

хозяин и чувствует вонь на кухне. Он и там и сям глядит. Обнаружил, наконец, что напачкала собака у него под стулом. Разъярился, конечно, но подумал, что случайность. Вскоре опять наподдавал хозяин Белке ни за что ни про что. А она ему в отместку снова под его стул кучу наделала. Домочадцы стали посмеиваться над главой семейства. А он обозлился и выгнал животное из дому, хотя сам был виноват в проделках Белки.

Шалаша из бурьяна строим. Штаны с начесом все в «собачках», репьях. Не отдерешь! Мама ругается. Но это же ерунда! Главное, сколько удовольствия! Неподалеку от нас стройка идет. Там ямы, канавы, котлованы!

Есть в нашей компании потрясающий парень. Интеллигентный такой, в очках, Жорик Кау. Складно, гладко говорит. В основном фантастические истории рассказывает. «Скажи честно, ты пересказываешь или сочиняешь», — спрашивали мы. Говорил, что сам сочиняет. Правда, потом мы узнали, что библиотека у него здоровская. Читает много. Мы не обиделись. Рассказчик он великолепный. Присочинит такое, чего и в помине никогда не было. Мой друг Колька Бакланов даже ревновал его ко мне. Поэтому сам побасенки начал сочинять. Но у него не получалось, как у Жорика, — восторженно поведал о своей жизни Виталик.

— А я наоборот делаю. Сама сочиняю, а девчонкам говорю, что пересказываю. Только это секрет. Не проболтайся.

— Заметано!

— А у нас говорят «Железно!»

— А еще у моего друга Кольки есть корова Жданка. Папа у Коли — инвалид войны, а тете Доре некогда, так мы каждый вечер всей улицей эту корову из стада домой приводим.

— Мы тоже своих коров встречаем. Это самое счастливое для нас время. Все дела стараемся к семи часам переделать. Бегом носимся, только бы пораньше вырваться из дому. Собираемся на лугу у копани — и тут начинается настоящая жизнь! И в казаки-разбойники, и в шпионов играем. А сколько стихов, игр и песен я там узнала!

Какой только вкуснятины друг у друга ни перепробовали! Идем по улице, у каждого кусок хлеба в руках. Все довольны, что заслужили отдых. Рассказываем, кто чем днем занимался. И малыши с нами. Куда же без них?

— Можно мне с вами?

— Конечно. Ну, пока! До вечера.

«Здоровский мальчишка!» — подумала я, свернула на свою улицу и вприпрыжку побежала домой.

ХОЧУ ВЕСЕЛОГО

Не задался сегодня день. Утром чужие пчелы напали на наши ульи. Весь двор покрылся мертвыми насекомыми. Потом наш рой, как небольшое грозное облако, двинулся со двора. Не удалось ему сбежать. Мы с братом устроили искусственный дождь (окунали веники в ведро с водой и брызгали на них). Пчелы опустились на вишню, образовав плотный копошившийся жужжащий шар. Я быстро отыскала в опасном месиве матку, сунула ее в спичечный коробок и препроводила в пустой улей. Без главы семейства дети никуда не улетят! Брат стряхнул беглецов в мешок и отнес отцу.

Потом только поленницы дров по всему двору домиками расставила и чеснок рассыпала для просушки, — дождик сорвался. Пришлось все назад в сарай затаскивать. И дождь не дождь, одно название, а дела стоят. Накинула старую клеенку на голову и побежала на станцию за хлебом. Очередь была длинной во всю улицу. Хлеба не досталось. Ни одной мне, конечно, но все равно неприятно. Время зря потеряла, да еще под дождем с холодным ветром. Переоделась, чай пью и читаю. Вбегают брат:

— Прохлаждаешься, книжки читаешь? Очередь подходит за рубашками. По одной в руки дают. Я предупредил, что ты подойдешь.

Прокричал и растворился, точнее сказать — испарился в мгновение ока. «Что-то сегодня он не в пример прыткий? К ребятам торопится», — хмуро подумала я и побежала к магазину. Но люди взбунтовались. Мы, мол, под дождем мокнем, а некоторые тут... Вернулась домой. Неприятно на душе. Чего помчалась? Старики стоят, а я явилась — не запыхалась.

Занялась приборкой кухни. Споткнулась о кота, который беспрерывно ошивался у стола. Тарелку разбила. Испугалась, ожидая гневной тирады. Ну, думаю, влетит сейчас по первое число! Но мать только раздраженно сказала: «И все-то у тебя не слава богу!» От ее непредсказуемого поведения я почувствовала себя еще более виноватой. Незамедлительно пнула надоедливо кота. Он даже своим присутствием злил меня. Бедолага пулей вылетел во двор. Вместо разрядки получила гадкое саднящее чувство. Оно раздражало душу ощущением несправедливого поступка. Хлопоты не ослабляли его. Разве виновата глупая бессловесная тварь в моей нерасторопности, неловкости?.. Чувствую — закипаю от избытка грустных аргументов. Пытаюсь сменить гнев на милость. «Нечего занудствовать! Хватит заводиться и ударяться в печаль-тоску из-за ерунды! Нет повода скулить», — останавливаю я начинающий набирать силу поток самоедства.

Сама с собой я всегда говорю открытым текстом, безжалостно, с убийственной насмешливостью, высказывая все до капли. Чего лукавить и таиться? Никто ведь не слышит. Некого стыдиться, кроме себя и бога, если он, конечно, понимает беззвучные речи...

Перемалывая в голове горы бестолковой чуши, я, наконец, закончила уборку. А после обеда бабушка попросила помочь из курятника помет выгрести.

— Там же вонища и блохи! — скривила я брезгливую гримасу.

— Не бойся. Они не остаются на человеке жить, — успокоила бабушка и пообещала: — Вечером раньше гулять пойдешь.

Я и сама была не прочь заикнуться на эту тему, но бабушка, милая добрая бабушка, как всегда, опередила меня. Надела я на себя старые тряпки, обвязала платком голову и боком протиснулась в курятник. «Удовольствие» — ниже среднего уровня», но терплю и наполняю ведра удобрением, а бабушка выносит в компостную яму. Вдруг кто-то проскочил у меня между ног. От неожиданности чуть не упала. Только совковую лопату уронила. Пригляделась, оказывается, — в самом дальнем углу курятника я разворошила гнездо, в котором копошились маленькие зверушки. «Так вот, оказывается, почему на всей улице гибли куры, а у нас нет! Значит, на самом деле хорь не ворует там, где детей растит», — заохала бабушка и отнесла малышек соседу.

После работы я вымылась и пошла к Лиле. Она вместе с подружками Юлей и Таней только что приехала из пионерского лагеря. Мне тоже хотелось поехать в лагерь с нею, но мать сказала тогда: «А кто же на хозяйстве останется? Коля с ними уезжает».

Я спросила девочек:

— Какая польза вышла для вас от лагеря, кроме отдыха?

И вдруг Юля ответила с поразительной нежностью в голосе:

— Я поняла, что мой брат очень хороший. А раньше не ценила его. Мне не с кем было сравнивать.

От ее слов у меня по сердцу прошла горячая волна. И Таня поделилась:

— Я со старшей сестрой ездила. Раньше она часто сердилась на маму, учиться не хотела. А после того как два месяца вожатой в лагере поработала, они лучше понимать друг друга стали. И с бабушкой она теперь ласковая.

А Лиля с восторгом рассказывала о целом месяце отдыха. Я сначала радовалась вместе с нею, а когда пришла домой, немного загрустила.

Давать волю чувствам долго не пришлось. Бабушка позвала меня в магазин за вафельными полотенцами. Народу тьма. А на меня нахлынуло одиночество. Все вокруг стало темным, бесцветным. Отчего? Непонятно? Будто холодное облако из царства Снежной Королевы опустилось, и окаменела я. Стою стывая, с далекими печальными мыслями или вообще без них. Неуютно, тоскливо сделалось. Потом начала оттаивать. Но все равно чувствовала себя маленькой, беззащитной. Смотрю равнодушно на людей и не вижу их. Я хочу в царство белых облаков. Хочу радости...

Не знаю, отчего на меня находит тихое отчаяние? Сердце будто смыкается и не хочет стучать. Тороплюсь скрыться с глаз. Неуправляемые слезы текут. И все-то мне не мило. Ни видеть, ни делать ничего не хочется. Все только тоска, тоска и боль в душе безмерная. И радости никакой. И деть себя некуда от себя самой, от непонятных беспричинных страданий. Не сбежишь, не спрячешься. Просто тяжело и все. И мир тогда не мил, не радостен, и свет не ярк. Мне бы только плакать и плакать бездумно. Сначала в голос кричу, рыдаю горько, вздохнул, потом затихаю и скулю тихонечко, как несчастный бездомный цуцик под дождем и холодным ветром. Не люблю себя в минуты непредвиденной слабости, не терплю сочувствия, расспросов, жалости.

Почему так бывает? Нахлынет злая тоска и не отпускает, клещами сжимает сердце. Одиноко, безрадостно, даже жутко становится, будто не только моя личная боль, но и вся окружающая несправедливость, накапливаясь по крохам, впитывается в меня и терзает. А спроси конкретно, отчего плачу, не отвечу. Никто ведь не трогал, не обижал на тот момент.

Вот стонущая в каждом шаге бабуся прошаркала мимо, пацаненку ни за что ни про что уши надрали, собаку кто-то палкой огрел или хворостинкой оттянул... Все легло на душу, тронуло чувствительно и записало черными строчками. Я не просила ее все замечать. Сама собирает грустное. А потом освобождается от него слезами, оставляя на сердце отметины, зарубки как у березы. Душа детская, а живет-то в мире взрослом, непонятном, не всегда добром. А хочется, чтобы в добром...

После вялость бессильная, бессловесная бывает. Все думаю, думаю отвлеченно, но вроде бы по делу; по-детски глупо и все-таки очень серьезно. Мир сквозь умытые слезами глаза потихоньку светлеет, я приободряюсь, словно ополоснулась холодной, живительной водой, ко мне возвращается бодрость духа. И вновь хочется скакать, бежать навстречу радости, надежде. За Колей такого не замечала. Ему проще. Мне уже двенадцать, приступы тоски все продолжают мучить, но реже. Взрослею...

Возвратилась мыслями на землю. Что это я опять заскулила? Не надо хандрить! Жизнь прекрасна и удивительна.

От бесконечно долгого стояния в очереди заскучала и начала приглядываться к людям. Пытаюсь понять их характеры, предугадать действия. И почему взрослые люди непонятно, подчас даже глупо ведут себя? Крики, ругань. Сзади напирают так, что я начинаю шутить: «Давите, давите, все равно тоньше не сделаете!» Почему среди благоразумных добрых людей всегда находится несколько наглых и, что самое странное, они часто побеждают? Меньшинство побеждает большинство! В чем причина? Не умеют

постоять за себя? Не хотят связываться с грубыми, бестактными людьми?

Продавец объявила, что «под яйца» директор разрешил увеличить норму продажи материи. Все кто жил рядом с магазином, бросились по домам. Я тоже принесла три десятка. Еще около часа нас мяли в очереди. В одной руке я крепко держала над головой хрупкий узелок, а другой цеплялась за бабушку. Повезло-таки с полотенцами, купили!

Пошла за коровой. На этот раз радости от прогулки не испытала. Кругом грязь. На траву не присядешь. Я молчала до самого дома, изредка срывая раздражение на своей неповоротливой скотине. Она жалобно поворачивала голову в мою сторону, укоряя за незаслуженный удар хворостиной. Я устыдилась и перешла на свист.

Поужинали. Я села подшивать новые полотенца. Стемнело, а бабушки все нет, завозилась с делами. Обещала ведь отпустить к друзьям! Взясась за мытье чугунков и кастрюль. Мать услышала раздраженное звяканье посуды, поняла мою взерошенность и разрешила немного погулять возле дома.

На улице темно, как в погребе. Слышу вдалеке гомон и выкрики. Иду на звуки. Наши ребята спорят с пьяным Ленькой Линевым про какие-то конусы. Глаза привыкли к темноте. Ленька еле стоит, облокотившись на велосипед. Ох, как мне захотелось покататься! Сил нет сдержаться. Думаю: «Ленька всего на два года старше, к тому же пьяный. Возьму его напором». Мелькнула шальная мысль съездить на станцию и поугагать сестру, чтобы не хвалилась, что не боится одна в доме оставаться. На велосипеде эту хохму можно быстро провернуть! Прошу Леньку:

— Дай велик. Мне надо срочно сгонять на станцию. Верну утром.

— Не дам, — мямлит Ленька.

— Ты же пьяный, еще по дороге потеряешь велик. А у меня он в целостности-сохранности будет, — говорю я и решительно тяну велосипед на себя.

Ленька сопротивляется, только ноги его не держат, и он сваливается на землю. Ребята не вмешиваются, продолжая свой спор. Я сажусь на обтрепанное тряпичное седло и пытаюсь выбраться на дорогу. Ребята поднимают Леньку и уговаривают идти домой. Один из них кричит мне:

— Осторожней. У велика восьмерка и цепь соскакивает, он еще «обороты» делает.

— Спасибо, — кричу я, петляя по ухабам на скрипучем металлоломе.

Еду по памяти. Дорога изучена досконально. Переднее колесо заклинивает и шуршит резиной. Педали прокручиваются на месте, но меня это не волнует. «На новом велосипеде любой кататься может, а выделывать кренделя на старом, — не всякому дано! — думаю я, улыбаясь в темноте своим мыслям. — Здорово я в воскресенье продемонстрировала езду без рук, вращая педали, сидя на багажнике! И руками крутила педали не хуже мальчишек, и ноги на руле держала. Правда, так многие пацаны умеют. Зато я «убила» пацанов со станции, спрыгивая с велика через руль. Для меня эта удивительная, с их точки зрения, находка была случайностью. А специально научиться этому трюку оказывается сложно даже для ребят».

До станции добралась без приключений. Подъехала к дому сестры, спрятала за забор «средство передвижения» и подкралась к окну. Люся мыла пол. Тихонько стучу в окно и шепчу:

— Люда, выходи (Людой звали сестру на работе). Люся насторожилась. Я опять постучала. Она вышла на крыльцо и сердито, но негромко произнесла:

— Уйди, а то сейчас помоями оболью.

Потом закрыла дверь, опустила шторы на окнах и потушила свет. Довольная исполненной шуткой, я поехала назад.

Неожиданно из-за поворота меня ослепили фары мотоцикла. Дорога была узкой, и мне

ничего не оставалось, как шархануться с высокой дамбы. А мотоциклист, видно, испугавшись, что может сбить ночного велосипедиста, резко свернул и упал по другую сторону насыпи. Оттуда неслись высокочастотные матерные послания, щедро модулирующие нормальную высоконравственную человеческую речь. Виртуозно ругался! Падение явно удручало его. Я заволновалась: «Может, расшибся?» Но вспышка агрессивного пессимизма продолжалась недолго. Я услышала характерный треск движка, расслабилась, и в этот момент переднее колесо моего велосипеда попало в яму. Я вылетела из седла, «пропахала» голыми коленками и ладонями по шлаку и застряла в кустах. Изодранные руки и ноги горели огнем. Выбралась, кое-как вытащила велосипед из корней ракового куста и попробовала ехать. Не получилось. Цепь соскочила. Попыталась одеть. Но она будто удлинилась, провисала и не хотела держаться на зубьях шестеренок. Велосипед не сдвигался с места еще и потому, что переднее колесо теперь больше походило на нуль. Налегла на него всем своим весом. Немного подправила, прокрутила. Затирает, но кое-как вращается. Повела велосипед в руках.

На мое счастье ребята все еще возились с Ленкой, потому что он никак не хотел идти домой. Матери боялся. Рассказала им об аварии. Они забрали велосипед и пообещали отладить. Я побежала домой, где меня ожидал заслуженный «разгон». Но это предчувствие не терзало меня жгучей болью. Я пылала неподдельным ошеломительным восторгом!

— Опять с цепи сорвалась? Где теперь тебя носило? — учинила допрос мать.

— На велике каталась, — ответила я покаяннейшим голосом и понурилась, тем самым, указывая на осознание своей вины.

— Ночью?!

— Днем все «кони» при деле, — невозмутимо объяснила я.

— Кто же дал велосипед? — недоверчиво хмыкнула мать, заранее полагая услышать ложь.

— Линь, — непринужденно ответила я.

— Нашла себе друга! — презрительно фыркнула мать.

Я терпеливо вынесла поток заслуженных нравоучений и уже направилась к постели, как вдруг мать уточнила:

— Где же ты каталась?

— На станции была. Люсю пугала... — с восторгом выпалила я.

— Как пугала? — заволновалась мать.

Увидев, что родители не разделяют моей радости от проделки, я смущенно рассказала о своем «подвиге». Мать вскрикнула:

— Ой, она теперь ночь спать не будет!

— Сама кашу заварила, сама и пойду к ней, — жалко и угрюмо буркнула я, окончательно поняв, что шутка была глупой.

Мать испугалась:

— Одна? Ночью?

— Пугать по своему желанию не поздно было, так и по моему приказанию идти на станцию тоже не поздно и не страшно будет, — отрезал отец.

— Без проблем! — церемонно раскланялась я, пытаюсь шутливым поведением смягчить нервную обстановку.

— Дай ей велосипед, — попросила мать.

Отец нехотя согласился.

Увидев меня, Люся обрадовалась:

— Представляешь, какой-то хулиган ко мне рвался. Я ему пригрозила, и он ушел. Но я никак не могу успокоиться.

Я созналась во всем. Люся в первую минуту рассердилась, а потом давай хохотать и рассказывать, как она с подружками в студенческие годы дурачилась. Я осторожно ополоснула руки и колени во дворе из умывальника и, унимая радостное возбуждение, легла спать. С улыбкой вспомнила бабушку. Какая она была в моем возрасте? Не сразу же была мудрой?

Утром, за завтраком, ерзала на стуле и нечаянно приподняла подол платья. Отец глянул на черно-красные распухшие колени и подозрительно спросил:

— Черные вкрапления — это кусочки шлака? На нашем велосипеде пируэты делала?

— Нет, на Ленькином. Он у него без тормозов, — весело успокоила я его.

Никто моих ободренных локтей и ладоней не заметил, на этом инцидент был исчерпан. Мне не досталось. Шалость закончилась благополучно.

А вечером на лугу я, стараясь не морщиться, выковыривала кусочки шлака из ран и с восторгом рассказывала друзьям о ночном приключении.

КРАБЫ

По пути на речку подружки зашли за мной.

— Только не надолго, — попросила бабушка.

Я вздохнула:

— Коля с Вовой с утра купаются, а мне как всегда на часок.

Бабушка по привычке возразила:

— Он ведь маленький.

— В прошлом году я тоже была большой, — вяло отреагировала я на нелогичную, с моей точки зрения, позицию и побежала на улицу.

Поплавала, повалилась немного на траве и незаметно для подруг, отправилась домой. Опять бегство втихомолку! Грустно, конечно, одной уходить, хоть бы еще кто-нибудь из нашей компании со мной пошел. Как всегда одна. Будто дел у нас больше, чем у других. Как у всех: огород, корова, поросенок... С этими грустными мыслями переступила порог. В доме стояла непонятная тишина. Прошла на кухню. Бабушка с матерью объяснили шепотом:

— Коля перекупался, воспаление легких у него.

Вдруг я услышала пронзительный крик:

— Умираю, помогите!

Я вздрогнула и в первый момент даже не поняла, что кричит Коля. Мать подскочила к нему.

— Коленька, я с тобой, чего ты хочешь?

— Больно в груди, спасите, умираю, — опять закричал брат, потом заговорил что-то бессвязное, застонал, захрипел и умолк.

— Опять без сознания, — охнула мать.

Я испуганно смотрела на бледное, осунувшееся и без того худое лицо Коли, и

пронзительная жалость сжала мое сердце.

А вдруг и правда умрет? Не может быть, чтобы из-за купания человек пропал! Купание — это баловство. Разве из-за удовольствия умирают? В жару нельзя застудиться.

Громкий возглас снова встряхнул меня. Я не выдержала жалкого, как бы прощального стога брата и залилась слезами, прижавшись лбом к прохладной спинке кровати. Я молилась: «Господи, помоги Коле. Он не виноват. Он еще маленький».

Всю ночь Коля задыхался. Никто не спал. Наутро ему стало легче, и он попросил крабов. Отец побежал. Я впервые наблюдаю, как он бежит. Странно, неестественно видеть его бегущим. Коля попробовал белое мясо краба и отвернулся к стенке. «Клара, не пичкай ребенка насильно. Он не привереда. Ему при такой температуре ничего не понравится», — объяснила бабушка.

Мать отдала консервы мне. Раньше мне очень хотелось хоть раз в жизни попробовать крабов. Но я отставила банку в сторону. Три дня Коля находился в жутко тяжелом состоянии. Я так боялась за него, что ничего не могла делать, только сидела или лежала на раскладушке рядом с его кроватью. Мне казалось, что родители переживают меньше, потому что они, как обычно, продолжали возиться по хозяйству. Когда кризис миновал, Колю отвезли в больницу долечиваться.

— Ешь консервы. Когда он вылечится, они уже испортятся, — сказала мне мать.

Я попробовала кусочек. Ничего особенного. Как раки, только хуже, потому что консервированные.

— Ешь, пропадут ведь, — повторила мать сухо.

Я ела, не чувствуя вкуса. Может, крабы и считаются самым вкусным на свете лакомством, но мне они, приправленные горькими слезами жалости к брату, не понравились. Видно, деликатесы хороши только в радости. На праздниках они кажутся еще вкуснее, и от этого запоминаются надолго.

Коля очень спокойный. Но почему-то без него в доме стало тихо, пусто и тоскливо. Я ощущала это всеми органами чувств. Мне не хватало его предупреждений: «А я маме скажу», его острых локтей, загадочных слов: «А что я придумал?» Мне не хватало его молчаливого присутствия на нашем черном дерматиновом диване. Я чувствовала отсутствие брата так остро, что слезы снова и снова текли из моих глаз.

Не всегда мы знаем, что в нашем сердце есть любовь. И только какой-то особенный случай открывает ее нам же самим. Он вытаскивает любовь из глубины сердца на поверхность, и тогда мы ясно начинаем осознавать ее. Надо же! Оказывается, мы любим! При этом мы удивляемся, поражаемся и уже не забываем о ней.

СТРОЙКА

Каждый раз, как только сходит снег, мы начинаем то ремонт, то стройку. В прошлом году сарай соорудили для топлива и сена, а этим летом помаленьку перестраиваем хату. Со стороны улицы два окна так и останутся, потому что нет возможности расширить хату. Зато добавим прихожую и спальню. Не век же нам на кухне спать? Только мне не понравилось, что отец убрал русскую печь. На лежанке даже одному лечь во всю длину не получается, а на печи вчетвером было не тесно. И бабушка вздыхает:

— Пирогов настоящих не покушаем теперь и окорока не запечем.

Мать ее успокаивает:

— Привыкнете в духовке готовить.

— Разве молоко, вскипяченное там, будет духовитым? А перемерзнете в очереди, где согреваться будете? Вмиг болячки навалятся.

Но отец захотел, и никто с ним не спорил. Он хозяин.

Строительством я занимаюсь с удовольствием. Для меня с братом нашлось два маленьких топорика. Острые! Мы ими кору облущивали и бока бревен делали плоскими, чтобы плотно, без щелей, прилегали друг к другу. Дядя Петя у нас самый главный по строительству. Он показал, как веревочку мелом натирать и на бревне отводить ровные линии, чтобы мы не стесали больше, чем надо. А когда стали сруб складывать, то отвесом учил выставлять вертикаль. Со всех строго требовал. Не ленился сбросить нам бревно на доработку. Мы с Колей очень старались. Стекла для окон дядя Петя сам вырезал. Нам не позволил, чтобы добро не перевели. Мне он разрешил на обрезках стекла поучиться работать стеклорезом. И тут тоже требовал правильного положения рук и инструмента.

Мужчины: отец, дядя Петя и Коля с Вовой вымеряли и делали выемки на концах бревен, чтобы из них потом без гвоздей комнату складывать. Пристройку мы с Колей сами окленцевали. Дранки у нас не было, так мы прибивали прутья орешника. Дядя Петя только подсказал размер клеточек, при котором глина на стенах держится крепче. Затем я занималась чисто женской работой: вставляла стекла в рамы, маленькими гвоздиками прибивала штапики и замазывала щели. Замазку тоже сама готовила.

Дядя Петя чужие советы выслушивал, а потом подробно и спокойно объяснял, почему делает по-своему. Отцу приходилось соглашаться с доводами двоюродного брата.

Как-то пришел печник с соседней улицы. Мат от него, шум, самогонкой за версту несет. На рубище больше прорех, чем заплаток. Да еще советовать взялся с пьяной старческой наглостью. Дядя Петя сказал ему:

— Мил человек, закончите праздновать, тогда и приходите для беседы. Не на равных мы сейчас. Несподручно мне с вами спор затевать, уважаемый.

— Это он-то уважаемый? — возмутилась я.

— Зачем пьяного злить. Он ум свой в винище утопил. Трезвому нечестно его подначивать или ругать. Нелепый он человек. В молодости на его челе ум не просматривался и к старости не добавился, — сочувствуя старику, объяснил дядя Петя.

— Замажала его жизнь. Все-то у него теперь на тят да на ляп, — посочувствовал пьяному наш сосед.

— Не замаяла, проглядела его жизнь, — уточнила его тихая жена.

— А говорил, что с понедельника не пьет, — удивленно высказалась, сидя на заборе, соседка Зоя.

— Не пьет, на хлеб намазывает, — усмехнулся наш отец. — Нюська, проводи его до дому, чтобы не «выкинул» чего по пути.

— Аня я, Анна, — возразила я, набычившись. — Не пойду. Мне стыдно находиться рядом с пьяным. Лучше к его жене сбегаяю, — заупрямилась я и отошла вглубь двора.

— Дело говоришь, — согласился дядя Петя, — заодно и руки отдохнут. Разводятся?

— Есть такое. Я сплю на железной раскладушке и, когда к холодным трубкам руки ночью прикладываю, легче становится.

— Не железная, алюминиевая у тебя раскладушка. Грамотно надо говорить. Внимательнее будь. Спрашивать, что непонятно, не стесняйся.

— Отец не любит моих вопросов. Может, боится, что не ответит? — зашептала я, нервно оглядываясь.

— Чего ему бояться? Он образованный, военное училище и институт закончил. Это меня, как старшего, родители на хозяйстве оставили. Очень хотелось учиться, но в семье уже девять детей было. Отец кирпичным делом занимался и нуждался в помощнике.

— Вы несчастливый? — жалостливо спросила я его.

— Бог с тобой. Войну прошел — ни одной царапинки. Дома односельчанам помогаю

строить, печи кладу. Уважение от людей имею. Папаня с маманей живы. Мои дети в школе обучаются. Это ли не счастье?

— А кем вы в детстве хотели быть?

— Главным на огромном кирпичном заводе, города мечтал строить.

— Значит, все-таки сбылась ваша мечта?

— Масштабы не те, — усмехнулся дядя Петя, — Ну ладно, беги за жинкой Ивана Ивановича, а то завалится в какую-нибудь канаву, расшибется, забот ей прибавит. А вечером спать пораньше ложись. Завтра хату мазать будем.

Утром встала в немыслимую рань, а во дворе уже собралось человек двадцать.

— Принимай, хозяйюшка, работников. Бог на помочь, — говорили они матери.

Женщины — веселые, как на празднике. Деловитые, важные мужчины стояли особняком и степенно беседовали. За работу принялись дружно.

— Конского навозу не жалея, — советовала одна соседка.

— Прибереги его. Чем хозяйка хату шпаровать (затирать трещины) будет через неделю? — возражает другая.

— Лошадки позаботятся, — шутит бабушка.

— Мужички, что-то вы больше языками работаете, чем вилами, — дразнится тетя Ксения.

— Ишь, раскомандовалась! Не на своем гумне, — огрызнулся ее сухощавый муженек.

Но мужчины добродушно одернули его:

— Дай бабе покомандовать, тебе меньше ценных указаний достанется. Ты ее чаще выпускай в люди, чтобы охолонула малость. Небось, угораешь от нее? Эка, печка! Молодец, баба. Огонь!

Толстый дядя Сеня не захотел по хлипким доскам носить глину на потолок, и я пошла вместо него в мужскую бригаду. Конечно, шары я себе катала размером поменьше, зато успевала дважды сбегать, пока мужчины по разу. Я изо всех сил старалась доказать, что могу работать не хуже взрослых, и частенько тащила шар, который был для меня тяжеловат. Но виду не показывала. Женщины ахали и говорили:

— Хлеб-девка, золото-девка! Бедовая дивчина!

Для меня их похвала звучала музыкой. В нашей семье не часто услышишь одобрение. Похвалят, если сделаешь что-либо особенное, неожиданное. Я работала неумоимо, самозабвенно, с удовольствием ощущая силу рук.

Работа близилась к концу, и мать с бабушкой принялись расставлять во дворе столы и скамейки. Мужчины приободрились и повеселели. Женщины шутили:

— Водочкой пахнет, огурчиками?

— Восполнять силы горючим требуется, — добродушно отзывались их мужья.

Подошел к плетню вялый, как весенняя муха, дядя Володя Постников с нашей улицы. Уже чуть навеселе. Вид у него был запущенный, какой-то зыбкий и подозрительно непривлекательный. К тому же он источал мерзкий запах. Неуклюжие мысли долго беспомощно толкались в его маленькой лысоватой голове, и, наконец, он выдал пугливо и льстиво:

— Бог на помочь.

— Вовремя! Вождеденной бутылочкой запахло что ли? Сгинь, нечистая сила! — поморщился дядя Сеня.

— Не пью я больше, — нервно зевая, прошепелявил в оправдание назойливый гость

— Да и мы не пьем, а лечимся, — весело встрял дядя Егор, отец Вали Гандлер.

Но дядя Володя сделал вид, что не понимает иронии, и продолжал выпрашивать у матери «рюмашечку» на опохмел. Он всегда был настырным и бестактным — одним словом: забубенный.

Мужчины безжалостно и остроумно «отбрили» лодыря и пропойцу. Он помыкался у плетня, а потом высказал очередную гнусность и торопливо скрылся, провожаемый дружным смехом односельчан. Испугался, что мужики навешают ему тумачков.

Чем богаты, тем и рады, — пригласила мать работников к столу. Мужчины, поглядывая на своих жен, пили в меру. Женщины сначала наравне с ними «звенели», а потом отставили рюмки, потому что им еще управляться по хозяйству.

Мама моей подружки Вали запела незнакомую народную сердечную песню. Три дочки ей подпевали. Потом мужчины вступили низкими голосами. Женщины снова поддержали высокими, звонкими. Красиво пели. Волнами. Никогда не слышала, чтобы простую крестьянскую песню на разные голоса с подхватами, переходами и перекатами пели. Потом тетя Оля задумчиво выводила рустную, долгую, как зимний вечер, песню. Мелодия плакала надрывной, невыносимо жалостливой тоской. «Как поет Ольга! Будто маленькими бубенчиками позванивает!» — восхищался сосед дядя Антон.

Мне понравилось, что за весь день я не услышала ни одного матерного, даже грубого слова. И беседа за столом велась хорошая: ни злословили, ни сплетничали, а деловито говорили об урожае, о политике, о здоровье.

Тетя Ксения, Зоина мама, встрепенулась:

— Пора и честь знать. В гостях хорошо, только домой идти надобно. Павлуша, покажи пример.

Двор опустел. За плетнем услышала голос одного из соседей:

— Хозяин, пора забор хороший ставить да крышу под шифер или железо крыть.

— Под шифер покроем. Но это уж на следующий год. Не потянем в этом, — объяснил отец.

— Правильно. Не стоит затевать геркулесовых хлопот, если не уверены в финансах. Как соберетесь, приглашайте.

— Обязательно, — ответил отец.

Голоса стихли. Я с удовольствием оглядываю ровные стены пристройки. Пахнет свежей теплой глиной, белым наливом и черносмородиновыми листьями. Приятная усталость разливается по телу.

— Пора корову встречать, — напомнила мне бабушка. — Притомилась?

— Ничего. С ребятами отдохну, — крикнула я уже из-за калитки.

РЫБИЙ ЖИР

Утром я не смогла встать с раскладушки. Если руки от работы в запястье болят — ерунда, дело привычное, но то, что не хватило сил даже пошевелиться, удивило меня. Я не чувствовала боли в теле, но оно было слабое и вялое. Родители шушукались за стенкой, а я испуганно думала: «Это навсегда или на время?» Пришел дядя Петя, осмотрел меня. Ноги согнул и распрямил, кончики пальцев потер и пощипал, потом сказал спокойно:

— Не журишь, дивчина! Завтра начнешь потихоньку вставать, а денька через три побежишь. С твоим малокровием нельзя физических перегрузок. А ты меры в работе не знаешь. Откуда темное пятно возле твоей раскладушки?

— По утрам кровь из носа течет.

— Вот тебе еще одно подтверждение моих слов. За лето сантиметров на десять вымахала?

— На шестнадцать, — радостно отрапортовала я.

— Ого! Как ты еще работаешь при таком скачке в организме? Темнеет в глазах, когда наклоняешься?

— Совсем черно делается, особенно когда пол под кроватями мою.

— Арматура, а не девочка. Как она ест? — обратился дядя Петя к бабушке.

Я улыбнулась, услышав знакомое слово. Мать ответила:

— Борщ да молоко. Аппетита нет.

— Рыбий жир давайте, организму надо помогать, раз не справляется, — посоветовал дядя Петя и ушел.

А через неделю я была на станции и зашла в аптеку. В пузырьках рыбьего жира не нашлось, только на разлив продавали. Я сбегала в магазин за пустой бутылкой. Иду, довольная, что теперь буду не только сильная, но и крепкая. Удивляюсь, почему родители сами не сообразили, как мне помочь. Они же знали про мою слабость. Надеялись, что сама перерасту?

Захожу в прихожую и радостно сообщаю всем, что купила лекарство, после которого меня перестанет качать из стороны в сторону. Родители обедали.

— Ты из-за него за семь верст киселя хлебала, время тратила? А где бутылку взяла? — строго спросила мать.

— Купила. В аптеке не было фасованного лекарства, — чуя неладное, тусклым голосом объяснила я.

— Я не давала денег на бутылку! Ты не имела право тратить без разрешения! Транжира! — грозно закричала мать.

И пошло-поехало...

— Я же хотела поскорее выздороветь, как лучше хотела... А бутылку потом вымою и сдам... — забормотала я сквозь слезы и выскочила из хаты.

«Не поймешь ее. Пожалела копейки для моего здоровья. Сама давно могла бы купить лекарство, чтобы голова у меня на уроках не кружилась, чтобы я лучше работала, и не пришлось бы мне каждый день пол ножом драить перед кроватью... Неужели я не заслужила денег на эту несчастную бутылку? Что еще надо, чтобы из-за всякой мелочи на меня не кричали?»

Выплакалась и ушла за огород рвать траву корове. Что угодно согласна на улице делать, только бы реже видеть их! Еще не выдохлась обида, а я уже трезво рассуждала: «Может, она кричит на меня из-за отца? Заискивает перед ним? А может, я и ее раздражаю?»

СЕНО

В этом году участок сена нам выделили за двадцать километров от села. Далеко. Приехали ни свет ни заря, когда растения только начинали менять ночную серую окраску на утреннюю зеленую и птицы осторожно пробовали голоса, разгоняя уцелевшие звуки ночи, когда еще не обозначились дома ближайшей деревни.

Трава на пайке оказалась удивительно нежной, без бурьяна. Луг у реки ровный. Косить — одно удовольствие. Воздух утром был сухой, ароматный, легкий. Освежающая зелень приятна глазам. А когда полуденный раскаленный зной будет немилосердно обливать горячим светом луг, на время обеда прохлада тенистого леса к нашим услугам. Прелесть!

Я еще в прошлом году просила дать мне косу, но бабушка не разрешила:

— Суетная ты больно. Ноги посечешь. Степенность при косьбе нужна.

А отец в шутку отправил меня на полеглый клевер. Уродился он мне по пояс и к тому же горохом да викой перевитый. Я махнула косой, а вытащить из-под клевера не могу. Ее будто плитой привалило, будто держал ее кто-то неведомый сильный и упрямый.

— Эх ты, косарь! Штаны редки мужскую работу выполнять, — дразнил меня отец.

Я огрызнулась:

— Учиться надо на хорошей траве. На математике тоже сначала легкую задачку дают, а потом уже сложную...

А сегодня он сам предложил косить. Грыжа его беспокоила.

Осенью из-за болезни он нам с братом впервые поручил перепахать огород. Я лемех плуга в землю воткнула и что есть силы вглубь давлу. Лошадь рвется вперед, а с места никак не сойдет. Дядя Петя хохотал тогда:

— Ты гляди! Одни мослы, а с конем тягается! Бедняга, никак не пересилит тебя. Слабже вожжи держи. Конь должен пахать, а ты только управлять.

А сосед шутил:

— Дай мне хоть лошадь кнутом погонять, а то за что же я чарочку на грудь принимать буду?

— Ну и девка! Умора! А вообще-то молодец! Упорная, всего добиваешься. Только откормить тебя надо. Кто ж такие мослы замуж возьмет? — продолжал посмеиваться надо мной сосед.

— Рано мне замуж, — недовольно бурчала я и краснела.

Но на шутки не обижалась.

Пахать научилась быстро. Конечно, первые борозды пьяно виляли, а потом ничего, выровнялись... Правда, в конце огорода кусты мешали. Ничего! Поднимала плуг, обносила куст, и лошадь мимо обводила, чтоб не поранить растения...

Косить сегодня мне долго не пришлось. Кому-то надо было траву на машину грузить. Она влажная, тяжелая. Я беру на вилы небольшие ровные слои. Из опыта знаю: так разумнее. Тяжело поднимать, — быстрее уставать. Таскаю траву, а за спиной отрывистые равномерные звуки: шорк, шорк, — перемежаются со звонким металлическим скрежетом косы о точильный камень. Слышу шорох скошенной травы, обнажающей землю и падающей извилистыми рядами, чувствую мощный запах свежего разнотравья и цветов.

В обед долго не засиживались. Не каждый день грузовик дают. Надо его на максимум использовать. Работали молча, дружно, споро. Дождик дважды срывался. Слегка землю взбрызнул. Как у нас принято говорить: «Даже пыль не прибил и духоты не убавил». Как-то быстро опустился вечер. Уже в темноте привязывали длинное бревно, прижимающее траву, чтобы в дороге не раструсилась и потерь не было. Я удобно разместилась в уютной пахучей ложбинке и укрылась дерюжкой. Лесом едем медленно. Колея глубокая, расхлябанная, изрытая рытвинами. Разворотили, взмеси́ли дорогу машины в дождь, а теперь она покрылась огромными засохшими струпами. Яркие лучи фар вырывают из ночи отдельные хаты, пересчитывают стволы деревьев. Вдруг впереди машины замелькал заяц. Он бежал строго по линии света.

— Сворачивай, дурашка, — крикнул шофер, высунувшись из кабины, и притушил свет.

Когда фары вновь осветили дорогу, зайца уже не было.

— Бестолковые. В полосе света могут долго скакать. Под колеса часто попадают, — пояснил мне шофер.

А утром бабушка разохалась:

— Чудо, какая мягкая трава, сама бы ела, а корова отказывается от нее. То ли запах у нее особый, то ли несъедобная она? Рогозу с болота жует, бурьян с выгона тоже, а от этой прелести морду воротит.

Пришлось отцу отвозить траву в колхоз на подстилку скоту, а себе другой участок выпрашивать. Мать обиженно возмущалась: «А я все удивлялась, отчего это местные не забрали пайку себе? Ничего просто так не бывает!»

Выкосили мы новый участок, высушили, в копны сложили и уже вывозить собрались, да зарядили дожди. Бабушка за эту неделю вся «истекалась», как насадка. Не зря говорят: «Сельский человек погодой живет». Но лето опять заулыбалось. Мы подсушило сено и благополучно перевезли домой. Пока я затаскивала в сарай первую копну, Коля с отцом поехали за другой.

— Детонька, давай я буду носить сено, а ты утрамбовывай, — попросила бабушка.

— Вы же тяжелая и лучше приминаете, — удивилась я.

— Задыхаюсь я в сарае, трудно мне скакать. Годы не те, — вздохнула она.

Не любила я «тонуть» в сене, колоться о жесткий бурьян и ветки, но ведь бабушка попросила.

Наконец я выбралась из сарая вся серая от пыли и легла на пороге. Руки, ноги и лицо в кровавых царапинах. Тело горит. Надышаться не могу. Во всем теле тяжелая усталость. Бабушка, разминая руки, присела рядом с миской груш.

— Откуда груши? — удивилась я.

— Заранее нарвала, знаю, как приятно рот промочить после душного сарая.

— Зачем вы с больными ногами на грушу лазили? Я бы сама.

— После двух возов сена на грушу не влезешь.

— И то правда, — устало улыбнулась я и прижалась к ее плечу.

Что может быть ближе бабушки усталой!

— Ляг на раскладушку. Через час наши мужчины опять с сеном приедут.

— Только на этот раз я таскать буду, а Коля пусть трамбует, — заявила я.

Подъехали мужчины. Бабушка ушла на кухню, а мы с отцом по очереди заносили сено в сарай. Коля еле успевал за нами. Наконец, последняя охапка ровно легла на свое место. Я от восторга завизжала и со всей силы воткнула вилы... и взвыла. Усталая рука сделала неверное движение, и вилы воткнулись в ногу, пригвоздив ее к земле. Мгновенно выдернула зубцы и поскакала ополаскивать ногу. Коля побежал за йодом и бинтом. Выскочила на порог мать и закричала:

— Без фокусов и приключений не можешь!

Я молча обработала ногу и пошла ужинать. По комнате ходила почти не хромая. Делала вид, что не больно.

На зиму для коровы не хватало еще одного воза сена. Ох, уж мы с ним и помучались! Дожди шли через день. Не успеет чуть обсохнуть трава, как опять намокает. За две недели почернела она и годилась только на подстилку. Пайки нам больше в колхозе не

давали, и отец пошел выпрашивать в колхозе солому. Председатель снизошел, выписал. Но за нее надо было неделю на стоговании соломы отработать. А у отца опять грыжа разыгралась. Я пошла в бригаду. Мужчины возмутились, мол, нечестно девочку взамен себя присылать, какой прок с нее. Но женщины с нашей улицы вступились за меня, и я не подвела их, наравне со всеми работала. А когда солому повезли домой, ливень хлынул. Потом дожди каждый день срывались, а то и по два-три раза на дню. Целую неделю из сарая во двор и назад солому таскали, пока не просушили как надо. Замаялись. И все же справились мы. Закончилась сенная эпопея!

— С кормом будем! — радовалась бабушка, будто себе сено на зиму заготовила, а не корове. Я понимала ее.

ПЕРВАЯ ВЯЗАНКА

Каждый день мы ходим с девочками рвать коровам траву. На этот раз мы пошли на картофельное поле. Повилика устилала всю землю, а щир и лебеда высокими свечками торчали выше картошки. Прежде чем положить траву в мешки, мы отрывали корни. Коровы грязное не станут есть.

Подошел бригадир:

— Почему только повилику рвете? Всю траву выпалывайте, а то выгоню с поля!

Я заволновалась. Зойка бойко ответила за всех:

— Повилика обвивает и душит картошку, а от лебеды большой беды нет. Только удобрение жрет, но его тут предостаточно, всем растениям хватит.

Бригадир ушел прочь, а Зоя обратилась ко мне:

— Смешная ты, всем веришь. На испуг он брал. Пусть спасибо скажет, что задаром от травы картошку спасаем. Он и сам понимает, что, кроме нас, никто ему не поможет.

— А зачем грозил? — обиженно промямлила я.

— Пыль в глаза пускает, начальника из себя строит. У начальников пропасть всяких заморочек, — рассмеялась она.

«Глупо ведет себя бригадир», — подумала я и тут же забыла о нем.

Мне не хотелось таскать за собой тяжелый мешок, поэтому траву я сначала складывала в кучки, а затем собирала. На этот раз травы набралось так много, что я с трудом затолкала ее в мешок. Гляжу, а девчонки уже разбежались. Первая попытка поднять мешок на плечи не удалась. Пробовала взвалить и сидя, и стоя. Бесполезно! Залезла в ров, положила мешок на плечо, но вылезть с грузом не получилось. Хоть отсыпай половину! Увидела в конце поля столб высотой около метра. Он разделял участки разных сортов картофеля. Подтащила мешок, взгромоздила на столб. Но, падая, он пролетел мимо меня. «Все равно добыюсь», — злилась я на свою неловкость. Во второй раз не выпустила завязку мешка из рук. И, когда он начал сваливаться со спины, я успела подправить его. Ура! Получилось.

Мешок был тяжелым уже в самом начале пути. Но идти-то всего метров двести. Прошла несколько шагов. Отдохнула. Мешок с плеча на плечо перекатила и продолжила путь. Потом в область поясницы мешок приладила. Вот уж из низины выбралась. Хата совсем рядом, а сил больше нет. Колени дрожат, ноги еле переставляю. Пот глаза застилает. От жутко усталого нетерпения и желания поскорее избавиться от нещадно, чудовищно раздражающей ноши во мне нарастала жалостливая злость. Очень хотелось перебороть себя. Но уже не помогали настойчивые возражения болезненного самолюбия. Приподняла голову. Вижу: бабушка у калитки стоит, рукой мне машет. «Переоценила свои возможности, — недовольно подумала я и тут же почувствовала, что силы на самом деле стремительно покидают меня. И не выдержала. Сбросила мешок! Полились слезы бессилия и задетого самолюбия. Стала спиной к дому и не двигаюсь, как присохла. «Не смогла преодолеть себя! Проявила неуверенность и опозорилась», — удрученно, покаянно говорила я себе и молча психовала. Бабушка подошла ко мне и сразу все поняла.

— Вот так мы с Klarой пни корчевали. А когда совсем из сил выбивались, волоком тащили... Упорная ты, это хорошо. Пригодится в жизни. Но другой раз лучше дважды сходи, если перебор выйдет. Лошадь меры не знает в работе и гибнет.

И добавила поразительно важную для меня провидческую фразу:

— Не надорвись, детка. О себе думай. Иначе избыток самолюбия и рвения может сыграть с тобой злую шутку.

Мы взяли мешок с двух сторон и занесли во двор. Я продолжала на ходу глотать горькие слезы неловкости.

— Спасибо тебе коровушка скажет жирным молоком, — улыбнулась бабушка.

Усталость сразу отступила.

Я понимала, что бабушка торопилась воздать должное моему старанию. Она очень бережно относилась к моему стремлению быть хорошей.

— Никуда не уходи. Скоро в Обуховку на велосипеде поедешь, — предупредила бабушка Аня.

Шаркающие шаги больных ног затихли. И я, окрыленная добрым напутствием, побежала в сарай за железным конем.

Через два часа была у стариков в Обуховке. Бабушка Маня встретила ласково:

— Я пойду колоски собирать, а ты почитай. Знаю, очень любишь книжки.

— Помогать приехала, — уверенно и убедительно возразила я.

Мне льстила ее забота, но я не могла позволить себе воспользоваться добротой старого человека.

— Ты нашенскую работу не сумеешь. Теперь только старики на нее горазды, — вздохнула бабушка.

— Можно с вами пойти? — попросилась я.

— Тебе решать, — улыбнулась уголками губ старушка.

Вышли в поле. Впереди, сколько глаз хватает, желтая стерня. Воронье кружит над свежими скирдами. Вдалеке, как муравьи, копошатся люди вокруг незавершенного стога. Одни работники маленькие копенки подтаскивают, другие — складывают солому в стог, формируют надежный скат, как у крыши дома.

Разглядывая окрестности, не заметила, что иду по хлебу. Только когда начала сгребать граблями остатки соломы и колосков, увидела полные рядки ядреной пшеницы.

— Отчего пшеница на земле? — удивленно спросила я, трогая плотные крупные зерна.

— Председатель ждал, когда сверху прикажут убирать. Прежний самостоятельный был. Хозяин! За народ душой болел. Образования не хватало, но житейский опыт помогал руководить колхозом. Так сняли его.

— Нас не заругают? — испуганно оглянулась я по сторонам.

— Не бойся. Раньше наш объездчик следил, чтобы детишки колоски для себя не собирали. Стеганет пару раз кнутом по земле, и они, как воробьи, — по стерне: «Фр...фр», — и скрылись. Свой мужик был. Понимал. А в других деревнях за пять килограммов пшеницы люди в тюрьму попадали. А теперь другая крайность. Ну, хватит скрести. Давай готовить вязанку.

Бабушка свернула веревку вдвое и попросила разложить ее концы на земле на ширину шага.

— Клади солому. Хватит, не дотащишь. Просовывай концы веревки в петлю и стягивай. Покрепче, а то по дороге половину раструсишь. Давай подсоблю на плечи вскинуть.

— Не надо. Единым махом одолею! Вязанка очень легкая, — возражаю я, сноровисто ухватившись за веревку.

Я решительно вознамерилась доказать свою способность к любой крестьянской работе.

— Посмотрим, что скажешь, когда к дому будешь подходить. Путь не близок, — вздохнула бабушка.

Не сразу я поняла, что ее слова — не старческое брюзжание. Но чем дальше шла, тем тяжелее казалась мне ноша. Вязанка покачивалась, и я, как матрос на палубе, вместе с нею. Последние десятки метров брела, закусив нижнюю губу, борясь с противным назойливым желанием сбросить ненавистный груз. Самолюбие диктовало выдержать, и я терпела усталость, склоняясь все ниже и ниже. Вдруг меня сильно зашатало, и я испугалась, что свалюсь на землю вместе с грузом. Остановилась, расставила ноги пошире, отдохнула несколько секунд, поправила вязанку и, собрав последние силы, пьяной походкой двинулась дальше. Наконец, колоски лежат у сарая, а я растираю онемевшую поясницу и думаю: «Как бы я выглядела перед бабушкой Маней, если бы не донесла? Не буду привередничать, другую вязанку поменьше сделаю».

Вернулась на поле. Бабушка спросила:

— Ну, как?

— Нормально. Только маленькую вязанку я быстрее донесу.

— Разумно, — сказала бабушка, помогая мне увязывать солому и хитренько улыбаясь.

А вечером она хвалила меня перед дедом. Я радовалась и краснела, потупив глаза к полу. Приятно слышать похвалу, пусть даже несколько неумеренную. После ужина мы обмолачивали колоски цепами. «Теперь овцам хватит соломы на зимнюю подстилку, и курочкам зерна немного перепадет. Не одной же картошкой им питаться. Всем разнообразия хочется», — говорила довольная всем баба Маня. В десять часов вечера я отправилась домой. Меня провожала полная яркая луна. Семнадцать километров не расстояние, тем более что дорога очень интересная: то подъемы, то скаты, то лесок пересекаешь. Птицы поют так, что душа радуется. Травы пахнут. Настроение — на все сто!

ГРИБЫ

Отец послал меня к своей родне на край села договориться насчет поездки на Украину в Суджу. Утро выдалось прохладное, хрустальное. Иду, загребаю пыль босыми ногами. Неяркие лучи света струятся, осыпая соломенные крыши хат широкими бледными потоками. Они скользят по стволам яблонь, но до верхушек не добираются. От этого в садах за плетнями тенисто и уютно.

Поговорила с дядей Юрой. Иду домой, а сама думаю: «Разве можно пройти мимо березового леска? До него всего-то метров сто, не больше, а домой можно бегом возвратиться, чтобы потерянное время наверстать». Не вдруг такая мысль пришла. С вчерашнего утра засела, когда услышала от пацанов бурные, хвастливые заверения о горах грибов, собранных приезжими родственниками-москвичами.

С радостным нетерпением захожу в первый ряд березового молодняка. Слегка подрагивают листья. Кое-где они поредевшие и ржавые. Мох под ногами нежный прохладный. Узорный ковер папоротников застилает прогалки. А здесь полянка покрыта неизвестными мне растениями, белые пушистые шапки семян которых будто хлопковое поле с картинки в учебнике биологии. Мощная роса приятно омывает ноги. И все же я вздрагиваю, когда брызги попадают выше колен. Подол-то платья я за поясок подвернула. Не идти же потом по селу с мокрым «хвостом»? Подняла руки кверху, касаюсь тонких веточек. Я — в зеленом, прохладном море. Раздвигаю «волны». Они ласковые, не хлещут меня, а приятно скользят по разгоряченному лицу. Закрываю глаза и плыву по пахучему океану. В голове приятное кружение, радостные мечты, светлые иллюзии. «Ах, это торжественное молчание волшебного утра! Ах, эта пагубная склонность к розовым мечтам!» — тут же мягко, иронично отрезвляю я себя.

Села на пенек, взглянула в голубую даль. У самого горизонта из огненных облаков выплывает окруженное оранжево-перламутровыми лучами ослепительно алое солнце. А здесь сквозь листву деревьев тянутся к земле дымчатые, солнечные столбы.

Неожиданно мои пальцы нащупали влажный бугорок. Мгновенно отдернула руку. Лягушка? Змея? Вскочила. А это толстячок-подосиновик в ярко-красной шапочке. До чего же приятно на него смотреть! Отчего столько радости от встречи с ним? Красивый? Редкий как подарок? Я млею от удовольствия. Почему, когда собираешь грибы, мысли всегда приятные? Почему они всегда тешат душу? Бабушка говорила, что редкие грибы достаются тем, кто посвящен в великое таинство природы, или тем, кто ее очень любит.

Поискала грибы вокруг. Не должен он быть один. Но вместо подосиновиков, под каждым деревцем находила молодые подберезовики. Они не росли в междурядье, а буквально прижимались к стволам. Опять перехватило дыхание. Теперь уже от азарта. Прошла одну полосу длиной с километр, и подол платья по кругу наполнился грибами. «Смешно в природе устроено: при большой влажности есть грибы. Но нет возможности сушить их, и наоборот», — думаю я, выбираясь из леса.

Меня смущали открытые колени. Но людей на улице было мало, и я благополучно добралась домой. Уже с порога закричала:

— Подберезовики пошли! Надо сегодня же идти в лес!

— Поздно. Уже седьмой час. Завтра в пять утра пойдем, — отозвалась мать.

Я еще немного поерзала от возбуждения, а потом принялась завтракать.

— Какие еще грибы видела? — спросила бабушка.

— Черныши, свинухи.

— Ну, кто же станет их собирать, когда есть такое богатство! Эх, если бы не больные ноги! В селе живу, а в лес попасть не могу, — вздохнула бабушка.

— Все равно праздник устроим. Да? — отвлекаю я бабушку от грустных мыслей.

Мы вместе чистим грибы. Бабушка прикладывает их к лицу, вдыхает аромат и ахает. Я счастлива. День прошел в радости.

Раннее утро следующего дня. Солнце еще не поглотило серость неба, а мы уже в лесу. Я вьюном кручусь между деревьями и смеюсь:

— Теперь меня никто не упрекнет, что я чужие грибы собираю.

— А кто тебя ругал? — спросила мать.

— Мария Ивановна. Она не разрешала далеко от нее уходить. Вот я и успевала три ряда осмотреть. Как ящерка шмыгала между кустами. Я же не могу стоять на месте! А она насупилась. Тогда я грибы, найденные на соседних просеках, ей стала отдавать.

— Это когда вы за белянками прошлой осенью ходили всем классом?

— Ну да. Я тогда еще в логово змей влезла. Они кольцами свернулись и грелись на солнышке. Я сначала остолбенела, а потом, буквально не дыша, выбиралась с жуткой поляны. Ужас как боюсь змей!

Присела на пенек перекусить хлебом с огурцами. Дома спросонья не хотелось есть. Над головой на суку сидит кукушка в серо-белой матроске. Строгий клест кричит из укрытия. Из куста выпорхнула сойка в ярком оперении (так назвал эту птицу сгорбленный древний старичок, прошедший мимо нас с такой же древней изношенной, залатанной корзинкой). Головка ее красная. Бока цвета летнего неба. Кончики крыльев и хвоста — черные. И белых перышек всюду хватает. Ишь, какая модница! Кому-то природа черно-белую одежду подарила, а эту не поскупилась разрисовать! Вдруг к сойке подлетели еще две и давай ссориться, как соседки в коммунальной квартире.глянула я под орешник, а там огромная птица сидит. Спинка золотистая. Головка и крылья с черным ободком. Подошла ближе. А это всего-навсего сухая ветка клена! Интересно! Получается, что я мысленно дорисовываю увиденное согласно своей фантазии? А кто-нибудь вместо птицы увидел бы здесь маленький мостик или сумку, или сказочный цветок. Желаемое превращается в реально видимое? Здорово!

Ох! До чего же хороша шляпка белого гриба под дубом! Бегу, затаив дыхание, наклоняюсь — и разочаровываюсь. Опять сухой лист! Ничего! Все равно я найду редкого красавца, и не одного!

На пути мне встретилось болото. Здесь пахло теплой стоячей водой. Под ногами захлюпала вода. Не стану рисковать. Обойду. Не растут в воде грибы. Вдруг услышала странный звук: будто вздохнул или всхлипнул кто-то большой и грустный. Удивительно знакомое, неприятное ощущение охватило меня. Болото стонет, как и тогда, в том далеком детстве, в темном лесу с жестокой Валентиной Серафимовной. Меня мгновенно сковала боль, и я вновь ощутила, как мы измученные, обессиленные страхом в оцепенении лежим на земле в ожидании последних минут жизни, и представляем, как дикие звери разрывают наши неподвижные тела... А рядом вздыхает болото... Мне тогда казалось, что оно живое. Оно слышит, видит и жалеет нас. А еще я думала, что наши истерзанные души, прячась от зла, погружаются в болото, и только вздохи вырываются наружу...

Я вздрогнула. По телу пробежала судорога прошлой детской жути и унесла боль. Только сердце тихонечко ныло. Немного посидела, а когда сумела прогнать тени старых страхов, медленно пошла дальше, разглядывая окрестности, отвлекаясь от грустных мыслей. По пути встречались молоденькие маслята. Сверху все в росе, а низ шляпок сливочный-сливочный!

Подчиняясь зову природы, отдаваясь влечению сердца, медленно углублялась в лес. Воздух здесь как парное молоко: теплый и пахучий. Но, несмотря на перенасыщенность влагой и запахами, дышать легко, потому что еще не жарко. Поднялась по склону. Передо мною маленькая низина в форме чаши. Деревья склонились над нею. Косые лучи солнца высветили воду на ее дне. Я замерла от неожиданного восторга. Вокруг озерца, метра три в диаметре, где рядами, где семьями расположились подберезовики-великаны. Они будто торопились спуститься с пригорка к воде. Пораженная невиданным зрелищем, я присела на мох. Жалко уничтожать красоту. Насладилась чудной картиной и, осторожно ступая между грибами, все-таки начала срезать самые молодые. Разглядываю каждый, наполняюсь прелестью.

Из кустов выныривает Люба. Она учится с моим братом в одном классе.

— Ой! — шепчет она. — Здесь недавно нашли мертвую женщину.

Меня обаял мистический страх. Сердце затряслось. Дыхание стало отрывистым. Что делать? Бежать? А почему она сама не уходит? Нарочно пугает? Не может свои зависть и злопыхательство обуздать? Слышала про странности ее характера от девчонок! Вспыхнула раздражительная неприязнь к Любке. И тут же возникло сомнение. А может, это пагубное заблуждение, как говорит в таких случаях моя бабушка, и зря девчонку огульно охаивают? Нередки такие случаи. Досконально ведь о ней никому не известно. Не стану слушать байки каждого встречного и поперечного!

Пересилила себя. Рву грибы, правда, уже без удовольствия. Волнение поглотило радостные чувства. Грибов еще много, но мы, набрав по полной корзине, расходимся в разные стороны. Изогнувшись, как тонкая лоза, иду к месту встречи. Мать даже вскрикнула от радости. Я показала ей нужное направление, а сама осталась караулить грибы. Коля тоже не терял времени даром. У него целая корзина мелких засолочных маслят. Брат схватил пустое ведро и помчался за матерью. А я легла в траву и засмотрелась на маленькое прямоугольное болотце затянутое нежно-зеленой, будто весенней, ряской. Почему оно зацвело! Ровное, неподвижное, яркое, оно совсем не вписывалось в августовскую картину леса. «Чудо природы! — удивляюсь я. — Ни дня без чудес! Ни дня без дождей, без двоек, без любви... Фу, ни дня без фокусов... Да, права Юлия Николаевна... сколько еще глупости во мне!..»

Меня привлек звонкий радостный возглас:

— Таболин! Толя! Наконец-то!

Бархатный рокочущий мужской голос жизнерадостно ответил:

— Ой! Как я рад, что мы встретились! Два часа блуждаю, а вроде бы на минутку от машины отошел!

На тропинке три женщины и мужчина дружески обнимаются, оглушительно хохочут и бурно делятся впечатлениями.

— Какой удивительный лес! Солнце сегодня не выходило из облаков, а вокруг светло и прозрачно от белых стволов. Земля словно огромными упругими коврами устлана! Никогда такого количества сочного высокого мха не видела!

— А грибов сколько!

— А где наша машина? — вдруг вспомнила одна из женщин, очевидно жена Анатолия.

— Не знаю, я пока только вас нашел. Машину оставил, где скрещиваются дороги у приметной гривы камыша. Помнишь, болотце проезжали?

— Ха-ха! Нашел нас! Это мы тебя окликнули. Иначе мимо прошел бы! — смеются женщины.

Анатолий задумчиво и смущенно чешет затылок:

— Милые дамы! В какую сторону теперь имеет смысл «наострить лыжи?»

— Нам какой-то шофер-инфарктник посоветовал попробовать отправиться направо, — ответила Татьяна Семеновна, энергичная женщина невысокого роста.

— Почему инфарктник, — искренне удивился Анатолий Николаевич.

— Он так нам представился. А сам чуть тепленький стоял и двумя руками за березу держался, — копируя пьяного, объяснила бойкая женщина.

Не успела веселая компания и десяти шагов пройти, как навстречу им вышел еще один мужчина, высокий, степенный.

— Тишевский! Слава, дорогой! На тебя одна надежда! — в один голос радостно закричали женщины.

— А мой нож у тебя откуда? Я его еще утром потерял. Даже от супруги моей Клавдии Павловны порицание успел получить, — воскликнул Анатолий Николаевич, изумленно таращась на друга.

— В лесу нашел, в метрах ста от машины, — со спокойной улыбкой ответил Слава.

— Найти в лесу нож?! Такого не бывает! Это надо же было умудриться! Терять — сколько угодно! Но отыскать! — захлебываясь смехом, вскрикивал Анатолий Николаевич.

— Я чуть ли не каждый год ножи теряю. Муж уже шутит, что урожай пора собирать. Придется попросить Славу заняться их поиском, — внесла свой вклад в веселье третья женщина, ее называли Ларисой.

— Везучий я. И вас, и машину нашел, — скромно и радостно сообщил Слава. Мне как-то случилось отыскать в лесу нож, который теща потеряла несколько лет назад. Вижу его, воткнутому в огромный пенёк и глазам своим не верю. Только чуть-чуть заржавел. И место я сразу узнал. Обедали мы там.

И вся компания под дружный хохот вновь стала вспоминать подробности своих приключений и хвалиться грибами.

Мне казалось, что даже лес завидовал их беззаботному, счастливому смеху. И люди, проходившие мимо, заражались лучезарными улыбками, чистым серебристым переливчатым смехом женщин и низким раскатистым хохотом мужчин, умеющих хорошо, беспечно отдыхать, искренне радоваться. Веселая компания удалилась, а я еще долго слышала бодрый, счастливый говор немолодых, но удивительно энергичных и потрясающе жизнерадостных людей.

Подожли мать и Коля. Назад корзины тащили челночным способом. Потом всей семьей до двух ночи чистили грибы, мариновали и складывали в двухведерные дубовые дежки. Свалились спать измученные. Мне не удавалось сразу уснуть. Перед глазами мельтешили стайки грибов. Они убегали от меня, прятались под кусты и хитро улыбались. Я догоняла их, и мне было удивительно хорошо! Потом началось смешение картин, образов, фантазий. Они переплетались, уводя меня с собой в сказочный мир снов.

ДОЛЖИК

Этим летом на нашей улице уже в трех семьях появились велосипеды. И я имела возможность покататься. Только почему-то у меня не получалось ездить по тропинке, пролегающей по самому краю оврага. Стоило оказаться на гладко утрамбованной узкой ленте, как меня непреодолимо несло в овраг. Я сжимала зубы, закусывая нижнюю губу до крови, мертвой хваткой вцеплялась в руль и изо всех сил пыталась вести переднее колесо в строго заданном направлении, но меня все равно тащило вниз. Я выбирала не очень крутой склон (велосипед жалела) и тренировалась. Но эффект был один и тот же. Наконец, после многих попыток я смогла проехать по краю высокой насыпи. Но чего мне это стоило! Я слезла с велосипеда, размяла затекшую спину, ничего не чувствующие руки, и пришла к выводу, что узкие тропы над обрывами не для меня. Брат Володя посоветовал попробовать кататься на лесной тропинке. Там я тоже виляла. «Значит страх тут ни при чем», — обрадовалась я. Узнав о моих мучениях, дядя Петя сказал:

— Причина в твоём вестибулярном аппарате. Физиология тебя подводит. Тренировкой можно кое-что подправить. Но в летчики все равно не годишься.

А мне так хотелось наравне со взрослыми ребятами на большой скорости проехать через кладку! (Мостик шириной в одну доску, который построили жители села в самом узком месте реки, чтобы вдвое сократить дорогу до работы.) Придется пережить неудачу. Не всем дано летать. А все равно обидно.

В один из погожих летних дней мы с Колей заполучили сразу три велосипеда и поехали с братом Вовкой осваивать крутой спуск к Должику. Так называется лес под горой. По обе стороны дороги мелькали посадки, кукурузные, гречневые и свекольные поля. Отшлифованная шинами грузовиков грунтовая дорога вся в трещинах и ямках. Мелкие

камешки шуршат под колесами.

— Ну, как, по первому разу на тормозах съедем или сразу рискнем? — спросил нас Вова, ощупывая каменно накаченные шины своего велосипеда.

— Пока на тормозах. У меня велик старый, а вдруг цепь соскочит или рама пополам разломится. Лилин папа не хотел давать мне свой трофейный велосипед, — объяснила я свою осторожность.

— Ладно. Предварительное испытание — полезная штука, — согласился Вова.

На спуске я тщательно тормозами контролировала скорость, изучала выбоины и зигзаги дороги, клубящиеся после дождей змеевидные следы машин на обочине. Только в конце маршрута позволила себе расслабиться и с удовольствием проехать без тормозов. На вершину холма возвращались пешком. Я хотела попробовать подняться на велосипеде, но ребята не разрешили. Вова безапелляционно и лаконично заявил:

— Не порть машину. Цепь растянешь, конуса сотрешь да и сил больше потратишь.

Я согласилась. Отдохнули несколько минут на пыльной обочине и опять в седла.

— Запомни, если решила ехать без тормозов, то держись до конца. На большой скорости можно, в крайнем случае, лишь слегка притормаживать, — предупредил меня многоопытный Вовка.

— Разгон будем делать? — уточнил Коля.

— Давай, метров сто, не больше, — предложил Вовка.

И мы закутили педалями. И тут меня понесло с такой скоростью, что придорожные кусты замелькали и слились воедино. Ветер свистел в ушах. Сильно дрожали руки на руле, потому что велосипед «считал» все камешки и трещины. А когда колесо попадало в выбоину, меня бросало так, что я с трудом удерживалась на седле. Страх ненадежности велосипеда добавлял остроты ощущений. Если рама разлетится, как я буду падать? На руки, на бок? Только не головой! Не подведи, дружок, выдержи, дорогой. Тебе нельзя ломаться! Я напряженно следила за дорогой, но это не мешало мне чувствовать огромную радость от стремительной езды. Приблизилась к подножию холма. Теперь только ощущение восторга управляло мною. Струи ветра били в лицо. Я прижималась к раме и наслаждалась полетом. Спуск закончился, меня еще долго несет по горизонтали. Я уже вижу, как дорога стальной стрелой пронзает лес.

Притормозила. Остановилась. Напряженные руки еще дрожат. От радости и возбуждения все во мне вибрирует. Чувство удовлетворения удивительно, прекрасно!

Мы улыбаемся друг другу. Преодолели! Теперь эта дорога навсегда наша!

Ребята отправились домой, а я осталась, потому что ехала не только за удовольствиями. Мне дали велосипед, чтобы я могла привезти сноп чернобыльника. Мы каждое лето его заготавливаем. Для хаты бабушка выращивает на огороде настоящие веники. А для двора и улицы применяем упругие стебли чернобыльника. Можно и березовые метлы использовать. Но я не могу резать ветви любимого дерева. А трава осенью сама погибает и на следующий год новая вырастает.

Срезаю кухонным ножом самые крупные растения. Ворох получился большой, и мне никак не удастся обхватить его короткой веревкой. Пришлось положить веники не один на один, а в накладку. Вязанка стала тоньше, но шире, и я смогла хорошенько закрепить ее на багажнике позади сидения. Посчитав, что веников теперь хватит на весь сезон, отправилась домой. Тяжелый груз сделал велосипед очень неустойчивым. Переднее колесо «взбрыкивало» и поднималось вверх, как норовистый конь, и мне стоило больших усилий уравнивать его силой рук и тяжестью своего тела. С трудом села на велосипед, а потом еще долго крутила руль, выправляя равновесие. Наконец справилась со всеми проблемами.

Перед самым селом предстоял не очень крутой спуск. Преодолеть его порожняком не стоило большого труда. Но с грузом вилить по глубоким поперечным колеям сложно. На этом участке расположены два перекрестка и, поворачивая то вправо, то влево, машины

превратили дорогу в разветвленный лабиринт. Их колеса искромсали даже обочины дороги. «Почему я не обратила внимания на этот сложный участок, когда ехала в Должик? Наверное, все мысли были заняты предстоящим спуском? Не по-хозяйски это. Спешиться или нет?» — мучилась я сомнением. — С ветерком вмиг спущусь к селу, а с велосипедом в руках буду тянуться полчаса. Да еще придется маяться, пытаюсь снова «оседлать ретивого скакуна». Была не была! Сегодня не такое сумела преодолеть!» Поставила ногу на тормоз и покатила. Меня затрясло так сильно и громко, что казалось: крылья у велосипеда отвалятся и он рассыплется на запчасти. Попала в узкую промоину от дождя. На мое счастье, она заканчивалась плавно. Чиркая шинами об ее края, кое-как выбралась. Но после следующей выбоины велосипед так замотало по всей дороге, что груз чуть не вытолкнул меня из седла. Он «гулял» из стороны в сторону, увлекая меня то вправо, то влево. Я вцепилась в руль, изо всех сил пытаюсь выровнять положение. С трудом, но удалось! Вдруг справа, на дороге, сливающейся у села с моей колеей, увидела грузовик. Мелькнула мысль, что мы можем одновременно оказаться у развилки. От волнения потеряла контроль и опять «завиляла». Я понимала, что остановиться не смогу, и мне оставалось либо падать, либо надеяться на Бога и шофера. Уж не знаю, сам ли дядя увидел девчонку, несущуюся с огромным тюком, и понял ситуацию своим практичным деревенским умом, или Господь надоумил его притормозить, только пропустил он меня, ошалевшую от страха. Еще дрожало сердце, только что готовое было разорваться на клочки, а я уже неторопливо и деловито ехала по селу, провожаемая одобрительными взглядами и словами старушек, притулившихся у своих плетней:

— Хозяйственная дивчинка. Дай бог тебе здоровья!

Когда я кое-как протиснулась в калитку, бабушка ахнула:

— Как же ты довезла такой тюк?!

— Все хорошо, бабушка. Одна беда: я легкая, и нос велика немного «задирало». На руль сильно давить приходилось, — жизнерадостно отчиталась я о результатах поездки.

— Хозяюшка моя, — улыбнулась бабушка, — отдохни немного. Я сама веники повяжу и на чердак заброшу.

— Вяжите, а навверх не разрешаю затаскивать. Нечего вам по лестнице лазить.

— Ладно, договорились, — растроганно произнесла бабушка. — А сейчас давай поедим свежего борщечка?

— Давайте! — весело согласилась я.

Радости моей не было конца.

ВСЬ МИР ЛЮБОВЬ!

Ослепительное солнечное утро! Настроение восторженное, светлое, бодрое. Хорошо-то как!

Вприпрыжку бегу со станции. Наполненная продуктами авоська переброшена через плечо. Но я тяжести не чувствую. Деревья по обе стороны дороги молодые, свежие, умытые вчерашним дождем. Оранжевые оборки плодов туи обильны и легкий теплый ветерок не способен их раскачать. И только мелкие листочки берез и осин радостно трепещут, приветствуя людей. Вдруг замечаю, что невдалеке со стороны больницы идет Виктор. Заволновалась, сердце забилося учащенно. Заметил? Свернет на мою дорогу или пойдет в сторону маслозавода? Переживаю, но делаю вид, будто что-то ищу в сумке. Из-под ресниц вижу, — свернул! Иду, не торопясь. Надеюсь, что догонит. Шаги рядом. Не выдерживаю, оглядываюсь. Виктор улыбается и здоровается. В руках у него полевые гвоздики.

— Мои любимые! — говорю я вместо приветствия.

— И мои тоже. Удивительно нежные. Они очень подходят тебе, — тихо произносит он и смущенно подает мне букетик.

Понимает ли он, что значат для меня первые цветы от самого лучшего на свете юноши? Я опускаю глаза. Я прячу свои чувства. Но они неожиданно прорываются ярко вспыхнувшим румянцем, огненными кончиками ушей.

— Виктор, вдень, пожалуйста, эту гвоздику в петельку на кармане своей рубашки, — прошу я, не отрывая взгляда от земли.

Виктор закрепил цветок, и мы пошли рядом. Он рассказал, что поступил в музыкальное училище в г. Боброве Воронежской области, а в дальнейшем мечтает учиться на юридическом факультете заочного отделения университета. Тепло отзывался о моей матери, благодаря строгости которой на вступительных экзаменах получил по истории пятерку. Он был полон надежд на счастливое будущее и от этого выглядел еще более привлекательным и обаятельным. Я восхищалась им. Еще бы! Без отца, из глубинки! Студент! Меня не беспокоило, что скоро он уедет в город и я не увижу его до вечера встречи с выпускниками. Главное, что он счастлив! А в моем сердце он останется загадкой, смутной, радостной тайной, детской наивной мечтой.

У развилки наши пути расходились. На прощание Виктор подал мне руку как взрослой. Я неуверенно протянула свою. Приняв мою руку, он прикрыл ее второй большой и сильной. Краткое дружеское пожатие. Но в этот миг мне показалось, что я вся скрылась в его ласковых ладонях.

Я смотрела ему вслед не в силах оторвать от него взгляд. Он обернулся, поднял кулак кверху: «Держись! Все будет хорошо!» И почему-то именно этот простой, деловой жест всколыхнул мои чувства. Я закусила губу, пытаюсь сдержать нахлынувшие слезы. Хорошо, что Виктор уже не видел их. Он шел походкой счастливого человека навстречу новой незнакомой прекрасной жизни. Я восторженно завидовала ему и желала всего самого лучшего, что может быть в жизни такого хорошего парня.

А дома я не бегала, а летала, справляясь с очередной работой. Я пела, смеялась, кружилась с ведрами, половой тряпкой, лопатой. Во мне появились огромные душевные силы, не скованные цепями неуверенности, способность с легкостью и удовольствием преодолевать разного рода препятствия. Я даже острее чувствовала запахи, вкус еды. Все вокруг было крайне удивительно, ново и прекрасно. Каждая минута моей жизни переполнялась восторгом, ликованием. Сердце было открыто и радостно. Рифмовки непрерывным потоком лились из головы. Я зарифмовывала все подряд — строчки из учебников, чужие слова, сочиняла про облака, про школьных друзей. И, конечно, не записывала. Некогда! Да и кому нужны мои восторженные вирши? Они не важны даже мне, потому что их горы, их очень, очень много!

Мир для меня стал теперь прекрасным и удивительно добрым. Я и сама стремилась делать всем только приятное и полезное. Даже семейные проблемы уплывали на второй план. Я терпимее относилась к матери. И скучная учительница географии казалась мне, в общем-то, доброй, неудачливой женщиной.

Я полюбила весь мир и все время улыбалась. Наполненный восхитительной музыкой, он представал передо мной в ослепительных красках. Я проснулась для восприятия прекрасного: восторженно удивлялась золотистым солнышкам-одуванчикам, бриллиантовой россыпи утренней росы, чуткому колебанию колокольчиков, радовалась дождю, чьей-то случайной улыбке.

Я проснулась для любви к жизни! Может, и хорошо, что никто не замечает моей любви? Она особенная: не боится быта, суеты, на нее не влияют внешние невзгоды. Это моя радость, сотканная из очарования и восторга. Моя огромная любовь растворилась в окружающем мире, и от этого он стал светлее.

Я вышла из состояния грусти, боязни, тоски, из скорлупы неверия, нежелания, непонимания. Повзрослела? Раньше я смотрела только внутрь себя, в свое прошлое. А теперь вокруг нахожу столько хорошего, радостного! В этом прелесть моего перерождения, а точнее — пробуждения! Мое детское прибежище — царство белых облаков — было мифом, фантазией во спасение грустной неприкаянной, беззащитной души. Любовь — вот настоящее радужное царство земного счастья! Мне уже не нужен призрачный рай белых облаков. Мое счастье на земле. Мне здесь хорошо, потому что для меня теперь весь мир — Любовь!

Моим дорогим юным детдомовцам

Глава Первая

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Уже третью осень я встречаю в Любимовке. Сегодня первое сентября. Ученики пришли в школу нарядные, с букетами. Ворохи цветов еле умещаются на учительских столах и подоконниках. Ребята возбужденные, учителя улыбающиеся. «Ой, как девочки выросли! Шестиклассницы выше десятиклассниц!» — оглядывая нас, распевает дифирамбы Вера Николаевна, учительница географии.

Пришла Евгения Александровна, наша классная дама, и попросила поделиться самыми яркими впечатлениями каникул. Что тут началось! Все наперебой рассказывали о походах с родителями в лес, на рыбалку, о поездках к родственникам. Эдик Набойченко с гордостью сообщил, что посетил Ленинград, где в политехническом институте учится его старший брат. Нина Ханова восхищалась Дагестаном.

А я сидела за партой и тоскливо думала о том, что летом в нашей семье ничего особенного не происходило. Сено, солома, огород, ремонт — обычные дела. Каждый день с десяти утра до десяти вечера только работа, и все бегом, ради того чтобы выкроить время почитать книжку, и то урывками, будто воруя счастливые быстротечные минуты. Вот и все радости. Колю часто отпускали гулять к брату Вовке и другу Ленчику, а для меня всегда находились «женские» дела.

Когда этим летом Сашу Гаманова послали в Артек, я не обиделась. Я отлично учусь и активистка, но у Саши два братика-близнеца и папа больной. Саше путевка нужнее. Но в обычный пионерлагерь могли бы отпустить!? Коля ведь ездил. Но мать строго сказала: «Оставайся на хозяйстве». Разве я когда-нибудь от работы отказывалась? Например, не люблю полоть картошку. Случается, что начинаю первый ряд совсем без охоты, а потом втягиваюсь и уже вожусь с интересом и удовольствием. Стараюсь не замечать боли в спине, потому что учусь преодолевать себя. Игра даже у меня есть такая: «Все смогу».

Но ведь должна же быть у человека радость, что-то такое, чем можно хвалиться перед друзьями? Праздник души, что ли? Не расскажешь ведь ребятам, что вышла крестиком пару наволочек или за день вскопала десять грядок? Смешно! Хочется такого события, чтобы, вспоминая о нем, переполняться восторгом, чтобы хотелось петь, скакать, летать от радости! И чтобы новые впечатления совершенно вытеснили из головы привычные тоскливые мысли. Или, напротив, чего-то особенного, тихого, приятного, при мыслях о таком будто теплым утренним ветерком охватывало бы. И такого тоже не было. Все, как всегда, происходило по-деловому, по необходимости, буднично. А заветные желания, потаенные мечты? Они загнаны сознанием в подполье из-за очевидной несбыточности. У меня не было даже самого простого, что не возбраняется детям...

И будто пропало ослепительно счастливое праздничное утро, и я уже не слышала, о чем рассказывали другие ребята. Грудь теснила невысказанная боль. Я опять не как все. Обступили детские печали прошлого. Кружился хоровод невеселых мыслей, непомерно разрастался снежный ком обид... Не помню, как прошел день.

По возвращении из школы снова вспомнила разговор одноклассников с Евгенией Александровной. Заныло сердце. Грусть заскулила беззащитным щеночком, тоска легла на сердце, словно иней на блеклую траву. Чем меня можно порадовать? Господи, да хоть бы чем! Мне ли копать и выбирать?! Зачем мечтать? Я не имею права просить и надеяться. Все равно ничего для меня не сделают.

Уже выходила из низины на свою улицу, и тут тоскливым потоком хлынули слезы, сплошной стеной застилая глаза. Упала ничком в траву, — и не было горестней слез за последний год. Хотелось орать во все горло: «Я тоже хочу радости, хочу чего-нибудь особенного, интересного!». Но только плечи содрогались, распластавшись на плотном зеленом ковре, и губы шептали: «И это называется жизнь? Выполнять что велено? А что еще?»

Выплакалась. Успокоилась. Что поделаешь? Я же иждивенка. Такова безысходная неотвратимость моей судьбы. Без вариантов. Поплелась домой. Ничего, когда вырасту и

выучусь, по-своему жизнь буду строить. С радостью.

Дома бабушка хлопотала у керогазов. Один вспыхнул. Мощный столб огня доставал до потолка. Казалось, он заполнил узкие сени полностью. Жутковатое зрелище! В первый момент, как вообразила, что без хаты останемся, земля поплыла из-под ног. «Выноси второй, пока тоже не полыхнул», — требовательным криком бабушка привела меня в чувство и, охватив мокрой тряпкой огненное чудовище, выскочила во двор. «Елки-палки, лес густой! И какой дурак придумал такую неудачную конструкцию? На всякий пожарный случай могли бы поставить кран, перекрывающий доступ керосина. Все на селе жалуются на ненадежность керогазов», — бурчала я, заливая огонь водой. От волнения захотелось пить. Взяла ведра и пошла к колодцу.

Жизнь продолжалась.

ПРАЗДНИК КОСТРОВ

Сегодня мы готовим огород к вспашке. Я стягиваю тыквенные плети в кучи, а бабушка раскладывает их поверх сухой картофельной ботвы. Коля и троюродный брат Вова занимаются самым интересным на свете делом — жгут ботву и пекут картошку. Пахнет свежеразрытой землей, нагретой щедрым сентябрьским солнцем, поздними яблоками, ароматным горячим дымом. От всего этого здорово на душе, и весь мир кажется состоящим из удивительных костров, высокого синего неба и теплого шаловливого ветерка. А еще — из радости, что вовремя убрана картошка, из улыбки бабушки, довольной богатым урожаем и хорошими помощниками.

Мы с братом перетаскали в подвал подсушенную картошку и теперь сидим у костра с ощущением приятной тяжести в плечах и гудения натруженных рук, выполнивших «мужичкую» работу. В распахнутые старые телогрейки летят искры. От дыма разлетаются надоедливые злые осенние мухи. Ничто не мешает нам радостно воспринимать чудный день.

Праздник костров — не только для детей. Соседи на своих огородах переговариваются бодро, с шутками-прибаутками, а кто и песню заводит.

— Хлеб и картофель в закромах — жить можно! Свекла пока в поле. Но без нее еще никто не помер. Бог даст убрать, — жизнь слаще покажется, — говорит сосед Петрович, вытирая руки о штаны и промокая платком пот, выступивший из-под тусклого козырька старой военной, заскорузлой, сильно выцветшей фуражки.

Ему очень хочется поговорить.

— Горожанин, приехавший в село помогать, не может полностью понять крестьянина, растившего урожай с зернышка, с клубня от ранней весны до поздней осени, как не могут по-настоящему любить своего ребенка родители, по воле судеб не воспитывавшие его с пеленок.

И не беда, что соседа мало кто слушает. Его слова и мысли текут сами собой:

— Городской человек, не знавший земли с детства, не способен оценить труд крестьянина, проникнуться его добрым духом, радостью встречи с урожаем. Он оставляет в поле мелкую картошку, зарывая ее сапогом, полученным в конторе на время. Он и лошади «тпру» говорит по-городскому скоро, раздраженно, без крестьянской неспешной щедрой ласки, похлопывания скотины по спине, поглаживания по морде, — продолжает философствовать Петрович.

Соседские ребята прибежали к нам на запах печеной картошки и, уже не спрашиваясь, перескочили через межу, оглашая огород веселым: «Бог в помощь!»

И тут же получили шуточный ответ:

— А где вчера были, когда мешки рядами стояли?

Но затем последовало галантное приглашение к «столу», то есть на стеганки вокруг костра.

Пацаны, как взрослые, ведут разговор об урожае, о предстоящих дождях. Потом начинают хохотать, вспоминая удивительные по форме картофелины, и доказывать, что в школе, на выставке «смеха», лучше их экспонатов не будет. А еще хвалятся огромными гарбузами (тыквами), расставляя руки все шире и шире. Они почти не врут. Я сама не раз сидела на тыквах (так их называют в городе), которые мне по пояс.

Бабушка берет ком земли, растирает в ладонях и, улыбаясь, говорит:

— Благодатная кормилица наша.

— Как пахнет! — добавляет она, глубоко вдыхая запах рук.

— Разве земля пахнет приятно? Она же вонять должна. В ней же навоз, — брезгливо кривит губы худенькая городская девочка, приехавшая с отцом за картошкой.

— А у хлебушка, какой запах? — усмехается бабушка.

— Ну, то хлеб, — недовольно тянет девочка.

— Земля пахнет свежестью, зеленью, а еще трудом, урожаем, радостью нашей.

— Чудно вы как-то выражаетесь, — удивляется городская девочка.

— По-простому, по-крестьянски, с любовью, — объясняет бабушка и торопливо семенит к хате.

Сгущаются сумерки. У горизонта хвостами комет растекаются облака. Невнятные пятна отсвета костра мечутся по земле, по нашим лицам. Мы угомонились и молча смотрим на огонь. Он завораживает нас и погружает в сказку.

СЕРА И МАГНИЙ

В семь тридцать на школьном дворе ежедневный сбор всех учащихся. Начальные классы обычно строятся отдельно. Но сегодня экстренный случай, поэтому линейка общая и проводит ее директор. По рядам шепотом разносится: «За серу влетит».

Отец заговорил спокойным ровным голосом:

— Ребята, вчера я получил сообщение из милиции о том, что целый вагон серы, стоявший в тупике на запасном пути, разграблен и разбросан по селу. Создалась пожароопасная обстановка. Ночью я прошел несколько улиц и обнаружил маленькие огоньки на лугу и в огородах.

— Вагон обнаружили пацаны со станции, а мы совсем чуть-чуть взяли для опытов, — послышался голос с последнего ряда.

— Ребята, сера для чего-то предназначалась. Может, на каком-либо заводе ее уже ждут, а вы превратили важное сырье в предмет игры. Огромная просьба: после уроков разбейтесь на группы, прочешите округу и соберите всю серу до мельчайшего кусочка. Серные костры разрешаю тушить только старшеклассникам. Все понимают опасность пожаров? В одном из шестых классов я уже обнаружил на полу черные пятна. Костер в помещении, — что может быть глупее? Непростительная, отвратительная безответственность! Учитесь предвидеть и принимать во внимание всевозможные осложнения, которые могут возникнуть в результате рискованных игр и бредовых затей. Ведь уже были прецеденты в соседнем селе. Старостам на следующей линейке отчитаться передо мной по результатам рейдов. Продолжайте зарядку.

Отец удалился.

«Охота» за серой продолжалась три дня. Родители и мне один раз позволили участвовать в «операции». Это был удивительный вечер! Мы представляли себя первооткрывателями. Особенно острые ощущения возникли, когда стемнело. Яркие серные огоньки, как далекие звездочки, светили не мигая. Пробирались к ним осторожно, вбирая в себя все тайны ночи. Шелест травы, треск сучьев под ногами,

загадочные, непонятные звуки — все будоражило наше воображение. Сначала мы шепотом рассказывали друг другу наиболее страшные случаи из своей жизни, а потом затихли, погрузившись в сказочную тишину...

Я вспомнила, сколько удовольствия доставила нам в прошлом году в некотором роде трагичная «магниевая история». В тот хмурый осенний день мальчишки после уроков жгли листья и мусор во дворе школы. Вдруг над костром возник фейерверк. Сначала все обомлели от восторга, а потом принялись выяснять причину столь прекрасного зрелища. Раскопали костер и вытащили оттуда кусочки металла, которые подпрыгивали под напором вылетающих из них искр. Они оказались обломками вешалок для пальто.

Перво-наперво пацаны разбежались по классам и принялись сбивать крючки. Если получалось, то с радостным визгом тут же возвращались к костру и подвергали их проверке. Сбежавшиеся на шум девчонки настороженно следили за проведением экспериментов. «Уши развесите, а тут вдруг как жажнет! Костей не соберете!.. Голодной куме все хлеб на уме, а у вас одни фокусы в голове. Очередной бзик. Прекратите дурью маяться», — трусливо причитали они, пытаясь обуздать не в меру распалившихся одноклассников, и пятились за кусты. А сами не уходили, обмирая, прижимались друг к другу. Яркое воображение рисовало им страшные картины, но любопытство не выпускало из цепких когтей.

Ребята с холодным презрением советовали девочкам пощупать, не прорезались ли у них крылышки за спиной, предлагали отряхнуть «пыль с ушей» и отправляли «к шутам собачьим». На что получали не менее достойный ответ вроде этого: «Вот сейчас разуюсь и побегу!»

Старания пацанов были напрасны. Металл не горел и не радовал. Но неудачи только подхлестывали ребят. Они теперь «трудились» над вешалками в чужих классах. Время торопило. Некоторые из учеников начали испытывать смутное беспокойство, угрызение совести и были уже готовы признать поражение.

Наконец, один крючок заплясал! Ребята остудили его, разбили на кусочки и разыграли между собой. И снова в бой, и снова на поиски «драгоценного» металла! О счастье! Вся вешалка десятого «А» класса состояла из чудотворных крючков. Теперь не надо было спорить, делиться. Всем досталось. Уже шарахались под редкими порывами ветра ночные мохнатые тени, а ребята все не расходились. Только чей-то строгий родительский окрик разогнал их по домам.

На следующий день и мне вместе с восторженными впечатлениями подарили целый крючок. Я распилила его пополам. Сначала мы с братом бросали в костер опилки. Они весело танцевали над красными языками пламени белыми стремительными звездочками. Оторваться от такого зрелища было невозможно. Даже дыхание сперло от удовольствия! Потом положили куски. Два фейерверка приковывали наши зачарованные взоры до тех пор, пока последние искорки не угасли. Мы еще долго молча сидели у костра, глядя, как ветер играет пеплом и меняет красно-оранжевую окраску дров на черно-серую и седую.

А вскоре дядя Петя, работавший в то время завхозом, обнаружил «стихийное бедствие». Назревал скандал. Конечно, все сразу сознались. Дядя Петя не стал «смотреть на проблему узколобо» и поучать, что «стыд — не кислота, глаза не выест», не стал искать зачинщика, «козла отпущения с заблокированными мозгами», а вручил мальчишкам инструменты. Деваться некуда. Не пикнули. Обошли все классы и вместо крючков вбили в стены гвозди-сотки, загнув их должным образом. Потом дядя Петя объяснил, что, очевидно, партия вешалок была изготовлена сверх плана из отходов производства. А искры — результат попадания в основной материал магния. Старшеклассники нас не ругали, они ведь тоже когда-то были маленькими...

Мои воспоминания прервал возбужденный крик. Ребята обнаружили в низине огромный костер! Часам к одиннадцати мы обошли отведенный нам участок, отнесли собранную серу школьному сторожу и разбежались по своим улицам.

Иду домой. Тишина стоит всепоглощающая! Мне кажется, что я одна на всем земном шаре. Но одиночества не чувствую. Напротив, ощущаю слияние, единение с небом. В

душе блаженство, умиротворение, вселенский покой. Я наслаждаюсь им. Мне не хочется спешить.

Мать встретила криком. Я опять на скучном, суетном островке.

На следующий день серу у нас в школе принимали два милиционера. Старосты классов доложили по всей форме, что на доверенной им территории села нет ни одного кусочка серы. Только Валька Потанов, по кличке Яшка Рыжий, при этих словах хитро ухмыльнулся и опустил голову.

ПРИНЦЕССА

У подружки Лили в каком-то журнале я увидела платье девятнадцатого века. Понравилась. Решила сшить себе на скорую руку что-либо подобное. Из старья, конечно. С юбкой проблем не возникло. Она получилась невообразимых размеров, многоцветная, на тройных кольцах из ореховых прутьев! А вот черной тесьмы на блузку я не нашла. Попросила у бабушки суровые нитки, сплела из них косу, натерла строительной смолой и выполнила шнуровку на груди, как было показано на рисунке. В моем наряде преобладали красно-оранжевые цвета. Когда я мелькала в нем по комнате, всем казалось, будто пламя то вспыхивало, то погасало.

Отец подтрунивал надо мной: «Глазам своим не верю! Новая Семирамида! Что за легкомысленный наряд?.. Удобная тряпка для мытья пола. Большая. Что за чепец у тебя на голове?» Я не реагировала на его иронию. Главное, что мне приятно ходить в нем по дому, представляя себя девушкой того, заманчивого, красивого века. В голове проносилось: «...Перед ее взором взметнулись голубые стены великолепного дворца, заиграла музыка. Вальс, вальс, вальс!.. Прозрачный плащ сползал с плеч... Миллион улыбок!» И все такое прочее...

— Ты неотразимая, неподражаемая! — оценил мой наряд брат.

— То есть никто не захочет тебе подражать, — в обычном, при разговоре со мной, слегка язвительном тоне уточнил отец.

— Значит, буду единственная и неповторимая, — весело отозвалась я, высоко подняла голову и, как могла, грациозно продефилировала по комнате, чтобы все вдоволь успели наглядеться и повосхищаться.

И только после «показа мод» медленно и с достоинством удалилась на кухню.

— Ты в нем полы собираешься мыть или танцевать? — услышала я вслед насмешливый голос.

Я на минуту остановилась, насупилась и стала демонстративно изучать сонную муху, застрявшую между стеклами двойной рамы. «Нюни распускаю? Мне от этого легче? Как же! Не заведусь. Перебьется!» — быстро взяла я себя в руки и обернулась.

— Вымою посуду и начну танцевать, — беспечно и невозмутимо заявила я, потому что была довольна собой, своим платьем и ролью неловкой, неуверенной и все же сказочной принцессы, пусть даже Золушки.

Ехидная улыбочка вмиг сползла с тонких губ отца. Он скривился, словно лягушку проглотил, потом лицо опять сделалось непроницаемым, равнодушным, мертвым. Не удалось ему сорвать на мне злость и направить мои чувства в меланхолическое русло. Смутное недовольство еще немного томило меня, но я преодолела все свои отрицательные эмоции. Теперь уже ничто больше не могло испортить моего лучезарного настроения!

Покрутилась перед бабушкой. Ей платье понравилось.

— Красиво раньше люди жили! — воскликнула я беззаботно.

— Не все, — усмехнулась бабушка.

— А о чем вы мечтали в молодости? — безоблачно спросила я.

— Чтобы голода не было, войны, чтобы любимый человек был рядом. Трудно мечтать о нарядах, когда мешок с картошкой к земле пригибает. Рада бы в царицы, да ботинки дырявые, — с доброй усмешкой вразумила меня бабушка.

Я сконфузилась, осознав свое бездумное наивное заблуждение, и досадливо умолкла.

Вечером, снимая платье, обнаружила на груди желто-коричневые пятна. Попробовала оттереть. Не получилось. «Раз смола не отмылась с мылом, значит, постель не запачкаю», — подумала я и спокойно легла спать.

Утром вышла на кухню умываться, как обычно, в трусах и майке. Мать встретила меня испуганным взглядом. В нем дрожал не просто страх, а какой-то особенный, выворачивающий наизнанку ужас! Она вскочила с табуретки и, не сняв с рук прилипшего теста, толкнула меня в зал.

Торопливо протираю кулаками глаза, настраиваюсь на длинную лекцию и лихорадочно пытаюсь сообразить, чего же такого, по мнению матери, я натворила?

— Что это у тебя? — рьяно начала она допрос, вперив в меня острый пронизательный жесткий взгляд.

Я внутренне съежилась и понуро ответила, не видя причин для столь сильного раздражения:

— Пятна.

— Давно они у тебя? — захлебываясь обуревавшими чувствами, тихо, сквозь сжатые зубы произнесла мать.

В поисках защитных вариантов сначала немислимая чушь пронеслась в моей вялой после сна голове. Потом, как дробинка в пустой коробке, тупо застучала в висках единственная мыслишка: «Какие еще непонятные изощренные (как говорит сестра Люся) пакости не преминет сейчас свалить на меня мать?» В данную минуту, разумеется, я пеклась только о себе. Мое лицо приняло такой вид, будто я хотела извиниться за все свое проживание в этом доме, будто я своим отчаянием пыталась искупить перед матерью страшную вину. (Я постоянно чувствовала себя ребенком, пролившим чернила на белую праздничную скатерть. А тут такая ярость в глазах матери!) Поэтому я с очень вежливым заученным выражением испуганно ответила:

— Пятна с вчерашнего вечера.

— Как это случилось?

Голос матери при этом вздрогнул.

— Я не знала, что останутся следы, — бестолково пробормотала я первое, что пришло в голову, сквозь нервную дрожь пытаюсь собрать все слова воедино, чтобы сформулировать разумное объяснение.

— Тебе больно? — ласково-зловещим тоном неумолимо продолжала допрашивать мать.

А в глазах смесь тоски, горькое ожидание.

Вопрос застал меня врасплох.

— Нет, — недоуменно ответила я, опять не поняв, к чему она клонит.

— А еще где-нибудь есть следы? — гневно выдохнула мать, указывая на юбку.

Лицо ее побелело. Оно-то и не позволяло мне перейти определенную черту, я не могла грубить. Не было ни желания, ни решимости возражать. «Ни к селу, ни к городу ее расспросы. Чего насела? Не боюсь ее. Хуже первого детдома не бывает. Пережила его и тут выдержу... По-видимому, дело дрянь, раз она так изводится и меня тиранит», — с

тихим отчаянием думала я, настраиваясь на длительный, мучительный словесный поток.

Мать резким окриком привела меня в чувство.

— Юбка чистая. Да и чего ее жалеть? Она же старая, — испуганно вскинулась я и взъерошенно насторожилась.

Наверное, я брякнула что-то неуместное. Мать окинула меня оценивающим пристальным взглядом и, прищурившись, жестко с угрозой потребовала:

— Чего столбом стоишь? Изволь разговаривать. Ваньку валяешь? Не отпирайся, не юли! Садись и рассказывай, как все происходило.

Я вялым движением взяла со стула блузку и обреченным голосом объяснила, зачем смолила нитки, а затем провела шнуровкой по ладони, оставив широкий коричневый след. Возникла первобытная тишина. Время остановилось. Мать в ступоре. Ее бледное лицо на моих глазах превратилось в пунцовое, и она, ничего не говоря, выскочила из комнаты. Я поняла, что меня хотели ругать не за то, что запачкалась смолой. А за что тогда?

В голове наступило некоторое облегчение. А душу будто сухим сучковатым бревном процарапали. «Заморочила мне голову. Какая ерунда ей померещилась? Какие катаклизмы почудились? Как обухом по голове вопросами стучала. Страху попусту набралась! Невдомек мне: это случилось из-за моего прискорбного дремучего невежества или из-за ее нервов? Господи, подкажи, вразуми меня! Вдобавок ухитрилась с утра настроение испортить мне своим бредом. Досадно», — раздраженно размышляла я, не рискуя пока выходить из зала. Боялась снова невзначай попасть под горячую руку и навлечь на себя незаслуженный гнев.

Волнение схлынуло. Мысли пульсировали равнодушно. Я вспомнила, как в детдоме тоже не понимала, зачем воспитатели снимали детям штанишки, мазали попу йодом и стегали их крапивой или лозинами только за то, что они спали по двое. «За что наказывают? Может, им холодно или их пугают ужасные сны?» — думала я тогда. А сама всегда спала, свернувшись калачиком, укрывшись с головой. Получался домик, в котором, кроме меня, никто не мог поместиться. Мне было тепло и не страшно...

Странно и непонятно ведут себя иногда взрослые. Спросить у матери причину ее беспокойства? Не стоит. Наверняка ответит грубо: «Не умничай, не доросла этого знать! Замолкни!» Взрослые мыслят по-другому. Я на многие вещи не обращаю внимания, они меня не интересуют. А мать, ругая, заставляет задумываться над ними.

Вот недавно пришла я из школы. Дверь в спальню была закрыта, а мне требовалось переодеться. Ну, я и зашла. Родители лежали на диване. Отец зло глянул на меня. Я поняла, что разбудила его. Быстренько взяла домашнюю одежду и ушла на кухню. А когда пообедала, захотела немного порисовать, изобразить сердитого отца и сонную мать. Увлеклась. Вдруг слышу крик у самого уха. Мать выхватила рисунок и разорвала. Я, конечно, обиделась. За что? Я так старалась! Выскочила во двор. Мать что-то кричала вслед про гадкое поведение, которое до добра не доводит.

Что плохого я совершила? Нельзя рисовать родителей или любых взрослых? Не понимаю, почему она всегда считает меня хуже, чем я есть на самом деле? Я не хочу быть плохой. Хоть бы толком объяснила, отчего злится. Я бы исправилась. Она подумала, что я бездельничаю, что домашние дела не успею сделать? Зачем из-за этого рисунки рвать? Мне они по-своему дороги. Удачные, с моей точки зрения, я храню в своем ящике под тетрадками.

А вчера мать увидела, как я у колодца с соседским мальчишкой болтаю, и такой разгон устроила за то, что я в шутку схватила его ведро и воду в свой палисадник вылила! Он же мой одноклассник! Мы просто дурачились! Но она закончила свою лекцию тем, что вот с этого все начинается, а потом в подоле приносят. Я даже рот от удивления открыла. Вот так повернула оглобли! У меня ребячество, баловство, а она на взрослый аршин все примерила.

На что мне ваши взрослые проблемы? Не нравится ваш противный мир. Не лишайте детства! Особенно злит меня ежедневная фраза на любой случай: «А что люди скажут?»

Тошнит от нее. По-разному мы смотрим на одни и те же события. Мой мир проще, добрей, без подтекста и двусмысленности.

Конечно, неприятны минуты раздражения, когда мы с матерью безуспешно пытаемся понять друг друга. Но я в этом случае нахожусь в более сложном положении. Беда надуманных беспочвенных обвинений в том, что я не понимаю их, и поэтому не могу оправдаться. Детские однозначные понятия, существующие во мне с раннего возраста, не позволяют осознать претензии родителей? Интересно, откуда они во мне, такие ясные, кристально чистые? С рождения записаны в голове?

Мне всегда хотелось, чтобы все в жизни происходило по справедливости. Раньше казалось, что очень даже легко и просто принять единственное, безупречно правильное решение. Ко всему прочему, я излишне доверчивый, наивно простодушный, патологически честный детдомовский ребенок, категорически не желающий принимать злое, неправильное с моей точки зрения. Я оцениваю родителей и окружающих людей со своей невысокой, примитивной колокольни и нервничаю по всякому поводу и без него. И только взрослея, понемногу начинаю воспринимать все события запутанным клубком противоречий...

В голове промелькнула шутливая фраза, которую я слышала от студентки, живущей на квартире у моей городской подружки Альбины: «Какими мы были счастливыми, когда были наивными...» Значит, все в детстве глупые. Легкая улыбка тронула кончики моих губ. Этого было достаточно, чтобы я вернулась в состояние стабильного равновесия и помчалась на кухню к бабушке.

ЛЮБИМОЙ БАБУШКЕ

Мать купила книгу «Домоводство», и я сразу принялась ее читать. Сколько в ней полезного! Но главное, там описывалось, как делать выкройки для любой одежды. Выбрала я подходящее платье и начала изучать чертежи. Оказывается, каждая деталь имеет свои особенности, свои тонкости при изготовлении: там надо загладить, тут припустить или, напротив, присборить материю.

Сделала я выкройки на газетах, позвала бабушку и давай примерять на ней. Бабушка смеется, замечания разные делает, вроде того: на грудь припуск больше дай, вытачки глубокие не делай. Возраст учитывай и удобство при носке. Я все учла, переделала выкройки под конкретного человека и пошла к матери выпрашивать материю. Я знала, что бабушка мечтает о серо-голубой шотландке, потому что любит нежные и светлые тона. Не нравится ей, что здешние женщины после пятидесяти лет ходят в черных юбках и темных платках.

Мать с сомнением посмотрела на мои выкройки:

— Материя дорогая. А вдруг испортишь?

— Я не буду спешить. Сто раз проверю и примерю, прежде чем отрезать, — обещала я горячо.

— Может, ситцевое сначала сошьешь? — осторожничала мать.

— Опять ситцевое? Всегда вижу бабушку в линялых заштопанных халатах. У нее скоро юбилей. Не пожалейте денег на подарок, пожалуйста. А я очень постараюсь, — настойчиво упрашивала я.

Пошли в магазин вместе с бабушкой. На наше счастье, нашлась шотландка нужной расцветки. Только качество материи плоховато. Редкая какая-то ткань. Мать засомневалась:

— Плотная ткань дольше служит.

— У бабушки это платье будет для праздников, его не каждый день у печки тереть. Давайте возьмем. И тесемка зеленая есть для отделки воротника, карманов и пуговиц. Видите, по ткани поперечная, зеленая ниточка проходит, — старательно отстаивала я свой выбор.

Бабушка не вмешивалась в разговор.

— Скажите от души, нравится вам цвет или нет? — обратилась я к ней.

— Очень, — вздохнула бабушка.

И мать пошла платить.

Шила я целых две недели. Долго мучила бабушку примерками. Но она не только терпела, но и поддерживала меня: «Хорошо дело идет. Соседки в обморок упадут, когда я появлюсь у колодца».

Успела я к праздничному дню. Именинница нарядилась и покрыла голову новым белым платочком. Я начистила ей черные туфли с новыми шнурками. В радостном волнении бабушка выглядела лет на десять моложе. Наконец, она решила выйти на улицу. Я стояла у окна за шторкой и из комнаты наблюдала за происходящим у колодца. Женщины вмиг окружили именинницу. Слов я не слышала, но по одобрительным улыбкам и веселым лицам поняла, что они рады за соседку и что платье всем очень понравилось. Бабушка стояла гордая, немного смущенная вниманием. А как я радовалась — представить себе трудно!

ЯМА

Сегодня мои друзья придумали новое развлечение: сбрасывать сахарную свеклу с машин, а потом печь ее на костре.

— Не проще ли свеклу надергать у себя на огороде? — удивилась я.

И все же, когда стемнело, отправилась к «столику». А засыпающей бабушке сказала, что пошла в туалет. Соврала, чтобы не волновалась.

Сырой, пронзительный ветер скрипел ветвями, шуршал стрехами соломенных крыш. Но ребят такая погода еще больше будоражила. Они уже заготовили ворох веток, а девочки помогли перегородить ими дорогу. Таскали ветки весело, но тихо, не привлекая внимания взрослых, которые еще не разошлись по домам. ореол таинственности окружал все действия нашей компании. Будто не на грузовик со свеклой готовили нападение, а вражеский поезд с боеприпасами собирались останавливать.

Себе я в этом предприятии отводила достаточно скромную роль наблюдателя и советчика. Разумеется, я понимала, к чему может привести на первый взгляд невинная шалость, и не хотела скрывать охватившего меня волнения.

— Ребя, может, ветки чуть подальше оттащите, здесь слишком крутой поворот? — неуверенно предлагала я.

Во мне теплилось желание остановить скороспелые суждения и действия друзей. Впрочем, серьезной надежды на свою способность убеждать я не возлагала и довольно скоро поняла, что «акция» совершенно неизбежна. Ребята уже завелись на полную катушку, и разумные доводы отскакивали от них как мячики.

— Ты че! Не соображаешь! Так интересней, да и свеклы больше слетит при торможении. Верняк, — самозабвенно частил Лесик.

— Дорога после дождя раскиселилась. А вдруг машина перевернется? — упреждала я, вытаскивая осторожность из глубоких закоулков своей «многоопытной» души.

— Талдычишь, талдычишь! Обрыдло твое занудство! И кто тебя рассусоливать учил? С чего артачишься? Не трусь! Нечего пенять на дорогу. Здесь аварий никогда не случалось, — с презрительным негодованием грубо отхлестал меня Ленька, развязавший самогоном свой находчиво-дерзкий острый язык.

Меня обидело обвинение в трусости. Я почувствовала себя задетой за живое и вознамерилась уйти домой. Но девочки упростили остаться.

Ждать пришлось долго. В голову лезли всякие глупые мысли. Почему-то вспомнилось раннее детство в деревенском детдоме, бесчисленные червяки на дорожках между грядками после дождя. Я их собирала в баночку и относила на луг, в ямку, чтобы их случайно не раздавили... Смешная была...

Наконец, белые стрелы света пронзили черноту ночи. Буйная радость охватила пацанов. Они восторженно запрыгали вокруг кучи веток. Некоторое возбуждение передалось и мне, но беспокойство все еще тормозило сознание. А ребят ощущение опасности подхлестывало, звало к решительным действиям.

Грузовик двигался осторожно. Еще до поворота шофер заметил незнакомое препятствие, заподозрив неладное, свернул к обочине, вылез из кабины и в недоумении обошел ворох. «Вот дьявол? Что за чертовщина? Бред сивой кобылы, — совершенно искренне удивился он. — Дрова на дороге рассыпать стали. Так и голову можно потерять!»

Он перетащил часть веток в сторону от дороги и вернулся к машине. В темноте он не заметил, что прикрыл ветками яму, из которой женщины нашей улицы брали глину для хозяйственных нужд, и, объезжая препятствие, одним колесом угодил в нее. Машину сильно тряхнуло и накренило. На землю посыпалась свекла. Девчонки с радостным, азартным визгом бросились собирать ее, а ребята, подпрыгивая, выхватывали корнеплоды из кузова, радуясь своей лихости. В темноте они не разглядели причины такой удачной «охоты».

Водитель приглушил мотор, выскочил на дорогу и, вспоминая весь алфавит, занялся обследованием места аварии, не представляя, в чем же он так досадно просчитался и откуда на него свалились неприятности. Моих друзей как ветром сдуло, но шофер успел понять, что ветки — шалость детей. Сгоряча он схватил палку и кинулся за виновниками своего несчастья, но поскользнулся, шмякнулся оземь, прокатился на спине и ухнул в ту же яму. Теперь из нее в тишину ночи неслись эпитеты трехэтажного оформления. Я представила себе человека в мокрой, склизкой одежде, с ободранными руками, лицом, и горький стыд за наши безобразия пригвоздил меня к месту. Жалость к ни в чем не повинному дяде не отпускала. Мне обязательно надо было знать, что все закончится хорошо. Я спряталась тут же у дороги, за деревом. Шофер кое-как выбрался из глиняного плена, сел на ступеньку кабины и жадно закурил. Свет от горящей спички, зажженной в грязных ладонях со скрюченными от холода пальцами, на мгновение осветил измученное лицо пожилого человека. Он уже не матерился, а, привалившись спиной к теплой кабине, счищал палкой с одежды липкую грязь и удрученно бурчал себе под нос: «Чертова яма! Сукины дети! Вот подлость какая!» Тяжелые вздохи доносились все реже и реже. И только надсадный кашель разрывал тишину. Потом он втиснулся в кабину и долго умащивался в ней.

А я в это время предавала самоуничтожению свою неуверенность и неспособность предотвратить опасную ситуацию. Жгучее желание помочь не находило практического выхода. «Может позвать шофера к себе ночевать, а утром найти трактор? Но как я объясню родителям свое ночное появление на дороге? Наверное, дядю семья ждет, волнуются, — переживала я, переминаясь с ноги на ногу. — А ребята где? По домам разбежались или пекут свеклу?» Мысленно почувствовала запах паленого сахара и ощутила на губах сладкий вкус. Он был с привкусом горечи. Для очистки совести решила стоять у дороги до победного конца.

И все-таки наш шофер оказался везучим. Боже мой, как он обрадовался, увидев далекий свет фар, направленный в сторону нашей дороги!

— Слава тебе, Господи. Снизошел! — со слезой в голосе бормотал он, выбираясь из кабины.

И вдруг радостно воскликнул:

— Не верю своим глазам! Петро, какими судьбами тебя Бог послал мне в помощь?

— К теще на часок заскочил, вот и припозднился. Трос у тебя есть? Привязывай, а я ветками займусь. Колеса сильно просели в глину, мать ее!.. — беззлобно ворчал Петр. — Как тебя угораздило? Не вписался в поворот?

— Пацаны здесь шастали. Шалопаи, паршивцы! Игрища на дороге затеяли. Безмозглые,

безответственные мерзавцы! Ни дна им, ни покрышки! Машина — это еще полбеды. Промок я насквозь. Холод собачий. Чуть совсем не загнулся. Ни сном ни духом не ожидал подлянки. Изрядно вымотался, — с трудом ворочая языком, отвечал водитель.

— Успокойся, помогу. Чего теперь антимионии разводить? Негоже на шершавые слова силы тратить. Тащи лопату, — добродушно успокаивал друга долговязый сухопарый Петр.

Наш шофер ни в чем не возражал. Он готов был на все, лишь бы поскорее выбраться из пакостного места.

Долго натужно ревели и кряхтели моторы. Наконец, машины тронулись. Я облегченно вздохнула и направилась домой. Искать ребят не хотелось. Промерзла до костей. Непроницаемая густая тьма скрыла ночное происшествие. А в душе осталось жгучее обессиляющее недовольство собой.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА ДНЯ

Что-то не спится мне сегодня. Может, оттого, что день прошел бурно? Утром соревнование выбило меня из колеи. Отец ехал на мотоцикле, а Коля на велосипеде пытался его перегнать. Я стояла у колодца и нервничала: «Нашли место для гонок! Поля им мало? Людно ведь здесь». Метров за сто до дома отец затормозил, а брат не смог. Скорость развил большую. По лицу видела, что он лихорадочно пытается найти выход из создавшейся ситуации. Наверное, думал: «Что делать? Свернуть на тропинку? Там люди идут. Вскочить в нашу калитку? Рискованно! Узкая. А вдруг бабушка во дворе? Сшибу». Проходившие на тот случай женщины притихли и смотрели на происходящее с широко открытыми глазами напряженно и выжидательно. Соседский Колька со вздернутым облупленным розовым носом и яркой россыпью веснушек по лицу открыл рот и закатил глаза. Бабушка Сима цыкнула на него и тревожно поджала губы.

Отец уже понял, к чему привел их азарт, остановился и испуганно смотрел вслед сыну. Я с ужасом ожидала развязки. Коля врезался в забор. Его выстрелило из седла, и он полетел вверх тормашками в траву. Голову ему сберег твердый козырек школьной фуражки. Я подбежала. Лицо брата было бледным. Переведя дух, он прошептал: «За бабушку испугался».

Коле повезло. Удачно приземлился. Отделался ушибами и ссадинами. А рама велосипеда в дугу согнулась. «Счастливчик! Бесспорно, это перст судьбы», — многозначительно прошептала тетя Ксения...

Потом я участвовала в воскреснике по сбору металлолома. Мы по всему селу железки собирали, а Павлушка Иванов попросил отца привезти на тракторе списанную сеялку. Мол, позарез нужно первое место. Ребята из других классов возмутились: «Пусть колхоз сам сдает технику. Не зачем сеялку. Нечестно родителей привлекать!» Не удалось пятому «А» первое место заполучить. Они помалкивали, понимали, что не правы. Глаза в землю опускали.

Еще с Яшкой из седьмого класса подралась. Неуважительно, пренебрежительно он отозвался о девочках. Разозлилась я. Решила показать, что мы и в силе, и в ловкости не уступаем мальчикам. Долго боролись. Тут поскользнулся Яшка, а я воспользовалась его неустойчивым положением, мгновенно сделала подсечку и оседлала. Девчонки были довольны! И хотя борьбу мы вели «без правил», мне все равно было стыдно, томило неутолимое чувство вины за недостойную, не совсем честную победу. Вспомнились бабушкины слова по поводу лыжных соревнований, когда я случайно выиграла приз: «Не считай чужое поражение своей победой».

Подружки успокаивали: «Не переживай. Яшка тоже воспользовался бы твоей промашкой. Так ему и надо! Заслужил. Где это видано, чтобы мальчишка маленькой девочке руку за спину заламывал! Если его не поставить на место, кто из него вырастет? Бандит? Проучила зазнайку. Теперь он на своей шкуре почувствовал, как бывает неприятно, когда обижают или оскорбляют незаслуженно. Может, наконец, поумнеет».

Я думала, Яшка взъерепенится. Нет. Все-таки молодец, с честью свою неудачу перенес, не стал спорить, «права качать», по-мужски поступил... Может, и правда осознал свое поведение?

Возвращалась с воскресника через лесок. Иду, головой во все стороны кручу, заглядываю под деревья в поисках чего-нибудь особенного. Вспомнила, как в апреле шла через школьный парк и, споткнувшись, о змеевидные корни старого дуба, случайно обнаружила на его коре темные влажные подтеки, по которым сновали муравьи. Оббежала остальные дубы. Оказалось, что все старые деревья имели мокрые пятна с южной стороны ствола. Они начинались на высоте моего роста и заканчивались на мощных витых корнях, под которыми в земле я заметила небольшие ходы. Из них непрерывной цепочкой выбегали муравьи. «Насекомым нравится сок дуба или им не хватает влаги для питья? Они сами прогрызают древесину или пользуются готовыми природными трещинками?» — задавала я себе вопросы. После три месяца наблюдала интересное явление. Подтеки сохранялись, муравьи продолжали сновать. «Значит это их столовая», — решила я...

В нос ударил сильный незнакомый запах. Обшарила полянку, обнюхала все растения, но не нашла источник странного аромата. Может он вовсе не траве принадлежит? Задержалась у огромной ели. Она растет в самом центре муравейника! Длинный ствол березы лежит у дороги. Он похож на правую руку великана. Большой палец ладони отогнут вверх, а остальные поджаты. Представила себе такого человека. Сказки сразу вспомнились, раннее детство...

Что-то грибов не вижу. Наверное, влаги им не хватает. Сейчас рыжики и волнушки уже могли бы расти. Они для меня как солнечные зайчики. Маленькой я их «пятнушками» называла. Подосиновики меня всегда умиляют, белыми — восторгаюсь, даже дух захватывает! Лисички удивляют. Кудрям маленьких осенних опят радуюсь, как букету цветов. А на многочисленные колонии маслят у меня азартный, но практический взгляд, овеванный кулинарными предвкушениями.

Набрела на кучку пестроголовых курятников. Восемь штук! Принялась рыскать вокруг. Еще девять! Вот радость-то! Огромные, не старые. Как их донесу домой? А вот необъяснимым образом к ветке прирос желто-бордовый гриб. От сказочно ярких сочетаний его окраски у меня приступ естественного изумления. К своему стыду не знаю названия гриба. Не стала срывать. Слишком яркая окраска подозрительна. Как бы не ядовитый. Витек тепло вспомнился. Наши уроки с практиканткой Галей. Витя Ледовитый океан в шутку Ядовитым прозвал. А маленький Сашок денежные купюры «капюрами» называл...

Совсем рядом слышу детское разноголосье. Узнаю маленьких детдомовцев, тех, что из «пропащих». Они на ходу дружно с удовольствием уплетали огромные скибки хлеба.

— Здравствуйте! — восклицаю я радостно. — Как выросли, еле узнала вас! Что интересного было в лесу?

— Бересклет! — вразной загалдели малыши. — Мы называем его плоды цыганскими сережками.

Детки, конечно, не вспомнили меня, но им приятно внимание постороннего.

— А муравейников много видели? — спрашиваю.

— Три, — это звонко сказал самый высокий мальчик, на вид которому было лет шесть.

— Вова! Два, — строго поправила его воспитательница.

Ребенок мгновенно сник. Он нескрываемо огорчен. Глаза потухли. В них огромные страдальческие слезы. Он попытался сделать лицо безразличным, но у него ничего не получилось.

Дети по-разному реагируют на ошибку мальчика. Их тихих слов я не слышу. А на личике Вовы явно читаю протест. Он испытывает неловкость, отмахивается от друзей и раздраженно произносит: «Отстань! Иди ты в баню! Мозги у тебя защемились?.. Ты что?»

Того? У тебя первобытные дебри в мозгах!» И вертит пальцем у виска. (Где он услышал такую неподобную фразу?!)

— Все видели два муравейника, а ты нашел еще один, совсем маленький. Он только твой, секретный. Правда? — обратилась я к малышу.

Мальчик задумался, потом оживился. И вдруг просиял! Мне показалось, что он понял меня.

— А к двум прибавить один, сколько будет? — продолжила я игру.

Малыш гордо и радостно сообщил:

— Три!

И благодарно глянул в мою сторону.

— Здорово считаешь, молодец! — похвалила я мальчика очень серьезным тоном. — Кстати, и друзей своих научи.

Мальчуган расцвел.

Сначала личики детей светились любопытством, а потом они снова сделались удручающе однообразными, отрешенными, воспитателям кивали невпопад. Жалкое, мучительное зрелище. У меня у самой от грусти мозги замутились на мгновение.

— Ребята, где ваши улыбки? Больше улыбайтесь, скорее вырастите! — напутствовала я малышей, вручая каждому по грибу-курятнику.

Ребятишки дружно порадовались и пошли дальше, оглядываясь на меня и нежно прижимая к груди подарки.

Мне было хорошо, будто лучших друзей встретила.

Дорога сузилась в тропинку, и я свернула в расцветченную аллею. Заблудилась? Раньше здесь росли неприметные мелколистые кусты. Боже мой! Бересклет! Я впервые попала сюда в пору созревания его удивительных семян. Зеленые плотные рельефные корзиночки плодов теперь стали красными, розовыми, малиновыми и сиреневыми. Они раскрылись и выпустили удивительной красоты подвески из черных шариков в оранжевом обрамлении. Я оказалась в хороводе любопытных веселых глазок. «И впрямь как цыганские сережки!» — тепло вспомнила я слова малышей...

Разноцветная радуга дня проплывала перед глазами. Не спится. Ворочалась-ворочалась и есть захотела. Подошла к кухонному столу, на ощупь отломил кусок хлеба. Сижую, жую. Между створками двери комнаты родителей пробивается слабый свет. Заснули, не потушив лампу? А нам с Колей за керосин нагоняй дают! Заглянула в щель. Отец читал книгу, заслонив лампу куском картона со стороны кровати, на которой спала мать. Я уже хотела уйти, но тут отец встал, на цыпочках подошел к книжной полке, почему-то оглянулся и поставил книжку во второй ряд, а затем прикрыл сверху пачкой газет. Меня разбирало любопытство: что он читает по ночам без матери да еще прячет? Легла, помаялась еще немного. Потом перед глазами поплыли грибы, цветы, пушистые сосенки... все закружилось в карусели запахов и звуков... я засыпала...

На следующий день, когда родители ушли на педсовет, я отыскала книгу. Она была сильно «зачитана». На обложке с трудом разглядела раздетого мужчину с головой осла. Интерес он у меня не вызвал. Прежде чем начать читать, просмотрела другие иллюстрации. На них женщины изображены в богатых одеждах девятнадцатого века, а мужчины — нагишом. С трудом прочитала замусоленный текст под первым рисунком: «Стоя на коленях, она с вожделением смотрела на распростертое великолепное тело незнакомца...» «Что такое вожделение? Бессовестная женщина, не прикрыла человека. Невоспитанная! А еще из богатой семьи!» — возмутилась я.

Новое слово не давало покоя. Чтобы выяснить его смысл, я начала читать первую главу, но ответа не получила. Попыталась представить себя на месте той женщины. Но даже в мыслях никак не могла поставить себя рядом с противным волосатым дядькой.

Вдруг в памяти возникла мелодия «Марья» из спектакля «Вестсайдская история». Сразу потеплело под сердцем и внутри возникло безмятежное приятное чувство. Такое бывает поздним утром, когда выспишься, потянешься как котенок, и беспричинное, радостное волнение охватывает все тело, и на душе становится хорошо-хорошо!.. Но у женщины с картинки какое-то неприятное лицо. Жадно смотрит, будто много денег увидела. Почитала еще немного. Содержание не вызвало у меня ни малейшего интереса: дамы ссорились из-за мужчин, их мужья на балах ухаживали за другими женщинами. Ерунда какая-то! Скучная, неинтересная книга. «Видно, отец прячет ее из-за неприличных картинок», — подумала я, положила книгу на место и принялась за уроки.

СПУТНИК

Сегодня по радио сообщили о запуске искусственного спутника Земли! Отец ходил по комнате взволнованный, говорил матери, что на педсовете надо срочно обсудить это чрезвычайно важное событие. Потом, обычно невозмутимый и медлительный, вдруг побежал к Ольге Денисовне, чтобы попросить ее выступить перед учителями с докладом.

Я вышла к колодцу и сразу поняла, что известие о спутнике взбудоражило всех. Женщины обсуждали: хорошо ли, плохо ли, что в небе появился спутник, «не супротив ли Бога» направлено это изобретение?

— ...Ах, не говорите! Вот давеча слышала... сердце екнуло... о том, о сем говорили... Неспроста это. В тупик я стала... И посейчас неведомо чего ожидать...

— Вдругорядь, поговаривали что... Обмерла от страха... Если бесперечь такое твориться будет?.. За что нам бесчисленные беды насылаются?..

— ...Окстись, чего б ты понимала...

...Понимаю или нет — дело десятое... гложут совершенно немислимые неразрешимые проблемы, — со своей обычной суетливостью, как из автомата, строчила Ивановна, женщина трудолюбивая, некорыстная, но любившая отводить душу разговорами на людях.

— Хватит пугаться. Чего убиваться без толку, — возразила смуглая черноглазая Ефимовна снисходительно и покровительственно. — Загляните в свою бездонную память! Когда люди на самолетах полетели, наши родители тоже волновались, что в Божьи дела влезает. Все конца света ждали. А теперь и вы за голову хватаетесь. Запомните, бабоньки, ахнуть не успеете, как услышите о новом спутнике или о полете человека в Космос!

Она всегда была немногословна, но говорила так, что никто не пытался ее оспорить.

— Никому не ведомо, что делается в поднебесье. Раз Господь позволил придумать эту штуку, значит так надо, значит, полезный он. Попробуйте опровергнуть, — категорично подытожила спор находчивая, многоопытная, дородная Семеновна.

— И бомбы полезные?! — с трудом изображая праведное негодование, прошипела тщедушная, обычно бессловесная Еремеевна, суетливо и бестолково рыская глазами.

— А какая польза от тебя? Кумекаешь? Но ведь всех терпит Боженька и воздаст каждому сообразно уровню разума, — не утерпела подколоть соседку Ефимовна, зная, что главные черты простенького характера Еремеевны — жадность, скудость души и дремучая бездарность в житейских делах.

Ее острый взгляд сверлил и ввинчивался в вялую собеседницу.

Замечания Надежды Ефимовны удивляли меня непостижимой точностью пронизательного ироничного ума. (Позже я научилась ценить их.) В словах всегда присутствовала достоверность уверенность. Ее сочных шуток с лихвой хватило бы на

всех женщин у колодца, но она была разборчива в людях и понимала, кто привычно притворяется, с умыслом, плутовато, а кто по дури, по глупости брякает. Народный самородок!

— Насчет бомб мне внук вот как объяснял: «Существует в жизни прогресс. Сначала люди палками дрались, а теперь ружьями да бомбами. Закавыка в том, что не самого оружия надо бояться, а людей, в чьих руках оно находится», — строго и деловито доложила соседкам высокая степенная полноватая Артемовна.

Что бы она ни поверяла подругам, ее голос и глаза всегда оставались спокойными, даже холодными. По-уличному звалась она «делягою». Но на кличку не обижалась, похоже даже, гордилась.

— Не нарушит этот спутник порядок мироздания? Или мы теперь к Богу ближе будем? В его руках справедливость и возмездие, — скособочившись, обреченно прошелестела пингвинообразная прабабушка моей подружки Зои, тяжело опираясь на клюку с резным набалдашником, которая, как говорят, досталась ей в наследство еще от ее прабабки.

Ее землистое лицо с безмерно усталыми, вылинявшими глазами было испещрено мелкими морщинками-насечками и выражало панический, религиозный страх.

— Бредите! Мозгами сдвинулись! Скажите еще, что увидим Господа! — без тени почтения к преклонным летам соседки шепотком съязвила болтливая пронырливая неказистая Петровна, безуспешно стараясь вернуть своему лицу благопристойное выражение.

Я недолюбливала ее. Ее мелкая душа всегда выбирала выгоду.

Баба Катя стусевалась и отвела глаза.

— Я понимаю в науке не больше чем ворона в политике. И если чего не знаю, то помалкиваю. Растолкуйте мне, бабоньки, про спутник. Внук читал газету, но я не больно-то поняла. Присоветуйте, как разобраться? — с неподдельной искренностью попросила баба Катя, уловив, но стерпев, обидную насмешливость молодой соседки.

Боялась старушка бесцеремонности, недомолвок, сложных взаимоотношений и всегда вела разговор так, чтобы не возникало неловкости, смущения и неприятного многозначительного молчания.

Женщины обступили Семеновну.

— Не знаю про спутники подробно и попусту рассусоливать не стану. Давайте сходим в сельсовет к парторгу, пусть объяснит, — выразила общее мнение всеми уважаемая Семеновна.

Все согласились, потому что ее достоинство и деликатность не располагали к бесцеремонному отношению к ней со стороны языкастых подруг. Только Ефимова, опустив к земле большие выразительные глаза, пробурчала недовольно:

— Неверно толкуешь, кума. Опять большими козырями начнет бросаться — партия, народ. Корбит меня твое излишнее доверие к представителям власти.

Она не одобряла парторга, а может, побаивалась.

Наливая воду в ведра, я не проронила ни слова. Только слушала.

А в школе целый день царило возбуждение. Весь урок физики Ольга Денисовна объясняла нам, что такое спутники, зачем они нужны и вдруг сказала фразу, поразившую меня в самое сердце:

— Завтра с девятиклассниками будем учиться рассчитывать траекторию полета спутников и ракет.

Это заявление прозвучало как гром с ясного неба. Значит, спутник постижим для ума

старшеклассников? Его можно понять, почти так же, как мотор грузовика? У меня дыхание перехватило от этой прекрасной мысли. Ура! Ура!

Спутник пробудил меня к осмысленной жизни и сделал ее нужной, одарил новыми ощущениями, помог лучше ориентироваться в окружающем мире. Я вроде бы за один день выросла, поумнела. Горизонты мои расширились. «А другие галактики познаваемы?» — растерянно думала я, испугавшись глобальности затронутой проблемы. — Только дурак свободен от сомнений, — тут же успокоила я себя фразой, услышанной от учительницы математики. — Я тоже когда-нибудь смогу понять все, что происходит на земле и в небе, раз более умные люди уже сумели с помощью спутника вырваться во внеземное пространство!»

Дни заполнялись теми же заботами, но теперь мчались куда быстрее и представлялись другими, более интересными. Все мои друзья в мечтах летали на ракетах в космос. Про океаны и таинственные острова в научно-фантастических книгах забыли начисто. Детвора от мала до велика во дворах строила космические корабли. Ребята постарше не слезали с турников, готовясь к межпланетным путешествиям. Мы ходили счастливыми и восторженными, считали, что запуск спутника — событие не только всероссийское, в нас билась и трепетала мысль о том, что оно является личной гордостью для каждого человека. Как писали старшеклассники в стенгазете на первой полосе: «Мы ощущаем причастность к славе своей страны, потому что для нас существует одна-единственная идея — величие и могущество нашей любимой Родины».

Сегодня, переделав домашние дела, мы опять собирались у столика напротив дома Ольги Денисовны и молча, затаив дыхание, смотрим в небо. Как всегда кто-то не выдерживает и начинает изливать восторги. Слышу, как Димка, фантазер и удивительный рассказчик, захлебывается словами:

— Полеты в космос головокружительные и ни с чем не сравнимые, потому что Вселенная бесконечна! В ней есть что-то нереальное, страшное. От этого и восторг. Он, знаете, как мне нервы щекочет, когда представляю, будто лечу туда, к звездам?! Дух захватывает, сердце щемит! Я себя ощущаю куда сильнее, чем когда на саблях дерусь, спасая от пиратов свой корабль. Теперь мои чувства возвышенные, небесные!

— Мы тоже на спутник смотрим всей компанией, — говорит Илюшка с Красной улицы. — Представляете, в нашем селе еще нет электричества, а в стране творятся уму непостижимые события! Почему такое возможно? Словно на разных планетах живем. Я обязательно окончу школу отличником и в город уеду. Конечно, формулы придумывают гении и великие ученые, но, я думаю, инженер из меня получится. Потом приеду и у нас электростанцию построю. Факт!

Глаза его сияют восторженно и уверенно.

— Ребята, вы чувствуете: в воздухе витают зачатки нашего восхитительного будущего и Илюшкиных научных побед! — смеется Димка.

Илюша не обижается. Меня тоже распирает от желания высказаться. Но я никак не могу соотнести в своем сознании бесконечность вселенной и возможность ее познания. Это мешает мне говорить легко, просто и обыденно.

Знаменательное событие требовало не запоминания, а осмысления. У меня еще не было четких ощущений своих способностей, не было предпочтений. Все уроки легко давались. Открытие космической эры заставляло шевелить мозгами и приводило к мысли о необходимости серьезного изучения физики и математики, как самых главных школьных предметов.

Вечерний туман росой оседал на пыльную траву. Мы сидели под сиреневым пологом бархатного ночного неба притихшие, гордые за свою Родину, полные счастливых надежд на светлое будущее всего человечества. Во всем происходящем для нас со всей очевидностью проступало главное: непреходящее ощущение изумительно долгой, непредсказуемо прекрасной жизни и нерасторжимой связи с огромным мистическим миром и родиной. Сама мысль о причастности к удивительному времени великих космических свершений завораживала сладким сокровенным чувством и наполняла

счастьем наше скромное существование.

АЛЕКСЕЙ

Этой осенью в нашем районе вспыхнула эпидемия дифтерии. Десятиклассник Алексей, друг моего обожаемого Виктора (Кстати, к моей великой радости, старший брат все-таки позволил Вите заканчивать десятый класс!), не имел прививки в детстве, поэтому болел очень тяжело. Врачи боялись, что он не выживет. По селу ходили слухи, что Алексей сильно задыхается, что ему хотят прорезать в горле отверстие и вставить трубку. Вся школа переживала. Зарядку начинали с сообщения о состоянии здоровья больного. С Ниной Хановой, сестрой Алексея, я сидела за одной партой. Раньше она была для меня просто одноклассницей, а теперь значила много больше. Болезнь Алексея сблизила нас. Мы подружились.

Днем в заботах время пролетало быстро. А ночью мне мерещились всякие страсти: я будто наяву видела, как от недостатка кислорода в судорогах трепещет тело Алексея. В страхе просыпалась и долго не могла уснуть. В один из таких вечеров я плакала, укрывшись с головой, молилась о его выздоровлении и вдруг подумала: «Почему так переживаю? Жалостливая? А может, всерьез, по-взрослому, влюбилась?» Я так испугалась этой странной мысли, что даже плакать перестала. Еще более жуткая мысль доконала меня: «От взрослой любви бывают дети!» Онемела от ужаса. Лежу пластом без движения словно заледенелая. И вдруг слезы хлынули потоком. Боже, что же я буду делать с ребенком? Позор! Не хочу! Не хочу!.. Не помню, как уснула.

Несколько дней ходила подавленная. Я так погрузилась в свои переживания, что перестала мысленно разговаривать с тобой, моим другом детства, моим детдомовским солнышком. И вот в тот вечер, когда я, немного оттаяв, начала рассказывать тебе о своих бедах, вдруг вспомнила, как Иван, из нашего сельского детдома, говорил, что Сережка-немец родился не по любви, без желания матери. Я сообразила, что любовь — не главное в появлении детей. С меня как гора с плеч свалилась. «От страха, что ли, глупости приходят в голову? Волнение не просто «вышибает» мозги, оно отключает их!» — размышляла я, радуясь неожиданному просветлению.

Наконец Алексей выздоровел. Он пришел в школу бледный, сильно похудевший. Ходил медленно. Я впервые заметила, что он внешне удивительно хорош, пожалуй, самый красивый в школе. Но через месяц он стал прежним. Каким? Троечником, лентяем. Его мама таскает ведра с водой, а он на лавочке болтает с ребятами. Так отчего же я каждый вечер хоть на десять минут бегу к Нине? Почему, увидев Алексея издали, иду навстречу и, опустив голову, пытаюсь целомудренно усмирить требовательные, повелительные удары сердца, потом все-таки прохожу мимо, чувствуя, как кровь уходит с лица? Что за чертовщина?

Прошлым летом в ответ на мои дерзкие слова Алексей пошутил: «Посмотрю, как ты будешь со мной разговаривать через пару лет!». Он знал, что я влюблюсь в него только из-за того, что он симпатичный? Боже, неужели я такая глупая? Несовместимо: не уважать человека и в то же время с ума сходить! Все мое существо протестует против этого! Он недостойн меня. Я должна презирать его. Но что же притягивает, что влечет! Неуправляемым может быть мгновение, а тут недели проходят.

Почему я опять стою на крыльце и через два огорода смотрю на окна его дома? Мне они кажутся особенными, похожими на его черные глаза. И сам домик красив строгими правильными пропорциями, как и лицо Алексея. А времянка у них, как веселый парнишка в лихо сдвинутой на затылок кепчонке. И наличники на окнах резные, как расписная рубашка добра молодца. «Отклонение какое-то в мозгах!» — злюсь я на себя и сердито хлопаю дверь. Что со мною происходит? Мне нравятся двое? Это же ненормально! Я могу стать распушенной женщиной? О Господи, зачем мне такая напасть?!

Мучения продолжались месяца три. Я уже не чаяла, как избавиться от наваждения. И во время уроков отвлекалась от темы, и дома глядела в книгу, а видела фигу. Очнувшись, замечала, что почти час пребываю в прострации и даже не помню, о чем думала. Спасал будильник. Встряхнув глупую, навязчивую блажь, я торопливо бралась за учебники, пытаюсь наверстать бездарно упущенное время.

Вскоре, на мое счастье, произошло событие, которое вернуло меня к нормальной жизни. В село приехала молоденькая практикантка по физике. Ей дали вести уроки в классе Алексея. Не прошло и недели, как по школе поползли слухи: «Рыжая физичка влюбилась в Лешу». «За верность сведений ручаюсь головой», — горячо клялась одноклассница Валька. Просто, без кривлянья, она не умела говорить.

Известие звучало неестественно. «Белиберда какая-то! Злые языки отсебятину несут?» — недоумевала я. По моему глубокому убеждению, подобное было невозможно. Я сначала отмела прочь и вдребезги раскритиковала все глупые версии девчонок потому, что, по обыкновению, не поверила сплетням. Потом подумала, что поступила опрометчиво: ведь слухи, даже если они враки, сами по себе уже являются дурным признаком. Захотелось самой убедиться, но стеснение не позволяло. С неделю боролась с нездоровым любопытством. Но желание удостовериться в обратном, доказать несправедливость людской молвы возобладало. Не вытерпела, заглянула в окно кабинета физики.

Вижу: маленькая, стройная, как Дюймовочка, златовласая студентка, объясняя урок, ходит только вдоль ряда, где сидит Алексей. Она идет по правой стороне — он смотрит влево. Когда начинает обход слева, он опять отворачивается от ее назойливого взгляда. «Ему неловко? Противно? Не врут девчонки! Значит, и письма она ему пишет, раз не стесняется весь урок не сводить с него глаз», — изумляюсь я.

Несомненно, одного-единственного случая мне было достаточно, чтобы поверить. Любовь практикантки видна невооруженным глазом. Наивные розовые представления об ее строгой учительской морали исчезло в одночасье. «Житейский нонсенс!» — говорит о такого рода случаях моя мать. От нестерпимого стыда закипела безмолвным негодованием. В разгоряченной голове в адрес рыжеволосой мгновенно понеслась длинная непродуманная, оскорбительная тирада: «Я тоже влюбилась в Алексея. Но я-то — маленькая дурочка, а она?!..»

Вспомнила о Викторе. Отличник, активист. Не только поет и играет на баяне, но и в спектаклях участвует. А Леша, даже когда поет с Витей, то больше красуется. Хуже девчонки воображает. Никого он не любит, только себя позволяет любить. Ему нравится внимание девчонок. Вот и все! За что она могла его полюбить?

В следующую минуту я уже мучилась от неловкости за панический приступ детского максимализма. Может, в поведении практикантки нет ничего постыдного? Оно естественное. Она попала в унижительную ситуацию потому, что не сработал спасительный рефлекс на непредвиденную ситуацию. Она не предполагала, что влюбится. Все нежданно-негаданно произошло: от одиночества, прозябания в деревне. А если у нее период жутко безнадежного духовного упадка от прежних разочарований? Может, она была в трясине отчаяния, а теперь по-своему счастлива? Я слышала, что люди еще не такие глупости совершают от неразделенной любви! Дядя Володя с нашей улицы запил даже, когда его размалеванная, крашенная-перекрашенная жена сбежала с двумя детьми к молодому парню. А ему уже тридцать.

Разве учительница не может влюбиться? Живой, нормальный человек. Алексей ведет себя с ней совсем непонятно. Он не уважает ее, потому что она влюблена напоказ и совсем потеряла стыд? Так плохой он или хороший? Господи! Он же ее прилюдно оскорбляет, когда отворачивается! Презрение выказывает. Это тоже гадко! Он должен с ней поговорить с подобающим такому особому случаю тактом. Бедная! Она заурядный человек. На посмешище выставила себя. Завуч о ней как-то неуважительно высказался: «...Малопригодный к реальной жизни тип нервной системы». Как будто по учебнику читал.

Мать вступилась за студентку. Мол, молодая, неопытная глупышка. А может, это и есть настоящая любовь? Какая же это любовь, если она унижает достоинство? Нет, когда я вырасту и полюблю по-настоящему, то никогда так не поступлю. Буду молча страдать.

Практикантке нравится только внешность Алексея? Высокий, великолепно сложен, черты лица правильные, как нарисованные, мужественный. Хоть в музей выставляй. И больше ничего интересного в нем нет. Этого мало для любви. Для меня душа важна.

В каждом человеке есть что-то свое, особенное. У одного улыбка красивая, у другого глаза, а третий — веселый. И что же, во всех влюбляться? «Если Алексей мне чем-то

понравился, это совсем не значит, что я в него влюблена», — сделала я важный для себя вывод и успокоилась.

Случай с молоденькой физичкой возымел на меня целительное действие. Еще некоторое время, встречая Алексея, я волновалась и смущалась, а потом и эти признаки обожания исчезли. Теперь для меня он стал просто братом Нины.

И только при мыслях о Викторе на душе всегда теплело.

ЮННАТ

Два года я посещала кружок юных натуралистов. Мне нравилось прививать плодовые деревья, радоваться удачным опытам. А в прошлом учебном году на пришкольном участке я проводила эксперимент с кукурузой. На одной грядке посеяла желтую, пищевую, на другой — белую кормовую, а на третьей — оба вида через ряд. Цель задания состояла в том, чтобы выяснить влияние переопыления на урожайность. Еще ранней весной начала заниматься гибридизацией кукурузы: теорию изучала, сорта белой и желтой кукурузы подбирала, землю по всем правилам готовила, удобряла по специальной схеме. На участок приходила ежедневно. Летом пропальвала, замеры роста растений в «Дневник биолога» заносила. Мои грядки как картинка! Стебли достигли высоты трех метров. На каждом стволе по три-четыре завязи: нижние самые крупные, верхние — мельче. Пришло время сбора урожая и сдачи отчета. На уроке биологии я срезала початки с растений экспериментального участка, и перед взвешиванием принялась снимать с них «рубашки». Ура! Получилось! Початки были полосатыми: рядок белый, рядок желтый. Одноклассники бросили свои лопаты и тоже восхищались удачным опытом. Я скрупулезно обследовала каждую «кукурузину» (так говорят в наших краях), заносила результаты в тетрадь и не замечала, что ребята играют в футбол моим урожаем, до тех пор пока один початок не влетел в «ворота» — мне в голову. Мои просьбы: не мешать закончить отчет, не возымели действия. Ребята расхотелись все больше и больше. Они смешали все сорта кукурузы и начали бросаться ими, как гранатами. «Помогите мне взвесить урожай, а потом сделайте с ним, что хотите», — умоляла я одноклассников. Но они продолжали резвиться.

Я подбежала к учительнице. Но Мария Ивановна занималась выставлением отметок в журнале и не откликнулась на зов о помощи. Некоторое время я еще пыталась собирать початки, ползая на коленках по густой траве сада, спотыкаясь о корни и стволы деревьев, а потом, поняв бесполезность усилий, заплакала. Мой опыт никому не нужен?! Вот почему ребята не принимали всерьез задания учительницы! Я самая доверчивая? Я глупее всех? Святая простота!? Слезы с новой силой хлынули из глаз. «Ну, даже если мой опыт по биологии — ерунда, хотя бы из уважения к моему старанию можно было помочь? Я понимаю: ребята устали копать грядки, им захотелось развлечься. Но учитель не имеет права быть безразличным к тому, как выполняется его задание! Проницательностью Мария Ивановна не обладает, но наверняка понимает, что мое отношение к ней теперь изменится. Она не нуждается в моем уважении? А для меня важно мнение других обо мне. Я хочу, чтобы меня ценили. Выходит, в этом заключается моя глупость? Опять я кругом дура», — горько думала я. На душе было донельзя гадко.

Когда немного успокоилась, вспомнила, как прошлой весной последнюю четверть в нашем классе учился мальчик из Тбилиси. Мы работали на пришкольном участке, а Коля ходил между рядами, брезгливо ступая на сырую землю и в ожидании звонка с урока все время поглядывал на новенькие часы. Мы попытались заставить его взять в руки лопату. Но он пренебрежительно посмотрел на нас и произнес надменно: «В негры не нанимался. Пусть деревенские в навозе копаются». Все оторопели от такой наглости. Мальчишка оскорбил весь класс, а учительница не поддержала нас, не помогла осадить заносчивого лодыря, не объяснила городскому воображалу, что значит уважение к товарищам и зачем необходим физический труд. Почему не вмешалась? Поняла, что Коля не слушается ее?

Я никогда не любила скучные уроки Марии Ивановны, но не баловалась на биологии, потому что считала ее доброй теткой. А в чем ее доброта? Она никому ничего плохого не делает. А что хорошего от нее получаем? Не защитит, не поможет.

А недавно Мария Ивановна как ни в чем не бывало предложила мне заняться пшеницей:

скрещивать озимый холодостойкий сорт с местным. Эта провокация только усугубила во мне настойчивое желание подчеркнуть мою обиду, но я проглотила кипевшие во мне слова и молча отвела взгляд. Учительница поняла, что мое увлечение биологией закончилось по ее вине.

Жаль, конечно. Папа Яша хотел, чтобы я пошла по его стопам. А будущий врач должен любить биологию.

ФОРТЕЛЬ

Во второй четверти в нашем классе появилась новая ученица. Уверенной походкой в класс вошла высокая светловолосая сероглазая девочка в форме выше колен, огляделась и села за первую парту со стороны двери. Шел урок физики. Ольга Денисовна проводила лабораторные занятия. Приборов у нас в физическом кабинете мало, поэтому одна группа делала опыт, другая — в это время занималась расчетом, а третья — оформляла в тетрадях теоретический отчет. Алла положила ногу на ногу, раскрыла художественную книгу и углубилась в чтение. На физике даже я редко шалила. От наглости новенькой опешил весь класс. «Ну, и скверный характер!» — читали мы в глазах друг друга. Ольга Денисовна на миг замерла, а потом занялась делом, будто ничего не произошло.

Мы надеялись, что Алла одумается в самом ближайшем времени, но она продолжала читать и на втором, и на третьем уроке физики. Надо заметить, что дисциплина в эти дни у нас была идеальная. Мы переживали за учительницу, держали происходящее в секрете от учеников других классов и ждали, чем закончится поединок. Прошло две недели. Мелькали то пестрые, то серые будни. Мы закончили лабораторные работы и приступили к изучению следующих параграфов учебника.

То утро было особенно темным и мгlistым. Жидкий серый свет едва просачивался в запотевшие окна. Электричество в школу от колхозного движка (как это у нас часто бывает) опять не дали. Керосиновую лампу Ольга Денисовна зажигать не стала, чтобы мы не заглядывали в учебники, и начала урок с краткого перекрестного опроса. К Алле она не обращалась, будто та вовсе не присутствовала. Потом учительница попросила поднять руки тем, кто хочет отвечать у доски. Неожиданно все увидели скромно поднятую руку Аллы и замерли. Как поступит Ольга Денисовна? А она коротко взглянула на нее, опустила голову к журналу и спокойным голосом сказала:

— Демидова, к доске.

Алла вышла. В сумерках серого ноябрьского утра у доски белело напряженное лицо новенькой. Она отвечала тихо и медленно. Чувствовалось, как тяжело давались ей первые фразы. Потом Алла разошлась, заговорила уверенно и великолепно осветила весь вопрос. Досконально знала урок!

— Садись, пять, — сказала Ольга Денисовна и вызвала следующего.

Вздых облегчения прошел по классу.

С этого дня Алла стала обыкновенной хорошей девчонкой. Училась она по всем предметам отлично. Правда, в общественной работе не участвовала, но мы и не приставали. Не все сразу. Пусть привыкает. О причине ее выходки не расспрашивали.

А один раз мы с Аллой пошли после уроков в больницу навестить учительницу домоводства. Путь был долгий, и я без умолку болтала, восторженно рассказывая, по какой системе приучает нас Ольга Денисовна изучать и понимать физику: «Сначала мы учим формулировку закона, потом записываем формулу и проводим работу с размерностями физических параметров. И только после этого кратко, с самыми простыми примерами разбираем суть явления. Это на тройку. А на пятерку надо уметь начертить схему опыта, подробно рассказать теорию, решить все задачи и привести примеры практического применения...» Алла слушала меня с грустным лицом, а потом вдруг взорвалась:

— Боже, я теперь живу в каменном веке! Учю уроки при керосиновой лампе, глажу форму утюгом с углями. На станцию меня возят на лошади. Экзотика! Странная глупая

жизнь!

В голосе ее звучала ирония, боль и горечь.

— Ваш серый, беспросветный мир наполнен добрыми, терпеливыми людьми. Только по большим датам они могут беззаботно праздновать свое прозябание. Неужели нельзя решить проблемы сельских тружеников?! Я такая несчастная! Когда же моя ссылка закончится? Здесь никто не видел ни телевизора, ни магнитофона...

Незнакомые слова прозвучали для меня как заклинания Ходжи Насреддина. Я постеснялась спросить, что они означают, и в первый момент загрустила, даже сникла, а потом подумала: «Она умнее меня, потому что жила в большом городе. Я все равно достигну ее уровня!» Мое самолюбие было задето. Я всегда была в классе первой, а теперь...

Вечером я помогала Ольге Денисовне зачищать проводки для опытов и не удержалась спросить про злосчастную историю с Аллой. Мне казалось, что мы обе хотели поговорить на эту тему. Учительница ответила спокойно:

— Не знаю, чем вызван ее протест. Может, она очень любила своего учителя физики. Может, ей не понравилась убогость нашего кабинета. Но я сразу почувствовала, что здесь не глупый гонор — причина серьезная.

— А почему вы не отбрили или не выгнали ее из класса в первый день?

— Это банально. Просто поняла, что она не выйдет, и приняла единственно правильное решение. Как бы я выглядела в предложенной тобой ситуации? — рассмеялась учительница.

— Мне кажется, — сдержанно высказалась я, — с вашей стороны было очень жестоко так долго не замечать пусть даже недисциплинированного ученика. Это слишком тяжелое наказание. Я пережила такое во втором классе. Помню, отдалась во власть смятения, находилась в смутном опустошенном состоянии. Сначала уязвленное самолюбие взвыло, потом терзалась, барахталась в своей глупости. Позже стала равнодушной ко всему, на самотек жизнь пустила. Сама так и не смогла справиться. Случай спас, судьба... А если бы Алла не преодолела себя?

— А ты не подумала, что тяжкое бремя ее выходки легло и на мои плечи! С другим учеником я бы так не поступила. Но Алла — девочка с обостренным чувством собственного достоинства и умная. Она понимала, что не я, а она причина ее «фортеля». Ей необходимо было время, чтобы преодолеть гордыню и исправить ошибку, вызванную сиюминутными отрицательными эмоциями. Я тоже переживала, но терпеливо ждала. И не ошиблась. Алла молодчина! Ты заметила, что потом я на каждом уроке ее хвалила? Компенсировала ее моральные потери. Она это ценит. Возвышенная, утонченная, романтическая девочка из немыслимо интеллигентной семьи, — сказала учительница, подавив тяжелый вздох.

«Хорошо если тебя понимают, а еще лучше, когда хотят понимать», — подумала я, с жуткой тоской вспоминая учительницу Наталью Григорьевну, черную «бизониху», от которой до сих пор бросает в озноб и приводит в противный боязливый трепет.

— Ольга Денисовна, Вы сказали: «Алла умная». А что значит умный человек?

— Способный делать глубокий анализ, проникать в суть вещей. С точки зрения физики, человек гениальный, если, живя в трехмерном пространстве, он может постичь четырехмерное.

— К примеру, Эйнштейн?

— Да. На один миг каждый может оказаться умным, а на долгие годы, на длинные дистанции — это трудно и не всякому дано. По-настоящему умный не сноб. Он деликатный. «Талант — это то, благодаря чему человека запоминают. Каждый имеет право на пять минут славы», — шутит мой отец. Он у меня не высокомерный, часто ведет себя не по общепринятым меркам. Талант и человеческие качества ведут его по жизни. Не по причине ума, а по высоким чувствам он иногда не вписывается в картину нашей жизни. Отец — честный человек, идеалист и талантливый пессимист, который оценивает

любую ситуацию с конечной точки, потому что всегда видит ее.

А мудрый умело обращается со своим разумом. Он понимает и смиряется с тем, что так называемое здравомыслие, элемент конформизма должны присутствовать. Нельзя умному солдату сказать полковнику, что он дурак, если тот, по его мнению, что-то делает не так. Он должен предвидеть, что за этим последует, и искать другие пути достижения истины. Скажем так, хотя бы для соблюдения приличий ему стоит помолчать. Ум и скромность украшают не только до шестнадцати лет, — усмехнулась Ольга Денисовна и немного погодя добавила: — В большинстве своем дети умные и яркие. Маленьким часто бывает скучно, бывает больно и обидно, когда их не понимают, и тогда, к сожалению, к годам к тридцати они тупеют, — раздумчиво объясняла мне учительница.

— Знаете, на станции живет богатый дядька. Так он даже школу не смог закончить. Получается, он талантливый дурак? — с легким сомнением предположила я.

— Надо признать: зачастую ум и хитрость путают. Хитрость и изворотливость сродни непорядочности.

— Ленка Ивашина из десятого класса сделала татуировку, выколола на тыльной стороне кисти руки имя парня, в которого влюбилась. А если она через год другого полюбит? Почему ей в голову не пришла такая простая мысль? Она же вроде не глупая! — продолжила я с разбегу.

— Издержки юности. Повзрослеет. Ты о Лене, знаешь ли, с какой-то наивной гордостью рассказала. Наверное, не без некоторого удовольствия подумала, что умнее ее? Необоснованное кокетство. Иногда ты тоже бываешь не так хороша, как о себе думаешь, — бросила камешек в мой огород Ольга Денисовна, снисходительно улыбнувшись, и тут же успокоила: — Не заводись. Все мы спотыкаемся.

Я почувствовала некоторую досаду, но спохватившись, беспристрастно оценила свои слова, упрекнула себя в жестокосердии, в завуалированной самонадеянности и мысленно поспешно согласилась с учительницей.

А через месяц был устный зачет по теме. Ольга Денисовна пригласила второго учителя, чтобы успеть всех опросить за один урок. Мы знали, что Василий Никанорович — нестрогий учитель. Некоторые девчонки в очередь выстроились к нему. Но Алла первая подошла к Ольге Денисовне, проделала опыт и блестяще его объяснила. Я видела, с каким удовлетворением и радостью она получала пятерку и похвалу. Еще бы! Ее ответ сделал бы честь любому отличнику. Все с уважением смотрели на Аллу. Не сбежала, где легче, не испугалась.

ОЛЬГА ДЕНИСОВНА

Я сегодня дежурная по классу и помогаю Ольге Денисовне вытирать с приборов пыль. Вдруг она спросила меня:

— Ты видела тревогу в глазах Аллы на зачете? Знаешь, почему она волновалась? Некоторые учителя занижают оценки на экзаменах за плохое поведение. Я никогда не смогу позволить себе опуститься до такого. Иначе уважать себя перестану.

— А я не смогла бы так долго конфликтовать. У меня характера нет, — виновато потупилась я.

— Напротив, есть. Понять ошибку, быстро оценить обстановку, пересилить свои амбиции и извиниться не всякому удастся. Умнеешь помаленьку. А почему ты тихонько улизнула в коридор, когда я пропускала слабый ток через цепочку ребят? Мне хотелось доставить всем вам живое незабываемое удовольствие от эксперимента. Я думала, ты смелая, — с беспощадной прямоотой закончила учительница.

— Я своей осторожности и благоразумия не стыжусь. Я смелая, где уверена. А электричество для меня — новое. Не стала рисковать из-за пустого куража или

щенячьего любопытства, — объяснила я спокойно и просто, не давая волю уязвленному самолюбию.

— Не поверила мне? — огорченно, с легким упреком спросила Ольга Денисовна.

Слова отчаяния, желания избыть чувство вины перед любимой учительницей застряли в моем горле. Я только смогла упрямо пробурчать:

— Никому не доверяю. Только себе.

— Нельзя так, — участливо и великодушно заметила Ольга Денисовна.

— Не обижайтесь! На консультации все произошло так быстро, что я не успела сообразить, доверять мне вам или нет, — брякнула я, несколько позже поняв, что опять совершенно не заботилась о чувствах педагога.

Ольга Денисовна опешила от моего наивного откровения, как от утонченного издевательства, почувствовала себя в роли обвиняемого и не сразу справилась со своими чувствами. По ее лицу сначала пробежали нервные тени, потом блуждала растерянная обиженная усмешка. И тут прописная истина забрезжила в моем мозгу. Снопом света брызнуло прозрение: «Она считает, что я обязана верить учителю безоговорочно!» Ощутила себя глупой, голой, незащищенной. Потом захотела сгладить свой промах, но, как всегда в таких случаях, от волнения в голову ничего хорошего не пришло. Я смущенно опустила голову.

— Может, у тебя уже была неприятная встреча с напряжением? — грустным и, тем не менее, интригующим тоном спросила учительница, первой нарушив тягостную паузу.

Я тут же оживилась, как человек, сбросивший с себя тяжесть непонимания, неловкости от непреднамеренной обиды близкого человека.

— Было дело, — мгновенно и радостно созналась я, — в квартире у дедушки за кроватью находилась электрическая розетка. А крышка на ней болталась. Я взяла малюсенькую, совсем как игрушечную, отвертку от швейной машинки и начала закручивать винтик. Но до розетки доставала с трудом. Тогда я завернула постель, села удобно и принялась за работу. Панцирная сетка подо мной прогибалась, качалась, пальцы соскакивали с деревянной ручки. В общем, попала я отверткой в отверстие розетки. Вмиг мощная волна очень болезненными жгутами скрутила мне мышцы рук и груди и, на мое счастье, сбросила меня с кровати. Очнулась. Губы дрожат, слова сказать не могу. Через пару часов нормальной стала. Только слабость в теле осталась и в сердце покалывало.

А как-то швея мамы Оли приходила с четырехлетней внучкой. Мы в зале обедали, а девочка на кухне была. Вдруг она как закричит! Подскакиваем, а она сидит на полу, круглые бессмысленные глаза замерли на месте. Глядим, а у нее к пальчикам приварились две булабочки с петельками, те которые используют при шитье. Она их в розетку зачем-то засовывала. Еще там же на кухне мокрая газета коснулась розетки, и меня ударило током.

А на полевом стане я выпрямитель потрогала. Он был отключен, а меня все равно здорово потрянуло, потому что внутри него находился неразряженный конденсатор. Локти долго болели, — скороговоркой перечисляла я результаты своих первых неудачных контактов с новинками цивилизации.

— Громадный у тебя опыт знакомства с электричеством, — покачала головой Ольга Денисовна и пророчески сказала, как предначертала: — Теорию учить надо!

И мы обе зашлись хохотом.

Мне было приятно вот так запросто общаться с учительницей (и одновременно двоюродной тетей по отцу). Я осмелела и спросила:

— А почему Вы только сейчас учитесь в институте? Пожалуйста, не обижайтесь, я не хочу вас обидеть, — предупредила я, заметив ее безмолвный напряженный взгляд.

Ольга Денисовна ответила не сразу. Видно, тщательно оберегала она свое прошлое от бесцеремонных вторжений и нечасто сотрясала свое сердце горькими воспоминаниями.

— В нашей семье было десять детей. Я меньшая. В колхоз отец не пошел, чувствовал, что не прокормимся. А корову отдал. Все равно нас в кулаки записали, потому что дом имели кирпичный. Отец сам его строил. Труженик он великий. Обложили нас огромным кулацким налогом. Пришли сборщики и забрали всю одежду из сундука. Отец без отдыха работал снова заработал на одежду и корову. На следующий год опять все отобрали. Братья мои отцу помогали кирпич соломой выжигать. А как-то раз солома загорелась или кто по злобе, из зависти поджег. Младший брат стал тушить. Обгорел сильно, но выжил. Летом всей семьей в колхоз нанимались на работу. Все постройки из нашего кирпича до сих пор стоят. В армию детей кулаков не брали, но, когда началась война, мои братья пошли добровольцами. Пете шестнадцать тогда было.

— Это вы про дядю Петю, который труды у меня вел? — поняла я.

— О нем, — подтвердила Ольга Денисовна.

— А вы помните, как война началась? — не удержалась я от следующего вопроса.

— Конечно. Вся наша семья уже за столом сидела. Завтракали. Вдруг подбежала соседка с криком: «Война!» Отец побелел сразу. Все затихли. Жутко мне стало от их молчания. Потом... страшно даже вспоминать... Два года в школе не училась. При немцах только начальная школа была. Они считали, что для русского народа достаточно. Мальчиков в Германию угоняли. Староста у нас хороший был, предупреждал, чтобы успели попрятаться. Брат Коля в девушку переодевался. Когда девочек начали забирать, мы к партизанам ушли. Зимой вернулись. Немцы одного партизана в деревне поймали, расстреляли и село подожгли с двух сторон. Скот весь порезали. Нас, детей, на мороз выгнали, а мать заставили печь топить. Мылись они голыми. Мы на чердак забрались, лестницу убрали и дрожим от холода. Тут наши разведчики на лыжах приехали. Ой, как мы радовались! Потом ополченцы в лаптях появились, а следом — регулярные войска. Только успокоились, опять немцы пришли. Окопы пришлось рыть и для своих солдат, и для врагов. Зима выдалась на редкость лютая. Голод небывалый. Жили невыносимо тяжело. Как звери. Только бы выжить. Только бы проснуться утром. Печи бурьяном топили. В тот год нас мешок семечек от смерти спас... Да много чего было. Ты смотри, про кулаков никому... — наклонившись совсем близко к моему лицу, шепнула Ольга Денисовна.

— Понимаю, — кивнула я солидно.

— А после войны о десяти классах речи не могло быть. В педучилище поехала. В общежитии снег на стенах. Если кто уходил, то одеяло сразу хватали другие. В два часа ночи шли очередь занимать, чтобы восемьсот граммов хлеба на день получить. Да еще хозяйственную рачительность проявляли — для родных хлебушка хотелось хоть немного сэкономить. В сорок шестом году страшный голод был... С Украины к нам люди ползли... картофельные очистки, фрукты с земли подбирали... пухли... хоронить не успевали... Все-таки посчастливилось педучилище закончить. Поехала работать по направлению. Школа маленькая. Учителей не хватает. Я отлично училась, и мне позволили сразу в старших классах преподавать. Учила русских и нагайбаков (крещенные татары). Татары быстро русскому языку обучались, но между собой все равно по-своему разговаривали. Я жила со своей подружкой Раей. Темными вечерами сидели с ней в школьной квартире и пели любимые песни из заветных тетрадей-альбомов. Вроде этой: «Далеко, далеко, где кочуют туманы...» Ты знаешь, счастливы были! Потому, что юные. Быстро катились удивительные годы. Каждый день как щелчок. Раз и нет его! Упоительные, влекущие, запредельные мечты, озаренные светлой надеждой и любовью!

У молодых жизненные инстинкты удивительно могучи. Вера в то, что учим детей для прекрасного будущего, придавала сил и поднимала нас в своих глазах... Очень уважали учителей в деревне. Какая бы очередь большая ни была, нас всегда первыми обслуживали. В Сибири я тогда работала. А потом родители домой затребовали. Пришлось послушаться. Я очень не хотела уезжать. И молодой человек не пускал...

Ольга Денисовна медленно наматывала медную проволоку на катушку трансформатора, а мыслями была в далекой Сибири, ставшей ей второй родиной, в которой она оставила частичку своего сердца, но увезла с собой тепло душ благодарных людей суровой земли.

А мне показалось, что после нашего разговора, Ольга Денисовна стала мне как-то ближе, понятней.

МУЗЫКА

С утра таскала уголь в сарай двумя ведрами. Мать увидела из окна и зашумела: «Одним работай! Пупок развяжется». Послушалась. Носила уголь до тех пор, пока пальцы перестали удерживать ведро. И вроде бы недалеко куча от сарая, а руки «развелись». Ничего, за ночь боль стихнет. Не впервой.

Вечером родители отправились на станцию смотреть индийский фильм «Бродяга». Нас не взяли. Фильм «до шестнадцати». Брат пошел к Ленчику, а я лежу на раскладушке, слушаю радио и вспоминаю Лилиного папу. Удивительно располагающий к себе человек! Красиво он вчера рассказывал о музыке ребятам из своего ансамбля русских народных инструментов! Я стояла в школьном буфете за сахаром и сначала задумчиво внимала через открытую дверь класса только звучанию густого мягкого украинского акцента, делающего речь Дмитрия Федоровича обаятельной вне зависимости от содержания. Потом вникла в суть.

— ...Магия цыганского темпераментного пения душу затрагивает потому, что они изначально через сердце пропускают потрясающие фразы. Не поют а плачут. Есть у них грандиозные исполнители, певцы от бога.

— ...А милые сердцу смешные и забавные частушки? Уникальное явление! Они «своей самобытностью, искренностью и залихватской целебностью всегда скрашивали непробудно тяжкую жизнь народа. Отзвуки неизмеримо далекого неведомого прошлого и сейчас властвуют над нашими душами, наполняя их живительной силой, опьяняющей радостью, неисчерпаемым богатством и глубиной интонаций, а еще мудростью. В них заключено высшее проявление народной музыки. Пока такое искусство живет в наших сердцах, с нами ничего плохого не произойдет. Через песни и частушки каждое следующее поколение лучше понимает историю своей страны».

Я сразу вспомнила весну второго класса, странные, на мой взгляд, развлечения девочек на переменах между уроками: танцы, дружное звонкоголосое пенье старинных обрядовых песен, проникнутое истинным, от сердца, весельем. Исполнение деревенскими детьми «преданий старины далекой» я тогда объяснила себе их необразованностью, дикостью, серостью, даже дремучестью. Почему я не понимаю истинно народного песнопения, особенно частушек? Почему они оставляют меня равнодушной? Может, моя душа была сразу расположена к более серьезной музыке? Или этот недостаток является следствием ограниченного детдомовского общения с внешней средой, а знакомить с основами, корнями подобного вида творчества надо было еще в очень раннем возрасте? Если так, то досадно.

Опять прислушалась к разговору в соседнем классе.

— ...Не зная романсов, мы теряем одну из составляющих нашей души... Нежно льются, словно вьются тонкие звуки музыки Вивальди! А какие есть у него мятежные мелодии!.. Некоторые русские, украинские и молдавские народные мелодии вы уже освоили. Скоро возьмемся за немецкие и итальянские.

Кто-то из ребят свирепо возмутился:

— Немецкие?!

Дмитрий Федорович усмехнулся:

— Мы изучаем музыку. Если всюду слышать только «хенде хох» да «шнель», то любой язык может показаться грубым, а любой народ жестоким. Так и Моцарта можно начать поносить. А ведь «когда звучит его музыка, все беды теряют власть над людьми», — сказал мне однажды мой учитель. Ему нельзя отказать ни в уме, ни во вкусе. Культуры разных стран можно понять путем любви. И себя лучше осознавать в сравнении с другими нациями. Будем, ребята, последовательно изучать танцевальные ритмы Запада и Востока. Вы уже много знаете про головокружительные вальсы, а кто может рассказать мне о танго?

Молчание в рядах артистов. А я представила напускную суровость, строгость,

исполненную достоинства сдержанность своего учителя на уроках, его улыбку и неистощимый запас шуток на переменах. Сейчас он был совсем другим: романтичным, взволнованным.

— Танго — танец нежный, лиричный, томный и в то же время сдержанно-страстный, я даже посмею сказать — сладострастный, дурманящий, обволакивающий всего человека до кончиков пальцев. Вот что значит танго! Это танец объяснения в любви. В школе я был лучшим танцором. «Убивал» всех безупречной изысканной галантностью. Как мне завидовали друзья! ...Гитару до сих пор люблю. Под нее не поют, а будто с душой разговаривают. А на минорный лад скрипка настраивает. Музыка, ребята, выманивает из глубины сердца новые непонятные незнакомые чувства, дает возможность побывать в особом, прекрасном мире. Она уносит в неведомое пространство, связывает с неизвестными мирами. В юности я совершил, как говорила моя бабушка, очень разумный поступок: я осуществил свою мечту. Не томился раздумьями, а купил на первые же накопленные деньги баян. И теперь он всегда со мною. Кто из вас слушал блюз?

Ребята смущенно молчали. Дмитрий Федорович продолжал:

— Мне один музыкант как-то сказал: «Блюз исполняют люди, когда им очень грустно». Он был из обрусевших немцев Поволжья. Мальчонкой я жил в тех краях... С детства надо прививать вкус к хорошей музыке, тогда и в старости она будет дорога и понятна. Старикам подчас малоинтересны новые направления в музыке, привычных традиций придерживаются. Ничего в этом плохого нет. Они хранители прекрасного, а молодым нужна свежесть чувств... Классическая музыка предназначена не только для узкого круга. Это ошибочное мнение некоторых критиков, воображающих себя элитой и не желающих утруждать себя просвещением широких масс...

— Я слышал, бывает вредная музыка, которая расслабляет, взвинчивает нервы, даже убивает волю, — тихо произнес какой-то мальчик.

— Так говорят те, у кого убогие вкусы или узкие пристрастия. На свадьбе надо одни песни петь, перед боем — другие, — задумчиво произнес Дмитрий Федорович. — Сколько израненных душ и тел искало в войну приюта под крылом музыки и музы! Я сам был в их числе.

Слова прядут узорные воспоминания. Затаив дыхание ребята слушают учителя. Мир музыки входит в их сердца...

Я представила себе строгий магический профиль учителя и подумала о том, что он облагораживает все, к чему бы ни прикасается.

А чьи песни мне теперь нравятся? Дунаевского и Таривердиева. Их музыка то легкая и восторженная, то глубокая и трепетная. Я тону в ней...

Услышала объявление диктора о концерте итальянской музыки. Вскочила с дивана и включила приемник на максимальную громкость. Полились чудные звуки «Баркароллы». Всем своим существом я слышу шорохи далеких волн, нежные всплески и мощные лавинообразные удары о прибрежные камни. Я чувствую присутствие бесконечного морского пространства. Но оно выражается иначе, чем просторы наших полей и лесов. Эта музыка потрясла меня новым, неожиданным звучанием природы. Вот так же я когда-то открыла для себя ночное звездное небо, краски заката и французские песенки, беззаботные, но душевные, которые, наверное, могли появиться только от безделья, когда есть возможность любоваться прекрасным.

Мысли потекли в другое русло. В этом году у меня снова, как раньше в детдоме, стали возникать в голове мелодии. Чаще всего на лугу или в поле. Почему? Оттого, что я на природе? Но когда я работаю, то не вижу ее. Природа сама проникает в меня? А может, музыка появляется во мне так же, как рифмовки и фантазии?

Оперную музыку по радио я не воспринимаю, если занимаюсь домашними делами.

Приходится хоть на время бросать работу, чтобы сосредоточиться, настроиться.

Интересно, а музыканту придет в голову красивая сложная музыка, если он будет работать в холодной, темной лачуге да еще голодным? Выйдет ли из его души радостная мелодия? Почему в наших старых русских песнях много грусти, тоски, безысходности или необузданного веселья, как с похмелья, а современная музыка вдохновенная, торжественная, светлая, полная предвкушения счастья? А мне в голову всегда приходили и приходят только восторженные или удивительно торжественные мелодии! Почему? Может, потому что я ребенок?

Мне редко нравится все большое сложное произведение. Наверное, потому что я не разбираюсь в тонкостях музыки. Обычно я запоминаю всего лишь несколько отрывков. Когда мы во втором классе слушали с учителем оперу, то оказалось, что всем ребятам очень понравился один и тот же отрывок. Учитель пения назвал его шедевром. Вот бы услышать целый концерт шедевров сразу! Фантастика!

Удивительно! Сочетания семи нот создают в человеке мир трепетного блаженства, красоты и гармонии. Музыка проникает в глубины души, потрясает, возбуждает, открывает самое сокровенное. Через нее я познаю себя. Суета уходит в сторону, все плохое исчезает. Я наполняюсь любовью! А букв в алфавите тридцать три. Интересно, в них меньше или больше возможностей влиять на чувства человека?

Эх! Жаль, что у меня нет ни красивого голоса, ни музыкального слуха. Бесталанная. Отец и Коля играют на многих музыкальных инструментах. А я обожаю петь, когда в хате никого нет. При этом чувствую полнейшее удовлетворение. Мне нравится! Мне приятно. Что еще надо! Я имею право восторженно и вдохновенно исторгать любой набор звуков, который ярко выражает мои чувства. Иногда я изображаю чужой язык, подбираю звучные или мягкие лирические сочетания слогов. Когда я пою, весь мир кажется мне состоящим только из счастливых людей. Я расслабляюсь, во мне появляется удивительная легкость свободного, ничем не обремененного человека. Я пою отрывки из оперетт, песен, свои рифмовки — все то, что соответствует в данный момент моему состоянию души, что радует меня. Я ношусь по комнате, кружусь и воображаю, что на самом деле хорошо исполняю и всем приятно меня слушать. Я так выражаю радость не конкретно кому-то, а небу, вселенной за то, что они есть, потому что очень здорово жить на планете Земля! В эти минуты мне хочется смеяться, говорить слова любви солнцу, облакам, людям! Моя душа восторженно кричит миру: «Я люблю тебя! Солнце светит всем!» И пусть мне в чем-то не везет, но внутри меня есть желание счастья, ощущение счастья. И оно держит меня на этой земле, зовет мечтать, достигать желаемого. Я обязательно добьюсь чего-то нужного, важного! Чего? Пока не знаю.

Получается, что радость жизни во мне? Значит, от меня зависит, какой мне быть: веселой, оптимистичной или кислой занудой? Это же здорово!..

Чувствуя свою «музыкальную неполноценность» в семье, я пробовала вместе с братом учиться играть на балалайке. Освоила «Во поле березонька стояла». Сыграла несколько раз, но удовольствия не получила. Прошел месяц. Я снова взяла балалайку в руки. Но воспроизвести полностью мелодию не смогла, кое-что забыла. Коля сказал: «Подбирай на слух». Я долго путалась, а потом заглянула в тетрадку и проиграла правильно. И таким скучным показалось мне запоминание нот, что я повесила инструмент на гвоздь и больше к нему не притрагивалась! Пусть отец как угодно обзывает. Не мое это дело. Вот рисовать — хоть сто порций! Особенно если портреты или карикатуры. Применения, говорит, нет моему рисованию! Так ведь и Коля не собирается на свадьбах играть и деньги зарабатывать. Он только на школьных вечерах выступает. Жаль, негде поучиться рисованию. Как-то взяла у Коли книжку рассказов с иллюстрациями и свои рисунки к ней нарисовала. Показала матери и спросила:

— Разве мои хуже?

— Не хуже, — отвечает, — но тебе все равно не дадут книги оформлять.

— Почему? — удивилась я.

— Подрастешь, сама поймешь, — был ответ.

Конечно, рисовать желание не пропало, а вот мечтать на эту тему больше не хотелось.

Я не переживаю, что не научилась играть на музыкальных инструментах. Главное, что я люблю и понимаю музыку. Она дарит мне радость. Слушаю ее, — и хочется жить ярко и красиво! А еще хочется делать много-много хорошего...

Иногда я чувствую острую необходимость послушать оперную музыку, вроде той, которая появлялась у меня в голове с раннего детства. Сначала я думала, что Бог пошутил надо мной, давая возможность слышать эту музыку, но, не вразумив, как записать ее для других. Теперь я смотрю на эти события иначе. Мне кажется, я тогда слышала ту музыку, которая должна вести меня по жизни, которую я буду любить всегда.

Может, человеку нужна любовь к определенной музыке? Недостаток любого вида любви вызывает грусть, а иногда и болезнь. Вот когда тетя Жанна и дядя Женя разошлись и тетя вскоре заболела, я спросила бабушку: «Почему именно тетя заболела, ведь оба переживали?» Она объяснила так: «Женщины в большей степени любят других — мужа, детей, они отдают много душевных сил, поэтому нуждаются в их пополнении, то есть в особом внимании, и очень страдают от недостатка заботы». Значит, если я не слышу оперную музыку, когда мне очень хочется, то при этом что-то теряю? Нет, недаром люди придумали радио, театр! Они заряжаются в них хорошими эмоциями и получают дополнительную любовь. Ох, Витек! До чего я дофилософствовалась!.. Жаль, я не знаю твоих теперешних музыкальных пристрастий. Орать военные песни ты был большой мастак!

Не мешая моим мыслям, тихо воркует радио о событиях в районе. Вдруг оно заскрипело, захрипело, выбрасывая обрывки фраз, потом «закало» и «заекало». Диктор будто передразнивал кого-то. Я его тоже немного подразнила и пошла за спичками. Пора зажигать лампу и повторять устные уроки.

АЛЬБИНА

Я в городе. Мать пошла в библиотеку, а я села в автобус, чтобы поскорее добраться до реки. Свободных мест было много, но я предусмотрительно пристроилась у выхода и даже кресла не стала занимать. Ведь шофер по доброте душевной согласился подвезти меня и еще одного старичка. В салоне в основном рыбаки. Одни дремлют, другие тихо переговариваются, делятся впечатлениями ночной озерной рыбалки. Рядом со мной на заднем сидении, свернувшись калачиком, спит мальчик лет шести, нежно оберегаемый матерью.

Вдруг автобус резко затормозил и остановился. Я слышу, как шофер сердито выговаривает безрассудному молодому человеку, который чуть не попал под колеса:

— Вы же мне чуть аварию не устроили! Еще немного, и мы слетели бы в кювет!

Шофер не хотел брать в заказной автобус грубого заносчивого попутчика, который разволновал его, и к тому же, вместо того чтобы просить об услуге, требовал подвезти его к реке. Старший из рыбаков, видно, торопился домой и не желал выслушивать долгие препирательства обеих сторон, поэтому махнул рукой, приказывая открыть двери. Молодой человек, оглядел салон, подошел к нам и шлепнул малыша по спине так, что тот подскочил сразу сел, испуганно прижавшись к матери. Ребенок ошалело помотрел на мужчину сонными, непонимающими глазами, а молодая мама возмущенно зашептала:

— Зачем напугали ребенка? Мало вам свободных мест?

— Мне это понравилось, — спокойно ответил настырный пассажир.

— Мой сын всю ночь не спал. Нам еще долго добираться. Может, подремлет хоть немного в автобусе. Пересядьте, пожалуйста, на свободное кресло передо мной. Оно

более удобное, с подлокотниками, — попросила женщина.

— Может, я тоже ночь не спал, — громко и надменно произнес попутчик.

— Но вы же взрослый, — удивилась женщина. — Наверное, и сын у вас есть. Кольцо вон на пальце.

— Есть сын. Ну и что? Хочу и буду здесь сидеть, — упрямо и нагло заявил молодой мужчина.

Шофер услышал перепалку, остановил автобус и подошел к несговорчивому пассажиру:

— Автобус не рейсовый, Вам оказали услугу, взяли с собой. Так ведите себя должным образом, уважайте людей, находящихся рядом с вами, или покиньте салон на первой же остановке. Посмотрите, дамочка совсем обессилела с больным малышом. Сочувствие надо иметь!

— Где захочу, там и буду сидеть! А выкинуть себя не позволю! У всех равные права, — гаркнул хорошо поставленным голосом уверенный в своей правоте невоспитанный попутчик.

— Имеете не только права, но и обязанности, — возмутился шофер.

— Иваныч! Хватит бодягу разводить! Вези поскорее, устали все! — слышались отовсюду голоса рыбаков.

— Мама, не надо, я потом посплю, — тихо попросил испуганный мальчик и еще теснее прижался к матери.

Не получив поддержки от рыбаков, шофер раздраженно пробурчал: «Не выпустить бы до самого конца маршрута, может, задумался бы о своем поведении». И сел за баранку. «Такой и автобус в щепки разнесет, лишь бы все по его было, — подумала я. — А на вид культурный, аккуратный, наутюженный». Вспомнила про женщин, которые выставили из трамвая пьяного мужчину, обижавшего жену.

Молодая мама еще некоторое время пыталась разъяснить неприятному соседу моральные аспекты поведения в обществе, но, увидев абсолютное безразличие и нежелание понимать, прекратила бесполезный разговор.

Вдали за деревьями замелькала река. Автобус остановился. Я поблагодарила доброго шофера и прыгнула на землю.

Пробиралась к реке через парк. Занудные дожди смыли яркие краски осени. Поникли блеклые травы. Тут и там вижу еще не осыпавшиеся лохматые кудели их семян. На одних верхушках стеблей травы пух семян как овечья шерсть на веретене, на других — похож на патлатые светлые волосы. Я играю белыми шапками пуха и незаметно для себя оказываюсь на берегу реки. Здесь неожиданно много отдыхающих. Наверное, потому, что сегодня тепло и сухо. Медленно иду вдоль берега, заросшего ивняком. Слышу, как девочка спрашивает у старушки:

— Бабушка, после революции люди изменились или такими же остались?

— Добрее, открытее стали. Раньше, бывало, если хозяйка знает рецепт какого-либо очень вкусного блюда, ни за что не поделится.

— Что еще хорошего ты заметила? — допытывается внучка.

— Теперь достоинство выше денег ценится.

— У дворян оно тоже на первом месте стояло. Я читала об этом.

— Так то у дворян, у господ, — уклончиво усмехнулась бабушка. — Быть бы твоей маме служанкой при них, а она вот на доктора выучилась.

Другой детский голос перебивает их:

— Бабушка! Что такое старость?

— Это когда стоишь на поляне, усыпанной земляникой, а собрать не можешь, — с некоторой грустинкой смеется бабушка.

— Бабушка! А ты знаешь, почему я люблю мелкие фрукты? Потому, что они специально для меня маленькими выросли. Поняла?

— Поняла, поняла, — торопливо отвечает старушка.

— А если я буду пить сливки, у меня будут зубы белые, сливочные? — опять теревит ее малышка.

— Юлечка, не мешай беседовать с твоей старшей сестричкой, надо быть доброй и воспитанной, как говорит Бог, — назидательно произносит бабуся.

Юля наивно возражает:

— А я не слышала, как Бог это говорил.

И снова пристает:

— Бабушка, почитай! Ты добрая мышка из сказки Андерсена. Твой голос для меня самый любимый! Объясни, как может Дюймовочка летать, если ей подарили мертвые крылышки? Ведь у эльфов были настоящие живые, как у стрекоз?

Старушка, восхищенная вопросом пятилетней внучки, что-то старательно толкует насчет моторчика, который, вероятней всего, укрепляется на платице и приводит крылышки в движение.

Рядом, сидя на поваленной сосне, беседуют двое пожилых людей.

— ...Я теперь на пенсии, «тыбиком» работаю. Совсем немоготу стало жить, — жалуется один.

— Как это? — не понимает другой.

— Жена каждый день говорит: «Ты бы сходил в магазин, ты бы квартиру помог убрать...»

— Слюнявые жалобы! Ну, ты, братец, даешь! Загнул выше крыши! Знаешь, как трудно пробиться через толщу равнодушия и безразличия, когда тебе постоянно говорят: «Не канючь, молчи в тряпочку, не суйся, куда не просят... сиди и посапывай в две дырочки». Радуйся, что кому-то еще оказался нужным... У одних в носу свербит, а у других в душе, — ледяным тоном закончил второй старик, тот, что тощий.

В его глазах догорали тусклые холодные искорки недоговоренности. Первый старик присмирел, как не выучивший урок школьник.

— Покантовались здесь и будет. Продрог я что-то. Пойдем потихоньку домой пехом? — примирительно предложил худой и продолжил устало и горько: — Ишачил, рогом упирался, думал сносу мне не будет, а теперь вот совсем квелый стал. Искромсала жизнь... Как годы думы тяжелы. А помнишь, как мальчишкой я футболил по улице булку, а ты возмутился: «С ума сошел! Давай съедим». А я что ответил? Допинаю до угла, потом и съедим». Стыдно было на людях поднять...

Старик совсем остыл и обмяк.

Иду дальше. Молодая грустная женщина сидит в шезлонге. В ее молчаливом взгляде, устремленном вдаль, — глубокое раздумье и обида. Дочка лет пяти вьется вокруг нее.

— Мама, я так переживала, так плакала! Боялась, что с тобой что-нибудь случится в отпуске. Я так скучала! А ты плакала?

— Нет, — продолжая думать о своем, отвечала женщина, — взрослые не плачут.

— Я же видела, как ты плакала, когда папа на тебя кричал, — широко распахнув большие черные глаза, удивленно заметила малышка. — Mamочка, я знаю, у тебя нервы, но ты не сердись, сразу всех прощай.

Мать печально и смущенно потупилась.

— Mamочка, ты же отдохнула в отпуске, будь веселенькой. Давай радоваться и смеяться! Хочешь, я попрошу папу вернуться к нам? — совершенно искренне, не осознавая подоплеку сложных взаимоотношений взрослых, предложила девочка.

И получила в ответ:

— Не надо. Нам вдвоем лучше.

— Мама, я чувствую, что тут ты не права, — задумчиво и мягко произнесла девочка.

— Папа меня тоже разлюбил? — услышала я вдруг ее тоскливый, испуганный шепот.

— Нет, тебя он никогда не разлюбит, ты же ребенок, — уверенным голосом успокоила мама дочку и порывисто прижала к себе.

Я вспомнила себя в этом возрасте. Душа заныла бедами малышки...

Неподалеку шепчутся две пожилые женщины:

— Как волновалась, когда мать в отпуск уехала! Осталась без отца и панически боялась потерять мать. Особенно по вечерам страдала. Плакала и бормотала: «А если мама погибнет?» Откуда у нее такая жуткая мысль явилась. Исстрадалась бедняжка, ничем отвлечь ее не могла... Когда ушел отец, ребенок совсем другим стал. Куда девалась прежняя беззаботность! Научилась молчать, замалчивать, скрывать. Повзрослела сразу. При упоминании об отце чужими людьми сразу замыкается, в глазах будто появляется стеклянная неподвижная шторка, за которую никого в душу не пускает. Как-то беседовала с внучкой весело, непринужденно, и вдруг она говорит мне: «Бабушка, ты так хорошо, ласково и радостно со мной разговаривала! Спасибо!» Представляете? Так и сказала! И с каким трогательным, нежным чувством в голосе! У меня сердце дрогнуло. Ребенку пять лет, а она чувствует и ценит искреннюю любовь.

На чистом песчаном пляже расположилась большая компания. Похоже, у них диспут. Они громко спорят, и я успеваю различить только отдельные фразы.

— ...В торговый институт поступают приземленные люди, а в педагогический — только возвышенные. Они заранее знают, что работать будут за гроши...

— ...Как ни странно, альтернатива любви не ненависть, а безразличие...

— ...Вышла замуж. «Ты счастлива?» — поинтересовалась моя подруга. «Спроси через двадцать лет», — ответила я в шутку. А уже через год поняла, что в своей жизни я исхожу из понятий добра и доверия, а он — из недоверия... Человек богат добротой, а счастлив любовью... Классики всегда правы... Женщину можно предать, но никогда нельзя вернуть назад. Она больше его не полюбит. Может только смириться с ситуацией...

— ...Надо иметь светлый, легкий взгляд на жизнь, — декларировал молодой человек. — Пессимист — человек, который всегда прав, но не получает от этого удовольствие. Я же удовольствия ищу!

— А трудности женщине оставляешь? — резко возразила девушка...

— ...Жизнь человека делают яркие моменты. Что удерживает память? Что тронуло душу, поразило, восхитило, обрадовало...

Ссорятся двое:

— У тебя же ребенок!

— У нас ребенок! Устала объяснять тебе прописные истины...

Рыбаки курят и хохочут, что-то вспоминая. Поняв, что момент самый удобный, я попросила рассказать мне рыбацкую байку. Самый старший из них согласился. Я наострила уши. «Сидят рядом немец и русский. Рыбу ловят. Немец поймает рыбку, осторожно снимет с крючка, в воду бросит и опять на поплавок смотрит. А наш мужик ловит и в садок складывает. Долго так продолжалось. Наконец, русский не выдержал и спрашивает немца:

— Зачем ловишь и отпускаешь?

— Я, — отвечает, — от самого процесса удовольствие получаю.

Русский тогда говорит ему:

— Я ловлю рыбу, жарю, и пятеро оглоедов ее за обе щеки уплетают. А я смотрю на них и тоже от самого процесса удовольствие получаю!»

Я улыбнулась, поблагодарила веселого балагура и пошла дальше.

На лавочке две старушки тихонько шепчутся. Я тут же нацелила на них свои уши-локаторы.

— ...Молить зять должен был доктора о помощи, о проведении операции без очереди, а он своим опозданием подчеркнул свое неуважение к нему. Думал, если был звонок в больницу от большого начальника, так он получил право унижать человека, заставляя плясать под свою дудку. Глупый гонор! Вот и получил своим салом по мусалам. Доктор не дождался моего зятя в назначенное время и ушел других больных консультировать...

— ...Мужчины дольше живут женатыми, а женщины — если незамужние. Это факт, — утверждала одна.

— Но старух обычно больше, чем стариков, — энергично возражала другая.

— Эти дожили до глубокой старости, потому что рано без мужей остались, — дробно захихикала ее подруга. — Неправда, что ребят меньше, чем девчат. Их приблизительно поровну. Война нарушила баланс, но сейчас мальчиков больше рождается. И ничего в этом сверхъестественного нет. Закон природы. Это мы, старухи, портим статистику, создаем неверные представление о количестве молодых пар.

Не сразу я дошла до смысла завуалированных шуток старушек, поэтому поняла, что они мне интересны, и внимательно прислушалась. Только мало что смогла разобрать:

— ...Батюшка мне в церкви объяснял: «Пусть ученые занимаются наукой: у них база для этого имеется. Мы мешать им не будем. Но когда они изобретут что-то, то пусть не мешают нам выяснять, что хорошее и что плохое в их научных изысканиях. Это уже наш вопрос, нравственный, — говорила старушка, та, что в шляпке.

— ...Ой, жуткую картину надьсь у церкви наблюдала! Сначала нищие истово молились за здоровье подающих, а потом из-за подаяния драться стали, — это, закатив глаза, охала вторая, в белом ситцевом платочке.

— ...Безумный видит то же, что и здоровый. Просто он говорит то, что нормальный себе не позволит... — утверждала первая, переходя на шепот.

Иду, размышляю о только что услышанном. Наблюдаю, как на берег реки с пригорка медленно спускается пожилая пара и направляется к кустам, где расположилось большое семейство: огромный, уверенный в себе папа, тихая мама, шустрые, звонкоголосые сынок и дочка лет по 9-10 и молодая веселая бабушка с грудным

ребеночком на руках.

Необъяснимые причины приковали мое внимание к старикам. Привычка обращать внимание на незначительные мелочи или обычное для меня острое бескорыстное любопытство заставило остановиться и обратить на них свой взор? По тому, как разговаривали эти двое, было ясно, что между ними лад и понимание. Но судьба, видно, складывалась для них не всегда удачно. Не сказать бы, что женщина была старой, но ее некогда красивое лицо донельзя изборождено мелкими морщинами. Глаза потухшие. Выражение лица спокойное, даже бесстрастное. Движения неуверенные. Подойдя к реке, она тревожно огляделась. «Что за неуместные шутки? Где мои удочки?» — беспомощно выдохнула она и тяжело опустила в шезлонг. По страдальчески искаженному лицу заскользили слезы отчаяния.

Ее муж засуетился, заметался, ощупывая руками прибрежный песок. Видно, он всегда самоотверженно охранял спокойствие жены и тщательно защищал от любых недобрых посягательств. Я поняла, что он очень плохо видит, и пришла ему на помощь. Поломанные и варварски скрученные в лохматый пук снасти нашлись в кустах. Увидев их, старушка ахнула, побелела и закрыла глаза. Дыхание сбилось с ритма. В горле что-то заклокотало. Руки безвольно опустились и повисли, словно неживые. Муж заботливо успокаивал ее, торопливо давал лекарство и ободряюще бормотал: «Не волнуйся, может, хоть частично сумеешь восстановить. Потом еще купим».

Придя в себя, женщина принялась развязывать узлы на жутко перепутанных снастях. Ей с трудом удавалось разглядеть петельку лески через очки с толстыми выпуклыми линзами. Руки от усталости время от времени бессильно падали на колени. Я смотрела на женщину с неподдельным сожалением. Желая помочь, потянулась к бедняжке. Ее муж остановил меня тихим шепотом: «Пусть возится. Чтобы успокоиться, ей необходимо отвлечься работой».

Женщина не искала виновных, а только тихонько сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Врачи советовали: речка, лес, рыбалка. Операция была... рак признали... сказали, может, еще поживу, если буду получать положительные эмоции... Да какие уж тут положительные эмоции? То ребятишки побаловались: сигаретой лески пережгли, когда я задремала, то рыбаки-пьяницы своровали удочки. И вот опять... В какой-то бессмысленной злобе испортили снасти! Кому они мешали? Два пляжа рядом. Под кустами мест свободных хватает, — недоуменно бормотала она.

В большой шумной семье, весело готовившей на костре обед, наступила неестественная тишина. Мальчик и девочка, напряженно наблюдавшие за происходящим, переглянулись и отчужденно посмотрели на отца. Тот только открыл рот, чтобы что-то произнести, но дети выразительно осуждающе взглянули на него и принялись собирать свои игрушки. В полном молчании семья уложила вещи и покинула место отдыха.

Все так же светило солнце и разносились птичьи трели, но все участвующие в этой истории люди понимали, что в сердце больной женщины появилась еще одна незаживающая рана.

Мне было неимоверно тоскливо, и я снова отправилась бродить вдоль берега, надеясь, что весело скользящие волны на реке отвлекут меня и заглушат недовольство моего сердца. Вспомнились сказанные моей бабушкой в одной грустной ситуации дивные слова сочувствия. Задумчиво и отрешенно глядя в тихое безоблачное небо, она произнесла тогда: «Для нашего организма есть удивительные средства защиты. Для одних это религия, для других — вера в лучшее, а для кого-то — прекрасные фантазии».

Последнее — для меня.

Вижу: идет отряд мальчиков в спортивной форме, похоже, восьмиклассники. С ними учитель. Он отчитывает мальчишку:

— В парке куришь от избытка кислорода или от недостатка ума?

— От переизбытка взрослости, — понуро отвечает тот.

— А зачем скамейку ломал?

— Высвобождал энергию духа, — нагло вато ухмыльнулся пацан.

— Не духа, а дури! — возмутился учитель. — Вернемся в лагерь, получишь сто приседаний за каждый проступок. Ногами поработаешь, если головой пока не получается.

— А зачем мне мозги? Я в ресторан вышибалой пойду!

— Ты без царя в голове! Пойми — дураки никому не нужны! — воскликнул учитель, огорченный глупым бахвальством ученика. — С одной извилиной ты и вышибалой дров наломаешь. Для работы с людьми интеллект нужен и воспитанность. Взгляни на себя! Когда мышцы начнешь «качать»? И спортом заниматься лень? В поход домкратом с постели стаскивали. Что читаешь, о чем думаешь, когда часами валяешься на койке? — недовольно и в то же время с тоскливым надрывом выговаривал учитель самоуверенному мальчишке.

— А зачем мне читать? Мне и так хорошо живется!

— С мамой и папой? На всем готовом? Конечно! А что ты видишь вокруг, что замечаешь, что радует тебя? Чувства в себе надо воспитывать, любить тоже приходится учиться. Проснись! Открой для себя красоту природы, мир талантливых людей, научись ценить доброту. Зачем читать классику!? Затем, чтобы в своем развитии уйти подальше от четвероногих, для которых важна только еда. И все!.. Ты понимаешь!? А твой примитивный оптимизм годится только для утешения умственной неполноценности, — в запале говорил учитель.

Тут к ним присоединился отряд девочек во главе с пожилой учительницей. Школьники приветствуют друг друга. Женщина обращается к мальчишкам:

— Ну-ка, молодежь, расскажите что-нибудь веселое из вашей спортивной жизни, а то девочкам что-то радости сегодня не хватает.

Ребята отворачиваются, в землю глядят. Один мальчишка (наверное, шутником в группе числится), ткнул пальцем в своего товарища:

— Этот тысячу историй может рассказать, если один на один с вами останется.

Тот, на кого указали, сердито отмахивается:

— Отстань, если такой умный, так сам включайся!

— Тогда вы мне задавайте вопросы, а я попытаюсь на них ответить, — улыбнулась учительница.

Ребята опять попятились с тропинки в глубь парка. Только высокий худенький мальчик с непокорной челкой надо лбом произнес негромко, но уверенно:

— У вас радость ассоциируется только с весельем?

Женщина поразилась глубине мысли, содержащейся в вопросе школьника, и, просяив, восторженно воскликнула:

— Великолепно! Поразительно! Ты знаешь: об уме человека судят не столько по ответам, сколько по тому, какие вопросы он задает. Как тебя зовут? Кто твои родители?

— Максимом зовут. Мама — воспитатель в детском доме, бабушка — физик, — с достоинством ответил мальчик.

— Тогда все ясно. Наверное, в семье масса противоречий, борьба поколений? И тебе много воспитательных моментов достается, — понимающе улыбнулась учительница.

— Бывает! — вздохнул школьник.

— Воспитывая внуков, старики исправляют ошибки, которые допустили со своими детьми по причине занятости, когда не было времени подумать, оценить, выяснить...

— Шутите? — неуверенно спросил Максим.

— Немного. Иронизирую над собой и вообще над стариками. Ничего, Максим, разберешься со своими проблемами. Главное помни, что из небезразличных, остро чувствующих, эрудированных, образованных и энергичных молодых людей, способных строить, а не разрушать, вырастают те, на ком держится наука, искусство, культура. Они — Соль Земли. Такие безоговорочно нужны стране в любые времена, — закончила разговор учительница и указала девочкам направление их дальнейшего движения.

Нежданно-негаданно заморосил дождь.

— Гусейнаев! Максим! Становись во главе колонны, — весело крикнул учитель.

И мальчишки побежали в сторону спортивного лагеря.

Я тоже заторопилась на квартиру.

Мы с Альбиной (дочкой квартирной хозяйки) играем в шашки и болтаем.

— В деревне здорово жить? — спрашивает Альбина.

— В деревне хорошо отдыхать, а жить безрадостно и однообразно. Я там тупею. Жизнь моя пресная, тусклая. В ней нет даже обычного детского азарта. Надоедает бесконечная, монотонная домашняя работа. Вот, например, у меня часто возникает желание рифмовать. Строчки летят, летят, а я должна перо для подушек и перин перебирать, что-то драить, куда-то бежать. Не могу же я одновременно работать и писать! А мысли напирают, давят и уходят. Потом вновь появляются, а я опять занята. Я злюсь, но молчу. Иногда хочется к черту забросить каждодневные дела хоть на пару часов, дать сердцу свободу, почувствовать себя раскованно, получить удовольствие от ярких радостных эмоций. Даже у солдат в армии бывает личное время. Я раньше в городе у папы Яши жила. Часто вспоминаю ту вольную городскую жизнь. Расскажи, как ты живешь? — прошу я Альбину, вытирая ладонями внезапно нахлынувшие освежающие душу неудержимые слезы.

Я не стесняюсь их. Мы обе понимаем, что организм таким образом сам избавляет (избавляется) обилие отрицательных впечатлений.

Но Альбину волнуют другие проблемы, и она настойчиво допытывается:

— Скажи мне по-честному, тебе ставят пятерки за то, что ты дочь директора школы?

— Нет. Детям учителей труднее, чем остальным: их чаще ругают, требуют больше, чтобы примером были, не позорили родителей. Мы все время «под прицелом». Другие балуются, и им с рук сходит, а про нас все выясняется незамедлительно. Это непреложный закон. Моим родителям, например, сразу докладывают, и мать устраивает головомойку, — доверительно пожаловалась я.

— А у нас в классе учится дочка «немки», так она ведет себя как избранная. Свысока на нас смотрит. Знает, что ей все равно пятерочки выставят, — презрительно фыркнула Альбина.

— Она глупая? С липовыми пятерками в институт не поступишь, знания нужны! У тебя есть любимые учителя?

Альбина ответила задумчиво и сентиментально:

— Есть. Классную обожаю. На Восьмое марта я на уроке открытку подписывала, а Елена Михайловна рассердилась. Потом я подарила ей свои стихи, и она так расчувствовалась, даже извинилась за то, что грубо обругала меня. И мы вместе плакали от радости, что поняли друг друга. Я была так счастлива! Одноклассницы говорят мне: «Елена Михайловна умную из себя строит». А я им отвечаю: «Она на самом деле умная, только

вам ее не понять». Я девчонкам часто правду в глаза говорю. Они меня за это не любят. А я их не боюсь. Я теперь самостоятельная.

Наша учительница литературы говорит всегда страстно, но поразительно бессодержательно. Я склоняюсь к мысли, что она не способна потрясти воображение учеников своими знаниями, поэтому морочит нам голову, жутко кричит и за поведение двойки ставит. Ей не хватает деликатности вовремя остановиться. Моя подружка Надя из-за двоек так переживает, что у нее даже температура поднимается. Нина Федоровна никогда не выясняет, кто виноват, и наказывает того, кто под руку попался. Ей безразлично, что Надя никогда не балуется. И говорит она мерзким голосом. Ей бы только морали читать.

А директриса заставляет учеников с блокнотиками ходить и записывать всех, кто по коридору бегаёт. Мне мама запретила этим заниматься и долго возмущалась: «Кого она из вас хочет воспитать?!» Наши учителя быстро этикетку каждому ученику вешают. Если один раз грубо повел себя — все, плохой! А почему нагрубил человек? Значит, кто-то наступил на его любимую мозоль, на болевую точку, за живое тронул. Ведь правда?

Я понимаю: некогда учителям нас изучать. Мне географичка как-то сказала: «У меня пять классов, в них — сто пятьдесят человек. Пока всех в лицо запомню, — четверть проходит. Иной раз ставлю тройку, а сама думаю: «Вася, это тот, рыженький или все-таки черненький? Какой уж тут индивидуальный подход к ребенку?!» Впрочем, я вполне допускаю, что учительница права. Я не имею права претендовать на роль прокурора, хотя, знаешь, набирается множество фактов... Трудно учиться в школе, которая борется за первое место в городе. Знаешь, каких нервов стоит детям непрерывные проверки, муштра! Постоянно находимся в зажатом состоянии. Часто уроки бывают не в радость. Слабых учеников совсем затюкали. А они ведь тоже в чем-то могли бы проявить себя не хуже отличников. Где уж тут родиться фантазиям, откуда быть свободному, радостному полету мысли? Отдельные талантливые учителя выручают. Находят способы позволить нам раскрыться.

Альбина замолчала. Минуты две мы сидели тихо. Я первой заговорила:

— У меня задушевных учителей нет, но свою математичку я обожаю до потери пульса. Математику из-за нее полюбила.

— А я люблю физику. Мне кажется, что математика плоская наука, а физика — объемная, — глубокомысленно произнесла Альбина.

— Здорово придумала! Мне такое в голову не приходило, — обрадовалась я хорошей фразе. — А у тебя лучшие подруги в школе или во дворе?

— Во дворе, конечно, — как-то сумрачно ответила Альбина. — Одноклассницы даже вредить могут за то, что я отличница.

— Дикость какая-то! Разве отлично учиться зазорно? — искренне удивилась я.

— Завидуют уму, трудолюбию, — объяснила Альбина.

— Зачем завидовать? Каждому свое: кому трактор, кому вуз. Это разумно, — выразила я свое категоричное мнение.

— Все-то у тебя просто! — поморщилась подруга. — Как ты не понимаешь! Им же обидно, если кто-то лучше учится.

— Надо самим стараться и не будет обидно, — опять недоуменно возразила я.

— А если не хочется, если лень? — усмехнулась Альбина, разглядывая меня как музейный экспонат. — Проще свалить свою вину на другого: «Вот, мол, ей повезло с папочкой, а мне нет».

— При чем тут отец? Из нашей школы в МГУ учатся ребята, у которых нет отцов. Нелогично рассуждают твои одноклассницы, — заявила я авторитетно.

— Логично, дорогое ты мое реликтовое чудо! С хорошим папой легче по жизни идти, — с болезненным сарказмом сказала Альбина.

— Мы и без пап пробьемся! Скулить не будем. Все-таки странные твои одноклассницы. Все у них в голове шиворот-навыворот! — с неудовольствием констатировала я, пожимая плечами и до конца не осознавая взглядов городских ровесниц.

Я не принимала их, но они зародили во мне некоторое сомнение и неуверенность. Я устыдилась своей запальчивости, необоснованной категоричности и замолчала.

Глаза Альбины вдруг загорелись теплым светом воспоминаний, и она мечтательно заговорила:

— До шести лет я в деревне у бабушки жила, поэтому сначала здесь, во дворе, не находила друзей. У них свой круг был — чужаков в него не пускали. Как-то я познакомилась с Машей из соседнего двора. Родители у нее богатые, но жестокие. Били ее за малую провинность. Сначала мы боялись друг друга и просто вежливо здоровались. Потом она привела меня к своим друзьям.

Раз гуляем мы около берез. Подъезжает мальчик на велосипеде. Это был Миша. Я вдруг почувствовала толчок, потом мощное головокружение и чуть не упала. Конечно, не поняла, что со мною случилось. Удивилась только. Позже осознала, что влюбилась. Маша с Мишей все время ссорились, а мне хотелось его защищать. Часто получалось так, что он провожал меня домой. Мы чувствовали себя взрослыми.

Но вскоре я подружилась с плохими девочками, стала грубее, к словам нехорошим привыкла. Мы войну ребятам объявили. Чувства к Мише еще оставались, но хорошие моменты были реже. А потом... много было разных встреч, но такого, как в семь лет, со мной больше не происходило. Что-то неуловимо изменилось в наших отношениях. Маша тоже другая стала: пристаёт к девочкам и ребятам, боится потерять их дружбу, ревнует всех. Сделалась самолюбивой и двуличной: перед родителями хорошая, а на улице гадкая. Все равно жалко ее. Нескладная у нее жизнь...

Я перебила Альбину:

— Как-то видела странную картину. Еду в автобусе. На задних сидениях расположилась группа ребят, на вид старшеклассники. Ноги на кресла положили. Разговаривали без мата, но очень грубо и развязно. Старушка попросила уступить ей место, а они ее высмеяли. Потом начали через кресла прыгать. Они вели себя как глупые малолетние пацаны, хотя одеты были в красивые дорогие, как у взрослых, костюмы. Вышли мы вместе. Смотрю, а они неожиданно изменились. Идут подтянутые, строгие, воспитанные. Я опешила: они ли?

— У нас в школе тоже есть ребята, которые очень рано научились надевать маски на лицо. Вот и Маша такая. Она издевается надо мной, пытается выставить меня хуже, чем я есть на самом деле. И в классе тоже старается навредить, — вздохнула Альбина.

— Как навредить? — не поняла я.

— Ну, например, дежурю я. Все прибрала, вымыла. А она нарезала на парте бумажек и смеется мне в глаза. Мелочь, а неприятно. Еще зависть у некоторых моих подруг стала проявляться. Самую красивую и умную девочку, «королеву», выставили из компании. Другие пытаются заставить плясать под свою дудку, натравливают друг на друга...

Странно, но Миша продолжает мне нравиться. А ведь мы все повзрослели. К девочкам он относится так же уважительно, вежливо. С ним всегда интересно. Он очень смелый. Наши ребята к нему тянутся. Теперь Миша свои чувства откровенно не проявляет, только, будто невзначай, неспециально делает мне приятное: то мороженое принесет, то цветок первый весенний, то словом заступится. Я счастлива в эти моменты. Слово теплый лучик из раннего детства возвращается. Всегда хочется видеть рядом друга, с которым легче и светлей...

Иногда сидим своими кучками. Мальчики об одном говорят, мы — о другом. Притворяемся. А сами все поглядываем друг на друга. Мы знаем, что они ждут этих взглядов. Потом вместе идем в березовую аллею. Говорим о пустяках. Но как это здорово! Сколько радости, счастья в этих милых невинных прогулках!

А весной Мишиного друга Илюшку сбита машина. Мы все очень переживали за него. А потом плакали, знаешь, отчего? Нам казалось, что мы самые несчастные с Машей, потому что о нас так не заботятся, как о нем. Мы все преувеличиваем, мы слишком чувствительные и глупые.

Представляешь, возвращались как-то с пляжа. Миша погнался за Машей. Мы вскочили в подъезд и побежали на второй этаж. Маша через окно вылезла на козырек подъезда. Миша за ней. А я придерживала им раму окна. Она вверх открывалась. Неожиданно для себя я бросила раму. Грохот, осколки полетели! Со мною истерика: «Теперь в школу сообщат! Выгонят!» Миша успокаивает. Родители меня поняли, стекло вставили.

А вечером я на крышу побежала к девчонкам. Гляжу: они обломки кирпичей вниз сбрасывают и хохочут. Тут мужчина какой-то прибегает. «Вы, — говорит, — мне в плечо попали!» А я ему: «У нас пикник, мы кукурузные хлопья едим. Здесь чужие пацаны бегали». Наврала с три короба. Спасла подруг. Только после этого случая не могу на крышу лазить. Стыдно за наше поведение.

Опять помолчали. Я пыталась зрительно представить эту картину детско-взрослой игры. Словно очнувшись, Альбина весело сказала:

— Пойдем вместе в два нуля, сбегает? Я одна побаиваюсь.

— Куда? — не поняла я.

— Куда все «народными тропами» ходят? В туалет. Он у нас во дворе.

И вдруг рассмеялась.

— Ты чего? Вспомнила что-то? — спросила я заинтересованно.

— Представляешь, поссорились девчонки нашего класса с мальчишками и перевесили в школе таблички на туалетах. Ребята подсказывают к туалету и в нерешительности останавливаются. Стоят, хихикают от неловкости и растерянности. Наконец, старшеклассник вошел, тут же выскочил разъяренный, удила закусил. «Кто это сделал?! Уши надеру мерзавцам», — кричит. Он подумал, что пацаны подшутили. А девчонки хохочут, довольные...

Вышли во двор. За туалетом мелькнули два огонька от папирос, звякнули стаканы. Там, похоже, тлела, а может, и кипела скучная мерзкая жизнь.

— Папиросы — глупый форс для ребят. А вино они зачем пьют? — шепотом спросила я у Альбины.

— Наверное, чтобы раскованными себя чувствовать в компании. Трудно снять маску без вина, — предположила подруга.

— Они же пьют среди себе подобных. Может, разуверившиеся в жизни пацаны тоскуют от понимания своей никчемности? Опустились на дно жизни, а подняться не могут. Не получается стряхнуть с себя скверну подворотен, вот и переживают. А после бутылки — все хорошо, все прекрасно! — горько посочувствовала я плохим мальчишкам.

— Несостоятельная гипотеза! Идеалистка, ты слишком хорошего мнения о таких ребятах. У них интеллекта не хватает разговаривать без бутылки. Им просто от скуки охота покурлесить и значимость свою показать. Не задумываются они о жизни. Для них день прошел и ладно. Легко жить хотят. Поняла? — рассмеялась Альбина.

— Они хотят поразить всех своей глупостью?

— Нет. Считают: «Чем бы ни выделиться, лишь бы прославиться».

— Слушай, ты здорово соображаешь! Как ты думаешь, почему мальчишка лезет драться, если его обзывают слабаком или трусом? Я, например, еще маленькой решила, что лучше других знаю себя и не собираюсь никому ничего доказывать. Если меня кто-то обзовет дурой, то в ответ получит: сам дурак! Если трусихой, — сам трус. И вопрос

исчерпан. Зачем лезть в драку, если кто-то раззадоривает меня лишь оттого, что у него кулаки чешутся? Я не захочу, меня никто не заставит, не вынудит драться. Я командую собой, своими чувствами. Иначе не буду себя уважать, если попадусь на чью-то удочку. У пацанов ума не хватает постоять за себя таким образом? — скорчив презрительную рожицу, спросила я.

— Сама недавно об этом думала, — растягивая слова, раздумчиво ответила Альбина. — Мне кажется, у некоторых ребят в определенном возрасте самолюбие преобладает над разумом. При этом у них возникает наглое извращение истины. Им любым способом надо доказать, что они что-то значат. А легче всего это сделать, победив более слабого.

— Глупо! — вспыхнула я. — Себя, может, и потешат, но другие-то поймут, что они липовые герои, и будут презирать за подлость! Я вообще не вижу смысла в драках. Мы же не животные, чтобы силой доказывать свое превосходство.

— Так ведь дерутся как раз те, у кого интеллекта не хватает, — рассмеялась Альбина.

— У нас в деревне считается постыдным нападать вдвоем на одного. А в прошлом году я видела, как двое больших городских мальчиков отнимали деньги у маленького. Душа разрывалась! Ну, чем я могла ему помочь? Орала через ограду: «Позорники! Чемпионы по трусости! Герои подлости! Штаны редки с ровесниками силой меряться!

— Что значит «штаны редки»? Никогда не слышала такого смешного выражения, — заинтересовалась Альбина.

— Этим сочетанием у нас заменяют слово «обделался», в штаны наложил, — скороговоркой смущенно произнесла я неприятное для слуха грубое выражение. И продолжила: — Может, у вас мальчишки и девочек обижают?

— Нет, девчонок не трогают. Позорно для мальчишек с девчонками связываться.

— Трусят они! Знают, что девчонки родителям доложат, и будет им выволочка великая. Послушай, Альбина, а почему маленькие мальчики не зовут на помощь взрослых?

— Им стыдно жаловаться. Они же будущие мужчины. Их пацаны засмеют.

— Дикость какая-то! То, что малыш боится большого хулигана, это естественно. Смеяться и издеваться надо над тем, кто обижает слабого. Не понимаю я логики городских ребят.

— Не ершишь! Не ребячья это логика, а бандитская. Нормальный парень так не поступит, — успокоила меня Альбина.

— Получается, что существует несколько ступенек подлости, — не унималась я. — Например, если гуртом налетают на своего ровесника. И чем больше банда, тем постыднее их участие в драке. Они хуже волков. Те сворой нападают на крупную, сильную жертву. ...Еще когда большой на маленького, сильный на слабого... Жутко об этом думать.... Я такого у нас, в деревне, ни разу не видела.

А как ты объяснишь мне такую картину? Идет девушка. Вся из себя. Все при ней. Парень загляделся на нее, рот разинул и ступил в мутную жижу лужи. Заляпался, ноги промочил. Выбрался из грязи и вслед красавице заорал: «Шлюха!» Она-то здесь при чем?! Что за манера у некоторых мужчин в своих ошибках женщин обвинять?

— Налицо отсутствие присутствия, — рассмеялась подруга. — Опять-таки недостаток интеллекта и воспитания. Все в это упирается.

— А вот недавно к нашему родственнику дяде Пете сестра с двумя сыновьями приезжала в гости. Мальчишкам по 11-12 лет. Хорошая семья, интеллигентная. Отец — офицер, мама — учительница. Так вот, заспорили ребята вроде бы из-за пустяка, а потом завязалась жестокая драка до крови. Каждый пытался доказать свое превосходство. Мне казалось, они готовы были покалечить друг друга. В этом было что-то дикое, первобытное... именно мужское, и совсем мне непонятное... Мать хлыстом их разогнала. А вечером ребята как ни в чем ни бывало играли в шашки... Не понимаю, родные ведь, а общего языка не нашли.

Попросила я двоюродного брата растолковать мне их ребячью сущность. Рассказала, что, мол, сначала мальчишки спорили, потом подрались. Предположила, что если старший не сумел заставить младшего подчиниться, значит он должен испытывать чувство неудовлетворения и продолжить борьбу. А брат рассмеялся: «Для него в данный момент боль и раны, которые он получил в «сражении» важнее непослухания младшего брата. Произошла смена акцентов. Проблема, из-за которой началась потасовка, ушла на второй план». «А зачем тогда дрались, если конечный результат не важен? — удивилась я. «А вдруг младший победил бы? В общем, ничего страшного не произошло. Показали друг другу, на что способны, и ладно», — успокоил меня брат.

«Что значит: «а вдруг?» Вечное авось да небось? У меня все четко: не уверена, не лезу, а уверена, то иду до конца», — недоумевала я. Брат только рассмеялся: «Все мы разные». Я так и не поняла, ради чего дерутся, даже калечат друг друга пацаны? По-прежнему осталась при своем мнении, что из-за отсутствия здравого смысла. Альбина согласилась со мной.

Вернулись в квартиру. Состояние откровения не покидало нас. Удобно расположившись на кровати, мы продолжили нашу детскую исповедь. Каждой хотелось высказаться. Ведь не всегда бывает такая взаимооткрытость. Тревожившее, наблевшее так и лилось из души.

— Я замечаю, — грустно сказала Альбина, — что, взрослея, мы все больше отгораживаемся от старших. Мы сами себя не понимаем. Родители не всегда знают о наших душевных мытарствах. Войти в нашу душу им бывает трудно. И мы боимся их впустить. Взрослые тоже часто стесняются своих слабостей, боятся быть осмеянными.

— Кем? Взрослыми или детьми? — опять не поняла я.

— И теми, и другими. Но они лучше нас умеют скрывать свои недостатки.

— Что ты этим хочешь сказать? — совсем потерялась я в догадках.

— Нам тоже надо стараться быть снисходительней. Я маму понимаю и жалею, — мягко объяснила Альбина.

— А я — бабушку.

— А маму?

— Не понимаю ее. Для меня наши взаимоотношения — тайна за семью печатями.

— Бывает...

Какая-то тоскливая нотка послышалась в многозначном вздохе подруги.

— Мама у меня образованная, умная, в институте преподает, но не понимает меня. Мне хочется в будущем мир повидать, горизонты свои расширить, настоящую свободу почувствовать, а она рисует мне простую картину жизни: вуз, удачное замужество, хорошая работа. Ни какой романтики, полета фантазии, восторга! — страстно воскликнула Альбина.

— При теперешней скромной жизни твоя мать не представляет ничего более прекрасного, чем нормальная спокойная жизнь. Это предел ее мечтаний, потолок, которого ей не удалось достичь. Она в тебе хочет воплотить свои мечты. А у тебя они совсем другие, потому что твоя жизнь иная, легче. Ты уверенней себя чувствуешь. Я попала в точку? Впрочем, допускаю, что у твоей матери другое мнение на этот счет, — добавила я.

— Она все работает, работает... Мне хочется, чтобы она все бросила и поговорила со мной по душам. Может, мы бы поняли друг друга... — продолжала подруга, не обращая внимания на мои веские, как мне казалось, доводы.

— А ты сама к ней подойди.

— Пыталась, но все ее мысли заняты заботами. Не понимает она меня. Мне хочется одно, но особенное платье, а она покупает два сереньких, практичных, чтобы надолго

хватило. Я хочу парусным спортом заняться. Командует там Амин Валиевич Галиев. Удивительный человек, всю жизнь детям посвятил. Он выбрал спорт как форму воспитания с единственной целью: улучшить физическое здоровье детей, а по сути дела, отстаивает и прививает духовное. А мама боится, что со мной может случиться что-либо плохое, и не советует ходить в его клуб. А я слушаюсь. Я всегда слушаюсь и переживаю. Не хватает у меня воли настоять на своем. Я быстро смиряюсь под ее строгим властным взглядом. А раздражение накапливается, — вздохнула Альбина.

— Для меня проблема взаимоотношений с родителями нестерпимо болезненна. Не хочу ее развивать. Боюсь, выведет меня из равновесия, — чистосердечно призналась я, мучительно подыскивая новую тему для разговора. Но ничего не нашла лучшего как спросить:

— Аля, почему у вас ребята курят?

— Подруга почувствовала укор совести и, быстро справившись с грустным настроением, объяснила деловито:

— Компания приучает. Начинается как игра, потом привычка появляется. И к тому же, представляешь, какой большой секрет от родителей! Чувствуешь в себе что-то особенное, важное, взрослое.

— А ты пробовала? — неожиданно вырвалось у меня.

— Да. Не понравилось, — откровенно ответила Альбина.

Тогда я тоже сказала без утайки:

— У меня от курения не появилось отрицательных эмоций. Я тоже почувствовала себя взрослой, узнавшей больше, чем мои подруги. Вот, мол, я какая, не то, что вы! Но только в первый момент. А потом, как подумала, что дурость все это, и желание пропало. Стыдно стало, что уподобилась тем, кого не уважаю. Знаешь, как я дразню наших курильщиков? Говорю им, что без соски не могут дня прожить. Их задевает за живое.

— Знаешь, мне теперь тоже иногда бывает стыдно за наши детские игры. Помню, маленькими сидим с подружкой на каштане и кричим: «Дядя, который час?» Он оглянется, а мы плюнем. А ведь тогда нам было весело! Еще в крапиву лазили. Нам казалось, что чем больше узнаем плохого, тем меньше будем бояться. Мы так себя развлекали и воспитывали, — с иронией и грустью вспомнила Альбина.

— Я сама в городе по улицам гоняла, как борзая, без единой мысли в голове. Тоже нравилось! — поддержала я подругу.

— А еще мы издевались над чужими. Догоним девчонку и идем за нею. Дразним, обзываем, грубо шутим.

— Зачем? — удивленно вытаращила я глаза.

Выражение недоумения не сходило с моего лица.

— Традиция у нас была такая. Жить учили, к взрослости приучали.

— Я бы так не смогла. Мне же неприятно, когда меня оскорбляют и унижают, значит, и другим тоже! Что вы при этом чувствовали? — спросила я, начиная раздражаться.

— Чувствовали, что мы умнее, сильнее других. Может быть даже героями, личностями себя ощущали. Великодушно проявляли дружескую отвагу. Нас раздирали вопиющие противоречия, мы сомневались, что человек добр по своей природе... находились в состоянии судорожных беспорядочных метаний, хвастливо симулировали самоуверенность, ну и всякое такое теперь не суть важное. А когда дело оборачивалось неожиданной стороной, хотели, чтобы нас боялись и не трогали. Если кто обижал, старались без запаздывания и отхлестать». «Не важно, пользуемся мы молотком или нет, но когда подруги знают, что он у нас есть, совсем иначе относятся», — говорили мы и думали, что за такое можно простить.

Нас ведь также обижали. Мы эти правила безоговорочно приняли и больше ни с кем не

церемонились, не разводили сентиментальность, ловили любой шанс, чтобы развлечься. Не обнаруживали ни тени желания быть любезными или хотя бы вежливыми. Правились себе такими. В голову не приходило, что ведем себя отвратительно. Главное, мы считали, что от своих шалостей хуже не становимся и защищались любимой фразой: «Грязь не липнет к лотосу». Со своей «кочки» зрения мы были невозможно счастливы. Эйфория глупости! Мы надменно заблуждались, были наглыми от застенчивости, беспричинно веселыми от беззаботности и шальной нерастраченной энергии. Она бурлила и пенилась в нас подобно волнам, разбивающимся о прибрежные скалы.

Нам надоедало обыденное существование, достала пресная жизнь, томила жажда новизны, подталкивали тайны опасной, завораживающей неопределенности, увлекательные, загадочные интриги, и мы ломались напрямик, бросались очертя голову по поводу и без повода в любые предприятия, сладко замирая в предвкушении чего-то особенного. Эти чувства владели нами безраздельно. Нам нравилось, когда жизнь выходила из накатанной колеи... Нам не хватало остроты впечатлений.

Поветрие какое-то было. Будто с ума все сходили. Любопытство побеждало все разумные соображения. Да и не много их было, этих трезвых, серьезных мыслей. Потом повзрослели, поняли, как гадко вели себя. Истинное положение вещей не сразу находишь под романтическим покровом, всего не поймешь, не предусмотритишь, — натянута улыбнулась Альбина.

В ожидании осуждения ее глаза так и впились в меня.

— Ну, что ты, в самом деле, не переживай, все прошло! — сочувственно воскликнула я, подсознательно отвергая для себя самую возможность такого поведения.

Такой странный, незнакомый, непонятный взгляд на жизнь озадачивал меня, тревожил, пугал.

Альбина добавила чуть виновато:

— Понимаешь, мы праздники себе устраивали. Ты же не станешь отрицать, что праздник — это вырывание из обыденности. Если сам себе не создашь настроение, то никакой балаган его не улучшит. Так говорит мой сосед по квартире. А он — квинтэссенция интеллигентности!

— Для меня праздник прежде всего — это ощущение радости, свободы. Ты знаешь, я обратила внимание, что взрослые люди с удовольствием вспоминают праздники, которые выпадали им в тяжелые времена, где всего-то и было: хлеб да самогон. Например, в войну или по окончании тяжкого длительного труда.

— Если фон жизни тоскливый, — праздники кажутся ярче, — усмехнулась Альбина. — Праздники — это не обязательно смех и радость. Вернее радость у всех разная. Один с утра выпил и весь день свободен и счастлив. Другого болезнь соседа радует. Не пристаёт. А для некоторых праздник, если все дома хорошо, потому что редко такое бывает. А мы, откровенно говоря, организовывали себе праздники мести, бунта, искренности, раскрепощения. Мало нам было официальных праздников, когда заставляют... когда все расписано...

Меня поразили осмысленные, глубоко выстраданные рассуждения подруги. Уважение к ней неотвратимо росло. Но я никогда не слышала о подобного рода взаимоотношениях между детьми и была огорошена, шокирована и расстроена признанием подруги.

— У нас совсем другие девчонки. Проще, — вяло произнесла я, пытаюсь сгладить неловкую паузу.

— Я жила по законам большинства, — объяснила Альбина, будто оправдываясь.

— Большинство ты придумала! Когда я училась в первом классе, девочки в моей комнате любили сплетничать, и я с ними не дружила. И ты держись хороших людей. Так говорил мне Иван, мой взрослый друг. Знаешь, у меня тоже был период злой иронии. Я рифмовками увлекаюсь. И вот в стихах всех подряд дразнить начала: и учителей, и учеников. Но как-то увидела, что девочка, которую я походя обидела, плачет, а

одноклассницы в мою сторону осуждающе смотрят. Не люблю я Вальку, а все равно жалко ее стало, когда себя на ее месте представила. И за себя стыдно. Теперь бросила свои упражнения в шаржах, — поделилась я, немного смущаясь.

— Я тоже подкалывать научилась, капризничать перед ребятами, независимую строить. Как-то Миша попросил мяч, а я ему: «Ну, конечно! Здесь больше не на кого посмотреть. Забирай!» Он идет, а сам оборачивается. А я в глазах читаю: «Неужели и я ничтожество?» Когда никто не видит, он мне все равно внимание оказывает, за косы дергает, а я на всю улицу кричу: «Когда ты от меня отстанешь? Надоел как назойливая муха!» И, засунув руки в карманы, с независимым видом демонстрирую полное равнодушие. Он мне все прощает. Первая любовь. Что тут поделаешь? — сочувственно и томно пожала плечами Альбина.

— Зачем ты его так? — воскликнула я, искренне жалея Мишу.

Альбина задумалась, а потом очень серьезно объяснила:

— Понимаешь, для меня подобные действия — проверка границ его любви, его отношения ко мне. Потом, конечно, мне очень хочется его пожалеть. Помню мой первый танец с Мишей на дне рождения в холле соседнего дома. Он мне тогда цветок подарил. Вдруг появился хулиган и предложил мне станцевать. Я в ответ: «Ты когда-нибудь в больнице был? Я тебе устрою. Всю жизнь на аптеку будешь работать». А он не воспламенился, уклонился от ответа, будто самообладания не хватило. Мнется, краснеет. Растерялся самым жалким образом и сразу стал мне противен. Потом что-то на меня нахлынуло, по какой-то совсем неведомой причине я уступила, и мы закружились в вальсе. Миша обиделся и вышел на крыльцо. У хулигана лицо тупое, безликое, глядит с недоверием, настороженно. Чувствую, подвоха от меня ждет. Тут я в самый кульминационный момент танца в отместку нахамила ему: «Чего хвост распустил перед незнакомой девочкой?» — и бросила посреди зала. Великолепная инсценировка вышла! А Галинка-липучка сказала Мише, будто хулиган меня обнял. Нелестная характеристика! Мы с Галкой тогда словами, как раскаленными ядрами, долго кидались. А Миша только спросил: «Это правда?» Я разозлилась. Когда я не знаю, что ответить, то бью. У кого — мат, а у меня — кулак для подкрепления моих слов. Миша мгновенно понял мое настроение. Потом я ушла с дня рождения и плакала. Нашла Мишу. Он тоже плакал. Мы сидели на качелях, и Миша вдруг сказал:

— Ты ищешь себя, пытаешься разобраться в себе. Непонимание тебя злит. Вот почему у нас пока ничего не получается. Давай начнем все заново.

— Давай, — согласилась я...

Альбина закрыла глаза. По щеке заскользила светлая слезинка.

— Знаешь, мне кажется: маленькие ярче переживают, сильнее обижаются. До сердца. Для нас двойка — трагедия. Ссора с лучшим другом — конец света! Дети детей хуже прощают. Набитые здравым смыслом взрослые скажут: «Ну, ладно... это же ребенок». А мы из-за мелкой ссоры пыхтим, пыхтим. Дуемся как мыши на крупу. Правда? — спросила Альбина, надеясь на мою поддержку.

— Я не люблю ссориться и стараюсь сразу разобраться или загладить вину, — ответила я, совсем не желая обижать подругу несогласием.

— Сельские дети общительнее, добрее и по пустякам не заводятся. А у меня теперь самая лучшая подружка в классе — Алиса, — неожиданно с искренней теплотой сказала Альбина. — Она армянка из маленькой горной деревни. Акцент у нее сильный. Я помогаю ей учиться.

— А в нашем классе учатся русские, украинцы и белорусы. Даже татарочка есть и девочка из Дагестана. Но все мы друг для друга — русские, потому что говорим на одном языке и давно живем в этом селе. Но когда в девятом классе появился узбек Алик Музафаров, всем захотелось с ним подружиться. Он был интересен тем, что знал несколько языков и наречий народов близлежащих республик и был представителем другой культуры. В нашей школе к ученикам из других республик особое отношение. Им

на уроках больше внимания уделяют. Мы не ревнуем, только немного завидуем, — поделилась я.

— Мне тоже нравится, что у нас учатся ребята четырех национальностей. Это здорово расширяет кругозор! — поддержала меня Альбина.

— Ты знаешь, когда наша родственница вышла замуж за человека другой национальности, моя бабушка горилась. Понимаешь, объясняла она: «...Разные верования, разные традиции, тонкости взаимоотношений в семье. Пока любовь ее бережет, только это до первой сплетни...» — поделилась я историей, неприятно беспокоившей и тревожившей меня.

Но Альбина ускользнула от взрослых проблем и, смущенно замявшись, сказала:

— Не надо про замужество. Знаешь, мне уже тринадцать, а я никак с детством не могу расстаться. До сих пор из школы иду вечером и сказки сочиняю... будто я маленькая девочка, заблудилась в лесу и так далее... Чего раньше времени рядиться под взрослых. Ты не представляешь, как не хватает мне романтики в жизни, интересных внешкольных дел! Мои друзья ходят в ДЮЦ «Галактика»! Этот центр создал профессор, доктор технических наук Борис Александрович Бондарев. Его в нашем районе все знают. А какой он ремонт помещений клуба отгрохал! Теперь благодаря ему все ребята и девчонки при деле. Школьники, увлеченные интересным занятием, никогда по подъездам шататься не пойдут. А мой Миша ходит в секцию «Русский бой» к тренеру Андрею Викторовичу Карабину, говорит, что «хочет посредством гармонии души и тела прорваться через дисгармонию бытия».

События вихрями пронеслись в голове Альбины. Она перескакивала с темы на тему, при этом то мерно раскачивалась на кровати, то вдруг вскакивала и носилась по комнате. Мне тоже захотелось рассказать ей что-либо особенное, из ряда вон выходящее и я воскликнула:

— Послушай, что произошло в нашей деревне! Нашей соседке, той, что через дорогу живет, сестра письмо из Америки прислала! В войну ее в Германию угнали, а там она познакомилась с американским офицером и влюбилась.

Что было! Что было! Сначала тетя Маша испугалась, чуть ли не до смерти. Потом ничего, успокоилась. Ответ стала сочинять. Ее на станцию вызвали и научили, как написать, чтобы сестре все ясно было, а американцам — нет. Вроде того: «...Живем мы в том же доме, что и до войны. Ваня работает на заводе...» Откуда там, в Америке знать, что не дом у старшей сестры, а халупа. И муж пьет. В тюрьме отсидел за пять килограммов гречневой крупы... У мужа младшей несколько автомобилей и домов, но все мы так рассудили: «Тете Гале повезло. Но в ее-то домах живут бедные люди!» Теперь младшая дочка тети Маши возится в песке в американских шмотках, но не задается.

А на Зеленой улице в одной семье тоже заграничные родственники отыскались. Знаешь, как неприятно было смотреть на разряженную в пух и прах их дочь-первоклассницу, когда все дети стояли на линейке в формах. И рожица у девочки была презрительная, мол, смотрите, кто я, а кто вы. Глупая, нашла, чем гордиться! Яркими тряпками! По делам и уму судят, чего стоит человек. И ученикам, и учителям неловко было за нее...

Альбину ни капельки не удивил и не заинтересовал мой рассказ.

— А ты компанейская? — вдруг азартно спросила Альбина, плюхнувшись на постель так, что я чуть пулей не слетела на пол.

— Не знаю. Я никогда не гуляю без дела, и ни разу не была в компании друзей. Мать не пускает. А работать люблю одна. За себя легче отвечать, потому что в себе уверена, — убежденно ответила я.

— А я люблю что-либо организовывать. Вот раз из сентиментальных побуждений осенила меня ослепительная идея написать стихи о войне. От души. Накатило вдохновение. Целую тетрадь в двадцать четыре листа исписала. С неистощимой выдумкой продумала каждый момент праздника. Было альтруистическое желание ветеранов пригласить, показать наше уважение к ним. Так старалась! Была заинтригована очевидным успехом.

А произошел позорный прокол. В назначенный день кто из ребят в гости ушел, кто на кладбище по воле взрослых. У всех кучи отговорок. Никого не убедили мои доводы. Настроение пропало. Почувствовала себя уязвленной... Не стоило себя попусту слишком обнадеживать. Потрясающая смехотворная самоуверенность пополам с наивностью! Я не разозлилась. Хотела всем доказать, что все могу. Вот и оплошала...

Когда я одна дома — я взрослая. Стираю, убираю, готовлю. А при родителях — другая. «Вынеси мусор», — просит мама. А я: «Ну, мам, не хочу...» А иногда быть взрослой просто не получается. Недавно организовала пикник в логоу. Ручеек по колено. Вокруг полянки — деревья. Красота! Лопухами землю выстелила. Костер кирпичиками огородила. Картошку с девчонками печем. Я радуюсь. Размечталась. Пришли ребята, все поели и ушли. Мне было смешно и обидно. Хотела чего-то особенного, романтического. А все вышло не так. Наверное, меня не поняли. Но все равно осталось что-то приятное. Я что-то значу...

А вот стадион не люблю, — неожиданно взорвалась Альбина. — Бег по кругу, узкую дорожку ненавижу! Один раз соревнование между пятыми классами проводилось. Бегу. Подножка. Толчок в голову. Я в этот момент рывок делала на финишной прямой. Упала на битый асфальт. Чувствую, все по мне бегут. Сначала в «отключке» была. Очнулась — и побежала догонять своих. На финише свалилась в траву. Голова, руки, колени в крови... Лежу плачу от обиды... Никто не помог... В голове горькое непонимание происходящего... Вспоминать не хочется... Даже сейчас...

Голос Альбины дрожал. Вдруг она возбужденно заговорила.

— Что я тебе расскажу!! Как-то на уроке литературы мы играли отрывок из «Войны и мира» Толстого. Антон — Болконский, я — Наташа. Этот урок потряс всех. Мы танцуем вальс. У меня одухотворенное состояние. Мурашки по коже пробегают, когда руками соприкасаемся. После урока молча стоим у окна, краснеем, бледнеем. Не можем преодолеть себя, справиться с чувствами. Он выше меня на две головы. Я — восторженная, переполненная ароматом влюбленности...

Группа девчонок с любопытством наблюдает за нами. Одна из них отделилась и направилась в нашу сторону. Мои мысли далеки, чтобы еще думать о посторонних. Я находилась в состоянии прострации. Вдруг эта девчонка резким движением задрала мне подол формы и набросила на голову. Все внутри меня взорвалось, поплыло перед глазами — и будто детская партизанщина во мне проснулась. В одно мгновение сбросила с лица подол платья и, что было сил, ударила обидчицу. Она отлетела к батарее отопления. Скажешь, жестокая? — настороженно спросила Альбина.

— Заслужила, — уверенно ответила я.

— Все равно, гадко даже вспоминать, — задумчиво потупилась подруга.

— Знаешь, если я вижу несправедливость, сразу завожусь, вступаюсь, потом слезы от бессилия перед взрослыми не могу остановить... приходится уходить, ничего не доказав, не объяснив толком. Потом еще обиднее делается, что незаслуженно обиженному ничем не помогла и себя дурой выставила... Мое поведение не понимают, неправильно оценивают. А один раз из-за себя слюни распустила на уроке русского. Правило не выучила. Впервые в жизни экала-мекала... От стыда слезы потекли. Они у меня так близко... А девчонки подумали, что я свою мамашу испугалась, отметку вымаливаю... Стыдно, горько, обидно было... — тяжело вздохнула я. — Цель я себе поставила: в течение года научиться удерживать слезы на людях, не распускаться, не позориться. Знаю: этого трудно, очень трудно добиться. Но ведь надо.

— Меня тоже девчонки постоянно неправильно воспринимают! Я в основном проста, искренна и откровенна. Вот, например, стою я на крыльце и жду подругу. Так обязательно кто-то подойдет и спросит: «Опаздывающих записываешь?» Оправдываться бесполезно.

А как-то случайно застала девчонок за неблагоприятным поступком. Прошла, словно не заметила. Так они на меня такое классной наговорили, чтобы себя выбелить! Я целый год не понимала, за что она на меня сердится. А раз, узнав, что они готовят одной

отличнице гадость, попыталась их урезонить, попросила отказаться от преследования, так они оболгали меня не только перед подружкой, но и перед учителями. Им в голову не приходит, что мне противно доноительство, что я хочу решать любые проблемы по-доброму, не вынося из круга учеников.

Иногда некоторые одноклассницы кажутся мне прожженными склочницами и сплетницами. Я стараюсь держаться от них подальше, но наши дорожки все равно часто пересекаются, поэтому последнее время я приучаюсь больше молчать.

И взрослые всегда предполагают, что я обязательно пожалуюсь или сделаю ответную гадость, тому, кто меня обидел. Этим они заставляют меня думать, что я именно так и должна поступать. А у меня другое мнение. Я считаю, пусть обидчикам стыдно будет. Мне кажется, не отвечая на оскорбления, я не уподобляюсь своим так называемым подругам и чувствую себя выше, достойнее их. Допустим, обругал меня кто-то матом. Я что, должна ответить ему тем же?

— Нет, конечно. Я тоже чаще всего молчу. У меня даже есть такая шутка: «Хорошо промолчать хорошо». Но достоинство молчанием не защитишь. И всегда надеяться на то, что твоим сплетницам самим станет стыдно, вряд ли стоит. Иногда нужно слишком зарвавшихся ставить на место, а то ведь и затюкать могут. Только не их способами надо действовать. По-умному: иронией, например, презрением. Не применять, а демонстрировать свою силу и уверенность. Каждый в разных ситуациях для себя выбирает наиболее действенные способы и средства. Кулаком наводить порядок легче, — задумчиво ответила я, перебирая в памяти психологические дебри неудачных попыток «теоретических» защит.

— Гипотетически это, конечно, вполне возможно, не отрицаю! — вздохнула Альбина.

И чтобы разрядить обстановку неуверенности, пошутила:

— Мой знакомый мальчик говорит, что «иногда не стоит быть слишком памятьливой, чтобы не стать злопамятной». — И тут же добавила с затаенной грустью: — Детство уходит, а мне почему-то не хочется с ним расставаться. Я только сейчас начинаю понимать его прелесть.

— Ребенок остается ребенком, насколько ему позволяют быть им. Пока мы учимся, детство всегда будет оставаться с нами, если мы этого захотим, — высказала я давно выверенную для себя мысль и, пытаясь отвлечься от перипетий своей сложной домашней жизни, усугубляющей накопившуюся грусть, тяжело и прямо уставилась в окно.

Окончательно погасли цвета ускользящего дня. Молчаливыми плоскими черными призраками стояли перед домом ночные сосны. На земле лежали их равнодушные строгие тени. Тонкая вязь ветвей березы за стеклами как темная кружевная накидка на бледном лице ветхой интеллигентной старушки. Альбина поймала мой взгляд:

— Проводишь параллели? Загрустила?

— Есть немного. Поговорила с тобой и будто повзрослела.

— Родились новые истины, которых раньше не осознавала? Я тоже словно очистилась от чего-то наносного и поднялась на ступеньку взрослости. Ох! Какие мы умные стали! — рассмеялась Альбина и потащила меня пить чай.

А в ночном городе еще теплилась жизнь. Пульсировали яркие сполохи цехов химического завода, вздрагивал свет цепочек уличных фонарей, скрывали семейные тайны многочисленные окна-светлячки жилых корпусов.

И все же тишина и темнота преобладали. На то и ночь.

СКРИПАЧ

Мать еще не вернулась из институтской библиотеки, и я брожу по ближайшей к нашему дому улице.

Зашла в сквер. Справа на фоне серого неба мягкий рисунок березовой аллеи. Слева раскинули ветви серебристые тополя. На углу чугунной узорной ограды из огромных старых пней растут три молоденькие березы. Не могли они сами попасть туда, чтобы вырасти таким нетрадиционным образом. Наверняка здесь поработала чья-то веселая фантазия! Какой-то милый шутник порадовал людей.

Иду мимо редких прозрачных осинок. Они замерли в тревожном ожидании зимы. Камни вокруг клумб стынут в изморози бледной. Холодная луна скользит между облаками. Уставший ветер присмирел. Впереди, у горизонта, нестройный хоровод тяжелых туч плывет уныло, тихо, грустно.

Бежит шумная ватага ребят. Один растрепанный, грязный мальчишка с хохотом бросил старушке под ноги обломок бревна. «Глупость уже не помещается в твоей голове, наружу вылезает?» — с укором говорит женщина. Мальчишка смутился и нырнул за кусты, где прятались его дружки. Мимо меня, взявшись за руки, весело промчалась стайка молодых людей.

Подошла к остановке. Смотрю, — трамвай подъехал. Передняя дверь открылась. Медленно, опираясь на трость, по ступенькам спускается сухонький мужчина лет восьмидесяти, в огромных очках. За ушами видны проводки слухового аппарата. Дорогу ему преградила крепкая краснощекая девушка-контролер и грозным, зычным голосом закричала: «Ваш билет?»

Мужчина неуверенными хаотичными движениями руки начал ощупывать пальто. Пальцы скользили и не попадали в прорезь кармана. «Нет билета?!.. Плати штраф, бессовестный старикашка!» — заорала молодуха. В ее голосе звучало чувство превосходства и уверенность в своей правоте. Она трясла старика за воротник и оскорбляла. Я с ужасом смотрела на дикую картину. «Он же не мальчишка-хулиган! Старик своей долгой жизнью заслужил уважение к себе. Разве она имеет право унижать человека, да еще так грубо, только за то, что он забыл купить билет?» — пронеслось у меня в голове. Контролер не унималась. Сбежались люди и отвоевали беднягу.

— Такая может убить за копейку! — возмутилась женщина из толпы.

— И где только таких овчарок набирают! — сердилась другая.

— Человека с грязью смешала. Дорвалась до власти! Начальницу из себя строит, а ума не нажила. Где уважение к старикам? — поддержала третью.

— Меня так инструктировали, я обязана, — теперь уже растерянно защищалась девушка.

— Наверное, деревенская. Очень старается заслужить доверие руководства. Рвение застилает ей глаза. Не для себя копейки зубами вырывает, план выполняет. Может, и не превратится в «гиену», — встала на защиту контролера женщина в форме железнодорожника.

В глазах девушки испуг, раскаяние.

Трамвай тронулся.

Я оглянулась на старика. Он продолжал шарить внутри кармана и наконец достал злосчастный билет. Предъявить его было некому. Старик рассеянно, бессмысленно теребил билет в руках, растерянно глядя вслед ушедшему трамваю. За толстыми стеклами очков собрались слезы. Одна, огромная и тусклая, потекла по худой, чисто выбритой щеке. Синеватые губы и руки старика дрожали. Он снял запотевшие очки и протер пальцами стекла. Выражение его лица без очков было до жути беспомощным и жалким. Я подала ему трость, и он, неуверенно ступая, побрел вдоль трамвайной линии. Какая-то женщина взяла его под руку и перевела через дорогу.

Настроение мое испортилось. В груди противно дрожало. Попыталась отвлечься чтением афиш. «Оптимистическая трагедия». Странное название. Оптимизм и трагедия не связывались в голове. Взошла на высокий каменный парапет. «Музыкальное училище». Дальше красивое здание с колоннами. Остановилась. До слуха долетели отдельные

слабые звуки. Скрипка. Приблизилась. Какое роскошное, дивное, непривычное звучание инструмента! Судя по всему, музыка просачивалась из филармонии. Открыла дверь. Вахтер строго спросила: «Билет?» Я испуганно отшатнулась.

Не знаю почему, но мне вдруг во что бы то ни стало захотелось попасть внутрь. Обошла двухэтажный дом вокруг. Дверей больше не было. Музыка чуть громче слышалась со стороны балкона. Зеленая пожарная лестница вела на плоскую крышу. С нее по лепным украшениям и спустилась на балкон. Отдышалась, тихонько открыла дверь и заглянула в щель между тяжелыми бордовыми шторами. Большой зал полон взрослых и детей. Я находилась совсем близко от сцены. Она красивая, геометрически очень выверенная, хотя на первый взгляд пустая. Обнаженная. Свет странно, но интересно менял пространство сцены.

Седой, но молодой мужчина невысокого роста во фраке под гром аплодисментов опустил голову в поклоне. Меня поразила, как пишут в романах, «безмолвная бледность и гордость» лица скрипача. Вдруг его глаза по-юношески заблестели, он улыбнулся, вскинул смычок, — и полилась игривая молдавская мелодия: волшебные ослепительные россыпи звуков темпераментного танца. Мелькал смычок. Плечи скрипача вздрагивали в такт музыке. Пианист, который находился в глубине сцены, подпрыгивал на одноногом стульчике и размахивал пышной шевелюрой.

Веселая музыка закончилась. Скрипачу принесли несколько букетов роз. Когда музыкант принимал их, я вдруг подумала, что во фраке он очень похож на ласточку. Такой красивый, изящный. А пианист представился мне добрым толстым пингвином.

Скрипач опять замер, и по его лицу я поняла, что играть он будет серьезное произведение. Напряглась. Не люблю, когда скрипка тоской и болью рвет сердце. Но она не плакала. Мелодия изысканного романса плыла нежно и ласково, проникновенно, передавая малейшие оттенки чувств. Она говорила так много и ярко, что я была не в состоянии все прочувствовать и пережить. Я погружалась в музыку, переполнялась ею, забывая обо всем на свете, и уже не видела лица музыканта. Стены зала раздвинулись до бесконечности...

Аплодисменты. Я слушала музыку небес... Еще одна мелодия. Virtuозные радостные звуки сменяют друг друга и опять приводят меня в восторженное состояние. Своей разворошенной музыкой душой я чувствовала каждое произведение безотчетно, беспредельно глубоко.

Скрипач ушел за кулисы, а я неподвижно стояла потрясенная, ошеломленная, обомлевшая от счастья, восхищенная мощью, искренностью, виртуозностью исполнения и собственным восприятием концерта. Душа распахивается, когда слушаешь божественные мелодии. Это же вселенная звуков! Как чудесно находиться вне времени, вне пространства, в особом запредельном, счастливом мире прекрасного, слушать гения с великим сердцем, попадать в атмосферу его высочайших чувств, понимать доведенные до предельной нежности образы.

Иду на квартиру и думаю: «Музыка зажигает свет в наших душах. У всех ли? Чтобы человек окончательно проснулся для любви к музыке, ему обязательно надо слушать шедевры. Интересно, что больше всего трогает меня: живопись, литература или музыка?» Без чего я могла бы обойтись? Мне нужно все! Без утоления жажды прекрасного можно совсем увянуть. И от картины Рокуэлла Кента «Измученная Европа», и от «Бурлаков» Некрасова, и от музыки «Севильского цирюльника» у меня сильное длительное, восторженное потрясение. И от «Слеплого музыканта» тоже. Значит, вопрос не в том, какой вид искусства удивительным образом трогает мою душу, а в том, какое это произведение? Яркое ли, талантливое, скучное? Если произведения Лермонтова задевают струны моей души, значит мы с ним хоть немного в чем-то совпадаем. И с этим исполнителем тоже?

Интересно, может ли обыкновенный человек понимать музыку так же, как гений, или талантливый исполнитель и композитора она волнует намного острее и глубже? Что же делается в душе гения, если я, несведущая, так очаровываюсь ею? Она доводит его до умопомрачения? Нет, наверное, поднимает на какую-то особую, недостижимую простым людям ступень восприятия красоты мира!

А вдруг я сегодня на самом деле слушала то единственное, безусловное, и судьба

подарила мне возможность видеть и слышать гениального скрипача!? Я в состоянии оценить его? Вряд ли.

Что ни говори, все же я счастливый человек! В памяти проплыла череда лиц чем-либо и когда-либо поразивших или задевших мое воображение. Не так много дарила их мне судьба и скудная сельская жизнь.

Мелькнула глупая мысль: «Могла бы я полюбить гения?» Любить — значит жалеть. Разве можно жалеть гения? Его боготворят, обожают. Нет, не стоит влюбляться. Рядом с ним должен быть человек такого же уровня, с детства каждодневно, ежеминутно впитывавший всемирные шедевры различных областей культуры, а не вырвавшийся редкие малые крохи из-под носа изысканной публики, не способный сформировать ни вкуса, ни тонких чувств, ни четких знаний...

В прошлом году я видела у театра, как девушки визжали от восторга при виде знаменитого артиста. Валом валили. Чуть ли не на головах ходили. Не понимаю их! Когда я испытываю чувство восхищения, то не хочу выплескивать его наружу, берегу его. Оно греет меня теплом воспоминаний.

И этот концерт я запомню надолго.

ГОЛУБОЙ ЗАЛ

Отец привез из города огромную, очень дорогую книгу с репродукциями знаменитых художников разных стран. Молодец какой! Раскошелился! Царский подарок сделал семье. Я дрожала от нетерпения, глядя на золотые буквы и бархатистую малиновую обложку, но не показывала виду. Отец осторожно положил книгу на белую льняную скатерть и начал медленно листать. Тишину в комнате нарушало лишь шуршание папиросной бумаги, которой прокладывались страницы. Затаив дыхание, мы с Колей рассматривали репродукции. Вдруг я вздрогнула и почувствовала сильный прилив к голове, похожий на мягкий толчок в области затылка. «Голубой зал!» Любимая картина из прощального подарка Ирины! Только эта размером больше. При взгляде на нее я будто переполнилась чем-то удивительно легким и восхитительно приятным. Я уже не чувствовала тела, только душа трепетала, сливаясь с красотой. Не картина, а очарование небес!

Отец закрыл книгу и сказал: «Больше десяти картин в день не стоит смотреть. Переварите сначала эти».

Я согласилась с ним. Ушла в сарай, легла на солому, и перед глазами снова появилось изображение Голубого зала дворца. В нем и рассветный, нежный, осторожный луч солнца, и прозрачная бесконечность чуть голубоватого воздуха, и легкая, по-детски радостная, искренняя шаловливость ветерка.

Вижу тонкий ажур голубых воздушных стен и не верю, что они из камня и глины. Они сотканы из лазури солнечного неба и бело-золотистых стаяк облаков, наполненных прохладой раннего утра. Изящные колонны хрупкие, и мне кажется, что ходить между ними надо медленно, чтобы не всколыхнуть, не уронить их воздушным потоком.

Удивительная тонкость подбора красок поражает своей естественностью, близостью к настоящему, живому. Как будто дворец вырос из окружающего мира и был чудом, рожденным природой. В нем ощущалось божественное дыхание Создателя. Я ослеплена всем этим великолепием! Увиденное превосходило все мои фантазии. Вот каким должно быть мое царство белых облаков!

Закрывает глаза. Ощущаю неземное блаженство, невыразимую радость от созерцания красоты. Я безмерно счастлива.

Еще одна картина из той же книги перед глазами. На ней древняя скульптура. Мальчик — не старше меня. Он без одежды. Вокруг весенняя, яркая трава и кусты, какие и теперь растут на нашем лугу. А парк ведь должен дышать прошлым. Значит, этот мальчик как бы заново родился для меня? Внимательно изучаю его черты. Может, он похож на моего

друга детства? Странно, лицо Витька исчезло из памяти, стерлось. Помню: рыжие волосы, веснушчатый носик, ярко-голубые, грустные глаза в пушистых ресницах, острый подбородок. А вместе не складывается. Боже мой, боже праведный, как я хочу восстановить и сберечь ускользающий образ друга!.. Сердечный образ его никогда не увянет... Героическая, мечтательная душа, мой добрый чуткий рыцарь!

Мрамор скульптуры белый. Мальчик не голубоглазый, не рыжеволосый. Он может быть любим. Он друг для всех...

До чего же талантливые бывают художники и писатели! Вот в прошлом году читала книгу о мальчишках, и на моих руках шевелились волоски, потому что меня тоже поражали черные молнии бед маленького героя.

В тот же день мне попала книжонка о безногом солдате, который искал свое место в жизни. Двух страниц не смогла выдержать, увязла в болоте убогих, пресных фраз. Раздражало вялое, тусклое журчание сюжета. Жизнь человек прожил трагическую, даже героическую, а слова о нем были подобраны скучные. Не звучали они. Видно, не в том порядке расставлял их автор. Не литература, силос для всеядных! А хочется умных деликатесов. Все-таки классика есть классика. Время отобрало лучшее, интересное и полезное. Меня всегда охватывает блаженная дрожь от глубоких, совершенно мистических завораживающих, на мой взгляд, произведений Лермонтова. Интересно, как они зазвучат в моей голове, если я прочту их заново? Блюзом, танго, романсом или это будут совсем новые аккорды, новое понимание и восприятие любимых строк?

А может, я не сумела понять того неизвестного автора? Я не доросла до глубокого понимания Гоголя, Чехова, но талант их чувствую!

А недавно рассматривала рисунок одноклассницы Вали Кискиной «Ночное» и никак не могла сообразить, что изменилось в картинке от того, что у нее дети сидят у костра в центре луга, а у меня на переднем плане? И только на другой день дошло. Она как бы со стороны смотрела на огромный луг и маленький костер, а на моем рисунке я словно сама сижу рядом с ребятами и участвую в их разговорах. Как мало я знаю, если для выяснения такого простого вопроса мне потребовался целый день! У меня понимание основано на интуиции и чувствах, а знаний — ноль. Вот в чем моя беда.

Витек, сегодня я впервые четко, даже болезненно остро осознала, что боюсь отупения. Я хочу много знать, чтобы понимать и любить жизнь во всем ее многообразии и красоте, чтобы дорожить и наслаждаться ею.

Серебристый тополек тонкой веткой стучит в оконце сарая. Из него падает вниз косой холодный солнечный столб. В нем клубятся пылинки. «Наглядная модель физического закона», — думаю я отвлеченно. Одинок скрипит фонарь на крючке у порога хаты. Этот до боли привычный звук вернул меня к реальности. Пора браться за работу. Но я с нетерпением жду встречи с новыми картинами. Там мой Голубой зал.

РИФМОВКИ

Люблю рифмовать! Пишу для собственного удовольствия или по заказу редактора школьной стенгазеты. Спрашиваю его: «Тебе под Пушкина или Некрасова? Ритм «Бородино» устроит? Сколько строф? Через час или к завтрашнему дню с рисунками? Коротко расскажи, о чем написать, а я зарифмую». А когда у меня веселое или восторженное настроение, целыми днями болтаю в рифму. Учителя снисходительно, незлобливо осаживают: «Опять нашло-наехало! Переключайся на прозу».

В прошлом году, читая Беляева, Майн Рида, Купера, Жюль Верна, я перелистывала страницы с описанием природы, торопилась узнать «что дальше?». Проглатывала книги, наслаждаясь сюжетом, приключениями, фантазиями. А теперь я снова проснулась к восприятию красоты. Меня восхищает и тонкий луч лунного света, проникающий в щель разошедшей рамы, и нежный бутон колокольчика. Не могу оторвать взгляд от многоцветья анютиных глазок, в изобилии растущих до самых морозов под моим окном, вижу ослепительное солнце и умиротворяющий закат.

Я будто встряхнула с себя тяжесть мыслей последних лет и превратилась совсем в

другого человека. Не знаю, связано ли это с первой влюбленностью, с Виктором, только в эту осень я начала непрерывно рифмовать про изумительные волны холмов, про неповторимое лучезарное небо и про то, что жизнь прекрасна и удивительна. Пишу о высоком: о любви и судьбе. Чистые стихи, без житейских проблем и дразг.

Иной раз не могу сесть за уроки, пока половину тетрадки не исцарапаю неразборчиво, наскоро. Перед бабушкой неловко за бесполезное времяпрепровождение, подсознательное ощущение неправоты мучает, а совладать с собой не могу. Распирают меня переполняющие чувства. Иногда на уроке взбредет какая-нибудь мысль, — и руки сами собой к ручке тянутся. Ерзать начинаю, если нет возможности писать. А что поделаешь? Терплю, локти крепко сжимаю. Ведь если начну «строчить», так ничего вокруг не увижу и не услышу. Зато на перемене от души разряжаюсь.

Некоторые ребята смеются, когда я отвечаю им в рифму, дразнятся, а другим нравится. Какая разница как говорить: прозой или стихом? Смысл-то не меняется.

А как-то пришла мне в голову мысль попробовать писать гусиным пером. Добра такого у нас на лугу сколько угодно! Брата увлекла. Наверное, целую неделю играли в прошлое, в старину. Потом мать прикрыла нашу лавочку, чтоб дурью не маялись. А мне нравилось писать гусиным пером. Впечатляет! Удовольствие выше среднего! Восторг! Колдовское, таинственное, магическое действие. Я чувствовала себя особенной. Даже мысли в голову умные приходили. Как сказал безымянный поэт: «Стекали капли слов рифмуясь...»

Еще вот что: очень люблю писать ночью. Почему под луной или звездным небом всегда хорошо сочиняется? Иногда проснусь и кручусь, кручусь. Чувствую, все равно не засну. Встаю потихоньку, зажигаю лампу и записываю «вирши», пока бабушка не прогонит. Особенно хорошо заниматься любимым делом, когда на полу от окна белый квадрат лунного света. Со временем квадрат медленно перемещается по полу, и я вместе с ним. Потом он тускнеет, и я бросаюсь в постель, потому что скоро наступит утро. И даже во сне я ощущаю неодолимое желание рифмовать.

Счастливые ночные часы! Я чувствую себя в ином мире. Легкость появляется внутри меня, раскованность, распахнутость. Будто я не в хате, а в серебряном храме мечты и красоты, где нет примитивных забот, неприятных волнений, есть только радость и вдохновение! Лучших ощущений, чем эти, я не знаю! Иногда я опасливо оглядываюсь, боясь быть прерванной. Потом опять продолжаю с наслаждением проследить тончайшую канву детских чувств, оберегая минуты восторга, которые сами по доброй воле явились мне. Другим бы встать поспать, а мне бы продлить ночь, когда игра непонятных природных сил зажигает во мне звезды счастья.

Днем я, конечно, понимаю бессмысленность противостояния взрослым и неизбежность покорности и послушания. Но, когда ночь распластала передо мной бесконечное небо и вечность, я хозяйка своей жизни!

Собственно, я никогда не сочиняю, я еле успеваю записывать то, что непрерывным потоком несется из головы или прорывается из сердца. Александра Андреевна, учительница литературы в старших классах, удивляется «непостижимой скороспелости моих рифмовок, яркому звучанию, взвешенности сочетаний слов». Ну и загнула! Любительница высокопарных фраз почище меня!

А причина рифмовок очень простая: мною овладевает непонятная безудержная внутренняя стихия и одолевает неистощимая фантазия. Я даже пишу на отдельных листочках, чтобы не переворачивать страницы, не терять мысль. Может, это и есть мой настоящий «островок радости», о котором мечтала в детдоме?

Меня увлекает романтическое, лирическое звучание слов, уводящих из подлинной, реальной жизни в мир музыки, в мир высоких чувств, где захлестывает новизна впечатлений поэтического восприятия каждой удачной строчки, каждого к месту написанного слова.

Днем, когда я занята обычными домашними делами, строчки бегут в голове, «страницы» рифмовок листаются перед глазами, а я не имею возможности их записать. Тогда мне хочется плакать. Ведь позже я не смогу повторить их так же ярко! Надо всегда сразу

записывать.

Я пытаюсь в уме перебирать чуткие рифмы, стараюсь сразу вкладывать в короткие фразы серьезные важные мысли, но шквал эмоций и поток слов сметает неопытные пробные, строгие и четкие сухие мысли и требует другого, яркого воплощения на бумаге, для дальнейшего кромсения и урезывания, доведения до кондиции. Не умею я «редактировать» в уме, как двухлетний ребенок не в состоянии считать до десяти, если перед ним не растопырены подсказки-пальчики.

Безрадостное существование! «Работа должна быть для жизни, а не жизнь для работы!» — ропщу я молча, а потом, чтобы немного успокоиться, начинаю петь все, что приходит в голову. Один раз мать, услышав мои «самоделки», сердито забурчала: «Где ты только свои песни откапываешь?» Хотела сказать: «Из души», — но промолчала, погасила восторг и уныло занялась картошкой, терпеливо ожидая, когда мать уйдет в школу. «Будто не знает, что я рифмую? Ей не нравятся мои песни?» — подумала я безразлично.

А как-то мать раздраженно употребила фразу из моей «секретной» тетрадки. «Шарит в моем ящике?! Зачем в душу лезет? Учусь отлично, по дому все делаю, не психую. Совсем шелковая. А душа — это мое, личное!» — рассердилась я.

Бабушка никогда мне рот не затыкает. Я замечаю, что она иногда разговаривает сама с собой. На лавочке с соседками ей некогда сидеть. Родители только по делу короткие фразы бросают. А старому человеку тоже хочется душу излить. Не умеют у нас в семье по душам говорить. Живем вместе, а вроде как все по отдельности. Наверное, потому что забот много. Я тоже с бабушкой редко по душам разговариваю. Только у меня — другая причина. Боюсь, что она затронет болезную тему, и это осложнит наши отношения. А я не могу позволить себе ее потерять, потому что моя печаль всегда тихо тает в мягком свете ее ласковых улыбок. Еще мои рифмовки немного спасают, отвлекают от одиночества!

АРТИСТЫ

Сегодня все село на взводе. Разговоры всюду только об артистах из Москвы. Повезло нам! Школьники второй смены переживают больше всех. Ведь занятия заканчиваются в семь вечера, а концерт должен начаться в шесть. Но мой отец (директор школы) распорядился по такому случаю перенести последний урок на следующий день.

Подъехал автобус. Сквозь щели в заборе мы видим, как снуют по двору люди, выгружая ящики. Шесть, семь часов вечера. В клубе сначала было холодно, потом так надышали, что стали расстегивать пальто и фуфайки. Самые маленькие дети сидели на полу у сцены. На первых лавках расположились старые и заслуженные жители, дальше — молодые, а школьники стояли в проходе и подпирали стены. Я пристроилась на ближнем к сцене окне.

Волновался и ходил ходуном зал. Наконец, в половине восьмого занавес взмыл вверх и раздвинулся в стороны. Грянул наш заводской духовой оркестр. Гостей встретили бурными аплодисментами и криками «ура!» Первым вышел фокусник. Он творил чудеса. Но потом объяснил несколько простых фокусов и вызвал двойственную реакцию: интереса у одних и разочарования у других. Пропали тайна и волшебство. Не фокусник, а обманщик какой-то перед нами. Так что же лучше: знать истину или жить в иллюзиях?

Потом вышла певица в ярко-зеленом наряде из длинных несшитых лоскутов, которые разлетались в разные стороны, когда она поднимала руки. Бабочка, не бабочка, а так, каракатица непонятная. И лицо у нее старое, покрытое слоем штукатурки, с глазами, обведенными черным. Свет от лампочки падал так, что ее голова напоминала черепашку, которую рисуют на электрических столбах с надписью «не влезай». Голос у артистки низкий, как далекие громовые раскаты, и такой же надтреснутый и короткий. Она как будто кричала нараспев. Я услышала недалеко от себя: «С душой поет, старается». Как по-разному мы воспринимаем красоту!

После каждого номера выходил старый лысый конферансье. Он носился по сцене с уверенными хозяйскими жестами и с поразительной для его возраста прытью. Маленький, толстенький, улыбчивый, он сначала произвел приятное впечатление тем, что задавал публике веселые вопросы. Но потом все чаще и чаще ответы рифмовались с

грубыми или даже матерными словами, и публика настороженно замолчала.

Артист вошел в раж и не замечал притихших людей, будто не на них собирался произвести впечатление, а работал для себя, для собственного удовольствия. С первых рядов послышался неодобрительный ропот. Люди не хотели мириться с сомнительными, бесцеремонными, совершенно неуместными высказываниями и выпадами. А отец тихо, но четко произнес: «Московские гости должны культуру в народ нести, высокое искусство, а такого хлама у нас своего хватает. Самое уместное, что вы можете сделать — это прекратить свое выступление. Или не позволяйте себе ни малейшей скабрёзности. Дети в зале».

Казалось бы, теперь, после такой оплеухи, «колобок» должен был уйти с нашей сцены насовсем, но не тут-то было! Наделенный исключительным самообладанием, стреляный воробей не стусевался, не подавился очередной бестактностью. Он как заведенный продолжал ломать комедию и паясничать, самозабвенно осыпая слушателей ветвистыми, неуклюжими вульгарными стишками с непристойностями. Зрители уже отчаялись избавиться от пошлого балагура и пройдохи. Уже думалось, что конца не будет фонтану его «красноречия».

Ученикам старших классов тоже не удалось сбить с панталыку старого премудрого пескаря тихим, но резким заявлением: «Насильственное внедрение подобных «культурных навыков» нам не к чему!» А мой друг Витя Болкунов выразился еще точнее: «Корифей домашнего посла подключает нас не к высотам культурного наследия, а к канализации».

Конферансье, будто всем назло, опять разразился очередной серией невероятно неприличных восклицаний с преобладанием матерных выражений. А когда мальчик подал ему записку из зала с нелicenseприятным текстом, он пнул его ногой и выкрикнул гадость, от которой завяли уши не только у женщин. Ребенок испуганно сел на пол спиной к сцене.

Заведующий клубом с трудом сдерживал естественное желание взять «артиста» за грудки. Я тоже чувствовала себя не в своей тарелке и рассуждала сама с собой: «Странные все-таки иногда попадают люди. Он сам по себе наглый или неверно сориентирован? Почему за дураков нас держит? Обидно! А может, эти артисты не из Москвы, а обыкновенные провинциальные, заезжие халтурщики? Нас надули?!»

Наконец, на сцене появилась группа певцов. На них были брюки, которые год не помнили утюга. У одного артиста шнурки на ботинках развязаны, другой — в спортивных тапочках. Они странно волочили ноги и звучно шаркали подошвами по сцене. Репертуар их был довольно незатейливый, но пели они хорошо, и я перестала обращать внимание на их внешний вид. Заслушалась. Правда, чувствовалось, что для «куражу» или «для сугреву», как сказал мой сосед по окну, «они, наверное, по стаканчику первача все-таки приняли на грудь». Вели себя очень уж свободно и раскованно. Потом рокотал могучий бас в лице пожилого, но очень приятного человека. Он пел невероятно проникновенно и глубоко. Зал восхищенно молчал.

Вслед за ним выступала группа артистов разного возраста с политической сатирой. Один, самый старый, меня поразил. Я сначала на него не обратила внимания. Невзрачный, худосочный, сутулый, несимпатичный какой-то. Как в деревне сочувственно сказали бы — «страшенький». И вдруг, когда он изображал злого капиталиста, я замерла от удивления. Всего один лаконичный жест — и передо мной жутко пакостный тип, загибающий золото жадными горстями!

Острый стыд за первоначально необоснованное, примитивное раздражение сначала взорвал меня, потом утих. Теперь я с благоговением смотрела в мудрое и поэтому привлекательное лицо. Вот он неуловимым светским движением повернул голову, вздрогнули брови и заиграли тонкие поразительно подвижные, словно черви, пальцы... Кто теперь передо мной? Чья судьба? Одним ярким мазком артист выписывал характер. Каждый штрих, каждая деталь важны для изображения внешнего и внутреннего мира героя.

Старик ниспровергал, осмеивал, жалел своих героев, а я не сводила с него глаз, поглощая, пожирая его целиком. Ни гомона в зале не слышала, ни реплик других актеров. Во всем мире в данный момент для меня существовал только он, несомненно, —

Настоящий Артист. Артист до мозга костей. Я чувствовала его сердцем, плечами, даже кончиками пальцев. Я осязала его слова и жесты. Мне казалось, что между нами образовалась какая-то физическая связь. Для меня он был состоящим из таланта говорить, передавать, заставлять воспринимать, понимать умом. Вот оно, настоящее искусство! Я захлебывалась восторгом...

Девушка-акробат всем понравилась. Гибкая как змея. Потом выступала немолодая артистка в ярких павлиньих одеждах. Она с трудом делала мостик, ноги у нее дрожали, и сквозь лохматые одежды проглядывали толстые складки кожи.

— Бедняжка, до пенсии ей не дотянуть на такой должности, — вздыхали женщины с нашей улицы.

Какофония очень громкой музыки, сопровождающей гимнастические номера, закладывала уши и мешала размышлять.

Публика чутко реагировала на каждое выступление и неистово хлопала каждому понравившемуся артисту.

Концерт заканчивал высокий ловкий жонглер. Шарик, булавы, тарелки так и вились вокруг него как живые. Ни один предмет не упал на пол. «Талант! Талант!» — восторженно кричали зрители.

Когда мы шли домой, отец сказал:

— Теперь целый месяц ребята будут жонглировать на переменах чем попало. Может, и среди наших детей такой же самородок отыщется?

Невольно разговор переключился на спектакли, с которыми выступали в клубе наши педагоги.

— А Чехова наши учителя как настоящие артисты играют. Вот бы составить программу по-другому: один номер приезжие артисты исполняют, другой — наши, местные. И пусть бы Виктор Никифорович на бутылках сыграл, а Дмитрий Федорович — на двуручной пиле. У нас тоже есть чему поучиться! — воскликнул брат Вова.

— А мне очень понравился спектакль «Недоросль», который ставили десятиклассники. После них захотелось прочитать пьесу, — солидно выразил свое мнение Ленчик.

— А наш Валька Потанов научился чечетку выбивать так, что в сельский клуб на его представления сбегаются девчата со всей округи. С лихостью, с блеском выступает, в сумасшедшем темпе! Но больше всех мне запомнился Артемка с Некипеловки. Он здорово придумывает и разыгрывает интермедии из жизни села. У него удивительное чувство времени. Мне кажется, в интермедии важна краткость и скорость исполнения. Артем играет искрометно, весело. В несколько секунд проявляет характер своего героя. И пьяницу показывает, и вора-кладовщика, и пожарника. Достается от него и женщинам. Его полное, круглое, веснушчатое лицо так тонко передает и невыразимую радость, и глупое безразличие, и черное горе. Публика лежала на лавках, утирая слезы и захлебываясь непрерывным смехом, когда он прошелся по сцене в длинном сарафане, повторяя ужимки буфетчицы. Зал буквально ревел от восторга. «Вот бы кого в город, в артисты», — говорили зрители.

«Как талант, так сразу в город. Пусть радуется своих селян», — возражали другие. Артем им ответил серьезно: «Я из дому — никуда!»

Когда я закончила свой восторженный монолог, отец, поджав губы, сказал с легкой надменностью:

— Теперь я осведомлен, откуда ноги растут и уши торчат.

Сообразив, что проболталась, я принялась торопливо оправдываться:

— Мы с Зойкой через форточку, только два выступления посмотрели. Со смеху чуть с окна не свалились.

И для пушей убедительности добавила:

— Я недолго стояла, только Артема послушала и бегом домой.

Настроение немного погасло.

Но все равно здорово, что артисты приехали! Впечатлений — ворох!

КРАСОТА

Приехала из дальней деревни бабушкина родня. Во двор вошел огромный, краснолицый мужик. Маленькие серые глаза смотрели подозрительно и недобро. Начинающие сесть, желтоватые, прямые волосы неровными клоками торчали из-под надвинутой на лоб замусоленной кепки. Лицо небритое. Воротник рубашки не прикрывал толстые красные складки затылка. Широкие брюки, заправленные в кирзовые сапоги, сидели на нем мешком. Ремень застегивался ниже живота. Поздоровавшись, он сразу лег отдыхать. Его бойкая, приветливая жена, разворачивая подарки, не замолкала ни на минуту. В кирзовых сапогах и несуразном темном костюме, она выглядела неотесанной колодой. Румяные щеки госты вылезали из-под платка и контрастировали с грубой серой тканью.

— Муся, разденься, приляг, — уговаривала ее бабушка.

Без платка лицо тети преобразилось. Веселые глаза засветились, яркие полные губы открыли ослепительно белые зубы. Она освободила светлые волосы, и они волнами рассыпались по плечам. Я залюбовалась ими. Теперь голова никак не подходила к фигуре.

— Примерь мою кофточку, — обратилась к ней мать и подала узелок с одеждой.

— Спасибо, не надо. Зачем? Мы на пару часов зашли отдохнуть. Поезд у нас вечером.

— Да ладно. Пока муженек спит, покрасуйся, — мудрая бабушка всегда находила целебные, подходящие к ситуации слова.

Тетя беспокойно глянула на дверь, за которой отдыхал муж, и нерешительно согласилась. Красная шерстяная кофточка плотно прилегла к ее ладному телу, а чуть расклешенная у колен черная короткая юбка открыла стройные ноги. Тетя быстро всунула ноги в материны туфли на высоком каблуке и плавным, изящным движением повернулась к нам лицом. Высокая, элегантная молодая женщина улыбалась смущенно и по-детски радостно. Пораженная переменой, я не могла произнести ни слова, но мои глаза восхищались. Тетя расстроилась и быстро разделась.

— Возьми кофточку, мне мала. Не стесняйся, — упрашивала ее мать.

— Не надо, — энергично и досадливо запротестовала тетя.

— Почему? Вы в ней такая красивая, — удивилась я.

— И так ревнует. Как зверь становится. Дети у нас, понимаешь? — остановила тетя надвигающийся поток моих пылких восторгов.

Я не удержалась и обиженно забурчала:

— Зачем нарочно уродовать себя одеждой? Это противоестественно. Красивому надо радоваться, как музыке, стихам, природе. Дядя Вася глупый, раз не гордится вами. Я одному человеку в поезде сказала, что у его жены очень плавные линии рук, как у женщины с картины знаменитого художника, а он сначала равнодушно посмотрел на нее, а потом почему-то разозлился. А девушка глядела на меня благодарными глазами. Наверное, ей хотелось, чтобы муж восхищался ею.

— Ох, дочка, не до мелочей нам. Строимся мы, — тоскливо вздохнула тетя.

— Все равно обидно. Красота дана человеку, чтобы ее замечали, — упрямо произнесла я.

Бабушка приложила палец к губам. Я поняла: «Не трави душу человеку». Я умолкла и предалась грустным размышлениям о непонятной неразумной человеческой сущности.

ШТАНГА

После строительства дома мое тощее, жилистое, длинное тело хорошо окрепло. Я не очень-то обиделась, когда летом какой-то незнакомый мальчишка, вылезая из речки, брезгливо спросил: «Ты чья, стропила?» Ответила ему спокойно: «Были бы кости, мясо нарастет». И в ту же минуту парень полетел с обрыва спиной в воду. Продолжения беседы не последовало, хотя он был на полголовы выше меня. Я и раньше вне дома не отличалась тихим характером, а теперь во мне появилось ухарство, нарочитая резкость в движениях, в голосе, в словах. Я не позволяла в свой адрес ни иронии, ни даже шуток. Общалась в основном с ребятами и при любом удобном случае демонстрировала свою силу и независимость. А с девочками вела себя проще. С лета я начала обливаться ледяной водой из колодца. А с начала учебного года в школе на сцене, за занавесом, упражнялась с одно- и двухпудовыми гирями. Приходила на хор на полчаса раньше и после репетиции немного задерживалась. Поднимала гири не только руками, но и ногами. Часто в этих негласных соревнованиях я побеждала ребят не только своего класса, но и старшеклассников. «Двужильная!» — шутили они. Я никогда не хвалилась своими успехами, а молча, с достоинством уходила со сцены, как когда-то мой детдомовский друг Иван.

Один раз на сцену за штору пришел школьный штангист Дима Лесных. Увидев меня, он удивился:

— Девчонка с гирями? Ха! Телосложение слабовато.

Я спокойно ответила:

— Суворов в детстве тоже не был похож на генерала. Он для меня — авторитет. Посоревнуемся?

Спортсмен не ожидал от меня такой наглости и, смеясь, согласился. Я начала со своего «коронного» номера — поднятия пудовой гири большим пальцем ноги. И выиграла. Дмитрий сделал вторую попытку. Я заметила, что он хитрит, и взвилась:

— Так нечестно!

— В спорте часто выигрывает не сильный, а более сообразительный. Когда я вижу, что меня обходят, сразу включаю мозги. Мы не на равных. Я никогда не участвовал в подобных соревнованиях, — возразил Дмитрий.

— Но ты старше и штангист! Стыдно так себя вести с девчонкой! — презрительно высказалась я.

— Виноват, больше не буду, — развязно расшаркался спортсмен.

Я не стала придирааться к форме извинения.

— Какой вес ты можешь толкнуть? — неожиданно спросил Дмитрий.

— Не знаю. Не пробовала штангу поднимать. А какой рекорд для моего возраста? — поинтересовалась я с вызовом.

— Сколько в тебе килограммов?

— Сорок.

— Столько и пробуй.

Он прикрутил железные диски, и я рванула штангу.

— Не вижу ликования народных масс! — брякнула я любимую шутку учителя физкультуры, отбрасывая штангу в пустой угол сцены.

— Сумасбродная! Надо же стойку принять, ноги расставить. Штангой покалечиться можно! — испугался Дмитрий.

— Но я же толкнула, чего тебе еще надо? — безразлично повела я плечами, хотя уже успела оценить степень риска своего необдуманного поступка.

— Больше без моего разрешения не подходи к снаряду. Я здесь отвечаю за технику безопасности! — жестко потребовал Дмитрий.

— Раскомандовался! Распелся тут! Не нужна мне твоя штанга! Я отца на спор на закорках с легкостью бегом по двору прокатила. А в нем девяноста килограммов, — холодно ответила я, прекрасно понимая правоту старшеклассника и в душе поругивая себя за упрямство и взбалмашность.

— Ври больше! — пренебрежительно хмыкнул Дмитрий, немного успокоившись.

Я опять завелась с полуоборота:

— Повторить! На что спорим!?

Дмитрий попытался осадить меня:

— Не горячись, ты же связки можешь растянуть и спину сорвать!

Но только недовольный голос учителя пения охладил мой пыл:

— Может, ты перейдешь в кружок тяжелой атлетики? — саркастически произнес он, раздвигая занавес на сцене.

Я понимала, что виновата, но от смущения ответила резко:

— За шум извините. Больше такого не повторится.

И не повторилось, потому что Виктор Иванович доложил матери о моем плохом поведении, и она пригрозила не пускать меня на хор, если еще хоть раз услышит о занятиях с гириями в компании взрослых ребят. Лишать себя удовольствия находиться рядом с Виктором я не хотела и запрет не нарушала. Но пробежки и холодные обливания не прекращала, хотя на дворе был ноябрь.

ГРИПП

И вдруг я заболела. Тело отяжелело, колики повсюду, даже в кончиках пальцев. Огнем горю. Голова гудит как пустой чугунок. На второй день родители врача вызвали. Она поставила диагноз: «грипп». Мать удивилась:

— Как же так? Крепкая она у нас, спортивная, обливается по утрам.

— Общее состояние здоровья тут ни при чем. Очевидно, у нее против гриппа нет иммунитета, — веско сказала доктор.

— Отчего же его нет? — спросила мать.

— Много тому причин бывает: отсутствие грудного вскармливания, плохое питание, нервное истощение, — объяснила врач, назначила кучу лекарств и уехала.

Поздно вечером лежу на диване, ощущаю удивительное состояние бесконечного счастья, тепла, покоя, умиротворения. Необычайная легкость в теле, каждая клеточка блаженствует! Мне хочется, чтобы эти приятные чувства никогда не заканчивались. Подходят с керосиновой лампой родители. Мать кладет мне подмышку термометр. Я тихо возражаю:

— Не надо. Мне хорошо. Мне очень хорошо!

Она раздраженно отвечает:

— Не командуй. На ночь всегда надо проверять температуру.

Я смиряюсь.

Опять появляется мать и вынимает градусник. Вдруг она испуганно вскрикивает и, как кошка, кидается к деревянной шкатулке с лекарствами. Я понимаю, что со мной что-то случилось. Но реакция организма притуплена. Я как отрешенная. Вроде не со мной все происходит. Мать дает две большие таблетки и требует срочно выпить. Я отказываюсь. Она кричит. Я пытаюсь проглотить. Таблетка застревает в горле. Она такая большая! Я не привыкла пить лекарства, потому что за годы учебы ни разу не болела. Мать сердится все больше. Я напрягаю все силы. Таблетка проскакивает. Вторую жую, запиваю и вскоре засыпаю.

Открываю глаза. Светло. Рядом на коленях стоит бабушка, молится и крестится, сложив пальцы щепоткой. Я молча смотрю на нее. Мне тяжело. Захожусь кашлем до рвоты. Саднит и дерет в горле. Колики в ушах. Больно глазам. На них наплывает глухой, ватный туман. Дыхание вырывается с хрипом и разноголосым свистом. Боль то грызет и душит, то разламывает грудь.

Бабушка просит меня выпить густой, как мед, липовый чай. Она не сомневается в знаниях врача, но не отказывается от народных средств. Я с трудом глотаю и вновь падаю на подушку. Тело влажное, липкое и по лицу струйками течет пот. Трудно пошевелиться. Наверное, температура низвела меня до положения трупа.

Боль в теле нарастает медленно, уверенно и неотвратимо. Она блуждающая и не определена временем. Она душит, колет, тянет, сжигает. Я в полудреме. В мозгу возникает целый сонм смутных, бессмысленных дурных видений. Грезится что-то внушительное и очень неприятное. По большей части в гулкой затуманенной голове плывут, колышутся, дрожат и клубятся вихри бессвязных, мутных снов. Разумные мысли проскакивают редко и беспорядочно. Я с трудом отделяю их от болезненных наваждений.

Перед глазами пробегают тусклые огни, скользят цветные тени, в огненных просветах вижу что-то нестерпимо страшное. Ужас бездны. Снова осаждают смутные, непонятные, невыразимые образы. Они застревают в памяти, отвратительно терзают, истязают. Давит шквал тяжелых эмоций, мучает водопад сложных чувств. Я тону в них. Сознание ищет реальный смысл в нагромождениях диких фантазий, в водоворотах мистических страхов. Мне кажется, что эти сны содержат истинную действительность, скрытую в нормальном состоянии на периферии сознания и открывающуюся только на грани жизни и смерти... Страшно...

Откуда-то из глубины, издали слышу всхлип и голос бабушки:

— Детонька, пообещай мне после выздоровления обязательно окреститься в церкви.

До меня плохо доходит смысл просьбы, но я обещаю вздрагиванием век.

— Не в школе. Сейчас нельзя, отец партийный. В городе, когда замуж будешь выходить, поняла? — объясняет бабушка.

Я киваю ресницами и впадаю в полудрему. Опять жуткий кашель разрывает мне горло и грудь. Меня трясет, я содрогаюсь от боли, захлебываюсь горечью, потом сжимаюсь в комочек, с головой скрываюсь в ватном одеяле и снова проваливаюсь в небытие, до следующего приступа кашля. Со всех сторон меня обнимает душная колышущаяся тяжелая ночь. Я в темноте одна со своей мукой. Нет, бабушка неотлучно дежурит возле меня. На полу сидит рядом с моей постелью. Я чувствую на одеяле ее руки.

Под утро перед глазами по кругу побежали картинки. Как круговое кино с одним и тем же океаническим сюжетом. Все волны, волны, рыбы, рыбы... В первые минуты было интересно, но потом уже со страхом ожидала мелькания знакомых кадров. Скорость движения изображения увеличивалась и нестерпимо давила на мозги. Я закрывала глаза, металась по кровати, но никуда не могла скрыться от мучительного навязчивого видения и, только сжав голову ладонями, молилась о скорейшем прекращении мучительной пытки.

На следующую ночь круговерть изображений стала цветной. В полном изнеможении встретила утро. Мои первые слова, после того, как пришла в себя, были: «Еще одну

такую ночь не выдержу. Сойду с ума». Приехала врач, сделала спасительный укол. Я наконец-то полноценно заснула.

Три ночи мучений. Три дня, приходя в себя, вижу рядом с собой бабушку.

Мой недуг начал потихоньку отступать и уже не владел мной ежеминутно и безраздельно. Теперь нахожусь в осознаваемом полусне, но еще в дурной дремоте. Постоянно теряю нить мысли. По мере выздоровления страдания ослабевают, притупляются. Я понимаю, что этим обязана доктору и ласковой заботе бабушки.

— Почему все лекарства горькие? — шепчу я.

— Чтобы их не хотелось употреблять в большом количестве. Раз вопросы задаешь, значит поправляешься, слава Богу, — говорит бабушка.

Я улыбаюсь ей. Она отвечает усталой улыбкой. Под глазами у нее черные круги.

Сегодня мне легче. Силюсь вспомнить вчерашний день. Он как в тумане. В перерывах между кашлем разглядываю полоску обоев возле дивана. По розовому фону разбросаны белые штрихи. Я их изучаю и складываю в картины. Вот хмурый монах. Здесь толстяк наклонился над собакой. Посмотрела на обои под другим углом. Теперь вместо свернувшейся в клубок собаки вижу древнего рыцаря в шлеме. Тяжелый кашель прерывает интересное занятие. Несколько минут раздираемая болью, маюсь, распластавшись на перине. Потом отхожу и опять разглядываю «картины».

Входит мать и говорит:

— Кризис миновал. Пробуй вставать и ходить.

Я подчиняюсь. Делаю несколько неверных движений. Ноги дрожат, в голове круженье. Сажусь на постель, по спине бегут ручейки пота.

— Можно еще полежать? Тяжело ходить, — прошу я.

— Особенно не залеживайся. В понедельник в школу пойдешь. Нельзя уроки пропускать. Угораздило тебя не вовремя заболеть, — ворчит мать и уходит.

«Бабушка говорила, что все болезни не вовремя приходят. Господи, поболеть не дает лишний денек!» — молча скулю я и, опираясь на стену, направляюсь на кухню. Бабушка накидывает мне на плечи свою шерстяную «торговую» (в коричневую клетку) шальку. Мне в ней уютно и приятно.

Остановилась у окна. Легкая метель застилает округу мягкими ровными волнами белого искристого пухового покрывала. На буграх еще видны сползшие с сугробов гофрированные складки, образовавшиеся от осевшего после небольшой оттепели снега. Стволы серебристых тополей выбелены морозами. Вижу, как отец ведет мать под руку. Она вышагивает, гордо поднимая голову. Мол, смотрите, какая мы хорошая пара! У него, как всегда, непроницаемое, спокойное лицо. Они шествуют на станцию в кино. «У них все как надо, особенно на людях. А отцу в лице не хватает приветливости», — вяло думаю я и, волоча ноги бреду на кухню.

Бабушка дает мне куриное крылышко. Я с удовольствием обсасываю каждую косточку. Подкладывает второе. Я возражаю, знаю — ее порция. Она умоляет. Я соглашаюсь. В глазах у меня слезы благодарности.

— Бабушка, когда я болела, то думала про Бога. Зачем он дал людям жестокость, лживость, зависть? Сделал бы рай на земле — и никаких проблем ни себе, ни людям. Так нет, — вот вам войны, болезни, несчастья! Наверное, они даны людям вместо естественного отбора, который есть у животных? За что он наказывает людей? Почему эти наказания не всегда справедливы? Подлецы живут хорошо, а честные люди страдают. Сосед дядя Вася сказал, что неверующие для бога не существуют, и им не придется ждать кары господней, так как они находятся вне сферы его влияния. Я понимаю, он шутил и все же... В Библии говорится: «Не сотвори себе кумира». А тогда зачем люди поклоняются Иисусу? Он что, не в счет?

— Винегрет у тебя в голове, мешанина невообразимая. Бог внутри нас. Бог — это совесть

человека, его разум, его душа. Только каждому надо найти его в себе и разбудить.

— А государству нужна религия?

— Знаешь, как люди хорошие говорят? Свято место пусто не бывает. Только не нужны нашему народу чужие иноземные верования.

— А для чего человек появился на земле?

— Для достижения вершин духовности. Один может прожить как червь, а другой сумеет подняться еще на одну ступеньку ближе к Богу, понять что-то новое в законах бытия и донести это до людей. В этом великое предназначение человека. У каждого свой потолок, свой предел возможностей. К нему и надо стремиться. А еще смысл жизни в том, чтобы не чураться бытовых мелочей, уметь переносить их достойно, — улыбнулась бабушка.

— А я не представляю Бога как человека. Может быть, он похож на электромагнитное поле, потому что всюду проникает? Наверное, это поле наделено разумом? — предположила я.

— Какая разница, как Он выглядит. Главное, что Он есть и помогает людям правильно жить. А впускать его в душу или нет, каждый решает для себя сам.

— Бабушка, а чем вам помогает Бог?

— Тут, детонька, одним словом не скажешь. Очень помогает в горькие минуты одиночества. У нас неплохая семья. А есть ли время поговорить по душам, снять с сердца камень? Нет. А перед Богом душу распахнешь и сразу чувствуешь себя обновленной, чистой, легкой.

«А у меня для этого есть друг Витек», — подумала я.

Бабушка продолжала:

— В течение жизни ты не раз будешь возвращаться к этому вопросу, пытаясь понять его суть. Взрослей, умней. Не было у меня возможности учиться. До всего своим умом доходить приходилось. А это так трудно! Но всегда Бог помогал. Вот в город уедешь, больше времени будет у тебя для чтения. Ты не забыла моей просьбы?

— Нет, — торопливо успокоила я бабушку.

— Сейчас ты выжила моими молитвами, а что будет, когда я умру? Кто о тебе позаботится?

Эта фраза больно ударила меня в сердце.

— Живите долго, — попросила я тихо.

— Все под Богом ходим. Ну, иди, приляг, пока нет родителей. Слаба ты еще очень.

— Бабушка, а церкви нужны?

— Не знаю. С одной стороны — нужны. Они объединяют людей. Но мой муж, Илья Георгиевич, часто говаривал, что «исполнение обрядов приучает к покорности». Ой, пока не забыла. Доктор приходила. Советовала больше быть на свежем воздухе, зарядкой заниматься. Рассказывала о разных способах укрепления организма. Но я так их понимаю: все врачи разыгрывают одну карту — «движение — это жизнь», только «соус и приправы» разные придумывают, чтобы заинтересовать людей и привлечь к занятиям спортом. Музыка, игры, концентрация собственной энергии — все служит одной очень важной цели: здоровью человека.

Бабушка перекрестила меня и ушла во двор. А я с мыслями о непонимании смысла царствия Божьего незаметно уснула.

ЮЛЕЧКА

Соседи уехали в гости, а Юлечку оставили нам. Ей три года. У нее щечки-яблочки. Она сегодня узнала, что такое праздник, потому что попробовала конфеты. Мама не приучала ее к сладкому. Но моего брата угостили тремя конфетками, и он дал одну гостье. Юля играла ею на столе, как новой игрушкой, и нечаянно лизнула. Глаза ее удивленно расширились, потом она на миг задумалась, и вдруг схватила конфету и стала лихорадочно грызть. Слюни текли по подбородку. Она подбирала их руками, облизывала пальцы, губы и все время оглядывалась. Покончив с конфетой, Юля принялась обследовать стол в поисках необыкновенно вкусной игрушки. Она старательно ползала по доскам, ощупывала каждую щелочку, заглядывала под крышку. Потом сползла на пол и там провела ревизию.

Коля еле отвлек ее от этого занятия. Он зажимал желудь в одной руке, а малышке подставлял оба кулака. Она угадывала. Потом Юля прятала, а он находил. Коля правильно угадал, но Юля тут же переложилась желудь в другую руку и, скорчив хитрую рожицу, сказала: «Не угадал!» Коля объяснил, что жульничать нехорошо и отказался играть. Юля надула губки, но не заплакала. Понимала, что сама виновата. Я заметила, что каждую новую игру и новые фразы Юля повторяет многократно, будто заучивает, хотя ее никто не заставляет. Почему? Ей интересно?

— Ласкажи мне загадки, — просит меня Юля.

Я напрягаюсь и направляю память на детское. «Кто молчуна перемолчит и крикуна перекричит?» «Кто четыре раза в год меняет одежду?» «Что дается одному, а пользуются все?» «Не живое, а дышит», — рассыпаю я бисер слов. Юлечка свела бровки вместе, «глазки в кучку» собрала и заявила: «Давай лучше я для тебя плидумаю загадки?» Слушай: «Лыжинькая с хвостиком». Это лисичка-сестличка. Поняла? «Беленький и уски длинные». Кто это? Не угадала? Не угадала! Так это же зайка!

Вскоре пришла наша бабушка, поздравила Юлю с праздником и срезала ей с елки большую шоколадную конфету. Поэтому, когда наши родители пришли домой, Юля прямо с порога закричала:

— Хосю подаек, дай касету, паздник, — и потащила их к елке.

А мне в этот момент вспомнился Ваня-якут из лесного детдома. Когда он появился у нас, то ожидал Новый год, потому что считал, что к празднику на елке вырастают яблоки...

Потом я рисовала для Юли. Изобразила большие глаза, а она говорит: «Мама». А на огромные брови сказала: «Сова». Еще я нарисовала сердитые глаза и грустный рот. Юля скорчила печальную рожицу и прошептала: «Папа».

Странно, ни лица, ни волос, ни носа я не рисую, а она все равно узнает в моих каракулях человека с определенным характером. В благодарность за мое внимание Юля рисует для меня Колобка. Ровный овал лица у нее сразу не получается, и она старательно многократно подправляет его. Потом, рассматривая свое «художество», вдруг с восторгом произносит: «Мой Колобок — кулемоликий!»

Чтобы Юля не мешала мне помогать бабушке на кухне, я вытащила из комода кучу старых довоенных платьев матери, и она с восторгом погрузилась в них. Сначала она просто кувыркалась в ярких «тряпочках», потом стала примерять их. Очень ей понравилось ярко-желтое платье с широкими клиньями по подолу. Сумела-таки одеть. Подошла ко мне, подала «хвост» платья и говорит:

— Диззи, я каева. Я невеста.

Мать смеется: «Соседка рассказывала, что в два годика Юля была на свадьбе. Невеста сидела в белом платье, складки которого разметались веером по траве. Юлю так поразила эта картина, что она целый день говорила, что невеста — красивый белый цветочек.

Мы все заняты своими делами. Юле скучно. Она обращается к бабушке: «Мне похотать хочется. Посчитай мне леблущки (ребрышки)».

Бабушка щекочет малышку, они вместе придумывают невообразимые сочетания слогов

и смеются. Юля подбегает ко всем взрослым по очереди и говорит разные «куле-муле» Ей хочется, чтобы все радовались вместе с нею.

Сели обедать.

— Бабушка, у тебя макаоны много соленые. Вот настока! — говорит Юля и показывает пять пальчиков.

Вдруг она увидела на елке красивую уточку и захотела поиграть с нею. Мать объяснила ей:

— Вот съешь булочку, тогда дам.

Юля задумывается и вдруг ломает булочку на две части, отдает одну бабушке, другую моей матери, отряхивает ручки и говорит:

— Нет буки. Дай утю.

Мать смеется: «Что за девчонка! Откуда у нее такое?» — и дает малышке игрушку. Но недолго играла Юля. Выбросила она из комода белье на пол, улеглась в нижний ящик и поет что-то очень веселое, а сама смотрит на меня призывно, внимания требует. Гляди, мол, какая я хорошая, чего придумала. Я спрашиваю: «О чем поешь, Юлечка?» Она серьезно отвечает: «Секлетную песню. Никто пло нее не знает! Дазе мой длуг Антоша из детского садика!» Я делаю вид, что мне неинтересно, и Юля бросает свое занятие. «Зрители, видишь ли, ей нужны!» — удивляюсь я.

Приход Юли нарушил все мои планы, и, хотя она очень забавная, меня больше волновало, как бы успеть выполнить все запланированные дела и пораньше пойти репетицию. Только я отвернулась, а Юля уже мои спицы с клубком шерсти тащит. Бабушка заволновалась:

— Юлечка, брось спицы, пальчик исколешь, кровь пойдет.

А Юля ей в ответ:

— Бабушка, ну что ты ластлаиваешься, она назад втечет!

Отняла я спицы и говорю:

— Ата-та хочешь?

Юля делает грустное личико и отворачивается от меня:

— Я с тобой не длузу.

— Ох, пропаду без тебя совсем, — смеюсь я.

Юлечке не нравится моя ирония, она подходит к бабушке и ласкается к ней. Бабушка кладет Юлечке руку на лобик и сочувственно говорит:

— Не заболела? Что-то ты горячая.

— Нет, бабушка, — выразительно таращит глаза Юля, — это ты остываешь.

— Ну и девчонка! В карман за словом не лезет, — восхищается бабушка.

— А взрослой она останется умной? — спрашиваю я.

— Способности надо развивать, а когда родителям с нею заниматься? Так и пропадет за домашними заботами, как старшие дети. А пока Юлечка точно дикий цветок или вольная птичка растет. Все в ней естественно, гармонично. Заботы не дают, не коречат, не донимают, — вздохнув, ответила мне мать.

От ее слов у меня испортилось настроение.

Отвлеклась я на минутку, а Юля уже с глаз пропала. Гляжу, а она обнаружила под елкой кулек, достала две конфеты, прижала ручки к животу и бочком-бочком мимо нас направилась в спальню. Я ее остановила и назидательно так говорю:

— Ты не должна брать без разрешения. Как надо просить? «Дайте, пожалуйста». А сейчас положи конфеты на место.

Юля тяжело вздохнула, подняла на меня круглые черные глаза и сказала тихо:

— Хосю.

И столько в этом слове прозвучало желанья, безысходности, грусти! Но конфеты все же отдала. Я повернулась к матери. Она поняла, что мне жалко Юлю, но не позволила уступить:

— Если так сделаешь, то в семь лет она осознанно станет обманывать. Девочка уже понимает, что нельзя брать чужое, и вот именно сейчас надо учить ее преодолевать себя. Сегодня она совершила героический поступок: без слез отдала самое дорогое — сладкое, — объяснила мне мать.

Чтобы отвлечь гостью от конфет, я учу ее считать до десяти в ряд и в разбивку, а потом даю ей большую бабушкину линзу. Юля в восторге обследует все подряд и вдруг радостно сообщает:

— Бабушка! Челез линзу ты такая мосьная! Смотри как я ласпузатилась!

Я вырезала крупные буквы в заголовках газет и предложила Юле собрать из них слова. Она расставила буквы в слове в обратном порядке. Я говорю: «В три года я уже умела читать». Юля задумалась, потом напряглась и вдруг заплакала горько и безутешно. Я не ожидала, что случайно брошенная мной фраза может больно ударить по самолюбию такого маленького ребенка. Мне никак не удавалось успокоить малышку. Наконец, я сообразила, что надо похвалить ее. «Ой, какая ты умница! — стараясь не фальшивить, весело сказала я. — Ты новую интересную игру придумала: ставить буквы в любом порядке, а потом угадывать слово». Юля еще некоторое время дулась на меня, а потом отвлеклась.

Ползая по полу, она обнаружила под елкой мандарины.

— Это сонушки и обака! — обрадовалась она.

Коля тоже полез под елку и вдруг закричал жалобно:

— Все сгнили, понимаете, все!

Мать растерянно перебирает мандарины. А бабушка сокрушается:

— Кто же мог знать, что за неделю пропадут? Они так красиво смотрелись под елкой на белоснежной вате!

А Юля посочувствовала:

— Бабушка, не пачь, ты пло них забыла потому, что у тебя маленький скелозик (склерозик)!

— Не переживай, на следующий Новый год еще купим, — успокаивает мать Колю.

А я вспомнила о крошечном мандарине, припрятанном мною в прошлом году ради эксперимента. Мне интересно было, сгниет он или нет, если его положить в сухое хорошо проветриваемое место. Проверила. Корка подсохла, и содержимое плода оказалось помещенным в надежный панцирь. (Этот мандарин хранится у меня до сих пор!)

У Юли мысли уже совсем о другом:

— Когда-то было — давно-давно. Там был лузный пляз. Много-много луз, много песку и

очень большие пеньки!

— Ты на каждом пеньке постояла? — спросила я, пытаюсь отвлечь себя от грустной истории с мандаринами.

— Ты что! — удивляется Юля. — Откуда у меня было стоко ножек? (ножек).

Потом Юля глубоко вздыхает и произносит печально и тихо:

— В тли года я плисла в садик, дого смотлела на всех детей и выблала Антосу. Я его люблю и не лазлесаю девочкам илать с ним. Когда он болеет, я ни с кем не илаю. Антосу зду.

— Когда ты замуж пойдешь за Антошу? — в шутку спрашиваю я.

— Када Антоса захочет, — очень серьезно и грустно отвечает Юля.

— Вот вырастешь, выучишься, получишь квартиру в городе в новом доме и будешь с Антошей жить-поживать и добра наживать, — продолжаю я подшучивать над малышкой.

Реакция Юлечки была неожиданно бурной:

— Не хочу я дазе смотлеть на этот новый дом! Я с мамочкой и папочкой буду зыть!

На глазах у нее навернулись слезы.

«Она не представляет себе жизни, если рядом нет родителей. Для нее разлучиться с ними — все равно что рухнуть в черную яму страха, — поняла я. — Удивительно интересно чувствует ребенок! А может, только подражает взрослым? Но я же отлично помню, как в три года по-взрослому восхищалась восходом. Меня никто этому не учил. Только словами я не могла выразить свои чувства. Я тогда вообще мало говорила. Наверное, Юлечка умнее меня, она более развитая. Это оттого, что в семье растет?» — размышляла я.

— Давай позанимаемся арифметикой, — предлагаю я малышке. — Арифметика интересна, когда ее понимаешь.

— А мне интелесно, када не понимаю, а потом понимаю, — возражает Юля и подставляет для счета свои ладонки с растопыренными пальчиками.

— Почитать тебе «Курочку Рябу», — чуть позже спрашиваю я.

— Неть. Я не ясельная. Мне взлослые книски нлавятся. Када выласту, деские буду читать, — упрямо отвечает Юля.

У нее уже дух противоречия прорезался или это что-то другое? — удивляюсь я.

А Юля уже пристает к бабушке:

— Давай говолить гупости! Это так весело! Ха-ха!

— Я к старости стала слишком умной. У меня не получается говорить глупости, — улыбается бабушка. — Я лучше свернусь клубочком и буду спать как суслик.

— Ох, и огломный клубок получится. Целая гола! — восторженно восклицает Юля и залиvisto хохочет.

С улицы заходит заснеженный дядя Петя. Увидел маленькую гостью и спрашивает:

— Егоза, как жизнь молодая?

Юля, с удовольствием уминая помидор, отвечает не задумываясь:

— Томатная!

Тут пришел старший брат Юлечки, чтобы забрать ее. Малышка прощается с нами:

— Ох! Устала я с вами ласховаливать. Даже язык свис!

Она очень торопится домой и радостно кричит брату:

— Ой, мои ножки бултыхаются, спесат к мамотьке.

Я собираюсь на репетицию. В голове у меня занозой стоит вопрос о том, как в деревне сохранять и развивать способности детей? Сейчас Юлечка живет счастливой беззаботной жизнью, не наблюдая часов. Ничто не тормозит ее естественного развития. Это здорово. Но ничто и не подталкивает расширять кругозор. Правильно ли это? Может, пора развивать ее?

НОВЫЙ ГОД

Ослепительное утро! Солнце вырисовывает каждую веточку, каждый след на чистом снегу. Мелькают снежинки. Обычно они белые, а сегодня серебристые, как звездочки или мелко нарезанная фольга от конфет. Снежинки сверкают и исчезают, будто искры гаснут. На смену им появляются все новые и новые. Впервые вижу такое. Подошла к другому окну. Здесь нет яркого солнца и поэтому не видно искристого мерцания. Без солнца нет праздника. Наверное, именно этот снег называют серебряным дождем. Видно, еще до меня кто-то разглядел эту красоту. Может, тот человек был тогда маленьким, но на всю жизнь запомнил серебряные блестки, осколки лучей зимнего солнца.

Я не могу оторвать взгляд от завораживающего волшебного мелькания. Накинула фуфайку и вышла на крыльцо. Справа белые волны парка. На ярко-белом снегу у колодца вижу слова, старательно «написанные» валенками: «Витя + Галя = любовь». Края букв сгладил последний снег. Они стали мягче и загадочней.

«Крик души», — иронично усмехнулся отец, из-за моей спины прочитав сердечное признание. Я не обратила внимания на его реплику. Снежные блестки украшали послание, как новогоднюю открытку. Почему-то сделалось грустно. Красота и грусть. Ольга Денисовна, учительница физики, назвала бы это сочетание парадоксом.

Перевела взгляд на горку. Пятнадцать градусов, а малышня деловито преодолевает снежную насыпь, отделяющую гору от дороги. Машины у нас — явление редкое, но соседи все равно постарались обезопасить детей. А им такой бугор — только в удовольствие. Каждый, разгоняясь, пытается его преодолеть. И если получается, — бурно выражает восторг. Некоторые взрослые тоже позволяют себе вспомнить детство и скатываются на фанерках по ледяной извилистой дорожке, но, ударившись о препятствие, кричат, потирают ушибленные места и сокрушаются. Наверное, говорят: «Где мои шестнадцать лет?» — улыбаюсь я.

Вернулась в хату. Мать вытащила из шкафа свой серый коверкотовый костюм с праздничной блузкой и сказала:

— На новогодний вечер пойдешь в этом.

Я сникла. Сажу и вспоминаю грустные моменты, связанные с «нарядами». На седьмое ноября она уже испортила мне праздник. Помню, как мешком висел на мне этот костюм пятьдесят четвертого размера, это притом, что я ношу сорок четвертый. Я сидела в соседнем с залом классе и не хотела выходить. Мать сняла с руки свои часы и подала мне. «Для моральной компенсации», — поняла я. Каждый ученик мечтал о часах и понимал, что до окончания школы это несбыточно. Но и часы не смогли улучшить настроение. Мать заставила меня выйти к одноклассникам. Они смотрели на меня с сочувствием, потому что все были в формах. Я выглядела среди них белой неуклюжей вороной. Мечтала о вихре удовольствий, а получила пшик...

Вспомнилось, как в городе мама Оля как-то выпустила меня гулять к подружкам в шелковом розовом платье, которое перешила из своего старого. На платье были глубокие подрезы и складки для женской груди большого размера. Я не могла послушаться, но боялась, что дети станут надо мной смеяться. Но они сделали вид, что не замечают взрослых деталей платья. И все же я с большим удовольствием играла в трусах и майке...

А еще мать недавно купила мне в «уцененке» осеннее пальто пятьдесят четвертого размера из материи хорошего качества, чтобы надолго хватило. Из детского пальтишка сразу в огромное, взрослое! Мне до такой толщины, наверное, лет тридцать вес набирать придется. А что могу поделывать? Придется носить. Это уродливое пальто я ненавижу больше всего на свете... И на этот раз подчинилась. Не могу же сорвать наше с Лилей выступление на новогоднем празднике!

Когда я с сумрачным видом появилась в классе, где переодевались артисты, подруга сразу все поняла. Вдруг глаза ее засияли:

— Исполним украинский танец и в таком виде пойдём в зал. Понимаешь, весь вечер будем в национальных костюмах! Согласна?

Я вмиг ожила.

— Лилька, умница! — закричала я, утирая слезы радости. — Ты гений, ты спасла мне праздник!

Лиля достала из сумки два комплекта одежды.

— Этот костюм шила себе моя старшая сестра Люда, когда училась в седьмом классе. Он как раз по тебе, — сказала подруга, подавая мне великолепно расшитую жилетку, коротенькую, чуть за колено, юбку в складочку и вышитую красным крестиком белую блузку с пышными рукавами.

Венок с цветами и яркими длинными лентами я еще раньше получила от вожатой. Когда мы нарядились и покрутились перед зеркалом, то, не сговариваясь, бросились друг другу на шею. Мать пыталась заставить меня переодеться, но я возразила:

— Это мой маскарадный новогодний костюм. Имею право быть в нем.

— Не позорь меня, — зашипела она снова.

— Я девочка, а не тетка или огородное пугало, — ответила я резко и побежала приглашать Лилю на вальс.

Праздник прошел великолепно. Родители остались с учителями провожать старый год. Одеваясь, я уже слышала за стеной класса застольный, беспорядочный, оживленный хмельной разговор.

Иду домой, радостно мне. На небе закат пылает костром сосновых бревен. Солнце расплавленным металлом стекает за горизонт. Остановилась и жду, когда оно совсем исчезнет. Вот уже только розовые полосы расчерчивают горизонт. А теперь слабые отблески света неровными слоями ложатся на серые облака. На глазах чернеет синяя даль. Контуры леса теряют четкость и сливаются с темным небом. Только со стороны завода яркая цепочка мерцающих огней проводит четкое разграничение двух миров: таинственного и привычного. Ночное небо поглотило землю и погрузило в тишину.

Зашла в хату, а бабушка вдруг говорит:

— Хотите по-взрослому встретить Новый год?

— Ура! — дружно закричали мы с братом.

Бабушка налила нам яблочного соку, а себе малюсенький глоточек домашнего вина. «Осознавая важность сего исторического момента...» — начала я шутливую речь. Коля остановил мои излияния. Мы поздравили друг друга и скрестили бокалы. Я видела, как сияют радостью глаза бабушки, какая она возбужденная, помолодевшая и красивая. Нам было удивительно легко и весело! Мы хотели по всякому пустяку и галантно угощали друг друга холодцом. Потом я произнесла тост за самую лучшую на свете бабушку и пожелала ей всего-всего самого наилучшего. А она ответила: «А вам, каждому, вдвое». Коротко, но как элегантно сказала! Потом говорил Коля. И мы опять поднимали рюмки. И вдруг я подумала: «Бабушка никогда при мне не встречала Нового года. Родители на работе отмечали, а она всегда оставалась на кухне одна».

Потом отчего-то нахлынули веселые воспоминания недавних шалостей. И мы сознались

бабушке, как случайно наткнулись в чулане на остатки хмельного напитка, который получился из перебродившего хлебного кваса, попробовали его и почувствовали себя по-глупому веселыми. Еще рассказали про то, как дали шестилетней соседке Свете столовую ложку вина, и она после него весь вечер пела и плясала. Бабушка, смеясь, корила нас, и тут же рассказывала истории из своего детства.

Вышла во двор остыть от праздничного возбуждения. Сегодня удивительно богатый и глубокий цвет неба! Будто морские волны гуляют над головой. Различаю светлые гребни и темные впадины. Вдруг между ними возникло яркое сияние, по форме напоминающее серебристую елочку. А в центре ее — полная луна с четким рисунком улыбающегося лица. «К хорошей погоде», — тепло вспомнила я свои детдомовские наблюдения.

Странные картинки бывают на небе! Вчера на чистом-чистом утреннем небе вдруг появились два белых облака, как два бублика, связанных цепочкой. Поплавали немного и исчезли, словно растворились. А на закате опять возникли два кольца, только теперь одно расположилось внутри другого. Солнце так красиво их подсвечивало!..

Луна скрылась. Слабый свет из окон хаты попадал на деревья. Они неподвижны, как декорации на сцене школьного театра.

Замерзла. Вбежала в хату.

— Здорово вы придумали устроить нам взрослый праздник, — говорю я, нежно обнимая бабушку. — Я сегодня такая счастливая!

На меня нашла необузданная радость.

— Коля, заводи патефон, танцевать будем!

— Куда мне?! — возразила бабушка, зардевшись.

Но я уже потащила ее в зал.

Потом били куранты, переполняя сердца верой в исполнение самых важных на свете желаний. Бабушка позволила еще раз поднять рюмки за счастье в новом году, и мы пошли спать. Я пребывала в дивном блаженстве. Спокойный, радостный сон потихоньку окунал меня в волшебное море прекрасных грез. «Разве счастье возможно?! Но ведь было же! И обязательно будет еще», — думала я, исчезая, растворяясь, превращаясь в белое сияющее облако...

Глава Вторая

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ С БЫВШИМИ ВЫПУСКНИКАМИ

Я стараюсь не пропускать в школе ни одного праздника. Сегодня традиционный вечер встречи с бывшими выпускниками. Гости собрались шумные, веселые. Те, которые из города приехали, одеты красивее наших учителей, точнее сказать, изящней. Мужчины в галстуках, ботинках, отутюженных костюмах-тройках. Женщины в строгих, однотонных костюмах или платьях. Держатся они уверенно, но сдержанно, не нарушают приличий. Сельские проще: мужчины в сапогах, с заправленными в них брюками, женщины — в ярких цветастых платьях.

Гости ходят по классам с доброжелательным любопытством, рассматривают все, радуются, удивляются, вспоминают веселые случаи из своей школьной жизни. Вот подтянутый, элегантный молодой человек подошел к матери и поцеловал ей руку. «Я, — говорит, — только благодаря Вам юристом стал. Так хорошо историю знал, что мог экзамен за первый курс в институте сдать, используя только школьные знания». Мать стусевалась, покраснела, слезы на глазах выступили. А другой студент шутливым тоном обиду высказал: «В техникуме я пятерку по истории имею, а вы мне тройки ставили». Мать ему назидательно ответила: «Если бы я тройки не ставила, ты бы сейчас на пятерки не учился. В институт тебя готовила. Помнишь, как речь выправляла? Уже почувствовал в городе, как важно уметь правильно выражать свои мысли?» Парень смущенно произнес: «Все помню. Благодарю за уроки».

— А ты, Павлик, помнишь, как доказывала тебе необходимость систематической подготовки к урокам? — с улыбкой обратилась мать к парню спортивного вида.

— Еще бы! «Двойка плюс пятерка, поделенные на два, на экзамене будут равны не трем с половиной, а двойке», — ответил он четко, как на уроке. И засмеялся по-мальчишески заливисто и весело.

Мне нравится взаимная, учтивая заботливость гостей и учителей.

— А где Валентин из вашего класса? Беспокоит меня его судьба, — это говорит учительница литературы.

В ответ слышу:

— Не складывается пока у него жизнь. Амбиции имеет большие, считает, что недостаточно ценят его. Дважды женился и разводился. Вы же знаете их семью?! Сложная. Родители умерли, так дети, как вороны, слетелись, ссору затеяли. Младшего брата во время вывели, хату продали и деньги поделили. Забыли наш закон: «Кто стариков доживает, тому дом родительский переходит». Соседи их порицали. Теперь глаз сюда не кажут. Стыдно им. Валька сказал: «Когда настоящим человеком стану, тогда и приду в школу».

— Гладкой дорожка бывает редко. Передай: мы верим в него.

— Обязательно...

— Володю Тузова не видела?

— Нет. У него всегда была слишком завышенная самооценка. Гения непризнанного с малолетства из себя строил. Да только умная голова тоже трудиться должна. Я когда первый раз увидел, как он младшего брата колошматит, да еще с таким чувством удовлетворения, превосходства, так сразу заволновалась. Испугалась, подумала, что не будет из него толку при таких наклонностях. Может, повзрослев, опомнился? Зря он школу так рано бросил, из-под контроля ушел.

— Его Лариса Яковлевна в вечернюю школу пристроила, возится с ним как с маленьким...

К отцу подошел солидный, важный мужчина в военной форме. Они пожали друг другу руки.

— Узнали? Я из вашего первого выпуска. В академии историю преподаю. Защитился. А хобби мое — инкрустированная мебель. В выставках участвую. У Петра Денисовича красоту понимать научился. До сих пор с теплотой его вспоминаю.

— Рад. Ученики должны превосходить своих учителей. Горжусь, — улыбнулся отец.

А военный с долей грусти продолжал:

— Посетил сельский клуб. Прошли годы, а в нем ничего не изменилось. Тот же сарай, так же у ребят шапки на затылок сдвинуты, папиросы на губах небрежно «развешаны», и горы семечек под лавками.

Тут я не удержалась:

— А на станции новый клуб построили, двухэтажный, и картины местных художников по стенам повесили.

— Видел. Мода к ним чуть быстрее доходит. Там ребята шапки на лоб сдвигают, и те же семечки на задних рядах под креслами, — ответил гость с легкой усмешкой.

Я все не унималась.

— А недавно приезжали красивые дяди в светло-серых костюмах и обещали через пять лет у нас город построить, — радостно сообщила я офицеру.

— А я слышал, что укрупнение вас ожидает и наше родное село из райцентра в обыкновенную деревню превратится. Это неудачная шутка? — обратился гость к отцу.

— К сожалению, правда. Опять грядет бесперспективная, бессмысленная реорганизация. Областное начальство пытается внешними переменами прикрыть свое бездействие и неспособность руководить людьми. А народ у нас прекрасный. Жаль, что применить умные головы и золотые руки здесь не дают. Редко кому удается хоть в малом отстоять свою позицию. И то через нервы, через потерю здоровья. Слышал о председателе в соседнем районе? Колхоз возродил, жилье стал строить специалистам. Потребовали его в область. Он не согласился. Сказал, что пока родные селяне не заживут достойно, он из своего села ни ногой. Так сняли с должности, услали в заброшенную деревеньку в три десятка дворов. (Мы, говорят, тебя выдвинули, мы же тебя и задвинем.) Теперь встает каждый день в четыре утра, чтобы на работу попасть. Нет там применения его бурной энергии. Морально задавили человека, руки связали... Боюсь, окончательно разбежится наша молодежь. Кто будет кормить страну? — вздохнул отец.

Вошел совершенно седой молодой человек.

— Толя, дорогой! Что с тобой? — кинулась к нему Евгения Александровна, учительница русского языка.

Он сгреб ее в свои медвежьи объятия.

— Авария случилась. Чудом выжил.

— Погоны снял?

— Нет. Военпредом в Германии служу.

— А Стасик?

— Геройски погиб при исполнении. Засекречен был. Четырьмя языками владел. Только на похоронах обо всем узнал. Вечная ему память.

— Вечная память в наших сердцах. Боже мой! Тридцать только исполнилось. Кто знал, что из этого тихого воспитанного мальчика вырастет герой, способный выполнять самые опасные задания, — разволновалась учительница.

— Сестричка его тоже уже расправила крылышки для полета, — счастливо вздохнула моя мать.

У сцены, обнявшись, кружком стоят девушки. Мечется по залу колхозный зоотехник, отыскивая одноклассников. Слышны разговоры об урожае, о тракторах.

— Еще заботят наши проблемы? — спрашивает кого-то Дмитрий Федорович, учитель немецкого языка.

— Конечно, половина сердца тут осталась, на родине. И до войны, и сейчас деревня в загоне. Жаль. На ручном труде далеко не уедешь. И огородные культуры, и кукуруза — все, как и прежде, под лопату?

— На вас вся надежда. Может, там, в городе, вы не забудете про наши трудности и поможете машинами, — не то в шутку, не то всерьез сказал отец. — Не пора ли городу отдавать долги деревне.

Выпускники собрались у Доски почета. На темно-коричневом фоне хорошо читались фамилии тех учеников, которые окончили школу с золотой и серебряной медалью. Рядом на тумбочке — Книга почета. В нее записываются адреса учебных заведений, в которых учатся наши выпускники.

Молодежь шумной толпой направилась к огромному альбому, лежавшему на столе рядом со сценой. В нем каждый выпускник по своему желанию в любой форме оставляет о себе полную информацию. Здесь можно найти фотографии, стихи, юмор и строгий отчет о жизни. Что записывали гости, я не видела. Не протиснуться. Только слышала, как взрывы смеха высокими волнами растекались по залу.

Потом все долго и тихо почтительным полукругом стояли у стенда Солдатской славы своих отцов и смотрели альбом фотографий и писем ребят срочной службы и тех, кто свою жизнь связал с армией. В одном конце зала плавает качающийся шепот, в другом слышу, как громкие комментарии разрезают тишину.

Но вот учителя зовут выпускников на концерт. Я тоже иду. Один молодой человек шутливо, но по-доброму обращается ко мне:

— А вы какие будете? Не опозорите наши седые головы?

— Конечно, нет! Не подведем свою школу, — с готовностью отвечаю я.

Отец произносит короткую приветственную речь, рассказывает, как ценят наших выпускников за трудолюбие, ответственность и надежность, зачитывает благодарственные письма с предприятий разных городов. Оказывается, из одиннадцати послевоенных выпусков десятиклассников ни один ученик не свернул с правильного пути. У всех было трудное военное и послевоенное детство, не все пока высот достигли, но зато выросли порядочными, достойными гражданами нашей страны. И это главный результат. Я, переполненная чувством гордости, подскакиваю на лавке и вместе со всеми восторженно хлопаю в ладоши. Затем гости по очереди выходят на сцену и благодарят учителей.

Один сказал проникновенно: «Здесь, в родном селе, все дорого: и первая память лица матери, и осознание правоты строгого отца, и первая детская влюбленность, и юношеская любовь. Все первое, а значит самое дорогое. Со школой связано радостное понимание душевной близости и единения во взаимоотношениях друзей. И эта память — на всю жизнь, куда бы ни забросила нас судьба...»

На концерте у гостей от смеха над интермедиями из жизни школы и села не просыхали глаза. Не меньший интерес вызвали частушки десятиклассников Вити Болкунова и Леши Ханова с припевом «Отсюда все последствия». А когда семиклассница Надя Иванова запела «Окрасился месяц багрянцем...», мне показалось, что ее голос не только заполнил весь зал и коридор, но и все село. Задушевность, как у Людмилы Зыкиной. А сама маленькая, худенькая. И откуда берется такая мощь голоса? Хлопали девочке стоя.

Вдруг услышала за спиной тихий шепот:

— Не попадет Надя в город на конкурс. Виктор Иванович наострил на станции работать, а за все в жизни надо платить. Сам поможет девчонку из списка выстричь.

— Как так!

— Даст ей петь дерганую «матаню», и она не сможет ширину и глубину звучания своего голоса проявить. Уже намечена кандидатура претендентки со станции. А Наде на ферму прямая дорога.

— А если ей самой в город поехать?

— Кто же позволит участвовать в конкурсе без комсомольского и партийного благословения?

Мое настроение ухнуло в темную бездну взрослого мира. «Недотепа я! Сплетни все. Ошибается тетка. Виктор Иванович не может так поступить!» — успокоила я себя и обратила взгляд на сцену.

Студент сельскохозяйственной академии прослезился и сказал:

— Памятники сельским учителям надо ставить.

Все присутствующие поддержали его одобрительными возгласами.

Слышу сердечные слова: «Приезжаю сюда... и душа наворачивает, наворачивает, что в городе недополучаю... Бездонная благодать маленькой родины...» После концерта выпускники и учителя долго танцевали и громко пели. А мы с Лилей шутили: «И как это наша школа еще не обрушилась от шумного многоголосого веселья и многоногого топота!?»

Мне показалось, что для моей матери день встречи с выпускниками — самый счастливый праздник в году.

ПОРОСЕНОК

Свой бег начали короткие дни зимних каникул. К нам в гости приехал друг отца. Полковник. Зенитчик. Крупный мужчина с усатым лицом. Молодцеватый, высокий, красиво оформленный вьющимися с проседью волосами лоб делал его величественное лицо достойным изображением на полотнах знаменитых художников. Импозантный, респектабельный, вальяжный, с легким привкусом самодовольства... Я тщательно подбирала слова для его описания из книжки о жизни изысканного общества девятнадцатого века.

Пронзительные насмешливые глаза гостя неторопливо ощупывали нас, детей. Мать он разглядывал, как мне показалось, достаточно бесцеремонно и назойливо, а она исподволь присматривалась к нему. Мне почему-то сразу представилось, что полковник нрава крутого, сложного и неуживчивого. Умом наделен ярким, цепким, обстоятельным. Свое мнение всегда считает точным, верным, неопровержимым. Представительный, способный внушить доверие. Создает впечатление, что на него можно положиться. Наверное, обладает прекрасным качеством: сильной волей. По всей видимости, редкой закваски человек. И, безусловно, гордится собою. «Такой не способен понять другого», — почему-то предположила я.

Иногда во время разговора на лице Романа Николаевича появлялось непривычное несвойственное его внешности выражение какой-то безнадежной усталости или скуки, а то вдруг на миг возникало высокомерное безразличие. И тогда мне представлялось, что в эти минуты остальные люди при нем должны были ощущать себя ничтожествами. Может, я преувеличиваю?

Гостя ни в малейшей степени не волновали наши чувства, он, в основном, с удовольствием слушал только себя. Бьющая через край энергия ежесекундно мощным потоком заливала окружающих и лишала их самостоятельности. Такое неуважение приводило меня в замешательство. «Говорливый, умеет очаровывать, но в его очаровании таится агрессивность. Постоянно подчеркивает свое превосходство и очень уж склонен к самовозвеличиванию. Какое внимание к собственной персоне! Какой безапелляционный тон и пристрастие к обидным метафорам! Видно, у себя на работе первую скрипку играет. И живет, наверное, припеваючи, — недовольно отмечала я про себя. — И все же есть в нем что-то ускользающее недоступное, непривычное, может быть, даже загадочное!»

Мужчины целый день вспоминали тяжкие годы войны, Отец сидел грустный, какой-то подавленный, бросал редкие фразы наподобие: «Судьба свела нас в связи с историей весьма тягостной, когда на чаше весов перевешивали не благоразумные решения, а необходимость. В конце концов, мы никаких поводов для нареканий не давали... Рано или поздно все всплывет наружу... Когда человеку везет, значит, Бог его любит. Иногда выход из недоразумения всецело от него зависит. Только, что легко дается, то и легко теряется. Чрезвычайно нежелательная случайность... Говорят, революции придумывают поэты, совершают герои, а пользуются подлецы. Нет, революции и войны придумывают жестокие алчные себялюбцы, способные ради собственной прихоти жертвовать чьими угодно судьбами. Народ — вечный заложник их амбиций. А оправдание ищем в законах развития общества, которые сами же и создаем... Доброе слово — ключ к сердцу человека в каком-то смысле... Симулировали озабоченное размышление, все принимали, как должное, небрежно отмахивались от выяснения обстоятельств. Забыли за ненадобностью, как анализировать, оценивать каждое слово. Беспрекословно соглашались, подчинялись... Избыток хитрости ум убивает. Насколько я знаю, азы усвоили точно... Не дрогнули, молодые были, нервы железные, вера была... В тяжкие времена люди должны объединяться около одного человека. В такие годы это оправдано». Все это я слышала, когда сновала из кухни в зал, накрывая праздничный стол.

Взгляд полковника обстреливал нашу маленькую комнатку словами хлесткими, «обжигающими, как удары пуль или со свистом пролетающие снаряды». При этом в глазах гостя мелькал жесткий, волчий проблеск. Я обратила внимание на то, что отец без охоты говорил о своем прошлом и о прошлом нашей страны, зато о современной внешней политике распространялся много и подробно.

На следующее утро друзья пошли на охоту. Вернулись довольные, возбужденные. Я

никогда не видела отца таким веселым. Гость называл его хозяйственным, добычливым мужиком. При этом оба дружно и заразительно хохотали, наверное, вспоминали что-то такое, нам неизвестное, чисто мужское.

Мать приготовила зайца. Я медленно смаковала свой кусочек, пытаюсь ощутить и запомнить его вкус.

— Мясо нежирное, пахучее. Вкус очень отличается от кролика, — выражал свое мнение отец.

— Вкусовые оттенки богаче. Мясо более питательное, — солидно, со знанием предмета разговора, комментировал гость.

Он вкусно пил, красиво ел, интересно эффектно рассказывал и с удовольствием демонстрировал свою начитанность. Наверное, он всегда при случае в любой компании был не прочь щегольнуть этим. «Умный, интересный, отменный человек! Только хозяйку хвалит со снисходительной суховатой любезностью. Довольно невежливо перебивает. Грубоват гость по натуре. И это его пренебрежительное: «Пардон, мадам!» Во всяком случае, у нас так не принято. Мать терпит подобное только во имя законов гостеприимства», — предположила я.

За ужином Роман Николаевич узнал, что по случаю его приезда хозяева будут резать кабанчика, и пожелал выяснить, как у нас проводится данная процедура. Ему объяснили. Подвыпив, гость разошелся, словно ребенок. Его привлекали «неторные тропы», неотъемлемым атрибутом которых был кураж. Он намеривался превратить неприятную работу в развлечение, поэтому потребовал, чтобы кабанчика не резали по старинке, а подстрелили. «Василий! Чего ломать голову? Ты же с двадцати метров в монетку попадал. Неужели кабана не завалишь? Напряги мозги! Поджилки от страха трясутся, пот прошибает? Отбрось абсурдные доводы женщин, согласись, это совсем нетрудно. Не требуется много ума сообразить, что получится захватывающее зрелище! Будет вакханалия эмоций», — раззадоривал он отца, и его голос звучал по-юношески озорно и бесшабашно. В нем чувствовался охотничий азарт. Гость вошел в раж.

Мать старалась отговорить мужчин, не устраивать цирк. По-всякому уламывала. Мол, колготы много. Опасно. И так всяких неприятностей выше крыши. И бабушка потихоньку причитала, пытаюсь их вразумить. Бесполезно! Роман Николаевич хорохорился, наслаждаясь упоительным восторгом предстоящего спектакля. Его чрезвычайно раздражала женская рассудительность, он называл ее узкой, мелкой рассудочностью, приверженностью к заведенному порядку, отсутствием фантазии.

Гость уже впал в соблазн развлечься на полную катушку и, надменно откинув красивую голову с пышной шевелюрой, пылко отвергал любые доводы. Даже властно выставил ладонь вперед, не желая слушать возражений. Может, что-то всплыло в его памяти или бурная фантазия разыгралась, и требовала произнесения вслух, но он явно ощущал непреодолимую потребность выговориться, поэтому был порывистым, увлекающимся, чересчур самоуверенным, быстрым на язык. Ему доставляло удовольствие в своих «проектах» напускать таинственность, полагаться на волю провидения. Иногда он на минуту умолкал, улыбаясь, погружаясь в какой-то только ему ведомый мир, а потом с новой энергией обрушивался на наших родителей. «Нечего кукситься. Не увиливайте! Не понимаете вы радости и красоты повседневной жизни! Разве не надоедает до чертиков однообразие? Повремените со старостью. Еще успеете тихо и трогательно праздновать! Чего попусту разводить словесную трескотню? Только активные действия развяжут узел сомнений! Мой излюбленный метод брать быка за рога никогда не дает осечки. Ага, крыть нечем! Я, как всегда, прав. Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет. Тяжкие жизненные перипетии надо приправлять лакомыми кусочками, веселыми моментами. Мысли о неминуемых трудностях еще не сами трудности. Когда боишься черта, то на самом деле видишь его за каждым кустом. Нечего тянуть время! Я не привык к проволочкам», — не сдерживая нетерпения, непреклонно отрубил Роман Николаевич.

Отец не находил достаточно убедительных причин не уважить гостя. Он, похоже, и не собирался остужать необузданную энергию своего друга. В его интонациях проскальзывало одобрение и согласие. Мать терялась от бессилия что-либо возразить. Она больше не взывала к женской проницательности и, хотя у нее не было желания безропотно покоряться, смирилась, отдавшись во власть слепого случая. Согласилась,

только бы гость отвязался. Видно, совсем уж достал он ее своим обволакивающим словоблудием. Она лишь тихо благоразумно пробурчала себе под нос: «Моча в голову ударила! Измотал громовым голосом, измором взял». И только раз, по случаю, сказала отцу веско и спокойно, что «не в силах побороть ослиное упрямство двух мужчин».

В этой ситуации мы с Колей боялись проронить лишнее слово. Чутьем понимали бесполезность своих высказываний. Но гость развлекал нас своей доброжелательной неугомонностью, живой прелестью, сметливостью и невероятным своеобразием. В нем без сомнения жил дерзкий радостный ребенок. И это нам нравилось! Нас обуревала сумятица восторженных мыслей, возникало предчувствие чего-то особенного захватывающего.

Воскресное утро. Встали мы с братом невыносимо рано. Боялись упустить самое интересное. У горизонта седые волны леса сомкнулись с белыми охалками облаков, и только по пламенеющему следу солнца я догадывалась, где граница неба и земли. Природа еще спит. Ни ветерка в надземном царстве. Кажется, что замерло дыхание Вселенной. В низинах таилась особенная плотная мерзлая тишина. Застывшие дымы из заводских труб причудливо кудрявы и черны. Вдруг карканье нарушило сказочное безмолвие. Смотрю, — одинокая ворона сидит на верхушке липы. Она неподвижна и выглядит как памятник унылой судьбе. А на соседнем дереве их две. Уже веселее на душе, хотя они тоже замерли в непонятном, неоправданном, с моей точки зрения, ожидании.

Охлаждаясь от радушия хозяйки, с крыльца спустился гость. Потом во двор вышел отец, закрыл калитку на улицу и выпустил кабана. Чушок сначала достаточно спокойно и безмятежно гулял, обнюхивая курей. Но чувствовалось, что ему не нравилось бесцеремонное вторжение в его жизнь, раздражал холодный яркий снег, незнакомое неуютное место, непривычные запахи. Его маленькие глазки то холодно поблескивали, то зловеще сверкали.

Меня с Колей отправили в хату, чтобы не создавали нервную обстановку. Мы смотрим в открытые форточки и изнываем от желания узнать подробности происходящего, так как не весь двор находился в нашем поле зрения.

Отец несколько раз менял позицию, выбирал подходящее место для стрельбы, с учетом необходимых мер предосторожности. Роман Николаевич, молодецки расправляя седые пушистые усы, корректировал его действия задорным насмешливым тоном, употребляя массу военных терминов. Они долго обменивались незначительными репликами.

Наконец, грянул выстрел. Тонкий ручеек крови заструился по грязно-белой морде кабанчика. Он сначала остановился как вкопанный, а потом резко отпрянул в сторону и, вздыбив щетину, ринулся на обидчика. Положение отца, по крайней мере, внешне, казалось мне жутким. Он обречен попасть на острые клыки раненого зверя! Испуг заключил меня в свои липкие объятия. Я замерла на месте. Жуткое зрелище всколыхнуло мою память. В голове закрутилась страшная история с девочкой на колхозном скотном дворе.

Отец заметался по двору, а его спортивного вида друг сразу ощутил неладное. Секундное замешательство — и он с дьявольской легкостью перемахнул через плетень. Как птица перелетел! И, уже находясь за надежным щитом, энергично массировал себе виски, пытаясь ускорить мыслительный процесс. Видно, лихорадочно соображал, чем помочь другу.

Предчувствуя что-то совсем нехорошее, угрожающее жизни, разъяренный кабан с диким визгом затравленно мотался по двору. Отца спасли углы: дурной Чушок с разбегу врезался в них. Куры подняли переполох. Слышим, обрушивается что-то за сараем, с грохотом разваливаясь при падении. «Это стокилограммовая неуправляемая туша сослепу или со страху вломилась в стену громоздкого сооружения — курятника», — догадались мы с братом.

Мать, придя в себя от ужаса, дико пронзительно закричала: «Вася, в сарай беги!» Он послушался и, беспокойно оглядываясь по сторонам, заскочил в хлев и с неожиданной для него ловкостью, подпрыгнув, сноровисто ухватился за низкие стропила. Кабан за

ним. Пометался по хлеву и ринулся в свой отделенный дощатой перегородкой закуток. Тут отец спрыгнул и быстро накинул на столб петлю. Я облегченно вздохнула. Спустя некоторое время бегство с поля боя представлялось мне довольно жалким, но надежным маневром. Комическое зрелище с отцом, висящим на бревне и нервно дрыгающим ногами, вызывало неловкую улыбку.

Не сразу вышел отец из сарая. Лицо его все еще было бледным. А у Романа Николаевича не осталось и следа от волнения. Весь вид его говорил: «Меня не проведешь, я вовремя сообразил оценил ситуацию». Сияя чистыми стеклами своих очков, он радостно, звучно и переливчато басил:

— Феноменально! Вот это забава! Что, в сущности, произошло? Ты что, промазал? Невероятно! Непорядок. Отчего все наперекосяк пошло? Зверь чуть не разнес весь двор к чертовой прабабушке. Как взбесился! Сорви-голова!

Запыхавшийся отец, вытирая со лба «трудовой» пот, угасшим голосом смущенно пробормотал в ответ: «Чертовски не повезло!» — и добавил еще что-то нечленораздельное. Мое волнение окончательно испарилось.

Когда поросенок угомонился, все пошли в сарай выяснить причину неудачи. Расследование проводил гость. Ситуация прояснилась быстро.

— Очевидно, кабанчик тряхнул головой, и пуля, чиркнув по поверхности лба, «отрикошетила» и поэтому только разорвала шкуру, — сделал «научное» заключение полковник.

Рокочущий бас Романа Николаевича вскоре не только успокоил, но и развеселил всех. Он с таким восторгом вспоминал, как перелетал через плетень и как его друг бегал по двору, не выпуская из рук ружья, что своим смехом мог заразить сотню людей. «Не случилось ничего непоправимого. Нет крушения взлелеянных планов. К лешему кабана, пошли обедать!» — радостно вскрикивал гость.

Родители решили больше не испытывать судьбу и отложили на завтра хлопоты с поросенком. К вечеру, когда страсти окончательно улеглись, неумный Роман Николаевич начал придумывать новый способ усмирения норовистого кабанчика. Мать предлагала использовать обычный метод и уже приготовила сумку с мукой, чтобы поросенок задохнулся и не визжал, если нож не сразу попадет в сердце. Но гостю опять хотелось чего-то особенного и, как ему казалось, более надежного. Он считал, что надо перерезать животному голосовые связки. На таком способе мужчины и остановились. «Оставьте опыты, ничего у вас не выйдет, скверная задумка», — сердилась мать. В ответ гость весело поучал: «Никогда не переживайте заранее, может, ничего плохого и не произойдет. Всегда стремитесь сохранять душевное равновесие. Ох, страсть как желаю увидеть результат эксперимента!» Матери оставалось только натянуто улыбаться.

На следующее утро мы с братом чесали Чушка за ухом, а взрослые связывали ему ноги. Роман Николаевич смело резанул поросенка по горлу, и тот вмиг замолк.

— Сейчас угомонится, — сказал гость, утирая потное, красное от волнения лицо. — Я не питал никаких иллюзий но, знаешь, Вася, оказывается страшно резать. Меня мандраж бьет. Не ожидал от себя такого, — добавил он тихо и растерянно.

Завершив важное дело, мужчины сели завтракать. Вдруг кто-то сильно забарабанил в окно, и женский голос закричал:

— Не ваш ли подранок бегаёт по улице как ненормальный?

Мы вбежали в сарай. Чушка на месте не было. Соседка указала на выгон перед хатой. Поросенок, пригнув голову к земле, прищутив и без того маленькие, злые глазки, угрюмо бежал напрямик, не разбирая дороги как выдрессированный. За ним стелился красный след. Дети из близлежащих домов, свистя и улюлюкая, сопровождали его. Когда ребята подбегали к нему сбоку, он останавливался и, резко поменяв направление, неся на них немисливо огромными скачками. Детвора, визжа от страха, разбегалась в разные стороны. Но стоило скотине удалиться на приличное расстояние, они, теперь

уже завывая от восторга и радости, что являются участниками столь редкого развлечения, опять догоняли обезумевшее от боли животное.

Из ворот домов выскакивали взрослые и с любопытством смотрели на все увеличивающуюся процессию. Шутки мужиков, охи-ахи женщин неслись со всех сторон. Роман Николаевич в запале было ринулся догонять раненое животное, но, поняв безрассудность и бессмысленность своего поступка, неторопливо вернулся к нашей калитке, у которой толпились озабоченные мужчины.

— Елки зеленые! Та хибя ж воно так можно над скотиной изгаляться? Придурки! — сокрушенно мотал головой дедушка моей одноклассницы и грозил в никуда сучковатой палкой. — Чего-то крутят-вертят хозяева. Надысь ввечеру я слышал...

— Не наезжай, Михалыч. Невтерпеж лясы поточить? Они же не нарочно. Недоразумение вышло. Не повезло хозяевам, — миролюбиво вступился за нашу семью молодой человек с улицы Нижней.

— Как же случилось, что сбежал кабанчик? — любопытствовал другой, бесцеремонно разглядывавший нашего гостя с едкой ухмылкой на худой физиономии.

— Видно, Василий плохо связал задние ноги, вот и не обошлось без казуса, — глухим извиняющимся голосом, но с печальным достоинством пояснил Роман Николаевич, сильно переживая за свой неудавшийся эксперимент.

— Действительность не состоит из одних разумных действий, — добавил он, в душе смущенно коря себя за непредсказуемость сюжета, повлекшего насмешки над семьей друга.

А внешне он держался так, будто не придавал этому событию особого значения. Его настроение не ускользнуло от пристального внимания мужчин. Они деликатно не высказывали сомнений по поводу поведения гостя.

Неведомо откуда вынырнула буфетчица из «Голубого Дуная», улыбаясь всем с профессиональной любезностью. Рядом щебетала с ласковым лукавством молоденькая секретарша из сельсовета. Лицо нашего гостя находилось под прицелом дюжины пар острых и опасных, как снайперские винтовки, глаз любопытных старушек.

— Василий Тимофеевич у нас теоретик. Интеллигенция, — снова ехидно влез дедуля.

Я знала этого далеко не ветхозаветного старика. Плюгавый, незначительный старикашка с дребезжащим голосом. Все считали его скучным, недалеким, даже умственно убогим, способным только на мелкие заурядные, обидчивые мыслишки. Докучливые назидания удручающе ограниченного «учителя» всегда невероятно возмущали слушателей, вызывали неприязнь, и они не упускали случая осадить его.

— Брюзга, маразматик, мозгляк! Не иронизируй попусту, папаша, — раздраженно возразил грубоватый, острый на язык Николай Матвеевич, который работал мастером на заводе «Предохранитель».

— Каждому свое. Вон тебя внучек не слушает, а Василий Тимофеевич два слова скажет, и пацан навтыяжку перед ним стоит, — поддакнул его сосед.

— В деревне все надо уметь делать, — с необоснованным явно завышенным чувством превосходства не унимался Михалыч.

Настырный, склочный, злобный старикашка всегда с особенным остервенением торопился излить на кого-нибудь накопившиеся яды и желчь. Да и мещанская мнительность его никчемной старухи давала им обильную пищу для злословия. Но на этот раз старику не позволили даже начать оплевание.

— Вас самого послать в хлев, так, небось, штаны редки? Вмиг загремели бы оттуда! Вам лучше дрыхнуть без задних ног под боком у благоверной. Замшелая компания! — под дружный хохот соседей закончил разговор молодой человек.

Дед сердито фыркнул и удалился.

— Не гневись, старик. Прости, — великодушно пожалел его вслед молодой.

Мать послала Колю к деду Денису, непревзойденному мастеру по устранению любых бедственных положений селян. И вот худое, согнутое, долговязое тело замелькало между домов. Хотя поросенок потерял много крови, все же с трудом дед Денис сбил его с ног и одним быстрым уверенным движением, не колеблясь, закончил страдания животного.

Отец отправился в школу. Мужики, ожидая повозку, от души смеялись, вспоминая, как Роман Николаевич проиграл гонку с поросенком. Но когда отец с гостем приблизились с лошадью, они степенно заговорили о весе, упитанности кабанчика и помогли погрузить его на телегу.

— Вы городской? — обратился молодой человек к Роману Николаевичу.

— Да, — приветливо ответил тот.

— А здорово вы, как пацан, скакали по канавам. Особливо ловко выбирались из придорожной ямы, где наши бабы песок берут, — не соблюдая правил приличия, необходимых в присутствии чужого человека, со злорадной интонацией засмеялся упитанный мужчина с Красной улицы, случайно оказавшийся на «поле сражения».

— Войну десантником начинал, — с достоинством сообщил наш гость и выпрямился, хвалясь великолепной элегантною статью и величественной осанкой.

— Оно и видно. Закалка налицо и военная выправка до сих пор сохранилась, Здесь от житейских коллизий отдыхаете? — теперь уже уважительно расшаркиваясь, произнес толстяк. — Простите великодушно за нескромный вопрос — в каком вы звании?

— Полковник зенитных войск, — четко отрекомендовался гость, демонстрируя изящный наклон гордой головы, и порозовел от удовольствия.

После эффектной паузы раздался единодушный возглас одобрения селян.

— А Василий Тимофеевич в учителя подался, потому что начальственного голоса не имеет? — степенно спросил гостя сосед Петрович.

— Он сугубо мирный человек. Шпак, — мягко улыбнулся полковник.

— Как это шпак? Так у нас скворцов называют, — недоуменно пробормотал Петрович.

— А у нас гражданских лиц, — залиvisto рассмеялся Роман Николаевич. — На одном языке говорим, а не всегда можем понять друг друга. Великий, могучий русский язык!

Когда мы вошли в дом, мать заворчала:

— Мужики, а как дети. Хлебом вас не корми, но дай вволю наиграться!

Роман Николаевич виновато улыбался, нервно барабанил кончиками пальцев по столу и говорил тоном нашкодившего мальчишки: — Назидательный случай. Сам себя перехитрил. Настоящим чертенком оказался поросенок! Впутал всех в каверзную историю. Спектакль абсурда вышел. Теперь пришел конец непредвиденному истязанию. Напрасно я покусился на вашу размеренную жизнь. Сквозь землю провалиться хочется от стыда.

Потом наклонился к отцу и прошептал на ухо: «Признание мелких ошибок и одобрительное молчание — разумные и надежные формы существования семьи. Душевная нагота кающегося мужчины всегда прекрасна. А женщина в браке должна быть или очень доброй, или очень умной. Тебе, Вася, в этом смысле очень повезло с женой. Пойдем залижем раны тихой, тускло протекающей жизни? Начнем суровую бесперспективную, бессмысленную борьбу с «зеленым змием»? Надеюсь, общение будет обоюдо приятным?» При этом он еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. «Самовлюбленных людей совесть не очень-то мучает», — сердито отметила я про себя, предвидя и потому заранее переживая насмешливые пересуды селян о нашей неудачной

охоте за собственным поросенком.

И вдруг меня посетила неожиданная мысль: «Зачем переживать? Можно с юмором смотреть на данное событие. Ведь на самом деле ситуация сложилась пресмешная!»

Мать ходила в контору и написала расписку о том, что кожу второго кабана сдаст государству, а от этого, молодого, оставит себе, по случаю приезда уважаемого гостя. А бабушка тем временем уже принесла ворох соломы, чтобы осмаливать на огне поросенка. Мы с братом тоже вышли во двор, чтобы поучаствовать в свершении ежегодного ритуала, который являлся для нас большим веселым праздником.

Я залезла на крышу сарая. Огляделась. Небо сегодня неподвижное, плоское, похожее на поле, исчерченное лыжниками. Передо мной четкая картина парка. Удивительное дело! Чуть ли не каждый день бываю в нем, но все время нахожу что-то новое, особенное. Вон к небу воздел руки мощный тополь. Какой смешной сук на нем! Ясно вижу глаз, клюв огромной птицы, перья на голове. Она смотрит на меня с любопытством. Почему я раньше ее не замечала?

Яркие гроздья рябины в белом снежном обрамлении под серебристыми лучами солнца кажутся драгоценными камнями в платиновой оправе. Вот эти березки весной трогательные, а зимой — гордые. Те, что вдаль, кажутся причесанными одинаково строго. А у ближних, обледенелые тонкие чуткие нити как холодные солнечные лучики. Вздрогнули ветви, — и будто хрустальный звон пронесся в воздухе, подобный звуку стеклярусов на новогодней елке, только более нежный, потому что не искусственный, природный.

На зимний бал березки выстроились ровными рядами. Они готовы к вальсу или легкомысленной польке? Молодые елки распушили многослойные юбочки, отороченные белым мехом. Тоже танцевать собрались на искристом снегу?

Вот старые царственные ели. Замерли их тяжелые заснеженные крылья. За ними — луг, на котором зима слой за слоем стелет пуховые одеяла. А на дальний лес опустились облака и больше не поднялись в небо. Понравилось им висеть на ветках!

До чего же красиво смотрятся кудрявые белые деревья на фоне однотонного бледно-голубого неба! Кучевые облака на нем сегодня были бы неуместны. Птички веселым треньканьем знаменуют середину зимы. Мне тепло и радостно. Моя душа тоже оделась в пушистую, уютную шубу, вроде той, что укрыла воздушно, мохнато и объемно каждую ветку.

Спрыгнула с плетня в сугроб на огороде. Теперь мы с братом стряхиваем снег с веток яблонь друг другу на голову. Затеяли борьбу. Я перебросила его через себя, но кирзовым сапогом мне досталось по носу. Брызнула кровь. Коля испугался. Я прижала к лицу снежок и принялась быстро затапывать красные пятна. «Помогай, — кричу я брату, — а то обоим влетит!»

Отдыхаем, валяемся на соломе, смотрим в небо и ждем родителей. Мы возбуждены до предела. Я уже ощущаю изумительный запах паленой шкуры. От нетерпения вскакиваю, кручусь винтом, изображаю «танец с саблями» вокруг стокилограммовой туши.

Наконец под предводительством гостя появляется отец. Роман Николаевич тоже уже на взводе от предвкушения нового для него события. Он пританцовывает, напевая «Тореодор!» Здорово! Праздничная суета — прелесть! Я заслужила ее: все лето и осень рвала по ведру крапивы, чтобы хрюшке хватало витаминов, и постоянно рубила ему щир и свекольник, чтобы сало получилось с мясными прослойками!

Мы с братом осторожно очищаем бока животного от сгоревшей щетины и вдыхаем аромат жаркого. Дым костра будоражит. Гость вместе с нами исполняет ритуальный танец индейцев. Взамен идолов у нас на шее висят хорошо обжаренные уши, тонкие хрящи которых мы уже успели обгрызть. А у Романа Николаевича на шпагате — кулон из хвоста поросенка. «Махнемся, не глядя», — шутит он. Я не соглашаюсь.

Когда туша обработана, зовем дядю Петю. Он производит «вскрытие». Меня интересует строение животного, наличие аномалий, жировых накоплений. Я ощупываю каждый орган, рассматриваю систему кровеносных сосудов. А где же сердце? «Бессердечным

был ваш Чушок. Вопиющий неслыханный случай», — очень серьезно говорит дядя Петя. Я понимаю, что он шутит, и удивляюсь, как с ловкостью жонглера он умудрился у меня на глазах спрятать важный орган.

Когда сало ровными длинными полосами разложено на столе и окорока приготовлены к запеканию в духовке, бабушка зовет меня и Колю для выполнения грязной работы — мытья кишок. Мы не возражаем и, не мешкая, беремся за дело. Колбасы-то мы любим! Когда отнесли в чулан последнюю требуху, в обледенелых стеклах окон красными бликами отражалось заходящее солнце.

День закончился шикарным ужином: на столе жареная кровь и печенка, рядом сердце со свежим салом. Оглушительно пахло чесноком, черносмородинным листом и огуречным рассолом. Насыщенный аромат заполнял всю хату. Взрослые, подогретые рюмочкой водки, говорливы и шумны. Все дружно благодарили бабушку — главную хозяйку.

Нас отправили спать. Сквозь редкие тюлевые занавески цедится лунный свет. Я слышу зазорный смех гостя, веселый — матери, спокойный, мягкий — дяди Пети. Теплый хмельной воздух праздника погружает меня в приятную дрему. Объятыя морфея легонько стискивают голову. Засыпая, улыбаюсь.

ЕЖИКИ

Конец февраля. Солнечный воскресный день. Тают сосульки на крыше. Отец сказал, что надо бы погреться, то есть поработать физически, потому что закончились дрова. Занялись вырубанием и раскатыванием бревен, вмерзших в лед.

Утомившись, Коля присел отдохнуть на очищенный от коры конец ствола березы, но тут же с криком вскочил и показал мне ладонь. На ней виднелось несколько красных точек. Я внимательно осмотрела дерево. Ничего интересного. Вижу только узкую щель от удара топора. Расширила ее. Кусок древесины легко отвалился, оголив дупло. Из него мне под ноги выкатился колючий шарик.

— Ежик! — одновременно радостно вскрикнули мы, и я помчалась на кухню за тряпкой.

Принесли ежа в дом. По совету бабушки Коля налил в блюдце молока. Мы хотели подождать, пока ежик проснется, но бабушка сказала, что ему еще надо согреться, и отослала нас во двор. Нам не хотелось уходить, боялись пропустить момент, когда ежик начнет разворачиваться, но мы привыкли слушать бабушку и молча пошли работать. Вдруг Коля позвал меня:

— Гляди! Это не куриные следы. Здесь зверек прошел.

Самое любопытное, что следы вели прямым к сараю. Будто зверь знал, куда надо идти. Очищаю лед с другого бревна. Неожиданно из него выпадают сразу два черно-серых шара. В одно мгновение они развернулись и побежали к сараю. Коля быстро приказал мне закрыть дверь сарая. Я схватила доску и оттолкнула ежей. Они вмиг опять превратились в шарики. Когда мы занесли их в дом, бабушка ахнула:

— Что будем делать с целым выводком?

Мы пообещали ухаживать за ежами и окрестили их папой, мамой и сыночком. Папой стал крупный медлительный зверек, а мамой — юркий. Ежики сами выбрали себе место для жилья — в самом дальнем углу комнаты, под кроватью. Маленький долго не просыпался. Мы заволновались и принялись будить его. Катали по комнате, пытались кочергой осторожно развернуть его тело. Наконец, малыш очнулся и потянулся. Не успели мы разглядеть его лапки, как он перевернулся на живот, и засеменил под кровать, где находились его родители. Мы удивились:

— Как он догадался, куда идти?

Бабушка, не отрываясь от дела, объяснила:

— Многие животные по запаху друг друга находят.

Чем мы только ни привлекали ежей, но они не хотели вылезать из укрытия! Так и ушли спать, не накормив своих подопечных. Утром проснулись и, не одеваясь, хотя в хате было холодно, бросились к блюдечку с молоком. Пустое! Выходили-таки ежи ночью! Мы захотели поиграть с ними. Но стоило нам приползти под кровать, — они сворачивались клубком. И все же «сын» через неделю осмелел. Видно, дети у зверей тоже любопытные. Блестя черными глазками, он медленно прошлепал к блюдечку, попил немного и давай всюду совать свой длинный нос. Он сопел за печкой, таскал под кровать яркие цветные лоскуты, которые я нарочно ему подбрасывала. Шуршать бумагой ему нравилось больше всего. У него при этом был такой деловой вид, будто он выполнял серьезную работу. Скоро «сын» стал полноправным членом семьи. Мы, прежде чем самим сесть ужинать, кормили его, чтобы он не приставал, не выпрашивал еду. Забота о домашних животных — это привычное, обыкновенное занятие, которое выполняешь по необходимости. А кормить ежей — развлечение!

Мать уже не вздрагивала, находя ежика в валенке, либо в тапочке. Она больше шутила, терпеливее относилась к мелочам. Ежик внес в нашу жизнь что-то новое, радостное.

Прошло некоторое время. Бабушка заболела и с большим трудом засыпала. А ежики всю ночь бродили по дому и не давали ей покоя. Мы стали переселять их на ночь в чулан, а утром снова приносили на кухню. Бабушка успокаивала нас:

— Им в чулане лучше. Если бы они любили тепло, так за печкой устроились бы. К тому же там они мышей ловят. Им молока с хлебом мало.

О наших ежах сначала узнали соседские ребята, а вскоре и вся школа. Всем хотелось играть со зверюшками. Выход нашла учительница анатомии. Она предложила создать живой уголок. Ребята, особенно класс, где учился мой брат, восприняли сообщение с восторгом. А нам жалко было расставаться с любимцами. И тогда мать принесла нам тощенького серого котенка. Вид у него был жалкий, грустный. Но вскоре Мурзик обвыкся и уже как хозяин ходил по всему дому. А как-то вечером он обнаружил блюдечко с молоком и начал лакать. Тут из-под кровати притопал «сын» и пристроился рядом с ним. Котенку почему-то не понравилось такое соседство. Он принял угрожающую позу: выгнул спинку, хвост трубой поднял — и зашипел. Ежик спокойно продолжал пить. Котенок осмелел и толкнул его лапой в нос. Ежик сердито фыркнул и отскочил от блюдца. И тут произошло неожиданное: Мурзик взлетел с пронзительным криком, перевернулся несколько раз в воздухе и шлепнулся на пол. Я не

поняла, что случилось. И только когда Коля поднял раненого котенка, я услышала знакомые звуки «шлеп-шлеп». «Сынок» и взрослый еж убежали под кровать. Мы с Колей перевязывали окровавленный животик Мурзика, а бабушка вздыхала:

— Каждая зверушка дите свое защищает. Такова природа. Ничего тут не поделаешь.

Утром мы отнесли ежей в школу.

ЛЕКАРЬ

Эта грустная история началась еще летом.

Поехали мы с отцом в Обуховку. Надо было помочь старикам с огородом управиться. Вдоль железнодорожной насыпи скользили чахлые пыльные кусты. Цветными лоскутами медленно проплывали поля. Наша повозка тарахтела, пересчитывая рытвины и колдобины, а я дремала. Для меня эти звуки — мелодия странствий, музыка мечтаний.

Дедушка и бабушка встретили нас, как всегда, с радостью.

В тот же день к отцу заехали на полдня друзья детства. Взрослые, естественно, выпили, вспомнили звонкие года. Время пролетело вихрем. Схватили гости сумки и побежали к машине. Бабушка, увидев на столе забытый сверток с ее угощением, бросилась к калитке догонять гостей, да запуталась в длинных юбках и упала с высокого кирпичного порога, поломав руки и ноги в нескольких местах. Проводив гостей, отец нашел свою мать в ужасном состоянии и тут же повез в больницу.

Долго там лежала бабушка, срослись у нее все открытые и закрытые переломы, а вот ходить все равно не получалось. Сделали рентген. Ничего плохого не разглядел доктор и начал теревить нашу бабуся:

— Ходи, не ленись. Дома у деда валяться на печке будешь.

— Та хйба ж я придуряюсь! Мне самой охота поскорее домой попасть, — кряхтя и охая, ворчала старушка.

Врач ей не поверил и выписал из больницы. Тогда купил отец бабушке костыли и горько пошутил:

— Ничего, мама, на трех ногах вам легче ходить будет.

— Да уж, наверное, недолго мне кандыбать придется на них. И так Бог дал пожить. А на том свете костыли, наверное, не пригодятся, — усмехнулась бабуся.

— Будет вам, мама. Зачем об этом думать? — с укоризной в голосе заметил отец.

— А о чем теперь мне еще думать? Нажилась я, сынок. Хватит. Не хочу больше небо коптить. Не боязно мне уходить, — услышала я спокойный ответ и удивилась его простоте и будничности.

А недавно мать прослышала, что в соседнем районе какая-то старушка лечит от многих болезней и диагнозы ставит лучше некоторых городских врачей. Поехали к ней. Мы с Колей тоже увязались. Школьный конь Чардаш резво тащил сани по хорошо накатанной дороге. Мы остановились у небольшой ладно скроенной избы. Встретил нас крепкий молодой человек лет двадцати пяти.

— Мамани дома нет. Поехала помочь в родах внучатой племяннице. Нескоро вернется. Я за нее. Руки у нас с мамой одинаковые. Оставайтесь, — пригласил он.

Отец в нерешительности топтался на месте.

— Ваня, подь сюда, помоги, — позвал молодой человек кого-то.

На крыльцо вышел мужчина постарше. Они осторожно перенесли нашу бабушку на кровать. Молодой человек принялся медленно ощупывать ее ногу от кончиков пальцев и выше. Закончив осмотр, он сообщил:

— Бабушка, у вас трещина в шейке бедра. Операция нужна. В городе скобки поставят.

— Не хочу в город. На костылях буду ходить, — запротестовала бабушка.

— Может, вы и правы. Кости у вас хрупкие. Операция может пройти не совсем удачно. Вот и гипс на руке неумело поставили, — вздохнул лекарь.

— Почему, милок, знаешь?

— Так ведь криво срослись кости.

— В больнице доктор сказал: «И так, бабка, сойдет. Все равно помирать тебе пора». Пошутил он так, — заторопилась оправдать врача бабуся.

— Конечно, пошутил, — с грустной усмешкой подтвердил молодой человек.

Отец был поражен чувствительностью рук и познаниями в медицине деревенского парня, но решил проверить их еще на себе.

Лекарь предложил ему раздеться и лечь на раскладушку. Его крупные, грубые руки легко заскользили по телу. Иногда он придавливал некоторые участки живота, груди, спины и при этом как бы прислушивался к своим ощущениям. Наконец, он сделал вывод:

— Запас вашего здоровья до девяноста лет, если не случится какого-либо несчастья. Ваше слабое место — печень. Спиртным не увлекайтесь, даже по праздникам. Сердце великолепное. Есть у вас болячка, она всегда будет с вами, но особых волнений не принесет.

Отец был доволен осмотром. Лекарь подтвердил диагноз обследования в городской больнице.

— Почему вы с таким талантом в городе не работаете? — поинтересовался отец.

— Там я не столько людей лечил бы, сколько доказывал свою правоту. А может, и совсем потерял бы способность помогать людям. Грех растрачивать попусту дар небес.

Отец с уважением посмотрел на лекаря. Мы попрощались.

Назад ехали молча. Я вспоминала, как весной привезла дочь соседки из города полугодовалого сына с воспалением кишечника. Два месяца лечили его в нашей больнице таблетками. Собьют температуру, выпишут ребенка, а через день у него — сорок градусов. И снова везут малыша к врачу. Мать уговаривала дочь дать ребенку кусочек пленки от желудка курицы: «Будешь потом мучиться тем, что не все сделала для своего ребенка. Прошлым летом этим лекарством я вылечила Вальку Петрова, комбайнера с нашей улицы. Бедный на полчаса от уборной отойти не мог». Дочь не решалась и со слезами отвечала: «А вдруг умрет, что я мужу скажу?» Ребенок сделался прозрачным. Простынки не успевали сохнуть. У мальчика уже не хватало сил стонать. Мать сказала дочери: «Не плачь, видно ему судьба такая. Еще родишь». И тут дочь послушалась мать, дала сыну деревенское средство. А утром малыш есть запросил...

— Папа, а почему врачи не признают народную медицину? — спросила я.

Обычно медлительный, он ответил сразу, видно сам думал о том же:

— Не разрешают им. Боятся, что навредят. У нас во всем крайности.

Я не стала вдаваться в тонкости и подробности глобальной темы и больше не приставала с расспросами. Тишина морозного вечера и легкое поскрипывание саней располагали к приятным размышлениям. Вспомнила как, возвращаясь от стариков большой компанией на трех санях, попали в метель. Лошади стали, не имея сил пробиться сквозь огромные наметы. Никто не ныл и не паниковал, хотя с нами были маленькие дети. Я тогда подумала, что проще съездить в город на поезде, хоть до него сто двадцать километров, чем к родственникам, до которых всего шестнадцать. Ночь провели в поле в борьбе с разбушевавшейся стихией и в спокойной деловой заботе о малышах. Вернулись на следующий день голодные как волки, возбужденные и счастливые удачным завершением неожиданного происшествия.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Утро. Солнце уже распахнуло очи и ласково глядит на землю. Пугливые лучики колеблются, лукаво дразнятся и исчезают. Потом опять вспыхивают. Мне приятна их игра. Грустно ли мне, радостно ли — в первую очередь я доверяю свою душу природе.

Почитала немного, не вылезая из постели, и пошла завтракать.

Четырнадцатое марта — первый день весны по старому стилю. Мне кажется, что он всегда солнечный. Выглянула в окно. Вот и сегодня небо высокое, нежно-голубое, облака редкие. Солнца так много! Кажется, что сияют хаты, деревья и даже воздух блестит. Искрятся бесчисленные россыпи звездочек на снегу. Восторженные воробьи по-особому суматошные, шумные, суетливые. Тяжеловесные вороны не так противно каркают. Они, как добродушные старушки, не в меру любопытны и от этого приятны.

Мне сегодня тринадцать лет. Я получила разрешение не заниматься домашними делами, поэтому пару часов могу позволить себе погулять на улице. Всюду слышу шуршание капли. А говорливые ручейки только на дороге. Кое-где на склонах земля обнажилась. Лыжи стремительно мчат меня по обледенелой горе, а потом еще долго скользят по хрупкому насту низины. Из-под них во все стороны разлетаются кусочки льда. Ощущение полета сладостно. Грудь переполняется восторгом.

Я глубоко вдыхаю пропитанный солнцем воздух, прикрываю глаза, стою молча и восхищенно. Теплые волны воздуха обнимают меня. Я млею от избытка радостного. Лицу приятно, но спина начала мерзнуть. Опять побежала на гору. Замечаю красный рябиновый куст на снегу. Поредели, поблекли его грозди. А городской клен так и не сумел за зиму сбросить пучки семян. Стволы берез ослепительно белые. Празднично искрятся и позвякивают на них хрустальные подвески. Хорошо!

Смотрю, Гошка ко мне бежит. Он наделен качествами сокрушителя и обычно является предвестником всевозможных неприятностей. Сворачиваю с дороги с твердым намерением не общаться с двоечником со станции. Против ожидания, Гошка подскочил радостный, дурашливо сделал под козырек и бодро произнес:

— С днем рождения тебя!

Я расплываюсь в вежливой настороженной улыбке.

— Хошь анекдот в подарок!

— Валяй, — согласилась я опрометчиво.

Я знала, что он интересуется неприличными, изощренными, возмутительно гадкими ситуациями, но не предполагала, что он видит во мне себе подобного и надеется найти с моей стороны понимание. Я ожидала уважительного отношения. И тут подоспело опровержение моих иллюзий. Гошка с невыразимым лукавством в глазах, упоенно, захлеб омерзительным голосом «засандалил» жуткую пошлятину. Смысл заковыристой шутки не сразу дошел, но когда «въехала», меня покорило. Неслыханная дерзость разозлила, появилось острое желание отдубасить наглеца.

— Гнусную чушь несешь. Не выеживайся, болван! — раздраженно, но сдержанно буркнула я, пытаюсь скрыть горечь от причиненного оскорбления.

А когда справилась с неприятными чувствами, надменно и безжалостно повторила ироничную фразу учительницы анатомии:

— Что еще за физиологический примитивизм?

— Нет, вы только посмотрите на нее! Обиделась! Чем идиотичнее анекдот, тем он правдоподобнее и интереснее, — рассмеялся Гошка, довольный моим смущением.

— Теперь ты рассказывай! — потребовал он невозмутимо, с невинной веселостью, еще не оправившись от искреннего восторга по поводу собственной значимости.

Под напором его гипнотически решительного голоса я «выдала» пару анекдотов: школьный и колхозный.

— Потрясающе! — вскрикнул Гошка, надев личину умного. Он хохотал так, будто слышал их впервые.

— Куда ты сейчас? — из вежливости спросила я и тут же была несправедливо наказана длительной беседой.

— Вот подышу свежим никотинчиком и к «Варенику» побегу, — цинично сообщил неприятный собеседник, явно хвалясь своим знакомством с хулиганом.

— Напрасно бравируешь. Дался тебе этот хмырь! Он нужен тебе как простуда птахе! Еще к водке по легкомыслию приучит, тогда пиши пропало. Хоть ложись да сразу помирай, как говорят умные люди, — в грубой манере, как мне казалось более доступной Гошке, всполошилась я. И добавила по обыкновению привычный для такого случая воспитательный монолог: — С твоим дружком Генкой нечто такое уже случилось. По лени и попустительству характера ты тоже не сможешь устоять перед соблазном «употребить на дармовщину» или страх перед насмешками взрослого заставит согласиться. Порочная стезя. Не минет тебя сия чаша, угодишь в липкие, грязные руки, — выпустила я мощный заряд из арсенала матери.

Мой голос не был менторским, но, видно, сама того не замечая, за время работы вожатой я успела приобрести некоторый отрицательный опыт учительского занудства. Тем не менее, осознавая и не одобряя подобного поведения, в тот момент я считала, что эта строгая, серьезная речь ставит меня на пару ступеней выше воспитываемого мной мальчишки.

Гошка демонстративно небрежно лушил гарбузные семечки и противно отплевывался.

— Несешь полную фигню и несусветную чушь. Начхать мне на тебя. Ноешь как старая гримза! Уймись! Другим впаривай! Совсем рехнулась, дура? Обхохочешься! Для меня твои морали давно накрылись медным тазом. Ох, уж эта наша манера считать других глупее себя! Ох, уж эта привычка охаивать всех подряд! — саркастически пренебрежительно поливал меня Гошка.

— Ох, уж эта привычка навешивать другим на уши лапшу, — в тон ему ответила я, горя нетерпением наговорить ответных гадостей.

Гошка понял намек. Я подколола его тем, что он всегда неумело, по-глупому врал.

— Квиты, — хмыкнул он, сохраняя невозмутимость на невыразительном лице.

Мне было искренне жаль Гошку.

— Зачем уподобляешься «Варенику», зазря можешь пропасть. Спыхватишься, да поздно будет. Останется только жалостью к себе упиваться. Я слышала, раньше ты слыл шутником, и Юлия Николаевна хвалила твои математические способности, — сделала я еще одну попытку образумить строптивого мальчишку.

— Достали все меня! Я не претендую на остроумие. Не мастак я в литературе. Обрыдло, осточертело все! Надоели высокомерные сожаления взрослых. И ты туда же. В старомодный маразм впала? Выдрючиваешься? Нахваталась дурацких фраз, умную из себя корчишь, — не отступался Гошка.

И завелся пуще прежнего, бешено сверкая глазами.

Мне не хотелось ссор в праздничный день, но и оставить за Гошкой последнее слово я не могла.

— Как видишь, лень твой не единственный изъян. Совсем с тормозов слетел! Я понимаю, ты слишком умен, но сегодня мне не до твоих умозаключений, — съехидничала я. — Ко всему прочему мне неохота с тобой целую вечность спорить. У нас не разговор, а сюрреалистический кошмар, как говорил один лектор-искусствовед. Обмен летучими фразами закончен. Не устранийся от школьной жизни, а, в общем, живи как знаешь, — примирительным тоном сказала я и резко оттолкнулась палками.

Лыжи стремительно и хрустко понесли меня с горы. Только чувства полета, легкости и невесомости уже не было.

После обеда пришла в школу. Одноклассники встретили привычным шумом. Они уже настроились получить удовольствие от ритуала: таскать именинницу за уши. Вошел Петр Андреевич, учитель математики.

— Что же вы ее вверх за уши тащите, она и так всех в классе переросла. Вширь ей пора раздаваться, а то ведь, как камыш на ветру, гнется, — сказал он с улыбкой.

И ребята дружно занялись процедурой растягивания ушей в стороны. Наконец, я взмолилась:

— Мой день рождения, а развлекаются все, кроме меня. Пощадите! Хватит!

По традиции каждый урок начинался с того, что дежурный вставал и сообщал учителю о дне рождения и от имени класса просил не вызывать именинницу к доске. Учителя улыбались, поздравляли и выполняли просьбу коллектива.

На последней перемене пришла старшая пионервожатая. Моя рука привычно вскинулась в пионерском приветствии, и я с царственным спокойствием приготовилась терпеть положенные мне почести. Сердце билось с торжественной неторопливостью, подобающей данному особо важному событию. Слова вожатой были до самозабвения ярки и до неприличия восторженны. Я попыталась остановить поток красноречия, но вожатая шутливо заявила: «Всегда получай заслуженные лавры, а то другим достанутся». Потом поздравила меня, вручила книгу за победу в олимпиаде по математике и покровительственным тоном продолжила извергать неистощимый запас разнородных сентенций.

— Со всей очевидностью могу утверждать, что тебе пора подумать о подготовке к вступлению в комсомол, — неожиданно выдала на-гора вожатая. — Прозябание, унылость и пресность чужды тебе. В этом дашь фору многим. Не отлыниваешь, всегда неукоснительно выполняешь поручения. Имеешь положительные душевные особенности, не отрицаю уникальную необычность...

— Это вы про поведение? — с понимающим стыдливым взглядом спросила я. А сама тут же подумала: «О нем речь. Ежу понятно!»

— ...Учишься отлично, редактор классной и член редколлегии школьной газеты. На хор ходишь, со стихами на праздниках выступаешь, — не обращая внимания на мой вопрос, проникновенно продолжала вожатая.

Я застенчиво расцвела и смущенно улыбнулась.

— Ой, Аня, хватит перечислять! Я сама в конце года отчет по пионерской работе сдам, — дружески, но почтительно остановила я бесконечный монолог.

А сама подумала беспечно: «Не очень-то я верю в наши взаимно бескорыстные отношения. Зачем трепаться? К чему длинная прелюдия? Новое поручение для меня приготовили? Так давайте. Главное позвольте его одной выполнять, чтобы обеспечить мне независимость».

А вслух посетовала искренне:

— Дисциплина у меня хромает, понимаете? Меня оправдывает только то, что учусь хорошо.

Ответ вожатой был быстр и неожиданно изумителен. Такого я никак от нее не ожидала.

— Не оправдывает, а спасает! Чувствуешь разницу? — непедagogично рассмеялась Аня.

А я так вовсе расхохоталась. Люблю удачные выражения!

Вожатая добавила уже суховато, по-деловому:

— Проехали! Насчет поведения. Темперамент у тебя такой, понимаешь? Образуешься. Проще простого! Конечно, надо еще поработать над собой. Еще год впереди. А с сентября пойдешь вожатой в пятый класс. Это поможет тебе посерьезнеть.

— Получится ли? Между нами только два года разницы, — вздохнула я весело.

Вожатая ушла, а мне стало приятно оттого, что она верит в меня и считает достойной вступления в комсомол. Настроение еще больше улучшилось, и после уроков я вместе с группой одноклассников опять пошла на горку. Ребята катались на портфелях и сумках. «Снег засыплется, тетрадки намокнут. Почему они об этом не думают?» — удивлялась я. Но в какой-то момент бесшабашность победила, и я впервые за шесть лет учебы тоже съехала вниз на портфеле. Остановилась, вытряхнула снег. Увидела расплывшиеся строчки в тетрадях и подумала: «Влетит теперь от матери. Почему глупо поступила? Не взрослею? Ну и пусть!»

Только поднялась на горку, слышу, — ребята кричат:

— Беги скорей, тебя домой зовут!»

— Ну никакой личной жизни! Даже в день рождения не дают погулять от души, — недовольно забурчала я и нехотя побрела домой.

У ворот ждала бабушка и беспокойно охала:

— Корова отелилась, а перенести в хату теленка некому. Боюсь, застынет.

В коровнике под попоной лежал мокрый рыжий теленок с белой меткой на лбу и мелко дрожал. Мы перетащили его в теплый угол за печку.

— Может, Зорькой назовем? — спросила бабушка. — Вон, какая звездочка на лбу.

— Она в мой день рождения появилась на свет. Пусть будет Мартой, — попросила я.

На ужин бабушка приготовила галушки и мои любимые пирожки с картошкой. А еще меня освободили от обязанности топить плиту лузгой. Я понимала, какая это скучная работа, и часам к девяти вечера сменила брата, а потом мы вместе сидели у плиты, по очереди сыпали лузгу, глядели в ярко-красные глазки отверстий и шушукались.

Перед сном мы развлекались тем, что учили Марту пить молоко. Она была беспомощная, жалкая и тянулась к любому, кто ее гладил. Она искала маму и жалобно вздыхала, когда мы отходили от нее. В десять часов вечера, как всегда, отбой.

Хороший был день, спокойный, приятный. Больше бы таких дней рождения. Была ли я сегодня счастлива? Да. Потому что ничего плохого не произошло. И это уже счастье. Не сразу я это поняла, а только, когда стала вспоминать прошлое.

Что меня радует? Вот иногда бежишь из школы, портфелем размахиваешь, настроение на все сто! Петь хочется! А почему? Пятерку получила по математике. По истории не вызвали к доске. Перемены прошли интересно. И все! Но ведь счастлива! И это так здорово!

ПЕРВОЕ МАЯ

Тороплюсь в школу, поэтому иду напрямик через парк. Под ногами влажная живая земля. Желуди на тропинке лежат. Подняла их. Один проклюнулся! Присыпала его землей. Пусть растет. Это будет мой дубок! Бегу дальше. Платье парусит на ветру, будто готовит меня к полету ввысь. Моя душа уже парит вместе с моей радостью. В голове никаких забот! Есть только ощущение весны и праздника!

Смешно говорила сегодня утром бабушка: «Весна — блудница шалая». Будто ругала ее, но с улыбкой. Только вбежала во двор школы, дождь пошел. Ну вот, как всегда, права оказалась бабушка! Испортит погода праздник. Но, видно, все люди искренне желали солнца, и оно, протиснувшись сквозь облака, заулыбалось. Как липки сразу похорошели! Около каждой набухшей почки висят крупные бусинки дождя, перламутром

переливаются. А на елках бусинки мелкие-мелкие, как алмазная пыль.

Люблю радостное волнение праздников, нарядные пестрые улицы, торжественные марши, полощущиеся флаги, веселые лица людей. В колонне я чувствую себя частичкой великого народа великой страны и ощущаю свою способность к свершению героического. Меня не смущает моя излишняя восторженность. Я искренне горжусь своей Родиной и людьми, рядом с которыми живу. Я желаю им счастья. Такие праздники объединяют, делают добрее, открытее и проще.

Учителя раздают транспаранты, флаги, плакаты и портреты. Не люблю носить фанерные и картонные символы. Хочется получить флаг. Но их разрешают нести только самым достойным. Я кручусь рядом в надежде, что на этот раз мне достанется, хоть самый маленький. Но их мало, и я нервничаю. Вдруг ко мне подошел мой обожаемый Виктор и спросил заботливо:

— Очень хочешь флаг получить?

Я стесняюсь и самолюбиво отвечаю:

— Что дадут, то и понесу.

— Ладно тебе, не скрывай, я тоже люблю со знаменем впереди всех идти. Почетно!

— Конечно, здорово, — подтвердила я уже мягче, просительно глядя в сторону учителей.

— Давай флаг вместе нести, по очереди, — предложил Виктор.

Я засияла от радости, но тут же опомнилась:

— Мне нельзя среди старшеклассников стоять, со своим классом должна идти.

— Сегодня праздник и все можно. К тому же ты высокая, и чужие не поймут, что ты из шестого класса, — успокоил меня Виктор.

Я восторженно запрыгала.

— Когда мимо трибуны пойдем, веди себя строго. Мы же пойдем во главе колонны школы, — предупредил Виктор.

— Сама понимаю, — ответила я серьезно.

До сельсовета шли нестройными рядами. Со всех сторон к нам присоединялись колхозники. А на станции — влились рабочие со всех заводов. Я отпросилась у Виктора посмотреть оформление колонны. Радостно колыхалось людское море. Из всех репродукторов неслись не одновременные, со звучным эхом захлебывающиеся, ликующе торжественные речи и бодрая восторженная музыка. Люди пели, танцевали под гармошки и улыбались друг другу. Взрывались шары.

Впереди нас шла школа номер два. Слышу, как их учителя строго приказывают школьникам «держат ряды». А мой отец тихо говорит нашим педагогам: «Пусть дети вольно идут до трибун. Праздник ведь».

Перед площадью остановились, построились в строгом порядке. Отец проверил школьную колонну и стал во главе. Я с Виктором и другими мальчиками — за ним, в первом ряду. Вдруг мне в глаза бросился огромный плакат на стене райкома: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме». На земле под плакатом привольно расположился пьяный истопник дядя Гера. На меня будто ушат холодной воды вылили. Я растерянно спросила отца: «И этот тоже?» Он сразу понял мой вопрос, отвел глаза в сторону и улыбнулся своей странной рассеянной улыбкой. «Историком я никогда не буду. Закон Ньютона за двести лет остался неизменным, а во взаимоотношениях людей, поколений и стран столько непонятного, неоднозначного! Мне не дано разбираться в круговерти жизни, значит, я не смогу преподавать этот предмет», — подумала я.

Отец подал знак, и вся школа запела «Утро красит нежным светом...». Проходя мимо трибун, я, используя всю силу легких, кричала со всеми «Ура!». Гордая и счастливая, я шла рядом с Виктором. Сияло солнце. Ветер шуршал флагами и транспарантами,

провозглашавшими мир, труд и братство всех добрых людей на земле. «Доброта спасет мир от бед, а любовь и красота сделают людей счастливыми», — вспомнила я слова бабушки, и праздничный день показался мне еще более радостным. И потекли строчки:

Шуршали флаги надо мной, Как листья тополей...

С песней «Россия, Родина моя» наша компания (Лиля, брат, Зоя и я) возвратилась домой. Со всей улицы к нам спешили малыши: кто пешком, кто на велосипеде, некоторые на палке верхом. Ребятишки прыгали, вешались на нас и старались перекричать исполнением «Подмосковных вечеров». Мы не выдержали напора хора звонких голосов и начали им подпевать. Они безмерно рады. Песня неслась от дома к дому, заставляя улыбаться стариков на лавочках. Гармонист у колодца тоже переключился на нашу мелодию. У меня был такой подъем в душе, что казалось, если его не выплесну, то сердце от радости разлетится на тысячи солнечных осколков. Я пою и пою. Я счастлива.

ГЛУПЫЕ ФАНТАЗИИ

Родители с Колей в Обуховке. Бабушка спит. Я лежу в темной комнате на черном дерматиновом диване и нахожусь в заоблачном состоянии. Я не думаю о ком-то. Мечтаю вообще. «Вот появится в моей жизни человек: красивый, высокий, умный, удивительный, особенный. Я полюблю его до сумасшествия, буду его тенью, его вторым «я», стану для него всем. А если он разлюбит, у меня останется от него ребенок. Я увижу в нем моего любимого и тем буду счастлива».

Лежу, млею от собственных фантазий, восхищаюсь своей способностью к самопожертвованию. И вдруг почувствовала толчок в голову. «Что!? Безотцовщина? Он, мой любимый, радуется жизни, дружит с другими девочками, а я одна мучаюсь с ребенком? Я, конечно, все смогу вынести, но мой ребенок все время будет спрашивать об отце, ненавидеть меня, жалеть себя, мое и свое одиночество. Какое же радостное детство я устрою ему своей глупой любовью? За что ему такое? Он не должен отвечать за мою дурость!»

Я вскочила и сердито зашагала по комнате, размахивая руками, делая резкие повороты головой, будто желая увидеть виновника бед моего ребенка. Волосы на руках топорщились, как иголки. Я вмиг превратилась в сердитого ежика, готового уколоть всякого со мною не согласного. «Чего захотел? Фигу тебе! — бесилась я, оцетинившись, сжимая кулаки, с желанием напасть на невидимого врага, завлекшего меня в сети зла и обмана. — Дура ненормальная! Куда занесло! Откуда в башке такая ахинея? Я же не увлеклась чтением взрослых книжек про любовь. Да и та любовь, что встречалась мне в книгах, не трогала меня. Неужели такая глупость могла быть уже записана в моей голове? Зачем? Ну, уж нет! Никакая любовь к мужчине не стоит слез моего ребенка! Он должен знать обоих родителей. И я сделаю все, чтобы он был счастлив! Я не лишу его детства! И замуж не пойду раньше двадцати двух лет. К этому возрасту, наверное, успею поумнеть».

Я никак не могла успокоиться. От раздражения и злости меня трясло. Я принялась колотить кулаками по дивану, повторяя: «Дура, дура, дура...» Наконец, мне стало немного легче, и я пошла на кухню, зажгла керосиновую лампу и принялась драить ножом стол. А что еще можно делать, когда за окном темень и нет другой физической работы — моего лекарства? Скребу стол, а сама продолжаю недоумевать: «Откуда возникают глупые мысли? Почему не умные?»

Вспомнился урок немецкого языка в пятом классе.

«Дмитрий Федорович:

— Сережа, ты хоть содержание текста понял?

Сережа:

— Лорелея бросилась со скалы, когда узнала, что любимый погиб в море.

Валька Потанов воскликнул тогда с места:

— Какие женщины раньше были!

Дмитрий Федорович усмехнулся:

— А какие мужчины были!

Мы тогда переглянулись с Валей Кискиной. Я поняла, что она тоже хочет так любить. И я тут же задумалась: «А сможет ли Он полюбить меня так же самозабвенно? Но самопожертвование не предполагает жертв со стороны другого человека. Может, оно свойственно только женщинам?.. Странно. Я еще не любила по-взрослому, а у меня в мозгу уже сидит: «Ради любви к нему я готова...» А Он готов? А если нет? Любовь имеет смысл, если не взаимна?»

Оглядела класс и поняла, что слова Дмитрия Федоровича задела многих из нас. И Вовка Стародумцев, и Вовка Корнев сидели задумчивыми. Даже Колька по кличке Козел почувствовал, что шуточки здесь неуместны...»

Потом я все это забыла, а сегодня, видно, всплыло в сознании. Вот так, наверное, и записываются в голове фантазии про любовь: отдельными незначительными штрихами и фразами.

Теперь я думала про свои глупые мечты о сказочном любимом с грустью и иронией: «Еще одна... кому нужна любовь...» Нужна ли? Что может быть лучше счастливой детской влюбленности!

ПРИМАК

Сегодня утром услышала от бабушки страшную историю о дальних родственниках отца из села Ветренка. Два месяца назад их дом сгорел дотла. Огонь унес жизни родителей пятнадцатилетнего Васи (Василька). А теперь его женят на восемнадцатилетней Верочке.

К обеду в нашем дворе было полно народу. Родня приехала. Я тоже вышла на крыльцо посмотреть на жениха, а увидела среднего роста худенького мальчика. Мне хотелось назвать его юношей, но не получалось. Вася стоял, вцепившись обеими руками в дверцу палисадника. Его плотно сжатый рот неожиданно распахивался. Он хватал воздух и тут же подавлял готовые вырваться рыдания, отчего из груди доносились звуки, булькающие и хриплые.

Вдруг Вася заметался по двору, словно вырывался из чьих-то цепких рук. Его заносило то в один угол, то в другой. Казалось: он ничего не видел перед собой. Широкий костюм болтался на нем как на колу. Худая длинная шея надламывалась, когда он, затравленно блеснув глазами, резко опускал черную кудрявую голову. Глубокий сдавленный вздох сотрясал его тощие плечи, и он опять резко вскидывал голову. Смуглая кожа лица при этом натягивалась, подчеркивая впалые щеки, очерчивая острый подбородок и кадык.

Несчастье, одним днем раздавившее детство ребенка, не сделало его взрослым. Оно смяло его, наверное, очень нежную, не тронутую трудностями душу. В окружении малознакомой родни Вася чувствовал себя несчастнее всех на свете. Он отворачивался от жалостливых взглядов. В его черных глазах застыла боль. В нем боролись страх перед будущим и нежелание подчиняться чьей-то воле. Не по-деревенски обласканный, единственный ребенок в семье, он вдруг увидел жизнь совсем другую. Вернее он не знал ее раньше. Его мир — дружная семья, ребята с единственной улицы его деревни, школа в соседнем селе. И вдруг — один во всем свете, в большом незнакомом селе, и чужие люди решают его судьбу. Незнакомое доселе слово «примак» сегодня не в первый раз, как гвоздь, долбит ему голову.

Родственников полдеревни, но все третьей и четвертой крови, поэтому после долгих споров на общем совете поддержали предложение старшего из них — женить парня. Вера — девушка строгая, самостоятельная, красивая. В своем доме живет, сама хозяйство ведет. Оба сироты. Хороший вариант.

Сели обедать. Невеста взглянула на жениха мягкими, теплыми, темными глазами спокойно, с любопытством. В них была печаль и материнское участие.

Когда они остались одни, Вера вдруг положила голову на руки и заплакала. Плакали оба долго, каждый о своем...

Утром Вера пошла управляться по хозяйству. А Вася, измученный волнением и новой обстановкой, не мог оторваться от подушки. Она не беспокоила его до обеда.

— Помоги дверь навесить в сарае, петля соскочила. Видать, доска подгнила, — попросила она тихо, поставив перед ним на табурет кружку молока.

Так началась их семейная жизнь...

— Что такое «примак?» — спросила я у бабушки.

— Муж, живущий в доме жены. В наших краях для мужчины такое положение считается унижительным. Муж должен ввести невесту в свой дом или в дом своих родителей. В противном случае он считается несамостоятельным, совсем никудышным. С моим двоюродным братом такое случилось. Много лет мучился, даже из семьи пытался уйти. Успокоился, когда дочери дом выстроил. Доказал всем, что состоялся как муж и отец.

— Жалко мальчишку, — вздохнула я.

— Верочка — девушка умная, добрая, найдет с ним общий язык. Трудно ей будет позже, когда он возмужает. Мальчик с характером, самолюбивый. Сумеет ли пережить женитьбу не по любви и свое иждивенчество? — сочувственно покачала головой бабушка.

— Он работать пойдет или будет учиться? — спросила я.

— Кто его учить будет? На крупозавод ему дорога или в колхоз.

— В школе он хорошо учился?

— Да.

— Тогда тем более обидно.

— С хорошей головой не пропадет. Выучится, когда на ноги встанет.

— Говорят, он остался в одном отцовском костюме, в котором на танцы ушел.

- Поможет родня, — уверенно сказала бабушка.
- И мы тоже?
- А как же! Василий уже отнес швейную ножную машинку «Зингер».
- А почему их хата сгорела вместе с родителями?
- Дым унес тайну на небеса, — тяжело вздохнула бабушка.
- Отец устроит Василька в вечернюю школу?
- Не торопи события, пусть он в себя придет, совсем еще ребенок, — всхлипнула бабушка.
- И я прекратила расспросы.

УДИВИТЕЛЬНОЕ И НЕВЕРОЯТНОЕ

Вожусь на огороде, думаю, фантазирую. Люблю изобретать! Сегодня придумала обувь с особыми толстыми деревянными подошвами, в которых находится куча секретных ящичков. В них оружие, деньги и тайная почта. Потом задумалась: стоит ли зимой лед в городе на дорожках скалывать? Может, проще электричеством растопить? Что выгоднее по деньгам?

Бабушке хорошо бы изготовить устойчивые, надежные ботинки на колесиках, пригодных для наших тропинок. Трудно ей ходить. Такие же комнатные туфли сделать несложно. Колесики должны быть маленькие, но с большой площадью опоры, что-то типа цилиндров. Надо с дядей Петей посоветоваться. А вдруг сможем помочь бабушке? Вот было бы здорово! Сегодня же к нему схожу.

Нельзя ли изобрести такую замкнутую ленту, чтобы колеса грузовых машин по ней перемещались, а не по ухабистой грязной дороге. Два гибких кольца — и все проблемы решены. Чисто, гвозди шины не портят. А как эти кольца соединить? А может, проще дороги вымостить?..

Вдруг слышу за спиной приятный негромкий голос:

— Все равно не сможешь свои изобретения использовать. Другим они достанутся.

— Ну и пусть другим, — отвечаю я. — Люди не помнят, кто изобрел колесо, а все равно благодарны безымянному гению. Мне тоже хочется придумать что-то особенное, пусть даже небольшое, но очень полезное.

Возражаю, а сама по сторонам оглядываюсь. Кто говорил со мной? Никого! Как же так!?. Совсем рядом, слева звучали слова... Я не испугалась. Голос был незнакомый, но мягкий, доброжелательный. «Кому же я ответила? — недоумеваю я. — Звук шел не из меня. Это точно. Когда музыка в голове рождается, я чувствую». Мне показалось, что голос принадлежал мужчине лет тридцати-тридцати пяти, не старше. Он не вызывал раздражения, поэтому я разговаривала с ним спокойно, как с хорошим человеком, давшим совет, которым я не собиралась воспользоваться.

Мои мысли заметались. Я думала одновременно о том, кто бы это мог быть и прав ли Он? В общем, сумятица в голове получилась, а ответа на вопросы так и не смогла найти. Может, Он говорил для того, чтобы я задумалась о будущем, была осторожнее? Почему кто-то должен присваивать мои изобретения?

Странное, очень странное явление природы... У кого бы узнать о его происхождении? Конечно, напрямую не спрошу. Еще «чокнутой» сочтут. Скажу, будто слышала такую историю. А может, пусть это будет моей красивой загадкой? На самом деле, что плохого в добром слове тайного ангела или Бога. Бога? Ну, это уж слишком! Куда загнула? Остановлюсь на ангеле.

Да, особенный выдался денек!

После «беседы» внутри меня возникла удивительно приятная легкость, будто неожиданное хорошее известие создало во мне умиротворенность, гармонию с окружающей средой, сделало меня более мягкой, тонкой. Я почувствовала неземную благодать. Ее ласковое тепло разливалось во мне. Я погружалась в неведомые, непередаваемые ощущения тихой всеобъемлющей радости.

Не знаю, сколько времени я пребывала в состоянии восхитительной эйфории. Она исчезала постепенно. Растворялась. В этот вечер никакие неприятности не могли испортить мне настроение. Я находилась вне мелочей жизни и воспринимала только хорошее! Я ощущала себя несколько заторможенной, переполненной добрыми эмоциями, какой-то нежно задумчивой.

Еще бы не задуматься после такого чудесного общения!

ДЯДЯ КОЛЯ

Пришла из школы. Не успела пообедать, как на кухне появилась бабушка и с укором спросила:

— Что натворила на уроке? Опять от матери достанется! Видать, Господь дремал, когда такое шило на свет производилось!

— Чурбаном сидеть лучше? — огрызнулась я и смутилась.

— Знаешь ведь, что виновата, — недовольно покачала головой бабушка.

— Виновата. Подсказывала. А потом разошлась и учебник Вовке подсунула, чтобы по рисунку рассказывал. Он урок не выучил.

— И не жалко тебе учительницу?

— Но «географичка» такая скучная! — насупилась я, вникнув, что и Вовке пользы от моей «помощи» не было.

— Мало в тебе снисхождения к людям. А если бы ты была учительницей? Ну, как, приятно? — мягко выговаривала мне бабушка.

Вошла мать, с порога оглядела меня колюче неприязненно и набросилась: «Начисто позабыла совесть! Без фокусов не можешь! Все что-нибудь преподнесешь! У тебя вечно «не понос так золотуха!» Я сразу поняла: будет лекция на полтора часа. А зачем? Что нового скажет? Я знаю, что тормоза у меня иногда отключаются, только лекциями их не закрепишь. Сплошная невезуха!

Принесли телеграмму. Я, кажется, спасена!

— Садись на велосипед и мчись на станцию! Люся с мужем едет. Поезд через полчаса, — резко, властно приказала мне мать и грохнула дверью.

«Ура, головомойка отменяется!» — обрадовалась я.

Сестра Люся привезла с собой шестимесячного Сережу. Настроение у всех приподнятое, праздничное. Я с удовольствием помогаю на кухне. В нашей однообразной домашней жизни приезд гостей всегда как смена декораций или новый спектакль.

За столом дядя Коля, муж Люси, шутил, рассказывал хорошие анекдоты. Всем было весело. Потом я мыла клеенку, а дядя Коля разложил руки на столе и читал газету, словно не замечал, что я прибираю. Тогда я, смахивая крошки, в наказание столкнула его руку со стола. Он тут же машинально убрал вторую. А буквально через пять минут мать вызвала меня на кухню за шторку и зашипела:

— Николай на девять лет старше тебя. Он чужой муж, а у тебя хватило наглости трогать его!

— Я всех просила убрать руки со стола! — раздраженно оправдывалась я, осознавая, что повела себя грубо по отношению к гостю.

— Что Люся может подумать?

— Что я невоспитанная. Виновата, исправлюсь. Брата много раз толкала, чтобы на стол во время еды не ложился, и он не обижался, — пыталась я защитить себя. — А если бы я Люсю задела мокрой тряпкой, вы бы меня тоже ругали?

— Тебе уже тринадцать лет. Соображать надо. У него семья, ребенок, — продолжала возмущаться мать.

— Получается женщин и детей можно толкать, а мужчин — нет? — злилась я, не понимая, чего она от меня хочет.

— Марш во двор! — сердито приказала мать и пошла к гостям.

«И чего накинулась? Какое я преступление совершила? Зачем трагедию делать из пустячного, ну пусть даже грубого поступка?» — в замешательстве недоумевала я.

Вечером пожаловалась подружке Лиле:

— Представь себе, я из вредности толкнула дядю Колю, так она как закричит: «Опять в дурь понесло? Что с тобой дальше будет, если сейчас с мужчинами так ведешь!? Задать бы тебе сейчас хорошую взбучку!» Потом в сарае продолжила ругань... Понеслись обычные тары-бары-растобары... Что творилось! Жуть! Я просто онемела от непонимания и обиды. Она не спускает мне ни малейшего промаха. Я чувствую себя бесконечно несчастной. Выть хочется до посинения. Внешне я абсолютно не реагирую на гневные взгляды и слова матери, игнорирую их. А душа разрывается...

— Твоя мама вообразила, что ты повела себя с зятем как взрослая женщина. Дядя Коля тебе нравится? — спокойно спросила Лилия.

— Он же не школьник? — удивленно вскинула я брови.

— Мать все твои поступки оценивает со своей колокольни. Она забывает, что ты мыслишь по-детски. Не помнит, какой сама была в твои годы.

— Лилия, какое она имела право думать обо мне плохо? Она всегда находит повод представить меня гадкой. Мне даже в голову не приходит то, что она про меня придумывает. Что ее вдохновляет на подобные мысли? В свое оправдание скажу: я не могу догадаться, чего она себе может нафантазировать. Она кошмарно непредсказуема. В ее суждениях всегда много преувеличений. Сколько можно причислять меня к самым худшим? Почему я всю жизнь должна доказывать ей, что я хорошая? Почему она мне не верит? — кипятилась я.

— Успокойся. Справедливости ради скажу, что мать волнуется за тебя, боится, чтобы с тобой чего плохого не случилось. Она тебе добра желает. Не сердись на нее.

— А нельзя без крика объяснить, в чем я не права, без обидных наговоров? Ведь с учениками она умеет обращаться. Ее любят. А со мною она как жандарм. Мне иногда хочется ей сказать: «Вот возьму и сделаю какую-нибудь гадость, раз вы все равно считаете меня дрянью, и тогда не обидно будет выслушивать оскорбления». Чего она на пустом месте волнуется? — спрашивала я подругу, продолжая обижаться на мать.

— Может, в ее жизни были какие-то печальные моменты, от которых она теперь хочет оградить тебя, — спокойно объяснила Лилия.

— Пуганая ворона куста боится? — зло съязвила я.

— Остынь. У каждого человека свой характер. Взрослого не перевоспитаешь. Может, когда вырастешь, ты будешь такая же?

— Нет, я буду понимать своих детей и подробно, по-дружески растолковывать непонятное! Почему ты лучше меня понимаешь взрослых? — грустно спросила я подругу.

— У меня две старших сестры. Мама часто беседует с ними, а я на ус мотаю, — засмеялась Лиля.

— Тебе повезло. Твоя мать никогда не ругается, — вздохнула я.

— Моей маме проще. Она не работает, только домашнее хозяйство ведет. А твоя мать на работе держит себя в руках, но очень устает, нервы у нее на пределе. Дома ей хочется расслабиться, — а тут ты с фокусами.

— Но я же не нарочно! Я не зловредная. И не такие уж серьезные мои проступки, чтобы так грубо меня обругивать. Я не обижаюсь, когда достается за дело. Наказание должно соответствовать «преступлению», — пошутила я горько.

Я не во всем согласилась с Лилей, но все-таки мне стало легче. Мы обнялись и пошли провожать друг друга: от ее дома к моему, потом назад...

Тихо легла в постель. Мыслей много. Наверное, Лиля права. Зачем я огрызаюсь, когда виновата? Во мне сидит какой-то колючий зверек и выставляет шипы наружу. А ведь от них может быть больно другим. Но я так защищаюсь. Я слишком обидчивая? А бабушка никогда не кричит. Если увидит что-то, с ее точки зрения не вызывающее одобрения, то сразу мягко и тактично делает замечание. Не устраивает промывание мозгов. Да, надо взрослеть.

Лиля, ты умеешь терпеливо выслушать меня. Тебе всегда интересно и небезразлично все, о чем я рассказываю. Счастье — иметь такую подругу!»

ЦВЕТЫ НА ВЫПУСКНОЙ

Встретилась в магазине с Володей Пановым. Он со станции. Вежливый такой, немного стеснительный. Мы давно не виделись. Он сам ко мне подошел и позвал съездить за цветами для выпускников. Я не дала согласия, но обещала попробовать сбежать из дому на часок. Уговорила брата подстраховать меня на всякий случай и в назначенное время стояла у моста.

Компания была уже в сборе. Мальчики предложили девочкам сесть на рамы велосипедов. Мне не нравится ездить таким манером, но никакой мальчишка не позволит везти себя девчонке. Понятное дело. Мужчины. Придется потерпеть.

Притормозили у одного палисадника. Володя осмотрел цветы и сделал вывод: «Не подойдут». Подъехали к другому. «Отличные», — уверенно сказал он и открыл калитку. Только тут я поняла, что цветы мы не будем ни покупать, ни просить. Я рассердилась:

— Не стану воровать! Человек старался, растил, а мы как варвары налетим и отнимем?!

— Тебя никто не заставляет, раз ты такая принципиальная, — оборвал меня на полуслове один из моих новых знакомых. — Спрячься.

Я разозлилась, что меня не послушали, и демонстративно направилась в другую сторону. Но и это не сработало. Вовка остался с ребятами. Я почувствовала себя оскорбленной и, не оглядываясь, побежала домой.

Утром нарезала анютиных глазок в своем палисаднике и понесла в школу. Лиля понуро стояла у входа в школьный двор. Я разделила цветы на два букета.

— Ты представляешь, раньше около дома обрывали. Я к этому уже привыкла и сажала туда самые простые цветы. Но на огороде!..

— Что случилось? — забеспокоилась я.

— Аккуратно остригли всю плантацию цветов! Все виды! Ты же знаешь, что они для мамы значат!

— Интеллигентные воры попались, — горько усмехнулась я.

— Да. Хоть корни многолетних оставили, — вздохнула Лиля.

В ее глазах стояли слезы.

— Это сделали ребята со станции. Наши даже на чужую межу без разрешения хозяев не наступят, — убежденно сказала я.

— Нельзя оговаривать людей бездоказательно, — горячо возразила Лиля.

— Я вчера сама видела, как они в поселке цветы обрывали, — созналась я.

— Ты дружишь с ними? — удивленно и неодобрительно вскрикнула Лиля.

— Нет! Привет-привет, пока-пока, — вот и все мое знакомство. Хотела дружить, но после вчерашнего случая желание пропало, — успокоила я подругу.

К школе подошла старушка с Нижней улицы.

— Девочки, позовите директора школы, — попросила она тихо.

— А что случилось? — участливо спросила Лиля.

— Ироды, повыдергивали все цветы с корнями! Огород истоптали, нехристи! — запрочитала женщина.

— Пойдемте в школу. Если найдете свои цветы, тогда мы обязательно разберемся с хулиганами, — пообещала Лиля.

Бабушка подошла к выпускникам.

— Нетути. Мои особенные. В память о своем старике ращу который год. Любил он их. Со всей страны присылали ему семена.

Вдруг бабуся взялась за голову и тонко завывала:

— Господи! Попросили бы, я дала бы с великим желанием. Сама нарезала бы и подарила. Для того и сажаю, чтобы радость была людям. Теперь не с чем ребятушек в армию будет провожать... Одна-одинешенька я осталась... Некому защитить...

Старушка ушла, утирая глаза концами синего в красный цветочек головного платка.

А мне было неловко и досадно, оттого что знала лица тех, кто напакостил. «Почему не сказала? А вдруг у этой бабушки были другие ребята? К тому же она все равно не пойдет на станцию жаловаться», — успокаивала я себя различными доводами. Но настроение было бесповоротно испорчено.

На праздничном ужине я видела счастливые глаза матери, насадкой хлопотавшей над выпускниками, радостные лица ребят, многие из которых впервые в жизни пробовали пирожные. Их по просьбе отца привез из города учитель математики Петр Андреевич. Все было здорово! Только неприятный осадок при взгляде на цветы не пропадал.

Утром проснулась, — а вся комната как весенняя лужайка! Глянула в окно — Виктор идет с букетом: красивый, сияющий! Остановился в нескольких шагах от нашего дома, пригладил волосы, верхнюю пуговицу на белой рубашке застегнул. Я распахнула створки окна и позвала его.

— Клара Ильинична дома? — спросил он сочным низким голосом.

— Нет, наверное, пошла к Ольге Денисовне. Они вчера договаривались, — ответила я радостно, потому что мне было очень приятно видеть и слышать его.

— Жаль, — вздохнул Виктор. — Хотел вручить от себя лично моей самой любимой учительнице.

Лицо его погрузтело.

— Ты тоже ее самый любимый выпускник. Она будет очень рада. Твой букет самый-самый! Не волнуйся, я передам.

— Эти пионы я со старшим братом специально выращивал к сегодняшнему дню, все боялся, что раньше отцветут, — сказал Виктор смущенно и протянул мне благоухающий букет. Я вдохнула аромат розового облака, в голове закружилось. На мгновение мне показалось, что эти цветы он принес для меня.

СТРАХ

Почему я в городе просыпаюсь рано? Может, непривычные звуки меня будят? Гремит трамвай. Во дворе тарыхтит грузовик, — мотор никак не хочет заводиться. Я слышу, как падает железная ручка и сердится шофер. На подоконнике бормочут сонные голуби, кряхтят вороны. Открыла глаза. Небо чистое. Одинокое облако зависло над березкой, венчая ее белым праздничным убором. Рядом пирамидальный тополек стрелой в небо рвется. Встала. Выглянула в окно. Увидела, как нищая старушка копается в мусорном ящике, и отвела взгляд, чтобы ей не было стыдно.

После завтрака Альбина потащила меня на речку. Идем через парк. Остановились у фонтана. Я трогаю упругие искрящиеся струи, вбираю их хрустальную прохладу и спрашиваю подругу:

— Наверное, море так шумит?

— Не знаю, — отвечает она беззаботно.

А я уже закачалась на волнах фантазий...

Рядом на лавочке сидят, обнявшись, две девочки и, прикрыв глаза, с удовольствием в полный голос поют незнакомую мне песню. Их настроение передается мне. Мы так похожи! Не спеша, прошел точильщик ножей со станком на плече. Я проводила взглядом его тощую, согнутую фигуру до поворота и догнала подругу. Стена непролазного терновника скрывает решетку парка. Желто-зеленые кисти рябины проглядывают сквозь узорную листву.

Лето прекрасно многообразием оттенков зеленого цвета. «Весной здесь меня поразили коралловые свечи каштанов и нарядные светло-зеленые оборки на платяцах молоденьких елок, а сегодня шуршание брызг фонтана породили мечты о море», — думаю я, следуя за подругой.

Вот и речка. Альбина встретила на пляже своих одноклассниц. Шумная компания с визгом ворвалась в теплую воду. Искупались и греемся на песке. Мечтать не могу. Мешают разговоры соседей. Читать нечего. Изнемогаю от безделья. Не умею отдыхать. Не привыкла. С трудом дождалась, когда, наконец, вернулись домой.

После обеда мама отправила Альбину по делам, и я пошла в лес одна. Стрекочут кузнечики. Щебет птиц вялый, неторопливый, сонный. Полдень. Об этом говорит моя тень. Она служит мне часовой стрелкой. Не люблю блудить, сразу пугаюсь, поэтому четко слежу за солнцем и тем, сколько дорог и тропинок пересекаю. Хорошо помню, что, когда входила в лес, солнце светило в правое ухо.

Трава в лесу густая. Я не знаю ее названия, но что в ней растут курятники — это уж точно. Сейчас они уже должны быть. Но дождей нет — и нечего надеяться увидеть их огромные пестрые шляпки. Справа показались строения. Подошла поближе. Это кордон лесника. Понуро стоит лошадь, запряженная в большую повозку. На лужайке возле сараев — корова, два теленка, козы.

На дороге мне встретилась девушка и спросила, как попасть в город. Я показала рукой на столбы. Пока разговаривала, боковым зрением заметила в кустах мужчину в позе страуса: опустил голову в высокую траву и не шевелится. Вижу только темно-синие брюки, плотно обтягивающие его «пятую точку», и крепкие длинные ноги. Человек явно прятался. От кого? Может, он вор? Угрозы себе я не почувствовала, но рука невольно потянулась к самодельному еще детдомовскому ножичку, который всегда висит у меня на шее. С оружием чувствую себя увереннее, спокойнее.

Скоро мои мысли опять обратились к лесу и цветам. Иду, посвистываю, выкрикиваю песни, если так можно назвать мои восторженные рифмовки в темпе маршевой барабанной дроби, что-то вроде этого:

Иду и радуюсь природе, Прекрасной солнечной погоде...

В общем, пою обо всем, что в голову взбредет. Настроение — на все сто! Надо мной легкие перистые облака разметались по небу. Чудо как красиво! Трепетной становится моя душа при виде небесной благодати. Недалеко от дороги увидела громадный муравейник. Выше меня будет. Вот это да! Обошла его со всех сторон. Присела на корточки и с интересом рассматриваю суетливое семейство. Какие крупные! Таких еще не видела! Одни тащат белую личинку, другие бегут узкой тропинкой один за другим, как мы на зарядке. Не могу оторваться от беспрерывно снующих тружеников. И как у них ноги не устают? Вдруг почувствовала сразу несколько укусов в ногу. Подскочила. Ах вы, безобразники! Я вам не гусеница. Вы меня будете кусать, а я вас — есть. Сняла муравья с ноги, сунула в рот и сразу почувствовала кислый вкус. Забавно стало.

Обернулась назад и вдруг вижу: по дороге идет мужчина в темно-синих спортивных брюках и белой майке. «Что ему надо на моей дороге? Тьфу, глупая. По ней может идти всякий, кто захочет», — успокоила я себя и, забыв о муравьях, пошла дальше.

Утопаю в горячем песке дороги, «ныряю» в придорожные кусты и, шурша мягкой сосновой подстилкой, срываю яркие цветы и красивые листья незнакомых растений. Увидела несколько странных ям овальной, хорошо очерченной формы. Длина и глубина их не больше моего роста. Видно, их недавно выкопали. Песчаные края еще не осыпались. Не поняв их назначения, двинулась дальше.

Углубилась в лес, а когда опомнилась, сообразила, что заблудилась. Волнение охватило, даже в жар бросило. Но потом взяла себя в руки и прислушалась, откуда доносится грохот машин. Тишина. Дождалась шума моторов и направилась в их сторону. Вот и моя дорога. Порядок!

Забрела в мелколесье. Скользнула глазами по зарослям. Нашла ягодник. Полазила по костянике. Ягоды еще розовые и кислые. Поднялась на склон, «поклевала» перезревшей земляники и свернула к дороге. У корней развесистого, кряжистого дуба обнаружила малюсенький белый гриб. Рвать не стала. Пусть подрастет.

Лес пошел гуще и глуше. Вдруг у следующего поворота заметила все того же мужчину. Лица не могла разглядеть, но четко видела позу. Он сидел на корточках и осматривал придорожные кусты. Он кого-то искал. Кровь прихлынула к моему лицу. Прошибла испарина. Неужели меня? Зачем я ему? Спрятаться за дубом? Но дядька у самой дороги. А вдруг он захочет обойти дерево вокруг? Этот человек идет по дороге, значит, понимает, что я далеко не отхожу, чтобы не заблудиться. Он меня ищет! Затравленно озираюсь. Мысли замелькали лихорадочно: «Бежать к домам бесполезно. Догонит. Идти глубже в лес? Заблужусь. Нож? Я не смогу ударить человека ножом, могу только попугать. Он отнимет его. У него руки длинные... Яма! Где-то здесь недалеко я видела овальную яму!» — мгновенно вспомнила я.

Иду на цыпочках, глядя под ноги, чтобы не наступить на сухую ветку. Вот куст бересклета. Здесь я сломила ветку с цветами-глазками. Вот незнакомое кудрявое дерево. Я срезала с него веточку. Вот яма! На миг задумалась: «Если он меня здесь найдет, то конец! Может, не увидит?»

Быстро, но осторожно сползла в яму, будто ужом юркнула. Сердце от страха колотится так, что в ушах звучат его гулкие удары. Прикрыла голову руками, прижалась к стенке ямы и замерла, напряженно вслушиваясь в оглушительную тишину. Поблизости послышались осторожные шаги. Человек шел по песку. Остановился. Бесконечное мгновение. Показалось, что пришел мой последний час. Всплыли слова из детской книжки: «Слышу запах затаившейся смерти. Ужас ожидания всегда сопряжен со страхом». Опять два шага прошуршали. Снова мертвая тишина. Я напряжена, как струна. Господи, если ты есть...

Мысль прервалась громким треском сучка. Я вздрогнула. Боль в ушах, как от взрыва. Сильнее вжалась в стенку ямы, не решаюсь подтянуть под себя ноги. Еле дышу. Шаги рядом. Слышу, как он топчется на хвое. Опять в ушах гулкое буханье сердца. За что? Я же ни в чем не виновата. Господи, помоги... Оцепенела в ожидании звуков. Пошел дальше. Шаги удаляются от меня. С трудом, медленно, очень медленно прерывисто выдыхаю. Жду, когда он уйдет подальше. Но не очень долго жду, а то поймет, что потерял «объект» из вида, и начнет обыскивать место, где видел меня в последний раз.

Не шевелюсь. Легкий ветерок пролепетал что-то. Опять безмолвие. Не знаю, сколько времени прошло. Открыла глаза. Темно. С трудом пошевелила руками, ногами. Тело онемело. Еще немного посидела, стараясь сообразить, что со мной. Не потеряла ли зрение от страха? Просветлело. Вижу серое небо, колеблющиеся вершины сосен. Теперь небо снова голубое.

Прислушалась. Осторожно выглянула из ямы. Никого. Вылезла. Очень медленно, пригнувшись, добралась до дороги и просмотрела ее в направлении, куда пошел мужчина. Впилась взглядом в близлежащую просеку. Ни-ко-го.

Всем известно, что самый простой в такой ситуации оборонительный рефлекс — бегство. Поэтому добралась до поворота, откуда меня уже нельзя увидеть и давай бог ноги! Бежала до тех пор, пока не появился кордон. Задыхаясь, притормозила. Но остановилось только тогда, когда увидела женщину, которая кормила кур во дворе. Тут меня снова начал трясти страх. Немного передохнула и побежала дальше.

Вот я и дома. Слава Богу. Все позади.

На следующий день услышала от хозяйки квартиры о том, что поднята на ноги вся милиция города, потому что в лесу какой-то гад, сбежавший из психушки, задушил девушку-студентку, возвращавшуюся в город из ближайшей деревни. Я чуть не задохнулась от спазм в горле.

Прошло два дня, а я все сидела в комнате и думала: «Что же, выходит, теперь мне вообще не гулять в лесу? Нельзя же все время бояться? Дядьку этого, наверное, уже

поймали».

Сначала при воспоминании о жутком случае волна страха напозала на меня, окутывала и душила, особенно перед сном. Постепенно она ослабевала. Вместо отчаяния и страха появились неуверенность, раздражение и злость.

Чтобы преодолеть себя окончательно, я решила пойти в тот самый лес. Бродила, а сама все время прислушивалась и боковым зрением наблюдала за тем, что творится справа и слева от меня. Прошла веселая компания. Я пригнулась и из-за куста слышу, как они хохочут. Этим бояться не надо, тем более, что там мужчины и женщины. Протопал старик с корзинкой, опираясь на палку. Вспомнила, что в лесу кабаны, лоси и волки водятся. Везде их следы вижу. Нормальные люди боятся зверей, а я — людей. Со страху глупой стала? Мозгами сдвинулась, что ли? Чтобы совсем успокоиться, пошла на то место, где мне было жутко. Но как только приблизилась к той дороге, меня сразу начала бить дрожь и потекли слезы.

Вернулась, собираю васильки тут же, на краю пшеничного поля. Смотрю — в сторону леса направилась женщина с двумя ребятами. Я пристроилась к ним, и мы вместе дошли до поляны с костяникой.

Возвращаясь назад, я непрерывно оглядывала кусты с обеих сторон дороги, но такого панического страха уже не ощущала. Победа! А подойти к яме не смогла. «Оставлю на другой раз. Не все сразу», — думала я, быстро шагая по теплому, влажному, плотно утрамбованному ночным дождем песку.

Свернула на перпендикулярную дорожку. Заинтересовали яркие незнакомые цветы. Рву самые свежие. Вдруг спотыкаюсь о небольшую мраморную плиту. Наклоняюсь, читаю: «Любимой, верной...» Рассматриваю рисунок. Крест. Гадкая Баба Яга. Что за насмешка? Неприятный холодок застыл между лопаток. Сделала несколько осторожных шагов в сторону дороги. Падаю на такую же плиту.

Я в панике. Затрепетала как осинка на ветру. Даже не пытаюсь прочесть слова на надгробии. В голове толчками пульсирует страх. Захлебываюсь им. Кровь то приливает к лицу, то отливает. Моя буйная фантазия рисует жуткие картины: любили, изменила, привел в лес свою девушку и того парня... Сжил со свету... А при чем тут ведьма?.. Меня трясет. Цепкий ужас сковывает все тело, перехватывает дыхание. Пробирает липкий холодный озноб. Но все равно хочется прочесть вторую надпись. Вдруг я ошибаюсь, и мои опасения напрасны, неоправданны? Эта мысль приводит меня в чувство. Стараюсь совладать с рвущим на части, ничего не желающим признавать, страхом. В нем никакой логики.

Наклоняюсь, касаюсь травы, скрывающей плиту. Меня будто током бьет. Заколыхались и поплыли сосны, и в следующее мгновение чернота наплыла на глаза... Потом началась истерика, трясутся руки и ноги... Я состою из одного страха... Я уже не пытаюсь пересилить его, отодвинуть слуховые и зрительные галлюцинации.

И тут сознание отфильтровывает и уверенно выкристализовывает единственно верное решение: «Бежать, бежать, бежать...» Туман в глазах редет. Срываюсь с места и мчусь, не ощущая тела. Ежесекундно предчувствую погоню. Страх гонится за мной по пятам... Вот и поле. Сваливаюсь в пшеницу. Между лопатками сохраняется боль. Колики в ушах и одуряющая боль в висках.

Страх не сразу оставляет меня. Он сжимает тем сильнее, чем глубже я стараюсь проникнуть в незнакомый страшный, темный мир, законы которого не понятны. Свет моего юного разума не освещает даже преддверья неведомых ужасов.

Вдруг вместо отчаяния и страха в груди поднялась огромная глубокая могучая волна и будто перенесла меня в другое измерение. Может быть, в четвертое, о котором нам рассказывала учительница физики. Жутко стало. Внутренне содрогнулась. Чувствую, сознание гаснет...

Очнулась. Лежу, в голове застряли несозревшие мысли: «И зачем я пытаюсь мысленно перейти черту, за которую не пускает страх? Зачем мне нужна горечь, которая омрачает

жизнь? Борьба с собой не выходит за пределы инстинкта самосохранения? К страху нельзя привыкнуть? Он всегда в нас заторможенный или отгесненный сознанием? А потом оживает? Моя чувствительность и эмоциональность — причины такой бурной реакции или у всех так?»

Чего я испугалась? Откуда во мне этот постыдный, неконтролируемый напрасный страх? Ведь не сегодня появились эти плиты? Но какой ужас они наводят!! Невзирая на терзания, преодолевая страх, попыталась с предельной точностью оценить и уяснить свое поведение. Навоображала себе с чувственной отчетливостью всякой ерунды! Наступаю на собственную тень?

Стоит ли преодолевать страх? Может лучше не рисковать бессмысленно, не нарываться? Да. Безрассудство глупо и абсолютно недопустимо.

На квартиру вернулась совершенно измученная. Почему-то вспомнились слова бабушки Ани, когда она болела: «Все мы живем перед лицом смерти. И уже поэтому жизнь прекрасна... Не стоит бездарно прожигать ее». Как может жизнь быть прекрасной перед лицом смерти? Непонятно. А вот глупо жить не стоит. Одной бродить по лесу — значит искать приключений на свою голову, судьбу испытывать. Бабушка, как всегда, права. Все, что сегодня произошло со мной, буду вспоминать как дурной сон.

ВИТАЛИК ПРИЕХАЛ

Сидим мы с Виталиком (он этим летом опять приехал на лето к бабушке) на Зойкином ошкуренном бревне, ждем Ленчика. Виталик рассказывает случаи из своей городской жизни.

— Школа у нас с печным отоплением. Дрова обычно колет конюх. Утром завуч послал наш класс на уборку территории. За каждым учеником закрепил свой объект, чтобы ответственность была и отчетность. Нас троих на хворост поставил. Я собираю по саду ветки и подношу ребятам. Митяй на колоду их кладет, а Вадим топором машет. Когда Вадим уставал, я из-под его ног убирал наколотое и складывал ровными штабелями у стены хозяйственной пристройки. Митяй с Вадькой шутят, хохочут. Дело у них идет споро. Я еле поспеваю подносить ветки. Мне даже завидно стало. Я по кочкам спотыкаюсь, в бурьяне запутываюсь, вытаскивая корявые палки, а у них весело. И побасенки успевают рассказать, и работа важная, ответственная. Смотрю издали: Митяй от хохота за живот держится, а Вадим колоть перестал и по траве катается от смеха. Не выдержал я, бросил ветки и побежал к ним. Думаю, попрошу хоть на полчаса поменяться ролями с кем-нибудь из них.

Подбегаю. Отчего ребята хохотали, так и не понял. Только слышу, как Митька говорит: «Кому операция нужна? А ну, подставь пальчик!» А сам топором размахивает. А Вадик палец кладет с хохотом на колоду и отвечает: «Мне нужна!» Я и сообразить ничего не успел, как увидел вытаращенные глаза Вадика. Он, заикаясь, вымолвил: «Мить, ты че, дурак?»

— А ты че? — изумленно ответил Митяй.

Несколько секунд все трое находимся в шоке. Первый, видно от боли, пришел в себя Вадим. С ужасом глядя на свой рассеченный вдоль палец левой руки, из которого лилась на пень кровь, он заорал:

— Ненормальный! Что наделал, гад?

В его глазах боль, страх, растерянность.

— Я не думал, что подставишь, ты же шутил, — испуганно, в полном раскаянии, с трудом выговаривая слова, бормотал Митя.

— А я не думал, что ты ударишь. Мы же шутили, — стонал Вадим.

Видно, шок прошел, и боль еще сильнее навалилась на Вадика. Он отвернулся от Мити, присел на корточки и, закусив губу, заторможенно смотрел, как кровь течет на землю. Тут я пришел в себя, прижал две половинки пальца друга и замотал носовым платком.

«Держи ладонь выше головы, потеря крови будет меньше. Ты уже и так побледнел», — посоветовал я ему и побежал за учителем.

— Что дальше было? — спросила я озабоченно.

— Зашили.

— После операции палец нормально работает?

— Двигается. Только онемел. Боли не чувствует, — объяснил Виталик.

— А ребята дружат после этого?

— Конечно. Митяй же не нарочно. Недоразумение вышло. А вот со мной препротивный случай произошел. Видишь шрам? Давно это было. Я тогда в новую городскую школу перешел. А мне дедушка перочинный ножик подарил на день рождения. Я счастлив был, не представляешь как! Ведь самый что ни на есть настоящий! Наточил его на круге, сделался он как скальпель. Всюду с собой его носил. Ночью он под подушкой у меня лежал. Ну, конечно, и в школу принес. Так вот, хвалюсь я в коридоре перед новыми одноклассниками подарком, вытаскиваю по очереди то одно лезвие, то другое, а тут подходит старшекласник Бирюков и спрашивает:

— Легко он у тебя раскрывается?

Ну, я отвечаю:

— Как маслом смазанный!

А он тут же:

— И ты все с ним можешь делать?

— Конечно, — говорю я с гордостью.

— А наполовину раскрытый ножик пальцем до конца раскрыть сможешь?

Я мгновенно отвечаю:

— Конечно! Пожалуйста!

И тут же нажимаю на лезвие. Кровь хлынула. До кости разрезал палец. Я вскрикнул. Одна из девочек в обморок упала. Я зло посмотрел в сторону обидчика. Понял, что сыграл он на моем азарте. На всю жизнь запомнил его подлость и довольную ухмылку. В третьем классе я тогда был.

— Мне среди детей гадов не встречалось, — говорю я.

— А тогда откуда у тебя на пальцах такие глубокие следы?

— Дрова люблю колоть. Ставлю одной рукой полено, а второй тут же топор заносу. Получается, что как бы одновременно я руку отвожу, и лезвие касается дерева. Мать ойкает. А я ей говорю: «Не кричите под руку, сбиваете с ритма». У нее нервы не выдерживают, и она уходит. А мне нравится ощущение четкости, скорости и уверенности. Огромное удовольствие получаю. А шрамы на пальцах потому, что поленья летят во все стороны. Я слежу, чтобы в лицо не попали, а если по рукам и ногам — не обращаю внимания. У меня на теле синяков не бывает, а ранки как на собаке заживают.

— По голове ни разу не попадало?

— По лбу раз досталось. Такую затрещину получила, даже искры из глаз посыпались!

— Больно было? — с сочувствием спросил Виталик.

— Да нет. Я только испугалась, что от матери влетит за неосторожность. Шишка вмиг вылезла с кулак.

— Что же не увернулась? — удивился Виталик.

— Заторопилась. Обычно колю дрова до тех пор, пока руки и ноги дрожать не начинают. Люблю такую усталость. Чувствую, что по-настоящему поработала. А в тот день ко мне подружка пришла. Я говорю ей:

— Вот сейчас доколю последний чурбак и пойдем гулять.

— Погуляли?

— Погуляли. Только утром, когда я вышла умываться, тишина на кухне наступила странная, все чай пить перестали. На меня смотрят и молчат. Спрашиваю:

— Что случилось?

А мать:

— Иди к зеркалу!

Я так и ахнула: вокруг глаз огромные фиолетовые круги. Я словно в черных очках. Представляешь? В первый момент рот от изумления открыла. Потом догадалась, откуда украшение. Самое обидное, что мать не поверила моему рассказу, все выясняла, с кем я подралась или еще в какую историю вляпалась. Я попусту никогда не дерусь, если только защищаю кого. А подружка сказала, что на лавочке сидела и ничего не видела. Не смогла я доказать свою правоту. Три дня на улицу не выходила. Даже к колодцу.

— А этот шрам откуда? — опять спросил Виталик.

Я рассмеялась и объяснила:

— Послали наш класс капусту рубить. Уже морозы приличные стояли. Земля под ногами колом. Струпьями застыли колеи на дорогах. Порубили мы капусты немного, а тут машина подошла, и мы занялись погрузкой. Кочаны огромнейшие! Куда там твоя голова! Кто докинёт, кто нет. А потом и маленькие кочанчики разрешили кидать в машину. Ну, тут мы их, как мячики, с полным удовольствием швыряли. А они перелетали, и тем, кто по другую сторону борта стоял, доставалось. Если по спине — ничего. А по голове — больно. Я хотя и в старой отцовской шапке была, но от удара кочаном свалилась на землю и не сразу встала. Закружилась у меня голова. Ничего! Очнулась, и с еще большим энтузиазмом работала, только, конечно, остерегалась. Несладко по мозгам получать.

Машина уехала, и мы по следующему рядку взяли. Я работала ритмично: делаю шаг к кочану — раз, листья раздвигаю — два, удар топора — и головка отлетает — три. И опять: раз, два, три; раз, два, три. Все шло хорошо. Я вырвалась вперед и уже торжествовала, что первая закончу ряд, как вдруг из огромных листьев капусты мне в лицо брызнул сок. Глаза я инстинктивно закрыла, а топор остановить не смогла, только притормозила. Ну и полоснула по пальцу. Ритм меня подвел. На мое счастье, кость не задела.

— Ты совсем как мальчишка! — засмеялся Виталик.

— Мы же строимся, — объяснила я свои привычки.

— А девчоночьи дела умеешь?

— Конечно. Шить, вязать, вышивать по-всякому. На кружке «умелые руки» школьная вожатая всех научила. Только вышивание крестиком не выношу. Представляешь, бабушка заставляет часами сидеть за пальцами. Я ей: «Бабушка, хочу почитать, не хлебом единым жив человек». А она мне: «Терпение вырабатывай, ты же девочка». Если спрячу книжку под пальцы, бабушка укоризненно глядит. Мне стыдно, конечно. Я слушаюсь бабушку, жалею, хотя и считаю, что она не во всем права. Из-за бесконечных домашних дел ей приходится так рассуждать. Я бабушку больше всех на свете люблю.

— А я деда. Понимает он меня и поддерживает во всем, — сказал Виталик как-то особенно трогательно.

— Я все равно читаю по ночам. Зажгу пятилинейку и попадаю в другое жизненное пространство.

— А что такое пятилинейка? — не понял Виталик.

— Керосиновые лампы различаются по мощности света. Бывают еще десяти-, семилинейные.

— Почему у вас в селе голубей не видно? — поинтересовался Виталик.

— Не принято. Да и когда с ними возиться? Их городские от безделья заводят. Мы выращиваем только то, что на пользу семье и колхозу идет.

— Не скажи! Не от безделья. Сложный, многогранный процесс общения с голубями. Голуби — это целый мир! Фантастически красивы декоративные голуби. Ты не представляешь, сколько их видов! А какие интересные у голубятников споры, разговоры, ритуалы! Матери не разрешают нам с ними дружить. По их понятиям, голубятник — значит преступник.

Я замечал, что у дерзких, излишне жестких пацанов проявляется особая тяга к голубям, к красоте. Мне кажется, что она возникает, чтобы сгладить, смягчить, украсить их жизнь любовью. Мы на таких ребят снизу вверх смотрим. Я завел себе голубей павлиньей породы. Голубятники кому зря не продают. Обычно обмениваются.

Представляешь, утром встаешь, а над тобой — тучи голубей! В душе что-то переворачивается, новое, хорошее возникает. Чувствуешь, что находишься в маленькой, не многим доступной стране счастья... В этом году ястреб поселился у нас в ближнем лесу. В глубь города не летает. Шума боится. В нашем районе обосновался. Сядет на соседскую яблоню и выжидает. Только я начинаю выпускать голубей, а он тут как тут. Ворону не поймает. Она отпор ему дает. Сама долбануть может. Так он домашних доверчивых голубей хватает. У меня за зиму восемнадцать своровал, — вздохнул Виталик. — Знаешь, голубь, если беда не разнимет, всю жизнь с одной голубкой проживает. Неотступно ходит за нею вслед. Раз пропала у меня на два дня одна «дамочка», так ее муж места не находил, все бегал туда-сюда, о сетку бился. Смотрю, радостно заметался. Подруга вернулась.. Совсем как люди.

Мы еще флаг по утрам во дворе на вышке поднимаем, сказал он, желая отвлечься от грустных мыслей. — Потом мода пошла делать поджигные и в логу стрелять.

— А у нас все больше луки со стрелами. За игру с огнем родители всыплют по первое число, — сказала я, явно завидуя Виталику.

— У нас, если расшалишься, каждый сосед может дать подзатыльник, и мы воспринимаем это как должное, не обижаемся. На улице все друг другу как родные. Все на ней выросли. До сих пор, как праздник, так столы на лужайке расставляем, и кто что может, на общий стол несем. Здорово! Наши родители с семи до семи на работе. Уроки сами учим. Если что не выходит, к друзьям бежим. Даже грудных детей нам оставляют. Дружно живем! — все более увлекаясь, рассказывал Виталик.

Раздался свист.

— Ленчик зовет. Пойдем за школу. Там сегодня сбор пацанов с улицы Гигант, — предложил мне гость.

— Нет. Мы коров сейчас с девчонками пойдем встречать, — ответила я.

— Жаль. Ну, пока, — попрощался Виталик и побежал догонять Леню.

ТРАГЕДИЯ

Сегодня я первая примчалась к бревнам. Поерзала пару минут и уже собралась позвать Зою, как увидела Виталика и махнула ему рукой. Он подошел и тихо сел на лавочку.

— Ты чего как в воду опущенный? — удивилась я.

— Приехал бабушку навестить, а душа моя в этот раз все равно в городе осталась. Друг у меня там самый лучший. Ника. Мы с ним в одном классе учимся. В бараке наши

комнаты рядом. Как брат он мне. Умный очень. Добрый, совестливый. Бывало, зардеется от смущения, как девчонка, если ребята солененькую шуточку отпустят. И я его подразнивал за нежность, излишнюю, как мне казалось утонченность, не свойственную мальчишескому кругу. И вдруг отца убил... Отец его выпивал сильно, на мать с топором кидался. В комнате все рубил, рвал... Ника маму обожает. Помогает по дому. Она у него грамотная. В отделе культуры работает. Особенная женщина. Вокруг нас все больше простые люди живут.

В тот вечер я нашел его под лестницей. Сидели в темноте. Он молча плакал. Потом сказал:

— Он на этот раз не пугал маму... Я выстрелил, когда он занес над нею топор... Не помню, как ружье сорвал с гвоздя... А если бы не спас?..

Кого винить в несчастье? Ник готов был руки на себя наложить. Оправданий не искал. Его оправдали. Но он сам себя судит, съедает, уничтожает. Он не видел тогда выхода из жуткой ситуации, но все равно только себя винит в гибели отца. Не может понять, как руку поднял на отца, считает себя убийцей. Не представляет, как жить с этим дальше...

— А ты любишь своего отца? — спросила я тихо после затянувшейся паузы.

— Обожаю до потери пульса. Мать земная, а он — небожитель. Голоса никогда не повысит. Восторженная душа. Ласковый, фантазер. От него в моей жизни праздники. Я в него пошел.

Но один раз произошло непонятное. Лупу я нашел. Настоящую, большую. Толстое такое стекло. Носился с ней как с писаной торбой. А друг мой Колька Бакланов в овраге старый ржавый пистолет раскопал. Разнеможный! И стал он предметом моих грез. Коля предложил меняться. Мне жалко было терять лупу. Я долго мучился, но все же решился. Получил пистолет, отмочил в керосине, шкуркой наждачной почистил и показал отцу. И представляешь, не поверил отец, что я поменялся. Говорит: «Никогда не ври». Задохнулся я от обиды. Даже не стал ничего доказывать. Слезы готовы были брызнуть из глаз. Как такое мог сказать мой великолепный отец? Недоверием убить можно! До сих пор скребет сердце память об этом случае. А ты своего отца любишь?

Я опустила голову.

БУНТ НА КОРАБЛЕ

У нас производственная практика на колхозном поле. Погода стоит чудная. Солнце рассыпает золотые снопы лучей. Нещадно палит зной. Раскаленная земля пышет жаром. Суется изумрудные мухи. Они прилетают к нам с животноводческой фермы. Сегодня пропалываем и продергиваем морковку. Грядки длиной в километр. Хотя спины у нас привычные, но рядок слишком длинный даже для нас. Работаем добросовестно, переговариваемся с ближайшими соседями. Разгибая онемевшие спины, перебрасываемся шуточками.

Ко мне подошла учительница литературы старших классов Александра Андреевна и спросила удивленно:

— Зачем ты с такой силой ударяешь тяпкой? Эдак к концу дня без рук останешься. Давай покажу, как надо работать.

— Не первоклашка! Не надо меня учить полоть! — обиделась я.

— Не сердись. В любом деле есть свои тонкости. Скос жала у тяпок разный. Почему так низко к земле наклоняешься?

— Мне так легче, — не очень любезно, независимо ответила я.

Александра Андреевна взяла у меня тяпку, «прошмыгала» с метр и воскликнула удивленно:

— Она же у тебя тупая, как сибирский валенок!

— Какую дали, такой и работаю, — буркнула я недовольно, сконфуженная своим предвзятым пониманием поведения учительницы.

— Попроси у отца тяпку из косы, — доброжелательно посоветовала Александра Андреевна.

— У нас все такие.

— Ну, пусть хоть поточит.

— Сама точу напильником, — досадуя то ли на себя, то ли на отца, ответила я поспешно.

— Руководить у него хорошо получается, а дома, по хозяйству...

— У каждого свой талант, — вступилась я за отца.

— Ладно. Завтра тебе свою запасную тяпку принесу, не могу спокойно смотреть, зная, чем ты работаешь.

— Спасибо, — сказала я, все еще чувствуя неловкость перед учительницей.

— Ну, догоняй девочек, — улыбнулась Александра Андреевна и пошла к мальчишкам.

Наконец, рядок закончился. Мы улеглись на траву, растирая одеревеневшие спины. Девчонки попросили меня о чем-либо рассказать. Я глянула в чистое, голубое небо, улыбнулась, расслабилась и начала:

— А произошло это ярким июньским утром, когда шелковый ветер играл ветвями берез, обнимавших тропинку с двух сторон, и птицы пели свои беззаботные гимны хорошей погоде, лазурному небу, чистому полю...

Мои заоблачные фантазии были прерваны. Подошел завуч и предложил:

— Ребята, норма вам три ряда. Давайте дружно поработаем, а как закончим, сразу разбежимся. Домашние дела никто за нас не сделает. Неволить не стану. Решение всецело от вас зависит.

— Пойдет! — с неизменным оптимизмом согласились мы и, быстро перекусив, взяли за тяпки.

К концу третьего рядка устали так, что затекшие спины уже не расслаблялись ни от кулачного массажа, ни от упражнений вправо-влево. Осталось метров по тридцать-пятьдесят пройти. Подбадриваем друг друга, предвкушая удовольствие от приятного использования сэкономленного времени. Вдруг на дороге в душном пыльном облаке появился «газик».

— Ребята, большое начальство едет, — обеспокоено сообщил нам объездчик и промчался мимо, пришпоривая коня.

Из машины вышли два человека. На вид им было лет по тридцать пять или сорок. Один — высокий, упитанный, другой — низкий и тоже в теле. Одеты строго, внушительно. Выражения лиц у обоих одинаково непроницаемые, привычно надменные. Наверное, от избытка чувства достоинства и своей значимости, а может, потому что привыкли стеной неприступности отгораживаться от простого люда. Мне не понравилась их туманная, тревожащая безликость. Гости поздоровались, посмотрели минут пять, как мы работаем и поинтересовались:

— План выполняете?

— Конечно, — недружным хором ответили мы.

— Третий рядок закончим, — и домой! — наивно и весело доложил кто-то из младших ребят.

— Как домой? — удивленно развел руками высокий, похоже, главный, привычно поощрительно разглядывая нас. — Рано. Вы обязаны неукоснительно соблюдать предписания. Продолжайте работу. Надо трудиться, а не лениться!

Голос его звучал глубоко и значительно.

— А мы сегодня работаем по-ударному, без перерыва на обед. На ходу перекусываем, — с гордостью сообщили пятиклассники.

— Что за вздор? Так не пойдет! Мы не предусматривали изменений в распорядке работы. Вы обязаны на практике до шестнадцати часов работать. Еще по ряду успеете прополоть, — строго возразил низкий гость.

Кожа на его лбу собралась в сердитые складки.

«Ну, — думаю себе, — начинается! Похоже, предстоит померяться силами. Не питаю я никаких иллюзий насчет их победы». Глянула на учителей. У «химии» лицо, застывшее в почтительном уважении, «являло вялую скользкую душевную ненадежность». У «географички» сухие, запавшие, безразличные глаза. Учитель математики смотрит устало, сумрачно и удрученно.

Ребята переглянулись и зашумели:

— Договор дороже денег. Нас обещали отпустить раньше, если выполним норму. К тому же нет острой необходимости устраивать аврал: не «горит» морковь, — объяснил гостям Ваня, комсорг восьмого класса.

Он еще не понял, что поступил опрометчиво и бестактно, вступив в разговор раньше завуча.

— Возмутительно! Ты представляешь, с кем разговариваешь?! Не тебе решать, сколько и как работать! — вспыхнул невысокий начальник и бесцеремонно в резкой форме потребовал, чтобы руководитель практики подошел к их машине.

«Нехорошо грубо разговаривать с учителем. Зачем унижать достоинство подчиненных, особенно при детях. На подобном отношении к людям они далеко не уедут. Может, поэтому наш колхоз отстающий? Чему он нас учит? В чем мы не правы? Ох, достанется теперь комсоргу за промашку!» — размышляла я.

Мы стояли обескураженные, растерянные, подавленные. Наши чувства совпадали и смыкались. Никто не пытался снять общее оцепенение и нарушить тягостное, оглушительное молчание. Звучный голос завуча разорвал напряженную тишину:

— Ребята, давайте сегодня постараемся и перевыполним план.

— Если бы нас сразу вежливо попросили, мы бы, конечно, не смогли отказать, — дружно возразили девочки из шестого «Б».

— Напрочь забыли, что вы пионеры и обязаны слушать учителей, — отрывисто, с ощущением превосходства произнес высокий начальник.

Воцарилась неловкая пауза.

— А завтра вы приедете и прикажете, чтобы мы до ночи работали? У нас есть такой опыт. В прошлом году попросили дать нам вместо огорода свеклу, чтобы мы могли, как взрослые, заработать для своей семьи сахар. Нам пообещали, а что вышло? Теперь на практике и свеклу обрабатываем, и огород с нас не сняли. Еще кукурузу под лопату сажаем после уроков. И никогда не заикаемся насчет оплаты. В этом проявляется наша несостоятельность как взрослых? Порукой нам служит честность наших учителей, а в ваше слово вера непоправимо утрачена.

Речь девочки звучала впечатляюще убедительно, хотя нрава она была самого тихого. Она в пух и прах разбила все предполагаемые и возможные доводы. Стоявший поодаль высокий начальник приподнял холеные руки.

— Ваша работа вне практики не имеет касательства к сегодняшнему случаю. Вы чего-то недопонимаете, остерегайтесь смешивать разные понятия. Все они из области предположения... Подобное манипулирование не приведет вас... Незачем обсуждать инструкции и приказы... — довольно сумбурно заговорил высокий начальник, пытаясь увести нас в сторону от главного вопроса.

Туманностью слов и выводов заслонялась ясная истина. Наверное, этот человек впервые столкнулся со столь неожиданной ситуацией.

— Мне кажется, нас отличает безупречная логика. А вот вас мы не поняли. В чем заключается гибельная для нас безысходность? Объясните свою мысль простыми словами, — как можно вежливее возразил комсорг.

— Вы «Комсомольскую» и «Пионерскую правду» читаете, речь Никиты Сергеевича Хрущева обсуждали? Какие вы патриоты своего села?! Что за тяга к бунтарским приключениям? — повысил голос главный начальник, будто проснувшись.

На его лице появилось выражение глубокой уверенности в своей правоте.

— Мы патриоты! Мы каждое лето возим зерно от комбайнов, а потом оно гниет в буртах на току, — зашумели девятиклассники.

— Это не ваш вопрос. За собой следите, — тоном опытного, бывалого руководителя перебил их низкий гость.

— Нет, наш вопрос! Вы считаете, что у нас чрезмерно развито чувство справедливости и ответственности? Мы не имеем права быть безразличными. Нас учили при всех обстоятельствах смотреть правде в глаза. Какие к нам претензии? Разве вы когда-нибудь слышали нарекания в наш адрес? Норму выполняем. А когда овощи созревают, нас не пускают на поле, потому что мы наемникам не позволяем лучшие помидоры в канавы прятать и растаскивать, — с горьким злорадством высказался Гена из восьмого класса.

— Зашевелился гадючник! Что вы тычете мне в нос свои заслуги? Нам осталось нимбы разглядеть над вашими головами и одеть вам белые одежды святых? — побагровев, с надсадным криком злобно и презрительно вставил желчную фразочку низкий и неожиданно залился тонким, противным смешком.

Знать, сам был необычайно доволен придуманной репликой.

— Машины расхлябанные, половина шоферов — пьяные за рулем. На работу нас везут, а с работы — пешком. Да еще шутят: «Голодная коняга мимо дома не пройдет», — не унимались пятиклассники, еще надеясь на понимание.

— В прошлом году прислали городских старшеклассников на уборку картошки, а они на грядках собирались группами и на гитарах играли. Учителя попросили нас помочь им. Мы помогали только тем, кто старался, но не мог вровень с нами работать. Так лодыри крупную картошку сверху собирали, а ту, что помельче, ногами землей присыпали. А на следующий день нам после них еще раз на поле выйти пришлось, чтобы выбрать оставленную картошку. Нам совесть не позволила бросить ее в поле. Жалко труд тех, кто сажал, полон и окучивал. Мы никогда не отказываемся, если бригадиры ездят по улицам и уговаривают помочь колхозу.

Мы гордимся своей школьной производственной бригадой. Она одна из лучших в области. Колхоз благодаря нам выполняет все пункты государственного плана по овощам. Мы хотим гордиться своим колхозом и не желаем, чтобы он был отстающим. Работать не зазорно. Когда претензии честные, мы прислушиваемся, — громко и четко сформулировал свою мысль комсорг девятого класса. — А ребята из станционной школы вообще никогда в поле не работают. И практика у них всего две недели на заводе. Мы тоже хотим заводские специальности получить, не отказываясь от колхозной практики, а нам не позволяют. У нас каждый год одно и то же: зимой навоз возим, за телятами и поросятами ухаживаем, летом на огороде, на свекле и току работаем...

Иссякали последние аргументы. А решение нашего вопроса не сдвигалось с мертвой точки. Продолжать нам работу или нет?

Высокий начальник даже не вникал в наши слова. Насколько я правильно поняла, его интересовало одно — для сохранения собственного авторитета любым способом добиться выполнения своих требований. Из-за этого разгорался весь сыр-бор. И справедливость тут ни при чем.

Низкий мужчина несколько раз прерывал оратора, но он, терпеливо выслушав взрослого, настаивал на своем, продолжая с мужеством обреченного говорить о

наболевшем.

— ...Эти «городские» со станции всю страну объехали по пионерским путевкам. Москву, Ленинград, Киев, Сочи видели. Нас же дальше соседнего города никуда не возили. У всех детей должны быть равные права и обязанности, а мы как неродные, как рабы. Помогите нам, — с надеждой в голосе закончил свою речь семиклассник.

Толстяк будто ждал, когда мальчишка допустит оплошность. Он давно пытался найти лазейку для удара. И понес, не запрягая! Кричал, что мы не достойны называться пионерами, что поведение у нас аморальное... Он резко и громко провозглашал свои сокрушающие лозунги. Глаза его сверкали заносчиво, победно и гордо. Сначала мы еще понимали, о чем он говорил, но скоро его слова слились в одну густую липкую массу, потом свернулись в твердые шарики, которые просто отскакивали от нашего сознания.

«Издавна замечено, что в устах начальников и банальности звучат весомо и значимо, — услышала я позади себя чей-то шуточный тихий шепот. — Дикая диссонанс между желаниями и возможностями. Я не чувствую страха. Просто пришло осознание неправильного устройства мира. Мир не идеален, он полосат как зебра. И черные полосы не мы пропахиваем...»

— ...Ничегошеньки себе! Демагог. Как разошелся! Наше дело скверное. Безнадега спорить с начальником. Надо уступать. Иначе он не забудет о позоре своего поражения, выждет удобный случай и отомстит учителям... — это опасно шептал кто-то из старшеклассников.

Начальника никто не прерывал. Боялись вызвать новый шквал слов. Мы устали стоять и сели в пыльную придорожную траву.

— Будем голосовать, — долетели до меня слова высокого гостя. — Кто «за» — идите налево, кто «против» — направо.

Интересная получилась картина: основная масса школьников оказалась справа, учителя — слева, а мы, дети учителей, — между ними.

Завуч в немой надежде взглянул на меня. Я вспыхнула и оглянулась на ребят. «Свихнулся, что ли? Я рохля, затюканная мамашей, но ребят никогда не предавала», — разозлилась я, вмиг увяла как капустный лист и опустила померкшие от обиды глаза.

— Вы «штрейкбрехеры»? Кто задает тон вашей компании? — спросил невысокий и оглядел нас с удивлением, смешанным с легким презрением.

— Сидим отдельно, потому что воспитание не позволяет нам послушаться родителей. Если план на завтрашний день изменится, нам будет трудно, но мы справимся, а сегодня отпустите нас, пожалуйста. Мы привыкли к тому, что наши учителя всегда выполняют свои обещания. Мы учимся у них честности, справедливости и хотим верить им всегда, — спокойно, с неподдельным чувством собственного достоинства сказала моя Лиля. — Насчет зачинщиков. У нас никто никому не подражает, не подчиняется. Мы все по-своему особенные, индивидуальные, штучные.

Я удивилась. Родители никогда не позволяют мне «возникать» со своим мнением. Я привыкла выполнять их требования. Такая позиция гарантирует мне избавление от конфликтов с матерью, но создает мучительное чувство неполноценности и бессилия. А Лиля не побоялась. Молодец!

— Если дочь учителя так говорит, что же я могу подумать о других детях? — спросил высокий, криво усмехаясь.

В его смехе было что-то недоброе, угрожающее.

— А то, что ученики трудолюбивые и очень честные, — неожиданно для всех громко сказал Корнеев Коля.

Наступила длительная пауза. Неизвестно, чем бы закончилась стычка, до каких крайностей мы договорились бы в своих наивно искренних, справедливых излияниях. Только на выручку районному руководству пришла Александра Андреевна. Она всегда умела найти проходящие слова, чтобы сгладить любой конфликт.

Все школьники разом замолчали.

— Ребята, — обратилась она к своему классу, — вы уважаете меня? Вы верите мне?

Сразу сообразив, к чему клонит учительница, понуриив головы, ребята тихо ответили:

— Уважаем, верим.

— Я обманывала, подводила вас?

— Нет.

— Прошу в первый и последний раз: пойдите на грядки, сделайте это для меня, а потом мы обо всем с вами поговорим. Будем выше обид и амбиций. Останемся умными, снисходительными, добрыми и порядочными. Уважающий себя человек дополнительным трудом не замазывает своего имени, не унижает достоинства. Я понимаю: для каждого из вас самое главное — стараться оставаться самим собой, стремиться быть в ладу со своей совестью. Еще Сократ говорил: «Счастлив справедливый человек». Но мир не идеален. Умный, чтобы выйти из тупика, должен уметь отступить. Я знаю, когда вы вырастаете, то никогда не поступите с другими не по совести. За это я вас люблю и ценю. Надеюсь, что мои слова в некоторой степени помогут вернуть вам душевный покой.

Так уж получилось, что из пяти классов, работающих на этом поле, в четырех Александра Андреевна вела литературу и русский язык. Ребята пошли за нею.

— Но это в последний раз, — услышала я направленные в сторону гостей голоса ребят.

Начальники победили, но от этого не стали великодушнее. Лица их отчужденные, глядят исподлобья, неприязненно, глаза прячут. Утолив жажду «общения», они уехали восвояси с явным облегчением. А мы представляли собой жалкое зрелище, хотя понимали, что такая победа не делает им чести.

Встреча произвела на всех школьников сильное, тревожное, но во многом не понятное, неосознаваемое впечатление. «Испакостили такой хороший день! Неужели надо было обязательно доводить нашу беседу до ругани? Разве нельзя было поговорить весело, с юмором или по-деловому — серьезно, уважительно. Всем от этого было бы только лучше... Опять возобладали взрослые амбиции», — сквозь зубы разочарованно бурчали мальчишки. «Утешила! Кто легко покупается, тот легко продается, — услышала я чей-то сдержанный горький шепот. — Вот всегда так! Мы обречены подчиняться. Грустно сознавать, что за тебя все решают. Такое положение дел лишает желания выполнять работу по-своему, с удовольствием, с фантазией, с радостью. Это совсем неинтересно. Мы же не роботы».

О, это наше пылкое мечтательное неразумное детство! Такое честное, благородное, презирующее подлость, корысть, себялюбие, чванство. Мы, как все дети на свете, ненавидели низость, ложь, надменность, ценили высокое, достойное, благородное, умное и были так добры, наивны, открыты! А начальники нас не понимали или не хотели понимать.

Все, конечно, проползли еще по рядку. Стараться не хотелось. Настроение было смурное, неприятное. Нам казалось, что наше самоуважение подавлено, растоптано уничтожено. Потом пришло некоторое тупое успокоение. Учителя тоже работали молча, взяв себе наравне с нами по грядке, словно пытались хоть чем-то сгладить неловкую ситуацию, созданную незваными гостями. Мы их понимали и не осуждали. Мы сочувствовали им.

Сухой, раскаленный полынный ветер неумолимо нес к горизонту нашу печаль, неуверенность и неудовлетворенность. А нам так хотелось ясного, безоблачного неба!

РЫБАЛКА НА КРЕПНЕ

Вот уже три дня мы в Обуховке. Коля помогает дедушке Тимофею делать саманные кирпичи, я ворошу сено.

Сегодня нас растормошили в пять утра. Сон никак не отпускал меня. Мягкий говор бабушки Мани журчал над головой и не способствовал пробуждению. Не открывая глаз, пытаюсь вспомнить, по какому поводу ранняя побудка.

— Рыбачить пойдем. Вставай! — зашумел на меня Коля.

Мигом вскочила, натянула старые дедушкины брюки и латаную-перелатанную рубаху, подвязалась поясом давно изношенного платья. Готова! Выпила с ломтем хлеба большую кружку молока. Ее в шутку называют сиротской. Взяла на крыльце с вечера приготовленную кошулю. (Так называют здесь круглую, плетенную из ивового прута кошелку без ручек. В них обычно куры несут яйца.) В ней мы должны принести свежей травы для цыплят. Я вполне помещаюсь в кошуле, если свернусь калачиком. Улыбнулась, вспомнив шутливые слова дяди Пети: «Ты как складной метр. На тебя билет в поезде не надо покупать. Можно сложить втрое — и в чемодан».

Брат взял у дочки из орешника и накопанных в навозе красных червей. Идем по узкой бровке мимо грядок лука, капусты, огурцов. Роса, как легкая седая изморозь, лежит на каждом узорном листе. Подсолнухи наклонили к земле огромные зеленые «шляпки», отороченные золотыми оборками. Картофельная ботва мне по пояс. Мы стараемся осторожно протискиваться между ее рядами, чтобы не вызвать на себя дождь росы. И все же я умудряюсь зацепиться за мощную ботву гарбуза (тыквы). Падаю, чертыхаюсь. Вытираю выпачканные землей руки росистой травой с бровки (тропинки между соседними огородами) и, несмотря на влажные штаны, через минуту забываю о падении. Плети гарбузов колючие, шершавые, листья огромные, как зонтики. Я сламываю один и надеваю себе на голову, рогом вперед и вверх.

— Ну, как? — спрашиваю я брата.

— Глупости. Завянет быстро. Лучше из газеты пилотку сделай, раз жары боишься, — отозвался Коля.

— Не боюсь, я для красоты, — в шутку дуюсь я на непонятливого попутчика.

Он не разделяет моего восторга. Мальчишка! У него другое понятие на этот счет.

Прошли огород. Перед нами белесый от обильной росы луг. Пахнет свежестью. У самой речки туман еще не сошел, но уже редкий и неровный, разбросанный клоками у кустов камыша. Тихо. Природа еще спит.

— Рано вышли, можно было бы примгнуть еще хоть полчаса, — ворчу я.

— Днем отоспишься. Рыбалка хороша поутру, — спокойно объясняет Коля.

Ищем место, где удобный подход к воде. Лениво бурчат лягушки. Проснулся легкий ветерок. Поначалу он нехотя прошелся по верхушкам березового прилеска. Потом, как бы опомнившись, вернулся и уже более энергично и весело стал будить округу. Но растения не торопятся подчиняться ему. Игривые порывы заставляют их лишь чуть-чуть вздрагивать, потом они опять впадают в дремоту. Солнце тоже не спешит показываться, но его первые лучики уже прорвали кое-где серую ткань неба и высветили у горизонта узкие голубые полосы. И там уже четче просматриваются деревья. А на западе плотная предутренняя мгла еще обволакивает берег, и он представляет собой единое целое с темной тусклой сталью воды.

Свет быстро теснит мглу. Пока я готовила удочку и удобно устраивалась на сухом пригорке, совсем рассвело. Я пренебрегаю удилищем. Мне нравится держать леску, намотав ее на палец. Люблю чувствовать процесс поклевки, зрительно представляя игру рыбешек около крючка, с легкой дрожью воспринимать силу подводной борьбы, оценивать размеры удачи.

Самодельный поплавок из пробки и гусяного пера спокойно стоит на одном месте. Рядом суетливо играет юркий малек. Многочисленные взаимно пересекающиеся круги указывают расположение стайки. Букашка коснулась воды. И сразу пошел процесс образования концентрических, расплывающихся, быстро угасающих окружностей. Сонный ветерок изредка морщит поверхность реки, и тогда начинает колебаться, слегка сиваться и развиваться в воде отражение ракового куста.

Я задумчиво смотрю в стеклянную толщу воды и забываю о поплавке. Мои мысли уплывают в столь далекое и такое близкое детство. Высокий звонкий голос Коли возвращает меня из прошлого:

— Не зевай, клюет, подсекай!

Резко дергаю леску вверх. Крупный пескарь срывается и, описав дугу, падает в воду.

— Спишь? — удивляется брат.

— Задумалась, — смущенно оправдываюсь я.

Вытащила несколько окуней-«матросиков» с ладошку длиной. Мелочь не давала крупной рыбе схватить наживку. Что это плещется в углублении у самого берега? На лягушку не похоже. Спустилась к воде. О чудо! Щучка сантиметров пятнадцать длиной держит в зубах уклейку поперек туловища. Жалко рыбешку. Жертва ненамного меньше хищницы. Поймать-то сумела, но как удастся ее съесть? Я не могла пропустить столь интересное природное явление.

Продолжая медленно двигаться по поверхности воды, щучка потихоньку разворачивала рыбешку таким образом, чтобы голова оказалась в ее широкой пасти. Потом она принялась медленно всасывать добычу. Тело щучки на моих глазах раздувалось, лицевые кости оттопырились, жабры буквально вывернулись из-под них. Предельно занятая заглатыванием, хищница потеряла бдительность. Когда я дотрагивалась до ее спинки, она лишь слегка углублялась и в течение нескольких секунд опять всплывала. Из рта по-прежнему торчал хвост уклейки. Сачком я без труда выловила бы жадину-говядину. Но я не стремилась к охоте на временно незащищенную рыбу, ведь она принесла столько неожиданных и приятных минут моему «любопытному носу»!

Часам к десяти (по солнцу) наступило рыбацкое затишье. Даже нахальные ротастые пескари больше не атакуют крючки. Солнце пригревает макушку, и я с безразличным видом смотрю на слегка приплясывающий поплавок. Надоело. Коля терпеливей в рыбалке. Я не понимаю удовольствия в молчаливом сидении у воды без клева.

От скуки отправилась искать на лугу хлебники. Кузнечики вяло и низко прыскают из травы, шмели тихо жужжат и неохотно перелетают с цветка на цветок. Шагах в десяти от себя, увидела круглую яму-лужу, окаймленную камышом. Не больше метра в ширину. Решила поближе ее разглядеть. Но стоило мне пройти несколько шагов, осторожно нащупывая зыбкую, упругую, как резина, почву, земля поплыла под ногами. А уже в следующий момент я по колено провалилась в густую липкую грязь. И мне показалось, что кто-то тянет меня в яму.

Бросилась на землю и, цепляясь за густой ковер травы, попыталась выползти из противного места. Сочная трава рвалась под руками, куски дерна разламывались и рассыпались. И я провалилась в грязь по пояс. Сердце затрепетало от страха, кровь прилила к вискам. Огляделась — вблизи ни одного кустика. На мое счастье, обнаружила большой обломок камня с острым углом. С трудом дотянулась, подкатила к себе, оперлась на него и начала медленно выползать из грязи. Но камень тоже начал проваливаться под дерн. Я быстро перекатила его на сухое место. С третьего раза мне кое-как удалось выбраться из трясины. Вымылась за камышами, вернулась на берег и безразличным тоном спросила Колю:

— Маленькие копанки тоже опасны?

— Конечно! Какая разница — большая или маленькая трясины? Прошлым летом здесь корову затянуло под воду на глазах у хозяина. Ему ума хватило веревку с руки сбросить. А то бы и сам погиб, — ответил брат не отрывая глаз от поплавок.

Я внутренне содрогнулась. Села на ветку ракиты. Гляжу на медленное течение, успокаиваюсь.

Ракиты усталые рукинад гладью речной опустили...

Близился полдень. Примчались малыши. Выбрали отмель и барахтаются до изнеможения, стуча от холода зубами, бестолково шлепая по воде руками и помогая при этом себе восторженными криками. Я изнемогаю от жары, а главное — от скуки.

Уговариваю Колю вернуться домой. Он не соглашается.

К нам подошел полный молодой мужчина с маленьким ребенком. Присмотревшись к Коле, он вдруг спросил:

— Не Петровых ли ты внук?

— Петровых, — солидно ответил Коля.

— Мы с твоей старшей сестрой Людой в школу вместе ходили. Ребята, наловите, пожалуйста, раков для моего сына. Он их еще не видел живыми, потому что мы теперь в Москве живем.

Коля сразу бросил удочку и позвал меня в воду. Мы взяли за края кошули и поволокли ее боком по дну. Протащив метров десять, приподняли. Молодой человек высыпал раков на берег в траву. Пока он считал улов, малыш восторженно бегал вокруг шуршащих пятящихся серо-зеленых страшилищ, но близко не подходил. Стоило какому-либо раку направиться в его сторону, — он с криком убежал. Мужчина отобрал пятьдесят крупных, а мелочь выкинул в реку подрастать. А потом сказал:

— Может, вы попробуете под кустами походить? Раков мне больше не надо, но здесь язи и щуки водились в моем детстве.

Мы опять поволокли орудие лова по дну. Вместе с раками попалась большая рыбина. Мужчина больше, чем ребенок, радовался удаче. Он восторженно смеялся и беспрерывно повторял:

— Я точь-в-точь таких ловил, когда был пацаном. Только речка была глубокая, с «ручками», и мне приходилось нырять. А еще я ставил под кусты двойную кошулю.

Рыба туда заплывала, а назад выбраться не могла.

— Рыба отовсюду выплывет, — возразил Коля.

— Кошуля сплетена была, как ваша школьная чернильница, понял?

— Ну, то другое дело, — с видом знатока подтвердил брат.

Неожиданно в моих трусах что-то заплескалось и заскользило вокруг тела.

— Змея в трусы заплывла! — завопила я.

— Змей здесь нет. Есть только ужи, — попытался успокоить меня молодой человек. — Скорее всего, это щука. Лови ее, прижимай к себе!

Вдруг я представила себе, как зубастая рыбина кусает меня, и с перепугу сняла трусы. Выйти без них из реки я постеснялась и бросила завернутую рыбу на берег. Но та выскользнула и шлепнулась в воду.

— Не переживай. Еще поймаете. Идите вдоль кустов и шумите ногами. Рыба сама от берега кинется к вам, — посоветовал мужчина.

И точно, подняли мы на берег кошулю, а там три щуки и много мелкой с ладонь рыбы. Коля объяснил: «Плотвички». Прошли мы вдоль берега с километр, наловили еще два десятка щук и одного «пидъязка», как говорил наш новый знакомый. На радостях мы отдали ему третью часть рыбы. Зубы щук малыша пугали, и он попросил не брать у нас такой страшный подарок. Их мы оставили себе. Дядя бросил в сумку с раками несколько плотвичек. Вдруг рак схватил рыбку клешней и разрезал пополам. Малыш заплакал и, всхлипывая, произнес:

— Она такая красивая, блестящая, а он ее...

Коля тоже отвернулся и признался мне:

— Конечно, приятно, когда бабушка хвалит, кормильцем называет, но ловить рыбу очень жалко, особенно маленькую.

Глава Третья

ВСТРЕЧА НА ДЕРЕВЬЯХ

Иду со станции довольная. Повезло сегодня. Очередь в магазине была маленькой. Могу позволить себе немного погулять. Свернула на тропинку, ведущую к речке, и подошла к группе развесистых тополей. Повесила сумку на нижнюю ветку дерева и полезла наверх в поисках удобного местечка. Нашла. Лежу, тихонько насвистываю. Вдруг слышу:

— Только соловьев-разбойников нам не хватает.

Оглянулась. На соседнем дереве сидела черноглазая темно-русая крепкого сложения девочка.

— Помешала? Извини. Тоже любишь по деревьям лазить? — миролюбиво обратилась я к ней.

Девочка ничего не ответила. После небольшой паузы она, ловко повиснув на ветке, как на турнике, сделала несколько упражнений, потом спрыгнула и, не оглядываясь, пошла в сторону станции. «Не нравится моя компания. И не надо! Мне решительно безразлично. Мне нет дела до тебя», — надула я губы. А в глубине души прятала желание больше узнать о строптивой девчонке.

Сидеть на дереве расхотелось. Отправилась домой. Но мои мысли все равно занимала незнакомка: «Независимая? Гордая? Молчаливая, неприступная. Почему не захотела разговаривать? А глаза грустные, недоверчивые». Дома отвлеклась делами и забыла о встрече.

Прошла неделя, и я опять оказалась на тополе рядом с той же девочкой. Не знаю почему, но вместо «здрате», я показала ей язык. В ответ услышала презрительное:

— Хорош! Годится сковородку подмазывать.

— А ты пробовала? — отшутилась я.

Девочка не удостоила меня ответом, но окинула придирчиво-пристрастным взглядом.

— А я, когда жила у дедушки, сдуру строила рожицы перед горячим блестящим чайником и нечаянно коснулась его языком. Аж взвыла от боли! А когда зимой на поезде сюда ехала, ползала блестящие поручни при входе в вагон и прилипла, — зачем-то рассказала я.

— Сорок блестящие предметы притягивают, — хмыкнула девочка.

— Значит, я любопытная, — не обиделась я.

— Все любопытные, — эхом отозвалась незнакомка.

И вдруг засмеялась странным, совсем невеселым смехом.

Я тут же воспользовалась неожиданно предоставленным случаем, чтобы продолжить беседу.

— Расскажи, может, вместе посмеемся? — осторожно, со всей доступной мне благосклонностью и лаской в голосе попросила я.

— Чего? — молниеносно резко и мрачно вскрикнула девочка и тут же форменным образом застыла с удивленно-досадливым выражением лица.

— Веселое вспомнила? — чуточку обеспокоенно уточнила я, на всякий «пожарный» случай готовясь к отступлению.

— Уж такое веселое, что плакать хочется, — передернула плечами незнакомка.

И все же теплые искорки на мгновение осветили ее туманно-черные глаза, и она заговорила низким, чуть хрипловатым голосом:

— Вспомнила, как однажды зимой воспитатели вывели нас на прогулку. Каждый занимался своим любимым делом: кто снежную бабу лепил, кто в снежки играл. А мы с другом Сашкой к турнику подошли. Он притронулся кончиком языка к холодному железу, быстро оторвал и поддразнивает меня, мол, не выдержишь, сколько я смог. Я прикоснулась, а сама решительно и бесповоротно намерилась дольше продержаться, потому что упрямая. Чувствую, язык примерзает. Пора отрывать. Но не тут-то было! Он прирос к турнику. Что делать? Сашка испугался за меня. Осознал себя виноватым и мгновенно скис. Глаза его расширились. Попытался сам отодрать, чтобы освободить меня от кошмара, но только кровь выступила на языке. Боль — жуткая. Слезы градом текут. Судорожно, как рыба на песке, глотаю ртом воздух. Показываю рукой в сторону воспитательницы. Сашка догадался и позвал ее.

Воспитательница, не торопясь, подбоченясь, приблизилась, наводящим ужас глухим голосом выяснила причину, по которой ее побеспокоили, сняла варежки и потянулась ко мне. От нее веяло враждебностью и безжалостностью. Мной овладело недоброе предчувствие, холод растекся по спине. «Ну, эта точно оторвет», — подумала я и закрыла глаза в безысходном ожидании своей печальной участи...

Сколько времени прошло, не знаю. Только чувствую, что на язык льют теплую воду. Открываю один глаз, потом другой. Ожидание бесконечно. Не верю в спасение. Наконец, замечаю, что Саша запихивает онемевший язык мне в рот и тащит на горку. Пытается отвлечь от боли. А мне плохо и тоскливо. Я измученная и жалкая до омерзения. Катаюсь молча. Снег падает крупными хлопьями.

Рядом Валерка Сущенко крутится. Из него хлещет веселая энергия. Он не знает, куда ее применить: то горстями сгребает снег и подкидывает вверх, осыпая себя и ребят, то лепит тугие шары и швыряет в чью-то спину. Потом принялся валять мальчишек в сугробы. При этом он смеется, кричит во все горло и отплясывает чечетку. Ему так хочется, чтобы кто-нибудь обратил на него внимание, разделил его радость! А все шарахались от него как от «чумного». Тогда он набрал в маленькое ведерко снегу да как со всего размаху кинет! И надо же было мне именно в этот момент приподняться! Бац! Скверное ржавое ведерко «с наполнителем» попадает мне прямо в глаз. Я грохнулась. На лед рухнула. Из рассеченной брови не просто струится — брызжет во все стороны кровь! «Подлая тварь, вероломный мальчишка», — в безумном страхе ору я. Сашка этим же ведром как «навернет» по Валеркиной голове, чтоб знал, с кем имеет дело! И его лицо омылось красным. Меня с Валеркой заточили в медпункт. Лежим, мстительно собачимся, показываем от злости друг другу зубы, несем околесицу, но сделать гадость не решаемся. Только обидой и отчаянием отравляем себе жизнь. А мой жених мужественно перенес наказание. Саша — мой надежный щит. Я ему целиком и

полностью доверяю.

— Ну и денек у тебя тогда выдался! — посочувствовала я и созналась: «Что касается меня, то, по правде говоря, я себя считала самой невезучей.

— Везенье — не для меня, — безразличным тоном сказала девочка, спрыгнула с дерева и скрылась за могучими зарослями крапивы.

Я не посмела ее удерживать. Незатейливая грустная история незнакомки отчетливо вырисовывала в памяти трудные моменты моей жизни. Меня огорчала неспособность стряхнуть с себя горести воспитанницы детского дома, неумение утешить ее, как это делала моя Лиля.

Тихо колыхались листья тополей, пылила дорога. А я, задавленная одиночеством, привычно копалась в неразрешимых жизненных коллизиях, в бездонных глубинах грустного человеческого бытия.

НЕБО В АЛМАЗАХ

Сегодня девчонки с нашей улицы расположились у моста на пологом берегу реки, а уже знакомая мне компания детдомовских детей — на высоком. Мои подружки строят дворцы из песка, а я смотрю на воду. Удивительная у нас речка. Часами могла бы разглядывать на ее поверхности «буруны» — воронки. Одни только появляются, другие уже исчезают. Есть одиночные, размером не больше рюмки, и огромные, с метр шириной. Страшные! Некоторые воронки располагаются по кругу, а потом, гонимые течением, выстраиваются в линию. Речка дышит. Выдыхая, она выталкивает на поверхность глубинные воды, которые сразу же растекаются, выравниваются. Но ненадолго. Опять возникают новые и новые слои, которые, сливаясь, образуют змейки границ и покрываются впадинами или водоворотами. Дети сейчас не купаются, и ничто не мешает мне созерцать таинственные превращения.

Подошел рыбак. Опустил удочку в воду и присел рядом со мной.

— Отчего здесь буруны? — спрашиваю.

— Наверное, от неровностей дна. А стремнина потому, что место здесь узкое. Ишь, как поплавок пляшет!

Молчим. На высоком берегу высокие стройные сосны еле заметно качают короткие стрижки крон. А на песчаном откосе молодой ельник. Он сплошь усыпан золотистыми шишками-свечками, устремленными в небо. Рядом березы задумчиво глядят в реку. Их отражения дрожат мелкой рябью на поверхности воды, так что трудно смотреть. У берега полощутся длинные водоросли. Их золотые отблески беспрерывно меняют рисунок. Стайки мальков косяками носятся на мелководье. Вокруг меня в траве шуршат юркие ящерицы. А над нами тучи мошкары. Меня едят, соседа — нет. Я чертыхаюсь, а он смеется:

— Вкусная ты, молоденькая. Зачем им замшелый старик?

Снова погрузилась в приятную задумчивость. Громкий властный голос вывел меня из состояния блаженной неги. Воспитательница отчитывала мальчишку.

— Меня не интересует, кто виноват. Всех накажу!

При этих словах грустное и далекое всколыхнулось в моей душе. Тут я увидела знакомую девочку и направилась к ней через мост. Она тоже заметила меня и отошла от своих подруг немного в сторонку.

— Уже знаешь про нас? — глядя исподлобья, с трудом выдавила она.

— Знаю. Ну и что? — внешне безразлично спросила я.

— Да ничего! — с вызовом ответила девочка.

Я поняла ее чувства и, чтобы уменьшить разделявший нас барьер, сказала:

— Когда мой дедушка умер, меня сюда привезли к его родственникам.

Девочка смягчилась. Мы познакомились.

— Во что твои подружки играют? — спросила Лена.

— В дочки-матери. Сейчас они пупсиков купают.

— У тебя есть куклы?

— Нет, — ответила я.

Лена тоскливо вздохнула:

— У меня раньше был малюсенький пупсенок. Его подарила мне любимая воспитательница Раиса Ивановна в дошкольном детском доме. Старенькая, добрая была. Бывало, всех пожалеет, приласкает. Мы все к ней так и липли. Раиса Ивановна часто брала меня к себе домой и укладывала спать на высокую мягкую перину. Я проваливалась в нее и крепко спала по двенадцать часов подряд. Мне у нее было всегда так покойно! Разносолов особых она не имела, и комнатка была маленькая. А когда выходные пролетали, Раиса Ивановна снабжала меня всякими сладостями. А однажды подарила пупсенка. Боже, как я его любила! Он казался мне самым родным, самым дорогим на свете. Потом меня привезли в ваше село.

Лена расслабилась, расплылась в приятных воспоминаниях.

Вдруг в ее голосе послышались нотки озлобления, и мне сразу захотелось укрыться от всех бед и горестей неправильного мира. Лена, нахохлясь, медленно и хмуро продолжала:

— В первом классе я часто брала подарок с собой в школу, потому что скучала по Раисе Ивановне. Раз на уроке я рассматривала пупсенка и чуть не плача вспоминала любимую воспитательницу. Уже не помню, почему мне было в тот день так грустно. И вдруг учительница Тамара Гавриловна отобрала куколку. Я так просила, так умоляла вернуть ее мне! Напрасно! Она насмешливо смотрела на меня, и от этого было еще тяжелее. Так я лишилась первого в жизни подарка. Теперь я понимаю, что не имела права на уроке отвлекаться, но тогда я была так измучена расставанием, новой обстановкой, что могла утешиться только любимой игрушкой...

Чувствую, как в Лене нарастает гнев, ярость, обида, слышу, как приумножается сила и горечь мучительных стонов. От них тревожно дрожит и вибрирует вокруг нас горячий воздух.

— Мы не любили свою первую учительницу. За каждую провинность она была по голове так, что указка ломалась пополам, а голова трещала как переспелый арбуз. Ругалась как тысяча чертей. У меня плохое зрение, а я сидела за пятой партой и не видела, что учительница пишет мелом на доске. Надо быть совсем дурой, чтобы не заметить мою злополучную близорукость. Учительнице было невдомек, что изображения предметов для меня растекались в бесформенное пятно, усеянное дрожащими тенями. Очков у меня тогда еще не было. Я чувствовала себя обойденной судьбой и очень страдала от комплекса неполноценности. Как-то настала моя очередь читать предложения. Я попросила разрешения подойти ближе к доске. Тамара Гавриловна зашла со спины, подняла меня за уши и понесла к доске. Ноги мои болтались, а она все держала за уши и била меня лбом о проклятую доску, приговаривая: «Я всех вас научу видеть». Потом водворила на место. Долго это продолжалось... А почему у тебя нет кукол? — неожиданно прервав жуткие воспоминания, удивленно спросила Лена.

— У меня своих никогда не было, — ответила я и замолчала, испугавшись своей откровенности.

— А сколько тебе лет? — поинтересовалась Лена, не заметив моего волнения.

— Тринадцать.

— Мне тоже. Раньше мы сами делали игрушки. Брели бумагу и вырезали кроватки, а в них укладывали спать свои пуговички. У них ведь две дырочки — глазки. Потом кроватки с «детками» ставили вдоль стены и ходили друг к другу «в гости». Маленькой я не испытывала жалости к людям. Я жалела мягкие игрушки с оторванными лапами. Мне казалось, что взрослые люди не чувствуют боли, а игрушки беззащитны. Их могут бросить, пнуть ногой, разорвать и вообще забыть. Защищая любую игрушку, я готова была драться не на жизнь, а на смерть. Смешно? Да? — спросила Лена, доверительно заглядывая мне в глаза.

— Нет. Для тебя они были живыми и главными друзьями. Они не обижали тебя, — ответила я и вздохнула с чувством глубокого облегчения, опрометчиво предполагая, что горькая душещипательная история не имеет продолжения.

Лена грустно улыбнулась:

— Знаешь, раньше, сама того не подозревая, я была такая глупая и бессердечная! Однажды так расшалилась на «тихом часе», что встала на спинку железной кровати во весь рост и запела. Я не мастак в вокале, но в тот момент так увлеклась, что забыла, где нахожусь, и в разгаре выступления шмякнулась на пол. Страшная боль, слезы, истерика! Тут как очумелая воспитательница несется, криком кричит: «Кто нарушил тихий час?!» Она была слишком рассержена, чтобы выслушивать оправдания. Целый час распиналась. А когда, наконец, увидела меня лежащей на полу в слезах, принялась искать виновного. Я испугалась, что сгоряча врежет... всю душу вытрясет, и свалила вину за шум на соседку по кровати, которая все это время спала праведным сном. Ее взяли под микитки и всыпали по первое число, потом в угол на горюх поставили, а меня отправили в больницу и наложили на ногу гипс.

— У тебя есть хоть капелька совести! Разве можно так поступать с друзьями! — вскрикнула я возмущенно.

Лена торопливо и нервно оправдывалась:

— Потом в больнице сожалела, чувствовала себя последней сволочью. А в тот момент... ну, понимаешь... нога жутко болела, боялась, что отлупит, не разобравшись, что я покалечилась... у нас всегда так... все как-то само собой получилось...

Все мои мысли и чувства были на стороне незаслуженно наказанной девочки. Я молчала потому, что имела неоспоримое мнение на этот счет и не терпела никаких возражений и запоздалых угрызений совести. Я больше не хотела изливать свое негодование, но и не желала лицемерить, изображать сочувствие. Лена струсилась. Никто из моих друзей так не поступал! Пауза затягивалась. Я не представляла, как разрядить сложную ситуацию, а уйти в такой напряженный момент считала неправильным. Лена, справившись с ощущением неловкости, продолжила рассказ:

— Когда я вернулась в детдом, меня ожидал друг Сашка. Он каждый день тайком пробирался в нашу комнату, успокаивал меня, поглаживая больную ногу, и в конце концов засыпал на полу возле моей кровати. Нас до сих пор зовут жених и невеста. Мы любим вместе в любую погоду смотреть из окна и мечтать. Я представляю, как вырасту и построю лестницу до неба. И тогда все, что там есть, станет моим: домик из облаков, цветущий сад и счастливая тишина.

Я удивленно воскликнула:

— Надо же! Я тоже часто представляю, как поднимаюсь в небо по золоченой, красиво изогнутой воздушной лестнице, ведущей к счастью, — удивленно воскликнула я. — Особенно люблю помечтать, после того как в невыносимо пресные, скучные минуты уныния перед сном слишком много, ужасно нудно и тоскливо рассусоливалась.

— Но чаще от обиды на неудачную жизнь на меня нападает безрассудная бесшабашность. Трагедия несбывшейся мечты! В жизни все происходит наоборот ожиданиям, поэтому хочется такую отвратительную заварушку устроить, чтобы все запомнили! Можешь быть абсолютно уверена: я не хочу и не могу отказать себе в таком удовольствии! Плакать обо мне все равно некому. И для общества никакой невосполнимой потери. Жизнь мне неинтересна. Мой удел — одиночество. Пусть все горит дотла ярким пламенем! Одним словом, моя жизнь — дерьмо собачье. Тоска верх

одерживает надо мною. Становится досадно, обидно, завидно... На душе пустынно, темно. Я плыву по течению, а иногда острые моменты ищу от скуки, чтобы звезды казались ярче, — патетично заявила Лена.

— Не понимаю тебя! Небо в алмазах бывает от радости, — возразила я, досадливо поморщившись.

— Ну, кому от чего. У тебя от конфет, у меня от подзатыльников, — хмуро сказала Лена и пошла к своим.

От этой встречи на душе у меня остался тяжелый и горький осадок. Я искренне сочувствовала Лене, но со многим, с очень многим не могла согласиться. Настроение испортилось. «Я понимаю — в детдоме несладко. И что же? Всем мстить? И в кого тогда можно превратиться!» — думала я, сумрачно шагая по пыльной дороге, ведущей к дому.

ТАКАЯ ВОТ ЖИЗНЬ

Раздражение от последней встречи с Леной не проходило, но я все равно хотела ее увидеть. Почему меня тянет к ней? Мое прошлое, сочувствие? Я знаю, когда у детдомовских прогулка, и стараюсь ходить на станцию за продуктами в то же время. Вот и сегодня мы снова встретились с Леной на берегу реки под тополями.

— Как житуха? — машинально бросила Лена привычную фразу.

— На полную катушку, — ответила я стандартно.

— А у меня как всегда: бьет ключом, только все больше по голове.

— Хочешь хлеба?

— Что за вопрос? Конечно, хочу.

Я разломила довесок хлеба пополам. Лежим, жуем.

— Про обед вспоминаю, и сразу поташнивает, — с полным ртом говорит Лена.

— Мы другие довески тоже съедим, — тороплюсь я успокоить новую подругу.

— Хочешь, расскажу, как мы раньше обедали?

— Давай, — согласилась я.

— На обед нам всегда давали суп, в котором плавал огромный кусок вареного жирного-прежирного сала. Не съешь его — не получишь второго блюда. Сало застревало в горле, мы давились, но ели. Помнится, разглядываю я друзей, понуро сидящих над тарелками, и вижу, как Сережка Вениаминыч, по кличке Винька, непревзойденный шалопай и задира, сидит с восторженной крысиной мордочкой и показывает все тридцать два зуба. Маленькие блестящие глазки так и бегают, хитро осматривая столовую. Вижу, как его рука плавно опускается под стол, разжимаются пальцы, — и кусок сала плюхается на пол, трясясь, как желе. Серега быстренько наступает на него ногой и, выждав пару минут, просит второе блюдо. Повариха проверяет тарелку и дает ему картошки с подливой. Я таким же макарон сбрасываю свой проклятуший кусок под стол и наступаю сандаликом. Фу, как противно он распозался под обувью, словно живая гадина! Естественно, все ребята тут же, как по команде, повторили наши движения. Все чин чинарем! Сбитая с толку повариха раздает всем второе блюдо и радостно хвалит себя за то, что вкусно и калорийно приготовила еду. Обед закончился, а все сидят. Никто не решается выйти первым. Словно приклеились к стульям. Сдрейфили. В столовой воцарилась гробовая тишина. Атмосфера наэлектризована донельзя... Тут воспитательница как снег на голову. Окрысилась, ругается. Не помогает. Тогда она, вдрызг раздраженная, «выдергивает» одного, другого... и видит под каждым столом истоптанные куски. Сначала набычилась, лицо стало мрачнее тучи, садистская ухмылочка появилась, потом расписывалась. Стулья пинать начала, ажно стены задрожали. Глазами под каждым столом шарит. Мочи нет терпеть. Свихнуться можно! Еще повариха на подмогу ей бросилась... Возмездие у нас никогда не запаздывало. Ох, и

досталось нам тогда! Представляешь наше «состояние всеобщей радости?» — мрачно засмеялась Лена.

На ее лице вдруг появилось угрюмое выражение. И я кожей, а потом и каждой своей клеточкой почувствовала, что от Лены исходит что-то темное, недоброе. Мне сделалось неуютно. Между лопатками пробежал холодок. Захотелось поскорее уйти. Но я переборолась себя.

— И что ты все о грустном!? Опять тоску нагнала, — сказала я мягко, сочувствуя Лене, но, желая переменить тему разговора. — Расскажи что-нибудь веселое. Мне, например, в школу ходить нравится.

— А я люблю, когда в детдоме отключают свет по вечерам, и мы сидим в темноте. Особенно здорово зимой, если за окном завывает ветер или идет снег. В такие вечера вместо каши-размазни нам дают омлет из одного яйца, два кусочка хлеба и стакан чаю. После такого «сытного» ужина мы собираемся в одной комнате. А у нас их четыре, и в каждой по двадцать пять человек. Мы рассказываем страшные сказки. Сначала поток слов струится бодро. Потом в разгар разглагольствований ненароком кто-то вдруг вспомнит историю про скопища страшных зверей и жестоких разбойников, шокирующую людей с незапамятных времен, начнет утверждать, что сей факт установлен раз и навсегда и сейчас имеет место быть. В мгновение ока буквально все замирают с сокрушенными сердцами. Ледяной ветер ужасов раздирает наши души и колючими мурашками пробегает по спинам. Становится жутко, все прижимаются друг к другу. В такие минуты мы представляем собой трогательную картину. Моя подружка Валя очень любит читать. Она пересказывает прочитанное в книгах, до тех пор пока мы не засыпаем.

Утром мы завтракаем, надеваем тонкие курточки, резиновые сапоги, вязаные шапочки и строим целую вечность тащимся по морозу в школу. На переменах нам очень хочется есть. Домашние покупают в столовке пирожки, а мы смотрим им в рот, — чрезвычайно подавленным тоном заканчивает рассказ Лена и сглатывает слюну.

Мы снова жуем хлеб и смотрим в небо.

— А мне из раннего детства запомнилось, как мы зимой сухие мороженые сливы собирали. Они почему-то не осыпались осенью. Лазили по грудь в снегу. Друг друга из сугробов вытаскивали. Руки застывали, как деревянные становились, пальцами не могли шевелить. Они едва разгибались. Дед Панько растирал их нам и согревал в духовке. Представляешь, какое счастье! Мне семь лет тогда было. А еще я в футбол хотела научиться играть, а старшие мальчишки, чтобы отвадить меня, ставили на ворота и «обстреливали». Я мужественно терпела удары, но потом сама поняла, что эта игра не по мне. Зато они меня брали в овраг кататься на лыжах. По весне козырек снега в яру обвалился, и меня засыпало. Друзья откопали. Мне казалось, что ребята больше, чем я, волновались. Как они радовались, когда я живой осталась! — рассказывала я, погружаясь в добрые и радостные ощущения.

У Лены засияли глаза. Она проникновенно заговорила:

— Мне на всю жизнь запомнились праздники, которые нам устраивали ночью старшеклассники. Все началось с того, что как-то раз мальчишки уговорили няню, тетю Феклушу, не мешать проведению ночного мероприятия. Семидесятидвухлетняя Фекла Кирилловна не смогла нам отказать. Мальчишки поставили малышей часовыми у окон для наблюдения за территорией. Ведь директор жил в соседнем доме. Упаси Бог, если он что-либо заметит! Не сносить тогда головы нашей доброй няне! Когда все было готово, ребята пригласили девочек на танец. Они вежливо вели нас парами из спальни в «зал». Танцевали в темноте. Ребята были галантны, любезны, романтичны. Никаких нахальных жестов, никакой грубости. Они читали нам пылкие стихи. Их слова были нежные, одухотворенные, грустные. Мы погружались в сказочный мир чистых помыслов, тонких чувств, радостных и добрых надежд. Покой, умиротворение соседствовали с бурей ярких, но не сумасбродных, а высоких чувств. В такие минуты меня охватывала блаженная дрожь. Я рифмовала в голове глупейшим образом. Такая славная белиберда получалась! Сплошной восторг! Вдобавок напал легкий мысленный оптимизм. Хотелось верить в чистое, прекрасное. Я не могу описать словами то, что творилось в наших душах. На этих праздниках мы были по-настоящему счастливы. Ровно в три часа ночи в наилучшем расположении духа все на цыпочках расходились по комнатам, и детдом погружался в

глубокий счастливый сон.

— Как здорово! — порадовалась я за детдомовских. — У нас такого никогда не было. В школе мы проводим обыкновенные праздники с торжественной частью и концертом. Моя жизнь расписана по минутам. Обыкновенное почти монашеское затворничество. Я обречена на одиночество. За стенами школы много соблазнительного и привлекательного, но все это не для меня.

От матери устаю. Она меня морально давит, буквально съедает. На пять минут опоздаю, так она сразу в крик: «Где тебя носит? Опять отлавливать тебя с помощью лассо или дустом усыплять на время?» Шутки у нее такие, персонально для меня! Может, я все принимаю близко к сердцу, преувеличиваю и при ближайшем рассмотрении мои «глубокомысленные заключения» другим покажутся наводящим тоску нытьем? Я часто скулю, когда одна работаю во дворе или на огороде. Когда чувствую, что мысли становятся ужасно противными, бросаю работу и заполняю себя духовной пищей из прекрасных книг. Заваливаюсь в постель и читаю, если, конечно, удастся выкроить, высвободить время.

— А ты какие-нибудь подянки учителям устраиваешь? — неожиданно весело спросила Лена.

— Ты имеешь в виду мелкие пакости?

— Ну да! — рассмеялась Лена, готовая выслушать рассказ о любых моих приключениях на уроках.

— Шалю, конечно, но не зло, без малейшего злорадства, и только у тех учителей, у которых скучно на уроках. Записочки пишу, стишки, ерзаю. Я безобразничаю от избытка энергии, которая затмевает мне разум. Так считает учительница математики Юлия Николаевна. Дома бывает грустно, а в школе на меня часто нападает безудержная радость, которая перехлестывает через край, как волны через гранитный берег.

— А несправедливость учителей терпишь? — дерзко спросила Лена.

— Зачем себе и родителям неприятности доставлять? Учитель все равно умнее и опытнее любого ученика. К слову сказать, — худо промолчать: у нас учителя справедливые и не вредные. Правда, учитель физкультуры один раз моего одноклассника Эдика обидел незаслуженно, так мы ему на уроке молчанку устроили. Наш Эдик — лучше не бывает!

— А мы часто гадко резвимся в школе.

— Удовольствие при этом испытываете? — неодобрительно передернула я плечами.

— У нас не учителя, а свора злобных сорокалетних старух. Молодость растеряли, а мудрости не набрались, — зло сквозь зубы процедила Лена. — Их только выражение послушного тупоумия в нас устраивает. Мы подмечаем в учителях смешные или слабые стороны и устраиваем проделки не абы кому, только плохим. Вот недавно учительница по пению пришла такая расфуфыренная, точно полная дура. Ну, мы ей лягушку подложили и сломанный стул подставили. «Тортилла» открыла журнал, а лягушка как прыгнет ей на шею. Она хлоп со стула! За сердце схватилась. Смеху было! А в наказание нас заставили почистить четыре ведра картошки.

— А что она плохого вам сделала? — не разделяя радости новой подруги, спросила я.

— Противная она! На хор всех загоняет, — сердито ответила Лена.

— Насчет хора учительница не виновата. Она указание директора выполняет. Учителям приходится придерживаться всяких предписаний, инструкций. Мы тоже отбываем эту повинность. И от своих подшефных я требую аккуратного посещения кружков, — сурово возразила я.

— Задолбала ты меня совсем как моя классная. Та тоже носится со своей общественной работой как с писаной торбой! Я ей в лицо об этом говорю.

— Она для тебя старается, развивает, приучает не бояться выступать перед коллективом, а ты ведешь себя, как я во втором классе, когда родной дедушка удочерил меня после

детдома. Тебя некому учить, как строить отношения со взрослыми. Долго еще будешь шишки набивать. Мне до сих пор достается. Бабушка говорит, что все хорошее и плохое закладывается в раннем детстве. Мы с тобой много упустили.

Лена задумалась, а потом уверенно сказала:

— А вот воспитательница точно заслужила наказание! Чуть кто провинится, она тапочками сразу же по морде или по голове. Мы подсмотрели, что она, когда переобувается, носки сушить на горячую трубу вешает, и обрезали их, чтобы пальцы высывались. А еще кнопок в обувь насыпали. Теперь она не переобувается и нам тапками не достается.

— Думаешь, нудные лекции лучше тапочка? — засмеялась я. — Если я виновата, то прошу прощения и помалкиваю. Чего сдуру пузыриться? Меня злит только то, что за баловство мне влетает больше, чем другим. Манера у многих такая — больше требований предъявлять к детям учителей. Я психую, но осаживаю себя. Знаешь, учителя часто прощают нашу несдержанность, — вздохнула я, искренне сожалея о своем беспокойном характере.

И тут же рассмеялась:

— Мне знакомая студентка рассказывала, что ее друзья злому преподавателю математики Михаилу Викторовичу Федосееву галоши гвоздями к полу прибили. Он их в углу на входе в аудиторию оставлял, когда на лекцию приходил. Тот преподаватель одни тройки и двойки на экзаменах ставил и студентов стипендии лишал. Потом ему еще гроб с доставкой на дом прислали. Он не обиделся, только сказал: «Пригодится». Ему уже семьдесят лет тогда было.

— Видать, он с юмором, — хохотнула Лена.

— Да, такой «юморист», что каждый год один-два студента из-за него в психушку попадали, — сердито фыркнула я.

— Ух, я бы ему задала! Никому не спускаю обиды!

— А я злиться долго не могу, а ненавидеть вообще не умею. Мне один мальчишка сказал, что я вроде бы ни рыба ни мясо.

— А ты его, дурака, больше слушай, — засмеялась Лена.

Чувствую, беседа увядает.

— Ой, Лен, мне пора. До свидания, — заторопилась я.

— Пока, — кивнула она в ответ и опрокинулась в мягкую луговую траву.

ВОРЫ

Возвращаюсь домой от сестры Люси. Меня догоняет Оля из параллельного класса. Мы ровесники, но она на голову выше меня, широка в плечах и с резким, грубым, громовым голосом. Зажав меня в тиски огромными ручищами, она радостно сообщила:

— Представляешь, вчера ходила со старшими в парк. Тайком, конечно. Пристали ко мне трое. Один маленький, другой толстый, а третий худой, с редкими волосами на маленькой голове. Тут из-за поворота как выскочат два морячка, вмиг разбросали хулиганов, и пошли меня провожать...

В какой-то момент Оля сама почувствовала, что завралась и, смутилась. Возникла неловкая пауза. Я молча считала голубые полоски на ее короткой линялой «матроске». Но уже через пять минут Оля опять рассказывала невероятную фантастическую историю, происшедшую с ней, и ее гортанный хохот далеко разносился по лугу. Я понимала Олю, но чувствовала себя с ней неловко и неуютно. Пришлось терпеть ее общество до самой реки. Тут наши дорожки разошлись.

Я направилась к знакомым тополям. Лена нахохлившимся воробышком уже сидела на дереве.

— Привет! — окликнула я подругу.

— Наше вам с кисточкой, — просипела Лена.

— Чего не купаешься? Простыла?

В ответ получила сердитое сопение. Мне захотелось развеселить подругу, и я затарыхтела:

— День сегодня удивительный, ну точь-в-точь, как тот, когда нас в пионеры принимали. Только сегодня теплее. Ой, сколько с нами классная вожатая возилась! Петь, танцевать учила. А еще поставила спектакль, в котором я должны была играть роль мамы. Слова я выучила, но на репетициях все время смеялась, когда говорила строгие взрослые слова. Представляешь, весь седьмой класс над нами тогда шефствовал!

Лена слушала меня рассеянно. Я заметила это и замолчала. И тут Лена заговорила тихо и скорбно:

— Не обижайся. Про свою Нину вспомнила. Привезли нас сюда семилетними. Мы все в брюках и рубашках. Воспитатели страшно перепугались, что у них теперь еще две группы мальчишек. Но после бани все прояснилось. Ржачка стояла на весь детдом! На следующий день старшеклассники стали отбирать себе малышей в подшефные. Я досталась девятикласснице Лавреньковой Нине. Когда увидела ее, от страха забила в угол. Дело в том, что она была полностью лысой: ни единой волосинки на коже, ни бровей, ни ресниц. Нина заставляла лучшее из обеда и полдника выносить ей, а потом с аппетитом съедала все, облизывая пухлые пальчики, насмехаясь над тем, с какой жадностью я гляжу на исчезающие один за другим «смачные» кусочки.

А когда мы подросли, то стали частыми «ночными гостями» на треклятом сахарном заводе. После ужина уже через час есть хочется, а заснуть голодным трудно. Так вот, после отбоя воспитатели расходились по домам, а «шефы» заставляли нас выпрашивать или воровать продукты. Шутили: «Еду надо зарабатывать в поте лица своего». И выгоняли на мороз. Представь себе: ночь, скрип форточек. Мы берем пакетики, сумочки и спускаемся по простыням со второго этажа. Тьма хоть глаза выколи! Только тополя величественно дыбятся у стен детдома да звездный полог неба свысока глядит сурово и туманно. Сердце охватывает сокрушительная тоска. Понимаешь, что ничего не можешь изменить. Мучительно ощущение полной беспомощности! Не получается свыкнуться с

ней. Черные минуты жизни!

Завод у черта на куличках. Гонимые страхом, идем в жуткую неизвестность. В голове всякая страшная дребедень, но угрозы старшего, командира, дисциплинируют. Общий страх спланирует. Нам мерещатся за каждым углом дикие звери. Лес ведь рядом. Даже хруст снега под ногами пугает. Чтобы унять внутреннюю дрожь, рассказываем друг другу веселые истории. Уже видна заветная труба, по которой надо идти, «семена» ногами. Любое неточное движение — и можно угодить в искусственную речку. Днем это поток горячей грязной бурливой воды, текущий из-под завода, а ночью — черный, страшный, таинственный бурлящий поток в заколдованном ущелье, из которого клубами вырываются зловонные, ядовитые пары. И высота трубы над водой приличная!

Мы тогда не осознавали, что рискуем жизнью. Если бы сейчас меня попросили пройти там же, поверь: ни за что не согласилась бы. И моя безрассудная головокружительная отвага не помогла бы.

Подождали к трубе. Тут чуть светлее. Сквозь огромные черные, закопченные заводские окна нижнего этажа просачивается слабый серый, мертвенный свет. Жутко от пугливой тишины и от величественного безмолвия ночи. Кое-кто из малышей повизгивает и жалобно завывает от страха, делает трагические жесты и просит погодить. Видно с непривычки. Наверное, впервой на задании. «Отвяжись, холера! Не вопить! Не раскисать!.. Чтоб тебя подняло да шлепнуло! Хватит языком трепать. Что столбом стоите? Вперед, шантрапа!» — мрачно, но тихо приказывает командир, сохраняя на протяжении всей «операции» злое, решительное выражение лица. Его требования не лишены здравого смысла. Соблюдать предосторожность необходимо. Где-то есть охрана. Все поспешно скидываются. Пошли. Старший остается «на берегу».

Вдруг со стороны завода раздается одинокий печальный дрожащий однообразный звук. Он заставляет нас остановиться. Сжимаются и каменеют маленькие испуганные сердца. Мы чувствуем себя зверьками, загнанными в ловушку. Во рту пересыхает. В душе соседствуют и злобное отчаяние, и тупое равнодушие. Как гребни и впадины у волн страха. Оглушительная пауза безумно утомляет. Опять жуткая щемящая тишина.

Свирепая шипящая, хрипловатая ругань старшего гонит нас дальше. Прошли трубу. Немного оклемавшись, облегченно вздыхаем, открываем задубелую потайную дверь и неустрашимо вваливаемся в цех по выработке сахара. Знакомый приятный запах свеклы щекочет ноздри. Работницы ночной смены знают, что мы из детдома. Они берут пакетики и ловкими движениями насыпают совками сахар. Каждому по два-три килограмма, а кому и пять.

Уходим тем же путем. С грузом идти по трубе труднее. Справляемся. Удаляемся на почтительное расстояние от завода. Успокаиваемся. Страх и отчаяние сменяются вялым усталым спокойствием. Потом настроение улучшается. Все закончилось без происшествий. Все живы-здоровы. Нас не заграбастали. Удачно слиняли.

Старшие ребята тем временем кипятят чай и ждут маленьких «путешественников» с добычей. Свист «соловья» — и они поднимают нас на второй этаж. После жуткого мороза не разгибаются пальцы. Мы греем руки о горячие стаканы и с удовольствием едим хлеб с сахаром. Вкуснятина! В наши оочеченные тела с теплом чая вливается веселая жизнь. Как бы издали слышатся зазорные голоса: кто-то кого-то лукаво поддразнивает, кто-то болтает вздор, получает подзатыльники или ловко уклоняется... Дрема расслабляет, мысли путаются и превращаются в райские сноведения или в кошмары. Это уж у кого как...

Представляешь, километра четыре за ночь наматывали! Летом, конечно, «путешествовать» было полегче. Для домашних эта злосчастная история из нашей жизни все равно, что сказание из времен царя Гороха или просто чужая, далекая жуткая сказка. Им в голову не придет, что такое творится совсем рядом, на соседней улице. Наверное, думают: «Враки все это, бред сивой кобылы». На-кась выкуси! Умереть мне на месте — не вру ни единым словечком! Такое разве выдумаешь? Наша учительница как-то верно заметила, что жизненные факты страшнее художественного вымысла. Оптимистические благие намерения при нашей жизни всегда оказываются совершенно беспочвенными. Все они остаются несбыточными мечтами...

Лена тяжело задумалась.

Ее исповедь была безжалостной, горькой и пронзительной. Понадобилось довольно много времени, чтобы я пришла в себя после ошеломляющих слов. Во мне боролись разные чувства. Наконец, жалость победила, и я забормотала неуверенно:

— Мне тоже всегда перед сном очень хочется есть. И какой дурак придумал в семь часов ужинать? Это взрослые плохо спят, когда на ночь много поедят. Я всегда два раза ужинаю. Отец даже шутит: «Не в коня корм. У тебя коэффициент проку мал». Еда во мне быстро перегорает. Сытой я засыпаю быстрее и сплю как убитая.

— А еще мы часто бегали на хлебозавод за белым хрустящим хлебом. Сначала давали, а потом стали отказывать. Упрашивали. А они хоть бы хны. Ухмылочку нацепят и помалкивают. Обидно, хоть тресни! Видать, прознало начальство о наших визитах. Так мы умудрились лазить в окошко и красть свежее испеченные булочки. Вот как нас в пионеры готовили, — хмуро и желчно усмехнулась Лена.

— Думаешь, ты не воровала бы? — внезапно спросила она, видя мое смятение.

— Не знаю, — растерянно и уклончиво произнесла я, ошарашенная рассказом. — Если бы не пошла, побили бы?

— Да, — твердо ответила Лена.

— Я умею терпеть боль, — уверенно сказала я.

— А тут все вместе: боль, оскорбления, издевательства. Еще и голод подгоняет. Такое трудно каждый день выдержать, — с надрывом вздохнула Лена, и темные дуги под ее глазами еще больше почернели.

— А если бы всем вместе пойти к директору? — неуверенно спросила я.

— Безнадега! Здесь такой закон был: младший подчиняется старшему. Директором нам поставили офицера-отставника. Будь он трижды проклят! Он считал, что нас надо бить для профилактики. Я всегда умоляла только об одном: чтобы не пряжкой и не по голове. — Прерывистый вздох вырвался из груди Лены. Потом она приободрилась, взяла себя в руки и продолжила исповедь: — Научились подвалы бомбить. Случалось ввязываться в драки. Привыкли воровать и уже ничего не боялись. Стыд забыли.

— А воспитатели как-то помогали вам? — попыталась я ухватиться за соломинку.

— По крайней мере, лучшие из них были милы, внимательны, но равнодушны. Кому нужны ничего не значащие улыбочки? Наши проблемы были вне их поля зрения. Ханжи чертовы! И вдруг нового директора прислали. Женщину! Отменила она «шефство». Воспитателей подобрала человечных. Два года с нею, как в раю. Но не поладила она с большими начальниками. Сейчас опять мужчина командует. Все чистенько, вроде бы порядок. А душа леденеет, и кусаться хочется. Живем как в страшном кошмаре, — мрачно выдавила Лена.

— В душе твоей и Моцарт, и Сальери. Так нам учитель пения на хоре говорил. Это значит, ты любишь и ненавидишь одновременно.

— Я только ненавижу, — жестко отрезала Лена.

— Ты говоришь так, потому что перевозбуждена жуткими воспоминаниями, — сказала я и замолчала.

Я не находила слов для утешения. Я не видела в них смысла.

— Жуткими воспоминаниями?! — вдруг взорвалась Лена. — Ты не знаешь, что такое ужас! Незачем тебе знать о дикой жестокости, о насилии, о смертях, о... — Лена не закончила фразу, будто чего-то испугалась. Я не провоцировала ее. После нескольких минут гробового молчания Лена заговорила спокойно: — Ты нас понимаешь лучше всех домашних. Никогда не дразнишься.

— Дразнить человека за то, в чем он не виноват, глупо и подло.

— Сельские добрые, без гонора. Нам станционные проходу не дают. Особенно компания

Адъки, сыночка милиционера. Безнаказанность сделала из него гада. Такое себе позволяет, не приведи Господи!

— Пропавший он. Соседка говорила, что к вам бы его надо на перевоспитание отдать.

— Не надо! Своих сволочей хватает, — вспыхнула Лена и, будто невпопад, неожиданно спросила:

— А тимуровцы у вас есть?

«Тему пытается сменить», — поняла я и ответила: — Есть.

— Вы взаправду помогаете старым и слабым?

— Конечно! И на своей улице, и даже на станции. В книжке Гайдара городские больше играли, а у нас все по-деловому. Вот прошлой зимой пятый «Б» класс поехал за станцию кататься на лыжах. Снегу выпало — до окон! Радости сколько! Проезжают они по улице, что у самого леса, а в сугробе избушка стоит, по самую крышу занесенная снегом, и дым чуть-чуть из трубы идет. Ребята окно и дверь раскопали, а в хате две старушки. Одна парализованная, другая очень старая. В доме уже воды не было. Ребята свою еду им оставили, полы вымыли, хлеба купили, дорожки расчистили к колодцу и к туалету. Кататься, конечно, не поехали. Потом в классе разговор был важный. С тех пор каждую субботу к бабушкам ходят помогать.

Если за неделю у кого-то из ребят двойки появлялись, так тех к бабушкам не пускали: не заслужили, значит. Ребята гордятся своим шефством, чувствуют себя необходимыми. Как-то у одной из бабушек заболел единственный зуб, так они машину в колхозе выпросили, бабушку «погрузили» и в больницу отвезли. Потом окна по весне ходили мыть. Учительница Татьяна Васильевна в тетрадку записала адреса инвалидов войны, больных, старых людей и следила, чтобы дети не забывали их посещать и перед нею отчитываться. В классе Татьяны Васильевны ни одного двоечника нет. Целый год никто в школе не знал про бабушек. Это была тайна пятого «Б» класса!

— Тебе не кажется, что книги Гайдара скоро устареют? Мы с тобой ровесники Тимура и его команды, но чувствуем себя намного старше их и уже не воспринимаем восторженно события того пионерского лета? — задумчиво спросила Лена.

— Я так не думаю. Книги не устареют, просто они будут интересны ребятам более младшего возраста, — предположила я.

— Ой, заболталась! Побегу, а то от матери влетит, — заторопилась я.

Лена проводила меня до моста. Дальше идти детдомовцам нельзя. Я понимаю. Во всем должен быть порядок.

ЖУЛИЯ

По случаю травмы руки меня отпустили погулять, и я побежала на станцию. Увидев мою перевязанную руку, Лена спросила:

— С какого фронта?

— С первого Украинского, — отшутилась я.

— Что все-таки с тобой случилось? — заволновалась Лена.

— Возились мы с братом во дворе. Я помогала бабушке шпаровать (затирать глиной трещины на стенах) хату, а Коля куски мела дробил, к побелке готовил. Отец вышел на крыльцо и попросил принять «позу» для последнего кадра на фото пленке. Брат оседлал любимого Валета, а я рядом пристроилась. Щелкнул затвор фотоаппарата, — и я от восторга резко провела рукой по шее Валета против шерсти. Очень не понравился ему мой дружеский жест. Не понял он моей радости, взъерошился, задрал кверху хвост и цапнул за палец. Больно было, но я не закричала, стерпела, потому что сама виновата. Молчком перевязала ранку тряпочкой и пошла обедать.

Вдруг слышу, будто по-особенному скулит собака. Вышла во двор. Смотрю, а, бедняга-Валет висит на плетне, задыхается совсем. Видно, пробирался со двора на огород сквозь дыру у основания плетня, а возвращался назад, перемахнув через ограду. Наверное, он дважды проделал этот трюк, вот цепь и укоротилась. Кое-как перетащила Валета через плетень. Он сообразил, что я выручаю его, и не сопротивлялся, даже благодарно заглядывал мне в глаза. Но когда я снова поволокла его наверх, желая удлинить цепь, Валет, не поняв моих благих намерений, так хватил меня за руку, что брызнула кровь. Он мне вену поранил. Тут уж я заорала во всю мочь и не столько от боли, сколько от обиды на неблагодарное животное, — рассмеялась я.

А Лена вдруг рассердилась:

— Ничего ты не понимаешь в собаках! Когда я училась в четвертом классе, в нашем детдоме появилась рыжая зачуханная собака Жуля. Сначала ее отличали запах запущенности и чувство опасения. Потом она стала доброй к тем, кто ее кормил, и злочкой — для прохожих. Я всегда панически боялась собак и обходила их стороной. А моя подружка Лера любила и жалела всякую живность. Однажды за обедом она попросила меня пойти с нею покормить Жульку и кошечек. Я из любопытства согласилась. С дрожью в руках я выкладывала еду из баночки в миску. Жулька ела с аппетитом и в знак благодарности лизала мне руки. С этого дня началась наша любовь. Я каждый день искала повод, чтобы навестить Жулечку. Ты когда-нибудь видела, как улыбается собака?

— Нет, — созналась я.

— Поверь: при виде меня и Леры Жулька всегда улыбалась. У нее такая очаровательная улыбка! С каждым днем росла моя любовь к собачке. Тоска по ней становилась все ощутимей. Я жила мыслью о Жуле. Летом мы купали ее с мылом в реке, а зимой прятали в своей комнате под кроватью. Когда на душе у меня скребли кошки, я прибегала к собачке и рассказывала во всех подробностях о своем горе. А она, взгромоздив лапы и морду мне на колени, внимательно слушала мою исповедь. Если я плакала, Жуля вылизывала мои слезы и скулила, будто понимала, как мне плохо. Я гладила ее мягкую шерсть, заглядывала в ее янтарные, умные глаза, а, успокоившись, мысленно молила Бога помочь мне когда-нибудь получить свой домик, чтобы жить в нем с моей маленькой «рысью», с моим верным другом.

Собачка изменила всю мою жизнь. Я теперь всех любила, всех жалела, последний кусок отдавала любой бездомной собаке. А в конце сентября у Жули появились щенята. Чтобы им было тепло, мы с Лерой соорудили из кусков картона и обрезков фанеры в детдомовском сарае будочку. Щенки быстро подрастали и весело играли со своей мамой.

Но, когда они стали бегать по двору, директриса приказала увезти их подальше от детдома. Воспитатели не спешили выполнять указание. Наверное, им жалко было детей, сердечно привязанных к щенятам. Пришла зима с морозами и снегопадами. Вечерами мы с Лерой по сугробам добирались до сарая, запихивали щенков в портфели и заносили в спальню. Мальчишки отвлекали воспитателей, а девочки тем временем провожали Жулю в нашу комнату. Когда «операция» заканчивалась, всем: от мала до велика, — становилось весело. С четвероногими друзьями играли, их кормили, ласкали. Теперь в обязанности дежурного входило не только до блеска убрать спальню, но и накормить питомцев. Собачка сдружила ребят, они стали добрее друг к другу.

Жуля любила прятать носки детей, а потом по команде «ищи» приносить «потерянный» носок и получать за это что-нибудь вкусненькое. При этом она смотрела на ребят большими смущенными, извиняющимися глазами и протягивала лапу, выпрашивая награду за «хороший поступок». Она ластилась к моим друзьям с заведомым обожанием, и они без страха обнимали ее. Жуля была непредсказуемо добрая и даже жалостливая. Чтобы в полной мере оценить достоинства моей собачки, надо пожить с нею. Только завидит меня, сразу бежит и давай облапывать! А если я сердилась на нее, она сама уходила в угол как напроказивший школяр.

Как-то в предновогодний вечер раздался крик:

— Директор идет! Проверка.

Лера опроретью помчалась в комнату и крикнула Жульке: «Место!» «Что будет!» — пронеслось у меня в голове. Жуля уловила мой тревожный взгляд, вцепилась зубами в подстилку, на которой спали щенята, и потащила под другую кровать. Тут вошла директриса и сразу направилась к нашим с Лерой койкам, расположенным в углу. Она заглянула сначала под мою кровать, потом под Лерину. Никого. Молча вышла. У меня от волнения еще долго во рту был сушняк. В то время, как я, таким образом, переживала, Жулька ни малейшим звуком не выдала себя.

И все же щенят пришлось раздать в семьи наших домашних одноклассников. До слез было жалко расставаться со своими «маленькими друзьями», но нас успокаивало то, что они у хороших людей. Директриса не любила собак, но к умной и преданной Жульке относилась снисходительно и долго терпела ее присутствие. И, тем не менее, она не хотела нарушения санитарных норм и попросила воспитателей найти Жульке новых добрых хозяев. И вот приехали два прилично одетых молодых человека. Один, правда, был малосимпатичный. Чем-то он мне не показался. Воспитатели рассказали гостям, какая у нас замечательная собака, и они пообещали хорошо обращаться с ней. Когда Лера пошла за Жулей, та будто почувствовала расставание: уперлась лапами и никак не хотела выходить из сарая. Я взяла на руки собачку, крепко прижала к сердцу и, преисполненная нежной мучительной жалости, тискала, тискала ее. Никогда в своей жизни я так горько не рыдала, как тогда. Раньше моя Жулька умела улыбаться. Теперь она плакала. Плакала, потому что ее жестоко предавали. Она, наверное, никогда не верила, что такое может произойти с ней, верной и любящей. С тоскливым отчаянием я передала из рук в руки самое дорогое, что у меня было в жизни. С неподражаемой разумностью и обидой светились глаза моей любимой Жулечки. У молодых людей я попросила адрес, где будет жить моя собачка. Мне дали.

Каждый день я приходила в сарай и вспоминала время, когда нам вдвоем было хорошо. По ночам все время грезилось, что вернулась моя любимица. По привычке я заглядывала под кровать, где раньше пряталась собачка. Ходила по парку и представляла, что гуляю с моей любимицей. Жуля, Жулечка! Где ты? Любят тебя или обижают? Я очень боялась, что Жуля затоскует, захиреет и умрет. Мое чувство жалости к ней дошло до крайней остроты.

Однажды Лера предложила мне навестить Жулю. Я будто сразу ожила. Денег на билет у нас не было. Мы ходили по школе и по копеечке выпрашивали у домашних. А когда собрали необходимую сумму, то убежали из детдома в город. Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее стучало сердце. В мучительном волнении я сжимала руку своей подруги, с безразличием встречала городской пейзаж, проносившийся за окном автобуса. Я мысленно представляла, как иду по тропинке к чисто выбеленному домику, вокруг осенние цветы. Навстречу мне выходит аккуратная, с добрыми глазами старушка, а за ней моя Жулька. Она подпрыгивает и визжит от радости...

Два часа поисков не дали результата. Я начала «дергаться». Тревога закралась в душу: «Обманули? Нет такой улицы?»

Пошел дождь со снегом. Холодный ветер пронизывал до костей. Кругом серый городишко с замызганными домами, нестерпимое зловоние мусорных свалок рядом с жилищами. Место донельзя дрянное. Мне жутко. Я прижимаюсь к Лере. Она крепко держит меня за руку. Вдруг она указывает на маленький, наполовину развалившийся домишко. Я шепчу: «Забираем Жулю?» Подружка одобрительно кивает. Стучу. Дверь открывает ветхая старушка на костылях. Сбивчиво объясняю причину визита. Скукоженная печальная бабулька отрицательно качает головой. У меня дрожат руки и ноги. Не может быть! С каким унижением выпрашивали деньги, мечтали, плакали от счастья, верили... От холода, голода и неудачи, ноги мои подкосились. Лера четко и внятно повторяет мой рассказ. Настырно умаляет. Но нет... бабуля не видела нашей собаки. Да и зачем ей собака, когда она сама еле стоит на ногах? Опросили соседей. Тоже не знают о Жуле. Мысли поникли от еще никогда не испытываемой обиды.

Рухнули надежды, мечты... Все впустую! Я им сполна доверяла. Была простодушно убеждена.... Здоровенные обалдуи, гады... Чтоб им физиономии перекосило от лживых улыбок... Доконали!

Беспомощность — жуткая вещь.

Вернулись в детдом, где за самоволку нас ожидало суровое наказание. «Жуля, за предательство надо платить. Жулечка, я вытерплю что угодно, лишь бы ты была рядом со мной», — шептала я. Нам крепко доставалось, но мы с Лерой все равно убегали на поиски любимой собачки... Теперь я понимаю, что не следует мечтать о радостях, которые никогда не сбудутся. Воображаешь красивое хорошее, а получаешь грязь и наказания. Этот урок не сразу, но научил нас кое-чему.

Уже прошло два года, а душевная рана кровоточит. Кажется: это случилось только вчера. Теперь я постоянно ощущаю нестерпимую жалость к беспомощным, несчастным. В любой дворяжке до сих пор вижу своего верного друга и всех их называю Жульками, — после некоторой паузы добавила Лена и уткнулась лицом в траву.

Я не трогала ее. Мне было не по себе. Такой искренней болезненной любви к животному я еще не встречала.

НА РЕКЕ

Жара. Сильный горячий ветер. Вихри пыли на дороге. Детдомовские дети парами идут по направлению к реке. Я присоединяюсь к ним. Воспитатели не возражают. Уже привыкли ко мне.купаемся в лягушатнике, чтобы не сердить дежурных. Катя, с которой я познакомилась прошлым летом, плавает легко. Руки у нее сильные. Вылезли на берег погреться. На загорелых плечах Кати — бисерная влага.

— Кто тебя научил плавать? — спрашиваю я.

Катя помрачнела, поморщилась, даже как-то сжалась и, до хруста сомкнув пальцы рук, рассказала:

— Мне было шесть лет. Девочка из старшей группы сбросила меня с мостика в воду и стала топить. Кое-как я вынырнула, а она опять меня топит. От страха дыхание занялось. Воды нахлебалась. Уже не помню, как на берег выбралась.

— Зачем топила? — удивилась я.

— Известно зачем! Злая была. Как есть бандитка! Ей приспичило гадость кому-нибудь сделать. А я под руку попала. Старший брат за меня отомстил. Крепко ей досталось. Потом я сама научилась плавать, чтобы не бояться этой злючки.

— Здорово тебя постригли! Тебе очень идет! — сказала я, взъерошивая копну Катиных мокрых волос и рассматривая длинные слипшиеся ресницы.

— И ты заметила? — смутилась она.

— Хорошо тебе с короткой прической! А меня заставляют косы носить. Ленты развязываются, теряются, и мне же достается, — пожаловалась я.

— Мне не нравится стрижка. Все мальчиком считают, — обиженно надулась Катя и смешно выпятила нижнюю губу.

— А мне приятно, когда говорят, что я как пацан. Значит, я сильнее, шустрее любой девчонки. Это же здорово!

— Я хочу быть красивой девочкой, — упрямо возразила Катя.

— Ты и так красивая.

— Со шрамами на лице?

— Их совсем не видно.

— Видно.

Катя тихо заговорила:

— Мне пять лет было. Играли мы с подружкой зеркальцем на плоской крыше нашего сарая. А самолет летал и разбрасывал большие шары. Они разбивались, из них вытекала красная жидкость. Я испугалась самолета и упала с крыши на цементный пол двора. Собака меня тащила. Она меня очень любила, но у нее не хватало сил. Потом она позвала соседскую собаку, и они притащили меня к крыльцу. У меня все лицо в крови и сотрясение мозга. Соседи вызвали милицию и «скорую».

Я молча слушаю Катю и вспоминаю наши детдомовские «сказки». «Дети иногда врут охотно и бессмысленно, получая от этого чистое, бескорыстное удовольствие», — услышала я как-то в учительской. Не знаю. Может быть. Мне подобное не встречалось. Помню: испытала ужас и отвращение, когда поняла, что взрослые врут. От одной только мысли о лжи я жутко разволновалась, будто меня саму поймали на месте преступления.

Почему пятилетняя Катя запомнила красные шарики? Может, ее сознание рисовало не жуткие картины драк пьяных родственников, а фантастические сюжеты, помогавшие ей отвлечься от страхов? Маленькими мы часто сочиняем себе хорошую жизнь. Потом события и фантазии перемешиваются в голове, и мы уже не помним, что происходило на самом деле. Память оставляет доброе и красивое. Катя говорила: «Собака позвала собаку». Это же выдумка! Зачем про милицию сказала? Я же сразу догадалась, что участковый был частым гостем в их семье. Родителей защищает, выгораживает? Они должны быть самыми хорошими? Понимаю. Как бы в ответ на мои мысли слышу:

— Родители ко мне не приезжают. Оба деньги зарабатывают, чтобы всех из детдома забрать. Нас тут пятеро. Я — вторая.

«Я ничего не слышала о своих родителях и придумывала их. А Катюша раньше жила в семье, а все равно сочиняет. Кому из нас хуже? Конечно, ей», — думала я с грустью.

— А ты знаешь, — как-то очень сурово поведала мне Катя, — у нас когда-то одну девочку забрали в свою семью новые родители, а она подросла и стала предъявлять всякие требования. Да если бы меня взяли, я бы спала у них в прихожей на коврик и больше ничего не просила! Помогала бы во всем. Только бы они были у меня по-настоящему. Но чужой ребенок никому не нужен.

В ее голосе было столько безысходности, что у меня защипало в носу. «Неужели она совсем потеряла веру в то, что родители когда-нибудь заберут ее домой!?» — ужаснулась я.

А Катя продолжала печально рассказывать:

— Одна выпускница нашего детдома родила, а мужчина сбежал от нее. Теперь она живет с другим, а тот не хочет брать ее замуж с чужим ребенком.

«Слишком она взрослая для четвертого класса. Наверное, взрослее меня», — думала я, глядя на ее опущенные плечи и по-старушечьи согнутую спину.

— Катюнь, давай наперегонки плавать? — предложила я, желая отвлечь ее от болезненной темы.

— Больше не хочу, — возразила она раздраженно и уставилась в одну точку.

Купаться без Кати не хотелось. Я молча смотрела на искрящиеся брызги и прислушивалась к веселым крикам купающихся домашних детей. «Не получается у меня дружба с Катей. Почему она вся уходит себя?» — терялась я в догадках.

Катя поднялась с кучи песка и уже спокойным голосом сказала:

— Если завтра придешь сюда, я обязательно расскажу тебе удивительную историю про то, как пятеро детей из одной семьи воспитывались в нашем детдоме, как выросли и стали хорошими людьми. У них теперь у всех счастливые семьи. Они приезжали к нам на Новый год. Из моей семьи нас тоже тут пятеро...

Я поняла, о чем Катя недосказала. Мы попрощались.

Детдомовских увели, а я все сидела, погруженная в воспоминания и размышления. Рядом со мной шумели дети из Мурманска. Их каждый год привозят сюда погреться на солнышке. Одна девочка не идет купаться со всеми, а печально смотрит вдаль.

— Чего не купаешься? — спрашиваю.

— Не хочу, мне грустно. По маме скучаю. Я первый раз одна.

— Сколько дней в лагере?

— Десять.

— Пора привыкнуть. У нас же здорово!

— Мне без мамы нет радости.

— А как же другие?

— Я не такая.

— Здесь детдомовские часто купаются. Моя знакомая Катя третий год мамы не видит.

— Я бы не смогла.

Девочка смотрела вдаль и никак не выходила из состояния безнадежной грусти. Глаза ее были влажными.

— Столько у тебя счастья, а ты скулишь! Радуйся, что дома тебя ждет родная мама! — сказала я резко и побежала домой.

Сколько детей — столько и судеб. И все разные.

«ПОСИДЕЛКИ»

У меня тоскливое настроение. Вчера вечером я остановилась возле соседки, мамы моей подружки Зои. Она на лавочке какая-то грустная сидела. Разговорились мы с ней. Тетя Ксения пожаловалась, что задыхаться стала и что сегодня ей особенно тяжело. Тут вышел ее муж, в принципе неплохой мужик, и стал сердито выговаривать, за то, что она к соседям пристаёт со своей болячкой. Я попыталась объяснить, что меня не затрудняет беседа с хорошим человеком и что я очень сочувствую его жене. Но он был раздражителен и резок. Мы понимающе грустно переглянулись с тетей и я тихо сказала: «Я завтра к вам загляну» И ушла домой.

А сегодня утром она умерла. Инфаркт.

Мать на станции. Я прибежала к друзьям.

Сидим на заднем дворе детдома на огромных спиленных тополях, болтаем ногами и разговариваем про жизнь. Рядом — «каптерка» (будка). Там два молодых электрика занимаются ремонтом движка.

— Слышали, что на Базарной улице случилось? — спрашивает Катя своих друзей.

— Нет, — ответили они недружным хором.

— Вовка Секин закончил школу и сбежал искать своих родных родителей. Соседка проболталась, что его грудным из детдома взяли, потому что своих детей не было.

— Сволочь и дурак твой Вовка, — возмутился шестиклассник Леша Воржев.

— Не друг он мне, знакомый, — оправдывается Катя.

— А я когда вырасту, обязательно маму найду, — тихо сказал Санек из первого класса.

— Зачем? — задумчиво спросил электрик дядя Витя, худенький невзрачный парень лет двадцати.

— Жить будем вместе. Я помогать стану. Со мной ей будет хорошо, — очень серьезно объяснил малыш.

— А если у нее муж, другие дети и ты им не нужен? — тихо спросил дядя Витя.

— Как не нужен? — упавшим голосом произнес Санек. — Может, она больная?

— Бывает, конечно, такое. Только редко.

Я почувствовала в голосе дяди Вити пронзительную горькую обиду и осторожно предположила:

— Вы тоже детдомовский?

— Был. И тоже искал мать, — ответил он хмуро.

— Нашел? — с надеждой в голосе, с бьющимся сердцем спросила я.

— Да.

— И что? — заволновался Санек.

— Сначала поверил, что замаячил призрак любящей семьи... Теперь только здороваемся, когда бываю в родном селе. Хотя какое оно мне родное? Сначала дом ребенка в городе, потом детдом.

— Почему вы с мамой не живете? — удивилась Катя.

Дядя Витя задумчиво пожевал губами, затем заговорил раздраженно, будто сплевывая слова:

— Матерью по привычке, для проформы называю. Мы с ней совсем чужие люди. Я — ее «ошибка молодости», ее позор, ее «хвост». Она стесняется меня. Даже к себе в дом не пригласила. У нее другая семья... Я тоже раньше услаждал свой жадный слух невероятными рассказами и возводил прекрасные замки мечты... Собрал манатки и больше там не появлялся. Жестоким заблуждением оказалась светлая детская мечта. Заруби это себе на носу, сынок! В отпуск к другу езжу. Мать его тоже с двух месяцев оставила в детдоме, но потом очень казнилось. Худющая была с горя, пока не нашла его. В войну след многих детей терялся.

— А папу искали? — с боязливой надеждой спросил Санек электрика.

— Хмырь он, из тех мужиков, которые говорят: «Наше дело не рожать...» — грустно усмехнулся дядя Витя. — Мать целый год ждала его покорного рыдающего возвращения, все надеялась, что мой отец женится на ней хотя бы ради сына. А потом оказалось, что

три женщины в одно и то же время от него детей заимели. Мать чуть не покончила с собой.

— Не повезло вам, — вздохнул Санек.

Дядя Витя зло сплюнул, а потом вдруг спросил напарника:

— Андрей, а ты об отце часто вспоминаешь? Просвети нас.

— Редко.

— Скрываешь? — сочувственно возразил ему дядя Витя.

— Если быть беспощадно честным, скажу: хотел бы только раз увидеть. Узнать, какой он. И все. Теперь он мне не нужен, — сдержанно ответил дядя Андрей.

— А если бы помощь предложил? — поинтересовался напарник.

— Обойдусь. Иначе уважать себя перестану. Мать же смогла вырастить меня без подачек. Правда, я почти не видел ее. Она целыми днями на работе была. Прибежит, спросит, как школа, не обижают ли ребята, ужин приготовит и сваливается на кровать. Жалел я ее.

Меня улица воспитала. После войны у многих ребят отцов не было. Они стали попадать в дурные компании. Как-то вышел во двор мой сосед — слесарь Григорий Ильич, забил во дворе четыре столба и турник сделал. Заниматься с ребятами начал. Я считаю, этим он спас нас.

Хороший был у нас двор, вроде большой семьи. Любая соседка могла подзатыльник дать, к порядку призвать озорника. Старшие ребята подличать не позволяли, трусов презирали, слабаков не одобряли, больных оберегали. Поначалу мне доставалось. Но я присматривался, учился понимать друзей, брать ответственность на себя, выручать из беды, слюни не распускать. Турник, гантели — ежедневное меню. Уважать себя и других научился. Рано подрабатывать начал. Цену деньгам знал. Нормальное мужское воспитание прошел и ни капли не жалею.

Большинство моих друзей теперь в военных училищах, институтах. Надежные люди. Я армию с честью прошел, теперь учусь на вечернем. Инженером буду.

— А у вас дети есть? — снова обратилась Катя к дяде Вите.

— Есть. Дочка. Но мы с женой разошлись. Не получилась у меня семейная жизнь.

Компания детей издала дружный протестующий стон.

— Заткните иерихонские трубы! — разозлился дядя Витя.

— Дочку вам не жаль? Я думала, что детдомовский никогда не сможет бросить своего ребенка! Вы же до сих пор ненавидите свою мать. И дочь вас будет ненавидеть. Презираю таких, — завелась я с полуоборота. — Вот у нас есть родственник, — настоящий мужчина! Он женился на женщине с ребенком. А когда первый отец хотел взять Карину с собой в отпуск, он ответил: «Не портить ребенка. Ты устроишь ей несколько дней праздников, останешься в ее памяти добрым, ласковым и щедрым. А нам с нею жить годы будней. Подумай о ней. Не травмируй дочку, не усложняй ей жизнь».

Дядя Витя ушел в глубь двора. Наверное, он не хотел слушать мои «сказки».

— А ты, Петрович, простил свою мать? — спросил дядя Андрей завхоза дядю Никиту, который подошел помочь ему разматывать проволоку.

— Мать понял, отца не простил, — резко ответил дядя Никита.

— А почему ты в детдоме работаешь?

— Не знаю. Присох. Детей люблю. Без них мне будто не хватает чего-то. Своих не завел... Жизнь не колода карт, заново не перетасуешь... Детская обида убила во мне радость, не умею я быть ласковым. Подростерял добрые чувства... — горько усмехнулся дядя

Никита.

Мне было жаль большого доброго дядю, не нашедшего своего счастья. «И почему люди с неудачными и трудными судьбами приходят работать в детский дом?» — недоумевала я.

— Петрович, как ты думаешь, если вернешься, примет тебя жена? — поинтересовался дядя Андрей.

— Думаю, да.

— А ты бы ее принял?

— Где же ты видел такое, чтобы мужчина простил и взял назад жену, которая десять лет где-то бродила? — усмехнулся завхоз.

— А почему женщины и дети должны прощать таких мужей и отцов? — насупившись, пробурчала Катя.

Ответа не последовало.

МЕЧТЫ И НАДЕЖДЫ

Давно не видела Катю. А сегодня нашла ее в парке и обрадовалась. Катя сидела под деревом и палочкой писала мое имя. Мне было приятно, что она думает обо мне, а может быть, даже скучает. Кто я для нее? Случайная знакомая? Подруга? Катя оторвала взгляд от ровных крупных букв и долго неподвижно смотрела перед собой. Я не стала ее беспокоить и села неподалеку на лавочку. Наконец, Катя увидела меня и подошла. Она, как всегда, молчалива. Мне кажется: ей хочется со мной поговорить о чем-то очень важном, но она не решается. А мне сегодня захотелось узнать, как Катя ответит на вопросы, которые задавала нам как-то на классном часе учительница. Поэтому я сама начала разговор:

— Катюша, ты представляешь свою жизнь через пять, десять, пятнадцать лет?

— Конечно. Закончу школу. Выберу специальность такую, чтобы можно было легко найти работу даже в селе. Замуж выйду, если повезет.

— А мужа какого выберешь? Богатого?

— Нет. Доброго, чтобы жалел, не пил и понимал.

— Чтобы понимал? Это важнее денег?

— Конечно.

— А если богатый, но выпивает, пойдешь за него?

— Нет. Это сначала он богатый, а потом ни богатства, ни любви, ни радости не будет в доме.

Она говорила тихо, но четко. Я поняла, что не один, не два раза она думала об этом. Видно, давно для себя уже все в жизни определила.

— Зачем нужна человеку семья? — вновь спросила я.

— Для счастья.

— А для чего человек живет?

— Чтобы самому быть счастливым и других делать счастливыми. Только не у всех получается.

— На зло ты злом отвечаешь? — задала я следующий вопрос.

— Нет. Обижаюсь, но молчу и терплю. Злом на зло нельзя отвечать, а то весь мир будет

жестоким. Вот раз к Данику из нашей группы приехала мать. Воспитательница не видела, что он уже пришел со двора, да как закричит: «Опять пьяная! Даже конфет сыну не принесла! Убирайся!» С Даником истерика случилась. Тут вожатая обняла его и говорит: «Мама у тебя хорошая, только больная. Лечиться ей надо. У воспитательницы сегодня плохое настроение. Не сердись на нее». А недавно был праздник, и нам давали дорогие вкусные бутерброды с копченой рыбой. Так Даня бежали на весь коридор звал вожатую, чтобы подарить ей свой бутерброд. Ни кусочка сам не откусил! Вожатая не берет, а он чуть не плачет. Ну, тогда она согласилась пополам съесть. Какой Даник счастливый был в этот момент!

Ему часто за поведение достаётся. Как-то он дежурил у телефона, набирал наугад циферки и ждал. Воспитательница наказала его за хулиганство. Но ему же интересно! Хочется чей-либо голос услышать, поговорить с чужим человеком. Учительница русского языка объяснила Данику правила поведения на посту, и он перестал телефон занимать.

А однажды вожатая звонит кому-то, а Даник нажимает на рычаг и не даёт ей говорить. Другая бы вспылила и всыпала ему по первое число, а Галина Ивановна догадалась, что не со зла, а из любви к ней он так поступает. Играет с ней, хочет, чтобы подольше она посидела рядом. По глазам понял.

Трудно нас понимать. Вот приезжал к нам клоун. Все ребята мечтали его увидеть. А у меня неприятное впечатление осталось от выступления. Моей младшей сестренке Юле четыре года. Она после концерта сказала мне: «Не люблю клоунов. Падать не смешно. Падать больно!» Я знаю, это юмором называется. Только все равно грустно на клоуна смотреть. Мне совсем не кажется, что на сцене шутят. Я представляю, как мне делают подножку, я падаю, разбиваю колени, а все хохочут. Обидно! Я так обрадовалась, что сестренка понимает меня! Даже подарок купила ей на день рождения.

— А где деньги взяла? — удивилась я.

— Заработала. Мы этим летом колоски в поле собирали.

— А что купила?

— То, что сама хотела бы иметь: духи.

— А себе что?

— Денег не хватило.

Катя замолчала. Я не знала, как продолжить разговор, и задала ей самый трудный вопрос нашего последнего классного часа:

— Как ты думаешь, если человек заслужил, его можно убить?

— Нет! — быстро ответила Катя. — Даже желать смерти нельзя!

— Почему? — удивилась я такой категоричности.

— Не знаю. Нельзя и все! Вот у нас в деревне одна тетя злилась-злилась на своего сына за то, что пьёт, а потом как закричит: «Хоть бы тебя машина задавила, пьяница проклятый!» И он погиб под колесами трактора. Теперь она казнится, что сама беду на сына накликала. Нельзя быть злым. Надо прощать людей.

Со стороны детского дома слышались звуки баяна.

— Мне пора на репетицию, — грустно сказала Катя.

— Можно проводить тебя?

— Конечно, — обрадовалась она.

— А какой номер ты готовишь?

— На мандолине буду играть, ещё в хоре петь. Я раньше пела одна, «на сухую», а однажды уже перед самым концертом нам дали баяниста. Но я не сумела подстроиться под него. То я молчу, то он прекращает играть. Потом он разозлился, плюнул и ушел. Я

расстроилась до слез и с тех пор не могу петь со сцены одна, — Катя вдруг просияла: — А знаешь, у нас в детдоме радость! Мою подружку Нину учительница из института в свою семью взяла. Много раз приходила к нам. Домой брала ее на праздники. И вдруг пропали у этой женщины золотые сережки и колечко. Нашлись у Нины в тумбочке. Крику было! А та учительница объяснила всем, что не воровка Нина. Она цены вещам не понимает. Захотелось девочке похвалиться перед подружками, что любят ее, красивые вещи дарят, поэтому и взяла на время. Галина Васильевна такая добрая и умная! А твои родители понимают тебя? — вдруг как-то очень осторожно спросила Катя.

— Думаю, нет, — ответила я, потупив глаза.

— Надо же? — удивленно и грустно протянула Катя. — А я думала... надеялась...

Катя, не оглядываясь, медленно пошла в корпус. И я поняла, что у нее погасла надежда познакомиться и подружиться с моей семьей. Так вот почему, о чем бы мы ни беседовали, Катя всегда переводила разговор на тему о счастливых подружках, которых взяли на воспитание или о тех, которые ходят в гости в семьи домашних детей. Ей хотелось попасть в мою семью! А что я могу поделать? Школьные подруги не ходят ко мне домой, стесняются, потому что отец — директор школы. Да и родители не любят посторонних. А Катю я сама не приглашаю. Не хочу семье напоминать о моем прошлом. К тому же дружба с детдомовцами — мой секрет.

Я загрустила. Возвращаюсь домой мимо строящегося здания поликлиники. Какая прелесть! В арке между двумя корпусами вижу аккуратно выложенное красным кирпичом круглое отверстие. Молоденькая березка смотрит сквозь него в небо. «Хороший человек строит дом. Золотая у него душа», — подумала я. На сердце потеплело, но это тепло не растопило моей грусти. Она слишком велика.

ОТ НЕНАВИСТИ ДО ДРУЖБЫ...

Сегодня хмурая, дождливая погода. Родители после обеда легли отдохнуть, а мне захотелось «поскулить». Накатили тоскливые зыбкие мысли, хоровод печалей в мозг. В подруги я взяла хандру и одиночество. Села у окна. Серые тяжелые облака в небе. Дома противоположной улицы теряются в тумане. В парке деревья колеблются под музыку ветра. Дождь разошелся не на шутку: повис над селом густой завесой. Темные тучи сжали небосвод. Отвратительная погода. Печальная картина. Ничего не поделаешь: тоскливое преддверие зимы. И вид нашего двора неприглядный, хмурый. Мутный вечер вползает в мое окно. Нарисовала на запотевшем стекле веселую рожицу. Смотрю, как по улыбке стекают печальные слезы дождя.

Надоело мне слушать бесформенные песни осеннего ветра. Разговор дождя я воспринимаю, как тысячи шагов бестолковой толпы. Они стучатся в сердце заунывным, невнятным, раздражающим шелестом. И я, накинув отцовскую плащ-палатку, отправилась в детский дом к Лене. Нашла ее на чердаке в кислом расположении духа, уставившуюся унылым, немигающим, невидящим взглядом в серый туманный лес. Она тоже хандрила и не обрадовалась мне. Я пожалела о том, что спешила к ней по грязи, дождю и холодному ветру. Повернулась, чтобы сразу уйти. Но вдруг Лена остановила меня. Ее словно прорвало. Она разразилась резким неприятным смехом и грубо закричала мне в лицо:

— Вы, домашние, не умеете дружить и наверняка не понимаете цены настоящей дружбы! У вас все слова, слова и совсем нет чувств. Поэтому не удивительно, что ваши отношения быстро остывают и вы становитесь друг другу в тягость. Я готова биться об заклад, что абсолютно права. Что? Потеряла дар речи? Нечем крыть! Пришила тебя! Я осмеливаюсь объявить во всеуслышание, что наша дружба как спасательный круг в черном океане жизни. Мы бережем ее как зеницу ока, — уперев руки в боки, напыщенно декларировала Лена.

Ее бурная речь не вызвала у меня смущения, не привела в замешательство.

— Ты пишешь стихи? — хладнокровно спросила я.

Лена резко вскинула на меня свои черные дерзкие глаза.

— Слова у тебя как из песни, вот я и предположила. Сама рифмую, — спокойно объяснила я, стараясь остудить начинавшую накаляться обстановку.

Лена как будто не расслышала моих слов.

— Хочешь, я приведу пример того, как у нас умеют дружить?

И, не дожидаясь ответа, продолжила сдавленным голосом:

— Я бы не хотела подробно обсуждать чужую жизнь, но все же расскажу. Подруга Люба младше меня на год, учимся мы в разных классах, но домашние задания делаем в одной группе. Я раньше ненавидела ее за то, что перед зеркалом любит покрасоваться и отметки хорошие получает. Как-то я заболела и из школы вернулась раньше всех. И что же я вижу и слышу? За самой последней партой Люба истово молится! Она твердила слова рабского смирения и покорности и так усердно отбивала поклоны, что не заметила меня. Я тихо ждала, когда она закончит. Ее губы шептали: «Господи! Ниспошли мне от щедрот своих... Помоги мне учиться отлично, чтобы я, несчастная, могла добиться достойной жизни. Ни о чем больше не прошу. Господи, помоги!» Увидев меня, Люба испугалась. В глазах — мольба. Она понимала, что если я расскажу всем об увиденном девчонкам, то насмешек и презрения ей не избежать. Представляешь, именно тогда я впервые испытала жалость к человеку.

Целый день ходила сама не своя. Избегала встречи с Любой. А вечером пришла сюда, где обычно уединялась и позволяла себе помечтать или поплакать. Сначала долго сидела в оцепенении. Потом принялась рисовать свою любимую березовую аллею. Вдруг дверь жутковато закрипела и распахнулась. Я вздрогнула. Слышу голос Любы:

— Я всегда завидовала твоему таланту. Ты даже цвета подбираешь в зависимости от настроения. Я вижу в них то боль, то радость. Ты счастливая... А у меня нет такого...

— В живописи ты разбираешься как воробей в математике, а хвалишь рисунки, потому что боишься меня. Хочешь разжалобить, обвести вокруг пальца? Думаешь, не составит труда осуществить задуманное? Я держу ухо востро. Не одурачишь, не проведешь. Положи конец своим глупым планам. Твои пустые мыслишки — курам на смех! Убирайся подобру-поздорову! Ступай своей дорогой, — с чувством полнейшего превосходства провозглашала я.

Она не уходила. А мой запал и запас гневных слов закончился.

— Боюсь я. Лен, не говори никому, — грустно попросила Люба.

Тягостное молчание. Воркование голубей. И вдруг что-то сломалось во мне.

— У тебя есть Бог. Он как невидимый друг. Ты доверяешь ему? Ты его любишь или просто надеешься на его помощь? — настойчиво и твердо расспрашивала я Любу.

Она села рядом и задумалась. То ли силы, то ли решимости набиралась, чтобы поведать сокровенное. И все же рассказала о том, что уборщица баба Валя часто говорила ей о Боге, о его доброте и желании помочь каждому. Потом настороженно оглянулась и вытащила из кармана куртки листок с молитвой, которая, по ее словам, помогает.

В тот день начала зарождаться наша дружба. Люба каждый раз искала со мной встречи, пыталась завоевать мое расположение, а я, хоть и продолжала держать ее на расстоянии, не отгаликивала, выслушивала и в какой-то мере тайно радовалась за нее.

Наступило лето. Всем детдомом мы отправились в любимый лагерь «Салют». Наши ребята всегда отличались. Во всех мероприятиях мы занимали первые места. Для нас, детдомовских, это очень важно. Люба жила со мной в одной комнате. Мы ходили на речку, собирали в лесу вдоль берега орехи, ягоды. В общем, жили не тужили. Я гоняла с ребятами в футбол или пропадала на волейбольной площадке, поднимала гири, висела на турнике. Про меня даже частушку сочинили:

Лена наша и спортивна, и рисует хорошо,
Ей бы штангой заниматься или чем-нибудь еще!

Однажды после прогулки по лесу захожу я в корпус и никак не могу сообразить, откуда

доносятся крики. Замерла, гадая, что стряслось. Забегаю в свою комнату, а там потасовка. Кутерьма невообразимая! Вопиющее нарушение устава лагеря. Человек пятнадцать сгрудились на пятачке. Слышу: над Любой самосуд учиняют. Знаю: такие штуки плачевно заканчиваются. От происков озлобленных недругов можно серьезно пострадать. Не мешкая, раскидываю девчонок. Прорываюсь сквозь круг. Гляжу: моя подруга сидит на полу вся в крови и всхлипывает. Сильно отколошматили ее. Выяснили с пристрастием, зачем ей нужен Бог. Причина избиения — застучали на молитве. Поклоны била до умопомрачения.

Когда суматоха улеглась, Любе объявили бойкот. Одна девица произнесла лицемерную речь, другие, фальшиво улыбаясь, поддакнули ей, третьи просто так, за компанию, согласились с ними. Теперь с Любой даже за один стол в столовой никто не хотел садиться. Многие издевались и потешались над нею. Кончилось ее безмятежное существование. Такое поведение послужило мне еще одной причиной разочароваться в бывших подругах. Не приходилось сомневаться, что гадкий сговор и козни завистливых девчонок — это надолго. Я очень переживала и на другой день позвала Любу с собой в лес за малиной.

— Тебе же из-за меня тоже бойкот объявят! — испугалась она.

— Не дрейфь! Мы же настоящие друзья! Твоих врагов мы даже взглядом не удостоим, — успокоила я подругу уверенно и при этом испытала невероятное облегчение.

Любу потрясла моя смелость. В этот день мы поклялись быть неразлучно вместе.

Как-то приехала к Любе родная сестра, привезла гостинцев и немного денег, на которые мы купили батарейку и лампочку. Мода у нас была такая: иметь свой осветительный прибор. Когда весь детдом погружался во мрак, мы сдвигали наши койки и под одеялом — в «светлом домике» — мечтали. Мы пребывали в самом отличном настроении! Это были удивительно счастливые минуты!

Потом нам новую директрису прислали. При ней построили нам новое здание с горячей водой и туалетом. В комнатах теперь по четыре человека, а не по двадцать пять. Раньше у всех детей была запущенная чесотка, лишай, цыпки, вши. Директриса заставила нас вылечить. Хорошая жизнь началась. Но бойкот девчонки не снимали.

Наступил мой день рождения. В школе мне подарили огромный арбуз. Мы с Любой спрятались в укромном уголке детдомовского сада и с нежностью смотрели на него, гладили. А разрезать драгоценный сладкий подарок было нечем. И камнем его пытались разбить, и гвоздем, и стеклом. Все безрезультатно! Растерзать его хотелось! Обидно. Ты знаешь, день рождения для нас — почему-то самый святой праздник. Не хотелось его ничем омрачать. Люба вспомнила, что заприметила в сарае топор. «Сворюю, попытка не пытка», — весело сказала она и умчалась. А я в саду осталась. Сажу и рассуждаю: «Никогда в жизни не пробовала арбуза. Он лежит передо мной круглый, сытый, но я не могу его съесть. Вот досада!» Даже завить захотелось. Да еще погода под стать: ветер, тучи, холодный дождик накапывает. Вот как сегодня. Собрала я пожухлую листву, сделала «постельку» в виде гнездышка и перенесла туда арбуз, чтобы ему теплее было. А сверху своей курткой накрыла. Тут Люба бежит с топором. Стащила его в бане, где прачка белье полоскала.

— Что стряслось, где арбуз? — спрашивает с дрожью в голосе.

— Нет его, — состроила я скорбное лицо.

— Как нет? — опешила Люба.

Она не обладала стальными нервами, поэтому даже топор из рук выронила. Я мигом сдернула куртку с арбуза, — и обе зашлись от хохота. Отсмеявшись, жадно глотали огромные куски. Потрясающе угостились! Глазом не моргнули, — половины арбуза нет. Сидим на земле, еле дышим. Объелись. Люба предложила угостить девчонок.

— Ага, слопают, а потом скажут, что подлизываешься, чтобы бойкот сняли, — возразила я.

Решили спрятать остатки арбуза на чердаке.

— А теперь пошли за моим подарком. Он обязательно придется тебе по душе, только находится в труднодоступном месте, — таинственным голосом произнесла Люба.

— Будь по-твоему, — обрадовалась я.

И мы побежали, напевая: «Из-под топота копыт». Подвела меня подруга к корявому невзрачному дереву, сделала шикарный жест и говорит:

— Поздравляю тебя, Лена, с днем рождения.

Я хлопаю глазами. От обиды губы надулись, дыхание участилось. Вне себя от злости еле вымолвила:

— Отлично! Как это мило с твоей стороны. Спасибо за подарок.

Я больше не в силах была сдерживать бешенство. Вслед за любезными словами последовал мой жесткий ответ:

— Сногсшибательно! С ума сойти можно! Предпочитаю наличными. Может, накинешь на бедность пару кустиков. Там листочков-денежек больше осталось. Будет чем в магазин и в фантики играть... Странная затея. Отвратительная проделка. Никогда не думала....

И уже хотела уйти. А Люба смеется:

— Вот умора! Полюбуйся! Смотри вон туда, выше!

Почти на самой верхушке корявого дерева висела огромная желтая груша!

— Произвела впечатление?! То-то же! Подожди, сейчас достану. Я ее целый месяц караулила. Боялась, что кто-нибудь обнаружит, — радостно сообщила Люба и кошкой взобралась на грушу.

Но не тут-то было! Радость моя была преждевременной. Секунда — и... моя подружка повисла вниз головой, зацепившись курткой за ветку. А руки с грушей к груди прижимает, бережет подарок. Признаться, смеялась я до слез, до колик в животе. Мой смех отдавал истерикой. А бедная Люба все это время висела на суку ни жива ни мертва. Слова не проронила. Я опомнилась и стремглав кинулась вызволять ее из беды. Гляжу: подруга сальто-мортале выполняет в воздухе. В результате обе рухнули на землю. Мне-то ничего, а Люба руку сломала. Вот так закончился мой день рождения.

Лена разошлась и уже рассказывала весело и непринужденно:

— А одним прекрасным вечером Любашка нашла меня на кухне, где я чистила целую «бадью» картошки, и принесла записку такого содержания: «Лена, мне нравится твоя дружба с Любой. Давайте дружить троим, если вы обе согласны. Таня». Мы согласились.

Нашей дружбой многие девочки восторгались, но из-за бойкота боялись подойти, зато потихоньку делали нам приятное. А мы этой зимой катались на лыжах, учились стоять на коньках, помогали друг другу делать уроки. Наша дружба крепла.

Весной, когда началась эпидемия гриппа, первой заболела Таня. После школы мы с Любой бежали сломя голову к больной и рассказывали ей байки. Развлекали. А через неделю и мне стало дурно на уроке. Доплелась я еле-еле до комнаты и сказала Тане:

— Что-то тошнит меня и живот болит.

— Может, взрослых позвать? — спросила она.

— Не надо, — отрицательно покачала я головой.

А тут директриса с медсестрой заходят температуру у Тани измерить. Увидела меня медсестра и как закричит:

— Вставай, симулянтка!

Таня за меня заступилась:

— Тошнит ее.

Медсестра сделала ехидную гримасу и ухмыльнулась:

— Раиса Никитична, тут гинеколог нужен.

Директриса сама поставила мне градусник и отправила девочку за врачом на первый этаж. Доктор предположил аппендицит. Я страшно боялась больницы. Вцепилась мертвой хваткой в кровать, и оторвать меня не смогли. К вечеру совсем худо стало. Чувствую: берут меня на руки и несут, а Таня с Любой умоляют, чтобы их взяли вместе со мной. Директриса разрешила. Машина не отапливалась. Таня сняла с себя вязаные шерстяные носки и надела на мои ноги. Люба укрыла своей курткой и шарфом. Я согрелась и задремала. Очнулась от толчка. Машина остановилась. Мои подружки жмутся друг к другу, зубами стучат.

Сделали мне операцию. Очнулась, когда на улице было уже светло. Вдруг вижу над собой два знакомых веселых глаза. Это домашняя Оксанка из лагеря «Салют»! Она иглолку проглотила. Ее кровать рядом с моей.

Наш лечащий врач был молоденький и красивый. Нам нравилось, когда он забегал в палату и говорил: «Ах вы, козочки мои». Чтобы привлечь его внимание, мы разрезали обшивку стула на полоски, написали свои инициалы и отправили лифтом на первый этаж. Когда доктор увидел нашу «работу», то был в шоке. Но ругаться он не умел, а вместо этого садился к нам на постель и рассказывал интересные истории. Честно сказать, мы полюбили его по-детски.

Вскоре пришло время Оксане выписываться, а мне не хотелось оставаться одной в больнице. И когда медсестра спросила: «Кому пора снимать швы?», я бодро соврала: «Мне». Медсестра «чикала» и выдергивала нити, а я терпела и думала: «А вдруг умру?» Оксана за дверью волновалась, но не решалась остановить процесс. Вдруг слышу крик медсестры и что-то теплое, липкое потекло по животу. Враз наступила темнота.

Открываю глаза. Я вновь зашитая. Оксана рядом блее белее белого. Наш врач вытирает пот со лба и шепчет с облегчением: «Очнулась козочка. Вы, девчонки, меня до инфаркта доведете!» Мы с Оксаной взяли доктора за руку и попросили прощения. Потом умоляли выписать нас вместе. Он согласился. Оставшиеся дни мы были очень послушны. В день выписки слез расставания не сдерживали.

В детдоме подруги встретили меня радостной вестью: с нас сняли бойкот. Поняли, что настоящую дружбу нельзя сломать.

Две недели я не делала резких движений и подолгу сидела на подоконнике. Девочки шутили: «Отгадайте загадку. Кто сидит на окошке, свесив ножки?» Мне надо было целый год беречь себя. Но с моим характером разве это возможно? Один раз мы сбежали с уроков. На улице холодно, неуютно, поэтому спрятались в гладильной комнате. С нами увязался Славка. Все пролезли в форточку, а я, самая упитанная, застряла. Рама под моим напором ходила ходуном. Еще рывок — и я вместе с нею лечу «рыбкой» в комнату. Звон разбитого стекла, кровь! Слава первый пришел в себя, «мухой» сбросил с себя рубашку и наложил жгут мне на живот, чтобы остановить кровь. На шум сбежались воспитатели. Что было!! Кому по дурости расшибать лоб охота? Вот я вину за «побег» нашей компании с уроков полностью на себя и взяла. С больной меньше спросу.

Наша жизнь — пунктир событий, цепь случайностей, широкий спектр больших и маленьких происшествий, — произнесла Лена философски, с девичьей кокетливой умудренностью и продолжила рассказ:

— ...А потом, когда солнце вновь обласкало землю, у нас появилась мода строить шалаши, и я на время забыла о чердаке, своем надежном убежище. Я работала, не разгибая спины. Шалаш получился просторным, теплым, в общем, комфортабельным. Однажды в моем «домике» я обнаружила Славу. Он долго смотрел на меня добрыми, спокойными голубыми глазами и вдруг начал признаваться в любви. Стоял передо мной

на коленях и читал стихи. Тихие звуки парили в воздухе и падали на сердце, гипнотизируя, обволакивая. Он покорила меня недетской серьезностью и благовоспитанностью. Но меня ошаршили его слова. Контраст между нами был огромный. Он мал росточком, худощав. Я выше его на голову, с «шикарной» комплекцией. Славка талантливый: схемы паяет, в математике рубит, на умных книжках помешан, шутками непрерывно сыплет. Язык здорово подвешен. Как свои пять пальцев знает стихи Лермонтова. Безызвестный самородок! Я и сейчас отношусь к нему как к брату: помогаю готовить уроки, глажу форму. Теперь мы часто сидим на чердаке и разговариваем о жизни.

Раньше я подозрительно, с большим недоверием относилась к словам любви. Считала, что только дружба объединяет людей. Но один неприятный случай заставил меня поверить в Славину любовь. Как-то жду я его на чердаке, тревожусь из-за долгого отсутствия. Слышу: кто-то подходит ко мне сзади. Оглядываюсь. А это Серега ввалился, наглый парень из выпускного класса. Раскинул руки, словно собирается делать зарядку, идет на меня, неприличные шутки, намеки и прочую дребедень произносит. Не успела я опомниться, как он резким движением одной руки вцепился в мое запястье, как клещами, а другой обхватил меня за талию, прижал к себе и стал целовать в шею. Сердце так и ухнуло от страха в пропасть. Мне показалось, что темные стены маленького убежища сомкнулись надо мной. Кричу: «Гад! Скотина! Отпусти!» А сама думаю: «Попала в переплет, пропала! Что делать? Плохи дела, моя песенка спета!..»

Лена вздрогнула от отвращения и гадких воспоминаний.

— ...В это время на чердаке появился Слава, сразу понял, в чем дело и взбесился от страха за меня. Он оказался необыкновенно сметливым. Бегло оглядел чердак и, не обнаружив ничего подходящего для защиты, ни мгновения не колеблясь, молниеносно обрушил на голову негодяя кулак, а потом вцепился в Серегу зубами. Тот взвыл и, свирепо сверкая выпученными от злости белками глаз, бросился на Славу. Хулиган избил моего друга. Ручищи у него будь здоров! Мне тоже крепко досталось. Но мы не отступили. Потом я прижала к себе своего спасителя, и мы вместе плакали. После этого злосчастного случая Слава сразу вырос в моих глазах. С того дня мы неразлучны.

Знаешь, у некоторых ребят с неустойчивой психикой бурление ранней юности уходит на одни глупости. Слава тогда сказал, что у Сереги центр интеллекта не в голове, не в сердце, а в заднице... Я понимаю, что во избежание всяких неприятностей должна остерегаться мальчиков — всякое невзначай происходит с девчонками. Но Славик не в счет. Я со спокойной душой доверяюсь ему. Он порядочный, надежный. В нем столько неосознанного мужества и достоинства!

Лена встрепенулась:

— Глянь, твоя мать идет. Сердитая! Если побежишь через кладку, быстрее нее будешь дома.

И я сорвалась с места.

Глава Четвертая

ХУЛИГАНЫ

Мы с матерью снова в городе. У нее лекции в пединституте. Младшая дочь хозяйки Альбина дала мне книгу о Шерлоке Холмсе, и я целый день глотала страницу за страницей. Вечером мать быстро уснула, а я все ворочалась в постели. Потом потихоньку встала, прошла на кухню и попыталась читать при свете уличного фонаря. Не получилось. Далекое фонарь. Взгляд упал на дверь. Из нее призывно торчал ключ. Долго не думала. Минута — и я на улице. Села на ближайшую хорошо освещенную лавочку в сквере и так увлеклась чтением, что не заметила наступления глубокой ночи. Очнувшись, закончив последнюю страничку книги. Закрывает уставшие глаза и потянулась, разминая одеревеневшую спину.

Тихий шепот вывел меня из приятного состояния. Из-под наполовину прикрытых ресниц взглянула перед собой. Никого. Скосила глаза вправо. Вижу группу ребят от десяти до пятнадцати лет. Стоят, тихонько шушукуются. Стало не по себе. Честно говоря, остолбенела. Сажу с закрытыми глазами и думаю: «Что делать?» Внезапно вспомнила слова папы Яши: «У городских хулиганов двенадцать-тринадцать лет — самый противный возраст. Ума нет, а дури — пруд пруди. Отвечать за свои «фокусы» не умеют, сразу слюни распускают перед милицией, а среди малышни гоголем ходят. Такие и ножиком могут пырнуть». Готова поручиться: они наподобие тех, отпетых. Что же придумать? Беспрепятственно ни за что не выпустят. Если начну настаивать, едва ли окажут радушный прием. С распростертыми объятьями пригласят к себе, возьмут в кольцо, и пропадай, моя телега все четыре колеса! Замысел никуда не годится. Опрометчивый, глупый. Утешилась!

Оценила расстояние до выхода из парка. Метров сто будет. Многовато. На обозримом пространстве в слабом свете фонарей ни одного человека. По обе стороны от асфальтовой дорожки — черным-черно. Да, положение не из лучших! Действовать буду так: по-хулигански спрошу, который час, а сама потихоньку, не спеша, направляюсь к асфальтовой дорожке. Не враз, конечно, но постепенно смогу выбраться. Впрочем, не возьму на себя смелость утверждать, что это самый надежный из выходов, но других вариантов не вижу. А вдруг план не удастся? Не все только от меня зависит. Нередко события развиваются самым неожиданным образом. Сомнений выше головы, но на что-то решаться надо. Иначе они сами начнут действовать. С какой стати, по какому праву я должна психовать, бояться тупоголовых? Что бы ни происходило, надо всегда сохранять уверенность в себе.

Встала. Орава сразу окружила меня.

— Привет, пацаны, — миролюбиво говорю я.

— Привет, — дружным хором отозвались ребята.

— У кого часы не заржавели? Сколько «натикали»?

— На моих золотых половина ржавчины!.. Около часа, — разноголосо отвечают ребята.

— Ого! Папаня стегать будет за опоздание или снова заточит в квартире. Никакой свободы! Он у меня зверюга. В тюрьме за разбой два раза сидел, а с меня порядок трясет, воспитатель чертов, — на ходу искренне сочиняю я, подстраиваясь под компанию.

Руки в карманы засунула, в позу наглую стала.

— А че за книжка? Нашла чем заниматься! — вызывающе хамским тоном спросил старший подросток и оглядел меня недоверчиво. — Больно ты надутая, заносчивая, самоуверенная, мнишь о себе много.

У меня мгновенно сложилось впечатление, что он здесь главный и к тому же прожженный тип. Даже от одного его голоса по спине побежали мурашки. Я слегка содрогнулась, но взяла себя в руки и продолжала играть роль рубахи-парня.

— Страсть как люблю читать про раскрытие преступлений! Еще Жюль Верн — моя мечта. Мне бы такую жизнь с путешествиями! Только в книжках и радость. В школе —

скука, друзей нет, все зубрят. А вы чем занимаетесь? У вас веселая компания? — спрашиваю я как можно развязнее, а сама медленно продвигаюсь к дороге.

Главный отнесся к моему увлечению книгами с пренебрежением, и его хитрая пронырливая физиономия уже обрела спокойное выражение. Но я все равно тщательно следила за тем, чтобы стгоряча не наговорить лишнего. Боялась, как бы поспешные слова не обернулись против меня. Тогда уж от этой «шелупони» не избавишься, никакие невероятные ухищрения не помогут.

Все шло из рук вон плохо. Самое неприятное было то, что ребята все плотнее окружали меня. Те, которые поменьше, из любопытства норовили ущипнуть за бок, ноги, пятую точку. Старшие были нахальнее, лапали с жадным блеском в глазах. Я очень осторожно отводила их руки. Ради того, чтобы выбраться из жуткой ситуации терпела их вольное обращение, резких движений не допускала. Понимала, что они могут послужить сигналом к избиению. Я видела такую драку.

Слышу, как позади меня некоторые ребята негромко переругиваются. Я выхватываю отдельные фразы: «Как шугану, сразу в штаны наложишь... Раззява! Чего столбом стоишь... опосля разберешься, гнида чертова... Не сподручно ему! Чего рассупонился? Нечего зазря ногами сучить, зараза... перышка захотел?» Гляжу: один, приглушенно болтая, беспрерывно хихикает. Он не пристаёт и поэтому не порождает во мне беспокойства. Другой крепыш, должна признать, тоже ничего. Непревзойденный трепач: лепит отчаянные, правда, пошлые остроты, забавные словечки. Как к таким подонкам затесался? Может, еще помнит угрызения совести? Сделала вывод: разношерстная компания, неслаженная. Это хорошо.

Меня ничуть не заботит ребячий треп. Я украдкой осматриваю деревья и кусты. Насколько мне известно, в эту пору здесь всегда можно обнаружить влюбленные парочки. Уважительно обращаюсь к старшему:

— Порадуй душу беломорчиком.

К моему удивлению, он тут же вытащил из кармана помятую пачку. Я по-мужски замяла конец папиросы, постучала ею по тыльной стороне руки, как делал знакомый мальчишка из детдома, и попросила прикурить. Ребята кинулась шарить по карманам. Повезло! Спичек ни у кого не оказалось. И тут невдалеке я увидела спасительный красный глазок. Это сразу придало мне сил. Зажав папиросу в зубах, я процедила небрежно:

— Кого пошлешь?

Старший легонько пнул самого младшего в сторону красной точки:

— Мигом скачи да проси вежливей, со слезой. И сразу линяй, недотепа.

Малыш не огрызнулся, даже не огорчился за «недотепу». Видно, привык подчиняться. Не теряя времени даром, продолжаю разговор и, медленно переставляя ноги, выбираюсь на центральную асфальтовую дорожку. Ребята наглеют, предлагая всякие гадости. Я не возмущаюсь, страшно боюсь навлечь на себя гнев. До выхода из парка оставалось еще метров пятьдесят. Запахавшись, примчался гонец. Он принес три спички и серный кусочек от спичечного коробка. Второпях мальчик сломал одну спичку. Зажег вторую. Я наклонилась, чтобы прикурить, но кто-то толкнул меня. Выпрямившись, я метнула негодующий взгляд и сказала сердито: «Черт возьми, схлыньте!» Ребята расступились. Передо мной на дорожке остался только малыш. Опять наклонилась, медленно раскуривая папиросу, не вдыхая дыма. Так учил Толян, когда в детдоме я из любопытства захотела узнать вкус запретного зелья. Попытдела папироской и неожиданно резко оттолкнула мальчишку. Он упал, а я, перепрыгнув через него, помчалась со всех ног к выходу из парка. Несколько секунд замешательства — и ребята кинулись за мной с криками и свистом. Знаю одно: так быстро еще никогда в жизни не бегала. Я не могла остановиться и на полной скорости перемахнула через дорогу. Хорошо, что машин в тот момент не оказалось. Врезавшись плечом в здание, упала. Я понимала, что пацаны не рискнут выйти из парка, и не торопилась подниматься. Сердце колотилось, в висках стучало, лицо горело, дрожь не унималась. И тут навалился настоящий страх. Я представила, как «метелят» меня глупые, жестокие мальчишки. Просто так, от нечего делать. О таком рассказывала жена папы Яши, наслушавшись подобных историй в суде. Меня затрясло еще больше. С трудом поднялась и, как пьяная,

нетвердо ступая, направилась к дому. У меня было ощущение, что асфальт состоял из ям и бугров.

Вспомнила о книге. Все в порядке — она за пазухой. Ключ в кармане. Тихонько открыла дверь квартиры. Все спали. Обошлось.

Лежу и думаю: «Теперь я знаю, что такое паническое бегство. Дуреха! Устроила «читальный зал» в сквере! Чуть не поплатилась за свою глупость. Я же знала, что ночью в парке опасно! Почему всегда кажется, что плохое может случиться с кем угодно, только не со мной? До сих пор судьба оберегала меня. Но даже в сказках добрые ангелы-хранители заботятся только о маленьких. А мне четырнадцатый год. Почему я не умею думать? А может, мне хочется продлить детство? Пора взрослеть!»

ОМШАНИК

На это лето отец запланировал построить шлакобетонный омшаник размером три на четыре и на два метра кубических, а поверх него поставить сарай в три метра высотой с наклонной цементной крышей. Рыть котлован начали еще весной, сразу после посадки картошки.

Встаем спозаранку. Работаем всей семьей. Кроме бабушки, конечно. Ей и на кухне забот хватает. Три раза в день готовить на пятерых первое, второе и третье — труд невелик, а колготы на целый день. Противное дело — кухня. У плиты летом жарко. В хате ни холодной, ни горячей воды, ни слива. Только успеваешь ведра туда-сюда таскать. И посуду мыть в миске — не большое удовольствие. «Никакой личной жизни», — шучу я, помогая бабушке.

Так вот, про стройку. Побросаю я землю часок-другой и бегу грядки полоть в качестве отдыха или воду таскаю для полива. Еще поработаю на котловане, сколько сил хватает, и снова переключаюсь на какие-нибудь мелкие дела. Это у моих детдомовских друзей забот раз-два и обчелся. А у меня их невпроворот — только успевай поворачиваться! Если дождь идет, значит все в хате возимся. У женщин стирка, уборка, починка. Отец инструмент ладит, в школу навещается. Насчет сена в сельсовет ходит договариваться, по поводу топлива на зиму для учителей пороги у начальников обивает. У каждого свои заботы.

Работая землекопами, мы с Колей устраиваем что-то вроде негласного соревнования. Если он чем-то занят, я тороплюсь в яму. Брат тоже не уступает, старается, чтобы за ним первенство было, и, когда я ковыряюсь на огороде, пытается обогнать меня. Случается уставать, но я виду не показываю, только поддразниваю Колю:

— Кишка тонка, еще полчаса повкалывать?

А иногда, совсем обессилив, со смехом говорю:

— Мои мощи бензинчика требуют, мотор не тянет.

И мы идем есть. Бабушка встречает нас словами:

— Труженики мои проголодались!

— Да ладно, ба, нам это в удовольствие, — небрежно отвечаем мы, довольные похвалой.

Обедаем, не торопясь, степенно, как взрослые. Мы на самом деле чувствуем себя солидными, нужными. Хотя, покончив с едой и тем временем отдохнув, начинаем тут же «воевать» под столом ногами и визжать. Бабушка не ругает нас, а только улыбается:

— Неугомонные, поберегите силенки!

Чем глубже копаем, тем труднее выбрасывать землю из ямы и тем с большим удовольствием мы с братом выносим ее ведрами на дорогу в колею. По очереди такой отдых себе устраиваем. Родители подобной привилегией не пользуются. А чтобы мы не чувствовали себя слабаками, мать подбадривает и сама посылает нас наверх: «Пора землю таскать. Во дворе ступить негде. Вдруг дождь пойдет и грязь развезет?»

Наконец, яма готова. Следующий этап строительных работ — шлакобетонные стены подвала-омшаника. Мы с братом готовим смесь из шлака, цемента и воды и перетаскиваем ее к «объекту». Отец принимает ведра, высыпает за опалубку и долго утрамбовывает бревном с ручкой. А мы тем временем готовим следующую порцию. В удачный день до двадцати пяти замесов выдаем. Устаем, конечно. Тяжелее всего таскать раствор. С утра по целому ведру носим и бегом, а к вечеру уже полведра еле-еле волочим. «После такого спортзала вы можете без боязни на любые соревнования по тяжелой атлетике выходить», — шутит отец.

Когда стены омшаника выстроили, пошли собирать по селу металлический хлам: толстую проволоку, куски от старых кроватей, обрезки арматуры. И все это для того, чтобы сделать сетку для потолка омшаника перед заливкой раствором.

Потом выводили стены сарая. Строить верхнюю часть оказалось тяжелее, но мы были готовы физически, потому что трудности нарастали постепенно. Ох, и поупражнялись мы, когда стены «выросли» выше нашего роста! Каждое ведро приходилось поднимать на высоту вытянутых рук. Я пыталась настаивать на механизации работы с помощью блока и веревки, но отец не захотел использовать мое предложение, объяснив, что оно имеет смысл только при большом строительстве, так как на подготовку усовершенствования уходит много времени.

Несмотря на усталость, мы все равно вечером находим в себе силы идти к друзьям. Цементный раствор с рук и ног смываем, переодеваемся, — и только подошвы сандалий мелькают на дороге. Надо отметить, что наши собственные пятки так огрубели, что мы со шлаком и цементно-известковыми растворами могли работать без обуви.

Наконец, и стены сарая готовы. Арматуру крыши отец прикрепил проволокой к двум огромным рельсам, которые с трудом взволокли наверх мужчины с нашей улицы. Рельсы оказались длиннее, чем надо, и мы с братом получили задание отпилить их концы, чтобы они не утяжеляли крышу. Металл не дерево. Там туда-сюда пилой поводил — и кусок отлетает. А тут маешься, маешься, а пропилил только на сантиметр углубился. Работаешь много, а внешнего эффекта нет. И сидеть на железке неудобно. Не поерзаешь, можно свалиться. Сначала я даже злилась, а потом спросила себя: «Я ее или она меня доконает»? Долго возилась. Дело не то чтобы трудное, монотонное. Одолела-таки свой кусок. Не зря бабушка к терпению приучала!

Покончили с крышей, и началась чисто женская работа — штукатурить. Я не умела пользоваться мастерком, поэтому цементным раствором мазала шершавые стены омшаника как глиной, а потом деревяшкой выравнивала. Руки оказались нежней ступней ног, и цемент развел мне пальцы до костей. Но я никому не сказала об «аварии», обвязала пальцы тряпочками и продолжала работать. Как-то дядя Петя увидел раны, сделал мне разгон и научил работать мастерком. Руки недели через три зажили.

К осени мы закончили стройку года, и отец торжественно поместил свои ульи в теплый, надежный омшаник. Прекрасный дом для пчел отгрохали! Теперь не надо кланяться родне. Мелочь, а приятно!

— Настраивайтесь на следующее лето сарай строить. Старый совсем разваливается, — сказала бабушка.

— План на ближайшую пятилетку нам известен, — деловито и сдержанно, как подобает труженикам, отвечали мы с братом.

МОСКОВСКАЯ ПОДРУГА

Виола каждое лето приезжает из Москвы в гости к своей бабушке. Она на два года старше меня и очень отличается от всех нас. Во-первых, Виола очень красивая: черноглазая, пухленькая, с черными распущенными по плечам волнистыми волосами. У нас никто не рискует расплести косы. Не положено. В школе ни одна волосинка не должна висеть над глазами, никаких челок и кудряшек! Я по десятку приколок использовала, чтобы по всем правилам закрепить свои непослушные волосы. Во-вторых, Виола носит короткие юбки, которые являются для нас верхом неприличия, а также яркие блузки, шарфы и береты. К волосам прикалывает красную розу. В движениях

небрежная грация. Держится непринужденно, даже слишком, с моей точки зрения. Но при этом остается милой и естественной.

Для нас она — символ столичных детей. Рядом с нею я чувствую свою забитость, даже убогость. Она не демонстрирует свои знания. Я не знаю, каковы ее успехи в школе, но поведение говорит о том, что у нее все великолепно. Нас она обучает всякой ерунде: играм в карты, карточным обманам, разучивает с девчонками гадкие, пошленькие песенки, на исполнение которых у меня язык не поворачивается. А мои подружки, сбившись в кучки, кто шепотком, а кто во все горло восторженно расппевают их. Мне всегда казалось, что столичные дети должны быть умнее нас, культурнее. А тут никакой пресловутой интеллигентности и деликатности! Иногда я замечаю, что когда Виола ловит на себе мои растерянные взгляды, то меняет тему беседы и начинает говорить о чем-то более серьезном. Я поделилась с любимой учительницей Александрой Андреевной своими переживаниями, а она рассмеялась:

— Расслабляется девчонка, ей в Москве надоедает быть правильной. Это как отпуск от трудной работы. Ей хочется развлечься.

— А я как расслабляюсь?

— Ты дерешься, громко кричишь, бузишь на уроках.

— Не так уж и часто балуюсь, — смутилась я.

— Поэтому ты вся в крайностях: то молчишь, слова не вытащишь из тебя, а то превращаешься в хулиганистого мальчишку. Бунтарство тебя распирает. Понимаю, трудно постоянно беспрекословно подчиняться. И все же при всех хороших качествах ты не подарок.

— Знаю, — хмуро согласилась я и подумала: «Никто не понимает, отчего я «встрепанная», отчего заводная!»

После разговора с учительницей я стала терпимей относиться к Виоле, хотя ее песенки и рассказы так и не научилась воспринимать спокойно. Я расспрашивала ее о жизни в Москве, но ничего особенного не услышала: красивые магазины, шумные компании, беготня по подворотням. Эх, мне бы столько свободного времени, как у Виолы! Летом у нас бывает время почитать, но только урывками, когда у родителей послеобеденный сон. Встают они очень рано, потому что в полуденную жару работать трудно. А Виола летом не читает. Отдыхает даже от художественных книг. Смешно!

Но вот один вечер с нею запомнился мне надолго. И я совсем другими глазами взглянула на москвичку.

Задержалась я у родни отца. Когда вышла за калитку, то оказалась в полной темноте. Как в погребке. Ни звездочки на небе, ни самого слабого огонька в хатах. Черным-черно вокруг. Ноги переставляю осторожно, примеряюсь. Глаза немного привыкли к темноте, и теперь еле заметные силуэты хат окружили меня бесформенными, призрачными глыбами. Вот и моя улица. Чуть сероватая лента дороги уверенно ведет меня к дому. Удивительная тишина теплой летней ночи погрузила меня в раздумье. Ни страха, ни волнения. Спокойно, благостно на душе, как будто я под теплым одеялом или у бабушки на печи под утро, когда легкое тепло от кирпичей уже не может разморить, а лишь приятно баюкает. Ночь приняла меня в нежные объятия. Размышляю: «Хаты белые, а я их плохо различаю, почему? Ясно! Дальше стоят. Дорога хоть темная, но под ногами».

Торопиться не хочется. Воздух еще не остыл после жаркого дня и приятно ласкает кожу. Подхожу к дому, осторожно трогаю щеколду. А она громыхнула как выстрел. Инородный, не природный звук. Притворила калитку. И опять хрипло лязгнуло засов. Тишина во дворе такая, что слышно, как вздыхает корова в хлеву и бормочут сонные куры на насесте. За воротами в палисаднике вяло перешептывается вишняк. У забора ясень что-то настойчиво доказывает осинке, а она нервно возражает. «А во дворе тишь и гладь, божья благодать», — так говорит бабушка Аня. Воздух здесь недвижимый, пропитанный запахами скотного двора, цветов и человеческого присутствия. Надо мной громада темного бархатного неба. Удивительно! Небо не давит. Я не ощущаю его черным панцирем. Оно радуется, завораживает тайной глубиной.

Мысли нарушил далекий разговор. Прислушалась. Виола с кем-то разговаривает. Тихонько выбралась на улицу. Слышу: со стороны луга, напротив дома Лили, голос Ярослава из десятого класса. Слова различаю четко:

— ...Школьный оркестр вчера участвовал в областном смотре-конкурсе и получил Почетную грамоту за исполнение народных песен. Наш руководитель — Дмитрий Федорович — по национальности грек. На фотографии я видел его семью, где все черноволосые, усатые и похожи друг на друга. До войны он рос на Украине среди обрусевших немцев, поэтому, несмотря на то, что по образованию зоотехник, преподает нам немецкий. Язык знает великолепно! Получает журналы и книги на немецком языке. Интересуется русской, греческой, украинской культурой. Сегодня мы из города приехали поздно и в школу музыкальные инструменты не понесли, а сложили в хате учителя. Гитару я под честное слово выпросил на вечер.

— Сыграй, — попросила Виола парня.

Он начал потихоньку перебирать струны и петь. Я подошла, поздоровалась и села рядом. Быстро, как мотыльки на свет, на звуки музыки слетелись ребята со всей улицы. Виола внимательно выслушала игру Ярослава, а потом как-то очень вежливо и сдержанно попросила гитару. Такой я ее еще не видела. Парень поколебался и спросил:

— Ты из чьих будешь?

— Москвичка, — с достоинством ответила Виола.

— На, только осторожно, — сказал Ярослав и протянул гитару.

— Понимаю. Сама в оркестре играю, — улыбнулась Виола.

Она удобно устроилась на пеньке и начала по-своему настраивать гитару. Ярослав переживал, но терпел вольное обращение с инструментом. Виола легким движением прошлась по струнам и спросила:

— Что сыграть?

— Можешь молдовеняску? Я аккомпанировал на конкурсе, а девчонки плясали, — бойко похвалился десятиклассник.

На минуту Виола задумалась, и ее пальцы медленно, но уверенно заскользили, как поплыли. Полилась тихая, нежная музыка. Она не нарушала теплого летнего вечера, а сливалась с шорохом ветвей. В гулкой, чуткой тишине вздыхало болото, всхлипывала птица, неожиданный порыв ветра приносил и бросал крупные капли дождя, которые барабанили по металлической крыше. Потом дождь затихал. Трепетали листья...

Мелодия закончилась, а мы не шевелились. Музыка продолжала звучать в наших головах запутавшимся в деревьях ветром, плеском реки, скрипом плохо смазанной телеги, отдаленными сигналами грузовиков, движущихся в «заготзерно». В этот момент мне показалось, что я почувствовала запах бензина.

Молчание нарушил парень.

— Как называется произведение? У тебя странная манера игры. Я не представлял, что гитара может так петь. Я, оказывается, только бренькаю.

Виола улыбнулась, отчего вокруг ее лица появилось еле заметное сияние. Потом она опять стала серьезной, и сияние пропало.

— Если музыка тронула тебя, вышло ноты. Я написала ее давно, под влиянием моего первого приезда в деревню.

Думаю, остолбенела не я одна.

— Давайте я исполню вам песни, которые сама только в этом году услышала от студентов, живущих в нашем дворе.

И она запела тихим, бархатистым, низким голосом: «Неуверенный день...» Я была

ошеломлена песней. Она поразила меня глубиной содержания.

Неуверенный день, неудобный, размытый. Я к друзьям прихожу раздраженный, не бритый, и они к моему лишь коснутся плечу — Я стою и молчу, я стою и молчу..... Будут думать домашние мудрые боги: «Значит, трудно идти одному по дороге?» Им, наверно, хотелось бы думать и знать, что, как слон в их долину, я пришел умирать...

Каждая строчка бередила душу и будто ложилась в заранее приготовленную нишу сердца. Слова ранили больно, безжалостно, заставляли сопереживать, дрожать. Потом звучала «Канада». В этой песне кто-то мощно, ярко, но очень грустно проживал свою жизнь. Была в ней и неутомимая неистовая страсть к жизни, и бесконечная, изматывающая тоска по Родине. Тихие аккорды гитары уносили меня в неведомое, особенное. Хотелось целую вечность сидеть под темным небом и все больше и больше погружаться в море незнакомой, печальной музыки.

Виола тихо запела:

Выхожу один я на дорогу. Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Господи, какие слова! Невозможно сказать лучше. Сердце как тревожат!

Громкий голос матери разрезал тишину:

— Живо домой!

Я, привыкшая к мгновенному выполнению приказов, на этот раз не смогла сразу отключиться. Виола мягко подтолкнула меня в плечо:

— Иди. Тебя зовут.

Я медленно поднялась и каким-то неуверенным шагом направилась в сторону дома. Крик опять пронзил ночь.

— Иду, иду, — досадливо отозвалась я, стараясь сохранить в душе ощущение божественного.

Состояние отторжения от мелочей жизни все еще держало меня в своих объятиях. Я летала, я пребывала в другой, удивительной, очень лирической жизни! И мне она нравилась.

Молча зашла в хату, молча легла. Вместе с музыкой ко мне прилетел сон, такой же таинственный, необыкновенный, возвышенный и очень нежный.

Среди ежедневных будней этот вечер был праздником души, праздником познания глубины моих и чужих чувств. Засыпая, я с теплотой вспоминала Виолу, и прежде непонимание, недовольство ею казалось теперь примитивным, мелочным, глупым.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Люди у магазина тихо переговариваются между собой. Подошел дед Никита с Нижней улицы, занял очередь и сел в сторонке на кирпичи, подложив под себя сумку. Ему лет восемьдесят. Волосы белым пухом взлетают от ветра. Линялая латанная длинная рубаха подвязана пестрым пояском от женского халата. К нему подсел сосед Митрич — молодежавый, краснолицый старик с веселыми глазами:

— У тебя, браток, носок ботинка рот открыл. В футбол играл? — спросил дед Митрич дедушку Никиту, щуря узкие веселые глаза.

— А то ж нет? Пока притопал сюда, все колдобины да камни на дороге пересчитал. Хорошо хоть не ползком передвигаюсь, — усмехнулся старик.

— Да ты на трех ногах, небось, еще до станции добираться?

— Нет. Стара челночит. У нее нет пудовых гирь в ногах.

— Предложи тебе скинуть годков тридцать, так согласился бы, а?

— Мы все желаниями богаты, — улыбнулся дед Никита пустым ртом.

Веселые морщинки побежали по его худому загорелому лицу. На миг оно стало моложе. Вислые усы взъерошились, поплыли кверху и тут же опустились, придав деду унылый, усталый вид. Он прикрыл глаза и задумался. Митричу скучно одному, и он опять пристает к деду Никите:

— Заходи ко мне ввечеру, есть у меня.

— Чего есть? — не понял старик.

— После гостей кое-что в заначке схоронил от Ньюьски. Приложимся?

— А какой нынче праздник?

— Просто выпить хочется.

— Пить хорошо, так же как и не пить, — изрек дед Никита и опять задремал.

Тут Митрич приглядел на пеньке справа от керосиновой лавки Ивана Ивановича с папироской, оживился и полный новых надежд направился осуществлять задуманный план. Женщины говорили о сиротской зиме, лысых озимых, о поздней Пасхе и прочих хозяйских заботах. Подбежал со слезами к бабушке Владимировне белоголовый внучок Петька. Он бормотал что-то непонятное. Я только и услышала:

— Не подумал...

Бабушка выслушала его и мягко сказала:

— Думать не будешь, все позабудешь, даже то, что знал. Ты все видишь, да мало понимаешь. Гляди, в другой раз не попадись, иначе отец лозинкой обучит. Не нарывайся. Не лезь к большим мальчикам.

Какая-то женщина тяжело вздыхает:

— Муж хоть слабый да кривой был, а все равно подпорка в жизни...

Мне скучно. Вспомнилась очередь в кассу пединститута, где мать получала деньги за лекции. Стоявшая перед ней женщина поставила впереди себя подругу. К ней подошел интеллигентного вида старичок и спокойно спросил:

— Гражданочка, зачем вы наказываете всех людей в очереди? Одного человека кассир обслуживает три минуты. Значит, каждого из нас, стоящих после вашей знакомой, вы заставляете стоять дольше. Я посчитал, нас — двадцать три человека. Если ваша знакомая очень торопится, так поставьте ее на свое место, а сами идите в конец очереди. Так будет честней. Быть добренькой за счет других — непорядочно.

Женщина смутилась и вообще ушла из зала. Никто больше не нарушал порядка. А вот на рынке в тот же день грустная история произошла. Очередь за арбузами протянулась через всю базарную площадь. Толпа колыхалась серыми неприветливыми волнами. Впереди меня стояла маленькая старушка. О таких говорят: божий одуванчик. Крупные арбузы заканчивались, и люди заволновались. В толпе возникло смятение. Началась давка. Тут позади себя я услышала громкий шепот: «Нажимай сильнее, выдавливай слабаков!» Оглянулась. За моей спиной стояла крупная женщина. Презрительная ухмылка скривила ярко накрашенный рот, свирепо блестели темные бычьи глаза. «Не поддамся!» — разозлилась я. Долго сопротивлялась. Но опоры у меня не было. А держаться за старушку я не могла. Боялась сделать ей больно. И в результате мы с нею оказались в числе выброшенных. Старушка растерянно разводила руками и тихо бормотала: «Нельзя же так, товарищи! Я целый час стояла...» В ее глазах блестели слезы. И тут я слетела с тормозов. «Люди, — обратилась я, — защитите старого человека!» А они крепко держались друг за друга, потому что хамоватая компания продолжала напирать, и лишь бросали сочувственные взгляды на маленькую старушку.

А я уже не могла остановиться. Уставившись на зачинщицу безобразного поведения, я завопила: «Где ваша совесть? Бабушка намного старше вас!» Мои возмущенные выкрики тонули и растворялись в пустоте. «Наверное, и в войну вы были такими же злыднями!» — закричала я хриплым срывающимся голосом. Гробовая тишина придавила людей в очереди. Какой-то молодой человек позвал меня:

— Девочка, становись впереди меня. Вместе мы выдержим натиск.

— Нет, — ответила я нервно, — не могу больше находиться в такой обстановке. Не хлеб. Обойдусь. Хотела родителей и брата порадовать. Если сможете, бабушке помогите....

Продавщица отсчитала двадцать человек и прокричала:

— Запомнила последнего!

Люди потоптались и стали сердито расходиться. А я пошла к Виоле.

Сегодня она с таинственным видом вынесла журнал и приказала малышам «сгинуть». Остались я, Валя и Зоя. Убедившись, что мы одни, Виола сняла газетную обертку. На обложке — нагая, эффектная девушка, из-за плеча которой выглядывал некрасивый мужчина с волосатыми обезьяньими руками. Зоя замерла, завороженная. На меня яркая картинка не произвела такого впечатления. Я была смущена ее непривычной откровенностью. Но, когда пригляделась к мелким картинкам по периметру обложки, меня будто по голове стукнули чем-то тяжелым, но мягким. Я растерянно рассматривала раздетые пары, пытаюсь вникнуть в их позы, осмыслить назначение странных упражнений. Но удивили меня не сами картинки, а то, что мне они знакомы. С одиннадцати лет по ночам меня преследовали странные сны. Мне было приятно их видеть, но я чувствовала, что есть в них что-то не совсем правильное, запретное. Но что именно нехорошее, не понимала. Сны были нечеткие. Когда я пыталась их разглядеть, они расплывались или совсем исчезали. Поначалу это меня раздражало. Но так как в осознанные картины восприятие не складывалось, сны перестали меня интересовать. Они не закреплялись в памяти, и, просыпаясь, я толком уже не могла припомнить видений ночи. Позже сны прекратились, и я забыла о них. А теперь на картинках журнала я четко и ясно увидела то же самое и даже на мгновение почувствовала те же приятные ощущения внутри себя. Я испуганно взглянула на подруг и ушла домой. Я была потрясена неожиданным непонятным открытием, и в то же время во мне осталось неосознанное, брезгливое ощущение, будто в руках я держала что-то гадкое.

Вечером Виола сама подошла ко мне.

— Ты не рассказала родителям о журнале? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, конечно.

— А что тебя так испугало?

Я объяснила. Виола загадочно улыбнулась:

— Ты, наверное, будешь темпераментной.

— Я и сейчас шустрая. Характер у меня заводной.

— Я о другом, — засмеялась она. — Видно, твои дальние предки жили на Востоке. Скорей всего в прошлой жизни ты была наложницей. По ночам, во сне, ты получала импульсы предков. В мозгу человека откладывается все, накопленное веками. Иногда дремучие джунгли наследственной памяти просыпаются, выдавая неожиданную шокирующую информацию.

Я ничего не поняла из слов подруги, но обрадовалась. Раз Виола спокойно рассуждает, значит мои сны не психическое отклонение, а нормальные проявления развивающегося организма. И все же я недоумевала: «При чем здесь мои далекие предки? Разве они могут влиять на мое настоящее? От меня зависит моя судьба, а не от того, кем была моя прапрабабушка!» «Вообще-то, если это правда, неплохо было бы иметь в роду гения. Может, от него в моей голове добавилось бы ума. Не помешало бы! — мысленно проехала я в свой адрес. — А то выдумала какую-то наложницу шаха! Сто лет она мне без надобности!»

Виола протянула мне листок бумаги. На нем красивым почерком было написано: Китай, г. Шанхай, школа № 135, 9 класс. Хуон Сян Тиун.

— Хочешь переписываться с девушкой из Китая? — спросила она.

От радости я не могла вымолвить ни слова. Виола, довольная произведенным эффектом, сказала строго:

— Отнесись ответственно. Ты представитель нашей страны.

— Понимаю, — серьезно ответила я.

Я была горда, что Виола только мне оказала такую честь, хотя моих подруг знала давно. (Потом были годы переписки, изучение письменного китайского языка, радости «заочного» общения с представительницей далекой страны.)

ВНУК УЧИТЕЛЯ

Я пришла на станцию встретить сестру Люсю. Она должна приехать из города рабочим поездом. Первый путь занимал поезд дальнего следования. Новенький, щеголеватый, с лакированными красными полосками на зеленых боках, он стоял под парами, звонко гудел, оповещая всех о своем первом путешествии, и с искренним яростным желанием рвался в неизведанные, бесконечные дали, сияя улыбками фар-глаз и чистыми стеклами окон. Я поймала себя на мысли, что по-детски отождествляю себя с поездом, и рассмеялась.

На перроне было мало людей, поэтому я сразу заметила семью учителя математики старших классов по кличке «Попитаемость». Так звали его ученики за то, что во время уроков он обычно, в место «попытаемся решить задачу», говорил «попытаемся». (В молодости он жил на Украине, отсюда устойчивый акцент).

Андрей Макарович, так звали старого учителя, был добр. Уроки вел по замусоленной тетрадке доисторических времен, но ученики любили его. А сегодня он стоял на перроне со своей хлопотливой упитанной женой, единственным сыном и внуком. Я знала от родителей, что их пассивный неглупый сын не сделал в городе карьеры, женат на женщине с ребенком и что старики души не чают в этом мальчике.

Я первый раз видела их внука и с любопытством разглядывала. Мне не понравилось его безразличное выражение лица. На суетливое внимание бабушки двенадцатилетний мальчик отвечал молчанием или грубил, пряча глаза. Когда в очередной раз он отвернулся от родственников, я увидела в его глазах досаду, раздражение и злость. Странно, почему он ненавидит стариков и нового отца? Они же к нему так ласковы! Почему они не нашли общего языка? Везде свои загадки. Я тоже не смотрю в глаза своим родителям. Но я не могу относиться к ним со злом: они для меня столько делают! Как можно ненавидеть тех, кто о тебе заботится? Жестокий!

Неожиданно кто-то за моей спиной свистящим шепотом произнес:

— Гаденыш!

Я обернулась. Это сказал Миша, мой знакомый из детдома. Мы отошли за угол вокзала, и я спросила:

— За что ты его так?

— Дядя Антон с двух лет его растил, а теперь он вдруг решил, что в однокомнатной квартире его матери неродному отцу места нет. Представляешь, он говорит ей: «Я вырасту, женюсь. Мы шторкой поделим комнату, и ты будешь нянчить моих детей. А он не нужен нам. Прогони его». Гнида поганая!

— Родные знают? — спросила я Мишу.

— Нет. Киря мне доложил.

Подошел поезд. Старики поставили в вагон корзинки с овощами, на прощание помахали сыну и внуку и пошли домой. Я грустно посмотрела им вслед.

Из соседнего вагона появилась Люся. Я погрузила ее вещи на велосипед. Домой шли молча. Люся не приставала с разговорами. Она понятливая.

ДЯДЯ ВЯЧЕСЛАВ

Приехал к нам в гости друг отца из города Ельни. Он невысокого роста, крепкого сложения, улыбочивый. Бывший летчик. Отец с гостем выпивали, вспоминали сражение, на котором познакомились. Вскоре крупное волевое лицо дяди Вячеслава покраснело, губы сделались еще пухлее, а речь развязней. Он попытался ущипнуть мать за бок, а меня шлепнуть пониже спины. Мы увернулись. Мать смутилась и сердито буркнула, что-то вроде того: «Не по душе мне такая фривольность и добродушная бесцеремонность». А я разозлилась на неуважительное отношение к женской половине нашего семейства и не преминула тут же высказаться в его адрес. Трезвому, конечно, не решилась бы замечание делать. Дядя Вячеслав удивленно поднял красивые, с крутым изломом брови и засмеялся:

— Недотрога!

— А вы привыкли к другим? — нагрубила я.

— Зачем ты так? Я с уважением отношусь к гордым. Девушка — это чистый цветок. А мы, мужчины, животные, поедающие эти цветы.

— Почему жизнь так глупо устроена? Мягким, добрым женщинам достаются грубости мужчин, а грубым мужчинам — забота нежных женщин! — возмутилась я.

Гость так расхохотался, что его крупные карие глаза полезли из орбит. Катаясь по дивану, жестикулируя, он никак сквозь смех не мог выразить свою мысль и только икал и вскрикивал:

— Ну, чертенок! Все замечает!

Потом, отдышавшись, добавил уже резко:

— Не люблю умных женщин: трудно им соответствовать. Они не прощают ни одного промаха, не дают власть пожить. А жизнь хороша именно, слабостями. Вот моя Аннушка умная была, а какая в ней радость? А вторая жена — красавица, но дурочка. В рот мне глядит, восторгается и все прощает.

— А дети есть у первой жены? — настороженно спросила я.

— Два сына. В школе хорошо учатся.

— Ну, уж в этом наверняка не ваша заслуга, — съязвила я.

— Нельзя быть такой злой, — мягко осадил меня гость.

— Ненавижу таких, как вы. Наверное, сыновья тоже вас не любят за то, что детство им испортили.

— Мне теперь из-за них на ушах стоять? Подрастут, — поймут меня, — сухо, по-военному отчеканил дядя Вячеслав.

— А пока растут, пусть страдают? — буквально закипая, с дрожью в голосе спросила я.

— Я своего отца почти не видели все же человеком вырос, — возразил гость, нахмурившись.

— Он вас тоже бросил?

— Нет. На заработки надолго уезжал.

— Жаль, что вы не понимаете разницы. Он с вами был. И это самое главное.

— Запомни: если не можешь изменить обстоятельства, измени отношение к ним. Не лезь в философию, — жить легче будет, — с притворной лаской посоветовал гость.

— Кому? Детям?! — сжав кулаки, насупилась я.

— Отстань. В твои годы я не имел обыкновения грубить. У тебя предвзятое мнение о жизни. Подрастешь — поймешь, что мужчина создан природой быть самцом, — со слегка натянутой улыбкой преподносил мне гость прописные истины своего видения жизни.

— Каждый сам выбирает, кем быть: человеком или животным! Волк и тот с одной волчицей всю жизнь живет. А вы хуже волка, — зло отрезала я.

— Выпей рюмку и угомонись, — примирительным тоном предложил дядя Вячеслав. — Рано мне пить. А мнения насчет вас все равно не изменю, — упрямо и сумрачно ответила я.

Чтобы избавить гостя от настырной собеседницы и остудить накалившуюся обстановку, мать услала меня в магазин.

Наутро дядя Вячеслав встал и, широко улыбаясь, обратился к матери:

— Размяться бы. С самой войны топора в руках не держал. Форму, наверное, потерял.

— Колоть нечего. Пилить надо, — ответила мать, видимо, не желая затруднять его.

— Еще лучше. Зови мужа, — заявил дядя Вячеслав, потирая руки.

— Грыжа у него разболелась, — отозвалась мать.

Но гость уже раззадорился, ему не терпелось поработать.

— Иди, — кивнула мне мать.

Я не испытала удовольствия от неожиданного предложения, но послушалась. Гость, оглядев мою тощую нескладную фигуру, хмыкнул:

— Она пилу поднимет? Зовите Колю. Какой-никакой, а мужчина.

Я молча проглотила обидное замечание.

— Нет его дома. Выбора у вас нет, — усмехнулась мать.

Дядя Вячеслав, не скрывая своего неудовольствия, пошел в сарай за пилой. Я выкатила бревно и, поднатужившись, уложила его по центру «козла». Увидев бревно, гость удивился, но спрашивать не стал, откуда оно появилось.

С первых движений он понял, что имеет дело с опытным человеком, но все равно продолжал поддразнивать меня. После двух часов работы летчик предложил попить чайку. Я ответила: «Пожалуйста, а я пока дров наколю и разложу в штабельки и «домики».

Гость с минуту постоял и вновь принялся за пилу. Время близилось к обеду. Дядя Вячеслав уже не балагурил и за следующим бревнышком шел в сарай не торопясь. Я тоже использовала каждую свободную минуту: старалась незаметно растереть руки в локтях. Гость начал нервничать, но самолюбие не позволяло ему первому бросить работу. Он резко дергал пилу, не допиливал бревно до конца, пытался разломить отпилки ударом об землю. Я понимала, что он, меняя вид работы, давал рукам отдохнуть, и не мешала ему.

Пила взвизгнула о сучок, сделала волнообразное движение, и по двору поплыл характерный колыхающий высокий звук. Заслушавшись, я невольно остановилась. Дядя Вячеслав воспринял остановку как сигнал «отбой», но я продолжила работу.

Наконец, мать вышла на крыльцо и позвала:

— Вячеслав, вы увлеклись. Нельзя так. Вы же гость.

Он сразу заулыбался и, не допилив бревно, пошел мыть руки. Я откатила чурбаки под стреху сарая и тоже вошла в хату. До самого отъезда гость больше не дразнил меня.

ХЛЕБ РОДИНЕ

Начало августа. Уборка хлебов идет полным ходом. Мои подружки работают на току, возят зерно от комбайнов.

Сегодня за ужином, низко опустив голову, я недовольно забурчала:

— Отпустите хоть на неделю с девочками на ток поработать. Даже у взрослых бывает отпуск. Лето заканчивается, а мне и вспомнить нечего.

Родители переглянулись. Перед сном бабушка порадовала меня:

— Разрешили. С понедельника пойдешь.

И вот настал долгожданный день! Пять утра. С меня стягивают одеяло. Я возражаю.

— В колхоз тебе пора, сама же просила, — шепчет бабушка.

Я мгновенно вскакиваю, на ходу выпиваю кружку парного молока, беру с собой пару кусков хлеба и направляюсь к двери.

Бабушка озабоченно спрашивает:

— Куда в такую рань? Комбайны в поле не выйдут, пока солнце росу не соберет. Сухое зерно в хорошую погоду можно сразу в заготзерно везти, а влажное сушить придется.

— Мы утреннее зерно на ток будем возить, а после десяти часов — сразу на станцию. Так придумали комбайнеры, чтобы поскорее убрать хлеб и сдать государству. А еще мне надо успеть попасть к хорошему шоферу, который возит хлеб от заслуженного комбайнера. Иначе без толку проваландаюсь и четверть трудодня не заработаю. Нельзя опаздывать, девочки с нашей улицы взяли меня в свою бригаду.

— Ну, раз договорились, — спеши, — согласилась бабушка.

Серебрится росой трава на лугу. Низкие лучи солнца освещают только верхушки деревьев. Тени от домов и сараев черные. Свежий ветер мурашит кожу.

В шесть часов я уже на току. Электрик ковыряется в механизме транспортерной ленты. Кладовщица гремит засовом на складе. Несколько ребят с улицы Гигант играют на куче зерна. Села неподалеку от них. Неуютно. Хорошо, что девчонки подсказали надеть шаровары и платье с длинными рукавами. Зябко передергиваю плечами, прячу покрасневшие босые ноги в зерно. Наконец пришли мои подружки.

— Ты с Валею иди за деревянными лопатами, а мы будем охранять машину от захвата чужаками. Здесь приходится действовать грубо и решительно: кого обругать надо, кому пригрозить, а кого и столкнуть с борта, — объяснила мне Зоя.

Кладовщица записала за нами лопаты, и мы ринулись помогать девчонкам отстаивать права на машину. Шофер дядя Вася взглянул на меня внимательно и спросил:

— Городская?

— Нашенская, — заступились за меня девочки, — Она хоть и директорова, но работать умеет.

— Держись ближе к кабине, — строго приказал шофер и сел за руль.

Водитель понравился мне. На вид лет сорок пять. Спокойный, основательный. Роста

невысокого, не богатырского сложения, но в нем чувствовалась самостоятельность. Вид шофера настраивал на деловой лад. «Не пустопорожний», — вспомнила я бабушкину характеристику одного родственника. Молча залезли в кузов. Едем быстро и долго.

— Видишь, куда Скоробогатова загнал председатель? — с сочувствием произнесла Валя.

— Может, нам выгоднее работать с тем, кто с ближнего поля хлеб возит, тогда ходок больше сделаем? — спросила я.

— Важнее, с кем работать, а не с какого поля возить, — авторитетно заявила Рая. — Мы еще прошлым летом во всем разобрались. Опыт имеем.

Я замолчала, чтобы не выглядеть несмышленищем, и стала прислушиваться к разговору подруг.

— ...Своему деверю лучшее поле выделил. Ничего! Иван Никифорович и на редком поле план даст. Трудолюбием возьмет. Не позволит он всяким тут хаять себя. Не из таких. Слов на ветер не бросает. Не зря считается лучшим комбайнером!...

Еще не видя героя жатвы, я переполнилась уважением к легендарному человеку, которому никакие козни не страшны.

Наш путь лежал через Ветренский шлях, потом по Снагостскому поехали. Вдруг вижу: гусята дорогу переходят. Я испугалась, что они не успеют проскочить, и как застучу по кабине! Шофер резко остановил машину и выскочил с бледным лицом, чтобы узнать, что случилось. Ой, как мне стыдно стало! Извиняться начала. Слезы на глазах выступили. «Простите, дяденька, — говорю, — гусят пожалела».

— Я же за вас отвечаю! Ладно, уж. Оставайся. Девочки, обучите новенькую нашим порядкам. Я не поощряю даже малейших отступлений от правил. Относись к ним как к святыне, — все еще волнуясь, сказал шофер и взялся за баранку.

Вот и поле. Комбайн поравнялся с нами и, не останавливаясь, начал ссыпать пшеницу в машину. Наш шофер ловко вел машину рядом, так, чтобы зерно попадало по центру кузова. Мы быстро разгребали его.

— Осторожно маши лопатой, чтобы за борт не сыпалось, — предупредила меня Зоя.

Я обратила внимание, что в углах кузова аккуратно прибиты куски ткани, щели бортов законопачены, а большие дыры залатаны фанерками. Девочки работали дружно, без суеты, ритмично. Я сначала пометалась по кузову, потом сориентировалась и заняла надлежащее мне место. Когда зерно наполнило кузов доверху, Зоя крикнула комбайнеру «отбой», и он, перекрыв «хобот», поехал по полю, а наш шофер вырулил на дорогу и остановил машину.

— Так, труженики, закопаться по пояс в зерно, держаться за борт у кабины, — и без фокусов мне! — приказал он.

— Знаем, не маленькие, — ответила за всех Зоя.

Двинулись в обратный путь. Ветер бил в лицо. Настроение было восторженное, более радостное, чем когда одна дома вкалываю. Подъем в душе возник. Может, он появился потому, что над кабиной висел на длинных древках плакат: «Хлеб — Родине»? «И я тоже чуточку помогаю Родине?» — промелькнуло в голове. Мне неловко от такой серьезной мысли, а все равно радостно. Девушки на встречных машинах весело кричали нам: «С новым урожаем! Привет труженикам полей!» Мы им тоже отвечали улыбками и добрыми словами.

Приехали на весовую. Там нам отметили в квитанции вес зерна и взяли пробу на зрелость и влажность. Пока мы разгружали машину, шофер, расстелив на коленях белое льняное полотенце, завтракал. Дядя Вася даже ел как-то солидно, степенно. Кружку чая брал не за ручку, а обхватывал ладонями. Рядом с нами, у другого склада, работали ребята с Некипеловки. Просо у них само, как вода с латака (запруды), стекало по кузову. «Трудодни за количество зерна ставят, а не за трудоемкость. Неправильно это, но мы законов не пишем», — заметила Валя.

Я уже работаю уверенно и в грузовике веду себя правильно: становлюсь у кабины, держусь за борт руками и сгибаю ноги в коленях, чтобы смягчать толчки на ухабах. Ветер плотным потоком бьет в лицо, играет волосами. Мы горланом песни, пытаюсь заглушить шум мотора. Здорово!

Сделали пять ходок. Время обедать. Разгрузив машину, направились к длинным рядам наскоро сколоченных лавок.

— В этом году впервые из-за городских и нас кормят, — объяснила мне Валя.

У котлов хлопочут две старушки.

— Эй, труженики! Идите туда, — указала нам одна из поварих в сторону столов, стоящих в примятом бурьяне.

Как настоящим взрослым работникам, нам дали по полной железной миске наваристого борща и по тарелке вареной картошки с мясом. Потом компот принесли. Я ела с большим удовольствием: дома мясом не балуют. Девчонки тоже мели все подчистую. Почувствовав, что с хлебом такую порцию мне не умять, я рассовала его по карманам: пригодится на полдник. Когда мы допивали компот, студентам принесли по тарелке свежего меду. Я чуть язык не проглотила. Когда в прошлом году отец качал мед из своих слипнутых», — ответил он и дал меду всем понемножку, чтобы блинчики помазать. А тут совсем ни за что ни про что студентам по целой тарелке! Я попросила:

— И нам дайте меду, хоть одно блюдце на всех!

— Не положено своим, — ответила шустрая бабуся.

Шофер подошел к кухарке и молча протянул ей чистую тарелку. Старушка налила. Мы макали хлеб в мед, облизывали грязные руки и смеялись, вдыхая дивный аромат. Глядя на нас, дядя Вася улыбался, но сам кушать мед отказался. Отяжелевшие от еды, мы пошли под навес отдохнуть. Проходя мимо городских девчат, мои подруги весело бросали им язвительные реплики:

— Наштукатурилась? Срамота! Что платком завязалась, как мумия? Гляди: один глаз выцвел, а другой нет. Обвешалась всякими прибабасами, а выглядишь не ахти. Неважнецкий у тебя видок. Дома, небось, от зеркала весь день не отлипаешь? Только честный труд на свежем воздухе спасет тебя...

— А вы до второго пришествия трепаться будете?..

— Вы хоть веялку выключайте, когда спите. Электричество экономить надо. У нас один движок на все село. Чемпионы по лени, спать шум мотора не мешает? Забыли, что надо блюсти моральный кодекс?..

Девушки с нами не связывались, терпеливо сносили подковырки. Одни молча отворачивались, демонстрируя полное равнодушие к полемическому задору моих подруг, другие вставали и вялыми движениями бросали влажное зерно на движущуюся транспортерную ленту. Только одна не выдержала и пробурчала иронично и надменно:

— Отстаньте, несносные девчонки! Что на вас нашло? Не продохнуть от указов начальников, а тут еще вас заклинило как заезженную пластинку. Не жизнь, а комедия нервов.

И обернувшись к подругам, добавила с усмешкой:

— Девушки, придется нам здесь научиться спокойно переносить и хулу, и злословие.

— Дармоеды, тунеядцы. И зачем их сюда присылают? С такими работничками каши не сваришь, — обиженно роптали мои подруги.

— Председатель говорил, что обязан их брать, раз город присылает, хотя коэффициент их пользы минус ноль целых восемь десятых. Не зарабатывают того, что проедают, — со вздохом объяснила дежурная по току, непонятно кому сочувствуя.

— Лучше бы нам больше платили, — возмущались девчонки.

— Не виноваты они, что работать не умеют. Они же с раннего детства бездельничают, не зная, куда себя деть. Я жила в городе. Сама гоняла по улицам и безобразничала, — встала я на защиту городских.

— Ну, так хотя бы старались! А то нагло лежат под навесом и только на обед приходиться не забывают. Никчемные, совести у них нет, — не сдавались мои подружки.

— Работники, на борт! — скомандовал дядя Вася.

И мы дружно вскочили.

К десяти часам вечера разгрузили одиннадцать машин и отправились к нормировщице. Она записала против наших фамилий цифру 0,75. Зоя зароптала:

— В прошлом году получали 0,75 и в этом то же! Мы перевыполняем план взрослого человека! Почему вы не пишете нам целый трудовой?

— Нечестно, нечестно! — загалдели остальные школьники. — Студенты и половину нашей работы не делают, а вы им трудовой ставите.

— По возрасту вам не положено писать целый. Нарушение законодательства будет.

— А работать с утра до вечера можно по закону?

— Тоже не положено, — покорно ответила женщина.

— По улицам каждый день ребят собирать на работу можно, а как платить, так нельзя! Мы без выходных все лето работаем, — неслись со всех сторон голоса примкнувших к нам ребят.

— Хватит! Ишь, расгагакались, как гуси. Вы пионеры, поэтому должны помогать родному колхозу. Вас кормят, палочки (трудодни) пишут, а вы еще несознательность проявляете! — строго закончила разговор учетчица.

Мы замолчали и смущенно разошлись. «Она, конечно, права, насчет пионеров. Но никак в толк не возьму, почему мы должны бесплатно вкалывать, а взрослые за деньги? В своем домашнем хозяйстве не платят, потому что на себя работаем. А тут ведь для колхоза, хоть и родного. Понятно! Считается, что школьники не работают, а помогают. А помощь всегда должна быть бесплатной», — глубоко осознав свой гражданский долг, успокоилась я.

Иду домой, наслаждаюсь тишиной. Полоса облаков у горизонта горит, будто впитала жар всего солнечного дня. Полная луна протискивает свой серебристый лик между темными остроконечными верхушками сосен. Хорошо!

Бабушка встретила меня у ворот. Увидев мою сияющую рожицу, успокоилась. Мы вместе поужинали, и я легла спать, попросив разбудить меня пораньше. Не опоздать бы на работу! Там так интересно! Не каждый день бывает такой праздник!

ОТКРОВЕНИЯ НА ТОКУ

Встала рано. Вышла на крыльцо. Все мокро. Невезуха! Вспомнилась строчка из моей секретной тетрадки: «И тучи ворохом забот с небес спустились на деревню...» «Грустно тому, кто с сеном еще не управился», — подумала я и вернулась в хату. Родители не хотели отпускать меня на работу, понимая, что после ночного дождя в поле делать нечего. Но я напомнила им, что нахожусь в «отпуске», и они не стали настаивать на своем. В шесть утра наша компания уже на току. Мы — это я, Рая, Зоя, Валя и две девочки из восьмого класса: Нюра и Галя. Пожилые шофера дремлют в кабинах, ожидая сигнала к работе. Молодые, расстелив фуфайки на влажной траве у машины дяди Васи, режутся в карты и травят анекдоты. Нас прогнали, чтобы не слушали взрослые разговоры. А мы спрятались за колеса и уши наострили. Слышим:

— Вась, пойдем сегодня к Шапене? Грех упускать удобный случай. Отчего не поразвлечься, не позабавиться?

— Не хочу, — последовал раздраженный ответ дяди Васи.

— Ну и дурак. Неужто и впрямь прилип к своей бабе? Без сомнения прилип! Сдается мне, что трусишь, подкаблучник несчастный.

— Ничего подобного! На кой мне Шапена, если душа не лежит. Раз оплошал: пошел к ней с дуру, мужики после получки затащили. В тот день жребий пал на меня. И тут все обнаружилось. Моя-то чистенькая, нежная, ласковая. А эта грязная, гадкая. Куда ни глянь, все рвань. Противно даже прикасаться. Сбежал я. Не обошлось без осложнений. Прилипла так, едва ноги унес. Чепуховая история... Я же не пью до одури. Не животное. Хочу, чтобы все было красиво и по любви.

— Какая у тебя любовь в пятьдесят лет? — недоверчиво хмыкнул молодой шофер.

— Если в тридцать была, так и в пятьдесят будет. Ты не любил, и тебя не любили по-настоящему, вот и куролесишь, — спокойно ответил наш дядя Вася, раскладывая на искристо-белом полотенце свертки с едой.

Зойка хихикнула. Дядя Вася услышал, рассерчал и прогнал нас. Убегая, я оглянулась. Шофер осуждающе качал головой. Я смутилась и потащила девчонок к зерносушилкам. Но поработать не получилось и там. Ветер уплотнил тучи. Опять заморосил дождь. Лежим под навесом, закопавшись по пояс в теплом зерне, и сетуем на погоду, анекдоты про Хрущева шепотком травим, в карты вяло перебрасываемся. Новые знакомые рады передышке.

— Девчонки, не рвитесь на комбайне работать. Тяжкий труд — целый день махать вилами на сенокопнителе. Остюки царапают тело, от жары задыхаешься. Солома, полова в глаза летит. Не спасают пылезащитные очки. Платком обвяжешь голову и лицо, а какой толк? Дома разденешься догола, чтобы помыться, все тело черное от пыли и огнем горит. Я вон здоровая какая, и то кровь носом шла первые дни. От матери скрывала. Сама ведь напросилась на комбайн. Считала позором с малышкой на току торчать. Сейчас ничего, мало-помалу обвыклась в поле. Надеюсь, на месяц сил хватит. Да, что ни говори, и трудодень лучше оплачивается. Обед привозят и воду питьевую. Правда, бывает, что пока колымага по всем полям прошлепает, так еда только к вечеру появляется. На лошадке не больно-то разгонишься! — наставляла нас Нюра.

— Нюр! Расскажи про пчел, — смеясь, пристала к подруге Галя.

— Отстань! Сама рассказывай, раз такая смешливая, — незлобно огрызнулась Нюра.

— Ну, так слушайте, девчонки, — начала свое повествование Галя. — Две недели назад на Нюркин комбайн напал рой пчел. Наверное, отдохнуть захотел. А Нюра не замечает и все продолжает вилами махать, приминать солому в копнителе. Вот рой и облепил ее. Она в ужасе соскочила со своего поста и давай без оглядки носиться по стерне. Пчелы разозлились и начали жалить и ее, и штурвального, и сцепщика. Теперь вместе они по полю скачут, не чуя под собой ног. Визг, мат! Нюрку такой страх обуял, что уж и соображать перестала. Тут комбайнер вспомнил, что спасти от «бандитского нападения» может только вода. На их счастье, неподалеку была глубокая лужа. Крикнул он Нюрке, а она с перепугу в другую сторону рванула. Молодой штурвальный поймал ее, за шиворот схватил, и они помчались к спасительному месту. Рой за ними. Шлепнулись они в лужу. Грязи там по колено, а воды — всего ничего. Только головы высунут, — пчелы на них пикируют. Они опять лицами в грязь. Когда рой улетел, вылезли работнички липкие, злые, черные, страшные как смертный грех. А Нюра точь-в-точь как мокрая курица. Пришлось на полевой стан ехать отмываться. А там их мужики встретили градом издевок и насмешек. Офонарели совсем! Никакой душевной жалости! У бедняг от укусов температура поднялась. Нюрка два дня потом болела. Говорят, пчелы до смерти могут зажалить. На полевом стане только старая повариха слезу пустила. Кинулась к Нюрке как шальная. Мыла ее и все приговаривала: «Господи, спаси дитятку». Оказывается, эта бабуся сама в молодости чуть не погибла, когда пчела укусила ее в горло. Женщина второпях компот с живой пчелой выпила.

— История на самом деле невеселая, — вздохнула Рая.

- Главное, хорошо закончилась, — улыбнулась Галя.
- Нюра, и ты после такого происшествия опять на комбайн пошла работать? Беды всегда сваливаются на голову неожиданно. Не боишься снова вляпаться? — спросила я.
- Так у нее там зазноба-штурвальный! — беззаботно засмеялась Галя.
- Хватит языком трепать, — рассердилась Нюра и покраснела.
- Девчонки, а какие мальчишки вам нравятся? — вдруг спросила Галя.
- Никакие, — ответила за всех нас Валя Гандлер.
- Совсем никакие? — удивилась Нюра.
- Для меня нет разницы — девчонки или мальчишки. Лишь бы с ними интересно было, — объяснила Валя.
- Я в том смысле, за кого бы ты замуж пошла? — уточнила Галя.
- Не думала. Зачем раньше времени себе голову забивать?
- И все же, какого бы мальчика ты выбрала? — настаивала Галя.
- Доброго, как мой папка.
- А я бы красивого, — влезла Зоя.
- Почему? — удивленно спросила Нюра.
- Все будут мне завидовать!
- Чему завидовать? — засмеялась Галя. — Пока молодой — хорош, а постареет, такой же, как все, будет. Я от старшей сестры слышала, что красивый муж — чужой муж. Красавчики по большей части или глупые, или эгоисты. Кичатся своей внешностью и забывают, что это не самое главное в жизни. Вон у Ани с Некипеловки муж видный был, да на беду вернулся из армии с обожженным лицом. Вообразил себя несчастным, пьет. Ее измучил. Потому что бестолочь. Постылая у Ани жизнь! И у Насти жених был тоже вроде как с картинки, а перед армией остригли ему кудрявые волосы, и стал он курицей ошипанной. Ничего в нем интересного не осталось. Болван неотесанный. Пустозвон. Представь себе: вышла ты замуж за красивого дурака. Он на тебя и мат, и прочие грубости, и в работе с него толку нет. Какая тебе радость жить с ним? Ты готовишь еду, стираешь, заботишься о нем, а он тебе в награду или хамит, или, того хуже, по чужим женщинам, вроде нашей местной «достопримечательности» Шапены, бегаёт. Счастье превеликое, да? Таких надо остерегаться.
- Характер в мужчине важнее всего. А то выйдешь замуж — и будто душу в г...е вываляешь. Так мне тетя говорила, когда разводилась, — грустно высказалась Валя.
- Ну, а если ты влюбишься в красивого парня, что тогда? — не успокаивалась Зоя.
- Как полюблю, так и разлюблю. Я же должна соображать, что хорошо, а что плохо для меня. Влюбляться и любить — разные вещи, — заверила Галя, и лицо ее приобрело выражение твердости и решительности. — Я хочу, чтобы меня любили так, как Пульхерию Ивановну в «Мертвых душах» Гоголя.
- Моя бабушка объясняла, что влюбленность — это восхищение души, эмоции, то есть реакция организма на положительное раздражение. А любовь — это серьезное чувство, которое возникает, когда человек пропускает эмоции через интеллект. Любовь женщины требует от мужчины ответной любви и душевной связи. Любовь не только праздник, она еще и труд большой. Красиво бабушка сказала! Правда? — вставила я.
- Влюбиться — это как ярким огнем вспыхнуть. Ничего вокруг не видишь и не слышишь. Чувства глаза застят. А любить — значит уважать, ценить, жалеть. Когда в женщине есть такое чувство, тогда и богатства ей большого не надо, и любая беда не беда. Если мужчина предаст ее, то лишит самого главного в жизни, — печально высказалась Галя.

— Я сейчас «Следопыта» Фенимора Купера читаю. Какая любовь! Он к ней прикоснуться боялся, слово сказать при ней не мог. А какой был умный и сильный! — мечтательно заговорила я.

— Такая любовь может где-то и бывает. Только у нас мужчины — другие. Им только бы лапать девчонок, — засмеялась Нюра.

— И твой такой же? — спросила Валя.

— А то ж какой еще?

— За что же ты его любишь? — вытаращила я глаза.

— Не знаю. Люблю и все. С ума схожу, ночей не сплю. Бегаю в клуб, чтобы только увидеть его, — смущенно созналась Нюра.

— Он красивый? — поинтересовалась Зоя.

— Нет, — вздохнула Нюра.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Зоя.

— Я тоже. Мама говорит, что пришло время мне влюбиться, а подходящего парня нет, вот я и втюрилась в такого. А я не представляю себе другого жениха. Иногда думаю: может отдаться ему, «сдаться на милость победителя», пусть замуж меня берет?

— А как же школа? — испуганно произнесла я.

— Если ребенок получится, так в сельсовете все равно распишут.

— Сама еще как ребенок, детства толком не видела. Лучшего встретишь, проклянешь себя и его возненавидишь, — воскликнула я возбужденно.

— Откуда у тебя такие познания, будто долгую жизнь прожила? — удивилась Галя.

— Толстой в романе «Воскресение» так подробно описал, что чувствует человек, когда любит, что у меня мурашки по спине бегали, когда читала. Но я многих слов не поняла, например: «вождеделение».

— И как происходит сам процесс... — шепотом произнесла до сих пор молчавшая Рая и покраснела.

Неловкую паузу прервала разговорчивая Зоя:

— Девчонки, когда я узнала, что моя двоюродная сестра Зина наконец-то выходит замуж, то так обрадовалась, что где-то под сердцем потеплело и на душе удивительно хорошо сделалось. В тот же месяц и ее подруга замуж вышла. Я тоже порадовалась. Но понимаете — по-другому, меньше. Отчего так?

— Между родными, кровными, связь ближе, крепче, — ответила Галя.

— У мужа и жены нет кровной связи... Получается, что муж по крови — чужой человек, — растерянно произнесла я, впервые задумавшись над этой проблемой.

— Чужой, если его с женой не связывает настоящая любовь, — объяснила Галя. — И дети, — добавила она уверенно.

— Ой, как все сложно и интересно! — воскликнула Рая. — Получается, что главное между людьми — любовь!

Дождь все сильнее барабанил по железной крыше навеса. Мы молчали, перелопачивая в голове взрослые проблемы.

КАРТЫ

Неудачный у меня «отпуск». Опять моросит дождь. Но я оделась потеплей и в шесть утра была на току. Подружки уже ждали меня на огромной куче пшеницы.

— Давно сидите? Чего в зерно закопались? — спросила я.

— Замерзли. А здесь тепло, потому что влажное зерно возгорается.

— Что значит «возгорается»? — не поняла я.

— От сырости начинает прорастать и при этом выделяет тепло. Живое ведь, — объяснила Рая.

«Интересно-то как! Еще тепло выделяется, когда зерно гниет, — подумала я. — Сколько зерна на току пропадает! Жалко». Я взобралась на кучу и глубоко просунула свои босые ноги. Их обожгло.

— Пойдемте домой? Наши дела никто, кроме нас, не сделает, — заерзала Рая.

— Я останусь. Родители подарили мне эту неделю. Глупо отказываться от праздников, — возразила я и направилась под навес.

Там уже дремали студенты — девять девушек и один молодой человек. Артурик (так называли его девушки) приставал ко всем с просьбой поиграть с ним в карты, но желающих не находилось. Я вдруг согласилась. И не потому, что умела играть, просто захотела поговорить со студентом. Артур перешел на второй курс, но выглядел несерьезным, безалаберным маменькиным сынком. Долговязый, белоголовый, с прической «парашют», или осенний репейник, с детскими, наивными голубыми глазами, он в пять минут выложил мне, что учеба в университете не доставляет ему радости, что его все время куда-то заносит, мечтает разъезжать в белом костюме на белом шикарном лимузине, а старший брат называет инфантильным, избалованным.

— Что же ты маму не жалеешь? Она же, наверное, переживает за тебя? — удивилась я.

— Из-за матери я обречен скитаться по общежитиям. Учеба — мой тяжкий жребий. У меня силы воли нет. Я плохой, но не злой. Во мне лень раньше меня родилась... Нет слов, как я благодарен тебе за заботу. Даже прослезился, — посмеялся над моей серьезностью Артур и нетерпеливо заявил: «Давай «в дурака» играть. У меня руки горят от желания поскорее раздать карты».

Игрой я не интересовалась, не подсчитывала отброшенные карты, не анализировала оставшиеся у меня и у соперника. Просто кидала большую на меньшую. На авось играла, совершенно не испытывая азарта или удовольствия. Вознаграждала себя лишь тем, что с любопытством разглядывала незнакомца. Артур бросал карты небрежно, с форсом. На лице играла улыбка превосходства и уверенности. Почему-то я невольно сравнила его лицо с веселой рожицей шестилетнего соседа Женьки. Такое же широкое, голубоглазое, доверчивое. Только, пожалуй, более смышленное. У Женьки в глазах всегда добрая, милая хитринка.

Неожиданно я выиграла. И Артура моя победа застала врасплох. Он изумленно смотрел на своих тузов и королей, будто задохнулся от шока. Слова не мог выговорить. Огромные голубые глаза полезли из орбит и стали еще крупнее и круглее.

— Чего расстраиваешься? Случайно выиграла. Я в самом деле не умею играть. Даже когда всерьез думаю, все равно часто проигрываю, — попыталась я успокоить студента.

— Почему? Как такое могло произойти!? Это какая-то авантюра, — закричал он. — Я же чемпион общежития по игре «в дурака»!

— Я не сомневаюсь в твоём титуле. Только нечем гордиться! Это же не шахматы, даже, на худой конец, не шашки, — презрительно фыркнула я.

— Знаешь, через что я прошел, чтобы завоевать этот титул? Я ночами играл, у меня были синие опухшие уши!

— На ушах нечему опухать. Выдумываешь, — не поверила я.

— Буду я врать! Сначала на щелбаны играл. Чувствую, мозгов могу лишиться. Потом оставшимися картами по носу стегали. Тоже тяжело было. Уши стал подставлять. А пока уши заживали, меня стелькой из спортивных туфель по мягкому месту охаживали. Не веришь? Хочешь, я разок тебе по ушам врежу?

— Отстань, — сердито буркнула я, отодвигаясь.

На соседней куче нас внимательно слушал Ванюшка с улицы Шворневка. Он-то и согласился на экзекуцию.

— Только разок и не совсем на полную катушку, — попросил он робко.

Артурик примерился, размахнулся — и малыш винтом закрутился на месте, а потом, схватившись за ухо, выскочил из-под навеса и кинулся наутек с криком:

— Гад! Немец!

— Ты что, ухо ему оторвал!? — вскочила я. — Смалился! Он же второклашка!

— Не рассчитал. Рука тренированная. Не только меня били. Я тоже врезал на совесть, — оправдывался студент.

— На совесть работать надо, а не дурью маяться. Не пристало взрослому обижать маленьких. Кто тебя воспитал таким злыднем? — сердилась я.

— Прости. Больше не буду. Он сам согласился.

— Согласился потому, что маленький и неразумный. А ты воспользовался. Скажи спасибо, что наших старшеклассников рядом не оказалось, несдобровать бы тебе, — бурчала я насупившись.

— Как ты в университет поступил? — после недолгого молчания любопытствовала я.

— У меня аттестат отличный. Без экзаменов шел, вне конкурса. Брат два года от меня не отходил, уроки со мной учил. Замучил. Весь первый курс помогал. Но теперь женился, и жена не позволяет ему ко мне часто ходить.

— У вас все такие в университете?

— Нет, я особенный.

— Слава Богу.

— Хватит мне лекции читать. Я должен отыгаться, иначе буду чувствовать себя неполноценным.

— Ладно, давай, у меня есть время, — с величайшей неохотой, без тени интереса согласилась я.

Артур просчитывал каждый ход, строил ловушки. Вскрикивал от каждого удачного хода и все повторял:

— Чтобы меня кто-то обыграл?! Да не может такого быть! Это дикая нелепая случайность! Попрошу не зазнаваться.

— Моя победа и слава моя, — легонько подразнивала я Артура и спокойно бросала карту за картой.

Меня забавляло волнение студента. Вид его был необычен. Он смешно размахивал руками, вскакивал с кучи зерна, раскидывал ее ногами. Потом опять садился, внимательно изучал ситуацию и резко бросал свои карты поверх моих.

Странно, но судьбе было угодно, чтобы я опять выиграла. В изумлении Артур долго и неподвижно смотрел на меня, как на жителя Марса, потом вдруг взорвался, будто с ним беда стряслась немалая. Он брызгал слюной и кричал так громко, что девушки, лежавшие неподалеку от нас, недовольно зашумели:

— Что с ним?

— Проигрывать не умеет, — ответила я.

Наконец Артур угомонился и хмуро спросил:

— Ты в деревне чемпионка?

— Бог с тобой. Карты — верная погибель. Я вообще не люблю в них играть. Пустая трата времени. Согласилась из-за непогоды, чтобы день скоротать, — возразила я недовольным голосом.

— Давай еще? А? Должен же я отыграться! Ничего не могу понять. Ситуация не поддается логике, — мямлил он, убитый проигрышем.

— Отстань, — отозвалась я и решительно направилась к своим подругам.

Прошло некоторое время. Артурик медленно подошел ко мне и, молча, заторможенными движениями сдал карты. Голубые глаза его были белесыми. Рот приоткрыт. Дыхание неровное, отрывистое. Над губой и под глазами капли пота. Пухлые губы стали тоньше. Лицо бледное, окаменелое, и только крупные уши полыхали огнем.

Чтобы мой партнер расслабился, я пошутила по-деревенски: «Чего голову повесил? Не корову проигрываешь». Артур будто не слышал, погруженный в расчеты комбинаций. Он был серьезен и задумчив. По скулам бегали желваки. Пытаясь подловить меня, он каждую карту изучал так, словно видел в первый раз. А я с трудом сдерживала смех, боясь обидеть студента, задеть его самолюбие. Под длинным навесом воцарилась мертвая тишина. Я пользовалась при игре одним простым правилом: карты крупной масти беречь, а мелочь сбрасывать.

Артурик теперь не воображал, не обещал повесить погоны или оставить меня с «кучей карт на лапе». Он только легонько вздрагивал при каждом моем удачном ходе и уже не визжал от радости, когда я снимала. Я достаточно эмоциональный и азартный человек, но почему-то в тот день так и не завелась. Во мне говорило одно любопытство. В третий раз мне повезло с козырями.

Карты бросали молча. Сдал, побил, отбросил. Сдал, побил, снял. Игра шла монотонно, без крупных неудач с обеих сторон. Наконец, на руках осталось по пяти карт. Артур напрягся, как струна, и сделал ход. Я отбила и походила двумя последними шестерками. Не удалось от них раньше избавиться. Студент дико вскрикнул и вскочил как ужаленный! Одна карта оказалась ему не в масть! Я сама не предполагала подобного глупого исхода игры.

— Этого не может быть! Потому что не может быть никогда! — вскричал студент, переходя на фальцет.

Потом схватился за голову и, раскачиваясь, забормотал:

— Ну, один раз проиграл. Ладно. Бывает. Но три раза подряд?! И с девчонкой, которая толком играть не умеет!? Наваждение какое-то! Я же все время был начеку. Где законы логики, теории вероятности? Один раз проиграл — случайность. Во второй — совпадение. Но трижды! Это уже закономерность! В чем причина? Совокупность несчастливых факторов? Ты играла по особой женской логике, а я по мужской?

— Без логики я играла. Вот и все! — фыркнула я.

— Отсутствие логики разбивало все мои комбинации и хитроумные варианты?

— Отстань, от меня со своими теориями, — раздраженно ответила я и отвернулась.

Артур стоял возле меня поникший, измученный, разбитый. Я тоже задумалась над этим странным фактом.

— В этом нет ничего удивительного. Ты ждешь от игрока умных действий, но я в картах не соображаю. Значит, с дураком надо играть по-дурацки, — как могла, успокаивала я своего нового знакомого.

— Хорошо, что я не в общежитии. Вот позор был бы, — вдруг пробормотал он и вытер нахлынувшие слезы.

Теперь Артур вновь напоминал мне маленького обиженного ребенка. Он выпятил пухлые губы, а его небольшой вздернутый нос вздрагивал от каждого всхлипывания. Студентки тактично скрылись из поля зрения.

— Не переживай. Считай этот случай плохой комедией, — сказала я Артуру и поднялась с бурта.

Моросит дождь. Беседа с девчонками идет ленивая, скучная. Я стала подумывать о возвращении домой. Стыдно без толку лежать на боку. Вдруг опять подскочил Артур и процедил сквозь зубы:

— Может, ты секрет какой знаешь? Признайся. Я куплю его, только расскажи!

— Вот привязался, ничего я не знаю! Для меня самой твои неудачи — загадка! Кидала карты, как бог на душу положит. Понял? Не подходи больше!

На мое счастье, в то самое время выглянуло солнце. Вскоре и ветер помог обсушить траву.

— Девчонки, в поход! — махнул рукой наш шофер дядя Вася, брат известного на селе комбайнера Ивана Скоробогатова.

Мы с готовностью вскочили в кузов.

БЕДА

Сегодня бригадир попросил меня и Раю остаться на току: не хватило рабочих на зерносушилке. Меня не прельщало топтаться с городскими и старушками. Но ведь попросил, да еще вежливо, без крика. Как тут откажешь?

До двух часов не разгибалась. Моя сушилка работала без сбоев, и транспортерная лента вхолостую не ходила. Подошло время обеда. Я позвала подругу с собой, но она отказалась, сославшись на то, что мать дома накормит. Лежим на бурте под навесом. Молчим. Я оглядываю ток, ищу, с кем бы отправиться в столовую. Чувствую: тишина какая-то напряженная, а причины понять не могу. На соседних буртах бабульки шепчутся, исподволь на меня косятся. Наконец, одна из них, метнув в мою сторону сердитый взгляд, принялась насыпать овес в узкие длинные мешочки. Я с любопытством смотрела, как она, подняв подол длинной черной юбки, привязывала к поясу «колбаски». И до меня дошло: ворует! Я покраснела и отвернулась. Бабки за спиной шуршат, пыхтят. Даже колченогая старушка шебуршит подле меня. Гляжу на одноклассницу. Она спокойна, даже безразлична. Когда женщины неторопливым «косяком» отправились по домам, я обратилась к Рае:

— Поэтому они здесь работают?

— Чего встрепенулась? Вот невидаль! Что хорохоришься? Ты просто не выносимая. Одно наказание с тобой работать. Вечно лезешь не в свое дело, никому житья не даешь. Обуздать тебя, на ум наставить некому. Глупая, шибко правильной себя мнишь. Нечего тут рыскать, за людьми подглядывать. Избавь меня от своего присутствия. Они не корыстные. Много не берут. Как говорится: «в сутки по одной утке». Ты думаешь, с травы и картошки план по яйцу перед государством выполнишь? Ваша семья тоже ведь сдает яйца по разнарядке?

— Конечно. Но мы отходы для кур покупаем.

— Отходы зимой хороши. А летом птице свежак подавай, — сказала Рая уверенно.

— Бабуси не боятся? — растерянно спросила я подругу.

— Нечего понапрасну страшать. Кто им юбки задирать станет? К тому же бригадир знает, что без этих бабушек зерно «сгорит» в буртах.

— Платили бы больше, так сразу нашлись бы желающие поработать.

— Ты об этом председателю скажи.

Рая говорила, а сама затягивала резинки в нижней части шаровар и засыпала в них зерно. Я спустилась с кучи, вытряхнула из резиновых сапог попавшее за голенища зерно и направилась к столовой.

— Почему ты в сапогах? — с подозрением остановила меня Рая.

— Я же в поле собиралась.

— А зачем в больших?

— Отцовские, у меня своих нет. Мы их все по очереди надеваем.

— В них килограмма три зерна унести можно.

— Ты с ума сошла? — испугалась я даже мысли о воровстве.

— А ты мозгами пошевели. Работаем с шести утра до десяти вечера. Это две взрослые смены, а в ведомости нам ставят три четверти трудодня. Платить будут по ведомости. Справедливо? Вот мы и «доплачиваем» себе зерном. Поняла?

— Я не задумывалась над этим. Привыкла, что мы обычно бесплатно помогаем колхозу, — пробормотала я растерянно.

— Раз нас приняли на работу, даже книжечки выдали, то должны платить. Не позволяй себя обманывать. Насыпай в сапоги пшеницу.

— Страшно, — прошептала я и оглянулась по сторонам.

— Курочки спасибо тебе скажут, — засмеялась Рая. — Насыпь совсем чуть-чуть и попробуй пройтись уверенно. Что ты наивную из себя корчишь? Гляди, сколько его по дорогам и току рассыпано. А сколько в буртах гниет? Тонны! Возьми вот эту, пророщенную, кормовую. Бракованную пшеницу на элеватор не повезут.

Рая насыпала мне по паре горстей в каждый сапог. Ноги погрузились в приятное теплое зерно.

— Надо же, теперь сапоги не хлабыскают, совсем впору тебе стал сорок третий размер! Идем, я провожу тебя домой, — предложила бойкая одноклассница.

Сначала я шла достаточно спокойно, но, когда проходила мимо сельсовета, разволновалась так, что идти не могла. Тело зудело, ноги не слушались. Мысли в голове, будто только проснулись, наскакивали на меня злыми петухами, больно клевали сердце: «Если мать узнает, жди крупного разговора. Кляча ненасытная! Влипла по чистому недоразумению? Опять доверчивость подвела? Пришло время сознаться, что не настал еще черед мне умнеть».

Рая сердилась, тащила меня за руку, а я с трудом переставляла ватные ноги и мысленно искала себе оправдание. Вот и наша хата. Подруга направилась к своему дому, а я осторожно открыла калитку и заглянула во двор. Никого. Слава Богу. Высыпала зерно посреди двора. Цыплята сначала с перепугу прыснули в разные стороны, а потом поспешно принялись клевать вкусную еду. Куры, хотя их никто не звал, вмиг слетелись из всех углов. Бабушка, услышав шум крыльев, вышла на крыльцо, а я прошмыгнула на кухню. Отец с матерью обедали. Бабушка вернулась со двора и как-то очень осторожно спросила:

— Ты, что ли, курочек решила побаловать зерном?

Родители переглянулись. Мое сердечко мелко задрожало. Я тихо пролепетала:

— Рая тоже брала. И старушки. Нам же колхоз платит неправильно. Мы хорошо работаем.

— Мимо сельсовета шла? — озабоченно спросил отец.

— Да.

— А если бы остановили? Ты представляешь наше положение? Наверное, подумала: авось да небось?

— Воровство ничем нельзя оправдать. Когда человек привыкает свою вину на другого перекидывать, он превращается в преступника. Не сворачивай с пути истинного. Веди себя, как подобает, своей головой думай, — тихо сказала бабушка.

В голове закрутилась страшная картина: я стою перед толпой селян, а парторг колхоза тычет в меня пальцем и кричит в рупор: «Пионерка, дочь директора школы — воровка! Позор на всю Европу!.. Как мне теперь, несчастной, жить, горе мыкать? Как в глаза людям смотреть?»

Вне себя от ужаса опрометью выбежала из хаты. В висках стучало. Во рту пересохло. Ноги дрожали. Слезы брызгали. Через некоторое время за сарай пришла бабушка и холодно спросила:

— Целый день обещала работать?

— Да, — понуро ответила я.

— Ну, иди, подружки, наверное, заждались, — сказала она спокойно, но опечаленно, и подала сверток с едой.

Я поплелась на ток. То были часы полные страданий, томительного ожидания, мучительного самобичевания.

Вечером за ужином родители разговаривали о завтрашних планах. Бабушка возилась на кухне. Коля читал. Все вели себя так, будто ничего не случилось. А я все переживала: «Произошло ужасное, жуткое! Почему поддалась уговору? Я же была уверена, что никогда в жизни не смогу своровать. Позор! А если в школе узнают? Господи, помоги Рае забыть об этой истории. Разошлись-разъехались наши с ней пути-дорожки. Я больше никогда так не сделаю! Оплочала. Промашка вышла. Безвинно пострадала. «Не лукавь! Сознайся не ради красного словца, а ради крепости духа», — так говорила когда-то бабушка. Виновата!»

Лежа в постели, снова скулила: «Господи, смилостивься, снизойди! Витек, ты тоже меня презираешь? Мне гадко, словно кто-то зазря наотмашь по лицу отхлестал. Страх напрочь одолел. Каюсь, а стыд все равно неотступно следует за мной. Сама не своя. Беда на шее словно камень висит. А еще говорят: «Добро наживать, худо забывать». Видно не про мой случай эта поговорка. Не про воровство она. Время вспять не повернешь, дела плохие из памяти не вымарашь. Я исправлюсь! Витек, ты веришь мне? Правда?»

Долго мучилась, не в силах прогнать тошнотворные мысли. А потом провалилась в сон, будто в глубокую черную яму.

УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Сегодня у бабушки разболелись ноги, и мне пришлось самой провожать корову в стадо и отводить на луг теленка. Я опоздала на работу, и подружки уехали в поле без меня. Напросилась в бригаду к малознакомым девочкам с улицы Барановка. Компания оказалась веселой, бесшабашной. Машина мчалась по ухабам, а девочки орали частушки, бесились и толкали друг друга. Я сначала с беспокойством смотрела на происходящее, а потом, поддавшись всеобщему веселью, приняла бурное участие в развлечениях.

Комбайнер оказался непутевым. Он то лежал под своим «агрегатом» и ляды точил, то ремонтировал свою «развалюху». До обеда мы успели сделать только одну ходку на ток. Не обошлось без приключений. Мы так расшалились на зерне, что я забыла про осторожность. Шофер гнал машину с яростным удовольствием. На поворотах пшеница янтарной волной выплескивалась на дорогу, а девчонки с визгом и хохотом цеплялись за борта. Я плохо знала маршрут. Когда машину на очередном крутом вираже тряхнуло и одновременно занесло, я вдруг почувствовала, что мое тело не просто летит по воздуху,

оно уже за бортом! Конечно, я крепко держалась за доски, но болью взвыли вывернутые плечевые суставы, и ноги взлетели выше головы. Девочки успели поймать меня за длинный «хвост» платья. Я сильно ударилась о борт кузова, но даже не вскрикнула. Все произошло в две секунды. Страх и волнение потом навалились, когда я тихо лежала, закопанная по шею в зерне. Девчонки тоже утомонились. Я все же нашла силы поблагодарить их за спасение и закрыла глаза. Слез не стеснялась.

Когда разгрузились на току, я хотела уйти домой, считая день пропавшим, но девчонки пообещали сводить меня в старый заброшенный колхозный сад, который находился всего в километре от поля. Упоминание о любимых желтых сливах заставило меня остаться.

Подъехали к комбайну, а Петрин опять «чинится». Сходили в сад, нарвали полные подолы слив. Угостили мужчин. Сидим под деревьями, всласть уплетаем фрукты с хлебом, а комбайнер с любопытством разглядывает нас и развязно так говорит:

— Хороши молодухи!

— Кто вам больше нравится? — вдруг ляпнула я сдуру.

— На мордашку ты, а по фигуре вот та, Ленка. Ядреная она для двенадцати лет. Резвая, бойкая к тому ж.

В первую секунду я растаяла от удовольствия, но уже в следующую почувствовала неловкость, смутилась и молча презрительно обругала себя: «Достоинство нынче у меня не в почете? Это у меня от дефицита ума или воспитанности? Видела бы сейчас меня бабушка! От стыда под землю провалилась бы».

Наконец комбайн пошел по кругу, и мы полезли в машину затыкать соломой дыры разболтанного кузова. Комбайнер высыпал первый бункер зерна в машину и запрыгнул к нам в кузов, будто бы помочь разгрести зерно, а сам начал руки распускать. Девчонки смущенно хихикали и прогоняли его.

Вдруг он схватил меня сзади в охапку как оберемок соломы и, жарко дыша, сильно прижал к себе. Сначала меня оторопь взяла. Я впервые столкнулась с проявлением столь возмутительного хамства. Никогда в голову не приходило, что кто-то может посметь тронуть меня. Пытаясь освободиться, я и так и сяк выкручивалась, потом уперлась острыми локтями в живот обидчика и со всей силы рванулась вперед. Но он не отпустил, а, напротив, скалясь, как бы дружески хлопнул меня ниже спины. Я ошалела от злости, еще раз яростно дернулась и вцепилась ему в запястье зубами. Комбайнер выругался и ослабил руки. Я вырвалась и заорала: «Будь ты неладен, дурак взрослый! Умом повредился, пень трухлявый?! Отчаль от меня подобру-поздорову, пока цел, а то худо будет!» А Петрин совсем обнаглел: непристойно захохотал и опять ко мне тянется, словно не видит моей злой решимости. Я взбеленилась и врезала ему, что было сил, ногою в пах. Комбайнер упал на зерно и, выражаясь трехэтажно, заорал:

— ...Чумная девка, наследства лишишь!

— Обормот чертов! Я вам не Шапена! Нечего трогать малолетних! У самого, небось, дети есть? Может, и девочки? Папаша хренов! А если вашу дочь кто захочет лапать, вы рады будете? Или чужих можно? Нравственный урод. Вы не человек — скотобаза чертова! Таких неумных обезвреживать надо, — кричала я в запале. Откуда и слова такие брались?

— Хватит паясничать! Прекрати канонаду! Вот бесенок! Чья такая привередливая и языкатая выискалась? — раздосадованно спросил комбайнер, придя в себя.

— Директорова, — ответили девочки.

— Василия Тимофеевича, что ли? Родня моя! — удивился Петрин.

— Мне такой родни задаром не надо! — выпалила я.

— Рехнулась совсем? Оставь глупый гонор. Не хули человека, доподлинно не узнавши. Не суди да не судима будешь. Не чурайся своих. И не кидайся родственниками! — возмущился комбайнер.

— Отличная у вас позиция: покрывать гадкое поведение! Хорошей родней не кидаюсь, в подонках не нуждаюсь, — отрезала я, все еще полыхая злостью.

— Рад буду отделаться от тебя. Предостаточно насолила своим вредным характером. Мне надоели причуды капризной барышни. Неоценимую услугу окажешь, если уберешься отсюда! Поскорее испаряйся с моего поля, — сквозь зубы процедил комбайнер.

— Вольному воля! Что до меня, то с величайшей радостью! Это мой последний рейс к вашему комбайну, — рассмеялась я и испытала при этом злое удовлетворение.

Не желая больше продолжать перебранку, я залезла в кабину машины, и захлопнула за собой дребезжащую дверцу, чтобы обрести некоторое спокойствие. Сажу и от вынужденного безделья размышляю: «И как такого в парторги выбрали? Надо разузнать у девчонок. Вот, наверное, почему отец с колхозных партсобраний злой приходит. Ему стыдно и обидно подчиняться дураку и лодырю».

Прикатил трактор, в прицепе которого, громко распевая песни, стоя ехали взрослые девочки и ребята. Тракторист остановил свою «кочегарку», черным дымом застилавшую дорогу. Девчата высыпали на поле и стали дразнить ребят. Те тут же откликнулись, поднялся галдеж, потом у них получилась свалка. Девчата закатывались от хохота, словно их кто-то щекотал. Одна, самая шустрая, кричала: «Ой, сойду с ума, не смейся, а то я рассыплюсь на запчасти, тогда тебе придется меня заново собирать и как трактору профилактику устраивать!»

Веселье приняло вольный, даже разнузданный характер. Молодежь долго каталась в куче соломы, а потом все попарно разбежались под маленькие, только что сброшенные комбайном копенки. Я не понимала беззаботного поведения девушек и беззлобно фыркала: «Нашли время в соломе кувиркаться, будто работы мало. В колхозе я всюду натываюсь на что-либо ни с чем несообразное и глупое». Мне стало неинтересно смотреть на «приблудную» компанию, и я ушла собирать цветы на обочине.

Было тихо и тепло. Лучики солнца скользили по желтой щетине сжатого участка, напоминающей ровную стрижку под «ежик». Я увидела любимую гвоздику. Мысли немедленно поплыли в круг привычных ассоциаций. Вспомнился лесной детдом. Сердце вздрогнуло. Слегка закружилась голова. «Витек! Дружок мой, солнышко мое...»

Вдруг слышу за спиной топот сапог. Испугалась их решительного неритмичного грохотания и на всякий случай спряталась за копной. Гляжу: бежит штурвальный «Каменда». На некрасивом лице сильное волнение. Я успокоилась и вышла из укрытия. Парень увидел меня, остановился и попытался выровнять дыхание. С его лица сошло беспокойство. Он смущенно опустил глаза и, круто повернувшись на месте, пошел назад. Из-за соседней копенки появился шофер и пошел вслед за штурвальным.

— Неужели за меня испугался? Так мне нечего бояться, — недоумеваю, подумала я. — Какой хороший заботливый парень! А на вид угрюмый.

Я знала его. Возле сельского клуба часто видела. Ему лет семнадцать. Никогда не слышала от него матерных слов. Он не откликался на пошлости дружков и был постоянным объектом их издевок. Ребята млели от взаимного восхищения и никому не прощали откровенного неодобрения их вульгарных манер и заковыристых шуток. Я сочувствовала нескладному безответному парнишке и часто ловила его грустные, смущенные или растерянные взгляды. Я понимала, что неуютно ему в развязной компании. И кличка у него какая-то особенная, на иностранный манер. Что она обозначает? Почему он так болезненно на нее реагирует?..

Еще немного погуляла в посадке и подошла к машине. А всех, кроме шофера, след простыл. Ни живой души вокруг! Я туда-сюда. Кричу. От девчонок ни слуху ни духу. Нельзя сказать, что я испугалась, но была крайне озадачена и поэтому, устремив на Николая настороженный взгляд, спросила как можно спокойно:

— Где мои подружки?

— На тракторе уехали, — развязно загоготал он.

— Бросили меня?! — взбунтовалась я.

— Не докричались. Далеко ты за цветочками ушла, — ухмыльнулся шофер.

Мне не понравилась его ухмылка, но я промолчала. Комбайн, делая очередной круг, скрылся за лесополосой. На безлюдном поле я почувствовала себя одиноко и тоскливо. Настроение окончательно испортилось. От беспомощности и обиды хотелось плакать. Как неприкаянная я бродила вокруг машины и злилась: «Везет как утопленнику. Мне теперь одной разгружать машину? Ну и черт с вами! Обойдусь! Не очень-то нуждаюсь в таких помощниках!»

«Не вижу в поведении девчонок злого умысла. Скорее всего, это их очередная глупая шутка», — успокаивала я себя.

— Подруливай, — весело подмигнув, предложил мне шофер.

Я увидела в кабине фрукты, удобно пристроилась рядом с Николаем, уплетаю сливы, а сама продолжаю в мыслях возмущаться поступком девчонок. Время шло. В моей душе начало твориться неладное. Я испытывала беспокойство, но не находила ему особых причин. Что-то неуловимое, невыразимое словами теснилось в груди и непрерывно раздражало.

— Отчекрыжь изрядный кусочек вон того лакомства и в рот мне положи. Не могу еду брать грязными руками, — игриво заговорил Николай, указывая на приличный шмат сала.

— Так вымойте руки... Не девочка на подхвате, — недовольно буркнула я.

— С кем так разговариваешь?! Попридержи коня! — сразу растеряв веселость и любезность, гаркнул парень.

На том наш разговор и закончился.

— Время молчанкой не скоротать, — это шофер опять предпринял попытку поговорить.

У меня не возникло желания общаться. Под завязку перепалки с комбайнером хватило.

Как-то быстро похолодало. Видно, где-то неподалеку прошли дожди. Я поежилась от пронзительного ветра. Николай потянулся, чтобы закрыть стекло кабины, и невольно коснулся меня. Я сжалась в комок и отодвинулась в угол. Меня испугали его широкие плечи, огромные, как клешни, грубые руки, безликое, плоское лицо и тупая тяжеловесная мрачность глаз.

Неожиданно он резко повернулся ко мне и, навалившись грудью, поцеловал в губы. Прикосновение мокрых, холодных, мерзких губ отозвалось в сердце неприятной брезгливой дрожью, потом от ледяной волны страха содрогнулось все тело от головы до кончиков пальцев. Противный мужик цементной плитой придавил меня к сидению машины. Я не могла пошевелиться. Ощутила себе маленькой и беззащитной. Мгновенно овладел невыразимый ужас. Подумалось, что эти секунды превращают всю мою жизнь в кошмар. «Пропала!?» — эта мысль невыносимо больно сжала виски, в глазах на мгновение потемнело. Показалось, прошла целая вечность.

В секунду очнувшись, я разозлилась. Но вопреки здравому смыслу и книжному опыту что-то подсказывало мне: в такой ситуации нельзя возмущаться и орать. Нужна выдержка. Придется рассчитывать только на свои силы. Ладком, тишком надо выбираться из трудной ситуации. Нащупала ручку дверцы и осторожно повернула. Она предательски противно заскрипела. Страх нахлынул с новой силой. Николай приподнялся на колени, чтобы прикрыть дверцу, и мне в этот момент не составило труда угрем выскользнуть из кабины.

Не разбирая дороги, я помчалась по жнивью. Чувствовала себя гадко, хотелось смыть прикосновение ужасного мужика. Злость и непонимание бесили. Меня трясло и тошнило. В душе хаос, разлад. В один миг все перевернулось с ног на голову! Как не похож гадкий взрослый мир на школьный — честный, добрый, умный, радостный! Я

чувствовала себя бесконечно одинокой, опозоренной, испуганной, раздавленной нервным смятением.

Гонимая страхом, бежала без передышки, в кровь разбивая босые ноги, и, задышавшись от обиды, пыталась понять свое место в этой страшной истории, свою вину, свою глупость. «Зачем он со мной так? Неслыханная подлость! Зачем оскорбил? Разве можно целовать без любви, без разрешения? Какая пакость, этот поцелуй! Как угораздило меня вляпаться в историю?!» От пережитого потрясения невыразимо устала. Из груди беспрерывно вырывались вздохи и всхлипы.

Я никак не могла прийти в себя. Дрожь во всем теле мешала соображать. Споткнулась. Упала. Вскочила. Угодила ногами в грязную лужу. Поскользнулась. С трудом удержала равновесие и будто очнулась. Сразу ощутила паршивую погоду и словно отрезвела. Бесновался жутко холодный ветер. Толпились серые лохматые тучи, выдавливая из себя редкие ледяные капли дождя.

Пытаясь согреться, с яростным остервенением растерлась головным ситцевым платком. Довольно с меня этого пейзажа! Пора домой. Прикинула: «Пешком домой идти далеко. Ко всему прочему толком не знаю, в какую сторону. При штурвальном шофер не рискнет ко мне приставать». Вдали замаячил комбайн. Побежала ему навстречу. Комбайнер притормозил, и я прокатилась пару кругов. Никакого удовольствия. Ветер насквозь пробирает. «Черти меня занесли в эту компанию! Учились на двойки, работают на двойки, и поведение двоечное. Правда, «Каменда» другой, он добрый, хотя тоже, наверное, из школы вытурили, видно не блистал в науках, раз сюда попал, — сумрачно и раздраженно думала я. — А я-то хороша! Один на один с молодым шофером осталась! В кабину села. Дура наивная! Ему наплевать, что мне только тринадцать. Но ведь и в голову не приходило, что он может позариться на меня! Не предполагала, что затевает недоброе. А зачем сама пошутила с комбайнером? Не с одноклассником ведь. Но я же его «отбрила!» Почему же этот тоже полез? Тот — старый осел. Ему за сорок, но ума не нажил. Дурак дураком. Видно не часто давал пищи своим мозгам. А этот — молодой, самодовольный, нахальный! Фривольный тип. (Так Виола обзывала завсегдатаев нашего сельского клуба.) Каналья чертова! У него любовная напасть? Взрослых женщин ему мало? На малолетних не женятся. Тогда зачем приставал? Никак не могу уразуметь!» Голову ломило от злости на себя и от непонятных, неприятных вопросов. Ответов не находила.

Комбайнер высыпал остатки зерна из бункера в кузов грузовика и сказал: «На сегодня хватит. Мне еще ребят по домам развозить. Ведь не откажешь своим!» В кабину я сесть не решалась. «Каменда» настоял: «Залезай, еще застудишься наверху». Я робко пристроилась в уголке и прижалась к двери. Николай, видимо, не чувствовал за собой никакой вины и развязным тоном спросил:

— Хотела сбежать? Не чаял свидеться. Ты боишься меня? Мы же с тобой друзья. Правда?

Я предпочла промолчать, всем своим видом показывая, что не одобряю его попыток сблизиться. Он усмехнулся:

— Ну, ты и дикарка! Ничего, обломаешься. Все равно клонешь на чью-нибудь удочку. Ущучить молодую не проблема. Голову даю на отсечение!

«С какой это стати?! Не слишком ли ты ушлый? Какое самомнение! Просчитаешься, оголтелый дурак. Не рой другому яму, сам туда загремишь. Черта с два меня обломаешь! Не видать тебе и твоим дружкам меня, как своих ушей. Нашел малолетнюю дурочку! На дружбу напрашиваешься, друзья навязываешься?! Пока еще не спятила. Да я теперь тебя за версту обегать буду. Последний раз терплю рядом с собой подобного «выродка», — зло думала я.

Остановились на полевым стане. Комбайнеров и их помощников набралось десятка два. Они весело шутили, разбавляя каждую фразу ругательствами. Я никогда в жизни не слышала такого обилия сквернословия. Иногда на улице по пьянке кто-то в сердцах ляпнет пару фраз и умолкнет, а тут все говорят одновременно и все солоно. Механизаторы выражались беззлобно. Я не боялась их и, стараясь отвлечься, пыталась посчитать, в каком соотношении находятся у них хорошие и плохие слова. Получилось плохих в три раза больше. Я жалостливо глянула на «Каменду». Он попытался уговорить мужиков, сказав: «Сделайте одолжение, умолкните!» Бесполезно! Они, будто нарочно,

стали выражаться еще смачней и громче. У меня потекли слезы. Я опустила голову, прижалась лицом к металлу кабины и зажала уши руками. Мне казалось, что я словно на позорный эшафот взойшла. Вдруг услышала голос пожилого человека:

— Все-все! Пора отправляться. Кончайте бодягу травить! Совести не имеете. Ребенка до слез довели.

— Нехай привыкает, — дружно засмеялись механизаторы, но немного поутихли.

Наконец, все устроились в кузове, и машина тронулась в путь. От пережитого на поле потрясения я чувствовала себя разбитой, ужасно мерзкой и еще оскорбленной, униженной, обиженной, слабой... А тут еще эти...

«Мои слова к ним разбиваются как о стену. Они насмеются надо мной, вынуждают слушать гадости. Мы совсем не понимаем друг друга. Я им говорю, что так нехорошо делать, а они не видят в своем поведении ничего плохого. Для них ситуация смешная, а для меня — трагическая. Мне они кажутся глупыми, гадкими, а они потешаются надо мной, видя мои беспомощные попытки вразумить их. Читать сельским мужикам лекцию о культуре речи — все равно что ревущему океану кричать: «Успокойся», — горько размышляла я, глотая слезы. Правильно говорила бабушка, что без женского облагораживающего влияния многие мужчины превращаются в дикарей. «А я бы сказала, в животных, — зло думала я.

Вернулась домой затемно.

Даже в постели я так и не смогла собрать свои растрепанные мысли воедино. «Когда-то, в раннем детстве, преодолев страх перед уколами и поняв прелесть ночных прогулок с друзьями, я стала на удивление безрассудной и смелой. Меня не пугали густые, темные, неподвижные, как заколдованные, тени. Я восхищалась загадочной, всегда спокойной луной. Любила одиночество, молчаливые сумерки, мне нравилось оставаться наедине с мыслями в нашем ночном лесу. Я даже как-то заночевала в нем и вернулась рано утром, чтобы успеть к завтраку. Чувствовала себя тогда легкой, свободной, радостной, отдохнувшей душой и телом. Но то было далекое детство в глухой деревеньке на отшибе. Там некого было бояться, кроме Валентины Серафимовны и директрисы...

Почему я не смогла предвидеть опасность? Дурость? Святая простота? За нее платят печалью или искореженной судьбой? Не общаюсь с одноклассниками по жизненно важным вопросам? Все уроки да уроки. Живу в ограниченном мирке, отделенном от подруг высоким забором домашних забот и жесткой неукоснительной дисциплиной? Романтическая натура? Родители не просветили, не подготовили? Это является смягчающим обстоятельством моей вины?..»

Грустная непростительная поучительная история... Я же не ясновидящая. Зло по-своему мудрое и хитрое, оно предпочитает прятаться, оставаться в тайне. Это у добра душа нараспашку. Теперь я четко понимаю, что вела себя глупо, необдуманно, неосторожно. Сегодня я всерьез повзрослела и переломила свое идеалистическое, детское мнение о мужчинах. Им нельзя доверять, их надо остерегаться.

Этой ночью я приняла решение: больше не ездить без класса и учителей на работу в колхоз. Зачем испытывать судьбу? Не пристало мне водиться с подонками, буду подальше держаться от нелюдей, подобных Николаю. Никогда не знаешь, чего от них ожидать, какую они еще пакость подкинут. Зачем самой совать голову в пасть льва? Сразу почувствовала необычайное облегчение. Будто непосильную ношу с плеч сбросила. Сердце переполнилось благодарностью к доброй судьбе, охранявшей меня в трудную минуту.

Дома, конечно, ничего не рассказала. И никому вообще об этом ужасном дне не говорила, даже Лиле. Стыдно было, жутко стыдно.

НЕОБЪЯСНИМОЕ

Зимой в школе № 2 проводилась районная олимпиада по математике. Мы с Валею Кискиной тоже участвовали в ней. Я первый раз была в этой школе. У них богаче, зато у

нас классы просторней, потому что каждый год усилиями школьников и «шабаев» (шабашников) строим по одному новому зданию в две комнаты. А вот их мальчишки меня удивили и поразили. Все как на подбор высокие, худенькие, аккуратно подстриженные, наглаженные. И лица, не скрою, умненькие, интеллигентные. Речь культурная. Наши ребята тоже хорошие. Только манеры у них простоватые. «Неотесанные», — сказала бы моя бабушка. «Три километра разделяют наши школы, а кажется, что триста. Мало общаемся с внешним миром? Некогда «утюжиться»? От бедности мы такие? Откуда брать изысканность и безукоризненную утонченность вкуса?!..» — замелькали в голове растерянные стыдливые мысли.

Из станционных ребят мне особенно понравился один девятиклассник. Способный, слишком заметный мальчик. Костя голубоглазый, со светлыми кудрявыми волосами, с чуть пробившимся темным пушком над верхней губой. Такой милый, с чистым ясным взглядом! Герой нашего времени? Есенинский тип?

Наблюдая за поведением ребят на олимпиаде, я впервые почувствовала свою невоспитанность. Меня это задело. Я поняла, что моя ребячливость, умение держаться «слишком непринужденно» и особенно «очаровательная наивная непосредственность» (так шутила математичка Юлия Николаевна), — явление не положительное в тринадцать лет.

После олимпиады мы несколько раз виделись с Костей на станции, перебрасывались обычными фразами на школьную тему и прощались.

А сегодня я сидела с сыном сестры, пока она белила квартиру. Когда Люся отпустила меня, я не заторопилась домой. Ведь родители не знают, до которого часа я служила нянькой. Иду, радуюсь бесконтрольному личному времени. Настроение приподнятое. Нечасто перепадает два часа свободы! Перебралась с пыльной дороги на луг. Сняла сандалии, наслаждаюсь прохладой сочной травы. Вдруг кто-то тихонько окликнул меня. Я сначала не среагировала, погруженная в приятные мысли. Потом оглянулась. Неподалеку стоял Костя и смущенно улыбался. Я растерялась и первым делом хотела обуться. Но Костя опередил меня:

— Ты не против, если я тоже сниму туфли?

— Пожалуйста, — обрадовано ответила я.

Идем. Молчим. Вдруг я рассмеялась.

— Вспомнила смешное? — спросил Костя.

— Да. После фильма «Война и мир» в нашей школе все называли друг друга на французский манер: Николая, Пьер, Мари, — а мое имя не сумели переделать.

— Вот и хорошо. Оно очень красивое и благородное, — произнес он прочувствованно и добавил с улыбкой: — А у нас новое поветрие: девочки в «Лурнист» играют.

— Глупое гадание, — сказала я пренебрежительно.

— Ты не веришь в судьбу?

— Мы дети природы, но выбор цели и ее достижение только от нас зависит. А иногда от воли родителей, — грустно произнесла я.

— У тебя уже есть цель в жизни?

— Пока нечеткая. Город, институт. Счастье в собственной семье.

— И любовь?

Скованная смущением, я не нашлась, что ответить на неожиданно прямой вопрос.

Подожли к латаку (маленькой плотине, запруде). По старым доскам, покрытым тонкими нежными водорослями, тихо струилась вода.

— Перейдем на тот берег? Там есть мостик, — предложил Костя.

Я решительно ступила в теплую воду, но тут же поскользнулась и замахала руками, пытаюсь сохранить равновесие. Удержалась с трудом.

— Не ожидала, что здесь так скользко, — конфузливо оправдывалась я.

Легкая тень неловкости пробежала по лицу Кости:

— Прости. Я должен был пойти первым.

Он взял мою грубую, шершавую руку своей мягкой, но уверенной, и мы без приключений перебрались на другую сторону реки. На берегу, недалеко от плотины, у самой воды, находился маленький изящный мостик (мостушка — на местном наречии).

— Какое удивительное место! Благоуханная тихая заводь! Ивы кланяются зеленой воде. Справа желтые, а слева белые кувшинки! Необыкновенный запах луга! — восхитилась я и почему-то загрустила от такой красоты.

— Ты никогда здесь не была? — удивился Костя.

— Родители сами нигде не бывают и меня не пускают, — вздохнула я и удобно устроилась на помосте.

Солнце медленно катилось к горизонту. Опустели, обезлюдели берега реки. Утки и гуси тоже разбрелись по домам. Кузнечики и те умолкли, подчиняясь всеобщей тишине летнего вечера. Неясно шепчет латак. Осторожно скользят и падают, завиваясь и закручиваясь, струи воды, перетекая с досок на камни, обильно поросшие мохнатыми водорослями. Едва слышны их редкие хрупкие всплески. Прекратилось движение серебристых облаков. Теперь они похожи на золотистые стога.

Потом красный шар солнца опустился за крышу завода, и его прощальный, розовый свет замер за дальним лесом. Бледный закат умывался легкой росой. Поздний вечер растил непомерно длинные черные тени. Хрустальное зеркало реки еще слегка рябило радужными бликами. Небо непостижимо быстро окрасилось в глубокий синий цвет и сказочным, томным видением выплыла луна. Августовские звезды ласково дарили обещания тем, кто верил в них.

Я сижу на мостике, опустив ноги в воду. Удивительное состояние! Словно тайны звезд сердцем чувствую и ловлю каждый вздох Вселенной. Говорить не хотелось. Я погружена в дивное мироощущение, каждой клеточкой ощущаю тихую, глубокую благодать природы, душой устремляюсь в небо и растворяюсь в нем.

Я не влюблена в мальчика. Мне просто очень приятно видеть его рядом, замечать затуманенный взор, ощущать сдержанную нежность его глаз. Никаких бурных эмоций, страданий и других сумасшедших атрибутов любви. Но почему-то мне казалось, что он немного боится себя, своего непонятного волнения.

Костя сидел по-турецки, на расстоянии вытянутой руки от меня, травинкой водил по доске, будто записывая свои мысли, и улыбался. «Какой милый, светлый, как весенний тополек», — подумала я... и... очнулась. Четко не осознаю себя. Надо мной глубокая синь неба. Тишину нарушил крик неизвестной птицы. Я вздрогнула. Лежу на мостике, на спине. Ноги в воде. Не пойму, в чем дело.

Окончательно пришла в себя. Испуганно вскочила. Костя сидел в той же позе, что и раньше, и взволнованно смотрел на меня. Он смущен и бледен. От неловкости ситуации меня охватило смятение. Я разозлилась и побежала вдоль берега. Костя догнал и схватил за руку:

— Не сердись, я же тебя не обидел, — сказал он мягко.

— На себя злюсь. Что произошло? Почему?

— Сомлела ты на минуту, будто в обморок упала. Я сначала испугался, а потом вспомнил рассказы моей бабушки об ее юности. У них в пансионе девушки часто в обморок падали от избытка чувств. С бабушкой тоже такое случилось, когда ей сообщили, что познакомят с будущим мужем... Я знаю: ты городская, нежная.

— Это не зависит от того, городской человек или сельский. Я теперь тоже и косить, и дрова колоть умею.

— Это все внешнее. Ты внутри другая, ты как моя бабушка. У нее была чувствительная, тонкая натура.

— Но я вовсе не волновалась! На меня природа всегда головокружительно действует. А здесь изумительно красиво! Мне вдруг показалось, что это место совсем не связано с селом. Оно обособленно и живет своей прекрасной уединенной счастливой жизнью!

— Я бываю здесь, когда мне очень грустно или очень хорошо. Даже зимой. Латак никогда не замерзает из-за теплых сточных вод маслозавода. Я назвал этот романтический уголок «Причалом судьбы».

От волнения я не заметила, что Костя все еще держит меня за руку.

— Пожалуйста, никому про то, что здесь случилось, не говори. Поклянись!

— Ты же знаешь, что не расскажу. Не склонен распространяться. Только ведь ничего и не случилось, — добавил он тихо.

— Не успокаивай! — вдруг опять вспыхнула я и побежала.

«Гадко! Противно! Почему не контролировала себя? Позор!» — заводилась я все сильнее. Лицо пылало, путались мысли. Хотелось каким-то образом быстрее освободиться от осаждающего раздражения. Как была в платье, прыгнула в воду и поплыла. Река сразу охладила мою горячую голову. Ко мне вернулась уверенность. Слышу голос Кости:

— Плыви назад. Переоденься. Я оставлю пиджак на берегу.

Я представила себя в пиджаке, из которого торчат тощие ноги, и ответила:

— Одна пойду.

Костя не стал спорить.

Подходя к дому, еще издали разглядела на лавочке силуэт.

— Костя? Ты? Все в порядке. До свидания, — коротко сказала я.

— До свидания, — эхом в тишине откликнулся Костя.

В этот момент я подумала, что не смогу с ним дружить, потому что он видел меня слабой... Я настолько панически боюсь быть или казаться плохой, что не хочу ощущать теплые чувства к этому милому юноше, не хочу повторения неподвластного мне проявления организма. Внезапно я поняла, что корни этого страха находятся в далеком детстве, когда нас называли подкидышами, а наших матерей... На сердце стало тревожно, безрадостно и очень грустно. Жаль. Очень жаль. Костя такой хороший!

СОЛДАТСКИЙ ВАЛЬС

Я в городе, точнее на его окраине. Раннее утро.

Дома из-за деревенских забот слишком редки мгновения красоты, способные встряхнуть душу. А сегодня здесь у меня целый день свободы и радости! Конечно же, проведу его на природе!

Сразу за домиком, где живет подруга матери, начинается лес. На пригорке стройные, высокие до небес сосны приветливо кланяются мне пушистыми верхушками и машут могучими узорными лапами, призывая в прохладные, ласковые, пахучие объятия. Под ногами буклированные мхи, россыпи шишек и безмолвные тусклые тени. Я опускаюсь на колени и окунаюсь в вечную, но разнообразную мелодию леса.

Лес встретил меня яркой зеленью, мягким обволакивающим теплом и радостным гимном — десятками разноголосых трелей. Здесь хозяйничают птицы, а я их гостя.

Передо мной сухой дуб. Серенькая птичка неторопливо перебирается по стволу снизу вверх, внимательно изучает оголенные участки и деловито обстукивает их крепким клювом. Обнаружив что-то на толстом суку, она принимается яростно долбить его так, что опилки летят во все стороны.

Растущая рядом старая мохнатая сосна удивляет меня обилием гнезд на ветвях. Вот сорочьи шапки. А это чьи корзиночки с детскую ладошку? Как зовут маленьких хлопотливых буро-оранжевых птичек? Они то стремительно падают вниз, словно осенние листья, то снуют между веток. Когда на миг замирают на ржавом стволе сосны, то будто исчезают из поля зрения, пропадают, а потом снова, весело попискивая, носятся вокруг своего родного дерева, поражая всплесками ярких крылышек.

Подошла к березняку. Странно! Никогда не замечала, что березы в лесу совсем не такие, как в городе. Очень мало тонких нежных веточек. Крепкие ветви уверенно пробивают себе дорогу к солнцу. Пробираюсь сквозь густые высокие травы. Встала рядом с одной колючкой и кончиками пальцев с трудом дотянулась до маковок верхних, начавших распускаться бутонов. Зверобой мне по пояс. Заросли иван-да-марьи и ландышей заполнили все свободное пространство. На пользу им дожди.

Гортанный крик вороны покорибил меня. Что она здесь делает? Видно достаточно в этом месте еды, раз предпочла лес городским помойкам. Птица не унималась. Я прижалась к дереву и замерла. Оказывается, растревоженная мамаша противно и зло каркала, прогоняя меня от гнезда. Уже через минуту, успокоившись, она, нежно воркуя и тихонько каркая, заботливо кормила своих птенцов.

Вдруг дятел рассыпался частой дробью. Будто не пищу ищет, а с наслаждением музицирует! Две пестренькие птички, склонив головки, с любопытством рассматривают сидящую на пенёчке старушку с корзинкой и весело щебечут. Мне чудится их разговор:

— Видишь, седая тетка сидит. Устала, наверное.

— Не скачет. Перышки не топорчатся. Старая уж.

Я улыбаюсь своим глупым мыслям и иду дальше. Сквозь просветы в молодом ельнике разглядела речку. Заторопилась к ней, увязая в песке.

У самого берега над водой проплывали клочья тумана. Быстро редая, они устремлялись в небо и вовсе пропадали из виду. А вдали, открывая мыс, лесок и строения, туман медленно уползал за горизонт как огромное живое существо. Заводские трубы тоже проявлялись не сразу. Их верхние части долго висели в воздухе странными призрачными

видениями. Они походили на маленькие действующие вулканы, непонятно зачем птицами взмывшие в небо и застывшие там. Кудрявый красновато-серый дым причудливо курился над ними, придавая еще более загадочный, таинственный вид. Туман медленно стекал вниз, и постепенно четкие контуры труб дорисовали картину заводского поселка.

Присела у берега на корточки. На песке растет только красноватый птичий щавель, да кое-где чахлая земляника распустила тощие блеклые усы. Здесь, в низине, совсем тихо. Дыхание воды таково, что не вздрагивают даже тончайшие нити водорослей. Слабое колебание воды замечаю только по еле заметным светлым бликам на ее поверхности.

Легкое металлическое позвякивание нарушило тишину. Словно бубенцы вздрогнули. Звук чистый, короткий. Поразительно! Никогда такого не слышала. Смотрю: на кусте ивы птичка замерла, как пучок из сухих и свежих листьев. А рядом с ветки на ветку перескакивает совсем крошечная, неприметная серенькая птаха. Кто из них издавал столь прелестные звуки? Подумалось: «Как мало я знаю о родной природе!»

Светлый лучик заскользил по противоположному берегу, по очереди высвечивая то строения, то деревья. Я обрадовалась наступлению солнечного утра. Напрасно! Вскоре опять туманом сузился горизонт. Заморосило. Река словно напряглась, сжалась и будто покрылась гладким, очень тонким слоем серого льда разных оттенков. На поверхности ни малейшей морщинки! Только мелкие точки дождя плясали на ней, высекая нечеткий ежесекундно меняющийся рисунок. Я спряталась под ивовый куст и не сводила глаз с застывшей, остекленевшей реки. Не знаю, сколько я так просидела, замороженная чудом природы, только ветер стал осторожно перебирать, словно пересчитывая, листья берез, мелкой рябью засеребрилась вода. Дождик незаметно иссяк.

Над моей головой просвистели крылья речной чайки. Секунда — и она пикирует в воду. Неудачно. Опять взмыла в небо для новой попытки. Теперь наблюдаю грузный ныряющий полет чайки с крупной добычей. Выронила, бедняга! Пришлось ей в следующий заход довольствоваться малым: уклежкой.

И тут я увидела цаплю! Я узнала ее по оттянутым назад длинным ногам, по характерному изгибу шеи в виде буквы «зэт» и отороченным черными перьями огромным крыльям. В полете ее тело без крыльев похоже на стрелу молнии.

Боже! Как все затрепетало во мне невообразимой радостью! До чего же приятно очарование дикой природы! Я наслаждалась неспешным полетом редкой птицы. Он своеобразный. Издали цапля напомнила пружинку, совершающую движение вперед и одновременно колеблющуюся в вертикальной плоскости. Взмахом крыльев она чуть подбрасывала себя, потом под собственной тяжестью немного опускалась, как бы проседая; следующий сильный, но мягкий рывок снова приподнимал ее вверх.

Покружив, птица опустилась в камыши в метрах пятидесяти от меня. Навстречу ей из кустов вышла другая цапля. Они немного побродили по берегу, в поисках лягушек, затем направились в укрытие. Я задохнулась от восторга. Рядом со мной гнездо семьи цапли! Какое счастье наблюдать их! Захотелось во что бы то ни стало дождаться следующего появления прекрасной пары.

Я удобно устроилась на бревнышке, очевидно принесенном рыбаками, сняла ботинки, набрякшие влагой, и погрузилась в созерцание. Волны полощут водоросли. Они поражают богатством красок и оттенков. Над ними густо вьется мошка. Плещутся юркие уклеи, играя с веткой ивы, окунувшей зеленые кудри в воду. У кромки берега в траве кипит малек. На дне копошатся какие-то букашки, ракушка вычерчивает на песке криволинейную траекторию. Быстро перемещается. Не ожидала я от этого подводного ларца такой прыткости!

На берег пришла полоскать детские вещи молодая женщина с длинной русой косой. Я обратила внимание, как ловко и изящно, будто без особых усилий, отжимает она мокрое белье, как легко поднимает красивые руки. Они порхают!

Все гармонировало в женщине: и спокойный умный взгляд темно-серых глаз, и нежный овал лица, обрамленный гладко зачесанными пшеничными волосами, и мягкая

округлость стройной фигуры. А сколько в движениях достоинства, уверенности! Я залюбовалась.

Подошел ее муж с двумя карапузами-погодками. Глаза — антрацит. Черная как смоль кудрявая шевелюра, борода, усы. Молчалив, степенен, хотя и молод. Хорош! Под стать жене. Красивая пара! После короткого общения я еще острее почувствовала их удивительное обаяние. Они обронили несколько, казалось бы, несущественных фраз, а передо мной выстроился их уютный мир взаимопонимания, любви и уважения.

Из-за кустов появились двое рыбаков. Я слышу их разговор.

— Где был? — спрашивал старик.

— На грибалке, — весело отвечал молодой человек.

— Значит, и порыбачил, и за грибами успел сходить, — понял шутку старик и рассмеялся.

Видно было, что ему очень понравилось неожиданное словосочетание.

— Хвались дарами природы. Почему не вижу улова? — поинтересовался он.

— В рюкзаке. Нечем гордиться, ексель-моксель. Не шел судак, только окушки да плотва. То ли вегетарианцем стал судак, то ли поумнел, — досадливо усмехнулся молодой.

Я обернулась, чтобы проводить рыбаков взглядом, и невольно замерла. Двое шли навстречу друг другу. Девочка-подросток — светленькая, тоненькая, изящная, откровенно нравилась себе, что смущало и радовало ее. От этого и походка была противоречивая: то очень неуверенная, то излишне кокетливая.

А он не мог скрыть радости. Она излучалась глазами, нежной ямочкой на подбородке, белозубой улыбкой, золотилась в легких русых волосах. Даже юный пушок на щеках светился восторгом. Уголки его губ чуть подрагивали от волнения. В глазах сияли черные звездочки зрачков. Он с трудом сдерживал улыбку, весь подавался вперед, но руки сплетал за спиной, будто боялся, что они сами взлетят навстречу любимой. Юноша опускал голову, пытаясь спрятать свои чувства, и тут же снова поднимал, не желая пропустить счастливые мгновения взаимопонимания...

Я смущенно отвернулась и уставилась на противоположный берег, где серыми факелами маячили заводские трубы.

Иду вдоль берега. Сосняк сменился осинником. Описав дугу, берег скрылся за поворотом сильно выдававшегося в реку мыска. Обогнула его. Здесь на удивление зеленая бархатная лужайка. На ней играют ребятишки. Им лет по шесть. Меня заинтересовал их разговор, который они вели с очень серьезными интонациями. Один мальчик, тот, что с самодельным самолетиком и в шлеме летчика, предполагал:

— ...Мотор не тянет. Наверное, бензин закончился.

Второй, который в матроске, степенно возражал:

— Не думаю. Закрылки выправил? Шасси убрал?

— Трансформатор проверь, — солидно предлагал третий мальчик.

— Давай помогу. Чего долго возишься?

— Конструкция сложная, видишь, сколько всякого наворочено! Тут разобраться надо. Я его пере-транс-фор-мирую, — с удовольствием четко произнес трудное слово первый мальчик.

И я сразу вспомнила, какое удовольствие доставляло нам с Витьком запоминание и употребление трудных слов.

— А я завтра принесу вот такой трансформатор! Он от настоящего самолета и куда больше твоего, — заявил четвертый, закапывая в песок свою подводную лодку из стреляной гильзы.

— Не хвастайся. Хвастаться неприлично! — назидательно проговорил мальчик в очках.

Мне нравится умный разговор ребяташек, и я с интересом разглядываю их.

У самой воды девочка лет пяти, копаясь в песке, спрашивает у своей бабушки:

— Почему у людей много мозгов в голове, а у животных мало?

— Животным не приходится строить сложные взаимоотношения в среде обитания. У них все на раз, два, три, — объясняет бабушка и предлагает: «Олечка, рассказать тебе сказку про Иванушку-дурачка?»

— Не хочу про Ивана-дурака! И его царевна мне не нравится! Как она могла в дурака влюбиться? Сама глупая была? А у глупых родителей детки тоже глупыми в животике получаются. Не мог Иван-дурак поумнеть, когда женился. Он же всю жизнь на печке сидел, лентям был! Взрослые не перевоспитываются.

Я с интересом слушаю до смешного строгие рассуждения ребенка и удивляюсь новой для меня интерпретации знакомой сказки. Мне подобное в голову не приходило! Я всегда считала этих героев сказки положительными. Почему? Не умела размышлять? Принимала на веру содержание, потому что книжки нам няни читали с доброй интонацией?

Вспомнила, как маленький мальчик ударил одного дядю ногой. А тот стоял, удивленно смотрел на маленького хулигана и улыбался. Рядом стояла женщина и пыталась объяснить своей дочке, какой этот мальчик плохой. Но та заявила категорично: «Раз дядя улыбается, значит мальчик хороший!» Я тогда не увидела логики в ответе девчушки. «А вот Олечка рассуждает очень даже логично. Ничего не принимает на веру. Свое мнение имеет», — приятно удивилась я.

Еще вспомнилось, как не удалось мне доказать Юлечке-соседке необходимость ношения очков. Я утверждала, что многие умные люди носят очки, что красивые очки очень идут детям и взрослым, делают их внешность благороднее. Но Юля вдруг жалобно прошептала: «В садике обзывают очкариком». «Глупые дразнятся», — возмутилась я. «Все обзывают. Не могут все быть глупыми», — печально, даже безысходно пробормотала малышка. У меня тогда даже в сердце кольнуло от такой тоскливой интонации четырехлетнего ребенка. Почему дети дразнятся? Они так играют? Не могут же все детки быть злыми, жестокими или завистливыми! Мать что-то толковала мне насчет стадного чувства в больших компаниях, но я ничего не поняла, а спросить у Александры Андреевны забыла. А зря...

— Оля, где ты? Чего молчишь? — забеспокоилась бабушка.

— Тут я, за кустиком. Я немножко сердитая, — откликнулась девочка. — Мне Антоша в детском саду говорил, что, когда хочется ругаться, надо язык трубочкой свернуть и проглотить плохие слова. А Павлик сказал, что ему помогает говорить «опрст» и «еклмн». Его папа так научил.

Тут малышка увидела елочку, веточки которой на вершине расположились в форме креста, и стала тормозить бабушку:

— Эту елочку посадил сам Христос?..

Оля побежала играть с подружкой в мяч, а бабушки продолжили, видно, ранее начатый разговор:

— ...Так вот, когда я беседовала с внучкой по телефону, меня потрясла глубина чувств шестилетнего ребенка. Она многого не понимала в себе, полностью не осознавала, но пыталась разобраться. Вот послушай часть нашей с ней беседы. Она тронула меня до

слез. Олечка говорила мне тихим печальным голосом:

— Бабушка, я не хочу играть. Я потеряла у тебя на диване маленькую морскую звездочку. Помнишь, ту красненькую, которую подарил мне дядя Саша?

— Играй ракушками. Их у тебя много, — ответила я.

— Не хочу, — говорит.

— С папой поиграй.

— Он не хочет. На кровати лежит, — упавшим голосом сообщила Оля.

Я молча корю себя за бестактность. Забыла, что оставивший семью отец, очень редко, да и то формально исполняет свои обязанности, считая, что его молчаливого присутствия вполне достаточно для воспитания дочери. А ребенок, оставшись один на один с отцом, остро чувствует свое одиночество и безразличие взрослого, которому пришлось на какое-то время «подменить» маму.

— Олечка, я сейчас же поищу звездочку. Если найду, тебя это порадует? — попыталась я отвлечь внучку от грусти.

— Да, — с надеждой в голосе ответила она.

Я разыскала малюсенькую, с копеечную монетку звездочку и тут же по телефону обрадовала малышку.

— Бабушка! Как жалко, что ты болеешь! Я так хочу, чтобы морская звездочка была у меня на ладошке! Мне хочется, чтобы в трубке телефона появилась дырочка. В нее ты положила бы звездочку и дула, дула до тех пор, пока она по проводам не добралась бы до моей трубки. И тут я бы ее достала.

— Олюшка, провода тоненькие, не сможет по ним, как по трубе, перемещаться звездочка.

— Ну, пусть бы она превратилась в маленькую микробинку, прибежала бы ко мне по проводам, а потом выскочила бы из трубки и опять превратилась в большую. Ты меня понимаешь? Я так фантазирую.

Я перевела разговор с внучкой про нашу последнюю встречу на рыбалке. Но отвлечь от печальных мыслей не удалось. Оля, глубоко вздохнув, произнесла:

— Звездочка такая маленькая, как детка, и такая хорошая. Она лучше всех игрушек... И ей тоже грустно одной...

Последовала длительная пауза. Обе женщины сумрачно смотрели в землю. О чем они думали?

Олина бабушка продолжала задумчиво и грустно:

— Последнее время стала замечать, что в играх внучки преобладают грубые моменты: самые любимые игрушки все время дерутся, рвут друг друга на части. Я предложила ей сочинять добрые сказки и рассказы. Вы знаете, удалось-таки переломить в ней намечающуюся ожесточенность. Олюшка сама почувствовала, что от ласкового и доброго на душе ей лучше. Теперь сама просит: «Бабуля, давай посочиняем что-нибудь веселенькое или добренькое». Я бросаю все дела и занимаюсь с внучкой. Жаль, болею часто.

— До чего же мы бываем нечувствительны к детям, к их маленьким, с нашей точки зрения, трагедиям, разрывающим незащищенные, безпанцирные души, — горестно воскликнула Олина бабушка. — Не щадим, не бережем их тонкие трепетные нервы, не заполняем теплом и радостью сердечки. Режем, сминаем, калечим нежные лепестки доброй, чистой, искренней веры в нас, ломаем ростки надежды на счастье.

До пенсии я в детском саду работала. Ох уж эти родители, вечно озабоченные погоней за рублем и занятые нескончаемыми мелкими домашними хлопотами! Прошу их: забросьте

неглавные дела, ведите детей в парк, в лес, говорите с ними! Чем засеете души своих детей, то и получите. Что закладываете в них, не замечая? Радость ли, обиды, неверие, трусость? А может, непонимание, маету, сердечные стоны, слезы? Как воспитываете? Грубостью, резкостью, холодным безразличием, раздражительностью или излишней неоправданной давящей заботливостью, ненамеренной жесткостью, торопливой ласковостью?

Упущенные минуты нежного умного душевного общения не вернешь, не восполнишь, если сердце ребенка уже заполнилось другим, вам неизвестным и нежелательным, которое не выковырнешь оттуда; если успели остыть и засохнуть в нем любовь и желание видеть мир ярким, радостным, если затушевали их возвращенные вами обиды на весь мир, злость, безразличие и жестокость.

Многие дети со временем сумеют спрятать эти чувства глубоко-глубоко, в самые потаенные уголки своих маленьких сердец, но они постоянно будут выползать, и ранить, ранить... особенно в години одиночества и неудач. А наполненная добром и верой душа могла бы давать силы бороться, добиваться цели, жить...

Как же мы бываем по молодости глупы, безрассудны, безоглядны! Погрязаем в мелочной повседневной суете, затмевающей глобальное, главное — душу ребенка. Ох, как мы каемся потом! А некоторые и не каются, вина кого угодно, только не себя. Как мой сосед. «Я-де кормил, поил. Деньги зарабатывал. Ну, там врезал разок-другой на неделе, частенько случалось прикладываться; ну, на сторону поглядывал. Так мужик ведь. А детской любви не понимал, потому-то не хотел ее, отвергал, уклонялся... Молод был».

Молод был лет до шестидесяти? Или раньше жареный петух в темечко клюнул? Стоит надеяться, что внуки пробудят природную, за тысячелетия не пропавшую, не стершуюся, может быть, еще от животных доставшуюся нам в наследство, любовь и нежность к детям? Или так и проживет бесчувственным бревном, не отдав самого главного — душевного тепла?

Есть и спать может и червь навозный. А чувствовать силу ума, движения души своего ближнего, Вселенной — предназначено только Человеку. Жаль, не всякий это понимает.

Может, нам стоит чаще задавать себе вопрос: «Для чего живем, для кого?» Может, не только для себя, но и для того маленького существа, которое зачем-то позволили себе выпустить на свет божий, на суд людской? На мучения или на радость? Не бывает жизни без страданий. Так сделайте милость, уменьшите их, оградите хоть в невинном детстве частичку свою от жестокости взрослого мира, от своей собственной слепоты. Прозрейте. Ан, нет! Не слышит душа. Свое брюхо дороже, свой бесстыдный каприз, свое заскорузлое болезненное «Я» важнее. До тонкости ли детской души, до ее ли чуткости и нежности?

Эх, ты, человек! Можно ли тебя так называть, достоин ли ты этого звания, если отнять у тебя суть слов «мать» или «отец», которых ты не заслуживаешь? Нет, не достоин. Тебе ли думать, почему ребенок грустный или озлобленный? Вырастет, — поймет. Вот твой лозунг. Чем поймет? Сердцем, разучившимся чувствовать? Умом, который недобрый?..

Вот ушел отец из семьи. Ранил дочку в самое сердце. Но малышка все равно пыталась сохранить и без того малые крохи его любви. Ей одиноко без отца. Она со страшной силой почувствовала это. Сначала еще верила, что вернется. С детской наивностью и прямолинейностью просила остаться. Потом пыталась вникнуть в причины потери. Не получилось осознать взрослые «заморочки». Попыталась выпрашивать подарки, чтобы утолять горечь обиды. (И чтобы было чем перед детьми хвалиться, как доказательство, что не бросил, что есть у нее папа.) Тоже не вышло. Нервная стала. Весь мир из легкого и прекрасного сделался злым и черным...

В какой-то момент мне показалось, что пожилая женщина говорит не о внучке, а о своей давнишней детской обиде.

Бабушка продолжала:

— Однажды мама Оли уехала в командировку. Как малышке было страшно и одиноко! Ей казалось, что она навсегда потеряла обоих родителей. И я, любимая бабушка, не смогла заменить их. Ужас охватывал ее и не выпускал до возвращения мамы. Я прикладывала

все усилия, весь свой опыт, чтобы успокоить внучку. Но страх и обида долго не утихали. Они сотрясали маленькое, беззащитное измученное тельце, каждую ее клеточку, каждую жилочку. Особенно по вечерам ее сердечко надрывно дрожало, безутешные мольбы со стонами вырывались наружу, не давая уснуть. (Я плакала вместе с нею, пряча слезы.) И только совсем обессилив, она будто проваливалась в черную яму ночи, вздрагивая, всхлипывая, сжимаясь и не расслабляясь ни на секунду в своем детском, безысходном, беззащитном вселенском горе... Я уже начинала бояться за психическое здоровье малышки. Слава богу, обошлось. До этого случая я сама не представляла, как велика душевная связь ребенка с родителями...

Слышу радостный залиvistый смех. Девочка с мальчиком хохочут. Им лет по девять. Их мамы беседуют на взрослые темы, а дети увлеченно и весело играют.

— ...Ну, что ты сказал? Повтори!

— Ты не слышала?

— Да. Я глухая. Ха-ха-ха!

— Я тоже глухой! Ха-ха-ха!

Девочка кокетничает. Мальчик заглядывает ей в глаза, пытается рассмешить, «выкаблучивается», падая со смехом на траву. Она, помогая ему встать, весело спрашивает: «Когда лежишь, умные мысли лучше приходят в голову?» Он немного упирается, потом вскакивает и догоняет подружку. Теперь они, взявшись за руки, очень довольные друг другом пробегают мимо меня. «Они прелесть», — улыбаюсь я им в след.

По тропинке навстречу мне идут в обнимку мужчина и женщина. Он седой, лицо перепахано морщинами. Она крашенная и в ярких узких брюках. Впервые вижу женщину в брюках. Непривычно смотрится, но красиво. Куда как лучше меня в черных широченных сатиновых шароварах!

Два старика тихо разговаривают:

— ...Я не в том возрасте, чтобы ценить или реагировать на пушкинские строки «Я сам обманываться рад...».

— Мудрый стал?

— Нет, постарел...

— ...Чем кичиться?.. Помню: ребята из старших классов сперли одну галошу на рогатки. Боюсь домой идти... Мать утюгом в меня швырнула. По спине попала. Какое там воспитание! Безрадостное, нищее, убогое детство. Грязь, голод, грубости. Мать не приласкает, отец доброго слова не скажет. Вырос кое-как. Жил кое-как. Рано работать пошел. В армии многое о жизни понял, в Гражданскую воевал... хорошую жизнь детям строил...

Река делает крутой поворот. На берегу мостик. На нем рыженький мальчик лет четырех в одних трусиках. Ножки в воде, в руках камышина. Он улыбается. От яркого света каждая травинка на берегу четко видна. Старшие брат с сестрой в песке строят волшебный город. Папа и мама на берегу загорают, весело переговариваются. Дедушка и бабушки тут же на бревнышке в соломенных шляпах сидят, на внуков поглядывают. Идиллия! Вот оно — спокойное счастливое детство!

Идет молодая женщина с мальчиком лет трех. Ребенок нежно прижимает к груди

веточку акации с «пищалками» и желтый цветочек. Они ему дороги. Слышу режущее уши и сердце:

— Брось сейчас же эту гадость!

Мать кричит грубо, грозно, громогласно. Сынок сжался, смотрит на маму тоскливо-просительно. Боже, сколько в лице малыша жалкой попытки защитить себя, свою маленькую радость! Его личико не назовешь миленьким. Для ребенка у него крупные черты: широкие брови, длинный нос, большой рот с редкими черными зубами. Но какой взгляд! Как много в нем взрослой глубины чувства и детской неуверенности!

Я подалась вперед, мне хочется помочь малышу. Он понимает мое сочувствие. Видит, как я смотрю на его веточку, и ждет поддержки. Мать ловит мой грустно-осуждающий взгляд, переводит глаза на сына и замолкает, опустив голову.

«Вот так: несколько резких окриков — и может пропасть любовь к природе. Встреча с ней долго будет связана с болью в сердце, с обидой, что не поняли, отобрали что-то пусть даже маленькое, но красивое и очень приятное... А потом наступит безразличие, — грустно думала я. — Может, этому мальчику повезет.

Что сегодня выбило из равновесия эту женщину? Усталость от работы, ссора с мужем или его отсутствие?..»

Нежданно нахлынувшие печальные мысли постепенно растворились в спокойствии теплого летнего утра.

Дальше иду. Достигла новой излучины. Отрадное место! Ветерок нашептывает что-то лазурно-веселое. Кукушки перекликаются. Густой частокол сосновых сосен, сонные движения листьев орешника. Вот поляна как нельзя лучше располагающая к отдыху. Обжитой, но чистый берег. Легкие тени облаков на песке.

Удобно устроилась в кустах. Оживленные голоса за спиной заставили меня отвлечься от размышлений. Я увидела две очень приятные семейные пары средних лет и эффектного мужчину, который, как мне показалось, был душой их небольшой дружной компании. Женщины расстелили на песке покрывало, и мужчины принялись самозабвенно сервировать «стол», извлекая из объемистых сумок многочисленные коробки и кастрюльки. Разговор они вели спокойный, светский: о погоде, о событиях в мире, о технических изобретениях. Каждый блистал эрудицией в своей области, но все они были едины в стремлении одарить друг друга новыми яркими познаниями. Меня поразило богатство их языка, широта и глубина интересов, легкость, с которой они переходили от одной темы к другой, а еще уважение, царившее между ними. «Настоящая интеллигенция. Соль Земли», — пришли мне на ум слова, недавно услышанные по радио.

Потом отдыхающие довольно долго, но с долей юмора, обсуждали сложные проблемы своей жизни, делились успехами. И тут одна из женщин, ее называли Ириной Андреевной, тихо сказала: «Каких бы высот мы ни достигли, все они — ничто по сравнению с самой важной удачей нашей жизни — детьми. Они — наша главная гордость!» Все заулыбались и молчаливо согласились.

Слышу громкий полупьяный говор соседней «развеселой» компании. Из всеобщего шума сознание вырвало три фразы, произнесенные совсем рядом, за моей спиной:

— ...Любимая... — сказано было весело, с пафосом.

— Ты бы не изменял, — грустно-просительно прозвучало в ответ.

— Если бы не изменял, то звал бы единственной, — жестокий голос по-пьяному развязно и нагло восхищался собой.

Меня резанула по сердцу пошлость и бессердечие говорившего, и я все внимание направила в сторону приятных соседей.

Седовласый говорил тихо и задумчиво:

— ...Кто знал тогда, в сорок пятом, как сложится наша жизнь... до сих пор помнится каждое мгновение. В такие минуты детство вспоминаю, лицо отца вижу. Сначала он кочегаром на паровозе был, потом машинистом. Сильно курил, «Беломор-Канал» в основном. В бараке мы жили. А лето я у бабушки проводил. Своя земляника в саду. Арбузы закапывали в песок... А еще помню себя совсем маленьким. На меня гуси налетали. Друзья в шутку советовали отпугивать, делать им «козу», а я боялся. Лет пяти был... У соседа-кузнеца пять дней овчарка умирала. Так этот здоровенный мужик сидел около нее неотлучно и плакал. Поразила меня тогда его душевность... Случилось, что в лагере яблоко украл у мальчика из-под подушки. До сих пор в деталях помню его: продолговатое, гладкое. И стыд свой: «Я, такой положительный, и вдруг...» Голодно было... Помню порох как макаронины, песню простую как валенок: «Моряк черноморского флота»... Как-то поймал меня сторож. Я не воровал яблок, но не мог про ребят сказать... На нашей улице в бане пиво продавалось. Мы купили и пили. Чинариков насобирали и курнули. Рвало нас до умопомрачения.. Один раз в гостях был. Там вымахиваться, выеживаться стал: из гонора сотовый мед есть не захотел. А хотелось со страшной силой! И когда папин друг еще два кусочка принес, я протянул к ним руку. Отец в первый и единственный раз ударил меня по руке... Много есть, что вспомнить. Сколько их было этих уроков совести! Тогда вот и научился довольствоваться, чем есть, радоваться, что один зуб заболел, а не все. Несколько позже понял, что не надо хотеть очень многого, ставил цели только те, которых мог достичь... Потом война разразилась...

Долгая пауза. Я смотрю в небо. Плывут спокойные облака, плывут задумчивые мысли...

Слышу: разговор коснулся музыки. Импозантный мужчина, тот самый, что был без жены, воскликнул: «Совсем запамятовал!» — приподнялся и достал из сумки небольшой патефон. (Я никогда такого не видела.) Полилась раздольная старинная песня. Когда она закончилась, молодой мужчина, которого звали Николай Николаевич, произнес:

— Очень люблю слушать музыку без слов!

— Чем обусловлено такое предпочтение? — заинтересовалась Лариса Яковлевна, жена того человека, который поражал познаниями в математической логике и которого друзья величали Евгением Григорьевичем.

— Мне кажется, что слова призывают к однозначности восприятия произведения. А вся прелесть — в многообразии! Ведь, вслушиваясь, каждый представляет что-то свое, только ему близкое и понятное.

— Не скажи! Ты сейчас не совсем прав, — мягко сказал Анатолий Никифорович, владелец особенного патефона, и очень бережно взял в руки странного вида пластинку, явно не заводского изготовления.

— Друзья, представляете, иду я в Воронеже по проспекту, и вдруг с противоположной стороны улицы до меня доносится удивительная музыка! Она настолько поразила меня своей неожиданностью, что я забыл, куда и зачем шел. Вот уже несколько месяцев я обладаю этой пластинкой, но продолжаю находиться под впечатлением и каждый раз слушаю ее, как впервые.

Он выглядел взволнованным, но каким-то печальным, и в этот момент показался мне открытым, незащищенным, ранимым юношей с грустными задумчивыми глазами. Седые волосы, красивое молоджавое лицо, солидный вид человека, наверное, обремененного руководящей должностью, не помешали моему восприятию.

Первые мгновения все слушали музыку чуть растерянно, недоумевая. Потом восхищенно замерли. Голос молодой певицы был чистый, солнечный, но не звонкоголосый. Он звучал, как весенний ручеек, радостно и искристо. Хозяин пластинки, опустив голову на грудь, чуть раскачивался, уплывая на волнах любимой мелодии. Остальные сидели потрясенные. Каждый пытался осознать свое внутреннее созерцание, сформировать мнение, прочувствовав прекрасную, но странную, по-новому звучащую знакомую мелодию.

Французская девушка исполняла наш русский вальс военных лет на своем родном языке. А я думала: «Та ли эта песня или созвучная с нашей?» Иностранные слова вносили в нее свой, особенный, национальный колорит, другие интонации и акценты, особенное изящество, несколько иную одухотворенность, непонятную беззаботную легкость.

Слушая вальс, я испытывала новые, незнакомые ощущения, удивительно по-детски трогательные, нежные, тонкие, которые, как мне казалось, совсем не подходили к содержанию этой песни. Я никак не могла соединить воедино восторг и некоторое смятение души.

Для меня в нашем вальсе звучали одновременно и глубокая боль, и затаенная любовь. Несмотря на лиричность и задушевность, в нем проглядывал драматизм страшного военного времени, криком кричала, разрывалась и плакала душа памятью тяжелых утрат. В словах и в музыке чувствовалась не только вера солдат в победу, но и тоска по дому, по мирной жизни.

А француженка пела радостно, светло, оптимистично счастливо, хотя и с долей грусти. Ее юная душа воспринимала наше горе иначе: как тяжелое, но чужое и далекое прошлое. Она слышала о нем, знала, сожалела, но и только. Полная ярких надежд, она исполняла песню с небесным очарованием и непосредственностью. Я сразу представила себе певицу красивой молоденькой мечтательной девушкой с длинными светлыми волосами. Она в воздушном, как пронизанное солнцем облако, платье, в ослепительных хрустальных туфельках на высоких каблуках. У нее понимающие, сочувствующие голубые-голубые глаза и любящее весь мир сердце!

Мои мысли и мечты полетели высоко и далеко...

Рванул ветер. Лихорадочной дрожью затрепетали листья деревьев, цветы по краю пригорка сделались включенными, шапки их семян распушились и начали разлетаться. Я вскочила. Смотрю: облака где барашками группируются в стада, где образуют черные тучи, которые тут же расползаются на клочки. Ветер играл с облаками. Заметно потемнело вокруг. Тихонько зарокотал гром, прогоняя отдыхающих с пляжа, расположенного неподалеку в уютной Северной бухте (ее название я прочитала на стрелке-указателе). А люди не спешили уходить.

Гром продолжал ходить над лесом кругами, вещал о приближении грозы, пугал, роптал. Наконец, его терпение лопнуло, и он грохнул так, что я невольно присела. Птицы сразу умолкли, комары попрятались. Крупные рваные тучи пронеслись мимо, а сплошная туманная синь, надвигающаяся с противоположного берега, осыпала мелким дождичком.

Мои интересные соседи скрылись в лесу, а я не захотела прятаться. Не сахарная. Хочу видеть грозу не из окна дома!

Захолодало. Опять неожиданно быстро примчалась туманная стена и ударила мощным косым градом. Натягивая на голову кофту, я ринулась под ивовый куст. Освободившись от избытка влаги, дымка поползла назад к горизонту. Ворчали и сердито рычали тучи. Раскатистый гром провожал их, настойчиво вытрясая остатки града и дождя. Горизонтальные, во все небо, молнии рисовали неожиданные картины и освещали им дорогу. Никогда не видела таких длинных пугающих красавиц!

Туман то стремительно наплывал на берег, то снова уползал за дымчатые складки леса, замыкавшие горизонт. Странные кратковременные набеги повторялись многократно и обязательно сопровождались дождевой пылью. Потом стало светло и тихо. Но не прошло и получаса, как все повторилось с еще большей силой. Из черных туч, как из сотен тяжелых портьер, низвергались закрученные водяные вихри. Ветер растрепывал их и с силой бросал на землю. «Грандиозное представление давали могучие силы природы», — мелькнула в голове подходящая к случаю фраза.

Вода в реке темнела, бурлила и покрывалась грязно-белой пеной. Ветер срывал ее с гребней кипучих волн и уносил в глубину. Прибрежная полоса орошалась фонтанами брызг и обрывками водорослей. Я отступила за кусты. Вдруг мощный поток воды, подкативший к берегу, натужно выгнулся и толкнул ржавую рыбацкую лодку, прикованную цепью к маленькому деревянному причалу. Та взметнулась, встала на дыбы, как норовистый жеребец, и, развернувшись, с грохотом притерлась бортом к прогнившим от времени доскам. Еще более сильный напор воды перевернул лодку и выбросил на песок. Следующие не менее красивые, возбуждающие азарт волны устлали поляну толстым слоем водорослей ила и песка.

И вдруг я увидела их — пару цапель! Они, как мне показалось, с жалобным клеточком странно кувыркались на фоне черного неба, выделяли невообразимые пируэты, подбрасывая длинные тонкие ноги выше головы. Сначала я испугалась, полагая, что ветер закрутил в вихре и вовлек бедных птиц в водоворот, но потом заметила в их движениях удивительную грацию, вдохновение, и поняла, что они восторженно танцуют наперекор буре. Они, как и я радуются грозе! Теперь движения птиц для меня не были угловатыми, хаотичными. Они прекрасные, очаровательные! Цапли скрылись в пучине черной тучи, но я не боялась за них. Мне просто очень хотелось увидеть их снова.

Отсверкала гроза. Дождь пошел на убыль. Тучки выжимали и выбрасывали из себя последние капли, будто женщины, встряхивали выстиранное белье перед просушкой. Солнце лучисто пробивалось сквозь кусты. Волны все спокойнее спотыкались о песчаный берег, потихоньку размывая и подтачивая его. Местами в небе высветились голубые прогалки.

Я выбралась из не очень надежного убежища, отжала мокрую одежду и огляделась. Облака и окружающие растения обрели четкий рисунок. Молодые елочки посветлели, потому что искрились и серебрились маленькие дождевики, любовно окружавшие каждую иголочку. Ветви старых сосен седые от капель, а их умытые дождем стволы свежи и янтарны. На дне песчаной отмели снова появился волнистый рельефный рисунок. Опять снуют неутомимые мальки. Поблескивают их серебристые брюшки, когда они, взбрыкивая, выскакивают на поверхность воды.

Закружили над рекой чайки. И тут я снова увидела цапель, степенно, с достоинством вышагивающих вдоль камышовых островков в нескольких метрах от меня. Я замерла на месте. В моей голове закружилась музыка незабываемого солдатского вальса. Только теперь она звучала намного радостнее, как гимн будущей прекрасной жизни. Поплыли удивительно приятные мысли. Какое счастье жить на свете!

Я вскочила и стала носиться по песку, высоко поднимая ноги и размахивая руками-крыльями, в которых трепетал и будто рвался ввысь мой белый платок. Тощая и тонконогая, я, наверное, тоже походила на цаплю. Но это не смущало меня, даже как-то странно радовало. Подняв глаза в небесную синь, я восторженно кричала: «Солнце светит всем! Всем, всем на свете!»

Наша жизнь - лестница надежд.

Глава Первая

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Закончилось лето. Я с радостью встретила новый учебный год и старых школьных друзей.

Сегодня второе сентября. После уроков стою с матерью за миткалем для простыней. Обычно я с бабушкой хожу в магазин, но сегодня она заболела.

Толчея у прилавка, бесконечная вереница людей на улице. «Хвост» очереди, огибая несколько домов, скрывается в парке. Буйная зелень деревьев бросает чуткие узорные тени на узкие тропинки. Ветер слегка колеблет их кружевные накидки и меняет рисунки на земле. Струятся косы ив. Рябит нестройный хор березовых стволов. Очаровательны и грустны робкие осинки. А рядом с ними рябины с яркими подвесками, корзиночками горьких даров. Изумрудный луг расшит полынью и аптечной ромашкой. Их терпкое дыхание щекочет ноздри, а на губах оставляет горький вкус. Хлопочет голубая стрекоза. Любуюсь застывшей кудрявой пряжей облаков, наблюдаю, как крадутся, цепляясь за верхушки сосен парчовые блики сентябрьских лучей. В голове побежали лирические строчки...

Брат принес книгу, чтобы я не скучала. Молодец. Вспомнил-таки! Читаю, не замечая гомона соседок и визга детворы. Когда вошли в помещение, мать отобрала книгу, потому что в магазине сумрачно. Приходится развлекаться разговорами людей. Одна женщина сетовала на зятя, что пьет, другая — на невестку, за то, что та купила себе дорогие туфли на высоком каблуке. «...И перед кем хвостом вертит?» К мужчине подошла женщина и пристаёт с расспросами. Он отмахивается. Она снова что-то объясняет ему, а потом громко спрашивает:

— Мелкую картошку оставите себе на посадку?

— На взлет! — раздраженно отвечает мужчина и выходит из очереди.

«Доняла!» — думаю я про себя и опять оглядываю очередь скучающим взглядом. Прислушалась к беседе матери с Еленой Николаевной, учительницей литературы из детского дома. Они говорили о том, что пятеркой в каждой школе оценивается разный уровень знаний. Еще о том, что в классах по тридцать пять учеников, а хотелось бы иметь по двадцать...

Веселый смех Елены Николаевны снова заставил меня «настроить уши-локаторы».

— Работала я тогда в детдоме первый год. К детям относилась строго, но посестрински. Споры их разрешала справедливо, играла с ними в спортивные игры, а перед сном рассказывала истории из своего грустно-веселого детства. Жила я с директрисой в одной комнате. Ей тогда еще не достроили дом. По вечерам мы делали ремонт в детдоме, стирали одежду детей, потому что на мизерную зарплату не могли найти прачку.

Полюбила я Татьяну Николаевну за ее врожденную жизнерадостность. Она — чудо, которое никогда не гаснет, не тускнеет. Ее сердце всегда настежь открыто для детей и никогда не скудеет. При ней не стыдно обнажить свою душу. У нее есть способность отыскивать в детях самое лучшее, о чем они не подозревают сами, а если и догадываются, то смутно. Она всегда находит что-нибудь необыкновенное, то, чего меньше всего ожидают от ребенка.

Еще радовать умеет. Есть в ней, я бы сказала, болезненная, неестественная, чрезмерная нежность. Каждый ребенок жгучей болью навсегда остается жить в ее сердце. При неудачах глаза ее переполняются непереносимой тоской... Наверное, она по сиротству своему такая.

В ней присутствует поразительная естественность. У нее своя правда: несомненная, единственная — счастье детей, которых ей вручила судьба. Она любит их, дышит вместе с ними. А как она говорит! С упоением, живо, увлеченно, страстно! Одним ярким порывом может кого угодно увлечь, убедить или переубедить. Срывается из кабинета по

первому зову. С возрастом, говорят, ее административная страсть немного поутихла. Уставать стала. Каждому иногда хочется отгородиться от непомерного, которое все время подступает, наступает... Зато мудрость приобрела.

Ей часто приходится затыкать невидимые бреши во взаимоотношениях сотрудников, не оправдавших ожиданий. Не терпит вялых, чадающих, бездеятельных, безразличных. Очень чувствует, когда чуждое, инородное врывается в коллектив, и грубо распоряжается в нем. Натура ее восстает, вверх дном все переворачивает. Я сразу поняла, что лодырь не может рассчитывать на ее благосклонность, что притворство и ложь выводят ее из себя. Она становится суровой, непримиримой и мгновенно меняет дружеский тон на официальный. Разрывы для нее трагичны, хотя отношения она обрывает всегда сама.

И себе слабину не позволяет. Сильная женщина. Ну, а уж если полюбит кого, то на всю катушку! Поэтому воспитатели обрушивают на нее и свою разваливающуюся личную жизнь, и педагогические неудачи. Это невыносимо тяжелое бремя. А она всегда всех успокоит, подбодрит. Помню, говорила мне: «Никогда не считай ситуацию безнадежной, на себя в основном надейся. Отрешайся от неуловимых ненужных мелочей и суеты, иначе все будет буксовать, рассыпаться, разбредаться, получится бег по кругу. Мелочи поднимут, закрутят, бросят в бездну. У меня тоже в жизни раньше было столько ненужного... Запомни: зависть и любовь вещи несовместимые. Зависть убивает любовь, уничтожает все человеческое. В нашей работе нельзя без любви. Остальное не так важно... Весь талант ее, в сущности, только для детей... С нею в детдом пришел праздник. С нею детям тепло и уютно... И мне повезло».

В очередной раз беспокойно зашумели люди у прилавка. Я отвлеклась на них. Все в порядке, угомонились.

— ...Так вот, — продолжала Елена Николаевна, — приближалось первое сентября. Девочки тщательно готовились к этому дню: пришивали белые воротнички, гладили форму себе и мальчикам. Праздничное утро выдалось на редкость красочным. То было утро, ниспосланное волей богов! Бахромой цветистых покрывал пестрели поля. Осенней мантией шуршал лес. Вокруг школы — павлиньи многоцветье садов. Солнце в узорах ярких крон парка. Над нами парили золотые облака. А какой воздух ядреный! Волшебное начало осени!

Я дрожала от радостного волнения. Утопая в осенних цветах, ребяташки направлялись в классы. А в это время весь персонал детского дома украшал столовую и готовил королевский обед. Подпрыгивали на огромной сковороде шкварочки, картошечка с подрумяненными бочками. Душистый дымок исходил от хрустящих котлеток, пересыпанных укропом, петрушкой, украшенных красными помидорами. Мне даже немножко взгрустнулось: вспомнились свои голодные годы, ежедневная перловка...

Хотя при чем тут голод или сытость? Детдомовцам всегда будет не хватать главного: ласкового материнского слова и уверенного надежного плеча отца. Их никогда не заменят шикарные яства. Они праздник для желудка. Для души детям все равно остается тоска. Сама из детдомовских, обездоленных. Но праздник есть праздник. Детям было в этот день весело. И нам хорошо.

А вечером я почувствовала суетливость в поведении девочек. «Что-то затевают», — подумала тогда. Оказалось, что мои подопечные захотели сходить на танцы в сельский клуб. Решать такой серьезный вопрос я не имела права. Девочки направились с просьбой к директору. А та сказала, что, если Елена Николаевна пойдет с вами и возьмет ответственность на себя, — отпущу. Воспитанницы прибежали ко мне. А у меня кошки на душе скребут. А вдруг что случится? «Ну, — думаю, — рискну, сделаю им приятное». К тому же в этот вечер приехал навестить ребят бывший воспитанник детдома Валера. Я ухватилась за него, как за спасительную соломинку. Он согласился помочь мне «не растерять» девочек.

Школьницы танцевали, а я радовалась, видя их веселые лица. А в конце вечера наши подопечные, не предупредив никого, почему-то стали одна за другой исчезать из клуба. Мы с Валерой — за ними. Близко не подходим, держим дистанцию, пытаюсь понять, что они замыслили. До детдома два километра. Ночь темная. На улице ни одного фонаря. Противный мелкий дождь быстро сделал дорогу скользкой.

Вдруг мимо нас пронесся самосвал. «Господи! Хоть бы не сбил...» — только и успела подумать. И тут же услышала истошный вопль: «Помогите!» Сердце замерло. К горлу подступил комок. Я в детстве ничего не боялась. Но тут не о себе, о других думать приходилось. Ответственность несоразмерна моему жизненному опыту! От страха ноги прилипли к дороге. Не спрятаться от беды!.. Растерянность обнажила мою неприспособленность.

Валера схватил меня за руку и поволок вперед. Я безвольно подчинилась. Голоса слышим, но никого не видим. Я этой дорогой давно не ходила в село и не знала, что слева от элеватора появился огромный котлован, заполненный водой. А Валера догадался, что школьники скатились в него.

Стены котлована отвесные, скользкие. И как девочки ни старались, не получалось у них выползти. Сначала они еще шутили. Лена кричала Свете: «Мои туфли на дно пошли, ты и меня туда же хочешь отправить?» Потом устали. Юмор потонул в грязных волнах. Слышу зашедшийся в плаче голос. Со страху девочки принялись выяснять, кто пожертвует собой, чтобы спасти остальных. Никто не хотел. Начались истерики.

Сердце мое затрепыхалось птичкой, пойманной в силочку. В это время Валера держал меня за ноги, а я, лежа в грязи, шарилась по стене котлована, пытаюсь дотянуться до рук девочек. Потом я держала Валеру за ноги. Бесполезно! От волнения за детей у меня в глазах колики. Вдруг в темноте задела ремень на брюках Валеры, и меня осенило: «В нем спасение!» Я так громко крикнула: «Снимай ремень!» — что Валера вздрогнул и сам чуть не свалился в котлован. Воспитатель детдома Сергей Николаевич, случайно оказавшийся неподалеку, услышав крики, тоже поспешил на помощь. Трое взрослых — большая сила! И, тем не менее, мы с трудом вытаскивали девочек.

Пришли в детдом чудовищно грязные, обалдевшие от пережитого страха. От холода зубы у всех выбивали чечетку. Валера пошутил: «День завершился победой над вечным, монотонным однообразием!» Но я уже думала только о том, как мне достанется от директрисы.

Встретила нас завуч Инна Алексеевна. Ее перед самым началом учебного года прислали в наш детдом. Она дежурила в тот вечер. Даже я — привычный, детдомовский ребенок — была шокирована гадостями, изливавшимися из ее уст. Глумилась, душу оскверняла. Лицо искажалось высокомерной ненавистью. Она была пристрастна, груба до омерзения. Ее цинизм вызывал отвращение. И закончила выволочку с нескрываемым презрением: «Вызвала в кабинет не для того, чтобы комплименты делать и по головке гладить». Жутко вспоминать! Можно подумать, что она всю жизнь мечтала унижать людей. И как такие, с позволения сказать, педагоги идут к нам работать? Зачем их присылают?

Тоска на меня навалилась, жить не хотелось. Я стояла перед ней мокрая, измученная, внешне бесстрастная, безразличная. Чтобы унять нетерпение и раздражение крепко сжала зубы. Я не имела сил протестовать, устраивать двухсторонний обстрел. Я лишь машинально по-детски думала: «Вас бы туда, в котлован». Выслушав оскорбления и проклятья, пошла прочь. Ночь спала плохо, нервное напряжение дало о себе знать, а утром положила заявление на стол директрисе. Татьяна Николаевна не подписала его, а Инне Алексеевне сказала: «Спасибо надо Елене сказать, а не отчитывать. Она детей спасла. Впервые столкнулась с трудностями и не спасовала». И в ее глазах на мгновение проступила неподдельная грусть. Вот такое первое сентября у меня получилось!

Забыв об очереди и о миткале, я с замиранием сердца слушала рассказ и с интересом разглядывала молоденькую учительницу. Худенькая, маленькая, грустные черные глаза. Мне казалось, что я понимаю ее лучше моей матери. Глубже, что ли? Она мне нравилась.

И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ЖИТЬ?

Иду домой. В изгородь школы мертвой хваткой вцепились лианы дикого винограда. Их верхние листья красно-бурые, а кисти плодов черные. У ворот беззаботный котенок играет сухими листьями березы. «Сентябрит уже», — говорила когда-то в лесном детдоме про начало осени баба Мавра. Села на скамейку в парке. Тишина нарушается редким падением желудей, еле слышным писком птиц в ветвях дуба и мимолетным

жужжанием букашек. У моих ног замерли тени былинки, уже сбросивших семена. Мне на колени, вращаясь, как в замедленном кадре, «приземлился вертолетик» — семечко липы. Встряхнула крыльями сорока и исчезла. Даже на верхушке березы нити ветвей не чувствуют колебания воздуха. И там тишь. Слепит солнце. От него тепло и уютно.

Направилась по крутой тропинке к молоденьким елкам. Смотрю: они странно распушились, растопырились и, кажется, каждой хвоинкой устремились к солнцу. Весной иголки были слипшимися или плотно прижатыми друг к другу по верхней поверхности веток наподобие одностороннего колючего меха. И летом я не замечала у них особой жажды тепла и света. Теперь все веточки дерева напоминали мне маленькие пушистые зеленые бутылочные ершики, радостно, даже как-то восторженно впитывающие в себя щедрое осеннее тепло. На душе сделалось невыразимо приятно.

Дальше иду. Вижу, как, переливаясь всевозможными оттенками красного бордового и малинового, на каменных перилах лестницы, ведущей к реке, висят богатые ковры, свитые из невидимых под густой листвой мощных лиан дикого винограда. Сияние фонтана меркнет в окружении пылающих городских кленов и лесных с естественным жарким свечением. Строгая чопорная красота его высоких струй тускнеет на фоне буйной игры растительных красок. Почему яркие клены сейчас мне кажутся более густыми, чем тогда, когда были зелеными? Они же наполнились собственным сиянием, приобрели воздушность?

Полыхают рябины, золото стекает с берез. А как называется это дерево, крона которого вобрала в себя все роскошное многоцветье ранней осени? Как влечет и притягивает к себе его красота, как трудно оторвать от нее восхищенный взгляд! Жизнь из деревьев уходит так ярко и радостно? Нет. Деревья не умирают, они засыпают. У них будут долгие зимние каникулы.

Собираю букет из опавших листьев особенной окраски. Невольно всматриваюсь в пеструю шуршащую пахучую перину. Сколько неожиданных сочетаний оттенков песочного, светло-коричневого, палевого цвета увядающих листьев получилось от случайных слияний ранее ярких красок! Их бесчисленное множество. И в них тоже заключена своя прелесть, свое прощальное тепло. В ярком убранстве деревьев — праздник осени, а с блеклых листьев на земле начинается осенняя грусть, проводы тепла.

По аллее неспешно идет цыганка в шали с ярко-красными цветами по черному полю, высматривая очередную жертву. Школьники вспорхнули шумной стайкой с соседней лавочки. Мальчик, отрешенно сгорбившись, сидит на пригорке и тихо задумчиво и одиноко смотрит вдаль. Что его беспокоит, что волнует?

А у меня в голове фантазии: «Деревья как люди. Вон та нежная пестренькая березка как девочка, а эта облитая золотом — важная красивая дама. Пирамидальный тополек — шеголь-юнец. Старушка-сосна изогнулась печалью вековой».

Ухнула в ворох листвы, подставила лицо солнцу. Лежу. От восхищения матушкой-природой расширяется моя душа, делается легкой, открытой радости и всему прекрасному. Я хочу всем безоблачного счастья! Я люблю мир, в котором живу! Я — его величество Принцесса! Впрочем, как и любая девчонка в царстве Красоты и Добра!..

Почему я люблю осень? Весна будоражит, бездумно влечет куда-то, а осень мудрая, богатая, основательная, чудная, глубоко и высоко романтическая...

Приятные глупые мысли! У меня отличное настроение! Сажусь на скамейку, дирижирую сама себе руками, пою «...И тот, кто с песней по жизни шагает...», «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!», выбиваю пальцами на желтой доске маршевую дробь. Весело! Выпростала из-под скамейки ноги, вскочила, кружусь от восторга! Сначала перед глазами поплыли деревья, потом в голове завертелось легко и приятно. Села, закрыла глаза.

...Мир полон чудных грез...И мне так хорошо и просто!..

Дома бросила портфель в прихожей и направилась в зал. На пороге растерянно остановилась и жарко смутилась. Голый, в мыльной пене отец стоял ко мне спиной и торопливо рылся в шкафу. «Что ищет, чего нервничает?» — удивилась я, в вальс

недоумении разглядывая его белое в черных с проседью волосах полноватое, мешковатое тело. «Не красавец. Не самое приятное зрелище. И чего мать ревнует такого? — безразлично и заторможенно подумала я. Но, почувствовав неловкость, осадил себя: — Нельзя быть злокой. О родном отце, наверное, так бы не сказала.

Тут отец нашел деньги, свернутые трубочкой, и лихорадочно заметался, выискивая место, где спрятать их надежнее. Руки его дрожали, вислые складки кожи на спине и пояснице — тоже. Вдруг он повернул ко мне голову. В глазах сначала мелькнул испуг, потом лицо перекосило раздражение. Я молча отступила в спальню. «Мог бы догадаться закрыть дверь», — ища себе оправдание, недовольно забурчала я себе под нос.

Застала отца врасплох? Он прятал деньги, которые тайком собирал для дочери? Неужели не могли на семейном совете решить, сколько ей выделять? Зачем воровать у себя же? Зачем усложнять жизнь? Не стану матери рассказывать. К чему лишние ссоры? Отец меня еще больше возненавидит. Как противно замечать ложь и знать гадкие тайны!

Полет души угас. Стало тягостно. Вспомнились дни, проведенные на каникулах у родителей отца. Я всегда пугаюсь, когда меня отсылают жить к родне. Сразу на ум приходит мысль: «Другую семью мне подыскивают? Избавиться хотят?» Бабушка Маня тогда ко мне пристально приглядывалась. И я к ней. Она добрая. Но жить в глуши, где вся деревня — одна улица, ох, как не хотелось! Школа у них примитивная. Там можно «на четвереньки опуститься». (Так ругает лентяев наша учительница физики.) Обошлось. Вернулась домой...

Потом жила у родственников отца на окраине маленького районного городка. Странная семья. Все с вредными характерами. Бабуся свою линию гнет, дочери — свою. Одна тетка ни в чем не уступает, другая хитрая, постоянно с деньгами «мухлюет». Невестку тетю Лану совсем «затюкали». Во время скандалов мы с ней всегда переглядывались, вздыхали и молчали. Я каждый день в огороде картошку полола, в дом редко заходила, но кожей чувствовала гнетущую обстановку их семьи. Боже мой! И это называется жизнь? Мерзость какая-то.

Тетя Лена обвинила меня в краже ее ножниц, а ее сестра Варя ругала из-за пропавшего старого одеяла. А когда я мыла пол под кроватью, то увидела, что кусок серого солдатского сукна торчит из чемодана тети Лены. Говорить ничего не стала, а просто выдвинула чемодан на середину комнаты. Конечно, баба Лиза увидела, «расквохталась». И одеяло нашлось, и ножницы. А прощения не попросили. Ниже их достоинства утруждать себя извинениями!

Потом тетя Варя чистое постельное белье невестки у меня на глазах своей дочке понесла, а когда тетя Лана обнаружила и возмутилась, свекровь обозвала ее лгуньей и весь выходной «компостировала» мозги сыну, доказывая, что у него неблагодарная, гадкая жена. А сын злился на жену за то, что она не уважает его мамочку. Сумасшедший дом! Дикие нравы! Хуже, чем в пьесах Островского. Я один раз не выдержала их трехчасовой ругани и будто про себя пробурчала в перерыве, когда они пили сердечные лекарства:

— Думаете, вас еще одна жизнь ждет впереди?

Бабушка Лиза зыркнула на меня и зло ответила:

— Конечно. Загробная.

— Если она такая же, как здесь у вас, тогда лучше на свет не рождаться, — сказала я тихо.

На мои слова никто не обратил внимания.

Долго я пыталась понять, как у них затеваются ссоры. И получилось у меня, что эти люди мыслят абсолютно нелогично. Их способ нападения — говорить абсурдные вещи, доказывать и защищать свою ложь, не стесняясь в средствах. Тетю Лану высмеивают за доброту, трудолюбие, порядочность. Приписывают ей самые гадкие качества, которыми обладают сами. Конечно, она обижается, нервничает, плачет. В ход идут сплетни, шантаж, грубые оскорбления.

Моя бабушка Аня говорила, что когда люди высказываются на эмоциях, они, как правило, говорят то, что соответствует их сущности, тому, какие они есть на самом деле. Я спросила у тети Ланы: «Зачем родственники мужа оговаривают вас?» Она грустно ответила: «Смешивая меня с грязью, они возвышаются в своих глазах. Своими хорошими качествами я принижая их и раздражаю».

Опять вспомнила слова бабушки: «Сплетничают, когда завидуют. Если о женщине злословят, значит она или умна, или в ней есть что-то особенное. Плохо, если перестают злословить. Значит, женщина постарела или стала тривиальной». На этот раз бабушкина шутка не вызвала у меня улыбки. А как-то вечером я разговорилась с тетей Ланой, и она поведала мне свою историю.

«Была восторженной девочкой, музыку любила, стихи писала, мечтала об идеальной семье. Родители учили: «Живи каждый день, как день последний, без мелочных обид, любя и прощая». Два года будущий муж ухаживал за мной, все желания выполнял, но до свадьбы к себе в гости не приглашал. Не догадывалась, что попаду в омут. Долго не могла разобраться в странных взаимоотношениях их семьи, а когда поняла, у нас уже было трое детей.

Эти люди не знают, что такое жалеть, сочувствовать. В моей семье радио громко не включают, потому что у мамы от шума болит голова. А мать моего мужа целые побоища устраивает, если ей вдруг покажется, что сын в чем-то не послушал ее. Разве скандалами прививают любовь? Мать у них всегда права, какую бы ахинею ни несла. Вся их жизнь построена на лжи, направленной на подчинение друг друга. Каждый самозабвенно любит только себя.

Когда-то давно я сказала мужу: «Все мне нравится в тебе, одно беспокоит: ни разу не видела доброго выражения твоих глаз. В них любопытство, озабоченность, радость. Все что угодно, только не доброта!» К сожалению, я не поверила своему чутью.

После ссор я иногда пыталась высказать новой семье свой взгляд на происходящее. Я говорила: «Вы не живете, а существуете бездарно и бесцельно, будто неосознанно. Вы влачите серые будни, словно несете тяжкое непосильное бремя. В вашем возрасте люди обычно начинают по-настоящему понимать и ценить жизнь, дорожить ею. Всем бывает и радостно, и больно, и горько. В основном от вас зависит, чего в вашей жизни будет больше. Вы не останавливаетесь потрясенные красотой величественной природы. Вы не умеете наслаждаться и восхищаться жизнью, не осознаете в себе счастливой способности познавать бесконечно великое и простое. Жизнь бесценна и быстротечна. Она благо. Мне хочется успеть постичь ее во всех проявлениях, чтобы строить свою жизнь с благоговейным трепетом и Любовью. А вы живете примитивно, как кроты».

Не понимали они меня. Смеялись. Тарабарщиной называли мои идеалы. А я все равно воспитывала детей по-своему. Вот научи юношу ценить вкус хорошего вина, и обычное застолье станет для него праздником души, а не поводом напиться. Понимаешь меня?.. Детей музыке, поэзии, искусству учила с раннего детства. Все это — составляющие радости, которые делают жизнь полной, яркой, помогают выжить в трудных ситуациях.

Тетя Лана замолчала. Легкая улыбка освещала ее бледное усталое лицо. Я поняла, что в этот момент она вспоминает свое детство. Вдруг грустная волна серой рябью смыла теплое выражение глаз тети Ланы. Они подернулись дымкой тяжелой задумчивости. Тетя точно опустила шторы на окнах своей непостижимой души, из которой давно улетучилась радость.

— Я понимала, что абсолютной гармонии в семье не бывает, что надо уметь сосуществовать с людьми разных характеров, привычек, обычаев. Но старалась строить хорошую семью я одна! У нас была игра в одни ворота. Поэтому и познала тщетность желаний, разочарование, безысходность, одиночество измученной души, напраслину горьких дум, несусветную людскую глупость. Сердце заходило страданием. Теперь иными глазами смотрю на пережитое. Понимаю: пенять надо только на себя. Вовремя не разобралась, не ушла. Наивна, доверчива была. Это был мой выбор, моя жизнь, мои ошибки.

Лицо тети Ланы выражало бесконечную тоску.

— Зачем причинять боль человеку, ломать, уничтожать его, подгонять под себя, под свои

мерки? Почему через страдание обретается постижение плохого опыта? Потому, что в человеке заложено хорошее и оно противится злу и несправедливости? Молодости свойственно верить в лучшее. А зло хитрое. Наружу сразу не вылезает... Сначала засасывают, потом уж съедают, — горько усмехнулась тетя Лана. — Мозги для того и даются, чтобы или обходить зло, или бороться с ним. А я все о детях и муже заботилась. Некогда было о себе подумать. Спихватилась, да поздно уж.

— Не поздно! Все от вас зависит: плакать или бороться. Сделайте одолжение, займитесь собой, — горячо заговорила я.

— Получится ли? Небо рядом, а не достанешь, не дотронешься. Человек рядом, а в душу его бесконечную не заглянешь. Правда, у некоторых людей она бывает совсем мелкая... Обида меня сжигает, — как-то по-детски жалобно прошептала тетя Лана, и лицо ее утратило прежнее мягкое выражение, сморщилось как от зубной боли.

— Не пойму! Что вам дороже: прошлое или будущая жизнь? — рассердилась я.

— Ревность, малышка, — это постоянно присутствующая обида, неуверенность в себе, вызванная необоснованным, нелогичным, непредсказуемым поведением близкого человека. Она губит, разрушает надежный привычный мир. В пыль рассыпаются все четкие принципы при одной мысли, что вся жизнь и любовь была обманом... Разве наполнишь слова невыразимым, разве вынесешь ими боль из души? Человек настраивается на прекрасную сказку, а ему — нож в спину. И взывается ярость в груди. Неверие испепеляет, жжет нестерпимой мукой жестокой тайны, к которой возвращаешься вновь и вновь. По кругу, по спирали. Ужас страданий не ослабевает, напротив, разгорается все сильнее. Не щадит и постижение бессмысленности, даже глупости моего положения. Меня просто использовали! Моя вера и любовь служили заслоном разумных доводов и фактов. А теперь, когда я ищу сочувствия и помощи, муж предлагает развод, который якобы позволит мне меньше волноваться. Такова мужская логика! И я с болью в сердце недоуменно замолкаю. Пропали иллюзии, осталась безысходность и метания в кромешной тьме сомнений.

Осознает ли свое счастье тот, кто жил, не испытывав ощущения проникающей в глубь сердца жуткой обиды, разъедающей изнутри, когда утрачиваешь ощущение времени, вкус жизни, когда бесцветные события протекают сквозь пальцы как вода... Потом наваливается тоска. Все истинное, само собой разумеющееся утрачивает смысл. Нет точек опоры. Я одна со своею бедою. Я уже ничего не хочу. Обида и боль достигают предела. Где-то в подсознании трепещет беспокойная безрассудная мысль о единственном, неотвратимом выходе...

— Говорят, надо к жизни относиться философски, — испуганно и осторожно встала я.

Голос тети Ланы взвизгнул и сорвался. Она еле слышно прошептала:

— Только философия у всех разная. Не верю, что можно после такого предательства жить искренне, от чистого сердца, по прежним канонам. Сжиться с мыслью о неизбежности происшедшего со мной? Как можно после этого верить, любить? Все бесценные понятия теряют смысл. И жизнь теряет смысл! У всех людей свои проблемы. Но без любви — все не так! Все! Понимаешь? Моя искренняя любовь не позволяла усомниться в нем. Мне не приходило в голову, что изменяют из-за чувства собственной неполноценности, из-за неуверенности в том, что его, такого неидеального могут любить по-настоящему, верно...

Когда дети учились, я еще находила силы бороться, выжимала из себя последние соки. Это была другая жизнь, другой ее уровень, когда иступленно веришь в необходимость своего существования, на замок запираешь все чувства, деревенеешь. Потом будто заново учишься улыбаться... Не получается, срываешься. Опять терпеливо, подчас угрюмо борешься с собой. Убеждаешь себя, что не имеешь право сломаться и загоняешь боль все глубже. Твой дух выдерживает, а тело — нет. И ты заболеваешь...

Я не перебивала тетю Лану. Понимала, что ей необходимо выговориться.

Вдруг ее лицо осветилось счастливой улыбкой. На миг проявилась открытость сердца свойственная очень добрым бесхитростным людям.

— Очень я его любила, жалела и берегла. Думала, что для себя стараюсь. Он всегда говорил, что болен, я верила...

Плечи тети бессильно опустились. Она перешла на шепот, прерывающийся тяжелыми вздохами.

— Оказалось, лгал, чтобы ничем не затруднять себя, быть свободным. Когда дети поступили в институт, я случайно узнала, что все эти годы он изменял мне. В одно мгновение весь мир для меня перевернулся с ног на голову. Я терпела издевательства свекрови, на себе тащила весь груз домашних забот только потому, что искренне верила в его любовь! Когда он возвращался домой раздраженный, я успокаивала его, стараясь не высказывать боль обиды за незаслуженные упреки, внушала себе, что сама себе выбирала мужа, что на больных нельзя обижаться, их надо жалеть. А он пользовался моей добротой и жил в свое удовольствие... Ты думаешь, я не могу починить розетку или уют? Дети огород, дом — все на мне. И работаю я. Должен же он хоть что-то делать для дома? Не дожدهшься. Не удосужится.

— Неужели сдадитесь теперь?! Вы же умная, интересная женщина. Докажите это мужу. Сделайте что-нибудь особенное, — взволнованно вскрикнула я.

— Ему это не нужно, — хмуро возразила тетя Лана и жестко добавила: «Не ему, себе буду доказывать».

Вдруг до меня дошла одна из причин сложных проблем в семье тети Ланы, и может быть даже самая главная: когда ее мужу плохо, он ищет радости на стороне у других женщин, потому, что эгоист. Для него — главное успокоить себя, поэтому он никогда не защищал жену от своей родни и ничем не помогал. Для него всегда важны только его здоровье, его желания.

— В семье многое зависит от того, какие цели ставят перед собой мужчина и женщина, когда женятся: жить в свое удовольствие за счет другого или создавать семью, чтобы и в горе, и в радости быть рядом, — как бы подтверждая мои мысли, сказала тетя Лана. — В моем муже есть только эгоизм: меня обидели, мне не помогли, меня не похвалили. Только он: непререкаемый, неподражаемый, во всем правый, всегда хороший. Долго я не могла понять, почему муж, обманывая меня, требовал верить ему, а сам даже не подразумевал возможности моей невиновности. Он по себе меня мерил. Как обидно жить с человеком, который в принципе отвергает честность! Знаешь, недавно он удивленно спросил меня «Ты на самом деле предполагаешь, что в семье можно обойтись без притворства и обмана?»

Устала я от столкновений людского эгоизма в их семье. И самое горькое и обидное, что изменяет не от избытка физических сил и потребностей, а от их недостатка, чтобы утвердиться в собственных глазах. Чужой женщине он всегда хорош, лишь бы приходил. У него нет ничего святого, кроме собственного «я».

Запомни, деточка: «Если человек не осознает и не признает своих ошибок, он никогда не изменится в лучшую сторону». За всю нашу совместную жизнь муж ни разу не извинился, как бы плохо ни поступал.

Велика сила покаяния. Выстрадать прощение, значит, стать совершенно другим человеком. А он не желал страдать, хотел легко жить. Он никогда в своих неудачах не винил себя, только других, поэтому не менялся в лучшую сторону. Ему этого не надо было. А я не умела долго обижаться и все ему прощала. Теперь вот тяжело больна. Я еще жива, а он уже не скрывает своего гадкого поведения. Мне предстоит тяжелая операция, но вместо того, чтобы поддержать меня морально, он часами издевается надо мной, добивает. Иногда мне кажется, что муж испытывает при этом удовольствие.

Я воспитала хороших детей и больше не нужна ему: пора приводить следующую женщину. Не хочется в это верить... «Мы хотим и мужей иметь, и быть здоровыми. Так не бывает, — горько пошутила тетя Лана. — Никогда не выходи замуж за мужчину, который не уважает никого, кроме своей матери. Он всегда будет жить с нею, по ее указке, не задумываясь, подчиняясь каждому ее слову. А ты станешь домработницей, нянькой, но только не женой. У вас никогда не будет душевного контакта. Он навсегда останется маменькиным сыночком: капризным, требовательным, безжалостным...

— Тетя Лана, может, ваша беда в том, что вы с мужем разной национальности? Мне брат Вова на эту тему два анекдота рассказал. Послушайте. «Заказали американцы японцам тысячу деталей и заложили в договоре разрешение на три детали брака. Японцы прислали готовую продукцию с запиской: «Мы не поняли вас, но на всякий случай положили в посылку три бракованных детали». А второй анекдот про кино. «У американского режиссера в фильме было много массовых сцен, и он не укладывался в бюджет картины. Тогда заряжает он пушку настоящими, не бутафорскими ядрами... «Зачем? Чтобы статисты в панике побежали и рассыпались в разные стороны для усиления зрелищности?» — спросила у него молоденькая ассистентка. «Нет, чтобы платить было некому», — ответил режиссер». Правда, смешно? Вам с мужем тоже сложно понять друг друга. Женам той же национальности, наверное, легче простить или приспособиться. Мирятся же женщины Востока с тем, что их мужья имеют несколько жен. А мы с вами никогда этого не поймем и не примем. Я права, права? — настойчиво требовала я ответа.

— Когда супруги на самом деле любят друг друга и уважают, никаких проблем между ними не возникает. От характера мужчины многое зависит в семье. Женщины терпеливее и терпимее, но и их терпение не бесконечно, — ответила тетя Лана.

Я онемела от жуткой истории. «Уму не постижимо! Какие страшные люди — эгоисты! И ведь их не распознаешь! Сначала заманят ложью, а потом командуют парадом. Где выход? Бабушка Аня говорила, что мир в душе достигается прощением. Тетя Лана прощала и тем самым снова и снова позволяла издеваться над собой. Где граница того, что можно простить человеку? Нет, надо наказывать, а потом прощать! И то, при условии, что виновный больше не станет повторять свои ошибки! А как наказывать? Мой ум еще не в состоянии распутывать взрослые жизненные коллизии и принимать серьезные решения. Бабушка утверждала, что умом женщины в основном держится семья. А в чем этот ум заключается? Вовремя уйти, как она когда-то от второго мужа или хитрить, обманывать? Может, перевоспитывать? Себе дорожке станет. Ругань изведет.

Зачем во всем мире столько муки, лжи, борьбы за деньги? Дьявол в нас? В нас силы тьмы? Мы сами создаем зло? И я иногда непроизвольно кому-то причиняю страдания, хотя совсем не хочу. И это тягостно. Кому и для чего нужно, чтобы все страдали? Почему люди тонут в океане боли, почему их захлестывает лавина несчастий? Зачем надо, чтобы вечное смятение разрывало душу человека? Для этого он выбрался из животного мира и возвысился над ним? Любовь должна нести покой, веру, стремление создавать прекрасное. Она должна быть без капли страха и лжи. Кто-то сказал, что «лучше стать могучим спокойным несокрушимым дубом или огромной прекрасной совершенной корабельной сосной, чем жить в мире людской несправедливости». Но их тоже могут спилить люди. Бабушка говорила: «Ты родилась со светлой душой. Тебя хранит добрый ангел». Не больно-то любит, если столько испытаний послал детскому сердцу...

Почему в семье тети Ланы мелкие обиды и неурядицы всегда на первом плане? Как нарушить серую будничность их существования? Почему их не волнует красивое, высокое, удивительное? Они не хотят или не могут жить иначе? — мучительно переживала я.

Мне тогда хотелось кричать: «Люди, задумайтесь, как вы живете! Будьте добрее, терпимее друг к другу. Разве это так трудно? Берегите тех, кто живет с вами рядом. Если не можете помочь им быть счастливыми, то хотя бы не мешайте!»

С чувством большого облегчения покидала я странную семью. Вернувшись из ее ада, я подумала: «Нет, наша семья во сто крат лучше! У нас бывает весело, и работаем мы все вместе дружно. Никто никого не пилит, не злословит, не устраивает скандалов из-за того, что кому-то что-то показалось. Если бы не «слабости» отца, у нас вообще была бы идеальная семья. У нас при детях гадости не говорят. Интеллигентность проявляют». Правда, последнее время мать все чаще и чаще срывается с упреками в адрес отца за его очередную «юбку». Жалко ее...

Почему мы так неинтересно живем в семье? Из-за занятости не выбираемся на озеро как другие семьи. А может причина другая: отсутствие любви в семье, нежелание сделать жизнь ближних радостной. А может, не умеем?..

А тетю Лану врачи все-таки спасли! Сын помог наладить отношения в семье... Прошедших лет, конечно, не вернуть, но ведь живут же. И квартира у них теперь отдельная, и муж стал чуть заботливее. Что-то сдвинулось в его сознании в положительную сторону...

Мои воспоминания были бесконечны и грустны.

Бабушка позвала помочь во дворе. Я с радостью побежала. Но мысли все роятся и роятся в голове: «Что для тех родственников — счастье? Почему они не понимают, что если бы жили с любовью друг к другу, ценили дни, проведенные без ссор, то были бы намного счастливее? Я, конечно, беспросветная идеалистка, поэтому считаю, что есть в жизни что-то великое важное, из-за чего можно и нужно пожертвовать своим личным. Стыдно думать о себе, прежде всего надо делать так, чтобы всем другим было хорошо. Но можно ли, живя для других, быть счастливой? Как не обмануться, как вовремя убрать пелену с глаз? И вообще, что такое счастье? Миф, фантазии?

Даже голова разболелась от взрослых проблем!

ХУДОЖНИК

Я опять в городе. Гуляю в парке. Над обрывом молодой человек с длинными светлыми волосами рисует осенний пейзаж. Подгоняемая любопытством, пересиливаю стеснение и подхожу к художнику. Рисует он с удовольствием. Движения мягкие. Немного красуется? Сам себе нравится в работе или вообще нравится? Лицо приятное. Глаза добрые, спокойные. Не прогонит.

— Сейчас полдень, а у вас, как мне кажется, на картине изображен закат. Ваш рисунок совсем не похож на то, что вы видите перед собой, — сделала я первую попытку пообщаться.

— Здесь я вдохновляюсь, а пишу то, что давно созрело в голове, — ответил молодой человек.

— Меня тоже парк вдохновляет. И все же почему стволы деревьев у вас красные? Они же серые на самом деле, — удивленно произнесла я.

— В детстве, когда я учился рисовать, они у меня тоже были серые или черные. Все это было и уже неинтересно. Пройденный этап! Понимаешь? — пояснил художник.

— Не понимаю. Мне интересна обыкновенная природа. Хотя мокрые стволы зимой на фоне снега мне иногда кажутся угольными, а на самом деле, если приглядеться, они не очень черные. Еще при разном настроении один и тот же ветер может показаться то злым, то просто сильным. Я так вас поняла?

— Это один из аспектов. Но их много. К тому же у каждого человека свой механизм восприятия действительности и своя степень реализации увиденного.

— Сложно говорите. И ваш рисунок я не могу понять. На нем закат или восход?

— Время на картине послеобеденное, — улыбнулся художник, продолжая работать.

— Значит, эти красные деревья находятся в Африке? Оазис. Осень. Да? Или это фантастическая страна вашего детства? Мне помнится, когда я себе представляла море, то оно казалось мне двухцветным: голубым и золотым, солнечным. А горы у меня были розовые и жемчужные. Главное, — что прекрасные! Понимаете? — с надеждой в голосе спросила я.

Мне очень хотелось, чтобы художник меня понял и не высмеял.

— Конечно, — ответил он серьезно.

Я обрадовалась, и мне захотелось продолжить беседу.

— И все-таки слишком красные у вас стволы, — с сомнением произнесла я.

— Понимаешь, у художников есть такое понятие: усиление качества предмета. Иногда, чтобы точнее выразить какие-то свойства и сделать понятными другим, необходимо утрирование, приукрашивание, гиперболизация. Ну, как тебе проще объяснить? Вот рыбак поймал рыбу, и чтобы яснее, ярче выразить свою радость, он и руки широко разводит, хвалясь уловом, и привирает немного, рассказывая, как выуживал огромную рыбину. Правда?

— Да уж точно! Но у вас по-другому. Вот фиолетово-желтая осенняя земля мне понятна. Она будто покрыта опавшими листьями осины. Я видела такое еще до школы. А красные деревья все-таки до конца не понимаю. Когда летом мы ходили за грибами, одна сухая ветка показалась мне чем-то другим, более красивым. Значит, я сама дорисовала ее в своей голове, создала какой-то образ. Или еще случай. Однажды я зимой сидела в пустой аудитории института. Вдруг подумала про осень и огород. Удивительно, но я сразу почувствовала запах теплой земли, поздних яблок. Я увидела их! Вот и вы, смотрите на лес и дополняете рисунок, делаете его таким, как подсказывает ваше воображение, каким вы хотите его видеть. Ведь так же? Зимой тени деревьев на снегу голубые, а вам они могут представляться сиреневыми или красными. Да?

Художник задумался, а потом сказал:

— Только отчасти верно. До понимания этой картины надо дорасти.

— Мне уже тринадцать, — торопливо сообщила я.

— Не в этом смысле, — засмеялся молодой человек. — Дорасти как художник. Я долго шел к такому мировосприятию. Долго стволы деревьев для меня были только серыми.

— А может, красные деревья — ваше желание выделиться? — брякнула я, не подумав. — Вот, например, лес в тумане таинственный, поэтому я люблю его больше, нежели когда он без тумана. И мне один мальчишка сказал, что влюбился в меня, потому что я не такая, как все. Понимаете, ни красивая, ни умная, а особенная. Нравится или лучше, или особенное. Ведь, правда?

— Ты рассуждаешь, как старушки на скамейке. Их рентген однобокий и примитивный, — строго ответил художник.

Я смутилась и занервничала. Уж очень мне не хотелось покидать интересного человека.

— Не обижайтесь. Я мало знаю, но любопытна до безобразия. Так мне один дядя в поезде сказал, когда прогонял от себя.

— Я не прогоню. Привык находиться под прицельным вниманием, — спокойно объяснил художник.

— Вы, наверное, хотите быть гениальным или хотя бы талантливым? — опять задала я бестактный вопрос, не осознавая, что могу обидеть человека.

— Талант или есть, или его нет, — усмехнулся мой собеседник. — Художник Филонов не признавал и не употреблял этих слов. Он говорил: «Есть мастер».

«Раз уж мне повезло встретить такого доброго и разговорчивого художника, попробую задать ему еще один вопрос. Давно он меня интересуется», — подумала я и спросила:

— Мне подруга Ирина объясняла, что достоинство художника-портретиста состоит не только в том, чтобы запечатлеть внешность, но и суметь показать душу человека. А зачем нужен пейзажист? Ему, наверное, тоже недостаточно перерисовать уголок природы?

— Пейзажист нужен затем, чтобы выразить свое восприятие красоты. Суметь через свою любовь показать душу природы, выпятить наиболее характерное или, напротив, высветить незаметное. Он должен уметь вдохнуть в картину жизнь, попытаться заразить своей любовью к природе других людей. И многое другое. Живопись должна утешать, восторгать, изумлять и заставлять трепетать. Для этого художнику надо писать неповторимо, своеобразно и проникновенно. Приходилось тебе стоять у картины с

ощущением, что не хочется ее покидать?

— «Девятый вал» Айвазовского завораживал, — вспомнила я мгновенно.

— А случалось почувствовать тепло, исходящее от пейзажа? — опять спросил художник.

— Конечно! Тепло от сельского пейзажа. Легкая, приятная грусть возникала от зимнего тумана, будто я что-то вспоминала из очень раннего детства. Помню, меня поразила изящная простота, совершенная точность каждой детали рисунка, прозрачность светлых серебристых красок. Художник Дворянчиков из Липецка так пишет. Имя у него особенное — Вилен.

Я один раз слышала, как он беседовал со школьниками в Доме художника. «...Видите, колеблющийся свет фонаря падает на постель инвалида? — сказал он. — Что он для него? Салют Победы? А может тусклый отблеск уходящей жизни, свет в конце туннеля? Знаете, что такое метафора?.. Одну и ту же картину разные люди оценивают и понимают по-разному».

Подошел к следующей своей картине и о другом заговорил: «Пошел я на рынок, чтобы найти вот такие горшки, а их там нет. Я о них помнил хотел видеть, хотел восхищаться, радоваться. Может настать время, когда люди уже не будут о них знать, и не о чем будет помнить... о нашем, истинно русском... По крупинкам надо прошлое собирать и беречь, чтобы души сохранить...»

Потом я увидела чью-то картину с названием «Ночь». И рассердилась. «Это, — говорю, — не ночь. Ночь — это сказка, тайна. Серо-черные тона. Завораживающая луна. А тут зеленые деревья и голубая вода». Художник Дворянчиков поставил картину в тень и пояснил: «При ярком солнце она не смотрится. Великолепная картина! Прекрасная живопись! Я сам каждый раз нахожу в ней все новые и новые штрихи, из которых во мне слагаются удивительные ощущения...»

Эх, жаль, что у меня не было времени поговорить с ним. А знаете, мне картины написанные маслом больше нравятся, чем те, что обычными школьными красками. Тут мазки крупные, объемные. Оттенки богаче. Они под разными углами да еще при разном освещении иначе, по-новому смотрятся. Ранее не замеченные тонкости проявляются. Каждый раз подходишь и сомневаешься: вроде бы та же картина, а вроде бы и нет! Мне кажется, что настоящие художники обладают секретами смешивания красок, тайнами мастерства изображения и еще чем-то непонятным, но исключительно важным для проявления своего таланта. Может быть, чутьем, особенным вкусом?

Художник рисовали одновременно слушал меня. Мне было приятно его искреннее внимание.

Закончив свой монолог, я не удержалась и задала следующий вопрос: «Дядя, а что такое вдохновение?»

— Без вдохновения вот это дерево было бы просто моментальным фотоснимком. А у меня оно дышит, живет. В моей картине есть динамика. Ты знаешь, что осенью вода в ручье не струится так же легко, как летом и весной? Она будто замирает, течет без весеннего звона и летней радости. Ты чувствуешь в картине запах свежести, аромат опавших листьев? Видишь прозрачность неба? Тебе не кажется, что этот листок вот-вот оторвется и полетит?

— Нет. Зато муравей точно ползет по дереву. А вот эта гусеница обязательно доест цветок! — воскликнула я.

— Кое-что уловила, — улыбнулся художник широкой открытой улыбкой.

— Скажите, пожалуйста, этот ваш Филонов, наверное, был очень скромным человеком? Слово «мастер» для меня означает человека, очень хорошо знающего свое дело, но не обязательно талантливого.

— Ты права. Талантливый видит то, чего не дано заметить обычному человеку. Если это художник, то он предмет так изобразит, что какой-нибудь посетитель выставки увидит его в другом свете, под иным, неведомым ранее углом зрения, как бы по-новому откроет для себя, — терпеливо объяснял мне художник.

— Вот портрет жены артиста Щепкина один художник так написал, словно в ней заключена доброта всего мира. И я считаю его талантливым. Ваши красные деревья я не совсем понимаю, но они уводят меня в фантастический мир. И это здорово! Для меня талантливый человек, прежде всего, должен быть умным, тонким, чувствительным. Он может изобрести, открыть или прочувствовать что-то новое. Умную по замыслу картину я скорее пойму. Как вам это объяснить? Вот, например, «Девятый вал» и просто «Море». Чувствуете разницу? Первая трогает больше. Там и стихия, и красота, и острый сюжет! — разошлась я, не в силах сдержать эмоции.

— У тебя есть зачатки художественного восприятия. Ты училась где-нибудь? — поинтересовался собеседник.

— Нет. Я в селе живу. Моя городская подружка ходила в художественную школу. Иногда она и меня приглашала на занятия. Еще у меня была книга «Эрмитаж». Я часто уединялась с ней и подолгу рассматривала прекрасные картины. Но мне не с кем было поговорить про них. Не прогоняйте меня! Я очень хочу вас понять. Мне интересно вас слушать. Честное слово! Вы рисуете для удовольствия или по необходимости?

— Изучая искусство, я постепенно расширяю свои горизонты, осознаю глобальность мира и бесконечность мироощущений. Есть выражение «добиться абсолюта».

— Что значит «абсолюта»? — не поняла я.

— Одному хочется взобраться на гору высотой пять километров, другому достаточно выпить до чертиков, а некоторым, чтобы почувствовать себя Человеком, нужно много больше — ощутить себя частичкой загадочной Вселенной, проникнуть в тайны структуры Земли или подняться на ступеньку выше в чувственном познании человека. Художник стремится приблизиться к таланту Всевышнего, создавшего чудо-природу.

«Что же получается? Человек не может придумать ничего лучше, чем создала Природа? Мы только стремимся ее познать и использовать в науке, искусстве и в быту? — удивленно подумала я.

— Я не сложно говорю? — озабоченно спросил молодой человек, как бы очнувшись от философских раздумий.

— Нет, Вы объясняете как самый умный и добрый учитель! — выпалила я.

— Я читаю детям лекции об искусстве, — радостно и благодарно улыбнулся художник-преподаватель.

— Разрешите задать еще один вопрос? — все напористее наступала я.

— Спрашивай, — с приятной улыбкой позволил он.

Мне нравилась его манера говорить с мягкой благородной и в то же время непререкаемой интонацией. И я намеренно старательно продлевала себе удовольствие:

— Я не понимаю, зачем некоторые художники в своих картинах уродуют красоту? Глаз человека рисуют на коленке, лицо изображают квадратным?

— Они ищут новые пути воздействия на человека и с их помощью пытаются пробудить в людях новые чувства, мысли, стремление взглянуть на мир их глазами. Это отдельный и очень сложный вопрос. Я сам еще не изучил его основательно.

Художник замолчал, погруженный в изучение цвета неба на картине. В правом нижнем углу холста я разглядела мелкие красные буквы, сложившиеся в фамилию Колобовников.

Я тоже задумалась. Как и год назад, суетливые муравьи бежали по корням поваленного в сторону обрыва дуба, так же слышался занудный писк комаров... Но мои мысли теперь были о другом, о параллельном мире: высоком, недостижимом, но удивительно притягательном. Смогу ли я его познать?

ЯНТАРНОЕ ЯБЛОКО

Воскресное утро. Вышла во двор. Вчерашний ураган взвелошил старые крыши сараев. Серая солома топорщится, как куриные перья на ветру. Октябрь вплел бурые ленты в желто-зеленые косы ракут, что приютились за хатой. Моросит. Как в слезах красная рябина и черная бузина у соседского плетня. Шорох осеннего ненастья тревожит меня и нарушает душевный покой.

Вдруг промчался крупный торопливый, минутный дождик. Отворила калитку на огород. Пустынно, неуютно. Кое-где торчат одинокие поникшие сорняки. Щир и лебеда уже давно разбросали семена. Приставучая повилика клоками свисает с кустов крыжовника, красной и белой смородины. Почувствовала одиночество, неприкаянность. Зябко пожимая плечами, засунула руки в карманы фуфайки. Когда они согрелись, пощипала мелкой красной смородины. Много ее у нас, до зимы хватает. Почему крыжовник осыпается быстро, а смородина — нет?

Где-то требовательно замыкал кот. А у меня мелькнула мысль: «Недавно отец обозвал меня зверьком, потому что я сердито глянула на него за очередную «шпильку». А зверька погладить надо, чтобы ласковым был. Отступают зло и печаль, если встречаешь доброе...»

Посмотрела вдаль. Тяжелый туман висит над сонным лесом. Над головой линиялый шелк неба тоскует вместе со мной. В нем надолго поселилась грусть. Птицы летят на юг. Наверное, не хотят видеть разверзнутых хлябей дорог и тоскливую жизнь, которая с дождями поздней осени приходит в маленькие деревеньки.

Прошла к самой последней яблоне. Еще ни разу не удавалось нам съесть ее зрелых плодов. Глупые мальчишки отряхивают их зелеными.

Покачалась на ветке яблони, как на турнике, и уже хотела повернуть к дому, да что-то яркое на самой верхушке дерева привлекло мое внимание. Боже мой! Какое чудо! Опавшие листья открыли золотистое яблоко! Влезла, осторожно сорвала. Медовый запах был настолько сильным, что я ощутила легкое головокружение. Один бок плода красно-оранжевый, другой — желтый, как молодой воск. Яблоко просвечивалось насквозь, и в нем тенью вырисовывались черные семечки. Положила драгоценный дар за пазуху и галопом помчалась домой. Семья готовилась завтракать. Я влетела на кухню.

— Что глаза распахнула? Жар-птицу увидела? — улыбнулась бабушка.

— Чудо принесла! Никто не угадает, какое!

— Мышь поймала? — спросил Коля. — Так их сейчас везде полно.

— А может, крота? Вчера соседи их отливали, — предположила мать.

— Да нет же! Хорошее, особенное!

— Ладно, выкладывай, а то от нетерпения из фуфайки сама вот-вот выскочишь, — засмеялась бабушка.

— Из штанов не выпрыгни! — подал голос отец.

Я гордо положила на стол свою находку.

— Наше. С последней озимовки. Чудом сохранилось!

Яблоко выглядело как маленькое утреннее солнышко, излучающее теплый бархатный свет. Бабушка взяла его в руки и молча долго вдыхала удивительный запах. Она то улыбалась, то вздыхала, подняв затуманенный взор к потолку. И смотрела так глубоко, так тихо и печально, что все затихли.

— Божественно, — наконец прошептала она.

Восторг озарял ее печальное лицо золотистым отсветом благоговейного... Из неведомых тайников души, из глубины ее сердца поднимались волны радости и грусти. О чем она думала, что вспоминала? Какие струны задела, потревожила?..

Отец разделил яблоко на шесть частей. Взрослые ели и восхищались, а мы с братом надкусили, почувствовали всю прелесть плода и спрятали в заначку. Мои руки еще долго сохраняли тонкий аромат. Я прикладывала их к лицу, закрывала глаза и попадала в рай.

ГЕОГРАФИЯ

Идет урок географии. Вера Николаевна монотонным голосом пересказывает очередной параграф и, не вставая со стула, тычет указкой в карту. Ее пресный голос служит хорошим фоном для мечтаний. «Я уже в Африке. Нещадно палит солнце. Ярко-желтый песок... Почему ярко-желтый? Под таким солнцем он должен выгорать. Бледно-желтый песок. Ветер формирует барханы. Я попадаю в зыбучие пески, нет воды, меня мучают миражи, но я упорно ползу...»

— Всех галок в окне пересчитала? Паришь в небесах? В облаках витаешь? Узрела неведомое? Конечно, птичек несравненно приятнее считать, чем географией заниматься. Может, в переплете старой двустворчатой рамы сводчатого окна обнаружила залежи полезных ископаемых? Сосредоточься на восприятии урока, — слышу я громкий скрипучий окрик.

Воображение мое забуксовало и застопорилось, утонув в серых, банальных фразах. С излишней поспешностью вернулась из «путешествия». Краски вокруг поблекли. За окном застыла, как нарисованная, картина туманного утра. Голые кусты облепили воробьи. Тускло блестит после дождя на дороге глина. Вдали маячит лес черным, зловещим, расплывчатым пятном. Мерзопакостное настроение!

— Обрати ко мне свой просвещенный взор, — ткнула узловатым пальцем в мою сторону Вера Николаевна.

Ее взгляд безразлично блуждает по мне, словно я неодушевленный предмет, потом соскальзывает и так же безразлично плывет по классу. Я глубокомысленно уставилась на карту, но думаю о другом. «Почему Вера Николаевна не уважает себя? Ученики по наследству передают, что она никчемный человек, неинтересный учитель. Наш класс тоже довольно быстро уяснил многочисленные развлечения на ее уроках, и в знак протеста мы нередко устраиваем тарарам. Не боятся у нее только ленивые».

Слышу нейтрально-вежливый, даже чуточку грустный голос:

— Слежу за глумливыми, бессердечными черными глазами и думаю: «Что из тебя получится?» Не могу поручиться за правильность моего прогноза, но взгляни правде в глаза: более чем очевидно, что ты вырастешь подонком, раз не понимаешь, что учеба — дело исключительной важности. Учителя все как один говорят тебе об этом?

Оглядываю класс. О ком она так резко? Жестоких среди нас нет. Воображение у «географички» разыгралось. Отчего с ней случилась такая перемена? Что ее задело за живое? Кто так сильно испортил ей настроение? Наблюдаю привычную возню. Все как обычно. Шевельнулась жалость к учительнице. Даже заметила, что у нее янтарно-карие глубоко запавшие глаза.

Вернулась к воспоминаниям. «На прошлой неделе Вовка Корнеев снял на перемене тесные пыточные ботинки, чтобы ноги отдохнули. А ребята подвесили к потолку за шнурок один ботинок и раскачивали до тех пор, пока «Веруся» не разозлилась. Было очевидно, что урок не состоится. Вера Кобыльская и Валя Кискина пытались стащить пацанов с парт, но этим только раззадорили одноклассников. По правде сказать, я сначала тоже переживала, ерзала на месте, чувствовала неловкость за поведение мальчишек.

Учительница долго терпела, потом разразилась криком на Сережку Лобанова, по ее мнению, главного зачинщика безобразия: «На моей памяти еще не случалось подобной выходки! Ты порядком устал, перетрудился. Тебе надо восстановить силы в коридоре, там без помех можешь вести себя как заблагорассудится. Вон из класса! Подсобить? Повторять не намерена. Конечно, следовало бы посетить директора... Не понимаешь? В таком разе ты совсем глуп... Я не собираюсь ущемлять твое право на отдых за дверью. Мне не надо, чтобы ты подвизался тут в качестве шута горохового или обалдуя».

Витя Стародумцев принял ругань на свой счет, не захотел услышать последних слов и с достойной восхищения быстротой покинул насиженное место. «Испарился? — кричит учительница. — Вольному воля и попутный ветер!» Гвалт, гомон. Класс ходуном ходит. Признаюсь: в такие минуты я не выношу учительницу. Она мне кажется невзрачной, несимпатичной... Раздраженно отвернулась к окну.

Вдруг слышу стон, а потом и плач навзрыд. В чем дело? «Веруся» запустила в Серегу чернильницей, а попала в Веру. Форма у нее единственно приличное платье и для уроков, и для праздников. Школа покупала. А теперь оно в темно-фиолетовых пятнах... Класс обомлел и мгновенно замолк. Grimаса огорчения не возникла на лице учительницы, она только растерянно пообещала помочь очистить пятна. Мы понимали, что это невозможно. Мальчишки переживали свою вину. Глаза от парт не отрывали.

Вера Николаевна, успокоилась, округлила глаза, проплыла в конец класса с надменностью гусыни и бесстрастным голосом обратилась к Вовке: «Преуспел в науках? Наверное, много знаешь, раз болтал больше всех? Отправляйся к карте». На лице мальчишки растерянность, понимание неизбежности выхода к доске. Потом он собрался, соорудил честную наивную гримасу и нехотя, нога за ногу, поплелся к доске. Отвечал запинаясь, невпопад в тщетной надежде, что кривая вывезет. Мямлил, что читал и все перезабыл, что неслыханно много задают уроков. Класс тихо, но дружно вторил ему. Теперь Вовка с искренним желанием выкрутиться уставился на меня в простодушной уверенности, что я-то уж точно приду на выручку и подскажу. Но учительница встала грудью за моей спиной, и я принялась внимательно разглядывать на карте мира затейливой формы береговые линии, острова. Меня заинтересовал странный выступ на африканском материке. Складывалось впечатление, будто Африку кто-то в порыве ярости оторвал от Азии.

«Ты совершенно невозможный сегодня. Говоришь через пень колоду. Весьма прискорбно. Нечего пенять на других, если не умеешь с пользой употреблять свой ум. Наперекор логике продолжай в том же духе — станешь вровень с хулиганами и отправишься в колхоз волам хвосты крутить. Там быстро тебя вышколят. Вот в чем сермяжная правда жизни! Может, ты не прочь сейчас отведать наказание?» — со вздохом говорит учительница, с сухим шелестом нервно потирает руки и вызывает другого.

Слышу: опять географичка взывает к чьей-то совести: «Что за возгласы и кудахтанье на задней парте? Кто это снова портит мне настроение? Никогда не смолчишь. Немного покуражился и хватит. Не время для бурных дебатов. Дерзишь, дерешься. Обнаглел от безнаказанности. Пора тебя приструнить. Жди неприятностей от матери. Не сойдет тебе с рук недостойное поведение!»

Вроде бы и повода особого не было, но реакция «Веруси» в этот раз на ответ у доски Вальки Панчуковой оказалась непредсказуемо бурной: «Когда, наконец, тебя посетит озарение? Вечно у тебя в одно ухо влетает, в другое вылетает! И на глазах шоры. Отлыниваешь? Чего раскисла? Не вплела благоухающих лавров в венок славы своего захваленного класса. А ты обжулить меня хотел? Не наизусть — по шпаргалке шпарил! Оплошал, братец. Нет, каков гусь! Не верю тебе ни на йоту. Возмутительное хамство с твоей стороны. Никаких духовных прозрений, лишь бы отбрыкаться. Знаю твои штучки-дрючки, отговорки. В них одно недоразумение таится! Даю последний шанс, ничтожный строптивый мальчишка», — надавала учительница словесных «оплеух» Потанову Вальке.

Вера Николаевна, набрав полную грудь воздуха, продолжила громкий монолог: «Думаешь: встретил истинную самаритянку — и можешь издеваться? Я тоже нуждаюсь в человеческом милосердии! Не вращай глазами многозначительно, с выражением мрачной загадочности. Думаешь: в них мудрость поколений? На данный момент тебе больше подойдет пьерровское выражение. Помнишь сказки Шарля Перро?»

Вдруг лицо учительницы сделалось малиновым. Она сбросила цепи педагогической сдержанности, отмела приличия и, сверкая безумными глазами, неистовствовала, извергая ругательства и угрозы, а мне хотелось вытрясти застрявший в ушах крик и заткнуть уши. Может, Серега был той каплей, которая переполнила чашу ее терпения, или он оказался в фокусе ее собственных накаленных добела проблем? Почему разумный человек впадает в недолгое буйное помешательство, если дело касается его беспомощности, непригодности к работе? От обиды?

Серегины друзья ничего не замечали и продолжали оживленно обсуждать, как ловчее выцганить у него старинные «екатерининки» (дореволюционные деньги), которых навалом в сундуке его бабушки. Кто-то на задней парте припечатал громким коротким шлепком непонятно откуда взявшуюся в эту пору муху. В классе будто оружейный выстрел прозвучал! Все тут же повернулись в сторону нового развлечения.

Реакция учительницы была мгновенной: «Придурок законченный! Ни проблеска в голове! И откуда в тебе изощренное зубоскальство? (Слышу за спиной чей-то тихий шепоток: «От вас».) Я буду благодарна, если ты прекратишь свою кипучую деятельность. Долго мне еще лицезреть твою наглую восторженную физиономию! На кой ляд тебе учеба? Пошел вон из класса!»

Выпучив недоуменные глаза, она наугад обращалась к предполагаемому виновнику нового могучего всплеска необузданной энергии учеников. Никто их ребят не двинулся с места. Учительница, неуверенно и тревожно оглядывая класс, добавила вяло, как бы между прочим, ни на что не претендуя: «Запирательство усиливает вину». Просто так сказала, наудачу.

А тут как назло из щели вылезла мышь и, осмотревшись, почему-то шмыгнула мне под ноги. Естественно, свалка началась и восторженный визг. Не удалось нам ее поймать. Зато развлеклись! На этот раз демонстративно громко с явным удовольствием покинул класс Колька Корнеев.

Вера Николаевна вызвала меня к доске с призрачной надеждой, что класс уgomонится. «Хоть ты обрадуй, ответь без заминок и путаницы», — вздохнув, произнесла она.

Неожиданно я получила подножку. Ухитрилась грохнуться. Неловко падая на пыльный пол, едва успела отшатнуться от парты. Щеку все-таки ободрала об угол крышки и локти очень больно ушибла. От обиды взвыла не своим голосом. Кто-то за спиной прыснул со смеху: «Извините за предоставленное неудобство». Класс отреагировал на грубый финт неодобрением.

С грехом пополам встала. Форму отряхнула. Сначала хотела от стыда убежать из класса или тут же вздуть обидчика, задевшего мое самолюбие, но потом решила, что это уже не спасет моего настроения. Взяла себя в руки, подняла нос на полярную звезду и, полная невысказанных упреков, для начала скривила противную гримасу мальчишке, позволившему бестактно расхохотаться. Чтобы не заносился, что подловил меня на дурацкой ситуации. Иду к доске, злюсь: «Ну, — думаю себе, — подстрекатель чертов, я тебе на перемене всыплю!» В моем мозгу стремительно пронеслась великолепная мысль, как устроить ему на перемене настоящую взбучку.

«Веруса» не поняла причины новой сутолоки, неодобрительно посмотрела на класс, потом накинулась на меня и умильно так спрашивает, пересыпая речь обидными эпитетами (я их не стану употреблять): «С удовольствием поддерживаешь всеобщее веселье?.. Тоже напичкана гадостями?.. Сознательно саботируешь урок!.. Что за катавасию развела!.. Брат — золото, а тебя, видно, в детстве подменили. Как мать тебя терпит? Сбылись мои худшие предсказания на счет тебя. Я не на шутку огорчена твоим поведением, но в глубине души надеюсь, что рано или поздно ты серьезно поразмыслишь. Учительница распалась, а я уже не слушала. В классе нарастало волнение.

Далеко не сразу Вера Николаевна заметила кровь на моем лице и сообразила, что произошло на самом деле. Бестолковый крик продолжался долго. Ее голос тонул в общем гуле класса.

Я неприязненно смотрела на учительницу, ждала тишины и грустно думала: «Часто в этот бедлам оказываются вовлеченными ученики, совершенно непричастные... Жаль беспомощную учительницу. Нервы у нее пошаливают. Никакой жизненной мудрости. Ведь всем пронзительно отчетливо видны ее недостатки как учителя! Мы сразу замечаем ее неловкие, подчас не умные увертки».

Голос разума советует мне помочь, и я потихоньку урезониваю ребят. Но снова и снова слышу то крик, то сонное: «Остыньте! Чего взбесились?.. В таком случае, зачем в школу приволоклись?.. Что это за китайские иероглифы на контурной карте?.. Не жужжи над ухом! Удовлетворил свое любопытство и на том спасибо скажи.... Вздор утверждаешь!

Статен телом, а какой делом?.. Мотай себе на ус, не талдычь!.. Только фимиам расточать осталось... Торопись получить неотвратимое наказание? Хочешь испытать на собственной шкуре? После зрелого размышления... может, пригвоздить тебя у доски к позорному столбу?» (Опять слышу чей-то тихий насмешливый ответ: «Какая честь!»)

Все мы вдоль и поперек изучили этот поток фраз. Драгоценные перлы! Они уже не трогают. Уровень шума не снижается.

Вера Николаевна смотрит на учеников мутными, тоскливыми, растерянными глазами, потом в сердцах плюет и выбегает из класса. Класс мгновенно замолкает. Возникает неловкая пауза. Это момент раскаяния. Многим жаль пожилую учительницу. Раздается приглушенный шепот: «Сама виновата, зануда...» Опять тишина. Меня томит ощущение сопричастности. «Какие мы все-таки жестокие!» — переживаю я молча.

На перемене зашла в учительскую за журналом, а там сидела веселая Вера Николаевна и уминала картошку с солеными огурцами. Лицо до странности безмятежное. Как будто ничего не произошло, не было серии жутких неприглядных постыдных моментов, не было сорванного урока.... Я из-за нее переживала, а ей хоть бы что?! Ее ничего не волнует?! Где страдальческий тон и тяжкие вздохи? Впредь не стану ее защищать. Почему-то в памяти всплыла дурацкая фраза: «Маразм крепчал...»

А что на вчерашнем уроке было? Сижую, скучаю, отключилась от событий в классе, вспоминаю библиотечные книжки про Америку, Грецию и Испанию: «В Греции страшная безработица. В Испании — непрерывная героическая борьба за светлое будущее. В многоэтажной Америке всюду жуткие страхи. Даже в самых богатых учебных заведениях нигде нет помощи и защиты девочкам. У них, бедняг, вместо школы дом терпимости оказался. Разбила мне сердце тоненькая книжечка в ветхой обложке с названием «Надежда»... У нас жить лучше...»

Вдруг слышу, как по классу пробежал шум одобрения. Воздух задрожал от напряженного внимания. Даже Колька сделал театральный жест радостного недоумения. В чем дело? Оказывается, к всеобщему величайшему изумлению Вера Николаевна достала из своей знаменитой огромной сумки толстую книгу. Дополнительный материал?! Наконец-то выступит во всем своем блеске и великолепии! Здорово! Нам показалось, будто что-то еле уловимое, теплое на мгновение мелькнуло в глазах учительницы. Потом лицо ее опять сделалось безразличным. О гейзерах на Дальнем Востоке она читала бесстрастно, сбивчиво и долго.

Мне опять стало скучно. Не могла пересказать интересно, восторженно, восхищенно?! Раньше при упоминании о гейзерах я представляла себе огромную зеленую долину, погруженную в пар, а над ней высоченные, искрящиеся в утренних лучах струи. Яркая зелень мхов, умытая брызгами лечебных радужных фонтанов, изумрудными шлейфами сползает со скал... А после нудного чтения долина померкла и превратилась в грудку грязных камней. В голове ни шороха воды, ни сиянья брызг, ни белых снежных шапок на вершинах голубых гор. Гейзер теперь — просто горячая полезная вода, что течет из-под земли, и булькающая грязь... Как беспомощны, неинтересны и бессильны слова, не доходящие до сердца!

А Вера Николаевна осталась чрезвычайно довольна результатом своего труда. И не только в глубине души была польщена достаточно тихой, хотя и скучной паузой. Она улыбалась! Не много же ей надо для счастья! И тут он переоценила свои возможности. А еще обижается, что ребята шумят на уроках и, заслышав призывные трели звонка, с радостным грохотом торопятся исчезнуть из класса.

Может, я слишком придирчива к ней? Я не люблю географию так, как математику, поэтому мне кажется, что и сам предмет, и учительница — нудные? Она ведь не дура, просто ей не интересны дети. Наверное, бесполезно не любя учить детей, распоряжаться их чувствами, пытаться брать под контроль их знания.

Вспомнился первый детдом с гадкой бессердечной Валентиной Серафимовной, еще инспекционная поездка отца по селам района. Я тоже побывала с ним в двух школах, когда возвращалась от стариков из Обуховки. Дети там смешные, на уроках отвечают очень громкими голосами, как будто все вокруг глухие или они на строевых учениях. Говорят примитивно, односложно, но с такой уверенностью в глазах! Мне было неловко за них, но я не смеялась. Грустно слушать такое. Учителя по-домашнему хлопотливые,

разговаривают простецки, но делают строгий вид.

Мелькнула мысль: «В такой школе Вера Николаевна была бы на месте». А почему в маленьких деревнях должны работать плохие учителя? Ломоносов тоже в глубинке рос. Надо же! Деревня, которую я посетила, всего в двадцати километрах от районного центра, а в ней совсем другой, патриархальный, мир и хозяйство натуральное! У них даже магазина своего нет. Да и у нас, в районном центре, жизнь сильно отличается от городской.

Будет ли в деревенских семьях когда-нибудь так же интересно, как было в семье моей городской подруги Ирины? Скоро ли в наше село займется культура? Война виновата в нищете сел? До войны тоже несладко было. Бабушка Аня мешки зерна и картошки на себе в город таскала, чтобы детей прокормить.

Может, Вера Николаевна скучная, потому что ей в жизни не повезло? Ни мужа, ни детей. Но у моей городской подруги Вали директриса после войны осталась совсем одна. Так ее и дети, и учителя «мамой Верой» называли. На всех ее добра, ума и энергии хватало...

И все же мне стыдно за свои фокусы на уроках, за излишнюю резвость. Бабушка Аня часто успокаивает меня: «Сожалея о содеянном, мы становимся лучше». «Только у меня пока что-то плохо получается перевоспитываться», — вздохнула я и подняла глаза на Веру Николаевну. Она заунывно и тоскливо тянула свою учительскую ляжку. Незавидная у нее доля.

ЛИТЕРАТОР

Мы любили нашу учительницу русского языка за живой, непосредственный, небезразличный характер. Прощали ей грубости, наличие любимчиков. Случалось, что и злились. Она маленькая, как Дюймовочка. Муж ее, любя «моя четвертинка» называет. Помню: в пятом классе я с места нечетко ответила правило, а Евгения Александровна сразу вставила мне ерша:

— Велика фигура, да дура.

Я, конечно, в слезы. В груди клокочет от затаенного гнева. Думаю: «Вовка вообще ни в зуб ногой, а она ему ничего не сказала». Села за парту и тут же на уроке послала по классу стишки в ее адрес с критикой. Наверняка они дошли до учительницы, но репрессивных ответных действий от нее не последовало.

Мы знали, что Евгения Александровна всегда позволит реабилитироваться в знаниях, не станет ожидать мольбы со стороны ученика, даже от двоечника, а просто скажет: «Ну, держись, теперь каждый урок до конца четверти спрашивать буду!» И любимчику Эдику она могла двойку «врезать».

Когда она покинула наш класс, мы осознали потерю и еще острее почувствовали любовь к ней. Мы тогда еще стеснялись выражать свои чувства привязанности и обожания. А может, и не умели. Что-то трогательное, доброе шевелилось в наших душах, но не высказывалось, застревало в горле. Все стояли около главного здания молча, переживали, переминались с ноги на ногу, поглядывали на нее, друг на друга и вздыхали. Евгения Александровна грустно, одобряюще улыбалась.

Солнце в тот день было мягкое, щадящее. Души были открыты радостям весны. У всех в руках букеты прохладных ландышей. И Колька Коренеев не взбрыкивал, не говорил глупости, а, задрав голову к вершине буйно цветущей груши, что-то старательно разглядывал в ее корявых ветвях. А может, в неоглядную даль смотрел? Кто знает? И вот стоит Евгения Александровна перед нами, худенькая, ясноглазая, обыкновенная, а нам так жалко с ней расставаться, будто она уходит из школы, совсем покидает нас! А ведь всего-то новый класс берет. Приросли мы к ней, что ли? Ах, «Евгеша», наша милая «Евгеша»! (Так мы ласково зовем ее за глаза.)

А первого сентября в класс вошел высокий голубоглазый блондин с широкой улыбкой на

бронзовом от загара лице. «Улыбчивый — значит, уверенный», — отметила я тогда про себя. Мы сразу прониклись к нему уважением уже только потому, что он окончил ленинградский университет.

На первом уроке Иван Стефанович дал задание написать сочинение о том, как мы провели лето. «Пишите о чем угодно: об отдыхе, работе, природе. Можно с юмором или критическими замечаниями. Я хочу понять ваши способности к литературе», — сказал он.

Я несказанно обрадовалась свободной теме. Дело в том, что до седьмого класса я непрерывно рифмовала, а теперь еще у меня появилось сумасшедшее неотступное желание писать прозу. Она привлекала меня широкими возможностями самовыражения. Каждую свободную минуту я открывала тетрадку, которая всегда была со мной, начинала первую строчку и уже не могла оторвать карандаш от бумаги. Писала в огороде, на улице, в магазине. Предложения получались длинные, витиеватые. Я их не придумывала, они сами возникали, как стихи. Слова потоками, лавинами обрушивались на меня. При этом во мне бушевало счастливое восприятие окружающей действительности. Я так дивно чувствовала себя! Часто беспричинно улыбалась, иногда плакала, захлебываясь волнами грустных чувств. А уже в следующую минуту не помнила, о чем только что писала, и не представляла, о чем стану писать дальше, как буду выражать свои мысли. Я просто записывала то, что когда-то само без усилий сформировалось в моей голове. И по утрам просыпалась с готовыми строчками. Желание писать преследовало меня на всех уроках. Только на математике и физике мне удавалось отделить себя от мира грез.

А все началось с Максима Горького. Восторженные рассказы о цыганской жизни пробудили во мне интерес к его творчеству. Мое сердце переполнялось гордостью за людей солнечных, способных светить и погибать ради простого народа. Романтичные герои Майн Рида и Жюль Верна отошли на второй план. Они сделали свое дело, сохранив во мне веру в добро. В горькие минуты они уводили меня в удивительный мир приключений, я жила в нем, забывая личные обиды.

Теперь на смену им пришел Данко и ему подобные. Он утверждал, что человек должен быть факелом, освещающим путь в будущее! Он должен быть умным, гордым, непоколебимым и обязан служить людям. Это единственная дорога к счастью. Только этим можно гордиться, и только тогда жизнь человека — песня, которую подхватят все! У меня проявилась склонность говорить возвышенным стилем. Я теперь излагала свои мысли ярко и многословно, а на любой сложный жизненный вопрос пыталась найти простой и ясный ответ. Все мне казалось великолепным, доступным, понятным.

— Девочки, — говорила я, — нельзя спешить выходить замуж. Для настоящей любви надо созреть не только внешне, но и внутренне.

— Ну, тебе внешне еще лет десять зреть, — шутили они надо мной.

Своим тощим мальчишеским телосложением я очень отличалась от подруг, но не обижалась и весело отвечала:

— Значит, дольше буду молодой, только и всего! Девчонки, надо сначала добиться осуществления мечты, а потом думать о любви. Высокая цель — вот что самое главное в жизни!

— А моя цель: удачно выйти замуж, — дразнила меня Зоя.

— Это не цель, а малюсенькая мечта. Из детства сразу в мамыши? Я хочу достигнуть чего-то. Только чего? Сама пока не знаю, — говорила я, не стесняясь своей неосведомленности.

— Когда узнаешь, нам скажи, — может, пригодится, — смеялась Галя Ковалева, тем не менее, осознавая, что я права.

— Винегрет у меня в голове, хаос. Кто бы самой подсказал. У меня есть желание, есть энергия, но я не представляю, куда ее приложить, вот и трачу на колхозные и домашние дела. А это так мелко! Что бы это мне совершить такого, чтобы все ахнули?

— С крыши вниз головой... — иронизировал Валька Потанов.

— Это ты себе оставь. Подвиги с глупостью несовместимы! — надувала я губы, строя из себя обиженную.

И тут же начинала хохотать. «Пора восторгов пришла, что ли?» — осаживала я себя и бралась сочинять для подруг очередную грустно-трогательную историю, чтобы каким-то способом погасить в себе избыток эмоций.

Изображая облака, ветку сирени, летний дождь я могла исписать несколько страниц. Откуда слова брались!? Может, во мне зарождалось новое, более глубокое понимание природы, стремление быть ближе к ней, говорить о ней радостно, образно? Наверное, у меня появилось осмысленное желание радоваться жизни!

Бабушка, заставая меня за «писаниной», укоризненно качала головой. Звон пустых ведер в ее руках, звучал мне упреком. Я прятала тетрадь и бежала во двор. А сама думала: «Господи! Можно ли так бездарно тратить минуты вдохновения? Они же для меня — радость! Зачем лишать себя счастья? Да вымою я полы! Сбегаю в магазин. Это ли главное? Разве такие мелочи важны, когда душа рвется в небо, а слова звучат музыкой, хором, гимном?! Наверное, существует особенный мир чувств, страна чувств, где я оказываюсь, когда пишу. Как я туда попадаю?»

В школе на перемене мне никто не указывал, и я до самого звонка строчила. Но особенно часто на меня находило, когда возвращалась после уроков домой. Тут уж я и стоя, и сидя писала восторженные оды природе, школьным делам, друзьям. Иногда под настроение получалось что-либо смешное, реже — злобное, ехидное, обидное. Бывало и такое, что греха таить: могла проехаться в чей-то адрес, не задумываясь, что обижаю.

Сначала мне нравилось, что я способна здорово поддеть человека, «подрезать», потом вспомнила «шпильки» отца и устыдилась своей бессердечности. Ну а на бумаге себе все позволяла. «Может, у меня сейчас потребность такая? — оправдывала я свою резкость. И тут же сознавалась себе: «Не потребность, жестокость. Кончать с этим надо. Так ведь недолго сквалыгой стать или гадиной».

Постепенно желание ехидничать ослабело, и я с большим удовольствием писала мягкие, добрые, чуть ироничные четверостишия про друзей и учителей или придумывала шуточные рассказы с физической или математической терминологией, которые как раз входили в моду.

Предложение учителя написать сочинение на вольную тему обрадовало меня еще и потому, что теперь я могла строчить, не оглядываясь на родных, не боясь их осуждающих глаз. К тому же очень хотелось услышать мнение знающего человека о моих пробах пера, ведь наш учитель закончил литературный факультет, на котором учились знаменитые писатели! «Пусть оценит, укажет на недостатки. Критика мне полезна. А может, подметит отдельные хорошие моменты?» — думала я, даже не мечтая о собственной литературной состоятельности.

Я написала сочинение о том, как в раннем детстве ходила с Витьком в лес смотреть на лосей. Вложила в этот рассказ восторженное восприятие природы, светлую память о друге. Душу перед учителем раскрыла. Мое сердце сладко замирало и трепетало в предвкушении яркой и строгой реакции учителя.

А на следующий день Иван Стефанович сказал пару слов о сочинениях учеников, а потом брезгливо взял за уголок мою тетрадь и бросил на стол с презрительными словами:

— Некоторые списали за неимением своей головы. Что подвигло тебя на такой «подвиг»? Опровергаешь устоявшееся мнение о себе.

И жест сделал такой, будто руку вытер о пиджак.

Я была сражена, уязвлена, оскорблена! Непредвиденное обвинение попросту ошеломило, оглушило меня. Мое сердце упало в глубокую темную яму. Заподозрил в обмане, совершенно не зная человека!? Убил своей необъятной самоуверенностью!

Захлестнувшая обида не позволила мне понять, что, вообще-то говоря, его слова — комплимент. Списывают из книжек, а в них плохо не пишут. Но чувства опережали мысли. Сознание того, что меня записали в обманщицы, выбило из мозгов все разумное.

Учитель с безразличным лицом выставлял оценки, а я молча страдала. Мне показалось, что никто из одноклассников не усомнился в словах учителя. Мы же привыкли им безоговорочно верить. Подняла руку. Но Иван Стефанович лишил меня удовольствия высказаться, желания оправдаться.

И все же я подспудно чувствовала гордость за себя. Не сорвалась, не возмутилась, смогла «затормозить». Взрослею? Преодолеваю еще одну ступень на лестнице надежд?

Всю осень, как обычно, если погода хорошая, мы ежедневно работаем в колхозе после двух уроков: русского и математики. Наверное, поэтому учитель предложил нам следующую тему для сочинения: «О работе в колхозе». Я подробно описала, как теплым сентябрьским утром медленно иду через лесок, вдыхая ароматы поздних цветов, наслаждаюсь звуками леса, очаровываюсь каждой травинкой, каждой веточкой, восхищаюсь изгибами корней, прелестными сочетаниями красок растений, потому что мое сердце радостно раскрывалось впечатлениям природы.

Еще написала о восторженном состоянии во время работы, о радости общения с друзьями, учителями, об ощущении полезности. Не забыла рассказать о том, как мы едем в открытой грузовой машине, и при этом в голове у меня рождаются восторженные слова и песни, потому что «золото полей чередуется с пестрыми лесополосами, а теплый ветер дует в лицо и развеивает волосы. И все эти мелочи складываются в счастливое, радостное». А в ответ услышала: «Что за глупый пафос на уборке картошки? Четыре поставил только за то, что пишешь без ошибок». И криво усмехнулся.

Он охаивает мои непогрешимо честные, передаваемые без искажений наблюдения и чувства? Ему нужна условная схематичная изобразительность героев? Ему претит мой излишне натуралистический реализм и восторженность? Конечно, издевательский смех может убить в человеке любой пафос. Но когда я работаю в кругу одноклассников, во мне на самом деле поднимается волна радости. В коллективе я не чувствую одиночества, в моей душе не накапливается раздражение. Я хочу обнять весь мир, наверное, потому что такое общение мне необходимо. «Если вы не замечаете природы и не понимаете, что с Юлией Николаевной работать в поле интересней, чем с «химиней», это совсем не значит, что все вокруг такие же бесчувственные «сухари» как вы!» — молча возмущалась я.

Писать для учителя больше не хотелось. Я и раньше сомневалась в качестве своих «произведений», а теперь, сама того не осознавая, окончательно поверила в свою никчемность, примитивность, в отсутствие способностей, в то, что все во мне пустое, глупое, вздорное, ненужное. Но желание выражать свои чувства не пропало, поэтому я говорила и говорила везде, где только появлялась возможность высказаться. Особенно на колхозном поле и по возвращении с него, когда приходилось несколько километров идти пешком. Ребята слушали и спрашивали:

— Откуда ты столько знаешь?

— У родителей много книг, — отвечала я.

— Дай почитать.

— Не разрешают. Не обижайтесь, — сочиняла я на ходу.

Ребята верили и просили рассказывать еще и еще. Иногда они интересовались:

— Как называется книга, которую ты сейчас читаешь, про что она?

Я, смеясь, отвечала: «Секрет». Потому что сама не знала, о чем буду рассказывать в следующий раз. Просто начинала первую строчку, а потом мысли бежали, бежали. Я не замечала ни времени, ни лиц товарищей...

Случалось мне несколько дней не находить слушателя, тогда я рассказывала самой себе.

Бабушка подозрительно смотрела на меня и как-то робко говорила: «Уж больно завлекательно пересказываешь, ну прямо как артистка! Урок так не проговаривают, сама в школе обучалась». Я опускала глаза. Краснели уши. Бабушка успокаивала меня и отправляла по делам, замаливать грехи работой. Если не удавалось выговориться, рассказы снились мне по ночам. Я в буквальном смысле перелистывала страницы своих сочинений, радовалась удачным фразам, красивым эпитетам. Такие сюжеты разворачивала! А просыпалась — одна таблица Менделеева в голове! Напрочь забывала «прочитанное».

Иван Стефанович не поражал нас знаниями. Уроки вел скучно, однообразно. Один раз я попросила его объяснить, что значит выражение «Литература — учебник жизни». Он усмехнулся:

— Литература учит народности, партийности и гражданственности.

— Про это мы на классных часах беседуем. А еще? — настырно добивалась я.

— В поэзии мало смысла, а проза — пустая беллетристика, — хмыкнул учитель.

— А искренность и насыщенность чувств, а слова, звучащие в веках, а концентрация мыслей! Как же без Пушкина, Лермонтова, Толстого? — горячилась я.

— Вот я начитался книг — и что? Мой друг женился на страшненькой и умной, в городе живет, диссертацию защитил. А я — по любви, на красивой. И теперь здесь торчу, в навозе вожусь, — раздраженно ответил Иван Стефанович.

«Зачем он ученикам говорит такое! Ведь его жена тоже в нашей школе работает! — рассердилась я и больше не обращалась к учителю. Права бабушка: «Он из тех, кто считает, что Бог создал женщину, чтобы обвинять ее в своих неудачах. Соблазн легкой жизни треплет его сладостное воображение. Если разменял любовь на зависть, теперь не исцелится». И почему меня стали нервировать его бледно-розовые десны, когда он показывает все тридцать два зуба? Раньше не замечала, — хмуро размышляла я. — Глупость какая-то в голове...»

И все же дети быстро забывают обиды. Когда Иван Стефанович снова давал задание написать на уроке стихи, заметку в газету или что-либо веселое, с юмором, мы каждый раз с удовольствием брались за дело. В классе стояла удивительная тишина. И только к концу урока, от желания поделиться своими «шедеврами», мы начинали шептаться и хихикать. Но все опять заканчивалось тем, что учитель собирал наши «труды» и забывал об их существовании. Даже прочитать не удосуживался! А о том, чтобы подробно ознакомиться, оценить, даже речи не шло. Мать как-то сказала отцу:

— Опять Иван Стефанович к уроку не успел подготовиться.

— А что ему готовиться? Учебник не прочитал? Не оправдал он наших надежд. Тоже мне выпускник университета! — скептически повела я плечами.

— Специалист он никакой. И человек поверхностный. Может, все от того, что не сумел найти себя, свое призвание? Знаешь, после войны в институты приходили мужчины с орденами, медалями, после госпиталей. Конечно, льготы у них были при поступлении, — объяснила мать.

«Улыбчивый Иван Стефанович, да безрадостный. Абсолютно невозможно заставить себя любить и уважать такого неинтересного учителя», — думала я с грустью.

А сегодня он спрашивал стихотворение Некрасова «На Волге». Поставил десять двоек тем, кто сидел, пригнувшись к партам, и больше никого к доске не вызвал. А мне так хотелось прочитать стихотворение вдохновенно, с болью! Чтобы в классе стояла звенящая тишина, и все почувствовали душу поэта так, как я ее понимаю. Того стоил великий стих! Но «литератор» безучастно смотрел на поднятые руки и на нетерпеливое ерзанье учеников.

Настоящий учитель любит предмет и, когда идет на урок, оставляет за порогом класса домашние проблемы, как наша Юлия Николаевна. Я поняла это, когда проводила в

подшефном пятом классе вечер о Лобачевском. Только звонок с урока вывел меня из увлеченного состояния. Это у меня врожденное или от Юлии Николаевны? На этом же сборе я узнала, как трудно удерживать внимание класса, как важно ежеминутно быть интересной для ребят. Сколько усилий потребовал от меня этот знаменательный первый урок «педагогического мастерства»! Так пошутила Ольга Денисовна, когда давала характеристику сбору.

Нет, все-таки Иван Стефанович — случайный человек в школе.

ЗЕРКАЛО

Сегодняшнее послание адресую не тебе, Витек, а своему разумению-недоразумению. Для себя пишу.

Сидим с девчонками в пионерской комнате, стенгазету оформляем. А когда закончили, мне захотелось размяться. Потолкалась с Людой Росляковой плечо в плечо, потом Козарезову Валю в тиски зажала. Она пощады запросила. Я сразу потеряла к ней интерес. Тут две девчонки из параллельного класса зашли. А я уже остановиться не могу. Завелась. Обхватила их руками за талии, приподняла над полом и давай кружиться на месте. Помещение тесное. Они визжат от страха. А я же знаю, что не уроню, не ударю о стену, поэтому хохочу и все быстрее волчком кручусь.

Вдруг на одно мгновение увидела себя в большом зеркале, что висело над столом вожатой. И будто молния меня пронзила внезапно нахлынувшей неловкостью и растерянностью. Чуть не сгорела со стыда. Вижу разгоряченное, возбужденное лицо с хулиганским, но довольным выражением, азартные сумасбродные глаза, широко расставленные тощие ноги и растопыренные локти. Мужская, по-медвежьки грубая поза совсем не подходила мне. Я выглядела дико, противоестественно, неприятно. «Какая жутко несуразная!» — подумала я, смутившись, и остановилась.

Малиновым цветом окрасились лицо и шея. Я впервые увидела диссонанс между своей девичьей сущностью и ребячьим поведением и устыдилась его. Настроение мгновенно испортилось. Улучив момент, выскользнула из «пионерки». Иду, размышляю, грущу. Мне всегда нравилось быть шустрой. Но как некрасиво я выгляжу со стороны! Оказывается, сама из себя идиотку делаю. Прискорбно!

И поведение мое оставляет желать лучшего. С Колькой Корнеевым на перемене часто дерусь. Он приставучий, никак не могу его отвадить. Не буду же я визжать, как другие девчонки или убегать? Естественно, сдачи даю. А как Колька выглядит при этом? Я не обращала внимания. Александра Андреевна пыталась объяснить мне, что девочке не пристало вести себя слишком по-мальчишески, но я не видела ничего дурного в том, что люблю порезвиться, и пропускала ее замечания мимо ушей. Пацанам она могла «вмазать», что-либо типа: «У тебя сегодня приступ прогрессирующего полоумия?» А меня щадила. Я сама во всем виновата, нечего теперь в жилетку плакаться.

Почему мать никогда не говорила про то, что я чучелом себя выставляю? Только слышала от нее: «Не шлейся, не выкаблучивайся, прекрати выкрутасы, не устраивай бедлам, с тебя станет...» А Вера Николаевна? Держи карман шире! Не дождешься от нее полезного совета! Видела ее в гробу и в белых тапочках! Хотя нет. Белиберду нес, «пургу гоню» — как выражается Серега. Умом тронулась что ли? Зря на «Верусю» злость изливаю. Проехалась она как-то насчет моей моряцкой походки.

Анна Васильевна для меня непререкаемый авторитет. Неужели ждала, когда я, повзрослев, пойму сама? Непостижимо! Надо было объяснить мне, убедить. А если бы я сегодня не увидела себя в зеркале? Что тогда? Серdito зашмыгала носом. Слезы прозрачными каплями повисли на ресницах.

Допустим, идет по городу женщина в расстегнутой юбке или комбинация из-под платья торчит. Из автобуса с трудом выбралась. Кто-то должен ей потихоньку шепнуть и тем самым выручить из неловкой ситуации? Я всегда так делаю. А мне никто не сумел помочь. Обидно. Душевные силы на нуле. Когда не знала о себе противное, легче было. Чтобы не злиться, буду считать, что все они или не видели или не придавали значения своим наблюдениям, как и я раньше.

Немного успокоилась. На душе еще скребли кошки, но я уже замечала неисчерпаемый простор небес, выцветшие дали, странный переизбыток тишины вокруг, тяжелеющие тени и бледную медь заката. Иду через парк. Деревья передо мной послушно расступаются. Вздрагивают раздвинутые ветви, хлещут отброшенные. Загляделась на три сросшиеся, свитые в узел сосны, на косматые крылья огромного дуба. Вот уже различима хата...

Дома еще одно неожиданное событие ошарашило меня.

После школы быстро выполнила текущие задания, повторение материала оставила на потом и пошла в сарай «полечить» настроение. В углу осталось совсем немного распиленных чурбаков. Ну, думаю — вмиг расправлюсь с ними! Да не тут-то было! Все они оказались с сучками. Ох, и намаялась я! Сначала деревянные клинья вставляла в расщелины, потом металлическую распорку применила. Все равно не каждый пенек поддавался. Даже самым тяжелым топором не получалось раздолбить пни. Только кувалда выручала. Заглянула в сарай бабушка и попросила не пользоваться кувалдой, чтобы не расколоть топор.

Когда дело близилось к концу, ощутила боль внизу живота. Удивилась, но не придавала значения такой мелочи. Вдруг чувствую: по ногам потекло что-то теплое и липкое. Бросила топор и думаю: «Перетрудилась, что ли? Как старуха, подмочила себя?» Расстегнула старые отцовские брюки, в которых обычно работаю во дворе, и в страхе замерла, увидев на одежде кровь. Первая мысль была: «Пупок развязался?» Так говорила мать, когда я поднимала что-то тяжелое — бревно ли, мешок с зерном или с цементом. Посмотрела: он в порядке. Что же случилось?

В панике замелькали глупые и бестолковые мысли: «Растянулись мышцы живота, как у отца при грыже? Но крови у него я не видела. Может, у меня болезнь какая-то появилась? Выживу ли?» Влетаю на кухню, а бабушки нет. Не с кем поделиться страхами. Входит мать, а у меня слезы градом, губы дрожат. Еле промолвила: «Мне белье сменить надо». На лице матери появилась улыбка. Я опешила, даже реветь перестала. «Наконец-то! Я уж волноваться стала. Ведь четырнадцать лет исполнилось. Не бойся. Это означает, что ты теперь взрослая. По три дня в месяц будешь немного болеть. Идем, я научу, как соблюдать правила гигиены. Дрова в такие дни не коли!» — заботливо сказала мать.

Я легла на кровать. В голове оставался туман. Я уже не думала о происшедшем со мной. Главное, что нет угрозы здоровью, а остальное — ерунда. Непонятное всегда пугает. Почему девчонки меня не просветили? Случай не представился? Думали, больше них знаю? Интересно, как мальчишки узнают, что стали взрослыми?

Ну и денек выдался! От работы я никогда не устаю, а от волнения вырубаясь сразу. Даже не заметила, как уснула.

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Безмолвье ноября. Холодная осенняя заря. Наш класс на свекольном поле. Ночью мороз слегка прихватил землю. Туманная изморозь припудрила бурую траву. Дальний лес тронут сединой. Потом яркое солнце неожиданно побаловало. Но вскоре ветер прошумел вершинами сосен в лесополосе, сгреб в кучу дождевые тучи, небо заволокло серое литье постылых облаков и загрустила природа мелким, нудным сумрачным дождичком. Его дождинки не капельки надежды, а слезы прощания с летом, с теплом.

В голове побежали строчки: «Дождь барабанной дробью досаждаёт. Струится в сердце горькая тоска...» «Ох, что-то совсем раскиселась», — одергиваю я себя.

Мы выкапываем пропущенную комбайном сахарную свеклу и переносим в бурты. Я с сочувствием гляжу на женщин. Глаз не могу отвести. Обвязавшись платками и кусками старых стеганок, они целыми днями обрезают ботву. Тяжелая явь. Мне впору плакать.

Дождь прекратился. Опять стынет дыхание. Школьников сзывают на обед. Я ем хлеб с салом и читаю рассказы Максима Горького. Передо мной будто тьма разверзлась, и я впервые увидела взрослую жизнь в целом, во всей ее сложности и неприглядности.

Рассказы разбили мне сердце, повергли в пучину безысходной, жестокой жизни. Я захлебываюсь мыслями. В чем причина глупости, зависти в людях? Чего больше в них: добра или зла? Как помочь несчастным? Меня захлестывает волна жалости и бессилия. Голова пухнет от вопросов. Душа опрокинулась в бездну.

Я готова взорваться от эмоций, от обиды на людей, не понимающих, что жить надо достойно. Мир одновременно примитивен и сложен! Бедность, страх, слабость, злость делали души людей убогими? А ведь они верили в Бога! Но не равнялись на него, а только просили благодати. А он не давал. Наверное, хотел, чтобы сами ее добивались...

Рассказы потрясли меня своей жестокой жизненной правдой. Я думала о несчастных людях с горечью и печалью. В пьесах Островского тоже описана безрадостная жизнь людей. Но «Страсти-мордасти» Горького приводили в жуткое возбуждение, требовали искать выход из чудовищной жизни, призывали не мириться с несправедливостью!

Я задумалась о смысле жизни человека. Теперь меня больше задевали мировые проблемы. Благополучная школьная жизнь показалась детской игрой. Людская подлость, тупость терзали, вызывали ярость. Мне хотелось поделиться с кем-либо своим беспокойством. Особенно меня волновало, чем отличаются современные люди от тех, Горьковских?

От переполнявшего меня возбуждения я начала говорить вслух, и буквально наизусть повторяла страницы рассказов. Слушали ученики, слушали учителя. Мой голос дрожал от негодования. Я жестикулировала. Лицо горело. Я не могла остановиться, пока не доходила до финала. Потом будто в сознание приходила — и замолкала. Иногда меня заносило, и я начинала «рубить» воздух, рассказывая что-то свое, наболевшее или недавно увиденное.

А после перерыва всю злость на книжных врагов перенесла на «борьбу» со свеклой. Чтобы успокоиться, мне нужно или говорить, или работать физически. Я вгрызалась лопатой в мерзлую землю и думала: «Какие-то пассивные, смиренные, робкие наши женщины. Разве такие они были в войну? Страну на своих плечах держали.

Данко! Буревестник! Вы не потонули в серости людской? Наши колхозники не серые! Не только скудная копейка гонит их в поля! Вера в светлое будущее страны и своих детей заставляет их преодолевать трудности! Простые сельские труженики — чистые светочи добра, подлинные сердца. Как я люблю вас, как понимаю и сочувствую. Вы наши корни, вы фундамент страны».

А в следующий перерыв ребята уже сами попросили меня пересказать прочитанное из Горького.

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Лежу в районной больнице. У меня камень в почке. Доктор сказал, что в организме нарушен водно-солевой режим, а потом спросил мягко:

— Переохлаждалась?

— Нет.

— Что-нибудь очень печальное в твоей жизни случилось?

— Любимый дедушка умер, — ответила я тихо и опустила голову.

Доктор погладил меня по волосам и сказал:

— Не волнуйся, вылечу, будешь как новенькая.

Камень выходил медленно. Полтора месяца меня «сотрясали» приступы. Я устала от больницы и попросилась домой к бабушке. Доктор возмутился:

— Я за тебя отвечаю! Нечего иллюзий строить. Смена обстановки не лечит. Если камень застрянет, кто тебя дома спасать будет?

Я смирилась. Когда боль ослабевала, я бродила по больнице, знакомилась с детьми и взрослыми. Девочка одна понравилась. Света Шинкаренко, дочка главврача. Она часто к отцу забегает. Мы ровесницы. Как-то разговорились, и она с восторгом поведала мне о своей прекрасной жизни. И про то, как по садам лазала, как щука за ногу укусила, когда после танцев на пляж ходила с друзьями. Как нагишом купалась с подружками, чтобы родители мокрой одежды не видели, а ее младший брат караулил их. Потом на звезды смотрели, песни пели, истории рассказывали!

Раз мать узнала про ее ночные купания, запретила, купальник спрятала. Так Света за полдня себе новый сшила, и все равно сбежала к друзьям. Мать, конечно, лекции о девичьей гордости читала. Света не сердилась, понимала ее. Но ведь радостное детство огнем горело! И брат у нее — великолепный шутник. Поехали они на дюралевой лодке с мотором «Вихрь» кататься по реке вокруг острова, а он выпрыгнул из лодки, и Свете пришлось мотаться вокруг острова, пока бензин не закончился. Она не умела выключать мотор.

Случалось: с друзьями на середине реки выплывут и давай лодку раскачивать! Шум, крик, радость на всю округу! Как-то обнаружили на помойке списанную инвалидную машину. Брат Валера, он на два года моложе, вставил в нее мотор от мотоцикла, и они долго катались по деревне. Машина останавливаться не могла, так они на ходу из нее выпрыгивали. Потом в город поехали. Там милиция остановила. Брат мотор снял, чтоб не оштрафовали. А как машину отбуксировать? Пришлось папу вызывать. Он приехал, забрал их.

Еще похудеть пыталась. На кошке всякие составы испытывала. Подружка Зоя дозу превысила, отравилась и в больницу попала. Свете допрос учинили: где лекарства взяли? Зоя выручила, сказала, что во всем любовь виновата. Еще кошке рожать помогали, врачами себя представляли. С ребятами нашли блиндаж с оружием. Граната взрывалась. У одного мальчишка седая прядь после этого появилась. Хоть и страшно, а все равно весело было. А как-то летом они всей семьей в Одессу ездили. Не передать впечатлений!..

«Так вот! В одном селе живем, только по-разному. Дом и сараи им не пришлось строить. Квартиру на станции государственную дали. Огорода нет, скотины — тоже. Вольные люди! Почему в нашей семье по-другому? Впахиваешь беспросветно, и никакой личной жизни», — горько думала я...

А в детском отделении я обратила внимание на первоклассника Юру из близлежащей деревни. Первые дни он выглядел жизнерадостным, а потом загрустил. В палате с ним находился наглый мальчишка лет десяти, который отнимал у маленьких еду и вообще вел себя как хозяин.

Приехали к Юре родители. А хулиган тут как тут, с интересом разглядывает угощения. Юра указал на Генку:

— Вот этот маленьких обижает, скажите начальнику.

А на следующий день я услышала в коридоре разговор.

— ...Дурак, мой отец убьет твоего, — грозил хулиган.

— Его в тюрьму посадят, — защищался Юра.

— Мой через пять лет выйдет, а у тебя больше не будет отца, — издевался Генка.

Все же перевели Генку в другое крыло корпуса, но Юра продолжал плакать, и я поняла, что теперь он боится потерять отца. Я попыталась объяснить ему, что хулиган нарочно запугивает легковерных малышей, но Юра все равно переживал и день ото дня худел. Вскоре Генка опять начал проводить малышей, и Юра чувствовал себя совсем беззащитным и несчастным.

Родители заметили, что лечение в больнице не дает результатов, и забрали сына домой. А у меня на сердце осталась печаль. Когда сумеет малыш поверить взрослым? Останется ли у него страх перед наглецами на всю жизнь или он научится защищать себя и других?

«Перерастешь все болячки, обиды, спокойнее станешь», — сказала мне как-то учительница. «Все ли?» — думала я, сидя на подоконнике в коридоре больницы.

Слышу шум в приемном отделении. Очень молодая женщина, заливается слезами:

— Девять месяцев ребенку. Умоляла вас положить меня с ним. Не положено! А гробить детей положено? Он упал у вас, теперь вся спина синяя, судороги появились. Привезла с воспалением легких, а забираю калеку!

По коридору бегут две пятилетние девчушки с месячными двойняшками. Головки малышей болтаются, из-под пеленок торчат красные от холода ножки. Девочки с грудничками как с куклами играют. Одному малышу чуть дверью по головке ни попало. Какая-то больная отобрала малюток, посетовала, что не хватает нянечек, и попросила меня отнести детей в родильное отделение. А там, в коридоре стояла очень грустная женщина. Я услышала ее разговор с медсестрой.

— ...Тяжело подняла, чтобы избавиться от бремени. Ни днем, ни ночью от мужа толку нет. Пьет к тому же.

— Разведись, зачем мучаешься? — посоветовала медсестра.

— А ты выглянь в окно. Сын глаз не сводит, висит на нем. Как я могу лишиться его отца? Для него он — самый лучший.

Женщина не заплакала, завывала горько и безутешно. Мне стало не по себе от ее откровенности, и я вернулась в свою палату.

Ко мне в палату подселили новую девочку. Она сразу рассказала о себе.

— Мне четырнадцать лет. Родители приехали из города в отпуск, а меня положили к вам в больницу долечивать сотрясение мозга. Я упала в обморок и ударилась головой об асфальт. Соседка-врач помогла добраться до квартиры и вызвала «скорую помощь». Когда в больнице травили тараканов, всех больных отправили во двор на тридцатиградусную жару. Я там опять упала в обморок, а мама увидела через решетчатую ограду и стала возмущаться. Тогда врач выписал меня. Дома опять началась рвота. «Скорая» привозит меня в больницу, а врач не принимает. Детская больница у нас одна на весь город.

Зато окулисты нам хорошие встречались. Брат в шесть лет только две верхние строчки таблицы видел. Так доктор назначила ему очки противоположного знака, и через четыре года Саша имел стопроцентное зрение! А второй доктор маму после травмы лечил. И глаз сохранил, и зрение. Талант! Вообще-то моему старшему брату с самого рождения не везло. Акушерка безответственная попалась, а потом десятки врачей его на ноги пытались ставить. Мама совсем извелась. И вдруг в поликлинике появилась энергичная женщина-врач. Осмотрела десятимесячного Сашу и расписала все проблемы, которые могут возникнуть у него в течение двадцати пяти лет и как с ними бороться. Мама до сих пор добром ее вспоминает и всегда желает здоровья и счастья. Еще брата талантливый уролог Виктор Петрович Солопов лечил.

— Мне бабушка говорила что, сколько бы мы не обижались на врачей, но, когда припечет, все равно к ним бежим, — сказала я.

— Я не обижаюсь на них, просто вспоминаю разные случаи. Я же понимаю, что больница не химчистка, гарантий не дает, — пошутила соседка по койке и рассмеялась. — Ты представляешь, я до сих пор уколов боюсь!

— Зря! Я еще в семь лет поняла, что если трусишь, то волнуешься дважды: когда ждешь плохого события и когда оно приходит. Надо один раз переживать: если неприятность все-таки случится. Уколов в пятую точку многие боятся до тех пор, пока не попробовали вливание в вену. А после уколов в глаз я подставляю свое «мягкое место», как кочан капусты, даже не вздрагиваю. Все познается в сравнении. И степень боли тоже...

Проболтали мы с Соней до позднего вечера. Потом я думала о том, что на больничной койке к жизни начинаешь относиться иначе. Мелочи отменяются, они кажутся ничтожными.

Снова наступила ночь. Опять я катаюсь от боли по постели, пытаюсь найти удобную позу, чтобы облегчить себе страдания. Лежу в полудреме, прислушиваясь к своему организму. Ощущаю биение пульса и сильное напряжение в больной почке... Вдруг вижу камешек, падающий в жидкость, находящуюся в полукруглом сосуде и слышу легкий всплеск. Все происходит в полутьме... Я размышляю: «Камень в почке я не могла увидеть, значит, и всплеск мне приснился? Но я не спала! Все-таки это сон или явь?» Утром рассказала врачу о ночном событии. Он рассмеялся:

— Девочка, поверь моему опыту. Невозможно почувствовать падение камня в мочевого пузырь.

Я не обиделась, только спросила:

— За какое время должен выйти камень, если он на самом деле прошел мочеточник?

— В течение суток, — ответил молодой доброжелательный доктор.

— Если завтра утром приду с камнем, поверите мне? — упрямо пробурчала я.

Доктор примирительно кивнул.

В палату пришла расстроенная, сомневающаяся. С трудом взгромоздила тяжелое, как мешок с углем, больное тело на специальный табурет с дыркой... и услышала характерный стук камня о дно ночного горшка. Вскочила совершенно здоровым человеком! Легкость во всем теле поразительная! И только чуточку, совсем чуточку ныла почка. Врач удивленно разглядывал колючий блестящий камень и растерянно бормотал:

— Впервые слышу о такой чувствительности. Феноменально! А может, это из другой области?.. Это не чей-то каприз и не злая воля, а таинственная бездна. Внешние источники раздражения здесь ни при чем. Может, предчувствие, интуиция, новое интересное знание? Непреднамеренное сцепление, стечение странных обстоятельств... Причина в подсознании, оно само делает выводы? Существует непознанная, загадочная сторона нашей жизни?

И засмеялся. Я тоже. От радости, что мучения, наконец-то, закончились, и мне не грозит операция. Весть об удачных «родах» разлетелась по больнице. Все поздравляли меня. И пока медсестра готовила справки на выписку, в фойе больницы женщины рассказывали друг другу странные случаи, происходившие с ними.

Мой врач подошел ко мне и спросил:

— Больше ничего интересного не случилось с тобой?

— Много раз, — бойко ответила я.

— Моя смена закончилась, я могу спокойно послушать тебя. Давай свои истории и наблюдения в мою копилку.

И я начала свой рассказ.

— Остановился у нас на один день знакомый отца по институту и захотел порыбачить. Школьных лошадей в тот день разобрали на хозяйственные работы, и гость согласился поехать на велосипеде. А меня послали с ним провожатой. Ехать по песчаной дороге — не большое удовольствие. Я непрерывно застревала, но не злилась. Уж очень хорошо было вокруг! Лес отсвечивал березами, рябил осиновыми вырубками, дурманил густым травостоем полян.

— Не увлекайся, короче, — улыбнулся доктор.

— Сделаю коротенькое отступление и расскажу обо всем, ладно? — скорчила я просительную рожицу.

— Так вот, разложили мы ореховые удилица. Ждем. Ну, какая рыба будет ловиться после десяти часов утра? Разве только вертлявая уклейка, да нахальный пескарь окунет поплавок, или прожорливый ерш, распушив веером плавники, потянет за леску. Лещ не шел, и мы убив пару часов стали собираться домой. Мимо проходил пьяненький мужичок и задешево продал нашему гостю рыбину килограмма на четыре. Я взглянула на нее, и у меня закололо, а потом сильно заняло сердце. Боль была необычная: будто сердце глубоко печалилось. Пришлось спешиться. Иду позади дяди. На рыбу смотреть не могу. Она угнетает меня. Я не смогла объяснить гостю свое состояние, только попросила:

— Гадкая рыба, бросьте ее, пожалуйста. У меня плохое предчувствие.

— Не говори глупостей. Не бывает предчувствий. Завела себя да еще на сердце жалуешься! Так мы к обеду опоздаем, — сердился дядя.

Дома матери не оказалось, и отец послал меня на кухню готовить ужин. Я возражала по поводу рыбы. Он настаивал. Как только я коснулась рыбы ножом, сердце мгновенно перестало болеть. Даже тяжести в груди не осталось.

Вдруг в правый глаз легонько кольнула рыба чешуйка. Я смахнула ее и продолжила работу. После ужина занялась шитьем. Но даже нитку в иголку не смогла вдеть: все расплывалось. Заволновалась. Подошла к зеркалу и ахнула: лицо как подушка.

Ночь не спала. Глаза чесались и болели. Утром еле дождалась приема у врача. Он сказал: «Получишь сто уколов за десять дней. Если не помогут, будем оперировать. Не волнуйся, глаз сохраним». Уколы помогли.

В разговор вступила сухонькая старушка, бывшая учительница.

— Я в Подмоскowie у дочки до войны жила. В своей жизни я обычно мыслю логично и действую большей частью рационально. И все же однажды совершила, казалось бы, совершенно абсурдный поступок. А произошло это так. Захожу как-то в магазин, а ноги сами собой ведут к детским коляскам. Почему-то обратила внимание на двухместную. Потом в течение нескольких месяцев стоило зайти в этот магазин, меня, как магнитом, тянуло к этой коляске. Такое положение дела раздражало меня. Я стала избегать посещения универсама. Но однажды мне все-таки пришлось пойти туда за покупками. Снова оказалась в том же отделе. Трижды уходила из магазина и тут же в него возвращалась. Стою около коляски и думаю: «Я же совершенно нормальный человек. Может, судьба подсказывает мне купить ее? На смех поднимут друзья, если узнают!» Но в этот момент мощный импульс решимости толкнул меня к кассе. Покупаю коляску. Отвожу на работу. Проходит полгода. Подбегает ко мне учитель истории и спрашивает помочь найти двухместную коляску очень хорошему человеку из другого города. У него двойня родилась! Я, естественно, продаю. А еще через год пришлось мне решать важную проблему. Ничего не получалось! Как-то поделилась своей заботой с историком. Неожиданно для меня, помог тот самый человек, которому я когда-то продала коляску. И теперь-то решение купить ее не кажется мне таким уж абсурдным. Случаются поступки, в которых мы невольны.

Заговорила женщина, которая, будучи в командировке в редакции нашей местной газеты, сломала ногу.

— На мою долю выпадало немало огорчений. Я привыкла переносить их стоически. С возрастом стала чувствовать, будто кто-то ведет меня по жизни: подсказывает, толкает на какие-то дела. Сначала я предполагала, что это интуиция. Но события случались столь своеобразные, что не укладывались в рамки обыденного понимания. Вот вам маленький пример. Около года я искала хорошего специалиста в интересующей меня области. Познакомилась с рядом людей, но каждый меня чем-то не устраивал. Совсем уж было отчаялась. В это время на улице я обратила внимание на одного молодого человека. Неоднократно, проходя мимо него, я ловила себя на мысли, что хочу

поговорить с ним о своих проблемах. Но мой комплекс не позволял этого сделать. Не могла же я сама подойти к незнакомому мужчине и навязать разговор о своих бедах? Как я объясню свое желание познакомиться с ним? После долгих поисков один товарищ пообещал свести меня с необходимым специалистом. И что же? Он привел меня к тому самому молодому человеку, непонятно почему заинтересовавшему меня! Как подобное можно объяснить?

— У вас все какие-то заумные примеры. А я расскажу житейский случай, — сказала женщина с печальным лицом. — Вернулась я однажды из отпуска. Муж в это время находился на работе. Вошла в дом, и у меня сразу возникло ощущение того, что без меня здесь жила чужая женщина. Это чувство преследовало меня ежеминутно, я никак не могла от него избавиться. Рассказала мужу. Он, конечно, только посмеялся. Впрочем, как бы то ни было, постепенно неприятные чувства улеглись, и я забыла об этой странной истории. Она будто начисто пропала из памяти.

Но как-то пришли к нам гости. Я вытащила из шкафа праздничный халат и опять почувствовала, что его надевала чужая женщина. Застегивая пуговицу, обнаружила на ней красно-синюю шерстяную нитку. Такой в нашем доме никогда не было. Когда проводила гостей, предъявила мужу «доказательство». Он сознался, что в командировку на наш маслозавод приезжали две его бывшие однокурсницы по техникуму. Он жил у мамы, а они хозяйничали в нашем доме. А мне не сказал, чтобы лишний раз не волновать.

Я поверила. Только после этого случая со мной стало происходить непонятное. Если муж уезжал в командировку, у меня начинали гореть уши, а с наступлением ночи спазмы сжимали горло и мучила тяжесть в груди. Часам к двум ночи болезнь проходила без лекарств. Я любила мужа и не подозревала о существовании соперницы. У нас была счастливая семья, о какой только можно мечтать. У него был только один недостаток — тщеславие. Не мог устоять перед лестью. Когда хвалили, всегда пыжился от удовольствия, пускался в пространные пустые разглагольствования. В такие минуты мои предостережения не действовали на него. Он злился на меня и позволял недобросовестным людям обводить себя вокруг пальца.

Как-то рассказала о странных ночных ощущениях маме. Она успокоила меня. А позже, когда мы с мужем развелись, созналась, что по моим предчувствиям обо всем догадалась, но ничего не сказала, так как считала, что если муж заботливый, то, не зная об изменах, я проживу счастливо. Теперь вот в плоть и кровь въелись обида и неверие. Тоска грызет, все вкривь и вкось идет.

К моему огорчению, из-за своей доверчивости я оказалась совершенно беспомощной перед ложью, врасплох она захватила, поздно поняла, что дурачил муж меня, всего-навсего инсценировал любовь. Так-то оно так, и у вас может создаться впечатление, будто только благодаря своему бывшему мужу я поняла, что жизнь — не игра в крестики-нолики. Нет, конечно. В остальном я очень практичная женщина. Моя искренняя любовь сделала меня слепой. Теперь я вижу в этом случае злой неотвратимый рок. Судьбу. Почему, собственно говоря, так не считать? Я пришла к этому заключению совершенно естественно, без чьего-либо нажима.

Улыбчивой голубоглазой молодой женщине не терпелось поведать свою историю:

— Была я в положении. Чувствовала себя из-за токсикоза очень плохо. И появилось у меня непреодолимое желание поесть селедки. Но в то время в магазин ее не завезли. Три недели страдала: ложилась и просыпалась со своим «капризом». Какую только соленую рыбу ни покупал для меня муж, — ничего не принимала душа! Мысль о селедке становилась настолько навязчивой, что я ни о чем больше не могла думать. И вот в ночь с пятницы на субботу, как сейчас помню, приснился мне сон, что утром я должна с мужем пойти в магазин купить конфет, а потом обменять их на селедку. Чей-то голос строго сказал при этом: «Поверь и обязательно сходи. Завтрашний день сулит тебе немало радости».

Утром я разбудила мужа пораньше и рассказала свой сон. Он посмеялся и посоветовал

сходить одной. Я горячо упрашивала супруга выполнить все, как было во сне. Видя, что от волнения я готова разреветься, он уступил. Обошли весь магазин. Селедка, конечно, за ночь на прилавках не появилась. Муж пошел покупать свои любимые конфеты, а я опять заметалась по магазину. Вдруг вижу у отдела, где продается водка, троих не совсем трезвых, громко спорящих мужчин и почувствовала томительно-желанный запах. Я задрожала, слюна хлынула. Упросил-таки муж продать одну рыбку для больной жены. Съела я тут же кусочек селедки, и мне сразу стало легко-легко, будто и не было мучительных недель. Вы же понимаете, если чего-то страстно желаешь, неотступно думаешь о нем, то когда все же получаешь — это такое счастье!

— Можно мне рассказать? — попросила худенькая белокурая девушка.

— Конечно, — ответил внимательный доктор.

— Приехал к моему жениху отец. Евгений разговаривал с ним резко. Я впервые видела своего друга таким и чувствовала себя неловко. Мне было жалко доброго, усталого человека, что-то теплое возникло к нему в моем сердце. В тот день он сказал сыну: «Не слушай наших женщин, женись». Потом мы провожали его на вокзал. Евгений с отцом шел впереди, а я сзади в нескольких шагах, чтобы не мешать их беседе. Вдруг страшная мысль пронзила мой мозг: «Он скоро умрет. Через год». И по спине прошла судорога. Мне показалось, что жуткие слова внедрились в голову откуда-то извне. Я вздрогнула и остановилась. Смятение охватило меня. Я закрыла лицо руками и забормотала: «Что за наваждение? Господи, отведи беду от хорошего человека». Пока опомнилась, Женя с отцом были далеко. Пришлось догонять. У меня не хватило духу рассказать Евгению о предчувствии. А через год на заводе, где работал мой свекор, произошел несчастный случай. Наверное, я полюбила этого человека, как родного отца, и между нами образовалась какая-то неведомая связь. Я некоторым образом почувствовала его беду, — вздохнула молодая женщина.

— Случаев предчувствий в жизни взрослых я знаю много. Может, ты еще что-нибудь вспомнишь? — попросил меня доктор.

— Пожалуйста, — обрадовалась я. — Прошлой зимой я заболела гриппом и чуть было не умерла. А после этого будто чувствительнее стала. Первый раз заметила за собой странное, когда смотрела фильм на станции о толстом дядьке, который не верил, что жена его любит, и очень переживал. Сажу я в кинотеатре и вроде бы слышу, как сосед сопит и говорит: «И меня такие же мучения ожидают». Я удивилась такой откровенности и оглянулась. Рядом со мной сидел очень полный молодой человек и с волнением смотрел на экран. Я не свожу с него глаз и опять чувствую, как он говорит: «Неужели она меня тоже обманывает?» Он, конечно, молчал, не вслух говорил, а мысленно. Потом на вокзале подобное повторилось с нашей родственницей. Я поняла, что не в командировку, а к другой женщине едет ее муж.

Еще я иногда чувствую очень плохих людей. Есть у нас родственник. Руки у него золотые. Мебель делает лучше той, что в городе продают. Резную. Так вот, решил он купить доски у мужика из соседнего села и приданое дочке сделать. Увидела я продавца, и меня как затрясет, даже истерика началась. Отвела я родственника в сторону и говорю: «Плохой он человек, очень плохой. Ради Бога, откажитесь от затеи». Не послушал он меня. А через пару недель следователь тут как тут. Явился — не запылится. «Краденые, — говорит, — у вас доски». Родственник ему в ответ: «Чем докажете?» Милиционер смеется: «А чем докажешь, что не краденые? Документов никаких нет, значит, могу, что угодно сказать. Да еще в институт к сыну напишу, что отец — вор. Выгонят его». Испугался мастер за сына. Всю мебель выгреб следователь, пустые стены в хате оставил. Облупил его как пасхальное яичко. Родственник потом горько шутил: «Хороший человек, Николай Иванович, мог бы на меня все преступления года повесить». А мне так и не поверил, что я беду предвидела, даже смеялся надо мной. Только бабушка меня защитила. Сказала: «Если с вами подобное не происходит, это совсем не значит, что такого нет в природе».

Чаще всего я предчувствую беду людей, которых люблю или очень уважаю. Навязался к нашему двоюродному племяннику в друзья один молодой человек. Вежливый такой, спокойный. Я как только голос его первый раз услышала, так заколотилась в страхе. А когда увидела его, совсем мне плохо сделалось: в голове колики пошли, ноги подкосились. Положили меня на кровать, а я шепчу: «Не принимайте у себя Максима, иначе быть беде в вашем доме». Сначала они не послушали меня, а когда начались

неприятности, поверили. Жестким, хитрым бандитом оказался тот человек.

Еще случай вспомнила! Этим летом сидим мы в клубе с тетей Ниной, кинофильм смотрим. Вдруг во мне буря эмоций поднялась, задыхаться стала. Шепчу тете: «Где ваш муж и дочка сейчас?»

— Муж спит, дочь ушла вдоль речки с приезжим молодым человеком погулять. Сегодня познакомилась, — отвечает та.

— Спасать ее надо! Плохо ей сейчас! — испуганно говорю я.

Сначала она поглядела на меня с величайшим сомнением, потом вместе побежали. Мчимся по берегу, кричим. Вскоре узнали, что сорвали попытку изнасилования. Испугался, гад, убежал! Думал воспользоваться наивностью и беззащитностью деревенской девочки.

Я уже в третьем классе заметила, что моя первая мысль, как правило, оказывается верной. Когда я начинаю сомневаться, не слушаться своего внутреннего голоса, то все у меня идет наперекосяк. Но я редко себе доверяю. Считаю, что взрослые умнее и опытнее.

А еще иногда люди разговаривают с кем-либо, а представляют, что сами с собой беседуют. Только нет в этом ничего сверхъестественного, как думают некоторые. Сидела я с одним парнем около магазина, ожидала, когда товар разгрузят. Так он мне такое рассказал, что у меня волосы дыбом поднялись. Потом он будто очнулся, понял, что вслух мыслил, и испугался. «Ты, — говорит, — на меня так подействовала, что я лишнего наболтал». Я ему: «Тебе давно хотелось кому-нибудь довериться, а я случайно рядом оказалась. Не бойся. Я — могила». Я его понимала. Со мною такое иногда случалось от одиночества. И я тоже не сразу замечала, что мысли озвучиваю. Потом это прошло, когда я стала больше общаться с детьми и проще смотреть на жизнь.

А один раз пришло в мою семью письмо из города с каким-то приглашением. Гляжу я на этот конверт, и кажется мне, будто черная туча надвигается на комнату. Потемнело все вокруг. Положила я руку на письмо, и мое настроение сразу испортилось. Тяжесть в груди почувствовала. Плечи будто мешок с зерном к земле прижимает. Плохо мне, а почему — не пойму. Говорю родителям: «Или вам не надо ехать в город, или человека, написавшего это письмо, ждет что-то очень плохое». Не поехали родители в город. А позже узнали, что сняли их знакомого с очень высокой должности.

И по мелочам со мной постоянно фокусы случаются. Вот иду я и вдруг думаю, что сейчас встречу Ивана Ивановича. Проходит минут пять, — и он меня окликает. Или собираюсь на станцию, а мысль мелькает: «Напрасно иду». Но мать заставляет. Потом оказывается, что я была права.

— В этих примерах нет ничего особенного. Это объяснимо. Ты просто запоминаешь, когда бываешь права, и не помнишь, если ошибалась, — возразил доктор.

— Ну, вот и вы не верите! Хотя здесь вы, наверное, правы. А как вы вот этот случай оцените? Весной это произошло. Помню: день тот с утра не заладился. Отчего-то возникла мысль, что сегодня упаду и сильно расшибусь. Ну, думаю, глупость какая-то в голову лезет. Правда, некоторое время неприятный осадок в душе оставался, и на первых порах я ходила осторожно. Потом в суете забыла об этом. А вечером помчалась во весь опор за теленком, оступилась, потом запнулась о камень и прежде чем успела опомниться, со всего маху рухнула на землю и рассекла бровь и щеку. Голова гудит, колени горят. Все лицо в крови. Глупейшим образом все произошло, не по-людски. Каждый день там пробегала, и ничего, без последствий!.. В общем, на негнущихся ногах с дурацкой улыбкой на губах заявилась домой. Не удалось прошмыгнуть незамеченной. Начались стенания, замечания. Мать успела высказать мне немало разнобразных прописных истин: околачиваюсь, где не надо, того и гляди, крышу сворочу, вечно путаюсь под ногами, следует помнить, если снова угораздит... Ну и все в таком же духе. Бабушку перепугала. Я глазами преданной раненой собаки гляжу на нее и успокаиваю: «Не больно. Все на мази!» ...От отца мужественно восприняла очередную колкость о новом способе передвижения на бровях, о моем «накоротке со смертью», об отсутствии дистанции между мной и запредельным миром. Проехался он еще насчет того, что проклевывается у меня новый талант по «расшибанию» собственной головы. Пришлось

потерпеть. Ни к чему мне в такой ситуации горячность. Наверное, в нем сострадания не хватает для меня и поэтому он всегда пользуется бесспорным неотъемлемым, с его точки зрения, правом измываться на до мной. (Я, правда, об этом вслух не стала говорить. Только подумала.) ...В общем, весь наш дом — кверху дном! Брат йод, бинты ищет. Согласилась на «экзекуцию» с большой неохотой, только чтобы бабушку успокоить. Не успела глазом моргнуть, она меня привела в порядок, не осуждая, не ругая... Вот он, глубокий след в виде дуги около глаза. И все почему? Не послушалась внутреннего голоса. Ведь могла бы избежать неприятности! — горячо отстаивала я свою позицию.

— Все это так, и если правда, что ты рассказала, то это очень интересно.

— Обижаете. Не имею привычки врать, — сухо, но весьма не любезно отреагировала я на слова доктора и отвернулась.

— Не сердись, присказка у меня такая: «если это правда». Верю тебе. Мой отец благодаря предчувствию живым остался в войну. Он партизанил в наших лесах. Однажды почувствовал, что не надо ему в село идти. Сердце странно заныло, словно предупреждало о беде... И я перед поступлением в медицинский институт дважды видел один и тот же сон, в подробностях представивший мою жизнь на ближайшие десять лет. Все взлеты и падения, и лицо моей, тогда еще не знакомой, жены... Но не у всех, только у некоторых очень чувствительных людей возникает способность улавливать импульсы внешней угрозы, чувствовать подсказки судьбы. У них во внутренних зеркалах души отражается иное, неведомое нам. Я исключаю присутствие таинственных сил. Это не чудо или что-то сверхъестественное, а обыденное свойство их психики, особая работа мозга, непознанная и поэтому противоречивая, не укладывающаяся в рамки уже известного, привычного. Многие сочтут ваши рассказы за фантазию или ложь, потому что мистический страх перед таинственным, ускользающим из-под власти разума часто порождает всевозможные легенды и небылицы.

Но я не могу отречься от того, что чувствую. Конечно, я материалист, но это только одна грань моих воззрений, моего бытия. А сколько их еще, мною не осознаваемых? Человек, возможно, непознаваем как мир, вернее очень, очень медленно познаваем...

Заострять внимание на подобных историях не стоит, но прислушиваться к своему организму надо, — сказал доктор задумчиво и благодарно коснулся моего лба жесткой щетиной своей щеки.

Вошла медсестра и подала мне документы на выписку. Я попрощалась со всеми и помчалась домой.

НА УРОКЕ У ДРУГА

У матери еще два урока, и я заглянула в детдом к Леше Воржеву. Его учительница литературы увидела меня, похлопала по плечу и сказала:

— Я тебя знаю. Ты дочка Клары Ильиничны. Русский сейчас у Алеши. Хочешь посидеть на уроке?

Я удивилась предложению, но сразу согласилась. Очень уж хвалил Леша Лидию Ивановну!

Зашли в класс. Я села на заднюю парту. Дежурная девочка заканчивала мыть пол шваброй.

— Зоя, тебя не затруднит найти мои очки на столе, — обратилась к ней учительница.

— Вот они. Возьмите, пожалуйста.

— Спасибо. Я бы тебя не побеспокоила, но не вижу их среди бумаг. Оправа светлая.

Девочка вышла. Я удивленно посмотрела на учительницу:

— Вы очень вежливо разговаривали с ней.

— Как мы с ними, так и они с нами. Ребенка надо уважать даже больше, чем взрослого,
— объяснила Лидия Ивановна.

Прозвенел звонок. Шумной гурьбой ворвались в класс дети, но, увидев учительницу, тихо разошлись по местам.

— В начале урока пару минут для настроения. Ребята, подойдите, пожалуйста, к окну. Видите, какое сегодня небо? — спросила учительница.

— Облака как горы снега в парке.

— А солнце как зеркало.

— Снег сказочный. Искрится. Смеется. Радует.

— Он дарит нам радость зимой, а то ведь зеленого наряда нет.

— Ветра нет. Веточки не качаются. Застыли в ожидании.

— На ветках елок красивый снежный узор. Они как из волшебного царства!

— А на столбиках ограды — шапки пушистые, — все это говорили школьники.

Они наперебой торопились красиво сказать об увиденном в парке. Глаза светились, на лицах восторг.

— Ребята, люблю Сент-Экзюпери! Помните его слова: «Не привыкайте к чудесам! Дивитесь им, дивитесь!» Не привыкайте к красоте, замечайте ее, впускайте в свои души. Все. По местам! — весело командует Лидия Ивановна. — Сегодня будем изучать омонимы. Когда я произношу слово «лук», что вы видите перед глазами?

— Зеленый лук на грядке.

— Головку фиолетового лука. Моя бабушка его выращивала, когда я была маленькой. Она говорила, что этот лук самый вкусный.

— Лук со стрелами, — вдруг выпалил мальчик с первой парты.

Он ерзал от нетерпения и всевозможными движениями изображал умение стрелять из лука. Учительница не поругала его, а, наоборот, приветливо и одобрительно улыбнулась и направилась к ребятам на задней парте. Они шушукались, обсуждая тему: «Противный вареный лук в супе».

— Предложи мне, пожалуйста, новое слово, имеющее разные смысловые значения, — попросила Лидия Ивановна у одного из них.

— Батарея, — неуверенно сказал мальчик.

— Молодец! — воскликнула Лидия Ивановна.

Ребята весело занялись разбором интересного слова. «А мы на русском все пишем да пишем упражнения из учебника», — подумала я.

Пока ребята обсуждали тему, учительница успела поставить много отметок. Некоторым по две и по три: за сообразительность, за быстроту мышления, за оригинальный, точный и веселый ответ. Потом все писали сочинение-миниатюру на тему: «Описание животного». В конце урока Лидия Ивановна прочитала одно вслух.

«Мой папа любит животных. У него было две лошади. Мы с папой ухаживали за ними. У одной был длинный нос, и она любила встряхивать черной гривой и прижиматься ко мне теплым боком. Глаза у нее добрые, покорные. Когда я подходил к ней, она мягкими длинными губами брала из моих рук свежую траву. Мы с папой часто ездили в ночное».

В классе стояла задумчивая тишина. Я знала, что у мальчика нет родителей, и понимала, что о чем бы он ни писал, для него главное — «мы с папой». Сердце сжалось — мне это до боли знакомо.

— Очень приятно, что сегодня в тридцати словах у тебя только пятнадцать ошибок. Помнишь, в прошлом сочинении ты сделал шестьдесят. А у тебя, Галя, сегодня только пять ошибок. Молодец! К седьмому классу вы все будете писать грамотно, — ободряюще сказала учительница.

Прозвенел звонок с урока. Ребята загремели партами.

— Я разве позволяла покинуть класс? Вот теперь можно, — улыбнулась Лидия Ивановна.

— Галь, дай линейку! — через весь класс кричит знакомый мне мальчик.

— Вадик, а если ты так скажешь: «Галя, тебя не затруднит подать мне линейку?» Или иначе: «Не можешь ли ты дать мне линейку?» Или совсем просто обратиться к девочке, вспомнив так необходимое всем нам слово «пожалуйста». Это не словесное «барокко», а элементарная культура речи, — мягко пояснила Лидия Ивановна.

Пока Леша бегал в раздевалку за одеждой, я спросила учительницу:

— Вам приходилось всем ставить за сочинения двойки?

— Нет. Когда проверяю работы, я представляю мир ученика, смотрю на жизнь его глазами, даже читаю текст его голосом и темпом. Я знаю, где и почему он ошибается. Домашние дети более самоуверенны, и учителя часто воспринимают как ментора.

Детдомовских детей надо глубоко чувствовать. Они скорее откликаются на понимание, больше ценят добро. Их мир ограничен детдомом, поэтому им в большей степени важен контакт с учителем. Ты слышала, как Дима на уроке сказал: «Ма! А у вас сегодня такая же кофта, какая была у нашей любимой дошкольной воспитательницы». Он так вдохновенно перенесся в теплый мир дошкольного детства, что не заметил даже, что назвал меня мамой. Такое часто случается, особенно когда им хорошо.

Детская душа помнит, оценивает, проводит параллели. Мир детей в таких учреждениях должен быть единым и взаимопроникающим с миром учителя. Не с любым классом сразу все получается. Если аккорд настроения выбран удачно, хорошо прозвучал, то и три урока пролетят незаметно. Не со всяким учеником можно быстро найти контакт. Некоторым нужен восторг и в быту и в учебе. У нас это называется «впадать в прелесть». Я слежу, чтобы у них не появилась гордыня, чтобы ученики не переходили грань самооценки. Самолюбование опасно. Самоуважение у них надо развивать. В основном у этих детей заниженная самооценка. Я откровенно говорю с детьми о сложностях их характеров.

Откликаются ребятки на все хорошее, есть в них желание познавать, но багаж знаний маленький. Я часто напоминаю им, что здесь вы одна семья. Главное для вас — откровенность, честность, уважение. У всех людей трудностей в жизни хватает. Ваши — там остались. Здесь вам лучше. Очень многое зависит от вас самих. Они верят мне.

— А как вы думаете, из них отцы и матери настоящие получатся?

— Получатся, если их поймут. Они не избалованы вниманием. Ценят хорошее. Недавно зашел на урок мой бывший выпускник и говорит ребятишкам: «Слушайте Лидию Ивановну и всех учителей. В училище с вами так нянчиться не будут».

Леша уже оделся и стоял в стороне. Он не хотел мешать нашему разговору. Лидия Ивановна увидела его и сказала мне:

— До свидания. Ты все поняла из нашего разговора?

Я кивнула.

— Понравилась тебе наша Лидия Ивановна? — спросил Леша настороженно, как только мы закрыли дверь кабинета.

— Мне бы такую учительницу русского языка. Легко урок ведет, умные, интересные вопросы задает. Я не люблю правила по русскому зубрить, а после ее урока вышла радостная, оттого что новую тему про омонимы-антонимы узнала. Будто не правило учила, а задачку решала с моей любимой учительницей математики! — ответила я

возбужденно.

К нам подбежала Катя.

— Ой! Что это у тебя? — спросила она меня.

— Бинокль настоящий. Военный, морской. Я Леше принесла.

— Насовсем?

— Нет, на неделю брат дал. Только гвозди им не забивайте, — пошутила я.

— Знаем. Стекла нельзя руками трогать.

— Катя, а тебе я книжку принесла. Пойдет?

— Конечно. Я когда рассержусь, только чтением успокаиваюсь.

— Леша, а ты чем? — спросила я тихо.

— Сижу один, сожмусь и терплю.

— Ты сильный! — похвалила я друга.

— Стараюсь. У меня троек уже нет. В военное училище хочу поступать.

Я обратила внимание на то, что ни Леша, ни Катя, как и я, не умеют бурно выражать радость. Внутри ее держат.

И все же она есть в них благодаря стараниям Лидии Ивановны!

ДУША УЧИТСЯ ЖИТЬ

Иду мимо детского дома.

— Здравствуйте! — еще издали приветливо кричу я Лидии Ивановне. — Какие еще интересные сочинения написали ваши ученики?

Она тут же откликнулась:

— Вчера я задала ребятам вопрос: «Чем отличается молодой человек от старого?» Получила много неожиданных ответов типа: «Мама красит губы, а бабушка — нет». «У папы есть деньги, а у дедушки — нет».

А недавно меня потрясло сочинение про скворечник одного пятиклассника. Учится плохо. И вдруг — такое! Пишет: «Два друга делали скворечник. На улице было холодно. Дул сильный ветер. Один мальчик заболел гриппом и умер. Но его душа всегда останется с птицами». Очень поразил. Наконец раскрылся, как первая весенняя фиалка. Понимаешь: крик детского горя должен быть услышан и понят. Только тогда ребенку можно помочь. Если есть время, заходи, почитай сочинения Лады. Художественная натура.

Открываю первую страницу. «Море — это колыбель, которая ласково баюкает наши мечты. Я думаю, что люди, живущие на берегах рек и морей, добрее и счастливее... Лежу у моря. Закат нежно колеблется. Небо заливается кровавым цветом. Мутные облака полосами закрывают вечернее солнце. Потухают золотые краски дня. Песни вожатого кажутся мне одной мелодией. Тонкий писк комара проникает в мои мысли и разрушает светлые мечты».

«Рассвет — глоток утренней зари, подарок природы. Ослепительно сверкают золотые струи «слепого дождя». Девушка на берегу подняла руки и будто летит. Она их для настроения приподняла. Дождь закончился. Улыбается солнце в лужах. Я сижу на берегу и слышу, о чем говорит тополь с ветром и почему плачут березы. Спящие — проснитесь, зрячие — увидите, сильные — защитите самую дорогую в мире ценность — природу! Ей не хватает нежной, заботливой любви человека...»

— Ну, как? — спросила учительница заинтересованно.

— Лада в чем-то похожа на меня.

— Вся в чувства уходит. Посмотри, какие слова употребляет! «Туман зашторил горизонт»; «радужное настроение»; «золотая проседь берез»; «душа упивается земной благодатью, в тишине ее пристанище»; «вот так метаморфоза! впечатляет!» А вот практицизма пока нет в ней. Жалко вторгаться в ее душу, но к реальной жизни все равно надо готовить. Только осторожно, а то рожки сразу выставит. Важно не считать детей глупее и грубее, чем они есть на самом деле.

— Знаешь, я была совсем молодым педагогом, когда увидела, как один воспитатель стегал лозинкой мальчика лет тринадцати. Получив, я думаю, заслуженное наказание, мальчик вдруг повернулся и сказал тихо, с укором: «А вы попробуйте не бить, по-человечески объясните. Может, лучше получится?» Бить всякий сможет. Кто бы понял... — вздохнула Лидия Ивановна.

— Вчера видела, как Бориска хамил воспитательнице... — начала рассказывать я.

— Не ей он грубил, а своей неудачной судьбе. Он вымещал на воспитателе свою обиду, — объяснила Лидия Ивановна. — Внешнее поведение детей — это их реакция на окружающих в зависимости от внутреннего стержня каждого. Борю чуть-чуть задела, а он ответил в десять раз злее. И совсем не потому, что жестокий. Протест свой выражал. Видно, долго копилась в нем отрицательные эмоции. Малейший толчок раздражения — и они выплеснулись. Детдомовский ребенок — постоянно натянутая струна. Эти дети как цветы в заброшенном саду. Их топчут, мало оберегают, не всегда понимают... Да если еще по нежной душе ножом... Плоть срастается, а раны души — нет.

— Вы об их живых родителях?

— О них, — вздохнула учительница.

Мы немного помолчали.

— Ты знаешь, — вдруг улыбнулась Лидия Ивановна, — я добилась у директора разрешения, чтобы педагоги тумбочки у детей не проверяли.

— Почему?

— Для сохранения личности. У любого ребенка должен быть свой уголок, свое местечко, где он отдыхает душой и чувствует себя совершенным. У него должна быть своя, особенная, понятная только ему игрушка, свой маленький секрет, свое заколдованное царство, в которое только он сам может впустить взрослых. Ребенок понимает, что он не совершенен, тем более, что мы об этом часто напоминаем, поэтому иногда надо отводить ему время и место, где он может чувствовать себя значимым. Допустим, пусть громко включает радио и слушает то, что ему нравится, пусть танцует, вскидывая ноги выше головы. Ребенок обязательно должен реализовываться. Участвовать в праздниках, шить, мастерить. Не соревноваться, не утверждаться, а реализовываться, поняла?

Каждый ребенок может найти себе дело, в котором он будет чувствовать себя комфортно. Мы должны учитывать интересы детей. А самоутверждение — только лишний повод для драк. Важно научить ребят трудиться с радостью. Кого можно воспитать на запретах, при отсутствии ласки, да еще с «этикеткой» — дебил?

Я некоторое время работала в райкоме. Детским сектором заведовала. Запомнился мне двухлетний мальчик в доме ребенка. Абсолютно неконтактный. Взрослых увидит, — спрячется под шкаф и плачет. Будто щенок. Удалось мне его выманить, на колени посадить. И вдруг он прижался ко мне! Сердце кровью облилось. Два года я его мать искала. Нашла. Она мучилась без сына и в то же время не решалась забрать его. Потом благодарила. Вы, говорит, послужили толчком, я поверила в свои силы. Малыш за короткое время изменился, развиваться стал.

Мои родители были очень строгими. Бывало плачу, а они не берут на руки, ласкового слова не скажут. Я, будучи взрослой, сказала об этом маме, так она теперь с моей дочкой другая. Всю свою нерастраченную любовь ей отдает. У детдомовских детей развитие тормозится из-за отсутствия ласки. Они как цветы: без солнца плохо растут.

Много ли богатства в детстве у нашего поколения было? А любовь была!

И взрослый вянет без любви. Мой знакомый как-то поделился: «Как похвалят меня, — я расцветаю. И тогда все у меня ладится, кажется, горы могу свернуть». Я считаю, что если в жизни у человека не было любви, значит, не жил он, а существовал. Один мальчик из моего девятого класса написал в сочинении: «Счастье — это когда тебе кажется, что тебя любят и ты всех любишь». Чувствуешь разницу? — спросила Лидия Ивановна и внимательно посмотрела на меня.

— Чувствую, — ответила я уверенно. — Сразу видно, что это слова детдомовца.

Учительница улынулась.

— Представляешь, что пятиклассница мне недавно сказала на перемене?! «Вам трудно живется, потому что вы правильная». Все ребятишки видят, все подмечают! Не надо бояться, что дети не поймут нас. Я разговариваю с ними как с взрослыми. Если сразу не осмыслят мои слова, все равно они где-то в подкорке отложатся и потом осознаются ими. Не с криком, с добром, с любовью к ним надо, тогда они легче воспримут любую информацию.

Я постоянно вызываю детей на разговор. «Думайте, отвечайте, — настаиваю я. — Чтобы состоялся диалог, необходима обратная связь. Она всем нам нужна».

— Не слишком ли взрослым языком вы с ними разговариваете? — удивилась я.

— Раз мы хотим растить детей умными, то и беседы должны вести с ними на должном уровне. Вспомни себя в 9-10 лет. Разве тебе нравились примитивные, простенькие речи?

— Я радовалась добрым людям, а восхищалась умными и эрудированными. Зачарованно смотрела на них и во все уши слушала! — воскликнула я.

— Вот и мой внучек такой же. Каждое слово ловит. Зачем же обеднять итак обездоленных ребятишек?

— А вы знаете, почему дети часто молчат? — спросила я учительницу и тут же ответила сама: «Потому что не доверяют взрослым. Их обижает ложь, пренебрежение. Не всякий взрослый может преодолеть себя и сознаться, что был не прав».

— А ты взрослых быстро прощаешь?

— Я быстро обижаюсь и быстро прощаю, когда понимаю причину. И если виновата, сразу сознаюсь. Бабушка говорит, что у меня легкий характер. Одно плохо: я грустный человек и невольно всюду замечаю плохое, поэтому считаю жизнь невеселой. Бабушка шутит надо мной: «Когда человек лежит в больнице, ему кажется, что все люди на земле больные». А на бабушку я вообще никогда не обижаюсь.

— Детдомовские дети видят жизнь через призму своих бед, как через черное стекло. Они часто тонут в своих обидах и в жалости к себе. Я учу их меньше ныть, меньше копать в себе, объясняю, что никто веселить их не будет. Приучаю участвовать во всех мероприятиях и самим делать свою жизнь интересной.

— Без вас, наверное, в детдоме ни одного хорошего дела не происходит?! — воскликнула я.

— Ну что ты! Я больше о душе детей радею, об умственном и культурном развитии. Всего мне не охватить. В хорошем коллективе педагогов — наша сила. Один раз меня пригласили работать в очень престижную школу. И двух недель не выдержала. Вернулась к своим детям. Невыносимо чувствовать, что не полностью отдаешь себя. Здесь, в детдоме моя душа. Здесь я нужнее.

Одно меня беспокоит: мало дети читают. Они не достигли того возраста, чтобы понять, что при этом теряют. А если не будут читать, то никогда не поймут и не смогут самосовершенствоваться. А значит, будут деградировать. Важно пробудить в ребенке хорошее, а потом оно разовьется, — объяснила учительница.

— Это уж точно! — подтвердила я мысль учительницы. — В первом классе на уроке

пения во мне проснулась любовь к музыке. И теперь я с удовольствием слушаю настоящую музыку, а не ля-ля.

— Ученика своего вспомнила, Колю, — вдруг как-то особенно мягко сказала Лидия Ивановна. — И школа, и природа заложили в нем много хорошего. Вышел из интерната. Жизнь придавила своей реальностью. Сначала курить, потом пить начал. Первое воровство. Тюрьма. Обычная цепочка. Но ведь сумел пробить головой коросту, разломал корку! А началось мучительное «выползание» из грязи оттого, что читать любил. Как-то попала ему в руки религиозная книжка философского содержания. Задумался он, о своей жизни размышлять стал. Твердо решил завязать с водкой. Ох, как трудно ему было отрываться от прежних «прелестей»! Книги помогли. Увидел в них другой мир: чистый, благородный. И преобразился! Даже внешне Коля стал лучше.

Потом с женой повезло. Понимает его. Ох, и досталось ей от родителей: «Судимого, алкоголика в дом привела!» Дружки его по тюрьме до сих пор заходят. Спрашиваю у жены Вали: «Не боишься, что свернет с дороги?» «Нет, — говорит, — верю ему». Двое детей у них теперь. Смотрю — захаживать стал к нему один из «бывших». Весь в татуировке. Глянуть страшно. Немного пожил у них, потом Коля его в монастырь отправил. Целых три дня там его друг выдержал. Месяца через два опять Коля его туда повез. Уже неделю там живет. Приобщается. Надеюсь, Николай вернет его к нормальной жизни. Не зря говорят: «Книга — твой лучший друг и советчик».

— А почему детдомовцам труднее выходить во взрослую жизнь? — озабоченно спросила я.

— Стойкость у брошенных детей не вырабатывается. Отсутствует воля к жизни, ответственность за свое поведение.

— Отчего так? — озадаченно и взволнованно произнесла я.

— В их жизни нет места сказке. Только фантазии в голове и те подчас пустые. Безднаказанность взрослых делает их безразличными к жизни. Чувствуют себя несправедливо обиженными. У них обостренное восприятие действительности. Но, вместо того чтобы бороться, добиваться намеченной цели, стонут, считают, что все им обязаны. Мешают глупые, вредные ранние связи девочек с мужчинами. Не всех удается уберечь. Желание новых, взрослых ощущений плохо влияет на умственные способности, вызывает нарушение психики и, как следствие, ведет к неудачной жизни, — таков был исчерпывающий ответ педагога.

Еще у меня есть интересный ученик. Гена из пятого «А». Умница, но нервы слабые. Сам понимает, что владеть собой не может. Успокоительные таблетки пьет старательно. Врач выписала, — раздумчиво начала рассказ Лидия Ивановна.

— Зачем таблетки! — заволновалась я. — Они подавляют ребенка и мозги притупляют. Знаете, какая я нервная была? Истерики часто нападали. Бабушка меня вылечила. Чуть я начинаю заводиться, она меня ласково так просит водички ведер сорок на огород отнести или торфу, угля, дров наколоть.

Я заметила: чем больше «разойдусь», тем больше надо работать, чтобы успокоиться. Только к шестому классу поняла, что бабушка таким образом из меня человека делала. Благодарна я ей, как никому другому. Не представляю, как вы без постоянной физической работы детдомовцев воспитываете? Им бы в колхозе работать с нами. Они же эгоистами у вас растут.

Конечно, хотелось бы, чтобы работа была интересной. Но я понимаю, что в деревне такую пока найти невозможно. Радостей у ваших ребят мало, зато есть много времени скучить. Они только себя жалеют. А мне и брата жаль, и мать. Я когда о них думаю, то про себя забываю. Бабушку особенно люблю. Я все бы отдала, чтобы она выздоровела. Вот мой друг, Леша Воржев, тоже заводной. Его постоянно ругают. А проще и полезней дать ему возможность поработать в полную силу, — решительно и напористо высказала я свое мнение.

— Леша серьезный мальчик. Он сумеет справиться со своим характером, — успокоила меня учительница.

— Мне кажется, что ваши ученики больше задумываются над жизнью, хотя мало в ней понимают. У моих одноклассников куда более легкое отношение к происходящему вокруг, — предположила я.

— Естественно! Когда у ребенка в семье все хорошо, он живет счастливой детской жизнью. Его мало волнуют взрослые проблемы. А мои ученики часто не находят выхода из тоски и обид. Мы стараемся им помочь. Но это такой тонкий, кропотливый и не всегда благодарный труд! Представляешь, привозят к нам ребенка лет десяти, познавшего все темные стороны жизни, а нам надо сделать из него лучезарного оптимиста, преданного товарища, честного труженика и просто доброго человека! — тяжело вздохнула Лидия Ивановна. — Очень важно чаще разговаривать с детьми, как со взрослыми, но доверительно. Надо приучать подростков размышлять, анализировать, думать о будущем, о своем месте в жизни, о путях достижения намеченной цели.

— Понимаю ваши проблемы. А можно вас о личном спросить?

— Любопытно как! О чем же? — оживилась учительница.

— Правда, что вы с парашютом прыгаете?

— Ах, вот ты о чем? Правда. Когда с молодых ногтей всего себя отдаешь работе, к старости устаешь, выхолащиваешься. Для учителя на работе не время проходит, а жизнь. Не годами, здоровьем учитель воспитывает детей. Поэтому иногда уединения хочется, а иногда вот такого, особенного. Душе свобода требуется, пространство, свежий ветер, встряска, обновление. Работу свою люблю, но она ежедневна. После прыжка чувствую, будто заново родилась. Сил прибавляется, застоя в крови нет. Вновь появляется желание работать ярко.

— Лидия Ивановна, а восьмилетнего «форточника», о котором писали в местной газете, можно спасти?

— Ой, как трудно! Первая беда состоит в том, что на его пути встретился хитрый вор. Тот догадался, что у ребенка нет возможности поплакать на плече у взрослого, способного защитить его от отчима, когда услышал, как мальчик рассказывал свои обиды придуманному, фантастическому другу. Он понял, что ребенок мечтает о сильном, добром человеке. И теперь за любовь этого жестокого корыстного человека мальчик готов на все, даже свою отдать жизнь. Он верит каждому его слову. А вторая беда в том, что вор успел приучить ребенка к богатой легкой жизни, к порочной романтике. Мальчик чувствует себя сильным, смелым, героем! Его пионерской работой не увлечешь, ему теперь сильные ощущения подавай!

— Почему вы со мною так долго беседуете, время свое личное тратите? Я же не ваша ученица.

— Мне кажется, что в будущем из тебя должен получиться неплохой педагог. А в моем возрасте давно пора опыт передавать, — улыбнулась Лидия Ивановна. — Тебе не пора домой? Мама, наверное, уже волнуется?

— До свидания. Спасибо! — поблагодарила я учительницу.

Мне не хотелось расставаться с человеком, который так хорошо понимает нас, детдомовских!

ПРЕЗРЕНИЕ

Сажу на уроке химии. Бледный рассвет. Серая туча источает скудные слезы. А вчера радовал свежеснеженный снег. На улице было тихо, чисто, бело, как на зимнем кладбище.

Вяло размышляю. Мысленно с тобой, Витек, разговариваю: «Не любим мы учительницу химии — скучную, безразличную тетку с вечно кислым, изнуренным выражением бледного, сильно нашугукатуренного лица, крашеными белыми волосами, тусклыми водянистыми глазами и тонким надтреснутым голосом. Она носит блеклую одежду, обтягивающую ее тощую сутулую фигуру. Неудачно она корректирует свою увядающую «красоту». Кличка «Селитра» очень подходит к ней.

Ася Петровна ведет уроки нудным, монотонным голосом. Не объясняет новый материал, а неинтересно пересказывает учебник. Самое большое, на что она способна, так это пересказать учебник. Я быстро теряю нить ее рассуждений. Обычно после любого учителя я могу, чуть ли не слово в слово, повторить текст. Но от «Селитры» в голове ничего не задерживается. Манера опроса у нее тоже странная: «Расскажи пятый абзац. Садись». Ни повторений, ни задач, ни интересных применений. И контрольных по пальцам можно пересчитать, не то что по математике.

Первое время я в силу привычки старательно учила заданный материал, а потом стала класть химию в самый низ стопки учебников, потому что совершенно равнодушна к ней. А теперь и вообще на перемене пробегаю параграф глазами — и готово! На «пять» отвечаю. А спроси, что было пару уроков назад — по нулям.

Я не чувствую удовольствия, получая отличные отметки, потому что они не стоят мне труда. Совесть сначала часто терзала. Не самолюбие и гордыня заглушили ее голос — просто привыкла. А успокаивала себя тем, что химия не имеет преимуществ перед другими предметами, ее не надо будет сдавать в институте на вступительных экзаменах.

Даже троечники возмущались: «Противно на ее уроках сидеть, лучше сбежать да погулять от души. Все какая-то польза».

Ася Петровна часто опаздывает, но и тогда идет на урок, не торопясь, опустив голову вниз, будто ее, как теленка с луга, насильно тащат на веревке. Наверное, не нравится ей работать в школе. Ее пустой взгляд — всегда мимо нас, медленные, вялые движения указывают на полное пренебрежение и безразличие к ученикам.

— Покажите нам какие-нибудь опыты, — просим мы.

— Читайте учебник, — сонно отвечает учительница.

Больше мы про них не заикались.

Как-то она опять опоздала. Мы весело резвились за закрытой дверью, чтобы не мешать соседним классам, а «сторож», стоя «на атаке», через окошко над дверью следил за появлением неприятеля. Видит: бредет, ковыляет неспешно наша «любимица». Невыносимое разочарование!

— «Селитра» идет! — услышали мы настороженный возглас, вмиг разбежались по местам и замерли.

Видно, часовой в азарте слишком громко выкрикнул сигнал опасности, и учительница услышала его. Вошла, как всегда, угрюмая суровая и неприветливая. Скривив тонкие бледные губы, зло усмехнулась:

— Этикетку повесили. Ну-ну. И то сказать, не дураки.

И, будто ничего не случилось, начала урок. В первый момент я устыдилась нашего поведения. Жалко оскорбленной старухи. Но противный голос быстро вывел меня из состояния раскаяния. Я тогда еще подумала: «Увижу ли когда-нибудь на ее лице улыбку? Отчего она всегда такая смурная? Есть муж, маленькая дочка — ее копия... Так она не старая?! Я бы меньше пятидесяти ей ни за что не дала».

Один раз вместо Аси Петровны занятие у нас проводила молодая учительница Набойченко Валентина Григорьевна. Она удивилась, что даже отличники не знают формулы воды, и попросила нас для начала запомнить шуточный стих: «Сапоги наши худые: пропускают аш два о...», а потом принялась объяснять, что такое валентность. За один урок вся неорганическая химия предстала передо мной удивительно красивой, простой и интересной наукой. Я вдруг поняла, что без знания валентности, многое и в физике для меня было бы недостижимым. Я поблагодарила судьбу за то, что она предоставила мне возможность сравнить двух учителей и осознать необходимость изучения химии.

Собственно, это был не первый опыт. Александра Андреевна, учительница литературы в параллельном классе, заменяя Ивана Стефановича, с таким восторгом читала нам наизусть Маяковского, Есенина и Блока, что с тех пор я обратила внимание на ироничную, не очень любимую в педагогическом коллективе, если мягко сказать,

«Алексашу».

Она как небо от земли отличалась от Ивана Стефановича. И к нашим сочинениям отнеслась иначе: хвалила как раз те моменты, за которые наш учитель ругал. И прозу читала удивительно просто, без всякого пафоса, совершенно естественно, а горло сжимало, слезы накатывали. С нею я впервые поняла, как составлять план и что такое стержень сочинения. А как-то учительница произнесла интересный монолог. Мы рты позабыли закрыть! «...В литературе человек ищет утешения. А для многих писателей на первом месте стоит языковая составляющая, владение словом, нахождение новых смыслов, стремление выдавать читателям отфильтрованную, сжатую информацию. Есть произведения, которые «меняют состав крови» человека, воспитывают. У каждого писателя своя ниша. Но главный признак ценности литературного сочинения — срок его годности для будущих поколений. Одни гениальные авторы и их герои остаются на века, потому что затрагивают такие вечные темы, как добро и зло, ненависть и любовь, другие служат только своему времени, но они тоже нужны, если талантливые...»

Еще говорила о том, что читателю не автор важен, а его герои и что они часто не совпадают. Вот чего бы не подумала! А в конце последнего урока Александра Андреевна сказала: «Ваши мечты не должны разбиваться о скалу безразличия бездушных людей. Все в ваших руках. Мало иметь способности к каким-то наукам. Надо в себе развивать бойцовские качества: сметку, напористость, упорство, умение общаться. Только идя к намеченной цели, не забывайте о человечности». Вот так учитель!..

После урока Валентины Григорьевны мы еще больше презираем «Селитру» и в отместку вешаем на дверь кабинета химии записки типа: «Пива нет, ушла на базу» или «В продаже только селитра». А еще затеваем перед ее кабинетом игру «Кто первый войдет, тот дурак». Естественно, никто не хочет идти в класс. Начинается свалка. Воюем до тех пор, пока удастся кого-нибудь закинуть через порог. Ася Петровна злится, но никогда не жалуется в учительской. Почему?»

...Стук крышки парты отвлек меня от разговора с тобой, Витек. Замечаю, что «Селитра» объясняет новый материал. Послушала немного. Не завладела она моим вниманием. На фразе: «Повторяю еще раз для тупых» — принялась сосредоточенно рассматривать и считать на стекле мух, проснувшихся от мартовских лучей. Гляжу на вереницы буйных низких облаков. Ненастье шквальным ветром обрушилось на село. Ветви тополей стегают окна. Крыши слезятся.

Вспомнились обращенные к моей матери тихие осуждающие слова девушки на вечере встречи с выпускниками: «...Ни один выпускник нашей школы не решается поступать в институт, где сдают химию... Поделюсь только с вами... внеурочно она великолепно подготовила мою подругу. На пятерку. Ведь может, если захочет!..»

Вошла дежурная по школе, журнал принесла. «Как ты смогла так тихо пройти мимо меня, словно мышка?» — отмечает Ася Петровна. «По потолку», — улыбается дежурная. Мы смеемся шутке.

Я опять мечтаю. Неожиданно зычный, резкий крик прервал мои фантазии. Качнулись белые завитушки на затылке. Ася разразилась бранью. Я наизусть знаю ее крылатые слова: «охломон», «чучело огородное», «дубина стоеросовая», «дылда», «отребье»... Понимаю, ей нужно выплеснуть раздражение и тем самым вернуть себе душевное равновесие. Я так и не выяснила, отчего она кричала.

Смотрю: широким царственным жестом вызывает к доске Кольку и ядовитым голосом комментирует:

— Интересуешься моей персоной или химией? Признаться, не ожидала тебя сегодня встретить. Я бы предпочла, да будет всем известно, не видеть тебя на уроке. Ручаюсь, опять не выучил. Возмутительно ненадежный характер! Полагаю, переизбыток знаний тебе не грозит. Вероятно, только расхолаживаться можешь. Удачно сегодня протекала борьба с ленью?

— Менее удачно, чем борьба с завтраком, — в тон ей находчиво, но смущенно отвечает Коля и начинает по уроку бормотать что-то нечленораздельное.

— Похвально! К тому же, знаешь, даже замечательно! Исчерпывающий ответ! Правда, не

слишком вразумительный. Как всегда не знаешь, не ведаешь, что говоришь! Что это за месиво из слов? Вымахал с версту, а ума не набрался. Не ученик, а сплошное недоразумение. Пожалуй, более достоверным будет считать, что не учиться, а глумиться и досаждать мне пришел. Только и жди от тебя подвоха! Между прочим, уверяю: придет время и тебе опомниться, да поздно будет. Помнится мне, ты что-то обещал накануне праздника. Во всяком случае всегда можешь исполнить свою мечту: убраться из школы. По крайней мере, уж в этом-то я не сомневаюсь. Сказать же, что буду жалеть о тебе, не могу. Вместе с тем я считаю: тебе пойдет на пользу колхозный коллектив. Легко может статься, что станешь его почетным членом, потому как неприлично глуп и вместе с тем абсолютно невоспитан... Совсем черепушка не варит. Прекрати, останови словесную шелуху! Не осознаешь, что околесилу несешь? Легче удавиться, чем тебя понять. У тебя голова вместилище ума или дерьма? Сделай одолжение, уймись, — произносит учительница длиннющий монолог на одной ноте и еще при этом апатично зевает. (И как это у нее получается!)

Я не умею притворяться безразличной. У меня вызывает неприязнь внешне и внутренне невзрачная личность, ее обидная ехидная изысканность речи. Раздражают холодные блеклые красноватые кроличьи глаза и то, что половина урока уходит на ругань. Временной КПД урока пятьдесят процентов, а качественный? Не больше десяти? Колька виноват. Но разве нельзя иначе реагировать? Мое настроение оставляет желать лучшего.

Коля, пытаясь написать формулу, полоснул мелом по доске и неожиданно издал скрежещущий, безжалостно раздражающий звук. Меня аж передернуло. Весь класс как по команде затих.

— Я хотел сказать... — начал было Коля опять.

Но Ася Петровна перебила:

— Не перечь! Зачем геройствуешь? Голос он, видите ли, о себе подал!

Впилась глазами в мальчишку и неожиданно переключилась на внешность

— Ну и космы! Предвосхищаешь моду? Ждешь, когда учитель физкультуры в наказание оболванит под яйцо?

«Аналогия вполне уместная, с одним лишь уточнением...» — начинаю я размышлять на тему причесок и морали. Но тут замечаю, что при упоминании о стрижке все мальчишки поежились. Стрела попала в цель. Видно вспомнили недавнее «насилие над личностью». Ни возмущение всего класса, ни умные речи Эдика о защите прав человека не потушили тогда в учителе физкультуры жар возмездия за неподчинение... Кому крест на темечке выстриг машинкой, кого дорожкой через всю «черепушку» вознаградили... Ребята вырывались, краснели, бледнели, отворачивались... Меня трясло. Конечно, учитель прав насчет непослушания. Но приемлемы ли в школе казарменные и тюремные методы воспитания? Ведь ребята у нас хорошие, просто не достаточно взрослые! Добавилось ли уважения к учителю? Ученики часто бывают глупы и безответственны, но стоит ли обучать оскорблением, унижением чувства собственного достоинства? Конечно, насилие — простейший способ воздействия, когда лучшего не можешь придумать... Хулиганы в городском парке вспомнились...

Смотрю: приткнулись друг к дружке Валя и Тамара, шепчутся задумчиво и доверительно. Вовка острит. Сережка врет. Саша обсуждает с Витькой, как устроить, чтобы хоть ненадолго избавиться от Аси. Потом принялись разрабатывать мудреный план обмана «училки» на первое апреля. У Вали Кискиной сосредоточенный вид. Она всегда с готовностью поднимается, чтобы выручить класс у доски.

— От скуки ищешь допинг в области криминалистики? Извелась, бедная! — поймав мой взгляд, внимательно изучающий одноклассников, фальшиво-ласковым голосом говорит Ася Петровна. — Задаст тебе мать изрядную трепку. Ох, наподдать бы тебе сейчас! Главное то, что по мере того как взрослеешь, совсем не умнеешь.

Мой ответ не заставил себя долго ждать.

— Мир делится на битых и не битых. Еще в сказках об этом говорилось. А точнее: на

битых и бьющих», — унылым голосом реагирую я.

— Ты убеждена? Смотрите, прозрение началось! Включила воображение! Поразительная наблюдательность! Эдак до чего мы еще додумаемся? Вокруг кипит героическое время, а некоторых на философию потянуло. Нечего выступать с разными гадкими инсинуациями, — застыдила меня учительница, подбирая наиболее весомые слова, и тут обратила свое внимание на Вадима.

— Что так развеселило отпрыска славного рода Киреевых? Вставай, непоседа, помоги товарищу у доски! Чувствую: много знаешь, но еще больше понимаешь, — с удовольствием ехидничает она. — Горемыка! Твой прошлый ответ был не бог весть что, но все же кое-что. Не отличаешься ты мало-мальски приличными извилинами. Сквозняк в голове. Не вижу на твоём лице отражения мыслительной деятельности. Мозги заржавели, скрипят, даже в классе слышно. Ты приложение к соседке по парте. Чего разинул рот и тупо глазеешь на доску? Настало время терзаний и угрызений совести? Болезненное раскаяние в содеянном или, напротив, в несодеянном? Пойдешь на место несолоно хлебавши или подарить хоть пару баллов? Твоя запредельная мечта — тройка? Не правда ли?

Вадик пытается возражать.

— Не ропщи, все равно с твоим старанием останешься с носом. Не заслуживаешь даже паршивенькой тройки. Бездарь! А может отсрочить твой позор перед матерью? Кому угодно дашь фору по лени. Она, наверное, стоит на страже с ружьем наперевес и затрудняет доступ к знаниям? Я, конечно, не претендую на правоту в последней инстанции, но воочию вижу: не попасть тебе в восьмой класс. Сушильный завод обрадуешь своим появлением.

— И ты пойми: одним взмахом руки гениями не становятся, бороться надо с собой и своей ленью, батенька, тогда и результат не замедлит сказаться. Нельзя изменить жизнь ничего не делая, не меняя, — оборачивается Ася Петровна к Вовке Корневу. — Где амбиции? Рано разуверился в своих возможностях? Активизируй мозговую деятельность. Или искра понимания тоже обошла тебя?

«О! Что-то новенькое в лексиконе «химини», — удивляюсь я.

Вовка понимает правоту ее слов, но всем видом выражает протест и сипло шепчет:

— Искры бывают при соударении бездушных, твердокаменных предметов.

— Хочешь довести меня до ручки, угробить! — визгливо кричит учительница. — С кем еще собираешься разделить пальму первенства в списке претендентов на исключение из школы?

Вовка выразительно молчит. Мою душу царапает стыд. Не вовремя победил Вовку дух противоречия.

Глуше и неразборчивей становится голос учительницы. Отдельные слова доносятся будто из глубокого колодца. Мои мысли уплывают вдаль...

Хрустит, визжит и крошится мел о классную доску. Крышка парты хлопнула как выстрел. Я вздрагиваю. Это Сережка понуро плетется к доске. Ребята шутливо напутствуют его:

— Будешь зашиваться, втихаря гукни.

— Бунеев, собственной персоной! Как наша безответная, невосполнимая неумная любовь к химии? Надыбал малость знаний? Молодчина. Сила! Да? Так у вас, у ребят, говорят? Хотела бы я в это поверить. Ты же знаешь, что счастье человека — в непрерывном познании нового, когда работать интересней, чем отдыхать, — с мраморным лицом разливается желчью Ася.

Прекрасные цитаты в ее устах кажутся гадкой беспардонной ложью, приобретают совсем другой смысл. «Как по-разному могут звучать одни и те же слова! — изумляюсь я. — И это называется быть преисполненной чувства собственного достоинства? Язвить, обмениваться с учениками презрительными колкостями? А на первом уроке она

показалась мне опасно умной, с самообладанием летчика-испытателя. Как я ошибалась!»

Сережка отвечает урок. Учительница комментирует: «Содержательная речь! Ты сам-то понял, о чем говорил?» Слышу, как Серега тянет: «Читал, учил». На лице застыло безнадежное отчаяние и совершенная покорность судьбе. Он беспомощно озирается. Постыдное, мучительное, жалкое зрелище, агония двоечника. Безобразная сцена. Я краснею от неловкости и помалкиваю. Только вчера влетело от матери за подсказку. Девчонки шушукаются, помочь хотят. Я уставилась на осточертевший ландшафт за окном. Дождь оплакивает мое плохое настроение. В голове мелькает: «У других учителей ребята так позорно не выглядят». Ася Петровна, продолжая монолог, с удовольствием распекает нерадивого ученика, еле размыкая тонкие, красной ниточкой нарисованные губы:

— Так-таки не виноват? И кто же у нас дурак-дураком? Совсем запамятовала!.. А вдруг доживу, когда ты получишь Нобелевскую премию по химии? Отрадно! А может, ты не учишь уроки потому, что боишься, как бы не развилось слишком высокое мнение о собственной персоне? Это очень вредно для здоровья.... Мать в долгах как в шелках да еще от тебя проку нет... Хватит комедию ломать, садись.

Класс сначала невероятно притих, потом испустил вздох облегчения и оживился: опрос закончен. «Конечно, она права насчет знаний, но не так бы ей надо говорить с Серегой. Добрее, что ли? Он же безобидный, безответный. Все равно ему только тракторная бригада светит. Зачем его унижать упражнениями в злословии? Может, из него хороший колхозник получится? — мысленно жалею я одноклассника. — Что сегодня на нее нашло? Почему только слабых учеников спрашивает?»

Пролетел самолетик. Ася Петровна проследила его направление.

— Так вот кому предназначается «гениальное» послание! — торжествующе восклицает она. — Дождешься от меня подзатыльника. И кто бы похитил с урока это сокровище хоть на минутку? Меньше народу — больше кислорода.

Саша с нежным, вдохновенным лицом романтического поэта покраснел, пригнулся к парте и извинился.

— Наконец-то произнес что-то умное! Захватывающее зрелище, сильный эффект. Потрясающий случай в моей практике! Хочешь, начну достойную тебя беседу сызнова? — удивленно, с фальшивыми ужимками изрекает Ася Петровна.

И ее гранатово-красные губы снова растянулись в тонкий неровный шнурок. В глазах Саши читаю обиду: «И меня считает круглым дураком? Я же твердую четверку у нее имею! Под горячую руку попал? Всех в один котел бросает, под одну гребенку метет? Что за манера оценивать класс чохом, а не каждого в отдельности? А зачем грозит наказанием? Все смеются над ее угрозами, уверены, что по безразличию и нежеланию себя затруднять она не станет их исполнять. Похоже, она люто ненавидит и нас, и работу».

«Странно, судя по яркой способности иронизировать, учительница неглупая, почему же ее ум не проявляется в знаниях и умении вести уроки?» — недоумеваю я и открываю под партией спасительную книгу.

— Вместо того чтобы слушать, читаешь заплесневелые фолианты никчемных писак! Вот и славненько! Зарабатываешь оплеухи? Может статься: это мое тебе последнее предупреждение. Не надоели нотации? Обнаглела от безнаказанности. Не гложут сомнения в правильности поведения? — неожиданно быстро реагирует Ася Петровна.

Ох уж это недремлющее учительское око! Я краснею и прячу серьезного классика в парту. Если бы не противная желчь, «химичку» иногда полезно ее послушать. Умеет кудряво выражаться, — думаю я одобрительно.

— Что за шум? Мертвецы проснутся, в гробу перевернутся! Кого угодно быстро заставлю замолчать. Очередной бзик? Что там у вас неладно. Сойдись вместе, вы всегда представляете угрозу уроку. Ох, задам вам перцу!.. Как отвечать, так сразу язык проглатываешь и в тварь бессловесную превращаешься. Не канючь. Собери последние

крохи разума и приготовься отвечать. Лень тебя сгубила. И душа, и тело обленились, вот и говоришь наобум. Не стыдно?

Я не оборачиваюсь, чтобы выяснить, кому предназначаются «комплименты».

Опять сухой гневный крик: «Приспичило? Сбежать намылился! Это только предлог!»

Слышу бурное несогласие класса. Я гляжу на злое грозное лицо учительницы, на смешные белые завитки на макушке, совсем не вяжущиеся с ее возрастом, и вяло пытаюсь понять причину ее недовольства. Речь «Аси», перенасыщенная руганью, произносимой нудным, бесцветным голосом, не трогает.

— Не маленький, потерпишь до конца урока, — донесся теперь уже визгливый голос, обращенный к Грише.

Забегая немного вперед, скажу, что все в школе знали о его плохом здоровье.

Гриша бледнеет, ежится и опускает голову к парте. Староста застывает:

— Ася Петровна, Гриша не хулиган. Раз просит, значит, ему надо выйти.

— Я давала тебе слово? В адвокаты нанялась? Ну-ка, защитница, марш в угол. Поучись молчать.

— Иногда человеком надо быть, — пробурчала я так, чтобы учительница услышала.

— Напрашиваешься на беседу с родителями? Устрою! — огрызнулась «Селитра».

— Гриш, уйди без разрешения, — шепчет Яша.

Но тот еще сильнее вжался в парту, и только поднятая рука с чуть подрагивающими пальцами медленно качалась.

— На перемене — игры, на уроке — гвалт! Никого не выпущу до конца урока, — распаляется Ася Петровна.

В классе стоит тревожная тишина. Еще через минуту жуткая, тяжелая тишина обступила класс. Казалось: все слышат, как из-под первой парты по некрашеному полу вытекает темный ручеек. Гриша лежал на парте вниз лицом, плечи его тряслись от сдерживаемых рыданий. Класс молчаливо, жестко осуждал учительницу, он готов был взорваться от напряжения, и только неловкость ситуации сдерживала его. «Селитра» поняла нас и ушла из класса.

Никто никогда не вспоминал о происшествии. Только в отношении к «Селитре» добавилось грубости и неуважения.

СНЯЛИ

Давно произошла эта история, а до сих пор аукаются ее последствия.

По селу шли разговоры, будто какого-то областного начальника «попросили», и теперь ему подыскивают работу в нашем райцентре. Колхозом он не может управлять, «хомут» слишком тяжелый. По юридической части — образования нет. Все решили, что метит он в директора школы. В дальнюю деревню не поедет, а наша школа по всем показателям — на первом месте. В такой легко работать: как по накатанной дорожке пойдет. Сначала никто в школе не обращал внимания на сплетни, с недоверием встретили новость. Но как-то отец пришел со станции бледный и говорит матери: «Приказали уйти по собственному желанию, иначе все равно выгонят, найдут, к чему придраться. Я отказался».

И началась мышиная возня: комиссия за комиссией, контрольная за контрольной. Ученики понимали, в чем дело, и учились с еще большей ответственностью. Не вышло у проверяющих придраться. Взялись за хозяйственную деятельность. И там одни плюсы. Нет денежных перерасходов. Чистота кругом. По колхозным делам — одни грамоты. Школьная производственная бригада по области и по стране хорошие места занимает.

Выпускники поступают в вузы и техникумы. Выполняется план по ученикам, оставшимся в селе трактористами, шоферами, доярками.

Целый год копали. Тот начальник уже нашел себе другое место, и проверки шли уже из принципа. Наконец, нашли зацепку. Отец ходил в школу в кителе цвета хаки, в темно-синем галифе и сапогах. Военком попытался найти подтекст в таком внешнем виде: «Почему не в гражданском костюме? Что вы хотите этим показать?..» Отец доказывал, что имеет право носить офицерскую форму без погон, потому что в войну был лейтенантом и что никакой политической подоплеки его одежда не несет.

И все-таки нашелся повод. Оказывается, в коридорах школы нет плакатов со словами Н.С. Хрущева. Висели только высказывания ученых, да ленинский лозунг: «Учиться, учиться и учиться...»

— А где плакат о том, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме? — спросили люди из комиссии.

Отец молчал. Он умел молчать. Объявили ему, что плохо поставлено политическое воспитание школьников, что не в ногу со временем идет. И сняли с должности директора к огорчению всего коллектива.

— Спасибо, что хоть врагом народа не сделали, — хмуро сказал отец дома.

Прислали нам директора из глубинки. Когда он приехал, школьники собрались на линейку, где обычно проходила утренняя гимнастика. Но после знакомства на уроки не пошли. Тогда отец вышел к ученикам со словами:

— Ребята, я слышал, что вы собираетесь писать письмо в мою защиту. Не делайте этого. Я благодарен вам. Это самая лучшая оценка моей работы. Учителя можно восстановить на рабочем месте, директора — нет. Подрастете, поймете, что я прав. А сейчас просто поверьте мне и идите на уроки.

Недолго продержался новый директор. Моральный облик его не соответствовал. Он не скрывал своих порочных увлечений. Потом учителя физкультуры прислали руководить школой. Этот двух слов связать не мог. На вечере встречи с выпускниками на удивленные взгляды бывших учеников учителя опускали глаза в пол.

А в самом начале весны вызвали отца в роно и предложили снова взять руководство школой в свои руки. Приехала комиссия из области, а с ними инспектор из Москвы. Я его уже видела раньше. Как и прежде, он остановился у нас, а не у нового директора. Родители беседовали с гостем, а я приносила из кухни еду и выхватывала отдельные фразы из их разговора:

— Манны небесной никогда не ждал, на прикуп не надеялся. Сам всего в жизни добивался... За чужую совесть не прятался... За всю жизнь никогда ни перед кем не заискивал, не пил с ними на брудершafft, — это отец так говорил.

— Может, и зря? ...Необоримые черты характера... — это гость спросили прозорливо улыбнулся.

Отец не отреагировал на его слова, не счел нужным развивать неприятную тему.

— Совесть не каменная... Ребят жалко... — это мать пыталась направить разговор в другом, более эмоциональном направлении.

Позже отец рассказывал матери:

— Я условие им выдвинул: «Признать, что по ошибке сняли». Что тут началось! Оскорбления, унижения! «Кто такой, чтобы нам указывать?!» Я им о достоинстве педагога, о воспитании граждан страны, а они... У них одна забота — любым способом удержаться на теплом местечке. Любого человека с грязью смешают... Закипело в душе. Не стал их выслушивать. Дверью хлопнул и ушел, не прощаясь.

— Вот и сиди теперь, словно сыч в дупле. Не о себе, об учениках надо было думать. Что в школе творится! — сердилась мать.

— Я не склонился, на откуп не отдал достоинства. Не осквернил себя ложью, не позволил замарать честь и репутацию. Я объясню ученикам свой отказ, они поймут меня, — ответил, как отрезал отец.

Больше эта тема не звучала в нашем доме.

НИНА

В ожидании рабочего поезда два часа сидим с матерью на вокзале. Проголодались. Зашли в столовую. Мать взяла себе домашнюю лапшу и котлету с мокрыми холодными макаронами, а мне — манную кашу и котлету. За одним столиком с нами находился красивый военный. Мои мысли в заоблачных далях, а руки «пилят» вилкой жесткую, засушенную котлету.

— Возьми, пожалуйста, нож, — обратился ко мне офицер.

— Не на приеме у королевы, — резко отозвалась я, чувствуя неловкость от справедливого замечания.

— Суровый аскетизм нам привычней, — как бы оправдывая мое поведение, задумчиво сказал военный. — А почему первое блюдо не ешь?

— Мне с детства лапша червяками кажется, — объяснила я приятному соседу.

— Неужели и от пасхальной лапши с курицей отказываешься? — удивился он.

— Да, — вздохнув, призналась я.

Офицер взял на раздаче чистую тарелку, отлил в нее несколько ложек супа из своей порции и принялся уговаривать меня поесть. Я сопротивлялась, отворачивалась. Тогда он разрезал лапшу на мелкие кусочки, обнял меня за плечи, поднес ложку к моему рту и ласково сказал:

— Пересиль себя, пожалуйста, представь, что это очень маленькие галушки.

Я закрыла глаза и проглотила первую ложку. Со мной ничего не случилось. Мой «кормилец» улыбнулся:

— Теперь сама попробуй.

Я осторожно глотала, а офицер одобрительно смотрел на меня.

— А почему вы про галушки сказали? — заинтересовалась я.

— Акцент у тебя украинский.

— Почему вы такой внимательный, с подходом, как хороший доктор!

— Милая почемучка, я военврач. Солдаты тоже болеют. И детей люблю. У меня четыре сына.

Я с обожанием и благодарностью смотрела на огромного доброго дядю.

— Надо стремиться, чтобы жизнь раскрыла перед тобой все свои богатства. Умение насладиться едой — одна из граней жизни. Надо учиться ценить вкус еды. Поняла?

— В столовой? Если я начну вкушать, так вовсе не захочу есть эту противную еду!

— Я говорю о будущем. Наша трудная жизнь — временное явление. Будет и на нашей улице праздник!

— Вы и солдат к разной еде приучаете? — засмеялась я.

— Конечно. У нас в армии южане часто служат на севере и наоборот. Я армянин. Кавказцам трудно есть перловку без острой приправы. Пришлось заставить поваров

готовить соусы. В Мурманске служу. Там ветры и сильные морозы. Ребята на посту замерзали и большую часть службы проводили в лазарете, особенно первый год. Добился, чтобы им на посту позволяли каждые десять минут разминаться, хотя бы толкать друг друга или присесть — по желанию. Болезни прекратились. Законы и приказы должны быть разумными. Их можно и нужно корректировать. Правильно я говорю?

— Сто процентов правильно! — подтвердила я, довольная вниманием доктора.

Уходила из столовой в прекрасном настроении.

Подошел поезд. Люди ринулись в вагоны. Мешки, сумки, чемоданы всюду: на полках, в проходах, на коленях. В голове у меня стук колес и людской гул. Смотрю в окно и погружаюсь в зимнее безмолвие убегающего пространства. Дорога, та, которая рядом с рельсами, мелькает и струится серым потоком, а снежная гладь за столбами почти не меняется, не движется. Из-за сильного тумана не видно ориентиров, разделяющих две природные среды: небо и землю. Кажется, что они сливаются в шагах пятидесяти от дороги, создавая странное ощущение отсутствия горизонта. Протерла ладонью запотевшее стекло. Картина за окном четче не стала. На небе ни малейшего намека на присутствие главного небесного светила. Из окна дует. Ежусь, забиваюсь в угол полки, но штору не задергиваю.

Наконец, редкие березовые посадки на миг оживили однообразную картину. Потом овраг нарушил монотонность пейзажа. Лес выплыл из плотной туманной завесы мягкими темными волнами вершин деревьев и вновь окунулся в зыбкую белесую бесконечность. Теперь непонятные строения обозначили и тем самым расширили видимое пространство.

К полудню редкими пятнами, как заплатками, высветилась голубизна неба. И хотя солнца еще не видно, снег посветлел и уже четче обрисовывает неровности рельефа местности. Пронесются придорожные караулы тополей, мелкие посадки, озаряемые яркими вспышками гроздей рябины и матовым светом белолицых берез. Мелькают названия деревень: «Заболотино», «Затребьевка», «Барановка», «Грязновка»... Вот она, извечная грусть русских деревень! В них печальные мысли о жизни наших предков. Вдруг закружила свадьбою метель. А на следующем полустанке уже даже легкой пороши не было. Обогнали мы снежную карусель ветров.

Приближаемся к городу. Здесь уже чувствуется преддверие весны. Снежный покров на полях рыхлый, серый. Мелькают сонные стога. Они как бородавки на старческом теле: развороченные, темные. И небо над ними цвета тающего снега. Опять сумрачная высь и облака мартовского покрова, как любит говорить моя подруга Валя.

В городе долго месили грязный, напитанный водой снег, потому что нужный нам трамвай застрял, перекрыв движение остальным. Мать опаздывала и поэтому сразу побежала в институт, а я отправилась на квартиру. «Январская оттепель не пахнет весной, а мартовская — здорово щекочет ноздри!» — думала я, подходя к дому, где мы обычно снимаем квартиру.

Оказывается, приехал старший сын хозяйки Андрей. Когда я вошла, он помогал готовить уроки Нине Савченко, подруге Леры. Вскоре они позвали меня пить чай. Нина принялась расспрашивать меня о жизни в нашем селе.

— Ты тоже была деревенской? — поинтересовалась я.

— Почему была? — усмехнулась Нина. — Я и сейчас деревенская. Все мысли о том, как они там: мама, сестры. За три года внутри человека многое не поменяется. Когда уезжала, в моей деревне даже радио не было. Газета «Правда» — только у директора школы. Нищета.

Жизнь моей мамы — борьба за кусок хлеба. Как червь в навозе, работает, работает, а никак из нужды не выберется. У меня всегда перед глазами ее мозоли на сморщенных

натруженных ладонях, а в голове ее напутствие: «Помни, за зимой всегда приходит весна...»

Отчим без ног с войны вернулся. У него — пенсия, у матери в колхозе — палочки (трудодни). В семье трое детей и двое больных стариков с мизерной колхозной пенсией, на которую не то что жить, существовать невозможно. Одна кровать на всю семью. На земляном полу хворост, сверху солома и попона. Так рядком все на ночь и укладывались. Что такое простыни, узнала только в университете.

На экзамены в город приехала в тапочках и сарафане. Это теперь школы одежду детям из бедных семей покупают. Интернаты создаются. А я, бывало, кусок хлеба и кулек картошки в сумку положу и бегу в школу. Восемь километров туда, восемь — назад. Легкие заболели, позвоночник ослаб. У сестры тоже. Мать приходила с работы и сваливалась на пол. Я ее жалела и шла в поле.

С пятьдесят третьего года чуть легче стало. Училась отлично. Страдала от бедности, стеснялась школьных подруг. Разговаривала с ними только об уроках. Директор школы как-то сказал на педсовете: «Умная девочка, да кто ее учить будет? Хотя бы в техникум поближе устроить, все легче будет со своего огорода кормиться».

И вдруг узнаю, что одноклассница, которая училась хуже меня, собирается в институт, а двое мальчиков — в военное училище. Для меня такое известие было громом с ясного неба. Я ничего про институты не знала. Забитость, убогая обстановка нищей семьи не давала нормального развития. Я вообще о жизни вокруг представления не имела. Мечта об учебе в городе даже не рождалась.

А после выпускных экзаменов учительница физики дала мне адрес университета и сказала: «Поезжай». И я поехала с рюкзаком картошки, сумкой огурцов и буханкой хлеба. Паспортов тогда не давали, чтобы молодежь в город не сбегала. Из деревни до райцентра на лошади добиралась. Потом в поезде под лавкой пряталась. В городе какой-то случайный парень под крыльцо университета на грузовике подвез, когда узнал, что из глубинки и первый раз из дому. Так с вещами и пришла на экзамен. В углу на видном месте их положила и села решать контрольную работу. С одним аттестатом поступала. Паспорт потом из сельсовета выслали, когда учиться начала.

А теперь у меня каждый день обед в университетской столовой. Можно учиться, есть время много читать. Помню: пришла первый раз на университетский субботний вечер в войлочных ботиночках и хлопчатобумажных чулках. За весь вечер только два молодых человека пригласили танцевать. А в следующую субботу расплели мне подруги косы и сделали прическу «бабетта». Кто блузку, кто туфли дал. Я ни одного танца у стенки не стояла. Сначала обиделась на ребят, думала, что богатеньких ищут. Потом поняла: неловко им, уж больно затрапезный вид у меня был тогда, в первый год учебы.

Еще помню, под Новый год шла я в общежитие. В окнах елки, яркий свет, музыка слышна, а я на ходу сухой батон жую. И такая тоска меня одолела, хоть волком вой. Потом взяла себя в руки и думаю: «Ничего, выдержу! Скоро и для меня совсем другая жизнь настанет!» Многим сейчас трудно.

Со мной в общежитии две детдомовские девушки живут. Помнят своих родителей. Галя Хиневич рассказывала, что весело и дружно они жили с сестренками в детдоме. Правда, с мальчишками постоянно воевали. Наверное, детское противостояние влияло. Все хотели что-то доказать друг другу. В детдоме все дети в разных кружках обучались. Галя даже пальто сшить может. Лариса Желудева тоже сначала в детдоме жила. Очень нравилось ей там. Потом сестра к себе забрала.

— Нина, а ты не ссорилась с отчимом? — спросила я.

— Случалось. Маленькую сестренку защищала, когда он грубо с ней обращался.

— Нина, ты помнишь рассказ Короленко «Слепой музыкант»? Человек, который ослеп взрослым, был много добрее и счастливее мальчика, слепого от рождения.

— Почему ты о нем вспомнила? — удивилась девушка.

— Мне кажется, что детдомовцам, которые помнят любовь своих родителей, легче жить.

Маленькой я чувствовала себя очень плохо и неуверенно, потому что никто и никогда не говорил мне: «Не бойся, все у тебя будет хорошо». Даже сейчас мне хочется, чтобы меня любили и жалели. Вот слушаю тебя и не могу понять, чье детство было хуже: у тебя в нищете, но с родной мамой, у Гали или у меня? По секрету скажу: я раньше тоже в детдоме жила, а теперь вот у родственников.

— Всем несладко. Я до сих пор страдаю от бедности, от постоянного чувства голода. До сих пор, когда на меня смотрят, хочется сжаться, спрятаться. Себя стесняюсь, не довольна собой. Мне юноши говорят, что я счастливая. Улыбаюсь всегда. Привычка такая с раннего детства: никому не показывать свое настроение, как бы тяжело ни было. Да и радости теперь на самом деле больше. Весело коммуной живем в общежитии: шутим, танцуем, по очереди в одной одежде ходим на свидания. Даже бывают такие счастливые минуты, которые ни от кого и ни от чего не зависят, — улыбнулась Нина.

«Боже мой! Нина будто с острова Нищеты явилась в город. Даже в школе не позволяла душе развернуться, только знаниями пыталась сохранить и укрепить в себе чувство собственного достоинства. У нас в районном центре дети уже не пухнут с голоду, хотя паспортов тоже пока не дают. Но я уже знаю, что есть спутники в небе, есть хорошая жизнь в городах. Она обязательно придет и в маленькие деревни. И тогда маленькие сестренки Нины уже не будут голодать и стесняться своей бедности. Эх! Если бы не проклятая война, наше детство было бы совсем другим», — думала я.

— Городским домашним студентам легче живется? — спросила я.

— Намного легче! Но в городе тоже не у всех хлеб с медом. У вашей хозяйки квартиранты не от хорошей жизни. А у соседки двое мальчишек-школьников. Она по ночам ватные одеяла и стеганки шьет. И комната у нее всего шесть метров. А у Миши Солодилова, друга Андрея, семья в кладовке без отопления живет. Они дверь на кухню открывают, чтобы согреться. Миша подрабатывает шофером на крытой грузовой машине и шутит: «Если бы в теплых краях жили, то поселились бы с женой и дочкой в большой квартире — в кузове». Они на кровати втроем спят. Узкий проход ведет от двери до малюсенького окошка, из которого вид на мусорную свалку. Оба учатся в университете. Счастливые! На общей кухне песни поют и знают, что все трудности преодолеют и что Ярослава, их дочка, будет жить иначе.

— Нина, а до войны в каком доме ваша семья жила? — спросила я.

— В том же самом.

— Значит, и тогда бедными были?

— Так ведь колхозники! Но раньше хоть отчим работал, а теперь все на плечи мамы легло, — вздохнула Нина.

Я никогда не задумывалась о том, как жила моя теперешняя семья, мое село до войны. Смутное, грустное предчувствие испортило мне настроение. Разговаривать на эту тему больше не хотелось. Вспомнился разговор с бабушкой Аней. Я тогда сказала ей:

— Жизнь в деревне незатейливая, простая.

А она ответила с улыбкой:

— Не простая у нас жизнь — простоватая. Слова схожие, да смысл их совсем разный.

Я только лишний раз подивилась глубине и мудрости ее ума...

В квартиру постучали. Альбина открыла. Вошла высокая, кареглазая, бойкая девушка и попросила у Леры художественную книжку. Лера подала. Девушка поняла, что сегодня ее не пригласят к столу, и попрощалась. Я подняла глаза на Нину.

— Училась на четверки. Заболела. «Хвостов» нахватала. Без стипендии осталась. Не смогла матери обо всем честно рассказать. Искала временные заработки. Занятия пропускала. Отчислили. Второй год живет, где придется, работает от случая к случаю.

— Боится родной матери? — удивилась я.

— Очень. Я попыталась поговорить с ее мамой иносказательно: «Мол, бывают в жизни сложные моменты, когда хочется, чтобы родители пожалели, помогли...» А она заявила с высокомерным чувством превосходства: «У меня дочь очень умная. С нею никогда не может произойти подобного!» Семья состоятельная, а руку помощи протянуть своему ребенку не умеют. Гордыня в них съедает доброту. Дочь боится, что мать позора не вынесет. А годы летят. Чем дальше, тем сложнее будет восстановиться в институте. А советов наших не слушает. В парня влюбилась. Они друзья по несчастью.

— Нина, ты любила кого-нибудь? — перевела я разговор в новое русло.

— Люблю.

— Легко найти достойного избранника?

— Сердце само находит и далеко не всегда достойного. Отсюда страдания. Я серьезнее стала относиться к проблеме выбора спутника жизни после шуточного эксперимента своей подруги. Она целый год на спор охмуряла женатых мужчин, а когда они соглашались, находила различные поводы сбежать. Жестокий способ изучения мужчин. Но и результат был очень даже неутешительный, прямо сказать — грустный. А подружка-то не красавица, обычная симпатичная, веселая девчонка.

— А в тебя многие влюблялись?

— Всякое бывало. Один случай особенно памятен. Ходила я в университет пешком. Деньги экономила. Ежедневно мне встречался на проспекте офицер. Бывало, улыбнемся друг другу и идем дальше каждый своим путем. Иногда я ему от избытка радости крикну: «А я сессию на пятерку сдала!» — или еще что-то хорошее. Потом его перевели в другой город. В последний день он ожидал меня в парке на скамейке. Постарел как-то сразу. Я очень удивилась и впервые подошла к нему. Он поднялся мне навстречу, фуражку снял говорит: «Я тобою жилэти два года». Не знаю, кем я для него была: воображаемой дочкой, любимой ли девушкой... Лет сорок ему было. Грустно о нем вспоминать. Я тогда поняла, что не только у нас, девчонок, бывает платоническая любовь. И мужчинам она иногда помогает жить и чувствовать себя счастливее.

— А с ложью часто встречалась? — затронула я больной вопрос.

Приходилось. Отказала в танце одному парню, так он тут же моему жениху соврал, будто я ему свидание назначила. С другим, вульгарным, не захотела разговаривать, и он брякнул при всей нашей компании, будто видел меня в обществе неприличных мужчин. Девочка из нашей комнаты обворовывала всех, а как-то оболгала меня перед вахтером общежития, а потом и перед руководителем лаборатории, где я подрабатываю в НИИ. Но он быстро раскусил ее и не поверил хитрой, лживой студентке. От нее одной было больше бед, чем от всех ребят вместе взятых.

Как-то неосмотрительно рассорилась с проректором. Вызвала она к себе на совещание всех секретарей и лаборантов и давай объяснять, что мы должны преподавателям напоминать, в каких аудиториях у них занятия, звонить, если расписание меняется. (Я тогда на кафедре на полставки подрабатывала.) Я подняла руку и объяснила, что дело лаборантов следить за тем, чтобы приборы были в порядке, и что секретарские дела нас не волнуют. Но начальница оборвала меня на полуслове и потребовала внимательно слушать указания и не вмешиваться не в свои дела. Бездарно отсидев целый час, я опять возмутилась пустой потерей времени и попросила отпустить всех лаборантов, потому что их заждались студенты у запертых дверей. «А кто на вашем факультете сообщает преподавателям об изменении в расписании?» — удивленно спросила начальница. А я, переживая, что мои студенты теперь не успеют подготовиться к очередному лабораторному занятию, сгоряча брякнула: «А у нас они самостоятельные». Поняв, что мои слова — камешек в ее огород, начальница, еле сдерживая злость, проговорила: «А кто же планирует вашу работу?» «Сами. Мы же «технари», у нас все всегда четко планируется», — спокойно ответила я. Это было правдой. Но для руководящего работника мои слова прозвучали вызовом. Они указывали на ее некомпетентность, а еще — на ненужность проводимого собрания. Меня, конечно, отстранили от работы. Чуть позже вернули на кафедру. Работник я исполнительный и, не стесняюсь сказать, неглупый. А проректор из бластных, протежируемых была. Ушла она от нас... Да и многое

другое было, о чем вспоминать не хочется, — грустно усмехнулась Нина.

Молчим. По стеклу кухонного окна шуршат ветви. Я пытаюсь по их рисунку понять, каким деревьям они принадлежат.

— Нина, иногда мне кажется, что осины трепетнее и грустнее берез. У берез есть своеобразная гордость, а осины неприметные, сиротливые. Жалко их, — задумчиво произнесла я.

— Ты думаешь: я осинкой себя чувствую? — улыбнулась Нина.

— Нет, ты как та березка, которую я в парке летом заметила. Придавила ее тяжелая плита, которыми дорожку вымостили. А она все равно из-под нее выбралась и вверх устремилась. Даже угол плиты приподняла! Знаешь, она оголенными корнями, как гигантскими пальцами волшебного великана, вцепилась в землю, чтобы удержаться на крутом склоне! — горячо поведала я.

— Любишь образные сравнения придумывать? — засмеялась Нина.

— Они сами в голову приходят. Нина, а...

Андрей сделал мне знак. Я поняла, что им пора заниматься. Подошла к окну. Закат разрисовал небо у горизонта широкими мазками. Густые, насыщенные малиновые полосы перемежаются с огненно-красными, темно-серыми и тонкими, но удивительно сочными для начала весны, голубыми. Кажется, что все многообразие цветовых оттенков неба демонстрирует в конце дня художник-солнце. По радио объявили: «Московское время — семнадцать часов». Солнце сначала утонуло в малиновой топи, а через пятнадцать минут совсем пропало за горизонтом. На моих глазах в неведомое уплывали яркие краски дня, скудели цвета. Город погружался в серый вечер.

После ужина я вышла с Альбиной во двор проветриться. Черные дома, черные деревья. Полутона только там, где цепочки фонарей серебряными блестками расшили вечернее платье города.

— Удивительное сегодня небо! Наверное, ночное море такое же?! Не зря же говорят: «цвет морской волны»?! — восклицаю я восторженно.

— А мне небо представляется созданным из драгоценного камня изумительной чистоты и глубины. Помнишь сказочного Хоттабыча и Вольку? Сегодня черный город будто накрыт волшебным колпаком из темного цветного хрусталя. Свет от него очень слабый, спокойный и такой притягательный! И почему небо так завораживает? Интересно устроена природа: в любое время дня и ночи в ней можно найти прекрасное. Она радуется, делает меня счастливой, — радостным шепотом заговорила Альбина.

— Меня тоже, — отозвалась я.

И мы замолчали. Небо околдовало нас.

Глава Вторая

ПРОВОДЫ В АРМИЮ

Я попросила мать отпустить меня на проводы ребят в армию. Она возражала до тех пор, пока я не заверила ее, что Нина тоже пойдет. И Лилина мама была так мила, что позволила дочке пойти вместе со мной.

На перроне толпа. Очень много незнакомых смутных и поэтому одинаковых лиц. Протиснулись в первый ряд. У стены завода «Предохранитель» стоит небольшая трибуна, на ней — солидные люди: районные начальники. Перед ними в неприглядных одеждах — новобранцы.

— Что это они вырядились, как нищие? Фуфайки рваные, сапоги стоптанные, шапки дедовские? — удивилась я.

— В воинских частях ребят переоденут в солдатскую форму. За три года службы они вырастут, возмужают, а когда вернуться домой, заработают и купят себе новую одежду, — объяснила мне Нина, уже провожавшая брата в армию.

Стриженные наголо, смущенные ребята казались мне похожими на детдомовцев, которых выловила милиция. Прозвучала команда: «Руки из карманов!» На трибуну взошел военком, и новобранцы, побросав матерчатые сумки, вытянулись в струнку. Напутствовал подполковник кратко, сухо, четко. Потом сказал речь мой отец как депутат и учитель. Мне понравилось дружеское напутствие солдата, только что вернувшегося со службы на границе: ободряющее, с дельными советами. Потом отслужившие по очереди пожали руки новичкам, как бы передавая им свою веру, удачу и любовь. Некоторые даже обнялись по-братски. После торжественной части люди сначала смешались, а потом разделились на кучки. Гремел духовой оркестр, заглушая слова и всхлипывания.

— Чего плачешь, мать? — басил здоровенный дядька. — Первого в институт отправляла, — не плакала, второго на стройку — тоже слезы не лила, а теперь чего реवेशь? Одет, обут, накормлен будет, не то что старшие. Их в неизвестность отпускала.

— Так младшенький же! — всхлипывала мать.

— Не позорься. Мужчину вырастили, защитника, — опять пробасил отец, тайком смахивая слезу с седых усов.

Рядом другой мужчина шептал жене:

— Ну, что повисла на шее, дай дивчине тоже проститься. Сама-то не решится.

Смех, слезы, танцующие пары, вездесущая детвора шмыгает. Странное ощущение испытала я на вокзале. Будто гимн и «мотаню» одновременно проигрывали на струнах моей души.

— Школу закончи. Там позволяют...

— Специальность получи...

— Не забывай стариков...

— Ждать буду... — слышу я со всех сторон.

Врасхлыст пошло мое настроение: смутное, тревожное, бестолковое. Совсем молодым ребятам Родину доверяют?! Конечно, восемнадцать не четырнадцать, и все же?! Ни ума у них, ни жизненного опыта. Я сильная, а ночью не смогла племянника нянчить: засыпала и роняла. А этим на посту стоять. Может, даже границу Родины защищать. Почему таких молодых забирают? Таких легче обучить?

А какими гордыми возвращаются! Сумели, выстояли, защитили!!

АЛЕСЯ

Сегодня мой день рождения и выборы в местный Совет. В селе радостная суета.

Школьники, как обычно, дают концерт для населения. Когда пионеры закончили свои выступления, мы с Лилей собрались пойти домой вместе, но вожатая попросила мою подругу задержаться. Лиля бросила свои вещи на мои колени и убежала со словами: «Подожди, я быстро».

Сажу в классе, заваленном костюмами для выступлений, и бережно держу в руках свернутый трубочкой подарок соседской малышки Юли. Она нарисовала для меня ангелочков, о которых ей читала бабушка в Библии. Хочется есть. Зашла переодеться высокая чернобровая старшеклассница с огромными карими грустными глазами. Мы не были знакомы. Вдруг девушка обратилась ко мне:

— Правда, красиво сегодня на улице?!

Ее глаза вспыхнули восторженно и романтично. И тон, с которым она сказала эту фразу, был такой томный и нежный. Меня будто на лодке любви закачало. «Она особенная», — подумала я и выглянула в окно. Празднично сияло солнце. Весенние капли весело барабанили о железный подоконник. Взъерошенные, взбудораженные воробьи, будто пьяные от ранней весны, бестолково щебетали и безрассудно кидались людям под ноги.

— Любишь стихи? — опять спросила девушка и, не ожидая ответа, добавила:

— Вот только что сочинила. Послушаешь?

— Давай, — согласилась я.

Девушка читала очень красиво, возвышенно, с упоением, с широкими жестами и выразительной мимикой. Пафос ее речи стремительно нарастал, овладевая мною. Меня поразила необычайная одухотворенность, гротескно-метафорическая приподнятость стихов и их исполнения. Таких восторженных, может быть, даже слишком восторженных рифм я еще не слышала. Потом старшеклассница прочитала с надрывом другое: величественно грустное, глубокое, трагическое.

— Ты на самом деле видела море? — спросила я.

— Нет, я только мечтаю о нем, — печально ответила девушка.

Мы познакомились. Тут в класс ворвался Дима Лесных.

— Алесь, ты не видела Инну Белавину? — взволнованно спросил он.

— Ушла со своими, станционными. Влюбился, что ли? — засмеялась Алесь.

Парень растерялся. А может быть, мой прямой любопытный взгляд его смутил? Только не нашелся он, что ответить, и, нелепо покачавшись с пятки на носок, нырнул в коридорную суету.

Дима разорвал наметившееся единение. Возникла пауза. Я преодолела неуверенность и спросила Алесю, будто о постороннем поэте:

— Такие стихи пишут, наверное, очень счастливые люди?

— Напротив, — ответила она тоскливо.

И тут я заметила у нее под глазами черные круги.

— Красиво пишешь! — выразила я свое сиюминутное впечатление.

— Этого для стихов недостаточно. Я где-то прочитала, что в них должны быть глубина, достоинство и чистый звук. Понимаешь, чтобы без фальши.

— Научишься! Ты давно пишешь?

— Со второго класса. Моя первая учительница была уже старенькой. Один раз я

показала ей свои первые стихи и сказала, что мечтаю написать о ней целую книжку. Лицо ее благодарно засветилось. И она спросила порывисто: «О муже моем, учителя математики, тоже напишешь?» Я обещала. Она сразу какая-то удивительно спокойная стала, словно завершилось для нее что-то очень важное, хорошее. А через неделю умерла...

Вдруг Алеся поразила меня тем, что откровенно рассказала о своих главных бедах в жизни. Почему мне? Догадывается о моих проблемах? Считает, что я пойму ее? Может, она открылась мне неожиданно для себя, а теперь жалеет? Меня до глубины души тронуло такое доверие. (Тогда я только удивилась. Но и много позже не понимала и недоумевала, почему чужие люди рассказывают мне о самом сокровенном и даже невероятно жутком. Почему считают, что не проболтаюсь? Я верно сохраняла их тайны.)

Как же Алеся может жить да еще мечтать, писать яркие стихи, имея три таких страшных клейма? Она понимает и прощает свою вечно пьяную мать. Допустим, сумела вымести из памяти подлость отца. А болезнь, которой он наделил ее? Она же до последнего дня будет с нею. Каково ей жить с этой жестокой тайной? Каково нести тяжесть чудовищной болезни? С таким «багажом» можно мириться и надеяться быть счастливой!?

Грех мне скулить. Алесе куда как сложнее. Как она смогла преодолеть страх неизбежности всесильной болезни? Что придает ей уверенность в том, что она выше обстоятельств и должна жить, а не существовать? Кто подобрал ключик к юной страдающей душе, научил радоваться и не позволил сломаться?

В моей памяти промелькнуло лицо Александры Андреевны, с невыразимой любовью читающей мне восторженные стихи одной старшеклассницы. Так вот перед кем ей надо, как перед иконой, стоять на коленях!

Я нужна Алесе? Мне она нужна больше. Эта неожиданная встреча заставила пересмотреть мой взгляд на некоторые очень важные вопросы, вытащила и приподняла меня над частенько засасывающей трясинной зеленой тоски, облегчила страдания. Я опять вспомнила любимую фразу моего дорогого детдомовского друга Витька: «Что наши мелочи по сравнению с мировой революцией?» Какая емкая! А раньше казалась шутливой.

Вошла Лиля.

— Пока! Пойду братца искать, а то «забурится» куда-нибудь, к ночи не сыщешь, — с легкой досадой в голосе произнесла Алеся и скрылась за дверь.

Я поняла, что ей не хотелось уходить.

Лилия основательно, «по косточкам», разбирала недостатки и положительные стороны наших выступлений, а я размышляла: «Что тронуло меня в этой девушке? Почему я не безразлична к ней, к ее судьбе? Наверно, она одна из тех, на кого я всегда обращаю внимание — несчастная. Вокруг столько веселых, счастливых девчонок, а ко мне в основном подходят грустные. Словно я магнит для них!

Какие бы Алеся сочиняла стихи, если бы была счастливой? Разве можно написать о море светлей, восторженней? Наверное, нет. Почему? Потому что мечты, как правило, ярче реальности. Мечты ведь без грусти, без будничности. Они чистые, радостные!»

Идем с Лилей по школьному двору мимо строящегося здания. На куче штукатурки, присыпанной снегом, вижу разбитый цветочный горшок, а рядом вырванное с корнем сухое растение, на самой верхушке которого между двумя зелеными листочками полыхает маленький ярко-красный цветок. Я подняла его. Откуда он берет силы сохранить этот незатухающий огонек чьего-то тепла и доброты? А в чем Алеся находит свой неиссякаемый оптимизм?

Мне не хотелось разговаривать. Я молча слушала впечатления подруги о концерте, а думала об Алесе.

СТРАННЫЕ ГОСТИ

Начались весенние каникулы. Лед на реке, по обыкновению, разломал хилый мост, соединяющий село со станцией. Уцелевшие столбы одиноко торчали из воды, а обломки досок течение разбросало по всей пойме. Огороды и сады стояли в воде. Речка превратилась в широкую, полноводную. Разлив очень нравился детворе. А взрослые вздыхали: «Вкруговую километров пять до станции топать. Теперь целый месяц до работы будем добираться с приключениями».

И вот в один из таких дней, когда село было отрезано от внешнего мира, в нашем доме появились два красивых молодых человека в светло-серых городских костюмах и модных плащах. Они представились сыновьями офицеров, воевавших с отцом на Балтийском море. Как отец ни старался, таких фамилий среди однополчан не вспомнил. Мать вежливо пригласила гостей ужинать. Яичница с салом всегда выручает сельского человека. Только хлеба гостям не хватило. Пришлось сухари размачивать.

Отец расспрашивал молодых людей об учебе, о городе, делился событиями в школе, районе. Меня с Колей развлекала комичность ситуации, длинные паузы в разговоре и попытки матери сгладить неловкие моменты. Но когда я зашла на кухню, то поняла, что родителям не до шуток. Бабушка шепотом рассказала, что отец получил в сберкассе зарплату для учителей, а в сейф не успел отнести, и толстые пачки лежат в ящике комода в зале, где расположились гости.

Приближалась ночь. Родители договорились, на всякий случай, дежурить по очереди. Естественно, утром встали невыспавшиеся. Мать не знала, чем занять гостей. И тут бабушка вспомнила, что у колодца соседка Марфа Алексеевна хвалилась, будто ее сын наловил целый мешок лещей.

— Нельзя перед нерестом рыбалкой заниматься, — возразил отец.

Мать сердито моргнула ему одним глазом. Он сообразил и сказал:

— Ради таких редких гостей можно себе позволить поймать пару рыбок. Мы же не браконьеры? Должно же у вас остаться что-то памятное от поездки к нам. У меня есть охотничье ружье. Но грыжа разгулялась, не смогу вам компанию составить.

Гости в нерешительности мялись, отнекивались, а мы с братом загорелись не на шутку. Рыбалка занозой застряла в моей голове и воспламеняла и без того яркое, буйное воображение. Не могла я упустить возможность развлечься! И, когда гости нехотя согласились, я, не помня себя от радости, заплясала вокруг бабушки, за что тут же получила от матери жесткий приказ утомониться. Коля сбегал к брату Вовке за рыболовными крючками. Бабушка уточнила место рыбалки и приготовила кошелку еды, а мать перерыла весь гардероб, чтобы одеть и обуть гостей. Я к тому времени сходила за Чардашем, выбрала своему любимчику красивую упряжь: отыскала удобный хомут и новую кожаную сбрую.

В последнюю минуту один из гостей, дядя Вадим, отказался ехать. И Коля остался дома. «За деньги родители испугались, а меня одну с незнакомым человеком не побоялись отправить», — мелькнула глупая мысль. Но противиться поездке не собиралась и уже через минуту с разудалой песней погоняла Чардаша, стоя на облучке заезженного тарантаса. Мать бы не разрешила, всыпала бы за «цирк» по первое число, а чужому-то что?! С ветерком неслись! Только успевала колени пригибать на ухабах. Здорово!

Когда я притомилась выпендриваться, гость сумел убедить меня притормозить. Лошадка повезла нас крупной рысью, затем легкой трусцой, а потом до места мы и вовсе ехали шагом. Уныло тарыхтела и повизгивала колхозная бричка. Дядя Боря сидел понуро. По причине своей разговорчивости я попыталась развлечь гостя беседой. Как воспитанный человек начала с погоды.

— Весна! Здорово! — восхищенно воскликнула я.

— Не люблю раннюю весну. Скверные размытые дороги. Ключья тумана, невзрачное серое небо, противные пятна грязного снега. Асфальт в мутных лужах. Земля в парках покрыта плотным слоем листьев и грязи, накопленной за зиму. В них копаются стаи воробьев. Им кричишь «кыш», а они — никакого тебе внимания! — недовольно возразил гость, похоже, четко представляя себе скучную апрельскую картину своего постоянного места проживания.

— А в лесу нравится? — поддержала я разговор.

— Серое, унылое, тусклое безмолвие оттепели, когда вместо солнца — бледное, расплывчатое пятно. Завесы туч как сотни темных штор. Шальные ветры носятся пьяной рысью. Зыбкие, нервные тени. Сырость. Что в этом хорошего? Юг люблю.

— А мне весна интересна быстрой сменой событий. Когда река вскрылась, сколько радости было! Потом зеленая трава на склонах появилась. А недавно весь день шел снег, и вокруг было удивительно светло и чисто. На следующее утро небо снова осунулось, потемнело, и первый весенний дождь тихо заскользил по остаткам ледяных глыб у дороги, по черным стволам деревьев. Ива слезами умывалась. А сегодня, хотя горизонт полностью не очистился от серой пелены, но над нами голубое небо и облака, как снежные вершины. От яркого света хаты сияют празднично. Смурные (скучные) вороны, проснувшись от солнечных брызг, весело кружат над деревьями! Здорово! На природе меня всегда охватывает беспричинная радость. А в Мурманске летом хорошо?

— Плохо, — резко ответил дядя Боря, и я окончательно убедилась, что раздражать его вопросами больше не стоит.

У меня не получалось пристойно молчать, беседа не клеилась, и я принялась от души орать подряд все известные мне песни.

Подъехали к реке. Перед нами простиралась необозримая водная гладь. Кое-где обозначались не полностью затопленные островки. Темная полая вода уже прояснилась и пошла на убыль, но в берега еще не вошла, поэтому деревянные мостики, занятые рыбаками, стояли на сваях на расстоянии двадцати метров от берега.

Мы разложили удочки на берегу в кустах. Нанизали перловку. Ждем. Тишина. К нам на лодке подплыл пожилой мужчина и спросил: «Откуда вы?». «Из Мурманска», — коротко ответил дядя Боря. «Занимайте мою «мостушку». Я только к вечерней зорьке вернусь. Если надоест, попросите кого-нибудь отвезти вас на берег», — посоветовал рыбак.

Мостик был обустроен по-хозяйски: две скамейки, ящик для рыбы, короб для снастей, пропилены в бортах для удочек и сачка. Я разбросала подкормку. Сижу, люблюсь небом, очаровываюсь речным простором. Вдруг дядя Боря как закричит: «Ого! Вот это да!» Я очнулась и увидела, как мужчина на соседнем мостике выуживает рыбину, похожую на деревянную лопату, которой мы раньше пользовались при выпечке хлеба, а теперь зимой дорожки от снега расчищаем. Я замороженно смотрю, как рыба то вздымается в верхних слоях воды, то пропадает. Рыбак подтянул ее к мостику и подхватил сачком. Лещ килограмма на три шлепнулся на пол под ноги счастливцу!

Теперь я уже не выпускала удочку из рук и внимательно следила за действиями рыбака. А он повернулся ко мне спиной и молча колдовал над снастями. Зрение у меня великолепное, и я заметила, что человек на другом мостике к леске прикрепляет размятые в тесто куски белого хлеба. Последовала его примеру. Вдруг мой гусиный поплавок нырнул, и леска медленно поплыла в сторону. Я так вскочила, что чуть не вылетела за борт. Забыла, что не на берегу нахожусь. Дернула за удилице и сразу почувствовала, что гуляет кто-то на крючке. Не поверила. Опять на себя потянула. Леска задрожала, и от этого по всему телу пробежала приятная дрожь. Меня охватило радостное возбуждение. «Тащи медленно, не порви губу», — тихо пробурчал нелюдимый на вид сосед. Лещ медленно, волнообразными движениями приближался к мостику. Я вижу его серебристое тело, уже чувствую его настоящую тяжесть, оцениваю размеры. Дыханье затаила. Голова рыбы показалась над бортом мостика. Вдруг лещ сделал пируэт и шлепнулся в воду. Стон пронесся над рекой. Оказывается, все рыбаки наблюдали за мной.

— Жаль. На два с половиной тянул.

— Нет, два сто, не больше. Хорош был! — обсуждали мужчины мой «улов».

Неудача не отбила у меня желания рыбачить. Напротив, я с еще большим азартом и вниманием занялась делом. Примерно через час я еще раз подсекла рыбу. Но ее ожидала та же участь. Вернее, меня. Лещ опять плюхнулся в воду.

— Покажи свои крючки, рыбачка, — ласково обратился ко мне старичок, проплывавший

мимо на маленькой деревянной самодельной лодке.

— Ты на карасевые снасти леща собираешься поймать? — удивился он.

— Других у меня нет, — созналась я.

— На, дарю тебе два нормальных. Уж больно ты мила, — засмеялся старик.

— Спасибо! Дяденька, возьмите взамен мои, — предложила я.

— Успокойся. Дарю же! — улыбнулся рыбак и отчалил.

Первая пойманная рыба вызвала у меня такой восторг, что я никак не могла насадить перловку на крючок. Пришлось гостя просить. Меня уже не интересовали ни природа, ни погода. Я была поглощена улавливанием малейших колебаний поплавок. В общем, через час три рыбины лежали в мешке.

— На твой женский запах, что ли идет рыба? — благосклонно и одобрительно шутили рыбаки.

— Говорят, новичкам везет, — отвечала я, еле сдерживая радость.

Мне было чуточку неловко перед рыбаками. Удача сегодня обходила их стороной. Гость совсем не интересовался рыбалкой, хотя размер рыб его поразил. Он ленился менять наживку и явно скучал. Я из вежливости спросила его: «Не пора ли нам домой?» Он мгновенно вскочил. Молодой рыбак согласился перевезти нас на берег. Дядя Боря так заторопился пересечь в лодку, что зацепился за бортик мостика и свалился в воду. Парень еле втащил его в лодку. Хорошо, что бабушка положила в телегу пару старых одеял и фуфайку, чтобы гостю было мягче сидеть на досках. Дядя Боря разделся, завернулся в одеяла и до самого дома проклинал рыбалку. Я чувствовала себя виноватой.

Вечером бабушка приготовила корзину гостинцев, и я повезла гостей на станцию к поезду. Утром следующего дня отец пошел в школу раздавать зарплату. Жизнь потекла своим чередом. Первое время воспоминания о непонятном визите молодых людей вызывали у нас тревогу и настороженность, но потом страхи прошли, и нас уже развлекали только смешные моменты этой странной истории. Мы с братом в который раз с жаром пересказывали друг другу подробности общения с обоими гостями.

Обещанного письма из Мурманска мы так и не получили. «Наверное, не понравилось им у нас», — решили мы.

ДИМА

Начиналась история с Димой Лесных обыкновенно. В школе у некоторых ребят появились поршневые ручки. И мне с Колей к началу учебного года купили такие же. Они удобные, не надо чернильницу с собой носить. Но чернил к ним в сельмаге не хватало на всех, вот я и попросила Дмитрия привезти один пузырек из города, где он должен был участвовать в соревнованиях по тяжелой атлетике. А он привез целых пять. Я растерялась: денег на пять у меня не хватало. Дмитрий засмеялся: «Бери, не мелочись». Потом он дал мне почитать интересную книжку. Между ее страниц лежала засушенная фиалка. Возвращая книгу, я спросила Дмитрия:

— Цветок тебе дорог? Я не потеряла его.

— Не помнишь? Ты же сама его подарила мне на маевке, — ответил он.

В голосе прозвучало удивление, и даже обида по поводу моей забывчивости. «А ведь и правда! Я же тогда всем девчонкам и мальчишкам цветы раздавала, потому что в лесу целую поляну нашла», — вспомнила я, но промолчала. В следующий раз Дмитрий принес книгу, которую мне никак не удавалось заполучить в станционной библиотеке. На этот раз я обнаружила в ней свое фото, распечатанное с пленки без увеличителя. Где он взял негатив? Зачем в книге оставил? А может, это не он сделал? Загадка! Я не знала, как относиться к непонятному факту, и решила сделать вид, что не придала значения

такой мелочи. А на праздник 7 Ноября Дмитрий подарил мне открытку с очень серьезным, умным стихотворением. Лиля увидела открытку и удивленно воскликнула:

— Представляешь, подходит и просит: «Выбери из всей пачки самую красивую». Я на эту указала.

Мне было отрадно чувствовать, что много значу для известного всей школе молодого человека. Вот так я обратила внимание на Дмитрия. Десятиклассник. На цыгана похож, высокий, широкоплечий, волосы черные, кудрявые. Одноклассницы, сравнивая его фото с портретом Маяковского, восхищались их сходством. Еще Дмитрий штангист, музыкально одарен, школьной производственной бригадой руководит. Рубаха-парень. Душа нараспашку. Девчата считают его первым парнем на селе. Не скажу, чтобы я в него сразу влюбилась. Приятно было, когда он провожал меня со школьных вечеров, играя на баяне или еще на каком-либо другом инструменте. Рук не распускал, даже когда они были свободными. Ходили мы на расстоянии друг от друга, беседовали о школьных делах и книгах. Потом во мне возникла скоротечная неожиданная любовь, а может быть, только влюбленность. Если вдруг по какой-то причине я не видела Дмитрия, то этот день казался мне вычеркнутым из жизни. Это было нечто вроде кратковременного угара, ослепления, гипноза, после которого хотелось отдохнуть и блаженно забыться в детских мечтах.

Первый раскол в наших отношениях наметился достаточно быстро, наверное, месяца через два после начала дружбы. Я бы и дружбой не рискнула назвать подобные отношения. Дима так и не вошел в число моих ближайших, душевных друзей. Он сумел только произвести сильное, но недлительное впечатление.

Началось с того, что Дмитрий старался высмеять, морально растоптать и уничтожить всякого, о ком я отзывалась положительно. Особенно это касалось мальчишек. С какой-то странной свирепостью он награждал их обидными прилагательными. В этом было что-то «бабское», недостойное. Оно воскрешало в моей памяти неприятные воспоминания о родственниках тети Ланы. Признаться, я не ожидала подобного от сильного, уверенного в себе молодого человека.

Потом еще одно случайное событие насторожило. Возвращалась я как-то зимним вечером домой мимо клуба. Погода была удивительная! В воздухе подсвеченные мягким серебристым светом луны в очень медленном вальсе задумчиво кружились пушистые хлопья снега. Моя душа, переполненная прелестью природы, пребывала в состоянии изумительной фантастической невесомости и парила восхищенно, легко радостно. И вдруг слышу голос Дмитрия:

— Моя не пришла, с вами сегодня пойду гулять.

Слово «моя», произнесенное без имени, покорило меня. Неслыханное оскорбление! Немудрено, что сразу на грешную землю воротилась. «Что значит «моя»? Собственная?! Я не давала повода к подобному отношению! Если он так думает, то сильно ошибается», — мгновенно завелась я, но в раздраженном состоянии не захотела подходить к компании ребят. Не стала сразу становиться в позу обиженной. Решила сначала сама осмыслить случайно услышанное. В конце концов, я могла ошибиться или неправильно понять его.

Но на следующий день ко мне подошел одноклассник Венька и, опустив глаза к полу, сказал доверительно и смущенно:

— Давай говорить начистоту. Зря ты веришь в непогрешимость Димкиных слов. Рисуетя перед тобой, дуриет голову. Он — эгоист, хвастун, беззастенчивый лицемер и циник. Иногда мне кажется, что он — воплощенное скрытое самодовольство. Беспощаден к людям, даже стариков своих не жалеет. Никого не уважает, лишь самолюбие свое тешит. Любовь на короткое время одарила его чуткостью и тактом, только очень быстро он стал притягивать. Хвалится перед ребятами, что учительская дочь с ним дружит. Что тебя в нем привлекает? Сомнительное блистание виртуозности в музыке, тайное волнение от мнимого таланта в постижении школьной программы? В этом его едва уловимая особенность, отличающая от остальных ребят? Впрочем, и характер у него довольно сухой, склонный к меланхолии, совсем небойцовский, как всем кажется. Одни недостойные манипуляции в голове. С ними он никогда не покончит. Натура такая.

У него зуд тщеславия, а не любовь. Вчера в клубе говорил, что «завалил» бы тебя в любой момент, да папаша боится, потому что ты рассказала ему историю про то, как парня на пятнадцать лет посадили за изнасилование. Меня коробит его паскудное поведение. Не стоит он твоей любви, забалован девчонками, которые давно оставили школу. Подумай. Такие вопросы в одночасье не решаются. Я ни при каких обстоятельствах не посягнул бы на твою любовь, но пойми: тебе другой парень нужен.

— Такой, как ты, что ли? — разозлилась я, зная его симпатии ко мне.

Веня стерпел. И только уклончиво проронил: «Может быть. Не смею надеяться».

— Выдумываешь ты все, — добавила я уже спокойней, недоверчиво пожимая плечами, и с любопытством, будто впервые разглядывая одноклассника.

Знаю: умный, скромный, кроткий, с большими добрыми глазами. Ниже меня ростом и полнее. Целенаправленный, а главное — очень гибкий. Редкое качество для мальчишки его возраста. Почему-то мне неловко слышать от него про Диму.

— Перед тобой он старается, строит из себя порядочного, умного, а за глаза унижает. Недавно с пацанами решал вопрос, трогать тебя до армии или нет. Слушать было противно.

— По мне, ты славный парень, но не чересчур ли настырно вмешиваешься в мою жизнь? Сама разберусь. Друзья хороши честностью, я благодарна тебе за сообщение, только не стремись отыскивать в человеке одни недостатки, попытайся ухватиться за достоинства, — ответила я, не скрывая раздражения, не понимая, на кого злюсь в большей степени.

Вскоре после этого разговора Дмитрий попал за драку в милицию. Я очень переживала. А он пришел в школу веселый и с восторгом, с гордостью рассказывал ребятам, как организовывал «круговую оборону», хвалился перебинтованной рукой: «Я устремился вперед, как спущенный с цепи зверь! Одержимый верой в победу бил с дьявольской расчетливостью! В бою рану и увечье получил! Вот зарубки на память!» Когда я ополчилась на него, объяснив, что мне стыдно за его глупое поведение, он ответил с мрачноватой, высокомерной надменностью, что многие великие люди не избежали тюрьмы.

— Так за великие дела, за революцию, а не за драку! Не тем гордишься, не тем восхищаешься! Как же ты быстро приспособливаешься и находишь оправдание своим гадким поступкам! Нет в тебе главного стержня — порядочности. Почему ты у своих дружков берешь самое худшее? — негодовала я.

Только он не понимал моего возмущения и смеялся. Тогда я впервые подумала, что он из другого, примитивного мира. У нас похожие, может, даже общие устремления, касающиеся учебы, но в остальном мы не пересекаемся. А как-то пришел Дмитрий на школьный вечер под хмельком. В зале, конечно, в таком виде не появился. Через ребят к воротам меня вызвали развязно заявил с присущим пьяным людям независимым неудовлетворенным апломбом:

— Пришел сообщить, как обстоят наши дела. Ты дружишь со мной потому, что меня ждет большое будущее, — и как-то странно по-собачьи ощерился.

— Так вот, послушай мой ответ! Ты знаешь, я прямодушный человек, — отрезала я. — Хоть ты и пьян в стельку, запомни: не хвались преждевременно. Еще не известно, чего ты сумеешь добиться без привычки к труду. Осилишь ли свою мечту? Работаешь только по настроению. Больше вольнишь. Уроки прогуливаешь по делу и без дела. Но отчасти ты прав: я не смогу дружить с парнем, который мне неинтересен. Я должна уважать его.

— Если ты меня обманешь или бросишь, я убью тебя, — на всю улицу заорал Димка. Лицо его при этом опять сделалось злым и свирепым.

— Совсем осатанел от самогона? А если ты обманешь, мне так же поступить? Ты об этом не подумал? Убивать меня за то, что ты не соответствуешь моему идеалу? Глупее придумать невозможно! Если любишь, — добивайся вершин. Я не хочу опускаться до твоего уровня. Ты должен сам решить, каким тебе быть. Налакался, налимонился! Не стыдно? Объясни, зачем выпил?

— Зачем надрался до чертиков как сапожник? Ха-ха! Захотел расслабиться. А что, нельзя? Даже великие люди пили и курили, — куражился мой бывший друг.

Я уже не сомневалась, что теперь для меня он просто знакомый.

— Когда человек состоялся как личность, он может позволить себе маленькие слабости в разумных пределах. А ты весь состоишь из слабостей и дурных привычек! — с горечью и долей пренебрежения заявила я.

— Оскорбляешь! — повысил голос Дмитрий.

— Да! Учишься не в полную силу. Для чего спортом занимаешься? Бабушке, вырастившей тебя с пеленок, ничем не помогаешь. Производственная бригада для тебя — развлечение. Ты не понимаешь, что значит уважать себя и других. Я не намерена больше разговаривать! Мне стыдно находиться рядом с тобой, — сказала я резко и вернулась к подругам.

Немало мужества стоило мне закрыть перед Дмитрием школьную калитку. Обида помогла. Это был не первый пробный камешек в наших отношениях, высветивший несхожесть наших характеров и взглядов. После размолвки я старалась избегать Дмитрия, а он, напротив, искал встреч, вел себя более-менее пристойно, не смущаясь, пытался вести непринужденные разговоры, жаловался, что тоска заела.

Как-то я задержалась в школе. Выхожу, а он стоит у ворот грустный, заиндевелый. Сначала молча шел за мной, потом свою биографию стал рассказывать: «Отца немцы танками разорвали... бабушка молоком поила, а бутылка из-под керосина была... В войну и после бедовали сильно. Горько жилось. Сестренка умерла... Мать замуж вышла, отчим их сына тоже Димой назвал... назло». Я понимала, что на жалость берет, но не прогнала. Таким несчастным он выглядел! Так вместе и дошли до моего дома.

Другой раз на мосту догнал, когда я со станции шла. В любви начал объясняться.

Я ему:

— Но я же не люблю тебя! И тут уж ничего не поделаешь.

А он мне:

— Моей любви хватит на двоих!

— Давай раз и навсегда выясним наши отношения. Твоя любовь скучней осеннего дождливого вечера, она обесценена твоими обманами и разбавлена моими обидами. В ней нет радости, — грубо возразила я, больше не желая слушать его глупые речи.

А он шантажировать начал. Залез на перила моста и говорит:

— Сейчас вниз брошусь, разобьюсь об лед. Ты виновата будешь.

Его слова были для меня как пена или накипь. Они не затрагивали души. Хотела ему ответить, что за каждого дурака не собираюсь отвечать, да увидела грустные, преданные, собачьи глаза. Растерялась. Жалко его стало. И стыдно за такого большого и слабого. И сама себе противна тем, что позволила ему унижаться, цирк перед собою устраивать. Объясняла, что не могу полюбить его таким. А он все свое толковал:

— Любить — значит жалеть?

— Не путай причину и следствие! — в досадливом недоумении возражала я. — Любовь не жалость. Сначала надо полюбить человека, потом жалеть, а не наоборот.

Он опять ахиною понес, глупые слова сыпались невпопад. Неприятно их было слушать и трудно опровергать. С глупым труднее спорить потому, что он не признает ни логики, ни здравого смысла. Его мысли ходят по кругу, он перемальвает одни и те же фразы и разговору конца не видно. Это раздражает, злит и даже бесит.

Неоднократно пробовала доказывать прописные истины. Иногда мне казалось, что он все понимает и только из упрямства не соглашается. Никак не удавалось мне прекратить

нудные бессодержательные перепалки. Слов, доводов не хватало. Моя неопытность, несомненно, давала ему преимущества. Мать выручала. Домой загоняла. Как-то на станции, в фойе кинотеатра, сцену мне устроил. Я не знала, куда глаза девать от стыда. Учительница из второй школы прямо при нем спросила меня:

— Как ты можешь с таким дружить?

Я разозлилась и с отчаянным вызовом воскликнула:

— А как от него избавиться? Прилип! Слова на него не действуют.

— И все же постарайся. Не по силам тебе перебороть его характер, — с сочувствием посоветовала учительница.

Странный парень: я его при всем честном народе оскорбила, а он не ушел. Самой уйти? Какой смысл фильм пропускать? Все равно до самого дома не отстанет.

А на следующий день Веня подошел ко мне, в сторону отвели опять завел разговор о Димке:

— Любым способом пытается тебя удержать, самолюбие не позволяет ему быть брошенной девчонкой. На коленях ползает будет, чтобы добиться своего, вот увидишь. Недавно дружка своего избил за то, что тот сказал: «Не пара ты ей. Все равно она бросит тебя». Остерегайся Димку. Слабовольные люди чаще на подлость способны.

— Веня, ты легкий, спокойный, с тобой всегда хорошо и просто: можно интересно и серьезно говорить о жизни и обо всем таком прочем. Твое общество никогда не бывает мне в тягость. Почему я вечно на сложных людей нарываюсь, будто сама их ищу? Судьба моя такая? Меня очень беспокоит Димкина шатия-братия. Плохо она влияет на него.

Знаешь: недавно что-то странное со мной произошло, когда с Димкой домой возвращалась. Слова лились из меня сами. Я говорила ему совсем не то, что хотела! Опомнилась, с ужасом анализирую предыдущие фразы: «О Господи, что за ахинею я несу, зачем жалею, зачем обещаю помочь?!» Понимаешь, Веня, раздваиваюсь я из-за чувства ответственности за него, словно он мой подшефный ученик. И все же мне кажется, что лучше для нас обоих — разойтись. А ты зачем ворошишь пепелище Димкиной души? Может, ты просто ревнуешь? — грустно засмеялась я.

— Ревную, конечно, но главное — боюсь за тебя.

— Я сама устала от преследований и, честно говоря, уже ненавижу своего навязчивого обожателя. Сто раз прогоняла, объясняла, что наши судьбы сплелись случайно, а он все равно ходит. Надоели гневные взгляды матери, считающей, что у меня нет гордости. А я не умею грубо и резко говорить, по-хорошему хочу разойтись. Не могу побороть в себе жалость к потерянному человеку. Может, попробовать его перевоспитать? — спросила я у Вени, растроганная его заботой.

— Ты что! Он этого только и ждет! Будет подыгрывать тебе, делать вид, что исправляется, — энергично возразил Вениамин.

— Мне сначала показалось, что я смогу полюбить его по-взрослому: серьезно, не бездумно. Я радовалась его успехам в школе, на сцене, в колхозе. В нем много хорошего, понимаешь? Я боюсь, что он сломается из-за любви ко мне и пропадет. Не смогу тогда себе простить. Обидно влюбиться в недостойного человека, неспособного понять другого, — откровенно созналась я.

— Себя жалеешь. Он хитрый. Умеет играть на струнах души. Понял твоё слабое место — доброту — и использует ее. Может, ты на самом деле его любишь?

— Даже от влюбленности следа не осталось! Никак не разберусь: его любовь — роковое наваждение, бесовское неистовство упряма или просто большая глупость? Хоть бы его в армию забрали поскорее! Говорят, там ребята здорово взрослеют и умнеют.

— Его армией не исправишь. Сформировался он. Да и нехорошо на это надеяться. Девушка должна ждать, если проводила парня в армию.

— Ты прав, непорядочно так себя вести. А он правильно поступает? У меня же нет другого выхода! Не могу от него отделаться! И мать каждый день ругается, думает, что я его люблю. Не понимает, что мне самой тошно от него. Знаешь, когда я была маленькой, то видела, как одну очень красивую девушку преследовал огромный, толстый, рыжий, краснолицый дядька. Она пряталась в общежитии, а он через дверь кричал ей: «Все равно моей будешь». Мне так жалко ее было, а теперь сама в такое же положение попала, — пожаловалась я, вздохнув тяжело и безнадежно.

— А ты отцу скажи, — посоветовал Веня.

— Не те у нас отношения. Он никогда не вмешивается в мои дела. А матери говорит: «Давай ее за Димку отдадим». Я им в ответ: «Не хочу с ним дружить. Бабушка воду из колодца тащит, а он с друзьями в карты играет. Не нужен мне такой». Только они всерьез мои слова не воспринимают. Не понимают меня. Отец хвалит Димку, мол, талантливый, за полгода наверстал по всем предметам то, что упустил за предыдущие годы учебы. Поддерживает его в школе. Может, и правда спешит замуж пораньше отдать? Ты знаешь, мне сейчас в голову к двум радостным строчкам пришли две грустные:

Мир полон чудных грез! И было хорошо и просто. Но начинается всерьез, что начиналось несерьезно.

Прилежно поразмыслив, я поняла, что не хочу, чтобы Димка мне детство портил. Мне только четырнадцать! Может, избавлюсь от него, если родители в техникум отдадут? — ища сочувствия, обратилась я к Вене.

— Тоже выход, — ответил он неуверенно.

— У Димки есть повод всюду ходить за мной после того, как моя мать пообещала ему голову оторвать, если со мной приключится нехорошее. Теперь он говорит, что охраняет меня. Я мечтаю о таком парне, чтобы мы понимали, уважали друг друга. Не нужна мне дружба с ревностью, нудными спорами, обманами, недомолвками. Еще не познала настоящей любви, а уже научилась не верить. Отчаялась я понять Димку. Ладно, Веня, спасибо, что сочувствуешь. Побегу домой, а то опять придется выслушивать попреки матери: «С Димкой валандалась?!» И начнутся незаслуженные оскорбления, — вздохнула я.

Иду домой и скулю: «Почему я бесхребетная? Жалею Дмитрия? И тем самым оставляю ему надежду? Глупо делаю... Человек считается порядочным, если любит всю жизнь одного. Я не хочу быть ветреной. А если ошиблась, не в того влюбилась и быстро разочаровалась, почему всю жизнь должна мучиться? Может, я, как мать, беспокоюсь о том, «что люди скажут»? Нет. Так в чем же дело? С раннего детства я патологически боюсь стать плохой. Еще в первом детдоме был заложен подсознательный страх оказаться в числе презираемых, гулящих. Он сторожит меня и не позволяет легко расставаться с друзьями?.. Ну, допустим, разбежались мы с Димкой окончательно. Чем такой, лучше никакого! А дальше что? Он все равно из вредности не позволит никому из ребят дружить со мной. Ерунда! Отстанет, когда встречу настоящую любовь, которой нет преград!»

А мать оказалась права насчет характера Дмитрия. Вот что значит педагог! А может, жизненный опыт?

Лежа в постели, опять прокручиваю в голове события последних месяцев.

Говорят, будто любят ни за что. Неправда! Просто так можно только ненадолго влюбиться. Чтобы любить, нужно соприкоснуться душами. Дмитрий сначала показался мне особенным. Только вышло, что «умная голова дураку дана». В сущности, он обыкновенный. Разуверилась я в нем. Заносчивый, лживый, самонадеянный, с тяжелым строем чувств и праздностью готовых суждений. Баловень. На развлечения у стариков деньги выпрашивает, разгружать вагоны на станции не хочет. С его-то силой? Постыдился бы!

На математической олимпиаде не получил грамоты и мне сказал, что знаний маловато. Я сначала обрадовалась его честности, а потом подумала: «А кто виноват?»

Зачем часами в карты играл?» Имеет хорошие умственные и физические возможности, а силы воли ни на грош. Лодырь. Когда мы одни, он мечтает о Москве, об МГУ, а друзьям взахлеб рассказывает о бандитах, которые печатают деньги, завидует уму воров, вскрывающих самые сложные электронные замки, и при этом цитирует О'Генри.

Мне в любви объясняется и тут же ходит с друзьями к молоденьким медсестрам из Мурманска. Говорит, что от скуки. Я тогда впервые усомнилась в его порядочности и замкнулась в оскорбленной гордости. Не верила ему, но всеми силами души жаждала верить. Да только искренность и непринужденность отношений сразу исчезла. Любовь, может, еще и тлела, но уже еле дымилась. Она слишком загружена ненужным хламом. Самолюбия нет (в хорошем смысле этого слова). Ни батогами его не прогонишь, ни унижением.

Почему я должна ему прощать? Сестра Люся рассказывала, что, когда жених ее подруги изменил ей перед самой свадьбой, она сразу ушла от него со словами: «Не хочу всю жизнь мучиться ревностью». Венькина мама как-то грустно сказала: «Любовь — это цепь бесконечно возобновляющейся веры». Не нравится мне эта фраза...

Не могу заснуть, перемалываю жалкие воспоминания о Диме, бредовые мысли. Не пришлось они по сердцу. Что же я так переживаю? Надо срочно рвать «цепи рабства» своей неуверенности! Рвать решительно и бесповоротно! Душа Дмитрия пресная, черствая, как неудавшийся пирог. Не подходит он мне. Не понимает он степень нашего духовного несходства и наши расхождения по многим житейским вопросам.

Витек, мой солнечный друг! Мне трудно с Димой. Радость первых встреч превратилась в горечь нудных перепалок. Собственно счастье-то и не успело начаться. Было любопытство к новым ощущениям, интересно было познавать друг друга. Иного чувства так и не возникло. Не было желания коснуться рук, тем более губ... Нет, это не любовь. Может, блаженство любви принадлежит к другому порядку чувств, пока мне неведомому?

Люся объясняла, что когда человек не влюблен, его чувства сводятся к теоретическому интересу и не затрагивают глубинных желаний. Разве правильно любить, не оценивая характера партнера, серьезно не размышляя о совместном будущем? А может, порядочность и рассудочность как верные друзья стоят на защите моих эмоций?

Но ведь раньше я хотела, чтобы Дима приходил. Замирала от одной мысли, что скоро увижу, услышу. Ждала, скрываясь от родителей, бегала на свидания. Сидели на тополе, болтали. Была игра с приключениями? А сердцем-то не рвалась... Как быстро ушло все хорошее! Потому что начались обиды, непонимание, выяснение отношений. Как на классном собрании ему выговаривала. Это не избавляло от ссор, от будничных встреч, которые не радовали. Разве это любовь? Наверное, во мне борются детскость и взрослость? Я больше не стремлюсь его видеть.

Моя первая влюбленность к Виктору была яркой, праздничной! Бабушка говорила, что «когда настоящая любовь придет, сразу почувствуешь». А у меня от Дмитрия одно раздражение и жалость... Наверное, в каждой девчонке подспудно должно существовать благословенное наитие, способное указать на необходимость вовремя разорвать невидимые нити, еще не начавшихся серьезных привязанностей с недостойным тебя человеком, чтобы не надеть взрослых глупостей. Но этого мало. Нужна еще уверенность и воля для совершения этого трудного поступка.

Витек, дорогой мой друг! Как бы ты поступил, чтобы всем в этой ситуации было хорошо? Такого не бывает? Я не люблю делать людям больно. Мне легче самой страдать. А зачем страдать? Надо что-то предпринимать, а не предаваться отчаянию. Нет, не dorosла я до взрослой любви. Она для меня — непосильная ноша. Я даже не признаю будто бы безвинных детских поцелуев, потому что они — ступенька к взрослости. Боюсь и не хочу ее переступить. Не тороплюсь переходить границу между духовной и физической близостью. Не влекут меня взрослые отношения. Наслушалась от девчонок с нашей улицы трагических историй. Что может быть лучше гармонии и чистоты духовной, платонической любви! Хочу, чтобы сердца души и мысли любящих всегда звучали в унисон. Хочу любви светлой, чистой, искренней, радостной! Или никакой. Пусть детство продолжается!

Память еще пыталась догонять уплывающие, растекающиеся мысли, но беспокойный

прерывистый сон уже окутывал меня теплым воздушным покрывалом.

АНДРЕЙ

Люблю поездки в город! Они так обогащают и одновременно развлекают меня! Каждый раз я будто попадаю в новый, особенный мир.

Мать рано ушла в институт, а я выспалась и спустилась в парк. Иду по асфальтной дорожке в поисках скамейки. Ранняя весна оголила на газонах обрывки бумаги, ржавые консервные банки, битое стекло. Неужели люди будут сидеть около этих мусорных куч до майских праздников? Огляделась. Сотни «солдатиков» облепили с солнечной стороны пни и трещины коры деревьев. На бугре сквозь прошлогодние листья пробивается нежная чистая трава.

В низине кто-то устроил себе уютное «гнездышко» из четырех стволов засохших деревьев, сложенных квадратом. Над ним склонились светлокорые развесистые ивы. Увидела лавочку, со вкусом встроенную между двумя березками. Обрадовалась. Красиво как! Сажусь... с треском падаю и вскрикиваю: «Какая же дрянь подлянку устроила?!» Осматриваю аккуратно оструганную и раскрашенную доску. Снизу подпилена. «Чья же черная душа не поленилась отвинтить огромные болты?» — удивилась я изощренной фантазии «шутника». Хорошо, что я «попалась на удочку», а если бы у какой-либо старушки с сердцем плохо стало от испуга?

Вспомнила, как сцепилась с мальчишкой в трамвае. Сидит он и железной грубкой царапает спинку кресла. Отнять инструмент не смогла. Спрятал за пазуху. А когда я выходила, он, нагло улыбаясь, снова принялся за «работу». Я ему:

— Не ты красил, не тебе и сдирать!

А он мне в ответ:

— Дура!

Поговорили! Нечего сказать!..

В тот же день наблюдала жуткую картину. Группа мальчишек одного травила. Грубо обзывали, высмеивали, сбросили его шапку на землю и заставляли поднять. С самозабвением предавались «развлечению». А он стоял взволнованный, возмущенный, с гордо поднятой головой. Старался не выпустить слезы незаслуженной обиды. Ни единым словом не уступил банде шакалов, точнее стаду баранов, которые смелые, когда главарь-пастух рядом и когда все на одного. Выстоял! Не покорился. Повернулся на сто восемьдесят градусов и пошел домой, напоследок крикнув: «Шапку мне домой принесете!» Я по глазам видела, чего ему стоило геройство. Небрежность в походке была у него от нервного перенапряжения. У самой такое случалось в детстве, когда пыталась защитить чувство оскорбленного достоинства. Вера в справедливость тогда очень помогала, приумножала силы...

Иду по аллее. На лавочке — группа студентов. Все смеются. Любопытно, что их так развеселило? Худой, высокий молодой человек с трагичным выражением лица и жестов стоял на коленях и жег кучки листочков. Потом, воздев руки к небу, произносил какое-то заклинание и под хохот друзей разбрасывал пепел.

— Что вы сейчас делали? — поинтересовалась я.

Студент грустно посмотрел на мое любопытное лицо и серьезно объяснил:

— Исполнял ритуал наших предков. Молился языческим богам.

— А что сжигали?

— Методичку по истории. Двоечник я, понимаешь? А теперь опомнился. Завтра отчислят, если сегодня не сдам экзамен. Эх! Скорее бы на пенсию! — добавил он горько-шутливо.

— Вы пьяный?

— Нет, взволнованный, испуганный.

В его голосе уже не было куража. Ребята сдержанно успокаивали его:

— Пошли. Мы под дверью всей группой стоять будем.

Молодой человек неуверенно улыбнулся и поднялся со скамейки. Я проводила его взглядом. «На вид взрослый, а на самом деле — совсем еще ребенок», — подумала я, искренне жалея молодого человека. И этот момент почувствовала себя много старше и серьезнее студента-неудачника.

Заморосил дождь. Я вернулась к дому под навес. Нетвердым шагом ко мне подошел сосед по нашей коммунальной квартире. Впервые вижу его пьяным. Сегодня он мне не нравится. Удивительно, как водка гадко меняет человека?! Дядя Алексей, увидев в моих глазах неодобрение, взялся за голову и застонал:

— Вот и ты меня осуждаешь, чистый, нежный, добрый человечек. И я таким был. Знаешь двух женщин из пристройки?

— Видела. Наштукатуренные и раскрашенные. Противные тетки, — брезгливо передернула я плечами.

— Родители старшей, до революции дом терпимости держали. Друг меня к ним затащил, когда мне за квартиру нечем было заплатить. Полгода туда ходил. А теперь держу любимую женщину в руках и ничего не чувствую. А мне только двадцать шесть! Моя жизнь закончилась! Не знал, что такое может произойти. Михаил продолжает там бывать, а я сгорел. Сам виноват. Хотел с жизнью расстаться. Не смог. Теперь вот пью, — исповедовался передо мной сосед.

Я не понимала беды дяди Алексея, но жалость заполонила мое сердце. Мне захотелось утешить его:

— Вылечитесь. Только не пейте, пожалуйста, Вы талантливый, я видела ваши резные работы и картины. Хозяйка показывала. Что вам еще надо в жизни?

— Любить, чувствовать!

— Влюбитесь еще, не переживайте.

— Учебу забросил. Не верю, что все хорошее вернется! — опять застонал сосед.

Он вытащил из кармана точеную каменную фигурку гордой птицы и сказал:

— На счастье тебе, хороший человечек!

Подошла моя мать. Я быстро сунула подарок в карман шаровар и попрощалась с соседом. «Какие трудности ожидают меня в студенческой жизни, если отдадут в техникум? Сумею ли преодолеть их одна?» — задумалась я о своем будущем.

А вечером пришел сын хозяйки Андрей.

— Дядя Андрей, у вас есть свободное время? — обратилась я к нему.

— Не называй меня дядей, — попросил он.

— Не буду. Можно с вами поговорить про студенческую жизнь?

— Можно. Сегодня могу позволить себе расслабиться. Я в университете учусь. Нагрузка большая. Хожу, конечно, в театры, музеи посещаю, но бездарно время не трачу, — улыбнулся Андрей.

— Расскажите, пожалуйста, про университет, а то я в селе живу как от мира отрезанная.

— Что конкретно тебя интересует?

— Хотя бы вступительные экзамены.

— Поступал я дважды, — начал Андрей тихо. — Сначала на юге страны. Запомнился письменный экзамен по математике. Решил все задания за сорок пять минут и уже поднялся, чтобы сдать работу, но тут худенькая девочка, что сидела сбоку, потянула меня за рубашку и прошептала:

— Не спеши умником себя выставлять.

Я сели заново проверил работу. Где-то ответ не свернул, где-то квадрат потерял при переписывании с черновика, на чертеже буквы перепутал. Я с благодарностью взглянул на девушку, на косички с белыми бантиками, ситцевый сарафанчик и наивные, добрые голубые глаза. Она улыбнулась.

В это время абитуриентка, которая сидела сзади, принялась толкать меня в спину карандашом. Я оглянулся. Преподаватель подскочил ко мне и предупредил: «Еще раз повернешься, — выгоню!» Я терпел, но острый карандаш мешал мне думать. Девушка зашептала: «Положи решение на край стола». Мне не хотелось давать списывать, но я все же положил черновик с тремя примерами рядом с собой. Не прошло и пяти минут, как опять мою спину начал долбить «дятел». Тут я сообразил, что раз девушка не смогла справиться с контрольной, то, наверняка, не сумеет дополнить решение своими пояснениями. А это значит, если я позволю ей списать всю работу, то мы оба получим двойки! И теперь, сколько наглая ни клевала меня, я не поддавался.

Тогда она зашептала: «Сколько будет стоить решение?» Я мысленно возмутился и пошел сдавать работу. На следующий день я зашел в приемную комиссию, чтобы узнать результат экзамена и увидел, как высокий худенький абитуриент в круглых очках, утирая градом текущие слезы, умоляя председателя комиссии дать ему контрольную любой сложности. Преподаватель совал ему в лицо правила поступления в вуз. Молодой человек, срываясь на фальцет, кричал: «Я не могу вернуться домой с позором, я был лучшим учеником в школе. Я не виноват, что кто-то списывает! Я не видел. У меня плохое зрение. Не уйду отсюда! Помогите!»

Председатель вдруг решительным жестом подозвал секретаря: «Печатайте приказ. Вызывайте членов комиссии и собирайте всех абитуриентов, у которых двойки по причине списывания. Будем спасать пострадавших». Из «черного» списка явилась половина. Потом я узнал, что экзамен принимал самый строгий и самый любимый студентами профессор математики, ученый с мировым именем.

— Поступила та девушка, которая к вам приставала на экзамене? — спросила я.

— Я ее больше никогда не видел.

— В какой еще университет вы поступали? — продолжила я расспросы.

— Не говори мне «вы», я еще студент. В прошлом году поступил в Московский университет — главный вуз страны!

— Гордишься?

— Еще бы!

— В Москве вступительные экзамены чем-нибудь отличались?

— Еще как! Представляешь, в первом вузе на каждые тридцать абитуриентов было по два экзаменатора. А в Москве только мы взяли по билету, как тут же к каждому из нас подсади по два преподавателя и стали внимательно наблюдать, как мы готовимся. Мой экзамен длился четыре часа. Я так устал, что, когда возвращался по длинному коридору, пол под ногами ходуном ходил. А на зачислении я впервые в жизни был пьян от счастья.

— Почему сразу в Москву не поехал?

— Мечтал, но боялся. Но случай, происшедший с моим другом-четверокурсником, потряс меня, перевернул всю жизнь и сделал решительным. Удивительный был парень.

Поступил в шестнадцать лет, великолепно знал два иностранных языка, потому что его мама — учительница английского. На занятия ходил редко, но когда появлялся, то сдавал зачеты лучше всех. Преподаватели обижались на него за пропуски, но, побеседовав, восхищались уровнем его знаний и ставили только пятерки. Когда он приходил в группу, студенты буквально набрасывались на него, и он терпеливо отвечал на все вопросы.

Однажды он сдавал экзамен нашему самому знаменитому профессору и так увлекся, доказывая теорему, что стал толкать преподавателя в плечо и говорить: «Ты понял?» Ребята испуганно ожидали, чем закончится неформальное общение их друга. Профессор поставил пятерку и пожал Саше руку. А в конце четвертого курса один преподаватель за пропуски не допустил его к экзамену, и Сашу отчислили. Никто не защитил, будто не заметили, что ушел талантливый, пусть даже немного странный студент. Никто не заинтересовался им, не взял к себе для научной работы. Весь курс ходил просить за него. Девушки даже со слезами.

— Где он теперь? — заволновалась я.

— Ребята говорили, что работает с заключенными на химическом заводе у себя на родине, в Курске. Пить стал. Ходит по улицам и формулы вслух произносит. Очень умные люди часто бывают беззащитными. К тому же он без отца рос. В Московском университете на него сразу бы обратили внимание.

Я представила себе голубоглазого с рассеянной улыбкой молодого человека, задумчиво бредущего по темным улицам города. У него большой красный нос и от безысходности опущенные худые плечи.

Некоторое время мы с Андреем молчим, укладывая на дно души тяжесть обиды на несправедливый мир безразличных людей.

— Потом и со мной произошла неприятная история, — снова заговорил Андрей. — Готовил я доклад на первую в моей жизни осеннюю научную конференцию. На предварительном прослушивании понял, что моя работа на порядок лучше работ пятикурсников. Наверное, потому, что уже с седьмого класса заинтересовался проблемой, изложенной в докладе. Руководитель конференции сказал мне прийти на заседание секции к четырнадцати часам. Мои друзья удивились, потому что обычно чтение докладов к обеду заканчивалось. Я был еще неопытным и послушался преподавателя. А когда пришел, то зал был пуст. Чуть не расплакался от обиды. На весеннюю конференцию сам не пошел, потому что уже принял решение: уехать в Москву.

А тут еще одна неприятность случилась. В течение семестра я подрабатывал на вокзале грузчиком. Деньги копил, чтобы в сессию питаться лучше. Ведь приходилось десять зачетов и пять экзаменов за полтора месяца сдавать. К концу сессии сил уже не хватало. Я даже шоколадку позволял себе купить перед экзаменом или стакан сметаны. Так вот, готовился я в тот день к защите первой курсовой. Открыл потайной карманчик сумки, — а денег нет! От волнения кровь хлынула из носа. Лег на кровать и думаю: «Чем буду жить целый месяц? В сессию на вокзал не побежишь».

Полежал с полчаса и пошел в университет. Захожу в столовую, беру чай и три кусочка хлеба. Вдруг подходит к моему столу девушка с раздачи и подает второе. Смутился я. Шепчу, что когда-нибудь отдам долг. Ем, слезы смахиваю. И стыдно за себя, и радостно за добрую девчущку. Чуть не задохнулся от нахлынувших чувств. Сглотнул еду — и бегом на кафедру.

А там сюрприз меня ждал. Комиссия еще не собралась, а мой друг по группе Мишка уже отчитывался перед своим руководителем. Потом тот преподаватель меня вызвал. Я удивился, что защита идет в присутствии одного преподавателя, но пошел к доске. Посыпались вопросы, не касающиеся моей темы. Я отбивался, как мог. Понял, что «засыпает». Группа замерла в волнении и растерянности. Преподаватель Титанов поставил мне тройку и вызвал следующего. Я никогда в жизни не получал троек. Четверки были большой редкостью.

У меня все плыло перед глазами, лицо горело. Я плохо соображал и уже не чувствовал обиды. Как замороженный просидел до конца. Не слышал, как собралась комиссия, как

отвечали сокурсники. Когда ребята вывели меня из аудитории, кто-то из них сказал: «Это была настоящая, в прямом смысле, защита». Потом мы обо всем узнали. Оказывается, мой и Мишкин руководители были в ссоре.

Иссякла последняя капля терпения, и я занялся переводом в Москву. Не разрешили. Пришлось сдавать вступительные экзамены... Я смотрю: ты совсем нос повесила. Не грусти. Все закончилось хорошо. Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь веселое?

— Хочу, — прошептала я, чуть не плача.

— В общежитии у меня был друг. Ростом около двух метров. Спортом занимался. Все считали его добряком. Нетрудно прослыть добрым, когда отдавать нечего. Но он был на самом деле хорошим парнем. И, как большинство студентов, вечно голодал. Для него столовая порция — на один зубок. Он как-то обозвал наш общепит «Бухенвальдом», так его чуть из вуза не выгнали. Тренер спас. В сессию Митя особенно страдал от голода. И что же придумал? Ставил внутрь пустой коробки из-под торта миску и шел в столовую. На второе у нас чаще всего давали жирную свиную поджарку. Митька подсаживался к любому столику и начинал трепаться. Его любили за веселый нрав. Но тут он целенаправленно рассказывал байки про противное жирное мясо и сало. У некоторых студентов со слишком образным мышлением не выдерживали нервы. Есть и без того невкусную пищу они уже не могли и отставляли тарелки. А Митька, выждав удобный момент, наполнял свою знаменитую миску. Прием, конечно, не назовешь честным, но я прощал ему. Он же честь вуза на соревнованиях защищал. До сих пор с ним переписываюсь.

— А экзамены в сессию трудно сдавать?

— Чем лучше подготовишься, тем меньше волнуешься. Иногда смешное, неожиданное случается. Помню такой случай. Вел у нас теорию вероятностей профессор Чернаков, ученый с мировым именем. За месяц отчитал все лекции и улетел сначала в Америку, потом в Японию. Приехал в конце семестра и назначил день экзамена. В указанное время одни студенты разговаривали о том, как профессор принимает экзамены, другие — повторяли лекции, не веря в то, что перед смертью не надышишься. Я тоже пробегал глазами самый сложный раздел.

Появился профессор и с веселой усмешкой сказал:

— Ну, молодые люди, положите свои лекции на мой стол и идите в коридор.

У некоторых ребят лекции были спрятаны под одеждой. Остальным не хотелось их подводить. Профессор, заметив нерешительность в наших рядах, грустно усмехнулся и подчеркнуто вежливо предложил всем прийти через пять минут. Конспекты мои были своеобразные. На правой странице я записывал лекции, а на левой цветными карандашами дома вносил пояснения из различных учебников. Тут же я помещал свои стихи о любви и эпиграммы на преподавателей. Первую страницу украшал портрет моей любимой девушки. Эпиграфом к курсу теории вероятностей я поставил критическую фразу в свой адрес. Она точно характеризовала мою неудовлетворенность жизнью. «Моя жизнь, как бездарная проза, пишет страницы серые...» В коридоре резинкой я попытался убрать со страниц «произвольную программу». Но тщетно.

Пять минут прошли. Притихшие студенты сдавали тетрадки. Первая шестерка самых смелых заняла свои позиции. Им предстояло показать группе, что и как требует экзаменатор. Чернаков внимательно изучал записи студента, потом три раза открывал конспекты лекций в любом месте, задавал три вопроса и только после этого, в зависимости от качества ответа, давал студенту задачи и вопросы к билету. Конечно, задач студенты боялись больше всего. А я с беспокойством думал о том, как воспримет профессор мои «пестрые» лекции. «Если поймет мои «дополнения» к лекциям как оскорбление себе, то экзамен мне сдать будет трудно. А если он с юмором, то это мне не помешает», — рассуждал я.

Прошло два часа. Вышел первый измученный студент. Оказывается, чем больше делаешь ошибок при ответе, тем больше получаешь дополнительных вопросов. У кого не все конспекты, тем еще хуже. А если лекции разорваны на шпаргалки, то лучше вообще такому студенту не появляться на экзамене. Чернаков сказал одному: «Даже шпаргалки не позаботился написать. Многого могу простить, только не лень».

Слышу свою фамилию. Экзаменатор открыл мои лекции, внимательно осмотрел портрет моей избранницы. Прочитал эпитафию и с явным любопытством взглянул на меня. Я опустил глаза. Потом профессор принялся изучать качество записи лекций. Тут я не беспокоился, потому что умудрялся записать слово в слово теорию за любым преподавателем, включая шутки и анекдоты, какие случалось услышать на занятиях. Чернаков с интересом ознакомился с расшифровками текста лекций. Затем прочитал пару стихов. Для меня эти несколько минут показались вечностью.

Наконец, он открыл тетрадь и потребовал объяснить формулировку из той самой сложной лекции, которую я повторял перед тем, как войти в аудиторию. Я мгновенно процитировал и раскрыл суть вопроса. Страница с законом еще стояла перед глазами. Два других вопроса оказались для меня совсем легкими. Я без затруднений справился с ними и застыл в ожидании номера билета и задачи. Но Чернаков снова открыл первую страницу лекций и еще раз прочитал эпитафию. Потом вдруг взял мою зачетную книжку и что-то написал в ней. Я не решился открыть ее и вышел из аудитории как в полусне. Ребята кинулись ко мне с расспросами:

— Что поставил?

— Почему задач не давал?

— Как ты умудрился за несколько минут сдать экзамен?

Я сам был изумлен, но ребятам ответил весело: «Стихи надо писать!»

Понимаешь, хорошему преподавателю не надо много времени, чтобы оценить знания студента, потому что он, прежде всего, психолог. Мать у тебя такая. Лекции в пединституте читает, эксперименты в школе проводит. Учитель-новатор! Очень просто и достойно держится в этой новой роли. Без высокомерия, но уверенно.

— Моя? — удивилась я.

А про себя подумала: «Обычная, только очень строгая. В чем заключаются ее эксперименты? Кто бы мог подумать? А на вид простая, даже чересчур. Не может она быть высокомерной, слишком скромная».

— Со стороны человек виднее, — пояснил Андрей, увидев в моих глазах недоверие. — Она ищет новые пути в обучении сельских детей, у которых много времени уходит на домашние дела и сельскохозяйственные работы, разрабатывает методику работы с учащимися из интернатов и детьми с заниженными способностями.

— Я вижу мать за домашними делами, поэтому в школе уже не воспринимаю ее на все сто процентов только как учителя, — объяснила я свое удивление Андрею.

— Учителям труднее своих детей воспитывать. Тайны для них в педагогах нет. Для меня в младших классах учительница была непререкаемым авторитетом, казалась чем-то особенным, недостижимым.

Твоей матери многое дано от природы — и красота, и ум, и тонкое чувство. Только нет у нее возможности для полного самовыражения, чтобы показать свои способности тем, кто мог бы ее понять. Ей необходима взрослая аудитория, общение с равными, — сказал Андрей задумчиво.

— Откуда ты все знаешь? — удивилась я.

— Два раза побывал на ее лекциях, пока знакомую ожидал. Знаешь, от учителя в жизни каждого человека очень много зависит. Детями мы этого не понимаем. Есть у меня старший товарищ. Вадимом зовут. С учителем не поладил. Разозлился, школу бросил, в училище ушел. Учиться там было легко. Но ведь душа не лежала к специальности! Декан мой в институте как сказал Саше? «Ты взрослый, я тебе не нянька. Получай, что заслужил за непосещение занятий. Пусть жизнь тебя научит». Вроде и прав. Только Саша не выдержал, сломался. А мастер Вадима говорил, что мы друг за друга в ответе. Назначил его старостой в группе. С добротой и заботой чувство ответственности прививал. Позже талант в Вадиме раскрылся редкий. Теперь он артист. Твоя мать из таких педагогов. Не веришь? Думаешь, у ярких личностей морщинок на лице не вижу? — пошутил Андрей.

— Нет, ты прав. Важно в трудную минуту встретить такого учителя, как тот мастер. Я в первом классе знала одного человека, папу моей подруги. До сих пор забыть его не могу, потому что впечатление произвел, открыл новое, интересное, будто на миг осветил весь мир, представил жизнь иначе, все мелочи убрал или сгладил, главное показал. Я много позже это поняла.

Андрей посмотрел на часы. Я скрылась за дверью своей комнаты. Все мои мысли занимали слова Андрея о моей матери.

ВТОРОЙ УРОК

Мать уехала в Обуховку. Отец проводит за нее занятия. А у меня появилась возможность, не боясь выговора, сбежать к Леше Воржеву и Кате Ступицкой. Зашла в пятый «А», а класс пустой. Только Лидия Ивановна за учительским столом проверяет тетрадки. Она сняла очки и с интересом посмотрела на меня:

— Заходи, чего в дверях застыла? У Кати сейчас математика, а Леша дежурит.

Скоро придет. Подождешь?

— А можно?

— Конечно.

Сижу. Ерзаю. Не могу без дела.

— Хочешь почитать сочинения моих ребят? Возьми вон те тетради по развитию речи. Сегодня на перемене мы посещали школьный сад. А там ярко-зеленая лужайка вся в желтых солнышках-одуванчиках. Один мальчик наступил на одуванчик, а я вскрикнула: «Ой! Ему же больно!» И мы дальше пошли любоваться, как цветут яблони, груши, сирень. Мне так хотелось, чтобы ребята прониклись их красотой! Потом на уроке они сочинение писали. Обрати внимание на строчки, которые я выделила, — попросила учительница.

Читаю: «Верба надела белые пушистенькие перчатки...»; «Каштан расставил белые свечи...»; «Наш сад превратился в волшебную сказку...»; «Каждую весну он дарит нам разноцветное счастье...»; «Лазаем, ломаем яблони и сирень, а они все цветут и радуют... Теперь не хочется их ломать...»; «Первозданная, изумрудная зелень травы. Чудо!...»

Володя Егоров написал: «Одуванчик, одуванчик, ты сияешь, как огонь, и запах у тебя чуден, и красив ты, и весел, этим радуешь нас. Но срывать тебя мне больно! На полянке всем вам вольно. Там с семьей ты сидишь: с мамой и папой, с сестренкой и братишкой, с дедушкой и бабушкой. Дома тебе лучше. Там вы дружная семья. Как хорошо смотреть на природу!»

Вспомнила отрывок из сочинения Илюши Григорьева, моего одноклассника. «Если у человека хорошее настроение, то ему хочется вести себя правильно, а когда плохое, он может невольно нагрубить кому-нибудь, даже тому, который ничем его не обидел. Тот, кому нагрубили, расстраивается или раздражается и может также обрушиться на невинного. Получится что-то вроде цепочки, первым звеном которой был невоспитанный человек. Если цепочка замкнется, то все опять пойдет по кругу. Вот бы у всех людей всегда было великолепное настроение! Но так сделать невозможно. Значит, это не выход. Мне кажется, что, каким бы плохим ни был душевный настрой, надо держать себя в руках, вести себя достойно. Тогда, может быть, мир станет немножечко светлее».

«Эти детдомовские дети пока пишут только о своих чувствах. Илья постарше, его уже волнуют взаимоотношения между людьми, он ищет решения, делает выводы», — размышляю я.

— Тебе понравились сочинения? — спросила Лидия Ивановна, заметив, что я перестала читать.

— Очень. Особенно Володино. Похоже на стих.

— Белый стих. От избытка чувств так пишут. Ты поняла, что главное для ребенка?

— Конечно. Мама, папа, дедушка, бабушка. И чтобы все были рядом и вместе.

— Лена в прошлом году написала: «Сосульки висят на углу школы и плачут, потому что девочки на весенние каникулы уходят». Ей грустно было одной в комнате оставаться.

— А я когда к вам через парк шла, то подумала: «Золотистые весенние свечи на елях как восковые, церковные, а на каштанах — светлые, праздничные, но мирские». Можно так в сочинении написать?

— Конечно. Все можно! Это же твое восприятие, твой полет души. А ты чувствуешь, какие ассоциации, какие параллели ребята проводят?! Цепочку желаний с состоянием природы связывают. И всюду подспудное, глубокое стремление иметь свой дом, свою семью. Наивное, доброе, но такое до слез тоскливое. Видела дежурного мальчика? Он сегодня, прежде чем отдать мне тетрадки, стер плохое слово у друга на обложке. Ступенька за ступенькой поднимаю их на более высокий уровень, учу чувствовать, думать. Читаю их сочинения и понимаю, что «душа живет, мысль облекается в слова». Так написала моя девятиклассница.

Вот как ты думаешь, зачем я показывала ребятам на прогулке жучков, бабочек, учила запоминать названия растений? Понимаешь, когда они в следующий раз придут в парк, то будут рады встречи с ними, как с хорошими друзьями. Я обращаю внимание ребят на многообразие красок природы, учу понимать ее поэзию, восхищаться ею. Хочу, чтобы в их сердцах оставалось меньше места для тоски и обиды на жизнь.

— Мне кажется, Володя чувствует себя одуванчиком, на который наступили. Правда?

— И не он один. У каждого из них тяжкий багаж прошлого. Но они его как бы заново создают, дополняя хорошим, желаемым и желанным. Детдомовский ребенок много теряет в развитии по причине отсутствия семьи. В детстве закладываются основные чувства, понятия, смыслы. Что недополучено до десяти лет, взрослому трудно, а подчас и невозможно, полностью наверстать и скомпенсировать. Некоторые аспекты сознания остаются в состоянии недоразвития. Отсюда частичный инфантилизм бывших детдомовцев.

— Значит, моя доброта, нежелание признавать гадкое в жизни, обостренное чувство несправедливости — недоразвитие? — удивилась я.

— Нет. Инфантилизм проявляется в том, что человек не понимает взаимоотношений и не может им противостоять, его восприятие жизни не соответствует возрасту. А ты задумываешься над различными проявлениями характеров людей, вникаешь, анализируешь их. Ты понимаешь, но многого не принимаешь в силу своей доброты, мягкости, жалостливости. Тебе не хочется верить в плохое. Одних детей встреча с жестокими жизненными ситуациями делает злыми, других заставляет бороться, третьи ищут добрые пути решения проблем.

— Раньше я представляла себя Павкой Корчагиным, а сейчас внезапно четко и ясно ощутила себя князем Мышкиным. Его суть была и есть во мне. Я полностью не поняла взаимоотношений между героями Достоевского, но князь меня поразил удивительной глубиной натуры. Он тонкий, нежный, трепетный, чувствительный и трогательный. Он болезненно чувствителен или болен, и поэтому излишне чувствителен? Мышкин понимает несовершенство общества и пытается направить каждого, как ему кажется, на путь истинный. В этом его наивность?

Он пробуждает в людях совесть, но это их раздражает, потому что, поддаваясь на его увещевания, они ненавидят себя, стараются подавить в себе нахлынувшие добрые чувства, которые мешают им жить и добиваться своих плохих целей. Люди издеваются над его порядочностью, используют его доброту и стесняются своих добрых поступков! Зачем нужен Мышкин? Чтобы люди острее чувствовали свои пороки? Пороками человек отличается от животного или осознанными добродетелями? — горячилась я.

Лидия Ивановна спокойно объяснила:

— Мир живет добродетелями большинства, а разрушается пороками единиц. Твоя цель

— научиться выделять из массы людей коварных, лживых и злых. Мой дядя говорил: «Не уважаю людей, которые позволяют себя обманывать. Мозгами надо шевелить, и все будет в порядке. При этом доброта не помеха. Даже наоборот».

Ты понимаешь, почему я прививаю ученикам любовь к чтению? — перевела Лидия Ивановна разговор на любимую тему. — Чтение незаметно для ребенка влияет на формирование характера, воспитывает вкус, образует, совершенствует язык, учит жить осмысленно. Всех аспектов благотворного влияния чтения не перечислить. Это тема для отдельного, большого разговора.

Для меня важно научить детей радости общения с любимыми героями, пробудить в них прекрасные мечты и стремление достигать поставленной цели. Когда у человека есть прекрасная реально достижимая цель, он не собьется с пути. А еще я хочу, чтобы жизнь моих учеников была интересной, наполненной, чтобы они имели больше поводов для радости. Мне жутко видеть пустые глаза запущенных детей, способных только есть, спать и справлять нужду. Если мы не поможем, то спутниками их жизни будет только водка и тюрьма. Умению радоваться тоже надо учить. А детдомовских детей тем более, — завершила беседу со мной учительница.

Пришли на самоподготовку шестиклассники. Я вопросительно взглянула на Лидию Ивановну. «Можешь остаться», — благосклонно ответила она глазами.

— Понравился вам вчерашний фильм? О чем заставил задуматься? — спросила учительница ребят.

— Плохой человек не сделает такой фильм...

— Режиссер душу свою преподносил. Он душевный человек...

— Он говорит, что никогда не поздно раскаяться, попросить прощения...

— Человек может исправиться... Главное — уметь дать оценку своим поступкам...

— Человек не должен быть безучастным к своей судьбе, только тогда он может себя изменить...

— Учит отвечать за свои поступки, — добавила Лидия Ивановна. — А еще фильм о том, что наше старшее поколение прошло испытание холодом и голодом. Сумеем ли мы теперь пройти испытание сытостью? Сытый и хороший человек — разные понятия. В богатстве тоже должна быть мера, которая сохраняет в нас человеческое. Беспредельная жажда власти и денег губительна не только для отдельных людей, но и для всего человечества. Отсюда войны и трагедии миллионов. Запишите темы сочинений: «По-разному можно прожить...», «Жизнь и судьба», «Что запомнилось?», «Что удивило?»

— А какое впечатление на вас произвел фильм «Война и мир»? — спросила Лидия Ивановна.

Вместо ответа — молчание.

— Не понравился? — удивленно вскинула брови учительница.

— Понравился. Но мы Наташу Ростову совсем не такой представляли.

— Ну что же, мне приятно, что в вашем творческом воображении она другая. Начинайте работать над сочинением, а мы с гостьей пока пойдем к девятиклассникам.

Лидия Ивановна кивнула мне.

Идем по длинному коридору школы, Я вспоминаю, сколько нервов стоило мне разрешение на посещение этого фильма. «Провинность моя была совсем мизерная. Усомнилась я в правильности утверждений учителя физкультуры. А он, конечно, бегом моей матери жаловаться. Коля давно ушел на станцию, чтобы билет достать, потому что очередь там жуткая. Море народу в кассу уже целую неделю. Все село хлынуло в кинотеатр. Вавилонское столпотворение! О школьниках я вообще помалкиваю. А я вожусь на кухне. Сковородки роняю. Злюсь. Вся школа там, а я, как всегда, с горшками-черепками. Можно было бы стерпеть, не впервой лишаться воскресного развлечения. Но

ведь это «Война и мир!». К следующему выходному его снимут с проката, и останусь я с носом. Обидно и стыдно будет перед классом, что одна-единственная не посмотрела долгожданный фильм.

Стрелка часов неумолимо движется к семи. Чувствую: мать тоже на пределе. Осталось терпеть минут пятнадцать. Дальше не будет смысла нервничать. Я сжала зубы, чтобы не разреветься. Надо с честью выдержать наказание. Пусть ей будет стыдно, что из-за ерунды лишила меня зрительного изучения великого произведения. От этой мысли нервы чуть ослабли.

— Не буду писать сочинение по Толстому, не буду участвовать в конкурсе, — с будничной интонацией говорю я, повернувшись спиной к матери. — Не буду делать доклад о преимуществах социалистической системы в кинематографии и недостатках капиталистической. Так можете и передать Ивану Стефановичу.

Мать не выдерживает последнего аргумента и бросает мне плащ-палатку. Мне кажется, она сама лихорадочно искала выход из создавшегося положения и не находила, а тут спасительная подсказка! А может, в ней боролись педагогические каноны и житейская интуиция?

На дворе ливень. Я натягиваю на босу ногу резиновые отцовские сапоги и громадными скачками несусь на станцию. Сплошная стена воды застилает лицо. Бегу в слепую. Спотыкаюсь. Расползаются ноги на вязкой липкой глине. Под сапогами трещат кусты, корректируя направления моего движения. Вот и станция. Двумя-тремя движениями счищаю с сапог грязь. Сбрасываю их и плащ вместе с потоками воды в углу у кассы. Женщина-контролер недоуменно и сочувственно смотрит на мое решительное разоблачение. Я на бегу бросаю ей деньги и влетаю в темный зал. Сажусь на ступеньки, решительно потеснив кого-то. Перевожу дыхание и вижу последние кадры журнала. Успела!»

Слышу спокойный голос Лидии Ивановны:

— Я всегда долго обдумываю формулировки тем для сочинений. Для каждого возраста они разные. Главное — пробудить в детях желание раскрыться, научиться самим заглядывать в свой внутренний мир. Вот темы для девятиклассников: «А счастье было ли возможно?», «Зачем все делается на свете?», «Какая красота спасет мир?», «Змей в естестве человеческом зело прекрасном...», «Благодарю Бога за то, что он дал мне возможность написать «Чистый понедельник» И.А. Бунин», — объясняла она на ходу.

Девятиклассники встретили Лидию Ивановну по-доброму ворчливыми словами:

— Мы уже семь минут ждем Вас.

«Дети — эгоисты, — шепнула она мне. — Чем больше даешь, тем больше требуют. Эти уже осознали необходимость образования и знания русского языка. Работают всегда усердно, с желанием». «Они любят ваши уроки, поэтому минуты считают. И вас любят, хотят видеть и слышать дольше других», — тихо высказала я свое мнение.

Я уже заметила, что Лидия Ивановна очень не любит, когда о ней говорят хорошо. Она считает, что это ее долг — радостно обучать детей.

После урока Лидия Ивановна зашла со мной к ее молодой коллеге. В комнате ученики вторых — четвертых классов вели оживленный разговор с воспитательницей на вольные темы.

— Я теперь борьбой занимаюсь, — объявила Катя Чуносова.

— Не жалко бить партнера? — спросила воспитательница.

— Мы не бьем, а осторожно, по правилам «кидаем» на мягкий мат.

— Для чего ты посещаешь кружок?

— Сильной, здоровой хочу быть. Еще уверенной.

— Девочек не будешь обижать?

— Что вы! Только защищать, так тренер учил на первом занятии.

— А мне запомнилось, как я с «партизанки» свалилась в бассейн и голову разбила. Еще мы метили кур краской, чтобы с соседскими не путать, а петух меня давай клевать...

— А наша кошка с перепугу до берега доплыла, а я думала, что кошки не плавают, — захлебываясь, выпалила Алла Масютина.

— Дай Коле Ступицкому высказаться. Видишь, как руку тянет, — улыбнулась воспитательница.

Алла еще многое могла рассказать, но послушно села за парту, не опуская руки. Ей очень хотелось поделиться первым посещением своей родной прабабушки!

— Меня ругали за то, что собаку дразнил. А я просто играл с нею! Собаке тоже нравилось, — объяснил Коля.

— А меня на лето забирали в семью, на юг возили, кормили виноградом и мороженое давали, — сообщил Ваня Востриков.

— Ваня, подожди, пока Тоня расскажет. Будь рыцарем. Ты уже говорил, — попросила воспитательница мальчика, сидевшего за партой в вольной, какой-то неуважительной позе.

— А от нее мамка сбежала. Я все про всех знаю, — вдруг громко заявил Ваня.

Класс на миг притих. По лицу Тони прошла тень, концы губ опустились, но она выдержала, не заплакала. У меня все внутри перевернулось при виде самодовольного мальчишки. Я зубами заскрипела, чтобы не обругать его. Воспитательница сделала вид, что ничего не произошло, и продолжила беседу. А я уже ничего не слышала. Волна обиды за девочку захлестнула меня, и я все силы тратила на то, чтобы не сорваться. В класс заглянул молодой и очень серьезный директор. Все сразу притихли, наблюдая, заметит ли он меня? Директор вошел и предложил мне уйти. Я испуганно взглянула на учительницу: «Достанется теперь Вам?» Но она спокойно спросила:

— Тебе понравилось у нас?

— Очень, — ответила я и вышла в коридор.

После беседы ребята побежали в столовую, а Лидия Ивановна остановила Ваню:

— За полтора года ты, к сожалению, изменился в худшую сторону. Зазнался? С чего бы это? Прерываешь беседу учителя, вторгаешься в разговор друзей. Обидел девочку перед всем классом. Добрее надо быть. Думай, прежде чем что-то сказать, учись ставить себя на место других. Размышляй, оценивай свое поведение. В этой жизни все надо заслужить: и любовь, и уважение, и хорошее отношение людей. От природы тебе дано достаточно ума, но надо уметь им пользоваться. Почитай сказку Гаршина «Лягушка-Путешественница». Может, что-либо полезное для себя найдешь. Ты еще мал, решать свои жизненные проблемы, но уже достаточно большой, чтобы их понимать. Я хочу, чтобы из тебя вырос достойный человек. А теперь беги, догоняй ребят. Да, хорошо, если бы ты перед Тоней извинился. Учись исправляться.

— Как вы его! Он же еще маленький, — вступилась я за Ваню.

— Иногда надо вовремя заметить проявление самолюбия, излишней самонадеянности, надменности, недоброжелательности и поставить малыша на место, но так, чтобы понял и раскаялся в дурном поведении. Плохое очень быстро прививается! Беды входят в дверь, а выходят в щелочку. Боюсь я, что пороки возьмут над ним верх, — с грустью сказала Лидия Ивановна.

— Он понял, честное слово, понял, — пыталась я успокоить учительницу.

— Много событий проходит перед маленьким человеком. Но не все трогают его сердце и глубоко проникают в душу, не все откладываются в голове. Иногда минутная встреча может перевернуть жизнь, а иной раз годы общения ничего не дают ребенку, кроме неприязни, раздражения или безразличия.

— Вы читаете мои мысли! — удивилась я.

— Восприятие действительности у домашних и детдомовских детей разное. Мы воспитываем их только словами, а домашние каждый день видят поведение родителей. Детдомовским труднее, когда они выходят во взрослую жизнь, тем более что внутри многих из них не реальный мир, а мир фантазий. Теперь я должна оставить тебя, мне пора домой, мама ждет. Она тяжело больна, — сказала Лидия Ивановна.

Мы попрощались. «Как ее на всех хватает? Я, наверное, так не смогла бы. Много лет работает Лидия Ивановна в детдоме, могла бы привыкнуть к проблемам детей, стать безразличней, суше. А она все горит добрым пламенем. И у ребят она — несомненный авторитет», — подумала я.

Только после уроков Лидии Ивановны я, наконец, вникла в слова моего учителя: «Литература — школа жизни». А Иван Стефанович на мои просьбы объяснить их смысл только усмехался: «Подрастешь, — сама во всем разберешься». Понимал ли он их так, как Лидия Ивановна, когда скучно пересказывал нам учебник? Вряд ли.

ДРУЖКИ

Идем с одноклассницей Ниной со станции. Кругом лужи. Ноги в резиновых сапогах с трудом вытаскиваем из грязи. И люди, и природа страдают от бурных дождей. Но низкие лучи закатного солнца, золотящего верхушки кленов, и беззаботный шелест берез настраивают меня на спокойный, лирический лад. Я сочиняю на ходу очередной рассказ, а Нина слушает и вздыхает:

— Какие люди бывают разные: один убить готов любимую, если она его отвергла, а другой дышать при ней боится, боготворит. Ребята в нашем классе хорошие, только мне нравятся те, которые постарше.

— В классе есть с кем подраться, да не с кем поговорить? — смеюсь я.

— Ты кого-нибудь из мальчишек со станции знаешь? — спрашивает меня подруга.

— Некоторых по олимпиаде. Есть там один неплохой десятиклассник. Он самый красивый из них, — отвечаю я задумчиво.

— Чернявый?

— Кудрявый блондин.

— Разве он красивый?

— Для меня чем умней, тем красивей, — объясняю я.

Мы догнали компанию взрослых девчат и ребят. Я их многократно встречала раньше. Они шутят, заигрывают друг с другом. Щуплый, неказистый подвижный Витька со Шворневки в нахлобученной на затылок кепке походил на придурковатого, сбежавшего из психушки, и был очень несимпатичен мне. Гляжу: он нагло пристает к Людмиле с Красной улицы: «Давно на тебя глаз положил. Без ума от тебя. Ох, пошупаю сейчас! Видишь, зубами клацаю от желания. Загнусь без тебя, от холода копыта откину. Согрей, иначе кранты мне».

Людмила раз его предупредила, два, а потом грубо «отшила»: «Иди ты к бесу! Чего пялишься, обормот безмозглый, ухарь забубенный! У тебя даже глаза набекрень. Пьешь как лошадь. Низвел себя до уровня идиота. Несносный! Да и ростом ты не вышел для меня. Всю изгваздал грязными руками! По себе дерево руби!» А он в ответ раскланялся с жутким высокомерием и шлюхой ее обозвал. Потом, упиваясь диким восторгом, завернул покруче и погуще...

Я сначала настороженно и брезгливо отшатнулась в сторону, потом завелась:

— Хорошая девушка для тебя — шлюха. Так как же ты тогда плохую обзовешь? Твои слова идут в разрез моему пониманию. Где хваленая мужская логика?

— Посуди сама, все логично: она ни с того ни с сего разозлила меня, и я ей тут же гадость сделал. Сама доигралась-допрыгалась. Я самый непритворный человек, — развязно отозвался парень.

Я опять поспешила вставить словечко:

— Она правильно с тобой поступила, ты заслужил. Зачем приставал?

— Это с твоей точки зрения правильно, — в недоброй ухмылке растянул губы Виктор.

— Погоди, не понимаю! Объясни, — напористо потребовала я.

За него ответила оскорбленная девушка:

— Знаешь, почему сильный человек бьет слабого? Потому что тот сдачи не может дать. Поведение Витьки — явление того же порядка.

— Заткнись! Как щас дам! — возмутился отвергнутый ухажер.

— А я не возьму! — фыркнула Людмила.

А ее подруга презрительно добавила:

— И за этих кому-то приходится замуж выходить.

— Я на все реагирую иначе. Говорю себе, что на дураков не обижаются. Они все равно не поймут моих переживаний. Я не доставляю удовольствия таким людям. Обхожу их стороной, — сыпала словами, как фасолью из сухих стручков, Фаина с улицы Гигант.

— Застрекотала! Зануда изрядная! Позлить захотела? Фасон держишь? Какие мы привередливые, с претензией на оригинальность! Брезгует нами! Сплошной выпендрож, черт поberi! Людка его самолюбие задела, а он — по мозгам ее. Молодец! — взвился Славка, о котором по селу говорили будто он «свихнутый на девушках», а также снискал себе прочную славу дамского угодника и популярность шутника, хотя внешне был человеком ничем не примечательным.

— Я хочу найти достойного и не обязана тешить самолюбие твоего дружка. Меня не привлекают его манеры и пресловутая вежливость. А он по тупости и упрямству не хочет этого понять. Измазан своей глупостью с головы до пят и еще кичится этим, — сердито объяснила свой отказ Людмила.

— Футы-нуты ножки гнуты! Какие мы резвые да прыткие! Немыслимый гонор! Принца ей респектабельного подавай! Не желает довольствоваться малым, умного захотела! Забила себе голову всякой чушью! Поди, веришь в свою непревзойденность, в яркую звезду судьбы? Глупая! Каша в голове. Прикинь сама: некому здесь потакать, безвыходная у тебя ситуация. Нет, вы только на нее посмотрите! Кто из городских пацанов всерьез позарится? Разуй глаза. Признайся, страдаешь манией величия? Напрямик тебе говорю: не обольщайся! Сама со временем удостоверишься в моей правоте. Скороспелый твой вывод насчет Витьки. Нас тоже на арапа не взять. Не в том суть, что мы сомневаемся в твоём непогрешимом вкусе, главное то, что пренебрегаем им. Ты считаешь нас подлинными невеждами, воображаешь что твои мысли и чувства недоступны, непостижимы. Я же предпочитаю иметь собственное мнение: они нам просто неинтересны. Не очень-то и хотелось тебя понимать, — ощетинившись, с негодованием огрызнулся Славка, изо всех сил стараясь защитить своего дружка.

— Я тоже не гордилась бы дружбой с тобой. Странные у тебя понятия. Стыдно хвалиться нежеланием учиться, — решительно вмешалась я, пытаюсь унять гулкую дрожь раздражения, но поглядывая на Витьку свысока.

— Отстань! Чего привязалась! Ну, прямо репей какой-то! Что бы тебе не помолчать! На твоём месте я бы поостерегся так разговаривать с нами. Что лыбишься? Смотри, получишь у меня авансом по кумполу или так по сопатке врежу, мало не покажется, — прикрикнул на меня Колька, самый молодой парень в их компании, этакий толстый, нескладный нелюдимый субъект.

Отчетливо помню, что еще год назад мне импонировало его каждодневное, траурное

состояние замкнутого, молчаливого юноши. Мне представлялось, будто за непрезентабельной внешностью скрывается чистая яркая личность. А его мрачность, — наверное, результат перенесения тяжелых страданий — принимала за глубину душевных чувств.

— Как права, так сразу уймись, отстань? — упрямо не сдавалась я.

— Не обращай внимания. Это у него возрастное. Пойдет в армию, там ему мозги на место поставят, — засмеялась Людмила.

— Ну вот, будете теперь спорить до второго пришествия! Зря срамите парня, зря на него «Полкана спускаете», — вступилась за молодого парня Фаина. — Коля, могу тебя утешить. Мама рассказывала, что в ее детстве многие ребята были хулиганистые, а повзрослев, стали отличными офицерами. Нашли приложение своей силе.

— Они, наверное, не были зловредными и глупыми, — ехидно предположила подруга Людмилы.

Посрамленный парень обиженно набычился и покраснел. Злобный, взъерошенный стал. На глаза напозла пелена гнева. Он их глубже под козырек кепки упрятал. Чувствую: щекотливая ситуация. Что-то нехорошее повисло в воздухе. Не знаю, чем бы закончилась перепалка, только со стороны Нижней улицы появился веселый, беззаботный Дмитрий. Увидел меня, подбежал, познакомил со своими друзьями и примирительно сказал: «Повздорили? Не надоело еще вздохнуть орать на всю улицу? Шабаш! Хватит препираться и собачиться! Спокон веку это ни к чему хорошему не приводило».

Тема разговора сразу сменилась. Дмитрий, как всегда, оказался в центре внимания. А я иду и думаю: «Не в чести у хороших девушек Димкины друзья! Почему он дружит с ними и, говорят, очень даже ладит? Что их объединяет?»

Вскоре нам повстречался тощий как скелет никчемный верзила с ободранной щекой, похожий на обезьяну, которая уже никогда не превратится в человека. (Любимая шутка учительницы географии.) Я знала вульгарного, задерганного, постоянно взвинченного, вечно расхристанного, неухоженного, безалаберного Валерку и сторонилась. Он вызывал у меня отторжение. Меня пугали его тяжелые, от постоянного перепоя, мешки под глазами, мясистые нахальные губы и злая недоверчивая ухмылка. Задира, по пьяной лавочке он вечно ввязывался в драки. Бесноватый малый. Я видела в нем человека изуродованного судьбой. Поговаривали, что его отец был в городе «крупной шишкой». (А может, врут.)

— Откуда подвалил? С какого фронта припожаловал? Ну и видок у тебя! Выкладывай, где сподобился головой приложиться, где ухитрился разукраситься? С кем бодался? Почему раньше не доложил, не обмолвился? — встретил его Дима веселыми вопросами.

— В Лобановке воевал с Шуркой Малеем. Мы с ним накоротке, дружбаны. Можно сказать: не разлей вода. Я за него и в огонь и в воду.

— Сдается мне: ты приставлен к нему. Расскажи толком, что произошло. Вы сговорились с ним или случайно все вышло?

Разбитной и хвастливый Валера, будучи крепко под хмельком, не заставил себя долго упрашивать.

— Чужаков в тех краях целая шобла завелась. К нам повадились шастать. Ты наверняка слышал. Но мы редко сталкиваемся. Помнится, зимой гурьбой навалились. Памятная выдалась ночь... А тут Галка, лахудра чертова, мымра упертая, напроць остыла к моему дружку Шурке. Отвергает любые поползновения с его стороны. Ну, он вдребезину, вдрубая разругался с ней из-за Андрюхи. Тот пронырливый, настырный, рыжая бестия. Чудовищная образина, медведь-медведем! Психованный до чертиков, вредный, приставучий хлюст этакий. Зацепила Шуркина зазноба и его сердечко... Для куражу мы приняли забористого, на табаке настоящего самогону. Сначала нам хватало сил сдерживаться. Я ему говорю: «Чего по ней сума сходить? Мол, отвали, моя черешня! Отступись от Галки. Не трогай девку, оставь все как есть». Думал: мировой парень, а он убудок. Да, забыл сказать: трепло он к тому ж. Вечно ахиною несусветную несет!

Наплел ерунды, а Шурка поверил, усомнился в Галке.

Поначалу Андрюха что-то вякал, тьякал, потом они поцапались, сцепились и давай всласть тузить-дубасить друг друга. Пришлось помочь Шурке. Сразились на совесть. Андрюха с неразлучным дружкой был, с единственным, неповторимым. Некогда мне было хорошенько обмозговать дело. Сперва раздал по два увесистых тумака на брата, чтобы испробовали на себе мои кулаки. То разминка была. Потом я распалился, кол из плетня выхватил. Андрюха взъялся: «Гляди, куда «костылем» тычешь? А я уж озверел, ничего перед глазами не вижу. Кричу: «В дамки лезешь, зараза! Ты шибко умный, но и мы не лыком шиты. За нами не заржавеет! «Измывались от души, с диким сладострастием, с упоением. В общем, шикарная потасовка вышла! Здорово потрепали пацанов. Все крушили на своем пути. Выступили в варварском доисторическом великолепии! Навтыкали им здорово! Дали сокрушительный отпор проiscaм чужаков. Вот смеху-то было! Натешились вволю. Измордовали обоих. Они нам в подметки не годятся. Я сшиб Андрюху с ног, сгреб в охапку и пересчитал ребра, так он чуть концы не отдал. Его потом в больницу увезли. А дружка мы в болотце хорошенько покурнали. Нахлебался вдоволь! Но и Андрюха мастак в своем деле оказался: смирением не отличался, нюни не распускал, лягался с угрюмой свирепостью быка. Яркий фонарь мне под глаз засветил. Ничего, теперь не посмеет к Галке сунуться, — притопывая ногами, прицокивая языком и, корчась от хохота, рассказывал Валерка.

История нимало не позабавила меня. Слушать ее было равносильно истязанию. Тупая бравада! «Судороги балаганного кабацкого веселья», как говаривали «в старые добрые времена». Так всегда не то снисходительно, не то презрительно шутила бабушка, глядя на какую-нибудь буйную компанию.

— Что вытворяете! Чехарда какая-то! Не пристало взрослым решать споры кулаками. Глупая малышня пользуется этим приемом за неимением мозгов. А как же Галя? Зачем неволить ее? Кого она выбрала? — раздраженно спросила я, выказывая нежелание выслушивать кургузые фразы о подробностях драки.

— Сдается мне: ты совсем не соображаешь. Она здесь при чем? Мужчины сами разберутся, — небрежно, вроде бы запанибрата, но с долей неприкрытого злорадства бросил Валера.

В его словах сквозили насмешливые неуважительные нотки. Я не выдержала пренебрежительного тона собеседника и возразила твердо и веско:

— Зачем драться? Раз женихов двое, значит девушка должна решить, кто ей мил. Или ей нравится, когда из-за нее устраивают побоища? Она не может выбрать сердцем и ждет, кто победит в драке? Глупо! Я никому не позволила бы свою судьбу решать таким образом. Мы же не звери! Когда происходят драки стенка на стенку между сельскими ребятами и станционными, я их еще как-то могу понять. Это что-то вроде соревнований по борьбе. Но и то, при условии, что обе стороны по доброму согласию борются, а не из мести.

— Хватит философствовать, — прервал меня долговязый, жилистый, пучеглазый Леонид. — Ты, говорят, стихами здорово шарить? Как это у тебя получается?

Медлительный нерасторопный безнадежно вульгарный, но добрый и безобидный Леонид обычно произносил около клуба в компании девчат незатейливые шуточки с тупой торжественностью циника. Тем и запомнился мне.

Я обрадовалась приятной теме разговора и объяснила:

— Для этого меня что-то должно поразить или очень обрадовать. Встречи с умными людьми волнуют. Иногда непонятное случается: пару несущественных фраз скажет малознакомый человек, а в душе подъем возникает и хочется всем улыбаться.

— Не довелось мне видеть таких людей, — снисходительно усмехнулся Дмитрий.

При этом он непостижимым образом стал похожим на дружков. Превратился в другого, незнакомого мне человека. «Странная, неприятная метаморфоза произошла с ним!» — подумала я про себя, но вслух высказалась сдержанно.

— Значит, мимо прошел, не почувствовал или не там искал. Радиоприемники бывают с различным порогом чувствительности, и души людей так же различаются, — недовольно возразила я. — Ты знаешь, что душа может улыбаться?

— Я не подвержен мечтательности. Фантазерка ты! — расхохотался Дима.

— Жаль, что не понимаешь, — обиделась я на его фамильярную, уничижительную манеру в разговоре со мной при своих друзьях.

— Не всем дано летать. Кому-то и землю надо пахать, — наигранно развел руками Дмитрий.

— Землю тоже с душой надо обрабатывать. Насколько знаю, тебя и к ней не очень-то тянет, — усмехнулась я.

— Я слишком умный, чтобы в колхозе работать, — с оттенком холодного пренебрежения и надменности заявил в ответ он.

— Тебе видней, ты себе хозяин-барин. Только от глупых и в сельском хозяйстве не больно-то проку, — отозвалась я резко.

На перекрестке девушки свернули к школе, а ребята пошли в сторону моей улицы. Теперь разговор они повели еще более развязный. К Дмитрию они относились уважительно, а ко мне — с чувством превосходства, как к маленькой глупой сестренке, а точнее, как к младшему братишке. Они не стеснялись обсуждать при мне любые скользкие вопросы, перекидываться тяжеловесными шуточками. Меня шокировали их высокомерные высказывания о девушках типа: «она от меня вмиг сомлела», «на коленях приползет», «сжалился над ней, снизошел, позволил», «долго девку окучивал», «шик ей подавай!»...

— Что же вы до сих пор не женаты, если такие «способные»? — искренне удивилась я.

Мой вопрос не застал их врасплох.

— Девушка что птица-пустельга: шуму много, да толку мало. А свадьба — торжественная сдача в эксплуатацию двух дураков. Брачный приговор. Совершенно невыгодная сделка. Романтичная комедия! Вон Славка по молодости вторился, надел мученический венец женатика и мается теперь. Пропал безвозвратно! Нам с бабами нравится вязаться. Леня охмурять и умачивать девчонок. Ужасная канитель! И хомут неохота на шею вешать, погулять вдоволь надо. Экая невидаль, любовь! Женишься, а потом жена будет тобой вертеть, словно кобель хвостом. Ищи-свищи тогда свободу как ветра в поле, — под неприличный гогот ребят, не моргнув глазом, необоснованно самоуверенно высказался вертлявый Петюня, на ходу энергично уминая огромную скибку хлеба.

— Еще не родилась мне достойная! — заявил один из дружков.

— Моя еще в люльке качается, — вклинил свое словцо другой.

— Красотку ищу, — уточнил третий и подмигнул Петьке.

Тот, с набитым ртом, поддакнул ему.

«А сам-то далеко не артист Тихонов. Какое самомнение?» — удивилась я, оглядев его невзрачное лицо, сильно потрепанные туфли и видавший виды балахонистый костюм. И подумала едко: «Как, в сущности, ничтожна разница между ними! Никакой индивидуальности, кроме внешней. Террариум единомышленников!»

Не сдержавшись, я прыснула в ладошку:

— Есть анекдот: «В шестнадцать лет девушка о парне спрашивает: «Какой он?», а в двадцать: «Кто он?» Вы остановились на первом вопросе. Значит, не взрослеете, не умнеете? — подколола я Димкиных друзей. — Почему мужчин всегда интересует только красота женщин, как будто другие достоинства не важны? Глупо так рассуждать, вам же не четырнадцать лет, когда мозги еще набекрень.

— Мы не нуждаемся в умных женщинах, — побагровев от злости, возразил Артем,

завсегдатай этой компании, пухлый увалень с нездоровым цветом лица.

— Вы боитесь их, поэтому унижаете и оскорбляете, — отрезала я вне себя от досады.

— Если женщины такие умные, что же они попадают в мои сети? — развязно спросил неунывающий, назойливо эмоциональный Славка, высветив в вульгарной улыбке крупные бескровные десны.

Он самый старший в компании. И внешне ничем не примечательный, но слухи о его «похождениях» были на селе притчей во языцех.

— Насколько я знаю, девчонки считают, что ты здорово умеешь языком кружева плести. Опытный сердцеед, — ответила я.

— Тронут! Оценили! Звенят литавры! — осклабился Славка в довольной улыбке.

— Смотрите-ка! Деревня содрогается от радости! — ощетинилась я. — Молоденькие верят! Не понимают, что твои слова — сусальные фальшивки. Будь моя воля, выпала бы тебе по первое число.

— Неуместное побуждение глупой детской души. И почему со мной на «ты»? — холодно спросил распутный любитель наивных девочек.

— «Вы» надо заслужить! — с достоинством и вызовом отчеканила я.

Славка от удивления так и прилип ко мне глазами, а потом произнес с жесткой усмешкой:

— А ты фрукт! Не так проста, как кажешься. Своенравная. Наивной дурочкой прикидываешься? Стерва!

— Ты бесстыжий, а я справедливая, — запротестовала я.

— С женщинами трудно спорить. Мы всегда решали свои проблемы с позиции силы — кулаком, а они — словами. Опыт у них многовековой, — с шутливым надрывом произнес Славка и скривил губы. — Сблаговоли утихнуть. Покамест ты глупая. Дрын по тебе плачет.

Я решила не услышать его слов.

Дмитрий не встал на мою защиту, пропустил мимо ушей ругательство в мой адрес. Внезапно я поймала себя на мысли, что в такой ситуации не стоит самой нападать, но все равно не смогла затормозить, и в слепой ярости кинулась в атаку на обидчика:

— Как бы мне это выразиться помягче? Ты гад, хлыщ, обманщик! Ты просто козел, который любит свежую капусту. Ты материал для перегноя! Чего зыркаешь глазами? Таких, как ты, надо гнать отовсюду в зашей. Одну мою взрослую знакомую муж все время долбит только за то, что она один раз с тобой ошиблась. Я его избить готова, когда слышу их ссоры. Даже после тюрьмы считается, что человек искупил свою вину. А этот подонок издевается над женой уже второй год. И, наверное, всегда будет ее мучить. А ты исковеркал ее жизнь и спокоен, да еще выставляешь пошлую натуру как наилучшее свое достоинство. Кто же ты после этого? Какое у тебя жизненное кредо?

— Не слишком ли ты умная и дерзкая для своего зеленого возраста? Не суйся не в свое дело. Не встревай, куда не просят. Не позволяй себе судить о людях вслух. Не докучай намеками на мою личную жизнь. Дома, небось, ходишь перед родителями на цыпочках, а тут распоясалась!.. Знаю, о ком говоришь. Помню бабенку со взглядом раненой козочки. Трогательное, беспомощное существо, худенькие плечики, кроткие влажные глаза... Конечно, мужику юбку не задерешь, не проверишь, сколько у него было женщин... Только у меня так: сегодня я люблю, а завтра дело видно будет. Любовь — временная подлунная болезнь, — злорадно ухмыльнулся Славка.

Мне стало не по себе от его слов. «Ладно еще, если бы он так рассуждал в шутку. Ведь на полном серьезе говорит. Почему девушки соглашаются быть его кратковременным приключением? Так врет же им, в любви навек красиво клянется!» — думала я тоскливо, понимая безнадежность своих наскоков.

И все же продолжала кипятиться:

— Разве можно насмеяться над несчастьем человека!?

— Понимаешь, детка, человек состоит из души и плоти, — нарочито вежливо, тоном, поверяющим нечто сокровенное, отвечал мне Слава, при этом отступая, притворно прикладывая руку к сердцу и кланяясь. — Тебе хочется душу напоить радостью, а мне — тело. Душевные оттенки женщин не интересуют меня. Знаешь, что такое эротика, экстаз и его предвкушение! А как сильны испепеляющие сердце приступы любви и ненависти!

Мне было противно его кривляние, и я зло возмутилась:

— Не слышала таких слов. А как же твоя жена? Ей только ребенок и домашние заботы остаются?

— Дело вкуса. Каждому свое, — растянул губы в довольной улыбке Славка.

— Когда ты целый год в больнице лежал, твоя жена не бегала к соседу. (Я видела ее: неуверенная, слегка горбится, голову в плечи втягивает, всегда под ноги смотрит.) А теперь она в положении, и ты сразу нашел себе вдовушку. Это порядочно? Ты думал о чувствах жены? У подруги моей матери сын Ванечка родился с отклонениями, потому что секретарша мужа, ей, беременной, доложила о его похождениях. Тот тоже говорил, что у него потребности, а потом оставил ее с двумя детьми. Подонок! Зачем тогда женился? Болтался бы с такими же, как он, беспутными женщинами!

— Мужчине уют, забота нужны, — гадко засмеялся в ответ Славка.

— Так нечестно! — чуть не плача, закричала я. — Мне понятно, что человеческий мир не построен на справедливости и гармонии, но ведь всем хочется хорошей жизни!

— Для себя, а не для других, деточка, вот в чем секрет, — заметил на это Славка и противно захихикал. — К тому же всякая нравственность имеет материальный эквивалент.

— А я хочу счастья для всех! — закричала я в отчаянии, ничего не поняв насчет эквивалента.

— Опять двадцать пять! Хрен тебе с маслом! Счастье для всех — вечная дилемма, давняя заскорузлая мечта романтика! Фантастическая вера в прекрасное будущее человечества. Бредни! Кому нужна твоя патетика! Вот вам еще один социалист-утопист! Кто тебя надоумил на такую глупость? Книжонки почитываешь? Неразбериха у тебя в мозгах. Не на свою мельницу воду льешь. Не бывает абсолютного добра без примесей. А человеческие пороки, черт возьми? А бес-искуситель и нестерпимо соблазнительные желания? Забыла о них? А мне ветер про них на ухо нашептал, — насмешливо закончил мой оппонент.

— Затхлые, абсурдные слова! С пороками надо бороться! Все нормальные понятия у тебя спутаны, искажены. Для пущей правдоподобности швыряешься грубыми словами, оскверняя прекрасные идеи. Только ты не в состоянии переубедить меня. Судя по всему, тебе кажется, что гадкому человеку лучше живется? — недоброжелательно заметила я.

— Мне проще, — спокойно ответил Славка.

От недовольства собой я смешалась и в запальчивости закричала:

— А я создам сказку в своей семье! Все силы на это положу! Буду, как Татьяна Ларина, верна одному любимому человеку.

— Сказку в семье, все равно, что коммунизм в отдельно взятой стране? Глупые посулы для легионеров. Малоубедительно. Ты — безнадежный мечтатель! — насмешливым взглядом прищипил меня Димкин дружок.

Ирония звучала в голосе моего неприятного собеседника. И глаза смотрели злорадно. Я почувствовала, что он намного «подкованней» своих приятелей. А я в этот раз, похоже, ударила в грязь лицом, хоть и осипла от крика, доказывая прописные истины.

— Я верю, что счастье возможно! — снова с воодушевлением заговорила я.

— Черта с два! Пустой поток слов. Оставь бредовые мысли. Может быть, конечно, тебе повезет, если найдешь себе такого же идеалиста. Жди. В один прекрасный день явится к тебе идеальный муж. Только потом не пеняй на себя, — рассмеялся Славка, глядя на меня глазами замороженной рыбы.

— Пойми ты: я говорю не вообще об идеальном человеке, а об идеальном в моем представлении! Чего хвост распушил и грудь выпятил? Найду такого! Не меряй всех людей на свой аршин! — грубо оборвала я очередную издевку.

— Для полного счастья мне только тебя и твоих выпадов не достаает. Не заносись! Не охаивай меня огульно. Я неотесанный, явно неучтивый, не на твой вкус, но не дурак, как ты уже успела понять. Даю тебе бесплатный совет: обрасти грубой кожей, тогда не будешь заводиться из-за всякого пустяка, — серьезно посоветовал Слава.

Потом, поморщившись, оглядел меня злобно и добавил:

— Не суди других да не судима будешь. Топай-ка лучше отседова на своих двоих, пока скулу тебе не своротил!

В его тоне я уловила затаенную все усиливающуюся враждебность. Со взглядом полным ярости и с трудом сдерживаемого спокойствия он походил на дикую, тощую собаку на цепи. Тот же свирепый оскал, та же напряженная поза зверя, готового в любую минуту броситься на любого, посягнувшего на его территорию. Но я не испугалась. Знала, что при Диме он не позволит приблизиться ко мне.

Я была задета лавиной пошлости, принимала хвастовство Димкиных дружков за чистую монету, злилась и в силу своей вожатской привычки считала своим долгом пытаться помочь оступившимся, растолковать, что жестоко развлечения ради вести себя таким образом с девушками, которые им доверились. Но ребят не интересовали чувства других. Они думали только о своих победах. От бессилия у меня брызнули слезы. Петя тронул меня за рукав: «Да будет тебе, чего обо всех волноваться. О себе думай». Я сердито передернула плечами.

Ребята продолжали хвалиться, и я поняла, что у них три темы в почете: девушки, воровство и выпивка.

Петька первым начал с невыразимым оптимизмом докладывать о своем «крещении». От девчонок я уже была наслышана, что он шустрый «шибзик», шаловливый, озорной весельчак, баламут, славный малый, упрям, неистощим на выдумки. Подвизается в Димкиной компании в качестве шута. Радуетя жизни, будто весь мир создан для него одного. Шубутной, и язык у него как помело. Не остановишь, хоть на цепочку привязывай. Говорит цветисто, вычурно, замысловато. Его речь подчас отвратительная, но своеобразная мишура. И кличку имеет соответствующую: «Речистый». По всему по этому я с интересом смотрела на совершенно детское, без всяких тайных помыслов лицо. Оно сияло как начищенный самовар и выглядело на удивление счастливым!

— Провернул дельце! — начал он, смешно, как утенок, вращая головой. — А вы думали, я не горазд! Все в один голос: «Завалыщий, никудышный, бросовый...» Все кому не лень и в хвост, и в гриву меня... Не спасовал я, не обмишулился! За сегодняшнюю ночь на велосипед гречки «перемахнул» через забор нашей крупозаводской шараги. И концы в воду. Не зря говорят: «По Сеньке и шапка». Удача небывалая. Судьба меня потешила. Наверное, у меня легкая рука. Без продыху вкалывал, с остервенением, старался изо всех сил, чуть не загнулся. Устал смертельно, уработался. Все честь по чести выполнил. Понял: пока дают, надо брать! Смекнул, с ходу вник и усек, что любой товар сгодится. Глаза боятся, а руки делают. Извилистая дорога в большой мир ведет! Теперь целую неделю буду жить припеваючи, предаваться своим желанием сколько вздумается. Проведу время приятнейшим образом! А то нет?! Гуляй — не хочу! Сегодня, к примеру, храпел до полудня. Ну что за жизнь раньше была: от седа до седа и все! Бывалочке даже голодал, горе мыкал. Обрыдло такое существование. А теперь я и впрямь всем героям герой. Хочу завтра еще дерзнуть попытать счастья, может, еще проворней получится. Если дело выгорит, так и больше заполучу. Теперь меня никто не переплюнет. Задам всем жару!

— Зачастил! Пошел лепить горбатого, балабон чертов! Чего буровишь, заморыш? Какие напыщенные фразы! Не забегай далеко словами, а то сам не догонишь. Наверное, свербит в одном месте, если не болтаешь? Быль и небыль в кучу мешаешь. Главное твое достоинство — трепаться можешь. Раскусил я тебя, — блаженно зевнув, беззлобно усмехнулся Слава. — Вздор несешь, братец-кролик.

— Вот те крест святой! Не вру, провалиться мне на этом месте, — горячился Петюня.

И его юношеский тенорок соскакивал на фальцет.

— Сподобился. Очумел, одержимый дурацкой идеей? Заблудился в лабиринте самомнения и возвеличивания? В тебе говорит тщеславие, вознесенное до небес. Водрузил себя на пьедестал! Чересчур ревностная дурь. Не поддавайся на изошренные увещевания самолюбия. Надо точно знать границы своих возможностей. А у тебя еще глупость колобродит в мозгах. Недоносок! Жертва аборта. Долго мне еще тебя пестовать? Додумался судьбу испытывать? Рано. Выждать надо, пока муть осядет. В каждом деле нужна собранность, жесткий верный расчет. Вот недоумок! Рехнулся совсем от первой удачи. Охолонь. Ты сегодня блистателен. Но в этой игре ты мелкая сошка. Каленым железом надо выжигать в тебе беспросветную глупость. Запомни отныне и веки: «Будь скромней в желаниях, не вверяй себя слепо и фатально судьбе, мозгами шевели, иначе весь досуг в тюрьге коротать станешь. Пропадешь зоря, ни за понюшку табака, если не пойдут впрок мои лекции. Сгоришь. Это было бы еще полбеды. Остальных за собой потянешь, голова садовая! Смотри мне, чтоб без перехлестов! Самолично проверю исполнение», — строго уверенно и твердо наставлял Слава молодого горячего неопытного дружка.

Петюня на миг нахохлился, а потом весело и чуть льстиво отчеканил:

— Слушаюсь!

Слава добавил мягче:

— Давай, валяй дальше, все выкладывай.

«Видно не зря Славка прослыл осторожным и непроницаемым», — подумала я с некоторой долей уважения. Но тут же вытряхнула из себя попытавшуюся прорваться положительную оценку действий заводилы неприятной компании.

Петя посерьезнел, выдержал приличествующую ситуации паузу и продолжил:

— Однако мы отвлеклись от темы. Расскажу, как дело было. Пришел к заводу затемно. Как раз сполохи небесного огня затухали. Накануне принял на грудь для спокойствия. Ни в одном глазу! Прошелся туда-сюда, разлегся на земле, лежу как бревно, Макса поджидаю, семечки гарбузные лужаю. Чувства копошатся лирические. В башке мечты пестую, житейские юдоли баюкаю. Между делом заметил, что звезды где проступили, где уже расцвели. Онемевшие деревья задумчиво застыли.

— Эй, ты! Тюха-матюха! Не прикидывайся придурком. Стихи пришел читать? Окоротись! — сердито одернул Валера Петю.

— Ребята не восприимчивы к изящной словесности, — поддакнул Славка.

— Заметано, — согласился покладистый рассказчик и разразился новым шквалом подробностей. — Жду. Нет напарника в назначенный час. Ни слуху ни духу, словно в воду канул. Куда запропастился? Может, я сам слегка припоздал? Так нет. Ну, думаю, наверное, Макс напутал чего и на полпути застрял или по нерадивости проспал. Ведь не почешется, не поторопится, хоть убей. А может, на шармочка захотел проскочить за мой счет, на чужом горбу в рай въехать. Слякоть, а не человек, если к делу спустя рукава относится. На него серьезная миссия возлагалась. Не впустую же я заявился сюда?

Чихать я на него хотел! Болван занюханый, черт длиннобудылый! Обиделся я на Макса. А вдруг он сам пустился во все тяжкие, а меня бросил на произвол судьбы? Плохо, когда человек не надежный, а так с середины на половинку. Во всяком случае, я так считаю. Но больше всего злило, что теперь один корячиться должен.

Но делать было нечего, приходилось ждать Иваныча одному. Встал, побродил, отыскал

уединенное местечко неподалеку от заветного лаза. Здесь и обосновался. Сижу, само собой глаз не смыкаю. В таких делах надо всегда быть начеку. Не полез за забор. Не подобает бесцеремонно вторгаться в чужие владения, невежливо ломиться без приглашения. А место препротивное: помоями несет, гнилью, тухлятиной, уборной «благоухает». Букет! Ничего пообвыкся, привонялся, приняхался.

— Розы ему подавай, — беззлобно ухмыльнулся Леонид.

Петя не откликнулся на реплику.

— ...Казалось: тыщу лет там сижу. Оголтелые комары заедают. Набросились огромной мохнатой остервенелой, писклявой стаей. Ну, думаю, ничего со мной не станется, не съедят. Зарылся в фуфайку, один нос торчит. Только все равно холодно, словно у пугала за пазухой. Потому, что от земли сыростью отдает. Даже штаны вогие (влажные) сделались. Курю до одури, как заводская труба. Скука смертная. Вроде бы впал в забытье.

Вскороги начало мниться, будто ноги шаркают по дороге. Звук приостановился с резкой внезапностью. Я сохраняю полное присутствие духа. Опять возобновился. Тут я опасливо насторожился. У меня паническое желание прервать его, но я укрощаю свои чувства. Высвободил голову из воротника, гляжу — кто-то маячит. Нет. Стоит, смахивает на каменное изваяние. Что за ерунда на постном масле? Выждал малость. Скоро видение наполнилось жизнью, задвигалось, топчется на месте. Чего, — думаю ошиваются здесь, чего затевают? Сердце мое в пятки ушло. Час от часу не легче! Что за наваждение? Может, привиделось?

В одно мгновение понял: надо действовать. Что в лоб, что по лбу, все одно — шишка. Проворно залез на верхотуру разлапистого дуба, чтоб разглядеть, что за «прыщ» на ровном месте объявился? Хитроумный маневр! Вижу: двое пацанов подвалили. Вот тебе раз! Где, когда увязались за мной, куда наладились архаровцы, сразу не разберешься. Сомнительные личности. Незнакомые хари. Вот некстати! Не ко времени явились — не запылились. Издали разглядел: один здоровый, мордастый такой. Выпугал, упырь чертов. Второй малый не внушал опасения. Затравленно огляделся. Мираж превратился в мандраж. Очумел я от страха. Едва чувств не лишился. Не в силах с места двинуться. Где искать заступничества?

Соображаю: «Чего шныряют? Чего выискивают? Не случилось бы чего непредвиденного». В голове зазудело: «Отколошматят как пить дать, скальп снимут. Чистой воды хулиганство выйдет. Дело швах! Не сносить мне головы, пропащая судьба. По уши в дерьме, впору удавиться. И дело сорвут. Пресекут мои надежды». Вижу: у самого заветного места остановились. Забор в пляшущих сумрачных пятнах, живые колеблющиеся тени непрошенных гостей скользят по траве.

— Не увлекайся, дорвался до трепа, обалдуй непутевый. Небось опять заврался, голова садовая? — для острастки прикрикнул на Петю Леонид.

— Пальцем в небо попал. Не сбивай с панталыку, — недовольно огрызнулся Петя. — ...Ума не приложу, что с ними делать, как выкурить? Путаница в мыслях, смятение холодной вьюгой налетело. Даже на миг поник как увядшие листья салата. Потом тряхнул головой. «Так, — рассуждаю, — неважнецкие дела! Стало быть, надо уповать на удобный либо счастливый случай. Надеюсь, что все само собой устаканится. К чему неоправданный риск?»

Однако согласитесь, глупо долго ждать. Иногда промедление губительно, даже смерти подобно. Сижу разгоряченный, взвинченный. Лихорадит меня от неистового нетерпения, переживаю, что ненароком сорвут широко задуманный план. Мысль обожгла: «Не видать мне райские кущи!» Засуетился, спохватился. Проблеск в сознании высветил: «Они часом не из охраны?! Застанут врасплох Иваныча, прищучат с потрохами! Расколют как орех и расправятся. По-видимому, не все в моем деле обстоит благополучно».

Ничего, думаю, улажу дело, не ударю в грязь лицом. Чего заранее сеять панику? Ну, отдубасят на худой конец! Дар речи ко мне вернулся. Спикировал с дерева, аж кости хрястнули. Очутился на земле, подкрался, а они увидели меня и стали папиросы канючить, мол, часом нет ли курева, охота разжиться табачком на крайний случай. Пригляделся: судя по внешнему виду нездешние молокососы! Набрался нахальства,

говорю: «Ша, ребя! Отвяжитесь. Валите отседова! Сматывайтесь. До фонаря мне ваши потребности». А у самого сердце ходуном ходит. Сказать по совести: дал маху, с головой выдал себя, напоролся на собственную глупость. Каюсь, опрометчиво поступил. Зря напропалую кинулся. Распсиховался, отринул осторожность. Чуть было не пострадал от нервного характера. И все по той простой причине, что хотел поскорее покончить с этим делом.

А они не уходят. Несговорчивые. Чего артачатся? Увел их от лаза. Психую дальше некуда, говорю, что надоело их пустопорожнюю болтовню выслушивать, глаза бы мои вас не видели. В раздрай пошел, возвысил голос: «Мол, не перечьте, катитесь подальше. Скатертью дорога. Уносите свои козлиные атрибуты, пока по морде не схлопотали».

Гаркнул, шуганул их. А сам признаюсь себе: «Ошибочный ход! Зря вольничая в словах. Может, припутать сюда мнимое свидание с девчонкой?» Верите: тягу дали, в бега ударились! И след их простыл! Не стали озоровать. Впрочем, сам диву давался. Вдогонку выпалил все, что о них думаю. Для проформы, для видимости. Они и рассосались в темноте. Опасливо огляделся и вздохнул с облегчением: отделался, избавился, наконец! Гора с плеч свалилась. Отшил, слава богу, и сам остался цел и невредим.

Как получилось прогнать, убей меня, не пойму. Нахрапом ли взял, с перепугу ли сами умотались? А может, правильно развил свой замысел, хитрую коварную комбинацию, ловко нашелся? Оказывается — могу обнаруживать сильный, дикий характер! Меня не проведешь, не обжулишь! Выпутался! Хохотал потом без удержу, разряжался после бешенства. Знаю — действовал довольно bestолково, но забавно. Беда обошла стороной. Стало быть, все шито-крыто. Успокоился я. Переменил позицию. Хорошо! — торопливой скороговоркой докладывал Петя.

— Трепло! Заткни фонтан красноречия! Не вдавайся в подробности. Довольно! Нарываешься на неприятности? Я не в состоянии видеть тебя около себя. Думаешь: моя чаша долготерпения нескончаема? Знаю наверняка: сведу когда-нибудь с тобой счеты, бузотер чертов! Перестань паясничать, расхвастался не в меру. Умника из себя строишь? Гений среди нас сырых отыскался! Прогорклая твоя хвала. Дурак с инициативой. Потчуешь тут всякой дрянью. Нет, вы посмотрите на него! Заважничал! Некому тебе зад крапивой надрать, — зло сплюнув, презрительно закончил на редкость длинную речь Анатолий, который всю дорогу молчал и с тяжелым унылым вниманием следил за разговором тусклыми, блеклыми, словно припорошенными нетающими льдинками, глазами.

— Под завязку напичкан моральями, — спокойно отреагировал Петя и, торопясь излить восторги своего самого счастливого, по его мнению, дня, продолжил: — Тут мысль мелькнула, что не худо бы перекусить: закинуть чего либо в рот на потребу желудка. Кишки марш играют. Из страха обрек себя на голодную смерть. Оголодал как троглодит, не терпелось дорваться до ужина. Водворил себя на место, собрался накинуться на жратву. Но не успел притронуться к бездонным карманам, вдруг выстрел! Как жажнет, аж эхо потревожило все окрест! Его отголоски далеко разлетелись. Вот хоть стой, хоть падай! Матерь божия! Подпрыгнул я как ужаленный. «Что стряслось, черт побери! Череда последовательных невезений? Что-то здесь неладно», — думаю.

Стараюсь не терять над собой контроль, но сердце уже оборвалось. Чуть не поперхнулся от волнения. Неведомый наделяющий ужасом страх овладел мной. Сробел я, запаниковал. Враз скукожился, спрессовался. Вот такой неприятный момент вышел. В голове пронеслось: «Боже правый! Охрана, язви ее душу! Теперь всех собак на меня навешают! Никакая фата-моргана не поможет. На собственной шкуре узнаю почем фунт лиха. Финал трагедии! Триумф обернется позором...

Петька нервно зевнул.

— Ну, ты и острослов! Бедный бледный призрак просвещения. Слова-то какие? Триумф! Финал! Откуда? Не чересчур ли ты привержен к спиртному? — ехидно прервал Петю Славка.

— Училка по русскому была хорошая. Александра Андреевна. Читать здорово приучала, — потупив глаза, объяснил Петя и энергично продолжил щедро разворачивать события ночи: — Ну, думаю, — сплоховал! Ничего, отопрусь. Под простачка-дурачка стану косить. Мол, несчастный, беден как церковная крыса... станут уличать во лжи, так

заплачу. Не буду чураться детских способов. Слезы — самое действенное средство.

Вот какая оторопь меня сначала взяла. Неподъемный страх придавил. Я затаился. Дышать перестал. Потом одумался, проворно вскочил и как сигану в сторону от потайного лаза! Во всю прыть перемахнул через ров, мягко спружинил коленками и шасть за бугор! Впопыхах запнулся за корень и шмякнулся со всего размаха наземь. Опять вскочил, отступил назад. Снова оступился. Навзничь упал. Чувствую, заплутал в темноте, попал не туда, куда метил. Продвигался ведь по смутному наитию. От страха чуть в портки не наделал, рисковал совсем утратить здравый смысл. Муторно стало, взмок, взопрел сразу. Так скрутило, хоть подыхай! По гроб жизни не забуду. Потом совладал с собой, успокоился, пробрался на карачках поближе к забору, шмыгнул в ямку. Решил отсидеться в траве, затеряться среди кустов.

Но что-то угнетало меня. Поелозил по земле, обратился к зеленому змию. Извлек на свет божий «пизирек» мутной заразы. За неимением лучшего и эта сгодится на худой конец! Присосался, клюкнул малость для поддержания духа. Чую: кишки бормочут о чем-то, невесело переговариваются. Закусил. Не морить же себя голодом зубы на полку положивши! В два счета всю жратву смолотил, уплел и жажду утолил. Конечно, не капитально подкрепился — от моей еды не раздобреешь, но червячка заморить удалось. Духом воспрям.

Потом залег на боковую. Здорово проняло. Лежу в счастливом похмелье тихо, как немой. Все мне трын-трава. Такая вот приятная штуkenция! Совсем окосел. Страхов явно поубавилось. Соображаю: «Может, зря тягу дал? На кой черт неся очертя голову себе на погибель? Пожалуй, теперь это ровным счетом ничего не значит».

Петька опять не устоял перед искушением похвалить себя:

— Развеял остатки неуверенности, сомнений. Победоносный стук в голове, заздравный мотив, всеохватывающая радость в теле. Спокоен как лед. А, думаю, была ни была, все одно, все едино: или ишак подохнет, или шах помрет. Потом начисто забыл, зачем пришел. Дохлый номер! Глаза слипаются, смыкаются поневоле, носом клюю, голова падает на грудь, точно ее свинцом накачали. Встать невмочь. Сон безумно одолевал. Мешком привалился к дереву.

Всхрапнул, наверное. Очухался, продрал глаза, стряхнул дремоту. Думаю: «Хватит дрыхнуть». Нормально скоротал время, только промерз до костей. Дрожь не могу унять. В животе холодно, будто лягушку проглотил. Чуть не очоурился. Зуб на зуб не попадает. Переминаюсь с ноги на ногу, шепотком заунывно и нервно напеваю: «Уж полночь близится, а Германа все нет». Завелся как испорченный патефон. Приуныл чего-то, не в меру раскис, голову повесил. Даже затосковал. Потом маленько поблукал впотьмах для сугреву. Чувствую теперича ни в одном глазу.

Вспомнил, ради чего околеваю. Не прозевал ли? Нет! Охотничий азарт снова появился. Уходить не хочу, дело-то подходящее, выгодное. Снова ждать вознамерился. Ночь тихая-претихая. Темень такая! Зренье тонет. Не кошка ведь. Ночная бездна притомила меня. Припомнил страхи. В круговороте чувств опять вызрело сомненье, и смятенье растревожило душу. Тут осенило: «Наверное, спросонья выстрел померещился? Наваждение. Испуганное воображение чего ни придумает? Где только ни блуждает человеческий разум в потемках! И все же лишком много случайностей: ребята, выстрел. Не выйдет ли все это мне боком? Насколько помню, вроде не дремал».

— Да ты, небось, на самом деле в штаны наделал! — заржал Славка.

— Да нет! — не обиделся Петя, и его веселый лягушачий рот расплылся в улыбке. — Впрочем, скоро совсем расхрабрился, запрятал в глубоком чреве страх и вернулся к заветному месту. А Иваныч тут как тут, подоспел вовремя. За забором уже стоит, мешки с гречкой держит. «Куда запропал?» — шепчет. Он воистину маг-волшебник. Я раздвинул доски, мешок стал пропихивать. На что-то наткнулся. Замер в нерешительности. Случайно отпустил задрожавшую хлесткую ветку куста и опять вздрогнул как от выстрела. Иваныч с глухим проклятьем присел на мешок. Страх всю плоть мне прожег, но руки горят от нетерпения.

Еще каверзная деталь! Мертвенный свет луны выпугал, потому что кругом выползали и шарахались черные тени. Оторопь взяла. Чуть отхлынет страх и опять подступает. Дрожу

как шаловливая девка от проказ. Страсть моя иссякла, померкла. Ну, совсем как замороженный! Обозлился я на себя. Невзначай замечаю: опять тучи сомкнулись, и расплзлась непроглядная темень. Сумрачные объятья ночи охватили, предрекая удачу. Темнота в таком деле играет на руку.

Раз пять кряду за мешок хватался. Но вот ведь закавыка: не удавалось его проташить сквозь щель. Получается, дело не на раз-два и в дамки! Абы кто не справится. Это тебе не баклуши бить. Каши я мало ел. Квелым оказался. Вконец измученный, отступил. Воодушевление пропало. Смотрю на мешки разинув рот. Стыжусь. Несподручно Иванычу со мной на дело ходить.

Резиновое подвижное лицо Пети меняло выражение сто раз в секунду. Я с неослабеваемым любопытством изучала интересный артистичный экземпляр, примеряла его на разные роли в школьном спектакле. «Занятный парень. Для нас он мог бы оказаться просто кладом! Жаль, — такое добро пропадает! Вот так и любой талант можно разменять на мелкие звонкие монеты, — взгрустнула я. — А речь какова! Не ее ли обзывала Александра Андреевна «словесным поносом»? Кстати, в меньшей степени, но я тоже им страдаю, когда не в меру заведусь».

А Петя вдохновенно продолжал:

— Надо отдать должное Иванычу, с большой натяжкой можно назвать его стариком. Подсобил. Чуткий сердцем. Сам в момент мешки через забор перекинул! Тщательно сработал. А для меня «амуниция» тяжелой оказалась. Максим по своей природной жадности очень большие мешки передал. Тут Иваныч приказал: «Твой черед пришел вкалывать. В самую пору. Шибче беги. У меня не больно заленишься». И подсобил, на спину мне первый мешок взвалил.

Удирал я напрямки по-тихому. Предварительно осмотрелся, разведку сделал. Потом пробирался задворками. Осторожно миновал длинные порядки изб, огороды. По пути рухнул пару раз наземь со всего маху. Ругнулся, что дальше носа ничего не видать. Чувствую, ногу на коленке раскровянил. Видать, напоролся на острие. Испугался. Мало ли что? Покамест нет заражения, грязь у колонки смыл. Заодно раздобыл палку и сапоги от пудовой грязи ослобонил. Осмотрел пропоротое голенище. Отер пот со лба, раны зализал, перекурил малость.

Потом еле взволок на себя мешок. Мужские игры требуют сноровки! А тут опять луна, предвестница беды, замерцала, открывая нашу тайну. Ночь яркие огоньки-звездочки горстями разбросала по небу. И я как на ладони!.. Должен сразу предупредить: ненавижу луну с детства. Нервирует она меня. Поджилки трясутся. Шевельнулось слабое желание умотаться поскорее к чертям собачьим. Я на карачки! Аж суставы трещат. Ничего, приспособился! Лиха беда начало. Помчался как спятивший кролик. Мешок заносит, мать его... А эта чертова луна то седая и нищая, то капризная, то гордая и злая. Изводила меня, проклятая...

Изнемог, пока три раза туда-сюда мотался. Когда закончил дело, сморенный, измочаленный к Витьке поперся на станцию, потом к Вальке вломился. Столковались насчет цены. Долго не терзался, по первой согласился на его грабительские условия.

Всем по чуток обломилось. Сошлись на двух общих, обычных в наших кругах желаниях. Потом пили, пелюской хрустели, песенки тягомотные пели с бабенками. От ядреного самогона в дрожь бросало. Был смертельно, в доску пьян. До положения риз напился. Совсем память отшибло. Потом закемарил. Когда стало развидняться, домой чуть тепленьким притащился. Только к обеду более-менее потребный вид приобрел. Интересная вышла прогулка, обильная впечатлениями, — закончил Петюня, явно довольный своими подвигами.

— Ну, ты, братец, в больших дозах невыносим! Надоедливый, безостановочный болтун, — рассмеялся Славка. — Словоблудие у тебя в крови.

«Неплохой в принципе парень, не злой, только ведь пропадет бедолага ни за что ни про что, по молодости, по глупости. Худо ему без родителей. Не углядела, упустила Петьку бабушка. Его бы да в хорошие руки, как говорит моя мать», — подумала я, а вслух сказала:

— Твою бы энергию, да в мирных целях. (Я перефразировала бывшее у нас в моде критическое замечание в адрес американских империалистов.)

— И нам подфартило. Мы тоже не лыком шиты, не прошляпили. С Коляном на двоих, пожалуй, на мотоцикл мешков перекидали, а в полдвенадцатого слиняли, смылись втихаря через непролазные кусты. Поразительное коленце выкинули, редкую изобретательность проявили, — гордо доложил Артемка.

— Расскажи, расскажи! — хлынули к нему со всех сторон голоса дружков.

— Опять мочало — начинай сначала! Чего же пешком ходите? — сердито и недоверчиво протянула я.

— Нельзя на краденом богатство делать и копить про черный день, иначе все прахом пойдет, — холодно осадил меня Славка.

— А зачем воруете? Гораздо проще и честнее жить, как все. Нормальные люди не дают волю своим дурным наклонностям. Зачем пристрастились к воровству как к невинной игре? Доведет вас слепая гибельная страсть к деньгам и водке! Некому вас остановить, усмирить и образумить. Можно ведь и получше распорядиться своим свободным временем, — незатейливо рассуждала я.

— Мы не ворует, а снабжаем бедных и удовольствие получаем. Я не чувствую ни малейших угрызений, ни капли горечи. Не от результата воровства я получил удовлетворение, а от соучастия в приключении. Пошли и сделали! Один бы не решился, а вместе легче преодолеть укору совести, они пополам делятся. А в большой компании и того лучше: вроде их уже совсем нет, — высказался Петька достаточно недвусмысленно, скорей даже очень определенно.

— Не переваливай свою ответственность на других. Совесть — штука индивидуальная, личная, — раздраженно фыркнула я и наивно поинтересовалась: — А деньги куда девашь?

— Не знаешь? Умора! Обхохочешься! Хорошо, я просвещу тебя. Прожигаем, швыряемся, демонстрируем необузданное расточительство. Псу под хвост кидаем. Пропиваем с корешами. Нам пороскошествовать охота! Мы не скупердяи. Нам ни вот столечко денег не жалко. Здорово живем, грех жаловаться, — серьезным тоном с неожиданной откровенностью объяснил мне Слава.

Лицо его кривила ленивая усмешка. Он тоже явно гордился собой.

— Объяснил, снизошел! Поглядите-ка на него! Хватит петь дифирамбы своей грязной жизни! — в смятении закричала я. — Ты деньги и хорошее настроение оставляешь для друзей, а в плохом — тиранить мать и жену. Это порядочно? Ты считаешь, что не наживаешься. Но могут незаслуженно разбогатеть те, кому ты перебрасываешь гречку, если, конечно, они хитрые и не принимают законы.

— Ну, уж это не наша забота, — незамысловато заявил Петька, поддергивая просторные, отвисшие сзади брюки.

— Гонор глупого нищего! — закричала я нетерпеливо. — Давай на чистоту, коли на то пошло! Это ваша забота! Вы соучастники. Полная безнаказанность вас губит, отсюда ваш безрассудный оптимизм. А если попадетесь? Тогда табак-дело? Так у вас говорят?

— Запричитала! Чего зыришь исподлобья? Хочешь дознаться и выдать нас с потрохами? Разговорилась, вошла во вкус! Надо же додуматься до такого! Напророчишь тут, типун тебе на язык, дура безоглядная! Оставь нас в покое! Попусту не бросайся словами. Нарочно провоцируешь на агрессию? Не ищи приключений на собственную задницу. Петька, не пидай кипятком. Сойдет с рук. Отмажемся. Все чин чинарем будет, все на мази. Комар носа не подточит. Мы с охранниками делимся. Заручились поддержкой. Не ущемят, не ухандокают. Минует тебя сия чаша. А если приспичит, так все равно навряд упасешься. Чему быть, того не миновать. Не падай духом, а падай брюхом! Случаются иногда крупные недоразумения, но ты не дрейфь. Жизнь — веселая штука! Допер? — высказался Славка предельно честно с нехорошим, злым блеском в глазах и лживо, как Иуда, обнял Петьку за плечи.

Чувствую: мое присутствие раздражает Славку. Но и его грубость в отношении меня задела за живое и покорила. Я не привыкла к подобным выпадам в свой адрес и насупилась, подыскивая в уме достойный жесткий ответ. Раньше я была не очень высокого мнения об умственных способностях Славки, но теперь отдавала ему должное: он если и не очень не умен, то хитер и нагл. Одним словом, крепкий орешек.

— Мы честно, но вяло отрабатываем свою зарплату. Работаем в меру своих сил и способностей. Кому охота гробить здоровье из-за грошей? Ты, малявка, знаешь, сколько я получаю? — криво усмехнулся Артем, нелюдимая, нерасторопная, неприятная личность.

— Знаю. Не маленькая зарплата людей губит, а отсутствие совести, — взбрыкнула я в очередной раз.

— Постараюсь удовлетворить твое любопытство. Откровенность за откровенность. Так вот, я слышал от мужиков, что государство нам платит за работу только одну пятую часть. А куда остальные деньги идут?

Он вперил в меня блеклые глаза. Его крупное широкое, плоское как блин лицо потемнело, лоб сжался в гармошку и привел в движение всклокоченные белесые волосы. В голосе с могильной гулкостью зазвучала зловещая нотка.

Меня это несколько не смутило, и я быстро нашлась:

— Наверное, на общее благо: армию, школы, медицину. Опять-таки для нас.

— Черта с два! Чушь собачья! Там я не вижу денег. Мне в свой карман надо, — Артем продолжал зло сверлить меня глазами.

— Ты же все равно пропиваешь деньги, вырученные воровством, — возражала я в неприятном нервном возбуждении.

— Не тратить же на самогон трудовые? — с чистосердечным недоумением пожал плечами Петюня.

— А если не пить?

— С тоски помрешь, — снисходительно объяснил Артем.

— А почему другие не умирают?

— Пашут много, а мне лень. И башка моя противится учению.

— Ну, тогда все понятно, — усмехнулась я.

— Издеваешься над нами? Что тебе понятно? Я не лошадь, чтобы надрывать, вкалывать до потери пульса. Я человек! — взбунтовался Петька в полной уверенности в своей правоте.

— Видишь ли, твое заключение ни в какие ворота не лезет. Что в тебе человеческого? Желания, как у животного. Вот мне некогда скучать. Было бы в сутках хотя бы часов по тридцать! А вы заплутались в потемках. Самый губительный изъян человека — гнилая душа. Так бабушка мне говорила. Человеку только за добрые дела воздается сторицей! — с пафосом провозгласила я прописную истину.

— Не гунди заерзанные слова. Высокие материи и вечность нам не по карману. Вся наша дилемма: много воровать или мало, — поняла? Заткнись, смердишь как зараза, отсохни твой язык! Зачем затесалась в нашу компанию?! Ни дна тебе ни покрывки! Доберусь я до тебя! Немедленно отрекись от своих слов и вали отсюда! — вдруг зло рявкнул Славка, уставившись на меня помутневшими от ярости глазами.

В них то злорадство, то насмешка, то ненависть. На лбу и висках вздулись вены. Он весь напрягся и начал терять самообладание. Чувствую: страсти накаляются. Надо прекращать дебаты. К чему мне знать, что еще кроется в темных уголках его души?

Видно, Славкин гнев достиг апогея, и он процедил сквозь сжатые зубы:

— Не суй нос в наши дела. Не рыпайся, прибью, если ты «с двойным дном». Ноги из задницы вырву, спички вставлю и голой на северный полюс пушу. Пожалеешь, что на свет родилась. Башку отверну! — потом смачно выругался. — Не тебе тягаться со мной. Убирайся ко всем чертям! — вдруг заорал он как одержимый. И опять закончил свой монолог непристойными выражениями.

«Богатый лексикон, — презрительно подумала я с некоторым содроганием. Мое сердечко екнуло и стукнуло невпопад. Я трижды повторила про себя: — Не боюсь этой публики».

Некоторое время мы со Славкой бросали друг на друга гневные, испепеляющие взгляды, а потом сделали вид, что упорно не замечаем наличия неприятного соседства. От злости я так стиснула кулаки, что не сразу смогла разжать онемевшие пальцы.

Дима не вмешался, не постарался утрясти разногласия, не положил конец дискуссии. Меня это удивило и жестоко обидело, даже горло перехватило от накатившего волнения. Я знала, что дружки безоговорочно признают его превосходство (по крайней мере, он так утверждал), поэтому внешне никак не отреагировала на угрозу. И хотя мат в моем присутствии вывел меня из себя, не желая драки, я сделала примирительный жест и ответила так, чтобы ненароком не обидеть парней, постоянно хвалившихся после свирепых стычек силой своих кулаков:

— Во-первых, нам по пути, во-вторых, я хотела больше узнать про взрослую, реальную жизнь. В моей семье о ней не говорят, а в книгах пишут о прошлой жизни. Да и ссориться мне с вами не с руки. Ваша жизнь — ваши проблемы. Как говорится: вам головы подставлять, да не мне их сечь.

Славка не нашелся, что ответить.

Иду и сердито размышляю: «Ну, и чего же я о жизни узнала? У дураков и жизнь дурацкая. И юмор у них примитивный. Вот недавно около клуба Шурка Малей наступил на ногу девушке, а вместо извинения пошутил: «С наступающим тебя!» Ребята смеялись, а мне было противно. И развлечения у них глупые. В воскресенье праздник был, так они выпили с утра, подпилили стойки, сняли общественный туалет с ямы и цугом, пятась, оттащили к дому председателя колхоза. Ну, я понимаю, если бы из чувства протеста, а то ведь ради баловства! Потом целый день хвалились перед всем селом своей шуткой.

Коробит их глупость. Недавно я разозлилась на Витьку, когда около клуба стояли. Говорю ему: «Развитие твое на уровне обезьяны. Помолчал бы лучше. Зачем афишируешь свою глупость? Зачем кричишь об этом на всех углах? Раньше ты один об этом знал, а теперь все». А до него даже не дошло, что я его оскорбила. Гогочет, как конь в стойле...

Если человек и самосовершенствуется с годами, то слишком уж медленно... Далеко им до гармонии, хаос в головах. А вообще-то от поколения к поколению люди умнеют или пользуются только запасом знаний накопленных за свою, конкретную жизнь? Наверное, сильно влияет среда обитания. У этих ребят она до жути примитивная. А может, они сами слишком тупые? В памяти всплыли красивые книжные слова: «Торжественный свет истины не осенял их души...»

Мысли увели меня так далеко, что, очнувшись, я не сразу поняла, на какой улице нахожусь.

Вижу: из ворот ближайшего дома вышел высокий, нескладный, худой парень с бутылкой самогона, с миской огурцов и хлеба и радостно сообщил ребятам о рождении дочери. Ребята с удовольствием вытащили из карманов стаканы, которые всегда были при них. Я знала Петра. Он ремонтировал технику на току и всегда был молчаливым, спокойным, безотказным, преисполненным степенности и сдержанности. У него было продолговатое загорелое лицо, покатые, сутулые плечи, тощие ноги в широченных, обвислых брюках, с вечно набитыми всякой всячиной выпуклыми, мешкообразными карманами. Он производил впечатление стеснительного, неловкого, не совсем уверенного человека. Но я его уважала за трудолюбие и решила немного задержаться в компании, только отошла в сторонку.

Ребята сели на землю, причмокивая, осушили по стакану самогона, закусили куском

хлеба с огурцом по кругу, потом выцедили и допили остаток и продолжили хвалиться своими «победами». Лицо Петра почему-то стало покрываться пятнами. Глаза сузились. Руки беспокойно задвигались. Казалось: он не понимал, что должен делать. В нем скакали, метались и не могли вырваться наружу новые, неведомые до сегодняшнего дня мысли. Он виновато, нерешительно, страдальчески переминался с ноги на ногу. Сумятица в голове подавляла его.

Вдруг он треснул себя по макушке, вскочил, с остервенением выдернул из плетня кол и кинулся на ребят. Они бросились врассыпную и от неожиданности разметались по земле. Потом, придя в себя, с увесистым дрекольем кинулись умирять освирепевшего друга. Но не тут-то было. С диким выражением лица Петр крутил кол вокруг себя, не подпуская ребят. Друзья не понимали причины дикой вспышки. Наконец, из широко раскрытого рта Петра вырвалось хриплое:

— Так и мою дочку какой-нибудь гад... вот так же?!

Тут теща Петра выскочила, заголосила, запричитала. Отпихивает его, оттаскивает за подол затасканной рубахи. Но он еще злее и жестче замахал колом. Димке досталось по руке, Леониду — по спине. Сцена драки была напряженная, пугающая. Поняв, что с очумелым Петром не справиться, ребята разбежались в разные стороны. Когда они вылезли из-за плетней, я победно оглядела их.

— Вы скоты, сменившие шкуру на кожу, сохранившие только облик людей. Пока по мозгам не ударят, не понимаете самых простых вещей: доброты, порядочности, уважения. Даже о мужском достоинстве у вас превратное мнение. Все переиначили, с ног на голову перевернули! Вам удобно выглядеть такими? С дурака меньше спросу — ваша любимая поговорка, — негодуя, кричала я.

Больше ни минуты не хотелось оставаться в их обществе! Я побежала домой, вспомнив, что потеряла чувство времени. Дмитрий догнал и предложил проводить. Я не согласилась. Бегу, а сама лихорадочно думаю: «Угораздило меня попасть в их компанию! Мне одного вечера хватило, чтобы понять, что эти ребята не могут быть моими друзьями. Быстро закрыла брешь в моих представлениях о них. Отвращение к ним испытываю. Почему же Дмитрий с ними? Почему безучастно наблюдал нашу перепалку, почему не поддержал меня? От него я не услышала ни малейшей грубости, а все равно возникло полное отчуждение. Ему льстит, что к нему, самому молодому, ребята относятся с уважением, считают вожаком? Он козырь среди них? Ему даже не приходится прикладывать для этого усилий. Разве он не понимает, что с ними деградирует? Значит, он глупый?»

Пришла домой на пять минут позже обещанного. Торопливо, с ожиданием катастрофы нырнула в открытую калитку. Более всего меня приводили в отчаяние непредсказуемость действий матери, неожиданность наказаний за мизерные, по большей части совсем пустячные прегрешения. Разве я сегодня совершила сколько-нибудь серьезный проступок? В небольшом опоздании я не вижу ничего предосудительного. Распекать будет? Нервы мотать и себе, и мне? Этого боюсь больше всего. Стою перед дверью как истукан. С растерзанным, испуганным сердцем покорно ожидаю своей участи. Недаром говорят, что сердце видит глубже, чем глаза?

Молюсь: «Сейчас только на Твое доброе посредничество надеюсь, Боженька. К Тебе нельзя соваться по пустякам? Так некому больше заступиться». Безуспешно пытаюсь думать о постороннем, чтобы прогнать глупые, навязчивые мысли. Неприятное волнение, предчувствие чрезмерного незаслуженного наказания гневом разрывает грудь и приумножает раздражение. В такие минуты я представляю мать жестоким тираном.

Идет. Открывает дверь. Я инстинктивно попятилась. Знаком требует повиновения. Молча неодобрительно смотрит на меня. Взгляд сулит плохое начало. Хватает за воротник пальто и так встряхивает, что пуговицы сыплются на пол. Потом бьет по лицу наотмашь спокойно, решительно, неумолимо, твердо. Она уверена в своей правоте.

Виновата. Надо было без пяти минут прийти. Господи! Отчего она видит во всем только плохое? Жаль ее...

— Опять с Димкой шаталась? Дня не хватило? Не сгорела еще со стыда? — зашипела мать.

— Не шаталась. Со станции шли вместе, всей компанией, — вяло возражаю я.

Она не удовлетворена ответом и привычно кричит:

— Сделай одолжение, не груби!

— Ваша школа, — уныло бормочу я.

— Всему есть мера. Соблюдай дистанцию!

— Куда уж больше, — тоскливо вздыхаю я и иду спать.

Лицо горит, душа болит, но чувство вины и жалость к матери сглаживают неприятные ощущения и размыывают горький осадок от унижительного оскорбительного наказания.

Перемолов в памяти события дня, успокоилась. Душа остыла от пожара. Осталась лишь легкая грусть о том, что человеческий мир сложен и не совершенен. Меня всецело поглотили впечатления вечера, проведенного с друзьями Дмитрия. В моем взволнованном уме теснились новые мысли, доселе неведомые суждения. В разговорах и событиях этого вечера содержалось много пищи для размышлений.

И почему некоторые люди так бездарно проживают жизнь? Леня виновата? Димкины дружки — второгодники, которые бросили школу кто в четвертом, кто в пятом классе. Тогда откуда в них самоуверенность, манера обо всем говорить бездоказательно, вроде того, что если я так считаю, значит так и должно быть! Эталоны доморощенные! И что я за человек? Одна на селе непутевая компания, и я обязательно в нее попала! Нездоровое любопытство причиной? Глупость?

Почему-то вспомнилась встреча в городском парке. Шли пожилые супруги. Мужчина улыбнулся. Женщина ласково спросила:

— Вспомнил что-нибудь приятное?

— Радуюсь избытку хорошего настроения, которое еще не успели испортить, — криво усмехнулся мужчина.

— Я привыкла философски относиться к нашей жизни и, хотя у меня мелькнула мысль, что в данном случае ты имеешь в виду меня, я не стану заводиться. Себе дороже выйдет...

Весь их дальнейший разговор состоял из его нападок и ее защиты. Как ни старалась женщина мягко и тактично доказать свою правоту по многим вопросам, у нее ничего не получилось. В ответ она получала только издевки и насмешки. А ему нравилась их беседа. Он говорил ахиною и чувствовал свое превосходство.

— Мы ведем беседу на разных языках. Скоро совсем отучишь меня разговаривать с тобой, — тяжело вздохнула женщина. И добавила скорбно: — Погуляли на природе!..

Я сравнила беседу той пары и свои разговоры с Димой и ужаснулась их сходству. «Бежать от него и подальше», — твердо и бесповоротно решила я.

В открытую форточку донеслось разухабистое: «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...» Дмитрий с компанией горланит песни. «А мне нужны звезды», — думала я с легкой грустью, которая часто возникает от неопределенности и невозможности предугадать хороший исход будущего, но которая всегда смягчается надеждой, так свойственной юности.

«Жаль будет, если, в конце концов, Димка не сможет измениться к лучшему и не достигнет своей мечты... Устала я от взрослых мыслей. Кто бы знал, как хочется почитать сказки!» — думала я, засыпая.

ОДА

Люблю свою математичку! Маленькая, худощавая, сутулая. Острые локти все время в движении. Редкие черные с проседью волосы плотно облегают крупную голову и заканчиваются малюсеньким пучком, заколотым шпилькой, которая всегда весело торчит на затылке. Глаза серые, глубоко запавшие. Лоб высокий с волнами морщин. Приплюснутый короткий нос почти не заметен на лице. Губы тонкие. Моментальная съемка не в ее пользу.

Но вы посмотрите на Юлию Николаевну, когда она объясняет урок! Не говорит, — священнодействует! Это же «чудо в перьях!», как она сама же и шутит. Глаза сияют как звездочки из темноты. Юркое, подвижное лицо излучает тепло и свет. На бледных щеках появляется красноватый румянец, лицо меняет выражение тысячу раз в минуту. Оно бывает сердитым, веселым, счастливым, восторженным, но злым — никогда! Очаровательная женщина!

Меня поражает стремительная подвижность ее мыслей и отточенная ясность языка, выражающего тончайшие оттенки чувств, пылающий накал страсти и затаенные смешливые искорки в глазах. Юлия Николаевна с упоением рассказывает о любой теореме, бросается массой научных терминов типа: тривиальный, примитивный, квази, с наслаждением смакует изящные математические преобразования, указывает на тешущую душу чарующую очевидность и совершенство доказательств. И тут же просто, по-житейски, по-домашнему обращается к любому школьнику. Кажется, что между нею и нами нет дистанции. Но мы одновременно близки к ней и бесконечно удалены, отгорожены ее знаниями.

Замечательно то, что она позволяет нам вольности в словах, если за этим следует умный, правильный ответ на вопрос. Ребят, всерьез интересующихся предметом, она может только чуточку пожуричь с легкой хрустальной, совсем не обидной иронией. Но вольность лодыря при ней звучит непозволительной грубостью. Если нашаливший не понимает свой проступок, весь класс длительной, молчаливой паузой разъясняет это зарвавшемуся ученику.

Юлия Николаевна не удостаивает бестактного своим замечанием, тем более криком. Каждый знает, что ее снисходительная улыбка горше неприкрытой суровости. А спорившему по делу толковому ученику она может простить минутную несдержанность, даже резкость. Только шутливо, остерегающе погрозит пальцем и весело вскрикнет что-либо наподобие: «Сто лет в обед твоему обещанию! Суворова на тебя нет!» Или: «Будем учиться правильно и хорошо мыслить — вот основной принцип морали». Она удивительно доброжелательна!

В любой ситуации она не теряет и чаще всего находит шуточный выход из неловкого положения. Мы восхищаемся ее чувством юмора и при удобном случае сами пытаемся ее чуть-чуть подколоть. Она нам отвечает тем же. Один раз в ответ на грубую шутку ученика по лицу ее прошла серая тень, и она, охлаждая невоздержанного «юмориста», сказала грустную непонятную фразу: «Трагическая роль шута глубинна и преисполнена высокой ответственности».

Как-то услышала от нее на перемене анекдот: «Математика попросили:

— Пойди на кухню и поставь чайник на огонь.

Вернулся. Не поставил. Его спрашивают:

— Почему?

Получили ответ:

— Зашел, посмотрел, задача имеет решение. Ушел».

Не всегда нам сразу доходит смысл ее шуток и прибауток, но тем они ценнее для нас. Мы учимся их понимать.

Помню, когда я была еще в пятом классе, встретив меня на станции, Юлия Николаевна попросила:

— Передай маме вот эту сумку, книжку и еще спасибо.

— А спасибо донесу? — пошутила я.

— Поднатужься, — подыграла она мне.

Мне было приятно. Люблю, когда взрослые понимают наш юмор. У Юлии Николаевны внутри камертон, настроенный на малейшую, даже пустячную шутку. Она, как восторженный ребенок, подпрыгивает от радости, услышав от ребят что-нибудь «юморное». Я сказала ей об этом, а она ответила: «Сына за шутки обожаю. Иной раз прихожу с работы измочаленная. В такие минуты хочется свалиться на кровать и никого не видеть, не слышать. А он подойдет, миленькую шуточку отпустит, раздражение и усталость сразу пропадают. Откуда и силы появляются на «великие» домашние дела?»

— А сколько сыну лет?

— Сашку? Девять. Поздний он у меня, — улыбнулась учительница. — А дочь другая. Трудно ей без юмора в нашей непростой жизни...

У меня с раннего детства тормоза слабоваты. Случается зарываться. Знаю за собой такое. Вот раз сижу на уроке, а Юлия Николаевна чертит на доске от руки равнобедренный треугольник. Я ей с места:

— Какой же он равнобедренный? Одна сторона на десять сантиметров больше другой.

Юлия Николаевна так и застыла со вскинутой рукой, потом волчком закрутилась на месте, повернулась ко мне и говорит:

— Ну, смотри, если хоть на два сантиметра ошиблась, задам перцу! Иди, измеряй!

Смущенная своей выходкой, выхожу к доске и с деланной веселостью прикладываю линейку к чертежу. Девять сантиметров. Ура! Обошлось! Юлия Николаевна смеется:

— На этот раз повезло. Садись. Не удалось мне тебе шею намылить! Ох, вздую как-нибудь!

— Думаю: у вас еще будет такая возможность, — улыбаюсь я в ответ. — Может, все-таки остаться у доски?

— Нет, сегодня я тебе не приготовила задачку. Иди поерзай на парте, только другим не очень мешай.

— Ладно, — успокоившись, миролюбиво соглашаюсь я.

А она добавляет с сожалением и улыбкой:

— Надо же, а ведь был глаз-ватерпас!

Один раз я разбаловалась так, что переступила границу дозволенного, забыла, что «умный человек осторожен и в словах, и в делах». Случилось такое потому, что в школу пришел мой знакомый со станции. Я отвлеклась от урока, а на перемене получила от Юлии Николаевны «между глаз» — взрослую шуточку в свой адрес. Впервые взорвалась и нагрубила.

— Неужели простишь математичке «укол»? — спросила Валька Панчукова с ехидной улыбкой, которую ей не удалось спрятать за мнимой заботой.

— Ей прощу! — отрезала я грубо, не желая впускать в мир своих чувств одноклассницу, которой хотелось поймать меня на моей излишней бесхитростности и вспыльчивости.

Я не считала себя достойной реплики учительницы, но понимала, что не имела права так реагировать. Следующий урок прошел бездарно, бестолково, а на перемене я пошла извиняться. Разревелась, потому что очень любила учительницу. Чувствовать себя

виноватой перед ней было выше моих сил.

— В любом обществе существует система ценностей. Каждый черпает из нее только то, что ему созвучно. Страшно подумать, что было бы с людьми, если эту систему перевернуть вверх ногами! Я рада, что ты смогла подойти. Поведение, наверное, самый сложный для тебя предмет потому, что нет другого учебника, кроме жизни. А она таинственна, неясно очерчена, весьма не предсказуема и каверзна. Знаешь, молчание, достойно выдержанная пауза могут сильнее обидеть, задеть, научить (умного, конечно), чем длинная грозная бестолковая речь, — мягко произнесла Юлия Николаевна, дружелюбно положив мне на плечо свою маленькую сильную жилистую руку. — Воспитанность — внешний атрибут. Главное, чтобы к ней прилагались ум и совесть.

Я ценила ее наставления, потому что она знала истинную цену людям, безошибочно определяла их характеры, опытным зорким глазом выбирая в них главное.

Когда мы обе успокоились, я спросила учительницу:

— Вы в детстве шустрой были?

Мелкие морщинки у глаз ее всколыхнулись, потом она сделалась задумчивой и далекой.

— Всегда огнем горела. Жаль, что поубавилось силенок, потеряла былой заряд, хватка уже не та. Возраст. Понимаешь? ...Помню, еще до школы, нашкодим с дружками, я домой прибегу, гляну на икону Николы Чудотворца и замру. Он на меня осуждающе так глядит! Я сотворю крестное знамение и за печку, и под кровать прячусь, а он все равно видит и сердится. Ох, и боялась я его, пуще маменьки!..

А со школой у меня поначалу неувязка вышла. Сестренка училась читать, а я у бабушки на коленях сидела и буквы запоминала зеркально перевернутыми. Пришлось переучиваться. А еще щупленькой была и ростом маленькой к тому же, в ряду последняя стояла. Досаждал мне одноклассник Леша Кашеев, крупный красивый мальчик. Обижал, проходу не давал. Перестала я в школу ходить. Гуляла, на санках с горки каталась, пока другие учились. А маму попросила, чтобы она у врача взяла справку, будто нельзя мне пока в школу ходить. Додумалась же до такого! Никакие уговоры не помогли отправить меня в класс. Пошли в поликлинику. Доктор написала в справке, что надо идти в школу, но я все равно всю зиму дома просидела. Мать не лупцевала, не жучила меня, только осторожно, издалека «подъезжала» с разговорами о школе. А весной учительница весь класс привела ко мне домой и очень ласково упрасивала вернуться. И все ученики обещали дружить со мной. Я поверила и продолжила учебу...

Потом тетя меня воспитывала. Она в горисполкоме уборщицей работала. Великой души человек! Интеллигент до мозга костей, хоть и неграмотная. Отец ее замерз в поле, в стогу сена. Мать угорела. С семи недель отроду тетя одна-одинешенька осталась. Чужие люди ее растили. Она была золотушным ребенком, слабым. В тринадцать лет приписала себе годик и на торфоразработки пошла работать. Надорвалась. Детей своих не имела. Мне и моей двоюродной сестре Любе жизнь посвятила. У меня светлые годы были с тетей. В техникуме я тогда училась...

— Юлия Николаевна! Как это можно быть неграмотной и в то же время интеллигентной? В моем понимании интеллигентный человек должен быть, прежде всего, образованным и культурным.

— Я говорю об интеллигентности вне зависимости от образования и занимаемой должности, об интеллигентности души человека — культурного достояния народа. Желание понять другого есть один из важнейших признаков интеллигентности в высочайшем смысле этого слова. Еще взаимный интерес должен присутствовать, терпимость, скромность, уважение; позволение иметь свое мнение, то есть признавать свободу думать иначе, быть непохожим на других. Интеллигентный человек не может заниматься самообманом, ему присущи сомнение, доброта (но с мечом), высокая духовность, сознательность, требовательность к себе, чувство независимости. Он гуманист. Еще А.С. Пушкин говорил: «Чтить самого себя». «Без собственного достоинства отдельных людей не могут существовать ни демократия, ни культура». Величие человека — в его самоуважении. Образованность стоит на втором месте после

этих качеств. Для образования нужны книги и свободное время, а интеллигента создает живое общение. Оно является главным условием соответствующего воспитания личности.

Истинно интеллигентных людей, как и одаренных, мало. В силу своей деликатности они часто становятся жертвами диктаторских режимов. И в обыденной жизни им нелегко. Беречь их надо. Они аккумулируют национальную культуру, науку, традиции и передают следующим поколениям. Их гибель равна уничтожению библиотек и является трагедией для любой страны. Искоренение интеллигенции равносильно преступлению против всего населения, потому что она является носителем и накопителем жизненно важных черт. Многие цари в первую очередь уничтожали интеллигенцию, чтобы было легче поработить народ.

Интеллигентный человек не поставит свое имя под научной статьей, которую не писал. А бюрократ может. Твоя бабушка, будучи тяжело больной, не капризничает, не злобствует, думает о тех, кто рядом, не хочет их слишком затруднять, а моя соседка измывается над дочерьми, унижает их и считает такое поведение нормальным. А разве редко ты слышишь: «Очки на нос повесил! Умника из себя строит! Гляньте на него: шляпу надел!» Небрежение опасно.

Интеллигентность — это та крепость, которую взять труднее, чем одолеть физическую силу. Людям с высоким полетом души, с высочайшей внутренней интеллигентностью присущ героизм. Им есть на что опереться: на любовь к родине, религию, веру в идею. Они могут вынести то, что, казалось, вынести нельзя. Как правило, это люди в определенной степени независимые...

Ой! Увлелась я, нить разговора упустила, — улыбнулась Юлия Николаевна. — Ах, да, о своей юности рассказывала. Тетушка моя, где могла, подрабатывала, помидоры выращивала на малюсеньком участке, чтобы нас подкормить, потому что по ее собственному признанию, очень хорошо помнила болезненно мучительный голод своего детства... Будто теперь вижу, как принесла она нам по кусочку нототении, палтуса, хека и праздник устроила. Потом еще купила, а мы уже охотку сбили и не так радовались. Часто ее вспоминаю... беспрестанно. Главное мое удовольствие в жизни состояло в том, чтобы читать книжки. Она приучила.

Тетина благодарность благодетельной судьбе за крохи помощи, доброта, бескорыстное нежное участие к совершенно чужим окружавшим нас людям, искренняя жалость ко всем страдающим производили на меня сильное впечатление, тем более что она сама часто находилась в отчаянном положении. Такие сердца встречаются не так часто, как хотелось бы...

Многое почти совершенно изгладилось из моей памяти. Но один, казалось бы, совсем пустяковый случай помню очень четко. Подружка Валя у меня была. Очень хорошая, верная. Мы никогда не ссорились. Круг интересов у нас был широкий. Еще страстишку маленькую имели: акробатический кружок. Мы были худенькие, легкие, подвижные. Подружка очень успешно занималась, была пластичной, гуттаперчивой. Еще в музее зарядку делали. Бегали. Все в радость было.

Помню: осень стояла холодная, мерзкая. В тот день было особенно ветрено. Но мы не желали никаких поблажек телу. Отыскали в кладовке старые тетины вещи. Я старое, лямное пальтишко натянула. Валя тоже себе что-то подобрала. Отзанимались без энтузиазма. Идем домой. Вид у нас ужасный: ссутулились, пальто мятые. Сгорбленные фигурки ветер качает. Рабочие идут со смены. Им лет по двадцать пять. Слышим: «Молоденькие, а уже пьяные...» Оглянулись, поняли, что про нас говорят. И будто пришибло обоих на месте. Страшно подействовали их слова. Стыдно стало своей бедности. По пятнадцать лет нам тогда было. Перестали мы бегать... Извини, тороплюсь я, юбилей сегодня у Анны Васильевны. Стишки ей на прошлой перемене накропала.

Я и раньше слышала, что Юлия Николаевна — незаменимый человек при устройстве всяких спектаклей и празднеств, но про литературные способности не знала.

— Вы еще и стихи пишете? — изумилась я.

— Да не стихи, простенькие рифмованные послания. Главное, что они от сердца. Логический ум не бывает помехой в стихосложении.

— Прочтите, пожалуйста, очень прошу, — взмолилась я.

— Ну что с тобой поделаешь, неугомонная, ведь не отстанешь, все равно у Анны Васильевны выпросишь, я тебя знаю, — улыбнулась Юлия Николаевна и подала листок, исписанный крупным, размашистым, но ровным почерком.

Я впиалась глазами в красивые строчки:

Пусть близкие не причинят Вам зла. Здоровье Ваше не убудет. Желая счастья мира и тепла,— Того желаю я всем людям. Подснежник пусть порадует Ваш глаз, Речушка встретит ласковой волною, Пусть сам Господь не позабудет Вас И дом не станет долгостроем. И пусть сады морозы пощадят: В них расцветут весной розы. И пусть, как прежде, белые стоят Почти под каждою березой. Пусть жизнь подбросит Вам кураж И в мире будет меньше горя. Пусть не обманет вновь мираж И теплой явью станет море. Пусть дом Ваш станет полной чашей, Друзья хорошие придут. И радость будет долей Вашей, А денег куры не клюют.

— Здорово! — выдохнула я. — Как вы сочиняете?

— Мгновенно. Сначала озарение приходит, потом начинаются поиски слова. Все делается быстро, когда знаешь, что ищешь. Коллеги принимают поздравления с восхищением, с детской радостью, благодарностью, без чванства. У нас хороший коллектив.

Добрая грустная улыбка освещала лицо моей любимой учительницы. Я любовалась ею...

На уроках математики Юлия Николаевна постоянно устраивает соревнования. В них она поощряет и развивает «ненасытное любопытство к знаниям». Объяснив материал, Юлия Николаевна начинает работать с классом, чтобы закрепить тему, а нам, шестерым отличникам, дает персональные задания и говорит: «Как решите, живо руку вверх, чтобы получить домашние номера, а если и с ними справитесь, то возьмете те, что с двумя звездочками. Ценю необыкновенно изящные проявления математической мысли».

Конечно, первой поднять руку и получить сложное задание — престижно. Его можно не успеть выполнить в классе и закончить дома, но главное — заслужить! Честно говоря, на математике я пишу коряво, зато очень быстро и за счет этого выигрываю время. Моя подруга Валя Кискина никак не может перебороть себя, чтобы писать некрасиво. Я ее уговариваю, потому что стыжусь вести соревнование в неравных условиях. Остальные тоже пишут кое-как. Юлия Николаевна на помарки не обращает внимания. Зато во время урока, отвлекаясь от доски, находит время нас подбодрить, подзадорить: «Быстрее соображайте, не формулу мечты изобретаете!»

А как она радуется каждому удачному или оригинальному решению, буквально летает по классу и восторженно вскрикивает:

— Ну, чертенок, ну, порадовал. Какая прелесть! Заметил, какой сложный острый вариант, насыщенный необыкновенными возможностями! Вижу, корпел над хитрой задачкой с удовольствием. Ребята, запишите объяснение себе в тетрадки и разберите по косточкам. Зачастую прозрачность и легкость мысли одерживает верх над мятежной фантазией. Но обратите внимание, какое великолепное воображение проявилось в этой задаче! Отчасти воображение дано человеку, для того чтобы компенсировать в самом себе то, что он представляет собой на самом деле, то бишь для приукрашивания. Но нас на уроке интересует другой аспект этого многозначного слова, применительно к науке, в частности, к математике.

До меня доходит смысл ее иронии, и я громко смеюсь.

— Ну вот! Закатилась душа в рай. Тормози! — с улыбкой грозит мне пальцем Юлия Николаевна.

И я беру себя в руки.

Как-то сижу на уроке и неясно чувствую, что каким-то образом осознаю связь двух теорем, хотя окончательно не понимаю ее. Молчу, не спрашиваю учительницу. Сама хочу докопаться до сути. При этом во мне сначала возникла воинственная напирательная сила, потом явилось вдумчивое спокойствие...

Случалось, что и тайная (внутренняя) радость первенства стимулировала мысли. Предвкушала очаровательнейшую реплику Юлии Николаевны и заранее улыбалась...

Не к месту вспомнились слова литератора: «Оставь свои вирши для надгробного камня». А сам не отмечен ни самолюбием, ни вдохновением, ни любовью к предмету. Я-то ни о какой тайной даровитости и не помышляла. Трезво, очень даже трезво оценивала свои литературные способности, больше к математике склонялась. Зачем же принижать меня еще больше?.. А у Александры Андреевны живые слова, насыщенные тонкими чувствами и неведомыми интонациями. Она понимает нас...

Слышу задушевный, задумчивый голос:

— ...Знакомься с одной теоремой за девятый класс, вдруг почувствовала неуловимую связь с другой, из учебника за десятый класс. Попыталась осмыслить углубиться в идею. Ускользала, не раскрывалась мне тайна. Думала, может, разгадка находится за пределами моих возможностей? А может, и другим она не поддается? Записала вопрос в свою секретную тетрадку. Много раз возвращалась к нему, ища связь прерывающейся, как нить, мысли, срывающейся в бездну непознаваемого. Интуитивно улавливала связь, зависимость, а осознанно поймать за хвост ускользающую идею не могла.

На вступительном устном экзамене по математике на заочное отделение МГУ педагог задал мне вопрос, и я вдруг мгновенно представила себе ту, давно мучившую меня, связь и нашла правильный ответ. Экзаменаторы восхищенно переглянулись и пожалели, что я не имею возможности учиться в Москве на дневном отделении... Потом дочь родилась. Пришлось оставить учебу. Плакала долго... Позже пединститут окончила экстерном.

«Это совпадение? Телепатия? — подумала я тогда. — Нет. Другая теорема терзает меня своею неразрешимой загадкой».

А на контрольной работе Юлия Николаевна не дает специальных задачек и заставляет писать красивым почерком с подробными выкладками. «Это надо начальству для отчета, — поясняет она, — а остальное, чему учу, для вас, для вашего будущего». Мы стараемся не подводить ее. А как она разговаривает с комиссией! Верх деликатности. Вот это человек! Сила!

Как-то вместо «экспресс-опроса» по формулам и формулировкам Юлия Николаевна устроила нам пятиминутку на тему «Что ты ощущаешь, когда не получается решение задачи?». В результате вышла великолепная разминка не только для мозгов, но и для чувств. В конце урока она подытожила:

— Стандартные задачи из школьного задачника должен уметь решать каждый. В данном случае вы отличаетесь друг от друга только скоростью мышления. При решении более сложных задач я считаю необходимым требовать «обязательность непрерывного размышления и логического вывода», расширяющего границы понимания.

Примечательно, что Юлия Николаевна не считает себя «указующим перстом и взыскующим оком», отслеживающим степень падения нравов или умственных способностей. На древние умы ссылается. Сократа любит цитировать. Рассказывает о его уникальной терпимости, безоглядной пылкости, непредвзятости, справедливости, непритязательности, независимости и о многом другом интересном и полезном для нас. «Истина открывается только нравственным людям, — утверждает она. — Наука дает не только и не столько знания, сколько формирует способность к мышлению. Собственным саморазвитием вы сможете заслужить звание интеллигентного человека. Это достойное звание!» Ее слова — маяк для наших душ. Они окрыляют, прибавляют нам жизненной стойкости.

Юлия Николаевна верит в нас. А как она ведет урок! Заслушаешься! «Пир разума!» (Ее слова.)

— Обратите внимание, ребята, какое изящное непредсказуемое доказательство теоремы! Теория — это фантазия, и чем она необычней, тем реальней. Мыслите широко, свободно, солнечно! На любой науке лежит печать поэзии. Настоящая наука всегда имеет эстетический налет, потому что пытается разгадать гармонию построения Вселенной. Не зря математику сравнивают с музыкой. В них обеих просматриваются общие законы развития. «Ну-ка, высказывайте по очереди свое мнение: в чем прелесть этой теоремы, где изюминка?» — с искренним восхищением просит она. И мы вступаем в увлекательный мир математики. Каждый ее урок — рациональная концентрация гениальных мыслей древних и современных ученых в ее яркой образной живой интерпретации.

Ее эмоциональная поддержка, одобрение заставляют нас думать, иметь свое мнение и отстаивать его, не бояться браться за трудное незнакомое задание. Если что-то не получается, она никогда не унижает, а тактично подсказывает. И все это делает быстро, весело, энергично. Парадокс! Математичка — и вдруг веселая. Хотя внутри я грустный человек, но тоже заражаюсь оптимизмом и постоянно держу в голове ее слова: «Надо стараться прожить жизнь как поэму радости». При этом начинаю лучше понимать слова бабушки: «Радуйся тому, что сегодня солнечный день, тому, что ничего плохого не произошло. Улыбнулся тебе человек, и ты ему улыбнись».

Юлия Николаевна никогда не кричит, не обзывает учеников. Ее серьезные слова не похожи на взбучку. Расшалится кто-нибудь не в меру, она тихо и грустно скажет: «Не возносись на пьедестал глупости. Смелость не глупость». И продолжает урок. Не ответил отличник на простой вопрос, она наклонится к нему и укоризненно так прошепчет: «Пораскинь мозгами, отрешись от мелочей, будней. Соберись. Думать никогда не вредно». На весь класс не высказывается, самолюбие наше бережет. Хотя в некоторых случаях бывает взыскательна, например, жестко истребляет тщеславие, суетность. Не выносит низкопробной лести, сиропной похвалы, но понимает, как слабым ученикам нужно ее одобрение, искренне радуется их малейшему успеху и снисходительно журит за промахи. Еще она учит нас говорить. Мы любим спорить с ней, «проезжаться», острить. Знаем: она поймет.

Юлия Николаевна не боится уменьшить дистанцию между учителем и учеником, но учит чувствовать «край». Оставляя после уроков, не злорадствует, а сожалеет, сокрушается и так обращается к ученикам: «Ребятки, учение не прихоть, а жизненная необходимость. Знания помогут вам обрести себя, превратят вас в повелителей своей жизни. Расставим точки над «i»?» Потом вернет пару умных фраз, и мы сразу настраиваемся на понимание математики, жизни, людей. «Ты можешь», — внушает она, и слабый ученик приходит с выполненным домашним заданием.

Еще в пятом классе, проводя уроки вместо заболевшего Петра Андреевича, она сказала мне перед всем классом: «Ты по ошибке девочкой родилась, у тебя логический ум. Да и дерешься ты здорово!» И только теперь, в седьмом, я поняла, что значили для меня эти, казалось бы, бесхитростные, даже шутливые слова. Я поверила в то, что у меня не должно быть проблем при изучении математики, и стала самостоятельной, научилась находить радость в понимании предмета. Я полюбила его. (Благодаря ей, любимой учительнице, после школы для меня открылись врата Московского университета и механико-математический факультет принял меня в свое научное лоно.)

Юлия Николаевна никогда не ругает ребят за невыполненное домашнее задание, а просто грустно смотрит, явно воспринимая непослушание как личную обиду. При этом губы ее по-детски оттопыриваются. Виновный молча опускает голову, не возражая, не оправдываясь. Иногда она вбегает в класс и произносит: «Не хочу портить себе настроение. Если у кого были объективные причины не выучить, — сразу сознавайтесь!» Ей никогда не врут, потому что она чувствует обман. Ее корбит и раздражает ложь.

Каждый урок учительницы начинается с улыбки. Ее поведение определяет наш настрой. А ведь у нее забот не меньше, чем у других учителей. «Разве можно начинать решение задачи с кислой физиономией? При этом мозги зажаты, и мысли не текут свободно?» — объясняет она.

Колька Корнеев часто крутится на уроках. Юлия Николаевна подходит к нему, кладет руку на голову и говорит тихо:

— Выпрямись. Ученику со строгой осанкой уже не хочется шалить, и он успокаивается. Теперь собирай мысли и направляй в одно русло. Думай, вникай.

Коля затихает. Но думать у него пока плохо получается. Много «белых пятен» за предыдущие годы. Раз он разошелся и как закричит на весь класс:

— Ой, у меня опять ответ не получился. Ой, я в обморок сейчас упаду!

А учительница спокойно так ему отвечает:

— Не бойся, на земле еще никто не остался — все вскакивают.

Легкая ирония прозвучала в голосе Юлии Николаевны. Все пригнули головы, давась смехом. Коля быстро угомонился. Он часто брякает глупости и грубости. Мы одергиваем его, а иногда просто молча, сердито смотрим в его сторону. Он с безразличным видом отворачивается. Но я вижу, что как рак краснеет его шея. Юлия Николаевна вдруг подходит к нему и мягко спрашивает: «Этот ляпсус я тебе прощаю, но долго мне еще ждать, когда ты поумнееешь? Мой характер уже стал портиться. Значит, старею. Утешь меня, поторопись. Я гордиться тобой хочу». (И гордилась. Коля стал директором завода.) Коля кисло улыбается, но задумывается над словами учительницы.

У Юлии Николаевны есть редкостная способность: уметь самого, казалось бы, ничемного, неудачливого человека представить состоявшимся, значительным. Она умудряется «выкапывать» в каждом из нас совсем незаметные хорошие качества, приподнимать их на неожиданную высоту, после чего хочется присмотреться друг к другу внимательней. «Коля очень скован, неуверен в себе, поэтому и шалит. Я не хочу его приструнивать. Осадить всегда успею. Он соображает, но упустили его. В семье десять детей. Трудно ему. Взгляни на двоичника с последней парты добрыми глазами. Может, в нем проснется что-то особенное, чего он в себе и не подозревал», — говорит она мне на перемене. И я задумываюсь.

Коля теперь возбуждает во мне участие и любопытство. Может, ему некогда учить уроки, как мне читать художественные книжки? Я раньше его лентяем обзывала, а он вверх голову задирал и ничего не отвечал. Своим аршином его мерил! Теперь я объясняю девчонкам домашние задания, садясь ближе к парте Кольки. Но он часто убегает погулять. Я как-то, работая во дворе, подумала, что ему, как и мне, хочется порезвиться, поскакать. Но я уже привыкла к тому, что работа — в первую очередь, а чтение и игры — в последнюю, а у него, видно, не хватает силы воли, и он все равно играет, когда нужно повторять урок.

Юлия Николаевна не безразличная. Она часто напоминает, что жизненная стезя человека — это путь к совершенству, что наше счастье в глубоких, осознанных знаниях. «Запомните, ребятки, — говорит она, — талант человека заключается в том, чтобы уметь постоянно открывать новое и углублять уже познанное». Помнится: шли мы всем классом в кино, а она догнала нас и вдруг спрашивает:

— Почему идете ссутулившись? Посмотрите на Володю. Плечи опущены, руки болтаются как веревки. А ты, Аннушка, загребаешь пыль ногами. Приподними, пожалуйста, подбородок, плечи расправь, улыбнись. Куда улыбки задевала? По карманам рассовала? Ой, какая вымученная! А где широкая, жизнерадостная, искренняя? С улыбкой на лице в голову всегда приходят добрые мысли. Кому тебе всегда хочется улыбаться? Бабушке, друзьям? Это хорошо! Так. Иди уверенной, стремительной, легкой походкой. Мальчики, посмотрите, красавица-то какая, наша Аннушка! Одни переживают, что ростом маленькие, другие — что высокие, третьи — что полные. Вы должны быть разными! Но каждый обязан любить и уважать себя. Люди редко рождаются грациозными, изящными. Их такими делают родители или они сами.

— Какая там грация, когда таскаешь сумки да мешки? — возразила я.

— А как же «Есть женщины в русских селеньях...»?

И вдруг, как бы оправдываясь, усмехнулась грустно:

— На меня смотрите? Не было у меня ни сил, ни времени расправить плечи.

В семье старшей была при семерых детях. Училась в институте и работала. Муж — инвалид войны. Для меня главное было: не потерять себя, все трудности перенести. Вам несколько легче: у вас есть время подумать о гармонии внешнего и внутреннего, чтобы уметь владение своим телом связывать с душевным состоянием. Но не подражайте друг другу. Каждый из вас — индивидуальность. Осталось немного, — сделать себя личностями. Хотите знать, что значит быть личностью? Очень хорошо! Поговорим потом, а сейчас поторопитесь, в клуб опоздаете.

Юлия Николаевна, мягко улыбнувшись, пошла в сторону магазина. А я вспомнила ее слова: «Ребятки, жизнь человека — функция многих переменных. В этом ее сложность, и этим же она интересна. Чем умнее и трудолюбивее человек, тем глубже он познает функцию жизни. Величайший восторг — чувствовать себя образованным и эрудированным человеком! Учитесь думать, анализировать. Стремитесь жить полезно и ярко. Вот вам одна из многочисленных формул счастья».

— А любовь к мужчине в нашей жизни, на каком месте должна находиться? — скорчив хитрую рожицу, спросила ее в тот же день Валя Панчукова.

Слышу позади себя раздраженный мальчишеский шепот: «Умней вопроса не нашла. Голодной куме все хлеб на уме».

— У всех по-разному, — задумчиво ответила Юлия Николаевна. — Помни одно: любовь к мужчине — только один аспект жизни, хотя и очень важный. Потерпев неудачу на «фронте любви», не стоит делать из этого трагедию.

— А деньги? — осторожно полюбопытствовал Вова Корнев.

— Материальная сторона жизни важна, но ее место в ряду ценностей — где-то ближе к концу цепочки человеческих интересов. Посвящать всю жизнь добыванию денег для роскоши — бессмысленно, если духовная составляющая близка к нулю. А вот прикладывать максимальные усилия в учебе и работе для создания нормальных условий жизни — обязан каждый из вас. А для этого каждый из вас должен подниматься на вдохновенные высоты, стремиться стать профессионалом в выбранной специальности, быть нетерпимым к разболтанности, необязательности, разгильдяйству, чтобы дурное к вам не прилипало, и грязь отскакивала. Невзыскательность губительна. Услышьте самих себя, поймите свое предназначение, стройте себя старательно. Великое счастье — заниматься любимым делом. Никогда не забывайте и проносите через всю свою жизнь то, что когда-то приятно поразило вас. Копите в сердце радость, а не обиды. Не допускайте в сердце ложь. Я еще не надоела вам со своими рассуждениями? — озабочено спросила учительница.

— Нет! — ответил за всех Эдик Набойченко. — С нами никто не беседует на такие важные темы. А если и объясняют, то как-то по-детски упрощенно. Мы понимаем ваши слова. Они для нас — откровения».

Недавно я спросила у Александры Андреевны:

— Почему Юлия Николаевна живет на станции, а работает в нашей школе?

— В их школе уже есть талантливая учительница математики. В ее жизни, кроме науки, ничего не существует. Если она отыскала какой-то новый задачник, то пока весь не изучит, даже в квартире не убирает. Семьи у нее нет. На урок может прийти неизвестно в чем. Ученики называют ее «наша прелесть». Конечно, есть в их словах доля иронии. Но они очень любят ее.

Потом, понизив голос, вопросительно подняла тонкие, чувствительные, подвижные брови и спросила:

— Ты на самом деле не знаешь, как Юлия Николаевна к нам попала?

— Не слышала, — удивленно ответила я.

— Работала она на станции. В то время в их школе учился старший сын начальника милиции. Очень плохо учился. Вел себя неуважительно. Заносчив был не в меру. Как-то

подскочила к нему Юлия Николаевна, взялась за концы его галстука и говорит: «Ты не достоин носить частичку знамени!» Мальчишка рванулся, и кусок галстука остался в руке учительницы, потому что он был прожжен в нескольких местах. Любил этот школьник, где попало, разводить костры. А его отец настроил в город письмо ... будто Юлия Николаевна красное знамя перед учениками разорвала... Полгода она без работы сидела. В семилетку в каком-то селе устроилась. Потом твой отец ее присмотрел.

— Почему директор ее не защитил? — возмутилась я.

— Для него главное, чтобы его волю исполняли. А Юлия Николаевна любила все по-своему делать. Часто говорила нелицеприятные вещи, и ей все с рук сходило. Умные — всегда свое мнение имеют. К тому же она не боялась высказываться по любому вопросу. Считала, что талантливых детей оберегать надо, они как золотые крупинки в песке. Директор боялся ее.

— Так пусть бы учился у нее.

— Таланту не научишься. К тому же, у нее еще талант доброты присутствует. Всю себя ученикам отдает. У нее невероятная, неистовая преданность любимому делу. Активная очень. Таких тоже не во всяком коллективе любят. (Она сама любила только тех, кого уважала, но не заносилась, вела себя с коллегами дружелюбно и мягко.) По ним трудно равняться. Вот и поддержал парторга на собрании. Парторгом у них жена директора была. Не ладила она с Юлией Николаевной.

— А она здесь при чем?

— Король правит, да королева управляет, — засмеялась Александра Андреевна и предупредила: — Только ты не распространяйся об этом.

— Понимаю, — заверила я. — Даже после такого жуткого случая Юлия Николаевна не потеряла чувство юмора и осталась уверенной в себе!

— Умная женщина может позволить себе быть интересной и уверенной, — улыбнулась Александра Андреевна. — Вот недавно на педсовете она Кодекс чести учителя и ученика представила.

— А про что учительский? — полюбопытствовала я.

— Вот к примеру:

1. Каждого ребенка с самим собой сравнивать, а не с отличником или слабым учеником: важно, насколько он сегодня стал лучше, чем вчера.

2. Хвалить слабого ученика даже за малые успехи, а сильного — только за большие.

3. Не требовать грубо (не ломать через колено), а пробуждать желание учиться.

4. Не обзывать ребенка. Не унижать!

5. Уважать внутренний романтический мир детства, не разрушать «заколдованных пещер» детской души...

Ну и многое другое. Она как-то мне сказала:

— Ребенок должен жить среди старых вещей несущих очертания быта и тепла. А мы часто их уничтожаем. Даже взрослыми возвращаясь туда, где прошло наше детство, мы хотим находить дорогие сердцу безделушки.

— Интересно! А мы с нею в конце пятого класса шуточный ритуал совершали. Он назывался: «Здесь похоронена моя глупость». Каждый ученик описывал на листочках свои плохие поступки и складывал в спичечные коробки. Потом, во время уборки территории, мы пели «ритуальные» песни, которые сами придумывали, и сжигали «свои глупости».

— Фантазии ей не занимать. Педагог от Бога. Человек с замечательным сердцем. Любовью пронизано каждое ее слово, движение, взгляд, — сказала Александра

Андреевна. — Ты знаешь, она раньше в футбол с ребятами играла. Теперь только в качестве судьи иногда выступает.

— Нам нравится, когда учитель имеет интересное хобби, умеет что-то красиво делать, помимо работы, пусть даже скромно по нашей бедности, но со вкусом одевается. Чтобы не был «синим чулком». Иногда мне кажется, что излишне темной одеждой и строгим поведением некоторые учителя пытаются поставить учеников в определенные рамки своих устоявшихся взглядов, надеясь избежать проявления новых, может, даже прогрессивных мыслей и действий, вместо того чтобы искать разнообразные пути для свободного развития личности. Конечно, это много труднее, чем надеть серую робу. Или для «усмирения» детской глупости и этот метод не стоит исключать?.. А учителя не завидуют Юлии Николаевне? — брякнула я и тут же, опомнившись, попыталась увести разговор в другое русло.

— Нет, — ответила за себя Александра Андреевна, поняв мою маленькую хитрость, — я не завидую. У нас разные аспекты влияния на школьников. Идем с нею параллельно, а все равно пересекаемся в душах детей. А это главное. Поняла?

— Конечно, — ответила я тогда.

Мне было приятно, что такой тонкий и требовательный педагог, как Александра Андреевна, разделяет мое мнение и тоже очень уважает мою учительницу математики. Мне казалось, что все в школе должны замечать недоюжинный талант Юлии Николаевны и любить ее. Благодаря ей и Ольге Денисовне наша школа славилась студентами-«технарями».

Вспомнился спор учителей о плюсах и минусах раздельного обучения детей. Разве это самое главное? Были бы учителя хорошие, понимающие!

ДОРОГИЕ МОИ УЧИТЕЛЯ

Сажу на уроке биологии и размышляю. Привычка читать новый учебный материал перед тем, как его расскажет учитель, привела меня к мысли, что, вообще-то говоря, я не вижу для себя смысла традиционного обучения в классе. Для меня было бы намного быстрее разобраться с любой темой самой, а потом выяснить с учителем сложные моменты. Хотя затруднений в понимании школьной программы пока не встречала. Выслушивать, как скучным, ровным, тягучим голосом «химиня» пересказывает очередной параграф, противно. Ее отполированные, лишенные воображения и живости слова отскакивают от нас, как холодные и бесцветные льдинки. После ее кислой физиономии не хочется брать в руки учебник. Формулы кажутся такими же нудными и сонными.

Учительница биологии тоже дальше учебника не заглядывает, но она добрая. По глазам видит, кто не выучил урок. Вздохнет, поставит точку и дальше заскользит по списку учащихся. Есть за что добром ее вспомнить некоторым ребятам. Любому ученику иногда надо, чтобы посмотрел учитель и понял, что плохо ему сегодня, не стоит его тревожить.

Я с грустью смотрю на правильные черты лица Марии Николаевны, измученной домашними заботами, огородом, скотиной, бесконечными планами к урокам, написанными поздно вечером натруженными маленькими руками; вижу ее с усталой, низко склоненной головой, со слипающимися глазами в тусклом свете керосиновой «десятилинейки» (лампы). А завтра ей опять вставать в пять часов утра, доить корову, кормить живность, семью и бежать к первому уроку. За полчаса, наверное, успевает, если нет грязи или глубокого снега. И бабушки у них нет. И хату еще не достроили... Наверное, как и наша мать, она говорит своим детям: «Учитесь отлично. В городе жить будете».

Когда же ей читать дополнительный материал? Какая же я несправедливая! Ведь когда-то она тоже была юная, интересная, наверное, многое изучала и мечтала, как я сейчас. Но теперь: солома, навоз, глина, грязь, резиновые сапоги, холод по утрам в хате, пока не затопит печку; тяжелая делянка сена на болоте один с десяти, (девять возов колхозу, один — себе); хлеб — в очередь, за макаронами и крупой — в город с сумками, мешками; по половине батона колбасы три раза в год: на Седьмое ноября, на Первое мая и на Новый год...

Изо дня в день все одно и то же. И все бегом. Обедают, присев на краешек стула, как моя мать. И при этом надо быть красивой, умной, доброй, спокойной; быть матерью, женой, любимой... Как все это можно совместить?! Но ведь все успевают женщины-учительницы!

А Петр Андреевич еще нестарый, а лоб изрыли, избородили глубокие морщины. Спину сорвал, когда ездил за бревнами для хаты. Сыновья подрастают, а семья все в маленькой «халупе» живет...

У Раисы Владимировны муж — шофер. Не уважает он ее труд. «Языком болтаешь — вот и вся твоя работа. Да еще за гроши до ночи тетрадки проверяешь! Иди на хлебозавод — семье больше пользы будет», — упрекает он ее. Да только не понимает он, что жена смогла бы сесть за баранку вместо него, чтобы начальника возить, а он учителем — нет! Вот в чем суть дела. Как-то сделала Раиса Владимировна замечание мужу за то, что сыном мало занимается, а он ей в ответ: «Нехай гуляет. Шофером будет». Возмутилась учительница: «От таких вот, «нехай гуляют» и семье, и государству мало пользы. Детей воспитывать надо, а не позволять расти «сорняками». Обидно Раисе Владимировне. Бойтся она сына упустить. Толковый у них Федька...

Юлия Николаевна успевает быть хорошим учителем. Она талант. Для нее работа, — прежде всего. Даже прежде семьи. Это ее жизнь. Талантливые учителя часто упускают своих детей: полностью себя чужим отдают. Удастся ли Юлии Николаевне вырастить дочку и сына достойными, умными? Надеюсь.

А наша мать? Я чувствую, что отец двойственно относится к ее работе в институте. Вроде бы и не запрещает, но как-то ревниво, иронично отзывается. Иногда я замечаю ее неудовлетворенность жизнью в деревне. Могла в городе остаться. Но она при этом всегда говорит: «Если не мы, то кто же? Надо кому-то и в глубинке таланты раскапывать. Без меня не поступил бы Витя Болкунов на юридический факультет, а Толик и Вова — в военную академию. Без Юлии Николаевны не гордилась бы наша школа своими студентами в МГУ и многими другими». Она будто бы себя успокаивает.

Зачем мне нужно бдительное око учителя? Объяснять? Заставлять уроки учить? Пожалуй, я хотела бы так учиться: посещать уроки немецкого языка, без общения его не выучишь, раз в неделю отчитываться перед учительницей по русскому устному, а по остальным предметам писать контрольные. И в конце года сдавать экзамены. Здорово! Нет, хаос в школе начнется. Учителя совсем с нами запутаются.

И лишиться общения с такими учителями, как Юлия Николаевна, Ольга Денисовна, Александра Андреевна, Петр Денисович не могу себе позволить. Я настолько хорошо запоминаю все на их уроках, что даже представляю, с каким настроением они объясняли тот или иной материал, какие шутки произносили. Учителя я должна воспринимать зрительно, тогда урок усваиваю лучше, ярче. При этом усиливается восприятие смысла, глубина понимания. Ольга Денисовна не разрешает «зубрить» физику, требует по памяти писать конспекты, чертить схемы и рисовать картинку опытов. Она категорически возражает против бездумного переписывания из книжки в тетрадку, заставляет дома вслух рассказывать суть физических явлений природы: «Дабы дурь каждого всякому видна была», — как говаривал Петр Первый. Она тоже учит нас думать.

А воспитание? Классные часы? Работа с малышами? Я же каждую свободную перемену бегу к ним. Как же им без меня обходиться?

Жалко, хорошая была задумка! Но нереальная...

Прозвенел звонок. Класс с шумом рассыпался по коридору.

ПОДАРОК СУДЬБЫ

По школе пронеслось: «Опять проверка. Какой-то симпатичный дядька приехал». «Дядька — это хорошо», — подумала я и тоже побежала к учительской. У дверей спортзала рядом с завучем стоял высокий стройный молодой человек и что-то увлеченно говорил. Он совсем не похож на сурового, подозрительного проверяющего. Простое изысканное изящество в одежде. Сам такой открытый, естественный. Доброта и интерес

светятся в огромных голубых глазах. Ему хотелось верить. Бабушка говорила, что доброму человеку всегда хочется верить.

Вскоре все мы узнали, что гость приехал из педагогического института для проведения в нашем районе эксперимента, и поэтому совсем не боялись, когда он посещал уроки. В конце недели Ефим Борисович собрал учеников пятых-седьмых классов в актовом зале и стал рассказывать о необходимости изучения иностранного языка. Затем внимательно выслушал мнения учеников.

Я сначала осторожно поднимала руку и тихо высказывалась о том, что зубрежка неинтересна, что нам достаточно уметь переводить тексты. Но вскоре разошлась. Слетела с тормозов, начала спорить. И понесло меня... Ефим Борисович с любопытством разглядывал меня. Потом что-то спросил у водителя, сидевшей рядом с ним. Она ответила ему на ухо. Чувствую: интерес ко мне усилился.

После беседы все разошлись по домам, а я осталась караулить гостя. Возбуждение прошло, и я, оценивая свое поведение в зале, грустила. «Извиниться, что ли, перед ним? Небось, он и не таких сумасбродных видел. Неприлично напрашиваться на разговор. Вот если бы он первый начал! А я сделаю так, будто случайно его встретила! Как заставлю заговорить со мной? — лихорадочно думала я. — Отчего я завожусь? Обыкновенный учитель».

Дверь открылась. На пороге появился Ефим Борисович. Неожиданно его лицо засветилось. Глаза расширились, щеки чуть порозовели. Он прямо расцвел. Боже мой, какие яркие слова мне подобрать для описания чувств этого человека! Тонкий, удивительно нежный, глубоко чувствующий, влюбленный! Он слегка подался вперед. В этом движении — сдерживаемое большим усилием воли желание побежать кому-то навстречу? Кто ему так дорог? Кого он боготворит?

По дорожке идет маленькая, стройная, черноволосая, кареглазая девушка. Спокойная, уверенная, с чуть-чуть смущенной улыбкой на полных губах. Ничем не примечательная, в строгом черном костюме, но с таким чувством собственного достоинства! Движения ровные, будто плывет. Может, балетную школу заканчивала?

Сколько любви к ней во взгляде голубоглазого красавца! Что он нашел в этой девушке? По правде сказать, ее внешность несколько не вязалась с моими представлениями о красоте. Правильные черты лица. Глаза внимательные. И что? Почему он выбрал неприметную? Такой мог любую найти. Что в ней такого, что он предпочел ее другим? Ум? Обаяние? Нет, он не простой, что-то в нем есть. Его обаяние я ощущаю, а ее — нет. Может, глубоко скрыто? Не всем дано ее понять? Как знать. А может, не она так великолепна, а он способен ярко и красиво любить?

Ефим Борисович сорвался с места, элегантно и ласково взял девушку за руки, несколько секунд подержал их в своих ладонях, потом поцеловал. Она еле заметно улыбнулась, и они пошли в сторону станции. Я завидовала им и радовалась за них. Я завидовала ей. Всем бы достойным людям такое счастье! А какое? Я же его совсем не знаю. Но мне кажется, я его чувствую.

На следующий день я снова ожидала преподавателя.

Идет! Мое лицо вдруг запылало огнем, сердце то трепетало, то бешено стучало, ноги задрожали. Куда иду? Зачем? Мое поведение — не что иное, как бесподобная восхитительная наивность? Любопытство разобрало? Ради развлечения, чтобы внести в жизнь некоторое разнообразие? Не благоразумно. Раздосадованная, в замешательстве остановилась. Попыталась собраться с мыслями. Всецело поглощена неотвязной мыслью о своей невоспитанности. Терзают самые противоречивые чувства. Волнение парализует ум.

Я же не смогу сама заговорить! Что я скажу? Я невольна делать все, что заблагорассудится. Но всегда можно сказать, что были на то свои основания, причины. А вдруг он сочтет меня сущей дурой и, сраженный моей глупостью, прогонит? Вот, будет ему потеха! Заранее переживаю неутешительные моменты неоправданной надежды и грустные результаты своего некрасивого поведения? Я бы предпочла другой, более

приятный вариант общения.

Возбуждение треплет. Я охвачена мучительной тревогой и не способна слова вымолвить. Разумнее вернуться? Нет. Набралась храбрости. Не стоит терять голову.

С чего это я такая неуверенная? По-видимому, от нетерпения. Почему сочла возможным отступить от общепринятых правил? Откуда необъяснимое чувство доверия к гостю?

Моя слабость — умные люди. Магнитом тянет к ним. Может, у всех так? А ему какой интерес со мной говорить? Петр Андреевич (из моего детдомовского детства) говорил, что «для развития необходимо взаимодействие интеллектов». А сам меня не отталкивал, не презирал, уважительно относился, хотя я была маленькой и глупой. А если Ефим Борисович пожалуется матери? Столкновение с ней грозит обычной бедой: наказания не избежать. Не стоит даже пытаться? Все равно не хочется сдаваться. «Эх, была, не была! Прорвемся», — как говорили матросы в одной революционной книжке.

Как только первый испуг прошел и я обрела дар речи, так сразу возникли новые вопросы: «Как следует поступить? Что же такое сверхумное придумать, чтобы он остановился? В книжках девушки платки роняли. А если паче чаяния (вдруг) он не поймет моих намерений? Да, без сомнения это примитивный, устаревший способ! Все это так, но может, тогда сочинить что-либо? По-немецки не успею. Вот незадача! Может, просто подойти и задать какой-нибудь вопрос? Неинтересно. Тем более что он такой особенный! Эх, не хватает фантазии! А что? Чем проще вопрос, тем лучше».

Пока я с лихорадочным нетерпением предавалась размышлениям и чувствам, педагог оказался совсем рядом. Мгновенно преодолела жестокое сомнение, настроилась и вынырнула из-за угла с независимым безразличным видом.

— Ефим Борисович, а Вы мечтали работать преподавателем в институте или все случайно вышло? — скороговоркой выпалила я.

— Все случайно, но ты хотела о другом спросить? — строго спросил гость.

— Почему вы так думаете?

— Но угадал же? — вопросом на вопрос ответил Ефим Борисович.

— Ну, допустим. А что, нельзя?

— Воспитанием характера тебе бы заняться. Неразумно от себя самой скрывать свои недостатки, пытаюсь подыскивать объяснение своей... допустим нерешительности или напротив...

— Давно занимаюсь самовоспитанием.

— Ой! Не похоже.

— И Вы туда же... Нельзя судить, не зная человека. Говорите как большинство учителей. А... а... поняла: изучаете меня?

— Почему так думаешь?

— Сама так поступаю.

— Имеешь в виду тогда, на уроке?

— Да. Сначала завелась, а когда взяла себя в руки, начала наблюдать и подмечать за Вами, вызывать на спор. Иначе никогда не услышишь ничего интересного.

— Ну и удалось?

— Не-а... пока.

— А ты — заноза порядочная.

— Есть немного. Я уже три года одного проверяющего знаю. Он, когда приезжает, у нас обычно живет. Хороший дядька. Только меня не устаивает беседой. Осторожный

очень. Пальцы у него тонкие, длинные, без мозолей. Я его даже «гнилым интеллигентом» обозвала, когда он руки мыл. Я ему сливала из кувшина. Все равно не получилось поговорить. Он только глаза в сторону отвел, как наш отец. Одна у них манера. Я поняла, что он никогда не заговорит со мной, и не боялась, что от родителей достанется за грубость.

— Что, получаешь иногда сдачи?

— Неважно. Переживу.

— Проще же не грубить...

— Проще... только не с ней. Не надо про это, ладно?

— Ладно, но я не про родителей. Когда все хорошо, обычно не особенно ценишь тех, кто рядом с тобой, и кажется, что не нуждаешься в их наставлениях. Сейчас я спрашиваю про этого твоего знакомого, проверяющего. Чем он тебе не угодил? — улыбнулся Ефим Борисович.

— Такой человек не станет доставлять лишних хлопот ни себе, ни моим родителям. Ему легче смолчать, отвернуться от моего вопрошающего взгляда. А не пожалуется он не потому, что его удивила моя грубость, ему неловко про такое признаться кому-либо. Он же начальник. А еще он знает, что, если промолчит, я больше не стану к нему приставать. Он отстранился от меня. Знаете: мало приятного, когда взрослые тебя не понимают, но еще хуже, когда не хотят понять, — со вздохом объяснила я.

— Согласен с твоим последним высказыванием. А ты не только заноза, но еще и психолог.

— Куда мне до психолога! Просто я перед сном всегда свои дела и поведение обдумываю. Мне редко удается сразу что-либо умное сказать. Сначала говорю на эмоциях ерунду, потом осуждаю себя, а уж потом думаю, отчего так сказала и как надо было. Понимаю, что глупо так вести себя, да ума еще не хватает. Хотя во мне уже нет прежней наивности, и я с большим интересом изучаю жизнь и замечая многое из того, на что раньше не обращала внимания, но все равно не в состоянии разрешить мучающие меня вопросы. Для меня по-прежнему недостижимы взаимоотношения взрослых. К некоторым людям и событиям я инстинктивно питаю непреодолимое, может быть, неоправданно преувеличенное отвращение. Иногда меня совершенно неожиданно ослепляет неуправляемый гнев. Меня нетрудно разозлить. Пугает неизвестность, неопределенность моего положения. Иногда примешивается страх осознания безнадежности. Оттого нападает тоска. Малоприятное занятие — скулить. Тоска — хуже болезни. Так моя бабушка говорит. Я, конечно, воюю с собой...

— Самоедка? Не предполагал, что можешь добровольно являться с повинной, — шутливо-соболезнующим тоном произнес Ефим Борисович.

— Накипело. К другим я терпимее. Особенно к взрослым. Им некогда думать. Они мыслят стереотипами. У них забот много. А Вы в словах тоже осторожный.

— Все шишки набивают. Я тоже много раз шашкой махал как Чапаев.

— Шишки — главный стимул в обучении?

— С юмором у тебя в порядке. Это — хорошо.

— В жизни бывают события, про которые я не люблю и не хочу шутить. Для меня это уже не шутки. Я обижаюсь, хотя понимаю, что нельзя. Ведь человек не может знать, что делает мне больно, и начинает воспринимать мою обидчивость как отсутствие юмора. Я даже сама над собой не могу подтрунивать, если дело касается семьи, измены, нечестности, — вздохнула я.

И тут же одернула себя. Постоянный страх перед постыдной правдой моего детдомовского детства не позволил мне затронуть тему, которая отравляла мое существование. Я не хотела проявления участия или жалости по этому вопросу со стороны моего нового и очень милого знакомого. Тем более, что наша беседа протекала легко и стремительно. Голос педагога был глубокий, задушевный, чуть приправленный

иронией. А сколько в нем было сердечного чувства!

— Часто учителям досаждаешь? — с улыбкой поинтересовался мой приятный собеседник.

— Нет. Одним сочувствую, других люблю. У скучных и безразличных раньше на голове ходила. В этом году вроде повзрослела. Седьмой класс — выпускной. Пора готовиться к самостоятельной жизни. Знаю, что в четырнадцать лет человек по закону считается взрослым.

— В голосе радость. Часто бывает скучно на уроках?

— А я потихоньку читаю художественные книжки. Некоторые наши учителя вообще по ошибке в школу попали. Вот написала я радостное, искреннее сочинение на свободную тему, а учитель литературы говорит: «Какой пафос может быть на уборке картошки?»

Ефим Борисович не замедлил растолковать:

— Он напрочь забыл, что естественное донкихотство, искреннее позерство, приподнятость и восторженность возможны только в детстве.

— Вот вы понимаете меня! — обрадовалась я.

— Чего тебе не хватает в школьной жизни?

— Наверное, серьезных кружков с хорошими специалистами: по рисованию, музыке, технических всяких, конечно. При нашей теперешней бедности это невозможно. Да и времени на них родители все равно не выделяют, дома вкалывать надо. Но, самое главное, не хватает веселой сумасбродности, романтики и общения с талантливыми людьми. Хлебом меня не корми, только дай послушать того, кто много умнее. Бывает, мелькнет человек ярким лучиком, и свет от него в душе долго не затухает. Не стираются из памяти мгновения, проведенные рядом с ним. И хочется говорить о нем часто и долго. А другой серой незаметной тенью для меня на всю жизнь остается. Я звездочки ищу! — восторженно заговорила я.

— Прекрасное воображение. Красиво говоришь, — снисходительно усмехнулся Ефим Борисович.

— У меня сейчас период возвышенных чувств.

— Вычитала где-то?

— Своих извилин хватает.

— Ох, какие мы гордые! А почему на меня обратила внимание?

— Речь у вас особенная, — уважительно и серьезно ответила я.

— А я-то думал...

— Из-за привлекательной внешности? Я уже не в том возрасте, когда мужчины нравятся за красоту! — выпалила я.

— Я, правда, не то думал... Но неважно. И когда же ты успела разочароваться в симпатичных юношах? Неудачная первая любовь?

— Вторая! — брякнула я.

— С тобой не соскучишься. Прелюбопытнейший экземплярчик! — искренне и безудержно рассмеялся Ефим Борисович.

— И совсем не экземплярчик, — обиделась я, — индивидуум.

— Откуда такое в лексиконе?

— В докладе у матери вычитала.

— Понимаешь его смысл?

— Если бы не понимала, не употребляла, — недовольно пробурчала я.

— У тебя очень богатая речь. Я еще вчера заметил. От кого?

— Книжки, бабушка, хорошие учителя, — ответила я.

Ефим Борисович задумался, видно, о своем. А у меня душа «понеслась в рай». От избытка нахлынувших чувств кружилась голова. Чувства облачались в мысли: «Не бойтесь меня, не отводите взгляда. Я не заберу Ваше сердце. Я только понежусь в лучах Вашей улыбки, прикоснусь к сиянию глаз, прислушаюсь к звукам голоса. Я не смогу позволить себе даже внезапное случайное прикосновение к вашей руке, способное нарушить чистоту моих помыслов. Сама боюсь попасть под Ваши чары. Я не хочу и не влюблюсь в Вас, потому что осторожная. Я просто обожаю Вас. Мне хочется услышать что-нибудь умное, потрясающе интересное — вот и все! Я всегда мечтала о встрече с особенным, а может быть, даже великим человеком...»

— А почему ты так свободно общаешься с человеком из комиссии? Я же старше и для тебя — начальник, — прервал мои восторженные мысли Ефим Борисович.

— Мои теперешние родители — учителя. Вот и они считают, что с начальниками надо «держать ухо востро», чтобы не разозлить, потому что некоторые много о себе воображают и можно ожидать от них больших неприятностей. А мне все равно, кто Вы. Я уважаю умных людей, пусть и начальников, а боюсь только плохих.

— Вижу, на эту тему у тебя целая теория выстроилась, — улыбнулся педагог-экспериментатор.

— Теория здесь ни при чем. Грустный опыт. Вы знаете, к двенадцати годам я поняла, что, каких бы рангов ни были начальники, все равно они люди, не боги. Понимаете меня? Они только намного умнее, энергичнее или связи у них большие. Поэтому у меня, наверное, никогда не будет кумиров, и я никогда не стану поклоняться человеку как идолу. Для меня всегда будут существовать только учителя и обожаемые люди. А Вас я не боюсь, потому что вы подпускаете к себе. Может, Вы любознательный и Вам тоже интересны люди? Ошибаюсь? — спросила я настойчиво.

— Не ошибаетесь, товарищ психолог, — весело ответил педагог.

— Вас мужчины или женщины больше интересуют? — продолжила я задавать вопросы, так и не поняв, шутит или иронизирует мой собеседник.

— С женщинами мне проще.

— Потому что Вы красивый и обходительный?

— Опять ты за свое! Просто я их лучше понимаю, — досадливо поморщился Ефим Борисович.

— Странно, — удивилась я.

— Из детства это идет. Мама меня воспитывала.

— Война виновата?

— Да.

— У меня тоже. Я совсем одна, — сказала я и замолчала. «С чего разоткровенничалась как в вагоне поезда?» — разозлилась я на себя.

— У тебя есть родители, — попытался успокоить меня собеседник.

— Я же просила: не надо об этом.

— Хорошо. Но все, что ты из себя представляешь, — от них. Согласна?

— Нет. Я — другая, сплошное противоречие: то умная, то бестолковая, в чем-то

сдержанная, а в чем-то безудержная и психованная. Я, наверное, еще не сформировалась. У меня даже почерк каждый день разный, в зависимости от настроения.

— А когда надеешься сформироваться? — строго перебил гость.

— Не знаю. Наверное, когда детство закончится.

— А ты могла бы подвиг совершить? — вдруг осторожно спросил Ефим Борисович.

— Запросто, не задумываясь.

— Ты уверена?

— Думаете, у меня хвастливая гордость? И в помине нет ее. Такими словами не кидаются. Смею утверждать, что натура моя такая. Не хочу, чтобы жизнь зазря прошла. Во мне много от Павки Корчагина. К примеру, безграничное терпение, вера. Без внутренней убежденности повинешься неохотно, с неудовольствием. То ли дело с верой и любовью в сердце. Тогда никакой страх нипочем.

— Так может в тебе есть что-то и от Александра Матросова?

— И от него тоже, в зависимости от того, какая ситуация. Но Павке сложнее было. Он годами преодолевал трудности. Минутный подвиг легче совершить, там некогда искать выход из затруднительного положения. Одномоментный страх легче преодолеть. Матросову надо было ценой одной жизни спасти многих, и он был готов к совершению такого подвига. Он был воспитан таким: с ярким сердцем горьковского Данко. Любовь к Родине или отключила остальные чувства, или представила их мелкими, не важными, не главными. У Корчагина была надежда выжить, а у Матросова — нет. Вот в чем разница их подвигов, — с глубоким знанием дела горячо заявила я. — У Вас на этот счет другое мнение? — я испугалась своей категоричности и замолчала.

— Нисколько не сомневаюсь, что имеешь некоторое представление о героике. Ты думаешь, они сумели правильно расставить приоритеты?

— Да. И Матросов, и Корчагин. Герой не из каждого получается. Как говорит наша Юлия Николаевна: должны существовать необходимые и достаточные условия.

— А как ты относишься к шоферу, о котором писали в вашей газете? До тебя дошли слухи о нем?

— Конечно, он герой! Жаль только, что жизнь сгубил из-за разгильдяйства других. Но это не умаляет его подвига. Он выполнил свой долг с честью. Мне кажется: в мирное время во сто крат страшнее умирать. Тут немислимая твердость воли нужна, особая убежденность. Когда этот шофер был мальчишкой, его отца за три килограмма гречневой крупы посадили в тюрьму. Вот он и хотел самому себе доказать, что другой. Отсюда его... как вы сказали... при... о...

— Приоритеты. Значит, ты задумывалась над проблемой страха?

— Конечно. Первый раз еще в раннем детстве, когда любимый котенок погиб от дуста. И над преодолением задумывалась. Многое страхи из детства идут. Я воспитывала себя, чтобы не бояться темноты и прочей ерунды. Жуткий физический страх ощущаю от бессилия помочь себе и кому-то. Он прожигает мозги насквозь и остается надолго, может, даже на всю жизнь. Удивляет такое: на войне человек был героем, но теперь на работе начальник измывает над ним, а он не умеет противостоять, в червя превратился. И сейчас неприятности его осаждают, будто специально для того, чтобы испытать характер на прочность в разных условиях. Может, он еще встанет с колен? Говорят, что судьба надолго не отворачивается от сильных и мужественных. Видно, смелость и страх бывают разные, — со вздохом закончила я свои пространные рассуждения.

— Мой товарищ по студенческим годам так говорил: «Вполне справедливо, что от мелких страхов спасает пластика человеческой психики. А вот у больших, глубинных совсем другой механизм преодоления. Возьмем, к примеру, ужас бесчестия, безвыходности, страх перед торжеством зла, равнодушия, жуткий непонятный страх

смешанный с любовью. Я не оправдываю тотальной манипуляции социальными чувствами, когда будто бы сладкое чувство страха раздавливает человека, приводит к раздвоению личности, когда понимаешь, что ни ты, ни общество уже ничего не решают... С другой стороны, смятение, обычный реальный извечный страх смерти, ощущение хрупкости цивилизации, когда разум и интеллект бессильны». Некоторые виды страхов преодолеть по плечу далеко не каждому. Участь таких людей незавидная. Попав в лабиринт ужасных обстоятельств, они могут пасть духом или даже повредиться разумом. Никто не знает, где граница, за которой люди теряют власть над собой, и есть ли она... Страх — чувство непродуктивное, пока не появится кураж, невероятный кураж, способный преодолеть любые испытания. У человека потрясающая жизнестойкость!..

Вспомнил «Вий» Гоголя. Сумел писатель найти гениальные по простоте слова, чтобы описать ощущение страха. Сказки делают попытку подготовить человека к философскому отношению к жизни... Достоевского читал в детстве, не понимая, но с чувством жутчайшего страха. Подвиг, мужество, момент преодоления страха — непостижимы. Их трудно описать словами, музыкой. Все эти попытки только приближают нас к пониманию подобных состояний. Удивительна красота и величие мужества! Умение в любой ситуации сохранять полное присутствие духа, — безусловно, прерогатива морально сильных людей..

Ефим Борисович все говорили говорил будто бы для себя, словно не замечая моего присутствия. Теперь он несколько не походил на простого учителя. Он был погружен в осмысление глобальных проблем, остальное его ничуть не занимало. Многие его слова и мысли были для меня настоящим неожиданным откровением, многое я вовсе не осознавала. Изысканная обстоятельность его ответа льстила мне, и я смогла с ним заговорить только после того, как он сам остановился. И то не сразу.

— Все Ваши рассуждения очень серьезные и не совсем мне понятные. А вот если вернуться к простому, бытовому, которое случается каждый день? — осторожно начала я.

— Говори. Позволяю со мной не церемониться. Я не принадлежу к числу снобов, — великодушно улыбнулся педагог.

— Летом со мной казус произошел. Вроде бы ерундовый, а разозлил здорово. Гость к нам из города приезжал. В Обуховку мы с ним к нашим старикам на велосипедах поехали. Конечно, бабушка с дедушкой гостинцев два рюкзака собрали. Яблок ранних очень вкусных насыпали. Я рюкзак на багажник прикрепила, а дядька свой за спину надел. Едем, а он бубнит: «Яблоки мои в твоём рюкзаке побьются». Я послушалась и взвалила его себе на плечи. Дядя толстый, ему проще, а мне рюкзак кости на ухабах долбит. Километров пять терпела. Потом решительно сняла и опять на багажник привязала. Дядька снова начал ныть. А я ему сказала: «Для вас важнее есть непобитые яблоки, зная, что я все шестнадцать километров мучилась, или все же пусть они помнутся слегка? Выбирайте!» Он насупился и молчит. Я все равно его не послушала. Только добавила сердито: «Если вам нужны яблоки, тащите их сами». Конечно, дядька не взял мой рюкзак.

Он тоже не умел приоритеты расставлять? Я ни одного яблока тогда не съела, хотя он оставил нам те, которые немного побились. Тошно на них было смотреть. Вы знаете: он все-таки родителям не пожаловался. То ли пожалел меня, то ли сам задумался над своим поведением? Дети часто неправильно поступают, потому что еще не умеют думать, а взрослые — от плохого характера: зависти, жадности, упрямства. Ребенка за вредность наказывают, а взрослых некому приструнить, — засмеялась я. — Еще один жизненный парадокс меня беспокоит: вот, допустим, спас человек из огня нескольких детей. Конечно, он герой. А другой — сорок лет без единой аварии перевозил на самолете людей. Он тоже герой по моему мнению. Каждый день рисковал. Но о нем никто не помнит. Неправильно это. Обидно мне за таких, никому не известных.

— Похоже, быть тебе педагогом, — задумчиво сказал Ефим Борисович.

— Потому что зануда?

— Потому что кожа тонкая.

— К несчастью, я иногда грублю. Но только после того, как взрослые доведут до полного

нервного изнеможения, когда кажется, что уже нет больше оснований терпеть придирки. То там, то сям срываюсь. Взрослые считают, что им можно, а нам нельзя, — обреченно сказала я.

— Ты себя хорошей считаешь?

— Не знаю... Нет, конечно. В душе я мягкая, добрая, снисходительная. Но когда развеселюсь или рассержусь, то затормозить не всегда получается. Мне потом бывает неловко. Но знаете: в этом году я замечаю улучшения, весьма ощутимые перемены. Честное слово! Это прогресс! Я счастлива этим. Знаю, что скромность и воспитанность украшают человека, поэтому очень стараюсь, — без эмоций закончила я.

— Скромность бывает разная. Одна украшает, а другая укрощает человека, — задумчиво произнес Ефим Борисович.

— Как это? — удивилась я.

— Скромный человек, — значит совестливый. Такой не сможет хамить. Но иногда скромность принижает. Она возникает из-за неуверенности в себе. Такая совестливость — не положительный фактор. Она мешает человеку достигать вершин, которых он заслуживает. Поняла?

— Поняла, — выдохнула я. — Мой дедушка Яша сейчас сказал бы, что я веду себя, как наивная навязчивая провинциалка. Попросту — деревня. Скромности не хватает. Но это не из-за самомнения. От любознательности. Это меня немного оправдывает?

— В данном случае на восемьдесят процентов, — улыбнулся гость.

— Спасибо, — обрадовалась я.

— В нашем разговоре ты пытаешься меня «вести»? — мягко предположил Ефим Борисович.

— То есть захватывать инициативу? Нет! Что Вы! С Вами я не сумею, да и не нужно мне это. Я Вас слушать хочу. Увлекаюсь в силу привычки. Я сумбурно бросаюсь из стороны в сторону, как вратарь на мяч. А вот у Вас определенная стратегия и тактика. Вы разговариваете, как в шахматы играете: деликатно ведете беседу к заранее намеченной цели, — сделала я комплимент приятному тонкому собеседнику.

— Да нет у меня цели. Просто с тобой интересно. Такая беседа одинаково необходима и полезна нам обоим. Ты же не скажешь: «Какое горькое разочарование этот пустой, никчемный разговор!» И я тоже.

Я восприняла слова Ефима Борисовича как ответный реверанс взрослого, но все же смутилась и сменила тему разговора.

— Вы в детстве в городе жили, в богатой культурной семье?

— Думаешь, если я пришел в вашу школу в качестве педагога-исследователя, то и в детстве спал, обсыпанный конфетами? Мы жили на Алтае. Отец был секретарем горсовета. Потрясающе умный был человек. Талантливый во всем. На балалайке виртуозно играл. Шел он как-то через подземный переход, остановился, взял у нищего балалайку и давай петь и себе аккомпанировать. Люди деньги стали давать нищему. Представляешь картину: нищий в рубище, а рядом мой отец в белом костюме?!

На меня никогда не кричали, не шлепали. Дети в нашей семье — божества. Так велось из поколения в поколение. Каждое удачное слово или действие ребенка вызывало восхищение родителей. Может, поэтому в два года я уже читал. А моя дочь уже в год научилась. Хвалить и обожать — особенность нашей семьи.

— А в нашей — очень боятся испортить похвалой, чтобы не зазнались. Все, что мы делаем с братом, воспринимается как должное, естественное, необходимое, за которое не надо платить особым вниманием. Ты должен, ты обязан — вот и все, — с детским вздохом пожаловалась я.

— Я видел в своих родителях порядочных, достойных людей. Отец даже врагам ничего

плохого не делал. Жил по принципам добра. В этом была его мудрость. Таковы мои корни, таково мое ядро. Я рос в семье, бесконечная доброта которой формировала мой внутренний мир, мои устои. Оскорбительными словами не бросались. Отец, если сердился, то уходил и не разговаривал. И мое прозвище в семье — «мирняк».

— Добрым людям труднее живется? — спросила я нерешительно, с волнением ожидая ответа на очень важный для меня вопрос.

— Говорят, так. Но это если доброта поддельная. Добрым если не проще, то хотя бы легче. А вообще, злему труднее. Злой все время борется, гадости делает, бесится.

— А может, злой удовольствие в этом находит? У моего дедушки Яши такая старуха-секретарь была. Романы можно писать о ее пакостях. Дед говорил, что она мастерски владела своим хобби, не знала себе равных по части сплетен. И при этом имела изысканные манеры. А меня она больше злила, чем забавляла. За глаза я называла ее Агата Кристи в области разрушения семейных отношений. Она сплетнями счастлива была, — загорячилась я, вспомнив не такое уж далекое прошлое.

— Такие люди — редкость, — успокоил меня гость. — Для моих родителей работа главной была. В моей памяти отец остался в основном голосом уставшего человека.

Мама работала в детском доме воспитательницей. Дети звали ее «лиса». Умела она выйти из любой трудной ситуации. Когда отец погиб, мы с мамой остались одни. Если она дежурила, мне часто приходилось ночевать в детдоме: мама боялась оставлять меня дома одного.

— Вы тоже считаете, что детдомовские дети — жуткие вруны? — остановила я собеседника.

— Да что ты! Они фантазеры! Придумывают себе несостоявшуюся жизнь! Для них фантазии — мир спасения души. Я видел, как честны и благородны они в коллективе. Не предадут, на свалят свою вину на другого. Мужественно выдержат заслуженное наказание.

В раннем детстве я был заласканным маменькиным сыночком. Мама души во мне не чаяла. Находясь среди детдомовских, я стал лучше понимать жизнь, научился свободно общаться с детьми и взрослыми. Прошел хорошую школу. Ребята сначала меня посчитали «подсадной уткой», думали — нарочно оставляют ночевать. Вскоре убедились, что я не такой.

Знаешь, был такой случай. Голодно ведь было не только в семьях, но и в детдоме. Наиболее смелые ребята воровали на колхозном поле картошку. Весь куст не выдергивали, а подкапывали с одного боку и вынимали по две-три картофелины. Потом нанизывали на проволоку и коптили в трубе, так как отопление было печное. А перед сном ужинали картошкой. Кто-то из колхозников заметил ребят и пожаловался руководству детдома. И вот появляется моя мама в группе и назидательно так говорит:

— Фима, не отпирайся, ты должен мне все рассказать.

— Ничего не знаю, — отвечаю я хмуро.

— Выйдем, поговорим, — требует мама жестко.

Вышли, а я ей опять:

— Ничего не знаю.

— Ты же не умеешь врать. По носу вижу. Отчего краснеешь?

Я действительно терпеть не могу ложь.

— Мама, — говорю, — если бы даже знал, все равно не сказал бы. Ты же меня на подлость толкаешь, — возразил я.

После этого случая ребята мне поверили. Многого знал, но никогда ничего не говорил воспитателям. А тут со мной стряслось... Сам украл. Первый раз в жизни. Помню, дня

два почти ничего не ел. Очень был голоден. Нужда и беда — плохие советчики. Залез в соседский огород, сорвал дыню и съел. Соседка рассказала маме. Она ко мне взволнованно:

— Это правда? Как ты мог?!

И так она это сказала, что все во мне перевернулось. Позор! Ужас! Я сознался. Она схватила полотенце, замахнулась и... швырнула его на пол. Мы вместе заплакали. На всю жизнь запомнил: никогда не брать чужого. В двенадцать лет понял, что всего должен добиваться сам. Начал работать, чтобы в детдоме миску каши есть с чистой совестью, не отрывать у детдомовских детей. Плакаты писал, оформлял уголки, классы. Учился видеть, слушать и слышать. Понял, что в жизни не всегда поступаешь, как хочешь. Дома маме помогал. Помню, как-то пирожки испек, чем очень удивил ее. Не чувствовал себя нахлебником, — просто добавил Ефим Борисович.

— Сейчас мама все еще о Вас беспокоится?

— Мать — всю жизнь на распятии. Никогда она не может освободиться от наших бед и забот. На ней все в семье держится.

— И все же, наверное, были у вас сложности с детдомовскими детьми?

— Конечно, всякое случалось. Активный был, на язык острый, ироничный. Но никогда не злобствовал, не насмешничал. Длинный язык подводил, себе в основном неприятности доставлял. Обиды были, злости — никогда. Детдомовские дети научили многому. Сняли с меня налет изнеженности. Помню, когда пришел в первый класс, в тот же день во дворе, в туалете, меня схватили ребята, руки за спину завернули и сунули в рот дымящуюся папиросу. Я сплюнул ее да попал в лицо обидчику. Ну, мне, конечно, надавали, как следует. Но курить не стал. Не признаю курения в принципе.

— В школе учились легко? — полюбопытствовала я.

— Память была зеркальная. Она и моей дочери передалась. Как-то учительница прочитала стихотворение куплетов пять и попросила дочь пересказать содержание, а она наизусть его рассказала. Очень удивила всех!

— В этом мы похожи. Маленькой я все тексты знала наизусть. Глаза закрою и будто страницы книжек листаю. И сейчас постоянно тренирую память. Игру придумала: угадывать, на каких страницах в учебниках картинки расположены, и на каких строчках — формулы. Забавно и полезно! Книги очень люблю.

— Молодец! У меня тоже все от книг. Двора около моего дома не было. Ребята рядом жили, но наши интересы не сходились, поэтому дружил только «с книжным шкафом». Мама так шутила. Читал на переменах, идя в школу, прямо на ходу. Глотал книги. Выписывал интересные выражения, словарь вел. Не любил фантастику. Зато дрожал, читая «Воскресение» Толстого. Восхищался языком Леонова. Я не читал, а переживал книги.

— Еще бы! В «Воскресении» Толстой описывал жизнь так реально! Вот когда я читаю Драйзера, у меня создается впечатление, будто на равных с ним разговариваю, свои мысли подтверждаю, а с Роменом Ролланом — как с мудрым учителем. Он подсказывает и объясняет то, что возникает во мне, но не поддается пониманию, осмыслению и озвучиванию. Поэтому я его больше люблю. Теперь после Ромена Роллана и Льва Толстого мне уже не хочется читать Майн Рида, Стивенсона или Беляева.

— Ты выросла из них, как из прошлогодних ботинок. Мне кажется: ты уже поняла, что литература — это отсутствие красивого пустословия и многословия, это концентрация умных интересных, подчас философских мыслей и тонких, глубоких чувств, — улыбнулся Ефим Борисович. — Достоевского не пыталась читать? Говорят, он производит гнетущее впечатление на юную неустойчивую психику. Не боишься?

— Нет. Если чувствую излишнее давление на голову, то сразу бросаю читать. Наверное, у меня есть внутренний контролер психической нормальности, — засмеялась я. — А вот как-то недавно ради любопытства заглянула в «Тома Сойера». Заметила много нового, оно почему-то раньше ускользало от понимания. Раннее детство вспомнила... Боже мой!

Я снова этим летом плакала над героями «Хижина дяди Тома»! В четвертом классе я прочитала книгу «Пламя гнева». Жаль: фамилию автора не запомнила. Роман заканчивался печально. Мне казалось, что неистощимая вера в победу добра над злом в одночасье рухнула. Сердце раздиралось жалостью к поработанным, страхом перед несправедливым, непредсказуемым Миром. «Почему гад-завоеватель перехитрил умного, порядочного, немного наивного ученого? Так не должно быть!» — горько плакала я, переживая трагедию дикого племени как свою собственную. До сих пор с болью вспоминаю жестокую концовку книги и не хочу ее перечитывать. Почему многолетние войны в учебнике истории не трогают, а беда этого маленького несчастного народа застряла в моем мозгу?

— Потому, что факты и события литературно преподнесены. В таланте писателя заключена сила воздействия на читателя, — объяснил педагог.

— Мне кажется, если бы седьмой класс не был выпускным и жизнь не заставляла думать о будущем, я, наверное, еще долго оставалась бы несерьезным ребенком с глазами на мокром месте. Мне бы в классики играть да по деревьям лазить!

— Этого ты еще долго будешь желать, — улыбнулся Ефим Борисович.

— Оттого что в детстве мало играла? — предположила я.

— Душа долго бывает молодой, — объяснил собеседник.

Я некоторое время мялась, не решаясь спросить, и все же хоть и с трудом, но выдавила из себя очень сложный морально-этический вопрос:

— Вы никогда не завидуете другим, тем, кто в чем-то лучше вас?

— Зависть? Нет! Я слишком уважаю себя, чтобы завидовать. Не вижу смысла в зависти. Зависть — погорелое место, на котором долго ничего не способно вырасти, — мягко, но уверенно ответил Ефим Борисович.

Я облегченно вздохнула. Не обиделся на дерзкий вопрос.

— А знаешь, как я белорусский язык выучил? Начал читать на нем книжки и вскоре стал понимать его. Для меня самого подобное оказалось загадкой. Пока однозначного ответа феномену не нашел. Мне с детства всегда все было интересно. Увидел один раз жонглера и сразу загорелся научиться. С бильярдом так же получилось. Сколько раз мне в голову попадали железными шарами! Я так думал: «Кто-то может, а я нет?» Жажда познания всегда мучила. Как-то неделю по вечерам из дому не выходил, пока не научился играть на баяне.

— Я зачем Вам все это?

— Не знаю. Все в жизни может пригодиться. Я всегда делаю то, что мне интересно. В этом проявляется мой своенравный характер. Мне не бывает скучно. Я никогда не жалел, что многому научился в детстве.

— Можно Вас спросить о простом? Об отце.

— О простом? Самые сложные и тонкие вопросы — о семье.

— Извините, — стушевалась я.

— Нет, спрашивай.

— Как вы перенесли отсутствие отца?

— Я был сильно привязан к матери. Она была очень красивая, статная, но из-за меня не хотела выходить замуж. Она всегда была рядом. Поэтому гибель отца сразу до конца не осознал как трагедию. Я всегда видел только маму, знал, как ей трудно. И только к семнадцати годам почувствовал, что мне не хватает рядом мужского плеча. Я, например, не умею драться. Гражданское мужество проявить могу: всегда высказываюсь открыто, становлюсь на защиту справедливости. Но в простейших бытовых стычках с хулиганами я лучше уйду. С отцом моя жизнь была бы более осмысленной. Я бы меньше метался,

раньше бы начал целенаправленно действовать. У мамы любовь была слепая, жертвенная.

— А вот, как ее... ну притягательность, откуда она?

— По наследству от отца досталась. Усилий не прикладывал в этом направлении. Какой есть, — такой есть. Как говорят, хоть жуй, хоть плюй. Ни под кого не подстраивался. Все во мне мое. В детстве я был несколько отстранен, но жизнь настроила на людей. Я люблю людей, открыт для них. Конечно, часто в душу плюют. Но лучше я ошибусь, чем буду всего бояться, замыкаться в себе, не доверять людям. Недоверие — тяжелая ноша. С таким грузом человеку тяжело и в семье, и в коллективе.

— А я всегда настороже, в скорлупе живу, замуровала себя. Не удается мне пробить толщу неверия и неуверенности, — вздохнула я.

— Выползай потихоньку. Не лишай себя радости общения. Мне тоже судьба не всегда благоприятствовала.

— Скажите, пожалуйста, погода влияет на Ваше настроение?

— Думаю, нет. Не подвержен. Но один случай из моего детства раскрыл мою связь со стихией. Уже не помню, откуда мы возвращались с отцом. Пошел дождь. Мы решили переждать его и спрятались под навесом какого-то дома. Вдруг налетел шквальный ветер. Началась жуткая гроза. Бесперывно мелькали молнии. Хлестал дождь. Как говорят, разверзлись хляби небесные. Я промок насквозь, но не боялся. Во мне будто вздыбились какие-то восторженные чувства. Мне казалось, что я там, в бушующей стихии. С тех пор люблю дождь, грозу. Студентом выходил на проспект и сочинял стихи под дождем. Мне приятно ощущение ярости природы. В такое время я всегда чувствую, будто отец рядом.

Уже взрослым как-то бродил с женой по болоту. Разыгралась непогода. Молнии пронзали небо. Бесперывно рокотал гром. Жена тащила меня по кочкам подальше от губельного места, а я с наслаждением, с восторгом воспринимал грозу. Теплый дождь омывал мое разгоряченное лицо. Мне хотелось смеяться, кричать вслед грохочущим разрядам и ярким вспышкам. Я ощущал удивительную легкость, бодрость, подъем. Я понимал: это мое! Гром и молния — это яркие, значимые, открытые проявления естества природы. Они соответствуют моему характеру. Ведь человек боится чего-то не своего. А я именно в эти моменты ощущаю переполнение чувств, как бы поднимаюсь над стихией.

— Я тоже не боюсь грозы, но, тем не менее, люблю безветрие. Я в нем отдыхаю от бурь в душе. Мне кажется: я растворяюсь в такой застывшей тишине и парю в пронзительном безмолвии, сливаясь с Мирозданием. И такая бывает благодать на душе!..

Мы помолчали, отдавшись чувствам. Нам было хорошо. Мы понимали друг друга. Первой очнулась я. Захотелось продолжить разговор.

— Его Величество Случай иногда дарит людям неожиданные радости. Я всегда внутренне жду этого. Мне давно хочется побеседовать с настоящим писателем. Я знала одного. Он хороший человек, но какой-то придавленный жизнью. Не было в нем, как говорила моя бабушка, «ни легкости искрометного таланта, ни глубокой почтенной мудрости». Только эмоции и обида на несложившуюся жизнь. Обыкновенный он был. А мне хотелось восхищаться величием таланта. Встречали ли Вы человека, который бы повлиял на Вас, открыл что-то новое, интересное?

— Был такой человек, только в институте. Восхитительное, прелестное воспоминание! Полина Абрамовна — мой светлый лучик, — ответил Ефим Борисович уважительным, прочувствованным тоном. — Она откровенно пленила меня начитанностью, казалась верхом утонченности. Большинство преподавателей были хорошими специалистами в одной узкой области, а она — человек широкой культуры. Безжалостно поражала огромным запасом слов. Преподавала лексикологию — науку о происхождении слов и их смыслы. Она показала нам, что это не предмет, не дисциплина, а культура размышления над словом. Она привила мне чувство языка, вкус к языку, открыла его глубину и многообразие. Как-то принесла тринадцать переводов «Лорелеи» Гейне и подробнейшим образом проанализировала их. Я был в восторге и горел желанием достичь ее уровня!

Теперь ее нет... Любая жизнь, знаешь ли, есть смешение печали и радости...

Мимо пробежал Леша Воржев. Его появление отвлекло меня, и я спросила гостя:

— А детский дом пойдете проверять?

— Нет, он не нашего ведомства. Там большие проблемы? — заинтересовался Ефим Борисович.

— Почему так думаете? — насторожилась я.

— Мама до сих пор в детдome работает. Туда теперь стали попадать дети испорченные, точнее, изуродованные семьями в моральном и в познавательном плане. Таких мало, но воспитывать их намного труднее тех, кого когда-то обездолила война. Столько мучений доставляют воспитателям и себе прежде всего! Виной всему — страшная катастрофа детской души, брошенной на произвол судьбы. К тому же в замкнутом пространстве часто срабатывает эффект «гнилого яблока».

— Не поняла, — остановила я собеседника.

— Что бывает, когда в ящик попадает гнилое яблоко?

— Все пропадают.

— Вот именно, — растянуто произнес Ефим Борисович.

Мы опять замолчали. Выхваченные памятью странички из раннего детства поплыли перед глазами. Я почувствовала, что мы с гостем снова оказались в одном эмоциональном пространстве. А может, они у нас разные, но пересекаются в какой-то одной области? Наверное, все-таки существуют биофизические поля, с помощью которых взаимодействуют чувства людей. А когда их частоты совпадают, люди хорошо понимают друг друга...

«Снова фантазирую», — одернула я себя, вспомнив шутливую «теорию» электромагнитной природы любви, возникшую у меня на уроке физики, из-за которой потом мать не пустила меня в кино. Разве я была виновата в том, что она понравилась ребятам, и они весь урок химии переписывали ее?.. В данном случае совсем неважно, какова природа взаимодействия людей. Главное, что она есть. И это так здорово!..

Вдруг грусть сжала сердце.

— А Вы к нам еще приедете? — с тревожной надеждой спросила я.

— Не знаю. Не люблю разбрасываться обещаниями. Как говорится, векселей с обещаниями не раздаю. Посмотрю, как пойдет эксперимент. Планы у меня грандиозные.

— Спасибо за праздник. Вы — подарок судьбы для меня, — искренне призналась я.

— И я рад знакомству с тобой. Хочешь совет на будущее? Воспринимай грустные события не как удары судьбы, а как уроки, которые могут помочь тебе в дальнейшем. Они как ступени надежды, по которым ты будешь подниматься все выше и выше. И тогда твоя жизнь будет солнечной.

— Спасибо. Здорово сказали! Обязательно возьму Вашу фразу на вооружение в свой арсенал поддержки оптимизма. Мне он часто требуется.

Вы знаете, когда мне очень грустно, я беседую с учительницей литературы Александрой Андреевной, так мать ревнует, сердится. Если бы меня с вами увидела, то такую ахинею понесла бы, что тошно стало бы чертям в аду, — вздохнула я.

— Ох, уж эта наша родительская мнительность! — засмеялся Ефим Борисович.

И откуда вдруг вынырнула мать?! Она в плохом расположении духа. У нее вид рассерженного страуса. Зыркнула на меня, но при госте сдержанно приказала:

— Домой!

Я, конечно, пулей. «Накаркала! — негодовала я на себя. — Бывают же совпадения!» Бегу, а сама думаю: «Тонко, изящно, без броских внешних эффектов преподносил себя Ефим Борисович. Вроде бы говорили мы о простых вещах, но вдруг почувствовала я, что внутреннее духовное пространство этого человека недосыгаемо бесконечно...» (И где я эту фразу вычитала? Она ему очень подходит!) И от этого мне стало хорошо-хорошо. Когда человек счастлив, у него в голове бывают только счастливые мысли. Как здорово сказал на уроке Ефим Борисович о моем сочинении: «Это делает честь твоему воображению». Сразу понял меня. Осуществилась мечта! Встретилась с талантливым человеком! Ну и дела! Расскажи кому — не поверят! Наверное, все-таки существует у людей странное внутреннее таинственное, ничем не обоснованное ясновидение, вызывающее влечение к малознакомым людям. Я же сразу почувствовала, что он необыкновенный!

Может, именно в этот момент я осознанно поняла, что смогу полюбить только человека более умного, чем сама.

А что произошло потом! Дома мать взяла меня в оборот.

— Ты влюбилась в него? Думаешь, если молодой, так приставать можно? Он женатый.

— Меня не интересует его семейное положение, — возразила я.

— Это еще хуже! — кипятилась мать.

— Почему нельзя поговорить с интересным человеком?

— Хватит препираться! Ты у меня договоришься! Употреблю власть, на короткую цепь посажу, — грозно прикрикнула мать.

Ее слова болезненно пронзили мне мозг.

— Куда уж короче?! Школа — магазин — дом, — вот и все жизненное пространство. Решеткой осталось оградить. Не приму от вас такого одолжения.

«Разве можно тут воздержаться от комментариев? Справедливости ради скажу, ведь не хотела, а опять начала дерзить от обиды, что она такой праздник мне испортила!» — хмуро подумала я и бросила на мать терпеливый тоскливый взгляд.

— Не возражай. Всяк сверчок знай свой шесток, — жестко сказала мать.

— Да не влюбилась я! Он же дядька, а не парень, — раздраженная непониманием матери, оправдывалась я.

Она не слушала моих уверений, чем огорчала до глубины души и вызывала тягостное недовольство. Я стояла как в воду опущенная, в полном душевном оцепенении и холодном отчаянии, безуспешно пытаюсь унять внешнюю и внутреннюю, судорожную дрожь. В голове путались разные глупые мысли: «Настанет ли время, не омрачающее радостное светлое состояние моей души?.. В раннем детстве я умела сдерживать бурное выражение своих чувств. Страх давил... Опять сбылось пророчество и предчувствие... Вот так укореняются всякие поверья... Везет тем, чьи родители понимают и щадят детей, избавляют от мучительного унижительного осознания беспомощности перед ними...»

Слышу сердитый, приглушенный, как из подвала, возглас:

— А в дядек не влюбляются? Со стариками хороводятся!

— Мне такое даже в голову не приходило, — с усталой укоризной перебила я мать.

— Знаю тебя!

— В том-то и дело, что не знаете и всех собак на меня вешаете. Кем я только в ваших глазах ни была: и под забором валялась, и в подоле приносила. А теперь еще стариков соблазняю. Сто лет они мне без надобности! Дайте мне жить спокойно. Не хочу я взрослых гадостей. Тошнит от таких разговоров, хуже, чем от пошлых анекдотов в

сельском клубе. Там хоть в шутку об этом говорят. А вы всерьез. Дурдом какой-то, а не семья! Вы и со своими учениками так же разговариваете? — все больше заносило меня.

— У них для этого родители есть.

— Для чего? Чтобы оскорблять? Вы хотите, чтобы я была такой, какой вы меня рисуете? Я терпеливая, но могу и разозлиться. Вот стану дрянью, тогда мне не обидно будет вас выслушивать. По крайней мере, будет за что! Вы этого хотите? — совсем уж слетела я с тормозов, не давая себе отчета, о чем говорю.

— Опять грубишь?! — гневно повысила голос мать.

— А по-человечески, по-доброму со мной нельзя? — взвыла я сквозь слезы и пулей выскочила из хаты.

Я знала, что никто не побежит меня успокаивать. Господи! Так хочется быть хорошей и видеть вокруг себя только доброе, радостное! А получаю односторонние взгляды, незаслуженные упреки, обвинения. С моей точки зрения, они вздор и нелепость. Любые мои действия подвергаются сомнению, охаиванию. Сплошные претензии! Опостылело все! Ну, как тут радоваться жизни? Попробуй в такой обстановке остаться спокойной. В классе я слышу шустрой, приткой, но с трезвыми продуманными суждениями, а дома мать считает заносчивой и вздорной. Такая я, когда защищаюсь. Хотела я сегодняшней ссоры? Нет. Она хотела? Тоже нет. Так неужели нельзя по-хорошему выяснить недоразумение? Надо же верить человеку!

Чтобы не распалиться, отправилась в сарай колоть дрова. Втихомолку слезы льются, мысли крутятся в голове: «Как мне отвечать на оскорбления? Она меня с гулящей девкой сравнила, а я ей «спасибо»? Никакой логики! Сбежать бы из этого ада. Но так хочется попасть в университет! Я понимаю: мать для меня старается. Но какими дикими средствами! Бабушка пошутила как-то, что «благими намерениями выстлана дорога в ад» и флаг — «хотела как лучше» — часто заводит в трясину». Я не однажды слышала эти фразы, но до сих пор не совсем понимаю их.

Если иждивенка, так мне уж и не жить как нормальные дети? Не в рабстве. Я же не привередливая и от рук не отбилась. Что-то этот год тянется мучительно долго. От скандала до скандала. А поводы совсем мизерные. Неуправляемость моего характера постыдна и неприятна. Если не умею бороться, противостоять ему, стоит принаравливаться? И в суждениях надо быть на высоте, и перед самой собой не хочется выглядеть мокрой курицей. Где мое достоинство и самоуважение? Брюзжу как занудная старушенция. «И Димка продолжает преследовать, на нервы действует и мне, и матери», — с глухой досадой вспомнила я о навязчивом обожателе. — Хорошо было нашим предкам! К любому случаю применяли умиротворяющую фразу: «На все воля Божья».

Опять успокаиваю себя словами: «Что наши мелочи по сравнению с мировой революцией?!» Витек! Ты еще не забыл ее? Только ты всегда понимал меня по-настоящему! Вразуми меня. Помоги справиться с собой!

КОМСОМОЛКА

Вступление в комсомол назначено на двадцать второе апреля. Кандидатуры обсуждались трижды. В классе все происходило обыкновенно: учительница зачитала список общественных дел за все пионерские годы, и одноклассники проголосовали «за». Колька Корнеев пошутил в мой адрес:

«Веселая, добрая, но очень старательная и очень принципиальная. Надо тебе слово «очень» из жизни выбросить. Добра желаю, честно!» Вожатая засмеялась: «Из-за таких, как ты, ей приходится быть «очень».

И на совете дружины все протекало формально, потому что всех нас знали как облупленных! А вот на комсомольском активе досталось! Сначала гоняли по Уставу ВЛКСМ. Потом такие вопросы задавали, какие раньше и в голову не приходили!

«Чем пионерская общественная работа отличается от комсомольской?», «Что главное в жизни?», «Почему у нас такие отношения с Америкой и Германией?», «Кем легче быть

— Стахановым или Александром Матросовым?», «Имеем ли мы право спорить, возражать старшему, начальнику?»... Вышла из комитета: голова кругом, лицо горит. В мозгах колом стоят слова: «Подумай месяц, достаточно ли ты взрослая, чтобы двадцать второго апреля идти в райком комсомола?»

Я всегда считала, что не словами, а работой надо доказывать свои положительные качества, и делала все, чтобы мимо меня не прошло ни одно интересное или важное мероприятие. Но сегодня поняла, что я только хороший исполнитель. Анализировать события не умею, глубоко о политической жизни страны не задумываюсь, не делаю выводов. Перед сном я отчитываюсь перед собой о прошедшем дне, но в основном о выполненной работе и личных взаимоотношениях. Читаю газеты, но выступаю на политинформациях, как на уроке истории, живу событиями класса и домашними проблемами.

После собрания я стремилась больше общаться со старшеклассниками. Но их тоже в основном интересовали уроки. Немного успокоилась. Зачем переживаю? Если я активная пионерка, значит, сумею стать хорошей комсомолкой. Чего не пойму — подскажут, помогут.

И вот настало двадцать второе апреля. Семь человек из нашего класса, бледные до посинения, собрались у пионерской комнаты. Я прижимала к лицу маленькую книжечку «Устава», повторяла трудные места и тем самым отвлекалась, пытаюсь усмирить дрожь в коленях.

— Тебе хорошо, а у меня голос дрожит и руки трясутся, — выбивая зубами барабанную дробь, говорила Нина, подруга по парте.

Классная вожатая Галя начала нас весело тормошить:

— Что вы как замороженные! Вас не на казнь поведут, а в комсомол, во взрослую жизнь. Это не наказание, а честь. Встряхнитесь!

Пришла Аня, новая школьная пионервожатая. Стремительная, с яркими лучистыми глазами, белозубой улыбкой. Она, оглядев нас уверенным, чуть ироничным взглядом, обратилась к Гале:

— Ты кого мне привела? Это им я должна буду вручить вместо галстука настоящее знамя?! Не поведу этих синих цыплят в райком! Ну-ка, плечи расправить, головы выше! Где твердый взгляд? Улыбку дома оставили? Может, и головы пристегнули пустые?

Мы натянуто заулыбались. Очень удачными штрихами обрисовала нас Аня.

— С улыбкой приободряется весь организм человека. Ясно? Перестроиться! Передо мной двоечники? Вы лучшие из лучших!

Мы окончательно растормозились и на станцию пошли, весело болтая о мелочах.

Погода была чудная. При подходе к улице, на которой находился райком, опять заволновались. Аня тоже стала строгой. Посмотрела на часы:

— Рано пришли. Полчаса погуляем. Нам к одиннадцати.

Пошли в сквер. Минуты ожидания казались вечностью. Чтобы как-то отвлечься, разглядываю близлежащие деревья и кусты. Раскрывались крупные почки сирени, засыпая коричневой шелухой землю. Светлая зелень неразвернувшихся листочков пахучая, гладкая внутри, бархатистая снаружи. Крыжовник мелкими узорными листочками оживил серую обветренную землю парка. Издали он кажется кудрявым и праздничным. А почки черной смородины набухли, сделались шаровидными, но чуть-чуть не хватает им солнышка, чтобы разорвать зимний кафтан. Кто же придумал высадить в сквере плодовые кустарники? Умница!

Мимо меня проехал на старом ржавом трехколесном велосипеде мальчик лет шести. Вслед за ним бежала ватага малышей от трех до семи лет. Видно, очередь установили. Велосипеды — еще редкость.

Слышу: вожатая собирает всех членов школьного комитета и зовет нас. Мы степенно

подходим к большому красно-коричневому двухэтажному зданию. Дверь заперта. Все в недоумении. Постучали, на всякий случай. Тишина. Тут самый высокий из комитетчиков, показал на записку, приколотую к верхней планке двери: «Все уехали на мероприятие на Желтое озеро, а я пошла в магазин. Вера».

Аня растеряно пробормотала:

— За месяц договаривались на двадцать второе, в плане записали, а сами уехали на озеро обмывать.

— Кого обмывать? — спросила я.

— С буфетом, значит, с водкой, — пояснила Галя и смущенно опустила глаза.

— Как же так! Ведь нас же в комсомол сегодня...

И мы, и группа ребят, приехавших из окрестных сел для вступления в новую фазу своей жизни, стояли, тесно сгрудившись, растерянные, потрясенные обескураженные безразличием и безответственностью тех, кому обязаны верить, кого должны уважать. Топчемся на одном месте как бараны, молчим с убитым видом.

Желание быть самой лучшей комсомолкой на мгновение показалось мне большой глупостью маленькой девочки. Важность предстоящего события упала чуть ли не до нуля. Это обстоятельство заставило прочувствовать и осознать ранее не испытываемое страдание. Оно было безжалостно и неотступно. Попыталась отделаться от него разговорами, но без всякого успеха.

— У всех бывают рецидивы и опрометчивые поступки. Не переживайте, примем вас на Первое Мая, — успокаивала нас Аня, виновато улыбаясь.

В ее голосе не было энтузиазма. Она понимала нас. Мы разбрелись по скверу. Я села на скамейку, стараясь «причесать» свои мысли, как говорит моя любимая математичка. Чего переживаю? Ведь не я же плохая? Видно, начальники не с любовью, с насильственным прилежанием относятся к своему делу. А мы-то, дурачки, дрожали, ожидая их «суда», их мнения о нас! Щелкнули лопоухих по носу! Вот тебе истины, не подверженные сомнениям! Только шутки здесь неуместны. Обида никак не проходила. Досада долго возмущала. Так и не успокоившись, пошла домой.

Почему-то вспомнились осанистые начальники, грубо заставлявшие нас прошлым летом работать на поле сверх нормы. Мы, тогда, конечно, подчинились, но они потеряли свой престиж и уважение в наших глазах. Впрочем, разве их волнуют наши чувства? Зачем без толку приходить в исступление? Чтобы только душу отвести?

Александра Андреевна говорила о необходимости бороться за уважительное отношение к человеку, о желании и способности не поддаваться плохим людям, утверждала: человек живет так, как соглашается жить. И дед Яша как-то возмущался: «С нами делают то, что мы позволяем». Но прекрасные слова, справедливые мысли и убедительные словесные доказательства разбиваются о простейшие препятствия, потому что внешне стройное течение жизни состоит из слияния разногласий, противоречий и еще много из чего непонятного и не всегда приятного. Я уже не настолько простодушна и бесхитростна, и успех подобного предприятия, а именно: защиты достоинства, — часто кажется мне теперь сомнительным и не всегда оправданным. Иногда я задумываюсь: «Не ведет ли излишнее самоуважение к эгоизму?» И, тем не менее, я еще и еще раз решаюсь рискнуть.

И чем заканчиваются мои примитивные попытки отстоять свои права, чего они стоят? В магазине грубая наглая продавщица нарочно на мне заканчивает продажу дефицита: керосина, ситца, — а я переживаю о других, которым из-за меня тоже не достается товара. А когда секретарь в районной администрации на меня накричала только потому, что у нее было плохое настроение, зачем я вежливо и очень сдержанно выразила свое неудовольствие и справедливое негодование?

Молодая женщина мгновенно придумала версию и разыграла ее как по нотам. Выгораживая себя, желая скрыть свое истинное лицо, она гадко и огульно за моей

спиной охаяла меня, оболгала перед начальницей. Все двери тут же закрылись передо мной, и я не смогла выполнить поручение старшей вожатой. На меня понеслась лавина оскорблений и нравоучений. Несколько человек набросились одновременно. Мне же рта не дали открыть, не позволили объясниться, расчихвостили в пух и прах и с угрозами выгнали из приемной. Почему начальники верят секретарям, а не составляют о человеке собственного мнения? Им же могут любую лапшу на уши повесить.

Почему женщина лгала? Из самолюбия? Подумала, что пожалуюсь на грубость, испугалась, что ее прогонят? Так не в моем характере жаловаться. Да и кто ребенку поверит? Но я уже не ребенок! В четырнадцать лет нас принято считать взрослыми. Но это верно, если дело касается работы. Такой, казалось бы, незначительный момент, в основе которого лежали прекрасные чувства: честь и достоинство, — имел для доброй, открытой, легковой и немного строптивой школьницы далеко идущие печальные последствия. И в школе досталось мне тогда, и от матери!.. Ох, уж эта несносная беспощадная память!

Александра Андреевна говорила, что умный человек должен знать, с кем и как говорить, перед кем бисер метать. Декабристы с детства усвоили высокие идеалы жизни, были смелыми, интересными, непредсказуемыми, свет яркой жизни вокруг себя зажигали, говорили, что думали, высказывали бескомпромиссные мнения, вызываясь держались, смехом удерживали стыд общества в узде. И за слова поплатились. И у них не получилось жить «по-книжному»... Говорят, нельзя тех людей мерить современным взглядом. Теперь другое поколение. Новая культура создает иной человеческий тип. А сейчас развивается двоемыслие: на людях — одни, в душе — другие.

А мне кажется, в эпоху Возрождения тоже всякие люди встречались: и бессребренники, и беспринципные подлецы...

Город явственно проплыл перед глазами. Универмаг. Горькие слезы молоденькой продавщицы... Она с такой искренней заботой помогала мне выбирать покупки, что я, пораженная непривычным вниманием, написала о ней в книге «Жалоб и предложений» очень теплые слова благодарности. А на следующий день я опять оказалась в этом магазине. Девушка шарахнулась от меня как от чумной, но, увидев мое расстроенное, даже испуганное лицо, затравленно оглядываясь, шепотом забормотала, украдкой утирая слезы: «Чуть с работы не выгнали... травить стали от зависти... Я теперь у них всегда буду под прицелом, первым кандидатом в козлы отпущения. Никогда никому не пиши благодарности, если не хочешь этому человеку беды. На тебя не обижаюсь. Ты добрая и пока еще глупенькая». Я ушла из магазина в отчаянии, понимая безуспешность любых попыток защитить девушку. Весь мир растворялся в моих безутешных слезах и становился колыхающим, расплывчатым, противным...

В колхозе на поле и то замечала неприятные моменты. Как увидит бригадир скромного безответного ребенка, так и давай сразу варежку разевать, кричать на ученика не по делу, стремится обидеть, власть свою показывает перед ним. И удовольствие от чувства превосходства получает! А с бойкой дивчиной не связывается. Бойтся опростоволоситься. Знает, что отошьет, да еще и на смех поднимет.

Как-то Мария Ивановна, учительница биологии, разоткровенничалась о своих первых годах работы после института: «Решила выйти с интересным предложением к районному руководству. Пришла записываться на прием. Секретарь ответила резко: «Не примет он вас с этим вопросом». Я попросила: «Вы запишите, пожалуйста, а начальник пусть сам решит, принять ли меня, помочь ли мне. Может, он заинтересуется моими мыслями?» А все закончилось тем, что секретарша, желая доказать собственную значимость, по цепочке обзвонила всех районных и даже областных секретарей. (Кто бы мог подумать о таком тесном взаимодействии!) Не знаю, что и как она говорила им обо мне, только путь моим идеям был закрыт навсегда. Чиновники и их аппарат не имеют убеждений».

«Своих убеждений или вообще любых? — я не понимала и не принимала последнюю фразу учительницы. — Она, как и я, ограниченно воспринимает проблему? Слишком обобщает? Надо бы спросить у Александры Андреевны», — подумала я тогда.

А Мария Ивановна с незатухающей обидой продолжала: «Я попыталась окольными путями попасть на прием к одному из многочисленных начальников. Добилась. Но встретила такое нежелание понимать и общаться, что поняла: и его тоже успели «подготовить» заведомой ложью обо мне. Долго мне еще аукалось мое наивное

представление о том, кто правит балом... А ведь я не хотела обидеть секретаря, просто считала, что каждый несет свой портфель: секретарь записывает, начальник решает проблемы граждан»...

«Как видишь, Витек, не одна я «влипаю в истории». Но этим не могу успокоиться. Недоступна мне тайна человеческой природы! Я не в состоянии внедриться в чужую душу. Пытаюсь понять ее с позиций добра и порядочности, но все равно ускользает что-то непостижимое. Не умею оценивать реальные обстоятельства и поэтому не могу решать свои проблемы безотлагательно, чтобы с законной гордостью утешиться? Почему постоянно заблуждаюсь? Мякина в голове, отстраненные идеалистические фантазии, примитивные шаблоны? Я не способна к умным и оригинальным мыслям, которые позволили бы мне защитить себя? Слишком доверчивая, глупая? Чего тогда с обидой пыхтеть и сопеть?»

Я должна была предвидеть и учесть характер секретарши? Но это значит, во всех людях предполагать гадкое? Не разумею я функцию многих переменных жизни, о которых толкует нам Юлия Николаевна! Прав был брат, когда сказал, что зря я бросила играть в шахматы? Но поле жизни не шахматное поле, где и пешки, и важные фигуры молчат. Там я команду парадом, а здесь мною все, кому не лень.

Как понять слова бабушки: «Будь проще, и люди потянутся к тебе»? Не замечать плохого, не бороться? Быть более снисходительной к людским слабостям, не быть мелочной занудой? Мне ведь тоже учителя многое прощают. И все же, где проходит грань между необходимым и допустимым поведением? Каков должен быть размер допуска? Так говорил наш любимый учитель труда Петр Денисович. Газет я читаю много, а ума не набираюсь, не нахожу в них ответов. Только с собой можно и нужно быть честной и принципиальной? Не имею права требовать от других людей того же? Да, надо взрослеть... Александра Андреевна советует: «Читай классику, там найдешь ответы на свои вопросы. Учись читать между строк. Всю жизнь учись...»

Вот уж и до дома рукой подать. Зафилософствовалась! От смеха умереть можно! Умилилась своей критичностью и сознательностью! «Крыша» еще не поехала? Переоделась и сразу взялась за дрова. По мере уставания ко мне возвращались здравые мысли. Зачем обижаться на весь комсомол и всех людей? Опять обобщаю? Вспомнились слова папы Яши о гибкости в общении с людьми. Он умел находить общий язык со всеми. Рано развела нас судьба...

Убрала дрова в сарай и занялась сочинением на тему: «Один день из жизни школьника». И вдруг поняла, что сегодня напишу его совсем по-другому, нежели сделала бы это вчера...

Приняли нас в комсомол тридцатого апреля. В тот же день, на праздничном вечере, комитетчик Иван сказал мне, указывая на значок:

— Не потеряй, он маленький, это тебе не галстук.

— Потеряю, новый куплю, — сказала я деланно безразличным тоном и даже с некоторой долей пренебрежения.

На самом же деле в этот момент я была противна сама себе. Иван неодобрительно посмотрел на меня:

— Какая муха тебя укусила?

— Знаю, что глупость сморозила, — смутилась я.

Стыдно, неловко было перед ним. Но, видно, обида еще не погасла. А может, уходящее детство взбрыкнуло. И вдруг опять почувствовала, что, какой я была еще месяц назад мне уже не быть. Грусть по чему-то очень хорошему, безвозвратно ушедшему отразилась на моем лице. Иван закружил меня в вальсе, стараясь отвлечь и успокоить. Замелькали деревья, что росли вокруг школьной танцплощадки, и коричневые формы девочек с белыми воротничками, и темно-синие костюмы мальчиков.

— Жизнь продолжается? — чуть встревоженно спросил Иван, пытаясь перекричать музыку.

— Продолжается! — эхом повторила я и улыбнулась одними губами.

С праздничного вечера возвращалась домой мимо сельского клуба. Там увидела группу школьников из соседних сел, которые тоже стали сегодня комсомольцами.

Местные ребята, поздравляя «новоиспеченных», забаловались и устроили свалку. Дима Лесных, помогая выбраться из кучи тел одной из девушек, пошутил:

— Это твоя первая комсомольская нагрузка.

Завсегдатаи клуба дружным хохотом встретили реплику. Девушка покраснела и со слезами на глазах побежала прочь. «Что это за юмор, от которого делается стыдно и грустно? Я зануда? Чего-то не понимаю?» — рассуждала я, догоняя новую знакомую, чтобы успокоить.

«Что же угасло во мне двадцать второго апреля? — думала я, возвращаясь домой по темной безлюдной улице. — Часть души? Или все же просто потихоньку уходит детство?»

СТЫДНО

С Алесей мы быстро сошлись на почве литературы. Я не стеснялась показывать ей свои рифмовки и прозу, и она с радостью посвящала меня в каждое свое новое стихотворение. Потом она стала приносить мне книги, которые читал и обсуждал ее десятый класс. Особенно восторженно я восприняла роман о геологах. А песня «Я уехала в знойные степи» на данном этапе стала моей самой любимой. После прочтения этой книги у старшеклассников появилась мода сочинять любовные послания. Ни к кому-то конкретно, а так, вообще.

И вдруг подходит ко мне Алесь и просит написать маленькое благодарное письмо одному молодому человеку, который очень помог ей. Я растерялась от такого неожиданного предложения. Но Алесь успокоила: «Представь себе, что пишешь человеку, который тебе очень нравится. Не волнуйся, я отредактирую. Суть в том, что он объяснился мне в любви, но я очень больна и не хочу заведомо губить его жизнь». Я согласилась попробовать. И вот что вышло:

«По природе я очень стеснительная. А Вы такой особенный и поразительно к себе располагающий! От ощущения неловкости и скованности я толком не сумела Вас поблагодарить за помощь и поддержку. Захлебнулась мыслями и словами. Мне проще сделать это письменно.

При первом нашем знакомстве я поняла, что Вы на редкость добрый человек. Даже не поверила в везенье. Я думала, что таких людей теперь не бывает. Неприятности, которые преследуют меня последнее время, отложили отпечаток на нашу последнюю встречу, но не помешали обратить внимание на Ваш удивительно тонкий такт, глубокий ум и обаяние. И при всем при том я все же не смогла со всей эмоциональной искренностью выразить Вам свою признательность. Чувства внутри меня хлестали через край, но не преодолевали высокой стены моих проблем.

Я счастлива тем, что судьба свела нас. Не так уж много в жизни особенных моментов и людей, способных тешить сердце и наполнять душу теплом и радостью. Вы из таких, редких. Вы прекрасный, очаровательный и удивительно щедрый человек! Память мимо подобных людей не проходит, они надолго поселяются в благодарных сердцах. И в моем сердце Вы навсегда останетесь самым уважаемым и самым обожаемым человеком».

— Почему ты ничего не говоришь в письме о любви? — удивилась Алесь.

— Я же написала, что ты счастлива. Разве можно в юном возрасте быть по-настоящему счастливой без любви? Я подумала, раз он умный, то поймет, что если девушка только благодарит мужчину, это совсем не значит, что для любви к нему в ее сердце нет места. Скорее всего, нет возможности одарить ею.

Подруга озадаченно задумалась, а потом воскликнула:

— Вот и проверим твою версию и твою интуицию!

А вскоре Алеся обратилась ко мне с новой просьбой: помочь ей избавиться от навязчивого тридцатилетнего обожателя. Я засомневалась, памятуя свой не очень-то удачный опыт с Димой. Но подруга не приняла мои возражения, объяснив, что чужого незнакомого непорядочного человека мне не будет жаль.

— Хочу заручиться твоей помощью и поддержкой. Помню твои вирши: можешь быть «злыдней». Будем использовать испытанный веками способ: показывать человеку, что он не страшен, а смешон, — не без лукавства улыбнулась Алеся.

— Ну, знаешь! В тетради «изгаляться» — одно, а в лицо человеку — это совсем другое! Я не смогу, — сопротивлялась я.

— Не бойся, сумеешь! Это совсем несложно. Напрягись, настройся на нужную волну. У тебя острый язык. А на парня можешь не смотреть, если тебе так легче разговаривать, — нажимала подруга.

— Зареклась я... Ладно, давай попробую, — ободренная комплиментом, согласилась я неохотно.

«Почему Алеся пригласила меня? Считает, что моей эрудиции хватит, чтобы справиться с взрослым? Вряд ли. Я моложе ее на три года. Наверное, боится идти одна, а на такое щепетильное дело с собой не любого возьмешь. Надежный требуется человек», — подумала я и к назначенному часу без опоздания явилась к месту, где мы условились встретиться.

Все складывалось удачно. Было Второе мая. Праздник, маевка. Естественно, что мать не могла не отпустить меня на полдня с подружками в лес. «Свидание» с Алесей произошло там же. Утро стояло ласковое, солнечное. Спокойно плыли жемчужные облака. Мягко переливались тени. В низинах торопливо расползлся нестойкий, редкий туман. Играла музыка. На полянках танцевала молодежь. Гуляли милые радостные старики. Парочки искали укромные местечки.

Мы с подругой углубились в роскошный бор. Я удобно устроилась на изгибе мощной ветви дуба, а Алеся нервно ходила неподалеку вдоль тропинки. Слышу ссору за кустами. Спорщиков не вижу. Смотрю, подруга осторожно подает знак «внимание» и приближается ко мне. Я спрыгнула с дерева, спряталась за поросший кустарником холм, даже спиной к тропинке повернулась, чтобы не видеть человека, к которому должны были относиться мои слова. Разговор начала Алеся, потом я говорила тихо, а подруга громко и эмоционально доносила фразы до своего знакомого.

Я сочиняла вдохновенно и отвлеченно, с удовольствием громила своего воображаемого врага неуважением, даже презрением и мысленно восторгалась раскованностью и изощренностью своей буйной фантазии. Наконец-то нашла достойный объект для обиженного, оскорбленного воображения, дающий возможность высказаться открыто, позволяющий вслух выплеснуть накопившиеся отрицательные эмоции. И они изливались то мгновенным вихрем, то широким мощным потоком гадкого красноречия. Их всплески увеличивались с малейшей попыткой мужчины оправдаться, усмирить разбушевавшийся ураган чувств моей подруги. Его слабость (как мне казалось), неспособность защититься заводили меня и вызвали стремление выступить еще ярче и острее. Я восторгалась собой, упивалась своим, якобы, превосходством. Выдержав надменную паузу, я вновь и вновь принималась самозабвенно хлестать словами своего невидимого врага, язвительно сопоставляя Алесины вопросы и его ответы. Я была увлечена отыскиванием удачных едких фраз и не задумывалась над их действием на человека, которому они предназначались.

Моя добросовестность усугублялась тем, что я не знала причины безжалостного словесного избиения клиента, точнее сказать, его вины. Мои упражнения в изящном злословии рождалось на пустом месте. Это была игра, сражение, с воображаемым заранее отрицательным противником. Но чем больше я изоцрялась, тем грустнее мне

становилось. Я уже считала, что отвечает поверженный противник не подруге, а мне. Я его уничтожаю и стремлюсь «сровнять с землей». Она только обложка книги, но не содержание.

И во мне проснулись жалость, сомнение и беспокойство. Имею ли я право так «уничтожать» человека? Заслуживает ли он такой «порки»?

Не сдержала-таки любопытства, осторожно выглянула из-за кустов и разглядела того, кому посылала шквал издевок. Передо мной стоял не сказать бы, что красивый, но необыкновенно приятный, симпатичный коренастый, плотный человек. Грустный, какой-то чистый, искренний, не вызывавший никаких отрицательных эмоций или дурных предчувствий. Его растерянная, неуверенная улыбка наглядно указывала на его приверженность (на мой взгляд) идеалам добра (как принято у нас говорить на собраниях).

Может, Алесе ошибается, выставляя его мишенью для жесткого «обстрела»? Может, не так уж он и виноват, и причиной всему излишняя эмоциональность и разыгравшееся самолюбие подруги? Непорядочно такого пародировать и передразнивать. А я, увлеченная подбором колких слов, со всей своей юношеской жестокостью бездумно и бессмысленно ранила человека.

Мне показалось, что парень искренне переживает ссору. Что значат его слова, произнесенные с глубоким, тяжким вздохом: «Оставляю на твоей совести последствия нашего разговора», — угрозу или предупреждение о возможной беде? А может, ему трудно смириться со своей ненужностью для любимого человека? Стоит ли мне так агрессивно нападать на него только за то, что Алесе нравятся люди другого склада? И вообще, разве гадкая мелочная месть — праведная сила, толкающая на подвиги и любовь? К чему глупая, опасная неучтивость, надрывное ораторство, извержение якобы неопровержимых истин и мыслей? И тут же мне стало стыдно, что хоть и косвенно, но плохо подумала об Алесе.

Сколько изощренной мерзости слетает с моего языка! Это фасонные, беспомощные, жалкие отголоски недавно прочитанного в книгах? А может, это мое собственное злословие, сформировавшееся в заполненной тоской душе независимо от желания, под напором каждодневных обид? А теперь, когда появился повод, оно выпросталось и выползло из черных уголков моей черствой маленькой души? Получается, что в каждом человеке предостаточно намешано и плохого, и хорошего. Не предполагала в себе жестокосердия. Надеюсь, во мне хорошего много больше, и оно победит гидру зла (как принято писать в наших школьных стенгазетах). Получается, я разбередила рану своего сердца, а яд обид вылила на невинного по отношению ко мне человека.

Меня неприятно поразило, что мои упражнения в злословии обижают, шокируют и заставляют теряться взрослого человека, который вдвое старше меня. Мне опять подумалось, что Алесина характеристика молодого человека на самом деле куда бесцеремоннее, чем того следовало ожидать. Она всегда любящим ее парням вываливает свое искреннее мнение о них или только при мне не стесняется в выражениях неприязни, считая, что я пойму ее и по наивности поддержу откровенную хулу? Боже, мой! Зачем я набросилась на подругу? Она не такая! От жалости к «подсудимому» я запуталась в своих глупых недоверчивых измышлениях.

Я зашептала: «Алесь, хватит! Давай остановим гадкий диалог и прекратим прения! Зачем добивать человека? Чем он заслужил «избиение», чем обидел тебя? Мне кажется, он положительный. Пстой, дай вникнуть. Допустим, ты заблуждаешься, устраивая ему взбучку? Может, тебя мучает ложное чувство превосходства?» — пыталась выпросить я подругу. Но она не могла остановить реку своих излиятий, отмахивалась от моих вопросов и настаивала продолжать нападение.

«Зачем потакать Алесиним неправильным выводам и действиям? Ошибки — неизбежное проявление юности. (Так всегда успокаивает меня бабушка.) Они еще полбеда. А если здесь также присутствует невоздержанность характера? У нее хватает совести непоправимо искажать реальность и тут же охотно и с жаром рассуждать о порядочности? Я опять пальцем в небо попала в своих диких рассуждениях?» — сердито размышляла я. Мной-то, несомненно, руководила неумная ребяческая жажда правды. А тут еще жара и духота наваливались. Солнце раздражало.

Я не смогла переубедить подругу замолчать первой, поэтому решила продолжать говорить и, уже не стесняясь Алеси, исподтишка внимательно наблюдать за реакцией объекта насмешек. Теперь, по моему почину, мои резкие суждения о нем диктовались желанием как можно больше раздвинуть рамки взаимной откровенности. Мне не всегда удавалось направить его ответы в нужное русло, но я не отступала. Я затеяла интересную игру. Мне хотелось в результате эксперимента убедиться в правоте своих нападок. Я не обольщалась своей способностью и проницательностью. Я училась. Говоря об объекте плохо, я надеялась услышать ответную, жесткую тираду и понять истинную причину сегодняшнего «спектакля», узнать которую не удосужилась заранее, что и обернулось для меня теперешними мучениями совести.

Но молодой человек не злился, а терялся как неопытный юноша. Почему? Может, не ожидал подобной реакции Алеси на проявление своей симпатии? Тогда мои слова беспредельно жестоки. Его раздражает, что он не может достойно ответить? А вдруг он на самом деле любит Алесю, а я с поразительной наглостью посягаю на его искренние чувства, погружаю его в болото грубости.

Ох, самой бы не погрязнуть в дерьме! Почувствовала на губах тошнотворный привкус. А если на данном этапе своей любви он не способен обрушивать грубости, язвить, издеваться и, несмотря на колкости, не может ненавидеть Алесю? Видно мужчинам с их самоуверенностью и самонадеянностью тоже бывает грустно, особенно если им отказывают, да еще так жестко и презрительно-надменно.

Не похоже, чтобы такой парень заслуживал такой «кары». Не глупый мальчишка. У него ни разу не появилось злобного выражения глаз. Раз он способен так затаенно переживать, значит, глубоко тронула Алесю его сердце. А что же я? Дошла в своей личной жизни до какой-то черты, когда непременно нужно на ком-то разрядиться? Сколько вокруг мерзости и кретинизма! Они намозолили мне душу, и я с одинаковым удовольствием и удалью громлю и правого и виноватого? Нет, я не так жестока. И Алеся не эгоистка.

А если допустить, что он женатый и вопрос стоит шире, жестче и безнадежней? Вдруг он и сейчас играет роль несчастного, морочит Алесе голову, думает только о своих чувствах и не переживает о последствиях? Кто их знает, этих непредсказуемых мужчин! Взять хотя бы, к примеру, Димку. Сплошное недоразумение, а не парень. А вроде бы неглупый.

Может, сегодняшней злой тирадой Алесю мстит обидчику за то, что тот солгал и понапрасну растревожил ее душу. Такая ложь омерзительна, удушливо-невыносима, она требует осмеяния и уничтожения! Но Алесю не выглядит влюбленной, она скорее как разъяренная пантера.

Чувствую, что теряю сосредоточенность мыслей. Силуюсь представить мужчину то жертвой, то злодеем. Продолжаю погоню за теми словами и мимикой, которые могут остановить мое внимание и разъяснить ситуацию. Ищу знаки сердечной бесчувственности и у оппонента, и у себя, но только для того, чтобы пресечь их.

Пытаюсь оправдать себя: «Надеюсь, что причина для осмеяния была слишком серьезная. Иначе наше поведение — подлость». Грустные мысли окончательно охладили мой запал. Меня одолевало беспокойство. «Конечно, надо уметь защищать свое достоинство, отстаивать свои идеи, мысли, но так жестоко можно вести себя только с «достойным» противником, с тем, кто на самом деле заслужил подобное отношение. Больше никогда, ни при каких условиях не позволю себе унижать хорошего человека», — раздраженно рассуждала я.

Мои нервы не выдержали бремени неизвестности и отчаянного самобичевания. Я осторожно выбралась из укрытия и направилась к станции. Алесю догнала меня: «Ну что ты так разнервничалась? Надо доводить дело до конца. Пусть не думает, что мы, все девчонки, наивные и беззащитные! Не за себя, за поруганную честь подруги отпела его. Надо было еще сильнее «отходить» подонка!» «Все ясно. Обыкновенная история», — грустно подумала я и побежала разыскивать одноклассниц, желая скорее вернуться с ними домой, чтобы не волновать мать.

И все-таки настроение у меня было препротивное. От всей этой, казалось бы, справедливой истории в душе остался какой-то неосознаваемый, неприятный осадок.

ПРАЗДНИК ПРИРОДЫ

Почему я так трепетно жду праздник Природы? Если по какой-то причине он отодвигается, я нервничаю, боюсь, что из-за дождей его совсем отменят. Старшей вожатой о нем напоминаю. Почему я люблю сажать деревья? Даже ладонями ощущаю эту потребность!

Много чего интересного происходит в течение года в школе, но этот день для меня особенный. Праздник имеет хорошие традиции. Каждый ученик метит свой саженец и следит, как подрастает его деревце. Уходя в армию, ребята тоже сажают свои аллеи, а младшие в семье ухаживают за ними до возвращения братьев. Осенью учителя приводят первоклассников на лесные островки и показывают надписи на колышках: 1947 г. — 10 «А» класс... 1953 — 5 класс.

На вечере встречи один выпускник сказал, что живет в городе, но каждую весну у него появляется непреодолимое желание сажать деревья. Многие из присутствующих тоже сознались в неугасающей приверженности к этой школьной традиции. Оказывается, не одна я такая.

Странно, ведь каждую осень и весну на огороде мы с братом высаживаем то новые сорта вишен или слив, то кусты смородины и крыжовника. Я всегда участвую в посадке учениками нашего класса маленьких сосенок за селом. Очень приятное занятие. Саженцы малюсенькие, меньше помидорной рассады. После работы я с удовольствием смотрю на ровные зеленые ряды на фоне чистого желтого песка и радуюсь. Но это все не то. Праздник Природы — для всей школы сразу. Учителя выбирают всегда самый теплый и солнечный день. Ученики приходят с лопатами и ведрами на тот участок, который выделяет колхоз. Первоклассники сажают по одному деревцу или кусту, второклассники — по два и так далее. Конечно, малыши не могут выкопать большую яму, но каждый из них старательно выбирает землю из ямки, придерживает деревце и сыплет под корни перегной. И воду маленьким ведерком обязательно приносят сами. Малышей прямо-таки распирает от гордости. Они, как муравьи, снуют между рядами. Гремит музыка школьного ансамбля. Старосты рапортуют о выполненной работе. Ребята помогают друг другу без указки.

Потом идем к огромной звезде, контуры которой каждый год вырезаем на лугу перед школой, и зажигаем в ее центре костер. Поем песни, хохочем от души, валяемся по земле. Везде царит возбуждение, веселье, приподнятость. Любуясь нами, рядом шумят сосенки, дубки и липы, тоже когда-то посаженные школьниками. Сирень глядит на нас глазами темными. Утомившись, мы ложимся на землю и изучаем многообразие узоров ветвей и листьев, которое замечаем именно весной, когда листочки еще очень маленькие и их четкие рисунки хорошо различимы на фоне голубого солнечного неба. Мы лежим и мечтаем.

У нас хорошо на душе оттого, что оставили о себе на земле маленькую память на долгие годы. Мы верим, что такие же девчонки и мальчишки через десятилетия увидят наши послания и посадят рядом свои зеленые приветы для следующих поколений.

СЕЛЬСКИЙ КЛУБ

Каждую субботу в школе организуются танцевальные вечера. После короткой лекции дежурная учительница выносит стопку пластинок, заводит патефон, и ученики старших классов могут позволить себе развлечение до десяти часов вечера. Учителя тоже танцуют в свое удовольствие и обучают ребят правильно исполнять сложные па вальса, фокстрота, польки. Случается, что посреди вечера молодежь устраивает игры, конкурсы, по праздникам даже с маленькими призами. Отец большое внимание уделяет этим вечерам. Он говорит: «Если мы откажемся от них, то все ученики уйдут в сельский клуб, и тогда намного труднее будет направлять молодежь на путь истинный». Учителя понимают важность мероприятия и приходят дежурить. Завсегдатаи сельского клуба частенько устраивают атаки на двери здания, где находится актовый зал, но учителя грудью стоят на защите своих питомцев. Случалось, что стеной становились и бабушки, которые активно посещали наши вечера, терпеливо и чинно сидели до конца, зорко

охраняя подрастающих внушек.

Ходить на танцы в сельский клуб учащимся нашей школы не разрешалось. И все же некоторые из моих интернатских подружек тайно посещали его и даже имели там знакомых мальчишек, что очень заинтриговывало. Я понимала, что тамошний контингент не для меня, но элементарное любопытство тянуло в это «болото», как называла его мать. Она строго-настрого запрещала даже думать о клубе, потому что его посещения всегда чреваты для девочек плохими последствиями. А мне хотелось понять, что привлекает школьниц в серой массе ребят из сушильного завода или полевого стана? Воочию желала убедиться в его безопасности. Ведь мои подружки не боялись и после очередного, даже кратковременного «побега» со школьного мероприятия шушукались между собой, строили таинственные заговорщицкие рожицы, возбуждая мое воображение. Без посещения клуба я не могла расшифровать слова Алеси: «Танцы там, знаешь ли, на любителя...» Клуб страшил, но притягивал своей неизведанностью и загадочностью. Да и сам «поход» уже представлял собой заманчивое событие, сулившее необычайные приключения.

В этом году я почувствовала свое физическое взросление, в своем классе я получила прозвище «атаман» и заняла лидирующее положение. Училась отлично. Ребята знали цену моим кулакам, мгновенной реакции, жесткому, хлесткому языку и не стремились попадать под них. Я вела себя независимо, уверенно, немного развязно, особенно в случаях, когда оставалась одна среди ребят. Руки в карманах, походка враскачку — «и вперед, и с песней», как принято говорить в нашей среде. Я ничего не боялась и такой нравилась себе. С девочками я была совсем другая: проще, мягче. Нормальная.

И вот настал день, когда подружки из девятого класса взяли меня с собой в клуб. Мать в тот вечер не дежурила в школе, а отец, как всегда, играл в шахматы с завучем и, конечно, не мог заметить моего исчезновения. Я почему-то волновалась. Улицы у нас темные, и только около клуба слабо светила единственная лампочка. На крыльце и вокруг здания группами курили ребята, повизгивали девчонки. Ступили на рассохшийся щелеватый порог. Незамеченными пробрались в узкий полутемный коридор, по обе стороны которого стоял «почетный караул». Я с сердечным трепетом и последующим его замираньем расправила плечи, изобразила надменное выражение лица, приподняла нос на полярную звезду и решительно двинулась в сторону зала.

— Новенькая! — услышала я позади себя свистящий шепот.

— Директорова, — пояснил кто-то.

И я почувствовала в его голосе уважение. Девчонки вошли в сильно накуренное, слабо

освещенное помещение. Я незаметно, как тень, просочилась за ними, спряталась за спинами и вооружилась чуткими ушами, любопытным носом и зоркими, юркими глазами. Извилистые и молнеподобные трещины разбегались по серым, давно не беленым стенам. Лавки где сдвинуты, где свалены в рогатую кучу. Центральная часть зала заполнена медленно колыхающимися телами. Ребята, не выпуская папирос из рта, «висят» на девушках, взгромоздив на их плечи свои тяжелые руки. Некоторые дрыгают ногами грубо, но забавно. Всклипнула на последних тактах гармонь. Кавалеры медленно, вразвалку, расхлябанно и чересчур раскрепощенно демонстрируя естественное ухарство и независимость, разводят девушек по местам. Гулко громыхают отодвинутые стулья. Смех, шутки со всех сторон.

— Эх, хорош станочек! — с восхищенным форсом, став в соответствующую словам нахальную позу, говорит один парень.

Глаза его с плотоядным бесстыдством скользят по ладной фигурке девушки. Я еще не могла подобрать более точных слов подобному поведению, но уже четко различала и осознавала нюансы мужских взглядов.

— Да не тебе на этом станочке работать, — с презрением огрызается девушка.

— Ну и объемистая мишень! Не промахнешься, — оглядев крупные формы другой девушки, ухмыльнулся второй любитель танцев.

— Хорошенькая, до умопомрачения! Расчудесная моя! Расступитесь! Будь другом, потеснись. Дай хоть посидеть рядышком с тобой, — блаженно закатывая глаза, насмешничал третий парень, нахлобучивая кепку на глаза.

И тут же отправился высматривать очередную «добычу».

Ребята как бы в шутку сталкивают девчат в круг и распускают руки. Одни отвешивают им оплеухи, другие истошно визжат или хихикают. Меня коробят такие вольности. Я брезгливо, с легким содроганием отворачиваюсь от говорливой, пропитанной табаком толпы и удивляюсь разнообразию простонародных ругательных выражений, которыми заполнялись естественные промежутки между вальсами. А подружка спокойно объяснила: «Не переживай, важно не что они говорят, а как, с каким подтекстом».

Зазвучала мелодия вальса. Сразу несколько парней оказали мне честь быть приглашенной. Каждый спешил представиться и, стараясь привлечь к себе внимание, намеренно выкаблучивался в самой изысканной манере. Один, невысокий худой и жилистый, подлетел легкой, нарочито порхающей походкой, взялся за фалды мятого пиджака, шаркнул ногой, склонил голову по-петушиному и весело театрально произнес длинную тираду, которая начиналась: «Спешу представиться. Одари вниманием... Не соизволишь ли ты...» Я тихонько отстранилась.

Другой, верзила, предпринял тактический маневр, чтобы выяснить мою реакцию на вольное обращение, и, сопровождая действия напускной грубоватостью и несуразной речью, отвешивая фамильярный низкий поклон, как бы нечаянно уронил мне на плечо свою тяжелую, как пудовая гиря, руку. Я мгновенно отреагировала резким движением.

Сбоку со вкусом произносились непристойные (правда, не матерные) словечки. И так далее. Но у всех претендентов на танец было одно неприятное качество: неуважительное отношение к партнерше. Оно проглядывало и в форме, и в содержании приглашений. Ребята разглядывали меня с оскорбительным любопытством, опускались на колени, снимали кепки на манер поверженного героя любовного романа рыцарских времен, заискивающе улыбались или с усталым снисходительным видом вперемежку с уморительными жестами делали массу докучливых сомнительных комплиментов и удручающе пошлых похвал. Они были чрезвычайно изобретательны.

Таким образом у них принято демонстрировать неистощимый запас симпатий? Или они дают понять, что я попала впросак? Я старалась не вникать в их замысловатые рассуждения и, несмотря на досадную необходимость выслушивать дифирамбы местных «соловьев», сначала держалась мужественно и стойчески переносила хамство. Мне казалось, что мой неприступный, слегка ироничный взгляд не способствует развитию

фамильярного обращения. Но кавалерам было все нипочем. «Непроходимые тупицы! За насмешливым тоном вы скрываете духовную никчемность», — молча злилась я.

Мне претили ужимки местных ребят. Их поведение шло вразрез с моими представлениями о мужском достоинстве. Молодые люди как-то странно и превратно истолковывали понятие мужской чести. Их не смущали брошенные сквозь зубы сердитые слова, опущенные от неловкости глаза. Напротив, это их раззадоривало. Вспомнила комбайнеров на полевом стане. Что хорошего я ожидала здесь увидеть? После наших мальчишек эти клоуны производили неприятное, тягостное впечатление, вызывали раздражение. Меня раздирало желание всыпать наглецам, публично высмеять их.

Мои страдания усугублялись еще и тем, что я понимала: это их территория, их привычные правила общения. Я уже успела заметить, что некоторые здешние девушки спокойно воспринимают подобный набор любезностей, другие — даже с большим удовольствием. Одна, может быть, движимая смутными побуждениями ревности или зависти, так даже достаточно громко произнесла с неприязненной усмешкой: «Ты такой очаровательный циник!.. Чего с ней канителишься?»

И я растерялась. Это удвоило старание участников «спектакля». Многие из присутствующих поблизости зрителей, наслаждаясь моим смущением, буквально покатывались от благосклонного смеха. Они считают, что мне приятно и лестно подобная «инсценировка» или чужая подавленность вызывает у них прилив восторга? Мои, полыхающие стыдом лицо и уши являются неистощимым источником их хохота? Никто даже не пытается осадить «артистов». Я не способна противостоять грубому наглому осмеянию? Спасовала в неожиданной ситуации? Совершила оплошность, явившись сюда без знакомых мальчишек. Сама виновата.

В голове закружилось, будто в черную яму понесла стремнина реки. Страшное уныние овладело моей душой. Я прилагала невероятные усилия, чтобы не расплакаться, и потерянно молчала, недружелюбно поглядывая вокруг из-под ресниц. Связываться с «кавалерами», грубить, дебатировать и тем более принимать их предложения танцевать у меня не было ни малейшего желания. Мелькнули в голове слова соседа дяди Антона: «Кто родился в городе, тот не сможет благоденствовать в глухом закоулке». Причем тут город или деревня? В людях дело, в воспитании. Ошеломленная, оскорбленная, я насупилась, отступила к стене от не в меру разошедшихся молодых людей и сделала невольное движение в сторону двери.

Пауза затягивалась, все больше превращаясь в развлечение, грозившее насмешливыми разговорами по селу, которые могли дойти до матери. Чтобы потянуть время, с безразличным видом разглядываю стены и потолок в темных желтых подтеках. Под напором угрозы быть раскрытой мысль заработала четче: «Сколько я еще буду безропотно носить эту трагикомедию? Так, бескомпромиссный вариант здесь не проходит. Надо пригласить на танец неказистую девчонку!» Проскользнула между кавалерами и, подгоняемая удивленными возгласами, уверенной пружинящей походкой направилась к выбранному объекту.

Но тут в дверях возник Дмитрий. Я поняла, что для меня это во всех отношениях единственно надежный, беспрюирышный вариант. Очень кстати оказался здесь Дима. Одно коробило: я знала — Дмитрий в этой ситуации не упустит возможности продемонстрировать и подчеркнуть нашу дружбу. Но в данном случае он просто проявит рыцарство, а с моей стороны в известном смысле, это нормальная попытка выйти из сложного положения с наименьшими потерями. Размышлять и анализировать не было времени. Дмитрий уже подошел, опустил руки по швам и, чуть склонив голову, вежливо сказал:

— Можно тебя пригласить?

Я ни секунды не помедлила и, избавившись от вульгарной, пошлой галантности кавалеров, с удовольствием закружилась в вальсе. Я успела заметить завистливые взгляды многих девчонок. Мне показалось, что каждой из них захотелось быть приглашенной вот так же достойно. А ребята хмыкнули и, сдвинув кепки-блины на затылок, пошли к «своим». «Хотя между нами остались декоративные отношения, окажи мне честь, танцуй с улыбкой. Давай хоть здесь не ссориться», — смиренно попросил Дмитрий. Я улыбалась, хотя совсем по другой причине, чем воображал себе мой

довольный партнер. Уму непостижимо! Он еще надеется, что моя твердость может быть побеждена его обаянием и жаром красноречия! Но в тот момент это было неважно. Я была премного благодарна спасителю, позволившему мне достойно выйти из жутко неприятного, я бы даже сказала, щекотливого положения.

Примитивная обстановка зала претила мне. После танца я больше не захотела оставаться в клубе и заторопилась покинуть отвратительное место, чтобы поскорее отделаться от тягостных ощущений. Незаметно, по стеночке, пробралась в коридор. Но прошмыгнуть не удалось. Ко мне со всех сторон потянулись, как щупальца черных чудовищ, похотные ручищи вдребезги пьяных ребят, посыпалась черная брань, сальные шутки и гадкие предложения.

У меня волосы встали дыбом. Я поражалась неслыханной дерзости, неослабевающему безграничному хамству, но не пыталась прекратить пошлые излияния, боясь подлить масла в огонь. В моем бедственном положении было не до шуток и разглагольствований. Не пристало в такой компании умничать. Я уже не шла с гордо поднятой головой, а старалась тихо, как мышка, проскочить жуткое место. Скудным желто-красным светом горела под потолком пыльная лампочка. Нагнетая, нагоняя страх, скрипели половицы коридора, стонали дверные петли, серые закопченные стены усиливали стыд и страх.

В спертom, задымленном воздухе было трудно дышать. Я чувствовала тяжесть в груди и звон в ушах. Одурающая липкая духота раздражала. Вдруг наступило гнетущее, непроницаемое молчание, которое давило намного страшнее оглушительного шума зала. За своей спиной я услышала слова, произнесенные пренебрежительным тоном: «Еще одна, кому нужна любовь!» И сжалась от ощущения гадливости. Успокаивало то, что противные руки не касались меня, только дразнили и пугали.

Уже в следующее мгновение чьи-то сильные загибающие клешни схватили меня за плечи. Огромный парень держал меня на расстоянии вытянутых рук, бесцеремонно разглядывал, как вещь, и нагло скалил зубы. Холодно горели разбойничьи, выпуклые глаза, над которыми застыли крутые бугристые надбровья. Я попыталась освободиться, но даже на миллиметр не сдвинулась. Вцепился гад, как приклеился!

Зрители загоготали, довольные моей беспомощностью. Мое положение было унижительным и обидным. Все внутри меня задрожало от возмущения и злости. Закипали слезы, зловещее предчувствие ломило голову, от страха поташнивало. Я содрогнулась и сначала почувствовала себя беззащитным олененком, окруженным стаей злых, голодных волков, потом вдруг раненым зверем, прикованным в клетке короткою цепью. «Так, дружочек, сплеховала. Ничего, сдюжим», — это была спасительная мысль. И когда нахал высказался, что никогда не изображает из себя наставника малолетних, любит необъезженных лошадок, хочет сегодня сотворить что-нибудь «разнеможное», и начал потихоньку притягивать меня к себе, я выхватила из-под кофты двадцатисантиметровый нож и замахнулась. В полумраке мелькнуло серебристое лезвие. Парень отшатнулся, тупо посмотрел на меня и выпустил из рук. Потом лишь хрипло вскрикнул:

— Чумная! Я пошутил.

— Осчастливил вниманием, гад! Проваливай! Чего таращишься? Оставь свои шуточки тем, кому они нравятся. По себе дерево руби, болван! — злобно крикнула я, оцетинившись.

Ребята оторопело притихли и расступились. У меня тряслись ноги, но я неторопливой походкой вышла на крыльцо, смешалась с толпой и, оказавшись в крошечной тьме, насмерть перепуганная, во весь дух припустила в сторону школы. Первые секунды этой гонки пролетели в бессознательном состоянии. Потом будто очнулась. Немного успокоилась. «Пронесло! Слава богу, выбралась из преисподней. Какая мерзость! Ничего не скажешь! Насытилась впечатлениями! — тихим бормотанием я пыталась унять ощущение брезгливости. — Вот где растворяются смешные иллюзии милого наивного детства, в котором всякая трогательная мелочь кажется сияющим чудом!»

Свой картонный, оклеенный серебристой бумагой кортик на бегу спрятала за пазуху. Он свою роль сыграл. (Я всегда беру с собой «обманку» для устрашения, если случается одной ехать на велосипеде в Обуховку или еще куда-нибудь по дальним делам. Уверенней, спокойней с ней чувствую.)

Насилу сладила с разбушевавшимися чувствами. Но настроение бесповоротно испорчено скверной, неподходящей компанией. Не было эмоциональных сил даже на радость спасения. Перешла на шаг. Тьма стояла стеной. Небо казалось черной зияющей дырой. Застыла, вслушиваясь в тревожащие звуки. Все в порядке. Дальше пошла. Почему-то подумалось, что в ночи все больше одиночки бродят.

Странно, внешне я совсем не похожа на мальчишку. Что же за чертик сидит во мне и толкает на всякие приключения, заставляет делать все наперекор? Может, он и правда перепутал, в кого влезть? Да, очень расширила я в клубе существующий круг своих понятий! К чему оправдания и бесполезные упреки своей нравственности и оскорбленному болезненному самолюбию? «В некультурном обществе достоинство часто вознаграждается страданиями», от кого я такое слышала?

Немного послонялась по улице и по родным, привычным, булыжникам направилось к школе. Хотелось поскорее забыть безотрадное происшествие, как неясное, далекое чужое. Когда проходила мимо учительской, увидела отца. Он все еще сидел за шахматной доской. Совершенно опомнилась только в зале. Каким же милым мне показался наш маленький, уютный школьный зал! А какие красивые, умные и галантные у нас мальчишки!

ТАНЦЫ НА СТАНЦИИ

Близится конец учебного года. Суббота. Идет урок физики. Мы выполняем контрольную работу по теории. Я задумалась над тем, как лучше изобразить схему опыта, и машинально посмотрела в окно. У мачты для поднятия спортивных и праздничных флагов стоял Алексей, брат Нины, с незнакомым парнем. Оба в форме курсантов военного училища. Я заерзала на парте. Зачем он пришел под окна нашего класса? Почему я разволновалась? Он же мне не нравится? Примитивный, самовлюбленный, избалованный! Отчего же горят уши и рука торопится дописать задание?

Ольга Денисовна заметила мое настроение и погрозила пальцем. Я сдала работу и помчалась во двор. Но Алексей уже исчез. Тут вспомнила, что второпях не написала ответ на третий, самый маленький и легкий вопрос зачета. «Черт возьми! Теперь четверку получу!» — разозлилась я. Волнение от несостоявшейся встречи мгновенно улетучилось, и я отправилась домой, раздраженно размышляя: «Зачем он так поступил? Хотел увидеть мою реакцию? Конечно, он заметил, как я поднимала голову от тетради и поворачивалась в сторону окна, где он стоял. Заглотила наживку. Дурочка! Что еще можно сказать?!»

В плохом настроении села за уроки. Учеба быстро привела меня в нормальное, деловое состояние, и я забыла про мелочи жизни. Выполнив письменные задания, принялась за дела по хозяйству. Когда приехала с поля, где доила корову, услышала от матери неожиданные слова:

— Быстрее управляйся. Пойдешь с Ниной на станцию в парк. Там праздник сегодня.

Я удивилась вслух: «Дуб столетний в лесу повалился или волк сдох?»

Мать засмеялась: «Алексей и Виктор обещали вас домой в целости-сохранности доставить».

Я закрутилась, как пропеллер вертолета, чтобы пораньше прийти к подружке. Управилась, надела платье, которое сама сшила из старого костюма матери. Прибегаю, а Нина прическу себе делает, вся шпильками и приколками «обклеилась». «Не с косичками же и бантиками среди взрослых мелькать?» — объяснила она.

— Можно я Олю приглашу с нами? Ты же все равно еще не готова, — попросила я.

— Зови, — безразлично откликнулась Нина.

Олина хата через пять дворов. На пороге меня встретила тетя Лина: маленькая, блеклая, вялая, с потухшим взглядом. «Жди нас через тридцать минут на вокзале под часами», — сказала она и скрылась за дверь. Меня не обрадовала ее компания, но отступить было некуда.

И вот мы с Ниной стоим у вокзала. Поезд перегораживает путь к парку. Слышу разговор бабушки и девочки лет пяти:

— ...Я так удивилась, что глаза чуть не выпали! Я их очень широко раскрыла...

— ...Мама все время ругается.

— А папа?

— Тоже.

— Почему они ссорятся?

— Хотят, чтобы я была добрая и веселая.

«Наверное, малышку спасает доброта, заложенная с рождения», — думаю я.

— ...А когда я вырасту и пойду в парк на танцы, они тоже будут ругаться?

Лязгнули буфера, состав вздрогнул, тяжело попятились вагоны, длинный свистящий вздох прошел по колесам. Ответ старушки потонул в шуме отправляющегося поезда. Здорово! Не придется пробираться через рельсы под вагонами.

Торопливыми ручейками стекается к парку молодежь. Я волнуясь, будто собираюсь сдавать экзамен. В первый раз пришла сюда на танцы! Лихорадочно дрожат коленки. Я прижимаю к себе локти, пытаюсь успокоиться, а сама поглядываю в сторону вокзальных часов. Там прогуливаются две незнакомые девушки не первой свежести. Нина тянет меня в сторону парка и сердито говорит:

— Хватит ждать, нечего время терять. Не хочу опаздывать. Пропустим самое интересное!

— С минуты на минуту должны явиться, — возразила я, связанная обещанием.

— А мы давно вас ждем, — слышу я голос Оли, но не понимаю, откуда он исходит.

К нам подскакивает блондинка с прической «парашют» и ярко-красными, нарисованными поверх слоя штукатурки губами.

— Не узнаешь? — хохотнула она, звонко шлепнув меня по спине.

— Вы Лина? — растерянно пролепетала я, с удивлением рассматривая красные туфли на высоких каблуках, две расстегнутые верхние пуговички алой блузки, томный изящный разворот плеч и лицо, напудренное как рахат-лукум. (Им когда-то угощал меня папа Яша.)

«Нижний бюст» (я слышала это выражение в кругу взрослых) зятанут в тугую черную юбку, упрятавшую все отвислые излишества стареющей фигуры.

Где густой веер морщин у глаз старой карги? Где чудовищные рытвины щек, лба! Зашпаклевала, законопатила, загрунтовала? Передо мной стояла незнакомая эффектная женщина, лет на десять, а то и пятнадцать моложе настоящей Лины, и дарила улыбки, словно грамоты вручала на торжественном заседании. Я с тоской подумала, что не вынесу ее нервного жеманного квакания, безнадежно вульгарной необузданно безжалостной манеры чавкать при разговоре, и повернулась к Оле. Оглядела ее с ног до головы. Та, с подведенными черным карандашом бровями, обильной помадой на губах и прической «бабетта» выглядела нестерпимо пошло и лет на десять старше. Этакая размалеванная великовозрастная девица не первой молодости! Куда девался нежный румянец щек, наивные добрые глаза и милая девичья непосредственность? Теперь она женщина с хищным взглядом. Странная имитация красоты. У них завихрения в мозгах? «Как ты умудрилась... — еле выговорила я и осеклась.

Метаморфоза их внешности шокировала меня. Сразу пропало желание идти на танцы, но делать было нечего. Сама пригласила. Мы обменялись с Ниной взглядами, полными взаимопонимания. Лина перехватила их и густо покраснела под слоем пудры.

«Недурно!» — хлопнула я по плечу Олю, и мы спустились в парк.

Сегодняшнее утро печалилось дождями, и лучи солнца опасливо прокрадывались по влажным огородам. Потом мы шалели от полуденного зноя. А теперь уже отполыхал за деревьями закат, и на небе загорелся звездный огонь ожидания счастливых минут. Парк шелестел пышной и густой листвой тополей, ярко освещенные тропинки вышиты нарядными цветами, кусты сирени и жасмина застенчиво слушают людские разговоры. Чисто. Светло от многочисленных фонарей. Уютно. Повсюду красиво раскрашенные скамейки. Все это вносило в праздничный вечер привкус очарования.

На повороте аллеи увидела странную парочку. Они обнимались и целовались у всех на виду. Девушка взглядом и красноречивой улыбкой выражала такую страстную, безудержную, открытую любовь, что я меня передернуло. Слишком вольное поведение неприятно задело, и я подумала: «Они похожи на животных. Люди тоньше, любовь для них — сокровенная тайна. В красивом парке хочется думать об идеальных взаимоотношениях, высоких чувствах».

Неподалеку странная ярко одетая компания устроилась на траве. На вид незнакомые, городские стилисты. Трое молодых людей и две девушки непринужденно разговаривали, окуривая полторагодовалого малыша в коляске. Он морщился, отворачивается. Но папиросный дым со всех сторон окутывает его. «С психушки, что ли, сбежали? Кто им доверил ребенка?» — удивилась Нина. «Наверное, стилисты не те, кто красиво, по-особенному одевается, а те, кто за красивой одеждой свои тупые мозги прячет», — подумала я неприязненно.

Меня обуревало волнение. Ох уж эти умопомрачительные танцы! Непостижимо страстная, желанная мечта каждой девочки! «Страх — это результат нашего затворничества», — чуть боязливо заверила подруга. Мы с трепетом и сомнением переступили заветный порог. На танцплощадке играл заводской духовой оркестр, и мои ноги невольно задвигались в такт музыке. Но в круг не спешу. Разглядываю публику.

Ближе к ограде кучками расположились ребята из села. Их сразу узнаю по походке враскачку, намеренному «вихлянию», по небрежно висящим на губах папиросам и развязному независимому громкому до неприличия разговору. «Такие «изысканно скверные манеры» еще поискать», — раздраженно думаю я. Порой слышу лукавый простоватый деревенский юмор и отголоски восклицаний. Ребята, несколько запоздало оценив шутку своего дружка, с игривым блеском в глазах посмеиваются над своим скромным товарищем, поддевают его: «Извела тебя женушка-змея, дубина ты стоеросовая. Спятил, ей-богу. Лопухнулся, парень, глупость сотворил! Подвинулся рассудком? Скукожился от всех передраг. Как ты еще копыта не откинул? Соли тебе на хвост насыпали? Выше нос вздерни!.. Унылую чушь несешь, браток. Где теперь мыкаешься?.. Ходят тут всякие, а потом вещи пропадают...» Пристыженный парень огрызается с «некоторыми купюрами», протестует, исторгая невразумительные оправдания. Его непомерно большая лохматая голова клонится книзу. Он пытается незаметно ускользнуть от назойливого внимания дружков... Я не проявляю большого энтузиазма общаться с ними. Хлебом не корми, только дай им поиздеваться над кем-нибудь. Не звучат от них в моей голове фанфары.

Две девушки шушукаются: «...С легкостью разбрасывается своими чувствами направо и налево... Туманно ответил, напустил на себя таинственность, в основном прельстил романтичностью высказываний... Оттеснил в угол, чтобы не слышали посторонние. Снизошел, сделал одолжение! Гербарий с собой захватил. Не букет, целый веник!.. Не связывайся с ним. Мозги пудрит. Впредь таким не доверяй. У них весь интеллект в штанах... С ним танцевать что танк по танцплощадке передвигать. И где он отхватил такие кирзачи?.. Мне в высшей степени наплевать на него. Изводит пошлостью. Безобразный, убийственно неинтересный тип».

Нина побаивается незнакомых ребят и торопливо осматривает площадку. Брата нет. От нее не ускользают настойчивые навязчивые взгляды некоторых ребят. Она тащит меня за ограду. Я успокаиваю ее, еле поспеваю, но следую за ней. Стоим, опять слушаем разговоры.

— ...Вы же не станете делать то, что вам не нравится? Правда же?

— Логично.

— Значит, вам нравится сорить на площадке, семечки плевать на пол, грубить?..

Девчонки щебечут, делятся секретами, высказывают мнения.

— ...Танцуем, не разнимаем рук... с ума сойти можно от счастья...

— ...Юноши некрасивых девочек не замечают...

— ...Сознаюсь, если парень нравится, над ним не хочется подшучивать, его не станешь высмеивать...

— ...Без каблучков я не чувствую себя женщиной...

— ...Представляешь, наглость какая, — говорит одна, — она меня высмеяла за то, что я в туфлях с носками пришла! Не ходят теперь так в городе. А лучше заклеенными пластырем пятками светить? Ей только бы очернить. Сама хламида-монада!..

— ...Я же очень полная! — смущенно лопочет одна.

— Ну и что? В белом костюме ты больше выигрываешь, чем проигрываешь. Моложе, свежее выглядишь, — успокаивает ее другая девушка.

— ...Бессовестная мода — коленки показывать. В женщине должна быть тайна.

— Глупая! Тайна внутри, в душе. Не знаешь ты мужчин. Они красоту ценят, а не ум. Нарочно нам головы морочат. Городские девчонки правы.

— Вряд ли, враки это.

Остальные согласно кивают.

— ...Представляешь, купила Наташка себе великолепный коричневый бархатный костюмчик и изящную шляпку. Мы, конечно, все по очереди примеряем, представляем себя на институтском вечере. А тут Лариска из сорок шестой комнаты зашла. Ну, мы и ей предложили померить. Она тощая как доска гладильная. Ни спереди, ни сзади, как говорят у нас в деревне. Надела она костюмчик, поля шляпки на глаза надвинула — и мы ахнули! Загляденье, а не девчонка! Все-то ей к лицу и тютельница в тютельница! Наташка губы надула и забрала свои вещи. Всем давала носить костюм, а Лариске — нет. Говорила: «Она красивее меня в этом наряде...»

— ...Зинка познакомилась в прошлом году на таком же празднике и через неделю замуж вышла. Парень незатейливый, но надежный.

— И ты не теряйся...

— ...Ломаться будет... мне это надо?!..

— ...У нас эскорт лошадей, а в городе кавалькада машин...

Пробираемся дальше, выискивая знакомых. Мне хотелось увидеть Виктора. Год не видела! Ищу там, где стоят ребята со станции и приезжие. К нам подошли восьмиклассники из нашей школы. Все такие аккуратные неуверенные. Один с заговорщицким видом прошептал:

— Девчонки, потрясающая сенсация! У Шурки Кореновой с новеньким Вовкой Микусом любовь уже с Нового года! Возвестим об этом всему изумленному миру? Они за одной партией сидят и друг другу письма цифрами пишут.

— Как цифрами? Что за метод древней тайнописи?

— Не знаю. Наверное, алфавит пронумеровали.

— Примитивно. Неинтересно. Мы с Петькой зашифровываем письма, как разведчики, — весело поделилась Нина Лисунова и что-то зашептала на ухо моей подруге.

— О чем вы? — ревниво, даже немного обиженно заинтересовалась я.

Обе Нины, покраснев, отмахнулись.

К нам незаметно подошел Сережка Лобанов. Он явно смущался и делал безуспешные попытки вступить в разговор. Я решила ему помочь.

— Кого я вижу! Никак ты, Серега! Ух, как повзрослел, с тех пор как работать пошел! Сосредоточенный, даже важный стал. Ну, прямо парень экстра-класс! Возгордился, что ли? Знаться не хочешь? Неспроста это, — бесхитростно воскликнула я, с интересом оглядывая бывшего одноклассника. — Думала: без школы одичаешь до вящей беспредельности или шальным станешь, а ты ничего! Штабелями девочки вокруг тебя падают? Ты всем улыбаешься или выборочно?

Сережа не обиделся на мое незловредное зубоскальство и, обрадованный вниманием, поспешно улыбнулся, заскромничал, конфузливо покраснел и, стараясь не глядеть мне в глаза, вежливо пробормотал:

— Ты тоже симпатичная. И такие же милые ямочки на щеках.

И этим напомнил о своей беспросветной влюбленности. Конечно, он тут же осекся. В зеленых глазах притаились тревога и ожидание резких слов. Я пожалела его. И он сам повел разговор:

— Ты все так же получаешь живейшее удовольствие от чтения? Как прежде есть склонность к безмерному увлечению книгами? Ты же всегда под неослабным надзором матери! Как она тебя сюда отпустила? У меня к тебе уйма вопросов.

— Лучше расскажи, какими путями-дорогами опять в наших краях? Как ты здесь очутился, какими судьбами? Не отпирайся! Приспичило с кем-то повидаться? — спросила я, и в моих глазах полыхнуло бурное озорство.

— Мама здесь. Куда нам без отчего дома? Родные пенаты тянут к себе — с напускной взрослой торжественностью ответил Сережа.

— Где теперь обитаешь? — опять поинтересовалась я.

— Временно устроился в ремонтную мастерскую в деревне Крутогорье. По собственному усмотрению теперь жизнь строю. Сначала скакал от радости, обалдев от свободы, потом задумываться стал.

— И все-таки ты малость приморенный, — посочувствовала я парню.

— Сколько дорог исхожено! — вздохнул он не по-детски серьезно.

— Хорошее дело, мастерская! Молодец, — одобрил выбор Сергея Саша Гаманов, появившийся неизвестно откуда рядом с нами, и его тут же будто водой смыло.

— И все же не уходи от моих вопросов, что сейчас читаешь? — осторожно напомнил Сережа.

— «Американскую трагедию». Сильная вещь. Как представила себе человека на электрическом стуле, так сразу почувствовала запах паленых волос и мяса. Даже мурашки от страха по коже побежали!

— За что его так? — удивился Сергей.

— Утопил девушку, которая его любила.

— В чем она провинилась?

— В Америке законы строгие. Хотя они не были женаты, парень обязан отвечать за будущего ребенка, а это не входило в его планы. Он на богатой собирался жениться.

— У них все беды от денег, а у нас из-за их отсутствия. У каждого свой уровень проблем: одним на хлеб надо заработать, другим трудно придумать, куда деньги тратить, — хмуро вздохнул Сергей и добавил: — В нашем колхозе мрачное запустение, серость. Сердце

кровью обливается, сил нет смотреть на бесхозяйственность. Здесь я никогда не смогу испытать настоящего счастья. Понимаешь, серый цвет — цвет бедности, убогости. Хочу переехать работать в Большаковский район. Там колхоз передовой.

— Я чего доброго еще от зависти к тебе лопну. Предатель! А кто свой колхоз поднимать будет? — недовольно спросил хозяйственный, обстоятельный Саша Гаманов, снова вынырнувший невесь отсюда.

— Не встревай без понятия. Грубо говоря, но мягко выражаясь, только не с нашим председателем решать такие вопросы. Никудышный он руководитель. Старый хрыч. Разговаривал с ним, предлагал нововведения, убеждал, даже захлебывался от крика. Обидно. Последние во всей области! Ни к чему это хорошему не привело. Ему все нипочем, абсолютно невозмутим! Будто его не касается судьба колхоза. Глазами лупает и простоудушно удивляется. Таракан закопченный. Совсем не обращает внимание на мои протесты, знай, свою копну молотит. Даже в шутку пообещал надавать по мягкому месту как щенку. Стервец. Конечно, о стариках так нельзя, но он не видит перспектив! Говорит: «Не тебе, шкет, указывать да советовать. Беда с тобой, несговорчивый, беспокойный ты». Я, конечно, бываю резким, негибким. Но он всерьез даже не попытается меня разуверить, от сомнений освободить. Одно талдычит: «Не суй нос не в свои дела, положишься на меня. От добра добра не ищут. Были бы гроши, да харчи хороши».

Каков гусь лапчатый! Не ожидаю я от него ничего путного. Шиш ему с маслом! Не останусь у него. Это самое унижительное, что можно придумать в моем положении. Я не баламут. Раньше ума не доставало, поздно понял, что заслуживал выволочки от учителей. Теперь учиться хочу, расти как специалист. А он только сумрачно пыхтит или значительно улыбается и ерундовые наставления дает. Нет чтобы дельные. Не поощряет он мою затею с учебой, вознамерился при себе в слесарях держать. Крепя сердце согласился год доработать. Ты, Сашка, тоже от него деру дал бы, раз в сельскохозяйственный метишь, — сказал Сергей очень серьезно. А успокоившись, тут же вернулся к вопросу о книгах.

— Я сейчас пытаюсь читать «Войну и мир» Толстого, — поделилась я.

— Интересно?

— Очень, только сноски замучили. Перевод с французского.

— А как тебе Эмиль Золя? — нерешительно произнес Сергей.

— Ты читал Золя?! — рассмеялась я, но, поняв, что обидела мальчишку, виновато потупилась.

— Это я через Яшку вам в класс эти книги передавал! Разве библиотекарь позволила бы тебе взять их? У нее слишком обостренное чувство юмора, настолько обостренное, что она не хочет его понимать, — засмеялся Сергей.

— Зря ты так, она очень ответственный человек, — защитила я библиотекаря.

— Заметила, там все интересные места красным карандашом подчеркнуты. Знаешь, чья работа? — стараюсь казаться взрослым, спросил Серега.

— Польщена твоей заботой! — фыркнула я. — Ребята давали мне романы «Земля» и «Деньги». Читала на биологии, потратила на них добрых два часа, но мне они не понравились. Много всяких неприличных подробностей. Я привита, понимаешь? От пошлости прививку имею, и все же отвлекали и раздражали твои заметки на полях. Думал, позарюсь на запретное? Не заговорила в тебе совесть? Зачем книги испортил, будто я глупая и не знаю, на что обращать внимание? До сих пор с отвращением вспоминаю измалеванные страницы! Александра Андреевна объясняла, «что в книгах классиков живет нежность и любовь великих людей, что их души воскресают, попадая на понимающего читателя, прививают ему способность разливать вокруг себя сияние любви, приносящей людям радость». А ты помнишь, какие пометки делал? — завелась я, радуясь, что представился случай высказаться.

— Для тебя старался. От ревности искушал тебя такими книгами. Не доросла ты читать

их, у тебя одни высокие идеи в голове, — обидчиво и одновременно с чувством превосходства заявил Серега.

— А я и не утверждаю, что все поняла. И Мопассан тоже не для нашего возраста. Я «Преступление и наказание» Достоевского прочитала, но чувствую, что надо еще раз к нему вернуться. Умный очень. Философии много. Нельзя его книги глотать как Жюль Верна. Вот такими авторами надо было завоевывать мое внимание, — усмехнулась я. — Знаешь я в одной брошюре...

— А стихи еще пишешь? — тихо прервал меня Сережа.

— Балуюсь. Ты что-то слишком много времени уделяешь моей персоне? Не забыл еще, как мы дрались? Память еще хранит живые, отчетливые картинки. Помнишь, что вытворял? С содроганием вспоминаю. Ты отводил душу? Не щадил меня, хотя у тебя вроде незлобивый, покладистый характер, — припомнила я наши детские баталии.

— Так и мне доставалось. Впечатление о твоей хрупкости было обманчивым... Прости. Дураком был. Всяк по-своему выпячивался. Тяготел к легкой славе, — Сергей смутился, посмотрел отчужденно и, насупившись, отошел.

— Хватит дуться! Нет ничего позорного в нашем глупом детстве! Чего выламываешься? Оставайся с нами, — крикнула я вдогонку, пыталась погасить Сережкины отрицательные эмоции.

Но он уже скрылся из виду.

На площадке произошла стычка между сельскими и станционными. Ребята в красных повязках быстро навели порядок. Мы даже разволноваться не успели, только перешли на всякий случай поближе к выходу.

В углу, у самой кассы, увидела молоденькую беременную. Я слышала от матери ее грустную историю с одноклассником. «На Новый год в первый раз выпила вина. Он тоже был в их компании. Потом часто пробирался к ней через окно. Обещал жениться после выпускного вечера, а теперь собрался поступать в институт». Девушка сидела гордая, уверенная. Совершив ошибку, она не пала духом, не опустила, не рассталась с чувством собственного достоинства. Сильная! Наверное, родители простили ее и не бросили в беде. Одной трудно такое пережить. По меньшей мере, она не унылая. Может, она непритязательная? Всеми фибрами души я желала ей счастья.

И все-таки жаль эту девушку. Она такая красивая, одухотворенная, женственная, с добрым, мягким взглядом. Не хотела бы я для себя такого «счастья». После того как месяц понянчилась с грудным племянником, у меня будто мозги на место встали. Я поняла, какая сложная и неромантическая обязанность растить малышей. И теперь мечту своих старших подруг поскорее «выскочить» замуж не воспринимаю всерьез.

Увидев мои сочувствующие глаза, проходивший мимо парень развязно ухмыльнулся:

— Приобщаешься к великой мировой скорби?

Я окинула его оценивающим, уничтожающим взглядом и не удостоила ответа.

— Какие мы умные и гордые! — наглым смешком отреагировал остряк.

Нина осуждающе забурчала:

— Ошиваются тут всякие...

Ко мне подошел один из Димкиных друзей:

— Вся из себя! Расфуфырилась в пух и прах! Мануфактурный гонор? Сияешь как начищенный латунный самовар. Димка теперь не заблудится в темноте, когда провожать пойдет.

— Ничего экзотического в моем платье нет. По тебе так затрапезный вид лучше?

Замечание по поводу моего наряда можешь оставить при себе, ни к чему тебе прозрачные намеки и старательные шуточки. Лучше с плеча руби. Тебе это больше идет. А Диме, чтоб не пребывал в неизвестности, передай: «Пусть прибережет свое обаяние для других девчат и срочно подыщет новую кандидатуру, если хочет «фонариком» поработать, — с вызовом ответила я на прямой намек на прошлую дружбу.

— Собираешься разбивать сердца станционным ребятам? — ревниво спросил Димкин друг.

— Нет. В городе достойного найду. Ты же знаешь, что мне свойственна вера в свои силы и возможности, — рассмеялась я.

Дима на этот раз не заносился, будто он пуп земли или центр мироздания, даже не рискнул подойти ко мне. Только издали безуспешно пытался поймать мой взгляд. Понимал, что здесь не сельский клуб, где он как рыба в воде. А я не расставалась с надеждой потанцевать с Виктором. От одной только мысли о нем охватывало трепетное волнение и дрожали поджилки. Увидела Валю Кискину. Обрадовалась. Значит, не только мы с Ниной на взрослых танцах. А я переживала, чувствовала себя неуверенно.

Валю пригласили на танец, а ко мне подошла Нина и шепнула:

— Алексей пришел. Увидел тебя и сказал, что ты, наверное, самая привлекательная девочка в нашей школе и что, наверное, опасно подпасть под твои чары.

Я не ответила. Смутилась, но не поверила. Усомнилась в словах, зная о «похождениях» ее брата. Только подумала раздраженно: «Дежурный комплимент Дон Жуана. Всем девушкам одно и то же говорит. Ищет новую поклонницу. Ему доставляет удовольствие покорять? А мне будет приятно не позволить ему завлечь меня в свои сети. Пусть не воображает невесту что! От скромности никогда не умирал».

Через минуту Алексей подошел и весело обратился ко мне:

— Привет. Как жизнь молодая? В учителей еще не влюбляешься?

А сам смотрит нежным взглядом голодного людоеда. Буквально ест глазами.

— Не в кого, — серьезно ответила я.

А когда Нина закружилась в вальсе, он вдруг проворковал тихим, каким-то задушевым, чуть грустным, полным надежды голосом:

— Погуляем по лугу? Погода чудесная. Потом домой провожу.

На мгновение сладкой болью отозвались в сердце воспоминания о прошлогодних, осенних переживаниях глупенькой шестиклассницы. И тут же пропало трепетное отношение к прошлому. Ни приятного замиранья сердца, ни радостного возбуждения не почувствовала я от этих когда-то желанных слов. Я ждала приглашения Алексея только для того, чтобы высокомерно отказать ему. Взглянула на его безукоризненный профиль, на легкие морщинки в уголках губ (их в деревне называют собачья радость), появляющиеся, когда он напряжен или злится, и спокойно и твердо произнесла:

— С подругами останусь.

Похоже, Алексей не привык к отказам. Он вдруг побелел, обдал меня холодным скользким презрительным взглядом и сквозь зубы зло процедил:

— Мягкотелая!

Меня в жар бросило от такой характеристики, и я раздраженно возразила:

— Не скажи! Отказав тебе, я доказываю свою самостоятельность. Недалеко ты ушел от невоспитанных ребят, обзывающих последними словами девушек, которые не желают иметь с ними ничего общего. Я была о тебе лучшего мнения. Обидно разочаровываться. Я неодобрительно отношусь к ребятам, которые слишком высокого мнения о своей внешности. Предпочитаю умных и скромных. К тому же мужчина моей мечты должен быть однолюбом. Прощай. Я не расположена разговаривать с тобой. Не с руки, да и не о

чем.

Алексей резко, нервно повернулся на каблуках, и скрылся в толпе. «Не сокрушен, не преисполнен раскаяния, только раздосадован», — подумала я с некоторой грустью.

Неожиданно подошел Виктор поздоровался и вежливо пригласил меня на танец. Это был наш первый танец. Во мне всколыхнулась прошлая влюбленность. Вспомнились первые робкие ощущения незнакомого чувства. Сердце встрепенулось, застучало барабанной дробью. Уверенная рука Виктора мягко держала мою руку. И все же я не чувствовала того восторженного, умопомрачительного ощущения, которое когда-то возникало во мне при одной только мысли о нем. Тайное, сладостное, томное не охватило все мое существо. С легким волнением превозмогло сердце нежные прикосновения его рук. Мне было просто приятно, что рядом со мной красивый, одетый по-городскому студент. Не так я воображала нашу встречу. Я не ожидала, что год разлуки так изменит меня. Видно, никому не дано вернуть прошлое. Безрезультатны попытки воскресить прежние чувства. Вспомнились слова, услышанные на току от учительницы: «Влюбленность касается только поверхности вашей души, и только проникнув вглубь сердца, заполнив его без остатка, она становится любовью. А целостность ума и сердца сделают ее настоящей».

И все же мой острый глаз не переставал осторожно изучать Виктора, наблюдать за ним. Я была все еще слишком поглощена мыслями о нем, чтобы засматриваться на других. Быстрая музыка сменяла медленную. Я не стояла ни одного танца, но успела заметить, что Нина, школьная любовь Виктора, с бессмысленной жестокостью, свойственной ярким уверенным девушкам, ответила отказом на его предложение потанцевать. Предпочла гостей из Москвы. «Чего выставляешься, чего выпендриваешься, самовлюбленная кукла», — разобиделась я за Виктора. А он что-то страстно шептал ей, вымаливал ее взгляды. Потом у него был глубоко несчастный вид. Он смотрел на нее нежно, отчаянно и никому из девчат не выказывал заметной благосклонности, хотя многие не сводили с него горящих глаз. Буквально льнули к нему. Мне тоже хотелось поговорить с ним о чем-нибудь стоящем, хорошем, но что-то во мне бунтовало.

Внезапно вижу: Виктор через всю площадку опять идет ко мне. Силится пробиться сквозь толпу. Подошел, опустил глаза и как-то слишком просительно и неуверенно предложил проводить меня домой. «Он хочет вызвать ревность Нины?! — поразила меня неприятная мысль. — Не ожидала от него такой непорядочности!» Горькой обидой вспыхнуло уязвленное самолюбие. И я ответила резко:

— Не гожусь я для такой щепетильной роли. Не хочу, чтобы мною заполняли паузы! Конечно, и донкихотство, и гамлетизм в крови у нас, у русских, но и самая, что ни на есть, дурацкая привычка использовать друзей гадким образом тоже присутствует!

— Прости, — глухо пробормотал Виктор.

Он сразу сник и быстро отошел. Я поняла, что загрустил он не оттого, что ему стыдно за свое поведение. Нина занимала все его мысли. Ради нее он поступал со мной некрасиво. После этого разговора мое сердце больше не вздрагивало, не екало при виде Виктора. Боль разочарования острым клинком вошла в мое сердце. Лучше бы он оставался для меня принцем, а не обыкновенным, рядовым парнем. Ничего не поделаешь, — детство уходит, когда получаешь подобного рода оплеухи. Конечно, грустно. Но жизнь продолжается.

Права была Александра Андреевна, когда говорила, что в четырнадцать лет еще рано дружить всерьез, если замуж собираешься не раньше, чем в двадцать-двадцать два года. И мои взгляды еще не полностью сформировались, и ребята за это время очень изменятся. Еще недавно мне казалось, что мы с Виктором идеальная пара, а теперь я грустно улыбаюсь над своей незрелостью, детской глупостью.

Танцы как-то сразу потеряли в моих глазах привлекательность, показались глупой, пустячной толчеей. И даже музыка вальсов не трогала, не доходила до сердца.

Из парка возвращались шумной компанией. Небо унылой громадой нависало над лугом. Алмазные брызги звезд бархатного купола слабо освещали чернильный мрак. Их бескрайний океан на этот раз не восхищал меня. В смутной сонной мгле умирал далекий костер. Мертвую ночную зыбь нарушали только наши голоса. Они звучали странно,

несколько приглушенно. Неожиданно тишину разрезал безумный вопль кота. Он был жутко неуместным, не вписывался в ощущения ночи, неприятно поразил и окончательно вверг меня в пучину грусти.

Все свернули к латаку и там притихли. Назойливый шепот плеса, урчание темной воды на камнях, легкое, еле заметное серебрение крученых струй. Невнятные шорохи на берегу. В сознании из раннего детства выпорхнула сине-зеленая птица тоски, закружились воспоминания. Сколько они будут меня преследовать?

Желания в ближайшем будущем возвратиться в парк не было. Я поняла, почему для меня танцы пусты и безрадостны. Они интересны мне не сами по себе, а при условии, если рядом находится любимый или очень интересный человек.

Компания тихо таяла в ночи.

И все же, несмотря на разочарование от поступка Виктора, в дальнейшем я все равно с теплотой вспоминала о своей первой детской влюбленности.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Щедрое майское утро! Школьный двор заполнен яркими лучами солнца и запахами цветущей сирени. Пушистые белые облака, как праздничные челны, неторопливо двигались по удивительно свежему голубому шелку неба. У горизонта перистые облака разрисовали небо крыльями фантастических птиц. По-весеннему светла зелень травы и деревьев. Гомон ребятни как журчание сотен ручейков.

Сегодня последний школьный день для семиклассников! Настроение на все сто! Меня будоражат и весенний день, и радость завершения учебного года. Мне не стоит на месте. Во всем теле — непреодолимое безотчетное, нетерпеливое желание бежать, бежать. В каждом движении какая-то особенная нервная спешка. Истомилась, истосковалась душа по лету, по воле, не чаяла дожидаться конца занятий в школе. От избытка энергии кручусь на турнике, залезаю на десятиметровую трубу. Все равно разбирает сумасбродство. Бунтарские, ребячливые чувства распирают грудь. Никак не образумлюсь и не выброшу из головы излишнее волнение. Нужно ли объяснять, что одноклассники вокруг меня тоже были восторженные и, опьяненные восторгом юности, нерастроченной силой, беззаботностью, бесцельно носились между цветниками. Вдруг я замерла на месте от пронзившей меня неожиданной мысли: «За годы учебы в деревне я не пропустила ни одного урока просто так, из баловства».

— Ребята, может, отколем номер? Последний урок — физкультура, сбежим, а? — предложила я. — Ну, хоть раз я могу себе позволить быть безответственной и до глупости веселой? Ой, как пошалить охота! Детство-то тью-тью! Отдадут в техникум, и прости, прощай село родное! К чертовой прабабушке урок! Покуролесим?

— А как? — удивленно спросили одноклассники.

— Пошли за школу, в аллею! Залезем на деревья и весь урок будем орать песни!

На всех вмиг налетело бесшабашное, разгульное настроение.

— Айда в тополя! — зашумели ребята.

Класс вмиг сдуло со спортивной площадки. Для усыпления бдительности учителей исчезали со школьного двора бесшумно, по очереди. Однако же, несмотря на предосторожности, старшая вожатая почувствовала в нас таинственность и, хитро улыбаясь, попросила не забывать о чувстве меры. Мы скромно вышагивали мимо окон учительской, для пущей убедительности неторопливо с безразличным видом сосали сладковатые кончики цветков сирени, выискивая среди соцветий «счастливые» — многолепестковые.

В аллее разогнали докучливых крикливых ворон, «скворцами» облюбовали себе деревья и взволнованно расщебетались, будто в теплые края собрались. Неудержимая, залихватская, неосознанная удаля, охватившая всех, настойчиво искала выход. Мы, как одурманенные весенними запахами милые, добрые телята, были резвы, бестолковы и

безвредны в своей жадности и ненасытности к неожиданной кратковременной свободе.

Кипела шумная суматоха, грустная радость прощания отчаянно слышалась в веселых восклицаниях. Наш нестройный хор был то звонок, то басист и вульгарно примитивен. Мы не отдавали предпочтений обычному серьезному репертуару, а находили неизъяснимое удовольствие в сумасбродных чистосердечных, пылких излияниях бурливых, полноводных чувств. Сияя от удовольствия, исполняли «Мурку» как смесь опереточной мелодии и спортивного марша, а пионерские песни «выводили» наподобие заунывных, тоскливых баллад с частушечными припевками. Подобная мешанина приводила нас в изумление диковинным звучанием и воспламеняла на ходу новые фантазии, вариации на неожиданные темы, какие трудно себе даже вообразить! Потом то разудало, разухабисто, то печально-протяжно рокотал «Ермак», стонали «Березы». Торжественно неслись ввысь дорогие сердцу слова песни: «Россия — Родина моя!» После нее, пресыщенные тревожащими душу впечатлениями, все взгрустнули.

На шум сбежались учителя и принялись уговаривать нас усмирить разгулявшиеся бесконтрольные эмоции. Взывали к воспитанности. Корили за дурной пример впечатлительным малышам. Ко мне в первую очередь обращались. «С чего в дурь полезла? Что дальше намереваешься делать? Выпустила пар и хватит бесноваться, слезай. После школы дерите глотки сколько влезет и что в голову взбредет». «На любой ступени лестницы взросления существует уровень человеческих приличий, который побуждает стесняться, вести себя достойно. Не опускайтесь ниже достигнутого», — так Дмитрий Федорович, улыбаясь в усы, научно обосновывал свои претензии, пытаясь урезонить разбушевавшихся учеников.

Внешне учитель немецкого языка начисто лишен весомой, могучей основательности, солидности, присущей пятидесятилетнему возрасту, но мы любили его, и поэтому мой ум воспринимал разумные доводы, и я совсем чуть-чуть тайно укоряла себя за отсутствие тормозов. Но разбушевавшееся сердце не сдавалось, не соглашалось и требовало выхода необузданной, бесконтрольной радости. Оно не желало покоряться, не находя ничего прискорбного и безнравственного в кратковременном, безудержном мальчишеском веселье.

— Вы, как всегда, бесспорно правы. Только устали мы быть умными и серьезными. Вы не представляете, как хочется пошалить! Хотим хоть один урок в жизни от души побузить, — упиралась я, своим многословием не давая учителю опомниться и продолжить монолог.

Ребята дружно вторили мне. С привычными угрозами тенью пробрела учительница химии, как всегда опаздывающая на урок.

— Великолепный вид! Отродясь не видывала такого! Приятно лицезреть выпускников! Ладно бы эта нелепость происходила с малышами, но вы? Следующий раз подобная выходка обойдется вам снижением отметки по поведению. Попадете... мне на удочку! — шуршала она, растягивая в ухмылке тонкие ярко накрашенные губы.

Ее слова не произвели разлад в моей голове, упреки не достигли сердца, не породили смутного беспокойства и угрызений совести, как всякие мысли, не имеющие прочного основания.

— Понапрасну сердитесь. Наше поведение не наглое тщеславие, своеволие или бесстыдство, не грубость и дерзость, а сущая безделица. Ни при чем здесь дурные склонности, — возражала я ей с неумной, неуместной горячностью.

— Замучил ваш негуманный, трагический, предельно откровенный реализм, он вреден в больших дозах и убивает оптимизм. Нам гораздо больше нравится открытый веселый и прямой разговор, здравый смысл, правдивые, но спокойные замечания, — в поддержку мне забурчал Эдик.

«Здорово, что учитель физкультуры не удостоил нас своим визитом и поэтому не сказал ничего оскорбительного или несправедливого», — подумала я.

Появился мой отец. Молча обошел нас своей спокойной строгой походкой, а потом спросил с усмешкой:

- Протестуете?
- Нет, с детством прощаемся, — ответили мы дружно.
- Не все же покидают школу?
- Остальные провожают, — засмеялся Эдик.
- От тебя я такого не ожидал, — удивленно поднял брови отец.
- Первый и последний раз, — покраснев, пообещал Эдик.
- Поздно на урок идти. До звонка порезвимся и вернемся. Честное слово. Не надо портить нам Праздник лентяя, — попросил Коля Корнеев.
- Через пять минут всем быть в классе, — приказал отец и ушел.

При этом он так сильно поджал губы, что они попросту исчезли, оставив на лице прямой, как шрам, след. Махнув на нас рукой, учителя разошлись по классам. Мы видели, что они не очень-то сокрушались и сердились. Наверное, сами устали от своей неусыпной заботы над учениками.

Настроение немного упало, но острого желания возвращаться в здание не возникло. С меньшим шумом и азартом мы все-таки закончили урок на деревьях и, довольные собой, отправились в корпус. Мы впервые всем классом единодушно не послушали учителей. В этом было что-то неуловимо особенное, волнительное. Наверное, и впрямь в нашем запоздалом бунтарстве проявлялось бесхитрое очарование детства.

Каким-то шестым или седьмым чувством я предвидела, что нам не достанется от учителей. Так и случилось. Все будто забыли о нашей выходке. Мы обрадовались.

Прощанье с детством выражалось по-детски, но я не стыдилась своей маленькой глупости. В ней было тайное очарование, жажда чудесного, не обузданного взрослой рассудочностью, и упоительный одуряющий восторг безрассудства.

Мне было удивительно спокойно и радостно. Казалось: только этого аккорда и не хватало для завершения школьной жизни.

ОДНОКЛАССНИКИ

В дни подготовки к экзаменам я впервые почувствовала особое единение нашего класса. Выходил ли Витя Стародумцев к доске и смущенно поворачивал в нашу сторону голову, чтобы услышать подсказку, Яшка ли маялся у доски, великолепно соображая, но забывая формулы, — весь класс сидел напряженно, в абсолютной тишине, вытянув шею к доске, переживая за товарищей и боясь проронить хоть одно слово. Все понимали, что подсказывать нельзя. Глупо. При поступлении в техникумы знания нужны. Отличники особенно сердились за шепот в классе. Для учителя не должно быть ни малейшего повода снизить оценку!

Смотрю на одноклассников, и теплая волна пробегает под сердцем. Какие у меня хорошие друзья! Вспомнилось, как «темную» Кольке за двойки в пятом классе устроили. Не били, конечно, кричали на него, требовали образумиться. А теперь он математику полюбил. Хороший парень. Добрый, безобидный.

К Маше не приставали. Ей надо семилетку закончить. Жених ее ждет. Сашка — фантазер и нежная душа. Стихи пишет. Яшка — очень сложный. Но сколько в нем обаяния, уверенности в себе! И плохого, и хорошего в нем намешано предостаточно. Что-то в семье у него не так, поэтому часто язвит, бывает пренебрежителен и высокомерен. Тамара учится на «четыре», старательная, спокойная, покладистая. Даже Валька стала меньше коалиций всяких организовывать. Что-то в ней новое появилось. Может, понимание необходимости хорошо учиться? О пищевом техникуме мечтает.

В заботах быстро пролетело время. Сдали последний экзамен. Все ребята подтвердили свои отметки. После вручения документов об окончании семилетки пригласили учителей фотографироваться. Не забыли вожатых и первую учительницу. Анна Васильевна радовалась за нас, обнимала и напутствовала. Потом вспоминали веселые случаи из школьной жизни.

— Столбики двоек за сочинения, наверное, на всю жизнь запомнятся? — спросила Юлия Николаевна.

— Не столбики, частоколы! Когда колы ставят всему классу — не страшно. Персональных боялись, — ответила Варя Жерноклеева.

— Помните соревнования по стрельбе из «воздушки»? Туман, мишени как призраки. Все пули в молоко пошли! До слез было обидно, — со вздохом сказала Рая Соловьева. — Одно оправдание нам — оружие первый раз в руках держали. Поход часто вспоминаю. Ночь. Дождь. Страшные истории под брезентом...

— Клара Ильинична, вы не забыли, как пришли на урок в фартуке?

— Что за история? Почему я не знаю? Расскажите, пожалуйста, — просит Ольга Денисовна.

Мать засмузилась, но рассказала.

— Прибежала домой пообедать в перерыве между уроками. Мама моя в тот день побелкой занималась. На кухне не было ни одной чистой табуретки. Переодеваться некогда. Я один фартук надела сзади, другой спереди и присела к столу. Потом заторопилась, передний сняла, а про второй — из головы вылетело. В классе пальто на вешалку повесила и веду урок. У меня всегда на занятиях идеальная дисциплина, но в тот день тишина стояла особенная, как струной натянутая. К концу урока не выдержала, спрашиваю: «Ребята, что случилось, сознавайтесь?!» Они молча показали на фартук. Я рассмеялась: «Что же вы молчали?» А они мне: «Не осмеливались сказать, стеснялись». — «Вот выдержка! Ни смешка, ни шепотка! Горжусь, ребята, вашим терпением и тактом».

— А помните концерт на День Советской Армии? Мы выступали в военной форме своих родственников. Какой спектакль поставили! — вспомнила я.

— Ты забыла! — уточнила Галя. — Толчком послужила смешная фотография, где вы с братом снялись в военной форме, с нарисованными усами и бровями. У Коли на плече

висело охотничье ружье, а у тебя — морской бинокль. Мы сначала после уроков передевались и устраивали военные игры. А один раз вожатая Надя принесла журнал и прочитала несколько стихотворений Константина Симонова. Все загрузили. Вот тут-то и пришла мысль свой спектакль сделать. Первое место тогда по школе заняли!

Воспоминания сыпались, догоняя друг друга:

— А что в школе творилось после просмотра фильма про бандитов! Ребята словно с ума сошли! Стали друг друга в шутку душить галстуками. Генка побелел, глаза на лоб полезли. Все перепугались. Разрезать галстук рука не поднималась, а друга спасти надо! Вера зубами сумела узел ослабить. Ох, и влетело нам тогда от директора!

— Дмитрий Федорович! А помните, как вы сбрили усы и в сельсовете появились под видом ревизора? Никто вас не узнал! Переполошили все районное начальство.

А я подумала, что остроумные шутки учителя готовили меня к более верному пониманию жизни.

— Я книги полюбил только после того, как мы всем классом прочитали в «Пионерской правде» приключенческие повести «Синяя птица» и «Над Тиссой», — сказал Вова Корнеев.

— Сережа! Помнишь наш разговор о вредных привычках? — спросила Евгения Александровна.

— Как же! Я вам говорил: «Эйнштейн и Шерлок Холмс тоже курили». А вы мне: «Сначала докажи свою гениальность, а потом их слабости обсуждай и на себя примеряй. А если ты пока троечник, так и веди себя согласно общепринятым нормам». Я не обиделся тогда. Понял, что вы правы, — торопливо добавил Сережка.

— Коля, Кашеев! Не могу забыть, как твой подшефный первоклассник провалился под лед. Ты ему свою сухую одежду дал, а сам с голыми коленками в носках по селу бежал, — с улыбкой вспомнила Галя.

— У меня же свой опыт «подледного плавания» в четвертом классе был! — засмеялся тот в ответ.

— А помните, как Борьке Веретину повезло? Его мама тогда увлеклась беседой с соседкой. Горка была многополосная. Всем места хватало. И почему малышу надо было непременно направить санки в сторону промоины? Девчонки, как поросята, визжат от страха. Санки несутся к полынье. Малыш замер с широко раскрытым ртом, будто вдохнул, а выдохнуть не может. Ужас в глазах! Может, понял, что не перемахнуть ему промоину. Слишком широка.

— Ерунда. Единственное, что я успел сделать, так это чуть подправить траекторию движения в сторону узкой части промоины и что было силы подтолкнуть санки. Они, как на крыльях, пролетели опасный участок! Я сам себя еле затормозил животом, — рассмеялся Эдик. — Везет мне на приключения! А Борьку нельзя винить. Не мог он видеть полынью, мал ростом был.

— А первое апреля помните? Как мы радовались, предваря эффект от придуманной шутки! Но зубы у всех оказались здоровыми, и ребята не только не пошли в больницу, даже рот перед нами не стали открывать будто бы для предварительной записи. Жестокое разочарование! Ожидаемого веселья не получилось. Зато над нами поохотали от души, от насмешек не было спасения. Но мы их стойчески вынесли! Не рой яму другому, сам в нее попадешь. И в юморной ситуации срабатывает народная мудрость! — философски подвел итог своей неудаче Владька Широких.

— А я не мог выучить, как надо писать «не» с глаголами и с причастиями, и придумал соединять буквы в словах так, чтобы Евгения Александровна сама решала, где я написал слитно, а где раздельно. Двойку не хотел получать. Всегда с тревогой ожидал оценку за диктант! — с отчаянной смелостью сообщил Витя Стародумцев.

— Я тоже по двадцать ошибок на странице делал. Мама однажды говорит мне: «Дождусь ли я, чтобы тебя учительница похвалила?» И вот как-то прибегаю из школы и кричу: «Меня похвалили!» Мама умиляется, конфету дает, а я объясняю: «Анна Васильевна

чихнула, я ей быстренько: «Будьте здоровы!» Учительница обрадовалась и ответила: «Какой ты, Коля, вежливый!» Мама тогда чуть мимо табуретки не села.

Коля, откинувшись на спинку парты, смеялся до слез.

— А как мы любили распевать песню из фильма «Бродяга»? Помните?

— Да, — ответил Коля нетерпеливым кивком и пропел, вскочив с места и забыв приличия:

Разрисован как картинка, Я в японских ботинках, В русской шапке большой, Но с индийскою душой!

Но тут же опомнился, покраснел и со смущенной улыбкой тихо отошел в сторону. «Характер Коли претерпел чудесные превращения», — тихо заметила Анна Васильевна. Девочки вспомнили моду на грустные баллады и затаили хором «Как по речке, по реке женский треп несется...». Но что-то на этот раз не пошла у них песня. Помолчали.

— Анна Васильевна, вы помните, как следили за тем, чтобы мы шнурки на ботинках завязывали туго и галоши надевали? Приучали обувь беречь, — вздохнула Варя Кобыльских. — Яшка, а ты не забыл, как мы всем классом спасали тебя, когда ты голову в парту засунул, а вытащить сам не смог? Топором доски поддевали. Петр Денисович на помощь тогда пришел. У тебя уже в первом классе голова была большая и умная!

При этих словах на меня пахнуло ранним детством. Почему-то, когда говорят о счастливом детстве, я всегда представляю, как папа Яша покупал мне черешни на палочке. Ягоды плотно прилегали друг к другу, их бока светились янтарем и рубином. Мне не хотелось разрушать такую красоту, и я не могла их есть...

До меня донесся голос Эдика:

— ...Говорят, что бедность не порок, а Петр Денисович объяснял, что порок, что всем нужно работать лучше.

— Ой, Толя! Какая огромная фиолетовая шишка была у тебя, когда ты, съезжая с горы, ткнул себя лыжной палкой в лицо. Ты маму боялся испугать, а мы за глаз волновались. Всем классом провожали тебя домой, — вздохнула Нина, вновь переживая тот беспокойный вечер.

— А мне поход на велосипедах по селам района запомнился. Страшно было ночевать в чужой школе без взрослых. Местные ребята осаждали окна. А мы делали вид, что смелые. Под утро только уснули.

Я заметила, как напряглась мать, не зная, что отец, сопровождавший нас на мотоцикле, уехал на день раньше. И только теперь я поняла почему. Учителя бурно обсуждали важность дошкольного воспитания и не услышали последних слов Раи Соловьевой. А она продолжала:

— Вовка на следующий день отыскал на берегу озера лодку и предложил нам покататься. Когда мы приплыли к другому берегу, то увидели в тени огромных раскидистых старых дубов красивый замок. Зашли в просторный холл: потолки высоченные, зеркала выше нашего роста в три-четыре раза. Часы напольные золотом отливают. Красотища! Будто в сказке оказались. Тут подходит к нам человек и спрашивает: «Как вы сюда попали?» «На лодке, — объясняем мы радостно, — путешествуем по родному краю». «Отправляйтесь назад, и чтобы я вас здесь больше не видел!» — строго приказал дядя. Лицо у него было испуганное. Мы, конечно, сразу послушались. Заволновались, что дяде из-за нас достанется. Позже узнали, что побывали на правительственной даче. Только в то время она пустовала.

— А у меня пожар до сих пор в глазах стоит. Ох, и напугалась тогда! Я мусор со школьного двора за огородами жгла. Стояла сушь. Бездымный костер торопливо слизывал сухую траву, бумажки, угрожающе трещал бурьяном и все больше разрастался. А я задумчиво смотрела на жаркий свет огня.

Вдруг ветер понес огонь по сухой придорожной траве прямо на хаты! «Если займутся, все сгорят дотла!» — мелькнуло в голове. Я сначала суматошно огонь лопатой сбивала и

землей засыпала. Справа тушила, а он слева за это время далеко убежал и к другой улице подбирался. Тогда я начала его ногами затаптывать, бегая из начала очага возгорания в конец. Брат увидели тоже стал помогать, не допуская малышей к огню. Потом мужчина из крайней хаты выбежал, вскочил на трактор и пропахал полосу. Огонь дальше не распространился.

Еще курился дым в остатках горячего пепла, а я уже забилась под крыльцо, кутаясь в пропахшее дымом пальтишко. Боялась возвращаться домой. Сознавала вину. Не справилась с порученным делом, размечталась и чуть не спалила свою улицу. Думала, достанется теперь по первое число.

За ботинки дома не наказали: понимали, что выбора у меня не было, — закончила рассказ Тамара.

— С тех незапамятных времен много воды утекло, а твое сердечко все дрожит? — рассмеялся вездесущий Колька.

Не получив поддержки своему беззаботному замечанию, он, стараясь быть незамеченным, отошел к дальнему окну.

— Я классные часы полюбила еще в младших классах. Помню, Анна Васильевна спросила: «Как имя и отчество твоей бабушки?» А я не знала. Растерялась и отвечаю: «Бабушка». Все засмеялись, а я заплакала. С тех пор к каждому слову учительницы прислушивалась. А в седьмом классе мне больше всего понравились диспуты «Доброе имя, здоровье и знания не купишь», «Две стороны одной медали» и «Тебе строить и охранять Родину». После таких бесед я задумывалась над самыми важными вопросами своей жизни, — очень серьезно, со взрослой ноткой в голосе сказала Света Седых.

В моем сознании всплыли грустные глаза и сгорбленная спина Вари на парте, которая по бедности не смогла сдать деньги на подарок к Восьмому марта для Анны Васильевны. Промелькнула в памяти неловкая ситуация, возникшая при поздравлении любимой учительницы. Она не хотела обидеть школьников, искренне даривших сумочку, и не могла взять подарок, купленный на деньги родителей. Ее взгляд скользнул по самым небезопасным детям. Она все поняла и еще больше расстроилась... Стояла чуть не плача и растерянно, смущенно бормотала: «Ребятки, дорогие мои, лучший подарок мне — ваши успехи в учебе». Выручил Эдик. Подарил учительнице цветы, которые мы с ним догадались вырастить у себя дома на подоконниках. Все поняли, что зря послушали совета напористой Вальки-второгодницы, считавшей себя докой в общественных делах. Сумочка не прибавила праздничного настроения Анне Васильевне...

— Саша, а ты помнишь, каким образом внимание девочек на себя обращал? — спросила Вера Николаевна. — Кончики их косичек в чернильницу окунал!

Саша смутился. Учительница тактично не назвала имени Нины, моей подруги по парте, которой доставались все знаки внимания влюбленного мальчика.

— Ну-ка, доложите, отличники, часто списывали за последний год? — с хитренькой улыбкой спросила Юлия Николаевна.

— Один раз, — созналась я. — Вы задали решать примеры на повторение за шестой класс, а мне захотелось сходить в интернат в гости к подружкам. Я нашла в старой тетрадке готовые решения и, не вникая в суть, переписала их. А в интернате одноклассница попросила объяснить задание. Стыдно мне было сознаваться, что схалтурила! Пришлось на месте быстренько соображать.

— А помнишь, как ты училась играть на балалайке, а Лешка пошутил, что от твоей игры все крысы передохнут, и эта капля переполнила чашу твоего терпения...

— ...А помнишь, как постоянно выручали на уроках твои вечно оттопыренные карманы — склады всевозможного бесценного хлама...

— ...А помнишь...

Мы говорили о мелочах, а по сути дела, вспоминали самое важное для каждого, что

тронуло душу и осталось в сердце на всю жизнь. Воспоминания приятно отзывались в наших сердцах. Необъяснимо привлекательна общая радость, когда чувства всех сливаются воедино и возникают моменты безумно счастливого воодушевления и восторга. Память лет, проведенных вместе, для нас как основа, хороший добрый фундамент дальнейшей жизни.

Мелькнула грустная мысль: «Неужели последние дни вместе?» Заныло под ложечкой. Я сморщила нос, чтобы удержать слезы, и отвлеклась на воробьев за окном. Смотрю: из клуба идут родители учеников, окончивших школу на «хорошо» и «отлично». У них цветы и грамоты от сельского Совета. Они горды. Вчера о них рассказывали по местному радио. А вечером состоится праздник День отца. Я знаю: мужчины стесняются почестей, но все же приходят.

И снова воспоминания, воспоминания... Чем больше говорили, тем грустнее становилось. За годы совместной учебы что-то большое, доброе, незабываемое и бесконечно дорогое соединило нас навсегда. Будто стали едины, неразделимы. Когда смолк шум школьного дня и схлынула суета, это чувство еще больше усилилось. Не хотелось расставаться. Стоим. Тишина удивительная. Небо над нами темно-сиреневое. В воздухе ощущение теплой грусти. Природа тоже сопереживает нам.

Я вдруг снова как-то очень остро и болезненно почувствовала грань возможного разрыва со школой. Сейчас тут, а сделаю шаг, — и сразу окажусь в новом, неизведанном и чужом мире. Неясное, тревожное волнение заполнило душу, теснилось в сердце. На мгновение ощутила бесконечность Вселенной. И в тот же момент будто со стороны, издали увидела фигурки ребят, мысленно устремленных в себя, в свой маленький чудный мир детства, в прозрачный надежный шар, окружавший их несколько радостных, по-своему беззаботных лет. Сделалось неуютно и одиноко.

Но уже в следующую минуту на фоне грусти появилось ощущение уверенности в том, что все у меня сложится, где бы я ни оказалась после школы. Я же дома, в родной стране! И канву своего будущего на многие годы вперед могу безошибочно расписать хоть сейчас. А какой красоты и сложности узор нанесу на полотно своей жизни, будет зависеть только от моего желания и старания.

Мы стоим около школы и смотрим в небо на звезды разной величины и яркости. «У каждого человека должна быть звездочка-мечта, которая не позволит сбиться с намеченного пути и поведет только к высокому и прекрасному, — думаю я. — Опять меня «заносит» говорить высоким «штилем!» — останавливаю я себя и грустно улыбаюсь друзьям.

Глава Третья

ЗИНА

Раннее утро. Рассвет огненными лучами распахал облака у горизонта. Иду на станцию мимо заброшенного колхозного сада. Старые деревья устало склонили нижние ветви к земле, а верхние торчали во все стороны сухими голыми рогатинами, что еще в большей степени вызывало у меня ощущение кладбищенского запустения. Заросли кустов слились в сплошную зеленую изгородь. Цикорий, пустырник, пыльная лебеда рисуют корявые узоры на стелющейся повсюду траве-мураве. Репейники переплелись с молодой, но чахлой порослью городского клена. Заросшие дорожки как забытые одинокие судьбы. А неподалеку новый сад со свежей, молодой зеленью подрастающих яблонь, груш и двумя рядами елочек, окаймляющих их по периметру.

Вышла на прямую дорогу, ведущую к станции. По обе ее стороны стоят лесополосы. Они разрослись и верно несут свою службу: летом спасают от жары, зимой — от ветров, гуляющих вдоль и поперек луга. Иду и размышляю: «Странная в этом году погода. Май был очень холодным. То сирень зябла от неожиданных морозов, то черемуха на короткое время надевала пушистые снежные шапки. А теперь стоит африканская жара. Но сегодняшнее раннее утро на диво чудное и прохладное».

Прогромыхал на колдобинах грузовик, оставив за собой шлейф пыли. Протарахтел тарантас бригадира полеводческой бригады. Опять тихо так, что слышно, как урчат на болоте за посадками лягушки. Пахнет липовым цветом. Роса сияет радужно и радостно.

Неожиданно быстро потемнело. Холодный резкий ветер зашумел кронами деревьев. Я ускорила шаг. Но вскоре ураган погнал меня вдоль дороги с такой силой, что я не могла остановиться. Сначала мне понравилось нестись с большой скоростью. Но, когда на землю посыпались не только листья, но и мелкие ветки, я забеспокоилась, ища пристанища. В лесополосе останавливаться опасно. Бросилась к крайней хате и заскочила в палисадник. В это мгновение шквальный ветер с неистовой силой обрушился на село. Затрещали деревья. Кусты представляли собой живую массу, похожую на огромное извивающееся животное, то надвигающееся, то отступающее на старые позиции. Косой дождь хлестал по стеклам окон, потоками стекал с крыши дома, бил по моим плечам.

Оглушительный треск за спиной заставил меня пригнуться. И все же, движимая любопытством, я выглянула из-за штакетника. Навес над крыльцом, под которым я сначала хотела спрятаться, искореженной грудой брусков и листов кровельного железа валялся перед двором. Перекрученная ветром огромная груша, часть ветвей которой распростерлась над крышей дома, раскололась на несколько кусков, и бледно-желтые острые обломки ствола торчали грозно и в то же время одиноко и печально. Калитка оторвалась от забора и валялась на проезжей дороге. Телега, что стояла во дворе у сарая, разломана упавшим деревом, колесо закатилось в угол двора. От вида такого «побоища» я снова пригнулась к земле.

Минут через пятнадцать все закончилось. Выглянуло солнце. С моего платья и волос текли ручьи. Вышла на дорогу. Ноги «плыли», погружаясь в грязь выше щиколоток. Смысла не было искать удобную тропинку, поэтому пошла напрямик по лужам, не снимая обуви. Вот дела! А говорят, если утро с росой, дождя не жди. Видно, сегодняшняя буря — аномалия, исключение из правила.

Возвращалась домой от сестры Люси уже вечером. Тускнели малиновые сполохи заката. Дальний лес уже купался в синем тумане. Лесополоса была неузнаваема. Земля устлана цветами липы, листьями и ветками каштанов, раkit и дубов. Тут и там валялись поваленные и вывороченные с корнем деревья. К сильному аромату цветов примешивался запах сырой земли и мокрой недавно раскрошенной древесины. Роскошная красавица-береза перегородила мне тропинку. Около нее стояла четырехлетняя соседская девочка Юля, грустно смотрела на торчащие огромным мохнатым зонтом корни и шептала: «Мама, они уже умерли?» «Ничего не поделаешь, буря», — сочувственно отвечала ей мать.

У моста встретила Катю Ступицкую. Их группа возвращалась с прогулки.

— Ты знаешь — Зина из девятого класса решила идти в училище на повара учиться, — озабочено сказала Катя.

— Почему? Мы же с ней мечтали об институте, — удивилась я.

— Может, поговоришь с ней?

— Ладно. На днях заскочу. Сегодня мне уже пора домой. Пока!

— Пока! — ответила Катя и помахала мне рукой.

Меня обеспокоило известие о перемене решения Зины, и я, пытаюсь разобраться в причинах ее поведения, вспоминала все, что знала о ней.

Познакомилась с Зиной еще в прошлом году, на районной выставке детского творчества, где, в основном, были поделки девочек: коврики, вышивки, вязание. Работы Зины мне понравились больше всех. Мы разговорились. Я отметила в девочке самостоятельность, ответственность, умение отстаивать свое мнение. Говорила она уверенно, четко. Ей пятнадцать. Худенькая, сероглазая, с ярким румянцем на круглых щеках, покрытых нежным пушком. О таких говорят — «персик».

Летом детдомовцы целыми группами разъезжались по пионерским лагерям. Встретилась я с Зиной только в октябре и не узнала. Осунувшаяся, бледная, выражение лица то злое, то безразличное. Ссутулилась. От девочек узнала, что учится плохо, дерзит. Воспитатели решили, что у нее переходный возраст, и успокоились. А я не раз слышала от бабушки, что поведение ребенка — реакция на отношение взрослых. Может, обидел кто? Спросила у друзей Зины. Как будто все в порядке. К Володе подходила. Он смешной, но добрый. Ходит, подавшись вперед, словно голова тяжела для его тощей нескладной фигуры. Весь детдом знал про их любовь. И сама Зина как-то рассказала мне о его первом признании. Оно тронуло мое сердце. Я и сейчас представляю, с каким восторгом она рассказывала:

— Мне было шесть лет, а Вовику семь. Он уже в первом классе учился. Под Новый год выпал пушистый-пушистый снег, и ребята дружно лепили снеговиков. Потом все ушли в корпус, а мы с Вовиком остались. Мы так увлеченно возились, что нас не тронули. На улице темно-темно и совсем не морозно. Стоим, смотрим в черное бархатное небо с огромными яркими звездами. Я испытывала в тот момент незабываемое, удивительное, странное чувство восторга и восхищения. И вдруг Вовик, поправляя голову снеговика, говорит мне: «Я люблю тебя». Переполненная ощущением красоты ночи, я не ответила. К тому же его слова были для меня неожиданными. Я была тогда очень страшенькая: лицо круглое, толстое, глаза узкие, нос картошкой. Видно, под влиянием красоты природы в Вовике что-то проснулось, и ему захотелось об этом сказать. А я была рядом.

— Нет, в этот момент ему все казалось прекрасным, и ты тоже, — возразила я. — А меня внешность никогда не волновала.

— Посмотрела бы я на тебя, будь ты дурнушкой! — фыркнула в ответ Зина.

— Я страшно тощая, но совсем не переживаю. Кости есть, — мясо нарастет. Бабушка шутит, что «изящная худоба говорит о породистости». Как-то в мечтах я придумала для себя резиновую надувную одежду, чтобы выглядеть «гладкой», но потом решила, что, когда вырасту, фигура сама исправится, — поделилась я.

— Из гадкого утенка не всегда лебедь вырастает, — грустно отозвалась тогда Зина...».

А этой зимой друзья сообщили мне непонятное, неосознаваемое, страшное: «Зину в пионерском лагере использовал врач. Теперь ей жизнь не мила. Проклинает весь белый свет».

— Что делать? Взрослым сказать? — спросила я.

— Для них главное, чтобы ЧП в детдоме не случались. Они, как водится, молчать будут, а Зину в училище сдадут. Было уже такое, — хмуро ответила мне Лена, подруга Зины.

— А кто врача накажет?

— Никто. Не домашняя. Заступиться некому.

Я почувствовала, что в этот момент все эти невообразимо разные дети с одинаково напряженными печальными глазами были едины в своей ненависти и презрении к взрослым.

Во мне поднялась буря возмущения. Володя, друг Зины, четко сформулировал мои чувства: «Убивать таких надо!»

— Трус этот доктор. Беззащитных легко обижать. Раньше хоть дуэли были, — вздохнула Лена.

— Дуэль — глупость! Мура, ерунда! А если погибнет невиновный? Погибать должен подлец! Не понимаю смысла дуэли! Доктор — гад! Бездарный прощелыга! Норовит легко отделаться. Не выйдет, — со зловещим видом сказал как отрезал Володя, не скрывая бунтарского настроения. Его глаза пылали мщением.

— Ты в своем уме? Рехнулся? Это дело обмозговать надо, обкашлять. Не ищи неприятностей на свою голову, пораскинь сначала мозгами. Нельзя убивать: в тюрьму засадят, вся жизнь наперекосяк пойдет. В два счета хребет сломаешь, — не на шутку встревожились старшеклассницы.

— Это уж точно! Не ввязывайся в опасную игру. Оплошаешь, все прахом пойдет. Не форсируй события. Надо с Лидией Ивановной посоветоваться, — не скрывая беспокойства, предложила я простой выход.

И замолчала, продолжая взвешивать в уме возможные последствия предполагаемого безрассудного поступка Володи. А он неожиданно нагрубил мне.

— Не строй из себя дурочку! Ты же все понимаешь. Поговорим без обиняков. Кому нужно пустословие, сю-сю лю-лю всякие? Преступление не должно оставаться безнаказанным. Нам за малейшие шалости влетает, а взрослым все с рук сходит! Этот доктор — сволочь, хитрый подонок, духовный и нравственный труп. Зачем такие на свете живут?! — негодуяюще сузив глаза, сквозь зубы процедил Володя.

Потом он как-то быстро остыл, вздохнул и напоследок сказал со смешком:

— Считайте, что я глупо пошутил.

В тот же день он пропал из детдома. Через три дня милиция нашла его и отправила в колонию за то, что он кирпичом проломил доктору голову. Не добились от мальчика объяснения причины нападения, хотя в глазах следователя дети видели радость охотника, вышедшего на долгожданный след. Володя стоял у стола начальника как пришибленный и молчал. Бремя угрызений совести не давило его. Он не убил. Он защищал честь и достоинство... Был только неожиданный жуткий животный бессознательный страх от содеянного, жгучая тоска и сумятица... Когда увозили в колонию, прошептал сквозь слезы: «Как перед Богом говорю, он заслужил!»

Может, Володя считал тогда, что страшнее того, что уже совершил, нет ничего на свете? Знать бы ему, что ждет его. Сколько еще хлебнет горечи, разочарований? Устоит ли, выдержит ли? Ох, лихо ему будет! Я уже слышала одно «яркое повествование» на эту тему.

Володя рано познал цену страданиям. Его всегда обуревали горестные мысли. А теперь еще сжег за собой мосты... Он выбрал глубоко невежественное и по-детски искреннее воплощение утопии о всеобщем человеческом счастье... Душа моя рыдала и металась между законом и безвыходностью сложившейся ситуации, в которой всегда крайний — глупый детдомовец.

По истечении нескольких месяцев медсестра обнаружила, что у Зины будет ребенок. Из больницы она вернулась молчаливая, угрюмая. Совсем замкнулась. Девочки говорили, что на уроках смотрит в окно, к доске не выходит. По лицу видно, что жизнь поставила ее в тупик.

Закончился учебный год. Как-то в начале лета я каталась в парке на веревке с перекладиной, привязанной к вершине дерева, и сорвалась. Зина сидела неподалеку, и первая подскочила ко мне. Мы вместе немного поплакали.

— Главное, что не покалечилась, — сквозь слезы улыбнулась я Зине.

— Я вот тоже так подумала: «Главное, что жива осталась. Поступлю в институт. Может, еще счастливой буду.

— Конечно, будешь! Жизнь вон какая долгая! Знаешь, сколько всего разного и интересного тебе еще встретится! — поддержала я добрые мысли подруги.

Зина горько усмехнулась, погладила меня по ноющей спине и скрылась в густом буреяне. Я знала, что ей все время хочется быть одной. И все же она уже переболела своей бедой, выздоравливать начала, раз о будущем думает. Только, видно, еще не совсем жизнь в свои рамки вернулась. И вернется ли окончательно? Теперь Зина уже другая, взрослая, с новой жизненной философией. Жестче, горше, грустней... В людях разуверилась. Страх свил гнездо в ее сердце. Страх перед жизнью обескураживает, делает покорным, беспомощным. Напуганный человек поступает неразумно. Может, она, как и ее друг Володя, тоже лишилась способности разумными, достойными путями бороться за свое счастье?

Проходя мимо дома со старинными каменными воротами, вспомнила, что здесь живет воспитательница детского дома. Мы здороваемся. Я сочла такое знакомство достаточным, чтобы потревожить ее в нерабочее время. В ответ на мой вопрос Ольга Васильевна нахмурилась:

— Совсем недавно Зина познакомилась с парнем. Сначала мы обрадовались: повеселела девочка, огрызаться меньше стала. А теперь волнуемся за ее будущее. Оказалось, что молодой человек старше ее вдвое! Ничего хорошего из их дружбы не выйдет. Она для него игрушка на время. Когда встречаются два интеллекта или две тонкие, нежные души, получается ослепительный прекрасный взрыв. А тут что? Юная глупость да взрослый эгоизм. Беседовала с нею. Не понимает! Боюсь, по рукам пойдет!

«Конец мечтам? Разве нельзя совмещать любовь и учебу? Жених не хочет, чтобы она училась в институте? Тогда он плохой человек!» — возмутилась я и направилась к своему дому.

КЛЯТВА

Выполнила все запланированные на сегодня дела и отпросилась у бабушки погулять. Примчалась к детдому.

— Тебе Лену из седьмого класса? — спросил меня какой-то мальчик.

— Да.

— Сейчас позову.

На крыльцо вышла Лена. На лице, как всегда, ноль эмоций.

— Куда пойдем? — поинтересовалась я.

— Праздный вопрос. Знаешь ведь, что дальше парка не положено. Это ты шляешься, когда вздумается и куда хочешь, — взбрыкнула Лена с горестным ожесточением, уставившись на меня свирепыми, острыми как ножи, глазами.

— Мне тоже не разрешают подолгу засиживаться в гостях даже по делу. Но сегодня у меня и правда уйма времени. Покатаемся на качелях? — брякнула я наобум, лишь бы сгладить неловкость.

— Давай. С чего это ты сегодня такая веселая?

— Чего горевать? Сдала все экзамены на отлично! Знаешь: мы фотографировались с учителями, вспоминали школьные годы, первую учительницу, — затархтела я привычной скороговоркой.

Лена заговорила, глядя в пространство:

— Мне не очень везет с учителями и воспитателями. Знаешь: я всегда чувствую бессознательную потребность в доброте, мне хочется, чтобы детям говорили «милая», «дорогая», а иногда даже «мое очарование», чтобы день в детдоме начинался с приветствия: «доброе утро», а не «подъем!» — и тогда у всех сразу появлялось бы хорошее настроение. Разве после таких слов дети могли бы грубить? Хочется, чтобы не подавляли, не принижали, не игнорировали, чтобы уважали, как с равными обращались. Бережно относились к чувствам детей. Не нужно быть пророком, чтоб понимать такое... Но это дилетантские глупости, зыбкий мираж мечтаний, который безрассудно царствует в наших головах. Детские наивные зори, причуды!

Ведь согласись, изначально тяжкая, нескладная жизнь у детдомовцев, одиноких, ничейных, зажатых, без веры в красивую мечту. Робкая надежда на счастье, конечно, теплится у каждого. Украдкой мечтаем, даже своему сердцу не доверяем. Неистребимо желание быть любимыми... Детство отзвенело, но не ушли из души детские желания. Видно, не только мечты — и жизнь теряется в вираже вселенной. Пронесла я через все детство тоску многострадальную.

Лена понизила голос и задумчиво, будто не для меня продолжила:

— Мне кажется, что самое большое счастье для ребенка, когда за столом собирается большая дружная семья и все улыбаются. Наверное, каждому ребенку хочется, чтобы его прижала к себе мать и сказала теплые слова, пожалела. Или хотя бы другой какой-то очень добрый человек, пусть даже не обнимет, а просто увлечет каким-либо хорошим, интересным делом, а потом похвалит. Ну, совсем чуть-чуть... Всем нам грезится счастье, всем хочется покоя. А получаем в основном всплески сожалений, потому что изгой. Мы не можем позволить себе быть пре-тен-ци-озными, но нам тоже много надо от жизни...

А тут глазом не успеешь моргнуть, как услышишь: «Не канючь замухрышка, не гундось! Не бухти! Заткнись! Чего тебе не хватает? Осталось только конфеты в ж...

запихивать! Дармоедка! Оставь свои убогие претензии. Вот получишь у меня, быстро шелковой сделаю! Кормишь, холишь тут вас...» Ранят, задевают за душу такие слова. После них никого к себе не подпускаю. Видишь, как о нас пекутся? Ничего не скажешь! Нежные, остроумные речи, достойные доброго порядочного человека! В них звучит предвзятость, заносчивость, да еще с такой гадкой интонацией! От таких слов не поют в душе колокола.

Детство должно быть счастливым, а основной метод воспитания нашего детдома — насилие и унижение. А какой результат? Мой Саша восьмилетним попал к нам, так его в первый же день избили пацаны за то, что он был чистеньким маменькиным сыночком. Жестоко лупили, «в темную», под одеялом. Он сначала воспротивился, полагая, что воспитатели помогут, заступятся. Для того ведь приставлены... Я бы предпочла дальше не распространяться. Нет надобности... Чудовищные трудности перенес Саша, не превратился в волчонка только потому, что спасался и теперь еще спасается воспоминаниями из раннего домашнего детства. Кстати сказать, мне кажется, люди всегда знают, когда поступают плохо, если им, конечно, не задурили голову.

Лена пошла медленнее. Я тоже придержала шаг. Голос подруги окреп, в нем появились нотки раздражения:

— Совершенно очевидно, поскольку я не могу смириться, то тоже не остаюсь в долгу. Легко поднять злую бурю в неискнутом сердце. Куда ни плюнь — везде сволочи! Всюду злость зависть злословие. Не докричишься до их душ. Сами по себе мы никому не нужны. Они уподобляют нас зверькам. Взрослея, я все меньше верю людям, даже друзьям. Мне всегда не достает приятных, небезразличных человеческих лиц. Глядишь на пустые, беспощадно белые стены и сатанеешь, невмочь становится... Опостытело все!

Лена нервно заерзала и, оглядевшись по сторонам, зашептала:

— Наша воспитательница — жутко неприятная особа, точнее сказать, омерзительная старуха, гнусная тварь, к тому же обидчивая и злопамятная, как многие не очень умные люди. Не человек, скользкий обмылок. Крепости ее нервов камень может позавидовать. Доведет нас до истерики и сидит себе, пишет спокойненько. А я дрожь полдня унять не могу. Вечно она зудит, зудит. Сыта по горло ее «заботой»! Не люблю ее повелительный, распорядительский, уверенный голос. После разговоров с ней вокруг меня бешено носится распаленная ненавистью черная тоска. Я застреваю в ней как в болоте. Она засасывает меня!

Лена бросилась в траву. Я присела рядом.

— Здесь с непонятной быстротой осознаешь безнадежность, необходимость. Неукротимое сердце сотрясают страдания, сердце гложет неутолимая обида. Выплачу бездонное море слез, — не помогает. До чего же тогда бывает отвратно на душе! Кажется, что наступает всем концам конец. Ожесточаюсь, злюсь на всех без разбору, появляется непреодолимое желание сделать кому-нибудь неопишимо каверзную гадость или самой сгинуть. Мной овладевает приступ негодования, сгоряча я перехожу все границы дозволенного, сужу о людях категорично, с беспощадной жестокостью, позволяю дерзкие мальчишеские выходки, пытаюсь учинить какой-нибудь сумасбродный поступок. Я так протестую. Когда я разгорячусь, мое воображение не знает тормозов, я не контролирую себя. Много нервов успела попортить учителям. Может, у меня в крови неприязнь к дисциплине?

Голос Лены звучал возбужденно и резко. У меня мурашки заскользили по спине.

— ...Потом наступает череда унылых дней, приходит период душевного упадка, давит тупая боль смирившегося отчаяния. Я ощущаю пустоту в сердце, безразличие ко всему, забрасываю учебу, снижаю. Хотя внешне я послушная, смиренная, вернее смиренная. Опять затягивает трясина скуки, зыбучие пески слезной тоски, бездна неуверенности — изнанки жестокой печали. Леденит угрюмое оцепенение.

Нет сил вытащить себя из этого жуткого состояния. Я замыкаюсь в своей душевной непримиримости, предпочитаю полное одиночество присутствию чванливых, назойливых и равнодушных людей с их неискренним, нескромным любопытством, душевной скарденностью, оскорбительной снисходительной жалостью, стегающей хуже кнута, умиряющей страх, но вызывающей отвращение к жизни.

Но не скрыться от пронизывающих, проникающих в самую глубину души сквозняков людского притворства. Нелюбовь хуже всякой боли. Всесокрушающая обида на неудачно начатую жизнь мучит, мешает жить нормально. И тогда уже не до завиральных сказок. Гаснет вера в добро. Стихает задор, желание попытаться счастья...

Неожиданная задумчивая пауза. Лена печально смотрит в небо на облака и характеризует их как заплесневелые. Я мысленно не соглашаюсь, но молчу. Подруга продолжает исповедоваться:

— Сначала мне казалось, что самое трудное — первый раз познать и пережить несправедливость, думалось, это смерти подобно. Эх, это наше детское, взыскательное чувство справедливости! До чего же оно упрямое! Жизнь с ним представляется большим долгим кошмаром. Кажется, что недозревшая душа остановилась в росте, усохла и больше никогда не расцветет...

И вдруг неожиданный сочувствующий взгляд, чье-то, пусть даже не произвольное, доброе слово, — и как рукой снимает бессилие ослабленного духа. Начинаешь явственно понимать убожество теперешнего положения, отчетливо представляешь последствия, стремишься к друзьям. Опять начинают возрождаться и теплиться мечты, возникает состояние радужного забвения. Отдаешься во власть мимолетной радости. И тогда мнится, что снизошло на меня неизъяснимое блаженство. Осознаешь, что отсутствие плохого уже означает хорошее...

Опять неопределенная пауза. Наверное, Лена собирается с мыслями. Я не решаюсь нарушить молчание.

— Не выношу, когда меня выставляют глупой или вообще предполагают во мне полную идиотку. Нас здесь всех считают чуток с приветом, с придурью, — вздохнула Лена. — Говорят, наследственность подкачала. Их бы деток сюда, на прозябание, а нас в семье — наверстывать упущенное. Мы не виноваты в непоправимом несчастье нашего рождения, достоверно и неотвратно ведущем нас в пучину горестей. Иногда мне кажется, я предпочла бы этой жизни жгучий мрак небытия... Пока передышка, отсрочка... Воспаленное сознание науськивает. Потом пружина лопается... Ретируюсь. Слава богу, ничего не случилось. Ох, эти мерзкие ночи!.. Хочется думать о хорошем, а память вышивает иные узоры, грубые.

Я постоянно вижу торжество зла и глупости. Моя беда всегда ходит за мной по пятам. Одни ребята у нас становятся людьми, другие, наверное, те, которые слабые, перестают быть ими... Жизнь давит их как клопов. Сами выдерживают только те, у кого стержень внутри крепкий, а остальным обязательно нужен хороший взрослый, чтобы повел за собой, как теленка на поводке. Ищи-свищи таких как ветра в поле. Хороших людей раз-два и обчелся.

Мне показалось, что Лена перебарщивает, перегибает палку, и я остановила ее рассуждения:

— Мне тоже вращение в новую семью далось нелегко. Мучает скверная тайна, темные обстоятельства, сопровождающие мое появление на свет, годами нянчу сентиментальные переживания. Из-за переизбытка печальных чувств и горьких страданий происходит путаница умозаключений, подмена понятий. Так говорит Александра Андреевна.

Что важно для меня, а что нет? Будущее — мысленный призрак. Мне не дадут самой выбирать его, самой решать свою судьбу. В пищевой отправят. В жизни не все выходит, как хочется. Но я все равно рано или поздно стану самостоятельной и тогда смогу проявить твердость характера и выйду на свою дорогу. Чем ярче мои мечты, тем смелее воображение и больше желания их добиться. А пока я живу с родителями и не имею права противоречить им. Приходится смиряться, покоряться неизбежному. Конечно, я потихоньку, намеками пытаюсь втолковать матери свои желания, но отец... А ты, если будешь хорошо учиться, сама сможешь выбрать свой путь, не соглашайся на училище, — тихо отозвалась я.

— Я не предполагала у тебя таких проблем, — выдохнула Лена, как-то совсем по-детски поежилась, потом расправила напряженный лоб и продолжила свой монолог с закрытыми глазами.

Я поняла, сейчас ее занимают другие, «не конкретные» мысли.

— Странно, но чрезмерность отчаяния иногда спасает меня. Можно сказать, что сознание, будто отключает мозги для грустных тем, вроде как приводит к временному оупению, забвению гадкого и позволяет отдохнуть. Мне иногда кажется, что организм так устроен, что до поры до времени стремится отвлечь, уберечь нас от тяжких, назойливых воспоминаний. Но глухая безнадежность, одиночество, безрадостная жизнь все равно выковыривают их из души, и, складываясь, они опять начинают душить. Приступы отчаяния длятся невыносимо долго. Незавидная участь у детдомовцев. У нас ситуации часто бывают гибельными, трудно не обозлиться, не сбиться с пути. Домашним чужды наши мысли, наша скорбь. Но это не про тебя. Ты в состоянии нас понять.

Я утвердительно кивнула.

— Не могу выносить, когда унижают, бьют маленьких, беззащитных... Убить готова, — спичкой вспыхнула Лена. — Может, во мне давно перегорели многие добрые чувства. О счастливом будущем я даже думать не отваживаюсь. У тебя нет подтверждений или четких опровержений, что я заблуждаюсь. Для того чтобы понять меня, надо прожить мою жизнь. Спасает только чтение. Увлекает упоительное чувство прекрасных иллюзий. Обожаю серьезных пыльных классиков. Там нахожу слова такой проникновенной силы! Они скрашивают мое убогое существование. Упиваюсь книгами, с ума по ним схожу. Только в них — утешение, воздух, восторг, игра воображения! Прелестные грезы, лабиринты ярких мечтаний! Познавая новое, я испытываю загадочное неведомое удовольствие, наслаждение. Радио люблю слушать хоть целый день. Оно создает эффект присутствия живой умной души, — неожиданно восторженно заговорила Лена.

Она приподнялась с колен. Глаза ее засветились.

— Если все время слушать радио, когда же думать? — шутливо отозвалась я.

Мне показалось, что костер темных эмоций подруги почти угас и что она не станет дальше развивать печальную тему. Но Лена, сдвинув полукружья тонких черных бровей, говорила еще долго, сбивчиво, несвязно, с обидой, обреченно. Лицо ее быстро менялось, потому что по нему чередой перекатывались различные, произвольные печальные выражения. Я молчала, чтобы не потревожить рассказчицу и думала о том, что хоть в одном Лене повезло: она имеет массу свободного времени для чтения, — и еще о том, что мне всегда интересны и понятны люди умные и несчастные.

— ...Чего хочется от воспитательницы? Чтобы немного похвалила, чуть-чуть пожалела... Разве это много... Разве это пустяк... А они только шпигуют. Я им той же монетой отвечаю, — опять слышу я голос Лены.

Сделав над собой невероятное усилие, я попыталась возразить:

— Может, сгущаешь краски? Ты смотришь на мир через призму своих бед, поэтому видишь его черно-белым. Я тоже этим страдаю, но учусь различать и другие краски жизни. Знаешь, даже гениальные люди не всегда говорят умные речи и не каждый день совершают добрые дела. У них уйма своих проблем и забот, что не мешает им иметь тонкую глубокую душу. По всей вероятности воспитатели предпочитают послушных детей, а ты то «атомный взрыв», то «мина замедленного действия», вот тебе и достается на орехи больше других.

Твои воспитатели и мои родители, много для нас делают. Нам только любви не хватает. Без нее как без солнца жизнь тусклая, пустая, никчемная. Только ведь любовь — не платье: не купишь, не продашь, займы не возьмешь. Бабушка говорила, что заклятый враг взрослой души — износ чувств. Многие люди устают от забот, у них не хватает сил быть добрыми ко всем. «Гады, конечно, никогда не переводились, но, может, ты все-таки преувеличиваешь? Твое озлобленное сердце просто не замечает хорошего», — осторожно предположила я. — Я тоже часто бываю обруганная, запуганная, одинокая, но если быть честной до конца, уже понимаю, что часто даже самые простые слова отца мне кажутся оскорбляющими, унижающими мой независимый непокорный нрав. Мои страдания усугубляются тем, что нельзя обнаруживать своих чувств. Я уже пытаюсь приучать себя к мысли, что не стоит свои проблемы разглядывать через увеличительное стекло своей излишней чувствительности, что пора избавляться от детских идеалистических иллюзий. Конечно, пока плохо получается.

Ты тоже не откладывай жизнь на потом, не отвлекайся, учись всему, что может предоставить детдом. И все будет чин чином. Недаром же народная мудрость утверждает: «Сделай, чтобы понять». Не все из книжек можно получить. Я не чурюсь любых взрослых дел еще из самолюбия. Стараюсь доказать, что мы, девчонки, ни в чем не уступаем мальчишкам.

Я остановилась, пытаюсь подобрать для своих рассуждений более мягкие слова:

— Ты знаешь, я против наказаний и до сих пор ненавижу тех, кто меня избивал. Но один взрослый недавно рассказал мне странную историю из своего детдомовского детства: «...как отхлестал его на рынке воспитатель, поймав на воровстве, как бил в ярости, со слезами бессилия и обиды, что весь труд пошел насмарку, что словами не смог научить. И только тогда, тринадцатилетним мальчиком, он впервые задумался о своем поведении, о заботливом, добром воспитателе. Он благодарен ему, считает, что этот жуткий случай вернул его к нормальной жизни, человеком сделал.

А другой взрослый поведал по секрету, что получил ремня от отца уже, будучи студентом, когда решил оставить институт. Его никогда раньше не наказывали. Сначала молодой человек обиделся, подумал, что отец плохой. Потом ума хватило понять его справедливость». Вот такой парадокс случается иногда.

Может, некоторым людям на самом деле иногда нужна встряска, чтобы отречься от глупостей и вникнуть в реальные обстоятельства? Хотя мое мнение: добрыми не

нудными словами легче добиться хорошего результата. Видишь, у домашних детей тоже предостаточно на пути терний, но, конечно несравненно меньше, чем у детдомовских, — высказалась я ровным спокойным голосом.

Лена сердито вскинулась, но я жестом остановила ее:

— Александра Андреевна объяснила мне эти примеры так: когда дети подрастают, то сначала во многом не дают себе отчета, чрезмерно щепетильны к взрослым и не очень к себе. Злит их непонятный, непогрешимый здравый смысл старшего поколения, стремление заставить нас вести себя «как подобает». Потом дети начинают понимать, что их проблемы не только в учителях и родителях, они еще в них самих.

Я уважаю Александру Андреевну, поэтому доверяю. Она предлагает больше шевелить мозгами и учиться находить в этом удовольствие; к взрослой жизни себя готовить, не ждать, когда за веревочку куда-нибудь потянут как несмышлениша. Сдается мне, нам еще много неприятного придется выслушать, пока поумнеем.

Учительница советует, как можно раньше заронять в себе добрые помыслы, искать красивую мечту и стремиться к ее осуществлению. У многих из нас в душе героические помыслы, а на деле: робость, неуверенность, страх или, наоборот, бестолковая, порывистая, неожиданная сумасбродность. Трудно человека воспитывать, если он сам не хочет быть хорошим! — с жаром закончила я.

— По горло сыта лекциями. И ты тут еще! Какая ты непонятливая! Твои примеры — нелепость, ерунда, частность. Сама в них веришь? Как в том, так и в другом случае, ты остаешься верной своим заблуждениям. Не убедила меня. Ты идеалист чистой воды и пребываешь в счастливом неведении. Или совсем меня за желторотую держишь? Я знаю истинную цену справедливости, страданиям, доброте и душевному уюту. Годами нервов выверены мысли и чувства. Сначала только ощущала, не могла осознать. Изнемогала от уныния. Потом сама поняла: чего-то мне не хватает, что-то в жизни моей идет не так, — бесстрастно отреагировала на мой монолог Лена.

Мы тихо брели по аллее парка. Я вспомнила, как однажды зимой моя бабушка сказала: «Много ли нам надо?» А я ответила: «Когда вы приносите из погреба пахучие, упругие моченые яблоки с моей любимой яблони, то кажется, что в этот момент мне больше ничего в жизни не надо». Наверное, глупость сказала, но тогда я так чувствовала, и бабушка поняла меня. Ее добрая душа была и в них... Я остановила поток приятных мыслей, чтобы случайно вслух не соскользнуть на путь высоких философских понятий, заполонивших меня в последнее время.

Мне хотелось поговорить с Леной, чем-то ее успокоить, и я прервала молчание:

— Бабушка мне про одну злую женщину говорила так: «Сердце ее ослепло, а душа устала прежде тела и рано умерла». Наверное, твоя воспитательница тоже такая?

— Не знаю, — безразлично пожала плечами Лена. — Вот меня вчера отругали за ложь. В наказание я дебютировала на кухне в качестве повара-виртуоза. Два ведра картошки одна начистила. А за что! Может, это были мои фантазии? Надо же выяснять! Я могу говорить и думать бог весть о чем! Под внешним спокойствием у меня всегда дремлет боль, а в безмятежности звучит тайная тревога.

Я люблю напыщенный слог, неподдельные чувства. И когда совсем становится невтерпеж, сочиняю во всю ширь своей фантазии. Люблю всласть поразглагольствовать в своем дневнике, не стесняясь своей «неуклюжей высокопарности и выпренности», как говорит Лидия Ивановна. И тогда, будто по мановению руки, мир становится иной, но только на короткое время.

Вранье — штука бытовая, а у меня — высокие материи! Вот недавно я придумала для себя и друга Саша новые имена: Джуди и Джуд — и описала в дневнике нашу сказочную жизнь.

— А я теряюсь, словно тупею от удивления, когда мне лгут прямо в глаза. Наглость взрослых шокирует. Слов не нахожу, чтобы «отбрить» или хотя бы не согласиться. Дара речи лишаюсь. Стою как кролик, загипнотизированный удавом. А после думаю: «Может, и к лучшему, что растерялась? Кому нужны мои «снаряды» правды?» А все равно злюсь,

что за дурочку держат. Я же понимаю, что лгут. Давно убедилась, что детское предчувствие почти всегда безошибочно, как тонкий собачий нюх.

Почему меня пытаются представить глупее, чем я на самом деле? Наверное, считают, что по доверчивой слепоте позволю себя обманывать. Презираю таких и сторонюсь. Конечно, по-настоящему прозорливые люди бывают только в старости, но и детей надо тоже уважать, не ущемлять, не принижать их достоинства. Послушай, Лен, а ты для чего сочиняешь? — не сдержала я своего любопытства, хотя боялась спугнуть хлынувшее широким потоком откровение подруги.

— Должно же быть место, где мы с Сашей всегда счастливы, где честность и любовь — понятия непреложные! — не задумываясь, выпалила Лена, сопровождая ответ неистовой жестикуляцией. — Я пишу о серьезном уморительным языком, и мой Саша, читая, покатывается со смеху. Он начинен юмором. С ним я чувствую себя вполне непринужденно.

Последние слова она произнесла с интонацией, с которой говорят только слова любви.

— Мне тоже не выпало счастья «познать полную неограниченную любовь родителей — единственную великую совершенную радость для ребенка». (Слова Юлии Николаевны!) Сознание этого ложится на меня непосильным бременем, обида часто сушит рот, нестерпимо подавляет, но и, пройдя все ступени отчаяния, я стараюсь не сетовать на прошлое, пытаюсь учиться жить в реальном мире: становлюсь осмотрительней, стараюсь быть всегда настороже, потому что не знаю, откуда ждать подвоха. Правда, пока не всегда удается. Но и тогда в своих «записках» я не стесняюсь говорить о семье с добродетельным пафосом.

Я уже в основном вышла из душевного оцепенения, в котором долго пребывала. И мои воспоминания уже не дают такого тяжелого представления о «давно минувших днях», как это было совсем недавно. Надивиться не могу, какая я последнее время стала сдержанная.

К чему пустое бессмысленное противостояние? Наши фантазии — чувства, не имеющие будущего. Это временное лекарство, бальзам души. Знаешь: жизнь в семье быстро отрезвляет. Человек должен управлять собой, иначе он — животное. Мне еще во втором классе подружка Валя об этом толковала, но я тогда пропустила ее слова мимо ушей. Как всегда была поглощена своими чувствами. Ты переживешь еще не один приступ раздражения и даже бешенства, пока выберешь нужный путь и выработаешь правильное отношение к жизни. Замечаешь: говорю словами Александры Андреевны!

С именем любимой учительницы тепло разлилось в области моего сердца. И я уверенно продолжила:

— Я до сих пор часто кажусь себе мертвой, когда моими чувствами управляет память оплеванного прошлого, но стряхиваю оцепенение, раз за разом преодолеваю себя, обуздываю, усмиряю невоздержанный характер; страдаю, веду мучительные споры с собой, втихомолку испытываю отчаяние, отравляющее жизнь. Иногда ощущаю болезненное отвращение к жизни. Но мысль о моей главной цели заставляет не поддаваться эмоциям, не дает бесповоротно губить мою единственную жизнь, попусту растрачивать силы.

Бабушка говорит, что только слабое существо стремится избавиться от своих терзаний, баюкая милые сердцу образы прошлого. Я хочу быть сильной, уверенной. Бабушка советует мне воспринимать жизнь с великодушным сочувствием, без ненависти, не подмечать в людях мелких недостатков, которых у всех сверх головы, уважать уже за то, что способны на добро, ценить любое проявление отзывчивости, по крохам собирать их любовь. Еще предлагает равняться по тем, кому было много труднее, но которые выстояли.

Лена слушала, насупившись, даже как-то устало-презрительно, но прервать уже не пыталась.

— Иногда мне надоедает уверять себя, в том, что счастлива, и опять начинаю скулить. Потом снова ищу способы примирения с действительностью, жадно коплю хорошие впечатления. Характер или помогает, или мешает в жизни. У меня он пока слабый.

Бороться я не умею, но стараюсь делать только хорошее, доброе, чтобы у меня не было врагов, чтобы уважали.

Мне думается: я часто была не права, жестко осуждая взрослых. Понимаешь, Лена, хорошее отношение воспитателей надо заслужить. Чтобы любили, надо самой какие-то усилия приложить. Знаешь, когда моя бабушка тяжело заболела, я как-то очень остро почувствовала, что жизнь у меня одна и надо успеть много сделать. Жалость к бабушке вытеснила злость и обиду на весь мир, породила сочувствие и прощение.

Теперь я пытаюсь с юмором относиться к своим проблемам. Плохо получается. Но как-то посмотрела на себя со стороны, посмеялась над собой и вдруг почувствовала, будто исцелилась! Не надолго, конечно. Но как здорово мне было в тот момент! Понимаешь, мое будущее в моей голове. Ну и в руках, конечно, — уверенно подвела я итог своих рассуждений.

— Ты думаешь, что у меня глухая и слепая, сухая, одичавшая душа, что я злая? Пойми: иногда одна неприятность может перечеркнуть все хорошее, что было до того. Губы детдомовцев часто шепчут «убью», «ненавижу» не на кого-то конкретно, а вообще, на гадкую жизнь. Когда меня обижают, я, в основном, не плачу, только думаю, думаю... Иногда с кулаками готова броситься на обидчика. Трудно все время быть взнузданной, с натянутыми вожжами. Мне воспитательница как-то сказала: «Наплачешься еще! По тебе тюрьма сучает!» Почему у нас часто наказания страшнее проступка?

— Наверное, потому, что некоторые воспитатели не умеют быть снисходительными. А может, работа им не по душе, — предположила я.

На миг глаза Лены вспыхнули злобой. Она беспощадным голосом заявила:

— Наплевать мне на воспитательницу. Я все равно докажу, что она не права. Не стану плясать под чужую дудку. Спокон века не кланялась никому! В институт поступлю. Пусть воспитательнице стыдно будет! Тяжел детдомовский хомут. Хочется, чтобы хотя бы со слезами, с болью, с нервами, но любили, чтобы не мучила сердце злая тоска. И врем мы в основном от стыда, страха и неуверенности. У меня даже на бесшабашность накладываются страх и злость. Я завидую безоблачной жизни домашних, их способности бездумно радоваться. Где мое загадочное, неуловимое счастье, о котором я думаю в неизбежные минуты одиночества? Прячется, увертывается! На что должна опираться моя очаровательная мечта или хрустально хрупкая надежда?

От слез глаза Лены будто туманом подернулись. Я осязаю ее боль. Мне так знакомо это чувство! Но я уверенно отвечаю:

— Опирайся на свою волю, на веру в мечту. Нам нельзя быть слабыми. Не на кого надеяться. Еще пойми: не всякому домашнему можно завидовать. Недавно ездили всей семьей в город. В поезде я читала журнал, который кто-то оставил на столике. Мужчина писал: «Во время войны меня взяли на воспитание две соседки. Мы голодали. Помню, как у меня в горле застревал кусок, который они отрывали от себя. Я мечтал попасть в детдом, только бы не видеть их страданий. Потом меня разыскали родители. А теперь, когда я стал журналистом, они смотрят на меня, как на человека, который обязан им по гроб жизни. Я все время им что-то должен. Устал от их претензий. У меня хорошая семья. В ней мне никогда не говорят: «ты обязан». Я все делаю от души, с добрым сердцем. И только постоянное недовольство соседок портит мне жизнь. Я, конечно, выполняю их требования, но не с радостью».

Сначала я вспыхнула: «Неблагодарный!» Потом еще раз прочитала статью, поставила себя на место молодого человека и посочувствовала ему. Два года заботы — и десятилетия упреков? Не доброта это, если с выгодой... Истинно хороший человек делает добро тайно, не выпячиваясь.

Я замолчала, раздумывая, посвящать Лену или нет в проблемы своей семьи. Решила, что ей будет полезен мой грустный жизненный опыт:

— Рассказала тебе про это еще и потому, что прошлое воскресенье вспомнила. Начался день здорово! Погода — прелесть! Завтракаем. Вместе работаем в огороде. Мы с Колей

устраиваем соревнования. Играя, легче работать. Обедаем. Балуемся с братом. Смеемся! И вдруг отец бросает «фразочку». Ни с того, ни с сего окрысился на меня. Дело ясное: радость меркнет. На меня находит лихорадочно взвинченное, возбужденное состояние. И я дорогой солнечного лучика устремляюсь в небесную высь, в царство белых облаков, где одиночество теперешней жизни заполняю хорошими моментами из прошлого.

Одиночество как осенняя изморозь — душа стынет. Я редко показываю отцу свои слезы. Убегаю. Горький ручей моих обид не растопит его сурового сердца. От его глухой враждебности тоска сжимает горло. Она, как тень, всегда со мной. Одним холодным взглядом отец опрокидывает мои мечты и мою радость в бездну. Он всегда исподтишка выискивает предлоги и поводы осмеять меня, допекает намеками на иждивенчество. А я прямодушная и легковерная, со своей неистребимой потребностью верить и любить, вновь и вновь попадаюсь ему на удочку. Потом использую единственный способ спасения, — побыстрее улепетываю от него и в одиночку усмиряю свой невоздержанный характер. Знаю за собой: могу ответить очень даже непочтительно. Я всегда склонна преувеличивать внешнюю, привычную благожелательность людей. Хочется верить в настоящую глубину их чувств.

Лена понимающе кивала головой.

— Наверное, я преувеличиваю и глубину пропасти между мной и семьей. Может, напрасно артачусь, дуюсь, переживаю? Но, когда отец дома, веселость мгновенно покидает меня и не хватает сил чувствовать себя счастливой. В школе я долготерпением не отличаюсь: дома его растрачиваю. В семье мало тепла и сочувствия, но и на стороне я не ищу их: стыжусь своего положения иждивенки.

Я уже понимаю, что взрослые тоже не всегда могут управлять своими чувствами. Знаю, что я как заноза в пальце или песок в глазах отца. И все-таки обидно. Я же ни в чем не виновата! Чем внимательнее я приглядываюсь, тем больше запутываюсь в своих понятиях о людях.

— Может, ты не понимаешь его юмора? — попыталась успокоить меня Лена.

Теперь она говорила другим голосом: мягким, душевным, сочувствующим.

— Я различаю, когда он шутит, а когда ехидничает. Однажды дядя Петя похвалил мои пальцы. Сказал: «Музыкальные!» А отец проехался: «Воровские. По карманам удобно лазить!» Я же поняла, что шутит, и мы вместе посмеялись. Отец знает, что после окончания школы я дома не останусь, поэтому сейчас не упускает момента меня унизить, оскорбить. А мне надоело быть его мишенью. Конечно, я всегда буду помнить, что многим ему обязана, буду всегда помогать. Я сумею разделить свой, пусть даже очень скромный кусок. Но буду ли я испытывать радость, отдавая долг? Хотелось бы.

Я замолчала. Последнее время все чаще задумываюсь о взаимоотношениях в семье. Как найти общие точки соприкосновения наших душ? Ведь каждая клеточка моего существа переполнена ожиданием любви. А ничего нет! Я не вижу шагов навстречу.

— Помню, — снова заговорила я вслух, — вышила крестиком матери на день рождения наволочку и на кровать ей положила. Она обиделась, что в руки не дала. А как я могу через себя переступить? Она же сама так не делает: не поздравляет, не радуется, не хвалит, только усмиряет жестким взглядом. У нее никогда не бывает желания прижать и поцеловать меня. Как-то невольно, машинально протянула ко мне руки и тут же резко отдернула, будто испугалась чего-то или ей противно стало... Со мной она придирчивая, сухая, непреклонная. Только ревностно следит, чтобы нигде не задерживалась, ни с кем не разговаривала. Я гуляю только тогда, когда ее нет дома. Когда она веселая, у меня копошится в мозгу слабая надежда услышать доброе слово, но опять получаю только приказания или упреки. Да еще наворотит горы домыслов... В таких случаях я молча иронизирую: «Маразм крепчал». Шутка у нас в классе есть такая.

— С отцом тебе еще сложнее ладить? — спросила Лена, вяло откусывая травинку.

— Трудно сказать, с кем мне сложнее. Отец разумно поступает, каждодневно не участвуя в моем воспитании. Наверное, понимает, что мне трудно общаться с ним, тем более слушаться, зная о его «грешках». Может, боится, что я не выдержу и выскажусь. А это обострит обстановку в семье. А кому от этого будет лучше? Никому. Вот поэтому все

назидания и упреки я получаю от матери.

Отец не человек — ледяная глыба, молчаливый монумент, покрытый изморозью. Меня мучает ежеминутное ожидание язвительных укоров и насмешек. Не выношу его ехидный вкрадчивый голос. У него даже сапоги поскрипывают вкрадчиво! Смешно, да?! Часто после «общения» с ним во рту появляется тошнотворный вкус. Своим безразличием он с первого дня воздвиг между нами непроницаемую стену. Для него неважно, куда смотреть, главное — сквозь меня. Не люблю его скользкие вбок, вечно что-то скрывающие глаза. На безразличие трудно отвечать любовью.

Лена согнала с моей щеки овода и попросила продолжать.

— Я очень стараюсь быть хорошей, буквально наизнанку выворачиваюсь, чтобы он полюбил меня или хотя бы терпимее относился, а он не замечает или не хочет замечать, и я опять выставляю шипы недоступности. Маленькой я очень робела перед ним, неосознанно стеснялась, смущалась, избегала. При всяком удобном случае непременно уходила. Мне казалось, что и мать на все смотрит его глазами, потому что боится. Моя застенчивость не от природы, а от сложного детства, которое заставляет меня уединяться, уходить вглубь себя, быть задумчивее, вдумчивее одногодков, чувствовать себя более взрослой. Я думаю, что родилась оптимистом, но жизненные обстоятельства заставляют меня превращаться в пессимиста.

Представляешь: за год я сменила три места обитания: детдом, семья, еще семья. Папа, мама, еще папа, мама... Трудно переварить такое, трудно свыкнуться. Это тебе не фунт изюма, когда многократно ломают. Это безмерная тяжесть для сердца. До сих пор не приду в себя от тех перемен. Где уж тут найти в душе место ликования? Таким не хочется делиться с первым встречным. Вот и молчишь годами, боль в себе держишь.

Теперь я стараюсь реже взывать к памяти, осторожнее бужу прошлое. Не к чему часто вторгаться в то, что недоступно понятию. Переживания спускаются в глубь души, но все равно постоянно присутствуют во мне и создают тоскливый налет моей жизни, флер, как говорит Александра Андреевна.

Наши с тобой мысли и чувства созвучны. Должна признаться, мне, как и тебе, трудно избавиться от необоснованных, незаслуженных претензий. Забыть их нельзя, можно только стараться не думать о них или смягчить, поняв причины проблем самих взрослых.

А тут еще постоянно изводит мысль, что я являюсь причиной бед матери, что без меня она была бы счастливее. Откровенно говоря, мне тоже иногда кажется, что кругом меня только зло, что люди не могут существовать, не причиняя друг другу страданий. А я так жить не хочу, поэтому поэтому только в своем воображении чувствую себя комфортно. Оно у меня доброжелательное.

Я вздохнула, собралась с мыслями и продолжила:

— Как-то услышала разговор у колодца: «Ты трудолюбивая, со мной не ругаешься. Моя дочь нервная, капризная, и все равно она для меня самая лучшая, потому что родная, а ты невестка». Тогда я подумала, что хорошей работой и добротой любви не заслужу. Застряла в сердце эта фраза. Растерялась я, разволновалась. Неуверенной стала. Будто опоры лишилась.

Только недавно была в Обуховке у бабушки Мани. Стали прощаться. Она мне тоскливо так сказала: «Не свидимся больше». А я ей: «Ну что вы! Я скоро опять приеду». «Не дождусь», — ответила она совсем печально. Из потухших глаз покатались слезы. Прижала к себе, словно защиты просила. Значит, полюбила? Поняла мою доброту? Как сердце тогда защемило и горечью и радостью! Значит, и от меня зависит, чтобы в моей жизни было больше хорошего. Сразу надежда появилась, правда, пока неясная, прозрачная, как круги на воде. Лена, гони из души все темное! Тебе самой будет легче, — бодро закончила я свой длинный грустный монолог.

Я ожидала реакцию Лены на свои откровения. Молчание затягивалось.

— Ты, говорят, у своих родителей вкалываешь как ломовая лошадь или Козетта из книжки Виктора Гюго «Отверженные»? — спросила Лена ни с того ни с сего.

— Да нет! Я никогда не тяготилась своими обязанностями. Меня не понукают! Я сама берусь за любые дела. Конечно, семейное положение осаживает, развивает болезненную чувствительность, умиряет мой энергичный увлекающийся нрав, что, естественно, приучает к безропотному подчинению, но я, к счастью, не отношусь к числу редко встречающихся детей, подло мечтающих извлечь выгоду из темного прошлого своих родителей.

Я на самом деле всегда работаю с удовольствием и одновременно мечтаю. Мне никто не мешает, потому что по большей части я вожусь по хозяйству одна. К тому же физическая работа — хорошее лекарство от нервов, от душевной суеты, — объяснила я спокойно, хотя вопреки уверениям иногда с горечью мечтала о более интересном и радостном времяпрепровождении. — Иногда я замечаю за собой, что с идиотским упорством, доходящим до «героизма», колю дрова. Другим это может показаться дуростью, а я испытываю удовлетворение. Может, упорство — черта моего характера, а работа — прибежище радости? Не знаю. К тому же, желание быстрее выполнить работу и в короткий срок редко выпадающего свободного времени почитать, поучиться как можно большему дисциплинирует и мысли, и поступки. При этом появляется масса благоприобретенных чувств и мыслей.

Но домашняя работа бесконечна, вот в чем загвоздка. Поэтому мне остается поощрять в себе и использовать неодолимую потребность погружаться в мир фантазий. Мой, постоянно подавляемый семьей, врожденный неоправданный оптимизм часто протискивается на уроках и переменках в форме бунтарства или даже обыкновенного запоздалого детского баловства. «Отгремев», я корю себя, смущаюсь, а дома пытаюсь трудом бороться с нежелательными проявлениями излишней энергии, трудом же замаливаю грехи. А они снова и снова возникают, как весенняя трава, — рассмеялась я.

— Я такого же пошиба. А некоторые мои девчонки начинают приспособливаться, лицемерить. Это меня бесит. Терпеть не могу изворотливых! Они злятся, когда меня хвалят за хорошую работу. Говорят: «Нас из-за тебя ругают, не высывайся». А я не могу лодыря гонять. Перед майскими праздниками послали нас в парк два газона убрать. Все сгрудились на одном, а мы с подружкой на другом остались. Ничего, убрали. Не опозорились. Задумали нас унижить! Не вышло!

— Честным трудом нельзя себя унижить, — поддержала я подругу. — И все же я почему-то часто позволяю использовать себя, хотя замечаю, откуда в характере такое: от жесткого воспитания или от моих добрых фантазий? Бабушка иногда поддразнивает меня: «Эх, ты! Святая простота!» — и тут же успокаивает: «Не переживай, жизнь отшлифует, подкорректирует. Основа у тебя хорошая, надежная». Я верю ей. А когда я слишком расхожусь от обиды на хитрых людей, она недовольно восклицает: «Чего обижаешься? Никто тебя не заставлял. Это был твой выбор».

Лена вдруг заговорила сосредоточенно, совсем по-взрослому, даже как-то мудрено:

— Печальный ум детдомовца, как стрелка барометра, — всегда в сторону «пасмурно» направлен. Мои проблемы как ледяной памятник тоске на плоскости души. Мне одна учительница сказала: «Хватит переживать. Все беды когда-нибудь проходят». «Но и жизнь ведь тоже проходит! Детство-то уже промчалось бездарно и гадко!» — ответила я ей грубо. Конечно, она поддержать меня хотела, да только слов хороших не нашла. Может, я ее не поняла? А у тебя глаза тоже грустные.

Я тихо отозвалась:

— Наверное, грусть преобладает над радостью, которую получаю в семье. Я стараюсь погашать тоску работой. Иногда я кажусь себе человеком, который едет в автобусе спиной к водителю, потому что часто смотрю в прошлое, хотя понимаю, что это плохо. Знаешь, всякое в раннем детстве случалось. Были минуты печали, замешательства, странных и страшных разочарований. Бессознательно въелись в память непривлекательные, ныне дремлющие ужасы унижительных обид. При напоминании они лезут, выпирают из всех углов памяти грязной мешаниной, перегораживают путь к свободным, легким ощущениям и опять превращают мир в черно-белый. Мысли о них беспрестанно ходят по кругу, подталкивают на размышления, и я снова и снова подыскиваю взрослые слова для описания детских впечатлений и моих тогдашних

мыслей.

Были и добрые моменты. Теперь они кажутся особенными, удивительно светлыми, пронзительно прелестными и вызывают радостно-горячие слезы, нежную щемящую боль в груди. Моя память, смягченная, притушенная годами, прожитыми в деревне, теперь вносит в число добрых людей ранее не очень любимых воспитателей. Я четче осознаю, что они не умели бороться и сами боялись нашу директрису. Со временем душа не забыла, но вычеркнула из жизни самое гадкое, — тихо закончила я.

Лежим на граве. Молчим. Больше не хотим посягать на чувства друг друга. Пресытились. Наш разговор теперь безмолвный. Между нами теплится огонек понимания.

День сомлел жарою. Дремлют мысли. Тормозит сознание тишина. Небо высокое. Воздух струится у земли. Чуткие нити берез не вздрагивают. Дикий виноград зелеными волнами захлестывает забор и стены хозяйственного двора детдома. Голубоглазые незабудки расцвели солнечную лужайку. Сорвала одну. Что поражает в ней? Изящество формы, тонкость и одновременно незатейливость рисунка, нежность окраски? Вспомнились слова: «К незабудкину лугу, мечтая о чуде, очень часто приходят усталые люди». Когда я вижу гармонию в природе, то мне кажется, что земля — это место, где все должны быть счастливыми.

Вспомнилась Таня из шестого класса. У нее глаза как незабудки. И сразу заняло сердце, и на ресницах застыли слезы. Это из-за письма Тани, которое дала мне прочитать ее мама, потому что мы дружим.

«Милый папочка! Я знаю, что у тебя теперь есть тетя Люба. Но ты не представляешь, как трепещет мое сердечко, когда я вижу тебя. В чем я виновата? Почему ты забыл меня, почему не приходишь ко мне?

Бабушка, я тебя так люблю! Я же тоже Смирнова. У меня даже голосок звонкий, как у тебя. Я тоже выступаю на концертах, как ты. Ты любишь меня? Почему не зовешь к себе свою единственную внучку?» Таня письма пишет, но не отправляет. Я не знаю, чем ей помочь. Мы иногда молча грустим с нею. Мы понимаем друг друга...

Мимо нас идут Катя с Лешей. Он размахивает руками и что-то рассказывает:

— ...Захожу к нему. Морду сделал круглую, озабоченную. Вижу: клюнул. С интересом смотрит... И вдруг как саданет по кумполу! У меня глаза вывалились от изумления... Он всегда виртуозно врал, преданно заглядывая в глаза. Не разгадал я его. Что ржешь? Не веришь? Сбрендил совсем! Ты что, с «Камчатки», совсем не шарить или артистичности мышления не хватает?

К ним подбегает Люба, младшая сестричка Кати. Леша дает ей конфету. Люба подпрыгивает и радостно кричит:

— Конфета, подаренная от чистого сердца, равна двум конфетам!

И убегает.

— В нашей группе еще одного мальчишку усыновили. Вот если бы всех забрали! — говорит мечтательно Леша.

— Лучше бы вообще сюда не отдавали! Родителей хочется в детстве, — раздраженно фыркает Катя.

— Глупая ты, — сердится Леша.

— Сам псих и три дня не умывался!

— Зато на четвертый — с мылом, — парирует Леша.

— Брехать — не пахать! — кричит Катя.

— Ребя! Непорядок в танковых войсках! Хватит лаяться. Разрядиться невтерпеж? Ох, получите сейчас от меня звучного пинка в зад! Тормоза! — командует им Лена.

Пристыженные Катя и Леша мигом оставили свои распри и разбежались в разные стороны.

— Вот дурачье, чуть не подрались, — рассмеялась я.

— Откуда у Лешки конфеты? Слямзил на кухне? — предположила Лена.

— Лешка тырить не станет. Наверное, из своего загашника достал, — возразила я.

— С чего бы это? Держи карман шире!

— Он добрый.

— Добрый? — неопределенно хмыкнула Лена. — Не знаю. Я люблю своих подружек, а все равно мы часто нетерпимость проявляем, стремимся отнять, зажилить, даже напакостить, обижаемся из-за всякой мелочи. Иногда мне кажется, что полное единодушие царит у нас только тогда, когда нас объединяет общая ненависть.

— Ну, ты и даешь! Вот загнула! — с легким отвращением перебила я подругу. — Я такого не понимаю. Знаешь, когда живешь в семье, видишь болезни стариков, заботы, неприятности, трудности взрослых, переживаешь за всех, а не только за себя, то меньше обращаешь внимания на всякую ерунду. А вот отвратительно бессмысленную ложь и преднамеренные оговоры взрослых я всерьез не переносу. Между этими понятиями, на первый взгляд, несущественная разница, а стоит вникнуть, так сразу начинает вылезать гнилое нутро лжи.

Говорят, дети очень чувствуют неправду. Я тоже чувствую, но всегда ставлю под сомнение свое недоверие. Боюсь оскорбить человека. Мне же неприятно, если кто-то незаслуженно назовет меня врунишкой! Я не могу обманывать, потому что стыдно после этому человеку в глаза смотреть. И жалко обманутого. Мне проще выполнить обещание. По крайней мере, я себя при этом уважаю.

Александра Андреевна учит меня способности контролировать откровенность. Она шутит: «Говори правду и только правду, но не всю правду. Иногда правдой убить можно. Гибкость в общении с людьми развивай. Не лезь напролом, лоб не расшибай. Думай, прежде чем высказываться». Я больше люблю правду, чем неправду, поэтому слушаюсь учительницу.

Лена вздохнула:

— Куда как неприятно, когда тебе лгут! Мне сто раз обещали и не выполняли, вот я и перестала быть честной. В мелочах, конечно. Часто вру, когда нервничаю. Дурная привычка! Подлость среди детей ненавижу. Любая даже маленькая ложь взрослых вызывает большое недоверие. А детей я понимаю. У меня знакомый есть. Витькой зовут. Виртуозно брешет. Жуткий врун. Хочет показать всем, что чего-то стоит. Чудак, надо не показывать, а доказывать. Но я на него не обижаюсь. Детское вранье в основном безобидно.

— Лен, а почему с Зиной беда случилась? — спросила я осторожно.

— Знаешь, почему наши девчонки «влипают»? Их же никогда не любили. И вдруг мужчина говорит: «Я тебя люблю, ты мне нужна». Сразу голова кругом идет. Все готовы отдать ради этих слов. Они ждут того, кто их произнесет. Часто таким оказывается первый встречный прохвост. Потом следует горькое разочарование. Нет опоры, нет надежды. Есть гадкий мир, от которого хочется куда угодно скрыться. Трудно выстоять в одиночку, если тебе шестнадцать. Нечасто нам улыбаются. И когда говорят красивые, ласковые слова, — девчонки верят, потому что хотят их слышать. Если я встречаю доброго, как мне кажется, человека, я сразу иду с ним на лестницу мечты. Отчего так мало добра на земле? — горько вздохнула Лена.

— Просто не всем оно достается поровну, — отвечаю я.

— Я не хочу быть злокой, не хочу быть обидчивой но, когда вижу несправедливость, зверею. Отомстить стараюсь. Недавно мы озорство учинили: завучу клей в замок налили. Она два часа слесаря ждала.

— Чего радуешься-умиляешься? Слесаря-то за что наказали? Зло, как снежный ком, набирает силу и вас же давит, — возмутилась я.

Лена не унималась:

— Только почему взрослые этого не понимают? Не хотят?

— Меня тоже этот вопрос волнует. Знаешь, Лена, я взрослою и все больше понимаю, что жизнь — штука сложная, поэтому многое прощаю взрослым. Юлия Николаевна говорит, что в детстве эмоции застилают разум и не дают мыслить трезво, поэтому мы шалим. Она советует нам ко всему относиться философски: «не делать из мухи слона», чаще вспоминать, что «не так страшен черт, как его малюют», что «надо жить проще, но не примитивней». Мне очень понравилась притча про Сократа, в которой рассказывается, как он дал невезучему человеку кольцо с надписью: «Все проходит» — и сказал, что, когда ему будет очень плохо, пусть прочтет слова на внутренней стороне кольца. А там оказалось выражение: «И это пройдет!» Я до слез хохотала. Мне от этой притчи так легко на душе сделалось! — улыбнулась я, вспомнив хитренький, веселый взгляд любимой учительницы. — Твоя воспитательница, видно, тоже ее знает, только не ко времени ее применяет. Моя бабушка говорит, что все проходит, и только любовь остается, только она есть сущее, главное. Ее ничто не одолеет. Она защищает и спасает.

— Тебе философия помогает? — удивилась Лена.

— Не всегда. Воспитание — длительный процесс, — рассмеялась я.

— Приведи пример, когда получалось.

— Так сразу не сообразишь. Что я помню? Как меня обижали, как я плохо поступала, стыд свой помню. А хорошее — оно нормально, естественно для человека и не остается рубцом на сердце. Поэтому, чтобы вспомнить такое, надо поднатужиться, — усмехнулась я. — Почему мы с тобой все о грустном говорим?

— У кого что болит, тот о том и говорит, — безразличным тоном ответила Лена.

Я понимала, что за холодным спокойствием она скрывает душевные муки борьбы с противоречиями в душе.

На соседнюю лавочку сел Димуля, друг Леши. Друзья принесли ему обшарпанную гитару. Он рвет струны, издавая бравурные, многосложные, хаотические звуки невообразимо широкого диапазона. На лице жутко серьезное выражение. «Оперу играю», — говорит он. Ребята падают от хохота. Нас с Леной он тоже развлекает. Опять подбежала Катя. «Лена, я красивая?» — спросила она, показывая прическу «я у мамы дурочка». «Сойдешь по третьему сорту в темноте, — засмеялась Лена и добавила тихо: — Вот и в Катюшке проснулось невинное трогательное неосознанное девичье кокетство».

Глазая по сторонам, плетется Вовка из шестого класса. Видно, околачивался где-то поблизости. Лицо не выражает ни малейшего движения мысли. Заметил нас, посмотрел выжидающе, потом, очертив очередной круг, приблизился и залез безил:

— Лен, хочешь анекдот? Смеяться будешь до упаду!

— Давай! — соглашается она.

Вовкино лицо, обезображенное оспой, сияет. Он радостно мурлыкает:

— Жили они счастливо и умерли в один день. На пожаре сгорели.

Сказал и закатился хохотом.

«И о каком опасном обаянии хулиганов толковала недавно мне мать? Не пойму. Между дураком и хулиганом я ставлю знак равенства», — подумала я, глядя на довольную физиономию «юмориста».

Лена разъярилась.

— Отстань, урод! Оголтелый дурак! Чокнулся совсем! Разве можно смеяться над тем, чего не понимаешь, чего не чувствуешь? Это же признак глупости. Опять в носу свербит! Чего выставляешься, трепло? Корчишь из себя принца заморского. Не пойму тебя, хоть тресни! Приносишь всякую дребедень, на лету схватываешь всякую гадость. Почему? Хоть бы раз что-нибудь путное рассказал. Чего ошиваешься тут? Закругляйся. Не путайся под ногами, непутевый неслух! Брысь под лавку, отребье чертово, а то схлопочешь затрещину, — так живописно, многословно и сердито Лена накинулась на Вовку.

Тот вмиг свернулся в пружину и выстрелил в другую компанию.

— Плюй на него, береги свое здоровье. Дался тебе этот дебил, — это Леша мотнул головой в сторону Вовки и подал Лене яблоко.

Она откусила и скривилась:

— Кислое, аж задницу морщит!

— Ни черта ты не понимаешь! Там же витамины! — обиделся Леша и ушел.

— Ну и фразочки из тебя выскакивают! И с какой холодной мрачностью произносишь грубости и заковыристые словечки! Здорово получается! Я бы так не смогла, — удивилась я. — Ты не перебарщиваешь с эпитетами? А мы, если в школе едим что-то кислое, говорим: «Ой! Москва — Пекин!» или «Москву вижу!»

— Порицаешь подобное поведение? Зря. Я не остро специально. Шутки у меня сами с языка слетают, а вот когда злюсь, то думаю, как бы поглубже, пожестче сказать. Когда смотришь на жизнь через решетку железной ограды, не очень-то хочется красиво выражаться, — тяжело вздохнула Лена.

— Нельзя судьбой свое поведение объяснять. Так любое зло оправдать можно, — не согласилась я.

— Знаю. Лидия Ивановна говорила, что человек от животного отличается правом на выбор. Мне иногда хочется быть похожей на нее, но не хватает силы воли учиться отлично.

— Мне проще. Когда я устаю, то стараюсь учиться для родителей, чтобы не расстраивать их.

— А какое наказание родителей для тебя самое тяжелое?

— Когда говорят: «Иди спать, а завтра побеседуем». Чего только ни передумаешь, пока заснешь! Ожидание наказания подчас большее самого наказания. Я понимаю: ребенку полезно осмысливать свои поступки, но для меня — лучше бы сразу отругали, потому что от ночных размышлений настроение очень портится. Я же себя сильнее осуждаю, чем родители, — объяснила я.

— Я боюсь будущего. У меня часто бывает подавленное настроение. Я всегда ожидаю только плохого, поэтому на любое замечание грублю, — заговорила Лена обиженным тоном. — Я не бяка. Защищаю маленьких, беру вину подруг на себя, потому что считаю это геройством. Оно же толкает меня на безрассудные поступки, колкие слова. Меня наказывают. И все равно сквозь безрезультатность моих действий и безысходность неудач просачивается радость оттого, что я права, заступилась, не прошла мимо их беды, совершила поступок в защиту чести, достоинства, правды!

Мне за другого вступить в сто раз легче. Я бойкая, если надо кому-то помочь. А для себя — робкая, застенчивая. Зимой по выходным дням вожатая Людмила выдавала нам санки и лыжи. Дети старались захватить себе лыжи, ссорились, дело доходило до драк. Я, как всегда, стояла в стороне и наблюдала за перебранкой. Кого-то оттолкнуть и

попросить лыжи себе было неловко, точнее, стыдно. И мне всегда доставались только поломанные санки. Сначала было обидно, а потом, катаясь по крутой красной горке, обо всем забывала, выбирала самые сложные трамплины и, преодолевая их, была довольна и собой, и санками.

— Я тоже из тех, кто не возьмет из общей тарелки большой кусок, — пробормотала я и подумала с грустью: «У Лены сердце, рано познавшее страдание и умеющее сострадать другим. Правда, не всегда. При всей несхожести характеров и судеб, мы имеем много общих черт в поведении. Например, привычка копаться в прошлом». А вслух сказала: — Мы с тобой похожи. Я тоже боюсь будущего.

— Ты боязливая и стеснительная потому, что тебя воспитывает семья, а не «дружный» коллектив. Наша проблема в том, что мы обе не понимаем взрослых. Отсюда неуверенность в наших характерах. Недавно смотрела фильм. Там мужчина из-за любви убил женщину. Глупо! Этот мужчина боялся слишком уверенной в себе женщины. Мне нянечка объясняла, что он страшился того, что ему придется не своих, а чужих детей воспитывать. Я так и не поняла няню. В другом фильме офицер не смог выбрать между старой женой и молодой любовницей и застрелился. Ах, вот мол, какой он несчастный! А не подумал, что троих детей на жену повесил! Дурак, эгоист!

— Бабушка объясняла, что любовь бывает крепкой, если в семье существует уважение и каждый оценивает своего ближнего выше, чем себя, или, по крайней мере, на равных, учила меня ставить вопросы вроде: «Во имя любви, но к кому?» Знаешь выражение: «Бьет — значит любит»? Не женщину мужчина любит, когда издевается над ней, а себя, свою обиду тешит. Если бы любил, то берег бы, жалел, защищал. Такое непонимание опошляет настоящую любовь и самое дорогое делает дешевым.

От серьезных мыслей я загрустила:

— Знаешь, Лена, меня иногда называют наивной. Ну и что из того? Это внутри меня, мое восприятие жизни: желание и стремление видеть в людях только хорошее. Устаю видеть мир через призму горестей и обид. Я всегда сомневаюсь, когда слышу о человеке плохом, сразу думаю, что виновата мнительность говоривших, что они ошибаются. Может, таким образом я сохраняю себя, оберегаю от переизбытка грустного, неприятного, чтобы не обозлиться? Мне всегда не хватает красивого, яркого, радостного, и я сочиняю такой мир вокруг себя. Для меня важно самой жить в гармонии со своей совестью и поступками. Я взрослею и чувствую, как уходит непосредственный, добрый взгляд на мир. Жаль.

— А у меня и сызмальства не было доброго, — вспыхнула Лена.

— Но розовые мечты ведь были?

— Они, наверное, всегда останутся со мной. Я до сих пор очень хочу увидеть маму, — опустив глаза, тоскливо сказала Лена.

Меня тронула безутешная искренность ее слов.

— А я — нет. За последние годы столько передумано, пережито. Мне четырнадцать. Теперь эти люди — мои родители, те, кто воспитывал. Им я благодарна больше, чем родные дети. Вдвойне. Я часто обижаюсь на них, но все равно понимаю: благодарна, — объяснила я Лене свою категоричность. — Знаешь, меня всегда спасала любовь. Раньше к бабушке Мавре, Витьку, друзьям, теперь к бабушке Ане, брату и опять-таки к Витьку. Недаром говорят: когда мы любим, мы богаче. Ты тоже счастливая, тебе уже два мальчика в любви объяснялись! А мне только один Димка, но мне не нужна его любовь.

— Любовь моих друзей только укрепляла нашу дружбу, а других чувств во мне не вызывала, — объяснила Лена. — Знаешь, я где-то прочитала, что дружба — великое дополнение к любви, но между мужчинами и женщинами она возможна до тех пор, пока они идут параллельно. Как только их интересы пересекаются, на дружбе надо ставить крест. Раньше у меня в детдоме был друг Сергей. Он мне очень нравился, но я скрывала свои чувства. Сережа помогал мне, во всем советовался со мною. Я так была счастлива, когда его любила! Мне казалось, что моя любовь способна вынести все на свете. Однажды в лагере он влюбился в новенькую и с таким жаром рассказывал о ней, что не замечал, какую боль доставляет мне. Я долго переживала, а потом решила перебороть

свою любовь к Сергею, забыть его. А он все мечтал, витал в облаках. Через полгода счастье Сережи лопнуло как мыльный пузырь, и он вдруг воспылал любовью ко мне, но мое чувство уже угасло. С тех пор я решила, что любить — только себя губить. Ни к чему мне такая кручина! Других бед хватает в моей горемычной судьбе!

— Ты же была счастлива, когда любила Сережу! — не поверила я.

— Только до тех пор, пока он не влюбился в другую. А в моем Саше мне нравится мужественная доброта. И ум у него живой, обаятельный, независимый и скептический. Редкий, стоящий парень. Он — мой светлый, праздничный друг.

— Я не переживаю насчет любви. Когда-нибудь встречу свое счастье, — уверенно сказала я. — Сейчас нам хорошего парня легко заполучить, да трудно удержать. Юные мы еще и глупые. Так бабушка говорила.

— Ой! Представляешь! Вчера к нам приезжала бывшая выпускница, — вдруг радостно вспомнила Лена. — С мужем, в фате! Расфуфыренная. Отродясь не видывала такой красавицы. Свадьба у нее! Весь детдом ее встречал и поздравлял. Все вокруг были такие счастливые! В кои веки счастье показалось... хоть и чужое. Это был самый яркий праздник в моей жизни...

Лена резко умолкла, будто сказала лишнее.

Мимо нас пробежали Катя с Лешей. За ними вихрем пронесся Вовка.

— Лен, пусть его в психушку заберут. Он забубенный и неуправляемый! Опять мяч зафитилил в окно! Только одну учительницу понимает, — кричит Катя.

— Значит, просто невоспитанный, раз учительница все же нашла к нему подход, — возражает Лена.

Вова продолжает «воевать» с Катей.

— Лена, гляди, какую баталию развели! Зашибут друг друга, разними их, они же тебя уважают и побаиваются, — прошу я.

— Еще бы! Я не из разряда пугливых. Как-никак спортсменка! Но санкцию на драку им не выдавала. Пусть сами разбираются. Самый выносливый на свете зверь — человек, особенно русский.

— Больно же смотреть, — переживаю я.

— Я тоже кошек не вешаю, но в адвокаты к ним не нанималась. Пойми: не всегда я буду рядом. Не нагнетай обстановку. Драка идет в пределах нормы, пока не вижу разгула анархии и вседозволенности. Вступлюсь, если ногами начнут «колошматить» друг друга. Может, стыдобушка в них сама проснется? Хотя вряд ли, в запале они. Бьюсь об заклад, Вовка норовит под глаз Катке фингал наклеить. Не хило всыпает! Не удалось засветить? Знаешь, почему он курит? Пыжится выглядеть взрослым. А сам дурак дураком.

«Катя! Не давай себя разозлить, не лезь сама в драку, не подливай масла в огонь!» — тормозит Лена Катюшку.

— У тебя свой подход к воспитанию. Может, учителем станешь и, как говорилось в одной книжке про приключения, «наполнишь ветром надежды спущенные паруса» тоскующих, много испытавших детдомовских ребят.

— Польщена твоим комплиментом! Давай сразу директором! Моя стихия! — засмеялась Лена и добавила задумчиво: — На тебя нагрнула очередная вспышка оптимизма. У нас дикий диссонанс между желаниями и возможностями.

Я в уме отметила интересное сочетание влияния Лидии Ивановны и детдомовской среды на речь подружки, а вслух сказала азартно:

— Я всерьез! Ты обязательно добьешься! Ты же спуску не дашь плохим воспитателям. Устроишь ребятам почти настоящее детство. Я тоже сначала об этом мечтала, но теперь поняла: характера не хватит, категоричная очень и требовательная. Такой можно быть

только по отношению к себе. К тому же у меня появилась и с необычайной силой овладела мечта о Московском университете.

— Ты все же, наверное, оптимист? — спросила Лена.

— Нет. В моей ситуации трудно быть оптимистом, но нить всю жизнь не собираюсь. Знаешь, что мне Александра Андреевна сказала? «Когда ты уедешь из дому, и будешь учиться или работать самостоятельно, никому дела не будет, чья ты, какое у твоих родителей прошлое? Всех будет интересовать, какая ты сама, что ты можешь и хочешь? И тогда детские комплексы и беды уйдут на второй план или совсем пропадут. Проблемы и заботы взрослой жизни полностью захватят тебя, и ты станешь совсем другим человеком. Это только в школе смотрят на ученика с точки зрения поведения его родителей». Давай условимся: будем стараться не скулить!

— Как ты понимаешь смысл слова «судьба»? — неожиданно спросила меня Лена.

— Как сказала бы Ольга Денисовна, моя учительница физики, «это точка «О», в которой сходятся оси моей системы координат. Не мною она поставлена, — родителями». Но из точки отсчета «А» начинается моя сознательная жизнь, где я сама решаю, какова моя дальнейшая линия жизни. Если что-то будет мне мешать, линия может немного отклониться в сторону, но основное направление я обязана держать, раз хочу стать достойным человеком.

— Значит это твой «трактат» о законе всемирного тяготения между людьми я читала? Мне его ребята из вашей школы приносили.

— Я его в шутку на уроке географии сочинила. Но сейчас я говорю о самом важном — о будущем.

— Ты хочешь сказать, что «пьяная» судьба родителей Вовы Петрова не повлияет на его жизнь?

— Если у него, как у родителей, от рождения слабый характер, это совсем не значит, что он пойдет по их «дорожке». Просто ему потребуется больше сил, чем другим, на то, чтобы остаться человеком. Я это точно знаю. У нас есть родственник, который раньше был пьяницей. После женитьбы уже много лет держит себя в руках. Жена помогает.

— Вова не захочет стараться. Он будет плыть по течению и пропадет. Воля у него сильно отстает в росте. У меня, между прочим, тоже, — усмехнулась Лена.

— Раз понимаешь, значит наверстаешь. Бабушка говорила, что с себя надо начинать, со своей головы и своего сердца. Мне, например, безразлично какими были мои первые родители. Я думаю, что главное — поставить перед собой цель и не отступать. Тогда преодолею любые трудности своего характера и сложные жизненные проблемы. Все в жизни не может устроиться само собой. Успеха надо добиваться. А еще, мне кажется, надо всегда помнить: я — хороший человек! И стараться быть хорошим. Ты думаешь, мне всегда хочется учить уроки? Ох, как иногда почитать и погулять охота! Преодолеваю себя. Терплю. Это похоже на игру, где я всегда выигрываю. Когда привыкаешь хорошо учиться, появляется интерес к урокам, желание написать красивое сочинение, быстро решить сложную задачу, узнать что-то такое, о чем не читали твои друзья.

— А как ты думаешь, что лучше для наших ребят: знать или не знать о плохих родителях? — спросила Лена таким тоном, словно этот вопрос ее вовсе не касался.

— По мне — лучше потемки, спасительное неведение. Знай я своих родителей, еще неизвестно, как бы я вела себя с этими. Наверное, всем нам было бы много трудней. Между тем, несмотря на многочисленные трения, я ценю их. Конечно, каждый хочет определенности, чтобы представлять, как жить дальше, чего бояться, на что надеяться. Даже в мелочах неизвестность тяжела. Вот объяснят малышу, что зуб удалять не очень страшно, — и ему уже легче идти на «экзекуцию». А вообще-то, чего философствовать? Чего врать себе? Всем нам нужна хорошая сказка! — с болью в сердце резко завершила я долгие рассуждения.

— За семь лет жизни с родителями Вовка столько гадкого узнал, что другому на всю жизнь хватило бы. Тяжелый груз недетских проблем раздавил его голову, смял мозги. Он

до сих пор как зверек, не знаешь, что может выкинуть в следующий момент. И девчонок постоянно домогается, как дурак. Противно смотреть. Я на речке от него еле отбилась. Представляешь, пригрозил мне, чтоб неудовольствие не изображала и помалкивала в тряпочку. Зараза! Шалопутный, с мозгами набекрень! Вечно свербит у него в некотором месте. И все же, наверное, его любила мама, а я свою никогда не видела, только в приятных снах, — тихо сказала Лена, запрокинула голову к верхушкам деревьев и продолжила тоскливо: — Это жгучая тайна. Солонее боли не бывает.

Видно, Лена где-то услышала эту горькую фразу и запомнила, потому что нашлось ей место в изболевшемся сердечке.

— По мне, лучше начинать жизнь с «чистого листа». Переделывать всегда трудней, — сказала я уверенно. — Я об этом даже своим подшефным ребятам на занятиях по лепке говорю. У тебя есть надежда, что мама была хорошая, а у Вовы — нет. Ему хуже, — добавила я.

— Он говорил, что все равно любит ее, — бесцветным голосом произнесла Лена.

— Кого-то надо любить, — тихим эхом откликнулась я. — А почему Вовка только про мать говорит? У него же есть отец.

— Он не приходит к нему. Я никогда ничьих отцов в детдоме не видела.

— Почему?

— Не знаю.

— Странное, грустное наблюдение. Спрошу у Александры Андреевны, в чем тут причина.

— К нам бы твою учительницу!

— Александра Андреевна говорила, что не хватит у нее душевной щедрости на классы, где всем детям постоянно требуется специальный подход. Не по силам ей. Особенности люди должны работать в детдомах, такие как Лидия Ивановна. А у нас Александра Андреевна получает удовлетворение от работы. Представляешь, она сказала, что если не будет чувствовать отдачи от воспитания учеников, то может даже заболеть!

— Воспитывать можно по-разному, — передернула плечами Лена, видно, вспомнив что-то нехорошее.

Потом вздохнула:

— С нами очень сложно.

— Это уж точно! Трудно к нам находить подход даже в мелочах. Мы все такие разные! Я как-то зачиталась, а куры грядку лука разгребли. Мать полтора часа нотацию читала. Лекции у нее длинные и нудные, как зимняя февральская дорога. Я не услышала ничего нового, открыто поглядывала на ходики и тяжело вздыхала о потерянном времени. Ее монологи для меня как постоянно включенное радио, которого уже не замечаешь. Я реагирую только на фразу «а что люди скажут?», потому что она меня бесит. Я знала, что мать права насчет чувства ответственности, понимала бесполезность «лекции», но терпела. «Может, ей надо выговориться», — думала я тогда. Не сумела она ко мне ключик подобрать. В этом и ее, и моя беда. А бабушка дала мне в руки лопату и сказала: «Пересей лук, пожалуйста». И все!! Понимаешь?

— Любишь бабушку?

— Еще бы! Как бы я без нее жила?! От бабушки во мне все доброе, хотя ей самой судьба отказала в счастье. От нее во мне толстовство: всех понять, примирить, простить. Она сказала мне как-то: «Твое всепрощенчество помогает не только тем, кого ты прощаешь, но прежде всего тебе». Вот пойду работать и первым делом куплю ей мягкие теплые бурки на замках. Ноги у нее больные, тяжело ей в солдатских ботинках ходить. В прошлом году я работала в колхозе, но нам заплатили зерном, денег совсем мало дали. Я их матери все до копейки отдала.

— Какие отношения у тебя с братом?

— Хорошие. Мы никогда не ссоримся. Спорить случается. Не выдаем друг друга, выручаем. Работу по дому часто вместе делаем. Правда, он имеет больше свободного времени, к друзьям часто ходит, но я не обижаюсь. Не он командует парадом. Раньше бабушка говорила привычную, набившую мне оскомину фразу: «Он маленький». И я ему во многом безропотно уступала. Теперь он подросток и понимает ситуацию в доме, но не пользуется ею, потому что добрый и порядочный. Он внешне очень спокойный, а душа у него чувствительная и нежная.

— Легко жить, не задумываясь над тем, что хорошо, а что плохо. Твой брат, наверное, быстро и охотно забывает обиды, нанесенные родителями. Думаю, он не заикливается на них, как мы, — хмыкнула Лена и тут же поинтересовалась: «Домашние дети обсуждают друг с другом поведение родителей?»

— Редко. Как правило, не распространяются. Говорят вроде того: «...А мои сегодня поругались. ...От моей дождешься! Если только тумака! ...Мамка сегодня гостей проводила. Даже вздохнула от радости. Устала. ...А мои годовщину свадьбы отмечали...» Я тоже о своей семье с домашними детьми не делюсь. Много тому причин. Одна из них та, что я не хочу, чтобы мои беды гнетом ложились на чью-то душу. Моя боль, мне ее и нести. Вторая: могут не понять и начнут сплетничать. Не терплю, когда перемалывают косточки чужой беде безразличные или зловредные люди, — ответила я без промедления. И добавила: — У меня с тобой время пролетело минутой, а со стороны, допустим кому-то из домашних, наш разговор может показаться занудным нытьем.

Наговорившись и отогревшись в атмосфере чуткости и взаимопонимания, мы, незаметно для себя замолчали и задумались каждый о своем.

Я хотела поддержать сходящую на нет беседу, как, к крайнему моему неудовольствию, Лена вдруг грубо, но по-дружески, толкнула меня кулаком под ребро и спросила:

— Почему ты хочешь учиться в университете?

— Мне одинаково легко заниматься и физической и умственной работой, но я чувствую, что могу понять много больше, чем дает школа. Мне интересней познавать во всем новое, раздражает примитивное, однообразное. Физическую нагрузку для себя я представляю только в качестве отдыха после умственной, — ответила я не задумываясь, потому что этот вопрос за последние два года многократно тревожил меня, заставляя размышлять, анализировать.

— Послушай, давай не терять друг друга из виду? Построим свою жизнь так, чтобы наши дети не страдали, как мы. Встретимся через двадцать лет и убедимся, что все, что зависело от нас, мы сделали! Мечты должны сбываться! Главное — не изменять себе. Старания не могут быть напрасными. Пусть нашей путеводной звездой всегда будет Надежда!

— Согласна, — обрадовалась я, потирая ушибленный бок.

— Пусть это будет нашей главной клятвой! — тихо сказала Лена.

Лицо ее на мгновение осветило мечтательное вдохновение. Глаза засияли. В эту секунду она была очень красивая и счастливая.

А я вдруг подумала: «Меня с Леной роднит боль, а с Лилей — радость». Мне захотелось поскорее увидеть свою спокойную, мягкую, добрую подружку. Я так устала от своих и Лениных проблем!

Широкий луч солнца огненной рекой скользил по краю горизонта, унося с собой тревоги дня. Над нами приветливо шуршали березы. Вокруг галдели малыши. Глядя на них, я почему-то успокаивалась.

РИТА

Иду со станции от сестры, песни то насвистываю, то беспечно напеваю себе под нос, солнцу радуюсь. Рассматриваю облака, неторопливо проплывающие по утреннему небу караванами белых верблюдов. Аллея густая, зеленая. Тень от нее прохладная, приятная.

Цветы на неизвестных мне кустах как хлопья неожиданного майского снега. Пчелы жужжат над ними.

Задумалась о будущем. Все школьные предметы мне интересны и легки. Какому из них предпочтение отдать? Допустим, биологии. В школе она простейшая. Но в институте, наверное, изучают ее глубинные тайны. Значит, много еще открытий ждет студентов? Только что-то не хочется мне изучать колоски и букашек. Знать бы, какие глобальные вопросы волнуют ученых, какие великие проблемы стоят перед ними! Мне кажется, с моим упорством я могла бы многого достичь. Если, конечно, мне не будут мешать, палки в колеса ставить. Так Мария Николаевна сказала. А зачем кому-то мне вредить? Не понимаю. Я же добрые дела собираюсь делать.

География интересна великими путешествиями. Только друг моей знакомой студентки как-то жаловался: «Мечтал, грезил! А после распределения загнали меня под Курск и уже второй год бесперспективно глину копаю». Учился отлично, а романтической работы не нашел. Почему? Какая специальность беспроигрышная, всегда интересная? Может, физика? Ее триумф наблюдает весь мир!..

Неожиданно меня привлек подозрительный шум и сдавленный стон со стороны болота, того, что возле маслозавода. Прислушалась. Почудился хриплый крик, и опять наступила тишина. Только ветер слегка шуршит верхушками деревьев да гладит и ласкает камыши. Вижу в высокой траве недавно протоптанную тропинку и пугаюсь: «Там же опасная зона, трясина! Кого туда занесло?»

Из любопытства спустилась по свежим следам в низину. Вода захлюпала под ногами. Хотела вернуться, но странный звук раздался совсем близко. Осторожно раздвинула высокую траву. Взору открылась сухая, чуть приподнятая над землей кирпичная площадка. Остаток какого-то разрушенного строения. На ней, корчась от боли и злости, боролись двое. Я узнала хулигана со станции. Мальчишка уже оседлал девочку и, зажав ей рот, заламывал руку за спину. Лица обоих в ссадинах и царапинах.

Я рассердилась: «За девчонок взялся, пацанов ему мало!» Одним махом вспрыгнула на спину обидчику и со всей силы ребром ладони ударила его по руке выше запястья, чтобы отпустил бедняжку, потом столкнула с кирпичей и прижала лицом к земле. Теперь мы уже вдвоем насели на него: рубашку натянули на голову, чтобы он не узнал меня, одной брючиной связали сзади руки, другой — ноги. Девочка от волнения не могла выразить бурной радости за спасение и только устало улыбнулась.

— В аккурат за маслобойкой трясина! Чего тебя потянуло на болото? — спросила я, когда мы вышли на дорогу.

— Мне было грустно, а он пообещал показать настоящий родник. Мы соседями были. Я раньше здесь у бабушки жила. А ты смелая, — сказала девочка, немного успокоившись.

— Опыт был, — раздраженная нахлынувшим неприятным воспоминанием резко ответила я.

И все же поделилась.

— Однажды стояла на крыльце сельского клуба, подружку ждала, а Славка с Некипеловки подкрался сзади, обхватил меня и хотел поцеловать. Я отшвырнула его. Он все ступеньки спиной пересчитал. Не ожидал яростного отпора. Потом палка у меня откуда-то в руках оказалась. Ребята сначала хохотали над тем, как я учила уму-разуму опытного ловеласа, а когда увидели, что я в раж вошла, оттащили своего дружка.

— Почему ты так разошлась?

— Я не давала повода так вести со мной! Он оскорбил меня, унизил! Идиот! Видишь ли, он думал, что оказывает мне внимание. Осчастливил! Не нуждаюсь в подобном внимании всяких недоумков. Стегала я его за всех девушек, которым он жизнь испортил. Чаще надо таких на место ставить, чтобы меньше было разбитых судеб! А мать не разобралась, и мне здорово влетело. Посчитала, что я виновата уже тем, что подошла к сельскому клубу. Такая вот у меня жизнь, — грустно усмехнулась я.

— Меня Ритой зовут. Приходи сегодня вечером ко мне на улицу Речная, дом

восемнадцать.

— Постараюсь, — ответила я, и мы расстались.

Дома я рассказала бабушке о происшествии. Она разволновалась.

— Конечно, надо проведать девочку. А мальчишка не утонет в болоте? — вдруг обеспокоилась она снова.

— Нет. Мы не очень туго связали. Развяжется. Нам надо было время выиграть, чтобы убежать, — обрадовала я бабушку.

Вечером Коля пошел встречать корову с луга, а я отправилась к Рите. Старый, с железной крышей дом нашла быстро. Постучала. Рита вышла, загнала собаку в будку, и мы уединились на сеновале. Теперь я разглядела ее как следует. Беленькая, худенькая, голубоглазая и очень грустная.

— Мама знает о том, что случилось с тобой? — спросила я.

— Нет. Сказала, что с яблони свалилась.

— Почему?

— На свете нет ничего более сложного, чем настоящая откровенность между детьми и родителями, потому что чувства ребенка намного глубже, искреннее, чем у взрослого. А моя семья совсем раскололась по корявым узорам многочисленных трещин обид и недомолвок. Мне не приходится надеяться на понимание. Мы не контактируем, — сморщившись, вяло ответила Рита.

— С родной мамой?

— Понимаешь, до десяти лет я жила с бабушкой, если сказать точнее, с прабабушкой. А мама училась. Когда мне было четыре года, бабушке привезли полуторогового двоюродного внука, который в поезде подхватил дизентерию. Ночью меня сонную одели и отвезли к родителям. Утром я проснулась в другой семье. Я не понимала, как бабушка могла бросить меня одну?! Мне объяснили, что она скоро вернется из больницы, но для меня разлука казалась трагедией. Я чувствовала себя одинокой, покинутой, никому не нужной. Родители были для меня чужими людьми. Мать строга и неласкова. Отец морщился, когда я садилась на горшок рядом со столом, где он обедал. А я боялась оставаться в комнате, где нет взрослых.

Потом мама уехала в командировку, а я осталась с сердитым грубым отцом. Он нервничал по каждому пустяку. Я ему говорила: «Я же тебе все очень просто объясняю. Что же ты меня не понимаешь?» А он только кричал. Помню, как я шептала перед сном: «Бабушка, я хочу быть у тебя двадцать ночек, целых двадцать ночек». Не знаю, почему я называла эту цифру? Скорее всего, потому, что умела считать только до двадцати.

Однажды я попросила шоколадку. Отец купил. Но она не показалась мне такой вкусной, как в деревне. Потом я задумалась о том, почему у людей бывает разная речь: русская, английская, немецкая. Если бы все одинаково разговаривали, мама не уехала бы в командировку. И мне было бы хоть на одну совсем маленькую капельку легче.

Вечерами особенно страдала. Мне казалась, что без меня бабушка может умереть и я больше никогда ее не увижу. Я дрожала и скулила, как самый несчастный, брошенный щенок. Ничего меня не радовало, не отвлекало от грустных мыслей. Я истосковалась по бабушке. Мне так были нужны ее успокоительные слова! А вскоре я заболела и стала молить Бога, чтобы бабушка пришла ко мне хотя бы на один день. Поверь в сказку: она приехала! И привезла с собой чахлый, невзрачный цветок. Листочки у него были маленькие, круглые, темно-зеленые, бархатные на ощупь. Бабушка попросила меня смотреть на него каждый день и вспоминать деревню.

И вдруг цветок выпустил сразу восемнадцать бутонов! Потом было еще большее чудо: одновременно появилось восемнадцать огромных розовых цветков, похожих на сказочные колокольчики. Стебельки у них были толстые, сочные, а цветки хрупкие, нежные. Когда солнце падало на них, они сияли, как хрустальные. А вечером цветы казались таинственными, добрыми и волшебными. Я смотрела на них и поправлялась.

У бабушки я никогда не болела, а тут прошло совсем немного времени, и я опять слегла. Родители спали в соседней комнате. Я боялась пошевелиться, вся заледенела, онемела от страха. Я думала: «Почувствуйте, что мне холодно и скверно. Проснитесь!» А они спали. Потом я беззвучно звала бабушку. Мне от нее ничего не надо было. Только бы она прикоснулась ко мне рукой и сказала: «Я с тобой, моя милая». Даже когда выздоровела, я каждый вечер молилась: «Бабушка, приходи ко мне хотя бы на одни ночки. Мне так плохо без тебя. Если бы мама стала такой же доброй, как ты!»

Это когда мы становимся старше, то учимся менять заботу родителей на конфеты и платя, а маленьким нам нужна только любовь. Мне и сейчас хочется ласкового доброго взгляда. Как ты думаешь, когда мы перестанем нуждаться в любви родителей? — спросила Рита.

Взгляд ее при этом сделался странным, углубленным в себя.

— Не знаю, — ответила я деланно безразлично, потому что боялась расплакаться.

Как я ей сочувствовала! Мне очень хотелось отвлечься от грустной темы, но Рита продолжала:

— Знаешь, как я любила свою бабушку! Как никого больше в своей жизни!

Я молчала. Подступающие слезы сдавили горло.

— Представляешь, все в этой семье было не так, как в деревне. Я очень трудно привыкала. Вернее, я так и не привыкла к ним за полтора месяца. По возвращении из больницы маленький Сережа некоторое время жил с нами в городе. Он не понимал, что бабушка у нас одна на двоих, и не подпускал меня к ней. Если я садилась на стул, он тут же меня прогонял. Я уступала ему, как младшему, но все равно обижалась. Наконец, мы вернулись в деревню. Я снова была счастлива. После этого случая я поняла, как дорога мне бабушка и какое счастье жить с нею. Только в деревне у меня было настоящее детство.

Помню, как заворачивала в пеленку своего котенка и катала в зеленой грузовой машине. Хотела ему радости. Любимую курицу с огромным красным гребешком брала на руки и выносила в сад погулять. Песни ей пела. Она терпеливо сидела и не убегала. Весну очень любила, одуванчики. Подкидывала мячик, и мне казалось, что я лечу вместе с ним в небо, бегу по изумительно красивым белым облакам с золотой каймой. Головокружительное прекрасное ощущение бесконечного счастья и свободы! Десять лет в раю с бабушкой! Ее восторженность, нежность и сострадание передались мне. Я очень любила убирать и украшать комнаты. Бывало, и про уроки забуду. Бабушка подойдет, спокойно напомнит, и я слушалась. (В юности она была библиотекарем-просветителем, позже в школе преподавала.)

Потом, когда мама закончила два института и стала начальником, меня отвезли к ней. Она очень нервная и резкая. Не говорит, а приказывает тяжелым, властным голосом. Уже четыре года с нею и с отцом живу, а все равно очень боюсь ее. Ни тепла, ни радости от нее. Привычка к бабушкиной любви не позволяет мне довольствоваться малым со стороны родителей, — грустно посвящала меня в свое детство Рита.

Я смотрела в отворенную дверь сеновала. Струилось мягкое вечернее солнце. Природа отдыхала от жаркого летнего дня. И только неутомимые ласточки беспрерывно разрезали воздух своими острыми черными крыльями.

— Как ты думаешь, старики добрые потому, что бед много видели, или их такими с детства воспитывали? — спросила я.

— Не знаю. Когда бабушка заболела, я с такой любовью и нежностью за ней ухаживала! А за мамой — без души. Бабушка для меня была мамой и осталась ею.

— Я тоже считаю, что родители те, которые воспитывали.

— Из-за мамы я замкнутая, неуверенная, не способная себя защитить. Я постоянно ощущаю гнет ее власти, — пожаловалась Рита.

— А я еще никогда по-настоящему не была счастлива. Только полюбила папу Яшу, а он

умер. Здесь мне трудно. День-другой радуюсь, а потом то мать накричит, то отец шпильку вставит — и опять грустно. Нет, светлые дни тоже бывают. Иногда соберемся всей семьей пельмени лепить. Так радостно делается! Кажется, что я в веселой, дружной семье. Зимой колбасы вместе делаем. Тогда мне хочется, чтобы это доброе время не заканчивалось. Меня радуют самые незатейливые пустяки, даже мелочи. Привезут родители сдобные белые булочки из города — здорово! Как-то заснула с карамелькой за щекой. Мать узнала, испугалась, а мне приятно: беспокоится, не безразлична ко мне! Самое большое счастье для ребенка, когда семья обедает за одним большим столом, и все улыбаются, — так моя подруга Лена сказала.

Я всегда пытаюсь понять, почему человек поступает плохо, стараюсь оправдать его поведение. Это помогает мне прощать людей и самой не звереть. Но когда на меня обрушивается отчаяние и стальные обручи обид стискивают голову, я чувствую себя беспомощным двуногим существом. А учительница биологии говорила, что человек — венец природы. У меня вся надежда на взрослую жизнь. А может, я никогда не буду счастливой, потому что слишком чувствительна к несправедливости? — грустно предположила я, распластавшись на жесткой полосатой дерматиновой кровати, расстеленной поверх соломы.

— Что о будущем думать? Хотя бы в теперешней жизни разобраться! Моя мать — сильная, прямая, непреклонная, неприступная женщина. Она одновременно училась, работала и дом вела. Доброй ей некогда быть. Она у нас и за мужчину, и за женщину. Отец газеты читает, а мать рядом плитку приколачивает. Ему в голову не приходит помочь ей. Она раньше отца очень любила, берегла. Бабушка рассказывала. Отец, кроме работы, других забот не знал. Много свободного времени имел. Его устраивало, что мама «пашет». Он говорил матери: «Я тебя ревную даже к стулу, на котором сидишь». Любовь так свою выражал, — хмыкнула Рита презрительно. — А как-то зло заявил: «Был бы здоров, так пил, курил и гулял бы!» Мама тогда очень обиделась на него.

— Не знаю, как взрослые понимают слово «ревность», а для меня оно означает, прежде всего, — обиду одного человека на другого, за то, что не ценит, не уважает. Я от бабушки слышала, что ревнивые чаще других изменяют из-за чувства неполноценности и мнительности. Твой отец изменяет матери? — осторожно спросила я.

На лице Риты появилось выражение безысходности и страдания. Я пожалела, что вторглась в запретную область ее переживаний, и заерзала в неловкой попытке сменить тему разговора.

— Да, изменяет, — взяв себя в руки, достаточно спокойно начала свой печальный рассказ Рита. — Я сначала на стороне узнала, но не поверила в убийственные намеки. И только случайная фраза, долетевшая из соседней комнаты, со всей очевидностью открыла мне истинные взаимоотношения между родителями. Известие буквально раздавило меня. Пришибленной стала. Куда делись дружелюбие, рассудительность? С тех пор взяла меня в оборот неотвязная тоска-подруга. Не в моей власти справиться с ней. Не могу ни притормозить, ни избавиться.

Раньше мама редко срывалась при мне, укоряя отца в неверности. Надо отдать ему должное, во время ее «высказываний» отец чувствовал себя неловко, бросал раздраженные взгляды в мою сторону и шипел: «Не время и не место». А по ночам я слышала слезы и ругань. Маму я жалела, но, как это ни кажется странным, не видела в их «разборках» угрозы семье, и только все больше терялась от непроницаемой хмурости отца. Наверное, в силу своего возраста я не могла оценить сложности беды, нависшей над семьей. Когда родители препирались между собой, я плакала, и ночные истории лишь заставляли с напряженным вниманием присматриваться ко всем событиям в доме. Как пишут в старых романах, во мне тогда еще теплилась «тонкая свеча веры» в семью. Мне казалось, что эти ссоры ровным счетом ничего не значат, жизнь наладится, все войдет в привычную колею.

Между тем, отец становился все развязней, часто метал громы и молнии, иногда в своей ругани хватал через край. Потом грянул тяжелый, безобразно пошлый, давно назревавший скандал. С тех пор жить стало совсем невмочь. Отец совсем перестал таяться, начал унижать маму, не стесняясь меня. Она нервничала, по вечерам разыскивала его, а он, как искусный разведчик, как мальчишка, играющий в шпионов, скрывался у нее перед самым носом. Мама возвращалась раздраженная и озлобленная. Позже он, как ни в чем не бывало, в самом приятном расположении духа нагло

возвращался домой.

Мне противны удивительно хитроумные уловки и более чем возмутительное поведение отца! Смешно, но ему нравятся эти игры! Несносный! Не хочется плохо думать об отце. Но он по собственной прихоти делает меня и маму несчастными, думает только о своих удовольствиях. Родители ругались при мне, а я уже понимала, что их ссоры бессмысленны и бесполезны, потому что в своем поведении отец исходит только из чисто эгоистических соображений. Сначала я, глупая, предполагала, что у него слепая губительно-сладкая всепобеждающая страсть из неведомой мне области любви, которая сумасшедшим образом распялет сердце, и погасить ее нет никакой возможности. Позже поняла — обыкновенное себялюбие.

Не ожидала я от него такой подлости. Примириться не могу. Теперь его слова для меня мало что значат. Я не могу заставить себя относиться к нему снисходительно. Меня утомляет его грубость. Я изнываю от его безоглядности, озадачивает и бесит бездумность. Горько, гадко! Угнетает неспособность хоть что-то изменить в лучшую сторону. Надоели бесконечные напасти! Тоска, ад одиночества. Вот она, страшная правда жизни. Я слышала, что человек рождается с душой определенного возраста. Может, у меня она сразу взрослой была? — доверительно пробормотала Рита и потупилась.

Я не сдержала своего раздражения от вмиг пробудившегося недовольства собственной семьей и сердито отозвалась:

— Неправда. Взрослой тебя сделали родители.

— Представляешь, наряжаться стал! Комедия, да и только! Пятью волосинами пытается прикрыть лысину во всю голову. Глупым уродом себя выставляет, — все больше распаясь, выплескивала накопившиеся обиды Рита. — Мама говорила, что если женщина любит, она не замечает недостатка волос... Еще одеколоном каждый день на себя прыскает. Глаза сделались наглые надменные презрительные. Разговаривает свысока, грозно, повелительно. Я для него не дочь, а пустая финтифлюшка. Маме не уступает ни в чем, капризничает, неподатливый даже в мелочах. Гоголем ходит. Смотрит на нас холодным, презрительным взглядом победителя. Смеется натужно, неестественно, противно. Не понимаю, как можно гулять с чужой женщиной и одновременно требовать от семьи внимания и заботы? Дикость какая-то!

На маму не обращает ровно никакого внимания или третирует жестоко и бесцеремонно. Брежливо кривится по каждому поводу, нещадно осыпает руганью. Злой стал как не знаю кто. Его действия не способствуют хорошему климату в семье. И матери день-деньской не дают покоя мысли об изменах отца. Обида ее съедает. Извелась вся. Вот как так можно жить?! Если родителям не веришь, кому же тогда еще можно верить? Нет ничего оптимистического в моей жизни, ничего хорошего мне не светит!

В открытую дверь сеновала я видела сумрачную порушенную церковь, старательно замаскированную под склад, и крышу нового красивого элеватора. В воцарившейся ошеломительной тишине раздражающе пищали комары. Мелькнула вялая мысль: «Жизнь люди строят новую, а проблемы у них старые».

Рита говорила без подтекста, напрямую, с беспощадной трезвостью:

— Раз проявил слабость и пошло-поехало! Стал утверждать, что истосковался по любви. В прошлом году ходили разговоры о молодой пухленькой блондинке, буфетчице с наглыми глазами и жеманными манерами, а в этом в нашу жизнь вклинилась чернявая медсестра. Не моложе мамы, не красавица. Крупная грубая женщина с гадким характером. За нею и раньше водились подобные грешки. Своего не упустит.

Я не понимала, к чему старому отцу воздыхания, вкрадчивые томные слова. Называла его маразматиком. А мама шикала на меня: мол, помалкивай, не твое дело. В доме преобладала атмосфера покорности и скуки. По улице поползли слухи: «Зазноба в положении». Я не знала, как поступить: держать ли в секрете жуткое известие или рассказать маме? А как-то у крыльца нашего дома шумно разговаривали женщины.

— Мудрая женщина, узнав об измене мужа, будет молчать, — убежденно сказала одна.

— Не знаю, как у вас, а я своему разок между глаз врезала, так будто бабка нашептала — вся дурь разом прошла... — поделилась другая.

— Правда как чистый спирт. Ее надо принимать в разбавленном виде, иначе дух захватывает, — так мой дед говорил. Жалел он людей, — высказала свое мнение молоденькая бойкая соседка.

— Жизнь — это сладко и страшно, — горько усмехалась пожилая.

— Да уж так сладко, аж тошно, — фыркнула я сердито и тем положила конец назойливому жужжанию соседок.

Пока я думала, «добрые» люди обо всем доложили маме. Нашла ее молва. Мама понимала, что единственный способ удержать непутевого папу — еще родить ребенка. Вскоре я узнала, что в нашей семье будет пополнение. «Краля» настроила моего отца против будущего ребенка, и он встал на дыбы. Чего только ни делал, чтобы заставить мать избавиться от бремени! Но она была непоколебима и только однажды сказала презрительно: «Этот ребенок хоть твой, а тот — еще неизвестно». У отца от злости глаза из орбит чуть не повылезали.

Остался он с нами, но согласие не воцарилось, и исчезать из дому он не перестал. А мама на сорок третьем году от роду ждет прибавления. На мой недоуменный взгляд ответила гордо: «Я жена, а она шлюха — в этом моя правда». Гадко наблюдать их жизнь. Мама по ночам глотает слезы и лекарство. Отец храпит на диване. «Стоит ли он того, чтобы такими средствами за него бороться? — думала я. — Любви между ними давно нет. Налицо полная несхожесть характеров. И не принц он, грозящий роковым обаянием, и глаза недобрые, и разговоры ведет мучительно нудные, просто изнурительные, выматывающие душу». Я понимала, что мама боится остаться одной, стыдится быть брошенной, униженной. Но это тоже не жизнь, сплошной самообман!

Беда один раз нагло вошла в наш дом и больше не уходит. Поручил отец семью. Ни к чему теперь бдение над несуществующим домашним очагом, нечего там сохранять. Я не хочу видеть житейскую грязь, но всюду обнаруживаю ее следы. Надоели напыщенные речи матери о самопожертвовании. Представляешь: она не перестала печься об отце, волнуется, что его сердце не выдержит молодых чувств. Дикость какая-то! Не пойму, как можно презирать жалеть и любить одновременно! Не могу свыкнуться с жестокостью отца и с постоянной тревогой жду последствий взаимоотношений родителей. Меня преследует и одолевает печальное чувство непрочности всего земного. Сердце сжимается, изнывает от боли.

Бабушка, пытаясь успокоить меня, объясняла, что из-за своей патологической честности и бессознательной, неистребимой жажды правды я не умею и не хочу считаться со взрослыми понятиями, что одержимая желанием непременно быть счастливой, тону в свалившихся на меня бедах и не замечаю хороших сторон жизни, отгораживаюсь от них. Говорила, что нестерпимо тяжелое и непонятное поведение близких людей вызывает у меня гнетущее отчаяние, глухое раздражение и застилает разум. Утверждала, что подобные отцы редкость. Просила уважать мужчин, «не причесывать всех их одной гребенкой». Обещала, что наша жизнь войдет в нормальное русло, семейный конфликт уладится сам собой, отец опомнится, «перебесится», как говорят у вас в деревне.

Враки все! Не пойму, какие оправдательные доводы взрослого рассудка пыталась втолковать мне бабушка? Если бы отец жил по уму, разве мы с мамой сейчас так страдали бы? Бабушка считает, что беда в том, что у моего отца нет даже простейших нравственных принципов-тормозов. Он как животное: куда инстинкт зовет, туда и бежит. Да еще и гордится этим. Когда очередная «любовь» застилает отцу глаза, у него тут же отключаются мозги, и он становится неуправляемым.

Изучала я семьи моих подруг. У многих нелады. И в основном по причине отцов: то пьют, то не хотят работать, другие как мой... Я с инстинктивным, мрачным упорством отгоняю от себя мысли о дурных наклонностях отца, ищу в нем хорошие черты. Но не нахожу, не вижу их распрекрасных! Я думаю: знай, что так случится, мама, наверное, никогда бы не пошла за него замуж... Если бы женщины не верили мужчинам, будучи молодыми, жизнь на земле давно бы прекратилась... Каждая надеется, что ее избранник не такой. Никогда не пойду замуж, не хочу, чтобы унижали. Я тебя не заговорила до обморока?

Я перебила Риту.

— Когда пьяница с нашей улицы замерз, его тихая, забитая жена, оставшись с тремя детьми, расцвела и сумела поднять детей. А сколько лет терпела его побои?! Чего же твоя мать так держится за отца? Странная штука — жизнь. Пойдем ли мы когда-нибудь ее тонкости? Повезет ли нам? Мы с тобой слишком рано столкнулись с необходимостью погружаться во взрослую жизнь, но все равно ничего не поняли в ней, а только вырастили в душе страхи и обиды, — вздохнула я.

Рите хотелось выговориться, и она продолжала рассказывать о том, что было для нее самым болезненным.

— Я не понимаю маму, но сочувствую ей. И думаю о ней больше, чем о себе. Такую беду ни один нормальный человек не выдержит, не одолеет. С этим нельзя примириться. Мама необыкновенно терпеливая. В других семьях из-за измен скандалы, а она молчит. Взрывается, только если отец допекает издевками.

— Моя тоже терпеливая, — грустно сказала я.

— А у нее что? — спросила Рита, удивленно подняв тоненькие стрелочки бровей.

— То же, что и у твоей. Мне тоже надоела постоянная, молчаливая баталия между родителями. Я в работе пыталась растворить свои грустные мысли. Не получается.

— Надо же! В селе такое — редкость, — посочувствовала мне Рита.

— Когда поняла, что не я — основная причина их ссор, то мне даже немного легче стало. Понимаешь, я не родная им, — с трудом вымолвила я последнюю фразу.

А Рита опять о своей беде, остановиться не может:

— Очень обидно, когда мама придирается, раздражается по пустякам. Талдычит незбылемые истины, словно мак в ступе толчет. Нет никакого проку от ее нотаций. Мало того, несмотря на все усилия объясниться, не понимает, извращает смысл моих ответов, что для меня равносильно избиению души. Если я, скажем, пытаюсь рассчитывать на ее поддержку в разговоре с отцом, так она взвизгивает до потолка и вторит ему: «Мол, какая ты, однако, хитрая». Я расцениваю такое поведение, как если бы меня бросили в беде. При этом если я отвечу грубостью, она упорствует и наказывает меня.

Согласись, проще всего было бы спокойно сесть и разобраться в недоразумении, а не кричать? Сомневаюсь, что ругань решает проблемы, она только усугубляет их.

Допустим, тебе заявят, что твое мнение не в счет, это же все равно, что сказать взрослому, ты ноль! Другими словами: либо ты дурак, либо подлец. Как бы он реагировал? Не сладко, да? А с ребенком, считается, можно неуважительно разговаривать. Мол, пошел вон и все! В твоём случае я подозреваю — такая же история. Если ошибаюсь, возрази.

Ладно, оставим в стороне неприятности с отцом. Надоело стонать! Я как-то не выдержала и сказала: «Мама, что же ты ругаешься? Сначала смягчись, пожалей!» Но слова мои пролетели мимо, — горько пожаловалась Рита, будто не замечая моих выстраданных, с болью произнесенных слов.

— А я у своей спросила: «Почему вы с учениками ласково разговариваете, даже с юмором, а на меня кричите? Уместней было бы одинаковое обращение». Она отшутилась: «У них дома есть, кому ругать». Я не унималась: «Вы же, как учитель знаете, что криком можно только чувство противоречия вызвать, а не желание исправиться». А она мне: «Не умничай. Прикуси язык. Не разыгрывай трагедию». Поговорили по душам!.. А если что не по ней, то мало не покажется... С чего тут будешь радоваться?

Зимой на олимпиаде первое место заняла по физике, так никто не порадовался. Рассказала о своей мечте про МГУ. Мать отреагировала: «Высоко взлетишь, — больно падать будет». Мне трудно понять мать. Не слышит она моих страданий. В своих тонет. А может, как и отец, хочет поскорее с рук сбить? Не нахожу я душевного отклика у родителей. Много раз пыталась подойти к матери, доверчиво поговорить, но всегда

останавливалась в двух шагах. Мне всегда не хватало ее протянутых рук. Она не понимает, что я чувствую, что меня волнует. Ей главное, чтобы со стороны все было благополучно: тишь да гладь — божья благодать.

Почему я должна каждый раз ловить растерянный, неуверенный взгляд матери, не знающей, как выкрутиться из непредвиденных ситуаций, созданных мною? Ненавижу, когда она вызывает меня на кухню за шторку, чтобы без свидетелей укорять за то, что я не так повела себя при отце или его родне, учит молчать, требует учитывать мое положение в семье или ругает за то, чего я не могу понять! По понятиям матери мне надлежит постоянно чувствовать себя отверженной, полагается быть тише воды, ниже травы. Мне требуется поистине библейское терпение, чтобы все это вытерпеть. Моя жизнь — домашний арест. Пресекается малейшая попытка самостоятельности. Все под ать-два! Надоело стремление матери подчинять меня, подавлять, подгонять под свой трафарет. Я другая и хочу быть другой! Разные мы очень.

После обидных разговоров с матерью еда поперек горла становится. Я стараюсь владеть своими нервами, молчу для сохранения хотя бы внешнего достоинства, мысленно ищу лазейки для ее оправдания. Мне кажется: мать в угоду отцу так делает. Родители не сумели разобраться в своих проблемах, а я страдаю. Думаешь, понапрасну разжигаю, распалю себя? — выжидательно глянула я на Риту.

Она отрицательно качнула головой. Рискуя затянуть новую подругу в пучину собственных эмоций, я продолжала:

— За что мне такие унижения? Я не имею права ни обидеться, ни попросить о чем-либо. Я давно мечтаю съездить на велосипеде на Желтое озеро, где часто с друзьями бывает мой брат, не могу весной сходить в цветущую балку. Мне остается только мечтать об упоительных блужданиях среди благоухающей черемухи, дымчатых холмов, каскадов плачущих ив на дне огромного оврага, где пугающе дрожат сумрачные пятна теней, где можно мысленно углубиться в туманы древности, где над головой тонкие, быстро растворяющиеся перья облаков рисуют вечную картину бесконечного неба.

— В праздники мне всегда грустно, — с захлебывающейся торопливостью излагала я. — Отца раздражает, что я всем интересуюсь, всему учусь, делает вид, что не замечает моих успехов. Он ни разу не позволил мне самой фотографировать, проявлять. А я все равно выучилась в школе. И за руль нашего мотоцикла не дает садиться. Ребята из десятого класса брали меня с собой на занятия по автоделу и давали водить грузовик. Однажды пристала к отцу, чтобы он позволил мне чуть-чуть проехать на мощном школьном мотоцикле. Так он выбрал самый трудный участок дороги, где три колеи в одну сходились, и заставил включить максимальную скорость. Мои ноги подбрасывало выше головы, но я удержала руль, хоть было очень трудно. Не отбил желание технику осваивать! Хотя, похоже, главным образом он именно этого добивался, разрешив мне сесть за руль. А может, поиздеваться, посмеяться захотел надо мной? Так не получилось.

Велосипед сломается, он Колю зовет чинить, а меня прогоняет, оскорбляет. Думает: бухнусь перед ним на колени, умолять буду? Не дождется. Есть и другие пути выучиться. Отец всячески принижает меня, пытается доказать мою бездарность. Отслеживает малейший промах. Душу на мне отводит, зло срывает или обиды какие-то вымещает?

Боль вздымается внутри, разрастается, а я губу закушу и терплю. Остро ощущаю его враждебность и от бессилия задыхаюсь. Прикладываю судорожные усилия, чтобы справиться с собой. Хлестко, зло меня цепляет. Живу как на пороховой бочке. Я стараюсь хорошо выполнить любое задание, не даю повода упрекать меня. Но замечаю: с одной стороны, он доволен, что я много работаю, а с другой — вроде не хочет добра от меня, не хочет, чтобы я была хорошей, многое умела. Чем очевиднее его пренебрежение, тем ожесточеннее доказываю я свою положительность.

Сам в школе учит, что главный судья человеку — совесть, а где свою оставляет, когда мать мучает и меня шпыняет? Сдается мне, раздвоенный он какой-то. И в то же время раскошелился, отвалил кучу денег на книгу «Эрмитаж». Не для меня, конечно, а все равно приятно. С чужими умеет быть вежливым, уважительным, обходительным, иногда даже может сойти за галантного, преисполненного достоинством, а при мне не видит нужды прятать свое истинное лицо. Походя осыпает презрением, ироничными фразочками.

Никогда не замечала в нем даже простой приветливости. Косо всегда глядит. У него неуловимые глаза: вроде бы все видит насквозь, но не все желает замечать. Терпеть не могу его ледяной, обжигающий ненавистью взгляд, искаженное злостью лицо. От них делается зябко и хочется убежать далеко-далеко. И говорит, будто отмеряет, отвешивает слова по малой толике. Жадный в проявлениях эмоций.

На уроках рассказывает серым, бесцветным, безразличным голосом отрывисто, неохотно. Вдобавок, злит меня его преувеличенный педантизм. И улыбается ой как мало и редко. Да и то как-то зажато, не искренне, не открыто, не солнечно, словно боится или не желает порадовать. В его светло-карих глазах никогда не видно огня восхищения, одно невозмутимое равнодушие. Холодный туман взаимной вражды отравляет мне жизнь.

Недавно случайно увидела его с любовницей. Остолбенела, конечно. Потом отшатнулась, как от удара хлыстом, сжалась в комок, съежилась от обиды за мать. Он блаженное выражение с лица смахнул и в крысу превратился; мелко затрясся от злости, лицо перекошилось, словно лимон разжевал. Неприятные зенки вытарачил, гадостей мне наговорил. Я потом долго не могла унять нервную дрожь. А если вдуматься, я-то при чем? Уж во всяком случае, не меня следовало ругать! Я со станции возвращалась. Откуда мне было знать, что они будут идти по той же аллее? Вот какое у меня воплощение многолетней мечты об отце!

Иногда думаю: «Человек не может быть во всем идеальным. У меня тоже характер не слава богу. Но ведь другие меня понимают! А он не хочет. Я для него — пустое место, невидимка. Я всегда в его присутствии испытываю странную неловкость, будто виновата перед ним.

Для школы он старается, об учениках заботится, к любому подходу находит. Когда расписание составляет, учитывает просьбы всех учителей. На станции дисциплина на страхе и угрозах держится, а наш отец голоса никогда не повышает, а ребята по струнке ходят. Склок, интриг никогда не бывает в коллективе. (Я раньше не вникала в закулисные дела, хотя иногда слышала от матери, что учителя «пощипывали» ее из зависти, когда отец был директором, но в основном все-таки уважали; и не всегда догадывалась о ехидной вражде между некоторыми коллегами потому, что отец всегда умел урегулировать проблемы любой сложности.) Мне нравится его забота о выпускниках. Десятиклассников никогда не отвлекает на колхозные работы. Если школьники выбрали свой путь, он негласно позволяет учителям давать им поблажку в неосновных предметах, чтобы они больше времени имели для дополнительных занятий по предметам, которые придется сдавать на вступительных экзаменах в институты. Значит, он хороший?

Не понимаю, хоть убей, чего он со мной такой желчный, ядовитый? Виртуозно разящими меня замечаниями сохраняет свое душевное равновесие? Ненавидит меня до такой степени, что способен только едкой яростью разрядиться? Видно, занозой я у него в мозгу засела. Так сам же себе ее загнал! А может, ему нравится изгаляться, и он выбрал меня безгласным, беззащитным объектом? ...Возьму самый просто пример. Отцу надо больше есть морковки, и я стараюсь по собственной инициативе каждый день ее чистить для него. Но стоит по какой-то причине мне этого не сделать, он сразу кривится, и я выслушиваю кучу желчных замечаний. А ведь ни разу не попросил, не напомнил! Конечно, мелочь, но их столько за день набирается!..

Я все о себе, да о себе. Еще не замучила тебя? Обычно я сознательно избегаю разговоров о своей прошлой и теперешней не очень складной жизни. Но вот с тобой... Я похожа на нытика?

— Ничего зазорного не вижу в наших откровениях. Иначе голова может взорваться от неразрешимых проблем. Иногда ее нужно освобождать от непосильной тяжести. Может, когда-нибудь я с раскаянием замечу, что в чем-то была не права, и мне будет стыдно за сегодняшние мысли и слова, но сейчас я так чувствую и так думаю, — отрывисто сказала Рита. — Теперь по-настоящему я бываю счастлива только в те краткие минуты, когда, опьяненная радостью общения с природой, сознательно или бессознательно отчуждаюсь от реальной жизни.

— Меня тоже не оставляют сомнения в своей правоте, я стараюсь пресекать свои попытки критиковать родителей, все чаще говорю себе «се ля ви», но, сдается мне, что в

основном мы правы: мы не виноваты в происходящем в наших семьях и ничем не можем помочь. Нам остается терпеть незаслуженную кару. Рита, ты представляешь, я только на днях поняла, что отец «шпынует» меня только тогда, когда мы с ним один на один. Почему?

— Наверное, хочет показать всем, что хорошо к тебе относится. Хитрый, — задумчиво сказала Рита. — Может, считает, что только через терпение ты сможешь заслужить его уважение?

— Странное предположение. Через мучения? Разве ребенок должен страдать, чтобы его полюбили? Глупость какая-то! Как я могу полюбить того, кто меня незаслуженно обижает! — взбунтовалась я.

Рита опять затронула волнующую ее тему:

— Что ты почувствовала, когда узнала, что отец изменяет?

— Сначала удивилась, была обескуражена, буря в душе разразилась. Кавардак поднялся в голове, долго находилась в сильнейшем замешательстве. Директор, учитель! Потом была удручена, подавлена. О жизни стала совсем плохо думать. Один раз услышала, как мать говорила бабушке: «Не вырвать мне гадких мыслей из головы: крепко вцепились, как корни старого дуба. Звезды от ревности из глаз сыплются». Грустно видеть мать в скорбной задумчивости. Жалко ее. Она, в принципе, хорошая женщина. Зачем он ее так?

— Ты обсуждаешь с братом поведение отца?

— Нет, конечно, он же ему родной.

— А с подружками?

— Не намереваюсь выворачиваться перед ними наизнанку и предъявлять свое сокровенное нутро, высвечивать беды, изливать душу или делать еще чего-либо в этом роде! Ты нездешняя, к тому же подруга по несчастью, вот у меня с тобой язык и развязался. И еще с одной детдомовской девочкой, но не на полную катушку как с тобой, — полыхнула я горькими словами.

— Я ненавижу отца. Не могу его простить. Он изверг рода человеческого, душегуб. В моем воображении мера наказания отца растет в соответствии с его поступками...

— Ты о Боге? — удивилась я. — Так он тоже мужчина...

Похоже, до Риты не дошел смысл моей реплики.

— Наверное, моя мама не может быть одновременно нервной с отцом и ласковой со мной, правда?

Робкая надежда засветилась в глазах Риты.

— Конечно, — уверенно подтвердила я, не желая лишать девочку добрых иллюзий.

— Я пыталась проще смотреть на жизнь, понять отца. Не получается. Ты грубишь своему отчиму? — поинтересовалась Рита.

— Нет. Я знаю в точности, что тогда на меня все будут злиться. Поэтому так рассудила: не стоит ворошить муравейник. Мне кажется: в некотором роде это разумно, потому что вся семья выигрывает. И в зависимость ни к кому не попадаю, и масла в огонь не подливаю. Это тоже очень важный факт. Как-то неожиданно сделала для себя гениальное по своей простоте открытие: в семье мне лучше помалкивать. Ведь не всякий раз удается правильно распорядиться своим умом. Зачем мне лишние оплеухи по больному самолюбию? Да и вообще предпочитаю держать свои настроения в непроницаемой тайне. Я даже негодую на себя, если не сдерживаюсь.

Один раз в четвертом классе я разозлила отца. Глупая была. Какой-то парень спросил его: «Молодой человек, скажите, пожалуйста, который час?» Отец ответил. А я расхохоталась. Он удивился и спросил, что меня так развеселило. Ну, я и брякнула: «Какой же вы молодой? Седой, лысый». Отец был разъярен моим наивным ответом.

Затрясся, лицо красными пятнами пошло. «Мне, — говорит, — только сорок пять!» Я не ожидала такой бурной реакции, потому что на самом деле считала его старым, потрепанным. Выслушала его суровую отповедь и больше глупостей не совершала. Долго пыталась загладить свою непреднамеренную вину. Не предполагала, что он усмотрит в моих словах издевательство. Тогда еще не понимала, что ущемляю его мужское самолюбие.

— Я огрызаюсь, а когда разозлюсь, долбаю своего отца. Иногда мне кажется, что злить его — ни с чем не сравнимое удовольствие, даже наслаждение.

— Зачем ты так!? — возразила я, почувствовав себя очень неудобно.

— Может, он поймет, как неприятно, когда тебя ругают, и перестанет хамить!

— Зря. Уверена, что ему все нипочем. Только отношения испортишь. Разрабатывай новую стратегию, меняй поведение. Меня так Венька учил, дружок мой школьный. Говорил, что тихой сапой можно большего добиться. Но я не обостряю отношений потому, что мать жалею. Знаю: отец позже на ней все равно отыграется. И бабушка просит меня, не держать на него обиды, прощать безразличие, — решительно возразила я. — У меня есть друг, — учительница литературы в старших классах. Когда мне очень плохо, я обращаюсь к ней за советом. Мы с ней на любые темы разговариваем. Рассказать о ней?

Рита ничего не ответила, и я принялась с восторгом заполнять паузу.

«Вот недавно я бежала как встрепанная, Александра Андреевна увидела меня и пригласила к себе. Усадила на лавочку во дворе и так посмотрела, что, кажется, в самую душу заглянула.

— Почему такая взволнованная? — спрашивает.

— Пытаюсь разобраться в жизненно важных проблемах, — отвечаю.

— Вечные вопросы потому и называются вечными, что никому не дано разрешить их раз и навсегда, — улыбнулась Александра Андреевна.

Мы долго беседовали. Я спрашивала ее обо всем, что меня тревожило, и она как будто открывала передо мной занавес жизни.

— Почему Иван Стефанович говорит, будто я не чувствую то, что описываю в сочинениях? Я ничего не выдумываю. И мысли, и слова мои. Фразы сами на бумагу плывут. Сам не помнит, какой был в детстве, а утверждает, что в четырнадцать лет невозможно думать по-взрослому. Но я-то думаю! Я что, в угоду ему нарочно должна сюсюкать как малышка? Он считает, что дошкольник вообще не умеет рассуждать, но я помню свои размышления в четыре года! — сердито сопела я.

— У него детство было безоблачное. Гонял себе с друзьями по полям и лесам. О чем можно думать и переживать, когда и родители, и старики без ума от единственного чада? Счастливчиком рос. Беды и ответственность вынуждают взрослеть. Его война заставила за ум взяться, — раздумчиво ответила Александра Андреевна.

А я продолжала ее донимать.

— Вот читаю «Войну и мир» Толстого, и не могу понять... — опять страстно пустилась я в атаку...

— Рано тебе творчество Толстого изучать, — засмеялась она.

А я ей:

— Знаю, что рано. Но я не могу ответить себе даже на самые простые вопросы. Я плакала навзрыд над гибелью сына Ростовых. Мне казалось: он до конца не осознавал, что может погибнуть, потому что находился во власти восторженного предвкушения героического поступка. Бесчеловечно было посылать такого юного на смерть. Как

родители могли отпустить его на войну? Нет, я знаю: патриотизм, Родина! Я сама в любой момент первая побегу защищать свою страну. Мне проще: нечего терять, кроме своей жизни. Но родители должны была втолковать сыну, чтобы он вел себя разумно. Пропасть по-глупому даже из патриотических чувств — не геройство. Он даже не успел вступить в бой!

А она объяснила:

— Он увлек за собой солдат, а это важнее, чем самому кого-то уничтожить. Он понимал, во имя чего рвался в бой. Понимал, что обязан был защищать честь страны. Не зря погиб! Отряд мчался отомстить и за него, юного. Он герой! Своим поступком он укрепил веру в победу.

— И все же, как мать могла оторвать его от сердца? — опять настойно спросила я учительницу.

— Родители растят сыновей защитниками страны и семьи и только просят судьбу оградить их от беды, живут надеждами на лучшее. А если дети погибают, то навсегда остаются в сердцах своих родных и в памяти благодарных поколений. Так было всегда. У нас с Петром Андреевичем три сына. Мы стараемся воспитать их волевыми, умными, галантными, нежными. Одним словом — настоящими мужчинами. Не простой вопрос ты задала. Я постараюсь рассмотреть его со старшеклассниками. А каков же тогда твой сложный вопрос? — улыбнулась Александра Андреевна.

— Вот вы говорите, что литература — учебник жизни. А почему в «Анне Карениной» Толстой на примере жены брата главной героини учит, что она должна простить двойную жизнь, измены мужа, а самой Анне оставляет один выход — смерть? В газете, в рецензии к спектаклю Анну Каренину называют двуликим монстром и торжественно заявляют, что она наказала себя за свое поведение.

Только что-то ее братец не больно чувствовал себя виноватым, имея на стороне вторую семью и обманывая обеих женщин. Почему о нем никто ничего плохого не говорит? Почему Толстой не наказывает его? Мужская солидарность? Мужчины пишут законы, защищающие только их достоинство? Разве в этом не проявляется неуважение к женщине? Ее заведомо оставляют бесправной и беззащитной? Это называется справедливостью? Прошли рыцарские времена?

Почему для Каренина главное — «что люди скажут?» Он даже сына возненавидел, когда Анна полюбила другого. Для него важнее всего на свете — карьера. Почему сильный мужчина не может простить слабую женщину, а женщина все должна прощать? И еще. Я не понимаю фразы: женщина зависит от мужчины. Женщина сама может себя прокормить. Ей трудно одной растить их общих детей. Дети нуждаются в мужчине, в отце. А этой фразой полностью отвергается понятие нормальной семьи, ею уклоняются от воспитания детей. Получается, что у мужчин, проповедующих и внедряющих подобные выражения, не сформировано чувство семьи.

Они нарочно перекалывают ответственность за детей на женщин? Вот читаю в романе: «Женился на богатой, промотал приданое жены...» И все почему? Потому, что жена обязана была отдать мужу свое наследство и стать от него зависимой. А на эти деньги она могла бы сама вырастить детей.

Вот в физике все четко и однозначно! Надо законы развития общества и семьи сформулировать с точки зрения сохранения хорошей семьи и пользы детей и на уроках изучать, как любой другой предмет. А в «Воскресении» Толстого что я вижу? Мужчины требуют от женщин таких подтверждений любви, за которые потом они расплачиваются всей своей жизнью и здоровьем, искалеченной судьбой детей. Это честно? Любили вместе, а отвечать пришлось молодой и глупой Масловой.

Нехлюдов потом страдал, переживал, да только Катюше от этого легче не стало! Не сумел он помочь ей. А раньше не мог подумать о последствиях? Он же был старше Катюши! Непорядочный он! Вот и Дима объясняется мне в любви, а сам плохо отзывается о женщинах, поэтому я не верю в его любовь! — кипятилась я.

— Ты права. Если мужчина не уважает женщин, то, когда влюбленность пройдет, он и к жене будет относиться так же, — согласилась со мной Александра Андреевна.

— Мне иногда кажется, что мужчины вообще не умеют любить. Они только пользуются любовью женщин. Сколько я вижу примеров, когда они сбегают от больных жен и детей! Ищут легкой жизни? Боюсь, что настанет время, когда некоторые женщины, не выдержав трудностей, тоже начнут вести себя, как плохие мужчины: бросать детей, больных мужей, стариков, будут пить и курить. «А почему бы и нет? Мужчинам можно, а нам нельзя?» — скажут они.

Еще мне смешно и непонятно, когда мужчины возмущаются, если женщина начинает вести себя, как они: пить, курить, гулять, выражаться. Почему тогда себе позволяют подобное? — со страстностью, достойной лучшего применения продолжала я.

— Жуткий прогноз! Откуда в тебе столько мужененавистничества? — рассмеялась учительница. — Мой брат Анатолий, когда умерла его жена, не женился до тех пор, пока полностью не определил детей: образование дал, женил, с жильем помог устроиться.

— Не много таких. Разве я не права? У нас соседка по квартире, где мы останавливаемся в городе, когда сердится, то говорит своему мужу: «Мне лучше алименты с тебя получать и другого мужчину приглашать. Когда он будет приходить, хоть праздник в доме почувствую. И сто раз не надо просить кран починить...». Я глупости говорю? Но они оттого, что жизнь вокруг бестолковая, — оправдывалась я перед учительницей.

— Обыкновенная жизнь. Идеально счастливых семей не бывает. У кого-то бабушка болеет, ребенок не слушается, в других семьях несовместимость стариков и родителей, в третьих — работа мужа не устраивает, нервирует отсутствие перспектив. Да мало ли что может вызывать дисгармонию взаимоотношений в семье! Нельзя из всего делать трагедию. Надо стараться достойно жить в любых условиях, стремиться побороть в себе плохие качества, пытаться улучшить ситуацию. Смирение, терпимость — огромная сила. Надо жить. Понимаешь, просто жить, — спокойно объясняла мне Александра Андреевна.

— Трудностей в работе я не боюсь. Я не умею преодолевать раздражение от несправедливости. А у вас выясняю причины появления несчастных семей, чтобы не пополнить их число, — вздохнула я. — Вы же тоже знаете про нашего отца? Правда? Как думаете, он изменится когда-нибудь? — спросила я, и опустила глаза, скрывая неловкость от слишком взрослой темы разговора.

— Старость его исправит, — серьезно ответила она.

— Обрадовали! — хмыкнула я сердито.

— Ты хотела правды и получила ее, — сказала, как отрезала, учительница.

— Вот смотрю на нашу жизнь, и дружить ни с кем из мальчишек не хочется. Мать замучила руганью, не верит мне, — жалобно пожаловалась я.

— Каждая мать старается оградить своего ребенка от злословия. Не обижайся на нее. А дружить не вредно. Юность, как весна, быстро проходит. Надо узнавать разных людей, учиться любить, ценить людей, расширять свои способности к общению и тем самым уменьшать вероятность ошибки в выборе достойного. Когда дружишь, главное — четко помнить границы дозволенного. Женщины созданы верить мужчинам, а они стремятся завоевать нас любыми способами. Осторожность надо воспитывать.

— Не хочется мне жить в таком неправильном мире, — совсем сникла я.

— Милый мой максималист, — улынулась мне Александра Андреевна, — ищи такого, ради которого захочется жить. Я же нашла. А первые чувства, юношеская дружба останутся в твоей памяти как самое светлое, самое дорогое. Запомни строчку из песни: «Не опошляй любви согласьем...» И еще одну житейскую мудрость не забывай: «Пока девушка не допускает мужчину к себе, он за нею ухаживает, а если ошибется, поверит, сама за ним побежит...»

Вот как мы беседуем. Правда, она здоровская?! Вот бы мать была мне таким другом! Жаль, что такие разговоры с учительницей очень редки. Но я бываю откровенна лишь в тех случаях, если ее и мои собственные чувства и мнения совпадают. Тогда между нами стираются различия в возрасте. Но о своем детдомовском прошлом я не разговариваю с ней...

Я так увлеклась пересказом последней беседы с учительницей, что не сразу заметила, что Рита не слушает меня. Но не обиделась, только умерила свои восторги. Понимала, что это моя жизнь, а ее волнует совсем другое. Ну и разговорилась! Интересно, мое, Ленино и Ритино многословие — свойство безудержной юности или реакция грустной, выжженной скорбью души, зажатой рамками тоски и несбыточных мечтаний о счастье, когда она стремится вырваться на волю?

Рита вся ушла в себя: сидела какая-то отрешенная, подавленная, потерянная.

— Ты знаешь, что-либо про взрослые дела... ночью? — вдруг тихо спросила она.

— Мало. Весной один мужик вернулся из тюрьмы, а на следующий день побил окна в нашем интернате и проник в спальню к девочкам. Мать была в ужасе и все причитала: «Не дай бог, успел... Варя рыдала. Может, все-таки от страха!?»

— Разве это так быстро?... — спросила я тогда отца.

— Иногда двух секунд достаточно, — криво усмехнулся он.

Но лицо его было бледным. Он же отвечал за интернатских. У бабушки я стесняюсь спросить про такое. Девчонки в классе со мной говорят только про уроки. А у подружки Зои мне стыдно узнавать. Она младше меня. Еще высмеет перед всей компанией! И почему родители не рассказывают нам о взрослой жизни?

У нас одна девочка «вляпалась» в историю и даже не сообразила, что с нею произошло. Ее замуж потом выдали. Родители заставили сына жениться. Мне неинтересна и неприятна эта тема. Я люблю думать о красивом, умном, особенном. Правда, отдельные моменты, на которых я иногда останавливаю свое внимание, удивляют меня. Как-то моя одноклассница играла на улице с братишкой своей подружки. Я взглянула на ее ладно скроенную, по-деревенски крупную фигуру, и мне показалось, что у нее не детское озорство, а желания замужней женщины. Она по-особому обнимала мальчика, как сына. И лицо в это время было странное, полное выстраданной любви. Порывисто так схватила ребенка, прижала к себе и целовала, целовала. В движениях ее рук и тела было столько материнского! Наверное, я говорю глупости?..

Рита опять ничего не ответила. Потом, чуть запинаясь, тихо спросила:

— Как ты с отчимом? Ты же ему чужая. Не пристаёт... ну, понимаешь?..

— Думаешь, если я иждивенка, то платить ему должна своей честью?! Не собираюсь сиротливо заискивать перед ним и покорно ждать его гадких действий. Пусть только попробует тронуть! Не рискнет он, знает мой характер. Не зря в классе «атаманом» и в глаза и за глаза называют.

— А со мной могло случиться... здесь в деревне, в сарае. Прошлым летом....

— То есть как? Родной отец домогался! — испуганным шепотом произнесла я, не веря своим ушам.

— Я сначала не поняла, потом не поверила, но потянулась за вилами... Обошлось. С тех пор мой взгляд скользит мимо отца... Я в упор его не вижу...

«Так вот почему мать никогда надолго не оставляет меня наедине с отцом, в город с собой берет! Вот чем объясняются ее странные, опасливые взгляды! Она постоянно боится за меня!» — вдруг поняла я горькую тайну. — А я-то наивно полагала...

А Рита, как в забытьи, продолжала:

— Потом ночью приходил стал. Стоит, смотрит, сопит, но не пристаёт... Я от страха немею... Слезы льются, а закричать боюсь. Стыдно и маму жалко... Ненавижу...убила бы! Как-то не выдержала, пожаловалась матери. А она вдруг как с ума сошла. Глаза вытаращила, лицо красными пятнами пошло. Мне чуть дурно не сделалось... Шлюхой обозвала... подол задрала... Я ничего не поняла... больно было. Потом с нею истерика случилась, проклинать себя стала... Это очень в мамином духе... Долго я отходила от

потрясения...

С того дня между нами непреодолимая пропасть разверзлась. Я чувствую себя вычерпанной до дна. Слишком крепка связь детей с родителями, невыносимо трудно, болезненно ее разрывать.

— Даже когда их никогда не было рядом?.. — не утерпела вставить я.

— С тяжелым сердцем думаю: «Не ужиться нам вместе». Горло перехватывает от мыслей, от ужаса... Сделалась излишне впечатлительной, обидчивой, нервной, жутко одинокой. Стала задумываться и остро чувствовать социальную сторону жизни. Повзрослела на десять лет. Старухой себя чувствую. Может, сбежать из дому или сгинуть? ...Пока пытаюсь все забыть, как страшный сон, стараюсь всей душой жить в чистом воображаемом мире. Увязла в мечтах, надеждах. Только надежда еще не вера...

Рита потупилась и замолчала.

— Надо надеяться на лучшее. Иначе как жить... — тихо промолвила я. — Счастье никто не может гарантировать.

Совершенно неслыханные жуткие неосознаваемые подробности! — отстраненно думала я, шокированная откровенностью новой знакомой. — Я не понимаю и не принимаю даже малейших отклонений в поведении родителей, а тут такое!

Воспаленное воображение рисовало страх, красный туман. Я всматривалась в Риту, в поисках еще неведомых мне глубин ее грустной души.

— Я много знаю, но это не позволяет мне понять, кто прав кто виноват, кто плохой, кто хороший. Без жизненного опыта знания не работают. А я не желаю гадких экспериментов над собой. Счастливой хочу быть. И почему всегда кажется, что плохое не коснется меня? — растерянно бормотала девочка.

— Сама плохого не делаешь вот и от других не ожидаешь пакостей и подвохов, — высказала я свое мнение и с сочувствием вздохнула.

Нас сближало осознание бессилия перед неразрешимыми семейными проблемами. И я вдруг почувствовала, что из общих несчастий и сострадания между нами родилась чуткая привязанность, связывающая души, может быть, даже намного крепче любви.

— Вчера похоронили мою бабушку. Ужас расставания с ней сначала вверх меня в состояние прострации, а теперь тоска давит, как осенняя безнадежная даль. У меня теперь никого не осталось... — горько, навзрыд заплакала Рита.

Мне показалось, что я услышала, как застонало настрадавшееся сердечко, и вся сжалась, боясь разреветься.

— Боже мой! Как я мечтаю об обычной, тихой, счастливой семье! Как хочется иногда уткнуться в колени доброму, понимающему человеку! К чему мне их зарплаты, дорогие подарки? — опять всхлипнула Рита.

— Если не хочешь заканчивать десять классов, уезжай в другой город, поступай в техникум. Мне учительница говорила, что, когда покидаешь родительский дом, в нем остаются все беды и проблемы детства, — сказала я после долгой паузы, пытаясь своим советом отвлечь девочку от тяжелых переживаний.

— Я завтра уеду, и мы больше никогда не встретимся, — тихо произнесла Рита.

— Я редко допускаю людей в свое сердце, но если разрешу войти, то уже на всю жизнь, — ответила я еще тише.

Мы молча сидели, соприкасаясь спинами. Неслышно подобралась темнота. В открытую дверь сеновала заглядывала полная яркая луна. Ее спокойный серебряный свет рисовал таинственную сказку. А мы жили в грустном реальном мире.

ДЕТСКИЕ ВОПРОСЫ ВЗРОСЛЫЕ ОТВЕТЫ

Все спят, а я вверяю дневнику тронувшие мое сердце воспоминания прошедшего дня.

«Сегодня я поделилась с Александрой Андреевной секретом про Зину, потому что она не болтливая и на самые сложные ситуации умеет смотреть по-житейски просто.

— Несправедливо детям страдать из-за гадких взрослых! — возмущалась я. — Представляете, сами же взрослые потом презирают этих несчастных обманутых девочек! А в чем Зина виновата? В том, что еще глупая? В том, что детдомовская? Это ее беда! Жаль мне ее. Вразумите, объясните, в чем я не права, — буквально взмолилась я.

— Спокойнее, не воспаляйся. К сожалению, в юном возрасте человек крайне чувствителен. Он зачастую не способен противостоять любому разрушительному воздействию и может сломаться. Ничего не поделаешь, вся жизнь — парадокс. Судьба преподает жестокие уроки тем, кто не готов к борьбе за существование, — на удивление спокойно провозгласила Александра Андреевна. — Правильный путь может быть таким: не лететь очертя голову, как мотылек на огонь, за каждым, кто позовет; учиться отвечать за свои поступки, делать правильные выводы из ошибок и не впадать в пессимизм.

— И мне не хватает оптимизма. Я хочу видеть вокруг себя только хорошее, непрерывно борюсь с собой и повторяю: «Мир полон чудных грез» — а все равно замечаю плохое. Вы знаете больную от рождения девочку с улицы Гигант? Пьяные мужики при мне изловили ее на току, железной скобой голову к земле прижали и по очереди грубо издевались. Мерзость! У меня поджилки затряслись, сердце заколотилось от негодования. Я в них сначала издала комья земли кидала, потом куски кирпичей принялась швырять. А они мне — мат и угрозы. Гады! Что я могла сделать? Пятеро их было, — сказала я, ежась от ощущения гадливости и презрения. — Люди проходили мимо, и никто не прогнал гадов! Не хотели связываться? Безразличные? Вот так и сеется преступность. Разве нет закона, чтобы наказать этих пьяниц за жестокость?

— Знаю бедняжку, — вздохнула Александра Андреевна.

— Слабоумную обижать во сто крат хуже! У этих мужиков, наверное, дочки есть. Почему они такое позволяют? — вновь распалилась я.

— Вне всякого сомнения, в человеке есть и плохое, и хорошее. В пьяном виде гадкое вылезает на первый план, — объяснила учительница.

Голос ее звучал спокойно, но настойчиво.

— Разве они умнее этой несчастной, если ведут себя хуже скотов? — пробурчала я, недовольная ответом. — Вот недавно один дядька у колодца распинался: «Я когда погуляю от жены, еще более верным становлюсь». Как, изменяя, можно становиться верным? Никакой логики! А наши городские соседи злословят, мстят, радуются несчастью других.

— Так не все же плохие. Один или два человека на сотню. Глухая сосредоточенность на себе, зависть, угрюмость характера превращает некоторых бездарных людей в чудовищ. Следующий раз обрати внимание на то, как поведут себя соседи в случае несчастья в какой-нибудь семье. Гарантирую: всем миром помогут! Не руби с плеча. Натерпелась ты в детстве. Всякая боль тебя трогает. Радость к себе не допускаешь... Обостренное восприятие тому причиной. Много доводит юную душу до иступления. Трудно открывать внутри себя человека, а еще труднее оставаться им. Понимаю тебя.

В мире два высших равновеликих начала: добро и зло. Эти явления взаимосвязаны и разнять их нельзя. Вечная борьба этих сил делает жизнь многомерной и непонятной. Добра без зла не бывает, но добро чаще побеждает, иначе бы мир погиб. Каждый из нас должен посильно служить добру. Не прячься от трудностей, но замечай их только для того, чтобы учиться сосуществовать в реальном мире. Нельзя жить в обществе, не учитывая его законов и особенностей. Подрастешь, — проще будешь смотреть на многое, — уверенно сказала Александра Андреевна.

Меня даже передернуло от негодования:

— Ну, уж, нет! Плохих я всегда буду презирать и ненавидеть. Я никогда не смогу оправдать жестокое и подлое в человеке! В нашем селе я в основном вижу уважительное отношение к женщинам. Может быть, потому что они сами не позволяют себя унижать? А вот прошлым летом я с родителями попала в деревеньку соседней области. Там стройотряд студентов работал. Девушки одевались, как парни, и волосы носили короткие. Один колхозник за руку со всеми поздоровался и вдруг разглядел среди них девушку. Ох, как разозлился! Руку об себя вытирал, плевался, матом крыл. Студентка обиделась и говорит: «Вы мизинца моего не стоите. Еще неизвестно, кто из нас лучше пашет и косит, а вот в отношении интеллекта я не сомневаюсь: он рядом с вами не ночевал. Вы оскорбляете и принижаете женщин, потому что боитесь их. Не хватает у вас истинно мужских качеств для мирного сосуществования». Тогда колхозник стал орать, что «все бабы — дуры». Студентка снова возмутилась: «Дяденька, вы ерунду говорите про умных мужчин и глупых женщин. Посмотрите на свою семью. Дочь похожа на вас, сын на мать. Из ваших речей выходит, что ваш сын должен быть глупым. Где логика? Когда не можете доказать свою правоту, вы начинаете свою досаду тешить руганью и рукам волю даете. Слышала, как над женой издеваетесь. Вы бы и на меня кинулись, только друзей моих боитесь. Сила и ум мужчине даются, чтобы защищать. Но вы, оказывается, — «слабый пол»! На педпрактике я задала классу придумать короткое, но емкое, всеобъемлющее слово для заголовка статьи. Так один ученик пошутил: «Ничего, кроме матерных слов, на ум не приходит». «Вы видно из таких», — резко закончила студентка. Не выдержал местный житель «защиты нападением» и скрылся в хате.

Мой голос звучал уверенно, с пониманием своей правоты, к которой примешивалась некоторая доля еще не сформировавшегося злорадства.

Александра Андреевна улыбнулась:

— Ах, этот милый трогательный немного взбалмошный детский стоицизм! Не суди о людях по отдельным чертам и фактам. Зачем обобщаешь? Нельзя поведение отдельных людей возводить в ранг «национальных» недостатков! Дураков везде предостаточно.

Попытаюсь объяснить, почему мы с мужчинами неодинаково ведем себя. У мужчин и женщин несколько разный ум. Мы чувствительны, сильны интуицией и более практичны. А мужчины, которые умные, мыслят глобально.

— Разве не бывает чувствительных мужчин и широко мыслящих женщин? — усомнилась я.

— Есть, конечно. Сколько угодно! Только жизнь так устроена, что мужчине приходится подавлять свою чувствительность, а женщине растрачивать свой ум по мелочам.

— Так надо создавать такие условия, чтобы способности людей проявлялись в полной мере! Надо по знаниям и умению оценивать человека, а не по тому, мужчина он или женщина. Бабушка рассказывала, что после войны в их колхозе женщины на тракторах работали лучше мужчин и колхозами командовали здорово, по-хозяйски, — опять загорячилась я.

— Наши женщины до сих пор прошлым живут, памятью о войне, о погибших мужьях, о тяжелых послевоенных годах. Они оглядываются назад потому, что тогда проявлялись самые мощные всплески эмоций. Только не перебивай меня, пожалуйста! Ретивая ты больно. Выслушай до конца, — одернула меня учительница. — Разумное сочетание природных данных обоих полов приводит к великолепным результатам, а их игнорирование — к плачевным. Нет смысла выяснять, чей ум лучше. Он разный.

— А какой ум у дружков Димки, если они только гадости умеют говорить о девушках! Претит мне их болтовня, а доказать им ничего не могу! Почему в узком кругу мужчины стесняются выказывать свою доброту, а только хвалятся грубостью и непорядочностью, — зло вскрикнула я.

Александра Андреевна рассмеялась:

— Плохие хвалятся. Не шарахайся по пустякам. Ну не испепеляй меня взглядом. Мужчины часто искренне объясняются в любви, не задумываясь, подчиняясь

природному инстинкту самца-завоевателя, а потом также искренне ненавидят, и стремятся избавиться от предмета недавнего обожания. Милый легковверный несмышлениш! Юность — время неуловимой прелести, смутных надежд и неоправданных мечтаний. Верь словам мужчин с оглядкой. У тебя поэтическое, даже драматическое восприятие жизни. В своих крайних рассуждениях ты доходишь до предела. Так до абсурда можно договориться. Почаще возвращайся на грешную землю. Библию бы тебе почитать. Там много полезного для себя нашла бы.

А друзей Дмитрия я наперечет знаю. Уверена, что они еще нецелованные. Ты же сама говорила, что никогда не видела их на пару с девушками. Они сочиняют всякую чепуху для собственного самоутверждения. Как дети. Понимаешь?

«Лопухнулась, купилась на свою наивность! Какая же я глупая! Как я заблуждалась на их счет! Может статься, и Димкина любовь — обман, пустая болтовня?» — рассердилась я на себя и, немного успокоившись от неожиданного откровения учительницы, растерянно пробормотала:

— Их ведь тоже учили в школе, что правда есть истина плюс справедливость.

Чехарда какая-то у меня в голове! Ничего не понимаю!

— А есть еще готовность человека к правде и неготовность, — усмехнулась учительница.

— И все же почему люди врут? — спросила я сумрачно.

— Ложь в глобальном смысле — одно из орудий управления людьми. Гадкое орудие. А в бытовом... я не могла маме сказать, что у нее неизлечимая болезнь. Обманывала ее, потому что жалела. Понимаешь? Надеюсь, мое поведение не противоречит твоим возвышенным устремлениям?

— Нет, конечно. Я же не безнадежная идеалистка.

— Никогда не торопись высказывать свое мнение. Сначала обдумай предмет разговора, предположи варианты возражений тебе, свои ответы оппонентам. Поразмышляй, к каким последствиям может привести тот или иной твой ответ. Анализируй ситуацию. Не лезь напролом в беседе со взрослыми.

— Понимаю: вы правы. Своей поспешностью, безудержным характером я создаю вокруг себя круговорот. А вот объясните мне, пожалуйста, другой случай. На элеваторе работает Ванечка. Ему шестнадцать лет. Он веселый. Все его любят за легкий характер. Но на самом деле он грустный. Знаете историю, которая произошла с его мамой? Закончила семь классов, выучилась стучать на пишущей машинке, и направили ее секретарем к начальнику одного нашего завода. Мне рассказывали, что девчонкой она была тихой, доброй, симпатичной. Как-то приехал в командировку солидного возраста мужчина и зашел к Анюте за справкой. Она наклонилась, чтобы достать папку, которая лежала на полке, в глубине стеллажа, а дядька, как глянул на ее округлые формы, и загорелся. Прижал, юбку задрал. Она резко оттолкнула его, да все уже свершилось. Аня — в слезы. Он тоже расстроился и говорит: «Не ожидал от себя такого. Красивая ты очень. Прости». И уехал. Анюту после этого распутной сразу сочли. Мужики пристают. Она их гонит, потому что ненавидит. Обидно! Почему многие люди в первую очередь верят в плохое и считают, что женщина всегда во всем виновата! Я слышала, что тот мужчина, в общем-то, неплохой человек. Почему он так гадко сделал? Не привык отвечать за свои поступки, понимал свою безнаказанность, знал, что люди все равно девушку обвинят? Ему наплевать на дальнейшую судьбу девушки и ребенка?

Мой дедушка Яша знает, как поступил, когда инспектировал школы города по медицинской части? Был он тогда молодым и красивым. Одна из старшеклассниц стала ему глазки строить, а потом позвала на стройку. Дед пошел. Заходят они в помещение, а девчонка и говорит: «Раздевайтесь», — и снимает с себя одежду. Дед вытащил ремень из брюк и отходил ее по мягкому месту. Стегал, а сам приговаривал: «Не позорь своих родителей!» — гордо сообщила я.

— Хороший пример! Коротенький прочувствованный рассказ. История проста, но изысканна. Но ты в основном копилка гадких случаев. Где выживаешь их? Ох и трудно с тобой! — рассмеялась Александра Андреевна.

— Сквозь сито просеваю, — улыбнулась я в ответ, но тут же взъерошилась и завелась еще больше. — И все же не уходите от ответа. Где у того дядьки, Ваниного «отца» была совесть? Что такое совесть?

— Совесть — это закон внутри нас, честный анализ себя. Прекрасен человек, чей разум живет в ладу, в гармонии с совестью; он способен принять полезное, но не всегда выгодное для себя решение. Совесть проявляется, когда надо выбирать. Хочет человек плохо поступить, а совесть не дает. Если человек привыкает подводить под свой гадкий поступок теоретическую базу, постоянно ищет самооправдания, то постепенно превращается в подонка.

— Совесть воспитывают или с ней рождаются? Говорят, врачи в немецких концлагерях не имели совести, а дома были хорошими, любили своих детей, — проявила я эрудицию в вопросах истории.

— В них сосуществовали две личности, которые не пересекались. В науке это явление называется вилочковым сознанием. В данном случае оно обусловлено неправильной социальной направленностью общества. Совесть в этом случае может быть заблокирована или ослаблена.

— Мать говорила, что древние греки не обладали совестью. Не верю! Скорее всего, у них тогда еще не сложилось такого понятия или она иначе называлась. Может, их начальники не имели совести. Я помню себя очень маленькой и очень совестливой.

— Ты права. Главным путеводителем по жизни все равно будет твоя внутренняя совесть. С ней ты всегда будешь сличать свои поступки. Она оградит тебя в минуты слабости. Она же, если потребует, поведет тебя на подвиг. Мне так кажется, — со свойственной ей патетикой завершила тему Александра Андреевна.

— А что такое грех? — не унималась я.

— Скажу коротко: грех не преступление, а рана, которую мы наносим сами себе. В человеческой природе произрастают различные цветы зла: лицемерие, гордыня, отчаяние, распутство. Силу греха по-настоящему знает только тот, кто борется с ним.

— Бабушка объясняла мне, будто помысел страшнее греха, потому что сознательный, а грех может быть бессознательным.

— Понятие греха — это тема несвободы, раскаяния и покаяния. Ребенок рождается чистым, взрослея и вращаясь в обществе, по законам которого ему приходится жить, он должен держать ухо востро. Не хочу излишне морализировать. Грех — это то, что отделяет нас от идеала. Невидимая, зыбкая граница проходит между истинной порядочностью и грехом. Уясни одно: чтобы жить полноценной жизнью, необходима сдерживающая сила и любовь, в широком смысле этого слова. Никакие деньги не помогут быть счастливым, если, как сказал один умный человек, «внутренний ландшафт души не вспахан» добрыми делами, а ее «интерьер не обустроен разумом» и культурой.

Любовь необходима человеку. Пусть даже не взаимная. Без нее жизнь пуста. Настоящая любовь стоит всех сокровищ мира. В этом случае один человек становится частью другого, частью его судьбы. Когда любишь, жизнь в большей степени приобретает смысл. Не надо бояться неведомого. Главное, не теряться, если что-то сразу не получится, не думать, что зашла в тупик.

Говорят легче быть знаменитым, чем любимым. Женщине труднее найти единственного, неповторимого. Она душу ищет, а мужчина не представляет любви без обладания... Культура человеку нужна как плодородный слой для души, его надо создавать, оберегать. Престижно быть умным, эрудированным... Желание служить общему благу должно быть потребностью души каждого. Как много еще надо вложить в девчонок и мальчишек, чтобы сделать из них достойных людей! — задумчиво говорила учительница, похоже, нисколько не заботясь о том, слушаю ли я ее или нет.

Наверное, забывшись, размышляла вслух над проблемами класса, в котором была классным руководителем.

— А писатели должны открыто говорить о пороках, копаться в душах, как Достоевский?

— осторожно повела я учительницу в сторону своих проблем.

— Всегда актуально писать о грехах и пороках. Ценю жестокий талант Достоевского. Не отдаст читателям на откуп голые факты. Для художников такого ранга всегда стояла проблема границ. Каждый писатель должен сказать что-то новое или писать так, как раньше не умели писать. Настоящего писателя природа награждает особым даром слова, и он обязан нести людям истину, любовь, красоту. Без болевых точек трудно держать читателя в напряжении. Мне кажется: отрицательного героя легче изображать. Не автор виноват, что у его героев плохие мысли или дела. Он является их зеркалом. Главное не описывать грехи высокомерно. В произведениях необходимо присутствие возвышенного отношения к изображаемым событиям, творческое преобразование природы, динамика развития внутреннего содержания, обобщенность и объемность форм. Еще нужна ясность цвета, могущество красок. Рядом с драмой всегда должно быть место надежде, вере...

Чувствую, Александра Андреевна оседлала своего любимого конька. Рискнула остановить ее.

— Все это высокие материи, слова. А в жизни плохое сразу в глаза бросается. Вот недавно на нашей улице у колодца люди шумно обсуждали статью в областной газете о том, что девочка в пятнадцать лет родила и ребенка в больнице оставила. Мужчины возмущались: «Как она посмела бросить ребенка?!» Женщины ахали, поддакивали им. Я разозлилась и как заорю: «А кто папаша? Если он взрослый, то в большей степени виноват. Почему отца ребенка никто не осуждает ни по радио, ни в газете? О нем даже не вспомнили. Почему его вину перекладывают на девочку? Она бросила! А он не бросил? Никому нельзя так поступать! Разве он не обязан наравне с матерью заботиться о своем ребенке?» Что тут началось! Долго доказывала свою правоту. Да разве они поймут? Нищие мещане!

— В тебе бурлит гремучая смесь детскости и ранней взрослости. Всерьез задумайся о самовоспитании, — строго прервала меня учительница. — Конечно, наверняка не все в их рассуждениях было бесспорно. А ты считаешь, что имеешь право судить людей, обзывать? Какие у тебя основания к тому? Ты даже не представляешь, кто такие мещане! Увидела в хатах примитивные открытки, салфетки на комоды и сразу этикетку приклеила.

Может, наши женщины по красоте и уюту соскучились! Устали от нищеты. Отношение к вещам у них не мелочное, а бережливое. Своим потом зарабатывали, потому и ценят. Они героини, великие труженицы! Войну на своих плечах вынесли. Рюшечки-оборочки — внешнее проявление, а не главный признак мещанства, они только символ пошлости.

Мещанское сословие характеризуется, прежде всего, ограниченным мировоззрением. Непричастность, социальное равнодушие — их основная черта. Для мещан вещи — мера человека. Они активны, только когда у них отнимают, потому что им есть что терять. Не торопись поносить мещан. Для них важны жесткие правила: от и до, они активно занимаются своим делом. И в укладе жизни есть определенный порядок, стабильность. Они носители определенной культуры, у них достаточно крепки нравственные устои, стремление к грамотности. Может, многие из них — наши корни на определенном участке развития незрелого человеческого общества, ступенька к дальнейшему созиданию? Мне кажется, что, окрепнув, так называемые мещане, расширят свой кругозор, пошлют детей учиться в вузы и вырастят надежную, достойную смену. Надо получше разобраться в психологии данного явления.

Понимаешь: в обществе бывают разрушители и созидатели. Мещан к разрушителям не причислишь. Разрушители яркие. Герои! У всех на виду. За ними стоит хаос. А созидатели копаются, в темноте шарят, ищут золотую середину в жизни. Я скорее к мещанам отнесу некоторых чиновников, которые, дорвавшись до власти, теряют нравственность и со временем становятся разрушителями. С матерью поговори на эту тему. Она же историк.

— А роскошь, с вашей точки зрения, это хорошо? — продолжила я тему.

— Ты имеешь в виду ее духовный или материальный аспект?

— Я о духовном аспекте не задумывалась. Что в него входит?

— Много чего. Допустим, роскошь общения с друзьями, роскошь власти, для кого-то праведная роскошь общения с Богом.

— Общение — это же естественная необходимость, — рассмеялась я.

— Она роскошь, если тебе долго затыкают рот. Для каждого человека роскошь имеет свой смысл, это как бы трактовка собственной жизни, индивидуальный взгляд. Это то, что каждому нужно для счастья: кому рыбалка или беседа с друзьями, кому-то хочется позволить себе выспаться вволю или порадоваться весеннему цветению, для кого-то важны чувство свободы и чувство достоинства. Для одного это просто иметь дом, а для другого важно — каков он, этот дом. Для литератора роскошь — это многообразие стилей, направлений, когда они не самоцель, а способ реализации способностей. Для меня роскошь — воспитывать детей не приказом, а атмосферой. Поэтому здесь работаю.

Все складывается из социального взгляда на предмет нашего обсуждения. Материальное понятие «роскошь» я заменила бы словом «комфорт». После революции, глядя на барские усадьбы, мы думали: «В какой роскоши жили гады!» А теперь говорим: «Как жили!» — и мечтаем о собственной квартире или даже автомобиле. Роскошь — это дорогая «игрушка». Людей тянет к ней. Это нормально. Русские цари воспринимали роскошь как символ власти. Когда-нибудь увидишь роскошные интерьеры Московского Кремля. Византийская традиция великолепия! А европейцы во время экскурсии утверждали, что это не красота, а угроза. Я сама слышала.

— От зависти они так говорили, — засмеялась я.

— А вот Будда сначала уходил из дворца, чтобы решать проблемы народа, а потом отказался от аскетизма и стал искать истину — золотую середину. Роскошь, ко всему прочему, — категория красоты, искусства. Красоту надо показывать, к ней надо приучать, не стесняться ее, естественным образом относиться к ней, как к природе.

Русская церковь всегда отличалась богатством убранства, тем самым как бы подчеркивая, что духовная жизнь — это небо и красота, а личная жизнь должна быть скромной. Для нас не приемлемо вызывающе-кричащее показное, безвкусное проявление роскоши как способ утвердить себя. На данном этапе важно создать всем людям нормальную жизнь, а потом уж украшаться. Роскошь и богатство, — разные вещи. Я принесу тебе журнал, где подробно освещается эта тема, — пообещала учительница.

— Вижу, по поводу мещан глупость сморозила. Виновата, — покаялась я. — Мы про это будем по истории в старших классах изучать?

— Нет. Только в институте.

— Почему так поздно? Думаете, не поймем? Каренин не боялся строго требовать от семилетнего сына запоминания «извлечений» из философских трактатов. Этим он закладывал базу, основу воспитания и мышления своего ребенка. Меня такой серьезный подход к обучению поразил и обрадовал. Я даже зауважала этого зануду.

Только меня сейчас более важные вопросы волнуют. Женщины у нас что надо! А вот мужчины... Недавно спрашиваю у знакомого дяди Вити: «Почему не бросаете курить?» «Не хочу», — отвечает. — «Почему не бросаете пить?» «Не хочу», — опять говорит. А если женщина так же ответит на эти же вопросы, ее ждет всеобщее презрение и осуждение: «Как она посмела?! Как она могла?!» Это называется равенство?

Мне кажется, девочка оставила ребенка в больнице, прежде всего потому, что отец ее ребенка бросил их. Наверное, этот мужчина раньше клялся ей в любви навек. А теперь из-за него девочка навсегда потеряла веру в людей и себя. Я ее не оправдываю. Но она же еще юная! Смотрите: войны давно нет, а детдома так и не закрылись. Почему взрослые видят и обсуждают следствие, а не причину этого жуткого случая? А причина — в отсутствии ответственности за свое поведение не только у девочки, но и, прежде всего, у того мужчины! Один наш знакомый хвастался, что сына без жены воспитывает, а сам бабушке его спровадил. Видится с сыном от случая к случаю. Спасибо, конечно, ему превеликое, что в детдом не спихнул! — завелась я, соскочив на больную тему.

— Мужчинам труднее воспитывать детей. Им терпения не хватает, — спокойно объяснила Александра Андреевна.

— А у женщин на все хватает: учиться без мужей, и работать, и детей растить? Значит, правильно студентка сказала, что мужчины — «слабый пол»? — пренебрежительно бросила я понравившуюся фразу. — У нас в городе знакомая есть. Так они с мужем договорились, что она будет деньги зарабатывать, а он домашнюю работу выполнять. И только через три года она заметила, что он совсем не занимался детьми и все свободное время тратил на удовольствия. Где была его совесть? Развелась с ним мамина подруга.

Я слышала, как одна женщина в очереди говорила: «Когда мужчины перестали справляться со своей обязанностью: содержать семью, на работу вышли женщины. И теперь мужья ругают нас за то, что мы не справляемся со своими и их делами одновременно, и не хотят помогать в работе по дому. Хорошо устроились!» А еще она иронизировала над тем, что мужчины предлагают нам рай в шалаше, а сами любым способом стремятся в готовые хоромы.

— Шутила она, — несколько раздраженно объяснила учительница.

— А другая тетя говорила, что без мамы или жены ни один мужчина не достиг бы высот в своей карьере. Неизвестно, чего бы могли достичь женщины, если бы их поменять местами с мужчинами, — фыркнула я.

— Опять обобщаешь! В традициях нашей нации говорить, говорить... — недовольно возразила Александра Андреевна. — Больше думай. Не ударяйся в крайности. Помни о золотой середине! Не решай за всех. Не торопись принимать мнение любого человека на веру. Анализируй каждое с разных точек зрения. Если кому-то в чем-то не повезло, так что же теперь весь мир очернять и охаивать? Уважать надо людей. Мужчины и женщины нужны друг другу! И в своем союзе каждый из них что-то теряет, что-то находит.

Учительница помолчала, а потом сказала с улыбкой:

— Нам с тобой только переустройством мира не хватает заняться. Политинформации тебе на пользу пошли. Неплохо научилась говорить. Ты лучше скажи, что соседи ответили на твой протест?

— Да ничего! Молча, по домам разошлись, — хмуро выразила я свою обиду. — Я не обобщаю, а переживаю за несправедливо обиженных. Я не ругаю всех людей, вижу счастливых, радуюсь за них. Но посмотрите, как много несчастных! В селе еще крепкие традиции семьи, а в городе они намного слабее. Благополучные семьи очень редки. Люди часто создают лишь видимость хорошей семьи, а на самом деле...

— Среди женщин тоже встречаются такие, что не дай бог... — жестко сказала Александра Андреевна.

И добавила с усмешкой:

— Кошки тоже бывают интеллигентные и наглые.

— И все же матери очень редко бросают детей, — отрезала я.

— Так уж издавна повелось, что женщина — хранительница семейного очага и нравственности.

— Мужчины диктуют удобные для себя правила жизни, забывая о гармонии, а женщины им следуют? Да!? — возмутилась я.

— В войну наши женщины вынужденно взвалили на свои плечи все семейные заботы, да так и не сняли до сих пор, — усмехнулась Александра Андреевна.

— Шучу, шучу, — успокоила она меня, увидев, что я опять готова взорваться. — Как же без юмора? На нем многое держится. У меня было трудное, но интересное детство, голодное веселое студенчество, сложная жизнь в большой семье мужа, пока себе хибарку не построили, — вот и оставалось одно: шутить. Что бы я представляла собой, не будь у меня чувства юмора? Зануду. А теперь вот небогато, но счастливо живем. Жизнь соткана не из одних золотых нитей. А мухи не только в уксусе дохнут, и в меду тоже.

— Значит, я — зануда?! — вспыхнула я как спичка.

— Не кипятись! Настоящий мужчина не позволит любимой женщине превратиться в лошадь. Запомни! Хороших людей больше, — мягко выразила настойчивое неудовольствие учительница.

— Знаю, но это совсем не значит, что не надо помнить о плохих! В журнале «Семья и школа» много пишут о том, как воспитывать детдомовских детей. Мне понравилась статья «Духовное состояние семьи». Там говорилось о том, что детей надо воспитывать через любовь, культуру и красоту. А что на деле я вижу?

Вот недавно в наш детдом приезжала комиссия. Один сердобольный дядька спрашивал у моего знакомого мальчика: «Ты помнишь маму? Ты хочешь к ней вернуться?» А на лице написано: «Ах, какой я хороший, ах, как я тебе сочувствую». Пацан молчал, а сам думал: «Зачем лезете в душу, если не можете помочь? Зачем выставляете напоказ мое несчастье?» «Ты не хочешь домой? Ты боишься?» — снова приставал взрослый. «Да, боится! Но хочет! И в этом парадокс, которого не понимают многие взрослые», — сердито думала я тогда, глядя на «представление».

Мальчик любит родителей, какими бы плохими они ни были. Он придумывает красивые истории об их жизни, скрывает плохое, он хочет видеть родителей хорошими. Без их любви ему нет опоры в жизни. Пусть в его семье убого, даже страшно, но они родные, и он верит, что там его по-своему любят. Он боится потерять их навсегда, особенно когда маленький. Он тянется к родителям, а подрастая, искренне хочет помочь своим единственным, любимым, таким же несчастным, как он.

Дети не понимают, почему их бросили. Они страдают от обиды, но жалеют своих пап и мам. Это много позже некоторые из них звереют от безысходности, сравнивая свою жизнь с удачной жизнью домашних детей. Они сторонятся счастливых, чтобы не получать болезненных ударов в сердце, — отрывисто и резко говорила я.

И вздохнула, вспомнив о Лене.

— Одна воспитательница сказала моей подруге: «Не делай из мухи слона. Мир не крутится вокруг тебя. Не так уж велики твои проблемы, чтобы из-за них стоять на ушах». А что же тогда главное для ребенка? Деньги, тряпки? Нет! Чтобы любили, уважали, были справедливыми. Детдомовские мальчики из училища, работавшие на строительстве нашей школы, жаловались мне: «Мать бросила...», «Моя даже куртку не купила, когда я приехал в ее новую семью...»

«А отец? Чем он помог тебе?» — спросила я. В ответ увидела удивленные взгляды: «При чем тут отец?» Им даже в голову не приходило, что за них в ответе двое. Рядом с понятием «ребенок» в голове у них стоит только слово «мать». Ее они винят во всех смертных грехах и во всех своих бедах. И в то же время именно ее любят, ищут, ждут. Опять парадокс!

Мне кажется, как правило, в плохих семьях сначала отец начинает пить, а потом мать, не выдержав нагрузки — «нянчить» мужа и одной растить детей, — тоже принимается пить и деградировать. Я не права? Поправьте. Моя бабушка говорила: «Без хорошей семьи невозможно воспитать ни настоящего отца семейства, ни полноценную женщину. А если безотцовщина будет повторяться в нескольких поколениях, то это может плохо сказаться на обществе», — закончила я свой «растрепанный» монолог.

Александра Андреевна положила мне руку на плечо и примирительно, хотя опять-таки с долей иронии, сказала:

— Успокойся. Может отчасти и хорошо, что из всех средств защиты и обороны ты предпочитаешь лучший способ — нападение, тем паче, что...

Но ее жест и слова разозлил меня, и я нервно встрепенулась:

— Как вы не понимаете, что я только с вами такая смелая и откровенная! Ладно, пусть я глупая! Но я исхожу из того, что семья — структурная ячейка государства и воспитание будущего поколения — самая главная задача любой страны. Это нам моя мать на

классном часе объясняла. Разве не важно для государства решить проблему ответственности мужчин перед семьей?

Недавно разговаривала с двоюродной сестрой моей городской подруги. «Почему, — спросила я, — у тебя только один ребенок? Из-за того, что учишься и работаешь одновременно?» «Нет, — ответила она, — не уверена в муже. Сегодня он со мной, а завтра? Одного ребенка я сама смогу вырастить». — «А если бы не боялась остаться одной, скольких бы родила?» «Двоих», — сказала. «Почему не больше?» — опять пристала я к ней. «Какой начальник потерпит бесконечные больничные? С двумя детьми в семье руководители смирились как с неизбежностью», — рассмеялась она. «Надо им объяснить, что трое, — тоже необходимость!» — посоветовала я. Она назвала меня фантазеркой.

— Ты слишком живая в делах и быстрая в словах. Когда-нибудь черед в правительстве и до этого вопроса дойдет. Их ведь без счета забот-то наших. А ты опять взялась за решение государственных проблем! Пытаешься своими идеями уменьшить мировую скорбь и уныние, — пошутила учительница.

— Я серьезно говорю, а вы все в шутку обращаете. Не от нечего делать задумываюсь обо всем! Боюсь взрослой жизни. Если в техникум отправят, мне же самой придется во всем разбираться. Я не собираюсь разрушать высокое мнение о мужчинах, просто хочу знать, какими должны быть мы и какими они, — обиделась я на иронию учительницы.

— Мы мечтаем о гармонии в семье и обществе, на классных часах изучаем с вами моральный Кодекс, но, до тех пор пока женские и детские проблемы будут решать одни мужчины, у нас ничего не получится. Ты заметила: как только у нас в областном руководстве появились две женщины, сразу был решен вопрос с детскими садами. Женщины активнее мужчин, энергичнее и больше понимают в бытовых вопросах. Мне кажется, что в доме имеет смысл командовать женщине, а мужчина, отдыхая от решения глобальных проблем, бездумно, не вникая в мелочи, должен ей помогать. Соединение положительных качеств обоих полов необходимо и в семье, и на государственном уровне. Еще мы всегда должны помнить, что для ребенка самое главное — теплый климат в доме, покой в душе. Вот к чему мы в первую очередь должны стремиться.

— Вот если бы уважение к себе и ближнему прививали не только в школах, но и во всех слоях жизни! Чтобы все осуждали пьющих, курящих, презирали некудышних отцов наравне с плохими матерями. И чтобы не говорили: «Что с него взять? Он выпил, поэтому избил жену и выгнал из дому детей». Нельзя ни оправдывать, ни покрывать такое поведение! — уже примирительным тоном заговорила я.

— Мечтать не вредно! — засмеялась Александра Андреевна. — Шучу, не заводись. Дмитрий Федорович как-то сказал: «Раньше мужчины хотели только видеть женщин, а теперь им приходится еще и слышать их». Большого ума человек. У него в семье семь женщин, а он не потерял способности шутить. Обладает недюжинным талантом общения, имеет дар успокаивать, умирять разгорающиеся страсти. Знаешь, есть у нас такие люди: как ни прячь их под бабий деревенский платок или стариковскую шапку-ушанку, все равно интеллигентность из-под них вылезает на свет божий. В лицах, в словах, делах она проявляется.

— Вот такого бы человека в руководители района, — улыбнулась я и тут же задала очень важный для себя вопрос:

— Я понимаю, что мир несовершенен. Он трагичен по сути своей?

— Нет. Иначе бы он погиб. Люди в основном ни хорошие, ни плохие, а разные. Когда повзрослеешь, глубже вникни в Достоевского, тогда поймешь, что «ангелы» не могут жить среди людей. Они сами страдают и обыкновенным людям, не желая того, приносят беды. Ты можешь ответить, кто лучше: блондин, шатен или брюнет? Нет. Существуют детские вопросы: «Что такое хорошо, а что такое плохо?» Но когда ребенок подрастает, у него возникают более сложные вопросы, на которые подчас нет однозначных ответов. При их рассмотрении приходится учитывать ситуацию, в которой происходят те или иные события.

— Но ведь всем хочется быть счастливыми! Почему не у всех получается? —

допытывалась я.

— Много тому причин. Счастье, каждый понимает по-своему: одному надо, чтобы денег было много, другому нужна любимая работа и добрый человек рядом. Понятие об идеальных мужчинах и женщинах тоже у всех разное. А уж о многообразии характеров людей и говорить не приходится. Кто-то нетерпим, раздражителен, кто-то пассивен, романтичен, непрактичен. Очень трудно найти свою половинку, да еще такую, чтобы она по всем параметрам подходила. Почти невозможно. Поэтому необходимо быть снисходительными к недостаткам партнера. Только не у всех получается. Еще ссорятся от неправильного воспитания, от обиды, от усталости и болезней. Помню, приехал мой родственник из Сибири и жалуется на жену: «Тридцать лет вместе прожили душа в душу. Что с нею случилось, не пойму? Кричит по всякому пустяку, все не по ней!» Оказалось, болезнь ее мучила, очень она уставала. Счастлив тот, кто не только пережил чувство любви, но и смог сохранить ее на всю жизнь.

— Бабушка говорила мне, что вместо взаимной уступчивости в семьях преобладает борьба за лидерство. К нам приезжал из Москвы родственник с женой и пятилетним сыном. Ей двадцать пять лет, а ему шестьдесят пять. Жуткий человек! Мать рассказывала, что он завлек ее в сети прекрасным обхождением, подарками, а как ребенок родился, стал унижать, оскорблять, власть над ней свою показывать. Издевается над бедняжкой и при этом получает удовольствие. А уйти она не может, потому что муж пригрозил, что ребенка отберет. Богатый он, связи у него огромные. Мне так жалко ее! Вся наша родня сочувствует ей. Бабушка говорит, что он еще лет тридцать проживет и успеет превратить молодую жену в старуху или совсем угробить.

— И такое иногда имеет место быть. В мышеловку девушка попала... Дело в том, что мужчине очень важно: каков он, какова его личная значимость для окружающих. Когда в этом не эгоизм проявляется, а понимание меры ответственности перед семьей, возложенной на него природой, — это хорошо. Плохо, если в нем говорят темные силы, отсутствие культуры, «азиатчина», стремление подчинить себе. А для женщины важнее, какие те, что вокруг нее. К сожалению, бинарные системы на практике не всегда оказываются стабильными. Трудно находить общие точки сложных многомерных функций с бесконечным числом систем и подсистем переменных, — объяснила учительница.

«Влияние мужа-математика неоспоримо», — улыбнулась я про себя и продолжила разговор:

— Я спросила у матери: «За что женщины любят мужчин?» Она рассмеялась: «Любим? Мы их терпим».

— Знаешь, иногда все человечество легче любить, чем одного человека. Когда нам не до юмора, приходится переходить на иронию, — усмехнулась Александра Андреевна. — Может, настанет время, когда мы будем настолько богаты, что сможем позволять себе быть добрыми и культурными. Шучу, шучу, — остановила меня учительница, предвидя шквал вопросов. — Мои родители были бедными, но очень добрыми, чуткими, тактичными, ценили красоту. Меняй тему! Ты знаешь, сейчас маму свою вспомнила. Бывают люди от общения с которыми устаешь, а есть такие, рядом с которыми отдыхаешь душой. Моя мама была нежная, трепетная, чуткая, легкая. Хотя и ей случалось быть строгой, ироничной.

— Ироничной от чувства превосходства? — уточнила я и пренебрежительно повела плечами.

— От прозорливого ума и разумного взгляда на жизнь, — жестко осадил меня Александра Андреевна.

Я поняла ее неудовольствие и опустила голову.

— Знаешь, кто для меня — мама? В раннем детстве — она мой мир, вместилище всех радостей. А за ее спиной — огромная планета неизвестности и страха. Мама — тонкая, мягкая, понимающая помогла мне осознать себя. В отрочестве я уже ничего не боялась. Но только теперь поняла, что она всегда была права, что мамина мудрость нужна и важна мне даже сейчас, в зрелом возрасте. Чем старше становлюсь, тем острее чувствую, как не хватает ее. Горше вспоминаются нанесенные ей по глупости обиды,

резкие слова, произнесенные в сиюминутном запале... Ее жизнь — непрерывное самоотречение и борьба.

— Как вы думаете, любовь к родителям дается с рождения? — ухватилась я за новую тему.

— Думаю, да. Это высшая материя. В подкорке — тоска, боль и любовь к ним. Ее часто не осознаешь. Она со временем может или окрепнуть, или исчезнуть. Самое большое счастье — любить близких. К сожалению, многие этого не понимают или осознают, когда жизнь склоняется к вечеру, — вздохнула Александра Андреевна.

— А любовь к ребенку тоже с рождением появляется?

— Родителями желательно становиться, почувствовав в этом острую необходимость. Тогда любовь к ребенку возникает еще до появления его на свет. В противном случае ее надо выстрадать. Носишь ребенка под сердцем, потом бессонные ночи, болезни. Сначала жалость к малышу преобладает. Когда он подрастает, то все дороже становится. И тогда понимаешь, что чаще надо бросать свои дела, заботы и это время отдавать ребенку: беседе с ним, ласке.

— На себе испытали?

— Да. Старшего сына при родах акушерка оставила без присмотра. Я потом двенадцать лет ставила его на ноги. Из дня в день, из ночи в ночь — одни заботы, одни волнения. И ему, бедняжке, досталось. Боялись, калекой останется... Мы с ним очень любим друг друга.

— Оптимизм помог все выдержать?

— Я никогда не отличалась светлым бездумным оптимизмом. Выручала привычка: «Надо, обязана». Еще любовь и жалость к больному ребенку. Надежда помогала. Этот хрупкий цветок надо лелеять в душе, оберегать.

— А если у ребенка никого нет, кого ему любить?

— Мечту о родителях.

— Во всех случаях?

— Не знаю.

— Скажите, пожалуйста, а почему истопник дядя Леня такой злой? Он же детдомовский, пережил много.

— Видно, не встретился ему человек, который сумел бы его понять.

— Мне кажется: злой человек не может быть счастливым.

— Наверное.

— Бабушка часто рассказывает мне о своих корнях, о семейных традициях. А как же быть детдомовским? Память о родителях заставляет думать о том, что их ожидает такая же участь. Но они же не должны быть Иванами, не помнящими родства? — задала я очень важный для меня вопрос.

— Если есть, кого помнить, то они помнят. Для них важнее знать, что жизнь — это борьба не только с большими проблемами, но и с тысячами едва приметных пересекающихся каждодневных трудностей быта, что качества борца: напористость и убежденность, — нужны всем и всегда. Они должны понять, что надо самим делать свою жизнь, а не ждать милостей, самим любить и быть добрее; цель иметь, жить, а не прозябать в жалобах на невезение. Мир не мрачный, он печальный. Печаль неизбежна, но каждому надо стремиться жить так, чтобы доброе и радостное перевешивало.

Мне кажется, что основа человеческой морали заключается в увлеченности настоящим делом и в ответственности. Эти чувства не существуют во времени, не меняются. Моему

двоюродному брату в немецком госпитале хотели ампутировать ногу, а он не позволил. Изобрел специальный шприц, сам делал себе вытяжки и уколы, а через месяц танцевал с медсестрой, которая помогала ему доставать медикаменты. И в мирной жизни он продолжает быть таким же упорным, твердым, оставаясь при этом заботливым отцом, верным другом, интеллигентным человеком. С упоением и восторгом относится к работе. Всех вокруг увлекает своей энергией, любовью к жизни. Ты своим детдомовским друзьям расскажи о нем. В детстве брат беспризорником был, — мягко попросила Александра Андреевна.

— Но ведь основы характера закладываются в детстве, а некоторые мои детдомовские друзья такого навиделись! Не пожелаешь никому, — возразила я.

— Так это основы. Человек всю жизнь изменяется, развивается, — успокоила меня Александра Андреевна.

— А Бог им не поможет?

— Ты же знаешь: «На Бога надейся, да сам не плошай». Моя мама говорила, что «основа веры: первоначальное достоинство человека, его великое предназначение. Божественная природа человека в его нравственности. Пока она сохраняется, его достоинство растет. Как только возобладает жестокий нрав, безудержная жадность, утратится благопристойность, то его внешне прекрасная жизнь будет представлять постыдное зрелище...

Русский народ нежен, тонок душой, как сама природа. В этом его двойственность, а может, и беда. Наверное, он в большей степени нуждается в религии потому, что главное в ней — чувства. Церковь всегда была хранительницей истин более высокого порядка. Ее волновала душа, озарение и прочее. Самый тяжелый крест тот, на котором был распят Христос. Русская нация несет этот крест до сих пор...» Это мама, видно, вспомнила о своем муже, погибшем в концлагере, — понизив голос, произнесла Александра Андреевна. — Радуйся, что у тебя пока детский ум, не способный все понять и осмыслить. В этом тоже заключается очарование детства...

«...Церковь утверждает, что существует механизм вмешательства в дела и чувства людские высшей силы, Бога и что, помня о существовании зла, надо всегда надеяться на лучшее. Одни и те же проблемы рассматриваются наукой и религией в двух разных плоскостях, с применением различных подходов. Вот и пусть занимаются каждый своим делом». Так мама мне объясняла свои взгляды.

Я во многом не согласна с ней, считаю, что все правила жизни придумали люди. И умные заповеди тоже. Мне кажется, Бог тут ни при чем. Заповеди — основа духовности. На них держится человеческий мир. Невыполнение, забвение норм морали ведет к гибели цивилизаций. Это уже доказано наукой. А Бог, мировой разум или вселенская глобальная мудрость это что-то пока неизведанное, не изученное.

Человек рождается с определенными наклонностями, но без всяких идейных установок и религиозных предпочтений. Человечество не отвергает свою связь с Мирозданием, считает себя частичкой чего-то общего, еще не познанного, и всегда стремится к осмыслению уже известных научных данных по этому очень сложному вопросу.

Но любая новая идея с трудом пробивает себе дорогу, так как существует инерционность мышления. Все, что не отвечает каким-то устоявшимся признакам общества или основам старых научных теорий, заранее считается несоответствующим истине. Часто на защиту спасовавшего ума выступает гордыня, которая тоже не способствует прогрессу.

Когда-то все думали, что Солнце вращается вокруг Земли, потом механика Ньютона многое прояснила в головах людей, теперь Эйнштейн властвует умами. Мы пока живем, как живем, на том уровне понимания, на котором находимся. Разногласья между наукой и религией неизбежны. Заметь: все войны на земле происходят из-за передела областей влияния, власти, денег и религии, — подвела итог своим рассуждениям Александра Андреевна.

— Я знаю, что все вещи в природе тайно соединены между собой невидимыми связями, хотя внешне разрознены. И когда я думаю о бесконечности мироздания, то понятие Христа теряет для меня глобальность. Оно кажется примитивной сказкой, придуманной

когда-то людьми. Но что-то внутри меня противится такому взгляду. Я будто бы чувствую неловкость от таких мыслей. Ведь многие умные люди творили и совершали великие дела с именем Христа на устах. Из истории я знаю, что религия занимала большое место в жизни не только отдельных людей, но и целых поколений, стран, цивилизаций. Я прихожу к выводу, что она была нужна людям, раз так долго не отмирала. Или ее насаждали умышленно? Мне кажется, надо на этом свете жить достойно и не надеяться на тот, потусторонний.

Совсем я запуталась в различных аспектах этой проблемы! И доклад отказалась делать на эту тему, хотя очень долго готовилась к нему. Я же не нахожу ответа даже на маленькие, конкретные вопросы. Религия нужна, чтобы держать человека в нравственной узде? Бог, если он существует, влияет только на нашу планету или на всю вселенную? Как объяснить предчувствия, предопределение, предсказания судьбы по линиям на ладони?

Мой голос прерывался от волнения. Я ожидала единственно верных ответов, но учительница только предположила:

— Наверное, жизнь человека рисует эти линии, а не высшие силы. Не сильна я в этом вопросе. В институте мимоходом касалась. В основном литературой бредила. Не хочу высказываться определенно, не изучив проблему досконально. Как-то ездила в город. Ожидала от посещения церкви ясности, радости, а получила только эстетическое наслаждение от прекрасных фресок. Издержки материалистического воспитания!.. Запомни одно: категоричность и склонность к крайностям даже великих людей приводили к абсурдным выводам. Она может привести к фанатизму. А он опасен в любых проявлениях, потому что не знает ни логики, ни сомнений.

— Ладно, Александра Андреевна, — сменила я гнев на милость, — я понимаю, что надо любую проблему уметь рассматривать с разных точек зрения, надо много знать. Но это так трудно!

— Никто и не говорит, что легко. Не зря в школе ценят не зубрежку, а умение мыслить. Ответы на все жизненные вопросы не выучишь.

— Стараюсь, да плохо получается, — вздохнула я.

— У тебя для этого вся жизнь впереди, — успокоила учительница.

— Я не могу приспособливаться.

— Опять смотришь на жизнь однобоко и неправильно понимаешь слово «приспособливаться»! Надо уметь адаптироваться в среде обитания, с тем чтобы приносить максимальную пользу себе и стране. Ты чрезмерно скрытна. Я понимаю, что иногда надо уходить в себя, чтобы сконцентрироваться или честно взглянуть на себя как бы со стороны. Полезно нырять вглубь своей души, но это путь к одиночеству. (Говорят, одиночество — свойство творческого человека.) С возрастом все равно приходится искать разные выходы из него. А вот благородная мудрость, замкнутость занятого человека не результат чувства неуверенности, неполноценности и ущербности, а следствие увлеченности, вдумчивости.

Ребенок подчас закрывается, чтобы сохранить себя и превратиться из гадкого утенка в белого лебедя. В этом случае временный уход в себя тоже полезен. Но есть шутка: «Уходя в себя, не уходи далеко, все равно придется вернуться на грешную землю».

И все же будь проще. Поскорее вылезай из футляра, тогда сразу заметишь, что люди в основном добрые и порядочные. Не смотри на мир сквозь узкую щель, через которую проникает только плохое. Хорошее — оно большое и светлое. Не обедняй себя! — ласково советовала Александра Андреевна.

— Нелепо, неправильно устроен мир. Трудно в нем жить хорошим людям. Я чувствую, что никогда не буду счастливой! — горестно воскликнула я.

— Святые всегда скорбны чужими несчастьями. Не могут они покривить душой и, по совести говоря, бывают часто не оценены по достоинству. Должна признать, многие люди предпочитают уверенных, твердых, а не остро чувствующих. «Ему б чего-нибудь

попроще да полегче»... — произнесла учительница как-то отвлеченно и певуче. — У тебя слишком яркое воображение. Не распаяйся. Всем трудно. Человек счастлив, если его желания соответствуют его возможностям. Может, тебе стоит понизить свой «уровень притязаний», меньше думать о мировых проблемах, и тогда будешь довольна всем? Хотя знаешь, давать советы — значит стремиться управлять судьбами людей.

— Намекаете насчет моей самооценки? Зря вы так. Она у меня занижена условиями жизни. Иногда даже пугают мысли о существовании во мне какой-нибудь неполноценности. Например, когда я читаю, то так увлекаюсь, что вокруг для меня ничего больше не существует, и потом опомниться долго не могу от впечатлений. Как-то Вера Николаевна кричала, кричала, а я так и не очнулась. Весь класс хохотал надо мной, — обидчиво надула я губы. — Может это, напротив, полезная сосредоточенность? Физику я также учу. А в том, что я пытаюсь разобраться в себе и в окружающем мире, ничего плохого не вижу. Дурой не хочу быть. Страшно боюсь быть противной, смешной. Александра Андреевна, талантливые дети догадываются о своих способностях? У меня был знакомый мальчик Саша. Все считали его особенным, а он был таким простым и скромным!

— Талантливый ребенок сначала неосознанно, а потом сознательно стремится к развитию своих способностей, потому что ему нравится познавать. В этом случае не честолюбие, а интерес и любовь движет им. Он способен брать и поглощать знаний намного больше обычных людей, на жизнь смотрит дальнорочно или имеет врожденный дар постигать законы природы. Талантливый человек не хозяин, а раб своего дара. Он исполняет, записывает то, что диктуется ему свыше. Такие люди — особая когорта. Они уже не могут быть не гениями. Это не их заслуга. Там другой отсчет.

Я задумалась о судьбе Саши. Вспомнились книжные слова: «Гении разнятся по высоте духа, любящие — по соприкосновению душ, родственники — по крови».

Опять слышу приятный голос учительницы:

— ...Если это писатель, то он обладает прекрасной потребностью, даже можно сказать, жаждой высказаться. Он пишет так, как ведет его мысль, а потом концентрирует, отсекает лишнее. Литература — это, прежде всего, боль. Наверное, поэтому говорят, что надо пострадать, чтобы написать хорошее произведение. Страдания обостряют ощущения. Но мне кажется, если горя очень много, оно может убить талант... Тургенев, Достоевский — властители дум. От Москвы до Дальнего Востока аукаются их мысли. А может, и по всему цивилизованному миру. Они обладали драгоценнейшими свойствами: духовным аристократизмом, интеллигентностью. Созданные ими произведения — великая оправданность их жизни. А сейчас все в разброде. Один мой знакомый по институту пошутил как-то: «Вот умру, тогда станет ясно, кем я был...» У любого человека есть определенные природные способности, но не каждый может почувствовать свое призвание, найти себя.

«Александра Андреевна не могла не повернуть наш разговор в русло своей любимой литературы», — подумала я и, помолчав, задала еще один очень беспокоивший меня вопрос:

— В чем корни трагичности любви! Можно ли любить человека, не понимая его?

— Суть трагедии в том, что мужчины и женщины разные по природе. А любить, не понимая партнера, мне кажется, можно, — ответила учительница. — Мы же чаще всего любим образ, который сами создали, а не самого человека. Прожив жизнь, можно так и не докопаться до глубины сердца партнера. Душа человеческая многострунна, но не всегда целостна. Ее невозможно исчерпать. По поверхности в основном скользим и верим в созданную нами иллюзию. А потом плачем.

Люди редко раскрываются друг перед другом. Наверное, чрезмерная скрытность мучает многих, боязнь показаться хуже, чем о них думают. В этом беда многих семей. Когда я оканчивала институт, то думала, что все трудности уже позади. А они, настоящие, оказывается, только начинались. Наивная пелена спала с глаз, как только попала в большую семью мужа. Там поняла, что такое отчаяние, безысходность, неизбежность, невозможность; и еще сколько угодно таких «не»: неуважение, непонимание, нежелание понять, неверие... Истекали душевные силы. Обида и боль не отпускали. Руки хотелось наложить... Я, как и ты была слишком эмоциональной, а стала молчаливой, глухой ко

всему, кроме своей боли. Не могла откликаться ни сердцем, ни глазами.

Муж тоже очень страдал. Он у меня редкой души человек: чуткий, деликатный, скромный. В нем — бездна добрых чувств. Он удивительный, верный, надежный товарищ, мужчина! У нас с ним всегда присутствует напряженный и радостный интерес друг к другу. Но ведь нищета не позволяла уйти от родни — на дом приходилось копить.

Потом сына родила. Иной смысл жизни появился. Главный. Все мелочи, как шелуха, в сторону отлетели. Уверенность появилась, настойчивость. Поняла, что все смогу преодолеть. Узнала, что такое любить до боли, до потери себя. Невидимая нерушимая связь с ребенком держала на земле. Он много болел. А больных близких мы больше любим, больше жалеем. Все время заполняла работой, заботами о семье. Тяжелые были годы, но добрые. Спасало меня физическое и духовное здоровье. Все мы всегда должны помнить, что в семье приходится жертвовать многим. Особенно женщинам. Зато многое и получаешь.

А еще училась сохранять и проносить через трудности жизни мечты юности, искать и находить поэзию в повседневной жизни. При поддержке мужа удавалось. А годы шли. Потом отдельно стали жить. В раю себя почувствовала. Много еще препятствий встретилось. Случались и вспышки радости. После них опять хотелось жить и все вытерпеть. Но все равно в душе не было полной свободы.

Один человек как-то очень красиво сказал: «А дышим мы все-таки небом!» Запали мне в душу эти слова. И в сорок пять начала писать картины. Долго не могла решиться отрывать часть времени для себя. Для других привыкла жить. Лет пять сопротивлялась своей натуре, своей страсти, мечте. Одним днем решила. Взглянула ранним утром на осенний сад, и все во мне перевернулось. Солнце освещало мокрые от дождя деревья, тысячи капель разом зажглись маленькими звездочками. Дыхание перехватило. Особенная, ни с чем не сравнимая радость вошла в сердце... Грустная улыбка сменилась на светлую... Рисую как бог на душу положит, как понимаю, как чувствую, пока никому не показываю — мастерство наращиваю. Чаще пейзажи на ум приходят. Иногда портреты пишу, если чье-то выражение лица поразило и покорило. Недавно попыталась делать наброски к произведениям Тургенева.

— Вы считаете образ тургеневской девушки идеальным? — бестактно перебила я учительницу и покраснела, смущенная своей несдержанностью.

Но она не обиделась, даже улыбнулась как-то загадочно и светло:

— Каждая девушка в определенном возрасте — тургеневская. Женятся на юных, нежных и романтических, потом происходит эволюция в современную женщину. И тут уж от мужчин зависит, что в результате получится. Но они часто не понимают, что женщины бывают прекрасными, когда любимы. Начинаются конфликты....

Я давно наблюдаю за тобой. Раньше меня очень беспокоило твое будущее. Твоя угрюмость иногда вызывала тягостное впечатление. Привычка подчиняться убивает инициативу, самостоятельность, способность сопротивляться, бороться с бытовыми житейскими неприятностями и общественными проблемами. Мало учиться, наблюдая жизнь окружающих тебя людей, сама активно живи. Надеюсь: тебя спасет твой неумный характер, и жесткое воспитание не сможет подавить лучшие черты. Основа в тебе добрая, надежная. Когда обретешь себя, раздражающий зуд неудовлетворенной юности пройдет. Годы закружат, как подхваченные осенним ветром листья. Знаешь, есть хорошее жизненное правило: стремись к гармоничной простоте, будь умеренна во всем. И еще: будь разборчива в друзьях и симпатиях. Я придерживаюсь его, — сказала Александра Андреевна и ободряюще улыбнулась. — От нашей беседы еще не дохнут мухи? Многие твои друзья, наверное, заснули бы от скуки?

Я не среагировала на последнюю шутку учительницы и ответила серьезно:

— Мне, наверное, никогда не удастся успокоиться. Натура такая. Но я поняла, что Мир сохраняется добротой, честностью и любовью. Я не буду лгать, злословить, переступать через кого-то, буду достигать своей цели только честным трудом. Все, чего я когда-либо достигну, будет сделано моими руками, моей головой. И я смогу гордиться этим. Надеюсь, многим людям я буду мила и нужна. Своей жизнью я хочу показать детям с неудачным детством, что в нашем мире есть место добру и справедливости и что у

каждого из них есть надежда прожить достойно.

Чувствую, опять ударилась в патетику и многословие. Остановила поток красноречия, задумалась.

Тут к нам подошла женщина и передала Александре Андреевне бидон и привет от своей соседки.

— Алиса, почему я вижу Владимира с Галей Быстровой? Где его жена? — спросила учительница осторожно.

— Он женился на молодой, — ответила женщина и пошла своей дорогой.

— Понятно. Обыкновенная история, — произнесла Александра Андреевна задумчиво.

Настроение у нее было уже более прозаическое, деловое. Я не любила ее такой. Меня ошеломило то, как спокойно она сказала о жутком поступке. Я вспыхнула. Мне больше не хотелось беседовать.

— Не заводись, придержи вороных, анализируй ситуацию. Путь каждого человека не усыпан розами. Невозможно найти семьи без болевых точек. Надо готовить себя к преодолению всяких проблем, — строго, как на уроке, изрекла Александра Андреевна, увидев, что я отвернулась, и деликатно-уклончиво прикоснулась к моему плечу.

Потом добавила грустно:

— Как мало в тебе мечтательной детскости! Другой ребенок даже не обратил бы внимание на наш с Алисой разговор. В детском неведении есть своя прелесть.

— Мне пора. До свидания, — пробормотала я сквозь зубы.

«Тетя Алла прожила с дядей Володей двадцать пять лет. Теперь осталась одна. Она же такая добрая! За что он ее бросил!? Зачем обидел?» — разволновалась я.

Вернулась домой от Александры Андреевны раздраженная. Не смогла она в этот раз успокоить меня. Не хватило ей подходящих слов. А может, я еще сама не готова ее понять?..

Заканчиваю писать. Ночь. Все спят. Спокойной ночи, Витек!»

Потихоньку открыла свой скрипучий ящик, спрятала тетрадь между газетами и нырнула в постель.

Глава Четвертая

ЧТО ЛЮДИ СКАЖУТ?

Во время выпускных экзаменов я еще надеялась, что меня не отправят в пищевой техникум, по окончании которого я буду иметь верный кусок хлеба, потому что отец неоднократно говорил с родителями учеников о необходимости получения высшего образования. Но когда мать послала на станцию в поликлинику за медицинской справкой, я поняла, что за меня все давно решили. Волнение сразу улеглось. Я привыкла принимать их решения как должные. Что поделаешь, иждивенка, права голоса не имею. Жаль. Даже в детдоме у детей спрашивали согласия.

Утро было спокойное безмятежное. Земля, жадно впитавшая влагу ночного дождя, была упруга и податлива. Посадки зеленели и горели алмазными искрами. На станции встретила Костю. Всю дорогу до больницы говорили о моей дальнейшей жизни. Он давал советы на правах старшего товарища. Я прислушивалась, так как от родителей обсуждения жизненных проблем не дождешься. У матери одно в голове: «В подоле не принеси! Под кустами не валяйся! Что люди скажут?» Гадко, противно слушать такое. Почему она меня так низко ценит? Почему так плохо обо мне думает? От обиды хочется на самом деле сделать или сказать ей какую-нибудь пакость. Но я понимаю, что это глупо, и молча глотаю незаслуженные пилюли...

В поликлинике надо было обойти с десяток кабинетов, и я уже настроилась на длинные очереди, как вдруг Костя сказал:

- У меня есть знакомая. Пойдем к ней, она все быстро сделает.
- Такое возможно? — удивилась я.
- Ты же абсолютно здорова. Обследования нужны для больных, — ответил он спокойно.

Я никогда не была в поликлинике, и робость одолела меня. Костя буквально втащил меня в кабинет. Увидев меня, врач засмеялась:

- Уколов боишься?
- Нет, — выдавила я.
- Тогда в чем проблема?
- Справка ...нужна... для техникума.
- Садись и вспоминай, чем болела за четырнадцать лет.
- Вирусным гриппом один раз. Камень был в почке. Еще кашляю, когда без пальто зимой бегаю.
- Еще.
- Все.
- А зубы, глаза, голова — болят?
- Нет.

Доктор вручила мне справку. У меня мгновенно поднялось настроение. До вечера могу гулять! Никто отчета не потребует, никто не будет ругать за минуту опоздания! Буду наслаждаться бездельем. Радостное, романтическое состояние охватило меня. Ура! Праздник!

Домой возвращались через пшеничное поле, обочины которого усыпаны васильками. Кайма тропинки то извивалась яркой лентой, то ускользала из поля зрения, играя с нами в прятки. Радостно и беззаботно звучал невидимый оркестр насекомых. Весело блестели слюдяные крылышки пчел и стрекоз. Шуршали слабые переборы терпкого, сладкого ветерка, мягко колыхалась трава.

Вышли на широкую дорогу. Пыль на ней жгучая, а песок около ручья, неожиданно вынырнувшего из придорожного кустарника, просто раскаленный! Беззаботно галдели ребятишки, восторженно колотя ногами по ледяной ключевой воде. Дети, те которые постарше, бросали камешки с отвесного пригорка, обдавая малышня алмазными брызгами. Мы тоже с удовольствием прошлепали босыми ногами по дну ручья. Огромным сияющим шаром дрожало в воде ослепительное солнце, в наших глазах расплывались радужные кольца его горячих лучей. Радостно и ласково голубело небо. Вошли в лес. Как пахнут сосны! Голова идет кругом от несказанной красоты.

Потом наш путь пересекали ямы, буераки, старые обрушенные траншеи, сплошь поросшие ромашками. Взавшись за руки, мы перескакивали через них не всегда удачно, но с искренней веселостью. (Я не могла не заметить широко открытые от остроты впечатлений застенчивые, счастливые глаза Кости и персиковый пушок его юного очень привлекательного лица.) Мы, не стесняясь, во все горло распевали шуточные и лирические песни. И мне казалось, что сливались два голоса, два искренних чувства. Такого со мной еще не бывало. Ощущение было похоже на то, как если бы я влюбилась. Но, вероятнее всего, во всем этом дурманящем великолепии был повинен пьянящий воздух свободы.

До чего же удивительно это чувство кратковременной свободы! Прекрасны минуты жизни без цели, без узды, без грустных заумных рассуждений о смысле бытия. Наверное, впервые за годы проживания в деревне я ощутила свободу на полную катушку. Моя душа обычно постоянно находилась в тенетах повседневности. Вечно куда-то бежишь, минуты выкраиваешь для себя. Меня может понять только по-настоящему занятой человек. Свобода — это как глоток свежего воздуха, как неожиданное счастливое мгновение! Именно мгновение. Потому что три часа в легкой беседе, в наслаждении красотой леса, луга, поля пролетели как миг!

«Ой, пора и совесть знать. Надеюсь, желание получить немного искренней радости, если не оправдывает, то хотя бы объясняет мое неожиданное счастливое безделье. Стыдно, бабушка одна возится по хозяйству!» — опомнилась я. Костя не возражал. Он видел мое настроение и не хотел ни в чем перечить. Выходя из леса, обнаружила поляну моей любимой дикой гвоздики. Душа вспыхнула нежностью и светлой радостью. Сорвала две: себе и Косте. Мир вокруг показался мне еще более необыкновенным!

— Смотри! — показала я рукой в небо. — Ветер скомкал тучи. Ласточки всполошились. Мечутся, будто потеряли что-то очень дорогое. Правда, на вираже, когда не машут крыльями, они очень похожи на самолеты, взмывающие ввысь?

Костя улыбался и кивал. Попрощались на мосту.

На пороге дома меня встретила бабушка, милая, сострадательная душа и, сокрушенно качая головой, спросила:

— Где пропадала? Неосмотрительно ведешь себя. Мать нервничает.

— Так ведь за справкой ходила. И вы не верите, — обиделась я.

— А цветы, неопровержимое доказательство свидания, откуда?

— Дорога через поле шла. Там и нарвала, — сказала и махнула рукой: дескать, не приставайте, все нормально.

— Ты бы не показывала цветы матери, да и сама глаза ей не мозоль, поторчи на кухне. Может, обойдется, — со вздохом посоветовала бабушка.

Я быстро, словно суслик, нырнула за занавеску. Поздно. Нагрязнула мать. Вошла в спальню взбудораженная, в мрачном расположении духа. Такое начало не предвещало ничего доброго. Я догадалась: взрыв неминуем, сейчас отчитывать начнет! Поведение ее было predetermined настроением.

Окатила ледяным взглядом. Я молча гляжу на нее. Втянула голову в плечи. Собрала все свое мужество. Подрагиваю от нервного волнения. Ноги отяжелели и будто к полу приросли. Тоска и жалость гложут мне душу. Радость и мечты разлетелись, как пух с

одуванчиков. «Загодя знаю, что будет дальше. Сейчас начнет себя и меня терзать, закатит истерику. Что на этот раз? Стечение, каких непредвиденных несчастливых обстоятельств?» — с внешним спокойствием сумрачно гадаю я, еще лелея слабую надежду, что пронесет. Но все равно превращаюсь в ежика.

— Опять покрыла семью неслыханным позором! Что за номер отколола? С Димкой шляешься, с этим задрипанным хамом? Что, кроме каверзы, можно ждать от такого олуха! Какого рожна снова с ним таскаешься! Нравится делать наперекор? Не сочла нужным меня о нем уведомить? Я бы снабдила тебя ценными указаниями. Редкое попустительство с твоей стороны. Прочту тебя, будешь мне взаперти сидеть!.. Совсем от рук отбилась! Смотри, чтобы не пришлось вызволять тебя их какой-нибудь прескверной истории. Признавай свою вину чистосердечно, — раздраженно потребовала мать. — Или ты придерживаешься другого мнения? Оспорь!

«Это я-то от рук отбилась, — горько подумала я. — Подозрение насчет Кости отпало. Это уже хорошо». По спине пробежал зябкий холодок, и ощущение, что разговор будет трудным и долгим, уже не покидало меня. После минутного замешательства, я сердито огрызнулась:

— Это недоразумение. Димка ввел в заблуждение? А он в чем виноват? Знаю, откуда ноги растут. Из «достоверного» источника. Кому на этот раз я обязана «благожелательной» молвой? Соседка доложила или Галкина мамаша-сплетница? Всех их знаю наперечет. Опять погрузились в угрюмую страсть осуждения? — с некоторым содроганием заметила я. — А вы охочи до чужого мнения? Они же завязтые болтушки, врунишки и в любой момент могут испортить что-то по-настоящему хорошее. Надоело их глупое благоразумие и полное отсутствие деликатности! Где их терпеливая вежливость? Я поначалу привычно отбивалась от постоянно наседавших соседок, а теперь научилась невозмутимо, точнее сказать, с безразличным видом выслушивать их самые невероятные выдумки. Прошлый раз бодягу развели потому, что я в шароварах вместо юбки щеголяю, как мальчишка. Так ведь удобно. Теперь что им не понравилось? Измором берут.

Из предосторожности, чтобы сгоряча не ляпнуть, что-либо неподобающее, я умолкла.

— Нет, вы полюбуйте на нее! Она еще и оговаривается! Будь ты неладна! Тебя это не касается? Лучше всего тебе сбавить тон. Достукалась! Ты думала, все шито-крыто? Как всегда белые нитки проглядывают. Покатилась по наклонной плоскости! Тебе это не простительно. Попридержи себя? Не можешь без выкрутасов? Делаешь вид, что не понимаешь, какими последствиями это чревато? Я недостаточно ясно выражаюсь? Тебя не волнует, что люди о нас скажут? А я не хочу, чтобы за моей спиной шептались. Опять нуждаешься в встряске? Давно не перепало? Я полагаю ты догадываешься, за что я на тебя напустилась? — распекала и одновременно нападала и наставляла мать.

— Не пойму о чем вы? В чем моя вина? Я ничего не хотела сказать больше того, что сказала. Не ищите подтекста. Нарвались на козни некоторых бессовестных соседок? Снова подзуживали, голову морочили. Зачем обращаете внимание их досужие, мерзкие вымыслы? Они нарочно возводят на меня напраслину, видя как вы бурно реагируете. У них одно удовольствие: раззвонить по селу, радостно оповестить округу о новом «открытии». Отвели душу, и дело с концом. А там хоть трава не расти! Привыкли измываться друг над другом, и даже сами не замечают этого. Дети все видят, подмечают. У меня на их счет не осталось ни тени сомнений. Не могу поручиться, что завтра они опять еще чего-нибудь ни «отколют» и не поставят мне в вину. Они же своими сплетнями могут задавить кого угодно, хоть самого умного и честного. Им не будет жаль «безвинно убиенного» ложью. И кто бы их проучил, да так, чтобы небо с овчинку показалось!

Я не прячусь потому, что ничего не замышляю и ничего плохого не делаю. И что гадкие люди скажут, меня не волнует. Я отфильтровываю их информацию и не воспринимаю лжи. Почему некоторые взрослые в любом событии только пакости выискивают? Так в человеке можно убить самое радостное, самое доброе. Зачем прислушиваетесь к мнению дерзких изворотливых сплетниц? Они нарочно нагло вызывающе оговаривают меня и травят вас. Рады, когда вы сердитесь. Удовольствие в чужой беде находят. Вам не надоело слушать благожелательный вздор «кротких доброжелателей?» Начхать мне на то, кто что скажет. Не собираюсь я отгораживаться от друзей ради их гадкой болтовни. Мало вы натерпелись от злых языков? — продолжала я оправдываться с безнадежными интонациями в голосе.

Чувствую, от нервного состояния повторяться начала.

Мать вознаградила меня презрительным взглядом. Она стояла неприступная, подавляющая своим величием и чувством правоты. Я невольно съежилась.

— Нечего из себя разыгрывать обиженную. Замолчи, а то у тебя будут проблемы. Опять даешь всем прикурить. Тебе бы все хиханьки да хаханьки и глупые рассуждения. Хорошая мина при плохой игре... Стало быть ты здесь ни при чем? Так-таки не было с твоей стороны оплошности? Наглое заверение! Поостерегись! Поговори мне еще! Хочешь выставить себя на посмешище? Сделай милость, если тебе не важна репутация. Иди сюда, — грубо и нетерпеливо оборвала мать мой длинный монолог.

Волей-неволей пришлось подчиниться. Подошла, опустив голову и напыжившись. Повиновалась, разумеется, весьма неохотно. Беспокойные мысли, как черные ночные тени, ополчились, окружили меня и начали безжалостно трепать: «К чему злостная бдительность матери, заставляющая я находиться под постоянным напором невыносимого соблазна сделать и сказать что-либо неприятное? Как избежать ругани? Зачем между нами ведется этот непонятный поединок? Мне всегда казалось, что человек рождается с чувством правильности и уважения. Мне физически плохо от лжи, фальши, грубости, недоверия».

Рта не успела раскрыть, как мать снова накинулась.

— Не ходи вокруг да около. Не увиливай от прямого ответа, не скрытничай! Нечего заширяться. Хочешь замять происшествие? Вот до чего дело дошло. Докатилась! Опять показала себя во всем «блеске и красе?» Уму непостижимо, что вытворяешь! Когда дурь из твоей головы выветрится? Стыда с тобой не оберешься. Что ты из себя воображаешь? Дай только срок: обличу во лжи, разберусь в твоих фокусах, и тогда запрет мой будет окончательный и бесповоротный. Тебе придется примириться с существующим положением дел!.. Всех дураками выставляешь? Войди на минуту в мое положение, примерь мою шкуру на себя, и этого будет достаточно, чтобы ты поняла меня. Переходишь всякие границы. Совершенно недопустимо так вести себя. Терпение мое лопнуло! Позоришь меня на все село? Еще не сгорела от стыда? — загоняла меня мать своими вопросами в тупик.

Из метельного хаоса слов мне так и не удалось понять своей вины.

Настал черед мне говорить. От «выступления» матери меня передернуло, будто кирпичом цапапнули по стеклу. Ее слова при всей своей несуразности обижали меня, лишали дара речи. Жуткое беспокойство поселилось в сердце. Я стояла как на раскаленных углях. Резкие фразы застревали и саднили, как вколоченные в мозг, гвозди, заставляя терпеть нечеловеческую муку незаслуженной обиды.

Да, слова получают смысл в зависимости от чувств, которые мы передаем или придаем им. Я предвидела бурю, но не такую, поэтому растерялась. Какие еще прегрешения повесила она на меня? Чем еще собирается отравить мое горестное существование? Каждый раз все одно и то же, и все по пустякам. Не прошибешь лбом стену недоверия. Вот так разрушается и совсем прекращается гармония человеческих отношений.

Из отдельных слов, вырывавшихся из уст матери, по кусочкам и осколочкам, я пыталась составить картину того, что ей известно о моем отсутствии. На сердце скребли кошки. Не хотелось, чтобы оскверняли грязными подозрениями, оскорбляли грубыми словами трепетную доверчивость Кости, портили память восторга и упоения от нашей встречи. Как уберечь их от посягательств матери?

— В чем вы меня обвиняете? Ведь я ни в чем не виновата и всегда стараюсь вести себя так, чтобы иметь право смотреть людям в глаза. Только на всех ведь не угодишь, — в который раз прошептала я сухими губами, глядя в сторону и ожидая стандартного набора фраз.

— Немыслимо глупая затея — врать мне! — вскрикнула мать.

И пошла писать губерния! Лекция длилась долго. Я слушала вполуха. «Не буду добавлять ей волнений. Смолчу, — думала я, еле сдерживая нахлынувшую дрожь и

желание наговорить много, дерзко и громко. — Зачем понапрасну травить словами? Они все равно не доходят до сердца, а тонут в омуте ее собственных отрицательных эмоций. Может, с помощью лекции она хочет заставить глубже почувствовать мою вину, чтобы я, с ее точки зрения, непременно поскорее одумалась. Но вероятнее всего, она позволяет себе оскорбительный тон и выражения лишь для того, чтобы выплеснуть отрицательные эмоции от обиды на отца. Я для нее — козел отпущения. Придется уповать на случай: может, что-либо отвлечет ее. Должен же и на моей улице иногда случаться праздник! Замучила своим тревожным вниманием и неутомимой предупредительностью к одной единственной проблеме — отношению к противоположному полу». В какой-то момент мне показалось, что таких мучений я еще никогда не испытывала. Зачем терзает? Подмывало вскочить и убежать.

Мною овладело уныние и полнейшее безразличие к происходящему, находящемуся уже за порогом сознания. Хотелось скорее покончить с разговором.

Надо заметить, что сознание само часто ограждает меня от восприятия и, главное, от осознания неприятностей, не раскрывая их смысл, затормаживая расшифровку деталей, и, что особенно важно, хоронит в памяти до поры до времени, наверное, до взросления. Я совершенно случайно поняла и четко оценила душеспасительное назначение этого свойства. Сначала сочла его причиной мою недостаточную развитость, дремучесть в вопросах познания тайн природы души и мозга. Но ряд наблюдений над собой убедили в том, что мой организм сам заботится о моем психическом здоровье, и в экстремальных условиях притормаживает восприятие, даже несколько туманит его, чтобы не сломался человек, не искалечил, сберег свою душу. Так было со мной поначалу у папы Яши и долго длилось в этой семье. Сейчас тоже частенько случается «отключаться» от тревожащих проблем и, забываясь, на время излечиваться от боли. Без подобных врачующих преград, дающих организму передохнуть, жизнь была бы невыносима.

Я окончательно впала в оцепенение и тоску. Необъятная глыба мрака придавила меня. Чисто ад. Господи, за что? Отпусти мою душу на покаяние. У матери нет ни малейшей надежды на чистоту и безупречность моего поведения! Все от начала до конца, от первого до последнего слова она воспринимает как ложь. Какой смысл спорить, доказывать? Ничего не дает мой бессмысленный, беспомощный гнев. Все внутри восстает перед описанными ею картинками моей будущей жизни. Во время ругани всегда открывается бездна гадкого. Я сама никогда не додумалась бы до таких мерзостей. Радость меркнет, когда такое проникает в сознание, окончательно исчезает искренность.

Извергавшиеся потоки грубых слов назойливо сверлили, въедливо раздирали уши. Тяжелые, как камни, слова долбили голову. Я вытерпела грязные поношения в свой адрес, но длинная речь не успокоила мать. Она распалась все больше. «Опять на мне зло срывает? Что еще сегодня случилось? Приступ ревнивой тирании? Отца застучала? Так не впервой», — мелькнула тоскливая мысль, открывшая дорогу потоку недовольства. Но я тут же устыдилась своей пошлости, совесть принялась грызть. Я сдержалась, тесно увязывая поведение матери с событиями последних месяцев. К терзаниям совести примешивалось волнение и мучительная мысль о моей хоть и не большой, но все же вине.

— Где была? Где тебя носило, лодыря гоняешь? Докладывай обстоятельно, без утайки, — сквозь зубы, злобно процедила мать, охваченная беспредметными подозрениями, отчужденная своими несчастиями.

Ее лицо сделалось безжизненным, каменным.

— За медицинской справкой в поликлинику ходила, пролепетала я.

— Врешь! — суровым, властным голосом, всегда приводившим меня в трепет, гаркнула мать, не воспользовавшись моим искренним ответом. И прибавила с сарказмом: «Опять тонула в потоке любви?»

— А это при чем здесь? Ничего подобного! Я правду говорю. Нет никакого резона мне врать.

— Васильки в поликлинике растут?

— Не хотелось по пыльной дороге возвращаться. Полею шла. Красиво там.

— С кем ходила? — зловеще щелкнул голос, отрывистый, как стук топора.

— На станции знакомого встретила. На математической олимпиаде познакомились, умный парень. Вы его не знаете.

— Совсем завралась! Что-то никак не сходится в твоих словах. Кто, по-твоему, стоял с тобой у магазина, — с жаром раздраженно вскрикнула мать.

— Честное слово, не лгу.

— Ты еще «честное комсомольское» скажи!

— И скажу! Честное комсомольское, не вру, — угрюмо оправдывалась я, дрожа всем телом от сдерживаемого гнева.

— Дрянь! Я же видела, как ты с Димкой к дому подходила. Забыла, что соизволила обещать в прошлый раз?

— Вы бы сначала попросили меня полностью отчитаться, а уж потом сердились, — нерешительно и как можно спокойно ответила я, и прибавила: «С Костей мы на мосту попрощались. Я не разрешила провожать себя дальше. Боялась, что вы и о нем начнете плохо говорить. Жалко его. Он такой чистый, тонкий, умный. А Димка у магазина меня ждал. Он не знал, что я на станции. Тоже переживал, куда я пропала. Я не хотела его видеть, прогоняла от себя. Он сам прилип. Такой навязчивый!

— Не смей мне перечить! Не отпирайся. Не выгораживай хулигана. Соскучилась по Димке, и его пошлым, разнузданным дружкам? — не унималась мать, совершенно не обращая внимания на мои уверения.

— Вы превратно истолковываете мои попытки объясниться и напрасно расстраиваетесь из-за пустяков.

— Лгунья! — закричала не своим голосом мать.

Я потеряла самообладание и закусилa удила. Точно вихрь меня подхватил.

— Димкины дружки и сам Димка сто лет мне без надобности! А от лжи и пошлости у меня прививка есть. Воспитание бабушки Яши, — молниеносно нашлась я.

Внезапно мать остыла, будто произошло просветление.

— Получила справку? — спросила она вяло.

— Да.

— Покажи.

Я протянула листок. Мать прочитала и вдруг побелела. Глаза ее полезли из орбит.

— Все кабинеты прошла? — загробным голосом проговорила она.

Я уже хотела признаться, что Костя помог мне получить справку без посещения врачей, но жуткая интонация слов матери насторожила меня. Я не понимала, отчего она превратилась в мегеру, и промолчала, чтобы не накликать нового приступа раздражения. А вдруг она знает, когда я ушла на станцию, и потребует отчета за три часа? Ведь не поверит, что я была искренне, по-детски счастлива. Опять понесет ахинею.

Лицо матери перекошилось и раздулось, как малиновый шар, из груди вырвался не то крик, не то громкий стон. Я испуганно смотрела на нее и пятилась к выходу.

— Дрянь ты этакая! Что люди скажут, что люди скажут... — сдавленным голосом бормотала она.

Вдруг мать затряслась и закричала: «Взбучки захотела! Я вышибу из тебя дурь, сотру с

лица земли!» — и наотмашь ударила меня по лицу. Оно запылало раскаленными углями. Я обомлела и онемела от обиды, но стерпела, надеясь, что теперь с нее спадет злость. Такое неоднократно замечала. Сгоряча мне больно не было. На сердце противно сделалось. Ударить по лицу — это тебе не по пятой точке! Здесь достоинство страдает. А что поделаешь? Атмосфера чрезвычайно накаленная. Кроме терпения, я не вижу для себя другого выхода.

Господи, а теперь-то за что? Из огня да в полымя!

— Погодите! За что бьете? Мы же просто шли через поле, рвали цветы и пели песни. У меня было солнечное настроение, понимаете?! Или вы, кроме гадостей, в голове уже ничего не держите? За что мне такое? Что плохого я сделала? Я же нормальный человек. Почему я не понимаю вас? В чем мой позор? Объясните! — глотая слезы, шептала я.

— Ах, не понимаешь, с инфантильным упорством дурочкой прикидываешься?! Коленца выкидываешь, а угрызений совести ни на йоту. Сейчас растолкую, тварь поганая!

— Не тварь, не унижайте! — простионала я, бессильная что-либо изменить.

«Эх! Еще этот Димка на мою беду точно из-под земли у магазина вырос и привязался! Черт бы его побрал! Хоть в глаза плюй — не отстает! Немудрено, что мать, увидев его, разошлась», — молча злилась я на настойчивого обожателя.

— Ты еще нервы мне мотаешь, гадина! — переходя на фальцет, вскричала мать.

Текли слезы, сжимались кулаки. Хотелось исчезнуть далеко и надолго. «Конечно, я виновата, что прогуляла на станции. Но в этом нет большой беды. Зачем из мухи слона делать? Моя трагедия в том, что я боюсь матери и утаиваю от нее даже самое хорошее. Это же ненормально! В семье не должно быть такого! Господи, я же не прошу меня любить! Но понять-то можно попытаться?»

Свирепый вид матери заставил меня трепетать. Я не знала, чего еще ожидать от нее и затравленно озиралась. Вдруг она схватила рубель (ребристую доску, предназначенную для глажения белья) и огрела меня по спине. Я как ошпаренная выскочила на кухню. Дорогу матери преградила бабушка. «Бей меня», — сказала она спокойно, хотя лицо ее было белым. Мать тяжело опустилась на стул. Ничего больше не возразив, голосом, прерывающимся от рыданий, я вскрикнула: «Надоело все! Лучше в омут головой!» Стремглав выбежала из хаты. Кубарем скатилась с порога и помчалась куда попало.

Остыла. Последние отблески дня слабо румянили облака у горизонта. Вздымался синий седой сумрак. Вернулась, глотнула студеной, чистой как слеза, колодезной воды и легла в постель.

Ночью, отвернувшись к стене, в который раз «перемалывала» печальный финал событий дня. Неотвязная, тоскливая мысль сверлила голову и отлучала от сна: «Я родня матери, ее ахиллесова пята, отец против моего проживания в семье, отсюда все последствия, отсюда нетерпимое отношение ко мне».

Подошла бабушка и тихо присела на кровать.

— В справке написано, что ты проходила женский кабинет. Вот она и вспыхнула. Не верит, что ты без греха.

— Почему? Я никогда не лгала ей! Я еще ни разу не целовалась. И не смогу позволить себе такое, пока не пойму, что мои чувства всерьез и надолго.

— Нервы у Клары расшатаны на почве ревности. Не контролирует себя.

— А вы объясните ей.

— Никому не верит в семье. Болезнь есть такая. На больных нельзя обижаться. А в остальном, — она совершенно нормальный, здоровый человек.

Бабушка ушла. Перед глазами измученное, иступленное, но еще красивое лицо матери. Говорят, на певицу Людмилу Зыкину похожа... Корона темно-русых волос надо лбом. Ранняя седая прядь над правым виском. Скорбные морщинки... Ее благонамеренные,

возвышенные мечты о семейном счастье оказались несбыточными?..

Поток горьких мыслей остановился. Она не виновата? Из-за отца все беды нашей семьи?

СТИХИ

Начало июля. Воскресенье. Давно не было дождя, поэтому тополинный пух все еще носится по дорогам, застревая в траве. В парке сухие сережки деревьев обволоклись пухом и образовали на земле ковры с чудесными рисунками. Они кажутся мне состоящими из старинных надписей, восточной вязью волшебных заклинаний, на которых едва просматривалась туманная бесконечность веков. Липы от буйного цветения посветлели, загустели и похорoshели. Многочисленными зелеными глазами смотрят на меня плоды крупнолистных каштанов.

Залезла на самое высокое дерево. Сверху серебристые верхушки тополей как пенистые гребни морских волн в зеленом море парка, а ряды кустов ивы кажутся стадом сказочных овец. Вижу людей, загорающих на пляже. Странно, отсюда их фигурки схожи с муравьями! Небо сегодня ослепительное! Какое разнообразие оттенков белого, серого и голубого!

Спустилась на землю. Тут же в парке около детдома встретилась с Леной. Загодя договорились. Обменялись альбомами. Сидим на бортиках песочницы, болтаем без умолку. Редко встречаемся. Рады друг другу.

— Было бы время, так целыми днями рисовала бы! — с неподдельной грустью вздыхаю я.
— Знаешь, Лена, в этом году я устраивала у подшефных октябрат конкурс рисунков и подделок из пластилина. Первоклассники лепили птиц. Один мальчик, чуть не плача, принес мне неудавшегося, по его мнению, лебедя. Взглянула я на фигурку и внезапно почувствовала в ее позе что-то напряженное и трагичное. Я изогнула безвольную прежде шею птицы и опустила книзу, а голову устремила вверх. Теперь казалось, что из раскрытого клюва лебедя вырывается крик прощания с небом, а может быть, то был вопль о желании взмыть в облака. Птицу слегка клонило набок. Усилием распростертого, будто бы трепещущего, чуть приподнятого крыла она грациозно стремилась сохранить равновесие. Из неуклюжей она вдруг превратилась в изящную, но странную. «Она раненая!» — вдруг воскликнул мальчик. И он был прав. Я подумала, что вот так, одним удивительным мгновением, у великих художников могут рождаться прекрасные замыслы и шедевры. На выставке и взрослые, и дети останавливались перед лебедем и долго молча вглядывались в его позу, пытались уяснить, что она представляет собой. Наверное, каждый видел свое, только ему понятное... Я вот иногда смотрю издали на портрет, висящий в нашем классе, и мне кажется, что седая голова ученого выглядывает из рамы, а губы чуть-чуть насмешливо, хитренько улыбаются. А вблизи эти странности исчезают. Еще я люблю рассматривать цветные рисунки с мелкими деталями, приблизив их к глазам. Когда долго вглядываешься, появляются такие новые неожиданные картинки, не имеющие ничего общего с на самом деле нарисованным. Мать ругает, что зрение порчу. А мне так интересно!словно в фантастический мир попадаю. Это мой секретный домашний кинотеатр.

Лена, я люблю составлять рисунки из расположения листьев на деревьях, из трещин на штукатурке. Вот лицо скорбной матери, склоненной над погибшим, вот самолет, рвущийся ввысь. Видишь на песке титана, раздвигающего горы? Обрисовать тебе его? Смотри, какая выпуклая рельефная грудь у этого исполина! Он дышит. Разглядывай его под разными углами, тогда сразу заметишь, — объясняю я Лене свои рисунки на песке.

— Откуда ты знаешь, что он гигант? Может, он маленького роста? — наморщив лоб, сомневается Лена.

— Береза рядом с ним. Сравни их. Знаешь, я заметила, что когда ребенок учится рисовать портреты, то поначалу изображает лица, похожие на себя. Я в своем классе эксперимент проводила: ребята анонимно «малевали», а я угадывала, где чей «шедевр». А еще мне кажется: я больше узнаю о человеке через лицо, руки, движения, чем по словам. Люблю людей. Мне интересно смотреть на них, — сказала я с радостной откровенностью.

А Лена вдруг залилась громким раскатистым смехом. Я немного смутилась и растерялась. Уши мои запылали. Что, глупость сказала? Но не успела я ни разозлиться, ни обидеться, а Лена с подкупающей искренностью уже созналась, что не понимает моей восторженности. И принялась сначала уныло, упавшим голосом оправдываться, а потом с мрачной решимостью холодно объяснять свое поведение плохим характером. Я была обескуражена и только нерешительно возражала ей. Вдруг Лена прищурилась, посмотрела на меня ласковым смеющимся взглядом и спросила совершенно неожиданно, мягко и внятно, очевидно желая доставить мне удовольствие, исправить настроение, вызванное непредсказуемой вспышкой:

— Что это у тебя в альбоме изображено с помощью различных квадратов?

Меня удивила столь быстрая смена в ее настроении, но я, изо всех сил борясь со своей дремучей прямолинейностью, ответила достаточно дружелюбно:

— Это фигура спортсмена: голова, плечи, пятая точка. Маленький квадрат, большой и опять маленький. А это — интеллигента: большой квадрат, маленький, большой. Для юмора. Понимаешь?

— А это чей портрет? — глаза Лены сверкнули ярко выраженным лукавством.

— Яшкин, точнее Вальки Потанова. Яшкой его дразнят.

— Он тебе нравится! — с торжествующей ухмылкой заявила Лена. — Очень уж старательно ты рисовала.

— Нет, — дернулась я холодно и нервно. — Самолюбивый, волевой. Есть в нем что-то особенное, учиться неплохо. Но не могу его понять. Представляешь, говорит: «Женюсь обязательно на молодой девочке и буду лепить из нее, что захочу». Вот бестолковый! Жена, повзрослев, не станет подчиняться, сама захочет быть личностью. Он думает, что она всегда будет игрушкой в его руках! Разве так можно семью строить? — с тихим сожалением добавила я.

— Дурак звезданутый. А когда у него не получится командовать, так детей оставит жене и сбежит, да еще будет мнить себя несчастным и ее во всем винить. Работает у нас такой. Слюни до полу распускает, когда жалуется нянечкам на свою неудачную судьбу, — зло возмутилась подруга.

Лицо Лены сразу превратилось в угрюмое и непроницаемое. Хотя она не обращалась ко мне, я чувствовала, что от нее исходят недобрые, темные волны. Не сказать, что я испугалась, но в компании с Леной ощутила себя очень неудобно. Даже холод пробежал между лопатками. Промелькнуло желание уйти. Тут же подумала: «Сколько обиды и боли накопилось в ее душе! С нею сложно, но и ей самой тяжело. Наверное, я тоже бываю несносной. Нас сближает общий недуг — одиночество». Может ей надо выговориться?

Пересилила себя и осталась.

В глазах Лены сверкал жесткий огонь, голос звучал хрипло, раздраженно. В нем проскакивали нотки металла. Нервно дернув уголками рта, она вдруг засмеялась надтреснуто и жалобно. Мне было больно и досадно, что наш разговор вместо радости приносил горечь, и оставлял неприятный осадок, но я понимала, что Лену обуревают тяжелые воспоминания, и захотела отвлечь ее. Воспользовавшись минутным оцепенением подруги, я как можно более заинтересованно спросила:

— Лена, почему у тебя вот здесь одна половина рисунка цветная, а другая — черная?

— Яркой краской я изображаю свое будущее после детдома. Вот это — моя лестница мечты, — отозвалась она тихо.

Я с живостью подхватила:

— Как мы похожи! А мой рисунок называется «Лестница надежд». По ней я иду к вершине моей мечты. Каждая ступенька — преодоление. Но я не рисую жизнь после школы розовым цветом. Кто тебя кормить будет после детдома, где ночевать будешь? Моя старшая сестра рассказывала, что на стипендию жить голодно, — осторожно

выразила я свое сомнение.

— Зато свободно! — мечтательно воскликнула Лена и даже глаза от удовольствия прикрыла.

— Свобода дорого стоит. Она с ответственностью связана. Свободному приходится самому всего добиваться. Не у всех характера хватает справиться с трудностями. Даже некоторые взрослые предпочитают жить на всем готовом. Наш дядя Афанасий в армии остался работать. «За меня офицеры думают», — объяснил он нам свой выбор.

— Все равно я хочу поскорее стать самостоятельной, — упрямо возразила Лена.

— Тебя не пугают трудности, потому что ты их себе не представляешь. Ты не знаешь, что такое учиться, три раза в день готовить себе еду. Сумеешь ли ты сказать себе «нет», когда захочется конфет, чтобы потом не ходить голодной? Заработать денег не сможешь, потому что четырнадцать лет — не семнадцать. В детдоме тебя растит государство, а когда выйдешь из его стен, то уже никто не будет обязан нянчиться с тобой. Все станут считать тебя взрослой. Не торопись. Заканчивай десять классов. Ты же почти отличница. Моя подруга Лиля из городского детдома плакала, когда ее хотели в училище отправить. В четырнадцать лет мы еще очень глупые.

Однажды был у нас классный час по теме «Свобода». Ну, мы все выучили слова Карла Маркса, что «свобода — осознанная необходимость», и воображаем, что умные. Моя мать как пошла сыпать вопросами, так у нас ушки-то сразу и завяли с пылу-жару. От стыда, конечно, за самонадеянность и самоуверенность. Мать говорила, что свобода — это возможность, желание и умение ограничить свои эгоистические наклонности, что она только шанс, а кто и как ею распорядится, вот в чем вопрос! Важно осознание необходимости свободы. Но не все в ней нуждаются. Некоторые считают, что о свободе имеет смысл вспоминать, когда кто-то мешает работать или отдыхать.

Вот революция — это момент свободы, момент истины. Никто не спорит. А что после февральской революции произошло? История объяснит. Хотели капитальный ремонт страны сделать, да стена рухнула. Что за той разрушенной стеной было? Мифы о счастливом прошлом, порожденные традиционным крестьянским мышлением? Конечно, нельзя отнимать историческую память, подрезать корни народные. Только истории не предъявишь претензий.

Еще такой вопрос ставила: «Свобода может быть только индивидуальной или она для большинства, для масс?» Она может быть ложкой меда в бочке дегтя и наоборот. Одни говорят, что культура это свободное деяние, а другие утверждают, что она — нравственная категория, и уход от духовных ценностей не прокладывает дорогу к свободе, это бегство в никуда.

В России духовные ценности всегда были выше денег. Без доброты ничего хорошего не существует. Потому что свобода не анархия, не вседозволенность. И высокую культуру надо внедрять в массы, потому что воспитание — это процесс навязывания. И никуда от этого не денешься... У меня голова кругом пошла от разнообразия аспектов и понятий. Какое поле деятельности для умных людей! А ты говоришь, свобода! Что ты в ней понимаешь? — разошлась я не в меру.

— А зачем мать в такие дебри вас тащит, мозги ерундой забивает? — удивилась Лена.

— Ерундой?! Зачем заставляет задумываться? Для того, чтобы умнели и глупо не заносились, чтобы понимали, что еще много, очень много должны изучить, осмыслить. Зачем муж Анны Карениной заставлял своего маленького сына Сережу запоминать изречения древних философов и мыслителей? Я полагаю: он не считал, что понапрасну тратит время; наверное, видел какой-то смысл в подобных занятиях. Может, он, таким образом, закладывая в нем понятия, которые ребенок позже глубоко осмыслит. Я сожалею, что нас с младших классов четко не обучают основным жизненным понятиям, без осознания и осмысления которых мы ведем себя как глупые котятка, поэтому с удовольствием хожу на классные часы. В спорах меня подкупает уважительное отношение к нам, как к равным. И Анна Васильевна старалась нас так воспитывать на уроках, но ей надо было успевать пройти программный материал.

— Наша математичка говорит, что дурака можно привести к ручью знаний, но заставить

его пить из него нельзя.

— И наша объясняла, что некоторым вещам нельзя научить, можно только научиться. То есть необходимо желание обучаемого, понимание им важности данного предмета или вопроса. Не про тебя эти слова. Брось прикидываться половой тряпкой! Ты же умная девчонка! — горячилась я.

— Все равно уйду из школы! Надоело учиться и нотации воспитателей выслушивать! Нелепо отказываться от такой возможности, — нетерпеливо перебила меня Лена.

Ее лицо засветилось радостью и мечтательной решимостью.

— Ты же еще совсем недавно мечтала об институте. Кем ты хочешь стать? — спросила я заботливо, но с прямолинейностью, всегда меня отличавшей.

— Не знаю. Рисовать люблю, — неопределенно бросила Лена.

— Значит художником или учителем рисования? — допытывалась я дотошно.

В ответ услышала равнодушное:

— Нет, этим я для удовольствия занимаюсь. И школу не люблю.

— Вот видишь, ты еще не определилась. А мне нравится школа. Только она слишком деловая. Романтики мало. Я с удовольствием воспринимаю праздники, сборы, люблю суету подготовки к ним. Но все равно это не то! Самое яркое и радостное — в моих мечтах и в книгах. А мне хочется не только мечтать, но и делать что-то особенное, участвовать в фантастических проектах! Может, нарисовать удивительную картину или написать такой стих, чтобы все поразились? Только боюсь, что не сумею. Здесь талант нужен, — смущенно закончила я свой пафосный монолог, понимая, что меня опять занесло.

— Да, стишками в стенгазету никого не удивишь, — язвительно хмыкнула Лена.

— Вот бы спектакль про любовь поставить! Не школьный. Взрослый. Такой, например. Сцена разделена на три части. По центру — свет. Справа и слева две комнаты. В одной — он, в другой — она. Обе комнаты в полумраке.

— Зачем полумрак? — искренне удивилась подруга.

— Неловко о своих чувствах говорить при ярком свете. Слушай дальше. Она страдает, он переживает, злится.

— Но такое уже тысячу раз описывалось в книгах! — пренебрежительно высказалась Лена.

— Пьесу можно перелицевать, главное — не подражать, свою душу в нее вложить. Может, сюжет усилить особой формой постановки спектакля? Я бы изобразила мечты женщины в виде порхающих в танце девушек в прозрачных одеждах. А мечты мужчин...

— Ох, и достанется тебе за такой спектакль! — истерически захохотала Лена, прервав мои восторженные разглагольствования.

Я не обиделась.

— А если откровенно показать, как на самом деле мучается человек, когда его отвергли или когда ему изменили? Какой он бывает тогда злой, жестокий и слабый? — предложила я неуверенно.

— Кому охота на плохое смотреть? Такого «добра» вокруг сколько угодно! — фыркнула Лена.

— Ты права: душа радости просит. Значит, опять безуспешные попытки, пустые фантазии? — сконфуженно и озадаченно взглянула я на подругу, ища если не поддержки, то хотя бы сочувствия.

— По мне лучше красивая сказка, чем гадкая правда, — отрезала Лена, не желая

принимать участия в обсуждении моих прожектов.

— Не доросла я ставить серьезные спектакли, а школьные — уже не интересны, — с неподдельной трогательной грустью прошептала я. — Учитель пения говорил, что, чем больше скрыт замысел художника, тем ценнее его произведение. А у меня все нараспашку, все в лоб. Получается, что от глупости.

Лена саркастически засмеялась. Над чем? Над моими мелкими, с ее точки зрения, фантазиями или над своими, вовсе несбыточными? Продолжать разговор не хотелось. Не клеился он. Со мной такое случилось впервые. Я всегда втайне гордилась своей способностью разговорить кого угодно из подружек. А тут осечка вышла. Почему? Кажется, поняла. Я все о себе и о себе.

Не заметила, как стемнело. Ветер зашелестел сначала осторожно, а потом рванулся, будто тормоза растерял.

— Бежим к нам! — крикнула Лена.

Только мы вскочили под навес, как хлынул дождь. Молодые сосны вокруг детдома склоняли головы до пояса, трясли и размахивали ветвями-руками фантастических чудищ, швыряли шишки на асфальт. Стена дождя окутала весь парк. Она колыхалась, закручивалась и вздыхала, как живое существо. Грозно рокотал гром. Небо то разрывалось своенравными молниями, то смыкалось, словно погружаясь в темноту. Яркие редкие вспышки позволяли разглядеть сквозь туман дождя лишь торопливые силуэты людей, темные нагромождения домов и деревьев. Сразу похолодало. Мое измученное жарой тело задышало. Громкий, короткий, как выстрел, удар грома подбросил меня.

— В громоотвод молния попала, — сказала Лена.

Ветер стих так же быстро, как и начался. Монотонное шуршание дождя уже реже нарушалось рокочущими глухими удаляющимися раскатами. Потом дождь совсем прекратился. Влажные молчаливые сосны в ярком свете полной луны теперь были четкие и контрастные.

— Как лучше сказать: «повисли на ветвях умытые созвездья» или «запутались в ветвях усталые созвездья»? — спросила я Лену.

— От твоего настроения зависит, — рассеяно ответила она.

— Знаешь, как я про летний дождь в сочинении написала? «Насупилось небо мимолетной обидой. Потом сбросило минутные детские слезы и вновь осветило всех солнечной улыбкой».

— Учителю понравилось? — откликнулась подруга, с трудом оторвавшись от своих мыслей.

— Нет. Он высмеял меня.

— Ему такого не понять. Хочешь, расскажу тебе стих, который недавно сочинила? — вдруг тихо спросила Лена.

— Конечно! — обрадовалась я и испугалась своей бурной реакции. Но Лена уже проникновенно говорила:

Горит свеча дрожащим светом, Вокруг детдомовцы сидят. Они ведут о том беседу, Как будут дальше выживать. Одна девчонка боевая Склонила голову на грудь. В тоске по матери родимой Не может, бедная, уснуть. Зачем меня ты родила? Зачем в детдом меня сдала? Судьбой несчастной наградила, Зачем меня совсем забыла? Над нами местные смеются, Нигде проходу не дают. И только слышим их укоры: «Опять детдомовцы идут».

Низкий голос звучал как из подземелья. Пронзительные, незамысловатые слова впивались в голову и сердце.

— Ну, как? — осторожно спросила Лена.

— С чувством пишешь. Можно я немножко кое-где подправлю, чтобы в рифму было? Смысл не нарушу. Честное слово!

— Ладно, — неохотно согласилась Лена. — История подлинная, полностью достоверная. Не испорть.

— Послушай мои рифмовки, — попросила я.

— Давай, — как-то вымученно улыбнулась она.

Я тихо заговорила:

Я не жду от жизни ярких зорь, Сполохов восторженных и сложных. Я хочу семьи простой узор И друзей веселых и надежных. Роняю слова как осенние листья. Тоскою измотаны горькие мысли. Бумага приемлет любые стенанья: И слезы, и радость, и сердца признанья...

Во тьме величественно дыбились тополя. Мы молча, терпеливо ожидали следующего явления луны на чернильном небе.

— Хочешь, сейчас напишем стихи так: только по две строчки из каждой строфы, а потом листочками поменяемся? Ты закончишь мои четверостишия, а я — твои. Мы так еще в младших классах играли, — предложила я, желая внести хоть какое-то оживление в наши взаимоотношения.

— Ладно, — без энтузиазма сказала Лена.

Присели на подоконник. Там светлее.

Строки стекают кровавыми каплями С раненой детской души... Болью распятое детское счастье Стонет, страдает, кричит... Его глаза, как два укола в мозг, Оставили отметины навечно... Глаза в глаза, как выстрелы в ночи, Как лезвия жестокие, блеснули... Утро разбросало жемчуга росы, И дышали травы изумрудной влагой... Зарницы — сполохи кровавые. Знать, ветрами злиться будет день... Прохлада реки обнимала, Как нежные руки твои... Волшебные глаза небес чаруют нас в ночи. Ликует день улыбками друзей... Обласканный солнцем пригорок зацвел... Яркие листья, как искры надежды, Дарит мне осень в лесу... Мечты и желанья прозрачны и чисты — Я с детства такие люблю!..

— Хватит писать, — резко сказала Лена и подала мне свой листок. Читаю.

«Она молчит о том, что маму ждет, Что душу рвет жестокая обида... Со злом гляжу на мир чудес. Задернута душа болезненной тоской... Я струна, натянутая детством, Людьми бездушными, коварными и злыми... Ложь ядовитые иглы вонзает В нежные души ребят... И только стоны бездны жуткой Мне голову сжимают по ночам... Пронзительных строчек усталая боль... Как тоскою детей, Запорошенный снегом детдом... Машины — желтоглазые звери в ночи... Хрустальный храм несбывшейся мечты... Грусть, как тень, за мною бегаёт...»

— Не буду играть! Хватит марать бумагу, — Лена вдруг резко вырвала у меня из рук свой исписанный листок.

Я почувствовала нарастание раздражения в ее настроении и не стала настаивать. Помолчали. Я первая не выдержала и осторожно возобновила беседу:

— Один раз я написала стихотворение о своем знакомом детдомовском мальчике и отдала в нашу местную газету. Редактор стих переделал, сделал его гладким. Но исчезла нежность и боль, разорвалась еле уловимая нить чувствительного. Понимаешь: читаю, и мне уже не жалко того мальчика.

Лена продолжала сидеть понуро.

— Послушаешь стихи моей старшей сестры Люси? Она Есенина обожает! — попыталась я вывести подругу из состояния отчуждения.

Не получив ответа, начала читать.

Лист березы с желтизной — Пролетело лето. С августовской синевой, С песней недопетый. Паутина тут и там В капельках-дождинках. Бродит осень по кустам В расписной косынке. Отраженьё лазурного ситца В талых водах. И тонкая трель... Это чудная, милая птица Снова радостно славит апрель!

— А мне один друг сказал, что, когда пишешь стихи, надо от Бога, от неба идти к себе, потому что человек сам по себе неинтересен. Как ты эти слова понимаешь? — вяло, как бы нехотя спросила Лена.

Мне показалось, что она не слушала, как я читала стихи, а думала о своем. Но не обиделась и ответила:

— Не знаю. Мне кажется, что каждый человек — огромный, непознаваемый мир. Как же, не осознав себя, идти в бесконечность?

— А связь человека с небом есть? — произнесла Лена с каменным, бесстрастным лицом.

— Ты имеешь в виду с Богом?

— Да.

— Я убедилась, что между людьми есть связь, но она разной силы. Одни ее замечают, другие нет. А со смертью она прерывается. Это говорит о ее биологической или физической природе. Остается только память о человеке. Если существует Бог, то и с ним тоже должна быть связь. Только я одного не понимаю, если Бог добрый и всемогущий, то зачем он наделил людей завистью, жестокостью? Говорят, он сотворил человека по образу и подобию своему. Получается, он тоже злой. Или в книге говорилось только о внешнем сходстве? Лучше бы он создал мир, в котором люди могли бы бесконечно расти умственно и духовно. Вот это был бы рай! Конечно, я рассуждаю наивно. Но так хочется, чтобы все люди были счастливы!

— Ты веришь в Бога? — сухо осведомилась Лена.

— Нет. Бабушка говорит, что я не доросла до понимания этого вопроса ни умом, ни сердцем. Она права. Вот, например, она давно мне говорила: в несчастье мы ближе к Богу или: «Как только Человек забывает о своей связи с природой, с Богом, и представляет, что все чего он достиг, — дело только его рук, он начинает верить, что ему разрешены все пути в достижении цели. Гордыня начинает править им. И она же его губит». А я до сих пор не могу полностью осознать смысл этих слов.

Иногда мне кажется, что человеческий разум лучше. Вот своровал человек, помолился, Бог ему простил, и он опять идет на преступление. Материалисты, по крайней мере, честнее. Я долго готовилась к докладу на эту тему, много брошюр прочитала. В голове все перепуталось. «Примитивная религия родилась из страха смерти. Но Бог — это состояние души. Альберт Шнитке не писал музыку, кто-то водил его рукой. Значит, у него в это время было божественное состояние души... Может, рамки старой религии узки для современного мира? А что является причиной зла? Как понять фразу, что глубинной причиной зла есть смерть? Бог — абсолютная ценность? А если нет абсолюта, то нет абсолютной ценности...» Ни-че-го не поняла! Я отказалась от доклада, потому что не могу повторять чужие мысли, не докопавшись до истины, объяснила я свои «научные» метания.

Мне показалось, что Лена ожидала другой ответ. Опять помолчали.

— Объясни, зачем нужны церкви? Не лучше ли с Богом разговаривать без посредников? — задумчиво произнесла Лена.

— Человек, животное стадное, — пошутила я, — ему ритуалы, зрелища подавай.

Лена заговорила возбужденно:

— Представь себе: и немцы, и наши просят одного Бога помочь им победить. Кого и почему Он выбирает для благодетельствования? И помогает ли вообще? Мы безбожники, а в войне победили.

Мне вдруг вспомнились детские мольбы, просьбы помочь найти родного отца. Грусть наплыла на глаза туманом сизым...

— А что такое совесть? С нею рождаются или она от Бога? — опять задала Лена сложный вопрос.

Меня поразило, что ее волнуют вопросы, которые я не так давно обсуждала с Александрой Андреевной.

— Мне кажется, что совесть — это внутренний стержень каждого человека и религия здесь ни при чем. Просто степень надежности стержня у всех разная. Когда суд собственной совести слабый, то побеждает дурное. Церковь, наверное, нравственными заповедями пытается помочь заблудшему человеку.

— Судить и осуждать — разные понятия? Как ты думаешь? — не поворачивая ко мне лица, спросила Лена.

— Конечно, разные.

Лена исчерпала свои вопросы.

— Почему ты всерьез не занимаешься стихами? — неожиданно спросила подруга.

— Много тому причин. Подлинные чувства стесняюсь напоказ выставлять. Считаю свои рифмовки «шедеврами второго сорта». Я уже понимаю, что излишне многословна, но пока не могу обойтись без красотостей, не могу не брызгать фейерверком ярких слов. Наверное, для того чтобы научиться лаконично высказываться, надо повзрослеть, — засмеялась я и продолжила: — Настоящими стихами можно назвать что-то из ряда вон выходящее. А у меня одни эмоции. Я то хохочу, то заливаюсь слезами, торопясь запечатлеть на потрепанных обрывках бумаги свои «гениальные» чувства. Концентрации мысли в них нет. Надо так писать, чтоб в одной строчке проявилась вся Вселенная! А я порхаю по бумаге, как глупая, но заметь, не тщеславная бабочка. Мои вирши — бесплодная пачкотня. Но она искренняя, и в этом ее маленькая ценность. А зерна мудрости позже появятся, если об этом природа заранее побеспокоилась, — усмехнулась я чуточку горько, понимая, что желание писать еще не означает наличия способностей. — Соединять простоту и величие, дано не многим. Настоящий поэт тонким чутьем угадывает созвучия и так пишет, словно из души извлекает музыку. Оживает у него обыкновенное слово, звучит и переливается всеми цветами радуги.

Я еще в детдоме осознала, что гениальный поэт пишет так, что его очень простые, без излишней кудрявости слова, проникают в самые потаенные глубины сердца, подчас неведомые самому читателю. Лермонтов поет мою душу. Он бы понял меня и мое одиночество. Как-то сильно расшибла коленки. Но когда вечером читала стихи любимого поэта, боли не чувствовала. Странно, да?

— Не строчи из пулемета. Мысль не улавливаю. Почему ты так быстро разговариваешь? — страдальчески поморщилась Лена.

— Не знаю. Я все быстро делаю, — засмеялась я, стараясь показаться беззаботной.

— Ты показываешь свои стихи девчонкам?

— Иногда, но не говорю что мои. Понимаю, что они не зрелые, слабые.

— Я слышала, что бывает так: «Когда имя автора исчезает, то стихи приобретают соблазнительную анонимность, а иногда после смерти автора они становятся или считаются талантливыми, — сказала Лена.

— Для этого они на самом деле должны быть гениальными. Нам это не грозит, — усмехнулась я и, спохватившись, поправилась: — Мне уж точно!

— Взрослым, наверное, труднее писать стихи. Им надо настраиваться на восторженный лирический или грустный лад, а у нас он сам постоянно возникает. В тринадцать лет все пишут стихи, а вот кто из нас останется поэтом в сорок пять? Наверное, это тоже дар — чувствовать себя вечно юным и притом очень умным... Без прекрасного окружения, наверное, не было бы Пушкина? В детдоме он точно не состоялся бы, — холодно

усмехнулась Лена.

Я поддержала разговор:

— Наш дядя Петя говорил, что если талант есть, он когда-либо обязательно пробьется.

— Не хочу когда-нибудь! — вспыхнула Лена.

Чтобы успокоить подругу, я весело затархтела:

— Наверное, ты права. Мне Александра Андреевна рассказывала, что ее старший сын в шесть лет говорил так красиво, восторженно и грамотно и с такой фантазией, как она даже в пятнадцать лет не умела! А потом он увлекся техникой и потерял способность к образному мышлению, вернее, она у него перетрансформировалась в техническую смекалку. И у нее в детстве был сформирован мощный словарный запас, который в институте в основном пополнился научными терминами. Но с возрастом он уменьшился, потому что нет времени для чтения. Учительница об этом очень сожалеет. Но сочинения учеников очень любит читать. Сегодня я отнесла ей рассказ о том, как жители неизвестной планеты расшифровывали наш алфавит посредством изучения формы рта во время разговора. Пусть посмеется! Давай я и твои стихи покажу ей?

Лена не ответила на мое предложение. Она опять погрузилась в себя.

— Знаешь, бывает такое, когда внутренние проявления многих читателей совпадают с чувствами героев книг, пусть даже их авторы из пятнадцатого века, значит эти произведения талантливые. А бывает, писатель изображает жизнь вроде бы зримо осязаемо, но непостижимо для обычного человека, значит, он гениально пишет. Так мне кажется, — заговорила Лена отвлеченно, будто сама с собой рассуждала.

Опять длительное молчание.

— Не понимаю, как можно не любить читать! Разве не у всех с рождения в мозгах и душах присутствует шелест страниц, и желание прожить тысячи чужих, ярких жизней? — это Лена спросила.

Я ответила как могла:

— Александра Андреевна говорила, что по наследству передается восприимчивость к слову и к определенным наукам. Но любовь к книгам можно еще привить.

Лена отозвалась:

— Мой Саша правил не знает, но пишет на редкость грамотно, а вот его друг зубрит, только все равно по тридцать ошибок ляпает.

— Мало зубрит, — рассмеялась я.

— А знаешь, мой друг Сашка недавно сказал: «Меня тоже коснулась эта зараза», — вдруг вспомнила Лена. — Послушай, что он сочинил:

Ветер свистит в ушах, Жизнь все равно хороша! Даже когда побьют, Душу мою не сомнут!

— Веселый он у тебя, — обрадовалась я, подумав, что настроение подруги улучшается.

— Развеселый, аж некуда. У него период уверенности в реальности возвышенных убеждений, она у него проявляется в естественной жажде свершения благородных поступков, — хмыкнула Лена и отвернулась.

Я поняла, что это означает: «Не приставай больше на эту тему». «Не вышло!» — отметила я про себя и повела разговор о другом.

— Лена, мне кажется, что здесь, в деревне, я ни капельки не поумнела. Просто выросла, научилась выполнять любую деревенскую работу. И все! Понимаешь? И все! Это ужасно. Я не нашла ответы на свои вопросы. Я тулею от однообразной домашней работы, поглощающей все свободное время. Я еще в пятом классе поняла: «В город хочу». Может, будучи взрослой, наверстаю то, что упускаю сейчас. Как и раньше, я часто убегаю от своих грустных проблем в царство белых облаков или в книжные мечты.

Знаешь, я недавно по радио услышала хорошее выражение: «Библиотека — место, где человечество напрягает мозги, а душой отдыхает». Здорово сказано! Правда?

— Правда. Душа тоже трудится. Ей слишком часто приходится учиться через страдания, — с дрожью в голосе пробормотала Лена.

А я уже «завелась»: «Книги восполняют нехватку романтики в нашей жизни, жажды приключений, желания видеть мир ярким, героическим, добрым, честным, загадочным. Они наполняют нас прелестями», — так говорила ваша учительница Лидия Ивановна. Я четко знаю: дома я робот, а в книжках — герой. Я проживаю жизнь каждого любимого героя, вместе с ними упиваюсь очарованием моря, ужасами ночной пустыни. Взбираюсь на мачту и первая вижу на горизонте спасительный корабль. Я выслеживаю гада-предателя, ползаю на коленях по грязи и побеждаю! Как я любила книгу «Принц и нищий», как я верила и радовалась доброму концу этой трогательной грустной, но прекрасной истории!

Боже мой, как я люблю читать, плыть по волнам музыки слов! Однажды, перечитывала свой рассказ «Лоси» и вдруг почувствовала то же самое. Я поплыла! Это было счастливейшее из мгновений! Иногда замечаю, что мое воображение ярче, чем фильм, который я вижу по мотивам того или другого произведения. Помню, как однажды после культпохода говорила брату: «Фильм красивый, но режиссер не понял главного: способности любящей женщины к самопожертвованию!»

А фильм «Вий» мне очень понравился, но чудовища не напугали. Когда я читала Гоголя, в моем теле дрожала каждая жилочка! Такие картины рисовались в голове! Дело доходило до того, что я в страхе срывалась с места и бежала на кухню, к бабушке. А если читала ночью, когда черные тени блуждали по стенам, я вся сжималась в комок у слабого огонька керосиновой лампы, стараясь оказаться в зоне света. Даже ноги подбирала под себя, боясь, что кто-то неведомый коснется их или того хуже... Я заворачивалась в старое ватное замусоленное одеяло, пропитанное потом, запахом горелого печного кирпича и еще бог весть чем, что оно вобрало в себя за десятилетие верной службы семье, и мелко вздрагивала, переживая каждый момент колдовских событий, происходивших с молодым семинаристом. И с каждой страницей мое воображение становилось все ярче и полнее. Сумел Николай Васильевич найти точные слова, чтобы описать страх!

Если бы не Гайдар, Гоголь, Горький, Майн Рид, я не знаю, что было бы с моей душой? Она представляла бы собой незаполненную «черную яму» тоски. Без них я была бы не ребенком, а маленькой скучной тоскливой старушкой или заводной игрушкой, способной только выполнять приказы.

Правда, последнее время меня стали больше интересовать размышления Льва Николаевича Толстого, и еще Достоевского. Ох, и умные! Лермонтова обожаю до потери пульса. В нем слились воедино: неожиданность, бунтарство, трагизм. В этом его прелесть. Он бы меня понял! Представляешь, описывал мучения души легким дыханием строк. Соединял, казалось бы, несоединимое. Потому, что талантлив. А Чехов любую проблему сжимал как шагреновую кожу. В несколько строчек мог запихнуть огромный смысл. Но для меня он пока слишком серьезен и сух, поэтому кажется скучным. Не доросла я до его понимания.

Мне кажется, в писателях, помимо всего прочего, важна несхожесть. И чтобы через века не постарели их произведения, как пьесы Шекспира. У гениальных произведений нет срока давности. И память о великих подвигах и талантливых людях бесконечна. Интересно, Лермонтов входит в их число? Хотелось бы.

Лена слушала молча.

— Меня опять занесло? — опомнилась я.

— Нет, хорошо говоришь.

— Не шутишь?

— Мы Сашей тоже так думаем. Жаль, что нет книжек про нас. Вот если бы кто-нибудь про мою жизнь так написал, чтобы такое никогда-никогда не повторилось с другими

детьми, — грустно пожелала Лена.

Я помедлила и все же решилась быть откровенной до конца.

— Одной тебе раскрою мой самый большой секрет: я мечтаю написать про таких, как мы. Я даже слово себе дала и когда-нибудь обязательно сдержу его, — скрывая смущение, прошептала я.

— Поклянись! — вдруг резко, напористо вскрикнула Лена и спохватилась, заговорив извиняющимся тоном. — Понимаешь, мне легче будет жить, если поверю в твои слова.

— Клянусь, — чуть дрогнувшим голосом произнесла я.

И мы, уколов пальцы шипом акации, молча соединили свою кровь. Это была моя вторая клятва. И она тоже была главной.

— Я так счастлива! — воскликнула Лена искренне, с тихой глубокой благодарностью.

В ее глазах стояли слезы.

— Лен! Не журись, прорвемся! Мы будем счастливы! «Не вижу ликования народных масс!» — весело процитировала я чью-то понравившуюся мне фразу.

Лена улыбнулась и протянула ко мне руки. Мы впервые обнялись.

С БАБУШКОЙ В КИНО

Витек! Сегодняшний день начался обыкновенно. Сначала доставала из подвала остатки прошлогодней свеклы. Опускалась в подвал, быстро набирала коренья в корзину и пробкой вылетала наружу, чтобы отдышаться. От метана сильно колотилось сердце и перехватывало дыхание. Пока несла овощи в сарай — приходила в себя и снова ныряла в подвал. Корзин двадцать получилось. Потом натаскала из колодца четыре бочки воды, рассортировала и замочила овечью шерсть. Полощу, воду непрерывно меняю. Шерсть в грязи, в навозных комках. Воньца на весь двор! А что поделаешь? Если летом не постираю, зимой нечего будет пряхть.

— Почему у соседей шерсть чистая? — спросила я бабушку, которая на крыльце перебирала гречку.

— Перед стрижкой овец загоняют в речку или озеро, чтобы грязь размокла, потом их скребут и моют. Нашим старикам из Обуховки такое уже не под силу. Не могут они с застарелым радикулитом в воде стоять, — объяснила бабушка.

После стирки разложила шерсть на крышу и принялась готовить побелку для сараев и хаты. Тут в гости пришла городская двоюродная племянница отца с сыном, и я повела ее шестилетнего малыша на речку. Миша большой, толстый, с ослепительно белой кожей и кудрявыми пшеничными волосами до плеч. Его тут же окружили местные юркие, загорелые ребята. Они плавали, как рыбки или лягушата. А Миша, содрогаясь и ежась от прохладной воды, осторожно вошел по пояс и остановился, недоверчиво косясь на шумную возню детей. Мальчики удивленно переглянулись. Один покрутил пальцем у виска, другой произнес сочувственно и тихо: «Больной». Я испугалась, что Миша услышит о себе такое, и громко сказала:

— Пацаны, городской он, неприспособленный.

— А... — понимающе протянул самый маленький, который был на голову ниже Миши.

— Сколько тебе лет? — поинтересовалась я у малыша.

— Пять, — бойко ответил он.

— Читать умеешь?

— Так я же еще в школу не хожу.

— А Миша с трех лет читает.

На мальчишек мое сообщение не произвело ожидаемого впечатления.

— Надо учить его плавать, а то как же он утей да гусей домой пригонит, если они на тот берег переберутся? — солидно посоветовал самый старший, семилетний Гаврик.

— Конечно, надо, — согласилась я. — Его в городе в бассейн водить будут.

— Глупости! Пусть здесь, на воле, учится.

— Он стерильный. Наглотается микробов, заболеет, а потом что с ним делать? — возразила я.

Сижу на берегу, с Миши глаз не спускаю, а сама вчерашний день вспоминаю. Выборы проходили в местный Совет. На всю улицу гремела музыка из репродукторов. Радостные и нарядные люди раскланивались друг с другом. Во дворе школы — ну прямо-таки бал! Мужики в брюках, заправленных в начищенные до блеска сапоги. Даже пожилые женщины туфли старой моды из сундуков повытаскивали, яркие полушалки на плечи накинули и бойко так плясали. А самые старые — на лавочках пристроились и зорко глядели на молодых из-под белых платочков. Заливистым гармошкам вторили веселые девчата.

Проголосовав, люди не уходили домой: надо же всех знакомых увидеть, об их жизни расспросить. Мужчины, конечно, о политике степенно беседовали. Малышня промеж них задиристо носилась, заводилась от музыки и от всеобщего ощущения праздничности. Девчата с ребятами перемигивались, сговаривались на вечерние развлечения.

Наша бабушка в числе первых к урне сходилась и, как всегда, быстро возвратилась домой. А ведь, по сути дела, это единственный праздник, когда она в люди выходит. Даже на Пасху дальше своей улицы не бывает. К соседкам стала иногда выходить, когда мать купила ей черную плюшевую курточку, какие носят многие женщины нашего села. Сменила, наконец-то, затертую фуфайку.

Родители совсем о бабушке не думают. Домработницу себе нашли! Должны же быть у человека хоть какие-нибудь маленькие личные радости? Все! Сегодня же вечером поведу ее в кино. «Заначки» на два билета хватит...

Миша запросился к маме, и мы вернулись домой. Я тут же пригласила бабушку в клуб. Она сначала даже не поняла, о чем я веду речь. А когда, наконец, вникла, то еще больше растерялась и замахала руками, возражая.

— Бабушка, я не на станцию, в сельский клуб вас зову. Он же рядом!

— Нет, нет, что ты, бог с тобой! Куда я, старуха, пойду?

Я возмутилась:

— Какая вы старуха! Вам же не восемьдесят!

— Никуда, кроме магазина, не хожу. Давным-давно отвыкла развлекаться, — продолжала возражать бабушка.

— В клубе много женщин постарше вас бывает, — настаивала я.

Бабушка долго сопротивлялась. Я чувствовала, что она очень хочет пойти, и не понимала, что ее удерживает.

— Бабушка, мне сделайте удовольствие. Ведь вместе пойдем, а? — уговаривала я.

Наверное, мои последние слова переломили ее неуверенность, она глубоко вздохнула и согласилась. Я никогда не видела, чтобы бабушка к колодцу выходила в мятом платье. А

тут она вовсе поразила меня своей щепетильностью: и складочки на темно-зеленой юбке проверяла, и в тон платочек целый час подбирала, и волосы в пучок несколько раз заправляла. Я терпеливо ждала. Стоило ради такого события.

Шла она по улице неторопливо, в боязливо-взволнованном настроении. Ноги в черных туфлях на маленьких аккуратных каблучках ставила осторожно, будто выискивала сухое, чистое место. Платочек в руках нервно теребила. И ко лбу, и к губам его прикладывала, и за манжет бледно-лимонной кофточки засовывала. Потом прошептала: «Будто в церковь иду... после стольких-то лет!»

С фильмом не повезло. Пленка беспрерывно рвалась, и после яркого всплеска на экране мы долго сидели в темноте. Ребята свистели, требуя «бракодела на мыло». Потом пленка шла вверх ногами и не в резкости. Даже я толком не поняла сюжета. Вышла из клуба рассерженная. Обидно было. Первый раз привела бабушку, а пьяный кинемеханик устроил «пенку во всю стенку».

Я хотела посочувствовать бабушке, но вдруг увидела, что она возбужденная, улыбающаяся. Светились глаза. Алели щеки. У нее было мечтательное лицо счастливого человека! Будто в Большой театр ходила, а не в клуб-сарай! По дороге домой она рассказывала, как после свадьбы смотрела с мужем «туманные картины», которые «крутили» даже без музыкального сопровождения.

И я поняла, что с тех пор она ни разу не была в кино. Подступили слезы, но я не позволила им появиться и потревожить бабушкиного счастья. Наверное, ей не важно было содержание фильма. Посещение клуба на короткое время вернуло ее в яркие счастливые мгновения молодости, освещавшие всю ее дальнейшую нелегкую жизнь. Она заново их пережила. Наверное, через полвека они казались ей еще прекраснее, еще радостнее.

ТРИ СУДЬБЫ

Еще в первую зиму приезда в деревню я полюбила разглядывать старые фотографии в альбоме родителей. Тогда-то и увидела на снимке девочку, очень похожую на мою детдомовскую подругу Лилию. Я даже опешила от неожиданности и осторожно спросила у матери:

— Ее зовут Лиля?

— Нет, Галя. В девятом классе учится. В природе часто встречаются двойники, — объяснила она.

На следующий день я отыскала Галю в школе и с тех пор издали наблюдала за нею, представляя своей подругой. Наверное, это смешно, но я всегда ищу людей, похожих на моих старых друзей. Случается, что нахожу и отношусь к ним с большим вниманием. На сердце теплеет, когда их вижу.

В последнее время радости от встреч с Галей мало. Я часто вспоминаю ее школьницей и пытаюсь понять причину ее трагедии. Вот она черноглазая, белолицая, пухленькая девушка. На лице — безграничная доброта. В движениях — мягкость, плавность. И кто бы ожидал от нее твердости и самоотверженности?!

Но вдруг влюбилась. Всепоглощающая любовь забрала ее всю без остатка. Она жила ею каждую минуту. Круглое чернобровое лицо Гали излучало полное и безоговорочное счастье. На уроках она сидела, подняв глаза в верхний угол класса. Улыбка не сходила с ярких полных губ. Учителя забеспокоились. Галя училась отлично, и педагоги предлагали ей «вытянуть» хотя бы на серебряную медаль. Мать умоляла дочь опомниться, пожалеть ее, помочь выполнить обещание, данное мужу в день его кончины. Ничего не помогало. Сумасшедшая любовь застлала глаза, одурманила.

— Почему люди не учатся на ошибках других? — спрашивала я у бабушки.

— Потому что умными себя считают. Им кажется, что они больше и глубже в своей жизни понимают. Мол, со стороны видят только оболочку. Да и на самом деле, сюжет может быть один, а развязки разные, потому что нет одинаковых людей, — пояснила она

мне тогда.

С моей точки зрения, парень Галины не представлял ничего особенного. Высокий, белобрысое, ничем не примечательное лицо. Следов интеллекта я не рассмотрела в нем. Говорить интересно не умеет, полное отсутствие понимания юмора. Тривиальный, как сказала бы моя любимая математичка. Я бы в такого не влюбилась. Вот что значит — первая любовь!

Я теперь уже спокойно отношусь к противоположному полу: с трезвой оценкой, с некоторой долей иронии. Наверное, это странно звучит. Несмотря на то, что за время дружбы с Дмитрием мы ни разу не поцеловались и на прогулках расстояние между нами всегда оставалось не меньше двух метров, я приобрела большой грустный опыт общения. Теперь смотрю на молодых людей глазами девочки, познавшей радость первой детской любви и благополучно пережившей болезнь первой, почти взрослой неудачной любви, перегоревшей ею и вовремя разочаровавшейся. А тогда, во втором классе, я восхищалась Галиной.

Борьба учителей ни к чему не привела. Галя бросила учебу, родила сына, поступила в вечернюю школу. Мужа через год взяли в армию. А еще через год он вернулся без ноги, без руки, без глаза и с обожженным, изуродованным лицом. Галя сама привезла его домой.

Кто виноват? Говорили, будто бы начальство. Были слухи о том, что сам безалаберный, безответственный, бестолковый. Что теперь выяснять? Человек остался калекой. Галя окружила его заботой. Поддерживала морально. Протезы заказала. Уговорила своего начальника пристроить мужа на работу, чтобы не сосредотачивался на своем несчастье. Еще сына родила. Но вместо того чтобы оценить ее любовь и заботу, он стал пить. Нет, чтобы хоть чем-то помочь жене, он свалил на нее не только все заботы о семье, но и свою слабость, безволие, хамство. Первый раз, когда я увидела ее с пьяным мужем, маленькую, похудевшую, с огромными, глубоко запавшими черными глазами, то остолбенела. Одной рукой она прижимала к груди младенца, другой — держала старшего сына за руку. В этой же руке была огромная авоська с продуктами. А муж, в буквальном смысле, лежал на ее плечах. Голова его свешивалась ей на грудь, а ноги волоклись по земле. Согнувшись под его тяжестью, Галя брела, низко опустив голову. Я была настолько шокирована встречей, что не смогла ничего сказать, а просто ошарашенно смотрела на жуткую картину. Галя на мгновение подняла на меня измученные глаза и, еще больше сгорбившись, молча отправилась дальше. Первое, о чем я подумала, оправившись от шока: «За что?! За любовь?! Жестокий! Разве можно так издеваться над любящим тебя человеком? Эгоист! Жалеет только себя. Где же его мужское достоинство?»

А сегодня мы с матерью пошли на станцию встречать троюродную племянницу отца. Она когда-то училась с Галей в одном классе, а теперь редко появлялась в селе. В городе замуж вышла. Подошел поезд. Лида вышла с двумя маленькими мальчиками. Мы погрузили ее вещи на велосипед и отправились в село.

Лида радостная, восторженная, все время говорит, говорит... «Вот иду до боли знакомой тропинкой между двумя рядами тополей. Сердце сжимается при виде старых хат, оттого что я невольно сравниваю их с пятиэтажными домами города, где теперь живу. А может, потому, что эти хаты мне дороже и родней? Здесь детство и юность промчались, и часть моей души навсегда поселилась в этих краях. Тянет сюда. А когда наступает время отпуска, нейдет мне, трепещет сердце в ожидании родных картин, знакомых лиц».

— Здравствуйте! — приветливо кивает она старушке.

— Здравствуй. В отпуск? Слава богу, все хорошо у твоих родителей.

Не успели мы сделать десяток шагов, как из-за поворота вынырнула соседка Егоровна, которая живет в конце нашей улицы. (Русскому Ивану половина деревни соседи.)

— В отпуск? Правильно. Пусть детки на свежем воздухе и с парным молоком поживут, а то вон какие бледненькие да худенькие, — оглядывая всех цепким взглядом, протараторила она.

— Нормальные дети, городские, — недовольно парировала Лида.

— А ты, наконец, пополнела, похорошела. Бабы у колодца говорили, наверно, плохо с мужем живешь, раз такая худая, — добавила Егоровна с ехидной улыбкой.

— Вашими молитвами пополнела. Только была не худая, а стройная. Теперь всей деревне фигурой угодила? — поинтересовалась Лида с усмешкой.

Соседка заторопилась по делам. Неожиданно рядом с нами остановился мотоцикл. Огромный кудрявый блондин с красным лицом и ослепительной улыбкой протянул Лиде руку:

— Привет! Сколько лет! Эти мальцы твои? А эти — мои!

Он с удовольствием показал на троих мальчишек мал мала меньше, оседлавших коляску мотоцикла и бензобак.

— Петя! Отец-молодец! Как жена тебя с малышами отпустила? От тебя за версту несет, как от самогонного аппарата! — испуганно спросила Лида бывшего соседа.

— Она привыкла. У меня аварий ни разу не было, — похвалился он. — Ладная ты баба стала!

— Не баба, а дама, — улыбнувшись, поправила его Лида.

— Желаю тебе подольше называться дамой, — весело крикнул Петр, с легкостью гимнаста вскочил на «ИЖ» и пропал из виду. Только облако пыли медленно оседало на придорожный бурьян.

Повернули на свою улицу. Вечерело. Женщины, управившись по хозяйству, уже сидели у ворот на лавочках. И тут Лида обязана остановиться у каждого дома! Надо позволить каждой соседке посмотреть на себя, на детей, ответить на несколько обычных вопросов, спросить об их детях, здоровье, делах и только после этого продолжать свой путь.

Наконец, дом родителей Лиды. Ее мать встретила нас во дворе с двухлетней внучкой на руках. Лида чмокнула племянку в щеку и дала ей шоколадку. Маленькая Светланка что-то бойко залепетала. Я попросила «перевести с русского на понятный» слова малышки. Александра Устиновна засмеялась:

— Все сплетни по селу собирает. Она же всюду со мной. Вот и сейчас: увидела вас и сразу начала рассказывать последние новости о Лидиной однокласснице Зое. Ужасная история. Но Светочке о чем бы ни говорить, лишь бы не молчать. Она все услышанное пересказывает, как сказки из книжек.

— А что произошло, мама? — заволновалась Лида.

— Поешь с дороги, детей спать уложи, а потом поговорим о твоих подругах, — строго ответила мать.

Дочь не стала перечить. Мать всегда права.

Ужинаем, а у меня перед глазами три Лидины подруги: Зоя, Вера, Галя. Соседки Зоя и Вера за одной партой в школе сидели. Они старше Гали. Учились отлично. Так мать мне рассказывала. После института Вера вернулась в школу соседнего села учительницей, а Зоя — агрономом в наш колхоз. С работой у них все было нормально, а вот личная жизнь не складывалась. «Пятерочки аукаются», — шутили окруженные детьми бывшие одноклассницы.

Первая любовь Зои, одноклассник Андрей, вернулся из армии с женой. При их первой встрече смущенно оправдывался: «Нам, мужчинам, какая рядом, та и невеста. Прости». «За всех мужчин не отвечай!» — только и сказала в ответ Зоя. Осуждали Андрея селяне. Поругивали городскую жену. Зоя оборвала пересуды жестко: «Хватит меня жалеть. У Андрея ко мне была детская любовь. Повзрослев, полюбил он другую девушку по настоящему». А сама долго переживала трагедию.

У красавицы Веры парень был под стать ей: веселый, разудалый. В карман за словом не лез. Высокий. Черные кудрявые волосы. Гитара, штанга и девушки — основные развлечения Николая. В общем, — первый парень на деревне. Но в институте сердце Веры тронул умный, обходительный, воспитанный Юрий. Вера обо всем честно рассказала Николаю. Он счел себя оскорбленным и стал делать все, чтобы вернуть себе бывшую подругу. Друзьям объяснил, что старается для того, чтобы самому потом ее бросить. Хвалился, что, если захочет, Вера отдастся ему в любой момент. Ничего не вышло у Николая. Но и с городским парнем у Веры не сложилось...

Мои мысли прервала мама Лиды.

— Ладно, дочка, не стану тебя мариновать. Расскажу про Зою. Переехала с Украины в наше село семья Инченковых. Построились. Сын их работал шофером. Высокий, широкоплечий, молчаливый. На селе о каждой семье все знают: кто надежный, кто умный, а кто пьянь. А Василий — «темная лошадка». В колхозе ничем себя не проявил, друзей не заимел. Стал он чаще других Зою домой с полевого стана подвозить. О себе сказал коротко: «Армию отслужил. Ровесник тебе. Пора жениться». Зоя, приглядываясь к Василию, думала: «Скромный. За два года ни с кем из девчат не ходил. Наверное, серьезный». Одно смущало: в дом к ней никогда не заходил. Мать Зои недовольно бурчала: «Как тать, за углом прячется. Твой кавалер даже не здоровается со мной. И в глаза не глядит. Не девица — глаза-то опускать. Непорядочный он человек. Гони его».

Узнав, что дочь в положении, мать принялась уговаривать ее избавиться от бремени. Зоя возражала, так как Василий обещал жениться, но все откладывал, находя разные причины. Уже все село знало о происходящем в семье Савельевых. Ни одного дня не проходило без того, чтобы соседи не слышали ругань и упреки матери в адрес опозоренной дочери. Зоя была уже на седьмом месяце.

В то июньское утро, как мне рассказывали, на полевом стане она раздала задания трактористам и зашла во времянку, где механизаторы прятались в непогоду. Тяжело присела на лавку. Задумалась: «Почему опять нет Василия? Избегает?» Ее лицо, испорченное темными пятнами, еще больше потемнело от тоскливых мыслей. Подошла к окну в надежде увидеть грузовик с номером семьдесят два — семьдесят три. Тут вошел шустрый черноглазый шофер Лешка и прямо с порога начал приставать к ней. Зоя жестко приказала ему уйти и заняться работой. Но Лешка, дыша густым перегаром, попытался обнять ее со словами: «Какая тебе разница, с кем? Ты же уже тяжелая?»

Злость и обида за незаслуженное оскорбление сделали лицо Зои малиновым. И без того выпуклые глаза ее, казалось, готовы были выскочить из орбит. Она напряглась и с такой силой отшвырнула суховатого невысокого Лешку, что тот, пролетев через всю комнату, спиной распахнул дверь. На пороге стоял Василий. Зоя бросилась к нему, но он грубо оттолкнул ее. Изумленно и испуганно смотрела она на своего избранника, не понимая происходящего. Лешка встал, почесывая ушибленную спину, и, искоса взглянув на Василия, развязно, но несколько смущенно сказал: «Не вышло. Бутылка за мной». Зоя все поняла: «Избавиться решил, обвинив в неверности!» Перед глазами все поплыло. Неуверенными, нетвердыми шагами вышла она из времянки и пешком пошла в село. Василий не вышел следом.

Пять километров — дело привычное. Но на этот раз Зоя добиралась домой часа три. Мать, как всегда, встретила дочь руганью и упреками. Зоя молча прилегла. Лицо ее было каменным. Вскоре взглянула на часы и стала собираться.

— Ты куда? — встревожилась мать.

— На станцию, — коротко ответила дочь.

— Нечего своим животом хвалиться еще и на станции. Сиди дома. Займись делом, — раздраженно сказала мать.

Зоя молча вышла из дома. Мать, сердито хлопнув калиткой, ушла на огород. Что случилось потом, село узнало от следователя: «Отошла подальше от станции, дождалась товарняка и бросилась под колеса. Машинист не смог затормозить...»

— Не плачь, слезами горю не поможешь, успокойся, пожалуйста, — суежилась вокруг Лиды мать.

Все долго сидели молча. Происшедшее с Зоей давило своей тяжестью.

Первой заговорила Лида:

— Мама, ты не против, если я завтра схожу к подругам?

— Сходи. Только Вера теперь далеко. Во Владивостоке.

— Какими судьбами? — удивилась Лида.

— К мужу уехала. Не обошел Господь добрую душу своей милостью. Осенью, кажется в октябре, посещала она родителей своих учеников. Обратный путь лежал через станцию. Присела она отдохнуть на лавочку возле багажного склада. Вокруг суежились люди. Спешили к рабочему поезду. Неожиданно к Вере подошла молодая красивая женщина с грудным ребенком на руках и попросила подержать малыша, пока она сходит за билетом. Вера положила малыша на колени. Он спал. Сначала она сидела спокойно. Но когда ушел последний вечерний поезд, заволновалась, зашла в милицию и рассказала о случившемся. Молоденький дежурный отшутился: «Повезло тебе, — готовенького ребенка Бог послал, и мужика не надо заводить». Приняв шутку на свой счет, Вера обиделась и вышла.

Что делать? Решила ждать до двенадцати. Мало ли что могло случиться с той женщиной? Но когда из клуба стала возвращаться молодежь, испугалась. До больницы-то час ходьбы! К тому времени малыш проснулся и закричал. «Принесу крошку домой, покормлю, а там дело видно будет», — решила она. Мать встречала дочку у ворот. Увидев ребенка, учинила допрос и потребовала утром отнести его в милицию. Развернули малыша, чтобы сменить пеленки, и нашли записку: «От сына отказываюсь. Полюбила другого. Мальчика зовут Володей в честь отца». И дата рождения.

Наутро Вера сообщила матери, что оставит мальчика себе. «Он — моя судьба», — твердо сказала она. Мать заголосила: «Ты — безотцовщина и ему такая доля?»

Зачем тебе «хвост» нужен? С ним вообще никогда замуж не выйдешь!» «А детдом для него лучше?» — возразила Вера. В милицию, конечно, сообщила все данные о ребенке. Потом взяла отпуск. Мать Веры погоревала-погоревала да и смирилась. Стали они вместе нянчить маленького Володьку. «Не отдавать же крошку в ясли? Хоть без отца, зато женской ласки вдвое», — грустно говорила она соседям.

А когда весна начала будить природу ярким солнцем и Володя научился самостоятельно мерить резиновыми сапожками первые лужицы на дорожке у дома, на станции появился молодой моряк, разыскивающий своего сына. Весть о нем пришла в село раньше него самого. Заволновалась Вера, не зная, чего ожидать от отца ребенка. Люди проводили офицера до самого дома. Любопытные соседки сгрудились у забора в ожидании развязки событий. Лицо Веры горело от волнения. Ее мать растерянно молчала. Жаль дочку да и к мальчонке привыкла. Тревога сковала ей язык.

Молодой человек постучал. Вера не сдвинулась с места. Мать вышла навстречу гостю. Медленно, нерешительно вошел невысокий черноглазый молодой человек в форме морского офицера и спросил:

— Здесь живет семья Кобзевых?

— Сюда попали. Проходите, пожалуйста, — засуетилась мамаша.

Гость с порога стал искать глазами сына. Володя сидел на полу у печки и катал вокруг себя грузовик.

— Сынок... Володя... — произнес лейтенант дрогнувшим голосом.

Мальчик оглянулся на дядю, потом повернул лицо к Вере и спокойно продолжил игру. Молодой человек подскочил к сыну и взял его на руки, приговаривая:

— Сынок! Сынуля!

Мальчик испугался бурного натиска незнакомого человека, разревелся и протянул ручки к Вере. Она выхватила Володю, прижала к себе и тоже заплакала. Теперь уже все четверо сидели со слезами на глазах. Молчание затягивалось. Мать Веры опять засуетилась:

— Надо, по русскому обычаю, за знакомство по рюмочке выпить. Побегу в сельпо.

Ей хотелось поскорее оставить молодых одних.

— Давайте знакомиться, — сказал гость. — Владимир Александрович.

— Вера Александровна.

— Очень приятно. Расскажите, пожалуйста, как случилось, что мой сын оказался у вас.

Вера достала записку.

— Это копия. Настоящая — в милиции.

— Я ознакомлен. Почему вы оставили ребенка у себя?

— Одна мать лучше, чем никого. Не поднялась рука отправить на сиротство.

— Но вы же знали, что где-то есть отец?

— Я думала, что мать родила его вне брака. Заберете сына? — опустив глаза, тихо спросила Вера.

Она закрыла бы уши, только бы не слышать ответ.

— Естественно, заберу. Я в море месяцами. Родителей у меня нет. Найму бабушку за ребенком ухаживать и дом вести. В отпуске я сейчас. Можно, я буду приходить к вам каждый день, чтобы сын привык ко мне. Жить буду в комнате «Матери и ребенка», я уже договорился.

— Ваше право, — проговорила Вера.

Вернулась мать. Пообедали. Вера не отказалась выпить. Потом сбегала в школу. Попросила отпуск. Подруги успокоили: «О работе не думай. Заменим».

Теперь два Владимира и Вера каждый день втроем ходили в парк. Владимир старался помогать на кухне. Правда, во дворе со скотом возиться не умел. Городской. Но колоть дрова у него получалось здорово. Немногословный, спокойный, он сразу понравился Вере. Но она гнала от себя глупые мысли. Мать подпевала: «Хорошего мужика баба зазря не бросит». Как-то Владимир сам завел разговор о своей бывшей жене:

— Хорошая она была, красивая. Но не каждая женщина может ждать мужа месяцами. Жены моряков — особые, терпеливые. Теперь она нашла гражданского.

— О ребенке вспоминает? — осторожно спросила Вера.

— Второй муж хочет только своих детей, — ответил Владимир.

— Жестокие, — резко отозвалась Вера.

Помолчали. Чтобы разрядить обстановку, Вера повела разговор о своих учениках.

Заканчивался месяц пребывания Владимира в селе. Сынок уже на второй день залез к нему на колени и довольно быстро научился говорить «па-па». Каждое утро отца начиналось с радостного смеха сына и мягкой улыбки Веры. Владимир ловил себя на мысли, что постоянно сравнивает ее с бывшей женой. У Веры все просто, все понятно. Никаких капризов, претензий. Говорит без подтекста, недомолвок, без двусмысленностей, которые часто портили его взаимоотношения с женой. Ее нетребовательность удивляла Владимира. «Есть — хорошо, а нет, — обойдемся пока. Незачем жизнь разминивать на мелочи». — «А она очень даже мила, — думал он, глядя

на ее пухлые губы и мягкие линии тела. — Есть в ней что-то притягательное. Но что? Может, как раз то, чего не хватало жене?..»

Отметили Володе-младшему годик. С бутылкой домашнего вина и патефоном время пролетело быстро. Мать Веры повела именинника укладывать спать. А Владимир вдруг разговорился:

— Давайте, Вера, перейдем на «ты». Ты теперь мне не чужой человек.

Вера согласилась. Не принято на селе «выкатать». Разъединяет, отдаляет это слово людей.

— Можно, я расскажу о себе? — попросил Владимир.

— Давно жду, — улыбнулась Вера.

— Воспитывался в детском доме. Потом армия, военное училище. Романтичные увольнительные. Я всегда был неуверенным в себе. Друзья еще в школе встречались с девчатами, а я был робок. Когда свалилось на меня счастье, — любовь красивой девушки — от радости ничего перед собой не видел. Наш танец на выпускном балу закружил, завертел меня...

На следующий день расписались и уехали по распределению вместе. Я думал, что судьба наградила меня за мое сложное детство и юность. Но скоро жена поняла, что ошиблась. Маленький городок на берегу океана. Неуютная комната. Несколько пожилых жен старших офицеров — все ее общество. Нет работы по специальности. Пока оставался на берегу, я все свободное время уделял ей.

Но пришло время уходить в море. И она не выдержала уже первой разлуки на три месяца. Мне сразу доложили о ее поведении. Я мучился, даже плакал. Ведь она носила нашего ребенка! Рождение сына сблизило нас. Я был счастлив. Но вот снова я должен был покинуть семью. Мы хорошо простились, я с легким сердцем отчалил. Занимаясь сыном, я ничего не замечал. А когда вернулся из плавания, квартира была пуста.

Впервые я долго и мучительно осмысливал свою жизнь вообще и последний год особенно. Влюбился с первого взгляда. Не понимал, что надо ценить в людях. Даже не задумывался об этом. Сначала, когда остался один, жалел себя, страдал. Потом стал анализировать, что сам не так делал? Что мне надо в жизни от женщины? Какой должна быть моя жена, каким я с ней? И понял, что тоже виноват в происшедшем. Был глуп, потому что молод. Виню жену только за то, что бросила ребенка. Ее родители не захотели оставить малыша у себя, надеялись, что с сыном на руках дочь не сбежит к другому...

Настал день отъезда. Вера молча собрала вещи Володи-младшего. Молча шли до станции. Володька весело крутился на руках отца. Они зашли в тамбур. Поезд тронулся. Только тут маленький понял, что мама не едет с ним, и поднял крик на весь вагон. Вера сначала сдерживалась, но, когда окна состава слились в единое, зеленое полотно, рыдания захлестнули ее.

Пусто стало в доме Кобзевых. Вера ходила грустная. Только на работе была прежней: энергичной, веселой, деловой. Беды свои оставляла дома, под подушкой. Подходили к концу летние каникулы. Поздним вечером, когда августовский звездопад радовал влюбленных, примчался на велосипеде к дому Кобзевых соседский мальчишка с телеграммой и с порога закричал:

— Тетя Вера, моряк вас замуж зовет!

Вера недоверчиво глянула на восторженное лицо мальчика и прочитала: «Люблю. Не могу без тебя. Приезжай. Целую. Владимир».

— Вот такая судьба у Веры, — улыбнулась Александра Устиновна.

— Боже мой, как я рада! — воскликнула Лида и даже слезу уронила.

На следующий день Лида с детьми отправились к Гале и меня взяла с собой, чтобы я присмотрела за ее сыновьями. Проходим мимо буфета «Голубой Дунай» (так в нашем селе называется забегаловка). Из его дверей несетя тошнотворный запах несвежей рыбы, жаренной на прогорклом подсолнечном масле. Видим, как из дверей, раскачиваясь из стороны в сторону и трехэтажно выражаясь на всю улицу, вышел муж Галины. Подбежала Галя с маленьким сыном, схватила его за руку и принялась умолять пойти домой. Муж оттолкнул ее так, что она свалилась в пыльный бурьян. Мальчик заплакал. Галя встала, отряхнулась и, глотая слезы, обняла его.

Я взбесилась. Подскочила к пьяному и стала изо всех сил стегать его сумкой.

— Скотина, подонок, слабак, подлец! Тебе даже стоять рядом с Галей непозволительно! Она святая! Ты променял ее и детей на бутылку. Дебил! Хоть бы на минутку задумался, как ты живешь?! — орала я на всю улицу.

Меня трясло. И, как когда-то в детстве, туманная пелена застлала мне глаза. Ярость, остервенение, как ни назови, охватили меня. Обида перехлестывала через край. Обида за всех непонятых, измученных, униженных женщин.

— За что?! — стучало у меня в висках. — За что?!

Лида оттащила меня.

Гуляла я с детьми дотемна, а когда они захотели есть и спать, отвела их к себе домой. В постели ворочалась и злилась, не находя выхода из жизненной ситуации Гали. Я понимала, что она никогда не бросит мужа и будет до последнего гробить свою жизнь. Но она же не виновата в том, что с ним случилось! Она выполняет обещание, которое дала на свадьбе? Но и он давал! «Беречь, любить, жалеть...» Должна ли она быть верна той клятве, если он ее нарушил? А если развестись, может, он опомнится? Вряд ли. Такой будет пить, пока не сгинет, а она еще станет казнить себя, винить себя в его смерти. Что же делать?

Сон прервал непосильную тяжесть мыслей о чужом горе.

я нищий

К нашим соседям из города приехала родственница. Тетя Зоя позвала меня:

— Приходи вечером к Инне. Скучно ей у нас.

Я закончила свои дела, надела чистое платье и отправилась в гости. На крыльцо вышла девочка. Короткий, выше колен, сильно открытый сарафан облегал ладную фигурку. Длинные золотистые волосы на затылке закреплены голубым бантом. Голубые босоножки на небольшом каблучке. Как картинка! Инна окинула пренебрежительным взглядом мое длинное, по щиколотку, серое в мелкую клеточку штапельное платье, коричневые сандалии, косы «корзиночкой» и скрылась за дверью.

«Одежда ей не понравилась! Еще неизвестно, что ты сама из себя представляешь?! Небось, обыкновенная городская лентяйка и воображала! Это я должна к тебе пренебрежительно относиться! Если нас, деревенских, одеть как тебя, то еще неизвестно, кто красивей окажется, — сердито думала я. — И почему в деревне даже обыкновенное ситцевое платье не купишь, не то, что такое, модное? Вот поступлю в институт, выучусь и куплю себе самое лучшее! — я мечтательно закрыла глаза. — А в чем Инна виновата? Когда я жила в городе у папы Яши, у меня тоже было короткое и модное платье, — уже спокойнее рассуждала я. — Разве я против красивой одежды? Но у меня никогда не возникает желания «вырядиться» и тем более пренебрегать человеком из-за немодной одежды. Я и на субботние вечера в школьной одежде хожу, потому что у многих моих подруг форма — самое лучшее платье».

Наша родственница тетя Катя про своего сына Рому рассказывала, что он с раннего детства не признавал модной одежды. Когда мальчику было шесть лет она купила ему в уцененном магазине костюмчик в светло-коричневую клетку, и из черной ленты сшила галстук-бабочку. Рома посмотрел на себя в зеркало и заявил: «Не буду такое носить. Отдай мои шаровары и вельветку». Только два раза удалось ей со слезами заставить

сына надеть обнову, а потом сама пришла к выводу, что не стоит из-за костюма волновать ребенка и превращать радость праздников в мучение...

Но то было в детстве.

Вскоре, после приезда Инны, по улице разнеслась весть: «Рома влюбился!» И ничего-то в ней особенного нет, а вот взглянул — и сразу пропал. Раньше вообще девочек не замечал, точнее, считал их, как и мальчишек — товарищами. И как его угораздило влюбиться? Рома — высокий, кареглазый, а главное, очень умный. Инна этим летом собралась поступать в техникум, и Рома целыми днями занимался с ней. Он только мне по большому секрету сказал, что, хотя химию не любит, знания у него намного лучше, чем у Инны. Общеизвестно, что в городе уровень обучения выше. Только, видно, не с нашей школой сравнивали.

Через месяц Инна уехала, и мы забыли о ней. Но только не Рома. Запала она ему в сердце. В сентябре он стал упрашивать родителей разрешить ему съездить к Инне на день рождения. Растерялись родители. Не знают, как подступиться к сыну. И денег жалко — кровные копейки — и сына не хочется обижать. Пытались втолковать, что рано в десятом классе увлекаться девушками, что влюбленность пройдет со временем, но Рома стоял на своем, ходил понурый, убитый. Дали родители ему денег. Купил он блестящую брошку, нарвал в палисаднике осенних цветов, надел отцовскую чистенькую курточку (своей-то не было) и поехал. Мать переживала, чувствовала, что эта поездка будет для сына драматичной. Не захочет Инна дружбу с ним водить. Мала еще оценить нежную душу мальчика, его ум, юмор. Ей сейчас подавай эффектного кавалера! Так и вышло.

Приехал Рома домой к концу второго дня бледный, молчаливый. Мать вокруг него на цыпочках ходит, слово боится обронить. А утром за завтраком Рома вдруг сказал:

— Я впервые понял, что мы нищие.

Чего угодно ожидала мать, только не таких слов.

— Какие же мы нищие? — обиделась она. — И крыша над головой есть, и не голодные, слава богу.

— Мама, там такие хоромы! Золото кругом. Мальчишки на день рождения пришли в галстуках, костюмах, с дорогими подарками. А я в папиной куртке с безделушкой... Она даже не смотрела в мою сторону, она избегала меня. Я чувствовал себя оскорбленным, униженным, как никогда в жизни! В ее глазах я был ничтожеством!

— Сынок, сейчас ты не воспримешь мои слова, потому что влюблен. Но прошу, запомни: она повзрослеет и поймет, что мальчишки, которые хорохорились перед нею за папины деньги, не стоят твоего мизинца. Самое главное богатство в человеке — душа и ум. Когда пройдет боль обиды, ты сумеешь трезво оценить ситуацию. Ты еще полюбишь по-настоящему. Человек так устроен, что ему мало учиться на ошибках других, чтобы повзрослеть, ему обязательно надо набить свои шишки, пережить свой горький опыт. Время лечит. Болези юности тяжелы, но они проходят, — ласково говорила с Ромиком мама.

Рома молчал. Мама понимала, что он будет молчать еще долго, поэтому больше не приставала к сыну и только старательно оберегала от ироничных выпадов отца.

Глава Пятая

СТАРИКИ

Я снова в городе. Хозяйка квартиры попросила меня помочь соседу-пятикласснику справиться с задачкой (у него задание на лето). Я решила ее, тему Васе объяснила весело, как Юля Николаевна учила, а когда вернулась в свою комнату, неприятный запах почувствовала. Открываю сумку, — а в ней на чистом, только сегодня купленном белье лежит тряпка, измазанная черным гуталином. Поняла, чья работа. Кирюха, братец Васи, напакостил! Выбегаю на общую кухню с вещественным доказательством, а там мать стегает Кирю и приговаривает: «И в кого ты удался, негодник? Родного брата закладываешь дружкам!? Предатель чертов! Выбью из тебя стервозу, иначе не сын ты мне!»

Я выбросила тряпку в ведро и, взбудораженная, вышла на крыльцо. А там шум-гам! Пожилая пара атаковала молодую женщину за то, что она не вымыла лестничную площадку на своем этаже. Там всего-то четыре квадратных метра! Молодая стояла перед ними в проеме двери, устало опустив плечи. Потом подняла грустные глаза на верхний косяк и тихо ответила соседям:

— Мне бы ваши заботы: чистый подъезд, беседы на лавочке. А тут с работы придешь измочаленная: дети некормленные, маленькую из садика с температурой принесла, старший двойку по русскому получил. Не знаешь, за что в первую очередь взяться. Мечтаешь до воскресенья дотянуть, чтобы выспаться... Подмету я.

— Мыть надо, а не подметать, — возмутился высокий старик.

— Помою. Ночь велика, — вздохнула молодая и скрылась в подъезде.

Я ушла в сквер, что напротив дома, и села на скамейку, чтобы успокоиться. «Дров бы сейчас поколоть, враз псих сошел бы! — злилась я на неспособность взять себя в руки. — Зачем я из-за всякой мелочи переживаю? Женщина без мужа двоих детей растит. Видела папашу. Пьет, слабохарактерный, но не вредный. А эти, у подъезда? Нет, чтобы помочь!»

Пыль несется по асфальтной дорожке. За месяц ни одного дождя. Нежные культурные растения уже чахнут. Дикие пока держатся остатками глубинной влаги. На испепеленной траве газона играет пестрый узор света и тени. Его рисует ветер ветвями деревьев. Могучие дубы берут основной удар ветра на себя и, тяжело и скрипуче вздыхая, машут зелеными крыльями огромных сказочных птиц. Следующий за дубами ряд березок трепещет и низко кланяется своим защитникам.

Стайкам мальчишек нет дела до ветров и дубов. У них соревнование: кто быстрее скатится с откоса и больше подтянется на турнике. На лавочке сидит старик и задумчивым, затуманенным взглядом смотрит перед собой. Вспоминает что-то? Дремлет ли? Слушает ли немолчный шум деревьев? Тревожит ли он его остывающее, натруженное сердце? Наверно, не безразлично ему июльское утро. И хоть устал от жизни, наверное, страшится он не увидеть его красоты. Что держит старого, больного, высохшего на этой земле? Бойся умирать? Если да, то почему? Грехи? Долг перед внуками? Страх неизвестности?

Потекли воспоминания.

Прошлой зимой я целую неделю жила у троюродных брата и сестры. Когда отец пообещал отвезти меня к ним, я от радости ног под собой не чувствовала. Гостили они у нас как-то и очень мне понравились.

Помню: проехали поля, блестящие алмазной пылью, лес, погруженный в студеною дрему. Потом прогалонок и опять лесок. По ногам хлещут тяжелые щетки старого ельника, топорчатся и цепляются за попону мохнатые, густо перевитые лапы сосенок с непослушными растопыренными пальцами, по которым, осыпаясь, струится иней. Смолистый воздух щекочет ноздри. Милые сердцу картины! Душа распаивается красоте.

Показалось село. Кособокие хатенки беспорядочно расползлись вдоль извилистой, едва заметной речушки, обрамленной камышом. Между ними расплетались и сплетались протоптанные тропинки. Заиндевелая, блеклая, как тень прошлого, церковь возвышалась над грустным сонным царством Снежной Королевы. На кресте, колокольне и луковичном куполе по-хозяйски устроились вороны. Ни единой души кругом. И вдруг тоскливо зазвучал колокол. Я вздрогнула. Праздник сегодня какой-то? Беда ли чья-то звучит? Птицы вмиг шумно взмыли черной тучей. Долго в ушах стоял глубокий, скорбный звон. Долго стонало сердце, переживая неожиданно тоскливое прощание. Почему? Деревенька-то совсем чужая.

Говорят, неяркая, неспешная красота деревень учит радоваться простому. Но это летом. Зимняя деревня надрыгает сердце печалью, растревает в душе горечь.

Опять перед глазами опрятная белизна полей и лугов. А у самой дороги то тлеют, то ярко вспыхивают грозди рябины, внося определенное оживление в монотонность. Пофыркивает Чардаш, полозья саней тянут печальную песню и вычерчивают на снегу виляющий гладкий блестящий след.

Потом ехали по деревеньке, где жили наши родственники. Ну и глухомань! Ну и захолустье! Убогий вид старых серых хат с облезлыми трухлявыми соломенными крышами, придавленными пластами уплотнившегося снега, и проемы улиц от разрушенных, наполовину истлевших жилищ вымерших стариков навевали щемящую грусть. И небо здесь было какое-то странное: светло-зеленое, точнее туманно-салатное. И сама деревня словно застыла в невыразимой тоске. Вот она, какая «невинная покорность маленьких деревушек!»

Колыхались и шуршали на ветру редкие деревья. Шептались верхушки сухого бурьяна. Притулились к сараям низкие копенки сена и соломы. Снег украсил парчовыми покрывалами ветхие крыши, застелил накрахмаленными простынями огороды, припудрил яркие бусы калины у запорошенных плетней. Всюду горы перин, подушек и шапок нетронутого снега, под которыми уже не угадывались предметы быта, бугры, кусты. Деревня тихо отдыхала от летних забот. Теперь здесь полноправно и единовластно царил зима-зима.

Печально мне запустение брошенных хат с заколоченными окошками и дверями, прозябание одиноких стариков, у которых завтра будет то же, что и вчера: скотина, печка, скромная еда. Понятие о городских яствах у них в голове отродясь не ночевало. И чудилась мне та деревенька дряхлой, пригорюнившейся, подслеповатой старушкой в белом платочке, тревожно сидящей у окошка в ожидании редких гостей и теплых весенних дней.

День начал меркнуть. Стали неразличимы силуэты строений. Добрались к старикам совсем впотьмах. В хате уютно пахло черным хлебом. Горшки, чугуны на припечке. Выцветшие фотографии на стене. Закопченная икона в углу. Под ней теплится свеча в маленьком граненом стакане. На окнах кисейные занавески, обшитые самодельным кружевом, допотопный стол, старинные с резными спинками тяжелые стулья, лавка, застеленная домотканой дерюжкой, на которой беспокойно кряхтел седой как лунь дедушка. Движения его были неуверенными, неточными. Он суетился, дергался, дыхание его дрожало.

Маленькая сухонькая бабушка была преспокойна. Я обратила внимание на бережность и размеренность ее движений. Усадила нас вечерять. Говорила, будто верила, что непременно встретимся. В первый момент она показалась мне усталой и робкой. Потом пригляделась: нет, видно, от бедности обстановки такое впечатление сложилось. От всего скарба веяло старостью и печалью.

Отец рано утром уехал. Проснувшись, к своей радости, я обнаружила за шторкой на печке двоих ребятшек. Хорошо, скучать не придется!

Дни пролетали в мелких хлопотах. А вечерами у теплой печки я слушала разговоры внуков со стариками и поняла, что бабушка Мара и дедушка Дмитрий не боятся уходить в иной мир, потому что чисты перед своей совестью. «Слабого не обижали, голодному и убогому подавали, не гневил Господа жалобами, терпели беды, детей растили. Рожденье первенца — целая эпоха. Семья — целая вселенная... Родину-матушку защищали, родителей почитали... Любила, ждала... Что может быть прекраснее на свете

краюхи хлеба, которая всегда пополам. Попусту жизнь не растрчивали, дело делали свое честно...» — говорила бабушка, положив крупные темные руки на колени. Дед в такт ее словам кивал утвердительно.

И веяло от них спокойной рассудительностью, разумностью, уверенностью в своей правоте. А еще легкой иронией. Вроде чуть подтрунивала бабушка над собой, не на сто процентов серьезно рассуждала. Будто считала, что нельзя так уж прямо и очень серьезно оценивать свою жизнь, нельзя самому себя хвалить или оправдывать. Такие слова будто замораживались. Еще кто-то другой должен сказать о них. Люди? Бог? Уверенность в бессмертии души? Может, в этом заключается безупречная мудрость старых людей?

Понравилась мне их привычка даже в гадком событии выискивать крупинки доброго, стремление честно объяснить причины людских бед не только глобальными мировыми явлениями, но и личной бездеятельностью. Зорко замечали всякое, но больше любили видеть и помнить светлые моменты. Жили великодушно, неизменно прощая. Ни к кому не испытывали ненависти, созерцали жизнь с великодушным сочувствием. Мужественно, смиренно, безропотно противостояли всем бедам, испытаниям. Вспоминали прошлое, скупое на радости, по-доброму, не коря грустное и горькое.

О моей жизни расспрашивали настойчиво, но невыразимо тактично и ласково, заботливо щадя детское, чувствительное, легко уязвимое самолюбие. Проблемы обсуждали доброжелательно, подсказывали простые и верные решения. Вместе судили-рядили. Мне подумалось вдруг: «Здесь не обидят, не оскорбят. Сам воздух пропитан нежностью, спокойствием».

Вышла на крыльцо без фуфайки. Как песня сложены дрова у стены пристройки. Сиреневые сумерки рисовали тенями таинственные образы. Неспешный лунный лик блекло прорисовывался сквозь узоры облаков. Роился легкий снег. Зябко.

Шумно вскочила в хату вместе с клубами белого кудрявого пара. Прислонилась к колену печи. Греюсь. Жалобно стонет за окном ветка старого тополя, надломленная бурей. В трубе ветер поет унылую песню и через форточку едва дышит на язычок пламени керосиновой лампы. Тот вздрагивает, выхватывая из тьмы различные части комнаты. Тени трепещут, как живые над живыми.

И это слабо освещенное место, в котором сгрудились старые и малые, было заколдованным, сказочным, скреплявшим их невидимыми тайными нитями любви, обожания и грусти. Ваня прижался к бабушкиному плечу, и в его широко раскрытых глазах виделись сказка его собственного детства и затаенный интерес к рассказам стариков. Приятное тепло разливалось по его худенькому телу. Тепло любви, тепло семьи.

— Деда, ты меня в армию проводи, Мусю замуж отдай, тогда и помирай, — попросил Ваня.

— Муся в первый день своей жизни омочила мое платье. Знать, дождусь ее свадьбы, — улыбнулась бабушка.

— Почему так говорят? — удивился Ваня.

— Если мои руки могли долго держать ребенка, значит жизненный запас был еще велик.

— А я подмочил тебя? — смущенно спросил Ваня.

— Дед тебя тетехали подкидывал. Ты, видать, со страху сообразил ему прямо в руки. Так что, правнучки, не будем Бога гневить, а воздадим ему хвалу, чтобы сниспослал нам свою благодать. А уж об остальном — сами позаботимся...

Я вдруг подумала: «Недаром о них говорят: два сапога — пара». А по мне старики стали похожи на сообщающиеся сосуды. Чувства их перераспределяются, понимают все сказанное вслух и между слов, скуку и хандру друг на друга не наводят. Наверное, без бабушки их дом был бы пустой и печальный. Она заряжает всех положительно».

Эти мысли воскресили в памяти уютную стеганку бабушки Ани. Пахнуло на меня ее теплой печкой. Лавочку у нашей хаты вспомнила, брата на ней с корзинкой подсолнуха, только что срезанного на огороде. И разлилась в душе тихая теплая радость. Домой захотелось, в Любимовку...

Громкий разговор вернул меня к городской действительности.

Воспоминания размягчили сердце. Я по-доброму оглядела дремлющего на солнце старичка и пошла дальше. Мысли все крутились в голове. Все-таки есть во многих старых людях что-то притягательное! Недаром маленькие дети липнут к ним. То ли доброта нерастраченная в них привлекает, то ли мудрое, несуетное понимание жизни? Прожитые годы научили их ценить жизнь и любить все то, на что в молодости не хватало времени — природу, детей и просто свет каждого нового дня. Может, не стал бы Кирюха пакостным, будь у него такая бабушка, как моя?

Иду по аллее. Солнце палит нещадно. Облака — громады снежных гор — бегут сегодня удивительно быстро. Сверчок свиритит прямо на дороге. Громко ссорятся четыре сороки. Окаймление головки, шеи и крыльев поползня, как отделка модного платья, делает силуэт птички изящным стройным. Черный галстучек синички, продолжающийся темной линией до самого кончика хвоста, похож на веточку, а желтые бока на листья. Серая спинка незнакомой птички — в цвет коры дерева, на котором она пристроилась.

Сосны шумят, машут мохнатыми лапами, приветы шлют. Какая странная осина! На ней мох разных цветов: зеленый, серый, красно-коричневый и ярко-желтый, который обрисовывает островки трещин на коре. Кажется, будто дети из детского сада разукрасили ствол на свой вкус. Две липы склонились друг к другу, ветвями обнялись. Белой кашкой осыпаны ветви рябин. По обе стороны от дороги, — аккуратно постриженные темно-зеленые кусты. Замечаю один светло-зеленый. Разглядываю, ощупываю его. Форма листьев та же, а окраска странная.

— Альбинос, — заметив мое удивление, сказал высокий старик с дорогой узорной тростью, массивный набалдашник которой сверкал до рези в глазах.

Старик был прямой, строгий, изысканный, одновременно вдохновенный, возвышенный и какой-то неземной. Длинные волосы отливали серебром. Высокий выпуклый лоб делал лицо значительным. И, тем не менее, он излучал флюиды доверия и располагал к разговору.

— Скажите, пожалуйста, можно Вас побеспокоить? Вас не затруднит ответить на мой вопрос? — обратилась я с максимальной вежливостью к старику с благородной внешностью.

— Пожалуйста! Только я не уверен, что способен отвечать на «детские» вопросы. Обычно это было прерогативой моей дрожайшей супруги.

— И среди растений бывают альбиносы? — спросила я.

— В природе все едино, — ответил он словами моей бабушки.

Это обрадовало меня и еще больше расположило к незнакомцу.

— Вот увидела странный куст, — и потеплело под сердцем. Почему? — спросила я старика, не сомневаясь в том, что он ответит мне.

— Радость приносит приятное удивление. Сердце сразу определило, что это чудо, и обрадовалось, — сочным звучным голосом ответил старик. На его щеках улынулись ямочки.

«Наверное, он был артистом или ученым?» — подумала я, но не решилась спросить. Обошла все кусты этой породы, но такого особенного больше не нашла. Смотрю на аллею, а этот куст словно седая прядь на темных волнах волос великана. Попросила разрешения у нового знакомого сесть рядом. Он сам заговорил:

— Обедняют себя люди, не замечающие прелестей природы. Моя душа всю жизнь к ней

тянется. Красота омолаживает, сил прибавляет. Хочется дольше жить и радоваться. Утром я немощен. А выйду в парк, вдохну запах зеленой травы, взгляну в яркое небо, — и кровь будто быстрее начинает течь по венам. Улыбаюсь сам себе и думаю: «Поживу еще!» Я как тот дуб. Видишь в нем огромное, черное дупло? Стенки тонкие. Но ведь живет дерево и цветет который год!

Молодым я не любил на прошлое оглядываться, да и незачем было. А в моем возрасте приходит время вспоминать жизнь. Нет уж моей Валечки. Потерял ее. Многие завидовали нашему счастью. Гадости мне про нее говорили, развести нас пытались. Но я-то лучше всех знал, какая она. Наша любовь все выдержала. Трудно было, особенно первые годы. Мать моя тоже была против нее. Мне было двадцать, ей — восемнадцать. Ушел я из дому. Вернулся только через двадцать лет с двумя взрослыми сыновьями. Валечка моя умная и добрая. Моей матери письма писала. Простила ей козни, несправедливые упреки. Помню: перед операцией так ласково со мною говорила, будто добрую энергию излучала. Я физически ощущал тепло ее слов. Доброта и сочувствие в ней всегда были искренние.

Я каждый день растирал ей руки и ноги. Пытался продлить ее жизнь... Теперь вот как в воду опущенный. Тоскую, места не нахожу. Сросся с ней. Пусть бы ничего не делала, только бы рядом была. Не хватает мне ее, никем не заменишь... Иногда кажется, что жизнь моя закончилась, я умер и просто наблюдаю серые скрипучие дни. Особенно зимой тяжело.

Старик замолчал, прикрыв веки. Мое внимание привлекло наполовину засохшее дерево, растущее как раз напротив лавочки, над которой металась в грустных думах моя душа. Глубокая серая рана, пересекающая ствол до корней, иссушила дерево. На нем живой оставалась только одна нижняя, мощная кривая ветвь. Она была похожа на руку, с мольбой протянутую к небу. «И впрямь в этом мире все едино», — подумала я.

Попрощалась с приветливым стариком. Иду дальше. Глаза отметили девушек, сидящих с ногами на спинке скамейки. Старикам теперь не присесть на нее. Грязная. Студентки сидят сонные, разморенные. Парень к ним подсел. Сразу возникло оживление: шум, шутки, возбужденный смех. Бредут старик со старухой. Оба с батиками (костылями). Мужчине он идет, а женщина с ним выглядит убого — калекой. Опять старики на лавочке, как весенние мухи, выползли погреться на солнышке.

Мальчик лет семи катается на велосипеде и радостно машет рукой бабушке, но когда она не соглашается еще раз заплатить за прокат, грубо ссорится с ней. Мне неловко за его поведение, я раздражаюсь и не задерживаюсь около них.

Рядом с лавочкой — песочница. Я с интересом разглядываю детей. Вот девочка Дина. Ей полтора-два года. Малышка не торопится к детям, а внимательно изучает их, смотрит, как они играют, как ведут себя. Один мальчик отбирает игрушки у маленьких, другой пристает ко всем со своими.

Новенькая осторожно перешагнула деревянный бортик песочницы, подошла к маленькому мальчику и потянула за совок. Мальчик удивился, выпустил игрушку из рук и разразился плачем. Мама Дины отобрала совок и вернула мальчику. Постояв некоторое время в нерешительности, девочка подошла к большому мальчику и бросила в него песком. Трехлетка оттолкнул обидчицу и занялся самосвалом. Теперь заревела Дина. Ее мама строго сказала: «Сама виновата. А если бы ты ему в глазки попала?» Девочка заплакала немного и отвлеклась на кубики. Но они быстро надоели ей, и она подошла к мальчику, который катался на трехколесном велосипеде. Тот свысока оглядел Дину и сказал: «Я большой. Мне три года. У тебя ножки короткие». И отъехал, очень довольный собой. Малышка вцепилась в сиденье. Мальчик быстрее закрутил педалями, а Дина, шлепнувшись на асфальт, заревела во все горло. Мама подхватила ее на руки. Дочка сопротивлялась. Старая бабушка, которая сидела на лавочке с двумя внучками-школьницами, сказала любезно:

— Замечаете, мамочка, как ваша дочь выясняет границы дозволенного?

— Не понимаю, — удивленно подняла брови молодая женщина.

— Вы обратили внимание, как дочь вела себя после того, как ударила вас по лицу?

— Не заметила.

— Она очень внимательно смотрела на вас! Девочка только входит в мир и не знает, как себя вести в той или иной ситуации. Вот и проверяет реакцию взрослых на разные поступки. Дочка видела, что вы очень недовольны ее поведением. Другой раз она не станет вас шлепать. А если бы вы заулыбались и тем самым одобрили ее, то гарантирую: следующий раз, играя, она обязательно использовала бы свои маленькие кулачки. Ни одно ваше слово, ни одно движение не проходит мимо внимательного взгляда ребенка. Все откладывается в его буквально фотографической памяти. Не забывайте этого.

Я с интересом смотрела на старушку и радовалась за ее внучек.

А ветер все шуршали шуршал кронами деревьев, сбрасывая пожелтевшие от жары листья.

ДЛИННАЯ ДОРОГА

Мы всей семьей — в городе. У матери сегодня доклад на конференции. Она встала рано. Я тоже проснулась и выглянула в окно. Сизая дымка поглотила город. Настроение располагало к мечтам, и я отправилась в парк.

Трава, испепеленная жарой, ломалась и шуршала под ногами. Поникли листья сирени. В буром обрамлении ветви каштанов. Позолота берез удивительна для начала августа. Я в вельветовой куртке, но утренняя свежесть все равно мурашит кожу. Знакомой аллеей прошла к краю обрыва. Вчера внизу ровно расстился лес, а сейчас туман рисует свою картину. Река и деревеньки исчезли. Кажется, что волны сказочного, седого леса поднимаются из низины все выше и выше. Передо мной причудливые горы! Они то остроконечные, то плавные. Вижу темные ущелья, склоны, перекаты.

Села на пенек. У моего лица едва колеблется резной лист рябины. Здесь все деревья наклонены в сторону обрыва. Они цепляются мощными оголенными корнями за склон. Рядом с огромным старым дубом все той же тропинкой, что и в прошлом году, бегут муравьи. В парке — величественная тишина. Не звенящая, а наполненная, осязаемая, глубокая, не чуткая к мелочам. Вот прошел человек с собакой и не нарушил, не спугнул ее. Вздрыгнула ветка липы, но я не почувствовала дуновения. Наверное, высоко надо мной ласково вздохнул ветер.

Душа моя расправляется. В тишине она возрождается, наполняется желаниями...

Вернулась на квартиру. Позавтракала с отцом и Колей. Потом мы обошли все близлежащие магазины. После конференции мать вернулась радостная, довольная. Отец остался отдыхать на квартире, а мы втроем отправились к школьной подруге матери на окраину города. По дороге купили гостинцев. Мать объяснила:

— Не ждет меня Рая. Нельзя с пустыми руками являться. Она нам последний кусок отдаст, а сама скажет, что только поужинала. Да и детей надо конфетками побаловать.

Стоим на остановке уже сорок минут. Народ ропщет. Мужчины курят. Женщины нервно отворачиваются от дыма. Одна сердито бормочет:

— Когда же мы, наконец, научимся проявлять уважение друг к другу?!

Мужчины скептически указывают на заводские трубы.

Вдруг какой-то мальчик восторженно воскликнул:

— Смотрите — кошки!

Люди вскинули головы. На дереве расположилось пять пушистых темно-серых кошек. Они вальяжно разлеглись на ветвях в одинаковых позах: вытянувшись во всю длину,

положив головы на передние лапы. Кошки не обращали внимания на людей. А мне показалось, что они с каким-то превосходством смотрели на людскую суету и умильно жмурились, греясь в лучах вечернего солнца. Настроение у людей сменилось. Все заулыбались и не заметили, как подошел автобус.

Едем. Меня поразили деревья вдоль дороги. Обрубки. У нас, если обрезают ветви, то сразу крону формируют, а здесь спилили полностью макушки и ждут, когда природа сама о форме позаботится. Половина деревьев засохла, не выдержав «отсечения головы». Неприятно смотреть на такую картину.

— Руки обрубить бы таким работничкам, — сердито замечаю я.

— Головы, — со смехом поправляет меня брат.

Мой взгляд скользит по салону автобуса и останавливается на странном объявлении, помещенном на заднем стекле кабины шофера. Читаю: «Не учите меня, как ехать, а я не скажу, куда вам идти». Смысл этих слов мы поняли только после того, как заметили, что маршрут автобуса напоминал экскурсию по городу.

Слышу, как разговаривают двое. Один спрашивает:

— Как отпуск провел?

Второй отвечает:

— Здорово! С новой бабой познакомился.

Первый поморщился:

— Все баба да баба. Что же ты так ни одной женщины и не встретил?

Девчонки шушукуются:

— Смотри, какой симпатичный парень! И очки ему к лицу.

— Будто родился в них!

— А вон тот какой серьезный!

— Он такой от избытка чувства собственного достоинства.

— Занудный, наверное.

Молодой мужчина делает комплимент женщине средних лет:

— Великолепно выглядите, Анна Иосифовна!

Женщине приятно. Она немного смущается и отшучивается:

— Так ведь у нас как: сотрешь помаду с губ, — краше в гроб кладут, а нарисуешь лицо — так хоть на танцы...

На остановке вошла молодая усталая женщина с пьяным мужем. Он обзывал жену грубыми словами, кидался драться. Мужчины безучастно уставились в окна, женщины попытались уговорить разбушевавшегося человека. Жена не выдержала позора и хотела выйти из автобуса. Муж кинулся на нее с кулаками. Женщины опять вскочили с мест, вытолкнули хулигана из автобуса и потребовали от водителя не пускать драчуна. Тот поупрямился, но подчинился. Автобус продолжал путь. Мать обратилась к шоферу:

— Скажите, пожалуйста, как мне разыскать переулок Пархоменко?

— Выйдете на Кирова, пройдете три светофора и направо, — объяснил он.

— А вы не знаете, далеко ли двадцать первый дом? — опять спросила мать.

— Рядом с милицией, — отозвался шофер.

- Да нет же, там детсад и продуктовый магазин, — возразила словоохотливая старушка.
- Все правы: у каждого свои ориентиры, — улыбнулся гражданин с седой бородкой.

Вот и наша остановка. Нашлись попутчики, которые повели нас по узкой тропинке через лесок. Впереди шли старые рыбаки с удочками. Шествие замыкала семья с тремя детьми. Неожиданно дорогу нам перегородила поваленная береза, видно, ветром вывернутая из земли с корнем. Мужчины перелезли через преграду, перетащили рюкзаки и продолжили путь. Мы с Колей, не сговариваясь, взялись за комель дерева и стали перемещать его вправо, влево, вверх. Он не поддавался. Подошла мать, взялась за вершину дерева, и втроем нам удалось освободить тропинку. Когда закончили и довольные возвратились к сумкам, то увидели троих детей, лица которых выражали удивление. Старшая девочка крутила пальцем у виска и повторяла:

— Вот, чудики! Кто вас заставлял?

Она не понимала нас, мы не понимали ее.

— Кто-то должен был это сделать, — объяснил брат.

— Вы дураки?! — не то утверждая, не то, спрашивая, сказала девочка, пожимая плечами.

Ее слова удивили меня, но настроение не испортили. Вскоре мы нашли подругу матери. Взрослые долго и весело вспоминали студенческие годы, а мы играли с детьми хозяйки этого маленького уютного домика. Потом все вместе попили чаю, и они проводили нас на поезд. Когда проходили мимо березы, мы с Колей переглянулись и расхохотались.

На вокзале нас уже ждал отец. Сели в рабочий поезд. Я внимаю долгому мощному тревожному звуку отправляющегося поезда и ерзаю на краю лавки. Мне скучно.

— Папа, это химический завод? Это сооружение похоже на подстанцию? Все проводами переплетено. Почему туннели темные? Разве нельзя в них провести электричество? — задаю я все новые и новые вопросы.

Отец молчит, потом раздраженно отворачивается. Я перестала докучать ему и с безразличным видом уставилась в окно. Навстречу вагону бегут отвислые нити проводов. Они то скользят вниз, унося обсевших их птиц, то подпрыгивают, отсекаемые столбами, которые тут же бойко отскакивают, позволяя проводам продолжать долгий однообразный танец.

Бегут по земле серые переменчивые тени. Равнодушно мелькаю строения. Их может оживить только присутствие людей. Озерко появилось. Среди камышей замечаю чистый подход к берегу. Очаровательное местечко для рыбалки! Красота! Брат увлекает меня рассказом. И все же урывками я ухитряюсь ловить мимолетные картины природы и наслаждаться. Перекликаются далекие гудки. С ревом и свистом пронесся встречный поезд. Пошел сильный дождь. Мне показалось, что на остановках вместе с водой по грязному стеклу вагона стекают лица людей, дома и деревья.

Дождь фильтрует горячий пыльный воздух. В вагоне посвежело. Мое тело наполняется живительной прохладой. Нырнули в длинный темный покатый туннель. Вагон шарахает из стороны в сторону. От гулкого грохота меня охватывает легкое беспокойство.

Опять светло. Теперь я замечаю, что напротив меня сидит женщина неопределенного возраста, крепко прижимая к груди белый мучной мешок. Она подозрительно оглядывает вагон и нервно пожевывает губами. Нос у нее облупленный, красный. Щеки обветренные, губы в трещинах. На крупных руках ногти в лиловых пятнах. А фуфайка хоть старая, но чистая и платочек белый, не застиранный. Лицо ее показалось необыкновенно знакомым. Воспоминание ускользнуло, не дав результата. Почудилось. Мимолетная неприязнь переходит в сочувствие и понимание нелегкой крестьянской жизни.

На остановке шумно ввалилась семья, навьюченная сумками. На их усталых лицах появилось подобие улыбок. Рады месту. (По улыбкам легче узнавать и понимать людей!) Слышу их радостный шепот: «Слава богу, успели!» Уловила детский лепет. Опять хлопнула дребезжащая дверь. Молоденькая проводница проскользнула между пассажирами и заговорила с ребенком мягко, ласково, певуче. Мне непременно захотелось посмотреть на них.

Мать с Колей задремали, а я пошла по вагону. Люблю поезда — в них столько интересного! Особенно меня удивляет вагонная привычка пассажиров откровенничать с попугайчиками.

— ...Говорю ему: не снабженец я — мастер. А он меня на побегушках держит, как мальчишку, — жалуется молодой мужчина старому.

— ...Сидим с другом за кружечкой пива. А его Галка за шторкой грудного мальчика кормит и в наш спор встречается, мол, не справа пас был, а слева. Я ей: «Отстань», а она опять: «Неправильно гол засчитали!» Я беситься стал. Подходит моя жена к Галке и говорит: «Оставь их в покое, а то им не о чем будет говорить. Иди на кухню, они в твоём присутствии мужчинами себя не чувствуют». Вот язва!..

Дальше иду по вагону. Слышу шепот:

— ...От рук отбился. Учиться в институте не хотел. Отец отправил его в армию, туда, где трудней, чтобы все «прелести» военной жизни вкусил. Теперь белоокровие. Переливание крови уже не помогает. Жена разума лишилась. Винит себя, что мужа послушала.

— Моего сына в армии школу заставили закончить, приобрел специальность моториста. Жениться осенью собирается.

— А мой Андрей орлом вернулся. Мать не узнала. В плечах раздался, на голову выше стал.

— ...Слабеньким родился. Жена семнадцать лет его на ноги ставила. Спину не держал, косолапие было, плоскостопие, зрение плохое, сердце слабое, только голова здоровая и умная. Подняла сына. Все выправила зарядкой, специальными упражнениями, уколами. По минутам весь день ему и себе расписывала. Только все равно он был слабее тех, кому сила и здоровье от природы даны. В институте любили сына. Комиссия признала здоровым. Взяли в армию. У него больше двух раз не получалось подтянуться на турнике. Старшина сказал, что пока он не научится десять раз подтягиваться, весь взвод гонять будет до изнеможения. Естественно, ребята на нем зло срывали. А он не мог себя защитить. Вернулся больной, озлобленный. Унижением мужчину не вырастишь, достоинства не привьешь. Офицер потом оправдывался: «Солдата настоящего из него хотел сделать». Я ему так ответил: «Почему вы стали военным? Потому что можете им быть. У меня нет таких данных, поэтому я стал учителем. А в армию берут всех мальчишек, способных и не способных к службе. Вот в чем трагедия. Равенство в армии иногда понимается чересчур широко, грубо и необоснованно. Офицеры тоже должны думать, а не просто приказы исполнять. Разве нашей армии не нужны умные ребята? А теперь и на гражданке от него пользы нет. Сломался и физически, и морально. Пьет. Женили. Думали: поможет, а получилось, что мы на его жену беды наши свалили. А вот племянник в десантники пошел и старший сын во флоте служил. Теперь на торговом судне работает. Доволен.

— Так жизнь устроена: за одного горюшься, за другого радуешься, — посочувствовала маленькая сухонькая женщина, сидевшая напротив.

— А мог бы гордиться младшим, — вздохнул мужчина...

— Прошлым летом я в больнице лежала. Когда нам уколы под глаза делали, некоторые мужчины в обморок падали, — начала свой рассказ все та же сухонькая женщина.

— Слабаки! — возмутилась девушка в изящной белой шляпке и белых сетчатых перчатках.

— ...Медсестра их то подбадривала, то поддразнивала, то в чувство приводила. Потом

вошел доктор и объяснил, что некоторые мужчины падают в обморок не от страха за себя, а от обостренного чувства ответственности перед семьей, — невозмутимо продолжала рассказчица.

Выдумки! Оправдание придумал, — резко заявила девушка.

— Нет, милочка! Он прав. Я сильная женщина. Меня уколами не испугаешь. Три операции перенесла. Недавно мой муж ослеп. У него ранение в голову было. А у нас двое детей-школьников. И вот этим летом я опять пришла на уколы. Поднесла мне медсестра шприц к лицу, а я вдруг подумала: «Если она ошибется, и я ослепну, что будет с детьми?» Очнулась на кушетке. Так я потом перед уколами мыслями пыталась настраиваться на что-либо отвлеченное... — тихо сказала женщина.

Иду дальше. У окна сидят две девушки и парень. Одна девушка, полненькая и очень эффектная: высокая прическа из слегка вьющихся черных волос, одета элегантно, туфли на высоком каблуке, а по лицу видно, что понимает, как хороша. Другая худенькая, голубоглазая, косички-бантики, свитер дешевый голубой, юбка серая до колен. Молодой человек делает комплименты чернявой:

— Вы, наверное, в театральном учитесь? С вашей внешностью... Или в институте искусства?

Девушка кокетничает, делает из всего тайну, но грустно сознается, что не получилось в этом году сбыться ее мечте.

— Зачем вам высокие материи? Ваша красота — брильянт. Это самое главное, что вы должны ценить в себе, — говорит ей молодой человек с видом знатока.

Увидев, что вторая девушка заинтересовалась им или его рассуждениями, он повернулся к ней и небрежным тоном произнес:

— Конечно, и на скромных женятся. Вот закончите, ну, что там... свой сельскохозяйственный техникум, замуж выйдете, детей заведете и будете счастливы. У каждого свой потолок.

Светловолосая попутчица усмехнулась:

— Хотелось бы встретиться втроем лет через десять.

И ушла в соседнее купе.

— Не выдержали разглагольствований напыщенного хлыща? — обратилась к ней женщина строгой внешности. — Почему не сказали ему, что вы студентка ленинградского университета?

— Ниже моего достоинства общаться с подобными молодыми людьми. «Ах, какой я умный, обаятельный и привлекательный!» — рассмеялась блондинка.

— Обидно за таких девушек, как вы. Кокетку предпочел умной, интересной девушке! Подумать только, на скромный свитер взглянул, — и сразу на ферму отправил! — возмущалась строгая дама...

Две женщины секретничают.

— ...Поступила в институт. После зачисления меня спросили: «Может, подумаете о вступлении в партию?» Я рассмеялась. В следующее мгновение от страха судороги по спине пошли... Выкрутилась. Говорю: «Видите, какая я еще несерьезная?» ...Долго боялась, что за мной придут...

Студенты спорят:

— Лермонтов герой своего времени.

— Он герой, и мы тоже должны его помнить...

В вагон вошли трое: двое солидных мужчин и пожилая женщина. Мужчины очень обходительные, приятные. Сразу видно, что в командировку едут. Чемоданчики бросили на боковую полку и сразу бутылку водки откупорили. Один, тот, который упитаннее, предложил попутчице выпить за компанию. А она вся такая изящная, интеллигентная, в шляпке с вуалью. Ручки тонкие, пальчики длинные. Ну, прямо, божий одуванчик! И вдруг протягивает свою чашечку с золотой каемочкой и говорит:

— Половину. Достаточно.

Толстяк, видно, человек воспитанный и то при этих словах на секунду остолбенел, бутылка замерла в его руках. Дальше было еще интересней. Бабуля, поправив перед зеркальцем седые кудри, налила водку в блюдце и принялась макать в нее печенье, не прерывая оживленной светской беседы. У второго мужчины глаза округлились, и он закашлялся.

— Не в то горло попала, — посочувствовала спутница, продолжая трапезу...

На боковой лавке шепчутся две молодые женщины:

— ...Может, хоть с работой у вас все хорошо?

— Красивой женщине трудно сделать карьеру. Раз отказываешь начальнику, значит повышения не получишь, как ни старайся. Не знаю, найдется ли в нашем НИИ человек, о котором бы больше сплетничали? Одного сотрудника спросила: «Какой вам смысл меня оговаривать?» Он ответил: «Я, таким образом, добиваюсь вас. Надеюсь, вы, наконец, поймете, что нет смысла выставляться порядочной. Все равно никто не поверит. Вам уже нечего терять». А главный начальник, когда я отвергла его ухаживания, бросил мне в лицо: «Дура! И карьеру не позволю сделать, и репутацию не дам сохранить». Сейчас мой руководитель — женщина. Есть проблемы, другие, конечно, но теперь много проще...

«Поезда-исповедальни везут от отчаяния к надежде», — загрустила я.

Двое мужчин азартно играют в «дурака» и одновременно развлекают друг друга интересными историями. Оба смеются жизнерадостно и открыто.

— ...Друг в отпуск ехал. Заснул. Чувствует, кто-то сапоги с него осторожно стаскивает. Хорошие сапоги, яловые, офицерские! «Ну, — говорит, — думаю, пусть до конца снимет оба, тут я его и поймаю на месте преступления». Вор один сапог до половины снял и за второй взялся. Объявили остановку. Вор хватить оба чемодана, — и бегом! Друг за ним, да запутался в собственных сапогах. А вор и был таков».

Мужчина смачно, с удовольствием выругался. Женщина, сидевшая напротив, возмущилась. Его друг бодро и беззаботно заявил:

— Сильные чувства требуют сильных выражений!

— Сильных, но не грубых, — сердито возразила попутчица и отвернулась.

Молодые люди рассказывают анекдоты. Пока меня не прогнали, успела услышать один.

«Идут отец сыном. Видят впереди себя красивую женщину.

— Папа, какая женщина, какие ноги! — восхищается сын.

— Чтобы иметь такую женщину, надо учиться, учиться и учиться, — наставляет сына отец».

— ...Молодая жена ему рога наставила и половину квартиры оттяпала... — слышу я за

спиной.

— ...Боролась за место под солнцем, претендовала на должностное повышение. Конкурент угрожал, что любым способом обскачет меня. Я всерьез не воспринимала его бредни. Уровень его знаний был невысокий. И только через несколько лет узнала, что оговорил он меня тогда не только перед руководством, но и перед моей семьей. На подлость пошел, чтобы получить это место.

— А чем же начальник объяснил вам свой отказ?

— Тем, что ему нужен работник-мужчина. Женщине никогда не прощается то, что мужчине запросто сходит с рук. Она должна быть на порядок умнее, чтобы мужчины воспринимали ее наравне с собой... Все равно конкурент не сделал карьеры. Ума не хватило. А мне жизнь поломал. Я всегда старалась жить по принципам справедливости, а люди отвечали мне ложью, гадостями. И били всегда по самому больному: по моей доброте, трудолюбию и порядочности. Знаете, бывает, человек всю войну пройдет — и ни одной царапины, а другой — в первом же бою погибает. И в мирной жизни так: кто-то налегке без потерь проживет, а кому-то одни шишки достаются. Когда в институте училась, парень из нашего села проворовался, а в комитете комсомола сказал, что из-за меня пошел на преступление, так как ребенок у нас будет. Не могла я доказать, что он выгораживал себя. Ему поверили и взяли на поруки, а я переехала в другой город, позора не вынесла... Сколько я перетерпела из-за мнительности и властолюбия людей! Конечно, я не предала свои принципы, но чего мне это стоило! Вспоминать не хочется. Вот и не верь после всего пережитого в судьбу. Зависть порождает ненависть, а ненависть — клевету...

Понимаю: никто не застрахован от напастей и гадких людей. Для меня главное: суметь остаться человеком после всех передряг...

Заглянула в соседнее купе.

— ...Если ты раньше уйдешь из жизни, я больше не выйду замуж.

Мужчина, сидящий рядом, довольный словами жены, улыбается.

— Чего радуешься? Не ты, я хорошая. Не приведу детям отчима...

Я почувствовала неловкость и повернулась к другим людям.

— ...Живем вчетвером. Свекровь помогает, как мать родная. Она в детстве без родителей росла. Мой муж как-то вернулся под утро. Она ему разгон устроила: «Любишь жену, — живи, не измывайся над семьей, а не любишь — уходи!» Однажды захожу в переполненный автобус и вижу: моя свекровь у кабины водителя стоит, в поручни вцепилась и одна сдерживает напор людей. Оказывается, в углу молоденькая беременная стояла. Потом дорогу ей расчистила и из автобуса осторожно вывела. Большой души человек. А на вид обыкновенная, деревенская: стеганку оденет, шалькой черной покроется, — не разглядишь в толпе...

Вернулась к родителям. Тихо сидеть не могу. Устроила возню с Колей. Мать сердится:

— Не набегалась еще? Сядь на нижнюю полку, успокойся!

Я все равно ерзаю и время от времени ударяюсь головой о вторую полку. Молодой человек из соседнего купе смеется:

— Очень быстро выросла?

— За лето, — весело отвечаю я, довольная вниманием взрослого.

Освободившееся соседнее купе заняли две веселые семьи. Они разложили на столе

колбасу, огромную курицу, пиво, водку и ужинают. С удовольствием едят, с удовольствием громко и сочно разговаривают. Попутчики здоровые, веселые, счастливые, не лишенные грубоватого остроумия. У меня потекли слюнки. Мать, заметив мой взгляд, тихо и грустно сказала:

— Надо же, ведь из отпуска едут! Еда, как у нас только по великим праздникам!

— Почему так? — удивилась я.

— Шахтеры, рабочий класс. До войны у вашего городского дедушки тоже каждую субботу гусь был на столе, а наша бабушка из деревни на себе мешки картошки и зерна в город таскала, чтобы детей накормить и одеть. И теперь мы копейки считаем. То хату, то сарай нужно построить. В городе люди сначала места в общежитии получают, потом квартиры.

— А почему мы в деревне живем? — спросил Коля.

— Дело в том, что из восьми детей после войны твой отец один остался у родителей и должен при них жить, долг сыновий выполнять: стариков дохаживать, — ответила мать.

В соседнем купе шумно. Мужчины с грубоватыми прибаутками азартно играют в карты. Один после каждого проигрыша вспоминает чью-то мать....

— У нас на Руси без родственных ассоциаций — никуда! — рассмеялся интеллигентного вида мужчина.

На его замечание никто не обратил внимания, и он снова уткнулся в газету.

Я отправилась попить воды из титана. Точнее, еще хотела поглазеть на людей.

— ...Своей жене купит серенькое платьице и тут же восхищается нарядами и прической своей сотрудницы. И даже не замечает, что задевает чувства жены!..

— ...Сынок, не торопись соответствовать идеалу жены. Не потеряй себя...

— ...У меня невестка хитрая! Нравится сыну жареное, — так она его сковородки и кастрюли чистить приучила. Теперь он раздобыл такие, которые не подгорают. Однажды притворилась больной после стирки. Он сам белье отжал, кожу на руках растер и после этого сразу стиральную машину купил.

— А мой, когда я в больнице была, помаялся один с детьми и говорит: «Не знал, что с ними так трудно, теперь помогать буду». Правда, через месяц забыл обещание.

Женщины перешли на шепот. Я поняла, что мешаю их разговору, и пошла дальше.

— ...Он рвал себя, хоромы строил для нее, а как умер, она другого сразу привела.

— Зря ты так. У нее трое маленьких, огород, хозяйство. Она просила его повременить с домом. А он ей: «Мать-перемать, тащи бревно, меси глину!» Дети без присмотра оставались. Теперь меньшой мальчик больной. Застудил почки на сквозняках. Максим себя загнал, и семья добра от него не видела. А новый муж всюду с нею. Даже иногда в лес выбираются семьей, в кино ходят с детьми...

— ...Близнецы родились. Радость-то какая!..

— ...Упрямый. Тридцать лет ему понадобилось на то, чтобы понять, что в отверстие раковины необходимо вставлять сеточку. Слив постоянно чистил, но не хотел признать мою правоту. Никогда мужа не ругай, а заставляй самого исправлять ошибки.

— Трижды у нас в сарае перемерзала картошка. Первый раз я сама молча перетаскала ее в мусорный ящик. На второй год попыталась уговорить мужа осенью отнести овощи в

подвал. Он опять не послушал меня. На этот раз я отказалась выносить гниль, но на рынок за новой картошкой все-таки ездила. И только когда в третий раз все померзло и я отказалась восполнять потери, муж согласился со мной. Гордыня не позволяет ему сознаваться в своих ошибках. Очень умным себя считает, и если я скажу «да», он обязательно ответит «нет». Приходится приспособливаться...

— ...Никогда не ставьте крест на своей жизни. Всегда можно начать заново, даже в вашем возрасте. У всех есть право на ошибку, главное — не повторять ее. У любого святоши было прошлое, а у преступника есть будущее, если он захочет...

— ...Деньги всю жизнь копили, дом огромный красивый строили, а детей упустили. Сын в тюрьме. Дочь разведена, детей вовремя не завела. Пить начала. С родителями жить не хочет. Они одни в хорамах живут, перед соседями хвалятся. А счастья-то нет!..

— ...Сбежала с другим. Все денег ей было мало.

— Женщина хорошего мужа никогда не бросит...

— Говорят, после измены одного из супругов взаимоотношения между ними улучшаются, семья становится крепче, надежнее.

— Разрушенные чувства не восстановишь. Боль остается на всю жизнь. В таких семьях стараются создать видимость благополучия.

— Для кого?

— И для себя, прежде всего, и для людей. Никому не пожелаю такого «счастья»...

— ...Целый день за ковром стояла.

— Достался?

— Зубами вырвала...

— ...Ноги болят, спасу нет. Но с хозяйством пока сама управляюсь. Дети в город зовут. Не хочу: корни мои тут....

— Почему умных не любят?

— Боятся или завидуют...

— ...Гляжу, мама с дочкой впереди идут. Вид у девочки более чем странный: на высоких каблуках, колени полусогнуты, тощие локти торчат в стороны, вся вперед подалась. Догнала их. Слышу, мать сердится: «Зачем каблуки в лесу? Взрослой в двенадцать лет себя мнишь? Кости неправильно сформируются, — бед не оберешься, когда повзрослеешь». Я вступила в разговор: «А я думала, вы калеку ведете, а оказывается, она нормальная, красивая девочка. Хочешь, покажу, как ты смотришься сзади?» Я стала в позу. Девочка покраснела. «Не сердись, — добавила я, — хочу, чтобы никто в лагере над тобой потихоньку за спиной не смеялся. Желаю тебе больше хороших друзей». И пошла своей дорогой...

— ...Каждодневные домашние заботы не дают женщине развернуть крылья...

Группа мужчин яростно спорит о политике. Каждый пытается отстоять свое мнение. Для меня подобные разговоры как игра в шахматы.

Я в следующем купе. Здесь беседуют очень тихо. «Навострила» ушки.

— ...Если мужчина имеет много женщин, значит, он сердцем никого не любит, а только плоть убажает. Такой человек не может быть счастливым. Наслаждения души самые прекрасные, не сравнимые с телесными. Восторг души — любовь — это пик, вершина наслаждения. Если человек познал только физическую близость и не испытал слияние духовного и физического, он многое в жизни потерял. Специально для тебя проведу простую аналогию. Человек трудится, но не получает при этом радости. Не любит свою профессию. Деньги, конечно, платят. В этом случае он серой жизнью живет. Поняла? Только то, что выполняется с любовью, делает человека счастливым. Усовершенствовать

можно лишь физическую сторону интимных взаимоотношений. Духовную — нет! Я знаю об этом не только из книг. Когда мы с мужем основательно поссорились, то, как бы он потом ни изощрялся, какие бы методы и способы ни применял, чтобы улучшить мои ощущения, ярче и больше того, что чувствовала с ним, когда искренне любила, я уже никогда не испытывала. Запомни это. Пригодится, — это говорила очень красивая черноволосая кареглазая женщина.

«И таким изменяют?» — растерянно, с болью подумала я.

— Любить надо всей душой, тогда и по морали все сойдется, и скуки не будет, и желание искать радости на стороне пропадет. Чего душу-то дробить, мельчить? Сам-то кем тогда станешь? Никто добрым словом не вспомнит, — неодобрительно глянул в сторону странного, ярко одетого мужчины молодой человек в форме морского офицера.

Видно высказывания «петуха» были причиной столь серьезного диспута.

— ...Миф о потере женской привлекательности и темпераментности после сорока лет придумали мужчины, потому что сами несколько утрачивают силу, делаются в некотором смысле менее способными. А женщины в этом возрасте только жить начинают, становятся более раскованными. Это пугает мужчин, вызывает у них агрессию или стремление утвердиться на стороне у незамужних женщин, которые на все готовы, лишь бы заполнить их хотя бы на время...

— ...Женщины бывают жестокими?

— Да, когда вымещают на мужчинах обиды, которых не заслужили.

— Все ясно. Ты считаешь, что мужчинам в основном попадает за дело.

— Об этом мне говорят факты судебной практики...

— Девочка, иди к родителям. Рано тебе слушать взрослые разговоры, — строго сказала мне старая женщина, которая во время беседы смотрела в окно и, казалось, не интересовалась происходившим.

И я пошла дальше.

В вагон зашел невысокий человек. И то, как он сел на лавку, как положил на стол руки, я поняла — он учитель. Послушала его разговор с маленькой девочкой и убедилась в справедливости предположения.

Мальчишка нахально уставился на меня, провоцируя на грубость. Я остановила его взглядом. Молодец. Понял, отстал.

Вижу, как молоденький солдатик влюбленными глазами смотрит на девушку, что сидит напротив. Она смущается... Отец разгадывает ребусы с дочками... Пожилой мужчина сидит, прислонившись к деревянной спинке лавки, и задумчиво гладит седые волосы жены, прикорнувшей на его плече...

Вышла в тамбур. Выглянула в открытое окно. Ветер бьет в лицо тугими струями. Небо на глазах меркнет. Быстро скачут черные тени-деревья. Вдали мелькают зигзаги огней. Потом городок сгинул во тьме. Снова дробятся тени от многочисленных фонарей. Взвизгнув и протяжно вздохнув, остановился вагон. Вдали темные молчаливые дома. На платформе — торопливые шаги, редкие приглушенные суетливые голоса. Теперь вижу неподвижные безликие, нечеткие фигуры и слышу неразборчивые речи простившихся, проводивших. Еще один вокзал уплыл.

В распахнувшуюся от резкого толчка дверь тамбура вижу, как уродливо раскорячившись от натуги, маленький толстенький пассажир встаскивает вещи на третью полку. Мимо меня протискивается здоровяк с огромной сумкой на плече. Я прижалась к стенке, пропуская его. Он остановился, резко дернул уставым плечом, свободной рукой, чуть не залепив мне в глаз. Я увернулась. Толстячок, управившись, облегченно вздохнул и присел на кончик лавки, вытирая лысину казенным полотенцем.

Я открыла заднюю дверь тамбура и встала на грохочущие подвижные пластины над механизмом сцепления вагонов. Холодок пробежал по спине: не ко времени

промелькнули сплошной полосой ярко освещенные окна встречного поезда. Я тревожно замерла. Следом товарняк прогромычал, вызвав у меня неприятную дрожь. Нырнула в другой вагон. Прильнула к окну входной двери. Сквозь сильно запотевшее стекло как призраки мелькали фонари.

— ...Хотела развестись. Сыну об этом сказала. А он мне: «Хоть пьянь, да свой». Шесть лет тогда ему было. Теперь уже десять. Как-то опять поссорились. Сын вновь вступился за отца: «Я люблю его. Разведешься, — уйду к нему».

— Когда между родителями сложные отношения, дети не могут быть счастливы. Их жизнь часто ломается или делает крутые виражи, — высказала свое мнение женщина, лица которой я не разглядела в слабом свете ночника.

— Долго ли ребенка сгубить? Вот сказал кто-то соседскому мальчишке, что он неродной, потому что голубоглазый и белоголовый при чернявых родителях, — и пошла его жизнь наперекосяк. А мальчик в деда породой пошел, — вздохнула женщина....

— ...Мне кажется, личность создается в тишине, в покое, в созерцании, поэтому сельские люди основательнее, глубже, чувствительнее. Они ближе к природе.

— Но дальше от культуры.

— Смотря что понимать под культурой.

— Все мы о ней знаем только понаслышке...

— ...В народе шутят: «Если в России ничего не предпринимать, она достигнет больших успехов, нежели если ее глупо понукать и заставлять беспрекословно подчиняться. Лучше не мешать работать и творить.

— Без кнута? Сомневаюсь. Заснет страна, как в допетровские времена.

— Умно руководить надо, на Запад не оглядываться, чтоб самобытность не потерять....

— ...Есть у меня знакомый. Красавец. Профессор. Книжки для детей пишет. Хобби у него такое. Жена больная. Он не бросает ее, дочь растит. Для меня он — идеал мужчины.

— Для женщины такая судьба считается естественной. Никто ее подвига не замечает...

Худенький мальчик лет пятнадцати спрашивает мужчину в военной форме:

— Что вам помогало выстоять в войне?

— Понимание, что Родину защищал. Было всепоглощающее стремление победить. Юмор солдатский выручал. Мощная подпитка, скажу я тебе. До войны поэзию не любил, а в окопах стихи Константина Симонова наизусть учил. Тяга к родной культуре обострилась. В перерывах между боями зачитывал до дыр газеты, журналы. Читал все, что удавалось достать. Концерты артистов ждал, как хлеб и воду.

— В войну люди влюблялись? Любовь и смерть. Я не могу их рядом поставить, — задумчиво произнес юный собеседник.

— Любовь держит человека на земле, она же дает ему силы жить. Я уже женатым тогда был. Обожал, конечно, уважал, симпатизировал. Ведь живой человек! Но не изменял. Потому что совесть всегда имел. Не мог оскорбить, унижить любимую женщину. Был достоин своего друга, жены. Хвалится своей непорядочностью в отношении к женщине тот, кто не понимает истинного смысла слова «мужчина». В нем заключена не столько физическая, сколько моральная сила: умение отстоять и устоять.

— Вы боялись идти в бой?

— Еще бы! Страх, как и любовь, требует постоянного преодоления себя...

В этом купе все спят. В этом — пытаются заснуть, но малыш воюет, на ушах всех заставляет стоять.

— ...Бабушка, почему, когда дядя ругался, то говорил «сукин сын», а не сын кобеля?

— У нас в России всегда за все мать в ответе... Так уж повелось...

— ...Высыпал он передо мной горсть драгоценных камней, а у меня они не вызвали приятных ощущений. Безразлична я к ним. Мне душа человека важна. Оскорбил он меня. Купить мою любовь хотел...

— ...Мужчины женщин ругают за отсутствие логики, — сердится одна женщина.

— Они ругают нас за отсутствие мужской логики, — пошутила другая.

— А чем лучше мужская?

— Тем, что у нас патриархат... Мы должны то, обязаны это, а что они должны?.. Еще упрекают в отсутствии чувства юмора! Сын мой по молодости уж какой шутник был, а как жизнь придавила, куда-то и юмор делся. А друг его остался один на один с четырьмя стариками. Судьба так его скрутила, что он как женщина стал повадкой: разговоры только про домашние заботы, про нехватку денег. А какой умный да видный был жених! Мужиков бы в нашу упряжку, чтоб понимали, уважали...

— ...К труду с любовью надо приучать. Если отец, перед тем как предложить работу детям, стонет, охает и злится, он только отвращение сможет привить...

— ...Влюбился. Как с ума сошел. Ничего для меня тогда не существовало. Опомнился: ни жены, ни детей...

— ...Я в жизни исхожу из понятия добра и доверия, а он наоборот...

— ...Именно с ней, сплетницей и дружили. Страх был крепче благоговения. Забывали, что и дружба и вражда ее опасны. У этой старухи была склонность первенствовать, властвовать. Сколько судеб она поломала, пока удалось ее выгнать! А всего-то секретаршей была. Манеру она имела, слабость такую: всех, кто моложе семидесяти, в чужие постели затаскивать...

На нижней полке спит маленький худенький мужчина. На столике рядом с ним очки с огромными линзами и журнал. Читаю: «Вопросы философии». На остановке вваливается огромный неприятного вида краснолицый детина в светло-зеленом костюме. Оглядел купе. Подошел к сонному человеку и со всей силы ударил его ладонью по пятой точке. Мужчина вскочил, растерянно моргая невидящими глазами. Потом нащупал очки и сел. На внезапную грубую побудку он ответил грустной, какой-то виноватой улыбкой. Меня затрясло. Не выношу, когда сильный издевается над слабым. Настроение испортилось.

Вернулась на свое место. Мать подняла голову. Я спросила:

— Почему в поезде в основном о плохом говорят? К чему эта странная привычка откровенничать с попутчиками?

— Свойство такое у людей — грустным делиться. Чужой посочувствует и забудет, а рассказчику легче становится, — сонным голосом ответила мать и опять опустила голову на сумку.

— Людям нравятся печальные истории, — добавил пожилой мужчина, который дремал на третьей полке.

Я задумалась над результатами «экскурсии по жизни».

На остановке вошел пассажир. Ему лет пятьдесят. Он почему-то сразу привлек мое внимание. Прямой, высокий, сухощавый. Глаза темные, живые, с влажным блеском. Меня поразило его лицо: крупное, смуглое, с двумя глубокими морщинами вдоль худых щек. Оно светилось. В самом деле! Я видела ореол мягкого, еле заметного сияния,

которое на расстоянии четверти от лица растворялось в ночном полумраке вагона.

На мужчине байковая в крупную клетку рубашка, брюки без стрелок и ботинки грубой кожи. По внешним признакам — он рабочий человек. Но речь! Насыщенная словами из различных областей науки, она была четкой, краткой, понятной. Правильнее сказать — доступной. Спокойный, приятный, удивительной внутренней силы голос звучал уверенно, но сдержанно. В нем были и рассудительность, и твердость, и уважительное отношение к собеседнику. Этот человек не кичился своими знаниями, с достоинством вел себя. Своим неопытным умом я поняла, что он мудрый и этим притягивал к себе.

Люди в купе все время менялись. И каждый, посидев рядом с ним пару минут, начинал задавать ему вопросы о политике, Боге, душе. Затрагивались проблемы быта, культуры, частные юридические темы. Странный человек раскладывал по полочкам ситуацию любой сложности, многие вопросы рассматривал с точки зрения математических и философских теорий. Вслушиваясь в его ответы, я ощущала, как наполняюсь чем-то хорошим, большим, чем знания, благодатью какой-то, что ли? Я освобождалась от оков зажатости, от дамоклова меча сомнений, боли иждивенчества. По моему истосковавшемуся по душевному теплу сердцу протекали хорошие, умные мысли. Они очищали его от накипи детских горестей, придавали силы и веры. Сердце расслаблялось, расправлялось, наслаждаясь внутренней свободой и легкостью. Я испытывала ни с чем не сравнимое, пронзительное блаженство.

После общения со «странным человеком», я представила свою жизнь с необычайной чудесной ясностью в ее естественной обыденности и простоте. За одну ночь детские горести претерпели изменение и виделись мне будто сквозь далекий туман забвения. Мои обиды и проблемы казались незначительными. Любимые слова Витька «Что наши мелочи по сравнению с мировой революцией?» приобрели иной смысл. Я осознала их полнее. Теперь они не только успокаивали и оберегали меня, но и утверждали, что жизнь на самом деле «прекрасна и удивительна», если не закапываться в мелочах, не ставить свои заботы выше проблем других людей, не волноваться из-за событий, которые не в силах изменить. Он сказал простые слова: «Если не можешь изменить ситуацию, то измени свое отношение к ней. Глупый человек бездействует, жалуется, во всех своих несчастиях обвиняет других, а умный — преодолевает любые препятствия или обходит их».

Я всегда сочувствовала людям, но не осознавала необходимости рассматривать свои и чужие беды с глобальных точек зрения.

Мне показалось, что из узкого извилистого лабиринта жизни я, наконец-то, попала на широкую, но пока проселочную, ухабистую дорогу. Я окончательно выбралась из скорлупы собственных эмоций и увидела себя в громадном, непознанном, восхитительном мире не затерявшейся бесконечно малой точкой, а человеком, способным в некоторой степени понять сложность бытия и самой сделать что-то существенное, важное, полезное.

Нельзя каждый день встречать с отчаянием в сердце, с печалью в глазах. Надо постараться забыть, какого цвета беспричинная тоска, хандра, меланхолия. Тоскливые мысли не должны убивать меня, тормозить развитие. Лишь тогда возникнет душевное равновесие и появится стимул к настоящей жизни. Наверное, еще много огорчений сулит мне жизнь, но я преодолею их».

Говорят: воспринятое в детстве преследует всю жизнь. Так пусть мне сопутствует только хорошее! Я и прежде это чувствовала, только не знала твердо, не верила внутреннему чутью. Отброшу тоску и обиду как ненужные причиндалы. Надежда на лучшее — вот моя отправная точка. А может, это только неоправданный всплеск оптимизма? Ох уж эти мне неизбежные сомнения! Видно, всегда они будут подстерегать меня, охранять от глупых, необдуманных поступков.

Наверное, я многое забуду из того, что говорил пассажир, но память о нем останется во мне надолго. Он открыл для меня мир природы, общества и человека в целом, в единстве, во взаимосвязи, во всей красоте и сложности. Он существенно дополнил копилку моих чувств и понятий.

К утру я уже не слушала интересного собеседника, а переполненная эмоциями, неподвижно сидела, не в силах переварить полученную информацию. Я выходила из

поезда совсем другим человеком. Во мне появилось осмысленное уверенное желание жить и радоваться жизни. Я повзрослела за ночь, потому что чуточку поумнела.

Глава Шестая

ПЛЕМЯННИК ИЗ ЛИПЕЦКА

К нам из Липецка в гости приехал Василий, двоюродный племянник матери. Мы думали, раз городской, значит особенный. А он оказался обыкновенным парнем. Даже вельветка на нем точно такая, как у моего брата. После обеда мать разрешила нам пойти на речку. Гостя надо развлекать. Ну, мы, конечно, сразу подступили к Василию с расспросами о городе. Он засмеялся:

— Липецк не Москва. Центральная у нас — улица Ленина. Раньше она Дворянской называлась. Так даже на ней еще есть одноэтажные дома. Правда, красивые, с резными наличниками и железными крышами. И от ваших хат есть отличие: крыльцо в наших домах на улицу выходит.

— Неприлично с помойным ведром на улицу выходить, — недоумеваю я.

— В Липецке в домах два выхода: один парадный, другой хозяйственный, — объяснил гость.

— Здорово придумали! — одобрил мой брат.

— А окошки в старых домах у нас поменьше ваших будут.

— Видно, тепло зимой сберегаете, — предположила я.

— Наверное. Мне нравятся липецкие домики. А моей сестренке Надюшке они кажутся сказочными. Когда мы ходим по главной улице, она прижимается ко мне и шепчет: «Давай поскорее уйдем отсюда. Мне страшно. Вдруг из-под крыльца сейчас вылезет Баба Яга и ее свора: волк, сова и гуси-лебеди». Мы проходим мимо собора, сворачиваем на соседнюю улицу, и тут сестренка, увидев огромную лужу, в которой полощутся хрюшки, успокаивается, потому что на родную деревню похоже.

Василий задумался. Потом продолжил с теплой улыбкой:

— Город тихий, зеленый. Люди очень хорошие. С пятидесятого года там живу. Сначала ремесленное училище закончил. Нас «кулешниками» дразнили. Сразу выдали форму: черную длинную шинель с серебряными пуговицами и фуражку. После деревенской круглогодичной фуфайки я принцем выглядел. Кормили вкусно. В столовой красивые тарелки. Подстаканники.

— Такие, как в поезде подают? — спросила я.

— Да. Я не то что подстаканников, тарелок в деревне не видал. Из общей миски ели. Женщины в столовой внимательные. Всегда о здоровье спросят, добавки дадут. Жалели нас, потому что мы в чужом городе без родителей. Педагоги в училище не только учили, но и воспитывали. Замполит был заботливый. По-отечески разговаривал, книжки вслух читал, объяснял, как надо жить. Историка Наума Марковича я очень любил. У него в войну голова была пулей пробита. Умнейший человек! Какое воспитание в деревне было? Желудок бы наполнить. А учитель нам ярко о жизни многих поколений людей рассказывал, и мы начинали понимать, что такое Человек и каково его предназначение. Благодаря Науму Марковичу я узнал, что мозги даны для того, чтобы их использовать во благо.

Мастера никогда не ругали, с душой, с подходом учили. Самую простую операцию требовали выполнять четко. Чувство ответственности и уважение к профессии прививали. Говорили: «Делай хорошо, плохо само получится». По окончании ремесленного училища я получил высший разряд и сам пошел в школу рабочей молодежи. Родители не заставляли. Понял, что без образования многого не достигну. В школе рядом со мной учились взрослые люди. Очень серьезные. Я с них пример брал. Жил в рабочем общежитии. На ужин в столовую из-за уроков не успевал. Мне друг в комнату еду приносил, — с удовольствием рассказывал Василий, а мы с большим интересом мы слушали.

А он все листал и листал страницы своей короткой, но насыщенной событиями жизни:

— Всекие ребята рядом жили. Один морячек под блатного косил. На драки ребят вызывал. Пытался показать, что всех главней. Так и пропал из-за своей глупости. Я очертя голову не совался в драки, уже понимал, что сильный духом человек не мордобоем воспитывается, а умом, но достоинство не терял, когда нажимали. Сердечко дрожит, а я зубы сцеплю, виду не показываю и выступаю вперед, чтобы себя и друга Борьку защитить. За спины не прятался.

Некоторые пацаны не хотели, чтобы я учился: то ужин перевернут или выбросят, то постель унесут и голую сетку оставят. Ребята из комнаты выручали, делились одеялом, подушкой. Как-то просыпаюсь — нет ни брюк, ни ботинок! Детдомовцы стибрили и на рынке за курево продали. Нашли их, посадили. А я себе одежду из деревни привез и в ней ходил.

Завод у нас великолепный. Мастер в первый день сказал: «Дома ты — хозяин. На завод пришел — тоже по-хозяйски веди себя, чтоб все по уму было».

— А в общежитии очень трудно жить? — спросил брат.

— Нет, если соблюдать правила. Они не жестокие, в них своя логика и справедливость существуют. С их помощью к порядку приучают. Например, кто ложку в котле оставлял, такого человека лишали права обедать вместе. Поел, оближи ложку и положи на стол. У воевавших рабочих была привычка: ложку за голенище класть. Морской закон исполняем: не есть, пока все за стол не сядут. Дурной тот, кто много болтает и медленно ест. А к концу обеда гонка начинается: быстрее поест и убежать, потому что последний моет посуду и убирает стол. В общежитии отдельные тарелки не принято иметь.

Иногда шуточные соревнования устраиваем: кто быстрее кусок хлеба съест во время ходьбы или бега. Я часто выигрываю, потому что с детства привык на ходу кушать. Школа далеко находилась. Время экономил. Сквернословие у нас не поощряется. На столе всегда стоит банка с щелью, куда заставляем бросать штрафные монеты. Если надо кого-нибудь послать в магазин или на рынок, выбрасываем по команде пальцы, не унижаем младших.

Встречаются, конечно, жестокие ребята, но я их сторонюсь, потому что жалостливый и не понимаю юмора в грубых шутках. Моего друга Борьку раз заставили продувать макароны на предмет жучков. Он сидел на кухне и заглядывал в каждую макаронину, а ребята проходили гуськом мимо открытой двери, и со смеху покатывались. Проучил я зачинщика. Борька был из интеллигентной семьи, много читал, музыкой занимался, а когда без отца остался, пришлось ему в училище идти.

— А какие у вас развлечения? — полюбопытствовала я.

— В праздник взрослые норму примут — по сто пятьдесят, не больше, — и песни поют, про войну рассказывают. Водку у нас пьют самую дешевую — «сучок» называется. Бутылка картонкой закрывается и заливается сургучом. Говорят, ее из опилок делают. А может, и врут. Рыбалка богатая в Липецке. Это хорошее подспорье в питании. А в отпуск я домой еду. Брату помогаю.

— А в «дурака» режетесь? — это уже брат спросил.

— Игра должна быть поддержана интересом, иначе она становится низкокачественной, пустой. Без денег человек портит ее. Получается, что неоправданно рискует. Мы придумали на кон торт ставить. Проигравшие скидывались. Перепробовали все виды тортов! На водку не играли. В некоторых комнатах не материальный, жестокий интерес выставляли: бить по ушам. И тут везение определяло меру наказания. Если проигравший туза снимет — одиннадцатью картами врезали, если валета, значит, повезло — двумя. Каждый выбирал себе компанию согласно интеллекту.

Я директора школы рабочей молодежи Зайцеву и мастера Юренчук Марию Антоновну на всю жизнь запомню за материнскую доброту и справедливость. Они говорили, что чужого горя не бывает. Учили отдавать, а не брать, и в этом находить радость.

— И все же почему иногда унижают молодых? — допытывался Коля.

— А это как ты сам себя поставишь. Разок, из уважения к старшим, я бы сходил в

магазин, а постоянно быть на побегушках — нет! Не в моем характере.

— Сестра Люся рассказывала, что девчонки в общежитии не позволяют себя эксплуатировать. Все друг другу помогают.

— Ребята любят быть лидерами, стремятся доказать свою способность подчинять! Но не все сильные, — спокойно объяснял Василий.

— Девчонки добрее? — спросила я.

— Естественно! На то и девчонки, чтобы быть мягкими и добрыми. Никто и не спорит. В городе я книги полюбил читать. Особенно Гайдара. Мать этим очень удивил. Помню, упала книга и порвалась. Я заклеивал ее черный переплет и очень переживал.

И страшное случалось. Однажды дрались двое. Марков Зиновия Третьякова ножом ударил. Я кинулся выручать. Гляжу: руки в крови... Другие сразу в сторону, даже в свидетели не пошли. Нельзя в стороне от жизни стоять, когда живем, то постоянно преодолеваем себя. Я не уважал Третьякова, потому что пьяница. Бывало, выпьет, так зарплата как листья с куста. Но в минуты беды вступался, потому что жалел. Их дом под сельсовет отобрали. Отца в тюрьму крестник сдал. Мать больная. Трое сирот осталось. Потом те, что раскулачили их семью, продолжали за старшим братом гоняться. Он прятался в погребах. В Ельце на физмат поступил. Родня скрывала его местонахождение. Трезвенник. Считал ниже своего достоинства пить. Я из уважения к нему его младшего брата Зиновия защищал.

А мой родной брат с войны с простреленным легким вернулся. Туберкулез у него. Я летом у него на быках работал, косарей на покос в арбе возил. Одного быка звали Галман, то есть непутевый, а другого, пестрого, — Куцый.

— С чего это Куцый? — удивился брат.

— Вез я людей на работу, а упрямые быки пить захотели, и в реку направились. Я выпрыгнул и хворостиной их по мордам. Не испугался, остановил. А они взбунтовались. Один вправо норовит вывернуться из упряжи, другой — влево. Я взял и связал им хвосты, чтобы не разбежались. Один из водилы (оглобли) вырвался — и ходу! Вот хвост и оторвался. Еле уgomонил быка. Работники подбадривают, хохочут: «Мужик растет, бригадиром будет!» Перед тем как домой с работы ехать, в лес иду, березку срублю и в арбу прячу. Дров не было. Колушками в основном печь топили. Граблями их соскребали и в мешок. На час мешка хватало.

— Что такое колушки?

— Хвоя и шишки.

— А мы лузгой гречневой топим. Еще торфом. Говорят, у вас машин много?

— Что значит много? Не Москва. С Сокольского до центра города пешком ходим. Ни трамвая, ни автобуса. Женщины полные сумки через плечо перекинут и на рынок идут.

— В городе лучше жить?

— Уважения больше. Я — представитель рабочего класса! Но по деревне скучаю. Весело там жили, — улыбнулся Василий. — Шалили, конечно. Как-то по весне с другом Димкой подманку Нюське-однокласснице устроили! Снегу в тот год было много. На нашей улице огромная промоина под снегом была, а в ней талая вода по колено. Вырыли мы на дороге в сугробе колодец, а сверху кусок наста положили. Нюська из школы бежала, провалилась и давай нас ругать. Мы довольные! Она вылезла и разревелась. Моя мама выскочила и говорит: «Без отца девочка растет, а вы ее не жалеете, природы». Мы, когда шалили, не понимали этого.

В школе, бывало, поем гимн на линейке. Кто-нибудь щелкнет по затылку и шепчет: «Передай дальше». Так пока все не перещелкаем друг друга, не успокоимся. А сами продолжаем петь. Детство! Однажды на Новый год мать напекла из теста бублики, зверушек разных и на елку повесила. Утром встали, а на ветках огрызки висят. Мыши за ночь поели. «И смех и грех», — сказала тогда бабушка.

А в городе бывает огромная елка. Помню: моей сестренке дают подарок — кулек конфет, а она не берет, не верит, что ей одной такой большой. Потом детей петь на сцену позвали. Сестренка тоже побежала, а мама не пустила, говорит: «Еще опозоришься». Надюшка в слезы: «Я, — говорит, — хотела настоящую куклу заработать».

У ее подружки была удивительная кукла! В платье, в зимнем пальто с муфтой. Дала она Надюшке ее подержать, но строго сказала: «Не разбей». Сестренка так разволновалась, что со страху уронила ее. Голова и разбилась. Так закончилась их дружба. И девочке досталось от матери. Сестренке три года тогда было. Она понимала, что кукла больших денег стоит, и с тех пор никогда ничего у матери не просит купить для себя. Вот как подействовало на нее то, что она чужое разбила. Трудно без отца. Он, умирая, говорил матери: «Не наказывай детей, словами уговаривай». Добрым был...

— Вася, попроси нашего отца позволить тебе на мотоцикле покататься. Ты гость, тебе не откажет, — не сговариваясь, в один голос сказали мы с Колей.

Вася обрадовался предложению. Отец заставил его сделать круг по лугу перед хатой и только потом разрешил выехать в поле. И вот мы втроем (я на велосипеде, Коля с Васей — на мотоцикле) отправились за село. Как только наша хата скрылась из виду, мы поспорили с Васей, что он не даст девяносто километров с горы без тормозов.

— Сто выдам? — загорелся Вася.

— На «К-55»? Он же слабенький, — усомнилась я.

Сошлись на том, что если он проиграет, то без разрешения отца даст нам самостоятельно проехать на мотоцикле до Должика (название леса) и назад. Сначала Вася взял с собой Колю — и выиграл. Потом посадил меня. Вот что значит настоящая техника! Никакого сравнения с велосипедом! Скажу честно: струхнула малость, когда ветер засвистел в ушах, и дорога стала расплываться перед глазами. Куда страшнее, чем на грузовике! Спряталась за спину Васи, сжалась в комок и терплю все ухабы. Мотоцикл трясется, гремит, как мешок с железками. Куда там на прибор смотреть! Себя бы сохранить! К середине пути обвыклась, успокоилась, восторг ощущать стала, а когда в низину спустились, распрямилась, принимая ветер в лицо, и уже восхищалась вслух.

Вася сам был на небесах от радости и, хотя выиграл спор, позволил нам с братом самостоятельно съехать с горы, только с тормозами. А мы на большее и не претендовали! До чего же приятно чувствовать себя уверенным хозяином железного коня! Василий сначала волновался за нас, а потом вместе с нами радовался. Сбылась наша мечта! Даже с перехлестом!

— Все! Решил! Как только крепко стану на ноги, обязательно накоплю денег на мотоцикл, — захлебываясь восторгом, говорил он.

Мы знали: Вася слов на ветер бросать не станет. Рабочий парень. Самостоятельный. Уезжая, он оставил нам адрес своего общежития. Подписался солидно, по-взрослому: «Василию Митрофановичу Жеребцову». Имеет право.

ПРОЩАНИЕ

Родители отправляют меня к дяде Вене и тете Таисии на Украину. Ребенок у них родился. Надо помочь. Бабушка на прощание загрустила:

— Трудно мне без тебя будет.

Я успокаиваю ее:

— Не по своей воле еду. Коля с вами остается, поможет.

Бабушка наклонилась ко мне и как-то по-детски пожаловалась:

— Ранки у меня появились во рту и между ног. Больно так...

Душа рванулась к ней. Хотелось сказать тысячу добрых и ласковых слов, но они

захлебнулись в потоке любви и жалости. Я растерянно заморгала, не зная, чем помочь.

— Заживут они, бабушка. Вы только лекарство за работой не забывайте пить, — только и сказала.

— Да какой из меня работник. Ноги еле ходят. Езжай с богом, раз там нужнее. Избавь тебя Господь от разных бед, — пожелала бабушка на прощание.

И я поехала.

Прошло две недели. Вдруг непонятно отчего на меня напало жуткое беспокойство. Я не находила себе места: преследовало неотступное желание как можно скорее уехать домой. Денег на дорогу у меня не было, поэтому я пыталась погасить в себе странный, как мне казалось, каприз. Бесполезно! Мысль о поездке терзала ежеминутно. На третий день не выдержала и попросила разрешение вернуться сегодня же без промедления. Тетя, видя мое возбуждение, уступила. Отправилась первым же поездом.

К дому подходила в сильном волнении. Во дворе пусто. В прихожей непривычная тишина. «Радио не бубнит», — догадалась я. Утренний полумрак, будто асфальтовыми глыбами заполнил комнату. Неуютно почувствовала я себя в родной хате. Глаза понемногу привыкли к темноте. «Странно, это окно никогда не занавешивалось одеялом», — недоумевала я, зябко, от нервной дрожи, передергивая плечами.

Вдруг дикий вой заполнил весь дом. Я вздрогнула. Мороз пробежал по спине. Заложило уши и отключило мозги. Крик исчез неожиданно, как и появился. Дом погрузился в гнетущую тишину. Оцепенение прошло, но я никак не могла сосредоточиться. Что здесь происходит? Откуда крик? Чей? Чтобы прийти в себя от страха, вышла на крыльцо. Во двор заглянула Лиля, но не бросилась, как всегда, на шею, а присела на порожек.

— Совсем плохая ваша бабушка. Скоротечный рак ест ее. Врач сказал, что организм разрушен неизлечимой болезнью, нет шансов на выздоровление, — пробормотала подруга.

Плечи ее затряслись. Она плакала, как маленькая старушка: беззвучно, зажав голову между ладонями.

— Я тоже любила твою бабушку. Не вызывали тебя. Не хотели волновать...

Я не видела, как принесли почту, как заходили соседи. Пришли родители и забрали меня в дом. На кухне послышался шорох.

— Посмотри, может, бабушка пришла в сознание? — попросила меня мать.

Я приоткрыла плотный полог, закрывающий проем двери. На кухне полумрак. На окне шторы задернуты. На кровати едва угадывался контур тела. Как похудела бабушка! Голова обтянута прозрачной кожей. Глаза глубоко запали. Остатки волос отдельными серыми пучками свисали на подушку. Полуоткрытый рот беззубый, черный и страшный. «Бабуля, что сделала с тобой болезнь?» — мысленно ужаснулась я. От жалости к ней со мной стало плохо.

Крики то затихали, то возобновлялись. Бабушка к вечеру очнулась и сразу спросила:

— Приехала?

У меня сжалось сердце. Я подскочила к ней, прижала ее сухонькие руки к своему лицу. Она прошептала:

— Дождалась, — и опять закрыла глаза.

Я не отходила от нее. Наконец, она снова пришла в себя и попросила:

— Детонька, водички налей. Печет во рту, спасу нет. Не забудь руки с хлоркой вымыть. Хоть говорят, что болезнь не заразная, да лучше побережись.

— Помою, бабушка. Попейте молока. Может, из моих рук вкуснее. Помните, как вы меня больную кормили и так же приговаривали? — изо всех сил стараясь не заплакать,

говорила я.

Бабушка поела и спокойно задремала. Вдруг она забормотала:

— Ухожу в бесконечность... Пусть похоронят меня в том платье, что ты шила...

Душа моя тебя позвала, и ты приехала...

— Бредит, — вздохнула мать. — Измучилась, бедная. Адская боль отлучила от сна. Уколы уже не помогают. Она как одна огромная рана. Когда теряет сознание, то не контролирует себя. Кричит, говорит что-то маловразумительное и просит дать любых таблеток, чтобы больше не мучиться. Давно столько не говорила.

— Иногда перед смертью человеку лучше становится. Даже с постели некоторые начинают вставать, — сказал отец.

— Почему так? — спросила я отстраненно.

— Твой дед Яша предполагал, что природа сама заботится о человеке: в организме вырабатывается вещество, которое облегчает уход из жизни и даже создает иллюзию блаженства. Только тяжелобольному не хватает спасительной инъекции организма, — шепотом объяснила мать.

Снова крик. Забормотала бессвязно: «Душа твоя беспокойная, бесприютная...» Потом тишина. Видно, я задумалась. Очнулась от шороха передвигаемого стула. Родители стояли рядом с бабушкой, перекидываясь тихими фразами. Она дышала сдавленно и неровно. И вдруг четко, почти без хриплых звуков произнесла:

— Радость моя, внученька. Радость моя... — и затихла.

Я уткнулась в подушку, заглушая рыдания.

Тишь хрустальная тяжелой дремою легла на усталое село. Время для меня остановилось. Ночь стояла безжалостно длинная и на удивление светлая. Я во времянке одна. Мои мысли скорбны и трудны. Ложится смерть на сердце раной рваной... Что значат слова бабушки, произнесенные с нарастающей печалью перед моим отъездом на Украину? «Есть в жизни только достойно вынесенное страдание». А как же счастье? «Человек счастлив, когда радость и любовь сильнее боли. Бывает любовь, которая все может перенести... У вас еще есть надежды иллюзии, а из меня они давно ушли, вместе с болезнью. Мне остается только поддерживать жизненные силы, сопротивляться угасанию...» Она чувствовала конец, но не была готова к нему? Душа восставала против страданий. А как же ее Бог? А вера, жертвенность, божественная доброта, на которую способен не всякий человек? Я так и не успела разобраться в ее фразах: «Бог бесконечен, Он не имеет границ, поэтому рядом с ним уже никого не поставишь... Делить с Богом его Сущность, принять все, вынести все и не отчаяться, остаться самим собой. Вот для чего больному оставлено сознание...» А как же ее праведная жизнь? За что ей такое испытание? Христа люди распяли, а он ее.... И это называется любовью? Не понимаю...

Дальние улицы еще прячутся в синей мгле. Слабый свет втекает в комнату. В форточку дышит прохладой и влагой слабый предутренний ветер. В окне вздрагивают ветки, и сердце вздрагивает...

Утром мелкой дробью начал досаждать дождь.

Рассвет словно кровотокающая рана. Как больно начинается день!

Хоронили бабушку после обеда. Брильянтовая россыпь утреннего дождя еще не исчезла и будто слезами орошала сосновые ветки, устилавшие дорогу, которой завершался ее земной путь. Я не смотрю на бабушку. Я хочу, чтобы она осталась в моей памяти прежней, красивой. Время всегда было милостиво к ней. Но неведомая сила заставляет. Останавливаю взгляд на волосах. «Пеплом скорби сквозит седина... От печалей серый пепел порошею стелется... И в этом тоже проявляется незыблемость истин, произносимых ею: простых, ясных, убедительных. Безымянной звездой взлетит она на

небо...» — думаю я устало и бессвязно. В голове мелькает строчка из чьих-то выстраданных стихов: «Длинней обиды горькая вина...»

Медленно тронулась процессия. Люди, как вечерние тени, со всех сторон тихо вливаются в горький поток. Не из любопытства шли — из любви к ней. Вроде бы тихо, незаметно, ненавязчиво жила, а заполнила пространство вокруг себя добром. Не ожидала я, что так много людей придет проститься с бабушкой. Видно, они, если и не полностью ее понимали, то, наверное, хотя бы чувствовали притяжение к ней. Осознавала ли она эту свою способность или считала нормальным житейским проявлением?..

К чему до боли сиротливая, мучительная похоронная музыка, рвущие душу литавры? И без них неземная тоска душит, воскрешая в памяти безвозвратно ушедшее.

Стынет душа потерей хорошего человека, жалостью заполняется не слезливой — молчаливой. Всюду вижу траурные глаза, оцепеневшие лица тихих пожилых людей в черном, с выражением молчаливого сострадания и сочувствия. Странно, маленьким ребенком мне казалось, что с жизнью расставаться просто. Теперь иначе думалось... Боль утраты сковывает мысли и горло. Даже соседки не шепчутся. И только в конце толпы две женщины тихонько перебрасываются словами, будто горохом о пол стучат. Они из числа любопытствующих завсегдатаев. Понимаю и принимаю их как неизбежный факт. Такие всегда находятся...

Я впервые хоронила близкого человека. Самого близкого. Одно дело знать, что смерть существует, другое — видеть ее неотвратимость, неизбежность. Черная стрела моего горя вонзилась в ворота кладбища. Люди остановились. Казалось, им было очень трудно переступить черту, за которой начинается небытие. Слышу чьи-то тихие голоса: «Так красиво и так печально!» «На кладбище всех объединяет боль: своя ли, чужая ли... Странно, но это так...»

Переступили... Потом люди говорили и говорили... Я ничего не чувствовала и не слышала. Слезы текли и текли. Я понимала только одно: больше нет самого дорогого мне человека.

Теперь я часто вспоминаю годы, прожитые с бабушкой. Чем они для меня обернулись?

Меня посещают добрые мысли о бабушке и горькие раскаяния. Почему-то представила себе, как она улыбалась всеми морщинкам у глаз... Вспомнила ее всегда начищенный до зеркального блеска латунный самовар, его крутые бока, отражающие искаженные смешные лица. Она очень любила его, а мы с братом не уследили, и, когда вода выкипела, он распаялся. Бабушка тогда даже всплакнула чуток. Так дорог он был ей... Оказывается, грусть бывает теплой, нежной и печальной.

Не могу забыть ее молчаливой благодарности одними глазами... Она оберегала меня от горьких разочарований, а самой сложно было жить взаперти, в клетке серых будничных забот, не дающих раскрыться, облагодетельствовать многих людей своим умом и добротой. Почему терпела? Долг перед семьей? Какое отношение она заслужила у внуков? Почтение, интерес, снисходительную любовь к старому человеку? Нет, я любила по-настоящему и сейчас люблю! Жаль, раньше не умела и стеснялась словами ее высказывать. Все больше делами да взглядами...»

Когда я грущу о ней, вдруг откуда-то внезапно появляется до боли знакомый запах дегтя. Бабушкины солдатские ботинки? Почему у меня такие странные ассоциации: любовь и деготь? От того первого дня знакомства?..

Много горя видела в жизни бабушка, многое вытерпела. Помню ее грустные слова: «Старость непривередлива... Вот и вечность стучится ко мне». Теперь они ранят меня, а раньше не доходили до сердца... Смерть — тяжелая разлука для любящих людей.

Отец уважал бабушку? Мне казалось, что неловкость ощущал при ней. Она редко задевала его, но он постоянно чувствовал ее укор и отстранялся, отгораживался.

Бабушка Аня обладала замечательным даром предчувствия разных невзгод. Чем было

обусловлено ее тонкое, обостренное восприятие жизни, способность к глубокому анализу и быстрым, предельно простым, мудрым решениям, доступным выводам? Природным даром? Стоило мне брякнуть какую-нибудь глупость, она тут же говорила: «Представь себе такую картину...» И разворачивала передо мной полотно событий, ведущих к последствиям, соответствующим моей «идее». И уже не хотелось спорить, препираться. Оставалось только думать, искать другие варианты... И в молодости она была женщиной на удивление независимой, лишенной многих пороков, слабостей, предрассудков. Ошибок своих не стеснялась, тут же исправляла. Не ныла, не скулила, на других вину не перекладывала. Можно сказать, была сильной духом.

Меня поражало ее удивительное спокойствие, точнее сдержанность, ее достоинство, неосуждение чужого поведения, уважение чужого мнения. (И только денежная зависимость принижала ее. Это очень расстраивало меня. Пенсию, оказывается, она не получала потому, что сын без вести пропал на войне. Награды не пошли в зачет.) И я, глядя на нее, начинала относиться к людям и их поступкам без прежнего глупого, яростного осуждения и пристрастности. Училась понимать и прощать.

Многим ли доходил высокий смысл бабушкиных слов, «с верой сказанных, с надеждой услышанных», когда внимательно слушали ее в очередях и у колодца? А ведь бабушка никогда не прибегала к хитроумным маневрам, даже часто казалась мне чересчур прямолинейной, но ее, выверенные многолетним опытом советы, действовали безупречно и точно. Строгая справедливая доброта, чуть насмешливая приветливость и мягкая сострадающая ирония не делали ее слащавой, приторной.

Каждый наш с нею разговор улучшал настроение. Ясно и тихо становилось на душе. Одно ее слово излечивало меня, делало счастливой. Ее трогательной ненавязчивой заботой были пронизаны все годы моего проживания в Любимовке. Она сквозила даже в каждодневных, пустячных мелочах: надень резиновые сапоги, захвати с собой хлебушка...

Постоянно гостюет во мне грусть-тоска по бабушке. Любая мысль о ней теснит грудь и вызывает слезы любви и благоговения. Я глубоко осознаю благотворное влияние необыкновенной доброты ее сердца на меня и мою дальнейшую жизнь. «Много ли от нее во мне?» — не раз задумывалась я. И отвечала себе: «Все лучшее от нее, от моей любимой бабушки».

ВНУЧОК

Хожу вдоль железной ограды детского дома. Что-то Леша не торопится выходить. Может, школьные дела задержали? Остановилась около лавочки, как раз напротив ворот детдома. На ней сидят две женщины и разговаривают.

— ...Села в полупустой автобус и задумалась. Знаете ведь, сколько забот в голове колом застревают. Мысли прервал звонкий мальчишеский голос: «Бабушка! Почему у коровы четыре сиськи, а у тетя две?»

— Так природой задумано, — ответила ему женщина лет сорока.

— Нет, бабушка! Здесь причина должна быть какая-то, а не просто так, — очень серьезно сказал мальчик.

Минута тишины, и опять возглас:

— Потому что у коровы четыре ноги! Поняла?

— Поняла, Ваня, — смеется молодая бабушка.

А я тут же вспомнила недавний разговор со своей двухлетней внучкой:

— Юлечка, я старая?

— Неть.

— Молодая?

— Неть.

— А какая же я?

Юля сделала паузу, подумала и сказала:

— Халеся...

Ваня продолжал задавать вопросы, а женщина отвечала ему спокойно, терпеливо и ласково. Я обратила внимание, что слово «бабушка» мальчик произносит как-то особенно громко, радостно, звонко, на весь автобус. Будто хочет сказать: «Пусть все видят, какая у меня хорошая бабушка!» Он вертит головой и крепко держится за бабушкину руку. Его личико сияет. Мне понравилась приятная располагающая манера общения этой женщины, и я обратилась к ней:

— Молоды вы для такого внука. Ему, наверное, лет восемь?

Глаза ее вдруг увлажнились, губы на мгновение дрогнули, сдерживая нахлынувшую боль:

— Ванечка из нашего детского дома. Каждое лето в моей семье живет.

Смутилась я, растерялась от волнения. Не ожидала такого поворота разговора. Взглянула на Ваню. Он, прижавшись к бабушке, медленно перебирал васильки. Лицо серьезное, взрослое, застывшее. Губы сжаты. Глаза потухли. Долгим отсутствующим взглядом в окно автобуса он отвлекался от печальных мыслей, отгораживался от того, что не хотел слышать, о чем не хотел помнить ежеминутно. За лето он привык к тому, что у него есть бабушка. И вдруг — опять про детдом. Эта ужасная любопытная тетка уже знает, что бабушка неродная ему! И он уже не обращается к ней на весь автобус радостно и гордо. Он молчит.

Я шепчу женщине:

— Может, не надо... лишний раз?.. — и глазами показываю на Ваню.

— Ничего, он живет в реальном мире. Так лучше.

— Наверное. Разве удержишь? Вот и я нечаянно...

Автобус тяжело покачивается на неровностях дороги.

Взгляд Вани долго не задерживался на мне. Я понимаю его. Он боится моих расспросов, грубого проникновения в измученную душу — в глубокий колодец детских бед и невыразимых страданий, в котором давно поселилась обида на непонятную, незаслуженную боль... А когда перепадает ему от кого-то немного ласки, он вначале воспринимает ее изболевшимся сердечком как боль и проглатывает эти толики заботы, как горькое лекарство. Сердце потихоньку смягчается, оттаивает, хотя оно еще долго добро принимает настороженно: сжимаясь и вздрагивая... Но проходит время, и он начинает верить. Вот и этой женщине Ваня поверил...

Автобус трянуло. Бабушка взяла Ваню за руку. Я почувствовала, как дрожит его душа, как затаенно, молча, только взглядом, с болью изливает он ей свою нерастрченную детскую любовь. Я вижу в его глазах чуткий испуг, боязнь потерять. Он тихо окликает бабушку, заговаривает с ней, ловит каждое слово. Когда еще будет такое, чтобы его рука была в ее большой, надежной? И в понимании его хрупкого, кратковременного, выстраданного счастья я поднимаю глаза вверх, чтобы не потекла жгучая, горькая слеза на виду у мальчика, чтобы моя боль и жалость не слилась с его болью.

Тихий разговор о детдоме продолжается. Грустно и беспокойно блещат глаза Вани. Задерживает он потаенный глубокий вздох и медленно судорожно выпускает его.

— Творожком, молочком свойским отпаиваю... развиваться лучше стал... — продолжает рассказ женщина.

— Умненький он у вас. Речь хорошая, грамотная, — одобрительно замечаю я.

— Вы бы видели, как он картошку выбирает! Корову научился доить. Недавно удивил меня. Велосипеда у нас нет, так он из сельсовета другу в город позвонил. Родители того мальчика приехали к нам и свой велосипед ему на лето привезли. Вот какой шустрый!

Слушая о себе хорошее, Ваня улыбается одними глазами, но все же с тревогой глядит на меня, затеявшую больно трогаящий его разговор. Чувствую, что пора сменить тему, и задаю Ване вопросы о школьных успехах. Он отвлекается, немного расслабляется и звонко отвечает. Я успокаиваюсь.

Остановка. Ваня с бабушкой выходят. Она кивает мне на прощание. Я знаю, он не оглянется. Сама, не желая того, я больно задела его сердце.

Он не оглянулся. «Я понимаю тебя, малыш. Я же не знала, что ты тоже... как я когда-то... Прости», — подумала я.

Вот и моя остановка. Вышла из автобуса. Тяжелое небо, угрюмые тучи. Холодный ветер размахивает огромными ветвями тополей, клонит березы, стелет ивы по земле. Мне грустно и неудобно. Треск сломанных веток звучит как протест против несправедливости в жизни.

Но тут яркий, широкий луч прорвал толпу облаков и осветил все вокруг радостно, даже игриво. Настроение мое переменялось. Слово и не было злого ветра. Есть просто шалун. В этот момент представила я себе ту женщину из автобуса ярким лучиком для Вани и подумала: «Светите дольше. Дай бог Вам счастья. Сберегите душу мальчонке. Его сердце будет Вам благодарно всю жизнь, хотя, может быть, молчаливо, невысказанно. И только глаза его иногда дольше задержатся на Ваших усталых руках, плечах, на Вашем добром, очень добром лице. Не пропадет в нем радость, которую Вы подарили ему в детстве. Она будет греть его и во взрослой жизни. Добрая память детства никогда не кончится, всегда будет наполняться Вами. Уж я-то знаю. Сама берегу такие лучики. Они когда-то зажгли в моей душе большое солнце любви и доброты. Я стараюсь не жалея расходовать его, понимая, что чем больше трачу, тем чаще загораются солнышки в душах моих маленьких друзей. И дай бог не загасить их безразличным, жестким людям...»

Наверное, уже месяц назад произошла эта встреча, а я все нахожусь под ее впечатлением. Не могу забыть простого, красивого, доброго русского лица молодой бабушки-воспитательницы и ее детдомовского внука, который каждое лето живет в настоящей семье, — вздохнула рассказчица. — Знаю, как трудно быть маленьким, беззащитным, обделенным самым главным — любовью родителей. Все детство накопилось и укладывалось штабельком в моем сердце и грустное, и горькое, и доброе.

И все для того, чтобы в нужный момент всколыхнуть душу и не позволить мне сделать плохое, недостойное.

Вы знаете: проходят годы, и давнишняя детская боль уже не так ранит. Легкой грустью, бесконечно далекой дымкой воспоминаний тронет сердце, вернет на миг в прошлое и исчезнет. Правда, поныне заставляют просыпаться в страхе тревожные ребячьи сны.

Мне уже много лет, и все же где-то в подсознании, по-прежнему во мне живет маленький, униженный, неполноценный человечек, который незаметным образом влияет на мою жизнь. До сих пор одинокое детство неясной тревогой гложет сердце. Оно постоянно стоит за плечами, неотступно следует за мной, мешает чувствовать себя уверенной. На всю жизнь осталась защитная реакция: желание при малейших неудачах спрятаться в собственную скорлупу. Как-то в одном журнале прочитала: «Детдомовское детство, как тяжелый хомут, всю жизнь пригибает к земле...». Как я понимаю того журналиста!

Женщина помолчала, потом добавила:

— Изрядно помотало меня по стране. Жизнь наградила разнообразием... Знаете, сколько людей с изломанными судьбами работает на юге, в пионерской здравнице «Артек»! Какие они все болезненно-чуткие, удивительно добрые, восторженные! К детям их тянет, к чистому, радостному, искреннему...

— Откуда про «Артек» знаете? — спросила соседка по лавочке.

— Младшего внука отвозила на юг. Путевку заслужил. Флейтист он у нас. Недавно звоню ему. Говорю: «Солнышко, желаю, чтобы тебе там было хорошо». «Не надо «там» и «тебе», — сказал Виталик. И я за сотни километров почувствовала, как сжалось его сердечко при этих словах. Он хочет, чтобы всем и везде было хорошо. Он такой добрый мальчик!..

Я с уважением смотрела на рассказчицу. Женщина попрощалась со своей знакомой и направилась в сторону вокзала...

Вдруг в моей памяти всплыло лицо бабушки Ани. Я снова почувствовала запах дегтя. Защемило тоской сердце. Нахлынули слезы. Бабушка, милая моя, любимая...

ПРАЗДНИК ЧЕМПИОНОВ

Сегодня познакомилась с Сережей из детского дома. Он сам подошел ко мне с просьбой. Стихи хочет посвятить своей однокласснице. Влюбился. Говорит, что она ему роднее сестры. Сидим на лавочке, сочиняем «послание». Подбежала Катюша. Она такая веселая! Серые глаза светятся искорками.

— У нас утром был праздник чемпионов, — обращается она ко мне со сдержанной улыбкой и только чуть-чуть подается всем телом вперед. Значит, ее от радости распирает. Лешка Воржев стоит рядом и подскакивает на месте от возбуждения. «Заводной, ну, прямо как мой Витек», — тепло думаю я про него.

— У вас есть настоящие спортсмены? — спрашиваю я Катю.

— Да нет, — смеется она. — Рекорды — это шутки. Понимаешь?

— Например? — уточняю я.

— Первый конкурс был такой: у кого самая длинная коса. Маринка выиграла. У нее самые красивые волосы. Теперь усекла?!

— На самом деле бывают такие смешные конкурсы?! — удивляюсь я.

— Иринка из младшей группы вдруг сказала: «Марина, когда ты сидишь, коса у тебя длиннее». Хохоту было! Но я не смеялась, потому что мне тоже раньше так казалось, — весело объяснила Катя.

— Какие еще соревнования вы придумали? — интересуюсь я.

— Кто чаю больше выпьет. Галя победила. Ее дразнят толстухой. Но сегодня она была такая счастливая! А я дольше всех «лягушкой» простояла. Показать?

— Давай, — соглашаюсь я.

Катя оперлась руками о скамейку, подпрыгнула, коленки сдвинула, а подошвы развела в стороны. На самом деле похожа на лягушку! Лицо Кати напряглось, покраснело.

— Хватит, хватит, верю! — остановила я подружку и пошутила: «Теперь всем вам придется привыкать к мировой славе!»

— Знаешь, чем мне понравился наш праздник? Он — для всех, а не только для лучших по учебе. Когда отличников хвалят, остальные чувствуют себя глупыми и несчастными. А тут все радовались друг за друга, потому что понимали: в чем-то они тоже могут быть лучше других. У каждого есть своя вершина, которой никто в данный момент не достиг. Почему на других праздниках только хорошие ученики выступают? — с обидой в голосе спросила Катя.

— Потому что они более ответственные. С ними легче работать. Я это поняла, когда вожатой работала, — успокоила я Катю.

— Обычно только и слышим: «нельзя», «уйди», а сегодня мы были не «затурканные». Могли орать громче всех, и нас никто не ругал, так как самые звонкие и голосистые тоже стали победителями. Даже четырехлетки участвовали. Устроили конкурс: кто дольше всех на месте покружится и на одной ноге простоит, — возбужденно рассказывал мне Леша.

— Я тоже все время стараюсь доказать своей семье, что не хуже, а может, даже в чем-то лучше многих ребят, — говорю я друзьям.

— Это потому, что у тебя самолюбия много? — спросил Леша.

— Нет. Себя я не люблю, страшно боюсь быть глупой.

— А у меня тройки по русскому, — тихо доверился Леша.

— Ничего, справишься. У меня тоже были, когда у бабушки жила, — успокоила я друга.

Катя вдруг поделилась радостью:

— Представляешь, у нас теперь новая директриса, и совсем другая жизнь!

— Здорово! — воскликнула я.

Мы взялись за руки, и Катя потащила меня к своим друзьям. Моросил дождь, а мое настроение было солнечным!

ЮЖНЫЕ МОТИВЫ

К нам приехали дальние родственники из Ростовской области. Вечером взрослые ввели за столом свои разговоры, а мы с Галей, самой младшей из гостей, расположились на сеновале, набрав полную миску помидоров, огурцов и картошки. Едим, впечатлениями дня делимся.

— Скучно вы живете. Вот у нас — настоящая жизнь! — радостно засмеялась Галя и трянула головой так, что спереди ее темно-русые волосы крыльями ночной птицы взлетели над круглым с веселыми ямочками лицом, а длинный «хвост», перехваченный черной лентой, взвился над макушкой и веером рассыпался по плечам.

Зеленые глаза сверкнули озорно и лукаво. Она с жаром начала свой рассказ.

«Живем мы на станции Лихая. Это поселок городского типа. Компания у нас большая и дружная. Еще в детсад вместе ходили. Ребята спортом накачанные и очень дружные.

Вежливые. Мат — ни-ни. Даже взрослым при нас грубо выражаться не позволяют. В девятом классе у нас уже симпатии проявились. Вовка Гуров в Алку влюбился. Алка — в Виктора по кличке Дон, а Дону моя подруга Валя нравилась. И он ей тоже. А Вася Моисеев был сначала влюблен в Валю, но объяснялся всем нам по очереди. Эффектно на колени становился, стихи читал. Остальные о своих чувствах стеснялись говорить, только глазами в любви признавались и поскорее опускали, не позволяли чужим вторгаться в личное.

Днем мы обычно в кино ходим. Часто ночевать у подруг остаемся. Разговариваем, мечтаем до звезд. Вольная жизнь! Летом места встречи девчонок — чердаки. Наберем персиков, вишен, едим и беседуем. Яблоки в наших краях — деликатес. Матери мальчиков к нам очень хорошо относятся, кормят самым вкусным. Дон яблоки приносит и всех угощает. Я ела яблоки, а Васька-Буфет мои огрызки ловил и доедал.

Незабываемая история началась с того, что Дон пригласил мою подругу Валю на свидание к колонке, чтобы потом вместе на танцы пойти. А Васька — нас троих, по секрету от каждой. И вот лежим мы в сене на моем чердаке после фильма «Максим Перепелица», хохочем, вспоминаем самые яркие и веселые моменты, и вдруг всем нам одновременно пришла идея проучить Ваську за его проделки. Решили, что никак нельзя спустить ему такое! А у нас слово не расходится с делом. Судили-рядили и надумали, как отомстить. Спустились, отыскали на свалке пять дырявых чайников, плакат шуточный написали, а к вечеру опять собрались у меня на чердаке. Лестницу наверх втащили, чтобы никто не влез. В засаде дотемна отсиживались. Ребята бегают по дворам, ищут нас, хотят на уличную танцплощадку позвать, а нас нигде нет! Потом настал час, которого мы так ждали! Осторожно спустились и парнями переоделись. Бабушка дала мне старые брюки, рубашку и берет отца. Поняла, что шалость затеваем.

Мы знали, что наши ребята в эту ночь на улице под грушей ночевать собирались. Потихоньку подъехали, велосипеды в ложок спрятали и во двор к Ваське прошли. Я одеяло на грушу забросила, а подушки на крышу веранды. Васькины брюки девчонки в трубу летней печки запихнули. (У нас летом еду принято во дворе готовить.) Приставила я велосипед к дому, залезла на седло и плакат к глухой стене кнопками прикрепила. Два чайника мы на фронтон дома повесили, два на ставни окон, а один на ручку калитки палисадника прикрепили и, довольные собой, понеслись во весь дух домой. Тут, откуда ни возьмись, Шурик по кличке Поп Гапон! Подумал, что мы — пацаны, и поехал за нами. Я заторопилась и, проезжая через мост, упала. Косы мои вывалились из-под берета, и он понял, что девчонки чудят. Залезли мы на чердак с велосипедами, хохочем, представляем, как утром над Васькой вся улица потешаться будет. Валька вдруг говорит мне: «Пойдем понаблюдаем реакцию».

Пробрались мы с нею во двор к Ваське. Подруга на грушу залезла, а мне приглянулась пустая бочка. Сидим, ждем. Пришли ребята с танцев сердитые, обиженные. Не явились подружки на свидание! Пока искали подушки и одеяла, еще больше раздосадовались. Лежит Дон, в небо смотрит и говорит:

— Грустно мне что-то. Муторно на душе.

— Тебя же Валька любит, — подбодрил его Васька.

— Шляпа! Ты, знай, помалкивай. Не мели языком попусту, — вскипел Дон и, наградив дружка увесистым шлепком, продолжал «разоряться»: «Экая невидаль, любит! На хрен она мне нужна! Как со мной обошлась? Где она сейчас? С кем? Дома ее нет!»

— Ну-ну, полегче насчет Вальки, — недовольно предостерег Дона Васька. — Что-то больно быстро она попала тебе в немилость!

Валя, конечно, слышит и тоже злится на своего дружка. Но пикнуть не смеет. Тут рыжий Дон компоту захотел и в погреб спустился, да в темноте споткнулся на ступеньках и Ваську зовет. Тот, конечно, на помощь помчался. А Валя спрыгнула с груши и закрыла их на шпингалет. Васька подумал, что Дон его разыграл и закричал:

— Дон, открой, если жизнь не надоела! Сам выйду — трепку тебе задам! Голову оторву!

Валя в щелку фонариком светит, чем еще больше злит Ваську. Наконец, он услышал вопли друга из подвала и прекратил угрозы. В подвале холодина! Ребята по очереди

грелись на верхней ступеньке и переругивались.

— Гад рыжий! Компотику ему захотелось! Втравил в историю, — стонал Васька.

— Странно, ведь ничего не предвещало глупых розыгрышей! Это, пожалуй, даже занятно. Кто из нас и к кому попал в немилость? — удивлялся Дон. — Не виноват я, провалиться мне на этом месте!

Но, видно, Васька понял причину своего пленения, догадался, чьих рук это дело, поэтому помалкивал. А Дона холодная тюрьма повергла в недоумение и даже в уныние, и он взялся грозиться неведомому врагу:

— Дознаюсь! Ох, и устрою головомоюку тому, кто подкараулил нас!

Много еще чего сулил. Мы терпеливо ждали, пока он накричится и сам умолкнет. Не дождались! Нраву он неумного, из породы непреклонных: если раззадорится, ничем не остановишь. Долго изливал, что на сердце за вечер накопело. Чтобы хохотом не выдать себя, мы уползли подальше.

Светать стало. Мать Васи вышла во двор. Сначала Васька один ей кричал: «Ма!» — потом друзья вместе орали. А мать никак не поймет, откуда шум. Она плохо слышала.

— Вася, где ты? Где? — звала.

— В подвале, уж часа четыре! Открывай скорей, замерз! — вопил сын.

Наконец, она выпустила ребят из заточения. Вид у них был жалкий. Дрожали так, что зубы чечетку выбивали. У одного голова в капусте, у другого сметаной вымазана. Мать начала печь топить, а дым идет во все стороны, только не в трубу. Начадила, спасу нет! Занервничала, выбила кирпич из-под заслонки, а оттуда брюки выпали. Досталось Ваське штанами в саже по физиономии!

Утром идут люди на работу и у Васькиного дома останавливаются. Догадался он, что наши проделки не закончились, снял четыре «подарка», а чайник на ручке калитки не заметил. А в это лето у него брат-доцент отдыхал. Внес он ржавую посудину в комнату и спрашивает:

— Зачем такое старье в нашем доме?

Васька разозлился на брата:

— И ты дразнишься?! Доняли все меня! Я этого дела так не оставлю!

И стал с ребятами думать, чем бы отомстить нам за проделки. Заговор плести начал. Шурик-сосед выследил, что мы собираемся у Лиды Луговской. Но я заметила «разведчика», и мы решили хорошенько подготовиться к «неожиданному» нападению. Валька притащила остатки побелки, у Лиды опилки нашлись. Сидим на чердаке, дверцу наглухо закрыли, рассуждаем, как будем обороняться, в щелку поглядываем. Первый, как кошка, к нам полез Васька. Валька высунулась и ему широким ремнем от брюк по руке попала. Васька терпеливый. Молчит. Вовка шепчет:

— Что там?

Васька в ответ:

— Да так.

— Удостоверился, все в порядке, нет их тут? Что столбом стоишь?

— Васька молчит для нас. Будто ушел.

Вовка на погреб запрыгнул и фонарик включил. Тут я побелку на него и вылила, а девчонки опилками забросали. Вовка с погреба свалился и кричит:

— Они совсем ошалели, облили чем-то нечистым!

И трясущимся пальцем наверх показывает. А когда под лампочкой разглядел себя, в

ужас пришел. Переполох поднял! Тут я сообразила, что не того наказала. Понимаешь, мы носили сатиновую спортивную одежду, а ему мать дорогой костюм с начесом купила, потому что он аккуратный. Мы по-тихому слезли с чердака и сделали крюк по парку, заметая следы. Наконец, нашли пацанов. Смотрим из-за кустов. Вовка моется у колонки, а сам бормочет:

— Донушка, что же мне теперь делать? Достанется от мамы!

Мама Вовика на следующий день пожаловалась классной руководительнице: «Девчонки совсем шальные, неуправляемые стали. Позабыв ваши наставления, шайку сколотили, баклуши бьют, слоняются, где попало, буянят наперекор нашим обычаям». По ее мнению, «мы связались с дурной компанией, втихомолку распри устраиваем и, если добраться до сути, мы отпетые хулиганки...» Долго долбила учительницу словами, утверждая, что мы гадкие. Уперлась как ослица: «Я никогда не подвергала сомнению ваш учительский авторитет и неизменно принимала вашу сторону по всем вопросам. Они послушают вас. Обязательно накажите бандиток, чтобы не было больше искушения безнаказанно воплощать престранные фантазии и невероятные выдумки...» Ну, это она конечно стгоряча разошлась. Невдомек ей было, что мы, может и глупо, но шутили. Да и Вовку с его дорогим костюмом мы не ожидали в тот вечер. Ваське кара предназначалась. Сам виноват. Чего путался у других под ногами.

Насколько мне известно, у взрослых вышел спор насчет нашей неосторожности и непродуманных, непредумышленных действий. Признаться, я не ожидала от учительницы такой старательной поддержки и защиты нашего летнего поведения, памятуя ее строгость на уроках и то, что часто была недовольна нами. Она успокаивала мамашу словами: «Не будем давать волю фантазии. Я разберусь, пусть вас это не заботит. Если виноваты, они заплатят мне с лихвой». И классная «дама» вызвала нас на проработку. Но когда мы рассказали, как шутили над ребятами, она тоже хохотала до слез. Избежали неприятностей! Не ущемила учительница нашу свободу, позволила насладиться ею на полную катушку!

А этим летом родители определили меня в швейное училище. Раз мы с новой подругой Тamarой вырядились пацанами и пошли следить за ее другом Борькой. Вдруг Васька откуда-то вынырнул, грозно глянул на Томку и схватил за грудки.

— Кто, — говорит, — такой?! Откуда взялся?

А сам на меня во все глаза смотрит и не велит встрывать:

— Помолчи! Наскучило со своими ребятами ходить?

Будто холодом дохнул. Тамару неожиданное непонятное устрашающее происшествие перепугало. Не предполагала она такого оборота своего «предприятия». А я расхохоталась. Поняла, что дружок заподозрил меня в неверности. Вася сначала обалдел, потом растерялся, замешкался, от смущения рванул было бежать. Я удержала его.

— Опять кому-то чайник вешать идете?! — проямлил он.

И получил от меня уклончивый игривый ответ. Теперь он всерьез в меня влюблен. Проходу не дает... Про все рассказать и месяца не хватит. Весело живем! — закончила свою маленькую историю моя родственница.

Она откинулась на шуршащую солому и, глядя в небо, продолжала улыбаться радостно и загадочно. Я немного завидовала вольной городской жизни Галины.

АРТИСТ

Еду с матерью в город. Половина вагона заполнена детьми младшего школьного возраста. Шум, гам, беготня, окрики взрослых. Неожиданно увидела Катю. Обрадовалась.

— Нас в кукольный театр везут. Я первый раз еду в город, — сообщила она. — Приходи. Начало в двенадцать.

Мать отпустила меня. И вот я в театре. Шел спектакль «Бука». Главным героем был зайчик Бука, который ни с кем не хотел дружить. Зверушки пытались вовлечь его в свои игры и в общие дела, но он убегал от них. Один из героев объяснял зайчику, что «одной рукой и шнурок на ботинке завязать трудно». Но он не понимал, зачем ему нужны друзья, до тех пор пока не встретился с волком. И вот уже волк захватил дом зайчика и ловит его самого, чтобы съесть, а из шерсти связать варежки. Зрители волнуются. Действие со сцены переходит в зрительный зал. Волк носится между стульями. Дети передают зайчика по рядам, чтобы он не достался злому волку. Волнение нарастает. Вдруг моя Катя хватает Буку и опрометью бросается из зала. Артисты не растерялись и вышли с детьми искать девочку, которая хотела во что бы то ни стало спасти зайчика от злого волка. Нашли ее в кустах, рядом с театром. Она еще дрожала от волнения, прижимая к груди игрушку. По бледным щекам текли слезы. Артисты похвалили Катюшу за самоотверженность и огромный дух добра. Импровизация получилась великолепной! Взрослые были потрясены непредсказуемой ситуацией и глубиной восприятия маленькой зрительницы. В какой-то момент спектакль так захватил девочку, что она забыла, где находится. Она на самом деле спасала беззащитного зайчика!

Спектакль закончился. Детдомовские дети сразу отправились на вокзал, а мне торопиться было некуда, и я присела на скамейку неподалеку от театра.

Из боковой двери здания люди выносили ящики с декорациями и складывали в крытые грузовые машины. Из разговоров я поняла, что театр уезжает на гастроли. Работой грузчиков руководил молодой человек очень приятной наружности. Рабочие называли его Вадимом Васильевичем. Он очень беспокоился о хорошей сохранности реквизита, об удачном и компактном его расположении в машинах. Я подумала, что, скорее всего, он артист.

Когда погрузка закончилась, молодой человек сел на скамейку рядом со мной и с облегчением откинулся на спинку. Светлое открытое лицо озарила мягкая, добрая улыбка. Его внешность располагала, притягивала. Чувствую: любопытство разбирает, а робость не позволяет самой начать разговор. Вернее не робость. Чужих я всегда стеснялась меньше, чем знакомых. «Зачатки воспитания тормозят», — пошутила я про себя. Чего я деликатничаю? Матери рядом нет. Ругать некому. А вдруг не прогонит?

— Вы с детства мечтали стать артистом? — задала я молодому человеку стандартный вопрос, желая проверить его реакцию на непрошеного «корреспондента». Артист глянул на меня голубыми, лучистыми глазами и произнес:

— Можно и так сказать. Ты тоже хотела бы попытать счастья на этой стезе?

— Таланта нет.

— Откуда знаешь?

— Иначе бы тянуло сюда. Я из любопытства пришла в театр со знакомой детдомовской девочкой. Это она устроила вам «спектакль».

— Так она детдомовская? Тогда все стало на свои места, все сошлось, — задумчиво сказал артист. — И ты детдомовская?

— Была.

— Да... — еще более задумчиво протянул мой новый знакомый, — сердца детей открыты для всех и всего. Правильно воспринимают и добро, и зло. Не обманешь детей. Все искренне чувствуют и переживают. Играли мы перед шестилетними малышами спектакль. Там говорилось о беде человека, который ради золота предал свою любовь. Казалось бы, взрослая тема! Очень натурализирующий спектакль. Но как его воспринимали дети! Главное — почувствовали! И очень верили, что вернется он к любимой девушке. Понимаешь, оказывается, «спектакль должен лечь на время». Должно прийти время, когда его надо показывать, чтобы дети на самом деле глубоко прочувствовали и поняли затронутую проблему. Люблю дошкольный возраст! Чистые, нежные души!

— А вы сами давно с детством распрощались, — осмелела я.

— Я и не прощался. До сих пор верю, что отец вернется. Ласки, советов его всегда не хватает, поделиться с ним хочется. Не могу я уйти от детства. Все вокруг меня постоянно напоминает о нем. Не удается оторваться от воспоминаний, пока живу в том же дворе, в том же городе.

— А мама у вас есть? — осторожно спросила я.

Глаза его вздрогнули. Их чуткий блеск сошел невыкатившейся слезой. Губы на миг сжались и застыли, сдерживая нахлынувшую боль. Молодой человек провел ладонью по лицу и будто убрал с него детские печали.

— Совсем недавно узнал, что я из знаменитого рода Арсеньевых. Мама расстреляна в сорок втором за связь с партизанами. Отец был репрессирован в тридцать седьмом. После освобождения сразу ушел на фронт и пропал без вести. В семь лет я остался один. Бабушка моя, Арсеньева Наталья Николаевна, умерла, когда мне еще три года было. Меня воспитывала ее подруга. Я ее няней называл. Кое-как перебивались. Она шила для соседей. Люди во дворе разные были: и коммунисты, и кулаки, и офицеры, и представители дворянского сословия. Последние обособленно жили, никого к себе не допускали.

Потом няня начала работать уборщицей в драматическом театре. Во время спектаклей я часто оказывался на галерке, на репетициях присутствовал. Позже во дворе с друзьями свои спектакли разыгрывали для взрослых. Сначала принимали участие только шесть человек. Потом стал привлекать ребят из соседних дворов. Познакомился с Витей Заславским. В его доме был большой коридор, и мы имели возможность репетировать и выступать при любой погоде. «Золушку» ставили. Витина мама познакомила меня с актрисой бывшего Театра юного зрителя. Здание ТЮЗа немцы взорвали, поэтому она работала в Театре кукол и с энтузиазмом относилась к нашему увлечению. Рассказывала много, учила тонкостям актерского мастерства. Как-то мы ставили спектакль на военную тему. Там девочка-партизанка выкрадывала важные документы у фрицев и спрыгивала с корабля в море, чтобы спасти секретные сведения. Немцев никто не хотел играть. Пришлось мне и Вите взять на себя роли главных офицеров. Чтобы все выглядело естественно, за сценой поставили корыто с водой. Девочка прыгала, на зрителей летели брызги! Все были в восторге. Девочку поздравляли, целовали, а на нас никто не обращал внимания. Мы же фашистами были...

Еще в школе небольшие скетчи ставили. А когда объединились с женской школой, поставили «Сказку о правде» о Зое Космодемьянской. Директору очень понравилось наше представление, и он пригласил к нам заслуженного артиста. Осокин много моего оставил в постановке спектакля, но я обиделся и больше туда не приходил. Не знаю, может, это было детской глупостью, но первый режиссерский опыт был слишком дорог для меня. Еще в нашей школе был «Клуб знаменитых капитанов». Мне, как сироте, позволили немного побыть юнгой, но в Нахимовское училище не взяли, потому что в войну я находился в оккупированной зоне.

Позже в нашей школе появился новый учитель математики. Вошел он первый раз в класс неожиданно. Мы стремглав прямо по партам побежали к своим местам. Учитель возмущился, выгнал нас, пятерых друзей, и сразу этикетку повесил — хулиганы. Он хотел таким способом с первого урока навести в классе дисциплину. Мы постоянно испытывали с его стороны давление, презрение, унижение и сами вели себя так, как он нас провоцировал. Репрессии учителя не помогали, а делали нас жестокими. Помню: как-то весь класс по веревке спустили с третьего этажа и отправили на речку есть зеленые яблоки. А другой раз хворост на окнах разложили и подожгли. Протест так свой выражали. Понимаю: плохо вели себя.

Зато историка я очень любил. Старался показать свои знания. «Откапывал» в библиотеках особенный материал и рассказывал перед классом. Во всем историк был особенный человек! По весне раздавал ученикам чубук (черенки виноградной лозы). Мы сажали и ухаживали за ними. Он всегда помнил, где чье растение, и всем детям рассказывал об этом. Учитель ценил меня и пытался поговорить с математиком, но тот был непреклонен.

Учительницу географии все обожали! У нее было круглое монгольское лицо. Как она интересно и проникновенно объясняла материал! Мы очень серьезно относились к ее урокам.

Вожатая была великолепная! Няня водила меня в церковь. Я прислуживал высокому духовному лицу, но был сомневающимся атеистом. Так вот, эта веселая энергичная девушка давала мне много поручений, пытаясь отвлечь от религии, развивала организаторские способности, и, в конце концов, сумела увести от церкви.

Я всегда был очень ранимым. А лет с десяти придумал себе хорошую защиту: «Не буду думать об этом!» И начал понемногу учиться сопротивляться всему плохому.

— Много было смешного в ваши детские годы? — полюбопытствовала я.

— И смешное, и курьезное, и грустное — все рядом происходило. Помню: шел сорок второй год, февраль месяц. Мама еще жива была, но находилась в гестапо. Пришли к нам с обыском полицаи. Ничего не нашли. Один полицай мне очень запомнился. Все улыбался и по шее меня похлопывал. А в сорок пятом году первые пионерские лагеря стали организовываться. Я тоже поехал. Начальник лагеря говорит нам: «Вот ваш вожатый Володя». Мне дурно стало, а ребята подумали, что солнце в голову напекло. Я пришел в себя и начальнику лагеря говорю: «Фашист он». На другой день военные приехали. Долго беседовали с вожатым, какие-то документы проверяли. Оказалось, что Володя Костров был партизаном. Потом он много рассказывал нам про войну.

И все же не закончил я школу. Раньше мы не очень дружили в пятером, но действия учителя математики объединили нас. Тирания сплачивает людей, которые стали ее жертвой. Теперь, вспоминая детство, я думаю, что мы в самом деле могли бы сделаться хулиганами. Дружки у нас появились из воровской компании. Выпивать я не любил, но курить начал рано. Втягивали нас, на «дело» звали, но во мне внутреннее сопротивление проявлялось, что-то настораживало, и я не приходил на встречи. Старался уйти мягко, без трений, и от меня отставали. А некоторые хулиганы даже оберегали, почему-то уважение ко мне с их стороны возникало.

Еще был такой Леша Карнаухов. За испанца себя выдавал. Этим пытался выделиться. Хотел он меня придавить, на себя заставить работать. Но я не подчинился. Отношения поддерживал, но не дружил. Как-то на танцплощадке познакомился с девушкой. На праздник она привела меня к своим друзьям. По их манере поведения сразу почувствовал — не то! А через несколько дней подходит ко мне один из них и спрашивает: «Ты привел милицию? Они у нас шорох навели». Я отнекивался. Долго проверяли. Перестал я встречаться с этой девушкой, и обо мне позабыли.

Очень выручало меня то, что в училище, куда я попал после школы, большим успехом пользовалась художественная самодеятельность. Педагоги бесплатно, на добровольных началах организовывали интересные вечера. Роза Михайловна Одинцова не имела своих детей и всю свою любовь отдавала девочкам, которых не только учила шить в соседнем училище, но и ставила с ними спектакли. Она создала настоящий театр. Пригласила и нас. Скоро я стал у них ведущим артистом. Еще мы выступали в «Клубе кооперации». Мы звали директора клуба батей. Здесь я читал стихи, исполнял роли ведущего. Потом режиссер театра кукол пригласил меня и Юру Южина (он теперь тоже артист) на парный конференс в филармонических концертах. А наш спектакль «Витя Малеев в школе и дома» так понравился ему, что все лето мы провели на сцене. Это было удивительное время!

В театре надо мной взяла контроль Надежда Николаевна Кумачева-Заславская. Она следила за дикцией, учила работать. У меня к ней трепетное отношение. Она Богом одаренная, огромной силы драматическая актриса. В ней присутствовал мощный внутренний заряд. Нам хотелось так играть, чтобы она заметила и похвалила.

— Везло вам на хороших людей! — вставила я в рассказ артиста свое замечание.

— И на плохих тоже. Но я быстро расставался с ними. Друзья еще в войну называли меня «везунчиком», и это слово прилипло ко мне, — улыбнулся артист и оглянулся на двери театра.

— Кого-то ждете?

— Жену. Она тоже актриса. В войну одна осталась. Отец без вести пропал. Мать умерла. Сестра ее забрала к себе. Судьба нас в театре свела.

— Верите в судьбу? — удивилась я.

— Да. Часто замечаю, что, если не слушаю свой внутренний голос, все выходит «верх ногами». Еще в юности судьба сводила меня с Галей, а я тогда уехал. И хоть через годы, но она все-таки соединила нас.

Дверь служебного входа театра открылась. Из него вышла высокая, стройная, уверенная женщина. Темные волосы волнами ниспадали на ее худенькие плечи. Улыбка освещала тонкие выразительные черты лица. Мой знакомый сорвался с места.

Я долго смотрела вслед счастливой паре. «Как трудно и красиво они живут! Как интересен и многообразен мир человеческих судеб!» — думала я. На душе было спокойно и радостно. Будто солнце выглянуло из-за туч.

Я стояла перед театром и улыбалась. Понимала, что теперь с этим местом у меня связаны очень добрые мысли и желания и меня всегда будет тянуть сюда.

СТРОЙОТРЯД

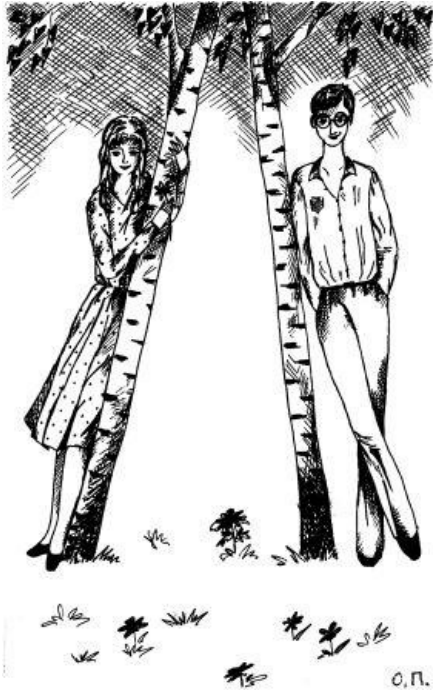
Экзамены закончились, но школьную практику для семиклассников никто не отменял. Зато нам, как выпускникам, разрешили выбирать время отработки по своему усмотрению. Одну неделю я перебрала на август.

Сегодня нас послали на сбор огурцов. Поле находилось рядом со строящимся коровником. Пока учителя разбирались с бригадиром, ученики лазили по кирпичным кладкам, запрыгивали в огромный бак для раствора и с визгом раскачивались. «На море качка!» — азартно кричали ребята и, переусердствовав, так накренили железную машину, что девчонки кубарем выкатились на землю, потирая ушибленные места. Бригадир прогнал нас пастушьим хлыстом.

Но я уже завелась. Мне не терпелось продолжить разминку. Повинуясь острому любопытству, часто побеждающему во мне осторожность и заставляющему отступать воспитанности, я подошла к студенческому строительному отряду, который расположился на досках возле своего объекта, и принялась дразнить студентов, вызывая их на борьбу. Они снисходительно поглядывали на меня и отмахивались как от назойливой мухи. Наконец, одна не выдержала и решила прочить меня.

Это была рыжеволосая девушка крепкого сложения. Я не ожидала противника такой весовой категории и сначала растерялась. Но уже в следующий момент рассудила: «Кинуть ее через себя не удастся, а удержать в одной позе, пожалуй, смогу».

— Я второй год работаю в стройотряде, считаюсь самой сильной, — небрежно, но горделиво сообщила златовласая. — Обо мне песню поют: «Рыжая, рыжая, где ее ни тронь, везде горит огонь».

— Ты городская и работала с городскими? — уточнила я и тут же вцепилась в руки студентки чуть выше локтя.

Она повторила мое движение. Я наклонила ее вправо и замерла. Сколько девушка ни старалась, выпрямиться не смогла.

— У! Жилистый чертенок! Откуда только силы берутся? — удивилась студентка и опустила руки.

— Строимся мы, — ответила я спокойно и подумала: «Взрослая, а не сообразила оторвать меня от земли. Я же для нее пушинка!»

От скуки начала приставать ко всем девушкам подряд. Обхватчу сзади, сожму как клещами и не выпускаю до тех пор, пока не скажет «сдаюсь». Наконец, студенты «проснулись». Им понравился мой мальчишеский задор. Они хохотали, активно участвуя в неожиданном развлечении.

— Не разнимешь мои руки, не откроешь «замок», если только сломаешь, — смеялась я.

— К такой попадешь — не вырвешься, — дразнили меня парни.

Я смущалась, но игру не прекращала. Один невысокий худенький студент подошел ко мне сзади и обнял за плечи. Меня возмутила его бесцеремонность. Я баловалась с девушками и не давала повода парням приставать ко мне! В назидание, я отшвырнула студента так, что он отлетел метров на пять. Ярость не прошла, и я снова подскочила к обидчику, желая надолго отучить его от вольного обращения. Но тут из-под ресниц увидела обескураженное, страдальческое лицо девушки, со слезами на глазах смотревшей на мою жертву. И такая боль отразилась в ее взгляде, что мне сделалось не по себе. Глянула на поверженного: жалкий, растерянный вид, обмяк. Я унизила парня перед его девушкой? Перед городскими силой похваляюсь? Идиотка безмозглая! Краска стыда залила лицо. Я отвернулась и пошла за коровник. Хорошо, что одноклассники не видели моей позорной выходки! «Я же не со зла. Тормоза подвели. И к тому же он заслужил наказание!» — оправдывалась я перед собой.

Слышу позади себя шаги. Ничего не успеваю сообразить, как сильная рука поднимает меня вверх. Вижу строгое лицо высокого студента крепкого сложения. Сразу представила, как некрасиво болтаю в воздухе тощими руками и ногами, не имея опоры и возможности сопротивляться. От понимания неловкости своего положения чуть не разревелась, но сдержалась и только сердито объявила:

— Твоя взяла. Видно, мифы Древней Греции читал.

— Случалось, — засмеялся студент и опустил меня на землю.

Когда я понуро направилась к своему классу, студент неожиданно пригласил меня поработать в их бригаде. Я не могла отказаться от столь лестного предложения. Учителя позволили мне один день «повоображать», с условием, что отработаю свою норму на прополке с другим классом. Я согласилась.

Бригада студентов трудилась на совесть. Каждый выполнял свое задание, без которого могла бы тормозиться работа других. Все понимали такую связь и не подводили друг друга. Меня поставили помогать девушке, которой в тот день нездоровилось. Я попросила отпустить ее. Хотела доказать, что в состоянии справиться с работой одна.

Труднее всех было руководителю группы. Его энергия и нервы уходили на борьбу с разгильдяйством поставщиков строительных материалов. Он был слишком интеллигентным, чтобы материться. Размешивая раствор, я наблюдала дикую и грустную сцену.

Преподаватель:

— Скажите, пожалуйста, я могу надеяться на то, что грузовая машина прибудет завтра к восьми часам утра, и мы сможем получить на заводе кирпич?

Шофер:

— Чего пристал. Когда смогу, тогда и приеду. Мать твою...

Преподаватель:

— Не сможете ли вы подвезти меня сегодня в конце рабочего дня к складу с цементом?

— Топай по грейдеру пешком. Там подцепишь шофера за бутылку. Я в таксисты не нанимался...

Шофер, чувствуя свою полную безнаказанность и зависимость от него доцента, пренебрежительно смотрел на «умника в очках» и наслаждался, как ему казалось, своим превосходством. Тактичный и сдержанный руководитель сумел не опуститься до грубостей. А мне хотелось схватить доску и отгулять недоумка. Преподаватель, подойдя к студентам, только и сказал: «Молодой человек не обременен воспитанием».

Вечером я сидела у костра вместе со студентами, слушала их песни и разговоры. Из школьного сада, полного волшебных чар, долетали запахи ночной фиалки. Еще были видны у горизонта гребни тихо дремлющих островерхих елей. На близлежащих улицах переключались неугомонные ребятишки. Потом заря отпылала. Сумерки уплотнились. Прорезались первые звезды.

Мне представлялось, что мы находимся на дне огромного черного древнего котла, в центре которого еще теплится огонь, а дальше, вокруг нас, — таинственная неизвестность! Как-то сами собой слова перешли в стихи, про ночную тишину, деревенские просторы, неугасающую бесконечную жизнь планеты... Все это, в сущности, казалось мне таким очевидным. Я смотрела на причудливую игру слабеющих языков пламени затухающего костра. От малейшего ветерка они вздрагивали и оживали, а угли превращались из черно-серых в красно-черные, панцирные и дышали загадочно, печально.

Песни студентов тоже постепенно угасали. Я сидела замороженная тишиной ночи, грустными лирическими мелодиями усталых студентов, душевной обстановкой их дружного коллектива, который в моем воображении был трогательно-нежным, добрым, духовно единым, но очень хрупким, полным нерастроченной любви, желаний и огромной веры в свое и вселенское счастье. Все вокруг дышало их молодостью и радостью.

Боже! Сколько ярких чувств я ощущала вокруг себя! И трепет нежной неуверенной любви, и юношескую самоуверенность, и восторженную искренность, и глубокую,

одухотворенную печать неосуществленного! Море чувств пленяло и опьяняло меня, а прохлада летней ночи увлекала в восхитительную бесконечность неба, ввысь, куда улетели столбы искр от костра.

И тут в центр круга вышел руководитель группы. Он, как и студенты, был в кирзовых сапогах, в спортивной шапочке и свитере. Ребята приветствовали его аплодисментами.

Сначала его гитара тихо роптала, сопровождая песню на иностранном языке. Потом звучала тоскливым надрывом безысходности «Денег не водится...». Эта песня выбила меня из нормальной колеи. Я привыкла к героическим, торжественным, восторженным типа: «Березы», «Родина», «Песня о встречном». Только пронзительная, щемящая любовная тоска «Албанского танго» иногда нарушала покой наших юных сердец на школьных танцевальных вечерах. И вдруг зарыдали «Журавли»: «Там под небом чужим...» Я стояла потрясенная. Я плакала.

Вдруг преподаватель лихо сделал поворот на сто восемьдесят градусов, рванул струны и запел:

У девушки с острова Пасхи
Украли любовника тигры...

Я вздрогнула и напряглась, растерянно вслушиваясь в содержание песни, не веря своим ушам. Любовник? Как он может вслух произносить это жуткое слово? Почему песню с гадким содержанием поют весело, залихватски? Моему возмущению не было границ. Смятение охватило, кипело негодование, но я не решалась высказаться и стояла обескураженная, убитая, пригвожденная.

Привычный мир рухнул, а от этого непонятного и неприятного хотелось пуститься со всех ног наутек. И этот преподаватель воспитывает молодое поколение?! Учит разврату, непорядочности? Чему они радуются? Неужели не понимают, в какую трясиину тянет он студентов, к чему приучает? Их не беспокоит суть произведения? Старшая вожатая объясняла, что любая песня воспитывает, закладывает в душе или хорошее, или плохое. Студенты имеют право петь про любовников? Нет, конечно!

Я смотрела на руководителя недоуменно и неодобрительно, а он не обращал на меня внимания и все больше заводил ребят. Они азартно подхватывали припев песни и пели ее с неподдающимся моему пониманию безудержным своеволием и распущенностью. Мне казалось, своей бесшабашностью студенты стремились запрятать в своих душах печаль, неудачи, сложности жизни. Я загрустила. На миг моя душа переполнилась вселенской тоской. Я чувствовала себя правой и одновременно глупой в веселой компании студентов. Я не понимала их. Это раздражало и злило.

Нервные языки пламени костра плясали по черным теням студентов. Теперь в паузах между песнями в ночной тишине мне чудилось что-то бесовское. Преподаватель с огромными очками в черной оправе казался заколдованным жуком, а студенты — его марионетками.

Красный свет скользнул по кустам роз, окаймлявших нашу поляну. Их отцветающие лепестки были темно-красными, как запекшиеся сгустки крови. Я вздрогнула. Почему-то вспомнила бабушку. Подумалось: «Она уже не посоветует...» Я бросила сердитый взгляд в сторону «неправильного» доцента и демонстративно пошла в сторону своего дома. По дороге меня вдруг осенило: «Если я не понимаю преподавателя, это совсем не значит, что он не прав. Студенты — взрослые люди, а я глупая девчонка. Со временем разберусь!» Немного успокоилась. Буря в груди улеглась, но усмирить внутреннюю дрожь быстро не удавалось.

Меня догнал студент. Я еще утром заметила его. Высокий, худенький, в круглых очках, похожий на любопытного совенка. Его искренний интерес ко всему происходящему, доброжелательность, наивная смешливость не очень уверенного человека сразу бросились мне в глаза. А еще я заметила его желание показать себя значительным. Ношение очков приучило его держать подбородок чуть приподнятым, что придавало его внешности милую самоуверенность. Работая, он пытался усовершенствовать технологический процесс строительства, непрерывно «сеял» научными терминами, обогащая знания друзей теоретическими выкладками и практическими применениями по части электрических устройств. Говорил он вдохновенно, красиво и умно, что не мешало ему справляться с заданием на объекте. Он очень старался.

Когда студент заговорил со мной о своем детстве и школьных годах, я поразились тому, как близки наши взгляды на многие вопросы, как одинаково мы чувствуем. «Странно, у меня сложилось впечатление, будто я всегда знала его, и мы никогда не расставались», — подумала я. И вдруг он слово в слово повторил мою мысль вслух. Я опешила.

— Почему ты остановилась? — спросил он.

— Ты умеешь читать мысли? — удивилась я.

— Нет. Видно, две звездочки одновременно упали в одну точку Земли, — улыбнулся он.

Мы молча стояли, прислонившись к разным березам. А мне казалось, что мы составляем единое, неразделимое и гармоничное. Мои чувства были спокойными, радостными и очень приятными. Их хотелось сохранить на всю жизнь.

БОЛЕЗНЬ

В это лето должна бесповоротно решиться моя судьба: заканчивать мне десять классов или идти в пищевой техникум, как старшая сестра.

Мне не хотелось уезжать в город. Я понимала, что там придется начинать взрослую жизнь. Детство закончится. «А много ли его было? Я его толком и не почувствовала. Все время были какие-то сложности. А вот так, чтобы радостно и надолго — не получалось.

«Может, лучше быть самостоятельной, получать стипендию и ни от кого не зависеть? Отец Люсе «подкидывал» денюжку. Бабушка с дедушкой какую-никакую копеечку наскребали и домашними продуктами наделяли. Будут ли мне помогать? Сомневаюсь. Тут голодной из-за стола никогда не выходила. Не готова я быть взрослой. А если в техникуме не будет таких учителей, как Юлия Николаевна, смогу ли после него поступить в университет? Вдруг семью рано заведу как Люся? Многие учителя считают, что после излишней домашней строгости, я обязательно «в первых рядах выскочу замуж», только бы избавиться от опеки. Ошибаются! Из одной тюрьмы сразу в другую? Ну уж нет! Ни к чему мне семейный хомут! Не отступлюсь от мечты об университете!» — размышляла я беспокойно и тут же упрямо повторяла: «Смогу, добьюсь, все преодолею!»

Родители часто спорили за закрытой дверью о моей дальнейшей судьбе. Отец настаивал. Мать уговаривала. Но в середине августа произошло событие, которое само собой развязало узел всех сомнений.

В тот памятный день я вымыла голову и, как всегда, сразу заплела косы, потому что, если сушить густые волосы в распущенном виде, они запутываются, и опять приходится целый час их расчесывать. Вскоре подружки позвали меня играть в городки. Мать отпустила. Я обрадовалась. «Видно, перед отъездом слабинку дает», — решила я. Потрогала волосы. Влажные. «Ветер сильный, но теплый», — подумала я и побежала на луг. Поиграла пару часов и занялась приготовлением ужина.

А ночью проснулась от того, что горло раздирает глухой, надрывный кашель. Горела и раскалывалась голова. Я не чувствовала левой половины тела. Испугалась. Умру? Останусь на всю жизнь калекой? Понимая, что сама виновата в болезни, побоялась разбудить мать, чтобы попросить лекарство. Под утро самочувствие резко ухудшилось. Опухшие железы при вдохе захлопывались, и правая часть тела извивалась в судорогах. Я трясла головой и пыталась пальцами помочь себе выдохнуть. В этот момент на меня напал нечеловеческий ужас. Мне казалось, что наступают последние секунды жизни. Наконец удавалось вдохнуть, и горло опять перекрывалось, обрекая меня на муки. Каждый приступ удушья изматывал невероятно, а передышки были так кратковременны!

Первое время мозги еще работали. Потом от боли и страха я уже ничего не понимала, кроме того, что мне во что бы то ни стало надо суметь получить глоток воздуха. Все чаще казалось, что железы сомкнутся, слипнутся навсегда или мне не хватит сил вытерпеть боль от скручивающих тело судорог, побороть ужас смерти. Я слабела. Сознание затуманивалось.

Преодолевая боль и страх, я не думала о родителях. Вдруг в какой-то момент в мозгу четко высветилось: «Помогите!» Слезть с кровати я уже не могла, кричать тоже. Удары здоровой рукой о железную спинку не дали результата. Мысль о том, что между приступами необходимо достать деревянный пенал, придавала мне силы. Портфель, как всегда, рядом, на стуле. Ощупала его. На мое счастье, не застегнут. С третьего раза удалось вытащить пенал.

Мать услышала стук, — и через минуту уже бежала в сельсовет звонить в больницу. Врач сделала несколько уколов. Я уснула и не слышала, как она приказывала для скорейшего выздоровления есть мне каждый день в течение недели по два лимона и по пачке масла. Еще она говорила, что во избежание осложнений я должна в течение двух месяцев находиться под ее наблюдением, и предупредила родителей, чтобы из-за угрозы паралича, они не позволяли мне простужаться и перенапрягаться.

РОДИНА

Целую неделю я провалялась в постели, строго выполняя назначения врача. Я быстро поправилась и возвращалась к обычной жизни. Одно меня раздражало: я не понимала, почему позволила себе выйти на улицу с мокрой головой? Бабушка категорически запрещала подобное! Почему теперь, когда ее нет рядом, я пренебрегла ее советом? Еще не повзрослела, и мне, как маленькому ребенку, надо десять раз напоминать об одном и том же? А еще в учителя собралась!

Когда я выздоровела, мать, обеспокоенная ослабленным состоянием моего организма, повезла меня в город на консультацию. (А может, она хотела привезти отцу подтверждение слов деревенского доктора.) Коля тоже поехал с нами. Справку получила быстро.

Возвращались домой рабочим поездом. В вагоне на удивление мало народу. Через час пути возникла непредвиденная остановка. Мы должны были пропустить встречный поезд, поэтому наш состав отогнали в тупик. Люди вышли размяться. Я тоже не усидела у окна.

Передо мной кирпичный домик, обозначивший полустанок. Шлагбаум. На склоне аккуратная клумба, на которой белыми камешками выложены слова «Слава труду!» Слева и справа от домика бесконечные посадки. К ним-то я и направилась.

Когда мы здесь проезжали весной, меня заинтересовали удивительно нарядные деревья, но наш поезд мелькнул, как веткой по окну чиркнул. Я только успела елки разглядеть. Их многоярусные юбочки, были «обшиты» оборками весеннего обновления. У маленьких они нежно-салатные, у тех, что постарше — дымчатые. А одна, высокая, стройная, горделивая, будто праздничными бусами себя украсила. На повороте поезд притормозил, и я поняла, что каждая ветка елки тоже «оторочена» молоденькими весенними побегами.

Сегодня ели выглядят иначе. Молодые побеги потемнели. Зато на них появились желто-коричневые шишечки. И теперь кажется, что тонкие кружевные каемки золотистыми змейками соскальзывают с острых верхушек, перескакивают с ветки на ветку, закручиваются и огибают нежные, пушистые ветви, подчеркивая стройный стан и изящность вечнозеленых красавиц.

Полюбовалась елками и отправилась дальше. Преодолела ров, крапивные заросли, кусты шиповника и белой акации. Туя?! Вот в чем особенность этого полустанка: странные формы деревьев! Кто-то с любовью занимается ими, придавая причудливые очертания! Одни куполообразные, другие как струи ниспадающих водопадов. Эта — как женщина, склоненная у ручья. А вот то огромное развесистое дерево — тоже туя, но у нее мощный и высокий, как у сосны, ствол. Желтые мелкие плоды усеяли ветви. На старых деревьях они рассыпаны пучками, а на молодых — похожи на тонкие нити гирлянд из маленьких золотистых лампочек. Август удивляет новогодними украшениями! Растираю плод туи в руках. В нос ударяет сильный аптечный запах. Шишки ели и сосны — роднее, приятней пахнут.

Подошла к туе в форме шатра, раздвинула ветви, а внутри пусто. Только кое-где на

стволе торчат сухие сучья. Обломала нижние, села на мягкую хвою и словно в раннее детство окунулась. Так радостно сделалось! Оперлась спиной о корявый ствол, гляжу сквозь узорную зелень на голубое небо, пронизанное золотом заката. И тишина в душе, и покой, и благодать...

Встрепенулась только от гудка поезда. Сердце испуганно екнуло. Не опоздать бы! Опротомью помчалась к железной дороге. Когда перемахнула ров, увидела, что люди не спешат к вагонам. Успокоилась. Значит, встречный сигналил. Лицо еще горело, когда вскочила в вагон. Мать встретила сердито. Я не обиделась. Виновата, заставила волноваться. Зализала царапины на руках от колючек шиповника и, все еще переполненная восхищением прекрасным, откинулась на спинку деревянной лавки.

Минут через десять мы продолжили путь. Мать послала меня с кружкой к титану. Я просунула голову в дверь купе, где сидел улыбчивый долговязый проводник. Он оторвался от письма, взглянул на мою любопытную рожицу и спросил доброжелательно:

— Скучно?

— Ага, — ответила я весело.

— Кому пишете? — позволила я себе продолжить разговор, потому что дядя показался мне особенным, мечтательным.

— Женщине. Десять лет назад встретил ее в этом вагоне. И теперь каждый день письма пишем дуг другу.

— Вы женаты?

— Семья, дети. У нее тоже.

— А почему не разведетесь и не женитесь на ней?

— Зачем? Ты развелась бы, если бы твой муж с увлечением читал любовные романы? Семья, дети — это святое, неприкосновенное. Я их очень люблю. А в письмах мы выражаем свои нерастраченные чувства и фантазии. На расстоянии не стесняемся доверить самое сокровенное, тайное. Мы не стремимся встретиться. Иначе пропадет романтика взаимоотношений, исчезнет одна из сторон существования наших душ, маленькая радость, согревающая в нелегкой и не очень романтической жизни. Каждый по-своему украшает свою жизнь. Мой друг пишет стихи и дает мне почитать. Они очень личные, душевные.

— Интимные, то есть глубоко личные, — солидно произнесла я.

— Правильно. Наверное, сама пишешь стихи?

— Пищу. Они, конечно, не настоящие, но от души, — созналась я.

Заглянул Коля и прошептал:

— Мама сердится. Говорит, тебя не за водой, а за смертью посылать надо.

Мы с проводником кивнули друг другу, и я пошла на свое место. Мать возмутилась:

— На цепь привязать?

Я опустила глаза. Мне не хотелось оправдываться и портить себе хорошее настроение.

Когда мать задремала, мы с Колей пошли в тамбур. За окном мелькали поля, проплывали отдельные серые ветхие приземистые хаты и деревеньки. Опять мелькнула блеклая вывеска: «магазин». Легкая грусть наплыла на сердце. Не «продукты», не «одежда», а просто «магазин» — символ маленьких деревень. Значит, керосин, хлеб, рубашки — все за одним прилавком.

Вспомнила глухой захолустный хуторок, где жила дальняя родня отца. Мы на денек заскочили проведать стариков. Была зима. Жалобно стучала калитка, висевшая на одной петле. Заунывный вой ветра навевал скуку. Одинокая старушка на лавке в покорности смиренной... Где-то прочитала: «И день ей сер и вечер темен. Прозрачен смысл ее

житья... Нет прелести в тиши. Тоской опутана душа». На мой вопрос: «Как живете?» — «Приноравливаюсь бесперечь», — только и сказала... А в соседней хате еще одна старушка, тоже древняя...»

Зажглись огни на привокзальных столбах. Дома глазами окон глядят в ночную синь. В них — калейдоскоп человеческих судеб. Опять темно до следующей остановки. Мерно покачивается наш вагон, с грохотом проносятся встречные пассажирские поезда, разнося по свету горечь разлук и радости встреч.

Вернулись на место. Ужинаем. Я разглядываю лица людей. Все они разные, часто задумчивые. Может, в поезде у людей появляется возможность отринуть от себя суету и заглянуть себе в душу, попытаться понять себя, других? Какие они эти люди? Уставшие от быта, озабоченные, но все-таки добрые, хорошие.

Рабочий поезд продолжает кланяться каждому столбу. Я дремлю, положив голову на сумку с гречкой, и вздрагиваю от хлопков двери. Потом незаметно для себя засыпаю.

Проводница громогласно объявляет:

— Следующая станция — Любимовка. Готовьтесь.

Мы с братом хватаем сумки и выходим в тамбур. Мать пересчитывает вещи. Я пристроилась у окна. От запотевшего стекла веет прохладой. Зябка повела плечами.

Светает. Вдали проплывают мягкие волны синеватых холмов. Мелькают сонные рощи, туманные овраги, темные низины. Родные места! Столбы отсчитывают секунды, минуты, километры. Я уже «акклиматизировалась», но состояние внутренней дрожи не проходит. Необычайное волнение охватило меня. Почему? За окном спокойный, привычный равнинный пейзаж.

И вдруг, непонятно отчего, не грустное, не тоскливое, а именно щемящее чувство сжало мое сердце особенной, ни с чем не сравнимой, сладостной болью. Будто я задохнулась острой, чуткой нежностью в ожидании самого дорогого. Ноги стоят, а сердце бежит вперед, ропотится.

Почему сердце щемит? Я же не расстаюсь, а возвращаюсь домой. Когда встречаешь друга, визжишь, подпрыгиваешь от восторга. А здесь другое: не выплескиваются чувства. Тихо, трогательно стонет сердце, переполненное любовью. Теснятся в нем и радость, и печаль. Тонко вздрагивает оно от ощущения ожидания встречи с родным, бесценным. Счастьем заходится.

Сердце. Какое в нем многообразие богатых оттенками тонких глубинных чувств, полностью познать которые мне, наверно, не дано! Взять хотя бы одно только томление души: то трепетно-радостное или тревожно-грустное, то восторженное!

За окном — простенький ландшафт. Нет величавых гор, каких-то там северных сияний или великолепной красоты водопадов. Но до чего же милы сердцу эти нежные березки, дымка над утренними полями, зеленые плюшевые луга, пестрые клинья отавы, тенистые ивы над спокойной рекой! Рай земной!.. Почудился мягкий говор бабушки Ани, запах старого кожанка на печке... Вот-вот увижу родные хаты...

За четыре года много раз я возвращалась в Любимовку, но только сегодня, впервые, мое сердце проснулось и нашло свою родину. Не сказать, что очень сладко мне здесь жилось и что каждый день был в радость, но именно в Любимовке открылась неведомая грань моей души. Я поняла, что по-особому люблю единственный на земле уголок, мой «островок счастья», мою маленькую родину, дорожке которой на свете не бывает. Здесь — моя любовь, моя боль и мое счастье.

ЕЩЕ ОДНА СТУПЕНЬКА ЛЕСТНИЦЫ НАДЕЖД

Сошли с поезда. Светлая заря пришла, как первая любовь, как предвкушение радости и счастья. Мне хорошо. Сумки не кажутся тяжелыми, а путь дальним.

Переступили порог дома, когда совсем рассвело. Позавтракали. Родители закрылись в зале. Я понимала: идет семейный совет, решается моя участь и с замиранием сердца прислушивалась к разговорам за дверью. Через долгих десять минут мать сообщила: «По результатам обследования врачи сделали заключение: опасность для здоровья не миновала». Техникум тебе «не светит». Я чуть не задохнулась радостью.

Как бы то ни было, поговорка «Что бог ни дает, все к лучшему», на этот раз оправдалась. Судьба распорядилась по-своему. Первого сентября я пошла в восьмой класс.

Ура! Ура! Школьное детство продолжается! Какое счастье! Теперь моя мечта сбудется!! Витек, баба Мавра, Петя, Ирина, я обязательно поступлю в университет!!!

ЭПИЛОГ

Моя героиня продолжила обучение в любимой школе. Грустные мысли и тревожения о будущей самостоятельной жизни, мучившие ее в седьмом классе, очень скоро улетучились. Легкое естественное детство снова вернулось в сердце девочки, и оно теперь было более уверенным и бесшабашным. По сути дела судьба подарила ей два счастливых, по-своему беззаботных года, не омраченных мудрствованием и ненужным философствованием над личными и «мировыми» проблемами. Жизнь в семье не изменилась, но, несмотря на многочисленные трудности, которые бывают у каждого, она радовалась любой приятной мелочи «на полную катушку». И только давняя высокая мечта заставила школьницу в выпускном классе вновь посерьезнеть и усиленно заняться изучением дополнительного материала к вступительным экзаменам в вуз. Физика и математика полностью поглотили ее, вытеснив из головы остатки запоздалого детства.

Упорство незамедлительно дало свои результаты. Аннушка окончила школу с золотой медалью и поступила в университет. И только став студенткой, она как бы одним днем окончательно повзрослела, отринула все детские беды, недоразумения, непонимания и поднялась на новую ступеньку своей жизни, в которой не находилось места пустопорожнему нытью. Студенческая жизнь была сложной, голодной, интересной и такой прекрасной! И как она складывалась, зависело только от самой героини. Много хороших и разных людей встретилось на ее пути. Она справилась с трудностями, как и многие друзья, окружавшие ее в те юные счастливые годы.

Не стану отрицать: этой победе сопутствовал нелегкий опыт семнадцати лет «школы жизни», в которой трудолюбие, собранность, целенаправленность, вера в свои силы выковывались каждодневно, ежечасно.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично — вот мои контакты:

Вконтакте:

Сотовый:

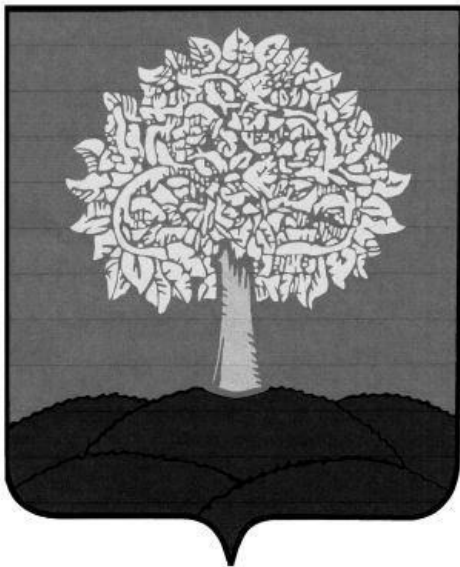
Skype:

email:

Сайт:

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Благодарность

*Выражаю признательность и искреннюю благодарность
за материальную помощь в издании книги депутатам
областного Совета г. Липецка:*

Борцову Ю.Н.

Бирюкову Н.И.

депутатам городского Совета г. Липецка:

Пищалину И.Е.

Курочкину А.А.

Чеглову А.Е.

Тонких В.Е.

Чеботареву В.Н.

Кортаеву А.С.

Козину А.С.

Бондареву Б.А.

Крупнову А.С.

Тонких А.Д.

*руководителю департамента образования
и науки Липецкой области*

Тарану Ю.Н.

*ректору Липецкого государственного
педагогического университета
Бугакову П.Г.*

*От всей души благодарю консультанта общественной приемной
Липецкого городского Совета депутатов М.Н. Чернецову за оказание
организационной помощи, способствующей выходу этой книги.*

МИРЫ ЛАРИСЫ ШЕВЧЕНКО

...У Вас есть талант, остальное зависит лишь от Гоголевского метода.

В. Белов, писатель, публицист, г. Вологда

Книги Ваши — дар бесценный для наших школьников.

О.С. Белова, г. Вологда

Ваши книги из тех редких книг, в которых хочется читать каждую строчку.

О.Н. Волкова, инженер по маркетингу.

А.В. Волков, адвокат, г. Липецк

Открываешь книгу, читаешь первые строки и буквально проваливаешься в другой мир. Это как в детстве: стоит только представить, что ты в заколдованном замке, и вот уже двери шкафа становятся входом в подземелье, старое мамино платье — изысканным нарядом принцессы, а простой карандаш — волшебной палочкой. Читая рассказы Шевченко, мы переносимся в другие миры силой, даже не воображения, а живого чувства автора. Казалось бы, описываются простые события, в которых действуют простые люди. Однако за каждым эпизодом ты открываешь новый мир чувств, неподдельного страдания, чистой радости, стихов, музыки, настоящего человеческого понимания жизни.

Чтение этой книги — это сновидение, в котором ты встречаешься с самим собой маленьким. Каждый нюанс отношений между детьми, детьми и взрослыми узнаваем, несмотря на различия времени, пространства, действующих лиц. Это только кажется, что наши детские переживания так разительно отличаются друг от друга в зависимости от внешней канвы жизни. Маменькин сыночек и детдомовский малыш, принц и нищий — все они дети с душой, не готовой ко злу и открытой к добру. В детстве мы все переживали горькие обиды и непонимание взрослых, сталкивались с неоправданной жестокостью со стороны детей или сами совершали поступки, благодаря которым обнаруживали в себе совесть. Каждый из нас делал свои маленькие открытия и замирал от ожидания чуда. Вот только, став взрослыми дядями и тетями, мы позабыли об этом, или перестали придавать этому детскому опыту значение. А раз так, значит большинство из нас потеряло возможность понимать своих детей, говорить с ними на одном языке. Иной раз идешь по улице, слышишь, как мать шипит на дочку, а отец нудно выговаривает сыну, и диву даешься: и это родительская любовь? А ведь они, при определенных обстоятельствах, наверно, не задумываясь, жизнь отдадут за своего ребенка. Вот тогда-то у него и будет шанс узнать о любви папы и мамы. Только зачем ему знать, что его любили, когда для нормального взросления ему надо чувствовать, что его любят!

Девочка от события к событию учится собирать малейшие росинки человеческой доброты, не ожесточаться даже в самые сложные моменты жизни. В ней, словно в зеркале, отражается вся боль, переживать которую способна только детская душа, и все великодушные, на которое способны только дети. Раскрывая неприглядные, иногда просто шокирующие стороны отношений между людьми, она не становится обличителем и не бьет на жалость, а лишь только делится тем, как это отражается в детском сознании. Именно поэтому каждый эпизод, подобно волшебному ключу, открывает все новые и новые двери в мир детства самого читателя.

Произведение Шевченко Л.Я. могло бы быть названо (если это позволительно) энциклопедией детского переживания. Чуткий читатель с удивлением обнаруживает в них не только свое собственное детское мировосприятие, но и уже с позиции взрослого прослеживает шаг за шагом формирование детских чувств, мыслей, детской души. Каждый рассказ — это осколочек памяти, такой живой и непосредственной, что кажется: автор все это видел, слышал, чувствовал вчера. Впрочем, так оно и есть. Из нашего разговора с Ларисой Яковлевной: «Я как будто слышу каждое произнесенное тогда слово, вижу все в мельчайших подробностях». Удивительная память, богатый детский опыт в сочетании с желанием поделиться подарили нам этого замечательного

писателя, по произведениям которого можно изучать детскую психологию: не абстрактную науку с ее обобщениями и закономерностями, а живую детскую душу. Если когда-нибудь между миром взрослых и миром детей восстановится утраченная связь, то в этом, безусловно, будет и заслуга Ларисы Яковлевны Шевченко, владеющей волшебной способностью общаться со своим внутренним маленьким человеком.

Станкевич Надежда Глебовна, психолог, кандидат

психологических наук, доцент кафедры профессиональной

подготовки учителя иноязычной культуры ЛГПУ

Книга Ларисы Шевченко настолько современна, насколько нам необходимы сегодня инъекции истины и доброты. Добр или зол человек по своей натуре? Над этим вопросом бьются веками философия и психология, наука и искусство. Церковь утверждает, что человек по природе своей грешен (Адам и Ева подвели). Марксизм-ленинизм отождествляет эту самую природу с дарвиновской обезьяной, которая, получается, сама себе — царь. А истина всегда лежит на поверхности. Это — та самая слеза ребенка, о которой говорил Алеша Карамазов.

Действие в книге происходит в маленьком сельском детдоме, где сироты послевоенной поры пытаются выжить в очень сложных условиях. И не только выжить, но и сохранить в себе чистоту души, доверие к людям, братскую любовь и уже недетскую мудрость.

Книга написана и читается, что называется, на одном дыхании. Она — о том, что в любых условиях человек может остаться собой. Человек — это не царь природы, но и не темный мешок звериных инстинктов, он не бог, но и не червь. Повесть заставляет нас задуматься о том, что причины неудачных революций и бесчеловечных перестроек лежат, видимо, внутри нас. Мы все связаны в этом мире, а стало быть, причастны к цепной реакции зла. Мы научились делать атомную бомбу и поворачивать реки вспять, «заглядывать» в параллельные миры и летать в Космос. Но в нашей жизни по-прежнему почти не остается места духу и душе. Когда же мы заглянем в «параллельный мир» детдомов и домов престарелых, психушек и домов инвалидов, чердаков и свалок, подворотен, тюрем и просто нищих лачуг? Когда придем к этим нашим братьям и скажем: «Вы такие же, как мы?» Протянем руку помощи, поделимся тем, что имеем (пусть даже делиться особенно нечем). Вот это была бы демократия без утопии.

Лариса Яковлевна Шевченко не профессиональный литератор. Она физик и очень занятой человек. Ее книга — яркое, самобытное произведение, написанное простым и выразительным языком. Достоверные события, поднятые до уровня искусства, впечатляют читателя. Книга подводит нас к серьезным размышлениям о жизни, радует философской зрелостью и неиссякаемой верой в добро. Я думаю, все это можно назвать вместительным словом — талант.

Нынешней молодежи, не знающей, «делать жизнь с кого», не ведающей, какой выбрать путь в мире, где все покупается и продается, книга будет очень полезна. Неподкупная честность и скромное мужество юных героев повести оставит след в душе любого читателя.

...Книга психологичная, пронзительно откровенная, и именно это делает ее талантливой. Хорошо, что повествование не приглажено, не прилизано (по содержанию). Все переживания подлинны, не испорчены искусственным отбором. Информационно книга очень насыщенная. Материал подается органично, лаконично, последовательно...

...Вы пишете о том, о чем не принято писать. И в то же время у Вас есть профессиональное чутье, чувство меры, позволяющее не «растечься мыслью по древу», Вы управляете своей мыслью. У вас есть замечательный дар брать события и краски в их первозданной свежести (видеть их глазами ребенка). Простые факты повседневности приобретают у вас художественную ценность благодаря искренней заинтересованности Вашей героини в изучении мира и людей. Это творческое любопытство к окружающему миру передается читателю, и он легко становится на Вашу точку зрения. Это черта профессионального писателя. Кроме того, книга дает широкую панораму самых разных характеров, психологических типов. Книга познавательна и вширь, и вглубь даже для

взрослого читателя. Она учит нас любить жизнь во всем ее многообразии».

А. Тамбовская, писатель, г. Липецк

Где-то в дневниках у Льва Толстого написано, что будущие романисты не станут искать занимательных сюжетов, они лишь опишут течение жизни какого-нибудь Ивана Ивановича, и под талантливым пером судьба человеческая заиграет красками высокого искусства. Двадцатый век дал множество подтверждений этим словам. Достаточно вспомнить «Улисс» Дж. Джойса или в «Поисках утраченного времени» М. Пруста. У нас в России это Константин Паустовский с его «Повестью о жизни», конечно, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова, известные эпопеи писателей-сибиряков.

В сущности Лариса Шевченко создает своей мозаикой новелл развернутый роман о жизни только входящего во взрослый мир человека. Миниатюры ее просты по форме, прозрачны и легки для чтения. Она не стремится расцветить их беллетристикой (в одной из новелл прямо говорится о неприятии «сладких слов»).

Бесспорным достоинством новелл Ларисы Шевченко является их непридуманность, их беспощадная правда. Когда-то Василий Шукшин сказал: красота есть правда. Новеллы Ларисы Шевченко погружают нас в такую вот красоту и многомерность непростой жизни. Очень выпукло, выразительно показан талантливый ребенок, его достаточно уже богатая духовная жизнь, его готовность сострадать и умение терпеть. Автор вполне профессионально останавливает внимание читателя на самых, казалось бы, простых проявлениях жизни, показывает их реальную глубину, внутреннюю сложность, неповторимость, — в общем, дает нам аромат детства.

Может быть, в этом и состоит талант писателя: переоткрыть чьими-то глазами то, что рядом с нами, что является «нашим», но чего мы либо не помним, либо принимаем с равнодушным пресыщением. Пробудить бодрствующего — вот одно из предназначений искусства. Ларисе Шевченко это удастся.

Член Союза писателей России, В.Д. Коршиков, г. Липецк

...В своей книге Л. Шевченко описывает «незаживающие раны взрослого» детдомовского детства. В ней воедино сплавлена любовь и боль ребенка. (Айсберги бед детдомовских детей иногда так велики!) В книге нет зла, есть горечь незаслуженных обид, непонимания, сожаления, поэтому сложные моменты из жизни маленьких героев ложатся на сердце легкой, но глубокой грустью... Читатели страница за страницей прослеживают органичную связь и единение души ребенка с природой. Посредством ее обнаруживают глубину детских переживаний, и начинают физически ощущать проблемы детдомовцев. (Метель не утихала. Мне казалось, что я маленькая льдинка из красивого узора снежинки.) ...И в то же время книга светлая, очень добрая. Основные темы автора: Семья, Родина, Любовь... Это книга добра и света... В книге Ларисы Шевченко — «целый мир пространства преображения, театр жизни ребенка», который покоряет и очаровывает... Спасибо за восхитительные часы, проведенные за чтением Вашей книги... Ваши книги должны быть не только в каждой библиотеке, они должны быть в каждой семье.

Г.С. Гурьева, заведующая центральной городской детской

библиотекой г. Липецка

...Книги Ларисы Яковлевны Шевченко подсказали мне, что «достойная жизнь человека и есть подвиг. Герой — человек, у которого хватает сил в любой ситуации оставаться добрым»... Книги Л. Шевченко бесценный подарок для нас. Умный и смелый детдомовец, прочитав их, сможет в будущем защитить себя морально от нападений со стороны обычных детей, от ударов судьбы, пережить горести и неудачи... Иногда мне кажется, что жизнь человеческая — это цепь утрат. Но книги Л. Шевченко ободряют и

вселяют надежду. ...Закончила читать Ваши книги и как будто рассталась с хорошей подругой, «светлым лучиком одиноких грустных дней».

Чигрина Мария, ученица 11 класса. Школа-интернат № 2,

г. Липецк (теперь студентка педучилища в г. Лебедянь)

Читая яркую мозаику новелл романа Ларисы Шевченко, задумываешься над самыми серьезными проблемами жизни, науки, искусства, размышляешь о человеке в целом: «Человек и мир», «Добро и зло», «Единение и отчуждение современного мира» и т.п.

Роман представляет для нас, читателей и исследователей, педагогов и «инженеров человеческих душ», развернутое живописание пришедшего в этот мир человека с его первых шагов по нашей земле, когда он только учится говорить, видеть мир людей, пытается все познать и почувствовать.

Не так уж велик ряд произведений, в которых прослеживалась бы жизнь маленькой души, с начала ее становления до поры зрелости, и в целом в мировой литературе. Можно сказать, что великий просветитель Ж.-Ж. Руссо первым предвосхитил это замечательное направление в литературном творчестве. Развернутые полотна формирования и роста детской души мы находим в традиции русской классики: «Детство», «Юность», «Отрочество» Л.Н. Толстого; «Детство Багрова-внука» С.Т. Аксакова; «Детство Темы» Н. Гарина.

По вполне понятным причинам немногие из писателей, талантливых и даже гениальных, отваживаются возвращаться в самое раннее и глубокое детство, чтобы еще раз пережить и прочувствовать то, что много лет назад виделось совсем иначе, в ином свете и иными глазами.

Книга Шевченко Л.Я. пополняет ряд бесценных произведений такого рода.

Перед нами судьба ребенка за короткое время прожившего «три жизни»: детдомовца, любимой дочки и иждивенца. Очень важно, что Л. Шевченко сумела сохранить в памяти первозданность видения детьми окружающего мира.

Ребенок-сирота, будучи обычным ребенком, вместе с тем образует сложный, «трудный мир», который нам всем предстоит только открывать и открывать (не будем пока говорить об особом трагизме отдельной ситуации, представленной, например, в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»).

Главное достоинство романа Л. Шевченко, на наш взгляд, в том и состоит, что «частная», казалось бы, жизнь вырастает в нем до вечной, основной темы: Человек и его предназначение. Человек и его путь в этом мире. В решении этой темы и связанных с ней проблем автор выступает как философ, педагог, зрелый писатель, пропустивший через свою душу все увиденное и услышанное.

Как лингвиста, меня очаровал дар слова, которым автор награжден от природы. Вспоминается характеристика русского слова, данная нашим замечательным русским философом А.С. Хомяковым, восхищавшимся «образностью и живостью» его, за которыми стоят глубины национальной духовной самобытности родного языка. В эпоху бездуховности и крушения непреходящих человеческих ценностей книги Л. Шевченко — источник доброты, душевной щедрости, которые нельзя привить извне, на почве чужой культуры, а можно лишь воспитать в тесной связи и взаимодействии всего того, что составляет нации каждое ее поколение, а это, в свою очередь, и имеет выход на самые высокие общечеловеческие ценности, без которых немислимо Бытие Человека вообще. Родина — Мир — Любовь выступают в романе как синкрета, создавая целостность мировосприятия. Согласно мыслям лучших отечественных философов, именно ЛЮБОВЬ структурирует мир, что следует из романа. Как недостает этого понимания современному человеку, который, дистанцируясь от исконных моделей бытия, сделал фетишем весьма примитивный материальный мир, забыв о своем происхождении в свете Идеи Творения. Маленькая героиня романа всем своим образом мысли, биением пульса такой беспокойной и вместе с тем удивительно гармоничной души напоминает об этом нам — всем взрослым, которые в ответе за эти маленькие, ранимые, такие чистые и не

испорченные еще души. Ведь наши современные дети — наша боль, особенно те из них, кто стал от рождения жертвой нашего общества. Думается, что книга Ларисы Шевченко пополнит ряд лучших современных произведений на эту тему и послужит не просто великолепным источником знаний, энциклопедией детской души и ее формирования (особенно в драматическом пути ее становления: детский дом, одиночество и отверженность), но это, прежде всего, слово, воздействующее на душу каждого живого человека, воспитывающее и формирующее мировосприятие и мировидение наших детей, которые в современном обществе отчуждены почти от родной культуры, литературы, родного языка. Произведение Л. Шевченко, несомненно, заслуживает широкого общественного признания.

Зав. кафедрой современного русского языка и методики

его преподавания Липецкого государственного педагогического университета доктор филологических наук, профессор Звезда Г.В.

...Книга Л. Шевченко — особый случай. Главный герой в ней — ребенок-детдомовец и иждивенец, который видит мир сквозь призму своих бед только черно-белым, и ему требуется много больше душевных сил (чем домашнему), для того, чтобы не сломаться и научиться воспринимать окружающую действительность во всех красках. В произведениях Л. Шевченко — неприукрашенная боль детей, которые хотят, чтобы их услышали. К сожалению, сердца детдомовских детей и иждивенцев на самом деле являются «фиксаторами и обличителями “грехов” взрослых». Недаром их называют «подранками». Они на самом деле «с завидным постоянством нанизывают» на свою душу «болячки» общества, безразличие и безответственность своих родителей. Детдомовские дети хотят видеть мир радостным. Они принимают плохое «в штыхы» с той категоричностью и эмоциональностью, которая возможна только в детстве, когда со всей искренностью и непосредственностью, с максимальной восторженностью и максимальной горечью воспринимаются самые, казалось бы, простые для взрослых события. Поэтому детство и отрочество требуют особенного, бережного отношения со стороны взрослых.

В заключительной части книги — перед нами обыкновенная (не криминальная) семья со своими заботами и проблемами. Но и в ней сердце девочки «разрывается на части», потому что для «чувствительного ребенка тревожной судьбы, даже строгий голос неродных родителей кажется обвинением судьбы в преступлении».

В книге Ларисы Шевченко — откровенный рассказ о том, что чувствует, как смотрит на мир ребенок, воспитывающийся в детском доме, усыновленный или находящийся на иждивении; как он постепенно вырастает из детских обид, становится менее категоричным, как взрослеет. А еще о том, что «так и будут всегда видеть мир по-разному: сирота и счастливый домашний ребенок». Мне понятна эмоциональность, искренность и высокая степень обнаженности психологической правды автора.

И в двадцатом веке, и в двадцать первом детдомовские дети одинаково обделены судьбой, потому что главной причиной их постоянной боли является отсутствие родительской ласки, домашнего тепла. Именно поэтому книга Л. Шевченко всегда будет важна, понятна и актуальна.

Мне кажется, книгу Л. Шевченко «Солнышко мое» надо начинать читать детям как можно раньше. Может быть, даже в старших группах детских садов, когда закладываются такие черты, как доброта, искреннее понятие детской дружбы, сочувствие, когда формируются основные взгляды ребенка на окружающий мир. (Чего стоит только один вроде бы шуточный опрос шестилетних детей, проведенный недавно в парке на прогулке! На вопрос: «Что самое главное в жизни?» — большинство ребятшек вполне серьезно ответили: «Деньги. Шмотки».)

Е. Будаева-Вялкина, выпускница детского дома,

психолог, г. Липецк

...Книга «В барбарисовых джунглях» меня покорила. Все там оказалось на месте, выверено, просто и глубоко. Все наполнено неподдельным чувством и настоящим (не напоказ) трагизмом. Конечно, жизнь не сплошная сказка с добрым концом. По мере продвижения по ней, любой человек накапливает много боли... Я прочитала все Ваши книги. Это воспоминания? Да. Обвинение? Да! Вырвавшаяся наружу боль? Да!
...Маленькая героиня очень восприимчива к своей и чужой боли. Это вполне естественно. Желание почувствовать себя не исключением в человеческом общежитии движет душой одинокой девочки... Вы нанизываете эту боль на нитку сюжета и безжалостно выставляете напоказ читателям. Почти каждая новеллка — либо боль, либо скандал, либо бунт... Вы показали мне талантливым человеком, умеющим строить действие и находить нужные слова... Хотелось бы отметить обложки двух первых ваших книг. Они, на мой взгляд, хороши, а главное, очень родственны тексту. Редко встречается такое.

И. Казюлькина, гл. библиотекарь РГДБ, г. Москва

«...Я прочел Ваши книги сразу, без перерыва, и это само по себе говорит о том, что они интересны. Книги очень лиричны. В них большой опыт детской жизни, прекрасная память о детском восприятии жизни. Внутренний мир героини показан очень глубоко. Читатель, безусловно, проникнется к ней любовью и сочувствием. Умение понимать красоту мира и радоваться ей — тоже большое достоинство. Книги читаются легко. Они производят доброе впечатление. Взрослым читателям они полезны тем, что помогут с теплотой вспомнить наше не всегда доброе, но милое сердцу прошлое; юным — расскажут о том, как доброта, трудолюбие, упорство и умение видеть красоту помогают преодолевать трудности и добиваться своей цели. Спасибо за книги».

В. Крапивин, детский писатель, г. Екатеринбург

Я люблю читать своим внукам перед сном. Однажды я принес им книгу Ларисы Яковлевны. Прослушав один рассказ, они никак не хотели угомониться: «Дедик, почитай еще! Ну, чуть-чуть...» Пришлось уступить, ибо я понимаю их: после мутного потока ТВ так хочется хотя бы глотка чистой воды.

Чем же так притягательна проза Ларисы Яковлевны? Думаю, что секрет прост: она сама оттуда, из того же Детства, это ее Мир, и она любит своих героев. Этой любовью сочтется каждая строка, каждая страница. И дети не могут не чувствовать этого. Проза, замешанная на Любви, — не рассудочна. Это — не искусственно-холодные, хотя и яркие, вспышки бенгальского огня, это — живое тепло русской печи. К этому теплу и тянутся дети. От его доброты — их воспитание; от его жизненной правды — их нравственность. Что может быть важнее?

Е.И. Пассов, профессор, заслуженный деятель науки РФ,

г. Липецк

...Об авторе скажу кратко: душа ребенка и сердце женщины. Книги Ларисы Шевченко — протест сиротству (в сиротстве ребенок теряет детство), поэтому в них особое страстное желание предупредить людей от опасности разрушения семьи... Некоторым взрослым читателям может показаться, что девочка-героиня слишком взрослая. На самом деле причина тому: рано повзрослевший ум героини пытается сам найти решение жизненных проблем. Я, попав в детский дом в десять лет, выросла там ни по дням, ни по часам, а по минутам. Объяснить это в двух словах тем, кто там не был — невозможно. Надо рассказывать в одной, в другой, в третьей книгах... как это делает Лариса Шевченко. А те, кто прошли через такое детство, поймут с одного слова — «детдом»... Как ребенок осваивает мир без материнской ласки, без отцовского участия — в этом особая ценность книги... Самый великий и прекрасный символ в литературе — любовь. Предметом исследования может быть и анализ созидания любви, и анализ ее утраты. В книгах Ларисы Шевченко есть и то и другое.

Н. Середина, писатель, г. Воронеж

«...Главная героиня познает мир, людей, их сложные взаимоотношения. У нее доброе и отзывчивое сердце; познавшая столько горя и страданий, девочка не по годам развита и разумна, много читает, сравнивает, думает. Она тонко чувствует красоту и разнообразие природы... Уверен: начав читать, вы уже не оставите книгу...

Особенно эта книга важна для родителей. Пусть сегодняшние дети в чем-то уже не такие, иначе смотрят на вещи, по-своему воспринимают действительность, но главные ценности, присущие маленькому человеку, остаются вечными: искренность, доброта, любознательность, стремление к правде и справедливости, желание самому что-то попробовать и сделать. Как утвердить себя? Каким образом заслужить доверие, уважение?.. Родителям желательно (более того, необходимо) по возможности быть в курсе этих, часто невидимых, но таких важных для ребенка проблем. Книга дает прекрасную возможность взрослому читателю погрузиться в этот удивительно интересный, прекрасный и тревожный мир детства.

Хочу также отметить: произведение писательницы — яркий и точный документ своего времени... Несмотря на то, что книга Л. Шевченко повествует о годах неизмеримо тяжелых, противоречивых, она в то же время как бы проникнута светом красоты, добра и надежды...»

Владимир Добряков, детский писатель, г. Воронеж

...Книга своевременна, актуальна для нашего времени, особенно в условиях утери духовно-нравственных ценностей, когда одновременно сосуществуют и борются силы добра и зла...

*Управление социально-педагогической поддержки и реабилитации детей.
Министерство образования РФ, г. Москва*

Обложка

ШЕВЧЕНКО Лариса Яковлевна

НАДЕЖДА

Том 1

Том 2

Шевченко Л.Я. НАДЕЖДА: Детям и взрослым: Том 1. — Тула: Гриф и К, 2006. — 592 с., 2006. — 518 с.

Редакторы: А.И. Тамбовская, В.А. Добряков, Н.Е. Грибанова, Л.И. Дорохова, И.И. Стена, Е.И. Пассов.

Художники (обложек): А. Волков, Е. Старик, Вика Харитоновна (ученица 9 класса школы-интерната № 2 г. Липецка.), Т. Бербаш, Т. Жебылева, Е. Будаева-Вялкина (выпускница Боринского детского дома Липецкой обл.).

Художники (иллюстративный ряд): Оксана Паньшина, 10-в класс, школа № 48; Всеволод Клоков, 9-г класс, лицей № 44; Елена Шведюк, 7 класс, гимназия № 1 г. Липецка.

Фотоэтюды А. Козина.

Подписано в печать 09.12.2005.

Формат 60 x 84/8. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем: 74,0 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ. № 625.

ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

ББК 84(2Рос=Рус)6

Ш 37

ISBN 5-8125-0731-7

ISBN 5-8125-0732-5

© Шевченко Л.Я., 2006

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности, глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Московии» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

Борис Шальнев,

член Союза писателей России,

заслуженный работник культуры Р.Ф.,

лауреат литературных премий имени И.А. Бунина